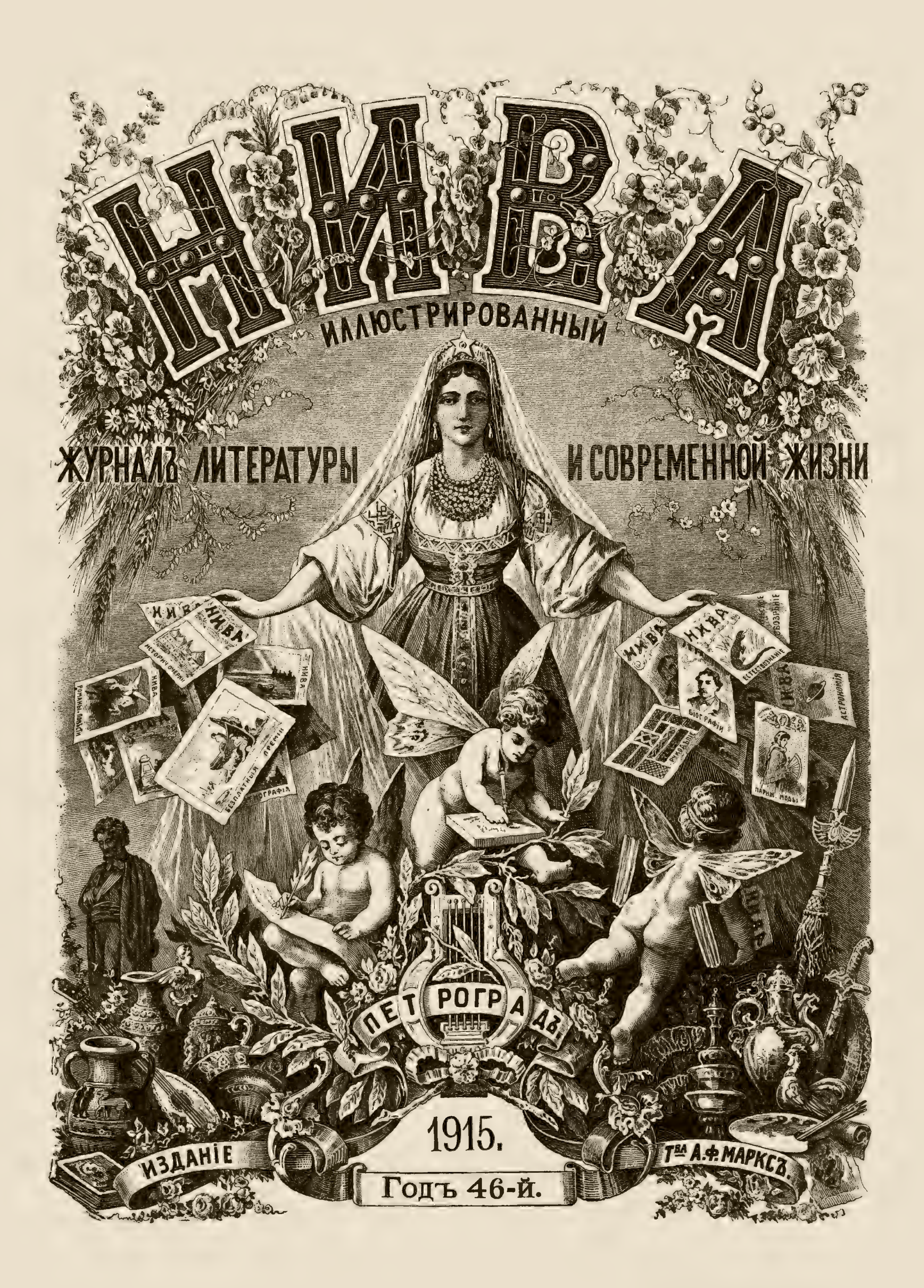

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
ПЕТРОГРАДЪ
1915.
ИЗДАНІЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
Годъ 46-й.

1915 г.

№ 27

XLVI г. изданія

Выданъ 4-го іюля 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес.—25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за Іюль.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

8539 3-3

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,
нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ

“КРЕМЪ СИМОНЪ”

(CRÈME SIMON)
ПАРИЖЪ

Марка Утверждена.

J. SIMON, PARIS. — Требуйте нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЪ РОССІИ СКЛАДЪ НОТЪ

для всѣхъ инструментовъ, **вокальныхъ сочиненій и книгъ** по музыкѣ. Каталоги **безплатно.** 8646

П. ЮРГЕНСОНЪ. Москва, Неглинный, пр. 14.

„Козацька кров або на німця“, этюдъ 1 д. Патріот. и худож. пьеса. 3645
Антрепренеровъ ломакъ и „Ой-не-ходы-Грицивъ“, застывшихъ на ковбасѣ та чаркѣ, просятъ это объявленіе не читать

Курортъ „ВИЗЬБЮ“.

Швеція, Готландія. Разныя теплыя водолѣченія въ новой, современной водолѣчебницѣ.

У МОРСКИХЪ КУПАНІЙ „ВИЗЬБЮ“

(раньше Кнейпъ-Бюнъ) однокомнатныя дачи. Современныя морскія купанія, „Семейныя купанія“. Проспекты по просьбѣ отъ старш. врача, доктора Калленберга, Визьбю.

МІРЪ ТАИНСТВЕННАГО.

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА

(содержитъ около 300 волшебныхъ фокусовъ). Открытіе тайнъ черной и бѣлой магіи. Спиритизмъ и разоблаченіе его явленій. Составлена по лучшимъ новѣйшимъ и древнѣйшимъ руководствамъ.

Краткое содержаніе: Магическіе и спиритическіе поразительные фокусы: говорящіе, стучащіе, ходящіе столы и проч. Самые простые способы безъ всякихъ аппаратовъ угадывать мысли другихъ лицъ или, сидя съ завязанными глазами въ другой комнатѣ, точно и безошибочно указывать, какіе предметы находятся въ карманѣ у совершенно незнакомыхъ зрителей, сколько у кого въ карманѣ денегъ и какъ кого зовутъ. Угадать имя жениха или невѣсты, или кто кого любитъ. Показать тѣни привидѣній желаемыхъ лицъ, хотя бы эти лица были въ отсутствіи за нѣсколько тысячъ верстъ или уже умершія. Масса карточныхъ фокусовъ, легко исполнимыхъ. Эти необыкновенные фокусы, въ изумленіе приводящіе, дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Умертвить живого пѣтуха и оживить его. Превратить змѣю въ палку, а воду—въ вино. Таинства и секреты Магіи; Индійское искусство: брать раскаленное желѣзо голыми руками; воткнуть гвоздь въ языкъ; пронзить себя насквозь шпагой; показать отрѣзанную голову и сдѣлать себя неуязвимымъ. Искусство дѣлать деньги изъ воды. Наполнить мгновенно квартиру водой или туманомъ. Волшебный танецъ монеты и масса другихъ поразительныхъ фокусовъ. Разоблаченіе и объясненіе знаменит. театральныхъ фокусовъ и подробное наставленіе, какъ ихъ дѣлать. Открытіе тайнъ древнихъ египетскихъ и персидскихъ магикомъ извѣстнымъ профессоромъ Галлемъ. Угадываніе мыслей по способу спирита Ганзена. Во время исполненія фокусовъ каждый домъ можно превратить въ заколдованный замокъ и много др. Послѣднее новѣйшее 23-е значительно дополненное изданіе. Цѣна 1 руб. 25 коп. (3 м.). 3654

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: П. КОМИСАРЕНКО, МОСКВА, УЛАНСКІЙ ПЕР., 30—4, КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.

Интересная

книга: **Тайны карточной игры.** Разоблаченіе всѣхъ секретныхъ пріемовъ. Кто прочтетъ эту книгу, тотъ всегда будетъ выигрывать. Цѣна съ пересылкой налож. платеж. **1 р. 90 к.** Адресъ: Петроградъ. абонементный ящикъ № 167, въ книжный складъ **„УТРО“.** 8448 3-1

ЗУБЫ БѢЛЫЕ ЗДОРОВЫЕ

прекрасный блескъ отъ примѣненія гигіеническихъ зубныхъ средствъ Дентозонъ Т-ва Стольбергъ и К°, Лондонъ, Парижъ, Петроградъ Дентозонъ зубной элексиръ. Дентозонъ зубная паста, освѣжающая полость рта и абсолютно безвредная. Продается вездѣ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Любителямъ Туркестанскаго **ВИНОГРАДА** отправляю по жел. дорогѣ пассажирской скоростью (тарифъ за 5.000 верстъ 1½ р.). Виноградъ высшихъ сортовъ, бѣлый или черный по 6 р. 80 к. за пудъ фр-ко Ташкентъ; или же **ПО ПОЧТѢ** по 3 р. 85 к. за 12 фун. посылку, оплаченую мною. **Абонементъ**—12 посылокъ еженедѣльно по одной 3 р. 55 к. за посылку. **Задатки:** на пудъ по ж. д. 3 руб. ост. налож. плат. на письмо съ дубл. На почт. пос. 1 руб. На абонементъ 6 руб. Адресъ: **В. Я. МАТУЛЕВИЧЪ, Ташкентъ.** Требуйте подроб. прейсъ-кур.

СИБИР. ГУСИН. ПУХЪ

очищен. паромъ и стеган. одѣяла на пуху. **Генрихъ Перетцъ, Екатеринбургъ.** Пр.-кур. безплатно. 3653

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ **15 уроковъ** научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятикоп. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

---

(1), 9.9

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ, а также ея послѣдствіяхъ примѣняется средство

„АРМАТИНЪ“

для внутренняго употребленія. „Арматинъ“ совершенно безвреденъ для организма и одинаково успѣшно примѣнимъ къ мужчинамъ и женщинамъ. При употребленіи „Арматина“ не требуется никакихъ спринцованій, промываній, прижиганій, бужированій и т. п.

Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к.

ПРОДАЖА ВЪ АПТЕКАХЪ

по рецепт. врач.

Адр.: Москва, Уланскій пер., д. 21, кв. 116, А. Я. Акуліанцу.

Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать „Арматинъ“ только А. Я. Акуліанца. 3621 3-3

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ" и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и Сыновья
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

8510 0-4

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ. 8652

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 В. Е.

ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ. 8543 20-1

(Тайны австрійскаго двора).

Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат. Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ", отд. 3.

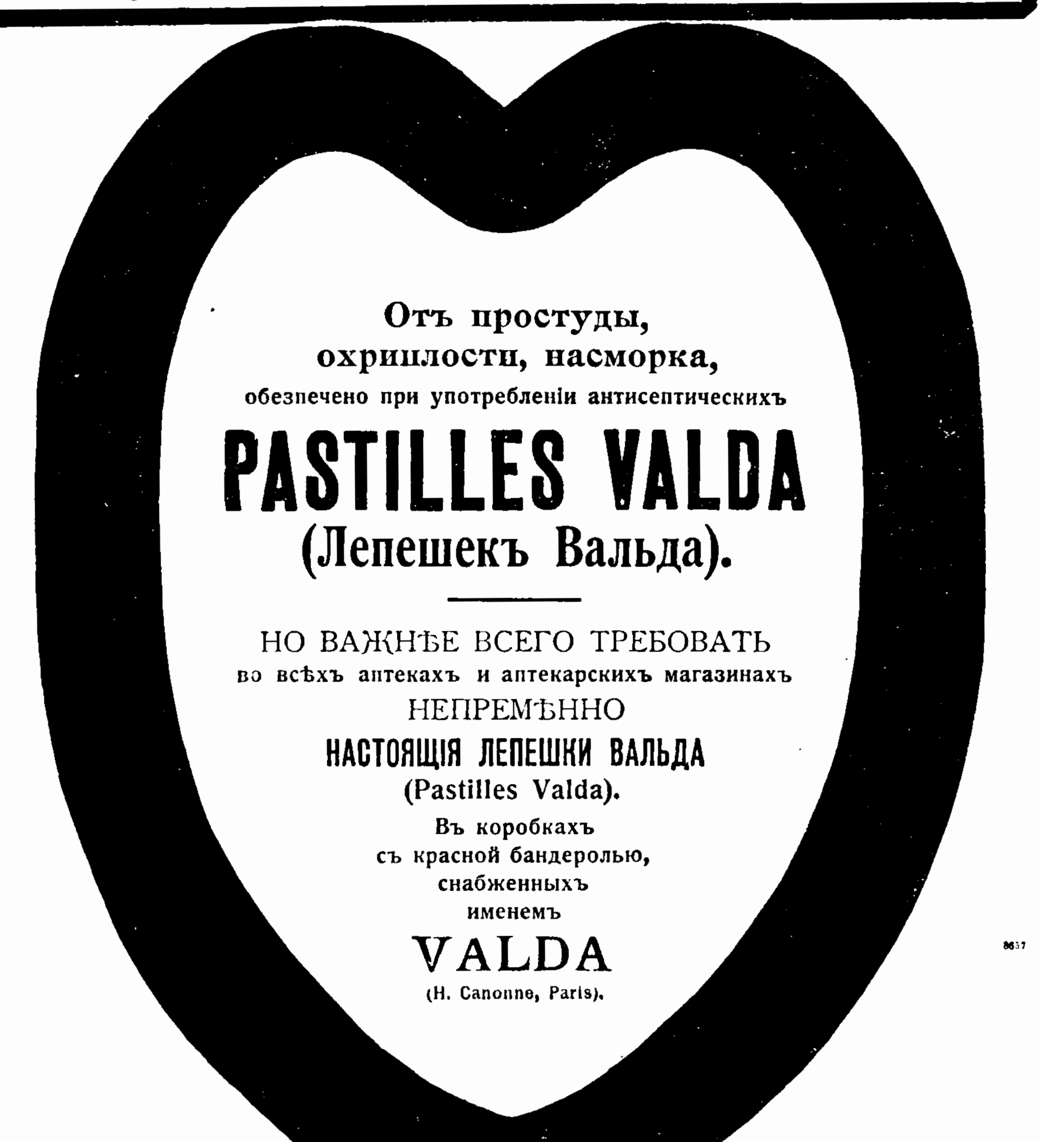
ИСКУССТВА ДОМА: имѣются всѣ принадлежности для выжиганія, выпиливанія, рисованія металлопластикъ, работъ гвоздями, ГАЛЛІЯ, терракоты. Въ большомъ выборѣ: рисунки, кисти, краски, холстъ.

В. КРУЗЕ, бывш. **А. Скронъ,**
ПЕТРОГРАДЪ, Морская, 23.

Иллюстриров. прейсь-курантъ высыл. за 2 семикопеечн. марки. 8647

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРІЯТНЫЙ КРЕМЪ

Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обѣляетъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°. 8649



8637

Проф. С. А. Венгеровъ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ и УЧЕНЫХЪ.

(Отъ начала русской образованности до нашихъ дней).

Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное изд.

Словарю предшествуетъ особый трудъ: „Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя справки о нихъ", дающій около 80.000 именъ и иллюстрированный групповыми изображеніями на особыхъ таблицахъ, исполненныхъ фототипіею, меццо-тинто и автотипіею.

Словарь выходитъ выпусками въ 10 листовъ большого формата, въ 2 столбца очень убористой печати, дающихъ, по количеству буквъ (100.000), въ 2½ раза больше текста, чѣмъ обычный книжный листъ. Каждые 3 выпуска составляютъ томъ.

Цѣна выпуска 2 руб.

Вышелъ I томъ (выпуски 1—3) съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ. Цѣна 6 р. Въ переплетѣ 7 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

Предварительнаго взноса не требуется.

Иногородніе, обращающіеся непосредственно въ редакцію (Петроградъ, Загородный, 21, проф. С. А. Венгерову) за пересылку ничего не платятъ. 8631

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Военный министръ А. А. Поливановъ. Новый военный министръ генералъ-отъ-инфантеріи А. А. Поливановъ родился въ 1855 г. Онъ полонъ жизни и энергіи. Его біографія показываетъ въ немъ высокообразованнаго трудового дѣятеля.

Окончивъ курсъ классической гимназіи и Николаевскаго Инженернаго училища, недолго послуживъ строевымъ офицеромъ во 2-мъ Саперномъ батальонѣ и въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку, А. А. въ 1876 году поступилъ въ Николаевскую Инженерную академію. Но русско-турецкая война побудила его добровольно возвратиться въ свой полкъ, съ которымъ онъ доблестно сражался въ долинахъ Болгаріи и на Балканахъ; подъ Горнымъ Дубнякомъ онъ былъ серьезно раненъ,—пулей въ грудь навылетъ,—и за боевыя отличія получилъ двѣ награды—ордена св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. Въ 1878 году А. А. возвратился въ Инженерную академію и окончилъ въ ней курсъ по первому разряду. Возвратившись затѣмъ снова въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, въ 1885 году онъ поступилъ въ другую военную академію—Николаевскую генеральнаго штаба, блестяще окончилъ и ее, и въ 1888 году мы его видимъ уже подполковникомъ генеральнаго штаба.

Одиннадцать лѣтъ послѣ этого онъ работаетъ въ скромныхъ должностяхъ сперва старшаго адъютанта Кіевскаго военнаго округа, потомъ дѣлопроизводителя военно-ученаго комитета и наконецъ начальника отдѣленія главнаго штаба. Къ этому періоду дѣятельности относится его важное военно-научное изслѣдованіе «Очеркъ устройства продовольствованія русской арміи на придунайскомъ театрѣ въ кампаніи 1853—54 гг. и 1877 г.», (Спб. 1894), отличающееся изяществомъ и солидностью изложенія и глубиною выводовъ. Въ апрѣлѣ 1899 года полковникъ Поливановъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго редактора, а въ августѣ того же года главнымъ редакторомъ офиціальныхъ военныхъ органовъ,—газеты «Русскій Инвалидъ» и журнала «Военный Сборникъ»,—и показалъ себя талантливымъ журналистомъ.

А. А. оживилъ наши военныя изданія, и редактированіе имъ «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника» составляетъ блестящую эпоху въ ихъ исторіи.

Совершенно измѣнивъ прежній характеръ этихъ изданій, значительно расширивъ ихъ содержаніе и привлекши къ участію въ нихъ молодыя военно-литературныя силы, А. А. Поливановъ далъ своимъ сотрудникамъ полный просторъ для всесторонняго освѣщенія научныхъ, служебныхъ, бытовыхъ военныхъ вопросовъ и сумѣлъ сдѣлать спеціально-военную офиціальную газету и книжки военнаго журнала интересными для широкихъ круговъ русскаго общества.

Пять лѣтъ онъ служилъ русской арміи и русскому обществу въ качествѣ литератора; въ 1904 году онъ сталъ постояннымъ членомъ и управляющимъ дѣлами главнаго крѣпостного комитета, въ 1905 году—недолго былъ вторымъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба, и въ томъ же году генералъ А. А. Поливановъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба. Въ 1906 году онъ занялъ только-что учрежденный постъ помощника военнаго министра; а затѣмъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ князь Н. Б. Щербатовъ. Въ лицѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ вступилъ впервые въ ряды правительства—выдающійся общественный, земскій дѣятель. Характеристика дѣятельности князя Н. Б. Щербатова—въ бесѣдѣ министра съ представителями печати.

«Васъ, конечно, прежде всего интересуютъ мои взгляды и то, что̀ я собой представляю,—сказалъ князь Н. Б. Щербатовъ.—Всю мою жизнь послѣ военной службы я провелъ на окраинѣ Кавказа; въ Петроградъ меня никогда не тянуло. Я посвятилъ себя общественной дѣятельности въ уѣздахъ, а затѣмъ въ губерніи и принималъ участіе во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни: былъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, былъ предводителемъ дворянства, почетнымъ мировымъ судьей, при чемъ относился къ этимъ обязанностямъ съ интересомъ и уваженіемъ, а не формально, какъ обычно относятся къ этимъ должностямъ. Закончилъ я свою дѣятельность, когда былъ избранъ членомъ Государственнаго Совѣта отъ земства.

«Вообще въ земствѣ я принималъ самое живое участіе, участвовалъ во всѣхъ съѣздахъ, комиссіяхъ, сельскохозяйственныхъ, дворянскихъ, коннозаводскихъ и др., и вообще все, чѣмъ жила и интересовалась провинція за послѣдніе 20 лѣтъ, очень увлекало меня. Какъ сельскій хозяинъ, я велъ свое хозяйство и поэтому сталъ ближе къ деревнѣ.

«Я настолько живо интересуюсь земской жизнью и считаю этотъ элементъ настолько необходимымъ, что продолжалъ быть гласнымъ земства въ бытность управляющимъ коннозаводствомъ и буду продолжать оставаться гласнымъ уѣзднаго и губернскаго земства и въ роли министра внутреннихъ дѣлъ.

«Изъ этого моего отношенія къ земской жизни вытекаетъ и мое отношеніе къ прессѣ. Общественный дѣятель не могъ не сознавать необходимости и значенія прессы. Въ роли земскаго дѣятеля, а также и позже, я не заискивалъ передъ прессой и никогда этимъ заниматься не буду. Въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта, исполняя должность управляющаго государственнымъ коннозаводствомъ, я уклонялся отъ разговоровъ, ибо считалъ, что эти бесѣды не могутъ представлять общественнаго интереса, а характеръ рекламы былъ мнѣ всегда чуждъ.

«Въ тяжелые 1904—5 годы я, естественно, отдалъ свою дань этой эпохѣ, принималъ участіе въ земскихъ съѣздахъ, при чемъ Полтавская губернія была одной изъ немногихъ губерній, которая формально избирала своихъ уполномоченныхъ на съѣзды.

«Изъ отношенія къ земству вытекаетъ и мое отношеніе къ законодательнымъ учрежденіямъ. Я былъ выборщикомъ въ двѣ Государственныхъ Думы, былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Участіе мое въ думскихъ комиссіяхъ, въ качествѣ исправляющаго должность управляющаго государственнымъ коннозаводствомъ, было для меня продолженіемъ земской дѣятельности. Я могъ спорить здѣсь о многомъ, не соглашаться, но я могъ чувствовать себя въ нихъ, какъ рыба въ водѣ, какъ у себя дома. Все это потому, что въ комиссіяхъ Думы я находился среди своихъ бывшихъ земскихъ сотоварищей.

«Что̀ касается моего отношенія къ политическимъ партіямъ, то я съ 1904 года, съ момента избранія меня губернскимъ предводителемъ дворянства, рѣшительно и категорически отказался отъ какой-либо партійности и, можетъ-быть, именно благодаря этому, во время выборовъ въ Государственный Совѣтъ сохранилъ самыя лучшія отношенія со всѣми партіями.

«Если предводитель губернскаго дворянства не долженъ быть партійнымъ, то тѣмъ паче министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ стоять внѣ всякихъ партій. Заявляю, что никакой лейтъ-партіи не можетъ быть у меня и не будетъ».

Въ заключеніе слѣдуетъ привести слова кн. Н. Б. Щербатова, сказанныя имъ чинамъ министерства при представленіи ихъ новому министру:

«Въ текущій моментъ у всѣхъ насъ,—сказалъ кн. Н. Б. Щербатовъ,—должно быть одно стремленіе, одна цѣль: отдать всѣ свои силы энергичной работѣ для удовлетворенія нуждъ и надобностей военнаго времени, чтобы дружными усиліями всѣхъ наличныхъ силъ страны побѣдить врага».

«Аскольдъ» у Дарданеллъ. Спеціальная военно-морская печать за границей неоднократно отмѣчала, по сообщенію «Русскаго Инвалида», блестящее состояніе артиллеріи на русскомъ флотѣ, подчеркивая изъ ряду вонъ выходящее искусство нашихъ морскихъ артиллеристовъ. Теперь французская пресса обращаетъ вниманіе своего общества на ту стрѣльбу, которою отличается крейсеръ «Аскольдъ»: «Прекрасные комендоры русскаго крейсера, участвующаго въ большинствѣ дѣйствій союзнаго флота у Дарданеллъ, постоянно вызываютъ всеобщее восхищеніе. Намъ разсказываютъ, что на одной изъ высотъ Галлипольскаго полуострова стояла мельница, впереди которой непріятель установилъ фальшивую батарею изъ деревянныхъ пушекъ, а сзади укрылъ настоящія орудія. «Аскольдъ» однако сразу разобрался въ обстановкѣ и выпустилъ мощный залпъ изъ своей тщательно наведенной батареи. Съ перваго же удара мельница рухнула, и, когда дымъ и столбы пыли разсѣялись, на вершинѣ остались однѣ развалины».

Въ Кербелѣ и Неджефѣ. Въ Персіи, гдѣ всѣ взаимоотношенія регулируются почти исключительно толкованіями корана, законодательная и судебная власти находятся всецѣло въ рукахъ высшаго шіитскаго духовенства—муштехидовъ, которые независимы отъ верховной свѣтской власти, коей принадлежитъ въ государствѣ исполнительная власть.

Этому же духовенству принадлежитъ право объявленія священной войны—«джихада», при чемъ, какъ извѣстно, нѣмцы и турки особенно стремились вырвать это согласіе у старшихъ муштехидовъ, имѣющихъ мѣстопребываніе въ Кербелѣ и Неджефѣ и являющихся хранителями священныхъ гробницъ Али, Хассана и Хуссейна.

Эти старшіе муштехиды имѣютъ большое вліяніе не только на шіитское населеніе Персіи, откуда въ Кербеля и Неджефъ ежегодно стекается до 200.000 пилигримовъ, но и въ Месопотаміи, въ южныхъ вилайетахъ которой, Багдадскомъ и Бассорскомъ арабы и курды шіиты составляютъ до 60—75% всего населенія.

Не разъ возникалъ вопросъ о необходимости присоединенія къ Персіи Ирана Арабскаго, въ которомъ находятся важнѣйшія святыни шіитовъ—Неджефъ, съ гробницей Али, и Кербеля, съ мѣстомъ погребенія его сына Хуссейна, которыхъ магометане-шіиты почитаютъ за истинныхъ наслѣдниковъ пророка (см. рис. на стр. 537).

Въ настоящее время, какъ сообщаетъ намъ телеграфъ, англійской миссіей въ Тегеранѣ получены подробности знаменательныхъ волненій, вспыхнувшихъ на религіозной почвѣ въ Неджефѣ, т.-е. въ центрѣ шіитства. Турки въ послѣдніе мѣсяцы чинили въ Неджефѣ всевозможныя притѣсненія шіитскимъ паломникамъ, что̀ вызвало въ концѣ концовъ открытое возмущеніе шіитовъ противъ турокъ и арабовъ сунитовъ, преслѣдовавшихъ шіитовъ, несмотря на нынѣшнее политическое положеніе и турецкую проповѣдь братства между всѣми мусульманами.

Когда въ Неджефѣ начались волненія, турки послали изъ Багдада батальонъ съ двумя орудіями, съ приказаніемъ примѣрно наказать населеніе и паломниковъ и увезти мѣстныя святыни.

Населеніе Неджефа оказало турецкому отряду вооруженное сопротивленіе, во время котораго у турокъ было убито 45 и ранено 75 человѣкъ; остальные же чины карательнаго отряда разсѣялись, оставивъ въ рукахъ возставшихъ оба орудія.

Въ настоящее время турецкій каймакамъ покинулъ Неджефъ, и священный городъ управляется двумя мѣстными шейхами.

Подобное движеніе противъ турокъ происходитъ также въ Кербелѣ, Диванѣ и Куфѣ.

Итальянскій король въ арміи. Итальянская печать полна восторженныхъ отзывовъ о томъ, какъ держитъ себя на фронтѣ король Викторъ-Эммануилъ. Столь же образцово конституціонный на войнѣ, какъ и въ мирное время, король не дѣлаетъ даже попытки личнаго вмѣшательства въ планы и дѣйствія главнаго командованія. Въ то же время однако присутствіе короля на фронтѣ приноситъ огромную пользу, одушевляя войска личнымъ примѣромъ монарха-товарища, который самъ живетъ на фронтѣ въ той же обстановкѣ, что̀ и всѣ солдаты, вмѣстѣ съ ними стоитъ подъ выстрѣлами, проявляя мужество, достойное представителя Савойскаго дома.

Славный подвигъ. Газета «Echo de Paris» сообщаетъ о подвигѣ ученыхъ—профессора химіи Макиньона и его сотрудника Перье, явившихся изслѣдовать удушливые газы во время боя у Невилля.

Профессоръ Макиньонъ и лаборантъ Перье прибыли на передовыя позиціи въ моментъ, когда нѣмцы начали засыпать французскія войска снарядами съ ядовитыми газами.

Когда французская пѣхота пошла въ атаку, вмѣстѣ съ ними пошли ученые. Вмѣсто оружія, у нихъ были въ рукахъ лабораторные приборы для собиранія газа. И когда надъ шедшей въ атаку пѣхотой поплыли тяжелые клубы ядовитыхъ газовъ, ученые принялись за свою работу.

Перье былъ убитъ.

Съ поля битвы вернулся одинъ Макиньонъ.

Профессоръ изслѣдовалъ затѣмъ составъ ядовитыхъ газовъ и, какъ говорятъ, открылъ способъ борьбы съ ними.

За этотъ подвигъ генералъ Жоффръ представилъ профессора Макиньона къ награжденію военной медалью.

Совѣтъ Сорбонны постановилъ помѣстить въ аудиторіи Дюма бюстъ химика Перье.

Итальянскія морскія заповѣди. Передъ началомъ войны итальянскій морской генеральный штабъ разослалъ по всѣмъ судамъ составленные имъ «афоризмы морской войны», представляющіе большой интересъ, какъ показатель того воинскаго духа, который создавался въ итальянскомъ флотѣ и, навѣрно, въ войскахъ нашей новой союзницы. «Русскій Инвалидъ» даетъ переводъ этого интереснаго приказа, помѣщеннаго въ итальянскомъ морскомъ журналѣ «Rivista Marittima».

Афоризмы морской войны.

1. Будь всегда отваженъ, но не рискуй при условіяхъ, если успѣхъ предпріятія не обѣщаетъ тебѣ надлежащихъ выгодъ.

2. Не упускай благопріятныхъ тебѣ случайностей, но рѣшайся ихъ создавать.

3. Пользуйся счастіемъ, но руководись расчетомъ.

4. Руководись въ опасности холоднымъ разсудкомъ, а не надеждой на удачу.

5. Обдумывай обстоятельно, исполняй быстро.

6. Голова начальника подготовляетъ побѣду; порядокъ и дисциплина исполнителей ее одерживаютъ.

7. Точность и опредѣлительность приказаній составляютъ лучшее обезпеченіе хорошаго исполненія.

8. Приказаніе должно быть слѣдствіемъ зрѣлаго размышленія; оно служитъ руководствомъ исполнителямъ.

9. Ошибки врага не должны возбуждать иллюзій и вести къ ослабленію усилій; онѣ должны имѣть послѣдствіемъ увеличеніе настойчивости и осмотрительности.

10. Считай твои дѣйствія и намѣренія всегда извѣстными непріятелю. Принимай въ то же время всѣ мѣры къ сохраненію ихъ въ тайнѣ.

11. Считай непріятеля всегда способнымъ на всякія хитрости и уловки: старайся обращать ихъ ему же во вредъ.

12. Ожидай со стороны непріятеля самой безудержной отваги и будь готовъ ее подавить.

13. Разъ, что морской бой начатъ, онъ долженъ быть веденъ до полнаго достиженія цѣли.

14. Если побѣдитель имѣетъ преобладаніе въ ходѣ, то побѣжденный можетъ иногда найти спасеніе въ ближнемъ бою; никогда въ отступленіи.

15. Какъ бы дорого ни обошлась побѣда, она всегда выгоднѣе пораженія.

16. Пусть успѣхъ недостигшей рѣшительныхъ результатовъ операціи тебя не прельщаетъ, а удваиваетъ твою энергію, отвагу и настойчивость.

17. Вѣра въ себя есть величайшая сила и лучшее обезпеченіе побѣды.

18. Высокій духъ агрессивности удваиваетъ силы нападающаго.

19. Если въ открытомъ морѣ судно неподвижно или движется медленно,— оно въ опасности.

20. Никакое обезпеченіе и никакая бдительность не могутъ быть чрезмѣрными для судна на якорѣ.

21. *Комендору.* Заряжай быстро, цѣлься спокойно; попадешь несомнѣнно.

22. *Часовому.* Бодрствуй и смотри внимательно; отъ зоркости твоихъ глазъ зависитъ общая безопасность.

23. *Кочегару.* Твой огонь даетъ жизнь судну, но самъ ты будь холоденъ, какъ ледъ.

Возмѣщеніе убытковъ мирныхъ гражданъ въ Италіи. Декретомъ намѣстника итальянскаго короля установлено, что, если непріятель предприметъ бомбардировку портовъ, городовъ, деревень, домовъ и другихъ незащищенныхъ строеній либо потопитъ невооруженное торговое судно, или совершитъ другія враждебныя дѣйствія, противорѣчащія принципамъ войны, и нанесетъ вредъ лицамъ и имуществу гражданъ Италіи,—правительство можетъ распорядиться возмѣстить убытки изъ средствъ, получаемыхъ отъ эксплоатаціи непріятельскихъ торговыхъ судовъ, какъ захваченныхъ, такъ и реквизированныхъ, а въ случаѣ надобности — изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи конфискованныхъ торговыхъ судовъ и захваченныхъ товаровъ.

«Сапогъ» и «огурецъ». Подъ этимъ мирнымъ названіемъ кроются далеко не мирныя вещи.

«Сапогами» у нашихъ солдатъ, въ окопахъ, прозваны мины, раньше въ особенности настойчиво раскидывавшіяся противникомъ.

Снарядъ, приблизительно въ футъ длиной и сантиметровъ десять въ діаметрѣ, съ какой-то рулевой тряпкой на концѣ.

Наши солдаты уже приноровились.

«Какъ-то разъ, помню,—разсказываетъ корреспондентъ «Новаго Времени»,— въ окопахъ вдругъ все встрепенулось, полѣзли подъ козырекъ, въ блиндажи...

« — Что такое?

«— Мина!..

«Правда, гдѣ-то въ сторонѣ непріятеля что-то стукнуло, но нужно имѣть уже привычный слухъ, чтобы опредѣлить работу миномета...

«Мина летитъ... И всѣ мы, полусогнувшись, ждемъ—нѣмцы стрѣляютъ какъ разъ по этому взводу...

«Полетъ «сапога» слышенъ превосходно—точно что-то тяжелое и неуклюжее ковыляетъ и кувыркается въ воздухѣ.

«Летитъ долго. Говорятъ, что даже можно видѣть полетъ — тогда полная иллюзія «сапога»... И вдругъ... Оглушительнѣйшій звенящій разрывъ за окопомъ, осколки во всѣ стороны... Оглядываемся—все благополучно.»

Это удовольствіе называется «сапогомъ» и раньше нагоняло на лица стрѣлковъ тѣнь озабоченности. Но теперь уже къ «сапогамъ» относятся какъ къ старымъ знакомымъ...

И вотъ почему. Какъ только нѣмцы выпустятъ мину, тотчасъ къ ихъ окопамъ летитъ снарядъ, за вторую уже два... Поднимается грохотъ, и германцы умолкаютъ. Невыгодно!

Ну, а «огурцы»—это, какъ говорится, пустяковина... Ручная граната, формой похожая, дѣйствительно, на зеленый большой огурецъ и насаженная на длинный стержень.

Бомбы эти выбрасываются также механически и принимаются въ окопахъ уже совершенно равнодушно...

Работы военноплѣнныхъ на нашихъ поляхъ. Членъ Государственной Думы крестьянинъ Макогонъ, разсказываетъ не лишенныя интереса подробности о работѣ военноплѣнныхъ въ сельскихъ хозяйствахъ Екатеринославской губерніи.

— У меня,—говоритъ онъ:—работало пять человѣкъ, четыре германца и одинъ чехъ. Чехъ остался, работаетъ и сейчасъ, а германцевъ я отослалъ обратно. Да мы всѣ германцевъ пересылали отъ одного къ другому, а потомъ и совсѣмъ отъ нихъ отказались. Прекрасно работаютъ русскіе галичане, поляки и чехи. Съ ними никакихъ хлопотъ нѣтъ. Только вотъ развѣ наши дѣтишки да бабы соберутся, разсматриваютъ ихъ, разспрашиваютъ, отвлекаются отъ работы сами и отвлекаютъ ихъ. Ну, а съ нѣмцами никакого сладу нѣтъ,—не хотятъ работать, да и только.

— А развѣ ихъ не принуждаютъ къ работѣ?

— Да какое жъ принужденіе. Не силою же ихъ принуждать. Знаете наше русское сердце. Какъ-то рука не налегаетъ.

— А вашихъ сыновей по набору взяли?

— Нѣтъ, всѣ трое ушли добровольцами. Два гимназиста, одинъ 15-ти, а другой—17-ти лѣтъ, и третій, ученикъ штейгерской школы, 19-ти лѣтъ. Первый изъ нихъ контуженъ, второй подъ Перемышлемъ раненъ разрывною пулею въ руку, а третій принятъ по Высочайшему повелѣнію въ петергофскую школу прапорщиковъ. Такъ вотъ, какъ своихъ дѣтей вспомнишь, — и тѣхъ жалко. А они работать все-таки не хотятъ. Станетъ ходить за плугомъ, — говоритъ, что не можетъ ходить такъ скоро; заставятъ его лошадь запрягать, а онъ ее суетъ головою въ оглобли и хомута въ руки взять не умѣетъ, начинаешь выговаривать,—заявляетъ, что онъ боленъ. Потомъ начинаетъ говорить, что онъ техникъ или слесарь, или служилъ на фабрикѣ. Попробовали одному такому технику дать поправить замокъ, такъ онъ возился-возился и ничего не сдѣлалъ. А вѣдь мнѣ приходится его кормить, платить 12 рублей жалованья въ мѣсяцъ, да еще терять свое время. Вотъ я, какъ и другіе, и отказались. Пробовалъ ихъ нашъ приставъ сажать подъ арестъ, даже на десять дней, но они еще хуже заупрямились. Ну, мы ихъ и бросили. А у кого работаютъ галичане, либо поляки, тѣ очень довольны. И вотъ я оставилъ у себя чеха.

«Да намъ тѣ же чехи и галичане, когда германцы дѣлали видъ, что не понимаютъ, чего мы отъ нихъ требуемъ, смѣялись и говорили, что они не потому не дѣлаютъ, что не понимаютъ, а потому, что они «германы».

Слова г. Макогона вызвали нѣсколько справедливыхъ словъ въ «Вечернемъ Времени».

Разсказанные Макогономъ нѣсколько бытовыхъ штриховъ такъ хороши для характеристики двухъ народовъ, что ихъ и нарочно не выдумаешь: нашихъ плѣнныхъ морятъ голодомъ, гонятъ на работу прикладами, за малѣйшую оплошность угощаютъ ударомъ штыка. Нѣмецкіе плѣнные у насъ ѣдятъ досыта за однимъ столомъ съ крестьянами-хозяевами, получаютъ отъ нихъ же 12 рублей въ мѣсяцъ, ничего не хотятъ дѣлать, то ссылаясь на свои техническія спеціальности, то прикидываясь больными, и даже начальство, сажающее ихъ на десять дней подъ арестъ, ничего съ ними подѣлать не можетъ, а между тѣмъ... «рука не налегаетъ, какъ вспомнишь своихъ дѣтей...»

Потери нѣмцевъ и австрійцевъ. Французской газетѣ «Matin» удалось собрать довольно полныя свѣдѣнія о потеряхъ нѣмцевъ и австрійцевъ, убитыми, ранеными и плѣнными.

Изъ 8.500.000 нѣмцевъ, призванныхъ подъ ружье, 6.000.000 находятся на южномъ и западномъ фронтахъ, 1.500.000 человѣкъ составляютъ гарнизонъ и охрану желѣзныхъ дорогъ и 1.000.000 человѣкъ составляетъ резервъ.

Потери же исчисляются въ 4.200.000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными.

У австрійцевъ изъ 4.500.000 человѣкъ призванныхъ, потери исчисляются въ 2.526.000 человѣкъ.

«Этимъ цифрамъ, — добавляетъ газета, — мы бы не придавали вѣры, такъ какъ официальныя нѣмецкія данныя абсолютно съ ними не сходятся. Но, съ одной стороны, мы имѣемъ данныя, опубликованныя 21-го марта французскимъ генеральнымъ штабомъ. По этимъ даннымъ потери только однихъ нѣмцевъ исчисляются въ 3.290.000 чел. Съ другой стороны, у насъ имѣются тѣ списки, которые лишь недавно были запрещены къ опубликованію въ Германіи потому, что они угнетающимъ образомъ дѣйствовали на ея населеніе.

Время прекращенія печатанія этихъ списковъ какъ разъ совпадаетъ съ крупными сраженіями какъ на западномъ фронтѣ, такъ и въ Галиціи, гдѣ нѣмцы понесли особенно крупныя потери.

Наши данныя подтверждаются еще и статистикой нейтральныхъ странъ, особенно Швейцаріи, Голландіи и Румыніи, которая тоже совпадаетъ съ нашими свѣдѣніями.

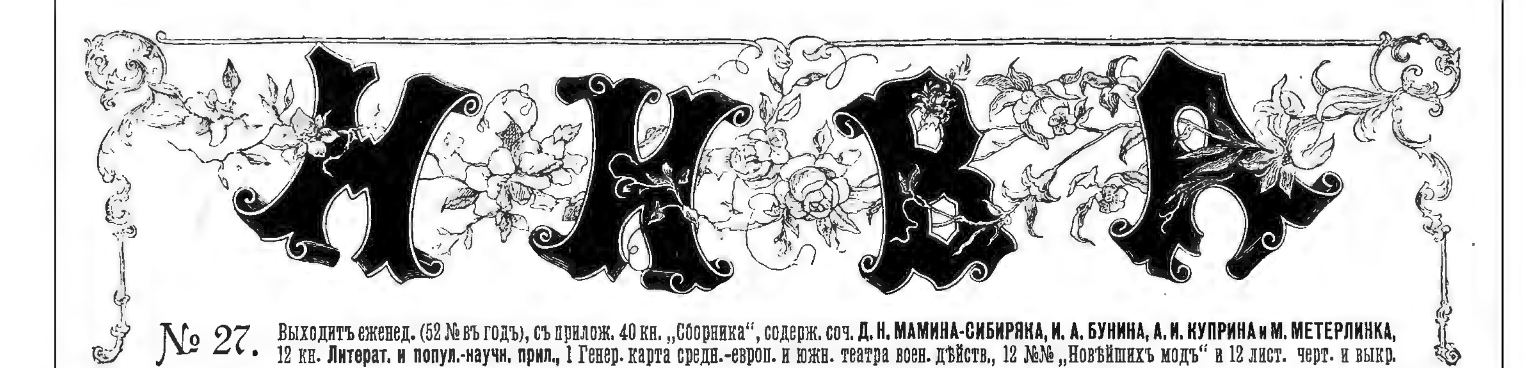
Количество плѣнныхъ нѣмцевъ очень велико—480.200 человѣкъ; они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 155.400—въ Россіи, 7.000—въ Японіи, 80.000—въ Англіи, остальные—во Франціи».

Мѣдный крестъ изъ солдатскихъ копеекъ. При посѣщеніи Государемъ Императоромъ города Одессы въ мартѣ мѣсяцѣ архіепископъ Назарій благословилъ Государя мѣднымъ крестомъ, имѣющимъ свою интересную исторію.

Вылитъ крестъ по мысли покойнаго архіепископа одесскаго Иннокентія въ половинѣ XIX вѣка изъ монетъ, отдаваемыхъ на свѣчи войсками, проходившими въ Крымскую войну 1854 — 55 гг., при служеніи имъ напутственнаго молебна на площади возлѣ каѳедральнаго собора. Размѣръ креста 10 вершковъ въ длину и 5½ вершковъ въ ширину. На лицевой сторонѣ помѣщено рельефное, чеканное изображеніе Спасителя; по краю идетъ самый простой мелкій чеканный узоръ; наверху креста чеканное титло съ славянскими буквами «І. Н. Ц. І.» На обратной сторонѣ посрединѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Крестъ сей сооруженъ изъ грошей и пятаковъ, которые клали на свѣчи войска, проходившія въ Крымъ въ 1854 году при совершеніи имъ напутственнаго молебствія на Одесской соборной площади».

Крестъ хранится въ одесскомъ Преображенскомъ соборѣ въ особомъ кіотѣ на аналоѣ у солеи главнаго придѣла.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



№ 27. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 4 іюля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Андреевичъ Поливановъ, Высочайше назначенный управляющимъ военнымъ министерствомъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Наступленіе Макензена на Люблинъ—Холмъ.

Два съ лишнимъ милліона австро-германцевъ, продвинувшись по Западной Галиціи до Львова и пройдя Львовъ, совершили стратегическій маневръ-поворотъ къ сѣверу и развернулись противъ нашей государственной границы, — противъ границъ Люблинской, Холмской и Волынской губерній. Такимъ образомъ австро-германцы проникли наконецъ на правый берегъ Вислы послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ проникнуть туда въ теченіе цѣлой зимы: двухъ наступленій Гинденбурга къ Варшавѣ и третьяго наступленія Гинденбурга изъ Восточной Пруссіи, съ явнымъ намѣреніемъ проникнуть тогда въ тылъ Варшавѣ.

Къ этому времени, къ серединѣ іюня, положеніе на восточномъ фронтѣ сложилось слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего ближайшей цѣлью нѣмецкихъ операцій являлась Варшава и связанное съ занятіемъ Варшавы овладѣніе важнѣйшей „перегородкой“ на Востокѣ, важнѣйшей оборонительной линіей на нашей территоріи—линіей рѣки Вислы.

Во исполненіе этого намѣренія противникъ намѣтилъ наступленіе къ Варшавѣ съ трехъ сторонъ: одна группа германскихъ войскъ должна была вести наступленіе къ Варшавѣ съ фронта; это та группа, которую Гинденбургъ въ свое время привелъ къ Бзурѣ, и которая къ серединѣ іюня продолжала занимать позиціи на Бзурѣ, Равкѣ и Пилицѣ уже въ качествѣ исходныхъ позицій для фронтальнаго наступленія къ Варшавѣ.

Это фронтальное наступленіе должно было быть поддержано двумя „стратегическими охватами“, произведенными обоими флангами противника: правымъ—группой Макензена и лѣвымъ—группой германскихъ войскъ, объединенныхъ, повидимому, подъ начальствомъ генерала Фалькенгайна и стоявшихъ на Наревѣ, въ Праснышскомъ раіонѣ, на Нѣманѣ и въ Прибалтикѣ.

Такимъ образомъ противникъ послѣ ряда неудачныхъ попытокъ въ теченіе зимы овладѣть линіей рѣки Вислы и Варшавой, примирился съ тѣми позиціями, которыя онъ занялъ на Бзурѣ, Нѣманѣ и въ Прибалтикѣ, какъ съ исходными для атаки съ фронта и охвата лѣвымъ крыломъ, и, выдвигая группу Макензена, намѣтилъ такой же охватъ правымъ крыломъ.

Вначалѣ вся эта грандіозная операція еще не обнаружила себя на всѣхъ трехъ направленіяхъ, и во второй половинѣ іюня наступленіе продолжалъ вести одинъ Макензенъ, продвигавшійся въ южной части Люблинской, Холмской и Волынской губерній. Повидимому,

Князь Николай Борисовичъ Щербатовъ, Высочайше назначенный управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. По фот. Петра Оцупа.

задачей Макензена было привлечь на себя возможно большее число войскъ съ тѣмъ, чтобы облегчить впослѣдствіи операціи Прибалтійской, Нѣманской и Наревской группъ нѣмцевъ къ югу, въ тылъ Варшавѣ.

Для выполненія этой задачи массы Макензена развернулись слѣдующимъ образомъ.

На лѣвомъ крылѣ, вдоль праваго берега Вислы, въ Люблинской губерніи, наступала австрійская армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, имѣя конечной отдаленной задачей дойти до Ивангорода на Вислѣ. Правѣе арміи эрцгерцога, раіонъ которой ограничился съ востока — справа рѣкой Вепржемъ, двигалась германская армія Макензена. Эта масса войскъ вклинилась въ промежутокъ между параллельными рѣками Вепржемъ и Западнымъ Бугомъ и двигалась, имѣя ближайшимъ объектомъ наступленія Люблинъ. Правѣе арміи Макензена двигалась австрійская армія Бемъ-Ермоли, только-что съ большой претензіей вошедшая первой въ оставленный нами Львовъ. Эта армія двигалась на Сокаль и Холмъ, имѣя отдаленной конечной задачей выйти къ Брестъ-Литовску.

Эти три арміи и опредѣляли собою фронтъ главнаго наступленія Макензена, арміи котораго, какъ видно изъ вышеизложеннаго, шли широкимъ фронтомъ между Вислой съ одной стороны (слѣва) и Западнымъ Бугомъ съ другой стороны (справа). При дальнѣйшемъ продвиженіи правое крыло арміи Макензена, а именно армія Бемъ-Ермоли, попадало въ соприкасающійся съ Западнымъ Бугомъ раіонъ Влодавскихъ болотъ, которыя далѣе переходили въ раіонъ Брестскихъ болотъ, а съ послѣдними соприкасались Пинскія болота, Бѣловѣжская пуща — въ общемъ громадный, совершенно непроходимый раіонъ, ограничивавшій какое-либо распространеніе австро-нѣмцевъ на востокъ отъ Бреста.

Такимъ образомъ впереди тремъ австро-германскимъ арміямъ Макензена предстояло вступить въ широкую полосу, въ 150 верстъ шириною, ограниченную слѣва Вислой, а справа — Брестскими и Пинскими болотами. Вполнѣ понятно, что при такомъ продвиженіи никакіе обходы для австро-нѣмцевъ невозможны, такъ какъ слѣва обходу мѣшаетъ Висла, а справа — Пинскія и Брестскія болота. Кромѣ того, слѣва находится такая опорная точка, какъ Ивангородъ, дающая прочную опору нашему правому крылу, а съ противоположной стороны находится не менѣе солидная опорная точка — Брестъ, придающая особую прочность нашему лѣвому крылу, въ особенности въ связи съ тѣми болотами, которыя соприкасаются съ Брестомъ.

Итакъ, противнику, въ случаѣ, если бы ему удалось продвинуться по Люблинской и Холмской губерніямъ, пришлось бы въ концѣ концовъ упереться въ весьма стойкій фронтъ, ограниченный съ одной стороны Вислой и Ивангородомъ, а съ другой стороны — Брестомъ, Брестскими и Пинскими болотами. Слѣдовательно, противнику предстояло бы снова вести фронтальныя атаки, снова пробиваться лбомъ, пробиваться тупымъ, прямымъ маневромъ, безъ всякихъ охватовъ и обходовъ.

Однако прежде чѣмъ противнику достигнуть до основного фронта, — Ивангородъ съ Вислой — Брестъ съ болотами, — ему предстояло пройти весьма значительное пространство отъ государственной границы по Люблинской и Холмской губерніямъ. Между тѣмъ мѣстность, по которой предстояло двигаться противнику, являлась невыгодной для такого наступательнаго движенія во всѣхъ отношеніяхъ.

Прежде всего отъ государственной границы до линіи Люблинъ — Холмъ не было никакихъ параллельныхъ германскому фронту желѣзныхъ дорогъ, которыя бы связывали германскія войска между собою по фронту. Были только перпендикулярныя германскому фронту дороги, т.-е. связывающія передовыя германскія войска съ ихъ тыломъ. Однако эти дороги прежде всего не годились, вслѣдствіе широкой колеи, для подвижного состава германскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя приспособлены для колеи болѣе узкой. Кромѣ того, эти дороги, конечно, были разрушены нашими войсками при отступленіи, ибо нашъ отходъ совершался вполнѣ планомѣрно, размѣренно, и эвакуировалось все, чего нельзя было оставлять противнику.

При такихъ условіяхъ противникъ съ мѣста попадалъ въ совершенно бездорожный раіонъ, гдѣ нѣмцамъ нельзя было перебрасывать войска съ одного участка на другой и попеременно усиливать наступленіе то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, въ зависимости отъ того, гдѣ это нужно, что они всегда дѣлаютъ. Если къ этому прибавить то, что австро-нѣмцы имѣли отвратительное сообщеніе со своимъ тыломъ по испорченнымъ дорогамъ, то станетъ ясно, что противникъ, вступивъ на нашу территорію, будетъ вынужденъ отказаться отъ своего главнаго средства борьбы — безпрерывнаго маневрированія и безпрерывнаго вливанія въ передовую линію новыхъ войскъ и массы снарядовъ.

Въ то же время наши войска, развернувшись въ разстояніи одного перехода впереди фронта Люблинъ — Холмъ, на позиціяхъ, извѣстныхъ еще по августовскимъ боямъ съ австрійцами, имѣли въ тылу прекрасную желѣзную дорогу Ивангородъ — Люблинъ — Холмъ — Влодава — Брестъ, которая давала возможность безпрерывно маневрировать, безпрерывно перевозить войска вдоль фронта къ тому участку, гдѣ наступленіе противника было болѣе серьезнымъ. Далѣе наши войска приближались къ своимъ базамъ, источникамъ снабженія снарядами, техническими средствами, подкрѣпленіями, продовольствіемъ и всѣмъ прочимъ необходимымъ для полнаго развитія боеспособности арміи.

Поэтому послѣ первыхъ шаговъ на нашей территоріи австро-нѣмцы неминуемо должны были пріостановиться, и операція Макензена приняла крайне медленный характеръ. Стало ясно, что прежде, чѣмъ противникъ дойдетъ до фронта Ивангородъ — Брестъ, ему предстоитъ еще выдержать серьезный арьергардный бой на линіи болѣе южной, а именно, на линіи Люблинъ — Холмъ.

Наиболѣе замедлилось наступленіе праваго австро-нѣмецкаго фланга, а именно, арміи Бемъ-Ермоли, которой предстояло движеніе на Холмъ, затѣмъ на Влодаву, и далѣе на Брестъ. Это правое крыло австро-нѣмцевъ почти совсѣмъ пріостановилось.

Гораздо болѣе интенсивно наступало лѣвое крыло противника — австрійская армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда и армія Макензена, двигавшіяся въ двухъ направленіяхъ — на Ивангородъ и на Люблинъ.

Это продвиженіе объяснялось тѣмъ, что австро-нѣмцы на своемъ лѣвомъ крылѣ, при каждомъ шагѣ впередъ, усиливались: сначала къ нимъ присоединились войска генерала Войерша, дѣйствовавшія въ Кѣлецкой губерніи, а затѣмъ войска, дѣйствовавшія въ Радомской губерніи.

Такимъ образомъ, предпринимая наступленіе къ Варшавѣ съ трехъ сторонъ, — съ фронта отъ Бзуры, съ лѣваго крыла отъ Нарева и Прибалтики и съ праваго крыла отъ Галиціи, — австро-нѣмцы должны были предварительно еще выполнить грандіозную операцію, а именно, привести свое правое крыло — армію Макензена къ фронту Ивангородъ — Брестъ, преодолѣть этотъ фронтъ и тогда только дѣйствительно имѣть возможность выполнить свой охватъ Варшавы справа.

„Война“. Скульптура Зинаиды Мариной.
(Весенняя выставка 1915 г.).

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ

Въ дѣйствующей арміи

Составилъ Генералъ-маіоръ Дубенскій

Ноябрь — Декабрь 1914 г.

Въ № 13 „Нивы“ с. г. мы уже упоминали подробно о составленной генералъ-маіоромъ Дубенскимъ интересной и исполненной особаго для насъ, русскихъ людей, значенія книгѣ, описывающей пребываніе Государя Императора въ дѣйствующей арміи. Первый выпускъ этой книги, гдѣ шла рѣчь о первомъ путешествіи Государя Императора въ армію, уже былъ нами отмѣченъ, какъ роскошное изданіе съ чрезвычайно интереснымъ содержаніемъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о недавно вышедшемъ второмъ выпускѣ этой книги.

Второе путешествіе Царя въ дѣйствующую армію обнимаетъ періодъ времени съ 18-го ноября по 19-е декабря 1914 года. Оно продолжалось такимъ образомъ почти ровно мѣсяцъ. Въ маршрутъ этого второго путешествія вошли слѣдующіе города и мѣстности: Ставка, Смоленскъ, Тула, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Екатеринодаръ, Тифлисъ, Карсъ, Сарыкамышъ, Меджингертъ, Владикавказъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Тамбовъ, Рязань, Москва, Ставка, Гарволинъ, Ново-Минскъ, Сѣдлецъ.

Въ самомъ началѣ этого путешествія Государь Императоръ, ознакомившись въ Ставкѣ съ положеніемъ дѣлъ на западномъ фронтѣ, пожелалъ предпринять обширное путешествіе черезъ многія центральныя и южныя губерніи на Кавказъ. Государь Императоръ нашелъ необходимымъ посѣтить кавказскую дѣйствующую армію, которая съ первыхъ дней кампаніи вела славные походы и одержала уже рядъ блестящихъ побѣдъ въ турецкой Арменіи.

Черезъ Смоленскъ Государь Императоръ прибылъ 21-го ноября въ Тулу и изволилъ тамъ посѣтить знаменитый оружейный заводъ, основанный Петромъ Великимъ. Несмотря на праздникъ, рабочіе стояли у своихъ станковъ. Государь Императоръ, проходя, здоровался съ ними. При единодушныхъ восторженныхъ крикахъ „ура“ Государь Императоръ слѣдовалъ изъ одной мастерской въ другую, останавливаясь у станковъ и выслушивая подробныя объясненія начальника завода и самихъ рабочихъ о выработкѣ разныхъ частей изготовляемыхъ пулеметовъ, винтовокъ и револьверовъ.

Въ Орлѣ трогательную рѣчь сказалъ крестьянинъ, подносившій Государю Императору хлѣбъ-соль:

— Твои орловскіе крестьяне готовы отдать на нужды войны хлѣбъ до послѣдняго зерна и все достояніе... Спаси Тебя Христосъ!..

Государь Императоръ бесѣдуетъ съ отцами молодыхъ уральскихъ казаковъ, награжденныхъ Георгіевскими крестами.

Государь Императоръ принимаетъ хлѣбъ-соль отъ депутаціи племенъ, населяющихъ Терскую область.

При посѣщеніи Государемъ Императоромъ одного изъ орловскихъ госпиталей, Его Величеству доложили, что среди раненыхъ сосредоточено много австрійцевъ и нѣмцевъ. Государь Императоръ при этомъ замѣтилъ:

— Надѣюсь, что не дѣлается никакого различія въ содержаніи раненыхъ, и мы не поступаемъ такъ, какъ наши противники.—И потомъ, немного помолчавъ, добавилъ:—Да будетъ имъ за это стыдно!..

Въ Курскѣ обратила на себя вниманіе широкая постановка дѣла помощи раненымъ. Земство Курской губерніи пожертвовало милліонъ рублей на устройство госпиталей. Дворянство ассигновало 75.000 рубл. на оборудованіе превосходнаго лазарета въ своемъ домѣ. Даже крестьяне, участвующіе въ кредитныхъ товариществахъ губерніи, собрали 60.000 рублей и тоже открыли свой госпиталь.

При посѣщеніи Государемъ Императоромъ этого послѣдняго лазарета произошелъ удивительный случай, ярко характеризующій, какъ русскій простой человѣкъ относится къ Царю. Во время Высочайшаго осмотра названнаго госпиталя одинъ крестьянинъ подошелъ къ лейбъ-казаку, державшему пальто Государя, и спросилъ:

— А какое пальто Царя?

— Вотъ это!—отвѣтилъ казакъ.

Тогда крестьянинъ взялъ край пальто, перекрестился, поцѣловалъ его и заплакалъ.

Въ курскихъ лазаретахъ было много раненыхъ офицеровъ. Государь съ каждымъ изъ нихъ бесѣдовалъ о службѣ, раненіи, выражая душевную заботливость. Все время слышались ласковыя слова Царя:

Государь Императоръ выслушиваетъ докладъ командира 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго Его Величества полка.

Царская Ставка. Государь Императоръ, Верховный Главнокомандующій и лица Свиты отбываютъ послѣ молебствія изъ походной церкви.

— Садитесь, вамъ удобнѣе!
— Не вставайте, не вставайте!
— Я вамъ приказываю сидѣть!
— Не торопитесь уѣзжать! Вамъ надо поправиться!

Такъ же и въ Харьковѣ, въ университетской клиникѣ, Государь Императоръ, обходя раненыхъ, милостиво бесѣдовалъ съ ними.

Однако ты похудѣлъ!—замѣтилъ Его Величество одному раненому.

Ничего, поправлюсь, Ваше Величество!

— А не правда ли, вашъ начальникъ дивизіи всегда впереди?—замѣтилъ Государь, вспоминая графа Келлера.

— Такъ точно, — улыбаясь, отвѣчаетъ солдатъ.—Они ужъ не отстануть!

Изъ Харькова Царскій путь шелъ на Кавказъ. Черезъ Екатеринодаръ (24-го ноября), Дербентъ и Баладжары Царскій поѣздъ прослѣдовалъ въ Тифлисъ. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ древней столицы Грузіи, этого сердца Кавказа, вызвало неописуемый восторгъ мѣстнаго населенія. За нѣсколько уже дней въ Тифлисѣ царило праздничное настроеніе и рѣдкое оживленіе въ этомъ и безъ того оживленномъ городѣ. Императорскій поѣздъ прибылъ въ Тифлисъ утромъ 26-го ноября. Государю Императору было благоугодно посѣтить здѣсь древній Сіонскій соборъ. Въ соборѣ Государь Императоръ прослушалъ краткое молебствіе и послѣ молебствія прикладывался къ кресту съ мощами святыхъ, при чемъ владыка-экзархъ доложилъ Его Величеству, что этотъ крестъ—даръ царя Михаила Ѳеодоровича.

Государь Императоръ изволилъ прикладываться къ иконѣ Сіонской Божіей Матери и къ кресту изъ виноградныхъ лозъ, перевязанныхъ волосами св. Нины.

Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ посѣтить Ванкскій Армяно-Григоріанскій соборъ, а также мечети суннитовъ и шіитовъ. Въ этотъ же день Государь Императоръ изволилъ посѣтить мѣстные госпитали. Тифлисскія улицы были залиты народомъ. На площадяхъ было цѣлое море головъ. Матери держали на рукахъ дѣтей, чтобы показать имъ Царя. Настроеніе толпы было восторженное. Слышались разговоры только о Государѣ.

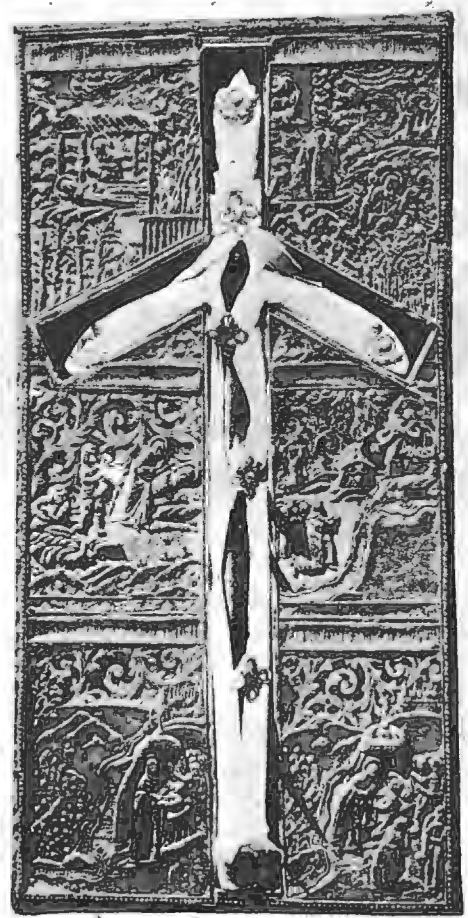
— Царя уже три раза видалъ, — говоритъ какой-то мальчуганъ-гимназистъ.

Двѣ старухи-туземки бесѣдуютъ прерывающимися отъ слезъ голосами:

Пусть Господь Богъ пошлетъ Тебѣ, Царь-Батюшка, говоритъ одна изъ нихъ по-грузински: — столько счастливыхъ дней, сколько звѣздъ въ небѣ! Пусть въ моихъ глазахъ навсегда останется твой ликъ!

Группа старшинъ обмѣнивается разговорами:

— Я и сейчасъ будто во снѣ!—говоритъ одинъ.—И, Господи, какой же Онъ ласковый, простой, душевный да милостивый!



„Крестъ св. Нины“,—крестъ изъ виноградныхъ лозъ, перевязанныхъ волосами св. Нины, хранится въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ.

— Въ черкескѣ! Папаха тоже!—радуясь, вставляетъ туземецъ, счастливый, что видѣлъ Царя въ ихъ народномъ костюмѣ.

Въ книгѣ ген.-м. Дубенскаго встрѣчаемъ множество подобныхъ живыхъ сценъ, зарисованныхъ прямо съ натуры и ярко обрисовывающихъ народную любовь и преданность Царю. Страницы, посвященныя пребыванію Государя Императора въ Тифлисѣ, являются однѣми изъ самыхъ интересныхъ и содержательныхъ во всей книгѣ.

Много любопытныхъ и трогательныхъ чертъ находимъ и далѣе при описаніи Царскаго путешествія въ Карсъ, Меджингертъ, Сарыкамышъ, и обратно изъ Закавказья въ Россію.

Во время Высочайшаго обхода войскъ въ Меджингертѣ (на границѣ Россіи съ Турціей) произошелъ, по словамъ ген.-м. Дубенскаго, слѣдующій удивительный случай, ярко характеризующій совѣстливость и честность русскаго простолюдина-солдата. При раздачѣ наградъ, когда Его Величество передалъ Георгіевскій крестъ одному солдату и началъ передавать другой такой же крестъ слѣдующему нижнему чину, послѣдній заявилъ:

— Я, Ваше Императорское Величество, не участвовалъ въ бою!

Меджингертъ. Сторожевой постъ на границѣ Россіи съ Турціей.

Государь быстро взглянулъ на рядового, немного помолчалъ и затѣмъ громко сказалъ:

— Молодецъ! Навѣрно скоро заслужишь! Хорошо, что по совѣсти заявилъ Мнѣ!

На Государя и Его свиту этотъ поступокъ русскаго солдата, не пожелавшаго воспользоваться случайнымъ недоразумѣніемъ для полученія Высочайшей награды, произвелъ глубокое и отрадное впечатлѣніе.

На обратномъ пути съ Кавказа Государь Императоръ, между прочимъ, посѣтилъ Рязань. Здѣсь на станціи удостоились поднести свои дары Государынѣ Императрицѣ крестьянки одной изъ мѣстныхъ волостей. Въ своихъ старинныхъ русскихъ нарядахъ рязанскія крестьянки произвели на Государя и Его Августѣйшую Семью отрадное впечатлѣніе. Государь, видимо довольный этой живописной картиной въ чисто-русскомъ духѣ, изволилъ высказать:

— Вотъ всегда носите свои домашніе наряды!

Много интересныхъ и величавыхъ въ своей эпической простотѣ страницъ посвящено пребыванію Государя Императора въ Москвѣ. И здѣсь предъ нами встаетъ живая и колоритная картина народныхъ манифестацій и привѣтствій: пестрая многоликая народная толпа радостно ждетъ Государя, многіе плачутъ отъ волненія, уговариваютъ другъ друга не пререкаться изъ-за мѣстъ, ибо „не такое теперь время“, и „не для того сюда пришли“.

Едва ли не наиболѣе интересными и цѣнными страницами въ книгѣ однако являются тѣ, гдѣ занесены слова Государя Императора и его рѣчи, обращенныя къ раненымъ воинамъ, и отвѣты раненыхъ Государю. Этихъ разговоровъ и сценъ содержится очень много въ текстѣ описанія Высочайшаго путешествія, а кромѣ того нѣкоторыя изъ Царскихъ собесѣдо-

ваній отдѣльно собраны въ концѣ. Приведемъ наиболѣе характерныя изъ нихъ:

Въ одномъ изъ московскихъ лазаретовъ лежалъ раненый солдатъ Шарахудиновъ (татаринъ). Несмотря на тяжелое раненіе, Шарахудиновъ имѣлъ бодрый видъ. И когда Его Величество передалъ ему медаль, онъ громко поблагодарилъ Государя и добавилъ:

— Ваше Императорское Величество, разрѣшите мнѣ вашу ручку поцѣловать!

— Этого не полагается,—отвѣтилъ Государь. Однако протянулъ ему руку.

Шарахудиновъ нѣсколько разъ покрылъ руку Государя поцѣлуями.

Въ одномъ изъ госпиталей (въ Новочеркасскѣ) произошла такая сцена:

— Желаю тебѣ скоро поправиться!—говоритъ Государь одному изъ раненыхъ и затѣмъ переходитъ къ раненому кубанскому казаку, Сергѣеву. Государь передаетъ ему медаль и ласково говоритъ:

— Я былъ недавно на твоей родинѣ, на Кубани.

Казакъ радостно взглянулъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Ну, что тамъ, Ваше Величество? Ничего?

Государь улыбнулся и промолвилъ:

— Ничего! Казаковъ тамъ еще много. Очень Меня хорошо принимали.

— Ну, а то какъ же, Ваше Величество?

Государь еще больше улыбнулся этой простой рѣчи кубанца и отошелъ.

Такихъ сценъ встрѣчаемъ въ книгѣ ген.-м. Дубенскаго множество, и всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о простотѣ и сердечности общенія между Царемъ и ранеными воинами.

Книга читается съ неослабнымъ интересомъ. Издана она великолѣпно и украшена многочисленными отлично исполненными снимками; нѣкоторые изъ нихъ мы, съ особаго разрѣшенія, здѣсь воспроизводимъ.

Героямъ-мученикамъ.

(Панасюку, Макухѣ, Водяному и памяти Остапа Пахомова).

Подъ истязаньями безмѣрными,
Точа живую кровь свою,
Они остались твердо-вѣрными
Отчизнѣ, Господу, Царю!..

Въ черты мучителей холодныя,
Не умоляя, не грозя,
Неустрашимо-благородные,
Смотрѣли прямо ихъ глаза.

Въ огнѣ страданья нестерпимаго,
Блѣднѣлъ и меркнулъ чистый ликъ...
Но тайны воинства родимаго
Не выдалъ вырванный языкъ!

Ихъ подвигъ не умретъ божественный,
Но, какъ пасхальный свѣтлый звонъ,
По всей Руси пройдутъ торжественно
Святые звуки ихъ именъ.

И задрожитъ душа славянская,
И всюду скажетъ брату братъ:
«Благословенна Русь крестьянская,
Такихъ родящая солдатъ!»

Зоя Бухарова.

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента). **М. Доманскаго.**

VII. У этапнаго коменданта.

Послѣ утомительнаго девятидневнаго путешествія на лошадяхъ отъ Варшавы въ душный передгрозовой полдень добираюсь наконецъ до Т.,—отсюда проѣхать версты три-четыре, и уже Галиція.

Но оказывается, проѣхать эти нѣсколько верстъ далеко не легко. Содержатель постоялаго двора развелъ руками и категорически заявляетъ:

— Кони нема ани-ни! Всѣхъ забрали подъ Сеняву австрійскія арматы и повозки, что наши забрали, везти. Бо то жъ арматы! Двадцать кони въ одну запрягаютъ. Второй день уже везутъ. О, ма-буть, опять ѣдутъ, бо народъ бѣжитъ!

Дѣйствительно, по обширной пыльной площади бѣжали, направляясь въ одну сторону, толпы народа: мужчины, женщины, старики, даже старухи, и, конечно, опережая всѣхъ, дѣти. Побѣжалъ и хозяинъ постоялаго двора. За нимъ послѣдовалъ и я.

Народъ столпился у начала узкой, вымощенной бревнами улицы. По ней со страшнымъ грохотомъ и звономъ приближалось густое облако пыли. Все ближе, ближе. Вотъ показался верховой, за нимъ длинная вереница спаренныхъ лошадей—на площадь, заглушая людской говоръ и обдавая насъ клубами пыли, вкатилась первая пушка. За нею вторая, третья, всего шесть орудій, запряженныхъ каждое десятью парами лошадей. Пушки были мѣдныя, желтыя, необыкновенно длинныя, калибромъ дюймовъ въ десять-двѣнадцать, на очень высокихъ колесахъ. Онѣ казались какими-то чудовищами, стѣнобитными машинами древнихъ временъ. За пушками безконечной вереницей потянулись санитарныя и обозныя повозки.

Это все были трофеи, взятые нашими войсками подъ Сенявой.

Бой подъ Сенявой въ ночь на 14-е мая — это новое славное дѣло нашихъ кавказскихъ войскъ подъ начальствомъ доблестнаго генерала Ирманова.

Сдвинувъ при болѣе чѣмъ существенной помощи германцевъ линію нашихъ войскъ съ Дунайца и слѣдуя на приличномъ, впрочемъ, разстояніи за нашими отходящими полками, австрійцы докатились до Сана и, перейдя его, заняли Сеняву. Здѣсь, повидимому, нашъ противникъ рѣшилъ немного отдохнуть.

Произошло именно то, чего австрійцы совершенно не ожидали. Въ темную душную ночь на 14-е мая русская пѣхота безъ выстрѣла подошла къ окопамъ австрійцевъ у Сенявы, бросилась стремительно въ атаку, въ буквальномъ смыслѣ слова смела первую линію обороны и на плечахъ панически бѣгущихъ австрійцевъ ворвалась въ городокъ. Здѣсь началось нѣчто неописуемое. Часть австрійцевъ, схватившись за оружіе, пыталась оказать сопротивленіе. Но порывъ атакующихъ былъ такъ стремителенъ, такъ могучъ, что сопротивлявшіеся въ одинъ мигъ были перебиты, разсѣяны штыками.

Большая часть австрійцевъ, не пытаясь сопротивляться, бѣжала. Очень многіе не только нижніе чины, но и офицеры бѣжали въ одномъ бѣльѣ. Одинъ пѣхотный полкъ сдался цѣликомъ со знаменемъ и со всѣмъ составомъ офицеровъ.

Къ разсвѣту бой закончился. Нашими войсками было взято семь съ половиною тысячъ плѣнныхъ, двѣнадцать крупнокалиберныхъ орудій крѣпостного типа, снятыхъ австрійцами съ фортовъ Кракова и поставленныхъ на спеціально приспособленные лафеты, свыше десяти полевыхъ пушекъ, около семисотъ санитарныхъ и обозныхъ повозокъ и множество боевого матеріала.

Неудивительно поэтому, что въ Т. не было лошадей: на пятьдесятъ верстъ вокругъ Сенявы были собраны лошади для перевозки всѣхъ этихъ трофеевъ.

— Но вѣдь мнѣ нужно ѣхать! Какъ же быть? — спрашиваю я содержателя постоялаго двора, когда пушки и повозки, окутанныя облакомъ пыли, миновали площадь.

— Кони нема! — снова разводитъ руками флегматичный полякъ.—Развѣ что у пана коменданта достанете. У нихъ, ма-будь, оставлено.

— А гдѣ комендантъ?

— Вонъ, въ тымъ домѣ! Вонъ, гдѣ желтый флагъ!

Направляюсь къ указанному дому. Вхожу. Въ первой большой комнатѣ нѣсколько длинныхъ столовъ. На нихъ книги, бумаги. Десятокъ писарей усиленно скрипитъ перьями и щелкаетъ на пишущихъ машинахъ.

— Коменданта можно видѣть?

— Пожалуйте въ ту комнату!

— Чѣмъ могу служить?—Навстрѣчу мнѣ приподнимается полковникъ съ сухощавымъ выразительнымъ лицомъ и длинной, совершенно серебряной бородой.—Лошадей? Могу, но только до слѣдующаго этапа, не дальше!

— Будьте любезны, хоть до слѣдующаго.

— Это можно! Стелкинъ! — зычно кричитъ полковникъ и, когда въ дверяхъ вырастаетъ фигура солдата, приказываетъ: — Распорядись, чтобы приготовили пару лошадей.

Я хочу откланяться и уйти. Но комендантъ протестуетъ:

— Э, нѣтъ, батенька! Такъ нельзя! Я вамъ лошадей, а вы мнѣ новости. Садитесь-ка да выкладывайте все, что знаете. Мы тутъ всякаго свѣжаго человѣка опрашиваемъ. Да-съ! А за это мы васъ и чайкомъ еще угостить можемъ. Жихаревъ! — снова кричитъ полковникъ. И снова въ дверяхъ вырастаетъ фигура.— Чаю намъ съ лимончикомъ, съ сухарями и со всѣмъ прочимъ, что по штату полагается. Только живѣе, пожалуйста, поворачивайся!

За чаемъ выясняется, что полковнику не такъ важны новости, которыя онъ, кстати, знаетъ лучше меня, какъ просто хочется поговорить со свѣжимъ человѣкомъ. Поэтому онъ больше говоритъ, а я больше молчу.

— Да-съ, батенька, никакъ не ожидалъ, что придется еще разъ повоевать. Вѣдь мнѣ, слава Тебѣ, Господи, седьмой десяточекъ. А вотъ грянуло, и не могъ усидѣть. Хоть старъ, думаю, но здоровъ, силенъ, пользу принести вполнѣ еще способенъ. Да и передъ сыновьями стыдно было бы. Ихъ-то у меня пять человѣкъ. Было пять!— вздыхаетъ полковникъ. — А сейчасъ осталось только двое. Солдаты мы изъ рода въ родъ. Отцы, дѣды и прадѣды наши царямъ, царицамъ и родинѣ военщиной служили. Когда война начиналась, у меня трое уже офицерами были, четвертый только годъ въ училищѣ отгрубилъ, а пятый совсѣмъ еще юнецъ, въ седьмой классъ реальнаго перешелъ. Объявили войну, онъ ко мнѣ:

„— Позволь мнѣ добровольцемъ итти!

„— Съ Богомъ, говорю, милый! Только зачѣмъ же тебѣ добровольцемъ, нижнимъ чиномъ итти? Поступай въ училище, офицеромъ пойдешь, какъ всѣ твои братья.

„— Долго, говоритъ, офицерства ждать! А люди сейчасъ нужны.

„Устроилъ я его въ полкъ вольноопредѣляющимся. Отправился. Да не долго повоевалъ, Царство ему Небесное: въ самомъ началѣ кампаніи, въ Восточной Пруссіи, пуля прямо въ сердце угодила. Мнѣ его ротный командиръ письмо написалъ. Героемъ, пишетъ, сынъ вашъ погибъ! Первый въ атаку бросился на непріятельскій окопъ".

Русинскій домъ.

Полковникъ задумчиво постучалъ ложечкой въ стаканѣ и добавилъ тише:

— А вѣдь совсѣмъ еще ребенокъ былъ. Застѣнчивый, робкій даже. Въ обществѣ, бывало, краснѣлъ, какъ дѣвица. Музыку очень любилъ. Подъ гитару романсы пѣлъ удивительно хорошо. И романсы все выбиралъ самые сердцещипательные, со слезой. А вотъ, поди жъ ты, героемъ оказался. Первымъ въ атаку на окопъ, подъ пули, значитъ. На такое дѣло душа твердая должна быть. По опыту знаю, въ турецкую кампанію самъ въ атаку хаживалъ. Да-съ, а черезъ два мѣсяца послѣ этого самый старшій изъ строя выбылъ. Этотъ здѣсь былъ, на галиційскомъ фронтѣ. Батальономъ командовалъ въ чинѣ капитана. Тоже во время атаки двумя пулями въ животъ былъ раненъ. Недѣлю бѣдняга промучился. Успѣлъ я его повидать передъ смертью. Въ сознаніи еще былъ.

„— Ничего, говоритъ, старикъ, не горюй, у тебя еще трое остаются! Жаль только, что мало повоевать пришлось!

„Да-съ! Похоронилъ я его. Теперь, думаю, за которымъ очередь? Слава Богу, зима благополучно прошла. А по веснѣ, въ половинѣ апрѣля, получаю извѣщеніе о смерти средняго сына. Въ Карпатахъ онъ былъ. При какихъ обстоятельствахъ убитъ, не сообщили. Погибъ, да и только. Тамъ же и похороненъ. Вотъ то же и про этого сына могу сказать, и онъ былъ не такой, какъ всѣ. До штабсъ-капитанскаго чина дослужился, а самъ ровно дитя малое. Никакъ не могъ опредѣлить себя. Откровенно мы съ нимъ и говорили и переписывались, какъ два лучшіе друга. Все вопросомъ однимъ мучился:

„Зачѣмъ я живу? Какое мое назначеніе? Кому я нуженъ?

„И, знаете, до такого состоянія уже дошелъ, что я за него началъ опасаться: либо руки на себя наложитъ, либо свихнется. Тутъ война началась. Отправился онъ въ первую голову. Смотрю, съ войны письма пошли иныя, много спокойнѣе. Удовлетвореніе нашелъ, опредѣлилъ себя. И вотъ особенно замѣчательно послѣднее его письмо, недѣли за три до смерти онъ его написалъ. Прямо-таки пророческое. Я вамъ нѣсколько строкъ прочту, замѣчательно интересно".

Полковникъ досталъ изъ внутренняго кармана на груди переполненный бумажникъ и послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ вынулъ оттуда сложенный вчетверо, кругомъ исписанный листокъ почтовой бумаги.

— Я съ этимъ письмомъ никогда не разстаюсь! М-да-съ!.. „Дорогой отецъ... Я вполнѣ понимаю Володю." Это не то! А вотъ отсюда: „Помнишь, какъ часто я жаловался тебѣ, что, глядя на весь міръ, стараясь представить передъ глазами населеніе всего земного шара, я совершенно не вижу себя, меня нѣтъ. Вѣрнѣе, я для всей этой огромной массы отсутствую, абсолютно безразличенъ, абсолютно ненуженъ. И когда исчезнетъ моя физическая оболочка, рѣшительно никто этого не замѣтитъ,—было пустое мѣсто и осталось пустое. Ты утѣшалъ меня тѣмъ, что каждый, за чрезвычайно ничтожнымъ исключеніемъ, можетъ то же самое сказать про себя. Право же, отецъ, это было весьма слабое утѣшеніе. И я, признаться, сталъ доходить уже до чертиковъ. Да на мое счастье началась война. Всего, что я пережилъ за послѣдніе восемь мѣсяцевъ, не передать. Одно могу сказать,—война опредѣлила меня. Она показала мнѣ самого себя..." Нужно вамъ замѣтить, — поднялъ голову полковникъ, — что объ этомъ онъ написалъ мнѣ первый разъ. Первый и послѣдній. И точно чувствовалъ, что больше не придется писать или говорить объ этомъ... „Теперь ты можешь наконецъ успокоиться. Я знаю, тебя вѣдь мучила моя неудовлетворенность жизнью. Теперь я удовлетворенъ. Я сознаю, что и я былъ нуженъ для чего-то, что я не прошелъ безслѣдно. Теперь, отецъ, и умереть не страшно. А раньше, признаюсь, боялся смерти. На всякій случай, прощай еще разъ. Спасибо тебѣ за отцовскую любовь и за товарищескую дружбу..." Точно чувствовалъ! Точно чувствовалъ!—задумчиво повторилъ полковникъ, складывая бумажку и пряча обратно въ карманъ бумажникъ. — Да-съ! И осталось у меня, значитъ, сейчасъ всего два сына. И даже не два, а полтора, потому что младшему пять дней тому назадъ ампутировали ногу.

Старикъ сдѣлалъ нѣсколько энергичныхъ глотковъ чаю, досталъ портсигаръ и закурилъ.

— Очень тяжела должна быть такая потеря?—полуспрашиваю.

Полковникъ сразу оживился.

— Больно! Конечно, больно! Вѣдь мои же родныя дѣти. Кромѣ нихъ, у меня никого не было, жена померла уже шестнадцатый годъ. Больно, но не тяжело! Сейчасъ у насъ много говорится о долгѣ передъ родиной, о томъ, что сражаться за нее и умереть—счастье. Много говорится красивыхъ словъ. Я красно говорить не умѣю. Одно могу сказать,—и это вѣрно, какъ вѣрю я въ Господа Бога нашего,—жалѣю, всѣмъ сердцемъ жалѣю я, что было у меня всего пять сыновей, а не десять. И, если бы изъ десятерыхъ одинъ только остался въ живыхъ, было бы больно, но не тяжело!

— Лошади готовы, ваше высокоблагородіе! — выростаетъ въ дверяхъ фигура солдата.

Я прощаюсь съ полковникомъ и жму его славную старческую руку крѣпче, чѣмъ принято.

Русинки.

Волченокъ.

Разсказъ **Н. Роминскаго.**

Хотя кончался сентябрь, но было еще тепло. Солнышко грѣло съ самаго утра, но отъ вчерашняго дождя осталась сырость, и въ окопахъ была густая застывающая грязь,—вязкая глина, перемѣшанная съ черноземомъ. Она облѣпливала подошвы, ноги тяжелѣли, и сапоги казались огромными.

Уже съ ранняго утра германцы открыли оживленную стрѣльбу по нашимъ окопамъ. Они громили ихъ и мѣста, гдѣ они предполагали наши резервы, легкой и тяжелой артиллеріей. Это указывало, что они сегодня или завтра перейдутъ въ наступленіе. Третьяго-дня мы отодвинули ихъ версты на три назадъ и заняли ихъ окопы, передѣлали для обороны и засѣли въ нихъ. Вчера шла только усиленная артиллерійская пальба, и весь огонь, и ихъ и нашъ, былъ направленъ на непріятельскія батареи. Сегодня они оставили артиллерію въ покоѣ и сосредоточили огонь на пѣхотѣ.

Съ утра летали надъ позиціями ихъ и наши аэропланы: если поднимется одинъ нѣмецкій, то сейчасъ же ему летятъ навстрѣчу два нашихъ. Ихъ задача была, во-первыхъ, прогнать непріятельскій аэропланъ, а во-вторыхъ, разузнать что можно о расположеніи и передвиженіи непріятельскихъ войскъ. Но на помощь своему поднималось два нѣмца, и противъ нашихъ двухъ уже было три летчика. Тогда наши, кончивъ развѣдку, летѣли назадъ, а мы принимали непрошенныхъ гостей пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Когда поднимался учащенный огонь вверхъ и люди вскакивали и кричали: „еропланъ, еропланъ!“—то ротная собака Мурмузъ приходила въ восторгъ и громко и неистово лаяла на аэропланъ, а его товарищъ, болѣе сдержанный и сосредоточенный Жучка, поднималъ голову, косилъ глазами и ворчалъ.

„Еропланы“ сдѣлали однако свое дѣло, и непріятель началъ обстрѣливать наши окопы болѣе мѣтко. Зато наши летчики разыскали ихъ тяжелыя батареи, и наша, тоже тяжелая, артиллерія принялась ихъ обстрѣливать настолько удачно, что черезъ полчаса онѣ замолчали и возобновили огонь лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ и уже съ другого мѣста.

Предположеніе о могущей быть атакѣ подтвердилось, и около одиннадцати часовъ утра непріятельскія цѣпи начали наступать. Ихъ артиллерія, стрѣляя черезъ головы своихъ, развила самый сильный огонь, и мы еще до штурма принуждены были очистить часть нашихъ окоповъ.

Девятая рота еще держалась, но и у нея уже были такія серьезныя потери, что командиръ полка отдалъ приказаніе вывести ее изъ сферы артиллерійскаго огня. Но вдругъ стрѣльба по этому участку прекратилась: штурмующія колонны непріятеля закрыли собою огонь своей артиллеріи.

Уже нѣмцы бѣжали къ нашимъ окопамъ, и ясно были видны ихъ озабоченныя или озлобленныя лица. Когда они были въ пятидесяти шагахъ, Мурмузъ и Жучка первые выскочили изъ окоповъ и яростно лаяли. Люди продолжали стрѣлять, но торопливо и безпокойно, теряя патроны цѣлыми обоймами. Ахметъ, хозяинъ Мурмуза и Жучки, обыкновенно былъ спокойнѣе другихъ,—онъ твердо вѣрилъ въ неизбѣжность судьбы,—но въ минуты штурма тоже терялся и почему-то, продолжая стрѣлять, выкрикивалъ странныя слова, а чаще просто испускалъ какой-то дикій крикъ. Вѣроятно, ему казалось, что это „ура“, но звукъ былъ похожъ скорѣе на какое-то завываніе, въ родѣ „ауууу“.

Дядя Митяй, первый оптимистъ роты, тоже выкрикивалъ, но лишь относящееся къ дѣлу:

— Ага,—кричалъ онъ,—ага! Кишмышъ! Получилъ, проклятый? Получилъ? Кишмышъ! Ага, кишмышъ проклятый!

Потомъ оказалось, что онъ даже не знаетъ, что значитъ кишмышъ, но даже послѣ того какъ ему объяснили, всегда, когда непріятель двигался на штурмъ, повторялъ свое любимое слово.

Евстратъ-воздыхатель стрѣлялъ спокойнѣе всѣхъ, но мрачныя мысли, кажется, не оставляли его и въ эти минуты: его брови были нахмурены и губы крѣпко сжаты. Рядомъ съ нимъ молодой бѣлобрысый солдатъ за каждымъ выстрѣломъ перекладывалъ высунутый изо рта кончикъ языка съ лѣвой стороны на правую и съ правой на лѣвую. Евстратъ иногда во время штурма находилъ время, нагибался къ нему и громко кричалъ, чтобы заглушить шумъ выстрѣловъ:

— Языкъ-то спрячь,—чего нечистаго тѣшишь?

Германцы все ближе и ближе. У большинства выпучены глаза и открыты рты. Человѣческое исчезло съ этихъ лицъ, и бѣжало какое-то дикое стадо. Когда они были въ двадцати шагахъ, мы выскочили, и рукопашная свалка произошла передъ окопомъ.

Все смѣшалось въ общую кучу. Сплошной крикъ и стонъ стоялъ надъ толпой. Масса тѣлъ, русскихъ и нѣмцевъ, двигалась, перемѣщалась, падала и поднималась.

Минутъ черезъ десять перевѣсъ оказался на нашей сторонѣ, и оставшіеся въ живыхъ нѣмцы бросились бѣжать.

Батальонный, держась за лѣвую руку выше локтя, крикнулъ людямъ строиться. Солдаты бѣжали и строились сзади своихъ начальниковъ. Но, чтобы пробраться къ строю, надо было пройти между убитыми и умирающими людьми, своими и непріятелями. Убитыхъ было такъ много, что многіе лежали одинъ на другомъ.

Отъ каждаго взвода было назначено нѣсколько человѣкъ, чтобы отобрать патроны отъ убитыхъ и раненыхъ. Эта операція, производившаяся въ первыхъ бояхъ медленно и крайне неохотно,—солдаты съ боязнью прикасались къ своимъ убитымъ товарищамъ, — теперь, послѣ двухъ мѣсяцевъ войны, дѣлалась быстро и ловко.

Построившись и разобравъ патроны, сейчасъ же двинулись вдогонку за отступающимъ противникомъ.

Раненые были перемѣшаны германцы и русскіе. Щека Евстрата была покрыта кровью, но онъ возился около руки, обвязывая ее какой-то грязной тряпкой, испачканной засыхающей кровью. Дядя Митяй лежалъ на землѣ и часто пытался встать, но всякій разъ, когда пробовалъ опереться на лѣвую руку, падалъ. Окончивъ перевязку своей руки, Евстратъ подошелъ къ нему и настойчиво повторялъ: „дай отведу: да дай же отведу!“—но дядя Митяй его не слушалъ.

Батальонный, сначала бойко маршировавшій со своимъ батальономъ, началъ отставать. Задніе солдаты оборачивались и смотрѣли на него. Когда онъ вдругъ споткнулся и упалъ, два солдата подбѣжали къ нему и помогли подняться. Они хотѣли отвести его на перевязочный пунктъ, но онъ отправилъ ихъ обратно въ строй и потихоньку поплелся самъ. Не доходя шаговъ пятнадцати до дяди Митяя, онъ пошатнулся опять, взмахнулъ въ воздухѣ правой здоровой рукой и упалъ. Падая, онъ задѣлъ молодого безусаго германца, который испуганно открылъ глаза, сдѣлалъ страдальческое лицо и застоналъ. Но сейчасъ же овладѣлъ собою и какъ-то брезгливо, съ большимъ трудомъ передвигаясь, отодвинулся отъ батальоннаго.

Среди раненыхъ движеніе было все сильнѣе: болѣе крѣпкіе поднимались и сами или, помогая другъ другу, шли на перевязочный пунктъ. Вмѣстѣ съ нашими поднимались и нѣмцы: одни изъ нихъ потянулись вслѣдъ за нашими ранеными, на нашъ перевязочный пунктъ, другіе шли и ползли въ противоположную сторону, къ своимъ, забывая, что между ними и своими были теперь наши войска.

Большинство находилось еще подъ вліяніемъ только-что бывшаго столкновенія и дѣйствовало, какъ въ чаду.

Одинъ изъ нашихъ раненыхъ, тотъ самый, что при стрѣльбѣ высовывалъ языкъ, не пускалъ двухъ германцевъ итти назадъ: онъ загородилъ имъ дорогу и слабымъ голосомъ, стараясь однако быть грознымъ, повторялъ:

— Куда? Нечего тамъ, — пожалуйте въ плѣнъ! Куда?

Тѣ, пошатываясь тоже, старались его обойти и, обходя, упирались въ его грудь рукой. Но одинъ изъ нихъ пошатнулся слишкомъ сильно и упалъ, и тогда оба, и русскій и нѣмецъ, по мѣрѣ своихъ силъ, начали его поднимать.

Раненый, лежавшій около батальоннаго, тотъ самый, что брезгливо подвинулся въ сторону, открылъ глаза, — большіе, сѣрые, энергичные глаза, — и началъ смотрѣть на батальоннаго. Ихъ взгляды встрѣтились. Нѣмецъ отвернулъ лицо въ сторону, и его вѣки опять опустились.

Это былъ еще юноша, скорѣе мальчикъ, съ чрезвычайно правильными и красивыми чертами лица. Высокій лобъ, горбатый носъ, выдающійся впередъ подбородокъ, — признакъ сильной воли. Онъ напоминалъ лицомъ Шиллера.

Вдругъ онъ потянулся, схватился за ногу выше колѣна, — его рука безсильно упала, лицо начало блѣднѣть, и онъ, широко, какъ рыба, вытянутая на берегъ, раскрывая ротъ, нѣсколько разъ захватилъ воздухъ, закрылъ глаза и затихъ.

Батальонный тоже закрылъ глаза. Мысли его шевелились, но какъ-то путались и не повиновались ему. То онъ думалъ ясно и отчетливо, потомъ все покрывалось какимъ-то туманомъ, онъ старался вспомнить, о чемъ только-что думалъ, и не могъ. И ему казалось страннымъ, что все это дѣлала рана повыше локтя, такая легкая, что сначала онъ ея не замѣтилъ. Тогда онъ сдѣлалъ энергичное усиліе и открылъ глаза: молодой германецъ, привлекшій его вниманіе, лежалъ въ глубокомъ обморокѣ безъ кровинки въ лицѣ. Можетъ-быть, уже умеръ, какъ тотъ усатый и бородатый человѣкъ съ двумя дорогими кольцами на правой рукѣ, — одно съ брильянтомъ, другое широкое и толстое вѣнчальное, — который еще судорожно двигался, когда онъ падалъ, а теперь лежалъ на спинѣ, раскинувъ руки и широко раскрывъ ротъ.

Батальонный опять ослабѣлъ и закрылъ глаза, и передъ нимъ пошли разные цвѣтные круги. Эти круги заставляли немного кружиться голову, ощущеніе было почти пріятно. Круги двигались все быстрѣе, и наконецъ потянулась какая-то цвѣтная лента, и тогда стало совсѣмъ хорошо...

Когда онъ очнулся, то чувствовалъ себя бодрѣе и сильнѣе. Онъ рѣшительно поднялся и сѣлъ. Молодой германецъ, похожій на Шиллера, вдругъ вздохнулъ, не раскрывая глазъ, но глубоко и сильно. Потомъ поблѣднѣлъ опять и затихъ.

Батальонный оперся на свою здоровую руку и началъ подниматься, но сильная рѣзкая боль пошла по всему тѣлу, и онъ чуть не упалъ, но сжалъ зубы и, преодолѣвая боль, поднялся. Взглянулъ еще разъ на, вѣроятно, уже умершаго нѣмца и потихоньку, насколько позволяла боль, разошедшаяся теперь по всему тѣлу, поплелся на перевязочный пунктъ.

Тѣло его болѣло, но голова была почти свѣжа: онъ вспомнилъ, что постоянно носилъ при себѣ перевязочный матеріалъ, но послѣ ночного боя онъ снялъ пальто и оставилъ его въ обозѣ, а перевязочный матеріалъ былъ въ карманѣ пальто. Если бы не это, онъ могъ бы самъ перевязать свою рану.

Евстратъ догналъ его, взялъ подъ руку и повелъ. Батальонный повернулся и, узнавъ Евстрата, спросилъ:

— Ты раненъ?

— Накакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

Батальонный пріостановился и тихимъ, но строгимъ голосомъ спросилъ:

— Почему же ты остался? Отчего не пошелъ со своей ротой?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, германецъ отхватилъ пальца. Я его ножомъ совсѣмъ обрѣзалъ и перевязалъ, да больно кровянится, нужно, чтобъ докторъ засыпалъ.

Батальонный взглянулъ и увидѣлъ окровавленную тряпку, которую Евстратъ придерживалъ большимъ пальцемъ и мизинцемъ. Онъ посмотрѣлъ на лицо и увидѣлъ широкую кровавую полосу по виску, щекѣ и шеѣ.

— А это еще что?

Тотъ удивился и провелъ рукой по щекѣ:

— Ишь, подлые,—и тутъ поцарапали!

Помолчалъ и прибавилъ:

— Ну и народъ! Нехорошій народъ! Не будетъ имъ царствія небеснаго!

Батальонный посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— А скажи, какъ ты думаешь, кто побѣдитъ,—они или мы?

Евстратъ задумался, и его лобъ покрыли складки. Наконецъ онъ медленно, взвѣшивая каждое слово, сказалъ:

— Мы. Нѣмцу капутъ будетъ.

— А если нѣмцу будетъ капутъ, то мы останемся?

Евстратъ опять задумался. Потомъ признался:

— Останемся: все жъ нашихъ больше.

Помолчалъ и съ увѣренностью добавилъ:

— А нѣмецъ пропадетъ...

Помолчалъ и добавилъ свое любимое:

— Съ голоду попухнутъ.

Санитаровъ встрѣтили по дорогѣ, и докторъ сейчасъ же перевязалъ рану батальоннаго: пуля прострѣлила мякоть руки выше локтя. Рана принадлежала къ числу самыхъ легкихъ и, если не была засорена, должна была зажить въ недѣлю-полторы, а черезъ три-четыре недѣли долженъ былъ остаться только слѣдъ.

Рана Евстрата была хуже, но и у того могла зажить скоро и безъ послѣдствій: слѣдовало только хорошенько почистить рану. Поэтому его послѣ легкой перевязки отправили на перевязочный пунктъ.

Батальонный, ободренный докторомъ, рѣшилъ вернуться назадъ и поплелся за санитарами. Онъ сильно ослабѣлъ, у него дрожали колѣни, но онъ полагалъ, что это скоро пройдетъ. Когда онъ дошелъ до мѣста боя, то докторъ перевязывалъ руку дяди Митяя. У него была рана какъ разъ такого же рода, какъ и у батальоннаго, что дядѣ Митяю доставило огромное удовольствіе.

Но молодого германца не было. Батальонный искалъ его глазами и не находилъ, и ему казалось, что онъ все еще не вполнѣ обладаетъ своимъ умомъ и памятью. Германецъ при немъ умеръ, или былъ очень тяжело раненъ и, слѣдовательно, самъ уйти не могъ, мертвыхъ же еще не убирали. Чтобы удостовѣриться, что ему не грезится, онъ спросилъ дядю Митяя:

— Помнишь того молодого нѣмца, что лежалъ около меня?

— Такъ точно.

— Гдѣ же онъ? Я думалъ, онъ уже умеръ?

Дядя Митяй засмѣялся:

— На трехъ ногахъ, ваше высокоблагородіе, ускакалъ вонъ въ тѣ кусты... Сердитый мальчонка! Я съ нимъ заговорилъ,—куда тамъ, и не смотритъ!

— Какъ онъ могъ? Я думалъ, онъ уже умеръ?

— Такъ точно. И я думалъ. А потомъ поднялъ голову, посмотрѣлъ кругомъ, да какъ запрыгаетъ! Ажно я разсмѣялся, одну ногу тянетъ, а руками, какъ собака, такъ и перебираетъ!

Батальонный пошелъ въ кусты, но тамъ никого не было. Красивый юноша такъ заинтересовалъ его, что, когда санитары кончили перевязывать раненыхъ, онъ просилъ поискать бѣглеца въ кустахъ. Но поиски ихъ тоже ни къ чему не привели.

Батальонный чувствовалъ себя все хуже. Ноги слабѣли, мысли путались, и болѣло все тѣло. Тогда онъ опять поплелся на перевязочный пунктъ.

Лишь темной ночью дотащился до пункта и легъ тамъ на сѣновалѣ на свѣжемъ сѣнѣ. Его лихорадило, и казалось, что молодой германецъ, похожій на Шиллера, тянетъ за конецъ веревки, которая проходила внутри раненой руки, шла черезъ плечо и шею и была привязана къ мозгу головы. И когда германецъ закрывалъ глаза и лицо покрывалось блѣдностью, тогда рука его сжималась и тянула за веревку. Отъ этого болѣла рука около кости, шея, и мозгъ тянулся изъ черепа. Онъ тянулся, и между нимъ и черепной крышкой все увеличивающееся пространство наполнялось тягучей невыносимой болью... Онъ лежалъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на германца, тотъ опять блѣднѣлъ, закрывалъ глаза, рука его судорожно сжималась и тянула за веревку; въ рукѣ, плечѣ и шеѣ начиналась боль, доходила до мозга, и наконецъ въ пустое пространство между отошедшимъ за веревкой мозгомъ и крышкой черепной коробки вливалась прежняя тягучая невыносимая боль. Затѣмъ являлся какой-то туманъ, онъ впадалъ въ забытье и вдругъ опять ясно видѣлъ блѣднѣющаго германца: онъ, блѣднѣя, закрывалъ глаза, рука его сжималась...

Такъ продолжалось всю ночь, и онъ всталъ разбитый и измученный. Когда онъ вошелъ въ операціонную,—ему хотѣлось поговорить съ докторомъ,—первое, что онъ увидѣлъ, былъ молодой германецъ, который ему снился всю ночь. Его губы были блѣдны и крѣпко сжаты. Онъ исподлобья смотрѣлъ на доктора и не давалъ ему приблизиться къ своей ранѣ. Тогда классный фельдшеръ подошелъ и хотѣлъ разстегнуть его брюки, но раненый отстранилъ его, и сдѣлалъ это такъ энергично, съ такимъ гнѣвомъ, что фельдшеръ удивленно остановился, посмотрѣлъ на нѣмца и сплюнулъ:

— Тьфу! Вотъ дуракъ-то!

Докторъ хотѣлъ урезонить раненаго и для этого пустилъ въ ходъ всѣ знанія. До командировки на войну онъ былъ земскимъ врачомъ въ Тульской губерніи, и немногія знанія нѣмецкаго языка, вынесенныя изъ гимназіи, почти совсѣмъ испарились. Твердо стояли въ головѣ только перфектумъ и плюсквамперфектумъ, но были они изъ французской, нѣмецкой или даже латинской грамматики, онъ не могъ вспомнить. И теперь, когда онъ напрягалъ свою память, чтобы успокоить нѣмца, видимо боящагося операціи и не довѣряющаго русскому доктору, въ голову лѣзла всякая чепуха: напримѣръ, промелькнулъ и исчезъ цѣлый отрывокъ дѣтства: они, приготовишки, иногда пробирались въ садъ подъ окно старика-учителя французскаго языка и, нарочно самыми тонкими голосами, начинали въ униссонъ пѣть: „Же ву земъ, же ву задоръ,—за ноги да объ заборъ"; а жена учителя, усатая француженка, быстро выскакивала и басомъ кричала: „Ah, les cochons!"—и они съ хохотомъ убѣгали.

Докторъ былъ уже не молодъ и къ жизни равнодушенъ, но имѣлъ доброе сердце: ему жаль было красиваго юноши съ интеллигентными чертами лица.

— Ты, того, не безпокойся,—мы тебѣ дурного не сдѣлаемъ.

Потомъ онъ вспомнилъ, что vous—французское слово, и вдругъ передъ нимъ стало чуть не настоящее нѣмецкое слово: Ruhe,—спокойствіе, и онъ нѣсколько разъ его повторилъ:

— Ruhe, Ruhe,—понимаете,—Ruhe!

Нѣмецъ понялъ, чуть даже повеселѣлъ, вскинулъ на него свои большіе глаза и видимо ждалъ, что докторъ скажетъ еще. Но знанія подходящихъ словъ на этомъ оборвались, и въ голову лѣзла всякая ерунда: Schnaps, Bier, Wurst... Все это были безусловно нѣмецкія слова, но къ данному случаю совершенно не подходили.

И вотъ въ головѣ промелькнуло настоящее слово: heilen,—исцѣлять. Онъ нагнулся и нѣсколько разъ повторилъ:

— Heilen, heilen... Heilen рану,—понимаете? да?

Нѣмецъ опять немного повеселѣлъ, но при первой же попыткѣ доктора приблизиться къ ранѣ, лицо его приняло прежнее жесткое и упрямое выраженіе.

Докторъ отошелъ шагъ назадъ, погладилъ свою сѣдѣющую бороду и вздохнулъ:

— Охъ, Господи!..

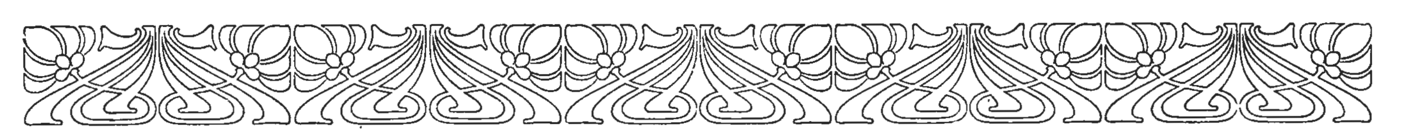
Посмотрѣвъ на батальоннаго, онъ вздохнулъ еще разъ и сказалъ:

— Странный человѣкъ этотъ германскій мальчикъ: не вѣритъ русскому медицинскому искусству, не даетъ себя перевязать. Сначала мы разсердились,—не хочешь, молъ, и не нужно,—и принялись за другихъ, но теперь всѣхъ кончили, къ нему, а онъ топырится, боится, что мы его зарѣжемъ... Такъ вотъ и возимся съ нимъ...

Классный фельдшеръ, маленькій и худенькій, съ жидкой козлиной бородкой, опять обругался:

— Ужъ и дуракъ, дѣйствительно! По-моему, такъ: не хочетъ и не надо! А не то надѣть горячечную рубашку и перевязать силой! А лучше чортъ съ нимъ,—велика потеря: однимъ нѣмцемъ будетъ меньше!

(Окончаніе будетъ).



Нѣмецкій коршунъ надъ польскимъ городомъ. Рисунокъ И. Владимірова.

Переходъ перевязочнаго отряда ближе къ бою.

Бабы вдругъ завыли на дворѣ въ два голоса, и, подражая имъ, испуганная больше испугомъ большихъ, чѣмъ дѣйствительной опасностью, тонко заплакала Агнуська. Старикъ обернулся и едва успѣлъ крикнуть: „въ подвалъ, въ подвалъ скорѣе!"—какъ новый взрывъ громыхнулъ на другой сторонѣ улицы, и тотчасъ же желтое, густое и какъ будто тяжелое пламя поднялось надъ разоренной крышей.

Въ подвалѣ, тѣсномъ и темномъ, гдѣ обычно хранили картошку, всѣ сбились плотной кучкой. Старуха голосила, вспоминая, что не захватила какого-то красненькаго сундучка, въ которомъ добро, дочка сидѣла съ помертвѣвшимъ лицомъ, крѣпко прижимая къ себѣ Агнуську, а ея мужъ метался въ потемкахъ и бормоталъ что-то про праздничную свитку, почему-то понадобившуюся ему теперь.

— Я пойду, тату, добуду ее!..—растерянно бросалъ онъ, ни къ кому не обращаясь.—Ой, свитка моя, ой, горе!..

— Ку-удда?—сурово окрикивалъ его старикъ.—Смерти не видалъ?..

— Ой, свитка моя, новая свитка!..—сокрушался всегда послушный мужикъ, присѣдая отъ каждаго новаго удара тамъ, на улицѣ.—Ой, мое горе!..

Дочка молчала, какъ будто не понимая ничего, но когда мужъ, не обращая вниманія на крики старика, бросился къ выходу, она оттолкнула Агнуську и вцѣпилась въ его рукавъ.

— Брось, Янекъ, брось, тебѣ говорю,—ай, что же я съ нимъ буду дѣлать!—пускай пропала свитка, Богъ съ ними съ деньгами, не ходи, ради матери Божіей, не ходи туда!..

Но онъ не слушалъ, грубо, такъ не похоже на прежнее, всегда мягкое, всегда уступчивое отношеніе свое, отталкивалъ ее, и казалось, онъ тоже потерялъ разумъ отъ воя, треска наверху.

— Х-а-а, деньги!—угрюмо и громко отозвался старикъ.—Такъ тожь не свитка дорога, стало-быть...

— Янекъ, сердце мое, не уходи!..—молила дочка, но мужъ наконецъ оторвался отъ нея и однимъ прыжкомъ выскочилъ наверхъ.

Онъ убѣжалъ, какъ безумный, въ домъ, и старику не видно было уже его, но темное чувство подсказало внезапно, что дѣло такъ не пройдетъ. Онъ уже поднялся, чтобы выглянуть наружу, какъ страшный, какъ будто земля разсѣлась надъ головой, трескъ оттолкнулъ его. И прежде, чѣмъ понять, въ чемъ дѣло, онъ услышалъ безумный, не менѣе страшный крикъ дочери, запрокинувшейся назадъ.

Онъ плохо помнилъ, что было потомъ. Помнилъ, что успѣлъ подхватить дочь, помнилъ, что около него голосила старуха, и тонкимъ отчаяннымъ визгомъ захлебывалась въ слезахъ Агнуська,

Чудо.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

(Окончаніе).

IV.

Обстрѣлъ деревни начался утромъ въ шесть часовъ. Первая шрапнель вдругъ вспыхнула бѣлымъ облачкомъ и лопнула слабымъ, негромкимъ звукомъ. Второе облачко вспыхнуло уже ниже, звукъ былъ громче—и, какъ градъ по желѣзной крышѣ, по сухой землѣ защелкали пули. Еще черезъ минуту гдѣ-то въ невинной голубизнѣ неба съ торопливымъ желѣзнымъ стономъ пронесся тяжелый снарядъ, и тотчасъ же, какъ казалось, совершенно беззвучно, на краю деревни, гдѣ стоялъ домъ солтыса, взметнулся черный столбъ дыма, и вокругъ него страннымъ вѣнкомъ взлетѣли камни, куски земли, вырванная съ корнемъ трава. И черезъ двѣ секунды глухой, какъ будто подземный, ударъ колыхнулъ старыя халупы...

Послѣ этого въ правильной очереди на деревню посыпались снаряды. Три шрапнели, одинъ тяжелый, потомъ опять три шрапнели и тяжелый—и съ каждымъ выстрѣломъ они падали все точнѣе, упорнѣе, какъ живые, нащупывая притаившіяся избы...

Когда старикъ выбѣжалъ изъ воротъ, за два дома отъ него тяжелый снарядъ ударилъ въ крышу и ударъ разрыва плотно стукнулъ въ воздухѣ. Балки, куски соломы, какія-то доски взметнулись кверху, на мгновеніе какъ будто застыли въ воздухѣ и посыпались внизъ, съ грохотомъ разворачивая бревенчатыя стѣны.

Старикъ не ожидалъ этого—онъ какъ будто оторопѣлъ даже немного и съ изумленіемъ слѣдилъ, какъ по улицѣ безпорядочно и суетливо бѣгали нѣмецкіе солдаты, тяжелая фура, запряженная четверкой лошадей, вскачь уносилась, подымая тучи пыли, а за нею, такъ же вскачь, прыгая по колеямъ, катилась телѣга, запряженная его собственной лошадью, за которую онъ вчера получилъ расписку отъ лейтенанта.

Плотный широкоплечій солдатъ, сидѣвшій на передкѣ телѣги, нещадно нахлестывалъ лошадь и, не глядя на дорогу, кричалъ что-то бѣгущему рядомъ фельдфебелю, похожему на сушеную рыбу.

Они только-что миновали околицу, гдѣ стоялъ высокій крестъ съ потемнѣвшимъ мѣднымъ Распятіемъ, какъ новый ударъ потрясъ землю, и старику показалось, что въ черномъ дыму исчезли и лошадь, и солдаты, и телѣга...

Походная кузница. По фот. С. Корсакова.

Захваченный германскій автомобиль

ему можно уважить, и не надо неправды на душѣ имѣть, вѣдь правда, Янекъ, мой любимый Янекъ, мужъ мой!..

Она говорила, все крѣпче и крѣпче сжимая руку отца, разговаривала съ тѣмъ, кого уже не было въ живыхъ, и оттого, что въ темнотѣ звучалъ охрипшій отъ жара, незнакомый голосъ, все, что случилось за послѣднее время: грабежъ, побои, этотъ темный подвалъ, подавляющій грохотъ разрывовъ надъ головою, все казалось тяжелымъ, мучительнымъ сномъ, отъ котораго хотѣлось поскорѣе проснуться...

V.

Боже мой, что увидѣлъ старикъ, когда вылѣзъ вонъ изъ подвала и обстрѣлъ стихъ! Какое разрушеніе!..

Половины деревни не было совсѣмъ. Изъ пятнадцати дворовъ осталось едва ли шесть— и то въ какомъ видѣ!.. Обвалившіяся крыши, разсѣвшіяся стѣны, голыя печи съ прямыми трубами среди груды обуглившихся бревенъ и балокъ.

Его домъ уцѣлѣлъ, но что осталось отъ двора?..—Конюшня и сарай были разрушены и скомканы, словно здѣсь прошелъ какой-то невѣдомый великанъ и, шутя, смахнулъ рукою постройки. По самой серединѣ двора виднѣлась яма, глубокая, правильно обрѣзанная, какъ будто нарочно аккуратно вырытая.

Старикъ долго стоялъ передъ нею, глядя въ узкое дно ея, и думалъ. Разрушеніе, пожаръ, все это почему-то не такъ удивляло его, какъ эта яма: своей чистой, аккуратной внѣшностью она невольно привлекала взоръ, и трудно было думать о томъ, что сдѣлалъ ее снарядъ, несущій съ собою смерть и разрушеніе. Какъ правильному хозяину, старику даже нравилась эта яма,- такъ чисто она была сдѣлана, и, качая головой, смотрѣлъ онъ на правильный скосъ краевъ, почти любуясь отдѣлкой.

И вдругъ, безсознательно оглянувшись, онъ замѣтилъ нѣчто странное. Невдали отъ ямы, шагахъ въ пяти-шести, лежалъ непонятный предметъ. Вначалѣ старикъ думалъ, что это выброшено изъ избы напротивъ, куда попалъ снарядъ и выкинулъ наружу многія вещи. Онъ подошелъ ближе, наклонился и долго смотрѣлъ, чувствуя, какъ въ груди у него холодѣетъ, и колѣни странно ослабли.

Это былъ сапогъ--новый, недавно смазанный саломъ, сапогъ съ крѣпкой толстой подошвой и кованымъ каблукомъ. Онъ лежалъ этой подошвой къ старику, и ясно видны были всѣ гвозди въ ней, крупные, крѣпкіе гвозди, забитые съ тѣмъ расчетомъ, чтобы никакія дороги не содрали бы хозяйственно сдѣланныя подошвы. Старикъ даже узналъ этотъ сапогъ, несомнѣнно, онъ принадлежалъ Янеку, мужу дочки, основательному мужику, удивившему даже его, старика, своей хозяйственностью: оказывается, онъ еще умудрялся копить деньги и зашивалъ ихъ въ новую свитку. Безусловно, это былъ его сапогъ, старикъ отлично узналъ его, онъ часто видѣлъ, какъ Янекъ, снявъ такой сапогъ, подолгу разсматривалъ его, оцѣнивая прочность работы.

помнилъ, что дочь какъ-то сразу стала тяжелой; неудобной, и дотащить ее до мѣшковъ, въ которыхъ былъ картофель, было ужасно трудно...

Потомъ время какъ будто остановилось, не было ни дня ни ночи, не было даже сознанія ихъ, потому что все гремѣло и грохотало наверху, чуть не надъ самой головой, и веселымъ перебѣгающимъ трескомъ гулялъ тамъ разгоравшійся пожаръ.

Дочка поднимала вдругъ голову, изумленно обводила вокругъ сразу запавшими глубокими глазами, потомъ вдругъ вскрикивала и опять падала назадъ, и держать ее было тяжело и неудобно, какъ неживую...

Не было ни воды ни чашки, и никакъ нельзя вспомнить— что надо дѣлать въ такихъ случаяхъ, когда человѣкъ обмираетъ... А Янекъ все не возвращался, должно-быть, его уже не было на свѣтѣ, и Агнуська все такъ же жалобно скулила, какъ выброшенный въ канаву слѣпой щенокъ.

Потомъ стало почему-то совсѣмъ темно, ничего нельзя было разобрать въ темномъ погребѣ, а дочь все не шевелилась, и руки у него замерли отъ усилія удержать ее.

Всю ночь и все слѣдующее утро грохотали вдали орудія, посылая на полуразрушенную деревню, изъ которой пять избъ на краю сгорѣло, снарядъ за снарядомъ. Давно уже ушли всѣ нѣмцы, давно пустынной была странная и новая отъ разрушенія и пожарищъ улица, а орудія вдали все еще вздыхали устало и удовлетворенно, и зловѣщія желѣзныя птицы еще продолжали терзать жалкое, брошенное людьми жилье.

Въ темномъ подвалѣ было душно, въ немъ пахло сыростью и грибами, бѣлыя нити плѣсени висѣли по стѣнамъ, и старику чудилось, что они сидятъ здѣсь уже безконечно долго, что ночь тянется полжизни, и никогда не наступить разсвѣтъ.

Къ утру у дочки поднялся жаръ—она какъ будто опомнилась и заговорила страннымъ, охриплымъ голосомъ:

— Янекъ мой, вотъ видишь, ты и вернулся, не надо было ходить за свиткой, я еще тогда тебѣ говорила—нехорошо утаивать деньги отъ отца и зашивать ихъ! Старикъ умретъ, все намъ оставитъ, никого больше у него нѣтъ, а ты для себя и Агнуськи все... Вотъ ты вернулся, милый, и какъ хорошо, что ты бросилъ эту свитку, не надо ея, Богъ съ ней, пусть мы такъ въ мирѣ и тишинѣ живемъ!..

Она помолчала, шаря чего-то рукою, и старикъ съ чувствомъ, близкимъ ужасу, почувствовалъ, какъ ея сухая горячая рука сжала вдругъ его руку.

— И вотъ видишь, ты все жаловался мнѣ, строгъ-строгъ старикъ, а онъ добрый, онъ только настоящій хозяинъ, онъ не хочетъ, чтобы кто-нибудь не слушался его... Онъ старый человѣкъ,

Передъ развѣдкой.

И въ этомъ сапогѣ, слегка оборванномъ въ голенищѣ, густой запекшейся массой чернѣла кровь.

Старикъ слегка двинулъ его ногою; сапогъ былъ тяжелый. Онъ зашелъ съ той стороны, куда сапогъ былъ повернутъ голенищемъ, и заглянулъ внутрь.

Это было все, что осталось отъ Янека.

Старикъ долго стоялъ надъ сапогомъ. Новое и незнакомое прежде ощущеніе пустоты охватило его. Какъ-то плохо думалось о томъ, что Янека, покорнаго, послушнаго мужа дочкинаго, теперь нѣтъ; и все, что осталось отъ него—была оторванная нога въ новомъ сапогѣ. Какъ и почему это случилось?

Онъ подошелъ къ воротамъ, выглянулъ на улицу, и тутъ новая, вѣющая холодкомъ пустота взглянула ему въ душу. Очень тихо было послѣ непрерывнаго грохота канонады, даже догорающая пунька за дворомъ напротивъ пылала неслышно въ тихомъ воздухѣ.

И ни единаго живого существа не видно было кругомъ.

Старикъ опустилъ голову и медленно побрелъ по улицѣ.

Онъ не былъ испуганъ. Онъ ни о чемъ не жалѣлъ даже, такъ же, какъ не жалѣлъ о томъ, что молодость давно прошла, и что впереди только смерть. Это было изъ той области, о которой онъ даже не думалъ—это проявленіе силы, могучей и непонятной, о которой думай или не думай, а она все равно придетъ и сдѣлаетъ такъ, какъ сдѣлаетъ. Человѣческая воля тутъ ни при чемъ, и ни жалѣть ни думать объ этомъ не стоило.

У него не было даже того, что люди называютъ печалью, горемъ, отчаяніемъ. Глубокое недоумѣніе охватило его, и онъ оглядывался теперь вокругъ, словно видѣлъ все это въ первый разъ. Похоже было, что онъ только-что проснулся и смотритъ на окружающее, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ, какъ и зачѣмъ онъ попалъ сюда?

Онъ шелъ мимо развалившихся домовъ, останавливался на пожарищахъ, подолгу смотрѣлъ на правильныя воронки — слѣды разорвавшихся снарядовъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ нашелъ цѣлый снарядъ, почему-то не разорвавшійся, долго стоялъ надъ непонятной желѣзной штукой и даже потрогалъ ее слегка ногою. Потомъ опять пошелъ, повернулъ въ сторону, еще разъ повернулъ и вдругъ увидѣлъ себя передъ своей избой.

Старуха уже перетащила въ нее дочку и Агнуську и теперь тихо возилась у печки, собирая что-то. Стекла въ избѣ всѣ были выбиты сотрясеніемъ воздуха, и это тоже было странно—стоитъ изба, окна заперты, а все въ ней видно, и нѣтъ ни одного цѣлаго звена...

Дочь бредила, но тише: что-то бормотала про себя, и видно было, что жаръ совсѣмъ истомилъ ее.

„Горячка!..“ — подумалъ старикъ, потомъ вспомнилъ окровавленный сапогъ на дворѣ возлѣ правильной, хозяйственной ямы и дернулъ щекой.

То же недоумѣніе росло и ширилось въ груди, и суровыя сѣрыя отъ сѣдины брови на коричневомъ лицѣ старика подымались все выше и выше.

Онъ подошелъ къ окну, облокотился на него, пошевелилъ бровями и, взглядывая на старуху, негромко произнесъ:

— А знаешь, старая, я хотѣлъ спросить вотъ... Вотъ это самое... Почему такое?..

Онъ искалъ словъ. Но словъ не было. Тогда онъ нахмурился, пожевалъ губами и упрямо продолжалъ, не глядя на заплаканную изумленную старуху, повернувшуюся къ нему:

— Это самое... какъ говорится... Вотъ яма тоже — такъ чисто сработана! И потомъ избы напрочь снесены... Я про то, что спросить хотѣлъ...

Нужныя слова не попадались. Изумленіе все росло, мучительно хотѣлось разрѣшить его, но не было подходящихъ словъ, и это сердило.

VI.

Нѣмцы ушли совсѣмъ, и пусты были приготовленные ими окопы, ненужныя проволочныя загражденія тянулись по всему полю синеватой лентой, тоже пустынныя, безлюдныя. Обстрѣлъ стихъ, перенесся дальше, и теперь только въ чистомъ синемъ небѣ съ лязгомъ и свистомъ проносились снаряды, куда-то далеко, за лѣсъ, за поле, туда, гдѣ, должно-быть, были нѣмцы.

Два дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ старикъ со своей семьей сидѣлъ въ темномъ подвалѣ; двѣ ночи медленно проплыли надъ полуразрушенной деревней, и эти ночи старикъ провелъ, лежа безъ сна на дворѣ, возлѣ развалинъ повѣти, гдѣ стояли обычно плуги и бороны.

Если бы онъ прожилъ еще сто лѣтъ, онъ никогда не забылъ бы этихъ ночей.

Какъ медленно шло время, какъ глухо падали ночные часы въ сумракѣ и молчаніи, окутывавшемъ деревню!..

Гдѣ-то далеко, какъ будто на краю земли, глухими подземными ударами били невидимыя орудія. Бѣлая мгновенная зарница вспыхивала на горизонтѣ, секунду освѣщала темное небо и опять тухла. Потомъ въ другой сторонѣ едва слышно отзывался лопающійся звукъ разрыва.

По временамъ ослѣпительный лучъ прожектора, какъ мечъ таинственнаго архангела, вдругъ вставалъ къ небу, угрожающе двигался, останавливался, перемѣнялъ направленіе, и похоже было, что архангелъ ищетъ этимъ мечомъ грѣшника, котораго надо поразить... И онъ гасъ—и снова тьма и тишина спускались черной мантіей на землю, и, только чутко прислушавшись, можно было уловить дальнюю ружейную трескотню, похожую на торопливый бѣгъ тяжелой телѣги по каменной мостовой. Снова вспыхивало на горизонтѣ, за черными буграми, невиданное: яркая, сверкающая звѣзда ракеты вдругъ взлетала высоко въ небо и стояла въ немъ долго и печально, переливаясь огромнымъ огненнымъ брильянтомъ, такимъ неожиданнымъ, такимъ медлительнымъ и грустнымъ, словно это была угасающая душа одного изъ тѣхъ, кто прощался тамъ съ жизнью, истекая кровью ранъ своихъ...

Старикъ слѣдилъ за темнымъ шагомъ ночи, медленно творящей свое таинственное дѣло, и недоумѣнная тоска грызла старое сердце.

„Господи, Господи, Ты, Владыко силъ нашихъ, и жизни нашей, и каждаго дыханія нашего... Вотъ жилъ бѣдный темный мужикъ и творилъ свое дѣло, которое Ты вложилъ въ руки его и исповѣдывалъ правду Твою, что Ты вложилъ въ сердце его!.. И мыслью и сердцемъ своимъ былъ привязанъ онъ къ дѣлу жизни своей, не мудрствуя, не спрашивая, безъ сомнѣнія, шелъ онъ стезей своей и велъ дни свои прямой бороздой, вѣруя въ то, что творитъ истинное передъ лицомъ Твоимъ!.. И вотъ прилетѣли желѣзныя птицы и растерзали гнѣздо его... И вотъ прикатилась волна страшная и камня на камнѣ не оставила изъ прежняго его... Вотъ пришла злоба людская и взяла опору и надежду его, единственнаго человѣка, способнаго продолжать въ жизни дѣло его... Твоя, Господи, воля, Твое разумѣніе!“

Такъ тихо, такъ таинственно, такъ долго идутъ ночные часы...

На разсвѣтѣ третьяго дня, когда молочная дымка утра вошла въ ночной мракъ и плотнѣе стали очертанія избы, и земля стала холодной и суровой, какой бываетъ только на разсвѣтѣ, старикъ пошелъ въ поле.

Шелъ онъ безъ мысли, даже безъ чувства, все съ тѣмъ же недоумѣніемъ въ душѣ, и такъ миновалъ околицу съ высокимъ крестомъ, одиноко стоявшимъ на стражѣ бывшаго человѣческаго жилья, видѣлъ какія-то колеса и разломанныя щепки, старой хозяйской мыслью оцѣнивъ:

„Добрыя колеса, крѣпко были сдѣланы, и много желѣза въ нихъ, хорошая оковка, а не устояли передъ разрушающей силой, ударившей въ нихъ...“

Трупъ человѣка, раскинувъ привольно руки, лежалъ на дорогѣ, и далеко откатилась маленькая безкозырная фуражка, въ сторону отъ него. Старикъ молча поглядѣлъ въ сѣрое отъ тусклаго разсвѣта затучившагося утра лицо трупа и, уже пройдя дальше, пробормоталъ про себя:

— А такъ же тебѣ, собакѣ германской, и надо, коли такъ!..

Онъ вышелъ на пригорокъ; стало свѣтлѣе, и чувствовалось, гдѣ-то за длинными синеватыми облаками, за низкими тучками, встало солнце.

Безкрайнія пустынныя поля лежали передъ нимъ. Они были знакомы до мелочей, до каждаго камня на темномъ межникѣ; каждое онъ могъ назвать, могъ описать, закрывши глаза — не даромъ пятьдесятъ лѣтъ вертѣлся среди нихъ, кладя силу на тѣ четыре морга, что перешли къ нему отъ отца.

Вотъ поле солтыса, богатое, широкое поле, только запущенное, глупый человѣкъ солтысъ, не исполняетъ завѣта жизни своей, плохо ходитъ за землею! Вотъ стараго Марьяна поле, маленькое, всего въ два съ половиной морга, а обработано такъ, какъ не у всякаго помѣщика увидишь... Вотъ его, Доната Вовчика, поле—святая земля, съ которой онъ сжился и сроднился, какъ съ живымъ существомъ, съ которымъ говорилъ въ часы труда, и подъ знойнымъ солнцемъ, и подъ дождемъ, и осенней благостной порою, и голодной весной, когда хлѣба не хватало и въ избѣ всѣ ждали урожая...

Старикъ зажмурилъ глаза, склонилъ голову набокъ и прислушался.

За уханьемъ далекой стрѣльбы, за всѣмъ тѣмъ, что принесло послѣднее время, привычнымъ ухомъ извѣчнаго землероба онъ уловилъ нѣчто.

Тихими шорохами сѣренькаго утра, смутными шумами пробуждающейся жизни, и звономъ медленно ввинчивающагося въ небо жаворонка, и тонкимъ пискомъ качающагося надъ болотинкой чибиса, и шопотомъ выросшей сильно травы, знакомое, родное, живое, какъ человѣкъ, поле звало. Оно звало робко, неувѣренно, жалуясь и печалясь тѣмъ, что прошло надъ его хозяиномъ, израненное прорѣзавшимъ его окопомъ, оскорбленное синей лентой проволоки, гдѣ должна была пировать смерть на мѣстѣ вѣчной жизни, вѣчнаго возрожденія, оно звало жалобнымъ, тонкимъ голосомъ и стонало чуть слышно...

Уже былъ день свѣтлый, когда старикъ возвращался домой. Онъ шелъ краемъ полей, обходя ихъ одинокимъ дозоромъ, качалъ головой и бормоталъ себѣ въ усы знакомыя старыя слова, къ которымъ привыкъ всей своей жизнью. На дорогѣ въ низкой лощинкѣ онъ наткнулся на обломки телѣги и кровь. Онъ и тутъ постоялъ, потомъ оглянулся, и не дальше какъ въ десяти шагахъ отъ себя увидѣлъ лошадь, свою собственную лошадь, которую отобрали нѣмцы, и за которую онъ получилъ расписку. Она мирно

паслась по краю лощины, щипала траву, изрѣдка поднимая голову и вкусно фыркая. Хомутъ, когда она опускала къ землѣ голову, съѣзжалъ ей на уши, она мотала головой, стараясь освободиться отъ мѣшающей тяжести, но не переставала ѣсть. Оглобля съ обрывками сбруи, длинныя спутанныя веревки вожжей и постромокъ тянулись сзади, толкая ее, но животное уже привыкло къ этимъ толчкамъ и не обращало на нихъ вниманія.

Больше трехъ сутокъ бродило оно такъ, съ обломками и обрывками. Очевидно, разорвавшійся близко снарядъ разнесъ вдребезги телѣгу и сидѣвшихъ въ нихъ и освободилъ лошадь. Сначала она, должно-быть, носилась въ безумномъ ужасѣ по полямъ, била задними ногами, веревки и оглобля стегали ее, и она неслась еще безумнѣе, но потомъ усталость, привычка и тишина успокоили ее. И теперь, съ остатками запряжки, она мирно щипала траву тутъ же, невдалекѣ отъ деревни, въ которой провела всю свою жизнь.

Немного дальше, у ручья, нетерпѣливо бѣгущаго по дну ложбины, стояла вторая уже нѣмецкая лошадь. У этой сохранился еще передокъ телѣги, но одно колесо было сломано, вся запряжка съѣхала набокъ и волочилась ненужными путами.

Съ того момента, какъ старикъ узналъ своего коня, необычайное волненіе охватило его. Ему показалось, что въ первый разъ въ жизни съ нимъ произошло одно изъ тѣхъ чудесъ, которыя бывали только въ жизни святыхъ отцовъ. Старая мать его много лѣтъ тому назадъ разсказывала ему чудесныя исторіи про мучениковъ, вѣрныхъ своей вѣрѣ, про отшельниковъ, изнемогавшихъ отъ голода въ тотъ моментъ, когда имъ птицы приносили пищу, и разсказы эти свидѣтельствовали объ избраніи Богомъ праведниковъ.

Теперь такое чудо случилось съ нимъ. Онъ боялся ему вѣрить, боялся, что вотъ пройдетъ еще секунда, и видѣніе исчезнетъ, и вдругъ почувствовалъ, что горло его сжалось неожиданной спазмой, дышать стало трудно, и, хрипя отъ усилія превозмочь эту слабость, боясь, что вотъ-вотъ должно случиться нѣчто страшное, позорное, чего никогда не должно случаться со старымъ, настоящимъ хозяиномъ, онъ подошелъ къ лошади и дрожащими руками сталъ отпутывать запутавшіяся грязныя веревки вожжей.

VII.

Ночью, когда все кругомъ было темно и Агнуська заснула, а дочка притихла немного, и жаркое дыханіе ея стало какъ будто ровнѣе, старикъ сидѣлъ передъ лавкой, на которой, испуганная внезапнымъ появленіемъ его, приподнялась отъ сна жена его, и говорилъ таинственнымъ шопотомъ:

— И вотъ тогда, въ ту самую минуту, случилось это чудо, старая!.. Иду я, и смутно на моей душѣ, зоветъ земля, и нечѣмъ мнѣ ей отвѣтить... И вижу, какъ въ сказаніяхъ матери моей покойницы, — упокой Боже душу ея въ царствѣ своемъ! — стоитъ наша кобыла и пасется на лугу, какъ будто самъ ангелъ Господень слѣдитъ за нею... Это указаніе, старуха, ты понимаешь?..

Онъ замолчалъ, потомъ отошелъ къ своей кровати, огромной, закрытой пологомъ, на которой онъ самъ родился, на которой родили его жена и дочь, и на которой суждено было умереть,— дѣдовской кровати изъ ясеневаго дерева, блестящаго отъ безчисленныхъ прикосновеній, какъ отъ тщательнѣйшей полировки, и прилегъ. Но спать онъ не могъ, лежалъ, шумно вздыхая и ворочаясь на слежавшейся перинѣ, и все думалъ о томъ, что случилось съ нимъ.

Вставалъ, выходилъ на дворъ, гдѣ возлѣ подвала была привязана лошадь, смотрѣлъ, есть ли у нея трава (сѣно давно все вышло), трепалъ ее по крупу и ждалъ, не могъ дождаться разсвѣта.

Опять осторожно входилъ въ избу, присаживался на минуту къ старухѣ и, качая головой, сокровеннымъ шопотомъ, словно передавая величайшую тайну, повторялъ ей свой немудрый разсказъ, и опять ложился, а сна все не было.

А когда чуть забрезжило, вышелъ на дворъ, туго перепоясалъ свитку, словно отправлялся въ дальнюю трудную и желанную дорогу, вытащилъ изъ сѣней плугъ, справленный съ вечера, и подсошникъ, на которомъ, какъ на салазкахъ, возилъ плугъ до пашни, и сталъ хомутать кобылу.

Та поняла, въ чемъ дѣло, и покорно подставляла привычную голову, дожевывая вялую пахучую травину, потомъ вздохнула и покосилась большимъ темнымъ глазомъ на хозяина.

Не годилось серьезному крестьянину веселиться, какъ мальчишкѣ, но надо было употребить большое усиліе надъ собою, чтобъ не прижать этой знакомой лошадиной головы къ себѣ и не засмѣяться или, можетъ-быть, заплакать отъ того, что переполняло душу...

Еще солнце не встало, а старикъ былъ уже на своемъ полѣ. Снявъ плугъ съ подсошника, онъ поставилъ его, и одно прикосновеніе къ ручкамъ его отдалось въ сердцѣ сладостнымъ волненіемъ. Обернувшись къ востоку, гдѣ надъ синей, еще по-ночному сумрачной тучкой, протянувшейся вдоль горизонта, уже пылало зарево восхода, старикъ снялъ шапку и, поправивъ поясъ, сталъ медленно креститься. Потомъ по обычаю сталъ на колѣни, сложилъ руку кулакомъ и три раза ударилъ себя въ грудь. За всѣ сомнѣнія, за ропотъ, за смутныя мысли приносилъ онъ здѣсь передъ лицомъ земли свое покаяніе. Но такъ была велика радость, такъ ясно было все теперь въ душѣ, такой прямой и твердой лежала передъ нимъ знакомая привычная дорога, что невозможно было сдержать этой радости, и на суровомъ коричневомъ лицѣ, еще не потерявшемъ слѣдовъ побоевъ, разливаясь мягкими складками, засвѣтилась улыбка.

— Прости мнѣ, Господи, радость мою! - бормоталъ старикъ, поднимаясь съ колѣнъ и беря вожжи. Такъ положено мнѣ, чтобы служить трудомъ своимъ землѣ Твоей!

Онъ тронулъ лошадь, та привычнымъ движеніемъ выгнула хребетъ, и ребра четко намѣтились подъ бурой шерстью, низко опустила голову и тронулась. Лезвіе плуга съ легкимъ трескомъ разрываемыхъ кореньевъ сочно врѣзалось въ землю, качнулось въ сторону, но твердая рука удержала его, пріостановилось на мгновеніе, снова тронулось, и пошло вѣчной своей дорогой, оставляя за собой черную глубокую борозду...

Большой черный грачъ съ бѣлинами у носа неожиданнымъ мягкимъ кругомъ опустился сзади, посмотрѣлъ направо, потомъ налѣво, гордо и самоувѣренно повелъ большой головой и вдругъ рѣзко клюнулъ въ черную землю.

Гдѣ-то далеко, въ сторонѣ нѣмцевъ, ухнуло орудіе. Звукъ донесся глухимъ и смягченнымъ въ утреннемъ воздухѣ, какъ будто кто-то большой и смертельно усталый, проснувшись, вздохнулъ тяжело, передъ тѣмъ какъ приняться за тяжелое, надоѣвшее дѣло.

Двѣ конныхъ фигуры съ длинными пиками за плечами появились на дальней дорогѣ и остановились выжидательно. И, какъ бы отвѣчая ихъ появленію, въ небѣ, уже серебряномъ отъ утренняго солнца, вырвавшагося изъ-за присѣвшей тучи, свѣжемъ, омытомъ ночною росою, надъ тѣмъ полемъ, гдѣ, согнувшись надъ плугомъ, шелъ неторопливой стопою старикъ, изъ ничего вспыхнуло розовато-бѣлое, какъ лепестки яблоноваго цвѣта, облачко и повисло неподвижно въ воздухѣ.

Старикъ мелькомъ взглянулъ на него и поправилъ вожжу. Это до него уже не касалось. Тамъ, за голубой стѣной лѣса, могло происходить все, что угодно. Могли грохотать пушки, трещать ружейные выстрѣлы, въ пьяномъ танцѣ могла кружиться смерть, все это было временное, ничтожное, такое мелкое, что на него не стоило обращать вниманія. Люди могли убивать другъ друга, могли разрушать деревни, города, посылать вихри огня и желѣза, — вѣчное, непреходящее, утверждающее ту самую жизнь, которую пытались разрушить бѣлыя облачка, неожиданно вспыхивающія изъ ничего въ голубомъ небѣ, было въ рукахъ старика. Онъ чувствовалъ это смутно, темно и непреложно, какъ чувствовалъ солнце, тепло, жизнь, и шелъ неторопливо, важно, какъ жрецъ, свершающій вѣчно торжественное богослуженіе.

Два казака, очевидно, посланные въ разъѣздъ туда, откуда были выбиты артиллеріей нѣмцы, притрусили на небольшихъ рыжихъ лошадяхъ къ старику и остановились въ отдаленіи. Попрежнему въ небѣ тамъ и здѣсь нечасто и размѣренно вспыхивали плотные клочки шрапнели, и казаки косились на нихъ и на старика.

Одинъ изъ нихъ наконецъ толкнулъ лошадь и подъѣхалъ ближе.

Онъ задалъ старику два-три вопроса объ уходѣ нѣмцевъ, помолчалъ и, задумчиво похлопывая нагайкой по лукѣ, спросилъ:

— А какъ же ты? Вѣдь стрѣляютъ...

Сотня героевъ.

Вся сотня казаковъ-оренбуржцевъ удостоена воинскихъ отличій: 92 казака награждены Георгіевскими крестами, а остальные 48 казаковъ Георгіевскими медалями.

Прибытіе раненаго.

Старикъ остановилъ лошадь и отеръ потъ со лба. Становилось жарко, и онъ давно уже скинулъ свитку и пахалъ въ бѣлой, длинной до колѣнъ, рубахѣ.

— Стрѣляютъ! согласился онъ.

— Такъ вѣдь убить могутъ?.. — резонно замѣтилъ казакъ.

Старикъ молчалъ. Ему хотѣлось разсказать все то, что онъ пережилъ за это время. И сомнѣнія, и неожиданное чудо, и смерть мужа дочкинаго, и все, что прошло надъ нимъ бурной, крушащей волной. Но все это было такъ сложно, случилось все это такъ давно, похоже было, — десять, двадцать лѣтъ тому назадъ, и все это было такъ ничтожно по сравненію съ той вѣчной правдой, которой онъ служилъ всю свою долгую жизнь, что словъ у него не хватило. Онъ поднялъ голову, оглянулъ лошадь, плугъ, уходящее внизъ поле, перерѣзанное на краю окопомъ, полуразрушенную деревню вдали и нахмурился.

Ничего не понималъ этотъ чудной человѣкъ съ длинной пикой за плечомъ, и ничего нельзя было ему объяснить. И, чтобы хоть отчасти пробудить въ немъ то же, что переполняло его самого, онъ неторопливо и вѣско, какъ непреодолимый аргументъ, сказалъ:

А какъ же земля? Развѣ жъ ее можно бросить?!.

Казакъ посмотрѣлъ на него, похлопалъ нагайкой и повернулъ въ сторону.

Старикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, усмѣхнулся и опять взялся за ручки плуга.

Солнце поднималось все выше, прямѣе и горячѣе становились его лучи; гдѣ-то пушки уже оживленно говорили своими ненасытными стальными жерлами, посылая смертоносныя облачка на широкое поле, гдѣ предполагались русскія войска, а старикъ все той же твердой, увѣренной и неторопливой походкой велъ борозду за бороздой, и ему казалось, что для него щедро свѣтитъ солнце, его радостно встрѣчаетъ утренняя улыбающаяся земля, его манитъ къ себѣ голубовато-золотистая дымка дали...

Игра судьбы.

Очеркъ **А. П. Андреева.**

(Съ рис. на этой стр.).

— Твое имя и фамилія? спросилъ офицеръ-переводчикъ на нѣмецкомъ языкѣ.

- Яковъ Шмидтъ,— послѣдовалъ отвѣтъ плѣннаго.

Изъ какой провинціи? Сколько лѣтъ? Въ какомъ полку служилъ?—продолжается допросъ.

Оказалось, что плѣнному всего 20 лѣтъ, родомъ онъ изъ Рейнской провинціи, призванъ на службу осенью прошлаго года, обучался всего 12 недѣль и назначенъ былъ прямо въ гвардейскій гренадерскій Императора Александра I полкъ, стоящій въ Потсдамѣ. Полкъ этотъ съ начала войны находился во Франціи, но стоялъ въ глубокихъ окопахъ и въ атаку не ходилъ. Поэтому потерь въ немъ почти не было. Теперь же *) ихъ перевезли въ Галицію, и тутъ они уже участвовали въ сраженіяхъ. Весь ли гвардейскій корпусъ перевезенъ сюда или только часть его,—этого онъ не знаетъ. Командиръ ихъ такой-то оберстъ, корпусный командиръ—такой-то генералъ, начальника дивизіи по фамиліи не знаетъ.

Передъ нами стоялъ и давалъ эти отвѣты высокій и довольно худой, хотя и хорошаго тѣлосложенія и питанія, молодой нѣмецъ въ мундирѣ синевато-песочнаго цвѣта съ отложнымъ воротникомъ и съ погонами, на которыхъ стояла красная буква А съ цифрой I.

Лицо у него было полудѣтское, съ сѣрыми небольшими глазами; на верхней губѣ еле пробившіеся усики. На головѣ—каска въ сѣромъ чехлѣ, на ногахъ того же синевато-песочнаго цвѣта узкія брюки и не черненные сапоги съ толстыми подметками и потертыми носками. Говорилъ онъ еще не окрѣпшимъ юношескимъ голосомъ и общимъ испуганнымъ выраженіемъ всего лица производилъ довольно жалкое впечатлѣніе. Въ стойкѣ же его видна была нѣмецкая желѣзная дисциплина: какъ онъ сталъ на мѣстѣ, разставивъ носки на одну четверть и сдвинувъ каблуки, такъ и вросъ въ землю: и когда ушелъ черезъ полчаса по окончаніи допроса, то на деревянномъ полу остались четыре точно очерченныхъ слѣда отъ намокшихъ отъ сырой земли каблуковъ и подметокъ. И единственно, что онъ позволялъ себѣ,— это отвести немного руку назадъ, или поднять ее къ лицу.

При дальнѣйшемъ допросѣ онъ высказалъ, что питаются ихъ войска хорошо, хлѣба даютъ на каждаго солдата по фунту въ день (онъ показалъ руками примѣрно четверть длины и два вершка высоты), хлѣбъ сѣрый, но безъ картофеля: даютъ имъ также мясо, кофе, и перемѣны въ питаніи сравнительно съ началомъ кампаніи онъ не замѣтилъ. Патроновъ даютъ много и не препятствуютъ расходу ихъ. Относительно артиллеріи и кавалеріи онъ ничего сказать не могъ, такъ какъ ничего не зналъ о нихъ. Вообще свѣдѣнія, сообщенныя имъ,—повидимому, правдиво,— не дали ничего существеннаго въ боевомъ отношеніи.

— Ну, а что у васъ говорятъ о мирѣ?

У насъ говорятъ, что миръ будетъ черезъ два мѣсяца, и что условія его продиктуетъ Вильгельмъ,—отвѣтилъ онъ съ легкою улыбкою на лицѣ.

— Ну, а о выступленіи Италіи противъ Германіи ты зналъ?

— А развѣ она выступила? — съ недоумѣніемъ переспросилъ онъ.—У насъ объ этомъ никто не говорилъ: а газетъ мы давно уже не читаемъ.

Ну, а о томъ, что у насъ мучатъ вашихъ плѣнныхъ, тебѣ говорили?

— Да, мнѣ говорили объ этомъ,— отвѣтилъ нѣмецъ, и на его глазахъ вдругъ заблестѣли слезы.

— Кто же тебѣ говорилъ это?

— Всѣ говорили: офицеры и унтеръ-офицеры. Они говорили, что у васъ мучатъ и пытаютъ нашихъ плѣнныхъ.

Ну, а тебя мучили и пытали, когда вели сюда?

И вдругъ вмѣсто отвѣта нѣмецъ за-

Германскіе солдаты гвардейскаго гренадерскаго Императора Александра I полка, взятые въ плѣнъ нашими войсками на галиційскомъ фронтѣ.

*) Май 1915 года

Походъ въ Персію. Послѣ боевъ у Дильмана.

— Ну, а какъ скоро миръ будетъ? И кто выиграетъ войну?—спросили его.

— Это неизвѣстно, и у насъ объ этомъ ничего не говорятъ, - отвѣтилъ онъ, видимо не желая сказать правду.

— А о томъ, что мы мучимъ вашихъ плѣнныхъ, что говорятъ въ вашихъ войскахъ?

— Я ничего объ этомъ не слыхалъ,— отвѣтилъ онъ, также явно уклоняясь отъ прямого отвѣта.

А когда ему было указано на очевидное замалчиваніе извѣстныхъ ему вещей, то онъ продолжалъ твердить, что рѣшительно ничего не знаетъ по этимъ вопросамъ.

Наконецъ о кайзерѣ Вильгельмѣ онъ отозвался, что видѣлъ его только въ Берлинѣ, потомъ же не видалъ, хотя и знаетъ, что онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ на западный фронтъ: въ Галицію кайзеръ тоже пріѣзжалъ въ послѣдніе дни и былъ въ Ярославѣ, но онъ самъ императора тутъ не видѣлъ, кронпринца тоже не видѣлъ и ничего о немъ не знаетъ.

— А что это у тебя въ карманѣ?

— Это хлѣбъ, который мнѣ далъ вашъ солдатъ, когда привелъ сюда.

И онъ вынулъ и показалъ кусокъ чернаго хлѣба, о которомъ тутъ же выразился, что хлѣбъ хорошій, но только кислый.

По окончаніи допроса и этого нѣмца

плакалъ, какъ маленькій ребенокъ, и по щекамъ его покатились крупныя слезы.

— Успокойся, у насъ съ плѣнными обращаются хорошо, не мучатъ ихъ и не пытаютъ. Тебя кормили сегодня?

— Да, мнѣ дали хлѣба.

— Дадутъ еще потомъ и пообѣдать. И вообще будутъ кормить, какъ у насъ питаются всѣ наши солдаты. Можешь теперь итти.

Нѣмецъ повернулся направо и, твердо печатая подошвами по полу, зашагалъ къ выходу изъ комнаты.

И когда онъ вышелъ, присутствовавшіе наши офицеры, вмѣстѣ съ переводчикомъ, выразили даже сожалѣніе объ этомъ напуганномъ юношѣ, очевидно, ожидавшемъ послѣ вопроса о мученіяхъ немедленнаго приведенія ихъ въ дѣйствіе.

А на смѣну первому нѣмцу появился второй нѣмецъ того же двадцатилѣтняго возраста, того же полка, но изъ провинціи Бранденбургъ. Этотъ былъ уже не только грамотный, но даже съ гимназическимъ образованіемъ; готовился онъ и къ университету, но вспыхнула война, и онъ спустя нѣкоторое время былъ взятъ на военную службу. Курсъ обученія длился только восемь недѣль, и онъ попалъ въ пулеметную команду. О полкѣ своемъ онъ сказалъ то же самое, что и первый, назвавъ мѣстонахожденіе его во Франціи — Пюсьэ. Дальнѣйшіе его отвѣты были довольны уклончивые и большею частью сводились къ заявленію, что онъ ничего не знаетъ по данному вопросу. Видно однако было, что онъ кое о чемъ и умалчиваетъ. Нѣтъ сомнѣнія, нѣмцы не преминули бы такого нашего плѣннаго подвергнуть истязаніямъ, съ цѣлью добиться нужныхъ имъ отвѣтовъ, какъ они дѣлали съ Макухой, Водянымъ и другими. Но когда ему былъ поставленъ вопросъ, извѣстно ли нѣмцамъ, какъ ихъ офицеры пытаютъ нашихъ плѣнныхъ, съ цѣлью добиться нужныхъ имъ отвѣтовъ, онъ категорически отвергъ самую возможность такого обращенія.

Выправка и этого плѣннаго была такая же хорошая, какъ и перваго, и онъ такъ же вросъ въ землю при остановкѣ передъ нами. О пищѣ тоже говорилъ, что она такая же, какъ и полгода назадъ, хлѣба даютъ фунтъ: недостатка въ патронахъ и снарядахъ нѣтъ. Все это симптоматично въ виду разныхъ подсчетовъ и соображеній о недостаткѣ въ Германіи и пищевыхъ и огнестрѣльныхъ припасовъ, — конечно, если все это было правдию.

отослали, при чемъ послѣ него остались на полу тѣ же точные отпечатки мокрыхъ каблуковъ и подошвъ.

— Вотъ игра судьбы, - сказалъ кто-то: — противъ насъ стоитъ нѣмецкій полкъ, носящій вензеля нашего же Императора Александра I! И вензеля эти не сняты съ него до сихъ поръ.

— Но какъ же ихъ можно снять, когда именно Александръ I и спасъ Пруссію, раздавленную Наполеономъ?

— Да это, конечно, такъ.

А тѣмъ временемъ обоихъ плѣнныхъ нѣмцевъ повели въ сосѣднюю комнату, гдѣ помѣщались писаря. И тамъ имъ дали нашихъ русскихъ щей и каши. И надо было видѣть, съ какимъ аппетитомъ уписывали они оба эти исконные русскія блюда, доказывая воочію, что не все то, „что русскому здорово, нѣмцу-смерть"...

Походъ въ Персію. Обозъ коннаго отряда.

Война въ Прибалтійскомъ краѣ.

Очерки военнаго корреспондента. **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

III.

Итакъ, я гость четвертаго эскадрона. Не только гость, а нѣчто большее: я сразу почувствовалъ себя частицею этой стройной колонны всадниковъ, красиво и гармонично умѣющихъ развернуться въ какое угодно построеніе, идущихъ любымъ аллюромъ, начиная съ медленнаго шага на походномъ маршѣ и кончая безумнымъ карьеромъ въ моменты преслѣдованья и атаки.

Что-то дисциплинирующее, невольно, съ какой-то гипнотической силой подчиняющее таится въ войсковой части для близко подошедшаго къ ней „вольнаго" человѣка.

Издали чувствуешь кавалерійскую стоянку. То и дѣло встрѣчаются конные дозоры. На перекресткѣ дорогъ, у корчмы, выставленъ „маякъ" изъ нѣсколькихъ гусаръ. Къ стѣнѣ прислонены длинныя желѣзныя пики. Солдаты съ винтовками за спиною ведутъ на водопой лошадей. И звонко слышенъ русскій говоръ въ этомъ нѣмецко-латышскомъ краѣ.

Все ближе и ближе бурлящій шумъ водяной мельницы. И косые, розоватые лучи солнца теплымъ расплавленнымъ золотомъ сверкаютъ въ зеркалѣ, отражающемъ прибрежныя ивы, запруды.

Это уже самый настоящій театръ войны. На этихъ самыхъ дорогахъ сталкиваются ночью наши и германскіе дозоры, устраиваются засады, и результаты всѣхъ этихъ ночныхъ схватокъ я видѣлъ получасомъ позже на мызѣ Гуденекенъ.

Окровавленныя сѣдла, прострѣленныя каски гвардейскихъ кирасиръ, тяжелые сапоги со звѣздчатыми шпорами, патронныя сумки, карабины,— вотъ ежедневные, вѣрнѣе, еженощные трофеи нашихъ гусаръ.

Первый этапъ моей поѣздки — живописно разметавшаяся на склонѣ холма, такъ декоративно обрамленная деревьями мыза со старымъ господскимъ домомъ. Жизнью такъ и кипитъ весь дворъ. Тамъ и сямъ походныя кухни, двуколки, телѣги обоза. Мелькаютъ фигуры солдатъ. Пахнетъ лошадьми, то дремлющими съ опущенной головой, то косящими свои пугливые бѣлки, то ведомыми черезъ весь дворъ въ поводу. И тутъ же, среди всей этой военно-лагерной обстановки съ мундирами, погонами, шашками, штатскія фигуры латышей. Влекомые острымъ любопытствомъ, явились они изъ дальнихъ мызъ и хуторовъ поглядѣть на русскихъ солдатъ.

На русскихъ солдатъ...

Первое впечатлѣніе, — какъ будто всѣ они на одно лицо. Но такъ лишь вначалѣ кажется. А когда приглядитесь поближе, - какое различье внѣшности, характеровъ, типовъ! И, что ни человѣкъ, то своя собственная, зачастую выпуклая и яркая біографія. Все это обстрѣленный и „обкуренный" порохомъ, — возьмемъ это минувшее словечко, — народъ. Эти георгіевскіе кавалеры побывали уже въ Восточной Пруссіи, подкатываясь чуть ли не къ самому Кёнигсбергу, вынесли весь кровавый ужасъ Праснышскихъ боевъ, и вотъ сюда теперь перебросили ихъ, въ Прибалтику, гдѣ такъ успѣшно истребляютъ они германскіе дозоры и заставы, лихостью своихъ губительныхъ наскоковъ всякій лишній разъ подчеркивая громадныя преимущества нашей конницы надъ непріятельской.

Я не записываюсь въ исторіографы четвертаго эскадрона, однако считаю долгомъ своимъ дать нашимъ читателямъ нѣсколько бѣгло зарисованныхъ солдатскихъ портретовъ. Слишкомъ они колоритны и такъ и просятся подъ перо.

Вотъ хотя бы унтеръ-офицеръ Шаталовъ. Въ полку онъ занимался скульптурою. Чистѣйшій самородокъ. Нигдѣ и никогда ни у кого не учившійся. Но его фигурки, его солдатскіе жанрики, слѣпленные изъ глины, отличались движеніемъ, и это была настоящая жизнь. Уйдя въ запасъ, Шаталовъ использовалъ практически способности свои. У одного изъ извѣстнѣйшихъ въ столицѣ архитекторовъ работалъ онъ лѣпщикомъ орнаментовъ для декоративнаго убранства, какъ внѣшняго такъ и внутренняго, домовъ и построекъ.

Съ войною Шаталовъ былъ призванъ въ свой гусарскій полкъ. Въ Восточной Пруссіи, за взрывъ подъ непріятельскимъ огнемъ наблюдательной германской вышки, онъ получилъ Георгіевскій крестъ. Сидя въ окопахъ, — почти вся наша кавалерія пересидѣла въ окопахъ, — Шаталовъ въ полутысячѣ шаговъ отъ прусскихъ линій, пользуясь рѣчной глиной, вѣрнѣе, грязью пополамъ съ пескомъ, лѣпилъ цѣлыя фигуры въ человѣческій ростъ. Это были карикатуры на нѣмецкихъ солдатъ, и пруссаки, узнавая ихъ въ бинокль, разстрѣливали эту „скульптуру окоповъ".

Шаталовъ строенъ, щеголевато одѣтъ въ собственную, не казенную форму. Онъ красивъ южной красотою, и какая-то мечтательная мягкость въ его темно-карихъ глазахъ, — глазахъ, это сразу чувствуется, художника.

Въ оттѣняющій контрастъ мечтательному, рвущемуся куда-то скульптору, является унтеръ-офицеръ, тоже съ Георгіемъ, — Кировъ. Онъ высокъ, несуразенъ, этотъ сумрачный съ виду блондинъ. Онъ весь всегда въ хозяйственныхъ заботахъ. Это кормилецъ и поилецъ эскадрона. Хлопоты о закупкѣ мяса, фуража и остального сложнаго продовольствія — все это лежитъ на Кировѣ. Тысячи рублей проходятъ черезъ его громадныя, мозолистыя, честныя руки. Онъ завѣдуетъ двуколкою съ подрывнымъ матеріаломъ и считается однимъ изъ лучшихъ конно-саперовъ бригады. День денской Кировъ отпускаетъ мясо, оплачиваетъ всевозможные счета, ходитъ не воинственный такой, распоясанный. Ночью же, передъ опасной развѣдкой, передъ тѣмъ, какъ ѣхать на взрывъ желѣзной дороги въ тылу у нѣмцевъ, Кировъ преображается. Это уже солдатъ, воинъ! И крѣпко сидитъ на лошади, въ туго подпоясанной шинели и съ винтовкою за плечами. И во всѣхъ своихъ головоломныхъ, кровавыхъ приключеніяхъ, на самыхъ жуткихъ развѣдкахъ, онъ такъ же спокоенъ, какъ и въ минуты своихъ обстоятельныхъ бесѣдъ съ поставщиками овса и сѣна.

Свой стиль и, какъ говорится, „своя линія" въ фигурѣ вахмистра Карасева. Миніатюрный, упругій и нервный, стальной, весь изъ мускуловъ. Это идеалъ кавалериста. Сидитъ на лошади заглядѣнье! И не мудрено,— во время своего запаса Карасевъ считался однимъ изъ лучшихъ въ Петроградѣ берейторовъ. Командиръ эскадрона считаетъ Карасева, на ряду съ нѣсколькими отборными гусарами эскадрона, однимъ изъ самыхъ отважныхъ, неспособныхъ растеряться въ любую критическую минуту людей.

Старшій вахмистръ въ чинѣ подпрапорщика, Рубцовъ, сильный, монументальный, весь коричневый отъ загара полтавскій хохолъ,— олицетворенное спокойствіе, подъ стать Кирову. Это спокойствіе въ тѣ минуты, когда самые желѣзные люди начинаютъ нервничать, имѣетъ громадное воспитательное значеніе для всего эскадрона.

Вольноопредѣляющійся Куликовскій. По воспитанію правовѣдъ, по симпатіямъ и стремленіямъ — солдатъ. Худощавъ, костистъ, на рѣдкость выносливъ. Съ еще незажившей раной въ ногѣ поспѣшилъ вернуться въ строй. Имѣетъ Георгія и недавно, на моихъ глазахъ, представленъ къ двумъ слѣдующимъ. Юношей въ Балканскую войну ѣздилъ драться съ турками въ болгарско-черногорскихъ рядахъ. И тамъ еще тоже былъ раненъ, хотя неопасно, не такъ, какъ теперь, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, разрывной пулей, приковавшей его на сто съ чѣмъ-то дней къ лазаретной койкѣ.

Типичный русскій сорви-голова—взводный унтеръ-офицеръ Капнинъ. Онъ весь и открытое, моложавое лицо его полны самой безшабашной удали. Взводный не Богъ вѣсть какой образцовый, Капнинъ недостатокъ этотъ выкупаетъ съ лихвою своей бѣшеной, не знающей ни границъ ни мѣры, лихостью. Отчаянный рубака способенъ одинъ-одинешенекъ врѣзаться въ непріятельскій эскадронъ.

IV.

На слѣдующій день утромъ,- все новымъ и новымъ впечатлѣніямъ навстрѣчу, — въ походъ. Изъ штаба нашей бригады отъ командира полка получена была бумага о предстоящемъ „дѣлѣ". Намѣчено взятіе большого имѣнія верстахъ въ двадцати пяти отъ насъ. Въ этомъ имѣніи уже пятнадцатый день квартировали два эскадрона гвардейскихъ кирасиръ съ пятьюдесятью велосипедистами и ротою пѣхотинцевъ. Этотъ маленькій гарнизонъ охранялъ „подступы" къ Либавѣ,- подступы черезъ Газенпотъ и Цирау.

Эскадронъ нашъ, успѣвшій обжиться на мызѣ Гуденекенъ, снялся въ какихъ-нибудь полчаса. Все успѣли сдѣлать. Уложиться, снарядить обозъ, осѣдлать коней. Хозяйственный Кировъ успѣлъ расплатиться съ толстенькимъ управляющимъ за сѣно, овесъ, за мясные продукты, за все, что поставляла эскадрону сосѣдняя усадьба. Управляющій, спрятавъ въ объемистый бумажникъ свой пачку хрустящихъ новенькихъ сторублевокъ, потиралъ отъ удовольствія руки.

Сначала эскадронъ построился во дворѣ плотной, ощетинившейся пиками колонной справа по шести. Потомъ развернулся стройно и плавно въ длинную змѣющуюся по дорогѣ ленту всадниковъ, идущихъ „рядами".

Я получилъ крѣпкую, ходкую, у германцевъ отбитую, вороную лошадь подъ германскимъ строевымъ сѣдломъ. Оно изящнѣе на видъ и болѣе щегольского фасона, чѣмъ наше строевое сѣдло. Но преимущество нашихъ— удобство... Въ нихъ глубже и основательнѣе сидитъ всадникъ.

Идемъ по „уставу". Шагъ смѣняется рысью, и рысь переходитъ въ шагъ. Спѣшить некуда. Встрѣча съ двумя эскадронами полка, артиллеріей и пулеметами обусловлена заранѣе. Въ такомъ-то мѣстѣ, въ такомъ-то часу. Жарко. Паритъ. Эскадронъ движется вмѣстѣ съ облакомъ пыли.

У каждаго свое опредѣленное мѣсто: у всѣхъ, за исключеніемъ только меня: ѣду въ авангардѣ съ офицерами, потомъ равняюсь съ кѣмъ-нибудь изъ солдатъ, успѣвая перекинуться словомъ-другимъ и съ вольноопредѣляющимся Куликовскимъ, и со скульпторомъ Шаталовымъ, и со взводнымъ унтеръ-офицеромъ Золотаревымъ, бѣлокурымъ, безбородымъ и безусымъ, съ вытянутымъ оваломъ лица, напоминающимъ что-то иконописное. Русскій равнинный типъ во всей его чистотѣ.

И всѣ радуются предстоящему дѣлу. Шутки, смѣхъ, острыя

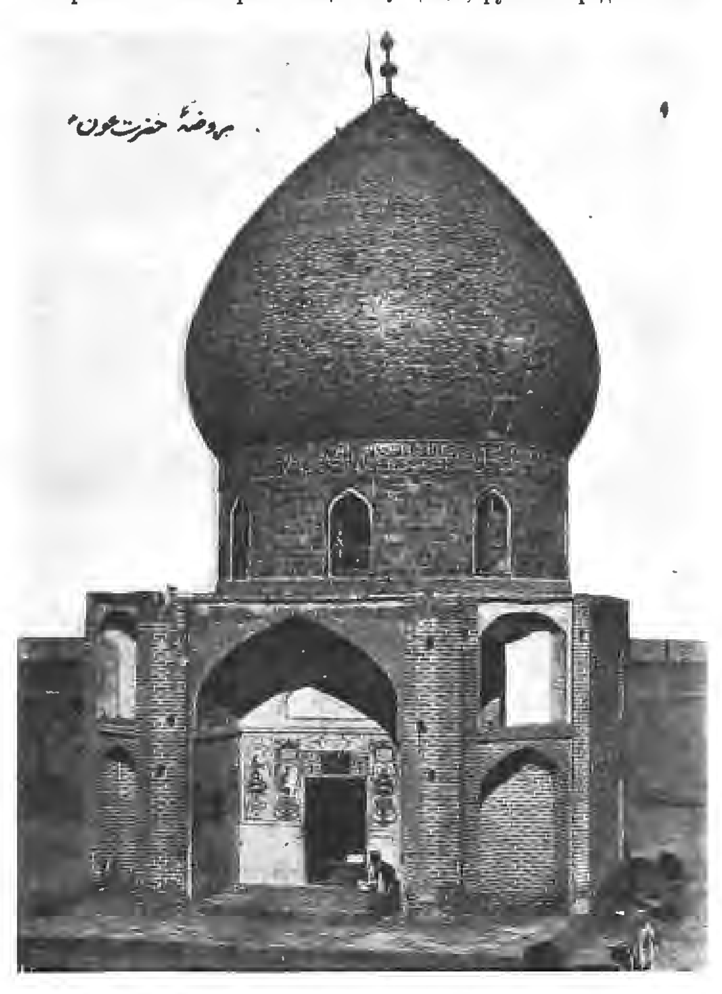
словечки. Ждать внезапнаго нападенія — никто не ждетъ. Приняты мѣры отъ всякихъ „сюрпризовъ". На версту вынесся впередъ головной дозоръ изъ десяти-пятнадцати всадниковъ. Да вправо и влѣво по флангамъ, нащупывая лѣсныя опушки, скачутъ небольшие разъѣзды. Имѣя такіе глаза и уши, эскадронъ можетъ итти спокойно, какъ на маневрахъ. Тѣмъ болѣе, въ конномъ строю нѣмцы никогда не атакуютъ,—за всю войну еще не было примѣра. А если обнаружены будутъ пѣшія засады, всегда есть время самимъ спѣшиться и залечь. Коноводы же отведутъ лошадей куда-нибудь подъ прикрытіе.

Горячимъ зноемъ дышалъ майскій день. Эскадронъ вытянулся колонною на добрую четверть версты. Эскадронъ—въ безъ малаго двѣсти всадниковъ. Колыхались надъ головами переднихъ рядовъ прямыя острыя пики. Я говорилъ уже, эскадронъ или полкъ — какая-то дисциплинирующая, властно подчиняющая себѣ сила. И человѣкъ „съ воли", сегодня тутъ, завтра Богъ знаетъ гдѣ, невольно чувствуетъ себя какой-то единицею этой фаланги всадниковъ, гармоничной и согласной, какъ одно цѣльное живое существо.

Связь между нами и штабомъ бригады все время поддерживалась. Ежеминутно къ Д. подскакивали гусары и драгуны съ письменными и словесными донесеніями. Все время чувствовались густыя сѣти какихъ-то невидимыхъ глазастыхъ щупальцевъ. И эти щупальцы протягивались изъ штаба къ намъ, отъ насъ въ штабъ, захватывая малѣйшія передвиженія непріятеля на флангахъ за тридцать и больше верстъ.

Вотъ и съ полкомъ встрѣча. За нѣсколько верстъ видно было въ бинокль нѣжное прозрачное курево пыли надъ колонною. Все ближе и ближе. Легкое курево превратилось въ густую сѣрую тучу, а два эскадрона съ артиллеріей въ арьергардѣ выросли въ довольно внушительный отрядъ.

Впереди—все знакомыя лица. Вотъ командиръ полка съ молодыми и свѣтлыми глазами, полковникъ П. Рядомъ съ нимъ адъютантъ его, смуглый, татарскаго типа, красивый брюнетъ, ротмистръ Р. На фонѣ этихъ военныхъ всадниковъ странно какъ-то выдѣляется фигура штатскаго кавалериста въ мягкой, широкополой шляпѣ, съ еще издали сіяющимъ крестомъ на груди. Крестъ и сѣро-зеленоватая ряса защитнаго цвѣта, русая бородка... Это



Кербеля. Усыпальница пророка Аарона, оскверненная 4 іюня с. г. турецкими войсками. Города Кербеля и Неджефъ, въ Месопотаміи, на юго-западѣ отъ Багдада, — центръ шіитской религіозной жизни, откуда раздался призывъ къ священной войнѣ мусульманъ съ гяурами (невѣрными). Христіанамъ доступъ въ мечеть абсолютно закрытъ; попытки кончаются убійствомъ.

„Золотая мечеть" въ городѣ Кербеля, въ 100 верстахъ отъ Багдада. Здѣсь сосредоточены колоссальныя богатства. Всѣ персидскіе шахи жертвовали сюда драгоцѣнные подарки. Сюда затрудненъ доступъ не только христіанамъ, но и мусульманамъ-суннитамъ.

священникъ о. Іоаннъ Покровскій. Молодой двадцатишестилѣтній пастырь, продѣлавшій вмѣстѣ съ полкомъ всю тяжелую страду десятимѣсячной войны. И въ Царствѣ Польскомъ и въ Восточной Пруссіи, а теперь здѣсь, на прибрежьѣ Балтійскаго моря. Случалось о. Покровскому и въ окопахъ сидѣть и подъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ исповѣдывать умирающихъ воиновъ. Священникъ по призванію, онъ раньше готовилъ себя къ другой, свѣтской карьерѣ, получивъ инженерное образованіе. И оно пригодилось пастырю однажды, когда спѣшно надо было вырыть нѣсколько линій оборонительныхъ окоповъ. Священникъ самъ руководилъ работами, и получились окопы на диво, вырытые по всѣмъ правиламъ фортификаціоннаго искусства. Это еще крѣпче сблизило священника съ его паствою. И солдаты съ гордостью говорили:

— Батюшка-то нашъ!.. И служитъ такъ,—самый невѣрующій лобъ перекреститъ. И въ нашемъ земляномъ дѣлѣ понимаетъ любому саперу въ самый что ни на есть разъ!..

Мы присоединились къ отряду, и стала еще длиннѣе походная колонна. И незамѣтно, почти на ходу, безъ всякой суеты, спокойно готовился къ бою отрядъ. Въ четырехъ верстахъ невидимое, защищенное зеленью и холмами, лежало въ котловинѣ имѣніе Априкенъ съ засѣвшимъ тамъ нѣмецкимъ гарнизономъ. И вотъ обычный порядокъ. Сначала артиллерійская подготовка, затѣмъ спѣшенныя цѣпи и наконецъ, если надо будетъ,—преслѣдованье въ конномъ строю.

Засуетились телефонисты со своими катушками тончайшей проволоки. Въ современной войнѣ съ ея дистанціями, съ ея бѣшенымъ темпомъ,—безъ телефона ни шагу! И, пока мы двигались тихо впередъ, уже дозоръ, оставшійся у каменной придорожной корчмы, соединенъ былъ со штабомъ, который былъ позади насъ въ пятнадцати верстахъ. Уже проволока чуть замѣтной ниточкой побѣжала впередъ и въ густой травѣ, и по рыхлой пахоти, къ лѣсу, гдѣ намѣченъ былъ штабъ полка, и еще дальше отъ насъ и ближе къ непріятелю, къ гигантской соснѣ, верхушка которой являла собою такой выгодный наблюдательный пунктъ.

Артиллерійскіе офицеры галопомъ бросились черезъ поле выбирать для своихъ двухъ орудій позицію. И вслѣдъ за этимъ обгоняетъ насъ отрядъ пулеметной команды съ двадцатью нижними чинами и двумя офицерами. Въ отличіе отъ германцевъ, пулеметы которыхъ всегда передвигаются на телѣжкахъ, наши пулеметы мы вьючимъ почти всегда на лошадей. И вотъ сверкаютъ они загадочно и страшно, словно маленькія стальныя чудовища, вцѣпившіяся въ спину коней. Вѣсъ пулемета въ общемъ, съ колесиками,—три съ половиною пуда. Вѣсъ средняго всадника, даже менѣе.

Эскадронъ Р. долженъ разсыпаться и наступать спѣшенной цѣпью. Намъ велѣно приготовиться для дѣйствія въ конномъ строю. Ищемъ прикрытія. Вотъ оно, — не найти лучшаго! Опушка густого лѣса, переходящая въ такую сочную, изумрудную поляну. Здѣсь только воздушной развѣдкой можно было бы обнаружить насъ. Поляна легла между лѣсомъ и латышской мызой. Обитатели мызы—старики, женщины, дѣтвора—высыпали намъ навстрѣчу. И всѣ лица, и молодыя, и старыя, и морщинистыя, и розовыя дѣтскія мордочки, — все это полно самаго радушнаго привѣта и радости.

Эскадрону велѣно спѣшиться, быть наготовѣ. Каждый гусаръ держитъ въ поводу своего коня. Уже дѣло къ вечеру, и лѣсъ кидаетъ на траву мягкую прохладную тѣнь.

Ожиданіе. Особенное, какъ всегда передъ началомъ боя, напряженное. А вотъ и „начало“.

Мы видѣли стоявшія у насъ въ тылу въ полуверстѣ два орудія. Простому глазу они казались черными точками. И вотъ эти черныя точки заговорили.

Разъ-разъ, одинъ за другимъ два выстрѣла. Пошло перекликами гдѣ-то далеко. и съ упругимъ визгомъ, непріятнымъ, звенящимъ, пронеслись надъ нашими головами снаряды. А спустя секунду, она казалась длинной-длинной, - послышались разрывы... Это шрапнель.

И когда ужъ началась канонада, присоединилась къ ней сухая, чеканная музыка пулеметовъ. Весь этотъ хаотическій „оркестръ“ увеличился ружейной трескотнею, трескотнею нашихъ и отвѣтныхъ непріятельскихъ винтовокъ. Потомъ узнали мы, что нѣмцы отстрѣливались какъ съ башни зáмка, откуда работалъ ихъ пулеметъ, такъ и съ крышъ хозяйственныхъ построекъ. Къ намъ долетали одинокія пули, щелкая по вѣточкамъ сосенъ и мѣстами осыпая игольчатую листву.

И хотя спозаранку и до самаго вечера никто изъ насъ крошки хлѣба во рту не имѣлъ, однако мы и не вспомнили бы объ этомъ, если бъ не позаботились латыши. Угостили на славу, угостили всѣмъ, что только было у нихъ. И свѣжій хлѣбъ, и душистый медъ, и глыба только-что сбитаго масла, и кругъ швейцарскаго сыра, молоко, чай,—все это было подано тутъ же, на травѣ, на разостланной скатерти. И при видѣ всѣхъ этихъ яствъ проснулся голодъ, и я не запомню, чтобъ ѣлъ когда-нибудь съ такимъ всепоглощающимъ аппетитомъ.

Огонь между тѣмъ разгорался все больше и больше. И сливались въ поединкѣ наши захлебывающіеся пулеметы вмѣстѣ съ нѣмецкими, звукъ которыхъ ясно различался по длительнымъ паузамъ.

Вдругъ весь нашъ безмятежный кейфъ внезапно прервался. И вотъ всѣ всадники въ одинъ ритмъ уже на лошадяхъ.

Нашъ эскадронъ скрытый, невидимый, прорѣзываетъ колонною гущу лѣса. Вотъ новая опушка, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ разступается зеленая стѣна, и на полверсты виденъ ровный лугъ. И тамъ подошла къ нему прямая дорога. Нѣсколько велосипедистовъ мчатся по ней. Видны согнувшіяся въ три погибели, отчаянно работающія ногами, фигуры. И вотъ снизу, откуда-то совсѣмъ близко,—сухой, отчетливый залпъ. Это—гусары Р., залегшіе въ цѣпи. Пять-шесть человѣкъ ихъ облюбовали эту опушку, откуда, въ самомъ дѣлѣ, открывался чудесный обстрѣлъ. И видно было, какъ, налетая другъ на друга, падали вмѣстѣ со своими стальными конями и безъ нихъ, одинокимъ броскомъ пущеннаго по инерціи тѣла,—велосипедисты. И хоть бы одинъ оказался раненый. Всѣ—наповалъ. Нѣсколько труповъ лежало въ канавѣ: кирасиры второго гвардейскаго полка: молодой, рослый, бѣлокурый народъ. Старшему врядъ ли двадцатый годъ пошелъ: что ни солдатъ—крѣпкій, мускулистый спортсменъ, получившій подготовку въ одномъ изъ безчисленныхъ германскихъ ферейновъ и гимнастическихъ обществъ.

И какъ-то странно одеревянѣло торчали ноги въ тяжелыхъ ботфортахъ. А у одного высыпалась изъ кармана сѣрыхъ штановъ засаленная колода картъ...

При дистанціяхъ современнаго боя невозможно услѣдить за подробностями во всей ея сложной-хаотической, однако несомнѣнной стройности. И поэтому, когда мы очутились уже въ безъ малаго верстѣ отъ усадьбы, неожиданно заговорилъ съ черепичной крыши успѣвшій взобраться туда нашъ пулеметъ. Не успѣли нѣмцы очистить Априкенъ, какъ изъ ихъ же собственнаго гнѣзда русскій пулеметъ уже обстрѣливалъ бѣгущую по шоссе колонну. И когда эта колонна свѣжей кавалеріи на свѣжихъ лошадяхъ была въ трехъ-четырехъ верстахъ, если не больше, отъ насъ, тогда только бросился за нею четвертый эскадронъ. Атака въ конномъ строю, это—неудержимый, прямо стихійный порывъ. Здѣсь уже нѣтъ собственной воли. Все подчиняется этой компактной, упругой, выбросившейся впередъ массѣ, гдѣ человѣкъ и лошадь неотдѣлимы, и гдѣ всѣ лошади и всѣ всадники—одна воля, одно искрометное движеніе, котораго не остановишь ничѣмъ. И дрожитъ земля, и гулъ отъ копытъ, и густая туча пыли застилаетъ глаза. Когда эскадронъ вихремъ проносился черезъ деревянный мостъ, звукъ былъ подобенъ раскатамъ грома, или орудійнымъ выстрѣламъ.

Ядро нѣмецкихъ кирасиръ было далеко впереди, но арьергардные всадники, либо замѣшкавшіеся, либо тѣ, у которыхъ кони похуже, пришли въ соприкосновеніе, волей-неволей, съ головной частью нашего эскадрона, уже успѣвшаго развернуться лавою, чтобъ удобнѣе взять „въ обхватъ“ бѣглецовъ.

Гусары, стрѣляя на карьерѣ, спѣшили двухъ-трехъ всадниковъ. Раненые кирасиры-германцы отползали съ шоссе, подъ прикрытіе боковыхъ канавъ, и отстрѣливались.

И здѣсь было нѣсколько велосипедистовъ. Одинъ, свернувъ съ дороги, желая кратчайшимъ путемъ достигнуть лѣса, понесся черезъ лугъ. За нимъ помчался гусаръ. Настигъ у опушки, а черезъ часъ, вернувшись къ сборному пункту возлѣ волости, я видѣлъ этого гусара, медленно, шагомъ, возвращавшагося съ тяжелымъ велосипедомъ-трофеемъ. Самые пылкіе, на болѣе рѣзвыхъ лошадяхъ, зарвались въ преслѣдованіи. Было ихъ нѣсколько человѣкъ. Уже при лунѣ, ночью, ждали мы ихъ возвращенія у волости. Ждали съ тревогою, потому что они могли и не вернуться, наткнувшись на вышедшія изъ Газенпота на выручку своихъ новыя силы германцевъ. Вотъ уже первые плѣнные, одинъ, другой, третій. Длинный вольноопредѣляющійся въ очкахъ, типичный недавній студентъ какого-нибудь гейдельбергскаго или боннскаго университета. Его поймалъ,- не взялъ, а именно поймалъ,—рядовой N. Молодое безусое лицо гусара улыбается. И онъ съ какой-то мягкой, необидной, полупрезрительной нѣжностью поглядываетъ на свою добычу.

— Погнался я за нимъ,- онъ въ лѣсъ. Я ему кричу „альтъ!“— и онъ мнѣ кричитъ „альтъ!..“ Стрѣлять жалко, такъ, думаю, голыми руками споймаю. Ну, и споймалъ! Онъ и про винтовку забылъ и про палашъ. Все спрашивалъ, будутъ его казнить или нѣтъ? Нѣтъ, говорю, не будутъ, успокойся. Тогда онъ спросилъ, далеко ль до Сибири.

Сидя на лошади рядомъ съ X., нѣмецъ-вольноопредѣляющійся сталъ жаловаться на голодъ и жажду. Ему вынесли громадный ломоть хлѣба и кувшинъ молока. Порцію молока въ нѣсколько стакановъ „кирасиръ въ очкахъ“ осушилъ единымъ духомъ.

Въ низенькой комнатѣ волости Д. допрашивалъ первыхъ плѣнныхъ. Эти высокіе молодые кавалеристы въ тяжелыхъ сапогахъ съ раструбами всматривались въ нашихъ солдатъ. Молодой, красивый, съ длинными, какъ у дѣвушки, рѣсницами и голубыми глазами, нѣмецъ спросилъ его:

— Зиндъ зи гусаренъ?

Оказалось,—старые знакомые. Наши гусары уже встрѣчались съ этими кирасирами во время боевъ подъ Праснышемъ.

До Прасныша кирасиры Маріи-Луизы были на западномъ фронтѣ. Красавецъ съ длинными рѣсницами, вспоминая наступленіе у Ипра, заволновался весь, схватившись за голову, какъ будто вновь переживая всѣ минувшіе ужасы.

— Мы понесли тамъ страшныя потери! Такія потери, которыхъ еще нигдѣ не было! Вырастали цѣлыя горы труповъ... Убирать ихъ приходилось съ помощью лѣстницъ.

И безъ того было тѣсно въ комнатѣ, освѣщенной лампою, бросавшей розовый свѣтъ на запыленныя, потныя лица, и стало еще тѣснѣе. Звеня шпорами и ведя новыхъ плѣнныхъ, вошли наконецъ тѣ, кого мы поджидали. Взводный унтеръ-офицеръ К., съ перевязаннымъ пальцемъ, ввелъ здоровеннаго босого кирасира, улыбавшагося какой-то растерянной улыбкой... Глядя на громадныя босыя ноги его, смѣялись одинаково и свои и чужіе. Лошадь его притомилась, тогда, соскочивъ и снявъ сапоги, чтобъ легче было удирать, онъ бросился въ кусты. К., самъ потерявшій лошадь,—она свалилась въ канаву, сломавъ переднія ноги,— кинулся за нимъ и взялъ его живьемъ.

Вольноопредѣляющійся К. принесъ два карабина и каску. Онъ зарубилъ двухъ нѣмцевъ, и вотъ его трофеи. Шашка его окровавлена... Итоги этого преслѣдованія—десятокъ плѣнныхъ и, по меньшей мѣрѣ, столько же убитыхъ. У насъ раненъ одинъ только К., отдѣлавшійся прострѣленнымъ мизинцемъ. И все это весьма характерно,—лишній разъ видна безпомощность германской кавалеріи въ рукопашныхъ столкновеніяхъ съ нашей конницей. Сильные своей массовой техникой на разстояніи, своей богатой артиллеріей,—въ конномъ строю, лицомъ къ лицу, они даже не пробуютъ защищаться. Въ только-что описанномъ „шокѣ“ ни одинъ кирасиръ въ отвѣтъ на удары шашекъ даже не пробовалъ обнажить свой палашъ. И всѣ ихъ палаши такъ и оставались въ ножнахъ, притороченныхъ къ сѣдламъ.

Кончился допросъ плѣнныхъ. Мы получили приказаніе отъ штаба нашей бригады тотчасъ же итти на стоянку въ двадцати двухъ верстахъ. Априкенъ же временно будетъ занятъ первымъ эскадрономъ.

И вотъ мы возвращаемся.

Впереди нѣсколько подводъ съ плѣнными,—тѣми, лошади подъ которыми убиты, или пропали. Остальные же ѣдутъ въ строю на своихъ лошадяхъ. Въ послѣдній разъ ѣдутъ. Капнинъ лежитъ на одной подводѣ съ босымъ кирасиромъ. И, не понимая другъ друга, они обмѣниваются какими-то пріязненными словечками.

А кругомъ блѣдная, переливающаяся незамѣтно въ разсвѣтъ, влажная ночь.

— Пѣсенники, впередъ!—слышится голосъ эскадроннаго.

И вотъ пѣсенники впереди, и грянуло что-то веселое, забубенное, лихое, съ молодецкимъ присвистомъ, рѣжущимъ дремотную тишь окутанныхъ мракомъ полей. И нѣмцы залопотали между собою съ удивленіемъ... Имъ непонятно, какъ это можно послѣ такого дня и послѣ такой четырнадцативерстной атаки еще распѣвать во все горло эти буйныя,- море по колѣно,- пѣсни. Имъ, ремесленникамъ войны, это непонятно.

А серебристый горизонтъ уже прояснялся, и, когда поднялись съ проселочной дороги на шоссе двуколки съ плѣнными, получились удивительно живописные силуэты, темные, отчетливо обрисованные до мельчайшихъ подробностей, до каждой отдѣльной спицы колеса, до профиля сидящаго на козлахъ возницы съ кнутомъ.

На мызу Курпшкенгъ вступили мы, когда солнце поднялось уже довольно высоко. И тогда только дала себя знать тяжелая, отнимающая ноги и смыкающая вѣки усталость послѣ проведенныхъ въ сѣдлѣ почти все время двадцати двухъ часовъ...

Спустя три дня мы вновь очутились въ Априкенѣ. Но уже совсѣмъ при другихъ условіяхъ. Мы смѣнили квартировавшій тамъ эскадронъ II. Приходилось намъ видѣть на своемъ вѣку по-

Бомбардировка Дарданеллъ. 9½-дюймовое турецкое орудіе съ форта № 1, разрушеннаго огнемъ англійскаго сверхъ-дредноута „Королева Елисавета".

мѣщичьи усадьбы, но все же Априкенъ обращаетъ вниманіе какъ размѣрами и убранствомъ господскаго дома, такъ и монументальностью исполинскихъ хозяйственныхъ построекъ. Въ каждой изъ нихъ, снабженной амбразурами и бойницами, смѣло можно отсиживаться сколько угодно, были бы патроны да съѣстные припасы.

Двухъэтажный домъ съ башнею—цѣлый музей: такъ много художественной мебели, старинныхъ гравюръ, фамильныхъ портретовъ мастерского письма. Но витрины съ дорогими бездѣлушками, саксонскимъ и севрскимъ фарфоромъ и миніатюрами,—все это хоть шаромъ покати. Все это увезли своевременно лейтенанты и ротмистры „славнаго" кирасирскаго полка Маріи-Луизы. Здѣсь поджидали насъ новые трофеи: мы взяли нѣсколько металлическихъ солдатскихъ и офицерскихъ касокъ, забытыхъ впопыхахъ во время бѣгства.

Цѣлый штатъ прислуги сплошь изъ латышей: поваръ, лакеи, горничныя, судомойки, армія конюховъ,—обрадовался намъ чрезвычайно:

— Слава Богу! Наконецъ-то мы избавились отъ этихъ вацешей!—говорили они въ одинъ голосъ.

Роскошная обстановка, громадныя, залитыя свѣтомъ залы и гостиныя, дивный видъ изъ оконъ, тонкіе обѣды и завтраки,—все это могло бы дать великолѣпное курортно-дачное настроеніе. Но ни на минуту нельзя забыть, что врагъ близко, очень близко, всего въ нѣсколькихъ верстахъ, только и думающій, какъ бы ему вернуть вновь удобный въ стратегическомъ отношеніи Априкенъ.

И всѣ ночи бодрствовали мы и вокругъ усадьбы и на всѣхъ дорогахъ наши разъѣзды. Лошади эскадрона не разсѣдлывались, а мы спали въ одеждѣ, чтобъ всякую минуту быть готовыми, на чеку...

Наши заставы и дозоры не ограничивались однѣми развѣдками.

Группа такъ называемыхъ „охотниковъ за черепами", во главѣ съ Кировымъ, Шаталовымъ и Куликовскимъ, выслѣживала непріятельскіе разъѣзды, частью беря ихъ въ плѣнъ, частью уничтожая.

Глухою ночью, забравшись къ нѣмцамъ въ тылъ, „охотники за черепами" въ нѣсколькихъ мѣстахъ взорвали желѣзную дорогу между Либавою и Газенпотомъ. И днемъ производились развѣдки. Но такъ какъ днемъ нѣмцы не подпустили бы близко нашихъ гусаръ, то они переодѣвались латышами. Взявъ телѣгу, спрятавъ въ соломѣ винтовки, они умудрялись приближаться вплотную къ самой станціи. Во время этихъ опасныхъ маскарадовъ К. переодѣвался бабой.

Въ просторной, съ лѣпными украшеніями, передней замка все время гудѣлъ полевой телефонъ, соединявшій насъ съ бригадой. Цѣлый день прогостилъ у насъ священникъ Покровскій, одинъ, вмѣстѣ со своимъ вѣстовымъ, пріѣхавшій изъ штаба полка. Другой гость ночевалъ у насъ на пути со своимъ полуэскадрономъ, смуглый, сухощавый драгунскій ротмистръ С., тотъ самый, что со своей заставой взялъ въ плѣнъ у морского берега автомобиль, превосходный „бенцъ" съ императорскими орлами и съ важнымъ офицеромъ генеральнаго штаба въ обществѣ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ.

Послѣдняя ночь была тревожная. Доносили намъ и свои развѣдчики и латыши, что нѣмцы сравнительно крупными силами собираются атаковать насъ и выбить изъ Априкена. И всю ночь гудѣлъ телефонъ изъ штаба къ намъ и обратно. Выставлены были усиленные дозоры, а Д. потребовалъ отъ Кирова двѣ ручныя бомбы. „На всякій случай", если бы нѣмцы вздумали ворваться въ замокъ съ той стороны, гдѣ мы были наиболѣе уязвимы,—со стороны дикаго сада, подходившаго къ густо поросшей гигантскимъ кустарникомъ рѣчонкѣ среди высокихъ и крутыхъ береговъ.

И странно было: паркетъ, дорогіе ковры, венеціанскія зеркала, открытый рояль,—а на предиванномъ столѣ двѣ ручныя гранаты, формою напоминающія кистень.

Ночь прошла въ „относительномъ" спокойствіи. Утромъ же въ десятомъ часу нѣмцы дали знать о себѣ. Съ башни видны были не только въ бинокль, но и простымъ глазомъ, всѣ ихъ передвиженія. Съ башни вся окрестность, какъ на ладони. И наши вчерашнія свѣдѣнія, что на Априкенъ собираются два эскадрона съ двумя ротами пѣхотинцевъ, сотнею велосипедистовъ и четырьмя орудіями, оказались вѣрными.

Мы видѣли въ верстѣ съ небольшимъ, по прямому „воздушному пути", около мызы, по крайней мѣрѣ пятьдесятъ коноводовъ, державшихъ въ поводу тройное количество лошадей. Видѣли темныя точки перебрасывавшейся цѣпями пѣхоты. Видѣли велосипедистовъ, укрывшихъ въ канавахъ свои машины и исчезнувшихъ въ одномъ изъ перелѣсковъ.

Нѣсколькими минутами позже на высотѣ полуторы тысячи метровъ пролетѣлъ надъ нами аэропланъ, выпустившій нѣсколько сигнальныхъ дымковъ. И вслѣдъ за этимъ мы подверглись обстрѣлу изъ четырехъ орудій.

Эскадронъ противъ пѣхоты, конницы и артиллеріи,—сопротивляться было бы сплошнымъ безуміемъ. А главное,—зачѣмъ? Априкенъ вовсе не такъ уже необходимо было удержать. Онъ былъ нуженъ намъ, какъ сторожевой постъ. Запросили по телефону штабъ, получился приказъ отойти. А съ башни уже были видны все новыя перебѣжки цѣпей, и трещали залпами нѣмецкія винтовки...

У насъ ни суеты ни поспѣшности. Наскоро допитъ былъ кофе. Мы успѣли одарить деньгами внимательныхъ къ намъ за всѣ эти четыре дня слугъ. Кстати: прислуга, мужская и женская, твердила въ смятеніи:

— Мы здѣсь ни за что не останемся! И мы уйдемъ!

Въ Дарданеллахъ. Матросъ въ жерлѣ огромнаго орудія на англійскомъ сверхъ-дредноутѣ „Королева Елисавета".

И горничныя бросились связывать всѣ свои пожитки въ узлы.

Эскадронъ развернулся поперекъ усадебнаго круглаго двора. Гусары держали въ поводу своихъ лошадей.

-- Са-ди-сь!..

Эскадронъ учебнымъ шагомъ, справа по два, покинулъ усадьбу. Артиллерійскій огонь противника усиливался, росъ. Энергично работали всѣ четыре орудія. Уже было нѣсколько попаданій въ каменныя хозяйственныя постройки.

Мы выбрались на шоссе и все тѣмъ же медленнымъ учебнымъ шагомъ двинулись по направленію корчмы Азенъ. Приходилось итти „обочиной", такъ какъ вся дорога запружена была латышскими бѣженцами. Какой-то безконечный караванъ скорби. Телѣги, двуколки и даже дѣтскія колясочки, нагруженныя всякимъ скарбомъ. Старухи и дѣвушки гнали коровъ, телятъ и овецъ. Въ облакахъ пыли мычали коровы, блеяли овцы, слышался дѣтскій плачъ.

А нѣмцы уже нащупывали насъ вдоль шоссе своей артиллеріей. Уже въ сторонѣ, шагахъ въ пятистахъ, рвались шрапнели, и „хризантемныя" облачка разрывовъ медленно таяли на фонѣ ясныхъ голубыхъ небесъ. А потомъ все ближе и ближе къ нашей колоннѣ стали рваться снаряды. Но это никого не смущало. Эскадронъ не измѣнялъ своему размѣренному шагу. Оглядываясь назадъ, мы видѣли надъ усадьбой густое курево дыма. Вѣроятно, одинъ изъ снарядовъ зажегъ какое-нибудь зданіе. А вотъ еще курево. Это горѣлъ облитый нами смолой и зажженный мостъ.

Въ четырехъ верстахъ, у корчмы Азенъ, мы остановились. Спѣшенный эскадронъ отведенъ былъ подъ прикрытіе корчмы, а на крышѣ мы выставили два пулемета. Но вотъ прошелъ часъ. Нѣмцы и не думали о преслѣдованіи. Мимо все проходили и проходили бѣженцы, растянувшіеся далеко-далеко, напоминая переселеніе народовъ. Угадываешь знакомые изъ априкенскихъ конюшенъ линейки, экипажи и кабріолеты, запряженные баронскими лошадьми и нагруженные всякой всячиной. Это вмѣстѣ съ нами отступали конюхи, кучера и берейторы. Вслѣдъ за ними шли, неся на плечахъ свои узлы, одѣтыя по-дорожному горничныя и судомойки. Два часа назадъ чистенькія, нарядныя дѣвушки, подававшія намъ кофе, брели теперь со своими пожитками прочь отъ ненавистныхъ вацешей, куда глаза глядятъ.

Грустная, тяжелая картина...

Картина, преслѣдовавшая меня тридцать верстъ до самаго Гольдингена.

Изъ Курмалена четвертый эскадронъ двинулся на стоянку, занявъ въ двадцати верстахъ помѣщичій хуторъ Гуденекенъ. Тамъ посреди большой комнаты я видѣлъ хаотическую груду трофеевъ. Германскія строевыя сѣдла, желтыя, новенькія—изящнѣе и красивѣе нашихъ. Зато наши удобнѣе. Всадникъ глубже и крѣпче сидитъ. Чего-чего только нѣтъ въ кобурахъ отбитыхъ нѣмецкихъ сѣделъ! Здѣсь и хлѣбъ, и немолотый кофе въ зернахъ, и ножницы для разрѣзыванія проволочныхъ загражденій, письма, открытки, фотографіи, сахаръ, хлѣбъ и... серебряныя бездѣлушки, похищенныя у ювелировъ Гольдингена.

Послѣ взятія Курмалена,—кстати, наполовину сожженнаго,—къ Д. явилось нѣсколько благодарственныхъ депутацій отъ разныхъ латышскихъ обществъ. Одна волость подарила эскадрону полный комплектъ бѣлья, привезенный на двухъ или трехъ подводахъ. Молочные продукты, сыръ, масло, ветчина и цѣлыя туши телятъ и овецъ, все это свозилось къ гусарамъ. Словомъ, продовольственный вопросъ былъ лучше лучшаго.

Въ Гуденекенѣ эскадронъ отдыхалъ. Но полевые дозоры и ночью и днемъ работали энергично. И не было случая, чтобы они возвращались съ пустыми руками. Всякій разъ приводили съ собою плѣнныхъ кирасиръ и уланъ. А если не было плѣнныхъ, были трофеи, снятые съ убитыхъ: каски, палаши, винтовки. Одинъ разъѣздъ вернулся, уже при мнѣ, съ тяжелымъ кирасирскимъ сапогомъ со звѣздчатой шпорой.

— А гдѣ же другой сапогъ? — спросилъ поручикъ Б., пожилой дѣйствительный статскій совѣтникъ, видный чиновникъ министерства земледѣлія.

— Такъ что, ваше благородіе, хотѣли снять и другой, какъ вещественное доказательство. А только господинъ вахмистръ сказали: „Не гоже покойнику быть разутому".

„Не гоже покойнику быть разутому"... Сколько въ этой фразѣ хорошаго христіанскаго чувства! Въ устахъ нѣмецкаго солдата вы ея не услышите. Нѣмцы съ искусствомъ опытныхъ мародеровъ обираютъ донага непріятельскіе трупы.

Въ Дарданеллахъ. Высадка десанта съ британскаго транспорта „Нилъ".

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 28

XLVI г. изданія

Выданъ 11-го іюля 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 10.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Таблица выигрышей, павшихъ на билеты 2-го выпуска

ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННОЙ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ 1914 г.

(РОЗОВЫХЪ БИЛЕТОВЪ)

въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій.

100.000 р.

Серія	№
8385	96

50.000 р.

Серія	№
10720	72

25.000 р.

Серія	№
9588	75
13152	91

10.000 р.

Серія	№
2335	45
2868	71
8630	98
10915	48
12099	37
12413	94
13942	32
14295	99
16660	29
18792	40

5.000 р.

Серія	№
427	97
482	5
573	56
2227	42
2654	44
2874	81
3718	37
3811	20
5355	65
5612	59
7711	58
9254	71
9336	15
14844	6
15038	58
15159	83
15494	5
16032	23
18255	29
18744	64

1.000 р.

Серія	№
307	44
332	85
370	76
378	7
600	7
635	30
1002	52
1015	36
1221	86
1618	50
1685	23
1727	21
2155	40
2243	23
2330	95
2558	38
3332	35
3733	44
3929	78
4125	82
4217	5

1.000 р.

Серія	№
4286	23
4503	22
4669	52
4704	23
4765	28
4889	73
5021	83
5095	56
5523	62
5599	24
5655	18
5722	65
5949	70
5997	98
6363	26
6399	38
6518	77
6788	56
6822	25
6969	53
7006	68
7098	10
7275	9
7364	91
7794	75
7970	50
8072	100
8381	25
8765	95
9081	83
9181	82
9387	91
9686	32
9788	16
9990	99
10043	100
10140	22
10188	76
10458	76
11378	84
11571	36
11824	100
12712	71
12725	49
13094	89
13158	79
13341	42
13358	41
13379	40
13422	80
13751	80
13883	54
14007	81
14469	51
14881	30
15718	86
16020	45
16198	45
16191	91
16532	13
16553	86
17062	48
17199	1
17262	81
17296	57
17442	20
17666	31
17780	10
17794	14
18079	17
18246	68
18394	6
18589	27
19153	82
19269	20

1.000 р.

Серія	№
19329	51
19515	10
19549	25
19849	66

500 р.

Серія	№
26	36
38	68
49	10
262	65
417	90
451	64
839	5
979	73
1002	35
1061	96
1091	45
1172	43
1344	7
1391	41
1433	61
1447	88
1473	7
1536	95
1578	73
1591	70
1715	62
1790	24
1878	47
1883	34
2205	36
2215	48
2230	90
2238	45
2310	98
2396	7
2402	9
2407	62
2472	94
2554	94
2685	72
2754	14
2772	32
2772	100
2916	47
3379	21
3388	70
3422	92
3453	62
3560	9
3665	79
3828	12
3912	87
4092	94
4112	11
4185	51
4209	51
4466	50
4503	76
4538	95
4559	96
4566	68
4622	3
4778	99
5063	42
5081	66
5268	32
5342	81
5471	94
5661	54
5840	52
6060	75
6321	9

500 р.

Серія	№
6343	100
6381	95
6391	24
6415	61
6553	70
6635	80
6854	9
6900	70
7239	4
7421	66
7529	32
7701	14
7727	73
7730	40
7937	65
7992	3
8149	92
8204	94
8277	17
8292	93
8325	6
8363	6
8465	90
8684	95
8790	13
8926	83
8982	36
8991	51
9060	19
9145	16
9180	27
9251	44
9277	75
9398	44
9498	24
9890	39
9914	37
10163	45
10233	1
10290	41
10480	92
10655	71
10792	38
10832	69
10834	18
10929	79
10962	24
11106	71
11197	83
11383	31
11415	83
11543	21
11725	27
11759	82
11870	5
11939	83
12129	79
12202	12
12219	56
12289	2
12306	80
12360	96
12453	13
12751	38
12836	68
13135	6
13289	36
13290	18
13320	75
13400	76
13439	20
13462	31
13491	70
13653	91
13691	54

500 р.

Серія	№
13727	8
13738	52
13861	29
13872	17
13885	38
14037	71
14192	89
14196	10
14567	89
14723	28
14723	35
14942	97
14987	18
15002	48
15029	51
15149	66
15188	31
15325	46
15536	79
15555	66
15730	35
15786	75
16030	63
16099	54
16359	59
16436	85
16468	67
16619	21
16727	42
16788	68
16926	51
16959	78
16992	98
16999	20
17273	79
17415	6
17510	71
17604	83
17691	47
17716	14
17769	10
18017	46
18108	13
18168	70
18197	3
18339	43
18416	43
18826	47
18870	7
18955	68
18968	53
19174	79
19189	65
19219	76
19561	42
19644	1
19770	4
19786	23

300 р.

Серія	№
16	20
26	18
26	43
74	29
91	41
132	13
160	19
160	85
163	90
164	93
166	71
174	59
194	34

300 р.

Серія	№
210	85
215	15
218	77
222	19
234	21
240	3
274	2
290	79
325	21
373	23
379	83
384	77
449	63
454	23
463	83
482	69
498	86
501	29
505	89
525	59
540	34
547	18
564	27
594	62
598	46
624	31
630	66
631	4
632	73
633	65
637	54
644	53
650	70
673	72
709	79
723	93
797	32
799	89
815	67
868	73
887	66
891	9
902	67
921	69
921	85
942	38
959	96
962	37
988	6
991	99
995	58
1064	81
1096	61
1108	12
1108	54
1191	74
1198	74
1240	94
1240	99
1293	64
1324	8
1362	62
1380	57
1411	88
1424	44
1429	28
1462	48
1470	57
1475	98
1479	28
1492	9
1537	75
1540	15
1546	78
1552	21

300 р.

Серія	№
1562	41
1571	4
1573	31
1575	8
1577	43
1630	68
1643	13
1676	57
1686	1
1700	14
1737	96
1741	21
1758	65
1766	7
1787	87
1799	23
1812	20
1821	91
1826	87
1889	10
1931	49
1944	32
1953	19
1973	71
1985	64
2016	89
2026	41
2038	52
2045	61
2070	100
2142	43
2152	88
2191	17
2219	8
2241	74
2255	10
2278	49
2282	88
2298	76
2312	23
2325	98
2348	26
2351	50
2372	28
2376	11
2388	47
2392	55
2397	33
2435	10
2437	39
2470	27
2480	32
2531	32
2534	83
2562	62
2565	10
2597	58
2605	94
2618	83
2652	89
2682	30
2700	17
2723	34
2782	79
2791	10
2830	7
2863	100
2878	12
2886	71
2930	95
2966	89
2972	88
3045	66
3074	9
3075	29

300 р.

Серія	№
3145	57
3164	88
3164	94
3179	40
3212	3
3231	98
3251	40
3300	18
3303	72
3312	18
3344	96
3394	76
3411	41
3419	49
3443	10
3453	13
3461	86
3475	11
3491	20
3500	39
3506	91
3530	100
3599	80
3639	16
3639	27
3668	56
3677	75
3683	82
3749	6
3762	54
3771	96
3819	51
3838	90
3964	19
3869	87
3880	28
3893	7
3916	80
3941	5
3980	49
3997	16
4002	95
4029	51
4040	12
4073	75
4090	81
4095	17
4145	19
4155	49
4172	41
4191	74
4205	11
4213	91
4222	20
4257	80
4273	53
4279	67
4291	87
4292	80
4301	21
4301	39
4328	61
4355	1
4356	58
4371	64
4393	1
4419	41
4458	23
4462	48
4479	69
4494	16
4507	24
4623	100
4630	5
4637	34

300 р.

Серія	№
4637	44
4677	20
4706	74
4711	52
4742	56
4764	46
4766	12
4781	13
4802	98
4811	37
4833	32
4899	72
4900	100
4955	49
5025	90
5031	18
5034	41
5058	64
5082	41
5090	25
5093	53
5104	74
5125	59
5131	57
5133	57
5150	89
5156	62
5159	52
5160	81
5165	39
5170	41
5205	24
5207	7
5214	40
5224	70
5225	90
5226	43
5237	95
5241	63
5249	99
5255	16
5267	68
5267	70
5267	89
5275	10
5313	98
5320	83
5327	35
5327	87
5386	61
5396	64
5491	91
5492	63
5506	81
5519	47
5540	35
5564	37
5674	84
5687	9
5694	7
5723	98
5751	88
5779	24
5786	85
5823	45
5831	15
5841	98
5843	60
5869	64
5877	25
5883	3
5883	90
5884	25
5903	37
5936	46

300 р.

Серія	№
5952	95
5986	75
6001	48
6009	87
6016	45
6037	56
6064	7
6086	44
6184	21
6188	92
6190	54
6262	37
6314	94
6346	95
6360	40
6366	95
6383	52
6386	16
6408	88
6451	96
6461	33
6471	14
6479	91
6498	86
6510	90
6529	96
6551	83
6555	28
6565	51
6602	82
6652	17
6679	15
6717	15
6855	30
6858	83
6863	58
6877	84
6889	67
6891	5
6896	49
6944	56
6961	79
6979	81
6987	96
7008	50
7014	41
7027	2
7061	20
7073	87
7094	1
7154	58
7171	59
7178	76
7179	33
7260	2
7282	33
7308	42
7338	24
7397	44
7440	99
7447	91
7471	43
7489	81
7543	94
7548	43
7572	11
7594	37
7607	45
7628	31
7637	10
7646	49
7649	38
7666	69
7705	58
7720	48

300 р.

Серія	№
7746	76
7760	71
7774	11
7821	43
7841	23
7857	99
7868	3
7878	78
7880	47
7882	21
7883	67
7883	71
7883	79
7884	1
7945	82
8045	48
8109	73
8119	99
8128	43
8133	2
8151	53
8173	35
8188	47
8188	58
8188	77
8189	24
8194	99
8199	83
8206	81
8261	53
8292	46
8314	25
8371	46
8376	34
8377	58
8383	69
8399	86
8451	67
8463	62
8500	48
8529	57
8553	7
8574	96
8590	45
8598	77
8638	11
8650	7
8678	64
8680	40
8692	45
8704	33
8718	43
8745	36
8760	43
8798	65
8814	48
8816	4
8839	82
8856	93
8890	51
8935	51
8943	98
8946	82
8958	83
9009	61
9029	6
9031	74
9084	26
9103	49
9126	56
9128	98
9166	63
9189	56
9199	43
9199	77

300 р.

Серія	№
9219	88
9225	8
9259	25
9291	67
9310	67
9314	42
9327	97
9356	7
9365	23
9370	3
9409	43
9431	43
9438	3
9416	9
9459	10
9474	37
9485	31
9487	97
9497	81
9507	18
9540	86
9549	75
9569	78
9583	74
9618	14
9659	91
9673	29
9720	36
9730	85
9752	46
9761	91
9769	1
9777	1
9783	76
9843	61
9855	42
9870	93
9871	50
9916	76
9920	25
9931	9
9931	87
9945	55
9951	87
9969	5
9970	37
9975	70
9978	10
9991	80
10013	38
10015	95
10059	36
10068	7
10092	41
10120	64
10130	7
10136	49
10199	98
10235	4
10235	96
10256	82
10260	72
10310	12
10328	91
10317	67
10381	52
10449	35
10498	72
10519	89
10522	8
10533	79
10549	11
10566	44
10573	67
10583	97

300 р.

Серія	№
10614	72
10642	48
10646	82
10648	71
10654	36
10719	91
10720	97
10725	21
10732	26
10779	60
10806	22
10894	13
10923	52
10951	51
10973	45
11024	71
11030	5
11034	1
11051	34
11072	78
11091	100
11102	37
11103	9
11114	66
11119	92
11148	45
11151	10
11152	78
11180	31
11187	80
11191	46
11215	34
11219	61
11263	54
11308	86
11317	41
11348	56
11373	87
11377	38
11382	77
11385	23
11401	94
11415	76
11419	4
11431	82
11447	4
11447	65
11487	5
11502	77
11510	5
11519	57
11519	74
11528	75
11543	90
11583	52
11613	64
11623	72
11644	36
11715	14
11751	4
11770	79
11797	94
11801	35
11803	5
11803	26
11806	96
11818	73
11832	38
11835	22
11855	2
11867	12
11869	7
11884	84
11888	86
11896	44

300 р. Серія	№
11980	10
11991	6
12012	10
12024	99
12030	8
12031	97
12071	50
12089	13
12092	62
12107	70
12138	97
12166	69
12178	95
12182	57
12188	94
12189	15
12204	39
12213	16
12223	35
12281	40
12302	23
12320	100
12334	39
12334	67
12353	84
12361	19
12365	30
12401	55
12413	61
12423	26
12426	24
12453	43
12459	10
12471	86
12507	60
12528	44
12539	67
12577	4
12617	75
12637	6
12644	96
12657	51
12681	49
12768	82
12782	15
12784	27
12787	99
12796	76
12800	44
12856	45
12874	54
12892	43
12903	45
12927	6
12938	58
12943	34
12961	2
12988	27
12994	84
13005	94
13021	77
13023	5
13024	22
13037	18
13040	16
13068	50
13080	61
13096	1
13111	43
13155	24
13163	28
13164	15
13193	46
13198	61
13221	12
13228	86
13241	15
13311	27
13324	35
13354	40
13375	3
13384	77
13447	82
13453	25
13499	55
13506	93
13517	7
13529	68
13535	48
13556	25
13556	27
13606	20
13670	98
13689	61
13693	19
13714	49
13722	45
13725	76
13732	98
13742	64
13817	53
13847	86
13849	63
13858	73
13864	94
13902	46
13943	60
13960	2
13981	53
14022	46
14023	27
14034	52
14047	11
14093	85
14103	10
14104	39
14113	41
14140	68
14183	36
14220	44
14229	57
14300	65

300 р. Серія	№
14306	77
14369	48
14371	21
14372	19
14372	48
14384	49
14390	74
14441	20
14451	7
14452	17
14472	28
14490	56
14491	31
14495	30
14495	46
14524	64
14571	18
14645	58
14647	30
14653	86
14747	73
14749	89
14768	75
14773	57
14803	24
14803	69
14809	47
14836	50
14860	76
14865	7
14892	82
14895	65
14908	25
14926	25
14936	92
14956	48
14966	74
14973	87
15005	27
15026	58
15036	21
15037	54
15039	64
15095	11
15096	90
15103	87
15108	88
15125	77
15143	73
15195	86
15200	70
15228	81
15245	74
15284	56
15316	24
15334	43
15374	21
15379	62
15453	77
15461	80
15532	54
15623	30
15648	30
15699	65
15767	8
15795	5
15803	41
15819	14
15861	85
15894	45
15899	30
15919	57
15949	7
15979	20
15979	89
15982	47
15997	84
16046	65
16102	8
16126	92
16138	66
16153	68
16177	76
16240	78
16248	21
16254	83
16256	63
16316	42
16358	86
16360	98
16366	38
16374	92
16382	22
16393	1
16421	73
16430	8
16434	17
16437	33
16464	74
16504	8
16554	31
16558	78
16613	71
16651	50
16657	85
16679	43
16692	11
16695	100
16741	43
16754	98
16802	2
16806	55
16813	36
16814	19
16827	54
16849	88
16868	59
16892	81
16903	65
16911	12
16928	61
16949	55

300 р. Серія	№
16950	52
16982	47
16988	48
17029	75
17030	40
17052	77
17092	82
17160	98
17168	29
17180	38
17184	52
17187	94
17192	24
17207	52
17207	55
17223	31
17283	24
17290	31
17291	93
17302	70
17324	69
17350	71
17353	60
17373	59
17448	66
17455	66
17467	76
17527	54
17528	26
17542	86
17559	97
17567	66
17587	9
17593	94
17611	44
17645	13
17649	83
17650	89
17697	8
17708	90
17727	57
17733	66
17760	23
17784	51
17794	100
17854	26
17888	31
17891	89
17900	46
17903	22
17911	21
17921	46
17952	26
17997	72
18019	85
18025	51
18068	11
18070	53
18102	48
18143	47
18212	80
18227	32
18253	100
18258	48
18263	83
18276	62
18279	4
18287	38
18295	6
18295	62
18359	100
18401	98
18407	91
18455	49
18488	58
18489	92
18524	45
18530	69
18546	10
18587	72
18609	28
18626	72
18627	8
18634	18
18639	22
18677	40
18688	10
18706	70
18731	78
18776	97
18830	43
18872	21
18904	10
18944	26
18949	51
18971	41
18971	56
18978	98
18987	16
18996	1
19018	72
19052	13
19061	29
19075	87
19137	62
19186	47
19191	38
19224	39
19238	92
19265	6
19286	23
19302	57
19309	58
19320	82
19360	56
19397	53
19482	90
19495	98
19501	71
19502	68
19508	42
19538	39

300 р. Серія	№
19593	37
19603	74
19662	88
19664	69
19700	5
19731	86
19733	91
19797	89
19805	56
19824	79
19833	64
19853	71
19876	89
19883	30
19906	98
19920	75
19937	47
19949	57
19965	52
19975	12
19988	79

200 р. Серія	№
4	18
9	24
16	25
21	56
30	15
33	88
44	46
70	39
76	62
80	10
82	94
83	9
89	4
89	10
92	90
94	30
96	75
107	3
110	21
111	99
112	53
113	45
117	84
118	7
121	7
123	8
125	64
137	32
140	64
149	22
149	99
156	70
161	69
163	63
176	86
183	7
185	73
192	83
194	86
196	36
197	59
203	75
205	4
208	61
211	43
213	42
226	32
227	6
227	82
231	59
235	69
242	98
249	52
258	9
259	86
260	76
275	85
276	46
280	49
304	62
313	36
313	56
322	18
323	13
328	30
331	55
336	62
336	71
338	60
339	44
342	65
342	72
347	63
348	46
351	65
364	19
366	8
368	7
371	65
381	59
381	81
405	37
417	27
418	48
428	24
429	7
434	22
434	47
440	80
447	69
449	34
465	5
466	70
475	91
486	33
501	28
503	98

200 р. Серія	№
504	28
519	57
521	5
521	28
531	67
532	36
540	49
543	38
561	70
567	63
571	72
581	34
587	68
599	25
603	79
607	99
615	68
624	72
628	15
629	74
632	35
634	39
639	27
640	19
640	52
649	8
657	89
660	5
663	74
679	56
684	37
709	76
711	26
714	22
715	7
718	75
721	17
751	54
774	98
781	89
787	85
798	93
804	26
826	60
850	44
854	97
858	23
866	1
873	96
876	65
877	24
881	42
881	61
890	64
891	100
899	14
901	75
905	2
908	18
923	55
931	37
935	15
935	20
950	33
962	100
970	29
970	96
985	13
986	6
997	18
1007	96
1010	11
1015	29
1019	47
1020	53
1020	77
1030	9
1065	6
1075	27
1083	18
1083	86
1114	55
1123	11
1128	35
1132	100
1134	48
1135	20
1135	51
1135	92
1150	44
1158	44
1164	84
1181	6
1182	56
1184	22
1184	31
1188	1
1189	59
1210	36
1225	7
1225	64
1254	54
1262	11
1269	58
1272	57
1275	46
1279	59
1302	62
1309	99
1319	40
1321	1
1331	47
1346	94
1353	63
1366	38
1369	40
1380	97
1396	72
1399	1
1399	26
1399	51
1416	26

200 р. Серія	№
1416	38
1416	100
1424	20
1426	53
1465	38
1472	100
1479	50
1479	79
1500	29
1504	79
1510	32
1519	9
1528	62
1532	18
1540	87
1552	1
1555	65
1574	35
1574	88
1577	83
1596	33
1608	66
1620	9
1623	32
1627	12
1640	62
1649	18
1652	13
1654	84
1666	22
1666	40
1666	72
1679	51
1687	65
1688	73
1689	71
1692	55
1694	55
1699	36
1701	5
1703	91
1720	48
1724	22
1757	54
1757	80
1760	38
1769	49
1771	40
1784	38
1795	4
1807	5
1819	41
1827	97
1828	68
1831	3
1832	71
1835	54
1853	64
1853	81
1855	81
1856	1
1864	51
1872	88
1879	25
1883	88
1887	53
1892	9
1908	11
1915	56
1917	44
1917	71
1925	44
1969	6
1981	6
1981	69
2007	40
2024	88
2031	5
2032	50
2040	53
2044	30
2052	41
2059	9
2059	16
2080	70
2086	44
2100	5
2101	3
2104	91
2105	48
2122	34
2131	84
2147	60
2164	24
2168	2
2169	45
2174	38
2180	94
2186	61
2192	6
2193	35
2199	5
2201	61
2205	75
2220	31
2221	19
2221	39
2223	18
2224	19
2225	40
2239	55
2241	94
2245	80
2254	34
2262	46
2269	3
2269	39
2274	21
2279	44
2279	97
2291	20
2304	6

200 р. Серія	№
2315	50
2316	74
2319	15
2325	63
2326	86
2330	83
2333	33
2337	69
2347	28
2351	84
2352	99
2357	73
2360	94
2363	76
2372	89
2373	40
2374	56
2374	79
2375	10
2376	49
2382	53
2385	75
2387	36
2387	46
2389	71
2391	4
2397	53
2399	91
2418	51
2423	43
2426	67
2445	12
2459	91
2462	37
2475	85
2481	32
2481	96
2494	94
2503	5
2513	90
2516	70
2517	74
2518	62
2522	13
2531	68
2534	26
2540	69
2557	25
2563	8
2563	53
2566	89
2567	18
2575	62
2581	86
2583	84
2589	5
2592	72
2597	9
2601	94
2603	42
2603	91
2606	28
2607	44
2616	72
2622	33
2625	19
2629	87
2644	44
2645	3
2660	41
2660	90
2666	57
2688	99
2689	100
2690	76
2709	14
2722	48
2729	3
2731	69
2736	34
2743	66
2748	10
2762	63
2765	76
2767	70
2783	82
2791	86
2798	75
2803	65
2807	76
2810	19
2817	69
2819	81
2820	67
2824	86
2833	70
2833	81
2833	95
2834	17
2852	52
2852	91
2856	33
2856	78
2857	27
2879	45
2912	82
2914	2
2921	93
2924	51
2942	43
2945	67
2948	81
2957	33
2971	41
2977	49
2979	62
2979	66
2990	97
2995	4
2995	48
2995	72
3011	97

200 р. Серія	№
3023	72
3028	44
3034	27
3037	84
3042	92
3043	38
3045	62
3048	53
3049	38
3051	53
3054	80
3057	90
3065	10
3067	96
3080	88
3104	73
3121	3
3130	90
3145	71
3149	60
3151	9
3152	12
3154	14
3161	3
3170	62
3171	24
3179	80
3180	59
3191	89
3193	35
3197	95
3207	25
3208	22
3218	45
3230	61
3233	87
3245	60
3248	32
3251	55
3251	92
3264	70
3275	50
3282	33
3283	35
3296	17
3303	50
3306	68
3310	96
3332	85
3338	71
3346	8
3347	90
3347	92
3362	99
3363	12
3377	82
3383	67
3384	26
3384	33
3384	61
3392	71
3396	99
3399	57
3399	76
3403	19
3411	10
3424	74
3453	89
3462	36
3462	80
3475	63
3482	19
3490	88
3496	69
3514	18
3514	26
3518	74
3526	18
3537	14
3538	96
3539	51
3541	29
3546	34
3548	27
3549	54
3551	99
3572	96
3575	66
3580	52
3586	36
3586	62
3587	36
3590	33
3594	70
3597	5
3598	77
3602	85
3604	1
3611	76
3613	85
3613	100
3617	71
3623	28
3633	35
3641	68
3646	7
3651	3
3652	75
3666	96
3671	58
3681	87
3684	38
3697	69
3697	82
3706	88
3710	41
3712	21
3713	82
3716	64
3720	73
3757	95
3762	55

200 р. Серія	№
3769	54
3779	99
3782	48
3785	63
3828	98
3832	72
3854	78
3856	46
3863	33
3876	55
3887	95
3893	8
3894	30
3903	87
3912	25
3916	29
3921	52
3947	14
3951	60
3956	36
3964	52
3966	56
3981	37
3983	53
3987	81
3991	21
3994	7
3996	98
4001	52
4009	87
4010	48
4011	43
4017	43
4022	78
4031	40
4038	62
4040	48
4046	26
4048	97
4053	95
4055	58
4066	66
4072	97
4077	92
4087	40
4089	35
4094	8
4099	87
4101	67
4121	42
4135	83
4140	18
4157	27
4159	17
4164	79
4167	30
4171	90
4174	10
4179	18
4187	14
4189	51
4190	11
4196	89
4204	90
4209	12
4222	22
4240	19
4240	51
4250	35
4254	48
4264	18
4273	22
4287	75
4290	10
4295	40
4296	59
4300	78
4301	24
4308	11
4311	19
4311	23
4319	16
4320	27
4335	1
4341	30
4344	26
4351	97
4367	94
4374	41
4376	49
4384	53
4390	90
4398	47
4413	85
4418	57
4421	91
4426	72
4447	55
4523	47
4524	78
4531	43
4546	18
4569	95
4575	33
4580	67
4587	76
4588	20
4602	92
4605	42
4608	6
4609	71
4618	29
4624	19
4624	22
4630	85
4632	17
4640	45
4666	70
4680	9
4681	60
4686	88
4689	23

200 р. Серія	№
4693	82
4701	57
4702	59
4702	80
4712	54
4714	21
4733	86
4740	6
4749	7
4757	2
4763	35
4763	72
4763	83
4772	30
4778	13
4780	18
4792	11
4818	2
4818	77
4823	36
4823	91
4842	7
4850	47
4853	39
4853	94
4856	47
4857	72
4865	78
4869	83
4875	1
4881	82
4892	58
4895	85
4897	97
4899	12
4903	51
4906	1
4910	81
4915	74
4928	74
4942	52
4945	8
4972	7
4976	95
4978	5
4987	49
5018	78
5022	11
5022	35
5035	40
5041	46
5049	86
5052	14
5058	16
5060	30
5062	77
5064	90
5069	72
5072	22
5073	96
5079	81
5088	20
5088	87
5093	84
5098	1
5099	19
5109	77
5112	23
5114	62
5118	66
5126	59
5127	8
5133	96
5137	56
5144	87
5148	93
5170	20
5187	70
5210	20
5217	12
5219	53
5225	82
5230	3
5243	95
5250	12
5250	25
5258	95
5267	15
5289	97
5296	93
5309	61
5323	98
5336	46
5340	61
5350	6
5356	85
5366	38
5367	77
5368	56
5373	70
5378	20
5378	44
5390	15
5390	43
5390	92
5396	42
5398	73
5417	72
5431	81
5443	30
5447	98
5448	36
5449	6
5453	60
5455	21
5456	15
5458	15
5458	59
5463	51
5466	60
5468	13
5471	49

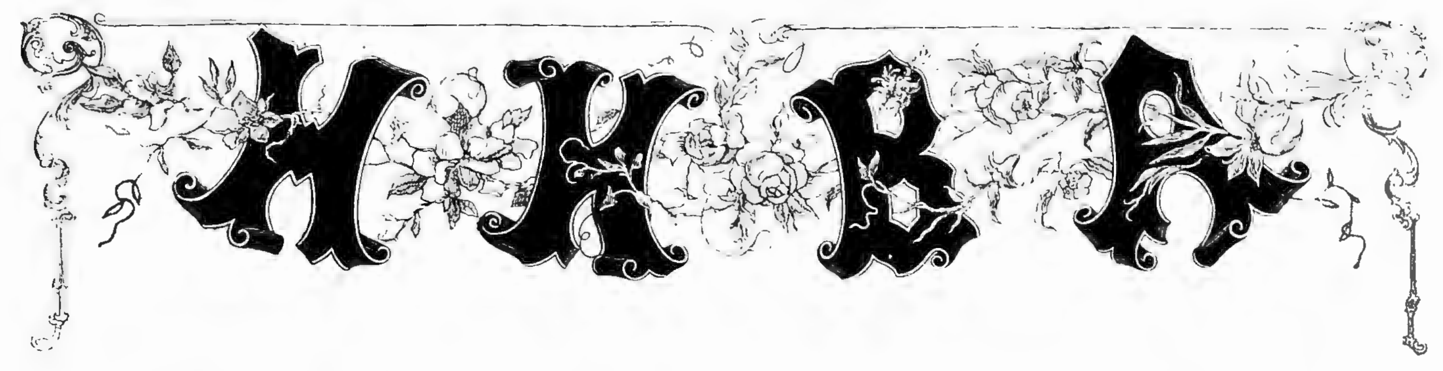
200 р. Серія	№
5476	73
5483	51
5501	71
5508	85
5510	99
5540	30
5540	53
5544	12
5564	45
5579	59
5585	45
5587	7
5587	23
5589	34
5590	91
5600	33
5607	13
5624	17
5628	86
5642	69
5656	13
5656	79
5661	79
5662	33
5665	86
5672	59
5676	49
5683	11
5703	30
5706	46
5708	63
5712	56
5720	17
5720	31
5723	27
5725	66
5734	70
5741	78
5745	57
5752	19
5754	13
5767	26
5770	79
5777	68
5783	80
5799	50
5801	75
5805	14
5809	37
5811	87
5824	70
5824	85
5828	90
5839	92
5854	28
5862	22
5863	49
5877	79
5879	88
5883	56
5884	81
5899	37
5910	7
5917	30
5932	10
5943	36
5944	41
5953	94
5956	16
5959	4
5960	58
5970	8
5976	1
5980	33
5989	97
6015	40
6047	29
6058	47
6064	87
6087	54
6096	53
6098	31
6104	68
6110	100
6112	57
6116	73
6117	34
6122	11
6128	63
6131	23
6134	43
6134	81
6142	10
6144	33
6147	95
6156	44
6157	31
6161	14
6162	77
6167	73
6179	22
6181	75
6185	72
6190	60
6195	76
6203	42
6204	26
6204	83
6209	63
6210	3
6212	100
6217	90
6223	52
6232	90
6238	77
6243	2
6264	78
6266	57
6276	61
6279	39
6280	27
6285	46

200 р. Серія	№
6294	95
6297	22
6312	2
6312	35
6312	54
6323	15
6332	64
6337	67
6340	24
6340	58
6351	81
6351	85
6352	20
6374	16
6383	82
6389	83
6389	91
6406	18
6414	77
6415	79
6419	3
6419	21
6419	46
6429	45
6436	4
6445	9
6452	54
6454	13
6458	45
6458	66
6468	29
6485	35
6485	52
6488	91
6490	4
6492	60
6500	78
6509	82
6509	88
6514	60
6519	3
6521	74
6522	2
6527	55
6532	10
6538	84
6540	14
6540	67
6550	21
6565	3
6572	80
6573	12
6582	16
6593	52
6605	4
6611	78
6614	87
6618	87
6620	45
6625	73
6626	14
6633	6
6635	9
6652	88
6657	98
6667	85
6673	2
6681	60
6694	27
6695	26
6696	21
6701	36
6701	45
6710	19
6712	20
6713	80
6715	1
6715	42
6729	8
6730	36
6732	71
6749	26
6753	7
6756	84
6761	8
6766	54
6772	8
6772	12
6778	47
6790	74
6790	82
6792	46
6798	18
6803	22
6804	8
6804	25
6813	88
6832	52
6835	26
6835	31
6845	84
6846	10
6846	53
6854	5
6854	61
6869	72
6880	43
6880	88
6884	43
6884	64
6889	78
6897	41
6898	77
6900	14
6901	45
6907	27
6908	34
6918	16
6919	54
6922	94
6929	93
6932	28

200 р. Серія	№
6933	11
6935	42
6950	27
6952	31
6958	28
6959	52
6964	35
6965	29
6969	9
6969	27
6974	77
6985	78
7027	8
7030	40
7031	61
7037	20
7046	44
7048	99
7060	89
7068	67
7070	35
7075	51
7077	43
7114	9
7118	79
7122	98
7123	24
7128	6
7151	50
7153	4
7155	72
7163	90
7165	32
7166	67
7202	48
7204	74
7211	4
7211	55
7215	36
7218	13
7219	97
7223	31
7238	50
7240	24
7246	73
7251	23
7254	41
7255	77
7260	29
7280	79
7282	31
7288	2
7289	56
7294	55
7294	84
7297	50
7298	94
7308	56
7326	34
7329	34
7351	75
7354	63
7355	47
7355	66
7361	56
7365	97
7367	7
7368	72
7368	100
7374	30
7379	97
7389	58
7390	12
7395	43
7403	58
7414	40
7417	54
7421	29
7422	15
7433	100
7442	67
7442	93
7444	19
7465	16
7469	10
7497	18
7503	48
7505	21
7534	4
7538	51
7545	90
7558	32
7558	60
7560	27
7574	54
7580	85
7582	52
7596	12
7605	77
7615	81
7619	17
7619	63
7645	76
7649	2
7663	79
7665	1
7674	31
7684	94
7695	64
7699	79
7705	89
7707	65
7709	65
7725	7
7736	26
7739	25
7752	88
7758	4
7763	73
7769	31
7778	22
7781	9

200 р. Серія	№
7781	46
7797	39
7804	9
7815	15
7820	29
7825	13
7838	12
7848	50
7851	76
7853	51
7865	72
7871	68
7884	4
7889	49
7899	16
7913	83
7921	63
7931	83
7947	100
7957	67
7959	91
7967	52
7981	6
7981	30
7983	4
7988	78
7994	42
8002	44
8012	45
8012	92
8019	28
8020	34
8029	92
8031	9
8035	41
8038	41
8053	6
8061	63
8067	93
8068	80
8086	42
8097	92
8103	54
8107	28
8110	81
8115	72
8127	69
8131	92
8133	39
8146	52
8147	65
8151	60
8171	27
8179	7
8181	32
8191	76
8195	47
8197	22
8201	5
8206	42
8207	58
8209	85
8216	48
8223	52
8226	85
8245	32
8263	77
8264	73
8266	49
8266	78
8267	66
8267	82
8279	32
8282	41
8289	15
8319	78
8329	2
8332	30
8338	21
8349	30
8352	63
8364	7
8378	84
8380	100
8381	56
8381	81
8384	20
8393	77
8396	44
8397	40
8399	28
8399	55
8406	38
8410	85
8413	13
8426	45
8427	14
8430	41
8435	59
8435	89
8439	80
8442	81
8447	71
8458	75
8459	79
8466	13
8468	63
8469	73
8470	60
8473	75
8476	13
8479	26
8489	92
8491	90
8492	70
8507	100
8510	89
8530	58
8547	92
8553	24
8557	3
8570	67

200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200 р.		200
Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія	№	Серія
8583	71	9343	25	10071	92	10877	80	11802	69	12639	83	13532	41	14357	70	15108	23	160[illegible]8	35	16773	99	17632	50	18531	14	19366
8585	10	9317	11	10091	68	10882	34	11814	82	12647	89	13537	70	14358	63	15109	19	16035	80	16785	88	17663	19	18534	2	19367
8588	93	9349	79	10095	46	10895	86	11829	72	12654	100	13538	15	14368	28	15110	10	16052	34	16789	69	17663	68	18546	20	19367
8597	12	9354	88	10099	96	10899	9	11830	24	12661	67	13541	92	14369	50	15113	22	16063	1	16792	84	17677	44	18551	90	19375
8598	45	9355	76	10105	63	10900	89	11842	57	12662	4	13557	62	14370	1	15120	51	16063	54	16794	14	17682	59	18569	27	19397
8607	1	9358	2	10110	19	10907	68	11864	58	12666	16	13559	75	14396	7	15123	17	16071	25	16794	19	17691	44	18584	22	19414
8610	51	9374	74	10128	10	10911	58	11866	9	12667	83	13566	64	14400	84	15127	61	16081	1	16796	84	17727	49	18590	42	19416
8616	45	9392	38	10135	13	10912	59	11870	37	12688	17	13571	63	14418	57	15138	80	16083	41	16804	89	17735	30	18597	45	19417
8622	26	9394	78	10137	20	10913	73	11879	43	12688	61	13576	37	14428	20	15150	38	16083	58	16805	54	17743	19	18597	65	19417
8623	43	9396	61	10148	7	10916	78	11879	97	12691	15	13580	15	14442	59	15152	39	16108	3	16815	71	17746	54	18604	13	19418
8627	51	9399	17	10158	17	10922	6	11880	85	12691	46	13593	30	14442	68	15166	99	16114	7	16815	86	17754	34	18609	13	19431
8630	7	9401	19	10162	19	10927	81	11882	36	12699	64	13607	91	14446	12	15170	56	16114	36	16835	70	17758	36	18612	34	19438
8630	42	9401	97	10167	79	10929	24	11885	53	12706	99	13612	94	14449	61	15177	5	16137	47	16836	82	17759	58	18613	26	19440
8632	34	9411	82	10168	8	10940	58	11885	59	12717	25	13613	86	14451	4	15183	20	16143	93	16847	62	17770	19	18620	8	19440
8635	6	9412	31	10170	10	10941	96	11890	61	12720	38	13623	84	14451	71	15193	37	16146	2	16849	7	17773	56	18621	82	19440
8642	18	9415	38	10182	14	10944	8	11905	52	12722	15	13631	11	14463	62	15194	3	16160	5	16858	81	17793	68	18622	60	19447
8643	23	9425	44	10183	16	10946	62	11916	89	12728	66	13640	100	14473	84	15208	77	16169	69	16870	62	17800	87	18624	42	19448
8644	43	9432	77	10209	36	10948	38	11924	70	12735	58	13654	43	14474	28	15214	35	16171	39	16880	14	17803	16	18641	29	19453
8647	59	9453	41	10212	10	10949	86	11943	13	12738	64	13658	31	14475	58	15239	98	16175	62	16885	78	17804	88	18649	6	19466
8648	49	9454	9	10240	20	10955	7	11947	7	12742	6	13658	49	14477	29	15244	92	16177	25	16917	4	17811	36	18649	72	19470
8654	14	9454	67	10248	76	10970	16	11949	31	12744	80	13662	77	14479	8	15245	76	16188	48	16919	16	17821	29	18656	45	19478
8663	12	9454	79	10259	96	10970	80	11952	78	12750	10	13672	44	14479	31	15246	22	16194	32	16934	33	17826	83	18661	71	19479
8670	24	9461	40	10288	57	10977	92	11959	97	12763	69	13672	87	14481	10	15248	29	16199	13	16934	86	17826	84	18669	48	19481
8678	45	9475	76	10299	31	10979	50	11973	100	12770	30	13676	56	14483	56	15250	5	16209	66	16942	54	17835	91	18702	100	19482
8688	93	9485	53	10303	38	10986	4	11980	77	12792	1	13681	99	14487	87	15261	95	16219	76	16944	61	17839	20	18705	1	19485
8704	95	9504	72	10304	38	11016	48	11988	40	12796	27	13686	6	14500	8	15285	34	16235	75	16960	88	17846	41	18719	30	19491
8707	98	9518	9	10311	15	11035	24	11988	71	12797	68	13689	28	14503	96	15288	63	16239	20	16983	72	17850	61	18723	96	19497
8719	85	9518	30	10312	90	11035	71	11989	89	12797	85	13691	50	14522	48	15305	84	16241	90	16984	67	17868	62	18728	14	19514
8720	58	9519	72	10316	85	11053	92	12000	98	12798	60	13695	38	14525	51	15305	97	16244	62	16986	38	17869	31	18728	79	19530
8732	84	9521	88	10322	15	11054	27	12005	2	12803	60	13719	50	14531	82	15306	91	16251	72	16988	94	17877	28	18734	63	19534
8744	71	9522	26	10323	32	11068	38	12022	69	12815	43	13737	34	14551	53	15313	90	16253	37	16990	34	17880	62	18736	39	19546
8753	4	9534	78	10323	34	11069	92	12031	69	12818	38	13747	51	14552	58	15329	10	16254	40	17000	94	17890	11	18753	11	19547
8758	75	9538	54	10331	77	11070	77	12032	23	12829	64	13762	7	14554	5	15331	74	16274	85	17008	5	17891	46	18754	47	19554
8762	48	9538	97	10343	80	11073	58	12035	42	12830	24	13771	13	14560	97	15335	62	16278	8	17016	26	17893	28	18767	62	19554
8763	76	9541	69	10353	90	11075	84	12041	44	12843	95	13773	32	14565	67	15337	87	16285	12	17018	34	17908	94	18768	71	19560
8771	91	9557	100	10369	72	11079	13	12058	61	12851	58	13774	37	14575	2	15346	93	16289	25	17019	7	17909	41	18772	2	19562
8773	78	9562	36	10374	93	11103	8	12060	49	12873	98	13782	83	14588	19	15349	63	16292	19	17027	44	17911	41	18774	98	19565
8782	29	9568	68	10387	16	11110	11	12062	45	12879	78	13784	79	14597	53	15362	22	16321	97	17036	14	17917	84	18785	17	19569
8790	49	9573	80	10387	96	11134	49	12065	7	12881	10	13808	44	14600	24	15366	87	16322	18	17055	75	17919	39	18792	98	19573
8791	70	9579	42	10388	76	11136	30	12069	12	12882	6	13833	61	14610	77	15385	62	16323	95	17059	24	17932	28	18793	77	19577
8795	59	9585	75	10390	19	11153	52	12073	83	12884	89	13834	69	14615	80	15420	18	16325	21	17080	51	17934	28	18804	10	19582
8797	15	9593	78	10391	87	11153	92	12080	88	12887	19	13846	42	14629	88	15430	46	16327	61	17084	3	17938	21	18813	52	19600
8801	21	9599	93	10403	60	11162	48	12097	14	12889	61	13859	77	14632	61	15436	24	16327	87	17088	3	17940	25	18815	33	19604
8807	61	9605	75	10405	12	11162	64	12105	60	12893	68	13863	22	14633	88	15444	52	16333	64	17092	33	17940	61	18826	24	19607
8814	46	9609	38	10406	35	11164	49	12117	68	12894	89	13874	52	14635	38	15451	24	16341	3	17105	24	17941	53	18833	93	19646
8815	89	9620	59	10406	43	11192	65	12117	73	12896	76	13877	12	14640	58	15454	91	16346	86	17110	55	17963	33	18842	80	19651
8819	59	9637	3	10409	49	11203	92	12122	83	12902	67	13920	12	14643	85	15455	63	16358	78	17111	45	17963	55	18849	45	19659
8824	11	9645	42	10414	9	11209	41	12132	7	12911	57	13921	30	14675	40	15485	25	16360	3	17118	8	17964	8	18849	96	19687
8827	67	9645	43	10428	27	11211	54	12140	9	12916	90	13921	90	14720	89	15489	78	16389	69	17120	96	17977	14	18858	36	19696
8828	15	9647	4	10432	81	11218	29	12151	83	12922	45	13923	53	14722	84	15491	24	16390	99	17122	93	17995	79	18859	29	19717
8831	77	9648	83	10433	3	11224	38	12153	23	12943	66	13940	6	14732	86	15492	31	16399	62	17131	57	17997	99	18866	32	19718
8844	52	9653	62	10446	93	11234	94	12157	16	12952	57	13947	68	14735	90	15496	34	16409	71	17132	79	18012	3	18866	74	19718
8844	61	9658	3	10458	12	11247	39	12197	81	12953	63	13949	59	14752	20	15501	2	16418	27	17137	57	18020	52	18872	98	19722
8848	22	9660	96	10469	74	11263	21	12221	54	12961	72	13952	86	14753	47	15501	37	16423	56	17137	59	18022	100	18885	79	19744
8850	31	9669	19	10475	67	11288	43	12230	13	12968	92	13959	54	14755	82	15506	84	16426	79	17138	78	18029	50	18894	10	19747
8854	69	9673	95	10476	20	11300	11	12230	83	12969	21	13962	99	14768	85	15524	87	16426	89	17151	58	18039	100	18900	57	19750
8862	20	9676	64	10478	9	11311	13	12249	2	12973	13	13969	100	14769	36	15526	93	16432	24	17152	55	18040	20	18908	78	19766
8869	80	9679	26	10479	5	11313	98	12259	3	12988	15	13971	59	14780	78	15527	29	16433	45	17154	25	18058	7	18922	19	19767
8870	60	9680	16	10479	95	11325	66	12265	50	12993	81	13987	95	14781	83	15528	48	16444	20	17158	75	18067	7	18937	80	19768
8871	73	9685	92	10480	89	11331	44	12285	37	13006	11	13988	23	14795	78	15556	39	16461	37	17159	73	18067	41	18939	72	19772
8872	27	9696	23	10482	32	11348	92	12294	83	13010	14	13996	85	14797	89	15557	5	16461	72	17167	29	18077	81	18943	9	19775
8874	49	9712	63	10484	81	11351	26	12302	57	13016	64	13997	41	14804	23	15567	83	16468	30	17168	25	18078	49	18946	3	19777
8893	3	9713	66	10485	81	11375	93	12305	32	13020	34	14002	53	14810	5	15583	75	16471	80	17172	82	18085	96	18955	43	19781
8906	82	9714	38	10485	91	11376	47	12309	27	13023	73	14002	91	14815	6	15592	37	16474	59	17173	97	18087	17	18962	94	19784
8913	30	9719	10	10486	19	11377	39	12310	12	13038	62	14025	45	14816	17	15616	8	16479	48	17191	42	18089	93	18966	6	19785
8914	22	9725	62	10487	30	11378	61	12315	30	13039	36	14051	35	14823	93	15619	13	16479	68	17195	33	18093	3	18972	34	19786
8935	33	9729	41	10493	71	11379	73	12317	19	13040	30	14052	95	14844	14	15643	39	16489	77	17198	37	18096	16	18977	93	19794
8935	67	9733	81	10496	39	11382	50	12325	25	13044	59	14055	95	14846	63	15652	70	16489	94	17199	26	18100	30	18979	60	19794
8944	12	9734	35	10498	65	11384	97	12327	1	13051	31	14057	25	14852	72	15652	99	16491	84	17214	23	18102	76	18995	67	19796
8944	100	9743	38	10512	27	11391	42	12327	79	13066	1	14064	72	14853	25	15655	25	16492	70	17219	37	18105	67	18997	75	19807
8945	1	9743	75	10512	79	11395	17	12329	19	13073	7	14066	38	14858	76	15659	1	16503	61	17244	44	18112	61	18997	82	19808
8947	58	9753	9	10522	48	11401	82	12332	39	13085	67	14066	94	14859	91	15684	17	16504	4	17249	41	18112	84	19000	9	19808
8956	6	9770	55	10523	40	11403	70	12344	3	13085	77	14068	46	14867	89	15686	74	16509	12	17273	77	18120	34	19010	69	19815
8957	73	9789	54	10536	82	11408	26	12349	8	13089	93	14072	76	14872	70	15704	18	16512	44	17291	36	18132	4	19027	22	19819
8970	31	9795	98	10536	83	11419	7	12349	62	13094	28	14084	18	14879	56	15704	65	16517	5	17294	5	18163	48	19035	42	19822
8973	44	9797	67	10537	14	11421	12	12353	73	13098	69	14096	20	14883	6	15746	86	16521	83	17299	36	18164	23	19044	76	19823
8973	72	9801	23	10545	8	11429	93	12365	99	13131	90	14098	55	14883	26	15770	48	16525	47	17308	90	18164	34	19056	51	19833
8983	46	9808	84	10545	52	11432	53	12368	8	13158	11	14100	37	14884	20	15774	79	16527	56	17310	21	18166	51	19060	59	19837
8985	26	9810	54	10545	93	11435	9	12371	85	13159	41	14102	47	14886	4	15780	44	16533	74	17310	70	18167	24	19084	31	19856
9007	49	9817	57	10548	53	11456	35	12372	56	13175	85	14104	93	14888	18	15789	94	16536	69	17310	96	18167	63	19088	91	19873
9008	76	9818	12	10553	86	11462	24	12377	17	13205	3	14108	30	14888	49	15790	41	16541	30	17311	43	18191	21	19090	81	19875
9009	88	9829	15	10562	87	11469	72	12382	61	13222	59	14117	17	14889	87	15791	92	16568	72	17326	64	18193	95	19096	4	19876
9010	77	9832	74	10563	23	11500	20	12384	53	13224	32	14122	67	14893	47	15793	66	16572	12	17333	1	18195	19	19100	2	19879
9033	33	9842	57	10582	63	11510	54	12387	63	13225	55	14125	63	14893	63	15804	87	16573	25	17334	5	18196	55	19101	46	19883
9035	52	9854	21	10583	33	11523	56	12388	54	13234	82	14129	26	14895	34	15813	11	16579	3	17338	58	18197	72	19121	38	19883
9062	1	9854	30	10584	45	11523	68	12389	34	13243	35	14132	56	14899	59	15823	62	16602	79	17361	13	18217	81	19122	31	19890
9063	16	9855	99	10584	50	11552	48	12389	73	13246	12	14133	6	14900	74	15829	35	16610	79	17367	58	18233	8	19123	27	19894
9074	90	9857	8	10594	24	11567	4	12394	84	13259	89	14140	98	14908	98	15832	6	16612	91	17369	5	18236	42	19127	6	19898
9079	14	9858	43	10599	56	11571	78	12401	20	13276	65	14141	91	14909	83	15836	4	16615	97	17377	37	18241	37	19132	82	19900
9092	8	9858	86	10599	75	11576	32	12401	63	13280	15	14143	43	14915	87	15844	64	16623	85	17395	25	18248	81	19133	64	19914
9094	4	9864	58	10605	72	11582	61	12411	34	13281	69	14154	69	14924	31	15848	47	16624	15	17409	7	18262	99	19137	12	19919
9102	100	9871	76	10610	56	11607	76	12418	46	13288	79	14193	17	14928	24	15853	39	16624	66	17412	33	18270	78	19139	39	19924
9103	80	9874	63	10613	17	11613	26	12422	96	13288	100	14195	72	14932	86	15854	76	16644	6	17417	71	18274	90	19157	14	19927
9116	100	9878	84	10616	18	11620	42	12423	58	13289	11	14198	31	14936	19	15876	29	16654	73	17420	95	18280	66	19160	74	19927
9119	36	9881	48	10630	23	11628	96	12435	37	13292	97	14198	38	14936	20	15880	30	16665	81	17422	77	18308	15	19167	69	19934
9149	67	9881	94	10630	70	11637	32	12472	63	13298	47	14201	7	14937	47	15886	38	16668	11	17433	52	18313	38	19178	68	19935
9155	6	9884	48	10633	4	11637	42	12478	32	13324	83	14208	74	14943	37	15890	66	16670	64	17442	2	18324	70	19180	51	19940
9166	60	9896	11	10637	39	11637	98	12480	10	13345	98	14211	100	14943	89	15893	90	16671	88	17442	26	18329	93	19191	46	19946
9174	42	9931	84	10643	89	11641	92	12480	37	13373	45	14214	71	14947	33	15895	84	16674	54	17442	65	18332	93	19192	35	19952
9181	32	9938	97	10659	69	11650	67	12482	57	13380	73	14222	75	14953	91	15900	42	16682	69	17446	42	18335	84	19194	10	19960
9205	57	9946	19	10664	82	11652	2	12503	23	13381	39	14224	88	14965	75	15905	84	16687	53	17465	65	18340	5	19216	84	19964
9205	72	9949	83	10666	81	11656	82	12530	12	13384	33	14229	19	14979	75	15911	2	16688	12	17467	68	18345	1	19219	67	19966
9211	33	9955	25	10671	4	11680	7	12531	43	13398	10	14253	25	14980	14	15911	30	16689	72	17489	26	18349	3	19223	73	19974
9225	80	9958	46	10673	43	11691	61	12537	24	13407	23	14254	5	14986	9	15917	20	16691	26	17493	51	18363	73	19226	75	19979
9228	16	9968	16	10719	6	11701	37	12540	95	13414	58	14266	70	14987	51	15918	9	16691	83	17505	23	18371	81	19228	56	19981
9251	27	9975	27	10735	59	11708	75	12550	58	13429	10	14272	21	14990	55	15930	71	16692	65	17514	3	18389	42	19231	57	19986
9256	10	9987	95	10738	70	11711	12	12575	99	13416	45	14272	75	14995	97	15930	91	16712	61	17560	22	18399	16	19241	1	19987
9263	57	9990	52	10742	9	11715	85	12576	67	13460	64	14279	28	15011	45	15933	83	16715	70	17560	78	18413	25	19242	52	19991
9268	36	9995	20	10745	56	11729	18	12585	90	13468	4	14279	38	15029	43	15936	93	16726	45	17567	96	18420	53	19246	46	19997
9269	24	10009	40	10770	49	11731	54	12586	11	13468	78	14280	71	15041	97	15972	71	16730	9	17568	69	18424	5	19246	52	20000
9271	85	10010	79	10771	25	11734	60	12590	10	13472	91	14281	49	15047	64	15987	11	16734	55	17570	22	18427	87	19252	86	
9279	80	10020	90	10773	18	11742	21	12593	69	13473	95	14287	27	15048	25	15987	50	16747	47	17572	78	18440	40	19268	40	
9285	98	10021	64	10795	8	11743	12	12598	1	13473	100	14297	42	15055	71	15989	68	16758	91	17579	90	18444	89	19271	36	
9291	95	10026	68	10800	48	11746	64	12607	67	13492	96	14303	73	15058	62	15995	11	16759	51	17582	89	18446	52	19273	23	
9301	8	10029	14	10820	53	11754	16	12609	72	13498	31	14307	62	15059	48	15995	75	16763	97	17587	29	184[illegible]5	16	19275	47	
9310	88	10037	91	10826	77	11756	86	12614	97	13505	47	14311	61	15070	80	15997	99	16766	6	17596	60	18467	36	19277	4	
9314	81	10040	52	10832	96	11759	23	12619	66	13512	50	14313	68	15071	52	16000	98	16766	87	17618	70	18470	4	19290	30	
9318	64	10049	38	10837	81	11770	3	12622	45	13513	80	14316	81	15072	52	16008	39	16768	64	17622	94	18471	18	19295	88	
9324	82	10052	35	10844	88	11775	70	12623	65	13522	42	14318	57	15088	57	16014	16	16769	34	17623	26	18476	94	19331	57	
9337	48	10054	62	10857	4	11779	17	12629	20	13522	78	14319	59	15093	83	16014	30	16770	38	17628	32	18490	75	19342	53	
9338	46	10065	62	10871	49	11795	15	12637	66	13525	40	14337	62	15096	79	16027	71	16773	82	17631	53	18503	21	19352	65	



Продолжается подписка на 1915 г.

№ 28. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. 11 Іюля 1915 г.

И. Владиміровъ. У кладбища.

Танго.

Разсказъ **Георгія Павлова.**

I.

Ненастнымъ осеннимъ вечеромъ, когда дождь оплакивалъ въ полѣ обнаженные скелеты деревьевъ и рѣка, изрытая вѣтромъ, жалобно стонала и корчилась въ завѣшанныхъ тьмою берегахъ, усадьбу заняли нѣмцы. Ворота были отворены, и забитыя наглухо двери и окна господскаго дома отвѣчали на окрики пришельцевъ молчаніемъ, равнодушнымъ и презрительнымъ: хозяева усадьбы покинули ее уже давно. И мало-по-малу смолкли окрики, команда и громкая брань перешли въ шопотъ, затихли бряцаніе оружія и стукъ конскихъ копытъ по камнямъ—умерли всѣ живые звуки, принесенные съ собою живыми людьми: такой глубокой и страшной была тишина въ этомъ покинутомъ мѣстѣ, обреченномъ на разрушенье и отданномъ въ руки врага тѣми, кто раньше любилъ его.

Не найдя никого въ господскомъ домѣ, пруссаки вернулись въ деревню, по улицѣ которой нѣсколько минутъ назадъ промчалась ихъ шумная кавалькада. Но и деревня оказалась покинутой жителями. Повсюду лучъ карманнаго фонаря освѣщалъ безлюдные дворы, опустѣлые загоны для скота, еще сохранившіе свою теплоту и запахъ навоза, соломенныя кровли, зіяющія дырами, какъ послѣ пожара, потоптанные палисадники, развороченные плетни. И ни одного огонька въ окнахъ: темнота, дождь, жалобное рыданье вѣтра и стонъ рѣки, одѣтой сырымъ промозглымъ туманомъ,—ничего больше. Какъ будто бы смерть и опустошенье, которыя врагъ приносилъ съ собою, вздумали посмѣяться надъ нимъ и, забѣжавъ впередъ, встрѣчали своихъ друзей неожиданнымъ и грознымъ молчаньемъ.

Въ самомъ концѣ деревни возвышался костелъ, едва видный за пеленой тумана. Старинная церковь, бѣдная и темная, какъ земля, освященная ею, высоко поднимала надъ черепичной кровлей свою башню, увѣнчанную скрипучимъ флюгеромъ. Вѣтеръ, проникая въ окно этой башни черезъ головы старыхъ искривленныхъ буковъ, велъ бесѣду съ колоколами, и они звенѣли тихо и осторожно: казалось, что кто-то живой отгоняетъ отъ нихъ сонъ въ эту тревожную ночь и одиноко бодрствуетъ надъ покинутой разоренной деревней.

Церковь и въ самомъ дѣлѣ была обитаема.

Благословивъ передъ бѣгствомъ съ родныхъ насиженныхъ гнѣздъ свою паству, настоятель костела вернулся къ его алтарю и принесъ передъ нимъ клятву, что покинетъ церковь, только переходя въ вѣчную жизнь. Онъ остался, и съ нимъ вмѣстѣ остались въ маленькой церковной пристройкѣ его друзья, не хотѣвшіе измѣнить пастырю и храму: старикъ-звонарь Владекъ, глухой, скривившійся набокъ подъ тяжестью своихъ семидесяти лѣтъ, но еще крѣпкій, какъ дубовая колода, и его внукъ Стась, который убиралъ по утрамъ костелъ и прислуживалъ пастырю за обѣдней. Для этихъ троихъ людей—старика, священника и ребенка—церковь была тѣмъ міромъ, покинуть который значило умереть, а умереть—остаться въ немъ навсегда. Не колеблясь, они выбрали послѣднее.

II.

Нѣмцы скоро нашли ксендза, потому что онъ не скрывался и не хотѣлъ даже погасить огня въ своей кельѣ. Онъ зналъ, что это освѣщенное окно, единственное во всей деревнѣ, можетъ привести къ нему незваныхъ гостей, какъ маякъ, но зналъ онъ и то, что въ ненастную бурную ночь послѣдняго маяка не гасятъ. Онъ вышелъ къ офицерамъ спокойный, величественный, какъ мудрецъ, гостепріимный и кроткій, какъ священникъ, всегда готовый пріютить усталыхъ путниковъ, не спрашивая о томъ, кто они и куда идутъ. Въ комнатѣ патера было тепло и уютно, несмотря на низкій сводчатый потолокъ и стѣны, потемнѣвшія отъ времени и сырости. У ксендза Марка нашлись и хлѣбъ, и свинина, и даже нѣсколько бутылокъ добраго стараго меда, который господа офицеры оцѣнили по достоинству, покончивъ предварительно со своими дорожными фляжками. Скоро комната, освѣщенная пылающимъ каминомъ и восковыми свѣчами, потонула въ облакахъ сигарнаго дыма, сквозь который тускло блестѣло золотое Распятіе на стѣнѣ, надъ ложемъ священника.

Отецъ Маркъ отвѣчалъ на всѣ вопросы офицеровъ. Ему не надо было осквернять своей рясы ложью: онъ въ самомъ дѣлѣ ничего не зналъ о передвиженіи русскихъ войскъ. Это незнаніе было такъ очевидно, что даже полупьяные германцы повѣрили ему и мало-по-малу перешли къ другимъ темамъ. Отецъ Маркъ хорошо понималъ нѣмецкій языкъ. Прислушиваясь изъ своего угла къ разговору офицеровъ, онъ узналъ, что германскій развѣдочный отрядъ не долго пробудетъ въ деревнѣ, гдѣ не могъ узнать ничего. Отъ стратегическихъ разсужденій нѣмцы перешли къ политикѣ, потомъ къ воспоминаніямъ, анекдотамъ и шуткамъ, и наконецъ начали пѣть. Настроеніе замѣтно поднималось. Ксендзъ уже всталъ съ мѣста, чтобы незамѣтно выскользнуть изъ комнаты, какъ вдругъ ему послышалось нѣчто, заставившее его вздрогнуть.

Онъ боялся только одного—что пришельцы вздумаютъ осквернить святыню костела. О, съ нимъ, ксендзомъ Маркомъ, скромнымъ пастыремъ Божьяго стада, они могутъ сдѣлать все, что хотятъ: онъ не испугается ни оскорбленій, ни мукъ, ни смерти. Но храмъ? Кто назвалъ сейчасъ его святое имя здѣсь, среди пьяной ругани и табачнаго дыма, обратившихъ этотъ тихій пріютъ уединенія и молитвы въ распутное мѣсто? Зачѣмъ имъ храмъ? Чего могутъ искать у алтаря эти люди, давно забывшіе Бога и вѣру?

Онъ подошелъ ближе и прислушался.

Офицеровъ было пять человѣкъ. Высокіе и плечистые, затянутые въ свои сѣрые кителя, гладко выбритые, съ щегольски-закрученными усами, они и среди лишеній похода сохранили характерный обликъ кутилъ, ресторанныхъ завсегдатаевъ, любителей дерзкой и наглой шутки, исполненныхъ вѣры въ свою силу и безнаказанность. Вино уже бросилось имъ въ головы, лица и затылки подъ коротко остриженными волосами раскраснѣлись, глаза сверкали. Отъ этихъ людей можно было ожидать всего.

— Господинъ майоръ,—говорилъ младшій изъ нихъ, поручикъ съ женоподобной физіономіей:—не находите ли вы, что это прекрасное вино слишкомъ хорошо для такого помѣщенія? Очень благочестиваго, правда, но и очень непрезентабельнаго.

— Я съ вами согласенъ, баронъ Риловъ. Но здѣсь нѣтъ другого помѣщенія.

— Нѣтъ, есть—и даже, кажется, рядомъ.

— Вы говорите про церковь?

— Конечно.

Другіе офицеры встрѣтили одобрительными возгласами эту мысль, показавшуюся имъ забавной.

— Въ самомъ дѣлѣ! — продолжалъ поручикъ. — Было бы невѣжливо по отношенію къ нашему любезному хозяину не осмотрѣть его церковь, его каѳедральный соборъ, которымъ онъ, вѣроятно, по справедливости гордится.

И офицеры потребовали, чтобы имъ отворили костелъ. Отецъ Маркъ, блѣдный какъ полотно, не сопротивлялся—это было бы безполезно. Онъ старался говорить спокойно, но голосъ его дрожалъ противъ воли, и тихо, точно извиняясь, онъ высказалъ увѣренность, что господа офицеры отнесутся съ должнымъ уваженіемъ къ святынѣ. Ему отвѣчали ироническими возгласами, значеніе которыхъ онъ понялъ.

III.

Тяжелая дверь костела отворилась, и вихрь, ворвавшійся въ темноту храма, со свистомъ погналъ сухіе листья по каменнымъ плитамъ пола, подъ которыми покоилось вѣчнымъ сномъ не одно поколѣнье владѣльцевъ усадьбы. Нѣсколько разъ вѣтеръ гасилъ свѣчи въ рукахъ пришельцевъ, еще плотнѣе сдвигая завѣсу тьмы надъ ихъ головами, но въ концѣ концовъ ему пришлось уступить. Дверь была затворена на засовъ, зажженныя свѣчи и лампады замелькали во всѣхъ углахъ. И побѣжденный мракъ, волоча за собою свою сутану, тяжело распростерся вверху, подъ сводчатымъ потолкомъ, дальше отъ восклицаній, смѣха и звона шпоръ, наполнившихъ тихую церковь.

— Помѣщеніе превосходно!—проговорилъ майоръ.—Надо распорядиться, чтобы сюда принесли столы и вино. Скамьи уже есть, есть и помѣщеніе для музыкантовъ. Намъ остается мало времени, но мы еще успѣемъ попировать здѣсь на славу. Эй, патеръ!

Ксендзъ, не отвѣчая, смотрѣлъ передъ собою широко-раскрытыми глазами, какъ будто не понимая, что передъ нимъ происходитъ. Алтарь отворили, и при яркомъ свѣтѣ зажженной люстры въ святомъ мѣстѣ показался уланъ, протянувшій руку къ дарохранильницѣ. Патеръ кинулся на него, какъ левъ. Нѣсколько солдатъ схватили его сзади и привели назадъ, при громкомъ хохотѣ офицеровъ. Онъ бросился къ нимъ, простирая руки съ мольбою.

— Господа офицеры,—говорилъ онъ:—подумайте о томъ, что вы дѣлаете! Богъ видитъ все: вы можете убить меня,—вѣдь я только слабый безоружный священникъ. Но не забывайте о Богѣ, господа офицеры. Вы—на войнѣ, каждый день, каждый часъ вы рискуете также и своей жизнью. Подумайте о Богѣ: быть-можетъ, скоро вамъ суждено предстать передъ Нимъ, и тогда Онъ въ своемъ милосердіи вспомнитъ о храмѣ, который вы пощадили отъ оскорбленія и позора...

Его грубо прервали:

— Мы здѣсь не затѣмъ, чтобы слушать твои проповѣди. Мы не дѣти и знаемъ сами, что дѣлаемъ. Сейчасъ же принести сюда столы!—распоряжался майоръ.—Эй, горнисты, Эндель, Шуккертъ, Зиксъ—маршъ на хоры! Военная музыка, свѣтъ культуры и вино отдохновенья — вотъ какъ свершаетъ Германія свой великій побѣдоносный путь!

Патеръ упалъ на колѣни. Послѣднія силы оставили его: онъ умолялъ, обнимая грязные сапоги офицеровъ, плакалъ, какъ ребенокъ, и все его худое изможденное тѣло тряслось отъ рыданій, отвѣтомъ на которыя былъ только пьяный смѣхъ.

— Господа офицеры, — молилъ онъ: — пощадите меня! Не дѣлайте этого, или убейте меня раньше, чтобы мои глаза не могли видѣть того, что здѣсь будетъ. Не ради Бога прошу васъ, — не ради Бога, въ котораго вы не вѣрите; будьте великодушны и ми-

лостивы ради меня, который согрѣлъ васъ и подѣлился послѣднимъ кускомъ хлѣба. Это—моя церковь, моя единственная отрада въ жизни. Мнѣ дорогъ здѣсь каждый камень, каждая свѣча: церковь—моя мать и мое дитя. Про васъ говорятъ, что вы убиваете женщинъ и дѣтей: докажите, что это неправда, что на васъ клевещутъ ваши враги—и я буду кричать объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, и послѣдняя собака узнаетъ о томъ, какъ вы добры и великодушны. Вы хотите меня наказать за то, что я осмѣлился принять васъ въ моей нищенской кельѣ: она недостойна васъ, это правда, — но здѣсь близко господскій домъ: тамъ есть прекрасныя комнаты, драгоцѣнная мебель, ковры, картины, серебро и золото, — все, что хотите. Здѣсь же темно, сыро и холодно, свѣчи скоро сгорятъ, а у меня нѣтъ другихъ. Здѣсь только Богъ и мертвые, — зачѣмъ вамъ они? Сжальтесь, господа офицеры, молю васъ!..

На хорахъ грянули трубы и заглушили мольбы священника; донеслось только послѣднее слово—„убейте". Но пруссаки не хотѣли убивать несчастнаго, они были настроены миролюбиво. Поручикъ Рпловъ оттолкнулъ его ногой.

— Посмотрите сюда, святой отецъ. Знаете ли вы, что это такое?— Онъ держалъ въ рукахъ небольшой патронъ съ фитилемъ, который вынулъ изъ своей сумки.—Динамитный патронъ, если вамъ угодно. То, чѣмъ взрываютъ мосты. Выбирайте любое: или вы примете участіе въ нашемъ праздникѣ въ честь культуры, или мы покинемъ костелъ, какъ вы желаете, а черезъ десять минутъ онъ взлетитъ на воздухъ. Но только не съ вами, нѣтъ. Вамъ придется подбирать обломки.

Ксендзъ всталъ, шатаясь. Лицо его, орошенное слезами, осунувшееся, постарѣвшее за нѣсколько минутъ, казалось почти спокойнымъ. Это была неподвижная маска страданья, снятая съ лица трупа.

— Я покоряюсь, господа,—прошепталъ онъ.— Сила на вашей сторонѣ, я сдѣлалъ все, что велѣлъ мнѣ долгъ, и умываю руки. Поступайте, какъ вамъ угодно. Вы—мои гости, я не смѣю огорчать васъ отказомъ въ вашихъ желаніяхъ.

Его безкровныя тонкія губы сложились въ какое-то ужасное подобіе улыбки. Офицеры видѣли эту страдальческую гримасу и весело расхохотались надъ нею. Но опущенныя вѣки скрывали взоръ священника, и того, что было подъ ними, не видѣлъ никто,—никто, кромѣ Бога.

———

Отецъ Маркъ вышелъ на улицу. Порывъ вѣтра едва не свалилъ его съ ногъ, дождь хлесталъ по лицу, но онъ ничего не чувствовалъ. Прислонившись къ плачущей холодной стѣнѣ, онъ смотрѣлъ въ темное небо, какъ будто спрашивалъ у него, что дѣлать. Вдругъ кто-то коснулся его руки. Патеръ вздрогнулъ: передъ нимъ стоялъ на колѣняхъ Стась.

— Ойче святой,—прошепталъ мальчикъ:—позвольте мнѣ ѣхать... Всѣ нѣмцы пьяны, никто не замѣтитъ, что я взялъ у нихъ лошадь.

— Ѣхать? Куда?

— Я приведу солдатъ, русскихъ солдатъ, ойче.

Ксендзъ выпрямился, глаза его сверкнули.

— Ты знаешь, гдѣ они?

— Знаю, ойче. Вечеромъ я видѣлъ съ колокольни, какъ мимо ѣхала кавалерія, много кавалеріи, — цѣлый полкъ. Они не могутъ быть далеко, я поскачу прямо на фольваркъ и догоню ихъ. Тсс... Тише!

Невдалекѣ по лужамъ шлепали приближающіеся шаги. Дождь пересталъ, но въ водосточныхъ трубахъ вода шумѣла, какъ водопадъ. Ксендзъ и мальчикъ замерли: кто-то шелъ прямо на нихъ изъ темноты, какая-то невысокая сутулая фигура, опиравшаяся на палку. Стась первый узналъ ее и засмѣялся.

— Не бойтесь, ойче святой, — это дѣдушка. Всѣ церковныя крысы повылѣзли къ ночи изъ своихъ щелей...

Старый звонарь уже зналъ все. Приблизившись съ видомъ заговорщика, онъ похлопалъ внука по спинѣ, потомъ, прикрывъ губы ладонью, загудѣлъ въ самое ухо священника:

— Пусть попытается, ойче Маркъ. Хлопецъ проворенъ и ловокъ. Солдаты шли мимо, это правда; старый Владекъ видѣлъ ихъ своими глазами. Кавалерія можетъ прискакать сюда черезъ часъ. Тамъ были и казаки съ пиками. Пусть-ка тогда попляшутъ нѣмцы!

Ксендзъ колебался. Въ это время луна выкатилась изъ прорванной тучи и освѣтила кресты убогаго кладбища, прижавшагося въ церковной стѣнѣ, жалкія ветлы безъ листьевъ и этихъ троихъ людей, какъ будто поднявшихся изъ забытыхъ могилъ подъ ихъ вѣтвями. Небо очистилось, кое-гдѣ показались звѣзды При такихъ условіяхъ попытка могла удасться.

— Я поднимусь на колокольню,—продолжалъ Владекъ.—Я глухой, но вижу, какъ кошка. Становится свѣтло, дорогу будетъ видно на десять верстъ впередъ, до самаго фольварка. Если покажется что-нибудь доброе, съ Божьей помощью, — я ударю въ большой колоколъ. Вы ужъ будете знать тогда, что вамъ дѣлать.

Отецъ Маркъ положилъ руку на голову мальчика. Устремивъ глаза къ небу, онъ молился молча; его худощавое лицо аскета или подвижника дышало глубокою вѣрой, и крупныя слезы катились по впалымъ щекамъ.

— Иди съ миромъ, сынъ мой. Да сохранитъ тебя Господь!

Стась взвизгнулъ отъ радости и скрылся, какъ тѣнь, въ кустахъ.

Луна скрылась съ нимъ вмѣстѣ.

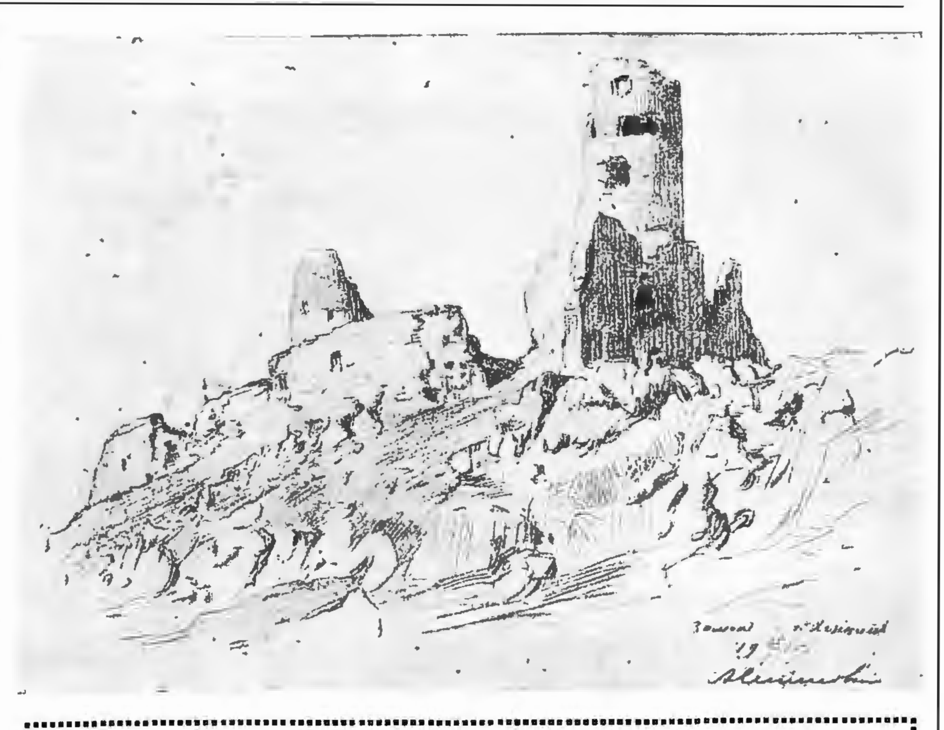
IV.

Между тѣмъ въ церкви веселье продолжалось. Оркестръ изъ четырехъ трубачей игралъ на хорахъ, къ нему присоединился

Въ разоренной Польшѣ. Древній польскій замокъ Казиміра Великаго въ Хенцинахъ.

органъ: одинъ изъ солдатъ, ранѣе служившій въ органистахъ, кстати вспомнилъ прежнюю профессію. Солдаты пировали рядомъ съ офицерами послѣ состязанія въ стрѣльбѣ по иконамъ, отъ котораго вся церковь наполнилась пороховымъ дымомъ. На улицѣ не осталось даже часовыхъ. Ночь, необычайное мѣсто и вино уравняли всѣхъ и уничтожили послѣдніе признаки дисциплины. Либкнехтъ и Бебель увидѣли бы здѣсь полное торжество соціалъ-демократическихъ принциповъ: въ этой тризнѣ среди оскверненнаго храма стерлись всѣ ступени военной іерархіи; здѣсь не было ни начальниковъ ни подчиненныхъ,—были только пьяные насильники.

Освѣщенная нагорѣвшими чадными свѣчами церковь была страшна. Ужасъ, котораго не чувствовали озвѣрѣвшіе люди, создавшіе его, сгущался, какъ ядовитыя испаренія, какъ роса, подъ темнымъ сводомъ; всѣ предметы измѣнили, казалось, свой обычный видъ, каждый камень какъ будто напрягался, удерживая готовый сорваться вопль. Вѣтеръ, проникая въ разбитыя пулями стекла, бѣшено рвалъ огни свѣчей, тѣни струились по стѣнамъ, какъ пламя фантасмагоричнаго чернаго пожара, и лики святыхъ на картинахъ и статуяхъ то исчезали, то появлялись вновь, — скорбные и гнѣвные, исполненные ужаса, или улыбающіеся зловѣщими улыбками, таинственные, измѣнчивые, неуловимые, ужасные. А вверху, подъ сводами храма, тяжело и грозно лежалъ мракъ, и блѣдная луна заглядывала въ верхнія окна, какъ Немезида, которая терпѣливо ждетъ своего часа.



Зáмокъ Казиміра Великаго у Хенцинъ, построенный въ 1330 г. Средняя башня снесена нѣмецкими снарядами. Изъ альбома участника войны А. Н. Семенова.

Около полуночи майоръ, вѣроятно, выпившій менѣе, чѣмъ другіе, заговорилъ о томъ, что пора собираться въ путь. Его товарищи, у которыхъ давно уже двоилось въ глазахъ, энергично протестовали.

— Бросьте, майоръ! Какого чорта намъ торопиться? Собачья погода, вѣтеръ, дождь, — здѣсь, по крайней мѣрѣ, не рискуешь замерзнуть.

— Да, но русскіе...

— Пустое! Русскіе отступаютъ далеко впереди передъ нашими войсками.

— Подождемъ до полуночи,—предложилъ поручикъ:—а потомъ, на прощанье, взорвемъ эту старую развалину вмѣстѣ съ ея филиномъ.

Отецъ Маркъ слышалъ этотъ разговоръ: онъ появился въ церкви за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. На него никто не обратилъ вниманія. Споръ продолжался, голоса раздѣлились поровну.

— Если бъ еще были женщины,—говорилъ майоръ:—тогда другое дѣло. А гдѣ нихъ здѣсь возьмешь?

— Еще бы! Въ этой-то дырѣ? Чортъ возьми, старый Шольпе захотѣлъ немногаго!

— Ну, значитъ, нечего и терять времени. Рѣшено, господа—ѣдемъ!

Ксендзъ подошелъ къ столу.

— Господа офицеры уже уѣзжаютъ? Очень жаль, не стоило зажигать свѣчи на какихъ-нибудь полчаса. У меня найдется еще вино; если угодно, я распоряжусь...

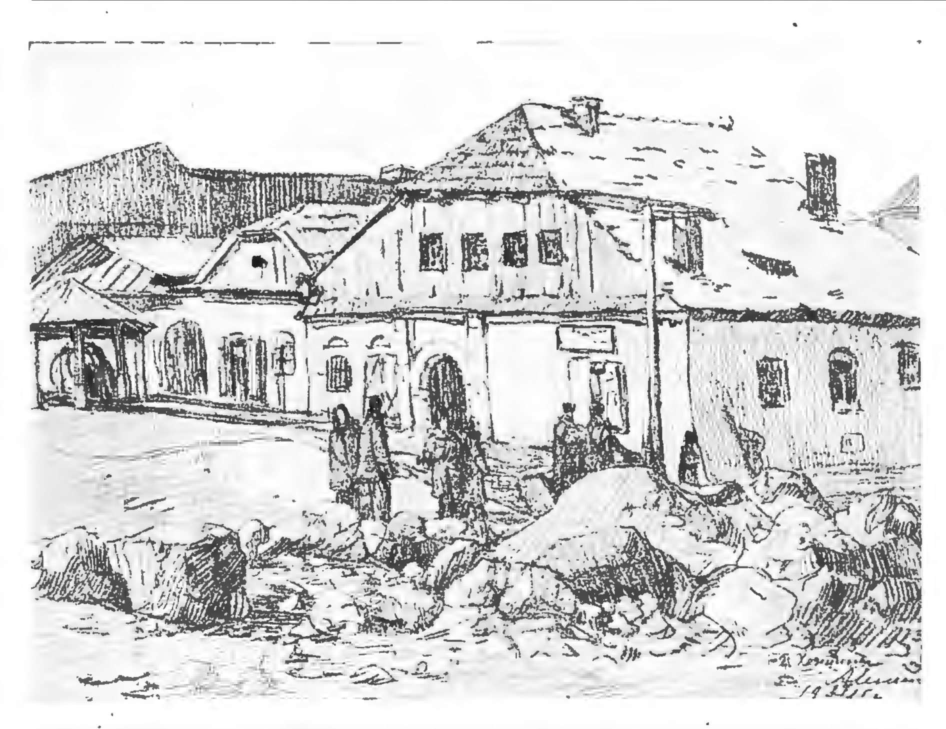
— Старый хрычъ сталъ необыкновенно любезенъ,—сказалъ майоръ Шольпе.—Видишь ли, лысый праведникъ, намъ скучно безъ дамъ. Не можешь ли ты оказать намъ услугу, святой человѣкъ? Ты навѣрное знаешь, куда попрятались твои духовныя дочери. Не говорите, господа,—обратился онъ къ своимъ товарищамъ:—эти ксендзы лакомы до прекраснаго пола, какъ мухи до патоки. Ну, сознавайся скорѣе: есть у тебя женщина? Хотя бы одна?

— Есть,—отвѣчалъ ксендзъ.—Я сейчасъ приведу ее.

Въ своей кельѣ, опустѣлой и темной, онъ остановился. Въ его душѣ происходила мучительная борьба. Что, если Стась не найдетъ солдатъ? Тогда жертва, которую онъ собирается принести сейчасъ, неслыханная жертва, болѣе страшная, чѣмъ распростертый подъ ножомъ первенецъ Авраама, будетъ напрасной. Злодѣи все-таки избѣгнутъ кары, а на его совѣсти будетъ не одинъ только оскверненный храмъ, не одна поруганная святыня. Все ниже опуская голову, онъ повернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ—и остановился опять, стиснувъ руки. Какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что мальчикъ вернется во-время. Съ его отъѣзда прошло уже около часа. Какъ знать, быть-можетъ, помощь уже близка, быть-можетъ, нѣсколько лишнихъ минутъ, въ теченіе которыхъ ему удастся задержать нѣмцевъ, отдадутъ ихъ въ руки мстителей.

Месть... Имѣетъ ли право думать о ней онъ, священникъ? Смѣетъ ли онъ ради мщенья за что бы то ни было собственной рукой вырвать изъ груди свое сердце? Онъ поднялъ голову, и взоръ его, полный слезъ, встрѣтился со скорбнымъ взглядомъ Распятаго, который тоже могъ отомстить, если бъ захотѣлъ, тогда, девятнадцать вѣковъ тому назадъ. Но патеръ выдержалъ этотъ ужасный взглядъ подъ каплями кроваваго пота. Тяжело вздохнувъ, онъ провелъ рукой по глазамъ, какъ бы пробуждаясь. Нѣтъ, онъ правъ. Онъ долженъ не отомстить, а наказать, это не одно и то же. И не за себя самого, не за свое униженіе пастыря у ногъ пьяныхъ насильниковъ—нѣтъ, онъ долженъ наказать ихъ за обезчещенную святыню храма, которую оскорбили на его глазахъ. Священникъ безъ оружія, но съ желѣзнымъ завѣтомъ Іеговы въ сердцѣ, поступить такъ, какъ велитъ ему этотъ завѣтъ.

Городъ Хенцины и зáмокъ Казиміра Великаго. Изъ альбома участника войны А. Н. Семенова.



Послѣ нѣмецкой бомбардировки Хенцинъ.
Изъ альбома участника войны А. Н. Семенова.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ Владекъ нашелъ на паперти подкинутаго ребенка. Дѣвочку окрестили Маріей, и ксендзъ Маркъ, тогда еще молодой, но уже серьезный, задумчивый человѣкъ, взялъ на себя заботы объ ея воспитаніи. Тихо и скромно, какъ травка на солнцѣ, пробившаяся между церковными плитами, росла дѣвочка, которую вся деревня звала дочерью Божьяго Дома. Ксендзъ далъ ей хорошее воспитаніе, научивъ почти всему, что зналъ самъ. Онъ заботился о ней и любилъ, какъ родную, и Марія платила ему тѣмъ же. Съ каждымъ годомъ все пышнѣе и ярче расцвѣтала ея красота. Многіе парни заглядывались на нее, плели ей вѣнки и сохли по красивой дивчинѣ, многіе паны изъ окрестныхъ помѣщиковъ хотѣли назвать ее своей женой. Но одинокая душа безъ роду и племени стремилась къ одному только Богу, который пріютилъ ее. Подъ руководствомъ духовнаго отца, замѣнявшаго ей и отца земного, она готовилась къ трудностямъ монастырскаго служенія, ожидая восемнадцатой весны, своей послѣдней весны среди грѣховныхъ радостей міра — солнца, цвѣтовъ и пѣнія птицъ; другихъ она никакихъ не знала. Но она сама была радость, сама была солнечный лучъ, цвѣтокъ и веселая птичка храма. Ея чистый серебряный голосъ спорилъ со звономъ старыхъ колоколовъ, розы, сорванныя ея рукой, дольше другихъ не вяли у подножья иконъ, и часто, глядя на ея граціозную бѣлую фигурку, склонившуюся передъ Распятіемъ, Владекъ съ грустью думалъ о томъ, что, когда Марія покинетъ костелъ навсегда, его старость станетъ одинокой и печальной.

О, нѣмцы дорого дали бы, чтобъ увидѣть Марію. Но они не увидятъ ея, потому что никогда не найдутъ. Марія въ рукахъ пьяныхъ враговъ, это—ужасъ, о которомъ нельзя даже подумать безъ содроганья, но, слава Богу, этого не будетъ. Отецъ Маркъ самъ заперъ за ней потаенную дверь своей кельи: эта дверь ведетъ въ подземелье, кончающееся подъ самымъ алтаремъ костела, цѣлый подземный лабиринтъ, помнящій еще времена Хмѣльницкаго. Тамъ ея не найдетъ никто, тамъ она въ безопасности.

Владекъ перекрестился и опять устремилъ глаза вдаль, на дорогу, смутно бѣлѣвшую при лунѣ. Что это? Точно пыль клубится за перелѣскомъ. Какъ будто какія-то тѣни движутся тамъ, въ прозрачномъ туманѣ, пронизанномъ луннымъ свѣтомъ...

Нѣтъ, ничего. Ему показалось. Бѣлое поле безлюдно, это просто игра свѣта и тѣней въ облакахъ обманываетъ зоркій глазъ старика Владека, а можетъ-быть, полевая нечисть разыгралась на свободѣ и ведетъ свои пляски до вторыхъ пѣтуховъ.

Да хранятъ Іисусъ и Марія всѣхъ вѣрующихъ!

Если онъ не правъ—жертва, принесенная имъ во имя отмщенья, будетъ безцѣльной и ляжетъ тяжелымъ камнемъ на его душу,—камнемъ, подъ бременемъ котораго нельзя жить. Это будетъ его наказанье за ошибку.

Онъ всталъ съ колѣнъ, твердыми шагами приблизился къ маленькой потаенной двери за шкапомъ, едва видной на темномъ фонѣ стѣны, и постучалъ въ нее.

— Кто тамъ?—послышался за стѣной женскій голосъ.

— Не бойся, это я,—отвѣтилъ Маркъ.

Дверь отворилась.

V.

Старый Владекъ давно на колокольнѣ. Лѣстница темна и крута, но онъ знаетъ слишкомъ хорошо каждую ступеньку на ней, каждую выдающуюся балку, подъ которой осторожно нагибаетъ голову, каждое ласточкино гнѣздо и паутину. Три колокола висятъ рядомъ на своей перекладинѣ. Вѣтеръ гудитъ въ ихъ раструбахъ, и мѣдные бока, омытые дождемъ, тускло блестятъ при лунѣ. Въ широкое окно безъ стеколъ вливается необъятный просторъ и холодъ ночи.

Владекъ расположился у этого окна. Поле, освѣщенное луной, видно до самаго горизонта. Оно холмисто и перерѣзано оврагами, въ которыхъ легко скрыться. Въ полуверстѣ отъ деревни темнѣетъ перелѣсокъ, оголенный и жалкій днемъ, таинственный ночью; за нимъ, дѣлая поворотъ, исчезаетъ дорога. Если избавленье придетъ, оно должно прійти оттуда.

На колокольнѣ темно и тихо. Тяжелая дверь, обитая желѣзомъ, закрываетъ люкъ винтовой лѣстницы, ведущей въ костелъ. Музыка, голоса, смѣхъ едва долетаютъ оттуда, неясные, какъ далекій сонъ, какъ воспоминанье. И, убаюканный тишиною и этимъ сномъ, Владекъ невольно отдается думамъ о прошломъ, въ то время какъ его орлиный взглядъ безъ устали бродитъ по пустынному полю.

Онъ любитъ церковь, которой грозитъ теперь бѣда, не менѣе, чѣмъ отецъ Маркъ. Онъ родился, выросъ, возмужалъ и состарѣлся подъ звонъ этихъ колоколовъ; они благословили его съ женою передъ алтаремъ, и они же своимъ печальнымъ гуломъ проводили ее и сына въ могилы у церковной стѣны, отъ которыхъ остались теперь только покрытые мхомъ камни. Вся жизнь Владека прошла между этимъ окномъ, ступенями паперти и погостомъ. Бѣдная жизнь, сѣрая и дремотная, — но даже въ спокойномъ снѣ заросшей кувшинками заводи есть своя сказка съ волшебницами и феями. Была такая сказка и въ жизни стараго костела и его обитателей.

Городъ Хенцины. Уцѣлѣвшіе отъ бомбардировки дома.
Изъ альбома участника войны А. Н. Семенова.

VI.

Въ ту минуту, когда офицеры шумно поднимались съ мѣстъ, готовясь покинуть церковь, на порогѣ появился ксендзъ, ведя за собой дѣвушку.

Германцы остолбенѣли.

Ни одному изъ нихъ не приходилось давно уже видѣть такой ослѣпительной, волшебной красавицы. Если бъ ожило изображеніе Мадонны на старой картинѣ алтаря и, покинувъ свой темный фонъ и рѣзную раму, тихо двинулось къ нимъ со стыдливо опущенными глазами, они были бы поражены не болѣе. Крики и шумъ разомъ смолкли. Таково обаяніе истинной красоты: пьяные полудикари, не задумавшіеся передъ оскорбленіемъ святыни, присмирѣли передъ этой слабой дѣвушкой, ослѣпившей ихъ, какъ лучъ молніи. Вытянувшись во фронтъ по-военному, шатаясь и еле сохраняя равновѣсіе, но оправляя дрожащими руками свои кителя, они привѣтствовали вошедшую низкими поклонами. Неожиданно для себя, всѣ эти бароны и аристократы, утратившіе человѣческій обликъ, должны были вспомнить о своемъ происхожденіи и изящныхъ манерахъ. Ими овладѣло смущеніе, болѣе сильное, чѣмъ въ гостиной сановной аристократки, или въ уборной красавицы-артистки, милостиво удостоившей ихъ своимъ пріемомъ. Солдаты смотрѣли, разинувъ ротъ отъ изумленія. Одну минуту въ церкви былъ слышенъ только трескъ нагорѣвшихъ свѣчей и стонъ вѣтра, долетавшій снаружи. Никто не смотрѣлъ на ксендза и не видѣлъ улыбки, скользнувшей по его губамъ: онъ ожидалъ заранѣе эффекта, который теперь былъ передъ его глазами,

— Моя пріемная дочь, господа офицеры. Ее зовутъ Марія. Поручаю ее вашей любезности.

Офицеры заговорили всѣ сразу. Комплименты посыпались градомъ, каждый наперерывъ старался заслужить хотя одинъ взглядъ красавицы. Марію усадили посреди стола, кое-какъ приведеннаго въ порядокъ. Солдаты были немедленно выгнаны вонъ. Они, впрочемъ, не думали уходить и, тайкомъ пробравшись на хоры, продолжали любоваться оттуда. Въ холодную осеннюю ночь, среди опасностей тяжелаго похода, всѣ эти тупые озвѣрѣвшіе люди, точно обросшіе корою, вдругъ почувствовали, какъ это небесное видѣнье согрѣваетъ ихъ ледяныя сердца. Убогая фантазія, пронизанная ослѣпительно-яркимъ свѣтомъ красоты, нарисовала передъ ними на мгновенье поля и небо ихъ далекой родины; они вспомнили о своихъ женахъ и дочеряхъ, оставшихся дома, которыхъ имъ, быть-можетъ, уже не суждено было увидѣть никогда больше. Они молча смотрѣли, угрюмые, суровые, и не одинъ заскорузлый кулакъ смахнулъ украдкой предательскую слезу съ рѣсницы.

Между тѣмъ офицеры продолжали свое ухаживанье. Овладѣвшее ими вначалѣ смущеніе постепенно проходило; дѣвушка держала себя такъ растерянно, такъ тихо и робко отвѣчала на ихъ любезности,—въ концѣ концовъ они не могли не вспомнить о томъ, что этотъ стыдливый и роскошный цвѣтокъ находится всецѣло въ ихъ власти.

Ксендзъ изъ своего угла не спускалъ глазъ съ блѣднаго лица дѣвушки и въ то же время слѣдилъ за каждымъ движеніемъ офицеровъ, которые ее окружали.

По темному полю, черезъ канавы и рытвины, замаскированныя клочьями расползающагося тумана, во весь опоръ мчится Стась. Нога его, слишкомъ короткая, едва достаетъ до стремени. Если бъ лошадь вздумала перемѣнить направленіе и свернула въ сторону, онъ не сумѣлъ бы подчинить ее своей волѣ: его пальцы, онѣмѣвшіе отъ холоднаго рѣжущаго вѣтра, не могутъ справиться съ ремнями повода. Но лошадь, повидимому, напугана чѣмъ-то: прижавъ уши и закусивъ удила, вся въ пѣнѣ и мылѣ, она стрѣлою несется впередъ, все впередъ. Этого только и нужно Стасю.

Темнота кругомъ. Луна поминутно исчезаетъ за облаками, тяжелыми, точно намокшими отъ дождя. Мутная равнина теряется вдали, перелѣска давно уже не видно. Холмъ, крутой спускъ въ лощину, опять возвышенность, и такъ далѣе, безъ конца; все поле—послѣдовательный рядъ препятствій для быстрой ѣзды. Темнота страшна, но лунный свѣтъ еще страшнѣе. Мертвое поле оживаетъ какой-то таинственной жуткой жизнью, когда между тучами показывается это блѣдное лицо, улыбающееся саркастической гримасой. Одинокія ветлы протягиваютъ руки, точно хотятъ схватить всадника. Рытвины и провалы подъ ногами коня раскрываютъ, какъ живые, свои темныя пасти. А вѣтеръ кружится надъ головой и безъ умолку поетъ свою пѣсню, болѣе страшную, болѣе безнадежную, чѣмъ пѣсня Лѣсного Царя надъ умирающимъ. О, если бъ только не опоздать!

Мальчикъ сжимаетъ кулаки при мысли о томъ, что̀ осталось позади, въ родимой деревнѣ, и крѣпче стискиваетъ ногами взмыленные бока лошади. Въ его душу начинаетъ закрадываться сомнѣніе. Тринадцатилѣтній ребенокъ, взявшій на себя героическій подвигъ, впервые чувствуетъ, какъ тоскливо сжимается его сердце. Хорошо ли онъ сдѣлалъ, пустившись въ путь наудачу? Насколько хватаетъ глазъ, въ полѣ нѣтъ никого,—никого, кромѣ холмовъ, рытвинъ, тумана и вѣтра. Что̀, если солдаты свернули въ сторону съ шоссе и онъ не найдетъ ихъ? Если его скачка по безлюдному полю будетъ продолжаться до самаго утра? Тогда оставшіеся тамъ обречены на гибель, потому что ихъ некому защитить,—старика, священника и слабую дѣвушку. Марія!.. Что̀ будетъ съ ней, если помощь не подоспѣетъ во̀-время? Увидѣть ее, обожаемую, любимую болѣе, чѣмъ сестру, въ рукахъ германцевъ—о, никогда, въ тысячу разъ лучше смерть. И, припавъ къ лукѣ сѣдла, Стась гонитъ лошадь все быстрѣе и быстрѣе.

Лошадь, хрипя и роняя клочьями пѣну, напрягаетъ послѣднія силы. Что̀ испугало ее? Мальчикъ не знаетъ этого, но паническій ужасъ животнаго начинаетъ передаваться и ему. Онъ вспоминаетъ, какъ давеча выла собака между могилами погоста, какъ дрожали и фыркали усталыя лошади германцевъ. Когда онъ мчался мимо господскаго дома, на вышкѣ жалобно стонала сова. Луна въ смятеніи бѣжитъ по небу, и длинныя черныя руки тучъ протянуты, чтобы схватить ее. Что-то ужасное разлито въ воздухѣ этой ночи, что-то неизбѣжное и роковое, близость котораго чувствуетъ, кажется, вся природа.

И вдругъ, въ наступившей опять темнотѣ, Стась неожиданно слышитъ окрикъ впереди, совсѣмъ близко. Но онъ не можетъ остановить бѣшеный бѣгъ лошади. Изо всѣхъ силъ натянувъ поводья, мальчикъ весь сжимается въ одинъ комокъ мускуловъ и чувствуетъ, что земля уходитъ отъ него внизъ, а шея и голова лошади съ прижатыми ушами поднимаются все выше и выше, почти вертикально. Прямо передъ нимъ выростаетъ черный призракъ. Въ ту же минуту одинъ за другимъ раздаются два выстрѣла, освѣщая все поле желтымъ огнемъ. Это послѣднее, что̀ видитъ и слышитъ Стась. Поднявшаяся на дыбы лошадь тяжело опрокидывается навзничь, придавивъ его подъ собою...

VII.

Полночь. Старые часы въ ризницѣ костела наполняютъ церковь глухимъ гуломъ своихъ курантовъ. Офицеры шумно провозглашаютъ тостъ въ честь кайзера. Ни одинъ изъ нихъ уже не думаетъ объ отъѣздѣ. Точно коршуны вокругъ добычи, они все тѣснѣе группируются около дѣвушки, и по мѣрѣ того, какъ блѣднѣетъ она, задыхающаяся, близкая къ обмороку отъ жары, шума и табачнаго дыма, ихъ глаза и лица разгораются все ярче. Зачѣмъ это нелѣпое черное платье, застегнутое до самаго горла? Подъ нимъ совершенно не видно шеи, а между тѣмъ маленькая изящная ручка дѣвушки бѣла, какъ слоновая кость. И порочные, низменные инстинкты голодныхъ животныхъ кипятъ въ груди всѣхъ этихъ пьяныхъ мужчинъ, клокочутъ и ищутъ выхода наружу.

Безпокойнѣе всѣхъ молодой поручикъ, баронъ Риловъ. Онъ сидитъ ближе другихъ, совсѣмъ рядомъ съ Маріей,—онъ завоевалъ себѣ это мѣсто цѣною вызова на дуэль завтра утромъ. Его нога прижимается подъ столомъ къ бедру дѣвушки, даже не понимающей этого прикосновенія, и глаза смотрятъ на нее такимъ взглядомъ, отъ котораго этотъ ангелъ, безгрѣшный и чистый, какъ дитя, начинаетъ испытывать безпокойство. Баронъ Риловъ знаетъ, что дѣвушка будетъ принадлежать ему раньше, чѣмъ всѣмъ другимъ. Онъ никому не уступитъ своего первенства. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о красивой женщинѣ, онъ не поручикъ, обязанный дисциплиной,—нѣтъ, онъ только „рыцарь". Дѣвушка будетъ принадлежать ему, но для него мало одного обладанія,—онъ хочетъ еще осквернить ее, опозорить, надругаться надъ ея чистотой до послѣднихъ предѣловъ цинизма. Его воображеніе, испорченное съ дѣтства, зараженное картинами изысканнаго разврата, заманчиво рисуетъ ему перспективу кощунственной сладострастной оргіи въ оскверненномъ храмѣ.

— Мадмуазель,—говоритъ онъ, нѣжно склоняясь къ дѣвушкѣ:—танцуете ли вы танго?

Марія смотритъ на него, не понимая.

— Что̀ такое?

— Я спрашиваю, танцуете ли вы танго?

Молодая дѣвушка продолжаетъ недоумѣвать. Чего отъ нея хотятъ? Отецъ Маркъ сказалъ ей, что она должна, какъ вѣрная дочь церкви, принести себя въ жертву ради возмездія за поруганную святыню, если хочетъ заслужить мученическій вѣнецъ въ небесахъ,—и она поняла его буквально. Не разспрашивая ни о чемъ, не колеблясь и не сожалѣя, она отвѣтила, что готова умереть во всякую минуту, и просила только молиться о ней. Но этотъ страшный человѣкъ съ багровымъ лицомъ и глазами демона вмѣсто смерти говоритъ, улыбаясь, о танцахъ. Не насмѣшка ли это?

Офицеръ въ самомъ дѣлѣ смѣется.

— Я вижу, моя крошка, что вы еще не совсѣмъ цивилизованы. Танго, это—модный танецъ, самый прекрасный танецъ двадцатаго вѣка. Его танцуютъ обнаженной. Понимаете? Это даже не пляска семи покрываль, потому что покрывала отсутствуютъ.

Обнаженной... Да, это понятно: теперь она поняла все. Румянецъ, какъ зарево, обливаетъ ея нѣжныя щеки. Не отвѣчая, она оборачивается къ своему духовному отцу, и взоры ихъ встрѣчаются надъ столомъ, усѣяннымъ осколками разбитой посуды. Отецъ Маркъ понялъ тоже, чего хотятъ нѣмцы. Передъ нимъ разверзлась бездна, въ которую онъ не смѣетъ заглянуть: холодный потъ выступаетъ на лбу этого человѣка, столько часовъ безстрашно и презрительно играющаго со смертью. Ужасъ передъ кощунствомъ, самая мысль о которомъ не могла прійти ему въ голову, горячей волной заливаетъ его сердце, смывая въ немъ все: и гнѣвъ, и жажду мщенья, и послѣдніе проблески надежды. Онъ ошибся. Жертва принесена безцѣльно, всей его жизни хва-

титъ ровно настолько, чтобы спасти несчастное дитя отъ послѣдняго позора, который слишкомъ тяжелой плитой легъ бы на могилу ихъ обоихъ.

Молча, сверкающимъ взглядомъ, онъ подзываетъ Марію къ себѣ, и, подойдя среди воцарившейся тишины къ своему духовному отцу, дѣвушка прячетъ лицо въ складкахъ его сутаны. Обнимая ее одной рукой, ксендзъ высвобождаетъ приготовленный въ рукавѣ кинжалъ. Нѣмцы еще не поняли его намѣренія, ему не успѣютъ помѣшать — у него хватитъ времени нанести спасительный ударъ...

Вдругъ, среди тишины, подъ сводомъ костела пронесся заглушенный стонущій звукъ и замеръ безъ отголоска. Точно кто-то протяжно ахнулъ въ вышинѣ, ужаснувшись того, что должно произойти сейчасъ. Звукъ этотъ слышалъ не одинъ ксендзъ, но только онъ одинъ понялъ его значенье.

Колоколъ Владека зазвонилъ!

Одна минута тянулась, какъ вѣчность. Руки ксендза упали, все потемнѣло въ его глазахъ. Но сейчасъ же онъ овладѣлъ собою послѣднимъ усиліемъ воли. Нѣмцы смутились; казалось, еще мгновеніе, и они поймутъ все. Надо было отвлечь ихъ вниманіе въ другую сторону. Стиснувъ холодную руку дѣвушки, онъ бросилъ ей повелительнымъ шопотомъ только одно слово: „танцуй!" Потомъ отвернулся. А на хорахъ органъ уже игралъ танго, и жуткіе мистическіе звуки, сладострастные и печальные, неслись съ высоты, какъ проповѣдь Любви и Смерти.

Любовь побѣждаетъ все. Изъ безконечной дали, изъ мрака и холода вѣчности приходитъ она на землю и опьяняетъ могучимъ весеннимъ бредомъ сильныхъ и слабыхъ, грѣшныхъ и праведныхъ, вступающихъ въ міръ и готовыхъ покинуть его дрожащей стопою и на краю могилы озирающихся широко-раскрытыми глазами на волшебный свѣтъ страсти. Въ медленномъ сладостномъ танцѣ водитъ она порабощенныхъ людей, разстилаетъ коверъ изъ волшебныхъ цвѣтовъ подъ ихъ ногами, золотые вѣнцы возлагаетъ на ихъ головы, — золотые вѣнцы боговъ, которые знаютъ только радость. И тихо готовитъ имъ страданіе и смерть, неожиданную и ужасную.

Звукамъ вторятъ колокола. Они точно обезумѣли. Они звонятъ, звонятъ безъ конца, полнозвучно, радостно, какъ въ день Воскресенія Христова. Нѣтъ, это уже не радость: это экстазъ, изступленный порывъ, бѣшеный вихрь, опрокидывающій все на своемъ пути,—это дикій хохотъ безумія. Большой колоколъ, какъ гигантскій таранъ, упорно и напряженно сверлитъ тишину. Вокругъ порхаютъ и кружатся другіе звуки, болѣе легкіе, болѣе игривые. Они взлетаютъ всѣ сразу, какъ испуганные голуби надъ пожаромъ, разсыпаясь серебрянымъ дождемъ: они вьются и кружатся въ хороводѣ, плачутъ, смѣются, сливаются въ грохочущій гулъ и вой, въ которомъ тонутъ звуки органа, поющаго мистическую мелодію. Имъ нѣтъ конца, они заливаютъ весь міръ, будятъ живыхъ и мертвыхъ подъ плитами храма, и вызываютъ таинственныхъ духовъ ночи.

И грозные духи окружаютъ извнѣ костелъ. Безмолвные, неслышные, точно возникшіе изъ земли между могилами кладбища, они все тѣснѣе сжимаютъ свое роковое кольцо вокругъ стѣнъ освѣщенной церкви. Ихъ ведетъ мальчикъ, покрытый грязью и кровью. Приблизившись къ окнамъ, они заглядываютъ внутрь и видятъ, при свѣтѣ догорающихъ свѣчей и лампадъ, толпу враговъ, окружающихъ что-то бѣлое, живое и страшное. Двери костела бѣшено отворяются, ихъ предостерегающій скрипъ заглушаетъ симфонія колоколовъ и органа. И въ ту минуту, когда эта симфонія достигла крайняго напряженія, въ нее проникаетъ, какъ остріе шпаги, громовое перекатывающееся „ура".

Тогда происходитъ что-то ужасное. Въ маленькой церкви, переполненной людьми, сошедшимися грудь съ грудью, начинается рукопашный бой, упорный, яростный и безнадежный, потому что исходъ его предопредѣленъ заранѣе. Нѣсколько одинокихъ выстрѣловъ, растерянно прозвучавшихъ съ хоръ, смолкаютъ среди криковъ, также быстро уступающихъ мѣсто молчанію. Нѣмцы, дравшіеся съ мужествомъ отчаянія, перебиты почти всѣ: нѣсколько солдатъ, успѣвшихъ бросить оружіе къ ногамъ побѣдителей, сдаются среди груды труповъ, едва видные въ синемъ пороховомъ дыму, наполнившемъ костелъ.

Побѣдители, серьезные и суровые, молча обнажаютъ головы передъ святыней полуразрушеннаго храма. Положивъ свою окровавленную саблю и снявъ перевязь съ ножнами и револьверъ, начальникъ отряда осѣняетъ себя крестомъ и идетъ, благоговѣйно склонивъ голову, къ алтарю, чтобы прочесть передъ нимъ первую очистительную молитву. Идетъ — и останавливается, пораженный.

На ступеняхъ лежатъ два трупа, сжимающіе другъ друга въ объятіяхъ: священникъ и обнаженная дѣвушка, покрытая чернымъ плащомъ.

Колокола не звонили больше.

Въ лазаретѣ.

Разсказъ М. Сивачева.

I.

Большой барскій особнякъ превратился въ лазаретъ на сорокъ коекъ.

Хорошій уходъ, хорошее питаніе, болѣе, чѣмъ достаточно, воздуха и свѣта—все это имѣли раненые, были за это горячо благодарны, но удовлетвориться вполнѣ только этимъ почему-то не могли. Было странно: взрослые люди, большею частью мужики изъ деревень, солдаты, побывавшіе на войнѣ, а были похожи на дѣтей, у которыхъ куда-то пропала мать, и которыхъ взяли на попеченіе добрые люди.

Они и сами не могли сказать: чего имъ не хватаетъ. Твердили: „всѣмъ довольны", „очень благодарны", а на лицахъ была видна скука, тоска. Владѣлица особняка, почтенныхъ лѣтъ барыня, часто таскала солдатамъ фрукты, шоколадъ, пирожное, конфеты: солдаты благодарили за эти подарки: „Всѣмъ, барыня, довольны... Ужъ это что говорить! По гробъ жизни не забудемъ. Нужно сказать: шоколадъ, тамъ, конфеты—прямо, барыня, балуете насъ!"— и принимали сласти какъ-то стыдливо-сконфуженно, точно это было совершенно не по нихъ.

Барыня пытливо всматривалась въ лица солдатъ и сердилась. Отдавая лазаретъ подъ раненыхъ и принимая на себя часть расходовъ по содержанію и лѣченію, она ожидала совсѣмъ иного: она ожидала постоянно видѣть счастливыя лица, но не видѣла даже довольныхъ. Правда, когда раненые только являлись въ лазаретъ, измученные, ослабшіе, лица ихъ были счастливы, довольны, они не находили словъ для благодарности, но проходила недѣля, другая, раненые успѣвали немного отдохнуть, поправиться, и довольства какъ не бывало.

Солдаты немного оживлялись въ 9 утра, когда приходилъ врачъ. Съ интересомъ они слѣдили, кому дается лѣкарство, промываются раны, дѣлаются перевязки: въ это время слышались рядомъ съ серьезными замѣчаніями и словами шутки и смѣхъ, но когда работа врача и сестеръ кончалась, всѣ постепенно замолкали, и у всѣхъ на лицахъ появлялось тоскливое недоумѣніе: куда дѣть, чѣмъ убить остальную часть дня?

Говорить? Все уже переговорено. Каждый зналъ про другого, кто онъ, откуда, одинокъ или семейный, чѣмъ занимался, въ какихъ бояхъ былъ и при какихъ обстоятельствахъ раненъ — все уже было всѣми сказано да пересказано. Почитать о войнѣ? Почитаютъ, потолкуютъ и о войнѣ—а потомъ что?

Опасно раненыхъ было человѣкъ пять, шесть—они лежали, а остальные сонно бродили по палатамъ, часто, безъ надобности, ходили въ уборную, льнули къ окнамъ поглазѣть на улицу и, какъ большого праздника, ждали, когда ихъ съ сестрой отпустятъ по Москвѣ что-нибудь посмотрѣть, или просто „погулять", „поразмяться".

II.

Но были въ лазаретѣ и очень тяжелые дни, для которыхъ солдатамъ понадобилось даже придумать особое названіе: такіе дни они назвали „истомленіемъ".

Лежалъ въ лазаретѣ опасно раненый въ животъ бывшій наборщикъ лѣтъ 35-ти, съ черными безъ глянца волосами, съ неестественно сильнымъ блескомъ въ глубоко впавшихъ глазахъ.

Дня по три, по четыре онъ лежалъ тихо, не подавая признаковъ жизни ни звукомъ ни движеніемъ—былъ, какъ въ агоніи, и солдаты въ эти дни молили, страстно желали, чтобы онъ поскорѣе умеръ.

Но наборщикъ не умиралъ. Послѣ затишья онъ необычайно возбуждался, какъ будто бы только за тѣмъ, чтобы мстить всѣмъ за отнятую у него жизнь. Казалось, что онъ жадно, какъ губка, напитался всѣми ужасами и всѣми тяготами, какіе таитъ въ себѣ война, и теперь, прежде чѣмъ умереть, спѣшитъ выжать все изъ себя обратно. Начиналъ онъ съ того, что неудержимо, по цѣлымъ часамъ, говорилъ только о томъ, что ему пришлось вынести на войнѣ самому и что видѣлъ на другихъ—тутъ фигурировали волчьи ямы, проволочныя загражденія, атаки въ штыки, страшно-разрушительная сила снарядовъ,—говорилъ страстно, изступленно, картинно, и во всѣхъ его разсказахъ было много такой непередаваемой жути, которая, какъ психозъ, заражала другихъ.

Всѣ раненые ненавидѣли этого наборщика: даже сестры тяготились имъ, сбиваясь съ ногъ, когда онъ, по выраженію солдатъ, начиналъ „блажить". И только одинъ человѣкъ изъ всего лазарета стоялъ за наборщика: старшій унтеръ-офицеръ Яковъ Морковинъ. У этого Морковина былъ перебитъ пулей сѣдалищный нервъ, и этотъ нервъ причинялъ ему большія страданія. Какъ ни изощрялся Морковинъ въ осторожности при необходимыхъ движеніяхъ, когда ему приходилось пить, ѣсть, или выполнять неотложныя нужды, и какъ онъ ни былъ терпѣливъ, но по его вдругъ побѣлѣвшему лицу было видно, что малѣйшее движеніе вызываетъ у него иногда нестерпимыя боли.

Но никогда онъ не стоналъ, никогда не пожаловался ни единымъ словомъ, а, наоборотъ, имѣлъ еще мужество, хотя и со слабой, вымученной улыбкой, часто шутить:

— Ну, и штука этотъ сѣдательный нервъ! Будешь его помнить.

И вотъ этотъ Морковинъ, сильно страдающій самъ, любимый всѣмъ лазаретомъ — и сестрами и солдатами — за какое-то осо-

М. Авиловъ. На войнѣ. Всенощная въ лѣсу.

бенно мягкое, любовное отношеніе ко всѣмъ, только одинъ и защищалъ наборщика, когда непріязнь къ нему очень ужъ обострялась.

— Эхъ, вы, мил-лые, други мои разлюбезные! — говорилъ онъ ласковымъ, просящимъ, бархатнымъ басомъ. — Не то ему нужно. Невмоготу ему, бѣдному, вотъ онъ и блажитъ. А вы его повеселите, вотъ онъ и потишаетъ.

— А чѣмъ его повеселишь?

— Чѣмъ? Мало ли чѣмъ. Шуткой, прибауткой, словомъ добрымъ! Подумайте хорошенько и найдете — чѣмъ.

— Трудненько, братъ, это. Издыхалъ бы онъ, окаянный, поскорѣе.

— Ну, вотъ... Зачѣмъ такія слова? Вотъ Богъ бы далъ мнѣ самому чуточку оправиться, тогда бы у меня съ нимъ дѣло пошло, какъ по маслу. Я его поуспокоилъ бы, повеселилъ, — онъ ужъ у меня не отвертѣлся бы.

Наборщикъ лежалъ черезъ три койки отъ Морковина. Рана его не поддавалась лѣченію; она гноилась, ширилась, и на увѣренность Морковина онъ иногда со злобой отвѣчалъ:

— Дуракъ! У меня скоро въ брюхо кулакъ полѣзетъ, а онъ съ увеселеніями.

— Видишь? — возражали Морковину. — Ты къ нему да за него съ добрымъ словомъ, а онъ что? Съ такимъ ничего не подѣлаешь. Могила о немъ плачетъ, она же его и повеселитъ — вотъ это вѣрно!

— Подѣлаемъ! Припомните мое слово, — увѣрялъ Морковинъ и, обращаясь къ наборщику, ласково добавлялъ: — Э, милъ-человѣкъ, ужъ вижу, не злой ты человѣкъ, а такъ себѣ... напускаешь на себя.

Наборщикъ отвѣчалъ ему бранью. Иногда, если не было на лицо сестеръ, пускалъ въ ходъ площадную ругань. А Морковинъ тепло, обаятельно улыбался, словно слушалъ забавный лепетъ ребенка, и все такъ же ласково, любовно увѣщевалъ:

— Брось, милъ-человѣкъ, брось! Это ужъ совсѣмъ не того... Ну, къ чему такая „словесность“? Кто ея не знаетъ? И что въ ней есть вразумительнаго? Брось, нехорошо, другъ!

III.

Понемногу Морковинъ сталъ оправляться. Боли въ ногѣ у него исчезли, и онъ часто приставалъ къ доктору, чтобы ему разрѣшили встать.

— Ваше благородіе,—говорилъ онъ съ ласковой укоризной:—что для барина болѣсть, то для мужика здоровье. Лежи, лежи—да вѣдь отъ одной этой лежки нашъ братъ-мужикъ прямо исчахнетъ. Мужику въ лежку полагается быть только при смерти.

Докторъ не позволялъ: говорилъ, что все еще рано. Потомъ пріѣхалъ старшій врачъ, навѣщавшій лазаретъ въ недѣлю, въ двѣ разъ, внимательно осмотрѣлъ ногу Морковина, подумалъ, покачалъ головой и, избѣгая встрѣчи съ пытливо уставленнымъ на него взглядомъ Морковина, какъ будто сердито бросилъ:

— Можешь, голубчикъ и вставать. Теперь, пожалуй, это ужъ не вредно.

— А станетъ дѣйствовать, ваше благородіе... — и голосъ Морковина слегка дрогнулъ,—нога-то?

— Надѣйся, голубчикъ, надѣйся,—тѣмъ же тономъ бросилъ врачъ и тронулся къ другому больному.

Морковинъ всталъ. Дали ему костыль, и этотъ костыль мелькалъ съ утра до ночи по лазарету всюду. Зналъ онъ, кому что нужно, и однимъ сыпалъ веселыя, безобидныя шутки и прибаутки, съ другими велъ серьезныя бесѣды.

И въ лазаретѣ повѣяло другимъ духомъ; какъ будто явилось само здоровье: всѣ стали бодриться, не слышно стало жалобъ, ни у кого не было угрюмыхъ лицъ и стонущихъ нотъ, кромѣ наборщика.

Онъ „блажилъ“ попрежнему: но его, когда онъ начиналъ говорить, никто не слушалъ, а когда начиналъ плакать и стонать, его уже не ненавидѣли: точно всѣ вдругъ сразу прониклись сознаніемъ, что плачетъ и стонетъ очень больной, умирающій человѣкъ, и его надо терпѣть.

А потомъ въ лазаретъ явился еще солдатикъ, ефрейторъ Онисимъ Перетягинъ. Маленькаго роста, кривоногій, съ длинными и цѣпкими, какъ у обезьяны, руками, съ забинтованной головой и лицомъ, на которомъ перевязка оставляла на виду только быстрые, острые глаза, да маленькій, почти дѣтскій, комично выдающійся розовый носикъ, онъ, когда явился, сразу вызвалъ у многихъ смѣхъ:

— Ну, и воинъ! Откуда тебя такого выкопали?

Но онъ нисколько не смутился. Скользнулъ своимъ острымъ взглядомъ по раненымъ, по сестрамъ, по обстановкѣ лазарета и усмѣхнулся какимъ-то рѣдкимъ, разсыпчатымъ и подмывающимъ на веселый ладъ смѣшкомъ.

— А еще бы не воинъ! — Онъ вынулъ и показалъ два знака отличія.—А это что: это не кошка нанюхала! Двухъ Егоріевъ зря не дадутъ. А вотъ вы, на мой сгадъ, не воины. Помѣщеньице-то тутъ какое, палаты! Ну, и харчъ, надо полагать, не плохъ! Однимъ словомъ: живи да радуйся. А вы радуетесь? Эхъ, вы... какъ мухи по осени. Погодите, дайте срокъ, я вамъ покажу, я васъ заставлю жить по-человѣчески. Запомните: это вамъ сказалъ Онисимъ Перетягинъ!

Солдаты дружно захохотали, но уже по-иному: чѣмъ-то имъ Онисимъ ужъ крѣпко понравился.

— А пожалуй, и воинъ, — заговорили они, все еще разглядывая Онисима:—кажись, ничего себѣ парень.

— Ничего? Пальчики оближете, а вы „ничего“... — возразилъ

Австро-итальянская война. Обстрѣлъ австрійскихъ позицій итальянскими горными батареями.

Онисимъ, а потомъ легъ на свою койку и погрозилъ солдатамъ пальцемъ.— Но... чокъ-молчокъ, овечка ни словечка... Усталъ я, братцы, ухъ, усталъ! Поотдыхнуть надо, поотоспаться!

И Онисимъ уснулъ. Спалъ онъ дня три часовъ по восемнадцати, потомъ вскочилъ и сталъ, по собственному выраженію, „неугомонъ". Напрасно ему говорила сестра, чтобы онъ еще полежалъ, что ему покой нуженъ, Онисимъ только усмѣхался:

— Эхъ, сестрица, и лежать-то не съ чѣмъ. Такъ, черепкомъ чугуннымъ по головѣ слегка чкнуло: тутъ бы только перевязочку да опять въ дѣло, а меня въ полевой гошпиталь, а изъ гошпиталя сюда. А и болѣсть-то— кожа на головѣ мокнетъ, пустякъ! Теперича нѣмца бы бить за милу душу, а вотъ лежи, кисни, безъ движенія, значитъ. А мнѣ движеніе— первое дѣло, сестрица! Неугомонъ я.

И Онисимъ двигался. Въ лазаретѣ было четыре палаты и большая столовая, и нигдѣ Онисимъ надолго не задержится: всюду мелькали его кривыя ноги, жестикулирующія обезьяньи руки, и всюду слышался его разсыпчатый, подмывающій на веселый ладъ, смѣшокъ. Неистощимъ онъ былъ на мѣткія острыя словечки, вызывающія улыбки, хохотъ: и солдаты уже съ восхищеніемъ говорили о немъ, что это не „ничего себѣ парень", а „кладъ-парень": и звали его не Онисимомъ, а нѣжно „Онися".

И опять было странно: взрослые люди, побывавшіе на войнѣ, а были какъ дѣти, у которыхъ въ лицѣ Морковина и Онисима мать нашлась: такъ солдаты лукаво и шаловливо слушали Онисима, такой радостный свѣтъ вспыхивалъ въ ихъ глазахъ при видѣ Морковина.

Однажды Морковинъ съ Онисимомъ о чемъ-то пошептались, потомъ пошли вести съ ранеными какіе-то таинственные переговоры: эти переговоры закончились сборомъ денегъ. А черезъ день, когда очередная партія была отпущена на прогулку, на эти деньги была пріобрѣтена балалайка.

Не обошлось безъ хитрости: покупая балалайку, солдаты наговорили сестрѣ, что покупка предназначается для отправки куда-то въ деревню.

И въ тотъ же вечеръ балалайка внесла въ лазаретъ такое оживленіе, какого нельзя было ожидать. Солдаты сгрудились вокругъ Морковина съ такими возбужденно-ожидающими лицами, какъ будто развертывалось событіе огромной важности.

Но наборщикъ посмотрѣлъ иначе. Морковинъ только еще строилъ балалайку, а онъ ужъ злобнымъ, плачущимъ голосомъ крикнулъ:

— Ужъ это ты оставь! Тутъ люди умираютъ... Я сестру позову!

Сестра въ это время была въ дежурной комнатѣ. Лица солдатъ передернулись, и не будь тутъ Морковина и Онисима, пришлось бы наборщику выслушать потокъ отборной и ожесточенной брани. Но Онисимъ и Морковинъ были налицо, и голоса взрослыхъ людей были подобны голосамъ дѣтей, когда дѣти обращаются за помощью къ матери:

— Онися, уйми ты его. Пожалуйста, уйми!

— Ну, да, уйми, Онися! Вѣдь такая слова голова, всю музыку испортитъ.

— Выручи, Онися!

И Онися поспѣшилъ выручить. Въ его отношеніяхъ съ наборщикомъ было нѣчто непонятное. Онъ не уговаривалъ наборщика, какъ Морковинъ, а обезоруживалъ его однимъ пріемомъ. Когда нужно было унять наборщика, онъ подходилъ къ нему, поднималъ передъ его глазами свой указательный корявый палецъ и, точно какой заговоръ, повторялъ все одну и ту же фразу: „Чокъ-молчокъ, овечка ни словечка!"

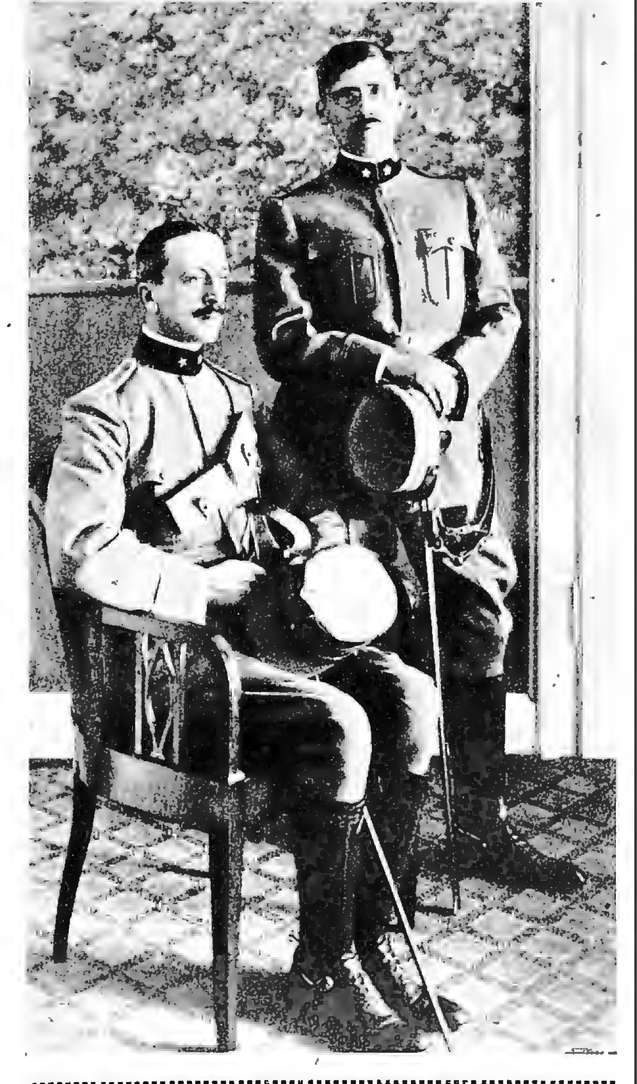
Наборщикъ прежде яростно отвѣчалъ ему, что онъ „дуракъ, идіотъ", потомъ началъ сдаваться: замолкалъ, закрывалъ глаза, и что-то въ родѣ улыбки, которую онъ старался сдержать, проступало на его лицѣ. Доходило до того, что иногда наборщику стоило завидѣть поднимающійся корявый палецъ и заслышать только начало фразы „чокъ-молчокъ", онъ быстро заявлялъ:

— Ну, ну, молчу. Только убирайся поскорѣе съ моихъ глазъ.

Скоро унялъ наборщика Онисимъ и на этотъ разъ. А потомъ къ наборщику подошелъ Морковинъ. Онъ усѣлся на свободную койку рядомъ съ наборщикомъ, ласково поморщился и мягко сказалъ:

— Вотъ ужъ, другъ, не люблю... Эка затѣваешь: тутъ, молъ, люди умираютъ. Да развѣ это разговоръ? Ну, а умрешь, ну, похоронятъ, а дальше-то что? О чемъ тутъ говорить? Я, милъ-человѣкъ, обо всемъ думалъ, обо всемъ такъ и сякъ прикидывалъ... И все зря! Просто: живешь— живи, смерть придетъ — не ерепенься. Къ чему о ней говорить, если отъ нея не отбрыкаешься?

Наборщикъ хотѣлъ что-то возразить, но Морковинъ ему не далъ; встряхнувъ уже успѣвшими отрасти русыми волосами, которые вились въ



Итальянская военная миссія, прибывшая въ Петроградъ и направившаяся затѣмъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, гдѣ она будетъ находиться вмѣстѣ съ военными миссіями другихъ союзныхъ державъ. 1) Генералъ Марсенго: 2) Лейтенантъ Гвиди.

Австро-итальянская война. Итальянская тяжелая артиллерія на высотахъ у Изонцо.

мелкія колечки, онъ ловко пробѣжалъ пальцами по струнамъ балалайки, задвигалъ плечами и заохалъ веселымъ стономъ въ ладъ съ балалайкой:

— „Охъ, охъ, о-охъ, пить—умирать, и не пить—умирать, мы пить будемъ и гулять будемъ, когда смерть придетъ — помирать будемъ... Охъ, охъ, о-охъ, помирать будемъ!"

Потомъ Морковинъ вызвалъ ударами пальцевъ по декѣ балалайки какой-то необычайно подзадаривающій виртуозный трескъ и, тронувъ слегка наборщика за плечо, воскликнулъ:

— Эхъ, милъ-человѣкъ, такъ, что ли? а? Чего ты заснулъ? Чего на себя напустилъ? Все зря, безъ пользы! Ужъ повѣрь мнѣ!

Всѣ весело засмѣялись. У наборщика было сердитое лицо, уголки губъ его дрожали такъ, точно онъ собирался сказать тоже что-то сердитое, но передъ нимъ уже торчалъ корявый палецъ Онисима, и слышался его голосъ:

— Чокъ-молчокъ! Слышишь, все зря, безъ пользы... Запомни: это тебѣ сказалъ Яковъ Петровичъ! А ужъ онъ зря не скажетъ.

Наборщикъ закрылъ глаза.

— Можетъ, безпокоитъ тебя?—участливо наклонился Морковинъ надъ наборщикомъ.—Если такъ—скажи, уйдемъ въ другое мѣсто.

Наборщикъ не отвѣтилъ: только чуть пріоткрылъ глазъ и покосился на балалайку.

— Ага! — торжествующе произнесъ Морковинъ и опять задвигалъ плечами, смѣнилъ свой бархатный басъ на пѣвучую фистулу и какъ-то разудало-изнеможенно выкрикнулъ этой фистулой:

— Охъ, ахъ, ахи—охъ!

Отъ этого выкрика всѣ вздрогнули, точно всѣхъ огнемъ ожгло. Морковинъ прищурилъ глаза, усмѣхнулся вдругъ покраснѣвшими, какъ кровь, губами и лихо заигралъ барыню.

— „Ахъ, барыня съ переборомъ—ночевала подъ заборомъ",— выводилъ онъ все той же фистулой и посматривалъ на проходъ между койками.

Минута — и въ этотъ проходъ выскочилъ Онисимъ, махнулъ платкомъ и тоненькимъ женскимъ голоскомъ вызывающе кинулъ:

— Ну-ка парень противъ дѣвки — вѣдь не все надъ ней издѣвки: ну-ка въ пляскѣ совладай!

Въ кучѣ солдатъ произошла суматоха, потомъ оттуда вырвался, точно вытолкнутый, молодой парень съ перевязанной рукой.

Онисимъ, изображая „дѣвку", то игриво откидывался отъ „парня", жеманно въ то же время подманивая его къ себѣ платочкомъ, то вновь наступалъ на него грудью и, дѣйствуя ногами въ ладъ съ балалайкой, кокетливо приговаривалъ:

— „Охъ, што жъ, што жъ, да мой мужъ не хорошъ: шелудивый, сквернорожій, на чертяку всѣмъ похожій—для молодки не пригожій".

Парень тоже не сдавалъ, то ныряя всѣмъ корпусомъ, то приcѣдая и выдѣлывая ногами мудреныя штуки. Изъ дежурной комнаты, махая руками, прибѣжала сестра, а за ней сидѣлка. Сестра кричала, что плясать нельзя, но ея никто не слушалъ. Съ возбужденными лицами, съ горящими глазами, солдаты впились взглядомъ въ плясуновъ и сыпали въ стройный топотъ ногъ поджигающіе возгласы:

— Дѣлай, дѣл-лай! Не сдавай, Петруха.

Онися, уважь. Сыпь погорячѣе, въ ротъ те малина за ухватку!

— Такъ, такъ его, Онися! Брей его со лба и съ затылка!

— Не очень-то обреешь. Петруха, не выдавай калуцкихъ!

Петруха старался.

— Эхъ, въ ротъ те дышло, разорюсь на послѣдній грошъ!— крикнулъ онъ и присоединилъ къ ногамъ здоровую руку, заставляя ее выдѣлывать тоже мудреныя штуки.

Нѣсколько паръ рукъ въ тактъ „барынѣ" дружно били въ ладоши. По временамъ, покрывая и топотъ ногъ, и битье въ ладоши, и возгласы, раздавался басъ Морковина:

— Э-эхъ, уноси ты мое горе во чисто поле!

Растерянная сестра наконецъ кинулась къ Морковину.

Какъ будто не понимая, чего она отъ него требуетъ, Морковинъ взглянулъ на сестру остро-веселыми, какъ въ пьяномъ угарѣ, глазами и, бросивъ ва минуту играть, сказалъ:

— Эхъ, сестрица дорогая, насчетъ того, чтобы сплясать да потренькать на балалайкѣ, я вамъ вотъ что повѣдаю: сколько ни было во всей моей округѣ плясуновъ да игроковъ — всѣмъ очки давалъ. На этотъ счетъ у меня, бывало, шалишь; никому не уступлю! А теперь вотъ, какъ видно, крышка: теперь черезъ эфтотъ сѣдательный нервъ-то, должно-быть, посматривай, какъ другіе пляшутъ, а самъ-то подожди. Попановалъ, значитъ, покуралесилъ и довольно!

И въ послѣднихъ словахъ Морковина было такъ много кричащей, отчаянной скорби, отъ которой сестра растерялась окончательно.

— Да я что,—забормотала она:—я-то ничего. Вотъ только докторъ... что онъ скажетъ?

Морковинъ какъ будто не слыхалъ, что сказала сестра: онъ тряхнулъ кудрями, вскрикнулъ опять веселымъ стономъ: „Охъ, ахъ, ахи-охъ!" и заигралъ на балалайкѣ.

Онисимъ съ молодымъ парнемъ плясали до изнеможенія.

И, какъ завороженные, смотрѣли на плясуновъ всѣ: раненые, сестра, сидѣлка и даже наборщикъ.

(Окончаніе будетъ).

Какъ въ Англіи вербуютъ добровольцевъ.

Очеркъ **К. Чуковскаго**. (Съ 9 рис. на стр. 551, 552 и 553).

Три милліона англійскихъ солдатъ находятся сейчасъ подъ ружьемъ. Міровая исторія не знала такого грандіознаго числа *добровольцевъ*. И замѣчательно: почти вся эта армія собрана при посредствѣ митинговъ, афишъ, объявленій, рекламъ. Собиратель этой арміи, военный министръ лордъ Китченеръ, обнаружилъ изумительный организаторскій даръ: онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы выставить противъ Германіи новые кадры солдатъ. Афиши, которыми онъ вербовалъ добровольцевъ, отличаются большой эксцентричностью. Нѣкоторыя изъ нихъ воспроизводятся здѣсь, на страницѣ 552.

На одной афишѣ—солдатская фуражка и подпись:

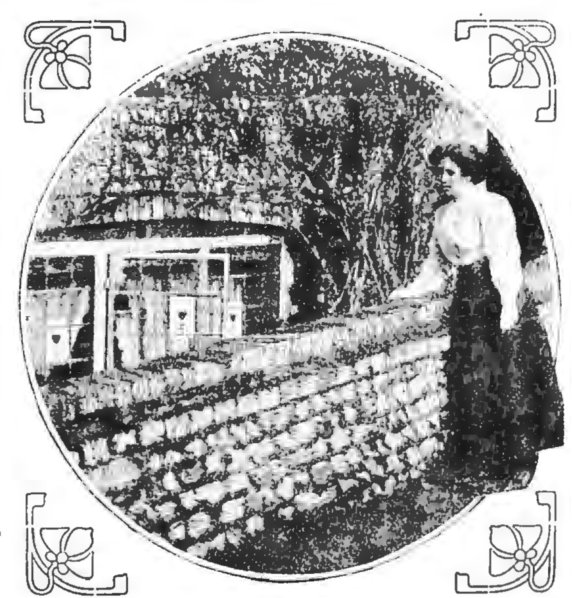
„Если эта фуражка по васъ, сегодня же ступайте въ солдаты!"

На другой въ очень соблазнительномъ видѣ представлены шотландскіе стрѣлки:

„Стройся, ребята! Запишись сегодня!"

Заслуженные дома въ Англіи. На окнахъ этихъ домовъ помѣщены почетные листы съ крестами, удостовѣряющіе, сколько солдатъ пошло изъ каждаго дома добровольцами на войну.

Почетный листъ съ крестомъ, удостовѣряющій, что данная семья дала родинѣ солдата.



Заслуженные дома въ Англіи. На окнахъ этихъ домовъ помѣщены почетные листы съ крестами, удостовѣряющіе, сколько солдатъ пошло изъ каждаго дома добровольцами на войну.

На третьей изображенъ часовой:

„Стой! Кто идетъ? Если другъ, то сію же минуту ступай въ англійскую армію и помоги нашимъ молодцамъ воевать!“

На четвертой—тѣсная фаланга солдатъ съ зіяющимъ пробѣломъ посрединѣ:

„Это мѣсто оставлено для подходящаго парня. Не хочешь ли заполнить это мѣсто? Оно какъ разъ для тебя!“

Иные изъ этихъ плакатовъ трогали своей патетичностью. Нарисованъ старикъ-ветеранъ, провожающій на войну молодого солдата:

„Хотѣлъ бы я быть помоложе, чтобы тоже пойти на войну!“

Кромѣ Китченера, главнымъ вербовщикомъ англійскихъ добровольцевъ является,—какъ это ни дико звучитъ,- кайзеръ Вильгельмъ! Онъ какъ будто спеціально затѣмъ нападаетъ на беззащитные англійскіе городишки, топитъ женщинъ, убиваетъ дѣтей, чтобы усилить и ускорить притокъ солдатъ въ армію лорда Китченера. Единственнымъ послѣдствіемъ пиратскаго набѣга германской эскадры на англійскій прибрежный курортъ Скарборо было то, что разгнѣванные англичане стали тысячами записываться въ армію.

Лордъ Китченеръ удачно использовалъ этотъ праведный гнѣвъ народный. На одной изъ его афишъ нарисованъ разрушенный пылающій городъ, и на первомъ планѣ Британія, въ видѣ опечаленной женщины, обращается къ англійскимъ юношамъ:

„Помните Скарборо!“

На другой афишѣ изображенъ, по фотографіи, тотъ домъ въ этомъ городѣ, гдѣ нѣмецкимъ снарядомъ убито четверо мирныхъ, безотвѣтныхъ обывателей.

„Британцы! Развѣ вы допустите это?“—спрашиваетъ афиша съ укоромъ.

Стой! Кто идетъ? Если другъ, то сію же минуту ступай въ англійскую армію и помоги нашимъ молодцамъ воевать!

Это мѣсто оставлено для подходящаго парня. Не хочешь ли заполнить это мѣсто? Оно какъ разъ для тебя.

Многіе англійскіе магазины, конторы, гостиницы помогаютъ Китченеру въ его пропагандѣ. Вотъ, напримѣръ, фотографическій снимокъ со знаменитаго лондонскаго Карльтонъ-отеля, который всѣ свои балконы украсилъ такими огромными многосаженными вывѣсками:

„Къ оружію!“

„Вы нужны родинѣ и королю!“

„Британцы! За свободу и честь нашей родины!“

„Запишитесь въ армію только на время войны!“

„Мы сражаемся за правое дѣло!“

И такъ дальше. Но рядомъ съ этими эксцентрично-патетичными обращеніями къ націи, военное министерство издаетъ и другія воззванія—офиціальныя, сухія, дѣловыя, печатающіяся въ англійскихъ газетахъ на ряду съ другими объявленіями. Вотъ одно изъ подобныхъ воззваній (см. стр. 553):

„Вашему королю и вашей родинѣ нужны еще 100.000 человѣкъ. При нынѣшнихъ серьезныхъ обстоятельствахъ нужно, чтобъ еще сто

Стройся, ребята! Запишись сегодня!

Если эта фуражка по васъ, сегодня же ступайте въ солдаты!

Одна изъ крупнѣйшихъ гостиницъ въ мірѣ—отель Карльтонъ въ Лондонѣ, украсившій свои балконы огромными саженными вывѣсками съ надписями: „Къ оружію!“ „Вы нужны родинѣ и королю!“ „Британцы, за свободу и честь нашей родины!“ и т. д.

Какъ въ Англіи вербуютъ добровольцевъ въ войска. Афиши, плакаты и вывѣски на улицахъ Лондона и другихъ городовъ съ призывомъ къ населенію итти въ ряды войскъ на общаго мірового врага.

Your King & Country need another 100,000 Men.

In the present grave national emergency another 100,000 men are needed at once to rally round the Flag and add to the ranks of our New Armies.

Terms of Service
(Extension of Age Limit).

Age on enlistment 19 to 38. Ex-Soldiers up to 45. Minimum height 5 ft. 4 ins. except for ex-soldiers and those units for which special standards are authorised. Must be medically fit. General Service for the War.

Men enlisting for the duration of the War will be able to claim their discharge, with all convenient speed, at the conclusion of the War.

Pay at Army Rates.

Married men or Widowers with Children will be accepted, and if at the time of enlistment a recruit signs the necessary form, Separation Allowance under Army conditions is issuable at once to the wife and in certain circumstances to other dependents.

Pamphlet with full details from any Post Office.

How to Join.

Men wishing to join should apply in person at any Military Barrack or at any Recruiting Office. The address of the latter can be obtained from Post Offices or Labour Exchanges.

God Save the King.

Воззваніе англійскаго военнаго министерства къ населенію о наборѣ новыхъ 100.000 добровольцевъ въ армію.

тысячъ человѣкъ встали вокругъ британскаго знамени для усиленія нашихъ ново-сформированныхъ армій.

„Условія службы: возрастъ—отъ 19 до 38 лѣтъ. Изъ бывшихъ на службѣ опытныхъ солдатъ принимаются до сорокапятилѣтняго возраста, минимумъ роста—5 футовъ, 4 вершка. Больные и увѣчные не принимаются.

„Тѣ, кто идутъ въ солдаты только на время войны, тотчасъ же по ея окончаніи будутъ освобождены отъ солдатчины.

„Боже, храни короля".

Не удивительно ли, что на такіе призывы откликнулось три милліона добровольцевъ.

Впрочемъ, добровольцы—не совсѣмъ точное слово. Подъ натискомъ общественнаго мнѣнія, этой могущественнѣйшей въ Англіи силы, многіе идутъ въ добровольцы почти поневолѣ. Здоровыхъ мужчинъ, оставшихся дома, не внявшихъ призыву Китченера, окружаетъ теперь общее презрѣніе. Имъ стыдно показаться на улицѣ: ихъ называютъ трусами, измѣнниками. Тысячи карикатуръ, эпиграммъ клеймятъ ихъ въ газетахъ и журналахъ. Наоборотъ, тѣ, кто пошли на войну, пользуются теперь необыкновеннымъ почетомъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ родственники—матери, сестры, отцы. Мэры нѣкоторыхъ захолустныхъ городовъ выдаютъ даже особыя отличія, почетные листы, аттестаты семьямъ добровольцевъ-солдатъ. На этихъ почетныхъ листахъ, украшенныхъ изображеніемъ креста, сказано, что такой-то солдатъ „служитъ королю, отечеству, „имперіи", — и эти листы выставляются въ окнахъ, какъ предметъ особой гордости и славы. Иныя окна бываютъ увѣшаны тремя, четырьмя и нерѣдко пятью аттестатами, по числу ушедшихъ въ армію членовъ семьи. Чѣмъ больше этихъ аттестатовъ, тѣмъ больше почета. Къ такимъ домамъ—особое уваженіе, и какъ конфузятся тѣ, у кого на окнѣ не вывѣшено ни единой бумажки! На нашихъ снимкахъ (см. стр. 551) изображенъ такой почетный листъ съ крестомъ и представлены окна домовъ, которыя украшены этими крестами — „георгіями" англійскихъ семей. Вотъ мать, которая дала „королю, родинѣ, имперіи" всѣхъ своихъ четырехъ сыновей. Вотъ другая, у которой оба сына и мужъ—всѣ трое ушли на войну...

Волченокъ.

Разсказъ **Н. Роминскаго.**

(Продолженіе).

Батальонный, хорошо говорившій по-нѣмецки, повернулся къ германцу и спросилъ:

— Почему вы не хотите, чтобы докторъ осмотрѣлъ вашу рану?

Услышавъ родную рѣчь, нѣмецъ вздрогнулъ и быстро повернулся къ батальонному; затѣмъ его лицо опять потускнѣло, и онъ сухо и упрямо сказалъ:

— Ich will nicht.

Докторъ понялъ и нѣсколько разъ повторилъ:

— Ихъ виль нихтъ, ихъ виль нихтъ,—а пусть скажетъ, почему виль нихтъ? Скажите, пожалуйста, этому дураку, что я докторъ и свое дѣло знаю, разницы же между своими и чужими не дѣлаю. Пусть онъ будетъ спокоенъ, ихній нѣмчура тоже не сдѣлаетъ перевязки лучше, чѣмъ я; еще съ университета хирургія была мой любимый предметъ. Объясните, пожалуйста.

Батальонный повторилъ сказанное докторомъ, но прежнее упрямое выраженіе не сходило съ лица германца.

Докторъ развелъ руками:

— Нѣтъ, дѣйствительно какой-то дуракъ!

Потомъ повернулся къ фельдшеру и сказалъ:

— Снимите съ него штаны, а если не послушается, то я позову санитаровъ, пусть свяжутъ его.

Фельдшеръ рѣшительно подошелъ къ раненому, но тотъ быстро повернулся и ударилъ его по протянутой рукѣ. Фельдшеръ не ожидалъ этого и отдернулъ руку:

— Ишь, чортовъ волченокъ! Еще укуситъ!

Въ операціонную вошли еще одинъ докторъ, офицеръ и начальникъ санитарнаго отряда. И докторъ пожаловался имъ. Начальникъ санитаровъ считалъ себя знатокомъ нѣмецкаго языка и обратился къ раненому. Онъ говорилъ, путая нѣмецкія слова съ французскими, но лицо волченка было безстрастно и зло-сосредоточенно, какъ и прежде. Когда санитаръ кончилъ, онъ громко и отчетливо сказалъ:

— Ich will nicht.

Санитаръ тогда тоже развелъ руками:

— Ну, и упрямецъ же этотъ мальчишка! Настоящій волченокъ! Право!

Посмотрѣлъ кругомъ и спросилъ:

— Что же вы будете дѣлать?

Другой докторъ, высокій и угрюмый, посмотрѣлъ исподлобья и сказалъ:

— Не хочетъ, и чортъ съ нимъ!

Но старый докторъ былъ добрѣе:

— Конечно, чортъ съ нимъ, но пусть дастъ хоть рану перевязать.

И онъ повернулся къ раненому:

— Heilen, heilen,—понимаете,—heilen...

И въ этотъ моментъ вспомнилъ самое настоящее слово: kurieren,—лѣчить и обратился къ нѣмцу:

— Фусъ куриренъ, фусъ! Куриренъ, фербинденъ,—и веревочкой, бывшей у него въ рукахъ, обвязывалъ свою руку, чтобы воочію показать, какъ будетъ ему перевязывать рану.

Фельдшеръ протянулъ руку, чтобы разстегнуть брюки нѣмца,—ему надоѣли излишніе разговоры, — но волченокъ быстро повернулся, — фельдшера онъ боялся больше всѣхъ и слѣдилъ за нимъ,—повернулся и ударилъ. На этотъ разъ ударъ пришелся по кости повыше локтя, и фельдшеру сильно заболѣло,—онъ сдѣлалъ злое лицо и замахнулся на нѣмца, но докторъ во-время схватилъ его руку. Фельдшеръ отошелъ въ сторону и сталъ тамъ съ видомъ оскорбленнаго равнодушія.

Но поведеніе нѣмца разсердило и докторовъ, и старый докторъ позвалъ санитаровъ, чтобы придержать раненаго.

Увидя двухъ входящихъ здоровыхъ солдатъ, раненый понялъ, что его хотятъ перевязать силой, и быстро заговорилъ, повернувшись къ батальонному:

— Я не хочу, я не хочу,—я уже самъ перевязалъ свою ногу. Я знаю, какъ перевязывать, и у меня былъ перевязочный матеріалъ...

Батальонный перевелъ его слова, но баснѣ объ уже перевязанной ранѣ мало вѣрили. Высокій докторъ захотѣлъ все-таки удостовѣриться и протянулъ руку, но юноша быстро повернулся: поджимая ногу, онъ, вѣроятно, почувствовалъ сильную боль, потому что его лицо судорожно сжалось, и онъ, блѣднѣя, закусилъ нижнюю губу. Но, несмотря на эту боль, онъ все-таки успѣлъ ударить доктора по рукѣ, и ударить довольно больно.

Докторъ, не ожидавшій этого, отскочилъ, разсердился и приказалъ санитарамъ связать больного. Когда санитары двинулись къ нему, испугъ покрылъ блѣдностью лицо раненаго, онъ повернулся къ батальонному и, отталкивая рукой санитаровъ, жалко заговорилъ:

— Слушайте, слушайте,—идите сюда, идите, вы же вѣдь человѣкъ...

Батальонный подошелъ къ молодому нѣмцу. Тотъ потянулся, обхватилъ голову батальоннаго рукой и притянулъ къ себѣ. Затѣмъ, сильно волнуясь и тяжело и прерывисто дыша, нагнулся къ его уху, началъ что-то говорить, но вдругъ откинулся назадъ и замолчалъ.

— Что онъ сказалъ? — одновременно спросили оба доктора.

Генералъ-маіоръ Алексѣй Степановичъ Потаповъ, отбившій съ двумя батальонами латышей нападеніе нѣмцевъ на Митаву. Латышскія общества поднесли генералу Потапову золотую саблю съ надписью „за храбрость".

Батальонный пожалъ плечами:

— Ничего не разберешь: подулъ въ ухо, хотѣлъ что-то сказать, и только.

Начальникъ санитаровъ, внимательно смотрѣвшій на нѣмца, вдругъ сказалъ:

— А онъ долженъ быть изъ интеллигенціи,— смотрите, какія у него маленькія и изящныя руки.

И всѣ посмотрѣли на руки: онѣ были дѣйствительно малы и красивы, длинная узкая кисть, и только концы пальцевъ, съ грязными запущенными ногтями, были широки, что, говорятъ физіономисты, присуще людямъ съ сильнымъ энергичнымъ характеромъ.

Увидѣвъ, что смотрятъ на его руки, нѣмецъ поспѣшно ихъ спряталъ и покраснѣлъ. Но сейчасъ же на его лицѣ появилось прежнее жесткое и упрямое выраженіе.

— Ну, что же, повернулся одинъ докторъ къ другому: — заставить его силой или дѣйствительно оставить рану на произволъ судьбы? Но вѣдь она тогда загноится, и послѣдствіемъ будетъ вѣрная смерть.

Фельдшеръ, сердитый на нѣмца, что онъ его больно ударилъ, пробормоталъ сквозь зубы:

— Вотъ ужъ я не сталъ бы носиться-то! Велика бѣда, коли однимъ нѣмцемъ станетъ на свѣтѣ меньше!

Батальонный подвинулся впередъ и сказалъ:

— Позвольте, я его попробую уговорить.

Принявъ молчаніе присутствовавшихъ за согласіе, онъ вернулся къ нѣмцу и тихо и убѣдительно заговорилъ:

— Если вы не согласитесь на операцію, то васъ свяжутъ и все-таки сдѣлаютъ перевязку, потому что доктора находятъ, что рана иначе загніетъ, и послѣдствіемъ будетъ вѣрная смерть. Жаль же умирать въ такіе молодые годы.

Нѣмецъ выслушалъ и живо заговорилъ:

— Но я же сказалъ, что рана перевязана, и перевязана хорошо, по всѣмъ правиламъ, опасности загноенія нѣтъ вовсе. Я прошу только одного: пусть позволятъ мнѣ самому смотрѣть за моей раной. Я же никому не дѣлаю этимъ дурного, развѣ такъ трудно позволить?

Онъ оживился, его щеки загорѣлись, и онъ сильно волновался.

Когда батальонный перевелъ сказанное, наступила тишина. Первый заговорилъ высокій докторъ:

— Странно все это: очень странно. Нѣтъ ли у него какихъ-нибудь важныхъ документовъ на тѣлѣ?

Санитаръ при этихъ словахъ оживился, и глаза его заблестѣли:

— Нѣтъ, не документы, а, пожалуй, полковое знамя? Вѣдь какъ хотите, а его поведеніе крайне, крайне подозрительно! Очень и очень подозрительное упрямство!

Мысль о документахъ или даже знамени, спрятанномъ на тѣлѣ плѣннаго, казалась весьма возможной. Но докторъ настаивалъ на документахъ, санитаръ же хотѣлъ имѣть непремѣнно знамя. Въ спорѣ приняли участіе и другіе.

Раненый съ тревогой наблюдалъ лица говорившихъ, стараясь по нимъ прочесть свою судьбу. Потомъ онъ опять обратился къ батальонному:

— Герръ оберстъ, попросите ихъ... Я готовъ упасть къ вашимъ ногамъ,—попросите, вѣдь это не трудно исполнить: я буду самъ перевязывать свою рану, самъ слѣдить за ней, и если будетъ хоть малѣйшее осложненіе, обѣщаю сейчасъ же обратиться къ доктору, не стану скрывать: герръ оберстъ...

Онъ смотрѣлъ на батальоннаго своими большими широко открытыми глазами, въ которыхъ были одновременно и страхъ и надежда.

— Что онъ говоритъ? — съ любопытствомъ спрашивали батальоннаго.

— Говоритъ, что будетъ самъ перевязывать свою рану, но при малѣйшемъ осложненіи сейчасъ же скажетъ доктору и очень проситъ разрѣшить ему, какъ большой милости.

Высокій докторъ заинтересовался еще больше:

— Да, странно, очень странно! Очевидно, что-то скрываетъ! А потомъ, когда ему удастся пакетъ съ документами...

— Я все-таки полагаю, знамя,—перебилъ его санитаръ.

Докторъ взглянулъ на него съ легкимъ сожалѣніемъ и продолжалъ:

— Пачку документовъ передать такъ легко,—тогда онъ придетъ и невинно скажетъ: „вотъ моя рана, перевяжите, пожалуйста..."

— Вы, докторъ, непремѣнно думаете, что знамя должно быть съ древкомъ, и что его невозможно скрыть незамѣтно...

Теперь оттѣнокъ сожалѣнія былъ слышенъ въ голосѣ санитара. Докторъ обидѣлся и возвысилъ тонъ. Поднялъ тонъ и начальникъ санитарнаго отряда. Но слова стараго доктора были такъ интересны, что оба забыли свое начинающееся раздраженіе: онъ обратился къ батальонному:

— Что онъ вамъ шепталъ? То-есть, что хотѣлъ сказать? Началъ и вдругъ пересталъ, откинулся назадъ и замолчалъ? Дѣйствительно, что-то неладное!

— И затѣмъ, почему именно вамъ? не безъ ехидства вставилъ санитаръ.

Въ это время впередъ выдвинулся фельдшеръ, и плѣнный, уже раньше съ тревогой слѣдившій за разговоромъ, теперь испуганно взглянулъ на него: онъ зналъ, что самый большой врагъ именно фельдшеръ, котораго онъ, судя по формѣ, навѣрно тоже считалъ докторомъ.

— Разрѣшите раздѣть его, и конецъ. Тогда и станетъ все ясно. Подъ предлогомъ раны мы его раздѣнемъ догола и обыщемъ одежду и бѣлье. Разумѣется, онъ что-то прячетъ!

Санитары, нижніе чины, тоже были крайне заинтересованы. Послѣ словъ фельдшера они подвинулись впередъ и ждали только знака.

Въ это время распахнулись двери, и быстрой энергической походкой, крѣпко стуча каблуками, вошелъ коренастый полковникъ генеральнаго штаба. Ему обрадовались и сейчасъ же разсказали про странное поведеніе плѣннаго. Выразили мысль и о возможности сокрытія документовъ или знамени.

— Безъ древка, конечно,—сказалъ санитаръ и при этомъ насмѣшливо взглянулъ на высокаго доктора.

Полковникъ внимательно посмотрѣлъ на плѣннаго.

— Рожа-то у него интеллигентная. Возможно дѣйствительно, что онъ что-нибудь прячетъ.

И онъ обратился къ нему по-нѣмецки:

— Слушайте, почему вы не хотите, чтобы докторъ перевязалъ вашу рану?

Онъ говорилъ довольно правильно грамматически, но съ такимъ русскимъ акцентомъ, что нѣмецъ ничего не понялъ и съ удивленіемъ и ожиданіемъ смотрѣлъ на него.

Полковникъ начиналъ сердиться:

— Ну? Долго я буду ждать отвѣта?

Раненый приподнялся на рукахъ и застѣнчиво проговорилъ:

— Я не понялъ.

Полковникъ не повѣрилъ.

— Ишь, прикидывается, бестія, что не понимаетъ! И, надо отдать справедливость, — свою роль играетъ ловко.

И онъ повторилъ прежній вопросъ. Но лицо плѣннаго выражало только тревожное желаніе понять сказанную ему фразу. Тогда полковникъ нахмурился и повторилъ въ третій разъ, медленно и раздѣльно. Въ этотъ разъ нѣмецъ понялъ, но его лицу прошла тяжелая тѣнь, и онъ заговорилъ, тоже медленно и раздѣльно, боясь, что полковникъ его не пойметъ:

— Герръ оберстъ, я прошу только одной милости: самому смотрѣть и перевязывать мою рану. Вѣдь это же никому не мѣшаетъ!..

Чѣмъ дольше нѣмецъ говорилъ, тѣмъ жестче дѣлалось лицо полковника. Не давъ ему кончить, онъ вынулъ часы и перебилъ его словами:

— Если черезъ двѣ минуты вы не раздѣнетесь добровольно, то васъ раздѣнутъ силой.

По тѣлу плѣннаго прошла дрожь: онъ видѣлъ, что въ этотъ разъ шутить не будутъ.

Когда двѣ минуты кончились, полковникъ методически спряталъ часы и сказалъ:

— Раздѣвайтесь!

А когда тотъ, продолжая дрожать мелкой дрожью, стоялъ безъ движенія, повернулся къ санитарамъ и приказалъ:

— Раздѣньте его!

Раненый поблѣднѣлъ еще больше, двинулся всѣмъ корпусомъ и, повернувшись къ батальонному, быстро заговорилъ:

— Только не здѣсь, только не здѣсь.

Батальонный, которому было жаль красиваго мальчика, съ которымъ онъ лежалъ безъ памяти вмѣстѣ у окоповъ, нагнулся къ нему и тихо сказалъ:

— Скажите, въ чемъ дѣло? Вѣдь мы же ничего не понимаемъ.

Санитары, двинувшіеся-было уже къ плѣнному, не рѣшились его брать, пока съ нимъ говорилъ подполковникъ, и остановились въ ожиданіи.

(Окончаніе будетъ).

Св. Георгій.

На древне-русскій стягъ гляжу въ нѣмомъ восторгѣ,
Гляжу въ восторгѣ я на древне-русскій щитъ
Гляжу, какъ ворога волнующе разитъ
Святой Георгій...

Забудетъ вопли битвъ и буйство дикихъ оргій
Усталый отъ тревогъ, воскресшій снова міръ...
Благословитъ надъ нимъ ненарушимый миръ
Святой Георгій...

И будетъ врагъ убогъ, въ своемъ позорномъ торгѣ,
У побѣдителей, въ слезахъ, прося пощадъ...
. . . .
Гляжу я съ вѣрою на древне-русскій платъ:—
Святой Георгій...

Павелъ Орѣшниковъ.

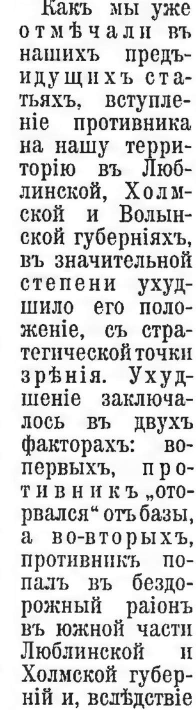
Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Пріостановка наступленія Макензена на Люблинъ—Холмъ.

Армія Макензена, дойдя на разстояніе одного перехода до линіи Люблинъ—Холмъ, повидимому, неожиданно для себя почувствовала контръ-ударъ нашихъ отступающихъ войскъ и вынуждена была пріостановиться.

Вице-адмиралъ А. И. Русинъ, Высочайше назначенный помощникомъ морского министра.



Какъ мы уже отмѣчали въ нашихъ предъидущихъ статьяхъ, вступленіе противника на нашу территорію въ Люблинской, Холмской и Волынской губерніяхъ, въ значительной степени ухудшило его положеніе, съ стратегической точки зрѣнія. Ухудшеніе заключалось въ двухъ факторахъ: во-первыхъ, противникъ „оторвался“ отъ базы, а во-вторыхъ, противникъ попалъ въ бездорожный районъ въ южной части Люблинской и Холмской губерній и, вслѣдствіе этого, „увязъ“.

„Наступающія арміи таютъ, какъ свѣже-выпавшій снѣгъ весною,—говоритъ фонъ-деръ-Гольцъ:—полководецъ съ сотнями тысячъ переступаетъ границы, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ведетъ войну въ сердцѣ непріятельской страны только съ тысячами людей“. Дѣйствительно, мы знаемъ, что Наполеонъ, переправившійся черезъ Нѣманъ съ полумилліономъ, дошелъ до Москвы только съ 98-ю тысячами, почему и не могъ выиграть сраженія у Бородина. Тотъ же Наполеонъ, вступивъ въ октябрѣ 1805 года въ Австрію съ 200.000 человѣкъ, несмотря на свою удивительную экономію въ силахъ, могъ къ рѣшительному сраженію при Аустерлицѣ, 2-го декабря, собрать всего лишь 80.000 человѣкъ. Наконецъ нѣмцы, вступивъ съ 600.000 во Францію въ 1870 году, черезъ 6 недѣль подошли къ Парижу только со 170.000 человѣкъ. Это вполнѣ естественно объясняется тѣмъ, что армія день ото дня все болѣе нуждается въ оставленіи позади себя небольшихъ отрядовъ для обезпеченія этапныхъ пунктовъ. Затѣмъ армія несетъ громадныя потери при наступленіи. Наконецъ приходится занимать гарнизонами различные пункты и закрѣплять за собою занятую территорію. Поэтому не будетъ ничего удивительнаго, если Макензенъ, подойдя съ двумя милліонами къ Дунайцу, уже къ линіи Люблинъ—Холмъ подошелъ не съ двумя милліонами, а лишь съ однимъ милліономъ, а возможно, еще и съ меньшимъ числомъ войскъ и, вслѣдствіе этого, не имѣлъ того численнаго превосходства, которое одно только даетъ побѣду въ современной войнѣ. Кромѣ того, Макензенъ израсходовалъ громадное число снарядовъ и прочихъ боевыхъ припасовъ и, очевидно, не имѣлъ уже тѣхъ громадныхъ средствъ, которыя позволили ему, подобно молоту, ударять въ наше расположеніе на Дунайцѣ. Затѣмъ Макензенъ попалъ въ бездорожный районъ и, слѣдовательно, не могъ быстро сосредоточивать войска къ тому пункту, гдѣ онъ велъ главную атаку, а въ то же время мы, подойдя къ желѣзнодорожной линіи Люблинъ—Холмъ, получили возможность съ большой скоростью перебрасывать войска на любой участокъ атакуемаго фронта.

Въ силу такого ухудшившагося стратегическаго положенія австро-нѣмцевъ, ихъ натискъ неминуемо ослабѣлъ, а между тѣмъ наши войска, подойдя къ линіи Люблинъ—Холмъ, быстро сосредоточили значительную группу войскъ на своемъ правомъ крылѣ и короткимъ, рѣшительнымъ ударомъ перешли въ наступленіе противъ арміи эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, двигавшейся по правому берегу Вислы на Люблинъ.

Ошеломленная этимъ ударомъ армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда сначала пріостановилась, а затѣмъ попятилась назадъ. Въ теченіе трехъ дней нашими войсками было взято до 15.000 плѣнныхъ, при чемъ, повидимому, такія же потери понесъ противникъ убитыми и ранеными. Въ общемъ противникъ потерялъ въ трехдневномъ бою почти до одного корпуса людей, и армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда хотя и удержалась въ разстояніи около двухъ переходовъ отъ Люблина, но была уже сильно разстроена. Этимъ короткимъ контръ-ударомъ ограничился нашъ переходъ въ наступленіе, ибо, очевидно, общаго перехода въ наступленіе не предполагалось по той простой причинѣ, что представлялось невыгоднымъ отходить отъ удобной желѣзнодорожной линіи Люблинъ—Холмъ въ тотъ бездорожный районъ, гдѣ находился противникъ.

Въ свою очередь противникъ, придя въ себя отъ нашего неожиданнаго встрѣчнаго наступленія, сталъ, повидимому, устраиваться и „исправлять“ то невыгодное стратегическое положеніе, въ которомъ онъ оказался. Для австро-нѣмцевъ стало ясно, что быстрое продвиженіе на нашей территоріи невозможно, и что на нашемъ фронтѣ возможны лишь медленныя методическія операціи, о чемъ, впрочемъ, и ранѣе твердили нѣмецкіе военные публицисты, и только Макензенъ, ошибочно приписавъ себѣ нѣкій успѣхъ, забылъ объ этомъ, зарвался и былъ наказанъ.

Такимъ образомъ сущность операціи Макензена свелась къ ряду короткихъ толчковъ: сначала отъ Дунайца до Сана, потомъ слѣдующій толчокъ—отъ Сана до Львова, потомъ толчокъ—отъ Львова до рѣкъ Выжницы и Пора, находящихся въ разстояніи одного перехода отъ Люблина.

Это какъ бы возрождало знаменитую „пяти-переходную систему“, существовавшую въ Западной Европѣ въ концѣ XVIII вѣка, когда считалось невозможнымъ отойти отъ своихъ магазиновъ далѣе пяти переходовъ, т.-е. 100—120 верстъ. Послѣ этого нужно было снова подтягивать магазины и обозы на новую линію фронта и опять отъ нея отходить на 100—120 верстъ. Тогда, въ XVIII вѣкѣ, эта система создалась на Западѣ, вслѣдствіе обязательствъ правительствъ передъ вербованными солдатами аккуратно ихъ кормить и одѣвать, почему и нельзя было отходить далеко отъ магазиновъ. Теперь же, очевидно, Макензенъ долженъ былъ прибѣгнуть къ этой системѣ, такъ какъ его пѣхота совершенно не въ состояніи продвигаться безъ поддержки артиллеріи и безъ большого количества снарядовъ, а также не можетъ маневрировать безъ хорошихъ дорогъ.

Очевидно, какъ только войска отходятъ на разстояніе, примѣрно, пяти переходовъ отъ складовъ, снарядовъ и отъ хорошихъ дорогъ, Макензенъ вынужденъ пріостанавливаться, чтобы подтягивать склады со снарядами и устраивать у себя въ тылу болѣе или менѣе годныя дороги для маневрированія своихъ войскъ.

Поэтому и получилось возрожденіе этой курьезной пяти-переходной системы, и Макензенъ, продѣлавъ пять переходовъ отъ Дунайца до Сана, пріостановился; затѣмъ, подтянувъ снаряды, продѣлалъ еще пять переходовъ до Львова и опять остановился; затѣмъ повторилъ ту же исторію съ тѣмъ, чтобы

Вице-адмиралъ П. И. Муравьевъ, Высочайше назначенный помощникомъ морского министра.

А. К. Рачинскій, Высочайше назначенный товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія.

дойти до рѣки Выжницы, на разстояніе одного-двухъ переходовъ отъ Люблина.

Слѣдовательно, теперь предстоитъ то же самое — необходимость подтянуть снаряды, чтобы двинуться далѣе. Однако теперь уже нужно не только подтягивать снаряды, но и устраивать дороги, въ виду отсутствія хорошихъ дорогъ въ южной части Люблинской и Холмской губерній, тогда какъ въ Галиціи эти дороги были всюду.

Слѣдовательно, теперь пріостановка должна быть болѣе длительной, чѣмъ ранѣе.

Въ связи съ этимъ создалось довольно напряженное положеніе на всемъ фронтѣ, такъ какъ окончаніе наступленія Макензена означало подготовку противника къ новой операціи, но представлялось невыясненнымъ, гдѣ эта операція обнаружится: снова ли продолжится наступленіе арміи Макензена, или же обнаружатся активныя дѣйствія противника на западномъ, Привaршавскомъ фронтѣ, или же операція возобновится на сѣверномъ фронтѣ, Прибалтійско-Нѣманскомъ. На всѣхъ этихъ трехъ фронтахъ было затишье, и отовсюду можно было „ожидать“.

Одновременно стали „ожидать“ и на западномъ фронтѣ и на южномъ—итальянскомъ фронтѣ, ибо и тамъ было затишье. Разъ затишье на всѣхъ фронтахъ, то естественно противникъ можетъ начинать операціи на любомъ изъ фронтовъ, и именно не только на одномъ изъ нашихъ трехъ фронтовъ, но и на любомъ другомъ фронтѣ—западномъ или южномъ.

Нашъ противникъ весьма охотно стремился поддержать версію о томъ, что наступленіе Макензена окончательно пріостановлено, и что нѣмцы начнутъ теперь операціи на западномъ фронтѣ. Изъ нейтральныхъ странъ полетѣли телеграммы о „пріостановкѣ желѣзнодорожнаго движенія“, о „перевозкѣ войскъ черезъ Бельгію“, о „переѣздѣ нейтральныхъ военныхъ агентовъ, бывшихъ въ германской арміи въ Галиціи, на западный фронтъ“, и т. п.

Всѣ эти извѣстія представлялись весьма маловѣроятными, такъ какъ вполнѣ ясно, что противникъ не могъ начать операціи на западномъ фронтѣ, не устроивъ предварительно прочно своего тыла—восточнаго фронта. Слишкомъ элементарно, что невѣроятно трудно драться, имѣя противника въ тылу, въ данномъ случаѣ — наши войска, которыя неминуемо и неуклонно производятъ давленіе на восточный фронтъ противника.

Между тѣмъ продвиженіе по Галиціи и вступленіе въ бездорожную полосу Люблинской и Холмской губерній отнюдь не давало противнику этой прочной „загородки“ на нашемъ фронтѣ, и, естественно, онъ не рискнулъ бы убрать свои войска на западный фронтъ. Кромѣ того, операціи на западномъ фронтѣ могли подразумѣвать лишь стремленіе нѣмцевъ „развязаться съ Франціей“, а опытъ показалъ имъ, что для этого нужны большія силы, между тѣмъ какъ значительная часть этихъ силъ была занята на нашемъ фронтѣ. Слѣдовательно, ранѣе занятія рѣки Вислы, которая дала бы противнику „загородку“ на нашемъ фронтѣ и позволила бы оставить здѣсь небольшое число войскъ, нѣмцы ни въ коемъ случаѣ не начали бы операцій на Западѣ.

Вотъ почему извѣстія о переносѣ центра тяжести событій на Западъ представлялись весьма маловѣроятными, и то напряженное положеніе, которое создалось на фронтѣ послѣ пріостановки операцій Макензена, всецѣло относилось къ нашему фронту. Именно на нашемъ фронтѣ слѣдовало ожидать возобновленія наступленія противника, и пріостановка его означала лишь то, что онъ готовится къ дальнѣйшей попыткѣ „рѣшать задачу о Вислѣ“, стремиться къ тому занятію „конгрессовой Польши до Нѣмана и Буга“, о которомъ 40 лѣтъ мечтали въ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ нѣмецкіе шовинисты.

Адмиралъ Я. А. Гильтебрандтъ.

(Портретъ на этой стр.).

14-го минувшаго мая скончался адмиралъ Яковъ Аполлоновичъ Гильтебрандтъ.

Почившаго знали и глубоко уважали всѣ наши моряки. Его имя гремѣло даже за границей послѣ того, какъ онъ въ 1900 г. командовалъ соединенными эскадрами: русской, англійской, французской, германской и японской у устья рѣки Пей-хо и громилъ китайскій городъ Таку во время боксерскаго возстанія.

По окончаніи морского корпуса Я. А. Гильтебрандтъ долго плавалъ и послѣдовательно командовалъ „Разбойникомъ“, „Владиміромъ Мономахомъ“ и другими крупными судами.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Я. А. былъ назначенъ главнымъ командиромъ Севастопольскаго порта, затѣмъ командующимъ Черноморской эскадрой и Тихоокеанской эскадрой.

Съ 1901 г. онъ состоялъ помощникомъ начальника Главнаго Морского Штаба, въ 1903 г. былъ назначенъ начальникомъ Главнаго Гидрографическаго Управленія, а съ 1906 г. состоялъ Членомъ Адмиралтействъ-Совѣта, въ чинѣ полнаго адмирала.

Адмиралъ Я. А. Гильтебрандтъ († 14-го мая с. г.).

Я. А. Гильтебрандтъ неоднократно удостоивался Высочайшаго благоволенія и имѣлъ ордена до Александра Невскаго включительно.

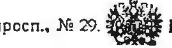
За китайскій походъ адмиралъ былъ Высочайше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами.

Почившій флотоводецъ былъ необыкновенно ласковымъ, добрымъ и религіознымъ человѣкомъ, снискавшимъ себѣ общую любовь, и до конца дней своихъ оставался прекраснымъ русскимъ человѣкомъ и вѣрнымъ слугою Престола и Родины.

С. Н.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Мамина-Сибиряка“ кн. 10.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г.
№ 29
Выданъ 18-го Іюля 1915 г.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVI г.
изданія

Цѣна этого № (6-ю прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина" кн. 7.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ, а также ея послѣдствіяхъ примѣняется средство

„АРМАТИНЪ"

для внутренняго употребленія. „Арматинъ" совершенно безвреденъ для организма и одинаково успѣшно примѣнимъ къ мужчинамъ и женщинамъ. При употребленіи „Арматина" не требуется никакихъ спринцованій, промыванiй, прижиганій, бужированій и т. п.

Цѣна 1 кор. 1 р. 75 к.

ПРОДАЖА ВЪ АПТЕКАХЪ

по рецепт. врач.

Адр.: Москва, Уланскій пер., д. 21, кв. 116, А. Я. Акуліанцу.

Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать „Арматинъ" только А. Я. Акуліанца. 3675 3-1

Каталогъ для учащихся ср.-уч. зав. и готовящихся высылается по требованію **безплатно.**

Книжный складъ **А. И. НАЗАРОВА.** 3673
Москва, Тверская, Леонтьевскій, 17.

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ для форте... въ 2 руки, въ **дешевыхъ переплетахъ** (Цѣна каждаго переплета по 50 коп.). Подробные списки и каталоги—безплатно.

П. ЮРГЕНСОНЪ. Москва. Неглинный пр. 14.

СПОСОБЪ употребл. желудоч**наго** набора травъ **Мензелинцева** высыл. безплатно. **Москва,** Мясницкая, 50. Изобрѣтатель Мензелинцевъ.

Стенографія для всѣхъ. Изд. 3. Ц. 50 к., нал. пл. 60 к. Легкій, общедоступн. законченный курсъ. Инж. **В. Вахеръ.** Ревель, н. иц. 99. 3671

ЖЕЛЕ. МЫЛО. ПУДРА

ФИЛОДЕРМИНЪ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

3635 (8)

ЧЕРНЫШЕВСКІЕ КУРСЫ.

Открытъ пріемъ до 20-го **іюля** въ новую группу для ускор. подготовки на

ВОЛЬНООПР. II разряда.

Петроградъ, **Невскій, 83,** отъ 6—8 ч. в.

Прогр. **безпл.** Въ весеннюю сессію изъ 37 чел. выд. экз. 35, а въ іюнѣ изъ 34 чел.—31. 3674

СТРАНА ЗОЛОТА

и самоцвѣтныхъ камней, каталогъ-альбомъ на 1915 г. съ 1000 рисунков кулоновъ, брош, колец, запонок и пр. Чугун. художеств. вещи, минералы. Масса новостей. Высылается безплатно. Полные адреса кліентовъ обязательны. Адресовать: г. Екатеринбургъ на Уралѣ, **„Уральскій Экспортъ",** собств. гранильная и ювелирная мастерская. 3670

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

Для предупрежденія охриплости, простуды, насморка.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Требуйте, просите

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НАСТОЯЩІЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ

VALDA

Цѣна
рубль.

(H. Canonne, Paris).

3666

ДЛЯ
**БѢЛИЗНЫ
ЗУБОВЪ**

для пріятнаго вкуса во рту, для уничтоженія дурного запаха—чистите ежедневно зубы Дентозономъ Т-ва Стольбергъ и К°. Дентозонъ гигіеническая, пріятная и безвредная паста, тонкій освѣжающій элексиръ, продаются во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ. Обращайте вниманіе на фирму Т-ва Стольбергъ и К°. Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ, Петроградъ

1 внутренній 5% съ выигр. Заемъ Гос. Банка 1864 г. 101 тиражъ 1-го іюля 1915 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50 включительно).

39	476	848	1170	1755	2365	3029	3692	4517	5295	6362	7188	7770	8354	9200	10171	10855	11733	12510	13121	13770	14437	15274	16239	16689	17699	18807	19190	19807
71	490	879	1185	1816	2484	3042	3719	4520	5418	6364	7235	7829	8423	9302	10212	10921	11811	12535	13135	13955	14439	15378	16246	16828	17725	18823	19299	19830
74	503	889	1298	1818	2496	3061	3720	4660	5714	6377	7273	7863	8469	9314	10236	11057	12001	12596	13152	13996	14477	15564	16270	16866	17931	18868	19328	
132	526	906	1351	1827	2556	3084	3927	4707	5731	6393	7286	7899	8624	9343	10280	11207	12048	12607	13243	14049	14490	15650	16282	16896	18032	18895	19481	
133	581	914	1410	1869	2593	3173	4017	4887	5829	6414	7319	7930	8795	9433	10365	11293	12056	12643	13361	14138	14569	15676	16356	16985	18096	18932	19492	
188	621	921	1420	1874	2694	3205	4149	4892	5941	6441	7361	7937	8800	9494	10440	11508	12155	12742	13394	14189	14685	15807	16362	17157	18136	18970	19524	
278	637	939	1435	1905	2757	3374	4159	4988	5959	6604	7443	8021	8805	9537	10607	11573	12162	12822	13406	14190	14908	15808	16397	17270	18244	18973	19589	
296	670	1004	1455	1930	2870	3440	4274	5003	5996	6636	7460	8054	8900	9689	10643	11601	12317	12888	13509	14198	14940	15829	16486	17381	18295	19029	19599	
416	712	1018	1475	1956	2873	3441	4329	5006	6002	6770	7473	8071	9040	9722	10644	11644	12471	12904	13673	14221	15131	15998	16504	17479	18378	19114	19601	
431	764	1023	1537	2122	2915	3490	4361	5023	6255	7033	7526	8125	9065	9731	10714	11647	12472	12955	13686	14293	15243	16064	16518	17486	18404	19120	19609	
449	813	1042	1613	2297	2966	3521	4428	5112	6281	7165	7537	8150	9103	10041	10772	11675	12484	12974	13743	14297	15263	16090	16616	17502	18508	19144	19740	
454	840	1139	1634	2305	2991	3629	4485	5289	6293	7173	7741	8206	9136	10107	10816	11719	12485	12978	13748	14423	15265	16201	16639	17596	18530	19175	19780	

Всего 338 серій, составляющихъ 16.900 билетовъ, на сумму 2.450.500 рублей.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Чѣмъ союзники обязаны Россіи. Въ одной изъ крупнѣйшихъ англійскихъ газетъ, широко отражающей взгляды и настроенія англійскаго правительства и общества, — въ лондонской газетѣ «Daily Mail» помѣщена 26-го іюня с. г. слѣдующая передовая статья, подъ характернымъ заглавіемъ: «Чѣмъ мы обязаны Россіи. Жертвы, которыя она принесла для союзниковъ».

«Русская армія непоколебима, — говоритъ газета. — Несмотря на численное превосходство противника, несмотря на отсутствіе грандіозной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая даетъ возможность германскому генеральному штабу съ исключительной легкостью перебрасывать огромныя силы, русская армія въ теченіе послѣднихъ семи недѣль выдержала рядъ тяжелыхъ боевъ и сумѣла избѣжать пораженія. Героизмъ русскаго солдата признаютъ безъ оговорокъ сами германцы. Русская армія была вынуждена отступить, но врагъ не смогъ

нанести ей пораженія. Верховный Главнокомандующій сохранилъ способность наносить удары врагу. Германцы обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, и русская армія не утратила своей мощи и послѣ ухода изъ Львова.

«Англичане рады признать, чѣмъ они обязаны своимъ благороднымъ союзникамъ на востокѣ. Въ критическій моментъ, въ великой борьбѣ за свободу человѣчества Россія принесла широкую помощь. Россія спасла Францію подъ Остендэ. Своимъ наступленіемъ на Краковъ Россія спасла Калэ. Россія дала британской арміи возможность пополнить недостатокъ въ снарядахъ, оттянувъ въ свою сторону, къ востоку, вновь сформированные германскіе корпуса. Жертвы, принесенныя Россіей, не знаютъ себѣ равныхъ, и онѣ принесены въ въ значительной степени для насъ. Теперь Россія продолжаетъ борьбу съ непоколебимой рѣшимостью и вѣрой.

«Тѣ, кто знаютъ русскій народъ, ожидали отъ него проявленія именно тѣхъ самыхъ качествъ мужества и стойкости, которыя онъ нынѣ обнаруживаетъ. Безъ нихъ, что̀ было бы теперь съ западными демократіями? «Насъ забудутъ, и наши счастливые потомки не вспомнятъ о тѣхъ, кто спитъ въ братскихъ могилахъ. Но развѣ это имѣетъ значеніе?». Такъ писалъ типичный русскій человѣкъ съ фронта. Но нѣтъ, ихъ не забудутъ! Они будутъ жить въ благодарной памяти народовъ, для спасенія которыхъ они пожертвовали своей жизнью».

Король Викторъ-Эммануилъ въ рядахъ арміи. Итальянскій король непосредственно участвуетъ въ самыхъ рѣшительныхъ бояхъ наравнѣ съ офицерами и безстрашно бросается въ бой. Недавно въ сраженіи при А. надъ головой короля, бывшаго среди войскъ, пролетѣла шрапнель. Послѣдовалъ приказъ: «Ложись». Король колебался, пока солдатъ, бывшій съ нимъ рядомъ, фамильярно не взялъ его за плечо и заставилъ нагнуться какъ разъ въ тотъ моментъ, когда возлѣ нихъ разорвалась шрапнель и обдала короля пылью и землей. Король поднялся и произнесъ:

— Это хорошее предзнаменованіе.

Но Главнокомандующій итальянской арміей генералъ Кадорна вѣжливо, но строго упросилъ короля не появляться въ теченіе пяти дней на фронтѣ.

— Слушаю,—отвѣтилъ король просто, какъ нѣкогда Джузеппе Гарибальди, и послушно удалился.

Правила уничтоженія частнаго имущества. По приказу штаба Верховнаго Главнокомандующаго уничтоженіе частнаго имущества должно производиться въ тѣхъ случаяхъ, если оно можетъ быть полезно непріятелю для военныхъ надобностей, или, если частное имущество можетъ служить во время обстрѣла. При этомъ долженъ составляться актъ, по которому потерпѣвшіе могли бы возмѣстить потомъ убытки.

Куда направлять противогазы. Въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго посылаются различными общественными организаціями и отдѣльными лицами предохранительныя повязки противъ удушливыхъ газовъ съ просьбой отправить эти повязки въ части дѣйствующей арміи. Высоко цѣня отзывчивость общества къ нуждамъ арміи, штабъ Верховнаго Главнокомандующаго однако не можетъ принять на себя разсылку въ армію различныхъ предохранительныхъ противъ удушливыхъ газовъ средствъ, ибо, не имѣя въ своемъ составѣ компетентныхъ лицъ для опредѣленія пригодности означенныхъ средствъ, лишенъ возможности установить степень дѣйствительной пригодности ихъ къ выполненію своего назначенія. Въ этомъ отношеніи соотвѣтствующимъ органомъ является управленіе Верховнаго Начальника санитарной и эвакуаціонной части въ Петроградѣ, куда и надлежитъ направлять какъ повязки, такъ и возникающія по сему предмету предложенія и запросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что посылка большихъ партій предохранительныхъ средствъ въ названное управленіе безъ предварительнаго утвержденія послѣднимъ изготовляемыхъ тою или иною организаціею образцовъ крайне нежелательна, ибо, въ случаѣ несоотвѣтствія своему назначенію, изготовляемыя средства, конечно, не будутъ направляться въ армію, и такимъ образомъ организаціи и частныя лица, стремящіяся помочь родной арміи, напрасно понесутъ труды и нерѣдко большія затраты.

Въ виду вышеизложеннаго, предлагается всѣмъ общественнымъ организаціямъ и частнымъ лицамъ, рѣшившимъ или желающимъ изготовлять предохранительныя противъ удушливыхъ газовъ средства, предварительно направленія ихъ въ армію, посылать свои образцы на утвержденіе въ управленіе Верховнаго Начальника санитарной и эвакуаціонной части, съ просьбой указать, куда именно должны быть направляемы означенныя выше средства. Только по полученіи на это положительнаго отвѣта отъ управленія Верховнаго Начальника санитарной и эвакуаціонной части организаціи и лица могутъ быть въ полной увѣренности, что ихъ добрыя чувства, трудъ и жертвы дѣйствительно будутъ направлены къ пользѣ нашей доблестной арміи.

Пораненіе французскаго генерала Гуро. Въ одномъ изъ предыдущихъ нумеровъ «Нивы» на стр. 517-й были помѣщены портретъ и краткія данныя о военной дѣятельности генералиссимуса французскихъ войскъ, сражающихся противъ турокъ, смѣнившаго генерала д'Амада. 20-го іюня генералу Гуро пришлось оставить командованіе экспедиціоннымъ корпусомъ на Галлипольскомъ полуостровѣ: посѣщавшій самыя опасныя мѣста, всегда находившійся впереди, подъ огнемъ, онъ былъ раненъ осколками снаряда, упавшаго вблизи перевязочнаго пункта, гдѣ онъ навѣщалъ раненыхъ. Генералъ Гуро былъ эвакуированъ на броненосецъ «Франсъ», и временное командованіе принялъ генералъ Байю. По сообщенію изъ Аѳинъ, 23-го іюня генералъ Гуро на борту пловучаго госпиталя прибылъ въ Пирей, направляясь далѣе — въ Марсель.

Генералъ Гуро раненъ въ правый бокъ и въ руку осколками снаряда. Кромѣ того, взрывомъ снаряда онъ былъ подброшенъ кверху и при паденіи сломалъ себѣ обѣ ноги. По сообщенію изъ Парижа, отъ 27-го іюня, состояніе здоровья генерала Гуро не внушаетъ опасеній. Героя-генералиссимуса посѣтилъ въ госпиталѣ президентъ Пуанкарэ и вручилъ ему высшее французское боевое отличіе — медаль «за военныя заслуги».

Силы союзниковъ растутъ, силы непріятеля таютъ. Въ палатѣ лордовъ, при окончательномъ обсужденіи билля о снабженіи арміи боевыми припасами, принятаго единогласно, лордъ Керзонъ сказалъ:

«Мнѣ кажется, что страна вполнѣ поняла характеръ той борьбы, въ которую она втянута, такъ какъ нигдѣ не проявилось ни малѣйшаго признака колебанія въ рѣшимости вести войну до конца. Я считаю также вполнѣ доказаннымъ, что силы союзниковъ растутъ, въ то время какъ силы непріятеля постепенно таютъ. Вычисленія доказали, что къ концу года преимущество въ людяхъ и военныхъ припасахъ окажется на сторонѣ союзниковъ. Я надѣюсь, что билль дастъ возможность Англіи не только удовлетворить свои нужды, но и оказать въ значительно большей степени, чѣмъ нынѣ, помощь нѣкоторымъ изъ союзниковъ».

Лордъ Керзонъ упомянулъ, что за первую же недѣлю 46.000 человѣкъ записались добровольцами-рабочими для выдѣлки военныхъ припасовъ.

Англія можетъ вооружить и экипировать сколько угодно волонтеровъ. Это заявленіе сдѣлалъ въ парламентѣ англійскій военный министръ лордъ Китченеръ, близкій къ осуществленію своей задачи: выставить противъ коварнаго и кровожаднаго врага три милліона войска. До сихъ поръ онъ не желалъ просить о пополненіи арміи людьми въ большемъ числѣ, чѣмъ имѣлось для нихъ снаряженія, такъ какъ въ противномъ случаѣ затягивалось бы отправленіе ихъ на фронтъ, и новобранцы изъ-за этого падали бы духомъ. «Въ настоящее время,—сказалъ лордъ Китченеръ,—мы, къ счастью, достигли того, что можемъ считать, что это затрудненіе преодолѣно. Нынѣ всѣ новобранцы могутъ быть экипированы и снабжены всѣмъ необходимымъ съ самаго дня поступленія ихъ въ армію. Матеріалы снабженія, которыхъ до сихъ поръ не хватало, нынѣ удовлетворяютъ наши требованія».

Вилла императора Вильгельма въ Средиземномъ морѣ—база германскихъ подводныхъ лодокъ. По сообщенію изъ Аѳинъ, помѣщенному въ «Бирж. Вѣд.», окончательно выяснилось, что германскія подводныя лодки, проникшія въ Адріатическое и Средиземное моря, снабжались провіантомъ изъ виллы императора Вильгельма на островѣ Корфу. Императоръ Вильгельмъ, должно-быть, руководился вполнѣ опредѣленнымъ расчетомъ, когда онъ въ 1899 году пріобрѣлъ за безцѣнокъ чудесную виллу «Ахиллейонъ», овѣянную памятью трагически погибшей австрійской императрицы Елизаветы. Эта вѣнценосная страдалица, не нашедшая счастья въ семейной жизни, находила себѣ убѣжище въ своей виллѣ на островѣ Корфу, гдѣ она въ паркѣ воздвигла памятникъ своему любимому поэту Гейне. Въ паркѣ находится статуя умирающаго Ахилла, отъ которой получила свое названіе и вилла. Императрица Елизавета устроила близъ своей виллы собственную гавань. Къ этой-то гавани, должно-быть, пристаютъ германскія подводныя лодки и запасаются тамъ продовольствіемъ. Послѣ смерти императрицы Елизаветы, императоръ Францъ-Іосифъ весьма охотно уступилъ Вильгельму эту виллу.

Дѣйствительна ли германская блокада въ Сѣверномъ морѣ? Въ послѣднемъ отчетномъ бюллетенѣ британскаго адмиралтейства о результатахъ блокады, поддерживаемой германскими подводными лодками въ англійскихъ водахъ, значится, что за недѣлю германцы потопили три англійскихъ коммерческихъ парохода и взорвали мину у четвертаго, который благополучно дошелъ до порта; кромѣ того, жертвами германцевъ оказались еще два рыбачьихъ судна. На эти шесть пострадавшихъ судовъ приходится 1.469 судовъ, водоизмѣщеніемъ выше 300 тоннъ, которыя за указанный періодъ времени благополучно пришли и вышли изъ англійскихъ портовъ.

Самая краткая рѣчь передъ полкомъ. Извѣстный англійскій адмиралъ лордъ Бересфордъ установилъ рекордъ самой краткой рѣчи, обращенной къ полку.

Недавно, по сообщенію газеты «Temps», лордъ Бересфордъ произвелъ смотръ войскамъ на французскомъ фронтѣ.

Адмиралъ, видимо, былъ въ восхищеніи. Остановившись передъ альпійскими стрѣлками, онъ произнесъ рѣчь, состоявшую всего изъ пяти словъ.

— Я видѣлъ васъ! Бѣдные нѣмцы!

Эта рѣчь по силѣ и краткости приближается къ знаменитой римской рѣчи: «Vae victis!».

Пользованіе трудомъ военноплѣнныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ извѣстилъ губернаторовъ о томъ, что лица и учрежденія, желающія получить военноплѣнныхъ для какихъ-либо работъ, должны предварительно внести плату на содержаніе стражи для охраненія плѣнныхъ, безъ чего ходатайства не будутъ разсматриваться.

У нѣмцевъ нѣтъ резины. По сообщеніямъ изъ Нью-Іорка, Германія прибѣгаетъ къ отчаяннымъ мѣрамъ, чтобы раздобыться для военно-автомобильной службы каучукомъ и резиной. Германскіе правительственные агенты скупаютъ въ Америкѣ и отправляютъ черезъ Голландію, Норвегію и Швецію всевозможные резиновые предметы, въ томъ числѣ: резиновыя губки для мытья, резиновыя перчатки, пояса, бандажи, каучуковые сапоги, галоши, резиновые кисеты для табака и даже резиновыя игрушки-пищалки: куклы, лошадки, коньки и т. д.

Сколько стоитъ война? Министерствомъ финансовъ составлена интересная таблица, въ которой приведены данныя о томъ, сколько стоитъ война участвующимъ въ ней державамъ.

Въ таблицѣ сопоставлены суммы денежнаго обращенія: максимальныя суммы для мирнаго времени съ суммами въ половинѣ марта 1915 года.

Изъ этихъ данныхъ видно, что во Франціи сумма денежнаго обращенія увеличилась на 5.037.000.000 франковъ и выразилась въ 11.072.000.000. Въ Россіи и Германіи суммы денежнаго обращенія приблизительно одинаковы, при чемъ въ Германіи, сравнительно съ прошлымъ годомъ, денежное обращеніе увеличилось на 5.650.000.000 франковъ, а въ Россіи — на четыре слишкомъ милліарда франковъ. Въ Англіи сумма денежнаго обращенія возросла на 2.836.000.000. Въ Австріи она удвоилась — до шести милліардовъ.

Іодородныя морскія водоросли — государственная собственность. Министромъ юстиціи внесенъ въ совѣтъ министровъ законопроектъ о признаніи морскихъ водорослей, служащихъ для добыванія іода, государственной собственностью.

Законопроектъ этотъ разработанъ министерствомъ юстиціи во исполненіе постановленія совѣта министровъ, послѣдовавшаго по разсмотрѣніи рескрипта Его Императорскаго Высочества Верховнаго Начальника санитарной и эвакуаціонной части на имя предсѣдателя совѣта министровъ, гдѣ было указано на настоятельную необходимость, въ виду ограниченности мѣсторожденій содержащей іодъ черноморской водоросли «филлофоры», принять мѣры къ наиболѣе цѣлесообразному ея использованію.

Выяснилось, что добываніе въ Россіи іода будетъ обезпечено въ полной мѣрѣ лишь при томъ условіи, если изъ частнаго распоряженія будутъ законом изъяты всѣ водоросли, служащія для добыванія іода, и притомъ независимо отъ морей, въ которыхъ онѣ произрастаютъ.

Къ числу такихъ водорослей должны быть отнесены, помимо «филлофоры», бурыя водоросли, извѣстныя подъ названіемъ «фукуса» и «ляминаріи».

Частнымъ лицамъ и учрежденіямъ можетъ быть предоставляемо право на добычу этихъ водорослей лишь съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Бомбы — «бутылки шампанскаго». Прибывшіе въ Швецію изъ Франціи офицеры разсказываютъ, что во время позиціонной войны на западномъ фронтѣ германцы примѣняютъ особыя бомбы, прозванныя французами «бутылками шампанскаго», на которыя онѣ походятъ своей формой. Бомбы эти мечутся или руками, или при помощи особыхъ катапультъ. Сила взрыва этихъ новыхъ снарядовъ значительна. Они вырываютъ воронки діаметромъ до 40 футовъ и глубиною до 15 футовъ. Случаевъ невзрыванія почти не бываетъ. И это обстоятельство, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ осколковъ новыхъ бомбъ, приводитъ французскихъ химиковъ и артиллеристовъ къ заключенію, что эти снаряды начинены не мелинитомъ или динамитомъ, но жидкимъ воздухомъ или жидкой углекислотою. Во всякомъ случаѣ эти новые снаряды представляютъ собою новинку въ артиллерійскомъ дѣлѣ и служатъ предметомъ тщательнаго изученія во Франціи, гдѣ уже въ лабораторіяхъ профессоровъ Тюрпена и Гастона Морвэ изобрѣтены подобные же снаряды съ еще большею разрушительною силою.

Награды извозчикамъ за усердную помощь. Приказомъ Верховнаго Начальника санитарной и эвакуаціонной части, въ силу Высочайше предоставленной ему власти, награждены 55 легковыхъ извозчиковъ города Вятки, поименованные въ означенномъ приказѣ, серебряными медалями съ надписью «За усердіе», для ношенія на груди на станиславской лентѣ, за безвозмездные труды ихъ по перевозкѣ раненыхъ и больныхъ воиновъ со станціи Вятка первая и вторая въ госпитали и лазареты города Вятки.

Американскія подводныя лодки. Германская печать хвастливо указываетъ, что нѣмецкія подводныя лодки, тайкомъ прошедшія изъ Вильгельмсгафена вокругъ материка Европы въ Дарданеллы съ цѣлью нападенія на суда эскадры союзниковъ, бомбардирующей Дарданеллы, сдѣлали около 5.000 миль, т. е. значительно болѣе разстоянія отъ Бремена до Нью-Іорка (3.600 миль). Этимъ нѣмецкія газеты хотятъ пригрозить Соединеннымъ Штатамъ, собирающимся объявить войну Германіи: германскія подводныя лодки доказали-де, что онѣ смогутъ пересѣчь Атлантическій океанъ и напасть на американскія военныя суда. Но у американцевъ есть свои быстроходныя подводныя лодки. Заимствуемъ изъ «Русскаго Инвалида» интересныя свѣдѣнія о минной стрѣльбѣ американскихъ подводныхъ лодокъ новой конструкціи.

Изъ всего числа минъ, выпущенныхъ съ разстоянія 2 м. миль при погруженномъ положеніи лодокъ, когда верхушки ихъ перископовъ были на высотѣ 13 дюймовъ подъ водой, попало въ цѣль 82%. Затѣмъ на подводной лодкѣ «Д. 1» около Ньюпорта было произведено очень интересное испытаніе прибора Давидсона, благодаря которому можетъ быть продолжено на значительный срокъ пребываніе лодки подъ водой. Эта лодка со всѣмъ своимъ экипажемъ и изобрѣтателемъ погрузилась подъ воду и сдѣлала переходъ продолжительностью въ 48 часовъ, не поднимаясь на поверхность. Изобрѣтеніе это заключается въ томъ, что посредствомъ особаго прибора поглощаются углекислые и хлористые газы, появляющіеся во время работы аккумуляторовъ, и замѣщаются въ достаточномъ количествѣ кислородомъ. Испытаніе это прошло съ большимъ успѣхомъ, и американская печать предсказываетъ ему блестящее будущее въ дѣлѣ развитія подводнаго плаванія.

Два героя — добровольецъ-священникъ и прапорщикъ-адвокатъ. Молодой священникъ о. А. Турукаевскій пошелъ добровольцемъ на войну и находился передъ вторженіемъ нѣмцевъ въ Курляндію на западномъ фронтѣ. Прапорщикъ М. Г. Сироткинъ, московскій помощникъ присяжнаго повѣреннаго, погибшій смертью героя, въ послѣднемъ письмѣ пишетъ о дѣятельности этого священника.

«Когда въ мѣстечкѣ Р. разгорѣлся бой, о. А. Турукаевскій явился туда. Мы были окружены нѣмцами. Значительный отрядъ могъ быть уничтоженъ, такъ какъ была значительная убыль въ командномъ составѣ. Подъ шрапнельнымъ и пулеметнымъ огнемъ священникъ бросился и воскликнулъ: «У меня святой крестъ, идите за нимъ, за святой силой его». Солдаты бросились за священникомъ. Послѣ я ему говорилъ: «Вы спасли людей, батюшка». Онъ весь заволновался: «Не я,—сила креста святая».

«Въ послѣдній день я видѣлъ его въ день отступленія нѣмцевъ. Весь день я пробылъ въ пулеметномъ блиндажѣ. Нѣмцевъ мы не пустили, они успокоились, исчезли изъ нашего поля зрѣнія. Въ 8 часовъ мой телефонъ пересталъ работать. Я послалъ его исправить, посланные не возвращались. Мы встревожились. Въ это время появился священникъ Турукаевскій.—«Вотъ я пришелъ къ вамъ съ Господнимъ благословеніемъ». — «Батюшка, спуститесь внизъ».—«А вонъ кто идетъ», — сказалъ батюшка. Я поднялся и увидѣлъ при свѣтѣ молодого мѣсяца (было около 9 часовъ) нѣмцевъ, заходящихъ въ тылъ.—«Батюшка, уйдите. Я открою пулеметный огонь, они будутъ отвѣчать, вы можете быть ранены».—«Господи, да вѣдь мы одни». Я оглянулся. Насъ было шесть пулеметчиковъ и батюшка. Отецъ Аѳанасій вынулъ крестъ, мы поцѣловались съ батюшкой. Я обратился къ батюшкѣ, что приближаются нѣмцы, что ему лучше уйти.—«Господь не оставитъ васъ». Батюшка исчезъ.

«Огонь. Первая цѣпь нѣмцевъ легла. Какъ мы вышли изъ этого, я не помню, потому что я дѣйствовалъ въ безпамятствѣ. Пули цѣплялись за одежду. Меня оживляли слова: «Господь не оставитъ васъ». Когда мы вышли къ своимъ, первый вопросъ былъ, гдѣ батюшка. Этими словами я бы хотѣлъ положить вѣнокъ на безвѣстнаго для васъ и для насъ, потому что онъ пропалъ безъ вѣсти». Погибъ и авторъ этого письма, прапорщикъ М. Г. Сироткинъ. Врачъ москвичъ, на рукахъ котораго умеръ М. Г. Сироткинъ, пишетъ, по словамъ «Рус. Вѣд.», что М. Г. упалъ отъ раны въ ногу, и, пока ему перевязывали, пуля въ животъ тяжело ранила его. Умирая, онъ попросилъ друга поцѣловать его, обнялъ за шею и умеръ.

33 газеты издаются въ окопахъ на Западѣ. «Argus de la Presse» составилъ перечень всѣхъ газетъ, издающихся на французскомъ фронтѣ. Ихъ оказалось двадцать семь. Англичане также издаютъ въ окопахъ шесть газетъ.

Британскій музей озаботился собраніемъ полной коллекціи подобнаго рода изданій, по примѣру парижской Національной библіотеки, имѣющей большую коллекцію печатной и рукописной литературы окоповъ.

Новая германская форма. Нѣмецкія газеты сообщаютъ, что германская армія переодѣвается въ новую форму: брюки синеватыя, мундиръ зеленоватый, матерія дѣлается непромокаемой, при чемъ требуется, чтобы за 24 часа при давленіи въ 12 сантиметровъ вода не протекала.

Работы военноплѣнныхъ въ Германіи. Въ Восточной Пруссіи организованы сельскохозяйственныя работы для военноплѣнныхъ. Землевладѣльцы могутъ получить любое количество рабочихъ за плату 40 пфен. въ день съ продовольствіемъ отъ хозяина. Семействамъ, члены которыхъ находятся въ рядахъ войска, рабочіе военноплѣнные предоставляются безплатно.

Желѣзнодорожныя управленія въ Германіи получили правительственное предложеніе пользоваться въ самомъ широкомъ размѣрѣ работами военноплѣнныхъ.

Трезвый голосъ изъ арміи (Изъ солдатскаго письма). «Люблю свое отечество, но не хочу быть пристрастнымъ и думаю, будетъ справедливо сказать, что намъ, болѣе правымъ, трезвость ниспослана Богомъ, какъ залогъ успѣха и благопріятнаго, праваго выхода изъ этой борьбы народовъ.

«Моя безграмотность, мое невѣжество мѣшаютъ мнѣ логично и удобопонятно изложить свои мысли. Но вѣдь вы знаете меня и не осудите за многословіе. Хочется сказать нѣсколько словъ еще о трезвости.

«Здѣсь пришлось убѣдиться, что трезвость для насъ есть самый главный залогъ нашихъ успѣховъ.

«И повѣрьте, что наше счастье въ будущемъ можетъ быть лишь до открытія кабаковъ. Если бы вы знали, съ какимъ умиленіемъ и благодарностью всѣ, или по крайней мѣрѣ 99%, смотрятъ на это чудо, чудо нашего исцѣленія отъ зеленаго змія. Во время мобилизаціи, формированія войскъ и по сіе время, мы, солдаты, трезво смотримъ на все. Трезво прощались съ семьями, покидая свой домъ, трезво внимали голосу нашего Повелителя, трезво стали грудью противъ врага и сознательно, спокойно несемъ тяжелый крестъ.

Когда приходится читать въ газетахъ о совѣщаніяхъ по вопросу открытія торговли водкой, виномъ и пивомъ, невольно закипаетъ въ душѣ злоба. Какъ-то дѣлается страшно: будто почва изъ-подъ ногъ уплываетъ и будто за нами стоитъ не великая Россія, здоровая, гордая, достойная, непобѣдимая, святая, а забитая, грѣшная. Боже, услышь молитву костромского мужика и не дай еще разъ зеленому змію погубить святую Русь. Вмѣсто вопроса объ открытіи торговли спиртными напитками обсуждать приличествовало бы, гдѣ построить великолѣпный храмъ въ благодарность Господу Богу за отрезвленіе Россіи и гдѣ воздвигнуть памятникъ Царю, принявшему отъ Господа сію благодать и передавшему намъ.

«Мнѣ представляется, какъ бы можно было просто, красиво и ясно изобразить эту великую и славную побѣду надъ великимъ и страшнымъ врагомъ— зеленымъ зміемъ.

«А вы представьте всѣ эти казенныя винныя лавки, превращенными въ школы! Всѣ винокуренные заводы и склады, превращенными въ пріюты и богадѣльни!

«Дорогой мой, вотъ съ этого и должно быть начало нашей новой политической, экономической и религіозной жизни.

Меня, можетъ-быть, и не будетъ въ живыхъ, и порадоваться этой безгранично счастливой жизнью мнѣ не придется, но прошу васъ передать моимъ дѣтямъ мои мечты, мой трепетъ передъ этой грядущей невѣстой и благословить ихъ за меня. Передать имъ, что я прошу ихъ любить другъ друга, тогда будетъ вѣчный миръ, а любить другъ друга можетъ только трезвый человѣкъ».

Остерегайтесь обманныхъ писемъ. Кутаисскимъ губернаторомъ, по сообщенію «Тифл. Л.», изданъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: «Мною получены изъ офиціальнаго источника свѣдѣнія о томъ, что одинъ изъ жителей Кутаисскаго уѣзда, сынъ котораго находится въ дѣйствующей арміи, въ одномъ изъ стрѣлковыхъ полковъ, получилъ изъ Варшавы, отъ какой-то Маріи Калиновской, письмо отъ имени означеннаго воинскаго чина.

«Въ письмѣ этомъ авторъ сообщаетъ отцу, что сынъ его раненъ и находится на излѣченіи въ одномъ изъ военныхъ лазаретовъ въ Варшавѣ и, сильно нуждаясь въ деньгахъ, проситъ отца перевести ему по телеграфу 80 руб. въ Варшаву на имя упомянутой Маріи Калиновской. Просьба сына была отцомъ исполнена и, по справкамъ, Калиновская получила означенную сумму 9-го марта сего года, но денегъ по назначенію не передала, такъ какъ въ полученномъ впослѣдствіи отцомъ письмѣ отъ сына, послѣдній сообщаетъ, что онъ раненъ не былъ, въ госпиталѣ въ Варшавѣ не находился и денегъ не просилъ, ибо въ таковыхъ не нуждался.

«Принимая во вниманіе, что жертвами вышеописаннаго рода обмана легко могутъ стать лица, имѣющія въ дѣйствующей арміи родныхъ или близкихъ людей, предлагаю объ изложенномъ самымъ широкимъ образомъ оповѣстить населеніе подвѣдомственныхъ раіоновъ, рекомендуя, въ случаѣ полученія подобныхъ описанному выше писемъ, посылать деньги или непосредственно воинскому чину или начальству той части или госпиталя, въ которомъ онъ находится, но отнюдь не на имя неизвѣстныхъ авторовъ писемъ или лицъ, въ нихъ указанныхъ».

Душу всколыхнуть. Въ «Нов. Вр.» помѣщено слѣдующее письмо въ редакцію: «Сидя въ окопахъ, иногда поддаешься своимъ думамъ о родинѣ, о родной семьѣ и т. д. Мы говоримъ «иногда», да не всегда. Пѣсни мы всѣ уже давно перепѣли, и не одинъ разъ, разсказы другъ друга переслушали тоже не одинъ разъ. Одинъ изъ товарищей попробовалъ-было сдѣлать балалайку, но плохо играетъ наша балалайка: не удовлетворяетъ вкуса русскаго солдата. А потому мы и обращаемся къ вамъ, господинъ редакторъ, съ просьбой помѣстить наше письмо. Прочтутъ его ваши уважаемые подписчики, и, можетъ-быть, кто не откажется послать намъ сюда въ окопы хотя подержанную скрипицу или балалайку, а, можетъ-быть, то и другое. Музыканты у насъ найдутся, и всколыхнетъ тогда насъ наша родная русская пѣсня подъ музыку. А, можетъ-быть, у васъ въ редакціи среди подарковъ для воиновъ найдутся эти вещи, такъ попросили бы васъ переслать намъ по слѣдующему адресу: дѣйствующая армія, 42-й сибирскій стрѣлковый полкъ, 16-я рота, 2-й взводъ, Михаилу Гальскому.

Съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ *Русскій воинъ.*

15 мая 1915 г.».

№ 29. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 18 іюля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина“ кн. 7.

Съ кавказско-турецкаго фронта. Трудный проходъ. Саперы облегчаютъ путь батареѣ, прокладывая дорогу среди скалъ.
По фот. нашего военнаго корреспондента.

19 Іюля 1915 г.

Опять Іюль! Подъ солнцемъ вянутъ травы...
Звонятъ колокола...
Опять Іюль! О, годовщина славы
Двуглаваго Орла!

Пускай гремятъ военные литавры
Торжественной волной.
Твоею кровью смоченные лавры,
Пріими, народъ родной!

Твои сыны идутъ подобно тучамъ,
Чудесны ихъ дѣла.
Слабѣетъ врагъ подъ натискомъ могучимъ
Двуглаваго Орла!

Ты много совершилъ на полѣ брани
И многое свершишь.
Мы смѣло ждемъ, предчувствуя заранѣ
Отдохновенья тишь.

Промчался годъ, но мы спокойно дышимъ,
Увѣренно глядимъ.
Мы видимъ свѣтъ! Мы голосъ Славы слышимъ!
И побѣдимъ!..

Георгій Ивановъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Самое большое сраженіе войны.

Подойдя на разстояніе одного перехода къ линіи Люблинъ—Холмъ, Макензенъ пріостановилъ наступательное движеніе всѣхъ своихъ армій и, повидимому, сталъ подтягивать свои отставшіе обозы, войска, парки со снарядами и проч. Громадныя потери, понесенныя Макензеномъ въ полуторамѣсячномъ Галиційскомъ наступленіи, вынуждали его, очевидно, выждать, пока прибудутъ пополненія, а исключительный расходъ снарядовъ несомнѣнно требовалъ, въ свою очередь, также новыхъ запасовъ. Кромѣ того, дѣйствія нашего противника въ южной части Люблинской и Холмской губерній были стѣснены, благодаря отсутствію дорогъ, и, повидимому, австро-нѣмецкія войска занялись устройствомъ тыловыхъ сообщеній.

Съ другой стороны, наши войска, имѣвшія въ своемъ распоряженіи выгодную желѣзнодорожную линію Люблинъ—Холмъ, идущую вдоль фронта, могли быстро маневрировать, перебрасывать войска съ одного участка фронта на другой, и, вслѣдствіе этого, первая попытка противника перейти въ наступленіе была не только остановлена, но и закончилась для него довольно крупнымъ, хотя и частичнымъ пораженіемъ, гдѣ армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда потеряла свыше 22 тысячъ плѣнными.

Послѣ этого Макензенъ окончательно пріостановился и началъ „чиниться" и подкрѣпляться. Продолжалось это около двухъ недѣль.

Къ концу второй недѣли начали завязываться бои уже на совершенно другомъ концѣ нашего стратегическаго фронта, а именно, на его правомъ, сѣверномъ крылѣ—въ Прибалтикѣ, занѣманскомъ раіонѣ, у Прасныша, Млавы и у Осовца. Сначала это были небольшіе бои, походившіе на демонстрацію, которые, казалось, имѣли цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ южнаго фронта—Люблинской и Холмской губерній, чтобы облегчить тамъ продвиженіе Макензену.

Однако, такъ какъ въ нѣмецкой военной литературѣ постоянно упоминался въ свое время планъ одновременнаго движенія съ сѣвера—отъ Нѣмана и Прибалтики, и съ юга—изъ Люблинской и Холмской губерній съ тѣмъ, чтобы эти наступающія другъ къ другу арміи соединились и заняли такъ называемую „конгрессовую Польшу", можно было здѣсь въ самомъ началѣ ожидать, что мелкіе бои на сѣверномъ фронтѣ разовьются въ большое сраженіе.

Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ дней мелкихъ, но упорныхъ боевъ у Осовца и на Наревѣ, нѣмцы 29-го іюня перешли въ рѣшительное наступленіе по всему сѣверному фронту. Наступленіе происходило въ общемъ въ четырехъ раіонахъ.

Нѣмецкая прибалтійская армія генерала Людингаузена повела наступленіе двумя колоннами въ направленіи на Митаву, вдоль побережья. Другая группа нѣмецкихъ войскъ начала производить атаки въ занѣманскомъ раіонѣ. Третья группа повела наступленіе противъ средней части Нарева, стремясь къ промежутку между Ломжей и Остроленкой. Наконецъ послѣдняя, самая западная группа, двинулась на Прасмышъ и Маковъ, къ нижней части Нарева, стремясь, очевидно, добиться переправы черезъ Наревъ поближе къ Вислѣ, т.-е. поближе къ варшавскому раіону.

Такимъ образомъ на двухъ концахъ нашего стратегическаго фронта, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи многихъ сотенъ верстъ, начинало завязываться большое сраженіе. Черезъ нѣсколько дней перешелъ въ наступленіе и Макензенъ, очевидно, уже подготовившійся и пополнившій свои потери въ людяхъ и снарядахъ.

Макензенъ наступалъ на Люблинъ—Холмъ и представлялъ собою, слѣдовательно, „южную группу" войскъ, стремящуюся выйти на тыльные пути, ведущіе къ Варшавѣ. Съ такой же цѣлью, очевидно, наступала и „сѣверная группа", которой преграждалъ непосредственно путь глубокій Наревъ.

Рельефная карта театра военныхъ дѣйствій между Западнымъ Бугомъ и Вислой.

Эйхгорна и Бюлова, а также и армія генерала Людингаузена. Кромѣ того, особая группа нѣмцевъ вела неудачныя атаки въ занѣманскомъ районѣ.

Арміи Эйхгорна и Бюлова наступали къ Нареву, и въ нихъ насчитывалось восемь корпусовъ, въ нѣманской группѣ насчитывалось пять корпусовъ, а въ прибалтійской арміи Людингаузена семь корпусовъ. Слѣдовательно, всего въ сѣверномъ наступленіи участвовало до двадцати корпусовъ, т.-е. группа войскъ въ 800 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, у нѣмцевъ, повидимому, имѣлся стратегическій резервъ, частью изъ вновь сформированныхъ корпусовъ, частью изъ войскъ, привезенныхъ съ западнаго фронта, которыя къ началу іюля еще не обнаружились. Наконецъ на Бзурѣ и Равкѣ стояла группа нѣмецкихъ войскъ, численностью, примѣрно, въ четыре-пять корпусовъ.

Въ окончательномъ итогѣ на Вислѣ намѣчалось три наступленія противника: одно — съ запада, отъ Бзуры и Равки, и два — съ фланговъ: отъ лѣваго фланга, Люблинской и Холмской губерній, и отъ праваго фланга, изъ Прибалтики и Ломжинской губерніи.

Сѣверное наступленіе, повидимому, объединялось подъ начальствомъ генерала Фалькенгайна, бывшаго военнаго министра, одно время руководившаго прибалтійской операціей нѣмцевъ. Изъ четырехъ упомянутыхъ выше раіоновъ — прибалтійскаго, занѣманскаго и двухъ наревскихъ — несомнѣнно, демонстративный раіонъ былъ нѣманскій, ибо здѣсь передъ нѣмцами былъ Нѣманъ, о которомъ они помышлять ни въ коемъ случаѣ не могли. Въ силу этого самая нѣманская демонстрація была ничтожна, и поэтому, чтобы имѣть болѣе серьезныя демонстраціи, нѣмцы затѣяли прибалтійское наступленіе къ Митавѣ. О томъ, что это наступленіе было демонстраціей, нетрудно судить по тому, что сѣверное наступленіе нѣмцевъ стремилось на югъ, а прибалтійская группа ихъ шла совершенно въ сторону, на востокъ — къ Митавѣ. Ясно, что это прибалтійское наступленіе никакого отношенія къ главному наступленію нѣмцевъ черезъ Наревъ на югъ не имѣло и было лишь демонстраціей. Правда, эта демонстрація была болѣе ощутительна, чѣмъ нѣманская, но все же это была демонстрація.

Такимъ образомъ дѣйствительно серьезнымъ наступленіемъ было только наревское, гдѣ нѣмцы, стремясь съ сѣвера на югъ, какъ бы хотѣли подать руку Макензену черезъ головы нашихъ войскъ.

Въ сѣверномъ наступленіи приняли участіе арміи генерала

Полевыя хлѣбопекарни.

Наши войска, повидимому, по вполнѣ опредѣленному плану, встрѣтили сѣверное нѣмецкое наступленіе впереди Нарева, верстахъ въ тридцати отъ него, на позиціяхъ, бывшихъ, очевидно, передовыми. На этихъ передовыхъ позиціяхъ, упорно отбивая яростныя атаки врага, наши войска задержали движеніе нѣмцевъ на недѣлю и вслѣдъ затѣмъ отошли на главныя позиціи, т.-е. на рѣку Наревъ. Здѣсь уже начался упорный бой, и здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ о томъ, одолѣютъ ли нѣмцы рѣку Наревъ, прикрывающую варшавскій раіонъ съ сѣвера, или же будутъ отбиты, что докажетъ ихъ полное безсиліе.

Демонстрація нѣмцевъ въ направленіи на Митаву дала имъ сначала возможность продвинуться на разстояніе верстъ двадцати къ Митавѣ, но здѣсь они вынуждены были остановиться. Къ этому вынудили ихъ наши атаки, веденныя отъ Шавель на Попеляны, т.-е. на правое крыло и тылъ нѣмецкаго наступленія на Митаву. Вслѣдствіе этого нѣмцы, дойдя на двадцать верстъ къ Митавѣ, вынуждены были пріостановить свое дальнѣйшее движеніе на востокъ и повернулись къ югу, чтобы избавиться отъ нажима на ихъ правое крыло и тылъ у Попелянъ.

Такимъ образомъ противникъ въ первыхъ числахъ іюля дошелъ лишь до Нарева, гдѣ завязался упорный бой, и, кромѣ того, завязалъ упорные бои въ разстояніи перехода отъ Митавы.

Впереди предстояло еще рѣшеніе самой главной части задачи — переправа черезъ глубокій Наревъ, упорно оборонявшійся нашими войсками.

Съ своей стороны, „южная опе-

Съ кавказско-турецкаго фронта. По фот. нашего военнаго корреспондента.

А. А. Хвостовъ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, тайный совѣтникъ, Высочайше назначенный управляющимъ министерствомъ Юстиціи.

рація", которою руководилъ Макензенъ, привела также къ ряду упорныхъ боевъ впереди фронта Люблинъ Холмъ. На южномъ фронтѣ въ общемъ двигалось шесть армій противника. Армія Войерша составляла крайнее лѣвое крыло противника и вела крайне неудачное наступленіе на лѣвомъ берегу Вислы, къ Радому. Правѣе ея, уже на правомъ берегу Вислы, въ Люблинской и Холмской губерніяхъ, наступали подъ рядъ три арміи главнаго ядра Макензена: армія эрцгерцога Фердинанда къ Люблину, армія Макензена на промежутокъ между Люблиномъ и Холмомъ и армія Бемъ-Ермоли въ холмскомъ направленіи.

Наконецъ двѣ остальныя арміи — Лицингена и Пфланцера — двигались въ Восточной Галиціи и въ Буковинѣ, но къ началу общаго наступленія Макензена оставались неподвижными въ своемъ главномъ раіонѣ на Золотой Липѣ, и лишь на Днѣстрѣ, въ южной части Восточной Галиціи, австрійцы, переправившіеся черезъ рѣку, стремились продвинуться впередъ.

Всего въ трехъ арміяхъ Макензена, наступавшихъ на Люблинъ — Холмъ, насчитывалось четырнадцать корпусовъ, т.-е. около шестисотъ тысячъ человѣкъ.

Кромѣ того, на лѣвомъ крылѣ въ арміи Войерша было четыре-пять корпусовъ, а на правомъ крылѣ въ арміи Лицингена и Пфланцера восемь корпусовъ, т.-е. 200 250 тысячъ на лѣвомъ крылѣ и 300 400 тысячъ человѣкъ — на правомъ крылѣ.

Какое изъ двухъ наступленій, сѣвернаго и южнаго, было главнымъ, опредѣленно сказать нельзя было, такъ какъ обѣ группы были почти равночисленны, а если сѣверная группа была нѣсколько меньше, то зато тамъ были сплошь одни нѣмцы. Повидимому, оба наступленія имѣли одинаковое значеніе, и нѣмцы просто стремились прорваться за Вислу, либо на сѣверѣ, либо на югѣ, подать другъ другу руки и выполнить такимъ образомъ операцію по занятію праваго берега Вислы, т.-е. ту задачу, „отрѣзанія" выдающагося „передового театра" Царства Польскаго, о которой столько писали нѣмецкіе военные публицисты, и къ которой нѣмцы такъ неудачно стремились въ теченіе всей зимы.

А. Д. Самаринъ, членъ Государственнаго Совѣта, московскій губернскій предводитель дворянства, егермейстеръ Высочайшаго двора, Высочайше назначенный оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

Мобилизація производительныхъ силъ.

(Политическое обозрѣніе).

Небывалая по размѣрамъ и напряженности война неизбѣжно должна была принести съ собою много неожиданнаго и непредвидѣннаго. Военныя вѣдомства всѣхъ странъ, кромѣ Германіи, не могли предусмотрѣть, какое неисчислимое количество военныхъ запасовъ потребуетъ отъ нихъ затянувшаяся борьба вооруженныхъ націй, каждая изъ которыхъ видитъ передъ собою только два выхода: или побѣду или гибель. Даже Франція, 40 лѣтъ прожившая въ безпрерывномъ трепетѣ нѣмецкаго нашествія, подъ направленными на нее дулами безчисленныхъ пушекъ, послѣ первыхъ же серьезныхъ сраженій почувствовала уже нѣкоторое стѣсненіе въ артиллерійскихъ снарядахъ, и, вслѣдствіе главнымъ образомъ недостатка въ крупной артиллеріи, не могла использовать вполнѣ свою побѣду на Марнѣ.

Другая наша союзница Англія вступила въ военное столкновеніе съ Германіей, не располагая готовой арміей въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ, и вынуждена была организовать свои сухопутныя военныя силы на ходу борьбы. Ей предстояло не только подготовить цѣлые милліоны обученныхъ ратному дѣлу солдатъ, но также вооружить ихъ соотвѣтствующимъ количествомъ ружей, пушекъ, снарядовъ и т. д.

Быстрому и своевременному выполненію этой задачи, возложенной на плечи геніальнаго организатора Ллойдъ-Джорджа, въ значительной мѣрѣ способствовало колоссальное развитіе металлургической промышленности Англіи. Пользуясь владычествомъ англійскаго флота надъ океанами, министръ военныхъ заготовокъ завалилъ прежде всего военными заказами для англійскаго правительства всѣ нейтральныя страны и, не жалѣя золота, заставилъ работать на снабженіе англійской арміи всѣ заводы міра. Но этого было недостаточно. Чтобы ускорить дѣло, онъ приспособилъ къ исполненію военныхъ заказовъ почти всѣ частные заводы и фабрики Англіи и ея колоній и въ сравнительно короткое время снабдилъ англійскую армію болѣе мощной крупнокалиберной артиллеріей, чѣмъ германская. Во Франціи такую же роль сыгралъ военный министръ Мильеранъ, ставшій во главѣ частной промышленности, работающей на военно-государственныя нужды. Итогъ этихъ мирныхъ организаціонныхъ работъ отчасти уже подводится въ послѣднихъ побѣдахъ французской арміи, получившей возможность на небольшомъ сравнительно фронтѣ у Арраса выпустить въ нѣсколько дней сотни тысячъ снарядовъ и разрушить крѣпостныя сооруженія германскихъ укрѣпленныхъ позицій всесокрушающимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Какъ бы то ни было, возможность побѣды надъ врагомъ обѣ наши союзницы покупаютъ только цѣною полной и законченной мобилизаціи всей своей промышленности. Въ минуту крайней національной нужды и въ Англіи и во Франціи всѣ заводы и фабрики сдѣлались уже не частными предпріятіями своихъ владѣльцевъ, вложившихъ капиталы въ видахъ полученія болѣе или менѣе высокихъ доходовъ, но какъ бы національнымъ достояніемъ. Распоряжаться ими стали особые мѣстные комитеты, въ составъ которыхъ вошли прежде всего чины военнаго министерства, представители мѣстныхъ самоуправленій, выборные отъ рабочихъ и отъ союзовъ промышленныхъ дѣятелей. Распредѣленіе заказовъ дѣлается по общему плану центральными совѣтами, исполненіе ихъ поручается мѣстнымъ комитетамъ, и во всю работу націи, поднявшейся на свою защиту, вносится строгая планосообразность, не оставляющая мѣста для хаоса и безпорядка. Французскій трудъ и капиталъ подъ руководствомъ военной власти соединились между собою въ мирной патріотической работѣ по оборудованію національной обороны. По такому же пути національной солидарности всѣхъ классовъ населенія пошелъ и Ллойдъ-Джорджъ. Для организаціи военно-промышленныхъ комитетовъ онъ устраивалъ соединенные митинги и хозяевъ и рабочихъ, и во главѣ работъ поставилъ инженеровъ-спеціалистовъ. У обѣихъ нашихъ союзницъ мобилизація промышленности идетъ быстрымъ ходомъ и дастъ прекрасные результаты. Ихъ арміи не окажутся безоружными передъ до зубовъ вооруженнымъ врагомъ, у нихъ будетъ чѣмъ отразить грозное нашествіе. Нѣмцы уже теперь оказываются лишенными того преимущества въ вооруженіи, которымъ располагали въ началѣ войны. Промышленно-техническое соперничество пробужденныхъ націй грозитъ нѣмцамъ неизбѣжными пораженіями на Западѣ. Такимъ блестящимъ результатамъ, разумѣется, много способствовало то обстоятельство, что и во Франціи и въ Англіи промышленность носитъ строго національный характеръ, и поэтому ей всегда были близки и дороги національныя задачи. Не менѣе важно также и то, что Мильеранъ и Ллойдъ-Джорджъ сумѣли сразу поставить вопросъ на должную высоту и придали новой военно-промышленной организаціи не узко-классовой, а широко-національный характеръ, ввѣрили снабженіе арміи не какому-нибудь темному промышленно-финансовому синдикату, а стройной организаціи изъ представителей промышленности, рабочихъ, мѣстныхъ самоуправленій и государства. Въ военно-промышленныхъ комитетахъ въ миніатюрѣ участвуетъ вся нація, и всякому очевидно, что въ такомъ составѣ они будутъ служить не задачамъ личнаго обогащенія, а дѣйствительно благу и безопасности націи. По этому же принципу мобилизація промышленныхъ силъ происходитъ и у насъ въ Россіи. Организаціонныя работы уже въ полномъ ходу, и имѣются уже всѣ данныя, что и у насъ эта мобилизація пройдетъ блестяще и съ желаемой быстротой.

Карта Прибалтійскаго побережья.

Дивизіонъ миноносцевъ.

Въ лазаретѣ.

Разсказъ **М. Сивачева.**

(Окончаніе).

IV.

На другой день утромъ еще до прихода врача въ лазаретъ явилась владѣлица особняка и въ вѣжливыхъ по формѣ, но оскорбительныхъ по существу, выраженіяхъ принялась дѣлать сестрѣ выговоръ „за недопустимое вчерашнее попущеніе", о которомъ владѣлицѣ особняка донесла сидѣлка.

Ея выговоръ былъ длиненъ и весь сводился къ намеку, что она уступила особнякъ и несетъ часть расходовъ по содержанію не для того, чтобы сестры могли любоваться въ немъ такими „первобытными развлеченіями, какъ грубыя солдатскія пляски".

Пришелъ врачъ. Барыня, объяснивъ ему повышеннымъ тономъ „попущеніе" сестры, потребовала, чтобы всякія игрища въ лазаретѣ были пресѣчены въ корнѣ: игрищи, по ея мнѣнію, могли гибельно отзываться на нервахъ больныхъ.

Врачъ слушалъ ее, устало моталъ головой, какъ будто отбивался отъ назойливой мухи, и бормоталъ:

— Посмотримъ, сударыня, сейчасъ посмотримъ. И, въ случаѣ чего, конечно, примемъ мѣры.

Принявшись за осмотръ и спрашивая, какъ больные чувствуютъ себя, врачъ видѣлъ бодрыя лица и слышалъ по большей части все молодецкіе отвѣты:

— Такъ что, ваше благородіе, лучше!

Онъ сопоставлялъ недавніе отвѣты, когда солдаты на вопросы о здоровьѣ съ хмурыми взглядами отвѣчали: „Кажись, ничего себѣ, ваше благородіе": зналъ, что на языкѣ солдата это значитъ: „плохо". Теперь хмурыхъ взглядовъ не было, и врачъ весело потиралъ руки.

Но, кончивъ обходъ, врачъ все-таки нашелъ нужнымъ вызвать Морковина и Онисима, какъ зачинщиковъ, нахмурился и сказалъ:

— Вотъ что, воины... Тутъ на васъ жалоба: вчера вы тутъ затѣяли пляску и еще что-то такое! Долженъ заявить, что пляска недопустима.

Лица солдатъ потускнѣли, и со всѣхъ сторонъ на врача посыпались просьбы „дозволить повеселиться" и увѣренія, что это „не вредно".

Говорилъ Морковинъ разсудительно, степенно:

— Оно, конешно, война, ваше благородіе... Тутъ ужъ что... Ну, а если съ веселой душой, то оно и полегче. Съ веселой душой-то и думушки у тебя меньше; а въ скукѣ-то—тутъ ты и о семьѣ кручинишься и о хозяйствѣ, оно и выходитъ неладно. А вреда отъ веселости нѣтъ: она въ человѣкѣ—первое дѣло: безъ веселости человѣкъ въ самыхъ что ни на есть лучшихъ палатахъ исчахнетъ. Такъ что, дозвольте, ваше благородіе!

У доктора было уже не хмурое лицо, а ласковое.

— Не могу, воины, не могу! Развѣ могу вотъ только словечко замолвить за васъ барынѣ,—и указалъ на владѣлицу особняка, которая во все время обхода слѣдовала за нимъ по пятамъ.— Барыня главнѣе здѣсь, чѣмъ я. Просите ее! Разрѣшитъ она—веселитесь; ну, пойте тамъ, играйте, а плясать нельзя! Поняли, воины?

Но докторъ еще не докончилъ, а Морковинъ и Онисимъ очутились уже около барыни.

Морковинъ не говорилъ: уставился на владѣлицу особняка большими, выпуклыми, красивыми сѣрыми глазами мягко, ла-

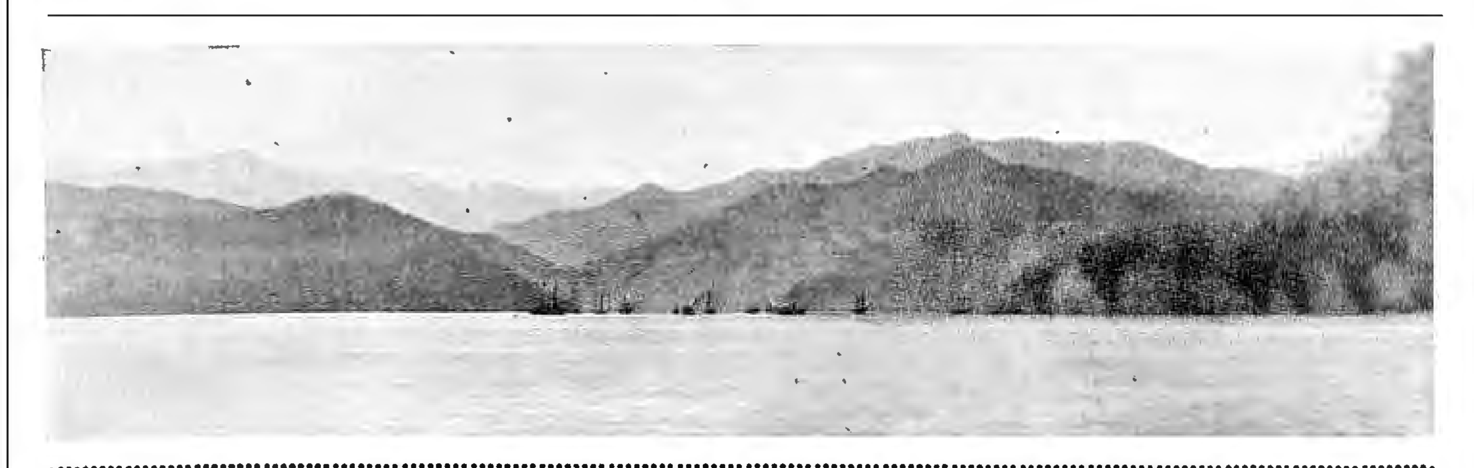
Скоро ль?..

Какъ орелъ съ вершины горъ,
Черезъ миртъ и тополь,
Смотритъ гордо на Босфоръ
Чуткій Севастополь.
Орудійные замки
Стынутъ въ блескѣ стали:
Не покажутся ль дымки
Въ сизоватой дали?
И стальные зубы фортъ
Выставилъ за верки:
Не мелькнетъ ли сѣрый бортъ
Чуждой канонерки?
И укрыли подъ водой
Выпуклыя спины
Въ глубинѣ волны сѣдой
Исполины-мины.
Какъ орелъ съ вершины горъ,
Черезъ миртъ и тополь,
Смотритъ зорко на Босфоръ
Чуткій Севастополь.
Это—мертвенный очагъ
Боевого тыла;
И въ нѣмыхъ его очахъ
Навсегда застыло:
Скоро ль въ дымкѣ чуждыхъ мѣстъ,
Волею Россіи,
Загорится яркій крестъ
На святой Софіи?

Владиміръ Воиновъ

Наши защитники.

На Черномъ морѣ. По фот. нашего военнаго корреспондента.



Караванъ турецкихъ транспортныхъ судовъ въ Сурмине, сожженныхъ нашими миноносцами.

сково, да такъ и стоялъ передъ ней, точно убѣжденный, что его взглядъ возьметъ свое и безъ словъ.

Просилъ Онисимъ:

— Эхъ, матушка-барыня, опять въ огонь пойдемъ—Богу за васъ молить будемъ!—разливался онъ сладенькимъ, умильнымъ теноркомъ.—Уважьте намъ! Польза будетъ... Вотъ увидите — это вамъ сказалъ Онисимъ Перетягинъ! (Тутъ барыня суховато улыбнулась). Были мы, вотъ, матушка-барыня, въ походѣ. Устанемъ, бывало, изнеможемъ, а итти надо: начальство приказываетъ! Въ иные дни отваливали верстъ по 50 въ сутки. Легко сказать? а? Ну, посмотрю я на народъ, скажу себѣ: „Оживи-ка, Онисимъ, людей"—и затяну пѣсенку; другіе подхватятъ — глядишь: веселѣе солдаты шагаютъ. Пѣсня-то для души — первое дѣло! Это вы, барыня, запомните: это вамъ говоритъ Онисимъ Перетягинъ! (Барыня улыбнулась помягче). Поэтому, барыня, и просимъ: вы ужъ намъ меньше щиколаду или тамъ хруктовъ давайте, а пѣсенку спѣть, на балалайкѣ поиграть да ноги размять—дозвольте! Народъ-то—что лошадь: ему застаиваться нельзя—несвышно ему это. Ну, а какъ плясанетъ онъ, какъ раздѣлаетъ подъ орѣхъ, чтобъ не было прорѣхъ, такъ ужъ тутъ ему не стать унывать! Насчетъ веселья-то у насъ въ народѣ какъ говорятъ: „Звенитъ въ мошнѣ—форси на вѣ, а если пусто—головы не вѣшай". А то еще лучше: „Повадка и безъ алтына скраситъ, понурая голова съ рублемъ пропадетъ".

Барыня улыбнулась уже совсѣмъ мягко, посмотрѣла на Онисима, на Морковина, потомъ на врача и нерѣшительно сказала:

— Я ужъ, право, не знаю, какъ быть. Съ одной стороны, мнѣ не хочется отказывать больнымъ, стѣснять ихъ, съ другой—такое возбужденіе нервовъ...

— Нервы... нервы... — сейчасъ же отозвался врачъ.—Мы вотъ тутъ привыкли думать, что для нервовъ нужно какъ можно больше покоя, а люди, бывалые на войнѣ, утверждаютъ, что, благодаря подъему нервовъ, они спасаются отъ многихъ болѣзней! Медицина, сударыня, не въ одной только латинской кухнѣ. По-моему, кое въ чемъ слѣдуетъ воинамъ уступить: пусть играютъ, поютъ, только чтобы пляски не было.

Владѣлица особняка на предложеніе врача согласилась.

Солдаты просіяли и всѣмъ лазаретомъ благодарили владѣлицу и врача весьма усердно.

V.

Неузнаваемъ сталъ лазаретъ.

Казалось, что Онисимъ и Морковинъ только потѣшаютъ и развлекаютъ скучающихъ больныхъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ дѣятельность была глубже. Какъ-то незамѣтно, мелькомъ, мимоходомъ, брошенными вскользь нѣсколькими словами имъ удавалось каждому больному давать то, что ему было нужно: легко раненымъ—бодрость, раненымъ тяжело—примиреніе.

Были шутки, прибаутки, игра на балалайкѣ, пѣсни, но умѣло, во-время, вплетались въ шутки серьезныя словечки, и раненые воины какъ будто забыли, что на человѣческомъ языкѣ есть жалобы: ужъ никто и ни на что не жаловался, никто не высказывалъ недовольства.

Притихъ и наборщикъ; отъ прежней „блажи" въ немъ не осталось и слѣда: по цѣлымъ днямъ онъ лежалъ съ закрытыми глазами, не вымолвивъ ни единаго слова. Онъ любилъ слушать, когда Морковинъ игралъ на балалайкѣ; иногда даже кому-нибудь говорилъ: „Тутъ ужъ нечего сказать: артистъ!", но отъ разговоровъ съ самимъ Морковинымъ почему-то все упорно уклонялся. Когда Морковинъ пытался съ нимъ заговорить, онъ отмалчивался, нервно комкая пальцами одѣяло: иногда даже нельзя было понять, слушаетъ онъ Морковина, или нѣтъ.

Съ Онисимомъ же наборщикъ уже явно дружилъ. Онъ слушалъ, когда Онисимъ пѣлъ пѣсни, слѣдилъ за нимъ глазами, когда Онисимъ переносился изъ одной палаты въ другую; иногда даже подзывалъ его къ себѣ и заводилъ несложный, короткій разговоръ:

— Бѣгаешь, „чокъ-молчокъ" (такъ онъ звалъ Онисима), носишься?

— Ношусь, родной, ношусь. Неугомонъ я!

— Поправляешься? Опять на войну пойдешь?

— Пойду, родной, пойду.

— А не боишься?

— А чего бояться? Двухъ смертей не бываетъ.

— Такъ, „чокъ-молчокъ", такъ, вѣрно. Значитъ, еще поколотишь непріятеля-то?

— Какъ Богъ дастъ, а на себя надѣюсь.

Наборщикъ закрывалъ глаза, и на его лицѣ уже ясно проступала не сдерживаемая, какъ раньше, тихая улыбка, и просилъ:

— А ты, „чокъ-молчокъ", спой что-нибудь. Хорошо поешь!

— Ужъ постараюсь, родной, для тебя постараюсь!—обѣщалъ Онисимъ и, понимая, что, если наборщикъ закрылъ глаза, это значитъ, что онъ утомился, спѣшилъ его оставить.

Наконецъ наборщикъ помирился все-таки и съ Морковинымъ. Однажды ночью, когда въ палатѣ всѣ крѣпко спали, наборщикъ тихо позвалъ Морковина: „Яковъ!", потомъ погромче: „Яковъ Петровичъ!", а затѣмъ замолкъ, какъ будто отдумалъ будить Морковина. Но Морковинъ услышалъ.

— Чтò, милъ-человѣкъ?—отозвался онъ и, не дожидаясь отвѣта, всталъ, накинулъ на плечо халатъ и подошелъ къ наборщику.

— Ты извини, Яковъ, разбудилъ я тебя.

— Нѣ, дорогой, какой тамъ сонъ? Не спалъ я:—думокъ въ головѣ много.

— Яковъ Петровичъ...—И наборщикъ на минуту замялся.— Плохо мое дѣло, Яковъ Петровичъ. Умру, братъ, я скоро... Ужъ чувствую. И, знаешь...—Наборщикъ опять замялся.—Боюсь смерти...

Морковинъ осторожно присѣлъ на койку наборщика и тихо, тепло и задушевно полилась его рѣчь:

— Э-эхъ, мил-лый! А чего бояться? Смерть-то, милый, что солнце:

Въ городѣ Хопѣ, обстрѣлянномъ и взятомъ нашими славными казачьими войсками.

На Черномъ морѣ. По фот. нашего военнаго корреспондента.

въ глаза ей не взглянешь. Ну, и не гляди, не старайся. Пущай она свое дѣло дѣлаетъ, а ты свое: не спорь съ ней, и все тутъ! Не такъ ужъ она страшна, какъ мерещится. Вотъ жисть—это, милый, другое дѣло...

— Яковъ!.. — произнесъ наборщикъ какъ-то особенно мягко и стыдливо.

— Что, милый?

Наборщикъ поднялъ съ подушки голову, глаза у него посвѣтлѣли, сжатыя губы разжались—казалось, что онъ сейчасъ скажетъ что-то важное, но онъ ничего не сказалъ: взялъ руку Морковина, крѣпко пожалъ ее и закрылъ глаза.

VI.

А на другой день вмѣстѣ съ младшимъ врачомъ явился старшій врачъ, пересмотрѣлъ всѣхъ больныхъ и выписалъ 8 человѣкъ; въ томъ числѣ былъ и Морковинъ. Только онъ одинъ по заключенію врача оказался никуда негоднымъ—остальные шли опять въ строй.

Выписанные должны были отправиться къ воинскому начальнику послѣ обѣда, и остатокъ въ нѣсколько часовъ Онисимъ постарался использовать повеселѣе. Онъ собралъ свой хоръ человѣкъ изъ двѣнадцати, съ которымъ аккуратно занимался каждый день часа по два. Весело пѣли „По улицѣ мостовой“, грустно и трогательно „Я вечоръ въ лужкахъ гуляла“, но особенно хорошо пѣли одну старинную пѣснь. Запѣвая ее, Онисимъ приложилъ ладонь къ щекѣ, крякнулъ, напряженно искривилъ губы и медленно затянулъ: „Э ихъ, да и што жъ ты, моя степь... раздолье широкое, широкое... привольное...“

И не успѣлъ еще теноръ Онисима съ высоко-звенящими верхами замереть въ воздухѣ, какъ хоръ дружно дрогнулъ „Э-ихъ“—и этотъ звукъ былъ такъ похожъ на многоголосный стонъ, невыразимо-скорбный, отчаянный, но и невыразимо прекрасный.

Опять запѣвалъ Онисимъ, опять дружно налегалъ хоръ, и въ его густыхъ звукахъ теноръ Онисима рыдалъ, томился.

Было въ этой пѣснѣ что-то безъ конца залитое тоскливой удалью, буйнымъ размахомъ и обаятельной, невысказанной печалью; и когда она кончилась, тѣ, которымъ вновь предстояло итти на передовыя позиціи, словно вдругъ вспомнили, что и въ кровавомъ бою есть свое неизъяснимое очарованіе. Заговорили съ увлеченіемъ о томъ, что было, гадали, на какой теперь фронтъ войны попадутъ, и выражали искреннюю радость, что лазаретная „лежка“ кончилась.

— Что и говорить: сытно, тепло, но однако не свой уголъ: весь вѣкъ въ немъ не проживешь.

— Вѣрно! Свой уголъ-то хоть и сыръ, да милъ! И, какъ ты тамъ ни брыкайся, хочешь тамъ аль не хочешь, а защищать его надо. Вотъ расшибить врага вдрызгъ—тогда можно и къ домамъ: къ дѣлу, къ работѣ. Не раньше, братцы!

Подали обѣдъ. А послѣ обѣда сидѣлка увела выписанныхъ въ особую комнату, гдѣ они переодѣлись и явились въ палаты уже въ военной амуниціи. Видъ у всѣхъ былъ бодрый, окрѣпшій, приподнятый, какъ будто, скинувъ халаты и надѣвъ шинели, они почувствовали прежній боевой задоръ.

Не шла шинель къ одному только Морковину. Онъ двигался тихо, понуро, съ костылемъ подъ мышкой, и изъ-подъ короткой полы шинели болѣе видно было, чѣмъ изъ-подъ халата, доходящаго до пять, какъ безпомощно волочится его раненая нога. Видъ у него былъ тоже необычайный: то онъ бѣгалъ по палатѣ глазами, какъ будто чего-то искалъ, то какъ будто что-то усиливался вспомнить—и не могъ вспомнить.

Но стоило только Морковину услышать, какъ кто-то изъ раненыхъ сказалъ ему, что „его дѣло, кажется, плохо... нога-то не того...“, онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и съ удивительно спокойнымъ, беззаботнымъ лицомъ отвѣтилъ:

— Ничего, образуется. Это она пока только такъ... шалитъ! А вотъ уѣду въ деревню, тамъ, Богъ дастъ, она и образуется въ порядокъ.

Немного помолчалъ, весело улыбнулся и добавилъ:

— Плясать, конешно, какъ раньше, это ужъ простись, а въ работники еще гожусь. Безъ хлѣба не просижу. Работа мнѣ—первое дѣло: безъ нея я, братъ, исчахну. Такъ-то, милъ человѣкъ. Все образуется по-хорошему, только головы не вѣшай!

И съ этой минуты Морковинъ держалъ себя ужъ крѣпко.

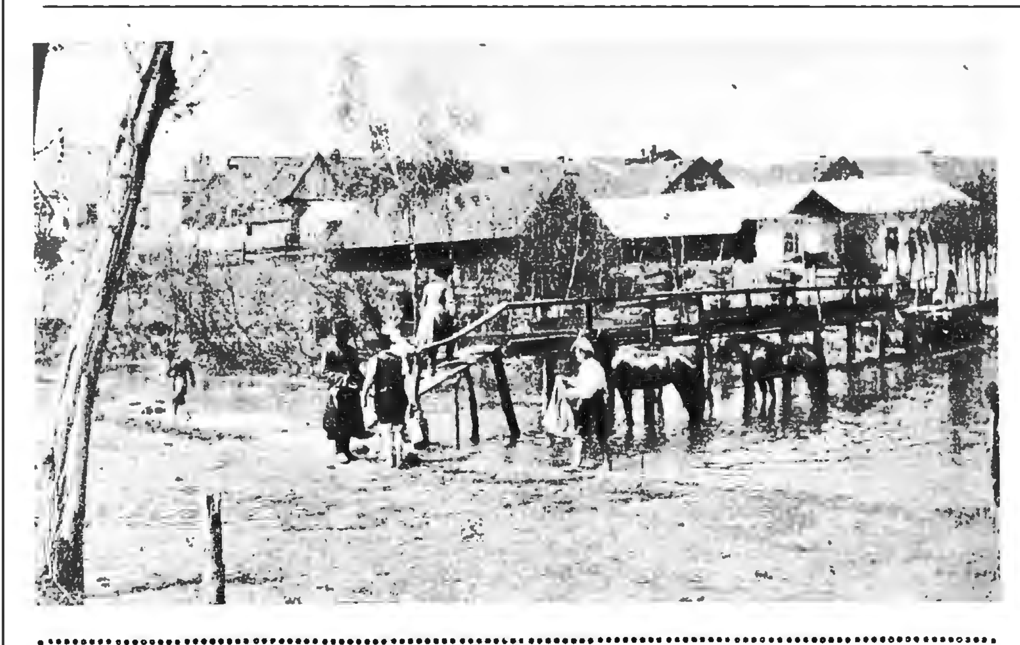
Наступилъ трогательный моментъ, когда покидающіе лазаретъ прощались съ остающимися: нѣкоторые прослезились, нѣкоторые всплакнули, а у Морковина даже глаза не

Тлусте-Місто. Галиційское село.

Писатель В. Я. Свѣтловъ въ дѣйствующей арміи.

Жители-галичане исправляютъ шоссе.

Въ Восточной Галиціи. (По фот. нашего военнаго корреспондента).



Ингуши въ Галицiйской деревнѣ. На отдыхѣ.

На отдыхѣ.

замутились. Съ яснымъ взоромъ, въ которомъ стояла тихая глубокая радость, онъ цѣловалъ солдатъ крѣпко, любовно, какъ мать дѣтей, и каждому торжественно, съ нѣжной ласковостью, приговаривалъ: „Христосъ съ тобой!“

Когда очередь дошла до наборщика, тотъ протянулъ ему скомканную 25-рублевку и серебряные часы:

— Возьми, Яковъ, мнѣ-то ужъ не къ чему, а тебѣ пригодится.

Морковинъ расправилъ бумажку, взглянулъ на нее и вздумалъ-было заупрямиться:

— Деньги-то, милъ-человѣкъ, не малыя. Можетъ, Богъ дастъ, ты еще и встанешь; а встанешь—онѣ тебѣ понадобятся. Зря даешь.

Наборщикъ былъ ужъ очень плохъ. Онъ посмотрѣлъ пристально на Морковина тусклыми, уже угасающими глазами и, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ, Яковъ, не встану. Не серди меня: возьми деньги и часы: отъ души даю. Ну, прощай, Яковъ! Не поминай лихомъ.

Отойдя отъ наборщика, Морковинъ поклонился всему лазарету, простился съ сестрами и тронулся къ выходу. Съ затаенной тоской смотрѣли въ окна бородатые люди, какъ Морковинъ съ выписанными усаживались на извозчиковъ. Одинъ только Онисимъ, строя веселую рожу, кивалъ Морковину головой, махалъ платкомъ, но когда Морковинъ скрылся изъ виду, Онисимъ для всѣхъ неожиданно горько заплакалъ.

Въ эту же ночь тихо, незамѣтно умеръ наборщикъ.

Волченокъ.

Разсказъ **Н. Роминскаго.**

(Окончанiе).

Плѣнникъ взялъ руку батальоннаго, притянулъ къ себѣ, нагнулся къ его уху и, сильно волнуясь и схватывая, какъ рыба, воздухъ, сказалъ ему нѣсколько словъ. Но говорилъ такъ тихо и дышалъ при этомъ такъ громко, что тотъ ничего не разобралъ.

— Was? Was? переспросилъ онъ.

Раненый, волнуясь еще больше, притянулъ его руку и опять сказалъ нѣсколько словъ. Лицо батальоннаго изобразило крайнее удивленiе, онъ нагнулся и переспросилъ. Получивъ отвѣтъ, онъ выровнялся, и его глаза засмѣялись.

Раненый со страхомъ смотрѣлъ на него. Присутствующiе были заинтересованы въ высочайшей степени.

— Ну? ну? Въ чемъ дѣло? Да это что-то уже прямо романическое!

Глаза батальоннаго продолжали смѣяться. Онъ повернулся къ начальнику штаба, какъ старшему изъ присутствующихъ, и просилъ позволенiя удалить нижнихъ чиновъ.

Тѣ выходили медленно и оглядываясь,—все ожидали, что, пока они успѣютъ выйти, можетъ-быть, удастся узнать, въ чемъ дѣло. Когда они ушли, батальонный повернулся къ оставшимся и, сдерживая улыбку, сказалъ:

— Это дѣвушка. И она не хочетъ, чтобы ее смотрѣли посторонніе.

Онъ взглянулъ на впечатлѣнiе, произведенное его словами, и засмѣялся.

Это продолжалось моментъ, тогда всѣ засмѣялись и оживленно заговорили. Дѣвушка со страхомъ смотрѣла то на одного, то на другого.

Полковникъ перестал смѣяться, сдѣлалъ строгое лицо и обратился къ ней:

— Кто вашъ отецъ?

Она опустила глаза:

— Полковникъ. Я единственная дочь. Матери у меня нѣтъ. Когда отецъ ушелъ на войну, я не выдержала и убѣжала изъ дому. Онъ былъ убитъ, я хотѣла отомстить за него...

Затѣмъ ея лицо, очень подвижное и выразительное, приняло просительно-робкое выраженiе:

— Разрѣшите, чтобы меня смотрѣлъ только старый докторъ. Онъ одинъ, больше никто. Мнѣ стыдно...

Но лицо полковника уже принимало прежнее жесткое и упрямое выраженiе.

— А что, если она все-таки скрываетъ?

— Напримѣръ, полотно знамени можетъ отлично хранить и женщина, даже гораздо лучше, -сказалъ санитаръ.

Но полковникъ его не слушалъ: онъ обратился къ фельдшеру и сказалъ:

— Сходите сами или пошлите кого за сестрой милосердiя.

Когда сестра пришла, онъ попросилъ выйти офицеровъ и санитара, всѣхъ же

Везутъ плѣнныхъ австрiйцевъ. По фот. нашего корреспондента.

Въ Восточной Галицiи. (По фот. нашего военнаго корреспондента).

докторовъ и фельдшера оставилъ при осмотрѣ: очевидно, не надѣялся на одного стараго доктора, онъ ему казался слишкомъ добрымъ. Уже уходя, онъ сказалъ въ двери:

— Пусть сестра ее раздѣнетъ догола и хорошенько обыщетъ. Платье вынесите сюда,—я самъ его осмотрю.

Но ничего подозрительнаго не было. „Волченка“ одѣли въ юбку и кофту и, надѣвъ сверху солдатскую шинель, отправили вмѣстѣ съ другими плѣнными.

Интересно, что она была уже опознана раньше. Дядя Митяй

Часовой и подчасокъ.
По фот. Корсакова.

былъ правъ: она дѣйствительно, какъ только пришла въ себя, „ускакала на трехъ ногахъ“ въ кусты, а изъ нихъ пробралась къ ручью. Тамъ, въ тростникѣ, обмыла и перевязала свою рану, и перевязала, какъ говорилъ потомъ старый докторъ, очень недурно, — но отъ потери крови опять лишилась чувствъ.

Вѣроятно, она такъ бы и осталась тамъ лежать, но ее нашли собаки девятой роты Мурмузъ и Жучка. Нашли и подняли лай. Тогда Ахметъ, твердо вѣрившій, что его собаки не будутъ лаять попусту, несмотря на страшную усталость, пошелъ за ними и нашелъ молодого германца. Увидя, что раненый еле живъ, онъ позвалъ санитаровъ, самъ поднялъ и положилъ на носилки раненаго нѣмца. Поднимая, онъ пришелъ въ сомнѣніе и тайкомъ, чтобы санитары не замѣтили, провелъ рукой по груди раненаго. Сомнѣнія не было, — это была женщина, но онъ санитарамъ не сказалъ ни

Старшій лейтенантъ авіаторъ
И. И. Кульневъ—погибъ.

слова. Такъ они и понесли, не зная, кого несутъ. Но самъ, придя въ роту, не выдержалъ и сказалъ своему товарищу дѣтства, фельдфебелю девятой роты Сабанѣеву:

— Ванъ (Иванъ), видалъ тотъ молодой нѣмецъ, что лежалъ коло батальонный?

— Ну?

— Ты знашъ, онъ...

Ну?

— Нычиво, я такъ только...

— Ну, говори же, если началъ? Что съ нимъ?

— Нычиво, я такъ только... Онъ, знашъ, не савсимъ мужикъ...

„Ванъ“ удивленно смотрѣлъ, пока ничего не понимая.

— Такъ, гавару, — онъ не савсимъ мужикъ...

— А кто жъ онъ, баба?

Фельдфебель сказалъ это въ шутку, но получилъ изумившій его отвѣтъ:

— Такъ тошно... Савсимъ какъ бабъ...

Фельдфебель пересѣлъ съ мѣста на другое.

— Да говори ты толкомъ,—дѣйствительно баба? Или ты только такъ, дурака валяешь?

— Ныкакъ нѣтъ... Зачимъ валялъ? Настоящій бабъ.

— Почему же ты не сказалъ сейчасъ? Гдѣ же она?

— Санитаръ бралъ...

Романическая исторія шла теперь съ двухъ концовъ: среди офицеровъ ее разнесли тѣ, кто былъ при операціи, среди нижнихъ чиновъ — девятая рота, какъ особенно заинтересованная находкой. Дядя Митяй прямо умилялся:

— А я и то смотрю,—харя-то у нея такая, совсѣмъ тебѣ какъ на картинѣ. Такая это, я тебѣ скажу, красота... И вѣдь вотъ поди жъ ты: сами германцы, нѣмцы, значитъ, никуда,—мужской полъ,— а бабы-то у нихъ во какъ красивы! А таковой красивой, какъ эта, я, почитай, и не видывалъ!

Онъ нарочно сказалъ „таковой“,—такъ было какъ-то торжественнѣе.

Евстратъ, вернувшійся послѣ перевязки въ строй, тоже былъ крайне заинтригованъ: санитары разсказывали солдатамъ о странномъ поведеніи нѣмца, не желавшаго перевязывать рану. О томъ, какъ долго говорили доктора и офицеры, какъ разсердился

Привалъ кавалеріи. По фот. Г. Ольшанскаго.

начальникъ штаба дивизіи, какъ батальонный вступился за нѣмца, началъ потомъ смѣяться, и всѣхъ нижнихъ чиновъ выслали вонъ... А потомъ одинъ изъ санитаровъ бѣгалъ за сестрицей...

— Баба! Вѣдь поди жъ ты!

— Своей охотой, или у нихъ уже берутъ? Мужиковъ мало?

Но были такіе, которые ехидно улыбались:

— Ишь ерманцы-то: бабъ съ собой возятъ!.. Значитъ, не для сраженій!..

Но дядя Митяй возмутился:

— Эхъ ты, голова сосновая, — а ты не видѣлъ, какъ она на штурмъ бѣжала? Кабы была изъ такихъ, возили бы въ обозѣ, а не таскали на штурмъ!

Разсуждалъ и Евстратъ. По обыкновенію, онъ началъ съ самаго конца:

— Я говорилъ, что пропадетъ вся ерманская нацыя, и пропадетъ: мужиковъ уже стало мало, сдѣлали наборъ среди бабъ. Пока пробуютъ, хороши ли. Обучили нѣкоторыхъ, что получше, знали, и пустили, а остальныя еще обучаются. И вѣрно, ишь какъ дрались, не хуже любого парня.

Сначала дядя Митяй разсердился на вѣчно каркающаго Евстрата, но потомъ ему эта мысль даже понравилась:

— А чего жъ? Пускай и такъ: мы перебьемъ весь народъ въ Ерманіи, — и мужиковъ и бабъ, а они только насъ, мужиковъ, значитъ...

Дядя Митяй подмигнулъ и засмѣялся: очевидно, въ томъ, что сейчасъ онъ имѣлъ сказать, и была вся суть, потому что улыбка его плыла все больше и больше, и, видя общее вниманіе и ожиданіе, что онъ скажетъ, онъ побѣдоносно посматривалъ кругомъ.

Когда, по его мнѣнію, ожиданіе достигло предѣла, онъ опять подмигнулъ и началъ:

— Они насъ перебьютъ, а бабы наши, что остались дома, народятъ новый народъ. Въ Ерманіи-то станетъ пусто, наши ее займутъ, и станетъ тогда Рассея по усей Европѣ. Вотъ какъ!

Эта мысль такъ ему понравилась, что онъ ее постоянно повторялъ и, кажется, даже желалъ, чтобы наконецъ „обѣ нацыи перебили одна другую".

Съ этого дня, когда непріятельская артиллерія опустошала наши ряды, а передъ нашими окопами росли горы непріятельскихъ труповъ, дядя Митяй улыбался и говорилъ:

— Ужъ и жарять, ужъ и жарять же!

Сѣти французскихъ траншей такъ густы, что солдаты нѣкоторые ходы называютъ именами своихъ генераловъ.

Въ Парижѣ. Русскіе солдаты, бѣжавшіе изъ нѣмецкаго плѣна во Францію, присутствуютъ на парадѣ въ Домѣ Инвалидовъ.

Эта мысль показалась даже Евстрату не совсѣмъ глупой. Но у него были нѣкоторыя опасенія: молодежь-то нѣмецкую несомнѣнно перебьютъ, но вѣдь останутся старики и дѣти? Дѣти подрастутъ раньше, чѣмъ старики умрутъ...

Несокрушимый оптимизмъ дяди Митяя однако легко справился съ этимъ препятствіемъ: дѣтей сейчасъ же, безъ промедленія, окрестятъ наши попы. А нѣмецъ, если онъ выраститъ въ православной вѣрѣ, какой же онъ нѣмецъ? Попы же останутся: ихъ, кромѣ полковыхъ, на военную службу не берутъ. Старики же въ свое время умрутъ, и „будетъ уже не Европа, а Рассея".

Немного его смущало только отсутствіе женщинъ на театрѣ войны. Онъ, тайкомъ отъ другихъ, разглядывалъ иногда убитыхъ и раненыхъ, но счастливая находка Ахмета не повторялась. Онъ уже началъ сомнѣваться въ своей теоріи, какъ пришелъ Евстратъ, — онъ также былъ заинтересованъ, такъ какъ мысль впервые была высказана имъ, — и сказалъ, что казаки привезли опять двухъ женщинъ, переодѣтыхъ солдатами.

И это была правда: среди привезен-

Въ русскомъ госпиталѣ въ Парижѣ. Одинъ изъ русскихъ плѣнныхъ, привезенныхъ нѣмцами на работы во Францію и бѣжавшихъ къ французамъ

Плѣнные австрійцы (около 1000 человѣкъ), захваченные вмѣстѣ съ пулеметами.

ныхъ казаками тридцати восьми плѣнныхъ были и двѣ женщины, переодѣтыя въ солдатскую одежду и съ остриженными волосами.

И такъ, слѣдовательно, бабъ берутъ, но пока мало выучили, и онѣ появятся въ большемъ количествѣ послѣ, когда ихъ подучатъ.

Особенно интересно было, когда вернулся изъ Кіева фельдшеръ, ѣздившій съ санитарнымъ поѣздомъ. Три санитара, бывшіе съ нимъ, говорили, что въ Кіевѣ каждый день гонятъ тысячи плѣнныхъ, и среди нихъ чуть не половина женщинъ. Это всѣ знаютъ.

Дядя Митяй не выдержалъ и однажды, когда представился случай, спросилъ самого фельдшера. Тотъ выслушалъ, сначала не понялъ, но потомъ засмѣялся и такъ отвѣтилъ:

— Самъ я не видѣлъ, но говорятъ, что дѣйствительно въ Вильнѣ, а не въ Кіевѣ, среди плѣнныхъ германцевъ оказалось шестнадцать женщинъ. Узнали это случайно, когда отправили плѣнныхъ въ баню...

Дядя Митяй указывалъ на летящій аэропланъ и говорилъ:

— Вотъ летаетъ ероиланъ,—кто въ немъ сидитъ, мужикъ или баба? А онъ себѣ сидитъ и плантъ снимаетъ!

Отъ скуки дядя Митяй прицѣлился, поставивъ прицѣлъ на 2.200 шаговъ, и выстрѣлилъ. Аэропланъ немного опустился и быстро полетѣлъ, опускаясь все ниже, по направленію къ непріятелю. И дядя Митяй имѣлъ огромное удовольствіе думать, что это онъ заставилъ его улетѣть.

Скоро узнали, что плѣнная германка была дочь полковника. Дядя Митяй былъ въ восторгѣ:

— А я, братцы, сразу это замѣтилъ! Какъ упала она, тутъ я сразу и думаю: это не простой нѣмецъ,—можетъ, даже полковницкій сынъ! Ей-Богу!

И ему дѣйствительно казалось, что онъ это думалъ.

Но потомъ, когда онъ попробовалъ примѣнить это открытіе къ своей теоріи, оказалось много нехорошаго: барышни ничего не значатъ, нужны простыя дѣвки. Барышенъ и у нѣмцевъ немного, и если ихъ перебьютъ, то „нацыя“ далеко не будетъ уничтожена. Должны быть перебиты всѣ безъ исключенія. И опять сомнѣніе закралось въ его сердце. Онъ старался узнать, кто были тѣ двѣ женщины, которыхъ взяли въ плѣнъ казаки,—барышни или простыя дѣвки? Но узнать не удавалось. И сомнѣніе все больше овладѣвало имъ. Надежда, что „вмѣсто Ерманіи останется только пустое мѣсто“, начала уменьшаться.

Одинъ разъ ему повезло: среди убитыхъ была одна женщина. Крѣпкая, здоровая, полногрудая и ужъ никакъ не барышня: широкое лицо, крѣпкія, точно топоромъ рубленыя черты.

Въ эту ночь дядя Митяй спалъ спокойно: не было никакого сомнѣнія, что германцы двинули и женщинъ, слѣдовательно, когда всѣхъ перебьютъ, страна дѣйствительно опустѣетъ, а наши, которые къ тому времени появятся на свѣтъ, о чемъ позаботятся русскія бабы, займутъ всю Германію, и будетъ тогда „не Европа, а Рассея“.

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента).

М. Доманскаго.

VIII. У костела.

Улицъ нѣтъ. Все завалено грудами разбитаго, почернѣвшаго отъ огня и дыма, кирпича. Валяются обломки желѣза, мѣстами цѣлыя желѣзныя балки и листы жести, свернувшіеся, обгорѣлые.

Три дня и три ночи съ воемъ и трескомъ свистало и съ шипѣніемъ бушевало здѣсь море огня. Въ воздухѣ яркими блестящими дугами пролетали пылающія головни, и одинъ за другимъ загорались дома, точно свѣчи, зажигаемыя невидимой рукой: съ грохотомъ обрушивались трехъэтажныя и четырехъэтажныя постройки, заваливая улицы. Сейчасъ отъ трехъ четвертей городка остался огромный жуткій пустырь съ торчащими, уродливо длинными, уродливо тонкими, покрытыми копотью печами.

Я брожу по пожарищу. Иногда изъ-подъ ногъ у меня выбивается дымокъ, и я даже сквозь подошвы ощущаю жаръ, мѣстами фундаментъ дома настолько сохранился, что совершенно легко представить себѣ расположеніе комнатъ. Невольно останавливаешься и задумываешься.

Какъ изумительно безпощадна война! Точно буря, налетаетъ она и сметаетъ все на своемъ пути. Вѣдь здѣсь, въ этихъ сгорѣвшихъ домахъ, жили люди, которые всѣми своими желаніями, всѣми помыслами были далеки отъ войны. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ; въ этихъ обвалившихся стѣнахъ всегда царилъ только мирный трудъ, тихая трудовая жизнь. Но пробилъ часъ, и непрошенная, нежданная гостья-война нагрянула и сюда. Разрушила, исковеркала все, изломала, сожгла и равнодушно умчалась дальше.

— Фу, чортъ! Ну, развѣ можно такъ пугать?

Изъ-за печи совершенно безшумно высовывается вдругъ фигура въ черномъ тонкомъ пальто съ поднятымъ, несмотря на яркій, совершенно лѣтній день, воротникомъ и въ черномъ картузѣ. Безбородое и безусое лицо густо разрисовано мелкими морщинками.

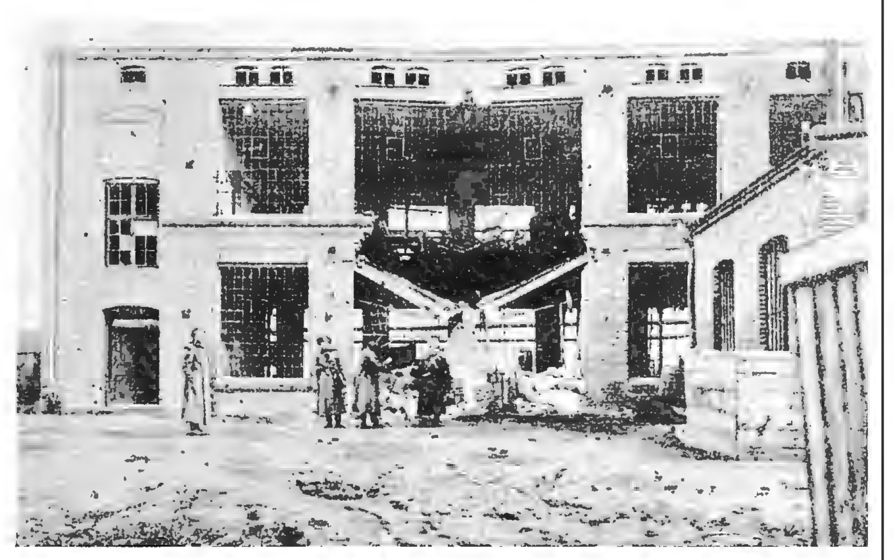
— Изволите-съ осматривать разрушенія? Изумительно! Невѣроятно-съ! Три четверти города превращены въ груды развалинъ. Не повѣрите, какъ это больно-съ! Вѣдь на моихъ глазахъ всѣ эти дома строились, — я здѣсь тридцать седьмой годъ живу, въ казначействѣ должность занимаю! Да-съ!

И, не ожидая моихъ вопросовъ, не спрашивая, согласенъ ли я слушать, старикъ торопливо разсказываетъ:

— Пришли днемъ, часа въ два. „Русскихъ, спрашиваютъ, въ городѣ нѣтъ?“—„Нѣтъ, говоримъ, ушли“. Стали подходить все дальше и дальше. Весь городъ наполнили. И сразу же начали буянить: магазины разбивать, грабить. Ну, а потомъ и загорѣлось. Ужъ такъ горѣло, такъ горѣло, я такого пожара во всю жизнь не запомню!

— Скажите, спрашиваю, гдѣ теперь пріютились обитатели сгорѣвшихъ домовъ?

— Разно-съ! Большая часть уѣхала. Захватили свое добро, что



Фабрика, разрушенная тяжелыми снарядами.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ВѢЧНАЯ СЛАВА

Генералъ-маіоръ. Б. В. Дзержинскій.

Полковникъ П. И. Качинъ.

Подполковникъ князь Н. Р. Химшіевъ.

Подъесаулъ князь Н. А. Амилахвари.

Полковникъ А. Т. Кравченко.

Ротмистръ графъ П. А. Бенкендорфъ.

Капитанъ В. А. Явидъ.

Старшій лейтенантъ А. А. Колчакъ.

Штабсъ-капитанъ В. И. Бородкинъ.

Штабсъ-капитанъ Д. А. Константиновъ.

Поручикъ А. А. Чернушенко.

Поручикъ Вл. П. Звѣревъ.

Капитанъ П. В. Воронцовъ.

Поручикъ П. Г. Мѣсняевъ.

Подпоручикъ Фр. Ив. Беръ.

Поручикъ А. К. Броневичъ.

Поручикъ М. Н. фонъ-Бооль.

Прапорщикъ И. К. Покровскій.

Подпоручикъ Вл. Ан. Бѣлановъ.

Подпоручикъ П. В. Аксеновъ.

Подпоручикъ Мих. Пучковъ.

Подпоручикъ И. И. Тупица.

Прапорщикъ А. С. Погорѣловъ.

Прапорщикъ Б. Н. Богоявленскій.

Прапорщикъ С. В. Туменюкъ.

успѣли изъ огня вытащить, и уѣхали. Которые побѣднѣе, тѣ остались.

— Гдѣ же они здѣсь устроились? Подъ открытымъ небомъ?

— Зачѣмъ же подъ открытымъ небомъ?—снисходительно улыбается мой собесѣдникъ. — Добрые люди пріютили, у которыхъ дома въ цѣлости остались. Впрочемъ-съ, есть и подъ открытымъ небомъ. Вотъ тамъ, возлѣ костела. Только не наши, не здѣшніе, а бѣженцы изъ окрестныхъ деревень. Деревни-то, какъ свѣчки, вотъ ужъ вторую недѣлю вокругъ насъ пылаютъ. Погорѣльцы къ намъ и тянутся. И такъ какъ католическаго они вѣроисповѣданія, то прямо къ костелу направляются. Цѣлый, можно сказать, габоръ тамъ устроили. Чрезвычайно-съ интересно! Вы пройдите, посмотрите, если любопытствуете.

За грудами кирпича и желѣза, за уничтоженными огнемъ кварталами, высится сѣрая громада костела. Направляюсь туда.

Мѣстный костелъ славится на сотню верстъ въ окружности. Славится своей старинной и величиною. Насчетъ старины точно не знаю. Мнѣ говорили, что ему около шестисотъ лѣтъ. А вышина его дѣйствительно выдающаяся. Когда я мчался сюда на автомобилѣ по гладкому и прямому, какъ линейка, шоссе, шоферъ какъ-то повернулся ко мнѣ и крикнулъ:

— Вонъ колокольня Ш-скаго костела. А отсюда до Ш. тридцать верстъ!

Когда городокъ былъ еще въ нашихъ рукахъ и верстахъ въ шести западнѣе его происходилъ бой, нѣмцы, предполагая, что на высокой костельной башнѣ устроенъ наблюдательный пунктъ, засыпали старый костелъ снарядами. Но ни одинъ изъ нихъ не коснулся ни крыши ни стѣнъ величественнаго зданія. Разсыпались только всѣ стекла въ окнахъ, да мѣстами обвалился карнизъ.

Вошли нѣмцы въ городъ, начался пожаръ. Пламя перекидывалось изъ одного квартала въ другой; съ трехъ сторонъ вокругъ костела бушевало огненное море, доходило до высокой костельной ограды, лизало ее, оставивъ коричневые слѣды, но черезъ ограду не перекинулось. И еще выше, еще горделивѣе сталъ древній храмъ среди разрушеннаго, сгорѣвшаго квартала.

— Цудъ Боски *)! Цудъ Боски!—говорилъ народъ.

Неудивительно поэтому, что, когда попавшія въ полосу боевыхъ дѣйствій деревни запылали, ошеломленные, перепуганные до полусмерти огнемъ, трескомъ рвущихся снарядовъ и жужжаніемъ пуль, жители бросились искать спасенія въ высокой башнѣ костела.

Костелъ стоитъ на вершинкѣ небольшой, но съ крутыми скатами возвышенности. Я взбираюсь на крыльцо, и яркая, пестрая картина устроеннаго бѣженцами бивуака разворачивается передо мною, какъ на ладони.

*) Божье чудо.

Въ арміи. „Плотничаютъ“.

Приближаясь къ костелу, огонь, повидимому, слабѣлъ. Поэтому разрушеніе здѣсь не такъ грандіозно. Сгорѣли, провалились крыши домовъ. Но стѣнки цѣлы. И узкія кривыя улички не завалены грудами кирпича, обломками желѣза и кусковъ жести. Сейчасъ онѣ полны народа въ пестрыхъ костюмахъ и поэтому только напоминаютъ кварталы гдѣ-нибудь въ азіатской части Константинополя. Кстати, солнце кладетъ на все яркіе жгучіе блики.

Спускаюсь съ крыльца, выхожу за ограду и ныряю въ одну изъ уличекъ.

Справа у входа въ ..... Когда-то это былъ домъ, сейчасъ остались только четыре закопченныя дымомъ стѣны безъ крыши и даже безъ потолка, съ нѣсколькими отверстіями вмѣсто оконъ и дверей. Но въ этихъ четырехъ стѣнахъ устроено жилое помѣщеніе. Стоятъ кровати, столы, стулья, табуретки; въ печкѣ трещитъ огонь.

На порогѣ три старухи. Одна пьетъ, двѣ другія сидятъ, сложивъ руки на колѣняхъ, разговариваютъ такъ спокойно, такъ мирно, точно ничего не случилось: точно дому, возлѣ котораго онѣ сидятъ, да и всѣмъ домамъ вокругъ и надлежитъ быть безъ крышъ, дверей и оконъ.

— Это вашъ домъ?—останавливаюсь.

— Нѣ, не нашъ!

— А чей же?

— Хозяевъ нема, утекли.

— А вы откуда?

— Я съ Розили, онѣ съ Кибортъ.

— Убѣжали?

— А утекли!

И словоохотливая старуха разсказываетъ одну изъ тѣхъ исторій, которыми такъ богатъ сейчасъ этотъ охваченный пожаромъ войны край.

Ихъ только двое, старикъ и старуха. Были дѣти, перемерли. Одинъ внукъ въ Америкѣ, другой въ солдатахъ на войнѣ. Старики древніе, ей за семьдесятъ, старику всѣ восемьдесятъ. Жили тихо, мирно, смерти дожидались. Какъ вдругъ пришли нѣмцы. Начали буянить, грабить. Старикъ и говоритъ:

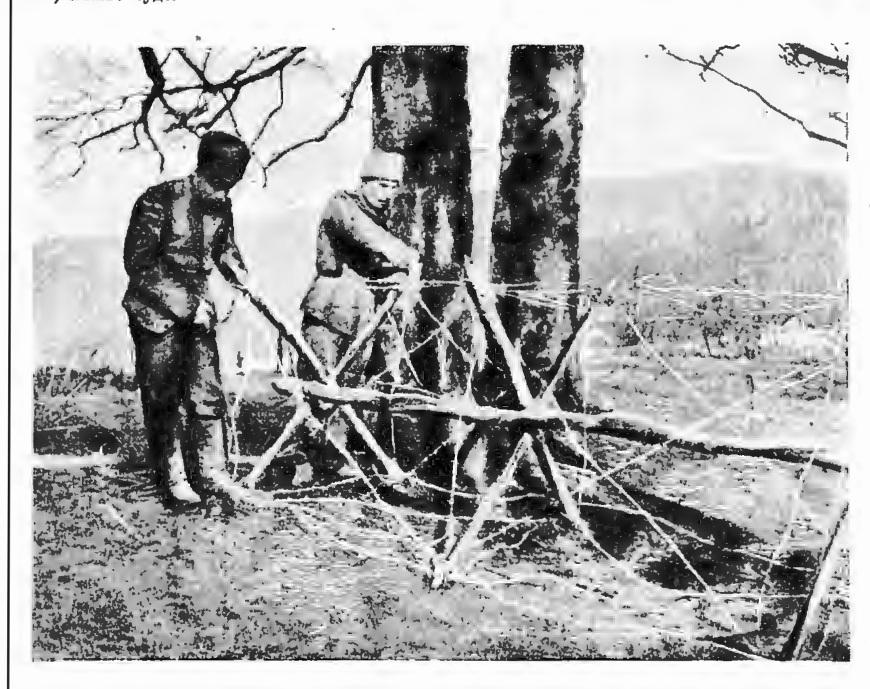
— Плохо дѣло, старуха! Надо въ городъ уходить.

— Не пустятъ теперь нѣмцы! — отвѣчаетъ старуха.

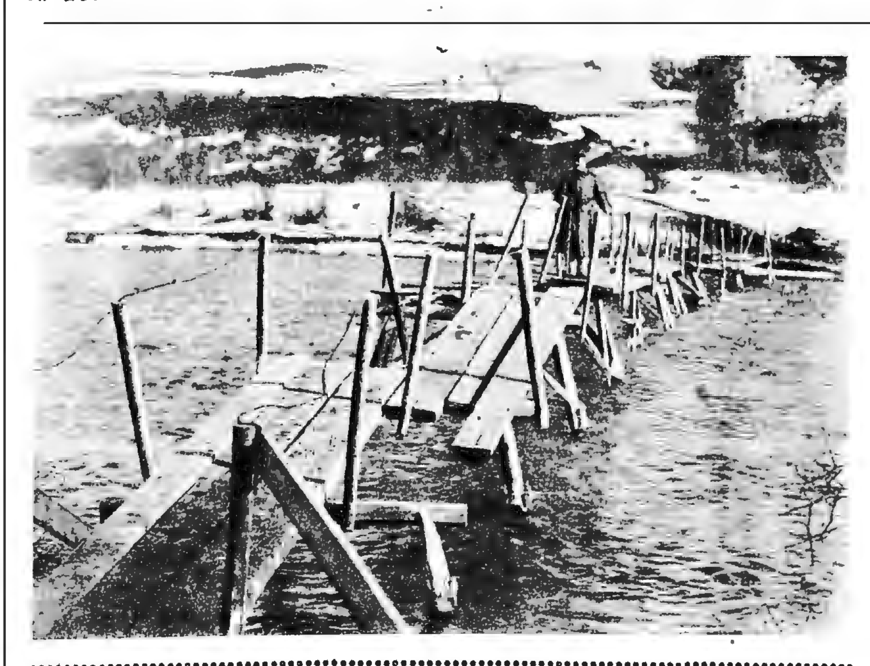
— А мы ночью уйдемъ. Запряжемъ лошаденку да лѣсомъ по болоту и проберемся. Я такую дорожку знаю, что никто насъ не поймаетъ!

Собрали кое-какіе пожитки: вечеромъ, когда стемнѣло, запрягъ старикъ лошадь, пробрались черезъ огороды да по полю на дорогу, поѣхали. Проѣхали верстъ семь благополучно. Вдругъ налетаетъ германскій разъѣздъ. Старуху съ воза долой, а старику приказали обратно ѣхать. Хотѣла старуха остаться со старикомъ, прогнали. Дѣлать нечего, пошла пѣшкомъ. Къ утру до города добрела. И первымъ дѣломъ, конечно, къ костелу, подъ защиту высокой костельной башни.

— А гдѣ же сейчасъ старикъ?—спрашиваю.



Саперы за работой.



пѣшеходный мостъ
черезъ рѣку

Кто жъ его знаетъ? Съ нѣмцами остался. Можетъ, живъ, а можетъ, уже убили!

Говоритъ какъ будто равнодушно. Устала, должно-быть. Семьдесятъ лѣтъ прожить, можно устать. Къ мысли о разлукѣ со своимъ старикомъ, о смерти. уже привыкла. Да и что станутъ нѣмцы дѣлать съ ея старикомъ? Не станутъ же убивать его. Не за что. Прогонятъ нѣмцевъ, и она вернется къ себѣ въ деревню. Такъ что горе ея не такъ ужъ велико, особенно въ сравненіи съ горемъ другихъ.

— Отъ у нея, то бѣда!—киваетъ старуха головой въ сторону.

И только тутъ я замѣчаю въ нѣсколькихъ шагахъ съежившуюся, плотно прижавшуюся къ стѣнѣ женскую фигуру.

Снова слѣдуетъ разсказъ, такой же короткій, такой же простой, но еще болѣе полный холоднаго, жуткаго ужаса.

Въ ту деревню, гдѣ жила эта женщина, явился цѣлый эскадронъ германцевъ. Расположились ночевать. Семерыхъ солдатъ къ ней въ избу поставили. Поужинали, легли спать. Нѣмцы на полу, на соломѣ. А она съ дѣтьми на кровати. Двое дѣтей у нея было. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати и дѣвочка тринадцати.

Легли. Одинъ изъ солдатъ, который по-русски совсѣмъ свободно могъ говорить, спрашиваетъ:

— Хозяйка, а гдѣ твой мужъ?

— На войнѣ сейчасъ! Солдатъ онъ, запасный.

Перевелъ нѣмецъ это своимъ товарищамъ. Тѣ стали шумѣть. Пошумѣли-пошумѣли, говоритъ опять солдатъ хозяйкѣ:

— Разъ, говоритъ, твой мужъ солдатъ, а мы тоже солдаты, значитъ, ты и намъ жена!

И набросились на нее. Сорвали одѣяло, стали срывать рубаху. Дѣти стали кричать. А мальчишка поднялся да какъ ударитъ изо всѣхъ силъ по лицу одного солдата. Тутъ они его схватили, выволокли въ сѣни... Хотѣла мать за нимъ кинуться, не пустили. Слышитъ только, какъ въ сѣняхъ что-то стукнуло, точно упалъ кто-то. И будто застоналъ. Поняла, въ чемъ дѣло, памяти лишилась.

А тутъ стали еще солдаты издѣваться. Сперва надъ нею только надъ одною, а потомъ и на дочку набросились. Не посмотрѣли, что ребенокъ она еще.

До утра безобразничали. Подъ утро запылала вдругъ изба сразу со всѣхъ четырехъ угловъ. Нѣмцы изъ избы вонъ. Хозяйка за ними. Выскочила на дворъ, тутъ только опомнилась.

— Дѣти, кричитъ, мои тамъ остались! Дѣти!

Хочетъ обратно въ избу бѣжать. А солдаты схватили за руки, держатъ крѣпко и будто уговариваютъ:

— Куда ты, милая? Сгоришь! Поздно уже дѣтей спасать!

Дѣйствительно, изба со всѣхъ сторонъ, точно куча хворосту, пылаетъ. Такъ и продержали несчастную женщину, пока крыша не обвалилась. А потомъ сами разошлись по другимъ дворамъ. Понятно, сами они избу подожгли, злодѣйство свое чтобы скрыть. Да что подѣлаешь? Иди, ищи ихъ! Жалуйся! Кому?

Постояла-постояла злосчастная надъ роднымъ пепелищемъ, не заплакала даже, — слезъ не было, и поплелась въ городъ.

— Бо тў,—добавляетъ старуха:—всѣ идутъ! Ту, до этого костела, каждый приходитъ со своимъ горемъ. Такъ дѣлали наши отцы и дѣды. Такъ и мы дѣлаемъ!

Я хожу по узкимъ кривымъ переулкамъ, останавливаюсь, заговариваю и убѣждаюсь, что это дѣйствительно такъ: къ кресту на высокой древней башнѣ костела пришли всѣ, кого неожиданно набѣжавшая волна войны выбила изъ глубокой, годами накатанной жизненной колеи, кого она обожгла, обрызгала кровью.

Вотъ женщина, у которой во время паническаго бѣгства изъ пылающей, разбиваемой озвѣрѣвшими нѣмецкими солдатами, деревни пропали дѣти. Затерялись гдѣ-то по дорогѣ. Несчастная мать бросается рѣшительно къ каждому встрѣчному.

— Може, вы видали моихъ дѣтей? — И, не ожидая отвѣта, бѣжитъ дальше.

А вотъ группа дѣтей, потерявшихъ во время того же бѣгства родителей. Несчастныя малютки прижались другъ къ другу, сидятъ молчаливо и только испуганно озираются.

Подъ обгорѣвшей закопченной стѣной дома, на кожухѣ, разостланномъ на землѣ, лежитъ и тяжело стонетъ глубокій старикъ. Онъ умираетъ. Хворый, обезсилѣвшій, доживалъ свой долгій вѣкъ на печи, откуда не слѣзалъ уже нѣсколько лѣтъ. Пришли нѣмцы, сбросили его съ печи, одинъ даже въ спину толкнулъ такъ, что старикъ едва-едва на ногахъ удержался, а избу подожгли. Всѣ уходили, побрелъ и онъ. Двадцать верстъ трое сутокъ шелъ. Пришелъ и свалился. Умираетъ не въ родной избѣ, не на печи, гдѣ отцы и дѣды умирали, а подъ чужой стѣной, точно бродяга какой-нибудь, точно собака.

Женщина сидитъ и горько плачетъ: мужа и двухъ сыновей-подростковъ нѣмцы въ плѣнъ угнали, къ себѣ, въ Германію. Должно-быть, ужъ и не вернутся они никогда.

Работы по сооруженію моста

Много горя собралось у костела. Такъ много, что костельная башня даже насупилась и посѣрѣла. А когда начинаютъ звонить колокола на ней, кажется, что древняя башня посылаетъ тяжелыя мѣдныя проклятья тѣмъ, кто залилъ этимъ горемъ мирный край.

IX. Сестра Нелли.

— А это сестра Нелли!

Въ голосѣ старшаго врача, который знакомитъ меня съ сестрами X-скаго передового отряда, слышится гордость. Въ то же время на лицѣ его появляется хорошая, ласковая улыбка.

Почему всѣхъ сестеръ онъ называлъ по фамиліямъ, а эту вдругъ:

— Сестра Нелли!

Невольно вглядываюсь внимательнѣе. Возрастъ неопредѣленный. Быть-можетъ, восемнадцать, а, можетъ-быть, и двадцать семь. Немного выше средняго роста, сверхъ мѣры худа. Лицо удивительно хорошее, — до классической красоты далеко, но дѣтски чистое, свѣтлое: большіе сѣро-синіе глаза лучатся тоже, какъ у дѣтей. И въ то же время выраженіе лица сосредоточенное, даже немного грустное.

„Бѣдняжка! Должно-быть, сама больна!—мелькаетъ у меня въ головѣ.—Куда ей работать? Да еще въ передовомъ отрядѣ. Блѣдная, хрупкая, долго ли такой съ ногъ свалиться?"

Въ тотъ же день я узналъ про сестру Нелли изумительныя вещи. Врачъ, знакомя меня съ нею, не даромъ улыбнулся, не даромъ назвалъ ласково просто:

— Сестра Нелли!

Блѣдная, хрупкая дѣвушка всеобщая любимица, гордость отряда.

— Сила воли у нея поразительная!—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ врачей отряда.—Я хорошо знакомъ съ ея семьей. Знаю, что пришлось ей перенести изъ-за своего желанія отправиться на войну. Она ваша, петроградская. Отецъ—чиновникъ, занимаетъ видный постъ: мать—женщина болѣзненная съ истрепанными нервами. На единственную дочку надышаться не могутъ. А она вдругъ:

— Хочу быть сестрой милосердія! Только не здѣсь, не въ Петроградѣ, а тамъ, на передовыхъ позиціяхъ!

Maman, конечно, чуть не въ обморокъ. А отецъ насупился и молчитъ.

Началась борьба. Мать противится, а дочь настаиваетъ. Мать и проситъ, и въ слезы. Но дѣвушка стоитъ на своемъ.

— Не могу! Не могу здѣсь оставаться! Хочу туда.

Иногда при этихъ сценахъ присутствовалъ и отецъ. Но упорно молчалъ. Не выдержала наконецъ мать. Накинулась однажды на него:

— А ты чего молчишь? Отчего ты ея не урезониваешь? Скажи ей, что ея затѣя сумасбродна! Въ девятнадцать лѣтъ да съ ея здоровьемъ—и вдругъ на войну, на передовыя позиціи. Вѣдь это же сумасшествіе!

— Ничуть не сумасшествіе! — отвѣтилъ отецъ.—Для меня желаніе Нелли вполнѣ понятно. Когда вся Россія отъ верховъ до самыхъ низовъ поднялась, когда въ святомъ воодушевленіи десятки тысячъ людей добровольно стремятся въ ряды арміи, жертвуютъ не только своимъ матеріальнымъ благополучіемъ, но и здоровьемъ, жизнью, словомъ, всѣмъ, что у нихъ есть цѣннаго, я, какъ русскій человѣкъ, могу только сказать своей дочери: благослови тебя Богъ на доброе дѣло!

Эта горячая отповѣдь прекратила всѣ споры. Нелли уѣхала на войну.

Почему весь отрядъ гордится ею? Почему всѣ — и врачи, и подруги-сестры, и санитары, и даже обозные зовутъ ее любовно: сестрица Нелли?

А вотъ почему.

Хрупкая, тщедушная дѣвушка оказалась необыкновенно выносливой. Когда послѣ боя сестры и санитары отряда цѣлыми часами бродятъ по мѣсту сраженія, разыскивая раненыхъ, позже всѣхъ возвращается сестра Нелли.

— Сестрица Нелли! — окликаютъ ее. — Пора ворочаться! Ночь уже. И осмотрѣли, кажется, все.

— Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ только за тѣмъ бугоркомъ посмотрю! — отвѣчаетъ дѣвушка. — Вы идите, я васъ догоню.

И бѣжитъ къ бугорку, до котораго добрая полуверста. Бѣжитъ, хотя уже пробѣгала безъ отдыха нѣсколько часовъ, и ослабѣвшія ноги то больно подвертываются на мерзлой пахоти, когда дѣло происходило зимою, то теперь, весною, на добрую четверть вязнутъ въ густой клейкой грязи.

А сколько разъ, вернувшись послѣ этого на пунктъ, сестрѣ Нелли приходилось и приходится проводить всю ночь напролетъ возлѣ раненыхъ! Предыдущую ночь тоже удалось всего часа полтора-два поспать. А весь день въ работѣ, на ногахъ. Случалось нѣсколько разъ, иныя сестры не выдерживали. Свалятся на кучу бѣлья и сразу засыпаютъ каменнымъ сномъ.

Съ сестрой Нелли этого никогда не бывало. Работаетъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ отдохнувшихъ немного сестеръ или изъ врачей силой не уведетъ ее.

— Да поберегите же вы себя хоть немного!

Однажды во время боя въ Ломжинскомъ раіонѣ перевязочный пунктъ отряда попалъ подъ шрапнельный огонь. Думали раньше — такъ, случайно снарядъ залетѣлъ. Но за первымъ разорвался второй, потомъ третій,—начался систематическій обстрѣлъ. Бросились переводить перевязочный пунктъ.

— Сестра Нелли! А вы что же!

— Тутъ еще двое раненыхъ осталось. Унесутъ ихъ, тогда и я уйду!

Такъ послѣдней и ушла.

Тамъ же и приблизительно въ то же время, т.-е., значитъ, въ концѣ февраля, когда послѣ начавшейся было весны вдругъ снова ударили морозы, сестра Нелли, отправившаяся однажды съ двуколками въ передовую линію за ранеными, возвращается на перевязочный пунктъ безъ шубки и даже безъ кожаной куртки. А морозъ въ этотъ день стоялъ градусовъ до двѣнадцати.

— Сестра Нелли! Гдѣ ваша шуба? — набросились на нее подруги и врачъ.

Улыбается и говоритъ:

— Тамъ, на двуколкѣ, одинъ раненый ужасно дрожалъ, такъ я его покрыла курткой и шубкой. Мнѣ ничего. Честное слово, ничего! Я бѣгомъ прибѣжала. Даже жарко стало. Право!

А у самой лицо посинѣло.

Удивительнѣе всего было то, что подобные факты не оказывали ни малѣйшаго вліянія на здоровье Нелли.

По этому поводу старшій врачъ отряда глубокомысленно замѣчалъ:

— Яркій примѣръ побѣды духа надъ тѣломъ!

Неожиданное наступленіе германцевъ на Шавли—Либаву застало отрядъ, въ которомъ работала сестра Нелли, у Россіенъ. Пришлось поспѣшно свернуться и не менѣе поспѣшно отходить. Впрочемъ, особаго труда это не представляло, такъ какъ въ отрядѣ было достаточно автомобилей. Съ сестрой Нелли сѣли одинъ изъ врачей, завѣдывающій хозяйствомъ и два санитара. Двинулись въ путь.

А вокругъ творится нѣчто невообразимое: по дорогѣ плыветъ безпрерывная рѣка бѣженцевъ. Обитатели городковъ, мѣстечекъ, селъ и деревень, захвативъ подвернувшееся подъ руку имущество, обезумѣвъ отъ страха, устремились вслѣдъ за отходившими войсками.

Среди сплошной людской массы двигались и возы, доверху нагруженные пожитками, женщинами и дѣтьми. Но это была рѣдкая роскошь. Большинство бѣженцевъ шло пѣшкомъ съ узлами на спинахъ. Нѣкоторые везли захваченные пожитки въ маленькихъ дѣтскихъ повозкахъ. Женщины шли съ малютками на рукахъ. Дѣти постарше бѣжали, держась за юбки матерей. Плакали, просились на руки или на обгонявшіе ихъ возы: бѣжали вѣдь не версту, не двѣ, а десятки верстъ. Бѣжали поспѣшно, почти не отдыхая, съ ужасомъ оглядываясь назадъ.

Сестра Нелли видѣла все это и волновалась. Наконецъ не выдержала.

— Господа! Посадимте къ себѣ эту женщину. Посмотрите, какое у нея измученное лицо. Шутка ли сказать, двое крошекъ на рукахъ и узелъ на спинѣ!

— Помилосердствуйте, сестрица Нелли!—запротестовалъ завѣдывающій хозяйствомъ.—Куда же намъ ее сажать?

— Голубчикъ! Миленькій! Какъ-нибудь. Посмотрите, она еле идетъ. Я уступлю ей свое мѣсто, а сама стану на подножкѣ!

Взяли женщину съ ребятами, а на подножку перевели санитара. Черезъ четверть часа сестра Нелли упросила взять еще одну женщину съ ребенкомъ, которая сидѣла на обочинѣ дороги и громко причитала:

— Ой, не могу больше итти! Силъ нѣтъ! Ой, люди добрые, помогите!

Потомъ взяли еще двухъ женщинъ. Сестра Нелли первая выскочила изъ автомобиля и заявила, что пойдетъ пѣшкомъ.

— Сестрица, милая, не дурите! — взмолился завѣдывающій хозяйствомъ. —Придется же черепашьимъ аллюромъ подвигаться!

— Ну, такъ что же? Отъ нѣмцевъ уйдемъ, а не все ли равно, шагомъ или не шагомъ? А не помочь этимъ несчастнымъ нельзя. Понимаете ли, нельзя.

Въ результатѣ и сестра Нелли, и докторъ, и завѣдывающій хозяйствомъ, и санитары продолжали путешествіе пѣшкомъ.

Итти пришлось ни болѣе ни менѣе, какъ сорокъ семь верстъ. Но объ утомленіи никто и не заикнулся, такъ какъ сестра Нелли не только бодро шагала впереди, но то и дѣло подходила то къ доктору, то къ долго ворчавшему завѣдывающему хозяйствомъ, то къ санитарамъ и говорила:

— Совсѣмъ не трудно итти! Правда?—и добавляла тише, кивкомъ головы указывая на женщинъ въ автомобилѣ: Имъ тяжелѣе! Онѣ измучены нравственно. Вѣдь это же ужасно, бросить на произволъ судьбы домъ и бѣжать съ дѣтьми, куда глаза глядятъ!

Сейчасъ сестра Нелли работаетъ въ подвижномъ лазаретѣ отряда въ Митавѣ. Старшій врачъ жалуется:

— Бунтуетъ сестрица Нелли! Не хочетъ здѣсь работать. Просится опять на передовыя позиціи, подъ огонь. А я уговариваю отдохнуть немного здѣсь.

— Объясните, пожалуйста, доктору, что еще рано думать объ отдыхѣ!—протестуетъ сестра Нелли.

А я смотрю на нее и думаю:

„Да, милая хрупкая дѣвушка съ лучистыми глазами! Объ отдыхѣ думать рано. Врагъ еще не сломленъ. Врагъ еще силенъ. Будемъ бороться до конца!"

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 22.

Выданъ 25-го іюля 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Метерлинка" кн. 5.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

По поводу необоснованныхъ слуховъ о предательствѣ. Верховнымъ Главнокомандующимъ изданъ 25-го іюня слѣдующій приказъ:

«За время отхода нашихъ армій изъ Галиціи, при участіи нашихъ враговъ, стали усиленно распространяться какъ среди нижнихъ чиновъ, такъ и среди населенія, различные необоснованные слухи объ обнаруженномъ предательствѣ.

«Слухи эти возбуждаются для того, чтобы, пользуясь временно ниспосланнымъ намъ испытаніемъ, подорвать въ арміи и населеніи вѣру въ начальниковъ.

«Когда случай дѣйствительнаго предательства нынѣ казненныхъ государственныхъ преступниковъ—Мясоѣдова, Фрейдберга и Зальцмановъ былъ установленъ, то они были преданы суду и понесли заслуженное наказаніе.

«Точно такъ же будетъ поступлено по всей строгости законовъ военнаго времени и со всѣми тѣми, кто и въ будущемъ будетъ уличенъ въ предательствѣ.

«Въ столь важномъ дѣлѣ Я не допускалъ и не допущу никакихъ послабленій, но предваряю, что на всякое подпольное обвиненіе лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ или только носящихъ нерусскую фамилію и честно несущихъ службу, во славу Царя и Родины, Я буду смотрѣть, какъ на недопустимую попытку внести смуту въ рядахъ нашей доблестной арміи или среди населенія театра военныхъ дѣйствій.

«Съ виновными въ распространеніи подобныхъ ничѣмъ не провѣренныхъ слуховъ, несомнѣнно идущихъ изъ вражескихъ источниковъ, Я повелѣваю поступать съ той же полнотой строгости законовъ военнаго времени.

«Твердо вѣрю, что вѣрные сыны святой Руси, зная, что Я непреклонно стою на стражѣ интересовъ службы Его Величества и не допущу никакихъ послабленій, будутъ спокойно взирать на грядущее и вѣрить, что съ Божьей помощью мы доведемъ свое трудное дѣло до побѣдоноснаго конца, несмотря ни на какія козни нашихъ враговъ.

Подписалъ: Генералъ-Адъютантъ *Николай*».

Новое назначеніе генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго. Увѣнчанный побѣдными лаврами, связавшій навѣки свое славное имя съ блестящими побѣдами нашей арміи надъ австро-германскими арміями и надломившій свои физическія силы въ тяжкихъ отвѣтственныхъ трудахъ полководца, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Рузскій нынѣ настолько оправился отъ болѣзни, что теперь Высочайше назначенъ Главнокомандующимъ арміей на мѣсто генералъ-адъютанта, генерала-отъ-артиллеріи Фанъ-деръ-Флита.

Вся наша доблестная армія, весь нашъ вооруженный народъ съ радостью встрѣтитъ это Монаршее назначеніе на отвѣтственный, активный постъ нашего выдающагося стратега и блестящаго военачальника.

Объявленіе Главнокомандующаго арміей о забастовкахъ. «На поляхъ сраженія, откуда я недавно прибылъ, всѣ безъ изъятія дружно борются противъ сильнаго врага нашего.

«Грустно, что это общее стремленіе побѣдить германца, повидимому, не раздѣляется рабочими нѣкоторыхъ заводовъ въ Петроградѣ, которые прекратили вырабатывать предметы государственной обороны.

«Всякій рабочій долженъ знать и помнить, что каждый часъ его работы увеличиваетъ нашу военную мощь, а каждый часъ бездѣйствія стóитъ многихъ жертвъ.

«Завѣряю рабочихъ своимъ боевымъ опытомъ, что одно извѣстіе о забастовкахъ тяжко ложится на душу нашихъ воиновъ и вселяетъ злобную радость врагу.

«Самовольное прекращеніе работъ въ настоящее время равносильно измѣнѣ отечеству.

«Допустить дальнѣйшую забастовку я не могу, и мною отдано распоряженіе принять рѣшительныя мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка работъ на заводахъ.

Подписалъ: Главнокомандующій генералъ-адъютантъ *Рузскій*».

Всенародное моленіе о побѣдѣ. 8-го іюля въ Царскомъ Селѣ, на площадкѣ передъ Ѳеодоровскимъ Государевымъ соборомъ, куда пришли крестные ходы изъ всѣхъ мѣстныхъ церквей, духовникомъ Ихъ Величествъ соборнѣ съ духовенствомъ церквей Царскаго Села было совершено моленіе о дарованіи нашему воинству побѣды надъ врагами. Въ первомъ часу дня къ собору изволили прибыть Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшими Дочерьми Великими Княжнами Ольгою Николаевною, Татіаною Николаевною, Маріею Николаевною и Анастасіею Николаевною и Великія Княгини Марія Павловна и Викторія Ѳеодоровна. По окончаніи молебствія Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества приложились къ св. Кресту и образу Казанскія Божіей Матери. За крестнымъ ходомъ на обратномъ пути слѣдовали Государь Императоръ, Великія Княгини и Великія Княжны.

8-го іюля на Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Его штаба, частей войскъ и многихъ молящихся былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего Верховный Главнокомандующій обратился къ ввѣреннымъ Ему арміямъ и флоту со слѣдующимъ приказомъ: «Сегодня, въ день празднованія святой иконы Казанской Божіей Матери, по волѣ Государя Императора и распоряженіемъ Святѣйшаго Синода, во всей Россіи вознеслись молитвы къ Пресвятой Богородицѣ да испроситъ Она у Господа побѣды Россійскому Воинству. Глубоко вѣрую, что молитва Царя въ единеніи съ Его народомъ будетъ услышана Господомъ Богомъ. Вся Россія объединилась и слила всѣ свои силы для снабженія арміи всѣмъ необходимымъ для успѣшной борьбы съ врагомъ. Помните, ввѣренные мнѣ Державною Волею Верховнаго Вождя Государя Императора геройскія армія и флотъ: Царь и вся съ Нимъ Россія молитвою и трудомъ помогаютъ намъ. Проникнемся этимъ сознаніемъ и своимъ мужествомъ и новыми подвигами явимъ имъ нашу благодарность. Съ нами Богъ и Его всесильная помощь, а въ насъ вѣра—въ семъ залогъ побѣды».

8-го іюля «Петроградскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ» получены многочисленныя телеграммы со всѣхъ концовъ Имперіи о совершенныхъ подъ

открытымъ небомъ торжественныхъ всенародныхъ молебствіяхъ, сопровождавшихся крестными ходами, о ниспосланіи побѣды надъ врагомъ. На молебствіяхъ присутствовали мѣстныя власти, войска и массы молящихся.

Производство станковъ въ Россіи. Необходимость скорѣйшаго оборудованія многихъ заводовъ для работъ на нужды военнаго вѣдомства поставила на очередь вопросъ о постройкѣ въ Россіи необходимыхъ для этихъ работъ станковъ, такъ какъ имѣющіеся станки не всегда могутъ быть приспособлены для нужной работы и, кромѣ того, ихъ недостаточно.

Въ виду этого, механическій отдѣлъ военно-промышленнаго комитета вошелъ въ соотвѣтствующія сношенія съ машиностроительными заводами Россіи, и въ настоящее время уже имѣются реальные результаты работы машиностроительныхъ заводовъ.

Уже не только путемъ опытовъ окончательно установленъ типъ станковъ, необходимыхъ для работы, и приготовлены модели такихъ станковъ, но три московскихъ машиностроительныхъ завода выпустили нѣсколько готовыхъ станковъ: два завода производили отдѣльныя части, а третій производилъ сборку ихъ.

Какъ сообщаютъ «Бирж. Вѣд.», станки не только вполнѣ удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ, но, будучи спеціально приспособлены къ пріемамъ работы отечественныхъ мастеровъ, являются гораздо лучшими для Россіи, чѣмъ станки, выпускаемые американскими заводами.

Московскіе заводы теперь явятся въ роли учителей постройки станковъ для другихъ отечественныхъ заводовъ.

Закупка хлѣба для арміи. 1-го іюля въ Петроградѣ открылся съѣздъ уполномоченныхъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія по закупкѣ хлѣба для арміи, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и представителей вѣдомствъ.

Всего на съѣздѣ участвовало свыше 100 человѣкъ.

Съѣздъ открылъ статсъ-секретарь А. В. Кривошеинъ, который въ своей рѣчи сказалъ:

«Предъ нами — заготовка продовольствія войскамъ изъ новаго урожая на предстоящій годъ, для борьбы съ врагомъ до полной надъ нимъ побѣды.

«Вступая въ этотъ новый годъ работы, я не могу не отмѣтить, съ глубокою вамъ признательностью, выяснившагося нынѣ успѣха въ использованіи для войны минувшаго урожая».

«Въ теченіе истекшаго времени войны продовольствіе милліонныхъ армій непрерывно обезпечивалось заготовкою, на огромномъ пространствѣ тыла, запасовъ, которые усиленной напряженною работою желѣзнодорожнаго вѣдомства безостановочно подавались войскамъ. Вамъ удалось выполнить всѣ порученія интендантства, купить, набрать въ мѣшки и подвезти къ станціямъ и пристанямъ свыше 270 милліоновъ пудовъ разнаго рода припасовъ, не выйдя изъ рамокъ отпущеннаго на это свыше 300-милліоннаго кредита. Вы сумѣли на тѣ же средства заготовить и значительный запасъ, исчисляемый въ 20 слишкомъ милліоновъ пудовъ, оказавшій уже немаловажную услугу нуждавшемуся въ немъ населенію.

«Сейчасъ мы встрѣчаемъ новый обильный урожай, еще имѣя въ рукахъ запасъ стараго, съ увѣренностью въ полномъ обезпеченіи будущихъ потребностей арміи, что позволяетъ намъ, безъ какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ, спокойно ожидать окончанія уборки хлѣбовъ для новаго скопленія хлѣбныхъ запасовъ на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества.

«Такія условія создаютъ возможность заблаговременно обдумать планъ предстоящей работы и избѣжать въ ней тѣхъ недочетовъ, которые силой вещей наблюдались ранѣе.

«Сельскохозяйственная мощь Россіи ничуть не поколеблена годомъ войны. Земля наша попрежнему полна продовольственныхъ запасовъ и, благодаря милости Божіей, ниспославшей намъ новый, почти повсемѣстно прекрасный урожай, готова выдержать цѣлые годы борьбы безъ малѣйшаго опасенія какого-либо оскудѣнія. Мало того: она можетъ обильно снабжать нужными запасами не только собственную, но и всѣ союзныя съ нами арміи.

«Задача, которую намъ предстоитъ исполнить—дѣло общенародное; войну съ нѣмцами ведетъ теперь уже не одна только наша славная армія: вмѣстѣ съ нею, отдавая ей въ помощь всѣ свои силы,—противъ врага встала вся Россія.

«И въ томъ обиліи продовольствія, какимъ располагаемъ мы въ этой борьбѣ, нельзя не видѣть одного изъ вѣрныхъ залоговъ нашей побѣды.

«Всѣмъ, вѣроятно, памятны недавнія слова блестящаго англійскаго министра о томъ, что въ настоящей міровой войнѣ побѣждающею силою явится не столько численность и военная подготовка армій, сколько совершенство техническаго производства воюющей страны.

«Раздѣляя и продолжая далѣе эту въ существѣ вѣрную, но парадоксально выраженную мысль Ллойда Джорджа, мы скажемъ такъ: при затянувшейся надолго войнѣ, окончательное, рѣшающее слово произнесетъ та страна, которая способна до безконечности питать собственными средствами и свое населеніе и свои арміи, хотя бы эти арміи были умножены безъ числа».

Заживо погребено нѣмцами 3.600 русскихъ (Изъ письма военноплѣннаго въ Германіи). «Обращеніе съ плѣнными звѣрское — толкаютъ кто хочетъ и чѣмъ попало. Начальство поощряетъ, некому жаловаться. Заживо погребено 3.600 человѣкъ. За малѣйшій проступокъ ведутъ на лобное мѣсто, бьютъ воловьими жилами и резинами, а потомъ прикручиваютъ веревками къ столбу. Морятъ голодомъ. Получаемъ въ сутки три четверти фунта хлѣба ржаного со смѣсью картофеля и древесной муки, около одной бутылки супа изъ не совсѣмъ очищеннаго картофеля или кормовой моркови и брюквы, безъ мясной порціи. Чай два раза безъ сахару. Ожидаемъ хуже.

«Люди, у кого нѣтъ денегъ, сильно истощены и часто умираютъ. Я же, благодаря тебѣ и людей, у которыхъ занялъ денегъ, мало испытываю горя. Хотя теперь съ деньгами, но купить нечего; раньше былъ хлѣбъ, а сейчасъ хлѣбная торговля прекращена навсегда. Соль за 1 фунтъ 10 коп., и сельди по 15 коп. штука въ лавкѣ для плѣнныхъ. Что дальше, то все сильнѣй отзывается голодъ во всей странѣ, а на насъ больше. Въ газетахъ то и дѣло, что даютъ указанія, какъ вести экономно продовольствіе, особенно съ хлѣбомъ.

«Всѣ съѣстные продукты конфискованы въ казну и выдаются на каждую семью дачками. Мобилизованы отъ стара до 16 лѣтъ. Въ газетахъ пишутъ (навѣрно врутъ) о побѣдахъ на всѣхъ фронтахъ; почти ежедневно берутъ по нѣсколько тысячъ въ плѣнъ, особенно русскихъ. Ободряютъ и призываютъ жителей на помощь. Обѣщаютъ многое и уповаютъ на побѣду. Намъ сообщаться съ жителями не допускаютъ. Конвойнымъ солдатамъ съ нами запрещено разговаривать подъ строгимъ штрафомъ.

«Газетъ не дозволяютъ намъ, читаемъ украдкой. О своихъ потеряхъ никогда не пишутъ. Будто намѣрены наступать на Ново-Георгіевскую крѣпость по рѣкѣ Вкра (газета отъ 16-го февраля). Отошли это мнѣ скорѣе. Пришли въ посылкѣ хоть кусочекъ русской газеты. Здѣсь изрѣдка засланныя попадаются, и мы жадно читаемъ. Обращаются хуже, чѣмъ китайцы.»

„Гебенъ и Бреслау“. Объ этихъ двухъ когда-то грозныхъ морскихъ гигантахъ, уступленныхъ Германіей Турціи, сообщаетъ интересныя данныя «Русское Слово» на основаніи корреспонденціи газеты «Daily Express». Корреспондентъ этой газеты—американецъ живетъ безпрепятственно въ Константинополѣ.

«11-го іюня, утромъ, я видѣлъ «Бреслау», который возвращался въ Босфоръ послѣ сраженія съ русскими контръ-миноносцами.

«Наканунѣ я прочелъ въ офиціозномъ «Moniteur Officiel Ottoman», что «Бреслау» встрѣтился въ Черномъ морѣ съ русскими судами, потопилъ непріятельскій контръ-миноносецъ, самъ же отдѣлался лишь незначительными поврежденіями.

«Если то, что я видѣлъ, турки называютъ «незначительными поврежденіями», то каковы же должны быть поврежденія значительныя?

«Первая труба «Бреслау» была совершенно снесена русскими снарядами, вторая же стояла въ наклонномъ положеніи, опираясь на третью трубу.

«Носовая часть крейсера была исковеркана, и двѣ огромныхъ пробоины надъ ватерлиніей демонстрировали мѣткость русской стрѣльбы.

«Мнѣ пришлось также видѣть и «Гебенъ», починка котораго тогда оканчивалась. Какъ съ «Бреслау», съ него сняты два самыхъ лучшихъ орудія; они установлены теперь на фортахъ проливовъ. Это сразу наполовину уменьшило боевое значеніе обоихъ судовъ.

«Когда мы осматривали нѣмецкій госпиталь въ Константинополѣ, сопровождавшій меня врачъ-нѣмецъ обратилъ мое вниманіе на одного тяжело раненаго.

«— Вотъ,—сказалъ онъ мнѣ: — послѣдній канониръ изъ первоначальнаго экипажа «Гебена». Когда крейсеръ получилъ серьезныя поврежденія, вся его орудійная прислуга была послана на форты Дарданеллъ для руководства стрѣльбой. Почти всѣ они погибли подъ огнемъ англійской артиллеріи. Да и этотъ послѣдній представитель экипажа «Гебена» врядъ ли выживетъ».

Англійскій морякъ—Георгіевскій кавалеръ. Командиръ одной изъ англійскихъ подводныхъ лодокъ комендеръ (этотъ чинъ соотвѣтствуетъ русскому капитану 2-го ранга) Максъ Хортонъ, потопившій и подорвавшій съ начала войны въ Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ восемь германскихъ судовъ, въ томъ числѣ одинъ линейный корабль типа «Deutschland», награжденъ за свои подвиги орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ Сѣверномъ морѣ комендеромъ Хортонъ потоплены крейсеръ «Гелла» и миноносецъ «S 126».

Въ Балтійскомъ морѣ потоплены миноносецъ «G», два миноносца типа «G» или «U», при чемъ одинъ потопленъ, а другой подорванъ, два транспорта и линейный корабль типа «Deutschland».

Годовщина независимости Бельгіи. Голландскія газеты сообщаютъ, что во всей Бельгіи была отпразднована годовщина независимости. Всѣ усилія германскихъ властей съ намѣстникомъ кайзера барономъ фонъ-Биссингомъ во главѣ оказались напрасными: населеніе Бельгіи 21-го іюля — въ день 84-ой годовщины восшествія на престолъ перваго бельгійскаго короля Леопольда I, — проявило всю свою беззавѣтную преданность героическому королю Альберту.

Въ этотъ день во всей Бельгіи всѣ магазины были закрыты. Повсюду развѣвались черные флаги и видѣлись другіе траурные символы. Брюссельскому муниципалитету удалось послать королю Альберту привѣтственную телеграмму отъ имени всѣхъ бельгійскихъ городовъ. Телеграмма была составлена въ весьма горячихъ выраженіяхъ. Въ ней еще разъ засвидѣтельствована была нерасторжимость узъ, связующихъ бельгійскаго короля съ его народомъ.

Корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» сообщаетъ со словъ офиціознаго агентства Вольфа, что въ этотъ день въ Брюсселѣ состоялась грандіозная демонстрація. Огромныя толпы народа собрались на площади Баррикадъ и на площади Мучениковъ, гдѣ стоитъ памятникъ бельгійскимъ патріотамъ, погибшимъ въ 1830 году въ бояхъ за независимость Бельгіи. Германское агентство дипломатически умалчиваетъ о тѣхъ кровавыхъ репрессіяхъ, которыя, по полученнымъ здѣсь свѣдѣніямъ, баронъ фонъ-Биссингъ приказалъ примѣнить къ демонстрантамъ. Въ сообщеніи говорится лишь о многочисленныхъ арестахъ, произведенныхъ въ этотъ день въ Брюсселѣ, и о послѣдовавшемъ по приказанію Биссинга въ 8 часовъ вечера закрытіи всѣхъ театровъ, клубовъ и другихъ публичныхъ мѣстъ.

Воззваніе Рузвельта. Бывшій президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Теодоръ Рузвельтъ опубликовалъ воззваніе къ американскому народу, въ которомъ онъ заявляетъ, что нерѣшительность С.-А. С. Штатовъ, послѣ такого ужаснаго преступленія, какъ потопленіе «Лузитаніи», заслуживетъ еще большаго презрѣнія, чѣмъ само преступленіе. Рузвельтъ считаетъ позорнымъ робкій нейтралитетъ С.-А. С. Штатовъ и заклинаетъ американскій народъ порвать съ политикой мира во что бы то ни стало.

Метерлинкъ о Польшѣ. Знаменитый бельгійскій драматургъ Морисъ Метерлинкъ выпустилъ слѣдующее обращеніе къ польскому народу:

«Къ Польшѣ!

«Отъ имени всей Бельгіи отдаю дань восхищенія народу-мученику, народу-страдальцу.

«Изъ всѣхъ народовъ, вовлеченныхъ въ эту ужасную, кровопролитную войну, больше всего страдаютъ поляки и бельгійцы. И надо прибавить, что они страдаютъ совершенно несправедливо! Оба они сдѣлались жертвой своего благородства, своего великодушія!

«Польша и Бельгія какъ въ несчастьѣ, такъ и въ славѣ, раздѣляютъ одну и ту же участь: одна, всецѣло отдавшись святому порыву благородства, дала желѣзный отпоръ стремительному натиску варваровъ и оказала, быть-можетъ, этимъ неоцѣнимую услугу будущему Европы; другая, ея старшая сестра по долготерпѣнію и мужеству, на протяженіи долгихъ вѣковъ неоднократно жертвовала собою во имя прошлаго. Да живутъ онѣ обѣ вѣчно въ памяти людской!

«Невзирая на кровавыя событія, разыгравшіяся на ихъ землѣ, невзирая на выпавшія на ихъ долю несчастья, обѣ эти страны смотрятъ въ будущее съ одной и той же несокрушимой вѣрой.

«Сейчасъ онѣ обѣ лежатъ въ развалинахъ, и въ настоящемъ у нихъ нѣтъ ничего. Но мы, ихъ вѣрные сыны, мы, которые знаемъ ихъ такъ, какъ только сыновья могутъ знать свою мать, мы никогда еще не жили такой полной жизнью, никогда еще не чувствовали себя на такой недосягаемой высотѣ, какъ теперь!

«Давъ міру рѣдкій примѣръ самоотверженности и героизма, Польша и Бельгія дали ему также весьма цѣнный, весьма поучительный урокъ. Онѣ показали всѣмъ, что несчастья безсильны сокрушить вѣру, что ничто не потеряно, пока не утеряна вѣра, пока высоко держишь голову и не падаешь духомъ, и что злая сила никогда не возьметъ верха надъ любовью и свѣтомъ, ведущимъ человѣчество на вершины, очертанія которыхъ уже начинаютъ вырисовываться на горизонтѣ».

Манифестація 400.000 англійскихъ женщинъ. Въ Лондонѣ была устроена манифестація 400.000 англійскихъ женщинъ. Среди нихъ была масса суффражистокъ, несшихъ знамена, на которыхъ были краснорѣчивыя надписи: «Наше право дѣлать снаряды. Британія нуждается въ помощи всѣхъ своихъ дѣтей». «Снарядъ, сдѣланный женой, можетъ спасти мужа». «Мужчины нужны на фронтѣ, а женщины хотятъ занять мѣсто рабочихъ».

Четыреста тысячъ женщинъ разныхъ положеній и возрастовъ, шествовавшихъ по улицамъ Лондона, несомнѣнно, представляли грандіозное, захватывающее зрѣлище. Это было не шумное сборище возбужденныхъ суффражистокъ. Колыхалось необъятное море гражданъ, преисполненныхъ патріотическихъ чувствъ—только гражданъ женскаго пола. Эти граждане-женщины не требовали себѣ правъ,—онѣ требовали только обязанностей. Англійская женщина взывала о предоставленіи ей возможности оказывать странѣ активное содѣйствіе. На знамени своемъ она начертала: «Снарядъ, сдѣланный женой, можетъ спасти мужа».

Сейчасъ, когда мужская половина человѣческаго рода на поляхъ сраженій, женщина ощутила неотложный долгъ принять и на себя бремя общихъ достиженій. Вѣдь и она наравнѣ съ мужчиной будетъ пользоваться плодами побѣды,—значитъ, и она должна нести жертвы. При этомъ женщина не хочетъ удовольствоваться ролью утѣшителя, сидѣлки и врачевателя,—въ «фабрикѣ побѣды» она хочетъ стоять въ первыхъ рядахъ, въ рядахъ молотобойцевъ, кующихъ счастье родины. Если не смерть на поляхъ наравнѣ съ мужчиной, то хоть трудъ наравнѣ съ нимъ, за общимъ станкомъ.

Ллойдъ Джорджъ въ своей рѣчи манифестанткамъ указалъ, что уже сейчасъ 50 тысячъ англійскихъ женщинъ работаютъ на разныхъ заводахъ, изготовляющихъ боевые припасы, работаютъ такъ же, какъ и мужчина, получая одинаковое съ нимъ вознагражденіе. Если 50 тысячъ женщинъ, то въ будущемъ возможны милліонные кадры женской трудовой арміи.

«Нынѣшняя борьба народовъ,—правильно замѣчаютъ «Бирж. Вѣд.»,—разрѣшитъ много вопросовъ первостепенной общественной важности. Въ томъ числѣ, весьма вѣроятно, и женскій, въ частности, суффражистскій — въ Англіи. Женщина заслужила свои права въ полной мѣрѣ, ибо въ полной же мѣрѣ несла посильныя обязанности гражданина въ наиболѣе отвѣтственный историческій моментъ».

Конецъ послѣднему германскому пирату въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ. Вѣсть о приведеніи въ полную негодность двумя англійскими мониторами германскаго крейсера «Кенигсбергъ» возвращаетъ насъ къ временамъ хозяйничанья «Эмдена» и другихъ германскихъ пиратовъ въ водахъ Тихаго и Индійскаго океановъ. «Эмденъ» былъ потопленъ англичанами 27-го октября вблизи Малакскаго полуострова. «Кенигсбергъ» былъ обнаруженъ и обезвреженъ англійскими моряками еще 17-го октября.

Честь отысканія «Кенигсберга» принадлежитъ англійскому крейсеру «Чатамъ». Ведя наблюденіе за африканскимъ побережьемъ, и, въ частности, за полосой германской юго-восточной Африки, выходящей къ Индійскому океану, «Чатамъ» замѣтилъ здѣсь нѣсколько къ югу отъ Занзибара, у острова Маорія, германскій крейсеръ «Кенигсбергъ». Послѣдній, увидѣвъ непріятеля, круто повернулъ къ берегу, по направленію къ устью рѣки Руфиджи, приходящемуся какъ разъ противъ острова Маорія.

Рѣка эта представляла для «Кенигсберга» надежную защиту. «Чатаму», съ его водоизмѣщеніемъ въ 5.700 тоннъ, невозможно было слѣдовать далеко вверхъ по рѣкѣ за «Кенигсбергомъ» — судномъ, имѣющимъ водоизмѣщеніе всего въ 3.400 тоннъ. Съ другой стороны, дельта Руфиджи, образуемая двѣнадцатью рукавами, обнимающая площадь въ 60 верстъ и густо заросшая непроходимымъ пальмовымъ лѣсомъ,—джунглями, — затрудняла возможность обстрѣла «Кенигсберга» съ дальнихъ разстояній. Въ этихъ условіяхъ «Чатаму» только и оставалось, что преградить «Кенигсбергу» всѣ выходы изъ Руфиджи въ океанъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи можно было принять радикальныя мѣры для выведенія изъ строя этого германскаго крейсера. Съ этой цѣлью «Чатамомъ», оставшимся у устья Руфиджи для караруливанія «Кенигсберга», вызваны были угольщики, прибывшіе черезъ десять дней и затопленные англичанами на всѣхъ путяхъ, выводящихъ изъ Руфиджи въ океанъ.

Прошло семь долгихъ мѣсяцевъ прежде, чѣмъ англичане рѣшили вновь взяться за «Кенигсбергъ». На этотъ разъ въ восточную германскую Африку посланы были мониторы, т.-е. мелко сидящія, но хорошо вооруженныя суда. На подмогу имъ даны были аэропланы, на которые возложена была задача направлять огонь судовой артиллеріи. Такимъ образомъ у современной техники оказались достаточныя средства для борьбы даже съ такими непредвидѣнными обстоятельствами, какъ первобытныя, непроходимыя заросли. Неуязвимые для «Кенигсберга», вслѣдствіе малыхъ своихъ размѣровъ и отсутствія у германцевъ воздушныхъ аппаратовъ, мониторы «Севернъ» и «Мерсей» вступили съ «Кенигсбергомъ» въ рѣшительный бой.

Первая схватка, имѣвшая мѣсто 21-го іюня, длилась 6 часовъ и закончилась приведеніемъ въ полную негодность всѣхъ 18 орудій «Кенигсберга». Нужно отдать справедливость командѣ этого крейсера. Она защищалась очень мужественно и не прекращала сопротивленія даже тогда, когда изъ всѣхъ орудій крейсера боеспособность сохранило только одно.

Раздѣлавшись съ артиллеріей «Кенигсберга», англійскіе мониторы ушли возобновить свои запасы снарядовъ, произвести необходимый, послѣ шестичасовой стрѣльбы, ремонтъ и затѣмъ черезъ семь дней они вновь ушли въ Руфиджи на этотъ разъ ужъ для того, чтобы окончательно добить «Кенигсбергъ». Снова отерытые съ мониторовъ интенсивнѣйшимъ огнемъ крейсеръ этотъ былъ совершенно разрушенъ. Такимъ образомъ вслѣдъ за «Эмденомъ», пущеннымъ ко дну у Пенанга, вслѣдъ за «Шарнгорстомъ», «Гнейзенау», «Лейпцигомъ» и «Дрезденомъ» нашелъ свою гибель и послѣдній германскій корабль, въ свое время причинявшій союзникамъ не мало безпокойства въ далекихъ водахъ Индійскаго и Тихаго океановъ.

«Кенигсбергъ» принадлежалъ къ типу бронированныхъ судовъ. Водоизмѣщеніе его равно было 3.400 тоннъ. Онъ былъ построенъ въ Килѣ въ 1905 году, снаряженіе же его было закончено только въ 1907 году. Скорость хода «Кенигсберга» равнялась 42 верстамъ въ часъ. Изъ 18 орудій этого крейсера 10 были четырехдюймовыя и 8 — двухдюймовыя. Кромѣ того, на «Кенигсбергѣ» было четыре минныхъ аппарата. Машины этого крейсера развивали 12 тысячъ индикаторныхъ силъ. Въ длину онъ имѣлъ 108 метровъ, въ ширину—13,2 метра, въ водѣ же сидѣлъ на глубинѣ въ 4,8 метра. Команды на «Кенигсбергѣ» было 309 человѣкъ, изъ нихъ офицеровъ—27 человѣкъ.

2.000 новыхъ русскихъ врачей. Министръ народнаго просвѣщенія графъ П. Н. Игнатьевъ представилъ слѣдующія свѣдѣнія о мѣрахъ, принятыхъ къ увеличенію въ ближайшее время врачебнаго персонала какъ для нуждъ дѣйствующихъ армій, такъ и для нуждъ гражданскаго населенія Имперіи.

Во всѣхъ университетахъ и въ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ путемъ усиленныхъ занятій со студентами и слушательницами, перешедшими осенью 1914 г. на пятый курсъ, занятія на этомъ курсѣ были закончены въ теченіе осенняго полугодія 1914 г., и къ 15-му ноября всѣ студенты, обязанные военной службой, до 1.200 человѣкъ, были призваны въ качествѣ зауряд-врачей перваго разряда. Затѣмъ для остальныхъ студентовъ, обязанныхъ военной службой, а также для слушателей докторовъ медицины иностранныхъ университетовъ и бывшихъ студентовъ послѣдняго курса иностранныхъ учебныхъ заведеній, министерствомъ образованы медицинскія комиссіи для производства испытаній на степени лѣкарей при всѣхъ, за исключеніемъ Варшавскаго, университетахъ, дѣйствующія съ 15-го января по 1-е мая и съ 1-го мая по 15-е іюня. Въ этихъ комиссіяхъ, по предварительнымъ даннымъ, будетъ подвергаться испытаніяхъ слѣдующее количество лицъ: около 120 студентовъ, получившихъ выпускныя свидѣтельства отъ университетовъ и не призванныхъ въ качествѣ зауряд-врачей, 1.150 слушательницъ высшихъ женскихъ медицинскихъ учебныхъ заведеній и около 800 лицъ, получившихъ медицинское образованіе за границей. Изъ этого числа около 1.300 человѣкъ могутъ закончить испытанія къ 1-му мая, а остальные — къ 15-му іюня 1915 года.

Приводя эти данныя, «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что къ 15-му іюня будетъ выпущено до двухъ тысячъ врачей съ законченнымъ медицинскимъ образованіемъ. Затѣмъ намѣчены дальнѣйшія мѣры, при чемъ получится слѣдующій контингентъ лицъ, подготовленныхъ для борьбы съ эпидеміями какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и внутри имперіи: около 2.000 врачей съ законченнымъ медицинскимъ образованіемъ, около 1.500 зауряд-врачей и студентовъ 8-го семестра со спеціальной подготовкой, около 1.100 слушателей 8-го семестра съ законченнымъ образованіемъ въ объемѣ 4-хъ курсовъ медицинскаго факультета и со спеціальной подготовкой для борьбы съ эпидеміями, около 3.000 студентовъ и слушателей 3-го курса, пригодныхъ для несенія санитарной службы въ качествѣ помощниковъ врачей, а всего около 7.500.

Король и солдатка. Испанскій король Альфонсъ XIII извѣстенъ своей простотой и доступностью. Къ ряду фактовъ его исключительной общительности со своими подданными и иностранцами газеты прибавили еще одинъ характерный случай.

Французскій солдатъ, уроженецъ Бордо, былъ раненъ въ битвѣ при Шарлеруа 28-го августа прошлаго года. Съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуху ни духу. Жена его, принимавшая всѣ мѣры къ разысканію мужа, въ концѣ концовъ впала въ отчаяніе.

Въ порывѣ отчаянія она рѣшилась обратиться съ письмомъ къ испанскому королю, какъ къ нейтральному монарху, съ просьбой узнать, что сталось съ ея мужемъ. Уже на слѣдующій день бѣдная женщина перестала вѣрить въ цѣлесообразность своей попытки.

Но прошло еще нѣсколько дней, и она получила отъ короля отвѣтъ. Король писалъ, что сдѣлаетъ все, что въ его силахъ. И онъ сдержалъ слово.

Нѣсколько дней тому назадъ солдатка получила отъ короля Альфонса собственноручное письмо. Король сообщилъ ей, что ея мужъ живъ и находится въ плѣну въ Германіи. «Ему не разрѣшаютъ писать, но, — добавляетъ король,—я принимаю всѣ мѣры, чтобы ему позволили написать вамъ нѣсколько словъ».

Нѣмецкая предусмотрительность. Какъ передаетъ «Уссур. Кр.», въ Никольскѣ, въ вагонѣ-теплушкѣ, въ которомъ привезли военноплѣнныхъ, было найдено на стѣнѣ слѣдующее объявленіе на нѣмецкомъ языкѣ:

«Предупреждаемъ своихъ коллегъ, что китайское населеніе въ полосѣ русской дороги въ Маньчжуріи крайне враждебно и дико и всѣ попытки къ побѣгу нашихъ товарищей закончились или голодной смертью въ степяхъ Маньчжуріи, или же мы были выданы населеніемъ русскимъ властямъ».

Дальше идетъ наставленіе, какъ и гдѣ на станціяхъ нужно разыскивать кипятокъ, съѣстныя лавочки, и названія по-русски продуктовъ.

Лордъ-рабочій. Представитель знатнѣйшей и богатѣйшей фамиліи въ Англіи, лордъ Норбюри, покинулъ свой великолѣпный замокъ и переселился поблизости аэропланной фабрики Бетфлитъ. Здѣсь онъ работаетъ 54 часа въ недѣлю, съ платой по 7 коп. въ часъ.

Лордъ Норбюри полагаетъ, что во время войны каждый человѣкъ долженъ думать лишь о томъ, чтобы поработать на военныя нужды родины. Онъ слишкомъ старъ, чтобы итти на войну, но онъ еще въ силахъ работать и взялся за фабричный трудъ.

Онъ живетъ теперь въ маленькой комнатѣ, приходитъ на работу къ 6-ти часамъ утра, какъ и всѣ рабочіе, среди которыхъ онъ пользуется общимъ уваженіемъ.

— Какъ ни мала и ни ничтожна моя работа,—говоритъ онъ,—но я счастливъ, что исполняю ее. Во что бы то ни стало наше общее національное дѣло нужно дѣлать быстро, безъ малѣйшихъ промедленій.

№ 30. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 25 іюля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка" кн. 5.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Сраженіе между Вислой, Бугомъ и Прибалтикой.

Южная группа Макензена, подойдя къ линіи Люблинъ—Холмъ, оказалась не въ состояніи продвинуться дальше. Слѣдовательно, эта группа, которая только-что „отдыхала" и „чинилась" въ теченіе полутора недѣль въ разстояніи полутора переходовъ отъ Люблина—Холма, смогла сдѣлать только одинъ переходъ.

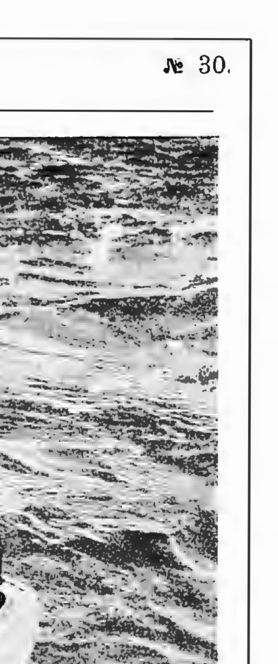
Такимъ образомъ стало ясно, что, если арміи Макензена отдыхали на разстояніи полутора переходовъ отъ линіи Люблинъ—Холмъ въ теченіе полутора недѣль, то не столько потому, что имъ нужно было „отдохнуть" и „починиться" послѣ Галиційскаго наступленія, сколько потому, что имъ нужно было что-то выждать.

Если бы эти арміи отдыхали полторы недѣли для того, чтобы „починиться" и „поправиться", онѣ бы, понятно, послѣ этого предприняли какое-нибудь длительное наступленіе, а между тѣмъ онѣ прошли только около перехода и снова остановились. Ясно, что онѣ чего-то выжидали.

Скоро это обнаружилось, и оказалось, что онѣ ожидали развитія сѣвернаго наступленія на Наревѣ и въ Прибалтикѣ. Очевидно, Макензенъ не хотѣлъ „отталкивать" наши арміи къ сѣверу, ибо тогда на сѣверѣ, гдѣ-нибудь вблизи Нарева, могло бы собраться много войскъ, которыя помѣшали бы нѣмцамъ переправиться черезъ Наревъ.

Какъ извѣстно, сѣверная операція противника задерживалась длинной оборонительной линіей рѣкъ Нѣмана, Бобра и Нарева. Чтобы одолѣть эту водную линію, противникъ, если вспомнить, въ свое время пытался переправиться то черезъ Нѣманъ, то черезъ Бобръ у Осовца. Эти попытки показали ему, что переправа черезъ Нѣманъ крайне трудна, и одинаково трудна переправа черезъ Бобръ, гдѣ нѣмцы неоднократно разбивались у Осовца.

Привалъ. Рота на отдыхѣ.



Переговоры по телефону съ подводной лодкой. (Итальянскій флотъ).

Поэтому нѣмцы, затѣвая сѣверную операцію, предприняли попытку на этотъ разъ попробовать переправиться черезъ Наревъ.

Послѣ ряда боевъ съ нашими войсками, нѣмцы, подойдя къ Нареву, произвели рядъ демонстративныхъ наступленій у Остроленки, у Рожанъ, у Пултуска и у Новогеоргіевска. Тѣмъ не менѣе наши сообщенія сразу стали отмѣчать особенную интенсивность нѣмецкихъ атакъ у Рожанъ, этимъ сразу подчеркивая, что, невзирая на демонстрацію, нѣмцы намѣрены переправиться именно въ этомъ пунктѣ. Дѣйствительно, противнику, къ сожалѣнію, удалось переправиться черезъ Наревъ въ двухъ мѣстахъ: у Рожанъ и у Пултуска.

Изъ этихъ пунктовъ Пултускъ находится ближе къ Вислѣ, а Рожаны дальше. Поэтому, вѣроятно, именно Пултуская группа нѣмцевъ и стала стремиться къ Варшавѣ, но на пути ея лежала другая преграда — Западный Бугъ, черезъ который надо было снова переправляться подъ огнемъ и контръ-атакой нашихъ войскъ.

Въ то же время группа, переправившаяся черезъ Наревъ дальше отъ Вислы у Рожанъ, стала вести наступленіе, какъ бы намѣчая движеніе къ Бресту.

Такимъ образомъ переправившіеся черезъ Наревъ нѣмцы, очевидно, стремились главнымъ образомъ къ Бресту, надѣясь гдѣ-нибудь около него соединиться съ наступающимъ съ юга Макензеномъ, и лишь небольшая часть выполняла второстепенную задачу, стремясь отъ Пултуска къ Бугу, въ надеждѣ достигнуть Варшавы.

Вполнѣ ясно, что главнымъ движеніемъ было, конечно, не стремленіе Пултуской группы къ Бугу и къ Варшавѣ, а стремленіе Рожанской группы, направленное на пути къ Бресту, на соединеніе съ Макензеномъ.

Изъ этого можно видѣть, что Наревская группа имѣла задачей итти на пересѣченіе путей, ведущихъ отъ Варшавы, при помощи движенія вдоль Буга къ Бресту.

Одновременно съ этимъ Прибалтійская группа противника, во главѣ которой, какъ оказалось, стоялъ генералъ Беловъ, начала наступленіе отъ Либавы, мимо Виндавы, и далѣе къ Митавѣ. Однако, дойдя на разстояніе полуперехода до Митавы, Беловъ пріостановился и не рискнулъ двигаться далѣе въ болотисто-озерный Митавско-Рижскій районъ. Вмѣсто этого Беловъ повернулъ къ югу, вѣрнѣе, къ юго-востоку. Въ силу этого, Прибалтійская масса нѣмцевъ стала наступать на Поневѣжъ и Кейданы и, дойдя до этихъ пунктовъ, заняла фронтъ, параллельный магистрали Двинскъ- Вильна, въ разстояніи, примѣрно, 100 верстъ отъ нея.

Въ составъ Прибалтійской группы Белова входило ранѣе четыре пѣхотныхъ и четыре кавалерійскихъ корпуса, а затѣмъ шесть пѣхотныхъ и четыре кавалерійскихъ корпуса. Наличіе въ арміи генерала Белова такого громаднаго количества конницы, какъ четыре кавалерійскихъ корпуса, т.-е. 30 - 40 тысячъ всадниковъ, давало основаніе предполагать, что противникъ спеціально взялъ эту конницу для кавалерійскихъ набѣговъ или рейдовъ на желѣзныя дороги, преимущественно же на магистраль Двинскъ-- Вильна.

Наличіе же въ составѣ арміи генерала Белова шести пѣхотныхъ корпусовъ показывало, что Прибалтійская группа нѣмцевъ имѣетъ и другую, болѣе серьезную задачу. Задача эта оказалась очень хитроумной.

Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, у нѣмцевъ имѣлась весьма выгодная стратегическая территорія—Восточная Пруссія. Повторимъ также, что главное свойство этой территоріи было то, что Восточная Пруссія, вдаваясь выступомъ въ наши владѣнія, охватывала Царство Польское. Слѣдовательно, стоило германскимъ войскамъ только расположиться въ Восточной Пруссіи, какъ они уже этимъ охватывали наше расположеніе въ Царствѣ Польскомъ, на такъ называемомъ „передовомъ театрѣ". Когда Завислинская Польша была занята противникомъ и онъ еще намѣчалъ занятіе Варшавскаго района, то, очевидно, стратегическая роль Восточной Пруссіи должна была съ этимъ и окончиться: Восточная Пруссія уже сравнивалась бы съ занятыми нѣмцами территоріями Польши и, слѣдовательно, переставала бы уже быть выступомъ, переставала бы охватывать наше расположеніе.

Поэтому противникомъ и было задумано Прибалтійское наступленіе, чтобы, занявъ Прибалтику, имѣть новый выступъ, который бы охватывалъ слѣдующій театръ, а именно театръ къ востоку отъ Вислы. Отсюда выходитъ, что Прибалтика должна была быть для нѣмцевъ новымъ выступомъ, вдающимся въ нашу территорію, „новой Восточной Пруссіей", которая бы снова охватывала наше расположеніе уже къ востоку отъ Вислы и, слѣдовательно, снова бы насъ стѣсняла.

Дѣйствительно, когда Наревская группа нѣмцевъ, переправившись черезъ рѣку, стала выказывать намѣреніе двигаться къ Бресту на соединеніе съ Макензеномъ, генералъ Беловъ сталъ приготовлять новый охватъ изъ „новой Восточной Пруссіи"—изъ Прибалтики, стремясь къ магистрали Вильна—Двинскъ.

Такимъ образомъ противникомъ намѣчался планъ двухъ охватовъ: одинъ изъ Восточной Пруссіи черезъ Наревъ къ Бресту, а другой - болѣе глубокій — отъ Прибалтики къ магистрали Двинскъ Вильна.

Это развитіе сѣверной операціи представлялось до нѣкоторой степени страннымъ, такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, гораздо болѣе значительныя силы противника находились на югѣ у Макензена, и именно оттуда слѣдовало ожидать главнаго натиска. Въ силу этого, невзирая на развитіе сѣверной операціи, наиболѣе важнымъ продолжали считать южное наступленіе Макензена къ линіи Люблинъ—Холмъ и, какъ Макензенъ, очевидно, разсчитывалъ далѣе, къ линіи Ивангородъ—Брестъ.

Однако, невзирая на то, что наиболѣе значительныя силы противника были на югѣ, у Макензена, нѣкоторыя данныя опредѣленно указывали на серьезное значеніе не столько южнаго, сколько сѣвернаго наступленія. Какъ извѣстно, прежде всего пути отъ Варшавы идутъ къ сѣверо-востоку, и, слѣдовательно, для сѣверной группы нѣмцевъ они ближе, чѣмъ для южной группы Макензена. Затѣмъ въ сѣверной операціи участвовали сплошь одни нѣмцы, а въ южной главная масса состояла изъ австрійцевъ, и поэтому болѣе вѣроятнымъ было предположить, что главная опе-

рація поручена сѣверной группѣ, какъ состоящей изъ однихъ нѣмцевъ.

Далѣе, у сѣверной группы нѣмцевъ база была тутъ же—въ Восточной Пруссіи, тогда какъ у южной база была очень далеко -въ Краковѣ и въ Силезіи. Затѣмъ, у сѣверной группы нѣмцевъ были въ тылу желѣзныя дороги Восточной Пруссіи, а у южной группы Макензена была въ тылу бездорожная часть Люблинской и Холмской губерній. Наконецъ, самое главное, на югѣ Макензенъ былъ стѣсненъ съ одной стороны Вислой, а съ другой стороны Пинскими болотами и поэтому не могъ обходить, а долженъ былъ стремиться „прорывать", что, конечно, труднѣе. Въ то же время у сѣверной операціи былъ уже готовый обходъ, въ видѣ движенія изъ охватывающей нашу территорію Восточной Пруссіи, и намѣчался новый охватъ, въ видѣ занятія охватывающаго положенія въ Прибалтикѣ по отношенію къ тылу нашего передового театра. Слѣдовательно, на сѣверѣ Восточная Пруссія давала охватывающее положеніе по отношенію къ нашему передовому театру, а Прибалтика давала охватывающее положеніе по отношенію къ тылу передового театра.

Поэтому-то сѣверная операція представлялась исключительно важной и первостепенной по сравненію съ южной. Поэтому также и былъ назначенъ для руководства сѣверной операціей Беловъ, какъ „спеціалистъ по обходамъ", ибо этотъ самый Беловъ въ свое время, въ январѣ нынѣшняго года, велъ обходное наступленіе изъ Восточной Пруссіи противъ нашего 20-го корпуса.

Соотвѣтственно этому, въ южной операціи, гдѣ нельзя было обходить былъ назначенъ „спеціалистъ по прорывамъ"—Макензенъ. Кромѣ того, его группа была сильнѣе сѣверной группы, потому что ей надо было „прорывать", а потому нѣмцы сдѣлали ее тяжеловѣснѣе, придавъ ей большее число войскъ и большее количество артиллеріи.

Такимъ образомъ къ годовщинѣ войны намѣтилось исключительное развитіе сѣверной операціи, гдѣ противникъ, перейдя Наревъ, стремился къ Бресту на соединеніе съ Макензеномъ, чтобы этимъ сжать нашъ передовой театръ – Царство Польское, а Беловъ, двигаясь, въ свою очередь, отъ Митавы на юго-востокъ, черезъ Поневѣжъ, къ магистрали Двинскъ Вильна, намѣчалъ еще и обходъ съ тыла передового театра - пространства къ востоку отъ Вислы.

Вслѣдствіе такихъ грандіозныхъ намѣреній нашего противника, и рѣшено было дать нѣмцамъ рѣшительный бой, результаты котораго должны были опредѣлить, удастся ли нѣмцамъ ихъ планъ, или же они будутъ отброшены съ одной стороны черезъ Наревъ, въ Восточную Пруссію, а съ другой стороны - за Вислу. Этотъ рѣшительный бой, гдѣ обѣ стороны столкнулись на пространствѣ между Вислой, Бугомъ и Прибалтикой, неминуемо принялъ грандіозные размѣры, и вслѣдствіе этого его результаты должны быть особенно значительны.

Выловленная неразорвавшаяся турецкая пловучая мина.

Неразорвавшаяся турецкая пловучая мина (X).

Вотъ почему никакое Бородино, никакой Лейпцигъ, никакое сраженіе, записанное въ исторіи міра, не можетъ сравниться съ тѣмъ гигантскимъ кровопролитіемъ, которое неминуемо должно было произойти между Вислой, Бугомъ и Прибалтикой.

Обновленное правительство и Государственная Дума.

(Вопросы внутренней жизни).

Россія переживаетъ тяжелое время: на ея плечи свалилась почти вся тяжесть войны съ двумя германскими имперіями. По численности населенія, по богатству народной энергіи, по силѣ національнаго напряженія она превосходно справилась бы съ обоими противниками, но зато по степени военной подготовки она значительно уступаетъ Германіи. Отсталость нашей и нашихъ союзниковъ военной подготовки сказалась не въ началѣ, а лишь въ самый разгаръ войны. Англіи и Франціи съ ихъ высоко развитою промышленностью легко было встрепенуться и нагнать противника, Россія же очутилась въ нѣсколько болѣе затруднительномъ положеніи. Чтобы поправить его, она была вынуждена широко развить пользованіе заграничными военными заказами, доставка которыхъ значительно облегчится и ускорится съ паденіемъ Дарданеллъ.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ на постъ военнаго министра генерала Поливанова были приняты широкія мѣры и къ развитію внутренняго производства предметовъ снаряженія арміи.

Послѣ оставленія нами Перемышля и очищенія Галиціи все русское общество и весь русскій народъ непосредственнымъ инстинктомъ національнаго самосохраненія почувствовали, въ чемъ заключается величайшая опасность, и обнаружили готовность пойти на помощь родной землѣ. Въ отвѣтъ, съ высоты трона раздался Монаршій приказъ объ ускоренномъ созывѣ Гос. Думы. Предварительно при военномъ министрѣ и подъ его предсѣдательствомъ былъ организованъ особый комитетъ по снабженію русской арміи съ участіемъ авторитетныхъ въ военно-техническихъ вопросахъ членовъ Гос. Думы. Въ дѣлѣ національно-государственной самозащиты правительство пошло навстрѣчу обществу и въ этихъ видахъ обновило бо̀льшую часть своего личнаго состава. На имѣющій наиболѣе важное значеніе въ опредѣленіи курса вну-

тренней политики постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ выдающійся земскій дѣятель кн. Щербатовъ, постъ министра юстиціи ввѣренъ Хвостову, наконецъ на смѣну Саблеру былъ призванъ московскій губернскій предводитель дворянства Самаринъ. Незадолго передъ тѣмъ народное просвѣщеніе ввѣрено графу Игнатьеву, а промышленность и торговля князю Шаховскому.

Такимъ образомъ Гос. Дума, созванная въ годовщину объявленія войны Россіи Германіей, встрѣтила передъ собою почти въ полномъ составѣ обновленное правительство. Многое изъ того, что̀ отдаляло власть отъ общества, устранено заботливой рукой. Расчищена почва для патріотическаго единенія и общей работы. Только общими усиліями правительства и народа Россія можетъ справиться съ рѣшеніемъ выпавшей на долю нашего поколѣнія грандіозной исторической задачи. Вторгнувшійся въ наши предѣлы могущественный врагъ можетъ быть сломленъ не дѣятельностью отдѣльныхъ вѣдомствъ, но лишь общими силами „всея Руси". Подъ знаменемъ патріотическаго объединенія и дружной патріотической работы пройдетъ вся думская сессія. Всѣ думскіе дѣятели почувствовали подавляющую важность историческаго момента. Всѣ ораторы говорили не - какъ представители фракцій, а какъ представители угрожаемой въ самомъ своемъ государственномъ бытіи Россіи. Все личное, кружковое, мелко партійное потонуло въ высокомъ патріотическомъ подъемѣ общественной мысли. Сбылось ожиданіе Царя, и съ думской трибуны Онъ дѣйствительно услышалъ „голосъ Родной Земли", голосъ тревожный, негодующій и возмущенный, который заглушитъ своимъ грознымъ рокотомъ громъ 16-дюймовыхъ нѣмецкихъ пушекъ и заставитъ дрогнуть сердце дерзкаго врага, поправшаго своими ногами священную почву нашего отечества.

Генералъ-отъ-инфантеріи М. А. Бѣляевъ, Высочайше назначенный помощникомъ военнаго министра.

Необходимо теперь же отмѣтить общее впечатлѣніе сліянія всѣхъ партій, всѣхъ силъ, всѣхъ элементовъ общества и правительства въ рѣшеніи работать сообща и довести борьбу до вожделѣнной побѣды. Думское засѣданіе, превратившееся въ сплошную демонстрацію дѣятельнаго патріотизма, внушитъ русскому народу вѣру въ собственныя силы. Слабость необъятно великой и неизмѣримо могущественной Россіи можетъ быть только результатомъ искусственно созданной изолированности власти отъ народа и общества. Власть, опирающаяся лишь на самоё себя, т.-е. на іерархію чиновничества, безсильна въ рѣшеніи великихъ историческихъ задачъ, требующихъ живого творчества, безкорыстнаго энтузіазма и вдохновенной организаціонной работы. Но власть, желающая опереться на общество и народъ, идущая въ ногу со ста восемьюдесятью милліонами своихъ гражданъ, чутко прислушивающаяся къ думамъ и желаніямъ родной земли, сразу становится безконечно могущественной мощью историческихъ стихій и всѣми силами свободнаго національнаго творчества. Смыслъ и значеніе всѣхъ произведенныхъ перемѣнъ въ составѣ министровъ заключается именно въ устраненіи того, что̀ препятствовало единенію власти и народа, въ сближеніи правительства съ обществомъ, въ отрѣшеніи отъ бюрократической изолированности управленія, объединяющемъ власть съ обществомъ подъ знаменемъ защиты національно-государственной самобытности русскаго народа.

Е. М. Чепцовъ. Слушаютъ вѣсти съ войны (типы Курской губерніи). Весенняя выставка 1915 г. 3-я премія имени А. И. Куинджи.

Автомобиль въ нынѣшнюю войну.

Очеркъ **С. Фесенко.**

Корреспондентъ американской газеты „New-York-Tribune", описывая въ началѣ войны наступленіе германцевъ на Бельгію, былъ пораженъ грандіозностью и красотой автомобильныхъ транспортовъ, сопровождавшихъ тевтонскія полчища.

„На огромныхъ платформахъ, — пишетъ онъ,—двигались цѣлые города съ магазинами, парикмахерскими, мастерскими, радіотелеграфными и электрическими станціями, паровыми прачечными, редакціей ежедневной газеты и даже отрядами чистильщиковъ сапогъ". Это писалъ американецъ, котораго, казалось, трудно было бы удивить чудесами техники; русскій же читатель въ большинствѣ былъ подавленъ техническимъ превосходствомъ врага, и многіе съ грустью,—увѣренъ въ этомъ,—и говорили и думали: „нѣтъ, далеко намъ все-таки до нѣмцевъ". Эти искренно сокрушающіеся о нашей отсталости русскіе люди, конечно, и не подозрѣвали, что все, поразившее американца, имѣется и у насъ, на нашихъ автомобильныхъ транспортахъ, и транспорты эти оборудованы во всякомъ случаѣ не хуже, если не лучше, чѣмъ у нашихъ враговъ.

Правда, чистильщиковъ сапогъ и парикмахерскихъ у насъ нѣтъ, но вѣдь мы, идя на войну, баловъ и обѣдовъ нигдѣ давать не собираемся.

Пять лѣтъ тому назадъ автомобиль-грузовикъ впервые былъ введенъ въ нашу армію.

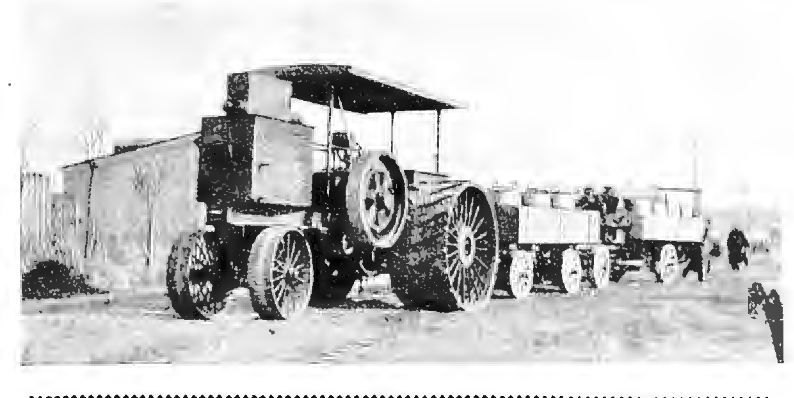
Нововведеніе это, какъ и всякое нововведеніе, было встрѣчено въ нѣкоторыхъ военныхъ кругахъ съ извѣстной долей скептицизма, и не по очень ровной дорогѣ покатилъ первый русскій военный автомобиль.

Наука, техника, энергія и вѣра молодыхъ піонеровъ этого дѣла побѣдили, и „двигатель внутренняго сгоранія" занялъ прочное и почетное мѣсто въ русской арміи.

Къ моменту начала войны мы располагали большимъ количествомъ грузовыхъ машинъ для транспортной работы, легковыхъ—для обслуживанія штабовъ, и большимъ кадромъ прекрасно обученныхъ автомобильному дѣлу офицерскихъ и нижнихъ чиновъ.

Можно поручиться за то, что нашъ автомобиль принесъ русской арміи гораздо и несравненно больше, чѣмъ нѣмецкій — своей. При нашемъ русскомъ бездорожьѣ, онъ восполнилъ недостатокъ желѣзнодорожныхъ путей и совершенно аннулировалъ дѣятельность конныхъ транспортовъ, естественно не могущихъ конкурировать съ нимъ въ скорости, въ грузоподъемности и въ разнообразіи принимаемаго груза.

Я не видѣлъ нѣмецкаго транспорта, поразившаго воображеніе американца-журналиста, но радостно видѣть, когда нашъ огромный поѣздъ въ 35—40 машинъ несется по шоссе гдѣ-нибудь въ западномъ краѣ.



Автомобильный тракторъ.

Уже за версту слышенъ шумъ передаточныхъ цѣпей, ревъ сигнальныхъ гудковъ и сиренъ, и перепуганные паны и ветхозавѣтные евреи, какихъ можно встрѣтить только въ западномъ краѣ, торопливо сворачиваютъ въ сторону, часто въ канаву, своихъ заморенныхъ клячъ.

Ночью эта картина еще величественнѣе, когда прожектора глубоко рѣжутъ мракъ цѣлыми снопами электрическаго и ацетиленоваго свѣта.

Такой транспортъ несетъ на позиціи и смерть врагу и жизнь своимъ: многія тысячи пудовъ пищи, одежды, снарядовъ, лѣкарства и самую большую радость воина — почту. На обратномъ пути транспортъ забираетъ раненыхъ. Впрочемъ, для перевозки раненыхъ при каждой автомобильной ротѣ есть спеціально для этого оборудованные санитарные автомобили, и организованы санитарные отряды съ прекрасно приспособленными для этой цѣли машинами легкового типа на пневматическихъ шинахъ, съ подвѣсными койками, съ особымъ санитарнымъ отрядомъ и врачебнымъ персоналомъ. Въ дѣлѣ быстрой и покойной эвакуаціи раненыхъ автомобиль сослужилъ незамѣнимую службу.

Легковой санитарный автомобиль сплошь и рядомъ въѣзжаетъ въ раіонъ боя, подбираетъ, сколько возможно, раненыхъ, мчится обратно на перевязочный пунктъ, быстро, благодаря выдвижнымъ койкамъ, выгружаетъ раненыхъ—и черезъ нѣсколько минутъ снова на полѣ сраженія.

Легкой кавалеріей автомобильныхъ войскъ являются мотоциклетныя команды, имѣющіяся сейчасъ въ каждомъ корпусѣ. На нихъ возлагается главнымъ образомъ служба связи, отчасти развѣдка; и часто согнутую, припавшую къ рулю фигуру мотоциклиста можно видѣть мчащейся на своей трясучей машинкѣ въ линіи непріятельскаго обстрѣла.

Если донесеніе очень важно, то съ мотоциклистомъ ѣдетъ и офицеръ рядомъ, въ прицѣпной колясочкѣ.

Сейчасъ, послѣ десяти мѣсяцевъ тяжелой войны, двѣ трети которой пришлось на мокрые осенніе мѣсяцы и суровые зимніе, можно съ увѣренностью сказать, что русскій военный автомобиль завоевалъ себѣ въ исторіи этой великой войны весьма почетное и неоспоримое мѣсто.

Совсѣмъ недавно, почти на-дняхъ, авторитетъ военно-автомобильнаго дѣла былъ окончательно упроченъ новымъ завоеваніемъ въ этой области. Уже въ военное время при естественной спѣшкѣ Учебная Автомобильная Рота выпустила новое свое дѣтище—бронированный автомобиль, въ короткое время ставшій общимъ любимцемъ всей арміи.

Нужно видѣть восторгъ и энтузіазмъ солдатъ, когда они привѣтствуютъ во время боя выѣзжающаго къ непріятельскимъ позиціямъ стального товарища.

— Ну-ка, всыпь имъ, задай нѣмцу перцу... постарайся, землякъ!

И неповоротливый, съ виду угрюмый, бронированный „землякъ" врывается прямо въ линію расположенія непріятельскихъ войскъ, сѣетъ тысячи смертей, вноситъ въ ряды враговъ ужасъ и панику и затѣмъ мчится обратно навстрѣчу радостному „ура" идущихъ въ атаку товарищей.

И пусть радуется русское сердце: какъ машина, такъ и броня отлично выдерживаютъ трудности боя и передвиженія.

Заканчивая настоящій очеркъ, мы, по понятнымъ причинамъ не имѣя возможности привести цифровыхъ данныхъ, можемъ увѣренно сказать, что военный автомобиль сроднился съ русской арміей и въ нынѣшнюю войну оказалъ ей и оказываетъ неисчислимыя заслуги.

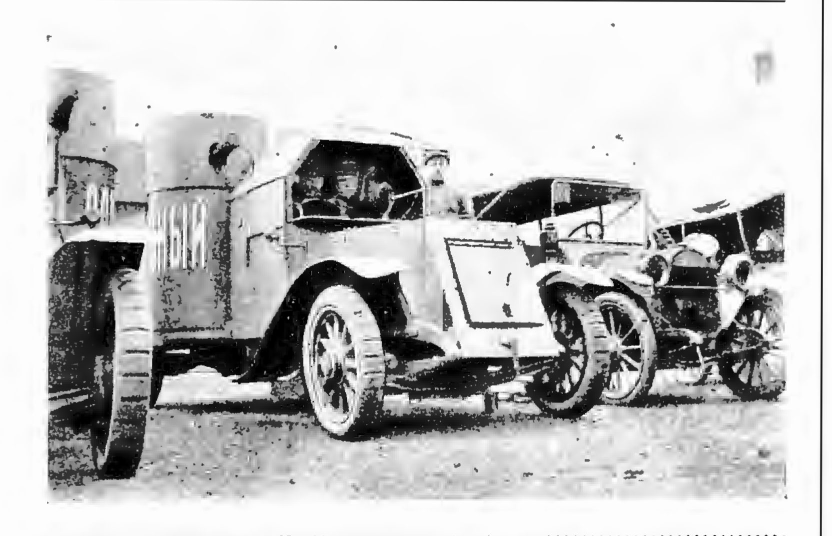
Честь и слава молодымъ піонерамъ этого дѣла, энергично и увѣренно двинувшимъ русскій автомобилизмъ по новой дорогѣ и давшимъ ему новое, широкое и разнообразное примѣненіе.

Бомба, брошенная съ непріятельскаго аэроплана и не разорвавшаяся.

Письмо.

Дѣвочка склонилась надъ листкомъ бумаги,
Много, много думы въ голубыхъ глазахъ.
То въ нихъ будто вспыхнетъ пылъ чужой отваги,
То блеснутъ слезинки, и проснется страхъ.
Карандашъ всегда упрямо непослушенъ,
Въ неумѣлой ручкѣ онъ всегда дрожитъ,
А какъ разъ сегодня онъ до боли нуженъ,
Чтобъ запечатлѣть, что сердце говоритъ.
Палочку поставитъ, пріютитъ любовно
Рядомъ два кружочка и слегка груститъ,
Что строка выходитъ блѣдно и неровно
И совсѣмъ не то какъ будто говоритъ.
Вдругъ да не поймутъ тамъ, что кружочки значатъ:
«Дорогой солдатикъ», палочка жъ съ чертой
Говоритъ о грусти нѣжной и простой,
Отъ которой сердце съ тихой болью плачетъ...
Свѣтлая полоска у лампадки ўже...
Дѣвочка, со вздохомъ, наклонилась вновь—
И ложатся строчки непонятныхъ кружевъ,
Трудъ превозмогаетъ свѣтлая Любовь...
. . . .
Дѣвочка изъ дѣтской, крадучись, выходитъ
И скользитъ неслышной сказкой въ кабинетъ,
Тамъ она посылку въ армію находитъ
И глубоко прячетъ тайный свой привѣтъ.
А когда отходитъ, крестится, какъ въ храмѣ,
Свѣчку предъ иконой тихо опустивъ,—
Вѣдь она и здѣсь въ простой несложной гаммѣ
Отдала любви и радости порывъ...

Сергѣй Михѣевъ.



Автомобили въ нынѣшнюю войну.

Камень въ озерѣ Роттненъ*).

Разсказъ **Сельмы Лагерлёфъ.**

Переводъ съ шведскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Съ 5-ю рисунками на стр. 579—582).

Жилъ-былъ въ XVII столѣтіи нѣкій бѣдный священникъ, какихъ въ тѣ времена много было. Однажды онъ стоялъ на каѳедрѣ въ церкви въ Бру, въ Вермландѣ, и говорилъ проповѣдь. Всѣ скамьи были полны молящимися, которые слушали проповѣдь въ благоговѣйной тишинѣ. Весеннее солнце привѣтливо заглядывало въ рѣшетчатыя оконца и точно изгоняло изъ неотапливающагося дома Божьяго зимнюю стужу. Церковный сторожъ стоялъ въ проходѣ и зорко наблюдалъ за молящимися, чтобы немедленно разбудить того, кто вздумалъ бы вздремнуть, слушая проповѣдь. Все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, и священникъ испытывалъ отрадное чувство сѣятеля, сѣющаго доброе сѣмя на хорошо воздѣланной пашнѣ.

Священникъ былъ высокаго роста и грубаго тѣлосложенія, съ громкимъ голосомъ и здоровыми кулаками, и держалъ онъ себя, какъ настоящій мужчина. Онъ былъ такой темноволосый и смуглый, что могъ навести страхъ на тѣхъ, кто не зналъ, кто онъ такой. Его черные волосы ниспадали, какъ у крестьянъ, на самыя плечи и закрывали лобъ. Брови у него были густыя и толстыя, словно веревки, и почти сходились надъ переносицей; глаза смотрѣли строго и серьезно. Щекъ почти совсѣмъ не было видно, такъ какъ темная широкая борода начинала расти чуть ли не подъ самыми глазами и скрывала всю нижнюю часть лица.

Когда священникъ дошелъ почти до половины проповѣди, онъ услыхалъ шумъ, громкій говоръ и лошадиный топотъ, доносившіеся съ пригорка передъ церковью. „Кто-то сильно запоздалъ на церковную службу,—подумалъ онъ.—Хорошо было бы, если бы у этихъ людей хватило ума подождать и не входить въ церковь, пока не кончится проповѣдь. Они только помѣшаютъ, если войдутъ теперь, а пользы имъ отъ этого не будетъ, такъ какъ они, все равно, пропустили уже половину проповѣди“.

Однако вышло не такъ, какъ хотѣлъ священникъ. Слышно было, какъ новоприбывшіе съ шумомъ вошли на паперть и, тяжело ступая по каменнымъ плитамъ, направились къ входной двери, громко разговаривая и, повидимому, преднамѣренно производя какъ можно больше шума.

Хотя священникъ все еще говорилъ проповѣдь, онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ прихожанъ повернули головы къ двери. Священникъ горячо желалъ, чтобы запоздавшіе прихожане усѣлись гдѣ-нибудь на заднихъ скамьяхъ, а не пробирались впередъ къ каѳедрѣ.

Однако и это желаніе не исполнилось. Церковныя двери распахнулись съ шумомъ и грохотомъ, и по среднему проходу двинулась кучка людей; всѣхъ было не менѣе двадцати человѣкъ.

Судя по переполоху, который произвели среди молящихся новоприбывшіе, можно было ожидать, что это какіе-нибудь пьяные солдаты, а между тѣмъ во главѣ этой шумливой ватаги была молодая крестьянская дѣвушка, да и всѣ сопровождавшіе ее состояли изъ мирныхъ деревенскихъ жителей. Молодая дѣвушка шла впереди всѣхъ, она была свѣтлорусая и красивая. На ней была шубка изъ бѣлаго домотканаго сукна, отороченная мѣхомъ, и на ней было столько серебряныхъ украшеній, что все это серебро вѣсило не менѣе двѣнадцати-тринадцати фунтовъ. Всѣ остальные были одѣты во все темное, и среди нихъ были и молодые и старые, мужчины и женщины. Священникъ понялъ, что это была челядь изъ большого помѣстья, и что они всѣ сопровождали въ церковь свою хозяйку.

Трудно было священнику продолжать свою проповѣдь, потому что прихожане забыли про нее и съ любопытствомъ смотрѣли на новоприбывшихъ. Да это и не было удивительно: запоздавшіе посѣтители вели себя далеко не такъ, какъ подобаетъ вести себя въ Божьемъ домѣ. Правда, войдя въ церковь, они

*) Осенью 1914 года въ Швеціи, въ провинціи Вермландъ на озерѣ Роттненъ, показался изъ-подъ воды камень, на которомъ была высѣчена надпись: „Господи, помоги намъ! 1640“. Въ Вермландѣ ходитъ повѣрье, что этотъ камень выступаетъ изъ-подъ воды только въ года великихъ бѣдствій, и что и въ настоящее время онъ предвѣщаетъ Швеціи недоброе. Это-то явленіе и послужило талантливой шведской писательницѣ сюжетомъ ея разсказа.

Примѣч. переводчицы.

Автомобили въ нынѣшнюю войну.

перестали говорить и смѣяться, но когда они проходили мимо каѳедры, то высокая стройная крестьянская дѣвушка остановилась и стала пристально смотрѣть на священника, словно она никогда во всю свою жизнь не видала ни одного священника. Она стала даже указывать на него стоявшимъ возлѣ нея слугамъ, и тѣ тоже остановились и смотрѣли на него съ такимъ удивленіемъ, будто онъ былъ заморскимъ чудовищемъ, которое показываютъ въ ярмарочномъ балаганѣ.

Священникъ хорошо сознавалъ, что онъ—человѣкъ небольшой. Онъ не былъ ни пробстомъ ни настоятелемъ, онъ былъ только бѣднымъ помощникомъ священника, котораго посылали изъ одного прихода въ другой. Онъ привыкъ къ униженіямъ и презрѣнію, но поведеніе этой кучки челяди съ богатой крестьянкой во главѣ было таково, что онъ не могъ допустить его. Здѣсь, въ храмѣ, гдѣ онъ возвѣщалъ слово Божіе, никто не имѣлъ права выказывать ему презрѣнія. Онъ поднялъ свой внушительный кулакъ и ударилъ имъ по краю каѳедры съ такой силой, что по всей церкви раздался гулъ.

Но онъ не хотѣлъ ограничиваться только этимъ, онъ рѣшилъ сказать нѣсколько словъ порицанія нарушителямъ благоговѣйной тишины. Однако изъ этого ничего не вышло. Онъ еще разъ взглянулъ на вызывающее лицо молодой крестьянки, и вдругъ строгія назидательныя слова замерли на его устахъ. Онъ склонился надъ своей проповѣдью и прочелъ ее до конца, не глядя больше на тѣхъ, что̀ стояли внизу.

Когда священникъ по окончаніи службы вошелъ въ ризницу, тамъ никого больше не было. Онъ опустился на узкую небольшую скамью, подперъ голову рукой и устремилъ передъ собой пристальный взоръ. На лицѣ его было растерянное выраженіе.

Все несчастье было въ томъ, что онъ на этихъ дняхъ говорилъ съ причетникомъ о своемъ тяжеломъ положеніи. Вѣдь онъ не получалъ почти никакого жалованія, онъ былъ помощникомъ священника у бѣднаго настоятеля, который самъ едва сводилъ концы съ концами. Трудно было требовать чего-нибудь отъ того, у кого и такъ ничего не было.

Къ тому же онъ былъ не одинокъ, послѣ смерти жены онъ остался съ тремя дѣтьми въ возрастѣ отъ двухъ до пяти лѣтъ, которыхъ онъ долженъ былъ кормить и одѣвать. Ему жилось такъ тяжело, что онъ написалъ въ консисторію и умолялъ перевести его на другое мѣсто. Жилъ онъ въ крошечной избушкѣ, въ которой была всего одна горница, и онъ не могъ держать ни служанки ни работника, потому что питался со своими дѣтьми впроголодь. Никому изъ его прихожанъ не жилось такъ плохо, какъ ему. Онъ долженъ былъ во что бы то ни стало перевестись на другое мѣсто.

Причетникъ возразилъ, что ему вовсе не надо переводиться на другое мѣсто, что онъ можетъ выйти изъ затрудненія инымъ способомъ. Священникъ съ удивленіемъ спросилъ, что̀ же онъ можетъ сдѣлать. И на это причетникъ въ свою очередь спросилъ его, имѣетъ ли онъ что-нибудь противъ того, чтобы жениться во второй разъ.

Онъ сказалъ, что у нихъ въ приходѣ есть богатая крестьянская дѣвушка. Она еще никому изъ сватавшихся за нее не дала своего согласія. Она жила въ собственномъ помѣстьѣ, и сама управляла имъ и всѣми своими дѣлами. Но, какъ знать, что̀ отвѣтила бы она, если бы къ ней посватался священникъ.

Вѣдь она уже не такая молоденькая, хотя и видная. До сихъ поръ священникъ ни разу не видѣлъ ея, потому что она жила очень далеко отъ церкви. Въ церкви она бывала всего раза два въ годъ и при этомъ священникѣ еще не появлялась тамъ.

Причетникъ представилъ все въ такомъ свѣтѣ, что священникъ не то что разрѣшилъ ему сватать его, но попросилъ попытаться какъ-нибудь узнать, согласится ли Гудрунъ Иварсдоттеръ выйти за него замужъ.

У него составилось такое представленіе, что дѣвушка эта была старая и безобразная и, можетъ-быть, даже злая, но объ этомъ онъ не разспрашивалъ. Онъ думалъ только о томъ, что, если она согласится выйти за него замужъ, то ему не придется больше слышать, какъ его маленькія дѣти просятъ ѣсть и жалуются на голодъ.

Сегодня же, когда въ церковь ворвалась ватага шумливыхъ людей и онъ рѣшилъ сдѣлать имъ строгое внушеніе, онъ вдругъ понялъ, что это-то и была та богатая крестьянка, къ которой онъ собирался свататься, и что она пришла въ церковь какъ бы для того, чтобы дать ему отвѣтъ.

Своимъ поведеніемъ въ церкви она хотѣла дать ясно понять бѣдному священнику, что̀ она слишкомъ хороша для него, да съ этимъ священникъ и самъ согласился. Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ причетника! Если бы онъ только зналъ, что она молода и красива, то, конечно, не подвергъ бы себя этому новому униженію.

Онъ долго оставался въ ризницѣ, потому что хотѣлъ дождаться, пока Гудрунъ Иварсдоттеръ и вся ея челядь уѣдутъ съ церковнаго двора. Однако оказалось, что она вовсе не торопилась уѣзжать, и когда онъ открылъ дверь ризницы, она все еще была тутъ. Она какъ разъ собиралась сѣсть въ сѣдло и встала на камень, который былъ положенъ у церковныхъ воротъ именно для того, чтобы прихожанамъ было удобнѣе садиться на лошадей. Ея слуга, державшій лошадь, никакъ не могъ заставить ее

Камень въ озерѣ Роттненъ. „Уѣзжай хоть на самый край свѣта! И никогда не попадайся мнѣ больше на глаза!“

стоять смирно, и молодая дѣвушка нѣсколько разъ тщетно пыталась сѣсть въ высокое сѣдло.

Вдругъ священникъ быстро подошелъ къ ней. Онъ обхватилъ Гудрунъ своими сильными руками, высоко поднялъ ее и изо всѣхъ силъ шлепнулъ въ сѣдло.

— Уѣзжай хоть на самый край свѣта!—сказалъ онъ.—И никогда не попадайся мнѣ больше на глаза!

Конечно, эта крестьянская дѣвушка была изъ тѣхъ, что̀ за словомъ въ карманъ не лѣзутъ, но тутъ она растерялась и не нашлась, что̀ отвѣтить, и молча уѣхала своей дорогой.

Послѣ этого весенняго воскресенія началось тяжелое время какъ для бѣднаго помощника священника, такъ и для всего прихода. Такого бѣдствія еще никто никогда не переживалъ.

Въ началѣ весны стояла прекрасная погода, и уже въ апрѣлѣ было тепло, какъ лѣтомъ. Снѣгъ и ледъ исчезли, земля зазеленѣла, деревья распустились, и крестьяне спѣшили какъ можно скорѣе сдѣлать посѣвы. Правда, въ апрѣлѣ было необычайно мало дождей, но всѣ надѣялись на май. За дождемъ дѣло не станетъ, этого бояться нечего, дождливой погоды у нихъ всегда бывало больше, чѣмъ нужно.

Но вотъ насталъ и май мѣсяцъ, а настоящихъ дождей все не было, зато дулъ сильный вѣтеръ, и лишь изрѣдка выпадали непродолжительные ливни. Люди ожидали, что подъ Троицынъ день во всякомъ случаѣ начнется дождливая погода, но и Троица была такая же ясная, какъ и всѣ предыдущіе дни. А въ ночь на Духовъ день былъ даже утренникъ. Морозъ побилъ посѣвы не вездѣ, какъ это обыкновенно бываетъ. Многія поля совсѣмъ пропали, а другія остались невредимы. Да и травы на лугахъ и въ рощахъ пока еще были хороши. Не хватало только дождя.

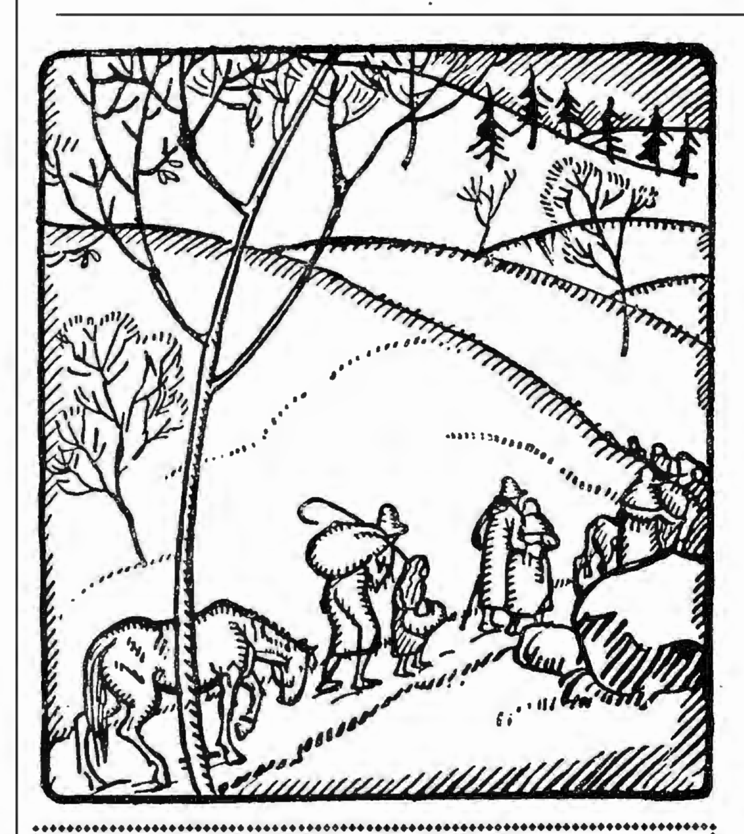
Ивановъ день, какъ и Троицынъ день, бываетъ обыкновенно дождливый, и наканунѣ Иванова дня подъ вечеръ на небѣ дѣйствительно собрались тучи. Разразилась гроза, и на землю упало нѣсколько крупинокъ града—но это и было все.

Послѣ этого небо оставалось яснымъ и безоблачнымъ въ теченіе добрыхъ двухъ мѣсяцевъ. Земля раскалилась, словно печка, и днемъ и ночью было все такъ же душно и мучительно.

Трава сгорѣла и стала бурой, а потомъ точно стерлась. Хлѣба̀ пошли въ колосъ, едва поднявшись надъ землей. Все рано созрѣло, и убрать жатву съ полей было нетрудно. Но зато риги и сѣновалы наполовину пустовали.

Все лѣто въ лѣсахъ свирѣпствовали пожары. Стоило только начать выжигать какое-нибудь поле, какъ огонь распространялся дальше и захватывалъ лѣсъ. Хорошо еще, что на поляхъ не было почти никакой работы, потому что крестьяне были вѣчно заняты тушеніемъ лѣсныхъ пожаровъ.

Въ концѣ августа начались долгія темныя ночи, солнце уже не грѣло такъ сильно, и можно было надѣяться, что тучи соберутся наконецъ. И дѣйствительно, на небѣ нагромоздились гро-



Камень въ озерѣ Роттненъ. „Цѣлыя семьи брались за нищенскій посохъ и отправлялись въ сосѣднія селенія, надѣясь тамъ получить хоть кусокъ хлѣба".

мадныя тучи, но онѣ были такія черныя и тяжелыя, что, казалось, будто дождь не въ силахъ вылиться изъ нихъ.

Въ это время начали пересыхать ручейки и рѣки. Маленькія водяныя мельницы перестали работать, и тѣ, кому надо было молоть зерно, должны были прибѣгать къ старымъ ручнымъ мельницамъ. Въ лѣсахъ также высохла вся трава. Скотъ самъ возвращался домой и точно умолялъ хозяевъ о помощи.

Теперь уже никто не сомнѣвался больше въ томъ, что наступалъ голодный годъ. Люди, отъ мала до велика, ходили въ лѣса и собирали тамъ мохъ и листья для прокорма скота. Къ хлѣбу же пришлось примѣшивать или лѣсныя ягоды, или мелко изрубленную солому, или сушеную и размельченную кору.

Въ октябрѣ можно было уже навѣрняка ждать дождя. Конечно, такой поздній дождь не спасъ бы уже больше растительности, но было бы все-таки хорошо, если бы люди и скотъ имѣли достаточно воды, и можно было бы пустить въ ходъ водяныя мельницы. Но и въ октябрѣ погода стояла ясная, и на небѣ не было ни облачка, да и тепло было почти какъ лѣтомъ. Наступила пора ярмарки, и въ это время почти всегда бывало ненастье, какъ это обыкновенно бываетъ, когда особенно нужна хорошая погода. Однако и за время ярмарки не упало ни капли дождя, а дулъ только рѣзкій сѣверный вѣтеръ, принесшій морозы.

Теперь къ селамъ шли не только домашнія животныя, но также и дикіе звѣри; они стали покидать лѣса и пробираться къ жилью въ поискахъ пищи и воды.

Людямъ стало уже невмоготу сидѣть у себя дома, и они также пустились странствовать, какъ звѣри. Цѣлыя семьи брались за нищенскій посохъ и отправлялись въ сосѣднія селенія, надѣясь тамъ получить хоть кусокъ хлѣба.

Только въ ноябрѣ пошелъ наконецъ снѣгъ. Но онъ падалъ на замерзшую почву, и его было такъ мало, что санный путь не могъ установиться; этотъ снѣгъ только прикрылъ сухую, какъ камень, землю.

Въ декабрѣ, когда этотъ злосчастный годъ подходилъ къ концу и бѣдствія достигли такихъ предѣловъ, что казалось, будто хуже уже не можетъ быть, на несчастнаго священника обрушилось ужасное испытаніе.

Передъ самымъ Рождествомъ его позвали къ одной бѣдной вдовѣ рыбака. Ему пришлось итти пѣшкомъ нѣсколько миль, пока онъ дошелъ наконецъ до маленькой хижины на берегу узкаго длиннаго озера. Во всей этой мѣстности не видно было ни одного жилья, ни полей, ни скотныхъ дворовъ — всюду, куда глазъ хваталъ, стоялъ темный лѣсъ. Ветхая хижина ютилась совсѣмъ одиноко на берегу пустыннаго озера, окруженная съ трехъ сторонъ лѣсомъ.

Въ хижинѣ священникъ нашелъ умирающую женщину и шесть человѣкъ дѣтей, которыя должны были скоро сдѣлаться круглыми сиротами. Ихъ отецъ умеръ лѣтомъ, а теперь они лишались и матери.

Старшему изъ дѣтей было десять лѣтъ, а младшему только три года. Ни одинъ изъ нихъ не могъ еще ничѣмъ помогать въ домѣ, или зарабатывать свой хлѣбъ въ чужихъ людяхъ. Всѣ они нуждались въ помощи, и кто-нибудь долженъ былъ давать имъ одежду и пищу и присматривать за ними, иначе они погибли бы.

Дѣти тѣснились вокругъ умирающей матери, пока священникъ напутствовалъ ее, а она молча переводила свой потухающій взглядъ съ дѣтей на священника и со священника на дѣтей. Она ни на секунду не закрывала глазъ и только смотрѣла, смотрѣла... Но она не произнесла ни слова,—есть просьбы, которыя нельзя выразить словами,—онѣ слишкомъ велики для этого.

Священникъ спросилъ умирающую, нѣтъ ли у нея сосѣдей. Да, сосѣди у нея есть. На разстояніи мили отъ озера Роттненъ находится большая усадьба, которой владѣетъ Гудрунъ Иварсдоттеръ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ окончательно свалиться, вдова черезъ силу ходила туда и говорила съ хозяйкой о дѣтяхъ, но та отказалась взять ихъ.

Священникъ ничуть не удивился этому. Трудно было ожидать, чтобы такая заносчивая и самонадѣянная дѣвушка, какъ Гудрунъ, помогла цѣлой кучкѣ ребятишекъ, да и желать этого нельзя было.

Умирающая женщина продолжала смотрѣть на священника глазами, полными такой тоски и нѣмой мольбы, что онъ не могъ выдержать ея взгляда и вышелъ изъ хижины. Онъ боялся, что, если останется возлѣ умирающей, то дастъ обѣщаніе, котораго онъ не въ состояніи будетъ выполнить.

Онъ подошелъ къ самому берегу озера. И оно также пересохло настолько, что вода отошла далеко отъ берега, обнаживъ часть дна. Вотъ по этому-то обнаженному дну и сталъ бродить священникъ.

Онъ чувствовалъ себя одинокимъ и безпомощнымъ въ этой пустынѣ, его охватилъ смертельный страхъ передъ тѣмъ новымъ бременемъ, которое онъ долженъ былъ взвалить на свои плечи. „Если бы не было еще голоднаго года!—подумалъ онъ.—Мыслимо ли мнѣ прокормить еще шесть ртовъ, когда я не знаю, какъ мнѣ насытить три, о которыхъ я обязанъ заботиться?"

Весной ему казалось, что онъ очень бѣденъ. Но что была та нужда въ сравненіи съ призракомъ голода, который грозилъ послѣднее время его дѣтямъ и ему? Теперь нельзя было даже разсчитывать на помощь другихъ людей.

Вдругъ онъ обратилъ вниманіе на камень у самой полосы воды. На этомъ камнѣ были высѣчены какія-то буквы, и онъ подошелъ къ нему поближе, чтобы прочесть надпись. Онъ могъ различить только „М" и „Х". Онъ понялъ, что на камнѣ былъ выбитъ годъ. Должно-быть, въ давно прошедшія времена комунибудь захотѣлось отмѣтить, какъ низокъ былъ уровень воды въ озерѣ въ томъ году,—такъ обыкновенно люди отмѣчали лѣтнія засухи.

Священникъ стоялъ передъ камнемъ и старался разобрать годъ. Это ему никакъ не удавалось, но онъ все-таки почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и утѣшеніе. Вотъ и раньше также бывали года бѣдствій. Вода уходила такъ же далеко, какъ и теперь, а люди все-таки не погибли. Они несли свое бремя и продолжали жить.

Не отдавая себѣ отчета, онъ наклонился, поднялъ острый камень и началъ выбивать въ большомъ камнѣ тотъ голодный годъ, который ему самому приходилось переживать.

Онъ выбилъ число 1640 настолько ясно, насколько это было возможно сдѣлать безъ молотка и бурава. Но послѣ того, какъ онъ это сдѣлалъ, онъ остановился въ недоумѣніи; ему показалось, что этого мало.

Каждый день онъ обращался къ Богу, горячо моля Его о помощи. И теперь ему вдругъ захотѣлось послать Господу еще одну мольбу изъ этой большой молчаливой пустыни.

Онъ началъ выбивать въ камнѣ тѣ слова, которыя громко раздавались въ его сердцѣ ежедневно и ежечасно въ ту годину бѣдствія: „Господи, помоги намъ!"

Это была трудная работа, и онъ долженъ былъ напрягать всѣ свои силы. Но это приносило ему чувство облегченія. Въ то время, какъ онъ выбивалъ въ камнѣ буквы, ему казалось, что длинное свинцовое озеро и темные, одѣтые лѣсомъ берега, и низкое, сѣрое, зимнее небо превратились въ обширный Божій домъ.

Ему отрадно было выбивать въ камнѣ ту тоску, которая тяжелымъ бременемъ лежала на его сердцѣ. Онъ выбивалъ стоны и жалобы всѣхъ голодающихъ и жаждущихъ. Онъ ходатайствовалъ передъ Богомъ за домашнихъ животныхъ и за дикихъ звѣрей въ лѣсу, за громадныя сосны, изнывающія отъ жажды на горахъ, и за самую маленькую былинку на лугу.

Съ каждой буквой, которую онъ выбивалъ въ камнѣ, онъ становился все бодрѣе. Онъ ясно чувствовалъ, какъ къ нему приливаютъ силы. Онъ уже не боялся больше наложить на себя какое бы то ни было новое бремя. Онъ зналъ, что Богъ поможетъ ему.

Дня черезъ два насталъ рождественскій сочельникъ.

Въ этотъ день у помощника священника не было нужды въ пищѣ. Ему прислали рождественское угощеніе и отъ пробста и изъ другихъ богатыхъ усадебъ. Послѣ полудня онъ и всѣ девять человѣкъ дѣтей ходили къ сосѣду въ баню, а потомъ дѣти возились и играли на полу на рождественской соломѣ, пока наконецъ не устали и не заснули тутъ же, на этомъ мягкомъ Христовомъ ложѣ.

Священнику также очень хотѣлось лечь на солому и заснуть, но ему нужно было подумать о другомъ. Стало уже смеркаться, а онъ долженъ былъ еще варить пшенную кашу.

Когда каша закипѣла, священникъ сталъ мѣшать ее большой ложкой и не отходилъ отъ нея ни на шагъ, боясь, что она перекипитъ. Онъ былъ очень высокаго роста, а очагъ былъ низкій, и ему приходилось стоять все время, согнувъ спину, такъ что онъ усталъ наконецъ. Однако онъ не обращалъ на это вниманія и, повидимому, чувствовалъ себя очень хорошо за своей работой.

Нельзя сказать, чтобы для него наступили болѣе свѣтлыя времена, онъ былъ все такой же бѣдный, и жилось ему все такъ же тяжко, но онъ твердо вѣрилъ въ то, что откуда-нибудь придетъ помощь.

Вдругъ священникъ сдвинулъ густыя черныя брови. Онъ услыхалъ, что кто-то взялся за щеколду и собирался отворить дверь. Конечно, во всемъ приходѣ было извѣстно, что священникъ исполняетъ у себя въ домѣ самыя разнообразныя обязанности, но все-таки онъ не любилъ, чтобы чужіе люди заставали его за бабьимъ дѣломъ.

Онъ ухватился-было за ручки котла, собираясь отставить кашу, но потомъ раздумалъ.

Это не могъ быть никто иной, какъ причетникъ, которому захотѣлось посмотрѣть, что священникъ подѣлываетъ въ рождественскій сочельникъ со всѣми своими дѣтьми. Ну, а причетника онъ не стѣснялся.

Но вотъ дверь отворилась, и въ избу вошла высокая женщина, а вовсе не причетникъ.

Несмотря на то, что у дверей было совсѣмъ темно, священникъ сейчасъ же догадался, кто къ нему пришелъ. „Этого еще недоставало!—подумалъ онъ. — Она, вѣрно, еще не видывала ничего подобнаго... Будетъ у нея теперь, надъ чѣмъ потѣшаться съ самаго Рождества и вплоть до Иванова дня“.

Молодая дѣвушка тихо затворила за собой дверь и подошла къ очагу съ протянутой рукой. Это была Гудрунъ Иварсдоттеръ, но теперь она совсѣмъ не походила больше на ту заносчивую крестьянскую дочь, пріѣзжавшую въ церковь, чтобы насмѣяться надъ священникомъ, который осмѣлился свататься къ ней. Она была очень блѣдна и казалась даже слабой, словно она только-что оправилась отъ тяжкаго недуга. Что у нея дѣлалось на душѣ, этого священникъ не могъ знать, но видно было только, что она не замѣтила даже, какой работой онъ былъ занятъ.

Священникъ не сказалъ ей ничего въ видѣ привѣта, но быстро отложилъ большую ложку, которой мѣшалъ кашу, и придвинулъ ей скамью, предлагая сѣсть. Въ молодой дѣвушкѣ произошла рѣзкая перемѣна, и странно было видѣть ее такой тихой и слабой. Она разстроила его, и отъ волненія онъ не могъ произнести ни слова.

Пришлось начать Гудрунъ, и она заговорила совсѣмъ спокойно и безъ всякой робости, потому что такъ недавно пережила такой испугъ, послѣ котораго она уже ничего не боялась больше. Она все время смотрѣла на огонь и не отрывала отъ него глазъ.

Она сказала, что хотѣла справиться о бѣдныхъ сиротахъ рыбака. Неужели это правда, что онъ пріютилъ ихъ всѣхъ у себя?

Священникъ снова взялъ-было въ руки большую ложку, но потомъ положилъ ее. Онъ взялъ съ очага горящее полѣно, поднялъ его высоко, чтобы освѣтить всю избу, и Гудрунъ увидала дѣтей, спавшихъ на соломѣ.

— Вотъ, всѣ они здѣсь,—сказалъ онъ.

Камень въ озерѣ Роттненъ. „Онъ поднялъ острый камень и началъ выбивать имъ...“

— Возможно ли это?—удивлялась Гудрунъ.

За недѣлю до этого мать бѣдныхъ сиротокъ была у нея и просила взять къ себѣ дѣтей. И она рѣшила, что должна отказать ей. Въ этотъ голодный годъ нужда была такъ велика, что она не знала, чѣмъ кормить своихъ людей. Но вѣдь она во всякомъ случаѣ была богаче его.

— Ну, а у меня, пожалуй, столько же, сколько было у ихъ матери, —сказалъ священникъ.—Вѣдь эти дѣти привыкли голодать.

Она продолжала, будто не слыхала его возраженія:

— Я никакъ не могла выбросить ихъ изъ головы. Вчера я ѣздила къ избушкѣ рыбака, чтобы посмотрѣть, что сталось съ ними, но ихъ тамъ уже не было. Я встрѣтила только двухъ человѣкъ, которые были посланы за покойницей, и они сказали, что дѣтей взялъ помощникъ священника.

— Это для нихъ ужъ не такое большое счастье...

Камень въ озерѣ Роттненъ. „Будетъ у нея теперь, надъ чѣмъ потѣшаться съ самаго Рождества и вплоть до Иванова дня“.

Только теперь она повернулась наконецъ къ нему и посмотрѣла ему прямо въ лицо. И она сказала, что онъ, навѣрное, не понялъ ее.

Онъ мѣшалъ кашу все скорѣе и скорѣе:

— О, съ Божьей помощью я какъ-нибудь справлюсь,—сказалъ онъ коротко.

Имъ снова овладѣло смущеніе. Ему хотѣлось плакать надъ ней. Что случилось съ ней, что она чувствуетъ состраданіе даже къ нему? Онъ растерялся и не зналъ, что сказать, чтобы не выдать своего волненія. Гудрунъ ничѣмъ не ободряла его. Она сидѣла, подперевъ голову рукою, и смотрѣла въ огонь. Должно-быть, она думала о томъ, что такъ измѣнило ее.

— Невеселый сочельникъ будетъ у твоихъ людей, разъ тебя нѣтъ съ ними,—сказалъ наконецъ священникъ.

— Да, я не думала, что это такъ выйдетъ. Я выѣхала изъ дому рано утромъ и надѣялась среди дня вернуться обратно.

— Тебѣ помѣшало что-нибудь?

— Да только то, что пошелъ дождь, а земля была мерзлая, и сдѣлалась такая гололедица, что лошади трудно было итти.

Имъ опять овладѣло чувство жалости къ ней. Ему хотѣлось быть съ ней, чтобы помочь ей, но этого онъ не рѣшился сказать.

— Странный этотъ годъ... въ сочельникъ идетъ дождь,— сказалъ онъ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Да, это тяжелый и странный годъ,—согласилась она.—Я не могла проѣхать этого короткаго пути безъ того, чтобы мнѣ не посчастливилось. Я пріѣхала сюда только, когда уже начало смеркаться.

— Можетъ-быть, твоя лошадь стоитъ здѣсь? — спросилъ священникъ быстро. Онъ былъ бы радъ, если бы могъ оказать ей хоть какую-нибудь услугу.

— Нѣтъ,—отвѣтила она:—я оставила ее въ усадьбѣ пробста. Я привыкла останавливаться у него. Когда я училась, я прожила у него два года.

— Кажется, причетникъ говорилъ мнѣ объ этомъ, — замѣтилъ священникъ.

— Тамъ мнѣ и сегодня придется переночевать,—продолжала она. Такъ какъ онъ ничего не сказалъ на это, то она прибавила: — Я привезла кое-что для дѣтей. Завтра я еще разъ загляну сюда и принесу все. Сегодня было очень трудно итти по гололедицѣ.

— Твой подарокъ будетъ принятъ съ такой же радостью и завтра и во всякое время.

Это были спокойныя и благоразумныя слова, и священникъ мало-по-малу началъ приходить въ себя. Онъ подумалъ о томъ, какъ это странно, что Гудрунъ пришла сама. Вѣдь рождественскіе гостинцы она могла прислать съ работникомъ. И это было бы уже достаточно великодушно съ ея стороны.

Гудрунъ сидѣла и задумчиво выводила пальцемъ узоры на краю очага. Вдругъ она быстро вскинула на него глазами.

— Весной, когда я пріѣхала въ церковь... и помѣшала людямъ слушать проповѣдь, я вела себя не такъ, какъ подобаетъ вести себя въ храмѣ Божіемъ,—сказала она.

Наконецъ-то священнику представилась возможность сказать то, что у него давно вертѣлось на языкѣ, и онъ быстро перебилъ ее:

— Мнѣ никто не говорилъ, какая ты, Гудрунъ... А потому я не зналъ, что суюсь туда, куда мнѣ вовсе не слѣдовало бы соваться...

— Я во всякомъ случаѣ вела себя непозволительнымъ образомъ,—повторила она.

Онъ снова былъ глубоко растроганъ тѣмъ, что она совсѣмъ

Камень въ озерѣ Роттненъ. „Вотъ, всѣ они здѣсь!“

отрѣшилась отъ своей гордости. Ему очень хотѣлось сказать ей, какъ это хорошо, что она признается въ своей ошибкѣ, но онъ не находилъ словъ.

Она спросила, помнитъ ли онъ, что̀ сказалъ, когда посадилъ ее на лошадь. И сказалъ ли онъ это съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ священникъ: — я сказалъ это только потому, что очень разсердился на тебя.

— Да, вначалѣ и я не придавала твоимъ словамъ никакого значенія.

Она отвела отъ него глаза и снова начала водить пальцемъ по краю очага.

— Въ этомъ году у меня въ домѣ было столько несчастій, — продолжала она: — что мнѣ казалось, будто меня преслѣдуетъ какое-то проклятіе.

— Ты очень измѣнилась, можно подумать, будто ты была больна...

— Нѣтъ, я не была больна, и не это меня измучило... но на душѣ у меня было очень тяжело...

— Должно-быть, вы сильно страдали отъ засухи тамъ, въ лѣсу? спросилъ священникъ.

— И отъ засухи и отъ многаго другого, — отвѣтила Гудрунъ. Но ужаснѣе всего былъ большой лѣсной пожаръ. Сгорѣлъ весь мой лѣсъ и все, что̀ въ немъ было.

— Надѣюсь, ты не осталась безъ крова? — спросилъ онъ живо.

— Нѣтъ, усадьба моя осталась въ цѣлости, но зато я потеряла весь свой скотъ. А это было самое ужасное.

— Ахъ, вотъ что! — вырвалось у священника, и онъ выпустилъ изъ рукъ ложку. Теперь онъ понялъ, что она видитъ въ пламени очага, съ котораго не спускала глазъ, свой погибшій скотъ. Вотъ это-то горе и сломило ее такъ.

— Я должна заботиться о прокормленіи многихъ ртовъ, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія. — А это такъ трудно, когда нѣтъ ни молока ни масла...

— Потому-то ты и не приняла этихъ дѣтей?

— Да... Нѣтъ, не потому только...

— Странно, что я ничего не слыхалъ о всѣхъ твоихъ невзгодахъ, — проговорилъ священникъ задумчиво. — Хотя, по правдѣ сказать, я никогда не хотѣлъ слушать тѣхъ, кто заговаривалъ о тебѣ... Я боялся тебя.

Тутъ онъ замѣтилъ, что по лицу Гудрунъ пробѣжала мимолетная улыбка.

— Но я, навѣрное, боялась тебя еще больше, — проговорила она тихо.

— Ты боялась меня? — спросилъ онъ съ крайнимъ удивленіемъ. — Какъ могла ты бояться меня?

— Да, я начала бояться тебя съ того самаго воскресенья, — сказала она, и на лицѣ у нея появилось испуганное выраженіе.

— Такъ неужели же ты думала, что это я накликалъ на твою голову всѣ эти несчастья? — вскрикнулъ горячо священникъ.

— Я думала, что ты хочешь выгнать меня изъ этихъ мѣстъ.

— Но ты не должна была бы забывать, что я священникъ!

— Я это помнила и потому боялась еще больше. Вѣдь священники имѣютъ гораздо больше власти, чѣмъ другіе люди... Тамъ, на нашемъ озерѣ Роттненъ, есть камень, на которомъ высѣчены колдовскіе знаки. Онъ всегда покрытъ водою и только въ годины великихъ бѣдствій показывается изъ-подъ воды. Мои люди говорили мнѣ, что ты увидалъ этотъ камень и высѣкъ на немъ новыя руны, которыя обладаютъ еще большей силой, чѣмъ тѣ, что̀ были на этомъ камнѣ раньше, и что эти руны принесутъ еще больше несчастья.

— Такъ неужели же на озерѣ нѣтъ никого, кто умѣлъ бы читать? — спросилъ священникъ.

— Я умѣю читать, — отвѣтила Гудрунъ. — Вчера я видѣла камень и прочла на немъ надпись.

Сказавъ это, она глубоко вздохнула, словно вспомнила, что съ ея груди было снято тяжелое бремя.

— Теперь я скажу тебѣ, почему я отказалась взять къ себѣ этихъ сиротокъ. Я рѣшила собрать все свое имущество и переселиться къ моимъ родственникамъ, которые живутъ по другую сторону горы въ другой долинѣ. Но страхъ прошелъ у меня послѣ того, какъ я прочла твою надпись.

— Такъ, значитъ, Господь уже помогъ! — воскликнулъ священникъ.

— Я подумала, что тотъ, кто высѣкъ на камнѣ эту мольбу и пріютилъ у себя шестерыхъ сиротокъ, не можетъ быть злымъ человѣкомъ, — произнесла Гудрунъ мягко.

— Такъ ты пришла ко мнѣ для того, чтобы попросить меня сжалиться надъ тобой, а вовсе не для того, чтобы навѣстить этихъ дѣтей? — И онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, потому что никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что она боялась его.

И отвѣтъ ея больше походилъ на вздохъ, вырвавшійся изъ груди испуганнаго человѣка.

— Такъ ты хочешь, чтобы я обѣщалъ тебѣ не преслѣдовать тебя больше и не призывать больше на твою голову несчастій? И тогда ты останешься здѣсь?

Она закрыла только лицо руками и тихо покачивала головой, но ничего не отвѣтила.

— Какъ мнѣ сумѣть говорить съ тобой такъ, чтобы ты никогда не боялась меня больше и повѣрила мнѣ? — сказалъ онъ, и голосъ его сильно дрожалъ. — Я очень обрадовался бы, если бы услыхалъ, что ты переселилась въ другія мѣста, что ты гдѣ-нибудь далеко, по другую сторону горъ... Тогда моя тоска по тебѣ была бы не такъ сильна... Хуже, когда знаешь, что тотъ, кого любишь, находится тутъ же, поблизости, и что онъ не за горами и не за долами... Быть-можетъ, ты поняла наконецъ, что тебѣ не зачѣмъ бояться меня? — прибавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ, который прозвучалъ какъ-то горько и безнадежно.

Онъ умолкъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ ея отвѣта, но она молчала. Онъ даже не былъ увѣренъ въ томъ, слышала ли она его и поняла ли.

— Сегодня ты была такая... что у меня хватило духу сказать тебѣ все это, — продолжалъ онъ, видя, что она молчитъ. — И мнѣ кажется, что ты не будешь смѣяться надо мной.

Наконецъ она подняла голову и посмотрѣла на него. Въ ея глазахъ сверкали слезы.

— Я, должно-быть, сошла съ ума, — сказала она. — Но, знаешь, мнѣ кажется, что стоило пережить все то, что̀ я пережила за это лѣто, чтобы только услышать твои слова...

— Я хочу, чтобы ты осталась у меня! — воскликнулъ онъ горячо. — Чтобы ты никогда не покидала меня! Вотъ какое наказаніе я налагаю на тебя.

Съ этими словами онъ подошелъ къ ней, и она не отстранилась отъ него. Но какъ разъ въ то мгновеніе, когда онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ привлечь къ себѣ, на очагѣ раздалось сильное шипѣніе и бульканье. Это перекипѣла каша.

Священникъ быстро повернулся къ очагу, но Гудрунъ опередила его. Она схватила котелъ за ручки и составила съ огня. Однако было уже поздно. Каша полилась черезъ края и потекла по раскаленному очагу. Горящія полѣнья зашипѣли, и изъ нихъ посыпались искры, всю избу наполнилъ густой дымъ и чадъ. Дѣти проснулись и въ испугѣ вскочили съ соломы, младшіе заплакали.

Среди всего этого переполоха Гудрунъ вдругъ разразилась веселымъ смѣхомъ. Сердце въ ея груди забилось ровно и беззаботно, и она почувствовала, что снова становится сама собой.

— Вотъ теперь ты сама видишь, каково у меня хозяйство! — сказалъ священникъ.

— Да, тебѣ и вправду приходится колдовать, чтобы залучить къ себѣ въ домъ женщину, черный священникъ! — отвѣтила Гудрунъ, продолжая смѣяться.

— О, я знаю, Кто послалъ мнѣ жену, — сказалъ священникъ. — Колдовство тутъ ни при чемъ.

Гудрунъ перестала смѣяться.

— Да, меня послалъ къ тебѣ Тотъ, Которому ты молился, когда высѣкалъ на камнѣ надпись, — проговорила она тихо.

У Дарданеллъ. Общій видъ англійскаго лагеря на берегу.

Пища-лѣкарство.

Очеркъ **В. К. Анфилова** (съ 2 рис. на этой стран.).

Ввести въ массы населенія новыя средства питанія — задача, несомнѣнно, весьма благородная и почтенная. Люди, несмотря на свои національные вкусы въ пищѣ, установленные чаще всего въ силу необходимости, по условіямъ мѣстной природы, почти всегда не прочь обогатить обычныя меню какимъ-нибудь неиспытаннымъ новымъ блюдомъ. Однако мы, русскіе, имѣя среди своихъ богатѣйшихъ фауны и флоры неизсякаемый выборъ пищевыхъ продуктовъ, въ общемъ, пользуемся весьма бѣднымъ и однообразнымъ столомъ. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что мы совсѣмъ еще недавно узнали о существованіи у себя такой вкусной рыбы, какъ кета?

Капустный листъ въ двѣ сажени длиной. Въ правой рукѣ нижній, корневой конецъ водоросли, въ лѣвой—верхній.

Необъятные морскіе бассейны нашего отечества способны были бы измѣнить питательный режимъ нашъ самымъ коренным образомъ, но мы, надо сознаться, вовсе не тщимся разыскивать себѣ въ этомъ направленіи новые горизонты. Напримѣръ, такъ называемые frutti di mare, столь многочисленные у насъ, остаются „достояніемъ стола мѣстныхъ прибрежныхъ жителей, или рѣдкихъ, избалованныхъ гурмановъ.

Возьмемъ, напримѣръ, морскую капусту (Laminaria angustata, L. japonica). По морскимъ побережьямъ Сахалина, Татарскаго пролива, Японскаго и Охотскаго морей эта крупная водоросль растетъ въ количествахъ, не поддающихся какому-либо подсчету. Она съѣдобна и поэтому вылавливается изъ нашихъ водъ въ сотняхъ тысячъ пудовъ и вывозится въ Китай, Корею и Японію. Можно быть увѣреннымъ, что во внутреннюю Россію этотъ полезный продуктъ вывозили лишь какіе-нибудь чудаки-оригиналы, да и то въ количествахъ не выше нѣсколькихъ фунтовъ.

А между тѣмъ уже многіе вѣка этой водорослью питаются громадные милліоны людей, и питаются совсѣмъ не потому, что они, заодно, также ѣдятъ и собакъ, и морскихъ червей, и ласточкины гнѣзда, а потому, что морская капуста представляетъ собою не только пищу достаточно вкусную и питательную, но еще и весьма цѣлебную.

Во время оно, китайскій Петръ Великій — императоръ Кан-Си былъ очень опечаленъ, что жители мукденской провинціи страдали кретинизмомъ: страшные зобы, искривленія конечностей, идіотизмъ наблюдались у этихъ несчастныхъ. Примѣнявшіеся разнообразные способы лѣченія постоянно оставались безполезными. Наконецъ Кан-Си собралъ выдающихся ученыхъ своей имперіи и предложилъ имъ непремѣнно найти средство лѣченія зобатыхъ. И совѣтъ ученыхъ мужей пришелъ къ одному: ввести въ питаніе мукденцевъ морскую капусту. Кан-Си приказалъ всѣмъ мукденцамъ употреблять эту водоросль въ пищу, не менѣе 5 ф. въ годъ на человѣка. Мукденцы свято выполнили приказъ императора, и ужасная болѣзнь оставила ихъ. Однако жители указанной провинціи и до сихъ поръ слѣдуютъ старому приказу, хотя о кретинизмѣ въ Мукденѣ нѣтъ уже и помину.

Японскіе врачи, конечно, тоже знаютъ полезное свойство морской капусты и доказываютъ, что правильная „капустная діэта" способствуетъ необычайно легкому излѣченію луэса (понятно, съ примѣненіемъ и другихъ лѣкарствъ), золотухи, болѣзней уплотненія лимфатическихъ железъ, многихъ кожныхъ болѣзней, а также заболѣваній на нервной и психической почвѣ.

Но въ чемъ же, собственно, заключается цѣлебная сила морской капусты,—неужели и она прячетъ въ себѣ такія же неизслѣдуемыя тайны, какими славятся, напримѣръ, также китайскіе врачующіе продукты, каковы панты и жень-шень?

Оказывается, излѣчивающая мощь дальневосточной водоросли весьма легко обнаруживаема. Въ ней находится отъ 0,2 до 2,0% чистаго іода, и отсюда понятна удостовѣренная многовѣковымъ опытомъ польза морской капусты. Людямъ, нуждающимся въ хроническомъ употребленіи іода и также рыбьяго жира, употребленіе морской капусты вполнѣ можетъ замѣнить дорого стоящіе іодоли, іодины, іодары, соіодины и т. п. патентованныя средства нѣмецкаго изготовленія. Замѣчено, что усвоеніе организмомъ человѣка іода изъ морской капусты идетъ куда благотворнѣе и быстрѣе, нежели изъ другихъ іодистыхъ природныхъ препаратовъ, хотя бы, напримѣръ, изъ рыбьяго жира.

И выводъ отсюда уже напрашивается самъ собою; особамъ, желающимъ предупредить у себя появленіе преждевременной старости, развитіе склероза, явленій ревматическаго свойства—употребленіе въ пищу морской капусты будетъ особенно выгодно и желательно. Почти всякій англичанинъ, достигнувъ 45-лѣтняго возраста, регулярно принимаетъ іодъ, дабы оградить себя отъ возможности непріятнаго обветшанія. Въ Германіи даже въ нѣкоторыхъ ресторанахъ предлагаются безплатно пріемы іода для всѣхъ обѣдающихъ. Однако принимать какое бы то ни было лѣкарство всегда непріятно—уже отъ одного сознанія, что глотаешь нѣкій медикаментъ; это дѣйствіе само собою напоминаетъ о имѣющейся въ наличности болѣзни. При пользованіи же цѣлебною пищею, конечно, такому сознанію уже не найдется мѣста, тѣмъ болѣе, что эту пищу свободно и безвредно могутъ кушать и всѣ присутствующіе за трапезой.

А какой видъ имѣетъ эта морская капуста въ натурѣ?

Представьте себѣ длинную-длинную—до нѣсколькихъ саженъ—зеленую „травинку", шириною до восьми вершковъ, толщиною до $^3/_8$ вершка; края этой гигантской ленты какъ бы подгофрированы и значительно тоньше середины, гдѣ явно отмѣчается какъ бы скрытый стержень, какъ это бываетъ у листьевъ многихъ растеній; снизу, у основанія, лента нѣсколько шире и толще, а сверху, въ концѣ, она заостренно суживается и утоньшается; она растетъ въ одиночку, прикрѣпляясь къ дну морскому, къ камню или раковинѣ короткимъ стеблемъ, круглымъ, съ палецъ толщиною. Такія длинныя мясистотѣлыя пластины растутъ густою массою, вертикально подымаясь къ поверхности моря. Начинаясь съ глубины въ полтора-два аршина, заросли морской капусты идутъ на неизвѣданныя глубины и представляютъ собою чуть не сплошныя подводныя рощи зеленыхъ лентъ, раскинувшіяся на сотни верстъ. Много въ нихъ шныряетъ рыбы; особенно же онѣ собираются туда во время икрометанія: нѣкоторыя породы рыбъ увѣшиваютъ эти ленты своею икрою. Заходятъ въ такія дремучія заросли и киты. Они большіе охотники до икры, и удивительно ловко обсасываютъ ее съ листовъ капусты.

Собирается, или, какъ принято говорить, „ловится" морская капуста совсѣмъ не хитро. При помощи длиннаго шеста съ крюкомъ на концѣ, ее выдергиваютъ съ лодки, стараясь зацѣпить капусту какъ можно ближе къ корню. Такая примитивная „ловля" производится, начиная съ небольшихъ глубинъ и кончая не дальше, чѣмъ сажени на четыре глубины. Надерганную капусту разбрасываютъ по песчаному берегу для просушки. Дня два-три, а при хорошемъ вѣтрѣ и меньше, — и гигантскія ленты капусты превращаются въ скорченныя и тонкія плети, легко ломающіяся. Однако, будучи сложены въ громадныя кучи и покрыты рогожами, сухіе листья капусты „отходятъ", дѣлаются мягче и эластичнѣе. Тогда ихъ свертываютъ въ своеобразныя пачки въ $^1/_2$ или $^3/_4$ арш. длины и перекручиваютъ ихъ веревками, сви-

Пачка сушеной капусты. Въ такомъ видѣ морская капуста перевозится, сохраняется въ складахъ и продается на восточныхъ рынкахъ.

На отдыхѣ. Пляска съ галичанками.
По фот. Ростовцева.

тыми изъ той же капусты. Такіе пакеты, вѣсомъ отъ $1^1/_2$ до 2 пудовъ каждый, складываются въ высокія пирамиды или грузятся на пароходы и шаланды.

Изъ сказаннаго ясно, что препарированіе капусты чрезвычайно просто. Главная забота собирателей заключается лишь въ томъ, чтобы не допустить на просушиваемую или высохшую уже капусту прѣсной воды, напримѣръ, дождя. Тогда продуктъ загниваетъ и пріобрѣтаетъ дурной запахъ и плохой вкусъ. Благодаря несложности консервированія капусты и дешевизнѣ „желтаго" труда, при посредствѣ котораго водоросль добывается, цѣна на этотъ продуктъ весьма не высока; и если въ Китаѣ пикуль (около 2 пуд.) капусты стоитъ отъ 2 р. 80 к. до 4 р. — то, можно быть увѣреннымъ, что большая часть этой стоимости оправдываетъ дороговизну фрахта, а отнюдь не самаго товара.

Русской (сахалинской) капусты на китайскій рынокъ поступаетъ тысячъ на четыреста рублей въ годъ, приблизительно 200.000 пикулей. Однако изъ Японіи, гдѣ капусту приготовляютъ значительно внимательнѣе и чище, вывозятъ ее въ Китай свыше 300.000 пикулей, на сумму болѣе 500.000 рублей. Японцы собираютъ капусту въ строго опредѣленные сроки, а не круглое теплое время, съ весны до осени, какъ это дѣлается у насъ. Кромѣ того, японцы старательно сортируютъ капусту и препарируютъ ее на разные лады: въ свѣрткахъ, въ нарѣзанныхъ листахъ, въ соленомъ видѣ, въ „стружкахъ" и въ „крупѣ", т.-е. мелко изрѣзанными кусочками. Сахалинская капуста дѣлится всего на два сорта, а японская имѣетъ нѣсколько подраздѣленій. Вообще въ Японіи капустный промыселъ стоитъ весьма высоко, а у насъ онъ ожидаетъ многихъ улучшеній и нуждается въ поощреніи со стороны правительства, хотя бы въ смыслѣ удешевленія тарифа при перевозкѣ капусты въ Европу.

Кромѣ прямого назначенія морской капусты — для ѣды, ее собираютъ также и для добыванія изъ нея іодистыхъ солей. Въ такомъ случаѣ сушеная капуста сжигается въ спеціальныхъ печахъ, и получающаяся зола подвергается надлежащей обработкѣ химическимъ путемъ.

Въ переживаемое нами время, когда главная поставщица наша всевозможныхъ патентованныхъ средствъ — Германія — надолго выброшена изъ сферы нашихъ съ ней отношеній, морская капуста можетъ сослужить большую пользу именно для тѣхъ лицъ, которымъ, какъ уже сказано, требуется хроническое лѣченіе іодистыми препаратами. Еще до японской войны д-ръ Н. К. Кирилловъ, великолѣпно изучившій вопросъ о пользѣ морской капусты, горячо пропагандировалъ этотъ продуктъ и даже дѣлалъ докладъ по этому поводу въ Обществѣ охраненія народнаго здравія. Профессоръ химіи А. Я. Данилевскій произвелъ детальный анализъ капусты, и полезные признаки іода были найдены въ ней безусловно. На основаніи этихъ работъ, нѣкая фармацевтическая фирма въ Лондонѣ выпустила-было въ свѣтъ особыя пастилки изъ морской капусты, а нѣкій рестораторъ изъ Владивостока ввелъ даже цѣлебную водоросль въ меню обѣдовъ для своей обширной кліентуры.

Но какъ приготовляютъ капусту въ пищу?

Берутъ сухой капусты (10 — 20 золотн. на человѣка) и мочатъ ее дня два-три въ перемѣнныхъ водахъ. Отъ нея сперва отмачивается прибрежная грязь, песокъ, соль, а потомъ она быстро набухаетъ, вбирая въ себя воду и почти принимая натуральный видъ. Посредствомъ вымачиванья уничтожается и специфическій запахъ моря, особенно долго не покидающій капусту. Вымоченную до полной мягкости и вымытую капусту рѣжутъ или шинкуютъ, подобно простой капустѣ или свеклѣ. Обваривъ ее затѣмъ кипяткомъ и сливъ послѣдній, капусту можно посолить и тушить въ маслѣ съ прибавкою молока; затѣмъ, когда она достаточно упрѣетъ, залить сырыми яйцами, разогрѣть до готовности яичницы и подавать. Это блюдо очень вкусно: оно напоминаетъ грузинскую „лобію" изъ шинкованныхъ и тушеныхъ турецкихъ бобовъ.

Можно также, нарѣзавъ капусту крупными кусками, поджарить въ маслѣ, можно накрошить ее для супа, для борща, хороша она и для винегрета. Японцы изъ нея дѣлаютъ пастилу, подобіе киселя и нѣчто въ родѣ мармелада. Но предварительная вымочка капусты необходима.

Хотя въ Китаѣ капуста и очень распространена, но она все же не является тамъ пищею крайней бѣдности. Ѣдятъ ее всѣ и, конечно, не съ единственной цѣлью ввести въ свой организмъ іодъ, а просто потому, что она вкусна и сытна.

Морской капусты, какъ уже сказано, на русскихъ европейскихъ рынкахъ нѣтъ. Очень жаль. Этотъ даръ Дальняго Востока могъ бы сослужить не малую пользу на поприщѣ улучшенія народнаго питанія. По своей компактности капуста была бы удобна и для военно-походныхъ кухонь, если только не было бы надобности въ долгомъ вымачиваньи ея. Впрочемъ, улучшенный способъ консервированія могъ бы измѣнить этотъ порядокъ. На первое время, если только капуста появится въ Россіи, она, разумѣется, будетъ дороговата; но когда къ ней привыкнутъ и требованіе на нее возрастетъ, она должна сильно подешевѣть и навѣрное можетъ явиться частою примѣсью къ нашему столу.

Души городовъ.

Изъ итальянскихъ впечатлѣній.

Б. Никонова.

Многіе города имѣютъ душу.

Тамъ, гдѣ живутъ тысячи людей, гдѣ еще ранѣе жили тысячи людей, и гдѣ они оставили послѣ себя слѣды своихъ мыслей, страданій и радостей, тамъ возникаютъ мало-по-малу элементы новаго живого существа, города. Это новое существо, какъ и люди, имѣетъ свою душу. Эти разъединенныя мысли, чувства и страданія кристаллизуются въ нѣчто особое, обособленное отъ отдѣльныхъ личныхъ существованій, и выливаются въ какомъ-нибудь внѣшнемъ проявленіи — будь то своеобразная панорама города, или его храмы, или памятники. Это и есть душа города. Людямъ душу даетъ Богъ, а городу душу даютъ люди и событія.

Не каждый городъ имѣетъ душу. Есть бездушные города, лишенные внутренняго психологическаго содержанія. Это преимущественно молодые города, возникшіе въ мирное, лишенное историческихъ событій время и еще не успѣвшіе воспринять наслоеніе поколѣній и отблески человѣческой многовѣковой мысли. Такіе

На отдыхѣ. Въ халупѣ на походной кровати.
По фот. Ростовцева.

На отдыхѣ. За чтеніемъ газеты вблизи позицій.

города еще мертвы при всемъ ихъ, иной разъ шумномъ, оживленіи. Въ нихъ нечего дѣлать человѣку, привыкшему мыслить и чувствовать. Въ нихъ нѣтъ мѣста философу, поэту, художнику. Такіе города сами способны отнимать у людей душу.

Тотъ, кому приходилось путешествовать, бывать въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ,—тотъ легко можетъ найти душу города. Въ Европѣ это легче сдѣлать, чѣмъ въ Америкѣ. Въ городахъ юга легче, чѣмъ въ городахъ сѣвера. На Дальнемъ Востокѣ—напримѣръ, въ Китаѣ, тоже есть города, имѣющіе душу. Эти города походятъ на кладбища. Но кладбища, въ сущности, не что иное, какъ тоже города.

Но нѣтъ, кажется, во всемъ мірѣ городовъ, въ которыхъ душа высказывалась бы и свѣтилась съ такой ясностью, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи. Страна, пережившая столѣтія утонченной культуры и тяжкихъ страданій и возставшая теперь вмѣстѣ съ сѣверными союзницами на защиту духа отъ тевтонской плоти, создала города, которые, какъ живое существо, полны мыслей, воспоминаній, паѳтій и проявленій духа.

Венеція.

У Андерсена есть сказка о Русалочкѣ, которая плѣнилась красотою земли, полюбила человѣка и пожелала жить на землѣ среди земныхъ существъ.

Она всплыла изъ морской прозрачной глубины на поверхность моря въ ясный вечерній часъ, когда на безбрежной зеленоватой равнинѣ лагуны скользили багряные паруса рыбачьихъ лодокъ. Ей было сказано, что за свое стремленіе къ людямъ и къ земному она заплатитъ величайшими страданіями. Но ей было также сказано, что послѣ многихъ вѣковъ страданій и любви она получитъ живую душу.

И вотъ такъ и случилось. Русалка перенесла тяжкія муки, но пріобщилась къ земному, покинувъ навсегда зеленую мглу морскихъ пучинъ. И обрѣла безсмертную душу. Ей дали душу страданія и любовь.

Такой Русалкой мнѣ представляется Венеція. Мнѣ кажется, что этотъ городъ—созданіе сказки и самъ сказка, или сонъ, который уже нѣсколько столѣтій снится изумленнымъ людямъ. Венеція всплыла на поверхность Адріатики сразу вся, въ своей ослѣпительной изъ точенаго мрамора красотѣ, съ своими дворцами и храмами, похожими на дорогія игрушки и украшенія. У Русалки-Венеціи былъ бѣлоснѣжный нарядъ и кроваво-красное ожерелье изъ коралловъ. Ожерелье страданія. Ея волосы купались въ зеленоватой волнѣ лагуны. Она только наполовину вышла изъ воды, потому что не рѣшалась подойти близко къ людямъ, хотя и любила людей и все земное.

Она любила Принца. Принцъ явился къ ней и сочетался съ ней бракомъ, бросивъ въ ея родное море золотой перстень. Принца звали Дожъ. Но тогда Русалка-Венеція еще не имѣла души. Ей еще нужно было перенести тысячу и тысячу страданій. Еще нужно было ей узнать и годы величія и годы унынія, чтобы пала на нее тѣнь человѣчества и ореолъ человѣчества.

И прошли эти годы. Годы великаго расцвѣта, пышности и величія, и годы бѣдствій и скорби. Внутренніе раздоры, вражда, доносы, страшныя расправы и казни, которыя до сихъ поръ помнятъ мостъ Вздоховъ и дворецъ Дожей,—терзали мраморный фантастическій городъ. Жестокія войны съ сосѣдними городами и государствами—все перенесла Русалка, и кровавое ожерелье часто расцвѣтало на ея груди пламенемъ крови и пожара.

Получила ли она безсмертную душу? Да, конечно. Страданіемъ и любовью Русалка-Венеція пріобщена къ безсмертію и къ міру живыхъ душъ. Но душа ея вся въ прошломъ. Призрачный, сказочный городъ спитъ, какъ спящая Царевна, и вспоминаетъ сквозь сонъ о быломъ. Спятъ старинныя палаццо на Большомъ каналѣ, спитъ дворецъ Дожей, спятъ тихіе каналы. Придетъ ли новый Рыцарь и разбудитъ ли спящую Царевну? Броситъ ли онъ опять перстень въ море, сочетаясь съ ней, съ олицетвореніемъ морской сказочной глубины?

Душа Венеціи—прошлое. Душа ея—сказка. Я самъ не знаю, видѣлъ ли я ее, эту прелестную морскую сказку, или она мнѣ приснилась?

Но сказка такъ красива и такъ жива, что мнѣ кажется, будто я видѣлъ собственными глазами и ажурныя украшенія дворцовъ, и стройную кампаниллу, и нищихъ, отдыхающихъ у ея подножія, и голубей, слетающихъ на площадь съ крыши Святого Марка. Я не знаю, самъ ли я видѣлъ, или и это тоже сказка: тихій вечеръ на площади Марка, багровый отблескъ огней иллюминаціи, пестрая толпа народа, шуршанье шаговъ и музыка на площади... Быть-можетъ, и багряные паруса рыбачьихъ лодокъ—сказка? И волнующаяся гладь залива съ темными силуэтами гондолъ—сказка?

Но вотъ къ волшебному городу приближается новая гроза: уже летаютъ надъ ней вражескія птицы-аэропланы и бросаютъ бомбы на мраморное кружево ея дворцовъ, а море гремитъ отзвуками приближающейся канонады. Коралловое ожерелье спящей Русалки снова вспыхиваетъ багрянцемъ страданія. И душа ея перестаетъ быть сказкой. Быть-можетъ, пройдетъ еще немного времени, и душа пробужденнаго сказочнаго города послѣ новыхъ страданій станетъ пламенной и величавой дѣйствительностью.

Миланъ.

Бываютъ люди, суровые по внѣшности, чуждые, казалось бы, порывовъ идейнаго характера, погруженные, казалось бы, только въ мірскія дѣла, въ мелкія хлопоты, въ торговлю, въ расчеты.

Но въ глубинѣ души у нихъ, незамѣтно для посторонняго взгляда, глубоко залегла живая и яркая искра. Они закрываютъ въ своей кельѣ двери, когда молятся. Они не выносятъ своихъ порывовъ и молитвъ на улицы и торжища, но стараются спрятать свою душу подъ суровой, безстрастной и даже мелочной личиной.

Дѣйствительная окружающая жизнь съ ея мелочами иногда захватываетъ ихъ. Они грубоваты, крикливы, или сурово мол-

На отдыхѣ. Продавецъ папиросъ, конвертовъ и бумаги въ дѣйствующей арміи,—герой турецкой войны.

чать. Они занимаются какимъ-нибудь самымъ прозаическимъ дѣломъ: торгуютъ, ведутъ бухгалтерскія книги, или служатъ въ департаментѣ, или собираютъ подати. Но гдѣ-то въ глубинѣ души у нихъ таится яркій огонекъ, и они тщательно и нѣжно берегутъ его. И когда скука и томленіе жизни станутъ для нихъ несносны, когда будничный трудъ начнетъ ихъ слишкомъ давить, они пріоткрываютъ дверку въ таинственную глубину души и поздней ночью, или днемъ, вдали отъ всѣхъ, плачутъ, молятся и цѣлуютъ какой-нибудь тщательно скрываемый отъ всѣхъ медальонъ.

У нихъ есть алтарь въ душѣ. Онъ скрытъ цѣлыми облаками суеты и мелочей. Онъ заваленъ ими, какъ заваленъ лѣсной кладъ хворостомъ и валежникомъ. Но его свѣтъ все-таки пробивается въ глубинѣ души.

Такимъ суровымъ и мелочнымъ по внѣшности человѣкомъ съ далекой искрой въ душѣ мнѣ представляется Миланъ.

Городъ шумной и суетливой торговли, пыльныхъ торговыхъ и рабочихъ улицъ, звонкихъ и суетливыхъ трамваевъ и моторовъ. Городъ спроса и предложенія, городъ фабрикъ и заводовъ. Казалось бы, въ немъ нѣтъ мѣста ничему душевному, идейному. Но у него есть душа, и есть тихіе и прекрасные уголки въ душѣ, гдѣ этотъ трудовой и суетливый городъ отдыхаетъ въ минуты размышленій и уходитъ въ глубокія и искренія религіозныя и философскія переживанія.

Эти уголки въ Миланѣ—соборъ и кладбище.

Австрійское орудіе, захваченное нашими войсками.

Огненно-жаркая площадь. Трамваи звенятъ со всѣхъ сторонъ, скрещиваются, идутъ по параллельному пути рядомъ другъ съ другомъ, догоняя одинъ другого. По сторонамъ площади въ кафэ толпятся посѣтители, читаютъ наспѣхъ газеты, пьютъ остывающій черный кофе. Громадная, похожая на дворецъ, галлерея Виктора-Эммануила сверкаетъ своими пышными витринами, великолѣпными сокровищницами магазиновъ и всѣмъ тѣмъ, чему имя — суета. И надъ всей этой суетой и шумомъ площади молча стоитъ, высоко уходя къ небу, желто-розовый мраморный соборъ, залитый солнцемъ и источающій изъ себя солнце. И теплые лучи его мягко ложатся на шумную площадь.

Снаружи онъ хранитъ одинъ тонъ съ яркимъ и пестрымъ городомъ. Это не монашески-темный кёльнскій соборъ. Въ немъ нѣтъ ни тѣни показного смиренія и нарочитой мрачности смиренія и покаянія. Нѣтъ никакого подчеркиванія своей святости и отреченности отъ міра. Миланскій соборъ, подъ стать городу, свѣтелъ и нарядень и украшенъ суетливой рѣзьбой и украшеніями. Онъ походитъ, именно, на того человѣка, что живетъ въ мірѣ, служитъ міру и какъ бы преисполненъ суеты міра, но хранитъ въ душѣ и истинную святость и тайные порывы къ Небу и Истинѣ.

Съ огненно-жаркой паперти, съ раскаленнаго помоста, вы вступаете въ порталъ, пріоткрывая полосатую, колеблемую вѣтромъ занавѣсь. И, словно по волшебству, въ одно мгновеніе исчезаетъ ослѣпительный городъ, стихаетъ его шумъ и гомонъ, и васъ охватываетъ тишина, прохлада и полутьма. И вы ясно чувствуете, что здѣсь таится душа города, ушедшая въ молитвенное созерцаніе послѣ своихъ будничныхъ хлопотъ и заботъ.

Длинный лѣсъ колоннъ. Точно деревья, вершины которыхъ тянутся къ небу, стоятъ рядами стволы колоннъ. И путникъ идетъ, словно черезъ темный и дремучій лѣсъ, къ алтарю, надъ которымъ свѣтится куполъ, и выступаетъ на сіяющемъ фонѣ этого купола-неба Распятіе.

Громадныя цвѣтныя окна почти во всю высоту стѣнъ. Стекла расписаны въ клѣтку изображеніями и сценами изъ Священнаго Писанія. Дневной солнечный свѣтъ преломляется въ нихъ, просѣивается сквозь цвѣтныя изображенія и разсказываетъ святыя легенды. Я не знаю, сознательно или безсознательно создали строители храма прелестный и глубокій символъ, заключающійся въ этихъ громадныхъ цвѣтныхъ окнахъ. Вѣдь и свѣтъ Истины проходитъ къ намъ черезъ то окно, какимъ является для вѣрующихъ Церковь, и сіяетъ намъ въ видѣ священныхъ легендъ, преданій и образовъ. И падаютъ на мозаичный темный полъ цвѣтныя пятна отъ оконъ, расцвѣчивая его такъ, какъ расцвѣчиваетъ темную землю коверъ цвѣтовъ...

Здѣсь, внутри собора, перестаешь вѣрить, что онъ—дѣло рукъ человѣческихъ. Невольно думается и вѣрится, что эти уходящія изъ земной тьмы въ свѣтлую безконечность купола стѣны и этотъ лѣсъ огромныхъ колоннъ-деревьевъ, — этотъ темный и глухой лѣсъ, черезъ который лежитъ путь къ свѣту для истомленной и страдающей души,—все это возникло такъ же, какъ возникли горы и лѣса, моря и утесы. Кто изъ людей могъ создать эту поистинѣ нечеловѣческую красоту и величіе?

Соборъ строили поколѣнія. Начатый въ 1386 году, онъ былъ законченъ постройкой лишь въ 1805 году. Одинъ человѣкъ, одно поколѣніе не могли справиться съ такой величавой задачей. Но зато *одна* воля и одна единая вѣра могли, перейдя изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ человѣка къ человѣку, создать то, что, казалось бы, доступно лишь одному Богу.

Многовѣковой городъ, заключившій въ себѣ нѣсколько поколѣній людей, одаренныхъ вѣрою, талантомъ и чутьемъ прекраснаго, могъ создать то чудо архитектуры, которое называется миланскимъ соборомъ, и въ которомъ городъ бережетъ свою душу. Сколько именъ соединились здѣсь, участвовавшихъ въ созиданіи собора? Начиная отъ Симоне да-Орсениго и кончая Амати, который закончилъ постройку по приказанію Наполеона Бонапарта, поколѣнія художниковъ, мастеровъ и рабочихъ трудились надъ соборомъ. Какъ много нужно было вѣрить, какъ сильно надо было любить искусство, чтобы продолжать этотъ великій трудъ, зная, что не суждено никогда увидѣть окончанія его!

Такой трудъ только и могъ быть посвященъ Богу. Для людей, для земного, для мірской суеты, грѣшно и невозможно было отдать такъ много труда, таланта, сверхчеловѣческаго воображенія, художественнаго вкуса и архитектоническаго вдохновенія. И городъ, извнѣ живущій для суеты, а внутренно таящій порывы къ вѣчному свѣту, задумалъ и создалъ для Бога дивное и вѣчное созданіе искусства, пережившее и переживающее вѣка и народы.

Другое мѣсто въ Миланѣ, гдѣ обнаруживается тайная душа этого города,—кладбище Campo Santo.

„Святое поле"... Да, поле, или, вѣрнѣе, садъ, гдѣ посѣяны сѣмена грядущаго. Здѣсь городъ похоронилъ своихъ дѣтей, свои надежды, любовь, гордость. Какъ

Пушка, отбитая нашими развѣдчиками у австрійцевъ.

садовникъ, что садитъ весной цвѣты въ разрыхленную черную землю и втыкаетъ дощечки съ надписями: „гвоздика“, „розы“, „анемоны“—такъ и здѣсь тайный садовникъ посадилъ въ землю смерти сѣмена жизни и поставилъ памятныя дощечки съ надписями: „Джіованни Подеста“, „Супруги Сфорца“, и другія. На бѣлыхъ и темныхъ мраморныхъ плитахъ вдѣланы портреты-медальоны, чтобы яснѣе вспоминать тѣхъ, кто былъ живъ, въ ихъ живомъ видѣ. И горятъ предъ ними лампады, и лежатъ кругомъ нихъ цвѣты и вѣнки. И надъ ними въ прекрасныхъ образахъ, созданныхъ рукою художника-скульптора, высятся каменные образы жизни, смерти, вѣчности, надежды на иное существованіе—вѣчно прекрасные и утѣшительные символы, превращенные талантомъ и рукою художника въ дивныя художественныя произведенія—памятники.

Это не музей, гдѣ въ холодныхъ рядахъ стоятъ бездушныя статуи и мраморныя группы. Это святое поле, гдѣ посѣяна жизнь, и гдѣ стоятъ ея стражами и вѣстниками и указателями вдохновенныя произведенія искусства. На полѣ зелени и цвѣтовъ, за городомъ, выростаютъ пока эти мраморные цвѣты, а потомъ, когда земные вѣка прекратятъ свое теченіе, здѣсь выростутъ новые носители жизни.

И вотъ сюда, въ тишину загороднаго одиночества, въ зелень и благоуханіе сада, въ бѣлыя, прохладныя, мраморныя аллеи крематорія, приходитъ въ часы грусти Городъ. И, забывъ о своихъ дневныхъ заботахъ, о суетѣ, о торговлѣ, о магазинахъ въ галлереѣ Виктора-Эммануила, онъ вспоминаетъ о своихъ умершихъ дѣтяхъ и скорбитъ о нихъ и ждетъ ихъ опять, какъ та бѣлая мраморная женщина на одномъ изъ памятниковъ, что сидитъ въ позѣ задумчиваго ожиданія надъ мраморной плитой.

Она тоже ждетъ того, кто ушелъ отъ нея...

У нашихъ союзниковъ. Пріютъ для бельгійскихъ дѣтей въ Англіи.

Генуя.

Полная противоположность Милану—Генуя.

Это городъ-лицемѣръ, городъ-фарисей, который молится на торжищахъ, и у котораго и сердце лежитъ къ однимъ только торжищамъ.

Старинная итальянская поговорка о Генуѣ и генуэзцахъ сложилась, вѣроятно, не даромъ: „Mare senza pesce, montagne senza alberi, nomini senza fede e donne senza vergogne“ („Море безъ рыбы, горы безъ деревьевъ, люди безъ вѣры и женщины безъ стыда“). Это городъ, въ которомъ все, кромѣ торговли и наживы, хранитъ въ себѣ какое-нибудь роковое „безъ“. Величественныя зданія безъ величія, церкви безъ внутренняго религіознаго настроенія, море безъ тѣхъ красокъ, которые свойственны югу—грязное, биткомъ-набитое судами, улицы и площади безъ опредѣленной физіономіи, безъ стиля, безъ характера. У этого города тоже есть душа, но душа у него мелкая и тщеславная, безъ порывовъ къ высшей жизни, похожая на мутное море въ его гавани, и на его гавань, гдѣ дымятъ каменноугольною копотью трансатлантическіе пароходы, и толкаются, словно нищіе на паперти, лодчонки гаваньскихъ хищниковъ-лодочниковъ. Эта грязная громадная гавань сплошь завалена бочками, ящиками, кипами товара. Грохочутъ лебедки, вздымая мѣшки съ мукой и обсыпая бѣлой мучной пылью все окружающее. Бѣгаютъ нервные таможенные чиновники, пристаютъ къ пассажирамъ нищіе лодочники и просто нищіе, снуютъ пассажиры. Здѣсь душа Генуи—суетная и мелкая душа, загроможденная дѣлами и предметами суеты и словно покрытая той пылью, которая летитъ съ мучныхъ мѣшковъ и съ грязныхъ каменныхъ плитъ мостовой.

И нѣтъ въ этомъ городѣ тѣхъ тайныхъ уголковъ, гдѣ, какъ въ Миланѣ, чувствуется отдыхъ истомленнаго суетою духа и порывъ къ вѣчности. Однако этотъ городъ-фарисей, крикливый и суетливый, черствый и сухой, старается дѣлать видъ, что и у него есть алтарь въ душѣ. У него есть храмы, есть свое Кампо Санто. И, какъ богатый ростовщикъ, какъ выскочка, накопившій милліонное состояніе, онъ старается дѣлать все какъ можно роскошнѣе и пышнѣе. Но въ его роскоши—безвкусіе и отсутствіе стиля, въ его алтаряхъ—мертвечина холоднаго равнодушія. Его храмы—безъ настроенія, безъ молитвъ. Его кладбище—Кампо Санто, прославленное на весь міръ своей роскошью, походитъ на громадную торговую галлерею, на обширный и роскошный магазинъ выставленныхъ для продажи мавзолеевъ. Генуя гордится своимъ Кампо Санто, пытается увѣрить, что оно самое богатое, самое лучшее и интересное во всей Италіи. Съ точки зрѣнія праздныхъ туристовъ, такъ оно и есть. И, заманивая туристовъ на свое „святое поле“, рекламируя его и у себя и за границей, городъ-торгашъ извлекаетъ выгоды даже изъ него. Онъ торгуетъ своими мертвыми.

На зеленыхъ склонахъ горъ, за городомъ, какъ въ Миланѣ, но безъ тишины и задумчиваго одиночества полевыхъ равнинъ, какъ въ миланскомъ Кампо Санто, бѣлѣетъ высокая ограда и пышныя мраморныя галлереи генуэзскаго кладбища. Суетливая и надменная роскошь разбогатѣвшаго откупщика чувствуется здѣсь на каждомъ шагу. Суета встрѣчаетъ посѣтителя уже передъ воротами кладбища. Въ Миланѣ тихо и пустынно: нѣтъ лишнихъ людей, нѣтъ назойливыхъ гидовъ. Здѣсь же васъ прежде всего встрѣчаетъ полупьяный наглый гидъ въ котелкѣ и пристаетъ къ вамъ съ предложеніемъ „показать кладбище“, совершенно такъ же и такимъ же тономъ, какъ помпейскіе гиды предлагаютъ показать лупанары... Онъ говоритъ по-итальянски, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, по-русски—одинаково скверно. И, если вы проскользнули молча мимо него въ широкія ворота кладбища, онъ посылаетъ вслѣдъ вамъ насмѣшку и ругательство... Это—первый привѣтъ генуэзскаго „святого поля“.

У входа на кладбище подъ воротами—лавочка. Городъ, у котораго на умѣ только торговля, торгуетъ и здѣсь. Въ Миланѣ этой торговли нѣтъ: тамъ Городъ умѣетъ чтить святое поле и презираетъ торговлю въ храмѣ. Генуя торгуетъ въ своемъ Кампо Санто, продавая открытки и фотографическіе снимки съ могилъ и памятниковъ. Это—второй привѣтъ поля мертвецовъ, эксплуатируемыхъ живыми.

Громадныя галлереи, въ видѣ длиннаго прямоугольника, замыкаютъ собою внутреннее кладбище, гдѣ въ тѣснотѣ покоятся подъ простыми крестами городскіе бѣдняки. Въ генуэзскомъ Кампо Санто есть аристократическая часть и часть демократическая, отведенная неимущимъ покойникамъ. Аристократы покоятся въ коридорахъ галлерей: въ этихъ длинныхъ и высокихъ коридорахъ безконечная выставка памятниковъ, иногда строгихъ и художественныхъ въ своей идеѣ и выполненіи, но чаще удивительно буржуазныхъ, шаблонныхъ и плоскихъ. Памятники стоятъ въ тѣснотѣ, одинъ рядомъ съ другимъ, какъ въ магазинѣ. И какъ много здѣсь безвкусныхъ, пошлыхъ фигуръ: толстыя женщины въ старомодныхъ костюмахъ, съ турнюрами и съ буфами на плечахъ (какъ ужасны эти старомодныя платья, высѣченныя на вѣки вѣковъ изъ мрамора!), толстые мужчины съ усами, какъ у Виктора-Эммануила, въ пиджакахъ и сюртукахъ... Они при жизни были торговцами, экспортерами, банковыми дѣятелями, приказчиками—и даже теперь, уже уйдя въ иной міръ, они, по мысли бездарнаго художника, остаются все тѣми же банкирами, коммерсантами, приказчиками... И странно видѣть среди этихъ представителей торговой Генуи ангеловъ въ длинномъ одѣяніи съ потушенными факелами въ рукахъ, или монаховъ, медленно уходящихъ въ глубину преисподней, съ обращеннымъ къ небу прощальнымъ взоромъ... Точно не въ свой кругъ попали эти немногія идейныя изображенія и фигуры!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Выданъ 1-го августа 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес.—25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за августъ.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Монаршая забота о дѣтяхъ защитниковъ родины.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Кровопролитнѣйшая изъ войнъ грозитъ безмѣрно умножить число осиротѣвшихъ семействъ. Царственный долгъ и влеченіе сердца Нашего побуждаютъ Насъ призвать въ эти дни русскихъ людей къ общимъ заботамъ объ участи дѣтей увѣчныхъ и павшихъ въ бою защитниковъ родины.

Въ искони земледѣльческой Россіи лучшимъ способомъ призрѣнія сиротъ является, по мысли Нашей, повсемѣстное учрежденіе земледѣльческихъ пріютовъ, устроенныхъ въ обычныхъ условіяхъ сельской жизни и дающихъ своимъ питомцамъ трудовое воспитаніе и необходимыя въ быту ихъ познанія. Общія основанія устройства такихъ земледѣльческихъ пріютовъ, съ широкою помощью отъ казны, начертаны въ обнародуемомъ вмѣстѣ съ симъ положеніи о пріютахъ; но должное развитіе дѣло это можетъ получить лишь, по ближайшимъ указаніямъ опыта, усердіемъ и заботами мѣстныхъ людей.

Непосредственное попеченіе на мѣстахъ объ умноженіи числа

пріютовъ и объ упроченіи ихъ благосостоянія признали Мы наилучшимъ возложить на испытанныя въ служеніи Родинѣ и близкія къ сельскому населенію земскія учрежденія. Заодно съ ними, къ дружному осуществленію задачъ призрѣнія сиротъ павшихъ воиновъ призываемъ города, сословныя и благотворительныя общества и частныхъ лицъ. Твердо уповаемъ на дѣятельное участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ монастырей, приходовъ, церковныхъ попечительствъ и братствъ. Вѣримъ, что на призывъ Нашъ позаботиться, по завѣту св. евангелія, о „малыхъ сихъ" откликнется, какъ одинъ человѣкъ, вся Русь, безъ различія народностей, сословій и состояній.

Утвержденное Нами сего числа, на основаніи статьи 87-й Основныхъ Государственныхъ Законовъ, положеніе о земледѣльческихъ пріютахъ для дѣтей увѣчныхъ и павшихъ воиновъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ привести въ дѣйствіе.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ Царскомъ Селѣ. *„НИКОЛАЙ"*.

7-го іюля 1915 года.

Скрѣпилъ:

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, статсъ-секретарь *Горемыкинъ*.

Приказъ по военному вѣдомству.

Петроградъ, іюля 19-го дня 1915 года, № 368.

Государь Императоръ въ 19-й день сего іюля Всемилостивѣйше соизволилъ:

1) На допущеніе къ производству въ подпоручики (корнеты, хорунжіе и подпоручики милиціи) достойнѣйшихъ прапорщиковъ всѣхъ родовъ оружія, уже имѣющихъ орденъ Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія, Георгіевское оружіе или двѣ боевыя орденскія награды, пожалованныя въ чинѣ прапорщика.

2) На предоставленіе Главнокомандующимъ и командующимъ арміями права на производство названныхъ прапорщиковъ по удостоенію строевого начальства, съ утвержденіемъ, затѣмъ, сего производства Высочайшими приказами.

и 3) На отнесеніе старшинства сего производства прапорщиковъ въ подпоручики (корнеты, хорунжіе и подпоручики милиціи) на 19-е іюля текущаго года.

Подписалъ: Управляющій Военнымъ Министерствомъ, генералъ-отъ-инфантеріи *Поливановъ*.

Лондонскій епископъ о Россіи. Какъ и въ Россіи, состоялось всенародное моленіе о побѣдѣ въ Англіи. Въ день торжественнаго моленія, въ столицѣ Англіи, во время проповѣди епископъ лондонскій, сказавъ похвальное слово Франціи и Бельгіи, продолжалъ:

«Но что сказать намъ о Россіи? Тѣ изъ насъ, которые посѣщали Россію, навсегда полюбили великую душу ея народа. При паломничествѣ въ Палестину каждый годъ, на каждыя десять тысячъ паломниковъ изъ другихъ странъ, приходится, по крайней мѣрѣ, тысяча богомольцевъ изъ Россіи». Въ заключительной части своей рѣчи епископъ сказалъ: «Россія никогда не будетъ побѣждена, пока существуетъ міръ, не только вслѣдствіе обширности ея территоріи, но также въ силу духовной мощи народа».

Обмѣнъ военноплѣнныхъ инвалидовъ. Комитету по обмѣну и эвакуаціи военноплѣнныхъ инвалидовъ послѣ длительныхъ и сложныхъ переговоровъ удалось добиться согласія Австро-Венгріи на обмѣнъ инвалидами на такихъ же условіяхъ, какъ и съ Германіей. Осложненіе возникло изъ-за того, что обмѣниваемые съ Австро-Венгріей инвалиды должны провозиться не только по территоріи нейтральной Швеціи, но и по территоріи Германіи.

По поводу достигнутаго соглашенія вчера, подъ предсѣдательствомъ супруги министра иностранныхъ дѣлъ А. Б. Сазоновой, состоялось засѣданіе комитета для обсужденія мѣръ, которыя надлежитъ немедленно принять. Комитетъ рѣшилъ приступить къ оборудованію санитарныхъ поѣздовъ, въ которыхъ военноплѣнные инвалиды будутъ перевозиться изъ Россіи до Торнео, гдѣ будетъ производиться обмѣнъ.

Первый транспортъ предполагается доставить до станціи Торнео къ 27 іюля. Предназначенные для обмѣна инвалиды, — германцы и австрійцы, — доставляются въ настоящее время въ спеціально оборудованные для этого помѣщенія въ Московскихъ казармахъ, близъ Финляндскаго вокзала въ Петроградѣ. Для нашихъ же инвалидовъ, которые будутъ доставлены изъ Германіи и Австро-Венгріи, приспособлены помѣщенія въ клиническомъ госпиталѣ Великой Княгини Елены Павловны. Транспорты съ военноплѣнными инвалидами будутъ доставляться по три раза въ недѣлю въ поѣздахъ, изъ которыхъ каждый разсчитанъ на 250 человѣкъ.

Бой турецкаго броненосца «Бреслау» съ двумя нашими миноносцами. О славномъ подвигѣ двухъ нашихъ миноносцевъ, атаковавшихъ турецкій броненосецъ «Бреслау», въ ночь на 29-е мая, до сихъ поръ было мало извѣстно публикѣ. Приводимъ нѣкоторыя подробности. Въ этомъ бою наши миноносцы показали такую отвагу и искусство русскихъ артиллеристовъ, что о немъ стоитъ сказать подробнѣе.

— Была большая зыбь,—разсказываетъ въ «Веч. Вр.» участникъ этого боя.—Шли на западъ отъ Зунгулдака, въ парѣ съ другимъ миноносцемъ. Приблизительно въ 30-ти миляхъ отъ Босфора, около половины второго ночи, радіотелеграфистъ донесъ, что онъ слышалъ работу радіо. На всякій случай приготовились къ бою. Около двухъ часовъ ночи, справа, по носу, увидѣли темное пятно. Типа корабля нельзя было еще разобрать, такъ какъ онъ шелъ на пересѣчку курса. Вскорѣ однако, когда непріятельское судно повернуло налѣво и стало къ намъ бортомъ, въ немъ сразу узнали «Бреслау». Съ своей стороны и «Бреслау» также замѣтилъ насъ къ этому времени. Наведенный имъ прожекторъ попалъ на корму нашего миноносца, а затѣмъ освѣтилъ и другой миноносецъ, по которому «Бреслау» открылъ огонь. Мы, съ своей стороны, раньше открыли огонь по крейсеру. Сразу же на «Бреслау» были усмотрѣны взрывы на носу, на кормѣ и начавшійся пожаръ. Слѣдующими выстрѣлами намъ удалось сбить прожекторъ на «Бреслау», послѣ чего онъ прекратилъ стрѣльбу, повернулъ и скрылся въ темнотѣ ночи. Позднѣе, по свѣдѣніямъ изъ Бухареста, выяснилось, что «Бреслау» были причинены пробоины около ватерлиніи на носу и въ кормовой части, а на правомъ борту выведены изъ строя нѣсколько пушекъ. Изъ личнаго состава на «Бреслау» было убито 24 человѣка, въ томъ числѣ командиръ, и ранено 50. На бывшемъ съ нами миноносцѣ, какъ уже сообщалось въ печати, были ранены всего шесть человѣкъ. Весь этотъ бой длился всего нѣсколько минутъ. Но, казалось, были пережиты долгіе часы.

Англичане о доблестномъ сопротивленіи русской арміи. Газета «Times» въ статьѣ, посвященной операціямъ вокругъ Варшавы, говоритъ:

«Въ исторіи невозможно найти ничего подобнаго тому гигантскому столкновенію, которое нынѣ развивается между Балтійскимъ моремъ и Прутомъ. Первѣйшею обязанностію западныхъ союзниковъ, съ напряженнымъ ожиданіемъ слѣдящихъ за развитіемъ этого столкновенія, является выраженіе благодарности и восхищенія, при видѣ доблестнаго сопротивленія, оказываемаго русской арміей. Несмотря на превосходное число враговъ, не вполнѣ снаряженныя, въ сильной степени затрудняемыя серьезнымъ недостаткомъ оружія и взрывчатыхъ снарядовъ, русскія войска дерутся съ выдающейся и упорной храбростью, которую они же до сихъ поръ сами никогда не превосходили. Согласно своимъ постояннымъ традиціямъ, Россія еще разъ жертвуетъ собой для защиты истинной свободы міра. Какъ тогда, когда она защищала міръ отъ нашествія монголовъ съ востока, она теперь такъ же безстрашно встрѣчаетъ нашествіе гунновъ съ запада. Германцамъ снились многіе сны, изъ которыхъ пока ни одинъ еще не осуществился, и мы вѣримъ, что, во всякомъ случаѣ, русская стратегія нанесетъ рѣшительный ударъ исполненію всѣхъ задачъ, которыя германцы себѣ поставили.

«Они, очевидно, придерживаются извѣстнаго срочнаго расписанія такъ же, какъ они дѣлали это въ самомъ началѣ войны. Они надѣются не на то только, чтобы на долгое время парализовать Россію и помѣшать ей снова перейти въ наступленіе, но ихъ мысли обращаются также и по другимъ направленіямъ. Лѣто быстро проходитъ, и для поставленныхъ ими задачъ необходимо покончить съ Россіей возможно быстрѣе, по крайней мѣрѣ, покончить съ нею на время. Но они не достаточно быстро исполняютъ свое срочное расписаніе, которое уже теперь оказалось нарушеннымъ. Какъ защита Льежа уничтожила всѣ расчеты германцевъ въ началѣ войны, такъ и теперь почти невѣроятный героизмъ русскихъ войскъ и русскихъ всѣхъ прочихъ неравныхъ силъ задержалъ ихъ и остановилъ ихъ движеніе на всѣхъ пунктахъ. Большія крѣпости до сихъ поръ ими не взяты. Русская армія до сихъ поръ цѣла, и германцы могутъ легко застрять въ грязи поздней осени и зимы. Доблестные подвиги Россіи имѣютъ громадное значеніе для Запада. Значеніе это заключается въ томъ, что цѣной понесенныхъ ею тяжелыхъ жертвъ Западу дана передышка, и теперь на нашихъ администраторахъ лежитъ обязанность использовать эту передышку возможно лучше».

Болгарскій долгъ. Софійская газета «Балканская Трибуна», издаваемая стойкимъ руссофиломъ Икономовымъ, занялась интереснымъ подсчетомъ жертвъ, принесенныхъ Россіей для освобожденія Болгаріи.

По болгарской статистикѣ 1880 г., говоритъ «Балканская Трибуна», количество освобожденныхъ болгаръ въ русско-турецкую войну было 1.918.943 человѣка, кромѣ того, было еще 876.201 человѣкъ разныхъ народностей, преимущественно деліорманскихъ мусульманъ, которымъ подъ турецкимъ владычествомъ жилось не худо и которые не нуждались въ освобожденіи. Для того, чтобы освободить эти 1.918.943 болгарина русскій народъ пожертвовалъ по точнымъ даннымъ военныхъ статистиковъ ровно 199.981 своимъ сыномъ и увеличилъ свой государственный долгъ на 1.300.000 руб. Слѣдовательно, свобода каждыхъ 10 болгаръ стоила жизни одному русскому, и на каждаго освобожденнаго болгарина затрачено было 677 р. 51 к.

Далѣе газета даетъ слѣдующую картину: «Если бы сумму потраченныхъ на освобожденіе Болгаріи денегъ нагрузить серебромъ на подводы и выстроить ихъ въ линію, то линія эта займетъ пространство отъ Варны до Софіи и черезъ горные балканскіе перевалы до самаго Бургаса!»

Таковы матеріальныя затраты при освобожденіи Болгаріи. А сколько стоило устроеніе княжества до 1886 г., не поддается точному учету. Россія списала Болгаріи оккупаціонный долгъ и заплатила 20 милліоновъ при провозглашеніи независимости Болгарскаго царства.

«Балканская Трибуна» справедливо заключаетъ, что каждый честный болгаринъ сознаетъ это, и если не всегда дѣйствовалъ и дѣйствуетъ согласно велѣніямъ своей совѣсти, то это нужно отнести за счетъ побочныхъ причинъ, которыя не отъ него одного зависѣли и зависятъ и которыя однако не въ состояніи вырвать изъ души болгарина его чувства признательности русскимъ братьямъ.

Вѣщія слова „Бѣлаго генерала". Въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» помѣщена выдержка изъ интересной парижской рѣчи «Бѣлаго генерала», — рѣчи, вызвавшей въ свое время (въ 1882 году) огромное возбужденіе въ Германіи.

М. Д. Скобелевъ сказалъ въ ней, между прочимъ, слѣдующее:

«Я долженъ сказать вамъ, признаться передъ вами, почему Россія не всегда стоитъ на высотѣ своихъ патріотическихъ обязанностей и своей славянской роли въ частности. Это потому, что какъ внутри, такъ и извнѣ, ей приходится вести борьбу съ чужеземнымъ вліяніемъ.

«Мы не хозяева въ своемъ собственномъ домѣ.

«Да! Чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемъ. Мы—игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Его безчисленныя и роковыя вліянія до такой степени властвуютъ надъ нами и парализуютъ насъ, что если, какъ я надѣюсь, намъ удастся когда-нибудь избавиться отъ нихъ, то не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

«И если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазъ, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ русскихъ и славянъ, то я вамъ назову его.

«Это виновникъ похода на Востокъ,—вы всѣ его знаете,—это нѣмецъ!

«Повторяю вамъ и прошу не забывать, нашъ врагъ—нѣмецъ!

«Борьба между славянами и тевтонами неизбѣжна...

«Она даже близка...

«Это будетъ продолжительная, кровопролитная, страшная борьба, но что касается меня, то я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ побѣдятъ славяне»...

Конецъ германскимъ колоніямъ. 27-го іюня германскія войска въ юго-западной Африкѣ сдались генералу Бота. Бурскій генералъ, командующій английскими войсками въ южной Африкѣ, взялъ въ плѣнъ 3.166 нижнихъ чиновъ, 204 офицера, 37 полевыхъ орудій и 22 пулемета.

Такимъ образомъ Германія уже отдала всѣ свои колоніи. Точнѣе, онѣ у нея взяты. Успѣхъ генерала Бота явился въ этомъ отношеніи завершительнымъ звеномъ длинной цѣпи нанесенныхъ Германіи ударовъ.

По подсчету «Ранняго Утра», германскій флагъ спустился въ Тоголандѣ, на Золотомъ берегу Гвинейскаго залива, въ прилегающемъ къ этой области Камерунѣ, въ восточной и юго-западной Африкѣ, чѣмъ въ общей сложности исчерпываются ея колоніи въ этой части свѣта. Въ Азіи германцы лишились округа Кіао-Чао. Въ Тихомъ океанѣ они потеряли Соломоновы острова (архипелагъ Бисмарка), Маршалльскіе, Маріанскіе, Восточно и Западно-Каролинскіе, Самоа, островъ Паллоу и принадлежавшую имъ часть Новой Гвинеи, называвшуюся Землей Императора Вильгельма.

Площадь всѣхъ этихъ земель въ шесть разъ больше площади самой Германіи. Населеніе ихъ превышало двѣнадцать милліоновъ человѣкъ. Торговый оборотъ достигалъ двухсотъ двадцати пяти милліоновъ рублей въ годъ и изъ четырехъ тысячъ судовъ, поддерживавшихъ сообщенія со всѣми этими землями, половину составляли германскія.

Чтобъ вернуть всѣ утраченныя колоніи, Германіи недостаточно побѣдить на сушѣ, въ Европѣ, ей нужно еще добиться полнаго господства на морѣ, иными словами, — совершенно разбить двѣ величайшія морскія державы — Англію и Японію. Невозможность подобнаго ясна всякому здравомыслящему.

Побѣда знаменитаго бурскаго генерала важна еще въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, рушилась надежда германцевъ вооружить противъ Англіи покоренныхъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ буровъ. Послѣдніе, какъ мы уже знаемъ, вооружились противъ врага Англіи, и во главѣ ихъ сталъ тотъ же генералъ Бота, что воевалъ съ англичанами въ 1899—1900 гг.

Но важна побѣда и въ томъ отношеніи, что какъ англійскія, такъ и французскія колоніальныя войска освобождаются отъ несенія службы въ далекой Африкѣ и не замедлятъ явиться въ Европу, чтобъ продолжать здѣсь начатую борьбу противъ общаго врага.

14-е іюля въ Парижѣ. Въ этомъ году 14-е іюля — не праздникъ музыки и танцевъ. Это — праздникъ внутренней сосредоточенности націи, праздникъ патріотическаго подъема. Самая крупная манифестація это—перенесеніе праха Ружэ-де-Лиля въ Домъ Инвалидовъ.

Въ этотъ день національнаго праздника французскаго народа, — сообщаетъ «Нов. Вр.»,—одинъ изъ разсчитанныхъ на вѣка склеповъ парижскаго Пантеона торжественно принялъ въ свое каменное лоно давнымъ-давно истлѣвшій прахъ, перенесенный сюда съ идиллическаго кладбища маленькаго уютнаго городка Choisy-le-Roi.

Отнынѣ здѣсь, среди смертныхъ останковъ всего наиболѣе героическаго, наиболѣе талантливаго, порожденнаго Франціей двухъ имперій и трехъ республикъ, лежатъ кости скромнаго инженернаго офицера, невиднаго поэта и музыканта, сумѣвшаго однако въ минуту величайшаго патріотическаго восторга найти въ своихъ средствахъ всю мощь вдохновеннаго озаренія свыше и подняться до красоты и величія рѣдкой гармоніи слова и звука, которыя вылились въ бурныхъ аккордахъ «Марсельезы».

Народныя массы слѣдовали за кортежемъ къ Инвалидамъ и расходились затѣмъ къ различнымъ памятникамъ: къ статуѣ Лилля, Страсбурга, къ статуѣ Жанны д'Аркъ въ Тюльери. И у каждой статуи происходила трогательная манифестація и звучала «Марсельеза». Парижъ былъ серьезенъ, но улицы его оживлены,—тысячи дѣтей съ трехцвѣтными перевязями сновали по нимъ, и серебро щедро лилось въ ихъ кружки.

Но наиболѣе грандіозная манифестація—на фронтѣ, гдѣ всѣ полки, растянутые отъ моря до Швейцаріи, въ назначенный часъ разомъ запѣли «Марсельезу», и всѣ оркестры присоединили свои мѣдные голоса къ хору всей арміи.

«Марсельеза», ведшая къ побѣдамъ нашихъ отцовъ во времена Великой революціи, поведетъ къ побѣдѣ и ихъ внуковъ,—сказалъ Мальви въ Choisy-le-Roi, на могилѣ Ружэ-де-Лиля.—При звукахъ «Марсельезы» солдаты революціи бились за право и свободу, и теперь при звукахъ того же гимна солдаты 1914—1915 гг. отдаютъ свою жизнь за тотъ же самый идеалъ».

Маститый писатель Анатоль Франсъ обратился къ солдатамъ: «Дорогіе солдаты, героическія дѣти родины! Сегодня — вашъ праздникъ. Сегодня — день 14-го іюля, день славный и кровавый. Мы празднуемъ его, преклоняясь передъ вашими братьями, перешедшими въ безсмертіе съ полей славныхъ битвъ, а вамъ мы посылаемъ свой привѣтъ: живите и побѣждайте, солдаты Франціи! Въ этой войнѣ народовъ дѣло, которое вы защищаете, справедливо, прекрасно и достойно самаго страшнаго напряженія, самыхъ великихъ жертвъ. Родина, свобода и жизнь дѣтей Франціи,—вотъ что довѣрено вашей защитѣ. Вотъ почему вы безъ жалобы несете долгій, тяжелый трудъ, вотъ почему вы побѣдите! А вы, женщины, дѣти и старики, украшайте цвѣтами и зеленью всѣ дороги Франціи,—наши солдаты вернутся побѣдителями!»

Президентъ «Лиги патріотовъ», писатель Морисъ Барресъ, замѣстившій на этомъ посту покойнаго Деруледа, не дождавшагося дня реванша, сказалъ кратко, но выразительную рѣчь:

— Друзья мои! Въ послѣдній разъ подходимъ мы къ этой статуѣ, повитой трауромъ. Въ будущемъ году столица Эльзаса, городъ Страсбургъ, будетъ освобождена. Да здравствуетъ армія!..

Всѣ обнажили головы. Въ этотъ же моментъ надъ площадью Согласія показался французскій летчикъ, сбросившій букетъ красныхъ, бѣлыхъ и синихъ цвѣтовъ. Какая-то молодая женщина подобрала букетъ и возложила его на цоколь статуи среди другихъ вѣнковъ.

Но грандіознѣе всего было перенесеніе въ Домъ Инвалидовъ останковъ офицера-композитора Ружэ-де-Лиля, автора «Марсельезы», — въ этой патріотической манифестаціи принялъ участіе самъ президентъ республики.

Кортежъ, сопровождавшій останки, сформировался у Тріумфальной арки. Гробъ былъ поставленъ на лафетъ и прикрытъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Стотысячная толпа двинулась за кортежемъ, въ которомъ приняли также участіе войска всѣхъ видовъ оружія и раненые солдаты. За гробомъ шли: президентъ республики Пуанкаре, президентъ сената Дюбостъ, президентъ палаты Дешанель, всѣ министры, послы и посланники, сенаторы, депутаты, генералитетъ, представители общественныхъ учрежденій.

Передъ тѣмъ, какъ кортежъ тронулся, съ эстрады, воздвигнутой у Тріумфальной арки, хоръ оперы, пѣвица Дельна и баритонъ Альберъ пропѣли слова святой патріотической пѣсни. Толпа обнажила головы. Въ этотъ же моментъ надъ Тріумфальной аркой появились два французскихъ летчика, парившихъ надъ процессіей, растянувшейся по широкой авеню Елисейскихъ полей, а затѣмъ по мосту Александра III къ Дому Инвалидовъ.

Дворъ Дома Инвалидовъ былъ весь украшенъ флагами. Тамъ, на эстрадѣ, собрались президентъ республики и всѣ офиціальныя лица. Была произнесена только одна рѣчь. Говорилъ президентъ Пуанкаре.

Напомнивъ объ обстоятельствахъ, которыя вдохновили Ружэ-де-Лиля написать безсмертную пѣсню и которыя такъ напоминаютъ переживаемый теперь Франціей моментъ, президентъ Пуанкаре сказалъ:

— Не мы начали войну. Исторія установитъ, кто виновникъ ея. Будущее поколѣніе съ изумленіемъ узнаетъ, что нѣкій германскій посолъ, тщетно пытавшійся провоцировать толпу и вызвать оскорбленіе своей особѣ населеніемъ Парижа, представилъ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ съ серьезнымъ видомъ, какъ истинный поводъ къ войнѣ, вымышленное нѣмцами нападеніе французскихъ летчиковъ на городъ Нюренбергъ, гдѣ французскихъ летчиковъ никто никогда не видѣлъ. Насъ заставили вынуть мечъ изъ ноженъ, и поэтому мы не имѣемъ права прекратить войну, пока не отомстимъ за нашихъ убитыхъ. Только тогда, когда общая побѣда союзниковъ позволитъ создать все разрушенное, возстановить Францію въ ея прежнихъ границахъ,—только тогда мы сложимъ оружіе. Мы увѣрены въ побѣдѣ. Непріятель не ошибается, заявляя, что побѣда будетъ на сторонѣ того, кто проявитъ больше моральной силы, больше терпѣнія. Направимъ же всѣ наши силы къ единой цѣли. Направимъ всѣ силы страны на защиту нашей родины. Будемъ думать только объ одномъ, что война, продолжающаяся уже такъ долго, должна продлиться до полнаго уничтоженія врага,—до того момента, когда исчезнетъ давящая всю Европу кошмарная могаломанія германцевъ. Мира неполнаго, похожаго на перемиріе, быть не должно. Мы пойдемъ до конца...

Высочайшая награда студентамъ-санитарамъ. 79 студентовъ, самоотверженно работающихъ въ Петроградѣ въ санитарныхъ организаціяхъ по разгрузкѣ санитарныхъ поѣздовъ на Варшавскомъ вокзалѣ, Высочайше пожалованы серебряными медалями на Станиславской лентѣ съ надписью «За усердіе».

Отъ штаба главнокомандующаго. Вслѣдствіе распространенія злонамѣренными и излишне нервными лицами завѣдомо ложныхъ слуховъ, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой и имѣющихъ конечною цѣлью вызвать погромъ якобы противъ оставшихся въ Россіи подданныхъ воюющихъ съ нами державъ, главнокомандующій доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія:

1) Въ предѣлахъ Россійской Имперіи остались германскіе, австрійскіе и турецкіе подданные, преимущественно больные и преклоннаго возраста, или ремесленники, работающіе на нашу армію. Если, кромѣ этихъ, нѣкоторымъ иностраннымъ подданнымъ воюющихъ съ нами державъ и удалось обманнымъ способомъ остаться въ Россіи, то всѣ должны знать и твердо вѣрить, что такихъ лицъ власти отыскиваютъ и немедленно высылаютъ.

2) Всякіе погромы, хотя бы и вызванные глубоко-патріотическими чувствами, приносятъ вредъ, какъ то неопровержимо доказали событія недавняго прошлаго, не столько тому, кого громятъ, сколько русскому населенію: отвлекая рабочія массы отъ ихъ прямого дѣла, они могутъ повлечь за собою пріостановку заготовки всего необходимаго для нашей арміи.

3) Принимая во вниманіе, что въ настоящее время весь русскій народъ долженъ всѣ поступки и мысли свои направить на помощь русской арміи, твердо и неуклонно ведущей Россію къ окончательной побѣдѣ, главнокомандующій призываетъ населеніе къ полному спокойствію и энергичной работѣ, твердо вѣря, что всѣ дѣйствительно русскіе люди пойдутъ навстрѣчу сохраненію внутри Имперіи полнаго порядка, безусловно необходимаго для побѣдоносныхъ дѣйствій нашей арміи.

Слѣдуетъ помнить, что намъ для побѣды нужно не только перебить у непріятеля больше бойцовъ и забрать много плѣнныхъ, но и сохранить душевную стойкость и энергію въ народѣ и въ арміи.

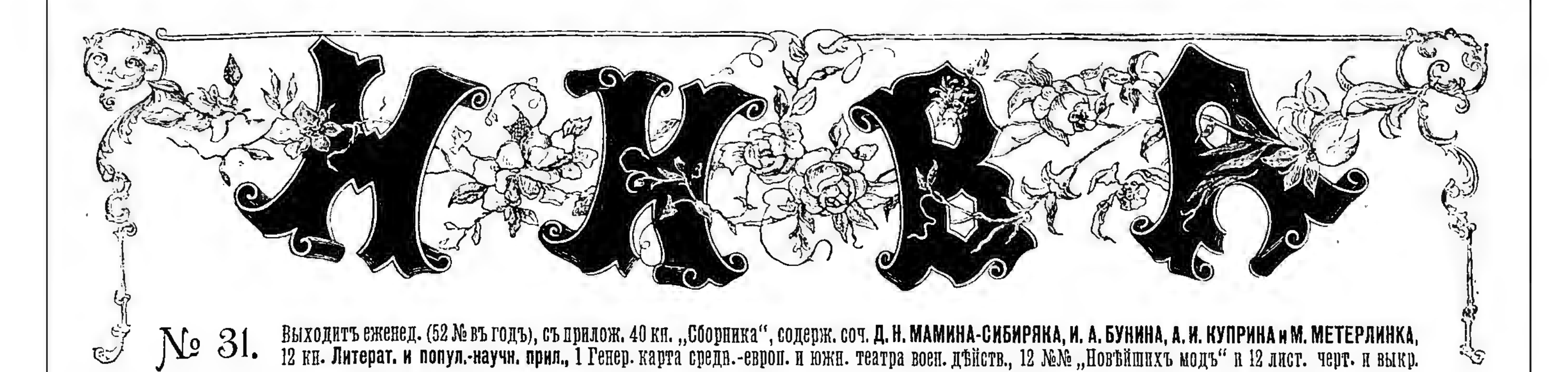
Снятіе колоколовъ при эвакуаціи. Св. Синодъ, по сношеніи съ военнымъ вѣдомствомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлалъ распоряженіе по епархіямъ, находящимся въ раіонѣ военныхъ дѣйствій, чтобы при эвакуаціи извѣстныхъ мѣстностей съ колоколенъ и церквей снимались колокола, чтобы тѣмъ не дать возможности непріятелю воспользоваться запасами мѣди.

Ликвидація нѣмецкаго заселья и засилья. По даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на первомъ мѣстѣ по размѣрамъ площади ликвидируемыхъ земель, принадлежащихъ нѣмцамъ и австрійцамъ, стоитъ Таврическая губернія, въ которой нѣмецкимъ подданнымъ принадлежитъ 633.420 десятинъ земли. Затѣмъ слѣдуетъ Херсонская губ. — 528.594 дес., Бессарабская — 201.351 дес., Волынская — 175.039 дес., и т. д. Кромѣ того, какъ выясняется, въ стоверстной полосѣ въ Области Войска Донского находится 165.562 дес., которыя подлежатъ ликвидаціи.

На основаніи правила о стоверстной полосѣ въ Лифляндской губ. должно быть ликвидировано 55.521 дес., въ Екатеринославской — 48.914 дес., въ Петроградской — 33.201 дес., въ Финляндіи — 926 дес. и т. д. Такимъ образомъ всего ликвидаціи подлежитъ свыше $2^1/_2$ милл. дес. земли.

По числу земельныхъ угодій, принадлежащихъ нѣмцамъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ Волынская губ., гдѣ насчитывается 8.572 владѣнія, затѣмъ идетъ Холмская губ. — 3.324, затѣмъ Бессарабская — 2.954 влад., Таврическая — 2.303, въ Херсонской губ. (въ стоверстной приморской полосѣ) — 1.812, въ Области Войска Донскаго — 1.500, въ Варшавской губ. — 1.227, въ Люблинской — 1.147 и т д.

Пастырь на Божьей нивѣ. Въ Св. Синодѣ получено сообщеніе, что архіереи пограничныхъ съ театромъ военныхъ дѣйствій епархій: кишиневской—архіепископъ Платонъ, подольской—епископъ Митрофанъ, волынской — архіепископъ Евлогій и холмской—епископъ Анастасій, обратились къ подвѣдомственному имъ духовенству съ предложеніемъ принять участіе въ руководствѣ сельскими работами для ускоренія сбора урожая.



№ 31. Выходитъ еженед. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 1 августа 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за августъ 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за августъ 1915 г. съ 51 рис., отдѣльный листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. величину и 19 рис. выжиганія по дереву.

Августѣйшія Сестры Милосердія—Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Өеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Ольга Николаевна и Татіана Николаевна. (Соб. фот. журн. «Столица и Усадьба»). Снималъ Я. В. Штейнбергъ.

ГОДОВЩИНА ВОЙНЫ.

Приказъ арміи и флоту.

19-го іюля 1915 года.

Годъ тому назадъ Германія и Австро-Венгрія, а затѣмъ и Турція подняли оружіе противъ Россіи и направили полчища свои въ предѣлы Отечества Нашего.

Доблестныя войска арміи и флота. Ровно годъ вы призваны къ защитѣ чести Россіи и благосостоянія мирнаго населенія Родины Нашей. Въ теченіе этого года вы явили издревле присущія вамъ доблесть и мужество, покрыли знамена свои новою славою, и многія тысячи лучшихъ сыновъ Родины запечатлѣли жизнью своею преданность правому дѣлу Россіи. Подготовлявшіеся въ теченіе десятилѣтій къ вторженію въ Отечество Наше враги не сокрушили мощи вашей и, попирая существующіе законы войны, разбиваютъ полки свои о гранитную твердость русскаго солдата.

Съ гордостью и умиленіемъ взираетъ на васъ все Отечество Наше и съ глубокой благодарностью къ подвигамъ вашимъ относятся вѣрные союзники Россіи.

Несмотря, однако, на всю проявленную вами безпримѣрную доблесть, силы врага не сокрушены, и много усилій и упорства потребуется еще, чтобы вновь вернуть Россіи блага мирной жизни. Да не сокрушаются сердца ваши и да не падетъ духъ вашъ передъ предстоящими новыми испытаніями и новыми жертвами. Въ неисповѣдимой мудрости Своей Господу Богу неоднократно угодно было ниспосылать Отечеству Нашему тяжкія испытанія, и каждый разъ выходило оно изъ борьбы съ новою силою и съ новою мощью.

Вѣрные долгу своему и охваченные однимъ общимъ чувствомъ всѣ истинные сыны Россіи встали нынѣ, чтобы въ духовной связи съ вами содѣйствовать достиженію предстоящей задачи и облегчить вамъ помощью своею трудное дѣло одолѣнія врага.

Съ непоколебимою вѣрою и твердою надеждою въ благопріятный исходъ тяжкой борьбы взираетъ на васъ вмѣстѣ со Мною вся Россія и призываетъ благословеніе Божіе на предстоящіе вамъ многіе, тяжелые, но и славные ратные подвиги.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Варшава—Поневѣжъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, изъ двухъ германскихъ операцій, сѣверной и южной, рѣшающее значеніе имѣла сѣверная операція, и въ первую голову это сказалось на „Наревскомъ прорывѣ“. Переправа противника на 25-верстномъ участкѣ Нарева, отъ Рожанъ до Пултуска, выдвинула вопросъ о необходимости покинуть „передовой театръ“ — Царство Польское — и вмѣстѣ съ тѣмъ оборонительную линію рѣки Вислы и Варшаву и произвести новый „маневръ—назадъ“ съ тѣмъ, чтобы выйти на слѣдующую за линіей Вислы оборонительную линію Нѣмана—Буга.

Такимъ образомъ къ концу года войны длительная оборона „передового театра“ — Царства Польскаго — стала близиться къ концу, и принципіально былъ рѣшенъ вопросъ о необходимости занять иное, болѣе выгодное положеніе.

Какъ извѣстно, „передовымъ театромъ“ называется раіонъ Царства Польскаго, примѣрно, отъ линіи Нѣмана—Буга до Калиша. Этотъ клинъ, вдающійся въ германскія и австрійскія владѣнія, конечно, всегда былъ стратегически невыгоднымъ и таковымъ всегда и считался. Вся сущность въ томъ, что „передовой театръ“ охватывался съ сѣвера Восточной Пруссіей, а съ юга—Галиціей. Слѣдовательно, противнику не нужно было вовсе и охватывать, ибо охватъ уже былъ всегда готовъ, вслѣдствіе невыгодныхъ очертаній границы. Стоило только противнику расположить свои войска въ Восточной Пруссіи и въ Галиціи, какъ наше расположеніе было бы уже охвачено съ двухъ сторонъ.

Поэтому теперь можно видѣть, какое громадное значеніе имѣли наши первыя операціи въ Восточной Пруссіи и въ Галиціи. Сущность Восточно-Прусской операціи, очевидно, заключалась въ томъ, что мы откидывали сѣверный, германскій, охватъ противника. Сущность же Галиційской операціи заключалась въ томъ, что мы откидывали южно-галиційскій охватъ.

Въ силу этого, когда намъ пришлось очистить Восточную Пруссію, стало ясно, что противникъ уже возстановилъ свое прежнее выгодное для него и невыгодное для насъ охватывающее положеніе, и что, лишь удерживая Галицію и угрожая Кракову, мы угрожаемъ на другомъ концѣ противнику, и эта угроза сдерживаетъ дальнѣйшее продвиженіе Восточно-Прусскаго охватывающаго крыла.

Собственно говоря, нѣмцы могли и не двигаться по Галиціи, а прямо начать наступленіе изъ Восточной Пруссіи на югъ, чтобы отрѣзать клинъ — „передовой театръ“ — Царство Польское. Если они двинулись еще и по Галиціи, стремясь къ охвату съ другой стороны, то частью изъ стремленія вернуть Галицію Австро-Венгріи, а главнымъ образомъ потому, что когда-то такой планъ былъ разработанъ германскимъ генеральнымъ штабомъ и даже былъ опубликованъ во многихъ брошюрахъ, и нѣмцы дѣйствовали здѣсь уже по готовому трафарету, стремясь соединить сѣверную, восточно-прусскую группу, съ южной, галиційской—у Бреста.

Когда въ 1910 году наконецъ опредѣленно сознали, что „передовой театръ“ невыгоденъ для обороны, у насъ, какъ извѣстно, предполагалось даже не оборонять его, а въ началѣ войны сразу отойти отъ линіи рѣки Вислы на слѣдующую линію Нѣманъ—Бугъ. Однако нѣмцы застряли во Франціи и не могли оттуда выбраться главными силами въ теченіе болѣе восьми, а, пожалуй, и десяти мѣсяцевъ. Поэтому и явилась возможность защищать „передовой театръ“ въ теченіе почти цѣлаго года.

Конечно, если бы мы въ теченіе этого года перешли въ наступленіе и занятіемъ Восточной Пруссіи исправили бы свое стратегическое положеніе на „передовомъ театрѣ“, то тогда о невыгодахъ „передового театра“ не пришлось бы и говорить. Какъ извѣстно, совершенно привходящія обстоятельства, главнымъ образомъ наша техническая неподготовленность, не дали намъ возможности развить активныя дѣйствія на германскомъ фронтѣ, и, вслѣдствіе этого, всѣ операціи свелись къ оборонѣ. Въ свою очередь, разъ „передовой театръ“ явился раіономъ обороны, то онъ неминуемо долженъ былъ быть оставленъ, ибо обороняться на немъ при двухъ охватахъ съ обѣихъ сторонъ, Восточно-прусскомъ и Галиційскомъ—долго было нельзя: „передовой театръ“ былъ только пригоденъ, какъ исходный раіонъ для наступленія въ Германію, сокращающій путь къ Берлину. Послѣднее понятно изъ того, что, владѣя „передовымъ театромъ“, мы имѣли изъ Завислинской Польши операціонное направленіе къ Берлину болѣе короткое, чѣмъ, допустимъ, отъ Нѣмана.

Такимъ образомъ, вынужденные, вслѣдствіе особыхъ условій, вести на „передовомъ театрѣ“ оборону, мы этимъ обязали себя въ будущемъ къ оставленію „передового театра“, ибо длительная оборона на этомъ театрѣ была невозможна.

Все это, конечно, предвидѣлось и въ мирное время, почему и наибольшее развитіе получила не оборонительная линія Вислы, гдѣ была даже упразднена крѣпость въ Варшавѣ и мало поддерживалась крѣпость въ Ивангородѣ, а наибольшее развитіе получила оборонительная линія Нѣмана—Буга съ крѣпостями Ковна, Гродна, Брестъ. Слѣдовательно, уже въ мирное время, кромѣ „передового театра“, былъ подготовленъ слѣдующій, позади него, другой театръ, гдѣ оборонительной линіей былъ Нѣманъ—Бугъ, а основными опорными точками—крѣпости Ковна, Гродна и Брестъ.

Когда „Наревскій прорывъ“, выведшій нѣмцевъ черезъ главную оборонительную линію Нарева, защищавшую пути къ Варшавѣ съ сѣвера, рѣшилъ вопросъ о дальнѣйшей борьбѣ на „передовомъ театрѣ“, то, естественно, слѣдующей линіей и была избрана заранѣе подготовленная линія Нѣмана—Буга.

Необходимо отмѣтить, что вообще общія военныя предположенія каждаго государства на случай войны не составляютъ секрета, такъ какъ общій планъ вытекаетъ изъ характера государственной границы, а секретъ составляютъ главнымъ образомъ лишь детали и выполненіе плана. Напримѣръ, на итальянскомъ фронтѣ всегда было извѣстно, что, разъ тамъ существуетъ австрійское Трентино, то ясно, что итальянцы могутъ либо наступать мимо Трентино, поставивъ противъ него сильный заслонъ, либо должны раньше взять Трентино.

Одинаково и у насъ, всѣмъ ясно видно было изъ любой карты, что Восточная Пруссія и Галиція охватываютъ Царство Польское, а, слѣдовательно, всѣмъ ясно видно было, что при такихъ охватахъ съ двухъ сторонъ на „передовомъ театрѣ“ долго обороняться нельзя. Въ связи съ этимъ и ясно было видно, что наши арміи, въ случаѣ развитія военныхъ операцій, отойдутъ съ „передового театра“. Разъ же наши арміи отойдутъ съ „передового театра“, то опять вполнѣ понятно, что онѣ будутъ искать другую оборонительную линію вмѣсто Вислы. Далѣе, опять тутъ же любая карта показываетъ, что параллельно Вислѣ есть оборонительная линія Нѣманъ—Бугъ, а, слѣдовательно, опять нѣтъ никакого секрета въ томъ, что слѣдующей послѣ Вислы оборонительной линіей является Нѣманъ—Бугъ, и что туда будутъ отведены впослѣдствіи наши арміи съ „передового театра“.

Такимъ образомъ эти общія соображенія никогда, нигдѣ и ни для кого не составляютъ секрета, а, слѣдовательно, одинаково извѣстны и противнику, ибо вытекаютъ непосредственно изъ характера государственной границы. Если къ этому добавить, что эти общія положенія всегда бываютъ предметомъ обсужденія спеціально военной и даже общей печати, то нетрудно видѣть, что и противникъ понималъ, что, въ случаѣ отхода съ „передо-

Царская Ставка. 14-го іюня 1915 г. Историческое засѣданіе Совѣта министровъ подъ Личнымъ Предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.

По правую руку Государя—Верховный Главнокомандующій Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, по лѣвую—предсѣдатель Совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ и министръ Императорскаго Двора ген.-адъютантъ гр. В. Б. Фредериксъ. Налѣво, около Великаго Князя—государственный контролеръ П. А. Харитоновъ. Во второмъ ряду, между Его Императорскимъ Величествомъ и Великимъ Княземъ—главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ А. В. Кривошеинъ. Направо отъ него—министръ финансовъ П. Л. Баркъ, управляющій военнымъ министерствомъ ген.-отъ-инфант. А. А. Поливановъ и министръ торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховской. Налѣво отъ А. В. Кривошеина—министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ, министръ путей сообщенія С. В. Рухловъ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ кн. Н Б. Щербатовъ. Позади ген. А. А. Поливанова—начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген.-отъ-инфант. Н. Н. Янушкевичъ. Фотографія снята придворнымъ фотографомъ Ганомъ (А. К. Ягельскимъ).

вого театра", мы отойдемъ на линію Нѣманъ—Бугъ и расположимся на фронтѣ, примѣрно, Ковна—Брестъ, о чемъ и сообщили въ послѣднее время въ печати наши компетентные военные круги.

Этимъ и объясняется Прибалтійская операція противника, которую, на первый взглядъ, онъ затѣялъ какъ будто въ сторонѣ отъ главнаго сраженія, происходившаго между Вислой, Бугомъ и Наревомъ. На самомъ дѣлѣ, въ Прибалтійской операціи противникъ стремился заранѣе дѣйствовать противъ одной изъ опорныхъ точекъ нашего будущаго стратегическаго фронта—противъ Ковенскаго района и одновременно стремился къ занятію обоихъ береговъ Нѣмана.

Изъ офиціальныхъ сообщеній можно было усмотрѣть, что противникъ въ Прибалтикѣ развиваетъ свое наступленіе въ двухъ направленіяхъ. Одно изъ этихъ направленій было Митаво-Рижскимъ, а другое шло въ раіонѣ Поневѣжа—Кейданъ и Ковны. Изъ этихъ двухъ наступленій наиболѣе существеннымъ было то, которое развивалось въ раіонѣ Поневѣжа, ибо здѣсь противникъ дѣйствовалъ на правомъ берегу Нѣмана. Такъ какъ противникъ еще ранѣе находился въ Сувалкской губерніи и такимъ образомъ занималъ лѣвый берегъ Нѣмана, то, очевидно, дѣйствуя теперь и на правомъ берегу Нѣмана, противникъ стремился къ занятію обоихъ береговъ этой рѣки. О томъ, насколько это существенно—говорить не приходится, если вспомнить, что слѣдующей нашей оборонительной линіей является Нѣманъ—Бугъ, а слѣдовательно, стремленіе противника къ заблаговременному занятію Нѣмана нельзя не разсматривать, какъ стремленіе къ достиженію весьма претенціозныхъ стратегическихъ результатовъ еще до отхода нашихъ войскъ на новый фронтъ.

Такое „забѣганіе впередъ" противника опять является лишь непосредственнымъ результатомъ выгоднаго географическаго и стратегическаго положенія Восточной Пруссіи. Восточная Пруссія, давая охватъ „передового театра", этимъ даетъ уже первый охватъ, и, слѣдовательно, каждый шагъ изъ Восточной Пруссіи впередъ заранѣе даетъ уже новые охваты будущихъ театровъ. Поэтому, какъ только обнаружилось, что принципіально намѣченъ отходъ отъ Вислы и Варшавы, бои на Наревѣ, да и все громадное сраженіе между Наревомъ, Вислой и Бугомъ, потеряли свой интересъ, и весь центръ тяжести событій перешелъ въ Прибалтійскій край. Здѣсь явно, и притомъ заранѣе, подготовлялась новая операція противника, и поэтому именно сюда должны были быть направлены усилія нашихъ враговъ. Это обстоятельство и вызвало упорные бои у Поневѣжа, гдѣ противникъ на довольно широкомъ фронтѣ, верстъ въ 100, сталъ параллельно желѣзнодорожной магистрали Двинскъ—Вильна, въ разстояніи 100 верстъ отъ нея, и настойчиво стремился къ дальнѣйшему продвиженію къ этой магистрали. Кровавое сраженіе хотя и не затихло на Наревѣ, но въ значительной своей части перенеслось въ Прибалтику, уже къ Поневѣжу, и здѣсь, у этого маленькаго городка, въ упорномъ бою стали назрѣвать необыкновенно важныя стратегическія событія, передъ которыми даже не столь значительными кажутся десятимѣсячныя операціи обѣихъ сторонъ на Вислѣ. Если отъ результатовъ „Наревскаго прорыва" стало въ прямую зависимость оставленіе нами рѣки Вислы, то отъ результатовъ боевъ у Поневѣжа находятся въ зависимости событія несравненно болѣе крупныя, могущія весьма серьезно повліять на весь исходъ борьбы на нашей западной окраинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть первостепенное значеніе для судьбы всей войны на русскомъ фронтѣ.

Война и Гос. Дума.

(Вопросы внутренней жизни).

Никогда еще открытіе Гос. Думы не вызывало столько нетерпѣливыхъ ожиданій народа и арміи, никогда еще оно не имѣло такого огромнаго историческаго значенія, какъ въ эту сессію. Обнаруженные недочеты въ снабженіи арміи боевыми припасами, слишкомъ долго замалчиваемые, обезсилили наши доблестныя войска, явились главной причиной печальныхъ военныхъ неудачъ на Карпатахъ и въ Галиціи. Послѣ побѣдоноснаго завоеванія Восточной Пруссіи и почти всей Галиціи, послѣ взятія считавшагося неприступнымъ Перемышля мы были вынуждены отступить въ свои предѣлы, отдать непріятелю западную Польшу, южную Курляндію, съ такими центрами промышленной жизни, какъ Варшава, Лодзь, Либава, Жирардовъ и др. Темная сила внутреннихъ неустройствъ вырвала изъ нашихъ рукъ всѣ плоды нашихъ побѣдъ и въ борьбѣ на жизнь и смерть съ опаснымъ врагомъ поставила на карту нашу дальнѣйшую будущность. Нація встревожилась и прониклась сознаніемъ, что веденіе столь громадной войны, требующей небывалаго напряженія энергіи, не по силамъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ, но возможно только при непосредственномъ участіи всего народа. 19-го іюля, въ годовщину объявленія войны, исполнилось выраженное въ Высочайшемъ рескриптѣ Царское пожеланіе «услышать голосъ Земли Русской», и представители Земли собрались въ Таврическомъ дворцѣ. Послѣ торжественной рѣчи предсѣдателя Гос. Думы г. Родзянко и рѣчей министровъ заговорили избранники народа. Первымъ говорилъ ораторъ правыхъ Марковъ 2-й. Онъ отмѣтилъ, что «неготовой къ войнѣ, въ смыслѣ недостаточности вооруженія и запаса снарядовъ, оказалась не одна Россія, но вмѣстѣ съ нею и ея союзницы—Англія и Франція. Причина этой неготовности вовсе не въ недостаткахъ или особенностяхъ нашего государственнаго строя, какъ полагаютъ иные, а въ слѣпотѣ общеевропейскаго миролюбія. Мы всѣ ошибались и теперь несемъ расплату за свои ошибки. Ошибались наши сидящіе на лѣвыхъ скамьяхъ соціалъ-демократы, наивно вѣровавшіе въ миролюбіе германской соціалъ-демократіи, которая оказалась ближайшей помощницей своего кайзера въ его кровавомъ наскокѣ на сосѣдніе народы. Ошибались почтенные и талантливые политическіе дѣятели изъ кадетской партіи, которая, вѣруя въ миръ, отвергла въ голосованіи военный бюджетъ за три мѣсяца до начала величайшей міровой войны. Ошибались октябристы и правые, тоже вѣровавшіе въ прочность европейскаго мира и не настаивавшіе на увеличеніи вооруженій. Когда разразилась война, Франція и Англія спохватились и исправили свою ошибку, усиливъ изготовленіе орудій, къ тому же теперь пришли и мы. Тутъ я подхожу, — говоритъ ораторъ,—къ тяжелому и непонятному для меня явленію: почему послѣ первыхъ мѣсяцевъ войны, когда обнаружились колоссальныя средства Германіи, правительство не приступило къ мобилизаціи промышленности, начавшейся только сейчасъ. Тутъ есть что-то, что подлежитъ вниманію суда, и я боюсь, что тутъ не только ошибка, но и преступленіе. *(Возгласы:* «Правильно, вѣрно!»). Съѣздъ промышленниковъ убѣдилъ, что правительство бездѣйствуетъ. Мы думаемъ, что дѣйствія правительства въ выселеніи германскихъ подданныхъ и въ борьбѣ съ шпіонствомъ крайне недостаточны, отрывисты и противорѣчивы. Министерство финансовъ должно прекратить пагубную игру русскимъ рублемъ. Надо взять изъ народнаго обращенія все золото и снести его принудительнымъ порядкомъ въ кладовыя Гос. Банка. Необходимо ввести подоходный налогъ».

Смѣнилъ Маркова на трибунѣ графъ Вл. Бобринскій.

«Мы ждемъ отъ правительства,—сказалъ онъ,—и страна этого ждетъ, что оно скажетъ намъ всю правду о снабженіи арміи и флота, выслушаетъ наши указанія о всѣхъ недочетахъ и дастъ намъ исчерпывающія разъясненія о мѣрахъ, которыя будутъ приняты, однимъ словомъ, объяснитъ, какъ оно организовало и какъ оно собирается организовать побѣду. *(Аплодисменты).*

«Питая искреннее желаніе сотрудничать съ правительствомъ въ общемъ дѣлѣ, мы все же предъявляемъ къ правительству строгія требованія.

«Быть-можетъ, не время говорить теперь о недостаткахъ, недочетахъ и преступленіяхъ прошлаго, объ агентахъ правительства, подчиненныхъ ему и даже, можетъ-быть, находившихся въ его средѣ, которымъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ *(шумные аплодисменты)*, но объ этомъ я пока не говорю, при условіи однако, что ничего подобнаго никоимъ образомъ не повторится. На правительствѣ лежитъ тяжелая отвѣтственность—круговая порука другъ за друга. Если мы убѣдимся на дѣлѣ, что правительство дѣйствительно можетъ и хочетъ откровенно и довѣрчиво итти навстрѣчу русскому обществу и всему русскому народу, который не только во время побѣдъ и успѣховъ доказалъ свой патріотизмъ и свою государственную мудрость, но и во время испытаній остался спокойнымъ и еще болѣе патріотичнымъ *(аплодисменты)*, если правительство можетъ итти навстрѣчу этому обществу, тогда мы — съ правительствомъ! *(Шумные аплодисменты).* Далѣе мы требуемъ отъ правительства, чтобы оно доказало, что оно отбросило всякую канцелярскую рутину и энергично работаетъ для арміи. Но, къ сожалѣнію, я обязанъ привести примѣръ, подтверждающій, что эта рутина, или еще что-то худшее, еще существуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего управленія. Я имѣю бумагу Главнаго Артиллерійскаго управленія, адресованную въ Бюро Съѣздовъ, относительно выработки предметовъ обороны, въ которой управленіе сообщаетъ, что разсматривать ихъ заявленія не можетъ до представленія двухъ гербовыхъ марокъ».

— Позоръ! Въ отставку!—слышатся возгласы въ центрѣ и слѣва.

Въ высшей степени богата дѣловымъ содержаніемъ, но бѣдна ораторскими эффектами была рѣчь депутата Савича. «Вина лежитъ не только на военномъ вѣдомствѣ, но и на всемъ правительствѣ въ цѣломъ. Ему было извѣстно, и Третья Гос. Дума это выпукло подчеркнула въ извѣстной формулѣ о дѣятельности Артиллерійскаго управленія, что дѣятельность эта оставляетъ желать многаго. Эта формула была рѣзко осуждающая и была единогласно принята Думою. Во всякой другой странѣ, гдѣ есть хотя бы нѣкоторая связь между правительствомъ и обществомъ, нѣкоторое уваженіе къ народному представительству, такой вотумъ произвелъ бы большое впечатлѣніе и вызвалъ бы строгое разслѣдованіе дѣятельности лицъ, стоящихъ во главѣ Артиллерійскаго управленія, и такія лица были бы своевременно устранены. Гос. Дума сдѣлала то, что она могла сдѣлать: она сказала правду, но правительство, къ которому она обратилась, ничего не сдѣлало. Нашъ генеральный штабъ и, повидимому, и другіе штабы не сумѣли предвидѣть ни размѣровъ ни потребности войны. Въ другихъ государствахъ это было сознано въ то же время, какъ и у насъ, но тамъ и правительство и техническія учрежденія быстро на это реагировали. У насъ, какъ обыкновенно водится, назначили комиссію. Она взяла все въ свои руки, и мы пришли къ разбитому корыту. Вина артиллерійскаго вѣдомства безгранична. Въ немъ были люди, которые не знали Россіи, не знали ея производительныхъ силъ и потеряли драгоцѣнныхъ 11 мѣсяцевъ. Мы будемъ работать не покладая рукъ надъ всѣмъ, что нужно для арміи, но многое было упущено, и наша армія заплатила за это моремъ крови, и кровь эта, напрасно пролитая, не можетъ пройти безнаказанно. Тѣ лица и учрежденія, которыя въ этомъ повинны, должны понести суровое наказаніе. *(Одобрительные возгласы. Аплодисменты).* Одно изъ золъ нашей государственности состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ маленькій преступникъ и маленькій человѣкъ карается по всей строгости законовъ, въ то же время служебныя упущенія и служебныя преступленія высокопоставленныхъ лицъ остаются безнаказанными».

Рѣчи лѣвой оппозиціи по содержанію, въ сущности, только повторяли взгляды болѣе умѣренной части Думы, но выражали ихъ значительно рѣзче и ярче. Прогрессистъ Ефремовъ увѣренъ, что «сильному духу не страшно сознаться ни въ своихъ слабостяхъ ни въ ошибкахъ, а было этихъ ошибокъ не мало. Несмотря на настоянія Гос. Думы, правительство оставляло въ завѣдываніи безотвѣтственныхъ лицъ важнѣйшія отрасли государственной обороны,—артиллерійское и авіаціонное дѣло. Для арміи не заготовлялось нужнаго количества боевыхъ припасовъ, ея матеріальное оборудованіе не отвѣчало современному уровню военной техники. Вслѣдствіе чрезмѣрной строгости цензуры печать создавала ложное представленіе о нашихъ силахъ и силахъ противника, о нашихъ неудачахъ и шансахъ на успѣхъ. Бывшій военный министръ Сухомлиновъ и его помощникъ Вернандеръ давали въ частномъ собраніи Гос. Думы въ январѣ текущаго года противоположныя истинѣ успокоительныя завѣренія о боевомъ снабженіи нашей арміи. Довольно тайнъ, довольно лжи! Русскій народъ достаточно поплатился за нихъ. Онъ имѣетъ право узнать теперь всю правду. Наша родная армія должна знать, что мы, народные представители, какъ и весь русскій народъ, хорошо понимаемъ, что не она виновата во временныхъ военныхъ неудачахъ. Мы преклоняемся передъ величіемъ духа, сохраняемаго ею въ тяжелый моментъ великой борьбы. Кровавая страда нашей арміи налагаетъ на насъ священный долгъ разобраться въ источникахъ ея неудачъ. Отечество въ опасности. Цѣпляться за власть или своекорыстно ея домогаться—теперь одинаково преступно. Долгъ Гос. Думы въ это тяжелое время поддержать власть всѣмъ своимъ авторитетомъ, раздѣлить съ нею всю ея отвѣтственность». *(Аплодисменты въ центрѣ и слѣва).*

Лидеръ кадетовъ Милюковъ сдѣлалъ тяжкія разоблаченія.

«По общему отзыву освѣдомленныхъ лицъ дореформенная взятка продолжаетъ царить въ нѣсколькихъ вѣдомствахъ, охраняя на манеръ сказочнаго дракона приступъ къ казенному золоту. Всѣ говорятъ, что въ военномъ вѣдомствѣ нельзя получить заказа безъ взятки. *(Голоса:* «Правильно!»). Высшее управленіе военнаго министерства перешло теперь въ другія руки, и мои указанія относятся къ порядкамъ, установившимся раньше, но простой уходъ бывшаго военнаго министра не удовлетворяетъ ни армію ни страну.

«Многое можно объяснить,—продолжаетъ Милюковъ, — бездѣйствіемъ власти. Но даже простое бездѣйствіе при настоящихъ обстоятельствахъ является тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ. А кромѣ того, никто не вѣритъ, чтобы вина лежала на одномъ военномъ министрѣ, и чтобы простой фактъ его ухода пресѣкъ источникъ дальнѣйшихъ злоупотребленій. Обвиненія идутъ дальше, и только судебное слѣдствіе можетъ положить конецъ упорнымъ толкамъ, отдѣливъ виновныхъ отъ невиновныхъ».

По недостатку мѣста мы не можемъ даже привести въ этомъ сжатомъ обзорѣ рѣчи депутатовъ Караулова и Евсеева. Послѣ двухдневныхъ преній Гос. Дума цѣликомъ приняла формулу, предложенную графомъ Бобринскимъ:

«Преклоняясь предъ славными и безпримѣрными подвигами нашихъ доблестныхъ арміи и флота; удостовѣряя, что истекшій годъ военныхъ испытаній еще болѣе укрѣпилъ во всемъ населеніи Имперіи непреклонную и единодушную рѣшимость продолжать, совмѣстно съ нашими вѣрными союзниками, борьбу до успѣшнаго конца и не заключать мира до окончательной побѣды; полагая, что скорѣйшая побѣда должна быть достигнута воодушевленнымъ участіемъ всего населенія въ созданіи новыхъ средствъ борьбы, а это послѣднее требуетъ упроченія внутренняго мира, примиренія и забвенія старой политической борьбы, а также благожелательнаго вниманія власти къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ Россіи гражданъ, безъ различія племени, языка и вѣры; считая, что привести къ скорой побѣдѣ можетъ лишь тѣсное единеніе со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ, и выражая непреклонное убѣжденіе въ томъ, что бывшіе до сихъ поръ недостатки въ дѣлѣ снабженія арміи будутъ при участіи законодательныхъ учрежденій и широкихъ общественныхъ силъ безотлагательно устранены, а виновные въ обнаруженныхъ недочетахъ, въ бездѣйствіи и преступленіяхъ понесутъ суровую законную кару, независимо отъ служебнаго ихъ положенія, — Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Жизнь — сказка.

Повѣсть **Ив. Островного.**

I.

Въ морозный январскій день солнечный лучъ просверлилъ щелочку въ плотно сгустившихся облакахъ, нависшихъ надъ столицей, и вмѣстѣ съ клочкомъ голубого неба выглянулъ съ высоты, и золотой струей упалъ на землю, и радостно заигралъ въ безчисленныхъ граняхъ выпавшаго за ночь свѣжаго снѣга, на крышахъ домовъ, на тротуарахъ и мостовыхъ, и жители столицы высыпали изъ душныхъ квартиръ и наполнили улицы, двигаясь по нимъ густыми колоннами безъ цѣли, ради одного только солнечнаго луча.

И день казался праздничнымъ, хотя всѣ магазины были открыты, а дѣловые люди мчались въ автомобиляхъ и экипажахъ, влетая въ подъѣзды конторъ и банковъ, выскакивая изъ нихъ и мчась дальше.

Въ богатый подъѣздъ одного изъ многоэтажныхъ домовъ Кирочной улицы торопливо вошла дѣвушка, одѣтая въ короткій каракулевый жакетъ и такую же шапку. Она была средняго роста, довольно плотнаго сложенія. На румяныхъ щекахъ ея молодого лица, казалось, еще игралъ лучъ солнца и радостнымъ блескомъ отражался въ ея небольшихъ карихъ глазахъ.

Быстро двигая ногами, несмотря на стѣсняющую движенія узкую юбку, она поднялась во второй этажъ, позвонила, а когда горничная отворила дверь, вошла въ переднюю и, не снявъ верхней одежды, какъ хорошо знакомая съ домомъ, взяла направо и, пройдя черезъ три комнаты, остановилась передъ неплотно притворенной дверью и постучала.

— Ну, кто тамъ?—послышался чуть-чуть капризный, но мягкій и негромкій голосъ.

— Ты одна?

— Варя? Ну, разумѣется... Входи...

И Варя вошла. Довольно просторная комната отъ голубой обивки стѣнъ и такого же цвѣта мебели, при спущенныхъ на окнахъ бѣлыхъ шторахъ, казалась наполненной какимъ-то прозрачно-голубоватымъ туманомъ.

На кушеткѣ, окунувшись всѣмъ тѣломъ въ мягкія подушки, полулежала дѣвушка, высокая, худощавая, съ продолговатымъ блѣднымъ лицомъ, съ большими свѣтлыми глазами. Ноги ея, одѣтыя въ домашнія туфли, были протянуты въ длину кушетки. Одной рукой она подпирала голову, другая свободно лежала на груди. На ней былъ длинный бѣлый капотъ, широкій, съ множествомъ складокъ.

Появленіе Вари не заставило ее ни приподняться ни перемѣнить позу, которая выражала глубокое безразличіе ко всему на свѣтѣ. Варя присѣла около нея и съ укоромъ покачала головой.

— Надя... Ну, право же, это безсмысленно. Уже полдень... Если бы ты знала, какъ дивно на улицѣ! Чуточку морозитъ и солнце, настоящее солнце, и такое ласковое и яркое, что, кажется, вотъ-вотъ зазеленѣетъ трава и зацвѣтутъ деревья...

— А развѣ это не все равно?—промолвила Надя и, какъ будто желая быть все-таки любезной, улыбнулась ей.

— Что зацвѣтутъ деревья? Ну, разумѣется, это было бы не все равно. Но, къ сожалѣнію, они не зацвѣтутъ такъ скоро. Но я, когда вышла изъ дому и увидѣла солнце, дала себѣ клятву вытащить тебя на улицу. Вставай же. Пойдемъ. Не допустишь же ты, чтобы я нарушила клятву.

— Не хочется.

— Ну, если ждать, пока захочется... Идемъ, идемъ... Вставай! Варя начала тормошить ее. Взяла ея свободную руку, вытащила другую изъ-подъ головы, подняла ее, спустила ея ноги съ кушетки на полъ и все это сдѣлала съ такой милой ребяческой миной, что Надя не выдержала и разсмѣялась.

А Варя не ограничилась этимъ: разстегнула ей капотъ, сняла его и, какъ на куклу, надѣла на нее темно-сѣрое суконное платье. Надя почти непроизвольно помогала ей, застегивая на себѣ пуговицы и крючки, а потомъ поправляя волосы передъ зеркаломъ.

— Экая ты настойчивая... А я, вотъ видишь, слаба. Ужъ придется пойти...—говорила она.

И потребовалось не больше десяти минутъ на то, чтобы она была одѣта. Онѣ вышли въ переднюю. Здѣсь появилась горничная Фимочка, которая подала Надѣ ея легкую шубейку на бѣличьемъ мѣху.

— Вотъ, слава Богу, наша барышня прогуляются. А то все у себя въ комнатѣ сидятъ, словно затворница какая. А ужъ денекъ сегодня выпалъ... Ей-ей... Такого еще и не бывало. И барыня будутъ рады...

— Да, Фимочка, скажите Марьѣ Васильевнѣ. Мы къ завтраку вернемся.

И онѣ вышли. Облака вокругъ солнца разсѣялись на значительномъ пространствѣ, и оно теперь плыло по чистому голубому небу и щедро осыпало городъ золотомъ своихъ лучей. Но морозъ не сдавался имъ и крѣпко сковывалъ снѣгъ, не позволяя ему таять. И эта тайная борьба двухъ враждующихъ силъ природы наполняла воздухъ чѣмъ-то будящимъ нервы. Чувствовался приливъ энергіи, хотѣлось оторваться отъ сѣрой однообразной обстановки обыденной жизни, испытать что-нибудь непривычное, невиданное, небывалое.

И когда дѣвушки прошли сотню шаговъ и повернули на широкій проспектъ, который велъ къ Невскому, Надя, до сихъ поръ какъ-то безучастно и принужденно передвигавшая ноги, вдругъ схватила подругу за руку и прижалась къ ней.

— Какъ хорошо!—сказала она.—Пойдемъ скорѣе... Какъ жаль, что мы на улицѣ, а не гдѣ-нибудь за городомъ,—я побѣжала бы.

Варя осторожнымъ взглядомъ изумленія посмотрѣла на нее. Этотъ порывъ былъ такъ необыченъ для Нади въ эти послѣдніе два мѣсяца ея жизни. Послѣ того страшнаго, что случилось, она какъ-то вся замерла и какъ будто отказалась отъ активнаго участія въ жизни.

Въ домѣ, гдѣ она — единственная забота своей матери, Маріи Васильевны Ворониной — была центромъ всего, жизнь какъ-то притаилась, затихла. Всѣ ходили на цыпочкахъ, какъ будто боялись спугнуть кого-то. Большая квартира, раньше съ утра до вечера наполненная шумомъ веселыхъ голосовъ, говоромъ, смѣхомъ, музыкой, пѣніемъ, а нерѣдко и гуломъ танцевъ, стала походить на обиталище трудно больного, котораго тревожитъ малѣйшій шорохъ. И только Варя, подруга Нади по школѣ и неизмѣнный ея другъ съ самаго дѣтства, приходившая сюда каждый день, пользовалась правомъ говорить громко, звонко смѣяться, разсказывать смѣшныя исторіи, чтобы вызвать на блѣдныхъ губахъ дѣвушки улыбку.

И потому эти слова, такія простыя въ своей сущности, показались Варѣ необыкновенными, и она, желая дать имъ волю, промолчала и только крѣпко сжала руку подруги.

У Нади же словно открылся давно сдерживаемый потокъ словъ. Она говорила:

— Ахъ, нѣтъ, это никуда не годится, какъ мы живемъ! Помоему, жизнь должна быть какая-нибудь необыкновенная... Пламя, въ которомъ горѣла бы душа... А если нѣтъ, то — смерть. Вотъ онъ такъ и сдѣлалъ: не нашелъ въ жизни пламени и взялъ смерть. А мы—мы точно нанялись жить, живемъ какъ будто по контракту и, какъ честные наемники, каждый день выполняемъ свои обязанности—ѣдимъ, пьемъ, одѣваемся, раздѣваемся, спимъ... Прибавь шагу, Варя. Ты ужасно медленно идешь. Ну, какая ты мямля...

„Это хорошо, это очень хорошо, что она заговорила, да еще такъ энергично. Жаль только, что она все еще не можетъ отойти отъ него, что онъ еще владѣетъ ея душой“,—думала Варя, ускоряя шаги, чтобы поспѣвать за нею.

И онѣ почти бѣжали, направляясь къ Невскому. Здѣсь, на перекресткѣ, имъ преградила путь довольно густая толпа пѣшеходовъ, собравшаяся на тротуарѣ. Онѣ остановились и вмѣстѣ съ другими смотрѣли на улицу.

Тамъ быстро двигались экипажи, одинъ за другимъ, въ нихъ сидѣли военные люди, повидимому, большихъ чиновъ. Потомъ ускореннымъ темпомъ прошелъ отрядъ солдатъ, за нимъ другой и еще. Шли офицеры, и опять ѣхали въ экипажахъ генералы. Все по направленію къ Николаевскому вокзалу.

Толпа тоже двигалась туда по тротуару, и онѣ въ толпѣ незамѣтно дошли до площади.

Невольно прислушиваясь къ разговорамъ, узнали, что это воинская часть отправляется на позиціи. Въ публикѣ старались опредѣлить ея качество. Кто-то авторитетно объяснилъ, что это „подрывной отрядъ“, и даже прочиталъ лекцію о томъ, какъ они подрываются подъ непріятельскія траншеи, мосты, желѣзнодорожные пути, подкладываютъ динамитъ и взрываютъ, и что это одна изъ самыхъ опаснѣйшихъ службъ.

— Боже мой!—тихонько говорила Надя, конвульсивно сжимая локоть своей подруги.— Вотъ они идутъ, всѣ такіе здоровые и сильные, а, можетъ-быть, имъ всѣмъ предстоитъ гибель. Слушай, Варя, пойдемъ туда...

И она какъ-то неудержимо потащила подругу черезъ площадь къ самому вокзалу. Здѣсь имъ пришлось простоять довольно долго, пока солдаты и офицеры входили въ вокзалъ съ бокового подъѣзда. Никого изъ многочисленной публики не впускали туда, но многіе штатскіе мужчины и дамы проходили туда вмѣстѣ съ военными, очевидно, провожавшіе ихъ родственники.

— Мнѣ хочется быть тамъ... Ахъ, я не знаю, что дала бы... Варя, протиснемся какъ-нибудь...

— Это невозможно, Надя... Ты же видишь.

— Попробуемъ!

И она опять, крѣпко зацѣпивъ за руку Варю, потащила ее въ сторону подъѣзда. Но стражники преградили имъ путь.

Въ это время въ числѣ другихъ военныхъ къ подъѣзду вокзала торопливо приближался высокій офицеръ съ сѣдыми усами. Онъ смотрѣлъ впередъ и не видѣлъ дѣвушекъ и уже дошелъ до ступенекъ и готовъ былъ подняться по нимъ и скрыться за дверью.

— Павелъ Ивановичъ... Полковникъ!..—вдругъ послышался изъ толпы не громкій, но ясный женскій голосъ.

Онъ остановился и взглянулъ направо. Надя, которая окликнула его, подняла руку. Это былъ ихъ знакомый, полковникъ Ярин-

цевъ, пріятель покойнаго мужа Марьи Васильевны, Надинаго отца. Онъ увидѣлъ ихъ и узналъ. Сейчасъ же свернулъ съ дороги и подошелъ къ нимъ.

— Милыя дѣвочки, зачѣмъ вы здѣсь? Васъ тутъ задавятъ...

— Возьмите насъ съ собой. Проводите туда... Мы хотимъ видѣть,— сказала Надя.

— А! Ну, хорошо! Давайте ваши руки...

Онъ взялъ обѣихъ за руки и сказалъ городовому:

— Пропусти, братецъ!

Городовой отодвинулся и сдѣлалъ ему подъ козырекъ. Черезъ полминуты онѣ были на вокзалѣ. Полковникъ едва успѣлъ разспросить о здоровьѣ Марьи Васильевны, такъ какъ его сейчасъ же потребовали какія-то обязанности.

Дѣвушки остались однѣ, слегка растерялись, но скоро освоились и, убѣдившись, что, разъ онѣ попали сюда, ихъ пребываніе считается уже законнымъ, успокоились и начали наблюдать.

Въ первое время все на нихъ производило впечатлѣніе какой-то тревожной суеты. Топотъ ногъ, звонъ шпоръ, движеніе сѣрыхъ шинелей, толкотня около вагоновъ, мельканіе лицъ, смѣшанный говоръ.

Поврежденная снарядами уніатская церковь въ Лупковѣ.

Поѣздъ необыкновенно длинный,— казалось, вагонамъ нѣтъ числа, и всѣ постепенно наполнялись. Но вотъ движеніе, какъ-то безъ всякаго приказа, урегулировалось, и вся провожавшая публика,—офицеры, штатскіе и дамы, а у той части поѣзда, гдѣ ѣхали солдаты, и простыя женщины въ платкахъ и въ овчинныхъ полушубкахъ,—сосредоточилась около вагоновъ.

Несмотря на морозъ, были отворены окна, и оттуда выглядывали низко остриженныя головы. Говорились напутственныя слова, прощальныя привѣтствія. Женщины подносили платки къ глазамъ и вытирали слезы. Мелькали цвѣточные букеты, коробки съ конфетами, узелки, свертки. Все это передавали тѣмъ, что были въ вагонѣ. Откуда-то слышался громко отчеканивавшій слова голосъ человѣка, говорившаго, повидимому, рѣчь. Потомъ раздалось „ура“ и пронеслось по всей линіи поѣзда.

Звоница при церкви въ Волѣ Миховой.

Гдѣ-то вдали вокзала пробилъ второй звонокъ. Дѣвушки стояли въ сторонѣ, чувствуя себя странно, неловко, какъ будто онѣ ворвались въ чужую семью и подслушивали интимные разговоры близкихъ между собою людей. Всѣ были здѣсь для опредѣленной цѣли, у всѣхъ было дѣло и большая кровная забота. Онѣ же пришли изъ одного любопытства.

Но вотъ онѣ замѣтили, что въ окнѣ одного изъ вагоновъ появилась голова въ офицерской фуражкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись короткіе, густые, черные волосы. Молодое смуглое лицо съ большими темными глазами, раскрытыми какъ-то по-дѣтски, небольшіе темные усики, красиво очерченный характерный подбородокъ, слегка раздвоенный посрединѣ. Сѣрая шинель съ офицерскими погонами, на которыхъ красовались двѣ звѣздочки.

Онъ высунулъ голову, взглянулъ направо и налѣво и, не найдя ни одного знакомаго лица, съ выраженіемъ грусти уставилъ свои большіе темные глаза въ неопредѣленное пространство. Какимъ-то одиночествомъ повѣяло отъ этого окна.

Въ то время, какъ по всей линіи длиннаго поѣзда близкіе между собою люди изливали другъ передъ другомъ, быть-можетъ, самыя завѣтныя, долго лелѣянныя въ глубинѣ сердца, чувства, ему было не передъ кѣмъ высказать то, что таилось у него въ груди.

Варя первая замѣтила его и обратила на него вниманіе Нади.

— Смотри, этотъ смуглолицый... Бѣдняжка, ему не съ кѣмъ проститься...

— Какіе у него грустные глаза,—промолвила Надя: — мнѣ кажется, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ заплачетъ... Боже мой, можетъ-быть, онъ никогда уже не вернется!..

И онѣ, какъ-то невольно и сами того не замѣчая, нѣсколько ближе пододвинулись къ вагону. Онъ замѣтилъ ихъ, и, можетъ-быть, ему показалось страннымъ, что онѣ стоятъ, какъ зрители, и никого не провожаютъ. Вглядѣлся въ ихъ лица, но, должно-быть, подумалъ, что дѣлаетъ неловкость, и отвелъ глаза.

Но Надя сегодня была не въ такомъ настроеніи, чтобы остаться въ предѣлахъ благоразумія. Что-то въ ней кипѣло внутри и властно руководило ея дѣйствіями. Какіе-то несознательные порывы, которымъ она не могла противодѣйствовать.

— Пойдемъ! — сказала она и, не ожидая отвѣта, повлекла Варю,—и вотъ онѣ уже около окна.

Смуглое лицо выразило легкое удивленіе и чуть-чуть покраснѣло отъ смущенія.

— Простите!—сказала Надя.—Мы... я и... вотъ она... мы хотимъ пожелать вамъ всего, всего... самаго прекраснаго.

И странно звучалъ ея голосъ — какія-то внутреннія вибраціи дали ему новый, раньше несвойственный, тембръ. Слышалось въ немъ безконечное волненіе.

А онъ улыбнулся какъ-то по-дѣтски сконфуженно и голосомъ, казавшимся слишкомъ мужественнымъ и крѣпкимъ для его юнаго лица, отвѣтилъ:

— Ахъ, я... я страшно тронутъ и... и счастливъ... И благодарю...

Послѣднее слово его заглушилъ вдругъ раздавшійся третій звонокъ. По линіи поѣзда все заволновалось, засуетилось, за-

Церкви въ Галиціи. По фот. нашего корреспондента.

Уніатская церковь и кладбище въ Зубельско.

Когда она пришла въ себя и осмотрѣлась, то убѣдилась, что онѣ шли въ направленіи, совсѣмъ обратномъ тому, какое имъ было нужно, и очутились гдѣ-то на Загородномъ проспектѣ. Сюда итти имъ было ни для чего не нужно. Но вотъ Надя вдругъ остановилась.

Онѣ стояли у небольшой часовенки. Маленькая площадка, уставленная иконами, передъ которыми горѣли восковыя свѣчи. Широкая дверь растворена, и въ глубинѣ тоже горятъ свѣчи и лампады.

На площадку вышелъ монахъ и сейчасъ же скрылся въ глубинѣ: вошла какая-то старуха, державшая за руку мальчика съ блѣднымъ лицомъ.

— Войдемъ!—сказала Надя.

Онѣ поднялись по тремъ каменнымъ ступенькамъ на площадку и вошли вмѣстѣ. Послѣ солнечной улицы сперва охватила ихъ темнота, но мягкій свѣтъ восковыхъ свѣчей и лампадъ сейчасъ же примирилъ ихъ съ полумракомъ. Передъ большой иконой Богоматери горѣло много свѣчей. Тотъ самый монахъ, въ бѣдненькой черной ряскѣ, съ жиденькой бородкой, гасилъ догорѣвшія свѣчи и зажигалъ новыя. Простые люди входили, становились на колѣни и шептали молитвы.

Надя оставила Варю у входа, приблизилась къ иконѣ и, опустившись на колѣни, замерла въ напряженно-молитвенной позѣ. Она не ударяла поклоны, даже не крестилась, а какъ-то вся сосредоточилась въ молитвѣ. Глаза ея вперились въ икону и широко раскрылись—такіе свѣтлые, лучистые, полные скорбной покорности и довѣрія.

Варя слѣдила за ней. Сама она была холодна къ молитвѣ, но знала, что у Нади всегда была къ этому большая склонность, и признавала это въ ней. И, такъ какъ вотъ уже два мѣсяца эта склонность, въ связи съ другими событіями, въ ней не проявлялась, то теперь это ее радовало.

бѣгало. Къ окнамъ и дверямъ вагоновъ протягивались руки съ цвѣтами, съ подарками, раздавались прощальныя привѣтствія и поцѣлуи.

— Вотъ мы и уѣзжаемъ!—сказалъ смуглолицый подпоручикъ. И кивнулъ имъ головой.

— Какъ досадно!.. У насъ нѣтъ цвѣтовъ... Ничего нѣтъ съ собой... чтобы вамъ на память... Варя, у тебя нѣтъ? Я хочу... Я непремѣнно хочу... Ахъ, ну, да вотъ... вотъ это...

Быстро, нервнымъ движеніемъ рукъ, разстегнула она свою шубейку, поискала пальцами у себя на груди, схватила небольшой медальонъ, висѣвшій на золотой цѣпи, пыталась снять его черезъ голову, но шляпа и прическа мѣшали, а въ это время въ колесахъ вагона раздался гулъ, поѣздъ сдвинулся съ мѣста. Тогда она съ силой отдернула цѣпь, которая порвалась.

Вотъ... Пожалуйста... На память... Нѣтъ... Ради Бога... Умоляю васъ, возьмите...

На тихомъ ходу поѣзда нерѣшительно протянулась изъ окна большая смуглая рука. Надя вложила въ нее медальонъ съ порванной цѣпью. Рука зажала его.

Онъ стоялъ у окна и, не спуская глазъ съ дѣвушекъ, смотрѣлъ на нихъ, а поѣздъ, переходя на другой путь, повернулъ вправо, и окно скрылось изъ вида.

Публика ушла куда-то на край платформы, махала оттуда платками и шляпами, а дѣвушки остались на мѣстѣ. У обѣихъ глаза были полны слезъ.

— Надя... Ты отдала ему... Что̀ ты отдала?

— О, все... Мнѣ больше не нужно.

Варя взяла ее подъ руку и повела къ выходу. Слова Нади были для нея полны глубокаго значенія. Это „все", не есть ли то, что̀ заставляло ее два мѣсяца отказываться отъ жизни, и не начнется ли теперь, когда она сняла съ своей груди это „все" и отдала незнакомому человѣку, имени котораго не знаетъ,—просвѣтлѣніе?

Варя знала всѣ сердечныя тайны своей подруги. Отъ нея ничего не скрывалось. Она знала и то, что̀ было въ медальонѣ. Какъ странно: два мѣсяца не разставалась и вдругъ сорвала съ себя и отдала первому встрѣчному.

— И ты не будешь жалѣть, Надя?

— Не спрашивай... Почемъ я знаю?..

Онѣ шли теперь безъ цѣли и не обращали вниманія на направленіе. Благоразумная, никогда не терявшаяся Варя была охвачена какимъ-то непривычнымъ для нея волненіемъ. Картина проводовъ уже сама по себѣ способна была вывести ее изъ равновѣсія, а къ этому прибавилась еще неожиданная выходка Нади съ медальономъ. Смуглое лицо офицера — смущеннаго, растеряннаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тронутаго, готоваго заплакать, не выходило у нея изъ головы. И сама Надя, которая въ эти минуты какъ будто горѣла. Все это потрясало ее и выводило изъ колеи.

Уніатская часовня въ Смольникѣ.

Церкви въ Галиціи. По фот. нашего корреспондента.

Прошло нѣсколько минутъ. Надя осѣнила себя крестомъ, медленно поднялась, подошла къ иконѣ и приложилась къ ней.

— Теперь поѣдемъ,— сказала она на улицѣ и жестомъ остановила проѣзжавшаго мимо извозчика.—Мнѣ страшно хочется ѣсть.

Новый тонъ— простой, жизненный— радостно удивилъ Варю. Пріѣхали домой, завтракъ былъ готовъ, Марья Васильевна, высокая, стройная, хорошо сохранившая свѣжесть своего привлекательнаго лица, ждала ихъ. И съ какимъ восторженнымъ удивленіемъ вопросительно посматривала она на Варю, когда за завтракомъ, въ столовой, первый разъ за эти два мѣсяца раздался голосъ Нади, которая съ увлеченіемъ разсказывала ей о томъ, какой нынче чудный солнечный день, и какъ онѣ гуляли, какъ, благодаря любезности полковника Павла Ивановича, попали на вокзалъ, на проводы отъѣзжавшаго военнаго отряда, и все какъ было, не исключая даже смуглолицаго подпоручика, которому онѣ пожелали всего самаго прекраснаго, и который былъ ужасно тронутъ. И только ни слова про сорванный съ шеи и подаренный ему медальонъ.

Сотенная походная кухня ингушей.

Сейчасъ же послѣ завтрака Варя стала торопиться. У нея въ три часа была лекція. Она уже больше мѣсяца обучалась уходу за ранеными и скоро должна была выйти въ сестры.

II.

Подпоручикъ Лощинъ долго не отходилъ отъ окна и все смотрѣлъ по направленію давно уже исчезнувшаго съ поля зрѣнія вокзала, и ему казалось, что онъ все еще видитъ двухъ дѣвушекъ,—толстушку, съ круглымъ румянымъ лицомъ, и другую, высокую, стройную, на блѣдныхъ щекахъ которой январскому морозу едва-едва удалось наложить чуть замѣтную розоватую окраску.

„Постоялецъ". За отсутствіемъ приспособленныхъ помѣщеній, лошадей ставятъ иногда въ нежилыхъ комнатахъ.

А потомъ румяная толстушка словно куда-то исчезла, растаяла в воздухѣ, и осталась только та. И казалось ему, что это не дѣвушка, не живое существо, а облако, принявшее человѣческія очертанія.

Въ вагонѣ между тѣмъ стоялъ оживленный говоръ. Тутъ большею частью помѣстилась молодежь, меньше года тому назадъ выпущенная изъ школы, веселая, шаловливая, смѣшливая. Почти всѣ были товарищи.

Они обмѣнивались впечатлѣніями проводовъ. Печальное скоро забылось. Молодое и бодрое воодушевленіе, съ которымъ всѣ ѣхали на огромное, захватывающее дѣло, все это быстро переработало, измѣнило и скорбнымъ чувствамъ придало веселую окраску.

— Господа, да откуда же это холодъ?—спросилъ кто-то изъ дальняго угла вагона.

— Да это Лощинъ... Онъ хочетъ показать, что стихіи ему не страшны... Макшеевъ, толкни-ка его въ бокъ...

Макшеевъ, занимавшій мѣсто рядомъ съ Лощинымъ, его большой пріятель, потянулъ подпоручика за рукавъ шинели. Тотъ очнулся и обернулся къ внутренней сторонѣ вагона. Онъ и самъ сейчасъ же почувствовалъ, что въ вагонѣ холодно, и поспѣшилъ закрыть окно.

Его однакоже тотчасъ оставили въ покоѣ, и только Макшеевъ, который никогда не пропускалъ случая дружески подразнить его, занялся имъ.

Онъ былъ невысокаго роста, но для своихъ двадцати трехъ лѣтъ неимовѣрно толстъ и широкъ въ плечахъ. Его маленькое круглое лицо съ мелкими дѣтскими чертами, въ рамкѣ жирныхъ щекъ и двойного подбородка, могло, безъ всякихъ усилій съ его стороны, просто однимъ своимъ видомъ разсмѣшить самаго мрачнаго человѣка. Но, помимо этого, въ его характерѣ и свойствѣ ума было много комизма, онъ самъ любилъ смѣяться, но любилъ также и смѣшить другихъ.

Съ Лощинымъ они были неизмѣнные пріятели съ давнихъ поръ, еще съ дѣтскаго класса кадетскаго корпуса; ни разу въ жизни по-настоящему не ссорились, хотя и не сходились слишкомъ близко. Каждый уважалъ въ другомъ порядочнаго человѣка и безупречнаго товарища.

— Однако, любезный другъ, какъ жестоко ты всѣхъ надулъ! Увѣрялъ, что тебя некому провожать, и вызвалъ этимъ общее соболѣзнованіе, а оказалось...

— Что же, по-твоему, оказалось?—спросилъ Лощинъ, крѣпко сжимая въ рукѣ медальонъ съ разорванной цѣпочкой.

— Оказалось, что тебя привѣтствовали двѣ премилыхъ мордашки. Откуда это? Вѣдь, сколько я знаю, у тебя дѣйствительно здѣсь нѣтъ никого изъ родныхъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, кто это такія?

— Не знаю,—отвѣтилъ Лощинъ.—Я ихъ въ первый разъ видѣлъ...

— Ну, вотъ еще! Такъ я тебѣ и повѣрилъ. И даже, кажется, таинственный амулетъ вручили.

— Да, представь. И все-таки я ихъ въ первый разъ вижу.

— Странно, очень странно... Кто только этому повѣритъ! Вотъ, господа...

Но въ это время Макшеевъ почувствовалъ, что широкая рука Лощина упала на его ногу, и цѣпкіе пальцы стиснули его колѣнку.

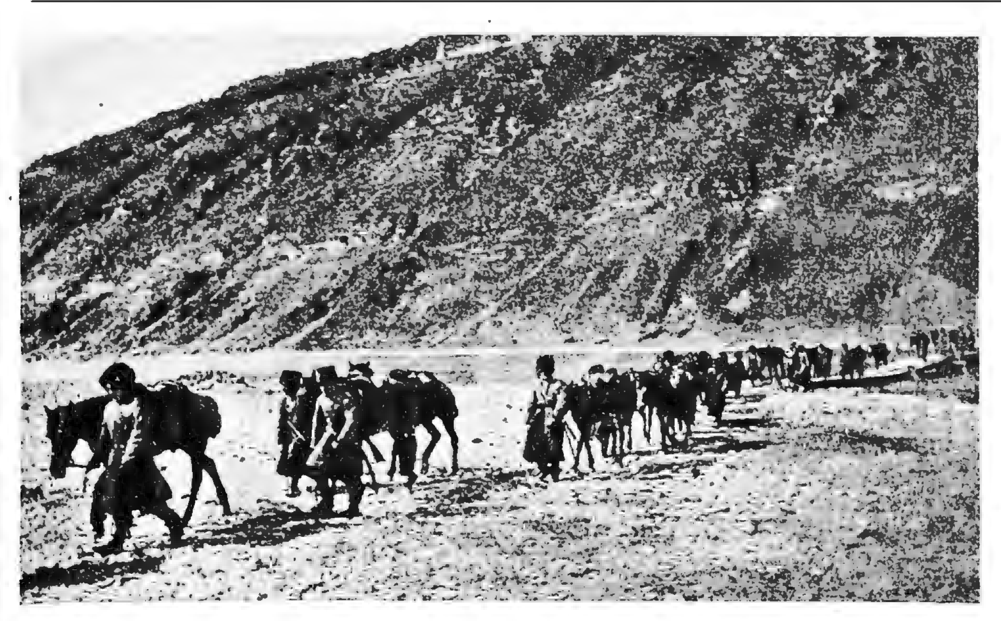
— Пожалуйста, прошу тебя, Мишель... Не нужно это отдавать на судъ товарищей.

Макшеевъ не договорилъ, словно поперхнулся. Кой-кто повернулъ голову на его возгласъ, но сейчасъ же всѣ подумали, что ошиблись.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, подозрѣвая, что тутъ скрывается что-то романическое и интимное.

— Да дѣло-то собственно ни въ чемъ. Я дѣйствительно этихъ

Въ Восточной Галиціи. По фот. нашего корреспондента.



Ингуши переходятъ Днѣстръ.

дѣвушекъ не знаю. Онѣ, по всей вѣроятности, увидѣли, что меня никто не провожаетъ, что я одинокъ, и пожалѣли. Имъ захотѣлось сдѣлать такъ, чтобы и у меня были проводы и какое-нибудь теплое воспоминаніе, подошли, пожелали мнѣ счастливаго пути, и одна изъ нихъ,—должно-быть, не особенно здоровая, потому что у нея очень блѣдное лицо и грустные сѣрые глаза,—сняла съ своей груди вещичку и дала мнѣ на память... Можетъ-быть, это ребячество, но, согласись, что это все-таки трогательно и не заслуживаетъ осмѣянія.

— Да я и не думалъ осмѣивать... Право же,—видимо раскаявшись, сказалъ Макшеевъ.—А что же она дала тебѣ на память?

— И самъ еще не знаю. Какъ зажалъ въ рукѣ, такъ и держу.

— Покажи.

— Здѣсь неудобно. Пойдемъ на площадку.

Онъ поднялся, а Макшеевъ, уже всецѣло находившійся въ тискахъ любопытства, покатился (про него всегда говорили, что онъ не ходитъ, а „катится“) за нимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Зачарованный герой.

Набросокъ **В. К. Анфилова.**

Желто-коричневое скуластое лицо его было гладко, точно деревянное: ни одинъ мускулъ не шевелился на немъ. Только черные, какъ смола, глаза искрились изъ узкихъ и косыхъ щелей, какъ бы оживляя эту неподвижную маску.

Чего онъ искалъ? Кажется, цѣлый день тихонько переваливался онъ по улицамъ Архангельска, ворочалъ свое широкое плоское лицо то туда, то сюда... Или вдругъ останавливался и долго-долго смотрѣлъ на какую-нибудь вывѣску магазина, а потомъ опять ковылялъ на коротенькихъ неладныхъ ногахъ вдоль улицы... Ему жарко... Онъ сдвинулъ свой пыжиковый чепчикъ на затылокъ, и прямыя черныя космы, какъ пряди конскаго волоса, свѣсились надъ лбомъ и ушами...

Особенно занималъ его одинъ городовой. За день проходя мимо городового много разъ, онъ всегда останавливался и долго любовался на него. Близко подойти боялся, но издали прямо-таки не сводилъ съ него глазъ. Въ концѣ концовъ городовому, очевидно, это надоѣло: онъ махнулъ странному наблюдателю рукою, подзывая къ себѣ. И тотъ охотно подошелъ и, снявъ потный „чепчикъ“, остановился передъ городовымъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ осматривая его шашку.

— Что ты тутъ, самоѣдина, шляешься, что тебѣ надо? — спросилъ городовой.

— Война надо... тихо и неувѣренно отвѣчалъ тотъ.

— Война?—изумился полицейскій. — Ты, пентюхъ, съ ума спятилъ?

— Съ ума спятилъ, — спокойно отозвался „самоѣдина“.

— Вотъ олухъ!—весело воскликнулъ городовой.—Какую тебѣ войну надо? Ты, вѣрно, совсѣмъ дуракъ?

— Совсѣмъ дуракъ... — отозвался кротко тотъ.

Городовой захохоталъ на всю площадь и даже оживленно прошелся взадъ и впередъ. Затѣмъ, подойдя къ самоѣду, онъ, очевидно, рѣшилъ серьезно вывѣдать истину.

— Что же все-таки тебѣ нужно, кого ты ищешь?

Самоѣдъ медленно полѣзъ за пазуху, досталъ оттуда сложенный вчетверо грязный кусокъ печатной бумаги и подалъ городовому. Полицейскій съ любопытствомъ развернулъ бумагу. Это была страничка какого-то иллюстрированнаго журнала. На одной изъ ея сторонъ было изображеніе боевой схватки русскихъ съ нѣмцами. На первомъ планѣ русскій солдатъ лихо вонзаетъ штыкъ въ животъ пруссака... Другія дѣйствующія лица картинки тоже нападали, или защищались: на землѣ валялись убитые и пушка съ подбитымъ колесомъ.

Городовой посмотрѣлъ картинку, прочиталъ подпись, потомъ оглядѣлъ листокъ съ другой стороны и, не понимая, къ чему самоѣдъ это подалъ, опять спросилъ:

— Говори ты толкомъ, что тебѣ надо?

— Война, война... Такой война, совсѣмъ такой... заторопился вдругъ самоѣдъ, указывая на картинку.

Городовой не понималъ.

— Картинъ тебѣ такихъ нужно, что ли?

— Такой война надо, совсѣмъ такой! — волновался самоѣдъ. — Хочу война — вотъ! — И онъ сдѣлалъ видъ, что держитъ ружье наперевѣсъ, какъ на картинкѣ, и потомъ жестомъ показалъ, что кого-то колетъ. — Вотъ! — окончилъ онъ и снова уставился на городового.

— Да ты самъ хочешь итти на войну? изумился полицейскій.

— Такъ, такъ, такъ! — затараторилъ самоѣдъ. — Самъ хочешь! Самъ хочешь!

— Ахъ, ты чучело, чучело! — захохоталъ опять городовой.

— Чучело, чучело!—повторилъ самоѣдъ, радостно сверкая своими глупыми щелями съ такимъ довольнымъ видомъ, какъ бы желая выразить: теперь ужъ все объяснилось, и, слѣдовательно, все пойдетъ хорошо!

— Ну, что ты будешь дѣлать съ такимъ тюленемъ!—обратился городовой къ какому-то человѣку въ форменной фуражкѣ и длиннополомъ сюртукѣ, подходившему къ нему. — Полюбуйся, кумъ, на этого красавчика: на войну просится!

Ингуши на квартирахъ.

Въ Восточной Галиціи. По фот. нашего корреспондента.

Подошедшій дѣловито оглядѣлъ самоѣда и сказалъ:

— Такъ что же, Максимычъ, онъ здоровякъ. А что самоѣдина, такъ не все ль равно! Тамъ и такіе пойдутъ въ дѣло... Теперь какъ разъ объявленъ пріемъ охотниковъ: многіе идутъ, отчего жъ и этому не пойти!

Да вѣдь это же чурбанъ, остолопина!

— Э, Максимычъ, обломаютъ, за милую душу обломаютъ. Вспомни-ка, каковы мы съ тобою были молодцы новобранцами?— отъ медвѣдя не отличить!.. Пойдемъ, самоѣдъ, я тебя сведу куда надо, пойдемъ: это этажемъ выше нашего отдѣленія...

Самоѣдъ оживился, даже физіономія его будто просвѣтлѣла. Не покрывая головы, онъ возбужденно заковылялъ за пріятелемъ городового

Въ воинскомъ присутствіи отъ самоѣда потребовали бумагу, удостовѣряющую его личность. Паспортъ, выданный пустозерскимъ самоѣдскимъ старостой, былъ при немъ. По этому документу оказалось, что самоѣду 24 года, а зовутъ его Иваномъ Кулвой. Съ этой стороны препятствій къ пріему не оказалось, и самоѣда повели на медицинское освидѣтельствованіе.

Тамъ онъ привелъ всѣхъ въ исключительно веселое настроеніе. Когда его заставили раздѣться, передъ присутствующими предстала хотя и не высокая фигура, но коренастая, широкоплечая, съ могучей грудью. Правда, туловище его было длинновато, а ноги коротки, но весь „ансамбль", съ мощными длинными руками, казался крѣпкимъ и несокрушимымъ. Коричнево-желтый цвѣтъ кожи дѣлалъ похожимъ весь корпусъ на вылитый изъ мѣди.

Докторъ сталъ осматривать его лишь для формы, подшучивая и подтрунивая:

— Изъ чего ты сдѣланъ, изъ моржевой кожи, что ли?

Изъ моржевой кожи! -отвѣчалъ тотъ, по своей манерѣ повторяя послѣднія слова вопроса.

— Это не грудь, а комодъ какой-то... Тебя брать, и полѣномъ не убить!

- Полѣномъ не убить! -согласился Кулва.

Всѣ такъ и прыснули со смѣху.

— Всѣмъ бы ты былъ хорошъ, — трунилъ докторъ: — да ужъ очень косоглазъ!

- Очень косоглазъ! — опять повторилъ самоѣдъ, искренно радуясь, что всѣ смотрятъ на него такъ весело.

- Какъ же ты на такихъ короткихъ лапахъ будешь воевать?

Кулва серьезно сдѣлалъ видъ, что держитъ наперевѣсъ ружье, и потомъ закончилъ жестомъ, точно вонзилъ его въ животъ доктора.

Все собраніе покатилось хохотомъ,

А Кулва стоялъ все еще съ „ружьемъ" наперевѣсъ, какъ бы готовясь еще разъ вонзить его въ кого-нибудь, а черныя смолевыя щели глазъ такъ и метали радостныя искры.

Иванъ Кулва на своей родинѣ, въ Тиманской тундрѣ, занимался оленеводствомъ, рыболовствомъ, занимался и охотою на песцовъ, куропатокъ и другую живность. Но его всегда интересовалъ внѣшній міръ, и онъ любилъ помечтать и пофантазировать на тему: а что вонъ тамъ, за тѣмъ, едва видимымъ холмомъ? А потомъ, еще дальше, что? И дальше того?

Въ стойбище, гдѣ жила его семья, временами навѣдывался зырянинъ Степанъ Мойкотъ, - скупщикъ всякихъ продуктовъ самоѣдскихъ промысловъ: оленьей кожи, рыбы, куропаточьихъ крыльевъ и многихъ другихъ.

Ночуя въ одномъ съ нимъ чумѣ, Кулва всегда допытывалъ Мойкота разными вопросами о ближайшемъ „культурномъ" центрѣ — Пустозерскѣ, объ Архангельскѣ и другихъ городахъ. Умный и грамотный зырянинъ охотно удовлетворялъ любознательность самоѣда и, немножко гордясь своей освѣдомленностью, читалъ Кулвѣ цѣлыя лекціи на самоѣдскомъ языкѣ. Особенно много разсказывалъ онъ про Петроградъ, про тамошнюю жизнь...

Кулвѣ неизмѣнно представлялось со словомъ „Петроградъ", что тамъ страшно свѣтло и ужасно тѣсно. Долго не могъ онъ понять, что такое улица, дорога, домъ. Не вѣрилъ, что въ Петроградѣ не ѣздятъ на оленяхъ. Но, побывавъ разъ въ Пустозерскѣ, онъ полагалъ, что и Петроградъ—что-нибудь въ томъ же родѣ.

По-русски Кулва понималъ плохо, а говорилъ мало. Однако желаніе изучить этотъ языкъ у него было огромно. Онъ постоянно просилъ Мойкота говорить съ нимъ по-русски и, чтобы запомнить русскія слова, выработалъ въ себѣ обыкновеніе повторять все, или хоть послѣднія фразы, что говорилъ ему Мойкотъ. Зырянинъ часто употреблялъ фразу „само-собой", и она до того нравилась Кулвѣ, что онъ даже и любимаго оленя назвалъ „Само-собой" и еще двухъ собакъ: черный Само-собой и бѣлый Само-собой. Нерѣдко, разъѣзжая на оленяхъ по тундрѣ, Кулва любилъ пѣть пѣсню, слова которой были таковы:

Само-собой, само-собой,
Само-собой, само-собой, и т. д., безъ измѣненія.

Сарыкамышъ. Движеніе отряда на Бардусскія высоты.
(Пріобрѣтено для музея Императора Александра III).

Верхній Сарыкамышъ.

Выставка рисунковъ и этюдовъ съ кавказскаго фронта Е. Лансере.

Сарыкамышское направленіе. Кетакъ (центръ турецкихъ позицій въ сраженіи при Караурганѣ). Развалины Кетакъ послѣ сраженія.

Кулва находилъ, что эта русская пѣсня очень хороша и гораздо лучше любой самоѣдской. Самоѣдскую пѣсню всякій олень понимаетъ, а эту — пой хоть цѣлую недѣлю—совсѣмъ-совсѣмъ нельзя понять!

Увидѣвъ какъ-то у Мойкота старый иллюстрированный журналъ, онъ положительно обомлѣлъ отъ восторга, и, пока Мойкотъ жилъ на ихъ стойбищѣ, цѣлыми днями разсматривалъ картинки журнала. Но одна была лучше всѣхъ — хорошая боевая картинка, о которой мы уже знаемъ кое-что. Она положительно перевернула все міровоззрѣніе бѣднаго самоѣда. Его уже не интересовали ни олени ни собаки, не занималъ удачный ловъ рыбы... Ему нестерпимо захотѣлось быть такимъ же, какъ на картинкѣ, солдатомъ, чтобы имѣть возможность, такъ же, какъ и тотъ, колоть ружьемъ нѣмцевъ... Онъ поминутно бралъ въ руки свою старенькую берданку, становился въ положеніе штыковой атаки и тыкалъ слегка концомъ дула въ бока подбѣгавшихъ любопытствующихъ оленей... Очевидно, воинственный духъ его предковъ XVII вѣка проснулся въ немъ.

Мойкотъ увлекательно разсказывалъ Кулвѣ о боевыхъ схваткахъ, о томъ, какъ награждаютъ храбрыхъ солдатъ, и самоѣдъ, обычно добродушный человѣкъ, только и думалъ о томъ, какъ бы ему попасть на войну. Онъ тайно зачѣмъ-то бѣгалъ къ мѣстному шаману, долго шептался съ нимъ въ темномъ чумѣ, а потомъ присталъ къ Мойкоту, чтобы онъ его взялъ съ собою въ Архангельскъ. Отецъ не хотѣлъ его пускать, но Мойкотъ попросилъ отрядить ему Ивана въ качествѣ проводника оленей.

Тяжело давалась Кулвѣ солдатская выучка. Онъ не понималъ, зачѣмъ надо ему ходить со всѣми въ ногу. Онъ и безъ этого ни отъ кого не отсталъ бы... Никакъ не могъ сообразить сложной техники ломки и прочихъ эволюцій строя. Онъ постоянно отставалъ, или устремлялся впередъ въ ходьбѣ и въ бѣгѣ; пропускалъ моменты поворотовъ, вмѣсто праваго плеча поворачивалъ лѣвое...

Унтеръ-офицеръ, обучавшій охотниковъ, на него кричалъ больше всѣхъ. Нерѣдко, порицая его неправильныя дѣйствія, онъ давалъ Кулвѣ нешуточныя затрещины... Неловкій самоѣдъ пыхтѣлъ, кряхтѣлъ и положительно не подавалъ надеждъ стать хотя бы посредственнымъ строевикомъ.

Противъ ожиданія, Кулва лучшія способности показалъ при изученіи ружья. Онъ былъ уже знакомъ съ берданкой и до службы. Въ стрѣльбѣ же онъ проявилъ такую острую мѣткость, что его инструкторы сразу обратили на него вниманіе, какъ на рѣдкаго стрѣлка. Какую бы цѣль ему ни предлагали, онъ приложится, выстрѣлитъ и кивнетъ головой—въ знакъ того, что непремѣнно попалъ; и это всегда было именно такъ. Успѣхи самоѣда въ стрѣльбѣ спасали его отъ многихъ нареканій при неудачахъ въ „шагистикѣ“.

— Выгнать этого косолапа!—кричалъ на него капитанъ, ревизовавшій выучку новоиспеченныхъ воиновъ.—Онъ ступать не умѣетъ. Это не солдатъ, а лапоть.

— Осмѣлюсь доложить, ваше высокобродіе, что это лучшій стрѣлокъ не только въ нашей командѣ, а, пожалуй, и въ дивизіи!—оправдывался фельдфебель.

— А! Ну, чортъ съ нимъ, пусть остается. Да подтяните его!

Солдаты всегда потѣшались надъ Кулвой, однако безъ всякой злобы, а исключительно ради шутки и изъ-за славянской смѣшливости.

Ротный запѣвала Рыганьковъ всякій разъ, какъ встрѣчалъ Кулву, непремѣнно начиналъ приплясывать передъ нимъ и напѣвать тоненькимъ голоскомъ:

Здравствуй, милая, хорошая моя,
Чернобровая, похожа на меня...
Чернобровая, похожа на меня,—
Только носикъ покривѣе у тебя!

И, щелкнувъ пальцами передъ сплющеннымъ плоскимъ носомъ, весельчакъ убѣгалъ своей дорогой.

Кулва покорно выслушивалъ этотъ куплетъ и добродушно смѣялся на Рыганькова.

Въ окопахъ съ нимъ бокъ-о-бокъ помѣщался рядовой Пахаловъ, также весьма любившій трунить надъ простымъ самоѣдомъ. Чаще всего онъ приставалъ къ Кулвѣ всегда съ однимъ и тѣмъ же. Подойдя къ нему съ озабоченнымъ видомъ, онъ участливо спрашивалъ:

— Ты, Кулва, сердитый?
— Не сердитый,—отвѣчалъ тотъ.
— А что я тебя попрошу, ты не разсердишься?
— Не разсержусь...
— Правда, не разсердишься?

Сарыкамышское направленіе. Кетакъ (центръ турецкихъ позицій въ сраженіи при Караурганѣ). Караванъ верблюдовъ, отбитый у турокъ.

Выставка рисунковъ и этюдовъ съ кавказскаго фронта Е. Лансере.

— Правда.

— Такъ поцѣлуй меня...

Кулва застѣнчиво и смущенно смѣялся. А Пахаловъ послѣ этого продолжалъ:

— Вѣдь я же пошутилъ. Ты не разсердился на меня?

— Не разсердился! подтверждалъ простодушный самоѣдъ.

— Правда, не обидѣлся?

— Не обидѣлся.

И новый взрывъ хохота раздавался среди присутствовавшихъ, а неугомонный Пахаловъ все не отставалъ — опять извинялся и допытывался, сердится ли на него самоѣдъ.

—

Въ окопѣ Кулва пользовался общимъ расположеніемъ. Всѣмъ нравилось его спокойствіе и полная незлобивость. За мѣткую стрѣльбу къ нему чувствовали даже нѣчто въ родѣ уваженія.

— Кулва, гляди-ка, вонъ нѣмецъ за водой пошелъ. Достань-ка его! предлагали ему солдаты, замѣтивъ за вражеской линіей едва примѣтную фигуру человѣка, идущую къ рѣкѣ.

Кулва воззрится туда своими щелками, положитъ поудобнѣе на валъ винтовку, приложится къ ней, какъ-то потопчется на мѣстѣ и выстрѣлитъ. Еще далекая фигурка не успѣетъ свалиться, а онъ уже кивнулъ головою: попалъ, значитъ!

— Кулва, видишь подъ холмомъ всадника. Урони-ка его! говорилъ ему прапорщикъ Соколовъ, чаще всѣхъ трунившій надъ самоѣдомъ.

Кулва выстрѣлилъ и кивнулъ.

— Э, братъ, этотъ разъ ты, кажется, кивнулъ напрасно. Верховой ѣдетъ какъ ни въ чемъ не бывало!

Кулва тревожно воззрился вдаль.

Въ это время видно было, какъ изъ вражескихъ окоповъ выбѣжали двое, подбѣжали къ всаднику, сняли его съ лошади и понесли.

— Это дьяволъ какой-то! кидалъ въ самоѣда прапорщикъ.

Кулва никогда не остерегался, свободно высовывался изъ окоповъ и ничуть не боялся смерти.

— Берегись ты, въ насъ стрѣляютъ! нерѣдко предостерегали его, когда тотъ черезчуръ небрежничалъ.

А Кулва отвѣчалъ:

— Меня не умрутъ. Шаманъ меня училъ, много училъ: кровь съ меня не побѣжитъ. Шаманъ не велѣлъ.

— Такъ научи и насъ, дурья голова! И мы тогда не умремъ отъ пули.

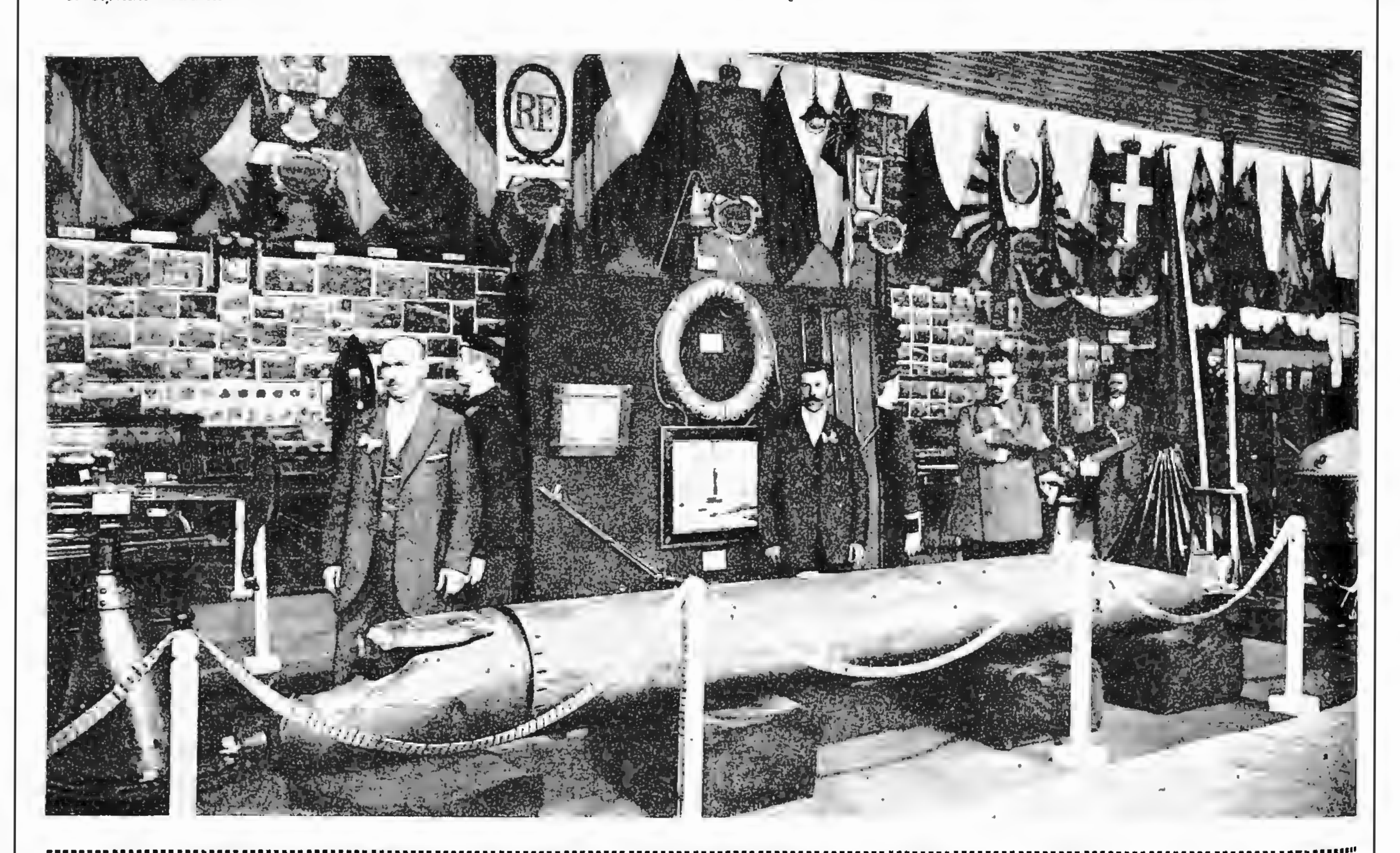
— Нельзя! — не безъ сожалѣнія говорилъ тотъ. — Тогда меня умрутъ!

Солдаты смѣялись. Но многіе вѣрили тому, что шаманъ обучилъ самоѣда какому-то заговору отъ кровотеченія и даже отъ смерти.

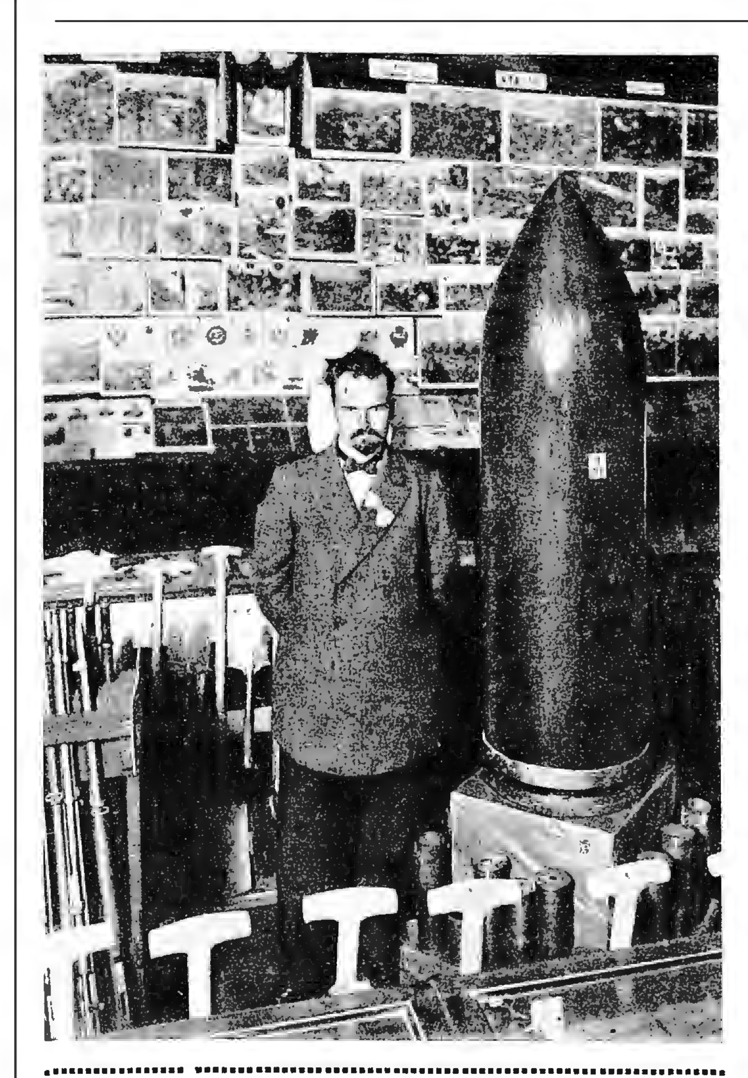
— —

Нѣмцы наступали. Трещали ружья, тарахтали пулеметы, бухали пушки. Въ окопахъ волненіе сказывалось на всѣхъ. Только

Австрійское осадное орудіе, взятое нашими войсками. По фот. Я. Штейнберга.



Неразорвавшаяся турецкая мина Уайтхеда.
По фот. Я. Штейнберга.



Германскій „чемоданъ“. По фот. Я. Штейнберга.

Кулва стрѣлялъ вдумчиво, изрѣдка, пристально всматриваясь въ сторону выстрѣла, и послѣ этого почти всегда кивалъ головою... Его коричнево-желтое деревянное лицо, среди массы блѣдныхъ лицъ, особенно выдѣлялось своей неподвижностью. Только смолевыя щели самоѣда бѣгали туда-сюда, выискивая новыя и новыя цѣли для своей винтовки.

— Урррра!— раскатилось слѣва, и изъ окоповъ начали выскакивать солдаты, устремляясь впередъ.

Кулва тоже выскочилъ и тоже закричалъ „ура“...

Обогнавшій его Рыганьковъ вдругъ споткнулся, сгорбился и упалъ головой внизъ, будто готовясь кувырнуться... Пахаловъ сидѣлъ на землѣ безъ шапки и растерянно глядѣлъ по сторонамъ; у шеи, на груди, по гимнастеркѣ все шире и шире разрасталось мокрое, темное пятно... Далѣе валялись, одинъ черезъ другого, два солдата... Еще дальше лежало нѣсколько другихъ, со свалившимися касками. Это уже были нѣмцы.

Кулва тяжело бѣжалъ. Однако онъ все видѣлъ и слышалъ прекрасно и былъ попрежнему спокоенъ. Замѣтивъ, что два нѣмца напали на прапорщика Соколова, онъ дѣловито подбѣжалъ къ нимъ, какъ-то неловко два раза ковырнулъ штыкомъ въ сторону нѣмцевъ, —и Соколовъ остался одинъ съ поднятою шашкою... Блѣдное лицо его криво улыбнулось Кулвѣ, но тотъ косолапо подбѣжалъ уже къ другой группѣ солдатъ въ каскахъ и работалъ тамъ.

— Гдѣ онъ, этотъ тюлень бѣломорскій?— весело спрашивалъ прапорщикъ Соколовъ.— Вѣдь эта широкая образина спасла мнѣ жизнь. Я заявилъ начальству, ему непремѣнно дадутъ Георгія!

— Онъ, вашбродье, такъ кололъ, что ужасти подобно! Тычетъ, ровно вилами въ сѣно, а поди, какъ чисто выходитъ!

— И не беретъ его ничего! Одинъ разъ шрапнель почитай что надъ нимъ самымъ лопнула; а онъ только посмотрѣлъ вверхъ и знай себѣ ковыляетъ впередъ...

— А когда онъ бѣжалъ съ Николаевымъ, Сазоновымъ и Петровымъ, надо думать, пулеметъ брызнулъ на нихъ. Тѣ трое упали, а онъ хоть бы тебѣ луковка,—претъ да претъ...

— И чудакъ же онъ! Набѣжалъ на него нѣмецъ,—совсѣмъ было далъ самоѣду пырка ружьемъ, а Кулва-то, какъ-то не торопясь, отвелъ нѣмецкій штыкъ лѣвой лапою, а своимъ прикладомъ прямо въ морду нѣмцу—тюкъ! и таково осторожно... Нѣмецъ уронилъ ружье и давай вытирать кровь со рта... А нашъ самоѣдина катитъ дальше... Нѣмецъ опомнился, схватилъ свое ружье и вдогонку за Кулвой: вотъ-вотъ пырнетъ ему въ спину... А тотъ, представьте, спокойно такъ и не оглядываясь, какъ шарахнетъ его прикладомъ черезъ свою голову,—такъ тотъ и чебурахнулся!

— Гдѣ Кулва? Иванъ Кулва! Онъ будетъ представленъ къ Георгію!.. Онъ начальника спасъ, пулеметчика нѣмецкаго убилъ, а простыхъ касочниковъ столько напырялъ, что и не сосчитать!

Все чаще и больше возвращались раненые, зарвавшіеся въ преслѣдованіи врага, и другіе солдаты, почему-либо замѣшкавшіеся на передовомъ бою.

— Должно, въ плѣнъ попался, сердечный! предполагалъ кто-то.

— Попадется такой—держи карманъ! Убитъ гдѣ-нибудь въ лѣсу,—это скорѣе...

Но къ вечеру Кулва объявился. Опираясь на свою винтовку, онъ тихо шелъ, согнувшись, и тащилъ на спинѣ какого-то человѣка...

Солдаты радостно высыпали къ нему на помощь и быстро освободили его отъ тяжелой ноши. Оказалось, „самоѣдина“ принесъ раненаго прусскаго офицера.

— Ай-да Ваня-самоѣдъ! Вотъ молодчинища-то! Мы-то думали, что ты попался въ плѣнъ, а онъ самъ приволокъ плѣннаго! Какъ ты его добылъ?

Кулву окружили, хлопали его по плечу и, довольные его послѣднимъ подвигомъ, искренно дивились и хвалили самоѣда.

А тотъ переваливался и своею деревянною физіономіею ничего не выражалъ. Только будто бы общій окрасъ широкаго лица его казался болѣе желтымъ, чѣмъ коричневымъ, да смолевыя щелки потускнѣли...

— Умаялся, Ваня? — освѣдомились солдаты. — Ну, ничего, отдохни: сегодня мы со щами будемъ: кухня-то наша какъ разъ подъѣхала къ нашей побѣдѣ!

Кулва и старался смѣяться глазами, да почему-то у него это не такъ ярко выходило, какъ всегда. Кромѣ того, поступь его съ каждымъ шагомъ дѣлалась тяжелѣе и медленнѣе,—точно ноги его понемногу наливались чѣмъ-то тяжелымъ. Онъ молчалъ и будто машинально силился двигаться дальше...

— Онъ, братцы, раненъ!—крикнулъ кто-то.

— Чего—раненъ,—а кровь гдѣ?—Все сухо на емъ...

Кулва же наконецъ остановился и молча сталъ совать въ руки

Доска, снятая нашими войсками съ дома въ Іоганнисбургѣ, въ которомъ въ 1813 году имѣлъ пребываніе Императоръ Александръ I: „Здѣсь пребывалъ съ 23 по 26 января 1813 г. Царь Александръ I, освободитель Европы“. По фот. Я. Штейнберга.

И. Владиміровъ. Въ плѣнъ. (Выставка «Товарищества Художниковъ» въ Петроградѣ).

ближнему солдату свою винтовку... Едва приняли ее, онъ тихонько опустился на траву.

— Носилки!—скомандовалъ какой-то басъ.

Кулву уложили на носилки и бережно понесли на перевязочный пунктъ.

Тамъ съ него сняли порванную и точно исколотую чѣмъ-то гимнастерку. Ситцевая бѣлая, съ голубыми цвѣточками, рубаха оказалась безъ всякихъ слѣдовъ крови... Съ него сняли сапоги, шаровары— и подъ ними, на бѣльѣ, также не было замѣтно ни капельки крови.

— Контуженъ?

Подняли рубаху...

— Эге! Это не контузія...

На животѣ зіяла изрядная штыковая рана... На правомъ боку находилось характерное пятнышко пулевого входа. На бедрѣ нашли еще одну... На плечѣ — тоже. Кулва былъ безъ чувствъ.

— Однако изрѣшетили его! — замѣтилъ вполголоса одинъ докторъ.— Но что особенно невѣроятно... совсѣмъ нѣтъ крови!..

Два доктора, фельдшера, сестры милосердія—съ нескрываемымъ удивленіемъ столпились вокругъ обнаженнаго тѣла со странными, вовсе не кровоточивыми, словно обмытыми ранами.

— Унесите его, онъ умеръ!—заявилъ докторъ, выпуская руку самоѣда изъ своей руки.

Когда Кулву хоронили, прапорщикъ Соколовъ болѣе всѣхъ хлопоталъ. Передъ опусканіемъ трупа въ могилу, прапорщикъ снялъ съ себя Георгіевскій крестъ и положилъ его на грудь храбраго самоѣда.

— Онъ заслужилъ его больше, чѣмъ кто-либо другой!

И то тѣло, которое должно бы покоиться въ сырой торфяной почвѣ Тиманской тундры, опустили въ сухой и желтый песочекъ Червонной Руси...

Души городовъ

Изъ итальянскихъ впечатлѣній.

Б. Никонова.

(Окончаніе).

Громадныя галлереи кладбища богатыхъ огибаютъ небольшое сравнительно пространство внутренняго двора. Тамъ, въ страшной тѣснотѣ, за невысокой оградой, погребены бѣдные. Простые кресты, — иные покачнулись,—вздымаются, какъ густая поросль подрастающаго лѣса... И надъ ними высится, въ строгой задумчивости и покоѣ, высокая фигура Христа. Эта монументальная фигура, находящаяся на самой серединѣ Кампо Санто,—лучшее, что есть на генуэзскомъ кладбищѣ. Но Христосъ здѣсь съ простыми людьми, а не съ тѣми богачами-коммерсантами въ сюртукахъ, что спятъ вѣчнымъ сномъ въ громадныхъ галлереяхъ.

Какая громадная разница этого торжественно-холоднаго Кампо Санто съ поэтическимъ, одухотвореннымъ миланскимъ кладбищемъ! И тамъ похоронены такіе же коммерсанты, буржуа, общественные дѣятели... Но какая разница въ самой идеѣ памятниковъ! Тамъ—мысль, здѣсь — грубая и некрасивая плоть... Тамъ памятники вырастаютъ на свѣжемъ воздухѣ, подъ солнцемъ и синимъ небомъ, какъ настоящіе цвѣты искусства, а здѣсь глухая, похожая на тюремный коридоръ, галлерея и безвкусная выставка.

При выходѣ изъ Кампо Санто встрѣчаемся съ похоронной процессіей: гробъ на черныхъ носилкахъ, монахи въ черныхъ капюшонахъ — и впереди всѣхъ красное знамя съ изображеніемъ Смерти-скелета съ косою, въ коронѣ... Странный и мрачный пережитокъ, уцѣлѣвшій отъ средневѣковыхъ „Плясокъ Смерти"... Но при всемъ внѣшнемъ величіи этого зрѣлища чувствуется и здѣсь что-то показное, неискреннее, какая-то холодная помпезность, свойственная этому городу и его многовѣковой холодной и черствой душѣ.

Флоренція.

На мягкихъ склонахъ зеленыхъ холмовъ, на берегахъ зеленоватой и тихой рѣки, подъ солнцемъ, творящимъ чудеса тепла и свѣта, раскинулся прекрасный городъ Медичисовъ. Городъ, въ которомъ все дышитъ искусствомъ и помнитъ о вѣкѣ Возрожденія.

У этого города тоже есть своя душа, какъ у Венеціи и у Милана. Его душа—искусство и спокойное наслажденіе искусствомъ

и красотою. Красота, претворенная въ памятники искусства, въ картины, статуи, фонтаны, старинныя капеллы и церкви, одухотворяетъ этотъ городъ.

Бываютъ города, центромъ которыхъ являются рынки, биржа, ученыя учрежденія, казармы... Во Флоренціи такимъ центромъ является галлерея Питти-Уффици и площадь Синьоріи. И галлереи и площадь сплошь посвящены искусству, если не считать того довольно страннаго исключенія, что въ той же галлереѣ Уффици помѣщается прозаическій почтамтъ... Впрочемъ, еще болѣе прозаическое полицейское вѣдомство помѣщается въ великолѣпномъ старинномъ „Palazzo Vecchio"... Это характерно для Флоренціи.

Маленькая площадь Синьоріи, гдѣ начинается галлерея Уффици, сама по себѣ дивное произведеніе искусства. Идешь по тѣснымъ улицамъ, которыя, кажется, задыхаются отъ зноя и жмурятся своими узкими окнами отъ яркаго солнца, — и вдругъ передъ глазами возникаютъ, словно въ какомъ-то волшебномъ снѣ, фигуры римлянъ съ сабинянками, великолѣпная группа фонтана и фантастически-прекрасное зданіе Синьоріи. Неужели все это *просто улица?* И неужели такое тонкое божественное искусство отдано толпѣ вмѣсто того, чтобы спрятаться въ неприступномъ дворцѣ?.. Или, по крайней мѣрѣ, въ музеѣ? Властелинъ-Искусство съ царственной простотой идетъ здѣсь среди толпы, доступный всѣмъ и каждому...

Но для дворцовъ и для музеевъ талантъ-аристократъ. украсившій Флоренцію и придавшій ей характерныя черты художественнаго города, приберегъ еще болѣе тонкія и прекрасныя произведенія. Входимъ въ просторный и темный вестибюль Уффици. Яркій солнечный свѣтъ точно задернутъ здѣсь темной занавѣской. Прохладно и тихо. Здѣсь та особая тишина, которая свойственна музеямъ и сокровищницамъ: тишина покоя послѣ пережитыхъ художниками бурныхъ минутъ вдохновенья, восторга, разочарованія, исканій. Все улеглось въ свои предѣлы, все найдено, установлено, рѣшено... Искомый идеалъ воплощенъ въ свои формы и замеръ въ спокойствіи мрамора, или картины.

Нужно подниматься высоко по лѣстницѣ. Какъ символиченъ этотъ самый подъемъ съ низовъ улицы на вершины того искусства, которое сосредоточено въ этой величайшей сокровищницѣ человѣческаго художественнаго генія! Все выше и выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе, пока наконецъ передъ вами не откроется вестибюль съ бюстами Медичисовъ и за нимъ безконечныя вереницы залъ, выходящихъ въ безконечные коридоры въ видѣ буквы П.

Здѣсь, въ одномъ изъ этихъ коридоровъ, какъ разъ на верху буквы П., въ колѣнѣ, соединяющемъ сѣверный и южный коридоры, я увидѣлъ символическое изображеніе самой Флоренціи— ея душу, воплощенную въ мраморъ неизвѣстнымъ античнымъ художникомъ.

На фонѣ широкаго окна, сквозь которое видна почти вся Флоренція и зеленая лента Арно, выступаетъ прелестная фигура мраморной патриціанки. Молодая женщина въ позѣ изящнаго покоя полулежитъ въ креслѣ, словно прислушиваясь къ музыкѣ, или созерцая Красоту. Въ ней все полно благородной простоты и спокойнаго изящества: каждая черта ея фигуры, ея лица говоритъ о благородномъ патриціанствѣ, которое понимаетъ истинную красоту и цѣнитъ ее, и любитъ спокойно наслаждаться ею...

Создавшій эту мраморную патриціанку художникъ остался въ неизвѣстности. И, разумѣется, онъ былъ далекъ отъ мысли изобразить что-либо символическое, что-либо говорящее именно о Флоренціи, потому что въ его времена, быть-можетъ, и Флоренціи еще не было. Но тѣмъ не менѣе въ этой граціозной фигурѣ отдыхающей римской аристократки я ясно увидѣлъ изображеніе самой Флоренціи. Я увидѣлъ въ ней душу этого города, проявившуюся извнѣ въ образѣ прелестной мраморной статуи.

Изящный городъ, полный патриціанскаго величія и красоты, спокойно лежитъ, какъ та мраморная женщина, среди своихъ зеленыхъ холмовъ и созерцаетъ красоту: и старинную красоту художественныхъ произведеній, которыя собраны въ его галлереяхъ и на его площадяхъ, и красоту окружающей природы съ ея зеленой свѣжей растительностью, съ стройными тополями, съ вѣчно смѣющимся солнцемъ, золотящимъ холмы Фіезоле.

Красивое молчаливое спокойствіе—душа Флоренціи. Спокойствіе отысканнаго и увѣковѣченнаго художественнаго идеала. Спокойствіе старинныхъ дворцовъ, полныхъ воспоминаній и преданій. Спокойствіе капеллы Медичисовъ, гдѣ покоятся День и Ночь, изваянныя рѣзцомъ Микель-Анджело. Кстати: кому создалъ памятникъ Микель-Анджело въ этой капеллѣ: Медичисамъ, или себѣ самому?

Я закрываю сейчасъ глаза и съ поразительной ясностью вижу изящную женскую фигуру, которая вырисовывается на яркомъ и красочномъ фонѣ окна, въ которомъ какъ бы сконцентрирована вся красота Флоренціи съ ея старинными зданіями, съ соборомъ и кампаниллой, блестящими, какъ фарфоровый дорогой сервизъ, съ стариннымъ прелестнымъ мостомъ и мутно-зеленымъ Арно, за которымъ цвѣтутъ и зеленѣютъ горы и долины, словно только-что созданныя Творцомъ. Какъ хорошо, какъ умѣстно поставлена эта статуя на фонѣ самой Флоренціи!

И мнѣ кажется, что гордая патриціанка встала съ своего мраморнаго кресла и подошла къ окну и благословляетъ своихъ дѣтей—дѣтей Флоренціи, идущихъ биться съ врагами за національную свободу и единеніе.

У нашихъ союзниковъ.
Пять английскихъ женщинъ, взявшихъ на себя обязанности почтальоновъ.

Римъ

Римъ—вѣчный городъ.

Да, онъ вѣченъ, потому что камень вѣченъ, а Римъ—это камень.

Если смотрѣть на него съ высоты, напримѣръ, съ крѣпости Ангела, съ купола св. Петра, или съ Капитолійской башни, то видишь передъ собою лишь необозримую груду желто-сѣрыхъ камней-зданій. Лишь на горизонтѣ зеленѣетъ Монте-Пинчіо, и сквозитъ прозрачная роща пиній. Узкія улицы, точно разсѣлины и щели въ сплошномъ камнѣ. Мѣстами темнѣютъ пятна античныхъ развалинъ, и среди нихъ самое громадное и темное пятно -Колизей. Эти мужественныя и грозныя развалины вкраплены на каждомъ шагу въ современный Римъ—грязный, темно-желто-сѣрый, съ неряшливыми лавчонками и остеріями, съ кричащими ослами, съ ревущими, какъ ослы, автомобилями, съ грохочущими трамваями, еле пробирающимися по узкой щели-улицѣ. Каменныя развалины прошлаго таятъ въ себѣ суровую художественность: онѣ горделиво-прекрасны, словно лохмотья пурпурной царской одежды. Колонны съ прелестными, но потрескавшимися и обвалившимися капителями, полуразрушенныя арки съ дивными барельефами, поломанныя статуи на форумѣ, пренебрежительно брошенныя на землю среди другихъ античныхъ обломковъ. Странно видѣть эту красоту, чуждую современному камню, грубому и безвкусному и грязному, который переполняетъ собою вѣчный городъ. Камень древній и камень современный ихъ сочетаніе и образуетъ нынѣшній Римъ и характеризуетъ его суровую душу.

Грохочущая каменная мостовая. Каменные полы въ домахъ и гостиницахъ. Выраженіе каменнаго въ своемъ непреклонномъ упорствѣ труда на лицахъ гордыхъ рабочихъ женщинъ изъ Трастеверинскаго предмѣстья. Громадная каменная крѣпость святого Ангела, словно одинъ сплошной каменный монолитъ. Каменный Ватиканъ навалился сбоку своей громадой на храмъ св. Петра и давитъ его, уменьшая его размѣры... Каменныя статуи, арки, храмы, развалины, сѣрыя, темныя... Такой же темный и сѣрый Тибръ, словно расплавленный жидкій старинный камень. Даже покровитель Рима, его святой патронъ, апостолъ Петръ—по-гречески значитъ „Камень". „Ты еси Камень, и на семъ Камнѣ я воздвигну Церковь мою". Эти слова начертаны золотыми буквами по внутренней окружности купола. Нарочно, или нечаянно сдѣлано это, но въ этомъ *круговомъ*

У нашихъ союзниковъ. Англійская кавалерія. На водопоѣ.

начертаніи таится глубокій смыслъ: священныя слова замыкаютъ кругъ, т.-е. исполняютъ міровую сферу... Таково католическое значеніе отожествленія Рима съ міромъ: власть св. Петра такъ же вѣчна и всеобъемлюща, какъ вѣченъ и всеобъемлющъ самъ Римъ—владыка міра. „Городъ“ и „Міръ“... Но Римъ имѣетъ невѣрное названіе. Онъ не „Roma“, а „Petra“.

Камень озаренъ палящимъ ослѣпительнымъ солнцемъ. Оно горитъ надъ вѣчнымъ городомъ и опаляетъ вѣчный камень. Солнце и камень—таковъ долженъ быть гербъ Рима... Каменный, жесткій, несокрушимый Римъ, гдѣ жили каменные въ своемъ характерѣ люди,—и солнце искусства. Римъ пронизанъ солнцемъ искусства. Но и искусство въ немъ каменное. Въ немъ сравнительно мало картинныхъ богатствъ, но множество архитектурныхъ памятниковъ и статуй. Музеи полны скульптуры. Улицы и площади полны памятниковъ старинной архитектуры. Чувствуется культъ камня въ искусствѣ, какъ и въ литературныхъ и юридическихъ памятникахъ, въ которыхъ насъ такъ поражаетъ свойственный римлянамъ тяжеловѣсный, но ясный и опредѣленный „лапидарный“ стиль.

Городъ статуй... Иногда кажется, что по гулкой каменной мостовой грохочутъ медлительные шаги Командора. Кажется, что люди превращаются въ статуй, а статуи живутъ и двигаются, какъ люди. Чудится, будто по ночамъ бѣлыя статуи апостоловъ, мучениковъ и папъ спускаются съ кровли храма св. Петра и ходятъ по гулкимъ улицамъ. Оживаютъ длинныя бѣлыя вереницы античныхъ Геркулесовъ и Діоскуровъ въ холодныхъ залахъ музеевъ и смѣшиваются съ толпою живыхъ людей. А торговки и прачки изъ-за Тибра идутъ въ той же толпѣ съ суровымъ выраженіемъ своихъ каменныхъ лицъ — величавыя и стройныя, какъ статуи, какъ символы тяжкаго, но гордаго труда... А за городомъ, гдѣ бѣлѣетъ въ лунномъ свѣтѣ Аппіева дорога, оживаютъ глубокія катакомбы — каменныя жилища людей, которые положили краеугольный камень Христовой вѣры и морали.

Величественныя развалины бань Каракаллы—тоже камень... Форумъ—тоже камень. Мертвый камень среди живыхъ современныхъ каменныхъ зданій Рима. Мраморные бюсты, капители, колонны лежатъ здѣсь словно кости безвѣстныхъ воиновъ на быломъ полѣ брани. Словно какой-то страшный вихрь пронесся надъ этимъ мѣстомъ, сокрушилъ все и разметалъ прекрасные обломки... И думается, не налетитъ ли новый страшнѣйшій вихрь и не размечетъ ли онъ въ пустынѣ грядущаго живые камни нынѣшняго Рима?

Самый жуткій, самый „каменный“ камень Рима—это, несомнѣнно, Колизей. И мнѣ думается, что именно здѣсь таится душа вѣчнаго города.

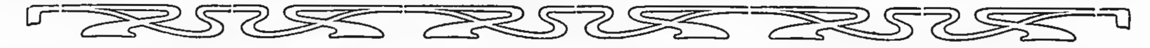
Онъ самъ по себѣ цѣлый городъ. Онъ—квинтъ-эссенція стараго Рима. Въ этомъ колоссальномъ зданіи сосредоточились всѣ характернѣйшія черты Рима эпохи цезарей: необыкновенное величіе внѣшней формы, стремленіе къ невиданной колоссальности размѣровъ, каменное жестокосердіе эпохи, выразившееся уже въ самомъ назначеніи Колизея служить мѣстомъ кровавыхъ игрищъ гладіаторовъ и травли христіанъ. И здѣсь же отовсюду, отъ каждаго камня Колизея, отъ каждой песчинки его арены вздымается волна воспоминаній о томъ Камнѣ, на которомъ построена Церковь Христова, о потокахъ христіанской крови, изъ которой выросли лиліи радости, о страшныхъ тюрьмахъ, откуда засіялъ свѣтъ всепрощающей Любви... Сѣрые камни Колизея громко говорятъ о св. Петрѣ и его многострадальныхъ ученикахъ.

Огромный амфитеатръ пустыненъ. Вмѣсто десятковъ тысячъ кровожадныхъ зрителей и гладіаторовъ по аренѣ и этажамъ галлерей бродятъ мирные путники. Тутъ же играютъ маленькія дѣвочки, прибѣжавшія сюда посмотрѣть на смѣшныхъ иностранцевъ, которые не умѣютъ говорить по-здѣшнему и которые для чего-то разсматриваютъ старые и неинтересные камни.

По вечерамъ старинныя стѣны оживаютъ. Гдѣ-то наверху, куда робко проскальзываетъ лунный свѣтъ, появляются стѣны и башни фантастическаго города тѣней. Внизу между камней и на балконахъ бѣлѣютъ фигуры весталокъ и хламиды воиновъ. Они приходятъ на свои старыя мѣста, гдѣ когда-то въ блескѣ и величіи, подъ ослѣпительнымъ солнцемъ, въ дыму куреній, они привѣтствовали Цезаря.

Въ серебряномъ лунномъ сумракѣ носятся летучія мыши. Это мысли стариннаго каменнаго города. Это его воспоминанія. Темная душа стараго языческаго города, укрывшаяся среди сѣрыхъ камней Колизея, живетъ многовѣковыми воспоминаніями. Но ихъ темныя крылья уже не тревожатъ и не будятъ никого.

Приходитъ время для новыхъ величавыхъ мыслей. Каменный городъ готовится къ нимъ. И, быть-можетъ, недалеко то время, когда надъ его громадами будутъ рѣять уже не темныя летучія мыши, но сверкающіе серебромъ и золотомъ орлы. И не ночь, не лунный сумракъ, а пламя побѣды озаритъ ихъ.



Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, [illegible] Гоголя, № 22.

Выдань 8-го августа 1915 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. —2) к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 11.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВЫСШІЕ КОММЕРЧЕСКІЕ, СЧЕТОВОДНЫЕ и ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ КУРСЫ,

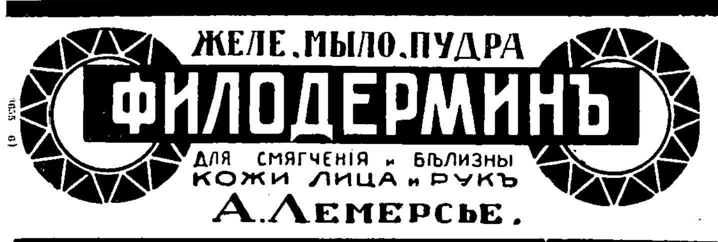
учрежденные М. В. ПОБѢДИНСКИМЪ.

ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, д. № 102 (противъ Николаевской ул.).

Высшіе коммерческіе курсы (высшее учебн. заведеніе коммерч. знаній и обществен. наукъ) даютъ закончен. коммерческое образованіе ЛИЦАМЪ ОБОЕГО ПОЛА. Отдѣленія: основное и спеціальная. Плата 125 р. въ годъ. Начало лекцій 10-го Сентября. 3691

Счетоводные курсы даютъ теоретическую и практическую подготовку къ бухгалтерской дѣятельности ЛИЦАМЪ ОБОЕГО ПОЛА. Отдѣленія: обще-бухгалтерское, торгово-промышлен. и спеціально-бухгалтерскія. Плата за обще-бухгал.—100 р., за торгово-промыш.—135 р. и специальн. отъ 20—60 р. Начало занятій—1 Сентября.

Желѣзнодорожные курсы подготовляютъ ЛИЦЪ ОБОЕГО ПОЛА къ службѣ на жел. дор. НАЧАЛО ЗАНЯТІЙ 15-го Сентября. Курсы основаны въ 1897 г., при нихъ учрежд. Общество Бухгалтеровъ и Экономистовъ съ отдѣломъ по пріиск. занятій. Курсами издается журн.: „Коммерческая Школа и Жизнь“. Канцелярія открыта ежедн. отъ 10 ч. у. до 6 ч. веч., а съ 15-го авг. до 9 ч. в. Свѣдѣнія выд. и высыл. безплатно.



ПРОТИВЪ

ГОЛОВНОЙ БОЛИ, НЕВРАЛГІИ,

ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, принимайте Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ, прекращаетъ нервныя боли и улучшаетъ самочувствіе. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ,

КОЛЛЕКЦІИ МАРОКЪ, иностр. и русск. продаю, каталогъ высыл. за 3 десятикоп. марки. П. О. Чугуголь, Ек. г., Бѣлянскія Копи, Леонтьеву.

СПОСОБЪ употребл. желудочнаго набора травъ **Мензелинцева** высыл. безплатно. **Москва**, Мясницкая, 50. Изобрѣтатель Мензелинцевъ.

Состоящіе въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл.

КУРСЫ бухгалтеріи М. Л. Гурвича. 2697 **Симферополь (КРЫМЪ)** 2-1

Начало зан. 1-го сентября. Прогр. безплатно.

Представительства и комис. прод. на всякіе общеупотр. предметы принимаетъ Бюро **„Польза“** Харьковъ, 5-е гор. почт. отд., ящ. 13. 3701

3613 **ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ.** 20-17

(Тайны австрійскаго двора).

Сенсац. злободневный романъ. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высыл. нал. плат. Адр.: Москва, ред. журн. „Лучъ“, отд. 3.

ВНИМАНІЕ!

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ поддѣлокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп

Самое большое издательство и складъ ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫХЪ сочиненій въ Россіи.

Каталогъ собственныхъ изданій высылается **безплатно.** 3694

Всеобщій каталогъ дух.-муз. соч. 10-е изд., цѣна 20 коп.

П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

100 руб., 200 руб., 300 руб.

и больше можетъ заработать каждый побочн. занятіемъ въ мѣс. Купите открытку за 3 коп. и сообщите Вашъ точный адресъ и Вы получите поразительный отвѣтъ. **Москва, почтамтъ, ящ. № 337. С.**

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли моимъ безвредн. домашнимъ средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93
3700 **Марія Егоровна Чурбанова.** 5-1

ЗУБЫ БѢЛЫЕ ЗДОРОВЫЕ

прекрасный блескъ отъ примѣненія гигіеническихъ зубныхъ средствъ Дентозонъ Т-ва Стольбергъ и К°., Лондонъ. Парижъ. Петроградъ. Дентозонъ зубной элексиръ. Дентозонъ зубная паста, освѣжающая полость рта и абсолютно безвредная. Продается вездѣ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Красный Крестъ на войнѣ. Для осуществленія дѣла помощи раненымъ и больнымъ воинамъ учрежденія Краснаго Креста обслуживаютъ 1.500 врачей, 8.268 сестеръ милосердія, около 200 фельдшеровъ, 750 студентовъ и свыше 15.000 санитаровъ. Кромѣ того, общинами Краснаго Креста командированы въ военнолѣчебныя учрежденія 6.069 сестеръ милосердія.

Средствами передвиженія учрежденій Краснаго Креста служатъ 6.970 лошадей и 370 автомобилей.

Красный Крестъ имѣетъ на всѣхъ фронтахъ 44.440 кроватей въ 71 госпиталяхъ, 65 этапныхъ лазаретахъ и 55 подвижныхъ лазаретахъ и 61.247 кроватей въ эвакуаціонныхъ лазаретахъ. Кромѣ того, Красный Крестъ имѣетъ 9 санитарныхъ поѣздовъ.

Всего въ настоящее время Краснымъ Крестомъ сформировано и содержится на всѣхъ театрахъ войны 558 полевыхъ учрежденій, а вмѣстѣ съ эвакуаціонными лазаретами 1.887.

По 15-е іюня с. г. въ Красный Крестъ поступило 48.275.437 руб., а расходы Краснаго Креста съ начала войны составляютъ на тотъ же срокъ 47.934.942 руб.

Эти грандіозныя цифры дѣятельности Краснаго Креста были установлены на общемъ собраніи 2-го іюля с. г. въ Петроградѣ и будутъ встрѣчены всей Россіей съ чувствомъ неизмѣримой признательности и благоговѣнія предъ милосердыми «крестоносцами». Имъ, въ особенности сестрамъ милосердія, — подвижницамъ Краснаго Креста, посвятилъ въ засѣданіи нѣсколько прочувствованныхъ словъ предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко.

— Сестра милосердія, — сказалъ М. В. Родзянко: — всегда являлась для русскаго человѣка воплощеніемъ истинной любви къ ближнему, предметомъ преклоненія и подвижницей за святую идею облегченія страждущимъ.

«Въ настоящую кампанію сестра милосердія не только подтвердила мнѣніе русскаго народа о милосердныхъ сестрахъ, но далеко оставила за собой это опредѣленіе. Нынѣшнее опредѣленіе сестры милосердія полно восторженной любви и преклоненія предъ святымъ подвигомъ.

«Слабыя слова не въ состояніи выразить того чувства любви, восторженности, благодарности, которое питаю я и, смѣю думать, питаютъ всѣ, имѣвшіе случаи лично убѣдиться, а тѣмъ болѣе пользоваться услугами сестеръ милосердія.

«Не менѣе достойны уваженія и благодарности и прочіе дѣятели Краснаго Креста и медицинскій персоналъ, самоотверженно работающій на театрѣ военныхъ дѣйствій, подъ градомъ снарядовъ и свистомъ пуль.

«Общій выводъ изъ всего мною сказаннаго — все дѣло Краснаго Креста на громадной территоріи военныхъ дѣйствій подъ опытнымъ руководствомъ знающихъ и любящихъ свое дѣло лицъ заслуживаетъ благодарности и уваженія и справедливо пользуется широкими симпатіями публики.»

Членъ главнаго управленія В. С. Кривенко дополнилъ нѣсколько рѣчь предсѣдателя Государственной Думы своими впечатлѣніями, вынесенными изъ поѣздки на сѣверо-западный фронтъ.

— Главная особенность Краснаго Креста,—сказалъ В. С. Кривенко: — это огромное число подвижницъ сестеръ милосердія, количество которыхъ умножилось въ настоящую войну женщинами-врачами. До начала нынѣшней войны женщинъ-врачей не допускали на театръ военныхъ дѣйствій. Удачный опытъ нынѣшней войны доказалъ всю ошибочность этого. Мнѣ лично пришлось наблюдать работу женщинъ-врачей на передовыхъ позиціяхъ, подъ огнемъ артиллеріи.

«На вопросъ, какъ онѣ не боятся оставаться въ такомъ ужасномъ мѣстѣ, женщины-врачи съ удивленіемъ отвѣтили:

«— Чего бояться, да и можно ли думать о личномъ страхѣ, когда наша помощь здѣсь необходима, если мы можемъ облегчить страданія хотя бы одного раненаго?

«Съ глубокимъ почтеніемъ къ этимъ подвижницамъ и труженикамъ, работающимъ на передовыхъ позиціяхъ, я отвѣшиваю низкій поклонъ всѣмъ этимъ маленькимъ, незамѣтнымъ героямъ».

Наполеонъ и Вильгельмъ. Интересную рѣчь сказалъ на митингѣ «лиги женскаго равноправія», устроенномъ въ память 100-лѣтія битвы при Ватерлоо, бельгійскій министръ соціалистъ, Вандервельде:

— Сто лѣтъ назадъ Веллингтонъ въ этотъ самый вечеръ выигралъ битву при Ватерлоо. Тогда, какъ и теперь, Англія боролась противъ цезаризма, который въ 1815 году носилъ имя Наполеона; нынѣ, въ 1915 году имя ему — Вильгельмъ II. Самыхъ именъ достаточно, чтобы показать разницу между людьми и эпохами.

«Наполеонъ входилъ побѣдителемъ въ каждую европейскую столицу. Вильгельмъ II не вступилъ въ Парижъ, ни даже въ Калэ. Наполеонъ несъ въ своей рукѣ «Code Civile», книгу завѣта революціи. Все, что несетъ съ собой Вильгельмъ, ограничивается прусскимъ военнымъ сборникомъ карманнаго размѣра — этого кодекса варварства и убійства.

«Въ 1815 году «Священный союзъ» правительствъ ратовалъ за возстановленіе «стараго режима». Въ 1915 году священный союзъ народовъ борется за право заложить основаніе новому режиму. Онъ борется за свободу Бельгіи; онъ борется за свободу всѣхъ угнетенныхъ народностей».

Трудъ англійскихъ женщинъ на нужды войны. Въ списки женщинъ, предлагающихъ свои услуги правительству для работъ на нужды войны, занесено около 100.000 именъ. Г-жа Панкгерстъ сообщила собранію женщинъ, что министръ боевого снаряженія Ллойдъ Джорджъ согласился принять депутацію женщинъ, рѣшившихъ служить странѣ изготовленіемъ боевого матеріала. Г-жа Панкгерстъ сообщила собранію, что въ Германіи около 40 проц. рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ боевого матеріала, — женщины, а именно: по изготовленію упряжи и кожанаго товара 15 проц., палатокъ и общаго снаряженія 50 проц., аптекарскихъ товаровъ 33 проц., хирургическихъ инструментовъ 15 проц., полевыхъ биноклей 20 проц., оловянныхъ издѣлій 75 проц., ткацкихъ издѣлій 75 проц., табачныхъ издѣлій 70 проц.

Трудъ военноплѣнныхъ. Совѣтъ министровъ постановилъ, чтобы впредь всѣ ходатайства объ отпускѣ военноплѣнныхъ на работы поступали отъ учрежденій, лицъ и предпріятій, минуя всѣ промежуточныя инстанціи, непосредственно въ штаты подлежащихъ военныхъ округовъ.

Отпускъ плѣнныхъ на работы въ частныя промышленныя заведенія

производится изъ лагерей, ближайшихъ къ мѣсту, куда плѣнные требуются.

По мѣрѣ отпуска плѣнныхъ на работы лагери будутъ пополняться. Военное вѣдомство только отпускаетъ извѣстное число плѣнныхъ. Для отбора спеціалистовъ предпріятіямъ предоставляется командировать своихъ агентовъ на пункты, изъ которыхъ берутся плѣнные. Пункты указываются штабомъ подлежащаго военнаго округа.

Ничего святого. По сообщенію изъ Рима, 2-го іюля близъ Монфальконе въ то время, какъ священникъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи врачей и санитаровъ, подъ защитою нейтральнаго флага, совершалъ погребеніе 30-ти труповъ, находящихся вблизи нашихъ окоповъ, австрійцы вдругъ открыли ружейную стрѣльбу. Весьма близкое разстояніе доказываетъ безъ всякаго сомнѣнія, что это безчеловѣчное нападеніе было совершено вполнѣ сознательно. Весь санитарный отрядъ принужденъ былъ отказаться отъ исполненія возложеннаго на него порученія, такъ какъ священникъ и два санитара были ранены, ставъ жертвами своего опаснаго благочестиваго дѣла, столь великодушно принятаго ими на себя.

Пожалованіе президенту Пуанкаре — итальянскаго ордена Аннунціаты. 29-іюня итальянскій посолъ въ Парижѣ Титтони передалъ президенту Пуанкаре цѣпь ордена Аннунціаты, который ему пожалованъ итальянскимъ королемъ по поводу національнаго праздника. Посолъ заявилъ, что орденъ, который онъ передаетъ отъ имени своего монарха, пріобрѣтаетъ особое значеніе въ моментъ, когда кровопролитная война объединяетъ во взаимной защитѣ страны, борющіяся за принципы національности и свободы народа.

Президентъ благодарилъ за любезное проявленіе вниманія королемъ и выразилъ пожеланіе побѣды общему дѣлу, которое вполнѣ осуществитъ національныя стремленія Италіи. «Мы горды, — сказалъ Пуанкаре, — сражаться вмѣстѣ съ нею и со всѣми нашими союзниками, защищая свободу и торжество права».

Король-солдатъ. Въ «Русскомъ Словѣ» А. Амфитеатровъ сообщаетъ изъ Рима эпизодъ, характеризующій итальянскаго короля Виктора-Эммануила:

Находясь на фронтѣ около одной изъ батарей, король попросилъ молодого офицера, командовавшаго батареей, разрушить, если возможно, полуразвалившуюся стѣну, изъ-за которой австрійскія пушки сверху внизъ засыпали снарядами итальянскую пѣхоту.

Офицеръ отвѣтилъ:

— Ваше величество, я попытаюсь это сдѣлать.

— Если вы это сдѣлаете, это будетъ поразительно,—сказалъ король.

Черезъ двѣ минуты стѣна, прикрывавшая австрійскую батарею, была разбита въ дребезги.

Король пожалъ руку и крѣпко поцѣловалъ молодого офицера.

Позже король разсказывалъ объ этомъ случаѣ одному генералу, который, выслушавъ разсказъ, воскликнулъ:

— Ваше величество, полчаса назадъ этотъ офицеръ палъ, сраженный непріятельскимъ снарядомъ, подлѣ своего орудія, вмѣстѣ съ тремя солдатами! Господь спасъ короля-героя отъ неминуемой гибели.

Германскія звѣрства. Одинъ изъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, лейтенантъ пѣхотнаго полка, на опросѣ его 6-го іюня 1915 года сообщилъ слѣдующее:

«Наша австрійская дивизія уже второй мѣсяцъ дѣйствуетъ совмѣстно съ германцами. Чаще всего нашему полку приходилось имѣть своими сосѣдями прусскую гвардію. Если бы русскіе солдаты знали, какія невѣроятныя мученія, какая страшная и позорная смерть ожидаетъ многихъ изъ нихъ, они не сдавались бы тогда живыми въ плѣнъ. Я разскажу вамъ нѣсколько случаевъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ или о которыхъ слышалъ разсказы отъ своихъ офицеровъ и солдатъ.

Въ концѣ апрѣля и въ маѣ, при отходѣ русскихъ къ рѣкѣ Сану и далѣе, ко мнѣ неоднократно прибѣгали мои солдаты—чехи, поляки и русины и съ ужасомъ докладывали, что гдѣ-нибудь поблизости германскіе и частью австрійскіе солдаты-нѣмцы занимаются истязаніемъ русскихъ плѣнныхъ, замучивая ихъ до смерти. Сколько разъ я бросался по указанному направленію и видѣлъ дѣйствительно ужасныя картины.

Въ разныхъ мѣстахъ валялись брошенные, обезображенные, изуродованные трупы русскихъ солдатъ. Находившіеся же поблизости германскіе солдаты каждый разъ мнѣ объясняли, что они лишь исполняли приказанія своихъ начальниковъ.

Когда я обращался къ германскимъ офицерамъ съ вопросомъ, правда ли это, то они мнѣ отвѣчали: «Такъ слѣдуетъ поступать съ каждымъ русскимъ плѣннымъ, и, пока вы, австрійцы, не будете дѣлать того же, вы не будете имѣть никакого успѣха. Только озвѣрѣлый солдатъ хорошо сражается, и для этого наши солдаты должны упражнять свою жестокость на русскихъ плѣнныхъ, которые, какъ измѣнники своей родины, добровольно сдавшіеся въ плѣнъ, ничего, кромѣ пытки, не заслуживаютъ».

Я видѣлъ десятки такихъ случаевъ на небольшомъ сравнительно фронтѣ; но сколько такихъ истерзанныхъ труповъ русскихъ плѣнныхъ разбросано по всей Галиціи, страшно подумать. Ихъ сотни, тысячи.

Въ деревнѣ Сурохувъ, что въ пяти верстахъ къ востоку отъ Ярослава, я самъ видѣлъ, какъ нѣмцы заперли въ деревянный сарай девять человѣкъ русскихъ плѣнныхъ и потомъ подожгли его со всѣхъ сторонъ. Несчастные мученики пробовали выламывать доски, чтобы вырваться изъ горящаго зданія, но тѣмъ, кому удавалось просунуться въ образовавшуюся щель, нѣмцы со смѣхомъ разбивали головы длинными дубинами и вталкивали окровавленные трупы въ огонь. Видѣвшіе это крестьяне, хозяева горѣвшаго сарая, сначала умоляли германцевъ прекратить муки несчастныхъ плѣнныхъ, но потомъ принуждены были замолчать.

«Если вы будете заступаться за этихъ собакъ-измѣнниковъ, отдавшихся въ наши руки, то мы васъ прибавимъ къ нимъ въ сарай»,—отвѣчали имъ германскіе солдаты.

При переходѣ въ маѣ мѣсяцѣ тыловыхъ частей германо-австрійской арміи черезъ рѣку Санъ, на мостахъ получилось большое скопленіе обозовъ и войскъ. Дороги оказались забитыми, а тутъ еще навстрѣчу прибыла огромная партія русскихъ плѣнныхъ, которыхъ и безъ того множество толпилось у переправъ. Германцы разсвирѣпѣли, и ихъ офицеры отдали нечеловѣческій, жестокій приказъ: «Бросать плѣнныхъ въ Санъ!» Я увидѣлъ потрясающую картину, которая никогда не изгладится изъ моей памяти: озвѣрѣлые солдаты-нѣмцы сбрасывали русскихъ плѣнныхъ съ мостовъ въ рѣку, а сопротивлявшихся сбивали штыками и прикладами. Вскорѣ нѣмцы увидѣли, что большинство сброшенныхъ спасается, выбираясь на берегъ. Тогда было приказано плѣнныхъ прикалывать и раненыхъ или ихъ трупы сбрасывать въ Санъ. Не одна сотня несчастныхъ русскихъ была переколота и потоплена въ рѣкѣ.

Нѣсколько дней спустя, денщикъ мой со слезами на глазахъ разсказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ нѣмцы заставили раненаго въ руку русскаго плѣннаго нести на спинѣ германскаго раненаго солдата. Русскій повиновался, но вскорѣ выбился изъ силъ и, показывая на свою залитую кровью руку, просилъ одного изъ здоровыхъ германцевъ смѣнить его. Видѣвшій это германскій офицеръ приказалъ своему солдату убить русскаго, что тотъ и исполнилъ, со словами: «Да, ты уже не годишься!».

Какъ-то прибѣжалъ ко мнѣ мой взводный унтеръ-офицеръ съ просьбой спасти русскаго плѣннаго, жестоко истязуемаго германцами. Я поспѣшилъ въ указанномъ направленіи, но было уже поздно: передо мною лежалъ обезображенный трупъ съ прострѣленной грудью. Находившіеся поблизости солдаты разсказали мнѣ, что это былъ русскій телефонистъ, отказавшійся отвѣчать на предлагавшіеся ему вопросы о мѣстахъ расположенія русскихъ войскъ. Опрашивавшій телефониста офицеръ сталъ его бить и нехорошо отозвался о Русскомъ Императорѣ. Несчастный мученикъ, несмотря на жестокія побои, молчалъ, и только, когда офицеръ вновь въ непристойныхъ выраженіяхъ заговорилъ о Священной Особѣ Императора, плѣнный съ гордостью сказалъ: «Я готовъ умереть за своего Царя». Въ отвѣтъ на это офицеръ спокойно вынулъ револьверъ и со словами: «Отлично, умирай!»—выстрѣлилъ ему въ грудь.

Германскіе офицеры постоянно пріучаютъ своихъ и нашихъ, австрійскихъ солдатъ, къ жестокости на русскихъ плѣнныхъ, раненыхъ и трупахъ убитыхъ. Я самъ, своими глазами видѣлъ, какъ германцы заставили нашихъ улановъ упражняться въ рубкѣ раненыхъ и убитыхъ русскихъ солдатъ, застрявшихъ въ болотѣ. Я съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ уланы, осторожно подползая къ болоту, рубили головы русскихъ, изъ которыхъ навѣрное многіе были еще живы, такъ какъ бой на этомъ мѣстѣ закончился только два дня назадъ.

Все разсказанное я подтверждаю своимъ офицерскимъ словомъ и готовъ повторить когда и кому угодно».

Поменьше разговоровъ. Севастопольскій градоначальникъ издалъ слѣдующій циркуляръ:

«Командующій Черноморскимъ флотомъ обратилъ вниманіе на то, что теперь, когда телефоны должны служить только для служебныхъ переговоровъ, нерѣдко происходятъ переговоры дамъ, сообщающихъ другъ другу новости военнаго характера. Его высокопревосходительство признаетъ эти переговоры недопустимыми и приказалъ мнѣ принять мѣры. Убѣдительно прошу всѣхъ, во избѣжаніе въ будущемъ такихъ распоряженій военнаго начальства, которыя могутъ стѣснить и общественную и частную жизнь, воздерживаться отъ передаванія другъ другу новостей военнаго значенія. Такіе разговоры часто слышатся не только по телефонамъ, но и на трамваяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, на пристаняхъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ; эти разговоры легко могутъ быть подслушаны неблагонадежными людьми. Прошу помнить, что это воспрещено и обязательными постановленіями генералъ-губернатора, и, слѣдовательно, нарушители этого воспрещенія рискуютъ подвергнуться взысканіямъ».

Германскія 42-сант. орудія. Американская газета «New-York Tribune» сообщаетъ разсказъ рабочаго-американца, бросившаго службу на заводахъ Круппа въ первые дни возникшихъ между Америкой и Германіей треній. Рабочій этотъ, по фамиліи Крамтонъ, былъ занятъ при монтировкѣ и установкѣ 42-сантиметровыхъ орудій на позиціяхъ.

Рабочій подтверждаетъ, что вѣсъ орудія достигаетъ 178.000 фунтовъ, что длина его 12,7 ярда. Снаряды необычайнаго вѣса и большой теоретической разрушительной силы. Однако Крамтонъ утверждаетъ, что нѣмцы сильно разочарованы дѣйствіемъ этихъ орудій, такъ какъ лишь въ Антверпенѣ удалось установить два такихъ орудія, а у Мобёжа и Намюра изъ шести орудій только одно могло быть приведено въ дѣйствіе. Такія же затрудненія встрѣтили германскіе артиллеристы и у Остендэ, гдѣ нѣмцы тщетно пытались установить цѣлую батарею этихъ орудій.

Причина такой неудачи состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Орудіе слишкомъ тяжело, а потому малѣйшая неравномѣрность въ прочности площадки, на которой оно установлено, ведетъ къ крену и порчѣ орудія, не говоря уже о невозможности вести изъ него правильную стрѣльбу. Вслѣдствіе этого у Мобежа и Намюра молчало пять орудій, а на бельгійскомъ побережьѣ до настоящаго времени молчатъ тяжелыя орудія этого калибра, такъ какъ обычныя цементныя площадки неравномѣрно осѣдаютъ на песчаной почвѣ. 2) Все орудіе состоитъ изъ 172 отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ многія очень мелки.

Практика показала, что при необычайной силѣ и давленіи, развиваемыхъ взрывающимся зарядомъ пороха, производится такое дѣйствіе на всю систему, что достаточно какой-либо неточности въ пригонкѣ хотя бы малѣйшей части, и орудіе немедленно выходитъ изъ строя.

При обстрѣлѣ Антверпена и Намюра одно орудіе могло безъ значительнаго ремонта дать лишь по два выстрѣла. Пять орудій послѣ перваго выстрѣла были съ большимъ трудомъ разобраны и отправлены обратно на заводъ для капитальнаго ремонта.

Такимъ образомъ 42-сант. орудіе—очень капризная машина, и примѣненіе его на дѣлѣ требуетъ совершенно исключительныхъ, почти никогда на войнѣ не встрѣчающихся условій, что парализуетъ разрушительное дѣйствіе, для котораго предназначено это орудіе.

Готскій альманахъ. Нѣмцы въ своей безсильной злобѣ на весь міръ, отличившійся отъ нихъ, додумались, какъ особенно больно наказать своихъ противниковъ. Въ новомъ изданіи готскаго альманаха они выпустили всѣ княжескія и герцогскія семьи союзныхъ странъ. Нѣмцы, думаютъ, что, не включивъ въ готскій альманахъ, русскихъ князей, англійскихъ герцоговъ и французскихъ маркизовъ, они предадутъ забвенію ихъ титулы и заслуги ихъ славныхъ предковъ. Результатъ будетъ обратный. Готскій альманахъ, пріобрѣвшій за только что истекшіе 50 лѣтъ существованія міровую извѣстность полнотой и неопровержимостью своихъ офиціальныхъ и геральдическихъ свѣдѣній, потерялъ отнынѣ свое значеніе, и на смѣну ему уже является новый «Брюссельскій альманахъ», который рѣшилъ издавать французскій писатель де-Боннетонъ.

Углекисло-известково-гипсовая и сольно-магнезіальная натуральная минеральная радіоктивная вода

ИЖЕВСКІЙ ИСТОЧНИКЪ

вытекаетъ изъ древнихъ пермскихъ пластовъ прибрежной горы рѣкъ Ижа и Камы.

ЛУЧШІЙ СТОЛОВЫЙ ГИГІЕНИЧЕСКІЙ НАПИТОКЪ

въ высшей степени благотворно дѣйствуетъ при подагрѣ, хрон. ревматизмѣ, артеріосклерозѣ, ожирѣніи, болѣзняхъ печени, катаррахъ и атоніи желудка и кишечника, привычн. запорахъ, геморроѣ, **въ особенности** же при катарральн. состояніяхъ и бактеріальн. воспаленіяхъ почечныхъ лоханокъ, пузыря и мочевыхъ путей, каменной болѣзни, почечномъ пескѣ, фосфатуріи, бол. измѣненіи состава мочи, сопровожд. осадками и вообще **при болѣзняхъ, возникающихъ на почвѣ самоотравленія организма мочевой кислотой, пуринами и пр. продукт. неполнаго сгоранія, вполнѣ замѣняя** аналогичныя воды **Вильдунгена, Контрексевилль, Виттель, Баденъ, Фахингенъ.**

Краткія извлеченія изъ многочисленныхъ отзывовъ представителей научной и практической медицины.

Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи, Лейбъ-Медикъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА **Академикъ В. И. Сиротининъ.**

Минеральная вода Ижевскаго источника, присланная Вами въ клинику, завѣдуемую мною, назначалась нѣсколькимъ больнымъ, **страдающимъ болѣзнями мочевыхъ путей и мочекислымъ діатезомъ съ благопріятнымъ эффектомъ въ теченіе ихъ болѣзни.**

Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи **А. П. Фавицкій.**

Минеральная вода Ижевскаго (Спиридоновскаго) источника была испытана въ Пропедевтической Терапевтической Клиникѣ Военно-Медицинской Академіи въ случаяхъ **катарральной желтухи, холециститовъ, желчно-каменной болѣзни, при хроническомъ катаррѣ желудка и почечномъ мочекисломъ пескѣ,** причемъ обнаружено благопріятное вліяніе при всѣхъ этихъ болѣзненныхъ процессахъ. Вода эта имѣетъ пріятный вкусъ и охотно принимается больными. При наклонности къ запорамъ она можетъ быть назначаема, какъ легкое послабляющее.

Старшій врачъ Петроградскаго Госпиталя Дворцоваго Вѣдомства, Почетный Лейбъ-Хирургъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, профессоръ Женскаго Медицинскаго Института **В. А. Тиле.**

Испытавъ Спиридоновскую натуральную минеральную воду Ижевскаго источника на больныхъ ввѣреннаго мнѣ Петроградскаго Госпиталя Дворцоваго вѣдомства, я могу дать о ней самый лестный отзывъ. Примѣнялась вода при крайне разнообразныхъ заболѣваніяхъ, какъ-то: **артеріосклерозѣ, мочекисломъ діатезѣ, различныхъ страданіяхъ почекъ и пузыря, болѣзняхъ печени и желудочно-кишечнаго тракта атоніи кишекъ, геморроѣ, хроническомъ катаррѣ желудка и кишекъ,** и во всѣхъ случаяхъ при отсутствіи всякаго рода осложненій и побочныхъ явленій она давала вполнѣ благопріятные результаты, не уступающіе дѣйствію Contrexeville, Vichi, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняла Ессентуки и Marienbad.

Ассистентъ Императорскаго Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны **Д-ръ Н. П. Студенцовъ.**

Натуральная минеральная вода Ижевскаго источника, получившая названіе отъ открывшаго ее „Спиридоновской", является **прекрасной лечебной и пріятной, освѣжающей столовой водой. При подагрѣ, при воспаленіи почечныхъ лоханокъ,** какъ улучшающая азотообмѣнъ, она можетъ быть поставлена на одну высоту съ Контрексевилльскимъ минеральнымъ источникомъ. Больные выражали неоднократно благодарности за назначеніе этой полезной, пріятной и дешевой воды.

Директоръ Петроградскаго Урологическаго Института **В. А. Горашъ.**

Въ завѣдуемомъ мною Пгр. Урологическомъ Институтѣ примѣнялась Спиридоновская вода **взамѣнъ Контрексевилль, Фахингенъ и Вильдунгенъ** и во всѣхъ случаяхъ вполнѣ могла быть съ успѣхомъ примѣнена и можетъ быть настоятельно рекомендована для этой цѣли.

Ординаторъ Академической Акушерской клиники, акушеръ Петроградскаго Градоначальства **Д-ръ Д. Н. Кедровъ.**

Примѣнялъ я Спиридоновскую воду Ижевскаго источника у беременныхъ и небеременныхъ женщинъ, **страдающимъ брюшнымъ полнокровіемъ, застойными явленіями** въ области тазовыхъ органовъ, застойными явленіями въ почкахъ, **альбуминуріей беременныхъ, при почечномъ пескѣ, фосфатуріи, изжогѣ, отрыжкѣ и вообще неправильномъ дѣйствіи кишечнаго тракта,** особенно у беременныхъ, и всегда съ благопріятными результатами, безъ какихъ-либо непріятныхъ побочныхъ явленій. Одно изъ важныхъ качествъ „Спиридоновской воды"—пріятный освѣжающій вкусъ, такъ что больные употребляли ее продолжительное время безъ всякаго отвращенія, даже, **какъ питьевую воду.**

По моему убѣжденію, „Спиридоновская вода" **съ успѣхомъ можетъ замѣнить заграничныя воды: Вильдунгенъ, Ракочи, Контрексевилль, Виши и др.**

Еще одно достоинство воды,—это ея дешевизна, почему она можетъ быть примѣнена и у больныхъ, не обладающихъ большими достатками.

Брошюра съ отзывами профессоровъ: В. Н. Сиротинина, С. П. Федорова, Г. В. Хлопина, А. П. Фавицкаго, В. А. Тиле, Н. А. Михайлова, Г. Ю. Явейна, С. С. Зимницкаго, Н. А. Засѣцкаго, С. І. Залѣскаго и другихъ представителей научной и практической медицины высылаются безплатно.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО СПИРИДОНОВСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

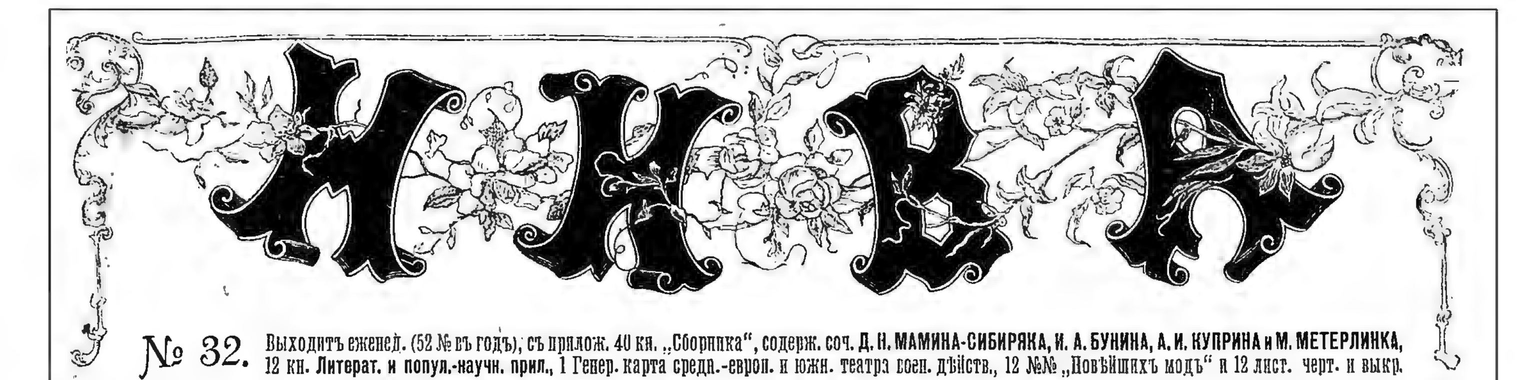
Правленіе: Петроградъ, Надеждинская ул., 1. Тел. 416-15.
Телеграфный адресъ: Ижвода-Петроградъ.

Оптовые заказы адресовать Правленію О-ва.

ПРОДАЖА въ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ столицъ и провинціи, а также въ гостиницахъ, ресторанахъ, кафе, буфетахъ и гастрономическихъ магазинахъ.

3708

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, ул. Гоголя, № 22.



№ 32. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 8 августа 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" кн. 11.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Варшава и Ковна.

Въ то время, какъ сѣверная группа нѣмцевъ, въ составѣ двухъ армій, переправилась черезъ Наревъ, а южная группа вышла наконецъ на фронтъ Люблинъ—Холмъ, на лѣвомъ берегу Вислы, противъ Варшавы, собралась отдѣльная группа войскъ во главѣ съ баварскимъ принцемъ Леопольдомъ и повела непосредственно атаку на Варшаву. Какъ извѣстно, Варшавская крѣпость была уже упразднена почти тотчасъ же послѣ японской войны, и поэтому обороняться на этихъ старыхъ упраздненныхъ фортахъ было довольно невыгодно. Правда, впереди этихъ фортовъ были построены полевыя укрѣпленія отъ мѣстечка Блоне до деревни Надаржинъ, но сами по себѣ они не могли считаться достаточно сильными для того, чтобы удержать нашихъ противниковъ.

Когда противникъ подошелъ наконецъ къ такъ называемой „Варшавской позиціи", т.-е. къ бывшимъ старымъ фортамъ Варшавской крѣпости, нѣмецкія войска оказались въ 4—7 верстахъ отъ Варшавы. Вслѣдствіе этого нѣмцы могли начать бомбардировку польской столицы, ибо, какъ извѣстно, даже полевыя орудія могутъ стрѣлять на такое разстояніе, а тяжелыя подавно.

Возникалъ вопросъ — продолжать ли оборону Варшавы или нѣтъ? Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что Варшаву нужно очистить, при чемъ при рѣшеніи этого вопроса сыграли роль и гуманныя соображенія, въ силу которыхъ нежелательно было допустить бомбардировку польской столицы, и соображенія стратегическаго свойства

Кромѣ того, самое главное, былъ рѣшенъ въ принципѣ вопросъ объ оставленіи „передового театра" — Царства Польскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ объ оставленіи Варшавы, а слѣдовательно, и не было основаній подвергать городъ ужасамъ бомбардировки, разъ его все равно рѣшено оставить.

Наконецъ необходимо отмѣтить, что армія Гальвица, перепра-

Національный праздникъ во Франціи 14-го іюля. Рѣчь президента Пуанкарэ во дворѣ Дома Инвалидовъ о заслугахъ Ружэ-де-Лиля.
(См. «Отклики войны» № 31, стр. 4).

Національный праздникъ во Франціи 14-го іюля. Перенесеніе въ Домъ Инвалидовъ останковъ Ружэ-де-Лиля, автора „марсельезы". Прибытіе кортежа во дворъ Дома Инвалидовъ. (См. «Отклики войны» № 31, стр. 4).

вившаяся через Наревъ, шла въ это время къ Острову, угрожая станціи Малкинъ, находящейся на желѣзнодорожной линіи Варшава—Бѣлостокъ.

При такихъ условіяхъ была очищена Варшава, и начался отходъ нашихъ войскъ съ „передового театра", отходъ крайне трудный, такъ какъ сѣверная Наревская группа нѣмцевъ стремилась отъ Ломжи и Острова наперерѣзъ путямъ отступленія къ дорогѣ Варшава — Бѣлостокъ, а южная группа Макензена стремилась къ Бресту наперерѣзъ другого пути отступленія Варшава — Брестъ.

Поэтому нами было выставлено два боковыхъ арьергарда: одинъ на фронтѣ Ломжа — Островъ, который долженъ былъ сдерживать сѣверную группу нѣмцевъ, а другой на фронтѣ Влодава — Любартовъ (верстахъ въ 60 впереди Бреста), который долженъ былъ сдерживать южную группу Макензена. Наши доблестные арьергарды въ рядѣ упорныхъ боевъ сдержали и сѣверную и южную группу противника, ·

— 100-верстное разстояніе между Влодавой и Островомъ, и по этому широкому коридору подъ прикрытіемъ нашихъ арьергардовъ спокойно стали выходить наши войска

Наши войска, отходя отъ „передового театра" и съ линіи рѣки Вислы, одновременно съ этимъ производили новую перегруппировку для занятія новой оборонительной линіи Нѣмана — Буга, на которой обозначались двѣ прочныя опорныя точки на флангахъ: Брестъ на лѣвомъ флангѣ и Ковна на правомъ флангѣ.

Однако, какъ намъ уже приходилось ранѣе отмѣчать, противникъ предвидѣлъ нашъ отходъ съ „передового театра", такъ какъ онъ понималъ, что это вполнѣ естественно, разъ „передовой театръ" уже географически охваченъ съ сѣвера Восточной Пруссіей, а съ юга Галиціей. Поэтому ясно было, что съ линіи Вислы мы отойдемъ на слѣдующую оборонительную линію, а таковой, какъ нетрудно видѣть изъ карты, была линія Нѣмана—Буга съ крѣпостями Ковна, Гродна, Брестъ.

Это, какъ мы уже ранѣе указывали, и вызвало Прибалтійское наступленіе нѣмцевъ, гдѣ противникъ стремился заранѣе охватить новый фронтъ Ковна—Брестъ посредствомъ выдвиженія отъ Поневѣжа къ востоку въ охватъ ковенскаго раіона. Движеніе это, какъ весьма важное, встрѣтило сильное сопротивленіе съ нашей стороны, и противникъ былъ остановленъ къ востоку отъ Поневѣжа, примѣрно, на фронтѣ Вилькоміръ—Понѣмуни, т.-е. въ разстояніи 60—65 верстъ отъ магистрали Двинскъ—Вильна.

Одновременно противникъ предпринялъ штурмъ крѣпости Ковна, отбитый съ большими потерями для нѣмцевъ. Штурмъ первоклассной крѣпости на первый взглядъ казался предпрі-

Національный праздникъ во Франціи 14-го іюля. На площади Согласія. Муниципалитетъ Парижа передъ статуей города Лилля. (См. «Отклики войны» № 31, стр. 4)

ятіемъ довольно страннымъ, ибо трудно было предположить даже при всемъ высокомѣріи нѣмцевъ, что они попытаются овладѣть такой крѣпостью съ размаха, съ одного удара. На самомъ дѣлѣ однако нѣмцы, повидимому, не стремились къ такой недостижимой цѣли, какъ овладѣніе всей крѣпостью, а хотѣли лишь занять передовыя позиціи впереди Ковенской крѣпости, что для нихъ было весьма важно.

Для того, чтобы это пояснить, напомнимъ, что противникъ, занимая „передовой театръ" и часть Прибалтики, долженъ былъ считаться съ присутствіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій ряда крѣпостей: Новогеоргіевска, Осовца, Ломжи, Ковны, Гродны и Бреста. Присутствіе этихъ крѣпостей вынуждаетъ противника выставить къ нимъ заслоны, чтобы обезпечить себя отъ какихъ-либо активныхъ дѣйствій гарнизоновъ этихъ крѣпостей, которые могли бы въ противномъ случаѣ дѣйствовать въ тылу нѣмцевъ.

Это въ свою очередь должно вызвать ослабленіе полевой германской арміи, и, конечно, нѣмцы стремятся, чтобы по возможности меньше ослабить свою полевую армію, предназначенную для главныхъ операцій, чтобы по возможности меньше выдѣлить изъ нея войскъ для заслоновъ противъ крѣпостей.

Между тѣмъ величина заслона противъ каждой крѣпости находится въ прямой зависимости отъ того, насколько великъ поясъ фортовъ. Чѣмъ крѣпостной кругъ больше, тѣмъ,—ясно,—нужно больше войскъ для обложенія крѣпости. Это въ свою очередь придаетъ большое значеніе передовымъ позиціямъ передъ крѣпостями, и, если впереди крѣпости находится внѣшній концентрическій кругъ передовыхъ позицій, то, очевидно, этотъ кругъ больше, и для обложенія крѣпости нужно больше войскъ. Слѣдовательно, смыслъ передовыхъ позицій предъ крѣпостями заключается въ томъ, чтобы сдѣлать больщій обводъ крѣпости, чтобы вынудить противника тратить больше войскъ на обложеніе крѣпости.

Отсюда нетрудно понять, что противникъ, стремясь овладѣть передовыми позиціями у Ковны, стремился вмѣстѣ съ тѣмъ сузить кольцо обложенія, чтобы выдѣлить меньше войскъ для обложенія этой крѣпости. Это, конечно, для него было важно, разъ ему еще приходится выдѣлять и другой заслонъ для Новогеоргіевска, и намѣчается третій заслонъ для Бреста, т.-е. въ общемъ нужно значительно ослабить свою полевую армію. Что же касается Осовца и Ломжи, то пока офиціальныя данныя ничего не говорили о томъ, будутъ ли эти крѣпости обороняться до послѣдняго, т.-е. будетъ ли допущено обложеніе этихъ крѣпостей, или онѣ будутъ заблаговременно очищены,

Бѣженцы изъ Люблинской губерніи.

Однимъ словомъ, если нельзя сохранить крѣпости, то правильнѣе сохранить по крайней мѣрѣ ея гарнизонъ для полевой арміи, а не допустить осаду крѣпости, при которой гарнизонъ погибъ бы для полевой арміи, подобно тому, какъ 170 тысячъ австрійцевъ вынуждены были капитулировать въ Перемышлѣ.

Вообще нынѣшнее военное искусство требуетъ крайне вдумчиваго и осторожнаго отношенія въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшается вопросъ о томъ, продолжать ли оборону крѣпости до полнаго ея обложенія, или же заблаговременно вывести гарнизонъ. Оборонять крѣпость въ настоящее время рекомендуютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ея оборона, даже въ случаѣ паденія крѣпости, все же дастъ извѣстный стратегическій выигрышъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разсчитывать на выручку крѣпости. Поэтому крѣпость должна держаться, по крайней мѣрѣ, до обратнаго прихода полевой арміи, т.-е. до перехода ея въ наступленіе. Если же этотъ переходъ въ наступленіе не предвидится въ ближайшее время, и крѣпость должна погибнуть, то нынѣшняя стратегія рекомендуетъ оставлять крѣпости и выводить оттуда гарнизонъ. Въ силу этого малыя крѣпости обороняются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда около нихъ есть полевая армія, а разъ полевая армія уходитъ, то вмѣстѣ съ нею уходитъ и гарнизонъ, и крѣпость бросается. Въ будущемъ возможна настоящая осада только очень большихъ крѣпостей, которыя будутъ упорно оборонять,

Такимъ образомъ ближайшіе стратегическіе итоги германской операціи свелись къ занятію „передового театра", при чемъ наши войска вышли

При этомъ противнику приходится ослабить свою полевую армію и выдѣлить рядъ заслоновъ для осады значительныхъ крѣпостей Вислы, Буга и Нѣмана.

Бѣженцы изъ Польши и Прибалтійскаго края въ городскомъ домѣ по разбору нищихъ. Регистрація прибывающихъ бѣженцевъ.

А. И. Гучковъ.

Всероссійскій съѣздъ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ, засѣдавшій въ Петроградѣ съ 25-го по 27-е іюля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

На съѣздъ собралось около 500 представителей свыше 80 комитетовъ; среди нихъ были члены Гос. Думы и Гос. Совѣта, представители вѣдомствъ и мѣстныхъ торгово-промышленныхъ организацій. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ А. И. Гучковъ. Съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію:

«Съѣздъ признаетъ, что при существующемъ строѣ хозяйственныхъ учрежденій военнаго вѣдомства, а именно: главныхъ управленій артиллерійскаго, военно-техническаго, интендантскаго и военно-санитарнаго, при настоящемъ личномъ ихъ составѣ и при тѣхъ порядкахъ, которые въ нихъ господствуютъ, задача удовлетворительнаго снабженія арміи не можетъ быть достигнута. Необходимо полное обновленіе всего этого строя и отдѣльныхъ его органовъ и приспособленіе ихъ къ нуждамъ арміи и условіямъ промышленности.

«Въ основаніе обновленія строя хозяйственныхъ учрежденій военнаго вѣдомства должны быть положены слѣдующія начала: 1) артиллерійское, техническое, интендантское и военно-санитарное вѣдомства должны быть объединены въ одномъ общемъ управленіи, въ составѣ военнаго министерства, подъ властью особаго помощника военнаго министра, лица, облеченнаго общественнымъ довѣріемъ и снабженнаго широкими полномочіями; 2) при этомъ помощникѣ министра должно быть образовано особое совѣщаніе, въ составъ котораго, кромѣ представителей законодательныхъ учрежденій и правительственныхъ вѣдомствъ, должны войти представители военно-промышленныхъ комитетовъ, всероссійскихъ союзовъ земствъ и городовъ и рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ тому же помощнику министра предоставляется въ наиболѣе крупныхъ центрахъ учреждать особые временные органы власти съ широкими полномочіями и правомъ принудительнаго урегулированія дѣла снабженія арміи. Во главѣ таковыхъ органовъ должны быть поставлены представители военнаго вѣдомства, при непремѣнномъ участіи въ нихъ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ и всероссійскаго союза земствъ и городовъ».

Съѣздомъ была послана привѣтственная телеграмма Верховному Главнокомандующему, на которую въ послѣдній день засѣданія съѣзда А. И. Гучковъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Очень тронутъ и сердечно благодарю за выраженныя чувства представителями военно-промышленныхъ комитетовъ Имперіи, собравшимися на съѣздъ. Отъ вашей плодотворной, быстрой, дружной работы зависитъ нашъ успѣхъ.

«Генералъ-адъютантъ *НИКОЛАЙ*».

Телеграмму Его Императорскаго Высочества участники съѣзда выслушали стоя и привѣтствовали продолжительными рукоплесканіями.

— Позвольте,—сказалъ А. И. Гучковъ,—на этомъ бодромъ призывѣ человѣка, на которомъ лежитъ вся отвѣтственность за судьбы нашей арміи, нашей Родины, позвольте на этой бодрой нотѣ закрыть нашъ съѣздъ.

Жизнь — сказка.

Повѣсть Ис. Островного.

(Продолженіе).

На площадкѣ вагона не было никого. Тучи на небѣ совсѣмъ разошлись, и солнце теперь свѣтило во-всю.

Лощинъ разжалъ свою руку, и оба они глядѣли на небольшую вещицу, лежавшую у него на ладони. Она была круглая, изъ золота, съ темнымъ ободочкомъ, повидимому, изъ платины; разорванная цѣпочка тоже была изъ золота, перемѣшаннаго съ платиной. По формѣ это былъ медальонъ, но не было никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы узнать, гдѣ и какъ онъ открывается.

Макшеевъ взялъ его въ руки и принялся самымъ внимательнымъ и пристальнымъ образомъ разсматривать его съ этой точки зрѣнія.

— Тутъ, братъ, секретъ какой-то. Безъ знанія его не откроешь, сказалъ онъ и прибавилъ:—а вещь цѣнная. Рублей, я тебѣ скажу, этакъ на двѣсти. Тутъ главное—платина. Она очень дорого цѣнится. Везетъ же тебѣ, Сережка! Вдругъ ни съ того ни съ сего... Имъ, должно-быть, понравилась твоя смазливая физіономія.

— Какія ты говоришь глупости, Мишель! При чемъ тутъ... Онѣ разговаривали со мной одну минуту, едва ли разглядѣли...

— А чѣмъ же ты объясняешь?

— Да просто—волненіе, повышенное настроеніе, подъемъ... Если бы случайно въ окно выглянулъ ты, онѣ сдѣлали бы то же самое...

— При моей-то толстой рожѣ? Ну, сомнѣваюсь... Что же ты намѣренъ съ этимъ дѣлать?.. Повѣсишь на шею и будешь хранить на сердцѣ? А?

Въ этомъ уже слышалась обычная насмѣшливость Макшеева: онъ начиналъ впадать въ присущій ему тонъ, который какъ-то особенно дѣйствовалъ на Лощина, подчиняя его вліянію этого, въ сущности, недалекаго человѣка.

Впрочемъ, это легко объяснить тѣмъ, что такіе смѣшные и умѣющіе смѣшить люди, какъ Макшеевъ, всегда имѣютъ извѣстную долю вліянія во всякомъ обществѣ. Съ ними не скучно. Гдѣ они, тамъ и смѣхъ: они незамѣнимы въ пасмурные дни, когда на дворѣ безпросвѣтный дождь или вьюга: они въ горестяхъ умѣютъ найти смѣшную сторону, а если у нихъ не хватаетъ остроумія, то они достигаютъ цѣли однимъ своимъ смѣшнымъ видомъ.

Подпоручикъ же Лощинъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ ума и сердца, въ чемъ ему никто не отказывалъ, не обладалъ сильнымъ характеромъ, и ему не хотѣлось дать поводъ Макшееву заподозрѣть его въ сентиментальности, которую тотъ не замедлилъ бы высмѣять. И на замѣчаніе товарища онъ засмѣялся.

— Съ какой стати? Вѣрнѣе, въ трудную минуту продамъ гдѣнибудь, когда не хватитъ табаку.

Онъ сказалъ это неискренно, но тѣмъ болѣе его изумили слова, которыя онъ услышалъ отъ Макшеева:

— Ну, это, братъ, ужъ было бы свинство... Тебѣ подарили это не на табакъ, а на память. Вотъ я бы не продалъ. Ни за что. Я знаешь что сдѣлалъ бы? Починилъ бы цѣпь и надѣлъ бы эту штуку на себя и носилъ бы ее на груди. Почемъ знать? Можетъ-быть, это судьба, и въ этой кругляшкѣ заключается какое-нибудь волшебное свойство.

— О, что ты! Неужели ты вѣришь въ подобныя глупости?—опять-таки не вполнѣ искренно замѣтилъ Лощинъ.

— Глупость? Нѣтъ, это не глупость. Можетъ-быть, эти дѣвушки были вовсе не дѣвушки, а какія-нибудь сказочныя феи. Не даромъ же ты сирота, у тебя нѣтъ ни отца, ни матери, и никакихъ родныхъ. Вотъ феи и позаботились о тебѣ.

Да, какъ это ни странно, въ душѣ у этого толстяка, на ряду съ плоскимъ шутовствомъ, уживалось пристрастіе къ сказочной фантазіи. Онъ былъ очень суевѣренъ, боялся страшныхъ разсказовъ на ночь и не только въ дѣтствѣ, когда былъ въ школѣ, но и теперь, когда выросъ, возмужалъ и носилъ офицерскіе погоны, украшенные двумя звѣздочками. И то, что онъ говорилъ Лощину про фей, нисколько не было шуткой,—онъ допускалъ, онъ вѣрилъ, что это было возможно.

И насчетъ разныхъ чудесныхъ вещей у него былъ богатый запасъ исторій, всевозможныхъ изумительныхъ случаевъ, которые онъ не уставалъ разсказывать, при чемъ, по странной слабости, почти всегда приписывалъ ихъ переживаніе себѣ.

Онъ и теперь уже завелъ какой-то разсказъ, будто бы слышанный имъ отъ отца, объ одномъ полковникѣ, которому какая-то неизвѣстная старуха-нищая, въ благодарность за поданный ей пятакъ, подарила мѣдную пуговицу, и какъ эта пуговица, которую онъ всегда носилъ въ карманѣ, въ турецкую войну спасала его отъ пуль и отъ такихъ невѣроятныхъ опасностей, среди которыхъ всякій другой двадцать разъ погибъ бы.

Но Лощину всегда было непріятно слушать его разсказы. Вѣра въ таинственное и невѣдомое была и ему самому свойственна, но эта область рисовалась ему въ видѣ тончайшихъ, эѳирныхъ, неуловимыхъ и неощутимыхъ сферъ, и представленія Макшеева съ этими добрыми феями, злыми вѣдьмами, старухами-нищими и ихъ талисманами, даримыми за пятачковую милостыню, казались ему грубыми и оскорбляли его.

Поэтому онъ, просто изъ чувства противорѣчія, отрицалъ всякую возможность таинственности и въ этомъ случаѣ. Да и къ чему было искать какихъ-то особенныхъ объясненій? Въ такое время, когда всѣхъ охватило воодушевленіе, что удивительнаго въ томъ, что дѣвушки, увидѣвъ воина, отправлявшагося въ сраженіе, захотѣли хоть чѣмъ-нибудь доставить ему удовольствіе. У нихъ ничего не было въ рукахъ, и онѣ отдали то, что нашлось.

Онъ хорошенько спряталъ подарокъ дѣвушки, но вовсе не считалъ его талисманомъ, а просто—какъ вещь, данную ему на память, подъ вліяніемъ высокаго движенія души. Товарищамъ онъ такъ ничего и не сказалъ про этотъ эпизодъ, а особенно про подарокъ. И это совсѣмъ не значило, что онъ не довѣрялъ имъ, или у него съ ними плохія отношенія. Напротивъ, самыя лучшія, и не только съ тѣми, что были его товарищами по выпуску, но и съ другими, которые прибыли со стороны и служили съ нимъ недавно. Онъ былъ очень счастливъ въ этомъ отношеніи: его любили неизмѣнно всѣ товарищи.

Сергѣй Андреевичъ Лощинъ былъ дѣйствительно круглый сирота. Отца, стараго вояку, отличавшагося еще въ скобелевскія времена, онъ смутно помнилъ, а о матери своей не имѣлъ никакого представленія. Она умерла раньше наступленія въ немъ сознательности. Какіе-то дальніе родственники забросили его въ военную школу, гдѣ онъ получилъ мѣсто по праву, и онъ, пройдя все, что полагается, вышелъ въ офицеры.

Никто ему не помогалъ, и никому онъ не былъ обязанъ, кромѣ „казны“, которая дѣйствительно, можно сказать, вывела его въ люди. И можетъ-быть, оттого, что у него никогда не было внѣшней опоры, какъ у другихъ, какъ почти у всѣхъ его товарищей, и всегда нужно было опираться только на себя самого, изъ него выработался такой осторожный, сдержанный, вдумчивый и даже, какъ многимъ казалось съ перваго взгляда, разсудительный человѣкъ.

Ни въ чемъ онъ не былъ рѣзокъ, никогда не дѣйствовалъ по первому побужденію, зная, что, если позволитъ себѣ это и сдѣлаетъ глупость, то никто за него не заступится, и одному ему придется нести послѣдствія.

Но эта же осторожность дѣлала его пріятнымъ и для другихъ. Сколькихъ товарищей его благоразуміе и вдумчивость спасли отъ непоправимыхъ глупостей, иногда близкихъ къ гибели... За это его любили, и это отношеніе товарищей въ значительной степени возмѣщало ему недостатокъ той теплоты, какую другіе находили у родныхъ.

Но все же онъ былъ одинокъ, и это чувствовалось на каждомъ шагу. Не дружба же съ толстякомъ Макшеевымъ могла залѣчить эту рану! Странная дружба, — какая-то, если можно такъ сказать, механическая. Съ малыхъ лѣтъ люди сидѣли на одной скамьѣ рядомъ, списывали другъ у друга задачи, вообще дѣлили поровну школьныя невзгоды и радости. Люди—разные по характеру, по строенію души, по направленію ума и тѣмъ не менѣе тѣснѣйшимъ образомъ связанные вотъ этимъ именно многолѣтнимъ сосѣдствомъ и невольнымъ дѣлежомъ всего, что выпадало на долю.

Такихъ дружескихъ союзовъ на свѣтѣ множество, они кажутся горячими и неразрывными до разлуки, но, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни врозь, люди, встрѣчаясь, кидаются другъ другу въ объятія, радостно пожимаютъ руки, а черезъ пять минутъ не знаютъ, о чемъ говорить, что сказать другъ другу, что дружески раздѣлить. И мысль обязательно возвращается къ старымъ школьнымъ годамъ, когда было что дѣлить.

И надо сказать, что въ тѣ минуты, когда, передъ отходомъ поѣзда, Лощинъ взглянулъ въ окно и въ тысячный разъ убѣдился, что у него нѣтъ ни одной родной души, которая пришла бы и сказала ему теплое сердечное слово передъ этимъ труднымъ, почемъ знать,—можетъ-быть, послѣднимъ путешествіемъ, онъ былъ очень несчастливъ.

Товарищи, конечно, были съ нимъ, но у нихъ у всѣхъ былъ кто-то, ко всѣмъ пришли родные, хоть дальніе, а Макшеева провожали мать и сестра, и въ эти-то минуты какъ разъ имъ и не было дѣла до него. И вдругъ словно съ неба упали два милыя существа, совсѣмъ постороннія, чужія, но какимъ сердечнымъ огнемъ горѣли у нихъ глаза, когда онѣ посылали ему свои прощальные взгляды. И это простое дружеское пожеланіе „всего самаго прекраснаго“ и этотъ даръ на память... О чемъ? Не о нихъ же, ему совершенно неизвѣстныхъ. О той минутѣ удивительной, незабываемой.

И потому-то онъ крѣпко-накрѣпко спряталъ медальонъ съ цѣпью. Онъ, конечно, не надѣнетъ его, хотя бы ужъ потому, что такое предположеніе высказалъ Макшеевъ, но и не продастъ. О, ни за что, если бы даже умиралъ съ голоду. И совсѣмъ не потому, чтобы считалъ его какимъ-то талисманомъ, а просто... да просто потому, что это было бы подлостью.

День былъ полонъ суеты и перемѣнъ. Нѣсколько часовъ они ѣхали по одной дорогѣ, потомъ на какой-то большой станціи, пока они сидѣли въ буфетѣ, гдѣ для всѣхъ былъ приготовленъ

Привалъ бѣженцевъ у рѣки.

обѣдъ, вагоны ихъ маневрировали, переходя на другую дорогу. Вечеромъ снова перевели ихъ на новый путь, наконецъ стало извѣстно, что больше перемѣнъ не будетъ.

Тогда въ вагонѣ всѣ размѣстились по диванамъ, раздѣлись и улеглись спать. То же самое сдѣлалъ и Лощинъ, но съ его стороны это была лишь маленькая хитрость. Поставленный своимъ одиночествомъ въ исключительное положеніе, онъ долженъ былъ прибѣгать и къ исключительному способу выражать свои затаенныя мысли и интимныя чувства, тѣ сокровища, которыя человѣкъ показываетъ только самымъ близкимъ людямъ, съ которыми сросся душой.

Какъ ни милы были его отношенія съ товарищами, но онъ зналъ, что въ душѣ его найдется всегда кой-что такое, что̀ вызоветъ съ ихъ стороны лишь усмѣшку.

И вотъ, когда онъ убѣдился, что всѣ въ вагонѣ уснули, тихонько привсталъ, осторожно снялъ съ сѣтки свой небольшой походный чемоданъ, что̀ ему было легко сдѣлать, такъ какъ ему достался верхній диванъ, и почти въ совершенной темнотѣ, такъ какъ свѣчи были затемнены ширмочками, вынулъ изъ него небольшую записную книжку и маленькій электрическій фонарикъ.

Свѣтъ отъ фонарика падалъ на раскрытую страницу, на которой одна за другой неторопливо возникали строчки, вписанныя чернильнымъ карандашомъ. Тамъ было написано:

„Въ жизни бываютъ изумительныя встрѣчи, которыя никогда не повторяются, но зато никогда и не забываются. Со мной это случилось сегодня въ первый разъ.

До сихъ поръ въ моей жизни все было просто и прозаично. На вокзалѣ, когда мы отъѣзжали изъ Петрограда, двѣ дѣвушки,— впрочемъ, это только численно двѣ, мнѣ же онѣ представляются, какъ одна,— угадали, что я одинокъ, пришли къ вагону у окна и пожелали мнѣ всего прекраснаго.

Кто онѣ? Можетъ-быть, онѣ такъ же одиноки, какъ и я? Я думаю, что такъ; иначе, какъ же имъ было отгадать мое одиночество? Мишель думаетъ, что это были добрыя феи. Но бѣдный Мишель,—онъ глупъ и не понимаетъ, какъ этимъ грабитъ меня. Богъ съ ними, съ феями. Я хочу, чтобы это были люди, чтобы эти дѣвушки были человѣческія дѣвушки. Только тогда мнѣ отъ ихъ привѣта будетъ тепло.

Медальонъ съ цѣпью она сорвала съ своей груди—та, которую я помню. У нея блѣдное лицо и свѣтлые сѣрые глаза. Въ нихъ были слезы.

У фей, даже и добрыхъ, не бываетъ слезъ. Феи не умѣютъ плакать.

Самое лучшее въ этой исторіи то, что я не знаю имени и никогда не узнаю. О, избави Богъ! Тогда это можетъ вдругъ оказаться прозой. Теперь же у меня въ душѣ есть что-то необычайно красивое.

О, судьба, если ты и впредь хочешь быть такъ же добра ко мнѣ, сдѣлай, чтобы я никогда, никогда не узналъ имени...

Мишель такъ неистово храпитъ внизу, что дольше писать объ этомъ нѣтъ возможности. Это мѣняетъ настроеніе. Это оскорбительно.

А все-таки въ немъ есть какое-то доброе начало, въ Мишелѣ. При мысли о возможности продать медальонъ, онъ, хотя и оцѣнившій его въ двѣсти рублей, возмутился. Я это цѣню въ немъ“.

Бѣженцы получаютъ пищу отъ мѣстнаго ксендза.

Бѣженцы. По фот. нашего корреспондента.

Привалъ бѣженцевъ у рѣки.

Загасилъ фонарь. Уложилъ его и книжку обратно въ чемоданъ, и послѣ этого заснулъ и спалъ до утра, когда ихъ разбудили и выселили изъ поѣзда.

Конецъ путешествія и начало дѣла. Первое дѣло въ жизни, но какое огромное! И какимъ маленькимъ онъ почувствовалъ себя, когда сталъ передъ нимъ лицомъ къ лицу.

III.

Полковникъ Яринцевъ заѣхалъ къ Воронинымъ недѣли черезъ двѣ послѣ встрѣчи съ Надей на вокзалѣ. Онъ хотѣлъ провѣдать старыхъ знакомыхъ, просидѣлъ съ Марьей Васильевной полчаса, у нихъ былъ несмолкаемый разговоръ, но о встрѣчѣ онъ даже не вспомнилъ,—онъ просто забылъ объ этомъ незначительномъ эпизодѣ. Но на минуту зашла Надя, и онъ вспомнилъ.

— Ахъ, послушайте, я долженъ передъ вами извиниться. Вѣдь я тогда потерялъ васъ изъ виду. Куда вы дѣвались? Надѣюсь, васъ никто не обидѣлъ?

— О, нѣтъ, мы оставались до отхода поѣзда,—отвѣтила Надя.

— Какъ же, — прибавила Марья Васильевна: — у нихъ даже было маленькое приключеніе. Онѣ пожелали всего лучшаго какому-то юному подпоручику, котораго никто не провожалъ. Бѣдняжка, должно-быть, одинокъ, и онѣ замѣнили ему добрыхъ родственницъ...

— Неужели? Да кто же это былъ?

— Не знаю,—отвѣтила Надя. — Мы не спросили, а онъ не сказалъ. Вѣдь это была всего одна минута, — поѣздъ отошелъ...

— Но какой же онъ? Опишите его. Я вѣдь многихъ знаю...

— У него черные волосы, смуглыя щеки, темные глаза и безконечно смущенная улыбка.

— Ну, знаете, по такимъ примѣтамъ трудно догадаться объ имени. Черноволосыхъ и смуглолицыхъ воиновъ у насъ тысячи; а что касается смущенной улыбки, то при видѣ двухъ такихъ милыхъ существъ каждый можетъ почувствовать смущеніе.

— Ну, а больше я ничего не помню.

— Жаль. При такихъ обстоятельствахъ никакъ не могу раскрыть вамъ его инкогнито.

— А развѣ это нужно? Все равно мы никогда больше не встрѣтимся.

— Почемъ знать!

— Нѣтъ, никогда, никогда! — какъ-то особенно энергично повторила Надя.

— Почемъ знать, дитя мое! Жизнь, это—сплетеніе неожиданностей. Развѣ вы не замѣтили, что то, чего мы ждемъ на основаніи, повидимому, самыхъ неопровержимыхъ данныхъ, почти никогда не случается, а если случается, то не такъ, какъ ждемъ, а если даже и такъ, то всегда это бываетъ скучно и разочаровываетъ. А захватываетъ насъ неожиданное. Въ неожиданности всегда жизнь бьетъ ключомъ. Да я вамъ такъ скажу: вотъ въ нынѣшней войнѣ. Почему такъ неудачно воюютъ нѣмцы? Вѣдь они сильные, да и совсѣмъ не дураки. А потому, что они сорокъ лѣтъ вырабатывали планъ, и такъ въѣлся онъ въ нихъ, что они сдѣлались его рабами. У нихъ все ожидаемое, и они не допускаютъ неожиданности. Они творили сорокъ лѣтъ, и ихъ творчество истощилось, и теперь они уже не творятъ, а только выполняютъ. А мы творимъ каждую минуту, и потому наша работа — свѣжая, яркая, вдохновенная, она полна творчества, полета, неожиданностей. Въ ней жизнь бьетъ ключомъ... Такъ, значитъ, Наденька, имени не нужно?

— Не нужно, Павелъ Ивановичъ.

— Ну и прекрасно. Въ случаѣ встрѣчи, еще больше будетъ неожиданнаго.

Когда же Надя ушла, полковникъ не находилъ словъ для выраженія восторга. Какъ она прекрасно смотритъ! Такъ, значитъ, это уже прошло? Та мрачная исторія, которая произвела на нее такое потрясающее впечатлѣніе. Вѣдь она послѣ того никого не хотѣла видѣть, почти не выходила изъ комнаты. И тогда, при встрѣчѣ на вокзалѣ, она поразила его своей блѣдностью.

Передъ долгимъ путемъ.

Бѣженцы. По фот. нашего корреспондента.

А теперь — молодчина хоть куда.

— Да, полковникъ, слава Богу, кажется — это совсѣмъ кончилось, — сказала Марья Васильевна: и, какъ это ни странно, есть какая-то связь между перемѣной въ ея настроеніи и тѣмъ днемъ, или, можетъ-быть, даже тѣми проводами, которые вы помогли увидѣть нашимъ дѣвочкамъ. И я вамъ ужасно, ужасно благодарна. Я просто ничего тутъ не понимаю да и не стараюсь понять. Зачѣмъ мнѣ? Съ меня достаточно того, что Надюша моя стала почти прежней.

— А все-таки мнѣ ужасно хотѣлось бы какъ-нибудь узнать, кто былъ этотъ счастливецъ, получившій такой трогательный привѣтъ отъ нашихъ милыхъ дѣвицъ! — воскликнулъ полковникъ.

— Ну, и узнавайте, мой другъ, только для себя, а намъ — мнѣ и Надѣ, да и Варѣ, конечно, этого не нужно, — сказала Марья Васильевна.

Нѣмца увидали.

Что Надя измѣнилась, это было для всѣхъ ясно, и, можетъ-быть, никто такъ не радовался этому, какъ Варя. Но, съ другой стороны, ни у кого радость эта такъ не отравлялась сомнѣніями и опасеніями, какъ у Вари. Всѣ видѣли только внѣшнюю сторону жизни Нади, теперь, какъ и тогда, въ тѣ ужасные два мѣсяца, которые, слава Богу, минули. Но то, что происходило въ ея комнатѣ, знала только Варя.

Дружба двухъ дѣвушекъ образовалась, конечно, жизнью. Но неразрывно-крѣпкимъ цементомъ для нея было различіе ихъ характеровъ. Обѣ онѣ были страшно нужны другъ для дружки.

Варя выросла въ семьѣ дѣловой, рабочей, гдѣ трудъ и спокойное, разумное, уравновѣшенное отношеніе къ жизни были руководящими началами.

Въ домѣ у нихъ теперь былъ больше, чѣмъ достатокъ—прекрасная квартира, обстановка, слуги, своя дача на Черноморскомъ побережьѣ и большая свобода въ распоряженіи средствами. Братъ ея только-что кончилъ курсъ, былъ инженеръ и уже занималъ недурно оплачиваемое мѣсто, конечно, благодаря связямъ отца.

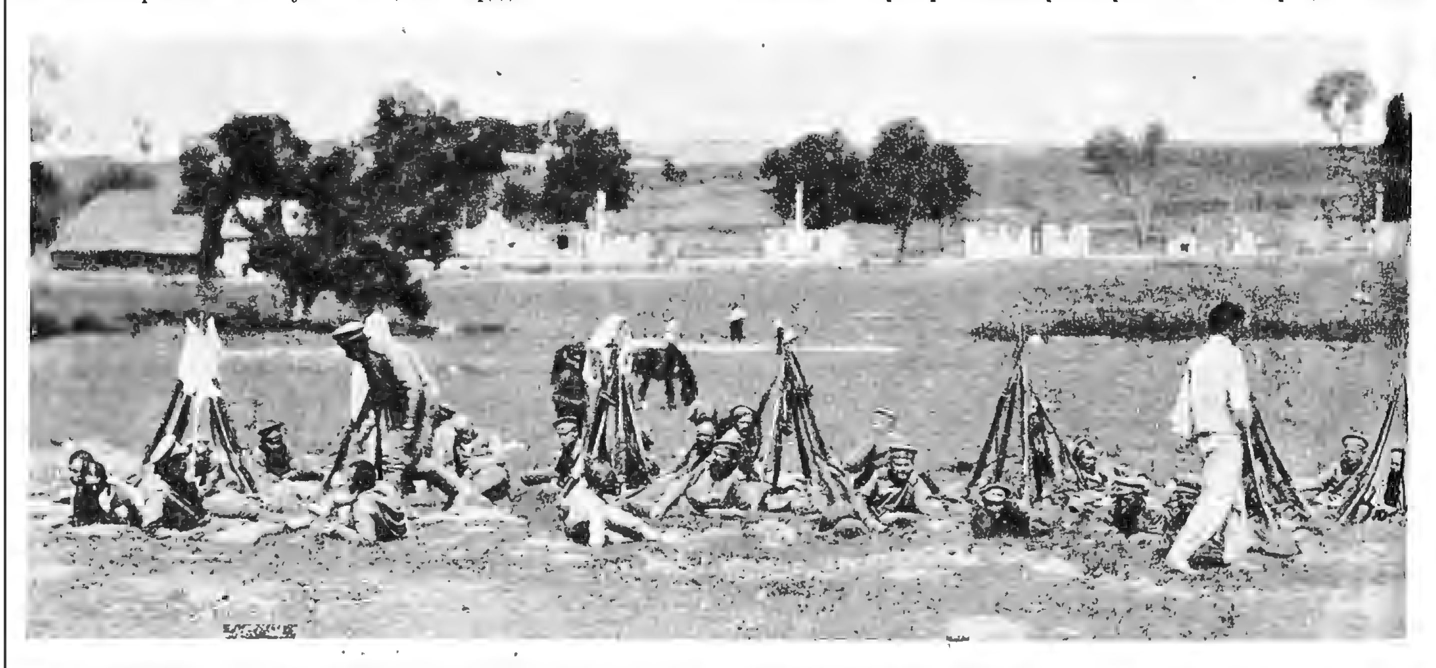
Но Варя, которой было девятнадцать лѣтъ, помнила, когда они жили въ небольшихъ трехъ комнаткахъ на Петербургской сторонѣ, и въ домѣ разсчитывали каждую копейку. И тогда-то въ семьѣ всѣ работали и научились цѣнить трудъ.

У отца, не получившаго надлежащихъ дипломовъ, а только прошедшаго курсъ бухгалтеріи, было незначительное мѣсто съ ничтожнымъ вознагражденіемъ, рублей въ пятьдесятъ въ мѣсяцъ. Этого не хватало, а потому мать взяла службу въ какой-то конторѣ и приносила домой свои тридцать рублей, а братъ, тогда гимназистъ среднихъ классовъ, усердно давалъ уроки и свой заработокъ тоже вкладывалъ въ общую кассу.

И жили дружно, радуясь жизни, потому что каждый былъ обязанъ себѣ. И сама Варя, какъ только, перейдя въ пятый классъ гимназіи, почувствовала себя способной, стала давать уроки. Въ домѣ была такая атмосфера, что внѣ работы не было жизни.

Но обстоятельства начали быстро измѣняться. Отецъ Вари, Петръ Григорьевичъ Корчагинъ, оказался исключительнымъ работникомъ, и притомъ талантомъ въ своей спеціальности. На ничтожномъ мѣстѣ, въ отдѣленіи бухгалтеріи банка, онъ сумѣлъ выдвинуться и получить довѣріе. Скоро онъ сдѣлался помощникомъ бухгалтера, а затѣмъ въ руки его была отдана вся бухгалтерія банка.

Да и банкъ, раньше скромный и робкій, благодаря его находчивости и прозорливости, расширилъ свои операціи, нашелъ



Привалъ въ жаркій полдень. Купанье.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего военнаго корреспондента.

Послѣднія извѣстія.

новыя приложенія, разбогатѣлъ, и въ послѣднія семь-восемь лѣтъ Корчагинъ уже состоялъ въ числѣ его директоровъ, пользовался большимъ вліяніемъ и имѣлъ большіе заработки какъ въ самомъ банкѣ, такъ и на биржѣ.

И теперь, конечно, уже не нужны были ни служба въ конторѣ ни даваніе уроковъ. Но характеръ и міровоззрѣніе Вари вырабатывались раньше, когда все это было нужно, а вмѣстѣ съ тѣмъ были нужны разсудительность, осторожность, выдержка, и эти качества остались при ней неотъемлемо.

Надя же выросла совсѣмъ въ иной обстановкѣ. Большія средства достались ея отцу (теперь покойному) безъ труда, просто по наслѣдству, въ видѣ обширныхъ земель въ юго-восточной Россіи, да и Марья Васильевна принесла въ семью цѣнное имѣніе въ Тверской губерніи.

Братъ Нади былъ на много лѣтъ старше ея, она была еще совсѣмъ маленькой, когда онъ отдѣлился отъ семьи, вышелъ на самостоятельный путь, жилъ гдѣ-то на югѣ, привязанный къ какому-то большому дѣлу, и почти никогда оттуда не выѣзжалъ. И она была единственное и потому балованное дитя.

Трудъ, добываніе средствъ, расчетъ, умѣніе въ чемъ-нибудь отказать себѣ,—все это были вещи, о которыхъ она знала изъ книгъ и изъ разсказовъ другихъ, но сама никогда не испытала, не видѣла и въ нихъ не нуждалась. Благодаря всему этому, свойственная ей по природѣ нѣкоторая фантастичность получила широкое развитіе и приняла характеръ взбалмошности, правда, сильно сдержанной хорошимъ воспитаніемъ и потому не переходившей въ распущенность. Марья Васильевна всегда умѣла остановить ее однимъ трезвымъ словомъ, но, къ сожалѣнію, любовь къ баловницѣ Надѣ часто мѣшала ей пользоваться этой нравственной властью.

И вотъ на почвѣ столь разныхъ характеровъ дѣвушки и сошлись. Не даромъ же Варя Корчагина говорила о себѣ: „я до такой степени благоразумна, что мнѣ иногда отъ самой себя становится скучно". Да, ей именно этого и не доставало въ жизни, чѣмъ была такъ богата Надя: фантастичности.

Но и Надя не могла не оцѣнить въ подругѣ то, чего въ ней самой не было: твердой, словно чеканенной, и какой-то разумной воли. И часто Варя почти незамѣтно для подруги руководила ея волей, но и сама нерѣдко любовалась капризными переливами ея фантастичности. Такимъ образомъ онѣ были нужны другъ для дружки и какъ бы дополняли одна другую.

Однакожъ вліяніе Вари было ограничено. Иногда въ душѣ Нади вспыхивало такое пламя, которое никакими усиліями нельзя было загасить. Тогда Варѣ оставалось только быть свидѣтельницей маленькихъ глупостей, а иногда и большихъ безумствъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ эпизодъ, случившійся съ полгода тому назадъ и обошедшійся такъ дорого не только самой Надѣ, но и ея близкимъ.

Это было знакомство не случайное, въ сущности, даже очень давнее, семейное. Когда-то, при жизни Надинаго отца, когда они жили въ деревнѣ, Горниловы были ихъ добрыми сосѣдями. Богатые помѣщики, жившіе такъ широко, что, по тамошнимъ деревенскимъ нравамъ, это казалось даже почти предосудительнымъ.

У нихъ, напримѣръ, было устроено нѣчто въ родѣ ботаническаго сада, гдѣ имѣлись растенія всѣхъ климатическихъ поясовъ, выращивались даже пальмы и, къ общему удивленію, приносили плоды. Строились гигантскія оранжереи, въ прудахъ разводились невиданныя для того края рыбы, держался рысистый заводъ исключительно для своихъ надобностей.

Стоило это колоссальныхъ денегъ, и въ результатѣ было, конечно, разореніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Привалъ въ жаркій полдень. Послѣ купанья.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего военнаго корреспондента.

Набѣгъ.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

Въ первый разъ за время войны хорунжій Евстигнѣевъ, начавшій свою карьеру простымъ урядникомъ, явился въ роли временно командующаго сотней.

Ему это казалось страннымъ, но сотня смотрѣла на новое назначеніе, какъ на самое обыкновенное дѣло: большинство застало его уже офицеромъ, меньшинство же, помнившее его еще нижнимъ чиномъ, привыкло видѣть въ немъ изъ ряду вонъ выходящаго удальца даже въ такомъ казачьемъ полку, какимъ былъ ихъ полкъ. Они не находили ничего страннаго и въ томъ, что ему поручили сотню какъ разъ для исполненія такого важнаго дѣла, какъ нынѣшняя развѣдка.

Казаки сотни, уже выстроенной для похода, видѣли, какъ командиръ полка, кончивъ говорить, пожалъ Евстигнѣеву руку, и это маленькое обстоятельство еще болѣе подчеркнуло, что ему вѣрятъ всѣ,—и начальство и простые казаки.

Сотня выѣхала какъ только начало темнѣть и полной рысью пошла въ сторону непріятеля,—надо было беречь время, такъ какъ до утра предстояло сдѣлать около пятидесяти верстъ.

Мѣстность, по которой ѣхали, была въ значительной степени уже извѣстна казакамъ по прежнимъ развѣдкамъ,—такъ, напримѣръ, влѣво были сильныя сторожевыя части непріятеля и войска всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Двѣ ночи назадъ излишнее усердіе нѣмцевъ показало всю линію ихъ расположенія: они и прежде широко пользовались дрессированными собаками, но въ этотъ разъ рѣшили превзойти самихъ себя и взяли по собакѣ,—быть-можетъ, лишь плохо обучивъ, — въ каждый сторожевой караулъ, каждую сторожевую заставу. Полагали, что теперь никакой казакъ не проскользнетъ черезъ ихъ цѣпь.

Купанье лошадей.

Но вышло нѣчто неожиданное для казаковъ и еще болѣе неожиданное для нѣмцевъ: собака одного изъ карауловъ дѣйствительно во-время замѣтила приближеніе русскихъ и громко залаяла, но ея лай подхватили другія собаки непріятельскаго расположенія: залаяли кусты, пригорки, канавы,—вездѣ, гдѣ сидѣли и прятались нѣмцы, лаяла собака.

Казаки отъѣхали и по картѣ намѣтили расположеніе непріятельскихъ охранныхъ частей.

Туда теперь не поѣхали: если нѣмцы и измѣнили свое мѣсто, то лишь незначительно. Теперь тамъ долженъ былъ итти крайній лѣвый флангъ развѣдывавшей сотни. Въ виду важности, туда Евстигнѣевъ назначилъ приказнаго Калмыкова, своего бывшаго товарища и поклонника, и вольноопредѣляющагося Ковалева, смѣлаго наѣздника, человѣка съ высшимъ образованіемъ и хорошо знающаго нѣмецкій языкъ.

Казаки шли широкимъ десятиверстнымъ фронтомъ по два человѣка, черезъ промежутки по четыреста—пятьсотъ шаговъ пара отъ пары, и передъ отправкой получили отъ Евстигнѣева краткую и точную инструкцію:

Въ бой не ввязываться. Непріятеля тщательно избѣгать. Никоимъ образомъ не обнаруживать своего присутствія. Деревни и хутора изслѣдовать тщательно, но въ нихъ не заходить, чтобы не попасться. Въ два часа ночи собираться къ центру и, такъ какъ связь за это время будетъ потеряна, давать знать о себѣ вороньимъ крикомъ. Направленіе держать по звѣздамъ.

Обыкновенно вороны ночью спятъ, но въ мѣстахъ, гдѣ бываютъ бои, онѣ дѣлаются нервными и часто ночью вскрикиваютъ безъ всякой причины. Поэтому этотъ крикъ едва ли можетъ привлечь вниманіе врага. На однократное карканье отвѣтъ долженъ слѣдовать не сразу, а съ маленькимъ промежуткомъ и повторяться два раза.

Пѣхота на бивуакахъ. Приготовленіе обѣда.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего военнаго корреспондента.

Въ случаѣ прямого преслѣдованія удирать, но не назадъ, а впередъ. Стрѣлять лишь въ случаѣ преслѣдованія большими силами противника, не меньше эскадрона. На стрѣльбу не обращать вниманія и ѣхать впередъ, какъ если бы ничего не случилось, помня, что главная цѣль къ двумъ часамъ ночи проѣхать свое мѣсто и соединиться съ сотней.

Указанія эти были даны уже въ чистомъ полѣ, и если бы кто увидѣлъ и услышалъ сотню Евстигнѣева въ это время, тотъ бы подумалъ, что и съ командиромъ ея и съ казаками случилось что-то неладное: вся сотня вдругъ закаркала... Казаки смѣялись, нагибались и каркали одинъ другому въ лицо.

Одни учились методически, другіе больше шутили. Но нашлись мастера, изумившіе всѣхъ своимъ умѣньемъ, и среди нихъ видное мѣсто занялъ всегда серьезный и сосредоточенный, крайне скупой на слова урядникъ Чупрынниковъ. Около него собрались ученики и поклонники, и вскорѣ вся сотня повернулась къ нему: его слушали и потомъ уже начинали каркать сами. Тогда поднимался невообразимый гвалтъ, и издали казалось, что дѣйствительно собрались вороны.

Наконецъ Евстигнѣевъ скомандовалъ „смирно" и не то серьезно, не то шутя, сказалъ:

— Накаркали бѣдъ германцамъ. Довольно съ нихъ.

Затѣмъ уже вполнѣ серьезно добавилъ:

— Помните, братцы,—въ первый разъ я съ вами за командира сотни,—смотри, выручай, не ударимъ лицомъ въ грязь. Затѣмъ помни: уральцы взяли пушки, драгуны привели генерала, мы достали только пулеметы,—для донцовъ мало! А теперь:—смирррно!

Пока доѣхали до тѣхъ поръ, гдѣ можно было ожидать врага, совершенно стемнѣло. Слѣва дулъ порывами вѣтеръ, и когда онъ дулъ и забирался за воротникъ и рукава, было холодно, а когда переставалъ, погода была для зимы теплая и пріятная.

Сотня остановилась, и по командѣ „шагомъ" начали разъѣзжаться. Только крайнія пары пошли рысью, чтобы не задерживать центра въ его движеніи впередъ.

Отъ семи часовъ вечера и до двухъ часовъ ночи, считая по три-четыре версты въ часъ, можно было проѣхать около двадцати-двадцати пяти верстъ въ глубину непріятельскаго расположенія и подробно изслѣдовать фронтъ въ десять верстъ ширины.

До сихъ поръ въ этомъ раіонѣ встрѣчалась только непріятельская конница, да и то больше крупными разъѣздами, что указывало, что здѣсь просто завѣса, а расположеніе непріятеля шло влѣво, гдѣ было отмѣчено въ значительномъ числѣ присутствіе всѣхъ трехъ родовъ оружія.

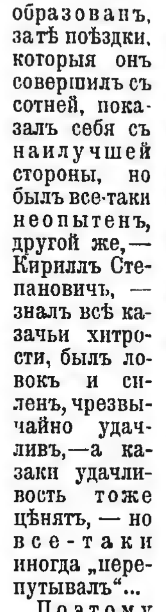
На вольноопредѣляющагося Ковалева и приказнаго Калмыкова, двойного георгіевскаго кавалера, казака огромнаго роста и силы, беззавѣтно храбраго, но нѣсколько легкомысленнаго,—была возложена самая трудная часть задачи: прослѣдить мѣста, гдѣ безусловно долженъ былъ находиться непріятель.

Приказнаго Калмыкова вся сотня звала не иначе, какъ Кириллъ Степановичъ, и случилось это послѣ того, какъ командующій арміей, давая ему лично первый Георгіевскій крестъ, сказалъ: „Ты теперь уже не казакъ Кирилка, а георгіевскій кавалеръ, приказный Кириллъ Степановичъ".

Авіаторъ лейтенантъ Уорнефордъ (Warneford), атаковавшій и уничтожившій нѣмецкій цеппелинъ; награжденъ военнымъ орденомъ— „крестомъ Викторіи".

До тѣхъ поръ онъ былъ любимцемъ сотни, но, какъ младшій въ ней, назывался просто Кирилкой, послѣ же креста его стали звать,—больше шутя,—по имени и отчеству. Потомъ къ этому такъ привыкли, что даже сотенный командиръ, ругая его, говорилъ: „Что жеты, чортъ бы тебя забралъ, Кириллъ Степановичъ, перепуталъ?.."

Назначая эту пару, Евстигнѣевъ немного сомнѣвался: одинъ былъ уменъ и



образованъ, затѣ поѣздки, которыя онъ совершилъ съ сотней, показалъ себя съ наилучшей стороны, но былъ все-таки неопытенъ, другой же,— Кириллъ Степановичъ, — зналъ всѣ казачьи хитрости, былъ ловокъ и силенъ, чрезвычайно удачливъ,—а казаки удачливость тоже цѣнятъ, — но все-таки иногда „перепутывалъ"...

Знаменитый французскій боксеръ Жоржъ Карпантье, сдавшій экзаменъ на званіе военнаго пилота.

Поэтому онъ слѣдующую пару назначилъ изъ самыхъ отборныхъ людей: урядника Чупрынникова и еще одного казака, на котораго можно было положиться.

Они должны были служить резервомъ и, въ случаѣ крайности, выручить первую пару.

Эта первая пара,—Ковалевъ и Кириллъ Степановичъ,—первые четыре часа ѣхала безъ всякихъ приключеній. Время отъ времени они останавливались и прислушивались. Ковалевъ вынималъ спеціально ночной бинокль и смотрѣлъ въ него, потомъ передавалъ казаку.

Увеличеніе этого бинокля было всего въ два съ половиной раза, но объективы въ пятьдесятъ пять миллиметровъ въ діаметрѣ, почему онъ имѣлъ странный и некрасивый видъ. Но ночью оказывалъ неоцѣнимыя услуги, и Кириллъ Степановичъ, видѣвшій великолѣпно и днемъ и ночью, въ него разглядывалъ чудеса.

Сначала оба сильно береглись и въ особенности были осторожны, когда подъѣзжали къ какому-нибудь населенному пункту. На одномъ хуторѣ выскочила собака и преслѣдовала ихъ, громко лая, минутъ пятнадцать. На ея лай кто-то вышелъ изъ хутора и выстрѣлилъ,—но былъ ли это солдатъ или хозяинъ хутора, они не могли опредѣлить. А такъ какъ цѣль развѣдки—ея начало было не здѣсь, а послѣ двухъ часовъ ночи и уже въ составѣ сомкнутой сотни, то они и не пытались узнать ближе.

Собака, хрипло лая, бѣжала за ними около версты и потомъ, когда уже бѣжала назадъ, иногда останавливалась, и они слышали ея хриплый больной лай.

Проѣхали мимо деревушки домовъ въ пятнадцать. Кириллъ Степановичъ слѣзъ съ коня, передалъ его Ковалеву и пѣшкомъ направился къ ней.

Вернулся онъ черезъ полчаса: тамъ были германцы, но сколько,—опредѣлить было невозможно: „часовой ужъ больно прыткій; а въ деревнѣ тихо,—вѣрно, спятъ собаки"...

И нельзя было понять, — говоритъ онъ о настоящихъ собакахъ, или такъ называетъ германцевъ, или, пожалуй, просто шутитъ.

Потомъ поѣхали опушкой лѣса, — справа большія деревья, слѣва кочки и кусты. По дорогѣ не ѣхали, а въ сторонѣ отъ нея, что было возможно, потому что снѣгъ отъ послѣднихъ оттепелей сильно сошелъ. Итти по дорогѣ было опасно, такъ какъ она навѣрно охранялась.

Въ лѣсу было темно, и когда привыкли къ тишинѣ поля и лѣса, перестали остерегаться. Ѣхали молча только потому, что ровное движеніе идущаго шагомъ коня успокаивало и усыпляло. И поэтому, когда оба коня сразу остановились и напомнили, что они ѣдутъ по непріятельской территоріи и враги могутъ быть тутъ же подъ бокомъ, стало жутко. Они притаили дыханіе, слушая легкій шумъ вѣтра между вѣтокъ сосенъ.

Въ это время чей-то негромкій, но явственно слышный голосъ сказалъ:

— Witberg, haben Sie gehört?

У Дарданеллъ. Въ фортѣ Седиль-Баръ, взятомъ у турокъ.
Памятникъ, поставленный турками въ память первой бомбардировки.

Потомъ длинная пауза, и другой голосъ, низкій и немного хриплый, спросилъ:

— Nein. Was denn?

Опять длинная пауза, и прежній голосъ:

— Waren da nicht Pferde?

Опять длинная-длинная пауза... Только вѣтеръ шумѣлъ, качая вѣтки сосенъ.

Постояли и потихоньку тронулись. У Ковалева сердце билось, точно хотѣло выпрыгнуть изъ груди. Когда проѣхали съ минуту, услышали опять голоса, но словъ теперь нельзя было разобрать.

Ковалевъ все еще не могъ справиться со своимъ сердцемъ и придерживалъ его рукой. И дѣйствительно, странно и жутко было слышать эти голоса, проѣзжая ночью по мѣстности, безусловно занятой непріятелемъ.

Когда проѣхали минуты три-четыре, Кириллъ Степановичъ нагнулся на сѣдлѣ и спросилъ громкимъ шопотомъ:

— Чаво говорили?

— Одинъ спрашивалъ, не слышалъ ли чего другой, и тотъ сказалъ, что ничего не слышалъ. Тогда первый сказалъ, будто ему показались лошади.

Казакъ усмѣхнулся:

— Тоже секретъ... Дозорные... развѣдчики...

Не прошло и минуты послѣ этого разговора, который велся безъ особыхъ предосторожностей, какъ чей-то сердитый голосъ громко и совсѣмъ близко закричалъ:

— Dummer Kerl! Esel!

И другой голосъ тихо и успокоительно замѣтилъ:

— Na, na! Bist du hitzig!

Голоса были такъ неожиданны, громки и близки, что Ковалевъ, еще не успокоившійся отъ прежняго, чуть не вскрикнулъ. Оба были такъ поражены, что не придержали лошадей и продолжали ѣхать. И у каждаго была одна и та же мысль:

„Да что это? Здѣсь всѣ кусты, весь лѣсъ наполненъ нѣмцами?“

Нѣсколько минутъ ѣхали молча, и Ковалевъ все придерживалъ свое непослушное сердце. Потомъ казакъ опять перегнулся на сѣдлѣ и въ этотъ разъ дѣйствительно тихо спросилъ:

— Чаво это они? Какъ зайцы, за каждой кочкой сидятъ?—И, помолчавши, прибавилъ:— Чаво они говорили?

Когда Ковалевъ передалъ разговоръ нѣмцевъ, Кириллъ Степановичъ фыркнулъ и, боясь громко разсмѣяться, закрылъ ротъ рукой. Онъ долго не могъ успокоиться, припоминая слова говорившихъ, и всякій разъ поспѣшно поднималъ руку и фыркалъ въ нее. Потомъ нагибался къ Ковалеву и переспрашивалъ:

— Эзель будетъ оселъ по-ихнему? Думмеръ керль значитъ дуракъ? А другой говоритъ: чаво ты такой горячій?

Выѣхали наконецъ изъ опаснаго лѣса и поѣхали чистымъ полемъ; но и въ полѣ ихъ напугали: на этотъ разъ неизвѣстно откуда вырвавшаяся собака. Она сразу неистово залаяла и провожала ихъ съ ожесточеннымъ лаемъ около двухсотъ шаговъ. Потомъ исчезла такъ же таинственно, какъ и появилась. Казакъ вынулъ свой арканъ, которымъ онъ былъ мастеръ владѣть, но собака не появлялась. Они были увѣрены, что это германская сторожевая собака, и каждую секунду ожидали нападенія, но поле было тихо и спокойно.

Черезъ полчаса послѣ исторіи съ собакой доѣхали до отдѣльнаго хутора.

На этотъ разъ очередь итти на развѣдку была за Ковалевымъ. Собакъ, слава Богу, не было, и удалось подкрасться къ самому дому, хотя и здѣсь не обошлось безъ приключенія. То, что увидѣлъ Ковалевъ, опять заставило забиться его сердце, но уже радостно: въ бинокль можно было отчетливо разобрать автомобиль и сидящаго на немъ часового.

Сначала онъ никакъ не могъ разобрать, что тамъ сѣрѣло около воротъ? Пришлось ползти ближе и ближе:—это былъ совершенно отдѣльный хуторъ съ двумя сараями, колодцемъ съ „журавлемъ“ и садомъ. Около дверей дома, лицомъ къ воротамъ, стоялъ сѣрый автомобиль съ парусиновымъ верхомъ. На его подножкѣ сидѣлъ солдатъ. Ему видимо сильно хотѣлось спать, но онъ боролся со сномъ и, когда его голова опускалась, вздрагивалъ, теръ себя рукой по лицу и выравнивался. Но сейчасъ же его голова опять опускалась, и онъ, какъ механическая кукла, повторялъ прежнія движенія.

Но Ковалеву показалось, что сзади стоитъ еще одинъ автомобиль. Онъ осторожно поползъ дальше и дѣйствительно увидѣлъ другой автомобиль и нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, жевавшихъ сѣно.

Въ это время изъ-за сада показался другой солдатъ, и, хотя было темно, но, очевидно, онъ разсмотрѣлъ фигуру Ковалева. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему, но потомъ вернулся и пошелъ къ часовому, сидѣвшему на подножкѣ автомобиля. Это и

У Дарданеллъ. Послѣднія минуты англійскаго броненосца „Мажестикъ“, взорваннаго подводной лодкой.

спасло развѣдчика да, кромѣ того, хладнокровіе и счастливый случай: первой мыслью Ковалева было подняться и бѣжать; но они могли всякую минуту обернуться, замѣтить это бѣгство и на лошади легко догнать... Или въ полѣ ночью будетъ трудно поймать?

Въ этотъ моментъ солдатъ обернулся и началъ вглядываться въ темноту. Т.-е., вѣроятно, обернулся, потому что Ковалевъ видѣлъ только темную фигуру съ совершенно расплывшимися контурами. Онъ какъ всталъ на четвереньки, чтобы подняться на ноги и побѣжать, такъ и остался въ этомъ положеніи: быть-можетъ, нѣмецъ видитъ еще хуже его, не замѣтитъ, и опасность пройдетъ мимо?

Ковалевъ былъ на днѣ канавы и не даромъ разсчитывалъ, что его трудно замѣтить. Нѣмецъ крикнулъ товарищу итти къ нему, а самъ, согнувшись и вглядываясь въ темноту, приближался къ развѣдчику. Но часовому не хотѣлось, и вмѣсто того, чтобы итти, онъ только спрашивалъ:

— Ну, что̀ тамъ?

— Не разберешь,—собака или человѣкъ...

— Крикни,—если собака, то убѣжитъ.

— Да нѣтъ...

И солдатъ все время медленно подходилъ.

У Ковалева начало скоро-скоро биться сердце, но его нельзя было придержать,—могло погубить малѣйшее движеніе...

Солдатъ остановился и выровнялся. Онъ опять позвалъ товарища:

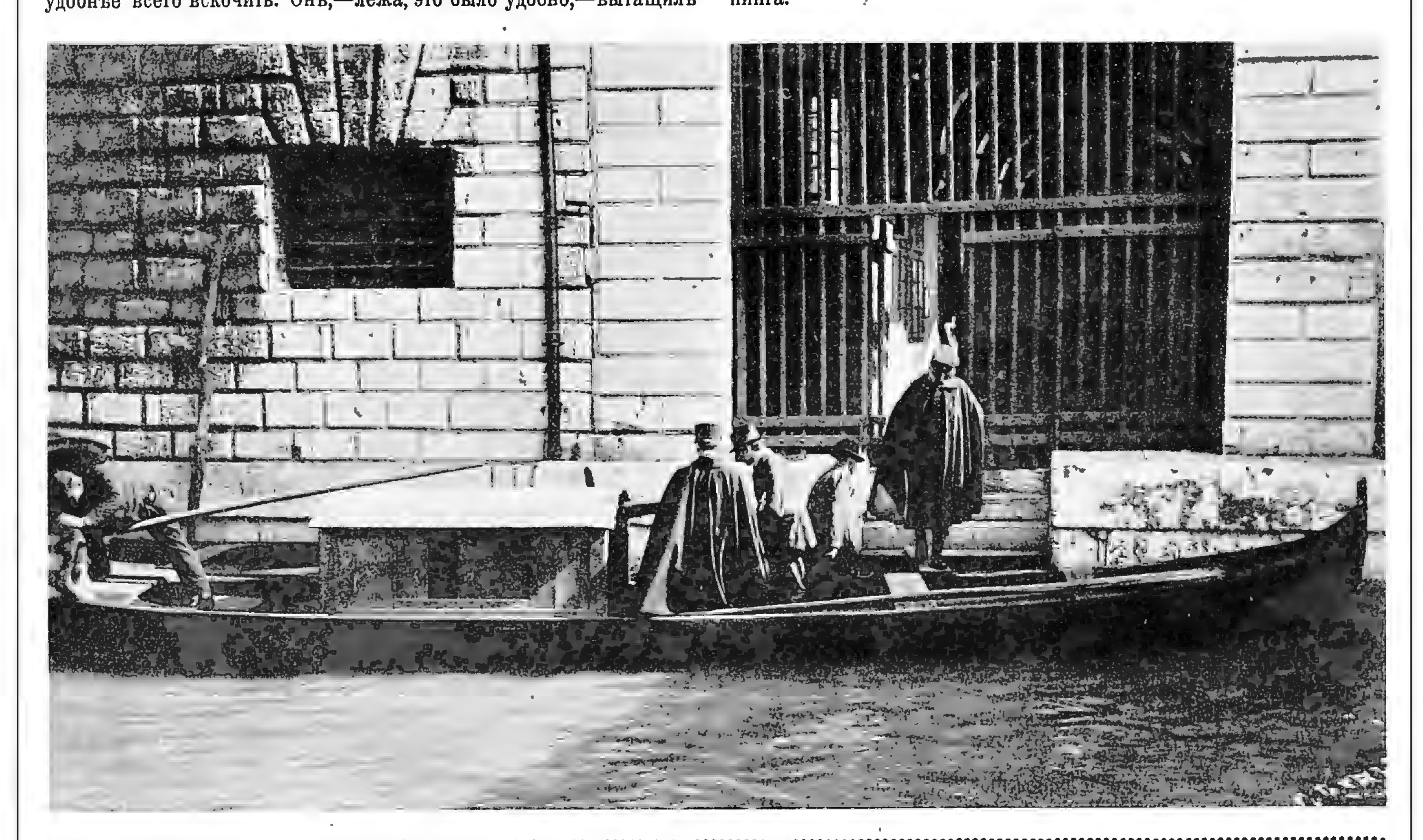
— Иди же!

И въ его голосѣ былъ страхъ и нетерпѣніе. Потомъ онъ повернулся и пошелъ назадъ. Ковалевъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и убѣжать, началъ подниматься на ноги, но поскользнулся и упалъ. Германскій солдатъ услышалъ шумъ и повернулся опять сюда. Ковалевъ продолжалъ лежать, соображая, какъ ему удобнѣе всего вскочить. Онъ,—лежа, это было удобно,—вытащилъ изъ кобуры браунингъ и сжималъ его въ рукѣ. Больше онъ не шевелился и рѣшилъ ждать, что̀ будетъ.

Онъ разсуждалъ такъ: вѣтромъ какъ разъ надъ его головой когда-то намело кучу снѣга. Потомъ, въ теплые дни, этотъ снѣгъ частью стаялъ, частью нависъ надъ краемъ канавы. Падая, Ковалевъ задѣлъ этотъ снѣгъ, онъ посыпался внизъ и засыпалъ его одежду. Мѣстами на немъ лежали куски снѣга, мѣстами одежда была открыта. Такъ какъ дно и бока канавы тоже были отчасти обнажены отъ снѣга, и вездѣ чернѣла земля, то возможно, что его, лежащаго на днѣ и посыпаннаго снѣгомъ, если онъ, разумѣется, будетъ лежать безъ движенія, будетъ очень трудно замѣтить. Бѣжать теперь, когда оба солдата идутъ къ нему, значитъ сразу открыть себя и произвести у непріятеля переполохъ,—тогда о поимкѣ автомобилей нечего и думать. Оставаясь же лежать, возможно, удастся остаться незамѣченнымъ. Къ тому же, если его откроютъ, онъ всегда успѣетъ дать два выстрѣла по нимъ.

И Ковалевъ лежалъ, притая дыханіе и сжимая ручку браунинга.

Портъ Тріестъ. На первомъ планѣ зданіе таможни.



Въ Венеціи. Доставка арестованнаго нѣмца-шпіона въ зданіе военнаго суда.

Съ итальянскаго фронта.

Германцы подходили и тихо разговаривали:

— Ничего нѣтъ,—вѣдь видно же, что ничего нѣтъ!

Но другой не сдавался:

— Нѣтъ, кто-то стоялъ! Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ собака... А только чего ей быть здѣсь, откуда?

— Эхъ ты, трусишка!

Онъ сказалъ по-нѣмецки Hasenfuss—заячья лапа, т.-е. человѣкъ, который всего боится.

Они перепрыгнули канаву почти надъ головой Ковалева и начали закуривать. Слышно было, какъ чиркнула бензинная зажигалка, какъ они пыхтѣли, и потомъ пошелъ запахъ дешевой вонючей сигары. Поговоривъ немного, уже вполнѣ успокоенные, вернулись на свои мѣста.

Пролежавъ нѣсколько минутъ, Ковалевъ рѣшилъ поднять голову и посмотрѣть. Снѣгъ, падая, попалъ ему и за воротникъ, и все время, пока нѣмцы говорили, онъ таялъ, и струйки воды текли по спинѣ къ поясу, къ правому боку, на которомъ онъ лежалъ. Теперь онъ пожался, хотя вода уже затеплѣла и стала почти незамѣтной.

Кругомъ никого не было. Онъ поднялся выше и посмотрѣлъ изъ-за края канавы на хуторъ, но простымъ глазомъ почти невозможно было разсмотрѣть: видны были только темные силуэты дома и сараевъ. Онъ взялъ бинокль: часовой опять сидѣлъ на подножкѣ автомобиля, склонивъ голову на руки. Другого солдата не было видно.

Тогда Ковалевъ поднялся и, пригнувшись, побѣжалъ по канавѣ. Иногда онъ останавливался и смотрѣлъ назадъ,—но на хуторѣ была полная тишина, его никто не замѣтилъ. Тогда онъ побѣжалъ уже открыто, и радость наполняла его: два автомобиля—хорошая добыча! А взять ихъ не составляло никакого труда:—судя по количеству лошадей, охрана была очень невелика.

Его радость передалась и Кириллу Степановичу, и они хотѣли было даже направиться къ Евстигнѣеву, прекративъ дальнѣйшую развѣдку, но вспомнили ясно выраженную цѣль: не исканіе добычи, но осмотръ мѣстности на извѣстномъ протяженіи. Съ горестью они поѣхали дальше, но не раскаялись въ этомъ.

Они направились, держа направленіе по звѣздамъ, которое Ковалевъ провѣрялъ по компасу съ свѣтящейся стрѣлкой.

Уже былъ часъ ночи, и ѣхать слѣдовало до двухъ,—они, слѣдовательно, не могли далеко уйти отъ автомобилей, и, если Евстигнѣевъ сочтетъ это нужнымъ, будутъ у нихъ и автомобили.

Двухъ часовъ еще не было, какъ они услышали отдаленные голоса. Голоса эти нисколько не скрывались и, если вѣтеръ тянулъ слѣва, громко раздавались въ ночной тишинѣ.

Очередь развѣдывать была за казакомъ; онъ слѣзъ съ лошади и исчезъ въ темнотѣ.

Ковалеву показалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока вернулся Кириллъ Степановичъ. Иногда въ полѣ была почти полная тишина, но иногда голоса усиливались, слышалось ржаніе лошадей, возня ихъ и топотъ. Иногда шумъ доносился такъ ясно, что Ковалеву дѣлалось страшно, и онъ съ лошадьми уходилъ дальше въ поле.

А казака все не было. Но онъ не попался, иначе бы навѣрно поднялся еще большій шумъ,—едва ли бы онъ дался живьемъ, да и справиться съ нимъ было не легко. На бивуакѣ же,—очевидно, это былъ бивуакъ,—было спокойно, шумъ и перекликанье продолжались попрежнему, и ничто не указывало на тревогу.

Ковалевъ нагнулся, вынулъ часы и электрическій фонарикъ, нажалъ его кнопку и взглянулъ на часы: уже было четверть третьяго, надо было давно ѣхать къ Евстигнѣеву, а казакъ все не приходилъ!

Минутъ черезъ пять показалась его высокая фигура, и ночью онъ казался еще выше, чѣмъ днемъ. Казалось, по полю движется какой-то великанъ. Но чѣмъ онъ подходилъ ближе, тѣмъ фигура уменьшалась, и наконецъ онъ былъ у коней.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Путешествіе въ „Страну Будущаго".

(Съ 7 рис. на стр. 618—620).

Фритіофъ Нансенъ. «Въ Страну Будущаго». Великій сѣверный путь изъ Европы въ Сибирь черезъ Карское море. Авторизированный переводъ съ норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Изданіе К. И. Ксидо. Петроградъ. 1915. Цѣна 3 р. 50 к.

Съ давнихъ поръ сѣверъ Россіи и почти вся Сибирь стремились имѣть свободный доступъ къ морю и мечтали завязать непосредственныя торговыя сношенія съ Европой черезъ море. Въ особенности чувствовала остроту этого вопроса далекая Сибирь, центральныя части которой одинаково отдалены какъ отъ Архангельска, такъ и отъ Владивостока.

Богатая, изобильная въ буквальномъ смыслѣ этого слова, дарами земными Сибирь съ полнымъ правомъ можетъ именовать себя „Страною Будущаго". Будущее Сибири заключаетъ въ себѣ неограниченныя возможности: здѣсь возможно и земледѣліе, и скотоводство, и рыболовство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, неслыханныхъ въ Западной Европѣ. Здѣсь возможна столь же широкая индустрія, благодаря обилію металловъ, минераловъ и топлива. Наконецъ южная Сибирь, по справедливости, можетъ считаться житницей и фруктовымъ садомъ почти для всей Россіи. И придетъ, конечно, время, когда здѣсь осуществятся такіе хозяйственные и индустріальные идеалы, какіе пока и не снятся сибирякамъ. Но для приближенія къ своему блестящему будущему Сибири прежде всего требуются удобные, многочисленные, а главное, дешевые пути сообщенія.

Желѣзнодорожный путь изъ центральной Сибири и на западъ и на востокъ настолько длиненъ, что дороговизна провоза препятствуетъ прибыльному вывозу главнѣйшихъ мѣстныхъ продуктовъ: хлѣба, лѣса и т. п. Стоимость провоза отъ мѣста до рынка сбыта этихъ товаровъ сплошь и рядомъ почти равна стоимости самихъ товаровъ.

Но Сибирь богата отличными водными путями, по которымъ названные товары могутъ быть провозимы съ очень малыми затратами. Такія рѣки, какъ Обь и въ особенности Енисей, представляютъ собою почти неиспользованныя водныя пространства: онѣ текутъ почти изъ самаго сердца страны, питая ее, какъ настоящія артеріи. И имѣютъ выходъ въ открытое море. Вся бѣда въ томъ, что море это еще не изслѣдовано, и что оно холодное, ледяное море, судоходство по которому затруднено льдами.

Съ давнихъ поръ Сибирь интересовалась возможностью навигаціи по Карскому морю и Ледовитому океану для торговыхъ сообщеній съ Европой. Вопросъ объ этомъ былъ поставленъ ребромъ за послѣдніе годы. Не такъ давно образовалось даже особое торговое общество („Сибирское Акціонерное Общество пароходства, промышленности и торговли") спеціально для установленія торговыхъ сношеній сѣверной Европы (Норвегія, Швеція, Данія) съ центральной Сибирью черезъ Карское море и устье Енисея. Въ 1912 году это общество сдѣлало первую попытку пустить пароходъ изъ Норвегіи черезъ Карское море въ Сибирь. Попытка эта кончилась неудачей: пароходъ встрѣтилъ въ Карскомъ морѣ массу льда и вернулся ни съ чѣмъ.

Но попытка была повторена въ слѣдующемъ 1913 году. На этотъ разъ былъ зафрахтованъ болѣе сильный и подходящій для плаванья во льдахъ норвежскій пароходъ „Корректъ". Въ экспедицію поѣхалъ самъ основатель и директоръ названнаго общества, І. И. Лидъ, и были приглашены въ качествѣ спутниковъ міровой знатокъ сѣверныхъ путей, знаменитый норвежскій путешественникъ и изслѣдователь Сѣвера, Фритіофъ Нансенъ и членъ нашей Государственной Думы, представитель Сибири, С. В. Востротинъ. Съ ними отправился также представитель русскаго дипломатическаго вѣдомства въ Норвегіи, І. Г. Лорисъ-Меликовъ.

Эта экспедиція, кончившаяся полнымъ успѣхомъ, въ свое время вызвала большую сенсацію у насъ, особенно въ Сибири, а также и въ Норвегіи. Громадный путь отъ Тромсе (сѣверъ Норвегіи) до устьевъ Енисея черезъ Карскія ворота былъ пройденъ вполнѣ благополучно. Товаръ, назначенный для Сибири (съ перегрузкой въ устьяхъ Енисея), былъ исправно доставленъ на мѣста назначенія, равно какъ и обратный грузъ изъ Сибири въ Тромсе. А Нансенъ и „Корректъ" на долгое время сдѣлались объектомъ восторженнаго восхищенія, и имена ихъ долго не сходили со страницъ русскихъ газетъ.

Нансенъ описалъ свое путешествіе въ Сибирь въ очень обстоятельной и интересной книгѣ „Въ Страну Будущаго". Въ настоящее время эта книга вышла въ русскомъ переводѣ А. и П. Ганзенъ. Богато иллюстрированная многочисленными фотографическими снимками, она даетъ полное и яркое представленіе о путешествіи въ страну „неограниченныхъ возможностей и будущаго пышнаго расцвѣта".

„Корректъ" во льдахъ.

Нансенъ ведетъ въ своей книгѣ нѣчто въ родѣ дневника, разнообразя его отдѣльными главами, посвященными тому или иному вопросу (Колонизація въ Сибири, Желтый вопросъ, Россія на Востокѣ и т. п.) Въ дневникѣ онъ не безъ нѣкотораго юмора изображаетъ повседневный бытъ экспедиціи, зарисовываетъ отдѣльныя сценки и типы и нѣсколькими мѣткими штрихами быстро и ясно обрисовываетъ тотъ или иной случай, или типъ. И вездѣ и всюду онъ живо интересуется новой для него страной—Россіей и русскими, и сравниваетъ все видѣнное въ Сибири съ своей родной Норвегіей. Въ то же время онъ не упускаетъ ни на минуту главной цѣли экспедиціи, въ которую онъ приглашенъ не только какъ гость, но главнымъ образомъ какъ свѣдущій по части сѣвернаго морского плаванія человѣкъ. Онъ даетъ яркія описанія тѣхъ ледяныхъ пространствъ, въ которыя попадалъ въ Карскомъ морѣ „Корректъ", изображаетъ борьбу съ этими пространствами и на каждомъ шагу высказываетъ глубокое знаніе и опытъ въ дѣлѣ арктическаго плаванія. Онъ разсказываетъ намъ, какъ образуются льды, какъ они живутъ и „ведутъ себя" въ дикихъ и пустынныхъ пространствахъ мерзлаго океана. Онъ уже по цвѣту горизонта видитъ и знаетъ, гдѣ таятся свободныя водныя равнины, и гдѣ поджидаютъ смѣлаго мореплавателя безконечныя пустыни ледяныхъ горъ. И становится ясно, какого цѣннаго спутника учредители экспедиціи нашли въ лицѣ знаменитаго путешественника.

Такъ же обстоятеленъ Нансенъ и на тѣхъ страницахъ, которыя посвящены экономической и общественной жизни Сибири, или быту видѣнныхъ имъ инородцевъ. Это не бѣглыя замѣтки „пролетнаго" туриста, но продуманные и освѣщенные солидными данными небольшіе трактаты. Нансенъ слегка юмористиченъ лишь только тамъ, гдѣ онъ касается чисто-внѣшней стороны путешествія, когда заходитъ рѣчь о необыкновенновкусномъ „русскомъ супѣ" (селянкѣ), или о томъ, какъ пролѣзалъ къ себѣ въ каюту въ страшной тѣснотѣ толстый капитанъ парохода, или какъ вели себя пьяные самоѣды на одной изъ енисейскихъ пристаней. И эта смѣсь живого юмора и шутки съ серьезной почти научной трактовкой тѣхъ сюжетовъ, ради которыхъ было предпринято путешествіе на „Корректѣ", производитъ своеобразное впечатлѣніе и очень оживляетъ книгу. Оживляютъ ее и умѣло подобранныя снятыя Нансеномъ интересныя фотографіи. Въ этихъ фотографіяхъ Нансенъ выказываетъ себя очень наблюдательнымъ и остроумнымъ фотографомъ: онъ умѣетъ поймать и интересный типъ и интересный моментъ, а иногда и рѣдкій по живописности пейзажъ. Такіе снимки, какъ, напримѣръ, „Старшина, осчастливленный бутылкой виски", „Корректъ" во льдахъ", „Самоѣдскій старшина съ двумя женами", „Пьяный старшина и умиленный подчиненный", „Генеральная чистка чума", „Крестьянинъ въ поискахъ украденной лошади", „Енисейскій остякъ-шаманъ", „Церковь при лунѣ" и др.—настоящіе шедевры фотографическаго жанра и пейзажа.

Фритіофъ Нансенъ на капитанскомъ мостикѣ.

Нансенъ продѣлалъ громадный путь по Сибири. Кромѣ путешествія на „Корректѣ" (отъ Тромсе до устьевъ Енисея, гдѣ „Корректъ" кончилъ переднюю часть своего пути), Нансенъ со своими спутниками поднялся по Енисею на маленькомъ теплоходѣ „Омуль" до Енисейска. Затѣмъ на лошадяхъ проѣхалъ по сибирскому почтовому тракту до Красноярска. Оттуда вмѣстѣ съ управляющимъ казенными русскими сибирскими дорогами, инженеромъ Е. Д. Вурцелемъ, онъ проѣхалъ въ поѣздѣ до Владивостока и черезъ Владивостокъ на строящуюся Амурскую желѣзную дорогу. Отъ Хабаровска Нансенъ спустился по Амуру на Благовѣщенскъ и сухимъ путемъ (по желѣзной дорогѣ) проѣхалъ далѣе обратно на родину черезъ Иркутскъ, Красноярскъ, Пермь, Вятку и Петроградъ.

Наиболѣе интересной является, конечно, первая часть его пути, посвященная описанію знаменитаго рейса „Корректа". Нансенъ ведетъ здѣсь свой дневникъ въ тонѣ благодушнаго и скромнаго путешественника, ничѣмъ не обнаруживая своего значенія для экспедиціи. Скромность Нансена характерно обнаруживается уже въ слѣдующихъ его словахъ: „Не знаю я за своей особой какого-либо особаго преимущества, которое могло бы сдѣлать мое присутствіе здѣсь желательнымъ. Меня никоимъ образомъ нельзя причислить къ коммерсантамъ, и съ Сибирью я никогда не имѣлъ никакой связи. Впрочемъ, я всегда живо интересовался этой необъятной окраиной и не прочь былъ познакомиться съ нею поближе". Далѣе, почти ни слова о себѣ самомъ, и лишь объ окружающихъ людяхъ, о природѣ, о льдахъ, о проходимости Карскаго моря, о „Корректѣ", о бесѣдахъ въ салонѣ въ свободное время. Много внимательныхъ словъ Нансенъ посвящаетъ всегда интересовавшимъ его самоѣдамъ, остякамъ и другимъ инородцамъ Сибири и сѣвернаго ледовитаго побережья. Живо и ярко описываетъ онъ сцену посѣщенія самоѣдами „Корректа" (это описаніе, какъ и все у Нансена, иллюстрировано

„Омуль" отчаливаетъ отъ „Корректа".

Старшина, осчастливленный бутылкой виски.

Берестяной остяцкій чумъ на плоскомъ западномъ берегу Енисея. Передъ нимъ жилая лодка.

прекрасными снимками). „Мы пригласили ихъ на бортъ, и они полѣзли по веревочному трапу чисто по-обезьяньи. Съ такими же обезьяньими ухватками топтались они затѣмъ на палубѣ и глазѣли на всѣ диковинки вокругъ. Въ I. И. Лидѣ тѣмъ временемъ проснулся коммерсантъ, и онъ завелъ съ посѣтителями мѣновую торговлю: отобралъ себѣ два ножа съ ножнами и поясами, украшенными металлическими бляшками, а въ обмѣнъ предложилъ самоѣду карманный электрическій фонарь. Разумѣется, самоѣдъ произведетъ этой колдовской штукой фуроръ въ своемъ становищѣ".

А вотъ картина ледяного сѣвернаго моря, въ нѣсколькихъ штрихахъ набросанная Нансеномъ: „Какой безжизненный фарватеръ! Развѣ одинокій тюлень высунетъ голову и удивленно поглядитъ на насъ, а то кругомъ все безжизненно и мертво. Изъ птицъ видны только небольшія стаи полярныхъ гусей, да изрѣдка мелькнетъ одинокая чайка. Куда ни кинь взглядъ,—только ледъ и ледъ"...

Страница за страницей Нансенъ разсказываетъ о медлительномъ и жуткомъ пути среди льдовъ въ „Страну Будущаго". Иногда „Корректъ" совершенно затирало льдами. Одинъ разъ на него чуть-было не обрушилась ледяная громадная гора. Путники временами выходили на ледъ, прогуливались около парохода, стрѣляли моржей. Наконецъ всѣ затрудненія были побѣждены, и „Корректъ" подошелъ къ устью Енисея. Здѣсь экспедицію уже поджидалъ пароходъ съ баржами для перегрузки привезенныхъ „Корректомъ" товаровъ и дальнѣйшей транспортировки ихъ въ нѣдра Сибири. Съ пароходомъ этимъ сюда, на крайній сѣверъ, пріѣхали изъ Иркутска таможенные чины для осмотра привезенныхъ грузовъ. Эти чиновники совершили исключительно только для одной этой надобности громадный путь въ 2.610 верстъ: „какъ изъ Рима до Лофотенскихъ острововъ", шутитъ Нансенъ. Встрѣча „Корректа" была очень торжественна: состоялось открытіе новаго торговаго морского пути!

Отсюда, т.-е. отъ устьевъ Енисея, вверхъ по этой рѣкѣ Нансенъ отправился съ С. В. Востротинымъ и I. Г. Лорисъ-Меликовымъ на маленькомъ теплоходѣ „Омуль". Это было крошечное суденышко, гдѣ путники еле-еле размѣстились. Тѣмъ не менѣе маленькій „Омуль" благополучно и довольно скоро провезъ ихъ по мощной и почти пустынной рѣкѣ до самаго Енисейска. По дорогѣ путешественники часто приставали къ селеніямъ, бесѣдовали съ мѣстными жителями — инородцами и русскими. Нансенъ глубоко сожалѣлъ, что онъ незнакомъ съ русскимъ языкомъ.

Енисейскій остякъ-шаманъ (Сумароково).

При посѣщеніи одного остяцкаго становища Нансенъ видѣлъ шамана и присутствовалъ при его прорицаніяхъ. Характерно то обстоятельство, что шаманъ этотъ совершенно вѣрно опредѣлилъ среди присутствующихъ „иностранца" (т.-е. Нансена), затѣмъ „человѣка близкаго къ царю" (очевидно, Востротина, какъ члена Государственной Думы) и „хитраго человѣка", т. е. Лорисъ-Меликова (дипломата). А еще интереснѣе сдѣланное шаманомъ предсказаніе о томъ, что скоро начнется великая всеобщая война. Нансенъ равнодушно замѣчаетъ по этому поводу: „но у насъ уже не было времени его слушать: надо было ѣхать"... Это было въ серединѣ сентября 1913 года, когда, кажется, еще никто въ мірѣ не подозрѣвалъ о дѣйствительной близости страшной войны, и потому равнодушіе Нансена къ пророчеству понятно. Но навѣрное теперь, прочитывая эти строки, знаменитый путешественникъ относится къ нимъ далеко уже не такъ равнодушно.

Путешествіе Нансена на Дальній Востокъ и на постройку Амурской дороги описано имъ съ такой же тщательностью, обстоятельностью и мягкимъ юморомъ. Съ удивленіемъ и не

Енисейскіе самоѣды, мужчина и женщина, въ чумѣ.

безъ нѣкотораго смущенія онъ повѣствуетъ и о томъ, какъ одна изъ станцій строящейся дороги была названа его именемъ,— станція Нансена.

Интересны выводы Нансена относительно морского пути въ Сибирь. Онъ принципіально считаетъ этотъ путь проходимымъ. „Я лично увѣренъ,— говоритъ онъ, что при имѣющихся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время вспомогательныхъ средствахъ рѣдкія неудачи слѣдуетъ считать чисто-случайными". Но для того, чтобы неудачъ этихъ не было, слѣдуетъ, по мнѣнію Нансена, установить постоянныя систематическія наблюденія за состояніемъ льдовъ въ Карскомъ морѣ каждый годъ. Важно также изучить, какимъ образомъ и въ какихъ размѣрахъ ледъ разгоняется вѣтрами и теченіями. Для такихъ наблюденій слѣдуетъ командировать особые моторные катера, снабженные безпроволочнымъ телеграфомъ. Наконецъ желательны полеты на аэропланахъ для такого же наблюденія и развѣдки. И моторы и аэропланы должны оповѣщать идущія въ Сибирь суда о состояніи льда и объ имѣющихся свободныхъ водныхъ пространствахъ. Нансенъ считаетъ вполнѣ возможнымъ оборудованіе станцій безпроволочнаго телеграфа на крайнемъ сѣверѣ. Не можетъ также, по его мнѣнію, встрѣтиться затрудненій при взлетѣ и спускѣ аэроплановъ съ громадныхъ ледяныхъ полей вдоль береговъ. При наличности такихъ развѣдочныхъ средствъ и при болѣе подробномъ изученіи состоянія льда, по мнѣнію Нансена, вполнѣ возможны ежегодные благополучные рейсы пароходовъ изъ Европы въ Сибирь.

Этими выводами Нансенъ кончаетъ свою интересную книгу. Русское изданіе этой книги отличается изяществомъ и роскошью. Великолѣпно-исполненные рисунки, четкій текстъ, отличная бумага все это производитъ впечатлѣніе солиднаго и стильнаго изящества въ англійскомъ вкусѣ. Обложка книги украшена красивымъ рисункомъ художника II. Бучкина, тонко передающимъ идею этой умной и интересной книги.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 33 — XLVI г. изданія

Выданъ 15-го августа 1915 г. — Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина кн. 8.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ОДИННАДЦАТЫЙ МѢСЯЦЪ.

(См. № 23 «Нивы» 1915 г.).

Май.

15-го. Наши войска продвинулись къ юго-западу отъ линіи Муравьево—Шавли. У Дарданеллъ потопленъ миною англійскій броненосецъ «Тріумфъ».

16-го. Наши войска заняли Урмію. Англійская подводная лодка потопила въ Мраморномъ морѣ нѣсколько турецкихъ транспортовъ. У Дарданеллъ потопленъ подводной лодкой броненосецъ «Мажестикъ».

17-го. Выбитые изъ Куртовяны нѣмцы отступаютъ въ безпорядкѣ. У Перехинска наши войска захватили плѣнныхъ, знамя и пулеметы. Казачій полкъ разбилъ курдовъ у Мишмана.

18-го. Въ шавельскомъ районѣ мы тѣснимъ нѣмцевъ. Правый берегъ Сана до Любачевки очищенъ отъ непріятеля. Черноморскій флотъ бомбардировалъ Козлу.

19-го. Въ шавельскомъ районѣ бои развиваются благопріятно. Наши войска взяли Монастержъ. На фронтѣ Ярославъ—Радымно противникъ остановленъ.

20-го. Взяты Гайлишки (шавельскій районъ). По всему фронту атаки непріятеля отбиты.

21-го. Между Вислой и Перемышлемъ упорное сраженіе. Англичане одержали побѣду у Каба-Тепе.

22-го. Мы очистили сѣверныя и западныя позиціи Перемышля. Противнику удалось продвинуться въ Заднѣстровьѣ.

23-го. На Санѣ бой продолжается. Въ районѣ Вана мы занимаемъ важные стратегическіе пункты.

24-го. Обнаружены значительныя силы германскаго флота въ Балтійскомъ морѣ. На нижнемъ Санѣ мы тѣснимъ противника. Общій штурмъ союзниковъ на Галлипольскомъ полуостровѣ.

25-го. У Рижскаго залива нѣмецкой подводной лодкой потопленъ минный заградитель «Енисей». У нѣмцевъ выведено изъ строя три судна.

26-го. По направленію къ Мосциску непріятель ведетъ упорныя атаки. Въ районѣ Журавно непріятель переправилъ нѣкоторыя части черезъ Днѣстръ.

27-го. Мы заняли позиціи впереди Шавель. Поднятъ изъ воды у Одессы взорванный турецкій крейсеръ «Меджидіе». Англійскій летчикъ взорвалъ цеппелинъ.

28-го. Въ шавельскомъ районѣ и на Днѣстрѣ бои продолжаются. На ковенскомъ направленіи непріятель продвигается.

29-го. Нами успѣшно отражены атаки въ районѣ Шавель. У Мосциска непріятель отброшенъ съ большими потерями. На правомъ берегу Днѣстра отъ Угартсберга до Жидачева нами взято много плѣнныхъ и пулеметовъ. Непріятель, переправившійся у Журавно, отброшенъ обратно.

30-го. На лѣвомъ берегу Дубиссы мы перешли въ наступленіе. Наши войска безъ боя оставили Станиславовъ. Итальянскія войска заняли Подестаньо.

31-го. Непріятель отброшенъ отъ селенія Грушево. Итальянцы укрѣпились въ Градиско.

Іюнь.

1-го. Продолжаются бои на Вентѣ, Виндавѣ и Дубиссѣ. У Прасныша отбиты атаки нѣмцевъ.

2-го. Попытка противника переправиться черезъ Виндаву отбита. Въ Галиціи упорное сраженіе на фронтѣ Пискровице—Мосцискъ. Непріятель захватилъ Тухлу.

3-го. Между Днѣстромъ и Прутомъ мы отошли за государственную границу.

4-го. Наши войска переправились черезъ Венту. Союзные летчики бомбардировали Карлсруэ. Успѣшный бой нашихъ миноносцевъ съ «Бреслау».

5-го. Въ шавельскомъ районѣ бои продолжаются. На Днѣстрѣ между Тысменицей и Стрыемъ непріятель отброшенъ.

6-го. Въ шавельскомъ районѣ бои разрастаются. Англо-французы медленно продвигаются впередъ.

7-го. Въ сувалкскомъ и кальварійскомъ направленіяхъ и на Равкѣ атаки нѣмцевъ отражены. На Днѣстрѣ успѣхъ на нашей сторонѣ.

8-го. Бои въ шавельскомъ районѣ. На Днѣстрѣ непріятель отброшенъ. Итальянцы разбили австрійцевъ у Монте-Неро.

9-го. Наши войска отошли на львовскія позиціи.

10-го. Бои на Днѣстрѣ кончились успѣшно для насъ.

11-го. Мы оставили Львовъ. Успѣшный штыковой бой на Днѣстрѣ. Французы захватили Лабиринтъ.

12-го. Наступленіе противника отъ Жолкева и Львова. Наши контръ-атаки наносятъ непріятелю сильный уронъ и вызываютъ въ его рядахъ огромн потери. Упорный бой на фронтѣ Журавно—Демешковице.

13-го. Къ западу отъ средняго Нѣмана непріятель отбитъ. Бои въ дол нахъ Омулева и Оржицы.

14-го. На праснышскомъ направленіи непріятель перешелъ въ наступлен На путяхъ къ Жолкеву и Львову нами взято много плѣнныхъ и пулеметов

ДВѢНАДЦАТЫЙ МѢСЯЦЪ.

15-го. Безуспѣшныя атаки непріятеля на фронтѣ Ожаровъ — Завихость. О ходъ нашихъ войскъ къ Гнилой Липѣ.

16-го. Въ районѣ Ожарова непріятель отбитъ съ громадными потерями. Н тискъ противника на Томашовъ и Каменку.

17-го. Въ районѣ Томашова мы отбили жестокія атаки нѣмцевъ.

18-го. Отражена попытка нѣмцевъ высадить десантъ у Виндавы. Продо жается наступленіе непріятеля на фронтѣ Замостье—Сокаль. У Галича мы о бросили переправившагося непріятеля. Черногорцы заняли Скутари.

19-го. Упорные бои на шоссе Томашовъ—Замостье и на путяхъ къ Сокал Отбиты атаки на фронтѣ Каменка—Галичъ.

20-го. Противникъ продвигается къ сѣверу и сѣверо-востоку между Вепрже и Бугомъ. Арьергардные бои у Замостья. Непріятель утвердился на лѣво берегу Гнилой Липы.

21-го. Морской бой у Готланда. Германскій крейсеръ «Альбатросъ» выбр сился на берегъ. Англійская подводная лодка потопила германскій кораб типа «Дейчландъ». На сухопутномъ фронтѣ всѣ атаки противника отбиты.

22-го. Упорные бои на фронтѣ Таржимѣхи — Красное — Стрый. Наши час отошли къ Золотой Липѣ.

23-го. Непріятель продвинулся на фронтѣ Красникъ—Вепржъ. Меж Вепржемъ и Западнымъ Бугомъ атаки его отбиты.

24-го. Наступленіе противника къ востоку отъ Красника остановлено. Вилькоглаза взято нами много плѣнныхъ.

25-го. Атаки непріятеля на участкѣ Скорчице—Эвунинъ отбиты нами.

26-го. Непріятель, переправившійся черезъ Шальментку, отброшенъ. Н Быстрицѣ мы нанесли врагу сильные удары.

27-го. Мы наступаемъ на люблинскомъ направленіи. На болимовскомъ на правленіи атаки противника отбиты.

28-го. На люблинскомъ направленіи наши войска приблизились къ р. Быж ницѣ.

29-го. Германскія колоніальныя войска въ Африкѣ сдались генералу Бота

30-го. Между Писсой и Розогой отбито наступленіе нѣмцевъ.

Іюль.

1-го. Атаки непріятеля въ районѣ Тартака, Ольшины и Грудуска нам отбиты.

2-го. На наревскомъ фронтѣ нѣмцы перешли въ наступленіе. У Вилькола наша армія въ періодъ съ 21-го по 28-е іюня взяла въ плѣнъ 297 офицеро и 22.464 нижнихъ чиновъ.

3-го. Противникъ перешелъ въ наступленіе въ направленіи къ Гольд гену. Мы задерживаемъ нѣмцевъ на Виндавѣ и Вентѣ.

4-го. Нѣмцы заняли правый берегъ Виндавы и Венты и продолжаютъ н ступленіе. Мы заняли сосредоточенное расположеніе на правомъ берегу Наре

5-го. Атаки непріятеля по всему фронту на путяхъ къ Люблину.

6-го. Атаки нѣмцевъ на фронтѣ Вилькоглаза—Быхова нами отражены.

7-го. Продолжается наступленіе противника въ риго-шавельскомъ районѣ.

8-го. Бомбардировка непріятелемъ Остроленки.

9-го. На всемъ фронтѣ оживленіе. Борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ.

10-го—11-го. Оживленные бои по всему фронту, въ особенности меж Вислою и Бугомъ.

12-го. Непріятель двигается къ Поневѣжу. Между Остроленкой и Рожан мы отразили попытки нѣмцевъ переправиться черезъ Наревъ.

13-го. Атаки нашихъ позицій на Писсѣ.

14-го. На наревскомъ фронтѣ бои продолжаются.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Родство воюющихъ королей. Война смѣшала всѣ понятія, разорвала всѣ узы и самымъ неожиданнымъ образомъ перетасовала всѣ взаимоотношенія.

Любопытно прослѣдить степени родства, въ которомъ находятся главы государствъ, ведущихъ великую европейскую войну.

У бельгійскаго короля Леопольда II было, какъ извѣстно, три дочери. Старшая, Луиза,—разведенная супруга принца Филиппа Кобургскаго. Сынъ пр цессы, принцъ Леопольдъ, сражается въ настоящее время въ австрі армія. Вторая дочь короля Леопольда, Стефанія,—вдова покойнаго авс скаго престолонаслѣдника Рудольфа; зять ея, принцъ Оттонъ Виндишгр считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ австрійской арміи.

Два брата бельгійской королевы Елизаветы служатъ въ германской арміи; мужъ ея сестры, наслѣдный принцъ Рупрехтъ Баварскій, принималъ участіе въ бомбардировкѣ Антверпена.

Зять короля Альберта, принцъ Карлъ-Антонъ Гогенцоллернъ, супругъ принцессы Жозефины, служитъ въ штабѣ прусской арміи.

Супруга черногорскаго королевича Данилы, принцесса Ютта,—сестра герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Къ герцогскому дому Мекленбургъ-Шверинскому принадлежитъ и кронпринцесса Цецилія, супруга германскаго наслѣднаго принца.

Тѣснымъ родствомъ связаны Гогенцоллерны съ ненавистнымъ имъ нынѣ англійскимъ дворомъ.

Дядя англійскаго короля Георга, герцогъ Коннаутскій, женатъ на прусской принцессѣ, дочери принца Фридриха-Карла.

Германская императрица насчитываетъ среди своихъ тетокъ принцессу Елену Шлезвигъ-Гольштинскую, англичанку по происхожденію, сестру покойнаго короля Эдуарда VII.

Самъ императоръ Вильгельмъ приходится, какъ извѣстно, внукомъ королевы Викторіи и кузеномъ короля Георга.

Одна изъ сестеръ великаго герцога Гессенскаго, вассала Вильгельма, принцесса Викторія, замужемъ за принцемъ Баттенбергскимъ, адмираломъ великобританскаго флота.

Всѣ эти родственныя отношенія и родственныя чувства монарховъ смолкли предъ интересами страны и чувствомъ народа.

Война снаряженія. Вопросъ о снабженіи арміи въ теченіе настоящей войны, называемой въ военныхъ кругахъ войной снаряженія, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе.

Въ Англіи создано особое министерство снабженія арміи, во Франціи—«секретаріатъ по артиллерійскому дѣлу». Во главѣ послѣдняго учрежденія стоитъ депутатъ Альбертъ Тома (портр. на стр. 517), обладающій скромнымъ чиномъ лейтенанта запаса, но избраніе котораго привѣтствуется всѣми, такъ какъ Тома отличается большими знаніями, иниціативой, работоспособностью и энергіей. Особенно обширны знанія этого депутата въ области французской промышленности.

Въ настоящее время, въ сущности, этотъ секретаріатъ является настоящимъ министерствомъ снабженія и вступилъ уже въ фазу кипучей дѣятельности, несмотря на то, что лишь недавно онъ былъ призванъ къ жизни.

Альбертъ Тома нашелъ нѣсколько минутъ среди своей кипучей дѣятельности для бесѣды съ корреспондентомъ «Новаго Времени». Приводимъ эту интересную бесѣду.

— Если титулъ государственнаго секретаря по артиллерійскому дѣлу,—заявилъ Альбертъ Тома:—является новостью для Франціи, то тѣ обязанности, которыя я исполняю, для меня не новы. Уже съ сентября я работаю совмѣстно съ г. Мильераномъ по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые касаются вооруженія нашей доблестной арміи. Секретаріатъ основанъ вслѣдствіе того, что съ каждымъ днемъ возрастаетъ потребность въ снарядахъ и другомъ боевомъ матеріалѣ. Такимъ образомъ вся задача секретаріата заключается въ согласованіи всѣхъ уже ранѣе сдѣланныхъ усилій по ускоренному производству снаряженія и въ усиленіи производства, а также въ исправленіи неизбѣжныхъ ошибокъ въ такомъ большомъ дѣлѣ, значительная часть котораго создается почти мгновенно, вслѣдствіе потребности военнаго времени.

Корреспондентъ задалъ вопросъ относительно наступленія, которое ведется вдоль всего фронта, и насколько въ данномъ случаѣ вопросъ о достаточномъ количествѣ военнаго снаряженія является вопросомъ важнымъ для наступленія, такъ какъ всѣ остальныя условія вполнѣ благопріятны: настроеніе арміи и ея военачальниковъ несокрушимо и гораздо выше, чѣмъ настроеніе въ непріятельской арміи.

— На эти вопросы,—сказалъ Тома:—я не могу вамъ дать прямого отвѣта, такъ какъ они относятся къ области, запрещенной для разглашенія и представляющей арену дѣятельности высшаго командного состава нашей арміи, но я все-таки долженъ заявить, что въ настоящее время мы не ощущаемъ недостатка въ снарядахъ, такъ какъ наши заводы выдѣлываютъ ихъ достаточное количество, и съ каждымъ днемъ это производство будетъ увеличиваться.

«Однако я долженъ заявить, что вопросъ возникаетъ не только о взрывчатыхъ веществахъ и снарядахъ, но и обо всемъ томъ, что является современнымъ орудіемъ войны.

«Передъ нами стоитъ тяжелая задача взять чудовищныя укрѣпленія непріятеля, для чего нужны столь же чудовищные запасы снарядовъ и оружія. При настоящей войнѣ любой запасъ этого матеріала можетъ считаться недостаточнымъ, и союзники одержатъ полную побѣду лишь тогда, когда они будутъ спокойны за непрекращающееся и быстрое снабженіе своихъ армій. До того момента необходимо неуклонно стремиться къ усиленію производительности и къ использованію всего того, что страна можетъ дать для этой цѣли. Я убѣжденъ,—продолжалъ г. Тома:—что уже и въ настоящее время французская промышленность находится въ такомъ положеніи, что въ рѣшительный моментъ она позволитъ націи выполнить свой священный долгъ.

«Такъ какъ въ настоящее время противникъ употребляетъ удушливые и ядовитые газы, то Франція должна быть приготовлена къ борьбѣ съ этимъ. Это новое оружіе, примѣняемое нѣмцами, не находится въ области моей компетенціи, — сказалъ Тома: — но вопросъ этотъ очень меня интересуетъ, и я могу выразить это мыслью, такъ удачно формулированной военнымъ министромъ г. Мильераномъ, сказавшимъ въ сенатѣ:

«— Мы рѣшили слѣдовать примѣру нашего противника. Какъ на всѣхъ аренахъ боевъ, такъ и при боѣ ядовитыми газами германцы встрѣтятъ нашихъ химиковъ, которые сумѣютъ парализовать преступныя дѣйствія германскихъ варваровъ.

«Въ настоящее время химики какъ правительственныхъ лабораторій, такъ и лабораторій высшихъ учебныхъ заведеній э[illegible]о работаютъ надъ вопросомъ объ удушливыхъ газахъ».

Корреспондентъ коснулся вопроса объ участіи частной промышленности въ производствѣ снаряженія, и г. Тома отвѣтилъ:

— Мы уже призвали къ общей работѣ для обороны государства многіе общественные круги, и, если мы будемъ ощущать потребность въ новыхъ силахъ, мы ихъ въ широкой степени и полностью используемъ, но для того, чтобы сдѣлать промышленность по возможности производительной, мы поставимъ во главѣ многихъ отраслей ея новыхъ и опытныхъ людей. Мы думаемъ, чтобы достигнуть полнаго успѣха, необходимо также увеличеніе платы, что нами уже обсуждается.

«Для организаціи частной промышленности для нуждъ войны мы нашли широкую помощь въ промышленныхъ синдикатахъ и въ частности въ металлургическомъ синдикатѣ. Промышленный совѣтъ всегда присутствуетъ при обсужденіи труднѣйшихъ заданій въ области военной промышленности и принимаетъ участіе въ одобреніи разныхъ мѣропріятій въ военномъ министерствѣ.

«Такимъ образомъ, какъ вы видите, огромная задача снабженія арміи уже закончена во всѣхъ подробностяхъ, и все разсчитано на длительную войну».

Въ заключеніе г. Альбертъ Тома выразилъ мнѣ свое восхищеніе и уваженіе, которыя онъ вмѣстѣ со всѣмъ французскимъ народомъ чувствуетъ, слѣдя за дѣйствіями доблестной русской арміи, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ находящейся въ непрекращающихся гигантскихъ битвахъ и безпрестанно отражающей германцевъ, содѣйствуя общей цѣли окончательной побѣды надъ дерзкимъ врагомъ.

Русскіе императоры и орденъ св. Георгія. Въ «Нашей Старинѣ» помѣщено интересное сообщеніе о русскихъ императорахъ—кавалерахъ ордена св. Георгія. Начиная съ Александра I, всѣ русскіе государи состояли кавалерами этого ордена. Приводимъ нѣкоторые эпизоды.

При Аустерлицѣ Александръ I съ ранняго утра находился подъ ядрами, пулями и картечью. Лошадь подъ лейбъ-медикомъ баронетомъ Виллье была ранена картечью, а одно ядро упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя и осыпало его землей. По окончаніи кампаніи дума георгіевскихъ кавалеровъ просила императора возложить на себя знаки ордена св. Георгія первой степени. Князь Прозоровскій, старшій въ то время кавалеръ ордена, поднесъ его величеству докладъ, подписанный всѣми кавалерами, а канцлеръ кн. Куракинъ—орденскіе знаки. Поблагодаривъ думу, императоръ возложилъ на себя знаки лишь четвертой степени.

Императоръ Александръ II получилъ крестъ четвертой степени, будучи цесаревичемъ. Во время путешествія по Кавказу въ 1850 году онъ однажды проѣзжалъ по Малой Чечнѣ впереди отряда. Около полудня, между Роешной и Валерикомъ, въ лѣсистыхъ предгорьяхъ показалась чеченская партія. Въ мигъ авангардные казаки и мирные чеченцы съ гикомъ помчались въ ту сторону. Цесаревичъ пронесся во весь опоръ напрямикъ, далеко оставивъ за собой свиту, и очутился среди казаковъ и чеченцевъ: завязалась перестрѣлка. Чеченцы бросились назадъ, но были разсѣяны... Донося объ этомъ событіи государю, князь М. С. Воронцовъ, намѣстникъ на Кавказѣ, писалъ, что крестъ св. Георгія четвертой степени будетъ не только справедливой наградой цесаревичу, но будетъ сочтенъ драгоцѣннѣйшей наградою для всего кавказскаго корпуса.

Въ турецкую войну 1877—78 гг. императоръ Александръ II съ ранняго утра 28-го ноября выѣхалъ на позицію подъ Плевной. Около четырехъ часовъ дня прискакавшій ординарецъ доложилъ о паденіи Плевны. Государь тотчасъ пожаловалъ военному министру Д. А. Милютину Георгія второй степени, а, садясь въ экипажъ, обратился къ нему съ вопросомъ: «Дмитрій Алексѣевичъ, разрѣшаешь ли ты мнѣ надѣть на саблю георгіевскій темлякъ за мое терпѣніе?»

На другой день, по окончаніи молебна въ покоренной Плевнѣ, императоръ обратился къ главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу (Старшему): «Я надѣюсь, что главнокомандующій не будетъ сердиться на меня за то, что я надѣлъ себѣ на шпагу георгіевскій темлякъ на память о пережитомъ времени».

Подвигъ итальянскаго моряка. Изъ Рима сообщаютъ о геройскомъ поступкѣ итальянскаго судового механика, находившагося на контръ-миноносцѣ «Турбина», потопленномъ превосходными непріятельскими силами на второй день послѣ объявленія Италіей войны Австріи. Когда капитанъ «Турбины», сильно поврежденной огнемъ, увидѣлъ себя окруженнымъ непріятельскими судами, онъ приказалъ открыть кингстоны и экипажу броситься въ море. Приказаніе было исполнено. «Турбина» потонула, а нѣсколько человѣкъ изъ команды, въ томъ числѣ названный механикъ, получившій нѣсколько ранъ, подобраны австрійцами на ихъ миноносецъ. Въ это время показался дымокъ приближавшагося итальянскаго крейсера. Механикъ, улучивъ моментъ, бросился съ австрійскаго миноносца въ море. Австрійцы стали стрѣлять въ него, но промахнулись. Итальянскій морякъ сумѣлъ доплыть до итальянскаго крейсера, которымъ и былъ подобранъ. Въ настоящее время онъ уже совершенно оправился и вновь вступилъ въ итальянскій флотъ.

Помощь солдатскимъ дѣтямъ-школьникамъ. Разумную и полезную мѣру намѣтилъ западно-сибирскій учебный округъ въ отношеніи солдатскихъ дѣтей. Какъ передаетъ «Спб. Ж.», есть категоріи дѣтей школьнаго возраста лицъ, призванныхъ въ войска, на которыхъ не было обращено достаточнаго вниманія и которыя остались въ тѣни отъ льготныхъ циркуляровъ министерства. Это дѣти, которыя находятся въ періодѣ подготовленія для поступленія въ среднія учебныя заведенія. Эта категорія дѣтей не подходитъ по своему возрасту, воспитанію и многимъ другимъ условіямъ для помѣщенія ихъ въ очаги и пріюты благотворительныхъ организацій, а съ другой стороны они, какъ не поступившія еще въ среднія учебныя заведенія, не могутъ воспользоваться льготами, распространенными на эти учрежденія учебнаго вѣдомства.

Считаясь съ этимъ большой важности фактомъ, округъ счелъ нужнымъ организовать образовательные курсы для дѣтей, отцы или воспитатели которыхъ призваны въ войска. На курсы будутъ приниматься дѣти, находящіяся въ періодѣ подготовки и поступленія въ среднія учебныя заведенія.

Занятія на курсахъ будутъ производиться по вечерамъ въ помѣщеніяхъ тѣхъ учебныхъ заведеній, директорамъ которыхъ предлагается организація курсовъ.

Война и народныя сбереженія. Несмотря на тяготы войны у насъ въ народѣ продолжаетъ расти зажиточность, объясняемая, главнымъ образомъ, годовою трезвостью. Вѣрный показатель богатства народа—приростъ вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ; за іюнь онъ выразился въ суммѣ 55.000.000 р., за іюль—56,000.000 р. Общая сумма денежныхъ вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ къ 1 іюля составляла 2.134.000.000 р., къ 1 августа—2.190.000.000 р.

Богъ противъ нѣмцевъ. Во время одной изъ атакъ на радомскомъ направленіи, по сообщенію «Биржев. Вѣдом.», разразилась сильная гроза. Молнія ударила въ заложенные непріятелемъ фугасы, и вслѣдъ за этимъ раздался оглушительный подземный ударъ. Сила взрыва была настолько велика, что видно было, какъ трупы нѣмецкихъ солдатъ, разорванныхъ на куски, взлетали на воздухъ. Фугасы взорвались на протяженіи двухъ верстъ. Всего при взрывѣ погибло свыше двухъ батальоновъ германцевъ.

Ободренные видѣннымъ, наши доблестные отряды съ криками: «И Богъ противъ нѣмцевъ!» бросились въ атаку и штыковымъ боемъ овладѣли двумя рядами непріятельскихъ окоповъ.

«Механическая кавалерія». Такъ характерно назвалъ нашихъ мотоциклистовъ писатель В. Г. Танъ, корреспондировавшій съ войны въ «Биржев. Вѣдом.». «Сзади слышатся шумъ и гудѣніе мотора. Цѣлая рота моторныхъ циклистовъ прорвалась изъ пѣшаго строя и мчится по дорогѣ.

Жжив!..

Обогнали нашъ автомобиль. Только свѣтлые блики мелькнули сквозь пыль на выпукломъ металлѣ.

Ррынъ!..

По сигналу звонка летучая рота свернула съ дороги и облѣпила лужайку кругомъ высокаго дуплистаго дерева.

— Что это—совѣщаніе, отдыхъ?

Я съ любопытствомъ разсматриваю эту современную механическую кавалерію, новѣйшихъ ординарцевъ, курьеровъ и фельдъегерей. Ихъ характерныя фигуры, гибкія, въ сѣромъ суконѣ, похожемъ на трико, имѣютъ въ себѣ что-то смѣшанное, взятое вмѣстѣ отъ птицы и отъ степного коня. Пружинные кентавры, стальные страусы на службѣ войны.

Автомобиль пробѣгаетъ впередъ, и новый полкъ открывается передъ нами. Потянулись пулеметы. Ихъ тонкіе носы, одѣтые брезентомъ, воинственно задраны кверху. Вотъ у этого открыты бока, я вижу на стали почетныя заплаты изъ мѣди. Это боевыя раны, уже залѣченныя и ставшія шрамами. Въ современной войнѣ раны выпадаютъ на долю одинаково и людямъ, и вещамъ, и взрослымъ, и младенцамъ.

Я видѣлъ въ одномъ изъ санокскихъ лазаретовъ залъ для малолѣтнихъ раненыхъ. Тутъ было съ дюжину ребятишекъ, подбитыхъ шрапнелью или бомбами аэроплановъ. Въ Сколе, въ больницѣ N—скаго отряда, я видѣлъ 8-мѣсячнаго ребенка, раненаго бомбой. Его мать, и отецъ, и братья, и сестры были убиты на-смерть, а онъ уцѣлѣлъ, лежитъ на больничной койкѣ, и его крошечныя ножки обмазаны іодомъ и увязаны въ лубкахъ. И онъ даже не плачетъ, молчитъ и таинственно жалобнымъ взоромъ глядитъ на проходящихъ. Такой крошечный — и уже воинъ. Воинъ поневолѣ... Молоденькое пушечное мясо...»

Старообрядческія инокини изъ Восточной Пруссіи. Въ Москву прибыло нѣсколько инокинь изъ старообрядческаго скита въ Восточной Пруссіи, въ полуверстѣ отъ Іоганнисбурга; онѣ добрались до Россіи съ большими мытарствами.

Монастырь былъ нѣмцами сожженъ, а имущество его расхищено. Въ началѣ войны нѣмцы, ежедневно по нѣсколько разъ въ день, производили въ скиту обыскъ, выслѣживая шпіоновъ.

Во время пожара нѣсколько жившихъ въ скиту старушекъ погибло въ огнѣ. Сгорѣло много иконъ, цѣнныхъ книгъ и молитвенниковъ. Этотъ скитъ основанъ извѣстнымъ въ исторіи старообрядцевъ Павломъ Прусскимъ. Павелъ устроилъ тамъ типографію, въ которой въ 70-хъ годахъ его другъ, Голубковъ, издавалъ старообрядческій журналъ «Истина», полемизировавшій съ герценовскимъ «Колоколомъ».

Большинство скитницъ имѣетъ много родственниковъ среди богатыхъ московскихъ старообрядцевъ. Судьбой оставшихся въ Восточной Пруссіи инокинь пріѣзжія чрезвычайно озабочены. Но ничего выяснить, даже черезъ испанскаго посла, до сихъ поръ не удалось.

Нѣмцы страхуютъ себя отъ смерти. Д. Сергѣевъ въ «Кіевской Мысли» утверждаетъ, что инстинктъ жизни, какъ никогда, сохранился въ сердцахъ германскихъ офицеровъ и солдатъ.

Нѣмцы всячески «страхуютъ» себя отъ смерти.

Они зашиваютъ въ каски и фуражки мѣдныя пластинки отъ шрапнельныхъ пуль, поражающихъ сверху.

Надѣваютъ панцыри.

Грудь защищаютъ особыми стальными щитами.

На мѣсто сердца навѣшиваютъ пластинки, непробиваемыя пулей.

У многихъ плѣнныхъ и убитыхъ нѣмцевъ находятъ въ боковомъ лѣвомъ карманѣ стальные портсигары.

Нѣмки дарятъ при прощаньи эти портсигары своимъ близкимъ для защиты сердца.

На портсигарахъ выгравировано:

«Не забывай носить въ лѣвомъ карманѣ».

Но пуля—дура... Она бьетъ какъ разъ не туда, куда думаютъ.

«Счастливыя кредитки». У насъ, въ Россіи, среди суевѣрныхъ карточныхъ игроковъ, цѣнятся кредитки, подписанныя кассиромъ Брутомъ, который впослѣдствіи повѣсился.

На войнѣ считаются «счастливыми» иныя бумажки. Не такъ давно одинъ молодой казачій офицеръ, получая жалованье, получилъ пачку, въ которой было сто новенькихъ бумажныхъ рублей.

Получилъ и положилъ въ лѣвый карманъ гимнастерки.

Пуля попала какъ разъ въ эту пачку бумажекъ и не пробила ея...

Вотъ такія-то кредитки «съ дырочками» и считаются на войнѣ—«счастливыми».

За человѣка страшно. Итальянская газета «La Stampa» сообщаетъ о возмутительномъ случаѣ германской жестокости.

Близъ Анвера нѣмецкій офицеръ арестовалъ бельгійскаго рабочаго.

Жена несчастнаго, заливаясь слезами, просила за мужа:

— У насъ восемь человѣкъ дѣтей. Чѣмъ мы будемъ жить, если вы отнимете у насъ нашу единственную опору?!

— Я вижу, что у васъ восемь дѣтей, — отвѣтилъ офицеръ. — Но я знаю отличное средство помочь вамъ.

Онъ приказалъ солдатамъ поставить дѣтей къ стѣнѣ и поочередно стрѣлять въ нихъ.

Когда пятый ребенокъ упалъ, офицеръ обернулся къ терроризованнымъ родителямъ и сказалъ:

— Теперь у васъ только трое дѣтей...

Адресъ швейцарскихъ легіонеровъ генералу Жоффру. Изъ Базеля сообщаютъ въ «Бирж. Вѣд.», что состоявшійся тамъ съѣздъ швейцарцевъ, служившихъ во французскомъ иностранномъ легіонѣ, послалъ генералиссимусу Жоффру особый адресъ съ выраженіемъ симпатій французскому народу, борющемуся за цивилизацію и свободу народовъ.

Плѣненныя вражьи суда служатъ русскому флоту. Отъ времени до времени въ нашей періодической печати появляются статьи и замѣтки, въ которыхъ утверждается, что задержанные въ русскихъ портахъ коммерческія суда, принадлежащія непріятельскимъ націямъ, находятся съ самаго начала войны въ полномъ бездѣйствіи и остаются якобы неиспользованными ни для военныхъ цѣлей ни для торговаго судоходства.

Морской генеральный штабъ сообщаетъ, что задержанныя въ русскихъ портахъ коммерческія суда, принадлежащія подданнымъ воюющихъ съ Россіей государствъ, приспособлены къ несенію вспомогательной службы въ составѣ дѣйствующихъ флотовъ и несутъ таковую, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ судовъ, не пригодныхъ ни къ вспомогательной военной ни къ какой-либо другой службѣ за полной изношенностью судовыхъ механизмовъ и корпусовъ.

Реквизиція биноклей. По распоряженію главнаго начальника одесскаго военнаго округа и генералъ-губернатора, въ одесскомъ градоначальствѣ назначена реквизиція биноклей четырехкратнаго и большаго увеличенія, а также простыхъ большихъ биноклей, типа морского или полевого, съ уплатою за реквизируемые бинокли согласно выработанныхъ для сего основаній.

Какъ нѣмцы борются съ дороговизной. Главнокомандующій баварскаго военнаго округа издалъ распоряженіе, направленное противъ недобросовѣстнаго поднятія цѣнъ. Согласно этому распоряженію, «годомъ тюремнаго заключенія карается всякій: 1) Кто при отпускѣ продуктовъ питанія назначаетъ цѣны не соотвѣтствующія положенію вещей, если при этомъ доказано, что данное лицо преслѣдовало корыстное вздорожаніе цѣнъ. 2) Кто умышленно удаляетъ съ рынка продукты питанія съ цѣлью вызвать повышеніе цѣнъ. 3) Кто при розничной продажѣ или покупкѣ предлагаетъ или же принимаетъ цѣны на извѣстные продукты, которые, по общему положенію рынка, представляются несправедливыми. 4) Кто отказывается продавать безъ уважительныхъ причинъ имѣющіеся у него продукты питанія». Въ мотивировкѣ этого распоряженія указывается, что во всей Баваріи констатировано сильное повышеніе цѣнъ на продукты первой необходимости, не оправдываемое положеніемъ рынка.

Протезы на всю жизнь. Въ связи съ военными событіями въ Кіевѣ былъ организованъ областной отдѣлъ по снабженію увѣчныхъ воиновъ искусственными конечностями — протезами. Отдѣломъ учреждены пріютъ для увѣчныхъ воиновъ и мастерская для изготовленія протезъ. Этому полезному учрежденію Высочайшимъ повелѣніемъ предоставлено право не только выдавать увѣчнымъ воинамъ искусственныя конечности, но и снабжать ихъ особымъ свидѣтельствомъ, обезпечивающимъ за ними возможность въ теченіе всей жизни исправлять выданныя имъ протезы, а при надобности, и замѣнять ихъ новыми за счетъ казны.

Бабы спасли. «Литовская Русь» сообщаетъ характерный эпизодъ боевой жизни. Два нашихъ летчика отправились въ развѣдку. Погода вполнѣ благопріятствовала, моторъ работалъ великолѣпно, и желаніе собрать какъ можно больше данныхъ о непріятелѣ было непреоборимое. Летчики, по условіямъ своей службы, должны были пробыть въ воздухѣ въ данномъ направленіи лишь извѣстное количество часовъ; между тѣмъ они такъ увлеклись своимъ дѣломъ, что пробыли подъ небесами нѣсколько больше. И вотъ, когда они летали надъ германскими расположеніями, обнаружилась недохватка необходимаго продукта, а между тѣмъ расходъ его требовался огромный, такъ какъ германцы ихъ замѣтили и собирались подвергнуть артиллерійскому обстрѣлу. Рѣшивъ избѣжать гибели во время стрѣльбы, въ виду невозможности маневрировать по условіямъ приближавшагося момента, летчики скрылись за облака, углубились въ тылъ непріятеля и тамъ спустились въ одной изъ литовскихъ деревушекъ. Деревенскія бабы, узнавъ русскихъ летчиковъ, помогли сейчасъ же разобрать аппаратъ и надежно спрятать цѣнныя его части, а затѣмъ дали имъ свои кофты и юбки, въ которыя наши герои переодѣлись. Затѣмъ, когда вмѣсто летчиковъ изъ сарая вышли двѣ типичныя «бабы», спасительницы ихъ захватили съ собою корзинки и направились черезъ германскія позиціи къ русскимъ войскамъ. Шли «онѣ» нѣсколько верстъ. Летчики въ юбкахъ, уже видѣвшіе германскую силу съ высоты птичьяго полета, теперь видѣли германцевъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Германцамъ, разумѣется, и въ голову не пришло, что въ числѣ бабъ-литовокъ, объясняющихся съ ними по-нѣмецки, находится «руссъ-птица», которыхъ они еще такъ недавно готовились «снять изъ-подъ небесъ». Летчики такимъ образомъ прошли до послѣдняго германскаго опорнаго пункта, т.-е. до самаго опаснаго мѣста. Тутъ летчикамъ уже пришлось думать о себѣ самихъ. И летчики, долго не раздумывая, мигомъ сбросили съ себя юбки и бросились въ Нѣманъ. Тутъ поднялась среди германцевъ невѣроятная тревога. Германцы догадались, что въ рѣку бросились русскіе, и открыли по нимъ адскій ружейный огонь. Не теряя присутствія духа, хорошо, кромѣ того, плавая, летчики нырнули, взяли нѣсколько въ сторону, вынырнули наружу и поплыли. Опять адская стрѣльба съ берега и опять тотъ же подводный маневръ летчиковъ-пловцовъ. Въ концѣ концовъ летчикамъ удалось благополучно переплыть быстрый и широкій Нѣманъ, выйти на берегъ и возвратиться въ свою часть. Дѣло было сдѣлано, цѣнныя части аппарата спасены отъ германцевъ, но пришли летчики въ полкъ почти нагими.

Много смѣялись при видѣ голыхъ героевъ, но зато и дивились находчивости и хладнокровію летчиковъ. А летчики скромно говорили: «Насъ бабы спасли».

№ 33. Выходитъ еженед. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 15 августа 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина“ кн. 8.

Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Марія Николаевна и Анастасія Николаевна среди раненыхъ офицеровъ лазарета при Ѳеодоровскомъ Государевомъ соборѣ въ Царскомъ Селѣ. По фот. А. Функъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Сосредоточеніе къ Бресту.

Грандіозная трехмѣсячная операція противника далеко не дала ему тѣхъ ощутительныхъ результатовъ, на которые онъ разсчитывалъ. По существу, все свелось лишь къ оставленію нами территорій „передового театра", т.-е. противникъ черезъ годъ войны выполнилъ лишь ту задачу, которую онъ долженъ былъ выполнить еще въ началѣ войны, въ августѣ прошлаго года. Слѣдовательно, занятіе противникомъ „передового театра" съ Варшавой и Вислой было лишь незначительнымъ успѣхомъ, ибо всегда считалось, что „театръ" будетъ брошенъ нами, что противникъ его займетъ легко и сразу, и что только отсюда начнутся серьезныя операціи. Это всѣми предвидѣлось еще до войны, всегда учитывалось, а, слѣдовательно, не могло внести никакого существеннаго измѣненія въ обстановку. Съ занятіемъ „передового театра" война на нашемъ фронтѣ только началась, ибо всегда считалось, что эта война только и начнется за „передовымъ театромъ".

Поэтому есть полное основаніе утверждать, что противникъ затѣялъ свою грандіозную трехмѣсячную операцію не столько для незначительнаго (по своей стратегической сущности) занятія „передового театра", сколько для того, чтобы нанести пораженіе нашей живой силѣ, нашей арміи, и если не захлопнуть ее всю въ варшавскомъ „мѣшкѣ", путемъ отрѣзанія ей путей, то захлопнуть хотя бы ея большую часть. Однако, какъ извѣстно, противнику не удалось отрѣзать буквально ни одного батальона, и наша армія спокойно вышла изъ района грандіознаго сраженія между Наревомъ и Бугомъ, спокойно стала отходить на новый фронтъ Ковна—Брестъ, на новую оборонительную линію Нѣманъ—Бугъ.

Такимъ образомъ, по окончаніи операціи „за Вислу", австро-германскія войска развернулись на огромномъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до городка Влодавы, находящагося впереди Бреста. Въ связи съ этимъ передъ ними открывался рядъ путей,

Лазаретъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Анастасіи Николаевны для раненыхъ офицеровъ при Ѳеодоровскомъ Государевомъ соборѣ въ Царскомъ Селѣ.

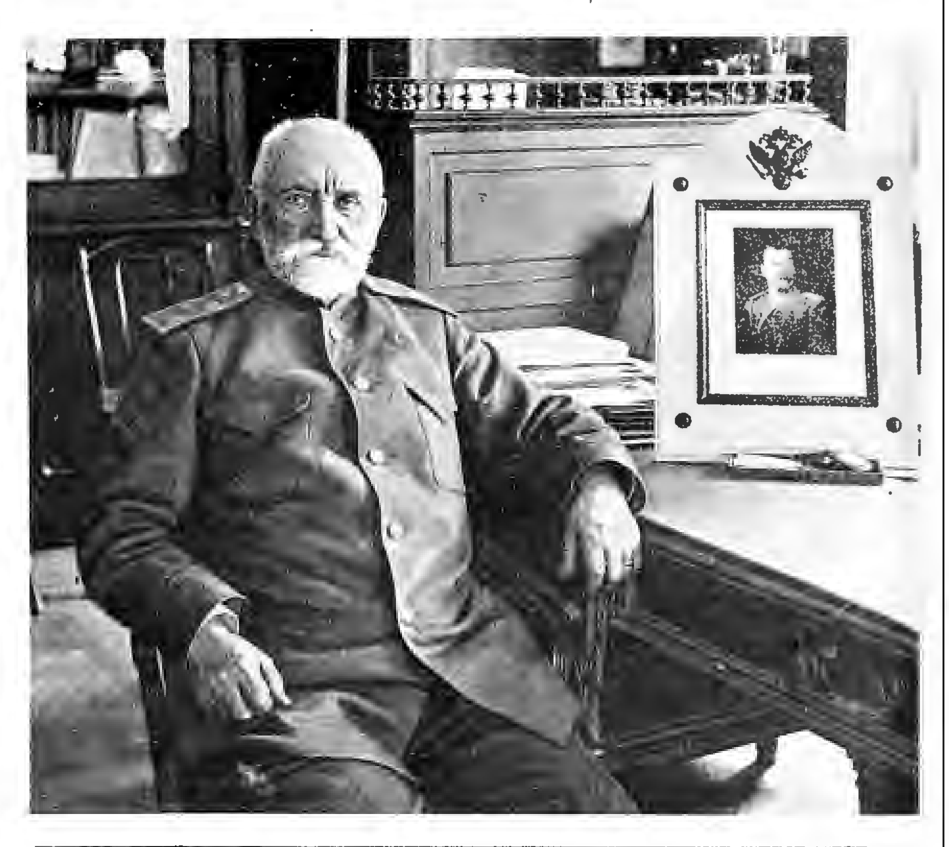
Князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій, бывшій старшій товарищъ предсѣдателя Государственной Думы, назначенный товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Государственная Дума въ одномъ изъ засѣданій сердечно прощалась со своимъ бывшимъ товарищемъ.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе предсѣдателя Государственной Думы князь В. М. Волконскій, занявъ мѣсто около ложи министровъ, обратился къ Государственной Думѣ со слѣдующими словами:

«Глубокое спасибо вамъ, господа. Прошу и впредь не оставлять меня добрымъ совѣтомъ, такой же доброй критикой во всемъ, что придется дѣлать. Во имя величія Россіи, во имя величія Царя любите Думу, господа, и любите Россію».

Слова князя В. М. Волконскаго были покрыты продолжительными рукоплесканіями.



Предсѣдатель Верховной Слѣдственной Комиссіи, старѣйшій членъ Государственнаго Совѣта, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ, инженеръ-генералъ Николай Павловичъ Петровъ. По фот. Я. Штейнберга.

Для выясненія лицъ, виновныхъ въ недостаточности военнаго снабженія арміи, по Высочайшему приказу образована Верховная Слѣдственная Комиссія подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Н. П. Петрова, съ участіемъ товарища предсѣдателя Государственнаго Совѣта И. Я. Голубева и товарища предсѣдателя Государственной Думы С. Т. Варунъ-Секрета. Преступники противъ Россіи и русской арміи должны будутъ понести заслуженную кару за свои преступленія. Въ назначеніи Слѣдственной Комиссіи правительство сошлось съ народнымъ представительствомъ, которое приняло формулу центра, гласившую: «Заслушавъ обвиненія, высказанныя членами Гос. Думы по адресу правительства, и разъясненія министровъ, Гос. Дума выражаетъ пожеланіе о назначеніи Верховной Слѣдственной Комиссіи, дабы успокоить общественную совѣсть и смыть тотъ позоръ, который въ противномъ случаѣ можетъ остаться на невинныхъ. Къ этому призываетъ и кровь павшихъ героевъ».

Прапорщикъ С. П. Милюковъ, сынъ члена Государственной Думы, павшій въ бою.

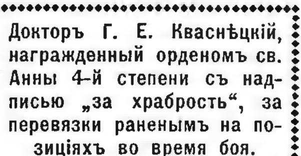
направленіе которыхъ и опредѣляло направленіе дальнѣйшей германской операціи. Конечно, вполнѣ ясно было, что нѣмцы будутъ стремиться овладѣть и слѣдующей за Вислой оборонительной линіей Нѣмана — Буга. Тѣмъ не менѣе это была лишь частная задача,— тотъ первый непосредственный шагъ, который нѣмцы стремятся сдѣлать послѣ занятія Вислы.

Николай Степановичъ Захаровъ, пожалованный за храбрость 4-мя степенями ордена св. Георгія и орденомъ св. Анны 4-й степени.

Для стратегіи представляло гораздо большій интересъ то главное направленіе, которое нѣмцы выберутъ для своей будущей зимней и весенней кампаніи, т.-е. будутъ ли они итти по сѣвернымъ путямъ, къ Прибалтикѣ, или же будутъ стремиться къ Бресту, какъ исходному пункту 1000-верстнаго пути Брестъ — Москва. Это неминуемо должно было выясниться теперь же, и объясняется это тѣмъ, что „первоначальное развертываніе армій впослѣдствіи уже не исправляется". Въ нынѣшней стратегіи, какъ арміи сразу нацѣливаются, такъ онѣ и остаются въ большинствѣ случаевъ нацѣленными на тѣхъ же пунктахъ въ теченіе всей кампаніи. Если нѣмцы нацѣливались бы на Брестъ, какъ исходный пунктъ 1000-верстнаго пути Брестъ—Москва, то ихъ массы уже не могли быть передвинуты впослѣдствіи на сѣверные пути къ Прибалтикѣ, ибо слишкомъ велики современныя арміи, слишкомъ громадный у нихъ тылъ, чтобы такія перемѣщенія были возможны. Кромѣ того, въ предвидѣніи всякой большой операціи соотвѣтствующимъ образомъ устраиваются тылъ и пути въ тылу, и уже по одному этому нельзя перемѣщать массы съ одного направленія на другое, гдѣ пути и тылъ подготовлены для совершенно другихъ задачъ. Поэтому-то и говорится, что „ошибки въ первоначальномъ развертываніи армій не могутъ быть исправлены въ теченіе всей кампаніи".

Отсюда можно видѣть, что представлялось весьма существеннымъ выяснить, гдѣ будутъ сосредоточиваться главныя массы нѣмцевъ—у Бреста, или же въ Прибалтикѣ, ибо первое означало одно важное направленіе, а второе означало другое такое же важное направленіе.

Намъ уже приходилось упоминать, что вся германская литература о войнѣ всегда настойчиво указывала на Брестъ, какъ на пунктъ сосредоточенія главныхъ массъ, при чемъ нѣмцы заявляли, что выставятъ въ Прибалтикѣ и на Западной Двинѣ лишь „наблюдательный корпусъ". Однако, въ связи съ указаніями нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, къ сожалѣнію, недостаточно обоснованными, послѣ японской войны стало распространяться мнѣніе о томъ, что нѣмцы якобы въ будущей войнѣ будутъ угрожать Петрограду. Это и создало совершенно невѣрное представленіе о томъ, что послѣ занятія Вислы и „передового театра" нашъ противникъ сосредоточилъ свои главныя массы на сѣверныхъ путяхъ, т.-е. въ Прибалтикѣ и на сѣверо-западной желѣзнодорожной магистрали.



Докторъ Г. Е. Квасньцкій, награжденный орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость", за перевязки раненымъ на позиціяхъ во время боя.

Художникъ П. А. Селивановъ, сотрудникъ петроградскихъ журналовъ, призванный изъ запаса. За боевые подвиги и смѣлыя развѣдки награжденъ 3-мя Георгіевскими крестами и медалью за храбрость.

Между тѣмъ дѣйствительность стала совершенно расходиться съ этими необоснованными представленіями, и это сразу можно было усмотрѣть въ томъ, что армія Белова въ Прибалтикѣ оказалась весьма слабой для того, чтобы привести въ исполненіе угрозу важнѣйшимъ политическимъ центрамъ нашей страны на сѣверѣ. Затѣмъ вскорѣ обнаружилось, что арміи Гальвица и Хельша, переправившіяся черезъ Наревъ, двинулись не къ сѣверо-западной желѣзнодорожной магистрали, не въ бѣлостокскомъ направленіи, а стали стремиться втиснуться въ промежутокъ между Наревомъ и Бугомъ, т.-е. въ тотъ раіонъ, гдѣ всѣ пути сходятся къ Бресту.

Такимъ образомъ изъ девяти германскихъ армій, дѣйствующихъ на нашемъ фронтѣ, къ Бресту шли: армія Бемъ-Ермоли, стремившаяся по правому берегу Буга, мимо Влодавы, къ Бресту, армія Макензена, стремившаяся черезъ Влодаву къ Бресту, армія эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, наступавшая отъ Любартова въ брестскомъ направленіи, армія Войерша, переправившаяся черезъ Вислу у Ивангорода и двигавшаяся черезъ Луковъ къ Бресту, армія баварскаго принца Леопольда, занявшая Варшаву и двигавшаяся черезъ Сѣдлецъ къ Бресту, и наконецъ двѣ арміи, Гальвица и Хельша, переправившіяся черезъ Наревъ и двигавшіяся черезъ станцію Малкинъ по правому берегу Буга также къ Бресту.

Слѣдовательно, 7/9 шло на Брестъ, а 2/9 остава-

Съ позиціи. Рисунокъ участника войны П. А. Селиванова.

лось на сѣверѣ. Изъ послѣднихъ армій группа Белова едва удерживала свои позиціи въ Прибалтикѣ, а занѣманская армія генерала Эйхгорна приступила къ операціи противъ Ковны.

Это перемѣщеніе центра тяжести германскихъ войскъ на югъ, къ Бресту, какъ исходному пункту 1000-верстнаго пути Брестъ—Москва, и подтверждало, въ связи съ указаніемъ нѣмецкой литературы на Брестъ, что здѣсь будетъ собрана главная масса противника, и путь отъ Бреста будетъ операціоннымъ направленіемъ главнѣйшихъ германскихъ операцій въ теченіе зимней и весенней кампаніи.

Какія же задачи имѣли двѣ германскія арміи, оставшіяся на сѣверѣ — Белова и Эйхгорна, разъ вся главная масса шла къ Бресту? Задача арміи Эйхгорна была вполнѣ понятна всѣмъ,— эта армія дѣйствовала противъ Ковны. Задача же Белова явно заключалась въ угрозѣ на сѣверныхъ путяхъ, въ Прибалтикѣ, нашему важнѣйшему политическому центру, съ тѣмъ, чтобы привлекать наше вниманіе и отвлекать сюда наши войска отъ главнаго района — брестскаго.

Сестра милосердія баронесса Елисавета Николаевна Штемпель, скончавшаяся послѣ кратковременной и тяжкой болѣзни въ лазаретѣ Георгіевской Общины.

Такимъ образомъ стало видно, что германскія арміи снова соединялись въ двѣ группы на флангахъ, причемъ на правомъ германскомъ флангѣ противъ Бреста должно было собраться 7/9 германскихъ силъ, а на лѣвомъ германскомъ флангѣ—въ Прибалтикѣ и на Нѣманѣ, должно было собраться 2/9 германскихъ силъ. Итого собирается два кулака — одинъ большій, другой меньшій, и нетрудно видѣть, что большій кулакъ предназначается для главныхъ задачъ, которыя начнутъ выполняться отъ Бреста, а меньшій кулакъ, въ Прибалтикѣ, предназначается для угрозъ и демонстрацій, тѣмъ болѣе, что въ этихъ сѣверныхъ направленіяхъ находятся важные пункты, и всякая угроза въ этомъ направленіи не можетъ не вызывать усиленнаго вниманія нашей стратегіи.

Изъ этого можно видѣть, что всѣ предположенія о томъ, что нѣмцы якобы что-то замышляютъ противъ Петрограда, совершенно необоснованы и всецѣло опровергаются какъ всей германской литературой о нынѣшней войнѣ, такъ и той перегруппировкой германскихъ войскъ, которую мы наблюдаемъ нынѣ,—той перегруппировкой, гдѣ 7/9 сосредоточиваются къ Бресту, какъ исходному пункту 1000-верстнаго пути Брестъ—Москва, и лишь 2/9 сосредоточиваются на сѣверныхъ, прибалтійскихъ путяхъ. При этомъ необходимо еще добавить, что изъ этихъ 2/9 одна девятая - армія Эйхгорна — связана необходимостью вести операціи противъ Ковны, и лишь послѣдняя девятая — армія Белова — является активнымъ элементомъ сѣверной операціи.

Въ этомъ и заключается весь смыслъ настоящаго положенія. Противникъ намѣчаетъ себѣ старый наполеоновскій 1000-верстный путь, отъ конечной цѣли котораго нѣмцевъ, по собственному ихъ признанію, отдѣляетъ начала войны не менѣе двухъ лѣтъ стратегической работы.

Сестра милосердія Наталія Леонидовна Граве, работающая въ 17-мъ передовомъ отрядѣ имени Верховнаго Главнокомандующаго, контуженная и награжденная двумя Георгіевскими медалями 4-й и 3-й степени „за самоотверженную дѣятельность подъ огнемъ непріятеля“.

Что же касается въ частности операцій противъ Ковны, привлекшихъ къ себѣ большое вниманіе, то слѣдуетъ упомянуть, что въ атакахъ противника у Ковны отнюдь нельзя видѣть стремленія его взять съ размаху эту важную крѣпость. О такой цѣли противникъ при всемъ своемъ высокомѣріи отнюдь не помышляетъ. Задача противника здѣсь значительно скромнѣе: онъ хочетъ взять лишь передовыя позиціи Ковны, чтобы кольцо обложенія было меньше. Вполнѣ понятно, что обводъ Ковны съ передовыми позиціями представляетъ собою большій кругъ, чѣмъ обводъ Ковны безъ передовыхъ позицій. Слѣдовательно, противникъ хочетъ взять передовыя позиціи Ковны, чтобы для меньшаго круга оставить меньшее число войскъ осаднаго корпуса. Этимъ противникъ хочетъ сэкономить тѣ войска, которыя ему приходится оставлять для обложенія нашихъ крѣпостей Ковны и Новогеоргіевска. Въ этомъ и смыслъ всѣхъ штурмовъ Ковны и Новогеоргіевска,—именно въ стремленіи возможно менѣе численно ослабить свою армію, возможно менѣе выдѣлить изъ нея войскъ для осады крѣпостей.

Учащаяся молодежь на полевыхъ работахъ въ помощь крестьянскимъ семьямъ, хозяева которыхъ находятся въ дѣйствующей арміи.

Жизнь—сказка.

Повѣсть Ив. Островного.

(Продолженіе).

Борисъ Горниловъ тогда былъ студентъ и, конечно, не обращалъ вниманія на маленькую дѣвочку Надю. Потомъ всѣ Горниловы исчезли изъ края, старики гдѣ-то служили, а сынъ чему-то учился за границей, доживая тамъ остатки огромнаго состоянія.

Когда онъ появился въ столицѣ, ему было уже тридцать два года. Отъ имѣнія ничего не осталось, но были связи, и онъ служилъ въ какомъ-то счастливомъ казенномъ уголкѣ, гдѣ можно было мало дѣлать и получать приличное жалованье, котораго хватало на все главное.

Съ Ворониными онъ встрѣтился случайно, но затѣмъ получилъ приглашеніе и явился къ нимъ въ качествѣ стараго знакомаго и сосѣда былыхъ временъ. Отъ семьи онъ остался одинъ, стариковъ уже не было на свѣтѣ.

Для Нади, которая подъ крылышкомъ Марьи Васильевны видѣла въ жизни только обыкновенное и нормальное, онъ сразу представилъ собою рѣдкостное явленіе, передъ которымъ она остановилась изумленная. Уже одна наружность его останавливала на себѣ вниманіе.

Фигура высокая, тонкая и какая-то неустойчивая, колеблющаяся, какъ тростинка, или неестественно выгнанное въ ростъ тонкое дерево, отъ него вѣяло хрупкостью, ненадежностью.

Лицо красивое, съ крупными выточенными чертами, но истомленное, измученное, какъ будто вся жизнь его была одна сплошная безсонная ночь.

Одѣтъ онъ былъ изысканно, но странно, съ нѣкоторой нарочитостью въ длинный сѣрый сюртукъ, какихъ уже давно никто не носитъ, высокій стоячій воротникъ, охватывавшій всю его шею, и цвѣтной галстукъ, завязанный широкимъ фантастическимъ бантомъ.

Все это ему шло и придавало извѣстную живописность. Говорилъ онъ страннымъ голосомъ, какъ будто нехотя, сквозь зубы, во всѣхъ его движеніяхъ была видна лѣнь, усталость, принужденность.

И съ первыхъ же словъ онъ далъ понять, что и самая жизнь для него не представляетъ ничего заманчиваго, что живетъ онъ нехотя и не убилъ себя до сихъ поръ „единственно изъ отвращенія къ скандалу".

— Пришлось бы сдѣлать выстрѣлъ другого способа нѣтъ, не вѣшаться же въ самомъ дѣлѣ и не корчиться же отъ какой-нибудь сѣрной кислоты, а на выстрѣлъ сбѣжится праздная публика, полиція, протоколъ, вскрытіе, газетныя замѣтки, толки, вообще грязь. Увѣряю васъ, что по крайней мѣрѣ десять процентовъ человѣчества тянетъ лямку жизни изъ одного отвращенія ко всему этому.

Красивость этихъ фразъ у всякаго другого могла бы показаться подозрительной, но у него все это выходило какъ-то искренно. Безконечно усталые глаза подтверждали его слова. Такую глубокую усталость, какая была въ нихъ, просто невозможно было поддѣлать.

И въ то же время, что больше всего поражало въ немъ Надю, онъ былъ человѣкъ не только не бездарный, но богато одаренный. Хорошо играя на роялѣ, онъ могъ по цѣлымъ часамъ импровизировать, онъ владѣлъ техникой композитора, но ничего не записывалъ. На вопросъ, почему? у него былъ одинъ отвѣтъ:

— Не стоитъ.

Онъ недурно рисовалъ: у него были вещицы, на которыя обращали вниманіе художники, но не было техники, и онъ не хотѣлъ пріобрѣсти ее. У него была способность къ сценѣ, и на любительскихъ спектакляхъ онъ всегда выдавался. И всѣмъ этимъ онъ пренебрегалъ, ни изъ чего не хотѣлъ сдѣлать что-нибудь серьезное и цѣльное и на все говорилъ свое: „не стоитъ".

Не будь этой одаренности, можетъ-быть, Надя прошла бы мимо него, но это ее задѣло. Да, именно, вѣдь началось съ задора. Ея фантастическая голова какъ бы увидѣла здѣсь огромную работу для сердца. Жизнь ставила задачу: оживить, одухотворить, возжечь вновь угасающую душу.

Съ задоромъ юности, съ смѣлостью неопытности, она сказала себѣ: я это сдѣлаю. И, сказавъ это, приблизилась къ нему.

И тогда вдругъ точно проснулись въ ней до того дремавшія новыя свойства характера и ума: кокетливость, остроуміе, какая-то огненная игра: похорошѣло лицо, загорѣлись глаза. И она, раньше казавшаяся незрѣлой дѣвушкой и остававшаяся въ тѣни, выдвинулась, заняла видное и главное мѣсто, какъ будто вдругъ всю ее озарили яркіе лучи солнца.

И Горниловъ сейчасъ же замѣтилъ ее, но отнесся странно, по-своему, т.-е. не измѣнивъ своему общему отношенію къ жизни: съ любопытствомъ, правда острымъ и тревожнымъ, но все же пассивнымъ, недѣятельнымъ.

Но Надѣ уже нельзя было остановиться, она шла дальше напроломъ, она рѣшила завоевать этого человѣка во что бы то ни стало.

Варя смотрѣла на это своими небольшими спокойно наблюдающими глазами, силясь понять, проникнуть въ глубь этихъ отношеній и опредѣлить, что изъ всего этого можетъ выйти для ея подруги.

Она слишкомъ мало знала эту сторону жизни, чтобы постигнуть это умомъ, но у нея было вѣрное чутье, которое сказало ей все, что нужно. Съ одной стороны, пламенно горящій факелъ—Надя, съ ея фантастической головой и недисциплинированнымъ сердцемъ, готовая на любое безумство, а съ другой человѣкъ, вкусившій жизнь до усталости, до пресыщенія, близкаго къ отвращенію.

И она старалась повліять на Надю, выяснить передъ ней истину, но, конечно, это было напрасно и не имѣло успѣха. Надя вышла изъ предѣловъ того круга, въ которомъ такъ легко разбиралась и руководила Варя. Ея душа теперь была для нея недосягаемой.

И что же? У Горнилова нашелся огонь, у него оказалась еще способность горѣнія, онъ зажегся. Но тутъ и случилось то, что предчувствовала Варя. Покореннымъ оказался не онъ, а Надя. Онъ „умѣлъ любить", онъ зналъ тайныя струны женскаго сердца всѣхъ возрастовъ и сумѣлъ окружить Надю своимъ обаяніемъ. Она, которая собиралась завоевать его, вдругъ оказалась его плѣнницей.

Она томилась отъ ожиданія, она замирала, когда раздавались его шаги, она переставала существовать, когда онъ уходилъ. Онъ былъ для нея все, остальной міръ пересталъ существовать.

Но и онъ казался ожившимъ, пересталъ говорить о смерти, и активность его дошла до того, что онъ даже сдѣлалъ формальное предложеніе, и Надя стала его невѣстой.

Марья Васильевна съ грустью приняла эту вѣсть, но ужъ она-то ничѣмъ не могла помочь. Ея вліяніе на Надю было ничтожно. Да и кромѣ того, кто же навѣрно знаетъ, гдѣ человѣческое счастье? А у Нади было такое счастливое лицо. Да развѣ она могла рѣшиться хоть на одинъ мигъ отуманить это счастье?..

Однажды онъ пріѣхалъ, странный, непохожій на себя теперешняго, но зато страшно похожій на прежняго, до тожества такой же инертный, безконечно усталый, холодный. И, пріѣхавъ, оставался всего минутъ десять. Слова какъ будто не шли съ его языка, въ глазахъ было написано: „скучно".

Онъ подошелъ къ Надѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ, потомъ сказалъ, что ему нездоровится, и уѣхалъ.

Черезъ часъ послѣ этого его слуга принесъ ей письмо и маленькій ящичекъ. Въ ящичкѣ былъ медальонъ съ цѣпью, а въ письмѣ три строчки:

„Моя дорогая, я отдалъ жизни весь огонь моей души, а эти недѣли я горѣлъ огнемъ, который взялъ у тебя... Если я обманулъ тебя, то и себя также. Нѣтъ, ничего изъ этого не вышло. Только-что ты видѣла меня мертвымъ, остается только формальность. Прости. А это оставь у себя на память о великой ошибкѣ, чтобы тебѣ никогда больше не повторить ея".

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого въ телефонъ извѣстили о томъ, что Борисъ Горниловъ застрѣлился.

И вотъ эти ужасные два мѣсяца. Сперва острая боль, потомъ ставшая хронической, и страшились, что конца не будетъ.

Но что прошло, то прошло. Всѣ радовались, но Варя, вновь вступившая въ свои права довѣреннаго и вліяющаго друга, иногда хмурила брови. Раньше, сидя одиноко у себя въ комнатѣ и никого не желая видѣть, а ее только допуская, терпя, Надя проводила время надъ толстой тетрадью — десятки исписанныхъ страницъ, ея дневникъ. О, бумага! Какъ часто она бываетъ причиной замедленія мучительнаго процесса въ душѣ. Не являйся она такъ легко къ услугамъ одинокихъ, быть-можетъ, они и нѣсколькихъ дней не выдержали бы, и ихъ потянуло бы къ людямъ. Но бумага и карандашъ, съ ними можно просидѣть въ одиночествѣ недѣли и мѣсяцы. Записывать свои мысли и читать ихъ, любоваться изображеніемъ своей боли, придавая своей драмѣ красивыя очертанія, а себя дѣлая героемъ. Въ этомъ есть что-то жуткое и мучительно-сладкое.

И вотъ теперь, когда, повидимому, съ тѣмъ, прошлымъ, все покончено, и даже такіе памятные знаки, какъ медальонъ съ цѣпью послѣдняя связь съ нимъ, перешли въ какія-то невѣдомыя руки, Варя, иногда приходя въ комнату Нади, заставала ее за той же толстой тетрадью, съ карандашомъ въ рукѣ.

Правда, она не вскакивала, не торопилась захлопнуть тетрадь, вообще не дѣлала изъ этого исторіи, а спокойно дописывала фразу, закрывала тетрадь и клала ее въ ящикъ своего маленькаго письменнаго стола.

Но все же Варѣ это не нравилось. Вѣдь въ этой тетради осталось множество страницъ, наполненныхъ переживаніями того періода. Онѣ ядовиты, эти страницы, и какъ бы снова не отравили Надину душу.

Ахъ, какъ хотѣлось Варѣ пріийти сюда какъ-нибудь одной и тихонько вырвать эти страницы изъ тетради, --но для этого она была слишкомъ благоразумна, сдержанна и тактична. Этого она никогда не сдѣлаетъ.

Однажды, заставъ ее за тетрадью, Варя спросила:

- О чемъ ты все пишешь, Надя?

- Но я дѣлаю это очень рѣдко,- повидимому, умышленн на вопросъ, отвѣтила Надя. Неторопливо выдвинула ящи укладывая въ немъ свою тетрадь, прибавила: Мало ли мысли прихс,дятъ въ голову! Онѣ неинтересны. Варя.

Штабъ перваго Петроградскаго отряда бойскоутовъ въ лагерѣ за занятіями.

выдержала бы, понимаешь? Не выдержала бы...

— Это странно...

— Да, что жъ... Недостаточно правильно мыслить, надо еще умѣть выдержать. И, кромѣ того, мнѣ кажется, что они не имѣютъ права отрѣзать ногу. Должны умѣть вылѣчить, потому что каждый человѣкъ имѣетъ право на двѣ ноги. Знаю, знаю, это тоже глупо! Но вотъ видишь, какая я, и теперь ты согласна, что я была бы вредная. Ты дѣлаешь прекрасное дѣло, но нельзя, милая Варя, чтобы всѣ годились на всякое дѣло только потому, что оно прекрасно. Я, можетъ-быть, могла бы сказки разсказывать раненымъ, и это было бы имъ очень пріятно. Ну, просто фантазировать... Разныя небылицы. Развѣ я объ этомъ не думала? О, еще сколько! Да только этого не нужно.

— Сказки, — не знаю. А вотъ читать имъ книги и газеты—это хорошо, и ты могла бы.

— Ну, что жъ, я, можетъ-быть, попробую какъ-нибудь... Только, знаешь... я, должно-быть, совсѣмъ недобродѣтельна. Вотъ представила себѣ, что прихожу каждый день въ лазаретъ, сажусь и громко читаю книги, или тамъ газеты... И мнѣ это показалось такъ глупо, и имъ всѣмъ, должно-быть, будетъ ужасно скучно. Нѣтъ, ты не думай, я вовсе не злая и не равнодушная, и я готова бы... Но только—чтобы все, — понимаешь, такъ, чтобы ничего себѣ не оставалось. Вотъ если бы какому-нибудь раненому нужна была кровь, я отдала бы свою. Вѣдь это дѣлается: открываютъ артерію и переливаютъ. Вотъ это я понимаю.

— Это, мой другъ, невыполнимая, а потому и ни къ чему не обязывающая фантазія.

— Ну, что же я подѣлаю, если я такая.

Варя между тѣмъ усиленно работала. У нея уже кончились подготовительныя и практическія работы, начались экзамены. Она выдержала ихъ отлично и показала, что изъ нея выйдетъ толковая сестра.

Въ концѣ февраля она уже начала работать въ лазаретѣ, въ качествѣ сестры, и это отнимало у нея такъ много времени, что она теперь не каждый день видѣлась съ Надей.

— Ты не думай, что я хочу допрашивать тебя, или какъ-нибудь проникнуть въ твои сокровенныя мысли,—молвила Варя: — но я только хочу сказать, что, когда живешь полной здоровой жизнью, то даже не приходитъ въ голову возиться съ бумагой и карандашомъ. У тебя слишкомъ много свободнаго времени, Надя.

— Чѣмъ же я виновата? Время создано помимо меня.

— Но его можно наполнить. Вотъ у меня, напримѣръ, сегодня свободныхъ только и есть два часа. Все утро я слушала лекціи, а теперь пойду на дежурство въ лазаретъ. Ты тоже могла бы. Вѣдь это такъ пріятно—чувствовать себя полезной...

— Но, должно-быть, очень горько чувствовать себя вредной.

— Какъ ты можешь быть вредной, Надя?

— Я думаю, что я была бы вредной. Вѣдь вотъ ты разсказывала вчера, какъ при тебѣ одному раненому отрѣзали ногу. Ты была тамъ и, видя это, разсуждала, что у него образовалась гангрена, и, значитъ, ему необходимо отрѣзать ногу, что ногу отрѣзаютъ ему для его же пользы,— у него не будетъ ноги, но зато сохранится жизнь. И тебѣ было больно смотрѣть на то, какъ живого человѣка лишали ноги, но ты терпѣливо и покорно стояла и смотрѣла.

— Но, Боже мой, какъ же иначе?

— А вотъ я не могла бы. Я, по всей вѣроятности, вырвала бы инструменты изъ рукъ хирурга и выбросила бы ихъ за окно.

— Но это было бы глупо и преступно.

— Я это знаю. И все то, что ты знаешь, я тоже знаю, но я это сдѣлала бы. Я не

Палатка, устроенная бойскоутами по прибытіи въ лагерь.
У входа начальникъ отряда—А. А. Дювернуа-Брицъ.

Первый Петроградскій отрядъ бойскоутовъ въ лагерной жизни.

Лазаретъ, въ которомъ работала Варя, помѣщался въ раіонѣ, прилегающемъ къ Технологическому институту, и ей приходилось каждый день, идя по Загородному проспекту, проходить мимо той часовни, гдѣ тогда, послѣ проводовъ военнаго отряда, въ тотъ памятный день Надя такъ горячо молилась. И всякій разъ, проходя мимо этого мѣста, Варя вспоминала объ этомъ событіи.

И вотъ однажды,—это было въ самомъ началѣ апрѣля, — она, нѣсколько запоздавъ и желая наверстать время, взяла извозчика и ѣхала въ обычномъ направленіи. Когда экипажъ почти уже поровнялся съ часовней, ей показалось, что по тротуару быстро движется знакомая фигура.

„Неужели Надя?“ — подумала она и пристально вглядѣлась: ея шляпа, ея жакетъ, да наконецъ просто ясно, что это она.

Хотѣла даже окликнуть, но не успѣла. Въ это время та поднялась по каменнымъ ступенькамъ и скрылась въ полумракѣ часовни.

Бѣженцы изъ Польши. По фот. полк. С. Л.

Варя взглянула на часы. Времени до ея срока оставалось очень мало.

„Придется опоздать“,—сказала она себѣ. Но не могла же она пройти безъ вниманія мимо такого страннаго явленія. Что Надя иногда чувствуетъ потребность въ молитвѣ, это ее нисколько не удивляло, это было въ характерѣ ея настроенія. Но почему она, живущая на Кирочной, приходитъ молиться сюда, именно въ ту самую часовню, гдѣ молилась въ тотъ день? Этотъ вопросъ Варѣ представлялся тревожнымъ.

Она остановила извозчика и отпустила его, а сама направилась къ часовнѣ. Тутъ было все совершенно такъ, какъ и тогда. На площадкѣ передъ иконами горѣли свѣчи, огоньки ихъ и лампадъ мелькали и внутри. И даже монахъ—тотъ самый, въ худой ряскѣ, съ жиденькой бородкой, появился на площадкѣ, быстро, привычнымъ движеніемъ, загасилъ свѣчу въ большомъ подсвѣчникѣ и скрылся, точь въ точь, какъ и въ тотъ разъ.

Варя вошла въ часовню и остановилась у стѣны, неподалеку отъ входа. Съ минуту она не могла ничего разглядѣть, все въ глазахъ ея сливалось въ какую-то туманность. Но вотъ замелькалъ монахъ, неторопливо, безстрастно тушившій и зажигавшій свѣчи, потомъ богомольцы, входившіе и выходившіе, и наконецъ Надя.

Какъ бы въ подтвержденіе того, что здѣсь ничто не измѣнилось, она стояла, опустившись на колѣни, на томъ самомъ мѣстѣ, какъ тогда, и въ такой же напряженно-молитвенной позѣ.

Только одѣта она была иначе. Вмѣсто шубки — суконный жакетъ, вмѣсто шапочки шляпа съ тонкимъ дрожащимъ эспри.

Молилась она усердно, сосредоточенно, вся какъ-то подавшись впередъ и не сводя глазъ съ иконы Богоматери. И долго-долго. Варѣ это показалось вѣчностью. Она посматривала на свои часы и досадовала при мысли о томъ, какъ много ей придется опоздать. Это было противно всѣмъ ея правиламъ и привычкамъ.

Ей пришлось простоять у стѣны минутъ десять. Надя поднялась, приложилась къ иконѣ и вышла изъ часовни. Варя послѣдовала за ней и на площадкѣ догнала ее.

— Надя!

Та вздрогнула отъ неожиданности.

— Ты? Ты тоже... молилась?

— Нѣтъ, я увидѣла тебя входящей въ часовню. Почему это?

— Какъ почему? Просто такъ...

— Я понимаю... Но почему ты пришла сюда, именно сюда?

— Я люблю это мѣсто. Здѣсь такъ уютно. Такъ пріятно молиться. Мало людей... Ничто не развлекаетъ. Я давно не была здѣсь. А сегодня потянуло. Такъ опредѣленно захотѣлось молиться именно здѣсь. Вотъ я и пришла... Ты со мной пойдешь? Къ намъ?

— О, нѣтъ, я и такъ изъ-за тебя опоздала въ лазаретъ. Сегодня третье апрѣля, мое дежурство. Буду тамъ до утра.

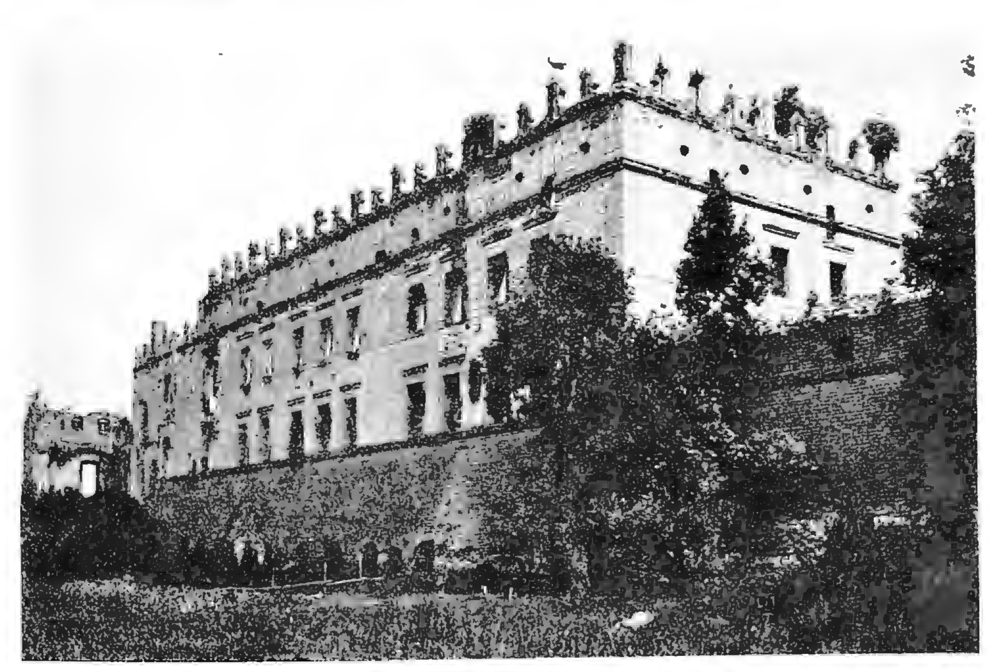
— Ну, иди, Богъ съ тобой. Ужъ тутъ тебя не уговоришь.

— Какъ же можно уговорить, Надя? Вѣдь это—дѣло. Ну, прощай, я поѣду.

Онѣ разстались. Варя взяла извозчика. Надя пѣшкомъ отправилась домой. Но, двигаясь въ противоположномъ направленіи, каждая думала о другой.

„Какъ странно устроена человѣческая душа,—думала Варя.—Надя—такая чуткая, отзывчивая, такъ много у нея теплоты, и все это словно въ пустомъ пространствѣ, безъ приложенія, безъ пользы для другихъ. И, очевидно, дѣятельная сторона ея души отъ этого страдаетъ. Силы требуютъ выхода, ее кудато неотразимо влечетъ, и вотъ — нѣсколько минутъ молитвы, и она удовлетворена, успокоена. А я такъ не могла бы. Моя молитва—работа, безъ нея я погибла бы отъ тоски. Сколько бы ни молилась, чувствовала бы себя грѣшницей“.

А Надя, разставшись съ подругой, размышляла: „Не понимаю, какъ можетъ Варя съ такимъ хорошимъ сердцемъ и красивой душой совмѣщать такую разсчетливость и аккуратность. Вѣдь у нея нѣтъ шага, который она сдѣлала бы, предварительно не обдумавъ его. Обдуманный шагъ... По-моему, это то же, что обглоданная кость, на



Въ раіонѣ Люблинской операціи. Старинный замокъ у К., построенный въ 1480 г. гетманомъ Зборовскимъ. Послѣ казни Зборовскаго замокъ перешелъ къ Гноинскимъ. Одинъ изъ нихъ похитилъ дочь графа Замойскаго. Послѣдній взялъ замокъ штурмомъ въ 1585 г. По преданію, здѣсь по ночамъ показывается привидѣніе юной Замойской, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами. По фот. полк. С. Л.

которой уже не осталось ничего вкуснаго. Какъ хорошо сказалъ тогда полковникъ Павелъ Ивановичъ: жизнь — сплетеніе неожиданностей... Въ неожиданности жизнь бьетъ ключомъ. Когда знаешь, что должно случиться, и долго ждешь, то половину уже переживаешь заранѣе. И бѣдная Варя, которая заранѣе знаетъ все, что ей предстоитъ, осуждена ничего-ничего не пережить во всей полнотѣ, а только вполовину".

Придя домой, бодрая, свѣжая, улыбающаяся, Надя прошла въ свою комнату, вынула изъ ящика стола толстую тетрадь и написала въ ней:

„Сегодня, 3-го апрѣля, сама не знаю почему, мнѣ захотѣлось молиться. Только-что была въ моей часовенкѣ и молилась — за кого? Сама не знаю. Но сердце чувствуетъ, что „кому-то" сегодня нужна моя молитва. И такъ хорошо мнѣ. Такъ тепло. Душа горитъ, какъ восковая свѣча передъ Богомъ. Варя этого не понимаетъ, какъ жаль!"

IV.

Черезъ недѣлю послѣ этого въ Петроградъ прибыла съ войны партія раненыхъ. Съ вокзала, въ удобномъ и спокойномъ автомобилѣ, въ лазаретъ, устроенный на средства банка, въ которомъ однимъ изъ директоровъ состоялъ Петръ Григорьевичъ Корчагинъ, былъ привезенъ молодой офицеръ, находившійся безъ движенія и почти въ безсознательномъ состояніи. Его внесли на носилкахъ и положили въ небольшой, но очень свѣтлой и уютной отдѣльной комнатѣ. Къ нему были назначены сидѣлка и сестра. Врачи принялись лѣчить его по всѣмъ правиламъ науки.

Онъ былъ раненъ въ ногу, но эта рана его очень мало безпокоила, и врачи находили ее неопасной и даже легкой. Но, кромѣ того, онъ былъ еще контуженъ въ голову. Это-то обстоятельство произвело такое глубокое дѣйствіе, что онъ потерялъ способность движенія и сознанія. Глаза его были открыты. Онъ смотрѣлъ на окружающее, но едва ли что-нибудь понималъ.

Однако, съ точки зрѣнія врачей и лазаретнаго персонала, въ этомъ не было ничего особеннаго. Такихъ больныхъ привозили чуть не каждый день. И ихъ лѣченіе было просто и никому не доставляло большихъ хлопотъ. Больному не грозило отнятіе ноги, а контузія, даже и такая тяжелая, не ставила передъ врачами никакой головоломной задачи. Лѣченіе ея было очень медленно, но счастливый исходъ въ концѣ концовъ считался обезпеченнымъ.

Лазаретъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ. Банкъ щегольнулъ даже излишней роскошью отдѣлки и не жалѣлъ денегъ на предоставленіе всѣхъ современныхъ средствъ для лѣченія.

Группа снарядовъ, выпущенныхъ по ротному участку; въ рукахъ неразорвавшійся снарядъ. По фот. поднор. К. и П.

Врачи въ немъ работали первостатейные. Сестры, сидѣлки, всѣ были, какъ на подборъ, искусные, испытанные и усердные. Больному офицеру отводилась отдѣльная комната и только послѣ, когда его можно было причислить къ выздоравливающимъ, его переводили въ другую, гдѣ помѣщалось трое-четверо.

Этотъ, котораго внесли въ лазаретъ на носилкахъ, конечно, по безспорному праву получилъ отдѣльную комнату. Но такихъ въ лазаретѣ было полтора десятка, и у всѣхъ у нихъ была приблизительно одна и та же исторія: пуля, осколокъ шрапнели, — въ сущности, не все ли равно? Всѣ были одинаково храбры, и у всѣхъ было одно и то же доказательство беззавѣтной любви къ родинѣ.

Имя его было записано, гдѣ слѣдуетъ. Оно тотчасъ же всѣмъ служащимъ и больнымъ стало извѣстно. Но никому ничего не сказало.

Подпоручикъ Лощинъ, никто здѣсь не зналъ его, такъ же точно, какъ и другіе больные—почти всѣ встрѣтились здѣсь въ первый разъ въ жизни.

Скоро, впрочемъ, узнали, что онъ представленъ къ Георгію, а, значитъ, совершилъ какой-то геройскій подвигъ. Но и этимъ нельзя было удивить лазаретъ. Въ немъ перебывало уже не мало героевъ, и сейчасъ были такіе, что сами, находясь въ мирной обстановкѣ лазарета, изумлялись себѣ и съ трудомъ вѣрили, что могли проявить такую беззавѣтность.

Человѣкъ въ мирной жизни и на войнѣ, это—два различныхъ существа, которыя, если бы могли когда-нибудь встрѣтиться, не узнали бы другъ друга.

Но про Лощина узнали нѣчто такое, что отличало его отъ другихъ. И это стало извѣстно въ первый же день прибытія его, послѣ того, какъ врачи произвели тщательный осмотръ.

Кромѣ контузіи и раны въ ногу, у него отыскалось еще особое повреждeніе. На шеѣ его была надѣта тоненькая цѣпочка изъ золота и платины и при ней, какъ надо было думать, медальонъ, но настолько измѣнившій свою форму, что о его назначеніи можно было только догадываться.

Сплющенный и расширенный во всѣ стороны, онъ былъ довольно глубоко вдавленъ въ тѣло подпоручика, и, когда врачи нащупали его, то испытали, какъ они потомъ разсказывали, какое-то „паническое изумленіе".

Его нашли не на срединѣ груди, какъ слѣдовало бы быть медальону,

Землянка командира батальона. По фот. поднор. К. и П.

Изъ дѣйствующей арміи.

а съ лѣвой стороны и, какъ это безошибочно было опредѣлено врачами, изучавшими анатомію, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ груди помѣщалось сердце.

Такимъ образомъ пуля мѣтила прямо въ сердце и, безъ сомнѣнія, угодила бы въ него, если бы не встрѣтила препятствія, въ видѣ небольшого, но очень компактнаго медальона. И ей пришлось удовольствоваться тѣмъ, что она изуродовала изящную вещицу, лишивъ ее формы и вдавивъ ее въ тѣло подпоручика.

Вынимать вещицу пришлось съ большими предосторожностями, по соображеніямъ чисто-медицинскимъ, такъ какъ подпоручикъ, вслѣдствіе ослабленной чувствительности, повидимому, не ощущалъ никакой боли. По крайней мѣрѣ, онъ не кривился и не стоналъ, а относился къ этой операціи вполнѣ безучастно.

Послѣ операціи, на груди, какъ разъ надъ сердцемъ, образовалась поверхностная рана, медальонъ же, сплющенный, изогнутый и раскрывшійся, при чемъ внутри его ничего не оказалось, вмѣстѣ съ цѣпью былъ вымытъ въ дезинфецирующемъ растворѣ и положенъ въ небольшой ящикъ мраморнаго столика, при кровати.

Исторія съ медальономъ сильно занимала умы всѣхъ, кто былъ въ лазаретѣ — и служащихъ и больныхъ. Никому, конечно, не было дѣла до того, что̀ это былъ за медальонъ, и какъ онъ достался подпоручику. Однакоже гадали и объ этомъ.

Общее мнѣніе было то, что онъ получилъ его или отъ матери, или отъ любимой женщины. Та или другая версія принималась, смотря по характеру человѣка. Склонные къ сентиментальности предпочитали думать, что онъ получилъ его отъ матери, а люди съ романтическимъ настроеніемъ охотнѣе допускали, что отъ любимой женщины.

Но всѣхъ одинаково изумляло замѣчательное совпаденіе обстоятельствъ: что нужно было медальону очутиться въ области сердца какъ разъ именно въ то мгновеніе, когда вражеская пуля направилась къ сердцу подпоручика.

Фаталисты,—а ихъ въ лазаретѣ было большинство,—видѣли въ этомъ доказательство своей вѣры въ судьбу. Вотъ, значитъ, не суждено было человѣку умереть, и его защитилъ отъ пули не панцырь, не какой-нибудь стальной щитъ, а маленькая золотая вещица величиной въ солдатскую пуговицу. А религіозные люди крестились и видѣли въ этомъ проявленіе Высшаго Промысла.

Были однако и такіе, что̀ не находили тутъ рѣшительно ничего особеннаго. Они и раньше слышали разсказы о подобныхъ случаяхъ, когда пуговица сюртука или шинели, или карманные часы случайно останавливали пулю и спасали жизнь воину, и считали это такой же случайностью.

Варя Корчагина, которая состояла въ числѣ сестеръ лазарета, устроеннаго ея отцомъ, по характеру своего ума принадлежала скорѣе всего къ послѣднимъ. Но обстоятельства такъ сложились, что она даже не имѣла возможности сколько-нибудь основательно обсудить разсказъ о подпоручикѣ Лоццинѣ. Она работала совсѣмъ въ другомъ отдѣленіи, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ лежали солдаты. Тамъ былъ особый составъ сестеръ, и всѣ были такъ заняты, что имъ было не до разсказовъ. До нея, правда, дошло что-то о какомъ-то Лоццинѣ, который какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти. Но имя это ничего ей не сказало, а въ чудеса она не вѣрила, поэтому и самое это свѣдѣніе она какъ-то пропустила мимо ушей.

Между тѣмъ тамъ, въ небольшой комнатѣ верхняго этажа, все шло какъ слѣдуетъ. Подпоручика Лоццина каждый день переносили въ ванную, дѣлали ему подкожныя впрыскиванія, массажъ, и организмъ его, правда, очень медленно, но все же явственно для врачей начиналъ овладѣвать утраченными функціями.

На пятый день своего пребыванія въ лазаретѣ онъ ощутилъ боль въ ногѣ. Это было очень непріятно для него, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было и придумать лучшаго доказательства успѣшности лѣченія. Вѣдь до сихъ поръ онъ оставался совершенно нечувствительнымъ къ боли, и даже, когда въ первый день по пріѣздѣ изъ раны вынимали осколокъ шрапнели, онъ отнесся къ этому такъ, какъ будто нога вовсе ему не принадлежала.

А съ того момента, когда онъ почувствовалъ боль, улучшеніе пошло быстро. Глаза его прояснились, въ нихъ появилось вниманіе. Онъ видѣлъ и наблюдалъ, замѣчалъ и понималъ. Слѣдилъ взглядомъ за всѣмъ, происходившимъ въ комнатѣ, иногда на губахъ его скользила улыбка.

Понемногу возвращалась къ нему и способность движенія, а наконецъ онъ сталъ произносить и слова, въ первое время немногія и отрывисто. Конечностями онъ началъ распоряжаться раньше всего. Руки, напримѣръ, онъ уже свободно подносилъ къ лицу, здоровую ногу вытягивалъ, но спина его лежала еще неподвижно на постели, и согнуть ее, чтобы подняться, онъ не могъ.

Главное же, что̀ его мучило, это то, что у него какъ будто совсѣмъ исчезла память. Онъ видѣлъ себя на кровати въ небольшой комнатѣ, куда сквозь стекла двухъ оконъ иногда падали лучи солнца, передъ нимъ мелькали фигуры — сидѣлки, сестры, врачи, онъ видѣлъ себя въ ванной, чувствовалъ боль въ ногѣ и умозаключалъ, что находится въ лазаретѣ.

Но почему? Какъ это все произошло? Самую послѣдовательность событій онъ не могъ вспомнить. Способность соображенія и даже довольно сложныхъ умозаключеній была у него сохранена полностью, а памяти не было. Въ головѣ, какъ бы окутанныя тяжелымъ туманомъ, толпились тусклыя представленія, какіе-то темные силуэты со слабыми очертаніями.

Иногда онъ какъ будто вотъ-вотъ готовъ былъ уловить нить, но вдругъ она исчезала. Это было мучительно до того, что онъ плакалъ.

Однажды, когда его принесли въ комнату изъ ванны, онъ, будучи еще на носилкахъ, случайно взглянулъ внизъ, и взглядъ его упалъ на дорожный чемоданъ, стоящій у стѣны. И тогда его голову какъ будто что-то осѣнило.

— Дайте... чемоданъ!—промолвилъ онъ.

Его уложили на кровать и, принеся туда чемоданъ, поставили его на табуретъ около кровати. Но онъ не могъ самъ открыть его. Это сдѣлали и, такъ какъ онъ выражалъ нетерпѣніе, то стали вынимать изъ чемодана вещи одну за другой и показывать ему.

Бѣлье, зеркало, одежная щетка—онъ оставался равнодушенъ. Но вотъ небольшихъ размѣровъ записная книжка съ маленькимъ карандашикомъ. Увидѣвъ ее, онъ какъ-то весь затрепеталъ и протянулъ къ ней руку. Казалось, больше ничего ему и не было нужно. Въ чемоданъ уложили обратно вынутыя вещи и табуретъ отодвинули, а больного оставили одного.

Подпоручикъ жадно схватился за книжку, открылъ ее и впился глазами въ первую страницу. Онъ читалъ страницу за страницей, и въ глазахъ его мѣнялись, повидимому, самыя разнообразныя мысли. Было совершенно ясно, что въ памяти его возобновлялись событія жизни. Свой дневникъ онъ началъ вести еще на школьной скамьѣ, записывая обо всемъ кратко, и теперь все это переживалъ сначала.

Иногда онъ отрывался отъ чтенія, отводилъ руку съ книжкой въ сторону и сосредоточенно смотрѣлъ въ пространство, какъ бы внутренно переживая прочитанное. Потомъ опять читалъ, медленно перевертывая страницы.

Это длилось больше часу. Но вотъ онъ дошелъ до строкъ, которыя его какъ-то особенно сильно взволновали, остановился, положилъ книжку на кровать и обѣими руками началъ ощупывать свою шею и грудь. На груди онъ нащупалъ повязку.

Не находя то, чего искалъ, онъ испытывалъ огорченіе, снова начиналъ искать. Въ это время въ комнату вошла сестра; видя его движенія, она подумала, что ему стало дурно, и быстро подошла къ нему.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, понявъ ея мысль.—Нѣтъ... Но я... все вспомнилъ. Я теперь все... все знаю... А что̀ это?—спросилъ онъ, указывая на перевязку на груди.

— Здѣсь у васъ рана,—сказала сестра.

— Да... Я знаю... Шрапнель?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Эта рана всѣхъ удивила. У васъ на груди былъ медальонъ.

— Да, да...

— Осколокъ попалъ въ него, расплющилъ его и вдавилъ въ тѣло... Если бы не случился здѣсь онъ, осколокъ попалъ бы прямо въ сердце, и вы не лежали бы здѣсь...

— Какъ странно... Поразительно!

— Да. Это удивительно счастливая случайность.

— Слушайте... сестра,—съ большимъ волненіемъ заговорилъ Лоццинъ:—вотъ... прочитайте... эти строки...

И онъ повернулъ къ ней страницу дневника и указалъ пальцемъ. Сестра нагнулась и прочитала написанное карандашомъ: „3-го апрѣля. 12½ дня. Сейчасъ кончили работу. Взрываютъ мостъ. Слышу грохотъ... Мы окружены со всѣхъ сторонъ. Избѣжать столкновенія нѣтъ возможности. Рѣшено прорваться во что бы то ни стало. Тамъ уже перестрѣлка. Предстоитъ опасное дѣло... Почти вѣрная смерть. Мнѣ стало жутко. Но это не страхъ, а такъ... физіологія какая-то. И почему-то думаю о той дѣвушкѣ и о ея странномъ подаркѣ... Ничто не дѣлается безъ цѣли... Зачѣмъ же это? Можетъ-быть, предназначеніе? Мишель сказалъ бы: талисманъ. А почему нѣтъ? Что̀ мы знаемъ, въ сущности?.. Вотъ сейчасъ тотъ невѣдомый міръ, откуда еще никто не возвращался, стоитъ передо мной. Что̀ мы знаемъ о немъ? Можетъ-быть, она пришла оттуда, чтобы передать мнѣ это... Вдругъ захотѣлось надѣть его, чтобы онъ былъ у меня на груди. Мысленно вижу издѣвающіеся глаза Мишеля. Пусть! Сигналъ: идемъ впередъ. Надѣваю. Что̀ суждено, то и будетъ“...

— Вы прочитали, сестра?—спросилъ Лоццинъ.

— Да. Какъ это все удивительно!

— А гдѣ же... онъ? Неужели... пропалъ?

— Нѣтъ, онъ здѣсь... Если не будете такъ волноваться, я покажу его вамъ.

— Я не буду... Покажите...

Сестра выдвинула ящикъ мраморнаго столика и вынула оттуда цѣпь и висящій на ней изуродованный медальонъ и дала ему. Онъ схватилъ его обѣими руками и поднесъ къ своимъ губамъ. Потомъ началъ разсматривать его.

— Что̀ сдѣлали съ нимъ!.. Былъ... такой изящный... Сестра!..

Онъ протянулъ къ ней руку. Она подала ему свою.

— Дайте мнѣ слово... что никому... Не хочу, чтобы... знали. Даете?

— Даю.

— Спасибо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Выѣздъ артиллеріи на позицію. По фот. Корсакова.

Набѣгъ.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

(Окончаніе).

Ковалевъ былъ сердитъ и не сталъ его спрашивать, но Кириллъ Степановичъ былъ поглощенъ развѣдкой и не замѣтилъ гнѣва Ковалева. Онъ нагнулся къ нему и радостно зашепталъ:

— Батарея! Куда-то собираются, бѣгаютъ, ругаются! Кабы я зналъ по-нѣмецкому, разузналъ бы все. Хотѣлъ звать тебя, да, кажись, поздно. Евстигнѣевъ ужъ разберетъ. Который часъ, а? Не знаешь?..

— Почти половина третьяго.

— Ого! Эге, надо поспѣшать!

Когда отъѣхали съ версту, казакъ каркнулъ, но отвѣта не было. Еще черезъ версту каркнулъ опять, но поле было тихо. Хотѣлось каркнуть и Ковалеву, но онъ боялся, что его карканье будетъ ужъ очень похоже на человѣчье. У Кирилла Степановича былъ громкій звучный голосъ, и крикъ ночью разносился далеко, но Ковалеву казалось, что онъ могъ бы каркнуть еще сильнѣе.

Черезъ версту каркнулъ опять,—и опять все тихо. Да что это значитъ?

Ѣхали уже рысью,—надо было спѣшить. Каркнули еще разъ и остановились, притаивъ дыханіе; на этотъ разъ былъ отвѣтъ, но не впереди, какъ они ожидали, а слѣва и сзади,—значитъ, они уклонились вправо и уже проѣхали сотню.

Минутъ черезъ пять казакъ каркнулъ опять, и отвѣтъ былъ явственный и близкій,—ну, слава Богу, пріѣхали!

Вся сотня была уже въ сборѣ, ждали только ихъ.

Выслушавъ докладъ, Евстигнѣевъ задумался: ночь была богата событіями, и какъ ни заманчивы были орудія и автомобили, но важныя донесенія были и съ праваго фланга...

Наконецъ онъ рѣшилъ, и поѣхали къ батареѣ.

Отправивъ урядника Чупрынникова со взводомъ для захвата автомобилей и давъ ему въ провожатые Кирилла Степановича, онъ съ остальными тремя взводами поѣхалъ къ батареѣ.

Если бы онъ зналъ, что это были за автомобили, то оставилъ бы батарею и самъ бы поѣхалъ взять ихъ!

Ковалевъ съ двумя казаками поѣхали впередъ указывать дорогу. Они же являлись и охраной съ фронта.

Ѣхали рысью, но часто останавливались и прислушивались. Когда услышали отдаленные голоса, остановились. Движеніе у непріятеля еще усилилось, голосовъ было больше, и кричали они громче. Нѣкоторыя слова можно было даже разобрать. Напримѣръ, кто-то громко и энергично крикнулъ: „Du, Esel!"— Если бы былъ Кириллъ Степановичъ, онъ бы обрадовался, услышавъ знакомое слово...

Когда подъѣхала сотня, Евстигнѣевъ самъ пошелъ на развѣдку. Онъ съ Ковалевымъ слѣзли съ лошадей и исчезли въ темнотѣ. Чѣмъ дальше шли, тѣмъ голоса были громче. Мелькали фонари. Удалось подойти настолько близко, что можно было разсмотрѣть, какъ запрягали орудія. Два орудія уже стояли на дорогѣ и должны были тронуться по направленію къ русскому расположенію, т.-е. итти по той же дорогѣ, по которой и казаки.

Когда вернулись, Евстигнѣевъ собралъ взводныхъ и указалъ каждому взводу его роль. Переспросивъ урядниковъ, вѣрно ли они поняли его слова, онъ отправилъ ихъ по взводамъ, и тѣ, собравъ людей вокругъ себя, передавали имъ сказанное сотеннымъ.

Евстигнѣевъ не удовольствовался этимъ и, объѣзжая казаковъ, спрашивалъ нѣкоторыхъ ихъ обязанности. Онъ не торопился,—рѣшилъ ѣхать пока вмѣстѣ съ орудіями. Дѣйствительно скоро раздалась команда, голоса затихли, и слышно было, какъ орудія поѣхали по дорогѣ, наполовину уже обнаженной отъ снѣга.

Германскія орудія ѣхали по дорогѣ, а въ трехстахъ шагахъ въ сторонѣ ихъ конвоировала русская казачья сотня.

Минутъ двадцать продолжалась эта идиллія, какъ вдругъ воздухъ вздрогнулъ отъ трескотни ружейныхъ и револьверныхъ выстрѣловъ,—очевидно, Чупрынниковъ бросился на автомобили.

Тогда Евстигнѣевъ рѣшилъ дѣйствовать,—онъ тихо скомандовалъ, и сотня рысью поѣхала за нимъ.

Но и орудія теперь, очевидно, тоже на выстрѣлы, пошли рысью. Одно время ѣхали рядомъ, и нѣмцы принимали казаковъ за свою конницу. Кто-то, вѣроятно, офицеръ, потому что голосъ былъ властный, привыкшій повелѣвать, крикнулъ:

— Dragoner?

И Ковалевъ громко и звонко крикнулъ:

— Ja!

Голосъ помолчалъ и опять крикнулъ:

— Vierte Eskadron?

И Ковалевъ опять отвѣтилъ:

— Ja, die Vierte!

А стрѣльба впереди продолжалась. Но такъ какъ все равно ѣхали на выстрѣлы, и ѣхали не медленно, то Евстигнѣевъ не обгонялъ и не нападалъ на артиллерію.

Онъ уже разсмотрѣлъ: впереди шелъ небольшой отрядъ конницы, не болѣе взвода, за нимъ два орудія и четыре зарядныхъ ящика. Сзади прежде была пѣхота, и довольно много, около батальона, но теперь, послѣ того какъ орудія тронулись рысью, пѣхота сильно отстала.

Стрѣльба не прекращалась. Были видны огоньки, вспыхивающіе при выстрѣлахъ, и къ гулу стрѣльбы присоединились крики людей.

Одинъ изъ конныхъ, шедшихъ впереди орудій, вдругъ свернулъ

Выѣздъ артиллеріи на позицію. По фот. Корсакова.

Изъ дѣйствующей арміи.

въ сторону, перепрыгнулъ канаву и остановился ждать сотню. Принимая темную массу конницы за своихъ, онъ, очевидно, что-то хотѣлъ передать, быть-можетъ, спросить, почему она не спѣшитъ, не ѣдетъ въ карьеръ на выстрѣлы?

Увидя это, Евстигнѣевъ повернулся къ казаку, у котораго, онъ зналъ, былъ арканъ, и тихо и поспѣшно спросилъ: „арканъ"? Но тотъ самъ догадался и уже вынималъ его. Евстигнѣевъ выхватилъ арканъ, ударилъ коня и выскочилъ всаднику навстрѣчу. Не успѣлъ тотъ разглядѣть, кто передъ нимъ, какъ петля съ легкимъ свистомъ промелькнула въ воздухѣ, и тотъ безшумно свалился съ коня.

Одинъ изъ казаковъ даже не выдержалъ и довольно громко сказалъ:

— Чисто!

Конь испуганно захрапѣлъ и, лишенный ѣздока, галопомъ ускакалъ въ поле.

Проѣхали еще нѣсколько сотъ шаговъ. Впереди все еще раздавались отдѣльные выстрѣлы, направо видна была темная полоса артиллеріи, влѣво отъ которой полной рысью шла казачья сотня.

Казаки въ польской деревнѣ.

Орудія громыхали, съ нихъ что-то кричали, но за шумомъ колесъ словъ нельзя было разобрать. Когда показалась темная масса хутора, командиръ германскаго коннаго взвода охраны, уже не спрашивая позволенія, пошелъ къ хутору въ карьеръ,—да и пора было, потому что выстрѣлы тамъ уже прекратились.

Увидя это, Евстигнѣевъ приподнялся на сѣдлѣ и рѣзко свистнулъ. Потомъ ударилъ коня и съ гикомъ бросился на орудія.

Казачье гиканье слилось въ какой-то протяжный вой...

Согласно отданнымъ заранѣе приказаніямъ, каждый человѣкъ дѣлалъ лишь то, что ему было указано: одни рубили ѣздовыхъ, другіе набросились на прислугу. Черезъ нѣсколько секундъ на мѣстахъ ѣздовыхъ уже сидѣли казаки. Лишь немногіе пытались защищаться, и они были сразу изрублены, большинство бросало оружіе, и нѣкоторые поднимали руки вверхъ, чтобы доказать, что они уже не вооружены.

Борьбы почти не было: слишкомъ неожиданно было нападеніе „своего четвертаго эскадрона".

Зато завязался бой впереди: это взводъ, охранявшій артиллерію, напалъ на казаковъ Чупрынникова. Но на помощь ему уже неслись свои съ Евстигнѣевымъ во главѣ,—въ артиллеріи онъ былъ уже не нуженъ.

Драгунъ обезоружили почти сразу,—они опѣшили, когда показались новые казаки и отдались почти безъ боя, и тѣ теперь возились около автомобилей: шоферовъ не было, или они были въ числѣ плѣнныхъ, но не признавались, и поэтому казаки припрягали къ автомобилямъ лошадей. Но Ковалевъ, какъ только увидѣлъ это, спрыгнулъ съ коня и подбѣжалъ къ автомобилю: онъ, видимо, хорошо зналъ, что надо дѣлать,—гдѣ-то что-то подкрутилъ, и моторъ заработалъ.

Въ это время Евстигнѣевъ, помнившій объ опасности отъ могущей подоспѣть непріятельской пѣхоты и выславшій для встрѣчи ея и извѣщенія насъ нѣсколькихъ казаковъ, крикнулъ:

— Вяжи сзади и другой автомобиль, можетъ, удастся вывезти оба!

И казаки начали приторочивать и его. И хорошо сдѣлали, потому что второй автомобиль оказался важнѣе перваго.

Около стояли два германскихъ офицера и смотрѣли на эту работу. Руки у нихъ были на спинѣ связаны, и, кромѣ того, каждый былъ привязанъ веревкой, которую держалъ казакъ. Одинъ офицеръ былъ еще молодой полковникъ, другой капитанъ. Оба казались вполнѣ равнодушными. Ихъ и всю сцену освѣщали два автомобильные фонаря, изъ которыхъ одинъ былъ на крыльцѣ дома, а другой держалъ въ рукѣ казакъ.

Евстигнѣевъ приказалъ сотнѣ со взятыми пушками двигаться рысью впередъ и, видя, что дѣло съ автомобилями тоже налаживается, уѣхалъ, оставивъ для охраны автомобилей около десятка казаковъ.

Едва онъ уѣхалъ, какъ вскочилъ сторожевой казакъ:

— Скорѣе,—пяхота! Нямецкая пяхота! Живо!

А задній автомобиль все не налаживался. Казакъ хотѣлъ рубить веревки, но Ковалевъ не далъ:

— Можетъ, удастся?

Увидя сторожевого казака, нѣмецкіе офицеры поняли, въ чемъ дѣло, и рванулись бѣжать. Но ихъ силой посадили на автомобиль, и противъ нихъ сѣли тѣ казаки, которые держали веревки.

Ковалевъ вскочилъ въ автомобиль, но было поздно: германскіе пѣхотинцы уже вбѣгали во дворъ.

Они задыхались отъ быстраго бѣга и тяжело дышали. Пока это были только передовые, главная масса еще приближалась.

Германскіе офицеры, съ которыми только-что кончили борьбу, усаживая въ автомобиль, при видѣ своихъ начали кричать и рваться, опять казаки едва удержали ихъ. Въ это время уже Ковалевъ тронулъ, направивъ автомобиль прямо на пѣхоту. Тѣ разбѣгались, давая автомобилю дорогу.

Въ это время они легко могли бы освободить своихъ офицеровъ и задержать автомобили, но казаки ослѣпляли ихъ автомобильными фонарями, направляя свѣтъ прямо въ лицо, и все происходило съ такой быстротой, что они не поспѣли опомниться, сообразить, въ чемъ дѣло.

Конные казаки, рубя направо и налѣво, прочищали себѣ дорогу. При

Командиръ батальона докладываетъ начальнику отряда объ обстановкѣ.

Изъ дѣйствующей арміи.

Въ разъѣздѣ.

этомъ Кириллъ Степановичъ чуть не попался: онъ схватилъ командира нѣмецкаго батальона на сѣдло и едва дѣйствительно не увезъ его, но въ послѣдній моментъ ихъ обоихъ повалили вмѣстѣ съ лошадью, и какъ успѣлъ онъ вскочить на коня командира батальона,—такъ какъ его конь валялся на землѣ и не могъ подняться,—и догнать своихъ, одному Богу извѣстно!

Онъ пріѣхалъ послѣдній, далеко отставъ отъ другихъ,—ожидалъ своего коня, будучи увѣренъ, что тотъ непремѣнно долженъ прибѣжать, въ видѣ трофея привелъ только германскаго коня и все время жалѣлъ:

— Эхъ, вѣдь ужъ былъ старичокъ въ рукахъ! Кабы коня не повалили, не убѣжалъ бы! Былъ бы у меня Егорій второй степени!

Ковалевъ показалъ удивительное хладнокровіе и присутствіе духа. Потомъ онъ разсказывалъ, что въ то время забылъ даже про свое сердце, оно у него начало усиленно биться только тогда, когда уже были далеко въ полѣ, когда опасность окончательно миновала. На немъ лежала нелегкая задача вывезти оба автомобиля, и при заворотахъ надо было все время имѣть въ виду этотъ прицѣпокъ, который на крутыхъ поворотахъ могъ опрокинуть и передній автомобиль.

Ѣхали галопомъ, но своихъ нагнали не скоро, они тоже спѣшили выбраться изъ сферы расположенія непріятеля.

Когда уже автомобили соединились съ сотней, сбоку показался непріятельскій кавалерійскій отрядъ силою около эскадрона. Но онъ не рѣшился атаковать, а ограничился стрѣльбой издали. По дорогѣ еще встрѣтили небольшую пѣхотную часть, вѣроятно, сторожевой караулъ, но онъ при видѣ конницы съ артиллеріей поспѣшно скрылся въ лѣсу.

Остановились на короткое время, чтобы укрѣпить веревки, которыми былъ привязанъ задній автомобиль. Этимъ временемъ Ковалевъ воспользовался, чтобы поговорить съ офицерами, но тѣ не сказали ни слова. Могло показаться, что они не слышатъ, или не понимаютъ, хотя Ковалевъ говорилъ очень хорошо по-нѣмецки.

Уже было довольно свѣтло, а еще не выѣхали изъ сферы непріятельскаго расположенія. Навѣрно, все дѣло было передано по телефону, и организована погоня. Поэтому Евстигнѣевъ гналъ полной рысью. Орудія громыхали и высоко подпрыгивали на ухабахъ дороги. Плѣнные артиллеристы сидѣли на передкахъ, крѣпко держались за сидѣнья, и по ихъ лицамъ можно было заключить о различныхъ темпераментахъ: одни сидѣли, мрачно насупившись и ни на кого не глядя; другіе были равнодушны и какъ будто ничѣмъ не интересовались,—такъ они прежде прыгали на этихъ передкахъ, такъ прыгаютъ и теперь, третьи съ любопытствомъ разглядывали казаковъ и окружающую мѣстность.

И Ковалевъ думалъ: „Кто опаснѣе? Тѣ ли, которые были мрачны, или эти любопытные, приглядывающіеся ко всему?“

Артиллерійскій лейтенантъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, сидѣлъ крайне важно и изрѣдка надменно, прищуривъ глаза, даже съ какой-то ироніей смотрѣлъ на казаковъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, но къ его поясу была привязана веревка, которую держалъ казакъ, ѣхавшій рядомъ. Другой казакъ держалъ веревку, привязанную къ уздечкѣ лошади, на которой ѣхалъ плѣнный офицеръ,—убѣжать дѣйствительно было немыслимо.

Облегченно вздохнули, когда подъѣхали къ своимъ. Только здѣсь Кириллъ Степановичъ догналъ сотню со своей добычей, лошадью командира германскаго батальона. Онъ на ней и сидѣлъ, держа свою въ поводу. Казаки, думавшіе, что Кириллъ Степановичъ пропалъ, встрѣтили его смѣхомъ и радостными восклицаніями,—онъ былъ общій любимецъ.

— Гдѣ былъ, Кириллъ Степановичъ? А мы-то тутъ жалѣли!

— Кириллъ Степановичъ, что жъ ты офицера кинулъ, а коня взялъ? Аль конь болѣ любъ?

Кириллъ Степановичъ широко улыбался:

— Повалили, проклятые! Съ конемъ на землю свалили! Думаю, какъ быть,—пустить старичка, да самому на коня? А тутъ вижу, конь его безъ толку болтается: я одному-другому въ зубы и на коня! Отъѣхалъ и жду: гдѣ-то мой? Неужто нѣмцы захватили! Онъ у меня хоть молодой, а свой, доморощенный, настоящій казачій конь,—что ему дѣлать у нѣмцевъ? А тутъ нѣсколько ихнихъ конныхъ пріѣхало,—вотъ мы и ѣдемъ,—я, а за версту они. Старинковская-то лошадка ничего, спасибо ей, добрая, — и Кириллъ Степановичъ похлопалъ ее по шеѣ,—вынесетъ, я, значитъ, и не спѣшу, поджидаю все свою. Такъ мы рысцой и ѣдемъ,—я, а за версту они... Какъ увидѣлъ, что мой Пѣгашъ бѣжитъ, я и пошелъ. Сначала онъ бѣжалъ сзади, какъ собака, а потомъ дался на поводъ... Вотъ мы и пріѣхали.

— Ты не раненъ?—спросилъ его Евстигнѣевъ.

Казачья сотня на походѣ.

Изъ дѣйствующей арміи.

Кириллъ Степановичъ удивился и даже осмотрѣлъ себя, какъ бы разыскивая рану.

— Зачѣмъ раненъ? Никакъ нѣтъ. Такъ помялись немного, — они меня, а я ихъ!

Евстигнѣевъ съ гордостью смотрѣлъ на свою богатую добычу, и только теперь сдѣлали повѣрку своимъ: легко ранено четверо, остальные всѣ налицо, живы и здоровы: дѣйствительно, на рѣдкость счастливый день!

Посчитали добычу: два орудія и четыре зарядныхъ ящика, — все въ полной исправности, хоть сейчасъ стрѣляй. Три плѣнныхъ офицера,—одинъ полковникъ, одинъ капитанъ и одинъ подпоручикъ. Двадцать два кавалериста и девятнадцать артиллеристовъ. Два автомобиля: изъ нихъ одинъ полубронированный.

Издали показался конный разъѣздъ,—это были казаки. Они уже раньше мелькали за лѣскомъ, но только теперь выѣхали открыто: офицеръ все еще не вѣрилъ и смотрѣлъ въ бинокль,—очевидно, его смущала артиллерія, онъ все не могъ сообразить, наша или германская? Ѣздовые казаки, а на передкахъ германцы? Что за исторія?

Посмотрѣвъ въ бинокль на близкомъ разстояніи, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и теперь взводъ шелъ на рысяхъ, и казаки кричали и махали шапками.

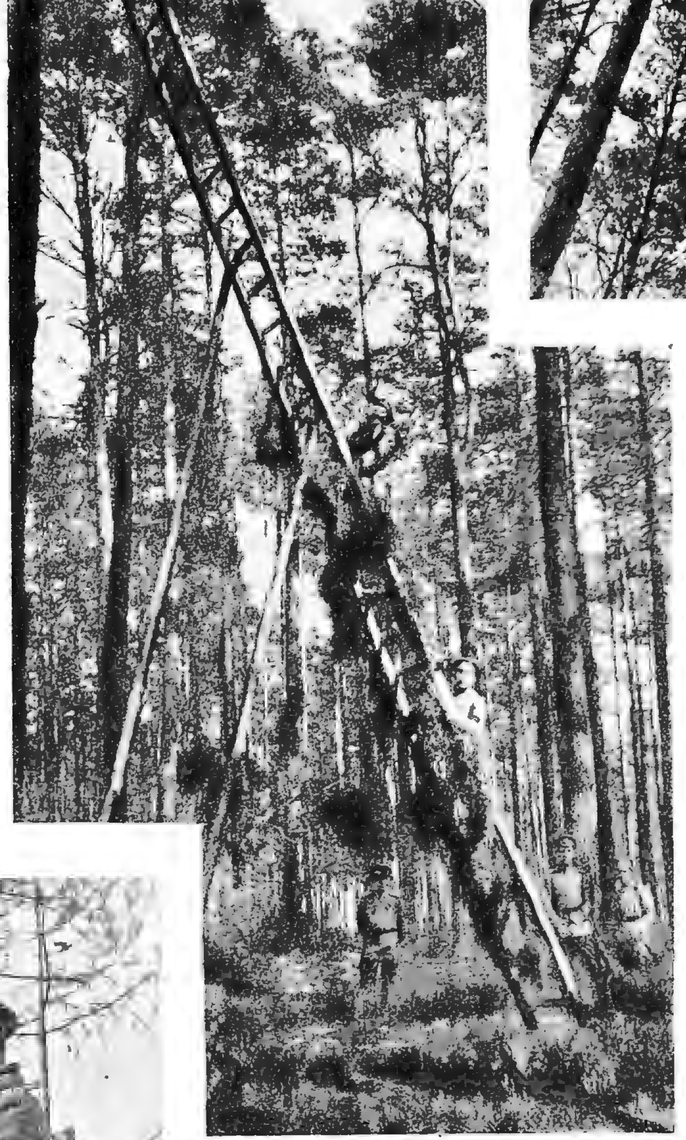
Скоро подъѣхали къ пѣхотному караулу. Оказалась знакомая рота. Солдаты, перешучиваясь съ казаками, подошли къ лошадямъ, гладили ихъ, разглядывали орудія. Одинъ старый солдатъ говорилъ съ нѣмцами, и тѣ съ любопытствомъ смотрѣли на его мохнатую бороду и отвѣчали что-то по-своему. Потомъ онъ подошелъ къ лошадямъ. Поговорилъ и съ тѣми. Затѣмъ повернулся къ своимъ:

— Смотри ты, — кони, какъ наши! Такъ бы и не разобралъ, нашъ конь или нѣмецкій.

Другой солдатъ, высокій, со щетинистыми усиками, засмѣялся:

— А ты, деревня, думалъ, нѣмецкія лошади объ одномъ глазѣ?

Наблюдательный пунктъ.



Ходъ къ наблюдательному пункту.

Наблюдатель.

Первый ласково, но съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Эхъ ты, горожанинъ! Не смѣйся, коли не знаешь,—видалъ нашихъ коровъ и нѣмецкихъ? Всякая дѣвчонка разберетъ, а ты вотъ нѣтъ, потому городской, фабричный, понятія не имѣешь!

Нашелся у него и защитникъ, — татаринъ съ лицомъ, изрытымъ оспой:

— Дядь Митяй гаваритъ правильна: я видалъ аглицкій конь,—онъ говоритъ аглицкій, ставя твердое удареніе на первое и,—балшой, толстый и на ногахъ длинный шерсть.

— Кляйдесдэль? — спросилъ Ковалевъ, съ интересомъ слушавшій разговоръ.

Татаринъ но понялъ:

— Чиво?

— Англійская лошадь называлась кляйдесдэль? Не помнишь?

Татаринъ задумался:

— Ныкакъ нет... нетъ... Робертъ назывался! Хорошій конь, настоящій аглицкій... А то тоже въ Уфа видѣлъ: толстый, балшой, а иначій... Конь разный бываетъ, дядь Митяй сказалъ вѣрна!

Татаринъ оглядѣлъ лошадей, запряженныхъ въ нѣмецкія орудія, и еще разъ подтвердилъ.

— А эта конь совсѣмъ какъ нашъ,—эта вѣрна!

Фабричный со щетинистыми усами былъ смущенъ, но старался презрительно улыбаться.

Около ходили двѣ собаки, принадлежавшія пѣхотному караулу. Обѣ сѣрыя, хотя и разныхъ оттѣнковъ, обѣ мохнатыя, Одна побольше, другая поменьше.

Бо́льшая заинтересовалась офицерами, сидѣвшими въ автомобилѣ. Она влѣзла на подножку и, вытягивая шею, нюхала ихъ. Старшій офицеръ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе связанными руками, собака испуганно соскочила и залаяла

Татаринъ позвалъ ее:

— Мурмузъ, суда!—и собака сейчасъ же покорно подбѣжала къ нему, махнула хвостомъ, прижала уши и побѣжала нюхать офицеровъ съ другой стороны автомобиля.

Другая собака, та, что поменьше, все время ходила между упряжками и нюхала лошадиныя ноги. Она была на чеку и при всякомъ движеніи коня отскакивала сразу на всѣхъ четырехъ ногахъ.

Солдаты смотрѣли на нее, смѣялись и тихо говорили между собой, съ видимымъ интересомъ наблюдая за собакой. Казаки, видя вниманіе пѣхотинцевъ, тоже начали смотрѣть на собаку, которая дѣйствительно вела себя какъ-то особенно возбужденно. И дядя Митяй пояснилъ:

— Жучка-то,— собачка эта, — нѣмецкая. Плѣнница наша. А только обрусѣла совсѣмъ, — съ самаго начала войны съ нами. Раненую ее нашли, вылѣчили. А теперь она увидѣла своихъ и вспомнила, значитъ.

Онъ ласково улыбался, глядя на собаку. У него отъ глазъ шли

Изъ дѣйствующей арміи.

Во Фландріи. Въ бродъ.

— Сотенный командиръ раненъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, — въ командировкѣ.

— Такъ что вы начали и кончили развѣдку?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ну, показывайте, что вы привезли интереснаго.

Онъ повернулся къ командиру полка и сказалъ:

— Полкъ вольно, прошу ко мнѣ гг. офицеровъ.—Такъ гдѣ ваша добыча, хорунжій?

Евстигнѣевъ осадилъ сотню, и она открыла непріятельскія орудія, зарядные ящики и автомобили.

Генералъ молча ѣхалъ мимо орудій. Шагомъ, слегка пріостанавливаясь около каждаго. Офицеры рысью подъѣзжали и, взявъ подъ козырекъ, становились сзади генерала. Ближе всѣхъ къ нему ѣхалъ Евстигнѣевъ, чуть подальше командиръ полка.

Проѣзжая мимо автомобилей и увидя нѣмецкихъ офицеровъ, генералъ поднесъ руку къ козырьку, но тѣ не отвѣтили ему: ихъ руки были связаны.

густыя звѣздочки мелкихъ морщинокъ и исчезали въ волосахъ и бородѣ.

— Ишь, милая! Нѣмецъ-то, выходитъ, пахнетъ иначе...

Евстигнѣевъ, все время говорившій со своимъ товарищемъ, начальникомъ разъѣзда, распрощался съ нимъ, и они тронулись. Теперь уже шагомъ.

Чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ больше встрѣчали русскихъ войскъ, и тѣмъ шествіе было веселѣе и торжественнѣе. Вступленіе же въ квартиру полка было почти тріумфальнымъ.

Полкъ куда-то строился. Люди уже были на коняхъ. Передъ полкомъ былъ и командиръ.

Но здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о деревушкѣ, гдѣ стоялъ штабъ полка: домъ, гдѣ онъ помѣщался, выходилъ на площадь. Къ этой площади, сбоку, шла узкая улица, по которой теперь и шла сотня Евстигнѣева со своей добычей. Эту уличку пересѣкала и выходила на площадь другая улица, широкая, главная улица деревни, и по этой главной улицѣ, какъ разъ въ то время, когда голова колонны подходила къ ней, проѣхалъ начальникъ кавалерійской дивизіи.

Онъ такъ быстро промелькнулъ, что Евстигнѣевъ едва поспѣлъ скомандовать, „смирно". А въ это время командиръ казачьяго полка, увидя подъѣзжающаго начальника дивизіи, сталъ командовать своему полку.

Сотня Евстигнѣева такимъ образомъ очутилась сейчасъ за начальникомъ дивизіи, и вышло, что полкъ отдаетъ честь ей и ея добычѣ.

Дойдя до праваго фланга своего полка, она остановилась. Начальникъ дивизіи объѣхалъ полкъ и, возвращаясь назадъ, увидѣлъ эту сотню; въ первый моментъ на его лицѣ изобразилось удивленіе, но онъ сейчасъ же понялъ, что сотня вернулась съ ночной развѣдки, поздоровался съ ней и спросилъ:

— Съ развѣдки, хорунжій Евстигнѣевъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Удачно?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Съ добычей?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Доѣхавъ до конца, генералъ такъ же медленно и молча поѣхалъ назадъ. Теперь онъ больше смотрѣлъ на плѣнныхъ. Доѣхавъ до перваго орудія, онъ остановился и слегка повернулъ голову назадъ. Командиръ и Евстигнѣевъ, не зная, кого хочетъ генералъ, оба выдвинулись впередъ.

Генералъ хотѣлъ Евстигнѣева. Увидя его, онъ снялъ съ правой руки перчатку и протянулъ руку. Евстигнѣевъ сдернулъ свою и осторожно взялъ руку начальника. Но тотъ не ограничился оффиціальнымъ прикосновеніемъ, а горячо пожалъ руку Евстигнѣева:

— Спасибо, хорунжій Евстигнѣевъ! Большое спасибо вамъ!

Затѣмъ повернулся къ командиру полка и сухимъ служебнымъ тономъ, безъ интонацій въ голосѣ, сказалъ:

Въ Вогезахъ. Доставка снарядовъ (50 килогр. каждый).

У нашихъ союзниковъ.

— Представьте, пожалуйста, полковникъ, хорунжаго Евстигнѣева къ ордену св. Георгія Побѣдоносца четвертой степени!

Полковникъ хотѣлъ тоже быть сухимъ и холоднымъ, но не могъ сдержать улыбки, промелькнувшей по его губамъ и сейчасъ же исчезнувшей въ густыхъ нависшихъ усахъ.

Генералъ говорилъ холоднымъ тономъ, но его глаза лукаво смѣялись. Говоря, онъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ всѣхъ офицеровъ, чтобы видѣть, какъ подѣйствовало это на нихъ. Потомъ повернулся къ Евстигнѣеву и сказалъ:

— Что жъ дѣлать,—везите ваши трофеи передъ полкъ, — пусть всѣ посмотрятъ. Вы плоть отъ плоти и кровь отъ крови этого полка,—ваша радость—ихъ радость!

Орудія загромыхали, выѣхали насредину площади и остановились.

Пока стояли на площади, начальникъ дивизіи разговаривалъ съ казаками сотни. Онъ спрашивалъ о мелочахъ дѣла, смѣялся самъ и смѣшилъ казаковъ. У всѣхъ было радостное приподнятое настроеніе.

Ковалевъ, чувствуя, что и на немъ покоится взглядъ тысячи человѣкъ,—за это время набралось на площадь много и посторонняго народу, военныхъ и мѣстныхъ жителей,—чувствовалъ и себя не послѣдней спицей въ тріумфальной колесницѣ: онъ высмотрѣлъ и автомобили и отчасти орудія. Онъ безусловно вывезъ автомобили и плѣнныхъ офицеровъ. Если бы не его спокойствіе и рѣшимость, онъ бы самъ теперь былъ въ нѣмецкомъ плѣну.

Англія. Новый способъ отличать полки у англичанъ. (На спинѣ).

И его сердце, усиленно бившееся, наполнялось радостной гордостью: да, онъ не даромъ стремился на войну! Онъ уѣхалъ на нее противъ воли всей семьи и первое время дѣйствительно думалъ, что его участіе ничуть не больше, не полезнѣе, чѣмъ участіе послѣдняго солдата многомилліонной арміи. Но теперь нѣтъ,—онъ свое дѣло сдѣлалъ!

Генералъ подъѣхалъ и къ нему.

— Э, шоферъ! Вы пѣхотный? Какъ вы попали къ казакамъ?

И Ковалевъ заговорилъ такимъ звучнымъ, красивымъ голосомъ, который ему самому показался чужимъ. Но и это порадовало его, —до сихъ поръ онъ не зналъ, что у него такой красивый голосъ. Онъ взялъ подъ козырекъ:

— Охотникомъ, ваше превосходительство! Съ разрѣшенія своего начальства и съ согласія хорунжаго Евстигнѣева.

Генералъ повернулся къ Евстигнѣеву:

— Что онъ, молодецъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, рѣдкій молодецъ. Благодаря его хладнокровію, осторожности и спокойствію, мы сохранили эти автомобили и съ ними плѣнныхъ офицеровъ. Непріятельская пѣхота, — около батальона, -ворвалась уже на хуторъ, и онъ спокойно расчистилъ дорогу и выѣхалъ.

И, помолчавъ, добавилъ:

— Онъ же и выслѣдилъ эти автомобили. Онъ и приказный Калмыковъ,—они были въ лѣвомъ дозорѣ.

Генералъ зналъ Калмыкова по прежнимъ дѣламъ. Онъ нашелъ его среди другихъ казаковъ и засмѣялся:

— Старый знакомый,—приказный Кириллъ Степановичъ, бывшій Кирилка. Спасибо тебѣ, Кириллъ Степановичъ!

Повернулся къ сотнѣ, приподнялся на стременахъ и звучно крикнулъ:

— Спасибо, братцы!

И, выждавъ отвѣтный крикъ, добавилъ:

— Порадовали меня. Поѣду писать донесеніе.

Затѣмъ уже другимъ, серьезнымъ тономъ сказалъ:

— Васъ, полковникъ, съ хорунжимъ Евстигнѣевымъ прошу въ штабъ. Туда же доставить плѣнныхъ офицеровъ и автомобили. Орудія, зарядные ящики, плѣнные нижніе чины пусть пока останутся здѣсь, на попеченіи полка. Плѣнныхъ накормить и хорошенько стеречь.

Франція. Англійскіе солдаты отправляются на передовыя позиціи.

У нашихъ союзниковъ.

Въ штабѣ выяснилось все, и это все превзошло самыя смѣлыя ожиданія: полковникъ генеральнаго штаба, взятый Евстигнѣевымъ въ плѣнъ, оказался начальникомъ штаба корпуса, стоянку котораго Евстигнѣевъ желалъ выяснить, бывшій съ нимъ капитанъ, тоже офицеръ генеральнаго штаба,—старшимъ адъютантомъ этого же штаба, и документы, планы и карты, найденные въ автомобилѣ, сдѣлали совершенно излишней усиленную рекогносцировку, которую должны были предпринять всѣ четыре полка дивизіи. Поэтому прямымъ послѣдствіемъ развѣдки Евстигнѣева былъ полный отдыхъ, данный дивизіи въ этотъ день и эту ночь.

Германскій полковникъ былъ крайне неразговорчивъ, говорилъ сквозь зубы и только самое необходимое. Лишь одинъ разъ онъ оживился,—когда начальникъ дивизіи сдѣлалъ ему полуупрекъ, что онъ былъ слишкомъ безпеченъ. Его лицо покраснѣло, онъ хотѣлъ помолчать, но не выдержалъ:

— Я былъ настолько безпеченъ, какъ вы теперь, ваше превосходительство,— впереди насъ были сторожевые караулы, конные разъѣзды, секреты, — мы были въ двадцати верстахъ отъ линіи русскихъ сторожевыхъ частей.

Ковалевъ, слыша слово „секреты", невольно подумалъ про тѣ голоса, которые они слышали, когда проѣзжали лѣсомъ, и самъ подивился: какъ, дѣйствительно, имъ повезло пройти мимо этихъ секретовъ?

Германскій „Лабиринтъ" послѣ взятія его нашими союзниками.
Уголокъ знаменитаго «Лабиринта», сыгравшаго видную роль въ послѣдней стадіи упорныхъ и длительныхъ боевъ подъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ (къ сѣверу отъ Арраса); «Лабиринтъ» находится къ юго-западу отъ Нёвилль-Сентъ-Вааста. Онъ занимаетъ площадь въ двѣ квадратныя мили—вдвое болѣе площади лондонскаго Сити. Этотъ «Лабиринтъ» представлялъ собою цѣлую систему траншей и подземныхъ ходовъ, вырытыхъ то зигзагами, то дугою. Онъ былъ окруженъ брустверами съ бойницами и проволочными загражденіями. Деревни и фермы, находящіяся на этой площади, были сильно укрѣплены германцами и обращены въ маленькіе форты, соединенные другъ съ другомъ зигзагообразными глубокими траншеями. Вдоль и поперекъ идутъ подземные ходы и галлереи, снабженные пушками и пулеметами. Повсюду устроены волчьи ямы, баррикады и всевозможныя загражденія. Однако французскія войска, имѣя во главѣ зуавовъ, не только ворвались въ этотъ «Лабиринтъ», но завладѣли имъ и укрѣпились въ немъ.

Невѣроятная нѣмецкая наглость: «Средство защиты противъ англійскихъ бомбъ съ ядовитымъ газомъ». Такова подпись подъ германской иллюстраціей, на которой изображенъ санитаръ германскаго Краснаго Креста съ средствомъ защиты противъ «англійскихъ бомбъ, начиненныхъ ядовитыми газами»—маской и аппаратомъ съ кислородомъ для подачи помощи пострадавшимъ отъ ядовитыхъ газовъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, германская армія уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ примѣняетъ въ борьбѣ дьявольскую пытку по отношенію къ непріятельскимъ войскамъ, отравляя ихъ удушливыми газами. Это средство введено только ими одними, но, сознавая всю гнусность такихъ методовъ веденія войны, нѣмцы пожелали оправдаться путемъ оклеветанія доблестной англійской арміи.

Когда все кончили, допросили и Ковалева. Онъ сумѣлъ, хотя и старался быть покороче, заинтересовать всѣхъ своимъ разсказомъ. Онъ сказалъ даже про снѣгъ, обрушившійся на него въ канавѣ, отчасти прикрывшій его и сдѣлавшій невидимымъ для германскихъ часовыхъ. Это дало ему возможность уйти незамѣтно, и, пожалуй, только благодаря этому снѣгу и находчивости и смѣлости Ковалева, не побѣжавшаго сразу, чтобы спасти свою шкуру, удалось захватить начальника штаба и оба автомобиля съ бумагами.

Бумаги эти, кстати, находились во второмъ автомобилѣ, томъ самомъ, который хотѣли-было бросить при приближеніи непріятельской пѣхоты, и Ковалевъ настоялъ взять его, привязавъ къ первому автомобилю, и сумѣлъ вывезти оба больше чѣмъ изъ-подъ носа полковника.

Разумѣется, Ковалевъ получилъ за это дѣло Георгіевскій крестъ.

Получилъ золотой крестъ и Кириллъ Степановичъ, хоть и не удалось привезти съ собой германскаго штабъ-офицера. Начальство посчитало, что онъ достаточно сдѣлалъ и безъ этого подвига.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 34 — XLVI г. изданія

Выданъ 22-го августа 1915 г.

Цѣна этого № (6 зь прилож.)—15 к., съ перес.—2) к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка" кн. 12.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЖЕЛЕ. МЫЛО. ПУДРА
ФИЛОДЕРМИНЪ
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ
А. ЛЕМЕРСЬЕ.

50.000.000
фруктовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ приготовлено къ осенней продажѣ. Прейскурантъ высылаетъ безплатно Садоводство
А. А. БЫХАНОВОЙ съ С-ми.
Ст. Долгоруково, Орловской губ.

РУССКАЯ ПАТРІОТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА:
Для фортепіано въ 2 и 4 руки, для одного голоса съ акк. фортепіано и ХОРОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ (для смѣш., однородн. и дѣтскихъ голосовъ).
Подробные списки высылаются безплатно.
П. ЮРГЕНСОНЪ, МОСКВА, Неглинный пр., 14.

ЮНОЕ ЛИЦО
НѢЖНОЕ БѢЛОЕ ЛИЦО
Гладкія мягкія руки
ОТЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ МЫЛА ДЕРМОЗОНЪ
Дермозонъ превращаетъ кожу въ бѣлую нѣжную и бархатистую.
МЫЛО ДЕРМОЗОН
СОВЕРШЕНСТВО
среди другихъ косметическихъ средствъ
мыло Дермозонъ мыло Савозонъ
мыло Алозонъ
Обращайте вниманіе на фирму
Т-во СТОЛЬБЕРГЪ и Ко.
Лондонъ, Парижъ, Петроградъ.
ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАРСКИХЪ и КОСМЕТИЧЕСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Состоящіе въ вѣдѣніи ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества
ПЕТРОГРАДСКІЕ желѣзнодорожные КУРСЫ
открыли пріемъ прошеній отъ желающихъ поступить на Курсы.
Плата за обученіе 150 р. вносится по полугодіямъ.
Начало занятій 20-го сентября.
Подробныя свѣдѣнія высылаются изъ Канцеляріи Курсовъ,
Петроградъ, БРОННИЦКАЯ ул., № 7, за 2 десятикопеечныя марки.

ЗАОЧНЫЕ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ КУРСЫ
БУХГАЛТЕРІИ
и КОММЕРЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ПРОГРАММА: Двойная итальянская и американская бухгалтерія, стенографія (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерческая ариѳметика, коммерческая корреспонд., коммерческ. географія, товаровѣдѣніе. Курсъ банковаго дѣла, торговое законодательство, торговое право и др. Курсъ правописанія, каллиграфіи, конторская скоропись, исправленіе почерка. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ (труды професс. и преподав. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец., благ. письма. Аттестатъ бухгалтера. Льготн. условія: разсрочка отъ 2 руб. въ мѣсяцъ. Программа и пробныя лекціи высылаются БЕЗПЛАТНО. Адресъ: Книгоиздательство „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ". Петроградъ, Б. Ружейная, 7—82

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ" и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

29-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 29-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 3719

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 28 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА

Общество для распространенія коммерческихъ знаній.

Петроградъ, Невскій пр., 56. д. Г. Г. Елисѣева. Телеф. 426-49.

Подробныя свѣдѣнія и программы выдаются и высылаются **безплатно**. Занятія начинаются 1-го сентября.

КОММЕРЧЕСКІЕ КУРСЫ (высшіе)

Принимаются лица обоего пола. Окончившіе курсы рекомендуются на мѣста.

Завѣдывающій Курсами, заслужен. проф., д. с. с. **В. Г. Яроцкій.**

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ.

Классъ пишущихъ и конторскихъ машинъ, оборудованный Т-вомъ Ж. Блокъ.

Предсѣдатель Общества **Гр. Гр. Елисѣевъ.**

Извѣстная на весь свѣтъ

автоматическая быстровязальная машина

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 150 рублей. 3717

Вяжетъ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 рубля заработной платы за каждую дюжину чулокъ или носковъ вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ. РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ, для легкой домашней работы. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40/42—11в. ЛОНДОНЪ, Е. С. 114 Leadenhall St.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Бильдерлингъ, П. БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ. Съ 13 рис. ... Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.

А. Анохинъ, А. К. НОВАЯ СИСТЕМА комнатной гимнастики. Психо-физіологическія движенія. Съ 15 рис. Цѣна съ перес. 40 коп.

„Ратникъ 2-го и 1-го разряда“.

Законы о ратникахъ. Права. Обязанности. Кто, по закону, освобождается отъ службы въ Государственномъ ополченіи. Цѣна 50 к., съ пер. 70 к., нал. пл. 90 к. Треб. адрес.: Москва, редакція „Новый Журналъ“.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ

НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,

ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ. 3715

Остерегайтесь поддѣлокъ.

ВНИМАНІЕ

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ поддѣлокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья

ПЕТРОГРАДЪ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроград ул. Гоголя, 22.

Шульговская, А. РУКОВОДС[ТВО] КЪ ДОМАШНЕ[МУ] ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной д[ам]ской, мужской и дѣтской ОБУВИ по нов[ому] легкой и скорой методѣ. Съ 129 р[ис.] Ц. съ перес. 1 руб.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Сколько стóитъ печатаніе кредитокъ. Трудно сразу обнять мысленно такую крупную величину, какъ милліардъ. Сколько же стóитъ Государственному Банку милліардъ рублей бумажками? Всѣ заказы Банка выполняются Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. За минувшій годъ Экспедиція имѣла 3 милліона дохода, изъ которыхъ половина обращена въ пользу казны, а половина—на содержаніе и улучшеніе самой Экспедиціи, а также на награду служащимъ. Въ прошломъ году, да и въ текущемъ, служащимъ Экспедиціи пришлось-таки поработать. И нѣтъ ничего мудренаго, что на ихъ долю выпали крупныя, по сравненію съ предшествовавшими годами, награды. Бумажныя деньги изготовляются Экспедиціей изъ особой бумаги. 100-рублевыя бумажки выдѣлываются изъ пеньковой бумажной массы. Для другихъ бумажекъ существуютъ особые сложные рецепты. Печатаются бумажки по три, по четыре и по пяти разъ. 500-рублевые, 100-рублевые, 50-рублевые и 25-рублевые билеты, имѣющіе изображеніе Высокихъ Особъ, подвергаются такъ называемой гравюрной печати. Въ остальномъ они, какъ и билеты низшаго достоинства, подвергаются одинаковой обработкѣ. Прежде всего на бумагу наносится защитная орловская сѣтка, а затѣмъ производится печатаніе типографской краской нумеровъ и подписей. Кромѣ того, особымъ способомъ производятся водяные знаки. Самая дорогая бумажка—это сторублевка: очень дорого стóитъ ея защита отъ поддѣлки; 25-рублевки прежняго образца стоили немногимъ дешевле изъ-за огромнаго количества брака. Въ среднемъ Экспедиціи обходится рублевая бумажка по 2 коп. за штуку; чѣмъ бумажка больше форматомъ, тѣмъ она дороже; сторублевка же стóитъ около 10 коп. за штуку. Отъ Государственнаго Банка получается заказъ на то или иное количество кредитныхъ билетовъ опредѣленнаго достоинства. Разумѣется, отъ расцѣнки бумажекъ зависитъ ихъ количество въ заказѣ. Банкъ платитъ Экспедиціи въ среднемъ по 5 коп. за кредитный билетъ. Такимъ образомъ милліардъ кредитными билетами рублеваго достоинства долженъ былъ бы стоить Государственному Банку 50 милліоновъ рублей, а такъ какъ Банкъ выпускаетъ кредитные билеты разнаго достоинства, то сумму эту надо уменьшить во много разъ.

Участіе итальянской королевской семьи въ тяготахъ войны. Спеціальный корреспондентъ «Daily Express» сообщаетъ, что итальянскій король принимаетъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ военныхъ операціяхъ. Однажды онъ даже проводилъ артиллерійскую батарею на позицію. Наслѣдный принцъ Умберто, которому минуло десять лѣтъ, ежедневно провожаетъ уѣзжающія войска на вокзалѣ, королева Елена посѣщаетъ госпитали и заботится о раненыхъ. Во главѣ Краснаго Креста находится герцогиня Аостская, работающая сама въ госпиталяхъ подъ именемъ синьоры д'Аоста.

Однажды, выйдя поздно ночью изъ госпиталя, герцогиня увидѣла, что ее поджидаютъ четыре бойскоута, чтобы проводить ее во дворецъ. Герцогиня хотѣла отказаться отъ эскорта, но бойскоуты заявили ей, что принадлежатъ къ спеціальному наряду, который обязанъ провожать домой всѣхъ сестеръ милосердія, выходящихъ поздно изъ госпиталя. Герцогиня отмѣнила всѣ пріемы, и, когда нѣсколько генераловъ пріѣхали къ ней съ визитомъ, она не вышла и послала сказать: «У меня есть работа, которая беретъ все мое время, и по всей вѣроятности, и вамъ найдется, чтò дѣлать».

Изъ жизни Кадорна—главнокомандующаго итальянской арміей. Въ ранней молодости Кадорна, будучи еще безусымъ поручикомъ, заслужилъ со стороны своихъ товарищей по полку прозвище «маленькаго Наполеона». Прозвище, конечно, дано было въ насмѣшку, но въ немъ было нѣчто отъ истины: въ Кадорнѣ скрывался офицеръ-ученый, офицеръ-реформаторъ военнаго дѣла, офицеръ-организаторъ большихъ военныхъ предпріятій. Разумѣется, для реформаторской дѣятельности безусаго поручика мѣста въ арміи не было. И только получивъ майорскій чинъ и командованіе батальономъ въ 1883 году, Кадорна получилъ нѣкоторую возможность примѣнить на практикѣ свои выношенныя годами идеи о новыхъ началахъ военной тактики. На счастье Кадорны, полковымъ командиромъ оказался старый добрякъ, хотя и ворчунъ, полковникъ, который благосклонно смотрѣлъ на рвеніе молодого офицера и предоставлялъ ему извѣстную свободу дѣятельности. Съ этого, собственно, и начинается огромная популярность Кадорны. Обученный имъ по-своему, батальонъ былъ скоро замѣченъ, молва о выдающихся способностяхъ Кадорны разнеслась по всей арміи, и Кадорна быстро пошелъ въ гору.

Не мало лѣтъ службы Кадорна протекло именно на австрійской границѣ, и онъ произвелъ тамъ гигантскую работу изученія мѣстности, на которой именно теперь приходится дѣйствовать итальянской арміи. Изучилъ онъ эту мѣстность такъ, какъ только могъ изучить человѣкъ, страстно влюбленный въ свою завѣтную мечту—войну съ австрійцами. Отличаясь феноменальною памятью, Кадорна является своего рода ходячею энциклопедіею по части всѣхъ горныхъ проходовъ, населенныхъ мѣстъ, ихъ естественныхъ рессурсовъ, созданныхъ австрійцами укрѣпленій, гарнизоновъ, и такъ далѣе. Обычные справочники ему не нужны: онъ все необходимое держитъ въ какихъ-то тайникахъ своей чудовищно развитой памяти.

„Илья Муромецъ" на фронтѣ. По сообщенію «Армейскаго Вѣстника», издающагося при штабѣ главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта, одинъ изъ нашихъ аппаратовъ типа «Ильи Муромца» 14-го іюня отправился въ четырехчасовой поискъ въ раіонъ Сана и, выполнивъ другія порученія, бросилъ три бомбы въ непріятельскіе обозы у Лежайска, а затѣмъ бросилъ семь бомбъ отъ одного до пяти пудовъ на станцію Пржеворскъ, надъ которой корабль въ теченіе пятнадцати минутъ описалъ четыре круга. На станціи находилось пять поѣздовъ большого состава. Въ одинъ изъ поѣздовъ попала бомба «Ильи Муромца», послѣ чего поѣздъ былъ охваченъ пламенемъ, и во всѣ стороны стали разлетаться громадныя огненныя искры и дымки. Пожаръ поѣзда продолжался въ теченіе всего времени наблюденія его «Ильей Муромцемъ». Дымъ охватилъ площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. По сообщенію германскихъ газетъ, нашъ воздушный корабль взорвалъ поѣздъ съ боевымъ комплектомъ для артиллеріи. Непріятель лишился, по крайней мѣрѣ, 30.000 выстрѣловъ и понесъ значительныя потери въ людяхъ. Желѣзнодорожное сообщеніе въ тылу его было временно дезорганизовано. Съ огромнаго пожара на станціи Пржеворскъ наши летчики сняли фотографію. Управлялъ «Ильей Муромцемъ» поручикъ Башко, помощникомъ его былъ поручикъ Смирновъ съ артиллеристомъ штабсъ-капитаномъ Наумовымъ и мотористомъ унтеръ-офицеромъ Шкудовымъ. Необходимо имѣть въ виду, что по мѣткости метанія бомбъ ни одинъ аэропланъ не можетъ быть даже сравниваемъ съ нашими воздушными кораблями.

5-го іюля «Илья Муромецъ» производилъ развѣдку и металъ бомбы на холмскомъ направленіи. Закончивъ свою работу и возвращаясь назадъ, «Илья Муромецъ» на высотѣ 3.500 метровъ между Щебржещинымъ и Красноставомъ былъ атакованъ тремя германскими аэропланами и выдержалъ съ ними геройскій бой.

Непріятельскіе аэропланы, проходя въ 50-ти метрахъ выше и ниже «Ильи Муромца», обстрѣливали его пулеметами. Неблагопріятная случайность помѣшала нашему воздушному кораблю развить полную силу огня со всего его вооруженія. Однако первый изъ нападавшихъ аэроплановъ, подлетѣвшій особенно близко, получилъ значительныя поврежденія и круто пошелъ внизъ, а другіе аэропланы непріятеля были вынуждены держаться болѣе осторожно.

Поручикъ Башко, управлявшій нашимъ воздушнымъ кораблемъ, получилъ двѣ легкія раны. Поврежденія, полученныя нашимъ воздушнымъ кораблемъ, весьма многочисленны и несомнѣнно вызвали бы гибель всякаго другого аэроплана, а «Илья Муромецъ», имѣя нѣсколько моторовъ и одинъ пропеллеръ поврежденнымъ, съ перебитыми стойками, съ 16-ю пробоинами въ бакахъ съ бензиномъ, пролетѣлъ еще полчаса и спокойно спустился на аэродромѣ. Кромѣ поручика Башко, изъ числа экипажа пострадалъ лишь вольноопредѣляющійся унтеръ-офицеръ Лавровъ, который задѣлывалъ пробоины въ бакахъ съ бензиномъ, при чемъ отморозилъ себѣ обѣ кисти рукъ.

То, что въ іюлѣ можно было отморозить себѣ руки, объяснилъ секретарь Императорскаго аэро-клуба А. Н. Срединскій.

— Какъ указано въ сообщеніи, «Илья Муромецъ» во время боя находился на высотѣ трехъ съ половиной тысячъ метровъ, на которой, какъ мы знаемъ, температура значительно понижена въ сравненіи съ обыкновенной.

Въ обыкновенный лѣтній день такая температура на этой высотѣ можетъ быть отъ пяти до десяти градусовъ холода. Принимая во вниманіе, что бой происходилъ въ то время, когда аппаратъ снижался, можно думать, что эта температура была нѣсколько выше, но все же была около пяти градусовъ холода.

Съ другой стороны, какъ видно изъ того же сообщенія, вольноопредѣляющійся Лавровъ отморозилъ себѣ руки въ то время, какъ онъ закупоривалъ баки съ бензиномъ, очевидно, пробитые пулями.

Для такой закупорки обыкновенно не употребляются никакіе инструменты, а она производится пальцами при помощи пакли. Поэтому вполнѣ естественно, что руки Лаврова были облиты вытекавшимъ изъ баковъ бензиномъ, который, какъ вещество летучее, способствовалъ замораживанію рукъ.

Если сопоставить это явленіе съ температурой воздуха, который былъ безусловно болѣе разрѣженъ, чѣмъ обыкновенный, то уже этого одного достаточно для объясненія указаннаго явленія.

Управлявшіе «Ильей Муромцемъ» въ воздушномъ бою награждены орденомъ св. Георгія и Георгіевскимъ оружіемъ.

Нѣмецкая солидарность. Съ цѣлью снабженія жизненными припасами своихъ живущихъ впроголодь соотечественниковъ, проживающіе въ Скандинавіи нѣмцы придумали новый способъ обхода запрещенія вывоза и отправляютъ въ Германію печеный хлѣбъ, сухари и консервы не подлежащими осмотру маловѣсными почтовыми посылками въ 5 килограммовъ. Такихъ посылокъ ежедневно отсюда идетъ въ Германію масса.

Подарокъ сербскимъ дѣтямъ отъ англійскихъ дѣтей. Сербскія дѣти получатъ отъ англійскихъ дѣтей оригинальный и щедрый подарокъ. По предложенію лондонскаго епископа маленькіе англичане отъ 7 до 12 лѣтъ собираютъ во всей имперіи деньги для постройки въ Сербіи британскаго сиротскаго дома—исключительно для дѣтей павшихъ воиновъ. «Да будетъ это нашей благодарностью доблестному сербскому народу за его героическую службу общему великому дѣлу и выраженіемъ той неизмѣнной симпатіи, которую въ насъ вызываетъ эта юная могучая славянская нація, борющаяся за свободу и право»,—говоритъ въ своемъ воззваніи епископъ.

Принцъ и насѣкомыя. Сынъ кайзера, принцъ Адальбертъ, посѣтилъ окопы германскихъ гренадеровъ. Уѣзжая обратно въ Германію, онъ, какъ и всякій нѣмецкій солдатъ, получилъ такое свидѣтельство: «Симъ удостовѣряется, что принцъ Адальбертъ Прусскій не имѣетъ на тѣлѣ вшей».

Именитый младенецъ. Одинъ британскій солдатъ далъ своему новорожденному сыну многосложное имя: Ллойдъ-Джорджъ-Китченеръ-Джелліко, въ честь четырехъ знаменитыхъ людей его родины. Джорджъ — это имя короля и въ то же время фамилія популярнаго «министра снаряженій».

Англійскій призывъ къ работѣ на армію. Мы приводили въ «Нивѣ» (№ 28) въ статьѣ К. Чуковскаго разные плакаты, призывающіе волонтеровъ въ англійскую армію. Теперь на ряду съ ними англійскія газеты пестрятъ рекламами, объявленіями и воззваніями, призывающими тружениковъ металлической индустріи къ исполненію ихъ патріотическаго долга. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ, весьма типичное для многихъ. Большой плакатъ изображаетъ рабочаго, съ молотомъ въ рукахъ, между матросомъ съ лѣвой и солдатомъ съ правой стороны. Подпись гласитъ:

«Британцы! Плечо къ плечу! Квалифицированные рабочіе страны! Волонтеры по производству аммуниціи нужны для поддержки солдатъ и матросовъ! Если вы пока еще не заняты изготовленіемъ военныхъ припасовъ, отдайте ва-

шимъ братьямъ на фронтѣ вашу силу и ваше искусство. Ихъ долгъ — сражаться, и они выполняютъ его геройски. Вашъ неотложный долгъ—снабжать ихъ аммуниціей—идите же на заводы и помогайте тѣмъ, кто сражается. Записывайтесь въ ближайшемъ бюро по производству аммуниціи, — вы ничего при этомъ не потеряете ни на заработной платѣ ни на условіяхъ труда!»

Питательный пунктъ В. М. Пуришкевича. Это благодѣтельное учрежденіе, задуманное и устроенное на войнѣ извѣстнымъ своей энергіей особоуполномоченнымъ Краснаго Креста В. М. Пуришкевичемъ (членомъ Госуд. Думы), извѣстно среди офицеровъ подъ названіемъ: «питательно-ласкательный пунктъ Пуришкевича».

Пунктъ развернулся недалеко отъ станціи, рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги, на которомъ стоитъ поѣздъ съ кладовыми, канцеляріей и персональными вагонами. На полянкѣ разбито нѣсколько палатокъ, поставлены кипятильники, сложена изъ кирпича печь, въ которую вмазаны большіе котлы. Немного сбоку стоятъ длинные столы, всегда накрытые, стоятъ отдѣльные приборы—тарелка, ложка, ножъ, вилка и кружка для чая, въ концѣ каждаго стола врытъ въ землю факелъ.

Здѣсь кормятъ нижнихъ чиновъ, бѣженцевъ и разоренное населеніе. Въ тотъ моментъ, когда я былъ, за столами сидѣли женщины и дѣти. Для офицеровъ есть особая палатка, особый столъ. Столъ накрытъ скатертью, уставленъ приборами и самыми разнообразными закусками:—ветчина, сыръ, самые разнообразные консервы, молоко, яйца, бѣлый хлѣбъ, варенье, конфекты, пряники различныхъ сортовъ, пастила и т. д.

Все здѣсь предусмотрѣно вплоть до изящныхъ пепельницъ и стаканчиковъ для яицъ. Въ шрапнельныхъ стаканахъ пышные букеты полевыхъ цвѣтовъ, надъ столомъ великолѣпная большая лампа. Въ другомъ концѣ палатки столъ съ письменными принадлежностями:—бумага, чернила, карандаши, перья, конверты, половина стола занята газетами и журналами. Тутъ въ порядкѣ, какъ въ кіоскѣ, разложены всѣ газеты, издающіяся въ обѣихъ столицахъ.

Офицеръ, проживщій нѣсколько мѣсяцевъ въ окопахъ и попавшій на пунктъ, можетъ помыться, надѣть свѣжее бѣлье, получить ѣду, чай, газеты, журналы и чистую постель. Круглыя сутки двери открыты настежь. Сюда можно прійти въ любой часъ дня и ночи и одинаково можно встрѣтить привѣтливый пріемъ, горячій чай, ѣду и постель. По такому типу В. М. Пуришкевичемъ организованы тринадцать пунктовъ.

Стоимость мины. По сообщенію «Русскаго Инвалида», для изготовленія главнаго вооруженія подводныхъ лодокъ—самодвижущейся мины, которая обходится въ 17.000 рублей каждая, надо около шести мѣсяцевъ, считая и время, необходимое на ея вывѣрку и пристрѣлку.

Русскій казакъ въ французскомъ плѣну. Офиціальный органъ арміи нашего сѣверо-западнаго фронта—«Нашъ Вѣстникъ»—сообщаетъ интересный случай.

Во время сраженія при Эпаржъ французы взяли въ плѣнъ среди множества нѣмцевъ одного «чудака».

На вопросы переводчика онъ отвѣчалъ лишь непонятными восклицаніями; видъ у «чудака» былъ растерянный. Кто онъ такой, понять не могли и въ концѣ концовъ порѣшили, что этотъ плѣнный обалдѣлъ отъ пережитыхъ волненій и страдаетъ временнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

Вмѣстѣ съ другими плѣнными неизвѣстный былъ помѣщенъ въ Монфоръ, гдѣ французы прозвали его «Морковной шерстью» по рыжей бородѣ, закрывавшей почти все его лицо. «Морковная шерсть» откликался на это прозвище, но ни по-нѣмецки ни по-французски не говорилъ.

Случайно въ лагерь военноплѣнныхъ пріѣхалъ французъ, научившійся порусски въ Петроградѣ. Этотъ французъ наконецъ понялъ, что «Морковная шерсть»—русскій.

Оказалось, что онъ — казакъ-урядникъ («казачій сержантъ») Михаилъ Огаревъ.

Въ плѣнъ онъ былъ взятъ на Карпатахъ и вмѣстѣ съ другими плѣнными былъ перевезенъ на французскій фронтъ, гдѣ нѣмцы одѣли ихъ въ свои мундиры и заставили рыть окопы.

Много русскихъ при этомъ погибло отъ голода и французскихъ снарядовъ, а Огареву посчастливилось попасть въ плѣнъ, гдѣ его сначала приняли за спятившаго съ ума нѣмца.

Въ «Journal des Voyages» начали появляться воспоминанія Огарева о нѣмецкомъ плѣнѣ въ пересказѣ того француза, который «открылъ» его въ лагерѣ для военноплѣнныхъ.

Его разсказы представляютъ, какъ замѣчаетъ этотъ журналъ, «цѣлую, полную драматизма Одиссею, показывающую, съ какой стойкостью сражаются наши союзники, и подтверждающую, что нѣмецкая «культура» проявляетъ себя съ одинаковой дикостью на востокѣ и на западѣ».

Въ напечатанной пока части воспоминаній Огарева описывается интересный эпизодъ съ поимкой германскаго аэроплана 19-го ноября прошлаго года на лѣвомъ берегу Вислы.

Въ то время, когда наша артиллерія осыпала аэропланъ снарядами, шесть казаковъ подъ командой Огарева, посадивъ на своихъ коней сибирскихъ стрѣлковъ, помчались ближе къ непріятельскимъ окопамъ, туда, гдѣ опустился подбитый нѣмецкій самолетъ.

Казаки, со стрѣлками за спиной, примчались въ тотъ моментъ, когда оба нѣмецкихъ авіатора подожгли аэропланъ.

Увидѣвъ русскихъ, они закричали: «Камрады, камрады» и подняли руки кверху, но, когда стрѣлки, спѣшившись, стали подходить къ нимъ вмѣстѣ съ казаками, нѣмцы внезапно открыли стрѣльбу изъ револьверовъ, убили 4 казаковъ и 5 стрѣлковъ, а остальныхъ переранили.

Огаревъ упалъ безъ сознанія, и когда очнулся, то увидѣлъ, что нѣмцы скрылись, а отъ аэроплана остались лишь обгорѣвшіе обломки.

Усадивъ раненаго стрѣлка Дмитрія Кричева на коня, Огаревъ, получившій пулю въ ногу, съ трудомъ доплелся до своихъ, опираясь на пику, какъ на костыль.

Грандіозный проектъ писателя Уэльса. Знаменитый авторъ романа «Война въ воздухѣ», англичанинъ Уэльсъ, выступилъ, по словамъ «Matin», съ интереснымъ проектомъ построить немедленно 10.000 аэроплановъ.

Онъ приводитъ слѣдующіе мотивы въ доказательство своей мысли.

Совершить обходное движеніе за линію германскаго фронта невозможно, такъ какъ съ сѣверной стороны Германія граничитъ съ моремъ, а на югѣ съ Швейцаріей. Только на воздухѣ и можно зайти ей въ тылъ.

Характеръ французовъ и англичанъ, по сравненію съ нѣмецкимъ, даетъ союзникамъ то преимущество, что они гораздо лучшіе авіаторы, нежели ихъ противники.

Построить же аэропланъ такъ же легко, какъ автомобиль. Для подготовки летчиковъ, при условіи ихъ стойкости и даровитости, достаточно отъ одной до шести недѣль.

Послать 2.000 аэроплановъ на Эссенъ все же выгоднѣе, чѣмъ рисковать однимъ броненосцемъ. 2.000 аэроплановъ могутъ стереть Эссенъ съ лица земли. Если допустить, что изъ нихъ погибнетъ 1.000, то все же побѣда обойдется и человѣческими жизнями и въ матеріальномъ отношеніи дешевле, нежели побѣда подъ Невъ-Шапель.

Съ начала войны воздушныя силы англичанъ значительно увеличились, но все же ихъ недостаточно.

Необходимо 10.000 аэроплановъ. Нужно, чтобы наши летчики безпрестанно совершали свои налеты на Германію, имѣя запасы взрывчатыхъ веществъ по 200 или по 300 фун. Такое положеніе должно продолжаться все время войны.

Результаты не заставятъ себя ждать.

Дмитрій Труфановъ. Это скромное имя истиннаго героя украситъ блестящія страницы исторіи нынѣшней великой войны. Его извлекъ изъ неизвѣстности А. Сумской въ «Русскомъ Словѣ», разсказавъ его доблестную боевую жизнь, сплетенную изъ цѣлаго ряда подвиговъ, и трогательную заботу и любовь полка къ своему герою и солдату. Исторія Дмитрія Труфанова началась еще въ японскую войну. Въ Портъ-Артурѣ, въ особенно острую минуту, когда явилась необходимость во что бы то ни стало отстоять Высокую гору, вдругъ вызвался на это дѣло простой неграмотный кузнецъ, солдатъ нестроевой роты Дмитрій Труфановъ. Предложеніе охотника Труфанова было принято во вниманіе, въ силу традицій полка, и ему было поручено, подъ руководствомъ лейтенанта Подгурскаго, удержать Высокую гору. И Труфановъ минами два мѣсяца удерживалъ эту гору.

Кончилась японская кампанія, прошло нѣсколько лѣтъ, пока полкъ разыскалъ выбывшаго изъ строя куда-то Труфанова.

Въ 1913 году полкъ узналъ, что Дмитрій Труфановъ служитъ на желѣзной дорогѣ. Полкъ вызвалъ его, и въ честь этого солдата былъ устроенъ парадъ.

Передъ выстроеннымъ для парада полкомъ Труфанову были вручены Георгіевскіе кресты трехъ степеней, присужденные ему за дѣла въ Портъ-Артурѣ, затѣмъ полкъ поднесъ ему серебряную дощечку въ рамѣ, съ портретомъ генерала Кондратенко и надписью: «Доблестному защитнику Портъ-Артура»; рота подарила ему серебряный сервизъ, отдѣленіе—часы.

Послѣ раздачи наградъ и подарковъ полкъ съ распущенными знаменами продефилировалъ передъ Труфановымъ. Командующій вызвалъ его къ себѣ, подарилъ 25 рублей и, узнавъ, что Дмитрій обремененъ большой семьей и нуждается (у него оказалось семеро дѣтей), устроилъ его кочегаромъ въ одинъ изъ госпиталей.

Съ первымъ извѣстіемъ объ объявленіи войны Дмитрій Труфановъ является въ полкъ и заявляетъ о своемъ желаніи поступить добровольцемъ. Попавъ на театръ военныхъ дѣйствій, этотъ неграмотный русскій самородокъ безъ устали проявляетъ геройскую отвагу въ дѣлахъ, требующихъ исключительной иниціативы и находчивости.

Онъ вызвался на очень опасную и трудную развѣдку, которую выполнилъ блестяще, за что и получилъ Георгіевскій крестъ первой степени. Отъ 17-го по 20-е сентября онъ опять участвуетъ въ развѣдкѣ и точно опредѣляетъ расположеніе противника и орудій. Производитъ исключительно поразительную точностью своихъ свѣдѣній развѣдку.

Цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ услугъ оказываются имъ между дѣломъ.

При штурмѣ укрѣпленій онъ гибнетъ геройской смертью.

Здѣсь были проволочныя загражденія и редутъ.

Въ это время Дмитрій Труфановъ былъ уже фельдфебелемъ и командовалъ отрядомъ пѣшихъ развѣдчиковъ.

Онъ первымъ вскочилъ на брустверъ редута, и здѣсь пуля сразила его, попавъ въ сердце.

Полкъ устроилъ ему торжественныя похороны и возвелъ надъ могилой его высокій холмъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи войны перевезти прахъ народнаго героя къ нему на родину, а пока каждый офицеръ полка отчисляетъ ежемѣсячно изъ жалованья опредѣленный процентъ въ пользу семьи покойнаго, что составляетъ около семидесяти рублей въ мѣсяцъ.

Чудесное явленіе. «Биржев. Вѣд.» сообщаютъ, что настоятель аѳонскаго Пантелеймонскаго подворья, старецъ Митрофанъ, доноситъ о слѣдующемъ чудесномъ явленіи, имъ разслѣдованномъ:

Въ Турціи, въ Малой Азіи, недалеко отъ города Кесаріи, въ церкви св. Василія Великаго почиваютъ мощи русскаго святого—Іоанна. Это былъ русскій плѣнникъ, попавшій въ руки турокъ во время похода Петра Великаго. Попавъ въ плѣнъ, воинъ Іоаннъ былъ принуждаемъ турками къ принятію ислама, но онъ остался вѣренъ христіанству, несмотря на перенесенныя мученія. Мощи его нетлѣнно почиваютъ, источая чудеса. За два мѣсяца до начала русско-турецкой войны мощи Іоанна внезапно пропали изъ церкви Василія Великаго. Мѣстный церковникъ былъ заподозрѣнъ въ похищеніи или въ содѣйствіи къ похищенію мощей и былъ арестованъ. Однако въ ту же ночь къ старицѣ монахинѣ въ сонномъ видѣніи явился св. Іоаннъ и сказалъ слѣдующее:

«Отпустите невиннаго экклезіарха (церковника), такъ какъ онъ невиненъ. Я отлучился на три дня въ Россію, чтобы благословить русское оружіе и брань съ врагами. Скоро русскія войска будутъ здѣсь».

Черезъ три дня послѣ этого явленія мощи оказались на своемъ мѣстѣ. Чудо «Кюлеюванъ», т.-е. плѣнника Іоанна, какъ называется этотъ святой на мѣстѣ, произвело сильное впечатлѣніе. Настоятель аѳонскаго монастыря, старецъ Митрофанъ, добавляетъ, что память Іоанна чтится не только православными греками, но и армянами и даже мусульманами, которые у его гробницы охотно ставятъ свѣчи.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, [illegible] № 22.

№ 34. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 22 августа 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Кавказскіе орлы въ Галиціи.

Очерки военнаго корреспондента. **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

(Съ 31 фотографіями на стр. 637—652).

I.

Остался позади Волочискъ, хаотическій, грязный, съ его ужаснымъ вокзаломъ, осталось все, что было когда-то „границею". А между тѣмъ, право, какъ-то не замѣчаешь разницы.

Этотъ уголокъ „прежней" Австріи ничѣмъ не напоминаетъ „Запада", въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ и видимъ. Нѣтъ скученности, нѣтъ на каждомъ шагу каменныхъ городовъ, похожихъ на деревни, и каменныхъ деревень, напоминающихъ города. Нѣтъ прилизанности ландшафта, гдѣ использованъ съ жадностью любой клочокъ земли, будь это лѣсъ, лугъ, огородъ, поле.

Ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ! Ширь и просторъ — необъятные. И кажется, что вы не за рубежомъ, не въ Австріи, хотя бы и недавней, а что мчится вашъ автомобиль по продолженію Волынской, или Подольской губерніи.

Луга и поля раскинулись Богъ знаетъ куда безъ конца-краю. Въ деревняхъ, такихъ уютныхъ, расцвѣченныхъ зеленью, чистенькія, бѣлыя хаты подъ соломенной крышею — тѣ же наши хохлацкія мазанки. И русинское населеніе — женщины въ платкахъ, вышитыхъ сорочкахъ и яркихъ сподницахъ, мужчины въ широкополыхъ соломенныхъ „бриляхъ"—тѣ же украинцы Черниговщины, Полтавщины и Волыни.

И такъ же много евреевъ. какъ на югѣ Россіи. Только въ Галиціи у нихъ болѣе старосвѣтская внѣшность. И бородатые патріархи, съ костистыми лицами, въ длинныхъ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, напоминаютъ потемнѣвшіе холсты Рембрандта.

Все дальше и дальше... И смѣняютъ другъ друга какъ въ панорамѣ—да и чѣмъ это не прекраснѣйшая изъ панорамъ? — пейзажи такихъ живописныхъ красотъ, — не оторваться глазу! И что за буйная растительность дубовыхъ рощъ и буковыхъ лѣсовъ, тамъ и сямъ бѣгущихъ къ горизонту, чтобъ далеко-далеко обозначиться синей полоской! Овраги, лощины, цѣпи холмовъ, рѣчныя заводи, шумъ работающихъ во-всю водяныхъ мельницъ.

Благословенный край...

И такъ мирно и тихо дремлетъ онъ подъ знойнымъ солнцемъ. И если бъ не вереница обозовъ, не сѣрыя колонны пѣхоты, не полчища плѣнныхъ—можно было бъ подумать, въ самомъ дѣлѣ, тишью и гладью оцѣпенѣла эта богатая землей и просторомъ издревле славянская земля.

Полчища плѣнныхъ. И вправду полчища! Цѣлыя роты, батальоны идутъ походнымъ порядкомъ, конвоируемые горсточкой нашихъ солдатъ. И если бы не отсутствіе винтовокъ и снаряженія у этихъ австрійцевъ въ мягкихъ по габсбургскому образцу головныхъ уборахъ и въ сѣро-стального цвѣта формѣ, можно было бы подумать, что они идутъ на свои позиціи,—такая увѣренность въ ритмическомъ шагѣ и въ довольныхъ, сіяющихъ лицахъ.

Сіяющія лица у славянъ: чеховъ, поляковъ, русиновъ, сербовъ. Венгры, тонущіе въ этомъ человѣческомъ морѣ,—совсѣмъ особая статья. Смуглые, скуластые, крѣпко сбитые, большей частью со звѣрскими лицами, они глядятъ хмуро и злобно.

Спросишь его:

— Мадьяръ?

— Мадьяръ, — буркнетъ сухо, коротко и, сверкнувъ глазами, отвернется.

Августѣйшій командиръ Кавказской туземной конной дивизіи, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Сами, небось, разрывными пулями стрѣляли въ нашихъ, знаютъ, что въ плѣну имъ будетъ хорошо, знаютъ отъ своихъ же передатчиковъ. А между тѣмъ у всѣхъ — волчья повадка. Спрашивается, чѣмъ же они не современные гунны, Атилловы правнуки, запятнавшіе себя неслыханнымъ звѣрствомъ и въ Сербіи, и въ Банатѣ, въ Герцеговинѣ, Галичинѣ, Буковинѣ?

Шоссе ровнымъ сѣрымъ полотнищемъ лежало на днѣ продолговатой долины съ пологими краями. И эти оба ската усѣяны густо лежащими, отдыхающими фигурами плѣнныхъ. На глазъ прикинуть—цѣлый полкъ разметался двумя человѣческими амфитеатрами на зеленой травѣ. Добрыхъ четыре тысячи наберется. Автомобиль замедляетъ ходъ. Останавливается. Привѣтливо киваютъ славянскія головы въ австрійскихъ колпакахъ, машутъ руки. И что-то родное, близкое въ этихъ солдатахъ, сплошь сербо-хорватахъ. И поднимается съ земли высокій, могучій красавецъ, подходитъ вплотную къ машинѣ и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, откинувъ назадъ голову, какъ-то вдохновенно восклицаетъ:

— Я—сербъ!

И хочется отвѣтить ему привѣтливымъ словомъ, улыбкою, такъ это вышло у него горячо и наивно.

Уже далеко позади остались живые, щевелящіеся скаты холмовъ. Все глубже и глубже внѣдряетесь вы въ Галицію. Впереди—весь пріютившійся въ котловинѣ, сверкающій на солнцѣ острыми колокольнями храмовъ и черепичными крышами домовъ—Тарнополь.

Здѣсь отдохнуть, пообѣдать, напоить бензиномъ автомобиль и, не теряя времени,—въ путь, навстрѣчу дивизіи кавказскихъ орловъ, о подвигахъ которыхъ у насъ, въ Петроградѣ, успѣли сложиться легенды.

Въ гостиницѣ „Подолія" мы сразу очутились межъ столичныхъ знакомыхъ. Это группа офицеровъ упомянутой дивизіи, такой экзотической, красочной, возвращающаяся на свои позиціи. И какъ весело, молодо. Вотъ князь А., извѣстный всему Петро-

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ у санитарнаго поѣзда.

граду военный щеголь, словно родившійся вмѣстѣ съ превосходно сидящей на немъ, гибкомъ и стройномъ, черкеской. Лихой солдатъ и прекрасный товарищъ, онъ мягко и безшумно ступаетъ въ холщевыхъ, легкихъ и практичныхъ сапогахъ,—новинка, привезенная имъ изъ Кіева. На типичномъ лицѣ кавказца играютъ большіе выпуклые глаза. Съ характернымъ для горца радушіемъ князь зоветъ къ себѣ въ полкъ:

— Пріѣзжайте къ намъ. Будемъ обѣдать на берегу Днѣстра. Шашлыкомъ угостимъ васъ.—пальчики оближете!..

Таровитый князь разбрасываетъ серебряную мелочь русинской и польской дѣтворѣ, столпившейся у подъѣзда гостиницы.

Черновицъ уже и слѣдъ простылъ. Мелькаютъ города, села, деревни. Близится вечеръ. Ложатся длинныя тѣни, и розоватая дымка нѣжно и мягко скрадываетъ ясныя и чистыя дали.

Городокъ Чертковъ лѣпится по крутымъ холмамъ. Любопытенъ здѣсь громадный съ комфортомъ оборудованный манежъ австрійскаго уланскаго полка, превращенный въ гаражъ для нашихъ автомобилей. Вдоль стѣнъ манежа написаны водяными красками гербы австро-венгерскихъ провинцій.

Наконецъ предпослѣдній этапъ—Ягельницы, славящіяся своей сигарной фабрикой. Эта фабрика, напоминающая рядъ каменныхъ фортовъ крѣпости, выведенныхъ вдоль гребня крутого обрыва, снабжала своими сигарами чуть ли не всю „лоскутную монархію".

Штабъ дивизіи кавказскихъ орловъ, слетѣвшихся на этой галиційской равнинѣ изъ Осетіи, Чечны, Кабарды и Абхазіи, отовсюду изъ гордой страны прирожденныхъ воиновъ, съ дѣтства джигитующихъ и владѣющихъ шашкой,—помѣщается въ небольшомъ еврейско-польскомъ мѣстечкѣ. Единственная главная улица, вѣрнѣе, шоссе разсѣкаетъ пополамъ эту сотню-другую домовъ, домиковъ и хатъ съ неизмѣнной базарной площадью, куда по праздничнымъ днямъ на базаръ съѣзжаются русины окрестныхъ деревень.

Скромное сонное мѣстечко дремало бы себѣ и дремало въ затерянной безвѣстности, не случись война. Теперь же оно охвачено повышенной боевой жизнью. И днемъ, и ночью, и на разсвѣтѣ, шумя, содрогаясь и протяжно завывая своими сиренами, по всѣмъ направленіямъ носятся съ бѣшеной скоростью автомобили. Проходятъ полки пѣхоты и конницы, гремятъ по мостовой тяжелыя монументальныя колеса орудій.

На каждомъ шагу попадаются—вотъ ужъ никакъ нежданные-негаданные здѣсь—всадники туземной Кавказской дивизіи. Одни въ нарядныхъ черкескахъ, другіе попросту въ черныхъ бешметахъ, оружіе — шашки, револьверы и кинжалы въ серебрѣ. Коричневыя папахи лихо откинуты назадъ на бритыхъ головахъ, и лица, обожженныя солнцемъ, съ такимъ рѣзкимъ очертаніемъ линій, говорящихъ о другой далекой странѣ и другихъ небесахъ, улыбаются съ наивнымъ привѣтомъ. Есть и пожилые всадники. Есть и сѣдые старики, герои еще туркестанскаго похода и первой балканской войны. Къ своимъ прежнимъ Георгіевскимъ крестамъ они успѣли заслужить новые, заслужить цѣною этихъ самыхъ подвиговъ, о которыхъ уже прокатилась молва по всѣмъ закоулкамъ необъятнаго отечества нашего.

Прирожденные воины... съ головы до ногъ. Бранное поле со всѣми кровавыми переживаніями—родная стихія для нихъ. Безмѣрная храбрость и такая же выносливость. Чисто-мусульманское презрѣніе къ физическимъ страданіямъ.

Послушайте, что разсказываетъ популярный кавалерійскій генералъ князь Б. про этихъ всадниковъ:

— Мы продвигались въ Карпатахъ. Наши кавказцы въ конномъ и пѣшемъ строю атаковали австрійскія позиціи съ крѣпко засѣвшей въ окопахъ пѣхотою и пулеметами. Шелъ снѣгъ, мутная пелена заволакивала все въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ. И вотъ навстрѣчу мнѣ тихо, безшумно, какъ будто фантомъ какой-то, выплываетъ изъ этой мути всадникъ.

„— Куда?—спрашиваю.

„— Рука перебитъ, завязать ѣду...

„И надо было слышать—сколько спокойствія и въ голосѣ и во всемъ обликѣ всадника. Ни досады, ни стона. А вѣдь я видѣлъ, какой плетью повисла рука у него,—какъ потомъ оказалось, съ раздробленною костью. Новые фантомы и все въ такомъ же духѣ. А вотъ пара: ѣдутъ бокъ-о-бокъ, поддерживая другъ друга, у одного рука болтается, у товарища прострѣлена нога. И вотъ они возвращаются, словно съ прогулки, обнявшись и напѣвая что-то свое. А какъ они вырѣзывали кинжалами въ окопахъ дюжихъ тирольскихъ стрѣлковъ, которые сами, правду сказать, отличные солдаты!"

Съ молодымъ горячимъ энтузіазмомъ описываетъ князь Б. подвиги и бытъ славныхъ кавказцевъ.

Подъ стать легендарнымъ кавказцамъ и доблестный вождь ихъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Великій Князь всегда на передовыхъ позиціяхъ, всегда въ сферѣ самаго дѣйствительнаго, не только орудійнаго, но порою и винтовочно-пулеметнаго огня.

Великій Князь ободряетъ ласковымъ, привѣтливымъ словомъ сидящихъ въ окопахъ, спѣшенныхъ всадниковъ своихъ, снимаетъ,—онъ превосходный фотографъ-художникъ,—эффекты шрапнельныхъ разрывовъ, намѣчающихся „хризантемными" облачкомъ въ какихъ-нибудь двухстахъ метрахъ надъ головою...

Горцы, всѣ на подборъ лихіе джигиты, высоко цѣнящіе личную отвагу, съ какимъ-то беззавѣтнымъ восточнымъ фанатизмомъ боготворятъ своего вождя. И когда передъ сотнями ихъ появляется Великій Князь—смуглыя горбоносыя лица какъ-то просвѣтляются вдругъ подъ косматыми, ужасъ наводящими на врага, папахами.

Между собою они любовно называютъ Великаго Князя „нашъ Михаилъ“. Какія восторженныя письма пишутъ они въ свои далекіе аулы! И каждое письмо сопровождается напоминаніемъ, что имъ выпало великое счастье сражаться подъ командою родного брата Государя Императора.

И послѣ этого, какой жалкой должна показаться надежда Вильгельма всколыхнуть противъ Россіи все мусульманское населеніе Кавказа.

Это было въ Карпатахъ...

Австрійцы отчаянно защищали угнѣздившійся на крутомъ холмѣ городъ. Главныя силы непріятеля отступили наконецъ подъ стихійнымъ натискомъ спѣшенныхъ сотенъ, забиравшихся на отвѣсныя кручи и вырѣзывавшихъ кинжалами австрійскія пулеметныя команды.

Но, чтобы задержать русскихъ, отступленіе прикрывалось двумя ротами тирольскихъ стрѣлковъ. Эти здоровенные горцы, чудесные одинъ къ одному стрѣлки, забаррикадировались въ домахъ. Перекрестнымъ огнемъ они обстрѣливали улицу. Съ крышъ „такали“ пулеметы. Великій Князь первый въѣхалъ въ этотъ городъ, встрѣтившій его свинцовымъ ливнемъ.

Тогда старый съ изрубленнымъ лицомъ всадникъ, герой нѣсколькихъ войнъ,—количество боевыхъ шрамовъ соперничало у него съ числомъ крестовъ и медалей на груди,—отвѣсилъ низкій селямъ плѣнившему его молодому храбрецу-генералу.

Татаревичъ, 15-лѣтній георгіевскій кавалеръ

— Слава и благословеніе Аллаха великому джигиту...

Въ устахъ посѣдѣвшаго въ кровавыхъ схваткахъ абрека—это высшая похвала.

Несмотря на близость довольно крупныхъ австро-германскихъ силъ, хотя и отступавшихъ, но зловѣще спружинившихся въ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстахъ, Великій Князь остался ночевать въ городѣ, назначивъ его штабомъ своей дивизіи.

Все свободное время отъ кабинетной работы надъ картами-двухверстками, отъ совѣщаній съ начальникомъ штаба, полковникомъ Ю. и командирами своихъ бригадъ и полковъ, Его Высочество отдаетъ позиціямъ.

Великій Князь поименно знаетъ всѣхъ своихъ офицеровъ, до прапорщиковъ включительно.

— Львиное сердце и святая душа,— характеризуютъ офицеры своего дивизіоннаго. И всѣ, до послѣдняго человѣка, готовы пойти за него въ огонь и въ воду, вмѣстѣ со своими всадниками...

Крутой берегъ Днѣстра. Нашъ берегъ. На самомъ гребнѣ линія окоповъ. Ниже, по скату, желѣзной паутиной спускаются проволочныя загражденія. На другомъ берегу, — еще выше, еще круче, — то же самое у австрійцевъ. Безъ бинокля видны фигуры венгерскихъ солдатъ. Непріятель обстрѣливаетъ опушку рощицы, прикрывающей наши окопы. У этихъ окоповъ прапорщикъ В., герой нѣсколькихъ головоломныхъ развѣдокъ и схватокъ, пьетъ на разостланной буркѣ чай.

Подходитъ группа: Великій Князь, въ сопровожденіи бригаднаго, полкового командировъ и адъютантовъ. Австрійцы случайно, или увидѣвъ въ бинокль, сквозь кружево листвы, нѣсколькихъ столпившихся офицеровъ, открываютъ ружейный огонь. Пули съ пѣвучимъ свистомъ нижутъ пышно-зеленое убранство деревьевъ. Къ сухой винтовочной трескотнѣ присоединяются басовыя громоподобныя ноты тяжелыхъ орудій. Гдѣ-то, шагахъ въ трехстахъ, въ тылу нашихъ окоповъ, снарядъ, какъ бритвою, срѣзалъ пополамъ стволъ крѣпкаго дуба. И въ испугѣ заметались лошади, вырываясь у коноводовъ. Благодушествовавшій за самоваромъ прапорщикъ вскакиваетъ при видѣ Великаго Князя.

— Ваше Высочество, прикажите стаканчикъ чаю?

Августѣйшій командующій присаживается на бурку, пьетъ чай, разспрашивая В. о томъ, какъ онъ заработалъ свой послѣдній Георгій. В. сіяетъ счастьемъ весь...

— Ну, а теперь у меня и этотъ самоваръ и этотъ стаканъ— двѣ семейныя реликвіи. Завтра же отошлю ихъ къ себѣ въ Вольскъ.

И такъ это красиво вышло у него, потому что искренно. Отъ самаго сердца.

На главной и единственной улицѣ галиційскаго мѣстечка, за проволочной оградою, стоитъ въ палисадникѣ небольшой, типа заграничной виллы, домикъ. Это квартира Великаго Князя. На часахъ— мѣрно шагающій горецъ конвоя, въ черкескѣ и съ винтовкой.

полкъ.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Кабинетъ и спальня Его Высочества — въ одной комнатѣ, просторной и свѣтлой. У изголовья узкой походной кровати и на столикѣ возлѣ нея—маленькіе образки, старинные складни. Работаетъ Великій Князь за большимъ письменнымъ столомъ. Просто все, аскетически просто. Впечатлѣніе кельи,—кельи монаха-воина.

Рядомъ—столовая. Открытыя окна забраны кисейными щитами. Щитами отъ мухъ. А на фонѣ этихъ бѣлыхъ щитовъ исчезаетъ и появляется фигура дежурнаго конвойца. Завтракъ—изъ двухъ блюдъ—незатѣйливъ. Самъ Великій Князь никогда ничего не пьетъ, кромѣ воды. Иногда развѣ, чтобъ чокнуться, пригубитъ глотокъ меду. За столомъ, помимо обычной свиты, бываетъ кто-нибудь изъ приглашенныхъ. Свита Великаго Князя: два адъютанта, полковникъ баронъ Врангель и штабсъ-ротмистръ Абакановичъ. Ординарецъ—лейтенантъ флота баронъ Жираръ-де-Сукантонъ. Состоящій въ распоряженіи — князь Вяземскій. Личный врачъ Его Высочества Кадниковъ и дивизіонный священникъ—отецъ Поспѣловъ.

Галичане.

Великій Князь—радушный и веселый хозяинъ, создающій живое интересное настроеніе. Общая бесѣда не смолкаетъ ни на минуту. Его Высочество—увлекательный разсказчикъ, чего бы ни касался. И въ оцѣнкѣ общихъ настроеній этой міровой войны, во взглядахъ на послѣднія литературныя новинки. въ воспоминаніяхъ о разныхъ встрѣчахъ, въ описаніи отдѣльныхъ эпизодовъ того или другого боя,—во всемъ чувствуется острый, наблюдательный, искрящійся художественными штрихами, умъ. Порою сверкаютъ блестки мягкаго мѣткаго юмора. Великій Князь чудесно вышутилъ,—къ слову пришлось,—никудышнаго принца Вида, погнавшагося за албанской короной. Этотъ же юморъ и въ карикатурахъ Его Высочества, висящихъ на стѣнахъ и дверяхъ столовой. Остроумные шаржи, въ смыслѣ рисунка и твердости линій, говорятъ не только о талантливомъ дилетантизмѣ, а и о чемъ-то значительно большемъ.

Мы упомянули вскользь о томъ, что Великій Князь—фотографъ-художникъ. Въ сотняхъ великолѣпныхъ снимковъ, въ умѣніи выбрать мотивы, угадывается артистическая, любящая природу, натура. Серія зимнихъ батальныхъ жанровъ на фонѣ живописныхъ Карпатъ, что ни снимокъ—шедевръ!

Со свойственной ему благожелательностью, Великій Князь охотно откликнулся на мою просьбу помѣстить нѣкоторыя фотографіи въ „Нивѣ“.

II.

Слетѣвшіеся изъ Чечни, Кабарды и Осетіи на бранный пиръ кавказскіе орлы хотя и привезли съ собою свои партизанскія повадки, свою одиночную. если такъ можно выразиться, удаль, но это нисколько не мѣшаетъ имъ представлять собою стройную, регулярную, хорошо обученную часть.

Казалось бы, по самой порывистой и огненной натурѣ своей, сохранившіе до сихъ поръ еще на войну рыцарскіе взгляды средневѣковья, кавказцы должны презирать нынѣшнее кротовье закапыванье и сидѣнье въ окопахъ.

Такъ оно, впрочемъ, и есть. Они презираютъ окопы, считая это сидѣнье подъ прикрытіемъ не мужскимъ, а бабьимъ дѣломъ. Точно такого же взгляда придерживаются и черногорцы. Но это нисколько не мѣшаетъ кавказцамъ терпѣливо и стойко вести позиціонную войну. Конечно, это для нихъ неизбѣжное зло, конечно, величайшимъ счастьемъ рисуется имъ стремительная атака, или даже болѣе энергичное, чѣмъ сидѣнье въ окопахъ дѣйствіе въ пѣшемъ строю.

И, Боже мой, какой сторицею вознаграждаютъ себя за долгое воздержаніе кавказцы, брошенные вдругъ впередъ на непріятельскую пѣхоту и даже артиллерію. Стихійной, бѣшеной лавиной кидаются они, артистически работая острымъ, какъ бритва, кинжаломъ, противъ штыковъ и прикладовъ.

Не разъ приходилось атаковать имъ пулеметы съ довольно сильнымъ охраненіемъ, и объ этихъ атакахъ разсказываютъ чудеса.

Австрійцы давно прозвали кавказскихъ орловъ „дьяволами въ мохнатыхъ шапкахъ“. И дѣйствительно, однимъ своимъ видомъ такимъ далекимъ отъ какой бы то ни было обще-европейской военной формы, кавказцы наводятъ на непріятеля панику. Точно такое же чувство испытала на западномъ фронтѣ германская гвардія, когда союзники наши бросали на нее индійскихъ сипаевъ и сенегальскихъ стрѣлковъ.

Горецъ не можетъ сидѣть безъ „дѣла“. Медлительная позиціонная война, когда противники окопались другъ передъ другомъ,—не по душѣ ему; въ особенности, молодежи.

Вотъ весьма характерный живой примѣръ:

Въ опрятномъ и чистенькомъ польскомъ домикѣ, который временно занималъ сотенный командиръ ханъ Э., сидѣли мы у этого радушнаго хозяина за рюмкою стараго венгерскаго. Это въ пяти-шести верстахъ отъ передовыхъ позицій, на берегу большой быстро-бѣгущей рѣки. На томъ берегу укрѣпились австрійцы.

Уютно было въ маленькой комнатѣ, увѣшанной католическими образами. Кругомъ стола въ коричневыхъ и сѣрыхъ черкескахъ сидѣли однополчане молодого хана. Пожилой ротмистръ, сѣдоусый и бородатый. славный участникъ еще манчжурской войны, разсказывалъ съ увлеченіемъ про конную атаку заамурцевъ въ одномъ изъ недавнихъ боевъ. Дѣйствительно, эта безпримѣрная атака небольшого отряда конницы на свѣжую, крѣпкую, ободренную первоначальнымъ успѣхомъ австрійскую пѣхоту, займетъ свое почетное мѣсто въ исторіи этой великой войны.

Плѣнный мадьяръ.

Люди на маленькихъ, невзрачныхъ лошадкахъ какимъ-то Божьимъ гнѣвомъ обрушились на развернутыя колонны отборнѣйшихъ тирольскихъ и венгерскихъ стрѣлковъ, безпощадно изрубивъ ихъ и только небольшую уцѣлѣвшую горсть взявъ въ плѣнъ.

И вся эта героическая картина озарялась вечернимъ солнцемъ.

Хозяинъ дома предложилъ тостъ въ честь заамурцевъ. Въ этотъ моментъ на фонѣ четырехугольника раскрытаго окна обрисовывается голова юноши въ

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Галиційскія дѣти.

дружная, тѣсно сплотившаяся семья. Семья порою въ буквальномъ значеніи слова, ибо многіе всадники- близкая родня между собою. Сплошь-да-рядомъ попадаются сотни, гдѣ несутъ боевую страду отецъ съ четырьмя сыновьями да еще столько же, если не больше, двоюродныхъ братьевъ. Остальные же — товарищи дѣтскихъ воинственныхъ игръ одного и того же аула.

Эта тѣсная сплоченность и дружба особенно ярко сказываются въ минуту опасности. Каждый считаетъ священнымъ долгомъ поддержать другого въ бѣдѣ, заслонить своей грудью, принять на себя ударъ, молодецки отразивъ его.

Не было случая, чтобъ упавшій раненый остался неподобраннымъ.

Пусть это въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ окоповъ непріятеля, пусть добровольному смѣльчаку-санитару грозитъ неминуемая гибель,—все равно,— это никого не остановитъ. Убьютъ одного, за нимъ кидается другой, третій. Бывали примѣры, что раненаго относили къ своимъ, въ тылъ, цѣною нѣсколькихъ жизней.

А разъ былъ такой случай съ молодымъ абхазцемъ Лакербаемъ. Огонь венгерскихъ стрѣлковъ спѣшилъ его друга, упавшаго съ простреленнымъ плечомъ въ сотнѣ-другой шаговъ отъ непріятельскихъ окоповъ. Надо было во что бы то ни стало спасти раненаго. Венгерцы, жестокіе вообще, особенно звѣрски расправляются съ попавшими къ нимъ въ руки кавказцами. На лучшій конецъ пристрѣливаютъ, на худшій—подвергаютъ пыткѣ. Не разъ приходилось находить изуродованные трупы.

Лакербай, перекрестившись,—абхазцы всѣ христіане,—огрѣвъ нагайкою коня, понесся прямо къ венгерскимъ окопамъ. Его встрѣтили залпами. А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, невредимый, словно завороженный, подлетаетъ вплотную къ лежащему раненому другу. Ободривъ его, призвавъ напрячь всѣ свои силы, Лакербай вынулъ лѣвую ногу изъ стремени и далъ возможность бѣднягѣ взобраться въ сѣдло впереди себя.

Видя эту неслыханную картину, венгерцы такъ ошалѣли, что прекратилась стрѣльба, и они высыпали изъ окоповъ смотрѣть, что же будетъ дальше? А дальше,—Лакербай, пронзительно гикнувъ, умчался прочь вмѣстѣ со своимъ другомъ. Венгерцы невольно зарукоплескали этому изумительному проявленію ни съ чѣмъ несравнимой отваги.

Чѣмъ же объясняется такая чисто уже легендарная неустрашимость и храбрость дивизіи, по праву заслужившей кличку „дивизіи изъ волшебной сказки“? Во-первыхъ, всѣ всадники —

папахѣ. Подошелъ семнадцатилѣтній всадникъ въ черномъ бешметѣ.

— Тебѣ что?—ласково спросилъ его ханъ Э.

— Хочу бросить бомбу!

И такъ это было сказано, что никто не могъ удержаться отъ улыбки.

— Говори толкомъ!..

Но настоящаго толку трудно было добиться отъ юнаго всадника, болѣе чѣмъ съ грѣхомъ пополамъ владѣвшаго русскимъ языкомъ.

— Я хадылъ туда пэшкомъ. Ночью, высмотрѣлъ. Черезъ рѣка плавалъ. Тамъ у нихъ заграждэніе. И тамъ пэхота въ окопахъ. Бомбу хочу бросать!..

Ханъ пояснилъ мальчишкѣ-абреку:

— Сейчасъ нельзя бомбу бросать. Подожди! Будетъ наступленіе, тогда бросишь бомбу. Когда вмѣстѣ со всѣми пойдешь.

— А когда будетъ наступленіе?

— Дня черезъ три.

— Я хочу скоро, сейчасъ хочу! --стоялъ на своемъ „всадникъ“.

Ханъ развелъ руками,--ничего не подѣлаешь съ нимъ.

— Я тебѣ своей властью не могу разрѣшить. А если тебѣ такъ хочется, обратись къ полковому командиру графу В. Можетъ-быть, онъ тебѣ позволитъ?

Мальчикъ въ бешметѣ обрадовался, оскаливъ бѣлые сверкающіе зубы, и направился вдоль улицы къ небольшому особнячку, гдѣ находился въ это время полковой командиръ.

Юному абреку удалось подстеречь выходившаго изъ калитки графа В. Онъ къ нему:

-- Ваше сыятэлство, бомбу хочу бросать!..

Въ концѣ концовъ мальчикъ выпросилъ разрѣшеніе и былъ на седьмомъ небѣ отъ счастья.

— Да умѣешь ли ты? — спросилъ полковой командиръ. — Смотри, себя не искалѣчилъ бы.

— Умэемъ, ваше сыятэлство. Мэна кадровый учылъ.

Орленокъ поставилъ-таки на своемъ. Этой же ночью осуществилъ онъ свое головоломное приключеніе. Мало этого, самъ вышелъ сухимъ изъ воды, вернувшись живехонькимъ. Его бомба разорвалась въ австрійскомъ окопѣ, и отъ нѣсколькихъ венгерцевъ остались одни клочья раздробленныхъ костей и мяса.

И онъ, этотъ изнывающій отъ временной „безработицы“ орленокъ, вовсе не въ единственномъ числѣ. Такихъ много, рвущихся по мѣрѣ силъ уничтожать непріятеля, главное же, наводить на него панику подобными безумно-дерзкими наскоками.

Каждый полкъ, каждая сотня,

Офицеры полка.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

съ колыбели прирожденные воины, съ дѣтства, самаго ранняго, выросшіе и воспитанные на джигитовкѣ, на искусствѣ безподобно владѣть кинжаломъ и шашкой. Во-вторыхъ, всѣ, какъ и нижніе чины, такъ и офицеры, составъ командный, — всѣ до единаго добровольцы, по своей охотѣ, — и какой горячей охотѣ! — снарядившіеся на эту міровую, небывалую въ лѣтописяхъ вселенной, войну.

Списокъ офицеровъ дивизіи всѣхъ шести полковъ болѣе чѣмъ блестящій. Есть принцы крови, много потомковъ старинныхъ владѣтельныхъ родовъ, именами которыхъ пестрятъ на каждомъ шагу страницы „Готскаго альманаха".

Вотъ принцъ М., потомокъ одного изъ королей, стяжавшаго себѣ славу исключительнаго кавалерійскаго генерала всѣхъ странъ и вѣковъ. Правнукъ этого Наполеонова сподвижника — самъ лихой кавалеристъ и беззавѣтно храбрый солдатъ. Карьеру свою принцъ началъ въ одномъ изъ самыхъ дорогихъ полковъ нашей гвардейской конницы. Уѣхавшій добровольцемъ на манчжурскую войну, принцъ создалъ себѣ репутацію человѣка рѣдкой, порою прямо безумной отваги. А потомъ онъ служилъ въ постоянномъ составѣ офицерской кавалерійской школы, потомъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ даже у заправскихъ ковбоевъ вызывалъ удивленіе своимъ искусствомъ укрощать и выѣзжать дикихъ степныхъ лошадей.

Древній замокъ въ Карпатахъ.

Но лишь только вспыхнула война, принца неудержимо потянуло въ Россію. Оставивъ за собою Атлантическій океанъ, потомокъ неаполитанскаго короля, надѣвъ папаху и черкеску, очутился въ легендарной дивизіи.

Нельзя пройти мимо красивой, обаятельной фигуры князя Ч—дзе, командира одного изъ полковъ. Шутя переносящій всѣ боевыя лишенія суровой страды, князь во время отдыха, въ ближайшемъ тылу, сумѣлъ создать для своей полковой семьи поэтическую обстановку и жизнь. Въ самомъ дѣлѣ дружно и тѣсно сплотившаяся семья этихъ черкесскихъ орловъ живетъ захватывающе красивой бивуачной жизнью.

Приглашенный княземъ Ч—дзе и его товарищами обѣдать въ полкъ, я вынесъ цѣлую гамму чарующихъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, чарующихъ. И теперь сквозь дымку времени и пространства вспоминаешь этотъ обѣдъ, какъ прекрасный, экзотическій сонъ. И дѣйствительно, было много экзотики, восточной и яркой, занесенной въ эту галиційскую деревню съ далекаго Кавказа. Во время обѣда, веселаго, оживленнаго, приготовленнаго поваромъ грузиномъ, большимъ художникомъ по кулинарной части, игралъ хоръ трубачей. И праздничные чистые и нѣжные звуки такъ упруго неслись въ ясномъ лѣтнемъ воздухѣ, чуть слышно замирая гдѣ-то.

А за столомъ — вотъ ужъ дѣйствительно:

Бойцы поминають минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Отъ свѣжихъ, недавнихъ, только-что пережитыхъ впечатлѣній боевъ въ Карпатахъ и Буковинѣ эти молодые, пожилые и старые офицеры переходили назадъ, вглубь, вспоминая свое участіе въ китайской, японской, балканской и даже въ бурской войнѣ.

А тамъ, скрытый за густой купою деревьевъ хоръ трубачей игралъ мечтательный вальсъ. И подъ эти звуки хотѣлось невольно грезить бальнымъ, залитымъ огнями заломъ, съ нарядными, плавно скользящими по паркету, парами.

И знойный день переливался незамѣтно въ тихій, теплый вечеръ. Мягко грѣло солнце, озаряя трепетнымъ розоватымъ свѣтомъ бѣлыя стѣны мазанокъ.

Боевыя воспоминанія смѣнились общей бесѣдой. Корнетъ князь Р., польскій магнатъ, богатый владѣлецъ обширныхъ имѣній въ трехъ имперіяхъ, вспоминалъ свою службу въ одномъ изъ германскихъ кавалерійскихъ полковъ. Мраченъ былъ фонъ этихъ воспоминаній. Въ подавляющемъ большинствѣ германское офицерство — люди надменные, несимпатичные, узкіе въ своемъ однобокомъ милитаризмѣ. Все это типичные накрахмаленные лейтенанты съ моноклями, тѣ самые, надъ которыми изощряются во-всю свои же собственные нѣмецкіе юмористическіе журналы. По словамъ князя Р., въ полкахъ всегда чувствовалась глубокая рознь между всей офицерской массой и немногими, очутившимися въ ней, поляками. Нѣмцы не давали себѣ труда, хотя бы изъ простой товарищеской корректности, щадить національное самолюбіе поляковъ.

Князь Р. отбылъ необходимый срокъ въ душившемъ его германскомъ мундирѣ для того лишь, чтобъ этимъ завоевать себѣ право уѣхать навсегда въ Россію, куда его неудержимо тянуло съ дѣтства.

Умолкъ хоръ трубачей, разошлись музыканты, и на смѣну имъ явился старый зурначъ съ молодымъ барабанщикомъ. А поодаль тѣснилась живописная группа всадниковъ, съ тонкими таліями, стянутыми черкесками, и въ большихъ, по самыя брови нависшихъ папахахъ. Изъ-подъ этихъ косматыхъ шапокъ раскаленными углями блестѣли темные восточные глаза лихихъ джигитовъ. Свою лихость, свой огненный темпераментъ проявили они въ лезгинкѣ.

Ахъ, эта лезгинка!

Какой искусственной и жалкой въ сравненіи съ нею кажется та лезгинка что мы видимъ въ Петроградѣ на такъ называемыхъ „кавказскихъ вечерахъ".

Всю свою мятежную и страстную душу вкладывали горцы въ свой характерный танецъ, то медленный, пластическій, то бурный, стремительный, не знающій удержу, когда весь вооруженный до зубовъ стройный всадникъ превращается въ сплошной мелькающій кругъ, за которымъ трудно

На Днѣстрѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Въ горахъ походнымъ порядкомъ.

услѣдить глазамъ, а его сильныя мускулистыя ноги въ мягкихъ чевякахъ выдѣлываютъ изумительно головоломныя „па“, такія трудныя, хоть наперекоръ всей человѣческой природѣ.

И въ этой лезгинкѣ безусыхъ тонкихъ юношей смѣняли крѣпкіе, сухощавые старики, и трудно было сказать, въ комъ больше огненнаго темперамента, зноя: въ юношахъ, или въ изрубленныхъ, на шестомъ, или на седьмомъ десяткѣ лѣтъ, видавшихъ разные виды, абрекахъ.

А потомъ... Потомъ набѣжали тучи, и хлынулъ крупный теплый дождь. И нисколько не было досадно, а было пріятно и весело. И даже въ грохотѣ артиллерійскихъ орудій, обстрѣливавшихъ деревню, въ этомъ грохотѣ, что сливался съ гдѣ-то высоко въ небесахъ рокотавшимъ Божьимъ гнѣвомъ, было что-то ликующее, праздничное, вдохновенно-дерзкое.

Дождь загналъ всѣхъ насъ въ халупу полкового командира, и тамъ мы пили чай, а въ открытыя оконца вмѣстѣ со свѣжимъ дыханіемъ вѣтра врывались капли дождя...

Къ ночи дождь утихъ, и я покинулъ гостепріимный полкъ. Тьма окутала землю, влажная, сырая тьма, и время отъ времени вспыхивали средь мрака цвѣтныя сигнальныя ракеты австрійцевъ.

Жизнь—сказка.

Повѣсть **Ив. Островного.**

(Продолженіе).

Сестра, взволнованная, вышла. Онъ принялся пристально разсматривать обѣ части какъ-то нелѣпо расплющеннаго медальона. Подносилъ близко къ глазамъ, и ему казалось, что тамъ что-то выгравировано, но не могъ разглядѣть. Опять вошла сестра. Онъ передалъ ей медальонъ.

— Пожалуйста... Здѣсь... что-то... написано.

Сестра подошла къ окну и стала разглядывать. Да, здѣсь была какая-то надпись, но она стерта. Вотъ только и видно: „Надеждѣ“...

Онъ опять взялъ книжку, вынулъ карандашъ и, охвативъ его пальцами правой руки, попробовалъ писать, но ничего не вышло. Опять умоляющій взглядъ къ сестрѣ.

— Пожалуйста... запишите... Я не могу...

Сестра взяла у него книжку и карандашъ и присѣла къ столу. Онъ диктовалъ, а она писала.

— Мѣсяцъ, число... сегодня... Такъ? 24-го апрѣля? Да... 24-го апрѣля узналъ, что медальонъ... ея медальонъ... защитилъ мое... сердце... отъ шрапнели... Пожалуйста, подробно, какъ вы мнѣ... разсказали. И я вамъ,—все... можете?

Сестра кивнула головой и начала писать въ книжкѣ:

„По просьбѣ раненаго подпоручика Лощина пишу: 3-го апрѣля, послѣ полудня, взорвали мостъ, предстояло пробиться сквозь непріятельскій отрядъ. Захотѣлось надѣть на шею медальонъ, надѣлъ. Въ стычкѣ былъ раненъ въ ногу, контуженъ въ голову, и еще осколокъ шрапнели мѣтилъ въ сердце, но встрѣтилъ препятствіе на груди, надъ самымъ сердцемъ,—медальонъ. Сплюснулъ его, согнулъ, вдавилъ въ тѣло, но въ сердце не прошелъ. Медальонъ защитилъ его сердце и спасъ ему жизнь“.

Написавъ, прочитала ему. Онъ кивнулъ головой и съ благодарностью взглянулъ на нее. Но послѣ этого сестра, видя его слишкомъ долго тянущееся волненіе, упросила его не читать книжки, не пробовать писать въ ней и вообще успокоиться. Онъ покорно на все согласился. Отдалъ ей книжку и медальонъ, и она положила ихъ въ ящикъ стола, онъ же закрылъ глаза и, очень утомленный пережитымъ волненіемъ, скоро уснулъ.

Сестра сдержала слово: никому въ лазаретѣ не сказала о томъ, что подпоручикъ Лощинъ считалъ своей тайной. Но скромность ея шла гораздо дальше. Сохраняя тайну, надъ которой случайно онъ приподнялъ завѣсу, она не сочла себя въ правѣ даже пытаться приподнять эту завѣсу больше. Любопытство, конечно, грызло ее, происхожденіе медальона, оказавшагося такимъ волшебнымъ, интересовало ее страшно. Но она ни разу не позволила себѣ спросить его объ этомъ.

Вѣдь она и раньше ни о чемъ не спрашивала его, а онъ сказалъ-ей то, что нашелъ нужнымъ сказать. Она понимала, что была лишь случайно въ трудную минуту подвернувшимся живымъ существомъ.

Подпоручикъ Лощинъ, послѣ того дня, когда онъ, прочитавъ внимательно свою записную книжку, припомнилъ свою жизнь и понялъ значеніе той обстановки, въ которой находился, сталъ замѣтно поправляться. Именно та сторона его болѣзни, которая такъ упорно поддавалась лѣченію, что врачи начали опасаться, не болѣе ли глубокое у него пораженіе нервныхъ центровъ, чѣмъ они думали,—начала явственно улучшаться. Записная книжка какъ бы дала толчокъ его уснувшей памяти и разбудила ее, и она начала работать усиленно во всѣхъ направленіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣчь его стала пріобрѣтать гладкость и стройность. Паузы между словами сокращались, слова быстрѣе отыскивались, и наконецъ онъ въ психическомъ отношеніи уже производилъ впечатлѣніе совершенно нормальнаго человѣка.

Но въ это время у него, Богъ знаетъ почему, начавшая уже

въ Карпатахъ.

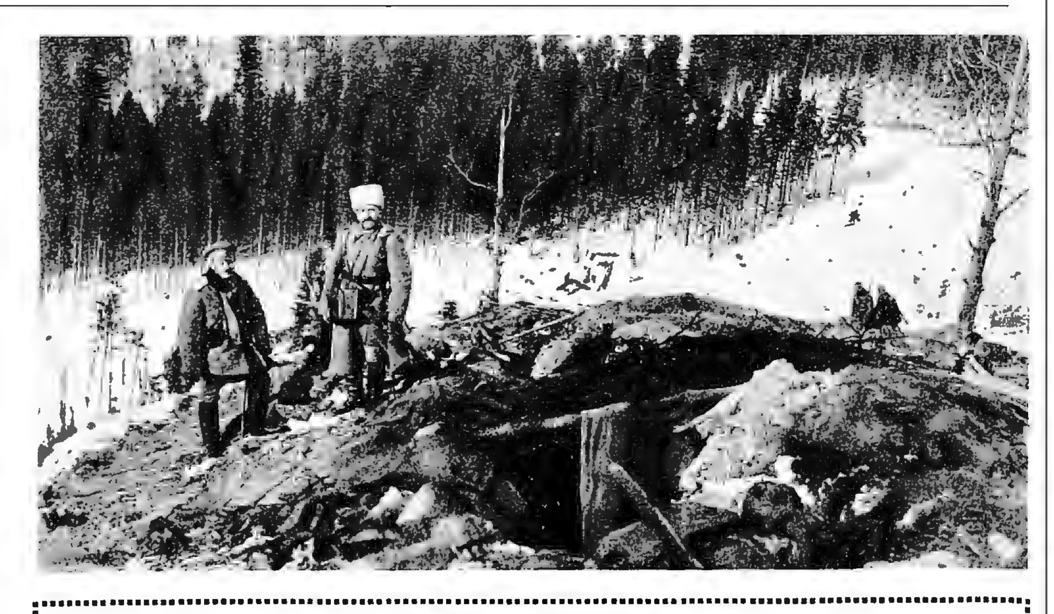
Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

заживать рана на ногѣ осложнилась и потребовала экстренныхъ мѣръ. И врачи, смотрѣвшіе на него уже, какъ на выздоравливающаго, и рѣшившіе-было перевести его изъ отдѣльной комнаты въ общую, принуждены были отложить это.

V.

Въ лазаретѣ установился обычай каждые три мѣсяца производить обмѣнъ сестеръ и сидѣлокъ между верхнимъ и нижнимъ отдѣленіями. Дѣлалось это для равномѣрнаго распредѣленія работы.

Внизу, гдѣ помѣщались солдаты и гдѣ раненыхъ было гораздо больше, и работать приходилось усерднѣе, чѣмъ наверху, да и обстановка была значительно проще,—служащіе, какъ и больные, не пользовались тѣми удобствами, какія были наверху. И такимъ образомъ для служащихъ нарушался принципъ одинаковыхъ условій работы. Для устраненія этой несправедливости, отъ времени до времени сестры и сидѣлки сверху переводились внизъ, а служившія внизу поднимались во второй этажъ.



Землянка въ Карпатахъ.

Лощинъ широко раскрылъ глаза, когда ухаживавшая за нимъ сестра, войдя къ нему однажды, объявила, что пришла проститься съ нимъ.

— Какъ? Вы покидаете лазаретъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его звучало не простое удивленіе, а скорѣе что-то похожее на опасеніе.

Не говоря уже о томъ, что онъ привыкъ къ ней, ему было еще непріятно то, что она уноситъ съ собой его тайну. Она объяснила ему обычай, практиковавшійся въ лазаретѣ, и прибавила:

— Но вы не безпокойтесь, поручикъ, у насъ всѣ сестры добрыя и милыя, и та, которая меня замѣнитъ, будетъ такъ же хорошо заботиться о васъ, какъ и я.

— Я не смѣю сомнѣваться, но... я привыкъ къ вамъ.

— Для больного гораздо лучше, если онъ не успѣваетъ привыкнуть къ сестрѣ. Это значитъ, что онъ быстро выздоравливаетъ.

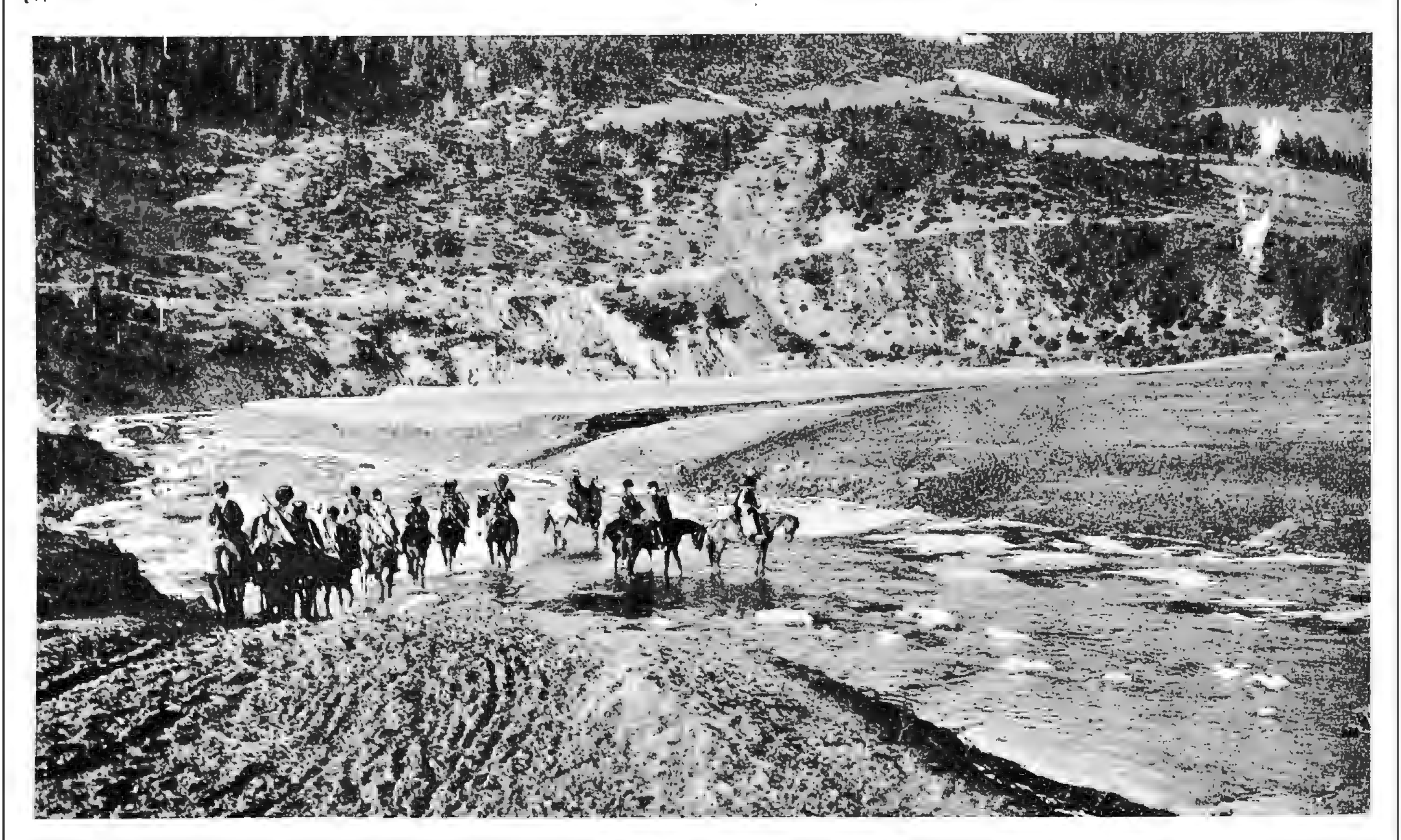
— Ну, мнѣ это, какъ видите, не удалось и едва ли скоро удастся.

И она ушла, а черезъ полчаса послѣ этого послышался осторожный стукъ въ дверь, и въ комнату вошла Варя. Она, перейдя наверхъ изъ нижняго отдѣленія, была назначена вмѣсто ушедшей сестры къ раненому подпоручику Лощину.

Когда она вошла и на секунду остановилась у двери, подпоручикъ привсталъ и сѣлъ на кровати. Онъ уже нѣсколько дней могъ дѣлать это свободно.

Варя взглянула на него такъ же спокойно, какъ смотрѣла на каждаго больного, за которымъ ей приходилось ухаживать. Ей легко было не узнать въ немъ того молоденькаго офицера, которому когда-то вмѣстѣ съ Надей она пожелала всего прекраснаго. Все то, что произошло въ эти послѣднія недѣли, не могло не отразиться на его наружности.

Онъ сильно похудѣлъ, на щекахъ его не осталось и слѣдовъ прежняго здороваго цвѣта, даже прежней опредѣленной смуглости въ лицѣ его теперь не было. Отъ недостатка свѣжаго воздуха и солнца цвѣтъ лица его пріобрѣлъ какой-то нездоровый молочный оттѣнокъ. Едва замѣтные тогда усики значительно отросли,



Головной дозоръ переходитъ ручей въ Карпатахъ.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Переправа.

— Да... Такъ вы... Вы сестра? И это — въ самомъ дѣлѣ? — страннымъ голосомъ промолвилъ Лощинъ и потеръ лобъ ладонью.

Варя подозрительно взглянула на него и подумала: „Какъ странно! Почему же мнѣ не сказали о томъ, что онъ заговаривается?“

— А почему же вы въ этомъ сомнѣваетесь, поручикъ?

Тогда онъ пристально, въ упоръ посмотрѣлъ на нее.

— Послушайте... Неужели можетъ быть такое сходство? Скажите, вы со мной никогда не встрѣчались? Никогда въ жизни?

Варя уже готова была сказать: „никогда“, но въ это мгновеніе въ чертахъ лица его начало выступать что-то знакомое ей. Она не сказала этого слова и старалась припомнить. Почему-то мысль ея была такъ далека отъ истины.

появилась черная бородка и волосы кой-гдѣ на щекахъ. Все это, вмѣстѣ съ больничной длинной одеждой, измѣнило его до неузнаваемости, особенно въ глазахъ Вари, которая видѣла его за всю жизнь въ продолженіе какихъ-нибудь двухъ минутъ и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Но Лощинъ, едва только поднялъ на нее глаза, въ ту же минуту не столько узналъ ее, сколько почувствовалъ въ ней прикосновенность къ тому эпизоду, который, по его твердому убѣжденію, сыгралъ такую роковую роль въ его жизни. Онъ взглянулъ на нее, и глаза его остановились на ней и какъ бы не могли оторваться.

Волненіе было такъ сильно, что онъ, несмотря на запрещеніе и довольно еще чувствительную боль въ ногѣ, сдѣлалъ большое усиліе, чтобы встать на ноги. Но не смогъ этого сдѣлать.

Въ первую минуту ему показалось, что это галлюцинація, что разстроенное воображеніе вздумало нарисовать ему картину прошлаго, и было такое ощущеніе, что вотъ-вотъ изъ-за спины этой, какъ онъ ее всегда мысленно называлъ, „толстушки“ выглянетъ блѣдное, продолговатое лицо той, другой... И онъ приложилъ руку ко лбу, но лобъ не былъ горячъ.

— Я пришла познакомиться съ вами, поручикъ, — сказала Варя.—Я—сестра, васъ поручили моему попеченію. Зовутъ меня Варвара Петровна или, лучше, сестра Варя.

— Благодарю васъ,—какимъ-то смутнымъ голосомъ промолвилъ Лощинъ.—Пожалуйста, присядьте. Прошу васъ.

Варя подошла къ столику, взяла отъ стѣны мягкій обитый кожей стулъ и, пододвинувъ его нѣсколько ближе къ нему, сѣла.

И вдругъ ей съ поразительной ясностью вспомнились проводы военнаго отряда на Николаевскомъ вокзалѣ и молодой смуглолицый офицеръ, такъ тронувшій ее и Надю своимъ одиночествомъ.

— Боже мой... Такъ, значитъ, подпоручикъ Лощинъ, это вы? Это были тогда вы? Позвольте, позвольте... И это же вѣдь съ вами случилось... Съ медальономъ... Мнѣ называли ваше имя, но я пропустила мимо ушей. Медальонъ... Тотъ самый? Да?

Но Лощинъ не отвѣтилъ. Колѣни его дрожали, а глаза были полны слезъ. Это, конечно, была простая слабость еще неокрѣпшихъ нервовъ. Вѣдь всѣ эти дни въ лазаретѣ, послѣ того, какъ къ нему вернулись память и всѣ умственныя способности, онъ проводилъ много часовъ въ одиночествѣ и постоянно думалъ о происшедшемъ съ нимъ чудѣ, о медальонѣ и о тѣхъ двухъ дѣвушкахъ, которыя такъ странно промелькнули въ его жизни, успѣвъ однакожъ наложить на его судьбу такую глубокую печать. Ни на минуту не покидала его мысль объ этомъ, и вдругъ одна изъ нихъ входитъ въ его комнату такъ же странно и неожиданно, какъ подошли онѣ тогда къ окну вагона, и это не галлюцинація, не видѣніе, а живое существо.

Она, „толстушка“—сестра, которая будетъ о немъ заботиться. Послѣ того, что сдѣлалъ для него медальонъ, это явленіе должно было показаться ему роковымъ и таинственнымъ. Судьба плететъ изъ его жизни какое-то запутанное кружево.

— Успокойтесь, поручикъ. Вамъ нельзя такъ волноваться. Я—сестра, и вы должны слушаться меня. Прилягте. Вы не должны такъ утруждать вашу ногу. Ну, вотъ такъ. Отлично, господинъ

Переходъ черезъ рѣку Ломницу.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

поручикъ. И главное, что вы совершенно напрасно волнуетесь. Все это только кажется такимъ необыкновеннымъ и таинственнымъ, а въ сущности такъ просто. Мало ли въ жизни бываетъ встрѣчъ! Я вижу, вы склонны къ фантазіи, и навѣрно наше появленіе на вокзалѣ объяснили какъ-нибудь необыкновенно. А было это очень обыкновенно. Право. Гуляли по улицѣ, увидѣли отрядъ солдатъ и генераловъ, ѣдущихъ на вокзалъ. Заинтересовались. Знакомый полковникъ помогъ пройти на вокзалъ. Намъ некого было провожать, а васъ никто не провожалъ. Ну, вотъ, мы и подошли къ вамъ.

— Кто это „мы"?—спросилъ Лощинъ какимъ-то покорнымъ голосомъ.

— Я и моя подруга.

— Кто же она?

— А вамъ нужно ея имя? Зачѣмъ?

— Развѣ ея имя—тайна?

— Я не знаю, тайна ли... но оно принадлежитъ ей, и я не имѣю права распорядиться имъ безъ ея согласія.

Онъ приподнялся и, опершись на локоть, заглянулъ ей въ лицо, какъ будто заранѣе уже рѣшивъ слѣдить за его выраженіемъ.

— А развѣ ее зовутъ не Надеждой?

Варя чуть подалась назадъ.

— Какъ вы можете знать? Вы, значитъ, уже наводили справки?

— Я-то? Да гдѣ же и когда? Тамъ, на войнѣ, что ли? А здѣсь—видите, какой я... А раньше былъ еще хуже. Недавно только языкомъ владѣть сталъ.

Въ воронкѣ отъ тяжелаго снаряда.

почти уже зажившую рану, въ формѣ расплюснутаго медальона, надъ сердцемъ, и могла убѣдиться своими глазами въ томъ, что до сихъ поръ казалось ей нѣсколько анекдотичнымъ.

Сдѣлала перевязку, попросила Лощина лежать спокойно и ушла. Но ея собственное спокойствіе было не что иное, какъ выдержка. Въ дѣйствительности же встрѣча съ Лощинымъ необычайно взволновала ее. Слишкомъ ужъ настойчиво собирались къ одному мѣсту случайности, чтобы ей легко было оставаться на прежней позиціи здравомыслящаго скептика. Случайно онѣ съ Надей попали на вокзалъ, случайно увидѣли его и подошли къ нему, случайно у нихъ не оказалось ни цвѣтовъ, ни чего другого, и экспансивная Надя отдала ему медальонъ, случайно онъ надѣлъ его на шею, и случайно же осколокъ попалъ въ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ встрѣтить его. Наконецъ и то, что онъ, контуженный, былъ привезенъ именно въ этотъ лазаретъ, гдѣ долженъ былъ рано или поздно встрѣтиться съ нею, тоже приходилось отнести къ случайностямъ... Но гдѣ же имъ конецъ, и сколько ихъ еще будетъ? И не слѣдуетъ ли тогда считать случайностью все, рѣшительно все? Но это слишкомъ просто.

Нѣтъ, рѣшительно ее это волновало. Она такъ привыкла быть всегда здравой и трезвой, умъ ея такъ настойчиво уклонялся отъ всего, не поддающагося объясненію, и вдругъ какъ будто принуждена всего этого лишиться.

И теперь ей приходится задуматься надъ тѣмъ, какъ поступить по отношенію къ Надѣ. Сказать ей все, что случилось съ Лощинымъ и ея медальономъ, вѣдь это же значитъ снова мистически настроить ея душу. Развѣ можно быть увѣренной, что это уже безопасно?

Да и вообще, это такой горючій матеріалъ для ея фантастической головы. Можетъ-быть, вовсе ничего не сказать, такъ, чтобы вся эта исторія и самъ Лощинъ прошли мимо, нисколько не за-

Подарки привезли.

— Почему же вы знаете имя?

— Да я и не знаю. Я только подумалъ... Вотъ...—Онъ протянулъ руку къ ящику и выдвинулъ его.—Вотъ здѣсь сохранилось. Я самъ не разобралъ, но прочитала сестра, которая была до васъ.

Варя взяла медальонъ и начала внимательно разсматривать его.

— Такъ вотъ что изъ него вышло! Никогда бы не узнала. И я не думала, что онъ раскрывается.

— Я тоже никакъ не могъ открыть его и рѣшилъ, что онъ глухой. А вотъ шрапнель открыла.

Варя подошла къ окну и вглядѣлась.

—Да, здѣсь дѣйствительно сохранилось: „Надеждѣ", и вотъ еще рядомъ, едва-едва замѣтно: „послѣдней". Послѣдней Надеждѣ... Значитъ, это не имя...

— „Послѣдней надеждѣ"... Но что же это значитъ?

— Я не знаю. Я ничего не знаю, поручикъ,—вдругъ какимъ-то твердымъ и почти строгимъ голосомъ заговорила Варя:—я слишкомъ много съ вами разговариваю. Я никогда не разговариваю съ больными о постороннихъ вещахъ. Наговорила много лишняго, и вамъ это вредно. Вотъ я кладу эту вещь обратно въ ящикъ: позвольте мнѣ заняться своимъ дѣломъ; я должна перемѣнить вамъ повязку на груди. На ногѣ это сдѣлаетъ фельдшеръ...

— Хорошо. Пожалуйста!—сказалъ Лощинъ и замолкъ.

Варя вышла, минуты черезъ двѣ вернулась съ бинтомъ, ватой и еще какими-то принадлежностями и принялась осторожно снимать повязку. Она видѣла

У желѣзнодорожной станціи.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Отбитые у австрійцевъ зарядные ящики.

Она подняла упавшую ложку и пошла за другой. Нѣтъ, видно, на этотъ разъ придется ей окончательно разстаться съ ея благоразуміемъ и разсудительностью.

Но развѣ можно совмѣстить подобныя вещи съ разумомъ? Вотъ оказывается, что это было 3-го апрѣля около часу. Должно-быть, скоро свѣтъ перевернется... 3-го апрѣля, около часу, она увидѣла Надю входящей въ часовню, она это хорошо помнитъ, потому что въ тотъ день было ея дежурство, къ которому она опоздала. Именно около часу.

Надя тогда почувствовала, что ее неотразимо тянетъ въ часовню. Неотразимо! И пошла на зовъ. Она молилась передъ его битвой...

Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать. А ужъ Надѣ сказать — это было бы просто ужасно. Вѣдь что только станется съ ея фантастической головой! Куда она поведетъ ее!

Другая ложка у нея въ рукахъ, она снова въ комнатѣ Лощина, налила въ ложку лѣкарства и дала ему выпить. Хотѣла сейчасъ же уйти, нарочно, чтобы не возобновлять разговора, но онъ остановилъ ее.

— Слушайте... сестрица Варя... Посидите. Поговорите со мной.

— Вамъ нуженъ покой, поручикъ, — попробовала отговориться Варя.

— Но, видите ли, когда я одинъ, у меня работаетъ воображеніе, и тогда совсѣмъ нѣтъ покоя.

— Ну, потерпите немного. Я дамъ еще другому больному лѣкарство.

дѣвъ ее? Но имѣетъ ли она на это право? Вѣдь слишкомъ близко все это касается Нади. И что же она за распорядительница такая судебъ человѣческихъ...

Часа черезъ полтора послѣ перевязки Варя должна была дать Лощину лѣкарство. Для этого она опять зашла къ нему. Она сдѣлала это осторожно, тихо, думая, что онъ, можетъ-быть, дремлетъ, но сейчасъ же поняла, что онъ взволнованъ и ждетъ ее нетерпѣливо.

— Я хочу дать вамъ лѣкарство, — сказала она, держа въ рукахъ пузырекъ съ жидкостью и ложку.

— Да, благодарю васъ, сестра, — отвѣтилъ Лощинъ и продолжалъ: — я забылъ сказать, сестра, что этотъ медальонъ я раньше никогда не носилъ на груди. Я держалъ его въ своемъ кошелькѣ. А надѣлъ я его въ первый и единственный разъ передъ опасной стычкой, когда надо было прорваться сквозь ряды непріятелей. Это было 3-го апрѣля...

— 3-го апрѣля... около часу дня?..— почти безсознательно произнесла Варя.

— Почемъ вы знаете?. Да, около часу дня...

Ложка выпала изъ рукъ Вари и звонко звякнула на полу.

— Почемъ вы знаете? — настойчиво повторялъ Лощинъ, приподнявшись на постели.

— Развѣ я сказала, что знаю? Я просто такъ... Я очень разсѣяна сегодня... Вотъ и ложку уронила. Никогда этого не бывало раньше. Когда даешь лѣкарство, не слѣдуетъ разговаривать о постороннихъ вещахъ. Я сейчасъ принесу другую ложку.

Слѣды разрушенія.

Это такъ и было. Она въ самомъ дѣлѣ слишкомъ увлеклась Лощинымъ и забыла о другомъ раненомъ. Она вышла и сдѣлала это. На это понадобилось не больше пяти минутъ, но она все же не сразу пошла къ Лощину.

Она теперь боялась самой себя, своего языка, который вдругъ почему-то распустился и сдѣлался болтливъ. О, да, она сказала слишкомъ много. Это отъ волненія. Ей не слѣдовало такъ волноваться.

Это ужъ Богъ знаетъ что такое, — не уходъ за ранеными, а какія-то личныя дѣла. И еще часа три осталось ей дежурить. Скорѣй бы освободиться да выспаться (она не спала всю ночь — дежурила внизу), прогуляться, освѣжить голову, и тогда навѣрно все, кажущееся теперь такимъ таинственнымъ и необъяснимымъ, она найдетъ простымъ и естественнымъ.

Но къ Лощину она не могла не пойти, потому что обѣщала. Однако, входя къ нему, дала себѣ слово не сказать ничего лишняго и быть такой сдержанной, разсудительной и толковой, какъ всегда.

Вѣдь въ лазаретѣ она славилась своей выдержкой. Ничѣмъ нельзя было вывести ее изъ равновѣсія, а сегодня это достигнуто такъ легко.

— Поручикъ, я вотъ пришла, но предупреждаю васъ: ни о чемъ, что

Лошади отдыхающей сотни.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

не относится къ моимъ обязанностямъ, не спрашивайте, я не отвѣчу.

— Эта ваша обязанность, — сказалъ Лощинъ.

— Что?

— Объяснить мнѣ, почему вы угадали, что 3-го апрѣля около часу...

— Какимъ образомъ это можетъ быть моей обязанностью — сестры?

— Это человѣческая обязанность.

— Но, право же, поручикъ, это у меня вырвалось. Въ этомъ нѣтъ никакого особеннаго смысла. Во всякомъ случаѣ, я объ этомъ подумаю, соображу, то-есть вотъ это: почему вырвалось... И потомъ скажу вамъ. Хорошо? Вы мнѣ это позволите?

— Ну, хорошо. Я вижу, что вы запутались, сестра Варя,—съ улыбкой сказалъ онъ.—Завтра?

— Ну, завтра.

— Онъ протянулъ руку.

— Я вѣдь никуда не тороплюсь. Только навѣрно?

Она пожала его руку.

— Да, непремѣнно, поручикъ.

И, радуясь, что онъ ее отпустилъ, вышла изъ комнаты. Скоро наступилъ часъ смѣны, ее отпустили домой.

Выйдя на улицу, она не взяла извозчика, а рѣшила пройтись. Чувствовалась потребность освѣжиться. День стоялъ пасмурный и прохладный, но дождя не было.

Остановка въ одной изъ Карпатскихъ долинъ.

По мѣрѣ того, какъ она овладѣвала своими мыслями, ее все больше охватывала досада на себя. Какъ это все могло случиться? Какъ она могла допустить проявленіе слабости, да еще въ такой большой степени? Поддаваться впечатлѣніямъ и позволять имъ руководить своей волей—съ ея точки зрѣнія, это было почти преступно.

Но эта точка зрѣнія, на которой она до сихъ поръ довольно твердо стояла, теперь возвращалась на свое мѣсто, какъ будто чѣмъ-то обезсиленная. И всѣ упреки и негодованіе противъ самой себя были, въ сущности, только формальностями. Въ дѣйствительности же она вся продолжала находиться подъ впечатлѣніемъ и во власти этихъ маленькихъ, казавшихся незамѣтными, событій.

Шла неторопливо по тротуару, машинально поворачивая изъ улицы въ улицу, и все время разбирала то, что произошло. Какія совпаденія, Боже мой! Вѣдь если, напримѣръ, представить себѣ, что онѣ тогда съ Надей не попали бы на вокзалъ, ну, не подвернулся бы имъ въ ту минуту полковникъ Яринцевъ, и Надя не отдала бы Лощину свой медальонъ. Вѣдь все равно онъ, Лощинъ, попалъ бы въ то сраженіе, и осколокъ шрапнели безпрепятственно угодилъ бы ему въ сердце.

Такія ничтожныя событія, какъ прогулка двухъ дѣвушекъ, ихъ любопытство, порывъ или капризъ одной изъ нихъ—вдругъ явились причиной сохраненія человѣческой жизни. Какъ же тутъ ей удержаться на высотѣ своей разумности, отрицающей все непонятное и оттого кажущееся таинственнымъ?

Но дальше, дальше все сгущается. 3-го апрѣля, около часу, Надя чувствуетъ неотразимую потребность молиться, да, именно въ этотъ часъ, когда онъ передъ смертельно опаснымъ сраженіемъ надѣваетъ на шею медальонъ...

Разумность... Боже мой... Да вѣдь разуму тутъ нечего дѣлать. Тутъ надо что-то другое, для постиженія всего этого надобно совсѣмъ-совсѣмъ отойти отъ разума.

И вѣдь она это уже сдѣлала. То, что она говоритъ себѣ, есть не больше, какъ прописныя нравоученія, на самомъ же дѣлѣ, въ ея міросозерцаніи произошла такая трещина, которую, ужъ конечно, никакъ ей не замазать. Она неудержимо вступаетъ въ міръ какихъ-то новыхъ настроеній, до сихъ поръ не испытанныхъ, и чувствуетъ въ этомъ мірѣ себя робкимъ новичкомъ, не умѣющимъ правильно ступить шагу. Ей даже какъ-то страшно становится въ этомъ мірѣ таинственнаго, незримаго и необъяснимаго,—явленій, съ виду совершенно чуждыхъ одно другому и въ такой тѣсной зависимости.

И тутъ ея мысли, помимо ея воли, переносятся къ Надѣ. Вотъ она тутъ была бы какъ дома. Ея фантастическая голова во всемъ этомъ быстро разобралась бы. Но въ томъ-то и дѣло, что Варя боялась этого и не знала даже, какъ ей поступить съ Надей.

Представлялось ей, что Надя узнала о Лощинѣ и обо всѣхъ подробностяхъ съ медальономъ, и сейчасъ же бурно ринулась навстрѣчу обстоятельствамъ и съ головой окунулась въ нихъ. Удержать ее ужъ никто не сможетъ. Она отправится въ лазаретъ и познакомится съ Лощинымъ. Встрѣтятся двѣ фантастическія головы, и что изъ этого выйдетъ, трудно даже и вообразить. И если случится что-нибудь трагическое, то вѣдь она, Варя, будетъ чувствовать себя отвѣтственной.

Какъ же быть въ самомъ дѣлѣ? Неужели отстранить Надю отъ всѣхъ этихъ событій и предоставить все судьбѣ, которая, повидимому, и сама не дремлетъ?

Но тутъ уже выступили на сцену права и обязанности дружбы. Вѣдь если Надя когда-нибудь узнаетъ случайно, что она, Варя, встрѣтилась съ подпоручикомъ Лощинымъ, видѣлась съ нимъ въ лазаретѣ каждый день, знала объ исторіи съ медальономъ и проч., то она будетъ имѣть право считать это измѣной.

„Ну, что жъ, пусть. Она будетъ несправедлива. Но зато будетъ избѣгнута, быть-можетъ, катастрофа, или во всякомъ случаѣ излишнее страданіе“. Такъ думала Варя, и ей казалось, что она опять всецѣло вернулась къ своей разумности и поступитъ согласно ея указаніямъ. Кромѣ того, выступали еще обязанности сестры, которой поручено попеченіе о раненомъ. Лощинъ еще такъ слабъ. Нервы его далеко еще не окрѣпли послѣ потрясенія контузіи. А встрѣча съ Надей окончательно разбила бы ихъ и доконала бы его. Такимъ образомъ, вдобавокъ ко всему, она еще нарушила бы и долгъ сестры.

И когда она пришла домой, часа въ четыре дня, то ей казалось, что она твердо рѣшила не посвящать Надю во всѣ эти событія. Встрѣтиться другъ съ другомъ они никакъ не могутъ. Лощинъ пробудетъ въ лазаретѣ еще, по всей вѣроятности, съ мѣсяцъ, а затѣмъ, какъ это у нихъ принято, онъ отправится въ Финляндію на дачу, снятую и

На батареѣ.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Зимой въ Карпатахъ.

— Н не нужно, Варя, не нужно... — сказала Надя: — пусть онъ будетъ безъ всякихъ примѣтъ.

— Ну, вотъ, она все твердитъ: не нужно. Но почему? Это могло бы быть очень интереснымъ знакомствомъ. Представьте, что онъ вернется съ войны, ну, конечно, съ Георгіемъ, такъ какъ онъ непремѣнно долженъ быть храбръ,—у васъ въ числѣ знакомыхъ былъ бы герой. Развѣ это не интересно?

— Пусть будетъ знакомый герой, только не онъ.

— Да почему же? Почему?

— Ахъ, какъ же это объяснить! Ну, вотъ, если хотите. Вѣдь онъ, какъ бы ни былъ храбръ, можетъ быть и убитъ, не правда ли? И теперь, когда я его не знаю, мнѣ все равно. А если бы знала, то было бы горько.

— О, но помилуйте, такъ тогда вообще никого не слѣдуетъ знать и ни съ кѣмъ знакомиться; каждый изъ насъ можетъ умереть и непремѣнно въ концѣ концовъ умретъ.

— Полковникъ меня не понимаетъ, и я не въ состояніи объяснить ему,—промолвила Надя, вставая изъ-за стола.—Пойдемъ, Варя, ко мнѣ. Мы съ тобой четыре дня не видались. Будемъ болтать.

Варя и обрадовалась и въ то же время почувствовала страхъ. Вѣдь придется сейчасъ открыть Надѣ цѣлый новый міръ. Что это будетъ!

Но все равно она это сдѣлаетъ. Перерѣшить она была уже неспособна. Что-то толкало ее на это, какая-то сила, которой она не могла противостоять.

Онѣ направились въ Надину комнату. Надя говорила:

— Полковникъ всякій разъ, какъ встрѣтимся, пристаетъ ко мнѣ съ этимъ. И притомъ вѣдь ни онъ ни мама не знаютъ о медальонѣ; если бъ знали, воображаю... Да что ты, Варя, какъ будто сама не своя? Твои глаза, всегда спокойные, какъ вода вотъ въ этомъ графинѣ, какъ будто чѣмъ-то встревожены.

Варя взяла ее за руку.

— Сядь, Надя, и приготовься выслушать.

— Ой,-ой... Ты получила достовѣрное свѣдѣніе о томъ, что завтра будетъ землетрясеніе? Ха-ха-ха-ха...

Я подожду, когда ты настроишься на болѣе серьезный ладъ.

— Но, милая, ты знаешь, какъ мнѣ трудно ладить съ серьез-

устроенную тѣмъ же банкомъ для окончательнаго поправленія выздоравливающихъ кліентовъ лазарета. Надя же въ это время уѣдетъ съ Марьей Васильевной въ Тверскую деревню, гдѣ онѣ проводятъ каждое лѣто, куда и Варя часто ѣздила. А къ осени Лощинъ будетъ совсѣмъ здоровъ и, конечно, снова отправится на войну.

Такимъ образомъ встрѣча ихъ представлялась ей совершенно невозможной. А если такъ, то зачѣмъ же вводить въ жизнь обоихъ излишнюю и ненужную запутанность.

Но, посидѣвъ дома не больше получаса, она вдругъ почувствовала, что рѣшеніе ея никуда не годится, что устранить изъ этого дѣла Надю это все равно, что ограбить ее.

И это новое убѣжденіе овладѣло ею съ такой силой, что она даже не пыталась опровергнуть его, а просто подчинилась ему. Сейчасъ же одѣлась и отправилась къ подругѣ.

VI.

Она нашла Марью Васильевну и Надю въ столовой за самоваромъ. Тутъ же былъ полковникъ Павелъ Ивановичъ Яринцевъ, который разсказывалъ, должно-быть, что-нибудь очень смѣшное, такъ какъ дамы весело смѣялись. Приходъ Вари прервалъ его разсказъ.

Марья Васильевна всегда относилась къ Варѣ въ высшей степени внимательно. Она считала ее дѣвушкой разумной, съ твердымъ характеромъ, и признавала ея хорошее вліяніе на Надю. Ей предложили чай, варенье, печенье, все, что въ изобиліи стояло на столѣ.

— Ахъ, слушайте, — сказалъ полковникъ, обращаясь къ Варѣ:—я вспомнилъ о вашемъ приключеніи тогда, на вокзалѣ,—проводы военнаго отряда... Ну, такъ, можетъ-быть, вы дадите мнѣ какія-нибудь болѣе характерныя примѣты того молоденькаго офицера, которому вы такъ мило пожелали всего лучшаго... Мнѣ все-таки хотѣлось бы во что бы то ни стало отыскать его и, въ случаѣ удачи, представить передъ ваши свѣтлыя очи.

Варю смутило то обстоятельство, что полковникъ, котораго она встрѣчала очень рѣдко, вдругъ заговорилъ какъ разъ о томъ, что было предметомъ ея думъ. Она настолько уже отклонилась отъ своей разумности, что даже въ этомъ видѣла какое-то вмѣшательство таинственной судьбы. Почему въ самомъ дѣлѣ такое совпаденіе?

— А какія же примѣты вамъ уже извѣстны, полковникъ?—спросила она.

— Да въ родѣ того, что онъ ходитъ на двухъ ногахъ, а на плечахъ у него голова, имѣется также пара глазъ и одинъ носъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: смуглолицый, черноволосый и, ужъ не помню, что-то еще въ этомъ родѣ.

— Охъ, это было такъ давно. Я совсѣмъ никакихъ примѣтъ не помню, сказала Варя.

Наблюдательный пунктъ.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Послѣ отступленія австрійцевъ.

нымъ ладомъ... Однако я приложу всѣ старанія. Это, по всей вѣроятности, будутъ какіе-нибудь упреки за плохое поведеніе и нотаціи о томъ, какъ я должна вести себя въ жизни. Ну, вотъ я уже совсѣмъ, совсѣмъ серьезна.

— Ахъ, нѣтъ, Надя, сегодня я окончательно не гожусь въ менторы. Сегодня я такая растерянная, что даже ты могла бы учить меня уму-разуму. И, можетъ-быть, научишь...

— О, небеса!.. Варюша влюбилась... Держу пари, такой покаянный тонъ у тебя могъ быть только въ этомъ случаѣ. Влюбилась и этимъ совершила преступленіе противъ разумности.

— Вотъ видишь... А обѣщала быть серьезной. Ну, слушай. Что ты сказала бы, если бъ... если бъ нашелся твой медальонъ?

— Нашелся? Но я его не теряла,— промолвила Надя.

— Ну, да... Я разумѣю: если бы онъ вернулся къ тебѣ.

— Ты хорошо знаешь, что онъ мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ не нуженъ.

— Ахъ, Надя... Ты ни капельки не помогаешь мнѣ. Ну, такъ я прямо: этотъ офицеръ, котораго мы тогда такъ странно проводили, и которому ты отдала медальонъ...

— Ну?

— Онъ здѣсь. Я его видѣла, познакомилась съ нимъ... Его зовутъ...

Но тутъ Варя остановилась и недоумѣвающими глазами посмотрѣла на подругу. Та вдругъ подняла руки и ладонями крѣпко закрыла себѣ уши.

— Не хочу, не хочу!..— энергично воскликнула она.

Варя взяла ея руки и отвела ихъ отъ ушей.

— Погоди. Зачѣмъ же такія мѣры? Ты чего не хочешь?

— Не хочу знать его имя.

— Почему?

— Ну, вотъ и тебѣ надо объяснять... Боже мой! Это такъ ясно.

— Мнѣ совсѣмъ не ясно.

— Ну, понимаешь, вотъ... въ нашей жизни есть такая красивая исторія, похожая на сказку. Есть герой, реальный образъ котораго исчезъ изъ памяти. У него нѣтъ реальнаго образа, точь въ точь, какъ у сказочнаго героя. Я могу дать ему лицо, какое хочу. Я могу вообразить его великаномъ, или рыцаремъ въ латахъ на бѣломъ конѣ, я могу приписать ему, какіе мнѣ вздумается, подвиги... И въ то же время онъ не выдуманъ, онъ существуетъ. И знать, что онъ никогда не придетъ и не разрушитъ нѣжныя хрупкія стѣны моего воздушнаго замка...

— Но это ужъ совсѣмъ несерьезно Надя.

— Нѣтъ, это очень серьезно. Ты не понимаешь. Ты хочешь сказать мнѣ его имя... Это будетъ начало. А потомъ появится онъ самъ и окажется, можетъ-быть, очень милымъ, хорошимъ человѣкомъ, но обыкновеннымъ, какъ всѣ. И все красивое, что было въ этой исторіи, исчезнетъ. Сказки больше не будетъ. Будетъ самый простой случай, какихъ бываетъ много. Двѣ подруги гуляли, изъ любопытства втерлись на вокзалъ, откуда уѣзжалъ военный отрядъ. Увидѣли молоденькаго офицерика, сошкольничали, заговорили съ нимъ, а одна до того расчувствовалась, что даже сняла съ своей груди медальонъ и подарила ему на память. А потомъ они встрѣтились и много смѣялись всему этому, и имъ было очень весело. А то, можетъ-быть, еще одна изъ нихъ влюбилась въ него, и вышелъ романчикъ... Ахъ, милая, согласись же, что это уже не то, не то, не то.

— И это дѣйствительно не то. Ты возьми терпѣнія на двѣ минутки и выслушай. Ну, Надя, выслушай же...

— Ну, говори себѣ. Мнѣ это безразлично.

— Ты помнишь 3-го апрѣля, когда тебѣ такъ неотразимо захотѣлось помолиться? Мы встрѣтились въ часовнѣ...

— Помню, конечно. Ты ѣхала на дежурство.

— Это было около часу.

— Да, кажется.

— 3-го апрѣля около часу отряду предстояло прорваться сквозь непріятельскіе ряды. Ему почему-то захотѣлось надѣть на шею медальонъ, и онъ надѣлъ его въ первый разъ. И сейчасъ же въ сраженіе. Онъ былъ легко раненъ въ ногу и очень тяжело контуженъ въ голову. Былъ привезенъ сюда, въ нашъ лазаретъ, безъ движенія и безъ сознанія. Когда же врачи наши осмотрѣли его, то нашли на груди, какъ разъ тамъ, гдѣ сердце, вдавленный въ тѣло, расплющенный и погнутый медальонъ... Осколокъ шрапнели направлялся ему въ сердце, а медальонъ остановилъ его и спасъ ему сердце и жизнь... Что съ тобой, Надя? Ну, вотъ видишь, видишь... А сказала—безразлично... Прилегла бы...

— Нѣтъ, ничего. Это такъ.

Надя слегка заколыхалась, какъ бы готовая потерять равновѣсіе. Лицо ея сдѣлалось безкровнымъ, но это была только секунда. Она овладѣла собой, сидѣла молча, и большіе глаза ея сосредоточенно смотрѣли въ пространство и словно остановились. Но не скорбь, не горе было въ нихъ, а свѣтилась улыбка счастья.

— Какъ чудно!—промолвила она, крѣпко сжимая Варину руку.—Новымъ свѣтомъ озарилась наша красивая сказка...

— Какъ? И послѣ этого ты не хочешь увидѣть его?

— Ни за что! Послѣ этого въ особенности. Неужели ты сказала обо мнѣ?

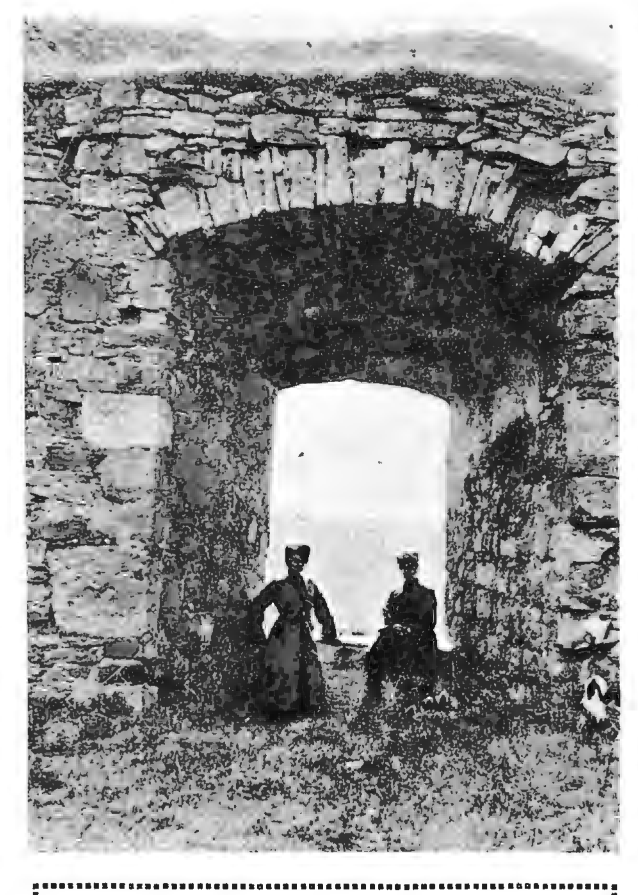
— Нѣтъ. Онъ такъ упрашивалъ меня сказать, кто ты. Но я не позволила себѣ этого. Онъ только знаетъ, что ты Надежда.

— Откуда знаетъ?

— Медальонъ послѣ удара шрапнели раскрылся, и тамъ отъ надписи уцѣлѣли только слова: „Надеждѣ“ и еще чуть замѣтное: „послѣдней“.

— Ну, такъ слушай, Варя... Если ты мнѣ другъ, такъ знай: я не хочу видѣть этого человѣка въ жизни. Ты понимаешь... Ну, я признаюсь тебѣ: я постоянно о немъ думаю, и онъ рисуется мнѣ въ такихъ дивныхъ очертаніяхъ, такимъ прекраснымъ, благороднымъ, такимъ совершенствомъ, какое въ реальной жизни невозможно. Я такъ безконечно дорожу этимъ образомъ—пусть созданнымъ моей фантазіей... Я не хочу разрушать его. Одинъ разъ это уже было, и довольно...

(Продолженіе слѣдуетъ).



Среди развалинъ стараго замка.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

О крѣпостяхъ.

Послѣ занятія Варшавы и линіи рѣки Вислы произошло автоматическое соединеніе сѣверной и южной группы противника. Связующимъ звеномъ явилась армія принца Леопольда баварскаго, вступившая въ Варшаву и двинувшаяся оттуда къ Сѣдлецу — исходному пункту 1000-верстнаго пути Сѣдлецъ—Бологое.

Въ то время, когда армія принца Леопольда баварскаго, двигаясь отъ Варшавы, дошла до Сѣдлеца, вправо отъ нея находились четыре южныя арміи противника: армія Войерша, двигавшаяся отъ Ивангорода къ Лукову и далѣе къ Бресту, и три арміи — эрцгерцога Іосифа, Макензена и Бемъ-Ермоли, двигавшіяся къ Бресту съ юга, изъ Люблинской и Холмской губерній.

Влѣво же отъ арміи принца Леопольда баварскаго, т.-е. влѣво отъ Сѣдлеца, наступали арміи Гальвица и Шольца, — тѣ самыя, которыя переправились черезъ Наревъ и двигались къ желѣзнодорожной магистрали, соединявшей Бѣлостокъ съ Брестомъ.

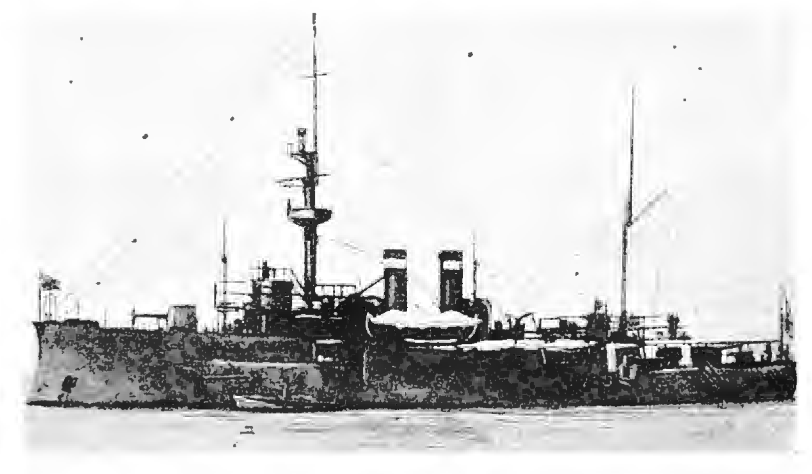
Командующій нашими морскими силами Балтійскаго моря вице-адмиралъ В. А. Канинъ.

Такимъ образомъ, къ югу отъ Нарева, вплоть до брестскаго раіона, образовалась масса изъ семи армій противника, направлявшаяся либо непосредственно къ Бресту, либо въ промежутокъ между Бѣлостокомъ и Брестомъ, т.-е. стремясь выйти за Брестъ.

Въ сѣверномъ раіонѣ, т.-е. въ Прибалтикѣ и въ Занѣманскомъ краѣ, оставались двѣ арміи: Белова, стремившаяся въ двинскомъ направленіи, и Эйхгорна, стоявшая передъ Ковной.

Въ такомъ порядкѣ развернулись девять австро-германскихъ армій отъ брестскаго раіона до Балтійскаго моря, подготовляясь къ новой операціи противъ оборонительной линіи Нѣмана—Буга, иначе говоря, противъ фронта Ковна — Брестъ. Операція началась съ наступленія занѣманской арміи генерала Эйхгорна, которая штурмовала западный фронтъ Ковны. Это обнаружило, что противникъ стремится выиграть время и, вмѣсто длительной осады крѣпости, рѣшается понести громадныя жертвы людьми, но непремѣнно брать крѣпость штурмомъ.

Капитанъ 2-го ранга Петръ Ниловичъ Черкасовъ, командиръ канонерской лодки „Сивучъ".



Канонерская лодка „Сивучъ", геройски сражавшаяся въ Балтійскомъ морѣ съ неизмѣримо сильнѣйшимъ непріятелемъ и славно погибшая въ неравномъ бою.

«Сивучъ» находился въ рядахъ дѣйствующаго флота съ 1908 г. Экипажъ «Сивуча» состоялъ изъ 10 офицеровъ, 3 кондукторовъ и 135 нижнихъ чиновъ. Длина судна составляла 218 футовъ, ширина—36 футовъ, углубленіе—7 футовъ, водоизмѣщеніе—960 тоннъ, наибольшая скорость хода 12 узловъ; артиллерія: двѣ 120-миллиметровыхъ пушки въ 45 калибровъ длиною, четыре 75-миллиметровыхъ пушки въ 50 калибровъ и 3 пулемета.

Къ такимъ пріемамъ противъ большихъ крѣпостей европейскія арміи до сихъ поръ не прибѣгали, и только по отношенію къ малымъ крѣпостямъ допускались штурмы. Обыкновенно считалось достаточнымъ выставить противъ крѣпости заслонъ и тогда спокойно двигаться далѣе противъ полевой арміи противника. При такомъ способѣ борьбы съ крѣпостями дѣло обходилось безъ потерь, и крѣпость, послѣ болѣе или менѣе длительной осады, неминуемо погибала отъ истощенія.

Нѣмцы однако, экономя войска, рѣшили прибѣгнуть къ штурму Ковны, и несомнѣнно, что нашъ противникъ въ теченіе своей 40-лѣтней подготовки къ войнѣ съ нами, разсчиталъ, какой силы орудія нужны для разрушенія казематовъ и другихъ прикрытій и соотвѣтственно этому германскіе артиллеристы должны были сконструировать достаточной силы орудія.

Дѣло въ томъ, что артиллерійская техника позволяетъ вообще имѣть весьма большія орудія, и мы знаемъ, что, напримѣръ, на современныхъ дредноутахъ еще до войны ставились 16-дюймовыя орудія. Такихъ пушекъ не было въ сухопутныхъ арміяхъ по той простой причинѣ, что ихъ крайне трудно перевозить, и онѣ бы лишь замедляли движеніе полевыхъ армій, что крайне вредно отражалось бы на операціяхъ.

Однако для осады крѣпостей, при извѣстныхъ условіяхъ, т.-е., если пути сообщенія допускали, можно было пользоваться весьма большими пушками. Поэтому-то въ германской и австрійской артиллеріи для осады крѣпостей предназначались орудія весьма большихъ калибровъ, до 16-дюймовыхъ включительно, т.-е. такія орудія, которыя пробивали бы казематы данной толщины, разрушали бы форты такихъ крѣпостей, какъ Ковна. Съ такими именно орудіями, противникъ и подошелъ къ западному фронту крѣпости. Выставивъ громадное число сильной осадной артиллеріи, противникъ открылъ жестокую бомбардировку западнаго фронта и, засыпавъ форты снарядами, занялъ сначала линію передовыхъ фортовъ, а затѣмъ линію главныхъ фортовъ. Гарнизонъ однако продолжалъ оборону на другомъ берегу Нѣмана, и только, когда противникъ ворвался въ городъ, остатки гарнизона отошли и соединились съ полевой арміей.

Одновременно такую же операцію противникъ предпринялъ противъ Новогеоргіевска, находившагося у нѣмцевъ въ тылу, такъ какъ они были впереди Вислы уже верстахъ въ 70. Если противъ Ковны, которая должна была послужить опорной точкой нашего новаго фронта, для нѣмцевъ и представляло нѣкоторый смыслъ вести столь рѣшительныя операціи, какъ штурмъ, то противъ Новогеоргіевска противникъ могъ всегда ограничиться только заслономъ, разъ эта крѣпость находилась въ тылу. Обложенный со всѣхъ сторонъ, Новогеоргіевскъ не могъ оказать непосредственнаго вліянія на дальнѣйшее наступленіе противника въ нашу сторону, и потому штурмъ его представлялся едва ли необходимымъ для нѣмцевъ. Однако нѣмцы штурмовали Новогеоргіевскъ, что явно свидѣтельствовало объ ихъ желаніи произвести моральный эффектъ, такъ какъ штурмъ стоилъ имъ громадныхъ жертвъ.

Противъ Новогеоргіевска былъ употребленъ тотъ же пріемъ, при чемъ въ пріемахъ борьбы нѣмцевъ противъ Ковны и Новогеоргіевска обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее.

Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ считалось необходимымъ обложить крѣпость со всѣхъ сторонъ и штурмовать ее также обязательно со всѣхъ сторонъ, чтобы отвлечь вниманіе гарнизона и гдѣ-либо прорваться. По отношенію къ Ковнѣ и Новогеоргіевску противникъ поступилъ иначе, а именно, онъ выбралъ

только одинъ небольшой участокъ крѣпостного круга фортовъ и стремился его сломить своей могущественной артиллеріей, а затѣмъ и прорваться. Противникъ, игнорируя всѣ остальные форты, собиралъ въ обоихъ случаяхъ всю свою артиллерію противъ небольшого участка изъ двухъ-трехъ фортовъ. Затѣмъ онъ открывалъ сильнѣйшій огонь противъ этихъ двухъ-трехъ фортовъ, превращалъ ихъ въ кучу развалинъ и черезъ этотъ разрушенный промежутокъ прорывался внутрь крѣпости.

Какъ видно изъ офиціальныхъ сообщеній по поводу Новогеоргіевска, противникъ для атаки избралъ сѣверо-восточный участокъ крѣпости, а именно, секторъ крѣпостного круга между Вкрой и Вислой. Совершенно разрушивъ сильнѣйшимъ огнемъ этотъ участокъ, противникъ прорвался внутрь крѣпостного круга и вышелъ въ тылъ слѣдующему сектору, такъ называемому сѣверному сектору. Этотъ секторъ былъ разрушенъ артиллерійскимъ огнемъ и натискомъ съ двухъ сторонъ. Вслѣдствіе этого гарнизонъ вынужденъ былъ отойти на слѣдующую линію фортовъ, а затѣмъ послѣ разрушенія этой линіи фортовъ и въ цитадель. Послѣ этого сопротивленіе крѣпости оказалось невозможнымъ, ибо всякая цитадель представляетъ собою небольшую площадку, которую легко разстрѣлять современной артиллеріей.

Германскіе десантные баркасы.

Послѣ Ковны и Нивогеоргіевска противникъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе повести наступленіе въ Прибалтійскомъ краѣ, къ Ригѣ и къ магистрали Двинскъ—Вильна. Съ этой цѣлью противникъ рѣшилъ предварительно обезпечить свои морскія сообщенія изъ Прибалтійскаго края къ портамъ Восточной Пруссіи. Во исполненіе этого, значительныя силы германскаго флота приступили къ овладѣнію Рижскимъ заливомъ, но здѣсь наткнулись на энергичное сопротивленіе нашихъ морскихъ силъ. Борьба эта продолжалась съ 3-го по 8-е августа, и, согласно нашимъ офиціальнымъ сообщеніямъ, у противника былъ подорванъ одинъ дредноутъ, и частью выведены изъ строя, а частью потоплены два крейсера и семь миноносцевъ. Наши потери были меньше и, согласно нашимъ офиціальнымъ сообщеніямъ, ограничились одной канонерской лодкой „Сивучъ", и кромѣ того нашему старому броненосцу „Слава" пришлось выдержать неравный бой съ германскими дредноутами. Эта неудача противника была весьма существенна и въ значительной степени затрудняла операціи его сѣверныхъ армій, почему и слѣдовало ожидать, что борьба у Рижскаго залива на этомъ не закончилась, и противникъ предприметъ новыя операціи противъ залива.

Къ серединѣ августа девять армій противника, продолжая занимать указанное нами въ началѣ статьи исходное положеніе, предприняли продолженіе операціи. Сѣверная армія Эйхгорна послѣ Ковны начала стремиться къ магистрали Вильна—Гродна, семь южныхъ армій продолжали стремиться къ Бресту и за Брестъ. Армія Белова въ Прибалтикѣ стояла неподвижно на фронтѣ Вилькоміръ—Понѣмуни и въ рижскомъ раіонѣ, выжидая окончанія морскихъ операцій, которыя должны были обезпечить сѣверной группѣ ихъ армій морскія сообщенія.

Такимъ образомъ къ серединѣ августа бо́льшая группа противника стремилась къ Бресту, какъ исходному пункту 1000-верстнаго пути Брестъ—Москва, а меньшая группа противника на сѣверѣ стремилась къ сѣверо-западной магистрали, главнымъ образомъ къ Двинску, какъ исходному пункту другого 500-верстнаго пути. Въ промежуткѣ между этими двумя группами—сѣверной и южной—должна была оказаться Бѣловѣжская Пуща, которая должна была совершенно разъединить обѣ группы.

Германскій крейсеръ-дредноутъ „Мольтке".

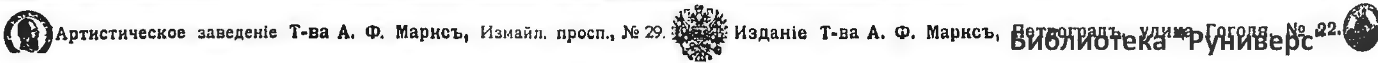
Крейсеръ-дредноутъ «Мольтке», по газетнымъ свѣдѣніямъ, подорванный англійской подводной лодкой въ Балтійскомъ морѣ, однотипенъ съ дредноутомъ «Гебеномъ». «Мольтке» построенъ въ 1910 г. Водоизмѣщеніе его—23.500 тоннъ, скорость хода—28,4 мили въ часъ; вооруженъ онъ былъ 10-ю 28-сант. орудіями, 12-ю 15-сант. и 12-ю 8,8 сант. Экипажа на немъ было 1.013 человѣкъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Кавказскіе орлы въ Галиціи. Очерки военнаго корреспондента. Н. Н. Брешко-Брешковскаго.—Жизнь—сказка. Повѣсть Ив. Островного. (Продолженіе).—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Заявленіе.—Объявленія.—Отклики войны.

РИСУНКИ: Кавказскіе орлы въ Галиціи (28 фотогр.).—Командующій нашими морскими силами Балтійскаго моря вице-адмиралъ В. А. Канинъ.—Капитанъ 2-го ранга Петръ Ниловичъ Черкасовъ, командиръ канонерской лодки „Сивучъ".—Канонерская лодка „Сивучъ", погибшая въ бою съ германскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ.—Германскій крейсеръ-дредноутъ „Мольтке", подорванный въ Балтійскомъ морѣ.—Германскіе десантные баркасы.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" кн. 12.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

1915 г. № 35 — ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ — XLVI г. изданія

Выданъ 29-го августа 1915 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Метерлинка“ кн. 6.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Прибытіе раненыхъ-инвалидовъ изъ германскаго плѣна. (Рис. на стр. 654 и 655). Въ настоящее время въ Россію прибываютъ транспортъ за транспортомъ наши страстотерпцы-инвалиды, захваченные нѣмцами въ плѣнъ въ теченіе войны.

Согласно состоявшемуся между нами и Германіей соглашенію происходитъ обмѣнъ инвалидами. Воины, выведенные увѣчьями и тяжкими ранами навсегда изъ строя, возвращаются домой. Возвращеніе ихъ происходитъ черезъ единственный остающійся свободнымъ путь—черезъ Швецію.

Первый транспортъ съ русскими инвалидами прослѣдовалъ черезъ эту нейтральную, сосѣднюю съ нами страну въ началѣ августа. 30-го іюля инвалиды были перевезены изъ Германіи черезъ Засницъ въ шведскую гавань Треллеборгъ на пароходѣ, а 4-го августа они уже пріѣхали въ особомъ поѣздѣ въ Петроградъ.

Путешествіе увѣчныхъ русскихъ воиновъ по Швеціи было обставлено съ большимъ удобствомъ. Шведы отнеслись къ нимъ съ чрезвычайной внимательностью и даже болѣе того—съ искренней сердечностью. Очень много потрудился въ этомъ дѣлѣ шведскій Красный Крестъ, приспособившій съ крупными затратами спеціальный пароходъ и такой же поѣздъ для перевозки русскихъ раненыхъ.

Въ Засницѣ раненые покинули германскую территорію, оставивъ за собой тягостныя воспоминанія о мучительномъ плѣненіи и многія сотни своихъ товарищей, которымъ пришлось еще оставаться въ плѣну. Пароходъ шведскаго Краснаго Креста «Haeolus» съ 6 офицерами и 244 нижними чинами пришелъ въ Треллеборгъ въ шесть часовъ вечера. Здѣсь, въ Швеціи, русскіе раненые сразу почувствовали, что они находятся въ дружественной странѣ. Къ прибытію парохода собрались представители мѣстныхъ военныхъ и гражданскихъ властей и многочисленная публика. Когда пароходъ присталъ къ берегу, находившійся въ числѣ возвращавшихся въ Россію инвалидовъ полковникъ Микульскій провозгласилъ «ура» въ честь шведскаго короля, народа и арміи. Остальные воины-увѣчные подхватили это «ура», и набережная шведскаго порта огласилась громкими привѣтствіями. Эта неожиданная манифестація произвела на шведовъ глубокое впечатлѣніе.

Изъ Треллеборга русскіе инвалиды были отправлены въ спеціальномъ поѣздѣ въ Хапаранду (Финляндія). Поѣздъ этотъ, оборудованный, въ полномъ смыслѣ этого слова, превосходно, устроенъ подъ руководствомъ шведскаго принца Карла. Онъ состоитъ изъ 15 пассажирскихъ вагоновъ. Въ большинствѣ вагоновъ висячія походныя койки, расположенныя вдоль вагона по направленію движенія поѣзда. Между койками широкій проходъ, всюду много свѣта, прекрасная вентиляція. Въ каждомъ вагонѣ имѣются приспособленія для кипяченія воды, чая и кофе. Въ поѣздѣ находится операціонное отдѣленіе и отдѣльный вагонъ для больныхъ, требующихъ особаго ухода. Каждая мелочь производитъ впечатлѣніе большой любви и заботливости, приложенныхъ къ этому дѣлу.

На пути въ Хапаранду на одной изъ промежуточныхъ шведскихъ станцій (въ Брекѣ) произошла еще одна трогательная манифестація: поѣздъ съ русскими инвалидами былъ поставленъ на запасный путь поблизости отъ шведскаго воинскаго поѣзда. Русскіе, узнавъ, что по сосѣдству съ ними находятся шведскіе товарищи по оружію, стали привѣтствовать ихъ громкими «ура». Шведы сначала недоумѣвали, что это значитъ. Но потомъ, понявъ, въ чемъ дѣло, отвѣтили такими же громогласными криками. Это неожиданное братаніе тѣмъ болѣе знаменательно, что еще не такъ давно шведскіе военные круги относились къ Россіи далеко не дружелюбно. Манифестація въ Брекѣ такимъ образомъ нечаянно послужила связующимъ дружескимъ звеномъ между нами и шведской арміей.

4-го августа русскіе страстотерпцы прибыли наконецъ въ Петроградъ. Встрѣча ихъ на Финляндскомъ вокзалѣ носила торжественный характеръ. Лица, вѣдающія призрѣніе раненыхъ-инвалидовъ, видные представители администраціи и масса публики явились встрѣтить нашихъ инвалидовъ, претерпѣвшихъ не только раны и увѣчья, но и жестокое обращеніе нѣмцевъ во время плѣна. По ихъ словамъ, нѣмцы заставляли ихъ исполнять тяжелыя работы, плохо кормили, отнимали у нихъ сапоги и шинели. Въ особенности тяжело приходилось зимой.

Поѣздъ съ инвалидами подошелъ къ перрону Финляндскаго вокзала подъ звуки музыки. Въ баракѣ, назначенномъ для пріема прибывшихъ воиновъ, было отслужено молебствіе по случаю благополучнаго прибытія, а затѣмъ всѣмъ инвалидамъ былъ предложенъ обѣдъ. Всѣмъ вернувшимся въ Россію воинамъ розданы особыя медали съ датой дня возвращенія, а нижніе чины сверхъ того получили отъ студентовъ-санитаровъ пакетики со сластями.

Слѣдующія партіи инвалидовъ прибыли 6-го, 8-го, 10-го, 12-го, 14-го и 16-го августа. Встрѣчи ихъ были такъ же многолюдны, сердечны и торжественны.

Въ ихъ лицѣ мы привѣтствовали нашу армію, одинаково стойкую и въ борьбѣ и въ страданіяхъ, и преклонились предъ ихъ геройскимъ терпѣніемъ и глубиною ихъ страдальческаго томленія во вражескомъ плѣну.

Въ связи съ обмѣномъ военноплѣнныхъ инвалидовъ, шведскій король, какъ хозяинъ той страны, черезъ которую происходитъ обмѣнъ, обратился къ Государю Императору съ телеграммой. Въ ней онъ выразилъ чувства радости и удовлетворенія, какъ свои, такъ и шведскаго народа, что могъ содѣйствовать гуманному дѣлу.

Въ отвѣтной телеграммѣ Государь Императоръ въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ Свою признательность шведскому королю и шведскому народу.

Русско-англійскій герой Максъ Хортонъ. На стр. 655 «Нивы» помѣщенъ портретъ командора англійскаго флота Макса Хортона, удостоеннаго за свои исключительные боевыя заслуги исключительной награды—ордена св. Георгія 4-й степени. Максъ Хортонъ,—по авторитетному сообщенію «Русскаго Инвалида»,—является однимъ изъ національныхъ героевъ Англіи и до сихъ поръ былъ извѣстенъ своими подвигами въ Сѣверномъ морѣ, когда онъ, командуя подводной лодкой Е. 9, потопилъ 30-го августа 1914 г. германскій легкій крейсеръ «Гела», а 23-го сентября истребителя миноносцевъ S. 126, и его имя находится въ числѣ четырехъ наиболѣе отличившихся офицеровъ англійскаго подводнаго флота, какими, кромѣ него, являются лейтенантъ-командоры: Гольбрукъ, командиръ подводной лодки В. 11, потопившій въ Дарданеллахъ турецкій броненосецъ «Мессудіе» (недавно раненъ въ бою на Галиполи), Насмитъ, командиръ подводной лодки Е. 11, о подвигахъ которой въ Мраморномъ морѣ было много писано, и Бойль, командиръ лодки Е. 14, также успѣшно дѣйствующей въ томъ же морѣ.

Относительно командора Хортона въ англійскомъ полуофиціальномъ изданіи «Royal Navy List» находимъ свѣдѣнія, что въ 1891 году онъ служилъ въ чинѣ лейтенанта на броненосномъ крейсерѣ «Duke of Edinburgh» и былъ награжденъ медалью за «спасеніе погибающихъ» при оказаніи помощи этимъ судномъ гибнувшему у мыса Спартель англійскому пароходу «Делли» въ ночь на 11-е ноября новаго стиля этого года. Кромѣ того, въ этомъ же изданіи находимъ, кромѣ фактовъ потопленія имъ непріятельскихъ судовъ, еще свѣдѣнія, что «1-го сентября (т.-е. на слѣдующій день послѣ потопленія крейсера «Гела») онъ обслѣдовалъ якорныя стоянки у острова Гельголандъ, при чемъ эта операція была сопряжена съ очень большими затрудненіями». Затѣмъ въ донесеніи о потопленіи имъ истребителя S. 126 говорится, что «онъ является однимъ изъ наиболѣе предпріимчивыхъ офицеровъ подводнаго флота и заслуживаетъ поощренія для его дальнѣйшей дѣятельности». За эти подвиги онъ былъ награжденъ 8-го октября прошлаго года англійскимъ орденомъ «за заслуги» и получилъ годъ старшинства въ чинѣ. Теперь мы узнаемъ, что этотъ отважный офицеръ появился, вѣроятно, вмѣстѣ со своей лодкой въ Балтійскомъ морѣ, и видимъ, что имъ потоплено 5 германскихъ судовъ и одно подорвано, при чемъ самымъ значительнымъ судномъ является броненосецъ типа «Deutschland», обстоятельства потопленія котораго, такъ какъ онъ былъ въ составѣ эскадры, говорятъ объ исключительной опытности и знаніи своего дѣла этимъ офицеромъ. Наконецъ переходъ изъ Сѣвернаго моря въ Балтійское, когда пришлось итти черезъ датскіе проливы и проходить районъ у острововъ Лаландъ, Фемернъ, Гюгенъ, гдѣ проходъ сравнительно узокъ, а сторожевая служба нѣмцевъ велась очень строго, составляетъ отдѣльный подвигъ, подробности котораго мы узнаемъ послѣ окончанія войны.

Командоръ Хортонъ—первый англійскій морской офицеръ, получившій Георгіевскій крестъ во время этой войны; до сихъ поръ за время существованія этого ордена его получили только: англійскіе адмиралы Кондрингтонъ за сраженіе при Наваринѣ 1827 года (2-й степени) и Стопфордъ, тоже 2-й степени, въ 1840 году.

Но, въ виду совмѣстной работы во время этой войны русскаго и англійскаго флотовъ, надо надѣяться, что командоръ Хортонъ не будетъ единственнымъ офицеромъ британскаго флота, заслужившимъ нашу высшую боевую награду.

О размѣнной серебряной монетѣ. Въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи и, въ частности, въ послѣднее время въ Петроградѣ наблюдался совершенно необъяснимый никакими разумными доводами значительный спросъ широкихъ массъ населенія на размѣнную серебряную монету.

Министерство финансовъ объявляетъ, что лица, стремящіяся получить и припрятать какъ можно больше размѣнной серебряной монеты, предполагая, что она имѣетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ кредитные билеты, не отдаютъ себѣ, повидимому, отчета въ томъ, что содержаніе серебра въ размѣнной монетѣ далеко не соотвѣтствуетъ нарицательной стоимости монеты: по закону (Св. Зак. т. VII уст. монетн. ст. 14) тысяча рублей серебряной размѣнной монеты вѣситъ одинъ пудъ три фунта девяносто золотниковъ семьдесятъ двѣ доли, или изъ одного пуда лигатурнаго серебра пятисотой пробы чеканится 910 руб. $22^6/_{27}$ коп., тогда какъ дѣйствительная стоимость полупуда серебра по современнымъ цѣнамъ не превышаетъ 440 руб. и полупуда мѣди 13 руб., т.-е. вмѣстѣ—одного пуда серебра пятисотой пробы,—453 руб.

Указанныя лица рискуютъ сверхъ того въ дальнѣйшемъ, помимо административныхъ каръ за разныя злоупотребленія съ размѣномъ, натолкнуться на значительныя затрудненія при пользованіи размѣнной монетой для производства платежей, ибо по закону (Св. Зак. т. VII уст. мон. ст. 29) обязательный пріемъ частными лицами размѣнной серебряной и мѣдной монеты ограничивается суммой трехъ рублей при каждомъ платежѣ. Въ силу этого постановленія закона частныя лица въ правѣ отказываться отъ пріема размѣнной монеты на бо́льшую сумму и могутъ требовать платежа кредитными билетами.

Лица же, имѣющія значительныя суммы размѣннаго серебра, въ случаѣ предъявленія его къ обмѣну на кредитные билеты въ правительственныя кассы и, въ частности, въ кассы Государственнаго Банка, принуждены будутъ испытывать извѣстныя затрудненія и стѣсненія, связанныя съ необходимостью подсчета при пріемѣ большого количества монеты.

Заявленіе С. Д. Сазонова въ газетѣ «Times». Министръ иностранныхъ дѣлъ гофмейстеръ С. Д. Сазоновъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе представителю газеты «Times», воспроизведенное въ этой газетѣ:

«Русское правительство съ полнымъ пренебреженіемъ относится къ злонамѣреннымъ слухамъ, которые въ теченіе послѣднихъ недѣль циркулировали въ Петроградѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи относительно существующаго положенія.

Германцы испробовали всѣ методы для того, чтобы сломить могущество Россіи, начиная отъ попытокъ вызвать панику путемъ сбрасыванія бомбъ въ неукрѣпленные города и убійства женщинъ и дѣтей, въ томъ расчетѣ, чтобы паника могла распространиться и на арміи, вплоть до пользованія ядовитымъ газомъ, который вызывалъ столь ужасныя страданія, что германцы надѣялись устрашить нашихъ героевъ-солдатъ и отклонить ихъ отъ исполненія долга. Свѣтъ видѣлъ, что всѣ эти попытки не удались.

Три мѣсяца неудачныхъ усилій сломить нашу армію оказались неуспѣшными. Теперь непріятель пытается примѣнить новый видъ яда въ видѣ особыхъ, якобы убѣдительныхъ, разсужденій, разсчитанныхъ на то, чтобы сломить духъ русскаго народа и русской арміи путемъ распространенія свѣдѣній объ отсутствіи согласія между союзниками, о неудачѣ со снарядами и о возможности заключенія сепаратнаго мира съ Германіей.

Мнѣ стыдно, что нѣкоторые русскіе серьезно могутъ обсуждать подобные предметы, въ которыхъ ясно проглядываютъ послѣднія попытки непріятеля достигнуть путемъ интригъ того результата, котораго онъ никакъ не могъ добиться оружіемъ.

Чтобы одну за другой опровергнуть эти клеветы на нашъ народъ и наше правительство, я категорически утверждаю слѣдующее: Во-первыхъ, никогда, ни въ какое время не существовало ни малѣйшаго различія во взглядахъ между главными квартирами союзныхъ армій. Полное довѣріе господствуетъ въ высшихъ кругахъ по отношенію къ дѣйствіямъ нашихъ союзниковъ, и всѣ исполнены вѣрой въ благополучный исходъ кампаніи, которая теперь развивается на Западѣ.

Во-вторыхъ, все возможное сдѣлано для увеличенія запасовъ снарядовъ нашихъ армій, чтобы дать имъ возможность продолжать кампанію съ тою энергіею, которая характеризовала всѣ ихъ дѣйствія въ теченіе всей этой войны.

Въ заключеніе я желаю разъ навсегда разувѣрить общественное мнѣніе относительно наличія у русскаго правительства какого бы то ни было намѣренія заключить сепаратный миръ съ Германіей до тѣхъ поръ, пока хотя бы одинъ непріятельскій солдатъ находится на русской территоріи.

Въ періодъ переживаемыхъ нами временныхъ неудачъ всѣ патріотически настроенные русскіе и друзья Россіи должны бы понять, что, слушая и передавая эти низкіе слухи, они непосредственно играютъ въ руку нашему врагу и содѣйствуютъ поднятію у него настроенія для дальнѣйшихъ нападеній на нашу доблестную армію, которая изо дня въ день выдерживаетъ на себѣ тяжесть этихъ бѣшеныхъ атакъ.

Сердце русскаго народа исполнено вѣрности и вполнѣ здорово и непоколебимо въ настоящемъ общемъ дѣлѣ защиты національной территоріи, и каждая миля, которую непріятель проходитъ по нашей землѣ, уменьшаетъ возможность для него добиться мира.

Всѣ тѣ, которые изучали прежнія кампаніи нашихъ доблестныхъ армій, не могутъ сомнѣваться въ стойкости ихъ и рѣшимости сражаться до побѣдоноснаго конца, даже если бы для этого потребовались годы и если бы нашимъ арміямъ пришлось отступить въ сердце Россіи. Съ вѣрою въ нашего Монарха, нашихъ союзниковъ и нашъ народъ Россіи нечего бояться какой бы то ни было силы въ мірѣ.

Эту вѣру мы хранимъ въ себѣ и съ нею намъ обезпечена окончательная побѣда нашей арміи».

Ллойдъ-Джорджъ о русской арміи. Въ рѣчи, произнесенной въ Бангорѣ, въ южномъ Уэльсѣ, министръ снабженія англійской арміи Ллойдъ-Джорджъ сказалъ:

«Небо на востокѣ зловѣще нахмурилось, звѣзды спрятались за тучами. Я смотрю на этотъ горизонтъ съ безпокойствомъ, но безъ страха. Уже сегодня вижу я на этомъ небѣ свѣтлую полоску, которая начинаетъ его скрашивать. Врагъ нашъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи не знаетъ, что̀ онъ дѣлаетъ. Да будетъ ему вѣдомо, что онъ расковываетъ Россію своей чудовищной артиллеріей, что онъ разбиваетъ ржавые запоры, за которыми томилась сила русскаго народа. Вы видите, какъ расправляетъ этотъ народъ свои могучіе члены, освобождаетъ ихъ отъ давившихъ цѣпей и съ новымъ воодушевленіемъ готовится къ борьбѣ. Я повторяю: врагъ не знаетъ, что̀ онъ дѣлаетъ въ пользу своей, якобы, жертвы. Австріяки и пруссаки дѣлаютъ нынѣ для Россіи то, что̀ ихъ предки сдѣлали, такъ же безсознательно, въ свое время для Франціи. Они куютъ мечъ, который поразитъ ихъ же. Они освобождаютъ великій народъ, который воспользуется этимъ мечомъ, дабы нанести безпримѣрный по силѣ ударъ съ удвоенной энергіей,—ударъ, котораго не знало прошлое. Что̀ касается насъ, то мы должны или продолжать сражаться, или опуститься до положенія безсильнаго ничтожества. Англія имѣетъ свою задачу. Эта задача становится болѣе обширной, а наша доля въ ней возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ идетъ время. Эта задача—бодрствовать, дабы страданія и потери не остались тщетными. Поля Европы вспаханы плугомъ войны, листва старой цивилизаціи исчезаетъ въ ужасной борьбѣ. Позаботимся, чтобы доброе сѣмя, а не плевелы, упало на сочащуюся кровью землю, и, когда наступитъ время, соберемъ жатву».

Начальникъ Главнаго Штаба о положеніи русской арміи. Извѣстный стратегъ генералъ-отъ-инфантеріи Н. П. Михневичъ высказалъ очень интересный взглядъ на современное положеніе военныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ. Заимствуемъ изъ «Бирж. Вѣдомостей» нѣкоторыя изъ его мыслей:

«Наступленіе нѣмцевъ въ глубь страны отнюдь не знаменуетъ собою большого успѣха, такъ какъ необходимо имѣть массу силъ для защиты тыла, а хватитъ ли у нѣмцевъ этихъ силъ—вопросъ не малый. Для выясненія укажу на слѣдующее: Наполеонъ при своемъ наступленіи въ Россію принужденъ былъ изъ семнадцати корпусовъ десять назначить для охраны тыла, а наступленіе онъ велъ лишь съ помощью оставшихся семи корпусовъ. Тѣ же нѣмцы, въ свое время, при осадѣ Парижа изъ своей арміи въ 1.300.000 человѣкъ для осады выдѣлили всего триста тысячъ, а вся остальная армія должна была охранять тылъ. Такимъ образомъ каждый этапъ, по мѣрѣ вторженія нѣмцевъ въ глубь нашей страны, истощаетъ нѣмецкія силы.

Что германская армія истощается, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. По непосредственнымъ отзывамъ участниковъ войны, изъ германскихъ войскъ сейчасъ остались такъ называемые хвосты. Весь серьезный воинскій элементъ, т.-е. средній возрастъ, перебитъ. Впередъ выпускаютъ либо юношей, либо стариковъ. И если все же нѣмцы сейчасъ берутъ верхъ надъ нами, то это потому, что у нихъ прекрасно оборудованная техника, и потому, что у нихъ армія слѣдуетъ за пушками, въ то время, какъ у насъ пушки слѣдуютъ за арміей.

Такова общая картина настоящаго положенія. И больше чѣмъ когда-либо отъ нашей интеллигенціи нужно потребовать полнаго самообладанія. Въ письмахъ военныхъ съ передовыхъ позицій мнѣ нерѣдко приходилось читать жалобы на ту растерянность, которая чувствуется въ тылу. Для этого нѣтъ ни основаній ни оправданій, такъ какъ армія наша бодра и сильна своимъ духомъ и увѣренностью въ побѣдѣ».

На ряду съ этимъ интересно привести мнѣніе военнаго обозрѣвателя извѣстной англійской газеты «Daily News»: «Коренная ошибка Германіи заключается въ томъ, что она продуктъ ставитъ выше производителя. Пушка Круппа стоитъ у нѣмцевъ выше человѣческаго ума, человѣческаго духа. Ошибка эта очень старая. Это ошибка Ксеркса и Наполеона, ошибка Австріи, господствовавшей надъ Италіей, ошибка всей Европы, стремившейся раздавить французскія свободы. Есть только одинъ возможный выходъ изъ конфликта между духомъ и механической силой, которую этотъ духъ создалъ. Исходъ можетъ быть отсроченъ, можетъ обойтись дорого, но онъ одинъ. До сихъ поръ всегда торжествовалъ духъ надъ машиной, и вся чудовищная техника германской арміи будетъ также побѣждена. Сербія и Бельгія, Франція и Италія, Англія и Россія,—всѣ воодушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ сопротивленія господству машинъ. Никакія запугиванія, никакое превосходство въ вооруженіи не могутъ побѣдить при борьбѣ à la longue, или иначе нужно будетъ признать, что вся исторія—ложь. Конецъ борьбы, можетъ-быть, еще далекъ, но никакихъ сомнѣній нѣтъ: человѣкъ побѣдитъ машину, какія бы опустошенія она ни произвела».

Къ свѣдѣнію запасныхъ и ополченцевъ. За послѣднее время въ арміи стали распространяться, а оттуда проникать и въ общество, слухи, что лица, призванныя изъ запаса или ополченія на дѣйствительную военную службу по случаю войны, лишаются, будто бы, причитающагося имъ содержанія по прежней службѣ и сохраненія за ними должностей на таковой.

Главный Штабъ считаетъ поэтому необходимымъ разъяснить, что въ отношеніи правъ на сохраненіе гражданской должности и содержанія по ней, всѣ, поступившіе въ армію во время войны, дѣлятся на три категоріи, а именно:

1) Состоявшіе на государственной гражданской службѣ въ должностяхъ, не освобождающихъ отъ призыва о мобилизаціи, а потому и призванныхъ съ таковыхъ должностей въ войска.

Лица этой категоріи сохраняютъ за собой гражданскія должности и содержаніе по нимъ на точномъ основаніи ст.ст. 32 и 359 уст. воин. повин. (изд. 1897 г., по продолженію 1912 года); лишеніе ихъ этого права, если бы это и могло случиться, представляетъ собою дѣйствіе незакономѣрное, на которое означенныя лица могутъ жаловаться въ установленномъ порядкѣ.

2) Состоявшіе на государственной гражданской службѣ въ должностяхъ, освобождающихъ отъ призыва по мобилизаціи (ст.ст. 25 и 341 уст. воин. повин., по продолженію 1912 года), но вступившіе добровольно въ войска въ теченіе настоящей войны.

Лица этой второй категоріи освобождаются не въ личныхъ ихъ интересахъ, а въ интересахъ государственныхъ, дабы не нарушить дѣятельность подлежащихъ гражданскихъ учрежденій. Поэтому, всецѣло отъ усмотрѣнія начальниковъ гражданскихъ вѣдомствъ зависитъ разрѣшеніе означеннымъ лицамъ поступать добровольно въ войска.

Согласно особому журналу Совѣта Министровъ 23-го сентября 1914 года, главнымъ начальникамъ вѣдомствъ предоставлено испрашивать Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на сохраненіе за такими лицами права на занимаемую ими гражданскую должность и содержанія по ней, при чемъ, конечно, испрошеніе вышеупомянутыхъ Высочайшихъ милостей должно непремѣнно оправдываться личными, особо полезными для дѣла свойствами того или другого изъ служащихъ, а также самымъ характеромъ его служебныхъ обязанностей.

Въ виду сего разрѣшеніе вопроса о принятіи такихъ лицъ вновь на военную службу на время войны всегда совершалось по предварительному запросу о согласіи ихъ на таковое опредѣленіе, съ предупрежденіемъ, что вопросъ о сохраненіи гражданской службы и содержанія по оной остается открытымъ, и

3) Не состоявшіе на государственной службѣ, но занимавшіе гражданскія должности по вольному найму, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, и призванные или добровольно поступившіе на службу въ войска въ теченіе войны.

Сохраненіе за этими лицами оставленныхъ ими должностей и содержанія по нимъ зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія начальства подлежащихъ учрежденій и доброй воли тѣхъ лицъ, у коихъ они служили.

Какъ погибъ транспортъ «Енисей». Въ госпиталѣ Краснаго Креста, помѣщающемся въ ревельскомъ эстонскомъ театрѣ, находятся спасшіеся съ «Енисея» матросы. На черныхъ дощечкахъ у изголовья постелей бѣлѣются надписи: «22-го мая 1915 года, съ транспорта «Енисея», діагнозъ — общая простуда». Такія надписи у большинства. Одинъ изъ спасшихся матросовъ разсказалъ подробности этой тяжкой катастрофы, еще разъ подчеркнувшей геройство нашихъ моряковъ: «Въ 5 часовъ утра вѣтеръ свѣжѣлъ. Мы шли полнымъ ходомъ выполнить данную задачу. Солнце уже встало. Вокругъ, кромѣ рѣдкихъ бѣлыхъ гребешковъ волнъ, ничего не было видно, ни одного дымка. Полоска берега терялась постепенно вдали. Шли по открытому морю. Въ бурный день трудно замѣтить перископъ подводной лодки. Наши зорко слѣдили за морской поверхностью. Нѣмцы, видимо, уже поджидали насъ. Въ 10 часовъ утра одинъ изъ дозорныхъ замѣтилъ мину. Она шла прямо по направленію къ судну. Закричалъ: «Мина идетъ!», но было уже поздно. Раздался толчокъ, взрывъ, съ кормы полетѣли обломки. Попадали люди. Отъ взрыва рухнула задняя мачта и разрушила при паденіи безпроволочный телеграфъ и электрическіе провода во внутреннихъ помѣщеніяхъ. Сразу погасло электричество. Сообщить о катастрофѣ мы не имѣли никакой возможности. Вблизи насъ никого не было. Бросились первымъ дѣломъ подводить заплату подъ пробоину. Никто не растерялся. Нашъ командиръ отдавалъ приказанія спокойно до послѣдняго момента. Транспортъ сразу далъ кренъ на правый бортъ и сталъ почти вертикально. Ясно было, что спасти судно не было никакой возможности. Скомандовали, чтобы спасался, кто какъ можетъ. Транспортъ черезъ двѣ минуты уже сталъ погружаться. Съ громкимъ «ура», перекрестившись, стали всѣ бросаться въ воду. Успѣли спустить нѣсколько шлюпокъ, но ихъ захлестывало сильной волной. Изъ нижнихъ помѣщеній выбѣгали на палубу, кто могъ. Прошло еще двѣ-три минуты, и транспортъ сталъ подниматься носомъ кверху. Я сбросилъ скорѣе сапоги, мѣшавшіе мнѣ, схватилъ свою койку-матрацъ, сдѣланный изъ толстой пробки, бросилъ ее въ воду и, изловчившись, прыгнулъ за нею самъ. Въ первый моментъ словно ошпарило холодной водой, даже сердце защемило. Я скорѣе, нѣсколькими взмахами рукъ, подплылъ къ матрацу, и мнѣ удалось обмотать его вокругъ груди и живота. Плыть стало легче. Первой заботой было отплыть подальше отъ судна, чтобы не затянуло въ водоворотъ. Отплывъ саженъ на пять, я оглянулся. На судне никого не было. Носъ «Енисея» поднялся вертикально кверху и почти моментально исчезъ подъ водой. На мѣстѣ транспорта забурлилъ сильный водоворотъ. Въ эту минуту изъ бушующаго моря понеслось громкое «ура». Большая часть команды

еще держалась на водѣ. Меня стало затягивать въ водоворотъ. Нѣсколькими сильными движеніями удалось выплыть. Я оглянулся вокругъ; изъ-за волнъ видно было, какъ изъ воды вынырнула германская подводная лодка, потопившая насъ, и стала полнымъ ходомъ уходить, не обращая на насъ никакого вниманія. Водоворотъ понемногу началъ расширяться широкими кругами, и море стало пустыннымъ. То тамъ, то здѣсь среди волнъ мелькали головы нашихъ матросовъ, еще державшихся на водѣ. Разсчитывать на помощь было неоткуда. Мы приготовились къ смерти. Большинство держалось совершенно спокойно, переговаривались, пѣли пѣсни. Сбоку отъ меня перевернулся полузалитый водой баркасъ съ нѣсколькими матросами. Они пошли ко дну. Лодка поплыла килемъ кверху. Къ ней подплыли два матроса и уцѣпились. Такъ мы продержались болѣе часа на водѣ. Нѣкоторые пріуныли, крестились, держались изъ послѣднихъ силъ. Невдалекѣ отъ меня за буекъ держался молодой офицеръ-мичманъ. Онъ велъ себя геройски до послѣдней минуты. Замѣтивъ, что команда пріуныла, собралъ послѣднія силы и крикнулъ: «Братцы, бодритесь, не унывать! Наши побѣдили, потопили германскій броненосецъ. Слышите «ура»? Опять разнеслось «ура» надъ водой, но уже слабѣющее. Болѣе двухъ часовъ продержались мы на водѣ. Ни одной жалобы ни одного малодушнаго стона не слышалъ я. Насъ, 32 человѣка, неожиданно подобрали подошедшія лодки со сторожевыхъ пограничныхъ постовъ. Закоченѣвшихъ до потери способности двигаться, насъ отвезли на берегъ. Отогрѣтые, мы остались живы. Теперь поправляемся».

Въ дознаніи по поводу гибели транспорта «Енисей» выяснилось изъ допроса людей, которыхъ удалось спасти, насколько выдающимся по доблести и самоотверженію было поведеніе личнаго состава погибшаго судна. По единогласному показанію спасшихся, командиръ, капитанъ 1-го ранга, Прохоровъ проявилъ исключительное хладнокровіе и своими умѣлыми распоряженіями достигъ того, что при катастрофѣ не только не было паники, но даже и ни малѣйшаго замѣшательства. Имѣя полную возможность лично спастись, герой-командиръ предпочелъ раздѣлить участь своего корабля и погибъ вмѣстѣ съ нимъ, до послѣдняго момента оставаясь на мостикѣ, озабоченный только тѣмъ, чтобы обезпечить возможность спастись какъ можно большему числу своихъ подчиненныхъ.

По показанію нижнихъ чиновъ, которые находились на мостикѣ возлѣ командира, послѣдній все время пріободрялъ команду и сохранялъ порядокъ при оставленіи судна людьми. Зная, что онъ лично останется и неминуемо погибнетъ, капитанъ 1-го ранга Прохоровъ тѣмъ не менѣе все время имѣлъ спокойный, бодрый и даже веселый видъ. Бывшій по обязанностямъ службы при командирѣ мичманъ Вольбекъ не покинулъ его и добровольно погибъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ. Когда рулевой Мыловъ подбѣжалъ и предложилъ для спасанія буекъ лейтенанту Матусевичу, то послѣдній, занятый спусканіемъ шлюпокъ, сказалъ ему: «Спасибо, братецъ, оставь себѣ буекъ и спасайся самъ». Послѣ этого онъ до конца оставался на мостикѣ, исполняя свое дѣло, и только когда на мостикѣ стоять было уже нельзя, упалъ въ воду и погибъ.

Всѣ остальные офицеры, насколько могли, были заняты спасаніемъ людей и, очутившись въ водѣ, ободряли ихъ, пока, будучи контужены или ранены, не пошли ко дну. Мичманъ Печаткинъ за нѣсколько минутъ до того, какъ, обезсилѣвъ, утонулъ, кричалъ плававшей рядомъ съ нимъ командѣ: «Не падайте духомъ, ребята, нашъ «Окунь» отомстилъ за насъ!» Инженеръ-механикъ, капитанъ 2-го ранга Сачковскій, держась въ водѣ рядомъ съ судовымъ врачомъ и лейтенантомъ Унтербергеромъ, раненымъ и окровавленнымъ, до самаго того момента, когда оба они, выбившись изъ силъ, пошли ко дну, старался подбодрить нижнихъ чиновъ. Команда, сильная духомъ и вдохновленная примѣромъ своихъ начальниковъ, проявила полное спокойствіе, мужество и образцовую дисциплину. Тонувшіе, окоченѣвшіе въ ледяной водѣ люди передъ лицомъ смерти нашли въ себѣ силы прокричать «ура!» въ честь своего корабля въ то мгновеніе, когда послѣдній скрывался подъ поверхностью воды.

Низкій врагъ и честный противникъ. Вышеприведенныя трогательныя по своему героизму подробности гибели транспорта «Енисея» дали основаніе Льву Доличу, спеціалисту по вопросамъ морской войны, написать въ «Новомъ Времени» блестящую отповѣдь германской лжи о безпорядкахъ въ нашемъ флотѣ, нарушеніяхъ дисциплины командными составомъ боевыхъ судовъ. «Если намъ понадобятся фактическія опроверженія германской клеветы, то долго искать ихъ не придется. Мы подъ рукой тутъ же найдемъ ихъ, хотя бы въ недавно опубликованномъ сообщеніи о гибели «Енисея». Взорванный, гибнетъ среди моря транспортъ; въ кучку людей, столпившихся на палубѣ тонущаго судна, холодными тупыми очами уже впериласъ смерть; пощады нѣтъ; еще нѣсколько мгновеній жизни, а затѣмъ ужасная агонія въ ледяной водѣ, судороги и мучительный конецъ. Но смотрите: къ мостику, гдѣ стоитъ офицеръ, идетъ матросъ, рулевой Мыловъ. У него въ рукахъ буекъ — единственная надежда. Онъ несетъ его къ своему офицеру: «Вотъ, ваше высокоблагородіе, возьмите!» — «Спасибо, братецъ, оставь себѣ буекъ и спасайся самъ!» И больше ничего. Офицеръ продолжаетъ работу и затѣмъ гибнетъ. Въ этихъ простыхъ словахъ рулевого и его начальника, — какая величественная картина самоотверженія, преданности и настоящаго военнаго духа развертывается передъ нами! И передъ міромъ. Возможны ли мятежи тамъ, гдѣ возможны такія отношенія между командными составомъ и подчиненными! Впрочемъ, Богъ съ нимъ, съ этимъ миѳомъ, который слишкомъ нелѣпъ и безсмысленъ, чтобы заставить кого-нибудь повѣрить въ себя. Здѣсь не онъ, а другое останавливаетъ наше вниманіе.

Одинъ офицеръ, герой японской войны, возмущенный той отвратительной оргіей лжи и клеветничества, которую устроили германцы надъ прахомъ покойнаго адмирала Эссена (будто бы умершаго насильственной смертью), вспомнилъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ намъ прошлую войну, прошлаго противника и прошлый военный обычай. Когда убитъ былъ адмиралъ Макаровъ, то гибель вражескаго вождя японцы почтили приказомъ императора, который предписалъ флоту трауръ и пріостановку военныхъ дѣйствій на одинъ день. То былъ великолѣпный жестъ. Въ этомъ траурѣ сказалась рыцарская душа нашихъ бывшихъ противниковъ. Этого траура русскій флотъ не забылъ и никогда не забудетъ.

Никакого сравненія съ этимъ честнымъ противникомъ не выдерживаетъ нашъ низкій врагъ въ нынѣшнюю войну. Смерть русскаго вождя германцы не нашлись ознаменовать ничѣмъ инымъ, какъ подлой, низкой клеветой на подавленныхъ еще горемъ соратниковъ и боевыхъ товарищей покойнаго. Что жъ! Какъ видно, иногда бой вести приходится не только противъ рыцарей. Но пусть помнитъ Германія, что войны проходятъ, а слава и стыдъ остаются навѣки».

Приказъ командующаго флотомъ Балтійскаго моря. Согласно удостоенія георгіевской думы и на основаніи Высочайше предоставленной мнѣ ст. 25 отд. 3 ч. I Георгіевскаго статута власти, жалую орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени:

Командира подводной лодки «Окунь» лейтенанта Василія Меркушева, на основаніи ст. ст. 78 и 112 Георгіевскаго статута, за то, что 21-го мая 1915 года, находясь съ лодкой въ Балтійскомъ морѣ и встрѣтивъ германскую эскадру въ составѣ 10 линейныхъ кораблей, охраняемыхъ миноносцами, онъ рѣшительнымъ и умѣлымъ маневромъ прорвалъ линію охранныхъ миноносцевъ и пошелъ въ атаку на линейные корабли; атакованный имъ линейный корабль, замѣтивъ лодку, повернулъ на нее и хотѣлъ ее таранить; разстояніе до лодки было такъ мало, что гибель ея отъ тараннаго удара была почти неминуема, и только присутствіе духа, лихое и умѣлое управленіе лейтенанта Меркушева спасло лодку: онъ не только успѣлъ благополучно погрузиться, уже подмятый германскимъ кораблемъ, при чемъ былъ поврежденъ перископъ, но передъ этимъ, видя непріятельскій корабль отъ себя въ 15 саженяхъ, выпустилъ двѣ мины, при чемъ ясно былъ слышенъ взрывъ. Послѣдствіемъ дѣйствій лодки былъ отходъ непріятельской эскадры.

Погибшаго командира заградителя «Енисей» капитана 1-го ранга Константина Прохорова на осн. ст. 9 Георгіевскаго статута, за то, что 22-го мая 1915 года, когда заградитель «Енисей» былъ взорванъ непріятельской подводной лодкой, онъ явилъ примѣръ геройскаго исполненія долга: когда послѣ взрыва выяснилось, что спасти корабль невозможно, то капитанъ 1-го ранга Прохоровъ, являя собой примѣръ мужества, самоотверженія и неустрашимости, умѣлымъ распоряженіемъ достигъ того, что при катастрофѣ не только не было паники, но даже малѣйшаго замѣшательства. Имѣя полную возможность спастись, доблестный командиръ предпочелъ раздѣлить участь своего корабля и, оставаясь на мостикѣ, продолжалъ до конца ободрять и руководить своей командой; вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ онъ пошелъ ко дну, при крикахъ «ура» спасшейся команды.

Своей геройской гибелью командиръ «Енисея» далъ примѣръ, достойный подражанія и увѣковѣченія.

Вице-адмиралъ *Канинъ*.

Юный патріотъ. Когда въ Италіи былъ объявленъ новый государственный заемъ, населеніе встрѣтило его съ большимъ воодушевленіемъ. Всѣ сносили въ банки и государственныя казначейства кто сколько могъ, и рядомъ съ крупными взносами зажиточной части населенія и бѣдное населеніе несло свои скромныя сбереженія.

Въ г. Болоньѣ одинъ мальчикъ рѣшилъ тоже прійти на помощь родинѣ и послалъ премьеръ-министру Саландрѣ свои скромныя сбереженія въ размѣрѣ 20 лиръ.

Премьеръ-министръ немедленно отвѣтилъ юношѣ-жертвователю слѣдующимъ письмомъ:

«Милый мальчикъ. Твой вкладъ и чувства, которыя вызвали этотъ твой порывъ, меня глубоко тронули. Пусть Богъ тебѣ поможетъ вырасти здоровымъ и интеллигентнымъ, чтобы ты могъ увидѣть родную Италію, жизнь и счастье которой заставляютъ горячо пылать твое сердце, еще болѣе великой, окруженной уваженіемъ всѣхъ народовъ и любимою своими сынами.

Цѣлую и обнимаю тебя отъ всего сердца».

Какъ пополнить убыль населенія. Въ Англіи теперь рождается множество проектовъ пополненія убыли населенія вслѣдствіе войны. Діонео приводитъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» планъ, выработанный суффражистками-милитантками. «Ежегодно,—говорятъ онѣ,—въ Англіи умираетъ 75 тысячъ младенцевъ. Смерть эта обусловливается бѣдной частью тѣмъ, что бѣдныя матери не имѣютъ средствъ, чтобы выкормить дѣтей. Нѣтъ ни хорошаго молока, ни подходящаго ухода, ни теплаго платья. Такъ вотъ давайте спасать этихъ дѣтей, обреченныхъ на смерть,—говорятъ суффражистки.—Если мы спасемъ въ годъ 75 тысячъ дѣтей, то въ извѣстной степени пополнимъ убыль, понесенную Англіей на полѣ битвы».

Суффражистки всюду открыли ясли (ясли эти названы «Public Houses»), въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ. Результаты получились прямо поразительные. Черезъ три-четыре мѣсяца молчаливые заморыши съ зеленой, сморщенной кожей, съ тонкими ручками и ножками, превращаются въ румяныхъ, гладкихъ бутузовъ, звонко смѣющихся или отчаяннымъ ревомъ выражающихъ свой протестъ. Содержаніе самаго большого «дома спасенія» «Mothers Arms», обходится въ 60 фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю. Какъ мало стоитъ спасеніе цѣлаго поколѣнія и какъ дорого обходится истребленіе людей! (По расчету, смерть каждаго непріятельскаго солдата обходится въ 250 фунтовъ стерлинговъ—2500 р.). Поистинѣ,—«живыя цифры»: на каждую смерть—четыре дома спасенія, быть-можетъ, сотенъ жизней...

Царственныя сердца. Въ одинъ изъ полевыхъ госпиталей, гдѣ бельгійская королева ухаживала за ранеными, вошелъ офицеръ, поддерживавшій раненаго сержанта. Занятая у постели больного, королева не обратила вниманія на особенную почтительность, съ которой встрѣтили вошедшихъ, и только когда офицеръ подвелъ раненаго къ кровати около королевы, она узнала въ офицерѣ своего мужа. Обмѣнявшись ласковой улыбкой, царственные супруги молча продолжали каждый свое дѣло.

Крестовые братья и сестры. Во Франціи благотворительное общество «L'union des familles françaises et alliées» открыло новое отдѣленіе подъ названіемъ «Frères et soeurs de guerre». Идея такова: всякій обезпеченный ребенокъ беретъ подъ свое покровительство бѣднаго ребенка-сироту войны, годомъ или двумя младше своего покровителя. Ребенокъ самъ непосредственно входитъ въ сношеніе со своимъ крестовымъ братомъ или сестрою и помогаетъ ему такъ, какъ подскажетъ ему собственное сердце и желаніе его протеже. За ежегодный взносъ въ 5 франковъ общество указываетъ своимъ маленькимъ членамъ нуждающагося въ помощи сироту. Взрослые члены семьи не берутъ на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ призрѣваемому.

№ 35. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйствъ., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 29 августа 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка" кн. 6.

На кавказскомъ фронтѣ. Артиллерія въ горахъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Три операціонныя направленія.

Послѣ операцій противника противъ Ковны и Новогеоргіевска стало ясно, что нынѣшнія крѣпости выстроены слишкомъ непрочно для того, чтобы сопротивляться дѣйствію чудовищной германской тяжелой артиллеріи. Поэтому, когда противникъ началъ обходить брестскій раіонъ и нашей арміи предстояло отойти къ востоку отъ Бреста, было рѣшено отказаться отъ самостоятельной обороны Брестъ-Литовской крѣпости. Въ соотвѣтствіи съ этимъ изъ Бреста была вывезена тяжелая артиллерія и прочая матеріальная часть, затѣмъ были взорваны форты, и гарнизонъ былъ выведенъ изъ крѣпости.

Послѣ занятія Бреста германскія арміи продолжали натискъ на широкомъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до брестскаго раіона. Кромѣ того, начала оживляться дѣятельность праваго крыла австро-нѣмцевъ, т.-е. армій Линцингена и Пфланцера, находившихся въ Галиціи, на рѣкѣ Золотой Липѣ. Германскія арміи къ этому времени были расположены, примѣрно, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Лѣвое германское крыло — сѣверное — составляла армія Белова, изъ шести пѣхотныхъ и трехъ кавалерійскихъ корпусовъ, находившихся въ Митавѣ и къ югу отъ Митавы передъ рижскимъ раіономъ. Правѣе ея находилась армія Эйхгорна, занявшая Ковну, въ составѣ приблизительно четырехъ корпусовъ. Еще правѣе находилась армія Гальвица. Эта армія заняла мѣстечко Шафранку въ тылу Осовца, вслѣдствіе чего была очищена эта небольшая крѣпость, прославившаяся, какъ извѣстно, въ этой войнѣ своей геройской обороной въ теченіе цѣлаго года.

Правѣе Гальвица находились между Бѣлостокомъ и Брестомъ по порядку съ сѣвера на югъ — арміи Шольца, принца Леопольда баварскаго, Войерша, эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, Макензена и Бемъ-Ермоли, при чемъ послѣднія три арміи достигали раіона Бреста и частью находились и южнѣе его.

Послѣ отхода нашихъ армій отъ Бреста къ востоку операція противника стала принимать вполнѣ опредѣленный характеръ. Наступленіе австро-нѣмцевъ обнаружилось на всемъ фронтѣ, при чемъ можно было наблюдать, что противникъ двигается по тремъ путямъ или, какъ въ стратегіи говорятъ, по „тремъ операціоннымъ направленіямъ".

Эти три операціонныя направленія можно было назвать „сѣвернымъ", „среднимъ" и „южнымъ". На сѣверномъ операціонномъ направленіи двигалась армія Белова. Эта армія послѣ мѣсячной передышки повела довольно настойчивое наступленіе по направленію къ Ригѣ, двигаясь двумя колоннами: одной непосредственно къ Ригѣ, другой — къ Фридрихштадту. На пути Белова находилась Западная Двина, и поэтому, со стратегической точки зрѣнія, объектомъ операціи Белова являлась не столько Рига, сколько Западная Двина, какъ нѣкая оборонительная линія, прикрывающая пути вдоль Балтійскаго побережья. Здѣсь противникъ, повидимому, намѣчалъ операціонное направленіе отъ Риги вдоль побережья — путь длиною примѣрно въ 400 верстъ.

На среднемъ операціонномъ направленіи дѣйствовало шесть армій противника. Изъ нихъ армія Эйхгорна, послѣ занятія Ковны, двинулась къ Вильнѣ, но впереди Вильны, верстахъ въ 20—25, была остановлена нашими арьергардами, вслѣдствіе чего здѣсь завязался рядъ упорныхъ арьергардныхъ боевъ.

Еще южнѣе пыталась наступать армія Гальвица къИроднѣ и Бѣлостоку, вслѣдствіе чего и здѣсь завязались упорные арьергардные бои.

Генералъ-лейтенантъ А. С. Лукомскій, назначенный помощникомъ военнаго министра, вѣдающимъ снабженіе арміи боевыми припасами. По фот. А. Оцупа.

Такимъ образомъ Эйхгорнъ и Гальвицъ, стремясь продвинуться одновременно къ Вильнѣ и Гроднѣ, производили натискъ съ запада на востокъ, а это направленіе натиска обнаружило, что Эйхгорнъ и Гальвицъ стремятся отъ Петроградо-Варшавской дороги продвинуться на брестскій путь, примѣрно, въ минскій раіонъ.

Одновременно армія Шольца наступала отъ Бѣльска (въ промежуткѣ между Бѣлостокомъ и Брестомъ), стремясь продвинуться сѣвернѣе Бѣловѣжской пущи. Южнѣе вели операцію арміи принца Леопольда, Войерша и эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, которыя стремились вдоль брестской дороги, т.-е. въ направленіи тоже какъ бы къ минскому раіону. Слѣдовательно, шесть армій стремились въ общемъ либо по брестскому пути, либо выйти на брестскій путь, т.-е. намѣчали 1000-верстное направленіе отъ Бреста, — старый наполеоновскій путь.

Послѣднія двѣ арміи, — Макензена и Бемъ-Ермоли, — не дойдя до Бреста, свернули вправо и двинулись на Луцкъ, что обозначало операціонное направленіе въ 400 верстъ къ кіевскому раіону, къ среднему Днѣпру. Одновременно арміи Линцингена и Пфланцера перешли въ наступленіе въ Восточной Галиціи, какъ бы намѣчая также операціонное направленіе въ раіонъ средняго Днѣпра.

Такимъ образомъ въ окончательномъ видѣ главная масса противника, въ количествѣ шести армій или свыше милліона, намѣчала „среднее" 1000-верстное брестское операціонное направленіе по брестскому пути и представляла собою центръ австро-германскаго фронта.

Лѣвое крыло противника, прибалтійская армія Белова, намѣчало 400-верстное операціонное направленіе отъ рижскаго раіона вдоль прибалтійскаго побережья. Наконецъ правое крыло противника, — галиційская группа и арміи Бемъ-Ермоли и Макензена, — намѣчало другое 400-верстное операціонное направленіе къ раіону средняго Днѣпра.

Отсюда нетрудно было видѣть, что противникъ намѣчалъ какую-то длительную и большую операцію

Раненые-инвалиды, прибывшіе изъ германскаго плѣна въ Петроградъ. (См. «Отклики войны»).

Графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ, назначенный товарищемъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.

по тремъ путямъ, выводящимъ въ важнѣйшіе центры нашей страны. Конечно, было бы наивнымъ предполагать, что противникъ намѣренъ осуществить эту затѣю сейчасъ же. Да и сами нѣмцы всегда заявляли, что на достиженіе этихъ трехъ важныхъ центровъ страны имъ необходимо не менѣе двухъ лѣтъ отъ начала войны. Сколько имъ нужно лѣтъ отъ начала войны для достиженія этихъ важныхъ центровъ нашей страны — это вопросъ другой, но во всякомъ случаѣ можно было не сомнѣваться, что въ нынѣшнемъ году противникъ окажется не въ состояніи продвинуться сколько-нибудь далеко ни по одному изъ этихъ трехъ путей: ни по сѣверному — 400-верстному, ни по среднему — 1000-верстному, ни по южному — 400-верстному.

Это вполнѣ понятно изъ того, что противникъ въ теченіе весны и лѣта развилъ весьма большую интенсивную операцію и естественно долженъ былъ, ужъ во всякомъ случаѣ къ концу осени, остановиться. Почти четыре мѣсяца было употреблено имъ на занятіе „передового театра" — линіи рѣки Вислы и оборонительной линіи Нѣмана—Буга, съ крѣпостями Ковной и Брестомъ на флангахъ. Весь этотъ путь противникъ прошелъ съ громадными усиліями, при чемъ понесъ весьма большія потери, и это одно уже не могло дать ему возможности такъ же интенсивно двигаться дальше.

Наконецъ сѣверная армія Белова, имѣвшая одинъ изъ болѣе короткихъ операціонныхъ путей въ 400 верстъ, встрѣтила крайне упорное сопротивленіе нашихъ войскъ. Все это заставляло предполагать, что нѣмцы дѣйствительно въ этомъ году далеко не продвинутся и займутъ лишь нѣкія „передовыя стратегическія позиціи" восточнаго фронта, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ передъ тремя важными центрами нашей страны: сѣвернымъ, центральнымъ и южнымъ.

Это въ свою очередь уже опредѣляло, что главныя задачи откладываются противникомъ на весну, когда онъ, вѣроятно, попытается уже прямо двинуться къ упомянутымъ выше тремъ важнымъ центрамъ. Къ этому можно добавить, что зимою вообще почти невозможны операціи съ милліонными арміями, а у насъ, въ исключительно суровыхъ климатическихъ условіяхъ и при нашемъ бездорожьѣ, въ особенности.

Такимъ образомъ всѣ опасенія объ угрозѣ, якобы намѣчающейся по отношенію къ Петрограду, въ дѣйствительности были совершенно неправильны, ибо 400 верстъ до этого пункта противникъ перескочить сразу не могъ, а такъ какъ остается лишь мѣсяца полтора времени, удобнаго для операцій, то ясно было, что все серьезное откладывается на весну. При такихъ условіяхъ въ распоряженіи обѣихъ сторонъ должно оказаться восемь мѣсяцевъ времени, т.-е. весь зимній періодъ, въ теченіе котораго будутъ подготовляться силы и средства для рѣшительныхъ операцій будущей весной.

Максъ Хортонъ, командиръ англійской подводной лодки „Е. 9", потопившей въ Балтійскомъ морѣ германскій броненосецъ „Deutschland"; награжденъ за этотъ подвигъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. (См. «Отклики войны»).

Въ этомъ и сказалась вся трудность грандіозной нѣмецкой затѣи, и въ этомъ сказались всѣ незначительные результаты, достигнутые нѣмцами въ теченіе истекшихъ весенней и лѣтней кампаній. Какъ бы настойчиво нѣмцы ни желали наступать, они не могли не остановиться съ наступленіемъ осенней распутицы и должны были относительно неподвижно выстоять всю зиму. Это лишало нашего противника возможности нанести намъ сразу рѣшительный ударъ и вынуждало его волей-неволей предоставить въ наше распоряженіе цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ.

Слѣдовательно, смыслъ настоящаго момента сводится къ тому, что, если нѣкія „стратегическія передовыя позиціи" на нашемъ

Прибытіе нашихъ раненыхъ-инвалидовъ изъ германскаго плѣна въ Петроградъ. Чествованіе прибывшихъ офицеровъ на распредѣлительномъ пунктѣ Финляндскаго вокзала. Среди офицеровъ — въ центрѣ — Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна и рядомъ, вправо, въ формѣ сестры милосердія супруга министра иностранныхъ дѣлъ А. Б. Сазонова; слѣва стоитъ у края стола Верховный Начальникъ санитарной и эвакуаціонной части Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. (См. «Отклики войны»).

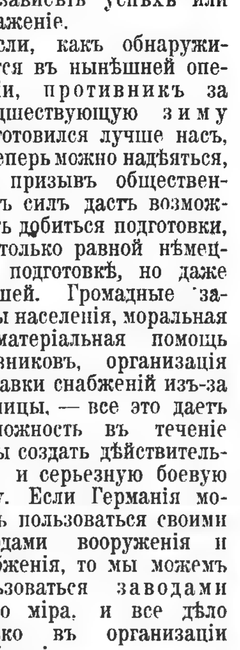
Деревня, сожженная австрійцами.

Стрѣльба по аэроплану.

фронтѣ и заняты, то до главныхъ нашихъ позицій, до главныхъ центровъ нашей страны, противнику остается еще 400—1000 верстъ пути и, какъ онъ самъ считаетъ, не менѣе года времени. Значитъ, самое важное столкновеніе, которое можетъ повліять на исходъ всей войны на нашемъ фронтѣ, можетъ произойти лишь весною, когда противникъ попытается повести наступленіе къ упомянутымъ выше тремъ нашимъ важнымъ центрамъ.

Несомнѣнно, что противникъ съ началомъ нынѣшней весенней кампаніи обнаружилъ, что онъ весьма тщательно подготовился въ теченіе всей зимы къ операціямъ на нашемъ фронтѣ. Несомнѣнно также, что его подготовка оказалась лучше нашей. Поэтому теперь, когда въ нашемъ распоряженіи остается еще восемь мѣсяцевъ, весь вопросъ сводится къ тому, кто лучше используетъ эти восемь мѣсяцевъ для подготовки къ будущей весенней кампаніи, когда будутъ рѣшаться главныя задачи на нашемъ фронтѣ, когда противникъ попытается повести наступленіе къ тремъ нашимъ важнымъ центрамъ.

Убитый австрiецъ.

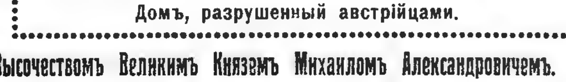


Слѣдовательно, побѣдѣ или пораженію той или другой стороны на нашемъ фронтѣ должна предшествовать весьма длительная организаціонная работа, и отъ того, какъ будетъ выполнена эта организаціонная работа той и другой стороной, будетъ, соотвѣтственно, зависѣть успѣхъ или пораженіе.

Если, какъ обнаруживается въ нынѣшней операціи, противникъ за предшествующую зиму подготовился лучше насъ, то теперь можно надѣяться, что призывъ общественныхъ силъ дастъ возможность добиться подготовки, не только равной нѣмецкой подготовкѣ, но даже лучшей. Громадные запасы населенія, моральная и матеріальная помощь союзниковъ, организація доставки снабженій изъ-за границы, — все это даетъ возможность въ теченіе зимы создать дѣйствительную и серьезную боевую силу. Если Германія можетъ пользоваться своими заводами вооруженія и снабженія, то мы можемъ пользоваться заводами всего міра, и все дѣло только въ организаціи снабженія.

Мы должны признать, что наши силы и средства сами по себѣ весьма велики и, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ у противника, а, принимая во вниманіе матеріальную и моральную помощь союзниковъ и возможность использовать заокеанскіе заводы, мы должны признать, что у насъ есть все нужное для организаціи истинно могущественной вооруженной силы.

У насъ есть восемь мѣсяцевъ, и если за эти восемь мѣсяцевъ будетъ выполнена дѣйствительно продуманная программная работа, если у насъ найдутся для этого „Гамбетты“ и „Карно“, то съ началомъ весны кампанія можетъ повернуться самымъ рѣшительнымъ образомъ не въ пользу нашихъ противниковъ, стремящихся забраться такъ далеко отъ своей базы въ глубь нашей страны.



Домъ, разрушенный австрійцами.

Изъ дѣйствующей арміи. Фотографическіе снимки, исполненные Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Жизнь — сказка.

Повѣсть **Ив. Островного.**

(Продолженіе).

Надя, до потрясенія взволнованная своимъ признаніемъ, встала и съ энергіей зашагала по комнатѣ. И Варя ничего больше не рѣшилась сказать ей. Она не согласилась съ ней, но по крайней мѣрѣ поняла, что это у нея не капризъ, а что-то болѣе глубокое.

Особенно убѣдили ее въ этомъ послѣднія слова Нади: „одинъ разъ это уже было, и довольно“. Значитъ, у нея въ душѣ это какъ-то связывается съ тѣмъ, что̀ было. Этого Варя не поняла, но не могла не признать. Она тоже встала.

— Пойду домой. Эту ночь дежурила и мало спала. Скоро у насъ обѣдаютъ. А послѣ обѣда лягу.

Надя подошла къ ней и поцѣловала ее.

— Не сердись на меня, Варя. Я вѣдь всегда была не такая, какъ слѣдуетъ.

— Ты еще подумаешь надъ этимъ?

— О, навѣрно подумаю и очень много. Но это ничего не значитъ. Ахъ, да, послѣзавтра мы съ мамой ѣдемъ въ деревню, но только не совсѣмъ еще. На другой день вернемся. Можетъ-быть, ты съ нами?

— Послѣзавтра у меня какъ разъ дежурство. Да и каждый день есть работа.

— Жаль. Прокатились бы...

Варя простилась и ушла. Дома, послѣ обѣда, она дѣйствительно очень скоро улеглась въ постель, но заснуть рано ей мѣшали мысли. Ей самой казалось страннымъ, что съ каждымъ часомъ она укрѣплялась въ убѣжденіи, что Надя должна отказаться отъ своей фантастической теоріи и непремѣнно повидаться съ Лощинымъ.

Несмотря на то, что ея трезвый умъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ сторону таинственнаго и необъяснимаго, все же она тутъ придерживалась реальнаго, осязаемаго. Она видѣла, что Лощинъ страдаетъ отъ невозможности увидѣть и узнать ту, которой считалъ себя обязаннымъ жизнью. И этого было достаточно, чтобы она стремилась къ своей цѣли. А ужъ ея сильный характеръ и настойчивость сдѣлали то, что она стремилась неотступно. Она иначе не умѣла.

То, что̀ говоритъ Надя, интересно, но безпочвенно. Пусть существуютъ красивыя сказки, но мы живемъ жизнью, а не сказкой. И даже тѣ слова, которыя заставили Варю замолчать,—что одинъ разъ въ жизни это уже было, — теперь казались ей произвольными. Совсѣмъ не это было. Въ той исторіи вовсе не было никакой сказки, а былъ только самообманъ.

Когда на слѣдующій день, придя въ лазаретъ, она посѣтила Лощина, онъ не далъ ей даже поздороваться, сразу заговорилъ о вчерашнемъ. Онъ все время думалъ объ этомъ и пришелъ къ заключенію, что, если не узнаетъ ея подруги, то жизнь для него не будетъ имѣть никакой притягательной силы.

— Вы понимаете, сестра Варя, это все равно, какъ если бы меня отвергла и приказала не пускать къ себѣ на глаза моя мать. Да, не удивляйтесь этому сравненію. Оно обдуманное. Мать дала мнѣ жизнь, но эта жизнь была бы кончена, если бы ваша подруга не отдала мнѣ свой медальонъ. Ту жизнь я считаю потерянной, а вмѣсто нея я получилъ другую — отъ нея. Такъ долженъ же я хоть благоговѣйно пожать ея руку — за жизнь!

На наблюдательной вышкѣ съ стерео-трубой. По фот. Ростовцева.

И столько было муки въ глазахъ этого и такъ достаточно измученнаго человѣка, что Варѣ захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь помочь ему, а это горячее желаніе породило мысль, странную, совершенно не вяжущуюся съ характеромъ ея ума, со всѣмъ ея нравственнымъ складомъ. Но въ эту минуту мысль казалась ей законной и естественной. Быстро пронеслись въ мозгу соображенія, и она сказала:

— Слушайте, поручикъ. Я не могу обѣщать вамъ, что вы ее увидите, по крайней мѣрѣ теперь,—это не въ моей власти. Но я помогу вамъ узнать ее.

— Какъ же это? — спросилъ Лощинъ, совершенно не понявъ ея обѣщанія.

— Я не скажу вамъ этого до завтра. И вы должны повѣрить этому. Теперь я приступаю къ своимъ обязанностямъ. Я сегодня недолго буду здѣсь. Сдѣлаю вамъ перевязку, дамъ лѣкарства и прощусь. А завтра мое дежурство, и мы увидимся.

Раненый другъ. Полковая собака подаетъ раненую шрапнелью лапу. По фот. Ростовцева.

Она дѣйствительно зашла въ лазаретъ только на одинъ часъ, и то исключительно ради Лощина. Въ этотъ день она не была обязана работать. Она сдѣлала для него все, что̀ нужно, еще разъ подтвердила свое обѣщаніе и ушла изъ лазарета.

Ужъ она и сама замѣтила, что встрѣча съ нимъ, его безпомощность и мольбы какъ-то странно вліяютъ на нее. У нея является желаніе во что бы то ни стало помочь ему, облегчить его нравственное состояніе. И то, что̀ она пообѣщала ему, было ужасно. Съ ея обычной точки зрѣнія это было преступно. Но куда она дѣвалась, эта обычная точка зрѣнія? Отъ нея, кажется, въ ея головѣ и слѣда не осталось.

Развѣ прежде она позволила бы себѣ вмѣшаться въ чужую личную жизнь, служить какимъ-то посредствующимъ звеномъ, вліять, настаивать, чтобы люди поступили не по-своему, а согласно ея убѣжденіямъ. Никогда. У нея было правило: никакого насилія надъ человѣческой душой. А теперь, развѣ то, что̀ она дѣлаетъ, не худшее изъ насилій?

Въ этотъ день она забѣжала къ Надѣ на минуту и получила отъ самой Марьи Васильевны подтвержденіе, что завтра утромъ онѣ выѣзжаютъ на короткое время въ деревню. Это было ей нужно, это входило въ ея планъ.

А на слѣдующій день, дождавшись полудня, когда Надя съ матерью должны были уже уѣхать, она вышла изъ дому, чтобы итти въ лазаретъ, но пошла не прямо туда, а завернула на Кирочную. Тутъ она поднялась во второй этажъ и позвонила.

— А наши уѣхали, — сказала ей Фимочка. — Еще съ утра, въ десять часовъ поѣздъ отошелъ.

— Я знаю. Но я на минуту зайду въ Надину комнату, — мнѣ нужно взять одну книгу.

Фимочка и не подумала возражать. Еще бы: Варя Корчагина. Да вѣдь она же въ домѣ была совсѣмъ, какъ своя.

И Варя совершенно свободно прошла въ Надину комнату. Она хорошо знала, что ящикъ письменнаго стола у Нади не запертъ. Въ немъ даже замокъ давно испорченъ. Да и правило такое было въ домѣ, чтобы къ Надинымъ вещамъ въ ея комнатѣ никто не смѣлъ прикасаться.

И Варя безъ всякихъ затрудненій выдвинула ящикъ. Ей ка-

залось страннымъ, что она дѣлаетъ это такъ спокойно: ни замиранія сердца, ни дрожанія рукъ. Понятно, это же не воровство, а необходимость, дѣйствительно вытекающая изъ требованія жизни и изъ ея убѣжденія. Притомъ же она завтра же, когда вернется Надя, скажетъ ей объ этомъ. Пусть сердится, пусть даже поссорится съ нею, она иначе поступить не можетъ.

Даже какъ сестра — она обязана дать какой-нибудь выходъ той мукѣ, которая угнетаетъ довѣреннаго ея попеченію раненаго.

Книжка въ сѣрой полотняной обложкѣ, какъ всегда, лежала сверху. Варя взяла ее, задвинула ящикъ и спокойно вышла въ переднюю.

— Вотъ, Фимочка, я беру книгу, но сегодня же принесу ее обратно.

— Какъ вамъ угодно, барышня.

Варя вышла на улицу. Книжка была у нея въ рукѣ. Она знала ее почти всю. У Нади вѣдь бывали минуты, когда она не могла обойтись безъ откровенности съ нею, и тогда книга раскрывалась, и все, что тамъ было за много дней, выкладывалось передъ нею.

Но зато ужъ дѣйствительно въ этой книгѣ Надя вылилась вся, ея душа отразилась тутъ, какъ въ зеркалѣ. И пусть онъ знаетъ эту душу. Варя считаетъ, что это—его право.

Что потеряетъ отъ этого Надя? Ничего. Пусть будетъ даже такъ, какъ она хочетъ: пусть они не встрѣтятся, и онъ пойдетъ мимо нея, своей дорогой. Что же ей отъ того, что лишній человѣкъ будетъ знать ея душу! На ея сказку это не будетъ имѣть никакого вліянія.

Когда она пришла въ лазаретъ, начался врачебный осмотръ. Она спрятала книгу въ дежурной комнатѣ и присутствовала у Лощина, когда тамъ былъ врачъ. Дѣлала перевязку, давала лѣкарство. Ванну онъ взялъ раньше, до ея прихода. И только послѣ того, когда все было исполнено и онъ даже позавтракалъ, она принесла ему книгу.

— Это вамъ на три часа, поручикъ. Я сегодня же должна вернуть ее.

Лощинъ не спросилъ, что за книга, а просто ухватился за нее и сейчасъ же углубился въ чтеніе. Варя же тихонько вышла изъ комнаты.

Дневникъ Нади начинался съ того момента, когда въ домѣ у нихъ появился Борисъ Горниловъ. Раньше Надѣ не приходило въ голову и не было потребности изливать свои мысли и чувства на бумагѣ.

Это не былъ разсказъ о событіяхъ, что-нибудь похожее на

Студенты—арміи. Студенты за работой въ объединенныхъ мастерскихъ Петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Металлургическая лабораторія при литейной мастерской. По фот. Я. Штейнберга.

Студенты—арміи. Студенты за работой въ объединенныхъ мастерскихъ Петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Токарная мастерская. По фот. Я. Штейнберга.

Студенты—арміи. Студенты за работой въ объединенныхъ мастерскихъ Петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Пригонка снарядовъ. По фот. Я. Штейнберга.

повѣсть или романъ, а рядъ съ виду почти не связанныхъ между собой отрывковъ, мыслей, настроеній.

И Лощинъ съ первой же страницы почувствовалъ, словно его подхватилъ вихрь, закрутилъ, завертѣлъ и унесъ въ какой-то другой міръ, странный, причудливый міръ ослѣпительно яркихъ настроеній и клокочущаго чувства. Два человѣческихъ существа стояли передъ нимъ, какъ живыя, — онъ, тянущійся къ жизни изъ послѣднихъ силъ, опорожненный сосудъ, изъ котораго хотѣли выжать послѣднюю каплю, и она—пламенная, кипучая, багатая нетронутыми жизненными силами.

И, несмотря на то, что здѣсь былъ, повидимому, пылкій романъ, ему казалось, что тутъ, на широкой аренѣ жизни, происходитъ борьба этихъ двухъ, борьба на жизнь и смерть. Онъ видѣлъ, какъ она тянула его къ жизни, но Лощину было ясно съ самаго же начала, что для него вездѣ были приготовлены пропасти, и даже самая жизнь готовила ему гибель.

То, чего не замѣчала она, кипѣвшая въ огнѣ своего горѣнія, явственно видитъ онъ со стороны. И когда дочиталъ до письма Бориса, которое здѣсь было вклеено, какъ живой и краснорѣчивый человѣческій документъ, то оно, это письмо, какъ будто уже ничего не сказало ему новаго. Такъ и должно было случиться.

Но поразило Лощина открытіе относительно происхожденія медальона. Какъ странно: значитъ, онъ вышелъ изъ смерти! Смерть Бориса Горнилова была причиной того, что медальонъ попалъ къ этой дѣвушкѣ и отъ нея къ нему, и, несмотря на это, ему онъ сохранилъ жизнь.

Но самое любопытное начиналось съ того момента, какъ медальонъ перешелъ къ нему. Вотъ запись, помѣченная тѣмъ днемъ, когда онъ выѣхалъ изъ Петрограда:

„Сегодня день освобожденія. Клянусь, я не знала, что оно такъ легко наступитъ. Я сдѣлала это въ порывѣ моего непонятнаго настроенія, и вдругъ — точно камень съ шеи... Онъ хотѣлъ, чтобы и послѣ ошибки его власть лежала на мнѣ, какъ тяжелая гранитная глыба. И теперь нѣтъ памяти, нѣтъ и власти.

„Я отдала его незнакомому человѣку, а развѣ онъ былъ мнѣ знакомъ? Развѣ я знала его душу? Я знала того, кого создала моя фантазія. Но этотъ—тоже дитя моей фантазіи. И какая страшная разница между ними. Тотъ отдалъ смерти пустое изжитое сердце, а этотъ несетъ ей сердце молодое, полное жизненныхъ силъ и горячей крови... Я сегодня молилась такъ горячо, какъ никогда,—благодарственно за себя, за то, что упалъ камень съ шеи, и молитвенно за него, за этого—чтобы мой камень, которымъ онъ отягчитъ свою шею, былъ ему щитомъ“...

И съ того дня она постоянно о немъ думаетъ. Каждый день было хоть нѣсколько строчекъ, посвященныхъ ему. Но какому? Развѣ это былъ онъ? Невольная улыбка появилась на его губахъ, когда онъ читалъ о тѣхъ качествахъ, какія были приписаны ему.

Студенты—арміи. Студенты за работой въ объединенныхъ мастерскихъ Петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Пріемъ матеріаловъ для токарной мастерской. По фот. Я. Штейнберга.

Изъ дѣйствующей арміи. Слѣдятъ по картѣ.

Она писала:

„У меня есть чудная сказка, которую я сочинила въ сотрудничествѣ съ жизнью. Но отъ жизни—самая малость. Такъ только, для приличія, чтобы трезвый умъ Вари не имѣлъ права сказать: „это безпочвенно". А главное авторство принадлежитъ моей фантазіи.

„Такъ и надо всегда: отъ жизни—самую капельку. Жизнь вѣдь все равно свое беретъ и возьметъ все, что полагается. Жизнь, это—обязанность, а фантазія — сверхъ жизни... Вотъ сравненіе для трезваго ума Вари: фантазія, это—фрукты, ягоды, сласти и все прочее, что подается послѣ обѣда"...

И потомъ выступилъ на сцену онъ, семью головами выше толпы. Все у него колоссальное—и добродѣтели и слабости.

„Это глупо,—говоритъ Варя,—такихъ на землѣ не водится. Но я возражаю: если бы онъ былъ такой, какъ всѣ, какіе водятся, то я, можетъ-быть, любезно предложила бы ему чаю съ вареньемъ, но не возложила бы на его плечи гранитную глыбу"...

И черезъ каждыя три-четыре страницы мольбы къ судьбѣ, чтобы она не допустила имъ встрѣтиться въ жизни. Боже сохрани! „Тогда все сведется къ стакану чаю съ вареньемъ".

А, вотъ! „Третье апрѣля"... Его глаза готовы прожечь страницу дневника. „Сама не знаю, почему захотѣлось молиться. За кого? Не знаю... Кому-то сегодня нужна моя молитва... Душа горитъ, какъ восковая свѣча передъ Богомъ"...

Прочиталъ эти слова и закрылъ лицо руками, и страшное усиліе понадобилось, чтобы не заплакать. Нервы, конечно, потрясены и еще не окрѣпли. Да какъ же имъ окрѣпнуть, когда приходится переживать все это...

„Душа горитъ, какъ восковая свѣча передъ Богомъ". Какая это красивая душа... 3-го апрѣля... около часу,—таково свѣдѣніе сестры Вари,—душа эта горѣла передъ Богомъ за него, за кого-то неизвѣстнаго и чуждаго, случайно встрѣченнаго. И горѣла не напрасно.

Онъ въ это время надѣвалъ на шею медальонъ, который нуженъ былъ, какъ мишень для шрапнели.

За что же это было ему дано? Не за его же молитвы. Развѣ онъ когда-нибудь молился? Что говорить, онъ былъ холоденъ къ Богу. Школьное обязательное хожденіе въ церковь, товарищескія ребяческія кощунства—вотъ и все. Нѣтъ, это ему было дано за ея молитву „въ моей часовенкѣ".

Для дѣятельной молитвы надо имѣть душу подготовленную, какъ для посѣва зерна тщательно обработанную землю...

Когда Варя вошла въ его комнату, онъ уже не читалъ. Дневникъ былъ конченъ безъ передышки. Онъ полулежалъ на кровати, съ блѣднымъ лицомъ и безконечно усталыми глазами. При ея появленіи онъ привсталъ и сѣлъ.

— Я отберу у васъ тетрадь!—сказала Варя, всматриваясь въ его лицо.

— Да, пожалуйста...—усталымъ голосомъ произнесъ онъ.

— Но вы должны довѣрить мнѣ на нѣсколько дней двѣ вещи.

— Какія?—съ тревогой спросилъ онъ.

— Вашъ дневникъ и медальонъ.

Польки Кѣлецкой губерніи въ національныхъ костюмахъ.

— У меня нѣтъ дневника... Это только записная книжка.

— Все равно.

— Но тамъ ужасно... Я началъ записывать еще съ третьяго класса. Столько глупостей и даже... даже хуже, чѣмъ глупости...

— Это все равно... Какъ вы не понимаете, поручикъ, что дѣло не въ умѣ и не въ добродѣтели, а въ чемъ-то для насъ непостижимомъ, что сталкиваетъ людей, никогда и не подозрѣвавшихъ другъ о другѣ и кажущихся такъ далекими по всему... Противъ этого безполезно бороться.

— Да, вы правы, сестра Варя. Не слѣдуетъ бороться. Возьмите и книжку и медальонъ. Вотъ они.

— Я на одинъ часъ уйду изъ лазарета, а потомъ буду дежурить.

— Вы потомъ зайдете ко мнѣ?

— Ну, конечно. Я еще дамъ вамъ лѣкарство и сдѣлаю перевязку... Я не прощаюсь съ вами.

— Постойте. У меня есть одинъ вопросъ: это—онъ указалъ на тетрадь, которую она держала въ рукѣ—съ согласія?

— О, нѣтъ, что вы...

— А какъ же вамъ удалось?

— Стыдно сказать. Утащила тихонько. Она уѣхала въ деревню, но завтра пріѣдетъ, и я все ей скажу.

— Какъ вы добры ко мнѣ, сестра.

— Это не доброта, поручикъ. Я просто пришла къ убѣжденію, что такъ нужно, что вы должны увидѣть другъ друга...

Она отпросилась на часъ, одѣлась и вышла. взяла быстраго извозчика и отправилась на Кирочную. Здѣсь такъ же, какъ и утромъ, она прошла въ комнату Нади и положила въ ящикъ стола Надину тетрадь, а поверхъ ея записную книжку и медальонъ. Сейчасъ же вышла и вернулась въ лазаретъ.

Солдатскій юморъ: клумба изъ непріятельскихъ трубокъ, осколковъ (справа—головная часть 12-дюймоваго снаряда) и неразорвавшихся снарядовъ. Клумбу сдѣлали солдаты батареи, безъ участія офицеровъ. У клумбы надпись: „Военный цвѣтникъ на позиціи". На переднемъ планѣ звѣзда, по сторонамъ которой—3. Б. (3-я батарея).

Странное она переживала душевное состояніе: какъ будто подчинялась какой-то внѣшней силѣ, которая подсказывала ей образъ дѣйствій и заставляла дѣйствовать. Похищеніе дневника и передача его Лоццину, безъ вѣдома и противъ желанія Нади, это былъ одинъ изъ тѣхъ грубыхъ пріемовъ, которые она всегда осуждала, да и теперь навѣрно осудила бы во всякомъ другомъ.

А подкладываніе его книжки и изуродованнаго шрапнелью медальона, развѣ это не было насиліе надъ волей Нади? О, она очень хорошо знала, что, какъ бы стойко ни держалась Надя своихъ взглядовъ, но передъ такимъ искушеніемъ она не устоитъ. Записная книжка будетъ прочитана, а пострадавшій медальонъ непремѣнно произведетъ свое дѣйствіе.

Но она почти сознательно смотрѣла на себя, какъ на нѣкое орудіе судьбы,—она, Варя, еще недавно признававшая судьбой только свой умъ, свою волю, свои нравственныя силы.

VII.

Воронины пріѣхали изъ деревни около одиннадцати часовъ утра. Надя была необыкновенно оживлена. Поѣздка и дивный воздухъ деревни освѣжили ее.

Сейчасъ же Фимочка доложила ей о томъ, что вчера заходила Варя, брала у нея въ комнатѣ какую-то книгу и потомъ принесла ее обратно.

— Какую книгу? Ничего не понимаю,—сказала Надя и сейчасъ же забыла объ этомъ.

Но передъ завтракомъ ей захотѣлось повидать Варю и подѣлиться съ нею впечатлѣніями. Она позвонила ей въ телефонъ.

Письмо на родину.

Пріятели.

Варя была дома. Надя наговорила ей восторженныхъ отзывовъ о деревнѣ и звала ее завтракать, но Варя, по обыкновенію, торопилась въ лазаретъ.

— О, Боже... Вѣчно этотъ лазаретъ стоитъ между нами. Онъ насъ когда-нибудь поссоритъ!—воскликнула Надя. Потомъ вспомнила:—Ахъ, да! Фимочка говорила мнѣ о какой-то книгѣ, которую ты вчера брала и принесла. Чтò за книга такая?

— Сама догадайся,—былъ отвѣтъ.

— Ну, какъ это я могу догадаться? И чтò за таинственность!

— Догадайся, мой милый другъ... Ну, чтò тебѣ стòитъ. А я страшно тороплюсь. Прости.—И повѣсила трубку.

Надя по натурѣ была довѣрчива и никогда не страдала подозрительностью. Поэтому она посмотрѣла на выходку Вари, какъ на шутку, и опять не придала ей значенія. Завтракали онѣ вдвоемъ съ Марьей Васильевной, и Надя, находясь еще подъ дѣйствіемъ деревенской свѣжести, весело болтала. Тамъ, въ деревнѣ, точно вѣтромъ свѣяло съ ея души всѣ острыя и тревожныя переживанія послѣднихъ дней.

Какъ ни странно, она почти совсѣмъ не думала о томъ, чтò разсказала ей Варя. Когда мысль объ этомъ приходила ей въ голову, она сознательно отодвигала ее и говорила себѣ: „послѣ, послѣ... Теперь не хочется".

И глаза ея шли навстрѣчу солнцу, лѣсу, чуть прохладному вѣтерку, зелени полевыхъ травъ.

Послѣ завтрака пріѣхалъ кто-то изъ знакомыхъ, но Надя не любила этихъ нудныхъ разговоровъ все объ одномъ и томъ же и всецѣло предоставила это Марьѣ Васильевнѣ, а сама пошла въ свою комнату.

И тутъ она не думала ни о чемъ, а, почувствовавъ легкую усталость, прилегла на диванѣ. Взглядъ ея скользилъ по различнымъ предметамъ въ комнатѣ. На этажеркѣ лежали книги, и, когда взглядъ дошелъ до нихъ, она подумала, какая же это книга понадобилась Варѣ. Перебирала ихъ всѣ мысленно, и ни одна не подходила. А тутъ выступила фраза, сказанная Варей: „сама догадайся", и необыкновенная торопливость, съ какой она повѣсила трубку.

Что-то непріятно проскользнуло въ мозгу. „Неужели?" Привстала. Сѣла на диванѣ и неохотно, какъ бы боясь убѣдиться въ истинѣ, поднялась и поплелась къ столу. Выдвинула ящикъ и окаменѣла. Знакомая цѣпь — золото съ

Солдаты кормятъ пойманнаго филина.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего военнаго корреспонд. С. Корсакова.

платиной, — та самая, и при ней изуродованныя, выросшія въ объемѣ, изогнутыя, двѣ круглыя золотыя дощечки. Это ея медальонъ. Взяла въ руки, вертѣла, разглядывала.

Но почему? Принесла Варя. это ея игра. Какъ она унизилась! Не прямо, а потихоньку, подбросила. И она думаетъ такими путями убѣдить ее? Смѣшная!

И что съ ней сдѣлалось? Какъ это мало похоже на нее. Варя—корректная, прямая, открытая...

А медальонъ между тѣмъ точно присталъ къ ея рукамъ, какъ магнитъ къ желѣзу. Она не выпускала его, все разсматривала. Подходила къ свѣту, щурилась, смотрѣла надпись. Да, уцѣлѣло немногое. И старалась представить, какъ это онъ былъ вдавленъ въ человѣческое тѣло. Вѣдь это же серьезная рана. Какъ это все странно!

На эти минуты она забыла о книгѣ и о своемъ подозрѣніи; но вспомнила. Опять къ столу, къ выдвинутому ящику. Книга на мѣстѣ. А это что? Небольшихъ размѣровъ записная книжка. Кожаная обложка, сильно помятая временемъ. Сбоку тоненькій карандашикъ. Откуда? Ну, конечно, оттуда же.

И, значитъ, его книжка. Варя не остановилась и передъ этимъ. Да это цѣлая интрига. Сколько здѣсь наивной хитрости, элементарной психологіи. Варя, гдѣ ты? Почему же ты не подумала о томъ, въ какомъ смѣшномъ положеніи ты очутишься, если она, Надя, отложитъ эту книжку въ сторону и даже не заглянетъ въ нее?

Но почему бы и не заглянуть, разъ она уже здѣсь лежитъ? Вѣдь это простое любопытство.

Раскрыла. Вотъ первая страница. Крупными, неровными, какими-то дѣтскими буквами выведено: „1908 года. 12 Октября. Ученика III класса“...

Надя на минуту закрыла глаза: читать ли? Вѣдь это же его имя. Соображеніе: но развѣ имя имѣетъ какое-нибудь значеніе? Если раскрыть толстый адресъ-календарь, то тамъ увидишь тысячи именъ, которыя ничего тебѣ не скажутъ.

Конечно, она чувствовала и почти знала, что это не больше, какъ увертка, но и требовать отъ нея, чтобы она, держа въ рукахъ записную книжку, полную неизвѣстнаго, добровольно отказалась узнать то, что передъ ея глазами, было бы просто несправедливо.

Итакъ, глаза открыты и смотрятъ на страницу книги и видятъ: „Ученика III класса—кадетскаго корпуса, Сергѣя Лощина“.

Около города Рудника. Господскій домъ, поврежденный снарядами.

Это его имя. Сергѣй Лощинъ — не звучное. Третій классъ! Охъ, какъ это было давно. Это что же, мальчуганъ лѣтъ 13—14... У него даже и почеркъ еще не выработанъ.

Ну, такъ и есть. Начинается глубокомысленнымъ изреченіемъ: „Жизнь, это—непрерывная война, отъ дня рожденія и до послѣдняго вздоха. И потому всегда спи на одинъ глазъ, а другимъ наблюдай, съ которой стороны подходитъ врагъ...“ Что жъ, это даже не дурно для кадета III класса.

Дальше: „Воспитатель капитанъ Оглуздіевъ почти всегда немного подъ-шафе“... Гм... Вотъ сразу и натолкнулась на непонятное слово: подъ-шафе. Что же это значитъ? Слѣдующая страница, еще и еще, все пустяки. Растетъ мальчикъ. Вотъ уже 1910 годъ. „Вчера первый разъ въ жизни былъ пьянъ. Это отвратительно“. Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ онъ находитъ это отвратительнымъ. И вообще у него моральное направленіе. Странно только, что онъ сперва сдѣлаетъ, а потомъ не одобритъ. Вотъ и это—уже въ 1911 году:

„У насъ ночи напролетъ дуются въ стуколку. (Умудряемся). Вчера я выигралъ 1 рубль и 12 копеекъ. Мнѣ вообще везетъ въ игрѣ. Но, въ сущности, нѣтъ ничего гнуснѣе этого занятія. Послѣ него чувствуешь, что въ груди у тебя пустое сердце. Надо бросить“.

Непріятель далеко.

„Какъ видно, характеръ у него не изъ сильныхъ. Въ родѣ моего, — думаетъ Надя.—Но все пустяки, пустяки“. Вотъ развѣ на этомъ остановиться:

„Никогда я не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ именно въ этотъ день радости: сегодня выпущенъ въ офицеры. Я подпоручикъ. У меня на погонахъ двѣ звѣздочки, и я чувствую, какъ онѣ горятъ: какъ алмазы! Вчера кутили неистово. Были какія-то женщины, которыя говорили на разныхъ иностранныхъ языкахъ; но пошлость на всѣхъ языкахъ одинакова. Всѣ ужасно веселились, а мнѣ было скучно. Почему-то я чувствовалъ себя сиротой, не въ томъ смыслѣ, что у меня нѣтъ отца, матери и близкихъ родныхъ, — къ этому я уже привыкъ,—а потому, что не могу найти веселья въ томъ, въ чемъ другіе легко его находятъ. Боюсь, что мнѣ трудно будетъ жить на свѣтѣ съ такой требовательностью. Вотъ мой пріятель, толстый Мишель — онъ вчера, несмотря на свой большой вѣсъ, буквально на головѣ ходилъ. Улыбка радости у него играла не только на жирномъ лицѣ, но даже не подошвахъ сапогъ“.

У колодца.

(Окончаніе будетъ).

„Будьте спокойны, дорогіе солдаты!“

Очеркъ **К. И. Чуковскаго.**

(Съ 14 рис. на стр. 663—667).

I.

У оружейнаго завода—толпа.

— Больше не принимаемъ! Нѣтъ мѣста! Вотъ расширимъ зданіе, тогда приходи!—говоритъ привратникъ какой-то убогой старухѣ.

Но старуха не уходитъ, стоитъ.

— Нѣмецъ убилъ моего сына!—упрямо повторяетъ она. – Нѣмецъ убилъ моего сына!

— Ужъ очень васъ много... Нельзя! Всѣ просятъ: пусти да пусти. Вотъ погоди: будетъ мѣсто...

Рис. 2. Лондонскіе студенты-технологи изготовляютъ у себя въ мастерскихъ части военныхъ гидроплановъ.

Но старуха не уходитъ, стоитъ. Она хочетъ своими руками изготовить гранату, ядро или пулю противъ того, кто убилъ ея сына. Она словно не замѣчаетъ привратника и, какъ сомнамбула, повторяетъ одно:

— Нѣмецъ убилъ моего сына. Нужно ему отплатить.

Ее не пустили покуда. Очень она дряхлая, немощная. Зданіе и безъ того переполнено. Отстраиваютъ лѣвое крыло.

Дѣло происходитъ въ Англіи, въ городѣ Лидсѣ. Сестры, матери, жены солдатъ тѣснятся въ огромнѣйшей фабрикѣ и, не замѣчая ни воскресеній ни праздниковъ, и ночью и днемъ, непрерывно изготовляютъ снаряды для арміи.

Чуть только въ Англію проникло извѣстіе, что у солдатъ не хватаетъ снарядовъ, что порою имъ даже нечѣмъ защищать свою жизнь, какъ старики и старухи, школьники, богачи, бѣдняки кинулись къ рабочимъ станкамъ—изготовить бы побольше „амуниціи“ и послать ее поскорѣе на фронтъ.

Рис. 3. Сынъ извѣстнаго кораблестроителя Виккерса вмѣстѣ со своими товарищами работаетъ надъ изготовленіемъ крупнокалиберныхъ снарядовъ.

Все населеніе Лидса поспѣшило сюда, на заводъ. Кухарки и горничныя побросали господъ, почтальоны забыли о письмахъ, цырюльники — о ножницахъ и бритвахъ. Не побрезгали самой черной работой. Не побоялись даже „канареечной клѣтки“, той желтой комнаты, гдѣ заводъ вырабатываетъ взрывчатое вещество—лиддитъ... Побудьте въ этой комнатѣ два-три часа, и ваша кожа, на лицѣ, на рукахъ, станетъ канареечно-желтой. Эти желтолицые люди нынѣ въ огромномъ почетѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ зашелъ на минуту въ пивную, взялъ въ руки стаканъ, и—о, чудо!—стаканъ покрылся желтыми пятнами, которыхъ не отмыть никогда. Но кабатчикъ говоритъ: „пустяки!“ и разбиваетъ стаканъ. Для „желтолицаго“ не жалко стакана! Вѣдь каждый „желтолицый“ означаетъ, что армія становится сильнѣе!

Когда эти „канарейки“ проходятъ по улицамъ, ихъ радостно привѣтствуетъ толпа...

Вотъ помѣщеніе, гдѣ работаютъ женщины. Такъ и мелькаютъ проворныя бѣлыя руки. Полковницкая дочка и солдатка сидятъ рядомъ, за однимъ и тѣмъ же трудомъ. Жена священника, сѣдовласая важная дама, привела съ собою дочерей и племянницъ *)...

— Но что это за розовый шелковый щитъ, украшенный разноцвѣтными флагами?

— Это призъ, это награда за усердіе. Ту дѣвушку, которая въ теченіе извѣстнаго срока наработала больше другихъ, награждаютъ этимъ прелестнымъ щитомъ, убраннымъ союзными флагами. Каждая изъ силъ выбивается, чтобы заслужить этотъ щитъ и повѣсить у себя надъ станкомъ.

— Ну, а если дѣвушка вдругъ захвораетъ? Если закружится у нея голова?

— Пожалуйте въ сосѣднюю комнату: тамъ ждутъ ее фельдшерица, сестра милосердія, докторъ...

II.

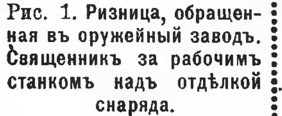


Рис. 1. Ризница, обращенная въ оружейный заводъ. Священникъ за рабочимъ станкомъ надъ отдѣлкой снаряда.

Вся Англія преобразилась въ арсеналъ.

Даже великосвѣтскія дамы (ужъ такова теперь мода!) уѣзжаютъ спозаранку на окраину, на грязный закоптѣлый заводъ и, пройдя трехнедѣльный искусъ, выдержавъ очень строгій экзаменъ, помогаютъ опытнымъ привычнымъ рабочимъ топить печи, чистить котлы и машины.

Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ о нихъ фешенебельный англійскій еженедѣльникъ „The Sketch“.

Даже священники записались въ рабочіе. На нашемъ рисункѣ показано, какъ молодой служитель алтаря сбросилъ съ себя длиннополый сюртукъ и, засучивъ рукава, работаетъ на станкѣ надъ патронами. Ризницу превратилъ въ артиллерійскій заводъ (рис. 1).

А вотъ лондонскіе студенты-технологи изготовляютъ у себя въ мастерскихъ какія-то принадлежности воздушнаго флота, части гидроплановъ, аэроплановъ и проч. (рис. 2).

Вотъ сынъ кораблестроителя Виккерса работаетъ на заводѣ отца надъ изготовленіемъ „чемодана“ (рис. 3).

Но технологи, пожалуй, не диво. Гдѣ же имъ нынче и быть, какъ не въ мастерскихъ, за станками! А вотъ это дѣйствительно странно: по улицамъ спящаго Лондона, въ истрепанной одеждѣ рабочихъ, шагаютъ этакой „пролетарской“ походкой цирковые паяцы и клоуны!

Вчера еще они кувыркались на яркоозаренной аренѣ, прыгали чрезъ горящіе обручи, блеяли, кукурекали, лаяли, раздавали другъ другу пощечины, а сегодня, степенной артелью, озабоченно спѣшатъ на заводъ: не опоздать бы къ гудку! Не то штрафъ или,—еще хуже, — расчетъ. Выбросятъ безъ разговоровъ на улицу. А такъ хочется самому поработать, внести хоть малую долю труда въ дѣло обороны своей родины (рис. 4).

Съ тѣхъ поръ, какъ армія, устами фельдмаршала, громко закричала народу: „выручай! на тебя вся надежда! не хватаетъ ни снарядовъ ни пороху!“, — народъ отозвался на этотъ призывъ со всей своей изумительной, чисто-англійской, энергіей.

— Бѣдные „мальчики“,

*) См. „Daily Mail“, 19-го іюня.

Рис. 4. Клоуны и прочіе артисты цирка по пути на оружейный заводъ.

они могутъ погибнуть, если мы не придемъ къ нимъ на выручку. Ихъ жизнь, ихъ побѣда, ихъ смерть находятся въ нашихъ рукахъ! — такое было ощущеніе у всѣхъ. Правительство не скрыло отъ народа истиннаго положенія дѣлъ, и это принесло величайшую пользу: работа закипѣла во-всю.

Клэрки, маклера, страховые агенты образовали въ теченіе нѣсколькихъ дней „Вольную дружину для снаряженія арміи" (Voluntary Munitions Brigade) и предложили правительству весь свой воскресный досугъ. Въ эту дружину вошло до двѣнадцати тысячъ членовъ, каждый сдѣлалъ соотвѣтственный взносъ. Въ комитетѣ оказался самъ Ротшильдъ! Каждое воскресенье, чуть свѣтъ, они отправляются огромной гурьбой на Вульвичскій казенный заводъ промывать патроны, упаковывать ядра и проч.

Рис. 5. Вольная дружина лондонскихъ клерковъ отправляется на Вульвичскій казенный оружейный заводъ.

Думали ли когда-нибудь эти бѣлоручки-конторщики, что жизнь оторветъ ихъ отъ цифръ, векселей и процентовъ и властно превратитъ въ чернорабочихъ? Имъ ли быть кочегарами, смазчиками!? И въ какіе дни,—въ воскресенья! Вѣдь англійское воскресенье — особенное. Уже сотни и сотни лѣтъ этотъ торжественный день чиннаго и чопорнаго отдыха не нарушался никакой суетой. Кажется, если бы небо упало на землю, англійскій клэркъ и тогда не отрекся бы ни отъ воскреснаго галстука ни отъ воскресной поѣздки на омнибусѣ въ Гайдъ-Паркъ или въ Хрустальный Дворецъ.

И все же это чудо совершилось: онъ изъялъ изъ своей жизни воскресенье; изъ вожделѣннаго, долго-жданнаго дня сдѣлалъ его самымъ труднымъ и тягостнымъ. Это грандіозная жертва!

Вотъ эти люди идутъ на работу съ ухватками заправскихъ рабочихъ (рис. 5); они взялись такъ азартно за дѣло, что итоги оказались изумительными: съ первой же недѣли, судя по отчетамъ, производство завода усилилось.

Дѣло пошло и совсѣмъ хорошо, когда въ ихъ дружину вошли инженеры, машинисты, механики.

Примкнулъ къ нимъ и парикмахеръ изъ Сити.

Когда, изъ боязни опоздать на заводъ, члены этой „Вольной дружины" обратились къ владѣльцамъ автомобилей съ просьбой предоставить имъ безвозмездно свои экипажи, ихъ просьба была мгновенно исполнена.

Колбасники, зеленщики, мясники, продавцы молока и яицъ тоже постановили три раза въ недѣлю, по извѣстнымъ днямъ, въ опредѣленные часы отправляться на оружейные заводы.

Въ Англіи, какъ и всюду въ Европѣ, покупки изъ всѣхъ магазиновъ доставляются покупателю на домъ. Для этого при каждомъ большомъ магазинѣ существуетъ цѣлая фаланга велосипедистовъ, носильщиковъ, тачечниковъ. Имъ тоже захотѣлось поработать на армію. Но кто же доставитъ вамъ ваши покупки? Кто принесетъ вамъ изъ лавки сахаръ, землянику, овсянку? Никто. Носите сами,—вѣдь трудъ не великъ!—и чувствуйте, что вы такимъ образомъ тоже помогаете арміи.

Эти труженики обратились къ „господамъ покупателямъ" съ такимъ интереснымъ воззваніемъ:

„1. Покупайте, если можно, до обѣда.

„2. Не требуйте, чтобы ваши покупки доставлялись вамъ на домъ немедленно.

„3. Маленькіе свертки и пакетики уносите изъ лавки сами. То, что вамъ неудобно взять съ собой, разрѣшите доставить вамъ завтра.

„Мы увѣрены, что наше воззваніе встрѣтитъ радостное сочувствіе публики" *).

Кто же станетъ ворчать и брюзжать, если цѣной этой крошечной жертвы можно хоть на минуту ускорить побѣду!

Такъ осуществляется въ Англіи всенародное участіе въ войнѣ.

Нерѣдко, проходя мимо дома, видишь: сидятъ на ступенькахъ бабушка, мамаша и дѣти и весело что-то плетутъ. Это корзинки

*) „Times Weekly", May 28.

Рис. 6. На улицахъ Лондона. Процессія англійскихъ женщинъ, выразившихъ желаніе работать на снаряженіе арміи.

Сильвія Пенкхёрстъ.

Рис. 7. Манифестація англійскихъ женщинъ во главѣ съ ея организаторшей, извѣстной суффражисткой Сильвіей Пенкхёрстъ.

для упаковки снарядовъ. Дѣтскіе пальцы особенно ловко справляются съ этой работой.

Когда въ какомъ-то глухомъ городишкѣ у школьниковъ обнаружилась корь и начальныя школы пришлось на время эпидеміи закрыть, педагоги, освобожденные отъ учебныхъ обязанностей, ринулись цѣлой гурьбой „на заводъ“ *).

III.

Какой же волшебникъ—и какимъ волшебствомъ—такъ сказочно преобразилъ весь народъ?

Кто объединилъ въ одномъ общемъ стремленіи священниковъ съ клоунами, лордовъ и банкировъ съ полунищими?

Безстрашное правдивое слово, обращенное въ минуту опасности къ свободному и сильному народу!

Въ началѣ миновавшаго лѣта въ газетѣ „Times“, съ разрѣшенія военной цензуры, была напечатана слѣдующая корреспонденція съ театра войны:

„Наша атака на такіе-то и такіе-то пункты закончилась бы блестящей побѣдой, если бы хватило снарядовъ“.

Вся страна задрожала отъ изумленія и ярости. Неужели не хватаетъ снарядовъ? Кто же смѣетъ посылать подъ огонь плохо вооруженныхъ, безоружныхъ солдатъ? Собирались многолюдные митинги, гдѣ раненые офицеры разсказывали объ истинномъ положеніи дѣлъ. Епископы въ церквахъ объясняли молящимся, какая опасность угрожаетъ ихъ родинѣ. На всѣхъ перекресткахъ появились афиши, гдѣ нарисованъ безоружный солдатъ, протягивающій пустыя руки къ рабочему:

— Товарищъ, помоги поскорѣе!

Фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ то и дѣло въ своихъ донесеніяхъ откровенно и прямо писалъ: „мы вынуждены были пріостановить наступленіе изъ-за внезапнаго молчанія артиллеріи“: „такая-то высота была занята нашимъ противникомъ, такъ какъ у насъ не хватило снарядовъ большого калибра“ и т. д.

Въ одной газетѣ появились стихи, ставшіе въ два-три дня популярными:

„Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Милліоны, сотни милліоновъ снарядовъ, чтобы уничтожить проклятаго гунна. Наши храбрые солдаты умираютъ и громко требуютъ отъ насъ одного: снарядовъ, снарядовъ, снарядовъ! Снарядовъ для англійскихъ пушекъ!

„Будьте спокойны, дорогіе солдаты! Мы услышали вашъ горячій призывъ. Мы всѣ до единаго цѣлыя сутки будемъ дѣлать и дѣлать снаряды, покуда не упадемъ отъ усталости. Снаряды, снаряды, снаряды—это единственная наша забота, если мы любимъ ту землю, которая родила насъ на свѣтъ! Милліоны, милліарды снарядовъ для нашихъ англійскихъ пушекъ“.

Въ парламентѣ произошелъ переворотъ. Вмѣсто министровъ-либераловъ у власти оказались представители всѣхъ трехъ существующихъ партій. Морскимъ министромъ оказался консерваторъ

*) „Daily Mail“, 12-го мая.

Рис. 8. Англійскія женщины за изготовленіемъ снарядовъ для арміи.

Бальфуръ. Одинъ изъ рабочихъ вождей сталъ министромъ народнаго просвѣщенія... И, главное, къ радости всѣхъ, возникло новое, не бывшее доселѣ министерство: „министерство снаряженія арміи“. И во главѣ его сталъ геніальный работникъ, страстный и кипучій Ллойдъ Джорджъ.

Самый энергичный человѣкъ во всей Англіи! Зажигательный, вдохновенный ораторъ. Пропагандистъ, агитаторъ. И при этомъ опытнѣйшій практикъ-дѣлецъ, великолѣпно знающій промышленный міръ. Не даромъ онъ былъ министромъ финансовъ!

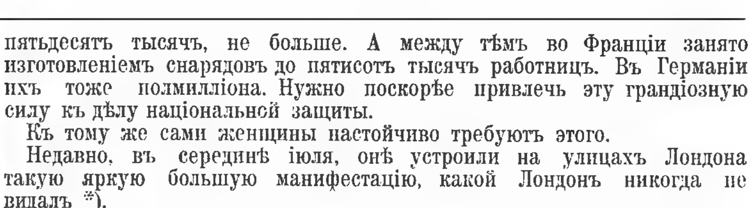
У него исключительный даръ: побуждать къ работѣ, къ труду. Своей нечеловѣчески-могучей энергіей онъ заражаетъ всѣхъ. Все такъ и кипитъ и бурлитъ у него подъ рукой. Если бы не было на свѣтѣ Ллойдъ Джорджа, его надлежало бы выдумать! Когда онъ сдѣлался министромъ „муниціи“, вся нація вздохнула съ облегченіемъ: „этотъ“ выручитъ! „этотъ“ спасетъ!

Ллойдъ Джорджъ принялся за работу съ необыкновеннымъ азартомъ. Онъ зажегъ энтузіазмомъ всю страну. Въ Лондонѣ, въ Ливерпулѣ, въ Ман-

Рис. 9. **Бенъ Тиллетъ, лидеръ лондонскихъ рабочихъ.**

Рис. 10. **Ллойдъ Джорджъ въ парламентѣ.**

Рис. 11. **Небольшая частная фабрика въ одной изъ французскихъ провинцій, изготовляющая снаряды для орудій крупнаго калибра. Слѣва — инженеръ, посѣщающій фабрики въ качествѣ военнаго инспектора, слѣдящаго ежедневно за правильнымъ изготовленіемъ снарядовъ.**



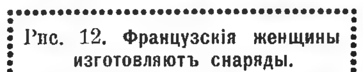


Рис. 12. **Французскія женщины изготовляютъ снаряды.**

честерѣ, передъ огромными толпами, онъ кричалъ:

— Отечество въ опасности!

Онъ взывалъ къ патріотизму рабочихъ. Онъ взывалъ къ патріотизму хозяевъ. Онъ созвалъ вождей грандіознѣйшихъ Трэдъ-Уніоновъ, и они, подъ вліяніемъ его уговоровъ, „добровольно" согласились отречься на время войны отъ многихъ своихъ правъ и свободъ. Фабриканты, тоже вполнѣ „добровольно", подчинили себя волѣ правительства.

Съ согласія и одобренія рабочихъ союзовъ, онъ устроилъ по всей странѣ рекрутскій наборъ кузнецовъ, машинистовъ, механиковъ. Если вы кузнецъ или механикъ, ступайте въ ратушу и запишитесь скорѣе въ „трудовую армію" Ллойдъ Джорджа! Вамъ назначатъ отличное жалованіе и отправятъ, куда захотятъ, на любой заводъ, въ любой городъ,— туда, гдѣ вы нужнѣе всего.

Если у васъ есть семья, ей выдадутъ большое пособіе, такое же, какъ и солдатской семьѣ. Вы становитесь на время солдатомъ, только ваше оружіе— молотъ, ваша траншея—заводъ.

Тысячами такихъ изумительныхъ мѣръ Ллойдъ Джорджъ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ всю Англію преобразилъ въ арсеналъ.

Ллойдъ Джорджа зовутъ спасителемъ отечества и съ радостью, безпрекословно, исполняютъ малѣйшее его предложеніе, а онъ именно „предлагаетъ", „совѣтуетъ", „проситъ", и никогда ничего не приказываетъ.

Вотъ одинъ изъ послѣднихъ портретовъ этого великаго дѣятеля (рис. 10). Это маленькій, подвижной человѣчекъ, вѣчно торопящійся, вѣчно смѣющійся. Въ Бристолѣ, привѣтствуемый толпой, онъ, между прочимъ, сказалъ:

— Инженеры, машинисты, механики! Судьбы родины въ вашихъ рукахъ! Побѣда зависитъ отъ васъ!

IV.

А женщины? Неужели англичане забыли объ этомъ неисчерпаемомъ національномъ резервѣ?

Мы видѣли, что на англійскихъ оружейныхъ заводахъ издавна работаютъ женщины. Но ихъ всего пятьдесятъ тысячъ, не больше. А между тѣмъ во Франціи занято изготовленіемъ снарядовъ до пятисотъ тысячъ работницъ. Въ Германіи ихъ тоже полмилліона. Нужно поскорѣе привлечь эту грандіозную силу къ дѣлу національной защиты.

Къ тому же сами женщины настойчиво требуютъ этого.

Недавно, въ серединѣ іюля, онѣ устроили на улицахъ Лондона такую яркую большую манифестацію, какой Лондонъ никогда не видалъ *).

Четырехсоттысячное женское воинство, съ хоругвями, знаменами, флагами отправилось къ министру Ллойдъ Джорджу требовать, чтобъ и ихъ пріобщили къ работамъ по снаряженію арміи.

На этихъ знаменахъ было начертано:

„Мы хотимъ изготовлять снаряды!"

„Мы хотимъ защищать свою родину!"

„Мужчины нужны на войнѣ; женщины займутъ ихъ мѣсто на фабрикѣ!"

Одно изъ такихъ знаменъ украшено было стишками:

„Если сдѣлаетъ пулю жена,
Можетъ мужа спасти она!"

На нашихъ рисункахъ 6 и 7 изображается эта процессія. Вотъ въ сарафанѣ, въ огромномъ кокошникѣ, малявинская баба—„Россія". Въ рукахъ у нея русскій трехцвѣтный флагъ. Вотъ босикомъ и съ разорваннымъ знаменемъ, вся въ траурѣ, трагическая „Бельгія". Но хоть и въ траурѣ, а весела, ибо увѣрена въ конечной побѣдѣ. За нею „Франція", „Италія", „Сербія",—тоже радостныя, тоже смѣющіяся!

Процессію организовала миссисъ Пенкхёрстъ (рис. 7), знаменитая суффражистка-воительница. Къ ней примкнули герцогини, служанки, генеральши, фабричныя дѣвушки...

Ллойдъ Джорджъ принялъ депутацію дружески, поблагодарилъ за великодушный порывъ, котораго страна не забудетъ, поговорилъ о насущныхъ дѣлахъ и, взявъ съ

Рис. 13. **Французскія женщины изготовляютъ снаряды.**

*) Эта манифестація была описана въ „Нивѣ", въ отдѣлѣ „Отклики войны" (№ 30).

Рис. 14. **Французскія женщины изготовляютъ снаряды. Военные инженеры провѣряютъ качество издѣлій.**

камина какую-то милую штучку, показалъ ее собравшимся дамамъ:

— Вотъ это — артиллерійскій снарядъ. А вотъ это — очень изящная трубочка, которая нужна для снаряда. Ее-то вы и будете выдѣлывать. Кропотливыя женскія руки словно созданы для этой работы.

Ллойдъ Джорджъ не разстается съ этой хорошенькой бомбовой трубочкой. Онъ носитъ ее съ собой, какъ брелокъ. Недавно во время парламентской рѣчи онъ вынулъ ее изъ кармана, къ ужасу близко сидящихъ товарищей.

Самое сложное и самое прекрасное созданіе механики, разумѣется, пока не взорвется!—рекомендовалъ онъ ее членамъ парламента.

На рисункѣ 10 запечатлѣна эта сцена.

Особое рвеніе къ изготовленію снарядовъ обнаружили шотландскія дѣвушки. Самъ лордъ Китченеръ, военный министръ, отмѣтилъ ихъ заслуги передъ страной. „Передайте дѣвушкамъ, работающимъ на вашихъ заводахъ, что я высоко цѣню ихъ усердіе. Страна обязана имъ чрезвычайно. Изготовляемые ими снаряды отличаются первоклассными качествами“.

Эти шотландскія дѣвушки, работающія надъ боевыми припасами, изображены на рис. 8.

V.

Ни для кого не тайна, что въ началѣ войны нѣкоторыя группы британскихъ рабочихъ оставались почти равнодушными. Война была такъ далеко, они не видѣли ея жертвъ и ужасовъ. Разсказы о нѣмецкихъ жестокостяхъ казались имъ газетными выдумками. Угрозу нападенія нѣмцевъ на Англію они тоже считали фантазіей. Ихъ было меньшинство, но все же много. Конечно, къ нимъ обращались съ воззваніями, ихъ пробовали убѣждать, уговаривать, но они только пожимали плечами.

И вотъ придумали радикальное средство. Для того, чтобъ они сами могли убѣдиться, правду ли имъ говорятъ, имъ предложили на нѣсколько дней съѣздить на фронтъ—посмотрѣть. Они выбрали своихъ делегатовъ, тѣ поѣхали во Фландрію, во Францію, побывали въ окопахъ, поговорили съ солдатами и вернулись съ единственной жаждой: взяться поскорѣе за работу для быстрѣйшаго снаряженія арміи.

Имъ казалось, что вся армія милліонами глотокъ взываетъ къ нимъ о немедленной помощи.

Вернувшись въ Англію, они сказали товарищамъ:

—Побѣда страны, ея жизнь и смерть зависятъ теперь отъ насъ, отъ нашихъ мозолистыхъ рукъ, и, чтобы скорѣе закончить войну, мы должны поспѣшить немедленно къ нашимъ молоткамъ и станкамъ.

Тогда же случилось другое событіе: Бенъ Тиллетъ пожелалъ посѣтить передовыя позиціи.

Кто же онъ такой, этотъ Бенъ Тиллетъ? (портр. на стр. 666).

Секретарь могучаго Союза докеровъ, онъ пользуется въ этой средѣ феноменальной, небывалой популярностью. Сотни тысячъ англійскихъ рабочихъ видятъ въ немъ вождя и кумира. Его картинное, живое краснорѣчіе покоряетъ ихъ, волнуетъ, чаруетъ...

Незадолго до начала войны ему случилось побывать въ Берлинѣ, и онъ увидѣлъ своими глазами, что Германія—дьявольская, злобная сила. Даже нѣмецкіе соціалисты говорили ему:

— Война неизбѣжна. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Мы побѣдимъ непремѣнно. Наши арміи черезъ девять часовъ послѣ начала кампаніи войдутъ побѣдоносно въ Парижъ.

Съ тѣхъ поръ Бенъ Тиллетъ непрестанно взываетъ къ рабочимъ, чтобъ они кинули все, чтобъ они забыли про все, и бросились бы противъ полчищъ Вильгельма, противъ враговъ цивилизаціи и свободы.

Теперь онъ захотѣлъ самолично побывать среди британскихъ солдатъ, чтобы послѣ подѣлиться съ рабочими живыми, непосредственными впечатлѣніями и тѣмъ успѣшнѣе привлечь ихъ къ необходимымъ работамъ на армію. Военный министръ лордъ Китченеръ выразилъ ему свою живѣйшую радость по поводу его поѣздки на фронтъ. Фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ принялъ его очень сочувственно и написалъ ему сердечное письмо. Самъ Пуанкарэ, президентъ Республики, пожелалъ повидаться съ нимъ, а также генералы д'Эспере и Саррэль, популярные вожди французской арміи.

Бенъ Тиллетъ обратился къ англійскимъ солдатамъ, находящимся нынѣ во Франціи, съ привѣтственной ободряющей рѣчью.

Вернувшись на родину и разсказавъ о своихъ впечатлѣніяхъ, Бенъ Тиллетъ завербовалъ для британскаго воинства много новыхъ мозолистыхъ рукъ.

VI.

— А какъ же Франція? Что же она?

Франція покуда не жалуется. Она заблаговременно приняла свои мѣры. То, что Англія дѣлаетъ нынче, она сдѣлала въ самомъ началѣ войны,—еще въ сентябрѣ—октябрѣ.

— Послѣдуемъ же примѣру Франціи. Пойдемъ по ея стопамъ!—настойчиво повторяетъ Ллойдъ Джорджъ.

Франція для него—идеалъ.

— Вы только подумайте,—сказалъ онъ недавно въ парламентѣ,—вѣдь главные промышленные центры республики находятся въ рукахъ у непріятеля. Семьдесятъ процентовъ ея стали и другихъ подобныхъ матеріаловъ находится въ рукахъ непріятеля. Она мобилизовала колоссальную армію и такимъ образомъ оторвала отъ индустріи огромную часть населенія. Къ тому же ея промышленность—не на такой высотѣ, какъ англійская. Она все еще страна земледѣльческая. И все же она создала чудеса. Ея армія снаряжена превосходно.

Когда Ллойдъ Джорджу понадобились указанія, совѣты, онъ отправился за ними во Францію. Тамъ его даровитый коллега, Тома, французскій министръ снаряженія арміи, подѣлился съ нимъ своимъ богато-накопленнымъ опытомъ.

Онъ разсказалъ ему, какъ всѣ до единаго техники, инженеры, механики были отозваны съ фронта—обратно къ рабочимъ станкамъ, какъ всѣ рабочіе, прикосновенные къ горному и сталелитейному дѣлу, были мобилизованы для снаряженія арміи, какъ всѣ крупные и мелкіе заводы были реквизированы для военныхъ же надобностей, какъ въ краткій срокъ удалось обучить пятьсотъ тысячъ французскихъ женщинъ этой отвѣтственной и трудной работѣ, какъ военное вѣдомство отрядило цѣлый легіонъ инженеровъ-инспекторовъ, которые каждый день объѣзжаютъ всѣ малые и большіе заводы, слѣдя за правильнымъ выполненіемъ работъ (рис. 11, 12, 13 и 14).

Вернувшись изъ поѣздки во Францію, Ллойдъ Джорджъ заявилъ съ удовольствіемъ:

— Если Франція, при настоящихъ условіяхъ, совершила столько чудесъ, значитъ, мы совершимъ еще больше! Наши техническіе рессурсы богаче. Стоитъ намъ взяться за дѣло, и мы не только сравнимся съ Германіей, мы въ ближайшіе же нѣсколько мѣсяцевъ превзойдемъ ее во всѣхъ отношеніяхъ. Наше дѣло правое, наше дѣло святое, побѣда непремѣнно за нами, но нужно оборудовать, организовать, подготовить эту побѣду, а не ждать, что она свалится съ неба. Мы заслужили побѣду, но мы должны добиться ея!

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 36 — XLVI г. изданія

Выданъ 5-го сентября 1915 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес.—25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за сентябрь.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

29-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ **29-й годъ.**

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова. 8732

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ, ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 28 лѣтъ—свыше 8,500 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.

ВНИМАНІЕ!

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ подделокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ.

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

КНИГА О КОНСЕРВАХЪ.

Практическое и теоретическ. руководство къ заготовленію овощей и плодовъ въ жестянкахъ и бутылкахъ, съ 13-ю рисунками, составлен. **Маріей Ределинъ.**

116 стр. въ 16 д. л. 3-е изд.

Цѣна 50 к., съ пересылкою 60 к.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ОБУВИ ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

4-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебн. заведеній; **Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр.** допущено въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна съ пересылкою 1 руб.

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

К. ШУМСКІЙ.

ОЧЕРКИ МІРОВОЙ ВОЙНЫ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

Обзоръ военныхъ дѣйствій на главныхъ театрахъ.

Съ чертежами и рисунками.

СОДЕРЖАНІЕ: **Силы воюющихъ сторонъ:** Задача всякой войны. Истина о милліонахъ. Германская армія. 90 тысячъ офицеровъ. Характеристика нѣмецкой арміи. Численность германской арміи. Австро-венгерская армія. Армія Франціи. Характеристика французской арміи. Армія Великобританіи. Общая характеристика европейскихъ армій. Офицеры. Вооруженіе современной арміи. Тяжелая артиллерія. 42-сантиметровыя мортиры. Кто изобрѣлъ 42-сантиметровую мортиру. Число пушекъ. Автомобиль и аэропланъ. **Планъ войны:** Основная причина неудачи нѣмцевъ въ первое полугодіе войны. Вторая ошибка. **Ударъ по Бельгіи:** Причина неудачи нѣмцевъ у Льежа. Почему французы не наступали. Значеніе сопротивленія Бельгіи. Движеніе на Парижъ. Причина отступленія французовъ въ началѣ войны. Парижъ. **Подходъ нѣмцевъ къ Парижу:** Что могутъ сдѣлать нѣмцы съ Парижемъ? Какъ ведется атака крѣпости. Почему нѣмцы проходятъ мимо Парижа? Движеніе нѣмцевъ мимо Парижа. Итоги боевъ на рр. Марнѣ и Энъ. Положеніе во Франціи послѣ „Марны". Укрѣпленія нѣмцевъ на ихъ западной границѣ. **Восточный фронтъ:** Наступленіе австрійцевъ на Люблинъ-Холмъ. **Появленіе нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ:** Оборона путей къ Берлину. Оборона при помощи наступленія. Наступленіе въ Восточную Пруссію. Первая система укрѣпленій Восточной Пруссіи. Образчикъ укрѣпленія на озерахъ. Нынѣшнія крѣпости. Кенигсбергъ. Число пушекъ въ крѣпости. Какъ вычисляется гарнизонъ крѣпости? 2-я система укрѣпленій Восточной Пруссіи (Висла). Данцигъ. Торнъ. Движеніе нашихъ войскъ черезъ озера. Отходъ изъ Восточной Пруссіи. Первая помощь австрійцамъ (Нѣманъ). Первое наступленіе Гинденбурга къ Варшавѣ. Познань и Силезія. Познань. Силезія. Взглядъ нѣмцевъ на театръ военныхъ дѣйствій. Осовецъ. Болотистая полоса Нарева. Нѣмецкая оборона границы. Прорывъ у Брезинъ. Наступленіе къ Бзурѣ. Нѣмецкая реляція. Кое-что о переброскѣ войскъ. Подготовка новыхъ армій. Изъ исторіи армій. Ополченіе Германіи и Австро-Венгріи. Физическая годность. О созданіи новыхъ армій. Вычисленія полковника Репингтона. 11,5 милліона военнообязанныхъ. Армія из болѣе 3 милліоновъ. **Операціи турокъ.** Наступленіе въ предѣлы Кавказа. Потеря турками сообщеній на морѣ. Значеніе Эрзерума. У Багдадской дороги. Наступленіе въ Египетъ. **Воздушная война:** Бомбометаніе. Пушки для стрѣльбы по воздушнымъ судамъ. Бой въ воздухѣ. Условія бомбометанія. **Война на морѣ:** Что такое дредноутъ? Подготовка нѣмцевъ на морѣ. Австрійскій флотъ. Англія.—29 и 20. На два фронта. Возможенъ ли десантъ? Нечаянныя нападенія. Бой флота съ крѣпостью. Крейсера. Крейсерская война. Сраженіе у Херсонеса. **Бой дредноутовъ:** „Флотъ открытаго моря". Англійскіе дредноуты. **Цѣль** операціи нѣмцевъ. Бой.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75к.

Фритьофъ НАНСЕНЪ.

„ВЪ СТРАНУ БУДУЩАГО".

Великій Сѣверный путь изъ Европы въ Сибирь черезъ Карское море.

Съ портретомъ автора, 155 рисунками и 3 картами.

Авторизованный переводъ съ норвежскаго А. и П. ГАНЗЕНЪ.

Богатая, изобильная въ буквальномъ смыслѣ этого слова дарами земными Сибирь съ полнымъ правомъ можетъ именовать себя „страною будущаго". Будущее Сибири заключаетъ въ себѣ неограниченныя возможности: здѣсь возможно и земледѣліе, и скотоводство, и рыболовство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, неслыханныхъ въ Западной Европѣ. Здѣсь возможна столь же широкая индустрія. благодаря обилію металловъ, минераловъ и топлива. Наконецъ южная Сибирь, по справедливости, можетъ считаться житницей и фруктовымъ садомъ почти для всей России. Для приближенія къ своему блестящему будущему Сибири прежде всего требуются удобные, многочисленные, а главное, дешевые пути сообщенія.

Сибирь богата отличными водными путями, по которымъ товары могутъ быть провозимы съ очень малыми затратами. Такія рѣки, какъ Обь и въ особенности Енисей, представляютъ собою почти неиспользованныя водныя пространства: онѣ текутъ почти изъ самаго сердца страны, питая ее какъ настоящія артеріи. И имѣютъ выходъ въ открытое море. Вся бѣда въ томъ, что море это еще не изслѣдовано, и что оно холодное, ледяное море, судоходство по которому затруднено льдами.

Съ давнихъ поръ Сибирь интересовалась возможностью навигаціи по Карскому морю и Ледовитому океану для торговыхъ сообщеній съ Европой. Въ 1912 году была сдѣлана первая попытка пустить пароходъ изъ Норвегіи черезъ Карское море въ Сибирь. Попытка эта кончилась неудачей: пароходъ встрѣтилъ въ Карскомъ морѣ массу льда и вернулся ни съ чѣмъ назадъ.

Но попытка была повторена въ слѣдующемъ 1913 году. Въ экспедицію былъ приглашенъ міровой знатокъ сѣверныхъ путей знаменитый норвежскій путешественникъ и изслѣдователь Сѣвера, Фритьофъ Нансенъ.

Эта экспедиція, кончившаяся полнымъ успѣхомъ, въ свое время вызвала большую сенсацію у насъ, особенно въ Сибири, а также и въ Норвегіи. Громадный путь отъ Тромсе (сѣверъ Норвегіи) до устьевъ Енисея черезъ Карскія ворота былъ пройденъ вполнѣ благополучно. Товаръ, назначенный для Сибири (съ перегрузкой въ устьяхъ Енисея), былъ исправно доставленъ на мѣста назначенія, равно какъ и обратный грузъ изъ Сибири въ Тромсе. Нансенъ на долгое время сдѣлался объектомъ восторженнаго восхищенія, и имя его долго не сходило со страницъ русской печати.

Нансенъ описалъ свое путешествіе въ Сибирь въ очень обстоятельной книгѣ „Въ страну будущаго". Богато иллюстрированная многочисленными фотографическими снимками, она даетъ полное и яркое представленіе о путешествіи въ страну „неограниченныхъ возможностей и будущаго пышнаго расцвѣта".

Большой, роскошно изданный томъ in 8°, отпечатанный на веленевой бумагѣ, съ 115 рисунками на мѣловой бумагѣ, и 3-мя картами.

Цѣна—3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 25 к.; въ переплетѣ 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 25 к.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ **въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ** (Петровскія линіи), **въ книжномъ магазинѣ „Образованіе" въ Одессѣ** (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Указъ Правительствующему Сенату.

Нашему генералъ-адъютанту, члену Государственнаго Совѣта, намѣстнику Нашему на Кавказѣ, главнокомандующему кавказскою арміею и войсковому наказному атаману кавказскихъ казачьихъ войскъ, генералу-отъ-кавалеріи графу Воронцову-Дашкову Всемилостивѣйше повелѣваемъ состоять при Особѣ Нашей, съ оставленіемъ Нашимъ генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Ставкѣ. *„НИКОЛАЙ“.*

23-го августа 1915 года.

Контрассигнировалъ: управляющій военнымъ министерствомъ, ген.-отъ-инфант. Поливановъ.

Числящійся по генеральному штабу, главнокомандующій арміями Сѣверо-Западнаго фронта, генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣевъ назначается начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, съ переводомъ въ генеральный штабъ.

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генеральнаго штаба, генералъ-отъ-инфантеріи Янушкевичъ назначается помощникомъ по военной части Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, съ зачисленіемъ по генеральному штабу.

Числящійся по генеральному штабу главнокомандующій 6-й арміей, членъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Рузскій назначается главнокомандующимъ арміями Сѣвернаго фронта съ оставленіемъ членомъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ и генералъ-адъютантомъ.

Состоящій по Забайкальскому казачьему войску и числящійся по генеральному штабу командующій 4-й арміей генералъ-отъ-инфантеріи Эвертъ назначается главнокомандующимъ арміями Западнаго фронта.

Особое совѣщаніе въ Зимнемъ дворцѣ.

22-го августа въ Бѣломъ залѣ Зимняго дворца, подъ личнымъ Его Императорскаго Величества Государя Императора предсѣдательствомъ, состоялось открытіе засѣданій особыхъ совѣщаній для обсужденія и объединенія всѣхъ мѣропріятій по оборонѣ государства, по обезпеченію топливомъ путей сообщенія, государственныхъ и общественныхъ учрежденій и предпріятій, работающихъ для цѣлей государственной обороны; по продовольственному дѣлу и по перевозкѣ топлива, продовольствія и военныхъ грузовъ.

Къ 11 часамъ утра въ Зимній дворецъ собрались члены Совѣта Министровъ, члены Гос. Совѣта, во главѣ съ предсѣдателемъ А. Н. Куломзинымъ, члены Гос. Думы, во главѣ съ предсѣдателемъ М. В. Родзянко, предсѣдатель центральнаго военнопромышленнаго комитета А. И. Гучковъ, главноуполномоченный общеземскаго союза князь Г. Е. Львовъ и главноуполномоченный общегородского союза М. В. Челноковъ. Открывая засѣданіе, Государь Императоръ изволилъ обратиться къ собравшимся со слѣдующими словами:

„Дѣло, которое поручено Особому Совѣщанію по оборонѣ государства, — самое главное и самое теперь важное. Это — усиленное снабженіе арміи боевыми припасами, котораго только и ждутъ наши доблестныя войска, чтобы остановить иноплеменное нашествіе и вернуть успѣхъ нашему оружію.

Созванныя Мною законодательныя учрежденія твердо и безъ малѣйшаго колебанія дали Мнѣ тотъ единственный достойный Россіи отвѣтъ, какого Я ожидалъ отъ нихъ: война — до полной побѣды.

Я не сомнѣваюсь, что это—голосъ всей Русской Земли.

Но принятое великое рѣшеніе требуетъ отъ насъ и величайшаго напряженія силъ. Это стало уже общею мыслью. Но мысль эту надо скорѣе воплотить въ дѣло, и къ этому призвано прежде всего ваше Совѣщаніе.

Въ немъ объединены для общаго дружнаго труда и Правительство, и избранники законодательныхъ и общественныхъ учрежденій, и дѣятели нашей промышленности,— словомъ, представители всей дѣловой Россіи.

Съ полнымъ довѣріемъ предоставивъ вамъ исключительно широкія полномочія, Я все время буду съ глубокимъ вниманіемъ слѣдить за вашей работою и, въ необходимыхъ случаяхъ, Самъ приму Личное въ ней участіе.

Великое дѣло передъ нами. Сосредоточимъ на немъ одномъ одушевленныя усилія всей страны. Оставимъ на время заботы о всемъ прочемъ, хотя бы важномъ, государственномъ, но не насущномъ для настоящей минуты. Ничто не должно отвлекать мысли, воли и силъ нашихъ отъ единой теперь цѣли: изгнать врага изъ нашихъ предѣловъ.

Для этой цѣли мы должны прежде всего обезпечить дѣйствующей арміи и собираемымъ новымъ войскамъ полноту боевого снаряженія. Эта задача отнынѣ ввѣрена вамъ, господа. И Я знаю, что вы вложите въ ея исполненіе всѣ свои силы, всю любовь къ Родинѣ.

Съ Богомъ, за дѣло!“

Англійскій король о русской арміи. Въ приказѣ Верховнаго Главнокомандующаго отъ 11-го сего августа, за № 686, объявлено:

«Счастливъ объявить доблестнымъ войскамъ нижеслѣдующее. Его величество англійскій король, черезъ военнаго министра лорда Китченера, изволилъ выразить, что онъ съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за дѣйствіями и сопротивленіемъ, оказываемыми русскими арміями страшному напору нашихъ общихъ враговъ. Его величество король Георгъ выразилъ желаніе, чтобы эти чувства его сочувствія и восторга доблестью нашихъ героевъ были извѣстны всѣмъ чинамъ арміи.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

Подписалъ: Генералъ-адъютантъ НИКОЛАЙ.

Объ изложенномъ объявляю по военному вѣдомству.

Подписалъ: Управляющій военнымъ министерствомъ генералъ-отъ-инфантеріи *Поливановъ.*»

Развѣ можно побѣдить русскихъ? Генералъ Макензенъ въ частномъ письмѣ своему другу—аргентинскому военному министру, бывшему ранѣе военнымъ агентомъ въ Берлинѣ, писалъ въ періодъ галиційскихъ боевъ:

«Вы помните, какъ по вычисленіямъ фонъ-Базелера, мы дѣлаемъ на западѣ прыжокъ тигра, душимъ Францію, беремъ Парижъ и бросаемся на русскаго медвѣдя со своими сорока корпусами и гонимъ его за Двину и Днѣпръ? Мы уложили еще сорокъ корпусовъ, а добились весьма немногаго.

Мы и наши союзники такъ щедро полили кровью проклятую Галицію, что она могла бы дать тучный урожай, если бы эти горы и пески рождали хлѣбъ.

Наша гвардія совершенно разстроена, наши стрѣлковыя части разгромлены, а иныхъ дивизій не существуетъ больше.

Русскіе нанесли нашей арміи такія потери, что никакіе успѣхи насъ не вознаградятъ.

Я былъ сторонникомъ мира съ Россіей, считая, что при ея содѣйствіи можно посчитаться съ торгашами человѣческой кровью по ту сторону канала (съ англичанами)—да накажетъ ихъ Господь! — и теперь еще продолжаю доносить его величеству, что я иду впередъ, истекая кровью, изъ послѣднихъ силъ, но меня не слушаютъ.

Хорошо тѣмъ, которые, какъ Гинденбургъ, хотятъ играть роль и увѣрять бѣднаго императора, будто можно побѣдить русскихъ.

Скажите мнѣ, ради Бога, кто ихъ когда-либо побѣдилъ?

Но тѣмъ, кто видитъ напрасныя жертвы людьми и милліардами, тяжело.»

Генералиссимусъ Жоффръ—итальянскому главнокомандующему. Генералиссимусъ Жоффръ, прибывшій 24-го августа вечеромъ въ Модань послѣ двухъ дней, проведенныхъ на итальянскомъ фронтѣ, вернулся затѣмъ въ главную французскую квартиру. На обратномъ пути онъ послалъ генералу Кадорна телеграмму, въ которой благодарилъ его за особо сердечный пріемъ и просилъ передать королю, что онъ былъ счастливъ, имѣвъ возможность провести нѣсколько часовъ въ общеніи съ великолѣпными итальянскими войсками, оставившими въ его душѣ наиболѣе сильное и благопріятное впечатлѣніе. Въ заключеніе генералиссимусъ Жоффръ заявляетъ:

«Итальянская армія, братски связанная съ французской арміей, горячо привѣтствующей ея первые блестящіе успѣхи, идетъ твердой стопой къ окончательной побѣдѣ, которую сумѣютъ одержать союзныя націи, одушевленныя тѣмъ же стремленіемъ къ побѣдѣ и цивилизаціи».

Соотношеніе силъ. Потери велики у насъ, но велики и у нашихъ враговъ. У насъ нерѣдко можно наткнуться на разговоры о томъ, что непріятельская артиллерія разстрѣливаетъ наши войска. Это невѣрно. Главныя потери на войнѣ наносятся не артиллерійскимъ огнемъ, а ружейнымъ (пулеметнымъ). Во время японской войны,—сообщаютъ «Русскія Вѣдомости»,—одинъ убитый или раненый отъ артиллерійскихъ снарядовъ приходился на четырехъ пострадавшихъ отъ ружейныхъ пуль, и, повидимому, приблизительно такая же пропорція сохраняется и для настоящей войны. Непріятельскіе «чемоданы» оказываютъ чрезвычайно сильное моральное дѣйствіе, подавляютъ психику солдатъ, но потерь они причиняютъ въ сущности немного. Во всякомъ случаѣ, эти потери ничтожны по сравненію съ тѣми потерями, которыя несутъ отъ нашего ружейнаго огня германцы при своихъ атакахъ густыми колоннами. Конечно, приходится учитывать и моральное воздѣйствіе тяжелой германской артиллеріи, но зато нельзя отрицать и того, что и психическая устойчивость германскихъ войскъ сильно поражается при ихъ атакахъ густыми массами подъ нашимъ огнемъ. Въ общемъ, можно допустить, что общія потери непріятеля и наши за послѣдніе четыре мѣсяца приблизительно одинаковы, но намъ эти потери пополнить гораздо легче, чѣмъ противнику, и въ результатѣ этого, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія борьбы, соотношеніе силъ становится болѣе благопріятнымъ для насъ.

Новый подвигъ черноморскаго флота. Турки, ощущая сильную потребность въ углѣ, рѣшили послать за нимъ цѣлый отрядъ, состоявшій изъ четырехъ пароходовъ, баржи, одного крейсера—«Гамидіе»—и двухъ миноносцевъ. Посылая свои военныя суда, о которыхъ недавно сообщалось, что они являются единственными болѣе или менѣе сохранившими свои боевыя качества, турки разсчитывали, что ихъ крейсеръ сможетъ справиться съ нашими миноносцами, такъ какъ въ продолженіе всего лѣта мы не высылали для уничтоженія турецкихъ судовъ у анатолійскихъ береговъ никакихъ другихъ судовъ. Если принять во вниманіе, что на «Гамидіе» было два 6-ти и восемь 4,7-дюйм. орудія, а на двухъ миноносцахъ—по два 3,4-дюйм. орудія на каждомъ, то выйдетъ, что турки были отчасти правы, рѣшившись на такое примѣненіе своихъ послѣднихъ морскихъ силъ.

Турки не учли превосходной боевой подготовки личнаго состава нашихъ судовъ, который умѣло использовалъ свои шесть 4-дюймовыхъ орудій, входившихъ въ вооруженіе миноносцевъ «Пронзительный» и «Быстрый», и турецкому крейсеру пришлось бѣжать къ Босфору, бросивъ на произволъ судьбы транспорты съ драгоцѣннымъ грузомъ.

Преслѣдованіе турецкихъ судовъ продолжалось до мыса Кефкенъ, т.-е. на протяженіи 70 м. миль отъ Зунгулдака, и вполнѣ понятно, что наши суда не преслѣдовали далѣе непріятеля, такъ какъ въ противномъ случаѣ транспорты съ углемъ могли далеко уйти и проскользнуть ночью въ Босфоръ, тѣмъ болѣе, что для турокъ эти транспорты представляли въ настоящее время гораздо бо́льшую цѣнность, чѣмъ три подбитыхъ военныхъ судна, не могущихъ измѣнить создавшееся положеніе вещей какъ на Черномъ, такъ и

на Мраморномъ моряхъ. Поэтому нашъ отважный начальникъ отряда принялъ совершенно правильное рѣшеніе, отпустивъ турецкія суда чиниться въ Босфоръ и вернувшись къ транспортамъ, которые онъ потопилъ, лишивъ германо-турецкіе заводы въ Константинополѣ столь необходимаго имъ топлива.

Что же касается тактическаго значенія этого боя, то, по словамъ «Русскаго Инвалида», онъ является за время этой войны вторымъ примѣромъ боя миноносцевъ съ крейсеромъ, окончившагося ихъ побѣдой. Первый примѣръ такого боя былъ также въ Черномъ морѣ, 29-го мая, когда два нашихъ миноносца сражались съ крейсеромъ «Бреслау» и нанесли ему тяжелыя поврежденія.

Но тогда бой происходилъ ночью, а въ настоящее время днемъ, когда турецкій крейсеръ могъ вполнѣ развить всю силу своей артиллеріи и каждый изъ его 6-ти или 4,7-дюймовыхъ снарядовъ могъ вывести нашъ миноносецъ изъ строя. Но, какъ видно, турки стрѣляли очень плохо, а стрѣльба нашихъ судовъ, какъ это было раньше, отличалась большой мѣткостью, благодаря чему былъ достигнутъ такой блестящій результатъ.

Въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго впервые за все время войны указана фамилія офицера, руководившаго боемъ, капитана 1-го ранга князя Владиміра Владиміровича Трубецкого. Этотъ отважный офицеръ, какъ видно изъ одесскихъ газетъ, совершаетъ уже не первый подвигъ за время этой войны, такъ какъ во время подхода «Гебена» къ Севастополю 16-го октября онъ, во главѣ своего дивизіона миноносцевъ, бросился въ дневную атаку на этотъ дредноутъ и затѣмъ командовалъ тѣми двумя миноносцами, которые обстрѣливали 10-го іюля турецкій кавалерійскій лагерь у Акъ-Бонара (у входа въ Босфоръ). Князь Трубецкой выпущенъ изъ морского корпуса въ 1891 году, участвовалъ въ русско-японской войнѣ и до перехода на службу въ Черноморскій флотъ въ 1912 году командовалъ миноносцами въ Балтійскомъ флотѣ.

Рѣчь депутата Гольдмана передъ латышскимъ батальономъ. Образованіе латышскаго легіона, благодаря неустанной работѣ латышскаго депутата въ Государственной Думѣ Гольдмана, близится къ концу. Можетъ-быть, въ ближайшіе дни молодымъ латышскимъ воинамъ придется своею кровью обагрить улицы родного города. Чувства латышскаго народа ярко сказались въ прощальной рѣчи А. А. Гольдмана, который 15-го августа пріѣхалъ проводить одинъ изъ самыхъ большихъ отрядовъ латышей-легіонеровъ:

«Народные воины! Вы идете на борьбу за свое государство и за свою родину, украшенные цвѣтами и почтенные пѣснями. Восторгами провожаетъ васъ родина. Но изъ всѣхъ цвѣтовъ, разсыпанныхъ по вашему пути, вы самый благоухающій цвѣтокъ на груди вашей націи. За васъ радуется весь народъ такъ же, какъ русская и всѣ союзныя ей націи. За васъ радуется и правительство и законодательныя учрежденія. Какая радость, какая гордость будутъ для латыша, на котораго смотрятъ народы и правительства Европы. Да будетъ непоколебима ваша рука, народные воины!

Знайте, что весь народъ, вся Россія слѣдитъ за каждымъ вашимъ шагомъ. Темною ночью среди латышскаго народнаго сада незамѣтно распустилась дивная благоухающая роза, въ томъ народномъ саду, который до сихъ поръ находился въ сторонѣ, въ долинѣ, окруженный высокой стѣной, крѣпкой своими несокрушимыми привилегіями «сильныхъ міра сего». Теперь рухнула эта стѣна, и открывается прекрасная картина этого скромнаго сада, полнаго розъ, по сравненію съ которыми нагорныя растенія, окружавшія его, кажутся крапивой и сорной травой... Идите стойко въ борьбу за Россію, чтобы подъ ея могучимъ крыломъ спасти и сохранить свою дорогую родину!..

Съ легкимъ сердцемъ и сильною рукою бейте врага, чтобы ваша родина и латышскій народъ остался подъ покровомъ могучей Россіи!..

Отъ васъ, народные воины, зависитъ счастье народа и его процвѣтаніе!..

Весь народъ простираетъ руки и призываетъ на васъ благословеніе. Развѣ можетъ быть больше чести и гордости, чѣмъ быть народнымъ воиномъ, защитникомъ народа, спасителемъ родины въ самый тяжелый моментъ!

Вы идете создавать эпоху, по которой ужъ давно тоскуетъ народъ и о которой поетъ наша пѣсня; когда для латышей настанетъ такое время, которымъ уже давно живутъ другіе народы!..

Вы идете добывать народу права и правду, о которыхъ мечтали лишь втихомолку...

Вы идете готовить дорогу, по которой двинется народъ, чтобы поселиться въ землѣ отцовъ, подъ защитой всемогущей родины—великой Россіи...

Покрывало спало, и латышскій народъ показалъ себя чистымъ и свѣтлымъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ: бороться за Россію, какъ ея вѣрные и вѣрноподданные сыны, чтобы вѣчно остаться, какъ латыши, на землѣ ея отцовъ.

За вами стоитъ весь народъ, благоволеніе милосердаго Царя, Отца Родины, и Верховнаго Главнокомандующаго!

Ура имъ!..»

Парадъ уходящаго въ бой латышскаго батальона обратился въ грандіозную патріотическую манифестацію, которую врядъ ли когда-либо видѣла Рига.

Зубры. Театръ военныхъ дѣйствій придвинулся къ знаменитой Бѣловѣжской пущѣ, въ нескончаемыхъ дремучихъ чащахъ которой живетъ рѣдкая порода зубровъ. Здѣсь ихъ всего 655 головъ. Есть въ Бѣловѣжѣ и олени — 10.000 головъ и 3.000 дикихъ, свирѣпыхъ кабановъ, и 30 лосей, и лани, 5.000 дикихъ козъ и 500 глухарей, но наиболѣе почетными обитателями пущи являются все же зубры. Чтобы охранить эту исчезающую породу отъ истребленія крестьянами, на 15 верстъ кругомъ запретили имѣть огнестрѣльное оружіе. Изъ 655-ти зубровъ 28 находились въ звѣринцѣ и были почти ручными. 6-го августа ихъ всѣхъ выпустили на свободу въ дикую часть пущи, такъ какъ выловить ихъ изъ звѣринца, — большого огороженнаго пространства, — и эвакуировать оказалось почти невозможнымъ. Поимка одного зубра требуетъ сотенъ людей, большой осторожности и иногда нѣсколькихъ дней, и потому пришлось отказаться, вопреки первоначальнымъ извѣстіямъ, отъ эвакуаціи ихъ.

Число выбывшихъ германскихъ офицеровъ. Газета «Daily News», отъ 17-го августа, пишетъ, что германскія арміи потеряли до іюля текущаго года 45.000 офицеровъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти, при чемъ эти потери распредѣляются слѣдующимъ образомъ: генераловъ — 130, пѣхотныхъ офицеровъ — 36.000, кавалеристовъ — 1.650, артиллеристовъ — 5.000 и остальныхъ родовъ войскъ около 2.000.

Потери австрійской арміи. Будапештскій корреспондентъ «Morning Post» сообщаетъ, что австро-венгерская армія въ бояхъ противъ русской арміи потеряла 431.800 убитыми, 1.741.500 ранеными и 580.000 попавшими въ плѣнъ.

Въ бояхъ противъ сербской арміи австро-венгерская армія потеряла: убитыми—50.400, ранеными—95.900, попавшими въ плѣнъ—78.000.

Въ дѣйствіяхъ противъ итальянской арміи австро-венгерская армія потеряла: убитыми—17.200, ранеными—73.700, попавшими въ плѣнъ—13.500.

Наконецъ на западномъ театрѣ войны австро-германская армія потеряла 1.600 убитыми и 4.000 ранеными.

Все это цифры до 1-го августа.

Треть убитыхъ въ австро-венгерской арміи—венгры, и 56 процентовъ раненыхъ—также венгры. Какъ извѣстно, Венгрія насчитываетъ 20.000.000 населенія, а Австрія—35.000.000.

Молодая бельгійская армія. Корреспондентъ «Лозаннской газеты» проѣздомъ черезъ Валонь видѣлъ тамъ юныхъ бельгійскихъ новобранцевъ: это—тысячи мальчиковъ въ возрастѣ 17—19 лѣтъ. Среди нихъ много добровольцевъ, или лучше сказать, всѣ они добровольцы, потому что нѣтъ средствъ принудить къ военной службѣ молодыхъ бельгійцевъ, которые отказались бы отвѣтить на призывъ. Съ 5 часовъ утра до полудня и отъ часу до четырехъ на огромной площади, обсаженной великолѣпными деревьями, жители города любуются упражненіями бельгійской молодежи. Работаютъ усердно и серьезно. Офицеры стараются внести въ дѣло всѣ свои знанія въ области національной обороны, всю свою любовь къ истерзанной родинѣ. Духъ юныхъ бельгійцевъ заслуживаетъ искренняго восхищенія. Они достойные сыны и младшіе братья тѣхъ, которые сражались съ такимъ воодушевленіемъ въ Льежѣ, Динанѣ, Антверпенѣ. Отряды новобранцевъ совершаютъ переходы въ 54 версты въ одинъ пріемъ. Возвратившись послѣ такой прогулки, юноши были такъ веселы и бодры, что трудно было повѣрить только-что выполненному ими подвигу.

Пегу. Знаменитый французскій летчикъ лейтенантъ Пегу, герой «мертвой петли», служившій своей арміи, убитъ 19-го августа надъ Пти-Круа въ воздушномъ бою, когда онъ гнался за нѣмецкими аэропланами. У Пегу былъ свой способъ боя. Онъ зналъ, что нѣмецкіе авіаторы, въ виду особой конструкціи ихъ машинъ, не могутъ легко маневрировать пулеметами и стрѣлять вертикально сверху внизъ. Поэтому Пегу всегда нападалъ на своего противника, летая подъ нимъ.

Понявъ этотъ маневръ Пегу, нѣмцы, по всей вѣроятности, спеціально перестроили одинъ изъ своихъ аппаратовъ и помѣстили пулеметъ въ такое мѣсто, что можно было стрѣлять вертикально сверху внизъ. И дѣйствительно, герой-летчикъ былъ убитъ пулей, попавшей ему въ голову.

Смерть была мгновенная. Аппаратъ упалъ среди французскихъ линій.

Какъ нѣмцы сами снабдили пропускомъ бельгійскихъ рекрутъ. Армія короля Альберта продолжаетъ пополняться свѣжими силами.

Бельгійцы, въ высокомъ пониманіи долга, напрягаютъ всѣ силы изобрѣтательности, чтобы проникнуть за нѣмецкіе кордоны

Это не обходится иногда безъ курьезовъ.

Къ такимъ курьезамъ принадлежитъ случай, разсказанный «Temps».

60 молодыхъ бельгійцевъ, искусныхъ велосипедистовъ, попросили у коменданта разрѣшеніе устроить ежегодное состязаніе велосипедистовъ въ провинціи Лимбургъ, для чего имъ нужны были пропуски на проѣздъ по провинціи. Разрѣшеніе было дано: 60 велосипедистовъ, сопровождаемыхъ нѣмецкими музыкантами, подъ звуки нѣмецкихъ патріотическихъ пѣсенъ, выѣхали на стартъ и, размахивая шапочками, скоро скрылись изъ виду.

Вечеромъ нѣмецкіе музыканты собрались на назначенномъ мѣстѣ встрѣчать участниковъ состязанія, но велосипедисты не вернулись и до сего дня.

Пользуясь пропусками, они перебрались черезъ голландскую границу, а оттуда на нейтральныхъ пароходахъ достигли завѣтнаго уголка Бельгіи, гдѣ вступили въ ряды арміи.

Голубая кавалерія. Скоро французская кавалерія будетъ гарцовать на голубыхъ лошадяхъ.

Въ настоящее время лошади нѣкоторыхъ развѣдочныхъ частей и транспортовъ во французской арміи выкрашены пермарганцевымъ поташомъ въ грязно-бурый цвѣтъ.

Но такая окраска, какъ выяснено, раздражаетъ кожу лошади и не безвредна для ея организма. Поэтому, такъ какъ французскіе кавалеристы одѣты теперь въ новую форму лазурно-голубого цвѣта, рѣшено окрасить ихъ лошадей въ тотъ же защитный цвѣтъ.

Военные ветеринары послѣ цѣлаго ряда экспериментовъ остановились на синей краскѣ, смѣшанной съ таниномъ. Такая краска не раздражаетъ кожу животнаго и долго не линяетъ, если ее хорошо втереть въ кожу. Оттѣнокъ голубого цвѣта, который она сообщаетъ свѣтлой лошади, почти въ точности отвѣчаетъ цвѣту новой кавалерійской формы французовъ.

Питательный пунктъ В. М. Пуришкевича. Въ № 34 «Нивы» въ «Откликахъ войны» помѣщено описаніе питательнаго пункта, организованнаго В. М. Пуришкевичемъ, состоящимъ уполномоченнымъ «Краснаго Креста». Дополняемъ наше сообщеніе данными изъ отчета, представленнаго В. М. Пуришкевичемъ Главному Управленію «Краснаго Креста», объ израсходованіи 50.000 р., отпущенныхъ ему изъ средствъ казны. В. М. Пуришкевичемъ оказывалась питательная помощь и выдавалось бѣлье и одежда проходящимъ въ сѣверо-западномъ районѣ войсковымъ частямъ, офицерамъ и нижнимъ чинамъ, находившимся въ окопахъ, и наконецъ бѣженцамъ. Всего выдано порцій чая —1.299.006, обѣдовъ—1.004.113, ужиновъ—321.677, т.-е. 2.664.796 отпусковъ пищевого довольствія главнымъ образомъ проходящимъ войсковымъ частямъ и въ меньшей части бѣженцамъ. Нижнимъ чинамъ и офицерамъ, находившимся въ окопахъ, выдавались главнымъ образомъ пищевые продукты въ видѣ консервовъ рыбныхъ и мясныхъ, шоколадъ, какао, молоко, вино, печенье, конфеты, бѣлый хлѣбъ, папиросы, а также, по мѣрѣ возможности, названныя лица снабжались предметами бѣлья, одежды, обуви, теплыми вещами и газетами. Главное Управленіе Краснаго Креста постановило испросить у Совѣта Министровъ изъ средствъ Государственнаго Казначейства отпустить просимыя В. М. Пуришкевичемъ еще 50.000 рублей для продолженія его дѣятельности.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

№ 36.

5 Сентября 1915 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р.

Х. Платоновъ. Наймичка. Музей Императорской Академіи Художествъ.

Одна ночь.

Разсказъ **В. Муйжеля.**

I.

Шоферъ изъ добровольцевъ, ѣздившій прежде въ столицѣ у какой-то купчихи и бросившій хорошее мѣсто исключительно благодаря желанію попасть на войну, приподнялся надъ рулемъ и внимательно посмотрѣлъ впередъ.

Была ночь; далекій городъ, въ которомъ теперь шелъ бой, горѣлъ, и молочно-розовое плотное зарево стояло надъ нимъ пламенной завѣсой, закрывшей полнеба. На фонѣ его отчетливо чеканились острыя колокольни костела, какой-то башни, похожей на водонапорную башню вокзала, и длинное, казеннаго типа зданіе казармы.

Когда моторъ былъ выключенъ, стала слышна ружейная стрѣльба, торопливая, непрерывная, то повышающаяся въ лихорадочномъ экстазѣ то падающая, какъ будто удаляющаяся. Орудія били глухо и отдаленно: они громили городъ, изъ котораго спѣшно уходили тыловыя учрежденія противника. Въ черномъ небѣ порою вспыхивали голубыя, сверкающія искры шрапнели надъ самымъ шоссе, гдѣ сталъ автомобиль. Нѣмцы, даже уходя, не оставляли этого стараго, заброшеннаго шоссе, совершенно невозможнаго для пользованія войсками, потому что предварительные бои изрыли его каменный настилъ безчисленными ямами, иногда совершенно преграждавшими путь. Здѣсь пробирались только верховые казаки, несущіе службу связи, одинокіе раненые, тихо ползшіе назадъ до ближайшаго пункта, да теперь застрялъ автомобиль подвижного санитарнаго отряда.

Студентъ-медикъ третьяго курса, замѣнившій собою уполномоченнаго, свалившагося отъ усталости за безпрерывную трехдневную работу, повелъ ночью четыре автомобиля. Но два изъ нихъ тотчасъ же были наполнены ранеными и пошли назадъ, одинъ выдвинулся куда-то впередъ, и теперь его тщетно высматривалъ шоферъ-доброволецъ, а съ четвертымъ шелъ самъ студентъ.

Два часа бились они по невозможнымъ грунтовымъ дорогамъ, ежеминутно рискуя безнадежно посадить машину въ какой-нибудь ямѣ, или канавѣ, утопая въ грязи, надсѣдаясь въ ней, подкладывая подъ колеса срубленныя тутъ же съ придорожныхъ ветелъ вѣтви, или колья изъ разобранной изгороди. Совершенно неожиданно для себя они выѣхали на мѣсто, гдѣ пять часовъ тому назадъ былъ штыковой бой, и въ темнотѣ, обрываясь въ ямки индивидуальныхъ окоповъ, торопливо вырытыхъ атакующими подъ свистомъ пуль, едва освѣщая электрическими фонариками черную землю, подобрали четырехъ тяжелыхъ и погрузили ихъ въ автомобиль. Теперь надо было выбираться на дорогу, чтобъ отвезти этихъ раненыхъ, но вмѣсто прежней дороги они попали на брошенное, избитое снарядами шоссе и остановились на немъ, не зная, куда повернуть.

Впереди горѣлъ городъ, и тамъ шелъ бой. Гдѣ-то близко влѣво, такъ близко, что казалось совсѣмъ тутъ же, за чуть намѣчавшимся въ отблескѣ пожара взгоркомъ, трещали винтовки, и порою знакомый, уныло-неожиданный вой пули рѣзалъ гдѣ-то воздухъ, какъ тугой хлыстъ. Студентъ, проработавшій въ передовомъ отрядѣ уже восемь мѣсяцевъ и успѣвшій пріобрѣсти особый навыкъ въ сношеніяхъ съ штабами, откуда получались свѣдѣнія о ходѣ той или иной операціи, зналъ, что̀ значитъ эта перестрѣлка здѣсь: несомнѣнно, это одна изъ отчаянныхъ попытокъ нѣмцевъ прорвать флангъ нашего наступленія и такимъ образомъ обойти атакующія городъ части.

„Чортъ его знаетъ, — думалъ онъ, вглядываясь такъ же, какъ и шоферъ, въ черную тьму впереди: — а если прорвутъ? Тогда намъ вмѣстѣ съ нашими ранеными капутъ. Мы окажемся отрѣзанными“.

Ну такъ какъ же, Герасимовъ?—спросилъ онъ шофера.—Какъ ѣхать-то будемъ? Впередъ, пожалуй, нельзя — не нарваться бы!..

Герасимовъ помолчалъ, и по этому молчанію видно было, что онъ тоже не рѣшается итти впередъ.

— Говорили въ автомобильной ротѣ, которые съ бронированными пошли, — отвѣтилъ наконецъ онъ: — что на старомъ шоссе ихъ линія аккуратъ поперекъ шоссе... Я когда за механикомъ ходилъ, тамъ говорили, будто капитанъ Всеволодовъ долженъ былъ итти какъ разъ сюда. Надо думать, мы на этомъ самомъ старомъ шоссе и стоимъ. Значитъ, нельзя впередъ!.. — закончилъ онъ и, откинувъ дверцу, вышелъ изъ автомобиля.

То-то и есть, что на немъ, — согласился студентъ: — вы смотрите, Герасимовъ: тамъ Л., — указалъ онъ на горящій городъ, надъ которымъ зарево подымалось все выше и выше: — тамъ (онъ обернулся и махнулъ рукой назадъ и вправо) долженъ быть С., понимаете? Новое шоссе, значитъ, тамъ!.. — Онъ указалъ направленіе правѣе, по линіи, соединяющей названныхъ два пункта: а мы несомнѣнно выбрались на старое. По нему итти нельзя ни впередъ ни назадъ. Впереди оно перерѣзано, а сзади всѣ мосты взорваны, и потомъ разбито оно такъ, что мы съ графомъ третьяго-дня еле верхомъ пробрались до деревни, не только что въ автомобилѣ!

Шоферъ молчалъ. Онъ былъ обстоятельный человѣкъ, не любившій даромъ тратить слова. То, что̀ говорилъ студентъ, вполнѣ совпадало съ тѣмъ, что̀ думалъ онъ. Чего же толковать объ одномъ и томъ же?

Перестрѣлка слѣва затрещала бойчѣе. теперь въ разбросанный, нервный трескъ винтовокъ вошло новое: методически-торопливое и ровное, какъ безконечная строчка швейной машины, щелканье пулемета. Это было тоже знакомо студенту, и каждый разъ, какъ онъ слышалъ этотъ трескъ, душа его странно сжималась смутнымъ чувствомъ ужаса, отвращенія и тоски: въ непрерывномъ трескѣ винтовокъ, въ колеблющейся, то повышающейся, то падающей лентѣ звуковъ этихъ выстрѣловъ, всегда чувствуется живая, одушевленная злобой, страхомъ, возбужденіемъ, вообще тѣмъ или инымъ чувствомъ, рука стрѣляющаго. Это своего рода крикъ сражающагося, нервный, напряженный, живой, какъ тотъ, кто вдавливаетъ пятипатронную обойму въ магазинъ, прикидываетъ винтовку къ плечу и нажимаетъ спускъ. Въ однообразно размѣренномъ стукѣ пулемета чувствуется вся безпощадность бездушной машины. Въ немъ нѣтъ нервной дрожи направляющей руки, онъ одинаково бьетъ въ дерево, въ каменный заборъ, въ живую лавину людей, безстрастно, почти равнодушно швыряетъ двѣсти пятьдесятъ патроновъ въ минуту туда, куда повернутъ его свирѣпо-равнодушное, тупое дуло. Это машинное производство смерти, смерти оптомъ, какъ называлъ студентъ, всякій разъ приводило его въ смятеніе и подавленный ужасъ.

— Ахъ, Боже мой, опять пулеметъ!.. — растерянно пробормоталъ онъ, мучительно морщась. — Что̀ же это такое, опять...

Онъ привыкъ къ войнѣ, нервы его за восемь мѣсяцевъ покрылись той особой защитной коркой, какая появляется отъ непрестаннаго созерцанія ужаса и страданія; онъ успѣлъ выработать инстинктомъ самосохраненія ту особенность, свойственную только людямъ, близко соприкасающимся съ войной,—величайшимъ ужасомъ на землѣ, — которая въ извѣстные моменты заставляетъ человѣка думать только о своемъ непосредственномъ дѣлѣ, не оглядываясь и не вдумываясь въ окружающее, но все же безконечная строчка пулемета всегда приводила его въ отчаяніе.

— Боже мой, опять это!..—бормоталъ онъ, выбираясь изъ тѣснаго сидѣнья рядомъ съ шоферомъ. — Ахъ, Боже мой, что̀ это такое...

Герасимовъ послушалъ пулеметъ, потомъ зажегъ свой карманный фонарикъ и широкимъ кругомъ пошелъ по шоссе. Онъ осматривалъ мѣсто, чтобы повернуть автомобиль и не засѣсть задними колесами при поворотѣ въ какой-нибудь канавѣ.

— Надо назадъ!—твердо проговорилъ онъ, возвращаясь.—Вы, господинъ Серебряковъ, станьте на подножкѣ, а я поворачивать буду...

Это былъ тоже извѣстный пріемъ. Студентъ стоялъ сзади на подножкѣ, черезъ которую проносили раненыхъ въ автомобиль, и при ходѣ назадъ кричалъ шоферу:

— Еще подать!.. Еще немного! Сто-опъ! Довольно!

Герасимовъ въ это время, повернувъ руль, давалъ ходъ впередъ, потомъ опять назадъ, до тѣхъ поръ, пока Серебряковъ не кричалъ „стопъ, довольно“, и, сдѣлавъ пять или шесть этихъ шаговъ на мѣстѣ, машина выворачивалась на нужный курсъ.

Когда стали выворачиваться, изъ закрытой брезентомъ машины послышался стонъ. Серебряковъ заглянулъ туда—въ душной черной тьмѣ наполненной ранеными коробки ничего не было видно.

— Живы, ребятки, что ль?—спросилъ онъ.

Одинъ изъ раненыхъ зашевелился и прерывающимся, всхлипывающимъ голосомъ отозвался:

— Покуда живы... Вашъ высокородь, ѣхать бы!.. Моченьки нѣтъ!

— Сейчасъ, сейчасъ поѣдемъ, потерпи еще немного, скоро на пунктъ пріѣдемъ, тамъ перевязку сдѣлаютъ, чаю напьешься...

— Хоть бы безъ чаю ужъ...—безнадежно отозвался другой: — о-о-о, Господи!

— Садитесь, господинъ Серебряковъ, пойдемъ назадъ...—сказалъ шоферъ, и по тону его голоса, по тому, что онъ назвалъ его „господиномъ Серебряковымъ“ студентъ понялъ, что Герасимовъ почти не надѣется дойти куда нужно.

Совершенно неожиданно, какъ будто она родилась изъ ничего, невдали отъ машины, чуть-чуть лѣвѣе, вспыхнула искра, съ трескомъ лопнула и разсыпалась цѣлымъ букетомъ голубыхъ звѣздъ.

— Этого еще недоставало, подъ обстрѣлъ влетѣли!—недовольно пробурчалъ шоферъ, давая ходъ и осторожно передвигая рычагъ скорости.—Уйти бы хоть отсюда...

Второй снарядъ лопнулъ правѣе, — и опять снопъ яркихъ внезапныхъ звѣздъ разсыпался широкимъ вѣеромъ по черному полю.

— Нащупали... Это я съ фонаремъ ходилъ, думаютъ—подкрѣпленіе подвозятъ,—бормоталъ Герасимовъ, въ то время какъ автомобиль, скрипя и треща чѣмъ-то, тяжело переваливался по немощеной, ухабистой дорогѣ:—смотрите, подобьютъ еще!

— Раненыхъ только вотъ... — неопредѣленно отозвался Серебряковъ.

— Не о насъ же думать!— неожиданно разсердился шоферъ и

вдругъ закричалъ неистовымъ голосомъ: — Чортъ, не видишь, ослѣпъ, что ли? Лѣзетъ подъ машину! Фонари для тебя зажигать, что ли? О, дьяволъ, чуть не смялъ анаѳему...

Студентъ выскочилъ и засвѣтилъ фонарикъ.

Прямо передъ машиной, едва не сбитый ею, стоялъ солдатъ въ грязной, запачканной чѣмъ-то чернымъ, шинели съ разстегнутымъ заднимъ клапаномъ. Мигая и щурясь, онъ напряженно смотрѣлъ на яркій глазъ электрическаго фонарика.

Серебряковъ наклонился къ нему — и тутъ только замѣтилъ странность въ солдатѣ: обѣ руки онъ держалъ вытянутыми впередъ, какъ будто хотѣлъ нащупать что-то. И, какъ показалось студенту, обѣ руки у него были въ какихъ-то странныхъ безформенныхъ перчаткахъ, чуть поблескивавшихъ подъ лучомъ фонарика.

— Ты что?..-почему-то понижая голосъ, спросилъ онъ солдата, уже понявъ, что это не перчатки на рукахъ солдата, а самыя руки—безформенныя, оборванныя и размолотыя до кистей кровавыя культяпки.—Ты что?!.

— Машину заслышалъ, всталъ... -неторопливо, какъ будто раздумчиво отвѣтилъ солдатъ: — лежалъ съ полдня... Отъ холоду очнулся.

— Куда жъ тебя пристроить? — заволновался Серебряковъ.— Развѣ вотъ что: я на площадку сзади, а ты рядомъ съ нимъ, съ шоферомъ... У насъ четыре тяжелыхъ лежатъ уже...

Солдатъ такъ же мигалъ и щурился отъ непривычнаго яркаго свѣта. Руки онъ попрежнему держалъ вытянутыми передъ собою, очевидно, боясь прикоснуться нечаянно ими къ чему-нибудь.

— Я не объ себѣ,—проговорилъ наконецъ онъ:—тамъ нашъ ротный, прапорщикъ, офицеръ, значитъ, - пояснилъ онъ, какъ будто боясь, что его не поймутъ:—въ грудяхъ ему вдарило... Я дойду!

II.

Офицера Серебряковъ нашелъ въ какой-то заплывшей наполовину грязью ямѣ: должно-быть, раненый, онъ пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, споткнулся и упалъ въ нее -и тщетно пытался вылѣзть на скользкій, податливо ползущій подъ руками край. Неизвѣстно, сколько часовъ потребовалось ему, чтобъ выползти только наполовину изъ этой ямы, но когда солдатъ, все такъ же держа руки прямо передъ собою, привелъ студента къ этому мѣсту, офицеръ совершенно обезсилѣлъ и лежалъ, уткнувъ голову въ сложенныя вмѣстѣ руки.

Когда Серебряковъ освѣтилъ его своимъ фонарикомъ, раненый только слегка поднялъ голову и что-то прохрипѣлъ. Въ первый моментъ студенту показалось, что у него разбито лицо: черныя пятна засохли на немъ, но, присмотрѣвшись внимательнѣе, онъ увидѣлъ, что это не кровь, а грязь, налипшая на щекѣ и на лбу густыми пятнами. И оттого, что офицеръ не вытеръ ее и какъ будто не замѣчалъ, что у него такъ выпачкано лицо, Серебряковъ слегка оторопѣлъ.

— Вы куда... куда ранены? — слегка срывающимся голосомъ спросилъ онъ.—Итти не можете?

Офицеръ опять что-то прохрипѣлъ, и на губахъ у него показалась кровавая пѣна.

— У грудяхъ въ нихъ пуля, у самыхъ грудяхъ!..—съ суровой дѣловитостью, какъ будто осуждающей спрашивавшаго студента, пояснилъ солдатъ.—Груди наскрозь пробиты...

Подошелъ Герасимовъ. Онъ оставилъ машину на дорогѣ, засвѣтивъ два верхнихъ маленькихъ фонаря, чтобъ потомъ не заблудиться и найти ее. Но эти слабыя красноватыя точки тотчасъ привлекли вниманіе внимательно слѣдившихъ за этимъ участкомъ нѣмцевъ. Громко въ темнотѣ разорвался снарядъ, голубыя и зеленыя искры шрапнели вспыхнули въ черномъ небѣ, и, какъ первыя капли внезапно ударившаго дождя, по землѣ, по какимъ-то камнямъ, защелкали пули. Потомъ снаряды стали рваться каждыя двѣ-три минуты, и Герасимовъ, какъ всегда въ моменты опасности, злой,- кажется, главнымъ образомъ на тѣхъ, кто стрѣлялъ,—свирѣпо заторопилъ Серебрякова.

— Живѣе, машину подобьетъ, сядемъ тогда!..—отрывисто бросалъ онъ, стараясь обхватить офицера подъ руки.—Берите съ ногъ...

Едва только раненаго тронули, какъ онъ застоналъ долгимъ, мучительнымъ стономъ. Студентъ слышалъ раньше такіе стоны и теперь только сжалъ зубы. Это была тоже одна изъ жестокостей войны, къ которой люди привыкаютъ изъ чувства самосохраненія, какъ офицеръ въ окопѣ привыкаетъ сердито кричать на санитаровъ, замедлившихъ уборкой раненаго, въ то же время стараясь не смотрѣть на самого раненаго.

— А-кха-крха-а-а-а!..—пытался что-то сказать поднятый, но Герасимовъ быстро, задыхаясь отъ усилій и бѣга, потащилъ его къ автомобилю.—Ой-ой-ой!—вдругъ неожиданно чисто и звонко выкрикнулъ офицеръ и опять закашлялся, захлебываясь кровью.

У автомобиля, чернѣвшаго въ темнотѣ страннымъ двуглазымъ чудовищемъ, напряженно дышащимъ незамкнутымъ моторомъ, Герасимовъ опустилъ раненаго прямо въ грязь.

— Какъ возьмемъ?—коротко спросилъ онъ, не обращая вниманія на стоны у своихъ ногъ.—Въ середину некуда—и то четырехъ всунули, не выбрасывать вонъ... Куда?

Офицеръ вдругъ приподнялся и сѣлъ, опираясь руками о землю.

— Бросьте...—хрипло и громко, сплевывая то, что мѣшало ему говорить, сказалъ онъ:—мнѣ все равно, тамъ еще есть... Бросьте меня!..

Если бы онъ не сказалъ этого, возможно, Серебряковъ отправилъ бы шофера пробираться назадъ на пунктъ одного, а самъ остался бы съ офицеромъ. Трескотня сбоку усиливалась и какъ будто приближалась, можно было думать, что нѣмцы прорвутся и черезъ часъ-полтора займутъ это черное поле. Тогда - несомнѣнный плѣнъ, а можетъ-быть, смерть. Если же этого не случится, Герасимовъ сумѣетъ выбраться къ пункту и тотчасъ же пришлетъ двуколку забрать ихъ. Можетъ это быть не раньше утра: за это время нѣмцы, усиливающіе обстрѣлъ, будутъ имѣть возможность десять разъ убить и Серебрякова и раненаго офицера.

Но послѣ того, какъ этотъ офицеръ попросилъ оставить его здѣсь и уѣзжать самимъ, студентъ почувствовалъ полную невозможность сдѣлать это. Мгновенно у него родился планъ, за который онъ ухватился какъ за послѣднюю надежду.

— Вы можете сидѣть?—близко наклоняясь, спросилъ онъ офицера.—Можете собрать силы? Часъ, полтора?

— Кх-а-агу!..—съ усиліемъ отвѣтилъ тотъ.

— Отлично... Берите, Герасимовъ, я возьму его на колѣни къ себѣ... А ты,—обратился онъ къ солдату:—садись сзади... Локтемъ придерживайся. Живѣе!

Совсѣмъ близко, оглушая трескомъ разрыва, лопнулъ снарядъ. Одна изъ пулекъ, должно-быть, ударилась въ крыло автомобиля, и желѣзо отвѣтило короткимъ звонкимъ скрежетомъ.

— Ходу!..—скомандовалъ Серебряковъ, подхватывая раненаго подъ мышки и влѣзая на свое мѣсто рядомъ съ шоферомъ.— Заносите ноги!.. Теперь внизъ... Такъ... Глубже подайте его—теперь хорошо... Я удержу!..

Герасимовъ обошелъ моторъ и быстро влѣзъ на свое мѣсто. Машина щелкнула, задрожала всѣми своими частями и тихо двинулась впередъ.

— Тушить фонари?—спросилъ Герасимовъ, съ усиліемъ передвигая рычагъ перемѣны скоростей.

— Одинъ чортъ, все равно бьютъ!.. — отозвался Серебряковъ, усиливаясь удержать скользившее внизъ, необычайно тяжелое тѣло.

— Оно вѣрно...

Шли осторожно, порою останавливаясь, временами западая той или другой стороной въ глубокія рытвины, и каждый моментъ ожидая, что машина забуксуетъ. Но сорокасильный „мерседесъ“, какъ живое, одушевленное существо, на моментъ пріостанавливался въ такихъ мѣстахъ, какъ будто собираясь съ силами, торопливо трещалъ пущеннымъ полнымъ газомъ и осторожно, съ видимымъ усиліемъ, выползалъ опять на ровное мѣсто.

Въ такія минуты Серебряковъ какимъ-то страннымъ, дѣтскимъ чувствомъ, наивнымъ и смѣшнымъ, начиналъ мысленно просить бездушную машину:

„Ну, миленькій, ну, родной, ну еще, еще немного!.. Нуну, вывози, миленькій, еще натянись — вотъ такъ, такъ - - ну, вотъ видишь и вывезъ!..“

Машина скрипѣла, что-то щелкало подъ поломъ въ кар-

Русинъ (Восточная Галиція).
Рис. участника войны поручика А. Семенова.

Городъ Бучачъ (Восточная Галиція). Татарскій замокъ.
Рисунокъ участника войны поручика А. Семенова.

данѣ, радіаторъ кипѣлъ, какъ самоваръ, обдавая лицо вырывающимся теплымъ паромъ, и Герасимовъ употреблялъ все свое искусство, всю опытность стараго, видавшаго виды шофера, чтобъ провести автомобиль по невозможной, способной привести въ отчаяніе, дорогѣ.

Теперь уже непрерывно сверкали синія искры рвущихся снарядовъ, но за сложнымъ стукомъ мотора, за трескомъ коробки скоростей не слышно было разрывовъ.

Серебряковъ не слушалъ, можетъ-быть, даже не слышалъ треска снарядовъ; онъ всецѣло былъ занятъ тѣмъ, чтобы удержать на рукахъ офицера, тщетно пытавшагося помочь ему своими усиліями. Но, вѣроятно, лежа въ полѣ, онъ совершенно изнемогъ, потому что тѣло его становилось все безвольнѣе и тяжелѣе, и бывали минуты, когда онъ обвисалъ совсѣмъ, какъ мѣшокъ, и держать его было мученіе.

Къ тому же отъ толчковъ машины, такъ же, какъ отъ того, что занѣмѣвшія руки студента расходились, раненый откидывался назадъ, кровь начинала клокотать у него въ горлѣ и порывами, судорожно, какъ рвота, вырывалась жестокимъ кашлемъ. Серебряковъ чувствовалъ, что кровью намокла у него вся грудь и лѣвая, поддерживавшая раненаго, рука, и это ощущеніе теплой человѣческой крови, быстро застывающей липкой коркой, было почему-то ужаснѣе всего.

„Мы идемъ пять-шесть верстъ въ часъ, не больше, — соображалъ онъ, боясь подумать о томъ, что у него не хватитъ силъ додержать обезсилѣвшее, съѣзжавшее тѣло офицера: — здѣсь до штаба верстъ семь... да до околотка одна—восемь... А тамъ въ двухъ верстахъ пунктъ—десять... Самое большее — два часа: пожалуй, хватитъ силы!..“

— Герасимовъ,—обратился онъ къ шоферу: — ломайте автомобиль, къ чорту всю машину—но гоните... Гоните, какъ можете!..

— Если погонимъ — совсѣмъ станемъ, — сумрачно отозвался Герасимовъ:—сами видите... О, чо-ортъ!..—выругался онъ, тихо спуская машину въ огромную колдобину и разомъ давая полный газъ: —вотъ и поѣзжай скорѣй...

Автомобиль ушелъ передними колесами въ яму, должно-быть, воронку отъ снаряда, постоялъ въ этомъ положеніи, безпомощно треща, потомъ неистовымъ усиліемъ выдвинулъ вверхъ переднія колеса и ввалился задними. И тутъ остановился уже совсѣмъ, очевидно, не находя точки опоры, чтобъ оттолкнуться подымавшими тучи грязи задними шинами.

— Сѣли!—съ безнадежной злобой бросилъ Герасимовъ, выключая моторъ.—Такъ я и зналъ...

Онъ выскочилъ на землю, обошелъ машину и долго копался со своимъ фонарикомъ у заднихъ колесъ. Серебряковъ попробовалъ опереться на его сидѣнье и дать отдохнуть рукамъ. Офицеръ замѣтилъ это и захрипѣлъ учащенно.

— Я го-вор...говор-лилъ... — бормоталъ онъ, съ силой втягивая воздухъ и захлебываясь кровью прострѣленныхъ легкихъ: — не надо было... не надо брать. И сами подъ об-об-об-...стрлѣломъ... и напрасно!..

— Оставьте, пожалуйста, почти сердито отозвался Серебряковъ: на кой чортъ мы были бы нужны, если бы сидѣли въ тылу, не рискуя получить насморка?.. Что говорить объ этомъ?

— Я не то...—хрипѣлъ офицеръ:—я спаслибо!.. — съ огромнымъ усиліемъ выбрасывалъ онъ слова, при чемъ у него непроизвольно путалась буква „л“, когда этого не нужно было: — я спасибо... Но все равно... каждый изъ насъ готовъ — на то и война... Абл... Аблю...о-кх...—задохнулся опять онъ и скрипнулъ стиснутыми зубами: — все равно... Вы только потомъ напишите... Вологда, предводителю... понимаете — Ровинскому, молъ, скончался отъ ранъ... И опишите, какъ...

— Бросьте, пожалуйста! -разсердился Серебряковъ.— Не смѣйте говорить такъ много, вамъ совсѣмъ нельзя говорить, слышите? Лежите смирно!..

Офицеръ забормоталъ что-то, но кровь опять набѣжала и спутала всѣ слова въ какое-то бульканье.

Вынырнулъ изъ темноты Герасимовъ, быстро завелъ машину и влѣзъ на свое мѣсто.

— Держитесь! — проговорилъ онъ и тронулъ рычаги.

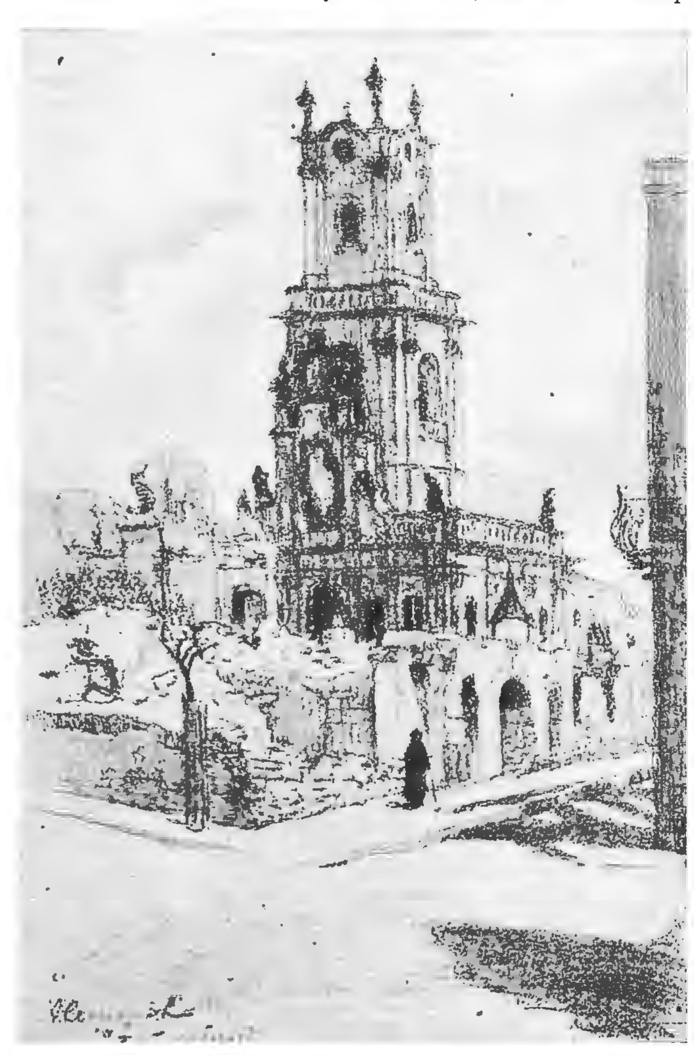
Опять знакомое дрожаніе мотора, передающееся по всему автомобилю, неистовый трескъ и скрипъ рычага.

Машина качнулась, что-то скрипнуло сзади, огромнымъ усиліемъ автомобиль сталъ выбираться изъ ямы.

— Еще, ну еще немного!..—съ мучительной тоской отчаянной просьбы къ кому-то зашепталъ Серебряковъ: — ну, еще одно усиліе...

Сильно накреняясь вбокъ, такъ что раненый перевѣсился головою назадъ, автомобиль уже вылѣзъ на ровное мѣсто, какъ въ тотъ же моментъ случилось что-то.

Серебряковъ не успѣлъ подумать, что это,—какъ тяжелый кор-



Городъ Бучачъ (Восточная Галиція). Ратуша.
Рисунокъ участника войны поручика А. Семенова.

пусъ автомобиля вдругъ клюнулъ впередъ, потомъ разомъ осѣлъ назадъ, и страшный грохотъ оглушилъ студента. Зеленоватый дымный огонь взметнулся сзади, на мгновеніе освѣтилъ завалившагося вбокъ Герасимова, черное, заплывшее грязью поле и черное небо надъ нимъ — и потухъ. И разомъ наступила такая пустая, звенящая тишина, что студенту показалось, будто все происшедшее только-что—сонъ...

— Герасимовъ, Герасимовъ!.. — боясь разъединить державшія раненаго руки, толкалъ онъ локтемъ шофера.—Герасимовъ, что̀ такое?

Онъ старался кричать громко, но съ страннымъ изумленіемъ не слышалъ своего голоса. То же звенящее томительное ощущеніе наполняло глухимъ шумомъ всю голову, и только отдаленнымъ звукомъ сквозь него доносился чей-то слабый стонъ, — сзади или сбоку, — тонкій, едва слышный, какъ жужжаніе комара.

— Герасимовъ!—уже съ оттѣнкомъ ужаса окрикнулъ Серебряковъ и, выпустивъ тотчасъ же съѣхавшаго внизъ офицера, толкнулъ шофера рукой.

Тотъ покорно подался подъ толчкомъ, качнулся и ничего не отвѣтилъ.

Трясущимися руками студентъ досталъ фонарь и засвѣтилъ его. Шоферъ лежалъ на своемъ сидѣньи, перевѣсившись всѣмъ тѣломъ наружу, какъ будто разсматривая что-то подъ колесами машины. Лѣвая рука его, лежавшая на рулѣ, судорожно вцѣпилась въ рычажокъ, регулирующій газъ, и застыла на немъ, выпачканная въ грязи, съ которой онъ возился за минуту передъ тѣмъ, какъ сухая птичья лапа.

Серебряковъ высвободилъ ноги изъ-подъ раненаго, перекинулъ ихъ черезъ дверцу и выскочилъ наружу. И тутъ онъ понялъ, что̀ сдѣлало такую тишину: моторъ стоялъ. Отъ того ли, что осколокъ снаряда попалъ въ него, или отъ того, что Герасимовъ въ послѣднемъ движеніи, можетъ-быть, безсознательно, закрылъ газъ, но машина несомнѣнно стояла: не было характернаго треска вспышекъ — она была мертва, безжизненна. Студентъ поднялъ вверхъ фонарь и оглядѣлъ весь автомобиль. Но его не было. Брезентовый колпакъ, матрацы съ четырьмя ранеными, заднія колеса—все это исчезло, какъ будто какой-то огромный страшный ножъ разомъ отсѣкъ все это. На землѣ чернѣла какая-то каша, изъ которой торчала сѣрая рубчатая шина колеса, погнутая трубка автомобильной рамы, кусокъ брезента и чья-то окровавленная, со скрюченными пальцами рука. Это было все, оставшееся отъ четырехъ раненыхъ, солдата, сидѣвшаго на подножкѣ, крѣпкой, связанной изъ стали и желѣза, машины.

Серебряковъ потушилъ фонарь и, шатаясь, пошелъ къ стонущему на его сидѣньи офицеру.

III.

Студентъ въ безсиліи опустился на ступеньку около своего мѣста и опустилъ голову. Теперь ему уже рѣшительно все равно было:—ударитъ еще снарядъ въ автомобиль, на обломкахъ котораго онъ сидѣлъ, или нѣтъ, возьмутъ его въ плѣнъ нѣмцы, или онъ дождется утра.

Огромная усталость охватила его, и больше всего сейчасъ хотѣлось лечь, укрыться съ головою и забыть, заснуть, не думать обо всемъ, что̀ огненнымъ вихремъ пронеслось передъ его глазами, крутя, какъ щепки, человѣческія жизни.

Въ такомъ забытьѣ, напоминающемъ полусонъ, онъ просидѣлъ съ полчаса. То, что̀ казалось незамѣтнымъ, когда онъ волновался, двигался, безпокоился, усиливаясь удержать на рукахъ раненаго,— холодъ внезапно сказался теперь. Онъ почувствовалъ, какъ зябнетъ, и пришелъ въ себя.

„Что̀ же я? — словно не онъ, а кто-то посторонній подумалъ онъ:—вѣдь офицеръ...“

Онъ поднялся, съ трудомъ сдерживая знобкую дрожь, мелкой судорогой сжимавшую тѣло, и наклонился надъ раненымъ. Попрежнему хрипло и захлебываясь, дышалъ тотъ, скорченный въ тѣсномъ промежуткѣ между машиной, рулевымъ колесомъ и сидѣньемъ. Ноги мертваго Герасимова упирались въ бокъ офицера, и видно было, что ему неловко и больно отъ этого.

Серебряковъ поставилъ фонарикъ на выступъ манометра и попытался вытащить офицера. Тотъ застоналъ и забормоталъ что-то, и знакомое бульканье въ его горлѣ и груди заставило сморщиться студента.

— Ничего, ничего, какъ-нибудь...—говорилъ онъ, открывъ дверцу и высвобождая ноги раненаго:—надо же добираться какъ-нибудь.

Должно-быть, усталость и равнодушіе даютъ возможность мыслить спокойно. Серебряковъ посадилъ офицера такъ, чтобы онъ не завалился назадъ, оглянулъ съ помощью фонаря остатки автомобиля, стараясь не замѣчать перевѣсившагося черезъ край Герасимова (когда онъ однажды случайно взглянулъ на трупъ, ему показалось, что шоферъ все еще пытается разсмотрѣть что-то подъ колесами автомобиля), и нашелъ обрывокъ тесьмы, которой придерживался брезентовый колпакъ. Она была длиною аршина въ два-три и шириной въ четверть. Серебряковъ попробовалъ руками ея крѣпость и остался доволенъ. Въ это время новый снарядъ ударилъ недалеко, и столбъ краснаго огня, обрамленнаго вѣнкомъ изъ кусковъ земли и камней, взлетѣлъ тамъ. Студентъ равнодушно посмотрѣлъ въ ту сторону и только недовольно тряхнулъ головой, когда ударъ разрыва оглушилъ его.

Онъ связалъ тесьму концами такимъ образомъ, чтобы укрѣпить ее на плечахъ и груди, а сзади чтобы оставалась свободная петля, доходящая до пояса. Все это онъ дѣлалъ медленно, съ чрезвычайной обдуманностью и обстоятельностью: впослѣдствіи, когда онъ припоминалъ всю эту ночь, ему казалось, что онъ прожилъ только половину ея, до того момента, какъ снарядъ разбилъ автомобиль и убилъ Герасимова, превративъ четырехъ лежавшихъ раненыхъ и присѣвшаго на подножку солдата въ кашу, изъ которой торчала сѣрая рубчатая шина. Съ этого же момента жилъ, думалъ и дѣлалъ все, хладнокровно и обдуманно, не онъ, студентъ-медикъ Серебряковъ, а кто-то другой, на кого онъ смотрѣлъ какъ будто со стороны. И удивительнѣе всего было то, что такая раздвоенность чувства не только не спутала и не затушевала всѣ переживанія этой второй половины ночи, а врѣзала страшнымъ и неизгладимымъ знакомъ каждую мелочь, каждую мелькнувшую подробность. Это было такъ же удивительно, какъ ощущеніе неизмѣримаго спокойствія этого второго Серебрякова, который обдуманно связывалъ концы брезентовой тесьмы, примѣрялъ, оглядываясь назадъ, себѣ на спину, какъ накинувшая новое платье барыня передъ зеркаломъ, передъ тусклымъ, начинающимъ истощаться, электрическимъ фонарикомъ,—хорошо ли вышло, и можно ли будетъ выполнить то, что̀ онъ задумалъ?

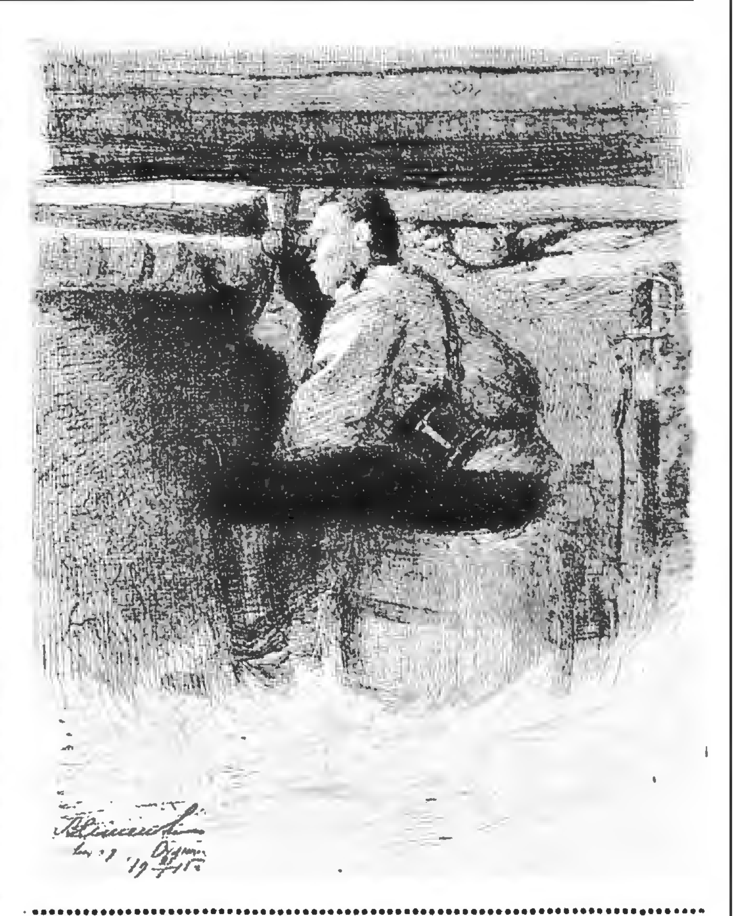
Потомъ онъ подошелъ къ офицеру, сталъ задомъ къ нему и опустился на колѣни прямо въ грязь.

Просунуть ноги въ петлю, сдѣланную такъ, что онѣ приходились подъ руками несущаго, было легко. Серебряковъ попробовалъ, почувствовалъ, что ноша имѣетъ твердую опору, и успокоился. Самое трудное было обхватить сидящаго на спинѣ человѣка сзади, подъ мышки, другой тесьмой, провести ее подъ руку раненаго, потомъ на спину, подъ другую руку и оба конца укрѣпить у себя на груди крестъ-накрестъ. Съ этимъ онъ возился долго, мучительно, и тщетно пытался ему помочь самъ раненый, не перестававшій умолять его бросить. Но бросить теперь, когда ихъ осталось только двое, представлялось Серебрякову такимъ абсурдомъ, о которомъ смѣшно было подумать.

Когда все было готово, и, еще разъ попробовавъ, студентъ убѣдился, что нести удобно, онъ посидѣлъ спокойно на ступенькѣ автомобиля съ полчаса. Въ это время онъ холодно и спокойно расчитывалъ:

„Въ офицерѣ пуда четыре съ половиной... Потомъ онъ ослабѣлъ, безволенъ и отъ этого кажется тяжелѣе. Считать надо—пять“.

Когда Серебряковъ былъ на второмъ курсѣ и лѣтомъ гостилъ у дяди-мельника, то на пари съ деревенскими ребятами внесъ на третій этажъ мельницы по крутой, скрипучей лѣстницѣ куль муки. Куль,—извѣстное дѣло, пять пудовъ. Тогда онъ вы-



Артиллерійскій наблюдатель.
Рисунокъ участника войны поручика А. Семенова.

Пулеметъ. (Приморскій районъ).

игралъ корзину пива, которымъ угощалъ подъ вишнями у плотины всѣхъ знакомыхъ помольцевъ, въ большинствѣ крестьянъ окрестныхъ деревень. Былъ нѣжный, голубовато-золотой лѣтній вечеръ, отъ ставка передъ плотиной вѣяло свѣжей ласковой прохладой, и стрижи чертили небо быстрыми черными зигзагами. Крестьяне пили, удивлялись дюжему племяннику мельника и посмѣивались надъ тремя парнями съ посада, проигравшими пиво. А на той сторонѣ мельничнаго пруда какой-то мужикъ купалъ лошадь и, весь голый, пьяный и веселый, сверкая неожиданно бѣлымъ, по сравненію съ коричневымъ лицомъ и руками, тѣломъ, кричалъ Серебрякову:

— Эй ты, дюжой, не хвастайся, ты иди со мной поборись, вотъ я тебѣ покажу настояще!..

И самъ смѣялся, смѣялся Серебряковъ, смѣялись парни и мужики, и всѣмъ нравился этотъ хмельной голый мужикъ.

„Что это я? опомнился студентъ, встряхивая головою. — Какая чепуха... Надо итти!..“

Онъ прислушался. Налѣво попрежнему гремѣлъ пулеметъ, трещали ружья, и порою оттуда доносились крики. Городъ, намѣчавшійся на горизонтѣ, сталъ тухнуть: зарево пожара дѣлалось все меньше—теперь можно было различить отдѣльные горящіе дома. Они уже не сливались въ общее море пламени, а пылали разрозненными кострами, и пламя ихъ иногда падало на землю, порой внезапно вздымалось тучей сверкающихъ искръ.

Обстрѣлъ тоже какъ будто прекратился — по крайней мѣрѣ, того мѣста, гдѣ сидѣлъ студентъ. Снаряды рвались дальше, правѣе, тамъ, гдѣ была дорога къ пункту.

„Какая освѣдомленность!.. — мелькомъ подумалъ Серебряковъ. — Вѣдь здѣсь нѣмцы никогда не были, значитъ, бьютъ по картѣ и свѣдѣніямъ развѣдки, доносящей о положеніи частей. Они обстрѣливаютъ дороги, чтобы къ городу не подвинули резервовъ...- Надо итти!..—перебилъ онъ себя.—Надо итти...“

Онъ всталъ, сильно наклонился впередъ и встряхнулъ, какъ носильщикъ, чтобъ она удобнѣе лежала, свою ношу. Раненый, тяжелымъ мѣшкомъ безсильно налегшій на плечи, ничего не сказалъ, только слегка простоналъ.

— Крѣпитесь, теперь скоро! — попытался ободрить его Серебряковъ и, пристроивъ какъ слѣдуетъ тесьмы на груди, пошелъ.

На дорогѣ густой липкой пеленой лежала грязь. Должно-быть, къ утру собирался морозъ, потому что грязь эта слегка пристыла и хрустѣла мѣстами подъ ногою. Студентъ шелъ спокойно, безъ торопливости, не дѣлая ни одного лишняго движенія, какъ опытный спортсменъ, сохраняющій силы. Онъ даже старался не думать ни о чемъ, чтобъ энергія не пропадала напрасно: всѣмъ своимъ существомъ онъ сжался въ какой-то упругій, скупой комокъ и шагъ за шагомъ выступалъ по грязной дорогѣ, крѣпко ставя ноги, чтобъ не поскользнуться, стараясь дышать спокойно и рѣдко.

Когда раненый за спиною начиналъ шевелиться, онъ шелъ медленнѣе. Тотъ что-то говорилъ, или пытался сказать, но Серебряковъ даже не дѣлалъ попытки вслушаться: это могло отнять время, можетъ-быть, нужное ему упрямое спокойствіе, задержать, а темнымъ инстинктомъ онъ чуялъ, что ничего этого въ его положеніи нельзя: онъ долженъ быть просто машиной, такимъ вотъ автомобилемъ, который онъ часъ тому назадъ въ наивномъ дѣтскомъ чувствѣ молилъ напрячься еще, еще хоть немного, и вывезти изъ ямы.

Теперь отъ всего пережитаго въ эту ночь душа его окуталась какой-то странной пленкой. Онъ понималъ, конечно, куда и зачѣмъ онъ несетъ нестерпимо оттягивающую плечи тяжесть, зналъ, гдѣ онъ и какъ надо итти, но въ то же самое время наивное дѣтское чувство пробуждалось въ немъ, и самъ себѣ онъ казался какимъ-то огромнымъ автомобилемъ, везущимъ непомѣрную тяжесть, и онъ — не студентъ-медикъ Серебряковъ, а какой-то маленькій, слабый и затерянный человѣчекъ, подавленный и этой ночью, и дикими, мѣшающимися съ выстрѣлами криками, отъ которыхъ онъ уходилъ, и дальнимъ пожаромъ, несчастный, одинокій и заброшенный въ черномъ зловѣщемъ полѣ, просилъ робкой наивной просьбой:

— Ну, еще немного, ну, донеси, ты вѣдь сильный, ты очень сильный, ну, напряги свою силу, свои здоровые, твердые, какъ дерево, мускулы. ну еще, еще!..

Какъ вышло, что онъ сошелъ съ дороги и не замѣтилъ этого,— онъ не могъ понять. Увидѣлъ онъ это только тогда, когда ноги стали спотыкаться на какія-то борозды, временами наполненныя жидкой, стягивающейся грязью, какія-то ямки, которыхъ на дорогѣ быть не могло.

Онъ остановился, оглянулся на горящій городъ, чтобъ оріентироваться. Похоже было, что онъ идетъ правильно. По крайней мѣрѣ, направленіе вѣрно. Куда же онъ попалъ?

Онъ двинулся дальше и запнулся на какую-то палку, о которую больно ударился ногой. Что-то звякнуло, когда онъ споткнулся, желѣзнымъ звукомъ, и Серебряковъ наклонился, осторожно присѣдая, чтобъ ноша не перевалилась ему черезъ голову, и поднялъ винтовку. Это была несомнѣнно русская винтовка со сломаннымъ у основанія штыкомъ и сильно испорченнымъ прикладомъ. Онъ подержалъ ее въ рукахъ, тщательно ощупалъ магазинъ, чтобы убѣдиться еще разъ, что это русская винтовка, и если бы на плечахъ его не лежала пятипудовая тяжесть, пожалъ бы, вѣроятно, плечами. Потомъ отбросилъ винтовку и пошелъ дальше.

Теперь онъ думалъ о томъ, какъ и почему онъ и раненый офицеръ остались цѣлыми, когда Герасимовъ оказался убитымъ, а отъ автомобиля и лежавшихъ въ немъ раненыхъ осталась одна кроваво-грязная каша.

„Если бы весь снарядъ ударилъ въ автомобиль, — думалъ онъ, холодно и спокойно вспоминая всѣ обстоятельства происшествія, какъ математикъ собираетъ данныя задачи, которую ему надо разрѣшить:—то отъ всѣхъ насъ не осталось бы даже слѣда. Мы взлетѣли бы на воздухъ, и разнесло бы насъ на полверсты. А между тѣмъ весь передокъ автомобиля цѣлъ, я даже не раненъ, только оглушенъ (ахъ, вотъ откуда эта головная боль, вотъ почему такъ стучитъ въ вискахъ!). Какъ же такъ? Вѣдь если бы снарядъ разорвался даже въ трехъ саженяхъ отъ меня, я былъ бы контуженъ — это несомнѣнно... Въ чемъ же дѣло?.. Должно-быть, это было такъ,—продолжалъ рѣшать онъ сложную задачу, въ то же время осторожно ощупывая ногами почву:— снарядъ ударилъ въ канаву: главная часть осколковъ полетѣла въ нашу сторону и произвела разрушеніе... Одинъ изъ нихъ ударилъ Герасимова. Въ канаву—потому, что, если бы прямо на дорогѣ, насъ бы снесло, и меня бы не было“.

Такое предположеніе удовлетворило его. Ему показалось даже, что, рѣшивъ свою задачу, стало какъ будто легче итти. Прикинувъ какимъ-то таинственнымъ, самому себѣ непонятнымъ аппаратомъ свои силы, онъ почувствовалъ, что верстъ пять онъ еще пронесетъ. И въ тотъ самый моментъ, какъ онъ радостно удивился этому, какое-то бревно, мягкое и тяжелое, выросло у него подъ ногами, и, споткнувшись на него, онъ полетѣлъ впередъ, лицомъ въ грязь.

Раненый за спиною дико вскрикнулъ, тяжело ударившись о землю. Паденіе оглушило Серебрякова, онъ пролежалъ минутъ пять, прежде чѣмъ собралъ силы подняться. Но подняться съ пятипудовой тяжестью на спинѣ не такъ-то легко. Напрягаясь до того, что въ глазахъ у него пошли красные круги, изворачиваясь, какъ фокусникъ, онъ сѣлъ на корточки и уже послѣ этого поднялся. Фонарикъ былъ цѣлъ, онъ нащупалъ его въ карманѣ, вынулъ и засвѣтилъ. Длинное сѣрое бревно мелькнуло въ

Раненая дѣвочка. (Ольтинское направленіе).

Рисунки и эскизы съ кавказскаго фронта Е. Лансере.

тѣсномъ кругѣ свѣтлаго луча блестящей пуговицей. Серебряковъ наклонился и понялъ: онъ споткнулся на трупъ солдата.

Это былъ нѣмецъ, длинный и тощій, съ черными усами и давно не бритой бородой. Полузакрытые темными, мертвыми вѣками глаза смотрѣли сонно и безжизненно и, казалось, хотѣли что-то разсмотрѣть въ окружавшей темнотѣ, а яркій свѣтъ фонаря помѣшалъ этому.

Студентъ посмотрѣлъ нѣкоторое время и потушилъ фонарь. И, какъ отвѣтъ этому, гдѣ-то близко съ печальнымъ и непріятнымъ стономъ прорѣзали воздухъ двѣ пули. Двойной быстрый трескъ выстрѣловъ раздался вправо, и тотчасъ же ему отвѣтили слѣва, и похоже было, что тамъ покатилась по булыжной мостовой огромная карета. Справа отвѣтили пачками, и это напоминало не карету, а хлопанье брошенныхъ съ высоты нѣсколькихъ досокъ, когда ихъ бросаютъ на сложенныя внизу штабели. Опять рѣзко и быстро запѣли пули, какъ будто десятокъ тугихъ хлыстовъ засвистѣлъ въ черной тьмѣ.

— О чо-ортъ,—выругался студентъ:—куда жъ это я попалъ?!.

Онъ двинулся дальше, и разомъ почувствовалъ, что паденіе, и возня послѣ него отняли у него половину силъ. Замолкшій за плечами раненый сталъ тяжелѣе вдвое. Теперь уже Серебряковъ несъ его, пустивъ въ ходъ весь запасъ, и съ каждымъ шагомъ это было все труднѣе. Потъ выступилъ по всему тѣлу, мокрое отъ него бѣлье прилипло и мѣшало итти, а дыханіе стало короткимъ и хриплымъ, какъ у запаленной лошади.

— Ну еще... еще немного!..—бормоталъ онъ, тускло вспоминая что-то бывшее очень давно.—Какъ-нибудь!..

Опять попался трупъ, и возлѣ него еще одинъ; забывъ объ обстрѣлѣ, Серебряковъ засвѣтилъ фонарь, совсѣмъ потускнѣвшій, отказывающійся служить, и опять оба трупа оказались нѣмецкими.

„Въ атаку шли, а наши отбили,—сообразилъ студентъ:—значитъ, я иду правильно".

Но онъ уже не шелъ, а плелся еле-еле. Огромной, страшной тяжестью давилъ неподвижный мѣшокъ за плечами, отнималъ дыханіе, пригибалъ къ землѣ, и за каждымъ шагомъ нужно было собирать всѣ силы, чтобъ не упасть на землю.

Этотъ гнетъ, придавливавшій студента, порождалъ странныя, похожія на бредъ мысли. Серебряковъ, уже самъ не замѣчая этого, бормоталъ невнятныя слова, словно обращаясь къ кому-то, кто шелъ рядомъ съ нимъ, невидимый въ черномъ мракѣ, и насмѣшливо слѣдилъ за каждымъ его шагомъ.

Бываютъ такіе сны, тяжелые мучительные кошмары, когда кажется, что лѣзешь по какому-то узкому коридору, и надо пролѣзть его обязательно, иначе смерть, или что-то еще хуже смерти. Низкій, тутъ же, надъ головой, нависшій потолокъ давитъ плечи, дышать подъ нимъ трудно, онъ сжимаетъ все тѣло, а лѣзть все-таки надо, потому что тамъ, сзади, что-то ужасное, такое, отъ чего волосы начинаютъ шевелиться на головѣ. И въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи дѣлаешь попытку продвинуться еще и еще и уже замѣчаешь, что это невозможно, и начинаешь изступленно биться въ этой твердой, охватывающей со всѣхъ сторонъ щели.

Чувствуя, что ему надо еще лѣзть по узкой, темной, давящей его щели, надо употребить какія-то неимовѣрныя усилія, Серебряковъ двигался впередъ качающимися шагами и бормоталъ, какъ во снѣ:

Армянинъ-дружинникъ.

Теперь я понимаю, я знаю, что такое война. Война—не геройство, не экстазъ, хотя и это тоже, не красота и отвага, — конечно, все это тоже есть; война - ужасающій, страшный трудъ!.. Это работа, та самая, о которой мужики говорятъ: „такъ что индо кровь съ пупа", та самая, отъ которой въ окопахъ люди царапаютъ до крови въ рукахъ мерзлую землю, дѣлаютъ переходы по пятьдесять верстъ, падаютъ отъ усталости, та работа, отъ которой зеленѣетъ въ глазахъ, когда прислуга надрывается надъ увязшимъ орудіемъ.

Пулеметъ. (Приморскій районъ).

Онъ попробовалъ охватить родившуюся мысль- и даже остановился отъ необъятности ея.

Въ стремительной бѣшеной очереди пронеслось передъ нимъ все то, что онъ видѣлъ за время войны: трупы павшихъ лошадей по краямъ дороги, усталыя лица солдатъ на переходахъ, безконечные обозы, увязающіе въ грязи, утопающіе въ пескѣ съ надсѣдающимися лошадьми и выбивающимися изъ силъ солдатами; грохочущая артиллерія, зарядные ящики, цѣлые вагоны снарядовъ, эшелоны, штабные телеграфы, гдѣ люди спятъ по три часа въ сутки, ѣдятъ тутъ же у аппарата, всѣ эти службы связи, развѣдки, полевой почты и безконечный рядъ другихъ, требующихся каждымъ днемъ войны.

Онъ вспомнилъ санитаровъ, падающихъ отъ усталости, докторовъ, считающихъ за счастье подремать полчаса на табуреткѣ, здѣсь же, въ операціонной, этапныхъ комендантовъ, отъ утомленія понимающихъ не сразу, что имъ говорятъ,—и вся война представилась ему, какъ ужасающій, необъятный трудъ, страшная работа, требующая огромнаго, неучитываемаго напряженія.

И въ этомъ вихрѣ труда, наиболѣе напряженнаго потому, что отъ него зависятъ ни болѣе ни менѣе, какъ жизни тысячъ людей, — его усталость, его жизнь, эта пережитая имъ ночь показались такими ничтожными, такими маленькими, что онъ даже зажмурился.

— Боже мой, Боже мой!..—бормоталъ онъ, подавленный тѣмъ представленіемъ, что выросло передъ нимъ.—Какая сила, какой трудъ!..

Раненый за его спиной замолкъ совсѣмъ. Онъ какъ будто забылъ о немъ и несъ его съ такимъ чувствомъ, какъ будто это была расплата за всѣ годы бездѣлія, за дѣтское непониманіе войны, за смѣшныя, наивныя мысли о геройствѣ, о наградахъ, съ которыми онъ ѣхалъ поступать на передовой пунктъ.

Если бы можно было сдѣлать такъ, чтобы никто не видѣлъ, какъ онъ принесетъ офицера, и никто никогда не узналъ бы, что онъ сдѣлалъ, онъ былъ бы почти счастливъ.

— Надо будетъ потихоньку положить его, а потомъ послать санитаровъ, — бормоталъ онъ, хрипя перетянутой тесемками грудью:—обязательно такъ, а то чепуха... стыдно!..

Онъ такъ задумался объ этомъ, что ничуть не удивился, когда впереди что-то шевельнулось, и негромкій, какъ будто испуганный голосъ окрикнулъ:

— Halt! Wer da?

Потомъ тамъ щелкнулъ затворъ винтовки, и черезъ секунду вспыхнулъ красный торопливый огонь. Выстрѣлъ грохнулъ какъ будто надъ самымъ ухомъ, и студенту показалось, что самый звукъ плотно и крѣпко ударилъ въ плечо, такъ что онъ качнулся.

— Wer da?—повторилъ спрашивавшій, и изъ темноты разомъ выдвинулись три фигуры.

Но Серебряковъ уже не чувствовалъ въ себѣ силы ни испугаться ни удивиться. Внезапная пріятная слабость охватила его, колѣни сами подогнулись, и онъ сѣлъ съ чувствомъ безконечнаго удовольствія, отблескомъ мысли понимая, что итти больше некуда.

Та же необыкновенная пріятная слабость окутала голову, все въ ней стало легко и свѣтло, и, какъ засыпающій ребенокъ, съ сонной улыбкой, онъ смотрѣлъ, какъ вокругъ него возятся какіе-то люди съ фонаремъ, какъ незнакомыя, странно-чуждыя лица склонились надъ нимъ, и чей-то хриповатый отъ простуды и крика голосъ удивленно говоритъ, должно-быть, по его адресу:

— Sehet ein dummer Kerl—zieht auf dem Rücken einen Toten, dabei er selbst verwundet ist, und geht grade zu uns!.. (Вотъ дуракъ! Самъ раненъ, а тащитъ мертвеца и прямо къ намъ!..).

И никто не узналъ, что сдѣлалъ и пережилъ въ эту ночь студентъ-медикъ Серебряковъ.

Рисунки и эскизы съ кавказскаго фронта Е. Лансере.

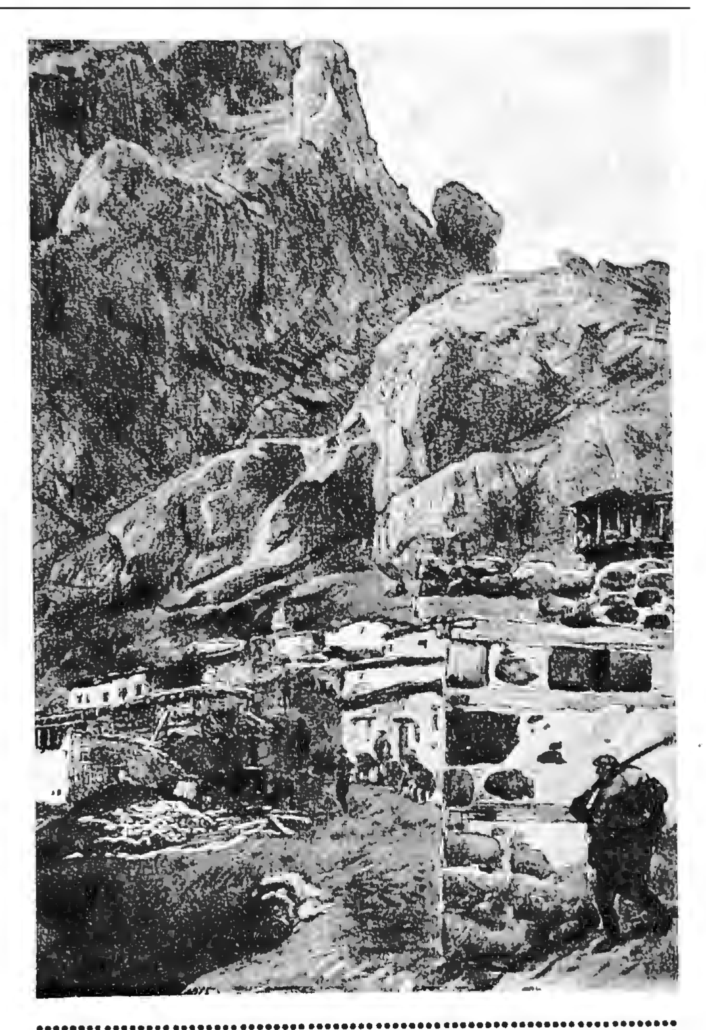
П. Ѳедотовъ. Сватовство маіора. Русскій музей Императора Александра III.

Изгнанники войны.

За сотни верстъ судьбой закинуты отъ хаты,
Въ столицу, какъ во снѣ, сюда привезены,
Растерянной толпой на пышныя палаты
Глядятъ они, тоской безвольною объяты,
Скитальцы блѣдные, изгнанники войны.
Предъ натискомъ враговъ, не знающихъ пощады
Ни дряхлой старости, ни женщинъ, ни дѣтей,
Они покинули подъ грохотъ канонады
Свои селенія, кладбищъ родныхъ ограды
И скудный урожай неубранныхъ полей.
Давно къ нимъ вѣсти шли, живыя плыли вѣсти,—
Съ другихъ крестьянскихъ гнѣздъ, изъ селъ и хуторовъ
Лился людской потокъ... „Куда вы?!".—„Съ нами вмѣстѣ
Бѣгите же скорѣй! Останетесь на мѣстѣ—
Сметутъ съ лица земли васъ полчища враговъ!.."
Уйти? Покинуть домъ? Родной костелъ, могилы?!.
Поля родимыя, взрощенные сады?!.
Нѣтъ, подождемъ еще!.. И день за днемъ, унылы,
Они все медлили... Но ждать не стало силы—
И бросились они отъ зарева бѣды.
Собравъ домашній скарбъ—что̀ подъ руку попало,
Свой погасивъ очагъ, пошли они туда,
Куда глядятъ глаза. Волна въ волну вплывала
Дорогой долгою,—съ вокзала до вокзала
Селенья слали ихъ, мѣстечки, города.
Тяжелый, страдный путь... Огромная столица...
Влился въ нее потокъ изгнанниковъ войны,—
Худыя, хмурыя, измученныя лица;
Тотъ—потерялъ дѣтей, тому—нужна больница,
Не могутъ отыскать—кто мужа, кто жены...
Набитые мѣшки, узлы у всѣхъ, котомки;
Шумъ, говоръ смѣшанный—на разныхъ языкахъ:
Полякъ, литвинъ, латышъ сроднились въ общей ломкѣ,
Природные рабы и вольностей потомки,—
Съ одной и той же всѣ тревогою въ глазахъ:
„А что̀, какъ не найдемъ ни хлѣба, ни работы?!.
Такъ много, много насъ! А поѣзда везутъ
За нами вслѣдъ еще"... И тутъ же, безъ заботы,
Дѣтишки прыгаютъ межъ ними, строятъ роты,
Веселую игру „въ войну" уже ведутъ:
Для нихъ—вездѣ свой домъ; о томъ же, что̀ на Вислѣ,
На дальнемъ Нѣманѣ, тамъ, гдѣ льетъ Бугъ струи
Кроваво-красныя,—имъ мозгъ не жалятъ мысли...
О, Русь! Къ своимъ роднымъ ихъ дѣтямъ сопричисли,
Дай кровъ имъ, дай пріютъ въ кругу твоей семьи!
Дай сердца теплоты, любви благоволенье
Пролей къ лишившимся родимой стороны!
Ихъ братья—съ нашими несутъ тебѣ служенье,
Льютъ вмѣстѣ кровь за насъ... Пусть это поколѣнье
Забудетъ ужасы изгнанниковъ войны!..
Чтобъ въ дни, когда взойдетъ заря твоей побѣды,
Утихнутъ громы битвъ и зацвѣтетъ, опять
Въ краю ихъ мирный трудъ, всѣ пережившй бѣды,
Они сказать могли: „Спокойно спите, дѣды!
Россія намъ была не мачеха, а мать!..

Аполлонъ Коринфскій.

На кавказскомъ фронтѣ. Ольтинское направленіе. Сакля командира N. полка въ Нариманѣ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).



На кавказскомъ фронтѣ. Ольтинское направленіе. Нариманъ, пограничное селеніе. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

Жизнь—сказка.

Повѣсть **Ив. Островного.**

(Окончаніе).

„7-го ноября 1914. Готовимся. Скоро на позиціи. Какимъ образомъ это можетъ быть радостью: убить или быть убитымъ... А я радуюсь. Первый разъ въ жизни радуюсь искренно. Если бы просто убить, я бы не радовался. Но это возмѣщается — быть убитымъ. Понятно: человѣку выпадаетъ случай выполнить свое предназначеніе. Но какое: убить или быть убитымъ? Кто можетъ это знать? И то и другое почетно".

Надя и не замѣтила, какъ легкій юмористическій оттѣнокъ у нея перешелъ въ глубокое вниманіе. Уже она ждала каждой новой страницы съ замираніемъ сердца. Приближается *то*,—какъ бы чувствовала она, да и человѣкъ уже не тотъ,—въ немъ зазвучали какія-то новыя струны.

А вотъ оно наконецъ: „... изумительная встрѣча... Незабываемая..." Описаніе, какъ двѣ дѣвушки пожелали ему всего „самаго прекраснаго". О феяхъ... О толстякѣ Мишелѣ. И вотъ-вотъ — Надя читаетъ и глазамъ не вѣритъ:

„Я не знаю имени и никогда не узнаю. О, избави Богъ! Тогда это можетъ вдругъ оказаться прозой. Теперь же у меня въ душѣ есть что-то необыкновенно красивое".

Но вѣдь это же ея мысли. Точь въ точь, только по-иному выражены—и гораздо лучше, чѣмъ у нея: проще и яснѣе... И потомъ еще обращеніе къ судьбѣ: „сдѣлай такъ, чтобы я никогда не узналъ имени".

Но почему же онъ теперь вдругъ захотѣлъ узнать не только имя, но и ее самоё? Какъ жаль, что онъ не устоялъ... Да, впрочемъ, случилось новое обстоятельство. Тогда онъ не могъ о немъ знать. 3-го апрѣля... 3-го апрѣля... это уже разсказала Варя. Удивительное совпаденіе въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого всю ее бросаетъ въ дрожь. Вѣдь это же устанавливаетъ между ними какую-то неразрывную связь. Почему? Она его не знаетъ. Не знала,—теперь уже знаетъ. Эта старая потрепанная книжка познакомила съ нимъ. Но тогда не знали ни она его, ни онъ ее. Только одинъ взглядъ—долгій, напутственный, когда поѣздъ отходилъ, и другой — его взглядъ, полный благодарности и слезъ. И эти взгляды, должно быть, удлинились до безконечности и переплелись и соединили ихъ навсегда тончайшими нитями.

Еще приписка чужой рукой: какая-то сестра, должно-быть, по его порученію. Но не Варя, не ея рука. О ранѣ на груди, о медальонѣ, изуродованномъ шрапнелью и вдавившемся въ тѣло на груди противъ сердца... И все.

Вотъ и цѣлая жизнь. И странно, ужъ онъ теперь не герой сказки,—развѣнчала его Варя, сама того не зная. Можетъ-быть, она думала, что поставила его на пьедесталъ! Она ошиблась. Онъ—человѣкъ обыкновенный, даже не крупнаго калибра. Теплотой вѣетъ на нее отъ этой старой книжки, отъ потрепанной кожаной обложки: средній человѣкъ, такой, какъ всѣ... А какъ близокъ сталъ, совсѣмъ, какъ братъ.

Отчего это? Откуда? Сказочный герой былъ красивъ, величественъ, необыкновененъ. А этотъ — у него даже подвиговъ особенныхъ нѣтъ: былъ въ стычкѣ, получилъ рану, контуженъ. Это, конечно, все заслуги, но такихъ у насъ теперь тысячи, десятки тысячъ. А между тѣмъ онъ кажется ей выше и значительнѣе сказочнаго героя. Потому что герою она могла приписать подвиги, какіе ей угодно. Они ему ничего не стоили. А у этого, когда онъ былъ раненъ въ ногу и грудь, текла его собственная кровь,—горячая, живая.

Наконецъ она добралась и до своей тетради. Вынула ее, посмотрѣла. Въ ней ничто не измѣнилось. Но сомнѣнія не было ни капли. Варя, по своей примитивной справедливости, рѣшила, что такимъ образомъ обѣ стороны будутъ въ одинаковомъ положеніи, и ни одна не будетъ обижена. Равновѣсіе,—вѣдь это ея идеалъ.

Но какъ изумительно повліяла на нее вся эта исторія: она радикально измѣнила ея міросозерцаніе. Какъ же теперь быть съ нею? Вѣдь Варя, вѣроятно, будетъ нѣсколько дней всячески уклоняться отъ свиданія съ нею. Понятно: неловко смотрѣть въ глаза. Но между тѣмъ интересно, ужасно интересно, какое у нея будетъ лицо.

Было около четырехъ часовъ, когда Надя вышла изъ своей комнаты, разсчитывая найти въ столовой чай. Но его только готовили. Въ это время въ передней позвонили. Выбѣжала Фимочка и, отпирая дверь, громко произнесла:

— Да это же барышня.

„Какая барышня?"—подумала Надя, но въ отвѣтъ на это сейчасъ же услышала голосъ Вари, которая спрашивала о ней.

„Какъ? Варя? Вотъ чего я не ожидала",—и вышла въ переднюю. У Вари дѣйствительно въ глазахъ было смущеніе. „Все-таки совѣсть у нея не заглохла",—почти шутя подумала Надя.

— Я къ тебѣ на минуту,—сказала Варя. — Здѣсь въ столовой никого нѣтъ?

— Человѣкъ съ чистой совѣстью объ этомъ не справляется,—замѣтила Надя и прибавила:—Но если ты думаешь, что можешь отдѣлаться въ одну минуту, то ошибаешься.

— Ахъ, милая, я вполнѣ готова претерпѣть. И я нахожу, что меня слишкомъ мирно встрѣчаютъ.

— Былъ моментъ, когда я могла тебя искусать.

— Но онъ прошелъ? Слава Богу.

— Но ты по крайней мѣрѣ понимаешь, какъ ты меня ограбила?

— Ахъ, это насчетъ твоего сказочнаго героя...

— Теперь его ужъ нѣтъ...

— А развѣ онъ когда-нибудь былъ? Такихъ героевъ можно сколько угодно вырѣзать изъ картона, привязать къ нимъ ниточки, и они будутъ величественно размахивать руками и ногами.

— Какъ же поживаетъ Сергѣй... по батюшкѣ не знаю?..—съ усмѣшкой спросила Надя.

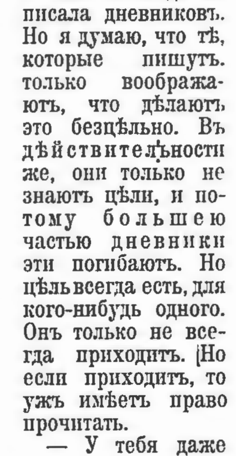
— Михайловичъ.

— Сергѣй Михайловичъ Лощинъ? Какъ онъ поживаетъ?

— Ты въ самомъ дѣлѣ считаешь, что онъ заслуживаетъ этого твоего ироническаго тона?

— Этотъ тонъ, мой другъ, относится не къ нему, а къ тебѣ. И скажи, пожалуйста, какъ это тебя угораздило пуститься на такія рискованныя штуки? Помилуй, воспользоваться отъѣздомъ подруги, тихонько пробраться въ ея комнату и вытащить

Кубанскіе казаки. Хорунжій Никулинъ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).



у нея дневникъ. Варя, да ты ли это? Скажи, ты и у него эту книжку выкрала?

— Онъ не поставилъ меня въ такое затруднительное положеніе. Видишь ли, я сама никогда не писала дневниковъ. Но я думаю, что тѣ, которые пишутъ, только воображаютъ, что дѣлаютъ это безцѣльно. Въ дѣйствительности же, они только не знаютъ цѣли, и потому большею частью дневники эти погибаютъ. Но цѣль всегда есть, для кого-нибудь одного. Онъ только не всегда приходитъ. Но если приходитъ, то ужъ имѣетъ право прочитать.

— У тебя даже языкъ сдѣлался какой-то мистическій. Нѣтъ, все-таки это поразительно. Ты больше всѣхъ пострадала въ этой исторіи. За это я готова простить тебѣ все.

Генералъ Калитинъ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

— А я думаю, что не только прощать нечего, а ты еще должна быть мнѣ благодарна.

— А! За что? За то, что ты разрушила мою красивую сказку?

— Ахъ, милая, да развѣ жизнь—не прекраснѣйшая изъ сказокъ? Развѣ какая-нибудь фантазія способна выдумать „3-го апрѣля около часу дня"—на разныхъ концахъ Россіи, въ разстояніи двухъ тысячъ верстъ другъ отъ друга... И потомъ, вспомни тотъ медальонъ и взгляни на теперешній, и какъ это съ нимъ случилось, развѣ это не сказка? Но эта сказка—жизнь, она сплетена изъ нервовъ и смочена кровью. Нѣтъ, Надя, я нисколько не пострадала и не измѣнилась. Я теперь вотъ вижу это ясно, вотъ сейчасъ, когда говорю съ тобой. Я попрежнему признаю только жизнь, только живую реальность, но мой взглядъ сталъ острѣе, онъ проникаетъ глубже, и я научилась видѣть въ жизни то, чего прежде не замѣчала,—ея таинственную сторону, которая иногда, по своимъ причудливымъ очертаніямъ, похожа на сказку. Да, у жизни есть своя сказка, и это—красивѣйшая сторона ея. Видишь ли, разница между фантазіей и жизнью та, что фантазія выдумываетъ, а жизнь создаетъ свои сказки, и, право, не знаю, чье созданіе прекраснѣе. Ну, вотъ. Я довела дѣло до той точки, когда уже больше не нужна. Теперь вы знаете другъ друга и можете обойтись безъ меня.

Подали чай, и вошла Марья Васильевна. Варя сняла жакетъ и, отложивъ свой уходъ на полчаса, пила съ ними чай, разговаривала съ Марьей Васильевной о деревнѣ, а къ прежней темѣ не вернулась, потомъ простилась и вышла въ переднюю. Надя послѣдовала за нею и, когда та уходила, пожала ей руку и поцѣловала ее, но ни слова не сказала о томъ, какъ намѣрена вести себя.

VIII.

Но сейчасъ же послѣ ухода Вари, Надя, вернувшись въ столовую, подошла къ Марьѣ Васильевнѣ, обняла ея шею и промолвила:

— Ну, теперь, мама, я разскажу тебѣ все.

Марья Васильевна подняла голову и посмотрѣла на нее тревожнымъ взглядомъ, въ которомъ была мысль: „Боже, неужели опять что-нибудь?" И Надя отвѣтила на этотъ вопросъ.

— Но ничего страшнаго, не бойся. Нѣтъ,—ни романъ, ни безуміе. Слушай. Прежде всего ты должна простить, что я разсказала тебѣ только часть того, что произошло. Ахъ, да, ты вѣдь еще и изъ того, стараго и уже заглохшаго, не все знаешь. Ты не знаешь о медальонѣ, который онъ прислалъ мнѣ за полчаса до своего конца на память. Самый обыкновенный медальонъ изъ золота и платины. Онъ открывался съ секретомъ, и внутри была надпись: „Моей несбывшейся послѣдней Надеждѣ". Два мѣсяца я носила его на груди. И два мѣсяца онъ давилъ меня тысячепудовой тяжестью.

А затѣмъ слѣдовалъ разсказъ обо всемъ, что произошло съ момента передачи медальона Лощину. Марья Васильевна слушала ея разсказъ, какъ сказку. Каждую минуту мѣнялось ея настроеніе—то тревога, то радость, то страхъ.

Когда же разсказъ дошелъ до послѣднихъ событій уже здѣсь, послѣ того, какъ Лощинъ былъ привезенъ въ лазаретъ, она почувствовала, какъ Варя начинаетъ вырастать въ ея глазахъ. Марья Васильевна всецѣло перешла на сторону Вари.

Пластуны. Иванъ Галаганъ. Георгіевскій кавалеръ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

— Дѣточка моя, ты мудришь, ты хочешь изъ жизни сдѣлать для себя красивую игру, но ты забываешь, что матеріаломъ тебѣ служатъ человѣческая кровь, боль и стоны. Варя же настойчиво, какъ всегда, и такъ же,какъ всегда, дружески, только ищетъ справедливаго исхода изъ запутавшихся обстоятельствъ. Но ты поступаешь такъ не потому, чтобы у тебя было черствое сердце,—я вѣдь тебя знаю,—а потому, что твоя фантастическая голова подчинила себѣ и сердце. Но мнѣ кажется, что ты уже сама признала это и ищешь наилучшаго выхода.

— Да, я ищу его, мама,—просто сказала Надя.

— Такъ это же легко. Завтра мы поѣдемъ вмѣстѣ въ лазаретъ и навѣстимъ его. И на свѣтѣ будетъ одной радостью больше. Развѣ это плохо? Ахъ, дѣточка, если бы каждый могъ внести въ жизнь хотя бы только одну маленькую радость, то ни одна жизнь не была бы напрасна...

Но прежде, чѣмъ окончательно выбрать слѣдующій день, Надя удостовѣрилась въ томъ, что Варя завтра будетъ дежурить. Она не хотѣла пріѣхать въ лазаретъ въ ея отсутствіе и этимъ нанести ей ужъ дѣйствительную обиду. Правда, она ничего не сказала ей о своемъ рѣшеніи, но это ужъ было совсѣмъ невинное желаніе устроить ей неожиданность.

И на другой день часа въ три дамы собрались въ лазаретъ. Онѣ заѣхали въ цвѣточный магазинъ и накупили массу цвѣтовъ. Въ лазаретѣ прежде всего отыскали дежурную сестру Варю Корчагину.

Она встрѣтила ихъ, какъ казалось съ перваго взгляда, нѣсколько странно. Лицо ея выражало радость, но не было замѣтно никакого удивленія.

— Ты, кажется, принимаешь это, какъ должное?.. Ты развѣ ждала насъ?—сказала Надя.

— Не непремѣнно сегодня. Но раньше или позже, конечно, это должно было произойти. Развѣ могло быть иначе? Ахъ, цвѣты, и такъ много! Ихъ сюда привозятъ массу, но онъ совсѣмъ не избалованъ. У него это будутъ первые цвѣты.

Черезъ нѣсколько минутъ комната Лощина оживилась. Сперва въ ней появились цвѣты. Ихъ принесла Варя, находившая, что для его нервовъ вредно разомъ столько пріятныхъ впечатлѣній, и притомъ такъ неожиданно.

Затѣмъ вошли Марья Васильевна и Надя. И встрѣча была спокойная, выдержанная, даже чинная, что несомнѣнно объяснялось присутствіемъ Марьи Васильевны.

Лощинъ разсказывалъ о своихъ военныхъ приключеніяхъ. Вначалѣ смущенно и сдержанно, потомъ разошелся, вслѣдствіе волненія былъ въ ударѣ, и слушать его было интересно.

Но Марья Васильевна не хотѣла поддерживать недоразумѣніе и при первомъ же поводѣ заявила, что ей извѣстна вся исторія ихъ знакомства и та таинственная роль, какую сыгралъ медальонъ. Ей показали и самый медальонъ и даже зажившую уже рану, при чемъ на тѣлѣ явственно видны были очертанія расплющенной крышки медальона; и на нее все это произвело впечатлѣніе чего-то непостижимо-загадочнаго.

— Когда же вы разсчитываете выйти изъ лазарета?—спросила Марья Васильевна.

— Обѣщали на этихъ дняхъ выпустить меня на дачу, принадлежащую лазарету,—отвѣтилъ Лощинъ.

— Но, можетъ-быть, вамъ позволятъ дачу замѣнить деревенской усадьбой? У насъ въ Тверской губерніи чудно; вы можете быть увѣрены, что уходъ за вами будетъ не хуже, чѣмъ на дачѣ, въ особенности, если, какъ я надѣюсь, и Варя поѣдетъ съ нами. Тогда вѣдь у насъ будетъ и сестра, которая знаетъ все, что для васъ нужно.

Лощинъ былъ въ восторгѣ, лучшаго онъ не могъ для себя и желать.

Черезъ недѣлю Воронины переѣхали въ деревню. Вмѣстѣ съ ними отправились Варя и подпоручикъ Лощинъ. Въ лазаретѣ Варя сослалась на переутомленіе и, въ сущности, имѣла на это право, такъ какъ работала тамъ за троихъ, хотя при ея исключительномъ здоровьѣ о переутомленіи еще не могло быть и рѣчи. Но было другое,—это ея нервы, которые она пріучила во всю ея жизнь держаться въ струнѣ, а тутъ, благодаря этой чужой, но сдѣлавшейся для нея болѣе чѣмъ своей, исторіи, распустила, и они дѣйствительно были не въ порядкѣ.

Въ усадьбѣ у Ворониныхъ было все для спокойной и пріятной жизни. Высокій берегъ рѣки, кругомъ сосновый лѣсъ, великолѣпный старый садъ, катаніе верхомъ и на лодкѣ, а главное—полная изолированность отъ сосѣдей и пріѣзжихъ, отъ всего, что наполняетъ утомительную жизнь столицы. Подпоручикъ Лощинъ, окруженный общимъ вниманіемъ и дѣятельной заботливостью трехъ дамъ, поправлялся съ удивительной быстротой.

Однако отношенія между нимъ и каждой изъ трехъ были далеко неодинаковы. Марья Васильевна смотрѣла на него, какъ на сына, и съ удовольствіемъ взяла на себя заботу о томъ, чтобы для него все дѣлалось своевременно и какъ слѣдуетъ. Съ Надей у него съ первыхъ же дней установились братскія отношенія. Ни тѣни чего-либо романическаго не проскользнуло между ними. Но Варя... Какъ измѣнилось ея обращеніе съ нимъ по сравненію съ тѣмъ, какъ было въ лазаретѣ! Тамъ она чувствовала подъ собой почву: сестра, у нея были обязанности, и она входила къ нему по праву, для исполненія своихъ обязанностей. И тамъ онъ былъ одинокъ и безпомощенъ, и долженъ былъ безмѣрно цѣнить малѣйшую ея заботу.

Здѣсь всѣ предупреждали его желанія, и ея роль сводилась къ какому-то доброжелательному присутствію.

Кромѣ того, тамъ ей приходилось энергично вести борьбу съ Надей, съ ея фантазіей, „добывать для него Надю“, и это связывало ее съ нимъ. А теперь въ этомъ не было надобности.

Словомъ, казалось, что ея роль въ жизни подпоручика Лощина кончилась, и, если она отойдетъ, то ничто ужъ не измѣнится.

И отношенія съ нимъ у нея установились странныя. Когда они были въ обществѣ другихъ, все было гладко и хорошо, но какъ только оставались вдвоемъ, тотчасъ возникала какая-то неловкость. Варя смущалась, краснѣла, избѣгала встрѣчать его взглядъ, а главное, слова куда-то исчезали, и она начинала говорить односложно, что имѣло такой видъ, будто она сердилась.

Но можно было думать, что и съ нимъ происходило тоже нѣчто подобное, или же онъ просто не находилъ, о чемъ говорить съ нею. Стоило только присоединиться къ нимъ Надѣ, или Марьѣ Васильевнѣ, или даже кому-нибудь изъ служащихъ по имѣнію, какъ оба становились веселы, разговорчивы, смѣшливы,—и это обоимъ становилось тяжело.

Варя не разъ уже подумывала о томъ, чтобы уѣхать обратно и опять заняться своимъ дѣломъ въ лазаретѣ. Но что-то мѣшало ей, что-то не пускало ее.

Наконецъ это замѣтила Надя. Какъ-то однажды, когда они были вдвоемъ на верандѣ, выходившей къ рѣкѣ — Варя и Лощинъ, а Надя чѣмъ-то была занята въ сосѣдней комнатѣ, она, не слыша оживленнаго разговора и смѣха, и уже не въ первый разъ, вошла на веранду и сказала:

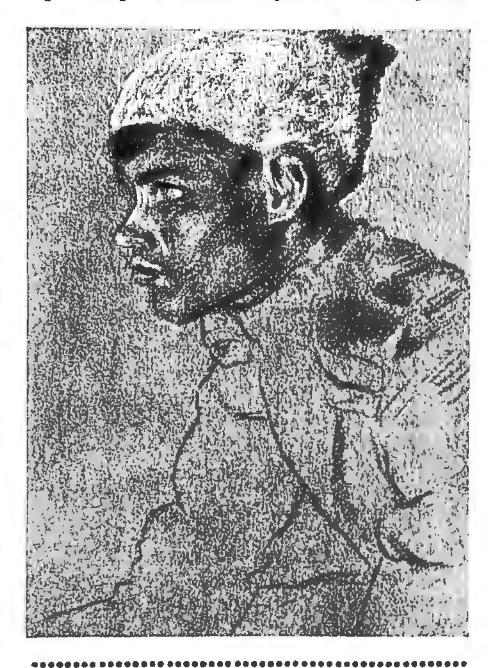
— Друзья мои, должно-быть, вы тамъ въ лазаретѣ переговорили рѣшительно обо всемъ, такъ что вамъ теперь не о чемъ говорить.

Варя страшно смутилась, покраснѣла и, сославшись на что-то такое въ саду, ушла, а Лощинъ остался, и видъ у него былъ растерянный. Надя взглянула на него.

— Ну, господинъ поручикъ, что же это значитъ?

— Но, Надя (онъ такъ теперь называлъ ее)..:я, право, не знаю, что это значитъ.

— Такъ давайтека постараемся узнать. Разберемте дѣло по косточкамъ. А то вѣдь это тяжело, а въ нашей жизни здѣсь не должно быть ничего тяжелаго.



Турецкій меджингертъ. Прапорщикъ М. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

— Я охотно...

— Но, такъ какъ дѣло, повидимому, обѣщаетъ быть интимнымъ, то сперва удостовѣримся, далеко ли ушла Варя.

Она вышла на площадку и осмотрѣла всю окрестность около веранды. Потомъ вошла.

— Удалилась въ глубь сада, — сказала она.

— Да что это вы, Надя, точно мы судить кого собираемся...

— Кого? Не Варю же, въ самомъ дѣлѣ. Она у насъ безпорочна. Нѣтъ, не судить. А у меня, признаться, давно уже шевелятся кой-какія мысли. Но только откровенно и просто. Я думаю, напримѣръ, что вы, господинъ поручикъ, влюблены въ Варю, и даже больше — вы любите ее.

— Но, Надя...

— Не слушаю и продолжаю. Точно такъ же и Варя, по моимъ наблюденіямъ, любитъ васъ. Нечего взмахивать руками, какъ испуганная птица. Я объ этомъ думаю уже нѣсколько дней, и мнѣ это надоѣло. Тутъ дѣло вотъ въ чемъ. Ужасно вы оба... какъ бы это сказать... уважительные люди! Мнѣ пришлось случайно сыграть важную роль въ вашей жизни, мой другъ поручикъ...

— Случайно!..—воскликнулъ Лощинъ съ протестомъ.

— Ну, все равно. Допустимъ даже, что я была послана небесами спеціально для этого. Но на этомъ основаніи Варя рѣшила, что вы, Сереженька, принадлежите мнѣ,— какая-то моя неотъемлемая собственность. И вотъ она, будучи влюблена въ васъ еще въ лазаретѣ, съ свойственной ей добродѣтелью, всѣми силами старалась устроить нашу встрѣчу. И какъ старалась! Даже на воровство пустилась: стащила мой дневникъ. Но я вамъ, мой милый, скажу еще больше: вы тоже находитесь подъ давленіемъ этой же навязчивой идеи, будто ваша жизнь принадлежитъ мнѣ. Ну скажите же, такъ, мгновенно, не думая: да? да?

— А развѣ это не такъ? Развѣ я дѣйствительно не получилъ вотъ эту жизнь, которою пользуюсь сейчасъ, отъ васъ, изъ вашихъ рукъ, въ видѣ медальона, который защитилъ мое сердце отъ шрапнели?

— Ну, да... Еще бы! А медальонъ былъ полученъ отъ — вы знаете кого. А онъ купилъ его у ювелира, и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ вы обязаны жизнью ювелиру. Ахъ, Сережа, оставимте это. Или даже, если хотите, я соглашусь: да, вы мнѣ обязаны жизнью, но что же изъ этого? Вѣдь мы же съ вами братъ и сестра. Развѣ этого мало? Я считаю, что это больше всего другого, а въ томъ числѣ мужа и жены. Да, да. Братъ и сестра — это связь вѣчная. Сколько бы ни расходились, ни ссорились, ни дрались, а все же они остаются братъ и сестра. А мужъ и жена—Боже мой!.. Разводъ и конецъ, и точно не были знакомы. Да развѣ вы можете представить меня и васъ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ какъ братомъ и сестрой? По совѣсти? Ну?

— Не могу, Надя. Это правда, правда.

— Ну, вотъ. Такъ освободитесь же отъ этой навязчивой идеи и признайтесь просто: вы любите Варю. Со мной у васъ свои счеты — вѣчные — и, значитъ, они не прекратятся, а Варю вы полюбили въ лазаретѣ, когда она изъ кожи лѣзла, чтобы проложить вамъ тропинку ко мнѣ. Мечтали обо мнѣ, а любили ее... Такъ?

Лощинъ нѣсколько секундъ постоялъ молча и неподвижно, видимо еще колеблясь, потомъ стремительно подошелъ къ Надѣ, схватилъ ея руку и началъ осыпать поцѣлуями. Близъ веранды послышались шаги.

— Тш... стойте... умѣрьте ваши восторги. Это навѣрно Варя. Что же, однимъ взмахомъ, а? Облагодѣтельствовать? А то вѣдь вы будете еще недѣли три томить другъ друга.

И, не ожидая отвѣта, она вышла на площадку и быстро спустилась внизъ. Тамъ, въ цвѣтникѣ, дѣйствительно была Варя, которая методически срывала увядшіе бѣлые цвѣты табака, что она аккуратно производила каждый день.

При внезапномъ появленіи Нади она вздрогнула, но Надя не дала ей опомниться, взяла подъ руку и потащила по узкой аллеѣ въ сторону отъ веранды.

— Слушай, Варюша... Сейчасъ Сережа признался мнѣ въ любви... къ тебѣ.

— Ты съ ума сошла!—воскликнула Варя, и глаза ея выразили ужасъ.

— Ну, да, да, я понимаю, — ты, какъ и онъ, увѣрена, что его жизнь принадлежитъ мнѣ. Но я ему уже доказала, что это ничего не значитъ. Мы—братъ и сестра, понимаешь?— все равно братъ и сестра не могутъ жениться. А ты не ломайся... ради Бога! Вѣдь ясно же. Ты его любишь... Ну, ну... И вотъ эти слезы... — какъ доказательство, это уже даже излишне. Скорѣй же вытри ихъ. Сережа, Сережа! На помощь!

Лощинъ выбѣжалъ изъ веранды, но Варя вырвалась и убѣжала въ глубь сада. Когда Лощинъ подошелъ къ Надѣ, она сказала ему:

— Ну, милые, мнѣ надоѣло возиться съ вами. Я доложила ей все, что нужно, а вы отправляйтесь туда въ садъ, сыщите другъ друга и ужъ поладьте, какъ знаете.

И подпоручикъ, не возразивъ ни слова, быстро направился въ ту сторону, гдѣ палисадникъ около дома переходилъ въ большой садъ. А Надя пошла въ домъ, отыскала Марью Васильевну и разсказала ей обо всемъ.

Марья Васильевна сперва дѣлала большіе глаза. Такъ, значитъ, она заблуждалась! Она была увѣрена, что романъ происходитъ между Лощинымъ и Надей.

— Но, мама, развѣ это возможно? Ты только подумай, какими святыми узами мы съ нимъ связаны. Ахъ, и что ни говори, какъ ни поэтизируй, а все-таки бракъ, это—земное и человѣческое, а насъ съ нимъ соединяетъ что-то высшее. Да и вообще... Я ужасно люблю Сереженьку, но надо же быть, кромѣ того, и влюбленной. Ну, хоть на полчаса! А этого никогда не было и не будетъ. А онъ... Да я вѣдь для него икона какая-то! Ну, такъ ты признаешь?

— Признаю, Надя, и ужасно рада за Варю и за него. Только вѣдь онъ скоро опять на войну поѣдетъ.

— Ну, это ужъ ихъ дѣло.

Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, дѣвушки спустились къ рѣкѣ и долго сидѣли тамъ рядомъ на скамейкѣ.

Была свѣтлая ночь, словно на небѣ забыли потушить лампу. Тишина. По краямъ рѣчки, какъ зачарованныя, неподвижно высились березы. Гдѣ-то далеко-далеко гудѣлъ поѣздъ.

— У меня странно устроена душа, — говорила Варя: — я очень самоувѣренна. Знаю свои достоинства и даже навѣрно преувеличиваю ихъ. Но я знаю также и недостатки: что у меня неинтересная наружность. Я толстовата, у меня маленькіе глаза. Я и ростомъ не вышла. И потому мнѣ всегда казалось, что, если кто меня полюбитъ, то ужъ по-настоящему, за что-то глубже лежащее, чѣмъ наружность. И я страшно счастлива. Я даже не думала, что это можетъ дать такое всеобъемлющее счастье. Вотъ это сказка, Надя. Настоящая, не выдуманная, а сотворенная

Замокъ князей Сангушко.

Замокъ князей Сангушко.

жизнью. Ну, можно ли было думать, что изъ всей этой исторіи получится не твое, а мое счастье? Вѣдь это даже и въ голову не могло прійти. Ты такая красивая, такая обаятельная, и вдругъ... Нѣтъ, это сказка... Это дѣйствительно сказка. И знаешь, Надя, я теперь стала молиться... Я научилась, я дошла. Я подумала: было „3-го апрѣля", а вѣдь это будетъ и еще. А Надя, вѣдь она капризница. Она, можетъ-быть, не захочетъ больше молиться, но молитва будетъ ему нужна... Такъ я буду.

— Какъ? И тутъ у тебя расчетъ...

— Нѣтъ, я искренна. Я дошла...

— Ну, такъ будемъ молиться обѣ.

Въ срединѣ іюня подпоручикъ Лощинъ долженъ былъ явиться въ Петроградъ для осмотра. Но деревня такъ поправила его, что достаточно было одного взгляда, чтобы признать его здоровымъ. И нога уже не прихрамывала, и нервы были въ полномъ порядкѣ. Это было признано, и черезъ недѣлю ему предстояло отправляться на позиціи.

Въ Петроградѣ онъ познакомился съ родными Вари и былъ признанъ ими. Думали, что они все-таки обвѣнчаются, но Варя — ни за что. Онъ тогда будетъ чувствовать себя связаннымъ, и это помѣшаетъ ему быть хорошимъ солдатомъ. Война кончится, и онъ вернется невредимымъ. Она была вполнѣ увѣрена въ этомъ.

Еще бы! Надя починила знаменитый медальонъ, который уже доказалъ свою силу, а Варя, кромѣ того, надѣла ему на шею крестикъ, маленькій золотой крестикъ, на тоненькой шелковой ленточкѣ—нельзя же въ самомъ дѣлѣ всего его увѣшать цѣпями! И обѣ онѣ будутъ молиться.

Прежней Вари, скептически относившейся ко всему, выходящему изъ области ея пониманія, таинственному, необъяснимому, уже не было. Она теперь вѣрила въ сказку, которая сдѣлала ее счастливой.

И когда насталъ день отъѣзда подпоручика Лощина, грудь котораго была украшена недавно пожалованнымъ ему Георгіемъ, теперь провожали не случайно пришедшія на вокзалъ двѣ незнакомыя дѣвушки, а цѣлыхъ два семейства, и всѣ были ему родные.

Съ вокзала Надя и Варя, чѣмъ-то отговорившись, пошли прямо на Загородный проспектъ, въ ту часовню, которую онѣ теперь называли: — „наша часовня", и Варя уже не стояла у стѣны неподалеку отъ двери, съ нетерпѣніемъ и досадой ожидая, когда Надя кончитъ свою молитву, а, опустившись на колѣни, молилась рядомъ со своей подругой.

Икона св. Николая Чудотворца съ миннаго транспорта „Енисей", взорваннаго миной въ Балтійскомъ морѣ, чудесно всплывшая на поверхность моря.

ПРИКАЗЪ АРМІИ И ФЛОТУ.

23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принялъ на Себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ Земли Русской.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Принявъ на Себя верховное командованіе войсками дѣйствующихъ армій, Всемилостивѣйше повелѣваемъ Нашему генералъ-адъютанту, генералу-отъ-кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть намѣстникомъ Нашимъ на Кавказѣ, главнокомандующимъ кавказскою арміею и войсковымъ наказнымъ атаманомъ кавказскихъ казачьихъ войскъ съ оставленіемъ Нашимъ генералъ-адъютантомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Въ Ставкѣ.
23-го августа 1915 года.

Контрассигнировалъ: управляющій военнымъ министерствомъ, ген.-отъ-инфант. Поливановъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Ваше Императорское Высочество. Вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій причины общегосударственнаго характера не дали Мнѣ возможности послѣдовать душевному Моему влеченію и тогда же Лично стать во главѣ арміи, почему Я возложилъ верховное командованіе всѣми сухопутными и морскими силами на Ваше Императорское Высочество.

На глазахъ всей Россіи Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ проявлена на войнѣ непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое довѣріе и молитвенныя пожеланія Мои и всѣхъ русскихъ людей, неизмѣнно сопутствовавшія Вашему Имени при неизбѣжныхъ превратностяхъ боевого счастья. Возложенное на Меня свыше бремя Царскаго служенія роднѣ повелѣваетъ Мнѣ нынѣ, когда врагъ углубился въ предѣлы Имперіи, принять на Себя верховное командованіе дѣйствующими войсками и раздѣлить боевую страду Моей арміи и вмѣстѣ съ нею отстоять отъ покушеній врага Русскую Землю.

Пути Промысла Божьяго неисповѣдимы, но Мой долгъ и желаніе Мое укрѣпляютъ Меня въ этомъ рѣшеніи изъ соображеній пользы государственной.

Усилившееся вторженіе непріятеля съ Западнаго фронта ставитъ превыше всего тѣснѣйшее сосредоточеніе всей военной и всей гражданской власти, а равно объединеніе боевого командованія съ направленіемъ дѣятельности всѣхъ частей государственнаго управленія, отвлекая тѣмъ вниманіе отъ нашего Южнаго фронта.

Признавая, при сложившейся обстановкѣ, необходимость Мнѣ Вашей помощи и совѣтовъ по нашему Южному фронту, назначаю Ваше Императорское Высочество Намѣстникомъ Моимъ на Кавказѣ и Главнокомандующимъ доблестною Кавказскою арміею, выражая Вашему Императорскому Высочеству за всѣ Ваши боевые труды глубокую благодарность Мою и Родины.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*и искренно и сердечно Васъ любящій*
НИКОЛАЙ".

Ставка.
23-го августа 1915 года.

ПРИКАЗЪ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

23-го августа 1915 года, № 736.

Сегодня во главѣ васъ, доблестные армія и флотъ, сталъ Самъ Державный Верховный Вождь Государь Императоръ.

Преклоняясь предъ вашимъ геройствомъ за болѣе чѣмъ годъ войны, шлю вамъ мою душевную, сердечную, горячую благодарность.

Твердо вѣрю, что, зная, что Самъ Царь, Которому вы присягали, ведетъ васъ, вы явите новые, невиданные доселѣ, подвиги, и что Господь отъ сего дня окажетъ Своему Помазаннику Свою всесильную помощь, дарующую побѣду.

Подписалъ:

Генералъ-адъютантъ *НИКОЛАЙ.*

Телеграммы Государя Императора и Пуанкарэ.

Государь Императоръ обратился 24-го августа со слѣдующей телеграммой къ Президенту Французской Республики Пуанкарэ:

„Становясь сегодня во главѣ Моихъ доблестныхъ армій, Я съ особымъ удовольствіемъ обращаюсь къ вамъ, г. Президентъ, съ самыми искренними пожеланіями величія Франціи и побѣды ея славной арміи".

Президентъ отвѣтилъ 25-го августа слѣдующей телеграммой:

„Я знаю, что, принимая на Себя Лично командованіе Вашими героическими арміями, Ваше Величество намѣрены энергично, до окончательной побѣды, продолжать войну, навязанную союзнымъ націямъ, и шлю Вамъ отъ имени Франціи самыя горячія пожеланія".

Главнокомандующій арміями сѣвернаго фронта, членъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Рузскій со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Бончъ-Бруевичемъ. По фот. Петра Оцупа.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

На среднихъ путяхъ.

Осталось мѣсяцъ-полтора до окончанія лѣтней кампаніи: съ наступленіемъ осенней распутицы стратегическія операціи на фронтѣ сами собой должны пріостановиться. Надо однако думать, что не только распутица пріостановитъ операціи противника, но и за зиму противникъ не предприметъ ничего особенно крупнаго, а, самое большее, ограничится какими-либо мелкими отдѣльными наступленіями, въ родѣ того наступленія изъ Восточной Пруссіи, которое мы наблюдали въ январѣ текущаго года.

Это прежде всего можно видѣть изъ того, что противникъ крайне истощился за время четырехмѣсячной усиленной операціи. Кромѣ того, мы наблюдали, что въ теченіе минувшей зимы операціи противника преслѣдовали сравнительно небольшія цѣли. Всего за истекшую зиму было четыре операціи. Первая была направлена къ Нѣману и имѣла активно-оборонительную задачу по охранѣ Восточной Пруссіи. Вторая операція была направлена къ Варшавѣ и имѣла цѣлью помочь Австріи, такъ какъ движеніе нѣмцевъ къ Варшавѣ должно было вызвать движеніе нашихъ войскъ изъ Галиціи къ этому пункту. Третья операція—извѣстное наступленіе Гинденбурга отъ Торна по лѣвому берегу Вислы—

Генералъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ, назначенный начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

имѣла задачей активную оборону познанскаго и сѣдлецкаго раіоновъ, такъ какъ въ то время наша конница уже разрушила станцію Плешенъ близъ Познани и наши войска переправлялись черезъ Варту у границъ Силезіи. Наконецъ четвертая операція—наступленіе Гинденбурга изъ Восточной Пруссіи — имѣла цѣлью освобожденіе Восточной Пруссіи отъ натиска нашихъ войскъ, находившихся у Мазурскихъ озеръ.

Такимъ образомъ за всю зиму мы наблюдали лишь частныя операціи противника, сравнительно, небольшія, и несомнѣнно, что вся дѣятельность противника отнюдь не заключалась въ операціяхъ, а исключительно въ подготовкѣ къ предстоящей лѣтней борьбѣ на нашемъ фронтѣ. Теперь эта лѣтняя кампанія заканчивается, при чемъ противникъ на занятіе Вислы, а за нею и Нѣмана—Буга истратилъ почти все, что имъ было подготовлено за зиму. Слѣдовательно, нѣмцы истощились, и ясно, что за зиму они снова будутъ подготовляться къ слѣдующей кампаніи, тѣмъ болѣе, что нѣмцы сами говорили, что на подходъ къ тремъ нашимъ важнымъ центрамъ страны—сѣверному, среднему и южному, имъ нужно не менѣе двухъ лѣтъ.

Отсюда можно также усмотрѣть, что, разъ нѣмцы считаютъ не менѣе двухъ лѣтъ, то въ первый годъ они должны пытаться пройти только нѣкоторое разстояніе на нашей территоріи и пріостановиться на зиму съ тѣмъ, чтобы, подготовившись снова за зимніе мѣсяцы, пытаться подойти къ главнѣйшимъ центрамъ нашей страны.

Командующій кавказской арміей генералъ-отъ-инфантеріи Юденичъ со штабомъ за разработкой контръ-маневра противъ турокъ въ Алашкертской долинѣ, приведшаго къ разгрому 9-й турецкой дивизіи.

До сихъ поръ, какъ намъ уже приходилось отмѣчать, изъ девяти армій противника, расположенныхъ отъ Прибалтики до Пинскихъ болотъ, семь армій скопилось, преимущественно, на оконечностяхъ стараго наполеоновскаго пути, т.-е. въ раіонѣ Бреста, на брестской дорогѣ, и въ раіонѣ Бѣльска, на дорогѣ Сѣдлецъ—Бологое. Двѣ же арміи противника—Белова и Эйхгорна—продолжаютъ оставаться въ Прибалтикѣ и стремятся закрѣпить этотъ раіонъ, при чемъ Беловъ смотритъ въ одну сторону—въ сторону Западной Двины, т.-е. къ сѣверо-востоку, а Эйхгорнъ охраняетъ съ другой стороны, со стороны Вильны и Свѣнцянъ, т.-е. съ юго-востока.

Между тѣмъ въ послѣднее время, кромѣ этихъ девяти армій, обнаружили нѣкоторыя наступательныя стремленія также и полузабытыя арміи Линцингена и Пфланцера, находившіяся въ Восточной Галиціи. Арміи эти стояли, какъ извѣстно, на Золотой Липѣ и частью на Днѣстрѣ, доходя до границъ Румыніи. Такъ какъ эти арміи самостоятельно не могли разсчитывать на успѣшное наступленіе, то Макензенъ, послѣ занятія Бреста, отдѣлилъ изъ своей группы особую армію подъ начальствомъ австрійскаго генерала Пухалло, которая двинулась отъ Бреста на Луцкъ и далѣе на Ровно. Армія эта, какъ указано въ офиціальныхъ сообщеніяхъ, стремилась охватить правое крыло нашей галиційской группы и, слѣдовательно, въ силу этого, хотѣла пройти вдоль границы Галиціи съ Волынской губерніей въ тылъ нашимъ войскамъ. При такихъ условіяхъ состоялась новая перегруппировка нашей галиційской группы и отходъ ея назадъ къ границѣ Волынской губерніи, при чемъ въ нашихъ рукахъ оставался еще Тарнопольскій округъ Галиціи.

Такимъ образомъ противъ нашей галиційской группы было поведено двоякое наступленіе: арміи Линцингена и Пфланцера, а также и новая группа генерала Ботмера пытались повести фронтальное наступленіе противъ нашей галиційской группы на Золотой Липѣ и на Днѣстрѣ, а армія Пухалло хотѣла выйти отъ Бреста черезъ Луцкъ къ Ровно для охвата праваго крыла нашей галиційской группы. Однако это предпріятіе успѣха не имѣло. Правда, наши войска отошли нѣсколько къ границѣ Волынской губерніи, но, во-первыхъ, продолжали удерживать важный узелъ путей—Ровно, а, во-вторыхъ, при помощи ряда контръ-ударовъ нанесли пораженіе противнику, взявъ при этомъ свыше 10 тысячъ плѣнныхъ.

Къ этому времени положеніе на фронтѣ всецѣло опредѣлялось раіономъ Полѣсья и Пинскихъ болотъ. Это болотистое пространство совершенно раздѣлило силы обѣихъ сторонъ каждую на двѣ части: одна группа войскъ оказалась къ сѣверу отъ Полѣсья и занимала громадный раіонъ отъ Полѣсья до Балтійскаго моря, другая группа войскъ, меньшая, оказалась къ югу отъ Полѣсья и занимала Волынскую губернію, часть Галиціи и часть Буковины, прикрывая пути къ среднему Днѣпру съ кіевскимъ раіономъ и пути въ болѣе южныя губерніи,—Каменецъ-Подольскую и Бессарабскую. Такъ какъ раіонъ Полѣсья почти не допускалъ связи между войсками, стоящими къ сѣверу отъ Полѣсья, и войсками, стоящими къ югу отъ Полѣсья, то операціи каждой изъ этихъ группъ происходили совершенно отдѣльно и самостоятельно. Однако операціи какъ къ сѣверу отъ Полѣсья, такъ и къ югу отъ него были связаны общей стратегической идеей.

Эта стратегическая идея, о которой вообще и ранѣе было извѣстно изъ германской военной литературы, теперь вполнѣ ясно опредѣлялась расположеніемъ войскъ противника. Изъ этого расположенія можно было видѣть, что, во-первыхъ, двѣ арміи противника стоятъ на сѣверныхъ путяхъ въ Прибалтикѣ, во-вторыхъ, семь армій противника стоятъ на среднихъ путяхъ (Сѣдлецъ—Бологое, брестская дорога и три полѣсскія дороги), и, въ-третьихъ, три арміи противника, находясь къ югу отъ Полѣсья, явно подчеркиваютъ себѣ опредѣленное направленіе длиною въ 300 верстъ къ среднему Днѣпру.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ видѣ, три группы противника явно намѣчали для себя операціонное направленіе къ тремъ важнымъ центрамъ нашей страны по тремъ путямъ, для прохожденія которыхъ нашъ противникъ самъ считаетъ нужнымъ имѣть въ распоряженіи время не менѣе года. На сѣверномъ пути у Западной Двины стояла армія Белова, имѣя позади себя въ виленскомъ раіонѣ армію Эйхгорна, всего, въ общемъ, около десяти корпусовъ. На среднихъ путяхъ, у Бреста и Бѣльска, т.-е. па оконечностяхъ дорогъ Сѣдлецъ—Бологое и брестской, стояло семь армій противника, численностью, примѣрно, до 30 корпусовъ, и на южной дорогѣ, съ операціоннымъ направленіемъ къ среднему Днѣпру, стояли три-четыре арміи противника, численностью, примѣрно, до 12 корпусовъ. Всего, слѣдовательно, 35 германскихъ корпусовъ и 17 австрійскихъ распредѣлялись на нашемъ фронтѣ такимъ образомъ, что бо́льшая часть, свыше милліона, находилась на среднемъ пути, намѣчая старый наполеоновскій планъ, а на крыльяхъ находились: на прибалтійскомъ—тысячъ 300, а на галиційскомъ тысячъ 500, при чемъ прибалтійское крыло должно было изображать якобы угрозу сѣверной столицѣ, чего, по существу, безусловно не было и нѣтъ, а галиційское крыло должно было изображать угрозу кіевскому раіону, до котораго однако противнику было свыше 300 верстъ разстоянія, пройти которое въ нынѣшнемъ году онъ даже не могъ намѣчать.

Однако мы выше указывали, что между войсками къ югу отъ Полѣсья и къ сѣверу отъ него, т.-е. между галиційскимъ крыломъ и центромъ противника, бывшимъ впереди Бреста, была извѣстная идейная связь. Идея эта заключалась, конечно, въ томъ, что гдѣ-нибудь да Полѣсье имѣетъ конецъ, и, слѣдовательно, тамъ, гдѣ кончится Полѣсье, должны были соединиться, по мысли нѣмцевъ, въ будущемъ, можетъ-быть, даже черезъ годъ, обѣ группы противника: центръ, находившійся впереди Бреста, и галиційско-волынская группа, находившаяся передъ Ровно и южнѣе.

Полѣсье же, какъ видно изъ карты, кончается у Днѣпра, примѣрно, въ минскомъ раіонѣ, и, слѣдовательно, разъединенныя Полѣсьемъ австро-германскія войска какъ бы намѣчали для себя въ отдаленномъ будущемъ соединеніе здѣсь. Тѣмъ не менѣе основная идея осталась та же, а именно, что противникъ въ нынѣшнемъ году за мѣсяцъ-полтора оставшейся лѣтней кампаніи ничего существеннаго достигнуть не можетъ и даже самъ откладываетъ все до будущей весны. Стратегическое же развертываніе противника, гдѣ 30 корпусовъ находятся въ центрѣ, а 12 на южномъ крылѣ, доказываетъ вполнѣ опредѣленно, что нѣмецкое нашествіе намѣчаетъ для себя операціонную линію гораздо болѣе южную, чѣмъ операціонную линію по сѣвернымъ путямъ, якобы къ сѣверной столицѣ, о чемъ такъ упорно твердятъ голоса дилетантовъ. До весны осталось еще свыше восьми мѣсяцевъ, и, слѣдовательно, все то, что произойдетъ, будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ подготовки обѣихъ сторонъ за эти восемь мѣсяцевъ. Кто лучше подготовится къ веснѣ, когда произойдетъ главное столкновеніе, вызванное стремленіемъ противника дойти до нашихъ центровъ, тотъ и будетъ имѣть шансы на успѣхъ. Вотъ почему можно утверждать, что, хотя противникъ и занялъ нѣкоторую часть нашей территоріи, но самое главное еще впереди, и въ томъ столкновеніи, которое должно произойти весною, должна рѣшиться судьба войны на нашемъ фронтѣ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за сентябрь 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за сентябрь 1915 г. съ 38 рис., отдѣльный листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 32 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 37

XLVI г. изданія

Выданъ 12-го сентября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина" кн. 9.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

2 внутреннiй 5% съ выигр. Заемъ Гос. Банка 1866 г. — 99 тиражъ 1-го сентября 1915 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

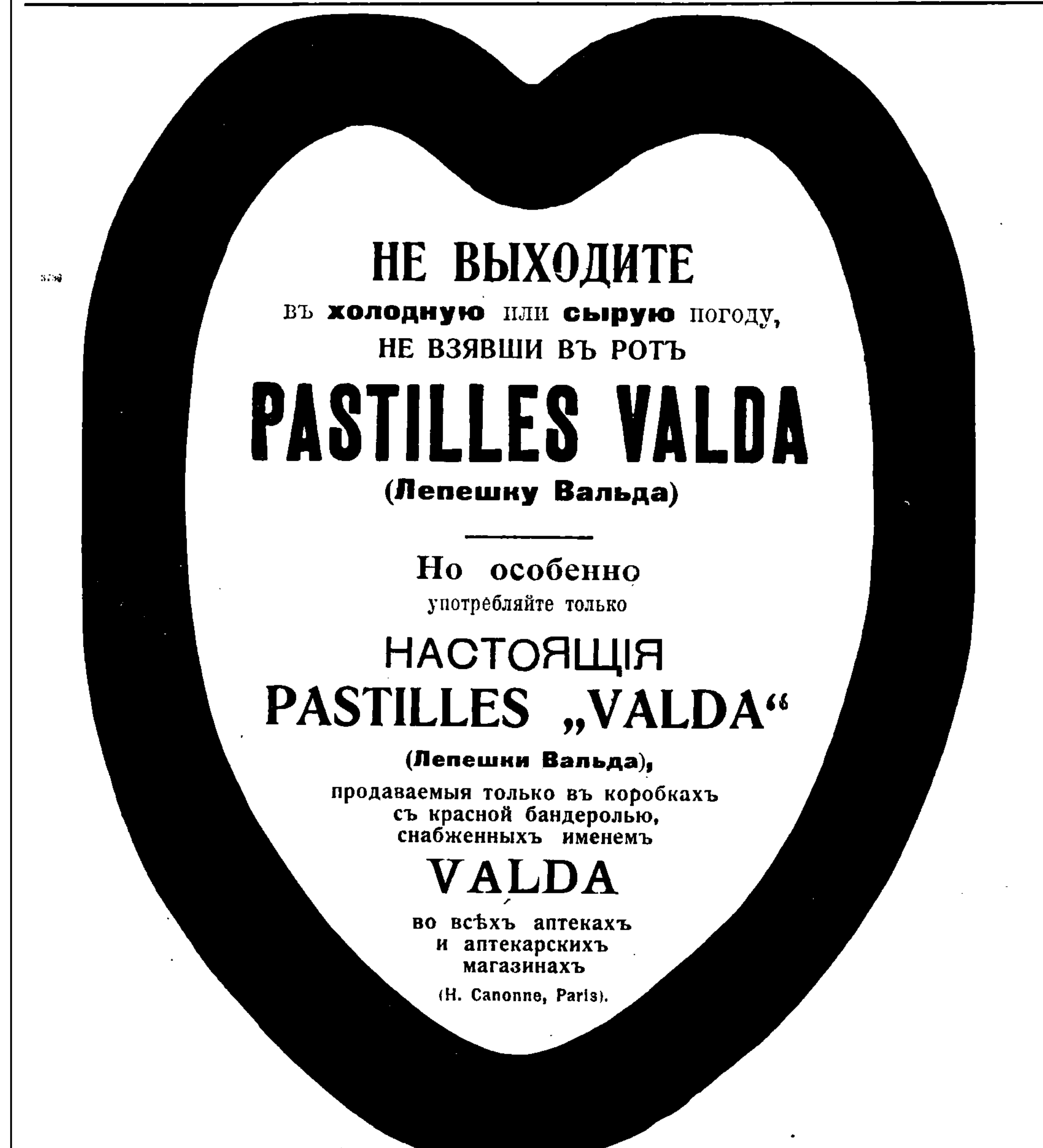
билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50 включительно).

59	541	903	1608	2244	2564	3308	3856	4503	5213	6231	7132	7686	8174	9192	10012	10810	11458	11761	12564	13636	14390	14924	15659	16655	17574	18613	18976	19529
163	569	1007	1707	2252	2775	3313	3873	4507	5294	6403	7262	7833	8456	9269	10038	10813	11514	11795	12598	13742	14413	14932	15683	16705	17648	18654	19048	19675
191	614	1033	1732	2281	2820	3327	3895	4546	5327	6405	7295	7893	8482	9333	10109	10818	11516	11803	12637	13744	14453	15076	15850	16735	17654	18683	19160	19703
234	678	1104	1760	2298	2829	3376	3973	4622	5367	6558	7303	7904	8514	9423	10135	10947	11528	12012	12829	13873	14513	15088	16022	16766	17783	18732	19193	19791
239	732	1111	1810	2308	2834	3490	3977	4623	5406	6749	7313	7912	8613	9461	10164	11016	11574	12074	12995	13914	14604	15123	16039	16779	17813	18745	19207	19818
317	759	1164	1888	2346	3011	3650	4126	4662	5419	6750	7314	7958	8654	9547	10188	11017	11590	12094	13062	13954	14649	15151	16089	16780	17867	18747	19233	19833
416	778	1311	1933	2357	3015	3696	4150	4732	5423	6852	7335	7999	8743	9604	10401	11053	11613	12112	13089	14018	14735	15174	16161	16995	17953	18760	19241	
417	787	1326	2086	2479	3067	3735	4216	4733	5545	6857	7367	8004	8761	9638	10473	11081	11641	12154	13092	14066	14740	15272	16180	17170	17977	18782	19247	
455	[illegible]	1388	2110	2518	3111	3743	4287	4765	5618	6946	7434	8014	8836	9771	10490	11183	11693	12203	13370	14171	14765	15378	16208	17221	18221	18817	19262	
522	875	1519	2136	2540	3138	3830	4360	4897	5762	6961	7548	8029	8845	9824	10537	11244	11699	12295	13427	14268	14846	15603	16278	[illegible]	18442	18841	19312	
538	885	1589	2163	2541	3168	3845	4398	5152	5784	6997	7602	8041	8949	9927	10576	11276	11714	12385	13453	14363	14897	15614	16401	17492	18518	18900	19347	
540	901	1606	2218	2552	3291	3851	4430	5173	6149	7089	7618	8121	9145	9940	10676	11348	11744	12409	13562	14382	14908	15621	16549	17544	18547	18951	19502	

Всего 342 серій, составляющихъ 17.100 билетовъ, на сумму 2.394.000 рублей.



ДЕНЬГИ

большія **теперь** платятъ за нѣкоторыя монеты съ 1425 до 1913 года, которыя попадаются случайно каждому, но по незнанію вы старинныя—бросаете, а новаго чекана—передаете и этимъ лишаетесь той пользы, которую могли бы имѣть. Напримѣръ, платить за **мѣдныя**: 1, 2. 3 и 5 к. 1871 г. Петрогр. по 12 р., 5 к. 1740 г. по 200 р., 10 к. 1760 г. 20 р., за кв. руб. 1726 г. 1000 р., за **серебряныя**: 5 к. 1904 г. А. Р. 20 р., 50 к. 1845 г. п. Н. 40 р., 1 р. 1825 г. п. К. 900 р., за **золотыя**: 5 р. 1907 г. 100 р., 15 р. 1895 г. 60 р., за **платиновыя**: всѣхъ годовъ плачу въ шесть разъ больше ихъ стоим.—Монетъ болѣе 2.000 назв. Многіе удивляются: 1) Почему такъ цѣнятся теперь старин. монеты и 2) существуютъ ли еще такія? Считаю долгомъ разъяснить: 1) Монеты, конечно, существуютъ, и кажд. легко въ этомъ убѣдится, побывавъ въ Эрмитажѣ, гдѣ онѣ хранятся по одному экземпляру, 2) и за что цѣнятся такъ, то **раньше** желающіе пополн. коллекціи обращ. за особ. разрѣш. отчекан. въ Монетный дворъ, теперь же этотъ способъ **запрещенъ**. Вотъ почему приходится искать монеты инымъ способ., а именно: руководств. къ собиранію рѣдкихъ монетъ: мѣдн., серебр., золотыхъ и платин. 1425 по 1913 г. могутъ служить къ собиранію на десятки лѣтъ особ. полн. таблицы (20 шт.) исполн. въ краскахъ, съ **рисунками монетъ**, котор. съ указан. цѣны кажд. монеты и фирмъ, покуп. ихъ, высыл. за 75 коп. (Можно марками) нал. плат. 90 коп. Юбил. рубли 1613—1913 г. высылаю по 3 руб. Лично отъ 6 ч. веч. АДР.: *Петроградъ, Звѣринская, 9. кв.33.* **В. В. Низовцевъ. Предложеніе серьезное.**

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ **К. Р.** Цѣна **50** коп., съ перес. **65** коп

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

К. ШУМСКІЙ.

ОЧЕРКИ МІРОВОЙ ВОЙНЫ

НА СУШѢ И НА МОРѢ.

Обзоръ военныхъ дѣйствій на главныхъ театрахъ.

Съ чертежами и рисунками.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

В. В. МУЙЖЕЛЬ.

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ — СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

(на восточно-прусскомъ фронтѣ).

СЪ РИСУНКАМИ.

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Высочайшій манифестъ.

Божіею милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Вторженіе непріятеля въ предѣлы Отечества Нашего требуетъ дальнѣйшаго усиленія молодыми силами доблестной Нашей арміи, второй уже годъ несущей тяготы ратной службы. Посему, въ соотвѣтствіи съ одобреннымъ Государственною Думою и Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденнымъ Нами, въ двадцать второй день сего августа, закономъ, признали Мы нынѣ необходимымъ приступить къ созыву государственнаго ополченія второго разряда.

Возрасты ратниковъ, подлежащихъ призыву въ каждый назначенный для сего срокъ, и мѣстности, изъ коихъ они призываются, опредѣляемы будутъ Указами Нашими Правительствующему Сенату.

Данъ въ Ставкѣ въ 31-й день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятнадцатое, царствованія же Нашего двадцать первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Ратники ополченія второго разряда. Наиболѣе существенное измѣненіе, вносимое опубликованнымъ новымъ закономъ въ уставъ о воинской повинности, сводится къ устраненію различія въ назначеніи между ратниками второго разряда и перваго. Прежде ратники второго разряда могли въ случаѣ ихъ призыва назначаться только въ составъ ополченскихъ частей, а ратники перваго разряда могли быть назначаемы какъ въ составъ ополченскихъ частей, такъ и для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ. По новому закону, и ратники второго разряда могутъ быть тоже назначаемы для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ. Надо однако имѣть въ виду, что это измѣненіе, не лишенное значенія съ чисто организаціонной точки зрѣнія, на положеніи самихъ ратниковъ отразится очень слабо. Ополченскія части несутъ во время войны такую же боевую службу, какъ и постоянныя войска, и наше законодательство не проводитъ того различія между ополченіями и постоянными войсками, которое имѣется въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, гдѣ ополченіе, или милиція, можетъ быть употребляемо лишь для обороны внутри страны.

Согласно уставу о воинской повинности, ратники второго разряда призывались на службу Высочайшимъ манифестомъ, и въ этомъ же манифестѣ должно быть опредѣлено число призываемыхъ ратниковъ. Согласно новому закону, лишь «необходимость созыва государственнаго ополченія второго разряда возвѣщается Высочайшимъ манифестомъ», а «возрасты ратниковъ, подлежащихъ призыву въ каждый назначенный для сего срокъ, и мѣстности, изъ коихъ они призываются, опредѣляются Высочайшими указами Правительствующему Сенату», какъ это дѣлается относительно ратниковъ перваго разряда. Новый законъ распространяетъ на призывъ ратниковъ второго разряда правила призыва ратниковъ перваго разряда.

Какъ передаютъ «Русскія Вѣдомости», отъ управленія воинской повинности объявляется, что подлежащимъ призыву ратникамъ второго разряда, состоящимъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (не вольнослушателямъ) поступленіе по призыву на военную службу будетъ отсрочено до окончанія учебнаго года, въ которомъ имъ исполняется отъ роду: 1) 24 года—для обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2) 27 лѣтъ—для обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ продолжительностью курса не свыше 4-хъ лѣтъ и 3) 28 лѣтъ—для обучающихся: а) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ продолжительностью курсовъ не менѣе 5-ти лѣтъ, б) въ духовныхъ православныхъ и римско-католическихъ академіяхъ, а также въ эчміадзинской армяно-григоріанской духовной академіи и в) въ высшемъ художественномъ училищѣ при Императорской Академіи Художествъ, о которыхъ послѣдуютъ представленія отъ Академіи. Всѣ выбывшіе изъ университетовъ студенты-ратники второго разряда, которые получаютъ выпускныя свидѣтельства о прослушаніи курса университета въ текущемъ году, пользуются правомъ на отсрочку призыва независимо отъ своего возраста для держанія государственныхъ экзаменовъ до окончанія осенней сессіи этихъ экзаменовъ 1915 года. Равнымъ образомъ не подлежатъ немедленному призыву и студенты вообще всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, достигшіе 27-лѣтняго возраста, если только они, согласно выдаваемымъ ихъ учебнымъ начальствомъ удостовѣреніямъ, могутъ окончить курсъ этихъ заведеній, т.-е. сдать окончательные экзамены, выполнить дипломные проекты, конкурсныя испытанія и практическія работы въ теченіе второго полугодія текущаго года. Молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и поступающимъ нынѣ въ спеціальныя высшія учебныя заведенія, отсрочивается поступленіе на службу до 1-го октября 1915 г., для сдачи конкурсныхъ экзаменовъ и зачисленія въ студенты. Всѣ учащіеся перечисленной категоріи изъ числа ратниковъ ополченія второго разряда въ возрастѣ до 31-го года включительно, обязаны позаботиться о полученіи отъ своего учебнаго начальства надлежащихъ соотвѣтственно изложенному удостовѣреній о правѣ своемъ на отсрочку поступленія на военную службу и лично представить эти удостовѣренія мѣстному уѣздному воинскому начальнику въ томъ случаѣ, если по воспослѣдованіи распоряженія о призывѣ ополченцевъ второго разряда владѣльцы удостовѣреній по возрасту своему окажутся принадлежащими къ категоріи призванныхъ на службу. Лицами, родившимися въ 1891—1895 годахъ, требованія о полученіи удостовѣреній учебнымъ начальствомъ должны быть исполнены безотлагательно. Всѣ, подлежащіе призыву и воспользовавшіеся отсрочкой на основаніи приведеннаго разъясненія, по оставленіи учебныхъ заведеній и вообще по истеченіи срока дѣйствія отсрочки, обязаны немедленно явиться на сборный пунктъ уѣзднаго воинскаго начальника для поступленія на дѣйствительную военную службу.

Обмѣнъ телеграммами между Государемъ Императоромъ и главами союзныхъ государствъ. 24-го августа по поводу принятія Государемъ Императоромъ предводительствованія всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, Его Величествомъ Государемъ Императоромъ были посланы, кромѣ уже опубликованной въ № 36 телеграммы президенту французской республики, слѣдующія телеграммы:

Англійскому королю:

«Въ это серьезное, переживаемое Моей страной, время Я рѣшилъ взять въ Свои руки предводительствованіе Моими войсками. Сообщая вамъ объ этомъ, Я еще разъ высказываю Свое убѣжденіе, что съ Божіей помощью, соединенными усиліями союзниковъ, конечная ихъ побѣда увѣнчаетъ эту кровопролитную войну».

Отвѣтъ короля англійскаго:

«Я въ восторгѣ слышать, что нынѣ Вами принято на Себя Верховное предводительствованіе дѣйствующими войсками. Я искренно раздѣляю Вашу увѣренность, что съ Божіей помощью Вы и Ваши храбрыя войска съ войсками союзниковъ достигнутъ окончательной побѣды съ почетнымъ и прочнымъ миромъ. Мои мысли, болѣе чѣмъ когда-либо, съ Вами въ это тревожное время».

Итальянскому королю:

«Ставъ сегодня во главѣ Своихъ войскъ, Я въ этотъ день выражаю вашему величеству Свои самыя искреннія пожеланія и высказываю Свою глубокую увѣренность, что взаимныя усилія нашихъ союзныхъ странъ приближаютъ съ каждымъ днемъ великую конечную побѣду».

Отвѣтъ короля итальянскаго:

«Благодарю Ваше Величество за пожеланія, съ коими Ваше Величество соблаговолили ко мнѣ обратиться. Увѣренный въ конечномъ успѣхѣ нашихъ общихъ усилій, я, съ своей стороны, выражаю самыя искреннія пожеланія счастья Вашему Величеству и побѣды доблестнымъ русскимъ войскамъ, Верховное командованіе коими Ваше Величество только-что приняли на Себя».

Бельгійскому королю:

«Ставъ сегодня во главѣ Своихъ войскъ, Я съ удовольствіемъ обращаюсь къ вашему величеству съ выраженіемъ самыхъ сердечныхъ пожеланій вашему величеству и вашей благородной и геройской арміи».

Отвѣтъ короля бельгійскаго:

«Очень тронутъ телеграммой Вашего Величества и благодарю за выраженіе симпатіи, которую Вы мнѣ высказали по отношенію къ Бельгіи и ея арміи во времена тяжелаго и долгаго испытанія».

Сербскому королю:

«Въ день принятія Мною предводительствованія Моими войсками Я обращаюсь къ вашему величеству и доблестной Сербіи съ самыми горячими пожеланіями счастья и успѣха героической сербской націи и ея славной арміи».

Отвѣтъ короля сербскаго:

«Отъ всего сердца благодарю Ваше Величество за сердечныя слова, обращенныя къ Сербіи, и чувствую потребность передать Вашему Величеству, какъ вѣрный выразитель чувствъ націи и сербской арміи, самыя горячія пожеланія, съ коими мы привѣтствуемъ непобѣдимыя войска Святой Руси, которыя во имя Божіе и подъ предводительствомъ Своего Верховнаго Вождя покроютъ себя новою славою, сражаясь противъ общаго врага».

Черногорскому королю:

«Принявъ сегодня на Себя Верховное предводительствованіе Моими войсками, Я обращаюсь къ вашему величеству съ самыми горячими пожеланіями счастья странѣ вашего величества и славы вашему оружію».

Отвѣтъ короля черногорскаго:

«Съ радостью привѣтствую принятіе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Верховнаго предводительствованія надъ Своими славными войсками, которыя не преминутъ покрыть себя новыми лаврами подъ непосредственнымъ руководительствомъ Своего Августѣйшаго славнаго Вождя. Благоволите, Ваше Величество, принять мои искреннія поздравленія съ этимъ столь важнымъ рѣшеніемъ, заключающимъ въ себѣ наилучшія предзнаменованія. Мой народъ и моя армія, гордые Вашимъ Высочайшимъ расположеніемъ, удвоятъ свои усилія при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы содѣйствовать и слѣдовать Ихъ обожаемому Покровителю, слѣдя за Его благородными дѣйствіями на благо малыхъ и ради покровительства справедливости и свободѣ, осуществленіе коихъ Вы взяли въ Свои могущественныя руки».

Японскому императору:

«Спѣшу сообщить вашему величеству, что Я взялъ на Себя сегодня Верховное командованіе Моими арміями. По этому поводу обращаюсь къ вашему величеству съ самыми сердечными пожеланіями величія вашей имперіи и славы доблестной японской арміи».

Отвѣтъ императора японскаго:

«Я съ радостью узналъ, что Ваше Величество приняли на Себя Верховное командованіе Вашими арміями и благодарю Ваше Величество живѣйшимъ образомъ за высказанныя мнѣ по этому поводу пожеланія, служащія мнѣ новыми доказательствами дружбы, весьма для меня цѣнной. Я убѣжденъ, что доблестная русская армія, продолжая славныя традиціи прошлаго, сумѣетъ подъ Верховнымъ водительствомъ Вашего Величества вскорѣ достигнуть торжества общаго дѣла, и шлю Вашему Величеству свои полныя увѣренности пожеланія».

Генералъ-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертъ (портр. на стр. 687). Командовавшій 4-й арміей и нынѣ назначенный главнокомандующимъ арміями западнаго фронта, генералъ-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертъ родился въ 1857 г.; по окончаніи курса 1-го московскаго кадетскаго корпуса и Александровскаго военнаго училища началъ службу въ лейбъ-гвардіи Волынскомъ полку, съ которымъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1877 г., получивъ за воинскія отличія ордена св. Анны 4-й степени и св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. Послѣ войны окончивъ Николаевскую академію генеральнаго штаба, генералъ Эвертъ занималъ различныя штабныя должности въ Варшавскомъ военномъ округѣ и въ

1899 г. получилъ 130-й пѣхотный Херсонскій полкъ, а затѣмъ былъ начальникомъ штабовъ послѣдовательно XI, XIV и V армейскихъ корпусовъ. Во время русско-японской войны А. Е. Эвертъ занималъ должности генералъ-квартирмейстера полевого штаба главнокомандующаго и начальника полевого штаба 1-й Маньчжурской арміи. За боевыя отличія въ эту войну онъ получилъ золотое оружіе и орденъ св. Станислава 1-й степени. Въ 1906 г. генералъ Эвертъ былъ назначенъ начальникомъ Главнаго Штаба, а въ 1908 г. — командиромъ XIII армейскаго корпуса. Въ 1912 г. онъ занялъ постъ командующаго войсками иркутскаго военнаго округа и наказного атамана Забайкальскаго казачьяго войска. За боевыя отличія въ настоящую войну въ Галичской битвѣ генералъ Эвертъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Вѣнокъ Пегу отъ нѣмцевъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ убитый непріятелемъ знаменитый французскій летчикъ Пегу (см. «Отклики войны» въ № 36 «Нивы»), французскіе солдаты подобрали вѣнокъ изъ цвѣтовъ, брошенный съ нѣмецкаго аэроплана.

На лентѣ вѣнка надпись:

«Нашему врагу Пегу, павшему героемъ за отечество».

Вѣнокъ этотъ отнесенъ въ штабъ и возложенъ на могилу Пегу.

Инвалидъ войны—инвалидамъ тыла. Недавно черезъ Ростовъ прослѣдовалъ на Кавказъ полковникъ-инвалидъ, недавно возвратившійся изъ германскаго плѣна. Около вагона, гдѣ находился съ семьею русскій герой, собралась большая толпа.

Полковникъ обратился къ собравшимся со слѣдующими словами:

«Господа, я ѣду прямо изъ Берлина и долженъ вамъ сказать, что тамъ царитъ чрезвычайное уныніе. На улицахъ не видно даже стариковъ, всѣ обязанности, вплоть до полицейскихъ, исполняются женщинами. Вся Германія только и живетъ мыслью о мирѣ, это чувствуется на каждомъ шагу, а въ послѣднее время никто даже не скрываетъ своей завѣтной мечты.

«Провизіи почти что нѣтъ, а что̀ и есть, продается на вѣсъ золота. Настроеніе германской арміи чрезвычайно подавленное,—она устала.

«Совершенно обратная картина замѣчается въ нашей арміи. У насъ всѣ горятъ желаніемъ сражаться до послѣдней капли крови, нигдѣ среди нашихъ я не слышалъ намека даже на слово миръ. У всѣхъ на устахъ, начиная отъ генерала до рядового солдата, только одно: разбить окончательно врага, не считаясь ни съ жертвами ни съ обстоятельствами. Я свидѣтельствую о такомъ настроеніи нашей доблестной арміи.

«Но, чѣмъ дальше я удалялся отъ фронта въ глубь нашей родины, тѣмъ чаще мнѣ приходилось сталкиваться съ растерянностью и уныніемъ. Этого быть не должно. Я сейчасъ — инвалидъ, не могу принять болѣе активнаго участія въ борьбѣ съ врагомъ всего человѣчества, но, при всякой представившейся возможности, на всѣхъ перекресткахъ буду говорить то, что̀ сейчасъ вамъ говорилъ. И повторяю,—не мѣсто сейчасъ унынію, сейчасъ нужна общая, дружная работа.

«Чѣмъ больше вы сдѣлаете здѣсь, тѣмъ больше пользы ваша работа принесетъ тамъ. Я васъ прошу, разскажите всѣмъ своимъ знакомымъ то, что̀ вамъ здѣсь сказалъ русскій инвалидъ. Пусть знаютъ всѣ, что, какъ бы ни былъ предпріимчивъ нашъ врагъ, конецъ ему одинъ. Не вѣрьте вздорнымъ слухамъ, я вамъ свидѣтельствую словомъ русскаго офицера, духъ русской арміи крѣпокъ, и такимъ же долженъ быть духъ всего русскаго народа».

Рѣчь полковника-инвалида, произнесенная, по словамъ «Голоса Юга», съ большимъ чувствомъ, наэлектризовала собравшихся. Послышались крики: «Ура!», «Да здравствуетъ Россія!», «Да здравствуетъ русская армія!».

Обращеніе Краснаго Креста къ пастырямъ православной церкви. Главное Управленіе Общества Краснаго Креста обращается къ пастырямъ православной церкви съ просьбой о расположеніи прихожанъ къ пожертвованіямъ на нужды тѣхъ, кто своею мужественною грудью, жертвуя своею неоцѣнимою кровью, сталъ на защиту земли родной:

«Какъ извѣстно, средства Общества Краснаго Креста составляются, между прочимъ, изъ церковныхъ сборовъ и пожертвованій. Общество знаетъ, какая доля нравственнаго побужденія къ пожертвованіямъ на дѣло Краснаго Креста принадлежитъ пастырямъ церкви — водителямъ народа въ его духовной жизни. И съ благодарностью вспоминая все то, что̀ уже сдѣлано духовенствомъ родной Церкви ради нуждъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, Общество Краснаго Креста и теперь, въ трудное время нашей борьбы съ врагами, обращается къ вамъ же, пастыри: помогите своимъ словомъ, своимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ сбору средствъ на раненыхъ и больныхъ воиновъ. Поставьте ярко передъ населеніемъ извѣстную всѣмъ вамъ картину страшныхъ великихъ подвиговъ, какіе совершаются нашею арміею, всѣхъ тѣхъ нуждъ и страданій, какія настоятельно требуютъ облегченія, взываютъ къ нашему сердцу отъ сердца страждущихъ на полѣ ратномъ братьевъ нашихъ. Объясните, что каждая копейка отретъ не одну слезу страдальца-воина, — тамъ, далеко, на бранномъ полѣ пролившаго свою кровь за родину.

«Помогите въ этомъ, пастыри! И не нужно говорить, какое великое дѣло сдѣлаете вы для родной земли въ настоящую тяжелую годину ея исторіи».

Бросьте крахмальное бѣлье! Мы получили отъ одной изъ нашихъ читательницъ, сестры милосердія, интересное письмо, обращенное къ «людямъ общества»:

«Все мобилизуется. Сборы и пожертвованія широкимъ потокомъ идутъ на помощь арміи-народу. Позвольте намъ, женщинамъ, предложить еще одинъ видъ сбора, который принесъ бы не малую сумму на нужды войны.

Мы предлагаемъ всѣмъ мужчинамъ отказаться отъ ношенія крахмальныхъ воротниковъ и манжетъ, и замѣнить ихъ, по примѣру Англіи, мягкими, такъ-называемыми спортивными. Отмѣнить эту нелѣпую моду стоячихъ-твердыхъ воротниковъ, которые кромѣ вреда ничего не приносятъ, легко и пріятно. По крайней мѣрѣ, на время войны мужчины могли бы отказаться отъ этой условности моды, пожертвовавъ деньги, затрачиваемыя на стирку крахмальнаго бѣлья, на благотворительныя цѣли.

Стирка крахмальной рубашки сто̀итъ 25 коп., воротника—7-10 коп. и манжетъ—7-10 коп. Послѣ двухъ-трехъ стирокъ въ прачечныхъ бѣлье приходитъ въ негодность, а новый воротникъ сто̀итъ 50 коп. и дороже. Каждый мало-мальски приличный человѣкъ мѣняетъ крахмальное бѣлье, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю; итого около рубля сто̀итъ стирка въ недѣлю.

Начавъ носить мягкіе воротники и рукава (манжеты), кромѣ сокращенія расходовъ на крахмальное бѣлье, вы избавите женщинъ-хозяекъ отъ муки вѣчныхъ хлопотъ съ прачечными, а женщинъ-поденщицъ, прачекъ, избавите отъ ужаса вѣчно стоять надъ накаленными докрасна тяжелыми утюгами. Дрова теперь дорожаютъ съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ огромное количество дровъ идетъ на совершенно ненужное накаливаніе утюговъ для глаженія крахмальнаго бѣлья. Мы, женщины, давно учли это и отказались уже отъ кружевныхъ блузокъ юбокъ, и т. п. сложныхъ предметовъ дорогой стирки. Мы носимъ своего рода походную форму.

Теперь мы съ полнымъ правомъ взываемъ къ вамъ: мужчины объединитесь, бросьте условную моду ношенія крахмальнаго бѣлья.

Госпитальныя завѣщанія. Юридическимъ отдѣломъ союза городовъ выработана слѣдующая форма госпитальнаго завѣщанія:

«Такого-то числа, мѣсяца и года рядовой такой-то части Иванъ Петровъ Абрамовъ (крестьянинъ такого-то села, такой-то волости, такого-то уѣзда), будучи въ здравомъ умѣ, на случай своей смерти завѣщаю... (Текстъ завѣщанія, — достаточно, чтобы было по возможности точно указано, что̀ именно и кому именно завѣщатель оставляетъ. Перечислять отдѣльные завѣщаемые предметы нѣтъ необходимости, если завѣщатель того не проситъ; достаточно общихъ указаній, какъ напримѣръ: «все мое движимое имущество моей женѣ» и т. п.). (Подпись завѣщателя, если онъ можетъ писать).

Непосредственно за текстомъ и подписью:

«Симъ свидѣтельствуемъ, что настоящее завѣщаніе составлено въ такомъ-то лазаретѣ по желанію завѣщателя (рядового такого-то), находившагося въ здравомъ умѣ». Завѣдующій врачъ (полное имя). Завѣдующій лазаретомъ (полное имя), Сестра милосердія (полное имя)».

Согласно ст. 1081 т. X. ч. I Св. Зак. Гражд., госпитальное завѣщаніе имѣетъ силу домашняго духовнаго завѣщанія, имъ можно распоряжаться всякимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, за исключеніемъ родового.

Госпитальное завѣщаніе дѣйствительно при наличности слѣдующихъ условій:

Завѣщаніе должно быть составлено въ госпиталѣ. Таковымъ признается всякій госпиталь, военный и морской (виды ихъ перечислены въ разд. III книги 16-й Свода Военныхъ Постановленій), а также и другіе госпитальные пункты. Къ числу послѣднихъ относятся госпитали, больницы, лазареты, имѣющіе право пользоваться знакомъ «Краснаго Креста», а также другія лѣчебныя заведенія общественныхъ организацій, въ которыя раненые и больные воины направляются подлежащей властью для пользованія.

Завѣщаніе можетъ быть составлено офицерами, военными чиновниками и нижними чинами, находящимися на излѣченіи въ госпиталѣ.

О своемъ желаніи составить духовное завѣщаніе раненому или больному надлежитъ заявить должностному лицу госпиталя,—всего лучше дежурному врачу, такъ какъ подпись его на завѣщаніи безусловно необходима.

Тотъ, кому сдѣлано такое заявленіе, долженъ распорядиться о немедленномъ написаніи завѣщанія (ст. 854-я книги 16-й Свода Военныхъ Постановленій).

Завѣщаніе должно быть написано на цѣломъ листѣ, т.-е. на листѣ со сгибомъ посрединѣ, состоящемъ изъ двухъ половинокъ; размѣръ листа безразличенъ; оплаты гербовыми марками не требуется.

Въ тѣхъ госпиталяхъ, въ которыхъ заведена особая книга, завѣщаніе можетъ быть прямо вписано въ эту книгу (ст. 854-я книги 16-й Свода Военныхъ Постановленій).

Порядокъ составленія завѣщанія слѣдующій:

а) Законъ говоритъ, что завѣщаніе составляется по желанію раненаго или больного, а отсюда слѣдуетъ, что текстъ завѣщанія можетъ быть написанъ не только самимъ завѣщателемъ, но и другимъ лицомъ, согласно желанію завѣщателя. Указанія въ самомъ завѣщаніи имени лица, которое писало завѣщаніе, законъ не требуетъ.

б) Законъ не требуетъ также, чтобы госпитальное завѣщаніе было подписано лично самимъ завѣщателемъ или особымъ другимъ лицомъ по просьбѣ завѣщателя (такъ-называемымъ рукоприкладчикомъ). Такимъ образомъ отсутствіе подписи на такомъ завѣщаніи не лишаетъ его силы. Но если завѣщатель имѣетъ возможность поставить подпись, то для устраненія всякихъ послѣдующихъ сомнѣній завѣщаніе должно быть по возможности подписано завѣщателемъ. Въ завѣщаніи должны быть указаны военное званіе завѣщателя и по возможности его гражданское званіе.

в) Для дѣйствительности госпитальнаго завѣщанія законъ требуетъ, чтобы оно было подписано тремя лицами, дежурнымъ врачомъ или ординаторомъ (въ лазаретахъ — завѣдующимъ врачомъ). Второй необходимой подписью является подпись дежурнаго офицера или, если его нѣтъ, смотрителя госпиталя, либо завѣдующаго госпиталемъ или лазаретомъ, напримѣръ, эконома или экономки. Вторая подпись можетъ быть также сдѣлана главнымъ врачомъ госпиталя. Третьей необходимой подписью является подпись госпитальнаго священника или сестры милосердія, находящейся въ госпиталѣ, служащаго или находящагося на излѣченіи въ госпиталѣ. Очередь, въ которой будутъ поставлены подписи на завѣщаніи, не имѣетъ значенія. Необходимо лишь, чтобы на завѣщаніи были подписи перечисленныхъ выше лицъ. Лица эти должны удостовѣрить своею подписью, что завѣщаніе составлено въ госпиталѣ по желанію завѣщателя, и что завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ.

По желанію завѣщателя, завѣщаніе можетъ быть передано на храненіе подъ расписку на ряду съ другими его документами смотрителю, завѣдующему госпиталемъ или лазаретомъ, или дежурной сестрѣ милосердія, или фельдшерицѣ.

Если завѣщаніе прямо вписано въ книгу для завѣщаній, то завѣщателю надлежитъ выдать черновую выпись изъ этой книги.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 37. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 12 сентября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. Бунина" кн. 9.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Наступленіе въ Полѣсье.

Самымъ значительнымъ событіемъ за послѣднюю недѣлю августа мѣсяца является наступленіе двухъ сѣверныхъ армій—прибалтійской генерала Белова и ковенской генерала Эйхгорна—къ Двинску, Свѣнцянамъ и Вильнѣ. Какъ извѣстно, прибалтійская армія Эйхгорна имѣла операціонное направленіе все время вдоль Прибалтійскаго побережья, и въ этомъ видѣли якобы угрозу нашей сѣверной столицѣ.

Однако, дойдя до рѣки Двины, Беловъ отказался отъ переправы черезъ эту рѣку и повернулъ направо, къ Двинску. Такимъ образомъ, если даже считать, что Беловъ стремился вдоль Прибалтійскаго побережья къ нашей сѣверной столицѣ, отъ которой его, къ слову сказать, отдѣляло не менѣе 400 верстъ, то теперь можно было уже видѣть, что онъ „свернулъ съ этого операціоннаго направленія" и пошелъ въ совершенно другую сторону—отъ Фридрихштадта къ Двинску.

Необходимо напомнить, что называется въ стратегіи „операціоннымъ направленіемъ". Операціоннымъ направленіемъ въ стратегіи называется линія, соединяющая армію съ той цѣлью, куда

Всенародное моленіе о дарованіи побѣды русскому оружію 29-го августа с. г. на Исаакіевской площади въ Петроградѣ.
По фот. К. Булла.

Въ Калькуттѣ (Индія). Мусульмане за молитвой о дарованіи побѣды англичанамъ.

она стремится. Вполнѣ естественно. что нормальное операціонное направленіе отходитъ перпендикулярно отъ фронта арміи, и лишь въ частныхъ случаяхъ операціонное направленіе отходитъ въ иную сторону.

Поэтому, пока Беловъ двигался фронтомъ къ сѣверо-востоку, направляясь къ Западной Двинѣ, его операціонное направленіе, если его далеко вычертить по картѣ, дѣйствительно приводило къ сѣверной столицѣ. Но уже тогда было понятно, что одинъ Беловъ со своими шестью корпусами, т.-е. съ какими-нибудь 250 тысячъ человѣкъ, не можетъ серьезно угрожать сѣверной столицѣ. Уже тогда ясно было, что Беловъ стремится къ Двинѣ для того, чтобы прикрыться этой широкой рѣкой отъ нашего натиска со стороны Ревеля и побережья Финскаго залива.

Поэтому для насъ нисколько не было неожиданностью, что противникъ, дойдя до Западной Двины и прикрывшись этой рѣкой, свернулъ направо къ Двинску. Это движеніе Белова, если прочертить его операціонное направленіе, выводитъ въ раіонъ Полоцка и къ верховьямъ Днѣпра, т.-е. на дороги Сѣдлецъ—Бологое и московско-брестскую. Слѣдовательно, тотъ Беловъ, котораго считали якобы угрожающимъ сѣверной столицѣ, на самомъ дѣлѣ, повернувъ къ Двинску, обнаружилъ намѣреніе пробраться въ раіонъ Полѣсья и въ раіонъ, прилегающій къ Полѣсью, т.-е. на московскіе пути.

Одновременно такимъ же маневромъ обнаруживала себя ковенская армія Эйхгорна. Такъ какъ 250-ти тысячъ Белова было уже слишкомъ недостаточно. чтобы якобы угрожать сѣверной столицѣ, то къ Белову нѣкоторые присчитывали и армію Эйхгорна, въ составѣ четырехъ корпусовъ, и почему-то считалось, что вся сѣверная группа,—и Белова и Эйхгорна,—въ составѣ уже 400 тысячъ человѣкъ, якобы предназначена для угрозы сѣверной столицѣ.

Поэтому весьма важнымъ оказалось то обстоятельство, что Эйхгорнъ такъ же, какъ и Беловъ, свернулъ съ путей вдоль Прибалтійскаго побережья и устремился къ Свѣнцянамъ и Вильнѣ, каковое операціонное направленіе выводило въ Минскій раіонъ и въ раіонъ верховьевъ Днѣпра, т.-е. также на дороги Сѣдлецъ—Бологое и московско-брестскую, а, слѣдовательно, и это операціонное направленіе выводило на московскіе пути.

Послѣ этого было уже трудно сомнѣваться въ томъ истинномъ направленіи, къ которому стремятся нѣмецкія массы на нашемъ фронтѣ. До сихъ поръ, какъ мы знаемъ, армія Гальвица — южнѣе Гродны, Шольца—у Волковыска и Слонима, Ковеша, Макензена и эрцгерцога Іосифа-Фердинанда всего пять армій — двигались въ промежуткѣ между Гродной и Пинскими болотами. стремясь продвинуться по дорогамъ Сѣдлецъ—Бологое и брестской къ сѣверо-востоку. Теперь къ этимъ пяти арміямъ, стремящимся по 1000-верстнымъ московскимъ путямъ, присоединились еще двѣ сѣверныя арміи—Белова и Эйхгорна, устремившіяся также въ направленіи къ московскимъ путямъ. Между тѣмъ на Белова и Эйхгорна указывали какъ на доказательство того, что якобы существуетъ угроза сѣверной столицѣ. и что якобы эту угрозу предполагаютъ осуществить вышеупомянутыя арміи Белова и Эйхгорна.

Такимъ образомъ и сѣверная группа противника и средняя его группа одинаково и опредѣленно стремились по среднимъ московскимъ путямъ въ раіоны верховьевъ Днѣпра, и направленіе операціонной линіи главныхъ массъ нѣмцевъ уже не подлежало оспариванію.

Какъ извѣстно, сѣверная и средняя группы противника оперировали къ сѣверу отъ Полѣсья до Балтійскаго моря. Совершенно отдѣльно вела операцію южная группа противника—отъ Полѣсья до Румыніи, и Полѣсье раздѣляло войска къ сѣверу отъ него и войска къ югу отъ него на двѣ самостоятельныя и отдѣльно дѣйствующія группы. Южная группа противника, какъ въ свое время въ 1879 году писалъ нѣмецъ Сарматикусъ въ своей брошюрѣ „Польскій театръ военныхъ дѣйствій", должна была имѣть операціонное направленіе и этапную линію Львовъ—Кіевъ—Курскъ—Орелъ—Москва. Вполнѣ ясно, что южная группа противника, стоявшая лишь впереди Львова, находилась въ самомъ началѣ этого невѣроятно грандіознаго 1200-верстнаго пути.

Во исполненіе этого, какъ мы видимъ, давно намѣченнаго плана нашихъ противниковъ, арміи Ботмера, Линцингена и Пфланцера двинулись широкимъ фронтомъ изъ Галиціи къ нашимъ южнымъ губерніямъ. Результатъ этого движенія оказался крайне неожиданнымъ для противника: въ теченіе двухъ недѣль австро-германцы понесли рядъ пораженій и потеряли одними плѣнными свыше 40 тысячъ человѣкъ, что даетъ количество плѣнныхъ, равное цѣлому армейскому корпусу. Если присчитать къ этому потери убитыми и ранеными. которыя должны были быть раза въ $1^1/_2$—2 больше числа плѣнныхъ, то станетъ ясно, что потери противника доходили до $2^1/_2$ корпусовъ. Если считать, что въ трехъ галиційскихъ арміяхъ—Ботмера, Линцингена и Пфланцера—было около 12 корпусовъ, то

Всенародное молебствіе о дарованіи побѣды англійскому оружію на паперти собора св. Павла въ Лондонѣ.

станетъ понятно, что всѣ три арміи испытали сильнѣйшее пораженіе, понеся до 20 процентовъ потерь.

Какъ только стали обнаруживаться первыя пораженія австро-германцевъ въ Галиціи, армія Макензена, бывшая впереди Бреста, и находившаяся съ нимъ рядомъ армія эрцгерцога Фердинанда поспѣшили на выручку своей галиційской группы. Съ этой цѣлью Макензенъ двинулся не прямо въ Галицію, а направился въ Волынскую губернію, стремясь черезъ Ровно выйти въ тылъ Галиційской границѣ и въ тылъ нашимъ „кіевскимъ" арміямъ, тѣснившимъ австрійцевъ въ Галиціи. Въ случаѣ успѣха этого обхода, Макензенъ могъ бы выйти на нѣкоторые пути отхода нашихъ войскъ изъ Галиціи, и это могло бы заставить насъ очистить Галицію, что одновременно сдѣлало бы безполезными наши побѣды надъ австрійцами въ Галиціи.

Однако наступленіе Макензена было задержано нашими войсками впереди Ровно, на рѣкахъ Стыри и Горыни. Невзирая на чрезвычайныя усилія Макензена, на его обычные пріемы—ураганный огонь громаднаго количества пушекъ, на примѣненіе имъ „фаланги", Макензенъ не только не могъ выйти въ тылъ Галиційской границѣ, но въ безпрерывныхъ бояхъ потерялъ тысячи плѣнныхъ и пулеметы.

Такимъ образомъ первые шаги противника по его грандіозному пути Львовъ—Кіевъ — Курскъ — Орелъ—Москва закончились пораженіемъ, и если германцы чуть подвинулись на своихъ московскихъ путяхъ къ сѣверу отъ Полѣсья,—примѣрно, до Слонима, — то австрійцы на своихъ московскихъ путяхъ, направлявшихся черезъ Кіевъ, оказались абсолютно не въ состояніи тронуться съ мѣста. Это имѣло весьма существенное значеніе. Какъ извѣстно, противника на его среднихъ путяхъ изъ брестско-гродненскаго района отдѣляетъ свыше 1000 верстъ отъ конечной цѣли. Намъ уже приходилось упоминать, что противникъ считалъ необходимымъ итти къ центральной столицѣ два года, для чего въ первый годъ предполагалъ пройти первую половину пути, примѣрно, до верховьевъ Березины и Днѣпра, а во второй годъ самоувѣренно намѣчалъ остальную половину пути. Между тѣмъ противника къ первымъ числамъ сентября, когда оставалось всего лишь мѣсяцъ-полтора времени, благопріятнаго для операцій, отдѣляло отъ верховьевъ Березины и Днѣпра свыше 300 верстъ пути.

Генералъ-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертъ, назначенный главнокомандующимъ арміями западнаго фронта.

Крайне неблагопріятныя условія мѣстности затрудняли движеніе противника, а сопротивленіе, оказываемое нашими войсками, вынуждало его продвигаться, въ общемъ, съ ничтожной скоростью, не болѣе четырехъ верстъ въ сутки.

При такихъ условіяхъ, не имѣя возможности быстро продвинуться отъ Полѣсья къ верховьямъ Днѣпра, противникъ рѣшилъ это осуществить при помощи охвата Полѣсья съ двухъ сторонъ: съ сѣвера и съ юга. Смыслъ наступленія Белова и Эйхгорна къ Двинску, Свѣнцянамъ и Вильнѣ и заключался въ томъ, что противникъ пытался при помощи этого наступленія охватить Полѣсье съ сѣвера, подобно тому, какъ при помощи наступленія изъ Восточной Пруссіи противникъ охватилъ съ сѣвера „передовой театръ" — Царство Польское.

Для охвата съ юга и предназначались тѣ три галиційскія арміи, которыя вмѣстѣ съ арміями Макензена и эрцгерцога Іосифа у Ровно должны были обойти, Полѣсье съ юга,—подобно тому, какъ ранѣе Макензенъ охватилъ съ юга „передовой театръ".

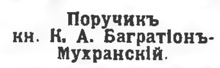
Такимъ образомъ, по отношенію къ Полѣсью съ его старо-наполеоновскими путями, противникъ хотѣлъ осуществить такой же охватъ съ двухъ сторонъ, какой его въ свое время привелъ къ овладѣнію „передовымъ театромъ". Въ силу этого, пораженіе, нанесенное южной группѣ противника, оказалось весьма важнымъ. Оно свидѣтельствовало о томъ, что южный охватъ противника не удался, и это можно сравнить съ тѣмъ, что было бы, если бы мы разбили Макензена на Дунайцѣ въ Галиціи въ маѣ мѣсяцѣ.

Таково значеніе пораженія, понесеннаго австро-германцами въ Галиціи въ августѣ мѣсяцѣ. Южный охватъ Полѣсья потерпѣлъ неудачу. Оставался охватъ Полѣсья съ сѣвера, почему Беловъ и Эйхгорнъ повели крайне настойчивое наступленіе противъ Двинска и Свѣнцянъ, вычерчивая себѣ операціонное направленіе къ Полоцку и верхнему Днѣпру, дабы вынудить насъ этимъ очистить Полѣсье до Днѣпра. Наступленіе это встрѣтило энергичное сопротивленіе нашихъ войскъ, въ результатѣ чего на всемъ фронтѣ отъ Вильны до Двинска завязалось большое сраженіе.

Герой-командиръ воздушнаго корабля „Илья Муромецъ" штабсъ-капитанъ Башко, награжденный за выдающіяся заслуги и боевыя отличія орденомъ св. Георгія 4-й степени. (См. «Отклики войны» въ № 34 «Нивы»).

Военный летчикъ штабсъ-капитанъ Кутовой, погибшій при исполненіи обязанностей службы на кавказскомъ фронтѣ.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ВѢЧНАЯ СЛАВА



Поручикъ кн. К. А. Багратіонъ-Мухранскій.

Поручикъ князь Н. С. Андронниковъ.

Поручикъ В. В. Коршунъ.

Поручикъ Л. Н. Капитоновъ.

Поручикъ Г. В. Протопоповъ.

Поручикъ В. К. Хоцяновъ.

Поручикъ Н. С. Васильевъ.

Поручикъ А. И. Поповъ.

Поручикъ В. М. Красовскій.

Поручикъ Ю. М. фонъ-Гротенгельмъ.

Подъесаулъ Н. К. Дюскинъ.

Корнетъ А Г. Власенко.

Корнетъ Д. А. Байдакъ.

Подпоручикъ Г. И. Кореневъ.

Подпоручикъ Г. Э. Скуйе.

Подпоручикъ А. Г. Тингасъ.

Подпоручикъ В. Д. Тихонравовъ.

Подпоручикъ Г. Ф. Бабенко.

Подпоручикъ Б. В. Пахолкинъ.

Подпоручикъ М. С. Буровъ.

Старшій врачъ кр. „Паллада" Чмыховъ.

Подпоручикъ А. Ю. Зарѣцкій.

Прапорщикъ А. В. Шастинъ.

Прапорщикъ П. И. Костряковъ.

Прапорщикъ Ф. И. Поповъ.

Долгъ.

Разсказъ **Георгія Павлова.**

I.

Ихъ романъ прервался задолго до того, какъ была прочитана послѣдняя страница. Жакъ Дюфоръ, гардемаринъ военно-морской школы, былъ произведенъ въ мичманы ранѣе срока и покинулъ Марсель, унося въ своемъ сердцѣ образъ нѣжной блондинки съ черными глазами и ея послѣднее „прости" на верандѣ маленькаго домика за городомъ. Онъ скрывалъ свою печаль, неприличную для моряка, отправляющагося въ походъ, но сердце его тоскливо сжималось, и влажные глаза долго искали милое розовое платье въ толпѣ на пристани, уходившей все дальше и дальше, какъ прошлое.

Это была первая любовь молодого человѣка. Жакъ Дюфоръ познакомился съ Терезой Жореттъ, женой акцизнаго чиновника, въ вагонѣ трамвая. Завязавшееся знакомство продолжалось, поддерживаемое встрѣчами въ театрѣ, въ кинематографѣ, на бульварѣ, случайный характеръ которыхъ все болѣе казался сомнительнымъ. Во время одной изъ такихъ встрѣчъ Тереза, шедшая подъ руку съ мужемъ, представила послѣднему „гардемарина Дюфора, который отправляется на войну и будетъ настоящимъ героемъ". Жакъ, растерявшійся, пробормоталъ въ отвѣтъ что-то не особенно понятное. Но мужъ Терезы отнесся очень сердечно къ молодому человѣку, тутъ же получившему приглашенье, котораго хотѣла Тереза. Жакъ немедленно воспользовался этимъ приглашеньемъ,— безъ всякой задней мысли, впрочемъ. Онъ любилъ m-me Жореттъ, но любилъ самой идеальной и возвышенной любовью, и мысль объ иныхъ отношеніяхъ къ ней даже не приходила ему въ голову. Но въ саду маленькаго домика цвѣтущая сирень и жасминъ благоухали такъ сладко, звѣздные вечера были такъ теплы, и звуки музыки, доносившейся изъ парка поблизости, разсказывали въ ихъ тишинѣ такую волшебную сказку, что въ концѣ концовъ неизбѣжное совершилось само собою.

Жакъ Дюфоръ былъ потрясенъ до глубины души этимъ неожиданнымъ оборотомъ своего романа, перваго романа съ порядочной замужней женщиной. Очень нравственный, воспитанный въ строгихъ традиціяхъ аристократической клерикальной семьи, онъ всегда относился къ подобнымъ связямъ, о которыхъ весело разсказывали ему товарищи, съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ. Ему казалось, что, если онъ полюбитъ честную женщину, которая рѣшится ради него измѣнить мужу, онъ отдастъ ей всю свою жизнь, но только послѣ того, какъ поединокъ между нимъ и оскорбленнымъ супругомъ рѣшитъ вопросъ о томъ, которому изъ двухъ суждено обладать сокровищемъ. Но жестокая и насмѣшливая жизнь, какъ всегда, исказила въ своемъ кривомъ зеркалѣ его романтическія грезы. Дуэль съ Клодомъ Жореттомъ! Это было невозможно, положительно невозможно. Прежде всего вызовъ, очевидно, долженъ былъ исходить отъ мужа — но онъ ничего не зналъ и, повидимому, даже не догадывался объ измѣнѣ Терезы. Открыть ему все? Это было еще труднѣе. Клодъ Жореттъ, этотъ скромный чиновникъ, предупредительный, вѣжливый, всегда улыбающійся какой-то виноватой улыбкой, такъ нѣжно любилъ свою жену и казался такимъ счастливымъ въ своемъ невѣдѣніи, что было бы слишкомъ большой жестокостью нарушить его спокойствіе.

Но это было еще не все. Однажды Жакъ намекнулъ подругѣ о своихъ планахъ: Тереза расхохоталась до слезъ, а когда молодой человѣкъ, слегка задѣтый смѣхомъ, попробовалъ энергичнѣе отстаивать благородство своихъ намѣреній, она разсердилась не на шутку.

— Глупый мальчишка,—сказала она:—тебѣ хочется, чтобы на меня показывали пальцами? Хочется сплетенъ и скандала на весь городъ?

Жаку совсѣмъ не хотѣлось этого. Но тайкомъ воровать счастье, обманывать порядочнаго человѣка...

— Почему же ты не подумалъ объ этомъ раньше? Что сдѣлано, то сдѣлано. Мы любимъ другъ друга: прекрасно, это наше дѣло, которое должно остаться между нами. Мы живемъ не въ Парижѣ, а въ провинціи, но даже и тамъ я не хотѣла бы скандала. И наконецъ, при чемъ тутъ мужъ?

Она опять начала смѣяться.

— Наивное дитя, тебѣ слѣдовало родиться въ вѣкъ дуэлей, фижмъ и напудренныхъ париковъ. Нѣтъ, представить себѣ Клода со шпагой или пистолетомъ, — честное слово, я умерла бы отъ смѣха при этомъ зрѣлищѣ.

И она весело расхохоталась. Жакъ удивленно слушалъ. Ему казалось страннымъ, что Тереза, его мечтательная и нѣжная подруга, которую онъ считалъ идеаломъ женщины, можетъ такъ легко смотрѣть на измѣну любящему и вѣрному мужу. А между тѣмъ это было очевидно. Она пополнѣла и похорошѣла за три недѣли ихъ близости, мѣняла туалеты чуть не каждый день,

Въ Дарданеллахъ. Плѣнные турки за колючею изгородью.

Въ Дарданеллахъ. Генералъ Гуро (1), нынѣ тяжело раненый, и его помощникъ (нынѣ его преемникъ) генералъ Байю (2) на развалинахъ форта Седиль-Баръ.

изобрѣтала необыкновенно-веселыя прогулки, иногда при участіи супруга, который съ улыбкой несъ ея манто и въ нужный моментъ всегда исчезалъ изъ виду, какъ будто нарочно. Словомъ, ея настроеніе было превосходнымъ, и ни о какихъ терзаніяхъ не могло быть и рѣчи. Жакъ Дюфоръ, слишкомъ молодой, не сдѣлалъ изъ этого выводовъ, къ которымъ пришелъ бы болѣе зрѣлый возлюбленный на его мѣстѣ, и не сталъ относиться съ презрѣніемъ къ легкомысленной и бездушной измѣнницѣ: онъ любилъ ее слишкомъ страстно, чтобы разсуждать и анализировать.

— Есть мужья, мой милый, — сказала ему однажды Тереза:— которые созданы для того, чтобы ихъ обманывали. Клодъ—одинъ изъ такихъ мужей, и я удивляюсь, какъ ты самъ не видишь этого.

Жакъ не возражалъ, чтобы не разсердить подругу. Въ концѣ концовъ вліяніе послѣдней на молодого человѣка было чрезчуръ сильнымъ: онъ принялъ безъ повѣрки сдѣланную Терезой характеристику ея мужа, какъ близорукаго и смѣшного рогоносца, который едва ли заслуживаетъ лучшей участи и долженъ быть благодаренъ и за то, что имѣетъ.

Но этотъ взглядъ, навѣянный со стороны, нимало не облегчилъ угрызеній Жака. Воровство остается воровствомъ, независимо отъ того, кто именно обокраденъ. Жакъ началъ избѣгать Жоретта, краснѣлъ при его взглядѣ и придумывалъ разные предлоги, чтобы избѣгать свиданій, при которыхъ могъ хотя случайно присутствовать Клодъ. Но такая тактика вызывала протесты и упреки молодой женщины. Положеніе Жака осложнялось и грозило сдѣлаться еще болѣе тяжелымъ, но въ это время кончились его экзамены. Молодой человѣкъ былъ произведенъ, назначенъ на крейсеръ „Роландъ", и его отъѣздъ на войну сталъ вопросомъ нѣсколькихъ дней. Эти послѣдніе дни прошли въ поцѣлуяхъ и клятвахъ, среди которыхъ онъ позабылъ свои терзанія и вообще все на свѣтѣ.

И теперь, стоя на палубѣ подъ тентомъ, бросавшимъ печальную тѣнь на его лицо, Жакъ Дюфоръ смотрѣлъ на купола Марселя и мачты его гавани, исчезающія за горизонтомъ, вспоминая только послѣдній поцѣлуй, оставленный имъ на губахъ подруги, ея слезы и клятвы въ вѣчной любви. И сердце его сжималось при мысли о томъ, что разлука ихъ будетъ очень долгой, если только имъ суждено еще увидѣться когда-либо.

II.

„Роландъ", окутанный дымомъ своихъ четырехъ трубъ, шелъ полнымъ ходомъ въ концѣ растянувшейся колонны крейсеровъ, окруженной миноносцами, едва видными среди сѣрыхъ волнъ. Эскадра направлялась къ Дарданелламъ, гдѣ часть ея экипажа должна была принять участіе въ десантныхъ операціяхъ на Галлипольскомъ полуостровѣ. Мичманъ Дюфоръ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться назначенія въ десантъ. Воображеніе рисовало передъ нимъ героическія картины, онъ мечталъ о лаврахъ, которые онъ сложитъ, вернувшись, у милыхъ ногъ, какъ вѣрный рыцарь, покорившій полміра во имя дамы своего сердца.

Онъ рѣшилъ обратиться со своей просьбой къ командиру. Старый морякъ ласково выслушалъ офицера, просившаго объ отвѣтственномъ и опасномъ назначеніи. Въ своемъ новенькомъ мундирѣ мичмана, свѣжій и розовый, безъ малѣйшаго признака растительности на лицѣ, Жакъ походилъ на кадета средняго класса, почти мальчика. Высокій женственный голосъ и маленькая рука у козырька фуражки еще болѣе увеличивали это сходство.

— Постараюсь исполнить ваше желаніе, мичманъ Дюфоръ. Оно дѣлаетъ вамъ честь, и я надѣюсь, что вы окажетесь вполнѣ достойнымъ имени французскаго офицера.

Повернувшись на каблукахъ, мичманъ вышелъ изъ каюты съ высоко поднятой головой. Онъ уже видѣлъ себя во главѣ отряда бѣлыхъ моряковъ, бросающихся на штурмъ турецкихъ позицій, и въ этотъ мигъ образъ Терезы поблѣднѣлъ въ его воображеніи, уступивъ мѣсто болѣе величественнымъ и сладкимъ картинамъ. Вѣдь ему было всего девятнадцать лѣтъ...

Вопросъ о назначеніи Жака въ десантъ разрѣшился не скоро. Эскадра остановилась въ виду Мудроса: ожидали прибытія англійскихъ транспортовъ съ колоніальными войсками, въ свою очередь задержавшихся почему-то у Мальты. Потянулись однообразные дни: учебная стрѣльба, развѣдки миноносцевъ, наблюденіе за проходившими мимо судами. Ихъ смѣняли теплыя ночи, полныя благоуханія и луннаго свѣта, одѣвшаго въ золотыя ризы живописные острова Архипелага. Сѣрые корпуса судовъ отражались въ спокойной водѣ, сигнальные огни на мачтахъ сіяли какъ звѣзды, каждый звукъ далеко разносился надъ заснувшей водной пустыней. Большую часть этихъ волшебныхъ ночей Жакъ Дюфоръ проводилъ безъ сна на балконѣ своей башни, гдѣ стволы орудій тускло блестѣли при лунѣ, точно тѣла гигантскихъ удавовъ, тянувшихся въ ожиданіи добычи. Онъ думалъ здѣсь о своей жизни, мечталъ о будущемъ и вспоминалъ своихъ близкихъ, оставшихся тамъ, въ далекой и милой Франціи.

Среди этихъ воспоминаній образъ Терезы Жореттъ былъ попрежнему самымъ яркимъ. Молодой человѣкъ думалъ о ней во снѣ и наяву. Въ его душѣ, наполненной новыми, еще неизвѣданными впечатлѣніями, всѣ они концентрировались, какъ въ фокусѣ, въ обаяніи этого образа, тѣмъ болѣе поэтическаго теперь, когда онъ былъ такимъ далекимъ и недостижимымъ. Воспоминаніе о поцѣлуяхъ и ласкахъ изглаживается быстро въ душѣ, если въ любви не было духовной близости; но для Жака ее замѣняло воображеніе молодого мечтателя и роскошныя картины окружающей природы.

Но и въ эти сладкія мечты просачивался по каплѣ ядъ—воспоминаніе объ оскорбленномъ мужѣ. Первое письмо, которое Жакъ получилъ отъ Терезы, почти обожгло его пальцы. Дрожащими руками онъ поспѣшилъ спрятать его, какъ воръ, на груди подъ кителемъ. Да, онъ,—честный человѣкъ, офицеръ, идущій умирать за отечество,—былъ воромъ, похитителемъ чужого счастья, и вдобавокъ еще обманщикомъ. Онъ вспомнилъ довѣрчивый взглядъ Жоретта, его виноватую улыбку и сердечное пожатіе руки передъ разлукой,—пожатіе, на которое онъ не смогъ не отвѣтить, краснѣя отъ мучительнаго стыда. Передъ нимъ стояла неразрѣшимая дилемма: если его любовь къ Терезѣ была настоящимъ, глубокимъ и искреннимъ чувствомъ, то почему онъ испытываетъ эти терзанія? Онъ искалъ въ своемъ умѣ и своемъ сердцѣ отвѣта на этотъ вопросъ и не находилъ его.

Наконецъ англійская эскадра появилась на горизонтѣ. Послѣ обмѣна визитами и донесеніями „Роландъ" занялъ свое мѣсто среди колонны судовъ, двумя шеренгами конвоировавшихъ транспорты съ новозеландскими и канадскими войсками. Но берега Мудроса не успѣли исчезнуть изъ вида, какъ на адмиральскомъ суднѣ получилась радіотелеграмма, извѣщавшая о близости австрійцевъ. Крейсера приготовились къ бою, мичманъ Дюфоръ весь дрожалъ въ своей башнѣ отъ нетерпѣливаго ожиданія.

„Если я не правъ и преступенъ,—думалъ онъ:—то этотъ первый бой будетъ для меня и послѣднимъ. Тамъ, куда я иду, безчестнымъ не должно быть мѣста".

Австрійскія суда появились неожиданно, вынырнувъ изъ густого тумана, окутавшаго море. Загрохотали орудія. Одинъ изъ

снарядовъ разорвался на борту „Роланда", въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Жака. Онъ почувствовалъ точно дуновеніе вѣтра на своей щекѣ, но устоялъ на ногахъ: его не задѣло ни однимъ изъ осколковъ, вѣеромъ разлетѣвшихся по палубѣ.

Канонада прекратилась тотчасъ же, какъ громъ изъ быстро промчавшейся тучи. Австрійцы, убѣдившись въ превосходствѣ силъ противника, поспѣшно обратились въ бѣгство, потерявъ одинъ миноносецъ. Сраженіе продолжалось не болѣе четверти часа. Отдавъ рапортъ командиру, Жакъ побѣжалъ въ свой уголокъ между пушками. Здѣсь, оглянувшись кругомъ, онъ вынулъ драгоцѣнное письмо и прильнулъ къ голубому листку благоговѣйнымъ и нѣжнымъ поцѣлуемъ...

III.

Жакъ Дюфоръ, командующій ротой морской пѣхоты, уже третью недѣлю находился на позиціяхъ. Англо-французскій экспедиціонный корпусъ на Галлипольскомъ полуостровѣ медленно, но неуклонно продвигался впередъ, преодолѣвая отчаянное сопротивленіе турокъ, и линія его окоповъ все болѣе удалялась отъ берега, гдѣ подходившіе транспорты регулярно высаживали новыя подкрѣпленія. Тамъ, впереди, за холмами, возвышалась цѣпь фортовъ европейскаго берега,—послѣдній оплотъ Дарданеллъ, который нужно было взять во что бы то ни стало.

Турки защищались отчаянно, и экспедиціонный корпусъ все время находился въ непрерывныхъ бояхъ. Атаки начинались на разсвѣтѣ и зачастую шли до поздней ночи ради обладанія нѣсколькими метрами, которые союзники закрѣпляли за собою уже навсегда, не отдавая ихъ врагу, несмотря ни на какія усилія. Отборная гвардія султана, редифы, анатолійскіе и смирнскіе корпуса, германскіе пѣхотинцы и саперы—все это смѣшивалось въ одной общей грудѣ труповъ, выраставшей къ концу дня передъ проволочными загражденіями союзниковъ: блѣдныя искаженныя лица, освѣщенныя жуткимъ свѣтомъ прожекторовъ, точно улыбались изъ этой ужасной гекатомбы въ ночной тишинѣ, внезапно смѣнявшей грохотъ боя и еще болѣе зловѣщей и страшной, чѣмъ онъ. Но такъ же неожиданно одинокій выстрѣлъ прерывалъ тревожный сонъ моряковъ въ окопахъ: на вызовъ турецкаго орудія тотчасъ же отвѣчали пушки Крезо и Армстронга—и загоралась оживленная артиллерійская дуэль, къ разсвѣту снова переходившая въ атаку и новый отчаянный бой грудь съ грудью.

А позади спокойно дремалъ темно-синій Саросскій заливъ въ рамѣ зеленыхъ холмовъ, знойное сладострастное небо юга разстилалось надъ вершинами кедровъ и пирамидальныхъ тополей—и Жакъ Дюфоръ, глядя на него изъ мрачнаго подземелья своей траншеи, думалъ съ грустью о томъ, что уже не въ первый разъ это сіяющее небо видитъ кровь и смерть на осѣненныхъ имъ берегахъ, прекрасныхъ, какъ рощи Эдема,—слишкомъ прекрасныхъ и обреченныхъ за это вѣчно быть яблокомъ раздора между людьми...

До сихъ поръ судьба щадила Жака. Онъ выходилъ невредимымъ изъ самыхъ кровопролитныхъ столкновеній: его фуражка была прострѣлена пулей, его китель забрызганъ кровью павшихъ въ битвѣ съ нимъ рядомъ. Онъ возмужалъ за это время, его чистый лобъ покрылся бронзовымъ налетомъ загара, и глаза смотрѣли серьезно и задумчиво. Веселый и разговорчивый прежде, онъ теперь почти не принималъ участія въ оживленныхъ бесѣдахъ офицеровъ послѣ боя или въ перерывѣ между двумя схватками, односложно отвѣчая на обращенные къ нему вопросы. Мичманъ Дюфоръ, жизнерадостный, пылкій юноша, мало-по-малу превращался въ замкнутаго, почти суроваго воина.

Если бъ Тереза Жореттъ увидѣла его теперь, она не узнала бы своего друга, но и онъ отнесся бы къ ней не такъ, какъ раньше. Недавнее прошлое отошло отъ него безконечно далеко, а будущее—какъ и для всѣхъ другихъ здѣсь, оно могло прерваться для Жака Дюфора ежеминутно. Онъ жилъ настоящимъ мгновеньемъ: его мыслью былъ бой, его отдыхомъ—молчаніе, въ которомъ онъ погружался въ какую-то непроницаемую тьму.

Но иногда, въ пылу боя, онъ вдругъ останавливался, ослѣпленный мелькнувшимъ передъ нимъ образомъ,—единственнымъ, котораго онъ не могъ забыть, который все яснѣе вырисовывался передъ нимъ въ кровавомъ туманѣ войны,—образомъ Клода Жоретта. Тогда онъ бросался подъ выстрѣлы съ удвоеннымъ мужествомъ, похожимъ на отчаяніе, и бился ожесточенно, точно призывая смерть или стараясь ея видомъ прогнать этотъ призракъ, неотступно бродившій за нимъ по полямъ битвъ. И, возвращаясь въ окопы, онъ сумрачно выслушивалъ поздравленія товарищей, говорившихъ, что судьба щадитъ его жизнь, которая, вѣроятно, еще нужна кому-то.

Онъ зналъ слишкомъ хорошо, кому нужна эта жизнь, кому онъ долженъ отдать ее, какъ плату за оскорбленье. Война, жестокая и правдивая, сорвала послѣдніе покровы съ софизмовъ, которыми онъ пытался обмануть себя, и показала правду, ужасную, съ которой нельзя жить. Его чуткая совѣсть и его вина были противорѣчіями, для которыхъ немыслимо было найти примиреніе. И чтобы успокоилась наконецъ первая, вторая должна быть смыта кровью.

IV.

Въ сраженіи былъ убитъ батальонный командиръ Жака. На его мѣсто немедленно назначили другого, только-что прибывшаго съ транспортомъ изъ Франціи. Наканунѣ его вступленія въ должность группа офицеровъ въ окопахъ обсуждала новое назначеніе: будущаго командира ожидали съ интересомъ. Онъ былъ уже извѣстенъ по своей службѣ на эльзасскомъ фронтѣ, гдѣ за короткое время составилъ себѣ блестящую репутацію.

— Очень естественно,—сказалъ поручикъ Тобле, освѣдомленный болѣе другихъ и потому руководившій разговоромъ:—что ему наскучило воевать съ подземными кротами и продвигаться въ день на полъ-метра. Его мѣсто именно здѣсь, какъ раньше было бы на Марнѣ.

— Развѣ онъ тамъ не былъ?

— Нѣтъ. Онъ служитъ очень недавно, но зато, очевидно, не терялъ даромъ времени. А между тѣмъ по натурѣ это самый штатскій человѣкъ, бывшій провинціальный чиновникъ.

— Значитъ, изъ добровольцевъ?

— Да, онъ резервистъ очень отдаленнаго призыва и могъ бы спокойно сидѣть въ своемъ бюро. О немъ ходитъ множество слуховъ въ арміи: это понятно: чѣмъ крупнѣе человѣкъ, тѣмъ больше сплетничаютъ на его счетъ. Хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что его дѣйствительно бросила жена, которую онъ любилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, и теперь бѣдняга ищетъ честной смерти на полѣ битвы.

Жакъ Дюфоръ, разсѣянно прислушивавшійся къ этому разговору, вздрогнулъ при послѣднихъ словахъ и подошелъ ближе. Въ полутемномъ окопѣ, скупо освѣщенномъ фонаремъ, его лицо поражало смертельной блѣдностью, и больные глаза на этомъ лицѣ горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

— Какъ зовутъ этого человѣка?—спросилъ онъ.

Офицеры засмѣялись. Мичманъ Дюфоръ, храбрый въ сраженіи, настолько мало интересовался новостями военно-походной канцеляріи, что не зналъ даже имени будущаго начальника.

— Быть-можетъ,—отвѣчали ему:—исторія украситъ впослѣдствіи нашего батальоннаго титуломъ „гази" (непобѣдимый). Пока онъ носитъ болѣе скромное имя: его зовутъ Клодъ Жореттъ.

Не говоря ни слова, Жакъ всталъ и вышелъ изъ окопа. Съ опущенной головой онъ медленно шелъ впередъ, и очнулся, споткнувшись объ обрывки недавно оставленныхъ проволочныхъ загражденій турокъ. Онъ остановился, какъ бы колеблясь, итти ли дальше.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ:—этого нельзя. Умереть сейчасъ было бы слишкомъ постыднымъ.

И онъ повернулъ обратно.

Въ Дарданеллахъ. Англійская тяжелая батарея бомбардируетъ позиціи у Критіи.

На другой день капитанъ Жореттъ явился въ окопы, чтобы принять командованіе надъ батальономъ. Если у Жака Дюфора могли оставаться еще какія-либо сомнѣнія, они разсѣялись при первомъ взглядѣ на этого невысокаго худощаваго офицера, обходившаго ряды въ сопровожденіи штабного адъютанта.

Клодъ Жореттъ мало измѣнился за это время. Выслушавъ рапортъ временнаго замѣстителя, онъ обратился къ офицерамъ съ нѣсколькими простыми словами, чуждыми всякой аффектаціи и паѳоса. Онъ не говорилъ ни о долгѣ, ни о родинѣ, ни о героизмѣ,—все это для него подразумѣвалось само собою. Его замѣчанія носили чисто-дѣловой, техническій характеръ. Его обращеніе, простое и сердечное, сразу расположило всѣхъ въ его пользу. Очутившись противъ Жака, онъ пожалъ ему руку такъ же просто, какъ и всѣмъ другимъ, и сейчасъ же перешелъ къ слѣдующему. Быть-можетъ, Жореттъ не узналъ его? Но это было бы еще хуже...

Жакъ Дюфоръ смотрѣлъ на это неожиданное превращеніе съ чувствомъ, которое почти заглушило его тревогу. Слишкомъ странно было видѣть этого человѣка, добраго, деликатнаго и немного смѣшного, въ военномъ мундирѣ и ореолѣ славы героя. Но первая же атака доказала, что репутація Жоретта не была незаслуженной. Это былъ начальникъ не только мужественный, но и осторожный, не желавшій напрасно подвергать своихъ людей опасности. Притворнымъ отступленіемъ передъ турками онъ заманилъ ихъ почти къ самой линіи союзныхъ окоповъ, а потомъ мастерскимъ обхватомъ съ фланга заставилъ роту битолійскихъ драгунъ положить оружіе почти безъ кровопролитія. Маневръ былъ выполненъ такъ блестяще, что даже хладнокровные англійскіе моряки не выдержали и разразились восторженнымъ „ура“. Въ результатѣ союзники продвинулись впередъ на значительное разстояніе, понеся самыя незначительныя потери. Саперы поспѣшно закрѣпляли отбитыя у непріятеля позиціи, усталые солдаты весело располагались на ночлегъ — турки, смущенные большими потерями, отступившіе далеко назадъ, уже не грозили сегодня новой неожиданной атакой.

Въ Дарданеллахъ. Купаніе англійскихъ солдатъ въ морѣ послѣ возвращенія изъ траншей.

Въ Дарданеллахъ. Перископъ англійской подводной лодки „Е—11“, поврежденный снарядами. Лодка потопила въ Мраморномъ морѣ три турецкихъ судна

Между рядами колючей проволоки, вырастающей точно по волшебству въ рукахъ опытныхъ саперовъ, Жакъ Дюфоръ лицомъ къ лицу столкнулся съ Клодомъ Жореттомъ. Мичманъ вытянулся во фронтъ, давая дорогу начальнику, но Жореттъ остановился передъ нимъ и еще разъ протянулъ руку.

— Вотъ какова жизнь, господинъ Дюфоръ,—сказалъ онъ. — Думали ли вы, что намъ придется встрѣтиться въ такой обстановкѣ?

Обходя траншеи, онъ пригласилъ Жака съ собою. Они вышли за линію окоповъ и направились на западъ, въ сторону залива. Было темно, южная ночь наступила незамѣтно. Фигуры часовыхъ едва выдѣлялись во мракѣ. Съ моря дулъ теплый и влажный вѣтеръ, и тяжелыя тучи, гонимыя имъ, поминутно заволакивали звѣздное небо. Вдали, на горизонтѣ, перекрещивались голубые столбы прожекторовъ съ кораблей, стоящихъ у входа въ Дарданеллы.

— Мнѣ было очень пріятно увидѣть васъ здѣсь,—сказалъ Жореттъ.—Знакомое лицо—воспоминаніе о прежней счастливой жизни...

Жакъ молчалъ, не зная, что̀ отвѣчать. Жореттъ, не только его кредиторъ въ долгѣ чести, но и начальникъ, казалось, понялъ его колебанія и продолжалъ, отвлекая мысли собесѣдника въ другую сторону.

— Взгляните,—говорилъ онъ, указывая на цѣпь прибрежныхъ холмовъ, оберегаемыхъ безмолвной черной стражей кипарисовъ.—Вотъ арена борьбы, поистинѣ исторической. На нашихъ глазахъ здѣсь разыгрывается послѣдній актъ пятивѣковой оттоманской трагедіи въ Европѣ. Тамъ, въ Аргоннахъ и Лепретрскомъ лѣсу, идетъ не война, а игра въ шахматы, болѣе интересная для инженеровъ, чѣмъ для насъ съ вами, но здѣсь мы видимъ настоящую борьбу титановъ и ощущаемъ настоящее дыханіе войны, очищающей душу и дающей ей послѣднее забвеніе.

Дюфоръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на собесѣдника. Въ сущности, онъ совсѣмъ не зналъ раньше Жоретта, считая послѣдняго тѣмъ, чѣмъ считала его Тереза. Только теперь онъ видѣлъ, насколько ошибались они оба. То, что̀ говорилъ Жореттъ, казалось Жаку удивительнымъ не менѣе, чѣмъ его военный мундиръ и только-что выигранное имъ сраженіе.

— Кто знаетъ,—продолжалъ Клодъ:—увидимъ ли мы съ вами завтрашній вечеръ, поэтому будемъ откровенны. Война даетъ забвенье,—это знаютъ всѣ: но немногіе, мнѣ кажется, задумывались надъ тѣмъ, что только тотъ, кто нуждается въ этомъ забвеніи и ищетъ его, можетъ быть хорошимъ солдатомъ. Здоровыя души свертываются въ пороховомъ дыму, какъ молоко, и выходятъ изъ него созрѣвшими, правда, но созрѣвшими искусственно, какъ плоды отъ близкаго пожара. Ихъ удѣлъ—преждевременная старость, печаль и медленное увяданіе. Но тотъ, кто страдаетъ, кто приноситъ сюда изнемогшій умъ или тоскующее сердце, закаляется на этомъ огнѣ, какъ стальной клинокъ, который уже не сломится потомъ ни въ какихъ битвахъ.

Ольтинское направленіе. Турецкое селеніе Кала-Булакъ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

Онъ остановился. Жакъ Дюфоръ сдѣлалъ то же самое.

— Скажите мнѣ, только откровенно, если можете: о комъ вы думаете сейчасъ?

Застигнутый врасплохъ, Жакъ не могъ ни солгать ни уклониться отъ отвѣта. Онъ отвѣтилъ быстро и отрывисто, какъ подъ вліяніемъ гипноза:

— О вашей женѣ.

Клодъ Жореттъ засмѣялся.

— Я такъ и думалъ. Но вы ошибаетесь, мой другъ,—у меня нѣтъ больше жены. О, нѣтъ, не тревожьтесь — она жива. Она умерла только для меня. Не спрашивайте, гдѣ она теперь, и что съ ней,—я не знаю, я ничего не знаю...

И, повернувшись, онъ быстро пошелъ впередъ, закрывая лицо руками. Жакъ Дюфоръ, окаменѣвшій, точно прикованный къ землѣ, смотрѣлъ ему вслѣдъ. Впереди грянулъ выстрѣлъ, гулко прокатившійся въ тишинѣ. Ему отвѣчалъ второй, потомъ третій. Сознаніе разомъ вернулось къ Жаку, онъ бросился бѣгомъ впередъ, къ своимъ окопамъ.

Въ разгарѣ кровопролитной схватки Клодъ Жореттъ и Жакъ Дюфоръ бились рядомъ, отражая бѣшеную атаку турокъ, рѣшившихся во что бы то ни стало вернуть утраченныя позиціи. Моряки, увлеченные примѣромъ своего командира, преодолѣвали ихъ натискъ,—послѣдній, отъ котораго зависѣла участь боя. Оба офицера увлеклись и зашли черезчуръ далеко впередъ, точно соперничая другъ передъ другомъ въ отчаянной, безразсудной храбрости. Это походило на дуэль между ними, безмолвную и яростную. Турки окружили ихъ съ трехъ сторонъ. Дюфоръ первый замѣтилъ опасность. Онъ бросился къ Жоретту, чтобы защитить его своимъ тѣломъ, но было уже поздно. Офицеръ упалъ, пронзенный турецкимъ штыкомъ. Когда Жакъ наклонился надъ нимъ, забывая объ опасности, Клодъ Жореттъ улыбался.

— Вамъ не везетъ съ батальонными командирами, —сказалъ онъ. — Ничего! Я еще увижу исходъ боя.

Все это произошло менѣе чѣмъ въ минуту, но „ура" моряковъ гремѣло уже впереди. Турки отступали, смятые послѣднимъ стремительнымъ ударомъ. Дрожащими руками Жакъ старался перевязать рану Жоретта, изъ которой кровь медленно стекала по его пальцамъ. Онъ не выдержалъ и разрыдался, какъ ребенокъ, какъ женщина.

— Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ—вы не умрете, вы не можете, не должны умереть, я не хочу пережить васъ. Вы не знаете... Вчера я не сказалъ вамъ...

Жореттъ съ усиліемъ поднялъ руку и положилъ ее на плечо молодого человѣка. Шумъ битвы затихалъ впереди—турки отступали поспѣшно, почти бѣжали.

— Я знаю все, — заговорилъ слабѣющимъ голосомъ умирающій.—Успокойтесь, я все видѣлъ и раньше. Вы молоды и чисты, ваша... дружба съ Терезой не прибавила ничего къ тому, что уже было. Она меня бросила послѣ того, какъ я сказалъ ей, что не могу терпѣть больше.

— Убейте меня, я васъ умоляю... Вотъ мой револьверъ. Я хочу умереть отъ вашей руки: неужели даже этого я недостоинъ?

Жореттъ покачалъ головой. Изъ его пробитой груди слова вылетали едва слышно, заглушаемыя предсмертнымъ хрипѣньемъ.

— Ваша жизнь нужна родинѣ. Отдайте ей то, что хотѣли отдать мнѣ. Я прощаю васъ... отъ всего сердца.

Собирая послѣднія силы, онъ обнялъ голову Жака и прижалъ ее къ своему плечу.

— Успокойтесь... Вы были обмануты такъ же, какъ и я... Вы были... для этой женщины... уже не первый.

Послѣдняя судорога пробѣжала по его тѣлу. Клодъ Жореттъ былъ мертвъ.

Жакъ всталъ, озираясь кругомъ. Выстрѣлы прекратились, моряки возвращались назадъ. Мичманъ Дюфоръ остановилъ боцмана, шедшаго впереди, и взялъ изъ его рукъ трехцвѣтное знамя, прострѣленное и разорванное. Солдаты обнажили головы, знамя тихо склонилось, покрывая своими складками неподвижное тѣло Жоретта: Франція отдавала послѣднюю почесть герою, исполнившему до конца свой святой долгъ.

Въ окопахъ Жака ожидалъ матросъ съ приказомъ. Мичманъ развернулъ бумагу и прочелъ при свѣтѣ фонаря:

„Мичману Жаку Дюфору предписывается немедленно по полученіи сего возвратиться на крейсеръ „Роландъ" и вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Объ отчисленіи вашемъ отъ экспедиціоннаго корпуса начальникъ послѣдняго одновременно съ симъ поставленъ въ извѣстность. Командиръ д'Эстанжъ".

„Тѣмъ лучше, — подумалъ Жакъ. — Здѣсь смерть ускользаетъ отъ меня—посмотримъ, не будетъ ли она снисходительнѣе тамъ".

V.

На палубѣ „Роланда" Жакъ Дюфоръ стоитъ у входа въ свою башню. Крейсеръ медленно подвигается впередъ, къ Дарданелльскимъ фортамъ, едва видным среди густого тумана. Но вверху уже показался просвѣтъ: клубящаяся сѣрая завѣса прорвалась и медленно осѣдаетъ внизъ, къ сѣрымъ волнамъ. Скоро должно взойти солнце.

По данному сигналу Жакъ вошелъ въ башню. Прислуга занимала уже свои мѣста. До ближайшаго форта было еще далеко, очень далеко: — около семи километровъ. „Роландъ" успѣетъ десять разъ наткнуться на мину, прежде чѣмъ приблизится на вѣрный выстрѣлъ. Какъ томительно тянется время... Почему же турки не начинаютъ? Ихъ орудія, дальнобойныя и устойчивыя, не подверженныя вліянію этой несносной качки, могли бы давно заговорить. Тѣмъ хуже для нихъ — разстояніе все уменьшается...

Тамъ, въ сѣрой угрюмой водѣ, не видной изъ амбразуръ башни, плаваютъ обрывки письма, разорваннаго наконецъ послѣ

Турецкая цитадель въ Карсѣ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

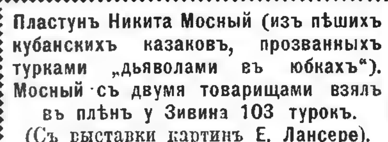
того, какъ пять недѣль оно покоилось, какъ святыня, на груди Жака. Съ прошлымъ покончено, покончено навсегда, а сейчасъ будетъ покончено и съ жизнью. Пусть! Съ этой правдой, которую онъ узналъ изъ устъ умирающаго, жить было все равно невозможно. Не первый... И не послѣднiй, само собой. Все ложь, есть только одна правда,- и онъ сейчасъ узнаетъ ее...

Наконецъ-то! Стѣна форта окутывается дымнымъ облакомъ. Въ амбразуру виденъ столбъ воды, вздымающiйся далеко отъ „Роланда", и въ ту же минуту доносится точно ударъ грома. Жакъ отдаетъ послѣднiя приказанiя...

Бѣлый домикъ въ цвѣтахъ: онъ спускается по лѣстницѣ съ Терезой, но дорогу имъ преграждаетъ что-то: трупъ, покрытый трехцвѣтнымъ флагомъ. Жакъ поднимаетъ руку и проводитъ ею по лбу: лобъ горитъ, какъ въ огнѣ. Все равно, теперь это не важно.

Электрическiй сигналъ наполняетъ башню дрожащимъ звономъ. „Пли!" И желѣзныя стѣны содрогаются отъ ужаснаго грохота двухъ двѣнадцати-дюймовыхъ орудiй. Первый дымокъ отъ разрыва надъ самымъ фортомъ, второй тоже.

Башня съ регулярными промежутками въ полминуты выпускаетъ снарядъ за снарядомъ. Фортъ все ближе и ближе. Съ напряженнымъ вниманiемъ Жакъ слѣдитъ за попаданiями. Турецкiя батареи отвѣчаютъ все слабѣе. Но вдругъ чудовищный ударъ сбрасываетъ Жака на полъ: снарядъ разорвался въ башнѣ. Оглушенный, офицеръ поднимается и видитъ около себя три трупа: четвертый матросъ, раненый, ощупью идетъ вдоль стѣны, оставляя за собой кровавый слѣдъ. Дюфоръ не успѣваетъ сообразить, насколько сильно пострадала башня, какъ новый взрывъ, наружный, сноситъ половину купола, вмѣсто котораго надъ головой открывается голубое небо. Еще одинъ матросъ убитъ: въ


Пластунъ Никита Мосный (изъ пѣшихъ кубанскихъ казаковъ, прозванныхъ турками „дьяволами въ юбкахъ"). Мосный съ двумя товарищами взялъ въ плѣнъ у Зивина 103 турокъ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

Солдатъ туркестанскаго полка Казимiръ Пѣхота. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

башнѣ остается только двое людей,—Жакъ и его помощникъ, уже раненый осколкомъ снаряда.

Но пушки продолжаютъ дѣлать свое дѣло. Электрическiй рычагъ, подающiй снаряды къ казенной части, можетъ управляться и ребенкомъ. Третiй снарядъ убиваетъ наповалъ послѣдняго матроса. Жакъ остается одинъ.

Онъ стрѣляетъ, обливаясь пòтомъ, ничего не видя и не слыша. Отъ адскаго грохота въ его головѣ помутились всѣ мысли.

Но внезапно раздается глухой ударъ въ подводную часть крейсера. Кончено: „Роландъ" наскочилъ на мину. Минута молчанiя, потомъ стальныя колонны орудiй начинаютъ медленно подниматься, и въ амбразурѣ между ними линiя горизонта повышается. Электричество гаснетъ, наступаетъ темнота, темнота могилы. Мичманъ Дюфоръ, запертый въ своей желѣзной коробкѣ, уже не выйдетъ изъ нея никогда.

Крейсеръ погружается быстро. Но въ пушкѣ есть еще одинъ снарядъ. Жакъ спускаетъ ударникъ—и въ ту же минуту новый взрывъ убиваетъ его.

Башня полна воды. Любопытныя волны устремляются въ нее отовсюду, и трупы всплываютъ, сталкиваясь другъ съ другомъ. Перекинувшись навзничь черезъ пушку, Жакъ ощущаетъ нѣжное прикосновенiе воды къ своему лицу. Онъ уже ничего не видитъ, ему кажется, что это не волны ласкаютъ его, а чья-то рука, теплая и нѣжная. И, умирая въ то время, какъ крейсеръ медленно опускается въ пучину, онъ едва слышно шепчетъ имя, котораго не слышитъ никто, кромѣ волнъ, труповъ и мрака. Это имя—Тереза...

Солдатъ туркестанскаго полка Василiй Куляковъ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

Благословенна будь!

Ни стона, ни слезы, ни жалобъ, ни проклятья!
Благословенна будь, Великая Война,
Народы слившая въ священныя объятья
И въ мiръ принесшая иныя времена.
Благословенна будь! Мы возвратились къ Богу,
Забытому давно. Ты пробудила насъ,
Заблудшихъ вывела на вѣрную дорогу,
И новая заря надъ нами занялась.
Какъ тихи матерей цѣлительныя слезы
Надъ свѣжей насыпью безчисленныхъ могилъ!
Какъ молчаливы мы—ни чванства, ни угрозы,
Но сколько кроется въ молчаньи этомъ силъ!
Какъ звучны и чисты творенiя поэта!
Какъ честны помыслы подъявшихъ грозный мечъ!
И эту красоту, какъ солнце въ блескѣ лѣта,
Сумѣла въ людяхъ ты, Великая, зажечь!

Гемма.

Кубанскій казакъ—старшій урядникъ Курунинъ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

Кубанскій казакъ—урядникъ Погорѣловъ. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

Какъ Китченеръ обманулъ нѣмцевъ.

Какъ Китченеръ, подъ носомъ у вездѣсущихъ германскихъ шпіоновъ, тайно набралъ, обучилъ и экипировалъ трехъмилліонную армію вмѣсто объявленной милліонной, и эту громаду тайно же благополучно перевозитъ во Францію на смѣхъ подводной, такъ называемой, блокадѣ,—представляетъ одинъ изъ невѣроятнѣйшихъ эпизодовъ этой невѣроятной войны, да и вообще наврядъ ли. какъ стратегическій подвигъ, имѣетъ что-либо себѣ подобное въ военной исторіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ англичанинъ Докворть, извѣстный журналистъ и корреспондентъ, десять лѣтъ проживавшій въ Нью-Іоркѣ, но тотчасъ послѣ объявленія войны вернувшійся въ Англію, гдѣ онъ, благодаря своимъ связямъ, имѣлъ возможность собирать секретнѣйшія свѣдѣнія, но свято хранилъ тайну,—такъ же, впрочемъ, какъ и вся печать. Въ самой Англіи мало кто зналъ о томъ, что происходило въ этомъ строго замкнутомъ мірѣ. Но теперь, когда дѣло сдѣлано, позволительно имъ похвастаться, тѣмъ болѣе, что Англія, вслѣдствіе наложеннаго на ея печать молчанія, терпѣла много несправедливыхъ нареканій, не имѣя возможности оправдываться.

Германскій главный штабъ былъ умышленно введенъ въ заблужденіе относительно военной силы Англіи, и еще болѣе утвердился въ своей теоріи, что солдата сдѣлать невозможно меньше, чѣмъ въ три года. Такую шутку сыграть съ кайзеромъ Китченеръ не могъ бы. конечно, не заручившись поддержкой печати, съ чего онъ и началъ. и чего достигъ отчасти добромъ, отчасти безпощадной строгостью. Такъ, всѣхъ издателей предупредили, что всякая нескромность повлечетъ за собою военный судъ по обвиненію въ „распространеніи слуховъ, могущихъ помѣшать успѣху оружія Его Величества". Дѣлать свои выводы и подсчеты было строго запрещено. Было приказано печатать только то, что будетъ сообщаться изъ военнаго министерства.

Безъ особаго разрѣшенія нельзя было даже имѣть фотографическій аппаратъ. Одинъ лондонскій издатель вздумалъ-было воспротивиться и самовольно помѣстилъ какую-то картинку съ солдатами. Китченеръ потребовалъ его къ себѣ: —„Еще одна такая оплошность,— пригрозилъ онъ ему,—и вамъ не избѣжать военнаго суда и тюрьмы."—„Но позвольте, на какомъ основаніи?"—удивился издатель.—„Это не важно,—отвѣтилъ Китченеръ,—мы васъ сперва засадимъ, а основанія ужъ найдутся по окончаніи войны".

„Прошлой зимой въ Лондонѣ,—разсказываетъ Докворть,—я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться за интимнымъ завтракомъ съ подполковникомъ сэромъ Г. К. Шлэтеромъ, генералъ-адъютантомъ главнокомандующаго. О войнѣ не говорили. Но когда стали расходиться. кто-то спросилъ адъютанта—единственнаго человѣка, который несомнѣнно могъ бы отвѣтить на его вопросъ.—„Сколько у Китченера войска?" Шлэтеръ посмотрѣлъ вопрошающему въ глаза и отвѣтилъ:—„Не знаю".

Слѣдившіе за газетами непріятельскихъ и нейтральныхъ странъ навѣрно помнятъ, въ какомъ изобиліи одно время стали появляться статьи, дышащія пренебреженіемъ къ Англіи и настроенію ея населенія, съ самыми мрачными пророчествами о будущей судьбѣ британской державы. Какого бы тона ни держались эти статьи, доброжелательно соболѣзнующаго или злорадно торжествующаго, содержаніе ихъ было поразительно однообразное: Британская имперія, дескать, идетъ быстрыми шагами къ неминуемому развалу. — и можетъ ли быть иначе, когда у англійскихъ людей не хватаетъ ни мужества ни охоты защищать свою родину. когда наборъ даетъ такіе ничтожные результаты? И вѣрили. Да и какъ было не вѣрить, если англійская печать не только ничего не опровергала, но, точно сговорившись, съ прискорбіемъ подверждала нѣмецкія розсказни объ изнѣженности англійскаго народа.

Какъ разъ въ самый разгаръ патріотическаго порыва, когда въ одинъ день (20-го августа) записалось 97.000 человѣкъ, газеты, по внушенію военнаго министерства, на разные голоса затянули одну и ту же печальную пѣснь о томъ, какъ туго идетъ дѣло, какъ неимовѣрно трудно добыть людей. Куда дѣвались молодечество англійскаго юношества, боевой духъ зрѣлаго населенія, готоваго стать грудью противъ хищника и насильника! Увы, измельчалъ народъ: взрослыхъ людей не оторвать отъ ихъ конторъ, молодежь отъ спорта: на крокетъ, теннисъ, гольфъ, гонки уходятъ силы, нужныя на защиту страны. Договаривались до того, что одно спасеніе—обязательная воинская

Старикъ турокъ-мулла. (Съ выставки картинъ Е. Лансере).

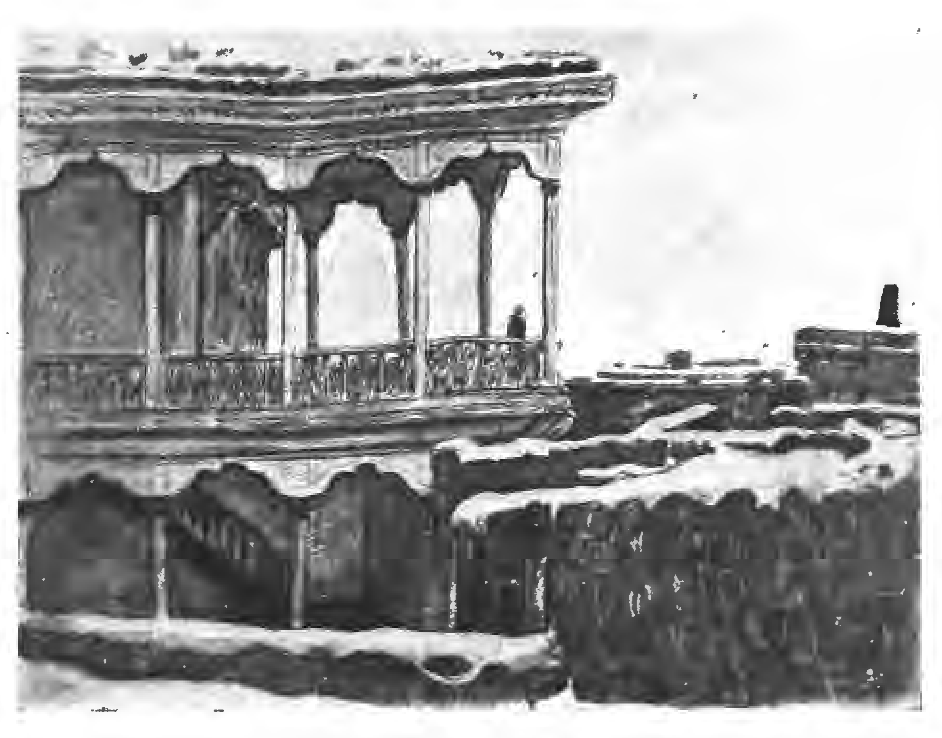
повинность: пускались даже намеки, будто тайно обсуждается такая мѣра. Корреспонденты нейтральныхъ странъ подхватывали такія „авторитетныя" сообщенія „изъ достовѣрныхъ источниковъ" о столь „позорномъ положеніи дѣлъ" и наводняли свои газеты предсказаніями о „близкомъ паденіи одряхлѣвшей Англіи", которыя нѣмцы, захлебываясь отъ восторга, перепечатывали со своими прибавленіями.

Архаве. Приморскій раіонъ. Во дворѣ турецкой усадьбы. Посрединѣ кукурузникъ, — сарай для сушки кукурузы. (Съ выставки картинъ **Е. Лансере**).

Какія средства употреблялъ Китченеръ, чтобы вызвать такія массовыя добровольныя поступленія? Оказывается, самыя простыя: плакаты и публикаціи, особенно плакаты, въ составленіи которыхъ проявлялась большая изобрѣтательность, нерѣдко остроуміе. Въ первые же дни послѣ объявленія Англіей войны, они милліонами появились по всему острову, на всѣхъ поверхностяхъ, движимыхъ и недвижимыхъ, на какихъ только можно наклеить бумагу.

Одинъ такой плакатъ сочинилъ и исполнилъ, очевидно, художникъ. Это цѣлая картина. Въ лѣвомъ, верхнемъ углу—фотографическое изображеніе двадцати двухъ молодцовъ, съ увлеченіемъ играющихъ въ футболъ передъ плотно набитой зрителями эстрадой. Внизу—окопы. Осень, слякоть. Неубранные, безпризорные, лежатъ убитые и раненые солдаты изъ арміи генерала Френча. Оставшіеся въ живыхъ, всего нѣсколько человѣкъ, исхудалыхъ, небритыхъ, въ разорванныхъ мундирахъ, прислушиваются къ шуму и крикамъ съ тыла. Это—помощь; со всѣхъ ногъ, перепрыгивая черезъ всякія препятствія, бѣжитъ отрядъ отъ арміи Китченера. „Вотъ и мы!"—кричатъ они, и имъ навстрѣчу раздается радостный крикъ спасаемыхъ: „Мы знали, что вы придете!"

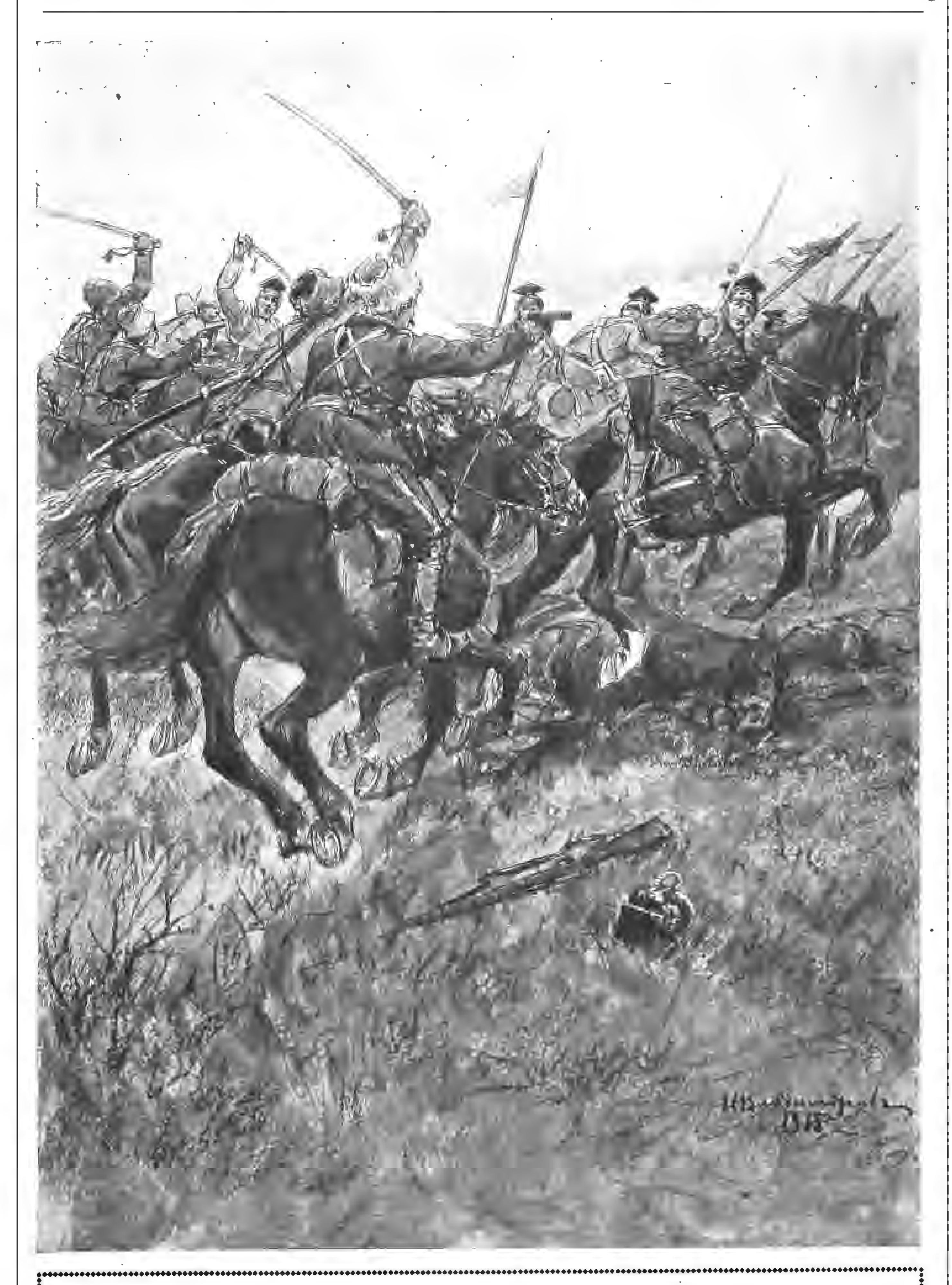
Хоть и „знали", а все же едва ли снилось имъ, чтобы ожидаемая отъ Китченера „помощь" явилась въ такомъ огромномъ размѣрѣ. Между тѣмъ, чѣмъ быстрѣе шелъ наборъ, тѣмъ больше газеты жаловались и сѣтовали. А дѣло шло, что называется, „безъ сучка, безъ задоринки". Только шотландцы вначалѣ отказывались записываться, потому что воззванія обращались къ „англичанамъ". Это была маленькая ошибка, безтактность, но ее легко было исправить: стоило замѣнить слово „англичане" словомъ „британцы", и дѣло пошло на ладъ.



Балконъ мусульманскаго училища въ Карсѣ.
(Съ выставки картинъ Е. Лансере).

Много кричали о неподготовленности Англіи. Это было отчасти, но только отчасти и недолго. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Великобританія обратилась въ одинъ сплошной лагерь. Во всѣхъ городскихъ паркахъ пошло ученье; церкви, школы, всякаго рода учебныя заведенія превратились въ госпитали и лазареты. Сотни тысячъ людей были распредѣлены на постой въ глухихъ деревняхъ, приючщихся въ валлійскихъ и шотландскихъ горахъ, въ большихъ промышленныхъ городахъ, по береговымъ курортамъ. Вербовка кипѣла повсюду, въ ратушахъ, въ театрахъ, въ пустующихъ лавкахъ, на перекресткахъ, на деревенскихъ площадяхъ, словомъ, вездѣ, гдѣ только вербовщикъ могъ открыть контору, т.-е. поставить столъ и стулъ.

„**Нѣтъ, англичане не отказывались отъ своихъ спортовъ и забавъ въ часъ великой общей нужды!** —восклицаетъ журналистъ-патріотъ. — Не изъ-подъ палки или они въ армію!" И далѣе онъ описываетъ опу-



Кавалерійская схватка. Рисунокъ И. Владимірова.

Въ дѣйствующей арміи. Американскій военный агентъ на позиціи.

и спортивныя организаціи образовали отдѣльные „спортсменскіе батальоны". 80% университетскихъ студентовъ и всѣ члены университетскихъ атлетическихъ организацій пошли на войну или офицерами или солдатами. Не отставали ни „золотая молодежь" аристократическихъ салоновъ, ни посѣтители трущобныхъ танцклассовъ, ни профессіональный средній классъ, ни наконецъ рабочій людъ, отъ углекопа до разсыльнаго и высшаго ремесленника.

„Я былъ въ Лондонѣ первые семь мѣсяцевъ войны, — заканчиваетъ свой разсказъ Докворть, которому естественно доставляетъ большое удовольствіе снять наконецъ со своихъ соотечественниковъ незаслуженныя и столь долго терпимыя изъ патріотическихъ соображеній нареканія,—я видѣлъ людей Китченера во всѣхъ стадіяхъ обученія. Не знаю, какіе изъ нихъ выйдутъ солдаты, но знаю, что каждый пойдетъ въ бой въ физически безукоризненномъ состояніи. Каждый солдатъ тренированъ, какъ будто онъ кулачный боецъ, готовящійся въ чемпіоны. Подготовка ихъ состояла не только въ обученіи стрѣльбѣ и военнымъ пріемамъ, но и во всевозможныхъ видахъ гимнастики.

стѣвшія уже въ сентябрѣ и вскорѣ заросшія травой по колѣно поля, куда обычно стекались десятки тысячъ любителей всѣхъ видовъ спорта. Профессіональныя и любительскія атлетическія

„Франція и весь остальной міръ нынѣ уже понимаютъ, что Джонъ Булль только дѣлалъ видъ, будто ему не набрать достаточно людей, чтобы принять вызовъ грознаго кайзера".

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента). **М. Доманскаго.**

X. Ночной бой.

Уже десять дней полки дивизіи находились въ безпрерывномъ бою. Десять дней и десять ночей, почти не давая передышки, превосходныя силы австрійцевъ, усиленныя къ тому же германскими частями, нажимали во-всю на дивизію. Знаменитая фаланга Макензена подходила въ это время къ Люблину и Холму, и нѣмцамъ во что бы то ни стало нужно было отбросить нашъ лѣвый флангъ, который по мѣрѣ продвиженія Макензена впередъ все больше и больше угрожалъ его тылу.

Но дивизія, которая находилась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, отходила подъ напоромъ соединенныхъ австро-германскихъ войскъ чрезвычайно медленно, цѣплялась буквально за каждую складку мѣстности и не только сдерживала натискъ, но даже переходила иногда сама въ наступленіе и отбрасывала штыками зарвавшихся нѣмцевъ назадъ.

Дорого обходился противнику успѣхъ наступленія: каждый шагъ, который онъ дѣлалъ впередъ, обильно поливался его кровью.

— Сегодня будетъ дѣльце! И крупное! — наклонился ко мнѣ за обѣдомъ одинъ изъ офицеровъ штаба дивизіи и добавилъ тише:— Приказано переправившіяся части противника отбросить обратно за рѣку!

— Значитъ, опять наступленіе?

— Самое рѣшительное!

— Въ какое время?

— Около полуночи!

— Эхъ, посмотрѣть бы!—вздохнулъ я.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Поговорите съ полковникомъ Т. Онъ вамъ навѣрное разрѣшитъ пройти на наблюдательный пунктъ мортирной батареи. Оттуда все, какъ на ладони, увидите.

Въ десять часовъ вечера, при помощи провожатаго, по оврагамъ и густому кустарнику я добрался до наблюдательнаго пункта. Это была землянка, наскоро вырытая въ самой вершинѣ очень высокаго холма, который отлого спускался въ нашу сторону и круто къ рѣкѣ, къ сторонѣ противника. Въ нашу сторону землянка была совершенно открыта, въ противоположной сторонѣ было сдѣлано нѣсколько дыръ, черезъ которыя можно было наблюдать за позиціями.

Я представился находившемуся здѣсь капитану.

— Понаблюдайте! Понаблюдайте! Только вотъ темно уже. Днемъ отлично все видно было.

Я заглянулъ въ одну изъ дыръ. Въ лицо плотно пахнуло вѣтромъ—чувствовалось, что впереди широкій просторъ. Контуры лѣсовъ, полей и горъ сливались уже съ контурами густыхъ обла-

Въ дѣйствующей арміи. Американскій военный агентъ на позиціи и съ нимъ французъ— поручикъ русской арміи.

На роздыхѣ. Стирка бѣлья.

— Иногда, случалось, подбивали!— отвѣтилъ капитанъ. — Теперь они стали много осторожнѣе. Видите, лучъ сразу изъ земли широкій выходитъ. Это значитъ, прожекторъ находится гдѣ-то дальше, за складкой мѣстности. А все-таки попробуемъ. Одинъ двадцать лѣвѣе, прицѣлъ девяносто! — повернулся капитанъ къ телефонисту.

И съ непріятельской стороны рѣдко, но тоже безпрерывно ухали орудія. Было что-то назойливое, нудное въ этихъ падающихъ одинъ за другимъ черезъ равномѣрные промежутки времени тяжелыхъ ударахъ и въ безпрерывномъ то усиливающемся, то слабѣющемъ шипѣніи снарядовъ.

Прошло еще около часа. Орудія позади насъ заревѣли сильнѣе.

— Наши батареи начинаютъ подготовлять атаку! — замѣтилъ капитанъ.

Чаще засверкали въ густо-черной дали разрывы снарядовъ. Одна за другою стали загораться впереди непріятельской позиціи яркія ракеты.

— Почуяли, проклятые!—проворчалъ капитанъ.

Вдругъ гдѣ-то справа, внизу, сорвался сразу сильный ружейный огонь. Точно вѣтеръ въ знойный полдень, когда все притихло, замерло, налетѣлъ на сухой прибрежный камышъ. Было похоже еще на то, будто надъ громаднымъ листомъ жести кто-то опрокинулъ много-много мѣшковъ съ горохомъ.

Вскорѣ въ сплошной трескъ винтовочной пальбы влилось чеканно-равномѣрное постукиваніе пулеметовъ.

Какъ только начался ружейно-пулеметный огонь, всѣ щупальцы нѣмецкихъ прожекторовъ сбѣжались туда, вправо; засверкали десятки ракетъ сразу, чаще стали рваться снаряды.

— Эхъ, нащупать бы ихъ батареи!—сорвалось у меня.

— Нащупаютъ наши сосѣди! Это ихъ задача. А наша—не подпускать резервы!—отвѣтилъ капитанъ и, не отрывая глазъ отъ трубы, продолжалъ корректировать стрѣльбу.

Прошло нѣсколько минутъ. Быть-можетъ, значительно больше,— было такъ много впечатлѣній новыхъ, яркихъ, сильныхъ, что я потерялъ счетъ времени. Дѣйствительно, стрѣльба непріятельской артиллеріи становилась съ каждой минутой все менѣе и менѣе интенсивной.

Вправо отъ насъ мѣстность была освѣщена прожекторами и свѣтящимися ракетами такъ сильно, что совершенно отчетливо видны были каждая складка мѣстности, каждый кустикъ.

Наши окопы были опоясаны сплошной огневой лентой. Видно

ковъ на небѣ. И даже поблескивающая на поворотахъ рѣчка казалась висящей гдѣ-то высоко въ воздухѣ серебряной лентой.

Далеко впереди то и дѣло вспыхивали яркіе блики разрывающихся снарядовъ: наша артиллерія съ утра безъ перерыва методически равномѣрно посылала въ непріятельскую сторону снарядъ за снарядомъ. При яркихъ вспышкахъ изъ мрака выныривали высокіе лѣсистые бугры, желтый глинистый обрывъ противоположнаго берега рѣки, деревни, поля, дороги, даже отдѣльныя деревья. Тухъ снарядъ, и все это снова тонуло въ глубокомъ мракѣ.

Въ землянкѣ и вообще вокругъ стояла какая-то особенная, напряженная, полная притаившихся звуковъ тишина, нарушаемая только время отъ времени отрывистыми бросками капитана, прильнувшаго къ одному изъ отверстій съ подзорной трубой.

— Правѣе одинъ сорокъ!

— Правѣе ноль двадцать!

— Лѣвѣе ноль, ноль, пять!

— Прицѣлъ восемьдесятъ!

— Девяносто!

Солдатъ, лежа въ углу землянки, передавалъ эти поправки по телефону на батарею.

Я провелъ на наблюдательномъ пунктѣ уже четверть часа, быть-можетъ, минутъ двадцать. Темнота стала еще гуще. Вдругъ далеко впереди, сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ярко сверкнуло, и въ тотъ же моментъ оттуда протянулись къ намъ бѣлые холодные щупальцы прожекторовъ. Забѣгали по буграмъ и оврагамъ громадные свѣтляки. Иногда останавливались, точно почуявъ что-то, притаившись, приготовлялись къ скачку. Все, что попадало въ это свѣтлое пятно, становилось вдругъ видимымъ до мельчайшихъ подробностей. На деревьяхъ въ верстѣ отъ наблюдательнаго пункта былъ виденъ отчетливо каждый листокъ. Окна домовъ загорались мертвымъ бѣлымъ блескомъ, казалось, слѣпцы открывали вдругъ затянутые бѣльмами глаза. Иногда два щупальца бѣжали другъ другу навстрѣчу, скрещивались на моментъ въ борьбѣ и снова разбѣгались.

Что-то жуткое было въ этомъ абсолютно безшумномъ движеніи бѣлыхъ лучей и пятенъ. Казалось, какой-нибудь изъ щупальцевъ обязательно долженъ упасть на землянку, въ которой мы находились. Нѣсколько разъ этотъ моментъ былъ удивительно близокъ, — полоса свѣта останавливалась всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ насъ. Но каждый разъ лучъ прожектора пробѣгалъ, либо минуя наблюдательный пунктъ совершенно, либо только скользнувъ по немъ.

Тщательнѣе всего щупальцы шарили вправо отъ насъ, внизу, по кустамъ, гдѣ должны были сосредоточиться наши резервы. Иногда останавливались на окопахъ нашей передовой линіи. Незамаскированные съ нашей стороны, они рѣзко выдѣлялись на сѣро-стальномъ подъ лучами прожекторовъ фонѣ травы.

— Ну и прожекторовъ же у нихъ!—повернулся я къ капитану.—Иллюминація форменная! Хорошо было бы подбить парочку.

На роздыхѣ. Стирка бѣлья.

было простымъ глазомъ, а въ бинокль великолѣпно, какъ оттуда выскакивали люди большими группами, кучками, въ одиночку, и стремглавъ бѣжали впередъ. Многіе падали. Нѣкоторые изъ упавшихъ приподнимались и ползли дальше, впередъ, или отползали назадъ, другіе оставались лежать неподвижно. Должно-быть, навсегда.

Въ промежуткахъ между окопами наступающія цѣпи были значительно гуще. Одна за другою выкатывались онѣ изъ густого кустарника и, капризно изогнутыя, катились по отлогому открытому скату внизъ, ныряли въ глубокомъ перегибѣ мѣстности, снова выныривали и катились дальше, пока окончательно не исчезали въ ложбинѣ, гдѣ мѣстами поблескивала широкая рѣка.

Эти бѣгущія фигуры, четко черныя подъ бѣлымъ свѣтомъ прожекторовъ и ракетъ, казались фантастическимъ видѣніемъ, сказкой, выхваченной вдругъ изъ густой черной тьмы ночи. Казалось, что потухнетъ этотъ яркій, мертво-стальной, холодный свѣтъ, и сказка безслѣдно исчезнетъ. Исчезнутъ бѣгущія фигуры, и смолкнутъ, должны смолкнуть, ревъ орудій и трескъ винтовокъ.

Но огненно-кровавая сказка не исчезала. Люди продолжали бѣжать впередъ.

Вдругъ потухъ одинъ изъ непріятельскихъ прожекторовъ, за нимъ сейчасъ же другой. Потухли внезапно, точно кто-то перерубилъ ихъ.

За работой.

— По двумъ прожекторамъ наши снаряды угодили!—повернулся ко мнѣ капитанъ.

Я не отвѣтилъ. Все величественнѣе и величественнѣе разворачивалась картина боя. Ружейный трескъ то слабѣлъ, то усиливался, но не прекращался ни на одинъ моментъ. Торжественными аккордами врывались въ него орудійные выстрѣлы. Наши окопы были уже пусты. Все, что было въ нихъ, убѣжало впередъ. И на отлогомъ скатѣ виднѣлись только одиночные люди.

Борьба шла уже въ ложбинѣ, у самой рѣки. Все чаще и чаще доносились оттуда взрывы ружейнаго и пулеметнаго огня.

Я не знаю, не помню, сколько времени это продолжалось. Но вдругъ трескъ внезапно прекратился, и изъ ложбины сперва слабо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, понеслись человѣческіе голоса. Кричали „ура", дѣло дошло до штыковъ. Отдѣльныя фигуры на скатѣ побѣжали быстрѣе.

Потомъ потухли всѣ прожекторы. Потухли быстро, одинъ за другимъ. Все окутала черная, совершенно непроницаемая тьма. Но сказка не кончилась, не исчезла. Снова затрещали винтовки, затакали пулеметы. Потомъ смолкли. Опять затрещали.

Сказка стала еще страшнѣе.

Я не смотрѣлъ на часы, но чувствовалъ, что минуты мчатся быстро. Постепенно замеръ ревъ орудій. По телефону было получено сообщеніе, что стрѣльба прекращена, такъ какъ нѣкоторыя наши части въ погонѣ за выбитымъ изъ окоповъ противникомъ переправились через рѣку.

Капитанъ закурилъ папиросу и подошелъ ко мнѣ.

— Слава Богу, удачное дѣло! Отпихнули нѣмцевъ!

Помолчалъ немного и, когда ружейная трескотня стихла окончательно, добавилъ:

— Должно-быть, по всей линіи штыками работаютъ!

Это было сказано спокойно, просто, точно въ этихъ словахъ не было кроваваго ужаса. Точно тишина душной іюльской ночи не была полна движеній и смерти.

Затрещалъ телефонъ.

— Ваше высокоблагородіе! Командиръ дивизіона васъ просятъ!—доложилъ солдатъ.

— Иду!

— На сегодня все кончено! — вернувшись отъ телефона, сказалъ капитанъ.—Противникъ сброшенъ въ рѣку. До шоссе васъ проводитъ солдатъ. А тамъ по шоссе направо и все прямо!

Поблагодаривъ капитана, я распрощался съ нимъ.

Наутро въ штабѣ мнѣ сообщили результаты боя. Нѣмцы въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова были сброшены въ рѣку. Около девятисотъ человѣкъ было взято въ плѣнъ.

Всенародное моленіе.

Тамъ, между колоннадъ классическихъ собора,
Не даромъ онъ расцвѣлъ—хоругвей яркій лѣсъ—
Подъ громовой распѣвъ безчисленнаго хора,
Молитву славшаго съ земли къ Царю Небесъ.
Съ утра стекалася народныхъ волнъ громада
Къ завѣтной площади, въ прославленную сѣнь,
Со всѣхъ сторонъ-концовъ титана-Петрограда
Подъ звонъ колоколовъ въ осенній ясный день;
Всѣ храмы выслали святынь своихъ знамена,
И всѣ они слились въ великій крестный ходъ
Межъ двухъ свидѣтелей временъ Наполеона,
Двѣнадцатый въ себѣ запечатлѣвшихъ годъ.
Казалось, возгласамъ торжественнымъ внимая
И съ пѣснопѣньями сливаяся мечтой,
Изъ бронзы выступивъ—Кутузова, Барклая
Двѣ тѣни славныя витали надъ толпой...
Толпа, нѣтъ—не толпа была здѣсь, а народа,
Объединеннаго на подвиги, семья:
Десятки тысячъ душъ искали здѣсь исхода
Высокихъ думъ и чувствъ, мукъ сердца не тая.
Великое Творцу свершалося служенье,
И въ этотъ самый часъ и въ тотъ же самый мигъ
По всѣмъ стезямъ Руси народное моленье
Шло за несущихъ грузъ святой борьбы веригъ.
Всѣ въ рубежахъ ея открыты были храмы,
Многомилльонная молитвъ сплеталась вязь,
Въ дыханьи жаркихъ устъ и въ волнахъ ѳиміама
Къ Святому, Крѣпкому, Безсмертному стремясь.
Вся Русь была одной гигантскою молитвой
О тѣхъ, кто въ эти дни—въ залитый кровью годъ—
Среди несчастныхъ жертвъ, не сломленъ тяжкой битвой,
Стоялъ передъ врагомъ за свой родной оплотъ...
И здѣсь, на площади, подъемомъ вдохновленный,
Мной не извѣданнымъ дотолѣ, я дышалъ
Однимъ дыханіемъ съ отчизной ополченной
И къ сердцу воинства всѣмъ сердцемъ приникалъ...
—О, пусть нашъ врагъ силенъ, пусть горы тучъ нависли
Надъ родиной у всѣхъ прямыхъ ея дорогъ,—
Не можетъ быть ни въ комъ единой даже мысли,
Чтобъ Онъ не слышалъ насъ, Распятой Правды Богъ!
Семьей богатырей безъ страха, безъ укора
Льютъ кровь за отчій домъ сыны Святой Руси...—
Я думалъ, а распѣвъ молитвеннаго хора
Рыдалъ: «Людей Твоихъ, о, Господи, спаси!..»
И вторилъ я ему пылавшею душою:
«Спаси Твоихъ людей! Вождю ихъ и Царю
Дай видѣть надъ Твоей подъявшей крестъ землею
Свободную побѣдную зарю!..»

Аполлонъ Коринфскій,

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 38

XLVI г. изданія

Выданъ 19-го сентября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 13.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Указъ Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 99-й Основныхъ Государственныхъ Законовъ, повелѣваемъ занятія Государственной Думы прервать съ 3-го сентября сего года и назначить срокъ ихъ возстановленія въ соотвѣтствіи съ указомъ Нашимъ, Правительствующему Сенату 11-го января 1915 года даннымъ, не позднѣе ноября мѣсяца 1915 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Указъ Правительствующему Сенату.

Признавъ необходимымъ пополнить запасные батальоны и усилить личный составъ санитарныхъ учрежденій менонитами, повелѣваемъ, въ соотвѣтствіи съ одобреннымъ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденнымъ Нами 22-го августа сего года закономъ, призвать:

1) Ратниковъ ополченія 2-го разряда сроковъ призыва съ 1916 года и до 1912 года включительно во всѣхъ губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ Имперіи, за исключеніемъ губерній, областей и градоначальствъ Варшавскаго генералъ-губернаторства, Кавказскаго края и Приамурскаго генералъ-губернаторства и Холмской губерніи.

2) Ратниковъ-менонитовъ 1-го разряда, не проходившихъ ряды войскъ, сроковъ призыва съ 1916 года и до 1898 года включительно во всѣхъ губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ Имперіи, за исключеніемъ губерній, областей и градоначальствъ Варшавскаго генералъ-губернаторства, Кавказскаго края и Приамурскаго генералъ-губернаторства и Холмской губерніи.

Срокъ призыва ратниковъ 2-го разряда и ратниковъ-менонитовъ 1-го разряда—5-е сентября сего года.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Въ Царской Ставкѣ. 3-го сентября 1915 года.

Скрѣпилъ: Управляющій Военнымъ Министерствомъ, генералъ-отъ инфантеріи *Поливановъ*.

Откликнитесь, русскіе люди! Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ благоугодно было образовать въ составѣ Верховнаго Совѣта особую комиссію по призрѣнію пострадавшихъ за время настоящей войны офицерскихъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ, вольнонаемныхъ лицъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ раіонахъ военныхъ дѣйствій, а также служащихъ въ тѣхъ же раіонахъ на правительственныхъ и земскихъ шоссейныхъ и грунтовыхъ дорогахъ, а равно на водныхъ путяхъ, а также семей всѣхъ этихъ лицъ, какъ погибшихъ, такъ и пострадавшихъ на войнѣ, а предсѣдательствованіе въ этой комиссіи Всемилостивѣйше возложить на меня.

Стремясь возможно полнѣе осуществить возложенныя на особую комиссію задачи и считая, что самою главною ея цѣлью должны быть повышеніе трудоспособности пострадавшихъ, я буду добиваться всѣми способами, дабы, по возвращеніи пострадавшихъ въ свои родныя семьи, они не только не были имъ въ тягость, а были бы такими же, какъ другіе, работниками, работающими по волѣ Всевышняго на другомъ поприщѣ.

Сознавая всю трудность поставленной цѣли, я вѣрю однако, что милостью Божіей и благодаря содѣйствію всѣхъ русскихъ людей своими знаніями, трудами и пожертвованіями, по всей Россіи будутъ устроены необходимыя временныя и постоянныя убѣжища для возстановленія здоровья пострадавшихъ, обученія каждаго посильнымъ для него знаніямъ и ремесламъ, которыя дадутъ имъ душевную бодрость трудового человѣка, достатокъ, а, вмѣстѣ съ ними, всѣ остальныя радости жизни; а тяжело увѣчнымъ, не могущимъ обходиться безъ посторонней помощи и требующимъ помѣщенія въ постоянныя убѣжища, душевный и тѣлесный покой.

Для дѣтей павшихъ и пострадавшихъ героевъ предположено устраивать пріюты, школы и вообще всемѣрно заботиться объ ихъ воспитаніи и обученіи.

Всѣ, кто согласенъ работать въ указанномъ направленіи, всегда найдутъ во мнѣ и особой комиссіи полное сочувствіе, нравственную и посильную денежную помощь своимъ начинаніямъ.

Откликнитесь, русскіе люди.

Помогите устроить тяжело увѣчныхъ, а, кто можетъ изъ нихъ работать, тѣмъ дать вѣрный заработокъ.

Дѣтей же героевъ-воиновъ, отдавшихъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество, воспитать достойными ихъ отцовъ.

Великая Княгиня Ксенія Александровна.

Герой-матросъ. Дѣятельность нашего флота въ настоящую войну—сплошной геройскій подвигъ. Успѣшность его дѣйствій требуетъ соблюденія глубокой тайны. По окончаніи войны мы узнаемъ, что за герои—отъ адмирала до простого матроса—защищали родину отъ непріятельскаго вторженія. Пока же можно лишь оповѣщать изрѣдка о единичныхъ случаяхъ исключительнаго героизма.

Матросъ Балтійскаго флота Петръ Семенищевъ,—крестьянинъ Вятской губерніи,—служащій въ Морскомъ полку*) особаго назначенія, былъ посланъ въ составѣ партіи минеровъ въ городъ С. Во время работъ этой партіи по снятію минныхъ загражденій, поставленныхъ австрійцами на рѣкѣ Вислѣ, одна изъ непріятельскихъ минъ, сорвавшись съ якоря, поплыла внизъ по теченію. Замѣтивъ это и понимая, что мина грозитъ взорваться при столкновеніи съ первымъ же попавшимся ей по пути судномъ или мостовымъ устоемъ, Семенищевъ бросился въ рѣку и подплылъ къ минѣ. Руки у него были заняты плаваніемъ, а потому онъ ухватилъ мину зубами и началъ «буксировать» ее къ берегу, рискуя ежесекундно быть разорваннымъ на части при малѣйшемъ толчкѣ. Однако все обошлось благополучно, и мина, доставленная на берегъ, была взорвана.

За этотъ блестящій подвигъ матросъ Семенищевъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени. Но это еще не все...

20-го августа 1915 года, находясь въ передовомъ окопѣ, впереди котораго минеры Морского полка ставили фугасы, Семенищевъ увидѣлъ нѣсколькихъ непріятельскихъ развѣдчиковъ, которые подошли къ фугасу, и, невзирая на то, что ихъ было восемь человѣкъ, выскочилъ изъ окопа и бросился на нихъ.

Надо добавить—Семенищевъ былъ вооруженъ винтовкою и имѣлъ при себѣ только лишь... пять патроновъ.

Въ происшедшей схваткѣ Семенищевъ убилъ двоихъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство, но при этомъ и самъ получилъ семь штыковыхъ ранъ и два удара прикладомъ по головѣ.

Послѣ этого Семенищевъ десять дней пролежалъ въ госпиталѣ, а затѣмъ, выписавшись, разыскалъ свой Морской полкъ и явился къ командиру.

За этотъ подвигъ Семенищевъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 2-й степени.

Сколько у турокъ войска? По свѣдѣніямъ газеты «Temps», Турція смогла выставить въ нынѣшнюю войну подъ ружье 1.300.000 человѣкъ.

Двѣ трети этихъ силъ были образованы изъ редифовъ, въ возрастѣ отъ 35-ти до 50 лѣтъ, при чемъ въ редифныя части были введены низамы дѣйствующей арміи, въ количествѣ 30 процентовъ.

Потери, понесенныя турецкой арміей до тѣхъ поръ на всѣхъ театрахъ войны, исчисляются въ 500.000 человѣкъ убитыми, ранеными и попавшими въ плѣнъ. Около 50.000 раненыхъ смогли возвратиться на фронтъ, и такимъ образомъ въ настоящее время турецкая армія должна насчитывать около 850.000 человѣкъ, распредѣленныхъ такъ:

---

*) Морской полкъ, въ которомъ служитъ Семенищевъ, былъ составленъ морскимъ вѣдомствомъ въ началѣ войны изъ офицеровъ и матросовъ 1-го и 2-го Балтійскихъ экипажей для обслуживанія, а также для работъ по минной части и управленія той морской артиллеріей, которую флотъ удѣлилъ отъ себя для арміи.

Во Өракіи стоитъ 2-й адріанопольскій корпусъ, т.-е. 50.000 человѣкъ. Въ Чаталджѣ—6-й корпусъ—40.000 человѣкъ. Въ Галлиполи и у Дарданеллъ—4-й родостскій корпусъ, 4-й смирнскій корпусъ и 5-й ангорскій корпусъ. Кромѣ того, тамъ же находятся отдѣльныя дивизіи, а всего 190.000 человѣкъ. Въ Константинополѣ стоитъ 1-й константинопольскій корпусъ, насчитывающій 70.000 человѣкъ. 150.000 человѣкъ, составляющихъ отдѣльныя дивизіи, расквартированы въ Малой Азіи, главнымъ образомъ въ Смирнѣ и ея окрестностяхъ. Въ Сиріи находятся часть 7-го и 8-й сирійскій корпусъ, всего 50.000 человѣкъ. Остальная турецкая армія, т.-е. 300.000 человѣкъ, сражается на Кавказѣ противъ русскихъ.

Среди 850.000 солдатъ, которыми теперь располагаетъ Турція, находится 100.000 турецкихъ христіанъ и евреевъ, которые вмѣстѣ съ редифами старшихъ призывовъ являются слабымъ элементомъ турецкой арміи. Впрочемъ, боевая сила турецкой арміи, главнымъ образомъ, подорвана недостаткомъ припасовъ. Если Германія и дальше не сможетъ помочь туркамъ въ этомъ отношеніи, то турецкая армія вынуждена будетъ положить оружіе—въ томъ небольшомъ количествѣ, которое у нея осталось.

Исполнившіе долгъ. Французскіе солдаты, вернувшіеся съ фронта и вслѣдствіе раненія не могущіе уже больше туда вернуться, просятъ, чтобы для нихъ былъ установленъ какой-нибудь знакъ отличія, свидѣтельствующій, что они были на фронтѣ, а отнюдь не уклоняются отъ исполненія своего воинскаго долга, ибо къ таковымъ,—«les embusqués» по прозванію,—французскій народъ относится крайне непріязненно. На улицахъ на этой почвѣ происходятъ обидныя недоразумѣнія. Рѣшено установить для нихъ просимое отличіе.

То же самое наблюдается и въ Англіи, гдѣ женщины на улицахъ останавливаютъ незнакомыхъ молодыхъ людей гнѣвными вопросами: «отчего вы до сихъ поръ не на фронтѣ?» По сообщеніямъ нашихъ провинціальныхъ газетъ, подобныя же отрадныя явленія крѣпости въ населеніи воинскаго долга передъ родиной наблюдаются въ нашихъ деревняхъ: бабы строго слѣдятъ за «военнообязанною» молодежью и напоминаютъ имъ о ихъ единственной теперь обязанности: стать грудью за родную землю.

Военный орденъ изъ рукъ невѣсты. Одна французская дѣвушка пришла въ лазаретъ навѣстить своего жениха. Вдругъ является туда генералъ и приноситъ съ собою медали для награжденія героевъ. Увидѣвъ дѣвушку, онъ вручаетъ ей орденъ и говоритъ:

— Приколите этотъ орденъ своему жениху сами. Ему это будетъ пріятнѣе.

Нѣмецкій цинизмъ. Послѣ потопленія «Лузитаніи» весь цивилизованный міръ именуетъ нѣмцевъ пиратами. Это не только не огорчаетъ ихъ, но доставляетъ имъ циничную радость. Они бравируютъ своей разбойничьей славой. Въ Вильгельмсгафенѣ мѣстные рыбаки основали патріотическое общество подъ названіемъ «Общество пиратовъ». Члены общества вооружаются ружьями и готовятся къ морскому разбою.

Народное сказаніе о войнѣ. Нашъ народъ искони смотритъ на войну, какъ на кару, ниспосланную за грѣхи, и этотъ взглядъ сказывается въ народныхъ легендахъ. Приводимъ одну изъ нихъ, очень характерную, записанную сотрудникомъ «Южнаго Края».

«Гдѣ-то недалеко отъ Тима взятъ былъ крестьянинъ въ солдаты. Жена его померла, а троихъ дѣтей-сиротъ отдали въ пріютъ. И вотъ стали примѣчать, что каждую ночь свѣтится огонекъ въ этой избѣ. И нынче его видятъ, и завтра. И пошелъ разговоръ межъ людей, и стали допекиваться, что бы это такое значило: изба пустая, а свѣтъ брезжитъ... И выискался одинъ парень: «Такъ и такъ, говоритъ, дайте мнѣ рубль въ награду, и я дознаюсь, и что и какъ. Залѣзу, говоритъ, съ вечера на печь и все высмотрю». Собрали ему сосѣди деньги (кто сколько далъ), и пошелъ онъ на свой дозоръ. Залѣзъ съ вечера на печь, прилегъ тамъ и ждетъ.

Стало темно, подошла ночь, глядь, отворяется дверь—кто-то входитъ. Только темно въ хатѣ—не видно. Видать только, что двое... И какъ только вошли, затеплилась лампада у образа и раскинулась на столѣ бѣлая скатерть и легла на скатерти книга. И сѣли они за столъ и стали читать книгу. Глянулъ парень и видитъ: онъ монахомъ обряженъ, во всемъ черномъ, а она—монашкой. Сталъ онъ приглядываться и видитъ, что это—Іисусъ Христосъ Сынъ Божій и Царица Небесная Матерь Божія. Какъ вотъ пишутъ Ихъ на иконахъ, такіе и есть. Читали-читали Они книгу, и говоритъ Матерь Божія: «Пора войну прекратить».—«Нѣтъ,—говоритъ Ей Христосъ,—не пришелъ еще часъ. Пусть воюютъ. Много на землѣ всякихъ грѣховъ и много всякой неправды въ міру накопилось, и не исполнилась еще мѣра наказанія людямъ. Сколько Я, говоритъ,—каръ за грѣхи посылалъ людямъ, и нѣтъ въ нихъ раскаянія». И говоритъ Матерь Божія: «Много слезъ въ мірѣ, много сиротъ и горя, и велика мѣра наказанія людямъ».—«О всѣхъ сиротахъ Я буду печальникъ, Я о нихъ позабочусь. А чему быть должно, тому быть». И оглянулся Христосъ на печь и говоритъ парню: «Иди сюда, человѣкъ, будетъ таиться тебѣ». И вышелъ парень и сталъ передъ столомъ, а самъ, какъ безъ памяти. И говоритъ ему Христосъ: «Пришелъ ты дознаться, отчего это здѣсь свѣтъ свѣтитъ. Вотъ дознался—и видѣлъ и слышалъ. По корысти пошелъ ты—рубль тебѣ дали. Протяни руку—дамъ тебѣ и Я»... И протянулъ парень руку, и положилъ ему Христосъ на руку рубль и говоритъ ему: «Прикрой руку рукой!». И прикрылъ парень руку рукой, и срослись его руки—ладонь къ ладони. «Это тебѣ знакъ,—говоритъ Христосъ,—чтобы вѣрили люди. Иди и скажи людямъ, что видѣлъ и слышалъ». И пропалъ сразу свѣтъ, и стало темно, и ничего стало не видно. И не можетъ съ тѣхъ поръ парень рукъ разнять. Какъ сложилъ, такъ и остались. Такъ изъ чужихъ рукъ и кормятъ и поятъ его».

«Общество друзей слѣпыхъ солдатъ». Подъ такимъ названіемъ открылось въ Парижѣ благодѣтельное учрежденіе, имѣющее цѣлью оказать помощь наиболѣе несчастнымъ въ мірѣ людямъ—слѣпымъ, родившимся зрячими. Въ прекрасномъ помѣщеніи Общества ослѣпшіе солдаты окружены самымъ заботливымъ уходомъ какъ со стороны администраціи, такъ и добровольныхъ сестеръ милосердія, въ большинствѣ случаевъ дамъ изъ общества, взявшихъ на себя поистинѣ святую обязанность облегчать участь этихъ несчастныхъ жертвъ войны. Ихъ обучаютъ всѣмъ ремесламъ, доступнымъ этому роду увѣчныхъ. Большое вниманіе удѣлено хоровому и сольному пѣнію, которое очень успокаивающе дѣйствуетъ на этихъ страдальцевъ, а въ будущемъ можетъ явиться имъ подспорьемъ для заработка. Стоитъ побывать въ помѣщеніи общества, чтобы воочію убѣдиться, какъ много значитъ участіе, проявляемое къ этимъ несчастнымъ солдатамъ. Ренанъ справедливо сказалъ, что счастье — это преданность мечтѣ или долгу. И тѣ, кто посвятятъ себя уходу за слѣпыми солдатами, могутъ считать себя счастливыми, видя, что, благодаря ихъ усиліямъ, имъ удается вырвать изъ глубины отчаянія, а можетъ быть, и смерти немалое количество вѣрныхъ защитниковъ родины.

«Странный раненый». Въ южныхъ газетахъ разсказываютъ о слѣдующемъ комичномъ случаѣ на перевязочномъ пунктѣ. Нашими войсками былъ взятъ городъ, переходившій нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Нѣмцы оставили въ немъ много своихъ раненыхъ. На пунктѣ занялись ихъ перевязкой.

Въ углу сидѣлъ солдатъ съ забинтованной головой.

На вопросы сестры по-нѣмецки: «Куда вы ранены? Сдѣлать ли вамъ перевязку? Не хотите ли ѣсть?» онъ упорно отворачивался къ стѣнѣ и молчалъ.

Сестра обратилась къ врачу:

— Вотъ странный раненый, молчитъ, не отвѣчаетъ на вопросы. Я не знаю, какъ къ нему подойти. Можетъ, онъ меня плохо понимаетъ. Поговорите съ нимъ.

Но докторъ, говорившій хорошо по-нѣмецки, не могъ добиться отъ него ни одного слова.

Сестры и студенты столпились около него и принялись обсуждать по-русски, какъ съ нимъ быть.

— Можетъ онъ венгръ или полякъ и не понимаетъ по-нѣмецки, — высказалъ предположеніе одинъ изъ студентовъ.

Раненый вдругъ зашевелился, обернулся и отвѣтилъ:

— Та я же, ей-Богу, по-вашему не понимаю.

Сестра всплеснула руками:

— Ты же русскій!?

— Русскій!—отвѣтилъ тотъ съ неменьшимъ изумленіемъ.

— Чего же ты молчалъ до сихъ поръ?

— А кто его знаетъ, кто вы такіе! Балакаете вы по-нѣмецки. Чи наши, чи ни.

Солдатъ, раненый и взятый въ плѣнъ, не зналъ еще, что городъ уже въ нашихъ рукахъ. На плечи раненый накинулъ нѣмецкую шинель, и до того, пока онъ не заговорилъ, никакъ нельзя было узнать въ немъ русскаго.

Исторія великой войны. Въ Москвѣ находится въ Лефортовскомъ дворцѣ архивъ Главнаго Штаба, въ которомъ имѣется свыше 1.200.000 дѣлъ, относящихся къ русской военной исторіи, начиная со временъ Петра Великаго документовъ и «позаписей», связанныхъ съ допетровской эпохой. До сихъ поръ дѣятельность архива сводилась къ переписи имѣющихся въ немъ матеріаловъ.

Сюда стекаются въ настоящее время дѣла и матеріалы, относящіеся къ текущей войнѣ. Ежедневно прибываютъ ящики съ приказами, распоряженіями, донесеніями, скопляющимися массами по разнымъ военнымъ учрежденіямъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ тылу. Поступаетъ много цѣнныхъ книгъ, печатныхъ изданій, военныхъ газетъ и журналовъ.

Доставляются транспорты документовъ и матеріаловъ подъ особой охраной. До окончанія войны эти матеріалы будутъ лежать въ запечатанномъ видѣ, а затѣмъ будетъ приступлено къ ихъ разработкѣ и подготовкѣ данныхъ для исторіи великой войны. Этой работой займется особая историческая комиссія подъ руководствомъ видныхъ военныхъ историковъ и руководителей архива.

Пловучій госпиталь на Волгѣ. На Волгѣ появился этимъ лѣтомъ пароходъ-санаторій, арендованный петроградскимъ отдѣломъ всероссійскаго союза городовъ. Подъ пловучій санаторій приспособленъ товаро-пассажирскій меркурьевскій пароходъ «Великая Княгиня Ксенія», на которомъ устроены въ 1-мъ классѣ 24 мѣста для офицеровъ и во 2-мъ и 3-мъ классахъ — 112 мѣстъ для нижнихъ чиновъ. Всѣ они посланы изъ петроградскихъ лазаретовъ. Въ большинствѣ это нервные, больные воины, неврастеники, отравленные ядовитыми газами. Пароходъ сопровождаетъ медицинскій персоналъ, съ приватъ-доцентомъ клиническаго института Брунштейномъ во главѣ. Пароходъ дойдетъ до Астрахани, возвратится оттуда въ Нижній; затѣмъ сдѣлаетъ еще одинъ рейсъ съ другимъ составомъ больныхъ, если этихъ первыхъ больныхъ удастся выписать изъ санаторія.

Для больныхъ на пароходѣ устроены общая столовая, общая галлерея для гулянья и отдыха. «Это,—сказалъ корреспонденту «Русскаго Слова» докторъ медицины Брунштейнъ,—первый въ Европѣ опытъ такого санаторнаго лѣченія, но я увѣренъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ Волга будетъ имѣть нѣсколько такихъ санаторіевъ».

Новый родъ смерти. Въ настоящую войну довольно часто находятъ трупы безъ всякихъ пораненій, застывшими въ той позѣ, въ какой ихъ засталъ взрывъ снаряда.

До сихъ поръ это явленіе оставалось необъяснимымъ для физіологовъ, такъ какъ трупы не носили никакихъ слѣдовъ внутреннихъ или внѣшнихъ поврежденій, газы же, развивающіеся при взрывѣ, могутъ вызвать только сравнительно медленную смерть.

Французскій ученый Арну даетъ интересное объясненіе этого явленія.

Съ помощью карманнаго барометра ему удалось установить, что взрывъ большого снаряда на разстояніи трехъ метровъ вызываетъ динамическое давленіе въ 10.360 килогр. на квадр. метръ. Результатомъ такого давленія является гибель всякаго живого существа, попавшаго въ поле дѣйствія взрыва.

Находящіеся же подъ прикрытіемъ траншеи, стѣны или другого препятствія испытываютъ лишь разрѣженіе окружающей атмосферы.

Вотъ это-то моментальное разрѣженіе и вызываетъ въ человѣческомъ организмѣ явленіе подобное тому, которое наблюдается при откупориваніи бутылки шампанскаго или газированной воды.

Воздухъ и углекислота выдѣляются немедленно изъ крови въ видѣ пузырьковъ, количество и величина которыхъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе и рѣзче разрѣженіе.

Если діаметръ ихъ превосходитъ діаметръ капиллярныхъ сосудовъ, происходитъ закупорка, моментально останавливающая кровообращеніе и вызывающая быструю и, повидимому, безболѣзненную смерть, такъ какъ лица погибшихъ такимъ образомъ солдатъ не носятъ никакихъ слѣдовъ предсмертныхъ страданій.

№ 38. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, И. А. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. **Литерат. и попул.-научн. прил.,** 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 19 сентября 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 13.

Заслуженная артистка Императорскихъ театровъ

Марія Гавріиловна Савина.

† 8-го сентября 1915 г.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Конный набѣгъ.

Прибалтійская армія генерала Белова, дойдя до Западной Двины у Фридрихштадта, не приступила къ переправѣ черезъ Двину, какъ этого многіе ожидали, и, слѣдовательно, не двинулась въ операціонномъ направленіи къ сѣверной столицѣ. Вмѣсто этого армія Белова, выставивъ заслонъ въ сторону Риги, повернулась значительными силами круто направо—въ направленіи къ юго-востоку, и повела операцію сначала противъ Двинска, а потомъ противъ Свѣнцянъ.

Такимъ образомъ участокъ Двинскъ—Свѣнцяны петроградо-варшавской желѣзной дороги сталъ, нѣсколько неожиданно для многихъ, объектомъ операцій прибалтійской арміи генерала Белова, вмѣсто Западной Двины. Черезъ день-два къ арміи Белова присоединилась ковенская армія Эйхгорна, наступавшая противъ Вильны. Тогда уже оказался атакованнымъ участокъ петроградо-варшавской желѣзной дороги Двинскъ—Свѣнцяны—Вильна, при чемъ противъ этого участка вели атаки уже двѣ арміи—Белова и Эйхгорна.

Эта операція обозначила собою охватъ праваго крыла нашего „западнаго фронта", каковой „западный фронтъ", какъ извѣстно, протягивался отъ Вильны до Пинскихъ болотъ. Какъ мы уже отмѣчали, противъ этого „западнаго фронта" наступали фронтально шесть-семь австро-германскихъ армій, атаковавшихъ Вильну, Слонимъ, Барановичи и Пинскъ. Слѣдовательно, къ этимъ шести-семи арміямъ, атаковавшимъ фронтально линію между Вильной и Пинскими болотами, присоединились двѣ арміи Эйхгорна и Белова, охватывавшія съ сѣвера ту же линію между Вильной и Пинскими болотами.

Послѣ ряда упорныхъ боевъ противнику удалось овладѣть станціей Свѣнцяны и прилегающимъ къ ней участкомъ петроградо-варшавской желѣзной дороги. Когда противникъ такимъ образомъ утвердился у Свѣнцянъ, т.-е. на участкѣ петроградо-варшавской дороги между Двинскомъ и Вильной, онъ немедленно бросилъ свою кавалерію на слѣдующую параллельную петроградо-варшавской желѣзной дороги магистраль—Бологое—Сѣдлецъ. Для этого имъ была двинута конная масса въ составѣ тринадцати кавалерійскихъ дивизій, подкрѣпленная артиллеріей, пулеметами и егерскими, т.-е. стрѣлковыми батальонами. Всего эта масса составляла около 25 тысячъ всадниковъ при нѣсколькихъ тысячахъ легкой пѣхоты и, примѣрно, при сотнѣ орудій.

Эта конная масса послѣ прорыва петроградо-варшавской желѣзной дороги у Свѣнцянъ двинулась быстро къ юго-востоку по желѣзнодорожной линіи Свѣнцяны—Глубокая и вышла къ бологое-сѣдлецкой желѣзной дорогѣ. При этомъ легкая пѣхота слѣдовала за конницей и артиллеріей на автомобиляхъ и на повозкахъ.

Конница противника вышла на бологое-сѣдлецкую желѣзную дорогу на участкѣ Полоцкъ—Молодечно, но при этомъ не дошла ни до Полоцка ни до Молодечно, а лишь разрушила дорогу посрединѣ между этими двумя пунктами. Движеніе нашихъ конныхъ частей, а также пѣхоты изъ-за Двины, со стороны Полоцка, пріостановило распространеніе противника къ Полоцку.

Тогда конница противника, за которой, какъ оказалось впослѣдствіи, слѣдовали значительныя массы пѣхоты арміи генерала Эйхгорна, повернулась въ другую сторону, а именно—въ сторону Молодечно, каковая станція находится, примѣрно, посрединѣ желѣзной дороги Вильна—Минскъ. Противникъ, очевидно, стремился занять Молодечно, чтобы воспрепятствовать отходу нашихъ виленскихъ войскъ на Минскъ. Однако противникъ не былъ допущенъ къ станціи Молодечно, и наши арьергарды задержали его до тѣхъ поръ, пока наша виленская группа не миновала станціи Молодечно.

Капитанъ 2-го ранга флигель-адъютантъ Б. А. Вилькицкій, совершившій переходъ на двухъ транспортахъ-ледоколахъ „Таймырѣ" и „Вайгачѣ" по Сѣверному океанскому пути изъ Владивостока въ Архангельскъ, куда благополучно прибылъ 3-го сентября 1915 г. По фот. І. Оцупа.

Городъ Тарнополь (Восточная Галиція).

Такъ какъ южнѣе Молодечно отъ Вильны отходилъ другой путь—на Лиду и Барановичи, то другая армія противника—генерала Гальвица, наступавшая отъ Гродны, бросилась къ Лидѣ, чтобы закрыть выходъ виленской группѣ и по этой дорогѣ—Вильна—Лида—Барановичи. Одинаково и здѣсь противникъ не былъ допущенъ къ Лидѣ, и наши арьергарды впереди Лиды задержали армію Гальвица до тѣхъ поръ, пока части нашей виленской группы, отходившія отъ Вильны черезъ Лиду, не прошли черезъ Лиду.

Такимъ образомъ въ окончательномъ итогѣ противнику не удалось закрыть выходъ виленской группѣ, и набѣгъ конницы его имѣлъ своимъ результатомъ лишь занятіе, кромѣ петроградо-варшавской дороги, еще нѣкотораго участка бологое-сѣдлецкой дороги между Полоцкомъ и станціей Молодечно.

Это имѣло нѣкоторое стратегическое значеніе. Для того, чтобы уяснить себѣ, въ чемъ заключалось стратегическое значеніе появленія противника на бологое-сѣдлецкой дорогѣ, необходимо вспомнить, что нашъ „западный фронтъ", протянувшійся между Вильной и Пинскими болотами, имѣлъ три коммуникаціонные пути, отходившіе къ сѣверо-востоку, по которымъ шло сообщеніе съ тыломъ: участокъ петроградо-варшавской дороги—Вильна—Двинскъ, участокъ бологое-сѣдлецкой дороги—Молодечно—Полоцкъ и участокъ московско-брестской дороги—Барановичи—Минскъ. Слѣдовательно, съ занятіемъ петроградо-варшавской дороги и съ появленіемъ противника на участкѣ Молодечно—Полоцкъ бологое-сѣдлецкой желѣзной дороги, отъ нашего „западнаго фронта" отходилъ только одинъ коммуникаціонный пунктъ по московско-брестской дорогѣ—черезъ Барановичи—Минскъ и далѣе къ сѣверо-востоку.

Это положеніе давало нѣкоторую аналогію съ положеніемъ манчжурскихъ армій въ кампанію 1904—1905 годовъ, когда у манчжурскихъ армій былъ, какъ извѣстно, только одинъ коммуникаціонный путь, но значительно болѣе длинный—сибирская желѣзная дорога.

Поэтому наличіе лишь одного коммуникаціоннаго пути дѣлало этотъ путь крайне чувствительнымъ и подразумѣвало возможность всякихъ покушеній на этотъ путь со стороны противника, который будетъ пытаться лишить насъ и этого коммуникаціоннаго пути. Слѣдовательно, послѣ появленія противника на участкѣ Полоцкъ—Молодечно бологое-сѣдлецкой желѣзной дороги, слѣдовало ожидать, что онъ двинется къ Минску и Борисову московско-брестской дороги, отъ которой противника отдѣляло 80—100 верстъ.

Кромѣ того, если прочертить далѣе операціонное направленіе армій противника, проникшихъ отъ Свѣнцянъ къ бологое-сѣдлецкой дорогѣ, то оно выводило не только на Минскъ и Борисовъ, но и далѣе къ Пинскимъ болотамъ, т.-е. противникъ,

прорвавшійся у Свѣнцянъ, стремился проскочить къ бологое-сѣдлецкой дорогѣ, а оттуда къ московско-брестской и затѣмъ къ Пинскимъ болотамъ, чтобы такимъ путемъ закрыть выходъ къ сѣверо-востоку нашимъ войскамъ, сражавшимся у Барановичей, Слонима и Лиды. Конечно, этотъ фантастическій планъ не могъ быть осуществленъ противникомъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ противникъ не осуществилъ ни одного стратегическаго окруженія, какъ, напримѣръ, не добился стратегическаго окруженія въ „варшавскомъ мѣшкѣ“.

Слѣдовательно, этотъ замыселъ противника не столько намѣчалъ „прижатіе“ насъ къ Пинскимъ болотамъ, сколько угрозу нашимъ путямъ отступленія съ тѣмъ, чтобы мы вслѣдствіе этой угрозы поскорѣе отошли отъ Лиды, Слонима и Барановичей къ верхнему Днѣпру въ могилевскомъ раіонѣ, очистивъ такимъ образомъ и минскій раіонъ.

Артуръ Бигсвоттъ, англійскій военный летчикъ, потопившій бомбами съ аэроплана германскую подводную лодку.

Костелъ въ Гусятинѣ (Галичина), построенный въ 1599 г.; часть его стѣнъ полуразрушена, но зданіе осталось въ полной сохранности.

Однако наступленіе противника отъ бологое-сѣдлецкой дороги на перерѣзъ московско-брестской дорогѣ было задержано впереди этой дороги, и противникъ тогда отхлынулъ съ частью силъ къ виленскому раіону, гдѣ продолжалъ пытаться охватить часть виленской группы, чего ему сдѣлать не удалось.

Оцѣнивая эту операцію противника, мы видимъ, что противникъ прибѣгъ здѣсь къ особому пріему. Этотъ пріемъ заключался въ томъ, что противникъ двинулъ сначала на перерѣзъ петроградо-варшавской, бологое-сѣдлецкой и московско-брестской дорогъ только одну армію Белова, т.-е. тысячъ двѣсти. Этимъ противникъ хотѣлъ какъ бы убѣдить насъ въ томъ, что его охватъ, какъ веденный небольшими силами, не столь ужъ серьезенъ. Если бы противникъ двинулъ сразу пять армій, т.-е. до 1 милліона человѣкъ, то, конечно, движеніе милліона человѣкъ отъ Свѣнцянъ наперерѣзъ бологое-сѣдлецкой и московско-брестской желѣзныхъ дорогъ явно бы означало, что противникъ хочетъ прижать наши арміи къ Пинскимъ болотамъ. Но противникъ не хотѣлъ этого заблаговременно обнаружить и надѣялся, придержавъ насъ у Лиды, Слонима и Барановичей, успѣть закрыть выходы къ сѣверо-востоку у Минска и Борисова ранѣе, чѣмъ туда отойдутъ войска отъ Лиды, Слонима и Барановичей.

Поэтому-то противникъ, не показывая сначала серьезной угрозы, двинулъ одну только армію Белова къ Минску и Свѣнцянамъ. Затѣмъ къ нему автоматически присоединилась сосѣдняя виленская армія Эйхгорна, и число охватывающихъ войскъ уже удвоилось.

Внутренній видъ костела въ Гусятинѣ (Галичина). Живопись очень древняя и не реставрированная.

Ноэль Лоренсъ, командиръ англійской подводной лодки, награжденный орденомъ св. Георгія 4-й степени за удачную атаку линейнаго корабля германскаго флота типа „Мольтке“ въ Балтійскомъ морѣ.

Еще далѣе, по мѣрѣ занятія противникомъ Свѣнцянъ, Вильны и бологое-сѣдлецкой дороги, къ противнику присоединилась оранская группа войскъ, наступавшая между Вильной и Гродной. Тутъ же рядомъ съ оранской группой оказалась армія Гальвица, которая также завернула къ востоку и также стала охватывать.

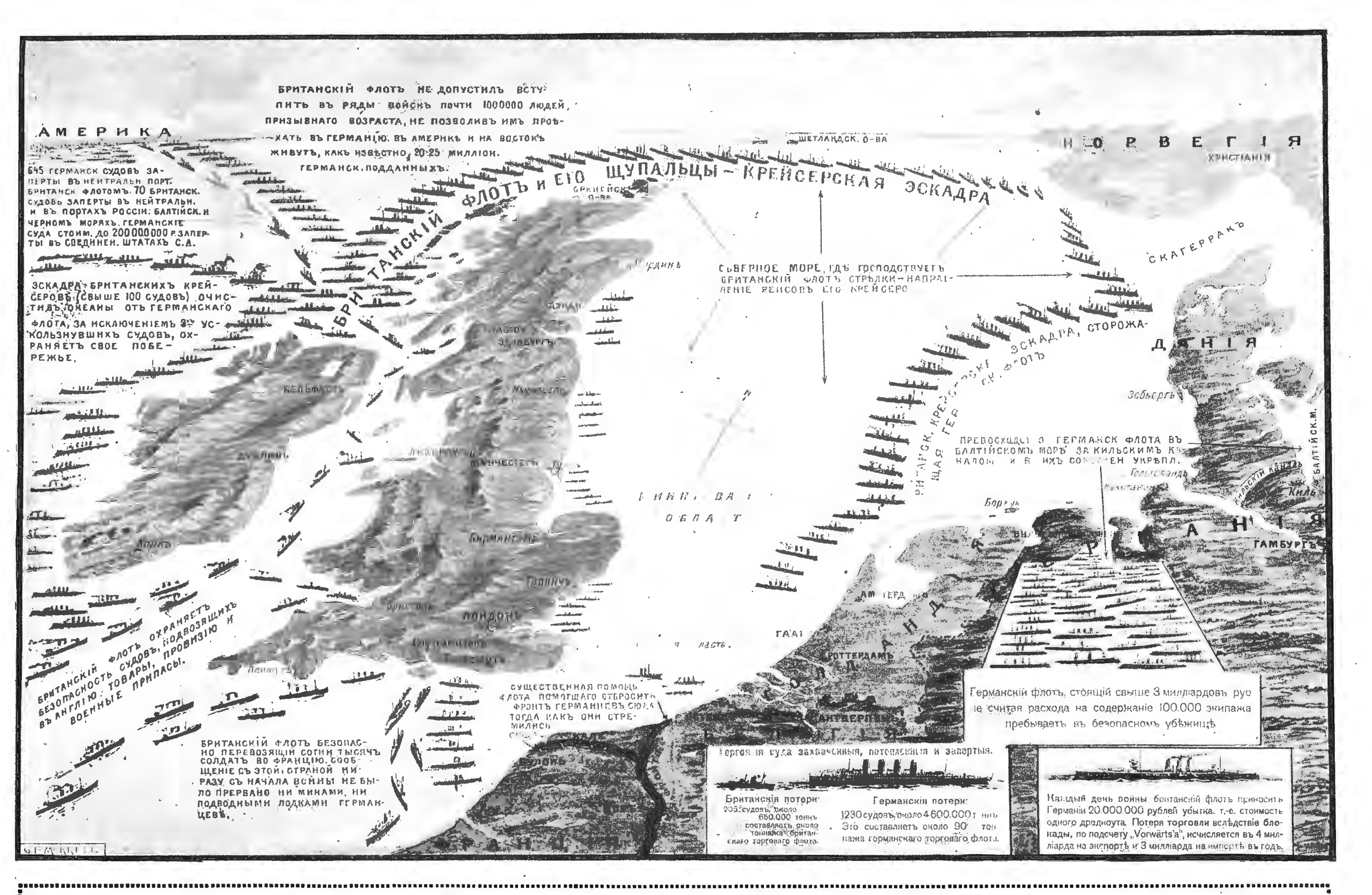
Такимъ образомъ, въ теченіе 2—3 дней, вмѣсто одной арміи Белова стало охватывать цѣлыхъ пять армій, наступавшихъ между Лидой и Двинскомъ черезъ бологое-сѣдлецкую дорогу въ направленіи на московско-брестскую.

Однако это наступленіе было задержано впереди московско-брестской дороги, а наши арміи, находившіяся у Лиды, Слонима и Барановичей, стали отходить вдоль московско-брестскаго пути къ сѣверо-востоку, въ направленіи къ минскому раіону. При этомъ пять охватывающихъ армій противника были отвлечены дѣйствіями нашихъ войскъ на ихъ лѣвомъ крылѣ—у Двинска и впереди Полоцка на бологое-сѣдлецкой дорогѣ.

Такимъ образомъ грандіозный стратегическій охватъ противника, мечтавшаго прижать насъ къ Пинскимъ болотамъ, былъ пріостановленъ и между московско-брестской и бологое-сѣдлецкой дорогами, и на широкомъ 100-верстномъ промежуткѣ завязались упорнѣйшіе бои.

Отъ исхода этого сраженія зависѣла судьба всего Полѣсья и раіона къ сѣверу отъ него, т.-е. громаднаго пространства между линіями Двинскъ — Полоцкъ — Витебскъ — Могилевъ и линіей Лида — Барановичи — Пинскъ. Противнику необходимо было для завершенія „программы перваго года войны“ выйти къ верхнему Днѣпру въ могилевскомъ раіонѣ, и онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы выполнить обходъ пяти армій, выводившихъ его къ верхнему Днѣпру и Березинѣ. Результаты этого сраженія должны были обрисоваться въ теченіе ближайшей недѣли.

Могила товарища. Рисунокъ М. Авилова.



Англійскій и германскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ. Кто больше пострадалъ отъ морской блокады—Германія или Англія?

Что принесла Германіи морская „блокада“?

(Съ картой на стр. 705).

Этого вопроса не разъ касалась печать разныхъ странъ. Подробное обсужденіе его и категорическій отвѣтъ на него даетъ нью-іоркскій журналъ „World's Work“ („Міровая работа“). Вопросъ поставленъ такъ: Достигла ли блокада своей цѣли? Изолирована ли Англія? Принесла ли она Германіи пользу, равную вреду, который причиняетъ ей вызванная безбожнымъ примѣненіемъ этой мѣры міровая вражда?

Провѣрка достигнутыхъ результатовъ даетъ факты и цифры, сами по себѣ, положимъ, достаточно ужасающіе, но требующіе освѣщенія путемъ статистики и сравненій.

Блокада вошла въ силу 17-го февраля н. ст., „Лузитанія“ потоплена 7-го мая. За эти 78 дней было потоплено 90 судовъ: 63 англійскихъ, 5 французскихъ, 3 русскихъ, остальныя нейтральныя—американскія, голландскія, шведскія, норвежскія, одно датское, одно греческое. На первый взглядъ—много, очень много. Но взглядъ измѣнится, если приложить масштабъ сперва ариѳметики, потомъ—исторіи. 90 судовъ въ 78 дней: это даетъ $1^1/_6$ судна въ день. Въ 1912 году Великобританія имѣла 3.386 парусниковъ и 9.672 парохода, всего 13.058 судовъ, занимавшихся домашней побережной и заграничной торговлей. На уничтоженіе этихъ судовъ, считая по $1^1/_6$ въ день, потребуется 11.257 дней, иначе сказать—30 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 7 дней, не включая сюда новыхъ судовъ, которыя за это время будутъ строиться.

Историческій масштабъ даетъ результатъ не болѣе утѣшительный для Германіи.

Въ 1812 году Соединенные Штаты воевали съ Англіей, военный флотъ которой, будучи несравненно больше и лучше американскаго, держалъ все атлантическое побережье подъ строгой блокадой. И все же, въ эту три года длившуюся войну, американскіе военные корабли и каперы отобрали у англичанъ до 2.500 судовъ, среднимъ числомъ около $2^1/_2$ въ день.

Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, не предвидится, чтобы „изолированіе“ Великобританіи нанесло большой ущербъ ея заморской торговлѣ. Статистика, напротивъ того, показываетъ значительное увеличеніе ввоза всевозможныхъ товаровъ за истекшій мартъ противъ того же мѣсяца въ прошедшемъ году, невзирая на то, что въ этомъ самомъ мѣсяцѣ были потоплены 25 британскихъ судовъ и 4 нейтральныхъ. На деньги это представляетъ скачокъ отъ 670 милліоновъ рублей до 756 милліоновъ. Въ эти ввозы за мартъ прошедшаго 1914 года входило муки и хлѣба зерномъ на 59 милліоновъ, за истекшій же мартъ на 96 милліоновъ—почти вдвое. Разныхъ металловъ было ввезено на 6 милліоновъ больше. Лошадей изъ Соединенныхъ Штатовъ въ мартѣ 1914 года было ввезено 760, въ мартѣ же текущаго года 3.465.

Съ начала войны до 7 мая 1915 г. (9 мѣсяцевъ и 1 недѣля) Германія уничтожила 143 британскихъ судна изъ 13.058—1% съ небольшимъ, а если считать по вмѣстимости, получится уничтоженныхъ 339.760 тоннъ изъ 11.714.198,—т.-е. около 3%. Если считать, что судно можетъ прожить 25 лѣтъ, то это меньше нормальнаго процента его обезцѣниванія за то же время, что представляетъ совсѣмъ ужъ незначительный финансовый ущербъ всему британскому судовому комплекту.

Несомнѣнно, что устрашающаго воздѣйствія можно ожидать скорѣе отъ нравственнаго впечатлѣнія, которое производитъ блокада, а главное—безчеловѣчный способъ ея примѣненія, нежели отъ наносимаго финансоваго убытка. Но и тутъ исторія учитъ, что страхъ смерти никогда надолго не удерживалъ отважныхъ людей отъ риска, даже когда дѣло шло исключительно о наживѣ, а не имѣло, какъ въ настоящемъ случаѣ, еще и высоко идейную сторону.

Но великій и непоправимый вредъ блокада нанесла и продолжаетъ наносить своимъ учредителямъ. Если бы топились только суда воюющихъ сторонъ, притомъ съ соблюденіемъ гуманныхъ женевскихъ и гаагскихъ правилъ, это не вызвало бы особенно злобныхъ чувствъ: что дѣлать, на то война. Но своимъ полнымъ неуваженіемъ къ нейтральнымъ флагамъ, безпримѣрной жестокостью, съ которой губится жизнь сотенъ людей, ничѣмъ къ войнѣ непричастныхъ, мирно занимающихся своимъ частнымъ дѣломъ, безъ разбора національности, пола и возраста, германцы вызвали всемірное къ себѣ негодованіе и отвращеніе. Потопленіе „Лузитаніи“, задолго обдуманное и заранѣе нагло объявленное, стоившее жизни не менѣе какъ тысячѣ частныхъ людей, въ томъ числѣ ста слишкомъ американцамъ и многимъ десяткамъ гражданъ другихъ нейтральныхъ странъ, а затѣмъ недавнее потопленіе „Арабика“ затмили всѣ предыдущіе „подвиги“ современныхъ викинговъ, и весь міръ утвердилъ приговоръ: „массовое убійство“, вынесенный англійскимъ общественнымъ судомъ. Извѣстно, какой переворотъ этотъ брошенный въ лицо всему христіанскому міру вызовъ произвелъ въ отношеніи Америки къ Германіи. Отношеніе это, по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главною является присутствіе въ Штатахъ могущественнаго германскаго элемента въ лицѣ восьмимилліоннаго такъ называемаго „германо-американскаго“ населенія, дотолѣ замѣтно благожелательное, мигомъ превратилось въ открыто враждебное и, только благодаря осторожности стоящаго во главѣ націи правительства, не выразилось импульсивнымъ объявленіемъ войны. Но нейтралитетъ бываетъ разный, и Америка имѣетъ много возможностей, не измѣняя ему формально, весьма ощутительно дать почувствовать свое неудовольствіе.

„Итакъ,—оканчиваетъ свое разсужденіе журналъ,—Германія своей „изолирующей“ политикой достигла совершенно неожиданнаго для нея результата. Если, по части физическаго изолированія великобританскихъ острововъ, она можетъ похвалиться нѣкоторымъ успѣхомъ, зато съ полнѣйшимъ успѣхомъ само себя изолировала отъ симпатій и нравственной поддержки всего цивилизованнаго міра. Бисмаркъ считалъ цѣнность нравственной поддержки своей политики по меньшей мѣрѣ равной цѣнности физической мощи военнаго строя Германіи. Нынѣшніе же правители Германіи ставятъ нравственную поддержку ни во что. Чье сужденіе вѣрнѣе,—покажетъ время. Весьма возможно, что установленіе военной зоны вокругъ Великобританіи окажется рѣшительнымъ толчкомъ въ сторону паденія Германской имперіи“.

З. Р.

Чаепитіе на позиціяхъ. Офицеры гусарскаго полка, вмѣстѣ со священникомъ своимъ о. Покровскимъ, довольно комфортабельно устроились на позиціяхъ, подъ прикрытіемъ обстрѣливаемаго нѣмцами блиндажа.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Два солдата.

Разсказъ **Н. Киселева.**

Есть такая притча: была у царя корона, сдѣланная искусно изъ чистаго золота, и украшена она была драгоцѣнными камнями: алмазами, рубинами, опалами, изумрудами, сапфирами. Своя игра у каждаго камня, свой блескъ, своя красота, своя особая, незыблемая цѣнность. Ни одного камня нельзя выбросить, ни про одинъ камень нельзя сказать: „это плохой камень", и ни одинъ камень недостойно унижать передъ другими! Корона эта—земля, а камни—люди Господни.

Вотъ тогда-то и вспомнилась мнѣ притча эта. Наслаждаясь лѣтнимъ отдыхомъ послѣ муштровки военнаго училища, ѣхалъ я изъ отцовскаго имѣньица въ гости къ родному дядѣ, старому отставному генералу, грузному и тяжелому на подъемъ, но съ открытымъ, крикливымъ и радушнымъ характеромъ. Ѣздилъ я къ нему каждое лѣто съ самыхъ младенческихъ лѣтъ своихъ. Время брало свое, и съ каждымъ годомъ генералъ становился все грузнѣе и неподвижнѣе. Но я словно умышленно не хотѣлъ замѣчать въ немъ никакой перемѣны. Въ моихъ глазахъ онъ все былъ такимъ же, какимъ остался въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Тамъ, въ ясномъ дѣтствѣ моемъ, я всегда видѣлъ его высокую и дородную фигуру величественно расхаживающей по усадьбѣ и огромнѣйшимъ голосомъ отдающей приказанія работникамъ, чуть не за версту что-то дѣлавшимъ въ полѣ. Или видѣлъ я его сидящимъ на деревянномъ скрипучемъ крыльцѣ стараго барскаго дома, въ широкихъ кожаныхъ креслахъ съ какими-то чугунными шишечками наверху, и вершившимъ расправу надъ нерадивыми. И для меня и для моего старшаго брата, тогда еще мальчика, а теперь уснувшаго великою смертью храбрыхъ, не было большаго наслажденія, какъ смотрѣть на эту расправу. Всѣ рабочіе, пока жили въ имѣніи, столь подпадали подъ обаяніе генеральской прямоты, что охотнѣе всего подчинялись его военной дисциплинѣ.

— Налѣво кругомъ маршъ! Подъ часы!—командовалъ на всю окрестность генералъ, и виновные ворочались, кто налѣво, кто направо, лихо отбивали ногу и становились къ прохладной стѣнѣ варка, наказанные, гордые своей военной выправкой, сладко отдыхая въ густой тѣни отъ солнечнаго зноя.

И всегда мнѣ вспоминается при этомъ одинъ смѣшной случай, какъ какой-то сильно виновный и выпившій мужичокъ послѣ команды повалился въ ноги генералу и замолилъ:

— Ослобони отъ варка, ваше благородіе!

— Какъ? Что?—загремѣлъ генералъ.

— Посѣки ты меня, баринушка.

— Какое же я имѣю право?—смутился генералъ.

— А ты безъ права. Вели, ваша милость, кучеру Игнашкѣ наломать березокъ похлеще. Онъ сбѣгаетъ, ужъ я упросилъ его. Да высѣки ты меня до того, чтобы мнѣ далеко нельзя было бѣгать.

— Пошелъ, пошелъ къ варку! Проспись тамъ хорошенько!

— Проспаться-то я просплюсь, да вѣдь завтра опять за водкой побѣгу на село. А время, самъ знаешь, какое горячее, и для дома бы надо порабатывать. Уважь ты меня, насѣки хорошенько. Вотъ тебѣ крестъ, заслужу.

Но мужикъ такъ и остался невысѣченнымъ, а вмѣсто этого былъ хитроумно напоенъ водкой такъ, что на другой день не захотѣлъ и опохмеляться.

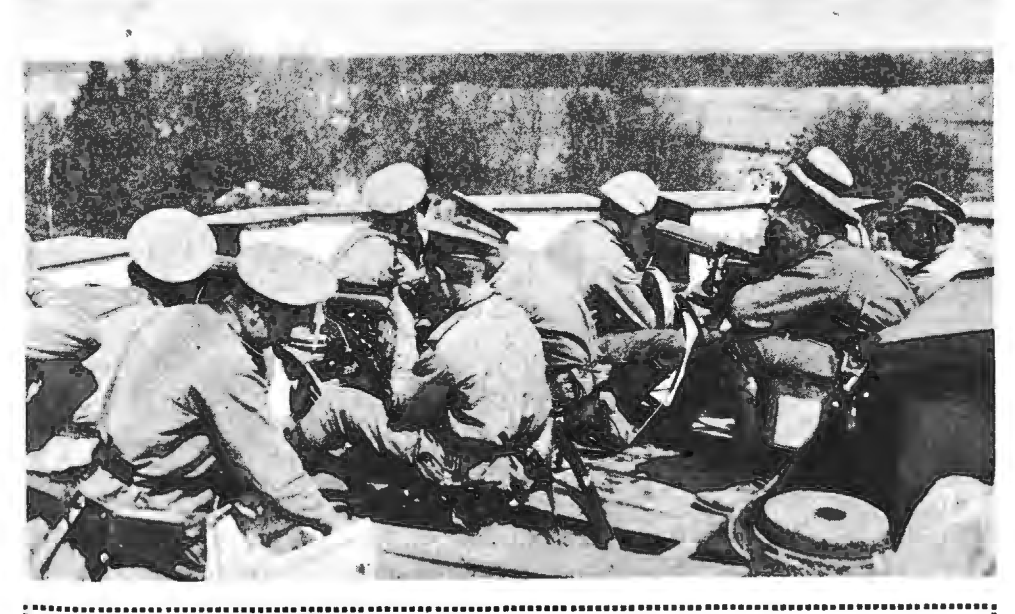
Когда я представляю себѣ дядину наружность, то я всегда вспоминаю прежде всего его большія темныя руки, всегда загорѣлыя, которыя любовно гладили меня по стриженной головѣ, потомъ бѣлый китель съ золотыми пуговицами, рѣзко блестѣвшими на солнцѣ, и послѣ этого уже широкое бородатое лицо съ хрящеватымъ толстымъ носомъ—все строгое и такое добродушное, какъ бываетъ у крупныхъ и умныхъ животныхъ, спокойныхъ и благожелательныхъ.

Дядя былъ закоренѣлый холостякъ, всю жизнь свою проскитался по-цыгански по всему широкому лицу земли, никогда не зная ни семейнаго уюта ни дѣтской ласки, въ имѣніе же наѣзжалъ только по лѣтамъ. Поэтому-то, быть-можетъ, такъ и любилъ онъ дѣтей своего брата, всѣхъ насъ. Я помню, что смерть моего брата столь потрясла его, что онъ былъ долго боленъ.

Къ этому-то дядѣ и ѣхалъ я теперь одинъ, безъ брата. Я не зналъ, хорошо ли я дѣлаю. Я бы не хотѣлъ ему вновь напомнить своимъ пріѣздомъ, что теперь навсегда я стану ѣздить къ нему въ одиночествѣ, но, съ другой стороны, мнѣ думалось, что онъ обрадуется мнѣ больше, чѣмъ всегда, чтобы только стряхнуть съ себя свое тяжелое уединеніе.

Стояло знойное полуденное удушье

Солдатъ-скульпторъ. Унтеръ-офицеръ гусарскаго полка Шаталовъ и въ мирное время отличался большими способностями къ скульптурѣ. На войнѣ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Курляндіи, Шаталовъ, отважный солдатъ и георгіевскій кавалеръ, на передовыхъ позиціяхъ усердно занимался скульптурою, лѣпя изъ рѣчной глины цѣлыя группы въ натуральный человѣческій ростъ. На снимкѣ полковника Далматова Шаталовъ изображенъ рядомъ со своимъ послѣднимъ произведеніемъ. Русскій солдатъ шаловливо треплетъ за ухо и за носъ Вильгельма. Эту композицію Шаталовъ вылѣпилъ въ продолженіе часа въ имѣніи Априкенъ, тотчасъ же по изгнаніи оттуда нѣмцевъ. Отходя, гусары уничтожили группу, чтобъ нѣмцы изъ мести не сожгли сосѣднія латышскія мызы.



Пулеметы въ дѣйствіи. Тотчасъ же по взятіи нашими гусарами баронскаго имѣнія откуда выбиты были засѣвшіе нѣмцы, пулеметная команда съ изумительной быстротой втащила два пулемета на крышу-площадку высокой башни замка, и отступающій врагъ былъ обстрѣлянъ, потерявъ много пѣхотинцевъ и всадниковъ.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны" и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ" въ №№ 26 и 27 „Нивы").

Переправа гусарскаго эскадрона черезъ рѣку Виндаву.

и нѣмота надъ всѣми полями и лѣсами, мимо которыхъ везъ меня по пыльной дорогѣ нашъ кучеръ Сидоръ. Лѣто было благопріятное для хлѣба и травы, и всюду, куда только глазъ хваталъ, стояли высокія и густыя зеленыя моря безъ единаго островка незаросшей земли. Но могучее солнце вмѣстѣ съ ними вывело по всѣмъ полямъ на свѣтъ Божій и цѣлыя тучи всякихъ слѣпней, комаровъ, рогатыхъ и усатыхъ мухъ и еще какихъ-то удивительныхъ насѣкомыхъ, съ размаху натыкающихся на что попало и оглушающихъ себя. Солнце жгло, лошадь трусила монотонно, цѣлый живой, широкій, но однотонный хоръ пѣлъ за моей спиной, и въ октаву ему высоко звенѣла какая-то расхлябавшаяся гайка у тарантаса, и все это было такъ утомительно и трудно, что я сталъ забываться. Какъ вдругъ потянуло легкой прохладой, потомъ вѣтеркомъ, и внезапно обѣ высокія стѣны ржи, глухо стоявшія по обѣимъ сторонамъ дороги, и дальняя сосна придорожная дрогнули, склонились и загудѣли, и деревня, черезъ которую мнѣ надо было ѣхать, и которая была совсѣмъ на виду у меня, вдругъ исчезла въ летучей пыли. Высоко вверху пролетѣла откуда-то рогожа, и черная туча, словно море, залила все ясное небо. Засіяла зловѣще молнія, заревѣлъ громъ, ударилась мнѣ въ лицо холодная, крупная капля, и вдругъ за сплошной завѣсой настоящаго дождя-ливня исчезли всѣ окрестности. Все случилось такъ внезапно, что нечего было и думать добраться до деревни. Сидоръ началъ-было хлестать лошадь такъ, что она стала лягаться, но колеса, словно войлокомъ, окутало густой грязью.

— Ваше благородіе! Пожалуйте къ намъ! — вдругъ услышалъ я откуда-то среди гула и шума стихійнаго.

- Заверните, вашъ сіясь! — проскрипѣлъ оттуда же другой голосъ, старческій.

Слѣва разглядѣлъ я полевую часовню, какія ставятъ въ нашихъ мѣстахъ по лугамъ для благодати,—съ темной иконкой, съ жестяной лампадочкой, съ маленькимъ, но широкимъ навѣсомъ въ видѣ галки. Я оставилъ своего Сидора на произволъ судьбы и бросился туда сквозь дождевую толщу.

Тамъ, словно двѣ козявки, жались два человѣка. Одинъ былъ солдатъ съ котомкою за плечами, другой — плѣшивый старикашка босикомъ. Втроемъ намъ еще хватило мѣста, но больше нельзя было бы поставить и палки. Увидѣвъ мою юнкерскую форму, солдатъ было-приструнился, но, замѣтивъ, что на мнѣ нѣтъ офицерскихъ погоновъ, опять сталъ держать себя вольно

Нашъ сотрудникъ и военный корреспондентъ Н. Н. Брешко-Брешковскій со священникомъ гусарскаго полка о. Покровскимъ въ баронской усадьбѣ Априкенъ, спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ нѣмцы были выбиты гусарами изъ усадьбы. За участіе въ кавалерійскомъ бою, за взятіе Априкена и за то, что, подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ непріятеля, былъ переводчикомъ между командиромъ эскадрона и захваченнымъ на позиціяхъ неизвѣстнымъ, Н. Н. Брешко-Брешковскій награжденъ георгіевскою медалью за храбрость.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

— Ты далеко, солдатъ? — спросилъ я.
— Да опять къ себѣ, въ солдатство. Былъ раненъ, отдыхалъ дома.
Старикъ повертѣлъ головой, засмѣялся и сказалъ:
— Солдатъ. Какое это слово? Совсѣмъ чудное.
— А какъ я тебя училъ? — сказалъ ему солдатъ. — Ну-ка, повтори. Что есть солдатъ?
Старикъ вытянулъ руки по швамъ, высоко поднялъ голову, такъ что борода его стала торчать горизонтально, и сказалъ безъ передышки:
— Солдатъ есть названіе первое и общее. Солдатомъ называется какъ простой рядовой, такъ и твой бригадный генералъ, такъ и первое военное лицо въ государствѣ.
— Ну вотъ, — сказалъ солдатъ и засмѣялся, засмѣялся и старикъ.
Намъ недолго пришлось стоять у часовни. Туча пронеслась такъ же быстро, какъ и пришла. Вдругъ проглянуло солнце, и гигантская яркая радуга стала одной свѣтозарной ногой на мокрой травѣ невдалекѣ отъ насъ, а другой размахнулась за деревню, за рѣку, за широкое поле и оперлась на далекій, чуть видный холмъ. Все рѣзало глазъ мокрымъ блистаніемъ, и гладкая шерсть у лошади отливала масломъ.
Сидоръ мой забился подъ тарантасъ, подъ которымъ осталось сухое пятно дороги. Я закричалъ ему, чтобы подкатывалъ сюда.
— Что жъ, садитесь, подвезу до перевоза, — предложилъ я обоимъ.
Солдатъ вспрыгнулъ охотно на передокъ, старикъ же смутился.
— Ноги грязныя. Поврежу вашъ экипажикъ, — робѣлъ онъ, но наконецъ набрался духу и примостился на подножкѣ.
Впрочемъ, просидѣлъ онъ недолго. Какъ только выѣхали за деревню и начался крутой спускъ къ рѣкѣ, онъ сталъ руководить лошадью и Сидоромъ и такъ кричалъ и хлопоталъ, что даже вспотѣлъ весь. Сидору, видимо, старикъ сильно надоѣлъ, и онъ велѣлъ ему отойти прочь. Старикъ побѣжалъ къ рѣкѣ и задребезжалъ разбитымъ голосомъ своимъ:
— Перевозъ, перевозъ!
Плотъ стоялъ на той сторонѣ, но изъ будки никто не показывался. Видимо, перевозчикъ спалъ или ушелъ на село. Старикъ махалъ руками, словно вѣтряная мельница. Къ нему подошла гусыня съ гусенятами, вытянула шею, прошипѣла что-то и снова вернулась къ стаду, и все стадо отвѣтило одобрительно: го-го-го!

Вѣтряная мельница въ Курляндіи, возлѣ имѣнія . Около мельницы — нашъ гусарскій разъѣздъ. Движеніемъ крыльевъ этой мельницы шпіоны сигнализировали германскимъ отрядамъ.

— Экій хлопотунъ! — разсмѣялся Сидоръ. — Гусей-то съ ума свелъ! Капитонъ, да ты раздѣнься и сплавай самъ туда. Глядѣть на тебя жалко!
Капитонъ, ни слова не возражая, сейчасъ же снялъ штаны и рубаху и бросился въ воду. Стая рыбокъ, застывшая надъ пескомъ у камешка, съ перепугу даже выскочила кверху. Капи-

Гусарскій эскадронъ идетъ походнымъ маршемъ вдоль берега Виндавы, чтобы атаковать усадьбу съ засѣвшими тамъ уланами 9-го померанскаго полка.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.
(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Похороны убитыхъ въ бою нѣмецкихъ солдатъ. Впереди на бричкѣ ѣдетъ мѣстный пасторъ.

тонъ замахалъ надъ водой тощими руками. Узкій, словно доска, онъ плылъ хорошо, поблескивая на солнцѣ желтой спиной. Онъ скоро выбрался на тотъ берегъ, вскочилъ на плотъ и потянулъ его къ намъ.

Вдругъ я услыхалъ за своей спиной беззаботный хохотъ, и голосъ, до того мнѣ радостный и знакомый, что я не повѣрилъ своимъ ушамъ, закричалъ:

— Ванюшка! Шельмецъ ты этакій! Ужъ ты не ко мнѣ ли?

Я оглянулся и увидѣлъ самого дядю, подъѣзжавшаго въ блестящей коляскѣ. У перевоза сходились всѣ дороги, но я никакъ не могъ подумать, чтобы дядя куда-то могъ ѣздить изъ своего имѣнія. Но что меня особенно поразило, это дядинъ видъ. Я ожидалъ найти его все еще больнымъ и удрученнымъ, а между тѣмъ передо мной былъ тотъ величественный, мужественный и веселый генералъ, какимъ я зналъ его и помнилъ въ далекомъ дѣтствѣ. Словно бы десять лѣтъ сразу свалилось съ него.

— Громадина-то, громадина какая сталъ!—кричалъ мнѣ генералъ изъ коляски своимъ большимъ голосомъ.

Онъ ѣхалъ безъ кучера и правилъ самъ.

— Жаль, что поцѣловать тебя не могу. Послѣдній годъ?

— Послѣдній!

— А тамъ тебя на турку. Побѣдишь?

— Побѣжду, дядюшка.

Мы оба расхохотались такъ, что солдатъ у перевоза, орломъ вытянувшійся передъ генераломъ, не могъ не улыбнуться.

— Здорово, рубака!—крикнулъ ему генералъ.

— Здравія желаю, ваше пр-ство!—счастливо заоралъ солдатъ.

Генералъ прищурился на него, внимательно разглядѣлъ и спросилъ:

— Тимоѳей?

— Такъ точно, ваше пр-ство!

Голый Капитонъ уже подгонялъ плотъ къ примосткамъ. Я отпустилъ своего угрюмаго Сидора домой и пересѣлъ въ щегольскую дядюшкину коляску.

— Ну вотъ, теперь поцѣлуемся. Здравствуй, нѣмецъ!—сказалъ дядя, обнимая меня.—Заѣдемъ-ка тутъ въ избу, велимъ квасу подать.—предложилъ дядюшка.—Садись, Тимоѳей, сзади. Нечего кости ломать. Къ своей части?

— Такъ точно!

Капитонъ перетащилъ насъ на тотъ берегъ, съ ошеломленіемъ получилъ отъ генерала бумажку и, зажавъ ее въ зубахъ, опять бросился въ воду и поплылъ на другую сторону.

— Сродственникъ мой. Провожалъ!—засмѣялся Тимоѳей.—И попрощаться не успѣлъ. Какъ наградили!

Узкая дорога круто пошла за рѣкой кверху между двумя песчаными желтыми стѣнами. Когда мы въѣхали наверхъ, къ деревнѣ, издалека донесся голосъ Капитона:

— Прощай, Тимоѳей! Эй, прощай! Кланяйся тамъ!—кричалъ онъ.

— Опомнился!—опять разсмѣялся Тимоѳей.

— Такъ-то вотъ, братецъ,—сказалъ ему дядюшка, занятый какими-то своими думами.—Солдату солдатъ вездѣ братъ. Помни эту поговорку. Вездѣ мы другъ другу помогать должны. Ты за меня, я за тебя. Помнишь воинскій уставъ? Что есть солдатъ?

— Такъ точно, помню.

— И всегда помни. И ты солдатъ, и я солдатъ. Богъ вѣсть, гдѣ сойдемся.

Латыши везутъ на сосѣдній перевязочный пунктъ раненыхъ въ бою нѣмецкихъ солдатъ.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Послѣднія слова дядины и внезапная задумчивость его были мнѣ еще удивительнѣе, чѣмъ недавнее его оживленіе. И тутъ, Богъ вѣсть какъ, мнѣ пришла въ голову такая мысль, какой я сначала даже не повѣрилъ. Но она отлично объясняла мнѣ все, что дѣлалось въ дядиной душѣ.

— Дядюшка! Да неужели?—воскликнулъ я, пораженный.

Онъ повернулся ко мнѣ и яснымъ простымъ умомъ своимъ сразу же понялъ меня.

— А что же?—сказалъ онъ.—И пойду. Ясно, какъ огурецъ. Твой братъ шелъ, ему не орали надъ ухомъ: неужели?

— Такъ вы теперь въ городъ ѣздили?..

— Какъ огурецъ!

— И хлопотали объ этомъ?

— Огурецъ!

Я съ такимъ восхищеніемъ и сіяніемъ посмотрѣлъ на него, что онъ даже смутился.

— Ну-ну! —сказалъ онъ, отворачиваясь.— Ясно!

Онъ заговорилъ о чемъ-то опять съ Тимоѳеемъ. Они стали вспоминать какое-то давнее время, когда Тимоѳей служилъ еще у дяди въ имѣніи. Генералъ вдругъ подмигнулъ Тимоѳею и спросилъ:

— А помнишь, какъ ты просился посѣчь тебя?

Въ минуты отдыха. По фот. С. Корсакова.

Шорники за работой. По фот. С. Корсакова.

— Такъ точно!—счастливо вспомнилъ Тимоѳей.— Я самый и былъ.

Оба они засмѣялись и такъ надолго, что баба, которая вышла изъ крайней избы намъ навстрѣчу съ квасомъ въ глиняномъ кувшинѣ, устала стоять передъ ними и пошла разгонять двухъ неистово дерущихся на дорогѣ пѣтуховъ.

Дядя выпилъ стаканъ квасу и пожелалъ умыться. Тимоѳей любовно помогъ ему высадиться изъ тарантаса и потомъ поплелся за нимъ вообще помогать. Видно, онъ хорошо узналъ дядины привычки за все время службы у него.

Я остался одинъ среди пустынной улицы. Баба ушла въ избу, разогнанные пѣтухи удалились на задворки, гдѣ имъ никто не могъ мѣшать, изъ одного окна высунулась-было кудлатая стариковская голова, глянула туда-сюда спросонья, но и тотчасъ же спряталась. Сначала я все восхищался дядиной независимостью, доблестью и благородствомъ, представлялъ себѣ, какъ онъ ѣздилъ въ городъ. Но скоро я усталъ дожидаться, замоталъ вожжи за желѣзную ручку у передка и пошелъ въ открытыя ворота во дворъ.

Совершенно неожиданно я наткнулся тутъ на дядю и Тимоѳея. Оба они стояли посрединѣ двора, и оба были столь странны, что я долго не могъ ничего сообразить. Дядя мялъ въ рукахъ платокъ и часто хлопалъ глазами, а Тимоѳей стоялъ передъ нимъ весь красный, какъ ракъ.

— Ежели что и было... — бормоталъ скороговоркой дядя.—Ты слуга, я баринъ. Понятно, старикъ, старый осланъ...

— Помилуйте, ваше пр-ство,—въ то же самое время бормоталъ и Тимоѳей. — По гробъ жисти ласку помнить буду. Извольте простить, ваше пр-ство!

Увидѣвъ меня, дядя строго нахмурился и замахалъ мнѣ рукой.

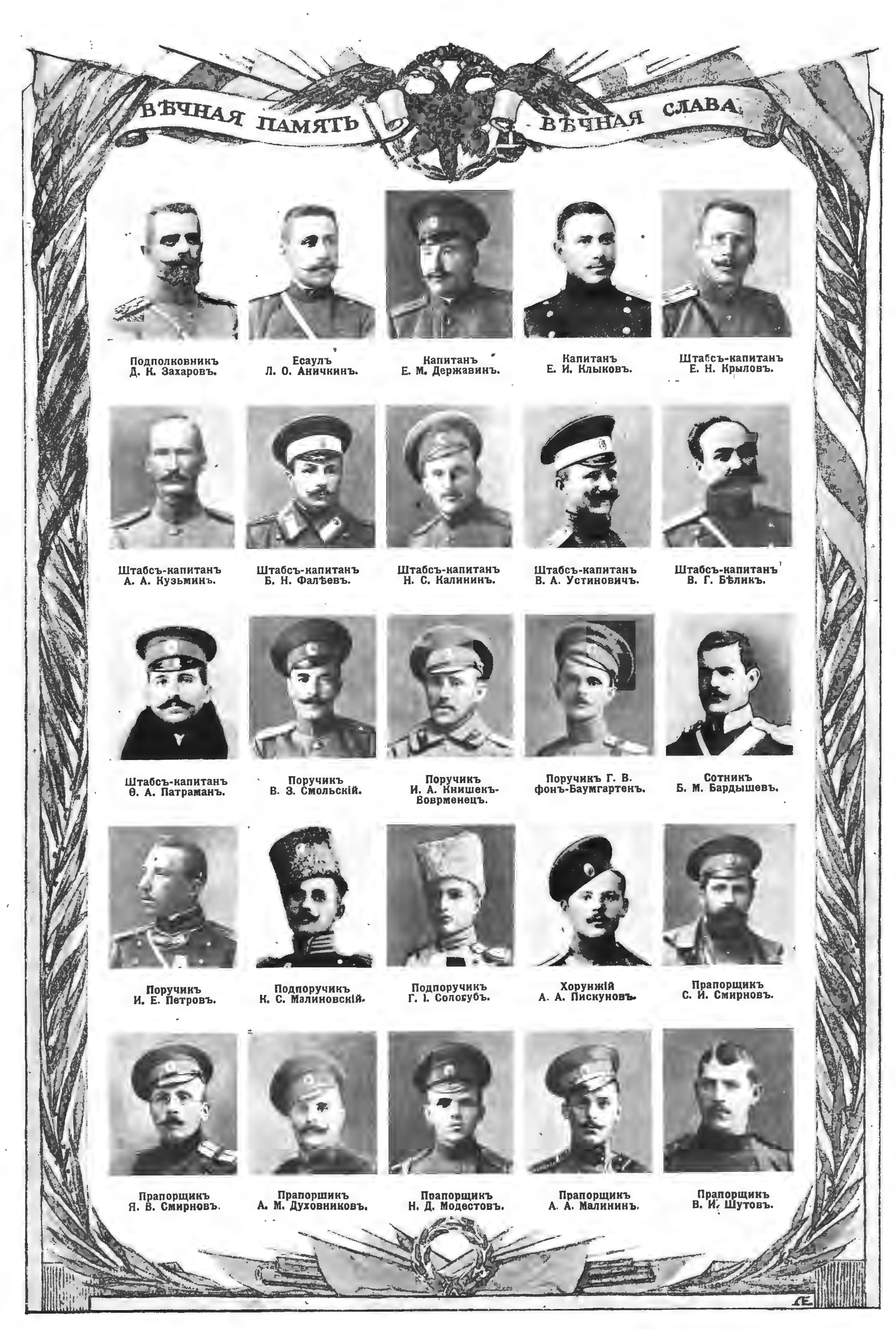
— Ну-ну!—закричалъ онъ.—Не твое тутъ дѣло, не твое! Ясно!

Онъ пошелъ къ тарантасу и взялъ вожжи въ руки. Когда мы снова очутились среди зеленыхъ неоглядныхъ полей, дядя обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Такъ-то вотъ, шельмецъ. Ни одного камня нельзя выбросить изъ короны, ни про одинъ камень нельзя сказать: „это плохой камень“. Помнишь притчу, какую я тебѣ разсказывалъ?

Да, я помнилъ эту притчу и только съ новымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на него. И притчи этой не забыть мнѣ всю жизнь.

Походная кузница. По фот. С. Корсакова.



Подполковникъ Д. К. Захаровъ.

Есаулъ Л. О. Аничкинъ.

Капитанъ Е. М. Державинъ.

Капитанъ Е. И. Клыковъ.

Штабсъ-капитанъ Е. Н. Крыловъ.

Штабсъ-капитанъ А. А. Кузьминъ.

Штабсъ-капитанъ Б. Н. Фалѣевъ.

Штабсъ-капитанъ Н. С. Калининъ.

Штабсъ-капитанъ В. А. Устиновичъ.

Штабсъ-капитанъ В. Г. Бѣликъ.

Штабсъ-капитанъ Ѳ. А. Патраманъ.

Поручикъ В. З. Смольскій.

Поручикъ И. А. Книшекъ-Воврменецъ.

Поручикъ Г. В. фонъ-Баумгартенъ.

Сотникъ Б. М. Бардышевъ.

Поручикъ И. Е. Петровъ.

Подпоручикъ К. С. Малиновскій.

Подпоручикъ Г. І. Сологубъ.

Хорунжій А. А. Пискуновъ.

Прапорщикъ С. И. Смирновъ.

Прапорщикъ Я. В. Смирновъ.

Прапорщикъ А. М. Духовниковъ.

Прапорщикъ Н. Д. Модестовъ.

Прапорщикъ А. А. Малининъ.

Прапорщикъ В. И. Шутовъ.

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента). **М. Доманскаго.**

XI. На питательномъ пунктѣ.

На станціи Р.. шагахъ въ полуторастахъ отъ вокзала, возлѣ самыхъ путей, я увидѣлъ нѣсколько палатокъ. Подошелъ ближе. Надъ входомъ въ самую большую, подъ русскимъ національнымъ флагомъ,—маленькая вывѣска:

„N-скій питательный пунктъ“.

Удивительно кстати. Когда сегодня утромъ, сдѣлавъ послѣдній тридцативерстный перегонъ на лошадяхъ, я пріѣхалъ на станцію и, остановивъ какого-то субъекта въ желѣзнодорожной фуражкѣ, спросилъ, имѣется ли здѣсь, на станціи, буфетъ, онъ посмотрѣлъ на меня,—я ясно видѣлъ,—съ весьма значительной долей презрѣнія и отвѣтилъ:

— Какой же тутъ можетъ быть буфетъ? Всего только три дня, какъ нѣмцевъ отсюда выгнали. Станція вся разбита!

Вотъ почему маленькая вывѣска надъ палаткой привела меня въ искреннее умиленіе.

У входа я столкнулся съ сестрой, молодой, красивой.

Скажите, сестра, вы питаете только нижнихъ чиновъ?

— И нижнихъ чиновъ, и офицеровъ, и генераловъ, и людей штатскихъ, словомъ, всѣхъ, кто хочетъ ѣсть! — отвѣтила сестра, улыбнувшись. — Входите, пожалуйста! Это какъ разъ офицерская столовая!

Я вошелъ. То, что я увидѣлъ, могло привести въ изумленіе даже самаго избалованнаго комфортомъ человѣка.

По всей длинѣ палатки тянулся большой столъ, покрытый красивой лиловой узорчатой скатертью. На столѣ въ вазахъ и стаканахъ были разставлены букеты яркихъ цвѣтовъ. Среди букетовъ стояли подъ большими стеклянными колпаками закуски: ветчина, сыръ, сардины, кильки и какіе-то маринады. Громадные стеклянные кувшины съ водою чередовались съ такими же кувшинами съ молокомъ. Возлѣ каждаго прибора лежала безукоризненной чистоты подъ цвѣтъ скатерти лиловая салфетка.

Противоположную отъ входа стѣну палатки занималъ тоже не маленькій столъ, весь заваленный газетами и журналами. И на этомъ столѣ стояло нѣсколько букетовъ.

Два остальныхъ угла палатки были заняты большимъ ледникомъ и столомъ, на которомъ высились груды тарелокъ самаго разнообразнаго калибра и привѣтливо попыхивалъ на спиртовкѣ громадный кофейникъ.

Рис. 1. „На питательномъ пунктѣ“. По всей длинѣ палатки тянулся большой столъ...

Было уютно и красиво. Непривычно красиво въ боевой обстановкѣ. Сестра, которую я встрѣтилъ у входа, вошла вслѣдъ за мной. Я повернулся къ ней и замѣтилъ:

— Хорошо, очень хорошо у васъ, сестра! Но только, пожалуй, здѣсь много лишней роскоши!

— Знаю! Знаю! — широко улыбнулась она. — Много разъ уже слыхала. Зачѣмъ на столѣ безукоризненно чистая да еще узорчатая скатерть, когда столъ можно покрыть клеенкой? Почему вода и молоко въ стеклянныхъ кувшинахъ? Вѣдь эмалированные много практичнѣе. Зачѣмъ закуски подъ колпаками? Это ничего, что мухи; можно ѣсть и съ мухами; ну, и конечно, совершенно излишняя и даже, пожалуй, недопустимая на войнѣ роскошь— цвѣты. Вы это хотите сказать?

— Не совсѣмъ! Я только высказываю предположеніе, не является ли вся эта красота, вѣрнѣе, даже роскошь въ ущербъ удобству, практичности?

— Очень возможно!—отвѣтила сестра.—Возможно, и даже не возможно, а несомнѣнно, что эмалированные кувшины перевозить гораздо легче, нежели стеклянные. Стеклянные колпаки легко бьются. Скатерть и салфетки приходится часто стирать. Словомъ, есть и нѣкоторыя неудобства и много лишней работы. Но я нахожу, что все это,—вся эта излишняя роскошь, какъ вы изволите выражаться,—необходимо. И именно здѣсь, на войнѣ. Теоретически я вамъ доказывать этого не буду, а разскажу, что случилось у насъ недѣли три тому назадъ. Мы стояли у самыхъ передовыхъ позицій, верстахъ въ шести позади нашихъ окоповъ. Разбили лагерь и, между прочимъ, эту самую палатку у деревушки, вмазали котлы, начали работать. Полно всегда нижнихъ чиновъ, не пустуетъ и офицерская столовая. Зашелъ однажды штабсъ-капитанъ пѣхотный; съ позиціи его везли раненаго. Рана несерьезная, — ружейная пуля лѣвую руку у плеча навылетъ прошла. Зашелъ закусить. Подали ему ветчины, яицъ всмятку, потомъ кружку кофе со сливками. А столъ такъ же, какъ сейчасъ, былъ убранъ: стеклянные кувшины, колпаки, скатерть, цвѣты. Посидѣлъ штабсъ-капитанъ, закусилъ, газеты, журналы просмотрѣлъ.

„— Скажите,—говоритъ,—вашъ питательный пунктъ—благотворительное учрежденіе? Платы вы никакой не берете?

„— Благотворительное! Благотворительное!—говоримъ.—Платы намъ не полагается!

„— А на какія средства все это дѣлается?

„— Это, — отвѣчаемъ,— краснокрестскій отрядъ. Значитъ, на средства, которыя Красный Крестъ получаетъ отъ общества, отъ народа.

„— На пожертвованія?

„— Да, на пожертвованія!

„Вынулъ бумажникъ, досталъ оттуда двѣсти рублей, протягиваетъ мнѣ и говоритъ:

„— Позвольте въ такомъ случаѣ и мнѣ внести свою лепту. Это половина моихъ сбереженій, сдѣланныхъ за время войны. Большое,—говоритъ,—вы дѣло дѣлаете. И не столько тѣмъ, что кормите насъ,—слава Богу, голодны мы рѣдко бываемъ,—сколько красотой, уютомъ, которыми вы это обставили. Посидѣлъ я у васъ и первый разъ за время войны душою отдохнулъ, какъ слѣдуетъ. Вы представить себѣ не можете, какъ утомительно на войнѣ отсутствіе уюта, красоты, изящества! И эта чистая скатерть, и красивые кувшины, и цвѣты въ вазочкахъ, вся эта въ обычное время мелочь, сейчасъ имѣютъ для меня да и для десятковъ, сотенъ такихъ, какъ я, громадное значеніе: мы лишены всего этого. Насъ тянетъ къ такой обстановкѣ, потому что она непохожа на ту, въ какой намъ приходится сейчасъ жить. Большое вамъ спасибо!

„Говоритъ, а у самого голосъ дрожитъ: видно, нервы сильно истрепались“.

— Вотъ видите!—снова улыбнулась сестра. — Выходитъ, что вся эта роскошь далеко не такъ излишня, какъ кажется на первый взглядъ. А мы рады и поработать лишнее и испытать нѣкоторыя неудобства, лишь бы дать возможность, какъ сказалъ штабсъ-капитанъ, отдохнуть у насъ душой. Однако, говорятъ, соловья баснями не кормятъ. Чѣмъ прикажете васъ потчевать? Обѣдъ будетъ готовъ черезъ три четверти часа. Можетъ-быть, выпьете сейчасъ кружку кофе и закусите бутербродами?

— Съ наслажденіемъ!

Сестра занялась приготовленіемъ кофе. Я закурилъ. Въ палатку вошла еще одна сестра, постарше, и, не замѣчая меня, сдѣлала глубокій реверансъ первой сестрѣ и съ преувеличенной важностью объявила:

— Сегодня на третье у насъ мороженое.

И, только тутъ замѣтивъ меня, сконфузилась и покраснѣла. Я поспѣшилъ представиться и, чтобы вывести сестру изъ неловкаго положенія, замѣтилъ:

— Мороженое на позиціяхъ! Это тоже одно изъ чудесъ нынѣшней войны.

— Какое же это чудо?—живо отвѣтила сестра.—Машинка у насъ есть, остановка была только за льдомъ. Я отправилась въ мѣстечко и нашла у аптекаря ледникъ, доверху набитый льдомъ. Теперь можно каждый день мороженое крутить. А вы вздумали кофе пить? Чего ради? Скоро вѣдь обѣдъ!

— Сегодня еще маковой росинки во рту не имѣлъ! — отвѣтилъ я.

— Бѣдненькій! Ну, кушайте, кушайте на здоровье.

— Тѣмъ болѣе, что обѣдъ еще не такъ скоро!—замѣтила первая сестра.—Пока мы еще бѣженцевъ накормимъ!

— Какихъ бѣженцевъ?—спросилъ я.

— Мирныхъ жителей, крестьянъ, которые бѣжали изъ полосы, занятой нѣмцами. Ихъ понемногу увозятъ въ тылъ. Но ежедневно прибываетъ по нѣскольку сотъ новыхъ. Сейчасъ на станціи ихъ скопилось около двухъ тысячъ. Мы всѣхъ ихъ кормимъ. Слышите? Уже собираются!

Уже минуты двѣ-три снаружи доносился гулъ голосовъ.

Рис. 2. „На питательномъ пунктѣ“. Всѣ мѣста у столовъ были заняты...

— Неужели они такъ нуждаются въ кормежкѣ? Здѣшніе крестьяне очень вѣдь состоятельны!

— Во-первыхъ, — отвѣтила сестра: — мы никогда не спрашиваемъ тѣхъ, кто къ намъ приходитъ, состоятельны они или нѣтъ. Разъ они пришли, значитъ, хотятъ ѣсть. А во-вторыхъ, они бѣжали поспѣшно, не успѣвъ ничего взять съ собою. Наконецъ они очень деликатны. Если кому-нибудь удалось захватить хоть немного припасовъ, такой къ намъ не явится. Даже больше, — съ нами подѣлится. А вчера, напримѣръ, такая исторія вышла. Сидимъ мы возлѣ палатки, отдыхаемъ. Всѣмъ персоналомъ сидимъ, — я, сестра и нашъ завѣдующій хозяйствомъ. Вдругъ подходятъ четверо стариковъ. Сняли шапки, поклонились.

„— Что скажете? — спрашиваемъ.

„— Черезъ часъ, — говорятъ, — мы уѣзжаемъ! У насъ у каждаго есть здѣсь по двѣ коровы. Такъ по одной мы вамъ оставляемъ.

„ — Какъ намъ?

„ — А такъ вамъ! Значитъ, совсѣмъ отдаемъ! Вы народъ кормите: онѣ у васъ тутъ на пользу пойдутъ! Спасибо вамъ и за насъ и за дѣтей нашихъ несчастныхъ. Помогай вамъ Боже!

„Поклонились и ушли. Коровъ мы рѣшили пока что не рѣзать: молоко свое будетъ. А молоко намъ нужно: дѣтей у бѣженцевъ очень много“.

Сестра помолчала немного, потомъ тяжело вздохнула.

— Эти бѣженцы — ужасное явленіе! Мирные люди, никакого отношенія къ войнѣ не имѣющіе, должны бросать трудъ, все свое имущество и уходить, потому что придутъ разбойники и не только разграбятъ все, но еще изобьютъ или даже убьютъ. Вы бы видѣли, въ какомъ ужасномъ состояніи они являются сюда, на станцію. До полусмерти напуганные, совершенно разбитые морально. Помилуйте, для нихъ вѣдь это конецъ. Неожиданный, ужасный конецъ спокойной, сытой жизни. Впереди абсолютная неизвѣстность. Гдѣ преклонить голову, чѣмъ кормиться, какъ вообще жить? Дома нѣтъ. Тамъ, гдѣ былъ домъ, хозяйничаютъ сейчасъ нѣмцы. Значитъ, вернуться туда нельзя. И снова ужасный вопросъ: временно ли это, или ужъ никогда нельзя будетъ вернуться. Вотъ почему женщины все время плачутъ: не легко вѣдь все это. Это горе одно, такъ сказать, общее. Но у многихъ есть еще свое личное горе. Ахъ, какъ много его, если бы вы только знали. Вчера утромъ подъѣзжаетъ одинъ возъ, — всѣ бѣженцы здѣсь, возлѣ насъ, на полянѣ останавливаются, — на возу, какъ у всѣхъ, мѣшки, узлы, а сверху сидитъ баба и человѣкъ пять дѣтишекъ. Баба плачетъ во-всю. Подошла я, спрашиваю:

„ — Чего ты плачешь?

„— Отецъ у меня остался!

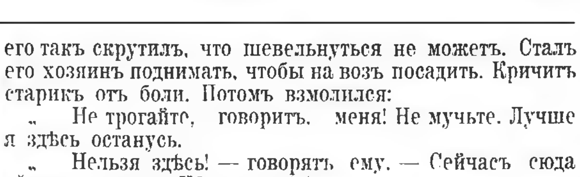
„— Гдѣ?

„ — Дома! Въ деревнѣ!

„ — Зачѣмъ же вы его оставили?

„ — Больной онъ, безногій!

„Стала я разспрашивать. Дѣйствительно, есть отъ чего заплакать. Жили спокойно, работали. Вдругъ, страшная вѣсть: нѣмцы идутъ, ужъ близко. Сообщили объ этомъ пастухи, которые пасли стадо далеко отъ деревни. Началась паника. Запрягли лошадей, сложили въ телѣгу, что подъ руку попалось, посадили пятерыхъ дѣтей; старшей дѣвочкѣ всего одиннадцать лѣтъ. А на печи хозяйкинъ отецъ лежитъ, рыбакъ старый: ревматизмъ



его такъ скрутилъ, что шевельнуться не можетъ. Сталъ его хозяинъ поднимать, чтобы на возъ посадить. Кричитъ старикъ отъ боли. Потомъ взмолился:

„ — Не трогайте, — говоритъ, — меня! Не мучьте. Лучше я здѣсь останусь.

„ — Нельзя здѣсь! — говорятъ ему. — Сейчасъ сюда нѣмцы придутъ. Убьютъ тебя!

„ — Пускай убиваютъ! Все равно я не доѣду. Куда мнѣ!

Поспорили, поспорили, оставили старика. Положили возлѣ него краюху хлѣба, поставили ковшъ воды и уѣхали.

„До сихъ поръ несчастная женщина плачетъ.

„ — Что теперь съ отцомъ моимъ будетъ?

„Стала я ее утѣшать:

„ — Не убьютъ вашего отца, не безпокойтесь! Зачѣмъ имъ больного старика убивать?

„ — Если нѣмцы не убьютъ, — плачетъ, — такъ самъ съ голоду умретъ. Вѣдь онъ шевельнуться не можетъ, не то, что съ печи слѣзть!

„На это я ужъ ничего не смогла отвѣтить. Развѣ это не ужасно? А то есть тутъ еще одна женщина. Та совсѣмъ ненормальна отъ горя. Впрочемъ, есть отъ чего съ ума сойти. Вообразите, она потеряла дѣтей. Вдова она и бѣдная, лошади не было. Когда всѣ бросились уходить, взвалила она узелъ на спину, взяла двоихъ дѣтей за руки и пошла. Отошли верстъ пять. Вдругъ сзади налетѣлъ нѣмецкій разъѣздъ. Налетѣлъ съ крикомъ, съ обнаженными саблями. Это на стариковъ-то, женщинъ и дѣтей. Тѣ, конечно, обезумѣвъ отъ ужаса, бросились въ разныя стороны. Дѣло происходило въ густомъ лѣсу, поздно вечеромъ. Нѣмцы покричали-покричали и повернули назадъ. Сталъ народъ выходить изъ лѣса. Вдова мечется во всѣ стороны.

„— Гдѣ мои дѣти?

„Оказывается, одинъ ихъ видалъ, другой. Стали успокаивать несчастную женщину:

„— Не безпокойся! Ихъ, должно-быть, кто-нибудь впереди на телѣгу посадилъ. Доѣдутъ! Куда имъ дѣться? Идемъ съ нами!

„Послушалась вдова, пошла. По дорогѣ всѣхъ спрашивала. Всѣ говорятъ, что дѣтей видѣли. Дѣтей вѣдь вообще съ бѣженцами очень много. Пришла сюда, бѣгаетъ, ищетъ, — нѣтъ дѣтей. Стала своихъ спрашивать, которые раньше пріѣхали и пришли, никто не видалъ. Съ ума сошла несчастная. Назадъ бѣжать боится, потому что каждую минуту дѣти могутъ подойти или подъѣхать. Да и какъ теперь пройти черезъ линію нашихъ и германскихъ войскъ? Вы бы посмотрѣли на эту женщину! Совершенно ненормальная. Подходитъ къ каждому и спрашиваетъ:

„— Не видали ли вы моихъ дѣтей?

„Или сидитъ подъ деревомъ и стонетъ. Вы понимаете, до чего, значитъ, велики переживаемыя ею нравственныя муки? Стонетъ, какъ стонутъ отъ нестерпимой физической боли. Такъ много здѣсь, среди бѣженцевъ, горя, такъ много страданій, что передать нельзя!“

Красивое лицо сестры стало печальнымъ. Повидимому, все это горе, всѣ эти страданія, о которыхъ она говорила, не просто проплывали передъ ея глазами, а западали глубоко въ душу.

Я закусилъ, допилъ кофе и попросилъ разрѣшенія посмотрѣть, какъ обѣдаютъ бѣженцы.

Рис. 3. „На питательномъ пунктѣ“. Пять санитаровъ весь день безпрерывно разносятъ чай...

— Конечно, можно! Пожалуйста! — живо отвѣтила сестра, вставая. — Они какъ разъ сейчасъ сѣли. Пойдемте, я вамъ покажу.

Мы вышли. У выхода изъ палатки, справа, тянулось нѣсколько длинныхъ узкихъ столовъ. Вдоль нихъ стояли скамьи. Всѣ мѣста у столовъ были заняты. Вперемѣшку сидѣли женщины и мужчины, старики, старухи, дѣти. Въ глаза мнѣ сразу бросилась одна особенность. Несомнѣнно, лица у сидящихъ были разныя: одни были красивы, другія некрасивы, были лица симпатичныя и несимпатичныя. Но рѣшительно на всѣхъ лицахъ, дѣлая ихъ удивительно похожими другъ на друга, лежалъ отпечатокъ испуга, тревоги, растерянности.

Нѣсколько санитаровъ разносили по столамъ бѣлыя эмалированныя миски съ жидкимъ варевомъ. Ѣли неторопливо, степенно. Миски выѣдали дочиста. Крошки хлѣба собирали со стола на ладонь и тоже съѣдали. Когда кто-нибудь кончалъ ѣсть и вставалъ изъ-за стола, на его мѣсто тотчасъ же садился одинъ изъ ожидающихъ очереди.

— Чѣмъ вы ихъ кормите? — обратился я къ сестрѣ.

— Утромъ чай съ хлѣбомъ. Сейчасъ, на обѣдъ, два блюда: борщъ или супъ съ крошенымъ мясомъ и какая-нибудь каша. Сегодня, напримѣръ, манная на молокѣ. А въ шесть часовъ — ужинъ, одно горячее блюдо; или то, что остается отъ обѣда. Кромѣ того, цѣлый день даемъ въ неограниченномъ количествѣ чай. Но сахару только по кусочку на человѣка. Вотъ посмотрите: у насъ цѣлая батарея огромныхъ самоваровъ, а мы еле-еле успѣваемъ нагрѣвать кипятокъ. Пять санитаровъ весь день безпрерывно разносятъ чай. Это, быть-можетъ, неэкономно. Но сейчасъ лѣто, жара, вода здѣсь скверная, если они будутъ пить ее сырую, могутъ начаться желудочныя заболѣванія. Вотъ почему мы такъ охотно раздаемъ чай. А вотъ столы для нижнихъ чиновъ, — указала сестра.

Ихъ было всего два, и они были значительно короче тѣхъ, за которыми сидѣли бѣженцы. Я удивился. А сестра объяснила:

— Здѣсь не то, что у самыхъ позицій. Здѣсь нижніе чины проходятъ главнымъ образомъ командами. А команду безъ обѣда не оставляютъ. Поэтому массоваго кормленія нижнихъ чиновъ у насъ здѣсь нѣтъ. Но все же человѣкъ до полутораста, до двухсотъ ежедневно набирается.

— Да бѣженцевъ, вы говорили, до двухъ тысячъ?

— Это сегодня около двухъ. А позавчера и вчера было немного меньше.

— Какъ же вы справляетесь? — спросилъ я съ искреннимъ удивленіемъ.

— Сейчасъ нетрудно! — весело отвѣтила сестра. — Машина уже налажена. Я числюсь старшей сестрой. Та вторая сестра — моя помощница. Но работаемъ мы одинаково. Санитары наши народъ расторопный. А всю канцелярскую часть ведетъ завѣдующій хозяйствомъ.

— И неутомительно?

— Раньше утомлялась, сейчасъ уже ничего, привыкла!

— Вы, вѣроятно, хорошая хозяйка?

Рис. 4. „На питательномъ пунктѣ“. Старшая сестра.

— Я — хорошая хозяйка? — Сестра искренно разсмѣялась. — Наоборотъ, я прескверная хозяйка, то-есть была до войны. Понятія о хозяйствѣ не имѣла.

— Такъ зачѣмъ же вы пошли на питательный пунктъ?

— Это, видите ли, вышло такъ! Мой мужъ офицеръ. Мы три года женаты, но дѣтей у насъ нѣтъ. Когда мужъ уѣхалъ съ полкомъ на войну, я рѣшила сдѣлаться сестрой милосердія. Хотѣлось внести и свою крошечную лепту въ великое дѣло! — Собесѣдница моя немного смутилась и покраснѣла. — А, можетъ-быть, просто испугалась тоски. Хотѣлось, чтобы что-нибудь увлекло, захватило всю цѣликомъ. Кончила курсы сестеръ милосердія. Благодаря знакомствамъ, попала сразу въ передовой санитарный отрядъ и сразу же оскандалилась. Оперировалъ докторъ солдата, пулю изъ ноги вынималъ. А мнѣ приказалъ держать ногу. Подошла я храбро. Но, когда хлынула кровь, когда солдатъ застоналъ, я ослабѣла. Передъ глазами поплыли красные и зеленые круги, полъ подъ ногами закачался. Точно сквозь сонъ слышу, докторъ кричитъ:

„— Уведите сестру, ей дурно!

„Увели меня. Немного отошла. Какъ же теперь быть? — думаю. Не могу, значитъ, работать. Поговорила съ нашимъ старшимъ врачомъ, удивительно симпатичный, отзывчивый человѣкъ.

„— Вы, — говоритъ, — исподволь привыкайте! Раньше только къ легкимъ перевязкамъ присматривайтесь. Затѣмъ постепенно на болѣе серьезныя переходите. А тамъ и сами попробуйте перевязать!

„Стала я пріучать себя. Ничего не выходитъ. Не могу видѣть крови, дурно дѣлается. Опустились у меня руки. Вотъ тебѣ, думаю, и поработала! Нужно обратно домой ѣхать... Спасибо, тотъ же старшій врачъ надоумилъ:

„ — Зачѣмъ домой ѣхать? Попробуйте поработать на питательномъ пунктѣ. Тамъ тоже люди нужны!

„— Но вѣдь я о хозяйствѣ имѣю самое смутное представленіе!

„ — Чепуха! При желаніи живо научитесь!

„И вѣрно. Перебралась на питательный пунктъ, начала работать, научилась. Штука вѣдь не мудрая! Пойдемте, я вамъ покажу нашу кухню. Вы увидите, въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ у насъ все дѣлается!“

Мы осмотрѣли кухню, походили по лагерю бѣженцевъ.

— А теперь идемте обѣдать! — посмотрѣла на часы сестра.

Обѣдъ былъ простой, но обильный и вкусный. Кромѣ завѣдующаго хозяйствомъ, двухъ сестеръ и меня, обѣдали еще три офицера и помѣщикъ, который утромъ въ этотъ день пріѣхалъ изъ занятой германцами полосы.

Время прошло незамѣтно. Послѣ обѣда нѣкоторые разбрелись, нѣкоторые остались просмотрѣть газеты и журналы. Я сталъ прощаться.

— Заходите еще до отъѣзда! — любезно пригласила старшая сестра.

И въ ея привѣтливыхъ словахъ, и въ только-что покинутой мною, съ трогательной заботливостью обставленной, палаткѣ, и во всемъ, что окружало эту палатку, было удивительно много тихаго, красиваго уюта, такого цѣннаго, такого необходимаго на войнѣ.

Рис. 5. „На питательномъ пунктѣ“. Въ минуты отдыха.

Три свѣчи.

(Народное повѣрье).

Какъ въ пресвѣтлой небесной горницѣ,
Предъ иконою Богородицы,
Три свѣчи дни и ночи теплятся,
Три огня на ризахъ колеблятся.

И одна свѣча—воску бѣлаго,
За страданія свѣта цѣлаго,
За измученныхъ и обиженныхъ,
Обездоленныхъ и униженныхъ!

А вторая желтаго, яраго—
Та за труженика усталаго,
За работника и отшельника
И за пахаря и за мельника!

Всѣхъ свѣтлѣй горитъ свѣча красная,
Неоплывная, неугасная,
За воюющихъ, побѣждающихъ,
За Святую Русь погибающихъ!

Высока небесная горница,
Души чистыя въ ней находятся;
Крѣпко молятся души чистыя,
Три свѣчи сіяютъ лучистыя.

Крѣпко молятся небожители,
Всѣхъ сильнѣй мольбы за воителей,
Неоплывная, неугасная,
Ярко свѣтится свѣча красная!

Георгій Ивановъ.

Панорама у крѣпости ***, видимая съ артиллерійской вышки въ цейсъ-трубу. Наши окопы, а за ними у лѣса—нѣмецкіе. На небѣ взрывы нашей шрапнели и нѣмецкій змѣйковый аэростатъ. Рисунокъ В. Митуричъ.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.**

1915 г. № 39 — XLVI г. изданія

Выданъ 26-го сентября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Метерлинка“ кн. 7.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Школа Техники Фортепіано

По системѣ Н. Н. Черкасъ.

Единственное училище для постановки правильной внутренней мышечной піанистической работы.

Офицерская, 13, кв. 6. Телеф. 614-80. 3751

Проспекты высылаются безплатно.

Е. И. Милевокой-Шмидтъ. ОДНОГОДИЧНЫЕ ФРЕБЕЛЕВСКІЕ Ж. КУРСЫ.

На 1 категорію (руководит. дѣт. сад.) принимаются лица, окончившія женск. гимн., на 2 категорію (помощница)—окончившія 4 кл., на отдѣльн. предм. — вольнослушат. Пріемъ продолжается. Канцелярія открыта ежедневно отъ 7—8 веч. 3757 ... Петроградская сторона. Большой просп., домъ 32, кв. 11. Телеф. 168-17.

ЗАПОРЫ

привычные запоры

вызываютъ головныя боли, катарръ желудка и кишекъ. Устраняйте запоры и Вы устраните почву, на которой развивается геморрой, катарръ пищеварительнаго тракта и симптомы ихъ: тошнота, изжога, переполненіе живота газами. Принимайте надежное и безвредное средство Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ, который дѣйствуетъ всегда одинаково и освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. **Стомоксигенъ** абсолютно **безвреденъ и отпускается** изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

КАТАРР

ЖЕЛЕ. МЫЛО. ПУДРА

ФИЛОДЕРМИНЪ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

П. ЮРГЕНСОНА, въ Москвѣ, Неглинный пр., 14

Самое обширное **русское** музыкальное издательство.

Свыше 28.000 обычныхъ и болѣе 1.000 дешевыхъ томовыхъ изданій.

Каталоги собственныхъ изданій безплатно.

NB. При требованіяхъ просятъ указывать желаемый отдѣлъ: фортепіано, музыка, пѣніе сольное, хоровое (свѣтское или духовное), инструментальная, оркестровая и т. д. 3751

Продается спѣшно и недорого на выгодн. усл. доходн. имѣніе—1936 дес. въ лучш. кур. части **Крыма**, вблизи **моря** и ж. д., можно уч. отъ 300 т. За спр. обр. п.о. Цюрихталь, Таврич., **М. Л. Чеботаро.**

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностран. языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.“, Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмецк.** и **англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностран. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати.

Цѣна тома 1 р. 10 к. (за налож. платежъ еще 25 коп.).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ

ДЛЯ САМООБУЧЕНІЯ:

Гимназія на Дому, Академія Иностранныхъ Языковъ, Академія Коммерческихъ Знаній, Школа рисованія живописи «Искусство для всѣхъ» 3753 2 1

и тысячи благодарственныхъ отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.

Издательское Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44—40.

Извѣстная на весь свѣтъ

автоматическая быстровязальная машина

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 150 рублей. 3755

Вяжетъ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 рубля заработной платы за каждую дюжину чулокъ или носковъ вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ. РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ, для легкой домашней работы. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется.
Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40/42—11. ЛОНДОНЪ, E. C. 114 Leadenhall St.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Рыцари и оруженосцы. Къ штабу дивизіи приводятъ плѣнныхъ австрійцевъ. Среди нихъ—офицеры.

Вдругъ одинъ изъ нихъ обращается къ начальнику штаба:

— Разрѣшите намъ пойти въ окопы за нашими денщиками. Безъ нихъ мы не можемъ обойтись.

— Ни въ коемъ случаѣ. Мы плѣнныхъ не отпускаемъ никуда

— Мы вернемся. Вѣрьте нашему слову.

— Ваша просьба не будетъ исполнена.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите пойти въ ваши окопы. Мы вызовемъ оттуда нашихъ денщиковъ.

— Но ваши же ихъ не пустятъ.

— Пустятъ: они вѣдь наши денщики.

Плѣннымъ офицерамъ разрѣшили отправиться въ наши окопы. Тамъ они поднялись на насыпь и дали нѣсколько свистковъ.

Замѣтно было, какъ изъ австрійскихъ окоповъ ихъ внимательно разглядывали въ бинокли.

А черезъ нѣкоторое время оттуда стали выползать солдаты съ чемоданами въ рукахъ. Они спокойно направились къ нашимъ окопамъ и вмѣстѣ со своими офицерами пошли, подъ конвоемъ нашихъ солдатъ, къ штабу.

Памяти павшихъ. Въ Графиварѣ, въ Баваріи, находится большой лагерь для военноплѣнныхъ французовъ и русскихъ. Число ихъ доходитъ до 15 тысячъ человѣкъ. Лагерь соприкасается съ французскимъ и русскимъ кладбищами, гдѣ уже спитъ вѣчнымъ сномъ не мало плѣнныхъ. Одному французскому плѣнному пришла мысль увѣнчать памятникомъ мѣсто послѣдняго упокоенія умершихъ вдали отъ родины французовъ и русскихъ. Въ короткое время была собрана огромная, особенно для плѣнныхъ, сумма въ 20 тысячъ франковъ, и имѣвшійся среди плѣнныхъ французовъ скульпторъ сдѣлалъ памятникъ. Памятникъ изображаетъ раненаго солдата, упавшаго на одно колѣно. Корпусъ откинутъ назадъ. Въ правой рукѣ солдатъ держитъ сломанную саблю, лѣвая упирается въ землю. Во взорѣ страданіе. На пьедесталѣ выгравирована надпись: «Pro patria». Фигура воина, выше натуральнаго роста, сдѣлана изъ гранита

Когда кончится война? Во французской газетѣ «Figaro» помѣщено любопытное предсказаніе, основанное на таинственномъ языкѣ чиселъ

Франко-прусская война началась въ 1870 году и окончилась въ 1871 году. Если сложить эти два числа 1870 и 1871, то получится 3741. Слагаемое это надо разбить по двѣ цифры 37 и 41. 3 и 7 даютъ въ суммѣ 10, 4 и 1 даютъ 5. Мирный же договоръ былъ подписанъ въ Франкфуртѣ 10-го мая (май — 5-й мѣсяцъ года).

Теперь сложимъ 1914 и 1915. Получится слагаемое 3829. Сумма цифръ числа 38 даетъ 11. Сумма цифръ числа 29 дастъ также 11. Въ результатѣ этого разсчета получается слѣдующая дата: 11-е число 11-го мѣсяца, т.-е. 11-е ноября. Итакъ, если судьбѣ будетъ угодно считаться съ таинственнымъ языкомъ чиселъ, то міровая война окончится 11-го ноября 1915 года.

Нѣмецкіе способы шпіонажа въ письмахъ. Англійское посольство сообщило нашему министру иностранныхъ дѣлъ о томъ, что къ пересылкѣ въ Англію и изъ Англіи воспрещены «письма или какіе-либо другіе документы, текстъ коихъ будетъ написанъ какимъ-либо средствомъ, становящимся видимымъ по нагрѣваніи или послѣ другой процедуры».

Какъ сообщаютъ англійскія газеты, это распоряженіе вызвано тѣмъ, что нѣмецкіе шпіоны въ почтовыхъ сношеніяхъ съ Англіей широко примѣняли тайную переписку.

Нельзя не подивиться изобрѣтательности германскихъ шпіоновъ. Для тайной переписки они пишутъ слюной, водой, лимоннымъ сокомъ, молокомъ и даже... мочой.

Чаще всего они употребляютъ для своей переписки слюну и воду. Если писать этими веществами между строкъ письма, то написанное будетъ почти незамѣтно. Только внимательный наблюдатель при сильномъ боковомъ освѣщеніи можетъ замѣтить, что бумага потеряла свой блескъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея коснулась вода или слюна.

Если такое письмо и будетъ перехвачено военной цензурой или перлюстраціоннымъ кабинетомъ, все же написанное водой или слюной остается часто незамѣченнымъ.

Адресатъ, получивъ письмо, написанное слюной или лимоннымъ сокомъ, «проявляетъ» невидимый текстъ простымъ подогрѣваніемъ бумаги. При достаточно сильномъ нагрѣваніи текстъ желтѣетъ и становится ясно замѣтнымъ.

Японскій профессоръ Такаяма для проявленія такихъ писемъ совѣтуетъ держать ихъ 10—30 секундъ надъ красящимъ растворомъ изъ пигрозина, гумми-арабика и хлористо-водородной кислоты.

Весьма любопытенъ способъ невидимаго письма на влажной бумагѣ, также практикуемый германскими шпіонами. Для этого сначала листъ бумаги, на которомъ предполагается писать, смачивается въ водѣ, затѣмъ покрывается другимъ, сухимъ листомъ, и на послѣднемъ пишутъ острымъ карандашомъ или заостренной палочкой, производя нѣкоторое давленіе. Все написанное будетъ ясно видимо прозрачными штрихами на лежавшей внизу влажной бумагѣ, если посмотрѣть на свѣтъ. Кромѣ того, практикуется и писаніе симпатическими чернилами.

Бой въ трехъ стихіяхъ. Въ № 23 «Нивы» былъ помѣщенъ интересный снимокъ, изображающій на поверхности моря силуэтъ парящаго въ воздухѣ аэроплана и подводной лодки. По разсказамъ авіатора, находившагося на этомъ аэропланѣ, сверху отчетливо видна подводная лодка, скрывающаяся глубоко подъ водою. Недавно произошелъ въ Дарданеллахъ интересный случай спасенія французскимъ гидропланомъ англійскаго военнаго транспорта, подвергавшагося опасности быть уничтоженнымъ непріятельской подводной лодкой. Съ аппарата, летѣвшаго на большой высотѣ надъ моремъ, былъ внезапно замѣченъ какой-то темный силуэтъ, двигавшійся подъ водою. Летчикъ спустился до высоты въ 300 футовъ и тогда обнаружилъ подводную лодку, которая приближалась съ цѣлью атаки къ англійскому транспорту, перевозившему войска и военные грузы. Съ гидроплана немедленно сообщили транспорту по радіотелеграфу объ угрожающей ему опасности. Однако это предупрежденіе само по себѣ мало чѣмъ могло помочь, такъ какъ лодка была замѣчена поздно, и транспортъ врядъ ли оказался бы въ состояніи уклониться отъ удара, тѣмъ болѣе, что конвой эскадренныхъ миноносцевъ при транспортѣ отсутствовалъ. Поэтому энергичный французскій летчикъ рѣшилъ дѣйствовать самъ. Онъ спустился еще ниже и, находясь надъ самой водой, сталъ бросать въ лодку бомбы. Къ сожалѣнію, попасть бомбами въ лодку, находившуюся подъ водой, оказалось трудно. Лодка опустилась ниже и скрыла перископъ. Летчикъ уже сталъ подниматься кверху, чтобы достигнуть высоты, съ которой можно было бы слѣдить за непріятельской лодкой, какъ вдругъ онъ увидѣлъ, что лодка снова подняла перископъ съ цѣлью оріентироваться. Тогда онъ опять быстро спустился и бросилъ еще двѣ бомбы, послѣ чего лодка исчезла подъ водой безвозвратно.

Православнымъ на одолѣніе. Корреспондентъ «Новаго Времени» описываетъ трогательную картину деревенскаго настроенія:

«Когда кончился молебенъ, толпа все еще стояла у часовни: священнику готовили лошадь. Громкихъ разговоровъ не было слышно. Вдругъ вышелъ одинъ изъ мужиковъ и обратился къ старостѣ:

— Ты поговори съ народомъ-то... Послѣ молебствія на воиновъ бы... Кто сколько можетъ... Батюшкѣ отдадимъ...

И моментально появилось глиняное блюдо, зазвенѣли мужицкіе гроши. Побѣжали въ избы, занимали другъ у друга, и монеты все опускались одна за другой.

Староста держалъ блюдо, и подходили всѣ: старики и молодые, крестясь подавали «на воиновъ».

Пробираясь въ толпѣ, палкой ощупывая дорогу, приблизился слѣпой. Тяжело опустился на колѣни передъ часовней, съ трудомъ всталъ и, ища сборщика, протянулъ ему дряхлой рукой свою лепту.

— Православнымъ на одолѣніе... Спаси, Царица Небесная...

— Самъ подаяніемъ питается...—говорили мужики».

И такъ по всей великой Россіи, по всѣмъ ея далекимъ, забытымъ уголкамъ.

Нищіе подаютъ на войну... Какъ должны мы этимъ гордиться. Какъ сильна и какъ богата Россія этими самыми пятаками «православнымъ на одолѣніе», этой великой готовностью все отдать на общее дѣло.

Пусть впереди еще много тяжелаго, пусть къ окончательному «одолѣнію» ведетъ долгій и трудный путь, но мы дождемся счастливаго исхода. Выстоитъ русская деревня, выстоитъ русская армія, а вмѣстѣ съ ними и вся Россія эту борьбу до конца.

Чаще заглядывайте въ мужицкую душу, прислушивайтесь къ мужицкой молитвѣ... Въ нихъ неизсякаемы источники бодрости и одолѣнія.

Рѣдкая боевая награда. По сообщеніямъ газеты «День», священникъ 6-го кубанскаго пластунскаго батальона Анатолій Лебедевъ награжденъ съ Высочайшаго соизволенія не въ примѣръ прочимъ сразу двумя боевыми наградами: золотымъ наперснымъ крестомъ на георгіевской лентѣ и орденомъ Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Присвоеніе священнику банта на орденѣ является необычайною наградою, такъ какъ священники и военные чиновники могутъ быть награждаемы только орденами съ мечами, но безъ банта, бантъ же является исключительно офицерскимъ отличіемъ, и награжденіе имъ священника Лебедева фактъ небывалый.

Поляна смерти. «Передъ нами,—пишетъ «Русскій Инвалидъ»,—всего въ двухстахъ шагахъ германскій окопъ. Между нихъ окопомъ и нашимъ—совершенно ровное мѣсто, безъ деревца, безъ кустика.

Поляна смерти.

Два ряда винтовокъ съ одной и съ другой стороны стерегутъ на ней все живое. Чуть что—сейчасъ же прошьютъ насквозь свинцовыми пулями.

Такъ и случалось.

Однажды передъ разсвѣтомъ наши два охотника поползли къ нѣмецкому окопу проволоку рѣзать. Нѣмцы услыхали. Говорятъ, у нихъ отъ проволочныхъ загражденій въ окопы звонки проведены. Засверкалъ, затрещалъ непріятельскій брустверъ. Оба наши молодца на полянѣ остались.

Въ другой разъ, тоже ночью, три нѣмца подобрались-было къ нашему окопу съ ручными бомбочками. У насъ услыхали. Тоже всѣ трое остались на полянѣ. На то она и поляна смерти.

Но бываетъ, что по полянѣ совершенно свободно разгуливаютъ наши и германскіе солдаты. Даже рядомъ. Даже разговариваютъ между собой на русско-польско-нѣмецкомъ волапюкѣ. Это бываетъ въ часы перемирія.

На полянѣ лежатъ убитые — русскіе и германцы. Лежатъ день, два, пять дней. Кажется, что въ окопы доносится трупный запахъ. И тамъ кажется и нѣмцамъ... Тогда начинаются переговоры:

— Давайте уберемъ трупы съ поляны. Согласны?

— Согласны.

Раньше мы довѣряли нѣмцамъ. Выходили послѣ этого изъ окоповъ. Но случилось разъ, что на нашихъ солдатъ обрушился ураганъ предательскихъ пуль. Послѣ этого мы перестали довѣрять. Принимаемъ мѣры.

— А вы не будете стрѣлять?

— Нѣтъ, нѣтъ. Будьте покойны.

— Пусть кто-нибудь изъ васъ выйдетъ впередъ.

Иногда нѣмцевъ обижаетъ такое недовѣріе. Но случается, что въ отвѣтъ на наше предложеніе изъ германскаго окопа выскакиваетъ съ высоко поднятыми руками фигура и, пробѣжавъ шаговъ тридцать, останавливается. Это гарантія. Тотчасъ же въ нашемъ окопѣ два лучшихъ стрѣлка берутъ ее «на мушку». Въ свою очередь и впереди нашего окопа появляется такая же фигура. Послѣ этого поляна между окопами быстро заполняется солдатами. Убираютъ убитыхъ. Но прежде всего разсматриваютъ другъ друга. Съ болѣзненнымъ любопытствомъ разсматриваютъ. Впервые приходится видѣть такъ близко. Впервые, потому что во время рукопашной схватки рѣдко видишь что-нибудь. Потомъ начинаютъ разговаривать. Нѣмцы чаще всего просятъ покурить. Наши давали раньше охотно. Теперь стали скупиться.

— Больно вы курячіе! Не наберешься на васъ. У самихъ мало.

Говорятъ, недавно какой-то унтеръ-офицеръ-нѣмецъ, довольно сносно владѣющій русскимъ языкомъ, отвѣтилъ на это:

— Вамъ присылаютъ табакъ изъ Москвы и изъ Петрограда. Тамъ много нашихъ нѣмцевъ. Напишите, чтобы они прислали вамъ табаку для насъ. При случаѣ передадите!

Трупы убраны. Поговорили. Покурили. Вернулись въ окопы. Снова низко-низко нависла надъ поляной жуткая тишина. И снова это—поляна смерти...

Въ семьѣ не безъ урода. Въ городѣ Обояни, по сообщенію газетъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не опровергнутому, дамы обладаютъ чрезвычайно тонкими изгибами души. Ихъ психологія, а можетъ-быть, и физіологія, стала выше всякихъ національныхъ предразсудковъ и узости патріотическихъ чувствъ. Обоянки не въ состояніи противиться обаянію плѣнныхъ офицеровъ и дошли до того, что городской голова Обояни принужденъ былъ въ концѣ концовъ расклеить по городу слѣдующее обращеніе къ «гражданкамъ» города:

«Необходимость размѣщенія большой массы плѣнныхъ враговъ, взятыхъ нашими доблестными войсками на полѣ брани, вынудила военное вѣдомство потребовать и отъ нашего города отвода помѣщеній для многихъ сотенъ военноплѣнныхъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ, при чемъ для послѣднихъ, къ сожалѣнію, пришлось отвести лучшіе дома въ городѣ, такъ какъ военное начальство требуетъ помѣщенія ихъ казарменнымъ порядкомъ.

Въ послѣднее время замѣчено, что нѣкоторыя лица женскаго пола, гуляя по тротуарамъ около домовъ, гдѣ помѣщаются военноплѣнные офицеры, позволяютъ себѣ бросать имъ въ окна цвѣты и оказывать врагамъ нашимъ знаки вниманія, возбуждая этимъ глубокое чувство негодованія гражданъ города.

Для предупрежденія этого и во избѣжаніе могущихъ быть выступленій гуляющей публики противъ такихъ антипатріотическихъ выпадовъ со стороны гражданокъ города, считаю необходимымъ просить нашихъ гражданокъ прекратить эти дѣйствія, памятуя, что эти плѣнные враги взяты на полѣ брани съ оружіемъ въ рукахъ, обагренныхъ кровью нашихъ доблестныхъ защитниковъ родины, и что оказываніе имъ вниманія есть позоръ».

Рождественскій пуддингъ. Лондонская газета «Daily News», какъ и въ прошломъ году, обращается къ англичанамъ съ призывомъ послать къ Рождеству на фронтъ каждому солдату англійскихъ армій во Франціи, во Фландріи, въ Египтѣ, на Галлипольскомъ полуостровѣ пуддингъ, вѣсомъ въ полфунта. «Задача, которую намъ предстоитъ разрѣшить,—пишетъ газета,—конечно, сложнѣе въ нынѣшнемъ году, чѣмъ въ прошломъ, въ виду значительнаго увеличенія состава нашихъ армій за эти 12 мѣсяцевъ, и особенно въ виду присутствія большого числа нашихъ войскъ у Дарданеллъ. Поэтому необходимо приняться за работу теперь же, не теряя времени. Въ прошломъ году планъ посылки на фронтъ пуддинга былъ предложенъ читателямъ въ половинѣ октября. Всѣ классы общества во всѣхъ уголкахъ Британскихъ острововъ съ восторгомъ отозвались на наше предложеніе, и это позволило намъ доставить посылки въ военное министерство къ обусловленному сроку — въ началѣ декабря. Военныя власти горячо отнеслись къ нашему намѣренію сдѣлать подарки солдатамъ и въ нынѣшнемъ году и обѣщали свое содѣйствіе.

Небезполезно добавить,—пишетъ далѣе газета,—что въ прошломъ году вся громадная партія пуддинговъ была изготовлена поставщиками, съ разрѣшенія правительства, и подъ контролемъ офиціальныхъ врачей, которые дѣлали пробу продуктовъ необходимыхъ для изготовленія пуддинга, и наблюдали за изготовленіемъ его. Пуддинги были посланы на фронтъ въ жестяныхъ герметически закрытыхъ коробкахъ».

Промывка ранъ. Французскій профессоръ Дельбе сдѣлалъ въ Академіи Наукъ интересный докладъ о новомъ способѣ промывки ранъ. Онъ добился прекрасныхъ результатовъ, употребляя для такой промывки, вмѣсто антисептическихъ средствъ, однопроцентный растворъ хлористаго магнія. Растворъ этотъ вызываетъ фагоцитозъ, и происходитъ быстрая зарубцовка ранъ.

Отецъ-командиръ Франціи. Одна изъ французскихъ газетъ въ Швейцаріи сообщила трогательный фактъ изъ боевой жизни главнокомандующаго французской арміи генералиссимуса Жоффра. Онъ отдалъ приказаніе вызвать охотниковъ—трехъ добровольцевъ-летчиковъ для исполненія весьма важнаго, но очень опаснаго порученія. Двѣнадцать офицеровъ-летчиковъ явились въ главную квартиру, и въ присутствіи генералиссимуса Жоффра былъ брошенъ жребій. Трое изъ нихъ, на которыхъ онъ палъ, должны были немедленно улетѣть. Уходя, они отдали честь и направились къ выходу. Вслѣдъ за ними раздался короткій возгласъ генералиссимуса:

— Кругомъ—маршъ!

Всѣ трое повернулись къ нему лицомъ.

— Что это значитъ? — ласково спросилъ главнокомандующій, — что это значитъ? Развѣ не цѣлуютъ своего отца?..

Генералиссимусъ Жоффръ обнялъ трехъ героевъ и нѣжно расцѣловался съ ними.

Побѣда женщинъ. Московскія женщины особенно горячо отозвались на призывъ военно-промышленнаго комитета: «Всѣ на работу для арміи».

Въ военно-промышленный комитетъ явились сотни женщинъ разныхъ сословій, вѣроисповѣданій, положеній, съ предложеніемъ своихъ услугъ, которыя и были приняты.

Съ тѣхъ поръ прошло ужъ около мѣсяца, и недавно на одномъ крупномъ заводѣ по изготовленію снарядовъ состоялся оригинальный праздникъ побѣды женщинъ.

На этомъ заводѣ, находящемся подъ Москвой, было устроено состязаніе токарей—женщинъ и мужчинъ.

Заданіе состояло въ томъ, чтобы на однотипныхъ станкахъ «токарихи» и токаря установили максимумъ обточки снарядовъ въ одинъ рабочій день.

Въ первый день конкурса токаря побили рекордъ, и съ 40 снарядовъ на станокъ довели обточку до 60.

«Токарихи» въ первый день довели максимальный выпускъ снарядовъ на станокъ только въ 57 штукъ, и мужчины ликовали. Рабочіе подшучивали: «Гдѣ вамъ, бабамъ, угнаться за токарями».

На второй день «токарихи» поставили новый рекордъ и выпустили 65 снарядовъ на станокъ, а токаря отстали.

На третій день,—въ самый финишъ конкурса,—токаря понатужились, прибавили скорость хода станковъ и достигли максимума въ 78 снарядовъ, но самолюбіе женщинъ видимо было задѣто, и къ концу рабочаго дня одна изъ «токарихъ» окончательно побила всѣ рекорды и выпустила 90 обточенныхъ снарядовъ съ одного станка, не испортивъ ни одного.

Рабочіе были страшно обезкуражены пораженіемъ, женщины ликовали, и на слѣдующій же день въ заводъ принято было на выучку сразу 15 женщинъ.

На сосѣднемъ снарядномъ заводѣ, подъ вліяніемъ успѣха женщинъ, уже поставили на пробу къ автоматическимъ станкамъ сразу 30 женщинъ, и теперь въ дѣлѣ изготовленія важныхъ предметовъ снаряженія женщины не только сравнялись съ мужчинами, но даже превзошли ихъ.

Дароносица спасла. Отецъ Богословскій былъ священникомъ одного изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, и, когда началась война, онъ съ полкомъ отправился на театръ войны, чтобы съ крестомъ въ рукахъ благословлять воиновъ на великіе подвиги. Участникъ русско-японской войны, батюшка не покидалъ своей паствы ни на одну минуту. Недавно во время одного изъ боевъ, когда полку предстояло итти въ атаку на непріятеля, о. Богословскій, стоя на пригоркѣ, благословлялъ проходящихъ мимо него стрѣлковъ, напутствуя ихъ въ бой. Не успѣлъ батюшка кончить свое пастырское дѣло, какъ почуявшій опасность непріятель открылъ огонь, и въ наступавшихъ полетѣлъ рой пуль. Боясь за жизнь своего любимаго пастыря, офицеры и солдаты умоляли священника сойти съ пригорка. «Духовному отцу вражескимъ пулямъ кланяться не подобаетъ» — былъ отвѣтъ священника на всѣ просьбы оберегать себя. Но недолго стоялъ о. Богословскій: вражеская пуля попала ему въ грудь, и, раненый, онъ былъ вынесенъ на перевязочный пунктъ. Здѣсь врачи обнаружили у священника два пулевыхъ отверстія,— одно на серединѣ груди, а другое— въ разстояніи трехъ вершковъ влѣво отъ него, при чемъ первое имѣло видъ выходного. Оказалось, что пуля, ударивъ въ лѣвую сторону груди, вышла къ дароносицѣ, пронизавъ одежду и георгіевскую ленту, на которой висѣлъ золотой крестъ. Въ самой дароносицѣ пуля оставила значительный слѣдъ въ видѣ продолговатаго углубленія.

По свидѣтельству врачей,—какъ передаетъ «Нашъ Вѣстникъ», офиціальный органъ арміи юго-западнаго фронта,—о. Богословскій обязанъ своей жизнью висѣвшей на его груди дароносицѣ, ударившись о которую, пуля пошла въ бокъ, а не попала въ сердце.

Коронованный шпіонъ. Копенгагенскій корреспондентъ «Daily Mail» сообщаетъ, что императоръ Вильгельмъ во время своихъ визитовъ иностраннымъ монархамъ, мимоходомъ занимается шпіонствомъ. Въ Берлинѣ очень гордятся тѣмъ, что цеппелинъ, совершавшій недавно полетъ къ Балтійскому морю, во время этого полета руководствовался тѣмъ наброскомъ карты, который дѣлалъ самъ кайзеръ въ дни своего послѣдняго пребыванія въ Россіи.

О судьбѣ нашихъ плѣнныхъ. Королевское испанское посольство въ Петроградѣ проситъ сообщить, что имъ полученъ отъ испанскаго посольства въ Берлинѣ составленный испанскимъ консульствомъ въ Либавѣ списокъ фамилій 1090 русскихъ подданныхъ, желающихъ дать о себѣ свѣдѣнія роднымъ, находящимся въ Россіи.

Королевское испанское посольство въ Петроградѣ немедленно передало этотъ списокъ министерству иностранныхъ дѣлъ, которое взяло на себя заботу давать соотвѣтствующія справки роднымъ.

Въ указанный списокъ внесены адреса лицъ, на имя которыхъ получены извѣстія.

Какъ адресовать письма въ армію. Всестороннее обслѣдованіе условій почтовыхъ сношеній съ дѣйствующей арміей выяснило, что одною изъ главныхъ причинъ недоставленія почтовыхъ отправленій, адресованныхъ на имя офицерскаго состава и воинскихъ чиновъ дѣйствующей арміи, является неполнота или неточность наименованія воинскихъ частей, къ коимъ принадлежатъ адресаты, а также адресованіе почтовыхъ отправленій на имя воинскихъ чиновъ маршевыхъ ротъ и эскадроновъ.

Въ виду сего главное управленіе почтъ и телеграфовъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе населенія на слѣдующее:

1. При адресованіи почтовыхъ отправленій въ дѣйствующую армію необходимо указывать точно: а) наименованіе воинской части (полкъ, артиллерійская бригада и т. п.) и б) чинъ, имя, отчество и фамилію адресата.

Примѣры адресовъ:

Дѣйствующая армія
141-й Можайскій пѣхотный полкъ, рядовому 4-й роты Василію Петрову.
Дѣйствующая армія,
32-я артиллерійская бригада,
штабсъ-капитану Сергѣю Николаевичу Осипову.

2. Чины маршевыхъ эскадроновъ и ротъ состоятъ въ этихъ частяхъ лишь весьма непродолжительное время, по истеченіи коего распредѣляются по отдѣльнымъ полкамъ, батареямъ и т. д.

Вслѣдствіе этого посылаемыя чинамъ маршевыхъ эскадроновъ и ротъ отправленія получаются на мѣстѣ уже тогда, когда адресаты выбыли изъ сихъ частей; досылка же отправленій и разысканіе адресатовъ представляютъ большія затрудненія.

Въ виду этого представляется болѣе цѣлесообразнымъ не адресовать почтовыхъ отправленій въ маршевые эскадроны и роты, отложивъ посылку сихъ отправленій до полученія отъ адресата свѣдѣній о зачисленіи его въ ту или иную воинскую часть (полкъ, батарея и т. д.)

Почтовыя правила для сношенія съ военноплѣнными. Въ виду ряда обращеній съ просьбой разъяснить, какъ сноситься съ военноплѣнными, центральное справочное бюро о военноплѣнныхъ при Россійскомъ обществѣ Краснаго Креста разработало слѣдующія правила о порядкѣ пересылки военноплѣннымъ писемъ, денежныхъ переводовъ и посылокъ:

Денежные переводы, цѣнные пакеты и посылки, вѣсомъ до 12 фунтовъ, съ точнымъ адресомъ военноплѣннаго, можно сдавать въ любомъ почтово-телеграфномъ учрежденіи безъ оплаты почтовыми сборами.

Въ Петроградѣ посылки для военноплѣнныхъ принимаются лишь въ главномъ почтамтѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, если почему-либо не представляется возможнымъ отправить деньги или посылку указаннымъ выше способомъ, ихъ можно адресовать въ центральное справочное бюро о военноплѣнныхъ въ Петроградѣ. При этомъ на отрѣзномъ купонѣ денежнаго перевода или сопроводительнаго адреса посылки нужно написать точную копію адреса, присланнаго плѣннымъ, или вложить въ посылку самое письмо. На посылкѣ или денежномъ переводѣ нужно написать четко:

Петроградъ, Инженерная, 4. Въ центральное справочное бюро о военноплѣнныхъ — для военноплѣннаго (имя, отчество, фамилія и точный адресъ военноплѣннаго).

Всѣ почтовыя отправленія на имя бюро (т.-е. письма, денежные переводы и посылки) принимаются почтовыми учрежденіями безплатно.

По имѣющимся въ бюро свѣдѣніямъ, русскіе плѣнные особенно нуждаются въ слѣдующихъ, разрѣшенныхъ къ пересылкѣ, предметахъ: бѣльѣ, одеждѣ, обуви, табакѣ, папиросахъ, чаѣ, сахарѣ, сухаряхъ всякаго рода, шоколадѣ, печеньѣ, сушкахъ, баранкахъ, сластяхъ, всякаго рода крупахъ, макаронахъ, сѣмечкахъ, орѣхахъ, копченой рыбѣ и колбасѣ (колбасу рекомендуется посылать лишь въ Австрію).

Не разрѣшаются къ пересылкѣ: консервы въ герметически запаянныхъ жестянкахъ, икра, спиртные напитки, предметы роскоши, металлы всякаго рода и издѣлія изъ нихъ.

Всѣ посылаемые за границу предметы запрещается отправлять въ упаковкѣ изъ металла всякаго рода.

По всѣмъ могущимъ возникнуть вопросамъ или сомнѣніямъ, касающимся пересылки денегъ, посылокъ и писемъ, за справками и разъясненіями слѣдуетъ обращаться въ почтовый отдѣлъ центральнаго справочнаго бюро о военноплѣнныхъ. Петроградъ, Инженерная ул., 4.

Если деньги и посылки сдаются въ мѣстномъ почтовомъ учрежденіи съ точнымъ адресомъ военноплѣннаго, то почта направляетъ ихъ по назначенію помимо бюро, хотя бы онѣ и были адресованы въ бюро, а потому, въ случаѣ необходимости навести какія-либо справки, нужно обратиться въ то самое почтовое учрежденіе, гдѣ онѣ были сданы, а не въ бюро.

Центральное справочное бюро имѣетъ возможность наводить справки по телеграфу о мѣстонахожденіи и о здоровьѣ нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи и Австріи. Стоимость запроса съ уплаченнымъ отвѣтомъ опредѣлена въ 6 рублей.

При высылкѣ денегъ на телеграфные запросы отправитель долженъ указать, кромѣ своего адреса, слѣдующія свѣдѣнія о военноплѣнномъ: чинъ, воинскую часть, имя, фамилію и фронтъ (австрійскій или германскій), на которомъ онъ находился.

Означенныя свѣдѣнія слѣдуетъ четко и ясно выписать на отрѣзномъ купонѣ денежнаго перевода. Полученныя бюро въ отвѣтъ на запросъ свѣдѣнія изъ Германіи и Австріи будутъ немедленно сообщены бюро лицу, запрашивавшему и уплатившему деньги за телеграмму.

Письма военноплѣннымъ нужно писать четко и разборчиво въ видахъ большаго удобства при просмотрѣ ихъ цензурой. Хотя закрытыя письма и не запрещаются къ пересылкѣ, но по установленному порядку въ первую очередь цензуруются открытыя письма.

Въ виду того, что писемъ поступаетъ весьма много, отправка закрытыхъ писемъ можетъ происходить лишь съ значительнымъ опозданіемъ, и это обстоятельство отправители должны имѣть въ виду. Кромѣ того, на большинствѣ писемъ нашихъ военноплѣнныхъ, поступающихъ изъ Германіи, имѣется печатная надпись, что отвѣчать можно только на открытыхъ письмахъ. По этой надписи можно заключить, что закрытыя письма, поступающія въ нѣмецкую цензуру, задерживаются.

Въ виду приведенныхъ соображеній, рекомендуется для сношеній съ нашими военноплѣнными пользоваться исключительно открытыми письмами, при чемъ адресъ долженъ быть написанъ латинскими буквами. Самое же письмо разрѣшается писать на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ТРИНАДЦАТЫЙ МѢСЯЦЪ.

(См. № 33 «Нивы» 1915 г.).

Іюль.

15-го. Успѣшныя для насъ столкновенія къ западу и югу отъ Митавы. На правомъ берегу Нарева германцы перешли въ наступленіе, а къ югу отъ Сокаля мы вели наступленіе—весьма успѣшное.

16-го. Нами отражены атаки непріятеля у Каменки. Большія потери непріятеля между Вепржемъ и Бугомъ.

17-го. Упорные бои на наревскомъ фронтѣ. Успѣшный натискъ нашихъ войскъ на лѣвомъ берегу Вислы. У Каменки мы разбили шесть австрійскихъ полковъ.

18-го. Нѣмцы подходятъ къ Ковнѣ. Переправа непріятеля на правый берегъ Вепржа. Нашъ успѣхъ у Сокаля: мы овладѣли окопами противника и захватили много плѣнныхъ.

19-го. Мы оставили г. Люблинъ.

20-го. На путяхъ къ Поневѣжу мы опрокинули нѣмцевъ. Взяты плѣнные и орудія.

21-го. Упорные бои на наревскомъ фронтѣ. Успѣшныя для насъ стычки въ раіонѣ Блоне и Горы Кальваріи.

22-го. На рижскомъ направленіи наши войска отошли послѣ боевъ за р. Экау. Нами отбиты атаки нѣмцевъ къ сѣверу отъ Люблина и въ раіонѣ Курлова между Вислой и Бугомъ.

23-го. Наши войска на Вислѣ отошли на варшавскую позицію.

24-го. Мы оставили Варшаву.

25-го—26-го. Атаки нѣмцевъ по всему фронту на Наревѣ.

27-го. Нѣмцы штурмуютъ Ковну. Попытка германскаго флота проникнуть въ Рижскій заливъ. На нашихъ минахъ взорвались три нѣмецкихъ боевыхъ судна.

28-го. Нами успѣшно отбиты атаки нѣмцевъ на путяхъ къ Ригѣ. Частичное наступленіе австрійцевъ на Днѣстрѣ.

29-го. Нѣмцы, штурмуя Ковну, несутъ громадныя потери. Ихъ атаки успѣшно нами отбиваются. Успѣшное наступленіе нашихъ войскъ къ сѣверу отъ Вилькоміра.

30-го. У Ковны отбиты четыре атаки. Атаки непріятеля на Влодаву и Парчево отбиваются.

31-го. Юго-западнѣе Цѣхановца—горячій бой. Мы оставили Луковъ, Сѣдлецъ, Соколовъ.

Августъ.

1-го. Непріятель сосредоточилъ большія силы на путяхъ къ Западной Двинѣ и началъ наступленіе къ Бресту.

2-го. На Золотой Липѣ удачный поискъ нашихъ войскъ. Захвачены два ряда непріятельскихъ окоповъ. Сдержано усиленное наступленіе непріятеля отъ Сѣдлеца и Лукова.

3-го. Непрерывная бомбардировка Ковны и усиленныя атаки укрѣпленій западнаго фронта. Въ раіонѣ Бауска мы потѣснили германцевъ. Упорные бои между Наревомъ и Бугомъ.

4-го. Отбиты упорныя атаки германцевъ на двинскомъ направленіи. Германцы подъ Ковной овладѣли укрѣпленіями лѣваго берега Нѣмана и прорвались между другими фортами.

5-го. Ожесточенные бои подъ Ковной. Часть укрѣпленій праваго берега Еси подъ Ковной еще въ нашихъ рукахъ. Наша удачная контръ-атака на Бугѣ въ раіонѣ Сѣдлецъ—Черемха.

6-го. Въ Рижскомъ заливѣ наши суда послѣ боя съ значительно превышавшей ихъ силами германской эскадрой отошли на слѣдующія позиціи. Германцы заняли городъ Ковну. У Осовца успѣшно отражено нѣсколько непріятельскихъ атакъ. Налетъ цеппелиновъ на восточное побережье Англіи. Высадка англо-французскихъ войскъ въ Сувлѣ.

7-го. Непріятельскій флотъ проникъ съ большими силами въ Рижскій заливъ. Германцы овладѣли у Новогеоргіевска старыми фортами. Потопленъ германской подводной лодкой трансъ-атлантическій англійскій пассажирскій пароходъ «Арабикъ».

8-го. Блестящая побѣда русскаго флота въ Рижскомъ заливѣ. Мы задерживаемъ непріятеля на путяхъ отъ Ковны къ Кошедарамъ. Въ Новогеоргіевскѣ русскій гарнизонъ геройски защищаетъ послѣдній оплотъ крѣпости—цитадель.

9-го. Непріятельскій флотъ покинулъ Рижскій заливъ. Мы сдерживаемъ непріятельское наступленіе къ западу отъ Кошедаръ. Положеніе Новогеоргіевска признано безнадежнымъ. Въ Черномъ морѣ нашими миноносцами уничтожено около сто непріятельскихъ парусниковъ. Италія объявила Турціи войну.

10-го. Нѣмцы наступаютъ на фронтѣ Коварскъ—Вилькоміръ—Драсунишки. На Анатолійскомъ побережьѣ наши миноносцы разрушили у турокъ береговыя портовыя сооруженія.

11-го. Наши войска успѣшно отбили непріятельскія атаки на фронтѣ Клещели—Высоко-Литовскъ—Орля. Захвачены плѣнные и пулеметы. Остановлены попытки непріятельскаго наступленія въ ковельскомъ направленіи.

12-го. Нами оставлены укрѣпленія Осовца.

13-го. Отбиты всѣ атаки на наши позиціи западнѣе Бреста. Наши миноносцы потопили въ анатолійскихъ водахъ турецкія суда съ военнымъ грузомъ. Нами занята гора Куазы (въ пассинскомъ раіонѣ).

14-го. Наши войска оттянулись къ р. Виліи, задерживая германцевъ въ виленскомъ направленіи. Наступленіе германцевъ къ Бѣлостоку и на путяхъ Бѣльскъ—Клещели.

№ 39. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, И. А. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. **Литерат. и попул.-научн. прил.,** 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 26 сентября 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка“ кн. 7.

Анатолій Ѳедоровичъ Кони.

Къ 50-лѣтію его общественной дѣятельности.

1865—30 сентября—1915.

Очеркъ **К. Чуковскаго.**

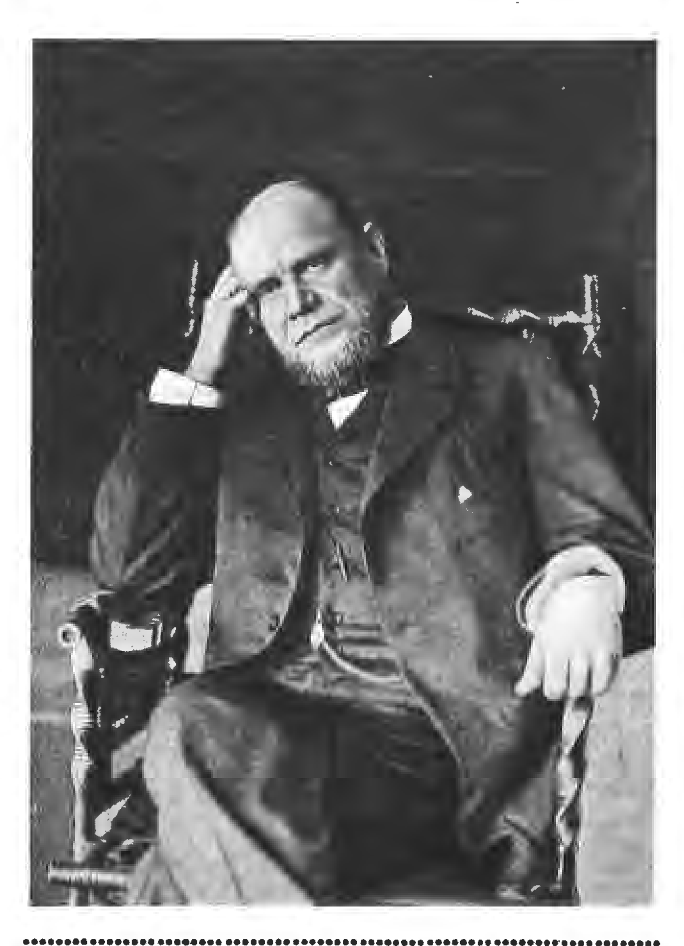
I.

Ровно полвѣка прошло съ той поры, какъ нынѣ знаменитый писатель, почетный академикъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ. членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ Анатолій Ѳедоровичъ Кони вступилъ на свое многотрудное поприще, и, оглядываясь, мы изумляемся, какъ успѣлъ онъ за такой коротенькій срокъ совершить столько великихъ дѣяній, пережить столько событій и чувствъ, встрѣтить столько замѣчательныхъ личностей, написать столько классическихъ книгъ, произнести столько великолѣпныхъ рѣчей! Иному и трехсотъ не хватило бы лѣтъ, чтобы прожить такую богатую, духовно-многообразную жизнь. Онъ и поэтъ, и художникъ, и ученый, и философъ, и судья, и тонкій эстетическій критикъ, и неутомимый общественный дѣятель. Не даромъ онъ началъ такъ рано: ему былъ назначенъ судьбою необъятный. огромнѣйшій трудъ. Нужно было спѣшить, торопиться: и вотъ къ двадцатилѣтнему возрасту онъ — филологъ, юристъ, математикъ. Иначе бы ему не успѣть!

Словно зная, какъ много у него впереди нечеловѣчески-трудной работы, судьба съ самыхъ раннихъ пеленъ стала пріуготовлять его къ ней. Какой гимназистъ, кромѣ Кони, слушалъ лекціи Спасовича, Кавелина, Костомарова, Стасюлевича? А Кони, еще четырнадцатилѣтнему мальчику, выпало это великое счастье. И развѣ не особая щедрость судьбы, что съ дѣтства онъ вращался въ кругу знаменитыхъ писателей, актеровъ, зналъ Некрасова, Щепкина, Мартынова, и самъ Писемскій читалъ передъ нимъ свои зловѣще-вдохновенныя рукописи. Точно также судьба позаботилась, чтобы у него оказался необыкновенный, оригинальный отецъ, имѣвшій многое множество самыхъ разнообразныхъ талантовъ—докторъ философіи, медикъ, театралъ, водевилистъ, педагогъ, знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла...

Не мудрено, что полвѣка назадъ, когда эта судорожная подготовка закончилась, юноша, многоученый, многоопытный, вступилъ во всеоружіи въ жизнь.

Безусый подростокъ, онъ уже написалъ диссертацію, и быть бы ему двадцатилѣтнимъ профессоромъ, если бы его не потянуло къ себѣ молодое судебное дѣло, веселая артельная работа восторженно-энергичныхъ новаторовъ, насаждавшихъ въ безправной Россіи первые ростки правосудія.



Анатолій Ѳедоровичъ Кони.

То были шестидесятые годы. эпоха великихъ реформъ. Совершалось грандіозное дѣло: Россія освобождалась отъ рабства, отъ подлой волокиты и ябеды, которыя звались правосудіемъ. Беззаконіе замѣнялось законностью: нужно было вчерашнихъ рабовъ пріучить къ свободной гражданственности.

Задача предстояла нелегкая. Съ одной стороны—Собакевичи. Кувшинныя Рыла, Ноздревы; съ другой—неграмотный темный мужикъ, развращенный холопствомъ и хамствомъ. Нужны были титаны съ геркулесовой силой души, чтобы совершить этотъ подвигъ. Къ нимъ-то и примкнулъ А. Ѳ. Кони, ибо здѣсь онъ былъ нужнѣе всего. Онъ словно далъ Аннибалову клятву защищать эту святыню народнаго права, сокровищницу народной души отъ всякихъ катастрофъ и посягательствъ.

Онъ скромно затерялся въ толпѣ провинціальныхъ судебныхъ работниковъ, и такъ ревностно взялся за работу, что не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ уже „надорвался“, „замучился“ и долженъ былъ по совѣту врачей ѣхать за границу лѣчиться, — двадцатитрехлѣтній инвалидъ!

Не даромъ еще въ дѣтствѣ въ гимназіи онъ любилъ играть въ крестоносцы. Онъ остался крестоносцемъ навѣки, — рыцаремъ, воителемъ, бойцомъ за драгоцѣннѣйшее достояніе Россіи,—свободный, безтрепетный судъ.

Всѣ такъ и ахнули, когда, позже, по его настоянію, предсталъ передъ новымъ судомъ милліонеръ-поджигатель Овсянниковъ, уже пятнадцать разъ откупавшійся взятками отъ прежняго продажнаго суда.

— Развѣ можно судить человѣка, у котораго 12 милліоновъ!— изумлялась обновленная Русь, помнящая свое недавнее прошлое.

Но Кони доказалъ ей на дѣлѣ, что предъ лицомъ правосудія милліонеръ и пролетарій равны.

Это было потрясающе-ново.

— Развѣ можно судить баронессу „со связями“, почтенную игуменью, фрейлину! — снова изумлялись непривычные люди, когда Кони призвалъ къ отвѣту мошенничавшую мать Митрофанію.

Выполняя свою великую мис-

сію, онъ не боялся ни угрозъ ни опасностей. Когда въ 1878 году присяжные подъ его предсѣдательствомъ оправдали Вѣру Засуличъ, на него изо всѣхъ бюрократическихъ тучъ посыпались громы и молніи: онъ же спокойно стоялъ подъ грозою, такъ какъ зналъ, что ни въ чемъ не нарушилъ священнаго долга судьи.

— Если бы мнѣ снова пришлось вести это отвѣтственное дѣло, я повелъ бы его точно такъ же! величаво заявилъ онъ тогда.

Теперь, когда минуло полвѣка великаго служенія Кони, Россія должна понять, какъ много онъ сдѣлалъ ей добраго, и любовно сопричислить его свѣтозарное имя къ славнѣйшимъ именамъ своихъ праведниковъ.

Россія не забудетъ, что именно онъ спасъ,—и спасалъ многократно,—великій институтъ суда присяжныхъ отъ буйнаго наскока враговъ. Россія не забудетъ, что въ пору безправія онъ поднималъ свой безбоязненный голосъ въ защиту неприкосновенности Судебныхъ Уставовъ: что въ Верхней Палатѣ онъ боролся (и продолжаетъ бороться) за лучшія идеи человѣчества: за вѣротерпимость, за женскія права, за высшее образованіе народа...

Не даромъ нынѣшніе судебные дѣятели преклоняются предъ нимъ, какъ предъ учителемъ. „Его имя всегда для насъ будетъ синонимомъ свѣта, красоты и стремленія къ великому и возвышенному,—пишетъ одинъ изъ нихъ.—И если бы въ настоящій моментъ намъ дозволено было выразить молодому нарождающемуся поколѣнію судебныхъ дѣятелей наше завѣтное пожеланіе, мы сказали бы имъ только одно: будьте, какъ Анатолій Өедоровичъ Кони“.

II.

Но для меня, литератора, Кони дороже и ближе всего именно какъ писатель, поэтъ, мастеръ мѣткаго, проникновеннаго слова.

И сказать ли?—послѣднія писанія Кони для меня прельстительнѣе первыхъ. Только къ старости, къ седьмому и восьмому десятку, расцвѣло во всемъ своемъ пышномъ богатствѣ таившееся въ немъ дарованіе. Прежде онъ словно обуздывалъ порывы своихъ вдохновеній. Въ прежнихъ его сочиненіяхъ больше чинности, офиціальности, высокаго тона и стиля. А въ нынѣшнихъ—сколько прелестнаго юмора, сколько пестрыхъ, блистательныхъ красокъ, и нѣтъ уже этихъ гладкихъ, слишкомъ красивыхъ періодовъ, отъ коихъ вѣяло порою холодкомъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Кони.

Они стали проще, интимнѣе.

У него—жанровое, бытовое дарованіе. Не даромъ онъ такъ любитъ Горбунова. Всякій эпизодъ, анекдотъ, всякую „картинку съ натуры“ онъ изображаетъ такъ смачно, съ такимъ аппетитомъ, съ такимъ любованіемъ, съ такимъ упоеніемъ деталями, что чувствуется огромный художникъ. Его творчество насыщено образами: жадность къ жизни, къ мельчайшимъ ея проявленіямъ—въ немъ ненасытная, пушкинская.

Но всю жизнь онъ словно стыдился ея. Умѣрялъ ее, сдерживалъ, стиралъ слишкомъ яркія краски. Писалъ некрологи, говорилъ офиціальныя рѣчи о недавно усопшихъ друзьяхъ, участвовалъ въ юбилейныхъ поминкахъ,—гдѣ же ему было развернуть свой многоцвѣтный, полнокровный талантъ!

Но едва (лѣтъ семь или восемь назадъ) онъ попробовалъ дать ему волю, мы почувствовали, что на Руси появился новый первоклассный беллетристъ. Въ его книгахъ оказалось что-то диккенсовское. Та же радуга смѣха и грусти, та же лирическая влюбленность въ людей. Прежде онъ писалъ по опредѣленному, строгому плану, по заранѣе заготовленной программѣ, а теперь ему такъ привольно-легко на безпорядочно-пестрыхъ страницахъ!

Для меня его обѣ послѣднія книги „На жизненномъ пути“ были откровеніемъ, радостью. Прежніе томы его сочиненій я только уважалъ и почиталъ, а эти—полюбилъ отъ души. Эти новые томы—огромные: въ нихъ больше полторы тысячи страницъ, но всякій разъ, когда я ихъ читаю, мнѣ кажутся они ужасно маленькими. Хочется, чтобъ длилось безъ конца ихъ свѣтлое и благодатное очарованіе. Кажется, внималъ бы имъ вѣчно, какъ какой-то упоительной аріи. И когда отложишь ихъ въ сторону и отойдешь отъ нихъ, въ душѣ почему-то останется веселое, ясное чувство: „Человѣкъ прекрасенъ! Прекрасна и божественна жизнь!“ Эти книги принято называть мемуарами, но для меня онѣ безмѣрно цѣннѣе.

И прежде была имъ написана книга, посвященная воспоминаніямъ о минувшемъ. Она такъ и называлась „Очерки и воспоминанія“. Но то были парадныя комнаты, а это—жилыя, интимныя. Тамъ ни за что онъ не сталъ бы разсказывать о своихъ домочадцахъ, служанкахъ, о забавномъ „синьорѣ Бѣляевѣ“, о томъ, какъ онъ, А. Ө. Кони, напяливалъ на своего лакея цилиндръ и посылалъ его вмѣсто себя дѣлать сослуживцамъ визиты, о томъ, какъ, по милости другого лакея, онъ нечаянно оказался мздоимцемъ.

Перелистайте эти новыя книги. Какъ живописенъ Овсянниковъ, какъ колоритна игуменья мать Митрофанія, какъ ослѣпительно-ярки всѣ эти фальшивомонетчики, сыщики, содержатели игорныхъ притоновъ, полицеймейстеры, убійцы, сумасшедшіе, которыми такъ и кишатъ эти романы и повѣсти, скромно названныя взыскательнымъ авторомъ „Записками судебнаго дѣятеля“.

Только теперь мы увидѣли, какого большого художника таилъ въ себѣ всю жизнь этотъ дѣятель.

III.

Но, конечно, его главная мощь не въ жанрѣ, не въ бытовыхъ анекдотахъ, не въ мимолетныхъ набросках и очеркахъ.

У него есть особый талантъ: властно влюблять въ человѣка.

Здѣсь главная задача его творчества. Вспомнимъ его книгу о Гаазѣ, къ которому онъ сумѣлъ возбудить столько умиленія и нѣжности. Или возьмите его послѣднюю книгу: „Отцы и дѣти судебной реформы“. Когда я впервые разсматривалъ приложенныя къ этой книгѣ картинки,—скучные портреты сановниковъ,—онѣ казались мнѣ такими чужими. „Кому это интересно и нужно?“—думалъ я, зѣвая въ душѣ. Но теперь эти фотографіи мнѣ милы и даже какъ-то родственно близки. Предъ нѣкоторыми я благоговѣю. Къ этому привелъ меня Кони, когда я прочелъ его книгу. Кони—иконописецъ единственный. Мы отвыкли благоговѣть, преклоняться, онъ учитъ насъ этому великому чувству. „Entretenez en vous le noble sentiment du respect,—готовъ онъ повторить вслѣдъ за французскимъ философомъ.—Sachez admirer“.

Жалокъ тотъ, кто не умѣетъ восхищаться величіемъ человѣческой души. Кони властно принуждаетъ насъ къ этому. Онъ ввелъ въ литературу новый родъ апологій, éloges, полу-гимновъ, полу-одъ, похвальныхъ словъ. Таковы его статьи о Пироговѣ, о Милютинѣ, о кн. Одоевскомъ, о Кавелинѣ, Ровинскомъ, Градовскомъ. Читая объ этихъ людяхъ у Кони, чувствуешь умиленіе молитвенное. „Боже мой, да неужели и вправду на Руси была такая святая душа, какъ этотъ поразительный В. Ө. Одоевскій!“—взволнованно повторяетъ читатель, и, дойдя до разсказа о нравственныхъ мукахъ Н. И. Пирогова, претерпѣваемыхъ имъ отъ бездарныхъ и пошлыхъ начальниковъ, не понимающихъ его безкорыстнаго подвига, дрожитъ отъ негодованія и гнѣва.

Благодаря любовному навожденію автора, всѣ драмы этихъ великихъ людей переживаешь, какъ собственныя, а не любуешься ими откуда-то издали, съ холоднымъ восхищеніемъ посторонняго зрителя.

Съ годами это волшебное умѣніе влюблять въ человѣка усилилось. Тотъ новый интимный стиль, о которомъ я сейчасъ говорилъ, котораго онъ прежде чуждался, помогъ ему разсказать столько патетически-трогательнаго о Тургеневѣ, Чупровѣ, Львѣ Толстомъ, Достоевскомъ, Некрасовѣ, Писемскомъ...

„Обогащая запасъ нашихъ сочувствій“ *),—эти жизнеописанія замѣчательныхъ русскихъ людей, отдавшихъ всю душу на служеніе родному народу, будутъ воспитывать въ нашихъ дѣтяхъ и внукахъ высокія гражданственныя чувства, и какъ жаль, что доселѣ никто не собрался присоединить къ апологіямъ этихъ самоотверженныхъ праведниковъ—еще одну, посвященную ихъ творцу и создателю, Анатолію Өедоровичу Кони!

*) Выраженіе В. О. Ключевскаго.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Новые факторы и событія.

Наиболѣе крупными событіями за истекшую недѣлю являются мобилизація Болгаріи и переходъ въ наступленіе нашихъ союзниковъ. Мобилизація Болгаріи, явно направленная противъ Сербіи и вообще задѣвающая интересы балканскихъ государствъ, подписавшихъ бухарестскій договоръ, вызвала мобилизацію также и въ Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ поставила на очередь вопросъ о позиціи Румыніи.

Въ Болгаріи, Сербіи и Греціи населеніе, приблизительно, одинаково по численности и въ каждомъ изъ этихъ государствъ опредѣляется цифрой нѣсколько болѣе 4½ милліоновъ. Такъ какъ во время балканской войны нѣкоторыя воюющія государства, какъ, напримѣръ, Сербія, выставили до 15 процентовъ отъ населенія, то можно считать, что всѣ три страны при наибольшемъ напряженіи могутъ выставить каждая въ поле до 600 тысячъ человѣкъ. При этомъ Болгарія и Сербія выставляютъ полевую армію, равную примѣрно 350 тысячамъ человѣкъ, а Греція, повидимому, можетъ выставить въ качествѣ перволинейныхъ войскъ и ихъ резервовъ нѣсколько меньшее число — 250 тысячъ человѣкъ. Остальное, т.-е. около 200—250 тысячъ человѣкъ въ Болгаріи и болѣе 300 тысячъ человѣкъ въ Греціи, представляетъ собою ополченіе и частью запасныя войска, т.-е. такіе батальоны, которые идутъ непосредственно на пополненіе потерь дѣйствующей арміи.

Въ дальнѣйшемъ, при разсмотрѣніи организаціи всѣхъ этихъ трехъ государствъ, можно видѣть, что организація вооруженныхъ силъ Болгаріи и Сербіи почти одинакова. У обѣихъ сторонъ имѣется, приблизительно, одинаковое количество перволинейной пѣхоты, одинаковое количество полевой артиллеріи и проч. Только конницы въ Сербіи нѣсколько больше, чѣмъ въ Болгаріи, но разница не особенно велика и, кромѣ того, не особенно су-

щественна въ условіяхъ горной войны, гдѣ для конницы поле дѣйствія, сравнительно, ограничено.

Организація греческой арміи нѣсколько отличается отъ организаціи болгарской и сербской армій. Греческая армія находится еще въ періодѣ реорганизаціи, и нѣкоторыя существенныя реформы въ Греціи не закончены. Не имѣется точныхъ данныхъ о томъ, доведено ли снабженіе артиллеріи до конца, закончена ли организація греческихъ корпусовъ, которыхъ насчитывается шесть, и проч. Кромѣ того, можно отмѣтить, что въ греческой арміи весьма мало конницы, вслѣдствіе недостатка лошадей въ странѣ.

Когда началась мобилизація въ Болгаріи и отвѣтная мобилизація въ Греціи, въ печати появилось много различныхъ предположеній о планахъ обѣихъ сторонъ. Указывалось, что австро-германцы пошлютъ свои войска также противъ Сербіи, что болгары будутъ стремиться занять дорогу Нишъ Салоники, чтобы отрѣзать сообщеніе Сербіи съ внѣшнимъ міромъ, и т. п.

По этому поводу необходимо отмѣтить, что, какъ мы уже неоднократно указывали, всякій планъ войны по своей общей идеѣ всегда вытекаетъ изъ ряда постоянныхъ данныхъ, какъ-то: географическаго очертанія границъ, соотношенія силъ обѣихъ сторонъ и проч. Поэтому различныхъ плановъ быть не можетъ, а есть одинъ опредѣленный планъ, который основывается на вышеупомянутыхъ постоянныхъ данныхъ.

Планъ этотъ нетрудно усмотрѣть изъ одного взгляда на карту. Можно сразу увидѣть, что Болгарія будетъ стремиться занять Македонію, чтобы стать посрединѣ между Сербіей и Греціей.

Городъ Тарнополь (Галичина).

Питательный пунктъ въ Гусятинѣ (Галичина).

Дѣйствительно, болгарамъ придется имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ, съ двумя противниками—съ сербами и греками. Болгары, конечно, отлично понимаютъ, что соединенная греко-сербская армія превосходитъ болгарскую армію въ численности вообще почти вдвое, а такъ какъ надо считать, что сербы оставятъ часть войскъ противъ Австріи, то превосходство греко-сербовъ надъ болгарами будетъ, приблизительно, полуторное. Поэтому болгары будутъ стремиться всѣми силами не допустить соединенія греческой и сербской армій и будутъ стараться каждаго противника разбить въ отдѣльности.

Это подразумѣваетъ, въ свою очередь, планъ болгаръ занять Македонію и стать посрединѣ между греками и сербами, чтобы вести такую же войну „на два фронта", какую ведутъ нѣмцы. Слѣдовательно, далѣе болгары будутъ стремиться сначала прикрыться укрѣпленіями противъ одного противника и броситься всей массой противъ другого противника. Затѣмъ будутъ стремиться, разбивъ перваго противника, повернуться всѣми силами противъ второго противника.

Уже по одному этому можно было не сомнѣваться, что Греція непремѣнно выступитъ въ случаѣ войны, ибо, если бы этого греки не сдѣлали, то болгары всей массой обрушились бы сначала на сербовъ, а потомъ на грековъ, т.-е. болгары, вмѣсто того, чтобы закрыться укрѣпленіями отъ Греціи, такъ сказать, временно предотвратили бы выступленіе Греціи одними дипломатическими завѣреніями.

Въ связи съ этимъ стало болѣе или менѣе ясно, со стратегической точки зрѣнія, что едва ли можно ожидать выступленія Румыніи. Какъ намъ уже приходилось отмѣчать, при наличіи нѣсколькихъ противниковъ сначала нападаютъ на сильнѣйшаго, а потомъ уже на слабѣйшаго, а не обратно. Слѣдовательно, если бы Румынія должна была выступить, то, такъ какъ Румынія болѣе сильный противникъ, чѣмъ Сербія или Греція, болгары должны были бы прежде всего сосредоточивать всѣ свои силы на румынской границѣ. Однако этого сосредоточенія болгарскихъ силъ на румынской границѣ не наблюдалось, что и доказывало, что Болгарія не имѣетъ въ виду выступленія Румыніи, а, слѣдовательно, этотъ вопросъ, повидимому, рѣшенъ уже дипломатическимъ путемъ.

Такимъ образомъ за истекшую недѣлю къ большой европейской войнѣ добавилась ожидавшаяся со дня на день война между балканскими государствами. Непосредственнаго вліянія на ходъ событій она имѣть не могла, такъ какъ въ концѣ концовъ было безразлично, кто кого побѣдитъ, Болгарія Сербію или Сербія Болгарію, ибо судьбы этихъ маленькихъ государствъ всецѣло рѣшались въ зависимости отъ судьбы европейской войны. Если побѣдятъ союзники, то, даже въ случаѣ побѣды Болгаріи надъ Сербіей—Сербія получитъ все то, на что она имѣетъ право, а Болгарія будетъ наказана. И обратно, въ случаѣ неудачи союзниковъ, сербскій успѣхъ не имѣлъ бы смысла, такъ какъ австро-нѣмцы, вѣроятно, отомстили бы сербамъ. Слѣдовательно, хотя балканскія государства и затѣвали войну, но эта война должна была быть, по существу, безполезна, ибо она не рѣшала ихъ судебъ, а судьбы Болгаріи и Сербіи всецѣло зависѣли отъ исхода большой европейской войны.

Обращаясь къ другому крупному событію за истекшую недѣлю, т.-е. къ наступленію союзниковъ, мы напомнимъ, что англо-французы перешли въ наступленіе въ трехъ пунктахъ своего фронта: въ Шампани, въ Артуа и на крайнемъ сѣверѣ,

Замокъ графа Голуховскаго въ Гусятинѣ (Галичина).

недалеко отъ бельгійскаго побережья. Операція, которая предстояла нашимъ союзникамъ, представлялась весьма нелегкой, что видно изъ слѣдующаго:

Какъ извѣстно, у нѣмцевъ на западномъ фронтѣ имѣются три такъ называемыя „оборонительныя линіи": первая оборонительная линія — во Франціи, вторая оборонительная линія — въ Бельгіи и третья оборонительная линія — рѣка Рейнъ съ крѣпостями. Каждая изъ этихъ оборонительныхъ линій, въ свою очередь, состоитъ изъ многихъ десятковъ линій траншей и укрѣпленій, снабженныхъ многочисленной артиллеріей, громаднымъ количествомъ пулеметовъ, фугасами, бетонными казематами и проч. Наконецъ каждая изъ этихъ линій упирается въ море, что не даетъ возможности обходить, а вынуждаетъ къ лобовымъ атакамъ, т.-е. „къ прорыву фронта".

Въ виду всего этого французы долго и дѣятельно готовились къ своей операціи. Наступленіе это, конечно, прежде всего, должно было быть основано на содѣйствіи многочисленной и могущественной артиллеріи, которая должна была „проломить дыру" въ германскомъ расположеніи съ тѣмъ, чтобы въ это разрушенное отверстіе вошла атакующая англо-французская пѣхота.

Моментъ для наступленія былъ избранъ англо-французами весьма благопріятный, такъ какъ нѣмцы вообще истощились за послѣдніе пять мѣсяцевъ борьбы на нашемъ фронтѣ, и это должно было въ извѣстной степени отразиться и на западномъ фронтѣ. Послѣ 50-часовой артиллерійской подготовки французы совершенно разрушили участки германскихъ траншей, намѣченные ими для атаки, и вслѣдъ затѣмъ короткимъ штурмомъ взяли первую линію германскихъ траншей. Вполнѣ понятно, что это была лишь одна первая линія траншей, и что впереди французамъ предстояло еще взять много другихъ линій траншей для того, чтобы овладѣть первой оборонительной линіей нѣмцевъ, сзади которой имѣлись вторая оборонительная линія изъ многихъ длинныхъ траншей въ Бельгіи и третья оборонительная линія — рѣка Рейнъ съ крѣпостями.

Ударъ, нанесенный нѣмцамъ на западномъ фронтѣ, былъ настолько силенъ, что они немедленно двинули сюда всѣ свои ближайшіе резервы и стали оказывать на второй линіи траншей уже гораздо болѣе упорное сопротивленіе. Тѣмъ не менѣе германское расположеніе, если не было сломлено, то было „испорчено" и представляло собою неправильную и невыгодную линію. Поэтому нѣмцы немедленно отвѣтили своимъ наступленіемъ въ другомъ мѣстѣ. Это наступленіе повела армія кронпринца въ Аргоннахъ, но совершенно неудачно, почему положеніе нѣмцевъ на западномъ фронтѣ нисколько не поправилось.

Такимъ образомъ за истекшую недѣлю обнаружились два крупныя событія, которыя еще не успѣли развернуться полностью, но, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ результатовъ, могли имѣть весьма крупное значеніе и даже совершенно измѣнить ходъ войны.

Болгарское предательство.

(Политическое обозрѣніе).

Болгарія мобилизовала свои силы для нападенія на Сербію и готовится къ вмѣшательству въ европейскую войну на сторонѣ нашихъ враговъ австро-германцевъ. Таковъ ея отвѣтъ на предложеніе четверного согласія возстановить балканскій союзъ подъ условіемъ отказа Сербіи отъ Македоніи и Греціи отъ Кавалы. Ей было обѣщано все, чего она желала, но, очевидно, алчность одержимаго безуміемъ народа не ограничивается территоріями, населенными родственными ему племенами, и заходитъ неизмѣримо дальше, чѣмъ офиціально заявленныя требованія его лукавыхъ дипломатовъ. Безумная жадность привела Болгарію къ преступленію и гибели.

Болѣе наглаго предательства міръ Божій не видѣлъ отъ вѣка. Преступленіе 1912 года блѣднѣетъ передъ нынѣшнимъ преступленіемъ. Она начала свое грѣхопаденіе братоубійствомъ Каина, кончаетъ свою исторію предательствомъ Іуды.

Рожденная изъ русской крови, пролитой за освобожденіе балканскихъ славянъ, Болгарія измѣнила славянству и подняла оружіе противъ матери—Россіи въ союзѣ съ нашими историческими врагами. Борьбою съ тѣми, кто вызвалъ ее къ жизни, она утрачиваетъ всякія права на политическое бытіе. Злобною мстительностью къ тѣмъ, кто проливалъ кровь за ея освобожденіе, она теряетъ права на свободу. Преступный выродокъ славянской семьи вполнѣ заслуживаетъ быть обращеннымъ въ первобытное состояніе національнаго рабства, изъ котораго онъ былъ выведенъ нашими побѣдами на Балканахъ. Самое рожденіе на свѣтъ предателя славянства съ точки зрѣнія славянскихъ интересовъ представляло собою политическую ошибку—грубый промахъ идеалистическаго великодушія.

Всего тяжелѣе для нашего сознанія то, что вину за тяжкое преступленіе Болгаріи никакъ нельзя взвалить на одного Фердинанда: нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ ее раздѣляетъ вся болгарская интеллигенція и даже весь болгарскій народъ, ибо ни въ его низахъ ни въ его верхахъ, за рѣдкими исключеніями болгаръ, находящихся въ Россіи, не раздалось ни одного протеста противъ преступной политики потерявшаго смыслъ и совѣсть правителя, и даже оппозиція, еще накануне высказавшаяся въ лицѣ Малинова, Гешова и другихъ противъ повторенія опасной авантюры 1912 года, съ момента объявленія мобилизаціи для новаго предательскаго нападенія на Сербію покорно и безропотно присоединилась къ преступнымъ замысламъ Кобурга.

Передъ судомъ исторіи, передъ лицомъ Россіи и славянства, всѣ болгары, явившіеся вольными и невольными соучастниками кобургскаго предательства, несутъ на себѣ отвѣтственность за безпримѣрное преступленіе и должны будутъ понести заслуженную кару за содѣянный грѣхъ. Какъ есть преступные люди, такъ есть и преступные народы. Преступныхъ людей лишаютъ гражданскихъ правъ, которыми они не умѣютъ пользоваться въ границахъ закона, точно такъ же преступные народы, неспособные пользоваться предоставленною имъ политическою самостоятельностью на благо себѣ и сосѣдямъ, должны быть навсегда лишены права самостоятельной національно-политической жизни. Двинувъ свои войска въ тылъ изнемогающей въ борьбѣ съ нѣмцами Сербіи, Болгарія сама себѣ подписала смертный приговоръ. Европа и славянство, восторжествовавъ надъ германско-турецкимъ союзомъ, уже не оставятъ на обновленной картѣ Стараго Свѣта Болгарію, какъ самостоятельное государство, но обратятъ его въ раздѣленныя провинціи сосѣднихъ державъ. Нельзя оставлять оружіе въ преступныхъ рукахъ, а государственная организація пятимилліоннаго народа уже сама по себѣ представляетъ опасное оружіе противъ сосѣднихъ народовъ.

Съ точки зрѣнія политическаго и военно-стратегическаго равновѣсія выступленіе Болгаріи на сторонѣ турецко-германскаго нашествія на Европу не окажетъ особенно замѣтной помощи нашимъ врагамъ, потому что тотчасъ же почти автоматически вызоветъ выступленіе Греціи и отчасти Румыніи на защиту угрожаемой двойнымъ нападеніемъ Сербіи. И та и другая будутъ вынуждены къ вмѣшательству вовсе не по великодушію, а по элементарному расчету. Ихъ спокойствіе зиждется на бухарестскомъ договорѣ, который предоставилъ грекамъ Кавалу, а румынамъ—Добруджу. Для того, чтобы сохранить свои владѣнія, имъ необходимо не допустить болгарскаго торжества надъ Сербіей. Изъ чувства самосохраненія греки и румыны никакъ не могутъ остаться безучастными къ мобилизаціи болгарской арміи. Опасна только возможность одновременнаго австро-германскаго нашествія съ сѣвера, но военныя дѣла Германіи и на ея восточномъ и на западномъ фронтѣ пріобрѣтаютъ за послѣднее время не такой оборотъ, чтобы она могла выдѣлить для разгрома и уничтоженія Сербіи сколько-нибудь многочисленную армію, и тѣ полтораста тысячъ итало-французскихъ войскъ, которыя будутъ двинуты въ помощь сербамъ, позволятъ имъ отбить болгаро-австрійскій натискъ съ тѣмъ же неизмѣннымъ успѣхомъ, который сопровождаетъ талантливаго сербскаго стратега генерала Путника во всѣхъ бояхъ.

Не даромъ войну зовутъ судомъ Божіимъ. Судъ Божій—правый судъ: на поляхъ брани доблестные народы находятъ свое возрожденіе, мощь и славу, а народы, обреченные на гибель,— свою политическую смерть.

Битва орловъ.

Мнѣ снилось: два могучіе орла
Надъ дымными кружили облаками.
Одинъ окраской спорилъ со снѣгами,
Въ другомъ, тяжеломъ, въ перьяхъ ночь была.

Тотъ черный, гнетомъ сильнаго крыла
И мѣтко бьющимъ клювомъ, и когтями,
И грубой грудью, вздутыми боками,
Билъ бѣлаго. По снѣгу кровь текла.

Слились въ одинъ комокъ оцѣпенѣлый.
Летѣли хлопья снѣга, клочья мглы.
О цѣпкій клювъ острили клювъ орлы.

То вверхъ, то внизъ. Но въ битвѣ падалъ бѣлый.
Вдругъ съ моря вихрь раздулъ снѣжистость крылъ.
И чернаго тотъ бѣлый наземь сбилъ.

К. Бальмонтъ.

Волчокъ.

Разсказъ **А. С. Грина.**

„Свирѣпые голоса вопили у дверей, чтобы имъ отдали добычу".

Ламартинъ.

На всѣ вопросы, какіе задавалъ мнѣ непріятельскій офицеръ, я отзывался незнаніемъ или нежеланіемъ отвѣчать, особенно напирая на то, что я русскій.

Этимъ я хотѣлъ воздѣйствовать на его разумъ, предоставляя ему воображать себя на моемъ мѣстѣ и, слѣдовательно, признать безспорное право національности охранять ея общіе интересы молчаніемъ. Дѣлая видъ, что не понимаетъ столь простой вещи, офицеръ старательно угрожалъ мнѣ разстрѣломъ, если я буду упорствовать въ отнѣкиваніи. Его лицо намѣренно оставалось неподвижнымъ, дабы вся сила моего вниманія была направлена къ точному смыслу угрозъ, не задерживаясь естественной въ каждомъ разговорѣ мимикой лица, могущей, помимо воли офицера, создать обнадеживающее впечатлѣніе и тѣмъ самымъ оставить то, что я зналъ,—при мнѣ. Даже голосъ допросчика звучалъ, такъ сказать, по одной линіи, однимъ тономъ, въ которомъ ясно чувствовались знаки препинанія, обезличивающіе произносимое.

Я хорошо понималъ эту игру. Я говорилъ и держался такъ же, какъ офицеръ. Я смотрѣлъ прямо въ его скупо мигающіе глаза, отвѣчая на всѣ вопросы самымъ невыразительнымъ тономъ:

— „Не знаю",—„не имѣю понятія",—„нѣтъ",—„не скажу".

Остальные германцы, наполнявшіе комнату плотной массой здоровыхъ прямыхъ тѣлъ, слѣдили за нашей игрой съ того рода молчаливой развязностью, какая свойственна умѣлымъ, но бездѣйствующимъ шахматистамъ, сидящимъ вокругъ занятой другими игроками доски ради удовлетворенія спортивнаго любопытства.

Всѣ они улыбались. Въ позахъ ихъ не чувствовалось, какъ въ моей и допросчика, ни малѣйшаго напряженія; они свободно дышали, мѣняя положеніе рукъ и ногъ, съ отвратительной безпричастностью къ моему душевному состоянію.

Я отмѣчаю это, какъ слѣдствіе слабо развитаго воображенія ихъ,—такъ какъ даже поверхностное постиженіе тягости смертной казни, въ присутствіи человѣка, на нее обреченнаго, совершенно не допускаетъ улыбки.

Отчасти я, вѣроятно, самъ помогалъ этой психологической близорукости, будучи внѣшне равнодушенъ къ своей судьбѣ; волненіе, выраженное слезами и крикомъ, можетъ-быть, расшевелило бы скупые нервы этихъ людей, хотя бы въ смыслѣ ускоренія неизбѣжной развязки. Теперь же, привыкшіе къ сценамъ допроса и казни, офицеры видѣли въ происходящемъ извѣстное бытовое явленіе, вызванное войною.

Солдатская кухня.

Раннимъ утромъ.

Въ бродъ.

Допросчикъ былъ смуглый брюнетъ, съ широкими, нѣсколько сведенными спереди, плечами и толстыми колѣнями большихъ ногъ, плотно упиравшихся въ полъ. Онъ держалъ руки въ карманахъ. Бритое большое лицо съ вертикальной складкой надъ переносьемъ и ясными, устало прищуренными глазами, являло выраженіе непреклонности. Я понималъ это выраженіе, какъ смертный приговоръ. Я заранѣе покорялся ему, предвидя, что, сохранивъ честь, — понятіе, давно утраченное слабыми людьми съ широкой натурой,—пріобрѣту тѣмъ уваженіе друзей и отечества. Отечество въ эту войну перестало быть для меня отвлеченнымъ понятіемъ; я увидѣлъ, что оно состоитъ изъ людей, доступныхъ гнѣву, скорби, жалости и восторгу. Я хотѣлъ сохранить уваженіе этихъ людей и не противился неизбѣжному.

Всѣ мы находились въ столовой моей квартиры. На буфетной доскѣ валялась забытая дѣтьми игрушка, - стальной волчокъ, состоявшій изъ стержня, пропущеннаго въ подвижное колесцо, и обладавшій большой длительностью вращенія. Онъ приводился въ дѣйствіе посредствомъ длинной бечевки, наматываемой на трубочку колесца. Старикъ офицеръ съ нафабренными усами и лукаво подвижнымъ взглядомъ, взявъ въ руки волчокъ, небрежно трогалъ колесцо пальцемъ, извлекая жужжащій звукъ, напоминающій полетъ мухи. Въ это время я произнесъ уже послѣднее „нѣтъ“ на послѣдній вопросъ допросчика, и комната погрузилась въ молчаніе.

— Васъ сейчасъ разстрѣляютъ,—медленно, съ очевидной цѣлью произвести впечатлѣніе, сказалъ допросчикъ и повернулся къ двери, крикнувъ, чтобы позвали солдатъ.

Въ этотъ моментъ напряженіе мое достигло такой силы, что я нѣсколько секундъ плохо различалъ окружающее, какъ бы смотря вокругъ сквозь матовое стекло. Удары сердца были часты и слабы.

Пересиливъ предсмертное волненіе, я оказался твердо стоящимъ на ногахъ и твердо смотрящимъ на своихъ палачей, но въ состояніи ошеломленности, ибо мозгъ, повинуясь инстинкту самосохраненія, отказывался еще пріурочить къ себѣ близость насильственнаго конца.

Когда появились солдаты, я содрогнулся, почувствовавъ естественный ужасъ, неописуемый по существу и невыразимо мучительный. Воля моя не измѣнила мнѣ, и я не сдѣлалъ ни одного движенія, выражающаго страданіе.

Страданіе это однако, въ силу большой, стремительной живости воображенія, которое доставляло мнѣ, даже въ спокойные моменты жизни, немало мелкихъ предвосхищеній будущаго и яркихъ повтореній прошлаго,—было неизмѣримымъ числомъ разъ значительнѣе впечатлѣнія отъ настоящихъ строкъ, что пишутся мною спокойно, какъ бы не о себѣ. Сцена разстрѣла, со всѣми ея подробностями, пережилась мною съ быстротой вздоха. Я осязалъ свои шаги по зеленой травѣ сада, видѣлъ себя стоящимъ у стѣны каменнаго сарая, и преодолѣвалъ уже, мысленно, зловѣщую, какъ набатъ, тяжесть послѣдняго ожиданія, тоску готоваго полыхнуть залпа, послѣ чего наступаетъ таинственное ничто, въ то время, какъ нѣчто—трупъ, залитый фыркающей изъ сердца и головы кровью, лежитъ на землѣ, шевелясь въ жалкихъ конвульсіяхъ.

Мое здоровое молодое тѣло, проникаясь предвосхищеніемъ смерти, отталкивало ее каждымъ біеніемъ пульса. Солдатъ положилъ мнѣ на плечо руку, кивнувъ головой въ сторону двери; угрюмое любопытство читалось въ его лицѣ, обведенномъ ремешкомъ каски.

— Вальфельдъ!—сказалъ старикъ, вертѣвшій въ рукахъ волчокъ.—Скажите, чтобы обождали съ разстрѣломъ. Я хочу сдѣлать вамъ нѣкое предложеніе.

Допросчикъ, онъ же и начальникъ отряда, занявшаго наше мѣстечко, неохотно подошелъ къ офицеру.

Я различилъ шопотъ, столь тихій, что онъ скрадывалъ всѣ слова. Напряженно слѣдя за выраженіемъ двухъ лицъ, изрѣдка посматривающихъ на меня невинно скользящимъ взглядомъ, я безъ труда догадался, что непріятели вознамѣрились вновь попытать счастья, употребивъ въ отношеніи меня нѣчто, пока мнѣ еще неизвѣстное. О такомъ намѣреніи говорило движеніе пальца старика, чертившаго по буфетной доскѣ какой-то воображаемый планъ. Этотъ топографическій интересъ бесѣды, въ связи съ отсрочкой разстрѣла, убѣдилъ меня въ наличности новаго покушенія на мою стойкость, и я не ошибся.

За время этихъ испытаній я чистосердечно радовался тому, что жена и дѣти въ отсутствіи. Они выѣхали заблаговременно на Т. П., далекіе отъ мысли, что я могу задержаться. Однако мои служебныя обязательства потребовали остаться дня на три сверхъ срока, и это совпало съ появленіемъ пруссаковъ. Я говорю, что радовался отсутствію близкихъ. Конечно, отчаяніе жены и блѣдность ея лица не поколебали бы моей твердости, но мученія вдвоемъ тягостнѣе и нестерпимѣе, чѣмъ переносимыя въ одиночествѣ кѣмъ-либо однимъ изъ двухъ, при увѣренности, что второе лицо спокойно въ своемъ незнаніи. Это мрачное утѣшеніе осѣнило меня теперь, въ то время, какъ Вальфельдъ подходилъ ко мнѣ, держа въ рукѣ волчокъ, взятый у старика.

Вальфельдъ улыбался иронически и многозначительно, какъ человѣкъ, принявшій нѣкое эксцентрическое рѣшеніе—важное и въ то же время сомнительное по результату.

Онъ сказалъ, смотря то на меня, то на присутствующихъ:

— Я предлагаю вамъ подумать еще разъ. Пустите этотъ волчокъ. Время, пока онъ вертится, будетъ окончательнымъ срокомъ вашего размышленія. Это—льгота, намъ ничего не стоило бы разстрѣлять васъ немедленно. Итакъ, воспользуйтесь льготой, одумайтесь! Если волчокъ упадетъ, а вы останетесь нѣмы, пеняйте тогда лишь на себя.

Я медлилъ отвѣчать, соображая, не кроется ли подъ этой выдумкой какого-нибудь подвоха: однако, взвѣшивая весь смыслъ предложенія Вальфельда, нашелъ въ немъ лишь попытку психологическаго воздѣйствія, разсчитанную на созерцаніе вращающагося волчка, который, находясь въ дѣйствіи, какъ бы олицетворялъ мою собственную жизнь, сокращающуюся съ каждымъ оборотомъ стальной оси. Самая отсрочка казни, столь краткая, не представляла для меня ничего утѣшительнаго, такъ какъ, твердо рѣшивъ не выдавать военныхъ секретовъ, я тѣмъ самымъ обрекалъ себя на смерть, безразлично -сейчасъ или черезъ двѣ-три минуты, когда волчокъ, потерявъ инерцію, останется лежать на боку, а я буду отведенъ въ садъ, подъ ружья германцевъ. Но, безсильный убить надежду хотя бы на чудо, такъ какъ изъ обширнаго человѣческаго опыта зналъ, что бывали примѣры, когда въ нѣсколько секундъ измѣнялись положенія, болѣе безнадежныя, чѣмъ мое,—я не нашелъ въ себѣ силы отказаться отъ выдумки офицера. Я молча кивнулъ головой, подошелъ къ окну, сорвалъ шнурокъ занавѣски и, по привычкѣ своей дѣлать все тщательно и какъ можно лучше, рѣшилъ получить максимумъ времени, остававшагося мнѣ, благодаря затѣѣ съ волчкомъ. Поэтому я двигался неторопливо, иногда останавливаясь на секунду, какъ бы задумавшись. Съ цѣлью придать волчку наибольшую длительность вращенія, я методично, плотно наматывалъ шнурокъ, стараясь, чтобъ каждый его рядъ занималъ какъ можно менѣе мѣста, дабы при развертываніи не потерять малѣйшей силы упора; шнурокъ, навернутый такимъ образомъ, лежалъ на волчкѣ четырьмя ровными слоями колецъ, твердыхъ и правильныхъ, какъ катушка. Сдѣлавъ это, я позаботился объ уменьшеніи тренія. Я взялъ чайный стаканъ, съ гладкимъ, хорошо отполированнымъ дномъ, опрокинулъ его на столъ, лѣвой рукой сжалъ волчокъ, а правой—свободный конецъ шнурка, и приготовился къ дѣйствію.

Вы, люди, прожившіе всю жизнь, не подвергаясь смертельной опасности,—должны, не осуждая меня за столь внимательное отношеніе въ этомъ разсказѣ къ подробностямъ обращенія съ волчкомъ, вообразить себя на моемъ мѣстѣ, съ тѣмъ масштабомъ времени, какимъ осужденъ былъ я измѣрять ничтожный остатокъ жизни. Я, положительно, входилъ въ подробности каждой минуты и даже секунды, съ неменьшей серьезностью и значительностью оцѣнки ихъ, чѣмъ въ прежнее время — въ событія мѣсяцевъ, годовъ и недѣль. Моя жизнь сосредоточилась въ шнуркѣ и волчкѣ, и я растягивалъ ее, насколько то было возможно, съ цѣлью дать совершиться чуду, если бы оно снизошло ко мнѣ. Позже я убѣдился, что всѣ чудеса — въ насъ, пока же, движимый борьбой надежды съ отчаяніемъ, бралъ отъ даннаго положенія все, что взять было можно: нѣсколько минутъ жизни. Пока я приготовлялся пустить волчокъ, офицеры, сидя на стульяхъ, съ сигарами въ зубахъ, молча наблюдали меня, изрѣдка бросая фразы вполголоса; обостренный слухъ мой отлично улавливалъ смыслъ говоримаго: — „Онъ струсилъ“, — сказалъ одинъ. — „Онъ колеблется“,—согласился другой.—„Онъ что-то задумалъ“,—ввернулъ третій. Всѣ они ошибались. Я не трусилъ, не колебался и не задумывалъ; я положился на милость судьбы.

— Разъ, два, три!—сказалъ я съ нѣкоторымъ задоромъ.—Вотъ вашъ психологическій экспериментъ, господинъ Вальфельдъ, — онъ вертится!—и я, напруживъ мускулы, сдернулъ шнурокъ со всей возможной для меня силой.

При этомъ волчокъ едва не вырвался изъ руки; черезъ мгновеніе онъ совершенно прямо, подобно пламени свѣчи въ тихомъ воздухѣ, стоялъ на стаканѣ, обманчиво неподвижный, ибо быстрота вращенія была неуловимой для глаза. Онъ не качался, не вздрагивалъ и не мѣнялъ мѣста на днѣ стакана, центробѣжная сила удерживала его въ одной точкѣ. Со временемъ сила эта должна была ослабѣть, лишивъ волчокъ равновѣсія; пока же, находясь въ зенитѣ, дѣйствовала прекрасно. Я, отступивъ немного назадъ, смотрѣлъ на эту игру смерти, принявшей образъ волчка, съ того рода спокойствіемъ, какое является, надо думать, слѣдствіемъ утомленія чувствъ.

Черезъ окно, просвѣчивая въ стаканъ и образуя подлѣ него овальное свѣтлое пятно, струились предвечерніе лучи солнца.

Внимательно слѣдя за волчкомъ, я замѣтилъ въ сторонѣ отъ него какъ бы сверкающее сгущеніе воздуха. Оно расширилось, принимая форму дѣтскаго лица, а затѣмъ всей фигуры ребенка, дѣвочки восьми лѣтъ, въ которой, ничѣмъ не обнаруживъ своего волненія, я узналъ младшую свою дочь. Непривычный къ галлюцинаціямъ, я однако сообразилъ причину этого явленія, такъ какъ волчокъ былъ любимой игрушкой ребенка, и я часто забавлялъ ее, доставляя невинный восторгъ, намъ уже недоступный. Призракъ не исчезалъ. Онъ усердно трясъ маленькой курчавой головкой, тянулся къ волчку и заливался беззвучнымъ смѣхомъ, тѣмъ самымъ, какимъ я любовался такъ много счастливыхъ разъ въ часы вечерняго отдыха. Я оглянулся. Я хотѣлъ жить и, осматриваясь, изыскивалъ къ этому способы, хотя бы безумные.

Нашъ удачный выстрѣлъ. Рисунокъ М. Авилова.

Когда я снова посмотрѣлъ на столъ, видѣнія уже не было, но вся тоска, пришедшая съ нимъ, тоска о семьѣ и жизни, привела меня въ состояніе ярости, — гнѣва, способнаго бросить безоружнаго на штыки. Окно было открыто. Подъ нимъ сіялъ садъ, въ дальнемъ концѣ котораго стоялъ каменный сарай. Сбоку, почти рядомъ со мной, стоялъ офицеръ, выдвинувшись нѣсколько впередъ меня. Отъ моей руки до кобуры его револьвера было не болѣе фута.

Зная, что меня, все равно, убьютъ, я не колебался болѣе, но и не торопился. Волчокъ, лишь вздрагивая слегка, почти незамѣтно, обѣщалъ еще съ минуту нужнаго времени. Я приблизилъ къ кобурѣ руку, не мѣняя направленія взгляда, устремленнаго на волчокъ, и отстегнулъ ее съ воздушностью прикосновеній карманника: затѣмъ, дѣйствуя съ невѣроятной быстротой мысли, отчетливо, какъ на счетахъ, подсказывавшей мнѣ движенія, зоркость ихъ, ихъ экономію, расчетъ и точность, — бросился, очертя голову, въ внезапно наступившій вихрь выстрѣловъ, суматохи, вскриковъ, шума и ярости.

Волчокъ, жалобно зазвенѣвъ о стаканъ, свалился на столъ, а затѣмъ на полъ. Одновременно съ его паденіемъ я вырвалъ изъ кобуры револьверъ, подъ судорожно хлопнувшей о бокъ офицерской рукой, и выстрѣлилъ пруссаку въ голову. Онъ, отскочивъ, упалъ. Слѣдующій выстрѣлъ я пустилъ въ сомкнувшійся впереди меня полукругъ лицъ, вспыхнувшихъ отъ неожиданности, подобно пороху на кострѣ; затѣмъ, отбѣжавъ къ окну, третьимъ выстрѣломъ повалилъ Вальфельда, сабля котораго уже разсѣкала воздухъ надъ моей головой. Столъ, опрокинутый людьми, бросившимися ко мнѣ по прямой линіи, съ грохотомъ поползъ къ окну и образовалъ собою какъ бы мгновенный барьеръ, — загражденіе на моментъ, коего мнѣ было однако совершенно довольно, чтобы прыгнуть со второго этажа внизъ, не будучи схваченнымъ. Когда я прыгалъ, на шею мнѣ упали осколки верхняго стекла, раздробленнаго одной изъ пуль, пущенныхъ сзади. Я спрыгнулъ благополучно въ траву, присѣлъ отъ толчка, но не упалъ, и, дѣлая на бѣгу скачки то въ одну, то въ другую сторону, скрылся въ деревьяхъ.

Признаюсь, совершая эти безумные поступки, могущіе причинить мнѣ въ концѣ концовъ лишь еще болѣе мучительную и жестокую смерть, чѣмъ разстрѣлъ,—я дѣйствовалъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, мною двигалъ инстинктъ самосохраненія, окрашенный гнѣвомъ и возмущеніемъ. Я билъ, такъ сказать, въ стѣну лбомъ, и ничего болѣе. Повязка ужаса съ утра стягивала мое сознаніе, и я пытался сорвать ее, хотя на мгновеніе, дѣйствіями, болѣе отчаянными, чѣмъ рѣшительными. Втайнѣ я чувствовалъ, конечно, всю грозную шаткость своего положенія, но находилъ спасительное разсѣяніе въ стремительной вакханаліи этихъ секундъ — свалки, прыжка и бѣгства.

Сравнительно невысокій заборъ я могъ перескочить быстро, но, благодаря остатку сообразительности, не сдѣлалъ такъ: на улицѣ меня схватили бы многочисленные встрѣчные патрули и погоня сзади.

Я помчался къ сараю: онъ былъ раздѣленъ внутренними каменными перегородками на три полутемныхъ помѣщенія; единственнымъ ихъ освѣщеніемъ служили узкія отверстія въ задней стѣнѣ, на высотѣ глаза, устроенныя болѣе для провѣтриванія. Здѣсь хранились фрукты, садовые инструменты; въ третьемъ отдѣленіи стояла часть мебели, не помѣстившейся въ нашей квартирѣ. Двери сарая, обысканнаго еще утромъ солдатами, были незаперты.

Я вбѣжалъ туда, гдѣ стояла мебель, и, тотчасъ же навалившись всѣмъ тѣломъ на дверь, открывавшуюся внутрь, завалилъ ее громоздкими старыми креслами, табуретами, комодомъ, платянымъ шкапомъ и всѣмъ, что было въ сараѣ.

Крики и бѣшеный стукъ прикладовъ о дверь сливались съ поднятымъ мной грохотомъ развороченной мебели въ истинные раскаты грома. Мои силы учетверились. Я продѣлалъ операцію укрѣпленія двери съ быстротой гиганта, которому моя мебель показалась бы, конечно, игрушечной. Укрѣпивъ дверь, я схватилъ валявшуюся въ углу жестяную лейку, разорвалъ ее руками и вбилъ, съ помощью кирки, кусокъ жести въ отверстіе задней стѣны, дабы сквозь него не влетѣла пуля.

Стало совсѣмъ темно. Остановившись наконецъ, я замѣтилъ, что весь дрожу, трясусь, какъ если бы стоялъ на телѣгѣ, прыгающей по камнямъ. То было слѣдствіе не страха, а потрясенія и даже неистовства, вынужденнаго оставаться пассивнымъ. Среди множества голосовъ, кричавшихъ снаружи, я различилъ новые звуки—трескъ стали, и понялъ, что это—движеніе ружейныхъ затворовъ. Нѣсколько залповъ неизбѣжно должны были разбить дверь. Я отошелъ въ дальній уголъ.

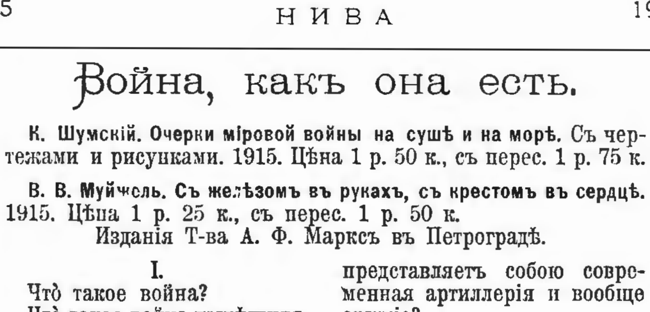
Въ этотъ моментъ позади двери какъ бы раскололось огромное полѣно, и щепки, выбитыя изъ мебели, пронизанной залпомъ, брызнули мнѣ въ лицо.

Я приготовился къ схваткѣ, судорожно перекидывая револьверъ изъ руки въ руку. Здѣсь память меня оставила, и я ушелъ въ тьму и тишину обморока, поборовшаго наконецъ, какъ ни прискорбно сознавать это, нервную силу...

Впослѣдствіи я узналъ, что къ мѣстечку подошелъ русскій отрядъ, и непріятель покинулъ меня за моей баррикадой, сочтя отступленіе болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ убійство мирнаго жителя, борющагося за жизнь.

Мнѣ кажется, что эту жизнь я получилъ не совсѣмъ даромъ. Но я пересталъ улыбаться.

Подъ Ченстоховомъ. Нѣмецкій солдатъ-артиллеристъ, полякъ-католикъ, павъ на колѣни передъ монастыремъ съ чудотворной иконой Божьей Матери, молитъ о прощеніи за то, что онъ приставленъ къ нѣмецкому орудію, направленному противъ монастыря.
Картина Станислава Масловскаго.



Война, какъ она есть.

К. Шумскій. Очерки міровой войны на сушѣ и на морѣ. Съ чертежами и рисунками. 1915. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

В. В. Муйжель. Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. 1915. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ въ Петроградѣ.

Подполковникъ Константинъ Марковичъ Соломоновъ (Шумскій), авторъ книги „Очерки міровой войны на сушѣ и на морѣ“

Викторъ Васильевичъ Муйжель, авторъ книги „Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“.

I.

Что такое война?

Что такое война нынѣшняя, страшная, небывалая, переживаемая нами война, охватившая почти весь культурный міръ,—война, отъ которой содрогнулась въ тяжкомъ пароксизмѣ вся Европа?

На этотъ вопросъ исчерпывающимъ образомъ отвѣтитъ само время, и только наши потомки увидятъ переживаемую нами страшную и величавую трагедію во всей ея исторической причинной послѣдовательности.

Для того, чтобы увидѣть что-либо колоссальное во всей полнотѣ, необходимо отойти на приличную дистанцію. Такъ и міровую войну во всемъ ея обликѣ увидятъ лишь тѣ, кто отойдетъ на далекое пространство годовъ. Писатели, философы, историки — цѣлый рядъ изобразителей и пѣвцовъ этой войны явится тогда, и наши дѣти увидятъ то, что еще скрыто отъ насъ неслыханной грандіозностью образа міровой трагедіи.

Но это еще не значитъ, что переживаемая война не должна быть теперь же изображаема. Она должна быть изображаема—въ той мѣрѣ, въ какой это теперь возможно. Искренній художникъ, заботящійся прежде всего о правдѣ, сумѣетъ и на близкомъ разстояніи подмѣтить важныя и значительныя черты таинственнаго образа. Это будутъ, въ общемъ, лишь детали, лишь частности, но внѣдренная въ нихъ живая правда скажетъ свое вѣское слово, и слово это живо откликнется въ душѣ читателя. И тогда даже по однимъ этимъ деталямъ читатель сумѣетъ почувствовать общій смыслъ событій и отчасти уловить таинственныя скрытыя черты.

Для того, кто хотѣлъ бы ознакомиться такимъ образомъ съ лицомъ войны, хорошую помощь могутъ оказать двѣ книги, заглавія которыхъ цитированы выше. Одна изъ нихъ („Очерки міровой войны“ К. Шумскаго) даетъ, такъ сказать, чертежъ войны, ея теоретическую и схематическую сторону. Книга В. В. Муйжеля („Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“) вносить въ этотъ чертежъ бытовыя жизненныя картины и философскія обобщенія. К. Шумскій даетъ обстоятельный и строго провѣренный профиль войны, В. Муйжель вкладываетъ въ этотъ немного сухой профиль живую душу. Предъ нами два изобразителя войны: умный и художественно-стройный въ своей схемѣ теоретикъ и мыслящій художникъ. Оба они взаимно дополняютъ другъ друга. И великое, загадочное лицо міровой трагедіи въ значительной степени проясняется предъ нашимъ взоромъ, когда мы отъ рисунковъ, чертежей и цифръ одного переходимъ къ бытовымъ сценамъ и картинамъ другого; прозаикъ и поэтъ, каждый по-своему, изображаютъ правду войны, и правда эта возникаетъ предъ нами съ неизмѣримо большей ясностью, чѣмъ въ изображеніяхъ отдѣльныхъ авторовъ.

II.

Какъ воюютъ? Что такое военное хозяйство? Каковъ военный обиходъ въ военное время? Что такое крѣпости, форты, полевая война, тылъ? Какъ и чѣмъ вооружена современная армія? Все это вопросы довольно примитивные съ чисто-военной точки зрѣнія, но для штатскаго читателя, да къ тому же питающаго обостренный интересъ къ текущимъ событіямъ, отвѣтить на нихъ крайне необходимо. И вотъ К. Шумскій даетъ читателю цѣлый рядъ свѣдѣній такого характера. Съ первыхъ же строкъ въ своей книгѣ онъ вводитъ читателя въ кругъ задачъ и способовъ войны и раскрываетъ предъ нимъ теоретическія обоснованія военнаго дѣла.

„Задача войны—побѣдить врага во что бы то ни стало, — говоритъ онъ.—Но является вопросъ, какъ побѣдить?“

Наиболѣе краткое и конкретное опредѣленіе способовъ „какъ побѣдить“ даетъ, по мнѣнію К. Шумскаго, Мольтке: „война сводится къ слѣдующей задачѣ: собрать возможно бо̀льшія силы, отыскать армію противника и, пользуясь численнымъ превосходствомъ, разбить ее“.

Это однако не такъ-то просто сдѣлать. Ясная и короткая формула побѣды заключаетъ въ себѣ множество иксовъ. Какимъ образомъ собрать „возможно бо̀льшія силы“? (вопросъ о воинской повинности, о военныхъ контингентахъ). Какъ организовать эти „возможно бо̀льшія силы“? Какъ подобрать и подготовить офицерскій составъ? Какъ и чѣмъ вооружить ихъ? Что такое представляетъ собою современная артиллерія и вообще оружіе?

Равнымъ образомъ, множество иксовъ таится и во второй и въ третьей части формулы Мольтке: какимъ образомъ нужно отыскивать армію непріятеля и разбивать ее? Здѣсь прежде всего рѣчь должна итти о планѣ войны, а затѣмъ и о самыхъ способахъ разбивать противника, „пользуясь численнымъ превосходствомъ“. Возникаютъ вопросы о томъ, что цѣлесообразнѣе,—наступленіе ли въ цѣляхъ обороны, или оборона, подготовляющая наступленіе? Что такое крѣпости, и какова ихъ роль въ современной войнѣ? Для читателя къ тому же интересно знать, какъ ведется полевая война, какъ—крѣпостная, какъ вычисляется гарнизонъ крѣпости, какое количество орудій требуется для нихъ?

Всѣ эти иксы, возникающіе изъ простой и ясной формулы нѣмецкаго стратега, К. Шумскій весьма обстоятельно отыскиваетъ и расшифровываетъ. Его книга строго распланирована согласно тремъ частямъ упомянутой формулы: 1) собрать возможно бо̀льшія силы, 2) отыскать армію врага, и 3) разбить ее. И каждую часть формулы, каждый заключенный въ нее иксъ авторъ разсматриваетъ примѣнительно къ текущимъ событіямъ. Появились пресловутыя 42-сантиметровыя орудія. Кто изобрѣлъ ихъ? Что они собою представляютъ? К. Шумскій даетъ намъ исчерпывающій отвѣтъ. Также находимъ мы отвѣтъ и на интересующіе насъ вопросы о количествѣ и качествѣ вооруженныхъ силъ въ каждомъ изъ воюющихъ государствъ. Въ главѣ, трактующей о томъ, какъ нѣмцы приступили къ осуществленію второй части формулы Мольтке („найти врага“), К. Шумскій подвергаетъ критическому разбору нѣмецкій планъ войны—вторженіе въ Бельгію и Францію, и объясняетъ намъ, почему именно этотъ планъ нѣмцамъ не удался. Говоря о неосуществившейся въ эту войну осадѣ Парижа, авторъ попутно описываетъ, какъ ведется атака крѣпости.

Итакъ, на ряду съ чисто-теоретическими данными, мы знакомимся въ интересной книгѣ К. Шумскаго и съ общимъ ходомъ военныхъ событій, при чемъ каждое изъ нихъ критически освѣщено. Такимъ образомъ „лицо войны“, — по крайней мѣрѣ, офиціальное ея лицо,—предстаетъ предъ нами въ книгѣ К. Шумскаго довольно ясно. Для того, кто знакомился съ ходомъ военныхъ событій постепенно, по газетнымъ даннымъ, эта книга даетъ хорошія обобщенія, умѣло сконденсированныя и освѣщенныя тѣми объясненіями, какія авторъ даетъ намъ касательно чисто-технической стороны войны.

III.

Но другое — внутреннее лицо войны въ книгѣ К. Шумскаго скрыто за схемой, за цифрами и внѣшнимъ ходомъ событій. Его слѣдуетъ искать въ книгѣ В. В. Муйжеля.

Талантливый беллетристъ самъ лично идетъ въ гущу тѣхъ, кто „съ желѣзомъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ“ борются съ врагомъ Россіи. И ведетъ туда читателя.

Первый вопросъ и для автора и для читателя: что же такое война? Въ какихъ конкретныхъ образахъ предстаетъ она предъ человѣкомъ, какія ощущенія она вызываетъ въ его душѣ? Какимъ предстаетъ и самъ человѣкъ предъ ней? Въ чемъ и какъ выражается страшное и таинственное соотношеніе человѣка, т.-е. живого, чувствующаго и страдающаго существа, и смерти? Какъ предстаетъ тамъ, на поляхъ битвъ, смерть предъ человѣкомъ, и какъ предстаетъ предъ нею человѣкъ?

Къ этимъ волнующимъ вопросамъ авторъ возвращается на каждомъ шагу. Говоритъ ли онъ о первой неудачѣ нѣмцевъ подъ Варшавой, изображаетъ ли въ яркихъ краскахъ и картинахъ томительное сидѣнье нашихъ воиновъ въ окопахъ въ темную и мутную осеннюю ночь, рисуетъ ли рядъ картинъ разоренной Польши—вездѣ и всюду онъ старается увидѣть и уразумѣть живое лицо войны во всемъ ея многоличіи. Въ маленькомъ очеркѣ „Плѣнные и павшіе“ В. В. Муйжель разсказываетъ о впечатлѣніи, которое произвелъ на допрашиваемаго плѣннаго нѣмецкаго солдата русскій казачій офицеръ, внезапно заявившій ему, что онъ, нѣмецкій солдатъ, видитъ предъ собою „настоящаго казака“. Извѣстно, какой ужасъ нѣмцы питаютъ къ казакамъ... „Плѣнный кавалеристъ вдругъ втянулъ шею, ожидая давно готовившійся за его спиною ударъ“. Его лицо окаменѣло.

Измайловскій лазаретъ Всероссійскаго Земскаго Союза въ память А. Ф. Маркса въ Петроградѣ. За работой.

отъ ужаса. И шутливое заявленіе добродушно-настроеннаго и ни о какихъ ударахъ не помышлявшаго русскаго офицера произвело на нѣмца впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. И авторъ съ свойственной ему пытливостью видитъ въ этомъ казачьемъ офицерѣ обликъ войны и смерти для нѣмецкаго солдата. Именно такъ, по его мнѣнію, нѣмецъ представляетъ себѣ войну и смерть:

„Война у насъ связывается съ образомъ плотной колонны солдатъ, упорно глядящихъ въ землю, съ каменными застывшими лицами, надвигающихся крѣпкимъ шагомъ почти церемоніальнаго марша. А у плѣннаго парня—съ лихо надвинутой на ухо фуражкой и красными лампасами казака“.

„Нигдѣ и никогда, — говоритъ далѣе В. В. Муйжель, — смерть не была такъ безсильна надъ душой человѣка и властна надъ его бренной оболочкой, какъ въ этой войнѣ“... Въ этихъ словахъ сказывается цѣлостное и яркое обобщеніе всего облика современной войны. Вотъ она что̀ такое: съ внѣшней стороны ее всякій представляетъ по-своему, ибо образы ея безконечны и безчисленны, а съ внутренней стороны эта война есть не что̀ иное, какъ поднятіе человѣческаго духа на небывалую высоту, на которой сама смерть становится безсильна для человѣческой души. И поднимаетъ человѣка на эту высоту именно смерть, такъ непостижимо близкая здѣсь къ человѣку и такая властная здѣсь надъ его внѣшней тѣлесной оболочкой...

„Мелькающіе по сторонамъ дороги бугры и бугорки, мѣстами уже осѣвшіе и растрескавшіеся, мѣстами украшенные наскоро сдѣланными крестами, показываютъ это“ (т.-е. страшную близость смерти къ внѣшнему человѣку). И среди этихъ безвѣстныхъ могилъ авторъ встрѣчаетъ одинъ такой осѣдающій бугорокъ съ трогательной и волнующей надписью:

„Hier ruhen 4 Deutschen und 1 Russe“.

Четыре нѣмца и одинъ русскій—и всѣ вмѣстѣ, закопанные, какъ братья. Возможно, что въ отчаянной смертной схваткѣ этотъ „Ein Russe“, дорого продавая свою жизнь, уложилъ этихъ „Vier Deutschen“ и улегся самъ.

Другой образъ войны — поле сраженія на слѣдующій день послѣ боя.

„Я не знаю ничего болѣе величественнаго и скорбнаго, чѣмъ поле сраженія на другой день послѣ боя, — говоритъ В. В. Муйжель. — За ночь выпалъ снѣгъ, едва прикрывшій землю тонкимъ бѣлымъ налетомъ. Широкое ржаное поле съ помятой, вытоптанной мѣстами, озимью пестрѣетъ чернымъ узоромъ бороздъ, выдавшихся повыше, и глубокими канавами окоповъ.

„Длинныя, запряженныя парой исхудавшихъ лошадей, телѣги медленно ползаютъ по полю, подбирая трупы и свозя ихъ къ общей могилѣ. Ее копаютъ человѣкъ двадцать, выбрасывая лопатами желтый разсыпающійся песокъ, перекидываясь замѣчаніями, порою смѣхомъ.

„Я ходилъ между рядами труповъ, и мысль странно раздвоилась, отупѣла какъ-то. И эта гора исковерканныхъ человѣческихъ тѣлъ не связывалась съ представленіемъ о самодовлѣющемъ человѣческомъ существованіи.

„Передо мной была трагедія, величайшая изъ всѣхъ трагедій— трагедія человѣческой жизни, а чувство было такое, какъ будто кругомъ не трупы, а восковыя фигуры, что ли, или хорошо сдѣланные препараты“...

Но вотъ у одного изъ труповъ выпадаетъ изъ кармана пачка писемъ. Одно изъ этихъ писемъ попадается на глаза автору. А при письмѣ маленькая фотографія, изображающая „мальчика пяти-шести лѣтъ, наивно и любопытно таращившаго веселые глазенки“... И уже нѣтъ страннаго ощущенія, что это все восковыя фигуры, „не имѣющія въ прошломъ ничего“... Маленькая фотографія и коротенькое письмо съ заботливыми и нѣжными словами сразу направляютъ мысль и воображеніе на иной путь. „Смутная, неловкая, какъ большой камень, тяжесть давила сердце. Было странно думать, что вотъ смотрятъ на меня съ маленькаго блестящаго листка бумаги дѣтскіе наивные глаза, а тотъ, кого встрѣчали они со смѣхомъ и лаской, засыпанъ желтымъ пескомъ“...

Это тоже одинъ изъ образовъ многоликаго чудовища — войны. Одинъ изъ образовъ, подмѣченныхъ и нарисованныхъ талантливымъ и вдумчивымъ авторомъ.

Какъ отражается война на лицахъ сражающихся? Что̀ дѣлаетъ съ человѣкомъ великая и страшная стихія войны? Авторъ приводитъ разсказъ солдата, случайно спасшагося отъ нѣмецкаго разстрѣла. Солдатъ спокойно повѣствовалъ о томъ, какъ нѣмцы собирались умертвить его. Ни тѣни озлобленія къ врагу не было въ его разсказѣ. Онъ считалъ совершенно естественнымъ такой исходъ для себя: нѣмцамъ, по его мнѣнію, не оставалось въ самомъ дѣлѣ ничего другого, какъ разстрѣлять попавшагося къ нимъ въ руки русскаго плѣнника. Ни малѣйшей жалости къ самому себѣ въ разсказѣ солдата не чувствовалось, И авторъ говоритъ по поводу этого: „Власть войны, перенесшая обычныя представленія въ новую плоскость, не оставляетъ мѣста чувствамъ жалости, участія по отношенію къ другимъ, или къ себѣ, безразлично“... И что̀, вообще, за люди эти человѣческія существа, захваченныя стихіей войны, такъ странно претворившей ихъ во что-то иное, не прежнее, новое?.. Авторъ наблюдаетъ проходящую передъ нимъ массу воиновъ:—„Когда проходитъ непрерывной волной масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, нѣтъ возможности разсмотрѣть, вѣрнѣе, запомнить отдѣльныя лица. Они всѣ сливаются въ одно расплывчатое, потемнѣвшее лицо съ отросшими, непривычными у солдата, волосами, давно небритыми бородами, выдавшимися скулами похудѣвшихъ щекъ. Но это общее массовое лицо значительно. Оно не печально, не весело, даже не сосредоточено, какъ обычно непосредственно передъ боемъ, — оно именно значительно. Въ немъ есть нѣчто, что̀ заставляетъ сердце биться учащеннымъ темпомъ. Что̀ это? Опредѣлить трудно... Кажется, аскетическая отрѣшенность отъ всего, кромѣ войны... Проплываетъ мимо это общее объединенное лицо, вглядываешься въ него и невольно шепчешь:

„— Вотъ люди, которые ѣдятъ только потому, что человѣческій организмъ не можетъ существовать безъ пищи. Они спятъ только для того, чтобы хоть немного возстановить силы. Они три мѣсяца живутъ страшной сказочной жизнью: безъ дома, безъ крова

иногда, ночуя, гдѣ придется, питаясь, когда для этого найдется десять минутъ. Жизни, земли, міра — для нихъ нѣтъ. Они стали по ту сторону человѣческихъ интересовъ, обычныхъ представленій, вѣковыхъ привычекъ. У нихъ есть только одно: война"...

И они идутъ безконечными вереницами туда, гдѣ выстрѣлы рвутъ воздухъ, и все быстрѣе и лихорадочнѣе трещатъ ружья... „Теперь уже отдѣльныхъ выстрѣловъ не было. Они сливались въ непрерывную цѣпь. И похоже было, что огромное желѣзное ядро катается по каменной мостовой, давя и круша человѣческія жизни"...

Это еще одинъ образъ войны!

IV.

Но эти же отрѣшенные отъ міра и всего земного люди, съ одухотворенными, сосредоточенными и „чуточку жестокими" лицами, эти люди, превращенные стихіей войны въ нѣчто особое, въ какое-то новое существо, становятся опять прежними простыми русскими людьми — безконечно кроткими, терпѣливыми и душевными, когда они попадаютъ въ условія хоть сколько-нибудь свойственныя нормальному человѣческому существованію... В. В. Муйжель рисуетъ цѣлый рядъ прелестныхъ живыхъ сценъ на перевязочномъ и питательномъ пунктѣ, устроенномъ Земскимъ Союзомъ (очеркъ „Чужая боль").

„Санитары повозились, негромко переговариваясь, надъ тѣмъ, что̀ лежало въ телѣгѣ. Потомъ одинъ изъ нихъ крикнулъ:

„— Носилки!

„И тотчасъ же низкій прерывающійся голосъ запротестовалъ:

„— Зачѣмъ носилки? Почему такое носилки? Я самъ могу! Я тебя за шею — такъ, такъ, а ты подъ тую руку. Не, не, выше! Тамъ у меня другая рана въ боку, штыкомъ-та!"

Израненный солдатъ, отказавшійся отъ носилокъ, равно какъ и доставленные вмѣстѣ съ нимъ такіе же израненные товарищи, не только отказываются отъ носилокъ, но еще и перекоряются, кому прежде итти на перевязку. Перекоряются любовно: одинъ посылаетъ вмѣсто себя товарища, скромно уступая ему очередь:

„— Стругановъ, ползи, ты тяжелый,—бубнило нѣсколько голосовъ, обращаясь къ качающейся, какъ странный маятникъ человѣческаго страданія, фигурѣ:—у тебя штыкомъ въ бокъ.

„— Я обождать могу, пущай Заяцъ идетъ. У него двѣ... Онъ самъ ходить не можетъ!..

„— Зря говоришь,—могу!—защищался Заяцъ, тотъ самый, что̀ отказался отъ носилокъ:—я далеко не могу, а здѣсь могу. Пущай Сватиковъ идетъ!

„И нужно было вмѣшательство сестры, опытнымъ глазомъ намѣтившей злополучнаго Зайца, какъ наиболѣе серьезнаго, чтобы прекратить споръ".

Это происходитъ въ такъ называемой „дожидальнѣ". Далѣе авторъ рисуетъ солдатъ во время операціи,—попрежнему скромныхъ и терпѣливыхъ, находящихъ въ себѣ достаточно самообладанія, чтобы успокоить врача, волнующагося за больного. Далѣе, эти же солдаты пьютъ чай, уже перевязанные—и передъ читателемъ проходитъ живая бытовая сценка съ характерными разговорами о пережитомъ боѣ, о нѣмцѣ, о его „глупости".

Отъ философскихъ обобщеній В. В. Муйжель постоянно переходитъ къ изображенію быта войны—и эти изображенія не менѣе цѣнны, чѣмъ вся идеологическая сторона его интересной книги. Бытъ этотъ, состоящій изъ множества мелочей, въ общемъ, даетъ весьма яркое представленіе о внѣшней сторонѣ, точнѣе, о нѣкоторыхъ внѣшнихъ сторонахъ войны. Цѣлый очеркъ такъ и называется „Мелочи войны" — и это одинъ изъ самыхъ яркихъ и содержательныхъ очерковъ данной книги.

Прочитавъ книгу В. В. Муйжеля, испытываешь такое ощущеніе, словно побывалъ нѣкоторое время въ самой непосредственной и живой близости съ тѣми, кто на грани жизни и смерти, съ крестомъ въ сердцѣ и съ желѣзомъ въ рукахъ, охраняютъ честь и достояніе родной страны.

Св. Покровъ.

Служите, братья, молебны,
Твердите вы тропари.
Повѣялъ вѣтеръ цѣлебный,
Зажглось сіянье зари.
Пускай трудна и сурова
Стезя несущихъ мечи.
Опять Святого Покрова
Горятъ надъ нами лучи.
О, свѣтъ золотой, нетлѣнный,
Какой ты ра́венъ красѣ!

Больной, измученный, плѣнный —
Тобою согрѣты—всѣ!
Свѣтлѣютъ души, свѣтлѣютъ,
Встаетъ надежды заря.
Намъ солнце мая алѣетъ
Въ ненастный день октября.
И вѣетъ вѣтеръ цѣлебный,
И все яснѣй синева.
Такъ пойте, братья, молебны,
Встрѣчая день Покрова.

Георгій Ивановъ.

Измайловскій лазаретъ Всероссійскаго Земскаго Союза въ память А. Ф. Маркса въ Петроградѣ. Священникъ бесѣдуетъ съ солдатами.

Ночной гость.

Разсказъ **Вадима Бѣлова.**

I.

Въ темной, маленькой, вросшей въ землю и покрытой соломенной кровлей, кажущейся надвинутой на брови теплой шапкой, — избѣ, половину которой занимала громадная деревянная кровать, пріютившая цѣлое семейство польскаго крестьянина, застигнутое ураганомъ войны, передъ низенькимъ грязнымъ столомъ сидѣли три человѣка въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, наклонясь надъ развернутой большой картой.

На подоконникѣ окна, маленькаго и убогаго, глядящаго своимъ подслѣповатымъ глазомъ въ темноту зимней ночи, стояла жестяная лампа, и отъ тусклаго мерцающаго свѣта ея желтые блики падали на карту, на грубый затоптанный полъ, и озаряли часть кровати, а по стѣнамъ ползали и качались длинныя черныя тѣни.

Генералъ съ длинными сѣдыми усами и тусклыми серебряными погонами, потерявшими свой блескъ отъ дождей, непогодъ и боевого дыма, разсматривалъ карту сквозь золотыя очки, водя толстымъ короткимъ пальцемъ, а другіе двое—полковники — слѣдили за каждымъ его словомъ и движеніемъ и только изрѣдка вполголоса задавали вопросы, или отвѣчали ему односложно, иногда даже просто движеніемъ головы...

У пулемета. По фот. С. Корсакова.

Вдоль линіи рѣки, изображенной на картѣ голубой вьющейся лентой, по эту сторону были разставлены флажки, обозначающіе расположеніе нашихъ войскъ. На другой сторонѣ — былъ непріятель. Къ югу рѣка дѣлала крутой поворотъ, загибалась голубымъ полукругомъ, и линія нашихъ флажковъ въ этомъ мѣстѣ переходила на противоположный берегъ.

Генералъ зналъ, что до этого загиба больше пятнадцати верстъ, что непріятель на той сторонѣ каждую минуту готовится сдѣлать новую попытку переправиться, и что наша часть, уже перебравшаяся, тамъ, на югѣ, на другой сторонѣ, можетъ оказаться въ большой опасности.

Вотъ уже полчаса какъ генералъ и оба полковника сидѣли надъ этой картой.

Наконецъ, словно рѣшившись на что-то, сѣдоусый старикъ поднялъ голову, твердо положилъ руку на столъ, закрывъ ладонью голубую ленту рѣки, и произнесъ:

— Пошлите ординарца къ командиру бригады съ приказаніемъ временно отойти обратно за рѣку, оставивъ на той сторонѣ головной отрядъ... пусть постараются сдѣлать это какъ можно незамѣтнѣе... да передайте, чтобы готовились завтра къ общему наступленію...

Онъ вышелъ во дворъ, темный и наполненный спящими подъ навѣсами казаками и громко жующими лошадьми, какъ разъ въ то время, когда посланный будилъ добровольца Пересвѣтова съ приказаніемъ итти къ генералу за порученіемъ.

Тотъ проснулся, быстро выкарабкался изъ-подъ мокрой холодной палатки, попрыгалъ немного съ ноги на ногу, чтобы согрѣть заледянѣвшія конечности, надѣлъ шашку, подтянулъ ремень и, оправивъ фуражку, пошелъ быстрымъ шагомъ къ чернѣвшей избѣ, гдѣ располагался штабъ корпуса.

Генералъ стоялъ на дворѣ. Ночной легкій вѣтерокъ колыхалъ его сѣдые усы, морозъ пощипывалъ уши, и старикъ втягивалъ въ себя струи этого бодрящаго, холоднаго и чистаго воздуха. Надъ нимъ было небо, безоблачное, черное, усѣянное множествомъ серебряныхъ точекъ, переливающихся, словно осколки разбитаго брильянта, вокругъ него разстилались поля, тоже темныя и молчаливыя, но полныя невидимой, таинственной жизни.

Пересвѣтовъ, еще не доходя избы, увидѣлъ генерала.

Фигура старика съ немного сутулой спиной была слишкомъ хорошо знакома ему. Онъ подошелъ къ генералу и молча приложилъ руку къ козырьку.

Генералъ медленно, не спуская глазъ съ его лица, разстегнулъ свою сѣрую шинель, досталъ конвертъ, запечатанный сургучомъ, и, подавая его Пересвѣтову, повелительно произнесъ:

— Поѣдете въ первую бригаду... немедленно, какъ можно скорѣе и... осторожнѣе... Отъ этого порученія зависитъ судьба всей бригады... Вы поняли?..—Генералъ окинулъ его еще разъ испытующимъ взглядомъ и закончилъ:—Ступайте!

„Вотъ оно, первое порученіе, первая опасность, первый случай отличиться, совершить то, что принято именовать загадочнымъ, манящимъ словомъ „подвигъ,—думалъ Пересвѣтовъ, шагая назадъ къ коновязямъ. — Дорогу-то я не важно знаю, но въ концѣ концовъ главное — добраться до рѣки, а тамъ ужъ мостъ найти—пустячное дѣло... Конь — добрый, не измѣнитъ, выспаться успѣлъ, голова свѣжая, образокъ материнъ на шеѣ..."

Пересвѣтовъ нащупалъ подъ шинелью висящую на шнуркѣ иконку. И тотчасъ вспомнилось ему все... Все, до мельчайшихъ подробностей...

Свѣтлая маленькая дѣтская, кроватка съ синей сѣткой и въ углу надъ ней простая деревянная дощечка, съ изображеніемъ старца съ сѣдой бородой и ясными молодыми глазами. Сколько разъ, много лѣтъ назадъ, стоя на колѣняхъ на синемъ стеганомъ одѣялѣ, повторялъ онъ заученныя слова молитвы, обращаясь къ нему, и какъ успѣлъ онъ привыкнуть къ этому лицу, озаренному снизу синеватымъ свѣтомъ тихой лампады...

Прошло много лѣтъ... Нѣтъ больше

Подземное жилище офицера.

Финансовая мобилизація во Франціи. Добровольный обмѣнъ публикою золота на бумажныя деньги въ кассахъ Французскаго Банка.

кроватки съ синей сѣткой, заученныхъ молитвъ и синей лампадки... Ясное осеннее утро... платформа вокзала... безконечный воинскій поѣздъ...

Прощай, мама... до свиданья...

И молчаливый, полный отчаянья, страданья и надежды взглядъ матери... Слишкомъ тяжело, чтобы плакать...

Поѣздъ тронулся... Все прошлое, милое, дѣтское позади, только на шеѣ простой деревянный образокъ, тотъ самый, что висѣлъ въ дѣтской надъ кроваткой съ синей сѣткой...

II.

Лошадь сперва ступала осторожно во мракѣ, ощупывая копытами рыхлый снѣгъ, подъ которымъ сплошь и рядомъ таились неглубокія канавки или ямы, вырытыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ непріятельскими снарядами.

Затѣмъ, когда глаза лошади и всадника нѣсколько привыкли къ темнотѣ, послѣдній тронулъ коня холодными острыми колесиками шпоръ, словно говоря:

Ну, теперь можно прибавить шагу... я буду внимателенъ...

И лошадь, понявшая и довѣрявшая каждому слову своего хозяина, прибавила шагу и перешла вскорѣ на рысь.

Слѣва тянулось черное, какъ океанъ, безбрежное поле, а справа гдѣ-то недалеко во мракѣ катила свинцовыя волны холодная, еще не замерзшая рѣка.

Такъ ѣхалъ онъ больше часа, пока изъ темноты не выступила вдругъ черная стѣна лѣса и не раздался голосъ невидимаго человѣка, спрашивавшій съ тревогой и угрозой: „кто идетъ?"

Пропускъ одно только слово—отворилъ передъ всадникомъ входъ въ темный лѣсъ, и онъ двинулся по узкой дорогѣ между обступившихъ ее высокихъ черныхъ сосенъ, шелестящихъ холодной хвоей и качающихъ своими одѣтыми въ серебряныя короны вершинами.

Здѣсь можно было прибавить рыси, вѣрный конь самъ понялъ это, не дожидаясь приказанія всадника.

Они проѣхали лѣсъ въ какія-нибудь пятнадцать минутъ, и, когда деревья, неожиданно разступившись, открыли передъ Пересвѣтовымъ широкое снѣжное поле, освѣщенное выплывшей изъ-за тучъ луной, онъ увидѣлъ холодную спокойную рѣку, одѣтую въ снѣжную мантію, во всей ея безчувственной красотѣ.

Предстояла переправа... Ниже по теченію былъ когда-то мостъ, громадный, сплетенный изъ стального кружева, черезъ него тянулся желѣзнодорожный путь, но теперь, недѣлю тому назадъ, нѣмцы, уходя, взорвали его, желѣзное кружево порвалось и висѣло черными ажурными клочьями около разбитыхъ каменныхъ фермъ почти до самой воды.

Наши уже наладили что-то въ родѣ моста, перекинувъ черезъ брешь нѣсколько вырубленныхъ тутъ же громадныхъ бревенъ, по которымъ можно было не безъ труда перебраться на ту сторону, и это былъ единственный путь для Пересвѣтова... Выбора все равно не было...

Вѣрный конь осторожно спускался къ водѣ, упираясь передними копытами въ скользящіе по скату камни, наверху, на обрывѣ, остался черный лѣсъ, такой же шумящій и таинственный, внизу катила свои свинцовыя волны ледяная рѣка, а на бѣломъ фонѣ обрыва вырисовывалась одинокая черная фигура всадника, спускавшагося къ водѣ.

У моста Пересвѣтовъ остановился, слѣзъ съ коня, ощупалъ рукавъ—тамъ ли завѣтный конвертъ, и привязалъ лошадь къ одиноко стоявшей у самой воды ели.

Кругомъ была тишина, глубокая, словно таившая въ себѣ что-то враждебное, и дѣлалось невольно страшно, и давилъ нависшій надъ головой обрывъ, и пугала холодная стремнина рѣки.

У моста не оказалось часового. Пересвѣтова это нѣсколько удивило, но онъ пошелъ послѣ минутнаго раздумья дальше и уже около самаго полотна желѣзной дороги, теперь заметеннаго сугробами снѣга, увидѣлъ лежавшую на землѣ лицомъ внизъ одинокую фигуру солдата... Онъ былъ мертвъ.

Когда Пересвѣтовъ перевернулъ его, чтобы при свѣтѣ луны взглянуть ему въ лицо, онъ увидѣлъ на снѣгу черное пятно, уже не дымившееся, и понялъ, что это - кровь.

„Часовой убитъ,—подумалъ Пересвѣтовъ:—значитъ, здѣсь былъ непріятель, но какимъ образомъ?.. Въ этомъ мѣстѣ оба берега заняты нами"...

Онъ обошелъ нѣсколько разъ вокругъ трупа, глядя пристально на снѣгъ и стараясь различить на немъ слѣды человѣческихъ ногъ, но снѣжная пелена была дѣвственно свѣжа, и чернѣли на ней только пятна слѣдовъ самого часового.

Пересвѣтову не было времени останавливаться передъ этой задачей, онъ зналъ, что надо спѣшить, и, оставивъ часового на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ лежалъ, погруженный въ свой вѣчный сонъ, Пересвѣтовъ пошелъ по полотну, съ трудомъ выта-

Финансовая мобилизація во Франціи.
Добровольный обмѣнъ публикою золота на бумажныя деньги въ кассахъ Французскаго Банка.

Итальянская армія. Кавалерія на походѣ.

скивая ноги изъ глубокаго снѣга, къ чернымъ фермамъ взорваннаго моста.

Временныхъ мостковъ уже не было: наложенныя русскими бревна были кѣмъ-то сброшены въ рѣку и унесены быстрымъ теченіемъ.

Но Пересвѣтовъ не успѣлъ уяснить себѣ вполнѣ совершившагося, какъ откуда-то снизу блеснулъ желтый снопикъ пламени, и не столько отъ боли, сколько отъ неожиданнаго толчка, юноша опустился на бѣлый снѣжный коверъ... Подняться онъ уже не могъ и не могъ заглянуть внизъ, гдѣ около устоя моста чернѣла лодка съ тремя стрѣлками: онъ остался лежать на землѣ, и мягкіе серебристые хлопья пошедшаго вдругъ снѣга вскорѣ окутали его бѣлымъ погребальнымъ саваномъ.

III.

Высокій худой генералъ прохаживался передъ избой, въ которой временно расположился штабъ бригады, оставшейся отрѣзанной разрушеннымъ мостомъ на противоположномъ берегу.

Онъ былъ встревоженъ: вотъ уже сутки какъ прекратилась связь съ главными силами, телефонные провода были порваны, а посланный черезъ самодѣльный мостъ ординарецъ такъ и не возвратился. Между тѣмъ генералъ прекрасно понималъ всю опасность положенія его бригады: отдѣленная отъ арміи быстрой глубокой стремниной, мостовъ на которой уже не было, она рисковала каждую минуту быть обойденной или загнанной въ рѣку.

Вотъ уже около часу ходилъ онъ передъ избой, съ нетерпѣніемъ глядя въ темную даль по направленію къ берегу и ежеминутно ожидая увидѣть фигуру всадника на загнанномъ, разгоряченномъ конѣ...

Но напрасно.

Онъ нѣсколько разъ уже посылалъ казака на берегъ рѣки посмотрѣть и спросить у часового, въ порядкѣ ли мостъ, и не видать ли на противоположномъ берегу какихъ-нибудь всадниковъ, но посланный каждый разъ возвращался съ отрицательнымъ отвѣтомъ, и генералъ все озабоченнѣе нахмуривалъ облѣпленныя снѣгомъ брови.

Въ полуверстѣ располагались окопы, они вытянулись длинными черными полосами, пересѣкая снѣжную равнину, и люди, сидѣвшіе въ нихъ, были бы совсѣмъ незамѣтны, если бы не поблескивающіе изрѣдка тусклыми бликами штыки.

А генералъ все шагалъ взадъ и впередъ по двору, перебирая въ мозгу торопливо и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно тысячи возможностей, тысячи комбинацій, которыя могли бы прійти въ голову непріятельскимъ командирамъ.

„Господи, да что они тамъ, забыли обо мнѣ, что ли? — думалъ онъ. — Ни слуху ни духу... Хоть бы ординарца какого прислали! Вѣдь сейчасъ пока вотъ тихо хорошо... а если чуть нѣмцы нажмутъ, или въ обходъ пойдутъ, не удержать мнѣ ихъ, какъ Богъ святъ не удержать, да и куда же, съ одной-то бригадой противъ цѣлаго корпуса... къ тому же и люди истомились..."

И вдругъ, какъ разъ въ ту минуту, когда генералъ, погруженный въ свои мысли, на мгновенье оторвалъ взоръ отъ темной дали заметеннаго снѣгомъ поля, совсѣмъ близко около него, какимъ-то чудомъ сразу выступившая изъ густого мрака, показалась одинокая человѣческая фигура.

Это былъ старикъ, совсѣмъ сѣдой, съ серебристой окладистой бородой и яснымъ взглядомъ открытыхъ, какихъ-то молодыхъ и необыкновенныхъ, глазъ.

На немъ былъ далеко не новый уже тулупъ, большія, облѣпленныя снѣгомъ, валенки, и въ рукѣ держалъ онъ высокій сучковатый посохъ, болѣе высокій, чѣмъ онъ самъ. И, что сразу обратило на себя вниманіе генерала, — это обнаженная голова старика, сѣдые, мягкіе, старческіе волосы котораго ласково перебиралъ холодный ночной вѣтеръ.

Мысль о томъ, что появленіе старика, Богъ вѣсть откуда явившагося именно теперь, когда генералъ окружилъ штабъ такимъ бдительнымъ надзоромъ, когда онъ съ такой тревогой и нетерпѣніемъ ожидалъ ординарца съ того берега,—болѣе чѣмъ странно, и что совсѣмъ необъяснимо, какимъ образомъ могъ неизвѣстный старикъ пробраться черезъ цѣпь часовыхъ и до-

Итальянская армія. Альпійскіе стрѣлки.

Итальянская армія. Берсальеръ.

зоровъ, — казалось, должна бы была поразить генерала, но какъ-то въ эту минуту онъ не нашелся ничего сказать, словно загипнотизированный видомъ бѣлаго конверта, который протягивалъ ему таинственный ночной пришелецъ.

И, только ощутивъ въ пальцахъ твердую хрустящую бумагу и шероховатый сургучъ печати, генералъ словно очнулся и, поднявъ глаза на старика, спросилъ его строгимъ голосомъ:

— Откуда ты?.. Кто далъ тебѣ конвертъ?

Но тотъ не отвѣтилъ ничего, взглянулъ на генерала своими ясными молодыми глазами, и генералу показалось вдругъ лицо ночного гостя какимъ-то безконечно знакомымъ и близкимъ.

Генералъ хотѣлъ уже остановить старика и допытаться у него, кто онъ и откуда онъ явился,— но тотъ повернулся и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ все той же легкой походкой, почти не опираясь на высокій посохъ, исчезъ во мракѣ такъ же таинственно, какъ и появился, словно растаялъ въ бѣломъ искрящемся дождѣ падающихъ снѣжинокъ.

IV.

Бригада была спасена.

Когда наутро генералъ пріѣхалъ съ докладомъ къ командующему арміей, его ввели въ ту самую низкую закопченную избу, гдѣ наканунѣ, склонясь надъ картой, такъ долго въ раздумьѣ сидѣли три человѣка въ сѣрыхъ шинеляхъ, и первымъ бросившимся ему въ глаза предметомъ была деревянная дощечка съ нарисованнымъ на ней ликомъ святого.

Генералъ сразу узналъ это лицо, эти глаза, эти мягкіе сѣдые волосы, несмотря на пробитую пулей въ лѣвой щекѣ изображенія круглую дыру.

— Это образокъ добровольца Пересвѣтова, ваше превосходительство, — услужливо объяснилъ штабный офицеръ: — онъ былъ посланъ вчера вечеромъ къ вамъ съ предписаніемъ и убитъ нѣмецкой пулей въ грудь. Она же пробила и икону.

Генералъ промолчалъ.

И, докладывая командующему арміей о посѣтившемъ его вчера старикѣ, онъ свято вѣрилъ въ совершившееся чудо.

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента). **М. Доманскаго.**

XII. Изъ-за цвѣтовъ.

Нѣтъ, мнѣ кажется, болѣе неразговорчивыхъ людей, чѣмъ латыши. Во время скитаній по Курляндіи мнѣ приходилось много разъ разговаривать съ ними, разспрашивать о пережитыхъ ими событіяхъ. Я воочію убѣдился, что изъ латыша нужно вытягивать буквально каждое слово.

Но такъ было. Сейчасъ въ этомъ отношеніи латыши стали иными. Сейчасъ пережитое ими подъ напоромъ нахлынувшей германской волны развязало латышамъ языки. Они охотно разсказываютъ о своемъ горѣ, о пережитыхъ опасностяхъ.

Слушаешь бѣженцевъ изъ-подъ Виндавы, Гольдингена, Туккума, и кажется, будто вновь повторяютъ много разъ уже слышанные разсказы гдѣ-нибудь подъ Прасныщемъ, у Сохачева, или въ Петроковской губерніи. Совершенно то же самое. Изъ разсказовъ латышей, какъ и изъ разсказовъ поляковъ, сплетается та же страшная картина грубаго насилія надъ личностью и имуществомъ мирныхъ жителей, насилія, ничѣмъ не оправдываемаго, наглаго до цинизма.

Я брожу по станціи С., куда вотъ уже нѣсколько дней безпрерывно вливаются широкими потоками все новыя и новыя партіи бѣженцевъ. Обычная картина: на платформѣ и въ пассажирскихъ залахъ горы домашняго скарба, а возлѣ нихъ женщины, дѣти, старики. Мужчины помоложе возлѣ возовъ и лошадей. Ихъ сотни, быть-можетъ, даже тысячи на небольшой площади возлѣ станціоннаго зданія и на опушкѣ лѣса, который темной стѣной придвинулся къ самой станціи.

Меня заинтересовалъ одинъ старикъ. У него было типичное латышское бритое лицо. Обратили мое вниманіе глаза, выцвѣтшіе, водянистые и какіе-то удивительно печальные. Онъ смотрѣлъ на людей вокругъ, нѣсколько разъ я встрѣчался съ его взглядомъ, но казалось, что онъ ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ вокругъ себя.

Сидѣлъ онъ въ самомъ концѣ платформы, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ. Возлѣ него лежалъ небольшой узелокъ; повидимому, это было все его имущество.

Пройдя нѣсколько разъ мимо старика, я наконецъ остановился и спросилъ:

— Откуда вы?

Онъ отвѣтилъ что-то по-латышски. Отвѣтилъ коротко, нехотя. Убѣдившись, что разговориться съ нимъ невозможно, я рѣшилъ сфотографировать старика. Досталъ изъ футляра аппаратъ, разставилъ треногу. Старикъ отнесся къ моему намѣренію совершенно безразлично. Продолжалъ неподвижно сидѣть и смотрѣть куда-то вдаль.

Итальянская армія. Драгуны.

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, меня окружила толпа любопытныхъ. Пока я фотографировалъ, какой-то латышъ, молодой, съ добродушнымъ веселымъ лицомъ, перекинулся со старикомъ нѣсколькими фразами. Кончивъ работать и спрятавъ аппаратъ, я повернулся къ молодому латышу.

— Вы его знаете?

— Сосѣдъ мой! — сверкнулъ зубами парень.

— Откуда?

— Изъ-подъ Гольдингена!

— А гдѣ же его семья? Гдѣ вещи?

Молодой латышъ сталъ охотно разсказывать про старика. Хотя тотъ и не понималъ по-русски, но все же изъ деликатности мы отошли немного въ сторону. Сѣли. Я предложилъ своему собесѣднику папиросу.

Старикъ жилъ на небольшой фермѣ верстахъ въ двѣнадцати отъ Гольдингена. Жилъ совершенно одиноко. Старики разсказываютъ, что когда-то онъ былъ самымъ веселымъ и самымъ красивымъ парнемъ на четыре мили въ окружности. Женился. Но прожилъ съ женою всего три мѣсяца: умерла она внезапно. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ. Старикъ съ фермы ни ногой. Всѣ сорокъ лѣтъ просидѣлъ безвыходно на одномъ мѣстѣ.

На итальянскомъ фронтѣ. Двуколка для перевозки раненыхъ по горнымъ дорогамъ.

Увлекся цвѣтоводствомъ. Такіе цвѣты сталъ выращивать, что всѣ только удивлялись. Розы у него были величиною съ большую чайную чашку. И разныхъ цвѣтовъ. Красныя, бѣлыя, желтыя и даже черныя. А георгины съ тарелку. Ничуть не меньше. Тюльпаны, гвоздика, левкои, резеда, геліотропы, настурція, піоны,—какихъ только цвѣтовъ не было у старика! Вся его ферма была похожа на одинъ сплошной яркій букетъ, такой душистый, что за версту, а въ тихіе вечера и дальше, слышенъ былъ ароматъ цвѣтовъ.

Самый старый волонтеръ итальянской арміи, герой войны за освобожденіе Италіи—74 лѣтъ отъ роду.

Съ ранней весны до поздней осени старикъ проводилъ всѣ дни отъ зари до глубокой ночи возлѣ цвѣтовъ. Поливалъ ихъ, подвязывалъ, разсаживалъ. А мальчишки съ сосѣднихъ фермъ, которые не разъ забирались въ садъ къ старику, утверждали, что онъ даже разговаривалъ съ цвѣтами.

Что старикъ отъ тоски ли по женѣ или отъ одиночества выжилъ немного изъ ума, это несомнѣнно. Онъ не только не дарилъ никому цвѣтовъ, но даже и самъ никогда не срывалъ ихъ.

И вотъ къ этому старику на ферму явились недѣли полторы тому назадъ германцы, пять человѣкъ кавалеристовъ. Старикъ отвелъ имъ комнату, лошадямъ конюшню. Первый день прошелъ спокойно. Но на слѣдующій день одинъ изъ солдатъ нарвалъ букетъ цвѣтовъ и принесъ въ комнату. Увидѣлъ хозяинъ, вспылилъ, сталъ кричать на нѣмцевъ, а тѣ только посмѣиваются. И чѣмъ больше хозяинъ сердился, тѣмъ больше они рвали цвѣтовъ.

Терпѣлъ-терпѣлъ старикъ, узналъ, что на сосѣдней мызѣ расположился германскій штабъ. Отправился туда. Добрался до старшаго изъ офицеровъ и пожаловался на обидчиковъ. Офицеръ выслушалъ жалобу, улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо! Разберу это дѣло. Заѣду сегодня и самъ посмотрю.

Дѣйствительно, подъ-вечеръ заѣхалъ. Показалъ старикъ офицеру весь свой садъ, показалъ, сколько напортили солдаты. Накричалъ на нихъ офицеръ, пригрозилъ строгимъ наказаніемъ и уѣхалъ. А солдаты стали грозить старику. Но цвѣтовъ больше не рвали.

Прошло дня два. Задвигались германцы. Штабъ изъ сосѣдней мызы перебрался куда-то въ другое мѣсто. Солдаты заявили старику, что вечеромъ тоже уѣзжаютъ.

Когда солнце сѣло, вывели лошадей изъ конюшни, осѣдлали, сѣли.

— Ну, что,—говорятъ,—старикъ, очень ты любишь свои цвѣты?

Ничего онъ имъ не отвѣтилъ на это. А двое изъ нихъ повернули коней, да карьеромъ прямо въ садъ. Выхватили палаши и давай рубить налѣво и направо. Десятками красивые яркіе цвѣты начали валиться.

Увидѣлъ старикъ, бросился за ними. Они скачутъ по всему саду, топчутъ, рубятъ. А онъ кричитъ на нихъ, ругаетъ.

Собака во дворѣ на цѣпи привязана была. Та тоже лаетъ, рвется. Одинъ изъ оставшихся во дворѣ солдатъ приложился, выстрѣлилъ, уложилъ собаку на мѣстѣ.

Остановился старикъ, какъ вкопанный. Не знаетъ, что ему дѣлать: къ собакѣ ли бѣжать, или цвѣты спасать. Пока стоялъ, видитъ: надъ домомъ дымокъ черный поднимается. Потомъ надъ садомъ другой. Бросился туда. А солдаты гикнули, да карьеромъ изъ фермы.

Сушь стояла страшная: въ часъ отъ фермы остались однѣ головешки.

— Куда же онъ теперь направляется?—спросилъ я разсказчика.

— Богъ его знаетъ! Куда всѣ, туда, вѣроятно, и онъ.

Я оглянулся на старика. Онъ попрежнему сидѣлъ неподвижно. Смотрѣлъ вдаль и, казалось, ничего не видѣлъ.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.**

НИВА
иллюстрированный журналъ литературы политики и современной жизни
1915 г. № 40
XLVI г. изданія
Выданъ 3-го октября 1915 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)— 20 к., съ перес.—25 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за октябрь.
Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Правительственное сообщеніе.

Императорское Правительство въ самомъ началѣ міроваго столкновенія, въ которое оно вступило вмѣстѣ со своими союзниками для защиты независимости народовъ отъ покушеній Германіи, поставило своей внѣшней политикѣ одну главную цѣль—содѣйствіе одержанію побѣды надъ врагомъ. Въ теченіе всего истекшаго періода войны русская дипломатія выбирала или мѣняла свои пути и средства, сообразуясь исключительно съ этимъ заданіемъ. При такихъ условіяхъ балканская наша политика должна была прежде всего стремиться къ возсозданію балканскаго блока, которое сулило значительное облегченіе нашей побѣды надъ австро-германо-турецкой коалиціей. Возсозданіе же блока представлялось достижимымъ лишь путемъ примиренія Болгаріи съ ея сосѣдями на почвѣ признанія законныхъ народныхъ чаяній и соотвѣтственнаго новаго разграниченія интересовъ балканскихъ странъ. Достиженію этой частной цѣли и была посвящена работа русской дипломатіи на Балканахъ, дѣйствовавшей все время въ тѣсномъ единеніи съ дипломатіей союзныхъ державъ.

Еще въ іюлѣ 1914 года Императорское Правительство заявило болгарскому кабинету, что добросовѣстное честное согласованіе его политики съ начинаніями Россіи дастъ Болгаріи реальныя выгоды: возбужденіе же Болгаріей смуты въ Македоніи и всякія дѣйствія, направленныя противъ Сербіи, будутъ разсматриваться нами, какъ открытый враждебный актъ противъ Россіи. Одновременно Сербскому правительству было указано соотвѣтствующимъ образомъ на необходимость принесенія извѣстныхъ жертвъ ради достиженія общей намъ главной цѣли,—торжества надъ врагомъ.

За предварительными шагами русской дипломатіи, руководящее значеніе которой въ балканскомъ вопросѣ признавалось всѣми союзниками, не замедлило послѣдовать совмѣстное выступленіе державъ тройственнаго согласія. 16-го августа 1914 года посланники союзныхъ правительствъ вручили г-ну Пашичу ноту, выражавшую увѣренность въ томъ, что Сербія, въ случаѣ оказанія ей Болгаріей вооруженной помощи противъ Турціи, согласится послѣ побѣды на земельныя уступки взамѣнъ вознагражденій въ другихъ мѣстахъ. На эту ноту Сербское правительство уже 19-го августа отвѣтило согласіемъ уступить при указанныхъ условіяхъ часть своей территоріи взамѣнъ расширенія за счетъ Австро-Венгріи. Въ концѣ октября послѣ вступленія въ войну Турціи тройственное согласіе сдѣлало конкретныя заявленія Болгаріи. А именно, за выступленіе противъ Турціи Болгаріи были предложены территоріальныя приращенія. Болгарія заявила, однако, что желаетъ и впредь держаться строгаго нейтралитета: мало того, даже въ этой области она не пожелала связать себя опредѣленными обязательствами, за которыя ей также предлагались союзниками территоріальныя пріобрѣтенія. Такое поведеніе софійскаго кабинета въ связи съ неотложной необходимостью придти на помощь Сербіи заставили державы согласія (въ концѣ ноября 1914 года) заявить правительству г-на Радославова, что онѣ гарантировали союзницу Сербіи—Грецію отъ нападенія со стороны Болгаріи: на этотъ разъ послѣдней было указано, что за дѣйствительный нейтралитетъ она получитъ послѣ

войны справедливыя земельныя приращенія (équitables améliorations territoriale) въ Македоніи и Ѳракію до линіи Эносъ-Мидія.

Блестящая побѣда Сербіи надъ Австріей нѣсколько ослабила надежду на возможность склонить Сербію къ немедленнымъ территоріальнымъ жертвамъ. Тѣмъ не менѣе Императорское Правительство продолжало въ полномъ единеніи съ союзниками прилагать усилія къ возсозданію Балканскаго блока. Въ январѣ 1915 года Державами дѣятельно обсуждался новый русскій проектъ, въ основу котораго были положены: 1) обезпеченіе Болгаріи за переходъ на сторону Согласія всей такъ называемой безспорной зоны Македоніи и 2) компенсація Сербіи нѣкоторыми австрійскими землями и широкимъ доступомъ къ Адріатикѣ. Предполагавшіяся въ Софіи и Нишѣ выступленія пришлось, однако, отложить, отчасти въ виду неблагопріятнаго настроенія въ Сербіи, главнымъ же образомъ, вслѣдствіе обнаружившагося въ то время твердаго намѣренія Болгаріи не сойти съ занятаго выжидательнаго положенія. Принятое кабинетомъ г-на Радославова рѣшеніе не мѣшало ему, однако, допускать снаряженіе за счетъ австрійскаго правительства четъ въ Македоніи, что вызвало съ нашей стороны въ мартѣ мѣсяцѣ предостереженіе, коимъ мы вновь возложили на софійскій кабинетъ всю вину за послѣдствія четническаго движенія.

Присоединеніе Италіи, создавшее новую политическую обстановку, потребовало переговоровъ между державами Согласія для опредѣленія совмѣстнаго съ ней образа дѣйствій. По успѣшномъ завершеніи таковыхъ переговоровъ признано было своевременнымъ приступить къ рѣшительнымъ объясненіямъ съ болгарскимъ правительствомъ, и 16-го мая посланники Согласія сдѣлали г-ну Радославову заявленіе, сущность котораго сводилась къ нижеслѣдующему: въ случаѣ военнаго выступленія Болгаріи всѣми своими силами противъ Турціи, союзники: 1) согласны на немедленное присоединеніе къ Болгаріи Ѳракіи до линіи Эносъ-Мидія; 2) гарантируютъ Болгаріи по окончаніи войны часть Македоніи, ограниченную линіей Эгри-Паланка—Сопотъ—Охрида, включая города Эгри-Паланка, Кепрюлю, Охриду и Монастырь при условіи, что Болгарія не вступитъ въ означенную область до заключенія мира; 3) обѣщаютъ Болгаріи денежную помощь.

На это сообщеніе болгарское правительство 2-го іюня отвѣтило просьбою разъяснить ему нѣкоторые пункты ноты. Эта просьба послужила предметомъ обсужденія между Державами, а также между ними и Сербіей.

Нотою 22-го іюля 1915 года союзныя правительства дали софійскому кабинету просимыя имъ разъясненія. Этой нотой державы гарантируютъ Болгаріи безспорную зону по картѣ договора 1912 года и принимаютъ на себя обязательство въ томъ, что лишь подъ этимъ условіемъ Сербія получитъ послѣ войны какія-либо территоріальныя приращенія. Въ случаѣ принятія дѣлаемыхъ ей предложеній, Болгарія должна опредѣлить срокъ своего выступленія противъ Турціи и силы, съ которыми она выступитъ, иначе предложенія союзниковъ будутъ считаться несостоявшимися. Вслѣдствіе выраженнаго сербскимъ кабинетомъ желанія, союзники новымъ сообщеніемъ отъ 3-го августа точнѣе опредѣлили обѣщанныя компенсаціи, а также указали, что пограничная линія сербо-болгарскаго договора 1912 года не подлежитъ измѣненію.

19-го августа сербское правительство отвѣтило изъявленіемъ готовности принести требуемую отъ него жертву и согласиться въ принципѣ на предложенное державами исполненіе сербо-болгарскаго договора 1912 года. Отчетливо сознавая всю опасность дальнѣйшихъ проволочекъ и необходимость склонить Болгарію къ безотлагательному выясненію своихъ намѣреній, союзники сочли своимъ долгомъ сдѣлать 1-го сентября г-ну Радославову нижеслѣдующее заявленіе: „4 Державы готовы гарантировать Болгаріи уступку Сербіей, тотчасъ же послѣ окончанія войны, части Македоніи по линіи 1912 года. Эта гарантія обусловливается обѣщаніемъ Болгаріи, что она готова въ недалекомъ будущемъ заключить съ союзными державами военную конвенцію касательно ея выступленія противъ Турціи. Если вскорѣ не будетъ получено заявленіе въ вышеизложенномъ смыслѣ, то содержащееся въ настоящей нотѣ предложеніе будетъ считаться несостоявшимся."

На это заявленіе болгарское правительство не дало никакого отвѣта, а 10-го сентября, въ 7 часовъ утра, объявило всеобщую мобилизацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибывшіе въ страну германскіе офицеры заняли въ болгарской арміи то же положеніе, которое годъ тому назадъ позволило ихъ товарищамъ вовлечь Турцію въ войну съ нами. Такой вызовъ не могъ остаться безъ отвѣта, и Императорскимъ посланникомъ была предъявлена софійскому кабинету 21-го сентября уже обнародованная нота, на которую послѣдовалъ неудовлетворительный отвѣтъ, побудившій Императорское Правительство порвать съ Болгаріей дипломатическія сношенія.

Разрывъ сношеній съ Болгаріей.

23-го сентября, въ 4 часа дня, Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ получено отъ Россійскаго Императорскаго посланника въ Софіи, въ должн. шталм. А. А. Савинскаго телеграфное донесеніе о томъ, что болгарское правительство 22-го сентября, въ 2 ч. 40 мин. пополудни, вручило ему совершенно неудовлетворительный отвѣтъ на ультиматумъ Россіи, вслѣдствіе чего посланникъ заявилъ болгарскому правительству о разрывѣ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Болгаріей.

Охрану интересовъ русскихъ подданныхъ, остающихся въ Болгаріи, приняло на себя Нидерландское правительство.

Итальянскій король на передовыхъ позиціяхъ. На одномъ изъ участковъ въ раіонѣ рѣки Изонцо шелъ ожесточенный бой. Австрійская артиллерія открыла ураганный огонь по итальянскимъ позиціямъ.

Молодой лейтенантъ итальянской артиллеріи въ сопровожденіи своего вѣстового направился верхомъ къ передовымъ позиціямъ и, достигнувъ мѣста расположенія своей батареи, приказалъ вѣстовому отвести свою любимую лошадь въ безопасное мѣсто.

Вѣстовой, не чаявшій души въ своемъ начальникѣ, не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Но офицеръ настаивалъ на этомъ:

— Развѣ ты не видишь, что здѣсь гибнутъ люди? Немедленно уѣзжай отсюда!..

Офицеръ не успѣлъ докончить начатой фразы, какъ осколокъ непріятельской гранаты смертельно ранилъ его. Пересиливая ужасныя страданія, онъ слабымъ голосомъ сталъ просить вѣстового покинуть линію огня и избѣжать такимъ образомъ напрасной гибели. Но солдатъ съ трогательной лаской наклонился надъ умирающимъ офицеромъ, какъ бы заслоняя его своимъ тѣломъ отъ густо падавшихъ непріятельскихъ снарядовъ.

— Уходи отсюда поскорѣй! Спасайся, пока еще не поздно,—со всѣхъ сторонъ закричали на него солдаты.

Но вѣстовой не обращалъ на это никакого вниманія, съ напряженной тревогой глядя въ покрывающееся смертельною блѣдностью лицо офицера.

Внезапно вдали показался силуэтъ удаляющагося автомобиля.

— Это король уѣзжаетъ,—стали кричать кругомъ солдаты.

Какъ разъ въ эту минуту офицеръ испустилъ послѣднее дыханіе. Солдатъ съ рыданіемъ бросился на тѣло своего командира и горестно воскликнулъ:

— Король уже уѣхалъ.

Но въ это время онъ почувствовалъ прикосновеніе къ своему плечу и увидѣлъ передъ собой короля.

— Милый другъ, это автомобиль только уѣхалъ, а король остался среди васъ,—ласковымъ голосомъ сказалъ король.

До конца дня король оставался на мѣстѣ и отпустилъ солдата къ семейству офицера для передачи печальной вѣсти.

Деревянные Гинденбурги. Въ Берлинѣ недавно была открыта въ присутствіи германской императрицы огромныхъ размѣровъ деревянная статуя Гинденбурга, сооруженная съ тою цѣлью, чтобы нѣмецкіе патріоты вбивали въ нее гвозди за небольшое денежное пожертвованіе.

Первые гвозди были вбиты принцессой Августой и женой Гинденбурга.

Такія же деревянныя статуи Гинденбурга появились теперь, какъ передаетъ газета «Temps», во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ Германіи, и нѣмцы наперерывъ спѣшатъ вбить гвоздь въ деревяннаго Гинденбурга.

Безъ хлопка Германія не можетъ продолжать войну. Въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ «Temps», извѣстный англійскій химикъ сэръ Вильямъ Рамзай даетъ подробныя и чрезвычайно интересныя разъясненія относительно значенія хлопка для Германіи. Для дѣйствія тѣхъ взрывчатыхъ веществъ, которыя употребляетъ Германія, хлопокъ необходимъ. Если бы зарядъ былъ положенъ безъ хлопка, то выстрѣлъ разорвалъ бы пушку. За исключеніемъ хлопка, Германія имѣетъ всѣ матеріалы для изготовленія снарядовъ, но, если англичане остановятъ доставку ей хлопка, они остановятъ войну. Безъ хлопка Германія не можетъ продолжать войну. Если бы англичане скупили въ Америкѣ весь хлопокъ въ прошломъ году, Германія теперь сидѣла бы безъ снарядовъ и просила бы о мирѣ. Но хлопокъ шелъ въ Германію въ огромныхъ количествахъ изъ Швеціи, Даніи, Голландіи и Швейцаріи.

Теперь, съ объявленіемъ хлопка контрабандой, какъ бы ни были велики запасы его, они должны скоро истощиться въ виду того огромнаго количества, которое уходитъ на снаряды. Въ день тратится по крайней мѣрѣ 1.000 тоннъ хлопка. Достаточно сказать, что 16-дюймовое орудіе поглощаетъ цѣлую кипу въ 400 фунтовъ. Такой кипы хватаетъ на 30 выстрѣловъ изъ 12-дюймоваго орудія. Даже для ружейныхъ пуль хлопокъ необходимъ. Кипа позволяетъ сдѣлать 80.000 выстрѣловъ. Существуетъ предположеніе, что запасы хлопка въ Германіи въ началѣ войны опредѣлялись въ 250.000 тоннъ. Тратя по 1.000 тоннъ въ день, Германія давно уже истощила свои запасы. Временно ее поддерживала контрабандная доставка, но, когда полученіе хлопка сдѣлается невозможнымъ, Германія не будетъ въ состояніи продолжать войну.

Масло—глицеринъ—нитроглицеринъ. Изъ мирнаго, безобиднаго льняного масла добывается смертоносный нитроглицеринъ. Нѣмцы, какъ и съ хлопкомъ, о которомъ сказано выше, воспользовались упущеніемъ англичанъ, не мѣшавшихъ вывозить изъ своихъ портовъ, главнымъ образомъ въ Голландію, льняное масло и льняное сѣмя.

Съ 1-го января по 1-е мая текущаго года Голландія ввезла такимъ образомъ болѣе чѣмъ 27 милліоновъ килограммъ льняного масла, противъ всего двухъ милліоновъ за прошлый годъ, да, кромѣ того, за это же время было ввезено въ Голландію изъ Англіи 170 милліоновъ килограммъ льняного сѣмени. Это сѣмя было въ Голландіи переработано также на масло.

Приводя въ «Рѣчи» эти интересныя статистическія данныя, В. Агафоновъ приходитъ къ очень убѣдительнымъ выводамъ:

Благодаря этому, Голландія съ 1-го января по 1-е мая текущаго года вывезла въ Германію около 51 милліона килограммъ льняного масла.

Эти милліоны пудовъ льняного масла пошли въ Германіи на приготовленіе глицерина.

А глицеринъ превращали въ нитроглицеринъ и начиняли имъ артиллерійскіе снаряды.

Такимъ образомъ Англія, такъ сказать, своими руками помогала врагу въ производствѣ снарядовъ, несущихъ смерть ея собственнымъ войскамъ.

Только въ маѣ мѣсяцѣ англійское правительство окончательно раскрыло эту тайну нейтральныхъ коммерсантовъ и немедленно объявило военной контрабандой и льняное масло и льняное сѣмя.

Но сколько тысячъ «чемодановъ» и шрапнелей, начиненныхъ порохомъ, добытымъ изъ этого безобиднаго сельскохозяйственнаго продукта, разорвалось среди англійскихъ, французскихъ и русскихъ солдатъ?!.

Въ этой ужасной войнѣ все должно быть учтено и все предусмотрѣно.

Всякій недосмотръ, минутное опозданіе, малѣйшая отсрочка въ использованіи имѣющейся уже энергіи—приводятъ къ потерѣ человѣческихъ жизней и къ пораженію.

Побѣдитъ тотъ, кто въ каждый моментъ въ каждомъ пунктѣ міровой борьбы сумѣетъ развить максимумъ энергіи—и физической и духовной.

«Яблоня кайзера». Предсказавшая паденіе Наполеона, знаменитая Сивилла Пуарье 150 лѣтъ тому назадъ предвидѣла нынѣшнюю войну. Она сказала:

«Рѣшительная битва для французовъ произойдетъ по дорогѣ Мерль, вблизи Люксембурга. Рвы и окопы будутъ залиты кровью на 3 фута, и Пруссія утонетъ въ ней. Пораженіе будетъ столь велико, что императоръ и вся его свита смогутъ обѣдать не тѣснясь, подъ одной яблоней».

Произошло характерное совпаденіе: германцы, укрѣпляясь у Мерля, срубили всѣ деревья, за исключеніемъ одной яблони, которую суевѣрные люксембуржцы, знающіе объ этомъ предсказаніи, называютъ "яблоней кайзера».

Предсказаніе Августа Бебеля. Знаменитый германскій соціологъ помѣстилъ въ своей брошюрѣ: «Постоянная армія и милиція», вышедшей въ свѣтъ въ 1900 году, слѣдующее предсказаніе, характерное тѣмъ, что оно произнесено нѣмцемъ.

Бебель говоритъ:

«Война между двумя государствами Европы приведетъ неминуемо къ общей европейской войнѣ. Каковы будутъ результаты этой войны для Австріи и Германіи, если Англія приметъ въ ней участіе?

Германскій флотъ будетъ уничтоженъ или обреченъ на бездѣйствіе, и Германія утратитъ всѣ свои колоніи.

Если и Японія присоединится къ союзникамъ противъ Германіи, кампанія будетъ безусловно проиграна нами, какія бы сверхчеловѣческія силы и напряженіе мы ни развили...

Главный же результатъ этой войны—это то, что вся морская торговля Германіи падетъ безвозвратно и перейдетъ въ руки англичанъ.

Если Германія, въ силу своей подготовки, и одержитъ побѣды вначалѣ, то это не поможетъ ей все же добиться конечнаго успѣха: силы будутъ слишкомъ неравны, и, если союзники сумѣютъ выдержать бурный натискъ германцевъ, они побѣдятъ, даже держась пассивно, ибо Германія будетъ взята постепенно измором и общимъ истощеніемъ.

Помимо этого война остановитъ все промышленное и экономическое развитіе Германіи. Исчезнетъ вывозъ изъ Германіи, и это будетъ сигналомъ близкаго государственнаго краха. Съ другой стороны, прекратится и ввозъ въ Германію, а она не можетъ существовать на свои природныя богатства».

Заработки Америки за время войны. «Norske Intelligenssedler» приводитъ списокъ американскихъ заводовъ и полученныхъ ими за время войны заказовъ на боевые припасы. Десять заводовъ получили такихъ заказовъ на суммы отъ 75-ти до 525-ти милліоновъ кронъ, всего же на 2.320 милліоновъ кронъ. Наибольшій заказъ въ 525 милліоновъ кронъ достался сталелитейному заводу Вифлеема (Bethlehem). Изъ того, что основной капиталъ этого завода составляетъ всего 105 милліоновъ кронъ, можно заключить, какое значеніе представляетъ заказъ, въ пять разъ превышающій основной капиталъ. Акціонеры въ одинъ годъ заработаютъ сумму, превышающую основной капиталъ. Но мало того, что Америка зарабатываетъ громадныя суммы на изготовленіи боевыхъ припасовъ, вывозъ ея по другимъ отраслямъ также чрезвычайно возросъ, такъ какъ теперь, главнымъ образомъ, Америка снабжаетъ Европу тѣми товарами, которые до войны получались изъ Германіи, изъ Австро-Венгріи и отчасти изъ Россіи. Въ результатѣ оказывается, что вывозъ Америки за первый годъ войны, по всей вѣроятности, превысить ввозъ на $4^1/_2$ миллiарда кронъ, которыя Европѣ предстоитъ уплатить наличными золотомъ или займами.

Баба не выдала. Въ тульской губерніи, по словамъ одного изъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ (въ «Утрѣ Россіи»), лѣтняя кампанія проведена изумительно легко и споро. Безъ заминокъ и проволочекъ управились и съ весенней запашкой, и съ сѣвомъ, и съ сѣнокосомъ, и съ озимою пахотою. Гдѣ была нехватка рукъ,—«паекъ» обезпечилъ солдаткамъ рабочихъ, но въ большинствѣ выручила родственная помощь.

Бабы-солдатки—предметъ зависти односельчанъ.

Жила Авдотья и мыкала горе съ дѣтьми и мужемъ—«несправнымъ мужикомъ»—выпивохой. Что этотъ несправный мужикъ сталъ на фронтѣ исправнѣйшимъ героемъ—это въ порядкѣ вещей, и быть иначе не можетъ. Но что Авдотья безъ него не только не сѣла на шею «міру», но, наоборотъ, зажила безбѣдно,—это, очевидно, идетъ въ разрѣзъ съ исконными понятіями, ибо солдатка спокон вѣка считалась чѣмъ-то обездоленнымъ. И звучитъ нескрытая зависть, чуть рѣчь зайдетъ о «бабьей долѣ»:

— Чего ей! Отроду такъ не гадала жить, какъ теперь живется!

Было бы бабамъ плохо съ уборкою, если бы не машина.

Установился пріемъ: трудъ за трудъ. Помѣщикъ посылаетъ машину скосить солдаткино поле ржи, а солдатка выходитъ къ помѣщику, снопы вяжетъ.

Кредитныя товарищества отпускаютъ солдаткамъ свои косилки. За прокатъ берутъ рубль съ десятины, да четвертакъ машинисту.

Сегодня бабы, несмотря на Бориса и Глѣба — «на труды помощниковъ» — высыпали на Воронцовское помѣщичье поле.

Ихъ больше двадцати. Среди сплошь бѣло-сѣрыхъ фигуръ красивы красныя повязки, подоткнутыя красныя юбки, черно-бѣлые квадраты плахтъ, пошивные рукава рубахъ щеголихъ побогаче. Здѣсь ситца нѣтъ; ходятъ въ домотканнѣ, форсятъ плисовыми «коротайками», на ногахъ ловкія «бахилки» изъ веревочнаго плетенья.

Обсуждается вопросъ: сколько еще можно выбрать изъ деревни мужиковъ безъ помѣхи для полевой работы?

Сперва, сгоряча, рождается утвержденіе, что если бы бабы умѣли косить, то хоть ни одного мужика не надо.

Старики вносятъ поправки. Рѣшаемъ: нельзя брать сорокалѣтнихъ и старше перворазрядниковъ, у которыхъ по двое и по трое сыновей уже взяты. Эти хозяева—командный составъ. Необходимы механики, кузнецы, мастеровые,—баба не сладитъ съ починками. Остальныхъ — бери, хоть поголовно. Трудно, правда, класть клади изъ тяжелыхъ сноповъ такъ, чтобы дождь не залилъ, не загорѣлся хлѣбъ, но баба приноровится и выдюжитъ.

И это правда, покиньте землю на однѣхъ бабъ, дайте нѣсколько вожаковъ и мастеровую подмогу, и русская баба пройдетъ съ землею полный годовой кругъ работы, и все будетъ сдѣлано къ новому урожаю.

Баба не можетъ быть амазонкою, на землѣ баба — полноцѣнная сила на которую можно, въ крайности, смѣло оставить «глубокій тылъ» безъ страха за грядущіе урожаи.

Мелочи войны. Въ Россіи изобрѣтателей-самородковъ не мало, надо имъ только помочь, дать имъ надежду, что ихъ трудъ не пропадетъ зря, что ихъ изобрѣтенія немедленно будутъ примѣнены на войнѣ.

Корреспондентъ «Кіевской Мысли» Д. Сергѣевъ на основаніи своихъ наблюденій, вынесенныхъ за годъ войны, справедливо указываетъ, что иногда даже мелочь, но новая, неожиданная и остроумная, на войнѣ давала великолѣпные результаты.

«Помню я, зимой мы примѣняли въ Карпатахъ остроумное, чисто-русское, солдатское изобрѣтеніе. Очевидно, изобрѣтатель вспомнилъ родную деревню, катанье съ горъ на салазкахъ. Съ возвышенностей мы спускали нѣмцамъ въ гости въ траншеи салазки, наполненныя взрывчатыми веществами. Эта не Богъ вѣсть какая выдумка положительно ошеломила нѣмцевъ своей неожиданностью.

А льдины, «фаршированныя» пироксилиномъ на Санѣ и другихъ рѣкахъ? Австрійцамъ много усилій стоило наводить мосты. Ледоходъ. Плыветъ мелкій ледъ — «сало». Плывутъ рѣдкія льдины, толкаются объ устои моста.

Среди простыхъ льдинъ плывутъ и взрываются, натыкаясь на устои, льдины, въ которыхъ нашими саперами «заморожены» жестянки съ пироксилиномъ. И устои непріятельскихъ мостовъ летятъ на части.

Въ началѣ войны бронированные автомобили съ пулеметами и мелко-калиберными скорострѣльными пушками производили очень сильное впечатлѣніе.

Идетъ колонна по шоссе. Вдругъ навстрѣчу мчится бронированное чудовище. Врѣзывается въ человѣческую гущу, сѣетъ смерть направо и налѣво.

Сначала казалось, что противъ этого нѣтъ никакого «противоядія». Но его скоро нашли, и оно оказалось простымъ до смѣшного.

Въ головномъ передовомъ дозорѣ стали носить или возить на повозкѣ... бревно.

Чуть появится бронированный автомобиль вдали — клади бревно поперекъ дороги и разсыпайся по канавамъ. Автомобиль не лошадь, черезъ толстое бревно не перепрыгнетъ. А какъ только автомобиль остановится, въ немъ откроется какая-нибудь стальная дверка и высунется кто-нибудь изъ забронированныхъ автомобилистовъ, чтобы оттащить бревно — въ него полетитъ рой свинцовыхъ шмелей.

Нѣмцы въ цѣляхъ порчи коней нашей кавалеріи нерѣдко разсыпаютъ по дорогамъ битое стекло. Но еще при осадѣ Троицкой лавры поляками монахи изобрѣли: «Троицкій чеснокъ». Монастырскія кузницы выдѣлывали особые желѣзные острые шипы, которые и разбрасывали на путяхъ конницы.

Давно ли стали на войнѣ примѣнять колючую проволоку — это геніально-простое изобрѣтеніе военной техники?..

А въ настоящую войну колючая проволочная паутина опутала всю Бельгію, Францію, Польшу, Галицію...

Вотъ изобрѣтите что-нибудь новое, подобное, или новое «противоядіе» для уничтоженія, парализованья этой паутины, и армія скажетъ вамъ отъ души спасибо.

Нѣмцы за послѣднее время стали примѣнять для рѣзки проволочныхъ загражденій особые бронированные автомобили-ножницы.

Каждая остроумная вновь-изобрѣтенная мелочь на войнѣ крайне полезна.

Попробуйте въ мокрую, сырую погоду въ полѣ найти сухихъ дровъ, на которыхъ можно было бы подогрѣть жестянку съ консервированнымъ тушенымъ мясомъ или чайники съ водой.

Кто-то изъ участниковъ манчжурской кампаніи перенесъ на театръ новой войны бумажныя дрова, заимствованныя у японцевъ. Листы бумаги, пропитанные воскомъ, парафиномъ и жиромъ, сворачиваются въ палочки и рѣжутся ножомъ на кусочки. Нѣсколько такихъ бумажныхъ шариковъ, вынутыхъ изъ кармана въ любой моментъ, достаточно, чтобы согрѣть порцію консервовъ или вскипятить воду для чая.

Нехитра выдумка, а сколько она согрѣла измученныхъ и продрогшихъ солдатъ, подбодрила ихъ тѣло и духъ.

Была зима... польская, измѣнчивая и непостоянная. Сегодня морозъ, а завтра или сегодня же къ ночи распутица и слякоть. Но вѣтеръ пронзительный и презлющій.

Мы по русской традиціи кутались въ полушубки, въ которыхъ можно только ѣздить верхомъ, но не ходить, и въ валенкахъ. Потеплѣетъ, развезетъ поля, и ходишь съ мокрыми ногами.

Кто-то изъ Москвы прислалъ мѣховые сусликовые чулки. На нихъ можно было надѣвать непромокаемые «смазные» сапоги. Тепло, сухо и легко.

Послѣ этой присылки мы всѣ постарались выписать такіе же чулки, и валенки были заброшены.

До арміи дошли слухи, что московскіе скорняки предполагали къ наступающей зимней кампаніи заготовить массу этихъ удобнѣйшихъ мѣховыхъ чулокъ.

Пробовали примѣнить кавказскіе бурковые сапоги — не подошли къ польской грязи.

Прислало интендантство стеганые японскіе жилеты и стеганые же ватные кальсоны—и мы забросили тяжелые и дорогіе полушубки.

Остроумнымъ техническимъ военнымъ новинкамъ не стыдно учиться и у враговъ.

Образецъ нашей шанцевой лопатки извѣстенъ всѣмъ. А у австрійцевъ на лопаткѣ одинъ боковой край зазубренъ, въ видѣ пилы. Ею можно не только рыть, но и перепиливать попадающіеся въ землѣ корни, пилить дрова.

И посмотрите, съ какой радостью солдаты подбирали эти удобныя лопатки и вооружались ими на дальнѣйшій походъ.

На войнѣ наши части съ удовольствіемъ заимствовали также галиційскіе ременные и тесемчатые хомуты, легкіе и удобные.

Изъ мелочей складывается стройная система.

Не стыдитесь мелочей».

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 40. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 3 октября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Князь Олегъ Константиновичъ.

Очеркъ **Бориса Лазаревскаго.**

„Быть писателемъ — это моя самая большая мечта, и я увѣренъ, убѣжденъ, что я никогда не потеряю желанія писать".

(Изъ дневника князя О. К.).

I.

Гдѣ нѣтъ страданія, тамъ нѣтъ глубокой мысли.

А страдаетъ сильнѣе тотъ, кто больше наблюдаетъ и яснѣе видитъ радости и печали другихъ людей.

Такія организаціи не создаются ни воспитаніемъ ни окружающей средой, онѣ, какъ и поэты, родятся. И затѣмъ всю жизнь, несмотря ни на какія условія, рвутся къ свѣту и любви, дающей имъ гораздо больше, чѣмъ реальное знаніе.

И живая масса людей, которая на грѣшной землѣ нашей замѣняетъ гласъ Божій, въ свою очередь, стихійно угадываетъ этихъ духовидцевъ и своихъ печальниковъ и говоритъ:

— Вотъ онъ.

Когда былъ смертельно раненъ князь Олегъ Константиновичъ, почему-то далеко не всѣ повѣрили газетнымъ сообщеніямъ, что онъ раненъ легко.

Такъ оно оказалось и на самомъ дѣлѣ.

Во множествѣ сочувственныхъ телеграммъ, полученныхъ родителями почившаго, почти въ каждой юноша былъ названъ „свѣтлымъ".

Вѣдь не сговаривались.

И отозвались люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. И летѣли эти телеграммы рѣшительно со всѣхъ концовъ Россіи и даже всей Европы. Значитъ, каждому прежде всего хотѣлось поставить именно это слово, а между тѣмъ напечатаны эти телеграммы не были, и многіе совсѣмъ не знали убитаго лично.

Въ строго опредѣленномъ придворномъ этикетѣ этотъ нѣжный, интимный эпитетъ звучитъ рѣдко. А здѣсь и тоска безграничная и сочувствіе великое изъ края въ край перекинулись и прозвенѣли серебрянымъ звономъ именно въ этомъ словѣ.

И еще былъ замѣченъ одинъ фактъ: голоса тѣхъ немногихъ, которые хотѣли видѣть въ смерти юноши Олега простую случайность, раздавались недостаточно увѣренно.

Его смерть вызвала цѣлый рядъ стихотвореній, статей и воспоминаній самыхъ разнообразныхъ авторовъ и въ самыхъ разнообразныхъ органахъ печати, вышедшихъ почти одновременно. И за очень немногими исключеніями вездѣ мы видимъ все тотъ же эпитетъ — „свѣтлый".

Не такъ давно пишущій эти строки встрѣтился въ одномъ домѣ съ уважаемымъ извѣстнымъ профессоромъ В.

Профессоръ разсказалъ слѣдующее:

— Въ тотъ день, когда было получено извѣстіе, что убитъ князь Олегъ, я шелъ читать лекціи и встрѣтилъ на улицѣ двухъ своихъ слушателей. Они спросили, правда ли, что павшій въ схваткѣ съ пруссаками князь Олегъ любилъ и изучалъ Пушкина, окончилъ курсъ юридическихъ наукъ и писалъ самъ... Я сказалъ, что правда.

Затѣмъ уже въ университетѣ студенты рѣшили почтить память почившаго вставаніемъ, и вся аудиторія поднялась, какъ одинъ человѣкъ.

Ни тѣ, которые посылали телеграммы, ни тѣ, кто глядѣлъ на лицо почившаго, ни писатели, ни поэты, ни студенты—не ошиблись.

Среди группы людей образованныхъ, понявшихъ и узнавшихъ подробнѣе жизнь почившаго князя Олега, возникла мысль издать книгу, въ которой были бы собраны отрывки изъ дневниковъ и нѣкоторыя произведенія Августѣйшаго писателя.

Матеріалъ оказался въ высшей степени интереснымъ и въ литературно-художественномъ отношеніи и какъ отраженіе постепеннаго развитія человѣческой души, поставленной въ не совсѣмъ обычныя условія.

Шагъ за шагомъ виденъ ростъ мысли и развитіе критическаго взгляда къ своимъ дѣйствіямъ.

Не только для широкой публики, но и для педагоговъ произведенія князя Олега представляютъ цѣнный матеріалъ. Книга эта вышла 29-го сентября,—въ годовщину смерти автора.

II.

Собственныя слова князя Олега, поставленныя эпиграфомъ передъ началомъ этой статьи, яснѣе и опредѣленнѣе всего говорятъ, къ чему онъ стремился.

Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ.

Къ годовщинѣ геройской кончины 29-го сентября 1914 г.

И на самомъ дѣлѣ, Олегъ Константиновичъ никогда не терялъ желанія писать—съ десяти лѣтъ и до послѣдняго вздоха.

Относительно слабое здоровье и литературныя занятія не всегда позволяли только-что произведенному корнету всецѣло отдаться полку и военной службѣ, и познакомился онъ близко съ офицерами уже на походѣ, послѣ объявленія мобилизаціи.

Но и здѣсь, на войнѣ, онъ прежде всего берется за послѣдовательное изложеніе всѣхъ дѣйствій полка и ведетъ лѣтопись всего пережитаго гусарами на прусской землѣ.

Какъ можно ближе старается онъ подойти къ нижнимъ чинамъ своего эскадрона. По этому поводу создалось много разсказовъ, но для характеристики Олега Константиновича достаточно будетъ привести только одинъ, вполнѣ достовѣрный.

Корнетъ князь Олегъ Константиновичъ сидитъ на землѣ и пишетъ рядовому солдату письмо на родину. Письмо кончено. Князь всталъ и подалъ его солдату. Но солдатъ все еще чего-то ждетъ и переминается съ ноги на ногу.

— Что тебѣ еще?—спрашиваетъ князь.

— Да окажите милость, Ваше Высочество, поставьте тамъ, что письмо это писали вы, осчастливьте стариковъ...

Князь подумалъ, снова взялъ карандашъ и добавилъ:

„Настоящее письмо вашего сына писалъ я, Олегъ Константиновичъ".

Прежде всего невольно приходитъ въ голову, что солдатъ вообще не всегда обратится къ офицеру съ просьбой написать письмо, хотя бы потому, что есть множество хорошо умѣющихъ писать рядовыхъ. Значитъ, этотъ солдатъ на основаніи какихъ-то фактовъ учуялъ доброту и доступность высокопоставленнаго корнета, который зря не станетъ „подтягивать".

Много говоритъ этотъ маленькій эпизодъ и о самомъ свѣтломъ юношѣ, который въ припискѣ обходитъ слово „князь" и называетъ себя просто „Олегъ Константиновичъ", будто стѣсняется подавить громкимъ титуломъ тѣхъ, которые будутъ читать это письмо въ невѣдомой деревнѣ.

Былъ ли князь Олегъ на самомъ дѣлѣ храбръ, не увлекли ли его подъ пулю въ первомъ боевомъ дѣлѣ только аффектъ и юношеская горячность?

На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ:

— Да, на самомъ дѣлѣ былъ храбръ и доказалъ это не только тамъ, на войнѣ, а и гораздо раньше. Среди документовъ и рукописей почившаго мы встрѣчаемся со очень маленькой книжкой, въ которую князь Олегъ еще двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ записывалъ все, что за день сдѣлалъ съ его точки зрѣнія дурного. Смѣло, ясно и просто называетъ онъ вещи своими именами и не щадитъ себя.

Человѣкъ не храбрый на это неспособенъ.

III.

Юноша вообще чувствуетъ острѣе.

Люди не ангелы, а война не забава. И глядѣть безучастно или только разсудочно на все то, что переживаетъ Россія, нелегко и взрослому человѣку. Забота о собственномъ благополучіи дѣлается противной и стыдной, и хочется подвига, но далеко не всѣ могутъ совершить не только подвигъ, но даже просто оказаться полезными на грандіозномъ пожарѣ.

Какъ видно изъ дневниковъ почившаго, вѣчная жажда подвига была его характерной чертой, и когда насталъ часъ, князь Олегъ меньше всего думалъ о себѣ и совершилъ этотъ подвигъ въ большей степени, чѣмъ кто-либо другой, и не потому, что поскакалъ впередъ, и не потому, что былъ не простой смертный.

Во всей его предыдущей жизни искусство вообще и въ частности тяготѣніе къ художественной литературѣ и къ изученію Пушкина было тѣмъ, что можно назвать „святая святыхъ" человѣка. Юношѣ не хотѣлось быть только дилетантомъ, и, чтобы приблизиться къ своимъ идеаламъ, онъ работалъ. Въ три года прошелъ курсъ юридическаго факультета, издалъ автографы Пушкина, написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ, много стиховъ и велъ чрезвычайно интересный дневникъ, глубокомысліе котораго можетъ заставить призадуматься даже и скептиковъ.

Не хватало времени.

Князь Олегъ Константиновичъ (въ 1895 г.).

Пусть подумаетъ читающій эти строки, сколько времени отнимало у князя Олега одно только общественное положеніе, и станетъ ясно, что авторъ всѣхъ перечисленныхъ работъ за двадцать два года своей жизни сдѣлалъ не простой студенческій трудъ, а двойной, тройной, чего безъ любви къ дѣлу достигнуть невозможно.

И эту любовь онъ принесъ въ жертву Государю и Россіи.

А ему несомнѣнно хотѣлось итти дальше и дальше по пути искусства и знать какъ можно больше, чтобы не остаться на этомъ свѣтѣ безполезнымъ.

Шаблонная прописная мораль утѣшала его только въ дѣтствѣ. Свѣтлый Олегъ Константиновичъ меньше всего зналъ о самомъ себѣ.

Не зналъ, что онъ не только Божіею милостію Высочество, но что тою же Божіею милостію онъ еще и художникъ-писатель. Стоитъ прочесть нѣсколько страничекъ изъ послѣднихъ его дневниковъ, чтобы это увидѣть и еще увидѣть великую скромность, вѣрную спутницу всякаго таланта.

Въ художественномъ творчествѣ не важно, сколько написано, а важно—какъ написано. А у Олега Константиновича написано такъ, что:

1) Не чувствуется никому подражанія, т.-е. ясно видна индивидуальность автора;

2) вездѣ искренность милая и храбрая;

3) вездѣ тоска о несовершенствахъ человѣческой жизни и отвращеніе къ той внѣшней культурѣ, которая искажаетъ въ человѣкѣ образъ и подобіе Божіе, и

4) вездѣ чудесный стиль.

Эти четыре элемента весьма характерны для того, чтобы не было сомнѣнія, что погибъ не только смѣлый офицеръ, не только членъ Императорской фамиліи, но погибъ и настоящій художникъ... Художникъ, принесшій въ жертву долгу весь данный ему Богомъ талантъ, который внѣ всякаго сомнѣнія такъ или иначе проявился бы и не только въ тетрадяхъ дневниковъ.

IV.

Князь Олегъ Константиновичъ, несмотря на свои юношескіе годы, часто думалъ о смерти.

Многіе о ней думали и думаютъ... Но, читая его дневники, невольно поражаешься, *какъ* онъ думалъ и *когда* думалъ.

Меньше всего, кажется, это было передъ войной и даже на войнѣ, а больше всего въ деревнѣ, подъ синимъ куполомъ неба, когда не грозила никакая опасность.

За эти думы хочется ему, милому, руку пожать, хочется взять его портретъ и глядѣть, глядѣть въ лицо юноши, такъ рано себѣ уяснившему, когда человѣческое счастье приходитъ, и когда и почему оно уходитъ.

Подъѣзжая на лошадяхъ къ своему любимому Осташову, Олегъ Константиновичъ вдругъ ясно представилъ себѣ время, когда здѣсь, среди зеленыхъ лѣсовъ и зеленыхъ полей, выростутъ черныя трубы фабрики, когда нахальная „культура" завоетъ своими гудками, призывая людей подышать пропитаннымъ сѣрой дымомъ... когда застучатъ топоры по стволамъ деревьевъ, какъ стучатъ они въ Чеховскомъ „Вишневомъ саду".

Длиннымъ, красивымъ періодомъ рисуетъ князь Олегъ эту ненавистную его сердцу картину и неожиданно заканчиваетъ ее словами:

„Дай Богъ умереть къ этому времени"...

Только у искренняго поэта можетъ вырваться такая фраза.

Авторъ дневниковъ ясно и смѣло говоритъ, что человѣку лучше не существовать, когда онъ отойдетъ отъ природы, отъ Бога живого, а не искусственнаго.

И за всю свою короткую жизнь самъ онъ ни разу никогда не уходилъ отъ Бога живого и, можетъ-быть, поэтому такъ рано и слился съ Нимъ навсегда.

Оборвалась еще одна поэтическая, насыщенная правдой мысль, и сиротами остались его рукописи и объемистые дневники въ бѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ.

V.

Замѣчательно, что такъ же, какъ очень задолго до своей смерти покойный князь думалъ о ней, такъ же задолго и до начала войны думалъ онъ о нѣмцахъ и ихъ „культурѣ".

Эти мысли во много разъ цѣннѣе и дороже всѣхъ статей, которыя въ изобиліи пишутся въ наше время. Цѣннѣе потому,

что никто не смѣетъ сказать автору: „Юпитеръ, ты сердишься, значитъ, ты не правъ“...

Никакого повода у автора дневниковъ сердиться на нѣмцевъ тогда не было, и отъ перваго до послѣдняго слова онъ объективенъ. И, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, что эти строки будутъ напечатаны... А въ этомъ и вся цѣнность его мысли.

Поѣздъ, въ которомъ возвращается изъ-за границы Олегъ Константиновичъ, мчится съ огромной скоростью, но путешественнику хочется, чтобы эта скорость еще усилилась, чтобы приблизилось Вержболово, а за нимъ и родина, необъятная во всѣхъ отношеніяхъ. Проѣзжаетъ онъ черезъ Германію,—черезъ страну, тогда похожую на мирнаго работника, который еще не заболѣлъ психически.

Смотритъ Олегъ Константиновичъ черезъ зеркальное стекло, и вся видимая кругомъ жизнь представляется ему не живою жизнью, а механической. Все вокругъ буржуазно-удобно, каждая тропинка закована въ опредѣленное число кирпичей, каждое дерево смазано, чтобы не лазали муравьи, на каждой крышѣ ровно столько же черепицъ, сколько и на слѣдующей.

И кажется нѣмцу-хозяину, что достигъ онъ великаго благополучія, а поэту, глядящему изъ окна вагона, что здѣсь работаетъ колоссальная машина, цѣль которой высушивать, какъ зерно, человѣческую душу.

Но высушенное зерно никогда не взойдетъ и не дастъ колоса. И ясно, что такіе „культурные“ люди не постѣсняются изобрѣсти машину, которая бы подсушивала и угашала духъ ихъ сосѣдей по территоріи.

И радуется князь Олегъ, какъ ребенокъ, когда вагонъ, замедливъ ходъ, останавливается наконецъ возлѣ перрона русской станціи.

Иначе говоря, чуткій авторъ еще тогда замѣтилъ то, что увидѣли мы только теперь и о чемъ подумали только теперь...

И, можетъ, знало его сердце, отъ чьей руки суждено было ему затихнуть навсегда.

Во всѣхъ своихъ переживаніяхъ Олегъ Константиновичъ горѣлъ, и всегда опредѣленно.

Чаще всего волновала свѣтлаго князя фраза, когда-то сказанная его прадѣдомъ императоромъ Николаемъ I:

„Мы, князья, обязаны высоко нести свой стягъ, чтобы оправдать въ глазахъ народа свое происхожденіе“.

И вѣчно думалъ Олегъ Константиновичъ о томъ, какъ это осуществить. Еще въ дѣтствѣ онъ отвѣтилъ самому себѣ:

— Работать и учиться, учиться...

И затѣмъ опять спрашивалъ себя:

— Но какъ учиться, чему учиться и гдѣ учиться?

Неизмѣнно-близкій его сердцу, какъ поэтъ и человѣкъ, А. С. Пушкинъ учился въ Царскосельскомъ лицеѣ, и Олегъ Константиновичъ задумываетъ поступить въ лицей и окончить высшее учебное заведеніе, какъ простой смертный. Но не такимъ легкимъ дѣломъ оказалось для него это поступленіе, несмотря на блестящую подготовку...

Въ этотъ періодъ своей жизни Олегъ Константиновичъ похожъ на свѣтлый горный ручей, который къ веснѣ зажурчалъ сильнѣе... Встрѣтилъ на своемъ пути цѣлый рядъ препятствій, но пробился черезъ нихъ и опять засверкалъ на солнцѣ.

Послѣ окончанія лицея, послѣ великокняжескаго совершеннолѣтія (двадцать лѣтъ) и, наконецъ, послѣ производства въ офицеры, вдругъ наступила почти полная самостоятельность.

Но вмѣстѣ съ нею должна начаться и новая работа и „оправданіе передъ народомъ своего происхожденія“.

Но теперь Олегъ Константиновичъ уже не спрашиваетъ, въ какой области ему трудиться, и ясно формулируетъ свое призваніе:

„Быть писателемъ — это моя самая большая мечта, и я увѣренъ, убѣжденъ, что я никогда не потеряю желанія писать“...

VI.

А быть писателемъ — значитъ, за радости творчества, за глубокія мысли, выраженныя ли въ прозаической, стихотворной или драматической формѣ — не только получать лавры... Самымъ талантливымъ, самымъ большимъ любимцамъ музъ, начиная съ Пушкина и Лермонтова, приходилось и приходится платить за это счастье еще и дорогою цѣною своего самолюбія.

Князь Олегъ Константиновичъ (въ 1909 г.).

Но, хорошо знакомый съ біографіями многихъ писателей, князь Олегъ не боится этой самой интересной на земномъ шарѣ и въ то же время самой рискованной дороги.

Его рѣшеніе итти впередъ именно по этому пути остается безповоротнымъ. Онъ чувствуетъ себя готовымъ и снова горитъ желаніемъ осуществить свою мечту.

5-го мая 1912 года онъ пишетъ: „Мнѣ было бы теперь очень глупо умереть, такъ много поработавъ надъ собою“. И далѣе: „Нѣтъ, прошло то время, когда можно было ничего не дѣлать“...

Одинъ изъ близкихъ людей въ день совершеннолѣтія князя подарилъ ему крестъ, въ родѣ напрестольнаго. Такой крестъ Олегъ Константиновичъ давно хотѣлъ имѣть. И, вспоминая въ своемъ дневникѣ объ этомъ, онъ пишетъ: *„Да, моя жизнь не удовольствіе, не развлеченіе, а крестъ“.*

Во всякомъ случаѣ съ самаго ранняго дѣтства это была сплошная работа, а подъ конецъ, главнымъ образомъ, литературная.

Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, еще въ 1904 году, онъ начинаетъ разсказъ подъ заглавіемъ „Запорожецъ Храбренко“. Эта вещь осталась незаконченной и сдѣлана по-дѣтски. Но... не была она подражаніемъ никому изъ писателей и сложилась въ головѣ автора подъ вліяніемъ разсказовъ о казачествѣ его воспитателя Максимова.

Въ 1907 году въ деревнѣ князь Олегъ познакомился съ однимъ священникомъ, личная жизнь и личная драма котораго его глубоко заинтересовали. Въ столицѣ ничего подобнаго нельзя было встрѣтить. И молодой авторъ опять загорается творческимъ пыломъ и начинаетъ повѣсть „Отецъ Иванъ“. Эта повѣсть никогда не могла появиться въ печати...

Но руки не опустились. Въ 1908 году кто-то изъ близкихъ принесъ Олегу Константиновичу чудесную гравюру—копію съ картины Рѣпина „Убіеніе Іоанномъ Грознымъ сына“.

На князя Олега эта картина произвела огромное впечатлѣніе, онъ ясно представилъ себѣ все то, что могло предшествовать страшному поступку Грознаго... Быстро и какъ-то неожиданно написалъ Олегъ Константиновичъ въ драматической формѣ діалогъ между отцомъ и сыномъ.

Затѣмъ онъ написалъ еще двѣ пьесы.

Лѣтомъ ему случилось наблюдать жизнь помѣщика, вся личность котораго очень заинтересовала князя, и молодой авторъ написалъ новый разсказъ подъ заглавіемъ „Ковылинъ“. Въ этой вещи чуть слышно вліяніе Тургенева, но эпоха наша. Разсказъ этотъ вполнѣ законченъ и помѣщенъ въ этомъ нумерѣ „Нивы“.

Въ 1910 году, т.-е. когда автору было восемнадцать лѣтъ, онъ приступаетъ къ большой повѣсти, почти роману, который озаглавливаетъ: „Вліянія“.

Это все этапы,—тѣ годы его жизни, которые духовно зависѣли отъ разныхъ воспитателей. Храбро, просто и ясно разсказываетъ свѣтлый князь о томъ, что видѣлъ, что передумалъ и перечувствовалъ въ то время, когда у него весь день бывалъ распредѣленъ такъ, что не оставалось ни одного свободнаго получаса.

Затѣмъ лицей, и работать нужно не какъ рядовому студенту. Мало было двадцати четырехъ часовъ въ сутки. Тутъ же еще работа надъ факультетскимъ сочиненіемъ и еще работа надъ изданіемъ автографовъ Пушкина. Кто видѣлъ это изданіе, тотъ пойметъ, сколько въ него вложено и труда и любви.

VII.

Въ 1913 году Олегъ Константиновичъ пишетъ цѣлый рядъ великолѣпно сдѣланныхъ очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Сценки изъ собственной жизни“.

Въ 1914 году, т.-е. уже въ годъ своей смерти, онъ собирается написать біографію своего Августѣйшаго дѣда великаго князя Константина Николаевича, который, какъ человѣкъ и государственный дѣятель, всегда былъ его идеаломъ, былъ тѣмъ, кто осуществилъ завѣтъ: „высоко держать свой стягъ“ и много передумалъ надъ судьбами горячо любимой Россіи.

Идея создать такую біографію-повѣсть, вѣроятно, зародилась у князя Олега во время пребыванія въ Крыму въ „Ореандѣ“, — этомъ лучшемъ уголкѣ южнаго берега.

Князь Олегъ Константиновичъ.

Глядя съ высоты знаменитой бесѣдки на бирюзовое, до боли глазъ искрящееся, море, нельзя не думать о дорогихъ отошедшихъ, нельзя не думать о судьбахъ родины, которая еще необъятнѣе, чѣмъ зеленоватое море, и въ своихъ настроеніяхъ мѣняется такъ же, какъ и море...

Думали здѣсь августѣйшіе и дѣдъ, и сынъ, и внукъ, каждый по-своему...

Часть зимы 1914 года Олегъ Константиновичъ провелъ, разбирая дневники и рукописи великаго князя Константина Николаевича. Матеріалъ былъ богатѣйшій, и будущій авторъ горѣлъ желаніемъ приступить къ работѣ.

Но это былъ уже 1914 годъ.

Личная жизнь свѣтлаго князя и жизнь такъ любимой имъ Россіи понеслись быстрѣе, чѣмъ тотъ поѣздъ „Nord-Express", въ которомъ онъ когда-то возвращался изъ-за границы, и понеслись по невѣдомой еще дорогѣ.

Цѣлый рядъ неожиданныхъ событій вдругъ опрокинулъ намѣренія тѣхъ, кто былъ рожденъ

Для звуковъ сладкихъ
И молитвъ...

И обратились эти люди въ борцовъ.

Загудѣлъ необъятный стихійный смерчъ и зажегъ еще сильнѣе и безъ того пылавшаго князя Олега.

Затѣмъ 29-е сентября 1914 года.

Ясный образъ князя сталъ еще свѣтлѣе. Пророческія, фатальныя слова Некрасова о томъ, что въ жизни каждаго писателя

Что-то есть роковое,

исполнились и здѣсь и надъ нимъ, какъ и надъ Пушкинымъ, какъ и надъ Лермонтовымъ и надъ многими и многими...

И нѣтъ, и не можетъ быть утѣшенія...

Развѣ одно, какъ лучъ солнца, черезъ крохотную щелочку проходящее, что такому человѣку, какимъ родился князь Олегъ Константиновичъ, во всякомъ случаѣ нелегко жилось бы на землѣ.

Слишкомъ темно кругомъ, а онъ былъ свѣтлый.

Ковылинъ.

Посмертный разсказъ **князя Олега Константиновича.**

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ,
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.

А. С. Пушкинъ.

Вчера былъ замѣчательный день... Я поѣхалъ на охоту въ дальніе лѣса. Утро выдалось чудное, ясное, морозное. Люблю я такія путешествія по незнакомымъ мѣстамъ. Сидишь, закутавшись, въ саняхъ, смотришь съ любопытствомъ на открывающіеся направо и налѣво виды—блаженствуешь. Пріѣхали мы по зимней дорогѣ въ казенное болото, вылѣзли изъ саней и пошли цѣпью къ озеру „Скитъ", которое меня давно манило къ себѣ. Направо и налѣво невообразимое пространство заросло корявымъ низенькимъ соснякомъ. Старожилы говорятъ, что онъ всегда былъ такимъ: каждое лѣто здѣсь стоитъ вода, мѣшающая здоровому росту деревьевъ. Только у берега въ видѣ исключенія тянется узенькая полоска высокаго лѣса.

Чу! Далеко впереди, съ легкимъ шумомъ протянули бѣлыя куропатки... Я прибавилъ шагу и, взойдя на пригорокъ, увидѣлъ озеро. Все покрытое снѣгомъ, оно производитъ таинственное впечатлѣніе своимъ безлюдьемъ... Такъ и кажется, что тутъ бывали богатыри, что здѣсь и теперь царятъ духи, какъ въ сказкахъ... Пропутались мы вокругъ озера довольно долго, но стрѣлять не пришлось: куропатки и глухари снимались слишкомъ далеко.

Когда мы вернулись обратно къ санямъ, поднялась погода. Было видно, что изъ охоты ничего не выйдетъ. Тогда мнѣ пришла мысль поѣхать къ сосѣднему помѣщику Ковылину. О немъ я и раньше много слышалъ. Дома у насъ говорили, что это замѣчательный человѣкъ: раньше былъ помѣщикомъ, а потомъ вдругъ сдѣлался священникомъ. Многіе называли Ковылина чудакомъ. Припоминали случай, какъ однажды, заставъ крестьянскихъ ребятишекъ въ своемъ огородѣ, онъ только покачалъ головою и грустно замѣтилъ: „Къ чему красть? Коли хочется огурцовъ—придите и попросите: я вѣдь и такъ дамъ". Крестьяне иногда подсмѣивались надъ Ковылинымъ, но всѣ любили его за разговорчивость и простоту.

— Куда поѣдемъ? — спросилъ меня Арсеній, когда мы тронулись.

— Къ Алексѣю Павловичу.

Возница мой ничего не сказалъ и улыбнулся такъ, какъ будто вполнѣ сочувствовалъ моему рѣшенію.

— Это чей лѣсъ?—спросилъ я, замѣтивъ рѣзкую разницу въ ростѣ деревьевъ.

— А это уже будетъ лѣсъ Ковылина, — отвѣтилъ Арсеній, обернувшись ко мнѣ.—Они вотъ осушили болото, и лѣсъ пошелъ.

Онъ помолчалъ немного.

— Они такой простой баринъ. Вотъ соберутъ ребятишекъ и заставятъ на канавѣ цвѣты сажать, а потомъ дадутъ кажному по тридцать копеекъ. Мой отецъ покойный, царство ему небесное, какъ-то и говоритъ имъ: „Вы бы ихъ, баринъ, не заставляли работать, а просто бы денегъ дали".—„Зачѣмъ?"—говоритъ Алексѣй Павлычъ.—„Такъ кажный будетъ думать, что деньги заработалъ..." Они и по крестьянству много помогаютъ... Своего лѣса для мужика не жалѣютъ... Ну! Чего стала? Иди, дьяволъ!—крикнулъ Арсеній на лошадь и послѣ короткаго молчанія добавилъ, улыбнувшись:—Они теперь священникомъ стали. Слыхали?

Желаніе увидѣть Ковылина росло во мнѣ съ каждой минутой. „Какой онъ?—думалъ я.—Грознаго ли я встрѣчу аскета, внушающаго суевѣрный страхъ, простоватаго ли старца, или священника новой формаціи?" Не скрою того, что я волновался.

— А вотъ налѣво ихъ церковь!—сказалъ Арсеній.

Вдали, на пригоркѣ, показалась большая церковь съ высокой колокольней и пятью главами. Купола, покрашенные въ синій цвѣтъ, выдѣлялись на бѣломъ фонѣ неба. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на этотъ храмъ и выдѣлявшіяся около него строенія. Въ деревнѣ Савкинѣ сразу бросилось въ глаза много крестьянскихъ дворовъ, заново поставленныхъ Ковылинымъ. Около церкви мы завернули влѣво и поѣхали вдоль елочной изгороди. По тропинкѣ впереди насъ подвигалась какая-то крупная черная фигура.

— Это, навѣрно, самъ Ковылинъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, это такъ... баба,—отвѣтилъ Арсеній.

Фигура въ черномъ между тѣмъ остановилась. Я былъ правъ. Это оказался Ковылинъ. Онъ стоялъ на дорогѣ и въ полномъ недоумѣніи смотрѣлъ на насъ.

— Здравствуйте, батюшка,—сказалъ я.—Простите, что такъ безцеремонно пріѣхалъ къ вамъ, но мнѣ бы очень хотѣлось посмотрѣть на вашу церковь.

— Да позвольте... позвольте... Кто вы такіе? — спросилъ онъ все въ томъ же недоумѣніи.

— Я изъ Никольскаго, сынъ Михаила Николаевича.

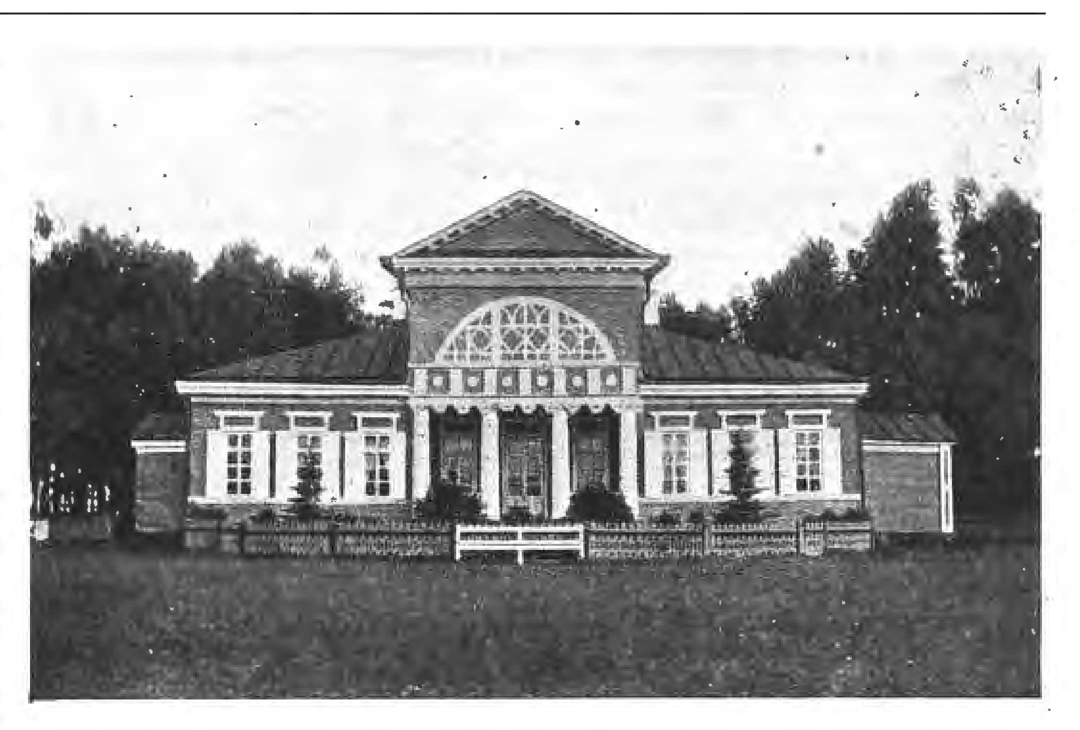
Надо было видѣть, что сдѣлалось при этихъ словахъ съ Ковылинымъ.

Лицо его просіяло, онъ весь оживился. Тутъ я замѣтилъ его замѣчательные глаза, совсѣмъ синіе. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и заговорилъ:

— Вы, стало-быть, внукомъ приходитесь Николаю Ивановичу... Навѣстить пріѣхали старика... Ужъ я такъ радъ, такъ радъ... Вѣдь я и дѣдушку вашего и отца... всѣхъ знаю и помню... Ужъ такой гость пріѣхалъ... Пожалуйте, пожалуйте! Я вотъ тутъ крестить шелъ, ну такъ это и отложить можно...

— Нѣтъ, зачѣмъ, батюшка, откладывать. Позвольте за вами въ церковь пройти. Я посмотрю.

— Ну, хорошо, хорошо. Тогда мы васъ воспріемникомъ запишемъ? — сказалъ онъ, улыбаясь. — Ну, поворачивайте сюда... Вправо, вправо... Да не такъ!.. Осадить надо!—говорилъ онъ Арсенію.



Домъ въ Домнихѣ.

Мы выбрались на накатанную дорогу. Ковылинъ сѣлъ ко мнѣ въ сани и началъ съ недоумѣніемъ меня разглядывать. Я извинялся, что его обезпокоилъ, и смотрѣлъ ему въ глаза, которые меня поражали своей синевой и добротой. Высокій ростъ, сѣдая окладистая борода, правильныя и крупныя черты лица священника придавали ему видъ внушительный и благообразный. На немъ была черная шуба съ мѣховымъ воротникомъ. Такая же шапка покрывала голову.

Подъѣхавъ къ церкви, мы вышли изъ саней и поднялись по ступенькамъ на паперть. Ковылинъ обернулся и нетерпѣливымъ движеніемъ руки подозвалъ сторожа.

— Не видишь, что ли, кто къ намъ пріѣхалъ?—сказалъ онъ.— Изъ Никольскаго, внукъ генерала. Отворяй скорѣе церковь, да бѣги предупредить домой, чтобы чай заварили... Гдѣ младенецъ?

— Еще не приносили, батюшка,—отвѣчалъ сторожъ.

— Ну, это еще лучше. Бѣги!

Мы прошли въ церковь. Она очень свѣтлая, уютная, чистенькая, съ тремя придѣлами.

— Вотъ здѣсь у насъ частица мощей преподобнаго Сергія,— сказалъ Ковылинъ, указывая на икону.

Я приложился.

— А вотъ здѣсь у насъ, поглядите, изображеніе Страшнаго Суда... Въ Москвѣ писали... Оно не очень хорошее, а все же для крестьянъ наглядно... Это подражаніе древней иконописи: традиціонный змѣй и грѣшники, входящіе въ адъ... За нее сто рублей у меня взяли...

Мы подробно осмотрѣли всю церковь и вышли на паперть, чтобы ѣхать въ домъ.

— Со мной всю жизнь чудеса были,— говорилъ Ковылинъ, садясь опять въ сани.—Въ бытность мою еще студентомъ, былъ я не то, чтобы невѣрующій — нѣтъ, а такъ... не серьезно относился. Разъ собрались мы какъ-то у товарища, и показываетъ мнѣ одинъ книжку Фейербаха, гдѣ онъ кощунственно отзывается о таинствахъ, о причастіи... „Это что?—говорю.—Гадость! Мерзость! Этимъ книгамъ вотъ гдѣ мѣсто!"—и швырнулъ ее въ печку... Принадлежалъ я тогда къ народолюбческой партіи, зачитывался Полежаевымъ, Засодимскимъ... Хотѣлось мнѣ принести пользу нашему народу...

Въ это время мы подъѣхали къ дому. Ковылинъ засуетился, забѣгалъ. Онъ ввелъ меня въ какую-то комнату, извинился, что оставляетъ меня одного, и пошелъ перемѣнить рясу. Я оглянулся. Посрединѣ стоялъ большой круглый столъ; два окна выходили въ садъ, занесенный снѣгомъ. Въ углу было много образовъ, передъ которыми теплились лампадки. Подъ ними, наискось, стоялъ маленькій диванчикъ, обитый зеленой матеріей. На стѣнѣ, налѣво отъ иконъ, я сразу замѣтилъ писанную масляными красками небольшую картину, на ней былъ изображенъ оптинскій старецъ Амвросій за нѣсколько дней до смерти; онъ повернулся въ постели на бокъ и склонилъ голову въ клобукѣ на подушку. Рядомъ съ этимъ неважнымъ изображеніемъ висѣли фотографіи старца Варнавы, гравюра саровскаго пустынника Марка и другія. Противъ оконъ между дверями стоялъ плохонькій шкапъ; вся мебель ограничивалась еще нѣсколькими массивными стульями съ высокими спинками, которые стояли по стѣнамъ и вокругъ стола. На всемъ лежалъ отпечатокъ чего-то купеческаго.

Вошелъ Ковылинъ въ простенькой рясѣ, подпоясанный матерчатымъ кушакомъ. Я его попросилъ накормить людей, которые съ утра ничего не ѣли.

— Ужъ какъ же, помилуйте, — отвѣтилъ онъ.—Это правило нашего помѣщичьяго гостепріимства.

Онъ усадилъ меня на диванъ, самъ сѣлъ на стулѣ напротивъ и продолжалъ свой разсказъ.

— Въ то время,—говорилъ онъ:—одинъ спеціалистъ по сельскому хозяйству, не помню сейчасъ его имени, писалъ много статей по вопросамъ объ осушкѣ. Тогда еще совершенно не имѣли понятія о томъ, какъ надо воздѣлывать болото. Болото такъ болото, лещина такъ лещина... А человѣкъ этотъ открылъ способъ ихъ обрабатывать посредствомъ фосфорита. И запала мнѣ въ голову мысль такимъ путемъ нажиться. Отецъ мой былъ купцомъ, стало-быть, страсть къ наживѣ у меня была въ натурѣ, можно сказать, съ кровью въ жилахъ текла...

Я съ чувствомъ уваженія смотрѣлъ на Ковылина. Меня поразило то, что онъ не побоялся произнести строгаго приговора надъ сословіемъ, къ которому принадлежалъ самъ.

— Сталъ я подговаривать отца,—продолжалъ онъ:—купимъ, молъ, землю. Отецъ не соглашался. Велъ онъ торговлю хлѣбомъ и, знаете, какъ купцы, на каждомъ пудѣ зарабатывалъ по тридцать процентовъ. Не хотѣлъ онъ мѣнять выгодное предпріятіе на рискованное и все мнѣ въ примѣръ приводилъ дядю, который владѣлъ землей. Вотъ, молъ, дядя Александръ, — ничего у него съ землей не выходитъ. А мысль купить болото меня не покидала, можно сказать, сверлила, мучила. Отцомъ я былъ вполнѣ обезпеченъ. Отъ него на мою долю пришелся капиталъ въ сорокъ восемь тысячъ. Какъ разъ въ это время тутъ продавалась земля.

Раньше, чѣмъ ее покупать, рѣшилъ я отправиться помолиться къ преподобному Сергію въ монастырь... —Ковылинъ вдругъ прервалъ свой разсказъ и торопливо спросилъ:—Господи, совсѣмъ забылъ!.. Не желаете ли чего-нибудь откушать?.. Супу или чего другого?..

— Признаюсь, ничего не имѣлъ бы противъ,—отвѣчалъ я.

Старикъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Да какъ же я это не подумалъ, не побезпокоился!.. Потчую розсказнями, а накормить и забылъ...

Онъ засуетился, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, откуда до меня доносились слова: „Скорѣй... проголодались... Я не сказалъ, а вы и не напомните... Что у насъ тамъ есть?.. Курица, супъ... все!“ Мнѣ стало стыдно, что я такъ взбудоражилъ Ковылина, который долго потомъ не могъ успокоиться.

— Ужъ не даромъ,—говорилъ онъ, вернувшись въ комнату:— сестра меня шарманкой зоветъ. Шарманка и есть. Потчую розсказнями, а объ ужинѣ и забылъ.

— Да чего же вамъ безпокоиться, батюшка, мнѣ, право, совѣстно...

— Мнѣ совѣстно, а не вамъ. Какъ же это я...

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ,—сказалъ я съ чувствомъ нѣкотораго довольства, что кстати привелъ слова евангелія.—Продолжайте-ка лучше, батюшка, вашъ разсказъ.

— А на чемъ, бишь, я остановился?.. На чемъ это я?.. Право, не помню... Вотъ говорить-то Богъ меня наградилъ, а память, что рѣшето...

— Вы говорили, что отправились на богомолье и...

— Да, да, вспомнилъ... Помолились мы этакъ съ братомъ у угодника и ѣдемъ обратно на станцію. А тутъ идетъ по дорогѣ старушка, останавливаетъ насъ и спрашиваетъ, не опоздаетъ ли она къ поѣзду. Я ее успокоилъ,—времени было много,—и посадилъ въ сани.

„— Вы,—спрашиваетъ,—къ угоднику ходили?

„— Да, къ угоднику.

„— А теперь куда?

„— Обратно.

„— А къ старцу не пойдете?

„— Къ какому старцу?

„— Какъ же. Къ Варнавѣ,—святой человѣкъ, прозорливый.

„— Нѣтъ,—отвѣчаю я:—не пойду къ твоему старцу.

„А она качаетъ головой и говоритъ:

„— Нехорошо, нехорошо. Къ старцу-то надо пойти!“

Ковылинъ не минуту призадумался и потомъ продолжалъ:

— Надо вамъ сказать, что въ прозорливость да одаренность свыше я тогда не вѣрилъ и даже иногда надъ этимъ смѣялся. Да, вообще не худой я былъ, нѣтъ, а такъ... нерадивый: въ церковь недѣлями не ходилъ, напивался пьянъ, проводилъ время въ бильярдныхъ да и въ еще худшихъ мѣстахъ... Отдѣлялъ меня отъ Бога слой эѳира и шелка, какъ я теперь узналъ.

„Въ немъ, кажется, есть доля мистицизма“,—подумалъ я. Личность Ковылина начала меня все больше и больше интересовать. Я съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за ходомъ разсказа. Онъ говорилъ нервно: то замедлялъ рѣчь, дѣлая ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, то вдругъ начиналъ торопиться, не договаривая своихъ мыслей.

— Зашли мы съ братомъ,—продолжалъ Ковылинъ:—въ гостиницу чаю выпить. И думаю это я себѣ: отчего мнѣ не сходить къ старцу? Вѣдь благословеніе-то будетъ не отъ него, а только черезъ него свыше.

Ковылинъ сложилъ большие пальцы и, указывая на нихъ, продолжалъ:

— Вѣдь это,—думаю,—не пальцы, не бренное тѣло даетъ благословеніе, а черезъ нихъ. Ну, сознайтесь, развѣ не чудо, что я, не вѣровавшій въ прозорливость одаренныхъ свыше людей, началъ такъ думать? Толкало меня что-то: пойди да пойди къ старцу. Ну и пошли. Приходимъ въ келью, комнатка, какъ сейчасъ помню, маленькая, тутъ налѣво лавочка,—онъ просто жилъ, ужъ чего проще. Слышимъ, шелеститъ кто-то въ сосѣдней комнаткѣ бумажками. Мы ничего, ждемъ. Выходитъ къ намъ старецъ и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ по нѣскольку листочковъ. Это тѣ самые Троицкіе листочки, которые въ то время Никонъ Вологодскій издавать началъ. Потомъ уже я узналъ, что сила его прозорливости заключалась какъ разъ въ раздачѣ этихъ листочковъ.

„Старецъ ко мнѣ подошелъ, всунулъ мнѣ въ руку штуки четыре бумажекъ и говоритъ: „Приходи ко мнѣ въ пятницу“. Признаться, я тогда въ душѣ сильно огорчился, что онъ со мной не захотѣлъ, какъ съ другими, побольше поговорить... Только мы вышли,— толкнуло меня что-то прочитать одинъ изъ листочковъ. Посмотрѣлъ—и сердце мое такъ и преисполнилось радости, такъ и облилось свѣтомъ и теплотой. Вотъ что было тамъ написано: „И пчела, несмотря на то, что въ продолженіе лѣта бываетъ разорена человѣкомъ, своимъ трудомъ устраиваетъ жилище къ осени. Такъ и ты не унывай и трудись“. Поймите, какъ слова эти совпали съ тѣмъ, что тогда происходило у меня на душѣ. Былъ я до этого разстроенъ тѣмъ, что ничего изъ моего желанія купить землю не выходило... Много было препятствій, а тутъ, вдругъ, такое утѣшеніе!.. Чудо, одно чудо!..

„Исповѣдывались мы у старца въ пятницу, а причастились въ субботу. Передъ отъѣздомъ зашелъ я къ нему проститься. Старецъ вышелъ, подошелъ и сказалъ: „Ну, Господь тебя благослови!“ Вотъ опять чудо! Я такъ и понялъ, что старецъ Варнава меня благословлялъ покупать землю...“

Къ этому времени ужинъ былъ поданъ. Мы встали съ дивана и сѣли у стола.

— Кушайте, кушайте!—говорилъ Ковылинъ.—Вы проголодались съ охоты. Простите только, если что не такъ подано будетъ, у насъ просто.

Старикъ приготовилъ мнѣ полный ужинъ. Онъ налилъ мнѣ мадеры, а себѣ потребовалъ церковнаго вина. Я просилъ его продолжать.

— Ну, вотъ-съ... Возвратились мы въ нашъ городъ на берегу Волги. Прихожу къ своимъ и объявляю, что нашелъ замѣчательнаго старца Варнаву. А мнѣ мать и сестра говорятъ, что они про него давно знали. Сестра даже у него была, но какъ-то разговоръ объ этомъ никогда не заходилъ.

„А старецъ,—говорю,—благословилъ меня купить имѣніе. Тутъ сестра и сказала: „Для тебя у насъ наверху записка есть“. Принесла она письмо отъ одного хорошаго знакомаго, гдѣ я прочиталъ слѣдующее:

„Вспомнилъ я, Алексѣй Павловичъ, насчетъ выраженнаго вами желанія купить землю. Сообщаю вамъ, что таковая продается за пятнадцать тысячъ рублей“. Опять, думаю, чудо. Я желалъ и давно положилъ заплатить ровнехонько эту сумму, копейка въ копейку. Не чудо, что вы скажете? Съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ у старца Варнавы, все чудеса пошли. Поѣхалъ я осматривать землю. Взялъ съ собою человѣка знающаго. Самъ я тоже имѣлъ знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ, но только теоретическое: читалъ много по этому предмету. Повезли нась показывать лѣсъ. Дѣло было, правда, зимой, смотрѣть плохо, но я торопился. Управляющій имѣніемъ объясняетъ: „Тамъ, молъ, еще лѣсъ есть, но дороги зимней нѣтъ, не проѣхать“. А я, признаться, обрадовался пуще всего, что мнѣ съ лѣсомъ болото достается, и говорю: „Не надо мнѣ того лѣса, клади его себѣ въ карманъ“.

„Купилъ я имѣніе, позвалъ техниковъ и началъ рыть канавы. Страсть это моя была—рытье канавъ. Тогда я у дѣдушки у вашего нѣсколько саженъ земли моей канавой и отхватилъ...“

— Разбойникъ вы!—сказалъ я со смѣхомъ.

— Что?

— Разбойникъ, вы, говорю. Вы только не обижайтесь на это слово, батюшка.

— Зачѣмъ обижаться... Я знаю, что вы такъ... Да, страсть была... Работа тяжелая, рабочіе не хотѣли итти, разбѣгались, а я ихъ силой приводилъ, даже самъ брался за лопату... Много денегъ на это пошло, въ долги влѣзъ...

— А своего все-таки добились: лѣсъ у васъ несравненно лучше казеннаго.

— Да, лѣсъ пошелъ, словъ нѣтъ, а дѣла плохо... Не понималъ я сначала хозяйства, а мужики-то мнѣ и отгрызли пальцы. Съ мужиками вѣдь такъ нельзя: сразу отгрызутъ. Срываетъ мнѣ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ кочки и не складываетъ ихъ въ кубики. Я ему говорю: „Ну, что ты, Степанъ? Чего тебѣ стоитъ скласть ихъ въ кучи!“ Наутро прихожу—анъ мои кочки всѣ въ десяти кучахъ лежатъ. Обрадовался я, похвалилъ, отблагодарилъ,

Изъ дѣйствующей арміи. У понтоннаго моста.

какъ слѣдуетъ, работника. А дѣло это было зимой. Прихожу я по веснѣ,—а мои кубики на двѣ четверти въ землю и осѣли... И такъ все у меня прахомъ шло, не зналъ, что и дѣлать. Вдобавокъ меня сосѣдній священникъ до смерти перепугалъ: „Знаете,—говоритъ,—что за нарушеніе знаковъ генеральнаго межеванія можно въ тюрьму попасть...“ Струсилъ это я и собрался уѣхать въ Петербургъ къ вашему дѣдушкѣ Николаю Ивановичу... Что же это вы такъ мало кушаете?—прервалъ себя Ковылинъ.—Вамъ масло къ хлѣбу не подали,—сейчасъ скажу.

Несмотря на мои уговоры, онъ опять засуетился и велѣлъ принести масла.

— Да садитесь, батюшка,—успокаивалъ я его.—Вѣдь вы на самомъ интересномъ мѣстѣ остановились... Разсказывайте, какъ васъ встрѣтилъ дѣдушка, какъ вы бесѣдовали, чѣмъ все кончилось...

— Ну, вотъ... Пріѣзжаю я къ Николаю Ивановичу, вхожу по большой лѣстницѣ въ парадныя комнаты. Меня провели черезъ столовую. У нихъ въ это время большое общество за столъ садилось. Помню, что тогда впервые увидѣлъ я молодого офицерика, вашего папашу... Вхожу еле живъ въ кабинетъ. Я боялся генераловъ,—слыхалъ, что одинъ генералъ велѣлъ кого-то высѣчь: ну, думаю, должно-быть, и меня такимъ же манеромъ... Въ это время входитъ генералъ. Смотрю—невысокій, значитъ, не страшно. У него сѣденькая, помню, бородка была. „Простите,—говорю,—ваше превосходительство. Такъ, молъ, и такъ, отрѣзалъ я канавами у васъ нѣсколько саженъ. Что прикажете за это сдѣлать? Сколько возмѣстить?“—„Зачѣмъ возмѣщать?—отвѣчаетъ мнѣ генералъ.—Когда буду въ деревнѣ, заѣду самъ посмотрѣть“.

„Пріѣхалъ я назадъ, а тутъ долги меня и обступили. Вижу—дѣло плохо. Рѣшилъ опять за совѣтомъ да утѣшеніемъ къ старцу Варнавѣ отправиться. Пришелъ къ нему, разсказалъ все, что у меня на душѣ было, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Начинай храмъ строить!“ У меня, понимаете ли, ни гроша въ карманѣ, а онъ мнѣ о храмѣ. И, долженъ признаться, четыре года не начиналъ я этого дѣла, а имѣніе тѣмъ временемъ чуть-что не съ молотка пошло. Вспомнилъ я о словахъ старца, прихожу къ моей матушкѣ и объясняю, что хочу церковь строить.

„— Ты только,—говоритъ,—сынокъ, на насъ не разсчитывай“. Подумайте—къ родной матери пришелъ, ей бы первой помочь, а она вотъ что...

„У меня чуть руки не опустились. Спасибо, въ то время добрый человѣкъ нашелся, сто рублей далъ, но потомъ дѣло опять остановилось.

„Началъ собирать я понемногу частнымъ образомъ, потому что разрѣшенія офиціальнаго у меня не было, да только много ли частнымъ образомъ соберешь?.. Какъ разъ въ это время тутъ на сосѣдней фабрикѣ дворникъ служилъ, хорошій такой, богомольный... Подѣлился я съ нимъ моимъ горемъ и говорю: „Видно, мнѣ на паперти церковной самому становиться да просить“. А онъ мнѣ: „Что вы, что вы, Алексѣй Павловичъ! Зачѣмъ такъ? Вы лучше бы открыли у насъ сборъ на фабрикѣ, тогда дѣло бы и пошло...“

Въ это время тихими шагами вошла въ комнату монахиня.

— А вотъ и сестра моя!—сказалъ Ковылинъ и обратился къ ней:

— Погляди-ка, какой гость къ намъ пріѣхалъ... Не думали, не гадали. Николая Ивановича, генерала, внукъ. Я-то и встрѣтить его какъ слѣдуетъ не сумѣлъ. Онъ мнѣ о людяхъ напомнилъ, попросилъ накормить; я такъ и сдѣлалъ, а самого-то его сколько времени голодомъ морилъ...

— Да какъ же это ты, какъ же это?..—говорила немного нараспѣвъ монахиня.

Очень застѣнчивая, ростомъ немного ниже брата, она какъ-то стушевывалась въ его присутствіи. Ковылина тихо сѣла на стулъ и въ продолженіе послѣдовавшаго разговора больше молчала, сложивъ руки на колѣняхъ.

— А я вотъ ему все разсказываю,—сказалъ Ковылинъ:—какъ мы тутъ церковь строили... Да... Да... Тогда строго слѣдили за сборами на фабрикахъ, на это дѣло требовалось разрѣшеніе, надо было писать и хлопотать, а я лѣнтяй до этого. Рабочіе сами за меня попросили начальство. Проходитъ нѣсколько времени, пишетъ мнѣ тотъ же дворникъ съ фабрики: „Алексѣй Павловичъ, такъ, молъ, и такъ, замѣтилъ намеднись начальникъ мою корову, ту, что вы лѣтось подарили. Стали всѣхъ спрашивать, чья она будетъ. Призвали меня. „Откуда,—говорятъ,—твоя корова?“ Я имъ, стало-быть, отвѣчаю, что корова отъ васъ. Тогда начальникъ приказали вамъ передать, чтобы вы и имъ такую корову прислали“. А дворникъ ее въ ту пору хорошо откормилъ, сдѣлалась она большая, шоколаднаго цвѣта...

„Я опять полѣнился и отвѣчаю ему: „У меня теперь такія коровы пошли, что не только начальнику, но и послѣднему сторожу подарить ихъ никакъ невозможно“. А дворникъ все надоѣдаетъ: „Пришлите да пришлите...“ Наконецъ выбралъ я изъ оставшихся корову получше, потѣльнѣе, и поѣхалъ. Пріѣзжаю къ начальнику... Вхожу... Заговорилъ... Въ разговорѣ-то я и спрашиваю его: „Какъ, молъ, будетъ насчетъ разрѣшенія?“—„А это вы просили?“—„Я“.—„Бумага уже пошла,—говоритъ,—по назначенію. Теперь скоро дѣло рѣшится“. И, представьте себѣ, все дѣло такъ и вышло: открыли сборъ, выручили девятьсотъ шестьдесятъ рублей, а мнѣ эта сумма и на купола и на кресты и на все хватила... Побывалъ я тутъ какъ-то у отца Варнавы, сталъ разсказывать о церкви, а онъ мнѣ говоритъ: „О пяти главахъ строить нужно“. Я даже спорить не сталъ, сразу согласился.—А точно,—говорю,—батюшка, что о пяти главахъ будетъ лучше, а то одинъ священникъ уже замѣтилъ, что храмъ съ одной главой больше на голубятню похожъ. И вотъ выстроили мы церковь... Я и то теперь говорю, что ее корова на своемъ хвостѣ вывезла...“

Ковылинъ замолчалъ. Онъ вздохнулъ, опустилъ голову, задумался. Глаза его свѣтились радостнымъ блескомъ.

— Батюшка,—спросилъ я робко.—Простите мнѣ мою нескромность, но скажите, какъ это вы сдѣлались священникомъ?

— А очень просто,—сказалъ Ковылинъ, поднявъ голову.—Построилъ я церковь, желаніе свое исполнилъ, но чувствовалъ все время, какъ будто чего-то не додѣлалъ. Жаль мнѣ было, достигнувъ шестидесятилѣтняго возраста, не подѣлиться ни съ кѣмъ своимъ личнымъ накопленнымъ опытомъ. И задумалъ я устроить при церкви общину. Пріѣзжалъ ко мнѣ одинъ знакомый архіерей и одобрилъ мою мысль... Подумалъ я подумалъ, посовѣтовался со старцемъ, получилъ отъ него благословеніе, пошелъ къ епископу и упалъ ему въ ноги: „Примите,—говорю,—ваше преосвященство, все, чѣмъ владѣю, въ лоно церкви“. Потомъ посвятился и устроилъ общину, которую назвалъ „Трудъ и вѣра“. Не даромъ пришли мнѣ, знаете, на умъ эти два слова: трудъ и вѣра должны итти всегда вмѣстѣ...

Священникъ на минуту задумался.

— Народу, видите ли, какъ и прежде, мнѣ хочется пользу принести. Я думаю, что тѣ, кто жалуется на правительство, поступаютъ неправильно: не правительство, а мы виноваты... Оно одно сдѣлать ничего не можетъ... Намъ надо помогать, трудиться, работать. А мы что дѣлаемъ? Ничего, бездѣльничаемъ...

Ковылинъ опять остановился.

— По моему мнѣнію,—продолжалъ онъ:—дворянство пало и больше не поднимется... Вотъ одинъ епископъ пишетъ, и я съ нимъ согласенъ, что теперь крупными землевладѣльцами „остались одни монастыри“.

— А это жаль, что дворянство пало,—замѣтилъ я.

— Жаль, конечно, жаль,—отвѣтилъ Ковылинъ.—Вѣдь нашъ братъ купецъ все думаетъ о наживѣ. Вотъ, бывало, дядя мой жалуется, что не получаетъ больше въ торговлѣ прежнихъ процентовъ, раньше-де было лучше. „Ну, а скажите,—спрашиваю,—дядюшка, во сколько разъ, несмотря на нынѣшнія обстоятельства, вы увеличили капиталъ? Было у васъ семьдесятъ тысячъ. Не три ли раза семьдесятъ у васъ теперь?“—„Такъ-то такъ,—отвѣчаетъ онъ:—а все же...“ Я вамъ разскажу по этому поводу анекдотъ. Въ старое время мнѣ отецъ его разсказывалъ, потомъ повздорили какъ-то съ управляющимъ, и онъ мнѣ тотъ же анекдотъ повторилъ. Хорошій анекдотъ... Вы его можете въ Петербургѣ, въ обществѣ, разсказывать...

„Жилъ подъ благоденственнымъ небомъ Италіи знатный русскій баринъ. Имѣлъ онъ въ одной изъ нашихъ губерній большое помѣстье, изъ котораго получалъ отъ управляющаго по пятнадцати тысячъ ежегодно. Жилъ этакъ нашъ баринъ принѣваючи, какъ вдругъ получаетъ доносъ на управляющаго, что онъ, молъ, такой-сякой, воръ, грабитель, мошенникъ и прочее. Не обратилъ

на это вниманія вельможа, но доносчики дѣлали свое дѣло равномѣрно и обдуманно. Наконецъ пишутъ они, что негодяй-управляющій завелъ въ губернскомъ городѣ большой каменный домъ. Смутило это нашего барина: видитъ—дѣло плохо. Рѣшилъ ѣхать въ Россію убѣдиться во всемъ лично. Въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ не существовало. Это теперь, въ одинъ мигъ, съ верху до низу Россію перерѣзать можно, а тогда путешествіе было долгое... По дорогѣ встрѣчались ему разоренныя имѣнія... Сталъ тутъ досадовать на себя помѣщикъ, что за все время ни разу не удосужился заглянуть въ свою вотчину, думалъ онъ, что и у него такъ же плохо... Вотъ въѣзжаетъ онъ въ чью-то усадьбу, смотритъ—скотъ упитанный, веселый, на лугахъ жеребята, лошади, коровы весело прыгаютъ, постройки всѣ крашены—словомъ, порядокъ повсюду образцовый. Помѣщикъ удивляется, спрашиваетъ, чье это имѣніе. Ему говорятъ, что оно принадлежитъ такому-то, и называютъ его имя. Баринъ просіялъ, обрадовался, но управляющему рѣшился все-таки пригрозить. Зоветъ онъ его къ себѣ въ покои и начинаетъ бранить. „Я тебя велю,—кричитъ,—нагого привязать къ дереву, на съѣденіе комарамъ отдамъ!..“ Доносчики только этого и ждали. Какъ только управляющій вышелъ отъ барина, они его схватили, раздѣли и привязали къ дереву. А хозяинъ ходитъ по комнатамъ и мучится: жалко ему стараго слугу. Наконецъ подходитъ къ двери, зоветъ: „Эй, Андрюшка... Андрюшка! Сбѣгай-ка въ лѣсъ да помаши надъ управляющимъ вѣточкой, чтобы комары не очень приставали“. Побѣжалъ Андрюшка въ лѣсъ, но наказанный заупрямился. „Что ты дѣлаешь, дурень?—закричалъ онъ.—Ужель не видишь, что комары теперь сыты. Смахнешь этихъ—насядутъ новые и будутъ кусать еще злѣе. Баринъ сегодня меня гонитъ, а на завтра опять посадитъ управлять вами...“

— Это старинный, хорошій анекдотъ,—закончилъ Ковылинъ и улыбнулся.—Такъ вотъ и въ государствѣ, по-моему, то же самое. Вельможи, владѣющія большими помѣстьями, привыкли къ богатству и не давятъ народа. А вотъ какъ пойдетъ нашъ братъ купецъ да разная голь—стонать русскій народъ будетъ...

Въ то время какъ Ковылинъ договаривалъ послѣднія слова, рядомъ въ комнатѣ раздалось довольно стройное пѣніе женскихъ голосовъ.

— Вы ужъ простите нашихъ дѣвушекъ,—сказалъ старикъ:—что онѣ безъ вашего позволенія запѣли. Впрочемъ, не хотите ли ихъ послушать?

Я съ удовольствіемъ согласился и вмѣстѣ съ Ковылинымъ прошелъ въ сосѣднюю комнату Тамъ вокругъ стола, на которомъ лежала открытая книга, тѣснилось нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ косынкахъ и сѣрыхъ передникахъ. Когда мы вошли, онѣ застѣнчиво замолчали, но я попросилъ ихъ продолжать. Красивая, заунывная мелодія наполнила комнату. „Какая разница съ обычными гнусавыми псаломщиками въ деревенскихъ церквахъ!—подумалось мнѣ.—И здѣсь, очевидно, удивительный старикъ чего-то добивался и что-то сдѣлалъ“. Ковылинъ молча сидѣлъ на одной изъ кроватей и слѣдилъ за поющими. Когда онѣ кончали, онъ взялъ послѣднюю ноту густымъ басомъ, потомъ всталъ и, указывая на дѣвушекъ, прибавилъ:

— Вотъ эти рожи все здѣшнія, деревенскія... А поемъ мы духовные канты... какъ умѣемъ. Вы ужъ простите, если плохо.

Рядомъ въ комнатѣ пробило девять часовъ. Я положительно не замѣтилъ, какъ пролетѣло время. Несмотря на просьбы Ковылина остаться ночевать, я сердечно отблагодарилъ его, но все же велѣлъ подавать сани.

„Замѣчательный человѣкъ... замѣчательный... совсѣмъ необыкновенный,—думалъ я, выѣзжая изъ общины.—Рѣдко такихъ встрѣтишь... Живетъ себѣ, какъ Лаврецкій — на днѣ рѣки, никому неизвѣстный, всѣми забытый, и борется одинъ на одинъ съ какою-то темною силою...“

— Что это тамъ налѣво? — спросилъ я у Арсенія, замѣтивъ мерцающій въ отдаленіи огонекъ.

— Хуторъ,—отвѣчалъ онъ. — Тамъ живетъ пріемный сынъ Алексѣя Павловича.

— Какой-такой пріемный сынъ?

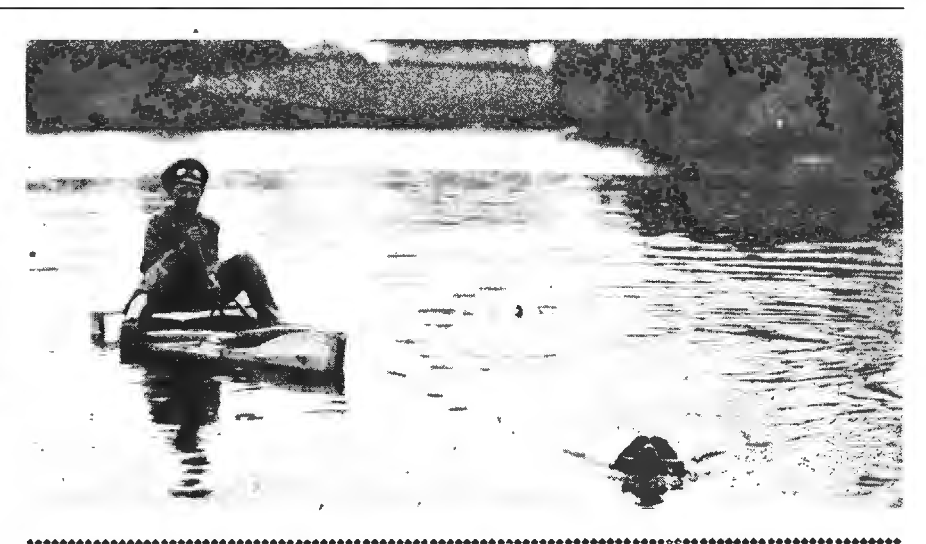
— А такъ — былъ бездомный мальчишка. Они его взяли къ себѣ, воспитали, женили, потомъ землю подарили и домъ выстроили.

„Еще новость, — подумалъ я. — А Ковылинъ-то мнѣ объ этомъ ни полслова“.

Мы въѣхали въ высокій густой лѣсъ. Большія ели тѣснились вдоль дороги, протягивая надъ нами длинныя вѣтки, подобныя лапамъ зловѣщихъ чудовищъ. Онѣ нагнулись подъ тяжестью замерзшаго снѣга, который изрѣдка падалъ хлопьями на санную полсть. Небо потемнѣло, а внизу бѣлѣло необозримое ровное пространство.

— Погоди, погоди!—кричали егеря изъ заднихъ саней.—Не сюда ѣхать. Бери вправо!

— Да какъ же намъ таперича повернуть?—отвѣчалъ Арсеній.—Вѣдь тутъ канава?



Доброволецъ Павлушка Муравьевъ на импровизированной лодкѣ. Впереди его плыветъ ротная собака—спутница въ походѣ.

Днѣстръ у З.

Раздача жалованія на позиціяхъ.

— Да вали... Чего тамъ!.. Нѣту тутъ канавы.

Мы благополучно повернули и выѣхали на дорогу.

— А вотъ, баринъ, вы намеднись спрашивали, — сказалъ словоохотливый Арсеній:—какіе тутъ помѣщики есть. Теперь, почитай, никого нѣтъ, всѣ въ Питеръ укатили. А раньше тута жили... Въ Никольскомъ Татьяна Борисовна да генералъ покойный, а въ Стрекаловѣ Миколай Борисовичъ. Они вамъ, должно-быть, дядюшкой доводились.

— Да, только внучатымъ дядей. А ты ихъ помнишь?

— Какъ не помнить! Они мнѣ крестнымъ были... Мой папаша у нихъ служилъ по всѣмъ должностямъ по дому, за кучера и за лѣсника. Добрый былъ баринъ—крестьяне любили. Бывало, нужно мужику срубъ ставить, вотъ онъ, стало-быть, къ нимъ и идетъ. „Такъ, молъ, и такъ, Миколай Борисовичъ, нужно мнѣ строиться, а лѣсу нѣтъ. Нельзя ли у васъ купить?“—„Ахъ ты, мошенникъ,—отвѣчають они:—кто тебѣ станетъ лѣсъ продавать? Тебѣ триста деревъ продай, а ты сто лишнихъ увезешь. Бери такъ, сколько тебѣ надобно“. Или, бывало, приведетъ отецъ мужика: поймалъ въ порубкѣ. Выйдутъ, это, Миколай Борисовичъ и начнутъ его ругать. „Я тебя, мошенника, въ острогъ за это посажу. Ты это что вздумалъ? Отучу васъ отъ кражи, мерзавцевъ: вотъ пріѣдетъ исправникъ, протоколъ составитъ“. А мужикъ имъ въ ноги. Они его ушлютъ и ничего за это не сдѣлаютъ. Любили крестьяне...

Арсеній замолчалъ и чиркнулъ спичкой. Красное пламя на мгновеніе освѣтило его лицо и руки. Потомъ до меня донесся сдобный запахъ махорки, и все вновь погрузилось во мракъ.

— Миколай Борисовичъ все больше дома сидѣли,—продолжалъ Арсеній.—Пузо-то у нихъ было большое, имъ и ѣздить-то, почитай, вредно было...

— А къ нимъ ѣздили гости?

— Нѣтъ, они гостей не любили. Если кто заѣдетъ, говорятъ:—пойди, скажи, что меня дома нѣтъ. А лошадей уважали... У нихъ любимая лошадка была: какъ утромъ встанутъ—сейчасъ возьмутъ кусокъ хлѣба и идутъ къ ней въ стойло... Больно жалѣли своихъ лошадей—рѣдко ѣздили. Если надо на станцію, а въ то время идетъ дождь, али дорога плохая, то ни за что на своихъ лошадяхъ не поѣдутъ, возьмутъ деревенскихъ... Они и къ Татьянѣ Борисовнѣ, къ сестрицѣ ихней, не болѣ какъ раза четыре въ годъ ѣздили, а жили въ ладахъ.

— Ну, это ты врешь!

— Ей-Богу, правда, чаще не ѣздили. Спросите кого хотите.

— Да что же они дѣлали?

— А ничего... Жили... Лошадь кормили да по саду ходили,—вотъ имъ и дѣло. Они часто на скамеечкѣ сидѣли у рѣки, гдѣ, помните, лѣтось, на охотѣ изъ лодки выходили. Вотъ сидятъ тамъ и на рѣку любуются, или сходятъ на мостъ къ мельницѣ въ омутъ посмотрѣть—глядишь, день и проходитъ... Онъ помолчалъ немного.—А по вечеркамъ, бывало, дѣлать имъ нечего, позовутъ ключницу Варварушку да надъ нею и потѣшаются. Распишутъ сами трехрублевую бумажку и ей, въ родѣ какъ въ награду, и выдадутъ. Та благодаритъ, а они смѣются: „Дура ты,—говорятъ,—дура! Вѣдь бумажка-то фальшивая. Самъ писалъ...“

Въ это время мы подъѣхали къ казенному болоту. Налѣво стоялъ, насупившись, темный лѣсъ, а направо за поляной чернѣла полоса корявого сосняка. Я велѣлъ Арсенію остановиться. Егеря подъѣхали сзади вплотную, такъ, что ихъ лошадь просунула свою голову къ намъ въ сани.

— Алексѣй, покажи-ка, какъ подвываютъ волковъ!—крикнулъ я.

— Это можно,—отвѣчалъ егерь.

Онъ завылъ такъ, что даже страшно стало. Дико раздавался его голосъ среди пустошей казеннаго болота.

— А можетъ-быть, волки откликнутся?—спросилъ я.

— Кабы они здѣсь были, то безпремѣнно бы откликнулись,—отвѣчалъ егерь.—Ихъ нонеча что-то не видно. Вотъ лѣтось, помню, пришлось мнѣ разъ стоять на мыску лѣса, гдѣ привада лежитъ. Дѣло было зимой. Выводокъ весь разбили днемъ, а ночью начали волки выть: одинъ въ болотѣ, другой вонъ тамъ,—онъ указалъ рукою на лѣсъ,—а третій еще гдѣ-то... Подзываютъ другъ дружку, стало-быть... Жутко! И голоса-то у нихъ, какъ у людей, разные: кто воетъ теноромъ, а кто басомъ. Иной, можно сказать, прямо, въ родѣ, какъ регентъ, воетъ...

Постройка окоповъ мѣстными жителями подъ руководствомъ нижнихъ чиновъ.

Мы тронулись дальше.

Это долгое путешествіе въ саняхъ, ночь, тишина, одиночество, впечатлѣнія, произведенныя Ковылинымъ и разсказами Арсенія, подвываніе волковъ и вся окружающая обстановка расположили меня къ мечтательности. Невольно вспомнились разсказы отца о его собственномъ дѣтствѣ и о житьѣ-бытьѣ умершихъ дѣдушекъ и бабушекъ.

Я невольно перенесся мыслью въ далекое прошлое и почувствовалъ, что дѣлаюсь незамѣтнымъ свидѣтелемъ медленной помѣщичьей жизни въ Никольскомъ.

Вотъ у окна въ спальной, въ лиловомъ капотѣ и кружевномъ чепчикѣ, сидитъ сама Татьяна Борисовна. Въ домѣ, кромѣ нея и старой ключницы Надежды, нѣтъ никого... Всѣми забытая, совсѣмъ одинокая, коротаетъ она здѣсь свою тихую незамужнюю жизнь...

А вотъ за этой плыветъ и другая картина: въ сосѣднемъ медвѣжьемъ углу, въ Стрекаловѣ, за круглымъ столомъ, на которомъ шипитъ самоваръ сидитъ Николай Борисовичъ и рисуетъ трехрублевыя бумажки для Варварушки. Она стоитъ передъ нимъ, дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, что бумажки ненастоящія, и кланяется и благодаритъ за подарокъ.

Чудна ты, Россія! На твоемъ необъятномъ пространствѣ, въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ, живутъ, жили и будутъ жить люди. Исчезли Николаи Борисовичи, Татьяны Борисовны, появились на смѣну Ковылины, которые сравниваютъ предшественниковъ съ насытившимися комарами. И эти пройдутъ, и этимъ дадутъ какое-нибудь подходящее прозвище, а что будетъ?..

Домниха, 22-го февраля 1914 года.

Посмертныя стихотворенія князя Олега Константиновича.

* * *

О, дай мнѣ, Боже, вдохновенье,
Поэта пламенную кровь.
О, дай мнѣ кротость и смиренье,
Восторги, пѣсни и любовь.
О, дай мнѣ смѣлый взглядъ орлиный,
Свободныхъ пѣсенъ соловья,
О, дай полетъ мнѣ лебединый,
Пророка вѣщія слова.
О, дай мнѣ прежнихъ мукъ забвенье
И тихій, грустный, зимній сонъ,
О, дай мнѣ силу всепрощенья
И лиры струнъ печальный звонъ.
О, дай волнующую радость,
Любовь всѣмъ сердцемъ, всей душой...
Пошли мнѣ вѣтреную младость,
Пошли мнѣ въ старости покой.

31 декабря 1903.

* * *

Остатки грозной Византіи,
Постройки древнихъ христіанъ,
Гдѣ пали гордые витіи,
Гдѣ мудрый жилъ Юстиніанъ—
Вы здѣсь, свидѣтели былого,
Стоите въ грозной тишинѣ
И точно хмуритесь сурово
На дряхлой греческой стѣнѣ...
Воспряньте, греки и славяне!
Святыню вырвемъ у враговъ,
И пусть царьградскіе христіане,
Разбивъ языческихъ боговъ,
Поднимутъ крестъ Святой Софіи,
И слава древней Византіи
Да устрашитъ еретиковъ.

1910.

* * *

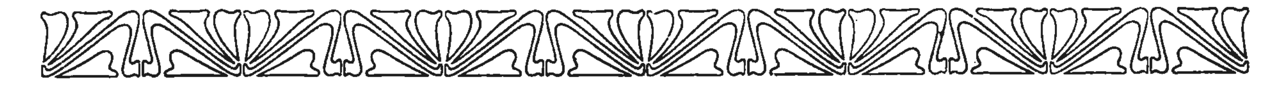
Гроза прошла... Какъ воздухъ свѣжъ и чистъ!
Подъ каплей дождевой склонился скромный листъ,
Не шелохнетъ и дремлетъ упоенный,
Въ небесный дивный даръ влюбленный.
Ручей скользитъ по камешкамъ кремнистымъ,
По свѣжимъ берегамъ, по рощицамъ тѣнистымъ...
Отрадно, въ сырости плѣнительной ручья,
Мечтами унестись за трелью соловья...
Гроза прошла... а вмѣстѣ съ ней печаль,
И сладко на душѣ. Гляжу я смѣло вдаль,
И вновь зоветъ къ себѣ отчизна дорогая,
Отчизна бѣдная, несчастная, святая.
Готовъ забыть я все: страданье, горе, слезы
И страсти гадкія, любовь и дружбу, грезы
И самого себя. Себя ли?.. Да, себя,
О, Русь, страдалица святая, для Тебя.

1911.

* * *

Ужъ ночь надвинулась. Усадьба засыпаетъ...
Мы всѣ вокругъ стола въ столовой собрались,
Смыкаются глаза, но лѣнь намъ разойтись,
А сонный песъ въ углу старательно зѣваетъ.
Въ окно открытое повѣяла изъ сада
Ночная, нѣжная къ намъ въ комнату прохлада...
Колода новыхъ картъ лежитъ передо мною,
Шипитъ таинственно горячій самоваръ,
И вверхъ сѣдой, прозрачною волною
Ползетъ и вьется теплый паръ.
Баюкаетъ меня рой милыхъ впечатлѣній,
И сонъ навѣяла тѣнь сонной старины,
И вспомнился мнѣ пушкинскій Евгеній
Въ усадьбѣ Лариныхъ средь той же тишины.
Такой же точно домъ, такія же каморки,
Портреты на стѣнахъ, иконы во всѣхъ углахъ,
Диваны, зеркала, фарфоръ, игрушки, горки
И мухи сонныя на бѣлыхъ потолкахъ.

Домниха, 1912—1913.



„Ѣроплавна".

Разсказъ **Антона Амнуэля.**

I.

Этотъ громадный нѣмецкій цеппелинъ, ежедневно рѣющій надъ нашимъ расположеніемъ, солдаты, перековеркивая названіе такъ, какъ могутъ дѣлать только они, звали, какъ бабу, „Ероплавной". И дѣйствительно, въ этой тяжелой неповоротливой машинѣ, въ ея грубоватыхъ формахъ, точно у расползшейся купчихи, въ ея манерѣ, поднявшись, долго, почти неподвижно, стоять въ воздухѣ, точно любопытная деревенская „смотница", завороженная уличнымъ происшествіемъ, было что-то бабье. Однако ея работа причиняла немало зла.

Каждое утро, часовъ въ семьвосемь, когда становилось свѣтло и ясно, Ероплавна неторопливо и спокойно выплывала откуда-то съ нѣмецкой стороны и тяжело и прямо направлялась къ намъ.

Стрѣльба по аэроплану.

-- Ну, ползетъ Ероплавна!— говорили солдаты батареи и, перегнувшись въ землянку, кричали:

— Ваше высокоблагородіе, Ероплавна ползетъ!

Штабсъ-капитанъ Михайловъ выходилъ изъ землянки. Приложивъ бинокль къ глазамъ, онъ поднималъ голову и долго, неторопливо смотрѣлъ на темный дынеобразный предметъ, тяжело двигающійся въ воздухѣ. Его губы нервно подергивались и судорожно перекашивались. Этотъ темноглазый, сильный и спокойный человѣкъ при видѣ Ероплавны испытывалъ унизительное состояніе безсильной злобы. Онъ ненавидѣлъ ее всей душой— горячо и остро, какъ живое существо, ворвавшееся въ его жизнь и портившее ее, она издергала ему нервы и отравляла все существованіе. Она была неуловима, и онъ бредилъ ею во снѣ. Оторвавъ бинокль отъ глазъ, онъ оборачивался назадъ и командовалъ своимъ пѣвуче-металлическимъ голосомъ:

— Мор-тир-ная!

Артиллеристы готовились. Иногда штабсъ-капитанъ самъ подходилъ къ орудію и наводилъ, сильно и ласково касаясь его частей, точно гладилъ, какъ лошадь, на которую возлагаютъ надежды передъ скачками... Раздавался гулкій выстрѣлъ, звенѣло въ ушахъ, что-то ухало въ груди. Бѣлый клочокъ, похожій на вату, съ мягкимъ хлопкомъ мгновенно возникалъ около Ероплавны. Секунда,—и она, вздрогнувъ, медленно поднималась выше и спокойно плыла дальше.

— Мортирная! — пѣлъ Михайловъ.

Его голосъ хрипѣлъ, онъ чувствовалъ, что глаза наливаются кровью, руки начинаютъ дрожать... Хрустальную тишину слегка морознаго утра прорывали гулко-ревущіе выкрики озлобленной мортиры. А Ероплавна, суживаясь, превращаясь въ сигару, уходила, возмущающе спокойная, равнодушная и тяжелая, какъ животное.

— Все мимо, ваше высокоблагородіе... — говорилъ наводчикъ Лосевъ.

Михайловъ смотрѣлъ на сѣрое и худое, какъ у лошади, лицо солдата желтыми отъ острой ненависти глазами. Ему казалось, что солдатъ затаенно посмѣивается, хотя онъ и зналъ, что этого нѣтъ, и, едва сдерживая оскорбительное, безсильное озлобленіе, бросалъ сквозь зубы:

— Молчи... дубина!..

II.

Полуротой, назначенной на прикрытіе артиллеріи, командовалъ прапорщикъ Смирновъ. Передъ разсвѣтомъ онъ заглянулъ въ землянку. Михайловъ, закутавшись въ шинель, лежалъ на деревянной самодѣльной койкѣ, устланной соломой и прикрытой чепракомъ, и курилъ. Лицо у него было хмурое и злое.

— Здравствуйте!—улыбаясь, какъ всегда, всѣмъ своимъ круглымъ, благодушно насмѣшливымъ лицомъ, громко сказалъ Смирновъ.

Михайловъ поднялся быстро, точно его укололо, и посмотрѣлъ на прапорщика какимъ-то испуганнымъ, растеряннымъ взглядомъ. И по нему Смирновъ понялъ, что штабсъ-капитана всецѣло и мучительно заняло нѣчто важное и значительное.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.

— Ахъ, это вы, Смирновъ?—передохнувъ, сказалъ наконецъ Михайловъ.— Садитесь, голубчикъ. Чаю не хотите ли?

Онъ всталъ съ койки, мучительно перекосивъ лицо, видимо стараясь улыбнуться. И эта гримаса держалась долго, точно онъ забылъ про нее.

— Вы знаете, она меня издергала,— заговорилъ онъ хрипящимъ голосомъ, и Смирновъ понялъ, что рѣчь идетъ о Ероплавнѣ.—Я больше ни о чемъ не могу думать. Она уже кажется мнѣ не аппаратомъ, не вещью, а живой, настоящей, злой.

— Такъ на ней люди...

— Что—люди! Она сама... понимаете, сама, эта чортова дыня, эта сигара. Мнѣ кажется, она сама сознательно издѣвается надо мной, именно надо мной, а я ничего не могу подѣлать, я безсиленъ. Это меня мучитъ и оскорбляетъ, какъ пощечина. Я готовъ съ ума сойти отъ этого, чортъ ее дери!— закричалъ онъ вдругъ такимъ тонкимъ, отчаянно злымъ, почти плачущимъ голосомъ, что Смирновъ даже испугался.— Я съ ума сойду!

Онъ выпилъ холоднаго чаю изъ алюминіевой кружки и, опять криво улыбаясь, легъ на койку.

— Вы знаете, такое состояніе я ис-

Аэропланъ летитъ!

Стрѣльба по аэроплану. По фот. полковника С. Л.

пытывалъ только однажды, когда мнѣ попалась какая-то дьявольски-упрямая лошадь. Я ее и ласкалъ, и билъ, билъ до самозабвенія... но она все-таки упрямо стояла на мѣстѣ, или ложилась на землю вмѣстѣ со мной. Вѣрите, я тогда не вытерпѣлъ и застрѣлилъ ее... А теперь, скажите пожалуйста, кого же мнѣ застрѣлить, разъ мы не можемъ подбить Ероплавну... Себя, что ли? Да, чортъ подери, этимъ, кажется, и кончится!

„Онъ боленъ, боленъ..." — думалъ Смирновъ, вглядываясь въ похудѣвшее, землистое лицо Михайлова и его желтые глаза.

Изъ-за узкой дощатой двери землянки показалось лошадиное лицо наводчика Лосева.

— Ваше высокоблагородіе. Ероплавна ползетъ!

Михайловъ вскочилъ и сталъ торопливо шарить около себя бинокль.

— Что? Ероплавна? Чудесно! Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой...—напѣвая, обратился онъ къ Смирнову, и тому очень не понравилось это странное и неестественное оживленіе.— Я это чувствую, голубчикъ! Кто-нибудь одинъ: или она, или я.— И, уже выходя изъ землянки, онъ звонко закричалъ, обращаясь къ Лосеву:— Огонь, братецъ, огонь!

III.

Солнце шло съ затылка, навстрѣчу Ероплавнѣ, и освѣщенный имъ аппаратъ, еще очень небольшой, на фонѣ свѣтло-голубого прозрачнаго неба вырисовывался четко и ясно.

Бинокль Михайлова шелъ за нимъ, какъ метрономъ за солнцемъ. Офицеру казалось, что онъ видитъ людей. Когда же Ероплавна выросла, онъ опустилъ бинокль, и въ хрустальной, сторожкой тишинѣ свѣтло-холоднаго утра твердо и увѣренно прозвучалъ его металлическій, пѣвучій голосъ:

— Мортирная!

Соображая прицѣлъ, онъ подошелъ къ орудію, поднявшему къ небу свое тупое жадное жерло, и черезъ минуту отрывисто и крѣпко скомандовалъ:

— Огонь!

— Ба-бахъ!—рявкнула мортира.

Команда стояла неподвижно, поднявъ къ небу лица. И этотъ короткій промежутокъ времени, прошедшій до того момента, когда въ воздухѣ должно было вспыхнуть бѣлое облачко, показался вѣчностью... Но никакого облачка не вспыхнуло.

„Неужели не разорвался?" — подумалъ о снарядѣ Михайловъ, чувствуя, какъ краска заливаетъ его щеки. Злоба, отчаяніе, почти ужасъ нахлынули на него, какъ потокъ. Ему страшно и стыдно было посмотрѣть на солдатъ.

— Ваше высокоблагородіе,—весело сказалъ около него Лосевъ: — а вѣдь попало! Ей-Богу. Прямо въ бокъ.

Михайловъ мелькомъ взглянулъ на улыбающееся лицо наводчика, которое показалось ему очень милымъ и пріятнымъ, и онъ какъ-то очень быстро подумалъ, что бранилъ его совершенно напрасно,—и перевелъ взглядъ на Ероплавну. Отъ волненья у него сжимало сердце мягкими тисками.

Ероплавна, шедшая бокомъ къ орудію, поднимаясь, медленно поворачивалась носомъ. А около нея таялъ легкій, едва видный дымокъ.

— Внутри лопнулъ! — какимъ-то жуткимъ отъ радости голосомъ крикнулъ Михайловъ и увидѣлъ, какъ Смирновъ, полусогнувшись, бѣжитъ по ходу сообщенія къ своимъ окопамъ. Это потомъ ему казалось очень смѣшнымъ.—Ворочается, каналья! Теперь труднѣй попасть будетъ. Но давай огонь, братцы!.. Огонь!

Передъ выстрѣломъ онъ закрылъ глаза и смутно подумалъ:

„Если попадетъ — хорошо, живъ буду, а не попадетъ—все пропало..."

Въ темнотѣ закрытыхъ глазъ прыгали какія-то огненныя точки и зигзагообразныя черточки, точно проворные червячки, и время тянулось безконечно. Онъ открылъ глаза только послѣ выстрѣла, когда надъ самымъ его ухомъ Лосевъ сказалъ: „Готово, спущается..." Затараторили радостные голоса солдатъ. Свѣтъ почти ослѣпилъ его, утро казалось прекраснымъ. Онъ чувствовалъ себя такъ радостно, какъ это бываетъ послѣ болѣзни.

Ероплавна, какъ-то странно съежившись и поднявъ одну сторону кверху такъ, какъ поджимаетъ птица подбитое крыло, сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе опускалась внизъ, неподалеку отъ окоповъ охраняющей пѣхоты. Оттуда, встрѣчая ее, мягко, точно картавя, трещали торопливые выстрѣлы. А сбоку, изъ-за рощи, скакало пятеро казаковъ.

Михайловъ облегченно вздохнулъ и, разслабленно улыбаясь, тяжело опустился около орудія.

IV.

Теперь было ясно видно, какъ громадна Ероплавна. Она походила на баржу и тонула, какъ она, только вмѣсто воды кругомъ былъ свѣжій и прозрачный воздухъ. Но она опускалась не на чистое мѣсто, а на группу деревьевъ. Съ нѣмецкой стороны по деревьямъ торопливо бахнули три-четыре выстрѣла: тамъ, видимо, сообразили, что теперь тутъ могутъ быть русскіе. Но потомъ остановились. Изъ окоповъ вылѣзли солдаты и, держа винтовки наперевѣсъ, спотыкаясь, торопливо бѣжали къ мѣсту паденія цеппелина, и было въ нихъ движеніяхъ что-то радостно-возбужденное, живое. Точно свалилась съ плечъ какая-то громадная тяжесть. Казаки щелкали винтовками, не сходя съ сѣдла.

Михайловъ смотрѣлъ на эту сцену съ необъяснимо-сложнымъ чувствомъ спокойствія и возбужденія, усталости и радостнаго волненія.

Черезъ минуту корзина Ероплавны грузно опустилась на верхушку деревьевъ. Что-то блеснуло быстрымъ золотистымъ лучомъ. А шаръ, обезсилѣвъ, сморщился и распластывался по вѣтвямъ, его складки развѣшивались и цѣплялись по нимъ. Было ясно видно, что тамъ сидятъ восемь человѣкъ. Опять вспыхнулъ огонь— нѣмцы хотѣли поджечь дирижабль.

— Сходите, сдавайтесь!—крикнулъ по-нѣмецки Смирновъ.

Но нѣмцы, перегнувшись черезъ перила, отвѣтили выстрѣлами изъ револьверовъ.

— Залпомъ ихъ, залпомъ... какъ воробьевъ!—съ мѣста закричалъ Михайловъ.

Ему хотѣлось вскочить, побѣжать туда и что-то сдѣлать рѣшительно и быстро, чтобы только скорѣе кончить эту измучившую его возню.

Стрѣльба по аэроплану. По фот. полковника С. Л.

Опять затрещали выстрѣлы. Солдаты стрѣляли съ колѣнъ и стоя—они были совершенно открыты. Неожиданно они увидѣли, какъ коричневая тѣнь змѣей скользнула по дереву, и нѣмецъ торопливо, видимо не сознавая, что онъ дѣлаетъ, побѣжалъ куда-то по открытому мѣсту.

— Дуракъ, вѣдь тамъ все равно наши окопы!—по-русски закричалъ ему Михайловъ. Все равно!..

Догнавшій казакъ съ лошади стукнулъ его прикладомъ по загорбку, и тотъ упалъ, выбросивъ впередъ руки. Другой казакъ, видимо раненый, выронивъ винтовку, скатился съ лошади и сталъ подниматься, опираясь на руку. Но не смогъ приподняться и такъ, лежа на боку, кричалъ что-то, махая свободной рукой. Къ нему побѣжалъ солдатъ и вдругъ, точно споткнувшись, упалъ на землю, повозился, словно поудобнѣе устраивался передъ сномъ, и затихъ. Но выстрѣлы изъ корзины рѣдѣли—тамъ, видимо, всѣ были переранены. Солдаты уже открыто и смѣло бѣжали къ Ероплавнѣ, подъ деревья, торопливо карабкались по вѣтвямъ.

V.

Въ корзинѣ Ероплавны были штабный офицеръ, летчикъ, механикъ и пятеро солдатъ, двоихъ изъ которыхъ убили при перестрѣлкѣ. Всѣ были переранены, кромѣ штабнаго. О поимкѣ ихъ Михайловъ телефонировалъ въ штабъ дивизіи, и оттуда отвѣтили, чтобы плѣнниковъ доставили вечеромъ. Раненые нѣмецкіе солдаты и механикъ, перевязанные, лежали гдѣ-то въ землянкахъ и спали. А летчикъ и штабный офицеръ сидѣли у Михайлова, къ которому опять пришелъ Смирновъ и командиръ сосѣдней батареи—Власовъ, большебородый тучный человѣкъ, коротконогій и неподвижный, съ широкимъ и добродушно-насупленнымъ, какъ у ворчливаго старика, лицомъ. Всѣ они сидѣли около деревяннаго стола на какихъ-то обрубкахъ и на койкѣ и пили чай изъ большого мѣднаго чайника, при чемъ штабный нѣмецъ все время брезгливо морщился. Это былъ очень высокій, худой человѣкъ съ узкимъ, вытянутымъ вверхъ лбомъ и гладко прилизанными висками, уже немолодой. Онъ говорилъ глухимъ, мертвымъ голосомъ, едва шевеля своими поднятыми кверху, рыжеватыми и уже сѣдѣющими, усами, медленно поворачивалъ продолговатое сухое лицо, и его водянисто-голубоватые глаза были холодно-неподвижны, какъ это бываетъ у остро-ненавидящихъ и упорныхъ въ своей ненависти людей. Авіаторъ, еще молодой человѣкъ съ тонкими чертами бритаго лица и крупнымъ острымъ носомъ, сидѣлъ въ углу съ закрытыми глазами. Онъ былъ раненъ въ плечо и, видимо, порой забывался въ дремотѣ. Разговоръ шелъ по-русски—нѣмцы понимали.

— Аппаратъ вашъ сѣлъ среди нашего расположенія,—говорилъ штабному Михайловъ, уже чувствующій, что начинаетъ раздражаться отъ возмущающихъ отвѣтовъ этого сухого офицера.—Вамъ оставалось только одно: сдаться. Однако вы этого не сдѣлали, а открыли огонь. Зачѣмъ?

— Мы рѣшили дорого продавать свою жизнь,—отвѣтилъ тотъ.

— Да, батенька мой, никто на вашу жизнь и не покушался,—сочнымъ, пѣвучимъ теноромъ вставилъ Власовъ.—Вы же отлично знаете, что русскіе плѣнныхъ не убиваютъ. Ну?

Нѣмецъ отвелъ глаза и перекосилъ губы, видимо не желая отвѣчать.

— Конечно, отлично знаете...—подхватилъ Михайловъ.—А разъ такъ, то какой смыслъ въ этой вашей пальбѣ? Поймите, что здѣсь война, а не бойня. И смерть—только печальная необходимость. А вы безъ нужды ранили нашего казака, убили солдата, заставили насъ,—именно заставили,—убить двухъ вашихъ и всѣхъ васъ переранить...

— Кромѣ его самого...—иронически вставилъ Власовъ.

— Умирать—нашъ долгъ. Убить врага—такъ надо,—холодно отвѣтилъ нѣмецъ.

— Ну, вотъ, вотъ... Въ этомъ наше различіе. Мы убиваемъ только по необходимости, не затѣмъ, что просто надо убить, потому что передъ нами врагъ, а потому, что надо что-то сдѣлать, и это безъ чьей-то смерти не обойдется. Мы неповинны ни въ одной капли безцѣльно пролитой крови.

— Это есть пустое слово, слабое слово. Врагъ онъ—врагъ. Его надо убивать всегда. По-другому думаютъ только русскіе, слабое сердце.

— А по-вашему?

— Я говорилъ: надо кончать всякій врагъ, всякій.

— Даже мирнаго жителя?

— Какой мирный житель?—Нѣмецъ изумленно поднялъ брови.

— Мы деремся только съ солдатами, но не трогаемъ рабочихъ, фермеровъ, женщинъ.

— Нѣтъ? Но это какъ хотите. Это всѣ—врагъ.

— Значитъ, и ихъ?..

— Все равно.

Михайловъ опять почувствовалъ, какъ у него перекашиваются губы. А холодный голосъ нѣсколько оживившагося нѣмца звучалъ однотонно, ровно до тошноты...

VI

— Все равно. Убивать врагъ надо всегда, вездѣ. Старикъ, золдатъ, женщинъ—все равно. Въ ваша армія приходитъ маленькій мальчикъ—онъ все равно врагъ. Онъ имѣетъ въ рукѣ винтовка, онъ стрѣляетъ. У него большая пуля, она приноситъ большая рана, она будетъ убивать большой золдатъ. О, сколько много разъ я былъ надъ ваши войска! Вотъ эта самая рука сколько я кидалъ сверху бомба! Сколько смотрѣлъ!

— Ну, корректируйте огонь, кидайте бомбы въ войска, но вы бываете надъ городомъ...

— О, это я! Я кидалъ туда маленькій снарядъ — очень часто. Я все ломалъ—ваша кирха и домъ, тамъ все равно врагъ. Онъ видитъ сломанный кирха — его сердце больно. Это пусть. Пасторъ говоритъ въ кирха слово, отъ этого сердце дѣлается горячее. Мы сломаемъ домъ, тамъ женщина, она дѣлаетъ ваша рубашка, вашъ обѣдъ. Хо! Какой есть человѣкъ золдатъ, какой не золдатъ есть? Всѣ на война. Всѣхъ надо убрать. Мы брали вашъ городъ Калишъ, онъ сталъ германскій городъ. Но ваши люди бѣжалъ оттуда и опять стали русскій золдатъ. Въ Калишѣ онъ былъ безъ мундиръ, онъ пришелъ въ ваша армія, надѣвалъ мундиръ, сталъ золдатъ и стрѣляетъ въ насъ. Его надо было убивать въ Калишъ. Мы все беремъ, мы завоевали и земля, и городъ, и которая въ немъ есть веща, одежда, золото, картина,—все. Это мы такъ имѣемъ право. Вы такъ не хотите, это есть ваше дѣло, это ваше слабое сердце...

— Да, ужъ васъ въ излишней снисходительности упрекнуть нельзя... — заговорилъ-было Власовъ иронически и, мелькомъ взглянувъ на Михайлова, остановился.

Съ перекошеннымъ лицомъ, внимательно и остро глядя на нѣмецкаго офицера, Михайловъ, не сходя съ мѣста, доставалъ изъ кобуры револьверъ.

— Голубчикъ, что вы?—крикнулъ Власовъ, бросаясь къ нему.

Передъ его глазами мелькнуло блестящее бѣлое дуло, судорожно сжатая рука. Рѣзко щелкнуло, блеснулъ огонь. Михайловъ что-то крикнулъ. Авіаторъ широко раскрытыми глазами, испуганными и непонимающими, смотрѣлъ на него. А штабный офицеръ сидѣлъ совершенно спокойно, попрежнему прислонившись къ стѣнѣ и положивъ на край стола свою узкую съ синими жилками руку. Полузакрывъ глаза, точно усталый, онъ только опустилъ голову, и то, что изъ виска его медленно вытекали большія красныя капли, казалось страннымъ и случайнымъ.

— Готовъ философъ? — какъ-то очень спокойно спросилъ Михайловъ. И вдругъ, обращаясь къ Власову, заговорилъ сердито:—Если это преступленіе,—арестуйте меня, чортъ возьми. Но я не могъ иначе, онъ довелъ меня. Я былъ на войнѣ и честно бился съ врагомъ, а это дикій кабанъ какой-то, я—на облавѣ на кабана. И считаю, что морально я правъ. Считаю себя правымъ. Да-съ.

И протянулъ револьверъ товарищу.

К. Е. Маковскій.

(Портр. на стр. 747).

Русскій художественный міръ понесъ тяжкую утрату—тѣмъ болѣе тяжкую, что она явилась трагической по своей обстановкѣ. 17-го сентября скончался знаменитый русскій художникъ, профессоръ исторической живописи, одинъ изъ столповъ русскаго искусства, Константинъ Егоровичъ Маковскій.

Покойному было уже свыше семидесяти лѣтъ отъ роду. Но онъ былъ полонъ жизни, бодрости, чувства. Съ чисто-юношеской энергіей онъ продолжалъ работать, и въ его громадной мастерской не было застоявшихся, остывшихъ произведеній. Кисть художника не лежала праздно, творчество его жило и искрилось. Богатырская натура этого замѣчательнаго человѣка и художника отгоняла всякую мысль о близкой смерти.

И, навѣрное, еще долго прожилъ бы К. Е. Маковскій, если бы смерть не пришла къ нему кривыми путями, обманувъ его силы, здоровье, его рѣдкую удачу вездѣ и во всемъ. Художникъ сдѣлался жертвой нелѣпой, безсмысленной случайности: онъ ѣхалъ на извозчикѣ къ себѣ въ мастерскую по Большому проспекту Петроградской Стороны, лошадь, испугавшись чего-то, налетѣла на трамвай. К. Е. Маковскій выпалъ изъ пролетки на мостовую, получилъ сотрясеніе мозга и рану въ височной области. Его подняли, отвезли въ больницу. Въ первое время думали, что этотъ случай не окажется для него роковымъ, тѣмъ болѣе, что въ больницѣ К. Е. Маковскій пришелъ въ сознаніе и довольно связно разсказалъ, что съ нимъ случилось. Но вскорѣ положеніе раненаго быстро ухудшилось, онъ впалъ снова въ безсознательное состояніе, бредилъ, никого не узнавалъ—и къ вечеру 17-го сентября скончался.

Неожиданная, обидная въ своей нелѣпости и случайности, смерть оборвала долгую, яркую и богатую содержаніемъ жизнь. К. Е. Маковскій былъ свидѣтелемъ не одной какой-либо эпохи, а нѣсколькихъ. Тропининъ, Бруни, Брюлловъ были его учителями и современниками. Отъ нихъ онъ перешелъ къ другому этапу въ исторіи русскаго искусства — къ передвижничеству.

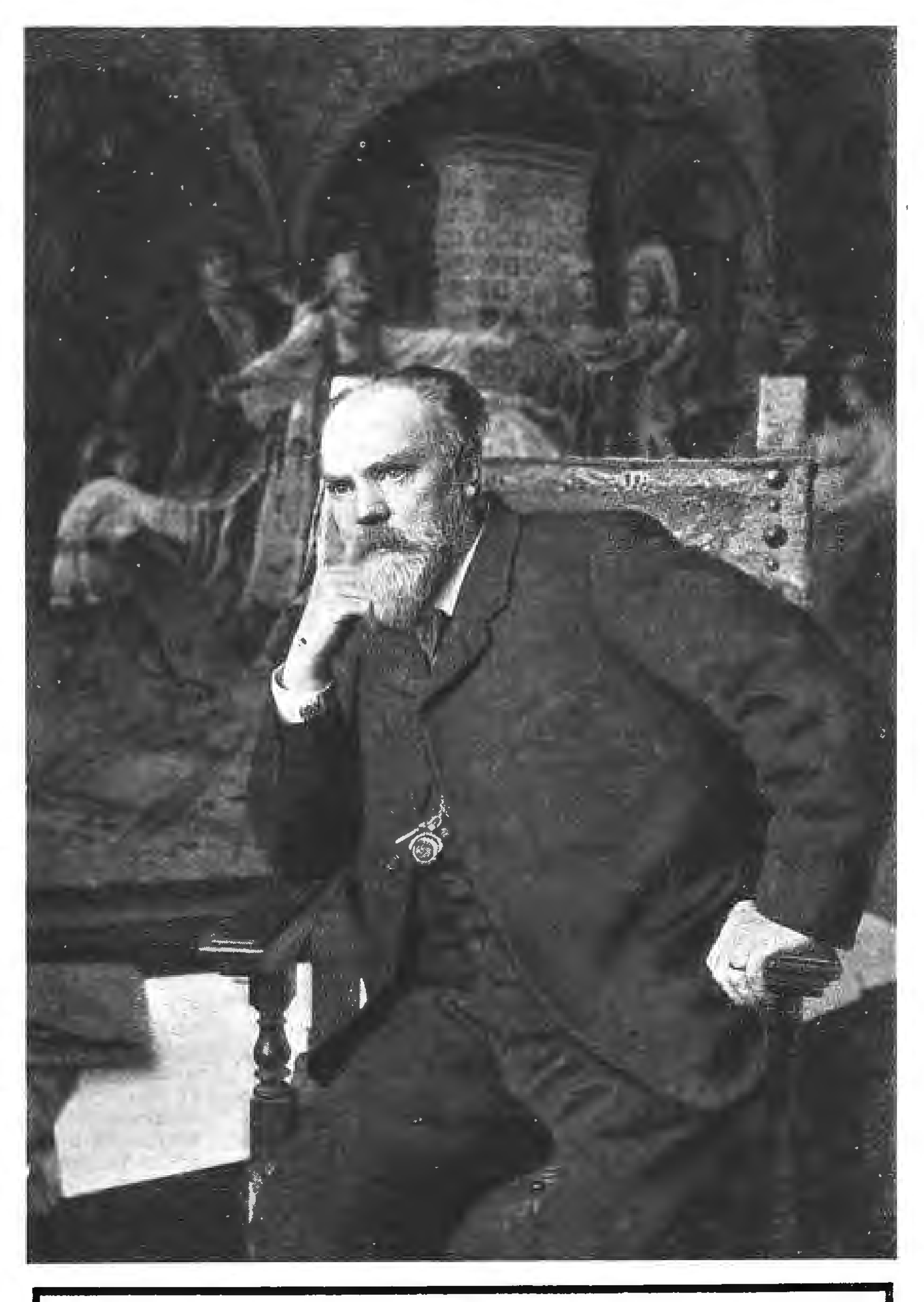
Въ жизни К. Е. Маковскій былъ какъ бы звеномъ между двумя мірами — старой до-севастопольской Россіей и Россіей шестиде-

сятыхъ годовъ. Родившись въ 1839 году, онъ видѣлъ и глубокій застой дореформеннаго времени, и крѣпостное право, и паденіе крѣпостничества, и эпоху великихъ реформъ. То, о чемъ мы знаемъ изъ книгъ, какъ сухую исторію, онъ видѣлъ своими глазами. И послѣдніе свои годы онъ являлся истиннымъ Маѳусаиломъ среди новыхъ поколѣній и новыхъ событій, оставаясь все-таки близкимъ новымъ поколѣніямъ и новымъ жизненнымъ явленіямъ и горячо отзываясь на все живое.

То, что сдѣлалъ К. Е. Маковскій для искусства — для русскаго искусства — не поддается быстрому учету. Число его произведеній громадно: изъ простого перечня его работъ выросла бы цѣлая обширная статья. Какъ художникъ, онъ имѣлъ чрезвычайно опредѣленное „свое лицо", будучи совершенно независимымъ отъ какихъ-либо теченій и направленій въ искусствѣ. Онъ умѣлъ всегда сохранять свою независимость, свой стиль, свою манеру.

Характерной особенностью творчества К. Е. Маковскаго была любовь къ колориту, къ декоративности, къ помпезной яркости. Онъ любилъ русскую боярскую старину и въ бытѣ того времени цѣнилъ прежде всего, именно, пышную красивость и цвѣтистость. Одною изъ наиболѣе типичныхъ картинъ, — типичныхъ для всего его творчества, — является знаменитый „Поцѣлуйный обрядъ" (въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III). Въ этой картинѣ отразились съ наибольшей яркостью всѣ стороны таланта К. Е. Маковскаго: внѣшняя красота, обиліе дѣйствующихъ лицъ, необычайное богатство аксессуаровъ и общій широкій розмахъ въ трактовкѣ сюжета. Столь же типичными для покойнаго художника являются многочисленные портреты и безчисленныя граціозныя головки боярышенъ, цыганокъ, итальянокъ...

Откладывая до слѣдующей статьи въ № 42 „Нивы" обзоръ жизни и дѣятельности К. Е. Маковскаго, упомянемъ о томъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ тринадцати протестантовъ, которые первые стали на борьбу съ рутиной и закоснѣлостью дореформенной Академіи Художествъ и, выйдя изъ нея до формальнаго завершенія академическаго искуса, создали новое русское искусство. Онъ былъ въ числѣ основателей знаменитой „артели", изъ которой выросло потомъ общество „передвижниковъ". Онъ вмѣстѣ съ Крамскимъ, Рѣпинымъ и другими свѣтилами нашей живописи, впервые обратился къ русскому быту, къ русской исторіи, ко всему тому, что сверкало кругомъ нихъ въ солнцѣ жизни, и что отвергалось и презиралось старой Академіей, признававшей только миѳологическіе, античные, библейскіе и другіе „высокіе" сюжеты.



Константинъ Егоровичъ Маковскій. (1839—1915).

Въ лицѣ К. Е. Маковскаго ушелъ изъ этого міра большой человѣкъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Большой по размѣрамъ своего дарованія, по широтѣ своего духа, по грандіозности своихъ работъ, по діапазону всей своей долгой и богатой жизни. Такіе люди бываютъ предназначены для долгихъ лѣтъ и для нѣсколькихъ поколѣній.

Нашъ журналъ потерялъ въ К. Е. Маковскомъ своего перваго сотрудника, — перваго, даже просто въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Нужно замѣтить, что рисункомъ К. Е. Маковскаго, помѣщеннымъ въ № 1 нашего журнала въ первый его журнальный годъ, началась „Нива". И послѣ того безсмѣнно почти полвѣка покойный художникъ сотрудничалъ въ „Нивѣ" и былъ дѣятельнымъ членомъ нашей редакціонной семьи.

Колоссальное художественное наслѣдство, оставшееся послѣ покойнаго, разсѣяно по всему міру. Его картины имѣются въ Западной Европѣ, въ Америкѣ. Къ сожалѣнію, какъ это бываетъ всегда съ крупными художниками, подавляющее большинство его произведеній находится въ частныхъ рукахъ и извѣстно широкой публикѣ лишь по гравюрамъ и репродукціямъ.

Какъ человѣкъ, К. Е. Маковскій отличался рѣдкими душевными качествами. Его отзывчивость, его широкое гостепріимство, его стремленіе къ самому широкому общенію съ окружающими уже давно сдѣлались достояніемъ легендъ. Онъ очень многое бралъ отъ жизни, но едва ли не большее давалъ своимъ окружающимъ и отъ своего таланта и отъ всѣхъ сокровищъ своей пышной, яркой и красивой жизни.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Переходъ въ наступленіе французовъ и загорающійся пожаръ на Балканахъ въ значительной степени повліяли на операціи австро-нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ. До сихъ поръ австро-нѣмцы, начиная съ весны, имѣли возможность сосредоточивать всѣ свои усилія исключительно на нашемъ фронтѣ, вслѣдствіе значительнаго затишья на западномъ фронтѣ, неопредѣленности положенія на итальянскомъ фронтѣ и длительной позиціонной войны въ Дарданеллахъ.

Еще до удара французовъ было замѣтно значительное ослабленіе германскаго нажима на нашемъ фронтѣ. Это было вызвано не только упорнымъ сопротивленіемъ нашихъ войскъ, но также и тѣмъ обстоятельствомъ, что дипломатія и стратегія знали, что слѣдуетъ ожидать съ минуты на минуту ряда крупныхъ событій на Балканахъ, и австро-нѣмцы дѣятельно къ этому готовились. Ударъ французовъ заставилъ еще болѣе настороженться нашихъ противниковъ и вынудилъ ихъ занять выжидательное положеніе на всѣхъ фронтахъ великой войны, въ томъ числѣ и на нашемъ, впредь до выясненія событій.

Такимъ образомъ главный театръ военныхъ дѣйствій, между Двинскомъ и Пинскими болотами, неминуемо долженъ былъ временно перестать быть объектомъ главныхъ усилій противниковъ.

Прежде всего наши противники бросились въ сторону западнаго фронта и сдѣлали рядъ попытокъ, чтобы пріостановить начавшееся наступленіе англо-французовъ. Съ этой цѣлью на западномъ фронтѣ были сосредоточены ближайшіе резервы этого фронта изъ Бельгіи, а затѣмъ, какъ видно изъ французскихъ официальныхъ сообщеній, на западномъ фронтѣ оказались части прусской гвардіи, бывшія до этого, какъ извѣстно, на нашемъ фронтѣ въ составѣ арміи Макензена.

При такихъ условіяхъ, можно было уже опредѣленно установить, что ударъ англо-французовъ, невзирая на то, что они завладѣли лишь первыми позиціями нѣмцевъ, достигъ въ извѣстной степени намѣченной стратегической цѣли, а именно, нѣмцы вынуждены были сдѣлать первые шаги къ переброскѣ войскъ съ восточнаго фронта на западный. Правда, повидимому, было переброшено немного, но важно то, что съ восточнаго фронта было взято нѣкоторое количество войскъ именно въ тотъ моментъ, когда германское наступленіе, продолжающееся уже пятый мѣсяцъ, ослабѣло и нуждалось обязательно въ притокѣ свѣжихъ силъ. Между тѣмъ, вмѣсто притока свѣжихъ силъ на восточный фронтъ, нѣмцамъ пришлось даже убавить и тѣ силы, которыя тамъ были и которыя уже сами по себѣ считались нѣмцами недостаточными для того, чтобы вести пятый мѣсяцъ наступательныя операціи.

Слѣдовательно, въ окончательномъ видѣ можно установить, что французское наступленіе, хотя и не имѣло слѣдствіемъ полный прорывъ германскаго фронта на западѣ, тѣмъ не менѣе достигло своей стратегической цѣли въ томъ отношеніи, что оказало значительное вліяніе на наступательную операцію нѣмцевъ на востокѣ.

Не меньшее значеніе имѣли, какъ мы указали выше, развертывающіяся событія на Балканахъ. На этомъ театрѣ положеніе австро-нѣмцевъ и союзниковъ далеко неодинаково. Существенная разница заключается въ томъ, что союзники скорѣе, нежели австро-нѣмцы, могутъ удѣлить часть своихъ силъ для того, чтобы повернуть ходъ военныхъ операцій на Балканахъ въ свою пользу.

Правда, въ печати появлялись свѣдѣнія о томъ, что одинаково и австро-нѣмцы готовятъ армію въ 300 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Макензена для операцій на Балканскомъ полуостровѣ, и также сообщалось о томъ, что союзники готовятъ десантъ въ Салоникахъ Однако, имѣются вполнѣ опредѣленныя данныя, на основаніи которыхъ можно предполагать, что австро-нѣмцы не въ состояніи выдѣлить никакихъ войскъ ни съ восточнаго фронта ни съ западнаго. Вообще, если бы у австро-нѣмцевъ были какія-либо свободныя войска, то они несомнѣнно были бы гдѣлибо на восточномъ фронтѣ, либо на западномъ, ибо на томъ и на другомъ фронтѣ положеніе нашего противника неудовлетворительно. Про западный фронтъ послѣ французскаго наступленія доказывать это не приходится, а относительно восточнаго фронта можно сказать вполнѣ опредѣленно, что, разъ противникъ не выполнилъ „программы перваго года войны", т.-е. не дошелъ до верховьевъ Днѣпра въ могилевскомъ раіонѣ, то его планъ наступленія на русскомъ театрѣ, разсчитанный на два года, не можетъ быть выполненъ.

Уже одни эти соображенія должны были бы вынудить австронѣмцевъ послать всѣ свои свободныя войска либо на западный фронтъ, либо на восточный, и, если они этого не сдѣлали, то это значитъ, что у нихъ никакихъ свободныхъ войскъ не имѣется, какъ и вообще никогда при большомъ напряженіи операцій не имѣется ни одного „лишняго батальона". Слѣдовательно, если бы австро-нѣмцы хотѣли послать 300 тысячъ на сербскій фронтъ, то они это должны были бы сдѣлать за счетъ войскъ западнаго и восточнаго фронтовъ, т.-е. еще болѣе ухудшить свое положеніе на этихъ фронтахъ, чего также ожидать нельзя.

Это было фактомъ огромнаго значенія, и всю важность этой, сравнительно, небольшой переброски можно было прежде всего увидѣть на томъ, что австро-германское наступленіе на нашемъ фронтѣ сразу потеряло всякую силу и весьма явно ослабѣло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ противникъ, вынужденный ослабить свое наступленіе на восточномъ фронтѣ ради западнаго фронта, все же оказался недостаточно сильнымъ для того, чтобы возстановить на западномъ фронтѣ свое прежнее положеніе и парализовать послѣдствія удара англо-французовъ. Нѣмцы повели рядъ настойчивыхъ контръ-атакъ во всѣхъ трехъ раіонахъ, гдѣ англофранцузы овладѣли ихъ первыми позиціями, т.-е. въ Шампани, въ Артуа и противъ расположенія англійскихъ войскъ. Кромѣ того, нѣмцы произвели рядъ атакъ въ Вогезахъ и въ Аргоннахъ.

Такимъ образомъ, одновременно съ ослабленіемъ германскаго натиска на нашемъ фронтѣ, заговорили пушки по всей линіи западнаго фронта, почти отъ Сѣвернаго моря до Вогезъ. Однако большинство германскихъ атакъ было отбито, и нѣмцы не достигли никакого успѣха ни въ Вогезахъ, ни въ Аргоннахъ, ни въ Шампани.

Въ Артуа и на англійскомъ фронтѣ противникъ при помощи ряда яростныхъ атакъ чуть продвинулся впередъ, а именно: какъ видно изъ официальныхъ сообщеній англійскаго фельдмаршала Френча, нѣмцы снова овладѣли большей частью Гогенцоллернскаго редута (на англійскомъ фронтѣ), а на французскомъ фронтѣ, согласно официальнымъ сообщеніямъ отъ 21-го сентября, „непріятелю удалось вновь утвердиться на перекресткѣ пяти дорогъ".

Изъ этого можно видѣть, что главный прорывъ, произведенный французскими войсками въ Шампани, не былъ устраненъ нѣмцами, невзирая на всѣ ихъ усилія, а только на сравнительно второстепенномъ участкѣ—въ Артуа—имъ удалось овладѣть главнымъ редутомъ своей прежней позиціи, но уже, конечно, совершенно разрушеннымъ, и небольшимъ узломъ мелкихъ дорогъ. Поэтому положеніе нашего противника на западномъ фронтѣ попрежнему продолжало оставаться недостаточно устойчивымъ. Это, въ свою очередь, подразумѣвало новыя атаки противника на западномъ фронтѣ съ цѣлью возстановить свое положеніе, а вслѣдствіе этого противникъ едва ли могъ предпринять новый нажимъ на восточномъ фронтѣ. Послѣднее вполнѣ понятно изъ того, что одновременно вести крупныя операціи на обоихъ фронтахъ—западномъ и восточномъ—вообще невозможно, ибо основные принципы военнаго дѣла требуютъ сосредоточенія главныхъ усилій только въ одномъ направленіи, на одномъ театрѣ.

Эти соображенія заставляютъ предполагать съ большой увѣренностью, что наши противники не въ состояніи выдѣлить сколько-нибудь значительныхъ силъ безъ опасенія проиграть слишкомъ много на тѣхъ главныхъ театрахъ, гдѣ рѣшаются судьбы войны. Если такого рода свѣдѣнія появляются въ печати, то въ нихъ нужно видѣть продолженіе тѣхъ демонстративныхъ угрозъ, которыя мы слышимъ уже въ теченіе всего года войны, а именно угрозъ „начать наступленіе противъ Сербіи". За весь годъ, въ теченіе котораго появляются эти слухи неоднократно, они ни разу не сбылись, ибо австро-нѣмцы просто не въ состояніи удѣлить войскъ съ главнаго театра, гдѣ рѣшаются судьбы войны, и поэтому можно считать, что и сейчасъ нѣмцы также, по той же непрекращающейся причинѣ, не выдѣлятъ значительныхъ силъ противъ Сербіи.

Въ совершенно иномъ положеніи находятся союзники. Правда, и у нихъ не имѣется свободныхъ войскъ въ томъ смыслѣ, что каждый солдатъ вообще, прежде всего, нуженъ на главномъ фронтѣ. Однако въ основное положеніе, что „войска прежде всего нужны на главномъ театрѣ", нужно внести по отношенію къ союзникамъ два существенныхъ корректива. Во-первыхъ, союзники обороняются, и, слѣдовательно, при оборонѣ войска могутъ быть скорѣе выдѣлены, чѣмъ при наступленіи, когда нужно развивать успѣхъ. Кромѣ того, союзниками уже достигнуты нѣкоторые существенные успѣхи на западномъ фронтѣ, выразившіеся въ занятіи первыхъ позицій германцевъ, и это также даетъ союзникамъ скорѣе возможность выдѣлить часть войскъ для Балканъ, чѣмъ нѣмцамъ, которымъ нужно возстановить свое испорченное стратегическое положеніе.

Второй коррективъ — это то обстоятельство, что у союзниковъ вообще имѣются, до нѣкоторой степени, свободныя войска въ видѣ итальянскихъ войскъ. Значительная итальянская армія, въ условіяхъ горной войны на итальянскомъ фронтѣ, не можетъ развернуть всѣхъ своихъ силъ, и, вслѣдствіе этого, операціи какъ въ Трентино, такъ и въ области Тріеста ведутся итальянцами лишь частью силъ, а главнымъ образомъ при содѣйствіи многочисленной артиллеріи.

Слѣдовательно, у итальянцевъ имѣется довольно значительная масса войскъ въ общемъ стратегическомъ резервѣ, откуда они могутъ выдѣлить безъ значительнаго ущерба часть силъ для операцій на Балканахъ и въ Дарданеллахъ. Конечно, это связано съ нѣкоторыми сложными политическими проблемами, вѣроятно, съ необходимыми компенсаціями, которыя желательны итальянцамъ на Балканахъ. Но теперь, когда на Балканахъ завязывается узелъ весьма крупныхъ событій, можно предполагать, что политическіе вопросы будутъ разрѣшены, и это развяжетъ руки союзной стратегіи, которая сможетъ воспользоваться частью итальянскихъ войскъ, какъ главнымъ ядромъ союзной арміи на Балканахъ и въ Дарданеллахъ.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за октябрь 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за октябрь 1915 г. съ 51 рис., отдѣльный листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 27 рис. выпилки по дереву.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 41 — XLVI г. изданія

Выданъ 10-го октября 1915 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина" кн. 10.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ всякій, выписавшій **„Механическую пропись“.** Новость въ каллиграфіи. Цѣна съ пересылкой 85 к., нал. плат. 95 коп. Адр.: **Москва,** ред. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. 3779 4-1

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1/1 кус. 50 к. 1/2 кус. 30 к.
3581 7-3

ВНИМАНІЕ!

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ поддѣлокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
ПЕТРОГРАДЪ.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ, МАЛОКРОВНЫХЪ, НЕРВНЫХЪ

ГЕМАТОГЕНЪ д-ра ГОММЕЛЯ

РУССКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
испытанное укрѣпляющее средство. 3785
ЦѢНЫ НЕ ПОВЫШЕНЫ. Имѣется Вездѣ.
Заводъ Гематогена д-ра Гоммеля, Петроградъ, Смоленская ул., соб. д.

ШКОЛА РИСОВАНІЯ,

ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.

Мнимая „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“, даемъ возможность всѣмъ **„заочно“ научиться рисованію** и живописи подъ руководств. лучшихъ педагоговъ для собственнаго удовольствія или для какихъ-либо практическихъ цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіяся къ области искусства. **„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“** издается подъ редакціей проф. Акад. Худож. **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового,** при участіи **И. Е. Рѣпина,** проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ больш. формата, роскошно-иллюстрир. красочн. и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 50 к. (за налож. платеж. 25 к.).

3781 Подробные проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО. 2-1

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская ул., 44—40.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

8796 8-1

ДОСТИГАЕТЕ ВЫ,

если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюж. паръ чулокъ и носковъ или если Вы желаете работать для продажи и также для собственныхъ надобностей. Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ **„ВИКТОРІЯ“,** предлагаютъ лучшія цѣны. **„ВИКТОРІЯ“** вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина **„ВИКТОРІЯ“** стоитъ 150 р. Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. ◆ Работа—постоянная.
Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40/42—11 в. ЛОНДОНЪ, Е. С. 114 Leadenhall St.

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ И ПРОИЗВОДСТВЪ и КНИГИ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ и медицинѣ; Юридическіе справочники и др.

Аэроплановъ устройство съ 120 рис. и чертежами — 80 к. Воздухоплаваніе: устройство различныхъ летательныхъ аппаратовъ съ 63 рис. — 1 р. 25 к. Полный курсъ столярнаго ремесла съ 100 рис. — 40 к. Полировка, шлифовка, лакировка и др. отдѣлки деревян. изд.—50 к. Протрава и окраска дерева въ разные цвѣта—50 к. Зеркальное производство (наводка зеркалъ) — 30 к. Луженіе, паяніе, никкелированіе и эмалированіе съ рис. — 30 коп. Сапожное ремесло съ 34 рис. — 40 к. Починка резиновыхъ галошъ, велосипедныхъ шинъ — 20 к. Кустарь-ремесленникъ — 30 к. Переплетное ремесло съ 19 рис. — 30 к. Золоченіе, серебреніе и вороненіе металловъ и деревянныхъ предметовъ съ 13 рис. — 30 к. Кондитеръ-практикъ— 35 к. Квасоваръ-практикъ и приготовленіе шипучихъ напитковъ — 35 к. Пивоваръ-практикъ — 35 к. Винодѣліе съ рис.—50 к. Сжатый и жидкій воздухъ съ рис.—25 к. Таксировка грузовъ — 35 к. ЗАКРОЙЩИКЪ-ПРАКТИКЪ съ массой чертежей и рисунковъ — 5 рубл. Мыловаръ-практикъ съ рис.—40 к. Рыболовство—всѣ виды рыбной ловли съ рис. — 30 к. Малярное дѣло—полный курсъ — 1 р. 50 к. Какъ сдѣлать бумагу и ткани непромокаемыми — 10 к. Токарное ремесло съ рис. — 30 к. Фотографъ-практикъ съ 45 рис.—40 к. Консервированіе и стерилизація овощей и фруктъ — 25 к. Стерилизованіе и консервированіе мясныхъ и рыбныхъ консервовъ — 25 к. Руководство для любителей электротехники съ 27 рис.—30 к. Торфъ и его значеніе съ рис. — 1 р. **Книги по сельскому хозяйству:** Скотолѣчебникъ — 30 к. Свиноводство — 15 к. Куроводство—15 к. Пчеловодство—15 к. Живая доходная изгородь — 25 к. Садоводство и огородничество—30 к. Полеводство—удобреніе полей и луговъ— 30 к. Самоучитель земледѣлія — 30 к. Какъ улучшить и увеличить урожай — 30 к. Какъ увеличить землевладѣніе и землепользованіе — 45 к. Какъ самому сдѣлать барометръ — 5 к. Уходъ за комнатными растеніями съ рис. — 50 к. Крестьянскій садъ съ рис.— 25 к. Справочная книжка по сельскому хозяйству— 45 к. Ботинировка овецъ — 50 к. Уходъ за домашними растеніями—50 к. Крестьянскій садъ съ рисунками—25 к. Справочная книга крестьянина — 45 к. **Юридическія книги и справочники:** Полный дѣловой юридическій справочникъ. Формы прошеній и проч. цѣна 1 р. 50 к. Адвокатъ деревенскій — 30 к. Юридическое наставленіе крестьянамъ, какъ укрѣпить землю въ собственность — 35 к. Адвокатъ-практикъ (большой томъ)—2 р. Пенсіонная касса служащ. на жел. дор. станц.—50 к. Проектъ условій о службѣ на казенныхъ жел. дорогахъ съ приложеніями—60 к. Справочная книжка желѣзнодорожника—30 к. Законъ о вознагражденіи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ — 30 к. Новый уставъ о воинской повинности—15 к. Служба на желѣзн. дорогахъ — 60 к. Новый законъ о волостномъ судѣ—50 к. Новый законъ о землеустройствѣ съ послѣдними разъясненіями — 1 р. 50 к. **Книги по медицинѣ и гигіенѣ:** Цвѣтникъ-травникъ (цѣлебныя травы и растенія) съ рисунками — 1 р. 50 к. Травникъ-самолѣчебникъ—50 к. Народный лѣчебникъ — 1 р. Лѣчебникъ секретныхъ болѣзней—1 р. 25 к. Венерическія болѣзни д-ра Бремeнца—50 к. Малокровіе и блѣдная немочь — 25 к. Родовспомогательное искусство съ рис. — 1 р. 60 к. Чахотка и ея лѣченіе — 40 к. Основы питанія и діэтики — 40 к. Съ требованіями обращаться: **Москва, П. Комисаренко, Уланскій пер., д № 30-4.**

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Размѣнные бумажные знаки (Отъ министерства финансовъ). Въ теченіе настоящей войны въ Россіи, какъ и въ другихъ воюющихъ государствахъ, обнаружился, подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ, недостатокъ размѣнной монеты въ народномъ обращеніи. Предвидя возрастаніе спроса на мелкіе денежные знаки, министерство финансовъ еще въ самомъ началѣ войны приступило къ усиленной чеканкѣ размѣнной монеты, значительно увеличивъ данные Монетному двору наряды на размѣнное серебро. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный банкъ весьма широко шелъ навстрѣчу усиленному требованію населенія размѣнной серебряной монеты, выпустивъ ея за истекшее время войны по 1-е августа 1915 года около 30.000.000 рублей, что превышаетъ болѣе, чѣмъ въ десять разъ, выпуски этой монеты въ предшествующіе годы (въ 1911 году—2,4 милл. руб., въ 1912 г.—2,1 милл. руб., въ 1913 г.—3,1 милл. руб.). Тѣмъ не менѣе спросъ на размѣнную серебряную монету продолжался почти повсемѣстно и достигъ въ послѣднее время исключительно крупныхъ размѣровъ. Выпускъ въ обращеніе размѣннаго серебра въ теченіе одного лишь августа мѣсяца составилъ болѣе 13 милл. рублей.

Недостатокъ и исчезновеніе изъ оборота мелкой размѣнной монеты не можетъ быть достаточно быстро устранено усиленіемъ выпуска ея въ обращеніе, вслѣдствіе препятствій техническаго характера.

Чтобы устранить продолжающійся недостатокъ размѣнныхъ денегъ и удовлетворить крупный спросъ на нихъ со стороны населенія, министерство финансовъ рѣшило выпустить въ обращеніе временно, впредь до того, какъ Монетный дворъ изготовитъ достаточное количество монеты, размѣнные бумажные знаки, о чемъ ходатайствовали уже различныя городскія общественныя управленія.

Нынѣ министерство финансовъ приступаетъ къ выпуску размѣнныхъ марокъ, пользуясь готовымъ образцомъ знакомыхъ населенію почтовыхъ марокъ, выпущенныхъ ко дню юбилея царствованія Дома Романовыхъ, достоинствами въ 20, 15 и 10 копеекъ, напечатанныхъ для удобства обращенія на болѣе плотной бумагѣ и снабженныхъ на оборотѣ, въ отличіе отъ обыкновенныхъ почтовыхъ марокъ, пояснительною надписью: «имѣетъ хожденіе наравнѣ съ серебряной размѣнной монетой».

Указанныя размѣнныя марки приравниваются по своей платежной силѣ къ размѣнной серебряной монетѣ. Подобно послѣдней, обязательный пріемъ размѣнныхъ марокъ частными лицами ограничивается суммой трехъ рублей при каждомъ платежѣ. Правительственныя же кассы обязаны принимать ихъ во всѣхъ платежахъ на неограниченную сумму.

Уплата таможенныхъ сборовъ размѣнными марками не допускается на суммы, указанныя въ уставѣ таможенномъ для серебряной монеты, т.-е. на сумму менѣе одного рубля (Уст. Тамож., изд. 1910 г., разд. II, ст. 482, п. 3).

И одинъ въ полѣ воинъ. Приводимъ назидательный примѣръ того, что можетъ сдѣлать одинъ энергичный человѣкъ.

По предложенію мѣстнаго священника, жители Никитскаго погоста Московской губерніи внесли священнику въ теченіе нѣсколькихъ дней 2.060 р. золотой монетой. Деньги сданы въ московскую контору Государственнаго Банка.

Контръ-блокада. Нѣмцы, какъ извѣстно, возлагали громадныя надежды на блокаду Англіи, надѣялись отрѣзать ее отъ остального міра. Какъ показываютъ цифры, результатъ получился совершенно неожиданный: благодаря этой блокадѣ, отрѣзанной оказалась не Англія, а сама Германія.

Приводимъ офиціальныя цифры сѣверо-американскаго статистическаго бюро за январь, февраль и мартъ нынѣшняго года. Въ мартѣ, какъ извѣстно, начала дѣйствовать блокада.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты вывезли въ Германію въ январѣ на шесть съ половиной милліоновъ долларовъ, въ февралѣ—на пять милліоновъ долларовъ, а въ мартѣ, съ началомъ блокады, только на 284.000 долларовъ. Такимъ образомъ съ началомъ блокады вывозъ въ Германію уменьшился въ двадцать разъ, а между тѣмъ этотъ вывозъ былъ особенно цѣненъ для Германіи, такъ какъ ввозились изъ Америки почти исключительно пищевые продукты и сырье.

По сравненію съ годами до войны, эта цифра американскаго ввоза въ Германію совершенно ничтожна: она въ сто разъ меньше нормальнаго за тѣ же мѣсяцы прошлыхъ лѣтъ. Съ апрѣля наблюдается еще дальнѣйшее паденіе цифръ, и такимъ образомъ оказывается, что, объявивъ блокаду Англіи, Германія совершенно прекратила ввозъ американскихъ товаровъ, понятно, не по собственному желанію, а какъ результатъ контръ-блокады англійскаго флота.

Побѣда бѣловѣжскихъ зубровъ. Какъ мы сообщали въ «Откликахъ войны», Бѣловѣжская пуща оказалась въ сферѣ района, который въ стратегическихъ цѣляхъ былъ нами оставленъ. Передъ отходомъ, зубры, эти вымирающіе рѣдкіе звѣри, были выпущены на свободу. Нынѣ они встрѣтились съ тоже постепенно вымирающими звѣрями—германцами.

Пріѣзжающіе съ фронта офицеры разсказываютъ о любопытномъ столкновеніи большого стада зубровъ съ ротой нѣмецкихъ солдатъ.

Обычно мирныя животныя, привыкшія къ болѣе или менѣе предупредительному къ себѣ отношенію, зубры были изумлены неожиданной встрѣчей съ вооруженными людьми.

На мгновеніе зубры остановились, какъ вкопанные, и, широко растопыривъ ноги, стали глазѣть на нѣмцевъ съ тревожнымъ ворчаньемъ.

Противникъ зубровъ тоже опѣшилъ, очевидно, никогда не видавъ подобныхъ лѣсныхъ чудищъ, а наиболѣе робкіе изъ солдатъ даже попятились-было назадъ, хотя испуганные зубры, стоявшіе отъ роты шагахъ въ двадцати, и не намѣревались трогаться съ мѣста.

И только выстрѣлъ нѣмецкаго поручика, вздумавшаго поохотиться на рѣдкихъ звѣрей, вывелъ обѣ стороны изъ тупика. Выстрѣлъ оказался мѣткимъ, и одинъ зубръ упалъ на землю.

Стадо шарахнулось въ сторону, но затѣмъ быстро вслѣдъ за вожакомъ съ налитыми кровью глазами, вскlоченной шерстью, зубры ринулись стремительно на растерявшихся нѣмцевъ.

Нѣмецкіе штыки буквально ломались подъ натискомъ широкихъ лбовъ зубровъ, а безпорядочные выстрѣлы еще болѣе возбуждали неистовую ярость лѣсныхъ чудищъ, которыя, прыгая и топча нѣмцевъ, положительно рвали и метали все, что ни попадалось имъ, на куски.

Паническій ужасъ овладѣлъ германцами, когда они увидѣли, что бо̀льшая часть ихъ товарищей валяется съ разбитыми головами, проломленной грудью и искалѣченными руками и ногами.

Только человѣкъ двадцать изъ роты нѣмцевъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣли, благодаря тому, что, потерявъ въ первыя минуты столкновенія свое оружіе, бросились наутекъ.

Такъ лѣсные звѣри расправились съ культурными звѣрями.

Изъ рядовъ зубровъ выбыло штукъ восемь.

Одинъ изъ бѣжавшихъ отъ мести зубровъ германскій солдатъ, спустя нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ лѣсными чудищами, былъ взятъ нашими въ плѣнъ и разсказалъ свои впечатлѣнія допрашивавшему его штабному офицеру.

Союзныя силы растутъ, непріятельскія—падаютъ. Интересный цифровой подсчетъ соотношенія силъ союзныхъ и непріятельскихъ армій сдѣланъ въ парижской газетѣ «Matin». Подсчетъ этотъ имѣетъ цѣлью доказать, что сила войсковыхъ массъ постепенно измѣняется въ пользу державъ союзниковъ.

Авторъ беретъ за исходную точку своихъ вычисленій 1-е августа 1914 г. по новому стилю. Германія долго и тщательно, съ присущими нѣмецкому народу методичностью и предусмотрительностью, готовилась къ моменту вооруженнаго единоборства съ тѣми, кто стоитъ на ея пути къ міровому владычеству. Поэтому въ рѣшительную минуту, несмотря на то, что она наступила нѣсколько раньше, Германія оказалась во всеоружіи, и всѣ ея механизмы сразу же получили полное напряженіе. Если можно выразить степень мощи ея коэффиціентомъ, то онъ выразился цифрой 100.

Въ худшемъ значительно состояніи оказались тѣ, кому объявила войну Германія.

Франція была въ періодѣ преобразовательнаго кризиса, новая организація арміи была только намѣчена, финансы были поколеблены. Все то, чѣмъ сильна Германія, включая и идеальную постановку шпіонажа и провокаціи, все это у французовъ было не на высотѣ, если можно такъ выразиться объ этихъ низкихъ способахъ германскихъ завоеваній.

Англія располагала арміей всего въ 150.000 человѣкъ.

Россія имѣла огромную и реформированную армію, но промышленность ея, которой предстояла главнѣйшая роль, была плохо организована и развита.

Это сознавали члены антигерманской коалиціи. Если выразить цифрами ихъ боевую готовность по отношенію къ Германіи, то онѣ будутъ таковы: Германія—100, Франція—25, Англія—5 и Россія—25, всего 55 противъ 100.

Прошло 13 мѣсяцевъ войны. Германія, не переставая, напрягала всѣ силы сразу же мобилизованнаго механизма, и въ настоящее время осталась самое большее половина этихъ силъ. Союзники проявили колоссальную энергію и принялись за использованіе своихъ рессурсовъ только тогда, когда у Германіи они были уже значительно использованы.

Германія истощила свои финансы и бросила въ бой послѣдніе резервы. Франція отъ коэффиціента 25 достигла теперь 75-ти. Англія отъ 5-ти перешла къ 50-ти, а Россія, только еще расправляющая свои гигантскія силы, уже дошла до 35-ти. (Надо полагать, что эта цифра французскаго военнаго статистика преуменьшена).

Въ общемъ, военная мощь Германіи и воюющихъ съ нею державъ выражается такъ: Германія 50, Франція 75, Англія 50 и Россія 35. Всего 160 противъ 50.

Такъ рѣзко измѣнилось соотношеніе силъ Германіи и ея противниковъ.

Воздушная перевозка нѣмецкихъ раненыхъ. Въ Вогезскихъ горахъ нѣмцы провели прочные стальные кабели между горными вершинами и перевозятъ посредствомъ электрической тяги по этимъ кабелямъ въ небольшихъ подвѣсныхъ вагонеткахъ своихъ раненыхъ. Получается огромное сокращеніе времени. Вмѣсто того, чтобы затрачивать нѣсколько часовъ на ѣзду по горнымъ дорогамъ до лазарета, раненые въ нѣсколько минутъ совершаютъ воздушное

путешествіе надъ долинами, пропастями и горными склонами и достигаютъ лазарета.

Небывалая награда небывалаго подвига. Въ 105-мъ пѣхотномъ Оренбургскомъ полку сестра милосердія Мира Михайловна Иванова, невзирая на уговоры офицеровъ и брата, полкового врача, все время работала, перевязывая раненыхъ подъ страшнымъ огнемъ непріятеля. 9-го сентября, когда командиръ и офицеры 10-й роты были убиты, она собрала къ себѣ солдатъ и бросилась съ ними на окопъ, который взяла, и тутъ же раненая скончалась, оплакиваемая всѣмъ полкомъ.

Государю Императору благоугодно было за столь безпримѣрный подвигъ, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ, содѣянный сестрой милосердія Мирой Михайловной Ивановой, запечатлѣнный ея смертью, наградить доблестно погибшую офицерскимъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Такое награжденіе—фактъ небывалый. За эту кампанію былъ цѣлый рядъ случаевъ, когда сестры милосердія награждались Георгіевскими медалями и Георгіевскими крестами. Однако онѣ жаловались исключительно такъ называемыми солдатскими Георгіевскими крестами.

Награжденіе сестры милосердія Ивановой офицерскимъ крестомъ св. Георгія 4-й степени—первый случай за нынѣшнюю войну. Не было такихъ случаевъ и за прошлыя войны.

Подвигъ рядового Николая Алексѣева. Какъ увѣковѣчено въ русскихъ народныхъ сердцахъ славное имя рядового Василія Рябова,—героя-мученика русско-японской войны, такъ навѣки прославлено будетъ имя рядового Николая Алексѣева. Нѣсколько нашихъ героевъ, которымъ удалось вырваться изъ вражескаго плѣна, сообщаютъ о выдающейся неустрашимости и высокомъ пониманіи своего долга и любви къ родинѣ, проявленныхъ рядовымъ 82-го Дагестанскаго пѣхотнаго полка, Николаемъ Алексѣевымъ, во время его нахожденія въ плѣну у австрійцевъ.

Николая Алексѣева, вмѣстѣ съ другими нашими плѣнными, австрійцы заставляли строить укрѣпленія и рыть окопы.

Зная, что эти работы направлены противъ насъ, онъ рѣшительно отказался принимать въ нихъ участіе. Всякими мученіями и истязаніями старались австрійцы заставить Алексѣева подчиниться своему требованію, но цѣли своей не добились. Наиболѣе тяжелымъ мученіемъ, которому подвергся Алексѣевъ, было слѣдующее:

Алексѣева поставили спиною къ дереву на нѣсколько кирпичей, положенныхъ одинъ на другой, связали ему въ щиколкахъ ноги бечевкой, подвѣсивъ послѣднюю на вбитый на этой высотѣ въ дерево гвоздь, и слабо привѣсили туловище къ дереву. Затѣмъ кирпичи вытащили, такъ что Алексѣевъ оказался подвѣшеннымъ на гвоздѣ. Такъ его держали минутъ двадцать, при чемъ въ то же время австрійскій офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ все время грозилъ смертью. Зрѣлище было тягостное, и отъ него отворачивались даже караульные австрійцы.

Когда послѣ этого Алексѣевъ отказался рыть окопы, его увезли въ одинъ изъ высшихъ штабовъ для суда и посадили въ тюрьму.

Поведеніе Н. Алексѣева произвело сильное впечатлѣніе какъ на всѣхъ плѣнныхъ, такъ и на самихъ австрійцевъ.

Между прочимъ, офицеры при тюрьмѣ, гдѣ содержался Алексѣевъ, выводя своихъ заключенныхъ, арестованныхъ за пьянство и т. п. проступки, ставили на лѣвый флангъ шеренги Алексѣева и, браня и укоряя своихъ австрійцевъ, называя ихъ за ихъ недостойное поведеніе «внутренними врагами государства», въ то же время ставили имъ въ примѣръ русскаго Алексѣева, проявившаго столько преданности родинѣ.

По возвращеніи Алексѣева изъ заключенія, онъ снова отказывался рыть окопы, несмотря на то, что австрійцы убѣждали его, что эти окопы не предназначаются противъ русскихъ.

Послѣ этого Алексѣева увезли въ лагери военноплѣнныхъ, и дальнѣйшая его участь неизвѣстна.

О геройскомъ поведеніи Николая Алексѣева въ плѣну было доложено Его Величеству Государю Императору.

Его Величеству благоугодно было повелѣть сообщить на родину Алексѣева о его подвигѣ и принять мѣры къ выясненію его судьбы.

Николай Алексѣевъ родомъ Казанской губерніи, Цивильскаго уѣзда, Тебердинской волости, деревни Старый Кармаловъ.

Слово стараго солдата. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко получилъ слѣдующее письмо съ приложеніемъ золотой солдатской медали:

«Ваше высокопревосходительство, милостивѣйшій государь Михаилъ Владиміровичъ. Покорнѣйше прошу простить за мою дерзость, которую симъ вамъ причиняю: я прочелъ въ газетѣ «Новое Время», что при Государственной Думѣ учреждается комитетъ по сбору золота для нуждъ нашей горячо любимой Родины, и я, какъ сынъ нашего отечества и какъ патріотъ дорогой нашей Родины, при семъ прилагаю для усиленія нашей казны свою золотую медаль, за которую я прослужилъ 27 слишкомъ лѣтъ, неся трудную и отвѣтственную обязанность фельдфебеля строевой артиллерійской роты. Съ радостью ее посылаю и думаю хоть чѣмъ-нибудь помочь нашей дорогой и самоотверженной арміи, въ которую я также отдалъ своихъ трехъ горячо любимыхъ сыновей добровольцами, которые самоотверженно исполняютъ честно и храбро свой долгъ въ трехъ родахъ оружія: старшій, студентъ-технологъ, служитъ машинистомъ на кораблѣ, на Черномъ морѣ, второй—командиръ четвертой роты ... пѣхотнаго полка, и третій ... въ пулеметно-автомобильномъ взводѣ шоферомъ. У послѣдняго уже два раза автомобиль разбитъ артиллерійскими снарядами. Но ихъ, т.-е. моихъ сыновей, еще Богъ хранитъ—живы и здоровы, и думаю, что возвратятся и закончатъ свое образованіе. Кромѣ того, и двѣ дочери несутъ обязанности по уходу за ранеными нижними чинами, въ качествѣ сестеръ милосердія. И я такъ убѣжденъ, что, если мы всѣ будемъ дружно и самоотверженно работать, а также и со словъ моего сына, который пробылъ все время въ окопахъ на прусскомъ фронтѣ, былъ на-дняхъ у меня дома (онъ контуженъ), теперь опять уѣхалъ въ свой славный полкъ, заключаю, что мы безусловно побѣдимъ, лишь бы у насъ были боевые припасы и оружіе. На фронтѣ духъ превосходный. Только бы тылъ работалъ съ ними заодно и дружно.

Мое мнѣніе таково, что, если бы поставили въ извѣстность всѣхъ старыхъ солдатъ, у которыхъ имѣются такія же медали, они бы ихъ отдали и тѣмъ обогатили бы казну. Я думаю, что такихъ бы много нашлось.

О полученіи покорнѣйше прошу не отказать извѣстить меня, такъ какъ посылки часто теряются и не доходятъ».

Слѣдуетъ подпись.

Молодежь не выдержала. По сообщенію германской «Фоссовой Газеты» на лекціи профессора исторіи Краммера въ Страсбургскомъ университетѣ произошелъ страшный скандалъ: профессоръ, читавшій новую исторію, началъ излагать исторію упадка нравовъ во Франціи и Англіи. Вдругъ профессора прервали возмущенные голоса: «А нарушеніе нейтралитета Бельгіи? А убійство женщинъ и дѣтей? А потопленіе «Лузитаніи»? А германскіе шпіоны? А уничтоженіе Лувена и Реймса?»

Начался страшный шумъ, и завязалась свалка. Оказалось, что всѣ эти непріятныя напоминанія исходили отъ студентовъ эльзасцевъ и датчанъ, раздраженныхъ клеветою, взводимой на Францію и Англію германскимъ историкомъ. Свалка длилась долго, при чемъ были пущены въ ходъ перочинные ножи и револьверы. Убито трое и нѣсколько человѣкъ ранено. Въ свалкѣ пострадалъ и самъ профессоръ, получившій двѣ звонкія пощечины отъ студента эльзасца, Людовика Дегерена. Этотъ студентъ, по распоряженію военныхъ властей, былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ смертной казни.

По представленію ректора университета, Вильгельмъ замѣнилъ смертную казнь пятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ въ военной тюрьмѣ въ Кобленцѣ.

Въ настоящее время въ канцелярію университета подано 400 прошеній отъ студентовъ эльзасцевъ, датчанъ и поляковъ объ исключеніи ихъ изъ списковъ студентовъ. Мотивомъ исключенія студенты ставятъ то, что «въ науку нѣмецкіе профессора вмѣшиваютъ гнусную политическую пропаганду».

Новая эра въ нашей педагогіи. Графъ П. Н. Игнатьевъ издалъ 28-го сентября с. г. циркуляръ, который долженъ преобразовать въ корнѣ жизнь нашей средней школы и увѣковѣчить его имя въ исторіи нашей педагогіи. Приводимъ этотъ знаменательный призывъ къ учащимъ и отъ души желаемъ, чтобы его идеи воодушевили нашихъ педагоговъ къ выполненію тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя предуказаны министромъ.

«Грозныя событія, взволновавшія Россію и нарушившія обычный ходъ государственной и общественной жизни, не могли не отразиться на измѣненіи нормальнаго теченія и жизни школы, внеся въ нее нѣкоторое разстройство и создавъ значительныя затрудненія для педагогической работы.

«Сознавая всю трудность веденія сложнаго и отвѣтственнаго учебнаго дѣла при сложившихся такимъ образомъ обстоятельствахъ, министерство считаетъ необходимымъ обратиться къ педагогическимъ совѣтамъ учебныхъ заведеній съ горячимъ призывомъ приложить всѣ силы къ тому, чтобы создать такую внутреннюю атмосферу, при которой нарушеніе нормальнаго хода школьной жизни и переживанія нынѣшняго историческаго момента послужили бы на пользу нравственнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія. Необходимо сохранить всю силу спокойствія и энергіи, чтобы ни на одну минуту не забывать, что въ такіе дни, которые переживаетъ наша родина, накопленіе духовныхъ цѣнностей имѣетъ сугубо важное значеніе и помогаетъ съ избыткомъ возмѣстить тѣ потери, которыя приходится нести Россіи.

«Относясь съ должнымъ довѣріемъ къ педагогическимъ совѣтамъ и предоставляя имъ широкій починъ въ изысканіи мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію школьной жизни, министерство не можетъ не указать, что педагогическій трудъ будетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ менѣе будетъ онъ формаленъ и чѣмъ болѣе будетъ проникнутъ чуткой благожелательностью и искреннимъ стремленіемъ итти навстрѣчу духовнымъ нуждамъ ввѣреннаго ихъ попеченію молодого поколѣнія.

«Признавая, что школа должна взять на себя не только обученіе, но и, главнымъ образомъ, воспитаніе юношества, министерство считаетъ необходимымъ подчеркнуть, что воспитательное вліяніе школы отнюдь не должно заключаться во внѣшнемъ только надзорѣ и въ дисциплинарныхъ взысканіяхъ за проступки, а, напротивъ, въ предупрежденіи проступковъ и въ мѣрахъ моральнаго воздѣйствія, выработка каковыхъ должна занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ постоянныхъ обсужденіяхъ педагогическихъ совѣтовъ.

«Сухой контроль знаній путемъ сравнительно рѣдкаго спрашиванія урока и формальной оцѣнки отвѣта той или иной цифровой отмѣткой долженъ уступить мѣсто другой, болѣе справедливой оцѣнкѣ, являющейся результатомъ всей совокупности впечатлѣній, получающихся отъ внимательнаго и всесторонняго изученія индивидуальныхъ особенностей каждаго воспитанника.

«Министерство обращаетъ вниманіе педагогическихъ совѣтовъ на эту сторону учебной жизни и предлагаетъ имъ обсудить вопросъ о цѣлесообразности цифровой оцѣнки познаній учащихся, и тамъ, гдѣ эта система будетъ признана не достигающей цѣли, выработать другіе способы контроля, твердо памятуя, что школа призвана къ тому, чтобы стремиться выпустить изъ своихъ стѣнъ питомца не съ тѣмъ или инымъ количествомъ разныхъ отмѣтокъ въ аттестатѣ, а съ необходимымъ запасомъ полезныхъ навыковъ и знаній, важныхъ для жизни.

«Формальное, чисто внѣшнее прохожденіе курсовъ, предусмотрѣнныхъ программами, не должно имѣть мѣста въ школѣ. Многопредметность и перегруженность программъ, отрицательныя стороны которыхъ вредно отражались на задачахъ школы и въ спокойное время, еще острѣе чувствуются теперь, когда условія момента усугубляютъ трудность прохожденія курса въ размѣрахъ, указанныхъ программами.

«Министерство, имѣя въ виду искорененіе указанныхъ недостатковъ при проведеніи въ жизнь намѣченныхъ преобразованій школы, считаетъ однако необходимымъ, не ожидая осуществленія предполагаемаго переустройства всей системы учебно-воспитательнаго дѣла, теперь же предложить педагогическимъ совѣтамъ обратить вниманіе на облегченіе прохожденія курсовъ путемъ примѣненія существующихъ программъ, выдѣляя изъ всего обширнаго матеріала, въ нихъ заключающагося, лишь существенно необходимое и важное.

«Предлагая эти общія указанія, министерство выражаетъ твердую надежду, что педагогическіе совѣты въ великихъ событіяхъ, переживаемыхъ нашей родиной, почерпнутъ ту энергію и тотъ духовный подъемъ, которые дадутъ имъ силы, невзирая на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, съ полнымъ самообладаніемъ стремиться къ достиженію высокой цѣли воспитанія сыновъ Великой Родины и вѣрноподданныхъ Государя».

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатьевъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 41. Выходитъ еженед. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. **Литерат. и попул.-научн. прил.,** 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 10 октября 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина“ кн. 10.

М. Д. Челышевъ.

(Портр. на этой стр.).

Михаилъ Дмитріевичъ Челышевъ, извѣстный поборникъ народной трезвости, скончался въ Самарѣ 13-го сентября с. г., 49 лѣтъ отъ роду.

Происходя изъ крестьянъ, М. Д. занимался въ Самарѣ малярными работами; въ 1906 году былъ избранъ отъ города Самары членомъ Государственной Думы 3-го созыва.

Примкнувъ къ партіи октябристовъ, М. Д. Челышевъ пріобрѣлъ себѣ огромную популярность своими пламенными рѣчами съ думской трибуны, имѣвшими всегда одну опредѣленную цѣль—неустанную проповѣдь борьбы за трезвую Россію.

Первое выступленіе М. Д. Челышева въ Государственной Думѣ произвело огромное впечатлѣніе. На каѳедрѣ появился человѣкъ богатырскаго роста и сложенія, въ русской поддевкѣ, и громкимъ, увѣреннымъ голосомъ, съ широкимъ, могучимъ жестомъ повѣдалъ „лучшимъ русскимъ людямъ“ о страшнѣйшемъ злѣ на Руси—народномъ пьянствѣ.

Рѣчь Челышева будила и убѣждала своей задушевной искренностью. Живыя, вопіющія цифры были основой его рѣчей. Онъ доказывалъ, что Россія пропиваетъ ежегодно одинъ милліардъ наличными деньгами, второй милліардъ теряетъ на пьяныхъ прогулахъ, а третій милліардъ—на разрушаемомъ здоровьѣ, на вырожденіи дѣтей, на ростѣ преступности.

Челышева многіе заочно считали утопистомъ, мечтателемъ, но стоило послушать его пламенную рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы, въ комиссіи по разработкѣ законопроекта о борьбѣ съ пьянствомъ, или въ публичныхъ засѣданіяхъ обществъ,—чтобы уйти съ твердой вѣрой въ осуществимость его идей.

Жизнь утѣшила М. Д. Челышева—его „утопія о трезвости“ стала дѣйствительностью, и подстерегавшая его смерть дала ему послѣднюю радость увидѣть исполнившейся мечту его жизни—„пьянство, павшее по манію Царя“.

Самара, въ которой М. Д. состоялъ городскимъ головою, высоко цѣня заслуги М. Д., въ чрезвычайномъ засѣданіи городской думы 15-го сентября с. г. единогласно постановила соорудить памятникъ-бюстъ М. Д. Челышеву, помѣстить его портретъ въ думскомъ залѣ, устроить музей по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ, учредить три стипендіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и переименовать Саратовскую улицу въ Челышевскую.

Членъ Государственной Думы М. Д. Челышевъ.
† 13-го сентября с. г.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

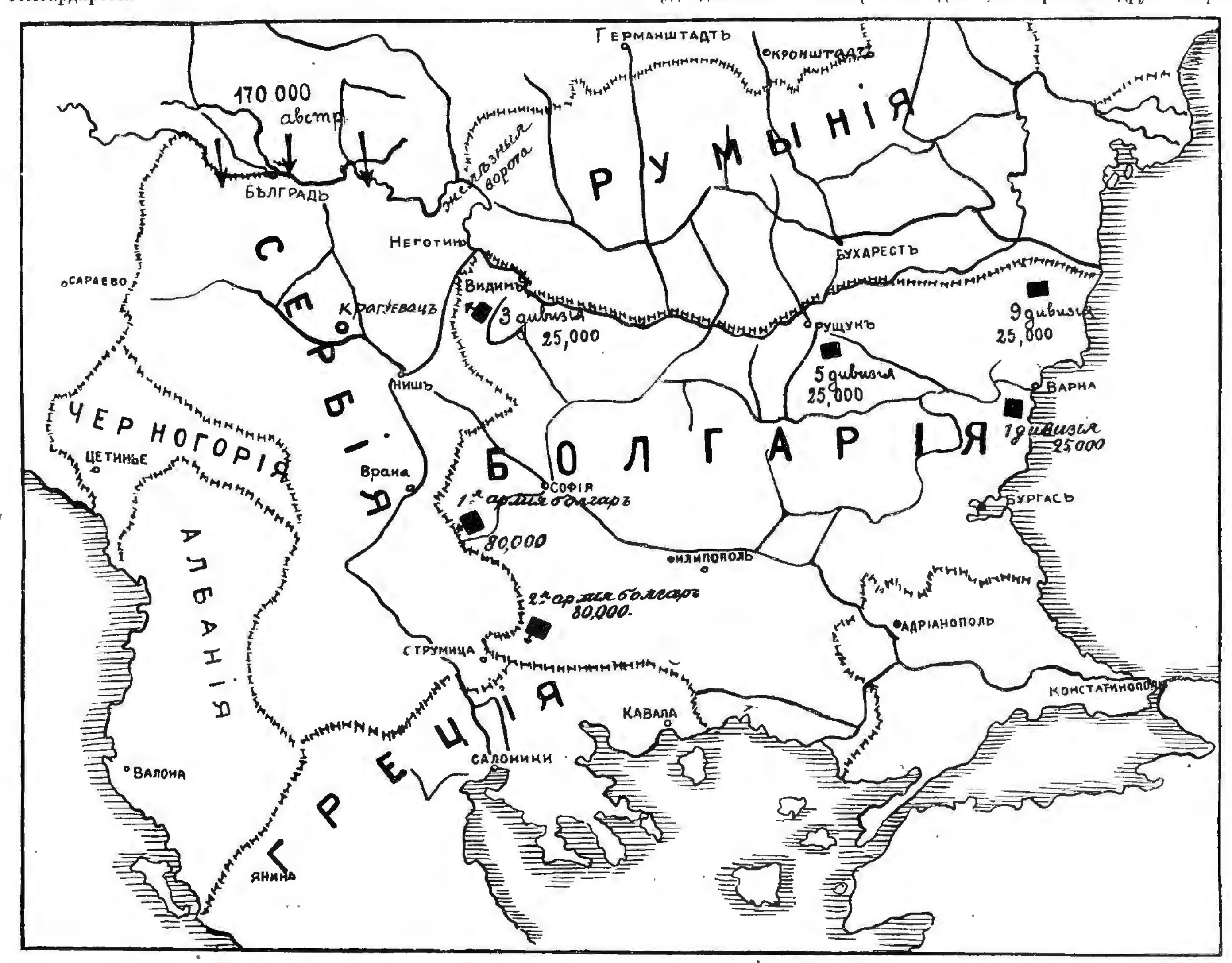
К. Шумскаго.

Новое наступленіе въ Сербію.

22-го сентября сосредоточенная на сербскомъ фронтѣ австро-германская армія перешла въ наступленіе. Операція австро-германцевъ началась съ сильнѣйшей бомбардировки берега Дуная, при чемъ обстрѣливался преимущественно раіонъ Бѣлграда и сосѣднiй съ нимъ раіонъ. Кромѣ того, у устья Савы, впадающей въ Дунай, австро-германцами также была произведена бомбардировка.

задерживали австро-нѣмцевъ, при чемъ при занятіи австро-нѣмцами Бѣлграда на улицахъ этого города происходили ожесточенные бои. Вслѣдъ затѣмъ сербы эвакуировали Бѣлградъ.

Эвакуація Бѣлграда была совершена по тѣмъ стратегическимъ соображеніямъ, что сербы ожидали также нападенія и болгаръ на своей другой, восточной, границѣ и потому, имѣя въ виду нападеніе противника съ двухъ сторонъ, рѣшили занять выжидательное положеніе въ центрѣ Сербіи — въ Крагуевацѣ, чтобы оттуда дѣйствовать то противъ одного, то противъ другого про-



Карта Балканскаго фронта.

Вслѣдъ затѣмъ, послѣ двухдневной бомбардировки, австро-германскіе авангарды въ пяти пунктахъ пытались переправиться въ раіонѣ Бѣлграда черезъ Дунай и впадающую въ Дунай у Бѣлграда Саву: въ трехъ пунктахъ они переправлялись черезъ Саву, а въ двухъ пунктахъ черезъ Дунай. Сербы отбили всѣ эти атаки противника, но въ одномъ пунктѣ — въ раіонѣ нижней Бѣлградской крѣпости на Дунаѣ — австро-германцамъ удалось переправиться на сербскій берегъ Дуная.

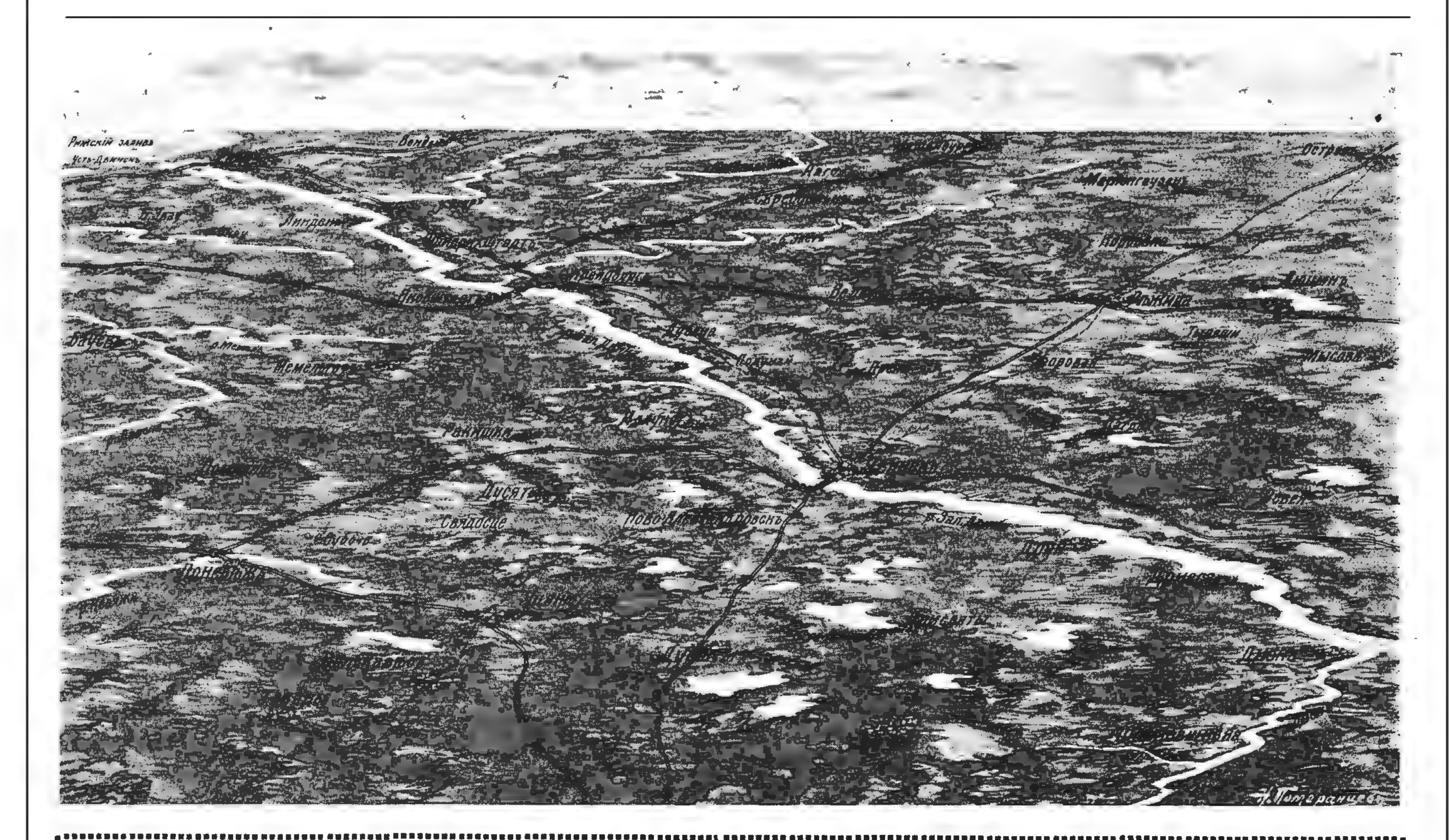
Какъ извѣстно, всякая наступательная переправа черезъ рѣку производится такимъ образомъ, что одновременно пытаются переправиться сразу въ нѣсколькихъ пунктахъ рѣки, но на самомъ дѣлѣ только одна изъ этихъ переправъ бываетъ главною, а всѣ остальныя представляютъ собою демонстраціи, имѣющія цѣлью развлечь резервы обороняющагося и скрыть отъ него истинный пунктъ переправы. Судя по тому, какъ производили переправу черезъ Дунай австро-германцы, слѣдовало считать, что пунктомъ главной переправы былъ раіонъ нижней Бѣлградской крѣпости, гдѣ, дѣйствительно, впослѣдствіи противникъ усилилъ свои переправившіеся авангарды и началъ наступать къ Бѣлграду. Сербская армія въ это время сосредоточивалась у Крагуевaца, къ югу отъ Бѣлграда, такъ какъ Крагуевацъ представляетъ собою центральный пунктъ Сербіи, откуда возможно наступленіе по радіусамъ во всѣхъ направленіяхъ, ко всѣмъ границамъ.

Однако, повидимому, отъ Крагуевaца были выдѣлены отряды отъ главныхъ сербскихъ силъ и къ Дунаю, и къ Савѣ, и, въ частности, къ раіону Бѣлграда. Отряды эти съ упорнымъ боемъ

тивника, смотря по ходу событій. Во всякомъ случаѣ, вначалѣ сербы предполагали дѣйствовать оборонительно противъ австро-нѣмцевъ и наступать противъ болгаръ, что нетрудно усмотрѣть изъ соображеній, приведенныхъ ниже. Поэтому, имѣя въ виду временную оборону противъ австро-нѣмцевъ, сербы отходили своими передовыми частями отъ Бѣлграда къ центру страны, къ мѣсту своего сосредоточенія, къ Крагуевацу.

Причина, почему сербы должны были дѣйствовать противъ австро-нѣмцевъ оборонительно, а противъ болгаръ наступательно, заключалась въ томъ, что болгары въ данномъ случаѣ являлись сильнѣйшимъ противникомъ, а въ такомъ положеніи, когда имѣются два противника, всегда необходимо наступать со свѣжими неразстроенными силами на сильнѣйшаго. Въ свою очередь, объясненіе, почему болгаръ слѣдуетъ считать сильнѣйшимъ противникомъ, заключается въ томъ, что австро-германцы, грозившіе сначала собрать 600 тысячъ противъ сербовъ, на самомъ дѣлѣ подъ конецъ собрали только 170 тысячъ на сербскомъ фронтѣ. Больше, конечно, австро-германцы собрать не могли, такъ какъ войска ихъ были заняты на главныхъ фронтахъ войны — на нашемъ и на французскомъ, на тѣхъ фронтахъ, гдѣ неминуемо должны были рѣшиться въ концѣ концовъ судьбы нынѣшняго европейскаго столкновенія.

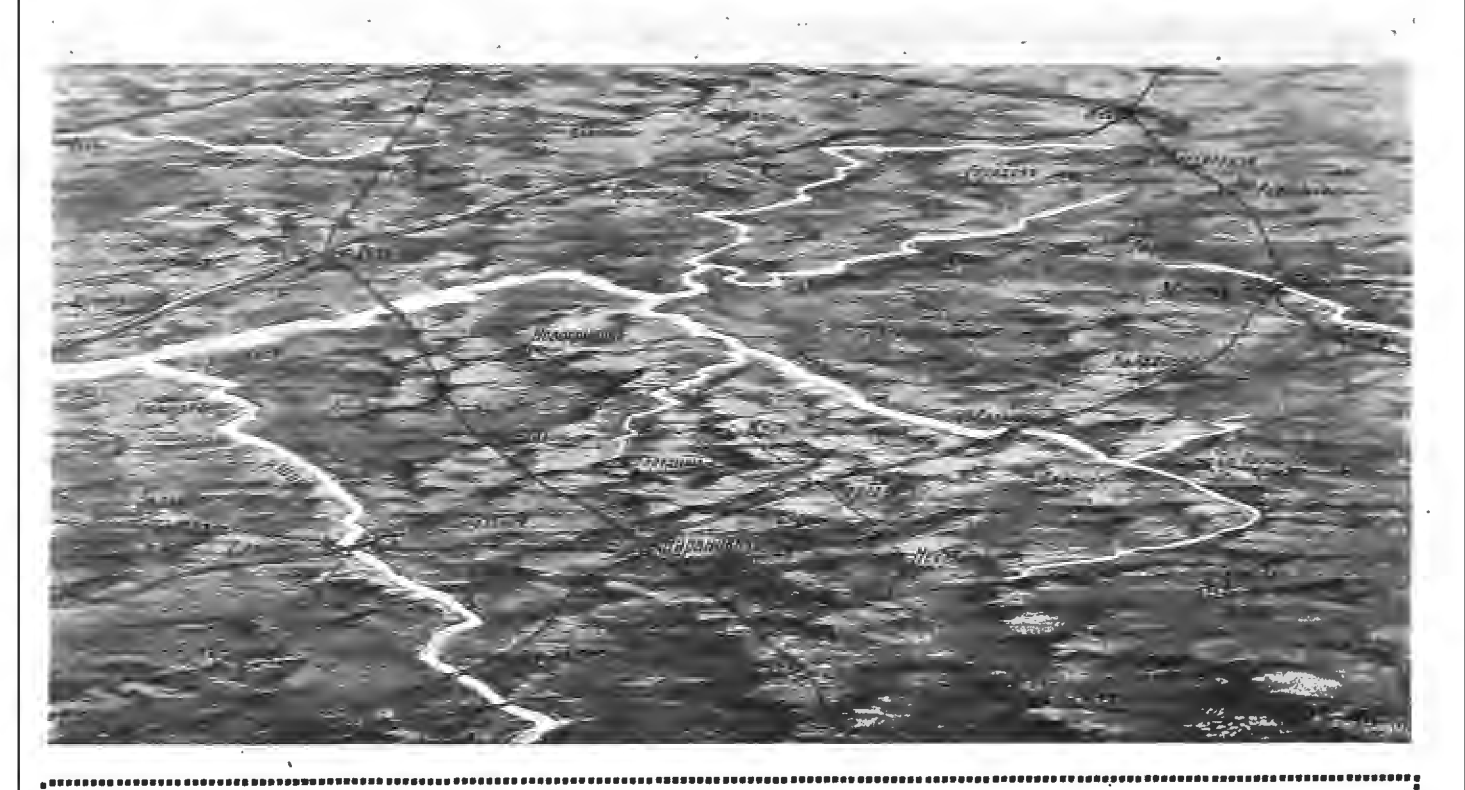
Въ виду этого, австро-германцы, по существу, даже ничего не могли дать для сербскаго фронта, и если все же они дали подъ конецъ 170 тысячъ, то это вызывалось исключительно политическими требованіями, а не стратегическими. Стратегія была



Карта Двинскаго раіона.

противъ наступленія австро-германцевъ на сербскомъ фронтѣ, такъ какъ основныя правила стратегіи требуютъ, чтобы, по возможности, всѣ силы сосредоточивались на одномъ главномъ фронтѣ, т.-е. тамъ, гдѣ рѣшаются судьбы войны, и чтобы только на этомъ фронтѣ велось наступленіе, а на всѣхъ остальныхъ фронтахъ стратегія требуетъ, чтобы велась только оборона съ наименьшимъ числомъ войскъ. Если прослѣдить всѣ походы Наполеона, который постоянно воевалъ съ коалиціями и никогда почти не воевалъ съ однимъ противникомъ, то можно видѣть, что онъ всегда наступалъ только противъ одного противника, а противъ всѣхъ остальныхъ противниковъ оборонялся. Только тогда, когда Наполеонъ разбивалъ этого противника и вынуждалъ его къ миру, онъ поворачивался по очереди противъ другихъ противниковъ и велъ противъ нихъ наступленіе.

Конечно, нѣмцы настолько грамотны, что понимаютъ, что нельзя одновременно вести рѣшительныя операціи на двухъ фронтахъ или на трехъ, а можно только на одномъ, и притомъ главномъ, каковымъ они сами считаютъ нашъ фронтъ. Если нѣмцы все же отняли часть войскъ съ нашего фронта или съ французскаго, т.-е. съ главныхъ фронтовъ, и этимъ ослабили себя тамъ, гдѣ рѣшаются судьбы войны, имѣя единственной цѣлью наступленіе въ Сербію, то, очевидно, здѣсь политика вынудила стратегію къ этому неестественному для стратегіи образу дѣйствій. Политика давно смотритъ на Дарданеллы, давно непомѣрно инте-



Карта раіона Вильна—Барановичи.

Гарнизонная церковь въ Двинскѣ.

рсуется балканскими комбинаціями, и, очевидно, нѣмцы, вынужденные считаться съ требованіями турокъ и съ желаніемъ проложить путь въ Болгарію, чтобы имѣть сообщеніе черезъ Турцію съ Азіей и выйти изъ осаднаго положенія на нѣкій просторъ, рѣшились отказаться временно отъ важнѣйшихъ задачъ на нашемъ фронтѣ и „заняться Сербіей".

Однако все-таки стратегія, несомнѣнно, оказывала сопротивленіе этому противоестественному плану, и, вслѣдствіе этого, нѣмцы вмѣстѣ съ австрійцами рѣшили рискнуть дать только 170 тысячъ для сербскаго фронта. Такимъ образомъ для сербовъ австро-нѣмецкій фронтъ представлялся слабѣйшимъ, такъ какъ болгары могли двинуть противъ нихъ больше, чѣмъ австро-нѣмцы. По имѣющимся свѣдѣніямъ, болгары распредѣлили свои войска на три арміи.

Первая армія—генерала Богачева—состояла изъ трехъ дивизій, вторая армія—генерала Тончева—состояла также изъ трехъ дивизій, а третья армія — генерала Тота—состояла изъ четырехъ дивизій.

Въ болгарскихъ дивизіяхъ въ военное время насчитывается до 25 тысячъ пѣхоты, а считая съ другими родами оружія — до 27 тысячъ человѣкъ. Въ каждой дивизіи имѣется по 64 орудія, до 400 человѣкъ дивизіонной конницы, саперы, понтонеры, телеграфныя части и пулеметныя роты.

Слѣдовательно, первая и вторая болгарскія арміи, каждая въ составѣ трехъ дивизій, насчитывали по 80 тысячъ человѣкъ, а третья армія, въ составѣ четырехъ дивизій, насчитывала около 100 тысячъ человѣкъ.

Кромѣ этихъ 260 съ лишнимъ тысячъ перволинейныхъ болгарскихъ войскъ, у болгаръ насчитывались еще запасныя части и обученное ополченіе—всего свыше 100 тысячъ человѣкъ. Всего, слѣдовательно, болгары могли выставить въ первое время свыше 360 тысячъ человѣкъ, кромѣ необученнаго ополченія, число котораго трудно опредѣлить, но которое тоже, во всякомъ случаѣ, насчитывало не менѣе 100 тысячъ.

Изъ трехъ болгарскихъ армій противъ Сербіи непосредственно предназначалась вся первая армія, въ составѣ 80 тысячъ человѣкъ, одна дивизія третьей арміи въ составѣ 27 тысячъ человѣкъ и часть второй арміи. Остальныя части третьей арміи предназначались на румынскую границу, а остальныя части второй арміи—на греческую границу. Всего болгары могли собрать перволинейныхъ войскъ противъ сербовъ тысячъ до 150—170. Слѣдовательно, болгары и австро-германцы выставляли почти одинаковое число войскъ противъ Сербіи, примѣрно, по 170 тысячъ, но у болгаръ за перволинейными войсками стояло еще ополченіе,—свыше 100 тысячъ обученнаго и 100 тысячъ необученнаго, —и, кромѣ того, могли быть двинуты противъ сербовъ части второй и третьей армій, находившіяся на румынской и греческой границахъ.

Между тѣмъ австро-германцы едва ли могли двинуть болѣе своихъ 170 тысячъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время, и поэтому сербы, естественно, должны были считать болгаръ въ настоящее время сильнѣйшимъ и важнѣйшимъ противникомъ. Сверхъ того, въ случаѣ, если бы сербы разбили перволинейную болгарскую армію, Болгарія не могла бы уже оказать серьезнаго сопротивленія, и сербы могли бы считать вопросъ на болгарскомъ фронтѣ оконченнымъ. Тогда бы вмѣсто двухъ сильныхъ противниковъ у нихъ оказался бы только одинъ— австро-германцы, и стратегическое положеніе сербовъ сразу улучшилось бы.

Иное дѣло было бы, если бы сербы сначала разбили австро-германцевъ. Это нисколько не ликвидировало бы вопроса на австрійскомъ фронтѣ, ибо австро-германцы могли бы потомъ послать новыя арміи противъ сербовъ, и, слѣдовательно, сербамъ бы опять пришлось воевать на два фронта австро-германскій и болгарскій.

Поэтому сербы, несомнѣнно, имѣли въ виду разбить сначала болгаръ, ибо это былъ единственный способъ, чтобы, вмѣсто двухъ противниковъ, у нихъ остался бы только одинъ австро-германцы.

Въ свою очередь, австро-германцы, переправившись черезъ Дунай и занявъ Бѣлградъ, повели главной массой наступленіе по желѣзной дорогѣ Бѣлградъ—Крагуевацъ—Нишъ, т.-е. стали наступать прямо на главную сербскую армію, сосредоточенную у Крагуеваца. Въ то же время отдѣльный австро-германскій отрядъ сталъ наступать восточнѣе Бѣлграда, стремясь прорѣзать сѣверо-восточный уголъ Сербіи, такъ называемыя „Желѣзныя Ворота", гдѣ только 60 верстъ сербской территоріи отдѣляли австро-германцевъ отъ болгарской границы. Очевидно, расчетъ противника основывался на томъ, что главныя силы австро-германцевъ, наступая на Крагуевацъ, притянутъ на себя главную сербскую армію, а въ это время отдѣльный австро-германскій отрядъ, пользуясь тѣмъ, что сербы находятся въ Крагуевацѣ, прорѣжетъ путь изъ Австріи въ Болгарію черезъ Сербію, у „Желѣзныхъ Воротъ", которыя находятся довольно далеко отъ Крагуеваца, въ разстояніи 100 верстъ.

Въ такомъ сложномъ положеніи сербамъ предстояла возможность скорѣе перейти въ наступленіе противъ болгарской арміи и разбить ее. Но болгары все еще не открывали военныхъ дѣйствій. Въ силу этого создалось довольно сложное стратегическое положеніе, и ясно было, что австро-германцы стремятся притянуть на себя значительную часть сербской арміи, чтобы облегчить наступленіе болгаръ и чтобы вообще не дать сербамъ броситься сначала на болгарскую армію, что, какъ мы видѣли, для сербовъ было и важнѣе и выгоднѣе.

Ближайшія событія должны дать отвѣтъ на это сложное стратегическое положеніе, гдѣ политика въ значительной степени связывала сербскую стратегію въ томъ отношеніи, что надо было обязательно нападать скорѣе на болгаръ, а политика задерживала офиціальное объявленіе войны между Сербіей и Болгаріей.

Старинный костелъ въ Двинскѣ.

Г. Н. Потанинъ.

(Портр. на этой стр.).

21-го сентября с. г. исполнилось 80 лѣтъ отъ рожденія знаменитаго русскаго путешественника-изслѣдователя, Григорія Николаевича Потанина. Одновременно съ этой рѣдкой годовщиной жизни исполнилось 50 лѣтъ неутомимаго служенія Г. Н. родной наукѣ.

Великая война и связанныя съ нею политическія событія заслонили собою всѣ явленія мирной жизни. Не время теперь празднествъ и чествованій. Теперь чествуется только смерть за родину на полѣ битвы. Стихнетъ грозная непогода войны, и снова страна будетъ чествовать жизнь за родину, а тѣмъ болѣе такую долгую, плодотворную, просвѣщенную и просвѣтительную, какова свѣтлая жизнь Г. Н. Потанина. И наши ученыя общества отмѣтили выдающіяся заслуги Г. Н. Потанина лишь скромнымъ, задушевнымъ празднествомъ, на которое пришли и поклонились маститому ученому и его великимъ трудамъ въ области просвѣщенія почитатели и друзья науки и ея вѣрнаго неутомимаго работника.

Г. Н. Потанинъ родился въ 1835 г. въ Сибири, въ Ямышевской станицѣ, на прежней пограничной линіи. Воспитаніе Г. Н. получилъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Рано проснулась въ немъ жажда знанія. Еще молодымъ человѣкомъ, въ чинѣ хорунжаго, Г. Н. принималъ участіе въ походѣ въ Заилійскій край, и здѣсь, любуясь величественной цѣпью Алатау, онъ рѣшилъ отдаться изслѣдованію невѣдомыхъ странъ Монголіи, Китая и Тибета. Чтобы подготовиться къ столь трудному дѣлу, Г. Н. поступилъ на службу въ Омскій Сибирскій Архивъ, откуда извлекъ массу интереснаго матеріала по исторіи Сибири.

Только въ 1862 г. сбылась мечта Г. Н. Потанина. Благодаря содѣйствію Кавелина и Семенова (Тянь-Шанскаго), ему удалось поступить въ составъ экспедиціи Струве для изслѣдованія озера Зайсана и долинъ Тарбагатая. Богатыя ботаническія коллекціи и цѣнный научный матеріалъ были результатомъ этой экспедиціи. Въ 1876 г. Г. Н. Потанинъ, вмѣстѣ со своей неизмѣнной спутницей, женой Александрой Викторовной, отправился въ Сѣверо-Западную Монголію, до тѣхъ поръ почти не изслѣдованную. Выйдя изъ Зайсанскаго поста, Г. Н. Потанинъ посѣтилъ города Кобдо, Хами, Улясутай, озеро Косоголъ, охвативъ Сѣверо-Западную Монголію. Вернувшись черезъ годъ на короткое время въ Россію, Г. Н. отправился въ новую, богатую по своимъ результатамъ, экспедицію. Выступивъ изъ Томской губ. въ 1879 г., экспедиція направилась въ монастырь Улангомъ, оттуда къ озеру Киргизъ-норъ, въ городъ Кобдо, къ озеру Теръ-норъ и черезъ Дархатскую землю къ озеру Косоголъ.

Съ 1880—1883 гг. Г. Н. Потанинъ въ Петроградѣ занимался обработкой собраннаго имъ матеріала, послѣ чего въ томъ же 1883 г. Потанины совершили третье путешествіе въ китайскую восточную часть Центральной Азіи, въ долины предгорья китайской провинціи Гань-су.

Государь Императоръ Александръ III разрѣшилъ доставить Потаниныхъ въ Китай на военномъ фрегатѣ „Мининъ". Въ апрѣлѣ 1884 г. экспедиція прибыла въ Пекинъ, зимовала же въ провинціи Сы-чуанъ. Лѣто 1885 г. было посвящено Потанинымъ разслѣдованію Тибетскаго нагорья. Весною 1886 г. экспедиція достигла Хуху-нора, затѣмъ по рѣкѣ Эдзенъ-голу углубилась въ Монголію, откуда поздней осенью вернулась въ Иркутскъ.

Обиліе и богатство результатовъ экспедиціи 1884 года побудило Императорское Географическое Общество снарядить въ 1892 году новую экспедицію для дальнѣйшаго изслѣдованія Тибетскаго нагорья. Экспедиція эта оказалась горестной и неудачной. Въ пути скончалась супруга Г. Н., раздѣлявшая съ нимъ всѣ его труды и подвиги и награжденная Императорскимъ Географическимъ Обществомъ золотою медалью.

Все, что видѣлъ въ своихъ многотрудныхъ путешествіяхъ, Г. Н. Потанинъ описалъ въ цѣломъ рядѣ своихъ выдающихся трудовъ, изъ которыхъ главные: „Тангутско-Тибетская равнина", „С.-Западная Монголія" и др.

Отъ всей души желаемъ еще много лѣтъ здравствовать маститому юбиляру.

С. Н—нъ.

Извѣстный путешественникъ Григорій Николаевичъ Потанинъ.

Противъ закона Божьяго и человѣческаго.

(Очеркъ съ 3 портр. на стр. 752).

Нѣмцы воскресили времена языческаго Рима выказаннымъ ими полнымъ пренебреженіемъ къ завѣтамъ и устоямъ христіанской морали. И мы съ ужасомъ и негодованіемъ слышимъ теперь и читаемъ о томъ, что они творятъ такія же пытки и насилія надъ попавшими въ ихъ руки русскими людьми, какія творили морально павшіе римляне императорской эпохи надъ христіанами. Разница только въ томъ, что римляне были и считали себя язычниками, нѣмцы же пока еще не отреклись отъ христіанства — по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. И тѣмъ тяжелѣе совершаемый ими смертный грѣхъ противъ закона Божьяго и человѣческаго.

Въ самомъ началѣ войны, въ августѣ прошлаго года, весь культурный (не нѣмецкій) міръ былъ пораженъ тѣми варварствами, которыя творились нѣмцами надъ задержавшимися у нихъ курортными больными. Тысячи ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ людей, дѣтей и женщинъ, въ подавляющемъ большинствѣ больныхъ и немощныхъ, были грубо схвачены, посажены въ тюрьмы, или (въ лучшемъ случаѣ) выкинуты безъ вещей, безъ багажа, въ чемъ они были, въ Швецію, Данію и Голландію, при чемъ съ изгоняемыми обращались хуже, чѣмъ со скотомъ, морили голодомъ, грозили разстрѣлять и безстыдно издѣвались надъ ними.

Эта трагедія въ свое время облетѣла весь міръ и всюду вызвала глубокое возмущеніе и удивленіе дикому поведенію германцевъ, ознаменовавшихъ начало войны тѣмъ, что они стали воевать съ мирными женщинами, дѣтьми и больными калѣками. Такую же войну съ мирнымъ населеніемъ, вопреки самымъ основнымъ законамъ и обычаямъ войны, нѣмцы повели и далѣе: они стали сбрасывать бомбы съ аэроплановъ въ незащищенные города и бомбардировать незащищенные морскіе берега. Наконецъ начались возмутительныя потопленія невооруженныхъ пароходовъ, при чемъ гибнущіе въ волнахъ люди демонстративно разстрѣливались новоявленными морскими разбойниками — экипажемъ германскихъ подводныхъ лодокъ.

Всѣ эти вопіющія нарушенія законовъ и обычаевъ войны, являвшіяся вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніями самыхъ основныхъ законовъ моральной культуры, отодвинули Германію за много вѣковъ назадъ — къ тѣмъ временамъ, когда считались обычными такія, напримѣръ, явленія, какъ убійство царемъ Камбизомъ своего плѣнника только для того, чтобы испробовать новый лукъ. Нѣмцы заглянули въ далекое кровавое прошлое и склонились къ нему своей темной душой.

Но всего ярче и сильнѣе этотъ страшный рецидивъ къ многовѣковому прошлому сказался въ цѣломъ рядѣ пытокъ и истязаній, практикующихся въ средѣ нѣмецкаго и австро-венгерскаго воинства надъ попавшими къ нимъ въ руки русскими людьми.

Если мы съ ужасомъ и отвращеніемъ относимся къ „подвигамъ" нѣмецкихъ подводныхъ душегубовъ, или летчиковъ, не задумывающихся убивать беззащитныхъ невоюющихъ людей и нападающихъ даже на сестеръ милосердія и на Красный Крестъ, то что сказать о герояхъ нѣмецкаго военнаго застѣнка, о палачахъ, рѣжущихъ русскимъ людямъ носы и уши для того, чтобы „выжать" и „вымучить" у нихъ разоблаченіе русскихъ военныхъ тайнъ? Страстная, жгучая ненависть оправдываетъ и объясняетъ многое. Но что можетъ оправдать холодная и тупая жестокость прирожденнаго палача, совершающаго свое омерзительное дѣло въ спокойной, почти кабинетной, обстановкѣ застѣнка?

Между тѣмъ теперь, когда стали извѣстны кошмарныя исторіи Панасюка, Макухи, Водяного и другихъ мучениковъ, побывавшихъ въ рукахъ нѣмецкихъ палачей, слѣдуетъ признать вполнѣ доказаннымъ существованіе этого застѣнка и этихъ палачей. И на германцевъ ложится новое черное пятно, котораго имъ уже никогда не смыть.

Невозможно было бы допустить, чтобы всѣ эти нѣмецкія гнусности стерлись въ народной памяти, забылись, исчезли безъ слѣда. Сама собою напрашивалась мысль о необходимости офиціально зафиксировать ихъ и такимъ образомъ запечатлѣть и увѣ-

ковѣчить совершенныя нѣмцами злодѣянія. подобно тому, какъ запечатлѣвается оффиціальными протоколами и показаніями всякій вредъ и убытокъ для грядущаго взысканія. Ждетъ такое взысканіе и нѣмцевъ: понесутъ кару и они за содѣянный ими страшный вредъ и убытокъ моральной и христіанской культурѣ — и вотъ, ради этого будущаго взысканія и кары, и явилась необходимость въ созданіи грознаго счета ихъ дѣлъ и поступковъ.

Какъ извѣстно, въ свое время была Высочайше учреждена Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія для разслѣдованія нарушеній законовъ и обычаевъ войны австро-венгерскими и германскими войсками. Эта Комиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора А. Н. Кривцова, и составляетъ теперь грозный счетъ нѣмцамъ,—счетъ, котораго не вырубишь уже никакимъ кровавымъ топоромъ.

„Считая, что графическое изображеніе звѣрствъ, допущенныхъ непріятельскими войсками, всегда представляетъ собою болѣе наглядный способъ доказательства этихъ фактовъ, чѣмъ умозрительное ихъ описаніе, Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія издаетъ въ выпускахъ краткія біографіи пострадавшихъ съ ихъ портретами и описаніемъ совершенныхъ надъ ними звѣрствъ". Такого рода предисловіемъ Слѣдственная Комиссія снабдила свой спеціальный трудъ, цѣлью котораго является самое широкое ознакомленіе русскаго общества съ нѣмецкими противозаконіями.

Членъ Государственной Думы Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ, Высочайше назначенный управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. По фот. Н. Ольшанскаго.

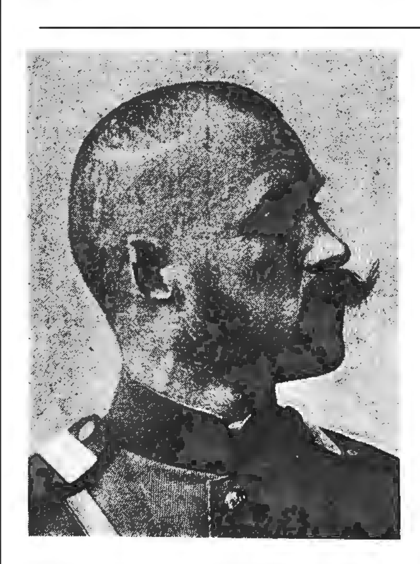
И вотъ предъ нами лежатъ два выпуска упомянутыхъ „біографій". И даже не біографій, а „житій": пространный синодикъ русскихъ мучениковъ, претерпѣвшихъ пытки и истязанія за то, что они не нарушили своего воинскаго долга и любви къ родинѣ.

Житія эти написаны съ той трагической простотой, которая не нуждается въ громкихъ фразахъ и восклицаніяхъ тамъ, гдѣ страшные факты говорятъ сами за себя. „Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія не высказываетъ чувствъ, охватывающихъ ее при занесеніи въ журналы фактовъ, характеризующихъ отношеніе непріятельскихъ войскъ къ женщинамъ, имѣвшимъ несчастіе попасть въ ихъ руки, къ офицерамъ, захваченнымъ врагами, и т. п., считая, что простое указаніе на обстоятельства, изложенныя въ выпускахъ Слѣдственной Комиссіи, само по себѣ есть краснорѣчивое доказательство образа дѣйствій нашего врага".

Факты, зарегистрированные Комиссіей, дѣйствительно достаточно краснорѣчивы сами по себѣ и не нуждаются въ комментаріяхъ. Но отъ выраженія чувствъ, охватывающихъ при ознакомленіи съ ними, удержаться все-таки трудно. И когда мы перечитываемъ эпически-спокойныя строчки, повѣствующія о дикихъ изувѣрствахъ, чинимыхъ надъ русскими людьми, то въ душѣ зажигается несгораемая купина гнѣва и омерзѣнія.

Вотъ, напримѣръ, повѣсть о мученіяхъ Водяного:

Французская чрезвычайная военная миссія во главѣ съ генераломъ д'Амадъ, прибывшая въ Петроградъ, посѣтившая затѣмъ Москву и отправившаяся въ Царскую Ставку. По фот. П. Оцупа



Старшій унтеръ-офицеръ Порфирій Герасимовъ Панасюкъ.

„Ефрейторъ пѣхотнаго полка, Василій Водяной, былъ захваченъ въ плѣнъ германскими войсками... Подъ угрозой выколоть глаза и отрѣзать уши германскій унтеръ-офицеръ потребовалъ у Водяного сообщенія свѣдѣній о расположеніи русскаго штаба и численности русской пѣхоты. Въ виду послѣдовавшаго со стороны Водяного отказа дать эти свѣдѣнія, унтеръ-офицеръ, вытащивъ съ бранью кинжалъ, отрѣзалъ Водяному сперва мочку лѣваго уха и верхній край праваго, а затѣмъ, сказавъ: „Мы тебя научимъ говорить“, сжалъ руками горло, послѣ чего Водяной лишился сознанія. Очнувшись отъ обморока, продолжавшагося нѣсколько часовъ, Водяной почувствовалъ, что у него отрѣзанъ языкъ“.

Такъ же методически нѣмцы рѣзали уши и у Порфирія Панасюка. Въ этой тупой методичности и жестокости сквозитъ полное пренебреженіе къ человѣческому достоинству— и болѣе того: полное отрицаніе человѣческаго достоинства и у себя. Такъ относились къ людямъ прославленные своей скотской жестокостью южно-американскіе фермеры... Случай съ Панасюкомъ въ особенности характеренъ тѣмъ, что роль палачей здѣсь играли уже не нижніе чины, какъ въ предыдущемъ случаѣ съ Водянымъ, а офицеры генеральнаго штаба, т.-е. цвѣтъ германской арміи, ея высшія интеллектуальныя силы.

„Офицеры, числомъ около 10, стали разспрашивать Панасюка о расположеніи нашихъ сибирскихъ и армейскихъ корпусовъ, обѣщая вознагражденіе. Панасюкъ отказался что-либо сообщить. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ офицеровъ генеральнаго штаба отдалъ какое-то приказаніе по-нѣмецки. Другой офицеръ принесъ небольшія ножницы, коими офицеръ генеральнаго штаба отрѣзалъ у Панасюка мочку праваго уха, сказавъ при этомъ: „Ну, что? Теперь скажешь что-нибудь?“ Когда же Панасюкъ и послѣ того не сообщилъ требуемыхъ свѣдѣній, офицеръ отрѣзалъ ножницами сперва одинъ, а затѣмъ и еще два куска того же праваго уха выше мочки. А потомъ схватилъ Панасюка за носъ съ такой силой, что искривилъ его, и въ довершеніе всего ударилъ Панасюка по лицу“.

Короче говоря, истерзалъ, да потомъ истерзаннаго еще и избилъ!

Казака Ивана Пичуева нѣмцы за отказъ измѣнить воинскому долгу подвѣшивали за ноги и за руки внизъ головой. Затѣмъ офицеръ (опять офицеръ!) и нижніе чины „подрѣзали Пичуеву правое ухо, отрѣзали верхнюю часть лѣваго, а сверхъ того вырѣзали на бедрѣ четыре продольныя полосы въ видѣ лампасовъ“. Этотъ случай съ „лампасами“ извѣстенъ уже давно всей читающей Россіи, но описаніе его въ офиціальномъ сообщеніи производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Здѣсь съ особенной силой даетъ себя знать тотъ возмутительный элементъ надругательства, то гнусное веселье и „юморъ“, которыми нѣмцы, какъ оказывается, иногда уснащаютъ свои варварства.

Младшій урядникъ казачьяго полка Иванъ Егоровъ Пичуевъ.

Ефрейторъ пѣхотнаго полка Василій Терентьевъ Водяной.

Пичуевъ былъ освидѣтельствованъ врачами русскаго Краснаго Креста въ присутствіи плѣннаго германскаго офицера Теодора Раабе. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какъ отнесся къ подвигамъ своихъ соотечественниковъ этотъ германскій офицеръ.

Не меньшей „культурной“ дикостью вѣетъ и отъ исторіи съ Макухой. Участіе въ ней принимали австрійскіе офицеры. Эта исторія, какъ извѣстно, послужила своего рода сигналомъ для взрыва общественнаго негодованія у насъ по адресу германо-австрійскихъ „ухорѣзовъ“. Макуха былъ первомученикъ: съ него начались всѣ эти пытки и истязанія. По крайней мѣрѣ, до Макухи у насъ не было извѣстно о замучиваніи нѣмцами русскихъ плѣнныхъ съ цѣлью выпытать у нихъ показанія.

„Когда Макуха отказался отвѣчать на вопросы, офицеры повалили его на землю ничкомъ и вывернули руки за спину. Затѣмъ одинъ изъ нихъ сѣлъ на него, а другой, по-

Здѣсь прошли германцы.

вернувъ ему голову назадъ, при помощи кинжала-штыка раскрылъ ротъ и, вытянувъ рукою языкъ, дважды рѣзнулъ его этимъ кинжаломъ. Изъ рта и носа Макухи хлынула кровь. Затѣмъ офицеры повели Макуху къ своимъ окопамъ. Дорогой, воспользовавшись тѣмъ, что офицеры начали закуривать, Макуха сбилъ ихъ съ ногъ и бѣжалъ".

Въ результатѣ этой пытки Макуха почти совсѣмъ утратилъ способность говорить и глотать пищу. Освидѣтельствованіемъ у него были установлены глубокія рѣзаныя раны языка и тяжкіе ушибы гортани. Въ настоящее время Макуха можетъ говорить только шопотомъ,

Еще болѣе ужасный случай „нарушенія законовъ и обычаевъ войны" произошелъ въ деревнѣ Хилички Варшавской губерніи, въ мѣстѣ покинутаго нѣмцами ихъ боевого расположенія въ октябрѣ прошлаго года. Нѣмцы сожгли живьемъ русскаго солдата-стрѣлка со связанными ногами. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошелъ этотъ неслыханный случай попранія всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, неизвѣстно: русскіе офицеры и вольноопредѣляющіеся, оказавшіеся по уходѣ нѣмцевъ въ Хиличкахъ, случайно обнаружили уже обуглившійся трупъ несчастнаго стрѣлка, при чемъ подъ трупомъ сохранились остатки костра и большое количество гильзъ отъ разорвавшихся патроновъ. Не удалось установить ни имени погибшаго ни обстоятельствъ пытки. Установили только, что это былъ русскій стрѣлокъ. Да, достаточно краснорѣчиво вопіяли сожженныя лохмотья его одежды, остатки костра и связанныя ноги. Очевидно, и здѣсь практиковался свойственный нѣмцамъ методъ разузнаванія русскихъ военныхъ секретовъ. Методъ, который, конечно, займетъ видное мѣсто въ изготовляемомъ для тевтоновъ грозномъ счетѣ.

Много вниманія въ трудахъ Слѣдственной Комиссіи отведено и другимъ проявленіямъ нѣмецкаго варварства: разрывнымъ пулямъ, удушливымъ газамъ, потопленію мирныхъ судовъ (гибель „Лузитаніи" по показаніямъ русскихъ пассажировъ этого парохода) и др.

Невольно содрогаешься отъ ужаса, перелистывая страницы, посвященныя изображенію раненій, причиняемыхъ разрывными пулями. Иные охотники стѣсняются употреблять разрывныя пули для дикихъ животныхъ, боясь причинить имъ лишнія мученія. Но вотъ предъ нами безконечный рядъ случаевъ примѣненія такихъ пуль къ людямъ. Безъ всякаго стѣсненія, совершенно открыто, нѣмцы и австрійцы стрѣляютъ этими пулями въ русскія войска. А каковъ эффектъ этой стрѣльбы — краснорѣчиво говорятъ фотографіи, снятыя съ раненыхъ такими пулями Акифьева, Миронова, Кузьмина и Турубаева. Достаточно сказать, что простая пуля дробитъ лишь кости, оставляя въ связкахъ и мышцахъ узкій и чистый каналъ, разрывная же разворачиваетъ въ какую-то неописуемую кровавую кашу и кости и мягкія части и кожу.

Не менѣе яркія картины страданій даютъ и пресловутыя отравленія нѣмецкими газами. По удостовѣренію допрошенныхъ Комиссіей лицъ, которыя видѣли на полѣ сраженія отравленныхъ газами воиновъ, послѣдніе „мучились болѣе, чѣмъ раненые", и „страданія и муки эти, по словамъ упомянутыхъ свидѣтелей, являлись одной изъ самыхъ тяжелыхъ картинъ, какія имъ когда-либо приходилось наблюдать въ жизни".

Комиссіей были допрошены, какъ уже мы упоминали, и тѣ изъ русскихъ людей, которымъ довелось плыть на „Лузитаніи" и быть очевидцами ея потопленія. Свидѣтели эти утверждаютъ, что „Лузитанія" не везла никакихъ военныхъ грузовъ. Изъ числа 82 бывшихъ на ней русскихъ пассажировъ удалось спастись лишь 20. Остальные пали жертвой нѣмецкаго варварства.

Таковы зарегистрированные Слѣдственной Комиссіей факты. Намъ остается добавить, что факты эти представляютъ собою, очевидно, лишь каплю въ морѣ всего того, что совершается культурными варварами надъ русскими людьми, имѣвшими несчастье попасть къ нимъ въ руки. Макухѣ, Панасюку, Водяному удалось бѣжать отъ палачей — и поэтому мы имѣемъ засвидѣтельствованіе совершенныхъ надъ ними жестокостей. Но сколькимъ не удалось бѣжать? Сколько, быть-можетъ, сотенъ такихъ же Панасюковъ за стѣною нѣмецкаго плѣна, никѣмъ незнаемые, томились и томятся въ палаческихъ рукахъ? Какія новыя пытки примѣняются къ нимъ изобрѣтательными офицерами нѣмецкаго генеральнаго штаба? Кого еще изъ русскихъ людей рѣжутъ и давятъ элегантные австрійскіе офицеры?

На эти вопросы отвѣтитъ только будущее. То самое будущее, которое несомнѣнно принесетъ карающій и осуждающій отвѣтъ всѣмъ, кто пошелъ противъ закона Божьяго и человѣческаго въ этой великой войнѣ.

Нашъ воздушный корабль снаряжается на развѣдку.

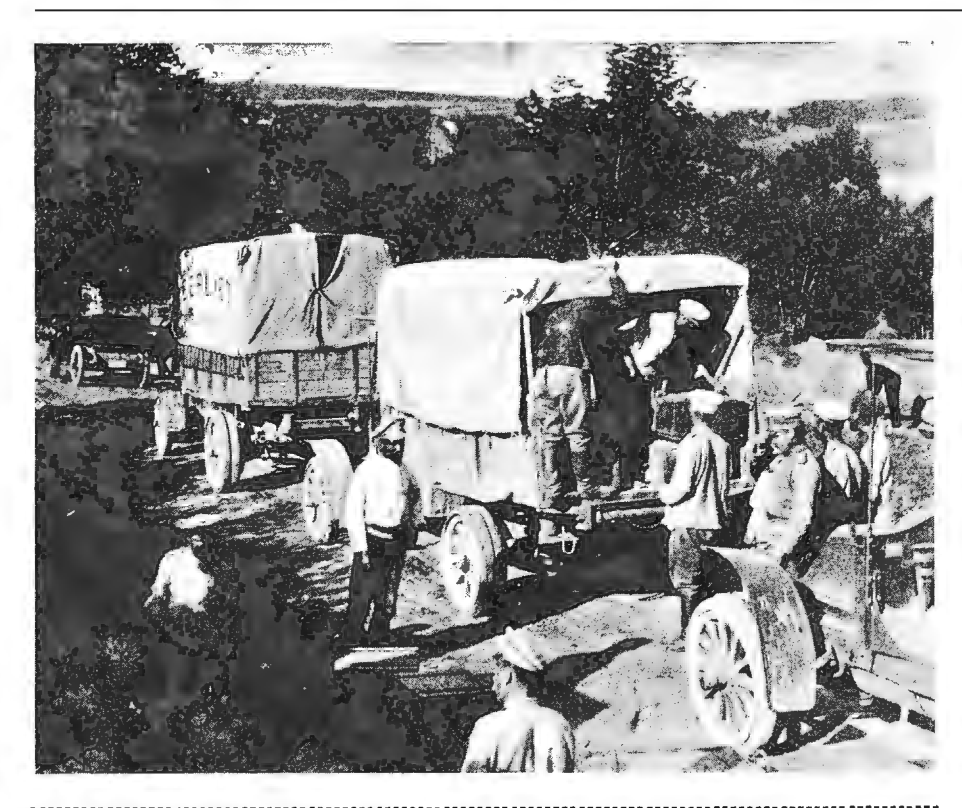
Герои.

Сколько воли, отваги, святого усердья
Въ озареньи солдата, что въ битву идетъ,
Въ героической жертвѣ сестры милосердья
И во всѣхъ, кто Россію къ побѣдѣ ведетъ!

Ядовитые газы, сверканіе мѣди,
Подгибаются ноги и сохнутъ уста...
Но отважно герои стремятся къ побѣдѣ,
Къ лучезарной побѣдѣ любви и Христа!

Слава павшихъ — отрада покинутымъ дѣтямъ,
Слава тѣмъ, кто вернется съ побѣднымъ щитомъ!
Мы героевъ цвѣтами и лаврами встрѣтимъ,
Въ ореолѣ любви золотомъ.

Георгій Ивановъ.



Погрузка артиллерійскихъ ящиковъ въ автомобили.

Лѣсная часовня.

Хорошо въ часовнѣ древней,
Скрытой ласковой листвой.
Въ чащу лѣса изъ деревни
Я пришла межой.
Сводъ замшенный, полъ дощатый,
Блѣдный лучикъ изъ окна...
У стѣны поникъ Распятый.
Сумракъ. Тишина.
За крыльцомъ несмѣлой дрожью
Зыблетъ листья вѣтерокъ...
— Положу сюда, къ подножью,
Полевой вѣнокъ.
И въ томленьи одинокомъ,
Неутѣшная, склонюсь...
О любимомъ, о далекомъ.
У креста молюсь.
Жалятъ, жалятъ иглы терній!
Знаю, Боже, скорбь Твою.
Помоги въ тоскѣ вечерней:
Милый мой въ бою.
Вижу раны рукъ пробитыхъ,
Вижу взоръ горящій Твой...
Я молюсь о всѣхъ убитыхъ,
О принявшихъ бой.
Уходя, прикрою дверцу...
Путь неближній впереди.
Какъ лампада, рдѣетъ сердце
У меня въ груди.

М. Пожарова.

Конецъ.

Разсказъ **Ф. Рашковскаго.**

I.

Въ жизни маленькаго тихаго городка на границѣ это былъ день необычайный и странный. Уже съ ранняго утра, когда первые играющіе и радостные лучи золотили верхушки старыхъ деревянныхъ зданій и бирюзовая высь была такая яркая,— жители стали собираться тревожными кучками и взволнованно передавать вѣсти о надвигающихся опасностяхъ войны, о скоромъ занятіи городка вражескими войсками. На лица, сѣрыя, обыкновенно такія будничныя, необычайность наложила свой особый отпечатокъ: и было въ этомъ смѣшано сознаніе близкой бѣды и трепетно интригующаго развлеченія въ жизни тихой. Казалось, кто-то слегка опьянилъ ихъ, этихъ навсегда оставшихся въ непроходимомъ кругу сѣрости, узости интересовъ маленькихъ людей. Тревога тихая и нарастающая медленно захватывала сердца въ свои цѣпкія лапы.

И сегодня, въ безчисленный разъ, земскій врачъ Степановъ уговаривалъ свою старуху ѣхать на востокъ, въ глубь Россіи, и, быть-можетъ, впервые за четверть вѣка супружества, они чуть не поссорились.

— Знаешь, Анюта, ей-Богу,—лучше ѣхать. Вѣдь того и гляди нѣмцы придутъ,—говорилъ Степановъ и старыми добрыми глазами смотрѣлъ на жену.

— Ну и что жъ—пусть себѣ идутъ.

— Не понимаю твоего спокойнаго тона; мало ли чего они могутъ еще понадѣлать—война вѣдь... Я-то врачъ — мужчина все-таки, ну, а ты?..—горячился онъ.

А я съ тобой останусь. Двадцать пять лѣтъ прожили, и вдругъ, пожалуйте—разставаніе. Нѣтъ ужъ, какъ хочешь, не поѣду.

И такая привязанность звучала въ этихъ словахъ, такой огненный слѣдъ прошлаго, когда оба еще трепетно радовались каждой веснѣ и были, какъ дѣти, въ своемъ юномъ влеченіи, въ сладко сжигающемъ пламени своей любви, что безсильно умолкалъ Степановъ и, уже растроганный, притворно сердитый, шагалъ усиленно по комнатѣ.

Реквизиція мѣди въ Галиціи.

Въ атаку.

А ѣхать нужно было дѣйствительно.

Бѣгущіе изъ ближайшей, послѣдней къ границѣ, деревушки жители говорили о близости враговъ. Томяще-жуткое и жгучее предчувствіе опасности охватило всѣхъ, и уже съ утра фельдшеръ Волковъ,— старый, какъ докторъ, давно, чуть ли не съ окончанія Степановымъ университета, жившій въ его домѣ, любившій стариковъ какъ родныхъ, вѣчный неудачникъ въ жизни, смотрящій на нее сквозь черныя стекла,—говорилъ, и слова его, какъ тяжелое карканье ворона, отзывались въ сердцѣ Степанова:

— Напрасно-съ не услали Анну Николаевну, напрасно-съ... Пожалѣете—будетъ поздно... Мнѣ-то что... мнѣ все равно...

Но скрытое волненіе о близкомъ человѣкѣ выдавало его, одинокаго стараго бобыля, въ женѣ доктора нашедшаго материнскую заботу и нѣжность.

Укоряющая правда слышалась Степанову въ воркотнѣ стараго друга, предостереженіе преданной господину собаки о близкой опасности.

И отъ этого казалось, что черная туча надвигается на почти родной городокъ, еще невидимая, но уже ощущаемая, и тоскливо дѣлалось на душѣ.

— Ну, бросьте, бросьте, Волковъ... Вотъ и завтракъ намъ сейчасъ подадутъ,—будто ребенка утѣшалъ старикъ:—сегодня ваша анисовая, хлопнемъ, а?—преувеличенно весело шумѣлъ Степановъ.—Всегда вѣдь изъ мухи слона сдѣлаете. Не такъ страшенъ чортъ... а?—и онъ, хитро подмигивая и хлопая друга по плечу, придвинулъ графинчикъ.

Было такъ хорошо и уютно за бѣлоснѣжно накрытымъ столомъ въ садикѣ, пьяно пахли поздніе цвѣты, слышно было, какъ жужжатъ шмели, солнышко, старое и золотое, такъ же палило немилосердно, и такъ же прозвонило два на городскихъ часахъ.

Все было утѣшающе тихо,—обыденно, и послѣ плотнаго завтрака (умѣла же вкусно кормить Анна Николаевна!) и нѣсколькихъ рюмокъ любимой анисовой, старики, истомно прикурнувъ въ сладкомъ забвеніи, закрывшись отъ назойливыхъ мухъ,—докторъ въ гамакѣ, а фельдшеръ около, на густой бархатной травкѣ, — спали безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ.

А Анна Николаевна, озабоченная и мрачная, суетилась въ домикѣ и прятала свои дорогія воспоминаніемъ и старыя, какъ ея жизнь, драгоцѣнности въ маленькій ящичекъ; сама снесла ихъ, освѣщая свѣчой путь, въ укромный уголокъ погреба; и когда вещи были надежно спрятаны, почувствовала странное облегченіе, будто эти потускнѣвшія жемчужины и кольца съ браслетомъ, спрятанныя въ темноту, устранили что-то главное, угрожающее, и теперь не такъ ужъ страшны показались слова вдругъ появившагося мальчугана Фильки, сына лѣсника; онъ недавно видѣлъ нѣмцевъ:

— Много какъ ихъ—и всѣ злые... Къ тятькѣ пристали, а я сбѣжалъ,—говорилъ онъ, запыхавшись отъ волненія и какого-то страннаго оживленія, будто это было что-то веселое и даже радостное для его ребяческаго ума, — и бѣжалъ дальше.

II.

Они пришли, когда ночь раскинула свой необозримый черно-синій покровъ, далекими мерцающими алмазами разсыпавъ звѣзды. Городокъ, настороженный, спалъ. Сразу кончилась тишина, будто кто-то сверху бросилъ сюда этотъ рѣзко жуткій шумъ, и люди, дрожащіе, безпомощные, застигнутые врасплохъ, точно дѣти со сна, по приказанію другихъ людей, суровыхъ, пугающихъ, поособому взрослыхъ, открывали окна и зажигали огни.

Въ домикѣ Степанова помѣстились четверо солдатъ, и грубость, жестокая и неожиданная, вошла въ эти три маленькія тихія комнатки — обитель жизни тихой.

И докторъ Степановъ, наскоро одѣтый, дрожащій отъ вечерней прохлады и необычности обстановки, говорилъ, стоя съ женой въ темномъ уголку садика, такъ, чтобы свѣтъ изъ окна не падалъ на нихъ — жуткій свѣтъ, зажженный этими четырьмя людьми въ черныхъ каскахъ и тяжелыхъ сапогахъ:

— Ну вотъ, Анюта, вотъ и доигрались... Что же будетъ теперь? Вотъ оказія-то на старости лѣтъ... И куда ихъ нелегкая угораздила воевать, жили бы мирно, никто ихъ не трогалъ, нѣтъ вотъ...

И онъ чувствовалъ, какъ въ груди старой, всегда доброй поднимается что-то злое и нехорошее противъ этихъ людей, гостей ненужныхъ и незваныхъ, дерзко вошедшихъ въ уютъ безмятежнаго существованія и теперь пугающихъ своими возможностями.

А старушка, такая маленькая, славная, точно дѣвочка, въ своемъ шерстяномъ платкѣ на плечахъ, милая въ безпомощности, безпокойно прислушивается то къ тревожному шуму улицъ, то къ звукамъ передвигаемой посуды, говору и топоту хозяйничающихъ въ домикѣ солдатъ и тѣснѣе прижимается къ мужу. И кажется вдругъ Степанову, что это она, опять юная Аня, изъ глубинъ ушедшаго чудно возникшая дѣвушка, стройная, влекущая, съ большими, милыми, сѣрыми глазами,—та Аня, обаятельная задушевной женственностью, которая, не задумываясь, связала свою жизнь съ его безпокойнымъ и мало обезпеченнымъ существованіемъ земскаго врача. То время лучезарное навсегда осѣнило его сердце, и уже на склонѣ, въ концѣ жизненнаго дня, самъ сѣдой, онъ съ тихой нѣжностью прижималъ къ груди серебристую голову подруги.

— Какъ хорошо, какъ хорошо, что не уѣхала, что вмѣстѣ, какъ всегда! Да, Саша?—шепчетъ она, и слова эти любящія такъ ясно доказываютъ, что и въ старушкѣ не все уходитъ на хозяйство, на вкусныя варенія и печенія, что остался у нея уголокъ сокровенный, свѣтлый тайникъ, и маленькими блаженными огоньками любви зажигаются давно отцвѣтшіе, когда-то такіе живые и лучистые глаза. Въ старомъ тѣлѣ вѣчно цвѣтетъ прекрасный цвѣтокъ юности, и ароматъ его сладкій тотъ же, что былъ тамъ, далеко, въ безвозвратно ушедшихъ дняхъ жизни.

— Александръ Ивановичъ, Анна Николаевна, гдѣ вы, гдѣ вы?— слышится вдругъ голосъ фельдшера, ласковый и тревожный.— Вотъ видите, не послушались, не уѣхали, теперь вмѣстѣ бу-

По дорогѣ на позицію.

демъ тутъ... возиться, — ворчитъ онъ, успокоенный встрѣчей, и во всей его невзрачной фигурѣ чувствуется тайная радость, что не пришлось остаться одинокимъ безъ родныхъ и близкихъ, что и у него, давно жизнью забытаго, есть свой уютъ и свой домъ.

— Что же дѣлать теперь? Вѣдь не здѣсь же ночью въ саду оставаться, да и въ комнатахъ нельзя, чего-то они, нѣмцы, еще понадѣлаютъ? — шепчетъ докторъ, указывая на золотой въ темнотѣ квадратъ окна, откуда слышатся уже пьяные отъ крѣпкихъ домашнихъ наливокъ голоса солдатъ, и желтая полоска свѣта ложится на аллейку, четко выявляя бревенчатый столъ и скамью, гдѣ днемъ еще было такъ безмятежно въ тихомъ уютѣ докторскаго домика, и жизнь текла, какъ всегда,

— Что же дѣлать теперь?.

Вопросъ этотъ тяжелымъ ударомъ падаетъ на голову доктора. Какое-то смутное томящее и безпокойное сознаніе близкой бѣды нарастаетъ въ душѣ, и странно знаменательное и жуткое чувствуется въ необычайности происшедшаго въ эту августовскую ночь, подъ звѣзднымъ небомъ. Сразу настоящее, тоскливо безысходное, безсмысленное, оградило прежнее, и далекимъ и недоступнымъ было другое—мирное, блаженное, въ своей ощущаемой тишинѣ и влекущее: жизнь до прихода этихъ чужихъ людей, тихіе вечерніе часы отдыха въ пахнущемъ цвѣтами лунномъ садикѣ, силуэтъ жены при свѣтѣ лампы,—той, съ зеленымъ абажуромъ,—и бесѣды съ другомъ Волковымъ на садовой скамейкѣ въ темнотѣ. Почему-то казалось, что этого всего уже никогда не будетъ, и теперь странный добровольный уходъ старыхъ жителей изъ домика, полная власть жутко чуждыхъ людей тамъ, гдѣ прошли годы жизни Степановыхъ и безконечно знакома была каждая мелочь, глубоко трогали этихъ трехъ стариковъ; и странная двойственность возникла въ душѣ доктора: старая любовь къ людямъ будто боролась съ поднимающейся ненавистью къ тѣмъ, кто сдѣлалъ все это, къ дерзкимъ нарушителямъ мира существованія; но въ то же время чувствовалась великая готовность простить ихъ, властвующихъ въ маленькомъ домикѣ, властвующихъ,—онъ зналъ,—надъ тѣмъ дорогимъ и немногимъ, что осталось до конца земного пути его съ вѣрной подругой. Особенно жгучая жалость къ этому вызывала горячія слезы на старые глаза, и Степановъ готовъ былъ сейчасъ броситься въ комнаты и горячо просить оставить на закатѣ старую жизнь нетронутой. Ахъ, если бы они ушли, если бы поднялись и ушли, многое далъ бы за это старый докторъ, за одинъ уходъ.

Въ штабъ дивизіи.

Такъ пламенно хотѣлось этого, что даже кто-то, благожелательный или насмѣшливый—вызывалъ отрадную картину воображенія:

„Вдругъ стихаетъ шумъ голосовъ, все еще раздающихся оттуда, изъ золотого квадрата окна, и четыре фигуры, бряцая амуницией, тяжело ступая, грубые, медленные и странно чуждые люди, подходятъ къ нему, доктору Степанову, неуклюже топчась, смущенно извиняются за причиненное безпокойство, неловко жмутъ руки всѣмъ и удаляются, сразу другіе, уже не противные въ своей грубости, понявшіе неумѣстность своего поведенія, близкіе человѣческимъ пониманіемъ“.

И старый докторъ сидитъ на скамейкѣ, опустивъ голову на руки, весь охваченный сладкими иллюзіями, а рядомъ, оба молчаливые, тихіе, но внутренно глубоко взволнованные и тоже думающіе, сидятъ Анна Николаевна и фельдшеръ.

И кажется, что тишина очертила здѣсь свой невидимый кругъ, незримыя стѣнки, чтобы оградить этихъ людей отъ тревожныхъ шумовъ потрясеннаго городка ихъ, навсегда оставшихся въ своей сферѣ, особой среди суеты, въ маленькомъ мірке тихаго, не ярко радостнаго существованія жителей старенькихъ и жалкихъ, вдругъ лишенныхъ пристанища. Невольно вспоминался ребенокъ, несправедливо обиженный, молчаливый въ своей безотвѣтственности. Отъ старости въ серебряныхъ покровахъ въ кругѣ человѣческой жизни въ мигъ опредѣленный и печальный эти люди пришли къ благости дѣтства, безвозвратно утонувшаго, влекущаго, какъ радостный сонъ на землѣ.

И всѣ сидятъ молчаливые, чувствуя, что сидѣть такъ нельзя, что нужно встать, двигаться и дѣйствовать, но сидятъ тихіе, покорные,—странная группа въ ночной темнотѣ,—и слушаютъ напряженно, какъ стихаетъ постепенно шумъ на улицахъ, какъ все замѣтнѣе и ближе охватываетъ, лаская, сладость лѣтней ночи; тонко, пряно пахнутъ цвѣты любимые... Постепенно сдвигается внѣшнее тихое, обыденное, и ночь вѣчной властью примиряетъ на время людей; въ домикѣ Степановыхъ стихаютъ голоса, и уже тихо, тихо кругомъ.

— Вѣрно, спятъ, улеглись,—произноситъ вдругъ фельдшеръ, и звуки его голоса странно, точно виноватые, падаютъ въ темноту и умираютъ.

Докторъ и жена его смотрятъ на домикъ, такой знакомый и близкій, теперь странно чужой,—отнятое силой старое и родное.

Окно потухло,—видно, солдаты потушили лампы; теперь темно и прохладно въ садикѣ, свѣтъ изъ комнаты унесъ послѣднюю маленькую уютность, и мучительно яснѣе стала вся безсмысленность положенія.

— Достать бы пальто или пледъ, — произноситъ Анна Николаевна, смотря на мужа:—вѣдь ты дрожишь, да и вамъ, Волковъ, не мѣшаетъ... Я пойду въ комнаты.

Материнская заботливость звучитъ въ ея голосѣ, и невольно, молча, благодарно соглашаются двое.

— Идемте всѣ, — говоритъ Степановъ:—такъ лучше.

— Поди, разбудишь ихъ, со сна-то они пьяные и злые...—ворчитъ фельдшеръ:—чего бы не вышло...

У прожектора.

— Ну, подождите я сейчасъ, — и старушка скрывается въ темнотѣ.

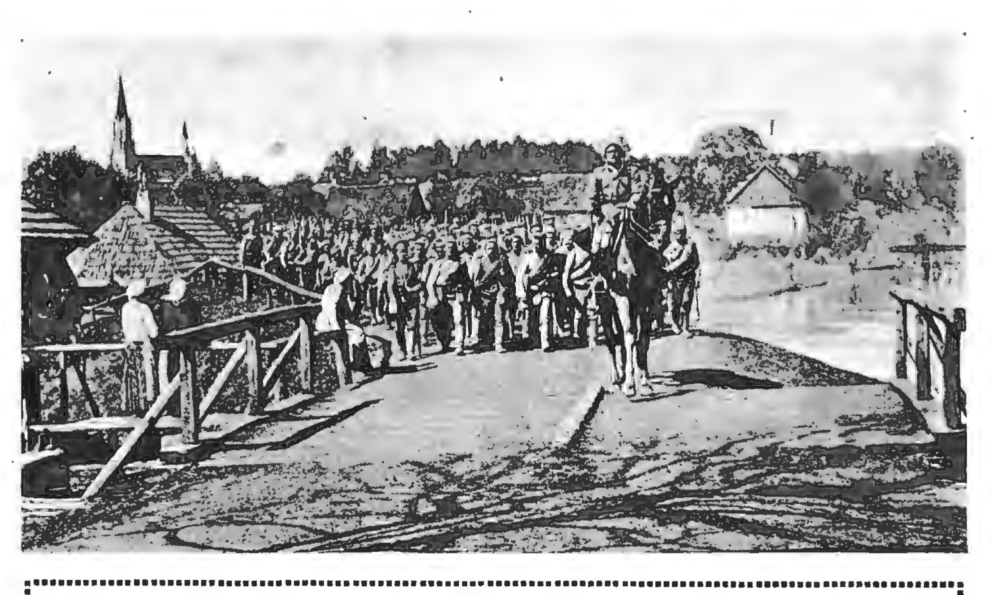
Старики сидятъ, молчаливые и близкіе, и взоры ихъ тревожно-выжидательно направлены къ домику, таинственному и молчаливому въ ночной темнотѣ, будто недоумѣнно спрашивающему безмолвіемъ:

— Почему же вы всѣ на дворѣ? Почему ушли отъ меня? Вѣдь я жду васъ, жду.

Медленно и тихо течетъ время, и вдругъ случается что-то безсмысленное и страшное. Зловѣще-огненное, пронзаетъ оно тишину и ранитъ старыя души... Глухой ударъ выстрѣла со стороны домика, чуждое восклицаніе,—и оба, докторъ и фельдшеръ, застываютъ отъ невыразимаго ужаса догадки.

— Неуж?..—обрывается стономъ Степановъ и безумно-стремительно, точно влекомый невидимой силой, бѣжитъ къ дому... За нимъ едва поспѣваетъ Волковъ.

У входа въ комнаты на террасѣ докторъ спотыкается о что-то грузное, мягкое, и беззвучно падаетъ на теплый трупъ своей жены.



Въ походѣ.

Въ жуткой неподвижности она лежитъ лицомъ вверхъ, съ открытыми и застывшими старыми глазами, въ своемъ клѣтчатомъ шерстяномъ платкѣ на плечахъ,—смерть настигла ее, посланная испуганной со сна вражеской рукой, и, медленно расплываясь черной змѣйкой, ползетъ кровь съ кругленькой незамѣтной ранки на лбу; навсегда вдругъ уснувшая,— угасшая лампадка, — маленькая, любящая, невинная старушка, точно убитый милый ребенокъ, тихо ушла въ вѣчность...

— Волковъ, что же это? — дрожащимъ отъ тяжело сдавливаемаго рыданія голосомъ шепчетъ Степановъ. — Что это? Неужели конецъ?.. Конецъ?..

И широко открытые, полные тяжелыхъ старческихъ слезъ, глаза съ застывшей невыразимостью отчаянія устремлены на фельдшера.

Но тотъ самъ тихо плачетъ, всхлипывая, и ужасомъ человѣческаго страданія вѣетъ отъ этихъ двухъ старыхъ сѣдыхъ людей, какъ дѣти, горюющихъ въ плачѣ. Тишина притаилась кругомъ, и только слышатся рѣзко непріятные звуки храпа спокойно спящихъ солдатъ. Странно, непонятно и остро-мучительно: — большое ли, каменное, безконечно равнодушное нѣчто, шутя, вздумало погасить рукою пьянаго солдата тихую, никому не мѣшавшую жизнь, или такъ было ужъ суждено? Странная и жуткая противоположность, странная группа, воплощеніе бездны жгучаго горя, безмолвнаго недоумѣнія — двое живыхъ и одна мертвая въ призрачной мглѣ ночи.

— Конецъ, конецъ! Аня!.. Аня!.. — въ изступленіи шепчетъ докторъ, припавъ къ уже холодѣющему и мраморно застывающему лицу своей вѣрной подруги.

Больше нѣтъ ничего теперь въ жизни у стараго доктора. Навсегда ушло единственное и безцѣнное, навсегда пересталъ звучать мелодичный голосъ, навсегда замолкло старое любящее сердце, и нѣтъ уже больше даже только мгновенія жизни, только послѣдняго маленькаго мгновенія... Здѣсь тихою ночью уходящаго лѣта въ безмятежность нетребовательнаго существованія спустилась другая ночь,—черная ночь страданія, тоска сосущая, безысходная...

И вдругъ точно желѣзное кольцо охватываетъ горло Степанова, — меркнетъ бѣлое съ отчетливой полоской крови дорогое лицо жены, мокрыя, отъ слезъ сморщенныя черты стараго друга, кусокъ звѣзднаго синяго неба, все меркнетъ... Тяжело поднимается докторъ Степановъ и вдругъ тихо падаетъ навзничь. Остается на ногахъ только фельдшеръ, низенькій, согнувшійся и тщедушный; долго и безсмысленно онъ смотритъ на то, что нѣсколько минутъ назадъ составляло всю радость его бѣдной жизни, долго смотритъ на два трупа — маленькіе, спокойные, точно спящіе рядомъ, какъ всегда. Потомъ медленно, уныло, бредетъ къ выходу изъ садика... И странной и жуткой кажется его одинокая маленькая фигурка на густо-синемъ свѣтлѣющемъ фонѣ предутренняго неба...

Въ третій разъ...

Турецкое преданіе. **Вл. Черевкова.**

Два раза смуглыя дѣти роскошнаго юга съ величественныхъ стѣнъ цвѣтущаго Царьграда слышали звучную славянскую рѣчь и грозное бряцаніе оружія могущественныхъ заморскихъ сосѣдей.

Два раза широкимъ бурнымъ потокомъ съ далекаго Сѣвера шли побѣдныя рати и, ступивъ на чужую землю, смѣло подходили къ вѣковому красавцу-городу, царю двухъ морей.

Хотя и разно встрѣчали шумныхъ и грозныхъ гостей изъ-за крѣпкихъ царьградскихъ стѣнъ,—въ первый разъ, какъ лихихъ завоевателей, во второй, какъ идущихъ на помощь друзей,—все же тяжкая вражеская пята два раза оставляла слѣдъ на чуждыхъ ей прекрасныхъ поляхъ старой столицы, обласканныхъ и зацѣлованныхъ пламенными лучами южнаго солнца съ вѣчно синяго неба.

Тылъ—фронту. Съ теплымъ платьемъ.

— Охъ! Не къ добру это!.. — смущенно и боязливо качали красными фесками правовѣрные. — Знаемъ мы:—русскій привыкъ трижды добиваться поставленной цѣли...

Впрочемъ, второй разъ чужеземные пришельцы были желанными гостями въ благословенной Аллахомъ странѣ, не такъ, какъ въ первый, когда, поблескивая на солнцѣ страшными пастями, вражескія пушки-чудовища грозили стереть съ лица земли гордость и красу турокъ,—богатую столицу, отнятую воинственными предками у византійцевъ.

Бѣлый Царь защищалъ тогда великую Оттоманскую имперію отъ коварныхъ замысловъ властолюбиваго Магомета-Али.

Еще и теперь, въ знакъ этого дружелюбнаго пребыванія сѣверныхъ сосѣдей, у города Бейкоса, на холмистомъ мысѣ Серви-Бурну, слушая сказки словоохотливыхъ волнъ Дарданелльскаго пролива о диковинныхъ чужеземныхъ берегахъ, высится гладко обтесанный камень-памятникъ, на которомъ съ одной стороны по-русски начертано:

„1883 г. іюня 25",

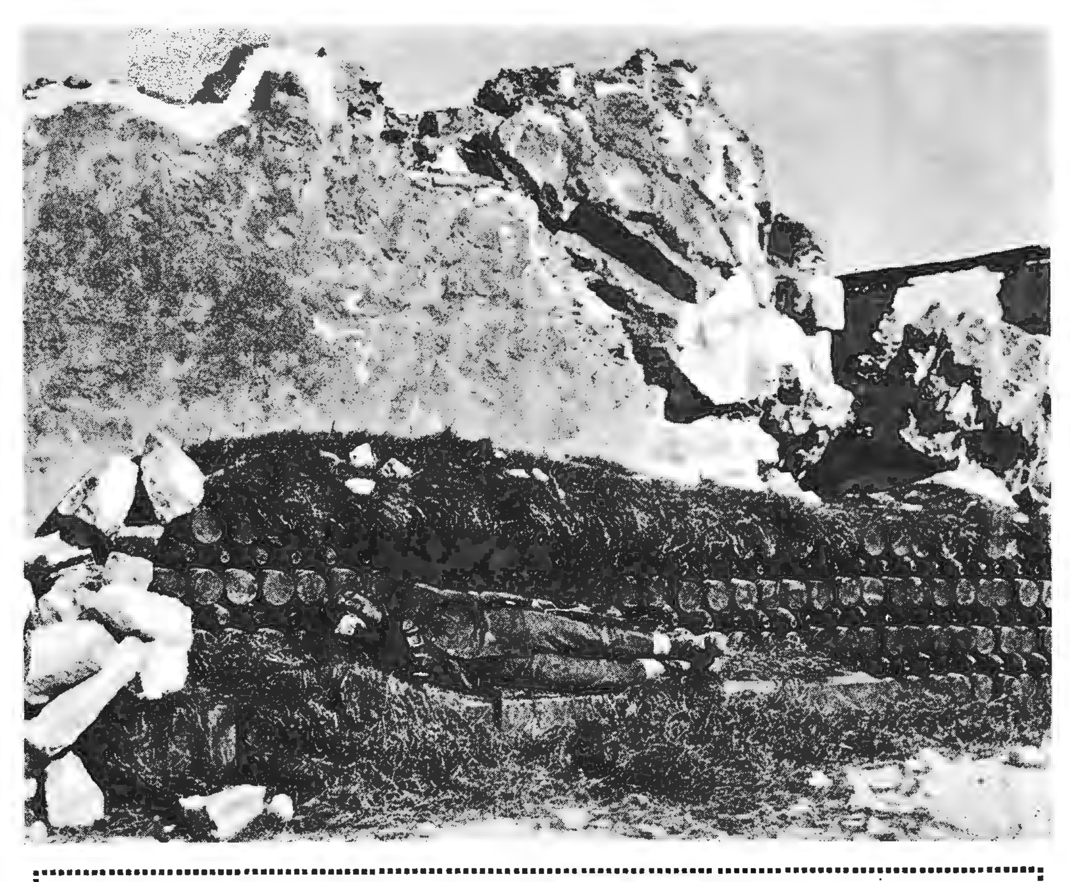
а съ другой искусный поэтъ вылилъ турецкими письменами (приводимъ въ вольномъ переводѣ):

Какъ эта скала, нерушима, тверда
Пусть дружба возникнетъ межъ нами.
Потомки запомнятъ пускай навсегда—
Здѣсь русскихъ встрѣчали гостями.

Но старые, пожившіе турки плохо вѣрили въ правдивость этой дружбы Полумѣсяца съ Крестомъ, православной Московіи съ поработителями христіанства.

И росло и крѣпло тайное и смутное, невѣдомо откуда явившееся ожиданіе чего-то неизбѣжнаго, непоправимаго.

Такъ подмытый буйными волнами утесъ грустно глядитъ на спокойную, но таящую скрытыя силы морскую пучину и чуетъ неотвратимую гибель, и ждетъ послѣдняго буйнаго напора, чтобы упасть погребеннымъ въ могучей стихіи.



Въ Дарданеллахъ. „Война и миръ". Англійскій солдатъ у склада снарядовъ.

Съ мрачнымъ недовѣріемъ и неяснымъ чувствомъ страха смотрѣли мудрые старики на загадочный Сѣверъ, въ необъятную даль бирюзоваго Чернаго моря.

— Не спроста русскіе здѣсь два раза были...

А неопытная, пламенная молодежь, подбодряемая агатовыми глазами закрытыхъ чадрою, но страстныхъ и пылкихъ красавицъ, храбро хваталась за кривые ятаганы и съ юнымъ задоромъ неоперенныхъ птенцовъ насмѣшливо кричала:

— Ну, скажите — что не спроста? Мы — не вы. Не пустимъ гяуровъ и на берегъ!

Но упрямы были сѣдые, искушенные житейскимъ опытомъ старики. Задумчиво, по-стариковски качали головами и настойчиво, пытливо смотрѣли въ даль, — точно искали чего-то выцвѣтшими глазами, точно оттуда, гдѣ на сѣверѣ въ мощномъ объятіи сливались двѣ великія стихіи — небо и вода, ждали страшныхъ и гибельныхъ возможностей.

А глупые юнцы, отходя отъ нихъ, громко и презрительно смѣялись, не вѣря сѣдой мудрости. Высоко поднимали оружіе и, вызывая на бой невидимаго врага, съ воинственными криками рѣзали воздухъ сверкающими изломами стали.

Но вотъ умеръ престарѣлый, чтимый страною мулла и въ короткой запискѣ оставилъ потомкамъ страшныя незабываемыя слова:

„Молитесь Аллаху, правовѣрные! Настанетъ часъ, и въ третій разъ, въ день великаго гяурскаго праздника, придутъ враги съ Сѣвера и завладѣютъ навѣки городомъ Султана".

И, блѣднѣя, опустили головы смущенные юноши, — ужъ слишкомъ вѣрили въ святость умершаго муллы. Безсильно упали съ дорогихъ дѣдовскихъ эфесовъ ослабѣвшія руки, и тихо разошлись по домамъ, смутно переговариваясь, недавніе храбрые воины.

И душною звѣздноокою ночью, когда небо и земля дышатъ истомною нѣгой, не спится правовѣрнымъ на жаркомъ ложѣ. Каждый думаетъ крѣпкую думу, разбираясь въ суровомъ предсказаніи.

Отправка перваго поѣзда солдатскихъ сиротъ изъ Парижа на Ривьеру.

А стоустая молва въ тихомъ шопотѣ, какъ въ неясномъ шелестѣ встревоженнаго вѣтромъ тростника, упорно, настойчиво поползла отъ Стамбула къ Баг-

даду, повторяя и расцвѣчивая мрачными цвѣтами вѣщія слова.

И напрасно распаленный гнѣвомъ владыка султанъ сжегъ нечестивое тѣло пророка-смутьяна и прахомъ его велѣлъ выпалить на сѣверъ изъ самой большой пушки: напрасно по городамъ и селамъ разсылалъ онъ юркихъ соглядатаевъ, казня знатныхъ и бѣдняковъ, мужей и женъ, старыхъ и малыхъ, застигнутыхъ въ передачѣ крамольныхъ словъ выжившаго изъ ума муллы,—отъ стариковъ къ дѣтямъ, какъ волна отъ паденія камня, переходило изъ устъ въ уста зловѣщее пророчество и, уснащенное новыми предсказаніями явившихся провидцевъ, ширилось и разрасталось въ чудовищную и жуткую легенду, расходясь по всей странѣ.

И, боязливо прислушиваясь и передавая глухимъ шопотомъ темные слухи, трепетали и трепещутъ за мрачное, теперь уже близкое будущее объятые страхомъ правовѣрные сыны Аллаха.

Въ Дарданеллахъ. Фуражная колонна индійскихъ войскъ.

Русскій Царь передъ Босфоромъ.

Очеркъ **Н. Лернера.**

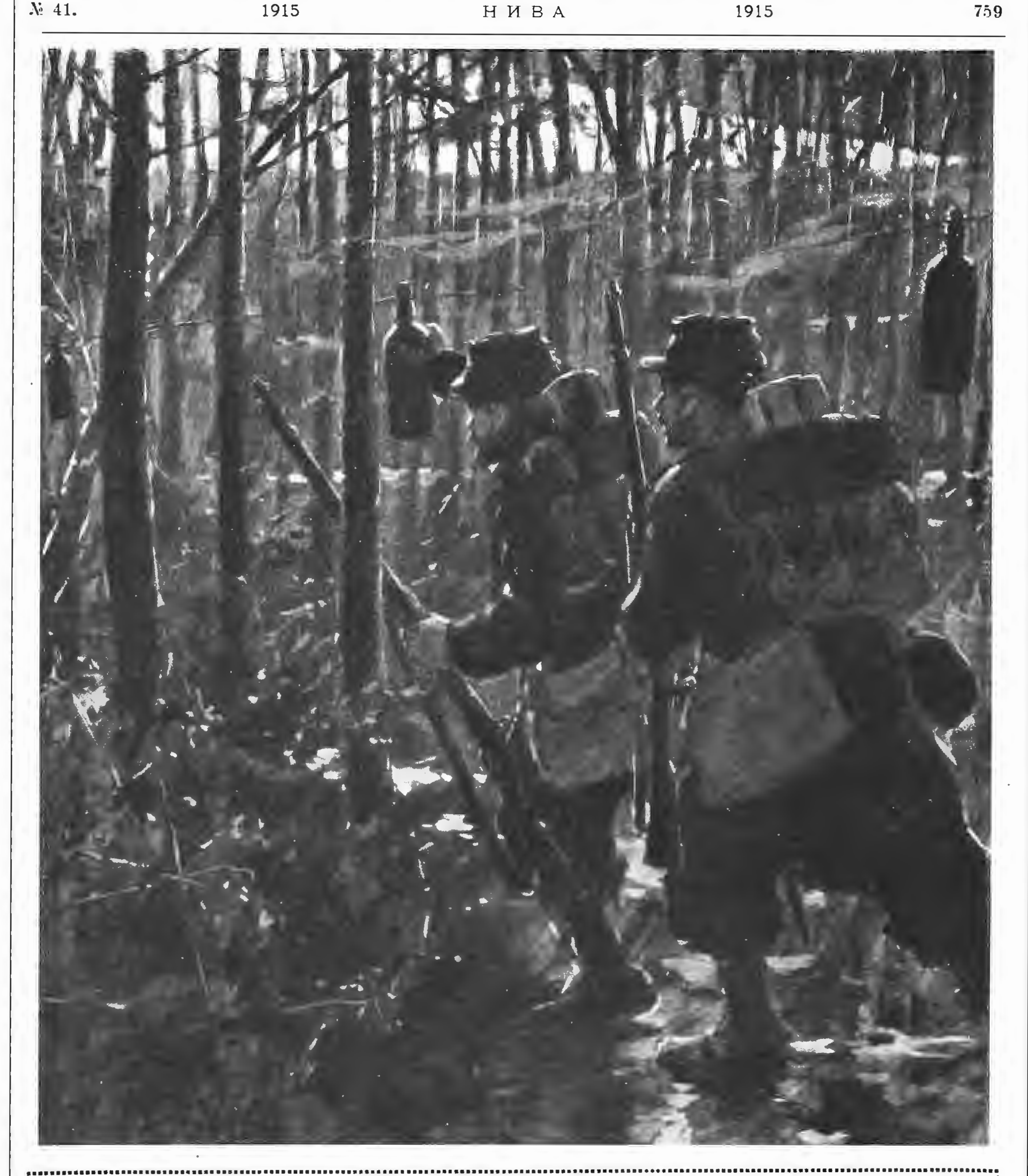
Если не считать почти легендарныхъ временъ Олега, прибившаго свой щитъ къ воротамъ Константинополя, ни одинъ русскій монархъ не подходилъ къ столицѣ Востока такъ близко, какъ императоръ Николай I. Правда, не своя воля вела его тогда... Русскаго царя едва не занесла въ Константинополь несчастная случайность, которая могла бы даже стать роковой для него, и спасла его тоже случайность.

Это было въ 1828 году, во время войны съ Турціей. Главнымъ театромъ войны былъ Балканскій полуостровъ. Желая лично руководить военными дѣйствіями, государь, избравъ для постояннаго жительства Одессу, нѣсколько разъ ѣздилъ оттуда въ дѣйствующую армію. Въ сентябрѣ Николай Павловичъ руководилъ нѣсколькими штурмами осажденной Варны, которая 29-го сентября, послѣ почти трехмѣсячной осады, сдалась. Введя войска въ покоренный городъ, государь 2-го октября отправился обратно въ Одессу съ многочисленной свитой, въ которой находился и главный начальникъ варненской осады, новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ. Корабль, на которомъ плылъ государь,—„Императрица Марія“, одно изъ лучшихъ линейныхъ судовъ нашего черноморскаго флота,—былъ подъ командой капитана Папа-Христо. Это былъ прирожденный морякъ, къ тому же по происхожденію островной грекъ, настоящій морской волкъ, изъ тѣхъ, которыхъ умѣлъ воспитывать тогдашній парусный флотъ. Интересный, давно угасшій типъ, преданія о которомъ замерли на страницахъ Станюковича.

Все обѣщало благополучное плаваніе, и путь долженъ былъ занять не больше 36—40 часовъ, но на второй день начался штормъ. Онъ длился нѣсколько сутокъ. Корабль сталъ игрушкой вѣтра и волнъ, пересталъ слушаться руля и потерялъ курсъ. „Такой бури,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ участникъ этого плаванія М. П. Щербининъ, находившійся въ должности секретаря по гражданскимъ дѣламъ при Воронцовѣ,—не могли запомнить и самые опытные моряки. Неимовѣрно-сильными порывами вѣтра всѣ снасти корабля были уничтожены; на палубѣ, заливаемой волнами, едва можно было держаться. Нельзя было безъ глубокаго благоговѣнія взирать на стойкость и хладнокровіе нашего государя: ни на одинъ мигъ величавое чело его не возмутилось малѣйшимъ признакомъ тревожнаго ощущенія. Были дѣлаемы разныя предположенія, какъ быть, если своеволіемъ бури корабль будетъ занесенъ въ Босфоръ“. Спокойствіе государя оттѣнялось „всеобщимъ треволненіемъ“ на кораблѣ („Русскій Архивъ“ 1876 г., III, 290).

Скупой на подробности очевидецъ не передалъ намъ, какія строились предположенія въ эти тревожныя минуты, но его разсказъ дополняется сообщеніями другихъ современниковъ, къ сожалѣнію, тоже слишкомъ краткими. Покойному издателю „Русскаго Архива“ (тамъ же, 291) П. И. Бартеневу „отъ одного изъ находившихся въ эти злые дни на кораблѣ „Императрица Марія“ случилось слышать, что графъ М. С. Воронцовъ, приглашенный въ царскую каюту на совѣщаніе о томъ, какъ быть, если буря унесетъ ко-

Въ Дарданеллахъ. Установка англичанами морского тяжелаго орудія у мыса Галессо.



На западномъ фронтѣ.
Французскіе солдаты направляются ночью къ своимъ траншеямъ, отыскивая дорогу по бутылкамъ, навѣшеннымъ на проволокѣ.

рабль къ турецкимъ берегамъ, и если турки овладѣютъ имъ, подалъ мнѣніе, что въ крайнемъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ сдаваться въ плѣнъ, а прибѣгнуть къ дѣйствію пороха и всѣмъ взлетѣть на воздухъ".

Однако принятъ былъ не этотъ планъ, а другой. Вотъ что̀ писалъ въ ноябрѣ того же года одному пріятелю жившій тогда въ Яссахъ, поблизости къ театру войны, и вообще хорошо освѣдомленный русскій дипломатъ Ф. П. Фонтонъ („Воспоминанія юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1728—29 гг.". Лейпцигъ, 1862, т. II, стр. 195—196): „Буря до такой свирѣпости дошла, что почти другого спасенія не предстояло, какъ постараться выѣхать въ Босфорскій проливъ. Командиръ фрегата Папа-Христо имѣлъ достоинство не скрыть этого отъ государя. Какъ ни непріятенъ этотъ принужденный визитъ султану долженъ былъ быть для царя, онъ принялъ это извѣстіе съ свойственнымъ ему мужествомъ духа. Потомокъ Петра оказался въ несчастіи достойнымъ предка. Говорятъ также, что по случаю нѣкотораго сходства нашего пріятеля Александра Суворова *) съ царемъ, ему, на случай необходимости въѣхать въ Босфоръ, предназначено было быть калифомъ на часъ и потомъ найти способъ государя, въ качествѣ офицера, отправить въ Петербургъ. Къ счастью, обошлось безъ этого всего. И слава Богу! Русскому царю слѣдуетъ посѣтить Царьградъ, когда Софійская мечеть опять будетъ храмомъ Святой Софіи".

Былъ уже критическій моментъ, когда государь, считая гибель истерзаннаго корабля неминуемой, приказалъ итти къ непріятельскому берегу. Велика была бы радость турокъ, если бы имъ удалось безъ единаго выстрѣла не только завладѣть русскимъ воен-

*) Внукъ великаго Суворова, князь Александръ Аркадьевичъ, впослѣдствіи петербургскій и прибалтійскій генералъ-губернаторъ.

Золотыя ворота въ Царьградѣ, черезъ которыя входили византійскіе императоры-побѣдители. Въ настоящее время — замурованы. По преданію будутъ открыты христіанскимъ Императоромъ.

нымъ судномъ, но и привезти въ Константинополь своего державнаго врага и его полководца, лишь на-дняхъ взявшаго у нихъ Варну. Съ такими драгоцѣнными заложниками въ рукахъ трудно поручиться, что задуманная хитрость удалась бы: среди турецкихъ дипломатовъ, бывавшихъ въ Россіи, навѣрное нашлись бы такіе, что видѣли Николая I и безъ ошибки узнали бы его теперь, — турки, и побѣжденные, могли бы диктовать условія мира. Но не суждено было имъ это торжество. Смѣлая рѣшимость капитана спасла положеніе. Онъ категорически воспротивился царскому повелѣнію, напомнилъ государю, что высшее командованіе на кораблѣ принадлежитъ капитану, и государь положился на волю судьбы и на опытность браваго моряка. Повидимому, Папа-Христо пришлось за свое убѣжденіе горячо бороться. Дошло до того, что, какъ передавали впослѣдствіи („Записки графа П. X. Граббе“, М. 1889, стр. 365), Папа-Христо, „имѣя нужду сообразить ходъ судна и чтобы уйти отъ разспросовъ и совѣтовъ нѣкоторыхъ главныхъ лицъ, сопровождавшихъ государя, оцѣнивая всю важность минуты и опасность, вошелъ въ свою каюту и часовому приказалъ никого не впускать, ниже государя: въ противномъ случаѣ будетъ разстрѣлянъ“. Твердость духа капитана спасла государя и корабль.

Проблуждавъ цѣлую недѣлю по Черному морю, „Императрица Марія“ въ ночь на 9-е октября остановилась на рейдѣ Одессы. Мѣсто въ одесской гавани, гдѣ высадился государь, называется съ тѣхъ поръ Царской пристанью. Мраморная доска, вскорѣ вдѣланная въ стѣну набережной, напоминаетъ объ этомъ событіи: „1828 года Октября 9 дня Государь Императоръ Николай I, на обратномъ пути моремъ изъ Варны въ Одессу на кораблѣ „Императрица Марія“, послѣ продолжительнаго бурнаго плаванія благополучно вышелъ на сей берегъ въ 2 часа пополуночи“.

Въ 1848 г. Папа-Христо, давно уже вице-адмиралъ, скоропостижно умеръ отъ апоплексическаго удара на лѣстницѣ Зимняго дворца, послѣ бала, бывшаго въ тотъ вечеръ. „Государь, узнавъ о его смерти, остановился надъ мертвымъ, лежавшимъ на ступеняхъ лѣстницы, и съ умиленіемъ сказалъ, что хладнокровію и искусству покойнаго онъ обязанъ спасеніемъ“ („Записки графа П. X. Граббе“).

Бѣлые ангелы.

Любовью безбрежною полныя очи,
Сердца, не смущенныя тяжкимъ трудомъ;
Безъ отдыха дни и безсонныя ночи,
Не женская доблесть въ огнѣ боевомъ.
Подъ грохотъ орудій, подъ взрывы шрапнели,
Подъ ливнемъ свинца — не внемля ничему,
Въ баракѣ, у залитой кровью постели,
Святому призванью вѣрны своему...
При видѣ ихъ — стоны страдальцевъ стихаютъ,
Надеждой предсмертною взоры горятъ;
Кровавыя раны онѣ утоляютъ,
Душевныя муки героевъ цѣлятъ.
Всю чуткость, всю стойкость любви материнской,
Всю кроткую ласку и нѣжность сестры
Несутъ онѣ въ кипень борьбы исполинской,
Безъ мѣры свои расточая дары.
Нѣтъ счета косынкамъ ихъ дѣвственно-бѣлымъ,
Нѣтъ счета ихъ краснымъ крестамъ на груди, —
Любовь ополчила ихъ воинствомъ цѣлымъ,
На трудъ посылая, сказала: „Иди!
Иди туда, гдѣ за народную долю
Кровь льется потоками въ грозномъ бою!
На жертву отчизнѣ отдай радость-волю
И всю красоту молодую свою!..
Иди къ пеклу самому битвъ изступленныхъ,
Иди въ лазареты, — свой долгъ выполняй:
Послѣдніе вздохи на смерть обреченныхъ,
Израненныхъ муки — иди, облегчай!..“
Пошли, вдохновеньемъ священнымъ пылая,
На подвигъ высокій любви и труда;
И все возрастаютъ ихъ бѣлыя стаи,
И все ихъ зоветъ боевая страда.
Подъ бѣлой косынкою искрятся очи,
Нездѣшняя сила горитъ подъ крестомъ;
И — мнится — трепещутъ въ безсонныя ночи
У каждой два бѣлыхъ крыла за плечомъ.
И мнится — къ намъ ангеловъ Небо послало
Въ сіяньи вѣнчающей скорбь красоты
И кровью, дошедшей къ нему, начертало
Багряные эти святые кресты...
О, бѣлые ангелы чернаго горя!
Что можетъ затмить пламень сердца живой? —
Надъ темной пучиной креваваго моря
Онъ блещетъ всемірнаго мира зарей.

Аполлонъ Коринфскій.

Въ Дарданеллахъ. Англійскіе врачи дѣлаютъ перевязку раненымъ турецкимъ плѣннымъ.

Прогулка.

Разсказъ **Л. Пасынкова.**

Лакей Пименъ, котораго Марія Ивановна зоветъ кратко „Пимъ“, вкатилъ колясочку между двумя толстыми деревьями, заплатанными тонкой жестью. Солнце еще не распустило надъ пыльнымъ Марсовымъ полемъ желтоватыхъ лучей своихъ, и подъ апрѣльскими сучьями, еще не обведенными зеленымъ пухомъ, стоитъ густая сыроватая прохлада. Хрустящія старыми костями ноги его превосходительства заботливо укутаны въ пуховый клѣтчатый пледъ.

Немного подремалъ старенькій генералъ. Отъ большого кожанаго козырька на прозрачное и гладко выбритое лицо легла полукруглая голубоватая тѣнь наподобіе маски. И подъ этой маской не разберешь,—очень ли старъ Сушиловъ, или не такъ старъ.

Выставивъ на полосу свѣта худыя, въ коричневыхъ митенкахъ, руки, неторопливо вяжетъ свое суровое кружево англичанка Марія Ивановна. Ея большіе неподвижные глаза ухитряются разомъ наблюдать за нарастающими петлями и бокомъ слѣдить, какъ по узкой, задернутой пескомъ, аллейкѣ амазонка на бѣлой горячащейся лошади дѣлаетъ свои круги.

2-й временный петроградскій морской госпиталь на 600 кроватей, помѣщающійся въ зданіи Реформатскаго училища (въ Тюремномъ переулкѣ). 2-я палата, вмѣщающая 128 раненыхъ.

На Марсово поле между тѣмъ въ ряды марширующихъ солдатъ вкатываются на легкихъ лафетахъ пушки. Сдернулись облака съ безцвѣтнаго неба и словно водяной кистью провели по верхушкамъ старинныхъ зданій. Сѣверное солнце чертило свои миражи, и всѣ, кто былъ на землѣ, и все, что было на землѣ,—солдаты, тяжелыя лошади въ новыхъ постромкахъ, зеленыя колеса, мокрый блескъ безконечныхъ штыковъ,—все представилось, какъ на акварельной картинкѣ.

Стоккей опустила вязанье на колѣни. Она невольно залюбовалась видомъ того, какъ изъ сотенъ живыхъ тѣлъ и машинъ составляется грозное подобіе войны. Сапоги безчисленныхъ солдатъ, разыгрывавшихъ примѣрное сраженіе, хрустѣли, точно разжевывая комья еще не просохшей отъ утренняго дождя земли.

Англичанка глядѣла и не понимала. Наконецъ солдаты, сбившись на край поля, неожиданно бодрыми голосами прокричали свое привѣтствіе офицеру, поднявшему въ уровень съ головой руку. Что было въ рукѣ, Стоккей не видѣла, но немного выше фуражки оно блестѣло и горѣло тонкимъ желтымъ лучомъ. Должно-быть, офицеръ салютовалъ шашкой. Рокотъ „ура“ катился надъ самой пылящей землей, и силой его, ровно бичомъ, была подхлестнута лошадь амазонки. Тяжело дыша и жуя удила, проскакала она прямо за деревьями, обрызгавъ сзади сочными комьями песку колясочку, въ которой дремалъ Сушиловъ. Отъ гула голосовъ старикъ проснулся.

— Марья Ивановна! — слабымъ голосомъ позвалъ онъ сидѣвшую рядомъ женщину.— Вы здѣсь?

— Здѣсь, Алексѣй Аверьянычъ.

— И письма при васъ?

Административно арестованные при полицейскихъ домахъ за работой въ мастерскихъ, устроенныхъ по распоряженію петроградскаго градоначальника генералъ-маіора князя А. Н. Оболенскаго. Мастерская шитья сапогъ при полицейскомъ домѣ Александро-Невской части.

Лазаретъ Государственнаго контроля въ Петроградѣ для раненыхъ воиновъ. Раненые за работой—плетеніемъ корзинъ и сѣтокъ.

ражалъ и жадность, и страсть, и какое-то тайное раздражительное и раздражающее недовѣріе.

Стоккей и Сушиловъ походили скорѣе на враговъ, чѣмъ на старыхъ тридцатилѣтнихъ друзей. Но англичанка умѣла своими каменными глазами нажать и смирить

— Что вы такъ глядите на меня, Алексѣй Аверьянычъ? — повела она губами.—Похоже, будто вы не довѣряете мнѣ. Письма-то вѣдь вы предъ собою имѣете, — вѣрьте имъ, если не хотите вѣрить мнѣ.

Генералъ, мелко и забавно шевеля бѣловатыми полосками узенькихъ губъ, зашепталъ про себя:

— Колька, Колька, Колька... Живъ. живъ Колька. И пусть живетъ. Я хочу, чтобы онъ жилъ. Иначе что же?.. Какъ же я безъ него!

Опустилъ голову—и отъ старомоднаго большого козырька на все лицо и половину груди опустилась занавѣсочка голубой тѣни. Сушиловъ снова дремалъ, незамѣтно переходя въ состояніе, напоминавшее умираніе. Англичанка опустила вязаніе, и оно упало на землю.

Солдаты уже уходили съ поля, и длинными золотыми стрѣлами провожало ихъ четкій маршъ солнце, западавшее за ряды трубъ на крышахъ, за карнизы, наведенные рыжей клеевой краской, за парапеты, обрызнутые пометомъ голубей, ворковавшихъ, благословляя мягкую зелень вечерѣющаго неба.

Гдѣ-то далеко, за другимъ садомъ, играла музыка. Это было такъ далеко, что нельзя было понять, веселая или грустная та музыка, но была она такъ настойчива, что Маріи Ивановнѣ казалось—плачутъ трубы, плачутъ женскими голосами, плачутъ, заломивъ свои мѣдные клапаны, наподобіе хрустящихъ тонкихъ пальцевъ, плачутъ надъ давно уже проросшей могилой Коленьки.

На широкой аллеѣ посвѣжѣвшій вѣтерокъ прозрачными браслетами закруглилъ воронки пыли, и слѣва отъ спокойнаго пруда потянуло рыбнымъ запахомъ, хотя въ наливномъ прудѣ и лягушекъ не водится. Значитъ, вечеръ. Значитъ, пора въ маленькую квартирку Сушилова, гдѣ обманъ строго стережетъ дубовую дверь въ спальню медленно умирающаго старика.

Вонъ показался изъ-за двухъ бѣлыхъ статуй, манерно изогнувшихъ заплатанныя свѣжимъ гипсомъ мраморныя плечи, высокій Пимъ. На лѣвой рукѣ его виситъ теплое сѣрое пальто, которое онъ сейчасъ набросить на усохшія плечи барина.

Сушиловъ спалъ. Его колясочка легонько взвизгивала резиной колесъ по блестящимъ крупинкамъ кварца. Теплый картузъ съ

— При мнѣ!

Старикъ, поджавъ губы, медленно, въ пять мелкихъ оборотовъ, повернулъ голову. Глаза его оживились.

— Ну-ка-сь, покажите циферку, — отъ котораго числа?

Стоккей, съ видомъ почти торжествующимъ, поднесла къ самымъ глазамъ генерала мелко исписанное письмо. Генералъ жадно, словно не довѣряя, впился слабѣющими глазами въ развалистый почеркъ сына. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ гдѣ-нибудь, въ брошенной хозяиномъ избенкѣ, сидитъ молодой корнетъ за столомъ, дописывая свою вѣсточку. Хотѣлъ бы погладить, прикоснуться пальцами къ бумагѣ, на которой лежала узкая кисть сына, да руки совсѣмъ отнялись. Во всемъ тѣлѣ, маленькомъ и жалко-щупломъ, была жива только голова и глаза въ ней. Отмирала память, умирали всѣ чувства, старикъ не жилъ, и солнце, начинавшее припекать крупныя тѣла солдатъ, неустанно шагавшихъ по полю, совсѣмъ, казалось, не допускало къ старику своихъ лучей.

Съ какимъ-то непобѣдимымъ упорствомъ боролся онъ съ со всѣхъ сторонъ подступавшимъ молчаніемъ. Колины письма слагались въ защиту: изъ этихъ цвѣтныхъ конвертовъ старый отецъ ковалъ свой прочный щитъ, и потому съ такой радостью и жадностью онъ вглядывался въ цифры, надписанныя сверху четвертушки.

— Апрѣля 17-го... А какое у насъ сегодня, Марья Ивановна, число? Все мѣсяца растерялъ.

— Сегодня десятый день мая.

Такъ, такъ-съ. Вѣрно, вѣрно, вѣрно...

Онъ отдулъ безкровныя губы, шипя воздухомъ и дѣлая равнодушное, удовлетворенное лицо. На самомъ дѣлѣ, онъ не понималъ, сколько прошло времени, мало ли или много ушло дней. Но потомъ рѣшился и тихимъ голосомъ спросилъ:

— Значитъ, меньше мѣсяца?

— О, конечно... Гораздо меньше!—Англичанка говорила совершенно спокойнымъ голосомъ, но глаза ея упорно и неподвижно слѣдили за дрожаніемъ костяной коклюшки, дѣлавшей петли сѣрыхъ нитей.—Вы отлично знаете, Алексѣй Аверьянычъ, что нѣтъ еще полныхъ трехъ недѣль. Письмо вѣдь мы получили вчера. Значитъ, Коля живъ и совсѣмъ здоровъ.

— А что въ газетахъ пишутъ?

Англичанка такъ и не отвела своихъ зеленоватыхъ глазъ отъ дрожащей костяной палочки въ рукахъ.

— Пустяки. Мелкія стычки. И притомъ тѣхъ частей, въ которыхъ завѣдомо нѣтъ кавалерійскихъ отрядовъ.

Снова, натуживъ шею, повернулъ генералъ свою умирающую голову. Весь обликъ его вы-

Японскій лазаретъ на русскомъ фронтѣ.

обвисшими краями покачивался на головѣ, и жиловатая тонкая шея походила на стебель больного цвѣтка, а безкровныя уши—на завитки мелкихъ лепестковъ.

Сильныя руки Пима легко катили коляску. Когда поднялись на горбатый мостикъ, подъ которымъ свинцовѣли тягучія струи воды, англичанка, приподнявшись на цыпочкахъ, приложила губы къ уху Пима:

— Что, Пимъ, много ли еще у насъ писемъ?

Пимъ качнулъ сѣдыми бакенами, выстриженными наподобіе газона.

Англичанка тревожно вскинула свои глаза:

— Развѣ мало? Было еще сорокъ...

Когда было! — пожалъ плечами Пимъ. Въ остатній разъ, барышня, мы съ вами подсчитывали ихъ недѣлю назадъ. А баринъ все капризничаютъ, все капризничаютъ и требуютъ. Развѣ на нихъ настачишься?

Англичанка встревоженно подняла брови и рѣшительно сказала:

Надо какъ-нибудь подобраться. Такъ нельзя, Что мы будемъ дѣлать, если докторъ ошибается?

- Если ошибается...

Резинки колесъ мягко шуршали по торцу, перекатывая колясочку на солнечную сторону. Лѣнивое небо снова задергивало себя мокрыми нитями облаковъ, и внизу, между стеклянными подъѣздами, легла тяжесть сѣверной ночи. Старикъ спалъ, свѣсивъ голову, и шея его, казалось, съ трудомъ держала на себѣ тяжесть суконной кожаной фуражки и тяжесть безволосой высохшей головы.

Англичанка и Пимъ тревожно молчали. Оба понимали другъ друга. Смерть, водившая свои круги вокругъ Сушилова, создавала капризы, становилась требовательнѣе. Изо дня въ день генералъ все настойчивѣе просилъ новыхъ писемъ, и таяла маленькая горка бумаги, когда-то про случай исписанной корнетомъ, сложившимъ свою голову на солнечныхъ поляхъ Галиціи.

Англичанка и Пимъ много мѣсяцевъ назадъ уговорились съ Колей и отлично знали, что письма написаны тутъ же. Слабѣющее вниманіе отца онъ рѣшилъ убаюкать почти одинаковыми словами одинаковыхъ писемъ. Въ нихъ описывалъ онъ веселье походовъ, бодрость росныхъ ночей, перекаты снѣговъ, похожихъ на розсыпи сахара. Онъ шелъ на смерть и словно дерзко вызывалъ ее письмами. Живой, бодрый, онъ заранѣе мирился съ мыслью о томъ, что въ новенькомъ походномъ мундирѣ будетъ лежать въ одной могилѣ съ тремя сотнями другихъ людей, ему чуждыхъ, но слившихся съ нимъ въ тяжеломъ походѣ.

Къ атакѣ. Рис. И. Владимірова.

Дома поджидалъ докторъ, старый военный врачъ. Сушиловъ едва поднялъ вѣки и тотчасъ же, слабо подрагивая щеками, на которыхъ скудно проступала серебряная сѣдина волосъ, опустилъ голову и крѣпко уснулъ.

Боевые товарищи. Скульптура Г. Старкъ.

Англичанка, глядя въ упоръ своими каменными зрачками въ лицо врача, въ тонѣ почти жесткомъ спросила:

Скажите, Василій Петровичъ, мы, кажется, чаще можемъ баловать его письмами Коленьки?

Врачъ погладилъ себя по груди, снялъ съ ленточки ордена нитку, дернулъ плечомъ и заикающейся скороговоркой произнесъ:

Какъ знать, чего не знаешь? Можно гадать такъ и этакъ...

А все же... По два письма въ недѣлю?

Врачъ промычалъ что-то непонятное.

Ну, тогда три письма.

— Позвольте, — произнесъ Василій Петровичъ:— но я вѣдь не знаю, сколько ихъ всего у васъ...

Пимъ, стоявшій, подперевъ щеку рукой, у дверей, сказалъ:

— Тридцать семь штукъ, — какъ одна. Тридцать семь, ваше благородіе.

Врачъ покраснѣлъ, словно у него на совѣсти лежало тяжелое непріятное дѣло. На моментъ всѣмъ троимъ показалось, что вотъ стоитъ среди комнаты рослый, въ непріятно блестящихъ ботфортахъ, человѣкъ, отъ котораго зависитъ судьба другого человѣка, умирающаго, сидя въ колясочкѣ, похожей на металлическую жующую челюсть. Врачъ дернулъ колѣномъ и еще гуще покраснѣлъ.

Англичанка совсѣмъ спокойно и даже какъ-будто недружелюбно настаивала, и голосъ ея былъ ровенъ, какъ вся ея фигура, затянутая въ черное.

— Сколько же?

Врачъ поглядѣлъ на нее и Пима, потомъ остановилъ свои глаза на безволосой головѣ Сушилова, головѣ, походившей на голову еще маленькаго, не отнятаго отъ груди ребенка. Потомъ громко сказалъ:

— Почти сорокъ?.. Можете давать черезъ день!

Англичанка дернула губами, словно перекусывая нитку. Должно-быть, это означало беззаботную улыбку.

Сколько же ихъ, писемъ, еще останется, Василій Петровичъ?

— Не меньше десятка, ручаюсь!

Пимъ отозвался, прижавъ широкую и твердую,

какъ зачерствѣлая булка, руку къ звонко захлопавшему сердцу:

— Быстро, ваше благородіе, хороните. Ужли еще не поживетъ?

Надѣвая перчатки, врачъ прошелся по комнатѣ, и зелень въ стеклахъ оконъ бросила на лакъ его сапогъ травяныя черты, и походили сапоги его на странныя движущіяся вазы, или стволы диковинныхъ растеній. Вмѣсто отвѣта Василій Петровичъ замѣтилъ:

— Старое, какъ малое. Не грѣхъ Алексѣя Аверьяныча и побаловать. Отъ этого никто ничего не потеряетъ!

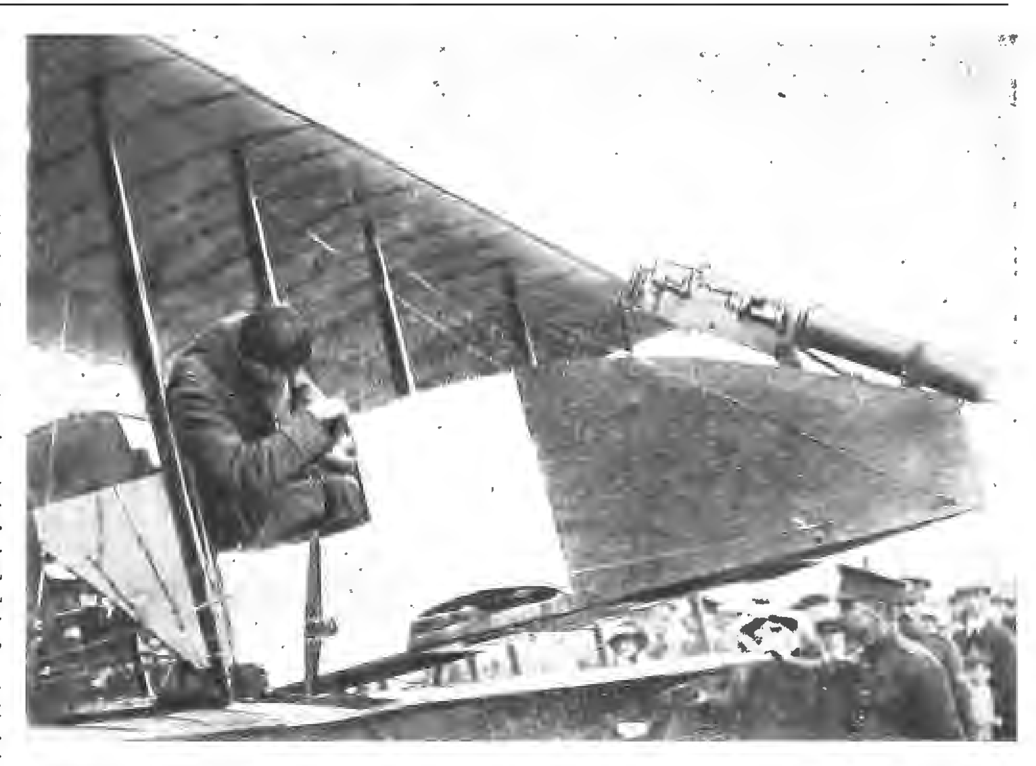
Англичанка опустилась на стулъ и повторила вслѣдъ за уходящимъ:

— Отъ этого никто ничего не потеряетъ. Ни мы, ни вы, ни онъ...

Она протянула руку и погладила не спавшаго, а перильца коляски. Для нея умиравшій въ теченіе долгихъ лѣтъ Сушиловъ цѣликомъ слился съ этимъ кресломъ на колесахъ, и она не отдѣляла человѣка отъ кресла, какъ не отдѣляютъ черепаху отъ ея костяной крыши. Она гладила, ласкала старое кресло.

Докторъ, совсѣмъ-было собравшійся уходить, подошелъ къ креслу и погладилъ его по другому перильцу. Пимъ отвернулся, какъ отворачиваются простые, крѣпкіе сердцемъ и деликатные люди при видѣ страданій другихъ людей. А Сушиловъ, раскраснѣвшись отъ упорнаго и лукаваго сна, уводившаго его съ послѣдней тропинки жизни, ровно посапывалъ тонкимъ выгибомъ ноздрей когда-то красиваго носа, и не зналъ онъ, что хоронятъ его эти близкіе, дорогіе ему люди.

Окно перекрылось чернотой ночи. Врачъ попрощался и ушелъ. Англичанка зажгла электричество и, какъ всегда въ эти безконечные годы, вмѣстѣ съ Пимомъ начала взбивать, сдернувъ теплыя одѣяла, постель. Засыпавшаго при каждомъ осторожномъ толчкѣ старика уложили. Щелкнулъ черненькій выключатель,— стало темно, темно...



Англійскій аэропланъ

Съ позицій въ городъ. Рис. М. Авилова.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 42

XLVI г. изданія

Выданъ 17-го октября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. И. Куприна" кн. 2.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Новый законъ о ратникахъ 2-го разряда
3782 п. съ перес. 70 коп. Треб. адр.: Москва, издательству Д. Куманова. 10-2

3777 **ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ.** 4-3
Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. нал. пл. 95 коп. Адр.: **МОСКВА**, ред. журн. **„СОКОЛЪ"**, отд 2.

3778 **Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.** 2-2
Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью и не знаетъ, какъ за это взяться, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ"**, содержащую описаніе множества прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны такія производства, которыя не требуютъ капитала, особыхъ знаній и спеціальной подготовки. Заняться любымъ изъ нихъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна книги съ перес. 2 р. 75 коп. Требов. адр.: **МОСКВА, изд—ству „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18 2.**

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ.

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебное заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на вольноопредѣл. 1 и 2-го разряда, на аптек. учен., учит. город., домашн., нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „Гимназія на Дому" (расходуя всего 1 р. 70 к. въ м-цъ), пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед.

Курсъ „Гимн. на Дому" состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 75 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ. Всѣ тома вышли изъ печати.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО опытныхъ преподавателей исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руководитъ ихъ занятіями. Популярнымъ изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ учениковъ нашихъ, мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ

ДЛЯ САМООБУЧЕНІЯ:

Гимназія на Дому, Академія Иностранныхъ Языковъ, Академія Коммерческихъ Знаній, Школа рисованія, живописи «Искусство для всѣхъ» 8749 2-2

и тысячи благодарственныхъ отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.

Издательское Т-во „БЛАГО", Петроградъ, Николаевская, 44—40.

ШАПКИ изъ настоящей овчинки высылаю налож. платеж. съ доставкой по 3 руб. Прошу указать размѣръ. Адресъ: гор. Шемаха. **Л. К. Лазаревъ.** 3795

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю **заочно каждаго въ 6 уроковъ.** Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ **Коссодо.** Дерибасовская, д. № 19.

КРЫМЪ ПРОДАЖА УЧАСТКОВЪ
въ чудной лежащей между Севастополемъ и Балаклавой недалеко отъ моря исторической мѣстности.

Участки отъ 350 рублей.
Льготная разсрочка на 5 лѣтъ. Рѣдкій случай пріобрѣсти дешево и выгодно землю въ Крыму. Справки: отъ 11 до 1 ч. дня и отъ 3 до 7 ч. веч. Петроградъ, Пушкинская, 10, кв. 1. Тел. 661-95.
3796 2-1

Услов. заоч. обуч. и каталогъ инструм. безплат. **„Курсы Музыки": Москва, Срѣтенка 21/5.**

Громадный выборъ новѣйшихъ изящныхъ модныхъ колье, кулоны, кольца, броши, серьги, запонки, булавки и т. п. у фирмы 3728
„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ"
К. А. НАСОНОВОЙ, въ Екатеринбургѣ
Иллюстрир. пр.-кур. высыл. БЕЗПЛАТНО.
Фирма сущ. съ 1892 г.

РУССКАЯ ПАТРІОТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА. 3791
Для фортепіано въ 2 и 4 руки, для одного голоса съ акк. фортепіано и **ХОРОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ** (для смѣш., однородн. и дѣтскихъ голосовъ).
Подробные списки высылаются **безплатно.**
П. ЮРГЕНСОНЪ, МОСКВА, Неглинный пр., 14.

ПИСАТЬ
красиво и скоро будетъ всякій, выписавшій **„Механическую пропись".** Новость въ каллиграфіи. Цѣна съ пересылкой 85 к., нал. плат. 95 коп. Адр.: **Москва,** ред. 3779 журн. „СОКОЛЪ", отд. 2. 4 2

ЗУБЫ БѢЛЫЕ ЗДОРОВЫЕ
прекрасный блескъ отъ примѣненія гигіеническихъ зубныхъ средствъ Дентозонъ Т-ва Стольбергъ и К°., Лондонъ, Парижъ. Петроградъ Дентозонъ зубной элексиръ. Дентозонъ зубная паста, освѣжающая полость рта и абсолютно безвредная Продается вездѣ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОД. СРЕДНЕЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННО-
ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ
учр. И. И. ХОЙНА. 3789 2-2
Съ правами соотвѣтств. правит. уч. заведеній. Въ 1-ый Спец. Классъ безъ экзам. приним. лица, окончившія высш. нач. училища, 4 кл. средн. уч. зав., торгов. школ., город. по полож. 1872 г. учил. и пр. Пріемъ производится. Число вакансій ограничено. Проспекты высыл. за 5 двухкоп. марк. Одесса, Пушкинск., 60. Учредитель И. И. Хойна.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается **за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".**

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Зломъ за добро. Предательское выступленіе Болгаріи противъ Сербіи и ея союзницы-покровительницы—Россіи—превзошло все, что знаетъ исторія международныхъ отношеній. Въ настоящую войну противъ Россіи обнажили мечъ всѣ четыре державы, въ разное время обязанныя своимъ существованіемъ великодушной помощи Россіи. Пруссія, дважды спасенная Россіей—въ 1807 и 1813 годахъ; Австрія, избавленная отъ венгровъ въ 1849 году; Турція, спасенная экспедиціей адмирала Лазарева въ 1833 году отъ нашествія египтянъ; наконецъ, Болгарія, освобожденная Императоромъ Александромъ II въ 1878 году,—составили четверной союзъ, объединенный черной неблагодарностью за тѣ великія и богатыя милости, какія щедро оказала имъ Россія въ тяжелые для нихъ годы.

Сербская армія. Въ началѣ послѣдней войны Сербія имѣла армію въ 80.000 человѣкъ мирнаго состава, которая при открытіи военныхъ дѣйствій была доведена до 300.000 человѣкъ. Послѣ призыва войскъ второй очереди численность сербской арміи была доведена до полумилліона. Сербская армія состояла изъ девяти дивизій. Въ каждой дивизіи было 36 орудій и 16 пулеметовъ и одинъ кавалерійскій полкъ съ четырьмя эскадронами.

Если принять во вниманіе, что къ концу 1914 года до 150.000 человѣкъ выбыло изъ строя сербской арміи, а въ началѣ нынѣшняго года вспыхнувшая эпидемія пятнистаго тифа унесла до 50.000 человѣкъ, то убыль всей арміи можно предположить въ 200.000 солдатъ.

Зато въ нынѣшнемъ году Сербія не вела почти никакихъ крупныхъ операцій. По сообщенію «Армейскаго Вѣстника», сербская армія занялась серьезнымъ пополненіемъ своихъ рядовъ. Въ приказѣ, напечатанномъ въ сербскомъ офиціальномъ органѣ отъ 16-го іюля текущаго года, было сразу произведено новыхъ 4.200 капитановъ и субалтернъ-офицеровъ. Пополненіе къ настоящему времени уже доведено до конца. Всѣ 17-ти и 18-лѣтніе юноши были зачислены въ войска, и такимъ образомъ снова набрано до 150.000 человѣкъ. Если прибавить этихъ новобранцевъ къ старымъ войскамъ, то численность сербской арміи можно считать въ 250—300, самое большее 350 тысячъ человѣкъ. Вооруженіе ихъ, особенно артиллеріей, стоитъ на высотѣ современныхъ техническихъ требованій, а что касается боевого опыта, то, разумѣется, онъ значительно превосходитъ опытъ болгарской арміи, разгромленной два года назадъ на Овчемъ полѣ и р. Брегальницѣ.

Во время послѣдней балканской войны, по сообщенію бывшаго министра-президента И. И. Гешова въ его новой книгѣ «Балканскій союзъ», Болгарія выставила всего 563.000 человѣкъ. Въ то время Сербія выставила 350.000, а Греція 215.000.

Такимъ образомъ сербская и греческая арміи сообща могутъ выставить больше войскъ, чѣмъ одна Болгарія. Но въ расчетъ необходимо принять еще и Румынію, которая и въ 1913 году вмѣшалась въ братоубійственную войну. Численность румынской арміи превосходитъ, въ случаѣ мобилизаціи, 600.000 человѣкъ.

Бой на улицахъ Бѣлграда. Участникъ этого страшнаго, ожесточеннаго боя, офицеръ сербской арміи Григорій Стефановичъ, сообщаетъ въ «Русскомъ Словѣ», что вначалѣ было рѣшено сдать городъ безъ боя. Сербы вынуждены были принять бой на улицахъ своей столицы, когда выяснилось, что пути отступленія отрѣзаны, и пробиться можно лишь силой. Къ тому же необходимо было спасти десятки тысячъ людей, которые въ послѣднее время вернулись въ Бѣлградъ и не могли выѣхать оттуда. Несмотря однако на полную неожиданность, сербскія войска заставили нѣмцевъ дорого заплатить за ихъ столицу.

Главный бой разыгрался въ кварталѣ Теразіи, гдѣ въ теченіе двухъ дней происходила рукопашная борьба на улицахъ. Особенно упорный бой разыгрался на улицѣ князя Михаила, возлѣ дворца, а также у зданія русскаго посольства. Въ этихъ мѣстахъ были навалены горы труповъ, которыми сражающіеся пользовались, какъ прикрытіемъ.

Въ бою принимали участіе не только войска, но и оставшіеся мирные жители, особенно подростки и мальчики, которые устраивали баррикады, рыли окопы и т. д.

Сербы очистили Бѣлградъ послѣ трехдневнаго боя, когда арміи ихъ отошли за городъ и когда большинству жителей удалось выѣхать. Войдя въ городъ, нѣмцы застали тамъ лишь развалины и горы труповъ.

Годовой итогъ потерь на моряхъ. Если сопоставить потери, понесенныя Англіей и Германіей не только отъ боевыхъ дѣйствій, минъ, выстрѣловъ и проч., но происходившія также отъ захвата въ портахъ и на моряхъ, то получится слѣдующее:

Англія изъ общаго числа своего торговаго флота, опредѣлявшагося къ 30 іюня 1914 года въ 8.587 судовъ, водоизмѣщеніемъ 18.892.000 тоннъ, потеряла 269 судовъ съ водоизмѣщеніемъ въ 831.163 тонны, т.-е. 3,13 проц. по числу судовъ и 4,40 проц. по тоннажу.

Германія, имѣвшая къ тому же времени 2.090 судовъ съ водоизмѣщеніемъ въ 5.134.000 тоннъ, потеряла 449 судовъ съ водоизмѣщеніемъ въ 1.194.000 тоннъ, т.-е. лишилась 21,48 проц. по числу судовъ и 23,27 проц. по тоннажу.

О дважды эвакуированныхъ военныхъ чинахъ. Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго на имя командующаго одной изъ армій прислалъ предложеніе слѣдующаго содержанія:

«Верховный Главнокомандующій повелѣлъ, чтобы всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которые были уже дважды эвакуированы по причинѣ раненій или контузіи, въ случаѣ раненія или контузіи въ третій разъ не возвращать въ ряды строевыхъ частей даже при условіи ихъ полной пригодности, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые заявятъ о своемъ желаніи вернуться въ строй. Равнымъ образомъ предоставляется полное право офицерамъ и нижнимъ чинамъ, находящимся нынѣ въ строю въ рядахъ арміи, бывшимъ трижды эвакуированными вслѣдствіе троекратнаго раненія или контузіи, быть назначенными въ составъ кадровыхъ и запасныхъ батальоновъ. Случаи эвакуаціи вслѣдствіе болѣзни не даютъ означеннаго права, и въ расчетъ должны быть принимаемы лишь эвакуаціи послѣ каждой новой раны или контузіи. Эвакуація вслѣдствіе отравленія удушливыми газами приравнивается къ раненію и контузіи».

Партизаны. Въ Пинскихъ болотахъ завязла значительная часть австро-германской арміи. Разливъ рѣкъ, дожди, болота и разбухшія торфяныя трясины уносятъ сотни жизней нашихъ враговъ. Въ болотахъ вязнутъ обозы, орудія, автомобили. Походъ труденъ и опасенъ. Нигдѣ, какъ въ пресловутыхъ Пинскихъ болотахъ, такъ не развивалось дезертирство, изъ арміи нашихъ враговъ. Бѣжавшіе изъ своихъ частей, отставшіе и оставленные солдаты организуются въ банды и начинаютъ заниматься мародерствомъ.

Объ ихъ звѣрствахъ и алчности ходятъ ужасающіе разсказы. Нѣмцы-мародеры убиваютъ, истязуютъ, пытаютъ жителей, насилуютъ женщинъ, издѣваются надъ дѣтьми, оскверняютъ храмы, грабятъ, жгутъ деревни и помѣстья.

Для борьбы съ этими звѣрствами мародеровъ пинскій помѣщикъ Сабуневичъ и два полицейскихъ стражника организовали летучіе партизанскіе отряды.

По словамъ «Нашего Вѣстника», партизаны вооружены по кавалерійскому образцу, снабжены лошадьми и боевымъ снаряженіемъ. Они совершаютъ по болотамъ дальніе переходы, такъ какъ ихъ ведутъ знающіе мѣстность лѣсники и охотники. Налеты партизановъ отличаются полной неожиданностью и удивительной стремительностью. За ними была устроена погоня. Съ этою цѣлью противъ партизановъ былъ отправленъ эскадронъ венгерскихъ гусаръ и эскадронъ ганноверскихъ уланъ. Послѣ оживленной перестрѣлки съ противникомъ партизаны ушли въ глубь болотистой части Минской губерніи и, пока противникъ не удалился, нападали на него, нанося ему большія потери и изнуряя непрерывными боями.

Партизаны добрались почти до Брестъ-Литовска, гдѣ напали ночью на штабъ какой-то австрійской части въ имѣніи Шабунце и внесли большое замѣшательство въ рядахъ непріятеля.

Въ Борисовскомъ уѣздѣ партизанамъ удалось настичь нѣмецкихъ мародеровъ около Юкшты, гдѣ въ костелѣ нѣмцы устроили оргію, притащивъ туда дѣвушекъ изъ деревни и заставивъ нѣсколькихъ музыкантовъ играть. Нѣмцы были совершенно пьяны, но все-таки выставили дозоръ. Партизаны сняли караульныхъ и ворвались въ церковь, откуда при содѣйствіи музыкантовъ и женщинъ выволокли святотатцевъ и насильниковъ и, связавъ ихъ, отправили въ русскія войска, а сами отправились дальше.

Нѣмцы называютъ отрядъ Сабуневича «шайкой болотнаго волка» и усиленно охотятся за нимъ, но знакомые съ родными болотами всадники остаются неуловимыми. Въ отрядѣ этомъ, кромѣ русскихъ и поляковъ, служатъ также и кавказскіе ингуши изъ помѣщичьихъ экономій.

Истребители подводныхъ лодокъ. Германское правительство заявило протестъ противъ сооруженія въ Америкѣ по заказамъ изъ Англіи большого числа моторныхъ лодокъ, снабженныхъ моторами огромной силы и способныхъ развивать скорость до 35-ти узловъ въ часъ. Германія увѣрена, что эти лодки предназначаются для борьбы противъ подводныхъ лодокъ, и потому считаетъ выполненіе такихъ заказовъ нарушеніемъ нейтралитета.

Протестъ этотъ будетъ однако оставленъ безъ послѣдствій, такъ какъ не

существуетъ въ международномъ правѣ такого принципа, который запрещалъ бы нейтральнымъ странамъ принимать заказы на моторныя лодки, тѣмъ болѣе когда эти заказы дѣлаются частными лицами и не требуютъ снабженія лодокъ какимъ-либо вооруженіемъ. Что же касается дальнѣйшаго примѣненія этихъ лодокъ, то до этого въ Америкѣ никому нѣтъ дѣла.

Ничего святого. Испанскія католическія газеты полны извѣстій о тѣхъ безчинствахъ и кощунствѣ, которыя допускаютъ турки и германцы въ Святой Землѣ.

На Голгоѳѣ попрежнему стоятъ орудія, и ежедневно происходитъ учебная стрѣльба.

Тамъ часто собираются нѣмецкіе офицеры и слѣдятъ за обученіемъ турецкихъ артиллеристовъ, безобразно ругаясь и разбрасывая повсюду спички и окурки сигаръ.

Испанскіе монахи указываютъ, что германцы употребляютъ въ этихъ святыхъ мѣстахъ особо кощунственныя ругательства и ведутъ себя такимъ вызывающимъ образомъ съ цѣлью быть угодными турецкимъ войскамъ, въ которыхъ усиливается вражда къ нѣмцамъ.

На Масличной горѣ и въ Самаритянской долинѣ построены казармы, куда присланы новобранцы изъ Малой Азіи. На этихъ чтимыхъ всѣмъ христіанскимъ міромъ мѣстахъ грязные грубые солдаты обучаются строевой службѣ, бѣгаютъ, дерутся, ругаются, превративъ святыя мѣста въ грязный, зараженный военный лагерь.

На стѣнахъ храмовъ и древнихъ развалинъ налѣплены огромныя афиши-портреты съ изображеніемъ Вильгельма и султана, попирающихъ ногами войска Англіи, Франціи и Россія. Всѣ французскіе, англійскіе, русскіе и итальянскіе монастыри въ Іерусалимѣ превращены въ конюшни.

Нѣмцы рѣшили, даже вопреки желаніямъ большинства турокъ, превратить многія чтимыя мѣста Святой Земли въ развалины.

Лѣченіе ранъ соленою водою. Извѣстный докторъ Ру представилъ докладъ о блестящихъ результатахъ лѣченія гнойныхъ ранъ соленой водой.

Самыя сильныя нагноенія, являющіяся при раздробленіи костей, воспалительныхъ процессахъ, послѣдствіяхъ ампутаціи и т. п., исчезаютъ въ три-четыре дня.

При первой возможности удаляется дренажъ, и рана промывается соленымъ растворомъ—столовая ложка соли на литръ воды.

Затѣмъ на рану кладутся компрессы изъ марли, смоченной въ томъ же прокипяченномъ растворѣ.

Перевязки должны накладываться при помощи стерилизованныхъ инструментовъ, безъ прикосновенія рукъ.

Профессоръ Маббе въ свою очередь указываетъ на прекрасные результаты примѣненія морской воды, какъ антисептическаго средства, въ военныхъ госпиталяхъ.

Какой цвѣтъ наиболѣе «защитный». Во Франціи были произведены опыты относительно «защитности», т.-е. меньшей замѣтности того или иного цвѣта военныхъ мундировъ.

Изъ десяти солдатъ двое были одѣты въ свѣтло-сѣрые мундиры, двое—въ темно-сѣрые, двое—въ зеленые, двое—въ темно-синіе и двое—въ красные. Всѣ эти солдаты были построены рядомъ въ одну шеренгу, и имъ было приказано маршировать вдоль по дорогѣ въ то время, какъ группа офицеровъ тщательно наблюдала за движеніями удалявшагося разноцвѣтнаго отряда.

Прежде всего «исчезли», т.-е. перестали быть замѣтными простымъ глазомъ, солдаты, одѣтые въ свѣтло-сѣрые костюмы, затѣмъ,—что многихъ очень удивило,—одѣтые въ красное; вскорѣ послѣ красныхъ—темно-сѣрые. Темно-синіе же и зеленые долго оставались видимыми.

Опыты стрѣльбы по синимъ и краснымъ мишенямъ, произведенные одновременно, показали, что синіе предметы легче различаются на большомъ разстояніи, чѣмъ красные.

Слово и дѣло Вильгельма. По поводу того, какъ цвѣтисты обѣщанія нѣмцевъ передъ занятіемъ мѣстностей и какъ жестоко разочаровывается населеніе, какъ только наступаетъ моментъ вступленія нѣмцевъ въ городъ, писано уже много, но изъ ряда этихъ описаній выдѣляется яркая характеристика дѣйствій Вильгельма въ Польшѣ, сдѣланная Г. Петровымъ въ «Русскомъ Словѣ». Приводимъ выдержки изъ его статьи:

«Мы несемъ вамъ желанный миръ,—говорили германскія власти оставшимся жителямъ занимаемаго арміей Вильгельма края,—и обѣщаемъ образцовый порядокъ. Будемте друзьями!»

Но когда представители занятаго германскими войсками края пожелали, помимо общихъ, ни къ чему не обязывающихъ, смутныхъ обѣщаній, точнѣе выяснить хотя бы ближайшіе планы германцевъ по устроенію Польши и для этого обратились къ самому Вильгельму съ просьбой сказать имъ, чего можетъ ждать населеніе Польши отъ новой, германской власти, Вильгельмъ кратко имъ отвѣтилъ:

«Сейчасъ я—солдатъ, а не дипломатъ. Всѣ мои думы направлены къ тому, чтобы сокрушить враговъ Германіи. О будущихъ судьбахъ Польши мнѣ пока некогда думать. Поэтому всѣ дѣла о Польшѣ я отдалъ въ вѣдѣніе моего сына,—обратитесь къ нему. Предупреждаю только, что и сына я не готовилъ въ дипломаты: онъ у меня не изъ разговорчивыхъ».

Въ другой разъ, при посѣщеніи Вильгельмомъ Королевскаго замка въ Варшавѣ, къ нему обратился старый родовитый полякъ съ ходатайствомъ бережнѣе хранить вѣковыя польскія святыни.

«—Въ нихъ наше величіе, память о нашемъ великомъ быломъ!—говорилъ полякъ.

«—Сейчасъ надо думать о будущемъ, а не о быломъ!—рѣзко возразилъ Вильгельмъ.—У меня на первомъ планѣ грядущія судьбы Германіи, цѣлость величія ея. Это—моя величайшая святыня, а старыя святыни Польши, это—старое платье. О гибели его убиваться особенно нечего. Идите, поляки, вмѣстѣ съ нами, и Германія сошьетъ вамъ новое, болѣе нарядное платье».

Но внутри, въ глубинѣ души, Вильгельмъ и германцы далеко не убѣждены, что имъ придется шить на поляковъ германское «нарядное» платье, и что русская Польша будетъ для этого надежной мастерской. Самъ Вильгельмъ ни на минуту не обольщался своими варшавскими успѣхами. Поздравляя верховное начальство своихъ войскъ съ занятіемъ Варшавы, Вильгельмъ тутъ же добавилъ:

«Наградъ никому по этому случаю не будетъ. Какъ высшіе, такъ и низшіе чины арміи, конечно, многіе и во многомъ отличились за время боевъ подъ Варшавою, но мы слишкомъ дорого заплатили за возможность гулять по улицамъ Варшавы. Нашъ успѣхъ здѣсь такъ густо подернутъ трауромъ, что, право, сейчасъ не до наградъ. Да и не малыя мы дѣти, чтобы предаваться пьянящимъ восторгамъ, когда русскія войска еще не разбиты нами. Мы заняли клѣтку, но птица улетѣла, а пока русская армія не въ нашихъ рукахъ, вопросъ о судьбѣ войны остается открытымъ».

Киплингъ и война. По просьбѣ французской газеты «Temps», извѣстный англійскій писатель Рюдиардъ Киплингъ подѣлился съ читателями мыслями о современной войнѣ.

«Во всеуслышаніе и всѣмъ я говорю то, что слышу отъ всѣхъ, а именно: война продлится три года. Но въ глубинѣ души, на днѣ сознанія своего, я отношусь къ этому заявленію весьма скептически. Мое мнѣніе таково: огня больше дровъ!

Къ тому же я считаю себя въ правѣ задаться вопросомъ: какъ почувствуетъ себя Германія, когда война наконецъ будетъ перенесена на ея собственную территорію. А сомнѣваться въ томъ, что военныя дѣйствія на вражеской территоріи начнутся въ самомъ недалекомъ будущемъ, никто изъ насъ не станетъ. Я, какъ и многіе другіе, обратилъ вниманіе на слѣдующее: нѣмцы въ борьбѣ—садисты, доходящіе до самыхъ непозволительныхъ эксцессовъ. Просматривая нѣмецкія газеты и находя въ нихъ отчеты о дѣйствіяхъ тевтонскихъ войскъ, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что погубило Германію несоотвѣтствіе ея моральныхъ силъ физической мощи.

Меня очень интересуетъ вопросъ: какова психологія нѣмецкаго солдата. Никогда до сихъ поръ я не могъ себѣ представить цѣлой націи, охваченной бѣшенствомъ. Германія въ этомъ состояніи страшна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣшна. Говорить въ такомъ случаѣ серьезно о нѣмецкой цивилизаціи я не могу.

Нѣмецкія газеты иногда чуть ли не распинаются, доказывая свою пламенную любовь къ Франціи. Онѣ все чаще возвращаются къ вопросу, что союзъ франко-германскій противъ Англіи принесъ бы громадную пользу всей Европѣ и даже всему человѣчеству. Въ общемъ, странный народъ, который на ряду съ великой мудростью проявляетъ несомнѣнныя черты умственнаго маразма.

Хочу сказать еще нѣсколько словъ объ арміи страны, въ которой до сихъ поръ былъ только намекъ на армію. Я говорю объ Англіи. Новая сила, новый міръ, новыя идеи! Важную роль сыграли наши спортивныя общества, которыя поспособствовали тому, что въ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ была составлена могущественная армія. Видоизмѣнилась вся наша страна. На улицахъ, въ театрахъ, въ кафэ въ штатскомъ платьѣ—только старики. Молодежь поняла свои обязанности и исполняетъ свой долгъ. Но какъ бы многочисленна уже ни была наша армія, ее надо удвоить, утроить для того, чтобы добиться окончательныхъ и рѣшительныхъ результатовъ.

Я никогда не считался другомъ Россіи. Многое въ ней было мнѣ просто непріятно. Еще какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ назадъ она, на мой взглядъ, опредѣленно мѣтила на Индію. Но при всемъ томъ я не могу не относиться съ полнымъ уваженіемъ къ ея арміи, къ ея военачальникамъ, которые всегда и повсюду являли намъ образцы благородства. Чѣмъ можетъ похвастать германская армія? Она могуча, никто не станетъ это отрицать! Но что же? Гдѣ, въ чемъ результаты ея мощи?

Я вообще не знаю, въ чемъ выражается, въ чемъ должна проявиться чисто-германская идея. Германія обожаетъ себя, обожаетъ своего кайзера, обожаетъ свою армію, но всего этого мало! Что сдѣлалъ германскій духъ для всеевропейской культуры? Въ чемъ провиденціальное значеніе германской души? И арабы почитаютъ могущественную силу меча, но, кромѣ того, у нихъ есть Исламъ, и законамъ Ислама они были и остаются вѣрны. У нѣмцевъ же вся философія написана кончикомъ меча.

Пусть это будетъ рѣзко, но я долженъ до конца высказать свое мнѣніе: философія и идеологія современной Германіи—философія и идеологія бѣшеной собаки, которая, быть-можетъ, чувствуетъ уже, что близится ея конецъ. У Германіи—затемнѣніе разсудка. Если можно такъ выразиться, у нея плохо варитъ мозгъ. Нашъ долгъ—покончить съ этимъ злымъ животнымъ».

Гейне о Германіи и ея патріотизмѣ. Генрихъ Гейне, за нѣсколько десятилѣтій до франко-прусской войны и провозглашенія германской имперіи, пророчески очерчивалъ сущность воинствующаго германизма послѣдующей эпохи.

«Еще недавно многіе друзья отечества,—писалъ онъ въ 1832 году,—желали расширенія Пруссіи и надѣялись увидѣть въ ея короляхъ верховныхъ владыкъ объединенной Германіи. Что касается меня, я никогда не раздѣлялъ этого довѣрія. Напротивъ, я смотрѣлъ съ безпокойствомъ на прусскаго орла, и въ то время, какъ другіе восхищались тѣмъ, какъ смѣло онъ глядитъ на солнце, я тѣмъ болѣе останавливалъ свое вниманіе на его когтяхъ. Не довѣрялъ я этому пруссаку съ огромнымъ желудкомъ и огромной пастью и капральской палкой въ рукахъ, которую онъ обмакиваетъ въ святую воду прежде, чѣмъ ударить ею. Не нравилась мнѣ эта философски-христіанская солдатчина, глубоко противна была мнѣ эта Пруссія, эта чопорная, лицемѣрная, ханжествующая Пруссія, этотъ Тартюфъ между государствами».

Безсмертна сдѣланная Гейне характеристика германскаго патріотизма. «Это нѣчто совершенно исключительное въ области однородныхъ явленій. Французскій патріотизмъ, напримѣръ, состоитъ въ томъ, что сердце согрѣвается, расширяется и обнимаетъ своей любовью не только родныхъ и близкихъ, но и весь народъ, всю страну цивилизаціи. Нѣмецкій патріотизмъ, напротивъ, состоитъ въ томъ, что сердце суживается, стягивается, какъ кожа отъ холода, нѣмецъ начинаетъ ненавидѣть чужеземное, перестаетъ быть гражданиномъ міра и хочетъ быть лишь узкимъ нѣмцемъ».

Пирровы побѣды. Невольно вспоминается классическій образъ Пирра при внимательномъ, близкомъ знакомствѣ съ характеромъ и обстановкой «побѣдоноснаго» движенія нѣмцевъ. Нѣмцы устали... Устали внутри Германіи, устали на чужбинѣ, гдѣ ихъ—всѣхъ этихъ пруссаковъ, баварцевъ, саксонцевъ съ австрійцами и венграми—ждетъ участь двадесяти языковъ, дерзнувшихъ вступить на русскую землю.

На допросахъ плѣнные нѣмцы и австрійцы подробно разсказываютъ, какъ тяжко достается имъ это безудержное шествіе впередъ въ раіонахъ, оста-

вленныхъ нашими арміями. Нѣкоторые разсказы плѣнныхъ прямо-таки драматичны. Приводимъ здѣсь два такихъ разсказа со словъ Г. Петрова изъ «Русскаго Слова».

«На допросѣ всѣ плѣнные согласно говорили, что они безъ перерыва шли уже седьмыя сутки. Въ пять утра ихъ поднимали и гнали впередъ. Черезъ три-четыре часа — 20-30 минутъ отдыха, — и снова въ дорогу. Такъ до полуночи. Люди шли, какъ машины. На остановкахъ моментально засыпали, лежа, сидя, стоя у стѣны или дерева. Проходило время,—капралы трясли солдатъ за плечи:

— Вставать! Впередъ!

Люди-машины вставали и шли. Оживлялись только порціями водки, которую давали имъ въ назначенные часы.

При осмотрѣ плѣнныхъ въ госпиталѣ, когда съ нихъ стали снимать обувь, всѣ они завыли, какъ волки.

— Страшно было слушать!—говорили потомъ наши солдаты.—Какъ будто ихъ рѣзали или палили на огнѣ живьемъ.

При разуваніи у всѣхъ плѣнныхъ съ обувью снимались и портянки, а вмѣстѣ съ портянками слѣзала и прѣлая кожа съ ногъ. Ноги глядѣли голымъ мясомъ. Видавшіе всякіе виды, наши солдаты охали и безпомощно разводили руками:

— Какъ мы доставимъ васъ въ штабъ? Какой лѣшій гналъ васъ такъ?

Въ другомъ мѣстѣ былъ захваченъ германскій офицеръ. На опросѣ у насъ онъ отвѣчалъ много и совершенно откровенно. Его показанія вполнѣ отвѣчали тѣмъ агентурнымъ сообщеніямъ, какія имѣлись у насъ. Пораженный необычной правдивостью показаній германца-офицера, нашъ допросчикъ съ удивленіемъ сказалъ:

— Вы не въ примѣръ вашимъ товарищамъ правдивы и откровенны...

— На исповѣди не лгутъ и ничего не скрываютъ,—нежданно перебилъ плѣнный офицеръ.

— Какъ на исповѣди? — удивился нашъ допросчикъ. — Почему на исповѣди? Мы не собираемся васъ казнить.

— Умираютъ не отъ казни только, — блѣднѣя, проговорилъ германецъ.— Умираютъ и не отъ чужой руки... Умираютъ и отъ... — плѣнный зашатался и упалъ безъ сознанія.

Бѣднягу положили въ постель и раздѣли. Подъ одеждою, вмѣсто бѣлья, были грязные лохмотья, а истощенное тѣло на рукахъ и плечахъ покрыто уколами: несчастный, голодая нѣсколько дней, сосалъ собственную кровь».

Голубка. Приводимъ изъ «Дня» характерный разсказъ французскаго сержанта:

«Въ этотъ день сторожевые посты должны были занять бѣлокурый юноша Гаспаръ и черный бородатый Бюрэ.

Оба они быстрымъ шагомъ шли через перелѣсокъ и оба же, точно по командѣ, остановились.

— Ты видишь... тамъ... въ кустахъ?..

— Да... какой-то шорохъ... и кто-то раздвигаетъ вѣтви...

— Если это бошъ (нѣмецъ)?

— А кому же быть, какъ не бошу? Зайдемъ за дерево... Патроновъ у насъ достаточно...

— Но зачѣмъ тратить на него патроны?

Оба смолкли и спрятались за широкій стволъ могучаго дуба.

Чьи-то быстрые шаги поравнялись съ ними. Они выскочили изъ засады съ крикомъ: «Стой!»—и оба же замерли на мѣстѣ.

Передъ ними стояла запыхавшаяся отъ быстраго бѣга дѣвушка, лѣтъ семнадцати, съ прелестными испуганными глазами, синими, какъ васильки. Грудь ея тяжело вздымалась и трепетала отъ волненія. Она едва могла пролепетать:

— Ради Бога... пропустите меня... Умоляю васъ.

Оба солдата переглянулись, сконфуженные.

— Мы не разбойники, mademoiselle!.. Если мы напугали васъ,—простите, ради всего святого... Стыдно признаться, но мы вообразили, что это идетъ бошъ.

— Принять такую прелестную дѣвушку за боша! Мы сами знаемъ, что это непростительно...

Дѣвушка, уже наполовину успокоенная, застѣнчиво улыбнулась.

— Видите ли, я бѣгу изъ того селенія... вонъ тамъ, за горой, гдѣ синій дымокъ... Я слышала, что туда скоро придутъ нѣмцы... Я побоялась остаться... Моя мать говоритъ, что они хуже коршуновъ, и не пощадятъ...

— Такой голубки...—галантно добавилъ Гаспаръ, прислоняя свою винтовку къ стволу дерева.

Товарищъ поддержалъ его:

— Если бы эта голубка досталась въ руки какому-нибудь бошу, я перервалъ бы ему горло!

Дѣвушка смѣялась, польщенная.

— Я очень рада, что этого не случилось; но, чтобы боши не догнали меня, мнѣ надо спѣшить, господа... не правда ли?

Гаспаръ вздохнулъ:

— Допустимъ, что правда. Но неужели вы уйдете, даже не позволивъ намъ поцѣловать васъ на прощанье? Въ жизни солдата такія встрѣчи не часты.

Дѣвушка, краснѣя и опуская глаза, кокетливо подставила для поцѣлуя разгорѣвшуюся щечку.

— Мнѣ надо спѣшить, господа. До заката я должна пройти черезъ сторожевые посты... Я знаю пароль только на сегодняшній день: «Туринъ»...

Оба солдата перебили ее:

— Вовсе не «Туринъ». Пароль на сегодня: «Марсель». Вы ошиблись... голубка!

— Марсель?—она пытливо и наивно смотрѣла имъ въ глаза, точно допрашивая, не смѣются ли они надъ ней, и, наконецъ, повѣривъ, убѣжала, повторяя нараспѣвъ:

— Марсель! Марсель!

Гаспаръ и Бюре, вздохнувъ, посмотрѣли ей вслѣдъ:

— Прелестная дѣвчурка!

— Да, прелестная!..

Вечеромъ, послѣ смѣны, сержантъ позвалъ обоихъ часовыхъ къ капитану.

— Вышла какая-то непріятная исторія, — объяснилъ онъ имъ. — Какая-то женщина чуть-было не пробралась мимо сторожевого поста въ Л. Молоденькая, хорошенькая дѣвушка-шпіонка. У нея на груди былъ спрятанъ почтовый голубь и записка на нѣмецкомъ языкѣ. Она сама оказалась нѣмкой, но чудесно говорила по-французски, и знала пароль: «Марсель». Она нагло утверждаетъ, что этотъ пароль сказали ей два французскихъ солдата, съ которыми она повстрѣчалась въ перелѣскѣ. Капитанъ хочетъ допросить всѣхъ сторожевыхъ. Но, что съ вами? Что вы таращите другъ на друга глаза? Что случилось?

Сержантъ никакъ не могъ понять полнаго печали и недоумѣнія слова, сорвавшагося съ устъ Гаспара: «Голубка!».

За сто трамвайныхъ билетовъ—обѣдъ бѣженцамъ. Петроградъ придумалъ остроумный способъ пожертвованія.

За сто старыхъ трамвайныхъ билетиковъ городъ предложилъ одинъ обѣдъ малосостоятельному бѣженцу.

Всю работу по сбору билетовъ приняли на себя петроградскіе артисты. Если у васъ накопится нужное количество старыхъ трамвайныхъ билетовъ, зайдите въ любой петроградскій театръ и отдайте актерамъ. Это самый удобный способъ передачи.

Отъ актеровъ билеты поступятъ къ артисту Александринскаго театра С. В. Брагину, который извѣстилъ театры объ этомъ новомъ дѣлѣ благотворенія, а отъ него къ городу.

Городъ справедливо считаетъ, что изъ каждыхъ поступающихъ къ нему пяти рублей трамвайнаго оборота, безъ ущерба для городского хозяйства, можно накормить бѣженца. Примѣръ, достойный подражанія.

Десять германскихъ заповѣдей. Парижская газета «Journal» приводитъ на своихъ столбцахъ интересный документъ, указывающій на то, что мирное завоеваніе германцами сосѣднихъ государствъ производилось по заранѣе опредѣленной и намѣченной программѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ вышла брошюра, получившая весьма широкое распространеніе по всей Германіи; въ ней, между прочимъ, приводились «десять заповѣдей», которыя должны служить руководствомъ каждому истому нѣмцу. Вотъ онѣ:

«1. Производя даже минимальный расходъ, не забывай о своихъ согражданахъ.

2. Помни, что, покупая иностранный товаръ, ты тѣмъ уменьшаешь свое благосостояніе, пріобрѣтая же германскій товаръ, ты его увеличиваешь, такъ какъ, содѣйствуя благосостоянію твоей родины, ты и самъ становишься богаче.

3. Твои деньги должны итти исключительно на пользу германскихъ коммерсантовъ и рабочихъ.

4. Не оскверняй германской земли, германскаго жилища, германской промышленности пользованіемъ иностранными мастерами и машинами.

5. Не подавай никогда за твоимъ столомъ заграничнаго мяса, такъ какъ этимъ ты приносишь вредъ германскому скотоводству и твоему германскому здоровью, потому что это иностранное мясо не подлежитъ осмотру германской санитарной полиціи.

6. Не надѣвай иностраннаго платья и шляпы.

7. Пиши на германской бумагѣ, германскимъ перомъ, германскими чернилами и приложи германскую пропускную бумагу.

8. Запомни, что только германская мука, германскіе овощи и германское пиво создаютъ германскую силу.

9. Если тебѣ не нравится кофе изъ германскаго ячменя, то покупай кофе изъ германскихъ колоній.

10. Да не соблазняютъ тебя иностранные товары и продукты и, что бы тебѣ ни говорили, какъ бы тебя ни убѣждали, не забывай никогда сихъ мудрыхъ правилъ и помни, что лучшіе товары—достойные великой, объединенной Германіи—это товары германскіе!»

Не лишне было бы и намъ кое-что заимствовать изъ «сихъ мудрыхъ правилъ»;—напримѣръ, перефразируя четвертую «заповѣдь», мы бы могли смѣло сказать въ отвѣтъ на беззастѣнчивую пропаганду германизма въ промышленности: «Не оскверняй земли русской, русскаго жилища, русскихъ фабрикъ и заводовъ монополіей германскихъ машинъ и наймомъ мастеровъ и директоровъ германскихъ»!

Нѣмецкій шпіонажъ. Въ одномъ крупномъ городѣ, находящемся невдалекѣ отъ западной границы Франціи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселился одинъ фотографъ, который, благодаря низкимъ цѣнамъ, очень скоро пріобрѣлъ обширную кліентуру среди офицеровъ гарнизона, которые поручали ему проявленіе и печатаніе снимковъ, сдѣланныхъ въ окрестностяхъ города, а также заказывали фотографіи для удостовѣренія личности.

Этотъ фотографъ былъ нѣмецкій подданный, который, — какъ выяснилось впослѣдствіи,—состоялъ на службѣ въ бюро шпіонажа, куда и отсылалъ регулярно всѣ клише.

Когда французскій офицеръ отправлялся за границу по служебнымъ надобностямъ, его узнавали, благодаря фотографіи, и слѣдили за нимъ для выясненія порученной ему миссіи.

Снимки окрестностей отправлялись въ топографическое отдѣленіе, которое пользовалось ими для своихъ цѣлей.

Каждый годъ билеты, выдаваемые для удостовѣренія личности офицеровъ, мѣняются: старые вмѣстѣ съ новой фотографической карточкой отсылаются въ военное министерство для наклейки на новые.

Старые билеты для удостовѣренія личности бросались въ корзину.

Подъ предлогомъ составленія коллекціи фотографій или подъ другимъ благовиднымъ предлогомъ, нѣмецкіе шпіоны скупали у сторожей, которые ничего плохого не подозрѣвали, старые билеты съ фотографіями.

Эти удостовѣренія отсылались въ Берлинъ, гдѣ поступали въ бюро шпіонажа и гдѣ они тщательно сортировались.

Благодаря такого рода дѣятельности, въ Германіи всегда были точно освѣдомлены обо всѣхъ передвиженіяхъ во французской арміи и знали въ лицо всѣхъ военныхъ, что еще болѣе облегчало шпіонажъ.

НИВА

№ 42. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 17 октября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

К. Е. Маковскій.

1839—1915.

(Съ 4 портр. и 11 рис. на стр. 765—773).

Есть оперы, носящія названіе: „оперы à grand spectacle". Это совершенно опредѣленное понятіе, и обозначаетъ оно такія зрѣлища, въ которыхъ сочетаются въ широкомъ и привольномъ масштабѣ великолѣпіе и пышность, обиліе дѣйствующихъ лицъ и разнообразіе сценъ. Яркія краски декорацій, богатство обстановочныхъ аксессуаровъ, красота и красивость, звучная музыка и музыкальность сценическихъ образовъ—вотъ тѣ главные элементы, изъ которыхъ состоитъ такая опера.

Есть художники, дѣятельность которыхъ можно назвать дѣятельностью à grand spectacle. Въ ихъ творчествѣ встрѣчаются и гармонически объединяются какъ разъ тѣ самые элементы, о которыхъ мы сейчасъ упомянули: внѣшній блескъ, обстановочная пышность, декоративность широкаго пошиба, обиліе дѣйствующихъ лицъ, образовъ, сценъ. Картина, которую пишетъ такой художникъ, походитъ на театральное представленіе, на сцену изъ какой-либо величественной драмы, трагедіи, оперы. И все въ ней полно своеобразной музыки: въ ней звучитъ гармонія красокъ, линій, деталей, колорита.

Такимъ художникомъ былъ только-что скончавшійся К. Е. Маковскій.

Съ талантомъ этого крупнаго художника мы хорошо знакомы. Въ теченіе своей долгой жизни К. Е. Маковскій многое множество разъ доставлялъ русской публикѣ и русскимъ художественнымъ кругамъ возможность любоваться своимъ творчествомъ. Установившійся, строго опредѣленный характеръ его художественнаго творчества у всѣхъ насъ на глазахъ. Стоитъ вспомнить хотя бы нѣкоторыя изъ наиболѣе популярныхъ картинъ Маковскаго: напримѣръ, „Боярскій свадебный пиръ", „Смерть Петронія", „Перенесеніе священнаго ковра", „Мининъ". При первомъ же воспоминаніи объ этихъ картинахъ, равно какъ и при первомъ взглядѣ на нихъ, неизбѣжно возникаетъ мысль: какой великолѣпный спектакль! Какъ великолѣпно „поставлены" и „режиссированы" изображенныя авторомъ-художникомъ сцены, какъ дивно распланированы

Памяти К. Е. Маковскаго.

Картонъ работы К. Е. Маковскаго изъ „Юбилейнаго альбома" А. Ф. Маркса, поднесеннаго сотрудниками „Нивы" издателю въ 25-лѣтіе журнала, въ 1894 году.

массы, какой богатый реквизитъ, какіе костюмы! Эти картины, какъ оперныя сцены, ласкаютъ глазъ и проникнуты музыкой.

Это исключительно типично для творчества Маковскаго. Это—его стиль, его природа, его лицо.

По всей вѣроятности, художникъ такъ именно и видѣлъ жизнь. Она проходила предъ нимъ, какъ великолѣпный спектакль, полный дорогихъ и красивыхъ деталей, обставленный съ царской пышностью и безпримѣрнымъ богатствомъ. Маковскій съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на художественное поприще былъ рѣдкимъ баловнемъ судьбы: его работы доставляли ему громадный заработокъ, онъ вращался въ высшихъ слояхъ общества, былъ всеобщимъ любимцемъ, и самъ любилъ общество и общественныя увеселенія. Онъ любилъ устраивать живыя картины и домашніе спектакли, при чемъ самъ выступалъ въ качествѣ пѣвца, обладая хорошимъ голосомъ. У него въ студіи устраивались настоящія оперныя представленія съ участіемъ знаменитыхъ итальянскихъ артистовъ, и Маковскій обставлялъ эти оперные спектакли съ свойственнымъ ему рѣдкимъ художественнымъ вкусомъ и талантомъ. Это чрезвычайно характерно для него: это подчеркиваетъ съ полной опредѣленностью какъ разъ то, что мы сказали выше,—тяготѣніе всего его творчества къ красивому и нарядному сценическому зрѣлищу. Въ этомъ направленіи фантазія и воображеніе художника, очевидно, работали постоянно, и онъ всѣмъ своимъ естествомъ тяготѣлъ къ этому „grand spectacle“, каковымъ являлась для него вся его жизнь до самыхъ послѣднихъ дней.

К. Е. Маковскій въ дѣтствѣ. Акварель, писанная отцомъ художника Е. И. Маковскимъ.

Константинъ Егоровичъ Маковскій происходилъ изъ семьи, въ которой искусство пользовалось большимъ почетомъ. Можно сказать, что художественныя эмоціи и впечатлѣнія окружали его съ колыбели. Маковскій имѣлъ великое счастье сразу опредѣлить свою жизненную карьеру и не встрѣтить никакихъ препятствій въ семьѣ и въ обществѣ къ ея быстрому и благополучному осуществленію. Его отецъ, Егоръ Ивановичъ Маковскій, былъ большимъ любителемъ искусства, собиралъ коллекціи гравюръ, дружилъ съ выдающимися художниками, и въ его домѣ, въ Москвѣ, постоянно бывали такія знаменитости, какъ Брюлловъ, Тропининъ, Зарянко. Въ то время это былъ едва ли не самый артистическій домъ въ Москвѣ,—рѣдкій домъ для того времени (сороковые годы), гдѣ жили почти исключительно интересами искусства, при всей сравнительно очень скромной и простой обстановкѣ этого дома.

К. Е. Маковскій въ юности.

Въ этой исключительной атмосферѣ зародилось и легко развилось дарованіе К. Е. Маковскаго, равно какъ и его брата, В. Е. Маковскаго, и сестры, А. Е. Маковской. Семья Егора Ивановича Маковскаго дала Россіи трехъ выдающихся художниковъ. Константинъ Егоровичъ былъ старшимъ въ этой даровитой семьѣ. И нечего и говорить, что художественное воспитаніе его съ самыхъ же первыхъ дней было поставлено прекрасно и цѣлесообразно. Еще мальчикомъ онъ былъ отданъ въ рисовальные классы, изъ которыхъ потомъ возникло московское училище живописи и ваянія (говорятъ, что Е. И. Маковскій былъ однимъ изъ основателей этихъ классовъ). Получивъ въ этихъ классахъ отличную подготовку подъ руководствомъ Тропинина и Скотти, молодой Маковскій переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію Художествъ. Но еще до этого, будучи ученикомъ московскихъ классовъ, Маковскій получилъ отъ Академіи медаль за свои работы.

Въ Академіи Маковскій попалъ въ среду молодыхъ талантливыхъ учениковъ. Въ этой средѣ талантъ его сталъ еще болѣе развиваться, и онъ успѣшно проходилъ академическіе классы. Въ 1862 году онъ получилъ отъ Академіи золотую медаль за картину „Агенты Дмитрія Самозванца убиваютъ Ѳеодора Годунова“. Этотъ крупный академическій успѣхъ молодого художника совпалъ съ окончаніемъ академическихъ классовъ. Для того, чтобы офиціально окончить курсъ, Маковскому предстояло написать программную картину на предложенную академическимъ совѣтомъ тему. Но Маковскій и его двѣнадцать товарищей-конкурентовъ „взбунтовались“ противъ совѣта и отказались писать на заданныя темы, желая писать на свои собственныя.

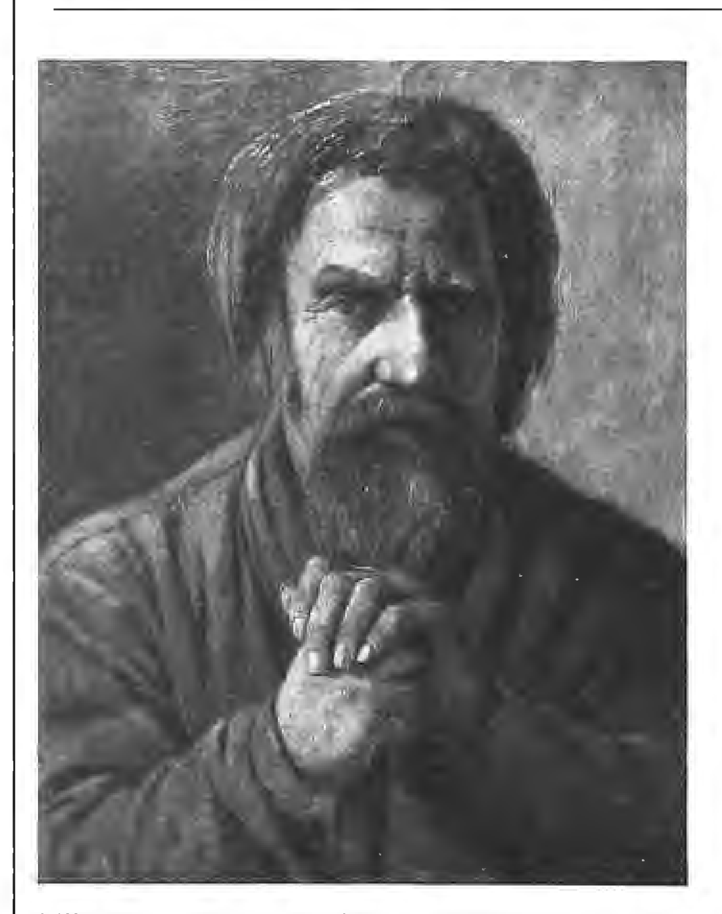
Это былъ знаменитый въ свое время „бунтъ тринадцати“. Академія на уступки не пошла, и Маковскій вмѣстѣ съ своими двѣнадцатью товарищами вышелъ изъ Академіи.

Выйдя изъ Академіи, онъ сразу окунулся въ блестящій успѣхъ и сталъ моднымъ портретистомъ. Въ 1867 году онъ выступилъ съ произведеніями совершенно иного характера: „Селедочница“ и „Бѣдныя дѣти“. Характерно, что обѣ эти картины появились на академической выставкѣ, и Академія присудила за нихъ талантливому художнику званіе академика. Такимъ образомъ Академія примирилась съ Маковскимъ: талантъ побѣдилъ рутину.

А еще черезъ два года, въ 1869 году, появилась первая крупная работа Маковскаго уже въ его настоящемъ духѣ и стилѣ: „Масленица въ Петербургѣ“, съ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, съ массой деталей, съ праздничной красочностью и сочностью колорита.

Съ „Масленицы“ начался настоящій художественный успѣхъ Маковскаго. Рядъ дальнѣйшихъ картинъ („Перенесеніе священнаго ковра изъ Мекки въ Каиръ“, „Болгарскія мученицы“ — картина, написанная подъ впечатлѣніемъ ужасовъ войны 1877 года, „Боярскій свадебный пиръ“, „Выборъ невѣсты царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“ и др.) показалъ публикѣ и критикѣ въ Маковскомъ художника серьезнаго и быстро идущаго впередъ. Успѣхъ этотъ продолжалъ расти и шириться: Маковскій все болѣе и болѣе становился любимцемъ той части публики, которая не жалѣетъ денегъ на изящные и слегка льстящіе портреты и „изящные“ эскизы. Но это не мѣшало ему оставаться настоящимъ художникомъ въ отведенныхъ его таланту широкихъ и своеобразныхъ рамкахъ. Такъ, одновременно съ великолѣпно трактованными портретами свѣтскихъ красавицъ, на ряду съ поэтическими и чуть-чуть слащавыми головками, Маковскій пишетъ такую вдумчивую и полную настроенія жанровую картину, какъ „Похороны въ деревнѣ“, или такіе мастерскіе образцы портретнаго искусства, какъ портреты композитора Даргомыжскаго,

К. Е. Маковскій въ молодые годы.



Церковный староста.
Первая работа К. Е. Маковскаго, писанная въ 1852 году.

пѣвца О. Петрова и другихъ знаменитыхъ современниковъ Маковскаго.

Въ „Перенесеніи священнаго ковра“, написанномъ въ 1876 году, послѣ того, какъ Маковскій путешествовалъ въ Египетъ и на Балканы, талантъ его окончательно опредѣлился,—талантъ крупнаго колориста, талантъ красивыхъ композицій съ яркимъ освѣщеніемъ и выразительнымъ рисункомъ.

Позднѣе К. Е. Маковскій проявилъ особую склонность и интересъ къ „боярскимъ сюжетамъ“: онъ облюбовалъ красочную парадную сторону старинной русской жизни. Ему нравилось изображать бояръ и бояринь, царей и царицъ въ эффектныхъ старинныхъ костюмахъ, въ морѣ собольяго мѣха, атласа, драгоцѣнностей. Онъ искренно любилъ эту красивую русскую старину, старинный бытъ, любилъ исторію — и охотно и любовно изображалъ историческія событія въ красивой рамкѣ боярскихъ костюмовъ и пышнаго стариннаго быта. Наиболѣе характерными изъ этихъ историческихъ работъ являются „Мининъ“ и „Смерть Іоанна Грознаго“.

При всемъ томъ художникъ до послѣдняго времени не отказывался и отъ современнаго жанра. Одною изъ его послѣднихъ по времени картинъ была „Трапеза у Троицы-Сергія“—картина совершенно бытовая, простая по замыслу и композиціи, и лишь нѣкоторая неизбѣжная у Маковскаго „спектакльность“, въ смыслѣ обилія фигуръ и широкаго плана картины, отличаетъ эту композицію отъ картинъ другихъ нашихъ жанристовъ.

До послѣдняго дня Маковскій отдавалъ дань и портретной живописи и своимъ знаменитымъ „головкамъ“. Портретные эскизы Маковскаго поражаютъ своимъ разнообразіемъ: мы встрѣчаемъ среди нихъ и модныхъ красавицъ, и головки дѣтей, и херувимовъ (изображеніе одного изъ такихъ К. Е. Маковскій поднесъ издателю „Нивы“ А. Ф. Марксу въ день ея 25-лѣтняго юбилея), и характерныя головы итальянскихъ нищихъ и русскихъ старухъ. Свойственная покойному художнику своеобразная граціозность и гармоничность чувствуется въ каждомъ такомъ этюдѣ, въ каждомъ портретѣ работы Маковскаго.

Таковы три главныхъ русла въ творчествѣ К. Е. Маковскаго: большія картины спектакльнаго характера, съ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, съ эффектной исторической или фантастической обстановкой—„картины-оперы“, затѣмъ произведенія чисто-жанровыя и, наконецъ, портреты.

К. Е. Маковскій много способствовалъ прославленію русскаго искусства на Западѣ. Онъ былъ едва ли не первымъ русскимъ художникомъ, чьи произведенія выставлялись въ парижскомъ „Салонѣ“, почти недоступномъ для иностранцевъ, т.-е. не французовъ. Картины Маковскаго были пріобрѣтаемы за границей и даже въ Америкѣ, и можно сказать, что онѣ разсѣяны по всему свѣту.

Первыя свои произведенія К. Е. Маковскій выставлялъ на академическихъ выставкахъ. Позднѣе, когда возникло общество „передвижниковъ“, онъ выступалъ на ихъ выставкахъ, но въ 1883 году разошелся съ ними и сталъ устраивать свои собственныя выставки, пользовавшіяся громаднымъ успѣхомъ. Еще позднѣе покойный художникъ былъ однимъ изъ учредителей „Петербургскаго Общества Художниковъ“, предсѣдательствовалъ въ этомъ Обществѣ и каждый годъ давалъ свои картины на выставки этой художнической ассоціаціи.

Въ средѣ художниковъ и любителей искусствъ К. Е. Маковскій пользовался самыми искренними симпатіями. Иные „направленскіе“ круги не считали его своимъ, вслѣдствіе разности художественныхъ идеаловъ и пониманій, но всѣ несли ему, какъ человѣку и товарищу, дань искренняго уваженія. Его катастрофическая и нежданная кончина вызвала во всемъ культурномъ мірѣ глубокую печаль.

Углубился въ чтеніе. Картина К. Е. Маковскаго.

Изломъ.

Развилъ свои сверкающія звенья,
Внѣ скудныхъ чиселъ, красокъ, чертъ и сновъ.
Румянецъ хмельный, пирное забвенье
Излилъ въ качанье вянущихъ листковъ.
Раздвинулъ межъ притихшихъ береговъ
Сапфира серебристое теченье.
Усугубилъ свободу отъ оковъ,
Просвѣтъ продвинувъ силой дуновенья.
Медлительно распространяя даль,
Подвигнулъ къ лету черныя дружины
Построилъ треугольникъ журавлиный.
Запаутинилъ свѣтлую печаль,—
Вселенскій, расточающій, изломный,
Измѣнъ осеннихъ духъ многообъемный.

К. Бальмонтъ.

К. Е. Маковскій. Игра въ жмурки.

К. Е. Маковскій. Хмѣлемъ осыпаютъ.

К. Е. Маковскій. Портретъ дѣтей свѣтлѣйшей княгини Ю.

Альдомасъ.

Разсказъ **Бориса Садовского.**

I.

Царствованіе молодого австрійскаго императора Франца-Іосифа обѣщало быть безмятежнымъ. Побѣдоносныя русскія войска по мановенію своего повелителя разогнали нестройныя полчища взбунтовавшихся венгерцевъ. Самъ государь Николай Павловичъ приравнивалъ походъ 1849 года къ знаменитому Суворовскому подвигу въ 1799 году. — „Какъ отецъ мой при помощи Суворова далъ возможность Австріи спастись отъ французовъ, такъ я теперь спасаю ее отъ мятежныхъ венгровъ",—говорилъ государь.

Мятежъ затихалъ, но еще было не все спокойно. Многіе вожди возстанія оставались на свободѣ, и необходимо было всѣхъ ихъ переловить, дабы успокоить населеніе. За головы многихъ назначены были австрійскимъ правительствомъ большія награды, но всѣхъ дороже была оцѣнена голова знаменитаго Альдомаса.

Теперь это имя врядъ ли кому извѣстно, но въ 1849 году Альдомасъ гремѣлъ, какъ самый неустрашимый и грозный предводитель. Подъ его начальствомъ венгерскіе отряды совершали чудеса храбрости. Чѣмъ-то сказочнымъ и легендарнымъ вѣетъ отъ сохранившихся преданій объ Альдомасѣ. Будучи разбойникомъ по призванію, онъ въ то же время въ душѣ былъ настоящій рыцарь. Наружностью онъ походилъ на мирнаго жителя: поэтическое что-то сквозило въ его продолговатомъ блѣдномъ лицѣ, осѣненномъ волнующимися кудрями. Одѣвался Альдомасъ въ гусарскій доломанъ, алый, какъ кровь, и богато расшитый золотомъ, кривая венгерская сабля съ драгоцѣнною рукоятью звенѣла у бедра его и цѣплялась за серебряныя шпоры: голову Альдомаса покрывала высокая мѣховая шапка съ серебрянымъ изображеніемъ на ней мертвой головы.

Австрійскіе генералы истощили всѣ усилія поймать Альдомаса и наконецъ должны были сознаться, что имъ эта задача не по силамъ. Въ погоню за отважнымъ мятежникомъ пустился тогда русскій отрядъ, состоявшій изъ одного эскадрона Клястицкаго гусарскаго полка подъ начальствомъ ротмистра Смирнова.

Былъ тихій осенній вечеръ. Отрядъ русскихъ гусаръ расположился въ уютной долинѣ подлѣ веселаго ручья. Офицеровъ во всемъ эскадронѣ оставалось двое: самъ командиръ ротмистръ Смирновъ и корнетъ Булатовъ. Офицеры закусывали, запивая токайскимъ неприхотливыя яства, и бесѣдовали вполголоса. Поодаль стоялъ вахмистръ и прислушивался къ разговору начальства.

— Да, братъ Булатовъ, неуловимая бестія этотъ Альдомасъ,—говорилъ ротмистръ Смирновъ, лаская длинные, скобками опущенные внизъ, усы.—Который день гонимся за нимъ... Какъ провалился сквозь землю.

— Точно, странно, Василій Иванычъ, — тонкимъ женскимъ голосомъ отвѣчалъ корнетъ.

Персиковый пушокъ еле пробивался на его верхней губѣ. Въ дѣлѣ онъ былъ въ первый разъ и съ почтеніемъ новичка взиралъ на суроваго командира.

— Должно-быть, мѣстные жители оказывали помощь этой канальѣ,—продолжалъ ротмистръ, выражавшійся всегда образно и сильно.—Ну и мѣстность-то здѣсь хороша, дьяволъ ногу сломитъ. Кусты, овраги, болота.

К. Е. Маковскій. Лигія.

— Дозвольте доложить, ваше благородіе, — вмѣшался вахмистръ: — я такъ думаю, что этотъ самый Катовасъ не иначе, какъ остановился въ этомъ оврагѣ.

Вахмистръ указалъ корявой рукой на огромный лѣсистый утесъ, плававшій въ вечернемъ легкомъ туманѣ. Надъ этой громадой дѣвственнаго лѣса вились орлы, и пронзительный ихъ крикъ одинъ нарушалъ безмолвіе дикой долины.

Смирновъ хорошо зналъ, что его вахмистръ зря не проронитъ ни одного слова; ужъ если онъ заговорилъ о близости непріятеля, значитъ, врагъ дѣйствительно недалеко. Много разъ убѣждался при этомъ ротмистръ, что спрашивать отъ солдата подробныхъ объясненій было бы безполезнымъ дѣломъ. Вахмистръ какимъ-то верхнимъ чутьемъ угадывалъ военныя тайны, и притомъ никогда не ошибался.

Затянувшись изъ короткой солдатской трубки, Смирновъ подумалъ съ минуту, покрутилъ усы и сказалъ:

— Вотъ что, Булатовъ, отправляйся-ка ты, братецъ, на развѣдку. Бери вахмистра, трехъ солдатъ—и съ Богомъ! При первой тревогѣ стрѣляйте, и мы бросимся вамъ на помощь.

Лицо Булатова просіяло и загорѣлось румянцемъ. Мальчикъ былъ необычайно доволенъ порученіемъ, которое возложилъ на него суровый начальникъ. Нѣсколько омрачился онъ при дальнѣйшихъ словахъ Смирнова, обращенныхъ къ вахмистру:

— Смотри, Кондратьевъ, за ихъ благородіемъ въ оба.

— Слушаю, ваше благородіе, будьте покойны,—понятливо отвѣтилъ усатый вахмистръ.

Развѣдчики съ трудомъ пробирались въ кустахъ, зорко осматриваясь, когда сплошную чащу прерывали поляны или звѣриныя тропки. Чѣмъ выше взбирались они, тѣмъ было свѣтлѣе, и, казалось, закатъ не погаснетъ никогда.

На опушкѣ большой, заросшей синими цвѣтами, поляны вахмистръ вдругъ пригнулся лицомъ къ землѣ и указалъ Булатову на низко заплетавшіяся вѣтви.

К. Е. Маковскій. Боярыня.

К. Е. Маковскій. Пифферари.

— Извольте поглядѣть, ваше благородіе,—шепнулъ онъ.

— Что тамъ такое? Я ничего не вижу, — также шопотомъ отвѣчалъ корнетъ.

Но вахмистръ продолжалъ настойчиво указывать на что-то сѣрое, длинное, едва шевелившееся въ травѣ.

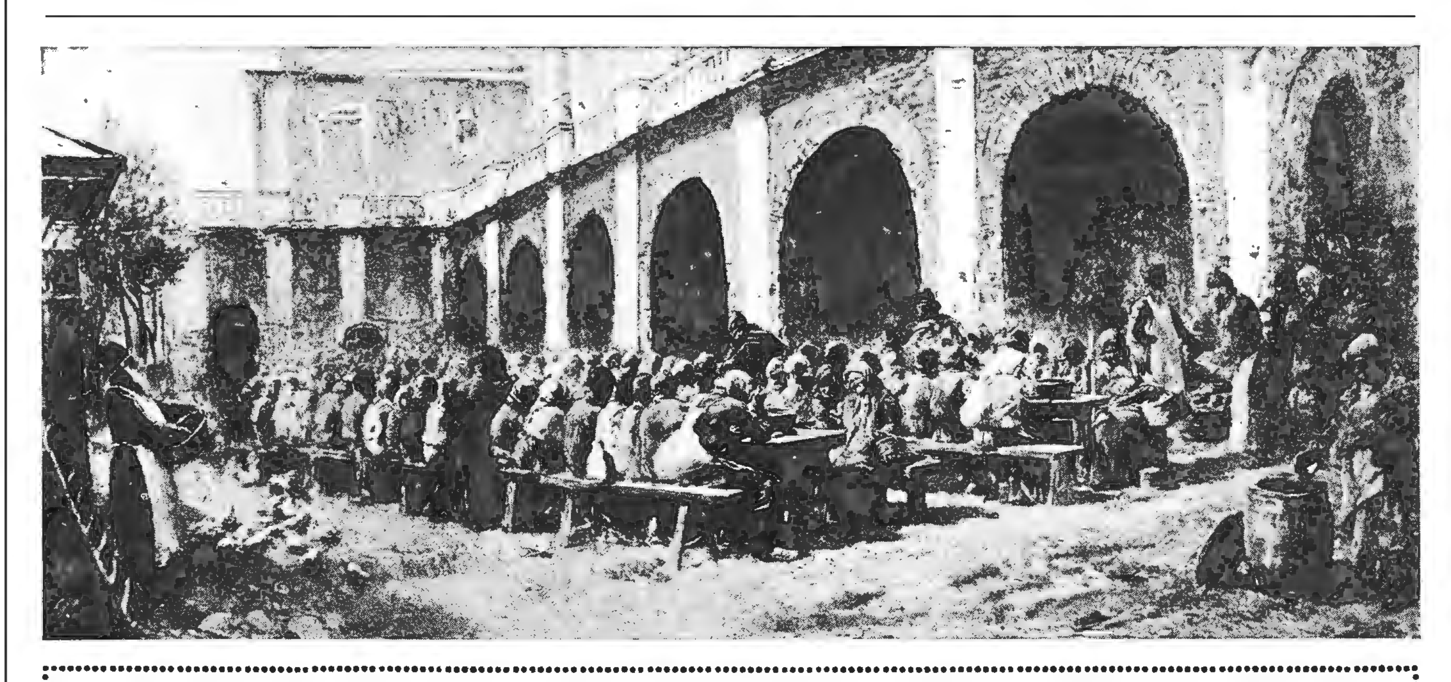
— Заяцъ?—робко спросилъ Булатовъ.

— Не заяцъ это, а венгерская шапка. Ихній часовой.

Увидя такъ близко отъ себя врага, Булатовъ забылъ всякую осторожность. Вмѣсто того, чтобы вернуться къ командиру съ донесеніемъ и дать возможность отряду врасплохъ напасть на противника, юный офицеръ выхватилъ саблю и бросился съ крикомъ „ура“ впередъ. Затрещали выстрѣлы, запахло дымомъ. На выручку спѣшилъ эскадронъ, изъ лѣсу выскакивали венгерцы. На полянѣ завязался упорный бой. Корнетъ Булатовъ не могъ принять участія въ этомъ долго жданномъ бою: онъ лежалъ подъ развѣсистымъ старымъ букомъ, убитый наповалъ.

II.

На второй день послѣ схватки клястицкихъ гусаръ съ отрядомъ Альдомаса, какой-то путникъ, оборванный, грязный и загорѣлый, спускался медленными шагами по скату оврага близъ венгерской деревни Барбу. По лицу его можно было заключить, что онъ уже давно не ѣлъ и претерпѣлъ за послѣдніе дни не мало лишеній. Почти каждый шагъ заставлялъ его осторожно оглядываться вокругъ, точно онъ чувствовалъ за собой упорную погоню. Замѣтно было также, что онъ сильно прихрамывалъ на



К. Е. Маковскій. Постоянная трапеза у Троицы-Сергія.

одну ногу, перевязанную тряпьемъ, но старался скрывать хромоту свою, дѣлая видъ, что съ нимъ ничего особеннаго не случилось. Приближаясь къ деревнѣ, прохожій, казалось, весь превратился въ слухъ. Онъ готовился пройти мимо часовни къ одинокому амбару, торчавшему у дороги, какъ внезапные голоса заставили его гибко лечь и прислушаться къ разговору.

У самой часовни сидѣли двое: юноша въ короткой кожаной курткѣ и дѣвушка въ красной кофточкѣ безъ рукавовъ.

— Нѣтъ, не бывать нашему счастью, дорогая Марія,—говорилъ грустный юноша.— Отецъ твой этого не хочетъ. Я говорилъ ему, что я молодъ и силенъ, что могу работать, и на все получалъ одинъ отвѣтъ: пятьдесятъ золотыхъ. Я плакалъ, умолялъ его, говорилъ, что я и ты не можемъ жить другъ безъ друга. И на все былъ одинъ отвѣтъ.

— Какой же?

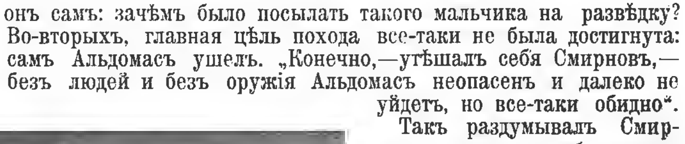
— Пятьдесятъ золотыхъ.

Дѣвушка грустно поникла. Изъ ея огромныхъ глазъ тихо закапали слезы.

— Я готовъ на все,—продолжалъ отчаянно юноша.— Я готовъ бы былъ уйти въ отрядъ къ дядѣ Альдомасу, если бы только зналъ, гдѣ его найти. Можетъ-быть, мнѣ удалось бы разбогатѣть на войнѣ.

Неизвѣстный путникъ изъ своей засады слышалъ весь разговоръ несчастныхъ влюбленныхъ. Мягкое что-то скользнуло по его лицу, и онъ грустнымъ вздохомъ нѣжно проводилъ удалявшуюся пару.

Ротмистръ Смирновъ сидѣлъ на лужайкѣ угрюмый и недовольный. Дѣло было блистательное: венгерцы разбиты на-голову, и весь отрядъ уничтоженъ, но было два обстоятельства, омрачавшія побѣду. Во-первыхъ, смерть Булатова, къ которому ротмистръ привыкъ и котораго любилъ, какъ сына. Смирновъ чувствовалъ, что въ этой смерти виновенъ



онъ самъ: зачѣмъ было посылать такого мальчика на развѣдку? Во-вторыхъ, главная цѣль похода все-таки не была достигнута: самъ Альдомасъ ушелъ. „Конечно,—утѣшалъ себя Смирновъ,— безъ людей и безъ оружія Альдомасъ неопасенъ и далеко не уйдетъ, но все-таки обидно".

Такъ раздумывалъ Смирновъ, раскуривая погасавшую трубку, когда къ нему подошелъ вахмистръ.

— Что скажешь, Кондратьевъ?

— Тамъ какой-то венгерецъ просится допустить къ вашему благородію,

— Что еще за венгерецъ?

— Не могу знать, а только изъ себя больно неказистъ. Сказываетъ, по дѣлу.

— Ну, веди.

Черезъ нѣсколько минутъ къ Смирнову подошелъ въ сопровожденіи вахмистра оборванный, загорѣлый путникъ. Хотя рана на ногѣ, какъ видно, попрежнему причиняла ему невыносимую боль, онъ смотрѣлъ молодцомъ и держался прямо.

Ротмистръ хмурымъ взглядомъ окинулъ неизвѣстнаго и, не выпуская изо рта трубки, спросилъ небрежно:

— Ну?

— Я пришелъ къ вамъ, господинъ капитанъ,—заговорилъ незнакомецъ:—по важному дѣлу. Хотите взять въ плѣнъ знаменитаго Альдомаса?

При этомъ вопросѣ Смирновъ оживился и вытащилъ трубку изо рта.

— А ты развѣ знаешь, гдѣ онъ?

— Знаю и укажу вамъ. Но прежде я хочу знать, какая мнѣ будетъ дана награда.

— Награда? — За голову Альдомаса назначено пятьсотъ червонцевъ.

— Прекрасно, господинъ капитанъ. Я вамъ выдамъ Альдомаса, но только съ однимъ условіемъ. Дайте мнѣ пятьдесятъ золотыхъ впередъ — и завтра къ вечеру Альдомасъ будетъ у васъ въ рукахъ.

К. Е. Маковскій. Прозерпина.

Ротмистръ былъ озадаченъ. Дать неизвѣстному человѣку за одно обѣщаніе пятьдесятъ золотыхъ значило сдѣлать мальчишескую глупость. Конечно, проходимецъ съ этими деньгами провалится сквозь землю, а онъ, ротмистръ Смирновъ, останется въ дуракахъ. Съ другой стороны, въ наружности и поведеніи незнакомца было что-то располагающее къ довѣрію. Орлиные его глаза правдиво глядѣли прямо въ лицо ротмистру. На своемъ вѣку Смирновъ перевидалъ не мало солдатскихъ лицъ и привыкъ безошибочно угадывать по нимъ характеры. Этого молодца, что̀ гордо стоялъ передъ нимъ въ своихъ лохмотьяхъ, ротмистръ не задумался бы ни на минуту взять къ себѣ въ ординарцы. Но все-таки пятьдесятъ золотыхъ... странно!

И ротмистръ, опустивъ голову, закусилъ усы.

— Дайте ему, ваше благородіе,—вполголоса вымолвилъ Кондратьевъ.

— Ну, ладно. Пусть будетъ по-твоему. На жулика этотъ парень не похожъ.

— И мнѣ сдается, ваше благородіе, что не похожъ. Лицо у него солдатское.

Весь слѣдующій день ротмистръ Смирновъ ожидалъ таинственнаго незнакомца, обѣщавшаго ему выдать неуловимаго Альдомаса. Волненіе начальника передалось вахмистру и солдатамъ. Сбившись въ кучки, они оживленно шептались между собой и спорили, приведетъ оборванецъ Альдомаса или нѣтъ.

Солнце спускалось уже къ западу и туманная сырость ползла въ лугахъ, когда на опушкѣ показался знакомый путникъ.

— Ну, что̀ же?—нетерпѣливо спросилъ Смирновъ. — Гдѣ же твой Альдомасъ?

Солдаты жадно обступили ротмистра и незнакомца.

— Гдѣ же Альдомасъ? — повторилъ ротмистръ.

Незнакомецъ оглянулся кругомъ, тряхнулъ головой и, въ упоръ смотря въ глаза Смирнову, промолвилъ:

— Это—я.

Невольный крикъ вырвался у всѣхъ. Ротмистръ вскочилъ съ барабана, служившаго ему стуломъ.

— Ты Альдомасъ? Не можетъ быть. Я тебѣ не вѣрю.

Незнакомецъ горько усмѣхнулся.

— Увы, это я, добрый капитанъ. Для чего мнѣ теперь скрываться? Всѣ друзья мои и товарищи погибли, отрядъ мой перебитъ. Для чего жить мнѣ теперь на свѣтѣ? Все отнялъ у меня жестокій жребій войны. Даже любимая сабля моя сломалась и потеряна въ схваткѣ. Но невыносимѣе всего мнѣ видѣть, какъ бѣлый австрійскій орелъ простираетъ хищныя крылья надъ моей несчастной родиной. Я знаю, русскій императоръ великодушенъ и добръ, но напрасно онъ довѣрился австрійцамъ, они отплатятъ ему черной неблагодарностью. Мы же, венгерцы, были бы ему вѣрными слугами, если бы онъ помогъ намъ.

Смирновъ перевелъ горячія рѣчи Альдомаса.

— Скажи мнѣ: зачѣмъ тебѣ понадобились вчера пятьдесятъ золотыхъ?

— Для послѣдняго добраго дѣла, которое суждено мнѣ совершить на этой землѣ,—отвѣчалъ грустно Альдомасъ.—Я отдалъ эти деньги моему бѣдному племяннику: безъ нихъ скряга отецъ его невѣсты не отдавалъ бѣдному Стефану свою дочь. Теперь я устроилъ ихъ счастье и могу умереть спокойно.

— Можетъ-быть, ты еще и не умрешь,—возразилъ Смирновъ.—Можетъ-быть, тебѣ дарують жизнь.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ Альдомасъ съ прежнею горькой усмѣшкой.—Если бы участь моя была въ рукахъ царя Николая, я могъ бы надѣяться на пощаду, но нашъ юный императоръ Францъ-Іосифъ жестокъ и неумолимъ. Да и зачѣмъ мнѣ жизнь,—она для меня и такъ кончена.

Ротмистръ махнулъ рукой, и отважнаго венгерца отвели въ шалашъ.

III.

Молодой императоръ Францъ-Іосифъ проснулся рано. Онъ былъ не въ духѣ. Сухой морозъ петербургской зимы, глянувшей въ огромныя окна, мало развеселилъ его. Въ этотъ день ему предстояла торжественная аудіенція у русскаго императора Николая.

Францу-Іосифу предстояло гласно, въ торжественной обстановкѣ, благодарить царя, помогшаго утвердить тронъ Габсбурговъ.

Мысль объ этомъ непріятно тревожила самолюбіе юнаго австрійскаго монарха. Онъ не любилъ благодарить и быть благодарнымъ. Въ благодарности чудилось ему скрытое униженіе для того, кто благодаритъ.

Продолжая сердито морщиться, Францъ-Іосифъ позвонилъ камердинера и сталъ одѣваться.

Во время императорскаго туалета, уборная Франца-Іосифа наполнялась мало-по-малу многочисленной свитой. Тутъ были генералы, никогда во всю свою долгую жизнь не одержавшіе ни одной побѣды, воины, прославившіеся своей трусостью, доставившей имъ европейскую извѣстность. Всѣ эти господа, одѣтые

К. Е. Маковскій. Боярышня за пяльцами.

въ бѣлые мундиры, усыпанные крестами и звѣздами, почтительно молчали, ожидая, когда заговоритъ монархъ.

Францъ-Іосифъ тѣмъ временемъ окончилъ свой туалетъ. Онъ былъ тоже весь въ бѣломъ, и этотъ традиціонный цвѣтъ австрійскаго мундира очень шелъ къ его молодому лицу. Въ наружности девятнадцатилѣтняго императора замѣчалось какое-то двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны нельзя было не любоваться юношески-свѣжимъ его челомъ и румяными щеками, но, пристально вглядываясь въ это лицо, можно было замѣтить во взорахъ императора скрытую недовѣрчивость и лукавство. Глаза Франца-Іосифа никогда не глядѣли прямо. Только впослѣдствіи, въ зрѣлые годы, выработалъ онъ себѣ тотъ безразличный, прямой и холодный взоръ, который извѣстенъ намъ по многочисленнымъ портретамъ. Пышные волосы завитыми кольцами падали ему на стройныя плечи.

Годовщина битвы на Марнѣ. Открытіе памятника на полѣ сраженія.

Вошедшій камеръ-лакей доложилъ, что карета императора готова. Францъ-Іосифъ быстро двинулся къ выходу, сопровождаемый однимъ изъ своихъ генераловъ. Они вдвоемъ сѣли въ карету, при чемъ Францъ-Іосифъ глотнулъ морознаго воздуха, закашлялся и сдѣлалъ капризную гримасу.

— Медвѣжій климатъ,—проворчалъ онъ, плотнѣе закутываясь въ шинель.

Генералъ искоса взглянулъ на своего повелителя, но не рѣшился поддержать разговоръ, видя, что императоръ все еще не въ духѣ.

Въ одномъ изъ огромныхъ залъ Зимняго дворца Франца-Іосифа встрѣтили придворные, ожидавшіе въ тотъ день выхода государя. Они обратились къ нему съ льстивыми привѣтствіями и поклонами. Молодой императоръ милостиво отвѣчалъ, и лицо его нѣсколько просвѣтлѣло.

Но вотъ въ раззолоченной толпѣ придворныхъ пробѣжалъ легкій шопотъ и какое-то едва уловимое смятеніе. Все сразу стихло.

Императоръ Николай Павловичъ своимъ бодрымъ военнымъ шагомъ, съ носка, вступилъ въ залъ и окинулъ присутствовавшихъ величавымъ взоромъ. Онъ былъ головой всѣхъ выше. Преображенскій мундиръ съ красной грудью и высокимъ воротникомъ туго обтягивалъ его станъ.

Францъ-Іосифъ быстрыми шагами подошелъ къ Николаю Павловичу и почтительно поцѣловалъ ему руку. Трудно было узнать въ немъ давешняго соннаго юношу. Онъ сразу перемѣнился, улыбался, кланялся и оживленно отвѣчалъ на вопросы царя.

Великіе князья и свита, вошедшіе вслѣдъ за государемъ, изъ всей бесѣды двухъ монарховъ уловили послѣднія слова русскаго царя:

— Совѣтую вамъ быть великодушнымъ. Вы только-что начинаете царствовать. Наказывая всѣхъ мятежниковъ безъ разбору, вы ожесточите народъ.

Съ улыбкой благоволенія Николай Павловичъ простился съ своимъ гостемъ и медленно удалился.

Въ этотъ вечеръ императоръ Францъ-Іосифъ подписывалъ въ кабинетѣ своемъ бумаги, только-что доставленныя изъ Вѣны. На одномъ листѣ онъ особенно четко выставилъ свою подпись и не безъ удовольствія улыбнулся.

— Знаете ли, какую бумагу подписалъ я сейчасъ? — обратился онъ къ своему адъютанту.

— Не знаю, ваше величество.

— Это смертный приговоръ извѣстному мятежнику Альдомасу.

Годовщина битвы на Марнѣ. Комендантъ сѣвернаго сектора Парижской крѣпости генералъ Мишель устанавливаетъ знамена на братскихъ могилахъ.

Памяти Пегу.

Мимолетная встрѣча. **Кн. Е. П. Тархановой.**

Погибъ Пегу.

Онъ вѣрилъ въ свои силы, и поднебесье любило его и подчинилось ему. Но судьба судила иначе. Если вѣрить въ цѣлесообразность природы, то, можетъ-быть, и эта кровавая жертва нужна для будущаго... преуспѣянія человѣчества.

Въ январѣ 1914 г. въ Парижѣ назначены были полеты Пегу съ мертвой петлей.

Мнѣ въ это время пришлось пріѣхать на нѣсколько дней въ Парижъ, и я поселилась въ одной близкой мнѣ семьѣ, занимавшей скромную квартирку на верхотурьѣ, въ четвертомъ этажѣ несуразно высокаго и узкаго дома въ одной изъ тѣхъ улицъ-переулковъ Парижа, куда приходится подыматься, какъ на высокую гору. Не даромъ одна такая (ближайшая къ нашему гористому переулку) улица называется „Rue des Martyres“ (Улица Мучениковъ).

Вотъ въ этомъ-то домѣ, недалеко отъ Rue des Martyres, въ очень скромной русской семьѣ, десятки лѣтъ жившей постоянно въ Парижѣ, и произошло мимолетное мое знакомство съ Пегу.

Сидимъ мы какъ-то за обѣдомъ. Разговоръ зашелъ о назначенныхъ въ ближайшіе дни полетахъ Пегу. Меня посвящаютъ во всю важность этого событія, при чемъ особенно волнуется дѣвочка-подростокъ, дочь моихъ гостепріимныхъ друзей, разсказывая, что на эти полеты собирается tout Paris — все шикарное, все привилегированное, между тѣмъ какъ обыкновеннымъ смертнымъ туда попасть почти немыслимо. Тутъ же въ пылу разговора она выдаетъ свой секретъ: смущаясь и вся зардѣвшись, она почти выкрикиваетъ сознаніе, что, сгорая „непреодолимымъ“ желаніемъ видѣть эти полеты m-r Пегу именно теперь, когда это почти недоступно, и тѣмъ болѣе потому, что это недоступно, она рѣшилась на „отчаянный шагъ“, на „послѣднее средство“: она написала m-r Пегу письмо съ просьбою предоставить ея maman и ей возможность попасть на аэродромъ.

Письмецо это, которое она по настоянію родителей намъ отчасти процитировала, дѣйствительно было милое и граціозное, въ немъ проглядывала на ряду съ наивностью капризнаго ребенка страстность желанія тонкой парижаночки видѣть „одно изъ величайшихъ открытій“. Родители любовно подсмѣивались надъ нею, а братецъ безжалостно, до слезъ, дразнилъ ее, и всѣ мы искренно были увѣрены, что знаменитый авіаторъ Пегу не отзовется на это полудѣтское посланіе.

Пегу.

Знаменитый авіаторъ Пегу, павшій въ бою подъ небесами.

Прошло дня три или четыре, и эпизодъ съ письмомъ былъ окончательно забытъ. Велико же было наше удивленіе, когда часу въ пятомъ пополудни подали карточку m-r Пегу. Какая любезность! Поистинѣ любезность настоящаго француза. Не только отозвался, но явился лично. Прелестная виновница этого визита отъ великой радости прежде всего бросилась на шею матери со словами: „Видишь, maman, отвѣтилъ, отвѣтилъ, самъ пришелъ, самъ m-r Пегу!“ — и кружилась по комнатѣ въ дикомъ восторгѣ. Она торжествовала, забывъ при этомъ, что надо же выйти къ m-r Пегу, котораго отецъ пока принялъ въ гостиной. Черезъ нѣсколько минутъ и я туда зашла и застала всѣхъ въ сборѣ. Хозяинъ и m-r Пегу стояли съ бокалами бѣлаго вина въ рукахъ. Онъ какъ разъ приглашалъ всю семью, а теперь и меня, не только на аэродромъ, но любезно предлагалъ совершить съ нимъ полетъ на его излюбленномъ Блеріо.

— C'est un truc, si vous voulez, — говорилъ онъ, стоя въ скромной гостиной, отпивая глоточками бѣлое вино и подписывая для передачи мнѣ свои фотографіи, гдѣ онъ снятъ на Блеріо во время полета внизъ головою, или накренившись съ аппаратомъ такъ, будто вотъ-вотъ упадетъ. — C'est un truc, et j'en ferai encore d'autres... Si c'est dangereux? Je l'ignore. Je ne connais pas la peur, — прибавилъ онъ съ бравой улыбкой, и послѣ нѣкоторой паузы: — Enfin, je n'ai rien à perdre...

Небольшого роста, невзрачный и скромный, но подвижной и нервный; глаза его зажигались яркимъ блескомъ, когда онъ говорилъ о своихъ полетахъ и своихъ трюкахъ, и онъ съ гордостью отмѣчалъ при этомъ, что онъ простой солдатъ и только годъ всего пилотомъ.

Къ сожалѣнію, я въ тотъ же вечеръ выѣзжала изъ Парижа, и мнѣ не пришлось принять этого лестнаго для меня предложенія. Но встрѣча эта, какъ она ни была мимолетна, произвела на меня и оставила большое впечатлѣніе.

Только съ началомъ военныхъ дѣйствій я поняла, что эти трюки m-r Пегу могутъ имѣть большое практическое значеніе, и, лихорадочно слѣдя за ходомъ событій, я съ особеннымъ интересомъ прислушивалась къ подвигамъ моего пріятеля, который то перелеталъ Рейнъ и углублялся на 300 километровъ въ непріятельскую страну, то подбивалъ цеппелинъ, или вступалъ въ бой съ вражеской воздушной эскадрой—и всегда уходилъ невредимый, совершая на пути всевозможные трюки, теперь уже и вольные и невольные. Не разъ вспоминалась мнѣ его симпатичная, возбужденная фигура, когда онъ говорилъ, что мечтаетъ о своей поѣздкѣ въ Россію, спрашивалъ, хорошо ли его примутъ, очень ли у насъ интересуются авіацией.

Многое, вѣроятно, могъ бы сдѣлать въ области авіаціи этотъ безстрашный и талантливый борецъ, но все сразу такъ трагически оборвалось, и миссія его на землѣ кончилась.

— „Je n'ai rien à perdre“, — звучатъ у меня до сихъ поръ въ ушахъ его грустныя слова.

На ряду съ воспоминаніями княгини Е. П. Тархановой помѣщаемъ со словъ французскихъ газетъ описаніе послѣдняго полета и гибели Пегу:

Погибшій геройской смертью авіаторъ Пегу за нѣсколько часовъ до рокового полета говорилъ:

— Въ одинъ прекрасный день я долечу до Берлина, потому что германскіе летчики умѣютъ только гусей въ небѣ считать и не въ состояніи отвѣтить ни на одинъ мой маневръ.

И дѣйствительно Пегу наводилъ ужасъ на нѣмецкихъ авіаторовъ своими удивительными атаками.

Былъ случай, когда аппаратъ французскаго героя, атакованный двумя „таубе“, вдругъ полетѣлъ съ громадной высоты внизъ, безпомощно перевертываясь въ воздухѣ. Побѣда нѣмцевъ была очевидна, и одинъ „таубе“ улетѣлъ къ своимъ, а другой остался высматривать французскія расположенія. Каковъ же былъ ужасъ германца, когда надъ его головой внезапно появился Пегу и искусными движеніями заставилъ непріятельскій аппаратъ опуститься на землю. Нѣмецъ былъ взятъ въ плѣнъ, а новехонькій аэропланъ достался французамъ.

Оказалось, что Пегу нарочно бросилъ свою машину внизъ, опускаясь своими знаменитыми „мертвыми петлями“, а затѣмъ, убѣдивъ нѣмцевъ въ своей „гибели“, неожиданно поднялся вверхъ и въ свою очередь атаковалъ непріятеля.

Послѣдній свой полетъ Пегу совершилъ въ тотъ день, когда надъ французскими линіями появились два нѣмца и медленно стали кружиться надъ траншеями.

Пегу быстро „осѣдлалъ“ своего воздушнаго коня и при восторженныхъ привѣтствіяхъ солдатъ сразу пошелъ вверхъ.

Скоро герой-французъ оказался нѣсколько выше непріятельскихъ аэроплановъ, и нѣмцы принялись удирать, усердно отстрѣливаясь изъ ружей и пулеметовъ.

НАГРАЖДЕННЫЕ ГЕОРГІЕВСКИМЪ ОРУЖІЕМЪ.

Его Высочество Князь Іоаннъ Константиновичъ.

Его Высочество принцъ П. А. Ольденбургскій.

Ген.-маіоръ К. А. Гольтгоеръ.

Ген.-отъ-кавалеріи М. М. Плѣшковъ.

Ген.-маіоръ И. Д. Ниловъ.

Ген.-маіоръ Д. К. Гунцадзе.

Ген.-маіоръ А. Е. Кушакевичъ.

Ген.-лейтенантъ Н. А. Орловъ.

Полковникъ графъ К. П. Кутайсовъ.

Полковникъ баронъ Я. Ѳ. фонъ-Хелленсъ.

Полковникъ А. П. Богаевскій.

Полковникъ Н. М. Миглевскій.

Подполковникъ И. А. Яковлевъ.

Подполковникъ С. А. Алексѣевъ.

Подполковникъ Вл. Алалыкинъ.

Штабсъ-ротмистръ М. П. Лазаревъ.

Ротмистръ Н. Н. Бобриковъ.

Капитанъ П. Н. Щегловъ.

Капитанъ М. М. Никоновъ.

Корнетъ Д. Я. Малама.

Капитанъ Ю. Х. Гибшманъ.

Поручикъ В. М. Бемъ.

Поручикъ К. Г. Князевъ.

Подпоручикъ Б. И. Курышкинъ.

Подпоручикъ А. Т. Невзоровъ.

Уже Пегу принудилъ одного изъ „таубе“ сдѣлать крутой виражъ къ французскимъ расположеніямъ, какъ случилось нѣчто неожиданное. Аппаратъ героя вильнулъ въ воздухѣ и камнемъ полетѣлъ внизъ. У самой земли аэропланъ однако выровнялся и довольно удачно опустился, накренившись на правое крыло.

Все это французы видѣли и, полагая, что у Пегу что-нибудь случилось съ аппаратомъ, побѣжали къ мѣсту спуска.

Ихъ ожидало печальное зрѣлище: герой-летчикъ былъ сраженъ вражеской пулей и лежалъ мертвый у своего аэроплана.

Нельзя передать, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на французовъ эта безвременная гибель отважнаго авіатора.

Германское офиціальное сообщеніе, отдавая должное доблестному летчику, назвало Пегу героемъ, погибшимъ за отечество.

Въ заревѣ войны.

(Записки военнаго корреспондента).

М. Доманскаго.

XIII. Воздушный разбойникъ.

— Аэропланъ! Нѣмецкій аэропланъ!—крикнулъ кто-то подъ моимъ раскрытымъ окномъ.

Я выбѣжалъ на улицу. Было людно и шумно. Пронзительно крича, женщины сзывали дѣтей и въ паническомъ ужасѣ, растрепанныя, блѣдныя, съ расширившимися зрачками, метались изъ стороны въ сторону. Бѣжали и мужчины, но ихъ было немного. Большинство стояло среди улицы, задравъ головы. Купцы торопливо закрывали ставни и даже двери своихъ лавокъ.

Я остановился на перекресткѣ. Оглянулся во всѣ стороны; мѣстечко сейчасъ было сильно похоже на муравейникъ, въ который шалунъ-мальчишка засунулъ палку. Несмотря на опасность, толпы любопытныхъ росли съ каждой минутой.

Я поднялъ голову и сталъ всматриваться туда, куда смотрѣли всѣ.

Въ слегка сѣроватой синевѣ совершенно безоблачнаго знойнаго неба отчетливо рисовался своимъ типичнымъ очертаніемъ германскій аэропланъ. На высотѣ тысячи съ лишнимъ метровъ онъ описывалъ огромный кругъ. Второй кругъ сильно уменьшился. Послѣ третьяго круга стало совершенно ясно, что центромъ круговъ является мѣстечко. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ аэропланъ повисъ у насъ надъ головами. Въ тотъ же моментъ гдѣ-то невдалекѣ раздался страшный грохотъ.

— Бомбу бросилъ! Бомбу!—послышалось со всѣхъ сторонъ. Многіе кинулись въ дома, въ ворота.

—У насъ же здѣсь нѣтъ войскъ! Зачѣмъ же они бросаютъ бомбы? — не то съ укоризной, не то просто съ недоумѣніемъ сказалъ стоявшій возлѣ меня старикъ.

Аэропланъ немного повернулся. Снова раздался взрывъ.

Новое оружіе. Струи горящей нефти, направляемыя въ непріятельскія траншеи.

Изъ-за угла показался автомобиль стоявшаго въ мѣстечкѣ санитарнаго отряда. Рядомъ съ шоферомъ сидѣлъ помощникъ уполномоченнаго, мой знакомый.

— Хотите съ нами? — крикнулъ онъ мнѣ. — Мы къ мѣсту взрыва. Садитесь рядомъ съ докторомъ!

Мы помчались дальше. Найти мѣсто паденія было не трудно: туда со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ. Одна изъ узкихъ кривыхъ улицъ оказалась совершенно запруженной. Мы остановились и стали вылѣзать изъ автомобиля.

— Здѣсь... во дворѣ... убило женщину и двоихъ дѣтей... Трое раненыхъ...—сообщали намъ со всѣхъ сторонъ.

Съ большимъ трудомъ протолкались мы въ указанный дворъ. Вдоль лѣвой стороны его тянулся длинный, приземистый, покосившійся отъ старости флигель. Нѣсколько дверей вело въ крошечныя квартирки. Бомба упала въ крайнюю дальнюю, пробила крышу и разорвалась внутри. Окно и часть стѣны были вырваны.

Помощникъ уполномоченнаго, докторъ и я вошли внутрь.

Вся обстановка комнаты была превращена въ щепки. Тонкая перегородка, отдѣлявшая эту комнату отъ другой, поменьше, была наполовину разрушена. Оттуда неслись тяжелые стоны.

Видъ разрушеннаго жилища и его несчастныхъ обитателей былъ ужасенъ. Во много разъ ужаснѣе того, что мнѣ приходилось видѣть на поляхъ сраженій. Тамъ была война, тамъ были бойцы. Здѣсь же — безсмысленное, гнусное убійство и мирныя, ни въ чемъ неповинныя женщины и дѣти.

Я вышелъ во дворъ, потомъ на улицу. Выбрался изъ толпы. Поднялъ голову: въ бездонной синевѣ красиво рисовались очертанія улетающаго разбойника, такъ безпощадно, такъ грубо-цинично разбившаго мнѣ мечту о красотѣ человѣка-птицы.

Мельница, служившая наблюдательнымъ пунктомъ, загорѣвшаяся отъ бомбы съ аэроплана.

Крыло войны.

Разсказъ **Л. Добронравова.**

„Кто побѣждаетъ и соблюдаетъ дѣла Мои до конца, тому дамъ власть надъ язычниками“.

Апокалипсисъ. II, 26.

I.

Боже, какая была трудная, какая тяжелая и унылая зима! И въ короткіе дни и въ суровыя вьюжныя ночи весь городокъ жилъ одной думой, одной душой, одной мыслью о далекихъ поляхъ, о городахъ и селахъ, въ которыхъ отцы, братья, сыновья, друзья и знакомые грудью стояли за родной край.

Деревня горитъ.

Каждая вѣсть оттуда—какъ солнечный зайчикъ на стѣнѣ.

Иногда проѣзжали по улицамъ бѣлыя погребальныя дроги, и на нихъ такой тяжкій въ своей мертвой устойчивости бѣлый гробъ. И на крышкѣ прибитыя фуражка и сабля.

Казалось, и колесница и гробъ окутаны свѣтлымъ, печальнымъ облакомъ, но проплывало оно, исчезая въ зимнихъ перспективахъ улицъ, и не было въ душѣ тоски, а спокойная оставалась свѣтлая грусть. И еще: послѣ такого бѣлаго гроба смерть была не страшна; страшно было умереть здѣсь, въ одномъ изъ этихъ домовъ, заплатанныхъ вывѣсками, а не тамъ. Туда хотѣлось!

Какъ всегда бывало, какъ въ прежніе годы, жили въ городѣ: такъ же ходили въ гости, въ театры, въ рестораны, служили, торговали, но было во всемъ прежнемъ новое что-то, одной тѣнью были осѣнены всѣ, и одинъ голосъ звучалъ во всѣхъ разговорахъ:

— Война!

Первѣйшіе городскіе остряки и весельчаки, одно появленіе которыхъ вызывало на лица улыбки, примолкли, пріутихли и будто забыли все, что знали веселаго. И не потому, что исчезло веселье, а просто лишними оказались всѣ эти шуточки и прибаутки, и когда одинъ изъ присяжныхъ увеселителей разсказалъ въ клубѣ „военный анекдотъ“ про еврея, никто не улыбнулся. Промолчали, какъ будто ничего и не было разсказано, а губернскій архитекторъ Чугуновъ тихо сказалъ разсказчику:

— Совѣстно!

Разсказчикъ, обиженный и неуспѣхомъ и замѣчаніемъ, окрысился. А Чугуновъ громко, большимъ голосомъ, сказалъ:

— Стыдъ надо имѣть!

Никто не удивился, что тихій, скромный Чугуновъ заговорилъ такъ твердо. Всѣ понимали, что такъ и надо, и иначе нельзя.

А Чугуновъ, словно про себя, словно возлѣ никого не было, продолжалъ:

— Время, время такое, испытаніе душѣ человѣческой, а тутъ съ анекдотами!

И такой онъ сталъ съ тѣхъ поръ, какъ брата проводилъ на войну, съ того вечера, наканунѣ отъѣзда, когда братъ, капитанъ, отозвалъ его послѣ ужина въ кабинетъ, заперъ двери, обнялъ крѣпко-крѣпко и заплакалъ. И молча они обнимали другъ друга и плакали, оба уже пожилые, но оба безпомощные, какъ дѣти, и какъ въ дѣтствѣ плакали, такъ и теперь, въ первый разъ за долгіе годы, истрепанные и опоганенные жизнью. И оба поняли душою, что въ послѣдній разъ они здѣсь, на землѣ, видятся.

Въ ту ночь капитанъ передалъ ему духовное завѣщаніе и до разсвѣта, до блѣдно-синяго утра, просидѣли они въ кабинетѣ и мало говорили, но было сказано много, такъ много, что за всю долгую жизнь не скажешь.

Въ ту ночь почувствовалъ Чугуновъ, что родился онъ духомъ,

Дымовая завѣса.

и началась въ немъ новая жизнь, а старая умерла. Проводивъ брата на вокзалъ, привезъ домой жену его Софью Андреевну съ сыномъ, прошелъ въ кабинетъ и, выдвинувъ ящики столовъ, сталъ рыться въ бумагахъ и письмахъ и долго сидѣлъ тамъ, рвалъ въ клочья, на мелкіе лепестки разныя нехорошія карточки, „коллекціи", когда-то пріобрѣтенныя въ угарномъ чаду, письма и записочки, рвалъ крѣпко и сурово, словно жизнь свою прошлую хотѣлъ разорвать.

Съ этого дня постарѣлъ онъ для знакомыхъ. Вѣки его стали прозрачно-синеватыя, глаза — строгіе, а на губахъ, произносившихъ такія веселыя, забавныя и милыя вещи, легла печать суроваго молчанія. Но лицомъ сталъ свѣтлѣе, словно покрылось оно новой кожей.

Шелъ день за днемъ, полный каждый своей заботой и своими тревогами и трудомъ, но эта жизнь казалась такъ, посторонней, не своей. Не попрежнему вычерчивались планы,—съ азартомъ, съ любовью и интересомъ,—а по-новому, чтобы сбыть заказъ. А въ свободное время—въ лазаретъ, или думать: понять хотѣлось концы и начала и цѣли.

Говорилъ со своимъ духовникомъ. Старый протопопъ вздыхалъ:

— Сказано въ Писаніи: возстанетъ народъ на народъ и царство на царство, и сіе есть начало болѣзней.

— А для чего?

— Такова воля Божія.

— Вотъ эту волю я и хочу узнать.

— Сіе не вмѣстимо человѣку.

Но Чугуновъ упрямо встряхивалъ головой.

— Долженъ узнать!

Протопопъ не понималъ, погружалъ пухлые свои растопыренные пальцы въ сѣдую бороду и вздыхалъ:

— А сія есть гордость бѣсовская. Черезъ то палъ и прародитель нашъ Адамъ: познаемъ и будемъ, какъ боги. Да вы чего же, собственно, добиваетесь?

— Смысла того, что происходитъ.

— Все устроено премудро и со смысломъ. И каждая пташка полетъ свой совершаетъ не сама по себѣ, а по предопредѣленію свыше.

Новые и новые лазареты открывались въ городѣ, приходили новыя извѣстія. Уже бои въ Августовскихъ лѣсахъ стали прошлымъ. Братъ Чугунова, капитанъ, прислалъ письмо: контуженъ, раненъ и остался въ строю. Софья Андреевна стала привыкать къ тому, что мужъ на войнѣ, успокоилась, ходила въ гости и въ театръ. А сынъ ея, Вася, сильно напоминавшій отца, часто приходилъ къ дядѣ въ кабинетъ. Придетъ, постоитъ, прислонивъ голову къ дядиному локтю, молча смотрить на портретъ отца, стоявшій въ выпуклой, краснаго дерева, рамѣ на столѣ и задумчиво скажетъ:

— Сурожа!

Чугуновъ гладитъ свѣтлую, стриженную голову мальчика и спроситъ:

— Скучаешь по Сережѣ?

— Нѣ... Сурожа на сраженіи.

И оба замолчатъ и думаютъ, и оба смотрятъ на портретъ.

II.

Однажды Софья Андреевна сказала за обѣдомъ:

— Сегодня будетъ у меня нѣкто Томашевичъ, очень интересный человѣкъ.

— Чѣмъ интересный?—спросилъ Чугуновъ.

— Это такъ трудно объяснить... Ну, интересный, умный, образованный, воспитанный... ну, я не знаю еще что... Поетъ, прекрасный голосъ... Можетъ-быть, вы, Петръ Ѳомичъ, что-нибудь имѣете противъ этого визита?

Чугуновъ удивился ея раздраженному тону и почувствовалъ въ то же время непріятное что-то въ визитѣ какого-то Томашевича.

— Нѣтъ, пожалуйста, и я очень радъ познакомиться съ интереснымъ человѣкомъ.

Томашевичъ явился въ ловко сшитой визиткѣ, ароматный отъ духовъ. Онъ былъ ловокъ, самоувѣренъ и шепелявъ. По его манерѣ держаться, говорить, улыбаться, видно было, что онъ привыкъ къ хорошему обществу, но въ то же время во всей его пріятности было что-то такое, что заставляло настораживаться.

Онъ разсказалъ о себѣ, что по профессіи онъ инженеръ, работалъ въ Бельгіи, тамъ же, въ Льежѣ, и курсъ окончилъ. Обо всемъ онъ имѣлъ понятіе, обо всемъ говорилъ легко и съ Чугуновымъ принялъ свысока-покровительственный тонъ, хотя и очень любезный.

По просьбѣ Софьи Андреевны онъ спѣлъ нѣсколько романсовъ. Голосъ у него былъ жирно-рокочущій, и пѣлъ онъ съ такой же самоувѣренностью, съ какой и говорилъ.

Софьѣ Андреевнѣ онъ, видимо, сильно нравился, самъ чувствовалъ это и кокетничалъ.

— Въ сущности, что такое война?—спрашивалъ онъ и сейчасъ же самъ отвѣчалъ:—Нѣкоторое неудобство, не болѣе. Какъ отражается война на мнѣ? Никакъ. На васъ?—обратился онъ къ Чугунову.—Тоже.

— У меня родной братъ на войнѣ. А война—горе.

— Мм... какъ сказать? Да, если хотите, конечно, въ извѣстной степени. Главное, не надо терять своего esprit.

— А если все существо потрясено?

— Ну, это индивидуально.

Софьѣ Андреевнѣ не понравился этотъ разговоръ. Ей все ка-

Газы подходятъ.

Новый французскій предохранительный аппаратъ противъ удушливыхъ газовъ.

Запасный.
Рис. И. Владимірова.

Въ нашихъ окопахъ. Вышли погрѣться на солнышко.

залось, что Чугуновъ почему-то наговоритъ дерзостей Томашевичу, и, поймавъ паузу, вмѣшалась въ разговоръ.

Чугуновъ сидѣлъ молча и думалъ и чувствовалъ себя лишнимъ при завязавшемся концертно-театральномъ разговорѣ. Чугуновъ морщился отъ пошлости словъ Томашевича; онъ неловко попрощался и вышелъ.

Войдя въ столовую, онъ увидѣлъ Васю. Мальчикъ сидѣлъ за столомъ и разсматривалъ, перелистывая, толстый иллюстрированный журналъ. И особенной заброшенностью и сиротливостью повѣяло на Чугунова отъ свѣтлой маленькой головки, добрыхъ братниныхъ губъ и худой ручонки, вытянутой на скатерти стола. Чугуновъ подсѣлъ къ племяннику, и оба стали разсматривать картину „Бой подъ Вафангоу".

Томашевичъ въ залѣ снова запѣлъ, и сюда, въ столовую, ясно доносились слова:

Сладкимъ запахомъ сир-р-эни
Н-напоенъ душистый садъ...

Вася молча посмотрѣлъ на дядю, словно спрашивая взглядомъ, зачѣмъ этотъ господинъ здѣсь и зачѣмъ поетъ, когда папа на войнѣ?

Чугуновъ вздохнулъ и подумалъ, что надо выписать сестру, старую дѣву, жившую въ Харьковѣ; пусть будетъ съ Васей.

Когда онъ писалъ въ кабинетѣ письмо, вошла Софья Андреевна.

— Я пойду немного прогуляться. Будьте добры посмотрѣть, чтобы Васю напоили молокомъ и уложили спать.

III.

„Все въ природѣ и все въ мірѣ—борьба,—думалъ Чугуновъ:—борьба дня съ ночью, а ночи съ днемъ, темноты со свѣтомъ и свѣта съ тьмою. Одни животныя пожираютъ другихъ, но пожиратели, въ свою очередь, жертва болѣе сильныхъ. Смерть — законъ жизни и жизнь — условіе смерти. Одно переливается въ другое, какъ ночь въ утро. А можетъ-быть, жизнь и смерть — одно, и наше грубое воображеніе создало грубыя грани, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ. Поэтому надо смириться и покорно принять то, что пришло. Но если это такъ надо—зачѣмъ дано человѣку отвращеніе къ смерти? Почему самое страшное въ жизни — все-таки смерть? Почему? Почему никогда, никогда, никогда и ни за что не примиришься съ нею? Но почему смерть воиновъ, павшихъ въ бою, не такъ ужасна, не такъ безпросвѣтна?"

— Потому, что они умираютъ за что-то такое огромное и великое, что надъ человѣкомъ,—отвѣчалъ Чугунову внутренній голосъ.

Въ томъ, что бѣлые гробы съ вокзала возили прямо въ церковь, а не домой сначала, Чугуновъ видѣлъ символъ этой надземной, отрѣшенной отъ жизни и высокой цѣли—смерти. Они сдѣлали свое общее дѣло тамъ и не принадлежатъ уже ни дому ни городу,—вѣчности принадлежатъ и не умирающимъ воспоминаніямъ.

Чугуновъ избѣгалъ встрѣчъ съ Софьей Андреевной, потому что почти ежедневно бывалъ у нихъ Томашевичъ, и тяжело и непріятно было видѣть ихъ вдвоемъ.

Однажды только она спросила:

— Скажите, Петръ Ѳомичъ, почему вы избѣгаете Томашевича?

— Я... занятъ, Софья Андреевна... Я бы съ удовольствіемъ,—смущенно пробормоталъ Чугуновъ, краснѣя отъ своей лжи.

— Вамъ, можетъ-быть, непріятно, что Томашевичъ бываетъ такъ часто?

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани... Мнѣ наоборотъ... Онъ очень... интересный, и я радъ, что вамъ пріятно съ нимъ.

Смуглое лицо Софьи Андреевны, словно нѣжнымъ ворсомъ, покрытое пушкомъ, покраснѣло.

Больше они о Томашевичѣ не сказали ни слова, будто такъ и условлено было между ними—не говорить объ этомъ.

Вася не любилъ Томашевича, и Чугуновъ зналъ: какъ только Вася придетъ въ кабинетъ, и въ свѣтлыхъ глазахъ тѣнь обиды—значитъ, пришелъ Томашевичъ.

— Дядя, зачѣмъ къ намъ приходитъ этотъ господинъ?

— Въ гости, Васенька.

— А зачѣмъ каждый день?

— Ему нравится у насъ.

— А зачѣмъ нравится?

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда въ залѣ пѣлъ Томашевичъ, Вася ходилъ по кабинету, заложивъ руки за спину, какъ взрослый, и неожиданно сказалъ:

— Дядя, знаешь что?

— Что, голубчикъ?

— Поѣдемъ къ папѣ на сраженіе.

— Зачѣмъ?

Вася помолчалъ. Долго молчалъ. И тихо отвѣтилъ:

— Тамъ лучше.

А изъ-за закрытыхъ дверей доносилось жирное:

И буду тебя я ласкать,
Обнимать, цѣловать...

И въ душѣ Чугунова переворачивались, раня, тяжелые камни.

Наступили студеные декабрьскіе морозы. Братъ Чугунова прислалъ изъ дѣйствующей арміи германскую винтовку, штыкъ, каску и тесакъ. Вася подолгу разсматривалъ бронзоваго иноземнаго орла, привинченнаго къ каскѣ, и задумчиво водилъ пальцемъ по истрескавшейся лакированной кожѣ.

Вечеромъ, когда Софья Андреевна собиралась въ театръ и, одѣтая уже въ нарядное вечернее платье, поворачиваясь, осматривала себя въ зеркалѣ, Вася попросилъ ее:

— Напиши папѣ письмо. Я буду говорить, а ты пиши.

— Хорошо, хорошо, потомъ, — разсѣянно отвѣтила Софья Андреевна.—А теперь иди къ себѣ, поиграй и ложись спать.

Вася медленно вышелъ изъ комнаты и, придя къ Чугунову, уткнулъ лицо въ его колѣни и заплакалъ.

— Что ты, Вася?

— На... напиши папѣ письмо,—всхлипывая, говорилъ Вася.—На... напиши. А я буду говорить.

— Ну, ну, хорошо, Васенька, я сейчасъ... Ну, что писать?

— Милый, дорогой папочка, я тебя очень люблю... и я пріѣду къ тебѣ.

Чугуновъ писалъ, задерживая тяжелые вздохи, а Вася мокрыми, блестящими отъ слезъ, глазами смотрѣлъ на его писавшую руку. Потомъ долго разсматривалъ надписанный конвертъ, переворачивая его въ тонкихъ пальцахъ.

— Это папа получитъ?

— Получитъ.

Вася кивнулъ головой, и слабая улыбка развела его блѣдныя губы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Оставленные нѣмцами окопы.

Къ войнѣ союзниковъ съ болгарами. Болгарскіе комитаджи.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Коварно подготовляемая съ самаго начала войны и все же казавшаяся невозможною измѣна Болгаріи славянскому дѣлу свершилась: болгарскія войска напали на истекающую кровью въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ вѣрную союзницу Нашу Сербію.

Россія и союзныя Намъ великія державы предостерегали правительство Фердинанда Кобургскаго отъ этого рокового шага. Исполненіе давнихъ стремленій болгарскаго народа — присоединеніе Македоніи—было обезпечено Болгаріи инымъ, согласнымъ съ интересами славянства, путемъ.

Но внушенные германцами тайные корыстные разсчеты и братоубійственная вражда къ сербамъ превозмогли.

Единовѣрная Намъ Болгарія, недавно еще освобожденная отъ турецкаго рабства братскою любовью и кровью русскаго народа, открыто стала на сторону враговъ Христовой вѣры, славянства, Россіи.

Съ горечью встрѣтитъ русскій народъ предательство столь близкой ему до послѣднихъ дней Болгаріи и съ тяжкимъ сердцемъ обнажаетъ противъ нея мечъ, предоставляя судьбу измѣнниковъ славянства справедливой карѣ Божіей.

Данъ въ Царской Ставкѣ въ 5-й день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятнадцатое, царствованія же Нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Правительственное сообщеніе.

Въ тотъ роковой часъ, когда злосчастная Болгарія поднимаетъ свой мечъ противъ возродившей ее Россіи и становится подъ нѣмецкія и турецкія знамена, русскій народъ отдаетъ на судъ исторіи имя того, кто является истиннымъ виновникомъ этой безпримѣрной измѣны.

Когда австрійская интрига возвела на болгарскій престолъ нѣмецкаго принца, Русское Правительство не могло не почувствовать тревоги за будущность освобожденной русской кровью Болгаріи и отказало Фердинанду въ признаніи.

Первые годы царствованія князя не могли окончательно разсѣять кореннаго недовѣрія Россіи къ австрійскому ставленнику, тѣмъ не менѣе нѣкоторые факты, какъ, напримѣръ, вступленіе въ лоно Православной Церкви княжича Бориса, а равно и нежеланіе ввергать еще неокрѣпшее государство въ опасную смуту, побудили Русское Правительство черезъ нѣсколько лѣтъ согласиться на признаніе Фердинанда.

Однако и послѣ этого Фердинандъ Кобургскій остался болгарскимъ княземъ только по имени. Вся его внутренняя политика подготовляла пути къ установленію въ странѣ германскаго вліянія. Подавляя свободное развитіе народныхъ силъ, сѣя изъ себялюбивыхъ видовъ раздоры между партіями, всячески поощряя политическое развращеніе страны, Фердинандъ успѣлъ внести разложеніе въ широкіе слои болгарскаго общества и подчинить его своимъ видамъ. Измѣна князя славянству стала особенно ясно обрисовываться, начиная съ 1908 года. Всего за нѣсколько дней до провозглашенія въ Тырновѣ болгарской независимости австрійскій императоръ оказалъ поспѣшившему въ Вѣну Фердинанду царскія почести. Великодушіе Россіи не позволило ей вымещать на Болгаріи поведеніе ея князя. Мало того, когда между Турціей и Болгаріей на почвѣ денежныхъ разсчетовъ возникли серьезныя недоразумѣнія, грозившія войной, Русское Правительство вмѣшалось и предупредило осложненія путемъ финансовой жертвы; часть турецкаго долга Россіи была переведена на Болгарію, чѣмъ послѣдняя и, притомъ на весьма льготныхъ для нея условіяхъ, освобождалась отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Турціи. Реально обезпечивъ такимъ образомъ независи-

Болгарская артиллерія.

Разгромъ обманутой имъ Болгаріи и кара, наложенная на несчастную страну букарестскимъ миромъ, лишившимъ ее почти всѣхъ плодовъ ея побѣды, нанесли тяжелый ударъ самолюбію Фердинанда. Онъ замыслилъ не только возвращеніе утраченной по его винѣ Македоніи, но и расширеніе своихъ владѣній за счетъ всѣхъ прочихъ балканскихъ государствъ. Слѣдствіемъ этого явилось окончательное подчиненіе свободной страны германскому вліянію. Изъ обнародованнаго 24-го сентября с. г. правительственнаго сообщенія, а равно изъ заявленій французскаго и англійскаго министровъ, русское общество могло убѣдиться въ томъ, что всѣ старанія союзной дипломатіи, направленныя къ возсозданію

мость Болгаріи, Россія, побуждаемая тѣми же чувствами великодушія по отношенію къ болгарскому народу, сдѣлала дальнѣйшій шагъ и признала Фердинанда болгарскимъ царемъ. Отдавая себѣ ясный отчетъ въ истинныхъ цѣляхъ кобургскаго принца, Россія все же рѣшила не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгаріи, твердо вѣря, что рано или поздно у освобожденнаго ею народа откроются глаза и онъ самъ найдетъ пути къ спасенію отъ грозящаго ему новаго ига.

Побѣдоносная война, объединившая балканскіе народы въ борьбѣ съ вѣковымъ врагомъ — Турціей, покрыла болгарское оружіе славой и обезпечивала Болгаріи почетное мѣсто въ славянской семьѣ.

Но, слѣдуя все тѣмъ же австро-германскимъ наущеніямъ, вопреки совѣту Русскаго Царя и безъ вѣдома болгарскаго правительства, кобургскій принцъ двинулъ 16-го іюня 1913 года болгарскія войска на сербовъ. Этимъ преступнымъ актомъ Фердинандъ создалъ пропасть между двумя братскими союзными народами. Въ этотъ черный для всего славянства день король Фердинандъ погубилъ свою страну, но сослужилъ неоцѣнимую службу Германіи.

балканскаго союза, неизмѣнно разбивались о злую волю Фердинанда и двуличную политику его правительства.

Цѣлый годъ союзники старались вырвать злосчастный болгарскій народъ изъ цѣпкихъ рукъ поработившаго его нѣмца: Болгаріи предоставлялась возможность вернуть утраченныя земли и покрыть себя новой славой въ общей борьбѣ противъ германскаго варвара: съ болью въ сердцѣ доблестная Сербія приносила на алтарь единенія тяжелыя жертвы. Но король Фердинандъ остался глухъ ко всякимъ увѣщаніямъ. Въ чудовищномъ для Болгаріи союзѣ съ турками и нѣмцами онъ отвергъ всѣ предложенія, клонившіяся къ благу довѣрившей ему свои судьбы страны, и пошелъ войной на Сербію и ея союзниковъ.

Въ теченіе почти 30 лѣтъ кобургскій принцъ стоялъ между Россіей и Болгаріей. Въ теченіе этого времени Россія не переставала надѣяться на просвѣтленіе близкаго ей народа. И нынѣ, когда Болгарія приносится въ жертву германскому коварству, Россія все еще не утратила надежды, что рука вѣрныхъ своимъ историческимъ завѣтамъ болгаръ не подымется на сыновей русскихъ воиновъ, легшихъ костьми за Болгарію.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Значеніе балканской операціи для всей войны.

Для правильной оцѣнки сложнаго стратегическаго узла, завязавшагося на Балканахъ, необходимо исходить изъ той основной стратегической формулы, которая гласитъ, что „судьбы всякой войны рѣшаются только на одномъ главномъ театрѣ“. Поэтому истинная сущность развертывающихся на Балканахъ событій будетъ для насъ ясна только тогда, когда мы опредѣлимъ то отношеніе, которое должна имѣть балканская война для главныхъ театровъ: русскаго — восточнаго и англо-французскаго — западнаго.

Обращаясь къ положенію на этихъ главныхъ театрахъ, мы должны признать, что на обоихъ театрахъ наблюдается весьма длительное состояніе нѣкоего „стратегическаго безразличія“. На западномъ театрѣ, хотя французы и нанесли чувствительный ударъ нѣмцамъ, выразившійся въ занятіи первыхъ оборонительныхъ позицій противника и въ десяткахъ тысячахъ плѣнныхъ, тѣмъ не менѣе ни одна изъ сторонъ, какъ обнаружилъ цѣлый

Болгарская кавалерія. Гусары.

годъ войны, со времени сраженія на Марнѣ не можетъ окончательно сломить другую сторону. Далѣе, мы должны исходить также изъ того, что и на восточномъ фронтѣ нѣмецкое наступленіе окончательно выдохлось, и нѣмцы вынуждены признать, что они не въ состояніи добиться своей цѣли — почетнаго мира.

Такимъ образомъ годъ войны, вызвавъ крайнее напряженіе обѣихъ враждующихъ коалицій, не привелъ все-таки къ опредѣленному концу, но силы обѣихъ сторонъ при этомъ въ значительной степени израсходованы. Исходя изъ такой единственно возможной оцѣнки обстановки на театрѣ міровой войны, противникъ, очевидно, призналъ, что нужны какія-либо новыя средства для того, чтобы подтолкнуть свое наступленіе на какомъ-либо изъ фронтовъ, вѣроятнѣе всего — на нашемъ.

Въ самой Австро-Германіи кромѣ того, что̀ она имѣетъ и что̀, конечно, все уже введено въ дѣло, никакихъ новыхъ средствъ нѣтъ, которыя могли бы возродить германскую наступательную энергію, и въ поискахъ за этими средствами австро-германцы естественно обратились на Балканы. Какъ извѣстно, въ настоящее время не вовлечены въ войну только государства Пиринейскаго полуострова, Скандинавскаго и нѣсколько государствъ Балканскаго полуострова, и, слѣдовательно, тамъ германская стратегія должна была искать тѣхъ новыхъ армій, тѣхъ новыхъ силъ, которыя должны были возродить замирающій наступательный порывъ австро-нѣмцевъ.

Поэтому мы всегда полагали, что мнѣніе о томъ, что наступленіе австро-германцевъ въ Сербіи имѣетъ цѣлью подать руку помощи Турціи, представляется неправильнымъ толкованіемъ. Наоборотъ, мы должны признать, что стремленіе австро-германцевъ прорваться черезъ Сербію въ Болгарію и Турцію имѣетъ своей задачей восполнить изсякающія австро-германскія силы тѣми войсками, которыя могутъ дать государства Балканскаго полуострова, изъ нихъ въ первую голову — Болгарія и Турція.

Сенаторъ С. П. Бѣлецкій, Высочайше назначенный товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Вообще необходимо исходить въ этомъ случаѣ изъ того стратегическаго закона, который требуетъ сосредоточенія всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи силъ въ одномъ и притомъ важнѣйшемъ направленіи. Такимъ „важнѣйшимъ" направленіемъ противникъ въ началѣ войны считалъ французскій фронтъ, а затѣмъ, вслѣдствіе неудачи на этомъ фронтѣ, сталъ считать нашъ фронтъ.

Въ силу этого, на нашемъ фронтѣ германскій генеральный штабъ сосредоточилъ всѣ тѣ силы, которыя онъ только могъ собрать, при условіи пассивной обороны на остальныхъ фронтахъ — французскомъ и итальянскомъ. Вполнѣ естественно, что въ этомъ стремленіи „собрать всѣ силы въ одномъ важнѣйшемъ направленіи", т.-е. на нашемъ фронтѣ, противникъ всегда желалъ привлечь не только австрійскія силы, но и силы турецкія. Послѣднему, какъ мы знаемъ, мѣшало то обстоятельство, что Турція была отдѣлена отъ Австро-Венгріи Сербіей и бывшей до послѣдняго времени нейтральной Болгаріей.

Если противникъ всегда желалъ собрать всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи силы въ одну массу, то послѣ того, когда его наступленіе на нашемъ фронтѣ выдохлось, онъ, очевидно, сталъ это считать не только желательнымъ, но прямо необходимымъ. Поэтому переходъ Болгаріи на сторону нѣмецко-турецкой коалиціи совпалъ какъ разъ съ тѣмъ моментомъ, когда австро-германцы особенно ощутительно сознавали необходимость притока свѣжихъ силъ на ихъ ослабленные главные фронты. Съ переходомъ Болгаріи на сторону нѣмецко-турецкой коалиціи задача соединиться съ турками, во имя созданія одной общей нѣмецко-болгарско-турецкой массы, въ извѣстномъ отношеніи упростилась, ибо предстояло только „прорѣзать" Сербію.

Такимъ образомъ операція Макензена на сербскомъ фронтѣ есть, съ широкой стратегической точки зрѣнія, не что̀ иное, какъ „стремленіе германскаго генеральнаго штаба къ сосредоточенію всѣхъ силъ", имѣющихся въ его распоряженіи, притомъ къ сосредоточенію, которое впослѣдствіи, естественно, будетъ всей массой направлено на тотъ театръ, который противникъ считаетъ важнѣйшимъ, и на которомъ онъ будетъ стремиться къ окончательной развязкѣ войны.

А. Н. Волжинъ, Высочайше назначенный оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Если, съ одной стороны, въ наступленіи Макензена на сербскомъ фронтѣ можно видѣть стремленіе къ „сосредоточенію всѣхъ силъ", то, съ другой стороны, это же наступленіе Макензена представляетъ собою нѣкую важную вспомогательную операцію. Конечно, эта важная вспомогательная операція заключается не столько въ томъ, чтобы „помочь туркамъ въ Дарданеллахъ", или „сокрушить Сербію", сколько въ томъ, чтобы привлечь на балканскій театръ возможно больше силъ союзниковъ съ главныхъ театровъ. Если мы вспомнимъ еще разъ, что „судьбы войны рѣшаются только на одномъ главномъ театрѣ", то станетъ понятнымъ, насколько важно противнику разрѣдить войска союзниковъ на главныхъ театрахъ, уменьшить тамъ численность этихъ войскъ.

Поэтому, предпринимая операцію на Балканахъ, австро-германцы явно разсчитываютъ на то, чтобы привлечь возможно больше силъ союзниковъ на балканскій театръ, чтобы этимъ ослабить силы союзниковъ на главныхъ театрахъ—нашемъ и западномъ и облегчить себѣ тамъ дальнѣйшее продвиженіе.

Таковъ общій стратегическій смыслъ новой австро-германской операціи на Балканахъ, заключающейся, слѣдовательно: во-первыхъ, въ стремленіи германскаго генеральнаго штаба путемъ соединенія съ болгарами и турками пополнить ослабѣвающія и истощенныя австро-германскія массы и вообще „сосредоточить въ одно цѣлое" всѣ имѣющіяся въ распоряженіи нѣмецкой коалиціи силы и, во-вторыхъ, въ стремленіи австро-нѣмцевъ, путемъ наступленія на Балканы, отвлечь туда возможно больше силъ союзниковъ съ главныхъ фронтовъ и этимъ облегчить себѣ дальнѣйшее продвиженіе на этихъ главныхъ фронтахъ, на которыхъ, какъ мы упоминали уже выше, должны рѣшиться судьбы нынѣшняго міроваго столкновенія.

Изъ этого можно видѣть, что на долю сербовъ выпала весьма важная задача, успѣшное разрѣшеніе которой пріостановитъ весьма важные замыслы противника и окажетъ крупное вліяніе на ходъ и результаты міровой войны. Маленькая героическая Сербія, уже однажды разрушившая завоевательные планы австрійскаго генеральнаго штаба, направленные непосредственно противъ нея, должна теперь своимъ героическимъ сопротивленіемъ оказать важную услугу уже всей нашей коалиціи.

Такую же роль по отношенію къ нѣмецко-турецкой коалиціи должны сыграть, по плану германскаго генеральнаго штаба, болгары, ибо и отъ нихъ нѣмецко-турецкая коалиція требуетъ весьма важной услуги, въ видѣ „прорыва черезъ Сербію" во имя сосредоточенія въ одну массу всѣхъ австро-нѣмецко-турецко - болгарскихъ силъ.

Г. В. Глинка, Высочайше назначенный товарищемъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.

Соотвѣтственно важности этой задачи, обѣ коалиціи должны были прійти на помощь: наша коалиція — сербамъ, а нѣмецкая коалиція —

болгарамъ. Практически это выразилось въ томъ, что австро-нѣмцы двинули двѣ арміи—Кавеса и Гальвица, подъ общимъ начальствомъ Макензена, а союзники высадили десантъ въ Салоникахъ подъ начальствомъ генераловъ Сарайля и Гамильтона.

Задачи какъ у Макензена. такъ и у англо-французскаго десанта аналогичны. Для того, чтобы это себѣ уяснить, нужно представить себѣ, что въ стратегическомъ центрѣ на Балканахъ находятся двѣ воюющія арміи: сербская и болгарская. Силы ихъ, при одинаковомъ населеніи въ 4,7 милліона каждой изъ этихъ странъ, примѣрно, также одинаковы.

Поэтому Макензенъ, наступая въ Сербію черезъ Дунай, долженъ оттянуть на себя часть сербскихъ силъ, и тогда передъ болгарами будетъ меньше сербскихъ силъ, что должно, по плану германскаго генеральнаго штаба, дать болгарамъ превосходство и рѣшительный успѣхъ. Однако въ то же время союзный десантъ, наступая изъ Салоникскаго округа въ Болгарію черезъ Струмицу, имѣетъ такую же задачу по отношенію къ болгарамъ. Союзный десантъ также долженъ оттянуть на себя часть болгарскихъ силъ, чтобы передъ сербами осталось меньше болгарскихъ войскъ, ибо тогда сербамъ легче будетъ разбить болгаръ.

Слѣдовательно, въ нѣкоемъ стратегическомъ центрѣ будутъ драться двѣ арміи болгарская и сербская, а сзади какъ бы будутъ оттаскивать на себя—Макензенъ часть сербовъ, а союзный десантъ часть болгаръ. Конечно, силы Макензена больше силъ союзнаго десанта, почему онъ можетъ оттянуть на себя больше сербовъ, чѣмъ союзники на себя болгаръ. Однако часть болгарскихъ силъ оттягивается не только союзнымъ десантомъ, но еще и нашей угрозой со стороны Чернаго моря, т.-е. оттягивается въ Варну, и, наконецъ, еще одна часть болгарскихъ силъ оттягивается къ румынской границѣ.

Какъ „они" звѣрствуютъ. Панасюкъ разсказываетъ корреспонденту газеты „Times" о своихъ мученіяхъ въ рукахъ изувѣчившихъ его австрійскихъ офицеровъ.

При такихъ условіяхъ, надо считать, что въ томъ стратегическомъ центрѣ, гдѣ произойдетъ главное столкновеніе между болгарами и сербами, окажется, примѣрно, одинаковое количество болгаръ и сербовъ—тысячъ по 150—200. При такихъ равныхъ силахъ судьба серо-болгарскаго столкновенія сразу разрѣшитъ всю сложную стратегическую комбинацію на Балканахъ. Если побѣда болгаръ должна открыть пути на соединеніе австро-нѣмцевъ съ болгарами и турками, т.-е. привести къ рѣшенію той важной задачи, которую намѣтили нѣмцы, то. съ другой стороны, побѣда сербовъ надъ болгарами должна вынудить австро-нѣмцевъ уйти, ибо одни австро-нѣмцы не могутъ рѣшить задачи на сербскомъ фронтѣ. Одни австро-нѣмцы не могутъ удѣлить столько силъ для сербскаго фронта, чтобы сломить и сербскую армію и союзный десантъ, ибо у австро-нѣмцевъ слишкомъ много войскъ требуется для главныхъ фронтовъ—нашего и французскаго.

Такимъ образомъ мы наканунѣ одного изъ самыхъ рѣшительныхъ сраженій за всю войну. Сраженіе это должно произойти между сербами и болгарами, т.-е. между двумя сравнительно небольшими арміями, но исходъ его неминуемо заколеблетъ въ ту или другую сторону положеніе сторонъ на главныхъ театрахъ войны.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна" кн. 2.

Редакторъ Ѳ. В. Акентьевъ. Издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1915 г. № 43

XLVI г. изданія

Выданъ 24-го октября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. —20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина“ кн. 11.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

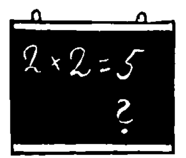
Новый законъ о ратникахъ 2-го разряда

ц. съ перес. 70 коп. Треб. адр.: Москва, издательству Д. Куманога.

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ, МИГРЕНЬ

быстро проходятъ отъ одной, двухъ таблетокъ Кефалдолъ Сторъ. Это средство надежное, совершенно безвредное, примѣняется въ лучшихъ клиникахъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ считается, какъ спецификумъ противъ инфлуэнцы и для прекращенія болевыхъ ощущеній, будь то нервнаго или ревматическаго происхожденія. Остерегайтесь поддѣлокъ и негодныхъ подражаній.

ЕСЛИ ВАШИ ДѢТИ УЧАТСЯ,



то купите имъ легкую переносную классную доску, которую и повѣсьте на стѣну. Сбереженіе отъ такой покупки велико, потому что бумага дорожаетъ ежедневно, и скоро ея совершенно не будетъ. Кромѣ того, постоянное обращеніе съ классною доскою дѣлаетъ ребенка смѣлымъ на отвѣтахъ при доскѣ въ классѣ. Цѣна за шт. съ пересылкою въ Евр. Россіи при обычномъ задаткѣ: № 21—28×24 вершк. 6 р. 75 к., № 22 — 28×16 вершк.—6 р. 25 к., № 23—24×16 в.—6 руб. Техническая Контора **Н. К. Поливанова.** Москва, Хомутовскій, 3.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, Н. Басманная, д. 14.
для страдающихъ **ЗАИКАНІЕМЪ**
При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. безплатно.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ П. ЮРГЕНСОНА,

въ Москвѣ, Неглинный пр., 14.

Самое обширное **русское** музыкальное издательство.

(Свыше 38.000 обычныхъ и болѣе 1.000 дешевыхъ томовыхъ изданій.

Каталоги собственныхъ изданій **безплатно.**

NB. При требованіяхъ просятъ указывать желаемый отдѣлъ: фортепіанн. музыка, пѣніе сольное, хоровое (свѣтское или духовное), инструментальная, оркестровая и т. д.

КРЫМЪ ПРОДАЖА УЧАСТКОВЪ

въ чудной лежащей между Севастополемъ и Балаклавой недалеко отъ моря исторической мѣстности.

Участки отъ 350 рублей.

Льготная разсрочка на 5 лѣтъ. Рѣдкій случай пріобрѣсти дешево и выгодно землю въ Крыму. Справки: отъ 11 до 1 ч. дня и отъ 3 до 7 ч. веч. Петроградъ, Пушкинская, 10, кв. 1. Тел. 661-95.

Антисептическія

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

для предупрежденія хрипоты, насморка, простуды.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ

ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО

НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА

(PASTILLES VALDA)

въ коробкахъ

съ красной бандеролью

снабженныхъ

именемъ

VALDA

H. Canonne, Paris.

ВНИМАНІЕ!

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ поддѣлокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

БИБЛІЯ

полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ **208** художеств. **КАРТИНАМИ**, размѣр. кн. 6×4 в., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр. въ прочномъ красив. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ коленк. футл. цѣна 5 р. 50 к., съ перес. въ Евр. Россіи 6 р. 15 к., упак. 25 к. Первая и **единственная** въ Россіи **полная** иллюстрир. Библія. Эту великую книгу-книгъ долженъ имѣть каждый. **Адр.: Петроградъ, Невскій, 153, 13 Е. П. Масленникову.** Тел. 90-36.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Въ Царской Ставкѣ. Нашъ военный офиціозъ, «Русскій Инвалидъ», сообщаетъ интересныя подробности боевой жизни нашего Верховнаго Вождя въ Царской Ставкѣ.

Русскій Царь живетъ въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ. Лично для Себя Онъ занимаетъ собственно только двѣ комнаты во второмъ этажѣ. Въ одной комнатѣ помѣщается Царскій кабинетъ, въ другой спальня. Въ этомъ же этажѣ живутъ министръ Двора и дворцовый комендантъ. Оба занимаютъ по одной комнатѣ.

Въ первомъ этажѣ помѣщаются флагъ-капитанъ генералъ-адъютантъ Ниловъ, лейбъ-хирургъ С. П. Федоровъ и военно-походная канцелярія Его Величества. Слугъ у Государя немного: камердинеръ, нѣсколько лакеевъ и скороходъ.

Вблизи этого дома, возлѣ небольшого городского садика, по казеннымъ зданіямъ и гостиницамъ размѣстилась остальная свита Государя. Жизнь идетъ въ Ставкѣ крайне простая, трудовая. Работа идетъ съ утра до вечера. Никакихъ удовольствій и развлеченій.

Обыкновенный порядокъ дня Верховнаго Главнокомандующаго такой: утромъ, въ десять часовъ, выходитъ Государь изъ Своего дома къ штабу, который недалеко, рядомъ съ Царскимъ домомъ. Государь идетъ легкой и ровной походкой, въ защитной рубашкѣ, перетянутой ременнымъ поясомъ, и въ высокихъ сапогахъ. За Царемъ слѣдуютъ дежурный флигель-адъютантъ и конвойный урядникъ. Въ штабѣ Его Величество разсматриваетъ вмѣстѣ донесенія, поступившія за ночь съ громаднаго фронта русской арміи. Государь выслушиваетъ доклады и объясненія начальника штаба. Началь-

никъ штаба небольшого роста, почти совсѣмъ сѣдой, съ добрыми умными глазами. Часъ за часомъ проходитъ время въ напряженномъ трудѣ и въ обсужденіи сложныхъ и часто неожиданныхъ событій войны. Около половины перваго Государь уходитъ изъ штаба и идетъ въ Свой домъ. Къ этому времени въ залѣ собираются лица, приглашенныя къ Царскому завтраку. Обычныхъ участниковъ завтрака 10—12 человѣкъ. Кромѣ нихъ, къ завтраку приглашаются военные агенты союзныхъ державъ: англійскій, французскій, бельгійскій, сербскій, черногорскій, итальянскій, японскій, высшіе чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго, и другіе.

Завтракъ очень простой. Никакихъ винъ не подается. За завтракомъ Государь бесѣдуетъ съ присутствующими. Когда завтракъ окончился, Государь обходитъ всѣхъ приглашенныхъ и каждому находитъ сказать привѣтливое слово. Во второмъ часу дня Государь проходитъ къ себѣ въ кабинетъ для занятій текущими дѣлами и разсмотрѣнія докладовъ. Въ срединѣ дня Государь дозволяетъ себѣ отдыхъ часа на полтора-два. Его Величество выѣзжаетъ на автомобилѣ за городъ, и верстахъ въ двадцати отъ города Онъ сходитъ съ автомобиля и совершаетъ прогулку въ сопровожденіи лицъ ближайшей свиты. По возвращеніи домой, Государь опять занимается докладами, которые занимаютъ у Царственнаго Работника довольно долгое время. Обычно въ половинѣ восьмого часа вечера бываетъ обѣдъ, къ которому приглашаются тѣ же лица, что и къ завтраку. Обѣдъ состоитъ изъ трехъ блюдъ. Около девяти часовъ вечера Государь обходитъ приглашенныхъ къ обѣду. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Государь бесѣдуетъ. Затѣмъ Его Величество уходитъ въ смежную комнату, къ Себѣ въ кабинетъ, гдѣ занимается дѣлами до глубокой ночи. Въ случаѣ, если на фронтѣ происходятъ какія-нибудь событія особенной важности, генералъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ тотчасъ приходитъ къ Государю и докладываетъ о происходящемъ.

Провинціальный городокъ давно уже погружается въ сонъ, огни всюду погашены. Во второмъ этажѣ Царскаго дома далеко за полночь свѣтится огонекъ. Царственный Работникъ, Верховный Главнокомандующій, продолжаетъ заниматься.

Оксфордскій и Кэмбрижидскій университеты въ строю. Аристократія въ Англіи въ исполненіи своего гражданскаго долга доказала, что достойна быть въ первыхъ рядахъ не только въ мирное время, но и на войнѣ. Палата лордовъ и Палата общинъ дали много своихъ членовъ въ ряды войскъ.

До чего всеобъемлющей обязанностью защищать грудью родину считаютъ въ Англіи «лучшіе люди»,—лорды,—видимъ изъ характернаго эпизода, разыгравшагося недавно въ засѣданіи Верхней Палаты. Одинъ изъ членовъ Палаты лордовъ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что не всѣ сыновья лордовъ находятся на войнѣ.

Недавно въ англійскихъ газетахъ было помѣщено заявленіе, подписанное 22-мя членами Палаты лордовъ и 30-ю членами Палаты общинъ, находящимися въ рядахъ войскъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, находясь въ настоящее время на службѣ его величества и нашей родины въ рядахъ арміи или во флотѣ, симъ заявляемъ, что пришли къ убѣжденію, что настало уже время, когда всякій пригодный мужчина независимо отъ его общественнаго положенія долженъ считаться въ распоряженіи правительства и по первому его зову итти въ ряды сражающихся»...

Тысячелѣтніе разсадники науки и искусства для англійской аристократической молодежи — Оксфордскій и Кэмбрижидскій университеты дали странѣ болѣе 10.000 своихъ настоящихъ и бывшихъ питомцевъ въ ряды офицеровъ и солдатъ. Этотъ почетный списокъ героевъ университеты опубликовали въ видѣ роскошно изданныхъ книгъ. Изданіе Оксфордскаго университета представляетъ книгу въ 250 страницъ подъ названіемъ «Oxford University Roll of Service».

Списокъ студентовъ Оксфордскаго университета украшенъ именемъ короля. Нынѣшній король Георгъ учился въ Оксфордѣ; тамъ же передъ самой войной жилъ и учился (въ Christ College) нынѣшній наслѣдникъ престола, принцъ Уэльскій. Почти на каждой страницѣ книги видимъ фамиліи, напечатанныя густой черной краской. Это—фамиліи лицъ, погибшихъ на полѣ брани. Другія фамиліи, напечатанныя курсивомъ, — ихъ также немало, — указываютъ на лицъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Но всѣ эти славныя имена навѣки запечатлѣны въ исторіи Англіи.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ МѢСЯЦЪ.

(См. № 39 «Нивы» 1915 г.).

Августъ.

15-го. Наступленіе германцевъ въ направленіи отъ Бауска къ Фридрихштадту. Наши войска взорвали въ районѣ Бреста мосты и укрѣпленія, и гарнизонъ укрѣпленій присоединился къ полевой арміи.

16-го. Германцы утвердились на Золотой Липѣ. На среднемъ Нѣманѣ непріятель наступалъ къ сѣверу отъ Бѣлостока. Наступленіе на путяхъ къ Вильнѣ сдерживалось нашими войсками.

17-го. Послѣ упорныхъ боевъ наши войска отошли на западныя позиціи у Фридрихштадта. Въ Галиціи произведена перегруппировка нашихъ войскъ подъ прикрытіемъ боевъ у Луцка.

18-го. Наши миноносцы на Черномъ морѣ потопили два турецкихъ судна съ припасами и снарядами.

19-го. Близъ Фридрихштадта наши войска отразили переправу германцевъ черезъ Двину. На верхнемъ Бобрѣ отбиты атаки германцевъ. Въ Галиціи отбиты нами атаки на путяхъ къ Тарнополю съ большими потерями со стороны противника.

20-го. Германцы заняли Ораны. На правомъ берегу Виліи наши войска успѣшно продвинулись впередъ, захвативъ у нѣмцевъ орудія и пулеметы. Въ луцкомъ районѣ и въ Галиціи мы задерживали непріятеля, отходя на болѣе сокращенный фронтъ.

21-го. Наши войска, успѣшно продвигаясь впередъ по фронту Ширвинты—Мейшагола—Дукшты, захватили орудія и зарядные ящики. Въ луцкомъ районѣ послѣ упорныхъ боевъ мы отошли на линію Олыка—Гадзивилловъ. Германцы заняли Луцкъ.

22-го. Въ районѣ с. Линденъ наши войска отошли на правый берегъ Двины. Между Свентой и Виліей мы продвинулись впередъ. Упорный бой у Гродны: нѣмцамъ удалось перебросить часть силъ на правый берегъ Нѣмана.

23-го. У с. Линденъ наши войска переправились на лѣвый берегъ Двины и оттѣснили непріятеля отъ рѣки. У Гродны наши войска ворвались въ городъ и этимъ успѣхомъ дали возможность совершить отходъ сосѣднимъ частямъ. Въ районѣ Радзивиллова непріятель отброшенъ.

24-го. Упорное наступленіе непріятеля въ Галиціи въ районѣ Тарнополя и Тлусте. На Черномъ морѣ успѣшный бой миноносцевъ «Пронзительный» и «Быстрый» съ крейсеромъ «Гамидіе» и двумя турецкими миноносцами, которые конвоировали транспорты съ углемъ. Транспорты потоплены, турецкія военныя суда обращены въ бѣгство.

25-го. Попытки наступленія противника въ районѣ Волковыска и Дрогочина сдерживались нашими войсками. На Серетѣ нами взяты плѣнные и пулеметы.

26-го. Опубликованъ Высочайшій приказъ по арміи и флоту о принятіи съ 23-го августа 1915 года Государемъ Императоромъ на Себя предводительствованія всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами на театрѣ военныхъ дѣйствій. Наши войска отбили атаки германцевъ у Оранъ и на р. Мереченкѣ. Наша конница успѣшно дѣйствовала въ районѣ желѣзной дороги Ковель—Сарны.

27-го. Наши войска нанесли германцамъ пораженіе подъ Тарнополемъ. Нами взято болѣе 200 офицеровъ и 8.000 нижнихъ чиновъ плѣнными, 30 орудій, много пулеметовъ и другихъ трофеевъ. Между Днѣстромъ и Серетомъ наступленіе австрійцевъ остановлено нашей фланговой атакой. Взяты плѣнные и трофеи.

28-го. Упорные бои между Лауце и Якобштадтомъ. Наши войска сдерживали наступленіе германцевъ въ направленіи отъ Гродны къ юго-востоку, продолжая планомѣрный отходъ. Въ Галиціи непріятель отступилъ къ р. Стрыпѣ, преслѣдуемый нами.

29-го. На лѣвомъ берегу Двины наши войска съ боемъ продвигались впередъ между р. Миссе и желѣзнодорожными станціями Гроссъ-Экау и Нейгутъ. Атаки непріятеля на Скидель отражены. Продолжалось наступленіе непріятеля вдоль лѣваго берега Пины. На Серетѣ наши войска перешли въ наступленіе въ районѣ Трембовли.

30-го. Наши гидропланы бросали бомбы въ германскія суда въ Виндавѣ. Противникъ наступалъ значительными силами восточнѣе Вилькоміра по Двинскому шоссе и въ районѣ Ширвинты. Въ тарнопольскомъ районѣ непріятель обратился въ бѣгство подъ нашими ударами. Тлусте очищено нами отъ противника. Захвачены плѣнные.

31-го. У Якобштадта наши войска перешли въ наступленіе. Успѣшные для насъ бои въ районѣ Тарнополя, при чемъ южнѣе этого города мы начали наступать.

Сентябрь.

1-го. Наступленіе германцевъ къ западу и юго-западу отъ Двинска. Желѣзная дорога у Новосвѣнцянъ прервана непріятелемъ. Наши войска отошли къ ст. Подбродзе. Мы сдерживали энергическій напоръ германцевъ къ юго-западу отъ Сарнъ. Въ районѣ Тарнополя наши войска нѣсколько продвинулись впередъ.

2-го. Наши успѣхи въ районѣ Подбродзе, Деражно, Вишневца и въ другихъ мѣстахъ. Мы преслѣдовали противника въ Галиціи, при чемъ взяли много плѣнныхъ. Общее число взятыхъ нами въ плѣнъ противниковъ съ 17-го по 30-е августа равнялось 40.000 человѣкъ.

3-го. Опубликованъ Высочайшій манифестъ о призывѣ ратниковъ ополченія второго разряда. На переправахъ черезъ Вилію непріятель былъ отброшенъ огнемъ нашихъ войскъ. Западнѣе Трембовли наши войска выбили противника изъ окоповъ и на плечахъ его перебросились на ту сторону р. Стрыпы.

4-го. Отбиты многократныя атаки нѣмцевъ между Двинскимъ шоссе и озеромъ Самава. У с. Эйсмонты наши войска опрокинули противника въ р. Версовку.

5-го. Отбиты атаки германцевъ въ районѣ Оранъ, а также у деревни Якубовцы. Наши войска ворвались въ Деражно, взяли д. Руда Красная, захватили плѣнныхъ. Такіе же успѣхи на Стрыпѣ.

6-го. Отбиты атаки германцевъ сѣвернѣе Иллукста и у Еловки. Противникъ занялъ ст. Вилейки. Мы сбили непріятеля ударомъ на ровно-ковельскомъ направленіи.

7-го. Отбита попытка непріятеля овладѣть ст. Молодечно. У Вильны непріятелю удалось перейти на лѣвый берегъ р. Виліи.

8-го. Успѣхъ нашихъ войскъ сѣвернѣе Луцка и въ районѣ Дубно. Взяты плѣнные.

9-го. Отброшенъ непріятель, наступавшій на фронтѣ Теремно—Подгайце, восточнѣе Луцка. У Чорткова непріятель отброшенъ за р. Джуринъ. Взяты плѣнные и снаряды.

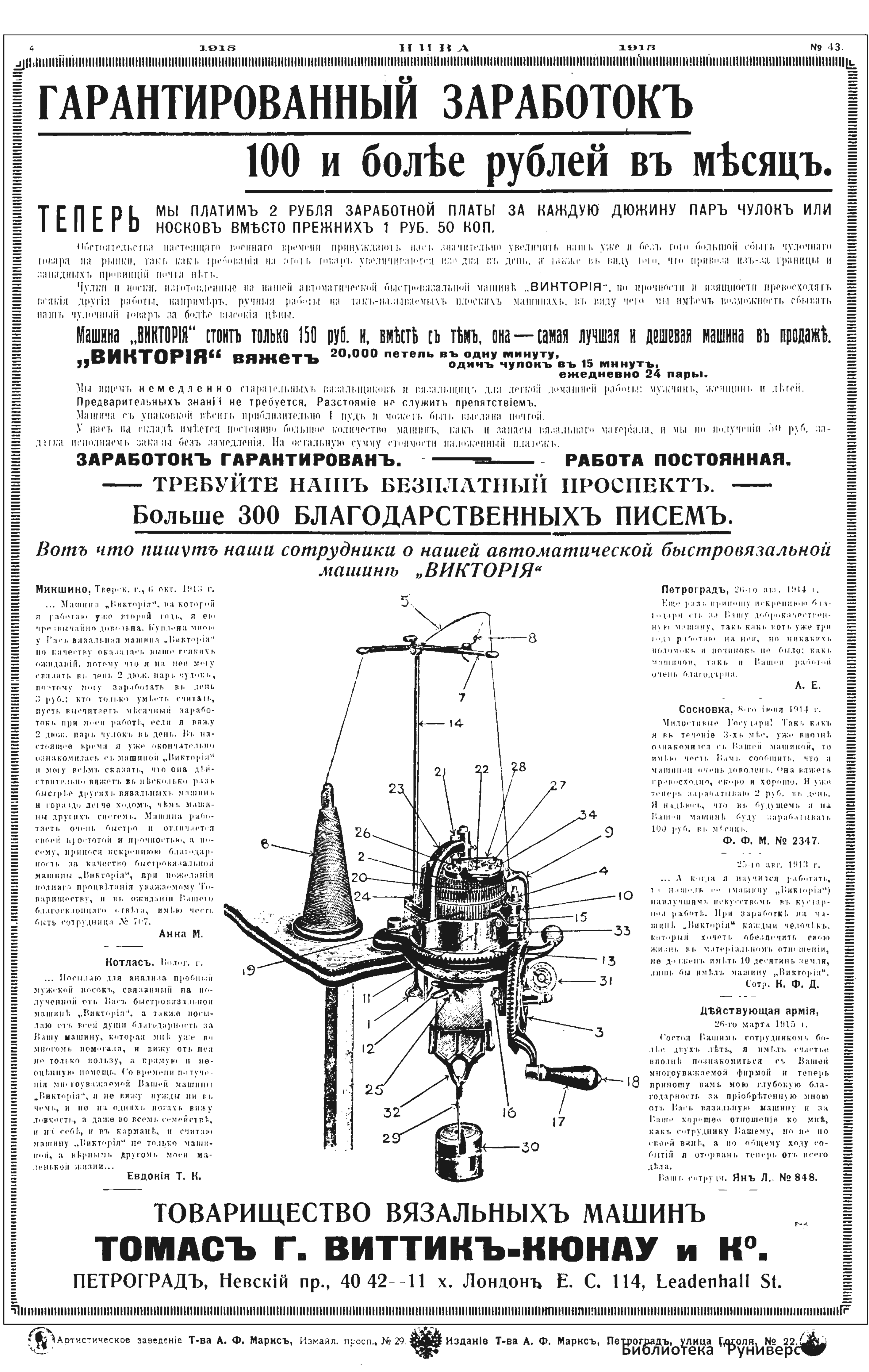
10-го. У с. Лебедево, западнѣе Молодечно, нѣмцы опрокинуты, село занято. Нами захвачены орудія, снаряды и плѣнные. Штыковымъ ударомъ взята Сморгонь. Луцкъ въ нашихъ рукахъ. На Черномъ морѣ близъ Босфора наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ «Гебеномъ».

11-го. Нашъ успѣхъ на р. Экау. Нѣмцы бѣжали послѣ боя, оставивъ снаряды. Удачный для насъ бой у Штензее и у Смѣлина. Захвачены плѣнные. Успѣшныя дѣйствія нашихъ войскъ въ районѣ Дубно.

12-го. Нѣмецкіе летчики въ Рижскомъ заливѣ прогнаны нашими гидропланами. На Огинскомъ каналѣ нѣмцы разбиты и бѣжали. Мы заняли Логишинъ.

13-го. На двинскомъ фронтѣ отбиты всѣ атаки нѣмцевъ. Наши успѣхи въ Галиціи (у Н. Олексинца, Доброполе и въ другихъ мѣстахъ) и въ дубненскомъ районѣ (у Хорупани и Головчица). Вездѣ взято много плѣнныхъ.

14-го. Отбиты атаки нѣмцевъ въ районѣ Вилейки. На Струмени непріятель отброшенъ за рѣку.


ГАРАНТИРОВАННЫЙ ЗАРАБОТОКЪ
100 и болѣе рублей въ мѣсяцъ.
ТЕПЕРЬ МЫ ПЛАТИМЪ 2 РУБЛЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЗА КАЖДУЮ ДЮЖИНУ ПАРЪ ЧУЛОКЪ ИЛИ НОСКОВЪ ВМѢСТО ПРЕЖНИХЪ 1 РУБ. 50 КОП.
Обстоятельства настоящаго военнаго времени принуждаютъ насъ значительно увеличить нашъ уже и безъ того большой сбытъ чулочнаго товара на рынки, такъ какъ требованія на этотъ товаръ увеличиваются изо дня въ день, а также въ виду того, что привоза изъ-за границы и западныхъ провинцій почти нѣтъ.
Чулки и носки, изготовленные на нашей автоматической быстровязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ", по прочности и изящности превосходятъ всякія другія работы, напримѣръ, ручныя работы на такъ-называемыхъ плоскихъ машинахъ, въ виду чего мы имѣемъ возможность сбывать нашъ чулочный товаръ за болѣе высокія цѣны.
Машина „ВИКТОРІЯ" стоитъ только 150 руб. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она — самая лучшая и дешевая машина въ продажѣ.
„ВИКТОРІЯ" вяжетъ 20,000 петель въ одну минуту, одинъ чулокъ въ 15 минутъ, ежедневно 24 пары.
Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ для легкой домашней работы: мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
Машина съ упаковкой вѣситъ приблизительно 1 пудъ и можетъ быть выслана почтой.
У насъ на складѣ имѣется постоянно большое количество машинъ, какъ и запасы вязальнаго матеріала, и мы по полученіи 50 руб. задатка исполняемъ заказы безъ замедленія. На остальную сумму стоимости наложенный платежъ.
ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ. РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.
ТРЕБУЙТЕ НАШЪ БЕЗПЛАТНЫЙ ПРОСПЕКТЪ.
Больше 300 БЛАГОДАРСТВЕННЫХЪ ПИСЕМЪ.
Вотъ что пишутъ наши сотрудники о нашей автоматической быстровязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ"
Микшино, Тверск. г., 6 окт. 1913 г.
... Машина „Викторія", на которой я работаю уже второй годъ, я ею чрезвычайно довольна. Куплена мною у Васъ вязальная машина „Викторія" по качеству оказалась выше всякихъ ожиданій, потому что я на ней могу связать въ день 2 дюж. паръ чулокъ, поэтому могу заработать въ день 3 руб.; кто только умѣетъ считать, пусть высчитаетъ мѣсячный заработокъ при моей работѣ, если я вяжу 2 дюж. паръ чулокъ въ день. Въ настоящее время я уже окончательно ознакомилась съ машиной „Викторія" и могу всѣмъ сказать, что она дѣйствительно вяжетъ въ нѣсколько разъ быстрѣе другихъ вязальныхъ машинъ и гораздо легче ходомъ, чѣмъ машины другихъ системъ. Машина работаетъ очень быстро и отличается своей простотой и прочностью, а посему, принося искреннюю благодарность за качество быстровязальной машины „Викторія", при пожеланіи полнаго процвѣтанія уважаемому Товариществу, и въ ожиданіи Вашего благосклоннаго отвѣта, имѣю честь быть сотрудница № 707.
Анна М.
Котласъ, Волог. г.
... Посылаю для анализа пробный мужской носокъ, связанный на полученной отъ Васъ быстровязальной машинѣ „Викторія", а также посылаю отъ всей души благодарность за Вашу машину, которая мнѣ уже во многомъ помогала, и вижу отъ нея не только пользу, а прямую и неоцѣнную помощь. Со времени полученія многоуважаемой Вашей машины „Викторія", я не вижу нужды ни въ чемъ, и не на одинхъ ногахъ вижу ловкость, а даже во всемъ семействѣ, и нѣ себѣ, и въ карманѣ, и считаю машину „Викторія" не только машиной, а вѣрнымъ другомъ моей маленькой жизни...
Евдокія Т. К.
Петроградъ, 26-го авг. 1914 г.
Еще разъ приношу искреннюю благодарность за Вашу доброкачественную машину, такъ какъ вотъ уже три года работаю на ней, но никакихъ поломокъ и починокъ не было; какъ машиной, такъ и Вашей работой очень благодарна.
А. Е.
Сосновка, 8-го іюня 1914 г.
Милостивые Государи! Такъ какъ я въ теченіе 3-хъ мѣс. уже вполнѣ ознакомился съ Вашей машиной, то имѣю честь Вамъ сообщить, что я машиной очень доволенъ. Она вяжетъ превосходно, скоро и хорошо. Я уже теперь зарабатываю 2 руб. въ день. Я надѣюсь, что въ будущемъ я на Вашей машинѣ буду зарабатывать 100 руб. въ мѣсяцъ.
Ф. Ф. М. № 2347.
25-го авг. 1913 г.
... А когда я научился работать, то нашелъ ее (машину „Викторія") наилучшимъ искусствомъ въ кустарной работѣ. При заработкѣ на машинѣ „Викторія" каждый человѣкъ, который хочетъ обезпечить свою жизнь въ матеріальномъ отношеніи, не долженъ имѣть 10 десятинъ земли, лишь бы имѣлъ машину „Викторія".
Сотр. Н. Ф. Д.
Дѣйствующая армія, 26-го марта 1915 г.
Состоя Вашимъ сотрудникомъ болѣе двухъ лѣтъ, я имѣлъ счастье вполнѣ познакомиться съ Вашей многоуважаемой фирмой и теперь приношу вамъ мою глубокую благодарность за пріобрѣтенную мною отъ Васъ вязальную машину и за Ваше хорошее отношеніе ко мнѣ, какъ сотруднику Вашему, но не по своей винѣ, а по общему ходу событій я оторванъ теперь отъ всего дѣла.
Вашъ сотруд. Янъ Л., № 848.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40 42--11 х. Лондонъ E. C. 114, Leadenhall St.

№ 43. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 24 октября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина" книга 11.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Пинскія болота и сербскій фронтъ.

Когда австро-германцы и болгары перешли въ наступленіе противъ сербовъ, на нашемъ фронтѣ всѣ серьезныя операціи противника закончились. Это, естественно, объясняется тѣмъ, что задаваться крупными стратегическими цѣлями и вести соотвѣтственно этому большое стратегическое наступленіе можно только на одномъ фронтѣ, а никакъ не на нѣсколькихъ.

Этотъ небезызвѣстный стратегическій законъ особенно ярко наблюдается во всѣхъ войнахъ великаго Наполеона. Наполеону почти никогда не приходилось вести войну съ однимъ противникомъ, а онъ всегда велъ войны съ коалиціями, т.-е. съ нѣсколькими противниками. Во всѣхъ этихъ войнахъ Наполеонъ неизмѣнно оборонялся на всѣхъ театрахъ и наступалъ только на одномъ театрѣ, противъ одного только противника, котораго онъ считалъ важнѣйшимъ. Только добившись побѣды надъ этимъ важнѣйшимъ противникомъ и принудивъ его къ покорности, великій императоръ-полководецъ обращался противъ другихъ противниковъ. Однако послѣднее не оказывалось, въ большинствѣ случаевъ, необходимымъ, такъ какъ пораженіе важнѣйшаго члена коалиціи всегда означало и пораженіе всей коалиціи.

Несомнѣнно, что въ настоящій моментъ австро-нѣмцы считаютъ главнѣйшимъ противникомъ насъ, почему и направляютъ противъ насъ всѣ свои усилія. Если они сейчасъ занялись сербскимъ фронтомъ, то это, какъ мы указывали въ предыдущей статьѣ, есть признакъ того, что нѣмцы признали свои силы недостаточными для рѣшенія задачи войны на нашемъ фронтѣ, почему и рѣшили „почерпнуть" на Балканскомъ полуостровѣ „добавочныя

Главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта, генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ.

Высадка французскихъ войскъ въ Салоникахъ. Транспортъ съ десантомъ.

средства“ борьбы, т.-е. новыя войска, новые источники сырыхъ продуктовъ и проч.

Несомнѣнно, что нашъ противникъ давно уже имѣлъ въ виду соединиться черезъ Сербію съ Болгаріей и Турціей, дабы собрать всѣ силы австро-нѣмецко-болгарско-турецкой коалиціи въ одну массу, каковую и бросить на тотъ фронтъ, который противникъ признаетъ важнѣйшимъ. Однако стратегическія условія борьбы на нашемъ театрѣ въ теченіе всего перваго года войны исключали для противника возможность направить какія-либо имѣющіеся резервы на сербскій фронтъ, ибо эти резервы было необходимо непрерывно вливать на нашъ фронтъ. Собственно говоря, самой характерной особенностью нашего фронта является его непомѣрная тысячеверстная длина, а такая исключительная длина фронта всегда требовала значительнаго числа войскъ, дабы непрерывно поддерживать прочность положенія на фронтѣ.

Въ концѣ августа нашъ фронтъ сократился, точнѣе сказать, сократился въ томъ отношеніи, что сталъ требовать меньше войскъ, ибо на немъ стало меньше открытыхъ участковъ, и появилось больше болотистыхъ непристyпныхъ раіоновъ. Это положеніе было связано съ тѣмъ, что линія фронта противника подошла, съ одной стороны, къ Западной Двинѣ, а съ другой стороны—къ Пинскимъ болотамъ.

Вслѣдствіе этого противнику для нашего фронта потребовалось уже нѣсколько меньше войскъ, ибо такой участокъ фронта, напримѣръ, какъ Пинскія болота, весьма трудно доступный, противникъ рѣшилъ наблюдать преимущественно одной конницей. Затѣмъ и Западная Двина, какъ нѣкая преграда, также позволила противнику нѣсколько разрѣдить здѣсь войска. Наконецъ раіонъ озеръ у Двинска и у Свѣнцянъ, гдѣ приходилось противнику оборонять и перешейки между озерами, также далъ ему возможность съэкономить войска.

При такихъ условіяхъ для противника получилась нѣкая экономія войскъ, образовавшаяся вслѣдствіе того, что линія противника дошла до Пинскихъ болотъ, вслѣдствіе чего на фронтѣ образовалось меньше открытыхъ участковъ, главнымъ образомъ требовавшихъ для своей защиты значительнаго числа войскъ. Эти общія условія позволили противнику перейти къ оборонѣ на нашемъ фронтѣ и предназначить нѣкоторое количество войскъ для сербской операціи. Изъ этого можно видѣть, что достиженіе противникомъ линіи Пинскихъ болотъ находится въ неразрывной стратегической связи съ наступленіемъ Макензена на сербскомъ фронтѣ, ибо, если бы на фронтѣ противника не было такого трудно доступнаго участка, который можно оборонять небольшимъ количествомъ войскъ, то противникъ едва ли оказался бы въ силахъ создать двѣ спеціальныя арміи для сербскаго театра.

Однако надежда противника на то, что его положеніе на нашемъ фронтѣ будетъ вполнѣ устойчивымъ, пока будетъ происходить сербская операція, далеко не оправдалась въ той мѣрѣ, какъ это предполагалъ противникъ. Какъ только вниманіе и усилія противника сосредоточились на сербскомъ фронтѣ, на нашемъ фронтѣ обозначились отдѣльныя наступательныя операціи нашихъ войскъ въ различныхъ участкахъ фронта, преимущественно въ Восточной Галиціи и въ Волыни. Вслѣдъ затѣмъ наступательныя операціи,—правда, пока лишь частнаго характера,—стали обнаруживаться съ нашей стороны и въ раіонѣ Пинскихъ болотъ. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, наступленіе наше обнаружилось еще серьезнѣе въ атакахъ, веденныхъ въ направленіи станціи Барановичи.

Такимъ образомъ въ то время, когда противникъ предполагалъ, что наши войска якобы ослабѣли послѣ пятимѣсячной операціи, ему пришлось воочію убѣдиться, что наша армія попрежнему сохранила свою наступательную энергію и нисколько не задѣта тѣмъ изступленнымъ стратегическимъ наступленіемъ, которое велъ противникъ. Болѣе чѣмъ на трехъ четвертяхъ фронта, а именно, отъ Румыніи до Барановичскаго желѣзнодорожнаго узла, мы обнаруживали значительную активность, при чемъ удары нашихъ войскъ были всегда удачны, заставляя противника терять тысячи плѣнныхъ,—напримѣръ, въ одинъ день число плѣнныхъ австро-нѣмцевъ превысило 11 тысячъ солдатъ и 200 офицеровъ.

Это обстоятельство, повидимому, встревожило противника, и германскій генеральный штабъ сначала пытался повести энергичную операцію противъ Двинска, чтобы, если не овладѣть имъ, то, по крайней мѣрѣ, привлечь сюда наше вниманіе и силы и этимъ ослабить наши удары въ Галиціи, Волыни, въ раіонѣ Пинскихъ болотъ и у Барановичей. Такъ какъ операція у Двинска, которую тамъ противникъ велъ уже свыше 1½ мѣсяца, оказалась совершенно безрезультатной, при чемъ были отбиты какъ всѣ атаки у Двинска, такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжались наши удары на югѣ, то противникъ попытался повести наступленіе противъ Риги, въ надеждѣ, что угроза этому важному центру Прибалтійскаго края заставитъ перенести центръ тяжести нашихъ усилій къ Ригѣ, что должно было облегчить положеніе австро-нѣмцевъ въ Пинскихъ болотахъ и на юго-западномъ фронтѣ.

Въ силу всего этого, на нашемъ фронтѣ, послѣ пятимѣсячнаго наступленія германцевъ, создалось совершенно иное положеніе, характеризовавшееся тѣмъ, что австро-германцы уже неспособны были наступать, а мы, при условіи общей стратегической обороны, перешли сами къ отдѣльнымъ тактическимъ наступленіямъ въ различныхъ пунктахъ фронта. Если къ этому добавить, что передъ этимъ былъ ликвидированъ свѣнцянскій прорывъ противника, угрожавшій нашимъ коммуникаціоннымъ путямъ,—Бологое-Сѣдлецкой и Московско-Брестской дорогамъ,—то слѣдуетъ признать, что наше общее стратегическое положеніе на фронтѣ стало, въ общемъ, значительно болѣе благопріятнымъ. Нѣмцы даже оказались не въ состояніи овладѣть весьма важной для нихъ желѣзнодорожной линіей Вильна—Лида—Барановичи—Лунинецъ—Сарны—Ровно, которая должна была связать ихъ фронтъ и давать возможность перебрасывать войска вдоль фронта, чтобы сосредоточивать усилія тамъ, гдѣ понадобится. Этой важной связующей магистрали нѣмцы занять не могли, несмотря на всѣ ихъ усилія, и въ ихъ рукахъ оказалась лишь сѣверная часть этой магистрали—Вильна—Лида—Барановичи, а южная часть магистрали—Лунинецъ—Сарны—Ровно оставалась въ нашихъ рукахъ.

Поэтому противникъ на южной части фронта, т.-е. въ раіонѣ отъ Пинскихъ болотъ до Румыніи, оказался слабѣе, чѣмъ на сѣверной части фронта: на этой части фронта у него была параллельная фронту желѣзнодорожная магистраль, а на южной половинѣ фронта такая параллельная фронту магистраль была у насъ. Послѣднее и было одной изъ причинъ, почему противнику крайне трудно было парировать наши удары на югѣ, ибо каждый такой ударъ противникъ могъ лишь отбивать тѣми войсками, которыя были въ данномъ мѣстѣ, а изъ сосѣднихъ участковъ ничего притянуть не могъ, за отсутствіемъ связующей желѣзной дороги.

Всѣ эти обстоятельства все время вынуждали противника крайне торопиться съ окончаніемъ сербской операціи. Послѣдняя между тѣмъ протекала весьма медленно, такъ какъ сербы оказывали упорное сопротивленіе на обоихъ фронтахъ: и на сѣверномъ—австро-германскомъ фронтѣ и на восточномъ—болгарскомъ. Макензенъ, переправившійся черезъ Дунай, въ теченіе 1½ недѣль не могъ продвинуться далѣе, чѣмъ на 15 верстъ; болгары же, перешедшіе сербскую границу и наступавшіе двумя арміями на Нишъ, были прижаты сербскими ударами къ самой границѣ.

Эта оборонительная тактика сербовъ показывала, что сербы, повидимому, ожидаютъ начала наступленія союзнаго десанта, дабы дѣйствовать совмѣстно и наносить удары одновременно съ союзниками, а не разрозненно. При такомъ способѣ дѣйствій сербамъ нужно было довольно значительное время, такъ какъ высадка союзнаго десанта, какъ и вообще всякая высадка, представляетъ собою довольно длительную операцію. Если вспомнить, англичане высаживали 150 тысячъ своихъ войскъ въ началѣ войны во Франціи и въ Бельгіи въ теченіе трехъ недѣль, при чемъ высадка одновременно происходила въ трехъ портахъ. Если принять во вниманіе, что союзный десантъ высаживался только въ одномъ порту, то, очевидно, высадка 150 тысячъ человѣкъ требовала, по крайней мѣрѣ, около мѣсяца времени, если не больше. Въ теченіе этого промежутка времени сербамъ надле-

жало задержать противника на обоихъ фронтахъ настолько, чтобы противнику не удалось сжать сербскія арміи съ двухъ сторонъ. При этомъ болгаръ приходилось сдерживать на очень короткомъ пути, такъ какъ отъ болгарской границы до Ниша только 40—50 верстъ. Макензена сербы могли удерживать на протяженіи 100-верстнаго пути, такъ какъ отъ Дуная до раіона Крагуеваца и Ниша, примѣрно, такое же разстояніе. Зато болгаръ на ихъ короткомъ 40-верстномъ операціонномъ направленіи нужно было задержать на гористой мѣстности, въ то время, какъ Макензенъ двигался на 100-верстномъ пути по, сравнительно, широкой долинѣ Моравы.

Всего, въ общемъ, двинулось, повидимому, около 200 тысячъ болгаръ къ Нишу съ востока и около 200 тысячъ австро-нѣмцевъ къ Нишу съ сѣвера. Сербская армія, насчитывающая, примѣрно, 350 тысячъ человѣкъ, повидимому, въ раіонѣ Ниша и Крагуеваца насчитывала не болѣе 300 тысячъ, такъ какъ часть сербскихъ силъ оборонялась также въ Старой Сербіи и въ Македоніи.

Такимъ образомъ къ серединѣ октября создалось выжидательно-напряженное положеніе, съ одной стороны, на сербскомъ фронтѣ, гдѣ противникъ продвигался крайне медленно, а съ другой стороны, на нашемъ фронтѣ, гдѣ отдѣльныя наступленія нашихъ войскъ въ различныхъ участкахъ юго-западнаго фронта, а также и въ центрѣ, у Барановичей, могли быть, при извѣстныхъ условіяхъ, началомъ болѣе широкой и крупной операціи, весьма нежелательной для противника.

Крыло войны.

Разсказъ **Л. Добронравова.**

(Окончаніе).

IV.

Прошло грустное Рождество.

Жизнь шла такъ же, какъ у всѣхъ: отъ газеты до газеты, отъ одной телеграммы до другой. Всѣ жили напряженнымъ ожиданіемъ, и только Томашевичъ говорилъ, что война нѣкоторое неудобство: онъ не видѣлъ крыла войны, осѣнившаго почти весь міръ.

Салоникскій портъ—мѣсто высадки англо-французскихъ войскъ.

Въ серединѣ января Вася, катаясь съ горъ, простудился.

Въ бреду и жару лежалъ онъ въ своей кроваткѣ, слабо поводя пересохшими губами. Возлѣ него сидѣлъ Чугуновъ съ опущенной головой, поджидая доктора. Софьи Андреевны дома не было: она поѣхала съ большой компаніей кататься за городъ.

Было тихо во всей квартирѣ, и въ легкой тишинѣ Васиной дѣтской зловѣще свистѣло его тяжелое дыханіе, да часы тикали гдѣ-то недалеко, по сосѣдству. Но Чугунову казалось, что вся комната полна часовъ, тикающихъ тонко, мѣрно и отчетливо.

Сестра не пріѣзжала два мѣсяца, и онъ пересталъ ждать ее. А тутъ, въ полудремѣ, чудилось ему, что она ходитъ по комнатамъ и отчетливо-ясно приказываетъ что-то прислугѣ.

— Бѣлый, бѣлый! — настойчиво говоритъ она. — Непремѣнно бѣлый!

Въ передней кто-то заговорилъ, потомъ въ столовой раздались шаги: пріѣхалъ докторъ.

Стоя съ Чугуновымъ въ столовой и прикладывая къ горячей печкѣ то одну ладонь, то другую, докторъ задавалъ вопросы о началѣ болѣзни. Петръ Ѳомичъ отвѣчалъ съ глухой покорностью.

— Такъ!—вздохнулъ докторъ.—Ну-съ, пойдемте къ больному.

Онъ долго выслушивалъ стонавшаго Васю, разсматривалъ горло, щуря глаза въ очкахъ и стараясь лучше разсмотрѣть при свѣтѣ свѣчи, которую держалъ Петръ Ѳомичъ. Потомъ тщательно вымылъ руки.

— Ну, что, докторъ?—спросилъ Петръ Ѳомичъ.

Докторъ посмотрѣлъ на его взволнованное лицо, растрепанные волосы и коротко сказалъ:

— Дифтеритъ.

Оба помолчали. Свѣча въ рукѣ Чугунова дрожала, и на полъ падали блестящія капельки стеарина.

— Попробуемъ сдѣлать прививку, — сказалъ докторъ. — Во всякомъ случаѣ, не будемъ терять надежды.

Сердцемъ, глубиной его, понялъ Чугуновъ смыслъ докторскихъ словъ и спросилъ:

— А спасти нельзя?

Докторъ поднялъ плечо.

— То-есть какъ нельзя? Мы сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ... Вы—отецъ?

— Нѣтъ, дядя.

— А гдѣ же родители?

— Отецъ на войнѣ, а мать... мать сейчасъ занята... по дѣламъ...

Докторъ помолчалъ, хмурясь.

— Если правду сказать—положеніе почти безнадежное.

Послѣ прививки антидифтеритной сыворотки докторъ уѣхалъ, и снова тишина, снова тиканье часовъ и страшное, свистящее дыханье Васи.

И стало чудиться Петру Ѳомичу, что кто-то неслышно бродитъ по квартирѣ и приближается къ дѣтской. Онъ даже зналъ, кто это бродитъ, но даже про себя боялся назвать, произнести это вѣчное, страшное имя. И вотъ этотъ кто-то вошелъ неслышно въ дѣтскую, вошелъ властно, и не прогнать его.

Въ мозгу Петра Ѳомича прояснялись картины: смерть отца, потомъ—матери, большое поле, покрытое темнымъ дымомъ, стелющимся надъ землей, какъ туманъ, и, окутанный имъ, такъ же побѣдно, такъ же безпрепятственно идетъ этотъ кто-то.

Били часы. Сначала двѣнадцать, часъ, половину второго, а Петръ Ѳомичъ все сидѣлъ неподвижно у маленькой кровати, и чудился ему голосъ брата, произносившаго гдѣ-то совсѣмъ близко:

— Бѣлый, бѣлый, непремѣнно бѣлый!

Подремывалъ онъ, и видѣлись ему прежніе дни, давніе, забытые, когда босоногими ребятишками бѣгали они съ братомъ въ своемъ саду, къ рѣкѣ, и какъ рѣка эта казалась огромной, текла она въ дальнія моря, о которыхъ страшно даже подумать было.

Онъ открылъ глаза, очнулся и сталъ прислушиваться къ страшному дыханію, такъ трудно, съ такою мукой вылетавшему изъ горла Васи.

Стонетъ Вася, жутко стонетъ, и нечѣмъ помочь ему.

А длительная ночь за окномъ, и воетъ-воетъ вьюга, стонетъ въ трубѣ, заунывно поетъ, надрывается и злымъ визгомъ визжитъ — у-у-у-у! То стихнетъ, то снова зальется и поднимается кверху, кверху, все выше и выше и, какъ тонкая струна, отзванивается.

Кто-то въ грохотѣ и воѣ вьюги боролся за окномъ съ кѣмъ-то, и здѣсь, въ комнатѣ, Вася боролся съ вошедшимъ, боролся изъ послѣднихъ дѣтскихъ силъ, боролся, изнемогая.

Чѣмъ больше думалъ объ этомъ Петръ Ѳомичъ, тѣмъ непонятнѣе становилось происходящее, непонятнѣе и страшнѣе.

— Бѣлый, бѣлый, непремѣнно бѣлый!

Петръ Ѳомичъ вышелъ въ столовую напиться воды.

Въ ночной тишинѣ квартиры прозвенѣлъ звонокъ и глухо замеръ. То возвратилась Софья Андреевна.

Открывая парадную дверь, Петръ Ѳомичъ слыхалъ за нею негромкіе голоса: говорили Томашевичъ и Софья Андреевна.

Разрумяненная морозомъ, съ блестящими глазами, она вошла, улыбаясь и внося съ собою струю оживленнаго настроенія.

— Петръ Ѳомичъ, вы не спите? Въ такой поздній часъ? Отчего?

— Вася боленъ. Былъ докторъ.

— Что съ нимъ?

— Дифтеритъ.

Софья Андреевна ахнула, прикусивъ нижнюю губу. Глаза ея стали широкими-широкими, и, какъ была, въ ротондѣ, она, стала садиться медленно и растерянно на стулъ.

V.

Въ бѣломъ гробикѣ Вася лежалъ на столѣ въ гостиной. Въ квартирѣ было тихо, такъ тихо, какъ если бы кто спалъ и его боялись разбудить.

Въ углу сидѣла неподвижно Софья Андреевна. Безучастно, словно просыпаясь, отвѣчала она на вопросы прислуги и Петра Ѳомича. Лицо ея опухло, наплывали на глаза красныя вѣки, и раздувшіяся губы были обведены суровыми складками.

Наканунѣ Васиныхъ похоронъ въ газетѣ было напечатано о смерти капитана Чугунова.

Петръ Ѳомичъ въ тайныхъ мысляхъ своихъ былъ готовъ къ этому, каждый день ожидалъ встрѣтить это извѣстіе въ газетѣ и, прочитавъ теперь фамилію брата въ спискѣ убитыхъ, почувствовалъ, что кончилось что-то старое, что все прежнее умерло, и начинаются новые дни, другіе, особенные.

— Бѣлый, бѣлый, непремѣнно бѣлый!

Софья Андреевна, узнавъ о смерти мужа, не сказала ни одного слова. Это было въ день похоронъ Васи.

Возвратившись съ кладбища, Петръ Ѳомичъ сталъ приводить въ порядокъ всѣ свои бумаги, счета, сжегъ переписку, ѣздилъ на службу и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Онъ хотѣлъ больше дѣла, какъ можно больше,—такого дѣла, которое взяло бы его всего, со всѣми мыслями, со всѣми стремленіями.

Былъ Вася живъ, онъ жилъ для него. Теперь оба умерли, и братъ и племянникъ. Нѣтъ больше живыхъ привязанностей, и ничто не удерживаетъ.

Онъ два дня не видѣлъ Софьи Андреевны. Когда же она вышла въ столовую къ чаю, онъ не узналъ ея. Передъ нимъ стояла новая, совсѣмъ другая женщина. Эти впалыя щеки, блѣдныя, съ синевой, губы. Чьи онѣ? Чьи эти сѣрые волосы, эта ранняя, жуткая сѣдина? Чья?

Какъ автоматъ, сѣла она къ столу и руки сложила деревяннымъ, безжизненнымъ движеніемъ.

Они оба долго молчали.

— Петръ Ѳомичъ,—произнесла она тихо и глухо:—скажите, что мнѣ дальше дѣлать?

— Не знаю, Софья Андреевна.

— Какъ мнѣ жить?

Опять помолчали.

— Этому никто не можетъ научить. Не можетъ сказать, какъ надо.

— А вы... что будете дѣлать?

— Я уѣду.

— Куда?

— Туда, гдѣ умеръ братъ.

Въ глазахъ Софьи Андреевны скользнула искра.

— Возьмите меня съ собой! Петръ Ѳомичъ, умоляю васъ, возьмите! Мы отыщемъ его тѣло и перевеземъ сюда.

Петръ Ѳомичъ покачалъ головой.

— Это лишнее, и этого не надо вовсе.

— Почему?

— Онъ совершилъ свой жребій, и намъ надо не оставить не тѣла,—понимаете?—а этого самаго жребія. Одинъ работникъ ушелъ, другой долженъ стать на его мѣсто. Такова судьба, ея законъ.

— То-есть, если я васъ понимаю, вы хотите на войну?

— Да, да, непремѣнно!.. Туда! Намъ надо здѣсь быть вѣрными и твердыми. Мы должны умѣть замѣнить. — Онъ помолчалъ и сталъ говорить медленнѣе, съ остановками, говорить о томъ, о чемъ думалъ всю эту зиму: Наша судьба, наша жизнь сами по себѣ потеряли всякую цѣнность и всякій смыслъ. Пока!.. Какъ бы это вамъ лучше сказать?—Онъ поскребъ пальцами лобъ. Мы живемъ въ такое время, когда намъ хорошо видно во всѣ стороны, въ начало и въ конецъ видно. Въ одинъ моментъ мы подняты надъ жизнью, и все, что больно соединяло насъ съ нею, оборвалось. И мнѣ думается, наступаетъ такое время, когда отдать свою жизнь — то же самое, что сохранить ее. Надо не о себѣ думать. И какъ только дойдете до этого предѣла, увидите, что побѣдили себя, а, себя побѣдивъ, вы все побѣдите. Надо быть готовымъ, ко всему готовымъ, даже къ самому страшному... хотя, нѣтъ! Нѣтъ сейчасъ ничего страшнаго. Ничего нельзя бояться. Вотъ у меня. Умерли всѣ мои самыя близкія, самыя любимыя лица, и среди людей больше никого нѣтъ, кому можно было бы все разсказать. Скажите же, что еще страшнѣе можетъ меня ожидать? Смерть? Я не боюсь ея. Я видѣлъ, какъ Вася умиралъ. Она, сильная, задушила его. И послѣ этого я пересталъ ее бояться. Я презираю ее. Пускай мнѣ говорятъ, что это законъ, но я его не принимаю. Просто онъ мнѣ не нуженъ.

Софья Андреевна вздохнула и ничего не сказала.

VI.

Студили послѣдніе морозы.

Жизнь шла попрежнему въ городѣ, и такъ же во всѣхъ рѣчахъ и взглядахъ сквозило напряженное ожиданіе.

Чугуновъ продалъ всю свою обстановку и домъ. Въ квартирѣ почти не было мебели, и комнаты стояли пустыя и непривѣтливыя. Но Чугунову было все равно.

Онъ доживалъ въ городѣ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ. Онъ былъ назначенъ въ санитарный поѣздъ. И обѣщано было, что потомъ его перечислятъ въ войска.

Софья Андреевна собиралась ѣхать къ матери.

Въ день отъѣзда Чугуновъ предложилъ ей поѣхать на кладбище, въ послѣдній разъ посмотрѣть на Васину могилку.

Софья Андреевна согласилась.

Они ѣхали въ саняхъ и молчали, какъ повелось между ними за этотъ годъ. Иногда Чугунову казалось, что слышитъ онъ, съ какимъ трудомъ и съ какою болью ворочаются тяжелыя мысли въ мозгу Софьи Андреевны, и въ такія минуты хотѣлось ему погладить ее по головѣ.

Сани поднялись въ гору, на которой видны были большія, бѣлыя, каменныя ворота кладбища и золоченыя славянскія буквы, расположенныя полукругомъ надъ аркой воротъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“.

Деревья были покрыты инеемъ, словно бѣлое кружево растянули надъ могилами. На крестахъ и памятникахъ пухлыми шапками лежалъ снѣгъ.

Чугуновъ и Софья Андреевна пошли по знакомой узенькой дорожкѣ, мимо черныхъ, бѣлыхъ, фигурныхъ памятниковъ.

Вотъ Васина могилка, вся въ снѣгу, подмерзшемъ, искристомъ, словно въ бѣломъ глазетѣ.

— Бѣлый, бѣлый, непремѣнно бѣлый!— вспомнилъ Чучуновъ, и эти слова показались ему сбывшимся пророчествомъ.

Софья Андреевна заплакала. Въ первый разъ со дня смерти сына. И долго плакала, прижавъ обѣими руками платокъ къ лицу, и плечи ея тряслись часто и рѣзко.

А Чугуновъ стоялъ и вспоминалъ минувшій годъ и все, что было въ немъ, и на душѣ становилось спокойно и грустно. И къ Софьѣ Андреевнѣ не было никакого недобраго чувства, а была только жалость, большая, нѣжная и осторожная жалость.

Уже синѣли дымчатыя сумерки, когда Софья Андреевна отерла лицо, спрятала платокъ и предложила ѣхать обратно.

На улицахъ сіяли фонари, струили яркій широкій свѣтъ витрины магазиновъ, а на небѣ пламенно-багровымъ отсвѣтомъ горѣлъ закатъ, похожій на распростертое крыло невѣдомой птицы.

До поѣзда оставалось всего два часа, и, вернувшись домой, Чугуновъ поспѣшно сталъ укладывать мелкія дорожныя вещи.

Софья Андреевна сидѣла на стулѣ и молча смотрѣла на него, а когда онъ, почувствовавъ ея взглядъ, поднялъ лицо, сказала:

— Боже, какъ вы постарѣли, Петръ Ѳомичъ! У васъ совсѣмъ сѣдые волосы. Я только сейчасъ замѣтила.

И она улыбнулась жалостливо и виновато, какъ будто она была главной виновницей его преждевременныхъ сѣдинъ.

Онъ тоже улыбнулся ей, но ничего не сказалъ.

Софья Андреевна поѣхала его провожать.

Когда они вошли въ буфетъ вокзала, навстрѣчу имъ двигался Томашевичъ. Онъ шелъ рядомъ съ нарядной молодой дамой и нашептывалъ ей что-то. Дама улыбалась.

Томашевичъ не узналъ Софьи Андреевны, и она тоже взглянула на него равнодушно и спокойно, какъ на совершенно незнакомаго человѣка.

Передъ послѣднимъ звонкомъ она тихо шепнула Чугунову:

— Онъ меня простилъ. Я только теперь почувствовала.

Чугуновъ понялъ, что говорила она о Васѣ. А она продолжала съ убѣжденіемъ:

— И Сергѣй простилъ. Онъ добрый.

Поѣздъ тихо отходилъ. Чугуновъ стоялъ на площадкѣ вагона и смотрѣлъ на Софью Андреевну. Она шла по перрону и, поднявъ руку, крестила воздухъ.

Уже ничего не видно, и только гладкое бѣлое поле передъ глазами.

Чугуновъ вошелъ въ вагонъ, чувствуя, что Чугуновъ, Петръ Ѳомичъ, губернскій архитекторъ, навсегда умеръ, ушелъ и больше не вернется, а вмѣсто него — другой, котораго война подняла могучимъ своимъ крыломъ, и которому ничто не страшно на землѣ.

Стѣны англійскихъ городовъ.

Очеркъ **Зинаиды Венгеровой.**

(Съ 12 рис. на стр. 785—789).

Среди творческихъ усилій, свершенныхъ союзными народами въ настоящей войнѣ, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ—возникновеніе и ростъ англійской арміи, доблесть которой такъ ярко выявляется на западномъ фронтѣ. Англія — морская держава, имѣвшая лишь небольшое сухопутное войско для охраны страны на случай вторженія непріятеля за годъ войны создала экспедиціонную армію, насчитывающую теперь, по заявленію ея вождя, до трехъ милліоновъ и продолжающую расти съ каждымъ днемъ. Нравственное величіе этой новосозданной „Китченеровской арміи“ въ томъ, что она состоитъ исключительно изъ добровольцевъ, изъ людей, идущихъ на войну изъ чувства долга, понявшихъ, что они должны жертвовать своей жизнью для того, что больше и выше жизни каждаго въ отдѣльности,—для спасенія страны, для торжества идеи справедливости.

Когда поднимается вопросъ о введеніи общей воинской повинности, о такъ называемой „конскрипціи“, онъ почти самъ собою падаетъ—за ненадобностью. И въ настоящее время снова поднятъ этотъ вопросъ. Готовится перепись всего населенія Великобританіи въ возрастѣ отъ пятнадцати до пятидесяти пяти лѣтъ, и всѣмъ, мужчинамъ и женщинамъ, предлагается отмѣтить въ особой графѣ, чѣмъ они содѣйствуютъ или желаютъ содѣйствовать великому національному дѣлу спасенія родины.

Близорукіе пессимисты или фанатики „континентализма“, т.-е. общеевропейской мѣрки, готовы видѣть въ этомъ первый шагъ къ конскрипціи, къ превращенію Англіи въ милитарную страну. Но англійская нація спокойна и тверда. Она знаетъ, что, постигнувъ до глубины значеніе этой войны, она доведетъ ее до побѣднаго конца. И еще она знаетъ, что у нея нельзя отнять сознанія свободнаго служенія родинѣ, исполненія святого долга по убѣжденію. Лишить англичанина права выбора значило бы неминуемо понизить патріотическій духъ, воодушевляющій всю страну. И, что самое главное, зачѣмъ принуждать, бросая тѣмъ самымъ какъ бы упрекъ народу, готовому и такъ отдать свои силы и принести всѣ жертвы на благо родинѣ, пополняя ряды войскъ и изготовляя средства для обороны? Зачѣмъ принуждать, когда достаточно позвать, чтобы на зовъ откликнулись всѣ лучшіе и всѣ сильные сыны Великобританіи?

„Иди исполнять свой долгъ—вступай въ войска!“

И вотъ, сторонясь отъ газетной полемики и споровъ о конскрипціи, Англія зоветъ своихъ вѣрныхъ защитниковъ. Зовъ раздается громко и властно съ конца въ конецъ Великобританіи, и на зовъ стекаются милліоны людей, всѣ классы общества объединяются въ свободномъ и сознательномъ исполненіи великаго долга, и вся страна, всѣ рабочія руки, мужскія и женскія, готовятъ безъ устали боевой матеріалъ.

Призывъ къ оружію теперь въ Англіи на всѣхъ устахъ. Мало того, если бы кто-нибудь оставался глухъ къ тому, что слышитъ вокругъ себя, то, чтобы закрыть свою волю воздѣйствію властныхъ призывныхъ словъ, ему нужно быть къ тому же и слѣпымъ, ибо теперь заговорили всѣ стѣны Лондона, всѣ стѣны англійскихъ городовъ. Всѣ онѣ сплошь покрылись гигантскими пестрыми плакатами, обращенными къ населенію страны. Въ сжатыхъ простыхъ словахъ, находящихъ путь къ истокамъ британскаго духа, въ наглядныхъ образахъ, дѣйствующихъ непосредственно на воображеніе людей немудрыхъ, но съ чуткимъ сердцемъ и твердой волей, призывы этихъ плакатовъ даютъ какъ бы формулы народной совѣсти и дѣлаютъ свое дѣло, усиливая приливъ добровольцевъ, жаждущихъ выполнить долгъ совѣсти и убѣжденной мощной воли.

Военные плакаты, безконечно разнообразные, приспособленные къ разнохарактерному населенію разныхъ городовъ и даже разныхъ частей города,—то къ преобладающему рабочему элементу, то къ психологіи средняго класса,—являются драгоцѣннымъ матеріаломъ для характеристики измѣнившейся жизни Англіи, а также для изученія основныхъ національныхъ чертъ англичанъ, ихъ умѣнія стоять до конца за свою правду. Англичанину нужно только проникнуться сознаніемъ правоты своего дѣла, и бороться за него онъ будетъ съ неисчерпаемымъ напряженіемъ воли.

Литература плакатовъ въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ Англіи, — а это именно литература для толпы, внѣдряющаяся въ пониманіе народныхъ массъ своей наглядностью и вразумительностью, — яркій показатель перемѣны, постигнувшей весь строй жизни. Исчезъ коммерческій духъ повседневности и смѣнился патріотическимъ. Прежде стѣны города обступали прохожихъ, соблазняя ихъ радостями сытой, пріятной и удобной жизни. То раскормленная бѣлая кошечка воспѣвала звучными стихами преимущества молока Нестле, возбуждая зависть тощаго чернаго кота, питающагося снятымъ молокомъ; то проворная служанка съ торжествующимъ видомъ выгоняла пылесосомъ безпомощное чудовище, олицетвореніе микробовъ; то гигантскій быкъ дѣловито спрашивалъ кондуктора, гдѣ поѣздъ на „Оксо“, тѣмъ самымъ показывая, что сей мясной экстрактъ готовится дѣйствительно изъ мяса, а не изъ химическихъ суррогатовъ; то еще болѣе соблазнительно пестрѣли волшебные виды англійскихъ и континентальныхъ курортовъ, призывая къ отдыху и наслажденію на лонѣ природы, къ увеселеніямъ шумныхъ казино. Все это исчезло надолго. Стѣны городовъ попрежнему испещрены призывами,

BE READY!

JOIN NOW

„Рѣшайся! Вступай въ войска!“

еще болѣе, чѣмъ когда-либо, но призывами къ совѣсти, къ исполненію суроваго долга.

И если всмотрѣться въ часто мѣняющіеся безчисленные плакаты, если вчитаться въ ихъ лапидарныя формулы „голоса совѣсти“, то выясняются очень любопытныя категоріи обращеній, соотвѣтствующія всему тому, что дѣйствуетъ на волю народныхъ массъ всѣмъ побужденіемъ національнаго духа. Плакаты менѣе всего останавливаютъ вниманіе художественностью замысла и исполненія. То совершенство, которое отличаетъ, напримѣръ, французскія афиши, смѣлость, остроуміе и оригинальность рисунка, нѣжные переливы красокъ,—все это отсутствуетъ въ англійскихъ военныхъ плакатахъ. Рисунокъ ихъ наивный, условный и невыразительный, краски бѣдны, грубы и крикливы. Но недостатки эти обусловливаются, въ сущности, своеобразностью задачи, которую выполняютъ плакаты. Ихъ цѣль исключительно агитаціонная, и потому въ нихъ важна не художественность деталей, а общій эффектъ: нужно включить въ образъ, въ призывъ всю сложность создавшагося положенія, нужно покорить разумъ „человѣка изъ толпы“ мѣткимъ доводомъ и тѣмъ самымъ вызвать непосредственный порывъ активной воли.

Этой цѣли служатъ сюжеты плакатовъ и еще въ большей степени сопровождающія ихъ надписи, при чемъ даже много плакатовъ состоитъ только изъ словесныхъ обращеній къ толпѣ, и они часто наиболѣе интересны. Содержаніе плакатовъ любопытно, какъ отраженіе психологіи народныхъ массъ въ Англіи, какъ показатель того, какіе доводы ума и сердца наиболѣе вѣрно проникаютъ въ народную совѣсть. За мѣткими, сжатыми, призывными формулами скрывается цѣльная жизненная философія. Если выяснить себѣ ея основы, то становится несомнѣннымъ, что демократическую Англію слѣдуетъ только призывать и не нужно принуждать къ исполненію патріотическаго долга и къ защитѣ міровыхъ началъ справедливости.

Въ основѣ жизненной философіи, ярко выраженной въ военныхъ плакатахъ, лежитъ незыблемая увѣренность въ томъ, что для англичанина слово неразрывно связано съ дѣломъ. Англичанинъ—инстинктивный врагъ идеологіи, вся исторія жизненнаго строительства Англіи доказываетъ это съ полной очевидностью.

„Займи же и ты свое мѣсто!“

„Иди-ка, я тебя подзываю!“

„Разсуждать въ пустую“ англичанинъ такъ же не привыкъ, какъ не привыкъ и дѣйствовать безъ достаточнаго основанія для его разума. Дѣло людей мысли—приходить къ выводамъ, направляющимъ ходъ жизни; дѣло людей жизни, если эти выводы вразумительны, поступать согласно съ ними. Вотъ идеальное распредѣленіе труда, двигающее англійской жизнью, и въ настоящій моментъ результаты его обнаруживаются въ возможности собрать милліоны людей подъ оружіе однимъ только воздѣйствіемъ на здравый смыслъ и чуткую совѣсть народныхъ массъ.

Дѣло военной агитаціи давать достаточно убѣдительные доводы для того, чтобы превратить мирнаго гражданина, занятаго личной жизнью, въ воина, защищающаго свою родину и принципъ общеміровой справедливости. Только эти доводы и составляютъ „литературу“ военныхъ плакатовъ. Любопытно прослѣдить систематичность этихъ призывовъ. Казалось бы, разрозненные, они на самомъ дѣлѣ охватываютъ весь горизонтъ англійской жизни, задѣваютъ всѣ струны народной души, намѣчаютъ точно очерченный кругъ обязанностей гражданина свободной страны, отвѣчаютъ на запросы индивидуальной совѣсти, отдаютъ дань народному юмору и духу молодечества, присущему странѣ, гдѣ въ мирное время процвѣтаетъ спортъ и гдѣ сильны предпріимчивость и жажда сильныхъ ощущеній борьбы съ опасностями.

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ воззваній является національный лозунгъ. Онъ представленъ колоссальными цвѣтными изображеніями британскаго флага, такъ называемаго „Union Jack“, и призывомъ къ объединенію всѣхъ силъ страны: „Это нашъ собственный флагъ. Сражайтесь во имя его! Трудитесь для него!“ Эта тема варьируется на множество ладовъ на плакатахъ эмблематическаго характера. Одна изъ широко распространяемыхъ афишъ изображаетъ фигуру справедливости (къ сожалѣнію, представленную въ условно романтическомъ стилѣ и крайне нехудожественную) съ мечомъ въ рукѣ и съ надписью: „Возьмите въ руки мечъ справедливости!“ Другая изображаетъ солдата съ знаменемъ въ рукахъ, и надпись гласитъ: „Собирайтесь вокругъ знамени!“ и т. д. Въ общемъ планѣ воззваній эти аллегорическіе плакаты даютъ какъ бы основную ноту настроенія, составляютъ героическое вступленіе. Риторика ихъ умѣстна въ связи съ дальнѣйшими воззваніями, все ближе захватывающими непосредственные жизненные интересы.

Отъ общепатріотическихъ отвлеченныхъ призывовъ прямой

„Не стой въ толпѣ и не глазѣй, ты нуженъ на фронтѣ. Запишись сегодня же въ солдаты!“

Фигура адмирала Нельсона. Надпись: 1805—1915. „Англія ждетъ—свершаете ли вы вашъ долгъ теперь?“

„Иди, мой милый мальчикъ, твой долгъ призываетъ тебя!“

переходъ къ плакатамъ, направляющимъ взоры на живой образъ родины. Вотъ на одномъ изъ плакатовъ мирный холмистый пейзажъ Великобританіи, городовъ и деревушекъ, разбросанныхъ среди зеленыхъ луговъ и полей; шотландскій солдатъ въ типичномъ „Kilt“, т.-е. въ короткой юбочкѣ и съ голыми колѣнями, указываетъ на разстилающійся передъ нимъ видъ и спрашиваетъ: „Неужели за все это не стоитъ сражаться?“ На другомъ плакатѣ изображены очертанія великобританскихъ острововъ, портретъ короля, и надпись гласитъ: „Вотъ они, ваши острова — защитите ихъ!“ А вотъ, на берегу моря, съ виднѣющимися на горизонтѣ военными кораблями, стоитъ національный герой, Нельсонъ, и взываетъ: „Англія ждетъ—свершаете ли вы вашъ долгъ теперь?“ Такъ настойчиво насыщаютъ взоры этими изображеніями, укрѣпляя образы родины, что рядъ другихъ плакатовъ, примыкающихъ къ этой категоріи, уже только подкрѣпляетъ запечатлѣнные въ памяти образы доводами разума и состоитъ изъ однихъ словесныхъ обращеній. „Кто создалъ эти маленькіе острова? — спрашиваетъ крупно и прекрасно отпечатанное воззваніе.—Центръ величайшей и самой могущественной имперіи въ мірѣ? Наши предки. Кто управлялъ ею такъ мудро и благожелательно, что весь составъ ея, безъ различія расы и происхожденія, взываетъ къ ней въ часъ испытаній? Наши отцы. Кто отстоитъ великое и славное наслѣдіе? Мы. Кто будетъ помнить о насъ съ гордостью, восхищеніемъ и благодарностью, если мы выполнимъ нашъ долгъ теперь? Наши дѣти. Оправдайте же вѣру вашихъ отцовъ и заслужите благодарность вашихъ дѣтей. Вступите сегодня же въ ряды войскъ!“

Это воззваніе чрезвычайно характерно по манерѣ, въ которой ведется разсужденіе. Доводы сведены къ напоминаніямъ, въ нихъ нѣтъ ничего теоретическаго и спорнаго. Съ необычайнымъ, вѣрнѣе, съ инстинктивнымъ искусствомъ избранъ прямой путь отъ разума къ волевому импульсу.

Въ рядѣ другихъ плакатовъ намѣчается послѣдовательный переходъ отъ идеи родины къ призыву во имя солидарности. Единый національный флагъ, единая общая родина—понятія священныя, но все же отвлеченныя. Нужно приблизить ихъ къ непосредственному чувству каждаго въ отдѣльности, нуженъ живой призывъ братьевъ, тѣхъ, которые уже откликнулись на зовъ родины и въ свою очередь зовутъ оставшихся на общее дѣло. Всякій долженъ понять и почувствовать, что нужно быть съ ними, съ ушедшими, а не отдѣляться изъ эгоизма, или, быть-можетъ, только отъ нерѣшительности. И вотъ на яркомъ плакатѣ молодой солдатъ, стоя на французскомъ берегу Ламанша, всматривается черезъ водяное пространство въ очертанія родныхъ береговъ и зоветъ: „Сюда, братцы, вы здѣсь нужны!“ Множество плакатовъ изображаетъ марширующія войска, солдатъ и матросовъ, занятыхъ дѣломъ обороны,—и все это призывы къ солидарности, къ общему дѣлу братьевъ и товарищей. Иногда въ надписяхъ къ этимъ призывамъ, разсчитаннымъ на увлекательность примѣра, звучитъ нота упрека. Вотъ группа молодцевато выступающихъ шотландскихъ солдатъ (ихъ живописный костюмъ дѣлаетъ ихъ излюбленными героями всѣхъ военныхъ плакатовъ) и внизу подпись: „Вы, конечно, ими вос-

Солдатъ пожимаетъ руку рабочему. Надпись: „Мы оба нужны для орудій: умножайте ряды войскъ, нагромождайте горы снарядовъ!“

„Ты нуженъ Британіи немедленно!“

хищаетесь. Но, какъ вы думаете, какого они мнѣнія о васъ?“ Цѣль военной пропаганды не ограничивается только стремленіемъ поднять воинственный духъ въ націи. Она вводитъ въ суть военной организаціи, она указываетъ на взаимодѣйствіе силъ, нужныхъ для вѣрнаго достиженія результатовъ. Этой цѣли служитъ плакатъ, получившій въ послѣднее время усиленное распространеніе. Онъ изображаетъ солдата и рабочаго, пожимающихъ руки другъ другу, и надпись къ нему гласитъ: „Мы оба нужны для орудій: умножайте ряды войскъ, нагромождайте горы снарядовъ!“ Этотъ плакатъ изъ наиболѣе удачныхъ по сжатости формулы, которой онъ опредѣляетъ создавшееся положеніе. На воображеніе толпы онъ дѣйствуетъ несомнѣнно сильнѣе всякихъ длинныхъ разсужденій и рѣчей. Къ нему примыкаетъ рядъ варіацій на ту же тему, какъ, напримѣръ, плакатъ, на которомъ изображена группа людей, отдающихъ свой трудъ дѣлу войны. Видны фигуры солдата, матроса, рабочихъ, сестры милосердія, бойскоута и подъ группой надпись: „А вы, участвуете ли вы въ ихъ работѣ?“ Методъ такой же, какъ и въ предшествующихъ категоріяхъ воззваній: сжать убѣдительность довода до яркой наглядной формулы и вызвать отвѣтный порывъ воли.

Но призывами, обращенными къ народной массѣ въ цѣломъ, не исчерпывается литературная задача плакатовъ. Нужно считаться съ психологіей англійскаго народа. Въ немъ прежде всего сильно чувство индивидуальности; каждый долженъ почувствовать, что призывъ обращенъ лично къ нему, къ его личной волѣ, что задачу національнаго долга онъ долженъ рѣшить самъ для себя, какъ сознательной единичной личности, и дѣйствовать согласно съ этимъ. Огромное количество разнообразныхъ плакатовъ, какъ бы составляя продолженіе общенаціональныхъ доводовъ, считаются съ этой національной чертой: они обращены къ каждому сознательному англичанину въ отдѣльности. Во всѣхъ нихъ мелькаетъ слово „you“, что въ данномъ случаѣ обозначаетъ не множественное „вы“, а „ты“.

Эффектенъ плакатъ, изображающій живо схваченную голову Китченера и его поднятую руку. Указательный палецъ направленъ на всякаго, кто взглянетъ на плакатъ, и надпись гласитъ: „Вотъ ты намъ нуженъ!“ По исполненію это одинъ изъ лучшихъ плакатовъ и производитъ почти гипнотизирующее впечатлѣніе. Множество однородныхъ воззваній варьируетъ до безконечности эту благодарную тему. „Внеси свою долю и ты, вступи въ наши ряды!“—взываетъ солдатъ со штыкомъ, и его улыбающееся лицо свидѣтельствуетъ о томъ, какъ пріятно сознаніе свершеннаго долга. „Рѣшайся! Вступай въ войска!“—лаконически призываетъ ярко-оранжевый плакатъ, на которомъ выдѣляется черный силуэтъ солдата, бросающагося въ штыковую атаку. „Иди-ка, я тебя подзываю!“—манитъ пальцемъ солдатъ, выступая исполинской фигурой на фонѣ войска, идущаго въ бой. А вотъ тянущаяся до горизонта толпа добровольцевъ, вступившихъ въ ряды войскъ. Въ ней представлены всѣ классы общества: и судья въ парикѣ, и конторскіе клерки въ котелкахъ, и рабочіе, и крестьяне, и франты въ цилиндрахъ—„и герцога сынъ и кухарки простой“ (duke' s son, cooks son), какъ поется въ знаменитой пѣсенкѣ Киплинга. И надпись зоветъ прохожихъ: „Займи же и ты свое мѣсто!“ Однородный плакатъ изображаетъ выстроившуюся шеренгу солдатъ и среди нея одно незанятое мѣсто. Оно выкрашено въ черный цвѣтъ, и на немъ надпись: „Это твое мѣсто, займи его!“

На другомъ плакатѣ длинный рядъ марширующихъ солдатъ, передъ ними развѣвается національное знамя, и на нихъ любуется толпа любопытныхъ. Въ длинной призывной надписи выдѣляются слова: „Не стой въ толпѣ и не глазѣй, ты нуженъ на фронтѣ. Запишись сегодня же въ солдаты!“ А вотъ болѣе художественный плакатъ съ воспроизведеніемъ старинной итальянской картины Георгія Побѣдоносца и съ надписью: „Ты нуженъ Британіи немедленно!“ Затѣмъ идутъ воззванія, не украшенныя рисунками, но еще болѣе подчеркивающія ноту индивидуализма въ словесныхъ обращеніяхъ. „Тысячи отвѣтили на зовъ страны,—гласитъ одинъ изъ наиболѣе типичныхъ плакатовъ,—но ты, быть-можетъ, тотъ, кто перетянетъ вѣсы въ критическій моментъ. Понимаешь ли ты это?“ Воздѣйствіе на личность гражданина, на его индивидуальный разумъ доведено въ этомъ обращеніи до максимальной силы и показываетъ глубокую вѣру въ разумную волю свободныхъ гражданъ.

Мы перечислили лишь наиболѣе типичные образцы этой категоріи плакатовъ. Есть безконечное множество однородныхъ съ ними, и всѣ они свидѣтельствуютъ о самомъ важномъ—объ исторически сложившихся чертахъ народной психологіи. Кто понимаетъ

„Возьмите въ руки мечъ справедливости!“

ее, тотъ знаетъ, сколь дѣйственно обращеніе къ ясному пониманію и къ твердой волѣ народа, закаленнаго въ сознаніи долга.

Перечисленныя категоріи плакатовъ обнимаютъ болѣе или менѣе всѣ основные мотивы призывовъ. Нѣкотораго рода дополненіемъ являются плакаты чисто-сентиментальнаго характера, а также тѣ, которые въ шутливомъ тонѣ стараются воздѣйствовать на внѣшнее самолюбіе и молодцеватость наименѣе культурныхъ слоевъ населенія. Сентиментальность свойственна всѣмъ народнымъ массамъ, а въ Англіи она наблюдается, быть-можетъ, еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Вполнѣ понятно поэтому, что эта черта учтена военной пропагандой, не упускающей ничего, чѣмъ можно воздѣйствовать на самые широкіе народные круги. Въ „сентиментальныхъ“ плакатахъ учитываются главнымъ образомъ патріотическія чувства женщинъ, и призывы направлены къ тому, чтобы женщины помогали національному дѣлу своимъ вліяніемъ на мужчинъ. На большую популярность разсчитанъ трогательный плакатъ, изображающій мать, сѣдую, но бодрую женщину, которая, обнявъ сына за плечо одной рукой, другой указываетъ ему вдаль, говоря: „Иди, мой мальчикъ—твой долгъ призываетъ тебя!“ Призывъ выигралъ бы, вѣроятно, въ убѣдительности, если бы лица матери и сына не были такъ безнадежно невыразительны на плохомъ рисункѣ. На другомъ плакатѣ, болѣе удачномъ, семья воина представлена въ видѣ старой и молодой женщинъ съ печальными, но рѣшительными лицами—это мать и жена: при нихъ маленькая дѣвочка, дочь того, который долженъ покинуть семейный очагъ для защиты родины. Надпись гласитъ: „Женщины Британіи, скажите ему: „Иди!“ Нѣсколько плакатовъ этой категоріи вызвало справедливый протестъ въ печати и въ парламентѣ чрезмѣрнымъ агитаціоннымъ усердіемъ, не брезгающимъ обращеніемъ къ мелкому тщеславію дѣвушекъ изъ простонародья. Таково обращеніе къ дѣвушкамъ съ вопросомъ: „Надѣлъ ли вашъ милый (your best boy) хаки? Если нѣтъ, то не думаете ли вы, что, пренебрегая благомъ родины, онъ можетъ пренебречь и вами?“ Таково обращеніе къ „дѣвушкамъ Истъ-энда“ (рабочаго квартала Лондона) съ совѣтомъ вести дружбу только съ солдатами въ хаки и т. д. Эти плакаты изъяты теперь изъ обращенія.

„Сюда, братцы, вы здѣсь нужны!“

„Запишись сегодня! Онъ счастливъ и доволенъ,—а ты?“

Задорно шутливыхъ плакатовъ, подстрекающихъ тщеславіе молодежи, довольно много, и юморъ ихъ очень невинный. На одномъ изъ плакатовъ изображенъ здоровый солдатъ съ загорѣлымъ лицомъ, расплывающимся въ блаженной улыбкѣ, и подъ изображеніемъ подпись: „Онъ счастливъ и доволенъ,—а ты?“ На другомъ расположены кругомъ шляпы разныхъ образцовъ: цилиндръ, котелокъ, соломенная шляпа и солдатская фуражка—и эта своеобразная коллекція шляпъ поясняется вопросомъ: „Какъ ты думаешь, которую бы изъ нихъ слѣдовало надѣть тебѣ?“ Есть плакаты съ изображеніемъ только солдатской фуражки и съ надписью: „Если эта фуражка тебѣ къ лицу, надѣнь ее!“ и т. д.

Всѣ эти типы плакатовъ, представляющіе собою, какъ мы видимъ, стройное и обдуманное цѣлое, разнообразятся почти ежедневно новыми воззваніями по тому же плану. Каждое крупное событіе войны и въ особенности все то, что приближаетъ войну къ берегамъ Великобританіи, вызываетъ появленіе новыхъ злободневныхъ плакатовъ.

Особенно богатую пищу даютъ въ этомъ отношеніи нападенія цеппелиновъ. Развалины деревень на восточномъ берегу, осиротѣвшія дѣти краснорѣчиво взываютъ на фонѣ картинъ разрушенія: „Неужели вы не отомстите за насъ?“ „Неужели вы это потерпите?“

Не даромъ утверждаютъ, что каждое нападеніе цеппелиновъ, убивая десятки женщинъ и дѣтей, увеличиваетъ на сотни и на тысячи ряды англійскаго войска. А плакаты на стѣнахъ англійскихъ городовъ не даютъ забыть о вражескихъ набѣгахъ и послѣ нихъ... Они властно убѣждаютъ и зовутъ, охватывая воображеніе сознаніемъ близости войны.

И близокъ день, когда ни одинъ англичанинъ, способный носить оружіе или изготовлять снаряды, не останется глухъ къ своему долгу передъ родиной. Въ принужденіи нѣтъ и не будетъ надобности — достаточно убѣждать и призывать. Объ этомъ говорятъ въ своихъ рѣчахъ министры, государственные люди, вожди рабочихъ партій, объ этомъ свидѣтельствуютъ стѣны Лондона и всѣхъ городовъ Великобританіи.

Пловучая санаторія для раненыхъ и больныхъ воиновъ на Волгѣ

(Съ 2 рис. на этой стр.).

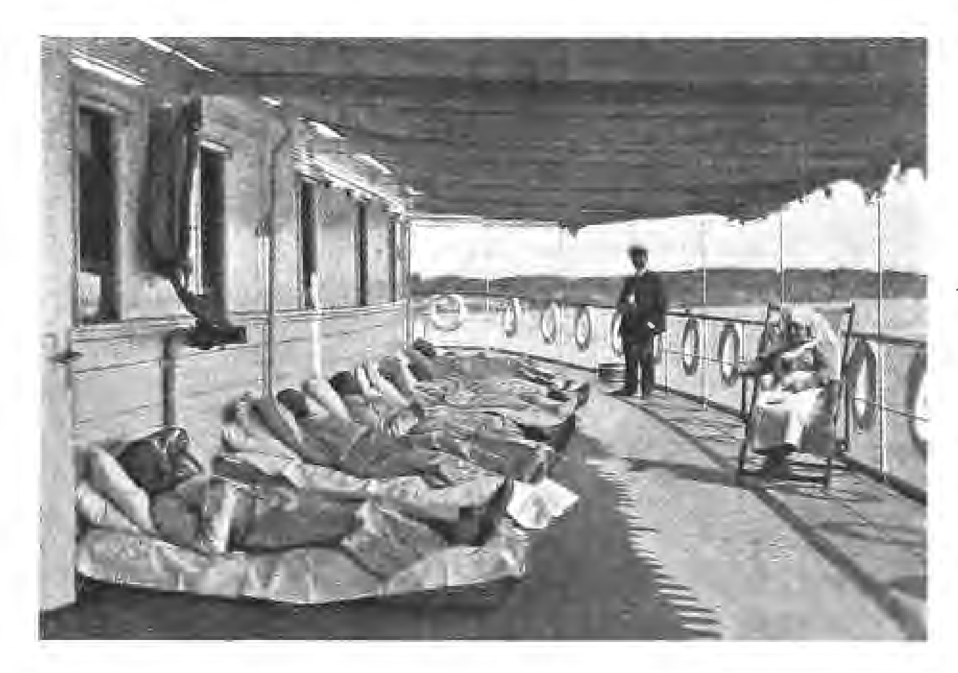
Санаторія эта, устроенная областнымъ комитетомъ союза городовъ, закончила въ настоящее время навигацію, и медицинскій ея персоналъ вернулся въ Петроградъ. Инициаторъ этого благого новаго дѣла—старшій врачъ санаторіи доцентъ Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны, С. А. Бруштейнъ.

Санаторія была устроена на зафрахтованномъ у общества «Кавказъ и Меркурій» пароходѣ . Въ началѣ іюля с. г. она двинулась въ первый рейсъ изъ Нижняго-Новгорода въ Астрахань, имѣя на борту около полутораста раненыхъ и больныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Рейсовъ отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани было сдѣлано два.

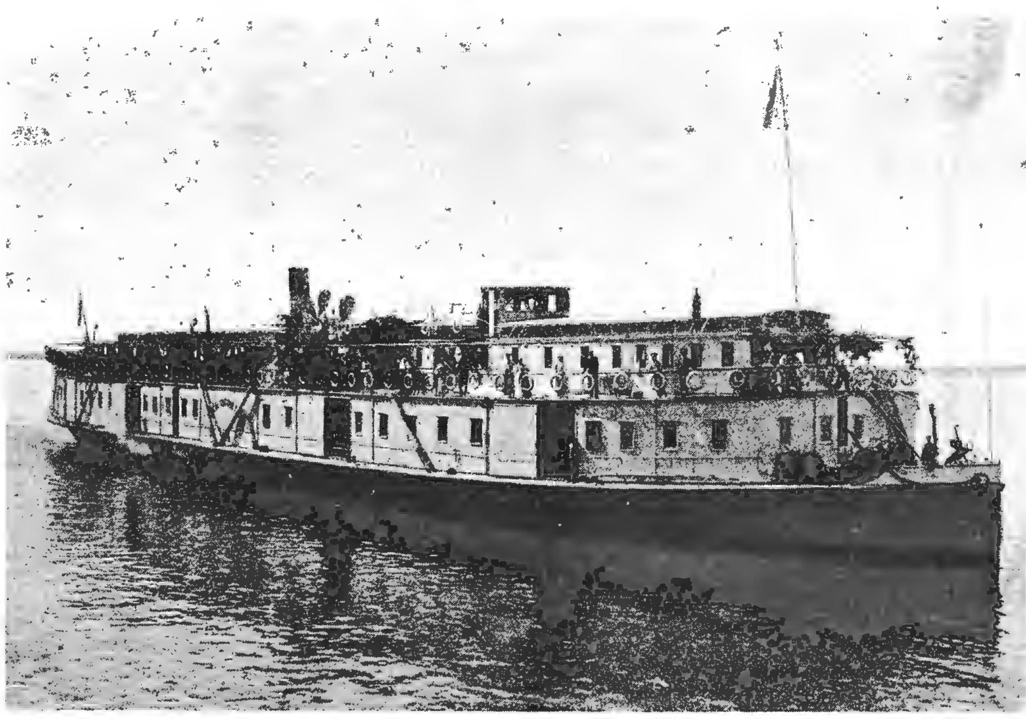
Лѣченіе было установлено главнымъ образомъ діэтетическое: усиленное питаніе, лѣченіе электричествомъ, свѣтомъ, солнечнымъ и искусственнымъ, и всевозможными ваннами.

Больные во все время путешествія, продолжавшагося каждое около двухъ недѣль, подвергались всевозможнымъ изслѣдованіямъ, такъ что въ результатѣ поѣздка дала много цѣннаго научнаго матеріала для изученія вопросовъ климатическаго лѣченія. Старшій врачъ санаторіи пришелъ къ убѣжденію, что больные на Волгѣ поправлялись во много разъ быстрѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ курортахъ, и результаты поѣздки далеко превзошли ожиданія врачей.

Населеніе всюду на пути встрѣчало госпиталь-санаторію очень радушно, даже восторженно: въ городахъ навстрѣчу пароходу выходили депутаціи отъ городовъ, земствъ и обывателей съ цвѣтами и оркестромъ музыки. Пароходъ шелъ не по расписанію, и это давало ему возможность останавливаться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя казались болѣе удобными для прогулокъ. Въ городахъ раненые осматривали достопримѣчательности. Въ Астрахани они посѣтили рыбные промыслы, сады и виноградники.



Пловучая санаторія для раненыхъ и больныхъ воиновъ на Волгѣ. Отдыхъ на палубѣ.



Пловучая санаторія для раненыхъ и больныхъ воиновъ на Волгѣ, устроенная на пароходѣ Общества „Кавказъ и Меркурій“—

Жертва.

Разсказъ **Вадима Бѣлова**.

I.

Въ низкой, полутемной крестьянской избѣ, гдѣ еще ползали голубыя облака дыма,—офицеры только-что разошлись,—теперь передъ простымъ некрашеннымъ столомъ сидѣлъ бригадный командиръ, положивъ подбородокъ на руки, и задумчиво глядѣлъ на сидящаго противъ него совсѣмъ молоденькаго солдатика въ новой, еще топорщившейся, гимнастеркѣ.

— Какая ты сумасшедшая, Юлька, и какая ты... прекрасная!.. Ей-Богу...—произнесъ онъ наконецъ послѣ продолжительнаго молчанья и поднялъ голову. — Ну, что же... если приказанье принять тебя дѣйствительно есть, если ты сумѣла его добиться,—что же, я принимаю... Какъ командиръ бригады,—понимаешь?—я подчиняюсь, но, какъ отецъ, Юлька, милая моя дѣвочка, я умоляю тебя подумать еще какъ слѣдуетъ о томъ, на что ты идешь. Я не буду тебя разубѣждать, приводя такіе аргументы, какъ то, что ты можешь послужить отечеству и тамъ,—въ тылу, я знаю, что въ тебѣ кромѣ этого благороднаго порыва говоритъ еще вполнѣ простительное въ твои годы любопытство, что тебѣ хочется самой видѣть войну, видѣть всѣ тѣ ужасы, о которыхъ ты столько читала и слышала въ теченіе почти года, но думала ли ты, что здѣсь, на поляхъ битвъ, къ которымъ ты такъ стремишься, непріятельскія пули не будутъ разбирать, кто дѣйствительно пришелъ сражаться и кто только „наблюдаетъ“?

— Но я тоже пріѣхала сражаться, папа, а не наблюдать,—обидѣлся солдатикъ.

Полковникъ поспѣшилъ поправиться.

— Да, да, конечно, я не хотѣлъ тебя обидѣть, ты меня не поняла... Я хотѣлъ сказать, что ты можешь быть убитой или изуродованной, такъ же, какъ и я, какъ и пятый или десятый...

— Ну такъ что же?..—широко раскрыла она глаза.—Вѣдь я на это и иду...

Полковникъ провелъ ладонью по лицу. Онъ былъ смущенъ и сбитъ съ толку.

— А ты не подумала, что будетъ со мной, если, не дай Богъ, тебя убьютъ?..—произнесъ онъ тихо и взялъ солдатика за руку.

— Это ты говоришь, папа, сейчасъ, когда только-что узналъ о томъ, что мнѣ предстоитъ подвергаться смертельнымъ опасностямъ, а какъ ты думаешь, что испытывала я цѣлый годъ, зная, что ты постоянно подъ огнемъ, постоянно лицомъ къ лицу со смертью, получая отъ тебя письма съ описаньями жаркихъ боевъ и не имѣя даже

Монастыри на защиту родины. Въ „Новомъ Аѳонѣ“, на Кавказѣ. Монахи за изготовленіемъ снарядовъ у токарныхъ и сверлильныхъ станковъ.

увѣренности, что въ ту минуту, когда я ихъ читаю, ты еще живъ... Подумай, сколько разъ ты могъ уже быть убитымъ, и сколько разъ судьба спасала тебя? Зачѣмъ же думать непремѣнно, что я пріѣхала сюда искать свою смерть?.. Повѣрь, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ видитъ, какъ оба мы нужны другъ другу...

Полковникъ ничего не отвѣтилъ. Онъ тяжело поднялся со скамейки, надѣлъ фуражку и, беря подъ руку дочь, произнесъ голосомъ хорошо ей знакомымъ. тихимъ, ласковымъ и проникновеннымъ:

— Пусть такъ... Храбрая ты у меня, Юлька... Можетъ-быть, это и къ лучшему. Вѣдь Онъ знаетъ, что дѣлаетъ.

Солдатикъ вдругъ обвилъ руками шею полковника, поднялся на носки и поцѣловалъ его въ давно небритый подбородокъ.

— Ахъ ты, моя дѣвочка, ахъ ты, моя смѣлая... сумасшедшая!— говорилъ полковникъ, не отпуская ее, и, глядя на прильнувшую къ сѣрому кителю маленькую, гладко выстриженную, черную головку, вспоминалъ теплый августовскій вечеръ, платформу, около которой стоялъ отбывающій воинскій поѣздъ, бѣлое легкое платье дочери, милое любимое личико и черную косу, оттягивавшую немного назадъ ея гордую, теперь кажущуюся какой-то ощипанной и маленькой, породистую головку.

Они вышли вмѣстѣ изъ избы.

— Ты явишься командиру второй батареи, — сказалъ полковникъ послѣ молчанья. — Ступай... Только умоляю тебя, — вдругъ добавилъ онъ тихо: — умоляю, — береги себя... помни, ты у меня—все.

И когда, откозырявъ, солдатикъ уже повернулся, чтобы итти, онъ окликнулъ громко:

— Какъ тебя звать-то, молодецъ?

Солдатикъ остановился, повернулъ къ полковнику свое хорошенькое веселое личико и отрапортовалъ, по уставу вытягиваясь въ струнку:

— Вольноопредѣляющійся Юрій Соломинъ, ваше высокоблагородіе!

Командиръ бригады простоялъ еще нѣсколько минутъ на порогѣ избы, пока не скрылась за кустами тонкая фигура новаго вольноопредѣляющагося, и почему-то въ эту минуту въ сердцѣ своемъ не ощущалъ уже ни смятенья ни страха, — было только какъ-то странно и трогательно думать теперь о Юліи Соломиной, какъ о вольноопредѣляющемся второй батареи.

II.

Послѣ почти полуторамѣсячныхъ безпрерывныхъ боевъ вотъ уже вторую недѣлю двигались куда-то, сперва по прекрасному шоссе, затѣмъ по узкимъ, скервнымъ, разбитымъ артиллеріей и обозами, дорогамъ.

Который день уже сверху сыпалась холодная, мелкая, водяная крупа, пронизывала до костей, застилала горизонтъ и дѣлала передвиженіе еще болѣе скучнымъ и тяжелымъ.

Длинной вереницей двигались по дорогѣ, переваливаясь по ухабамъ колей, передки съ орудіями, зарядные ящики, опять передки и снова зарядные ящики, снаряженные по-походному, съ привязанными фуражными сѣтками и запасными колесами. По сторонамъ, опустивъ морды и хлюпая копытами по жидкой грязи, шли казачьи лошади, казавшіяся отлакированными безпрерывнымъ дождемъ, всадники скручивали изъ газетныхъ обрывковъ цыгарки и нехотя перебрасывались короткими замѣчаніями.

А дождь лилъ и лилъ непрерывно... Насквозь промокли шинели казаковъ, казались глянцевитыми непромокаемые плащи офицеровъ, а „номера“ орудій, подпрыгивавшіе на жесткихъ сидѣньяхъ безрессорныхъ передковъ, давно накинули на плечи полы отъ палатокъ и стали похожими на какихъ-то невѣдомыхъ большихъ птицъ, взгромоздившихся въ рядъ на жердочки.

Полковникъ Соломинъ ѣхалъ передъ третьей батареей рядомъ съ батарейнымъ командиромъ и прапорщикомъ. Всѣ молчали—и бригадный командиръ, и офицеры, и трясущіеся на передкахъ птицы-„номера“. Всѣхъ угнетала дождливая погода, промокшее платье, видъ лошадей, измучившихся, вытаскивая изъ грязи завязнувшіе по ступицы зарядные ящики. Угнетало также и бездѣйствіе...

Боевая жизнь, безпрерывныя опасности, вѣчная напряженность нервовъ пріучили людей, передѣлали ихъ на новый ладъ,—и не только тѣхъ, которые тряслись по дорогамъ Польши и Галиціи безъ малаго годъ, не только тѣхъ, которые успѣли уже побывать въ лазаретахъ и госпиталяхъ и снова вернуться къ своимъ орудіямъ и подпрыгивающимъ по ухабамъ передкамъ, но даже такихъ новичковъ, какъ вольноопредѣляющійся Юрій Соломинъ.

Теперь трудно было узнать того черненькаго солдатика, который два мѣсяца тому назадъ сидѣлъ въ избѣ батарейнаго командира, и, цѣлуя котораго на прощанье, полковникъ все еще не могъ повѣрить, что это дѣйствительно не дочь его Юлія Сергѣевна, а вольноопредѣляющійся второй батареи Юрій Соломинъ. На сидѣньѣ передка, рядомъ съ двумя другими „номерами“, сидѣлъ настоящій молодой солдатикъ съ загорѣлымъ обвѣтреннымъ лицомъ, отросшими, торчащими изъ-подъ фуражки, черными вихрами, солдатикъ въ истрепанной, промоченной дождями и измятой, заскорузлой шинели, и держался онъ за желѣзный прутъ такимъ привычнымъ для артиллериста и упругимъ движеньемъ своей маленькой, загрубѣвшей и темной кисти, что трудно было заподозрѣть въ немъ дѣвушку.

Монастыри на защиту родины. Въ „Новомъ Аѳонѣ“, на Кавказѣ. Мобилизація чугуна въ монастырѣ. Монахи разбиваютъ старую чугунную пушку временъ Отечественной войны, съ тѣмъ. чтобы перелить ея металлъ въ монастырскихъ литейныхъ мастерскихъ въ снаряды и такимъ образомъ создать новыя орудія въ зашиту родины во вторую, еще болѣе великую, Отечественную войну.

ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВАЛЕРЫ.

Ген.-отъ-кавалеріи П. Калитинъ.

Ген.-лейтен. князь Ю. И. Трубецкой.

Ген.-лейтенантъ Н. П. Рѣщиковъ.

Генералъ-маіоръ В. П. Гальфтеръ.

Генералъ-маіоръ И.С. фонъ-Эттеръ.

Генералъ-маіоръ А. А. Граниковъ.

Полковникъ Н. Н. Шиллингъ.

Полковникъ Л. Г. фонъ-Тимротъ.

Полковникъ В. К. Копчевскій.

Подполковникъ П. Ч. Заіончковскій.

Подполковникъ А. А. Биберъ.

Подполковникъ Г. Ищенко.

Подполковникъ В. П. Олевинскій.

Подполковникъ В. И. Сосновскій.

Капитанъ Л. Л. Сахновскій.

Капитанъ В. Н. Сухотинъ.

Штабсъ-капитанъ А. П. Фалѣевъ.

Штабсъ-капитанъ С. Н. Филипповъ.

Подпоручикъ Е. П. Натаровъ.

Поручикъ П. Д. Барткевичъ.

Поручикъ П. А. Поповъ.

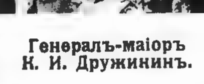
Сотникъ М. В. Кривовъ.

Подпоручикъ Б. В. Лопухинъ.

Сотникъ С. В. Болдыревъ.

Подпоручикъ А. Г. Булыгинъ.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ — ВѢЧНАЯ СЛАВА



Генералъ-маіоръ
К. И. Дружининъ.

Генералъ-маіоръ
Д. Н. Пфейферъ.

Полковникъ
А. Г. Эттингеръ.

Капитанъ
Н. М. Марковъ.

Капитанъ
А. П. Антоненко.

Капитанъ
Е. Е. Піуновскій.

Капитанъ
А. А. Стояновъ.

Капитанъ
В. В. Влезковъ.

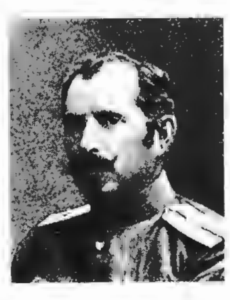
Капитанъ
М. Г. Пѣвцовъ.

Капитанъ
А. А. Черченко.

Капитанъ
Н. К. Гудима.

Капитанъ
В. В. Смирновъ.

Капитанъ
А. К. Чичинадзе.



Капитанъ
Н. С. Вышинскій.

Капитанъ
Н. Я. Ширяевъ.

Капитанъ
К. К. Андерсъ.

Капитанъ
К. И. Висленевъ.

Штабсъ-капитанъ
В. В. Сусанинъ.

Заурядъ-капитанъ
И. А. Травло.

Штабсъ-капитанъ
Е. С. Рѣдько.

Штабсъ-капитанъ
В. Н. Ляминъ.

Штабсъ-капитанъ
П. П. Хржановскій.

Ротмистръ
В. И. Македонскій.

Ротмистръ
В. В. Назаровъ.

Хорунжій
И. П. Портновъ.

Юлія Сергѣевна уже, кажется, даже сама успѣла позабыть объ этомъ.

Привычка къ новой обстановкѣ, къ солдатамъ, къ лишеніямъ, которыя ей приходилось переносить вмѣстѣ съ ними, создалась быстро, и за эти полтора-два мѣсяца боевой жизни, съ жаркими артиллерійскими схватками, тяжелыми маршами и ночевками подъ открытымъ небомъ, стало казаться, что эта вотъ жизнь и есть настоящая, а не та, что была раньше, и что возвратиться къ той жизни теперь будетъ труднѣе и непривычнѣе, чѣмъ продолжать еще полгода, годъ, два года, трястись на передкѣ, спать въ сараяхъ на сѣнѣ, или просто на травѣ, завернувшись въ собственную шинель, и ѣсть вмѣстѣ съ солдатами вынутой изъ-за голенища деревянной ложкой горячія жирныя щи...

Вереница запряжекъ вдругъ остановилась: гдѣ-то впереди задвигались быстрѣе въ дождливой мглѣ конные силуэты казаковъ, протяжно закричали, передавая отъ одной запряжки къ другой, ѣздовые:

— Сто-о-ой!

Засидѣвшіеся на передкахъ номера послѣзали поспѣшно: чтобы хоть немного размять затекшія ноги, казаки проѣхали куда-то впередъ, и остались около батареи только два всадника: капитанъ да прапорщикъ, сгорбившіеся и неподвижные въ своихъ сѣрыхъ дождевыхъ плащахъ.

— Завязли, что ли?..—спросилъ рыжебородый ѣздовой, приподнимаясь въ стременахъ.—Ничего не видно!..

Солдаты выходили съ дороги на нѣсколько шаговъ въ поле, надѣясь увидѣть, что случилось въ головѣ колонны, но сѣрая мгла мелкаго дождя затянула все.

— Что тамъ?.. Не видать, Михѣевъ?..—спросилъ черненькій солдатикъ влѣзавшаго на передокъ фейерверкера.

Михѣевъ не спѣша усѣлся, расправилъ шинель, завернулъ полами ноги и нехотя, лѣниво отвѣтилъ:

— Кто жъ его знаетъ... Нешто скрозь такой дождь что увидишь... Всѣ стоятъ.

— Можетъ-быть, завязли?..

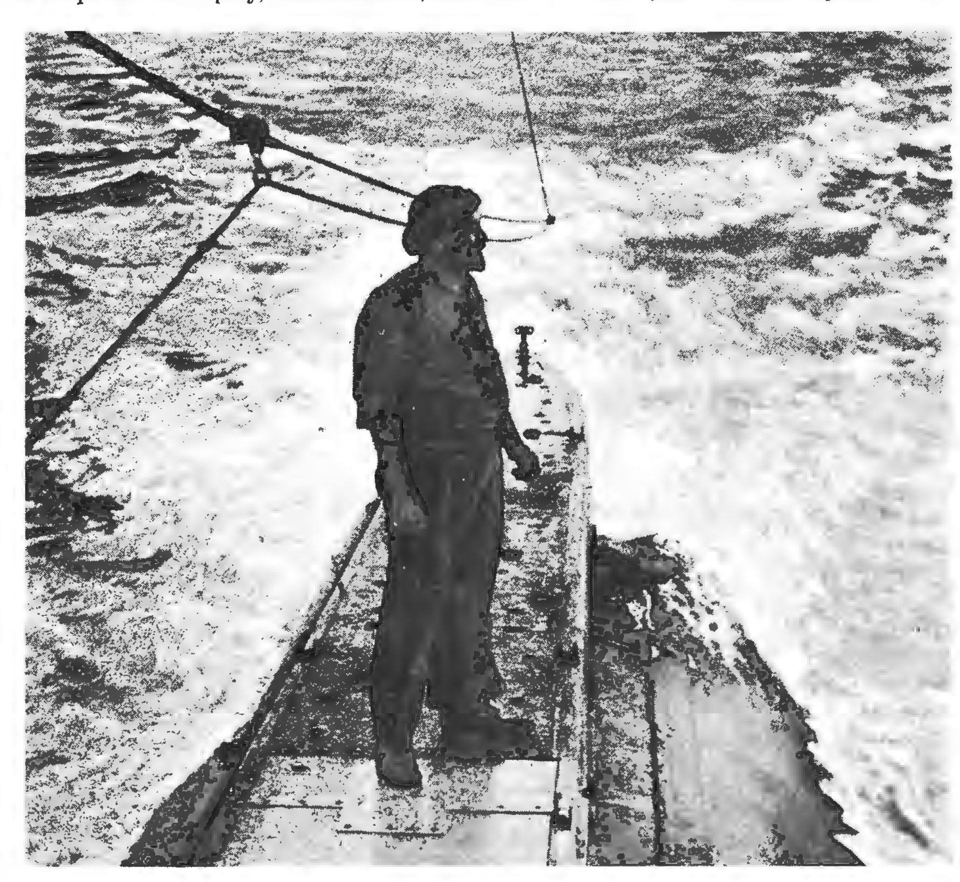
— Очень просто... Дорога вишь какая...

Черненькій солдатикъ хотѣлъ приподняться на носкахъ, чтобы въ свою очередь попытаться разглядѣть что-нибудь, но въ эту минуту изъ тумана вынырнулъ казакъ и, осадивъ коня передъ батарейнымъ, сказалъ ему тихо что-то.

Капитанъ и прапорщикъ вдругъ выпрямились, казакъ уже помчался дальше, а батарейный, сбросивъ за спину капюшонъ плаща и выѣхавъ немного впередъ, выкрикивалъ слова команды..

Его возгласъ подхватили тотчасъ же еще нѣсколько голосовъ, и закричали всѣ сразу, какъ казалось, безтолково и нелѣпо, на самомъ же дѣлѣ ясно и понятно для каждаго изъ людей, даже для лошадей... Каждый изъ этого хора выхватилъ нужный ему голосъ, перехватилъ нужное приказанье, заржали лошади, взмахнули нагайками, съ гикомъ, ѣздовые, и, разбрызгивая тяжелыми колесами жидкую грязь, свернувъ съ дороги прямо въ поле, помчалась, подпрыгивая черезъ кочки и по ухабамъ, вторая батарея.

Въ Дарданеллахъ. Англійскій солдатъ вытаскиваетъ рыбу, убитую турецкимъ снарядомъ въ водѣ.



Въ Дарданеллахъ. Человѣкъ на крѣпкихъ ногахъ. Англійскій морякъ, спокойно стоящій на носу подводной лодки, идущей полнымъ ходомъ.

Люди сидѣли, также держась руками за желѣзные пруты, но теперь уже не дымились цыгарки, лица всѣхъ были серьезны и строги.

Маленькій черненькій солдатикъ, держась одной рукой за прутъ, другой поправилъ фуражку и повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ стояли около третьей батареи, во главѣ съ полковникомъ, офицеры, но сѣтка дождя заслоняла поле, и Соломинъ ничего не увидѣлъ.

III.

Долго непріятелю не удавалось нащупать вторую батарею. Она скрывалась въ складкѣ мѣстности, защищенная невысокимъ, но густымъ кустарникомъ.

Шесть орудій стояли въ рядъ въ неглубокихъ, наскоро вырытыхъ окопахъ и поочередно, подчиняясь одному взмаху руки капитана, выбрасывали въ сѣрую мглу пасмурнаго дня желто-красные снопики пламени.

Выкрикнувъ дерзко и коротко свое стальное проклятье, пушка отскакивала назадъ словно съ отвращеньемъ, но на нее тотчасъ же дружной гурьбой набрасывались „номера“, поснимавшіе теперь съ плечъ полотнища отъ палатокъ, проворные и ловкіе.

Вольноопредѣляющійся Соломинъ шелъ быстро, почти бѣжалъ по мокрой высокой травѣ, давно промочившей его сапоги. Батарейный командиръ нѣсколько минутъ тому назадъ подозвалъ его и, стараясь перекричать ревъ продолжавшихъ безостановочно гремѣть орудій, прохрипѣлъ сорваннымъ отъ окрика голосомъ ему надъ самымъ ухомъ:

— Бѣгите на наблюдательный пунктъ... Почему молчатъ?.. Не могу корректировать... Если неудобное мѣсто, пусть перемѣнятъ!.. Бѣгите же, чортъ возьми!..

Капитанъ отскочилъ въ сторону, а Юлія Сергѣевна, даже не удивившись неожиданной рѣзкости своего начальника, знавшаго, что она женщина, и все-таки не удержавшагося въ такую минуту отъ крѣпкаго словца, побѣжала, прыгая черезъ кочки и рытвины и путаясь въ высокой травѣ, къ одинокому дереву, на которомъ устроился прапорщикъ-наблюдатель.

Онъ сидѣлъ на толстомъ сукѣ, наверху, и, глядя въ бинокль, кричалъ что-то лежавшему внизу и почти незамѣтному въ высокой травѣ, прильнувшему къ трубкѣ телефонисту. Увидя подбѣжавшаго вольноопредѣляющагося, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, быстро, какъ обезьяна, спустился внизъ съ вѣтки на вѣтку, крича:

— Вы что? Отъ батарейнаго?.. Я знаю... Ничего не видно!.. туманъ. Помогите скорѣе, пройдемъ влѣво и впередъ... на тѣ пригорки... тамъ будетъ лучше...

Не дожидаясь разспросовъ и объясненій, Соломинъ помогъ прапорщику и телефонисту подхватить катушку съ проволокой, и, пригнувшись, они бѣгомъ пустились, разматывая за собой проволоку, къ далеко выдвинувшимся впередъ и влѣво довольно высокимъ пригоркамъ.

Здѣсь были нарыты, вѣроятно, еще въ прошломъ году, окопы.

Землянки частью уже обвалились, вѣроятно, подъ тяжестью зимняго снѣга, но одна была цѣла, и въ нее забралась вмѣстѣ съ телефонной проволокой Юлія Сергѣевна.

— Соломинъ,—приказалъ прапорщикъ: — вы слушайте меня внимательно и передавайте, что я буду вамъ говорить... Эй, ты, телефонистъ, бѣги живо назадъ на батарею и передай батарейному командиру, что мы перемѣнили мѣсто... Разскажешь, гдѣ мы... Живо!..

Они остались вдвоемъ, прапорщикъ и Соломинъ, на пригоркѣ среди поля.

Прапорщикъ взобрался на брустверъ прошлогодняго окопа и, всматриваясь вдаль, измѣряя разстояніе и наблюдая за результатами стрѣльбы, кричалъ внизъ, лежавшему съ трубкой въ рукѣ черненькому солдатику:

— Недолетъ!.. 43... Хорошо!.. 42...

Гдѣ-то справо, быстро и твердо, одно за другимъ, ухали орудія.

— Перелетъ!.. 44... Хорошо!..

— Хорошо!..—кричала въ какомъ-то упоеньи въ трубку Юлія Сергѣевна и думала: „Такъ ихъ, такъ...“

И въ ту минуту, когда прапорщикъ кричалъ „хорошо“, она ясно представляла себѣ рвущіяся въ непріятельскихъ окопахъ наши гранаты, казалось, слышала грохотъ взрывовъ и видѣла вспышки пламени.

И вдругъ все оборвалось... Проволока внезапно замолчала. Ни одного звука.

— Алло!..—кричала Соломина.—На батареѣ... вы слушаете?..

Но проволока молчала.

— Ваше благородіе, телефонъ поврежденъ!..—закричала она.

— Недолетъ!.. 45!..—отвѣчалъ, не разслышавъ, прапорщикъ.

— Я говорю, телефонъ...—выскочила она изъ землянки...—телефонъ не дѣйствуетъ!..

Офицеръ спрыгнулъ внизъ. Онъ вырвалъ у нея изъ рукъ трубку, крикнулъ туда нѣсколько разъ злобно и яростно и съ досадой бросилъ ее на землю.

— Очевидно, проволока перерѣзана...—упавшимъ голосомъ сказалъ онъ, и оба они минуту простояли, обезкураженные и не зная, что предпринять.

Первымъ нашелся прапорщикъ.

— Оставайтесь здѣсь,—приказалъ онъ:—я пойду посмотрю, въ чемъ дѣло... Спрячьтесь въ землянку... Если придетъ телефонистъ, задержите его здѣсь... Я сейчасъ вернусь!..

Соломина опять легла на землю подъ сводомъ низкой землянки и съ волненіемъ прислушивалась, какъ гдѣ-то вдали злобно и ожесточенно ревѣли пушки.

IV.

Время тянулось страшно долго, и Соломиной уже начало казаться, что о ней забыли, что прапорщикъ погибъ, и что теперь все пропало.

Она уже готова была вылѣзть изъ землянки и сама пойти на выручку, какъ вдругъ безмолвствовавшая до сихъ поръ проволока снова ожила...

— Давайте разстояніе!..—слышался голосъ.

— Вы слышите?..—радостно откликнулась Соломина.—Вы слышите?..

Но въ ту же минуту сводъ землянки рухнулъ, ее засыпало землей и пескомъ, доски тяжело навалились на ея спину, и совсѣмъ близко надъ собой Соломина услышала нѣмецкую рѣчь.

Говорило сразу человѣкъ пятнадцать, а то и больше... Какіе-то новые люди приходили, уходили и двигались совсѣмъ близко около, не подозрѣвая, вѣроятно, о ея присутствіи.

Очнувшись отъ перваго испуга, отъ первыхъ мгновеній ужаса и убѣдившись, что доски спасутъ ее отъ тяжести обрушившейся земли, Соломина поняла, что случилось.

Нѣмцы рѣшили зайти во флангъ бригадѣ и заняли пригорокъ, гдѣ расположился наблюдательный пунктъ.

„Теперь конецъ...—промелькнуло въ мозгу.—Вотъ она, смерть... Конецъ и мнѣ... Господи, да неужели Ты допустишь!..“

И въ эту же минуту, словно ниспосланная свыше, пришла яркая, спасительная мысль.

Мина, выловленная нашими моряками.

Оставалась одна проволока... Тонкая желѣзная нитка связывала ее еще съ батареей и съ внѣшнимъ міромъ. Ею и надо было воспользоваться, этой проволокой, протянувшейся подъ мокрой высокой травой... Но не для того, чтобы просить помощи, стараться спасти свою жизнь, о, нѣтъ...

„Я одна... а ихъ много!..“

Надо было спасать ихъ отъ губительнаго обхода и удара во флангъ.

И проволока заработала снова... Она понесла на батарею, извиваясь по землѣ, подъ высокой мокрой травой, слова простыя и героическія. . . . .

— Что такое?..—спросилъ капитанъ, видя, что телефонистъ не понимаетъ чего-то передаваемаго въ трубку.—Въ чемъ дѣло?

Солдатъ приподнялся съ земли.

— Извольте сами послушать...—протянулъ онъ трубку капитану:—не понять никакъ... Что-то не такъ...

Капитанъ схватилъ трубку...

Откуда-то издалека, словно изъ-подъ земли, слышался вздрагивающій женскій голосъ:

— Стрѣляйте на меня!.. Стрѣляйте на меня!..—кричалъ онъ.—Непріятель занялъ пригорки... Стрѣляйте на меня!.. Берегите флангъ!..

— Господи!.. — отскочилъ отъ трубки капитанъ и бросился тотчасъ же къ командиру бригады, находившемуся въ эту минуту на батареѣ:—По телефону передаютъ, что пригорки наблюдателя заняты нѣмцами... заходятъ во флангъ... просятъ открыть огонь по пригоркамъ...

— Что за вздоръ!.. Кто проситъ?.. Да кто у васъ тамъ наблюдателемъ?

— Прапорщикъ Лобовъ и вольноопредѣляющійся Соломинъ...

Полковникъ вдругъ вздрогнулъ.

— Дайте трубку!.. приказалъ онъ, стараясь скрыть волненье.

И трубка повторила ему тѣ же слова, сказанныя голосомъ его дочери, то же приказанье немедленно открыть огонь по пригоркамъ, чтобы избѣжать обхода.

— Стрѣляйте по пригорку!.. По мнѣ!..—трещало въ трубкѣ.

Полковникъ никогда еще въ жизни не испытывалъ такого ужаса и отчаянья, какое охватило его въ эту минуту.

Онъ зналъ и понималъ, чѣмъ могъ грозить бригадѣ обходъ или ударъ во флангъ, но онъ тоже зналъ, что открыть огонь по пригоркамъ,—значитъ самому положить на жертвенникъ любимую дочь.

И стали въ сердцѣ его два громадныя, прекрасныя и свѣтлыя чувства отца и гражданина, два чувства: любви къ дочери и къ родинѣ... И безъ борьбы, безъ страданья и отчаянья, склонило первое голову и отступило передъ вторымъ.

— Капитанъ! крикнулъ Соломинъ.—Прикажите по пригоркамъ ураганный огонь!.. Насъ обходятъ!..

Полковникъ стоялъ на брустверѣ среди ревѣвшихъ безъ порядка и очереди стальныхъ чудовищъ. Онъ слѣдилъ за попаданьями, слѣдилъ за тѣмъ, какъ ложились мѣтко снаряды на пригорокъ, гдѣ осталась его дочь, его любимая, храбрая Юлька...

Орлы Черной Горы.

(Изъ впечатлѣній военнаго корреспондента).

Н. Брешко-Брешковскаго.

(Съ 16 рисунками).

Война, титаническая, небывалая, съ милліонными арміями, война, предъ которой даже кровавая наполеоновская эпопея производитъ впечатлѣніе ряда военныхъ прогулокъ, эта великая борьба народовъ, конечно, затмеваетъ собою второстепенныя операціи сербскаго фронта и третьестепенныя черногорскаго.

Ветеранъ-черногорецъ, несущій сторожевую службу въ Цетинье.

Выступленіе крохотной героической Черногоріи способно плѣнить и растрогать самую прозаическую душу. Въ самомъ дѣлѣ, страна горныхъ орловъ, все населеніе которой не превышаетъ трехсотъ тысячъ, другими словами, по числу жителей равное Харькову, — въ Кіевѣ больше жителей,—бросаетъ перчатку шестидесятимилліонной лоскутной монархіи.

Всю свою армію — доблестныхъ, закаленныхъ юнаковъ бросилъ король Николай на швабовъ. И знаменательнымъ является то, что съ перваго же дня войны на черногорской территоріи не было ни одного австрійца. Всѣ операціи производились и производятся на непріятельской землѣ.

Черногорская артиллерія.

Развертывающіяся съ лихорадочной быстротой событія приподнимаютъ любопытнѣйшія завѣсы надъ тѣмъ, что тщательно скрывалось хитроумной политикой Вильгельма и убитаго эрцгерцога австрійскаго Франца-Фердинанда.

Его величество король Черногорскій Николай объѣзжаетъ улицы Цетинье.

Вспомнимъ тяжелые для черногорцевъ дни передъ взятіемъ Скутари, когда эти славные витязи вмѣстѣ со своими женами руками разрывали проволочныя загражденія, возведенныя австрійскими саперами вокругъ Тарабоша...

Австріи казалось, что насталъ самый удобный моментъ взять истощенную въ тяжелой борьбѣ Черногорію мертвой хваткой. Королю Николаю предложена была слѣдующая комбинація:

— Уступите Австріи Ловченъ-Планину, а за это Черногорія получитъ либо Скутари, либо двадцать милліоновъ кронъ.

Черногорскій монархъ съ негодованіемъ отклонилъ это предложеніе. Король Николай отлично понималъ, что, овладѣвъ Ловченъ-Планиной, австрійцы овладѣли бы всей Черногоріей. Вѣками хранившая свою независимость Черногорія, — это единственное государство въ Европѣ, никогда и никѣмъ не покоренное, — перестала бы существовать.

Что такое Ловченъ-Планина?

Черногорецъ не можетъ о ней говорить безъ волненія. Это — самая высокая гора во всей странѣ. Когда вы приближаетесь на пароходѣ по бирюзовымъ волнамъ Адріатики къ австрійскому порту Катарро, или, какъ называютъ его южные славяне, Бокѣ-Каторской, издали, еще отъ Рагузы, сіяетъ средь чистаго неба своими вѣчными снѣгами Ловченъ-Планина.

Ловченъ-Планина, это — черногорскій Олимпъ и Пантеонъ въ то же время. Прекрасной героической легендою обвѣяны ея золотящіяся и розовѣющія на солнцѣ снѣжныя вершины. Здѣсь похоронены храбрѣйшіе изъ храбрыхъ черногорцевъ. Здѣсь могилы этихъ борцовъ за свободу, однимъ своимъ именемъ наводившихъ страхъ и трепетъ даже на грозныхъ албанцевъ. Здѣсь могила митрополита Нѣгоша, родоначальника династіи, правящей Черногоріей со временъ Алексѣя Михайловича. Здѣсь, въ орлиныхъ поднебесьяхъ, на каменныхъ скалахъ горы Ловченъ спасались черногорцы со своими семьями отъ несмѣтныхъ полчищъ турецкихъ, лавиною подкатывавшихся къ Цетинье.

Черногорскіе артиллеристы.

Его величество король Черногорскій Николай посѣщаетъ раненыхъ въ госпиталѣ.

Отдать швабамъ Ловченъ-Планину — это значило бы съ кровью вырвать изъ черногорской груди львиное сердце. И не только сердце, но и душу, ибо кромѣ историческаго значенія громадна и стратегическая мощь этой позиціи. Значеніе ея двоякое: во-первыхъ, господство надъ всей Черногоріей, во-вторыхъ, ключъ къ одной изъ лучшихъ въ мірѣ бухтъ — къ Бокѣ-Каторской.

Одна батарея осадныхъ орудій способна съ вершины Ловчена натворить великія, непоправимыя бѣды. Какихъ-нибудь двадцати минутъ достаточно, чтобъ отъ Цетинье, лежащаго въ котловинѣ, — по воздушному пути всего пять-шесть верстъ, — камня на камня не осталось. И эти же самыя орудія, повернутыя на западъ, съ такою же быстротою способны разгромить и городокъ Катарро съ его фортами и военный флотъ, укрывшійся въ бухтѣ.

Кадетскій корпусъ въ Цетинье.

Черногорскій митрополитъ-воинъ, сражавшійся подъ Скутари на передовыхъ позиціяхъ.

Когда вы смотрите съ вершины Ловчена внизъ, знаменитая бухта чудится дномъ какого-то фантастическаго колодца. По техническимъ условіямъ артиллерія какъ ближайшихъ фортовъ, защищающихъ Катарро, такъ и дальнобойныя орудія броненосцевъ безсильны причинить какой бы то ни было вредъ Ловченъ-Планинѣ.

Теперь понятно, почему съ такой страстностью пытались австрійцы оттягать себѣ Ловченъ, и слава Богу, что попытки ихъ остались безуспѣшными.

Черногорецъ-студентъ Нью-Іоркскаго университета, поступившій добровольцемъ въ родную армію.

Владѣй теперь австрійцы Ловченомъ, морской театръ, да и театръ Адріатическаго побережья осложнились бы далеко не въ нашу пользу, ибо польза сухопутныхъ черногорскихъ силъ и французскихъ морскихъ — наша общая польза.

Когда вѣрные союзники черногорцевъ — сербы волей-неволей, подъ давленіемъ разбойничьей австро-германской дипломатіи, должны были покинуть Скутари, они оставили своимъ братьямъ нѣсколько орудій для укрѣпленія Ловченъ-Планины. Недавно французы выгрузили въ Антивари и установили на недосягаемыхъ твердыняхъ Ловчена цѣлую осадную батарею. Это для австрійскихъ операцій на Адріатикѣ — чудесная западня.

Черногорскій юнакъ Божидаръ Гърковацъ, 104 лѣтъ, сражавшійся подъ Тарабошемъ и участвующій въ нынѣшней войнѣ.

Улица въ Цетинье зимою.

Скутарійское озеро.

Мѣстность вблизи Цетинье.

Старая крѣпость въ Дульциньо.

Черногорская деревенская изба („куга“).

Старая крѣпость въ Дульциньо.

Раненые черногорцы въ русскомъ—харьковскомъ—отрядѣ Краснаго Креста въ Дульциньо.

Часть австрійскаго флота, преслѣдуемаго французскими крейсерами и броненосцами, укроется въ Бокѣ-Каторской и сразу очутится между двухъ огней. Сверху засыплютъ ее дождемъ снарядовъ артиллеристы Ловчена, и останется либо отдать себя подъ разстрѣлъ, либо уйти прочь въ открытое море, гдѣ ихъ будетъ ждать неминуемый поединокъ съ французскимъ флотомъ,—поединокъ, о результатахъ котораго не можетъ быть двухъ мнѣній.

Страшно подумать, что было бы, господствуй теперь австрійцы надъ Ловченомъ. Свободно дерущаяся на швабской территоріи Черногорія была бы вся занята непріятельскими ордами, и отъ Цетинье, Подгорицы, Антивари, Нѣгоша и Дульциньо остались бы груды камней. А запертая черногорская армія дралась бы до послѣдняго человѣка за каждую пядь своихъ гранитныхъ скалъ.

Послужилъ народу на своемъ вѣку черногорскій Олимпъ, но послѣдняя служба его по значенію своему затмила всѣ минувшія... И мирнымъ. спокойнымъ сномъ могутъ спать въ своихъ, покрытыхъ, какъ сребротканной парчою, сверкающимъ снѣгомъ, могилахъ легендарные юнаки вмѣстѣ съ Данилою Нѣгошемъ, этимъ митрополитомъ-воиномъ, митрополитомъ-вождемъ.

За послѣдніе годы черногорская армія была реорганизована въ европейскомъ смыслѣ. Но эта реорганизація не пошла дальше усовершенствованнаго оружія, присланнаго изъ Россіи. Черногорская армія была и осталась черногорскимъ народомъ. Когда отечество въ опасности, встаютъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отъ юношей и до глубокихъ старцевъ. Около двухъ лѣтъ назадъ, во время первой балканской войны, я видѣлъ у Тарабоша сухого и сильнаго старика, Божидара Гърковаца. Тогда ему шелъ сто четвертый годъ. Онъ все время дрался на позиціяхъ подъ Тарабошемъ и застрѣлилъ одиннадцать турокъ.

И черногорскіе солдаты и походы ихъ, это—какой-то величаво-красивый пережитокъ средневѣковья. Обозовъ черногорцы не берутъ съ собою, по той простой причинѣ, что некому итти съ обозомъ. Всѣ рвутся впередъ на позиціи, и никто не хочетъ сопровождать возы. Отвѣтъ одинъ и тотъ же:

— Это бабье дѣло! Юнаку стыдно быть погонщикомъ магарцевъ. Юнака мѣсто—подъ пулями.

Попробуйте убѣдить черногорца въ необходимости окапываться, сидѣть въ траншеяхъ. Онъ весь вспыхнетъ негодованіемъ:

— Чтобы я прятался отъ турка или шваба, и чтобы мнѣ могли бросить упрекъ въ трусости? Никогда въ жизни!.. И отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣдъ—всѣ они дрались въ открытую.

И на этомъ же основаніи витязи Черной Горы отказываются отъ фортификаціонныхъ работъ.

— Наше дѣло биться до послѣдняго и умирать, а не копать землю...

Черногорскія женщины, достойныя своихъ братьевъ, отцовъ и мужей, роютъ окопы и сопровождаютъ въ тылу обозы. Но когда нужно и когда каждый человѣкъ на счету, черногорка беретъ винтовку, отправляется на позиціи и „работаетъ" не хуже юнаковъ. Во время скутарійской осады были десятки черногорокъ убитыхъ и раненыхъ.

Совершенно по-своему опять-таки идутъ черногорцы въ штыковую атаку. Какъ извѣстно, когда обѣ непріятельскія развернутыя колонны сходятся для рукопашнаго боя, огонь прекращается уже на разстояніи приблизительно трехсотъ метровъ. Но черногорцамъ этого мало, и, отдаляя штыковой ударъ на самый послѣдокъ, они вынимаютъ изъ-за пояса свои громадные револьверы и, только отведя душу нѣсколькими залпами, схватываются грудь съ грудью.

Всѣхъ сыновей своихъ, способныхъ носить оружіе, послала Черногорія въ этотъ крестовый походъ. Цѣлыя поколѣнія дерутся бокъ о бокъ, плечо къ плечу. На позиціяхъ можно встрѣтить большіе, до патріархальнаго большія, семьи. Дѣдъ, старый ветеранъ былыхъ турецкихъ походовъ, нѣсколько пожилыхъ сыновей и цѣлый выводокъ юныхъ орлятъ-внуковъ, среди которыхъ есть мальчики двѣнадцати лѣтъ.

Такъ было подъ Скутари, такъ и въ эту войну, болѣе священную для черногорцевъ, чѣмъ первая.

Въ цетиньевскомъ госпиталѣ я видѣлъ раненаго въ обѣ ноги шрапнелью мальчика двѣнадцати лѣтъ. Онъ стоически выносилъ свои страданія, мечтая объ одномъ: только бы скорѣе оправиться и, не теряя ни одного дня, опять въ бой!

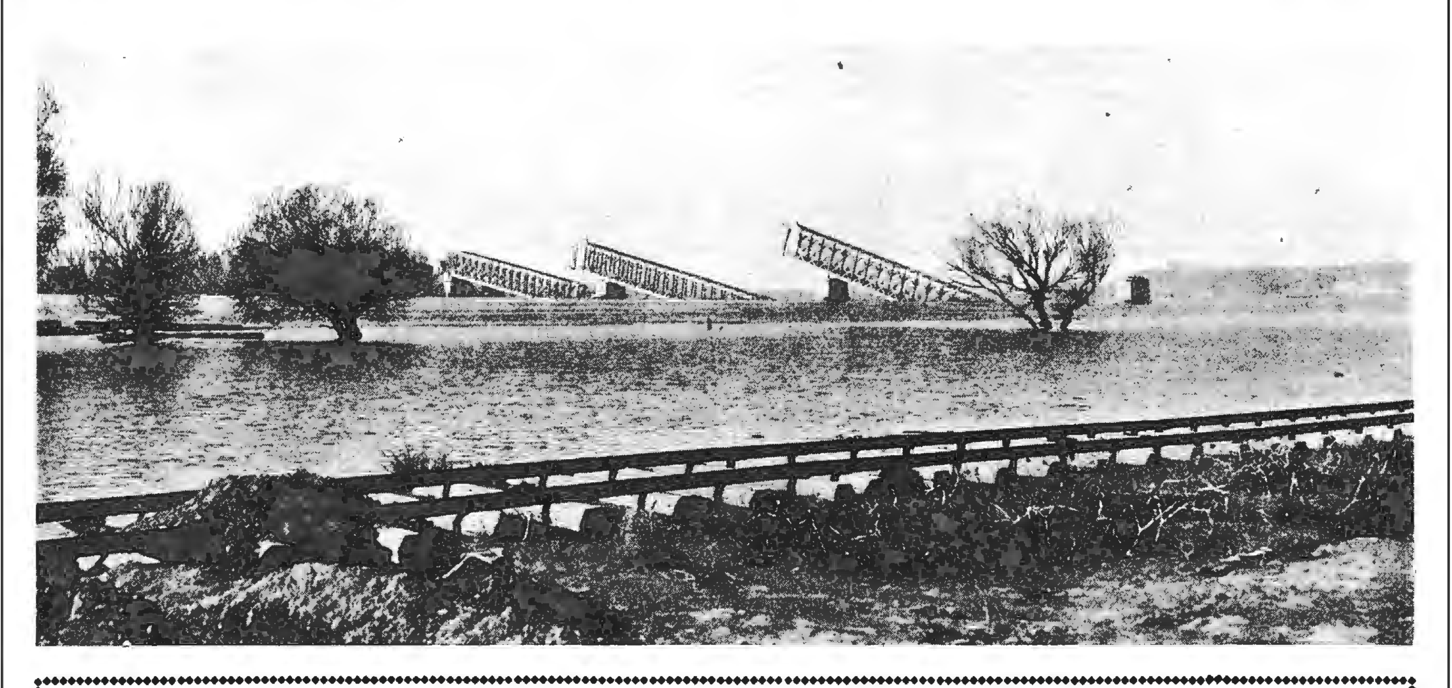
Отецъ его былъ четный (ротный) знаменщикъ. Когда отецъ упалъ, сраженный на-смерть осколкомъ гранаты, сынъ подбѣжалъ къ нему, схватилъ знамя и тотчасъ же самъ упалъ, раненый въ ногу роемъ шрапнельныхъ пуль.

И этотъ героическій мальчикъ далеко не исключеніе. Такихъ, какъ онъ, много въ Черногоріи.

Великимъ духомъ и беззавѣтной отвагою сильна черногорская армія. Вооруженная винтовками и почти безъ артиллеріи бьетъ она вчетверо сильнѣйшаго непріятеля.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ затишья, — относительнаго затишья, такъ какъ стычки и даже маленькіе бои на черногорскомъ фронтѣ не прекращались,—австро-германцы вошли въ Сербію и, чтобы сдѣлать наступленіе общимъ, одновременно атаковали и черногорскій фронтъ значительными силами. Но, какъ и слѣдовало ожидать, съ первыхъ же шаговъ наступленіе австрійцевъ потерпѣло неудачу, вѣрнѣе, цѣлый рядъ неудачъ. Главная причина, помимо стойкости и мужества черногорцевъ, та самая, что на протяженіи многихъ вѣковъ создала маленькой гордой странѣ красивый, героическій ореолъ непобѣдимости. Эта причина—отвѣсныя, исполинскія скалы, которыхъ не возьмешь никакой пѣхотой, не уничтожишь никакой артиллеріей.

И если бы австро-германцы имѣли возможность бросить на Черногорію даже цѣлыхъ десять свѣжихъ корпусовъ, т.-е. полумилліонную армію, даже и при этихъ условіяхъ не была бы достигнута цѣль. Подъ однимъ Ловченомъ пришлось бы уложить добрую половину этихъ десяти корпусовъ. Столь могущественное во вражескихъ рукахъ послѣднее слово военной техники—дальнобойныя тяжелыя орудія, блиндированныя автомобили и пулеметы безсильны бороться съ титанической горной природой и съ нечеловѣческимъ мужествомъ славныхъ защитниковъ Черной Горы.



Землинскій мостъ черезъ Дунай. Въ концѣ моста въ будкѣ—австрійскіе пулеметы.

Земельное обезпеченіе воиновъ.

Ни одна война за всю исторію человѣческаго рода не оставляла столько калѣкъ и сиротъ, сколько оставитъ послѣ себя нынѣшняя общеевропейская борьба народовъ. Съ каждымъ днемъ этой чудовищной по количеству жертвъ войны побѣда европейской коалиціи надъ австро-германо-турецкимъ союзомъ становится все болѣе ясной и несомнѣнной, но она будетъ куплена поистинѣ страшной цѣной. Наиболѣе рѣшительная роль въ борьбѣ за свободу и культуру Европы отъ тевтонскаго завоеванія выпала на долю Россіи. Она приняла на свою грудь самые сильные и ожесточенные удары грознаго врага, отражаетъ бѣшеный напоръ его главныхъ, отборныхъ силъ. Участь всей Европы рѣшается на поляхъ Двинска, Молодечны и Тарнополя. Здѣсь многомилліонная австро-германская армія, зарвавшаяся въ нашествіи на Россію, въ послѣднихъ бѣшеныхъ атакахъ теряетъ свои полки, хоронитъ свою мощь. Побѣдоносное отраженіе ея, уже недалекое, и на этотъ разъ уже несомнѣнное торжество надъ ней будетъ стоить намъ моря крови. Имѣя на рукахъ столько жертвъ войны, настало время подумать объ ихъ обезпеченіи. Государство обязано охранить отъ голодной смерти семейства отцовъ, отдавшихъ свою жизнь на его защиту, прокормить и пріютить искалѣченныхъ ветерановъ, потерявшихъ на войнѣ за родину способность къ труду. Обычныя нормы помощи, въ видѣ уже существующихъ домовъ для инвалидовъ, благотворительныхъ обществъ и частныхъ попечительствъ, явно не соотвѣтствуютъ размѣрамъ бѣдствія. Помощь должна быть столь же грандіозною, какъ и количество нуждающихся въ ней жертвъ міровой войны. Частная благотворительность—вещь святая и высокая, но она—только капля въ морѣ. Обезпеченіе пострадавшихъ на полѣ брани воиновъ и ихъ семействъ должно быть поставлено не какъ случайный даръ жалости и состраданія, но какъ священный долгъ націи и государства передъ защитниками родины.

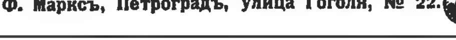
Именно на такую высоту ставитъ этотъ вопросъ Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія. Въ бюджетныхъ предположеніяхъ на 1916 г. оно выдвигаетъ на первый планъ земельное обезпеченіе пострадавшихъ на войнѣ воиновъ сверхъ скромныхъ по размѣру солдатскихъ пенсій, выдаваемыхъ раненымъ воинамъ по дѣйствующему закону, проектируя раздать половину казенныхъ земель, предназначенныхъ на продажу переселенцамъ, въ надѣлы ветеранамъ войны и такимъ же образомъ поступить съ землями упраздняемыхъ нѣмецкихъ колоній. Тѣ, кто своей грудью защитили русскую землю отъ нѣмецкаго захвата, тѣмъ самымъ заработали себѣ право получить на ней хорошій уголокъ, унаслѣдовавъ мирныя земельныя завоеванія врага въ лицѣ нѣмецкихъ колонистовъ, сыгравшихъ во время нынѣшней войны такую предательскую роль по отношенію къ довѣрчиво пріютившей ихъ новой родинѣ. Вся Россія можетъ только горячо привѣтствовать эту глубоко справедливую мѣру. Наши воины получатъ дополнительные земельные надѣлы не даромъ. Они купили ихъ своею кровью, пролитою за отечество. Заботливымъ устройствомъ ветерановъ войны на конфискованныхъ владѣніяхъ нѣмецкихъ колонистовъ и свободныхъ государственныхъ земляхъ Россія только выплачиваетъ свой долгъ своимъ защитникамъ.

Трудно придумать мѣру, болѣе содѣйствующую подъему патріотическаго энтузіазма въ народныхъ массахъ. Не надо забывать, что наши воины на три четверти своего состава комплектуются изъ пахарей, для которыхъ земля составляетъ основу жизни, труда и благосостоянія. Вся гражданственность многомилліоннаго русскаго крестьянства зиждется на справедливомъ и разумномъ рѣшеніи земельнаго вопроса. Если насажденіе нѣмецкихъ колонистовъ со щедрыми надѣлами по 60 десятинъ на душу и безпрепятственно допускавшаяся скупка нѣмцами свободныхъ къ продажѣ частныхъ помѣщичьихъ владѣній при все возрастающемъ малоземеліи русскаго крестьянина являлись печальной ошибкой нашей земельной политики, то даже хотя бы небольшое, хотя бы частичное исправленіе этой ошибки, принесенное войной, безконечно упрочитъ довѣріе народа къ власти.

Широко и торжественно оглашенный, этотъ актъ государственной совѣсти еще выше подниметъ изумляющій Европу героическій духъ воиновъ-пахарей, заставитъ ихъ ближе и яснѣе почувствовать сокровенный внутренній смыслъ великой національной войны. Поведенная подъ знаменемъ „раскрѣпощенія русскаго землевладѣнія“ отъ захватовъ иноплеменниковъ, о которомъ говоритъ Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія, она пойдетъ дальше при высокомъ подъемѣ народнаго энтузіазма и ускореннымъ темпомъ приведетъ къ одолѣнію злого врага

Призывъ ратниковъ 2-го разряда. У Волостного Правленія.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.** 

1915 г.
№ 44
Выдань 31-го октября 1915 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVI г. изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 14.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Подробное объявленіе см. на стр. 804а—804г этого нумера.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

„Въ странѣ крестовъ". Дополненіемъ къ интересному иллюстрированному очерку подъ этимъ заглавіемъ, помѣщенному въ настоящемъ номерѣ, можетъ служить замѣтка изъ газеты «Petit Parisien» корреспондента этой газеты, объѣхавшаго вмѣстѣ съ художникомъ Ремэкерсомъ всю границу Голландіи съ Бельгіей и Германіей.

«Въ большинствѣ случаевъ граница эта — идеальная линія на плоской равнинѣ, раздѣляющая государства. Между Голландіей и Германіей она представляетъ деревянную заставу, съ двухъ сторонъ которой дежурятъ голландскіе и германскіе солдаты. Оба ненавидятъ другъ друга и поэтому особенно сдержанны и строги. Одинъ изъ нѣмецкихъ часовыхъ жаловался корреспонденту, что его единственнымъ назначеніемъ является стрѣлять по нѣмцамъ-дезертирамъ, но возможно, что его тоже скоро пошлютъ на Изеръ, о чемъ онъ думаетъ не безъ страха, ибо Изеръ это могила для войскъ.

— Въ Шампани вамъ тоже не повезло, — сказалъ корреспондентъ: — 100 орудій, 20.000 плѣнныхъ, не считая убитыхъ и раненыхъ.

Часовой задумался и потомъ сказалъ:

— Побѣждайте, только кончайте скорѣе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣмцы провели проволоку, по которой проходитъ очень сильный токъ, убивающій на мѣстѣ всѣхъ, кто дотронется. Въ первое время много собакъ, скота и птицъ погибало, теперь «приноровились»: научились перескакивать, не касаясь смертоносной проволоки. Въ Кесколе граница проходитъ посреди улицы, и мимо границы проходитъ трамвай на Э-ла-Шапель. Корреспондентъ, наблюдая издали дымящіе заводы въ Альсдорфѣ на германской территоріи, произнесъ:

— Вотъ была бы цѣль для нашихъ летчиковъ! Въ то же мгновеніе мѣстность освѣтилась сильнымъ прожекторомъ:—услышавшій разговоръ пограничный германскій офицеръ нажалъ электрическую кнопку и освѣтилъ мѣстность.

Голландскій солдатъ по поводу поднятой нѣмцами тревоги объяснилъ:

— По слухамъ, вдоль нашей границы путешествуетъ голландскій художникъ Ремэкерсъ. Такъ, вѣрите ли, эти нѣмцы... предложили намъ 12.000 марокъ, если мы устроимъ такъ, чтобы онъ хоть на шагъ переступилъ на германскую территорію.

Мой товарищъ сказалъ:

— Ремэкерсъ—это я, и 12.000 марокъ ты могъ бы получить—и сдѣлалъ видъ, что хочетъ переступить границу, но солдатъ грубо оттолкнулъ его:

— Эти... — онъ произнесъ ругательство, — возьмутъ васъ въ плѣнъ.

Корреспондентъ посѣтилъ также маленькую бельгійскую общину Баарле-Нассау, по какой-то странной судьбѣ забытую среди голландской территоріи.

На церкви и школѣ развѣвается бельгійскій флагъ, и даже разгуливаетъ бельгійскій солдатъ, и дѣйствуетъ почта. Голландцы съ глубокимъ уваженіемъ относятся къ этому нетронутому уголку Бельгіи, и голландскіе солдаты не проходятъ по территоріи общины, насчитывающей около сотни жителей».

«Безболѣзненная» дрезина для перевозки раненыхъ. Въ настоящемъ номерѣ на стр. 816-й помѣщены два снимка оригинальнаго русскаго изобрѣтенія капитана Н. Н. Брудинскаго,—удостоившагося одобренія Краснаго Креста. Эта обыкновенная желѣзнодорожная дрезина въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются рельсовые пути, должна вытѣснить мучительную перевозку тяжело раненыхъ въ автомобиляхъ и двуколкахъ по грунтовымъ дорогамъ. Эти дрезины подвозятъ раненыхъ къ санитарнымъ поѣздамъ.

Устройство ихъ, сообщенное намъ самимъ Н. Н. Брудинскимъ, крайне просто: двѣ маленькія дрезины, такъ называемыя «качалки», связаны деревянной рамой, съ такимъ расчетомъ, чтобы на закругленіяхъ тележки (дрезины) поворачивались отдѣльно отъ рамы. Благодаря этому, рама всегда находится въ одномъ и томъ же положеніи и не подвергается ни тряскѣ, ни поломкѣ. По прибытіи на конечный пунктъ дрезину не надо поворачивать, такъ какъ качалки берутъ съ мѣста одинаково впередъ и назадъ.

На раму ставятся носилки, которыя и грузятся прямо въ санитарный поѣздъ

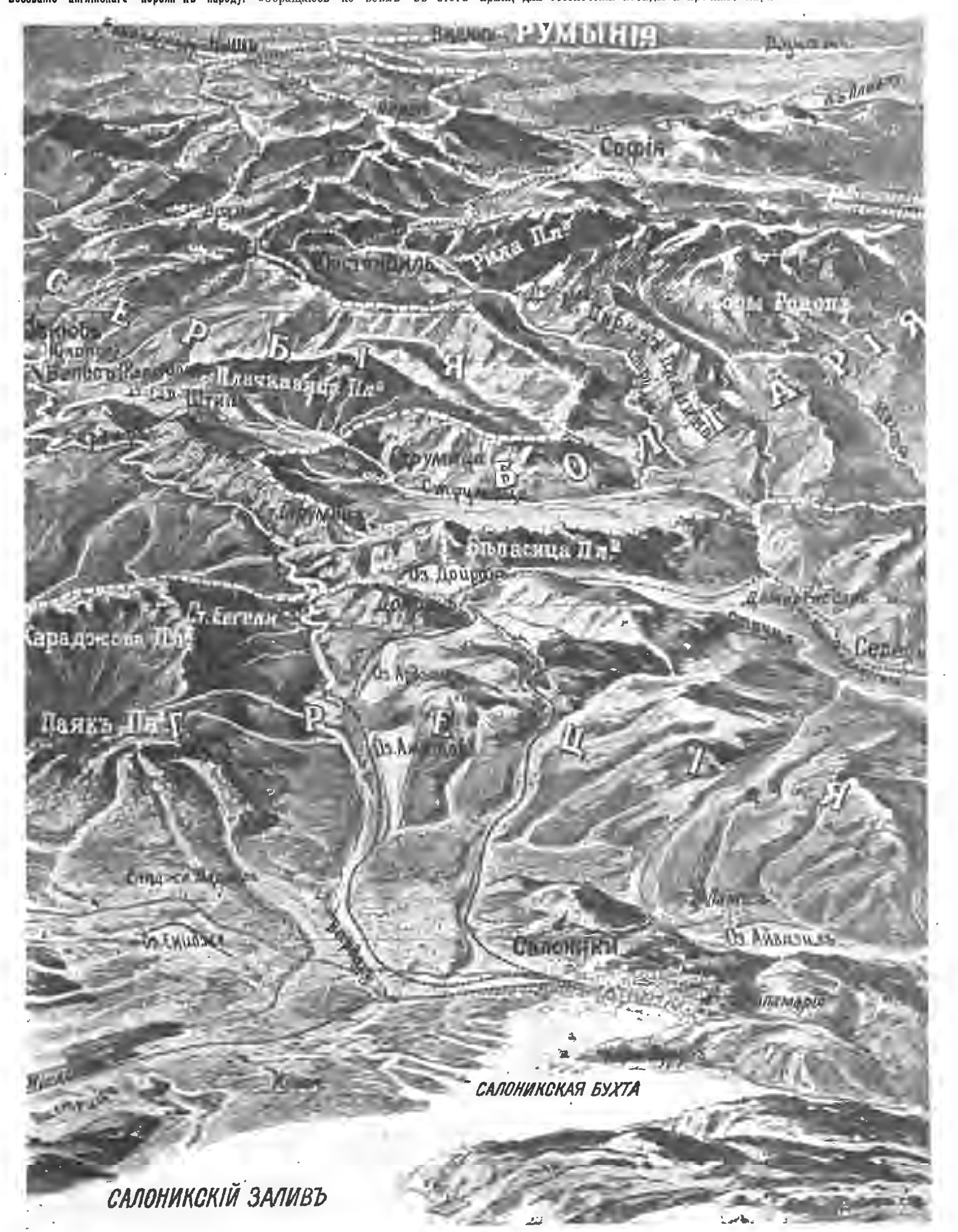
мѣстѣ съ ранеными, а изъ поѣзда взамѣнъ подаются пустыя носилки, которыя вмѣстѣ съ дрезиной отправляются вновь за ранеными. Такимъ образомъ не приходится лишній разъ перекладывать раненыхъ съ носилокъ на носилки.

На каждой дрезинѣ помѣщается пять тяжело раненыхъ или десять легко раненыхъ.

Воззваніе англійскаго короля къ народу. «Обращаюсь ко всѣмъ въ этотъ щихъ своимъ домашнимъ очагомъ, своимъ достояніемъ и жизнью, чтобы не перешла въ чужія руки свободная имперія, созидавшаяся моими и ихъ предками

Призываю васъ оправдать эти жертвы.

Конецъ войны еще далекъ, нужны еще люди для пополненія дѣйствующихъ армій, для обезпеченія побѣды и прочнаго мира



Рельефная карта фронта Балканскаго театра войны.

серьезный моментъ борьбы между моимъ народомъ и могущественно организованнымъ непріятелемъ, попирающимъ международные законы и пренебрегающимъ принципами, связующими народы цивилизованной Европы.

Радуюсь усиліямъ, дѣлаемымъ имперіей, и горжусь добровольнымъ вступленіемъ въ ряды арміи моихъ разсѣянныхъ по всему міру подданныхъ, жертвую-

И въ давніе дни, чѣмъ мрачнѣе складывалась обстановка, тѣмъ непреклоннѣе становилась рѣшимость людей нашей расы.

Призываю мужчинъ всѣхъ классовъ добровольно записаться въ армію принять участіе въ борьбѣ.

Вы свободнымъ отвѣтомъ на мой призывъ окажете поддержку вашимъ

ратьямъ, которые уже долгіе мѣсяцы доблестно поддерживаютъ исконныя радиціи Великобританіи во славу ея оружія».

Король Георгъ на фронтѣ. Французскій президентъ Пуанкарэ выѣхалъ 1-го октября въ дѣйствующую армію. На слѣдующій день президентъ стрѣтился съ англійскимъ королемъ и произвелъ вмѣстѣ съ нимъ смотръ ѣкоторымъ британскимъ войсковымъ частямъ, великолѣпный видъ которыхъ ривелъ президента въ восхищеніе, и онъ просилъ короля передать имъ оздравленіе. 13-го октября король въ сопровожденіи принца Уэльскаго поѣтилъ двѣ французскихъ арміи и былъ встрѣченъ президентомъ Пуанкарэ, енераломъ Жоффромъ и генералами, командующими арміями. Король присутствовалъ при блестящемъ смотрѣ колоніальнаго корпуса, затѣмъ посѣтилъ аблюдательный артиллерійскій пунктъ и мѣстонахожденіе батарей. Король, съ огласія президента, передалъ генералу Жоффру посланіе (приводимое ниже), ъ которомъ привѣтствуетъ французскія войска. Президентъ Пуанкарэ вручилъ оенный крестъ принцу Уэльскому, находящемуся на фронтѣ съ начала войны.

Телеграфъ принесъ печальное извѣстіе, что король Георгъ во время смотра ойскъ упалъ съ коня, испугавшагося привѣтственныхъ криковъ войскъ и однявшагося на дыбы. Состояніе здоровья короля улучшается.

Привѣтствіе англійскаго короля — французской арміи. Генералиссимусъ Жоффръ передалъ по всѣмъ своимъ арміямъ привѣтственное посланіе, съ которымъ его еличеству англійскому королю угодно было обратиться къ французской арміи ослѣ посѣщенія ея фронта.

«Солдаты Франціи! Я весьма счастливъ, что мнѣ удалось осуществить желаніе, оторое я давно лелѣялъ, и выразить вамъ мое глубокое восхищеніе передъ вашей облестью, вашей лихостью, вашей стойкостью и всѣми тѣми высокими воеными качествами, которыя составляютъ славное наслѣдіе французской арміи. Подъ блестящимъ руководствомъ вашего выдающагося главнокомандующаго его заслуженныхъ сотрудниковъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, вы явились остойными сынами вашей родины, которая будетъ вамъ вѣчно признательна а ваши самоотверженныя усилія, направленныя къ ея спасенію и защитѣ. Іои солдаты гордятся тѣмъ, что бьются бокъ-о-бокъ съ вами, что они — ваши оевые товарищи. Пусть же связующія насъ узы будутъ вѣчными, и пусть бѣ наши страны останутся навсегда тѣсно связанными.

Солдаты! Примите мои самыя сердечныя, самыя искреннія привѣтствія. Я е сомнѣваюсь, что вы доведете эту титаническую борьбу до побѣдоноснаго онца. Мнѣ пріятно отъ имени моихъ солдатъ и моей страны выразить вамъ ои самыя сердечныя поздравленія и лучшія пожеланія».

Заявленіе президента Пуанкарэ. Въ спеціальномъ нумерѣ французскаго журала «Lectures pour tous», предназначенномъ для распространенія на фронтѣ, омѣщено, по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», слѣдующее заявленіе президента союзной намъ республики:

«Каждый изъ насъ въ каждую данную минуту можетъ освѣжить свои восоминанія и запросить свою совѣсть, и онъ убѣдится, что мы не упускали лучая, чтобы предотвратить военную грозу, но покушеніе на европейскій миръ долго подготовлялось непримиримымъ врагомъ и составляло цѣль его желаній. Мы стали жертвой самаго жестокаго и хитро-продуманнаго нападенія. Но такъ какъ насъ вынудили обнажить мечъ, мы не въ правѣ вложить его въ ножны прежде, чѣмъ право и справедливость не восторжествуютъ, общая побѣда союзниковъ не позволитъ намъ возстановить наши развалины, вернуть Франціи ея границы и получить гарантіи противъ періодическаго повторенія непріятельскихъ нападеній. Какая польза отъ того, если автра на развалинахъ нашихъ разрушенныхъ городовъ будетъ созданъ половинчатый временный миръ? Тяжелое бремя снова очутилось бы на плечахъ французскаго народа, и онъ попалъ бы въ вѣчную политическую, нравственую и экономическую зависимость отъ своихъ враговъ. Французскіе промышленники, сельскіе хозяева и ремесленники—всѣ слои населенія были бы отданы на произволъ торжествующаго врага, и униженная Франція была бы акимъ образомъ обречена на исчезновеніе въ сознаніи своей слабости. Найется ли у насъ хоть одинъ человѣкъ, который на минуту допуститъ такую мысль? Кто осмѣлится навязать здравому смыслу французскаго народа и его аціональному сознанію такую перспективу? Нѣтъ ни одного французскаго солдата, ни одного французскаго гражданина, ни одной женщины во Франціи, оторые не поняли бы, что вся будущность нашей расы — не только честь, ѣть, но и существованіе, зависятъ отъ тяжелыхъ минутъ этой страшной войны. У насъ желаніе побѣдить, у насъ и увѣренность, что мы побѣдимъ. Мы вѣримъ въ свои собственныя силы и силы нашихъ союзниковъ точно такъ же, какъ мы проникнуты увѣренностью въ правотѣ своего дѣла».

Вслѣдъ за этимъ заявленіемъ г. Пуанкарэ идутъ объясненія Вивіани, Бріана, Мильерана, Рибо, Земба и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся французскихъ осударственныхъ дѣятелей.

Заявленіе Вивіани заканчивается слѣдующими словами:

«Франція—не страна разбойниковъ. Она не протянула разбойничьей руки, тобы ограбить весь міръ. Франція не вложитъ меча въ ножны прежде, ѣмъ она не возстановитъ попраннаго непріятелемъ права, возсоединитъ наѣки отторженныя ранѣе французскія провинціи, возродитъ разрушенную прускимъ милитаризмомъ героическую Бельгію и создастъ оздоровленную Европу а основахъ права и справедливости».

Англичане потопили почти весь германскій подводный флотъ въ Сѣверномъ морѣ. Это енсаціонное извѣстіе сообщаетъ въ «Новомъ Времени» А. П. Семеновъ-Тянъ-Шанкій. По его словамъ, уже не тайна, что въ теченіе нынѣшняго года, и преимущественно за послѣдніе два мѣсяца, англичане потопили 67 германскихъ подводыхъ лодокъ, что составляетъ приблизительно 80 процентовъ наличнаго судового остава подводнаго флота Германіи. Среди потопленныхъ лодокъ многія принадежали къ послѣднему, наиболѣе усовершенствованному типу этого рода судовъ, нѣ были закончены постройкой уже послѣ начала войны и вступали въ строй по ѣрѣ ея развитія. Слѣдовательно, матеріальный ущербъ, нанесенный Германіи спѣшными дѣйствіями англичанъ въ Сѣверномъ морѣ, громаденъ. Но это не все: ще тяжелѣе должна быть для Германіи безвозвратная потеря большей и приомъ лучшей части личнаго состава, обслуживавшаго ея подводный флотъ: слѣдъ за прославленнымъ нѣмцами въ началѣ войны Веддингеномъ погибли отни такихъ же опытныхъ и отважныхъ, какъ онъ, офицеровъ, механиковъ и нижнихъ чиновъ, плававшихъ на германскихъ подводныхъ лодкахъ. Для ихъ замѣны новыми людьми понадобятся годы упорной практической школы.

Результаты побѣды, одержанной нашими славными союзниками, налицо: истекъ уже мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ совершенно прекратились потопленія англійскихъ пароходовъ германскими подводными лодками въ Сѣверномъ и Ирландскомъ моряхъ.

Блестящая побѣда эта достигнута англичанами путемъ упорнѣйшаго труда доблестнаго личнаго состава британскаго флота: англійскими моряками были въ теченіе войны выработаны и примѣнены совершенно новые пріемы борьбы съ подводными лодками при помощи подвижныхъ сѣтей. Такимъ образомъ новому орудію (подводнымъ лодкамъ) было безъ потери времени противопоставлено новое «противуоружіе», которое и дало сразу блестящій результатъ. Но для успѣха новаго средства борьбы необходимо было еще одно условіе: тайна,—тайна приготовленій и примѣненія новыхъ пріемовъ на дѣлѣ. И тайна была строго соблюдена англичанами, пока она была для нихъ необходима.

Вотъ почему мы только теперь узнаемъ о поразительномъ успѣхѣ, котораго достигли англичане.

Нѣмцы упорно молчали и еще молчатъ о тяжкихъ потеряхъ своего флота. Только по раздраженному тону германской печати по адресу Англіи и ея флота можно было догадаться о томъ разгромѣ, который потерпѣли нѣмцы.

Но если мы не услышимъ до окончанія войны признанія германцевъ въ разгромѣ ихъ подводнаго флота, то мы не услышимъ, конечно, признанія и въ тѣхъ потеряхъ, которыя они понесли въ составѣ болѣе крупныхъ и цѣнныхъ единицъ своего боевого флота. А между тѣмъ потери эти болѣе существенны, чѣмъ можно думать на основаніи попадавшихъ въ печать свѣдѣній. Именно онѣ и обусловливаютъ полное почти бездѣйствіе германскаго флота.

Крезо. Мѣсто, которое въ Германіи занимаютъ Эссенъ и Круппъ, во Франціи занято Крезо и Шнейдеромъ. Если въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ какому-либо государству нужны были пушки, конкурентами по исполненію заказа являлись Крезо и Эссенъ. И когда сербы разбили турокъ въ 1912 году, во Франціи говорили:

— Это Шнейдеръ побилъ Круппа.

Шнейдеръ побилъ Круппа, потому что сербская армія была вооружена скорострѣлкой Крезо, а турецкая—пушками Круппа.

Теперь, съ началомъ европейской войны, коммерческая конкуренція Крезо и Эссена смѣнилась борьбой, въ которой рѣшается въ значительной степени судьба Германіи, Франціи и всей Европы,—борьбой враждебныхъ артиллерій, значительная часть которыхъ изготовляется въ Германіи—Круппомъ, во Франціи—Шнейдеромъ.

Объ Эссенѣ въ русской прессѣ писалось немало и гораздо больше, чѣмъ о Крезо, который русскимъ читателямъ извѣстенъ почти исключительно по имени. Г. Бѣлоруссовъ приводитъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» основныя цифровыя данныя, характеризующія этотъ французскій заводъ, и нѣкоторыя личныя впечатлѣнія, полученныя имъ при осмотрѣ какъ самаго Крезо, такъ и его отдѣленій.

Крезо—старый заводъ. Добыча каменнаго угля ведется въ немъ съ начала XVI вѣка. Желѣзодѣлательное производство началось въ XVII вѣкѣ. Въ концѣ XVIII вѣка открытъ пушечно-литейный заводъ. Въ XIX столѣтіи машиностроительное дѣло все развивалось. Въ 1884 году парламентъ разрѣшилъ французскимъ заводамъ исполнять артиллерійскіе заказы для заграницы, и это послужило новымъ толчкомъ для развитія Крезо. Въ настоящее время Крезо—заводъ, окруженный городкомъ, живущимъ заводомъ и для завода.

Кромѣ центральнаго завода въ Крезо, имѣются отдѣленія: пушечный, снарядный и пиротехническій заводъ, кораблестроительная верфь, электромоторный и газомоторный заводъ, желѣзодѣлательный и судостроительный заводъ (послѣднее время строилъ контръ-миноносцы и подводныя лодки), заводъ точныхъ инструментовъ,—оптическихъ, медицинскихъ,—а также частей для уэтхедовскихъ минъ и наконецъ заводъ, изготовляющій минные аппараты и мины.

Кромѣ того, кампанія Крезо тѣсно связана въ финансовомъ и промышленномъ отношеніи съ рядомъ частныхъ металлообрабатывающихъ заводовъ, образующихъ такъ-называемую «группу Шнейдера», представляющую очень крупную промышленную силу.

Замѣчательно организованный, снабженный всѣми усовершенствованіями техники, заводъ Крезо строитъ пушки всѣхъ калибровъ, корабли и броненосцы всѣхъ размѣровъ, точные инструменты, начиная отъ морского бинокля и кончая минами Уэтхеда. Работа завода отличается высокимъ качествомъ матеріала, тщательностью и солидностью работы.

Крезо выдерживаетъ сравненіе даже съ Эссеномъ-Круппомъ. Пусть по общимъ внѣшнимъ цифрамъ Круппъ обширнѣе Шнейдера: площадь заводскихъ построекъ Круппа равняется 186-ти гектарамъ; площадь построекъ Шнейдера—всего 62-мъ. Общее число рабочихъ, занятыхъ Круппомъ (передъ войной),—80.000 человѣкъ; Шнейдеромъ—27.000. Если мы сравнимъ силу двигателей различнаго рода, площадь паровыхъ котловъ, потребляемое количество электрической энергіи и т. д., мы всюду найдемъ то же отношеніе: Круппъ въ три раза сильнѣе Шнейдера.

Однако выводъ этотъ, полученный изъ сравненія цифръ, огульно взятыхъ, нуждается въ поправкахъ, такъ какъ производство Эссена и Крезо не вполнѣ однородно. Эссенъ производитъ громадное количество мягкаго, пудлинговаго желѣза. Перерабатывая $2^{1}/_{2}$ милліона тоннъ руды, онъ выпускаетъ на рынокъ милліонъ тоннъ желѣза различнаго рода. Крезо не производитъ желѣза. Крезо спеціализировался на производствѣ стали и особенно ея высокихъ и тонкихъ сортовъ.

Во-вторыхъ, Эссенъ есть не только литейный, машиностроительный и т. д. заводъ, но въ то же время и главный казенный арсеналъ, исполняющій для нѣмецкой арміи пиротехническія работы, которыя въ Крезо занимаютъ совершенно второстепенное мѣсто.

Въ-третьихъ, Эссенъ одновременно изготовляетъ ружья. Во Франціи же и производство ружей, и изготовленіе ударныхъ и дистанціонныхъ трубокъ, и наполненіе артиллерійскихъ снарядовъ взрывчатымъ веществомъ совершаются на казенныхъ заводахъ, занимая болѣе 25.000 рабочихъ.

Крупповская верфь въ Килѣ,—«Германія»,— гораздо сильнѣе верфи Крезо: она занимаетъ тройное число рабочихъ. Рельсопрокатный, вагонный и локомобильный заводъ Круппа въ Магдебургѣ-Буккау тоже производительнѣе желѣзнодорожнаго отдѣла Крезо.

Но если мы захотимъ сравнить сталелитейное производство двухъ заводовъ, пушечное, а также производство артиллерійскихъ снарядовъ, то получится отношеніе, близкое къ равенству. А вѣдь именно сталелитейное и пушечное производство и представляетъ въ настоящее время наибольшій интересъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

№ 44.

31 Октября 1915 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р.

И. Левитанъ. Оврагъ. Русскій музей Императора Александра III.

Подъ первыми пулями.

Разсказъ **Николая Роминскаго**.

17-го іюля была объявлена мобилизація, а 19-го уже съ вокзала шла въ казармы партія запасныхъ, вызванныхъ для пополненія полковъ, идущихъ на войну.

Здѣсь были и молодые люди, только-что отбывшіе службу, которыхъ нельзя было отличить отъ другихъ солдатъ, но были и солидные дяди, обросшіе бородой и совсѣмъ утратившіе внѣшній солдатскій видъ. Одни несли сундучки со своимъ добромъ, другіе—мѣшки, иные—только маленькіе узелки, но были и такіе, что, кромѣ куска хлѣба въ карманѣ, не брали ничего: зачѣмъ? здѣсь казна накормитъ и напоитъ, а на войнѣ нечего думать объ удобствахъ!

Одни шли весело и спокойно, другіе—даже радостно: зададимъ, молъ, нѣмецкой колбасѣ русскаго перцу,—пусть помнитъ!

Третьи были равнодушны: итти такъ итти, воевать такъ воевать.

Среди толпы запасныхъ были оптимисты, пессимисты, холерики, сангвиники и меланхолики.

Оптимистомъ чистой воды былъ дядя Митяй.

Онъ не былъ старъ, но юность его давно прошла. Онъ говорилъ, что онъ теперь въ самой порѣ. Впрочемъ, если ему вѣрить, то онъ былъ всегда въ самой порѣ. Росту онъ средняго и изъ особыхъ примѣтъ имѣлъ только великолѣпную рыжую бороду, за что сердящіеся на него,—были такіе мизантропы, что сердились даже на дядю Митяя,—называли его Іудой. Дядя Митяй тогда подмигивалъ и съ напускной серьезностью и важностью говорилъ:

— Што жъ,—Іуда былъ апостолъ.

— Христопродавецъ!

Дядя Митяй опять подмигивалъ, и „куриныя лапки“ на его вискахъ широко разъѣзжались:

— Какъ Христа продавалъ, онъ уже бороду оголилъ.

Это была его любимая острота, и всякій разъ она доставляла ему большое удовольствіе.

Рядомъ съ нимъ шелъ пессимистъ Евстратъ Куломзинъ, по прозванію „воздыхатель“, богатый мужикъ, но видящій все и всегда въ самомъ мрачномъ свѣтѣ.

Тогда какъ дядя Митяй не имѣлъ съ собой ничего, твердо надѣясь на „казну“,—Евстратъ несъ увѣсистый чемоданъ.

Они были изъ одной деревни, сосѣди, и постоянно ссорились, но до того привыкли быть вмѣстѣ, что и теперь, идя на войну, заботой обоихъ было, какъ бы ихъ не разлучили, при чемъ у каждаго были свои данныя для этого желанія: Евстратъ говорилъ, что, когда умирать придется, хоть знакомый семьѣ разскажетъ, какъ умиралъ отецъ, а дядя Митяй находилъ большое удовольствіе быть всегда въ своемъ обществѣ: „какъ въ нѣмецкую сторону придемъ, поговорить по душамъ можно. По улицамъ вмѣстѣ ходить будемъ, ихнюю столицу осматривать!“

Небольшой его заботой только было, какъ попасть въ обѣ столицы—и въ Вѣну и въ Берлинъ,—въ крайнемъ же случаѣ узнать, которая лучше, чтобы не ошибиться и не попасть въ ту, которая похуже.

Оба сильно устали; ждали въ волости, ждали на сборномъ пунктѣ, ждали на вокзалѣ, ждали даже на промежуточныхъ станціяхъ. Теперь, слава Всевышнему, пріѣхали, и лицо дяди Митяя уже заранѣе складывалось въ умильную улыбку:

— Какъ, значитъ, придемъ, такъ сейчасъ каждому по куску хлѣба, два куска сахару и кипятку, сколько хошь! А первый стаканъ казенный будетъ!

Евстратъ смотрѣлъ на него сверху внизъ, и на его лицѣ было написано крайнее презрѣніе:

— Жди-пожди! Стаканчикъ вина поднесутъ! Подожди только!

Но дядя Митяй, не видѣвшій или не желающій видѣть проніи, разсудительно возражалъ:

— Зачѣмъ вина? Время теперь не такое. Коли Царь сказалъ, вина не надо, значитъ—и нечего.

Евстратъ смотрѣлъ на него свысока,—что ему было и легко, такъ какъ онъ былъ выше Митяя,—и вкрадчиво замѣчалъ:

— Другимъ и не дадутъ. Тебѣ одному только.

Это казалось настолько возможнымъ, что одну минуту дядя Митяй вѣрилъ и радостно взглядывалъ на товарища: „Коли говоритъ, значитъ знаетъ! Не станетъ же человѣкъ зря болтать!“

Но, взглянувъ и увидѣвъ насмѣшливую улыбку, успокаивался:

— Ну, чего тамъ! Другимъ не дадутъ, и я не получу.

Около нихъ устало маршировалъ татаринъ Ахметъ, и около его ногъ плелась тоже уставшая собака неопредѣленной породы: кудлатая и съ „репяхами“ въ шерсти. Она по дорогѣ на сборный пунктъ бѣгала по кустамъ, росшимъ изъ канавъ, и къ ней плотно пристали круглыя колючки, которыхъ никто не считалъ нужнымъ чистить. Нѣкоторыя она сама вытащила зубами, но еще больше осталось.

Дядя Митяй давно смотрѣлъ на татарина и его собаку,—никакъ не могъ понять, почему татаринъ взялъ на службу собаку,—хотѣлъ его спросить объ этомъ, да забывалъ: всегда было что-нибудь болѣе интересное. Теперь можно было спросить, время было, и онъ уже раскрылъ ротъ, но помѣшалъ Евстратъ: онъ тоже смотрѣлъ на пса, и давно его ротъ кривила насмѣшливая улыбка:

— Эй, татаринъ, зачѣмъ пса взялъ, жаркое сдѣлаешь?

Татаринъ удивился:

— Какой жаркой?

— Съѣшь пса-то, говорю?

Ахметъ не понялъ проніи и удивленно смотрѣлъ на Евстрата:

— Зачимъ съѣшь? Ѣль хлѣбъ, а собака бѣжалъ.

Евстратъ отвернулся и не слушалъ: онъ уже переворачивалъ другія думы, еще болѣе темныя. Тогда вступилъ въ разговоръ дядя Митяй:

— Жаль песика-то, хорошій очень!

Татаринъ оживился:

— И... тамъ, я тэбэ скажу, такой собакъ... х-х-хорошій собакъ! Другой такой на вея дывызыя нэту!

Евстратъ насмѣшливо взглянулъ на хорошую собаку, оторвался немного отъ своихъ мрачныхъ мыслей и сквозь зубы пробормоталъ:

— Извѣстно, во всей дивизіи другой такой не будетъ: ишь репяховъ-то сколько въ кудлѣ позастревало!

Дядя Митяй продолжалъ:

— Жаль песика-то! Поди, небось, не позволятъ взять съ собой на войну,—такъ и пропадетъ въ городѣ!

Татаринъ посмотрѣлъ на него съ испугомъ:

— Зачимъ нэ пазволитъ? Песъ харошій, патроны носитъ! Онъ уже была на службѣ, теперь состоитъ въ запасѣ.

Евстратъ хихикнулъ:

— Въ запасѣ? Ишь какой умный!

Дядя Митяй разсмѣялся, но посмотрѣвъ на татарина и, видя его печальное лицо, захотѣлъ замять непріятность:

— Говоришь, въ запасѣ? Какъ это такъ въ запасѣ?

— Былъ на служба, носила патроны въ цѣпь. Ротный гаврила: какъ придешь самъ, привади и сабакъ,—пускай опять патроны носитъ.

— Ага! Ишь ты какое дѣло! Коли ротный говорилъ, такъ и нечего. Песикъ славный, что и говорить. Какъ величать-то?

— Чиво?—не понялъ татаринъ.

— Песика какъ звать-то?

Татаринъ удивился:

— Песъ-то? Весь рота Мурмузъ звалъ!

И дядя Митяй похвалилъ:

— Мурмузъ—хорошее имя.

Затѣмъ сдѣлалъ умиленную физіономію, повернулся къ Мурмузу и щелкнулъ губами:

— Эй, Мурмузъ!

Собака сейчасъ же повернулась къ нему, чуть приподняла концы губъ, отчего вышло подобіе улыбки, и махнула два раза хвостомъ. Съ этихъ поръ у Мурмуза былъ новый защитникъ—дядя Митяй.

Онъ часто вспоминалъ этотъ случай:

— Давно еще, какъ мы съ вокзала шли, я говорю: Мурмузъ,—а онъ повернулся, зубы такъ ласково оскалилъ и два раза хвостомъ махнулъ! Хорошій песикъ, что и говорить; на рѣдкость!

Когда запасныхъ построили на полковомъ дворѣ, солдаты, увидя Мурмуза, закричали и замахали на него, одинъ даже бросилъ камешкомъ, но на защиту выступилъ не робкій Ахметъ, а дядя Митяй:

— Чаво присталъ? Не трошь: это ученая собака—патроны носитъ! Въ цѣпь-то, понимаешь? И приведена по приказанію начальства!

Дежурный фельдфебель, не слышавшій сказаннаго, строго прикрикнулъ на одного изъ солдатъ:

— Чего стоишь безъ толку? Прогони собаку; опять приблудилась съ кѣмъ-нибудь изъ запасныхъ!

Но унтеръ-офицеръ, слышавшій объясненіе дяди Митяя, доложилъ фельдфебелю:

— Никакъ нѣтъ, это—военная собака, дрессированная для подноски патроновъ въ цѣпь. Вѣроятно, для опыта.

И Мурмузъ остался. Когда раздалась команда „смирно“ и къ запаснымъ быстрымъ шагомъ направился командиръ полка, Мурмузъ, какъ истинный запасный, еще хорошо помнящій службу, затихъ и прижался къ голенищу Ахмета.

Ахметъ былъ правъ: Мурмуза узналъ не только фельдфебель девятой роты Иванъ Сабанѣевъ, но даже ротный, капитанъ Поповъ. Наконецъ командиръ полка, подойдя къ Ахмету и увидя Мурмуза, сказалъ:

— Э, да это никакъ старый знакомый,—тотъ песъ, что у васъ въ ротѣ носилъ патроны?

И капитанъ Поповъ, длинный, худой, болѣзненный человѣкъ, подтвердилъ принадлежность Мурмуза къ девятой ротѣ.

Когда кончили разбивку запасныхъ по ротамъ, командиръ полка, короткій полный человѣкъ со щетинистыми усами, громко приказалъ:

— Прежде всего напоите людей чаемъ,—устали, небось, за дорогу!

Дядя Митяй улыбнулся и радостно толкнулъ локтемъ Евстрата:

— Ага! А ты не вѣрилъ!

Его лицо сіяло, и онъ былъ вдвойнѣ счастливъ: тѣмъ, что получитъ чай, и тѣмъ,—и это было, пожалуй, даже еще пріятнѣе, чѣмъ чай послѣ длинной пыльной дороги,—что вышло какъ разъ такъ, какъ онъ говорилъ: дадутъ по куску хлѣба и по два куска сахару. Кипятку, сколько хочешь, а первый стаканъ казенный. Теперь для него будущее сіяло; тамъ было только хорошее...

Поѣдутъ домой... Поѣздъ остановится, и со станціи пойдутъ по своимъ деревнямъ. А тамъ бабы уже выйдутъ за околицу и будутъ съ утра ждать, съ утра смотрѣть, не видно ли по дорогѣ пыли, не идутъ ли дорогіе гости.

А между бабами суетятся ребята. Тамъ и его Степка и Манька. И онъ, какъ придетъ, еще и здороваться не будетъ, а ужъ закричитъ: „Чего Манькѣ носа не вытрешь?“ А жена испугается и не будетъ знать, бѣжать къ Манькѣ или къ нему. А онъ разсмѣется и дастъ имъ гостинцы всякіе.

Дядя Митяй пилъ казенный чай, и съ его лица не сходила блаженная улыбка. Евстратъ смотрѣлъ на него и сердился: „Ишь какъ ему все ротъ раздираетъ. Тоже радость нашелъ: теплой водицей съ сахаромъ попотчевали“. Затѣмъ не выдержалъ и спросилъ:

— Радуешься-то чего?

За трофеями. Рисунокъ участника войны М. Авилова.

Ахметъ, сидѣвшій недалеко и ради теплаго отношенія дяди Митяя къ Мурмузу проникнувшійся къ нему самыми лучшими чувствами, разсердился:

— И чиво это ты, какъ собака какой, все рычишъ? Все тэбэ нэ такъ, все тэбэ нэ этакъ. Коли Богъ сказалъ попухъ,—попухъ; коли сказалъ безъ нога походылъ,—походылъ; а сказалъ Богъ живъ приходылъ и здоровъ, и жена и дѣтки цѣловалъ — и то такъ будэтъ. Нэхарошій ты чилавѣкъ, право, савсимъ нэхарошій.

Евстратъ посмотрѣлъ на него, хотѣлъ что-то отвѣтить поядовитѣе, но не поспѣлъ,—всѣ окружающіе напали на него:

— Ужъ и на самомъ дѣлѣ, какъ ворона каркаетъ. Вотъ и татаринъ, а правду говоритъ: все отъ Бога: что Ему угодно, то и будетъ.

Дядя Митяй одинъ вступился за мрачнаго Евстрата:

— Нѣ, робята, онъ ничего, хорошій малый; языкъ только у него криво подвѣшенъ, не по тому мѣсту болтается.

Но товарищъ не былъ доволенъ защитой дяди Митяя: ему казалось очень обиднымъ, что его языкъ подвѣшенъ криво и болтается не по тому мѣсту,—словъ же, что онъ человѣкъ хорошій, Евстратъ не замѣтилъ. Онъ посмотрѣлъ на окружающихъ и уже хотѣлъ-было что-то сказать, даже раскрылъ ротъ, но замолчалъ: приходилось въ этой враждебно настроенной толпѣ скрывать свои задушевныя мысли.

А было такъ ясно, что они просто не думаютъ о будущемъ, и если бы подумали такъ ясно, какъ онъ, Евстратъ Куломзинъ, то смутились бы еще больше его.

Недолго дали вновь прибывшимъ отдыхать и нѣжиться за чаемъ: съ утра до вечера пригоняли новую одежду, выдавали сумки, патроны, винтовки. Мурмузъ то бѣгалъ за Ахметомъ, то разглядывалъ давно знакомыя ему помѣщенія роты и полка. Ему не пригоняли никакой одежды, не выдавали ни сумокъ ни патроновъ, и у него было больше свободнаго времени, чѣмъ у людей. Но, какъ только Ахметъ нашелъ свободное время, онъ сейчасъ же принялся за Мурмуза: ему примѣрялась и пригорачивалась остроумная система ремешковъ, которые позволяли такъ укладывать двѣнадцать пачекъ патроновъ, — сто восемьдесятъ штукъ,—что пачки не могли выпасть при самомъ быстромъ бѣгѣ собаки, а между тѣмъ легко позволяли вынимать отдѣльныя пачки.

Наконецъ все было готово, люди обуты, одѣты, вооружены и подучены.

Отслужили молебенъ и потянулись эшелонами на вокзалъ. Поѣздъ, въ которомъ ѣхала девятая рота, тронулся. Собравшаяся многотысячная толпа кричала и махала шапками. Многіе плакали: одни—потому что уѣзжали ихъ близкіе, другіе—просто по мягкости сердца.

Когда солдаты тоже начали кричать „ура“ и махать шапками, Мурмузъ высунулъ голову между колѣнъ солдатъ и радостно лаялъ. Громко, сколько могъ, — ему хотѣлось заглушить своимъ лаемъ общій крикъ, и онъ, слыша больше всего свой звенящій лай, былъ увѣренъ въ успѣхѣ своихъ стараній.

Потомъ начался скучный переѣздъ: для чего-то стояли на станціяхъ, для чего-то стояли даже въ полѣ. Веселѣе было на большихъ вокзалахъ: тамъ опять стоялъ народъ, кричали „ура“, и лаялъ Мурмузъ. У него характеръ напоминалъ дядю Митяя: онъ тоже не могъ сердиться, и если бы знать его сокровенныя мысли, то, вѣроятно, оказалось бы, что и онъ думаетъ о томъ, какъ покончить съ нѣмцемъ, а затѣмъ и домой, съ подарками и многочисленными разсказами.

Чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ толпа все больше мѣняла свою физіономію: вмѣсто прежнихъ картузовъ и поддевокъ пошли спортсменскія шапки, длинные сапоги исчезали и замѣнялись ботинками и брюками на выпускъ, пастухи пасли коровъ и свиней, сидя подъ зонтиками, и наконецъ цѣлый рядъ новыхъ, прежде почти невиданныхъ лицъ: черные глаза, длинные носы, юркія движенія,—это были евреи.

Дядю Митяя радовало все; даже солнце, по его мнѣнію, здѣсь восходило иначе, чѣмъ у насъ, въ Россіи.

— „Въ Россіи, въ Россіи“,—передразнивалъ его высокій блондинъ:—а ты гдѣ теперь? въ Ерманіи?

И дядя Митяй оправдывался:

— Ну, извѣстно, и это Рассея, а только не наша, это польская...

И блондинъ сердился:

— Тьфу! Польская Рассея! И выдумаетъ же человѣкъ!

Поѣздъ окончательно остановился въ мѣстечкѣ, полномъ евреевъ, литовцевъ, отчасти поляковъ и русскихъ. Но сговориться съ жителями можно было сколько угодно: всѣ говорили по-русски, но только какъ-то смѣшно, не по-нашему.

Начались каждодневныя ученья: запасные кое-что позабывали, надо было повторить и стрѣльбу, и разсыпаніе въ цѣпь, и сторожевку.

Почти двѣ недѣли стояли въ этомъ мѣстечкѣ. Мурмузъ уже великолѣпно изучилъ свои обязанности: бѣгалъ во всю прыть къ патроннымъ двуколкамъ, терпѣливо стоялъ, пока помощникъ каптенармуса прикрѣплялъ ему пачки съ патронами, и, отпущенный, несся брюхомъ по землѣ въ стрѣлковую цѣпь.

Дядя Митяй смотрѣлъ на лохматую собачку и радовался: улыбался и умиленно говорилъ:

— Ишь ты! Какъ службу-то несетъ! Вѣдь звѣрь, а поди жъ ты — совсѣмъ какъ человѣкъ! Говорятъ, вотъ, у собаки души нѣту, паръ одинъ, нѣтъ, можетъ-статься, и душа есть: собачья душа, а все жъ не паръ!

Евстратъ былъ мраченъ попрежнему, но зла дѣйствительно никому не дѣлалъ. Службу несъ усердно, по присягѣ, на работѣ не лѣнился, но разговаривалъ почти исключительно съ дядей Митяемъ. Но съ Митяемъ подружился и Ахметъ, поэтому и Евстрату все чаще и чаще приходилось съ нимъ разговаривать. Даже, когда не было дяди Митяя, онъ иногда ему повѣрялъ свои мрач-

ныя мысли. Твердая увѣренность татарина, что безъ воли Бога все равно ничего не выйдетъ, и что Онъ знаетъ лучше, что̀ намъ надо, видимо утѣшала Евстрата, и, разговаривая съ Ахметомъ, онъ даже иногда улыбался: промелькнетъ по губамъ усмѣшка и, какъ молнія, исчезнетъ. Но не прежняя горько-ядовитая, а новая, свѣтлая: то, что̀ не удавалось радостному дядѣ Митяю, удалось безхитростному татарину съ его твердой вѣрой.

Въ одинъ ясный, теплый, безвѣтренный день проиграли въ необычное время сборъ, поспѣшно собрались и двинулись къ вокзалу. За одну станцію до германской границы высадились. Когда вылѣзали изъ вагоновъ, слышали гдѣ-то далекую пальбу. Сначала думали, что это стрѣляютъ наши, учатся, но лица начальниковъ были серьезны, а движенія нервны и тороплива. Отъ начальниковъ эта нервность переходила и къ подчиненнымъ.

Командиръ полка зналъ это и старался быть ровнымъ и спокойнымъ, но вырывалось и у него: иногда спѣшилъ тамъ, гдѣ нечего было спѣшить.

Полкъ былъ старый, двухсотлѣтній, имѣвшій боевыя традиціи и многія отличія, но не участвовалъ ни въ японской ни даже въ турецкой войнѣ. Какъ бы въ насмѣшку надъ строевыми, лишь старшій писарь хозяйственной части отбылъ японскую кампанію: единственный человѣкъ изъ всего полка, стоявшій лицомъ къ лицу съ непріятелемъ въ настоящемъ бою.

Отдавая приказанія, офицеры невольно вспоминали лекцію командира полка о военной наукѣ. Началъ онъ эту лекцію такими словами:

Съ кавказскаго фронта. Селеніе Зивинъ подъ развалинами старой турецкой крѣпости. Рисунокъ **Е. Лансере.**

Уральскій казакъ. Рисунокъ участника войны **М. Авилова.**

„Наше дѣло—самое трудное изъ всѣхъ дѣлъ на землѣ. Мы подобны оркестру музыкантовъ, которые учились не на инструментахъ, а на ихъ подобіяхъ, не издававшихъ ни одного звука. Каждый музыкантъ зналъ, какъ надо держать смычокъ, какъ перебирать пальцами, какъ скрипку держать у плеча, даже, какъ натягивать струны, чтобы звукъ получался именно тотъ, который нуженъ для игры въ оркестрѣ; былъ знакомъ съ нѣмымъ камертономъ, не издававшимъ ни одного звука, зналъ разницу между форте и піано и былъ выученъ согласовать свою игру съ игрой остальныхъ музыкантовъ. Капельмейстеръ становился на свое возвышеніе и махалъ палочкой, а музыканты, внимательно слѣдя за движеніями палочки, старались продѣлывать то, что̀ въ одинъ день имъ придется дѣлать на самомъ дѣлѣ, съ инструментами, которые зазвучатъ, и, если кто окажется не на высотѣ, если оркестръ заиграетъ плохо, если капельмейстеръ не будетъ въ состояніи въ кратчайшее время справиться съ текстомъ и мелодіей, то и ему и оркестру грозитъ смерть. Смерть и позоръ. Такова военная наука".

Теперь полку предстоялъ этотъ концертъ, публичный экзаменъ, на которомъ каждый членъ огромнаго оркестра долженъ былъ показать, хорошо ли онъ усвоилъ обращеніе со своимъ, до сихъ поръ нѣмымъ инструментомъ, а капельмейстеръ долженъ былъ въ кратчайшее время заставить играть такъ, какъ будто оркестръ давно игралъ на этихъ звучныхъ инструментахъ.

Неудивительно, что капельмейстеръ этого огромнаго оркестра — маленькій полный человѣкъ со щетинистыми усами — не могъ вполнѣ справиться со своимъ волненіемъ...

Полку предстоялъ первый бой.

Издали доносились пушечные выстрѣлы, гдѣ-то трещали ружья и пулеметы: какой-то другой полкъ уже былъ на сценѣ; ему было легче: онъ уже началъ, выступилъ на подмостки и успѣлъ на нихъ оглядѣться.

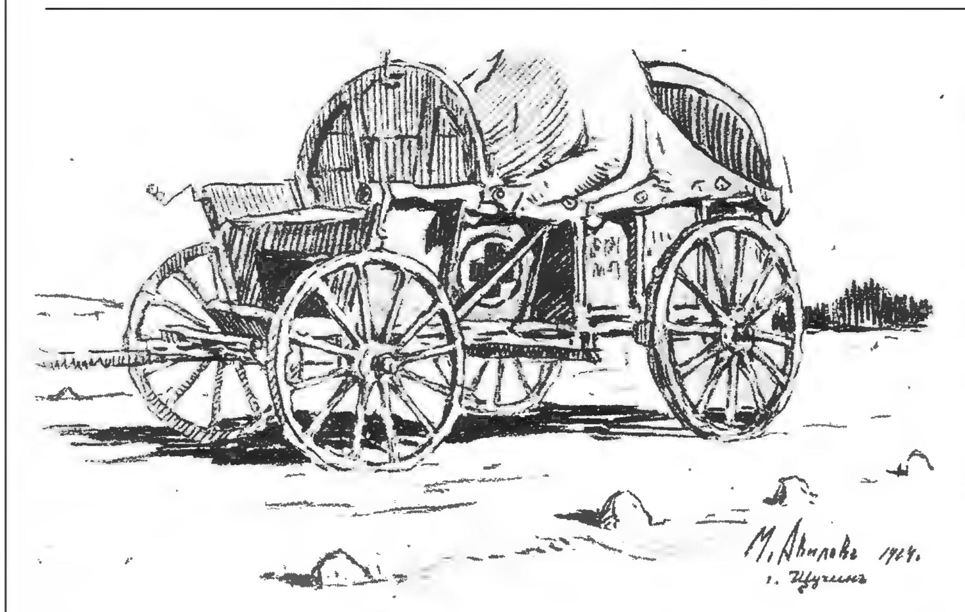
— Полкъ, смирно!—и командиръ полка выѣхалъ впередъ.

— Братцы, мы идемъ наконецъ въ бой. Помните, что у васъ есть Георгіевское знамя и Георгіевская серебряная труба, и особый барабанный бой, и отличіе на шапкахъ за подвиги, за геройство, проявленное полкомъ въ прежнія войны. Но все это заработали наши предки. Покажемъ, что и мы достойны этихъ наградъ. Помните, что такой огромной войны никогда не было, сколько стоитъ свѣтъ, и велика намъ будетъ награда и честь, если мы поддержимъ прежнюю славу полка и покроемъ эту славу новой неувядаемой славой.

Командиръ снялъ фуражку, приподнялъ ее правой рукой и еще болѣе возвышеннымъ голосомъ продолжалъ:

— Мы придемъ домой или побѣдителями, или ляжемъ на полѣ брани: мертвые сраму не имутъ, а побѣдителю слава! Братцы! За Царя, за Родину, за правое святое дѣло: ур-р-р-а!

Порывъ командира передался и людямъ полка: ему отвѣтили такимъ грознымъ, такимъ могучимъ



Брошенная нѣмецкая санитарная повозка. Рисунокъ участника войны **М. Авилова.**

„ура", что, казалось, и земля, и кусты, и деревья повторяли это „ура".

Въ этотъ моментъ никто не сомнѣвался, что можетъ быть какое-нибудь третье рѣшеніе вопроса: побѣдить или умереть со славой.

Командиръ помахалъ фуражкой, и „ура" мало-по-малу прекратилось. Тогда онъ приподнялся на стременахъ—прежней нерѣшительности и волненія не осталось и слѣда — и скомандовалъ громко, спокойно и авторитетно:

— Батальоны направо! Первый батальонъ шагомъ!

Полкъ тронулся, и полковой священникъ кропилъ освященной водой проходившихъ людей.

Чѣмъ дальше шли, тѣмъ слышнѣе были пушечные выстрѣлы. Командиръ полка, бывшій гдѣ-то сзади, обгонялъ роты. Солдаты жались и давали дорогу небольшой группѣ всадниковъ. За полтора часа ходьбы прежнее восторженное состояніе нѣсколько уменьшилось, люди привыкли къ новымъ впечатлѣніямъ. Да и непріятель вовсе не былъ такъ близко, какъ казалось сначала.

Раздалась опять команда, и изъ походной колонны перестроились въ резервную: батальоны разошлись и двигались прямо по полю.

Чѣмъ дальше шли, тѣмъ оживленнѣе были дорога и поле. Навстрѣчу ѣхали громадныя длинныя повозки съ бѣгущими мѣстными жителями. На подводахъ кое-какъ было набросано всякое добро, нужное и, еще чаще, совершенно ненужное: казалось, люди спасаются отъ пожара. Въ ту и другую сторону проѣзжали конные, велосипедисты, мотоциклетки. Изрѣдка пыхтѣлъ автомобиль. Въ воздухѣ трещалъ пропеллеръ летчика. Кое-гдѣ проѣзжали небольшіе конные отряды. Громъ пушекъ и ружей все увеличивался. Справа у ручья стояли палатки съ бѣлымъ флагомъ и краснымъ крестомъ посрединѣ. Около нихъ суетились люди съ бѣлыми повязками на правомъ рукавѣ.

Полкъ опять перестроился: часть обоза остановилась, а батальоны первой линіи выслали боевую цѣпь.

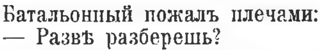
По дорогѣ крупной рысью пронеслась батарея.

Всякій разъ, когда случалось что-нибудь особенное, настроеніе людей приподымалось. Такъ, быстрое движеніе батареи съ подпрыгивающими, держащимися за желѣзныя перила сидѣній артиллеристами, озабоченный видъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, ѣдущихъ впереди орудій,—все это, часто видѣнное и на маневрахъ, тогда не производило никакого впечатлѣнія, теперь же казалось важнымъ и что-то рѣшающимъ.

Батальонный третьяго батальона спросилъ одного изъ артиллерійскихъ офицеровъ, ѣдутъ ли они уже на новую позицію, или только выѣзжаютъ и до сихъ поръ еще не открывали огня.

Офицеръ обернулся, приложилъ ладонь ко рту, чтобы было слышнѣе, что-то крикнулъ, и его взводъ уже пронесся мимо.

— Они уже стрѣляли? — спросилъ капитанъ Поповъ, ротный девятой роты.


Батальонный пожалъ плечами:

— Развѣ разберешь?

Одна огромная фура, наполненная съ верху до низу старыми еврейками и маленькими черномазыми ребятишками, давая дорогу несшейся артиллеріи, повернула слишкомъ сильно, попала въ канаву и перевернулась. Около нея стояло десятка полтора-два евреевъ и евреекъ, и всѣ одновременно говорили, выкрикивая, плача и жестикулируя.

Фура осталась далеко позади, и солдаты и офицеры долго оглядывались, чтобы узнать, успѣли ли поднять фуру, и поѣхала ли она уже дальше.

Наконецъ недалеко отъ третьяго батальона упалъ непріятельскій снарядъ: съ какимъ-то прерывающимся не то жужжаньемъ, не то зыканьемъ, которое то уменьшалось, то увеличивалось въ силѣ звука, онъ летѣлъ высоко въ воздухѣ, пролетѣлъ надъ головами солдатъ и упалъ на землю сзади батальона, разбросавъ вокругъ себя тучу земли и песку.

Дозоръ, недалеко отъ котораго онъ упалъ, подбѣжалъ къ нему и съ любопытствомъ разглядывалъ неразорвавшійся снарядъ. Батальонный смотрѣлъ съ лошади на дозоръ и сердился:

— Вѣдь этакое дурачье, — начнутъ ковырять, и онъ разорвется!

Солдаты съ интересомъ поворачивали головы: что видѣлъ дозоръ? что они трогаютъ тамъ штыками?

Евстратъ не выдержалъ и высказалъ одну изъ своихъ мрачныхъ мыслей:

— Ужо доковыряются! Доковыряются, пока и мокренько не останется! Да добро бы только ихъ шугануло, а то осколки и тутъ сколько народу перекалѣчатъ!

Дядя Митяй радостно волновался и то удивлялся и ахалъ, то находилъ, что особеннаго-то ничего и нѣтъ.

Донской казакъ-горнистъ. Рисунокъ участника войны **М. Авилова.**

— Ишь, жидковъ-то перевернуло несчастныхъ! И плохой народъ выходитъ, нѣмцы, что имъ жидки-то сдѣлали? А они, вишь, погнали ихъ!

Но разворачиванье полка, высылка боевыхъ цѣпей и прочія, хорошо знакомыя ему дѣйствія не производили на него никакого впечатлѣнія: къ этому онъ привыкъ, и смыслъ и значеніе ихъ онъ понималъ.

Непріятельскіе снаряды стали попадаться чаще, но не причиняли никакого вреда. Особенно красиво разорвалась одна шрапнель передъ самымъ третьимъ батальономъ. Когда раздалось характерное зыканье, весь батальонъ поднялъ головы: вспыхнулъ едва замѣтный огонекъ, выкатился клубъ бѣлаго густого дыма, и все поле передъ батальономъ, покрытое срѣзаннымъ хлѣбомъ и поросшее травой и клеверомъ, красныя головки котораго кое-гдѣ стояли порознь, кое-гдѣ собирались въ полосы, продольныя и поперечныя, круги, четырехугольники и звѣзды съ неправильными зубцами,—все это поле вдругъ ожило, какъ будто кто бросилъ огромную горсть камней, взрывшихъ песокъ и землю, невидимую прежде подъ травой, остатками желтыхъ стеблей хлѣба и краснаго клевера. Пыль эта стояла облакомъ надъ полемъ, и такъ какъ снарядъ упалъ очень близко, то переднія его пули взрыли землю въ пятнадцати шагахъ передъ передними рядами солдатъ. Поэтому батальонъ при своемъ движеніи сейчасъ же пошелъ по тому мѣсту, гдѣ только-что пули шрапнели разрывали землю.

Батальонный заботливо смотрѣлъ вверхъ: онъ забылъ, что уже настоящая война, и предстоитъ что-то невиданное, а думалъ, куда ему повернуть батальонъ, чтобы избѣжать новыхъ шрапнелей, такъ какъ, если это орудіе будетъ стрѣлять съ тѣмъ же прицѣломъ, по тому же направленію и съ той же дистанціонной трубкой, то новый снарядъ упадетъ почти точно на то же мѣсто, гдѣ и бывшій только-что, и, слѣдовательно, разорвется среди его батальона. Или, быть-можетъ, его батальонъ поспѣетъ пройти опасную зону? Или, если онъ повернетъ батальонъ, случаю будетъ угодно послать новый снарядъ именно въ этомъ направленіи, онъ разорвется и внесетъ смерть, увѣчья, раны и страданія среди людей, ввѣренныхъ его уму и опытности, и принесетъ горе и заботы женамъ, дѣтямъ, матерямъ и отцамъ этихъ людей?

Только потомъ, когда все кончилось, черезъ нѣсколько дней, онъ вспомнилъ, что мысль о личной опасности ему даже не приходила въ голову, и онъ думалъ:

„Можно ли это назвать храбростью? То-есть то, когда совсѣмъ не думаешь объ опасности? Со стороны, видя, какъ человѣкъ спокойно распоряжается, невольно считаешь его храбрецомъ, но храбрость ли это? Не правильнѣе ли назвать храбростью, когда человѣкъ ясно видитъ опасность смерти для себя, но силой воли побѣждаетъ страхъ?“

Опять зыканье шрапнели. Онъ задержалъ дыханіе и искалъ глазами новый бѣлый дымокъ. Прицѣлъ и направленіе остались тѣ же, но дистанціонную трубку видимо повернули еще на оборотъ: шрапнель разорвалась ниже и поэтому дальше того мѣста, которое батальонъ уже прошелъ.

Дальнѣйшіе снаряды упорно падали на томъ же мѣстѣ, и батальонъ все больше и больше уходилъ отъ нихъ.

Вправо начала громыхать наша артиллерія. Вѣроятно, та батарея, которая недавно обогнала третій батальонъ.

При постоянномъ движеніи впередъ дошли и до сферы ружейнаго огня, и кое-гдѣ начали шлепаться отдѣльныя пули. Одна изъ нихъ попала въ лѣвый рукавъ дяди Митяя. Онъ остановился, схватился за рукавъ и съ любопытствомъ разглядывалъ двѣ маленькія дырочки въ новой суконной рубахѣ.

Батальонный, все еще верхомъ, тревожно всматривался вдаль и наконецъ медленно повернулся и скомандовалъ:

— Батальонъ, стой! Ложись!

Тогда ближайшіе поползли къ дядѣ Митяю: всѣмъ хотѣлось видѣть дырочки на рукавѣ. Самъ дядя Митяй волновался и торжествовалъ: онъ первый изъ всего батальона былъ задѣтъ непріятельской пулей! Это не была рана, но какъ легко она могла быть!

Евстратъ мрачно сжималъ брови и говорилъ:

— Счастливъ твой Богъ: на полвершка вдарила бъ лѣвѣе, и быть тебѣ калѣкою на всю жизнь!

Дядя Митяй умилялся:

— И проклятая бъ по самому локтю! Такъ бы тебѣ увесь суставъ и вытягла! Да шибко такъ: чикъ, и ничего нѣтъ! Смотрю, ажъ въ рукавѣ двѣ дырки! Я думалъ—такъ себѣ, потянуло за рукавъ и только, а она поди жъ ты!

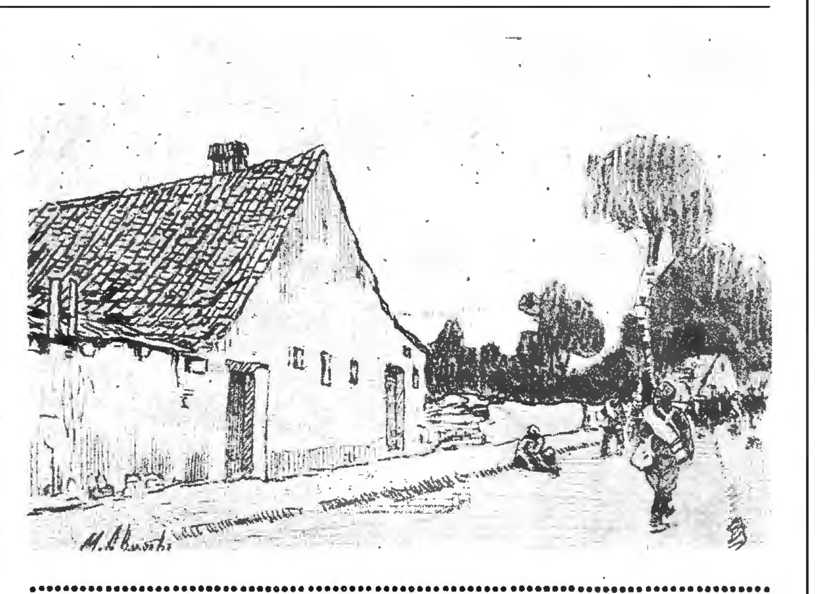
Евстрату однако было мало только потери руки, и въ его головѣ вставали новыя и новыя картины, одна мрачнѣе другой.

— Рука-то что! Все же правая была бы, чтобы просить подаяніе, а хто ей, пулѣ-то, мѣшалъ пролетѣть малость повыше и чуть полѣвѣе? Такъ бы по глазу и чикнуло. Что бъ тогда запѣлъ? а?

И Евстратъ мрачно усмѣхнулся. Онъ хотѣлъ молчать, не говорить, не возбуждать гнѣва товарищей, но не могъ удержаться и продолжалъ:

— А то бы пониже, да въ животъ!

Ахметъ смотрѣлъ на него сначала просто серьезно, потомъ къ этой серьезности примѣшалось сожалѣніе:



Улица въ Остроленкѣ. Рисунокъ участника войны **М. Авилова.**

— И каково ты чалавекъ! Удивителный чалавекъ! Савсимъ не такъ, какъ нада! Скажи, для пуля есть Богъ? Скажи, есть или нетъ? Скажи жъ? Что тебе, пуля самъ леталъ? а? самъ? куда захотѣлъ, туда и леталъ? А Богъ такъ себе? а? Пуля леталъ, чалавекъ ранилъ, а Богъ сматрелъ? а?

Солдаты хоромъ одобрили Ахмета:

— Правда, вѣрно! Какъ же безъ Бога-то? Даже въ Писаніи сказано, что безъ Божьей воли и волосъ не упадетъ съ нашей головы!

Ахметку долго еще хвалили:

— Вотъ тебѣ и дура-Ахметка! А онъ какъ скажетъ, такъ и умный три дня подумаетъ!

Мурмузъ тоже пришелъ понюхать дырочки въ рукавѣ дяди Митяя. Понюхалъ и покрутилъ головою: не то какъ будто ему захотѣлось чихнуть, не то будто онъ удивился. И Ахметъ былъ въ восторгѣ.

— Гаваришъ дура-Ахметка,—нетъ, ты скажи дура-Мурмузъ! А? Не скажешь? Сматри, савсимъ какъ чалавекъ думаетъ!

И Мурмузъ какъ будто понялъ, что говорятъ о немъ: подошелъ вторично, понюхалъ и опять покрутилъ головой.

Тогда солдаты начали смѣяться и дергать Мурмуза за хвостъ, а онъ лаять на нихъ и отбиваться.

Батальонный, уже пѣшкомъ, показалъ на это ротному и засмѣялся.

— Какъ дѣти! Гдѣ то торжественное волненіе, съ которымъ мы вылѣзали изъ поѣзда?

Часовъ пять пролежали на этомъ мѣстѣ. Сначала интересовались летящими пулями, прислушивались съ замираніемъ сердца къ перелетающимъ черезъ головы снарядамъ; обсуждали, гдѣ первый и второй батальоны, начали ли они уже стрѣлять или лежать такъ же безъ толку, какъ и они? Рѣшали вопросъ, гдѣ можетъ быть командиръ полка? Что онъ теперь дѣлаетъ? Работаютъ ли уже наши пулеметчики? Почему не ставятъ телефонъ, и телефонисты вмѣсто того, чтобы дѣлать свое настоящее дѣло, играютъ съ фельдшеромъ въ какую-то игру: бросаютъ кверху ножикъ и смотрятъ, какъ онъ упадетъ: желательно, чтобы онъ падалъ прямо внизъ и остріемъ возможно больше уходилъ въ землю, а онъ падаетъ наискосокъ и набокъ.

Но все это надоѣло, и захотѣлось спать, благо день былъ погожій. Сначала то здѣсь, то тамъ начали зѣвать — громко, взасосъ. Потомъ раздалось и сопѣніе и даже храпъ. Смѣялись надъ спящими и будили ихъ, говоря, что непріятель уже близко. Потомъ надоѣло и это. Одни спали, другіе скучали, и длинныя тягучія мысли едва шевелились въ мозгу.

Такъ проспали и проскучали, какъ встали телефонисты и начали скатывать свою проволоку, какъ начальникъ резерва—командиръ четвертаго батальона — послалъ къ ихъ батальонному солдатика, который трюхцомъ прибѣжалъ по красному клеверу, и проснулись только тогда, когда ихъ батальонный озабоченно поднялся и крикнулъ: „встать!“—И, не дождавшись, пока хорошо выровняются въ ротахъ, скомандовалъ:

— Смир-рно! Девятая и десятая роты въ цѣпь! Направленіе на отдѣльное дерево лѣвѣе деревушки! — И показалъ пальцемъ на это дерево.

Тогда только замѣтили, что стрѣльба за эти пять часовъ стала и чаще и слышнѣе. Особенно наша артиллерія, стрѣлявшая прежде черезъ каждыя двѣ-три минуты, теперь гудѣла непрерывно. Ружейная трескотня тоже не была похожа на прежнюю стрѣльбу, рѣдкую и съ промежутками. Таканье пулеметовъ, прежде почти неслышное, теперь раздавалось близко и явственно.

Но все это подкралось такъ потихоньку, огонь развивался всѣ

пять часовъ такъ методично, что только теперь, когда очнулись, замѣтили это. И прежнее чувство лихорадочнаго ожиданія охватило людей.

Въ числѣ нервныхъ былъ и самъ командиръ батальона, хотя только очень опытный глазъ могъ бы подмѣтить у него волненіе: его голосъ былъ свѣжъ и спокоенъ, и команда, произносимая имъ, какъ на учебномъ плацу, вносила въ подчиненныхъ спокойствіе и увѣренность.

Люди разсыпались, стараясь отойти другъ отъ друга именно на то разстояніе, какое полагается по уставу, и странно было смотрѣть на этихъ людей, за плечами которыхъ стояла смерть, какъ тщательно они соблюдаютъ, казалось бы, совершенно ненужныя въ такую важную минуту — передъ лицомъ смерти — правила строевого устава.

Девятой ротѣ надо было подняться на песчаные бугры, по верхушкамъ которыхъ то и дѣло шлепались пули, что видно было по постоянно взрываемой ими землѣ и взбиваемой при этомъ пыли. Всякому было ясно, что, пока не дойдутъ до бугровъ, не будетъ ни попаданій ни пораненій, но за буграми стоитъ то ужасное, къ чему готовились: выйдя на бугры, они встрѣтятся съ Войной, со Смертью лицомъ къ лицу.

Батальонный шелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ девятой ротой и, оглядываясь иногда на людей, думалъ, насколько ему дороги эти отдѣльные солдаты: умные и расторопные, глупые и вялые. Многихъ онъ зналъ въ лицо и по фамиліямъ, но и тѣ, кого онъ не зналъ, тоже были дороги. И это чувство удивляло его: никогда прежде онъ не чувствовалъ такой близости, даже нѣжности, къ этимъ сѣрымъ солдатамъ, къ этой массѣ обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей—„рядовыхъ".

Ему не надо было итти на бугры, онъ могъ остаться внизу, такъ какъ его задача была управлять всѣмъ батальономъ, а не отдѣльной ротой, и онъ могъ имъ управлять, оставаясь посрединѣ между ротъ, но онъ пошелъ въ цѣпь, объявивъ,—чтобы отрѣзать себѣ отступленіе,—что будетъ находиться при девятой ротѣ.

Ему хотѣлось провѣрить себя.

Теперь онъ шелъ рядомъ съ длинноногимъ командиромъ девятой роты капитаномъ Поповымъ впереди солдатъ.

И чѣмъ дальше шли, чѣмъ ближе подходили къ буграмъ, за которыми летали пули и стояла смерть, тѣмъ скорѣе шли: инстинктивно хотѣлось покончить съ неизвѣстностью и стать наконецъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ невѣдомымъ и ужаснымъ, что ждетъ впереди, за этими свѣтло-желтыми буграми съ постоянно встающими на нихъ бѣлыми облачками пыли.

Уже подошли къ подножію бугровъ. Волненіе достигло наивысшаго напряженія, какъ вдругъ на бугрѣ рѣзко выросла фигура нашего солдата: онъ, не обращая вниманія на очевидно падавшія вокругъ него пули, махалъ рукой и кричалъ:

— Ведите, ваше высокоблагородіе, по низу: тутъ опасно, бугры сильно обстрѣливаются. Ведите по низу до тѣхъ канавъ, а тамъ канавой и перебѣжками.

Какъ бы не видя шлепающихся вокругъ него пуль, онъ стоялъ на бугрѣ и говорилъ. И, лишь кончивъ, сбѣжалъ внизъ и повторилъ сказанное. Затѣмъ спокойно, какъ будто за буграми не летали пули и тамъ было вполнѣ безопасно, взбѣжалъ опять на бугры и исчезъ.

Команда „цѣпь налѣво" была сейчасъ же принята девятой ротой, но до десятой роты долетѣла позже, и многіе люди этой роты уже взбѣжали на бугры, и видно было, какъ они любопытно заглядывали на ту сторону.

Смотрѣли, вытягивали шею, быстро поворачивали голову вправо и влѣво и поспѣшно сбѣгали внизъ.

Тогда батальоннаго охватило мучительное любопытство. Онъ сознавалъ, что въ этомъ любопытствѣ было много дѣтскаго и ненужнаго,—приказаніе было ясно и опредѣленно: повернуть налѣво и двигаться сначала канавой, потомъ перебѣжками на помощь нашимъ. Взбираться на бугры раньше, чѣмъ мы дойдемъ до канавы, значило рисковать жизнью безъ всякой пользы для дѣла, даже съ большимъ вредомъ для него, такъ какъ гибель всякаго офицера тяжела для арміи, особенно опытнаго офицера: тогда какъ рядовыхъ, и превосходныхъ рядовыхъ, можно приготовить въ нѣсколько мѣсяцевъ, хорошіе офицеры вырабатываются годами, и потеря ихъ всегда отражается на арміи самымъ чувствительнымъ образомъ.

Но любопытство было сильно, почти мучительно, и онъ началъ самъ торговаться съ собою, искать причинъ, по которымъ ему слѣдовало взлѣзть на бугры и кинуть оттуда взглядъ внизъ.

Онъ повернулся къ капитану Попову и небрежно сказалъ:

— Вы оставайтесь здѣсь, а я взгляну сверху, какъ намъ удобнѣе двигаться.

И быстро побѣжалъ вверхъ на бугры.

Какъ нарочно, предостерегая его, надъ самой головой щелкнула пуля и обдала его тучей песку. Онъ остановился, снялъ фуражку и протеръ глаза.

На него смотрѣлъ весь батальонъ,—и онъ поднялся на бугоръ.

Передъ нимъ раскинулась широкая панорама: примѣрно, въ тысячѣ шаговъ протекала узкая рѣчка, заросшая деревьями и кустами. Русскіе были на этомъ берегу. Они были окопавшись, и надъ окопами все время поднимались легкіе дымки, шла частая стрѣльба по сбѣгавшимъ въ свои окопы непріятелямъ. Въ сильный бинокль ясно были видны отдѣльные нѣмцы, сбѣгавшіе съ такихъ же бугровъ, какъ тѣ, на которыхъ стоялъ батальонный. Они сбѣгали, пробѣгали открыто по полю и падали въ свой окопъ. Вправо шла, кажется, конница, но такъ далеко, что невозможно было разсмотрѣть даже въ двѣнадцатикратный бинокль, изъ чего состояла движущаяся сѣрая масса—изъ всадниковъ или пѣхотинцевъ.

Онъ опустилъ бинокль и посмотрѣлъ передъ собою: все поле между нимъ и рѣчкой обстрѣливалось непріятелемъ, и вездѣ взлетали небольшія кучки земли и песку. Прямо по этому полю, не обращая вниманія на летавшія вокругъ него пули, бѣжалъ тотъ солдатъ, что передалъ приказаніе итти по канавѣ. Онъ добѣжалъ до ручья, заросшаго кустами и деревьями, и исчезъ въ зелени ихъ.

Въ этотъ моментъ пуля зыкнула около самаго уха батальоннаго, и онъ дернулъ головой и всѣмъ туловищемъ — поклонился пулѣ,—пулѣ, давно уже пролетѣвшей мимо.

Ему хотѣлось посмотрѣть на одеждѣ, фуражкѣ и амуниціи слѣдовъ пули,—такъ близко зыкнула она около него; но онъ поднялъ бинокль и началъ опять смотрѣть.

Въ этотъ разъ онъ ничего не видѣлъ.

Потомъ сбѣжалъ, но не торопясь, медленнымъ бѣгомъ, съ бугра и бѣгомъ же догналъ капитана Попова.

Поповъ, увидя его, остановился и любопытно спросилъ:

— Ну?

— Да ничего. Въ тысячѣ шаговъ рѣчка, а за рѣчкой, далеко, германцы. Вотъ и все.

Но капитанъ Поповъ, слушая его, все приглядывался къ козырьку, не то къ фуражкѣ, и вдругъ сказалъ:

— А вамъ фуражку прострѣлило!

И дѣйствительно, какъ разъ въ центрѣ фуражки, какъ будто кто нарочно мѣрялъ, надъ козырькомъ была пробита тулья: маленькая круглая дырочка, а сзади фуражки другая такая же дырочка, куда пуля вылетѣла.

— То-то вы поклонились! Вѣдь четверть дюйма ниже, и пролетѣло бы почти по головѣ — была бы контузія. Еще четверть дюйма ниже...

И капитанъ не договорилъ, что бы вышло, если бы пуля пролетѣла еще четверть дюйма ниже.

Пройдя около полуверсты влѣво, дошли и до канавы, о которой говорилъ посланный солдатъ. Это была глубокая магистральная канава, теперь совершенно сухая. Она шла наискосокъ къ выстрѣламъ непріятеля, и по ней дѣйствительно можно было отлично подойти почти къ самымъ нашимъ позиціямъ.

Чѣмъ дальше шли по канавѣ, тѣмъ чаще была стрѣльба, и казалось, что огня уже нельзя усилить, но вдругъ все поле загудѣло, и выстрѣлы слились въ сплошной вой. Не слышно было ни отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ ни таканья пулеметовъ, даже орудія звучали непрерывно, и казалось, стрѣляетъ какой-то огромный пулеметъ.

Батальонный пріостановился, потомъ взбѣжалъ на валъ канавы, взглянулъ, сейчасъ же повернулся къ своимъ ротамъ и крикнулъ:

— Наверхъ! Девятая и десятая роты въ штыки, одиннадцатая и двѣнадцатая обстрѣлять резервы!

Солдаты, помогая одинъ другому, лѣзли изъ канавы.

Поле преобразилось: оно все ожило и зашевелилось. Вездѣ, сколько могъ видѣть глазъ, бѣжали германцы. Но они бѣжали на насъ, въ атаку. Наши тоже стояли открыто и стрѣляли залпами и частымъ огнемъ по приближающемуся непріятелю.

Прямо на третій батальонъ, вылѣзавшій изъ канавы, бѣжалъ тоже непріятель, задача котораго, очевидно, заключалась въ томъ, чтобы взять наши войска сбоку, во флангъ. Неожиданное появленіе русскихъ поразило германцевъ,—очевидно, здѣсь они не предполагали встрѣтить отпоръ.

Двѣ роты сейчасъ же ударили въ штыки, двѣ другія роты начали залпами обстрѣливать бѣгущіе сзади непріятельскіе резервы, но, когда тѣ вмѣшались въ штыковой бой, закричали „ура" и набросились на нихъ сбоку.

Все случилось неожиданно быстро, и ни батальонный ни его подчиненные не поспѣли подумать, что то страшное, котораго ждали съ такимъ замираніемъ сердца, уже пришло, пролетѣло, какъ лѣтняя гроза, и уже исчезло. Никто, разумѣется, не смотрѣлъ на часы, но всѣмъ казалось, что штыковой бой продолжался нѣсколько минутъ, даже секундъ...

Нѣмцы не выдержали штыкового удара, повернули назадъ, и поле было покрыто ихъ трупами.

У насъ, какъ находившихся сравнительно съ непріятелемъ въ благопріятныхъ условіяхъ, потери были невелики, и этотъ первый успѣхъ окрылилъ людей на всю войну: они воочію убѣдились, что то, чему ихъ учили, именно то, что надо, чтобы побѣждать непріятеля. Каждый зналъ свой инструментъ, и первый публичный концертъ огромнаго оркестра прошелъ неожиданно блестяще.

Много было потомъ полку испытаній, попадалъ и онъ въ тяжелое положеніе, иногда приходилось очень круто, но первый успѣхъ, первое блестящее дѣло какъ бы наложило на него свою печать, и онъ все время шелъ въ числѣ самыхъ геройскихъ изъ среды постоянно состязающихся въ героизмѣ другихъ полковъ,

И. Левитанъ. Солнечный день. Русскій музей Императора Александра III.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Никогда на долю печати, какъ голоса общественной мысли и совѣсти, особенно на долю общественнаго и семейнаго журнала, не выпадало такой великой и отвѣтственной задачи, какъ теперь.

Эту мысль высказали мы годъ тому назадъ, объявляя подписку на „Ниву“ сего 1915 года, въ первые мѣсяцы Великой Войны. Грозныя міровыя событія нынѣшняго времени еще болѣе подтвердили нашу мысль.

„Все для войны“ и „ничего кромѣ войны“—вотъ лозунги, которыми руководится вся Россія, весь міръ, охваченный всесвѣтной грозой войны.

Жизнь страны отлетѣла изъ своихъ мирныхъ глубинъ, съ трудовыхъ пажитей на границы боевыхъ фронтовъ, и журналъ нашъ преобразился вмѣстѣ съ жизнью, которую онъ призванъ отражать.

Съ начала войны „Нива“ отвела свои страницы событіямъ войны. За это время въ журналѣ было помѣщено около *2000 рисунковъ и картинъ войны* и около *800 портретовъ*. Эти ярко запечатлѣнные моменты боевой жизни нашей и союзныхъ армій вмѣстѣ съ цѣлой портретной галлереей героевъ, увѣнчанныхъ боевыми отличіями и павшихъ на полѣ чести, вмѣстѣ съ разсказами и очерками непосредственныхъ наблюдателей и участниковъ войны—положили начало *исторіи Великой Войны* въ ея хронологическомъ развитіи и послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для русской Иліады, авторъ которой—русскій народъ.

Грядущій 1916-й годъ, видимо, начнется также подъ знакомъ войны, и, вѣрная своей задачѣ:—раздѣлять судьбу и интересы своихъ читателей, „Нива“ будетъ продолжать давать на своихъ страницахъ картины войны и освѣщать постепенный ходъ военныхъ дѣйствій и ихъ грядущія перспективы въ рядѣ очерковъ-обозрѣній выдающагося спеціалиста военнаго дѣла *К. М. Шумскаго—„Дневникъ военныхъ дѣйствій“* въ еженедѣльныхъ нумерахъ и „Военные очерки“ въ ежемѣсячныхъ „Литературныхъ Приложеніяхъ“, которыя въ общемъ сохранятъ свое обычное содержаніе: повѣсти и разсказы, критическіе, популярно-научные и техническіе очерки, стихотворенія и проч.

Давъ въ нынѣшнемъ году своимъ подписчикамъ „Генеральную карту европейскаго театра войны“ и убѣдившись изъ письменнаго общенія съ читателями, какъ желательна и нужна каждой русской семьѣ въ высшей степени подробная карта боевого фронта нашей и союзныхъ армій, мы въ будущемъ году еще шире пойдемъ навстрѣчу читателямъ и дадимъ въ 1916 году безплатнымъ приложеніемъ

ДВѢ КАРТЫ ТЕАТРОВЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ:

1. Карта западнаго—русскаго—фронта.
2. Карта западно-европейскаго фронта.

Карты эти, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ, въ увеличенномъ масштабѣ, съ несравненно бо̀льшимъ количествомъ названій мѣстностей, значительная часть которыхъ является театромъ военныхъ дѣйствій, составлены подъ редакціей вице-президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества профессора генералъ-лейтенанта Ю. М. Шокальскаго.

Своимъ иллюстрированнымъ еженедѣльникомъ отвѣчая интересамъ русской семьи и русскаго общества къ событіямъ войны, каждую недѣлю принося своимъ читателямъ обзоръ того, что̀ произошло на театрахъ военныхъ дѣйствій, „Нива“ считаетъ своимъ долгомъ и въ бранную непогоду продолжать свою просвѣтительную задачу—давать широкимъ массамъ читателей сочиненія выдающихся русскихъ и иностранныхъ писателей.

И на боевыхъ поляхъ, мѣстахъ былыхъ сраженій, мирный пахарь продолжаетъ свой посѣвъ...

Въ будущемъ 1916 году прежде всего предстоитъ намъ дать *вторую серію*

I. ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

(Цѣна входящихъ въ эту серію произведеній въ существующихъ изданіяхъ 15 руб. 50 коп.).

Яркое перо Мамина-Сибиряка только недавно выпало изъ его похолодѣвшей руки. Свои тонкія наблюденія окружающей жизни, начатыя еще 40 лѣтъ тому назадъ, онъ довелъ почти до послѣднихъ дней нашей жизни.

Изъ всей плеяды нашихъ корифеевъ слова, сочиненія которыхъ даны нами подписчикамъ „Нивы“ за истекшую четверть вѣка, рѣдко удавалось намъ дать полное собраніе сочиненій такого животрепещущаго характера.

Произведенія Мамина-Сибиряка—столько же художественное отраженіе настоящаго, сколько художественная лѣтопись недавняго прошлаго.

Изъ числа произведеній Мамина, которыя мы дадимъ въ 1916 году, особенно выдѣляются ярко отмѣченные критикой его знаменитые „Сибирскіе разсказы“ (40 разсказовъ), создавшіе Мамину безсмертное имя Сибиряка, „пѣвца Урала“, пѣвца-сказителя всѣхъ его красотъ и ужасовъ, прихотливо вмѣщающихъ одни въ другихъ.

Всѣ эти „Сибирскіе орлы“, образы „народа-звѣря“: бродяги съ выжженными за поджоги глазами, „подкованныя“ дѣвки за „гульбу“, преступники, приговоренные за двухнедѣльную сессію окружнаго суда въ Шадринскѣ или Ирбитѣ въ общемъ на 200 лѣтъ каторги („Звѣрство“), „подснѣжники“—мертвыя тѣла бродягъ, обнаруживаемыя послѣ таянія снѣговъ („Подснѣжникъ“), золотоискатели („Кладъ“) и типы пріисковой жизни („Пріисковый мальчикъ“), „соловьи“—возчики желѣза въ Сибири („Мизгирь“) и рядомъ съ ними „мизгирь“—типъ русскаго незлобивца, „лѣсоворы“ („Крестники“) на ряду съ типами заводскихъ рабочихъ („Морокъ“), типы былыхъ взяточниковъ и самоуправцевъ въ Сибири и рядомъ дѣятели новаго суда, введеннаго въ Сибири („Удивленный человѣкъ“),—все это вошло пестрою толпою въ яркую галлерею героевъ „Сибирскихъ разсказовъ“.

Маминъ-Сибирякъ претворилъ Уралъ, далъ его Россіи. Россію считаютъ страной противорѣчій, но ни къ какой ея части это не примѣнимо такъ, какъ къ Уралу и Сибири. Тамъ существуютъ рядомъ курная изба и курьерскій поѣздъ, сіяющій электричествомъ. Эта широкая пропасть во внѣшнихъ сторонахъ жизни не меньше и внутри жизни. Читатели наши уже знакомы съ капиталистомъ-европейцемъ Стабровскимъ и уральскимъ самородкомъ Прохоровымъ (романъ „Хлѣбъ“). Такая же широкая картина свѣтотѣней—романъ „Горное гнѣздо“, мѣсто дѣйствія котораго—другая половина Урала—„Кукарскіе заводы“, раскинувшіеся на пространствѣ въ полмилліона десятинъ, обзаведшіеся телеграфомъ, телефономъ и желѣзной дорогой и на ряду съ ними сохранившіе остатки крѣпостного права, подъ гнетомъ котораго населеніе, создающее своимъ трудомъ неисчислимыя богатства вѣчно отсутствующихъ мѣстныхъ „набобовъ“, пропиваетъ свой скудный заработокъ и влачитъ жалкое существованіе полурабовъ-полускотовъ.

Въ другихъ своихъ произведеніяхъ изъ числа тѣхъ, которыя будутъ даны нашимъ читателямъ въ 1916 году: „Общій любимецъ публики“, „Человѣкъ съ прошлымъ“, „Судъ идетъ“, „Весеннія грозы“—Маминъ-Сибирякъ даетъ яркіе, незабываемые типы ближайшей къ намъ эпохи,—настоящіе русскіе типы лучшихъ литературныхъ описаній.

Романъ „Весеннія грозы“ — свѣжій романъ двухъ семей на Волгѣ: — молодежь растетъ, влюбляется, созрѣваетъ къ общественной дѣятельности: все это здоровыя, цѣльныя натуры, призывающія къ жизни—честной, трудовой.

Нѣтъ для общества вопроса болѣе интереснаго и болѣе важнаго, чѣмъ вопросъ о судьбахъ и настроеніяхъ, о развитіи и направленіи его молодого поколѣнія. Это вопросъ о всемъ будущемъ обществѣ.

Маминъ-Сибирякъ коснулся его мимоходомъ, въ ряду другихъ насущныхъ вопросовъ жизни, но есть у насъ писатель, который всего себя посвятилъ ему.

Это — *Гаринъ-Михайловскій*.

Дать отвѣтъ обществу на великій вопросъ о молодежи — было задачей и цѣлью всей его писательской жизни. Его трилогія — „Дѣтство Тёмы“, „Гимназисты“ и „Студенты“, къ которой примыкаетъ заключительная часть „семейной хроники“ „Инженеры“— широко извѣстна читающей Россіи,въ особенности молодежи и среди нея создала ея автору огромную популярность. „Дѣтство Тёмы“ выдержало восемь изданій — рѣдкій успѣхъ беллетристическаго произведенія. Эта широкая извѣстность автора и совершенно особенно теплое отношеніе къ нему читающихъ круговъ и побудили насъ включить въ библіотеку нашихъ подписчиковъ

II. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО

(Цѣна существующаго изданія 24 руб.).

Ровесникъ Короленко и Гаршина, реалистъ по традиціи великихъ нашихъ романистовъ, Гаринъ-Михайловскій поздно выступилъ на писательское поприще, уже не въ молодыхъ годахъ, посвятивъ лучшіе годы жизни дѣятельности инженера-техника.

Герой его трилогіи — Тёма Карташевъ, типъ современнаго дѣятеля-практика, связующее звено романтики стараго уклада жизни съ трезвымъ реализмомъ позднѣйшихъ годовъ, ярко автобіографиченъ, представляя собою во многомъ самого Гарина. Какъ цѣнный документъ современности, эта „семейная хроника“ Гарина достойна своей славы, имѣетъ право считаться одной изъ любимыхъ книгъ нашей молодежи.

Тёмы Карташевы (собирательный типъ героя этого второго въ нашей литературѣ „Дѣтства и Отрочества“) сохранили старое романтическое наслѣдство своихъ отцовъ и дѣдовъ, идеалистическіе порывы къ добру и честности. Это—интеллигентные люди съ мягкой славянской душой и въ то же время трезвые практики, создавшіе техническій прогрессъ нашей современной жизни. Это — отцы той молодежи, которая теперь такъ горячо откликнулась въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на мобилизацію техники и готовитъ въ своихъ мастерскихъ и лабораторіяхъ военные снаряды. Нынѣшніе наши студенты—плоть отъ плоти „Студентовъ“ Гарина.

Такъ же ярко правдивы и автобіографичны и другія произведенія Гарина: „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“ (его первое произведеніе), „Въ сутолокѣ провинціальной жизни“, „Деревенскія панорамы“ и „Сумерки“, рисующія борьбу молодого, энергичнаго, честнаго реформатора деревенской жизни съ ея рутиной и невѣжествомъ.

„Его глаза и сердце были обращены впередъ, къ свѣтлому демократическому будущему Россіи“...

Такъ опредѣлилъ Гарина одинъ изъ его критиковъ. Гаринъ подтвердилъ это въ своемъ произведеніи „Въ сутолокѣ провинціальной жизни“, сказавъ: „культурная, прогрессивная работа является наиважнѣйшей“.

„Неутомимый дѣятель, постигшій „правды жизни“, дознанныя опытомъ, гуманный, добрый, широко терпимый человѣкъ, безъ предразсудковъ и предубѣжденій, съ нѣжной и отзывчивой душой, воспріимчивый къ красотѣ, но еще болѣе къ добру“...

Таковъ обликъ Гарина, какъ писателя и человѣка.

Въ этихъ опредѣленіяхъ критики вылился однако еще не весь Гаринъ. Это была очень живая, многогранная натура.

Яркій по натурѣ захвата, импрессіонистъ въ душѣ, Гаринъ проявляетъ въ своихъ небольшихъ разсказахъ: „Клотильда“, „Когда-то“, „Ревекка“, „Орхидея“, — цѣлой галлереѣ поэтическихъ женскихъ образовъ, — и юношескій идеализмъ, и бурную страсть. На полуреальныхъ, полусказочныхъ женскихъ образахъ его очерковъ чувствуется нѣжный тургеневскій налетъ романтизма.

Тонкимъ легкимъ флеромъ сказочной поэзіи окутаны его „Корейскія сказки“. Эти сказки народа-мечтателя, эти легенды „страны полуденнаго спокойствія“ своеобразно выдѣляются на ряду съ живыми и яркими картинами китайской жизни въ его очеркахъ: „Въ странѣ желтаго дьявола“ („По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову“), рисующихъ тоже своеобразный міръ, изученный Гаринымъ во время его большого кругосвѣтнаго путешествія, значительная часть котораго была посвящена Востоку.

Позднѣе, когда возгорѣлась русско-японская война, Гаринъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій, и результатами его поѣздки былъ обширный „Дневникъ во время войны“, отдѣльно изданный подъ заглавіемъ „Война“.

Этотъ дневникъ, написанный „по поводу“, и по такому тяжкому поводу, какъ недоумѣнная, печальной памяти русско-японская кампанія, — война двухъ народовъ, сошедшихся черезъ десять лѣтъ послѣ враждованія въ братскомъ боевомъ содружествѣ противъ общаго вѣкового врага на Западѣ, — дается нами, какъ послѣднее слагаемое въ общемъ итогѣ писательской дѣятельности Гарина-Михайловскаго.

Въ итогѣ писательской дѣятельности Чехова несомнѣнно сыграли большую роль всѣ подготовительныя его работы, наброски и замѣтки, которымъ какъ-то не хочется дать названіе черновыхъ:—столько въ нихъ свѣтлаго ума, искрящагося юмора, яркаго таланта.

Дважды давъ своимъ подписчикамъ Полное собраніе сочиненій Ант. Павл. Чехова (въ 1903 г. 16 книгъ и въ 1911 году еще 12 дополнительныхъ книгъ), мы лишены были возможности включить въ нихъ тѣ цѣнные матеріалы, которые удалось найти лишь теперь въ архивѣ и интимныхъ бумагахъ покойнаго писателя, представляющихъ собственность его семьи.

Считая долгомъ дать своимъ читателямъ все, что только вылилось изъ-подъ пера великаго писателя, — послѣ того, какъ близкіе покойнаго Ант. Павл. Чехова признали возможнымъ опубликовать найденные матеріалы, „Нива“, первая, сдѣлавшая всеобщимъ достояніемъ читающей Россіи безсмертныя произведенія великаго нашего писателя, рѣшила нынѣ же, въ наступающемъ году дать своимъ подписчикамъ эти найденныя

III. НОВЫЯ ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
Ант. Павл. ЧЕХОВА

А. И. Купринъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ говоритъ: „Теперь, когда его нѣтъ, особенно мучительно чувствуешь, какъ драгоцѣнно было каждое его слово... Мы почти ничего не знаемъ не только о тайнахъ его творчества, но даже и о внѣшнихъ, привычныхъ пріемахъ его работы... Гдѣ онъ черпалъ свои образы? Гдѣ находилъ свои наблюденія и сравненія? Гдѣ онъ выковывалъ свой великолѣпный, единственный въ русской литературѣ языкъ? Онъ никому не повѣрялъ и не обнаруживалъ своихъ творческихъ путей. Говорятъ, послѣ него осталось много записныхъ книжекъ: можетъ-быть, въ нихъ со временемъ найдутся ключи къ этимъ сокровеннымъ тайнамъ?..“

Предположенія талантливаго писателя, автора лучшихъ воспоминаній о Чеховѣ, оправдались въ большей мѣрѣ, чѣмъ можно было ожидать. Нашлись не только замѣтки, темы и наброски для будущихъ сочиненій Чехова, характерные для самаго процесса его художественнаго творчества, но и оказалась у супруги покойнаго писателя его записная книжка, въ которую Чеховъ вносилъ отдѣльныя мысли, планы задуманныхъ произведеній, по-

нравившіяся ему цитаты и проч., и кромѣ того открыто нѣсколько его драматическихъ и беллетристическихъ произведеній. Наиболѣе крупное изъ найденныхъ вполнѣ законченное произведеніе,— драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи: „На большой дорогѣ", извлеченный изъ архива цензуры, признавшей пьесу въ 1885 г. „неудобной къ представленію". Кромѣ того, найдены въ бумагахъ писателя неоконченная рукопись пьесы „Ночь передъ судомъ" (тотъ же сюжетъ обработанъ Чеховымъ въ разсказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ) и рукопись драматическаго этюда въ 1 дѣйствіи подъ своеобразнымъ заглавіемъ: „Скоропостижная конская смерть" или „Великодушіе русскаго народа!" Далѣе найдены уже отрывки разсказовъ: „Красавицы", „Свадьба" (изъ записокъ врача) и, видимо, продолженіе разсказа „Мужики".

Весь этотъ цѣнный и интересный матеріалъ, открывающій передъ нами таинственную лабораторію, гдѣ зачиналась и получала свой первый намекъ художественная работа писателя,— войдетъ въ число упомянутыхъ посмертныхъ произведеній Чехова.

Руководимые лозунгомъ, охватившимъ теперь весь міръ, зная, что интересы нашихъ читателей и у насъ и на Западѣ сосредоточены въ родныхъ, союзныхъ мѣстахъ, гдѣ льется родная, союзная кровь, мы невольно въ выборѣ автора изъ западной литературы обратили свой мысленный взоръ туда, куда съ благоговѣніемъ направлены души всѣхъ народовъ міра:— на героическую Бельгію.

Бельгійскій народъ, принявшій на себя терновый вѣнецъ мученій за право и свободу, сталъ намъ близкимъ, роднымъ.

Его героическая жизнь имѣетъ свои великія первоосновы. Чтобы познать ее, нужно узнать душу этого великаго народа-страдальца, углубиться въ его многовѣковую исторію.

Бельгія имѣетъ свою „національную Библію", гдѣ разсказано все ея бытіе, гдѣ предуказанъ ея исходъ, гдѣ громятъ и витійствуютъ ея пророки. Ее собралъ одинъ человѣкъ, бельгійскій писатель Шарль де-Костэръ, но истинный ея составитель—весь бельгійскій народъ, во дни своего мирнаго преуспѣянія воспѣвшій въ ней тяжкіе дни своего тернистаго прошлаго.

Итакъ, четвертымъ приложеніемъ къ Нивѣ на 1916-й годъ будетъ:

IV. „БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ"

(„Тиль Уленспигель")

Эпическій романъ Шарля ДЕ-КОСТЭРА.

Въ этомъ эпическомъ романѣ-поэмѣ отраженъ духъ бельгійскаго народа, его вѣрованія и стремленія. Кто хочетъ понять бельгійцевъ, тотъ долженъ прочесть эту великую книгу. Въ ней геній народа сплетенъ такъ тѣсно съ творчествомъ отдѣльнаго человѣка, что личныя черты писателя растворились. Предъ нами великая героическая эпопея, за личнымъ творцомъ которой стоитъ творецъ-народъ, за отдѣльнымъ героемъ—герой-народъ.

Въ „Библіи Бельгіи" увѣковѣчена героическая борьба Фландріи съ Филиппомъ II. Авторъ воспользовался для романа-поэмы біографическими чертами героя многочисленныхъ средневѣковыхъ балладъ и легендъ Тиля Уленспигеля, и сдѣлалъ его національнымъ бельгійскимъ героемъ.

Сынъ простого рабочаго, угольщика Клааса, Тиль съ дѣтства отличается жизнерадостнымъ характеромъ. Онъ шутитъ, дурачится и дурачитъ окружающихъ. Но въ сердцѣ у него таятся черты мужества и героизма, унаслѣдованныя отъ отца. Однажды весенней порой онъ признается въ любви другу своего дѣтства, прелестной и кроткой дѣвушкѣ Неле. И съ этого времени вся дальнѣйшая жизнь Тиля озарена яркой поэзіей любви. Клаасъ, Неле и самъ Тиль являются, по толкованію де-Костэра, символическими образами: „Клаасъ, это—твое мужество, благородный фламандскій народъ! Тиль — твой умъ, а Неле — твое сердце". Въ поэмѣ принимаетъ большое участіе еще четвертая фигура, но уже комическая—Ламме Гоодзакъ. Это любитель покушать, неповоротливый, остроумный парень, но благодушный флегматикъ, воплотившій въ своемъ образѣ все то сытое, жизнерадостное, матеріальное, что принято связывать съ представленіемъ о фламандцѣ. Авторъ называетъ его „брюхомъ Фландріи"...

Спокойная жизнь цвѣтущей Бельгіи нарушается тяжкой катастрофой. Императоръ Карлъ V передъ смертью призываетъ къ себѣ своего сына, угрюмаго выродка, Филиппа II и, вручая ему скипетръ, учитъ его обращаться съ фламандскимъ народомъ:

„На словахъ всегда клянись имъ соблюдать ихъ привилегіи и свободу, но, если они могутъ стать тебѣ опасными, раздави ихъ!"

Этотъ завѣтъ, вызывающій невольное сравненіе съ словами Вильгельма II о „клочкѣ бумаги, неимѣющей цѣнности", былъ широко воспринятъ Филиппомъ. Царственный дегенератъ сталъ палачомъ и убійцей Бельгіи. Горятъ деревни и города. Тысячи жителей убиты и казнены. И среди нихъ казненъ по доносу шпіона и отецъ Тиля, Клаасъ... Тиль клянется найти средство спасти отчизну. По совѣту „доброй колдуньи" Катлины, онъ отправляется на шабашъ весеннихъ духовъ и узнаетъ тамъ, что Фландрію спасетъ таинственное мистическое Семь.

И, вотъ, вмѣстѣ съ прелестной Неле, Тиль Уленспигель идетъ искать это Семь. На пути имъ встрѣчается видѣніе: идутъ семь женщинъ, семь смертныхъ грѣховъ, вскормленныхъ насильниками-завоевателями. Эти женщины сгораютъ въ огнѣ душъ убитыхъ на войнѣ героевъ и выходятъ изъ пламени семью свѣтлыми добродѣтелями, семью геніями, которые будутъ покровительствовать народу въ мирныя времена...

Грандіозная эпопея Тиля Уленспигеля, исполненная всевозможныхъ приключеній, то забавныхъ, то трагическихъ, рисующая характеръ бельгійцевъ, ихъ стремленія и идеалы, заканчивается мистическимъ предвѣщаніемъ дальнѣйшей судьбы Фландріи — этой изумительной страны, въ которой такъ странно сочеталась жизнерадостность съ великой трагедіей.

Мы знаемъ теперь, что времена Филиппа II для Бельгіи повторились. Но мы знаемъ также, что воскресъ и Тиль Уленспигель—народный герой Бельгіи, весельчакъ и балагуръ въ мирное время и трагическій герой во времена кровавой борьбы съ насильниками.

И опять „всплываетъ на поверхность человѣчества душа человѣка", какъ говоритъ Метерлинкъ, и жизнь окутывается, словно свѣтлымъ облакомъ, мистическими намеками и знаменіями. И новое Семь спасетъ Бельгію снова.

Высшая Сила, къ которой обратился Тиль о спасеніи родной Фландріи, отвѣтила ему: „Когда сѣверъ склонится къ западу, наступитъ терзанію послѣдній конецъ. Ищи семерыхъ, союза ищи..."

Этотъ союзъ семерыхъ — великое знаменіе нашихъ дней. Это— союзъ семи державъ, ополчившихся на міровое зло.

Гроза войны, обрушившаяся на Россію, держащая полтора года въ бездѣйствіи отечественную промышленность, прекратившая доступъ въ наши предѣлы всѣхъ тѣхъ матеріаловъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ, которые шли для типографскаго и издательскаго дѣла изъ заграницы, — вызвала тяжкій кризисъ.

Цѣлый годъ боролась „Нива" съ колоссальнымъ ростомъ цѣнъ на всѣ нужные ей матеріалы, въ особенности на бумагу, краску, цинкъ для клише. До тѣхъ поръ пока возвышавшіяся цѣны эти на предметы первой необходимости для печатнаго изданія не превышали нѣсколькихъ десятковъ процентовъ ихъ прежняго уровня, наше издательство сохраняло прежнюю подписную цѣну на журналъ. Но въ настоящее время ростъ цѣнъ достигъ такихъ размѣровъ, что другія печатныя изданія нынѣ уже повысили подписную и розничную цѣну, не ожидая наступленія новаго подписного года.

По количеству даваемаго печатнаго матеріала чувствуя на себѣ больше, чѣмъ всѣ другія печатныя изданія, тягость повышенныхъ цѣнъ, „Нива" вынуждена для того, чтобы покрыть хотя часть этого повышенія цѣнъ, вызваннаго дороговизной, увеличить на 1916-й годъ подписную цѣну.

Подведемъ итоги тому, что получатъ наши подписчики въ 1916 году:

52 нумера **еженедѣльнаго** художеств.-литер. журн. „НИВА", содержащаго романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія: рисунки и иллюстраціи военныхъ событій, портреты, снимки съ картинъ прежнихъ и современныхъ художниковъ и т. д.

12 книгъ **ежемѣсячнаго** журнала: **„Литературныя и Популярно-Научныя Приложенія"**, содержащаго повѣсти, разсказы, стихотворенія; военные очерки, популярно-научныя и критическія статьи и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

40 книгъ „Сборника Нивы", въ которыя войдутъ:

Полнаго собранія сочиненій **Д. Н. Мамина-Сибиряка** вторая серія. Цѣна входящихъ въ эту серію произведеній въ существующихъ изданіяхъ 15 руб. 50 коп. безъ пересылки.

Полное собраніе сочиненій **Н. Г. Гарина-Михайловскаго.** Цѣна существующаго изданія 24 руб. безъ пересылки.

Новыя посмертныя сочиненія **А. П. Чехова.** Цѣна существующаго изданія 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

„Библія Бельгіи" — романъ **Шарля Де-Костэра** („Уленспигель"). Будетъ стоить приблизительно 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

2 новыя спеціальныя **карты** театра военныхъ дѣйствій двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), размѣромъ 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, размѣромъ 35×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 руб.

12 нумеровъ **„Новѣйшихъ Модъ"**, со многими (около 300) иллюстраціями и **почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ** на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ **рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія** съ 300 рис. и чертежами выкроекъ (тоже до 300).

1 отрывной (ежемѣсячный) календарь на 1916 г., отпечатанный красками.

Такимъ образомъ подписчики получатъ въ 1916 году 52 книги: къ каждому нумеру „Нивы" будетъ приложено по одной книгѣ, независимо отъ остальныхъ приложеній.

Содержаніе 40 книгъ „Сборника Нивы" на 1916 годъ будетъ приблизительно слѣдующее:

Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка

вторая серія, большого формата, въ 8-ю долю листа.

Горное гнѣздо, романъ.—Ранніе всходы, романъ въ 3-хъ частяхъ съ эпилогомъ.—Золотая лихорадка, очерки и разсказы: На „шестомъ номерѣ".—Золотая ночь.—Хищная птица.—Злой духъ.—Ната. — Милліонъ, очерки, повѣсти и разсказы: Милліонъ. — Кисейная барышня. — Паучки.—Осипъ Иванычъ. — Богоданка.— Два завѣщанія.—Человѣкъ съ прошлымъ, разсказы: Человѣкъ съ прошлымъ.—Судъ идетъ.—Городская сестра.—Субъектъ.—Общій любимецъ публики, романъ.—Золотая муха, очерки, повѣсти и разсказы: Золотая муха.—Бѣдный чортъ.—Другъ артистовъ.—Она придетъ.—По желанію публики.—Буянка.—Куку.—Сибирскіе разсказы въ 4-хъ томахъ: Сибирскіе орлы. — Главный баринъ. — Звѣрство. — На перевалѣ.—Не у дѣлъ.—Подснѣжникъ.—Кладъ.— Морокъ.—Пріисковый мальчикъ.—Крестникъ.—Удивленный человѣкъ.—Мизгирь.—Пиръ горой.—Не укажешь.—Оборотень.—Семейная радость.—Старики не запомнятъ.—Ночевка.—Друзья дѣтства.—M-me Квистъ, Бликсъ и К°.—Послѣдняя вѣточка.—Сократъ Иванычъ. — Въ послѣдній разъ. — Старый шайтанъ. — Въ болотѣ. — Говорокъ. — Комбинація. — Панъ Копачинскій. — Инфлуэнца. — Дорогіе гости. — Ночь. — Крупичатая. — Авва. — Депеша.— По дешевой цѣнѣ.—Самородокъ.—Глупая Окся.— Таинственный незнакомецъ.—Седьмая труба.—Попросту.—Безъ названія, романъ въ 5-ти частяхъ.—Весеннія грозы, романъ въ 3-хъ частяхъ.—Встрѣчи, разсказы: Правильныя слова.—На большой дорогѣ.—На заимкѣ.— Кладъ Кучума.—Медвѣжій уголъ.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Гарина-Михайловскаго.

Критико-біографическій очеркъ. —Дѣтство Тёмы (Изъ семейной хроники).—Гимназисты (Изъ семейной хроники).—Студенты (Изъ семейной хроники).—Инженеры.—Разсказы: Клотильда.—Бабушка.— Дворецъ Дима.—Исповѣдь отца.—Когда-то.—Коротенькая жизнь.— Счастливый день.—Ицка и Давыдка.—Еврейскій погромъ.—Старый еврей.— Художникъ. — Геній. — Вероника. — Ревекка. — Два мгновенья.—Вальнекъ-Вальновскій.—На практикѣ.—Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ.—Немальцевъ.—На ночлегѣ.—На станціи.—Картинки Волыни.—Наташа.—Адочка.—Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой.— Деревенскія панорамы, разсказы: Бабушка Степанида.—Акулина.— Дикій человѣкъ.—На селѣ.—Матренины деньги.—На ходу.—Сочельникъ въ русской деревнѣ.—Въ сутолокѣ провинціальной жизни (1886—1896).—По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. („Въ странѣ желтаго дьявола").—Карандашомъ съ натуры.—Разсказы и пьесы: Орхидея.—Встрѣча.—Деревенская драма. — Подростки. — Зора. — Заяцъ. — Варіантъ. — Сумерки, разсказы: Сумерки. — Трясина.—Веселые люди.—Мои скитанія.—Корейскія сказки.—Дневникъ во время войны.—Сказки для дѣтей.—Разсказы: Путешествіе на луну. — Правда. — Эскизъ. — Карлъ Мооръ. — Осень. — Мамедъ. — Картинка и др.

Новыя посмертныя сочиненія Ант. П. ЧЕХОВА.

На большой дорогѣ. Драмат. этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи.—Ночь передъ судомъ. Водевиль.—Скоропостижная конская смерть или Великодушіе русскаго народа! Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи.— Красавицы. Изъ записокъ врача.—Отрывки изъ разсказа.—Стихотворенія.—Свадьба. Отрывокъ.—Темы, мысли, замѣтки, отрывки.—Изъ записной книжки (1892—1904).—Московскіе лицемѣры.—Наше нищенство.—Люди подвига.—В. А. Бандаковъ. Некрологъ.—Фокусники.

Эпическій романъ Шарля Де-Костэра— „Библія Бельгіи".

„Баснословная исторія Уленспигеля и Ламме Гоодзака, о ихъ приключеніяхъ счастливыхъ, забавныхъ и достославныхъ во Фландріи и иныхъ странахъ". Романъ въ 5-ти частяхъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ" 1916 г.

СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки въ Петроградѣ . . **8 р. 50 к.**

Съ доставкою въ Петроградѣ . . . . **9 р. 50 к.**

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи . . . **10 р.**

Съ перес. за границу **14 р.**

БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской 9 р. 25 к. 2) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе" 9 р. 50 к.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки въ ПГР.			Съ доставкою въ ПГР.			Съ перес. иногородн.		
	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока	3 срока.	4 срока.
При подпискѣ.	4 р. 50 к.	3 р. 50 к.	2 р. 50 к.	5 р.	4 р.	2 р. 50 к.	5 р.	4 р.	2 р. 50 к.
1 марта . .	—	—	2 р.	—	—	2 р. 50 к.	—	—	2 р. 50 к.
1 апрѣля. .	—	2 р. 50 к.	—	—	3 р.	—	—	3 р.	—
1 іюня. . .	4 р.	—	2 р.	4 р. 50 к.	—	2 р. 50 к.	5 р.	—	2 р. 50 к.
1 августа. .	—	2 р. 50 к.	2 р.	—	2 р. 50 к.	2 р.	—	3 р.	2 р. 50 к.
Итого. . .	8 р. 50 к.	8 р. 50 к.	8 р. 50 к.	9 р. 50 к.	9 р. 50 к.	9 р. 50 к.	10 р.	10 р.	10 р.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается **разсрочка платежа** на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ просимъ обозначать непремѣнно на самомъ переводѣ (а не въ отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также свой адресъ (подробный и четкій).

Адресъ: въ Главную Контору журнала „НИВА", ПЕТРОГРАДЪ, улица Гоголя, 22.

Для пріема подписки въ ПЕТРОГРАДѢ Главная Контора открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 час. утра до 6 час. вечера. Телефонъ № 4—33.

Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Очеркъ **М. Глотова.**

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ родился 3-го ноября 1857 г. въ трудовой, небогатой семьѣ. Окончивъ Тверскую классическую гимназію, онъ поступилъ въ Московское юнкерское училище, откуда былъ выпущенъ въ 64-й пѣхотный Казанскій полкъ: 1-го декабря 1876 г. онъ получилъ чинъ прапорщика. Вскорѣ молодой офицеръ получилъ и боевое крещеніе, пройдя въ рядахъ своего полка весь тяжелый походъ турецкой кампаніи. Девять лѣтъ онъ несъ службу субалтернъ-офицера, а въ 1885 г. сталъ ротнымъ командиромъ. Тогда тридцатилѣтній штабсъ-капитанъ рѣшилъ готовиться въ Академію генеральнаго штаба, въ которую и поступилъ въ концѣ 1887 г.

Служа 11 лѣтъ въ строю пѣхотнаго армейскаго полка, М. В. Алексѣевъ считался отличнымъ офицеромъ. товарищи знали его, какъ человѣка большой энергіи, выдающейся трудоспособности и твердости воли въ преслѣдованіи поставленныхъ,—тогда, конечно, небольшихъ,—военныхъ задачъ.

За долголѣтнюю службу обыкновеннаго строевого офицера М. В. Алексѣевъ хорошо изучилъ русскаго солдата, сознательно и глубоко воспринялъ своей чуткой и простой душой богатство его духовныхъ качествъ, отлично узналъ и русскаго офицера, убѣдившись на дѣлѣ въ его большой потенціальной силѣ. На себѣ самомъ и около себя М. В. Алексѣевъ испыталъ и увидѣлъ недочеты военной организаціи, отражающіеся на спинѣ солдата и на шеѣ офицера совсѣмъ иначе, чѣмъ это кажется въ штабныхъ кабинетахъ. Такимъ образомъ передъ профессорами Академіи М. В. Алексѣевъ предсталъ во всеоружіи опыта и знанія которыхъ такъ недостаетъ громадному проценту молодежи, поступающей въ Академію сразу по истеченіи обязательнаго трехлѣтняго строевого стажа.

Окончивъ курсъ Академіи по первому разряду въ 1890 г., М. В. Алексѣевъ пошелъ уже по обычной дорогѣ офицеровъ генеральнаго штаба, но вскорѣ же сталъ занимать положенія, уготованныя судьбой далеко не для всѣхъ изъ нихъ. Съ 1898 по 1904 гг. М. В. Алексѣевъ былъ любимымъ офицерами профессоромъ той же Академіи, а нынѣ состоитъ почетнымъ членомъ ея конференціи.

Въ русско-японскую кампанію мы видимъ М. В. Алексѣева уже генералъ-квартирмейстеромъ 3-й манчжурской арміи, а съ 1908 по 1912 гг.—начальникомъ штаба Кіевскаго военнаго округа. Съ началомъ настоящей войны М. В. Алексѣевъ оставилъ должность командира 13-го армейскаго корпуса, занявъ постъ начальника штаба фронта генерала Н. І. Иванова. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміями сѣверо-западнаго фронта, а нынѣ занимаетъ уже исключительно высокій постъ.

Внимательное знакомство съ формулярнымъ спискомъ этого талантливаго стратега, пользующагося громадной популярностью и довѣріемъ въ арміи и народѣ, не можетъ не остановиться прежде всего на мысли, что, за отсутствіемъ во всю свою службу какой бы то ни было „руки“ или протекціи, М. В. Алексѣевъ обязанъ всѣмъ своимъ положеніемъ исключительно самому себѣ: у него оно, дѣйствительно, „заслужено“. М. В. Алексѣевъ выдѣлился исключительно своимъ упорнымъ трудомъ въ избранной спеціальности, обладая природными военными способностями.

Когда бесѣдуешь съ людьми, видящими М. В. Алексѣева 15 мѣсяцевъ войны изо дня въ день, вполнѣ понимаешь, какая гигантская рабочая военная сила заключена въ этомъ средняго роста человѣкѣ. Многіе годы, невѣдомый широкимъ кругамъ общества, М. В. Алексѣевъ работалъ надъ вопросами стратегіи, пріобрѣлъ въ этой области выдѣляющую его компетентность и—война родитъ героевъ—явилъ себя Россіи въ роли главнокомандующаго арміями самаго серьезнаго нашего фронта. Методически совершилъ онъ огромный теоретическій трудъ и оказался на практикѣ выдающимся европейскимъ стратегомъ. Будущіе историки современной войны еще нарисуютъ намъ во весь ростъ этого выдающагося полководца съ русскимъ именемъ и глубоко русской душой.

И теперь все время М. В. Алексѣевъ работаетъ неутомимо, лишая себя даже и того отдыха, который, по его же настоянію, имѣютъ всѣ окружающіе его сотрудники и подчиненные.

Скоро онъ ѣстъ, еще скорѣе, если можно такъ выразиться, спитъ и затѣмъ всегда спѣшитъ въ свой незатѣйливый кабинетъ, гдѣ, уже не торопясь, съ полнымъ, поражающимъ всѣхъ, вниманіемъ слушаетъ доклады или самъ работаетъ для доклада. Никакія мелочи не въ состояніи отвлечь его отъ главной нити дѣла. Онъ хорошо понимаетъ и по опыту знаетъ, что арміи ждутъ отъ штаба не только регистраціи событій настоящаго дня, но и возможнаго направленія событій дня завтрашняго.

Удивительная память, ясность и простота мысли обращаютъ на него общее вниманіе. Таковъ же и его языкъ: простой, выпуклый и вполнѣ опредѣленный,—опредѣленный иногда до того, что онъ не всѣмъ нравится, но М. В. Алексѣевъ знаетъ, что вынужденъ къ нему долгомъ службы, а карьеры, которая требуетъ моральныхъ и служебныхъ компромиссовъ, онъ никогда не дѣлалъ, нисколько не думаетъ о ней и теперь. Дума его одна:—всѣмъ сердцемъ и умомъ помочь своему Верховному Вождю.

Въ заключеніе нѣсколько штриховъ къ портрету этого чистаго и свѣтлаго человѣка.

Если, идя по помѣщенію штаба, вы встрѣтите сѣдого генерала, быстро и озабоченно проходящаго мимо, но уже узнавшаго въ васъ своего подчиненнаго и потому привѣтливо, какъ-то особенно сердечно, но не приторно улыбающагося вамъ, это—Алексѣевъ.

Если вы видите генерала, внимательно, вдумчиво и до конца спокойно выслушивающаго мнѣніе офицера, это—Алексѣевъ.

Если вы видите предъ собой строгаго, начальственно оглядывающаго васъ генерала, на лицѣ котораго написано все величіе его служебнаго положенія,—вы не въ Ставкѣ, вы не передъ Алексѣевымъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Новая подготовка противника.

Къ серединѣ октября на всемъ восточномъ фронтѣ установилось полное „стратегическое затишье". Противникъ, повидимому,

Генералъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ съ чинами штаба—генералъ-маіоромъ М. С. Пустовойтенко и генералъ-маіоромъ В. Е. Борисовымъ на поляхъ былыхъ боевъ Отечественной войны 1812 г.

приготовился къ длительной зимовкѣ на занимаемыхъ имъ позиціяхъ, съ тѣмъ, чтобы приготовиться къ новой активной большой операціи съ началомъ весны,—къ такой операціи, которая, по мнѣнію нѣмцевъ, должна будетъ привести къ побѣдоносной для нихъ развязкѣ войны.

Одинъ только сѣверный участокъ фронта, а именно участокъ, занимаемый арміей Белова, безпокойно шевелился, ведя атаки попеременно то противъ Риги, то противъ Двинска. Намъ уже приходилось отмѣчать, что армія Белова, оперировавшая на весьма большомъ фронтѣ отъ Риги до Двинска, была относительно слаба для выполненія такой грандіозной операціи, какъ овладѣніе широкой Западной Двиной и укрѣпленными опорными точками Двины—Ригой и Двинскомъ. Составъ этой арміи, повидимому, все время усиливаемой, въ общемъ не превышалъ 5—6 корпусовъ и нѣсколькихъ кавалерійскихъ дивизій, что давало, грубо приблизительно, цифры въ 250—260 тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ весь остальной восточный фронтъ былъ даже въ серединѣ октября, т.-е. послѣ „утечки" части нѣмецкихъ войскъ на французскій и сербскій фронты, все же занятъ австро-германскими войсками значительно сильнѣе. Такъ между Двинскомъ и Пинскими болотами, т.-е. въ центрѣ всего восточнаго фронта, попрежнему оставались 2-я армія Эйхгорна, 8-я армія, бывшая Гальвица, 10-я армія Шольца, 9-я армія принца Леопольда Баварскаго, 11-я германская, бывшая Макензена и смѣшанная австро-германская армія Линцингена—всего, примѣрно, свыше одного милліона человѣкъ.

Наконецъ на югѣ, т.-е. отъ Пинскихъ болотъ до Румыніи, находились арміи Ботмера, Пфланцера и отдѣльные австрійскіе крупные отряды, всего свыше полумилліона человѣкъ.

Слѣдовательно, изъ трехъ отдѣловъ восточнаго фронта—сѣвернаго, средняго западнаго и южнаго сѣверный отдѣлъ фронта былъ занятъ наиболѣе слабо, ибо тамъ была лишь одна армія Белова въ 250—260 тысячъ человѣкъ, т.-е. всего 15% всѣхъ силъ противника на нашемъ фронтѣ. Между тѣмъ именно здѣсь противникъ обнаруживалъ наибольшую активность при явной пассивной оборонѣ на всемъ остальномъ фронтѣ.

Особенной настойчивостью отличались дѣйствія противника подъ Двинскомъ. Здѣсь дѣйствовалъ 1-й резервный германскій корпусъ генерала Моргена, при чемъ корпусъ этотъ состоялъ не изъ двухъ дивизій, какъ это принято у германцевъ, а изъ трехъ дивизій, т.-е. представлялъ собою корпусъ усиленнаго состава—до 60 тысячъ штыковъ и сабель. Кромѣ того, этотъ корпусъ былъ крайне обильно снабженъ тяжелой и полевой артиллеріей.

Полковникъ А. А. Носковъ. Ген.-отъ-инф. М. В. Алексѣевъ. Ген.-маіоръ М. С. Пустовойтенко. Ген.-маіоръ В. Е. Борисовъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ и чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

„Въ продолженіе болѣе. чѣмъ трехъ недѣль,—писалъ въ своемъ приказѣ Моргенъ, — корпусъ ведетъ непрерывные бои подъ Двинскомъ. Благодаря жестокимъ сраженіямъ, удалось отвоевать у упорнаго непріятеля рядъ укрѣпленныхъ подступовъ. Восемь разъ мы уже прорывали укрѣпленія противника штыками и отбросили его къ рѣкѣ. Эти успѣхи, доказывающіе замѣчательную настойчивость и высокую доблесть, вполнѣ соотвѣтствуютъ блестящимъ дѣламъ 1-го резервнаго корпуса въ теченіе перваго года войны. Чувствую желаніе выразить мою признательность всѣмъ войскамъ: 1-й. 36-й и 78-й резервнымъ дивизіямъ. Въ настоящее же время необходимо проникнуться лозунгомъ: выбросить уже смутившагося непріятеля изъ его послѣднихъ укрѣпленій за рѣку Двину. Генералъ Моргенъ".

Однако, несомнѣнно, этотъ высокомѣрный и напыщенный приказъ имѣлъ лишь главнымъ образомъ въ виду поддержать духъ солдатъ, упавшій послѣ 3-недѣльныхъ неудачныхъ атакъ Двинска. Этотъ приказъ ни въ коемъ случаѣ не означалъ дѣйствительнаго намѣренія противника „взять Двинскъ во что бы то ни стало", такъ какъ уже изъ перечисленія силъ, представлявшихъ всего три дивизіи, видно было, что эти силы недостаточны. Кромѣ того овладѣніе Двинскомъ должно было означать также переходъ противника черезъ Двину, тогда какъ Моргенъ просилъ солдатъ только „откинуть за рѣку врага", а ничего не говорилъ объ овладѣніи противоположнымъ, правымъ, берегомъ Двины.

Вообще нельзя не видѣть, что положеніе подъ Двинскомъ вполнѣ прочно, и противникъ вынужденъ вести безнадежную позиціонную войну. Одинаково положеніе складывалось къ серединѣ октября у Риги и на всемъ остальномъ протяженіи Западной Двины. За вычетомъ трехъ дивизій генерала Моргена, въ арміи Белова оставались 6—7 дивизій и конница, т.-е. до 150—180 тысячъ человѣкъ, которые и занимали фронтъ по всей остальной Двинѣ, т.-е. находились и у Якобштадта, и у Фридрихштадта, и у Риги.

На кавказскомъ фронтѣ. Командующій кавказской арміей генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Юденичъ со своимъ штабомъ. На заднемъ планѣ — разработанная нами тропа на позиціи

Поэтому были, очевидно, какія-то другія причины, которыя вынуждали Белова безпрерывно атаковывать и у Риги и у Двинска, разъ онъ не могъ взять этихъ важныхъ пунктовъ. Причины эти нетрудно увидѣть, если обратить вниманіе на расположеніе арміи Белова и прослѣдить, какіе пункты занимаетъ на Двинѣ эта армія.

Какъ извѣстно, части арміи Белова занимаютъ Фридрихштадтъ: слѣдовательно, центръ арміи Белова находится на самой Двинѣ, у Фридрихштадта. Зато крылья арміи Белова никакъ не могутъ добраться до Двины и откинуты: лѣвое крыло отъ Риги и Двины верстъ на 18—20 и правое крыло отъ Двинска и рѣки Двины верстъ на 20—22.

Такимъ образомъ середина арміи Белова выдалась впередъ, къ самой Двинѣ у Фридрихштадта, а крылья загнуты назадъ у Риги и Двинска и охвачены. Это крайне неудобное положеніе и вынуждаетъ Белова невольно атаковывать и Ригу и Двинскъ, чтобы какъ-нибудь выпрямить свое положеніе. Въ этомъ весь смыслъ его атакъ, и никакой опасности ни Ригѣ ни Двинску въ настоящихъ условіяхъ видѣть нельзя.

Изъ всего изложеннаго выше можно видѣть, что теперь уже нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что нѣмцы рѣшили „зимовать" на занятыхъ ими позиціяхъ и, соотвѣтственно этому, въ теченіе долгаго времени ничего серьезнаго на нашемъ фронтѣ предпринимать не будутъ. Высказывавшееся еще раньше предположеніе о томъ, что противникъ разбиваетъ войну не менѣе, какъ на два года, находитъ себѣ въ настоящее время вполнѣ опредѣленное подтвержденіе.

Въ силу этого наступающій моментъ является началомъ длительнаго подготовительнаго періода, гдѣ будутъ подготовляться всѣ средства для развитія въ будущемъ большой активной операціи, которая, по мысли противника, должна дать ему возможность выполнить „программу" второго года войны.

Эта подготовительная работа выражается у противника, во-первыхъ, въ закрѣпленіи занятыхъ позицій и детальномъ устройствѣ тыла—оккупированной территоріи, какъ базы для будущей операціи на нашемъ фронтѣ, и, во-вторыхъ, въ той вспомогательной операціи, которую противникъ предпринялъ на Балканахъ.

Первое — устройство тыла-базы заключается въ устройствѣ путей сообщенія въ тылу, въ административномъ устройствѣ тыла и въ системѣ укрѣпленій.

Сѣть желѣзныхъ дорогъ въ тылу, по свѣдѣніямъ, поступившимъ въ печать, въ значительной своей части возстановлена, а частью устроены полевыя желѣзныя дороги, матеріальная часть для которыхъ хранилась у противника еще въ мирное время въ складахъ. Кромѣ того, какъ извѣстно, противникъ пытается поддерживать морское сообщеніе отъ Мемеля къ Либавѣ, каковой путь пароходы проходятъ часовъ въ десять. По настоящему пути и доставляются какъ снабженія, такъ и лошади и люди. Опасаясь нашихъ подводныхъ лодокъ, противникъ посылаетъ небольшіе пароходы съ небольшими эшелонами войскъ, примѣрно, до одного батальона, въ расчетѣ, очевидно, чтобы, въ случаѣ нападенія подводной лодки, погибла сразу не масса войскъ, а лишь небольшое количество.

Затѣмъ военно-административное устройство тыла заключается главнымъ образомъ въ организаціи системы этаповъ со складами, госпиталями, сборными пунктами и проч.

Наконецъ система укрѣпленій состоитъ у противника, повидимому, изъ нѣсколькихъ линій обороны непосредственно на занятомъ имъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря, черезъ Вильну, Лиду, Барановичи, Пинскія болота, Волынь, Галицію, до Буковины и Румыніи. Въ тылу этихъ укрѣпле-

Н. Н. Юденичъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Командующій кавказской арміей генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Юденичъ со своимъ штабомъ на позиціи

ній, по свѣдѣніямъ, появившимся въ печати, противникъ возвелъ временныя укрѣпленія у Вильны и Бѣлостока и исправляетъ укрѣпленія Ковны, Гродны и Осовца, возстанавливая форты, при чемъ примѣняется бетонъ, что означаетъ, что противникъ пытается создать настоящіе крѣпостные форты.

Второе—вспомогательная операція на Балканахъ—ведется противникомъ болѣе значительными силами, чѣмъ то можно было предполагать ранѣе. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, поступившимъ въ печать, противъ Сербіи движется австрійская армія венгерскаго генерала Кевеша численностью около трехъ корпусовъ и германская армія Гальвица численностью около пяти корпусовъ, что даетъ вмѣстѣ уже не менѣе 320 тысячъ австро-германцевъ. Кромѣ того, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ печати, вполнѣ достовѣрнымъ, имѣются ландштурменныя, т.-е. ополченскія дивизіи, всего не менѣе 20 тысячъ человѣкъ, и отдѣльная масса конницы. Итого до 340 тысячъ австро-нѣмцевъ, а считая не менѣе чѣмъ семь дивизій болгаръ, т.-е. до 210 тысячъ человѣкъ, получимъ, что противъ Сербіи съ ея 300-тысячной арміей двигается до 550 тысячъ враговъ.

Дума.

Не посрамимъ земли родимой,
Земли отцовъ не посрамимъ!
Твоей десницею незримой,
Мечомъ невидимымъ Твоимъ,
Господь, врага мы побѣдимъ.

Пусть праздно-злобный, тщетно-смѣлый,
Чудовищъ огненныхъ влача,
Онъ вторгся въ русскіе предѣлы
Съ лицомъ ужаснымъ палача,—
Зарубитъ Русь его съ плеча!

И не такихъ она знавала,
И не такихъ гостей гнала,
Когда незваныхъ заставала
Въ своихъ хоромахъ у стола:
Она такая жъ, какъ была!

На скромныхъ нажитяхъ Россіи
Собрались всѣ, въ комъ кипень силъ.
Славянства древнія стихіи
Тевтонъ безумный разбудилъ,
Но ихъ себѣ не покорилъ.

Путями кладбищъ и пожарищъ,
Судьбою жуткою гонимъ,
Забытыхъ варваровъ товарищъ
Прошелъ—и гибель передъ нимъ.
Нѣтъ! Славянинъ непобѣдимъ!

Сергѣй Городецкій

Въ ожиданіи атаки.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, къ этому нумеру прилагается для гг. **иногороднихъ** подписчиковъ **подписной бланкъ** (въ двухъ экземплярахъ) для **заблаговременнаго возобновленія подписки** на «Ниву» **1916** года, при чемъ для удобства гг. подписчиковъ бланки отпечатаны на **почтовыхъ переводахъ установленнаго образца, которыми можно воспользоваться для перевода подписныхъ денегъ. Второй экземпляръ подписного бланка, предназначенный для новыхъ подписчиковъ, можетъ быть переданъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы подписаться на „Ниву" 1916 г.**

„Въ странѣ крестовъ“

(Съ 11 рис. и портр. на стр. 809—815).

„Во время войны Музы молчатъ“... Эта классическая поговорка однако не всегда бываетъ справедлива: война нерѣдко выдвигаетъ могучіе новые таланты именно въ области искусства и красоты. И въ ихъ произведеніяхъ отражается страшный и величавый ликъ войны. Отражается такъ, въ такой мѣрѣ, въ какой онъ никогда не отразится въ сухомъ повѣствованіи историка, или въ неоформленныхъ воспоминаніяхъ участниковъ войны.

Художнику и поэту дано видѣть многое изъ того, что незримо и неясно для простыхъ очей. И сокровенный смыслъ событій, и сопоставленія ихъ съ другими событіями, и символическіе образы, въ которыхъ съ поразительной яркостью возстаетъ еще невидимая міру истина, и наконецъ почти пророческое прозрѣніе будущаго—все это сквозитъ и свѣтится въ произведеніяхъ художника, сумѣвшаго направить свой талантъ на освѣщеніе великихъ событій. Эти событія порождаютъ ихъ пѣвца и изобразителя и, въ свою очередь, рождаются въ его произведеніяхъ въ новыхъ просвѣтленныхъ образахъ, въ которыхъ горятъ яркими огнями и мука народа, и его надежды, и его гнѣвъ, и никогда не покидающій человѣчество, даже въ самыя трагическія минуты, острый сатирическій смѣхъ.

Людвигъ Ремэкерсъ.

Такимъ художникомъ является въ настоящее время Людвигъ Ремэкерсъ.

Съ этимъ именемъ наши читатели знакомятся, вѣроятно, впервые. Его талантъ и художественную дѣятельность выдвинула современная война. И война служитъ для него исчерпывающей темой.

Ремэкерсъ, по національности, голландецъ. Онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ воюющихъ сторонъ. Его можно было бы назвать „нейтральнымъ художникомъ“, если бы тенденція, сквозящая въ его рисункахъ, не была явно сочувственной Франціи и Бельгіи. Въ особенности послѣдней странѣ, расположенной въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Голландіей. Кровавыя насилія, творимыя германцами надъ Бельгіей, нашли въ художественныхъ образахъ Ремэкерса такое яркое выраженіе и изображеніе, какого намъ не даютъ никакія, даже самыя краснорѣчивыя, описанія кровавыхъ ужасовъ въ Лувенѣ, Льежѣ и во многихъ другихъ бельгійскихъ городахъ и деревняхъ, гдѣ нѣмцы разстрѣливали мирное населеніе, жгли дома и храмы, грабили имущество... Ремэкерсъ съ поразительной силой изобразилъ въ нѣсколькихъ художественныхъ штрихахъ героическую и страдальческую маленькую страну. Достаточно взглянуть на его рисунокъ „Въ странѣ крестовъ“ („Гдѣ покоятся наши отцы?..“), чтобы обнять всѣмъ воображеніемъ, всей душой страшную катастрофу, разразившуюся надъ Бельгіей. Уходящая вдаль страшная аллея черныхъ крестовъ, кровавое зарево тамъ, вдали, и безконечная толпа дѣтей-сиротъ, медленно текущая вдоль крестовъ съ тоскливымъ вопросомъ на дѣтскихъ устахъ: „Гдѣ покоятся наши отцы?..“ Нельзя дать болѣе яркаго образа несчастной страны, въ которой теперь остались только кресты и... дѣти! Это поистинѣ „страна крестовъ“. И самъ Ремэкерсъ — поистинѣ пѣвецъ этой „страны крестовъ“. Пѣвецъ сочувствующій, сострадающій, болѣющій страстной тоской, любовью и гнѣвомъ заодно съ гражданами великаго кладбища—Бельгіи...

„Вернувшись съ поля брани, я нашелъ жену и маленькую Туанетту разстрѣлянными за стрѣльбу по завоевателямъ!“ Таковъ текстъ къ другому рисунку Ремэкерса. Трудно сказать, чего больше въ этомъ столь же яркомъ образѣ страдающей страны, какъ и предыдущій образъ: скорби объ отцѣ, потерявшемъ и жену и дочь, или жуткой ироніи по адресу тѣхъ, кто нашелъ въ своемъ косматомъ сердцѣ достаточно „мужества“, чтобы по

„Волхвы XX вѣка“.

„Вернувшись съ поля брани, я нашелъ жену и маленькую Туанетту разстрѣлянными за стрѣльбу по завоевателямъ!“

дозрѣвать маленькую Туанетту въ „стрѣльбѣ по побѣдителямъ“ и... разстрѣлять ее. Трагическій образъ осиротѣвшаго воина-мужа, опускающаго въ могилу трупъ своей дѣвочки среди другихъ могилъ, навсегда остается въ памяти у зрителя. Одинъ такой рисунокъ стоитъ многихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ изъ камня и мѣди... Жуткій памятникъ ужасамъ войны и звѣрствамъ насильниковъ.

Ремекэрсъ проходитъ со своимъ карандашомъ по полямъ, усыпаннымъ осколками гранатъ, по странѣ, усѣянной крестами, по городамъ, гдѣ лежатъ во прахѣ дивныя созданія старины и развалины храмовъ и музеевъ... Онъ идетъ по берегамъ тихихъ каналовъ, въ водѣ которыхъ всплываютъ трупы. И отъ его зоркаго взгляда не укрывается ни одна изъ тѣхъ картинъ, о которыхъ мы знаемъ только по описаніямъ корреспондентовъ и беллетристовъ. Но эти картины онъ претворяетъ въ своемъ творчествѣ въ образы, одинаково близкіе къ реальной жизни и къ поэтической фантастикѣ. Въ сущности, это понятно: вѣдь современныя страшныя событія такъ необычны, что невольно кажутся чѣмъ-то фантастическимъ. Сказка и реальная правда переплетаются въ нихъ самымъ страннымъ образомъ. Но нуженъ крупный талантъ художника и поэта, чтобы въ одно и то же время увлечь насъ на высоту фантазіи и поэтическаго взгляда на вещи и заставить насъ повѣрить въ совершенную реальность этихъ образовъ и взглядовъ. Ремэкерсу удается сдѣлать это, потому что онъ, повторяемъ, въ одинаковой степени и поэтъ и человѣкъ, съ острой болью воспринимающій кровавую явь нашего времени.

Это сочетаніе фантастики и живой яви ярко сквозитъ въ рисункахъ мистическо-религіознаго содержанія: „Горе Богоматери“ и „Волхвы XX вѣка“. Наглый врагъ осмѣлился бросить снаряды даже въ храмъ Парижской Богоматери. И испуганная Мадонна, столкнутая взрывомъ нѣмецкой бомбы съ своего пьедестала, съ глубокой скорбью смотритъ на злобно издѣвающихся надъ нею химеръ и прикрываетъ Младенца материнской рукою отъ летящихъ осколковъ. Мы всѣ помнимъ бывшее въ дѣйствительности нападеніе германскихъ летчиковъ на парижскую святыню. Помнимъ также и тѣ случаи, когда въ разгромленныхъ соборахъ и костелахъ оставалась нетронутой среди развалинъ статуя Христа, защищенная материнской мольбою Богоматери... А тѣ, кто бывали въ соборѣ Парижской Богоматери, конечно, знаютъ и помнятъ фантастическія фигуры химеръ, олицетворяющихъ, по мысли архитектора, Зло и Пороки... Тамъ, въ храмѣ, эти химеры съ ужасомъ и злобой вылетаютъ изъ храма, изгоняемыя силой вѣры и молитвы... Художникъ, изобразившій „Горе Богоматери“, рисуетъ химеръ торжествующими и ликующими... Но долго ли придется имъ торжествовать?

Другой рисунокъ изображаетъ сцену поклоненія волхвовъ въ современномъ воспріятіи... Волхвы — императоръ Вильгельмъ, императоръ Францъ-Іосифъ и султанъ турецкій—подносятъ младенцу Христу свои человѣконстребительные дары... И съ ужасомъ отворачивается Младенецъ отъ этихъ даровъ и отказывается принять ихъ. При видѣ лицемѣрно-благоговѣйныхъ физіономій „волхвовъ“ невольно вспоминаются извѣстныя обращенія Вильгельма къ „нашему старому Богу“,—обращенія, уже неоднократно дававшія обильную пищу для сарказма его противниковъ.

Мистической фантастикой вѣетъ и отъ рисунка „Жертвы пловучей мины“. Что творилось на „Лузитаніи“ въ моментъ ея страшной гибели съ тысячами ни въ чемъ неповинныхъ людей, женщинъ и дѣтей? Никто изъ оставшихся въ живыхъ не видѣлъ, какъ опускались тонущіе въ каютахъ люди въ морскую глубь. И только художникъ въ своемъ пророческомъ снѣ видѣлъ эту картину и попытался изобразить ее и намъ.

Почти столько же жуткаго фантастическаго элемента и въ рисункѣ „На Изерѣ, по пути въ Калэ“. Живая дѣйствительность невольно кажется чистой фантастикой,— стоитъ только вдуматься въ эту страшную картину безчисленной арміи мертвецовъ, которые медленно плывутъ... въ Калэ. Трупъ за трупомъ колышутся по спокойной

Германская „культура“.

зеленоватой водѣ канала. Это нашествіе германцевъ на Калэ. Они должны были туда итти живыми, но плывутъ туда мертвыми. И всего ужаснѣе то, что вмѣстѣ съ ними туда плывутъ въ своемъ послѣднемъ страшномъ путешествіи и защитники Калэ: французы, бельгійцы, англичане... Несчастіе заразительно: обрушившись на германцевъ, оно схватило и ихъ противниковъ. И вотъ, и тѣ и другіе соединились въ катастрофѣ великой битвы—и волны Изера несутъ ихъ одинаково въ тотъ вѣчный океанъ, откуда люди возстанутъ лишь въ день Воскресенія.

Велики страданія и самихъ насильниковъ. „Дорогая мама! — пишетъ въ окопахъ нѣмецкій солдатъ. — Мы опять имѣли успѣхъ: наши кладбища достигли уже моря“... Да, ихъ кладбища распространились до Ламанша, ихъ трупы плывутъ до самаго Калэ — и пока въ этомъ только и заключается ихъ кровавый успѣхъ... И если нѣмцами предводительствуетъ Смерть, то какой же иной успѣхъ и можетъ быть у Смерти?

Въ творчествѣ Л. Ремэкерса много сарказма. Этотъ сарказмъ чувствуется уже въ предыдущихъ, упомянутыхъ нами рисункахъ. Но у него есть произведенія, въ которыхъ острая сатира и иронія занимаютъ преобладающее мѣсто. Что такое „германская культура?“— спрашиваетъ художникъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рисункомъ, изображающимъ уличную сцену во время киданія снарядовъ съ нѣмецкаго аэроплана... Убита молодая женщина... еще кто-то убитъ: полицейскіе и толпа наклоняются надъ кѣмъ-то. И въ порывѣ отчаянія мужъ убитой женщины потрясаетъ кулаками, грозя летающимъ наверху „культурнымъ авіаторамъ“. Вотъ что такое германская культура: усовершенствованныя орудія, цѣль которыхъ—смерть, страданія, разрушеніе.

Еще ярче сарказмъ художника сказывается въ художественной иллюстраціи къ цитатѣ извѣстнаго нѣмецкаго военнаго писателя Бернарди: „Война божественна: она такъ же необходима человѣку, какъ пища и питье“.

На Изерѣ, по пути въ Калэ.

Въ германскихъ окопахъ. Изъ солдатскаго письма: „Дорогая мама! Мы опять имѣли успѣхъ: наши кладбища достигли уже моря“...

Сатана подслушалъ эту фразу и говоритъ съ своимъ дьявольскимъ смѣхомъ кровожадному писателю: „Будемъ союзниками, доблестный воинъ!“

Ремэкерсъ не оставляетъ своимъ сарказмомъ и самого виновника войны. Что думаетъ Вильгельмъ въ часы своего ночного одиночества? Какія мысли приходятъ въ голову ему, добровольно вступившему въ союзъ съ Сатаной вмѣстѣ съ „доблестнымъ воиномъ“ Бернарди? Должно-быть, невеселы эти мысли, и велико разочарованіе въ Сатанѣ и дѣлахъ его: Вильгельмъ просыпается поутру, открываетъ потускнѣвшіе мертвенные глаза и вспоминаетъ, что ему снился сладкій сонъ: „Мнѣ снилось, что ничего этого не было!“... Но уже никакимъ кровавымъ топоромъ не вырубишь того, что свершилось и еще свершится. И тѣмъ тяжелѣе будетъ дальнѣйшее пробужденіе — неотвратимое пробужденіе изъ кровавой яви въ невѣдомое будущее...

Быть-можетъ, думается ему также и другое: зачѣмъ было ему надѣвать на себя личину кроткаго миролюбца и прятать подъ ней свои истинныя черты мясника и палача? Все равно разоблачающая „Желтая книга“ явилась къ нему въ образѣ гнѣвной Франціи и сорвала съ него маску.

Таково творчество „нейтральнаго художника“ Людвига Ремэкерса. Слѣдуетъ замѣтить, что Ремэкерсъ не только талантливый художникъ и поэтъ, но и смѣлый въ гражданскомъ смыслѣ человѣкъ. О его „нейтральности“ мы уже говорили. Голландецъ, представитель маленькой и запуганной страны, надъ которой занесенъ тевтонскій мечъ, готовый упасть на ея дѣятелей при любомъ удобномъ случаѣ, Ремэкерсъ не боится быть откровеннымъ и откровенно выражать свои симпатіи антинѣмецкой коалиціи. Въ Голландіи теперь не такъ-то безопасно проявлять подобныя симпатіи. Голландское правительство требуетъ отъ представителей печати искусства воздерживаться отъ всего, что можетъ задѣть ту или иную воюющую сторону (разумѣется, прежде всего Германію). Общественное мнѣніе большинства также боится проявлять свои симпатіи Бельгіи и Франціи. И „симпатизирующимъ“ грозятъ серьезныя осложненія.

Но Ремэкерсъ и журналъ „Telegraaf", въ которомъ впервые появились его знаменитые рисунки, стоятъ выше этой эгоистичной щепетильности и не боятся быть независимыми въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ.

Смѣлый сатирикъ, независимый умъ, самостоятельный талантъ, умѣющій и бичевать зло и насиліе и оплакивать его жертвъ. Ремэкерсъ умѣетъ звать за собою сочувствующихъ и бичевать робкихъ и уклоняющихся.

Пишите!

Изъ окоповъ, изъ темныхъ халупъ,
Изъ могучихъ незримыхъ прикрытій
Вы услышьте нашъ голосъ, друзья
Пишите!

Вы, что въ милыхъ далекихъ краяхъ
Нашу честь, нашу радость храните—
Вспоминайте ушедшихъ отъ васъ:
Пишите!

Обо всемъ, что на память придетъ,
Обо всемъ, что на сердцѣ таите,
Но безъ жалобъ трусливыхъ и слезъ
Пишите!

Здѣсь такъ дороги письма отъ васъ,
Здѣсь они—какъ незримыя нити
Между родиной, жизнью, душой...
Пишите!

Г. Вяткинъ.

Иванъ Калининъ.

Очеркъ **К. Кравцова.**

Наканунѣ злополучнаго дня Иванъ Калининъ особенно долго оставался въ мертвецкой, такъ какъ работы было по горло, и ему одному трудно было поспѣть все приготовить къ сроку. Надо было и гробы заказать, и на кладбище сбѣгать насчетъ могилъ, и въ канцеляріи побывать, писаря попросить, чтобы выписалъ на отдѣльный листокъ имена и нумера умершихъ, и въ цейхгаузъ сходить за вещами, выбрать для нихъ, что нужно; доложить кастеляншѣ насчетъ бѣлья; батюшку оповѣстить насчетъ панихиды, обмыть, обрядить усопшихъ... словомъ, цѣлая уйма дѣлъ!

Въ иные дни такъ бывало, что и вовсе нечего дѣлать, а въ иные случалось, точно нарочно, помирали одинъ за другимъ: справился, обрядилъ одного, смотришь, принесли другого... Опять начинай сначала!..

Горе Богоматери. Рисунокъ Л. Ремэкерса.

И все бы это для Калинина пустяки: работы онъ не боялся, любую давай, возьмется и сдѣлаетъ хорошо, а только такая работа, какъ эта, была не по немъ: непривычно и хлопотно, и тяжело... А въ послѣднее время онъ особенно сталъ тяготиться своей работой. Мертвыя лица его давили, и каждый покойникъ казался ему живымъ упрекомъ.

„Что же, Господи... Какъ же быть? Стало-быть, такъ ужъ надо... Никто не знаетъ ни дня ни часа, когда позоветъ Господь..." -думалъ порой Калининъ, какъ бы въ чемъ-то оправдываясь передъ ними.

Но это не помогало. И беззвучныя, сомкнутыя уста, казалось, попрежнему говорили...

— Мы уже умерли... умерли... умерли!

Точно они за что-то упрекали его, живого, а за что—онъ и самъ не умѣлъ сказать...

Если бъ вначалѣ его спросили, хочетъ ли онъ взяться за это дѣло, онъ бы категорически отказался, но его никто не спросилъ: просто назначили да и ладно. Старшій санитаръ при назначеніи всѣхъ остальныхъ только и сказалъ:

— А ты, Калининъ, въ мертвецкой будешь...

— Слушаю-съ...—отвѣчалъ Калининъ.

Первые дни было даже немного жутко. Принесутъ человѣка безъ ногъ, обрубокъ какой-то, а не человѣкъ—глаза закрыты, губы искусаны, лицо, какъ земля, смотрѣть невозможно, а онъ хлопочи, обмывай, обряжай, перекладывай съ мѣста на мѣсто...

И это бы еще ничего: дѣлай, какъ полагается, все по порядку — надо же кому-нибудь дѣлать, но только не думай при этомъ дѣлѣ...

А вотъ этого какъ разъ и не могъ Иванъ Калининъ. Какъ нарочно, за работой и досаждали ему разныя мысли, лѣзли и лѣзли, словно дѣйствительно черныя мухи ползли подъ черепъ.

Обряжаетъ покойника Иванъ Калининъ, а самъ думаетъ про него:

„Вотъ и нѣтъ человѣка! Былъ — и нѣтъ! Дѣлай теперь съ имъ, что хочешь... Хочешь въ гробъ положи, хочешь такъ закопай, какъ хочешь: ему теперь все едино... Ни обиды, ни злобы ни на кого: лежитъ, какъ дите, смиренно... Нѣтъ ему заботы до тѣла: земля обратится въ землю... а душа на небо уйдетъ... Такъ-то... А дома, поди, ребятишки... жена... Убиваться станутъ, когда узнаютъ... А можетъ, еще старуха жива... Тоже и ей утѣшеніе на старости будетъ... Господи, спаси и помилуй!.. Лучше, когда одинъ... Покрайности самъ за себя отвѣтчикъ..."

Мысли такъ и плывутъ, такъ и лѣзутъ... Иванъ Калининъ не можетъ уже только думать—онъ начинаетъ разговаривать вслухъ, обращаться къ покойнику, какъ къ живому, пробуетъ даже его утѣшить, и голосъ становится тонкій и жалостный, какъ у бабы.

— Дай-ка, рубашку тебѣ одѣну... Рученьку-то подними... Вотъ такъ... Чисто и хорошо... И исподніе тоже... Новенькіе, не одѣванные еще... И носочки какъ разъ по ногѣ... вотъ видишь... А въ гробу-то сосенкой пахнетъ, смолой сосновой... Успокойся, родимый! Эхъ, землячокъ, землячокъ! Ничего... Что же... Господи! Какъ-нибудь... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Глядишь и семейства твоего тоже такъ не оставятъ... поспособствуютъ какъ-нибудь... Мало ли что бываетъ... Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Такъ-то... Лежи, голубокъ, лежи... Панихидку отецъ Николай отслужитъ... Въ воскресенье съ музыкой повезутъ... Видишь какъ... А въ деревню супругѣ твоей письмо напишемъ... Дескать, померъ супругъ вашъ, Никита Силантьевъ, воспріялъ мученическій вѣнецъ, за родину жизнь положилъ... А вы не плачьте, потому теперь не вернешь... А хлопочите способіе отъ казны черезъ добрыхъ людей, али еще черезъ волость. И способіе будетъ... и вамъ и дѣткамъ... И не убивайтесь горько объ емъ, потому ему теперь хорошо, а ваше дѣло сиротское, надо себя поберечь для дѣтокъ вашихъ... А за симъ остаемся и желаемъ отъ Господа утѣшенія вамъ въ скорбѣхъ вашихъ...

Иванъ Калининъ не торопился, когда говорилъ, онъ будто разсказывалъ что-то размѣреннымъ, тоненькимъ голоскомъ, ласково такъ, словно плачущаго ребенка хотѣлъ утѣшить. Дѣлалъ все аккуратно, чисто и хорошо, можно было подумать, что онъ обряжаетъ въ могилу самаго близкаго человѣка.

— Ну, вотъ, голубокъ—и ладно... А теперь помолимся о тебѣ, о душенькѣ о твоей попросимъ Бога. Вотъ отецъ Николай панихидку ужо отслужитъ... Упокой, Господи, раба Твоего Никиту, сподоби, Господи, Царствія Твоего, идеже праведніи упокояются...—крестился Иванъ Калининъ на образъ, затѣмъ, поднимая крышку, тяжело опускалъ на гробъ.—Лежи, родимый...

И, покончивъ съ однимъ, Иванъ Калининъ тотчасъ принимался за другого. Та же неторопливость и аккуратность въ работѣ, тѣ же ласковыя слова, тотъ же немного задумчивый, мерцающій, тихій взглядъ...

Было уже довольно поздно. Горѣла лампа. Блѣдныя полосы свѣта едва разряжали холодную тьму мертвецкой. Въ углу на скамейкѣ лежалъ покойникъ, худой и длинный, съ огромнымъ, вздувшимся животомъ.

Иванъ Калининъ съ засученными рукавами склонился надъ нимъ, намыливая мочалку. Онъ и самъ былъ точно покойникъ. Болѣзненный, чахлый, блѣдный... И темныя пятна, какъ тлѣнъ, лежали у него подъ глазами и на лицѣ. Въ тѣлѣ чувствовалась усталость. Хотѣлось уйти въ казарму и отдохнуть. Но прежде надо было окончить дѣло. Ныли спина и ноги. Ни о чемъ не хотѣлось думать. А мысли ползли и ползли... невеселыя, нудныя, утомляющія, какъ боль...

Потихоньку скрипнула дверь, слегка пріоткрылась, и въ нее просунулась маленькая, какъ у ежика, голова.

— Ты здѣсь, Калина?

— А ну?

Маленькая голова увлекла за собою такую же маленькую фигурку. Это былъ санитаръ Жаколкинъ. Съ перваго дня казарменной жизни они познакомились и сдружились, и теперь спали рядомъ и по-братски дѣлили между собою табакъ и сахаръ.

— Вотъ оно, братъ Калина, какое дѣло...—сказалъ Жаколкинъ, входя.

— А что такое?—спросилъ Калининъ.

— Да рыжій-то, братецъ, померъ!..

— Чего?

— Ей-Богу, померъ! Сейчасъ принесутъ сюда.

— Какъ такъ—померъ?

— Да такъ... Какъ помираютъ?.. Чудакъ человѣкъ!.. Взялъ и померъ...

— Да вѣдь онъ поправлялся...

— Ну, мало ли что... А вотъ и померъ...

Калининъ положилъ на скамейку намыленную-было мочалку, вытеръ передникомъ руки, перекрестился на образъ и проговорилъ:

— Царство небесное, коли такъ... А намедни мы съ нимъ въ деревню письмо писали...

— Не думалъ, поди, что помреть...

— Никакъ не думалъ...

— И бабѣ евонной писали, что ли?

— И ей...

— Ну, такъ вотъ, братъ Калина,—померъ...

Калининъ не отвѣчалъ. Онъ стоялъ и о чемъ-то думалъ. И то, что онъ думалъ, отражалось у него на лицѣ, въ печальной линіи губъ, въ широкой складкѣ на лбу и въ тихомъ, мерцающемъ взглядѣ свѣтившихся карихъ глазъ.

— И дохтуръ не зналъ, что помреть... — сказалъ Жаколкинъ.

— Кто же зналъ...

— Никто... А тольки лопнула жила... Шутъ ее знаетъ... Съ натуги, что ли... Операцію сдѣлали дохтура. А тольки не помогло. Такъ... такъ...

— Да вотъ, никакъ идутъ...—добавилъ Жаколкинъ. Такъ и есть... Принимай земляка, Калина!..

За дверями послышался топотъ тяжелыхъ солдатскихъ ногъ. Чей-то недовольный и грубый голосъ сердито крикнулъ:

— Куды напираешь! Держи, говорятъ, правѣй!..

Дверь отворилась, и санитары внесли носилки.

Часа полтора спустя Иванъ Калининъ уходилъ изъ мертвецкой. Было уже очень поздно, не было ни бѣлья, ни одежды, ни гроба, а потому обмываніе земляка онъ долженъ былъ отложить до утра. Всѣ остальные лежали уже въ гробахъ.

Передъ уходомъ Иванъ Калининъ подошелъ къ земляку, лежавшему въ сторонѣ на скамейкѣ, подъ самымъ окномъ, снялъ съ него бѣлую простыню и посмотрѣлъ на лицо.

Оно измѣнилось довольно рѣзко. Обострилось, вытянулось, пожелтѣло. Слегка пріоткрытый ротъ дѣлалъ его недовольнымъ, особеннымъ, неспокойнымъ, не такимъ, какъ у всѣхъ остальныхъ умершихъ. Иванъ Калининъ прижалъ у него плотнѣе нижнюю челюсть къ верхней, нѣсколько секундъ продержалъ—и ротъ закрылся.

Теперь оно стало такое же, какъ и у всѣхъ. Упрямые рыжіе вихорки торчали на головѣ то тутъ, то тамъ. Нѣсколько волосковъ прилипло ко лбу... Ампутированная нога, приставленная къ туловищу, только уродовала фигуру. Калининъ потрогалъ ее рукой, посмотрѣлъ на вздутый животъ солдата и болѣзненно сморщилъ лобъ.

— Эхъ, Терентій, Терентій! — сказалъ онъ тихо. — Думаешь, я не знаю... Совѣсти нѣтъ у меня, али что... Али я деревянный какой, не вижу... А мнѣ-то развѣ легко? Съ утра и до ночи на

Жертвы пловучей мины. Рисунокъ Л. Ремэкерса.

„Маску долой!" Рисунокъ Л. Ремэкерса.

энтомъ дѣлѣ!.. Да нешто можетъ стерпѣть душа! Господи! Милый ты мой! Нешто я до конца останусь?.. Вотъ тебя ужъ и нѣтъ на свѣтѣ... Убили тебя вороги злые... А думаешь, я не пойду... прятаться буду, что ли... Коли надо—пущай ужъ всѣ... И я, и другіе, и всѣ, кто можетъ... Пущай идутъ... Пущай до конца постоимъ всей землею... Справляться тогда ужъ всѣмъ... Милый ты мой! Думаешь, я не знаю... А Наталья твоя убиваться не будетъ, что ли?.. Господи! Что говорить. А сиротка твоя — Машутка? Не вспомнитъ нешто отца?.. А легко ли смотрѣть на это?.. А чимъ ея слезы сиротскія осушить?.. А нешто одна Машутка на бѣломъ свѣтѣ!.. Эхъ, Терентій, Терентій! Пойду и я... Можетъ, Господь сохранитъ — не убьютъ... — Калининъ вдругъ наклонился и, приложившись губами къ холодному лбу солдата, тоскливо и жалобно проговорилъ:—Прощай, желанный!..

И, покрывъ земляка, онъ неспѣша подошелъ къ иконѣ.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ!.. — повторилъ онъ нѣсколько разъ, сдѣлалъ земной поклонъ, медленно всталъ съ колѣнъ, снялъ со стѣны горѣвшую лампу, задулъ — и пошелъ изъ мертвецкой.

Въ казармѣ уже всѣ спали, когда Калининъ пришелъ туда.

Жаколкинъ, раскинувшійся на койкѣ, лежалъ непокрытый: подушка и одѣяло свалились на полъ. Калининъ досталъ и то и другое, встряхнулъ, положилъ на кровать, поправилъ, затѣмъ раздѣлся и легъ съ пріятелемъ рядомъ.

Вечеромъ слѣдующаго дня они сидѣли въ казармѣ и пили чай. Это были единственныя минуты, когда санитары могли отдохнуть послѣ цѣлаго дня тяжелой, изматывающей работы. Они собирались всѣ вмѣстѣ, за исключеніемъ тѣхъ, кто оставался на ночное дежурство, пили чай, разговаривали, шутили, писали письма домой, перечитывали полученныя изъ дому, иногда пѣли пѣсни, кто-нибудь тренькалъ на балалайкѣ или „разводилъ" на гармоникѣ—и получалось подлинное веселье...

Среди санитаровъ были люди, интересовавшіеся газетой, обсуждавшіе наши дѣла на театрѣ военныхъ дѣйствій: у нихъ были карты войны, и они отмѣчали карандашомъ города, завоеванные нашими войсками... Эти непремѣнно хотѣли добраться до Вѣны и до Берлина.

Но были среди солдатъ и такіе, что, казалось, не интересовались ничѣмъ на свѣтѣ: едва приходили въ казарму, какъ сейчасъ же заваливались на койку... Такихъ было мало. Чаще всего солдаты составляли группы, и въ каждой отдѣльной группѣ былъ цѣлый отдѣльный мірокъ своихъ интересовъ и настроеній. Излюбленной темой для многихъ была деревня.

Калининъ и пріятель его Жаколкинъ принадлежали именно къ тѣмъ, которые жили и думали о деревнѣ, знали только одну деревню, и кромѣ деревни ничего не хотѣли знать.

Они и сдружились на этой почвѣ.

— Вотъ теперь ты въ деревню письмо и напишешь, и объяснишь, какъ и что...—говорилъ Жаколкинъ Калинину, наливая на блюдечко чай и вытирая вспотѣвшій лобъ.—Первое дѣло надобно объяснить: женщины тоже народъ извѣстный,—не объяснишь ей какъ слѣдуетъ быть, пуще того убиваться станетъ, а ежели все растолкуешь, смотришь,—она ничего, погорюетъ да и смирится... Главное, чтобы способіе вышло... въ этомъ и все, потому, какъ семейство большое, дѣтишекъ много, а достатокъ какой! Безъ работника нешто прокормишь семью такую!..

— Знамо дѣло,—способіе будетъ...—сказалъ Калининъ.

— Вотъ про то и пиши.

— А какъ же...

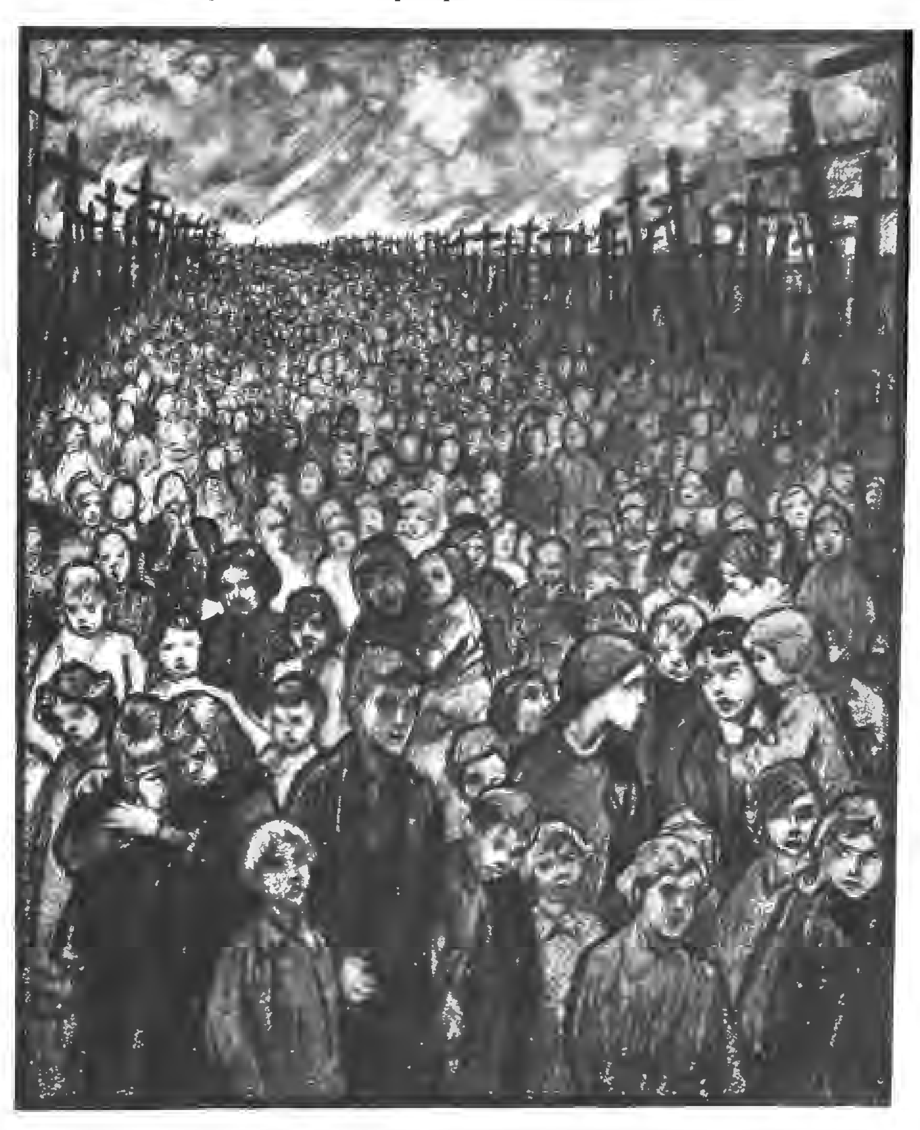
— Ну, вотъ... А про то не пиши, что съ ногою несчастье вышло... Про то не надо... Мало ли что бываетъ... Пошто ее огорчать напрасно...

— Да нешто я буду писать просто?..—сказалъ Калининъ.—Да избави меня Господь! Я про что говорю: самому-то мнѣ несподручно... Дѣло-то этакое не по мнѣ... Непривычное дѣло... А ежели я и терпѣлъ, такъ тоже, можно сказать, семейства ради... А теперь не хочу и не буду... Старшому такъ и скажу,—какъ хочетъ... Пущай на фронтъ отправляютъ... Я ли первый! Вся земля, можно сказать, всколыхнулась...

Жаколкинъ молчалъ.

— Вотъ то-то и есть, Егорій... Я-то здѣсь—и мнѣ ничего... а земляка уже нѣтъ... Положилъ животъ за други своя... А были одной деревни... Подъ одной березкой росли... Такъ-то, милый... И товарищъ онъ былъ душевный и человѣкъ аккуратный, справный... И вотъ ужъ онъ тебѣ не откажетъ ни въ чемъ: ежели, скажемъ, лошадка нужна, али телѣга, али деньжонокъ маленько взаймы, когда придется... Да вѣдь самъ бѣдовалъ, миляга, и семейство теперь ни съ чѣмъ оставилъ.

— Хорошихъ-то Богъ прибираетъ... сказалъ Жаколкинъ.



Въ странѣ крестовъ. „Гдѣ покоятся наши отцы?.." Рисунокъ Л. Ремэкерса.

— Въ этомъ дѣло...—вздохнулъ Калининъ.—Намедни мы съ нимъ письмо писали. А онъ быдто зналъ, что помреть... и поклоны всѣмъ наказалъ... всѣмъ... всѣмъ... Ерошкина дѣдку вспомнилъ... и тому наказалъ поклонъ... А старикъ на печи лежитъ, встать не можетъ... поди, ужъ лѣтъ десять лежитъ, когда не болѣ... И деревня его забыла совсѣмъ... а онъ-то вспомнилъ...

— Вотъ, поди жъ ты... сказалъ Жаколкинъ.

— Такъ-то, милый... Вспомнилъ, какъ есть. „Отпиши, говоритъ, поклонъ Ерошкину дѣдкѣ тоже...“

Калининъ, видимо, волновался, когда говорилъ. Руки у него дрожали, голосъ неестественно пресѣкался, и онъ то вставалъ съ табурета, на которомъ сидѣлъ, то садился опять, то вертѣлъ папиросу, то брался за чай, то вдругъ замолкалъ и сидѣлъ неподвижный, съ опущенной головой, думая о чемъ-то своемъ, быломъ и далекомъ, чего уже не раздѣлишь ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ...

Въ воскресенье онъ похоронилъ своего земляка. Вернувшись домой, Иванъ Калининъ отправился въ канцелярію и, узнавъ, что старшій врачъ у себя въ кабинетѣ, рѣшительно постучался къ нему. Получивъ разрѣшеніе войти, Калининъ скрылся за дверью. Старшій врачъ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Правда, Калининъ, что ты хочешь отъ насъ уйти?

— Такъ точно, ваше-скородіе, если возможно- прошу васъ, увольте меня отседа...

— Что же такъ? Развѣ тебѣ тяжело служить?

— Точно такъ... Тяжело... Силъ моихъ больше нѣтъ... Непривычное это занятіе для меня... Неподручное дѣло... Никакъ не могу... увольте...

— Но вѣдь тебя отошлютъ на фронтъ... Тамъ еще тяжелѣе будетъ...

— Точно такъ.

— Наконецъ, ты рискуешь жизнью... Тебя могутъ убить... а ты человѣкъ семейный...

— Воля Божья,—сказалъ Калининъ. -Убьютъ, такъ убьютъ... Что же дѣлать?.. Не я первый, не я послѣдній...

— А какъ же семья?

Пробужденіе Вильгельма: „Мнѣ снилось, что ничего этого не было“!...
Рисунокъ Л. Ремэкерса.

— Воля Божья... Нешто одинъ я - Иванъ Калининъ? Господи! Сколько народу теперя осталось!.. Сиротъ... А чимъ они хуже насъ? Какъ положитъ Господь, такъ и будетъ...

— Значитъ, хочешь уйти?

— Такъ точно...

— А въ палату не хочешь? Мы тебя можемъ перевести изъ мертвецкой...

— Покорнѣйше благодарю, ваше-скородіе, нѣтъ ужъ, увольте...

— Совсѣмъ?

— Такъ точно...

Старшій врачъ бѣгло взглянулъ на него, насупивъ брови, помолчалъ и подумалъ.

— Останься, Калининъ, что ли?— сказалъ онъ мягко.

— Увольте, ваше-скородіе...

— Ну, какъ хочешь... А то подумай...

— Думалъ, ваше-скородіе...

— Что же дѣлать!.. Тогда отправляйся съ Богомъ... Писарь напишетъ тебѣ бумагу...

— Слушаю-съ, ваше-скородіе...

— Счастливо тебѣ, Калининъ!

— Благодарствуйте, ваше-скородіе... Спасибо за милость...

И, повернувшись по-военному на каблукахъ, Калининъ тихонько вышелъ, осторожно захлопнувъ дверь.

Ночью, когда всѣ спали, онъ сидѣлъ и писалъ письмо. Строчки кривились, буквы прыгали и неровно ложились рядомъ, иногда заползали одна на другую, такія неуклюжія и большія.

„Во первыхъ строкахъ моего письма, — писалъ Калининъ женѣ: — посылаю съ любовью низкій поклонъ матушкѣ нашей Акулинѣ Силантьевнѣ, супругѣ нашей Авдотьѣ Степановнѣ, а также и дѣткамъ нашимъ Ермолаю Ивановичу и Аленѣ Ивановнѣ посылаю свое родительское благословеніе и съ любовью низкій поклонъ... А еще прошу васъ, Авдотья Степановна,—писалъ онъ нѣсколько ниже, сообщивъ о своемъ здоровьѣ и о томъ, что его отправляютъ въ другое мѣсто:—писемъ вы мнѣ не посылайте, а то еще самъ не знаю, гдѣ буду находиться, въ которой части, и письмо ваше можетъ тогда не пріити, а вы будете думать, что я его получилъ, и надѣяться на отвѣтъ, а я про него и знать не буду... Лучше вы мнѣ напишите, когда получите адрисъ. А за симъ я спишу вамъ сообщить, что сосѣдъ нашъ Терентій Спиридоновъ 11-го числа скончался въ нашимъ Госпитали и уже похороненъ на военнымъ кладбищѣ, и ему крестъ

Сатана: „Будемъ союзниками, доблестный германскіи воинъ!“
Рисунокъ Л. Ремэкерса

поставленъ, какъ слѣдуетъ быть, и написано на крестѣ, кто такой есть, чтобы могила его не затерялась.

„А супругу ево, Наталью Ивановну, вы навѣстите и утѣшьте ее въ слезахъ сиротскихъ, и пусть ей Господь Богъ поможетъ въ ея испытаніи, посланномъ ей отъ Господа Бога... И письмо отъ себя мы ей посылаемъ также, чтобы она знала, какъ поступить и куда обратиться съ просьбой нащетъ способія отъ казны, и чтобы знала, какъ надо дѣйствовать черезъ Волость...

„А еще я долженъ вамъ сообщить, Авдотья Степановна, чтобы вы не тревожились обо мнѣ, потому какъ меня посылаютъ въ неопасное мѣсто, а только еще не знаю, куды, а только знаю, что тамъ ничево плохово не будетъ, и Господь сбережетъ отъ чесчастья, и вернусь опять домой цѣлымъ и невредимымъ.

„А ежели что и случится, такъ, значитъ, такъ Господу Богу угодно было, и никуда бы я отъ этого не ушелъ все едино, хотя бы и дома сидѣлъ и въ опасности вовсе бы не находился. А за симъ до свиданья, дорогая супруга наша, Авдотья Степановна, и желаемъ мы вамъ отъ Господа Бога здоровья и матушкѣ нашей и дѣткамъ также, и чтобы вы не сокрушались и не безпокоились бы о насъ..."

Дальше слѣдовали поклоны и пожеланія сосѣдямъ—малому и большому, каждому въ одиночку.

Окончивъ письмо, Иванъ Калининъ аккуратно его сложилъ, запечаталъ въ конвертъ, наклеилъ марку и положилъ подъ подушку.

Затѣмъ, помолившись Богу, опустился на табуретъ и сталъ раздѣваться.

— —

Поѣздъ уже стоялъ наготовѣ. Солдаты толпились возлѣ ларьковъ, пользуясь возможностью закупить себѣ на дорогу кое-что изъ съѣстного, нѣкоторые сбѣгали за кипяткомъ и возвращались съ чайниками къ своимъ вагонамъ, нѣкоторые прогуливались по перрону, иные стояли на полотнѣ или сидѣли на шпалахъ.

Иванъ Калининъ и провожавшій его Жаколкинъ были уже въ вагонѣ. Оба сидѣли молча, изрѣдка только поглядывая другъ на друга. Курили, сплевывали въ сторону и равнодушно скользили по лицамъ солдатъ, шумно устраивающихся въ вагонѣ. Говорить не хотѣлось, да, собственно, и нечего было больше сказать другъ другу. За эти послѣдніе дни совмѣстной казарменной жизни пріятели имѣли возможность переговорить обо всемъ и теперь, хорошо понимая другъ друга, сидѣли и ждали только звонка. И когда онъ раздался, Жаколкинъ поднялся съ мѣста, простился съ Калининымъ и выскочилъ на полотно.

Протяжно и густо загудѣлъ паровозный гудокъ, шевельнулись переполненные вагоны, сердито стукнулись буфера, и, скрипя, покатились налаженныя колеса.

Калининъ смотрѣлъ изъ вагона.

— Прощай, Егорій!..

— Счастливо! Прощай, Калина! Слышишь, я говорю: може, и я... Вотъ еще поживу маленько... а тамъ, какъ и ты...

Калининъ сочувственно улыбнулся.

— Надумаешь, такъ ступай!.. — крикнулъ онъ на ходу.

Жаколкинъ стоялъ на мѣстѣ и помахивалъ шапкой. Калининъ кивалъ ему головой.

Поѣздъ медленно удалялся...

„Безболѣзненная" дрезина для перевозки раненыхъ. За ранеными.

„Безболѣзненная" дрезина для перевозки раненыхъ изобрѣтенная Н. Н. Брудинскимъ. На фотографіи обозначены знакомъ ╳—уполномоченный летучаго отряда Краснаго Креста В. П. Бойко; знакомъ ╳╳—сестра милосердія отряда О. Мясникова. (См. „Отклики войны").

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" кн. 14.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Выданъ 7-го ноября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес.—25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за ноябрь.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ" 1916 г.

Съ приложеніемъ **40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ"**, содержащихъ:

2-ю серію ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА,**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО,**

НОВЫЯ ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ **Ант. Павл. ЧЕХОВА** и

Романъ Шарля ДЕ-КОСТЭРА: **„БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ"** („УЛЕНСПИГЕЛЬ").

2 НОВЫЯ СПЕЦІАЛЬНЫЯ КАРТЫ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ двухъ фронтовъ: 1) **западнаго** (русскаго), размѣромъ 61 × 95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) **западно-европейскаго**, размѣромъ 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, **подъ ред. проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧН. ЖУРНАЛА **„Литературныя и популярно-научныя Приложенія".**

12 №№ „НОВѢЙШИХЪ МОДЪ". До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ" на **1916** годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ" **1916** г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:		Безъ доставки:		Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи	Допускается РАЗСРОЧКА платежа
Безъ доставки	8 р. 50 к.	1) въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.	9 р. 25 к.	10 р.	**въ два срока** (при подпискѣ 5 р. и 1 іюня 5 р.), **въ три срока** (при подпискѣ 4 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 августа 3 р.) и **въ 4 срока** (при подпискѣ 2 р. 50 к., 1 марта 2 р. 50 к., 1 іюня 2 р. 50 к. и 1 августа 2 р. 50 к.).
Съ доставкою	9 р. 50 к.	2) въ Одессѣ: въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ".	9 р. 50 к.		

Подробное объявленіе см. въ № 44 на стр. 804а—804г.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Какъ пишутся прош. и жалобы на Высочайшее Имя.
3813 Руков. цѣна 50 к. Треб. адр.: Москва, отд. 5, изд—ству **Д. Куманова.** 5-2

Новый законъ о ратникахъ 2-го разряда
3782 ц. съ перес. 70 коп. Треб. адр.: Москва, издательству Д. Куманова. 10-5

ДЛЯ СЛАБЫХЪ, МАЛОКРОВНЫХЪ, НЕРВНЫХЪ
ГЕМАТОГЕНЪ д-ра ГОММЕЛЯ
РУССКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
испытанное укрѣпляющее средство. 3821
ЦѢНЫ НЕ ПОВЫШЕНЫ. **Имѣется Вездѣ.**
Заводъ Гематогена д-ра Гоммеля, Петроградъ, Смоленская ул., соб. д.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

ТРЕБУЮТСЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЪ ПРОВИНЦІИ.
Адр.: **Акціонерное Общество „МУРАВЕЙ".**
Петроградъ, 3-я Рождественская, 26. Отд. 2.
(Основной капиталъ Р. 3.000.000).

КАКЪ ПОДГОТОВИТЬСЯ И ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРАПОРЩИКИ
или вольноопред.? Руков. ц. 1 р. Треб. адр.: Москва, отд. 5, изд. **Д. Куманова.**

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРІЯТНЫЙ КРЕМЪ

Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обѣляетъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностію. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°.

ВНИМАНІЕ!

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ поддѣлокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
ПЕТРОГРАДЪ.

ОНИ ВСѢ БРЕЮТСЯ

БЕЗОПАСНОЙ САМОПРАВЯЩЕЙСЯ БРИТВОЙ

„АвтоСтропъ"

потомучто она **НЕ ТРЕБУЕТЪ** лишнихъ затратъ на частыя покупки новыхъ лезвій:

ИМѢЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ И У ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБЩЕСТВА

О. К. СПАНДИКОВЪ. МОСКВА, Мясницкая, Кривоколѣнный 14.

Цѣна бритвъ 4-кратнаго серебренія въ изящномъ кожаномъ футлярѣ, 12 запасныхъ лезвій и ремень для правки **12 руб.**

Auto-Strop. Safety Razor Co., Ltd. London.

ШКОЛА РИСОВАНІЯ,

ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.

Мнимая „неспособность" къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ", даемъ возможность всѣмъ **„заочно" научиться рисованію** и живописи подъ руководств. лучшихъ педагоговъ для собственнаго удовольствія или для какихъ-либо практическихъ цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ" является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіяся къ области искусства. **„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ"** издается подъ редакціей проф. Акад. Худож. **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ больш. формата, роскошно-иллюстрир. красочн. и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 30 к. (за налож. платеж. 25 к.).

Подробные проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО.

Т-во „БЛАГО", Петроградъ, Николаевская ул., 44—40.

ЕЛКА ПО ПОЧТѢ

Настоящимъ увѣдомляемъ нашихъ покупателей что, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, мы начали высылку коллекцій украшеній и сюрпризовъ для ёлки.

НАШИ УСЛОВІЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫ.

Пересылка въ пред. Европ. Россіи за счетъ **фирмы.**
Отправка коллекцій наложен. платежомъ **безъ задатка.**

Коллекція изъ 145 предм. 2 руб. 35 коп.
Коллекція изъ 268 предм. 3 руб 50 коп.
Коллекція изъ 387 предм. 5 руб. 50 коп.
Коллекція изъ 514 предм. 8 руб.
Кол. изъ 617 пр. 11 р., Кол. изъ 731 пр. 15 р.,
Кол. изъ 922 пр. 20 р., Кол. изъ 1173 пр. 25 р. съ пересылкой.

Въ интересахъ постоянныхъ покупателей въ этомъ году мы удачно измѣнили содержаніе коллекцій и дополнили ихъ интересными новинками.

Ввиду могущей быть задержки на пути, просимъ поспѣшить съ заказами.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ БАЗАРЪ **И. ГЛАЗУНОВА.**
Москва, Столешниковъ, № 8.
Добросовѣст. и аккуратн. выполн. заказовъ гарантируется.
Описаніе коллекцій и каталогъ подарковъ **безплатно.** 5824 3-1

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ
НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,
ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ. 78.5
Остерегайтесь подѣлокъ.

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли **моимъ** безвредн. **домашнимъ** средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно **ИСКРЕННО** и **ЧЕСТНО.** Адресъ: **Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93**
3700 **Марія Егоровна Чурбанова.** 3-4

Спеціальн. лѣчебница **ЗАИКАНІЯ** отъ **А. К. Рейхе.** Подъ упр. врача. Укрѣпл. самоувѣрен. Брош. выс. безпл. Петроградъ, Итальянская. 15. 3-23

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп

АЛЬБОМЫ, Изящные настольные альбомы: героевъ современ. войны, извѣстн. артистовъ и артистокъ и другіе съ 20-ю худож. карточк. открытк. въ каждомъ, высылаю съ наложен. платеж. съ перес. 3 руб. и 1 р. 50 к. шт. Адр.: **Москва,** 3-я Тверск.-Ямская ул., д. 30. **Е. Д. Урусову.** 1-2

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скоропис. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ. и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористаго шрифт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.
ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощ. счетовъ и бумаги, значительно сокращ. труд. бухгалтер. и конторщ., и вычисленія на счетахъ всѣ 4 дѣйств. арием. Ц. 40 к. съ пер.
СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. налож. плат. дор. на 25 к.
Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Извѣстная на весь свѣтъ

автоматическая быстровязальная машина
„ВИКТОРІЯ"
стоитъ 150 рублей.

Вяжетъ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, еженедельно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 рубля заработной платы за каждую дюжину чулокъ или носковъ вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ. РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ, для легкой домашней работы. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
Предварительныхъ знаній не требуется.
Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40/42—11. ЛОНДОНЪ, E. C. 114 Leadenhall St.

Нов. изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

К. ЧУКОВСКІЙ.

Заговорили молчавшіе!

Томми Аткинсъ на войнѣ.
Съ 90 иллюстраціями.
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

К. ШУМСКІЙ.

ОЧЕРКИ МІРОВОЙ ВОЙНЫ

НА СУШѢ И НА МОРѢ.
Обзоръ военныхъ дѣйствій на главныхъ театрахъ.
Съ чертежами и рисунками.
Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылн. 1 р. 75 к.

В. В. МУЙЖЕЛЬ.

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

(на восточно-прусскомъ фронтѣ).
Съ рисунками.
Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылн. 1 р. 50 к.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ Контору изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ **въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ** (Петровскія линіи), **въ книжн. магазинѣ „Образованіе" въ Одессѣ** (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ
простуды, насморка
АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

КАЖДАЯ КОРОБКА СНАБЖЕНА
красной бандеролью и именемъ
VALDA

ПОЛУЧАТЬ МОЖНО
во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ
магазинахъ.

Цѣна
1 рубль.

Н. Canonne, Paris.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Борьба правительства съ дороговизной. Затяжная, небывалая по размѣрамъ и напряженію, общеевропейская война не могла, разумѣется, не отразиться на экономической жизни Россіи и Европы. Она оторвала отъ производительнаго труда десятки милліоновъ призванныхъ подъ знамена работниковъ, значительно сократила производство необходимыхъ продуктовъ и, удесятеривъ комплектъ военныхъ силъ, въ то же время подняла потребленіе. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей должно было явиться рѣзкое вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости, общее разстройство снабженія, дающее себя чувствовать по всей Европѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ оно грозитъ принять трагическіе размѣры общенародной голодовки. Въ наиболѣе критическомъ положеніи была Германія, экономически жившая русскимъ сырьемъ, питавшаяся наполовину русскимъ хлѣбомъ и кормившая свой скотъ русскими жмыхами и отрубями. Съ установленіемъ морской и сухопутной блокады внѣшніе источники народнаго питанія въ Германіи были закрыты. Германское правительство своевременно поняло опасность и приняло противъ нея энергичныя мѣры. На производство и потребленіе продуктовъ питанія оно взглянуло не какъ на частное, а какъ на общегосударственное дѣло. Оно объявило всѣ пищевые продукты государственною собственностью, реквизировало весь хлѣбъ и установило экономные раціоны его потребленія. И богачъ, и бѣднякъ, и милліонеръ, и нищій не могли съѣдать хлѣба больше установленной правительствомъ равной для всѣхъ порціи.

Каждый долженъ былъ ограничить свое потребленіе размѣрами строго необходимаго для поддержанія жизни и не лишить другихъ возможности пропитаться. Воспретивъ всякую роскошь и неумѣренность въ потребленіи продуктовъ питанія, запретивъ, напримѣръ, выпечку сдобнаго хлѣба и пирожныхъ, германское правительство позаботилось сколь возможно больше увеличить посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля, при чемъ, за неимѣніемъ лошадей, вспашка полей, съ свойственною нѣмцамъ жестокостью, нерѣдко производилась на запряженныхъ въ плуги русскихъ плѣнныхъ. Въ результатѣ расширенія запашекъ и нормированія потребленія Германія прожила до новаго урожая впроголодь, но все же не голодала, а устройство казенныхъ заводовъ по добыванію азота изъ воздуха дало ей возможность обойтись безъ привозныхъ удобреній.

Богатая хлѣбомъ Франція рѣшила продовольственный вопросъ образованіемъ національнаго продовольственнаго фонда. Англія, сохранившая свое владычество надъ морскими путями сообщенія, не почувствовала остраго продовольственнаго кризиса, благодаря не прекращающемуся подвозу изъ Австраліи, Африки и Америки. Благодаря нѣкоторому риску доставки и подъему міровыхъ цѣнъ, ей приходится лишь переплачивать въ сравненіи съ цѣнами, установившимися въ обычное, мирное время.

Россія, казалось бы, должна была пострадать отъ міроваго кризиса не столько въ качествѣ потребительницы, сколько въ качествѣ производительницы хлѣба. Прекращеніе вывоза за границу жмыховъ, зерна, мяса и прочихъ продуктовъ должно бы удешевить ихъ на внутреннемъ рынкѣ, но, вмѣсто того, все сразу вздорожало подъ вліяніемъ отчасти общаго пониженія курса денежныхъ знаковъ, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ хищной спекуляціи и задержки въ желѣзнодорожной доставкѣ. Въ Москвѣ и Петроградѣ дороговизна и недостатокъ продуктовъ питанія достигли размѣровъ опаснаго кризиса. Населеніе испытывало естественное недовольство искусственно созданной дороговизной и моментами выражало его въ высшей степени нежелательныхъ, съ точки зрѣнія государственнаго порядка, формахъ.

Съ назначеніемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ члена Государственной Думы А. Н. Хвостова, правительство сразу обнаружило въ области продовольственнаго вопроса несравненно больше энергіи, чѣмъ раньше. Выяснивъ, что недостатокъ муки и сахара въ Петроградѣ происходитъ вслѣдствіе чрезмѣрной забитости московскаго узла, въ которомъ скопилось свыше шести тысячъ груженыхъ вагоновъ, новый министръ съѣздилъ въ Москву, взялъ на себя иниціативу разгрузки и, по признанію нынѣ уже уволеннаго въ отставку главы путейскаго вѣдомства С. В. Рухлова, успѣшно справился съ этой задачей.

Въ Петроградѣ къ разгрузкѣ вагоновъ былъ примѣненъ военный автомобильный обозъ и организованы цѣлыя добровольческія артели изъ студентовъ-грузчиковъ. Новыя вѣянія сказались и на министерствѣ путей сообщенія, сократившемъ срокъ безплатнаго храненія прибывшихъ грузовъ. Широкій секвестръ грузовъ сахара и муки сразу облегчилъ остроту кризиса, и если бы напуганные временнымъ недостаткомъ продуктовъ обыватели не стали скупать муку и сахаръ въ запасъ, то можно думать, что снабженіе городовъ предметами первой необходимости постепенно вошло бы въ обычныя нормы.

Первый починъ дѣятельнаго отношенія власти къ народной нуждѣ далъ уже осязательные результаты. Привѣтствуя ихъ, нельзя забывать, что это только первый шагъ, за которымъ должны слѣдовать другіе. Устраняя разстройство въ подвозѣ продуктовъ, вызванное нарушеніемъ въ порядкѣ работы желѣзнодорожныхъ станцій, пробудившаяся власть, вѣроятно, займется устраненіемъ пагубной спекуляціи оптовиковъ коммерсантовъ и незаконно вторгнувшихся въ оптовую торговлю банковъ.

Всѣ усилія враговъ направлены на то, чтобы въ тылу сражающихся армій создать народное недовольство и безпорядки. Сообразно этому, вся работа дѣятельной и патріотической власти должна быть направлена на обузданіе вредной и, быть-можетъ, даже злоумышленной спекуляціи. Въ такое исключительное и тревожное время питаніе городовъ не можетъ быть предоставлено на волю случая и на произволъ главенствующихъ въ нашей торговлѣ оптовиковъ-капиталистовъ. Въ этой области пассивное бездѣйствіе власти—преступленіе предъ народомъ и государствомъ.

Лазаретъ въ Зимнемъ Дворцѣ. По волѣ Государя Императора свободныя помѣщенія Зимняго Дворца отведены и приспособлены подъ лазаретъ—по своимъ размѣрамъ и техническому и санитарному оборудованію первый лазаретъ въ Россіи.

Раненые воины поступаютъ во Дворецъ съ набережной Невы съ Іорданскаго подъѣзда. Часть вестибюля этого подъѣзда приспособлена подъ пріемную и сортировочную. Отсюда раненые и больные направляются въ такъ называемый посольскій подъѣздъ, гдѣ устроены ванны.

Затѣмъ больные и раненые по главной Іорданской лѣстницѣ направляются въ верхнія помѣщенія. Для тяжело-раненыхъ и трудно-больныхъ имѣется подъемная машина.

Остальная часть Іорданскаго вестибюля превращена въ громадную столовую. Лазаретъ устроенъ въ аванзалѣ, въ Николаевскомъ залѣ и въ прилегающей къ этому залу Восточной галлереѣ, затѣмъ въ большомъ Фельдмаршальскомъ залѣ, Петровскомъ залѣ, Гербовомъ залѣ, Пѣшемъ пикетѣ, галлереѣ 1812 года и Александровскомъ залѣ.

Бѣлый Николаевскій залъ, съ его массивными бѣлыми колоннами, сливается съ нынѣшней больничной обстановкой—мягкими бѣлыми кроватями, пуховыми подушками и бѣлыми пикейными одѣялами—въ одно гармоничное цѣлое—храмъ милосердія (см. рис. на стр. 820).

Въ Колонномъ залѣ устроена грандіозная операціонная, а въ Помпейскомъ садикѣ установлены ванны. Всѣ картины, цѣнности большею частью оставлены на своихъ мѣстахъ и затянуты лишь бѣлымъ полотномъ. Со стѣнъ сняты лишь золотыя и серебряныя блюда, которыя подносились русскимъ царямъ. Фигуры, которыя имѣются въ подъѣздѣ, закрыты спеціальными деревянными щитами. Такими же щитами закрыты и нѣкоторыя драгоцѣнныя картины. Всѣ полы, а также и мраморныя стѣны, покрыты линолеумомъ.

Старшимъ врачомъ лазарета состоитъ докторъ Рутковскій. Лазаретъ обслуживаютъ 10 врачей, 60 сестеръ милосердія и 180 санитаровъ.

Лазаретъ разсчитанъ на 1.000 раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Всѣ работы по приспособленію Царскихъ залъ и другихъ покоевъ подъ лазаретъ произведены за счетъ Дворцоваго вѣдомства. Оборудованіе же лазарета мебелью, медикаментами, инструментами произведено на средства управленія сѣвернаго района Краснаго Креста.

Царская милость героямъ-армейцамъ. Государю Императору въ Высокомилостивыхъ заботахъ объ офицерскихъ чинахъ дѣйствующей арміи въ 5-й день сего октября благоугодно было Высочайше соизволить на установленіе особыхъ преимуществъ для строевыхъ офицерскихъ чиновъ дѣйствующей арміи, состоящихъ въ частяхъ армейской пѣхоты.

Преимущества эти, дарованныя доблестнымъ труженикамъ ратнаго поля—офицерамъ пѣхоты (начиная съ батальонныхъ командировъ и кончая младшими офицерами), заключаются въ особыхъ служебныхъ льготахъ. Всѣ упомянутыя категоріи офицеровъ при годичномъ, хотя бы даже и не непрерывномъ командованіи батальономъ и ротой, могутъ быть производимы теперь въ слѣдующіе чины, при чемъ поручики, подпоручики и прапорщики могутъ производиться, помимо того, и въ томъ случаѣ, если непрерывно пробудутъ въ строю, первые—6 мѣсяцевъ и послѣдніе—4 мѣсяца, или съ перерывомъ въ 9 мѣсяцевъ.

Такого же ускореннаго производства въ чины, безъ всякаго притомъ учета пребыванія въ должности и строю, могутъ быть удостаиваемы офицеры пѣхоты, дважды пострадавшіе и вернувшіеся въ строй или же оставшіеся въ строю при обязательной эвакуаціи.

Раненые дважды получаютъ старшинство въ чинахъ, а подлежащіе по инвалидности увольненію въ отставку производятся въ слѣдующіе чины при увольненіи, хотя бы и не выслужили установленныхъ закономъ сроковъ.

Присоединеніе Японіи къ союзной деклараціи. 6-го (19-го) октября сего года россійскій посолъ въ Лондонѣ гофмейстеръ графъ Бенкендорфъ, англійскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ сэръ Эдуардъ Грей и французскій посолъ въ Лондонѣ Поль Камбонъ обратились къ японскому послу г. Иноуе со слѣдующей нотой:

«Господинъ посолъ. Мы, нижеподписавшіеся, уполномоченные соотвѣтствующими правительствами, имѣемъ честь пригласить императорское японское правительство заявить черезъ посредство вашего превосходительства о своемъ присоединеніи къ деклараціи, подписанной въ Лондонѣ 23-го августа (5-го сентября) 1914 года между французскимъ, россійскимъ и англійскимъ правительствами, текстъ которой слѣдующій:

«Нижеподписавшіеся, надлежаще уполномоченные соотвѣтствующими правительствами, симъ заявляютъ о нижеслѣдующемъ:

Великобританское, русское и французское правительства взаимно обязуются не заключать отдѣльно мира въ настоящей войнѣ. Означенныя три правительства соглашаются относительно того, что, когда будутъ обсуждаться мирныя условія, ни одинъ изъ союзниковъ не поставитъ условій мира безъ предварительнаго согласія каждаго изъ остальныхъ союзниковъ, въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся подписали настоящую декларацію и приложили къ ней свои печати».

Поль Камбонъ, графъ Бенкендорфъ, сэръ Эдуардъ Грей.»

Того же числа японскій посолъ отвѣтилъ россійскому послу въ Лондонѣ, англійскому статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ и французскому послу въ Лондонѣ тождественными нотами слѣдующаго содержанія:

«Имѣю честь подтвердить полученіе вашей ноты отъ сего числа, въ которой отъ имени и по уполномочію соотвѣтствующихъ правительствъ вы приглашаете императорское японское правительство заявить о своемъ присоединеніи къ деклараціи, подписанной между французскимъ, россійскимъ и великобританскимъ правительствами въ Лондонѣ 23-го августа (5-го сентября), текстъ которой слѣдующій (повторяется предыдущій текстъ).

Въ отвѣтъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что японское правительство уполномочило меня увѣдомить васъ, что оно вполнѣ и всецѣло присоединяется къ сказанной деклараціи. Иноуе.»

Поправка.

На послѣдней страницѣ этого нумера въ стихотвореніе А. Коринфскаго «Тризна Болгаріи», въ строкѣ 13-й, вкралась опечатка: выпало изъ набора слово: завѣтъ. Слѣдуетъ читать эту строку такъ: «Въ твоемъ лицѣ завѣтъ далъ Каину Іуда».

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 45. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 7 ноября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за ноябрь 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за ноябрь 1915 г. съ 53 рис., отдѣльный листъ съ 27 черт. выкр. въ натур величину и 17 рис. мотивовъ для выжиганія.

Его Величество Государь Императоръ — Георгіевскій кавалеръ.

Постановленіе Георгіевской Думы Юго-Западнаго фронта.

Георгіевская Дума Юго-Западнаго фронта въ засѣданіи 21-го октября 1915 года сочла своимъ священнымъ долгомъ имѣть сужденіе о высокомъ значеніи изложеннаго въ телеграммѣ Верховной Ставки отъ 16-го октября сего года событія посѣщенія 12-го и 13-го октября Его Императорскимъ Величествомъ и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Юго-Западнаго фронта, при семъ Георгіевская Дума усмотрѣла:

что присутствіе Государя Императора на передовыхъ позиціяхъ вдохновило войска на новые геройскіе подвиги и дало имъ великую силу духа;

что, изъявивъ желаніе посѣтить воинскую часть, находящуюся на боевой линіи, и приведя таковое въ исполненіе, Его Императорское Величество явилъ примѣръ истинной воинской доблести и самоотверженія;

что, пребывая въ мѣстахъ, неоднократно обстрѣливаемыхъ непріятельскою артиллеріей, Государь Императоръ явно подвергалъ опасности Свою драгоцѣнную жизнь и пренебрегалъ опасностью въ великодушномъ желаніи выразить Лично войскамъ Свою Монаршую благодарность, привѣтъ и пожеланія дальнѣйшей боевой славы.

На основаніи вышеизложеннаго Георгіевская Дума Юго-Западнаго фронта единогласно постановляетъ:

повергнуть черезъ старѣйшаго Георгіевскаго кавалера, генералъ-адъютанта Иванова къ стопамъ Государя Императора всеподданнѣйшую просьбу: „Оказать обожающимъ Державнаго Вождя войскамъ великую милость и радость, соизволивъ возложить на Себя орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени, на основаніи ст. 7-й статута" *).

*) Статья 7-я статута Императорскаго военнаго ордена святого великомученика и побѣдоносца Георгія опредѣляетъ, что награжденія симъ орденомъ достоинъ только тотъ, „кто, презрѣвъ очевидную опасность и явивъ доблестный примѣръ неустрашимости, присутствія духа и самоотверженія, совершилъ отличный воинскій подвигъ, увѣнчанный полнымъ успѣхомъ и доставившій явную пользу".

Архистратигъ Михаилъ. Картина В. Л. Боровиковскаго.

Его Величество Государь Императоръ въ Царской Ставкѣ съ Начальникомъ Штаба генераломъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевымъ и генералъ-квартирмейстеромъ Штаба генералъ-маіоромъ М. С. Пустовойтенко. По фот. К. Е. ф.-Ганъ и К° въ Царскомъ Селѣ.

Постановленіе Георгіевской Думы подписали:

Предсѣдатель—командиръ XII арм. корпуса генералъ-лейтенантъ *Калединъ.*

Состоящій въ распоряженіи главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта генералъ-лейтенантъ *Батишевъ.*

Командующій 15-й пѣх. дивизіей, генералъ-маіоръ *Ломновскій.*

Командующій 10-й кавалерійской дивизіей, генер.-маіоръ *Марковъ.*

Командующій 2-й Заамурской пограничной дивизіей, генералъ-маіоръ *Ступинъ.*

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь *Барятинскій.*

Генералъ-квартирмейстеръ штаба 8-й арміи, генералъ-маіоръ *Стоговъ.*

И. д. генерала для порученій при главнокомандующемъ арміями Юго-Западнаго фронта, полковникъ *Духонинъ.*

Телеграмма Его Императорскаго Величества главнокомандующему арміями Юго-Западнаго фронта отъ 25-го октября 1915 года.

„Сегодня Свиты Моей генералъ-маіоръ князь Барятинскій передалъ Мнѣ орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени и просьбу Георгіевской Думы Юго-Западнаго фронта, поддержанную вами, о томъ, чтобы Я возложилъ его на Себя. Несказанно тронутый и обрадованный незаслуженнымъ Мною отличіемъ, соглашаюсь носить Нашъ высшій боевой орденъ и отъ всего сердца благодарю васъ всѣхъ—Георгіевскихъ кавалеровъ и горячо любимыя Мною войска за заработанный Мнѣ ихъ геройствомъ и высокою доблестью бѣлый крестъ"

„НИКОЛАЙ".

25-го сего октября въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, въ присутствіи Канцлера Императорскихъ и Царскихъ орденовъ генералъ-адъютанта графа Фредерикса, состоялся пріемъ прибывшаго изъ дѣйствующей арміи Свиты Его Величества генералъ-маіора князя Барятинскаго, состоящаго въ распоряженіи главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Иванова.

Князь Барятинскій имѣлъ счастіе доложить Его Императорскому Величеству, что онъ командированъ главнокомандующимъ, генералъ-адъютантомъ Ивановымъ для представленія единогласнаго постановленія мѣстной Георгіевской Думы: повергнуть къ стопамъ Его Величества черезъ старѣйшаго Георгіевскаго кавалера генералъ-адъютанта Иванова всеподданѣйшую просьбу оказать войскамъ великую милость и радость возложеніемъ на Себя ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени на основаніи статьи 7-й статута.

При этомъ князь Барятинскій колѣнопреклоненно имѣлъ счастіе поднести Его Императорскому Величеству постановленіе мѣстной Георгіевской Думы и Военный Орденъ святаго великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Телеграмма на Имя Его Императорскаго Величества отъ главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта.

„Всеподданѣйше ходатайствую о награжденіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича серебряною медалью 4-й степени на Георгіевской лентѣ въ память посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ вечеромъ 12-го сего октября раненыхъ въ районѣ станціи Клевань въ сферѣ дальняго огня непріятельской артиллеріи, а также пребыванія 13-го сего октября въ районѣ расположенія корпусныхъ резервовъ 11-й и 9-й армій. При этомъ дерзаю всеподданѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, что таковымъ награжденіемъ Вы соизволите вновь осчастливить арміи Юго-Западнаго фронта, въ сердцахъ всѣхъ сыновъ коихъ уже навѣки запечатлѣлись тѣ радостныя чувства и тѣ чувства безпредѣльной преданности своему Верховному Вождю и горячей готовности положить жизнь свою за Царя и Родину, кои они испытывали при Вашемъ посѣщеніи армій".

Подписалъ: генералъ-адъютантъ *Ивановъ*.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Борьба въ Сербіи.

Центральнымъ стратегическимъ событіемъ послѣднихъ дней была, конечно, сербская операція. Какъ извѣстно, сербскій театръ военныхъ дѣйствій представляетъ собою два раіона: главный раіонъ, гдѣ дѣйствуютъ австро-германскія и болгарскія войска, а именно—раіонъ прежней Сербіи, и второстепенный раіонъ—раіонъ Македоніи, гдѣ дѣйствуютъ войска англо-французскаго десанта и небольшая группа сербскихъ войскъ.

Съ развитіемъ наступленія австро-германцевъ стало извѣстно, что австро-германскія силы значительно больше того, что можно было ожидать. Австро-германцы, пользуясь тѣмъ, что фронтъ ихъ на русскомъ театрѣ сократился, благодаря тому, что достигъ линіи трудно-проходимыхъ Пинскихъ болотъ, смогли, въ общемъ, сосредоточить противъ Сербіи до шестнадцати дивизій, значительныя силы ландштурма и особую австрійскую конную массу. Всѣ эти войска, общей численностью до 350 тысячъ, были раздѣлены на двѣ арміи: армію венгерскаго генерала Кевесса фонъ-Кевешхаза и армію германскаго генерала Гальвица,—того самаго, который въ свое время на нашемъ фронтѣ переправился черезъ рѣку Наревъ и стремился закрыть, крайне неудачно, выходъ изъ „варшавскаго мѣшка".

Армія Кевесса состояла изъ четырехъ германскихъ и двухъ австрійскихъ дивизій, двухъ дивизій германскаго ополченія—ландштурма и австрійской конницы. Всего около 120 тысячъ человѣкъ при 450 орудіяхъ. Армія генерала Гальвица состояла изъ десяти дивизій германскихъ войскъ, всего свыше 200 тысячъ человѣкъ и до 650 орудій.

Эти двѣ арміи, переправившись съ боемъ черезъ Дунай, растянулись вдоль всей сербской территоріи, отъ западной границы до восточной, на фронтѣ, примѣрно, въ 250 верстъ, и наступали: армія Кевесса—черезъ западную половину Сербіи, а армія Гальвица—черезъ восточную половину Сербіи. Посрединѣ между ними пролегала долина рѣки Моравы, по которой проходилъ главный желѣзнодорожный путь, соединяющій Австрію съ Болгаріей, а именно путь—Бѣлградъ—Нишъ—Софія.

Въ то время, когда австро-германцы наступали такимъ широкимъ фронтомъ съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ наступали на сербовъ двѣ болгарскія арміи—Бояджева и Тончева,—всего до шести дивизій, общей численностью до 180 тысячъ человѣкъ.

Наконецъ съ юга наступала македонская группа болгарскихъ войскъ, занявшая съ боемъ Куманово и Ускюбъ и повернувшая отсюда съ частью своихъ войскъ къ сѣверу, стремясь охватить сербскую армію у Ниша съ юга.

Такимъ образомъ на сербскую армію, расположенную въ центрѣ прежней Сербіи, а именно у Крагуеваца и Ниша, наступали съ трехъ сторонъ свыше 500 тысячъ австро-нѣмцевъ и болгаръ, стремясь при помощи этого двойного превосходства силъ раздавить сербовъ. Въ теченіе около двухъ недѣль сербы геройски оказывали сопротивленіе на всѣхъ трехъ фронтахъ, но вслѣдъ затѣмъ, повидимому, по заранѣе опредѣленному плану, стали отходить въ общемъ направленіи къ западу, т.-е. къ Новобазарскому санджаку и къ границамъ Черногоріи и сѣверной Албаніи.

Въ то время, когда происходили вышеупомянутыя событія на главномъ театрѣ, высаженный въ Салоникахъ англо-французскій десантъ, пройдя территорію Новой Греціи, вышелъ въ сербскую Македонію и сталъ наступать на находившіяся у Ускюба, Велеса и Струмицы болгарскія войска. Какъ извѣстно, всякая десантная операція представляется, вообще, длительной, и намъ уже приходилось указывать, что англичане въ началѣ войны высаживали свою 150-тысячную армію во Франціи въ теченіе трехъ недѣль. Въ силу такихъ особыхъ условій десанта, первыя высадившіяся войска были относительно немногочисленны и исчислялись, примѣрно, тысячъ въ 50—60 англо-французовъ.

Эти войска, имѣя передъ собою третью болгарскую армію въ составѣ не менѣе трехъ дивизій, часть которой вторглась въ сербскую Македонію, а другая часть обороняла южную Болгарію, продвигались хотя и успѣшно, но относительно медленно, въ виду численнаго превосходства болгарскихъ силъ. Поэтому главное значеніе перваго десанта англо-французовъ заключалось въ томъ, что они отвлекли на себя до 100 тысячъ болгарскихъ силъ, которыя, въ противномъ случаѣ, должны были бы обрушиться все на ту же сербскую армію. Далѣе, при такихъ условіяхъ, какъ нетрудно видѣть, создалось положеніе, при которомъ: во-первыхъ, сербскія войска отходили подъ натискомъ двойныхъ силъ австро-германцевъ и болгаръ къ западу отъ раіона Нишъ—Крагуевацъ и, во-вторыхъ, англо-французскій десантъ приковалъ къ себѣ до 100 тысячъ болгарскихъ войскъ, но болѣе рѣшительныя дѣйствія этого десанта могли имѣть мѣсто только въ случаѣ прибытія новыхъ подкрѣпленій, которыя бы могли дать превосходство десанту надъ третьей болгарской арміей,—что и ожидается.

Въ силу всего этого настоящій стратегическій моментъ обязываетъ какъ сербовъ, такъ и союзниковъ къ нѣкоторому выжиданію, впредь до того, когда силы союзниковъ на Балканскомъ полуостровѣ возрастутъ настолько, что можно будетъ разсчитывать перейти въ наступленіе и имѣть успѣхъ противъ соединенныхъ силъ австро-германцевъ, болгаръ и турокъ. Это, въ свою очередь, создаетъ отдѣльный, крайне запутанный, стратегическій узелъ на Балканахъ, ибо ни одна сторона не пожелаетъ уступить другой на этомъ театрѣ, и вслѣдствіе этого на Балканахъ могутъ постепенно накопляться войска той и другой стороны, что, въ свою очередь, поведетъ къ ослабленію войскъ на главныхъ фронтахъ европейской войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выжидательное положеніе представлялось наилучшимъ для сербской арміи потому, что рѣшительное сраженіе съ превосходными силами австро-германцевъ и болгаръ было бы для сербовъ слишкомъ рискованнымъ. Однако, такъ какъ при выжидательномъ положеніи сербамъ приходилось отходить подъ натискомъ превосходныхъ силъ, возникалъ вопросъ, до какого именно предѣла можетъ продолжаться это отступленіе.

Практически этотъ вопросъ, конечно, разрѣшался въ зависимости отъ австро-германскаго и болгарскаго наступленія. 350 тысячъ австро-германцевъ, наступающихъ съ сѣвера на югъ, дошли до раіона Крагуеваца и заняли такимъ образомъ сѣверную половину Сербіи, понеся однако при этомъ громадныя потери. Еще большія потери понесли болгары, наступавшіе въ составѣ двухъ армій съ востока на западъ и достигшіе при этомъ Ниша. У Ниша завязался бой.

Изъ этого можно видѣть, что, такъ какъ въ сѣверной и восточной части Сербіи находился противникъ, то сербское сопротивленіе сосредоточилось въ юго-западномъ углу Сербіи. Какое же значеніе имѣло это сопротивленіе доблестныхъ сербскихъ войскъ?

Кромѣ того выжиданія прибытія союзныхъ войскъ, о которомъ мы говорили выше, сербы, отказываясь отъ рѣшительнаго сраженія и отходя къ западу, къ границамъ бывшаго Новобазарскаго санджака, въ Черногорію и сѣверную Албанію, притягивали на себя австро-германскія и болгарскія арміи.

Въ этомъ именно и заключалась вся идея сербскаго отхода къ западу. Если бы сербы дали рѣшительное сраженіе, то, въ виду двойного превосходства силъ противника, они могли бы его проиграть, и тогда австро-германскія арміи вернулись бы туда, откуда онѣ были взяты, т.-е. на нашъ фронтъ, и, сверхъ того, въ распоряженіи нѣмцевъ могли оказаться и турецкія и болгарскія силы, которыми бы они воспользовались для главнаго фронта.

Совершенно иное дѣло—при отходѣ сербовъ къ западу. Въ этомъ случаѣ австронѣмцы хотя и имѣли сообщеніе черезъ Сербію съ Болгаріей и Турціей, но путь этотъ всегда находился подъ угрозой сербскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого германскій штабъ не могъ снять австро-германскихъ армій изъ Сербіи, какъ и не могъ воспользоваться турецкими и болгарскими войсками для главныхъ фронтовъ. Въ этомъ заключалась серьезная услуга, которая оказывалась сербами союзной стратегіи, и жертва нашихъ доблестныхъ союзниковъ, какъ мы видѣли, была далеко не безцѣльна.

† Сестра милосердія Римма Михайловна Иванова, удостоенная по своей славной кончинѣ за боевой подвигъ небывалой въ русской арміи награды для женщины—офицерскаго Георгіевскаго креста.

Въ этомъ же заключался и смыслъ тѣхъ новыхъ подкрѣпленій, которыя было рѣшено, согласно сообщеніямъ англійскаго министра въ парламентѣ, послать на Балканы. Всѣ эти союзныя войска, которыя уже прибыли и которыя должны были прибыть, а также и сербскія войска должны были не только бороться за судьбу Сербіи, но должны были оттягивать на себя всѣ тѣ силы противника, которыя находились на Балканахъ и которыя, въ противномъ случаѣ, могли бы хлынуть на главные фронты европейской войны и этимъ поколебать установившееся нынѣ равновѣсіе.

Вотъ почему, хотя и значительная часть сербской территоріи занята противникомъ, но борьба на Балканахъ далека отъ своего конца. Допустить полное торжество противника на Балканахъ признается неправильнымъ, такъ какъ въ составъ австро-германской коалиціи можетъ, въ такомъ случаѣ, войти новая боевая сила, представляемая контингентами балканскихъ государствъ. Это станетъ еще болѣе понятнымъ, если обратить вниманіе, что позиція Румыніи и Греціи еще не опредѣлилась, и что она находится всецѣло въ зависимости отъ результатовъ борьбы на Балканахъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно видѣть, что въ теченіе зимняго періода, который является подготовительнымъ къ рѣшительной борьбѣ на главныхъ фронтахъ—нашемъ и французскомъ, происходитъ вспомогательная операція на Балканахъ, которая должна, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ результатовъ, увеличить силы той или иной стороны къ предстоящей рѣшительной весенней и лѣтней кампаніи. На Балканахъ въ настоящее время борются за тѣ силы и контингенты, которыми каждая сторона хочетъ воспользоваться для того, чтобы быть сильнѣе тогда, когда весною будутъ происходить самые рѣшительные моменты войны, самыя рѣшительныя операціи на главныхъ фронтахъ. При томъ равновѣсіи, которое установилось на главныхъ фронтахъ войны, эти новыя силы, взятыя съ Балканъ, могутъ сразу дать успѣхъ какой-либо одной изъ сторонъ. И въ этомъ стратегическій смыслъ всѣхъ важныхъ событій, происходящихъ на Балканахъ, и то упорство, съ которымъ обѣ стороны цѣпляются за свои „политическія и стратегическія позиціи“ на этомъ полуостровѣ.

Лазаретъ имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича въ Зимнемъ дворцѣ. Николаевскій залъ. (См. „Отклики войны“).

Приваль бѣженцевъ. Рисунокъ И. Владимірова.

Расплата.

Разсказъ **В. В. Муйжеля.**

I.

Съ утра ржавый, дребезжащій звонокъ надъ дверью лавки началъ тренькать, и съ утра Егоръ Лукичъ въ широкомъ фартукѣ и кожаныхъ нарукавникахъ вертѣлся по лавкѣ.

Городъ былъ наполовину польскій, наполовину еврейскій, и Егоръ Лукичъ, прожившій здѣсь уже три года, привыкъ къ языку. Но этимъ и ограничивалась его ассимиляція въ чуждомъ и не совсѣмъ понятномъ по первоначалу краѣ; все остальное онъ перенесъ въ цѣлости и сохранности изъ родной Тверской губерніи, гдѣ прожилъ всю жизнь до военной службы.

Остался онъ главнымъ образомъ здѣсь потому, что выходило мѣсто швейцара при магистратѣ, и болѣзнь, помѣшавшая остаться на сверхсрочную, нѣсколько кривая нога, не могла помѣшать этой службѣ. Но мѣсто все не выходило, приходилось ждать, и отъ нечего дѣлать, какъ онъ говорилъ, Кузьменковъ открылъ небольшую лавочку, надъ которой повѣсилъ широкую вывѣску, извѣщающую прохожихъ о томъ, что здѣсь продаются „русскія товары".

Что это были за русскіе товары — самъ Егоръ Лукичъ не совсѣмъ точно отдавалъ себѣ отчетъ, потому что капуста, картошка, мука, конфеты и проч., что наполняло его лавочку, были товары чисто-мѣстнаго происхожденія, скорѣе литовскаго, чѣмъ русскаго, но вывѣска все-таки что-то говорила его тверскому сердцу, и, проходя праздничнымъ днемъ по улицѣ, онъ съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ посматривалъ на нее.

Утромъ, когда торговля была особенно бойкой, онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ. Отвѣшивая и отсчитывая, онъ все время говорилъ, дѣлалъ попытки перейти на мѣстный польскій языкъ, и то, что онъ употребляетъ усилія освоиться съ нимъ, нравилось покупателямъ.

— Не извольте безпокоиться, дрога пани,- сыпалъ Егоръ Лукичъ, отмахивая деревянной лопаточкой четверть фунта масла:-- сами разумете—время какое? То-есть никакого даже подвозу не имѣется—потому война!..

Онъ оборачивался къ другой покупательницѣ, выбрасывалъ

Евреи-бѣженцы въ пути. Рисунокъ И. Владимірова.

на прилавокъ пучки моркови и вздергивалъ плечами такъ, что голова уходила въ нихъ, какъ у черепахи въ панцырь:

— Помилте, — развѣ можно? Да мы сами, можно сказать, страдаемъ, — сколь времени выписалъ настоящей вермишели, по сей день нѣтъ!.. Нема ниякого житя, слово дае... Накладная на рукахъ, все,—нѣтъ подвозу!..

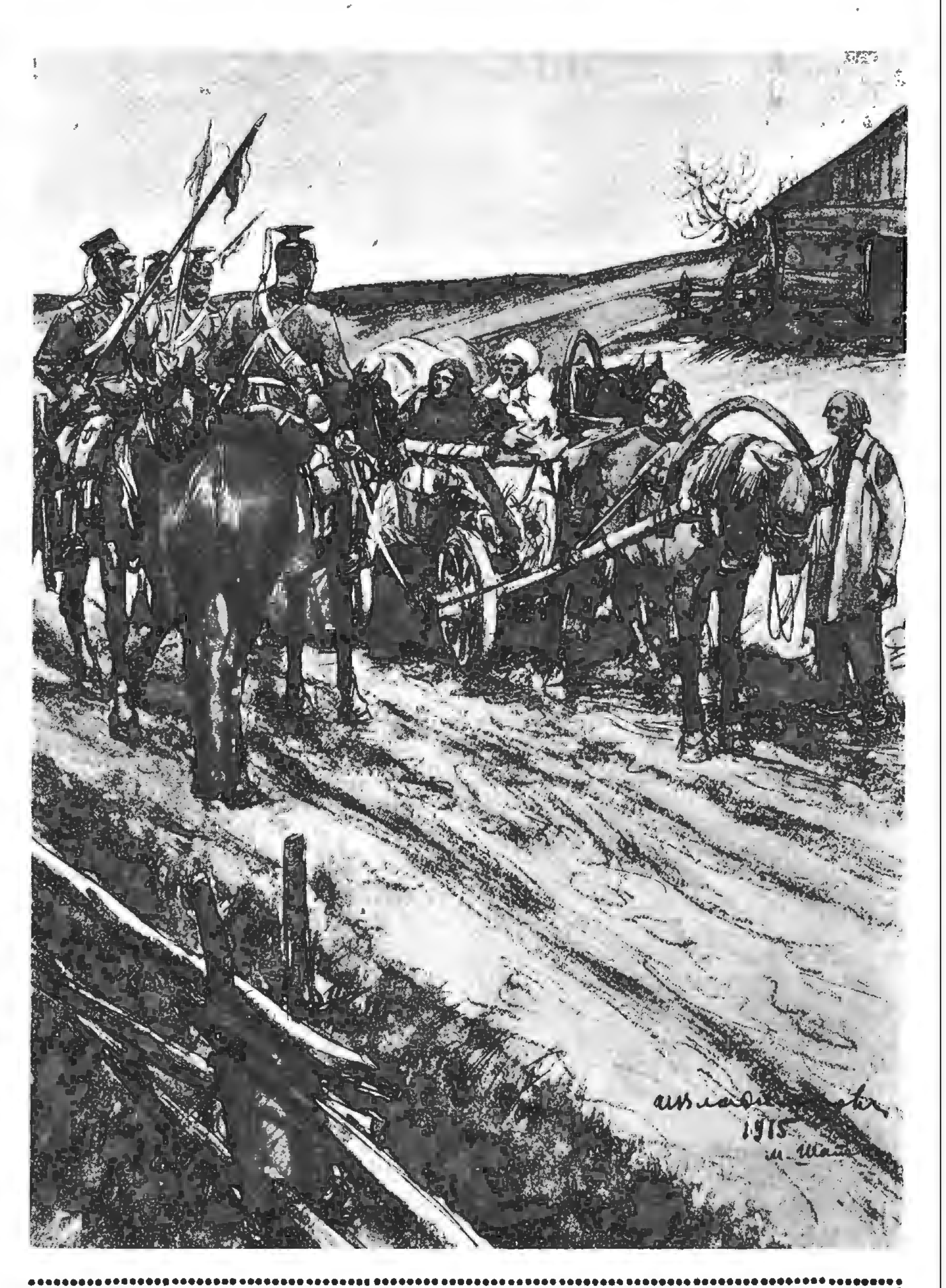
Вечеромъ, подсчитывая выручку и занося кривыми падающими буквами результаты трудового дня въ мятую книжку, Егоръ Лукичъ покряхтывалъ и солидно, не безъ удовлетворенія, бросалъ женѣ:

— Ничего, покуда слава Богу... Дала маненечко поправки война эта самая, хулить нечего... Тоже вотъ въ газетахъ писали, будто на муку пшеничную накинули маненько.—что же, въ этомъ худого нѣтъ!.. Такъ, можно сказать, годовъ пять али бо шесть тамъ надо бы биться, а теперь въ полтора года самосильно поставлено дѣло... Ужо конецъ ей придетъ, надо будетъ пристройку къ дому, пошире чтобы лавку, да молодцовъ двухъ подобрать...

Онъ склонялъ голову набокъ, задумчиво глядя на покорную, отдавшую ему вмѣстѣ съ рукой, всю свою жизнь, и мысль, и чувство, жену, которую взялъ изъ бѣдности, у вдовца портного, Богъ знаетъ какими судьбами занесеннаго сюда изъ Россіи, и которую любилъ особенной, покровительственной любовью настоящаго хозяина, — и продолжалъ, какъ бы думая вслухъ:

— А народъ, эти самые поляки которые, ничего народъ!.. Честный, можно сказать, народъ—насчетъ кредиту вотъ тоже... У насъ такъ и норовитъ, чтобы забрать на книжку, да и въ кусты, послѣ за три версты обходитъ лавку, а тутъ нѣтъ, образованный, надо сказать, народъ... Онъ, если и не имѣетъ, все заглянетъ — такъ и такъ, молъ, пане, не можно, пенендзевъ терасъ нема, а якъ бендзе, заразъ до пана!.. И вѣрно. развѣ что который совсѣмъ спустится, ну такъ какъ этому и не быть?..

Вечера послѣ закрытія лавки длинны и пусты. Обязательное постановленіе предписываетъ закрывать въ семь часовъ, и здѣсь не то, что у себя въ Россіи, — не урвешь часа отъ этого съ притворенной дверью. Сами покупатели не идутъ позже назначеннаго времени: что дѣлать длиннымъ вечеромъ въ уютномъ, выстроенномъ собственными трудами, домикѣ, съ кисейными занавѣсками на окнахъ, бумажными букетами на комодахъ и милыми сердцу темными образами въ переднемъ углу каждой комнаты?



Встрѣча съ бѣженцами. Рисунокъ И. Владимірова.

По вечерамъ до сна Егоръ Лукичъ привыкъ ходить въ кофейную, гдѣ собиралась аристократія округи, и тамъ, за стаканомъ чаю или съ бильярднымъ кіемъ въ рукахъ, рѣшалъ судьбы города, страны, всего міра, вмѣстѣ съ усатыми, почтенными и горячими владѣльцами всякихъ колоніальныхъ, москательныхъ и иныхъ лавчонокъ, прятавшихся въ темной и грязной улицѣ города.

Иногда, при обсужденіи того или иного дѣйствія русскихъ войскъ, или при назначеніи новаго генерала, о которомъ подробно вычитывалось въ маленькой затасканной газеткѣ, возникалъ споръ, горячій, громкій, въ значительной степени подогрѣтый отзвуками національнаго превосходства, и часто бывало такъ, что Егоръ Лукичъ, котораго побивала эрудиція болѣе начитанныхъ и культурныхъ собесѣдниковъ, вскакивалъ съ мѣста и, колотя себя въ грудь кулакомъ, взывалъ тонкимъ, трескучимъ голосомъ:

— Ахъ, паны, паны!.. Можете ли вы это понимать?—Нѣтъ, не можете,—отвѣчалъ онъ себѣ съ сокрушеніемъ,—вѣдь это жъ Рас-се-я!..—отчеканивалъ онъ,—Рас-се-я... Есть ли въ васъ понятіе, что и къ чему въ такомъ разѣ? Нѣтъ! Потому вы прожили всю жизнь здѣсь, и никакого понятія въ васъ нѣтъ... Это же надо думать—обширность!..

Онъ волновался, кипѣлъ, чувствовалъ мучительное безсиліе отъ недостатка словъ, и уходилъ изъ кофейной, неудовлетворенный слушателями, съ усмѣшкой глядѣвшими на него. Они не понимали того, что понималъ, и не только понималъ, но непрестанно и ярко ощущалъ онъ. И только бойкая торговля, все продолжающаяся война, которая даетъ возможность „поправиться“, служили нѣкоторымъ утѣшеніемъ ему въ томъ чувствѣ одиночества, что испытывалъ онъ, возвращаясь вечеромъ изъ кофейной.

Дома его иногда встрѣчало нѣкоторое недовольство. Хмурая, еще вся полная тяжелаго, мертваго сна среди пуховиковъ огромной семейной кровати, жена отпирала ему двери и бормотала что-то про шатанье ночью, про бездѣльниковъ и лодырей, которымъ только и дѣло, что съ панами по кофейнямъ путаться. Онъ отвѣчалъ со спокойствіемъ человѣка, поступающаго въ своемъ правѣ, раздѣвался неторопливо и все покачивалъ головой, переживая недавніе споры. И, уже лежа въ постели, прислушиваясь къ глухой тишинѣ сонной улицы, онъ думалъ о войнѣ, о новой партіи товара, которую онъ держалъ на вокзалѣ, въ вагонѣ, не выкупая и поджидая настоящихъ цѣнъ. и о сѣдельномъ мастерѣ панѣ Конрадѣ, который кричалъ въ кофейной о томъ, что теперь всѣ другъ друга должны держать, потому что такая война начало всему...

II.

Мелочная лавочка вдали отъ центра, на тихой, заселенной рабочими, мастеровыми и прочимъ небогатымъ людомъ улицѣ, всегда является до нѣкоторой степени клубомъ, куда стекаются всѣ свѣдѣнія.

Помимо того, что самъ Егоръ Лукичъ выписывалъ газетку и въ свободную минуту, надвинувъ на носъ черепаховыя очки, которыя случайно купилъ у еврея-разносчика, проникалъ въ дебри политической жизни страны, всѣ приходившіе всегда несли какое-нибудь извѣстіе, иногда самое животрепещущее, опережавшее газеты на много времени. Такъ, въ одинъ сѣренькій дождливый день пришелъ банковскій присяжный и подъ секретомъ сказалъ, что Государственный Банкъ эвакуируется. Слово было новое, недавно вошедшее въ обиходъ изъ газетъ, и чуть-чуть страшное.

— Эва-ку-иру-ет-ся?! — подымая кверху свѣтлыя брови, переспросилъ Егоръ Лукичъ. — Скажите, пожалуйста... Это, значитъ, насчетъ отправки?

Онъ качалъ головой, сталъ задумчивымъ и раза два въ тотъ

день путался въ сдачѣ. Но такъ невѣроятно было бы, чтобы въ этотъ большой старинный городъ, въ его узкія, сверкавшія стеклами и электрическими лампами улицы, въ предмѣстья, гдѣ все было такъ привычно и знакомо, наконецъ въ самый домъ Егора Лукича,—домъ, построенный только два года тому назадъ, собранный по соломинкамъ, можно сказать, сколоченный трудомъ и пòтомъ, — чтобы сюда пришли нѣмцы, такъ невѣроятно и дико казалось это, что онъ въ заключеніе махнулъ рукой

— Наскажутъ тоже люди Богъ вѣсть чего, — рѣшилъ онъ, и послѣ этого, когда ему приносили новыя извѣстія объ отходѣ нашихъ войскъ, подтверждавшемся газеткой, о переполненныхъ уѣзжавшими поѣздахъ, онъ только качалъ головой и отмахивался, какъ отъ явной несообразности.

Разъ даже самъ пошелъ на вокзалъ посмотрѣть, чтò и кàкъ. Передъ вокзаломъ площадь представляла собой таборъ. Тысячи людей съ корзинами, чемоданами, всякимъ другимъ багажомъ стояли и сидѣли въ ожиданіи очереди. Егоръ Лукичъ съ усмѣшкой покачалъ головой, обошелъ этотъ разноголосый нелѣпый таборъ, мокнувшій подъ дождемъ, и, ставъ у фонаря, пробормоталъ:

— Дураки!.. Истинно дураки... Еще ребятъ малыхъ понатащили, чтобы простудить какъ слѣдоваетъ...

Его не возмущала, не сердила, а только смѣшила эта человѣческая глупость. Но все же, чтобы чувствовать себя окончательно спокойнымъ, онъ протискался на вокзалъ, употребивъ тѣ самые способы, какими руководствовался во всей своей жизни, и о которыхъ не подозрѣвала вся эта толпа, нашелъ знакомаго жандарма, жившаго на ихъ улицѣ и заходившаго иногда передъ дежурствомъ за пачкой „Голубки", и съ легкой насмѣшкой надъ толпой „барановъ", ожидающихъ по три дня билетовъ, спросилъ о положеніи дѣла. Жандармъ пожалъ плечами и высказался въ томъ смыслѣ, что ничего, молъ, неизвѣстно по-настоящему. Егоръ Лукичъ обтеръ выступившій на лбу потъ зеленымъ платочкомъ и усмѣхнулся:

— Я и говорю—дуракъ-народъ... Чисто бараны—одинъ подался, и всѣ за имъ. Нѣтъ того, чтобы настоящее разсужденіе имѣть... Вѣдь не что-нибудь — Рассея... Рази они понимаютъ? — Об-ширность!..

Жандармъ уклончиво пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Оно точно что... Однако есть которые безпокоятся...—и, извинившись недосугомъ, ушелъ.

Домой Егоръ Лукичъ возвращался совершенно успокоенный. Женѣ онъ сказалъ о томъ, чтò видѣлъ, и обнадежилъ жандармомъ. Но жена все же затуманилась и, несмѣло взглядывая на него, произнесла:

— Можетъ, вѣрно люди говорятъ — лучше уѣхать? Кто его

Дѣти войны. Бѣженцы, покинувшіе Брестъ-Литовскъ.

Бюро помощи бѣженцамъ при пассажирскомъ вокзалѣ въ Кіевѣ.

знаетъ, Лукичъ... Былъ тутъ лакей губернаторскій, - у него сестра выдана на нашу улицу, — говорилъ, будто губернаторская семья давно выѣхадчи...

— Пустяки! разсердился Егоръ Лукичъ. — Лакей... Наговорятъ вотъ такого, а послѣ сидятъ ребятъ простужаютъ на площади по трои сутокъ... Тоже — лакей!.. А домъ, которое имущество? Такъ бросить, по-твоему? Лавку тоже?

Это было самое убѣдительное. Дѣйствительно, бросить такъ все это нельзя было. Егоръ Лукичъ походилъ по комнатѣ, осторожно, какъ всегда, переступая своими лаковыми сапожками, и, чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ про дочь:

— А Настя что жъ не идетъ? Будто ей пора дома быть...

Настя только-что начала учиться въ русской школѣ, подготовляясь къ приготовительному классу прогимназіи. Каждый день утромъ она уходила на уроки и возвращалась въ полдень.

— Пришла, на дворѣ играетъ... Закрыли ихъ ученье — тоже будто уѣзжаютъ.

— Дураки... Этакіе дураки!.. — разсердился мужъ.— Вотъ ужъ, истинно сказать, которые измѣнники своему отечеству только такъ поступать могутъ... Нешто можно такое дѣло, чтобы ребятъ безъ ученья оставлять?.. Тамъ война войною, а ученье должно быть... Учатъ не даромъ, а деньги тоже плачены... Нѣтъ, жидкій народъ, что говорить — не то, что у насъ въ Рассеи, не достичь имъ!..

Но событія шли своимъ порядкомъ. Прошла еще недѣля, и Егоръ Лукичъ увидѣлъ, что дѣло не мѣняется. Странно опустѣлъ городъ — на вокзальной площади попрежнему сидѣлъ таборъ, и слышно было, что вагоновъ не хватаетъ для всѣхъ желавшихъ уѣхать. И разомъ вскочили цѣны на продукты, такъ же, какъ разомъ исчезла мелкая размѣнная монета. Повинуясь общему настроенію, Кузьменковъ и самъ накинулъ на цѣны и при расплатѣ разводилъ руками и говорилъ, что сдачи нѣтъ, и хоть за эту недѣлю дѣла его еще больше поправились, это какъ будто перестало радовать его. Вечеромъ, записывая въ книжку, онъ порою останавливался съ карандашомъ въ рукахъ и думалъ и вздыхалъ сдержанно. Газета перестала приходить, и жилъ онъ только слухами, которые стекались въ лавочку. Они были безпорядочны, пугающи и сердили своей явной нелѣпостью. Часто Егоръ Лукичъ возмущенно кричалъ на кого-нибудь изъ покупателей, грозился донести куда слѣдуетъ, обѣщалъ, что „за это самое“ начальство по головкѣ не погладитъ, но похоже было, что кричитъ онъ больше для собственнаго убѣжденія. Наконецъ онъ не выдержалъ и пошелъ въ участокъ. Но и тамъ толку не добился: никто ничего не зналъ, всѣ суетились, и только старый, видавшій всякіе виды, паспортистъ посовѣтовалъ ему уѣзжать. И пять дней Кузьменковъ пропадалъ изъ дому, пытаясь достать сначала вагоны для вещей, приставая ко всѣмъ знакомымъ, и въ товарной станціи, и въ багажномъ, подкупая смазчиковъ и сцѣпщиковъ, потомъ только билеты и такъ упустилъ время, что однажды ему объявили подъ величайшимъ секретомъ: послѣдній поѣздъ идетъ сегодня ночью. Никакихъ надеждъ взять билеты нѣтъ. А завтра либо послѣзавтра будутъ взрывать станцію.

Колоколъ собора, снятый для эвакуаціи.

Въ тотъ день, возвращаясь домой, онъ услышалъ отдаленный глухой гулъ. Онъ перекатывался далекимъ громомъ, и было въ немъ нѣчто, отъ чего люди на улицѣ останавливались и, склонивъ голову набокъ, прислушивались.

Кузьменковъ зналъ, что непріятель уже въ ихъ губерніи, слышалъ, что онъ подходитъ все ближе и ближе, но далекое отвлеченное понятіе войны никакъ не уживалось въ немъ съ опредѣленнымъ представленіемъ своей улицы, дома, лавки. И только когда онъ услышалъ эти глухіе, раскатистые и какъ будто печальные вздохи далекой канонады, гдѣ-то возлѣ сердца у него засосало, и руки задрожали.

Все послѣдующее у него какъ будто смѣшалось и затуманилось прозрачной траурной дымкой. Онъ вдругъ ясно понялъ, что все это правда, самая подлинная, и что выходъ только одинъ — бѣжать. И, понявъ это, онъ заметался, какъ пойманный звѣрь, кинулся опять на вокзалъ, просилъ, молилъ, совалъ кому-то деньги, потомъ побѣжалъ домой, на-смерть напугалъ жену и дочь, и умчался на лошадьми, доѣхать до уѣзднаго города, гдѣ была другая желѣзная дорога; и тоже просилъ, совалъ деньги, кланялся кому-то, и ушелъ ни съ чѣмъ.

И такъ прошло еще пять дней, темныхъ, подавленныхъ и растерянныхъ, пока онъ не нашелъ какого-то стараго мужика съ подводой и не нанялъ его за бѣшеную сумму — шестьдесятъ рублей за восемьдесятъ верстъ пути.

И когда нанялъ, все время ходилъ по двору, заглядывалъ въ хозяйственныя постройки и бормоталъ что-то съ такимъ видомъ, какъ будто потерялъ и не можетъ найти чего-то. Входилъ въ комнату, оглядывалъ стѣны, уже наполовину убранныя, со снятыми зеркалами и иконами, вдругъ вспоминалъ что-то и бѣжалъ въ кухню, гдѣ дочка Настя помогала старой прислугѣ, приходившей къ нимъ убирать посуду, и здѣсь внезапно останавливался, глядя на ящики и корзинки, вытащенныя для уборки. И тихо, словно таясь отъ кого-то, возвращался опять въ комнаты.

Ночью долго не спалъ. Лежалъ неподвижно, глядя въ черный потолокъ, и слушалъ. Далекими подземными ударами отзывалась канонада, и что-то гремѣло въ городѣ стальнымъ лязгомъ, какъ будто тамъ перевозили старое желѣзо: это шла артиллерія отступающей арміи.

Подъ утро, когда нѣжная, ласковая, какъ далекое воспоминаніе юности, дрема охватила его, и вотъ-вотъ сонъ долженъ былъ пасть на него черной завѣсой, стекла въ рамахъ вдругъ жалобно зазвенѣли, стѣны качнулись, тонкая пыль подбѣлки посыпалась съ потолка. И черезъ двѣ секунды потрясающій, страшный грохотъ прокатился надъ приникшей въ тишинѣ улицей, какъ будто сама земля рушилась и разсѣлась бездонной пропастью.

Колокола передъ отправкой. Офицеры и желѣзнодорожные агенты прикрѣпляютъ ярлыки съ указаніемъ города и церкви.

Старая униатская церковь въ Галиціи.

Кузьменковъ вскочилъ, заметался по комнатѣ и трясущимися руками едва нащупалъ дверь.

— Святъ, святъ, святъ!..—бормоталъ онъ, выскакивая въ одномъ бѣльѣ за калитку. — Съ нами крестная сила...

Гдѣ-то, въ сторонѣ вокзала, горѣло. Зарево было неровное, буйное, и взметывалось жадными скачками въ черное небо. Зеленовато-красной молніей въ немъ вдругъ сверкнуло что-то, и опять оглушающій грохотъ качнулъ землю, старые домишки, длинный, унылый заборъ.

Два человѣка бѣжали по улицѣ, громко топая тяжелыми сапогами по твердой дорогѣ.

— Паны, паночки милые, что̀ такое, что̀ это?!.—плачущимъ голосомъ взмолился Егоръ Лукичъ, весь трясясь не столько отъ холода ночи, сколько отъ испуганнаго напряженія. — Господи Боже мой, что̀ это?..

— Вокзалъ рвутъ... Мостъ уже взорвали, теперь вокзалъ взрываютъ... — торопливо отвѣтилъ одинъ изъ пробѣгавшихъ и побѣжалъ дальше.

Опять молнія, и опять грохотъ, словно каменныя нѣдра земли обрушились внезапно и раскатились по преисподней. Кузьменковъ перекрестился и оглянулся по сторонамъ. И тутъ только въ первый разъ замѣтилъ, что стала пустынной и безмолвной знакомая улица, что нѣтъ нигдѣ огня въ окнахъ, и многіе дома заколочены грубыми старыми досками.

Боже мой! — бѣжать, бѣжать скорѣй, что̀ же въ самомъ дѣлѣ? Чего же ждалъ онъ все время, о чемъ думалъ?

Онъ вспомнилъ, какъ много знакомыхъ изъ постоянныхъ посѣтителей его лавки уже уѣхало, и онъ не придавалъ этому значенія, какъ будто даже не замѣчая. Уѣхалъ вмѣстѣ съ семьей багажный артельщикъ, жившій за три дома отъ него, уѣхалъ жандармъ, даже въ кофейной пана не стали собираться по вечерамъ, какъ всегда, и какъ-то, проходя мимо вечеромъ, онъ самъ видѣлъ пустыя комнаты, гдѣ такъ часто сидѣлъ онъ за стаканомъ жидкаго чаю и препирался насчетъ политики съ панами, не понимавшими всей обширности Россіи.

— Боже, что̀ это?.. — бормоталъ онъ трясущимися губами, въ то время какъ пожаръ все разгорался въ сторонѣ вокзала, и уже полнеба было озарено кровавымъ заревомъ. —Вѣдь это же не сказать, не подумать... Ужли жъ конецъ?

Онъ поплелся домой, даже забывъ запереть калитку, все время бормоча и причитая, и, войдя въ комнату, сталъ сразу одѣваться. Потомъ взялъ чемоданчикъ, уложилъ въ него всѣ бумаги, деньги, все, что̀ касалось торговли, заперъ. Прошелъ въ комнату, гдѣ спала дочь, наклонился надъ ней и долго смотрѣлъ въ невѣрномъ свѣтѣ зажженной лампадки на милое, знакомое личико. И въ этотъ моментъ такими маленькими, ненужными, глупыми показались ему мысли о домѣ, о разстроенномъ хозяйствѣ, о лавкѣ, обо всемъ томъ, что̀ казалось самымъ важнымъ и самымъ большимъ.

„Только бы ихъ, Марьюшку и Настю, милую дѣвочку, дочечку, увезти отсюда, только ихъ вызволить, а домъ, лавка... Ну ихъ, что̀ ужъ тамъ!..“

Опять вернулся въ свою комнату, открылъ чемоданчикъ и тщательно пересмотрѣлъ, все ли взялъ... И осторожно, стараясь не разбудить жены, вышелъ и почти побѣжалъ къ старику литвину, обычно возившему на вокзалъ уголь, торопить съ лошадью. И по мѣрѣ того какъ углублялся въ пустынныя, странно молчаливыя подъ краснымъ заревомъ пожара, улицы, все больше боялся, что старикъ откажется отъ своего слова и не дастъ подводы.

III.

Въ то время, какъ на длинную телѣгу, называющуюся въ этой мѣстности фурманкой, Кузьменковъ съ женой укладывали то, что̀ казалось имъ самымъ нужнымъ и самымъ дорогимъ, хозяинъ, старый, черный отъ вѣчной возни съ углемъ литвинъ, заявилъ, что онъ не можетъ везти, а пусть хозяинъ, панъ лавочникъ, правитъ лошадью самъ. Ибо у него, извозчика, отданы еще двѣ подводы, и онъ пойдетъ съ ними. А въ Орнанахъ,—станція, куда подрядилъ лошадь Кузьменковъ, извозчикъ найдетъ его у еврея Ципореса на рыночной площади.

Егоръ Лукичъ почти не слушалъ его.

— Ладно, ладно, чего тамъ, разберемся, не впервой видимся,— бормоталъ онъ, весь сжигаемый внутреннимъ огнемъ нетерпѣнія, безпокойства и лихорадочной торопливости.—Ладно, ладно, Ципоресъ, буду знать!..

Старикъ взялъ съ него деньги впередъ и ушелъ. Въ калитку, оставшуюся открытой, видно было, какъ по улицѣ тянется длинный обозъ раненыхъ. Раньше они появлялись, но ихъ какъ-то не замѣчалъ Кузьменковъ, тутъ же онъ обратилъ вниманіе на то, что раненые были новые, нѣкоторые съ промокшими кровью повязками, нѣкоторые даже совсѣмъ не перевязанные, съ коекакъ обмотанными руками и головами.

Они лежали въ фурманкахъ тихо, почти безъ стона, и головы ихъ безвольно качались въ тактъ движенію повозки. Прежде Егоръ Лукичъ каждый разъ при видѣ раненыхъ испытывалъ странное и безпокойное ощущеніе смутной виновности своей передъ этими несчастными, искалѣченными и страдающими людьми.

Онъ ничѣмъ не былъ виноватъ передъ ними, а смотрѣть было стыдно и неловко, словно въ немъ-то и была причина, что̀ заставляетъ ихъ страдать. И, пропуская мимо себя такой транспортъ, онъ сокрушенно вздыхалъ и, пытаясь выразить большое и сложное чувство, накипавшее въ душѣ, говорилъ обычныя, ничего не объясняющія слова:

— Вотъ она, война-то... Это тебѣ не сахаръ!.. Попробуй-ка, поди-ка... О, Господи!..

Теперь видъ раненыхъ почему-то разсердилъ его. Что̀ же это въ самомъ дѣлѣ такое?—Дрались, дрались -на то и солдаты, чтобы

Мать увели германцы.

защиту которымъ мирнымъ жителямъ давать, а замѣсть того вотъ бросай все и уѣзжай невѣсть куда! Онъ сердито рванулъ калитку и чуть не зашибъ ею дѣвушку въ бѣлой мятой косынкѣ, кожаной курткѣ, носившей слѣды дождя, и въ высокихъ мужскихъ сапогахъ.

— Что такое, что надотъ?—сурово остановилъ онъ ее, исподлобья глядя на молодое, землистое лицо.

— Дайте, пожалуйста, ведро и чашку... Раненымъ... пить просятъ, пожалуйста!..—слегка задыхаясь отъ быстрой ходьбы, проговорила дѣвушка и, очевидно, увѣренная въ согласіи, ступила на порогъ калитки.

— Какое ведро?.. Что такое, почему пить?..—началъ-было рѣзкимъ голосомъ Кузьменковъ, но вдругъ посмотрѣлъ въ лицо дѣвушки, въ утомленные, окруженные темными тѣнями, глаза, на блѣдныя щеки и мятую косынку, очевидно, не снимавшуюся, можетъ-быть, не одну ночь, и застыдился.

— Сейчасъ принесу, барышня, обождите минутку...—тихо проговорилъ онъ, отворачиваясь.—Экое дѣло, прости Господи!..

Онъ принесъ воды, не позволилъ барышнѣ взять самой, а потащилъ къ остановившемуся обозу, и все время, пока раненые, со стонами приподнимаясь, пили изъ бѣлой чашки съ отбитой ручкой, онъ не смотрѣлъ на нихъ, пряча глаза въ сторону.

Когда раненые напились и послѣдній отдалъ назадъ чашку, онъ подержалъ ее въ рукѣ и, мелькомъ взглянувъ на сестру милосердія, сказалъ:

— Возьмите... И ведро тоже—можетъ, опять гдѣ въ дорогѣ пригодится...

Та поблагодарила и взяла. Подъѣхалъ какой-то человѣкъ верхомъ, съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, и быстро заговорилъ съ сестрой, потомъ взглянулъ на Кузьменкова и бросилъ ему:

— Чего сидите? Вѣдь къ ночи, смотрите, нѣмцы здѣсь будутъ... Уходили бы куда, что ли...

Егоръ Лукичъ молча посмотрѣлъ на него и, не отвѣтивъ, пошелъ во дворъ.

Жена укладывала какія-то корыта, которыя казались ей нужными, узлы съ платьемъ, огромный сундукъ. Онъ посмотрѣлъ на нее, молча подошелъ и однимъ движеніемъ выкинулъ вонъ новое корыто.

— Никакъ ты спалѣвши?—начала-было жена, но онъ такимъ же движеніемъ выдернулъ уголъ сундука, поставилъ его на вѣсу на край телѣги и сильнымъ толчкомъ сбросилъ вонъ. Потомъ полетѣлъ узелъ, корзинка, старый сѣнникъ, внутри котораго выпиралъ боками самоваръ.

— Ай, батюшки, да что же это такое?..—заголосила жена, но онъ только посмотрѣлъ на нее, и она умолкла. И, только подбирая изъ выброшеннаго самое нужное, съ чѣмъ она не могла уже никакъ разстаться, тихо заплакала. А Настя крѣпче прижала къ груди большую коробку съ куклами и сурово оглядѣла отца, словно видѣла его въ первый разъ.

— Нечего тамъ, садись!..—коротко приказалъ онъ.

— Да вѣдь добро-то еще... Бѣлья я взяла только три перемѣны, тамъ корзина...—начала-было жена, но онъ только повторилъ:

— Садись, нечего... Тутъ городъ цѣльный гибнетъ, а она „бѣлья“... Садись!

И самъ погналъ лошадь,—старую, до невозможности худую клячу,—въ ворота. Потомъ бросилъ вожжи дочкѣ, заперъ ворота, прихватилъ приготовленнымъ гвоздемъ калитку и снялъ шапку. Жена плакала въ черной грязной телѣгѣ угольщика и причитала, какъ надъ покойникомъ. Дочка Настя смотрѣла серьезно, не выпуская своей драгоцѣнной коробки.

Егоръ Лукичъ перекрестился самъ, трижды перекрестилъ ворота и съ новымъ просвѣтлѣвшимъ лицомъ,—словно онъ оставилъ здѣсь, въ этомъ сколоченномъ трудами всѣхъ дней своихъ домикѣ, что-то очень тяжелое, висѣвшее надъ его жизнью,—ловкимъ, молодымъ движеніемъ прыгнулъ въ телѣгу.

— Айда!..—подкрикнулъ онъ, стегнувъ лошадь.—Коли такъ, ну и такъ, а нѣмцу я подверженности не имѣю...

Телѣга качнулась, Егоръ Лукичъ стегнулъ клячу еще разъ, телѣга заскрипѣла, потомъ колыхнулась и покатилась по дорогѣ. Молчаливые сѣрые домики знакомой улицы смотрѣли на уѣзжавшихъ съ новымъ, загадочнымъ выраженіемъ.

IV.

Когда Кузьменковъ трогался отъ дома, онъ думалъ, что лошадьми поѣдетъ немного народу, а въ такое раннее время, въ особенности. Въ этомъ расчетѣ и былъ главный смыслъ поѣздки. Двинуться за восемьдесятъ верстъ, потомъ сѣсть въ поѣздъ,—это былъ планъ, который первымъ пришелъ ему въ голову, и который онъ послѣ долгихъ размышленій одобрилъ.

Передъ наступленіемъ непріятеля. Рисунокъ В. Новодворскаго.

Но когда на выѣздѣ изъ города стали попадаться попутчики, онъ слегка забезпокоился. Чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ чаще попадались на дорогѣ фурманки и колымаги, брички и таратайки, сплошь заваленныя домашнимъ хламомъ, вещами и людьми. Больше всего было почему-то дѣтей, можетъ-быть, оттого, что взрослые шли пѣшкомъ, но это невольно бросалось въ глаза, и Кузьменковъ съ изумленіемъ слѣдилъ за маленькими головками во всевозможныхъ картузахъ и шляпахъ, торчавшихъ среди подушекъ, перинъ, коробокъ и корзинокъ.

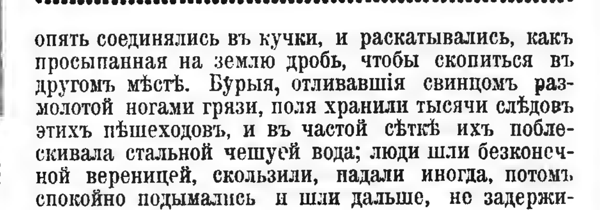
Онъ порою заговаривалъ съ попутчиками, но всѣ отвѣчали коротко, озабоченно, и видно было, что каждому не до разговоровъ. Притомъ грохотъ многихъ колесъ, наполнявшій коридоръ улицы оглушительнымъ гуломъ, мѣшалъ говорить.

Кузьменковъ подстегнулъ лошадь и сталъ обгонять телѣги и брички, лавируя въ нихъ, какъ въ живой, переливающейся рѣкѣ. У самаго выѣзда, передъ поворотомъ, за которымъ стояли старинный шлагбаумъ и пестрая будка, лѣтъ двадцать уже никѣмъ не обитаемаемая, потокъ экипажей сталъ еще гуще и плотнѣе. Много народу шло по сторонамъ, съ узлами на плечахъ, и было невѣроятнымъ предположить, что они пустились такъ же, какъ Кузьменковы, за восемьдесятъ верстъ до первой узловой станціи. Шли мужчины и женщины, съ напряженными, замкнутыми лицами, и у всѣхъ было такое выраженіе, словно они крѣпко сжали зубы и, прогоняя всякую мысль о результатахъ ихъ путешествія, идутъ съ одной цѣлью: уйти изъ опустѣвшаго города.

За поворотомъ сразу открывалось шоссе. Это была очень широкая, прямая, какъ стрѣла, дорога, мягкимъ изломомъ спускавшаяся внизъ, къ рѣчкѣ, потомъ подымавшаяся вверхъ и рѣзко дѣлившая далекій сосновый лѣсокъ. Когда Кузьменковъ увидѣлъ ее, онъ слегка ахнулъ: все шоссе, насколько хваталъ глазъ, было заполнено бѣженцами.

Огромная, безконечная, черная рѣка медленно и неторопливо лилась между двумя глубокими, налитыми дождевою водою каналами. Она загибалась подъ гору, пестрѣя бѣлыми платками женщинъ, красными узлами и сундуками, привязанными къ задкамъ телѣгъ, медлительная и живая, какъ толстая, чудовищная змѣя. Потомъ вытягивалась на гору, такая же ровная, густая, безостановочная и чѣмъ-то пугающая въ этомъ почти равнодушномъ, неторопливомъ движеніи библейскаго исхода.

Кругомъ по полямъ, грязнымъ и мокрымъ, въ перелѣскѣ и внизу у рѣчки, неровными, разсыпавшимися группами шли пѣшіе. Они собирались и распылялись, опять соединялись въ кучки, и раскатывались, какъ просыпанная на землю дробь, чтобы скопиться въ другомъ мѣстѣ. Бурыя, отливавшія свинцомъ размолотой ногами грязи, поля хранили тысячи слѣдовъ этихъ пѣшеходовъ, и въ частой сѣткѣ ихъ поблескивала стальной чешуей вода; люди шли безконечной вереницей, скользили, падали иногда, потомъ спокойно подымались и шли дальше, не задержи-



М. В. Родзянко, А. И. Гучковъ и Н. Н. Львовъ.

Д. Н. Чихачевъ.

В. А. Маклаковъ.

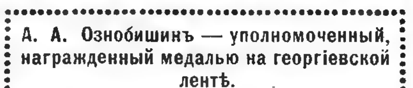
Священникъ Ф. Д. Филоненко напутствуетъ раненаго.

Члены Государственной Думы на войнѣ. По фот. Н. Ольшанскаго.

ваясь, не останавливаясь, какъ гонимые какой-то внутренней потребностью итти во что бы то ни стало.

Надъ всей этой безчисленной толпой висѣлъ странный гулъ; сначала казалось непонятнымъ, что это такое? Говоръ толпы? Шумъ шаговъ? И только черезъ нѣкоторое время можно было уловить самую главную ноту этого гула: это былъ неторопливый и равномѣрный трескъ десятковъ тысячъ колесъ по мощеному шоссе. Онъ нарасталъ и падалъ, заглушенный уклономъ горы, потомъ опять подымался, и похоже было, что онъ качается ритмическими движеніями, подобно спокойнымъ и неторопливымъ волнамъ морского прибоя.

Сколько могло быть тутъ народа? Тысяча, десять тысячъ, сто? Этого невозможно было опредѣлить. Городъ, въ который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ собирались бѣженцы изъ всѣхъ окрестностей, разомъ, почти въ одну ночь, выбросилъ эту толпу на узкое шоссе, заполнивъ его, какъ потомъ говорили, на протяженіи пятидесяти верстъ. Человѣческое море катилось узкимъ русломъ, этимъ самымъ поставленное во взаимную зависимость. Когда гдѣ-нибудь въ этомъ потокѣ падала лошадь, ее тотчасъ же оттаскивали въ сторону вмѣстѣ съ телѣгой, не обращая вниманія на крики и стоны сидящихъ въ ней, и потокъ катился дальше, не задерживаясь. Иногда сломанная бричка требовала починки, на которую надо затратить времени ровно пятнадцать минутъ. Но остановка была немыслима. крайніе, ѣхавшіе по бокамъ у канавы, не могли свернуть, а находящіеся внутри поэтому не могли объѣхать остановившагося, и бричку съ лошадью и сидящими валили въ канаву. Кто валилъ? Толпа. Отдѣльныхъ людей не было, какъ не было злости или раздраженія, такъ же, какъ не было никакой справедливости, потому что ея не могло быть. Здѣсь было то, что есть въ природѣ,— понятіе справедливости замѣнилось понятіемъ цѣлесообразности даннаго момента. И когда корзинки, сундуки и узлы сыпались изъ накренившейся фурманки въ грязную воду канавы, когда владѣльцы пытались вытащить ихъ, стоя выше колѣна въ водѣ, никто не обращалъ на это вниманія, никто не пытался даже остановиться и помочь.



А. А. Ознобишинъ — уполномоченный, награжденный медалью на георгіевской лентѣ.

Всѣхъ этихъ людей, эти капли огромной рѣки,— вытолкнула изъ города потребность сохранить жизнь. Зоологическій инстинктъ гналъ впередъ по черному шоссе безостановочно и равномѣрно. И ко всему происходящему кругомъ было только зоологическое отношеніе тупое, спокойное, почти равнодушное. Всѣ человѣческія наслоенія на природѣ зоологическаго звѣря, умѣющаго добывать огонь и обладающаго разумной мыслью, тутъ сжались въ комокъ, ушли въ темный и тайный уголъ души, и осталась одна зоологія. Понятія справедливости, участія, любви къ ближнему, сочувствія все это замерло и исчезло. И почти всѣ лица идущихъ и сидѣвшихъ, скорчившись на повозкахъ, были не привычныя человѣческія лица, освѣщенныя чувствомъ, улыбкой, живой мыслью, а странныя маски, замкнутыя и непонятныя, съ непонятными влажными глазами, въ которыхъ отражалась какая-то довременная пустота.

И. Т. Евсѣевъ среди „пещерныхъ жителей".

Непрерывный сливающійся трескъ колесъ заполнялъ ухо; глазъ переставалъ отличать отдѣльныя лица, и тускло-желтыя пятна подъ головными уборами сливались въ пеструю, утомительную сѣтку: и подавляющимъ, мертвеннымъ, порой отвратительнымъ до тошноты, подымался тяжелый, прѣлый запахъ толпы надъ этой человѣческой рѣкой,—смѣшанный запахъ пота, нечистой одежды, мокрой матеріи и конскаго навоза...

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. В. Герасимовъ.

Члены Государственной Думы на войнѣ. По фот. Н. Ольшанскаго.

Медвѣдь.

Разсказъ **А. Е. Зарина.**

Полкъ, въ которомъ отбывалъ повинность Захаръ Гвоздевъ, стоялъ подъ Кіевомъ и готовился къ обычнымъ лѣтнимъ маневрамъ, когда пронеслась вѣсть о войнѣ. Сразу словно другими

М. Л. Киндяковъ, Г. М. Дерюгинъ и Я. А. Львовъ.

стали солдаты, и каждый, даже самый захудалый, вдругъ почувствовалъ, что наступаетъ время, когда на него вся родина возлагаетъ свои надежды.

— Съ кѣмъ воевать-то намъ?—говорили въ полку.

— Съ нѣмцемъ, сказываютъ. Съ германомъ.

— И врешь,—съ австріякомъ, потому мы ему войну объявили.

— Чтò австріецъ, чтò германъ—все одинаково нѣмецъ.

Солдаты и волновались и спорили, а Захаръ Гвоздевъ только зналъ, что наступило время настоящей войны, а не маневровъ. И, дѣйствительно, два дня спустя весь полкъ былъ выстроенъ, и полковой командиръ поздравилъ всѣхъ съ походомъ, а въ концѣ іюля солдаты весело садились въ вагоны, и громадный по количеству вагоновъ поѣздъ быстро пошелъ отъ Кіева, увозя будущихъ героевъ на поля сраженія.

Вскорѣ полкъ встрѣтился съ австрійцами у Владиміра-Волынскаго, и въ первый разъ Захаръ Гвоздевъ услыхалъ грохотъ орудій, трескъ шрапнелей и разноголосое пѣніе летящихъ пуль. А затѣмъ безпрерывные бои уже стали привычнымъ дѣломъ.

В. А. Маклаковъ и М. М. Ичасъ.

Н. Д. Крупенскій.

Н. Д. Крупенскій, начальникъ санитарнаго поѣзда общедворянской организаціи.

Члены Государственной Думы на войнѣ. По фот. Н. Ольшанскаго.

Захваченный нашими войсками германскій бронированный поѣздъ.

Веселые бои! Каждый разъ при встрѣчѣ съ русскими войсками австрійцы не выдерживали и бѣжали прочь.

Быстро подвигались наши войска, встрѣтились съ австрійскими полчищами на берегу Золотой Липы, перебросили ихъ черезъ рѣку, перешли слѣдомъ за ними, и Побѣда, словно на крыльяхъ, летѣла за нашими войсками. Съ пѣніемъ и музыкой дѣлали солдаты переходы, весело занимали позиціи, зарывались въ окопы, а тамъ разгоралось сраженіе; тряслась земля отъ выстрѣловъ, гремѣли раскаты пушечныхъ залповъ, и уже черезъ короткое время неслось дружное русское „ура", и смѣлымъ натискомъ опрокидывали мы австрійцевъ и гнали все дальше и дальше. Захаръ Гвоздевъ со своимъ полкомъ побѣдно проходилъ по Галиціи. Заняли они города: Калинку, Глиняны, Перемышляны, Бржуховицы и наконецъ въ срединѣ августа, недалеко отъ Львова, остановились передъ австрійскими полчищами, и началось небывалое еще въ исторіи сраженіе. Семь дней и ночей на протяженіи почти ста верстъ шелъ ожесточенный непрерывный бой. По ночамъ все кругомъ освѣщалось прожекторами, и было свѣтло, какъ днемъ; отъ выстрѣловъ дрожала земля, и содрогались всѣ внутренности. Захаръ Гвоздевъ ничего не зналъ объ этомъ боѣ и дѣлалъ свое дѣло. Онъ со своей ротой то закапывался въ окопы, то съ крикомъ „ура" бросался въ штыковой бой, то что-то пережидалъ; на короткое время отступалъ, нападалъ, заходилъ въ тылъ, во флангъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ остальными, въ упоеніи побѣды кричалъ „ура" и бѣжалъ впередъ, въ славный день 21-го августа вмѣстѣ съ другими солдатами ворвавшись въ городъ Львовъ.

Это была славнѣйшая изъ побѣдъ Каждый солдатъ былъ герой. Львовъ былъ занятъ нами, а съ нимъ и Галиція. Наступилъ послѣ тяжелыхъ боевъ отдыхъ.

Захаръ Гвоздевъ со своими пріятелями ходилъ по красивому городу, любовался памятниками, и все въ немъ ликовало, отражая торжество русскаго оружія.

Въ первый день солдаты ходили по улицамъ нестройными толпами. Большинство жителей разбѣжалось, двери въ домахъ и магазинахъ были открыты настежь.

Захаръ Гвоздевъ, гуляя съ товарищами, остановился подлѣ одного магазина и сталъ смотрѣть на огромное окно, а за окномъ и лежали, и висѣли, и стояли разныя забавныя и красивыя вещи: куклы, разодѣтыя, какъ на балъ, столы, убранные, какъ для пира; оселъ, который качалъ головою, огромный слонъ, маленькая желѣзная дорога. Гвоздевъ только дивился, а товарищи заговорили:

— А ну, братцы, зайдемъ!—Внутри-то куда занятнѣе!

И всѣ они гурьбою ввалились въ оставленный хозяевами магазинъ. Гвоздевъ вошелъ тоже. Внутри магазина было все разворочено и пусто.

— Ерунда! Ничего занятнаго,— сказалъ одинъ солдатъ. — Самое пустое: все для ребятъ устроено.

— Вѣрно, — проговорилъ другой.—Идемъ, братцы, дальше!

Захаръ Гвоздевъ, собираясь уходить, вдругъ увидалъ и приковался взоромъ къ огромному плюшевому медвѣдю.

Онъ былъ подвѣшенъ къ перекладинѣ надъ прилавкомъ и висѣлъ, растопыривъ четыре лапы, лоснясь на солнцѣ золотистымъ плюшемъ, а тупая морда его съ торчащими ушами словно улыбалась Гвоздеву и лукаво смотрѣла на него двумя черными пуговками, замѣнявшими глаза. Гвоздевъ не утерпѣлъ, снялъ медвѣдя и сталъ его разсматривать. Рука сжала толстое мягкое туловище, и вдругъ Гвоздевъ услышалъ урчанье. Онъ даже засмѣялся отъ радости, прижалъ большого медвѣдя къ своей груди и вышелъ изъ магазина, блаженно улыбаясь.

Когда онъ пришелъ въ казарму, гдѣ стояла его рота, солдаты тотчасъ окружили его веселой толпой.

— Ай да Захаръ! Какого онъ звѣря добылъ!—смѣялись они.— Настоящій медвѣдь!

— Михаилъ Ивановичъ, господинъ Топтыгинъ!

Гвоздевъ смѣялся и говорилъ:

— Смотри, братцы, онъ рычитъ.

При этомъ онъ нажалъ туловище медвѣдя, и раздалось урчанье.

— Здорово!—А ну, стоять умѣетъ?

И Гвоздевъ съ радостнымъ лицомъ ставилъ медвѣдя на четыре лапы, устанавливалъ на заднія лапы, сажалъ, а солдаты смѣялись и радовались.

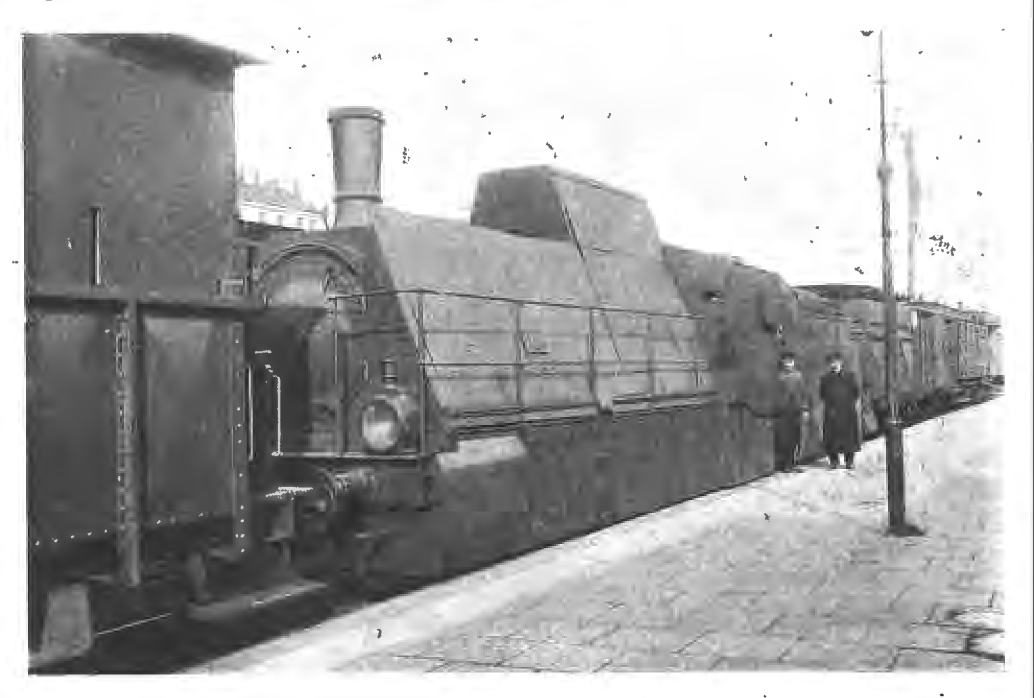
Гвоздевъ весь день не разставался со своей игрушкой, и когда легъ спать, то положилъ медвѣдя съ собою и сталъ тихо съ нимъ разговаривать:

— Теперь лежи и спи; завтра кашей накормлю. Ну, ну, не ворчи!—и при этомъ онъ одной рукой надавливалъ ему на туловище, а другой гладилъ.—Не балуй, дай спать.

— Не балуй! Спать надо!—окрикнулъ его унтеръ.

Гвоздевъ прижалъ къ себѣ медвѣдя и затихъ.

Этотъ медвѣдь напоминалъ ему родную деревню. Мальчишкой онъ съ опаской ходилъ въ лѣсъ, потому что всѣ пугали его медвѣдями; позднѣе, парнемъ, когда онъ ѣздилъ за дровами, то видѣлъ огромнаго бураго медвѣдя, который бѣжалъ, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу.



Захваченный нашими войсками германскій бронированный поѣздъ.

Замокъ-крѣпость въ Галиціи. Бойницы.

На другой день опять всѣ забавлялись медвѣдемъ, и даже унтеръ обратилъ на него вниманье.

— Ишь, какую штуку заполучилъ!—сказалъ онъ Гвоздеву.

— Землякъ!—улыбнулся Гвоздевъ.—Я съ нимъ разговаривалъ. Какъ и я, изъ самой Минской губерніи.

— Ну, ну! Кольцо ему въ губу, да и ходи по дворамъ!

— Ништо, мы его на рукахъ носить будемъ!—засмѣялись солдаты.

— А то какъ же!—сказалъ Гвоздевъ.—Развѣ я его брошу?

И Гвоздевъ, дѣйствительно, сдѣлалъ этого медвѣдя своимъ неразлучнымъ товарищемъ.

Прошло не больше недѣли отдыха, и ихъ полкъ выступилъ изъ Львова и пошелъ впередъ. Гвоздевъ положилъ своего медвѣдя въ походный мѣшокъ и шелъ, не разставаясь съ нимъ, а во время приваловъ вытаскивалъ его и разговаривалъ съ нимъ. Когда всѣ садились къ котлу хлебать супъ или кашу, Гвоздевъ сажалъ подлѣ себя медвѣдя и съ серьезнымъ видомъ говорилъ ему:

— Ну, поѣшь!—при чемъ совалъ ему въ морду ложку съ кашей.

Замокъ-крѣпость австрійскаго офицера въ Галиціи, съ толстыми бетонными стѣнами, прекрасно приспособленный для обороны.

Медвѣдь не двигался, каши не ѣлъ, но, казалось, отлично понималъ, что дѣлается вокругъ, и смотрѣлъ на всѣхъ своими черными пуговками.

— Водки бы ему!—смѣялись одни.—Они страсть какъ обожаютъ водку.

— И еще медъ,—подхватывали другіе.

— Меду-то я ему достану,—говорилъ Гвоздевъ.—А водки никакъ невозможно: по нынѣшнему времени не до баловства.

— Вѣстимо,—съ хохотомъ отвѣчали солдаты.—Его надо тоже въ струнѣ держать.

— Ну, ну...

Плюшевый медвѣдь сталъ любимцемъ всего взвода. Чуть только вспоминали о немъ, или видѣли его золотисто-рыжую морду, какъ тотчасъ раздавались смѣхъ и шутки.

Гвоздевъ ни на мгновеніе не разставался со своимъ товарищемъ. Едва вышли они изъ Львова, какъ начались бои у Равы Русской, и здѣсь медвѣдю пришлось испытать всѣ превратности боевой жизни. Гвоздевъ клалъ его съ собою рядомъ въ окопахъ, тащилъ его на развѣдки. Мочило медвѣдя дождемъ и жарило палящимъ солнцемъ. Скоро онъ уже потерялъ свой лоскъ, но попрежнему урчалъ, если его давили, и морда его была все такъ же добродушна. Когда сидѣли въ окопахъ, Гвоздевъ подвертывалъ

Замокъ-крѣпость въ Галиціи. Стѣны и бойницы замка.

ему заднія лапы, сажалъ, прислонивъ къ насыпи, и при каждомъ выстрѣлѣ изъ своей винтовки приговаривалъ:

— Мы, Михаилъ Ивановичъ, съ тобой будемъ съ прицѣломъ стрѣлять; не какъ-нибудь зря. Вотъ смотри-ка: видишь, показалась его шапка... А ну-ка... бацъ! Смотри, вотъ и свернулся... Ну еще, за твое здоровье... Бацъ!.. Вишь, какъ ловко.

Если же вдругъ раздавалась команда „впередъ“, и надо было, выскочивъ изъ окоповъ, бѣжать съ ружьемъ наперевѣсъ и бить врага, выбивая его изъ окоповъ или отражая его нападеніе, Гвоздевъ подхватывалъ медвѣдя, забрасывалъ его себѣ за спину и бѣжалъ съ нимъ. Для этого онъ нарочно приспособилъ широкую бечевку, къ которой привязалъ туловище Мишки, а потомъ одѣвалъ эту бечевку къ себѣ на шею.

Солдаты иногда просили Мишку у Гвоздева „въ гости“, и всѣ по очереди забавлялись съ нимъ.

Въ первый разъ случилось съ медвѣдемъ несчастье. Лежали всѣ въ окопахъ; Гвоздевъ положилъ медвѣдя невдалекѣ отъ себя, когда вдругъ раздался трескъ шрапнельнаго снаряда, и Гвоздевъ почувствовалъ, какъ недалеко отъ него осколкомъ взрыло землю. Онъ быстро обернулся и замеръ.

— Братцы!.. Михаилъ Ивановичъ...

— Что?—отозвались солдаты.

— Раненъ, голубчикъ!

Гвоздевъ наклонился надъ медвѣдемъ, котораго отбросило въ сторону, и съ нескрываемымъ горемъ поднялъ его съ земли, показывая вырванный изъ его бока клокъ.

— Ай, горе, горе!—и съ совершенно серьезнымъ видомъ онъ вынулъ индивидуальный пакетъ и завязалъ медвѣдю бокъ, изъ котораго сыпались пробковыя опилки.

— Урчитъ, али попортили?

— Кажись, ничего.

— А ты подави!

Гвоздевъ подавилъ, и медвѣдь заурчалъ.

— Ништо ему! Какъ только будетъ отдыхъ, сейчасъ мы его зашьемъ, и опять пойдетъ Михаилъ Ивановичъ.

Бой закончился; наступилъ отдыхъ; солдаты окружили Гвоздева, и каждый по очереди бралъ медвѣдя, осматривалъ его рану и качалъ головой.

Телеграфисты шестового отдѣленія.

Ништо, сейчасъ заштопаемъ... Ѳедоръ!..

Маленькій юркій солдатикъ съ веселымъ лицомъ подбѣжалъ къ Гвоздеву.

— Ничего! Я его сейчасъ. Въ лучшемъ видѣ!

Онъ сѣлъ, поджалъ подъ себя ноги, положилъ на колѣни медвѣдя, досталъ кусочекъ сукна, нитки, иглу и быстро пришилъ черную заплатку на золотистый плюшъ.

— Боевой теперя. Крещенъ!—смѣялись солдаты.

— Ирой! — усмѣхнулся унтеръ.

Снова начались бои, и снова лежалъ Мишка въ окопахъ, мокъ подъ дождемъ и мало-по-малу утрачивалъ свою красоту. Но все дороже и дороже онъ дѣлался солдатамъ и своему хозяину, Захару Гвоздеву. Это уже была не игрушка, не забава, а что-то одушевленное; существо, которое сроднилось съ Захаромъ Гвоздевымъ и съ его товарищами.

Шелъ Гвоздевъ на опасную развѣдку и непремѣнно бралъ съ собою Михаила Ивановича. Надо было осторожно ползти, надо было бѣжать подъ вражескими пулями, и Гвоздевъ крѣпко привязывалъ Мишку къ себѣ за спину и совершалъ молодецкій подвигъ, шопотомъ переговариваясь со своимъ другомъ.

— Ты, Михаилъ Ивановичъ, теперь смирно; урчать не вздумай! Они, черти, насъ сейчасъ, какъ есть, и прикончатъ. Ну, вотъ тутъ осторожненько... Видишь, пыль вихрится... у дубочковъ; выходитъ это—ихъ батарея тамъ. Ну, идемъ назадъ!..

И Гвоздевъ, узнавъ расположеніе батареи, ползъ назадъ въ свои окопы.

Послѣ Равы Русской полкъ подошелъ къ самому Кракову. Здѣсь Гвоздева ранили и въ безчувственномъ состояніи отвезли на перевязочный пунктъ. Лежа на носилкахъ, онъ открылъ глаза и спросилъ наклонившуюся надъ нимъ сестру милосердія:

— Медвѣдь мой, Михаилъ Ивановичъ?..

— Медвѣдь? — съ недоумѣніемъ спросила сестра милосердія.

— Такъ точно, — отвѣтилъ санитаръ.—У него на спинѣ привязанъ.

Сестра милосердія нагнулась, сунула за спину раненому руку и съ удивленіемъ вытащила грязнаго, лохматаго, съ заплаткой на боку, плюшеваго медвѣдя, но лицо ея тотчасъ отразило умиленіе, когда она увидѣла, какъ оживился раненый, протягивая къ своему другу слабыя руки.

— Онъ со мной весь походъ дѣлалъ,—сказалъ онъ.

Сестра улыбнулась.

— А онъ не раненъ?.. Покажи-ка!—и она внимательно осмотрѣла медвѣдя. — Только глаза потерялъ.

Правда: точно такъ же была добродушна морда медвѣдя, но на ней уже не свѣтились черненькія пуговки-глаза.

— Не иначе, какъ оборвали,—съ сожалѣніемъ сказалъ Гвоздевъ.

Ему пулей прострѣлило ногу. Рана зажила быстро, и черезъ мѣсяцъ онъ вернулся въ свою родную роту со своимъ медвѣдемъ.

— Счастливо!—привѣтствовали его солдаты.—И Михаилъ Ивановичъ тоже съ тобой?

— Благодаря Богу поправился,—отвѣтилъ Гвоздевъ и разсказывалъ:—Ужъ кормили его тамъ, можно сказать, на убой! Всѣмъ по сердцу пришелся.

Дѣйствительно, все время, пока Гвоздевъ лежалъ въ лазаретѣ, плюшевый медвѣдь переходилъ съ койки на койку. Знали его и сестры милосердія, и доктора, и даже старшій врачъ, и когда Гвоздевъ въ первые дни лихорадочной безсонницы тревожно спрашивалъ, гдѣ его Михаилъ Ивановичъ, ему тотчасъ приносили его медвѣдя съ серьезными лицами, вполнѣ раздѣляя его тревогу.

Наступило тяжелое зимнее время. Отошли отъ Кракова и стали брать Карпаты проходъ за проходомъ, перевалъ за перевапомъ. Это было трудное дѣло. Морозъ въ 15 и 20 градусовъ пронизывалъ насквозь и леденилъ усталаго солдата. Иногда по поясъ забрасывало солдатъ снѣгомъ, приходилось биться въ бурю, въ снѣжныя метели; приходилось лѣзть кверху по обледенѣвшимъ узкимъ тропамъ, и много народу погибло въ суровыхъ горахъ. Замерзали, заносило снѣгомъ, срывались съ ледяныхъ скалъ.

Гвоздевъ совершалъ свои маленькіе подвиги, никогда не разставаясь съ медвѣдемъ.

— Ну, ну, Михаилъ Ивановичъ, давай грѣться! говорилъ Гвоздевъ и, свернувшись комочкомъ у разложеннаго костра, клалъ съ собою медвѣдя, прижимая къ нему свое лицо.

Ты его не сожги, — говорили заботливо солдаты: — осторожнѣе!

— Сказали тоже! — отвѣчалъ Гвоздевъ.

Молодой солдатикъ, котораго трепала лихорадка, говорилъ Гвоздеву:

— Одолжи мнѣ Михаила Ивановича!

— На, погрѣйся, — отвѣчалъ Гвоздевъ, и солдатикъ прижималъ Михаила Ивановича къ своему озябшему тѣлу.

Пережили солдаты тяжкую зиму въ снѣжныхъ перевалахъ Карпатъ; въ ротѣ Гвоздева нѣсколько разъ мѣнялся составъ, приходили новые, но всѣ тотчасъ привязывались къ Михаилу Ивановичу, и онъ считался въ ротѣ какъ бы собственностью. Гвоздевъ сперва сталъ унтеромъ, а потомъ фельдфебелемъ, и вмѣстѣ съ его повышеніемъ выдвинулось и значеніе Михаила Ивановича. Уже неловко было Гвоздеву постоянно носиться съ Михаиломъ Ивановичемъ, и онъ поручалъ его то одному, то другому солдату, и каждый считалъ за честь имѣть при себѣ плюшеваго Михаила Ивановича, а самъ Гвоздевъ явно отличалъ того, кто съ большей любовью относился къ его фавориту.

Полевой телеграфъ.

— А ну, Михаилъ Ивановичъ, пожалуйте кашку кушать! говорилъ кто-нибудь во время обѣда и тащилъ Михаила Ивановича къ себѣ.

— Теплѣе у костра-то, ты его туда.

— Тоже... онъ у меня подъ шинелью.

— Что значитъ подъ шинелью? У костра ему лучше...

Приходилъ Гвоздевъ и авторитетно говорилъ:

— У костра-то жарко: пусть онъ подъ шинелькой лежитъ, а потомъ къ утру можно и къ костру.

И ласково улыбался и тому и другому солдату.

Михаилъ Ивановичъ сталъ ротнымъ казеннымъ имуществомъ. Въ одной ротѣ былъ любимецъ-мальчишка, приставшій къ ней изъ разоренной деревни; въ другой ротѣ была собака; въ пулеметной ротѣ откуда-то объявился козелъ, а въ ротѣ, гдѣ фельдфебелемъ состоялъ Гвоздевъ, былъ плюшевый Михаилъ Ивановичъ. Онъ уже совсѣмъ потерялъ образъ и подобіе прежняго щеголеватаго медвѣдя, который когда-то красовался въ игрушечномъ магазинѣ города Львова. Это былъ настоящій боевой медвѣдь, если такіе когда-нибудь бывали. Весь онъ былъ бураго цвѣта, правую переднюю лапу онъ потерялъ въ одной изъ схватокъ, глазъ не было, а плюшевая поверхность во многихъ мѣстахъ была покрыта заплатами. Даже похудѣлъ Михаилъ Ивановичъ, потому что послѣ нѣсколькихъ пораненій изъ него не мало высыпалось пробковыхъ опилокъ, и совсѣмъ не урчалъ послѣ того, какъ его одинъ разъ переѣхало колесомъ походной кухни.

Прокладка телефонной линіи въ горахъ.

———

Прошла зима. Наши войска отошли отъ Перемышля къ Львову, а затѣмъ на Холмъ, на Люблинъ, и рота Гвоздева съ полкомъ вмѣстѣ перебывала на всемъ фронтѣ и оказалась, наконецъ, въ Минскомъ раіонѣ. Батальонный и полковой командиры всегда отличали седьмую роту. Только поступятъ въ нее молодые солдаты, и черезъ короткое время они — словно закаленные въ бояхъ воины, и нѣтъ для нихъ ни страха ни препятствій.

Гвоздевъ обычно говорилъ солдатамъ въ своей ротѣ:

— Вы, братцы, смотрите на него, — при этомъ онъ показывалъ на медвѣдя, — во всѣхъ бояхъ былъ, глаза потерялъ, лапы нѣтъ, а хоть бы что! Вотъ и вы такъ же.

И солдаты смѣялись, но съ невольнымъ уваженіемъ глядѣли на сѣро-бурую массу, которая представляла собою ротную драгоцѣнность, когда-то прекраснаго плюшеваго медвѣдя.

———

Ночью рота двинулась съ полкомъ и залегла въ окопахъ.

Кругомъ гремѣли выстрѣлы; то здѣсь, то тамъ по линіи завязывались штыковые бои.

Наши батареи громили село, въ которомъ засѣли нѣмцы, и въ свою очередь готовились къ атакѣ, и вдругъ на нихъ понеслись смертоносные снаряды. Словно наступилъ послѣдній день. Снаряды летѣли сплошной тучею, рвались, лопались, рыли землю. Непрерывный трескъ и грохотъ стояли въ воздухѣ, а часа два спустя послѣ этого ада нѣмцы съ дикими криками кинулись на наши окопы.

Прокладка телефонной линіи. „Слушаю“.

Гвоздевъ вдругъ закричалъ:

— А медвѣдь? Гдѣ медвѣдя подѣвали?

Солдаты растерянно переглянулись.

Молодой солдатъ Степанъ Казулинъ вдругъ всплеснулъ руками и закричалъ:

— У нѣмцевъ теперь въ окопахъ забыли! Братцы мои, развѣ можно это? Нашъ-то медвѣдь!..

— И тамъ оставили! исступленно закричалъ Гвоздевъ. Онъ съ нами, можно сказать, весь походъ сдѣлалъ; нигдѣ насъ не оставлялъ, а вы его нѣмцу подъ ноги!.. Да я васъ! За мной!

И Гвоздевъ, совершенно обезумѣвъ, бросился впередъ.

— Айда, ребята! — закричалъ Казулинъ. — Неужто мы нашего медвѣдя имъ оставимъ? А ну!

Солдаты съ яростнымъ крикомъ бросились къ только-что покинутымъ окопамъ. Нѣмцы еще не успѣли укрѣпиться, какъ на нихъ съ дикими воплями налетѣли наши и безъ пощады стали бить и колоть ихъ. Гвоздевъ исступленно кричалъ:

— Гдѣ мой медвѣдь! Надо достать его!..

— Тутъ!.. — закричалъ вдругъ Казулинъ, поднимая высоко кверху растрепанное, грязное, окровавленное чучело.

Уцѣлѣвшіе нѣмцы выскочили и стремглавъ бросились бѣжать изъ окоповъ, а остальные покрыли трупами тѣсный ровъ. Гвоздевъ выскочилъ слѣдомъ за бѣгущими и закричалъ:

— За мною... въ штыки!

И солдаты кинулись за нимъ. Въ одну минуту они перебѣжали небольшое разстояніе, бросились въ нѣмецкіе окопы и вышибли ихъ оттуда, а за ними уже спѣшили другія роты, сверкали штыки, гремѣло „ура“, и, однимъ натискомъ взявъ два ряда окоповъ, наши солдаты ворвались въ село Гавринцы.

Степанъ Казулинъ бѣжалъ впереди всѣхъ, держа въ рукѣ бурый комокъ, бывшій когда-то медвѣдемъ, и махалъ имъ, какъ знаменемъ.

———

Грудь Гвоздева украсилась Георгіемъ.

Къ чему стремится Германія.

Покидая въ іюнѣ с. г. Нью-Іоркъ, Дернбургъ, спеціальный посолъ Вильгельма, заявилъ американскимъ журналистамъ: „Черезъ самое короткое время Германія поразитъ міръ предложеніемъ мира. Еще больше она поразитъ всѣхъ своими скромными требованіями“. Нѣсколько раньше, а именно 25-го апрѣля с. г., тотъ же Дернбургъ на конференціи въ Бруклинскомъ университетѣ сказалъ: „Германія безпрекословно очиститъ Бельгію и сѣверъ Франціи, но поставитъ при этомъ единственное условіе: свободу развитія своихъ внѣевропейскихъ колоній“.

Неизвѣстно, насколько искренни были завѣренія германскаго посла. Возможно, что онъ стремился лишь къ успокоенію общественнаго мнѣнія въ Америкѣ, которую искренно огорчаетъ тяжкая судьба Бельгіи. Такъ или иначе, для всѣхъ насъ теперь ясно, что слова Дернбурга діаметрально противоположны словамъ германскаго канцлера Бетмана-Гольвега, произнесеннымъ въ германскомъ парламентѣ. Ясно для насъ и то, что нѣмцы ослѣплены послѣдними успѣхами германскаго оружія. Германія, идущая въ поводу у всевозможныхъ лигъ, начиная съ „Лиги аграріевъ“ и кончая „Военной лигой“, видитъ лишь одно: вся германская территорія, за исключеніемъ небольшой полосы въ Эльзасѣ, свободна отъ непріятеля. Съ другой стороны, завоеваны Бельгія, сѣверъ Франціи, Польша и Прибалтика. Мало того, негласно завоевана Австро-Венгрія, которая уже стала германскимъ вассаломъ. Пангерманисты не помнятъ себя отъ радости.

Въ то самое время, какъ Дернбургъ успокаивалъ американское общественное мнѣніе и льстилъ пацифистскимъ тенденціямъ президента Вильсона, Бетманъ-Гольвегъ ублажалъ своихъ соотечественниковъ, заявляя членамъ парламента: „Намъ необходимо вести войну до тѣхъ поръ, пока мы не добьемся полныхъ гарантій и увѣренности въ томъ, что никакая опасность въ будущемъ не угрожаетъ намъ. Мы должны обезоружить враговъ!“ Подхвативъ этотъ лозунгъ, лидеры консервативной и національ-либеральной партій добавили отъ себя: „Мы не должны отступать предъ мыслью объ аннексіяхъ. Такъ или иначе мы обязаны предъ потомствомъ обезпечить Германіи безопасность“. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, баварскій король произнесъ рѣчь, которая вызвала чрезвычайно много самыхъ разнообразныхъ толковъ: „Со дня начала войны прошло десять мѣсяцевъ, и пролито очень много драгоцѣнной крови. Но не напрасно! Усиленіе Германской имперіи, расширеніе ея границъ, обнаруженіе нашей мощи,— вотъ реальные результаты нынѣшней войны!“

Вотъ какимъ образомъ германскіе правители, консерваторы и національ-либералы относятся къ вопросу объ аннексіи. Правда, кое-что лепечутъ соціалисты, но къ ихъ голосу уже перестали прислушиваться.

Зададимся болѣе опредѣленнымъ вопросомъ: чего же хотятъ нѣмцы? Прежде всего и больше всего они хотятъ получить порты, дающіе имъ свободный выходъ въ море. Кромѣ того, они желаютъ получить Бельгію, изъ которой имъ открывается доступъ въ ненавистную имъ Францію. Имъ желательно получить еще угольные бассейны на сѣверѣ Франціи и желѣзные рудники Лотарингіи, которые были оставлены ими въ 1870 году. Мало того, нѣмцы указываютъ на то, что населеніе ихъ неимѣрно растетъ и нуждается въ новыхъ территоріяхъ, поэтому изъ аннектированныхъ мѣстностей коренные жители должны немедленно выѣхать и уступить мѣсто нѣмцамъ.

Вотъ и „все“! Нѣмцы готовы на миръ, но на миръ нѣмецкій, а миръ нѣмецкій все равно, что миръ пангерманскій. О немъ неоднократно говорили лидеры могущественнѣйшей въ странѣ партіи, именующейся „Всегерманскимъ союзомъ“. Но, прежде чѣмъ перейти къ этому пресловутому союзу, посмотримъ, какъ относились нѣмцы къ аннексіи до нынѣшней войны. Для этого намъ придется перелистать нѣсколько страничекъ исторіи, которая ничего не забыла и прекрасно все помнитъ.

Это было въ 1890 году, вскорѣ послѣ паденія Бисмарка. Канцлеръ исчезъ съ горизонта, а Вильгельмъ II, подъ личиной миротворца, началъ осуществлять свои темные планы. Тогда именно народился „Всегерманскій союзъ“, который нашелъ своихъ глашатаевъ въ лицѣ руководителей націоналистическаго изданія „Alldeutscher Blätter“. На ряду съ газетой, въ народъ проникали многочисленныя брошюры, которыя получили распространеніе далеко за предѣлами страны. Аппетиты нѣмцевъ росли по мѣрѣ того, какъ они убѣждались въ растущемъ могуществѣ Германіи. Германскій поэтъ-патріотъ Арндтъ однажды обмолвился: „Всякій клочокъ земли, на которомъ раздается нѣмецкая рѣчь, долженъ отойти къ Германіи“. Этотъ афоризмъ сдѣлался для пангерманистовъ аксіомой. Новыя рѣчи открыто зазвучали на Эйзенахскомъ конгрессѣ въ 1902 году. Предсѣдатель съѣзда, докторъ Гаазе, съ апломбомъ заявилъ, что нѣмцы — избранный народъ, для котораго обычные законы не писаны, что Германія переросла себя, и необходимы рѣшительныя мѣры для обезпеченія нормальныхъ условій, при которыхъ могла бы развиваться страна. Даніэль Фриманъ дополнилъ мысль Гаазе, сказавъ, что Германія нуждается и въ новой территоріи и въ сырьѣ, которое поступаетъ на германскія фабрики для обработки. „Мы тратимъ огромныя деньги на сырье и должны стремиться къ тому, чтобы источники этого сырья перешли въ полное наше обладаніе“.

Такова сущность пангерманской доктрины. А вотъ и программа ея. Двѣ брошюры достаточно характеризуютъ ее. Одна, подъ названіемъ „Великая Германія и Центральная Европа въ 1950 году“, вышла въ 1893 году, а другая—„Великая Германія“—вышла въ 1911 году и принадлежитъ перу извѣстнаго нѣмецкаго историка Танненберга. Обѣ книги заставили очень много говорить о себѣ въ свое время. Разница между ними — въ 18 лѣтъ, но за этотъ промежутокъ нѣмецкая психика претерпѣла значительное измѣненіе. Когти Германіи отросли и стали все сильнѣе тянуться на западъ и востокъ. Прежде всего высказывается мысль о томъ, что необходимо по возможности поскорѣе покончить съ Австро-Венгріей. И мы видимъ, какъ Танненбергъ преспокойно присоединяетъ Моравію къ Пруссіи, Чехію къ Саксоніи, а Тироль и Зальцбургъ къ Баваріи. Въ составъ перекроенной Австріи входятъ уже только Штирія и Каринтія, при чемъ число жителей ея не превышаетъ пяти милліоновъ. Что касается Адріатическаго побережья съ Далмаціей, Рагузой, Катарро, Тріестомъ и Полой, то эти области образуютъ кондеферацію, подобную нынѣшней Эльзасъ-Лотарингіи, во главѣ которой стоитъ германскій регентъ. Венгрія, значительно пополнѣвшая Сербія и Румынія въ свою очередь образуютъ Таможенный союзъ, также подвластный Германіи. Такой же союзъ организуется въ отнятыхъ отъ Россіи прибалтійскихъ областяхъ. Польша же возстанавливается въ самостоятельное королевство, глава котораго—нѣмецкаго происхожденія.

Недавно вышла въ свѣтъ книжка Андре Шерадама: „Какой миръ желателенъ нѣмцамъ?“ Авторъ съ поразительной наглядностью показываетъ намъ, какъ съ самаго начала войны нѣмцы послѣдовательно проводятъ въ жизнь намѣченную программу. Въ настоящее время Австро-Венгрія находится въ полномъ подчиненіи у германцевъ и почти лишена права голоса. Съ Францомъ-Іосифомъ не считаются. Австрійская армія дѣйствуетъ по указаніямъ германскаго генеральнаго штаба и лишена собственной иниціативы. Графъ Тисса, венгерскій диктаторъ и австрійскій канцлеръ, пользуется большимъ довѣріемъ со стороны Вильгельма и въ настоящее время разрабатываетъ детальный планъ отдѣленія Венгріи и условія вступленія ея въ Таможенный союзъ. Соотвѣтствующія статьи, долженствующія подготовить общественное мнѣніе, время отъ времени и все чаще попадаются то въ венгерскихъ, то въ австрійскихъ органахъ.

Съ другой стороны, сдача Варшавы рѣшила участь Польши: Германскій потокъ заливаетъ прибалтійскія земли, и нѣмцы мечтаютъ „выровнять свой фронтъ“ отъ Либавы до Адріатики. Не больше и не меньше! Принцъ Генрихъ Прусскій заявилъ, что онъ занялъ Либаву — „ключъ Балтійскаго моря“, и предлагаетъ другимъ полководцамъ завоевать ключи Адріатическаго моря,— Тріестъ и Полу, а затѣмъ провести одну линію, сверху внизъ...

Вотъ къ чему стремится Германія на востокѣ. А что же привлекаетъ ее на западѣ? Тотъ же Танненбергъ весьма подробно останавливается на этомъ вопросѣ и въ своей книжкѣ, вышедшей вскорѣ послѣ знаменитой агадирской исторіи, даетъ намъ слѣдующій отвѣтъ. Она включаетъ тотъ ультиматумъ, съ которымъ, по мнѣнію автора, Германія обязана во имя своихъ интересовъ обратиться къ Франціи. Авторъ называетъ этотъ ультиматумъ „бельгійскимъ договоромъ“. Проектъ этотъ столь же неожиданъ, сколь и наглъ.

Согласно этому ультиматуму, Франція должна уступить Германіи всѣ Вогезы съ Эпиналемъ, Маасъ и Мозель съ Нанси, Бріе и Люневилемъ, восточную половину Мааса съ Верденомъ и Арденны съ Седаномъ,—всего 17.114 кв. километровъ. Но Германія желаетъ избавиться отъ французскаго населенія и поэтому ставитъ обязательнымъ условіемъ, чтобы мѣстное населеніе оставило край въ кратчайшій срокъ, не превышающій года. Всего въ настоящее время въ указанныхъ областяхъ насчитывается 1.192.453 человѣка, о которыхъ должно позаботиться французское правительство.

Нѣмецкіе бюргеры подхватили этотъ замѣчательный проектъ

и въ порывѣ патріотическихъ чувствъ предлагаютъ раздѣлить эти земли между солдатами, особенно отличившимися въ настоящую войну. Недвижимое имущество поступаетъ частью въ пользу тѣхъ же солдатъ, а частью въ пользу правительства... нѣмецкаго же. Другими словами, нѣмцы стремятся къ тому, чтобы изъ заполученныхъ земель сдѣлать искусственный и весьма прочный барьеръ между Эльзасъ-Лотарингіей и французскимъ вліяніемъ.

Люксембургъ, Бельгія и Голландія образуютъ особаго рода федеративные штаты, подвѣдомственные Германіи. Съ другой стороны такіе же штаты образуютъ Баварія и Саксонія. Но Германія намѣрена сохранить въ Бельгіи только фламандскій элементъ, валлоны же, питающіе большую склонность ко всему французскому, ей ненужны и поэтому могутъ убираться на всѣ четыре стороны, или же обратиться за помощью къ Франціи, которая сумѣетъ ихъ устроить въ своихъ колоніяхъ.

Устье Шельды съ Антверпеномъ и часть рейнскаго побережья съ Роттердамомъ войдутъ въ составъ Таможеннаго союза и станутъ вассалами германской торговли и индустріи. По тому же договору Германія получаетъ всѣ французскія колоніи, за исключеніемъ Алжира. Франція же распускаетъ свой флотъ, переводитъ въ пользу нѣмцевъ всѣ свои русскіе займы, уплачиваетъ къ тому же дополнительную контрибуцію въ 35.000.000.000 марокъ и, само собой, подписываетъ новый торговый договоръ, весьма выгодный для Германіи.

Грандіозная битва въ Шампани, окончившаяся блестящей побѣдой союзниковъ. Германскія траншеи, разрушенныя французской артиллеріей.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что въ этомъ танненбергскомъ проектѣ ничего не говорится о Па-де-Калэ. Очевидно, въ то время нѣмцы не разсчитывали, что имъ въ непродолжительномъ времени придется воевать съ Англіей. Но въ брошюрахъ съ датой 1914 и 1915 гг. этотъ пробѣлъ восполненъ, и тевтонскіе политики высказываютъ необходимость протянуть нѣмецкія владѣнія до самаго пролива и захватить не только Гавръ, но и Брестъ, каковые города должны быть включены въ Таможенный союзъ. Нѣкоторые пангерманисты не прочь завладѣть даже Бургундіей и Шампанью. Но заправилы „Всегерманскаго союза" считаютъ танненбергскій проектъ наиболѣе раціональнымъ и пріемлемымъ. Тѣмъ не менѣе въ нѣмецкой прессѣ все чаще и чаще встрѣчаются указанія на то, что желательно и даже необходимо завладѣть выходами въ Па-де-Калэ. „Лига аграріевъ" въ маѣ текущаго года представила всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ высказываетъ слѣдующія соображенія: 1) Необходимо довести мощь имперіи до максимума, 2) аннектировать всю Бельгію, 3) аннектировать французскія земли до Соммы, металлургическіе бассейны Бріе, укрѣпленные плацдармы Бельфора и Вердена, берега Мааса и французское же побережье Па-де-Калэ, 4) обязать Францію уплатить контрибуцію, которая на долгіе годы лишила бы ее возможности помышлять о войнѣ.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что подобная программа находитъ живой откликъ въ каждомъ нѣмцѣ и служитъ предметомъ разговора въ германскихъ дворцахъ, дворянскихъ замкахъ и бюргерскихъ домахъ. Лишь ничтожное меньшинство находитъ эти требованія „нѣсколько" преувеличенными.

Надо думать, что и нѣмецкое правительство прекрасно сознаетъ, что пангерманскій проектъ во всемъ своемъ объемѣ никоимъ образомъ не можетъ быть осуществленъ, но, желая добиться минимума, оно требуетъ максимума. Расчетъ торговца съ запросомъ.

На ряду съ этими „журавлями въ небѣ",

Трофеи битвы въ Шампани. Нѣмецкія орудія, выставленныя въ Парижѣ во дворѣ Дома Инвалидовъ.

На новыя позиціи

нѣмцы время отъ времени показываютъ и „синицу" въ державныхъ когтистыхъ рукахъ Вильгельма и его канцлера. Бетманъ-Гольвегъ выразился однажды: „Для завоеванія Бельгіи есть много другихъ способовъ, помимо аннексіи. Такъ, напримѣръ, можно оставить странѣ ея автономію, но заставить ее войти въ германскій Таможенный союзъ и принять гражданское и уголовное уложеніе Германской имперіи. Точно также придется съ ней заключить рядъ желѣзнодорожныхъ и военныхъ конвенцій".

Недавно одинъ изъ выдающихся испанскихъ публицистовъ, Родригецъ де-Саградоръ, опубликовалъ письмо, отправленное императоромъ Вильгельмомъ члену баварской королевской семьи. Благодаря тѣснымъ связямъ между мюнхенскимъ и мадридскимъ дворами, о письмѣ этомъ узнали въ Испаніи, и оно было напечатано въ самомъ распространенномъ испанскомъ органѣ „Утро". Никакихъ протестовъ противъ подлинности этого письма не появлялось съ германской стороны.

Психологія Вильгельма выражается въ этомъ письмѣ какъ нельзя лучше. Германскій императоръ говоритъ о мирѣ: „Миръ будетъ заключенъ гораздо раньше, чѣмъ большинство думаетъ. Возможно, что результаты его многимъ покажутся неудовлетворительными, и этимъ недовольнымъ я скажу слѣдующее: „Этотъ миръ готовитъ намъ будущее. А будущее за нами, въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣній!"

Тризна Болгаріи.

I.

Да, твой удѣлъ рѣшенъ, и нѣтъ уже возврата
На прежній свѣтлый путь... Несчастная страна
На радость всѣмъ врагамъ мечъ подняла на брата,
Клеймомъ предательства навѣкъ заклеймена.
Освобожденная изъ рабства русской кровью
На павшихъ за тебя воздвигшая свой домъ,
Надъ нашею святой славянскою любовью
Ты издѣвалася, вступивъ въ союзъ съ врагомъ.
Германскимъ золотомъ взлелѣянные планы
Ведутъ тебя къ концу позорною стезей,
Твои союзники—австрійцы и османы,
Ихъ раздѣлить судьбу—печальный жребій твой.
Въ твоемъ лицѣ далъ Каину Іуда,
Тебя для всѣхъ славянъ—въ славянствѣ больше нѣтъ.
И не забудется твой вольный грѣхъ, покуда
Надъ мракомъ не погасъ любви Христовой свѣтъ.
Да, вольный, вольный грѣхъ!.. Вѣдь твой народъ—не стадо;
Гдѣ жъ голосъ былъ его въ святые эти дни?..
Кровь всѣхъ славянъ на немъ, когда „Кобургіада"
Смогла въ немъ заглушить всѣхъ кровныхъ чувствъ огни.

II.

Плевна, и Шипка, и Горный Дубнякъ.—
Вы позабыты, героевъ могилы!
Въ сердцѣ Болгаріи темныя силы
Вашъ заслонили священный маякъ.
Бѣлый Дунай плачетъ русскою кровью,
Литой на немъ за свободу славянъ;
Смотрятъ, смущаясь преступною новью,
Снѣжныя выси лѣсистыхъ Балканъ.
Тридцать семь лѣтъ онѣ смотрятъ угрюмо,
Ждали— что будетъ съ судьбою болгаръ,—
Не обманула ихъ вѣщая дума:
Вспыхнулъ всемірнаго боя пожаръ.
Не обманула ихъ дума,—но что же
Видятъ сѣдые снѣга ихъ высотъ?—
Какъ не смутиться имъ? Праведный Боже!
Сынъ ихъ на мать ихъ свободы идетъ!..
Объ руку съ нимъ—ихъ враги вѣковые,
Срамъ и позоръ свой взялъ стягомъ ихъ сынъ,—
Льетъ кровь славянъ онъ на нивы родныя,
Братскую кровь льетъ на розы долинъ...
Горныя выси одѣлись въ туманы,
Лишь бы не видѣть позора его...
„Рухнуть бы вамъ на сынка своего!—
Кличутъ орлы.—Ой, Балканы, Балканы!..

III.

По людной площади Софіи
Идутъ войска за ратью рать,
Съ врагами матери-Россіи
За злое дѣло умирать.
Обречены судьбою правой
На гибель явную они
Съ ихъ обезславленною славой
Въ ихъ роковой измѣны дни.
Ихъ боевые генералы,
Славянству вѣрные, ушли,
Отрясши прахъ родной земли
На васъ, германскіе вассалы...
Надъ людной площадью Софіи
Горитъ вечерняя заря;
Ей залитъ ликъ Царя Россіи -
Освободителя-Царя.
Изъ темной бронзы проступая,
Глядятъ печальные глаза,—
Вотъ-вотъ съ нихъ скатится живая
Отяжелѣвшая слеза.
„Зачѣмъ я здѣсь?—уста готовы
Промолвить:—Рушьте жъ пьедесталъ.
Когда на то я съ васъ снималъ
Пятисотлѣтнія оковы!"

Аполлонъ Коринфскій.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА
1915 г.
№ 46
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
XLVI г. изданія
Выданъ 14-го ноября 1915 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. — 20 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 15.
Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

5% закладн. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г. 52 тиражъ 2-го ноября 1915 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

листовъ Дворянскаго съ выигрышами займа 1889 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листовъ, съ № 1 по № 50 включительно).

20	652	966	1304	1833	2443	2958	3360	3876	4314	4990	5353	6204	6663	6964	7581	8269	8816	9512	9972	10333	10682	11508	12101	12906	13484	14117	15115	15585
31	657	989	1337	1916	2459	2994	3365	3889	4389	5018	5507	6223	6676	7003	7730	8285	8843	9592	10010	10344	10740	11558	12125	12914	13494	14160	15164	15675
74	708	998	1358	2012	2545	3038	3381	3906	4431	5062	5566	6329	6699	7031	7777	8317	8861	9615	10029	10346	10744	11601	12197	12993	13513	14192	15200	15765
107	716	1008	1378	2021	2548	3044	3419	3954	4457	5092	5738	6333	6723	7036	7835	8384	8873	9630	10080	10377	10919	11619	12227	13056	13598	14309	15237	15790
146	724	1052	1380	2131	2595	3048	3424	3984	4582	5126	5774	6342	6724	7047	7841	8395	8934	9768	10154	10417	10950	11664	12325	13131	13677	14358	15245	15827
168	766	1079	1400	2141	2603	3056	3429	3995	4591	5186	5813	6475	6773	7083	7865	8442	8993	9770	10163	10434	11005	11694	12371	13203	13732	14377	15346	15915
207	815	1080	1452	2241	2640	3225	3438	4043	4607	5196	5850	6476	6842	7244	7906	8527	9002	9836	10207	10521	11127	11714	12457	13218	13774	14436	15362	
375	861	1113	1477	2322	2673	3251	3551	4086	4622	5203	5872	6489	6844	7332	8036	8571	9096	9872	10253	10529	11174	11725	12531	13258	13796	14458	15412	
392	876	1115	1493	2348	2687	3281	3552	4110	4671	5277	5903	6520	6874	7400	8099	8609	9125	9882	10270	10530	11177	11769	12612	13306	13803	14465	15482	
511	904	1141	1495	2366	2708	3291	3678	4171	4736	5286	6132	6553	6934	7437	8197	8648	9242	9891	10292	10563	11323	11860	12620	13394	13843	14664	15518	
512	911	1233	1664	2428	2808	3353	3770	4177	4738	5297	6156	6559	6946	7521	8203	8750	9436	9907	10307	10631	11426	11969	12731	13412	13990	14781	15543	
597	916	1274	1767	2438	2844	3359	3844	4261	4743	5346	6199	6606	6951	7570	8234	8786	9464	9949	10319	10665	11506	11992	12829	13436	14051	15111	15580	

Всего 342 серій, составляющихъ 17.100 листовъ, на сумму 2.394.000 рублей.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „Нивы“ 1915 года, желающихъ получить 21 книгу полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна (приложен. къ „Нивѣ“ въ 1912 году).

Согласно условіямъ разсрочки, къ 1 сентября с. г. слѣдовало прислать остальныя деньги за полное собраніе сочиненій А. И. Куприна. Настоящимъ считаемъ долгомъ напомнить, что означенныя сочиненія за льготную цѣну—4 руб. 50 коп. съ пересылкой—мы вообще имѣемъ возможность высылать гг. подписчикамъ лишь въ теченіе сего 1915 года, почему причитающіеся за нихъ взносы должны быть высланы намъ какъ возможно скорѣе.

Лица, еще не заявившія намъ о своемъ желаніи получить эти сочиненія, приглашаются, во избѣжаніе скопленія заказовъ и вслѣдствіе не особенно большого запаса этихъ книгъ, озаботиться скорѣйшей присылкой требованій.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

За русскаго Царя. Военный врачъ съ кавказскаго фронта разсказываетъ интересный случай изъ своей полевой практики:

«Вваливается въ кабинетъ цѣлая туша. Видалъ я высокихъ, но этотъ, кажется, превзошелъ всѣхъ. Въ плечахъ косая сажень, сложеніе богатырское.

— Вылѣчи,—говоритъ,—бабомъ сталъ. Никуда не годенъ. Генералъ говоритъ: «поѣзжай, Ибрагимъ, отдохни». Поѣхалъ въ Чечню къ сестрѣ. Нельзя ждать. Съ квартиры гонятъ. Какъ ночь, вижу цѣлыя орды турокъ. Я за ними. Ги-ги!.. Во все горло, а самъ съ постели бухъ... Ну, самъ знаешь, какъ я

упаду, домъ трясется. И такъ всю ночь. Бока обилъ. Квартиранты не спятъ, хозяйку бранятъ. Уходить хотятъ. Хозяйка говоритъ: «ради Бога уйди... Никому изъ-за тебя нѣтъ житья». Генералъ Поповъ, нашъ атаманъ, говоритъ: «пойди къ Ковалевскому».

— А за что этого золотого Георгія получили?

— На меня напали шесть человѣкъ. Впереди офицеръ. Я его шашкой со всего плеча. А онъ, шайтанъ, подставилъ свою шашку. Я ее перерубилъ и отмахнулъ его черезъ плечо до половины тѣла. Моя шашка пополамъ... Я соскочилъ съ коня. Схватилъ маленькаго за ноги и давай косить. Всѣхъ уложилъ.

— Какъ же вы, магометанинъ, сражаетесь со своими единовѣрцами турками?

— Одинъ Аллахъ у чеченца, одинъ у русскаго, одинъ у турка. Русскій мнѣ такой же братъ, какъ чеченецъ. Всѣ мы дѣти Аллаха. Я сынъ Чечни. Я сынъ Россіи. Мой Царь Русскій Царь. Султанъ, шайтанъ, пошелъ на Россію. Турки, собаки, послушали нѣмца. Они идутъ на Россію. Я билъ собаку-турка за Россію, за Чечню, за Русскаго моего Царя».

Бомбардировка Варны. Настоящая война — небывалая по своимъ «культурнымъ» ужасамъ, война удушливыхъ газовъ, несущихъ безшумную смерть, цеппелиновъ, мечущихъ бомбы, аэроплановъ, сыплющихъ съ поднебесья «иглы смерти», бронированныхъ чудовищъ-автомобилей, свинцовымъ ураганомъ проносящихся сквозь непріятельскіе ряды, проволочныхъ загражденій, насыщенныхъ электрическимъ токомъ, разящимъ на-смерть каждаго прикоснувшагося къ нимъ, — эта жесточайшая война поражаетъ своими культурными завоеваніями въ иного порядка способахъ веденія войны — примѣненіи безпроволочнаго телеграфа, гидроплановъ, тральныхъ аппаратовъ для вылавливанія минъ и т. д. Эту яркую картину современной морской войны мы помѣщаемъ здѣсь въ видѣ отрывка изъ приведеннаго въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» частнаго письма очевидца съ нашей эскадры, обстрѣливавшей Варну, — портъ предателей-болгаръ.

...«Идемъ къ Варнѣ. Прохладное, слегка туманное утро. Ясное безоблачное небо говоритъ за то, что день будетъ теплый, солнечный. Впереди чуть видно береговую полосу. Это — Болгарія. Прямо по носу — Варна. Справа далеко въ море выдвигается румынскій мысъ Каліакра.

Эскадра раздѣляется на отряды. Каждому отряду свое особое порученіе. Все должно быть предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей. Вотъ съ одного изъ кораблей спускаютъ гидроаэропланы, которые, поднимаясь надъ эскадрой, одинъ за другимъ полетѣли на развѣдку. Часть эскадры отдѣляется отъ строя и за тралящими судами идетъ прямо къ варненскому порту.

На корабляхъ пулеметы и противоаэропланныя пушки подняты и смотрятъ вверхъ на случай нападенія съ воздуха: вѣдь между возвращающимися съ развѣдки нашими летчиками могутъ быть и непріятельскіе. Зорко слѣдятъ сигнальщики за гидро, и часто слышатся ихъ доклады: «Гидро поднялся!», «Гидро возвращается!».

Первые летчики, окончивъ развѣдку, доносятъ адмиралу о результатахъ и затѣмъ снова улетаютъ уже съ наступательной задачей: они будутъ сбрасывать свои бомбы. Между тѣмъ изъ телеграфной рубки докладываютъ, что получена радіо на нѣмецкомъ языкѣ: «Русское нападеніе. Видна группа русскихъ линейныхъ кораблей». Телеграмма адресована въ Константинополь. Чтò это? Неужели болгары ждутъ оттуда помощи? Чтò жъ! Тѣмъ лучше. Морской бой будетъ поинтереснѣе бомбардировки.

Восемь часовъ утра. Поднимаютъ кормовой и боевые стеньговые флаги. Показались справа очертанія бѣлаго города и справа по носу башня — маякъ Галаты. Группами продолжаютъ летать надъ эскадрой гидро, несущіеся то къ берегу, то отъ берега. Радіотелеграфистъ принимаетъ какія-то турецкія телеграммы. Яснѣе становятся берега.

Румынскій берегъ вырисовывается совсѣмъ ясно. Оттуда насъ тоже видятъ. Румыны будутъ свидѣтелями кары надъ измѣнниками-болгарами. На берегу развертывается панорама Варны съ ея высокими красивыми зданіями. Справа — дворецъ. Близко подходятъ корабли къ берегу и выстраиваются въ боевую линію.

Завращались башни. На адмиральскомъ кораблѣ поднимаютъ сигналъ. Пушки эскадры разомъ извергли яркій желтый огонь и клубы коричневаго дыма. Дрогнуло все кругомъ отъ мощнаго залпа. Одинъ за другимъ сыплются залпы 12-дюймовыхъ пушекъ на болгарскія батареи, на молъ, на гавань. Сѣрые клубы дыма на берегу показываютъ, что стрѣльба идетъ удачно. Города мы не трогаемъ. Онъ кокетливо выглядитъ на солнцѣ, и страннымъ кажется кругомъ мирно стоящаго города весь этотъ адъ. Много выпустила снарядовъ наша эскадра, и скоро можно было считать дѣло законченнымъ, какъ вдругъ со стороны берега показалась и стала приближаться къ нашему кораблю длинная зловѣщая полоса на водѣ. «Мина»!

Ползетъ, какъ быстрая змѣя, но внимательность, искусство и хладнокровіе командира спасаетъ судно отъ опасности. Мина проходитъ и всплываетъ на поверхность воды. Я такъ ясно ее вижу. Длинная, блестящая, сѣрая. Черезъ минуту она тонетъ.

Ураганъ снарядовъ посыпался по перископамъ непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. Всплески отъ падающихъ снарядовъ покрыли всю поверхность воды между эскадрой и берегомъ. Это корабли наши отражаютъ вражескую атаку. Не было живого мѣста на водѣ. Она буквально кипѣла отъ всплесковъ снарядовъ. Врядъ ли уцѣлѣли лодки.

Отражая противоминными пушками нападеніе лодокъ, эскадра своей крупной артиллеріей еще сильнѣе и еще интенсивнѣе обстрѣливаетъ варненскій портъ. Но вотъ уже скрывается за городомъ гавань, и стрѣльба прекращается. Лодки благополучно отогнаны.

Бомбардировка продолжалась почти цѣлый часъ, и теперь мы поворачиваемъ и медленно выходимъ въ море за своими тральщиками».

Какъ пишутся письма германскимъ солдатамъ. Германскія газеты опубликовали официальное наставленіе, какъ писать письма солдатамъ, находящимся на фронтѣ, въ которомъ совѣтуется: не сообщать солдатамъ никакихъ газетныхъ извѣстій, не писать о смерти родныхъ на родинѣ или товарищей на фронтѣ, не предлагать лишнихъ вопросовъ, а также запрещается сообщать о дороговизнѣ жизни и обо всемъ томъ, чтò можетъ взволновать солдатъ. Необходимость соблюденія этихъ указаній объясняется составителями наставленія тѣмъ, что эти письма могутъ попасть въ руки враговъ.

Поддѣлка пищевыхъ продуктовъ въ Германіи. Большой недостатокъ пищевыхъ продуктовъ заставилъ нѣмцевъ въ самомъ началѣ войны прибѣгнуть къ ихъ поддѣлкѣ.

Извѣстная берлинская соціалъ-демократическая газета «Vorwärts» пишетъ, что само правительство выдумало «военный хлѣбъ», который въ сущности является лишь поддѣлкой хлѣба, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ значительное количество мало полезнаго картофеля.

«Разъ само правительство, — указываетъ газета, — приказало поддѣлывать хлѣбъ, то фабриканты сочли своимъ долгомъ воспользоваться добрымъ совѣтомъ».

Во время одного изъ судебныхъ процессовъ оказалось, что извѣстный суррогатъ кофе имѣетъ главной своей составной частью вредную для здоровья анилиновую краску. Затѣмъ были выпущены «бомбы съ чаемъ», въ которыхъ фигурировала опять-таки только краска. Одинъ фабрикантъ продавалъ какао для окоповъ; оказалось, что это какао смолото изъ шелухи кокосовыхъ зеренъ и съ настоящимъ какао ничего общаго не имѣетъ. Торговецъ Зауеръ выпустилъ суррогатъ масла «для солдатъ, у которыхъ есть хлѣбъ и колбаса, но нѣтъ масла». Анализомъ было установлено, что этотъ продуктъ состоитъ изъ крахмала и солей натрія. Далѣе была установлена продажа медоваго порошка по 35 пфениговъ за фунтъ, который состоялъ изъ виннокаменной кислоты, окрашеннаго сахара и мыла.

Затрудненіе въ подвозѣ, неурожай и громадный недостатокъ рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ заставятъ нѣмцевъ прибѣгнуть къ еще большему распространенію суррогатовъ.

Студенты-крючники. (См. рис. на стр. 856-й). Война создала новую разновидность студентовъ, новый заработокъ для учащейся молодежи. Вмѣсто уроковъ, переводовъ, переписки, всякихъ агентуръ по продажѣ неходкихъ изданій, электрическихъ лампочекъ и суррогатовъ кофе — физическій трудъ, работа простыхъ поденщиковъ и крючниковъ, и вмѣсто копеечнаго заработка — отъ шести до десяти рублей въ день на каждаго члена рабочей артели. Оффиціально артель называется: «Первая трудовая артель Императорскаго Петроградскаго Университета».

Наблюдавшій работу этой студенческой артели извѣстный писатель Танъ приводитъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» интересную бесѣду свою со старостой артели:

«— Сколько васъ? — спрашиваю старосту.

— Какъ вамъ сказать, — запинается онъ, — когда 35, а когда и 45. Записалось сначала до 200. Мы, старые крючники, посмотримъ и видимъ, что вотъ этотъ не годится. А какъ ему сказать?... «Я, — говоритъ, — одной рукой два съ половиною пуда выжимаю». Ну, выжимай!..

Но за первые три дня всѣ отлетѣли въ сторону, самые ретивые, спортсмены и гимнасты, особенно зажиточные. Остались одни бѣдняки, которые ищутъ, чѣмъ жить. Теперь обломались, не гнутся, скрипятъ.

Двое политехниковъ, другіе все университетскіе.

— Какъ же вы ѣздите сюда? — спросилъ я политехника.

— Встаю въ половинѣ шестого, уѣзжаю въ половинѣ седьмого. Раньше трамвая нѣтъ. Доѣзжаю на пристань къ восьми...

А еще говорятъ, что въ тылу не осталось геройства.

Ѣздить изъ «Сосновки» въ Лѣсномъ къ Невской Лаврѣ, затѣмъ, чтобы таскать провіантъ на собственномъ горбу для петроградскихъ желудковъ!..

— А васъ, господинъ староста, позвольте спросить, какіе вы старые крючники?

— Я — вологжанинъ. Насъ четверо вологжанъ. Я по лѣтамъ все таскаюсь въ народѣ. Былъ на Волгѣ, былъ въ Кеми, въ Архангельскѣ. А денегъ нѣту. Такъ спина отвѣчаетъ за деньги. А лѣтомъ въ Вологдѣ у насъ была своя артель. Грузили хлопокъ для Москвы. Лошадь купили, повозку. Рублей по 100 осталось на брата...

— Это — не особенно много.

— Харчъ убиваетъ, — сказалъ староста, съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ. А выговаривалъ онъ по-вологодски, вкусно, тягуче, съ лѣнцой. — На этакой работѣ ѣдимъ за четверыхъ. Вотъ и теперь пріѣдемъ домой и въ нашей «столовкѣ» по три обѣда за разъ съѣдимъ..

Кромѣ вологжанъ была тутъ сплоченная группа малороссовъ. Эти работали молча и какъ-то свирѣпо и строго слѣдили за тѣмъ, чтобы ни единая минута не пропадала даромъ.

— Вы сами откуда? — полюбопытствовалъ я.

— Ми хлибороби, съ Херсона, — объяснилъ мнѣ суровый десятникъ-малороссъ. — Дома тоже привычные работать. У насъ пятьдесятъ десятинъ, а у этого будетъ за двѣсти, — онъ указалъ на сосѣда. — Но только теперь Дарданеллы закрыты, и грошей не ма ни копья. Четыре вагона съ хлѣбомъ стоятъ, а везти его некуда. То мы и пришли сюда, чтобы заработать копейку.

— А вы на какомъ факультетѣ?

— Я — на юридическомъ, а этотъ — на естественномъ...

Это были студенты новой разновидности.

— Какъ надо разсматривать вашу артель? — освѣдомился я.

— Разсматривайте просто, — отозвался староста: — какъ исканіе заработка.

— А какъ вы составили артель?

— А такъ. Пріѣхали мы изъ Вологды. Чтò привезли, то прожили, проѣли. Толкнулись искать работы. Плавали, плавали, всѣмъ набивались. Стали желѣзо таскать въ компаніи одной. Неспособно. Связки тяжелыя — по 6—7 пудовъ, таскать высоко, а платятъ по 3 копейки съ пуда. Сравнительно съ тѣмъ желѣзомъ, теперь не работа — игра. Тогда мы подали прошеніе господину продовольственному уполномоченному, чтобы намъ разрѣшили устроить артель грузчиковъ.

— Вы чтò же, надѣетесь работать всю зиму?

Староста даже головой замоталъ.

— Намъ надобно учиться. Мы вѣдь студенты. Немного заработаемъ, чтобъ жить, и пойдемъ на экзамены...

Каковъ заработокъ студентовъ-крючниковъ?

Каждый мѣшокъ муки въ 4½ пуда приноситъ 20 копеекъ. При такой платѣ заправскій крючникъ можетъ заработать до 20-ти рублей въ день. Студенты зарабатываютъ меньше. Артель за 8 дней выгрузила паузокъ № 3 — 8.000 мѣшковъ, заработала 1.600 рублей. Работало 35 человѣкъ. Поденно приходится на кругъ рублей по 6-ти. Но теперь они привыкли и работаютъ быстрѣе и зарабатываютъ до 9-ти рублей въ день.

№ 46. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 14 ноября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 15.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Перемѣщеніе сербскихъ войскъ и правительства въ Македонію.

Къ началу ноября положеніе на всѣхъ фронтахъ европейской войны окончательно опредѣлилось. Это положеніе можно назвать выжидательнымъ одинаково какъ на западномъ, такъ и на восточномъ фронтѣ, при чемъ это выжидательное положеніе, повидимому, должно продолжаться впредь до окончанія вспомогательной операціи, которую ведутъ обѣ стороны на Балканахъ, стремясь вовлечь балканскія государства въ составъ той или иной коалиціи.

Поэтому операція противника на Балканахъ, несмотря на ея внѣшній быстрый темпъ, не могла оказать существеннаго вліянія на ходъ событій на главномъ театрѣ до тѣхъ поръ, пока она не бу-

Нѣмцы отошли. Картина проф. В. Е. Маковскаго.

детъ приведена къ опредѣленному и рѣшительному концу. Занятіе противникомъ территоріи Сербіи, даже и на большомъ протяженіи, еще ничего не означало, ибо такое занятіе территоріи нисколько не освобождало ни армій Макензена ни болгарскихъ армій для дѣйствій на главномъ фронтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не рѣшало вопроса о выступленіи Румыніи и Греціи на той или другой сторонѣ.

Эта точка зрѣнія представляется единственно пріемлемою въ данномъ случаѣ, и было бы слишкомъ узко смотрѣть на наступленіе противника на Балканахъ, какъ на задачу только „уничтожить Сербію". Мы уже доказывали, что задача противника заключается не столько въ занятіи Сербіи, сколько въ привлеченіи балканскихъ государствъ въ орбиту нѣмецкой коалиціи. Поэтому балканская операція могла бы дать австро-нѣмцамъ плоды только въ томъ случаѣ, если она была бы настолько успѣшной, что противникъ сталъ бы полнымъ хозяиномъ на Балканахъ и могъ бы не только вернуть арміи Макензена туда, откуда онѣ были взяты, т.-е. на главный фронтъ европейской войны, но еще прибавить къ нимъ контингенты балканскихъ государствъ.

Этимъ, въ свою очередь, и объясняется та задача, которая предстояла союзникамъ, ибо ясно, что эта задача заключалась въ томъ, чтобы не дать осуществиться намѣреніямъ австро-нѣмцевъ, не дать имъ возможности добиться такой побѣды, которая сдѣлала бы австро-нѣмцевъ хозяевами на Балканахъ и позволила бы имъ усилить свои арміи на главныхъ фронтахъ новыми войсками изъ контингентовъ балканскихъ государствъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, егермейстеръ Высочайшаго Двора А. Ф. Треповъ, Высочайше назначенный управляющимъ министерствомъ путей сообщенія.

При такихъ условіяхъ, занятіе австро-нѣмцами и болгарами территоріи Сербіи нисколько не приводило нѣмецкій генеральный штабъ къ желанному для него концу: пока существовали сербская армія и союзный десантъ, нечего было и думать о возвращеніи армій Макензена на главные фронты европейской войны, а тѣмъ болѣе о томъ, чтобы воспользоваться для главныхъ фронтовъ арміями балканскихъ государствъ. Именно въ этомъ и заключался смыслъ стратегическаго отхода сербовъ, которымъ, слѣдовательно, предстояло отойти подъ натискомъ превосходныхъ силъ врага и занять такое положеніе, которое постоянно бы угрожало пути Бѣлградъ—Нишъ—Софія—Константинополь.

Несомнѣнно, что такой отходъ представлялъ поистинѣ героическую операцію. Въ особенности положеніе сербовъ стало необыкновенно тяжелымъ послѣ того, какъ австро-нѣмцы и болгары заняли Нишъ и Крагуевацъ. Съ занятіемъ этихъ пунктовъ австро-нѣмцы и болгары занимали почти всю территорію прежней Сербіи, и главныя сербскія силы сгруппировались впереди Митровицы, т.-е. въ самомъ юго-западномъ углу Сербіи, на границѣ бывшаго Новобазарскаго санджака.

Далѣе, съ занятіемъ Ниша и Крагуеваца противникъ сталъ возстанавливать главный желѣзнодорожный путь, соединяющій Австро-Венгрію съ Константинополемъ, а именно Будапештъ — Бѣлградъ — Нишъ—Софія — Константинополь.

Такимъ образомъ сквозное движеніе между Германіей и Константинополемъ было установлено, но это, какъ мы видѣли, нисколько не разрѣшало главной задачи австро-нѣмцевъ, а именно — задачи присоединить къ нѣмецкой коалиціи балканскія государства и воспользоваться ихъ арміями.

Этому мѣшало присутствіе сербской арміи и десанта, почему противникъ послѣ занятія Ниша и Крагуеваца продолжалъ дальнѣйшее наступленіе въ Сербію, стремясь прижать сербовъ къ границамъ непроходимой Албаніи и вообще очистить Балканскій полуостровъ отъ сербскихъ и союзныхъ силъ.

Положеніе сербовъ въ это время было таково: съ трехъ сторонъ они были охвачены австро-нѣмцами и болгарами, а съ четвертой стороны находилась Албанія, куда отступать было невыгодно, въ виду малокультурности страны, отсутствія дорогъ и отсутствія тамъ достаточныхъ запасовъ продовольствія и другихъ снабженій. При такихъ условіяхъ, сербы рѣшили отступать не въ Албанію, т.-е. не въ открытыя двери, а пробиваться черезъ закрытыя двери, а именно — черезъ болгарскія войска, къ югу, въ Македонію, на соединеніе съ союзнымъ десантомъ.

На пути ихъ находилась болгарская группа войскъ, занимавшая раіонъ Ускюба. Эта группа ранѣе состояла изъ одиннадцатой македонской дивизіи, а затѣмъ къ ней, повидимому, присоединилась третья болгарская дивизія, занимавшая Вранье, седьмая болгарская дивизія, наступавшая отъ Трна, южнѣе Ниша, и пятая дивизія, наступавшая ранѣе въ резервѣ болгарской арміи. Всего, слѣдовательно, путь въ Македонію сербамъ преграждало около четырехъ дивизій болгаръ, т.-е. свыше 100 тысячъ человѣкъ. Если принять во вниманіе, что эту массу надо было не только разбить, но и пробиться черезъ нее, и что въ то же время надо было отбиваться въ тылу отъ двухъ насѣдавшихъ армій — Кевесса и Гальвица, а съ фланга отбивать удары еще болгарской арміи Бояджева, то станетъ понятнымъ, въ какихъ исключительныхъ условіяхъ, почти неслыханныхъ въ исторіи, происходилъ отходъ главныхъ силъ сербской арміи и тѣхъ массъ населенія, которыя шли вмѣстѣ съ войсками, спасаясь отъ германскихъ армій.

Самый путь главныхъ сербскихъ силъ лежалъ черезъ весь Новобазарскій санджакъ и далѣе черезъ Призрѣнъ, Тетово, на Монастырь. Въ Монастырь, находящійся, къ слову сказать, въ южной Македоніи, была уже перенесена сербская столица, и тамъ, повидимому, уже главное сербское командованіе, совмѣстно со штабами союзнаго десанта, руководило этой крайне трудной операціей по соединенію сербовъ черезъ болгарскія войска съ англо-французскимъ десантнымъ отрядомъ. Операція эта продолжалась въ теченіе недѣли, при чемъ свѣдѣній о ней почти не поступало, и лишь 2-го ноября было получено извѣстіе, что сербскія главныя силы взяли Тетово, на путяхъ къ Ускюбу, и преслѣдуютъ отступающихъ болгаръ.

Это было крайне важнымъ фактомъ, ибо открывало сербамъ двѣ дороги въ Монастырь. Очевидно, что отъ сербской арміи было выставлено нѣчто въ родѣ боковаго арьергарда, который наступалъ въ сторону Ускюба и придерживалъ болгаръ, пока главныя сербскія силы не пройдутъ по дорогѣ къ Монастырю.

Такимъ образомъ сербы очистили территорію прежней Сербіи и Новобазарскій санджакъ, и вся армія, а, вѣроятно, и часть населенія, какъ бы „переселялась" въ южную Македонію, по

На пути къ позиціямъ.

Какъ мы хоронимъ нашихъ враговъ. На снимкѣ изображено кладбище въ мѣстечкѣ С—ль, на которомъ погребено 1.800 австрійцевъ. Надъ каждой могилой крестъ съ надписью: имя и фамилія, часть войскъ, гдѣ былъ раненъ, когда скончался. Такъ же ли поступаютъ наши противники?

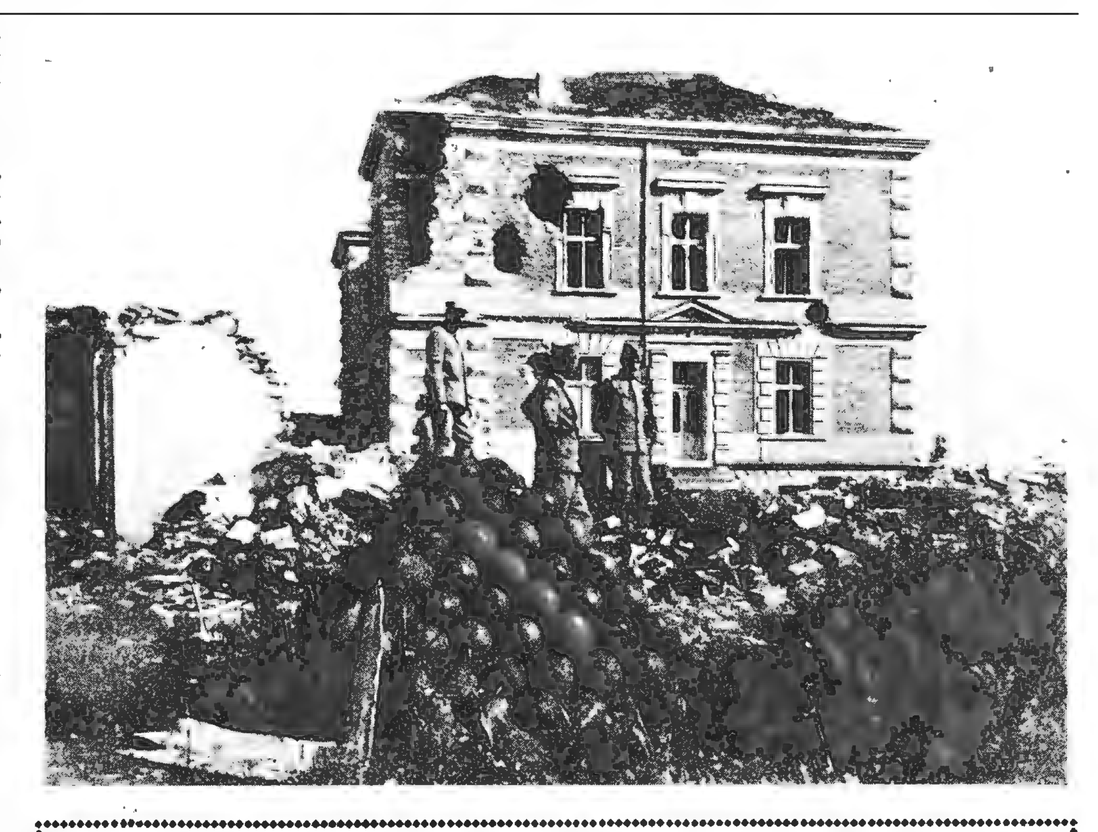
сосѣдству съ Греціей, гдѣ вмѣстѣ съ союзнымъ десантомъ предполагалось уже оказать болѣе рѣшительное сопротивленіе австро-нѣмцамъ и болгарамъ.

Несомнѣнно, что положеніе сербовъ въ Македоніи было гораздо лучше, нежели въ прежней Сербіи. Тамъ они были осаждены со всѣхъ сторонъ австро-нѣмцами и болгарами и, сверхъ того, лишены сношеній съ внѣшнимъ міромъ, почему не могли получать достаточно снабженія, что такъ насущно необходимо для нынѣшнихъ армій. Перейдя же въ Македонію, они, правда, отдавали временно противнику территорію прежней Сербіи и Новобазарскій санджакъ вмѣстѣ съ Бѣлградомъ, Нишемъ, Крагуевацемъ и Митровицей, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже имѣли новую

Мѣстечко Д—ца. Похороны убитыхъ

базу въ Монастырѣ, а Монастырь соединенъ желѣзной дорогой съ Салониками. Слѣдовательно, въ Македоніи сербы уже имѣли не только связь съ союзниками, но имѣли полное общеніе съ внѣшнимъ міромъ, и союзныя войска могли уже имъ оказывать ту матеріальную поддержку, безъ которой дальнѣйшая борьба сербовъ была бы немыслима.

Итакъ, въ окончательномъ видѣ съ начала ноября балканская операція слагалась слѣдующимъ образомъ: противникъ занялъ прежнюю Сербію и Новобазарскій санджакъ, а сербская армія пробивалась черезъ ряды болгарскихъ войскъ въ южную Македонію, гдѣ должна была соединиться съ англо-французскими войсками. Сербская столица переносилась въ Монастырь, и территорія, занятая сербскими войсками, соприкасалась непосредственно съ Греціей, ибо теперь уже сербскія войска, сербское правительство и большая часть населенія Сербіи переселились съ боемъ въ южную Македонію.



Въ Бѣлградѣ. Домъ близъ цитадели, разрушенный германской бомбардировкой.

Теперь уже сербскія войска, вмѣстѣ съ десантомъ, должны были оказать сопротивленіе австро-нѣмецко-болгарскому наступленію на Балканахъ и должны были удерживать всѣми силами положеніе союзниковъ на этомъ важномъ полуостровѣ.

Въ тылу у нихъ находилась Греція, и, такъ какъ Салоники, черезъ которыя шло все снабженіе и сербовъ и союзнаго десанта, принадлежали также Греціи, то отъ поведенія послѣдней въ значительной степени зависѣло все положеніе соединенныхъ силъ сербовъ, англичанъ и французовъ въ южной Македоніи.

Поэтому на Грецію стала усиленно нажимать австро-нѣмецкая дипломатія. Австро-нѣмцы назначили громадныя силы для уничтоженія сербской арміи, но не сумѣли окружить сербовъ и устроить имъ „Седанъ", почему теперь уже за это дѣло взялась австро-германская дипломатія, стремившаяся поднять Грецію и этимъ закрыть всѣ пути какъ сербскимъ войскамъ, такъ и союзному десанту.

Положеніе Греціи въ этомъ вопросѣ было несомнѣнно весьма трудное. Съ одной стороны, греки не могли выступить противъ четверного согласія, ибо территорія Греціи съ ея островами и извилистымъ побережьемъ всецѣло находилась подъ стратегическимъ контролемъ союзнаго флота, и послѣдній могъ въ любой моментъ нанести сильнѣйшій ударъ Греціи, въ случаѣ ея выступленія противъ союзниковъ. Съ другой стороны, греки боялись выступить вмѣстѣ съ державами четверного согласія, такъ какъ, повидимому, король Константинъ вѣрилъ въ побѣду австро-германцевъ и опасался, что послѣдніе послѣ Сербіи примутся за Грецію, если греки выступятъ открыто противъ нѣмцевъ.

Въ Салоникахъ. Высадка французскихъ войскъ.

При такихъ условіяхъ, греки весьма желали бы сохранить нейтралитетъ, но австро-нѣмецкая дипломатія заявила протестъ противъ высадки англо-французскаго десанта въ Салоникахъ, указывая, что это представляетъ собою нарушеніе Греціей ея нейтралитета.

При такой сложной обстановкѣ Греція продолжала оставаться нейтральной, а сербы и англо-французы продвигались навстрѣчу другъ другу, чтобы, путемъ соединенія въ южной Македоніи, положить предѣлъ распространенію австро-германцевъ и болгаръ на Балканахъ. Въ тотъ моментъ, когда писалась эта статья, стало извѣстно, что дипломатія четверного согласія предупредила Грецію о томъ, что какія-либо покушенія разоружить сербовъ, въ случаѣ ихъ отхода на греческую территорію, не могутъ быть допущены, и что отъ Греціи ожидается хотя бы въ такой формѣ выраженіе содѣйствія Сербіи во имя греко-сербскаго союзнаго договора. На этотъ совѣтъ-запросъ Греція сразу отвѣта не дала.

Баталистъ И. А. Владиміровъ.

(Съ портр. и 15 рис. на стр. 841—849).

Родина Ивана Алексѣевича Владимірова—г. Вильна, съ ея живописной стариной, овѣянной таинственными легендами и историческими событіями. Отецъ И. А. происходилъ изъ духовнаго званія. Въ 1865 году онъ служилъ въ Лондонѣ, гдѣ женился на извѣстной художницѣ-акварелисткѣ Е. Вакгорнъ. Вскорѣ послѣ того онъ пріѣхалъ въ Вильну для устройства публичной библіотеки и музея.

И. А. Владиміровъ родился въ 1869 году. Отъ своей матери онъ унаслѣдовалъ любовь и стремленіе къ искусству. Отецъ приложилъ всѣ заботы и средства, чтобы дать юношѣ возможность развиваться въ этомъ направленіи, но необычайная страсть мальчика къ путешествіямъ и приключеніямъ отчасти вредила правильному ученію.

Двѣнадцати лѣтъ И. А. одинъ уѣхалъ изъ Вильны черезъ Либаву въ Англію, гдѣ разыскалъ угольный пароходъ своего дяди Вакгорна и проплавалъ съ нимъ болѣе полугода. Вернувшись на родину, юноша по цѣлымъ мѣсяцамъ жилъ въ лѣсныхъ дебряхъ Полѣсья, питаясь дичью и рыбой, — и только съ шестнадцати лѣтъ онъ сталъ регулярно посѣщать классы Виленской рисовальной школы академика И. П. Трутнева.

Баталистъ И. А. Владиміровъ.

Страсть къ охотѣ и путешествіямъ не оставляла его, и каждое лѣто И. А. уходилъ пѣшкомъ въ лѣса и болота, гдѣ онъ охотился и писалъ этюды съ натуры. Въ 1889 году И. А. былъ принятъ вольнослушателемъ по экзамену въ гипсо-головной классъ Императорской Академіи Художествъ и одновременно поступилъ въ батальный классъ профессора Б. П. Виллевальде.

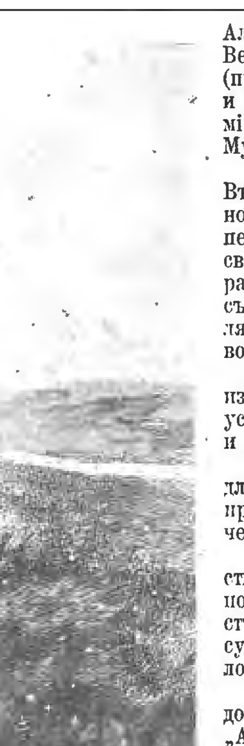
Въ первый же годъ И. А. былъ поощренъ малой серебряной медалью за этюдъ бѣлой лошади и удостоенъ высшей награды за рисунокъ головы Антиноя.

Желая сдѣлаться дѣйствительнымъ ученикомъ Академіи, И. А. уѣхалъ въ Одессу, гдѣ поступилъ на общеобразовательные курсы при Одесской рисовальной школѣ. Чтобы не терять времени, онъ также учился въ художественныхъ классахъ, гдѣ получилъ за свои работы двѣ серебряныя медали.

Во время жизни на югѣ, И. А. пѣшкомъ обошелъ весь Крымъ и, проѣхавъ изъ Керчи въ Батумъ на турецкой парусной фелюгѣ, пробрался въ Тифлисъ, оттуда также пѣшкомъ прошелъ по Военно-Осетинской и Военно-Грузинской горнымъ дорогамъ.

Вернувшись изъ Одессы въ Петроградъ, онъ съ новой энергіей сталъ учиться въ Академіи. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ окончилъ батальный классъ съ большой се-

Оба ранены. Картина И. А. Владимірова.



Непріятель показался. Картина И. А. Владимірова.

ребряной медалью. Рисовально-натурный классъ онъ также окончилъ съ двумя медалями и, кромѣ того, былъ удостоенъ большой медали за батальную композицію „Взятіе турецкаго редута".

Выйдя на конкурсъ по старому уставу Академіи, онъ удостоился получить званіе классчаго художника второй степени за картину „Перевязочный пунктъ во время кавказской войны".

Каждое лѣто И. А. уѣзжалъ въ излюбленные уголки Кавказа, гдѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ жилъ въ горныхъ аулахъ, среди воинственныхъ племенъ кабардинцевъ, осетинъ и горцевъ.

Для болѣе близкаго изученія военной жизни И. А. поступилъ охотникомъ въ 210-й Ижорскій батальонъ и въ 1894 году былъ зачисленъ въ старшій классъ пѣхотнаго юнкерскаго училища.

Окончивъ училище по первому разряду, И. А. скоро совсѣмъ оставилъ военную службу и, по приглашенію профессора А. Д. Кившенко, снова вступилъ въ батальный классъ реформированной Академіи. Послѣ смерти А. Д. Кившенко мастерская его перешла подъ руководство профессора Н. Д. Кузнецова. При немъ и закончилъ И. А. свое художественное образованіе, получивъ на конкурсѣ 1897 года званіе художника по новому уставу за картину „Пораженіе кабардинцевъ на р. Малкѣ". Въ этомъ же году И. А. уѣхалъ за границу для совершенствованія и изученія батальной живописи.

Еще будучи ученикомъ Академіи, И. А. началъ участвовать на художественныхъ выставкахъ. Первая его картина „У горнаго ручья" была выставлена въ Академіи Художествъ на весенней выставкѣ въ 1893 году. Въ слѣдующіе годы появились картины: „Невскій проспектъ" и „На пожарѣ" (пріобрѣтенныя Е. И. В. Вел. Кн. Владиміромъ Александровичемъ), „Бѣлыя ночи", „Пара гнѣдыхъ" и „Благотворитель" (находится въ Третьяковской галлерeѣ), „По первопутку" (пріобр. Е. И. В. Вел. Кн. Сергіемъ Александровичемъ), „Бѣлая ночь на Невѣ" (пріобр. Е. И. В. Вел. Кн. Ольгой Александровной), „Первый гость изъ Англіи" (пріобрѣтена Е. И. В. Государемъ Императоромъ), „Изобрѣтатель и капиталистъ", „Именины дѣда" (удост. серебр. медали на всемірной выставкѣ въ Санъ-Луи), „Горе" (пріобр. для Русскаго Музея Императора Александра III), и много другихъ.

Страсть къ путешествіямъ не оставляла молодого художника. Въ дни своей юности онъ десятки разъ былъ въ страшной опасности, но счастливыя случайности спасали его отъ гибели. Въ первые годы академической жизни И. А. стрѣлялся на дуэли съ своимъ сверстникомъ молодымъ медикомъ В. В. Муромцевымъ и ранилъ его въ ногу. На Кавказѣ онъ встрѣтился и поссорился съ юнымъ туземнымъ княземъ Озуроковымъ, съ которымъ стрѣлялся черезъ бильярдъ и поранилъ своего противника въ правое плечо.

На Военно-Осетинской дорогѣ на И. А. напали туземцы и изранили его кинжалами въ голову и руку, но художникъ успѣлъ выхватить револьверъ, ранить обоихъ злоумышленниковъ и благополучно добраться до казачьяго поста.

При всѣхъ своихъ работахъ И. А. находилъ свободное время для занятія археологическими изслѣдованіями и раскопками, производившимися имъ по порученію Императорской археологической комиссіи.

Когда началась русско-японская война, И. А., благодаря ходатайству графа И. И. Толстого (вице-президента Академіи Художествъ), поѣхалъ въ качествѣ художника въ дѣйствующую армію въ августѣ 1904 года. Неустанно работая вблизи боевой линіи, онъ присутствовалъ въ бояхъ при Шахэ (27-го и 28-го сентября), у Путиловской сопки и т. д.

Результатомъ его поѣздки была цѣлая серія картинъ и этюдовъ, выставленныхъ на весенней и другихъ выставкахъ. Картины „Артиллерійскій поединокъ" и „Орудіе въ опасности" были удостоены преміи имени А. И. Куинджи и пріобрѣтены Е. И. В. Вел. Кн. Борисомъ Владиміровичемъ. Остальныя картины: — „Допросъ плѣннаго", „Вернулся съ войны" и другія и множество этюдовъ были распроданы на выставкахъ.

Картины „Послѣднія минуты броненосца „Суворовъ" и „Потопленіе „Трехъ Святителей" пріобрѣтены для Морского Музея. Давняя близость и симпатія И. А. къ профессору А. И. Куинджи привлекли его по кончинѣ знаменитаго художника въ общество имени А. И. Куинджи. Кромѣ весенней выставки А. И. участвовалъ на выставкахъ „Товарищества художниковъ", „Mignon" и акварельной.

Въ 1910 году И. А., пользуясь знаніемъ англійскаго языка, поѣхалъ съ товарищами въ Лондонъ, гдѣ была ими устроена „Русская художественная выставка", имѣвшая большой успѣхъ. Въ 1912 году И. А. поѣхалъ въ качествѣ художника-корреспондента „Нивы" и англійскаго журнала „The Graphic" на болгарско-турецкую войну, откуда привезъ массу этюдовъ и картинъ.

Нынѣшняя великая отечественная война снова потянула художника-баталиста къ боевымъ линіямъ нашихъ доблестныхъ войскъ. И. А. ѣздилъ осенью 1914 года на сѣверо-западный фронтъ и весной 1915 года въ юго-западный раіонъ, гдѣ побывалъ въ Галиціи и на западномъ фронтѣ. Въ результатѣ И. А. привезъ массу батальнаго матеріала (картинъ, акварелей, набросковъ и проч.), значительная часть котораго помѣщена на страницахъ „Нивы".

Вскорѣ послѣ возвращенія И. А. устроилъ свою отдѣльную выставку, состоявшую изъ 125 нумеровъ. Выставка была открыта съ 23-го августа по 20-е сентября с. г. въ большой залѣ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ въ Петроградѣ, и пользовалась большимъ успѣхомъ. Нѣкоторыя картины и рисунки съ этой выставки помѣщены въ настоящемъ нумерѣ. Въ слѣдующихъ нумерахъ „Нивы" мы воспроизведемъ съ выставки еще нѣсколько картинъ нашего талантливаго баталиста-иллюстратора, пріобрѣвшаго имя не только у насъ, въ Россіи, но и на Западѣ, особенно въ Англіи,—этой первой странѣ художниковъ-иллюстраторовъ. Рисунки Джона Владимірова, изображающіе картины войны на нашемъ боевомъ фронтѣ, можно встрѣтить почти въ каждомъ нумерѣ лондонскаго „Graphic",—этого перваго въ мірѣ художественнаго еженедѣльнаго журнала,—знаменитаго французскаго „Illustration" и цѣлаго ряда американскихъ журналовъ.

Бѣженцы

Осенній день туманенъ и тосливъ,
Струитъ свой свѣтъ безрадостный и строгій,
И вдоль сожженныхъ, безпредѣльныхъ нивъ
Людской потокъ струится по дорогѣ...
То—бѣженцы... Ихъ жалкая орда
Бредетъ трусливо съ воплями о мщеньи...
Встрѣчайте ихъ! Встрѣчайте, города!—
Ихъ сожжены дома, разрушены селенья,
Они бѣжали отъ родныхъ полей,
Спасаясь отъ огня безжалостныхъ орудій...
И вотъ теперь, бредя въ осенней мглѣ,
Къ вамъ, города, стремятся эти люди...
А сзади, какъ кошмарно-грозный сонъ,
За ними тянутся ихъ скорбныя могилы...

Онѣ молчатъ... Обряды похоронъ
За нихъ свершатъ дожди и вихрь унылый.
Ихъ всѣхъ ведетъ таинственный старикъ;
Онъ худъ и босъ... Его въ лахмотьяхъ тѣло,
Его безстрастенъ и безжизненъ ликъ,
Лишь впалые глаза мерцаютъ смѣло...
Его не трогаютъ ни слезы матерей,
Клянущія и смерть, и горести, и холодъ,
Ни плачъ дѣтей... Онъ выше всѣхъ царей,
Онъ мститель грозный,—имя ему—Голодъ...
И шагъ его безстрастенъ, какъ года...
И всѣ за нимъ идутъ безъ разсужденій...
Встрѣчайте ихъ! Встрѣчайте, города!—
Ихъ опль звучитъ о хлѣбѣ и о мщеньи...

Грааль Арельскій.

Расплата.

Разсказъ **В. В. Муйжеля.**

(Окончаніе).

Когда Кузьменковъ попалъ въ этотъ живой и инертный потокъ, его охватила оторопь. Онъ почувствовалъ, какъ его личность— то, что было Егоромъ Лукичомъ Кузьменковымъ, распыляется, исчезаетъ, какъ будто умираетъ въ этой рѣкѣ. Кругомъ двигались, такъ же, какъ двигался онъ; тяжелая гнѣдая лошадь, очевидно, давно и безнадежно запаленная, тяжело, съ сипѣніемъ дышала за его спиной. Когда впереди чуть замедлялся общій ходъ, Кузьменковъ чувствовалъ на своей шеѣ горячее дыханіе лошади и теплый, внятный запахъ сѣна. Онъ оглядывался, пытался кричать, чтобы лошадь осадили, но его никто не слышалъ и, вѣроятно, даже не слушалъ. Также и ему кричали спереди, и онъ ясно видѣлъ, что молодой черноволосый полякъ съ угрюмыми матовыми глазами грозитъ ему гибкимъ длиннымъ кнутомъ, но мысль не останавливалась на этомъ, и внѣшнія мелкія впечатлѣнія скользили мимо, не задѣвая чего-то главнаго въ сознаніи.

Иногда на дорогѣ случались маленькія происшествія, на которыхъ тоже никто не останавливался. Старая еврейка, хрипящая подъ большимъ узломъ, какъ лошадь сзади Кузьменкова, тяжело шагавшая у оглобли его фурманки, споткнулась на что-то, лежавшее на дорогѣ, тоже, вѣроятно, уроненное кѣмъ-либо изъ бѣженцевъ, и чуть не упала. Узелъ соскользнулъ съ плеча, и нѣсколько секундъ она тщетно пыталась удержать его коричневой, жилистой рукой. Но обезсилѣвшіе пальцы все же не удержали, и узелъ мягко и беззвучно скатился подъ колеса телѣги. Еврейка кинулась-было поднимать его, но сзади совсѣмъ надъ головой захрипѣла запаленная лошадь, у которой хомутъ насѣлъ совсѣмъ на уши, длинный бичъ щелкнулъ въ воздухѣ, и Кузьменковъ ощутилъ на шеѣ обжигающій ударъ. Онъ приподнялся и, размахивая кнутомъ, заругался-было, но того, кто ударилъ его, вѣроятно, нехотя, желая только подстегнуть лошадь, трудно было отличить въ кучѣ народу, упрямо мѣсившаго грязь между непрестанно двигавшимися колесами. Всѣ были съ кнутами, и всѣ не глядѣли на него, а шли возлѣ лошадей, занятые своей темной мыслью. Когда Кузьменковъ снова сѣлъ и оглянулся на еврейку, она была уже человѣка за три отъ телѣги и шла безъ узла, навѣки погибшаго подъ колесами.

Въ другомъ мѣстѣ, уже за качающимся, въ нѣсколькихъ мѣстахъ зіяющимъ огромными дырами проломанныхъ досокъ, мостомъ, на двѣ-три минуты образовался заторъ. Дикій, неистовый крикъ, злой и жестокій, какъ вой голодныхъ животныхъ, поднялся въ томъ мѣстѣ. Кричали тѣ, кого что-то задержало на пути, кричали оттого, что лошади лѣзли на дыбы, попадали передними ногами въ телѣги, колеса цѣплялись, и оглобли и дышла трещали подъ напоромъ сзади. Свистъ кнутовъ прорѣзалъ крики хищнымъ визгомъ, и видно было, какъ нѣсколько человѣкъ сразу бьютъ со всего плеча кого-то, человѣка или лошадь, неизвѣстно.

Кузьменковъ поднялся въ телѣгѣ во весь ростъ, пытаясь заглянуть впередъ. Когда толпа на минуту раздалась, онъ увидѣлъ красную юбку польской крестьянки, завернутую на голову отъ дождя, двоихъ дѣтей возлѣ нея и широкую спину мужика, возившагося съ чѣмъ-то внизу, у колесъ телѣги. Но толпа снова сгрудилась и закрыла все. И только черезъ пять минутъ, когда все двинулось впередъ и фурманка Кузьменкова проѣзжала мимо того мѣста, онъ увидѣлъ въ жидкой бурой грязи канавы лежащую на боку телѣгу, женщину въ красной юбкѣ, стоящую прямо къ водѣ, какіе-то узлы и укладки, и дѣтей уже на той сторонѣ канавы на мокрой землѣ. А подъ телѣгой смертельно билась и рвалась, съ ужасомъ въ огромныхъ черныхъ глазахъ, молодая, очевидно, недавно только пошедшая въ запряжкѣ лошадь. Она упала, поскользнувшись некованными копытами, и ее спихнули въ глубокую канаву вмѣстѣ съ телѣгой и сѣдоками, и теперь она захлебывалась подъ колесами жидкой вонючей грязью канавы, и ея судорожныя движенія сотрясали тяжелую крестьянскую телѣгу.

Крестьянинъ-русинъ.
Рисунокъ И. А. Владимірова.

Мужикъ стоялъ тутъ же въ водѣ и молилъ кого-то помочь, но всѣ двигались мимо, и никто даже не оглядывался на него; а когда онъ выбрался снова на шоссе и попробовалъ остановить за рукавъ проходившаго мимо повозника, тотъ бѣшено рванулъ руку въ сторону и изо всей силы окрестилъ его кнутомъ.

— О, Господи, что дѣлается-то только!.. — простонала жена Кузьменкова, закрывая глаза, а дочка Настя прижалась къ отцу плечомъ, и по глазамъ ея видно было, что ей страшно.

Ѣхали уже давно—казалось, прошло нѣсколько часовъ, можетъ-быть, цѣлый день, а когда Кузьменковъ оглянулся назадъ, онъ только ахнулъ: городъ былъ тутъ же за спиной, совсѣмъ близко, и темныя отъ дождя казармы, пестрая будка, покосившіяся лачужки слободы, все виднѣлось, какъ на ладони!.. Самое большее за это время проѣхали версты три, и это было такъ удивительно, какъ бываетъ только во снѣ.

За сосновымъ перелѣскомъ, разрѣзаннымъ широкой лентой шоссе, стояла старая брошенная корчма съ заколоченными окнами. Кузьменковъ вспомнилъ, что, когда онъ два года тому назадъ искалъ дѣла и ѣздилъ, присматриваясь, по округѣ, занимаясь, чѣмъ Богъ послалъ, — скупкой скота и кожи, приговариваясь къ шос-

Заварили чай. Картина И. А. Владимірова.

сейному подряду, вообще примѣряясь, съ какой стороны начать новую жизнь послѣ службы, гдѣ навѣки испортилъ ногу (онъ упалъ во время маневровъ, когда надо было дѣлать перебѣжку, и сломалъ ногу; по недосмотру или неопытности полкового врача нога срослась неправильно, а ломать снова Кузьменковъ не позволилъ и остался навѣки хромымъ, хотя нога его ничуть не безпокоила),—въ тѣ времена онъ бывалъ здѣсь и зналъ, что есть проселокъ, идущій направо отъ корчмы на старое шоссе. По этому проселку онъ гонялъ небольшіе гурты скота, продавая ихъ въ разноголовъ мелкимъ скупщикамъ, и теперь рѣшилъ воспользоваться этимъ проселкомъ, чтобы выбиться изъ подавляющей толчеи на шоссе.

„Ежели проселкомъ до стараго шоссе—верстъ пятнадцать, послѣ опять влѣво — тамъ еще село съ костеломъ должно быть.—и кружнымъ путемъ опять на ту же станцію, только съ другой стороны... По крайности, если случится что на пути, такъ хоть въ канаву не выбросятъ, какъ ту бабу съ ребятами...“

Ему показался этотъ планъ умнымъ и хитрымъ. Онъ зналъ, гдѣ поворотъ, и по мѣрѣ приближенія къ нему сталъ медленно выбиваться на край шоссе. Было такъ, что разъ онъ чуть не подрался съ какимъ-то крѣпкимъ, старымъ литвиномъ, и секунды двѣ они смотрѣли въ глаза другъ другу злыми, примѣряющимися взглядами, потомъ литвинъ отвернулся и плюнулъ. А Кузьменковъ воспользовался этимъ и, взявъ подъ уздцы лошадь, втиснулъ ее впередъ, передъ лошадью литвина. На него закричали, кнутья взвились въ воздухѣ, и жена съ дочкой приникли въ телѣгѣ, зажмурившись, но Кузьменковъ оскалилъ зубы, какъ волкъ, который сейчасъ начнетъ кидаться на людей, и нелѣпо, дико крича, забѣгалъ сощуренными зеленоватыми глазами по лицамъ возмутившихся попутчиковъ, и тѣ отступились. У поворота онъ рѣзко рванулъ лошадь въ сторону, сбилъ съ пути литвина, съ которымъ чуть не подрался, и подъ общій, негодующій, разноголосный вой, свистъ кнутовъ и ругань, ухнулъ съ лошадью прямо въ канаву. Телѣга грузно осѣла въ нее, жена и дочь закричали источными голосами, и, осыпая лошадь ударами кнутовища, мокрый, ожесточенный, внѣ себя, Кузьменковъ подхватилъ за оглоблю и неистовымъ усиліемъ рвущейся изъ хомута лошади, всѣмъ напряженіемъ своего тѣла, вынырнулъ на другую сторону канавы и вздохнулъ, какъ будто избѣгъ смертельной опасности.

Юный доброволецъ.
Рисунокъ И. А. Владимірова.

Въ глазахъ у него шли красные круги, сердце бѣшено колотилось въ груди, и самъ онъ качался взадъ и впередъ, какъ и лошадь, хрипло дышавшая, опустивъ голову къ самой землѣ, но мысль объ освобожденіи отъ этого человѣческаго моря, въ которомъ распылялась его воля, была какъ неожиданное спасеніе.

— Ничего, ничего, теперь ладно!.. Только бъ дальше отъ нихъ, въ сторону, я тутъ знаю...—бормоталъ онъ выскочившей изъ телѣги женѣ.—Настеньку-то, Настеньку не пущай... Застудится на грязи—пущай сидитъ!.. О, Господи, вотъ дорога-то!..

Онъ только теперь, стоя въ сторонѣ отъ протекавшаго мимо потока, увидѣлъ и почувствовалъ всю глубину ужаса, который внушало ему это безвольное теченіе человѣческое. Огромнымъ избавленіемъ представлялось ему теперешнее положеніе на грязномъ черномъ полѣ, невдали отъ брошенной корчмы, и все, о чемъ онъ могъ говорить теперь, было—семья, ея цѣлость и безопасность.

Отдышавшись, онъ тронулъ лошадь и, шагая рядомъ по вязкой грязи, торопливо и оживленно говорилъ:

— Тутъ дорога, я знаю—лѣтошній годъ еще ѣздилъ, какъ бараньи шкуры скупалъ: я знаю мѣста, тутъ мы скосимъ, а на станцію раньше еще попадемъ, пожалуй, а ежели заночевать—такъ тутъ деревня есть, я знаю, Борки село съ костеломъ, тамъ еще чайная—гербацарня эта ихняя есть, тамъ знакомый человѣкъ тоже... Ничего, не робѣй, авось выберемся, никто какъ Богъ... А тамъ съ ними—смерть, конецъ, не дай Боже!.. Храни Господь всякаго православнаго — озвѣрѣвши, чисто собаки, страсть съ ними...

Когда выѣхали на дорогу, онъ успокоился, присѣлъ бокомъ на телѣгу и вдругъ обернулся къ женѣ. Пережитое волненіе, нервность всѣхъ предыдущихъ дней, то, что они теперь одни, и не виситъ надъ ними подавляющая воля человѣческаго потока, жестокаго и равнодушнаго,—вдругъ толкнули его сердце, и слезы навернулись у него на глаза.

— Марья, женушка моя!.. Настенька, дочушка!.. Господи!.. Вѣдь только вы, только вы теперь... Вотъ домъ, лавка, дѣла всякія — все прахомъ, только вы... Господи!.. Женушка, Настенька, кровинушка моя!..

Неожиданная нѣжность, особенно яркая отъ тѣхъ жертвъ, которыя пришлось принести ему, охватила его страннымъ волненіемъ. Былъ онъ всегда суровъ нѣсколько, какъ человѣкъ своей среды, рѣдко и скупо прорывалось въ немъ искреннее чувство, и казалось оно стыднымъ и ненужнымъ, какъ господская забава: а теперь вдругъ властно залило душу—и не было словъ, чтобъ выразить его.

Жена и дочь съ изумленіемъ смотрѣли на него, не понимая, что онъ хочетъ сказать и почему вдругъ заговорилъ такимъ непривычнымъ, новымъ голосомъ, а онъ перебиралъ ласкательныя, непривычно нѣжныя слова, и похоже было, будто онъ въ первый разъ понялъ всю силу близости съ женой, съ дочерью, для которыхъ работалъ и думалъ всегда...

Не найдя выхода чувству, такъ внезапно охватившему его, онъ отвернулся и заморгалъ глазами. Широкое, насыщенное влагой, поле непривѣтливо смотрѣло въ хмурое, грозящее дождемъ небо; синеватая стѣнка лѣса маячила вдали, и дорожныя колеи блестѣли холоднымъ свинцовымъ блескомъ налившейся воды... И все это было какъ будто въ первый разъ, словно послѣ долгаго сна проснулся онъ и увидѣлъ и поле, и дальній лѣсъ, и почернѣвшую изгородь у дороги съ выломанными проходившими здѣсь солдатами кольями...

V.

Ѣхали они до вечера. За все время имъ попалось навстрѣчу два транспорта раненыхъ — одинъ въ фурманкахъ и обывательскихъ подводахъ съ угрюмыми крестьянами, правившими лошадьми, другой въ двуколкахъ, крытыхъ брезентомъ. Потомъ прошла колонна солдатъ, безконечно длинная, растянувшаяся еще больше оттого, что сзади тащился обозъ съ озорными, сердитыми, обозными солдатами. Оба раза пришлось сворачивать съ дороги и ждать, пока встрѣчники пройдутъ.

Подъ вечеръ лошадь сильно притомилась, и остановились въ какой-то пустынной деревнюшкѣ покормить ее. Но сѣна съ собой не было, и Кузьменковъ привязалъ ее къ изгороди огорода, гдѣ была трава погуще. Сами тоже поѣли кое - чего изъ узелковъ, захваченныхъ хозяйкой, потомъ опять поѣхали. И до темноты не встрѣтили ни одного человѣка, словно вся округа верстъ на двадцать кругомъ вымерла. Но когда останавливались почему-либо—издали доносился глухой гулъ: это все еще было слышно тарахтѣніе и трескъ телѣгъ на шоссе.

Уже было темно, и пора бы быть уже и селу, въ которомъ когда-то бывалъ Кузьменковъ, какъ на дорогѣ выросли фигуры солдатъ и грубо погнали назадъ.

— Нельзя! Сказано, и все тутъ—не приказано пу-

Летчикъ-герой.
Рисунокъ И. А. Владимірова.

щать дальше!..—объяснилъ одинъ изъ нихъ, а другой, ни слова не говоря, взялъ лошадь подъ уздцы, повернулъ ее на дорогѣ и крѣпко ударилъ сапогомъ подъ животъ. Лошадь вскинулась и пробѣжала нѣсколько шаговъ, и Кузьменковъ, едва удерживая вожжи, бѣжалъ рядомъ.

— Надо-быть, не туда попали,—рѣшилъ онъ, отъѣзжая дальше:—должно, поворотъ пропустилъ...

Опять качалась телѣга по неровной дорогѣ, тяжело выступала тощая кляча, но теперь чаще останавливалась и водила боками. Уже страхъ, что она не дойдетъ до мѣста, заползалъ въ душу хозяина, но онъ не давалъ ему воли и озабоченно поправлялъ то хомутъ, то закладку. И опять изъ мрака вдругъ выросли фигуры солдатъ и погнали въ сторону.

— Землячки, скажите толкомъ, какъ въ Борки попасть? — пытался узнать у нихъ дорогу Кузьменковъ, но солдаты только ругались и гнали, ничего не объясняя.

Пришлось свернуть по какой-то узенькой, малоѣзженной дорогѣ и ѣхать унылымъ, поросшимъ невысокими кустами, полемъ. Куда вела эта узенькая дорожка. неизвѣстно. Гдѣ можно было остановиться переночевать, тоже никто не могъ сказать. Кузьменковъ уже не думалъ, куда онъ ѣдетъ, погонялъ лошадь съ такимъ чувствомъ, словно она сама должна была найти направленіе, и когда въ третій разъ наѣхалъ на солдатъ — отчаяніе осторожно сжало его сердце.

— Да куда же можно-то, скажи Бога для!..—взмолился онъ, вглядываясь въ качающійся огромный силуэтъ солдата.—Что же это такое? Вѣдь чать не одинъ, съ семьей цѣлой...

Солдатъ вызвалъ свисткомъ старшаго, старшій долго и томительно разспрашивалъ, потомъ повелъ къ фельдфебелю, и тамъ его долго разспрашивали, а жена съ дочкой въ это время сидѣли въ телѣгѣ среди ночи.

Плѣнный ландштурмистъ.
Рисунокъ И. А. Владимірова.

Наконецъ какой-то бородатый ополченецъ сжалился надъ нимъ и объяснилъ: они заѣхали не въ ту сторону, постоянно поворачивая отъ заставъ, и теперь до Борковъ надо было добираться верстъ пятнадцать. Борки оказались сзади.

— Только что врядъ туда пустятъ,—добавилъ ополченецъ:—тамъ теперь наши никакъ отходятъ, денщикъ капитана говорилъ. Гляди, не сядь середь поля!..

Кузьменковъ повернулъ назадъ и погналъ лошадь. Но она окончательно отказывалась итти, останавливалась все чаще и разъ даже сдѣлала попытку лечь прямо въ оглобляхъ. Онъ обозлился, нахлесталъ ее и, растерянный, оторопѣвшій отъ мрака, безконечной дороги, постоянныхъ поворотовъ то вправо, то влѣво, уже не садился самъ, а подтягивалъ за оглоблю, понукая голосомъ, вожжами, всѣмъ напряженіемъ своего тѣла.

Плѣнный фельдфебель-пруссакъ.
Рисунокъ И. А. Владимірова.

Дочь вдругъ заплакала въ телѣгѣ и стала проситься ночевать куда-нибудь. Жена утѣшала ее и обѣщала скорый пріѣздъ, а онъ старался не слушать и крутилъ лошадь по переплетающимся дорожкамъ, какимъ-то путаннымъ, едва ѣзженнымъ, со старыми, заплывшими грязью колеями. Часа два такъ блуждали они, пока лошадь совсѣмъ не остановилась. Кузьменковъ посылалъ ее — она не шла. Онъ ударилъ, она только качнулась, но впередъ не двинулась. Онъ опять ударилъ — лошадь попятилась назадъ и сдвинула телѣгу въ какую-то ровную круглую яму, словно нарочно вырытую посреди дороги. Тогда слѣпое бѣшенство вдругъ охватило его, и онъ сталъ бить лошадь по чему попало изо всей силы, прыгая возлѣ нея и почти съ наслажденіемъ нанося удары изломавшимся кнутовищемъ. Лошадь забилась въ оглобляхъ, жена закричала, Настя громко заплакала, а онъ все билъ, словно вымещая на обезсилѣвшемъ животномъ весь темный ужасъ передъ этой безконечной ночью, путаницей дорогъ, заброшенностью и затерянностью среди чернаго поля.

Заднее колесо телѣги опять ухнуло въ яму, что-то въ немъ затрещало, и въ тотъ же моментъ лошадь кинулась въ сторону и, ломая оглоблю, упала на нее. Кузьменковъ опомнился, швырнулъ въ сторону кнутъ и подошелъ къ телѣгѣ.

— Кончено!..—коротко проговорилъ онъ, облокачиваясь на грядку и тяжело дыша.— Пала, стерва проклятая!..

Онъ смутно помнилъ, что было потомъ. Жена вылѣзла изъ телѣги, голося и причитая, потомъ вышла дочка и попала какъ разъ въ яму, и промочила ноги. Онъ цыкнулъ на жену, потомъ на дочь, и сталъ дѣловито выкидывать изъ телѣги узлы. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ—онъ не могъ бы сказать, и когда жена остановила его за руку, онъ пересталъ.

Лошадь тяжело хрипѣла въ хомутѣ и пыталась освободить голову, но встать не могла. Онъ обошелъ ее, зашелъ съ другой стороны телѣги и взялъ дочь за руку.

— Ну, пойдемъ, когда такъ, — спокойно и равнодушно, какъ будто ничего не случилось, проговорилъ онъ: — все одно, не ночевать въ полѣ...

Они пошли. Жена все же не утерпѣла и забрала какой-то узелъ и теперь несла его, тяжело дыша, какъ лошадь, что осталась позади во мракѣ. Онъ велъ за руку дочь и уже не думалъ, куда и зачѣмъ они идутъ, такъ же, какъ не думалъ, какъ они могутъ попасть на станцію.

Гдѣ-то далеко стали бухать орудія. Далекая вспышка бѣлой зарницей сверкала въ небѣ, и плотный, короткій ударъ доносился оттуда. Онъ закрылъ глаза, и ему показалось, что это уже было однажды. Когда?

Да, ночью, когда онъ вышелъ въ одномъ бѣльѣ къ калиткѣ...

Это было ужасно давно. Похоже, цѣлые годы пронеслись съ того времени, а въ сущности это было только вчера ночью. За одни сутки онъ пережилъ и перечувствовалъ, какъ за нѣсколько лѣтъ. Онъ шелъ молча, не слушая стоновъ жены, не обращая вниманія на то, что дочь жалуется ему. И только когда вдали мелькнули какіе-то огни, онъ разобралъ, что дочь жалуется на ноги: сапогъ натеръ ногу, и она не можетъ итти. Тогда онъ взялъ ее на руки и понесъ, хотя у самого отъ усталости, отъ прошлой безсонной ночи, отъ всего того, что прошло за эти сутки, спина подламывалась, и руки были какъ деревянныя.

Огни свѣтились въ маленькой деревушкѣ, сплошь заполненной солдатами. Это было сторожевое охраненіе дороги, ведущей изъ села, по которому теперь били нѣмцы тяжелыми снарядами. Вспышки быстро и часто мелькали въ воздухѣ, и гдѣ-то внизу, должно-быть, подъ горой, гдѣ стояло невидимое село, — вдругъ взметывалось красное пламя, и слышался ударъ разрыва.

Охрана только-что получила приказаніе отходить. Линія фронта изгибалась, и это были послѣднія части, отодвигавшіяся назадъ, за главной массой войскъ. Заурядъ-прапорщикъ, командовавшій частью, долго разспрашивалъ Кузьменкова о томъ, какъ онъ съ бабой и дѣвчонкой попалъ сюда, но въ это время пріѣхалъ казакъ и привезъ ему приказаніе отходить. Онъ плюнулъ, махнулъ рукой и приказалъ выступать. Кузьменковъ съ женой и дочерью остался въ той избѣ, гдѣ стоялъ заурядъ-прапорщикъ.

Изба была большая, низкая, съ землянымъ поломъ. Когда они вошли въ нее, въ ней еще толпились солдаты, особенно неповоротливые и тяжелые отъ твердыхъ шинелей, сумокъ, какихъ-то лопаточекъ, болтавшихся сбоку. Потомъ они ушли, и остался только тяжелый жилой духъ и запахъ махорки отъ нихъ. Липкая грязь стояла на полу, вездѣ валялись пуки соломы, какія-то тряпки, обломки скамей. Ужасно непріютно и глухо было въ этой избѣ, едва озарявшейся огаркомъ оставленной солдатами свѣчи.

Жена разыскала какое-то подобіе кровати и уложила дѣвочку. Но та долго не засыпала, вскидывалась и плакала. Отъ усталости цѣлаго дня на воздухѣ, такъ же, какъ отъ того, что она видѣла за этотъ день, у нея начался жаръ, и она металась подъ платкомъ, которымъ мать укрыла ее.

Самъ Кузьменковъ сѣлъ около опороченнаго ящика и думалъ. Не было опредѣленной мысли, не было чувства, и только одно ощущеніе какого-то жестокаго, твердаго, какъ желѣзо, круга, постепенно смыкающагося вокругъ этихъ трехъ жизней, давило плечи твердой, неловкой тяжестью.

Когда огарокъ догорѣлъ и, вспыхнувъ послѣдній разъ, потухъ, наполняя воздухъ удушливымъ запахомъ стеариноваго перегара, Кузьменковъ всталъ и поднесъ руки къ головѣ. Кругомъ была тьма, и въ ней тяжело дышала и бормотала что-то невнятное дочь; время отъ времени низкія окна вдругъ вспыхивали бѣлымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, и вслѣдъ затѣмъ земля дрожала отъ гула выстрѣловъ. Потомъ опять тьма—безъ конца, безъ края, страшная ночь, разлегшаяся на необозримомъ пространствѣ...

Мелкій лавочникъ, мѣщанинъ, едва научившійся грамотѣ и ограниченный въ мелкой жизни своей будничными интересами выгоды и расчета, слѣпой и властной рукой войны оказался выброшеннымъ изъ привычной, знакомой жизни. Страданіе и боль прошли по его душѣ, оставляя въ ней кровавыя письмена таинственныхъ велѣній судьбы. И полуграмотный, ограниченный узкимъ кругомъ себялюбія, человѣкъ вдругъ сталъ на грани между жизнью и смертью. Темною мыслью своею, еще не проснувшеюся, но уже пробуждающеюся, спросилъ кого-то, кого непрестанно чувствовалъ надъ собою:

Братская могила надъ рѣкой Саномъ. Картина И. А. Владимірова.

— Что же это, Господи? И докуда жъ такъ, Господи? И гдѣ конецъ испытанію моему?..

Въ первый разъ знакомое имя Бога было не далекимъ и чуждымъ, а высокимъ и полнымъ всеохватывающаго смысла. Это имя призывалъ уже не мелкій лавочникъ Егоръ Лукинъ Кузьменковъ, еще вчера самодовольно соображавшій о войнѣ, что, какъ никакъ, а дала поправиться, а новый, въ тяжкомъ страданіи рождающійся человѣкъ.

Объѣздъ берега моря. Картина И. А. Владимірова.

Онъ стоялъ среди погруженной въ темноту брошенной избы и, прижимая руку къ груди, спрашивалъ:

— Доколѣ?

И, оглядывая то, что еще было передъ нимъ, уже чувствовалъ просыпающимся сердцемъ своимъ, что конецъ еще не пришелъ. Пройдена, можетъ-быть, только половина пути. Ударъ высѣкъ изъ камня только еще искру. Въ предчувствіи таящихся въ черномъ мракѣ будущихъ страданій, человѣкъ склонилъ голову и ждалъ.

И далекимъ, напоминающимъ старую жгучую боль страха, жалости и безсилія, вскрикивалъ въ черномъ мракѣ холодной избы слабый, испуганный дѣтскій голосъ.

VI.

Широкое, широкое поле развернулось глубокими бороздами до самаго горизонта; куда ни смотрѣть, всюду оно, всюду эти борозды, слѣды прошедшаго здѣсь труда человѣческаго, и ничего нѣтъ больше, не за что уцѣпиться глазу, не на чемъ остановиться вниманію.

Тщетно оглядывался Егоръ Кузьменковъ,—живой души не видно было здѣсь, и чувствовалось, нѣтъ ни одного существа на тысячу верстъ, что обрадовало бы проявленіемъ жизни... Ужасно надо было что-то вспомнить Кузьменкову, что-то очень важное, такое, что сопровождало каждый день жизни его, и никакъ не вспомнить было, и отъ этого подымалось тяжкое безпокойство и тоска. — Что же, что же такое? — пытался спросить онъ у темнаго безкрайняго поля, у сѣраго нависшаго неба. — Что же такое? Много мыслей бѣжало мимо, вспомнилъ дѣтство, службу, вспомнилъ лавку свою брошенную, даже послѣднія времена вспомнилъ въ ней, когда самъ прибрасывалъ по пятачку и гривенничку на фунтикъ и вечеромъ обдумывалъ солидно настоящую поправку, а главнаго, того, что нужно было, никакъ не вспомнить!..

Кузьменковъ вскрикнулъ и открылъ глаза. Было уже свѣтло, и свѣтъ дневной странно мѣшался съ красноватыми бликами, освѣщавшими низкое грязное окно.

Плѣнные на пути въ Россію. Картина И. А. Владимірова.

вольное слабое тѣло, а руки не слушались, и въ ушахъ все еще стоялъ странный стонъ его сна и плачъ Насти. И вдругъ передъ самымъ его лицомъ вырисовалось страшное, землисто-блѣдное лицо съ вытаращенными безумными глазами и черной ямой широко открытаго рта, и напряженный, звенящій крикъ повисъ, заметался подъ низкимъ потолкомъ брошенной избы:

— Подлецъ, погубитель, какой ты отецъ, ты извергъ, подлецъ, до чего ты довелъ! Дочь на рукахъ помираетъ, негодяй ты этакій... Куда ты бросилъ насъ, что ты съ нами сдѣлалъ, подлецъ ты души моей, какъ ты смѣлъ, мазурикъ ты этакій...

Онъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ и въ этомъ искаженномъ ужасной ненавистью,

Онъ попробовалъ вскочить, но замершія ноги не слушались, и онъ чуть не упалъ опять на полъ, гдѣ заснулъ, прислонившись къ перевернутому ящику.

— Что такое, что такое?.. — бормоталъ онъ, топая ногами, чтобъ оживить ихъ.— Марья, Настенька!..

Напротивъ изба горѣла ровнымъ перекидывающимся огнемъ. Видно было, какъ языки этого огня лижутъ старыя бревна, и какія-то лучины у крыши занялись имъ и горятъ весело, потрескивая и разбрасывая кругомъ красные уголья.

Онъ оглянулся и заметался по избѣ.

— Марьюшка, Марья!.. — позвалъ онъ, наклоняясь надъ спящей женой.—Марья,— а Настя-то что, Настенька?..

А Настенька не спала. Она лежала съ открытыми глазами и что-то говорила слабымъ и негромкимъ голосомъ. Отецъ наклонился надъ ней, переспрашивая,— очень невнятно говорила она, но она какъ будто не замѣтила его и продолжала говорить кому-то... Онъ наклонился еще ниже, готовый вскрикнуть, и замѣтилъ, что дочка смѣется, улыбается кому-то тихо, радостно и спокойно, словно бы она спала у себя въ постелькѣ.

— Настенька, занедужила ты... — осторожно проговорилъ онъ, но и тутъ она не обратила вниманія на него, а продолжала свое:

— А кукла Катька непослушная, строптивая кукла Катька, вотъ ужо высѣку Катьку я...—бормотала Настя, глядя сквозь отца на то, что она видѣла:—и еще учительницу Анну Александровну высѣку— зачѣмъ ругала меня тогда!..

Жена поднялась и наклонилась рядомъ съ нимъ. И вдругъ заплакала мелкими бабьими слезами и заголосила тихонечко.

Опять громовой ударъ толкнулъ старую избу, жалобно звякнули битыя стекла въ низкихъ оконцахъ, и зеленоватый яркій свѣтъ глянулъ внезапно въ нихъ.

— Бѣжать, бѣжать, опять пушки, бѣжать!.. — заметался Кузьменковъ по избѣ и, схвативъ большой платокъ, которымъ укрыта была Настя, сталъ торопливо оборачивать ее имъ.—Бѣжать, бѣжать!..

Онъ толкнулъ жену, цѣплявшуюся за дочку, и пытался укрыть платкомъ без-

Стычка въ деревнѣ. Картина И. А. Владимірова.

Сожженная деревня въ Галиціи. Картина И. А. Владимірова.

спросить жену—и тутъ только замѣтилъ ощущеніе особой пустоты и одиночества, какое испытываетъ человѣкъ, оставшійся одинъ въ комнатѣ, изъ которой всѣ ушли. Жены не было. Далеко позади его, у подножія стараго покосившагося креста съ маленькой мѣдной фигурой наверху, лежала безформенная масса тряпокъ, запачканныхъ землею, какихъ-то бѣлыхъ обрывковъ, какой-то нечистоты. Не сознаніемъ, а чѣмъ-то другимъ, болѣе глубокимъ и вѣрнымъ, чѣмъ сознаніе, онъ понялъ, что жены нѣтъ. Онъ отвернулся и опять сталъ смотрѣть на то, что было его дочкой.

Синія жилки протянулись на блѣдныхъ вискахъ. Мелкая сѣть ихъ переплеталась прихотливымъ узоромъ и намѣчалась такъ тонко, такъ легко, что онъ почти улыбнулся. Маленькая ручка съ не совсѣмъ чистыми ногтями безмятежно лежала вдоль тѣла, и она была, какъ сдѣланная искуснымъ мастеромъ... Онъ смотрѣлъ, почти любуясь этимъ миніатюрнымъ тѣломъ, не находя въ себѣ ни протеста, ни горя, ничего... Глубокая равнодушная пустота была въ немъ, и въ ней далекими смутными обрывками проплывали воспоминанія. Но онъ не останавливался на нихъ, не пытался возстановить что-либо, сидѣлъ, подкорчивъ ноги, какъ большая изумленная обезьяна, внезапно наткнувшаяся на неожиданное.

Быстрый желѣзный скрежетъ пронесся вверху, и вслѣдъ за нимъ далеко за деревней въ полномъ молчаніи взметнулся столбъ огня, чернаго дыма и комковъ земли. Потомъ все это упало опять внизъ, и только послѣ этого донесся лопающійся звукъ разрыва. Онъ внимательно прослѣдилъ все это и обернулся въ ту сторону, откуда, по его мнѣнію, принесся снарядъ. Тамъ попрежнему глухо перекатывалось необъятное каменное ядро по каменной мостовой. Похоже было, что какіе-то великаны, играя, катаютъ его съ мѣста на мѣсто, и отъ этого дрожитъ земля.

Неизвѣстно, сколько времени онъ просидѣлъ надъ трупомъ дочери. Можетъ-быть, нѣсколько минутъ, можетъ-быть, весь день. У него не было чувства времени, какъ не было никакихъ чувствъ, а только ощущенія. Когда ноги затекли отъ неподвижнаго положенія, онъ всталъ. Потомъ наклонился, осторожно прикрылъ концомъ платка тѣло дочери, стараясь почему-то особенно укрыть

тоской и безсиліемъ лицѣ не узнавалъ знакомаго лица жены. И оттого, что она все продолжала кричать, ему стало страшно. Согнувшись, вобравъ голову въ плечи и крѣпко прижимая къ себѣ безвольное, мотающееся тѣло дочери, онъ побѣжалъ мелкими шажками къ двери, толкнулъ ее ногой, выскочилъ на улицу и, такъ же торопливо сѣменя, не оглядываясь, побѣжалъ по улицѣ. Съ крикомъ, стономъ, путаясь въ платьѣ, она бѣжала за нимъ, нелѣпо вскидывая руками и скользя по мокрой землѣ. Такъ добѣжали они до высокаго, чернаго отъ дождей и непогоды креста на выѣздѣ изъ деревни, какъ сзади что-то огненное и страшное обрушилось съ неба, жестокій вихрь швырнулъ ихъ на землю, и оглушительный трескъ ударилъ въ воздухѣ...

VII.

Всталъ Кузьменковъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто все происходившее до сихъ поръ было долгимъ, утомительнымъ и нездоровымъ сномъ. Онъ оглянулся вокругъ—увидѣлъ комокъ, завернутый въ большой платокъ, и осторожно развернулъ его. Безконечное равнодушное спокойствіе нашло на него, и съ чувствомъ, близкимъ къ любопытству, онъ сталъ разсматривать блѣдное, неподвижное и будто внезапно съежившееся лицо дочери. Она похожа теперь была на маленькую старушку — такъ плотно, по-старчески, были сжаты губы, какъ будто слиплись онѣ крѣпко, и нѣтъ такой силы, которая бы оторвала ихъ одну отъ другой. Темныя вѣки прикрыли глаза, и тоже словно слиплись и неподвижно лежали длинныя свѣтлыя рѣсницы.

Онъ поднялъ руку дочери — она упала. Потрогалъ голову — она качнулась безвольно, мягко, какъ привязанный на мягкой ниткѣ шаръ. Ему показалось, что онъ, уже открывая платокъ, зналъ, что дочь мертва. Никакого чувства не испыталъ онъ при этомъ, кромѣ лѣниваго, тупого изумленія, словно всѣ чувства въ немъ уже выгорѣли. Присѣвъ на корточки, онъ смотрѣлъ на то, что только-что было ему самымъ дорогимъ; склонивъ голову набокъ, долго смотрѣлъ. Отчего она умерла? Она простудилась, устала, у нея былъ жаръ; она бредила ночью и утромъ и не узнавала его. Но отчего бы она могла помереть такъ сразу?

Онъ оглянулся по привычкѣ, какъ всегда, когда хотѣлъ

Дозоръ на берегу моря. Картина И. А. Владимірова.

лицо, и тихонько, почти на цыпочкахъ, прошелъ мимо. Раза два оглянулся, и смутная тѣнь странной улыбки скользнула по его запекшимся, плотно сжатымъ губамъ. Если бы кто-нибудь видѣлъ его со стороны, онъ навѣрно подумалъ бы, что этотъ странный человѣкъ безъ шапки, въ запачканной поддевкѣ, кого-то обманулъ, тонко, хитро и ловко, и теперь внутренно радуется этому.

Онъ пошелъ впередъ, потому что дорога убѣгала туда. Кругомъ было пусто и сумрачно, и только на западѣ облака слегка раздвинулись, и неяркая, уже осенняя полоса желтаго неба проглянула тамъ. Какіе-то кусты маячили влѣво, и были они, какъ живые, подъ налетавшимъ вѣтромъ и качали вѣтвями и кланялись, привѣтствуя одинокаго человѣка на пустой землѣ.

Онъ шелъ часъ, потомъ два, три. Никого не было на дорогѣ, только у одинокой хатки, приткнувшейся возлѣ ручья, лежалъ трупъ лошади, и криво, запавъ на одну сторону, стоялъ какой-то ящикъ, выкрашенный въ зеленую краску. Онъ обошелъ его вокругъ, посмотрѣлъ въ откинутую сзади дверцу, потрогалъ рукой. Хорошая была работа, прочная — все оковано желѣзомъ, и если бы не разбитое колесо, Богъ знаетъ сколько времени служилъ бы этотъ ящикъ.

Потомъ пошелъ дальше, потому что дальше шла дорога.

Онъ шелъ до темноты, пока усталость не стала сказываться въ ногахъ. Гдѣ-нибудь надо было сѣсть, а можетъ-быть, лечь? Онъ оглянулся. Невдали отъ дороги стоялъ лѣсокъ. бѣлыя березки свѣтились на опушкѣ робко и нерѣшительно. Онъ свернулъ въ него, прошелъ мокрую луговинку и оглянулся опять.

Что-то не понравилось ему здѣсь, онъ упрямо мотнулъ головой и пошелъ дальше. Все были неудобныя какія-то мѣста, мокрыя, съ поваленными корягами, съ черной палой листвой. Онъ углублялся въ лѣсъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ и куда онъ идетъ. Опять попалась дорога съ канавами, наполненными водой, онъ перебрался черезъ нихъ и пошелъ попрежнему, прямой линіей черезъ лѣсъ.

Уже темнѣло все больше, сумракъ таился подъ корнягами, у корней деревьевъ, ползъ сѣрыми тѣнями между кустами и выжидательно стоялъ на опушкахъ лѣсныхъ лужаекъ. Ноги совсѣмъ отказыва-

Взятіе германскаго орудія. Картина И. А. Владимірова.

Перепись оставшихся въ живыхъ матросовъ взорваннаго англійскаго броненосца „Тріумфъ", подобранныхъ броненосцемъ „Лордъ Нельсонъ".

несправедливъ и обидѣлъ ее, и шепталъ беззвучно:

— Зачѣмъ тогда обидѣлъ бабу?.. Зря обидѣлъ!

Безформенный обрывокъ проплывалъ мимо, оставляя въ душѣ мутный осадокъ. Что-то надо было сообразить, что-то вспомнить или понять, какъ тогда во снѣ, когда сѣрыя окровавленныя тѣла копошились подъ ногами и стонали, все повышая и повышая голосъ... Но что же, что?

Два человѣка у костра что-то дѣлали, разгребали уголья, подкладывали вѣтки, и огонь начиналъ прыгать, а тѣни подъ елью метались безпокойно и вскидывались, высоко освѣщая корявый стволъ дерева. Одинокій человѣкъ молча, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, глядѣлъ изъ темноты, и въ его неподвижной сосредоточенности, похожей на терпѣніе, было что-то звѣриное, волчье.

Да, что-то надо было вспомнить. Но что? Голубенькій домикъ, оставшійся въ безмѣрно далекомъ городѣ? Нѣтъ, онъ его давно потерялъ.

Спокойную, плотно улежавшуюся въ привычномъ обиходѣ жизнь, сколоченную долгими годами труда и заботы, соломинка по соломинкѣ собранную среди тревогъ и волненій, въ непрестанной борьбѣ? Нѣтъ—ее онъ тоже очень давно потерялъ.

Можетъ-быть, жену? Онъ обижалъ ее, относился къ ней несправедливо, бранилъ, а она всегда сидѣла дома и кромѣ него и дочери никого не видѣла, и дни ея были унылы, чахлы, темны, какъ замкнутые недоступными стѣнами каменной тюрьмы... Онъ очень виноватъ передъ нею, но и это не то... Жену онъ тоже потерялъ, и ея уже больше нѣтъ.

Дочь... Настенька, кровинушка!..

Онъ вдругъ всталъ, вытянулся во весь ростъ и протянулъ руки къ невидимому черному небу. На секунду яркое, болѣзненно острое, какъ трепещущій обнаженный нервъ, сознаніе сверкнуло въ его мозгу ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Не онъ, не лавочникъ Егоръ Лукинъ Кузьменковъ, собиравшій соломинка по соломинкѣ свое бытіе, а кто-то другой, безмѣрно скорбный и безмѣрно великій, стоялъ среди молчаливыхъ деревьевъ и протягивалъ усталыя всею безконечно долгою жизнью

лись итти, но онъ не останавливался, можетъ, просто не догадываясь этого сдѣлать. Такъ шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока тьма совсѣмъ не упала на землю, и березы стали въ ней, какъ таинственные призраки. Невидимыя вѣтки кустовъ хлестали его по лицу, крѣпкіе корни преграждали дорогу, и, зацѣпившись, онъ чуть не падалъ. Если бъ упалъ, вѣроятно, остался бы такъ лежать до утра.

Но онъ шелъ, шелъ до тѣхъ поръ, пока впереди вдругъ не блеснулъ красный, неожиданный огонь. Тогда онъ остановился и сталъ пристально смотрѣть на него.

Это былъ костеръ, разведенный подъ густой елью, низко свисавшей тяжелыми черными вѣтвями. Двѣ человѣческія фигуры копошились возлѣ него, и черныя длинныя тѣни мелькали по землѣ уродливо и странно. Лѣсной человѣкъ неслышно подвинулся ближе и сталъ разглядывать людей.

Онъ сразу узналъ ихъ, такъ какъ когда-то очень давно, лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, видѣлъ ихъ въ далекомъ, полустершемся въ памяти городѣ, гдѣ у какого-то человѣка, извѣстнаго и знакомаго ему, была какая-то лавка. Въ этой лавкѣ у двери звякалъ ржавый замокъ, и то и дѣло входили покупатели, а извѣстный издавна человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ въ чемъ-то божился, въ чемъ-то увѣрялъ, а по вечерамъ писалъ падающими цифрами въ черной книжкѣ. Тогда была война, и люди бѣжали длинной рѣкой изъ города, и взрывали мосты въ немъ. А передъ этимъ онъ видѣлъ такихъ же точно людей въ парусиновыхъ каскахъ, которыхъ проводили на вокзалъ окруженными солдатами. Они были точь въ точь, какъ эти, только тѣхъ было много, а этихъ двое.

Онъ подался назадъ, ощупалъ руками какой-то пенышекъ и сѣлъ на него, не сводя глазъ съ костра.

Та же неясная, какъ будто затянутая дымомъ полоса воспоминаній скользила въ мозгу неровными обрывками. Иногда оттѣнокъ чувства просыпался въ душѣ, и слабая жалость охватывала сердце, когда въ представленіи вырастала бѣлокурая головка дочери, синіе милые глаза и голосъ, знакомый и тихій, журчалъ, какъ маленькій ручеекъ. Потомъ это проходило—и вставало лицо жены, и, качая головой, онъ припоминалъ какую-то давнюю ссору съ ней, въ которой онъ былъ

Офицеры и команда потопленнаго итальянскаго крейсера „Амальфи", служащіе теперь артиллеристами въ арміи.

руки. Сухими горящими глазами смотрѣлъ онъ вверхъ, и красный огонь недалекаго костра зажигалъ въ нихъ рубиновыя искры; онѣмѣвшими непослушными губами шепталъ онъ — и едва слышный шопотъ шелестѣлъ, какъ сухая трава, оскорбленной кровью и скорбью земли. Къ кому-то, кто въ черномъ небѣ наклонился надъ вершинами деревьевъ, взывалъ онъ—и беззвучный шопотъ несся туда,какъ жгучій, пронзительный крикъ скорби человѣческой...

— Что еще отдать долженъ я для правды твоей? — взывалъ большой и безконечно печальный, стоящій на темной грѣшной землѣ. — У меня былъ домъ—я отдалъ его: было у меня благополучіе — оно развѣялось, какъ сухая пыль на дорогѣ твоей... Еще была у меня жена—робкая женщина, положившая душу свою на мои лукавые дни— и нѣтъ ея!.. И еще скажу я, шепну чуть слышно, такъ тихо шепну, что чуть шевельнутся губы мои, чуть дрогнетъ воздухъ отъ шопота моего, чуть слышно шепну я, какъ величайшую тайну души своей: у меня была дочь—дѣвочка семи лѣтъ, съ голубыми глазками и тонкими, тонкими жилками на блѣдныхъ вискахъ!.. И она осталась на грязной дорогѣ, и я прикрылъ ее концомъ большого платка и ушелъ—тихонечко ушелъ, чтобъ она не слышала и не позвала меня: папа!..

Въ Дарданеллахъ. Англійскій контръ-миноносецъ перевозитъ союзныя войска изъ Мудроса на Галлипольскій полуостровъ.

Дружественный нейтралитетъ. Греческій и англійскій солдаты на часахъ у одного и того же зданія.

Вспыхнувшее обжигающее чувство кипѣло огненными слезами въ проснувшемся мозгу. Не было словъ, потому что они были неизвѣстны, но чувство рвалось, и мозгъ пылалъ, какъ раскаленный уголь... И вытянувшійся во весь ростъ человѣкъ спрашивалъ настойчиво:

— Все, что было моей радостью и силой жизни—отдалъ я; что я могу отдать еще для правды твоей?.. Ибо былъ я лукавъ—и ты отнялъ у меня имущество: былъ я корыстолюбивъ—и ты выгналъ меня изъ дома моего и бросилъ въ черную ночь среди лѣса; радовался я несчастіямъ страны моей и записывалъ въ черную книжку прибыль свою— и ты отнялъ у меня жену; былъ я золъ и жестокъ и готовъ былъ для блага кровныхъ своихъ утопить всѣхъ, что черной рѣкой катились по грязному шоссе—и лишился единственной свѣтлой радости моей—дочери!.. Что могу я отдать тебѣ еще?..

Люди у костра зашевелились и заспорили. Одинъ изъ нихъ плоскимъ, какъ ножъ, штыкомъ сталъ разгребать уголья костра и, отбросивъ штыкъ, хваталъ прямо руками горячую картошку. Сильный, щекочущій запахъ пошелъ отъ нея во влажномъ сыромъ воздухѣ.

Стоявшій въ темнотѣ человѣкъ почувствовалъ его и съ отвращеніемъ сморщился. Онъ двинулся впередъ, неслышно, какъ звѣрь, съ безшумной осторожностью сумасшедшихъ, и когда приблизился такъ, что отъ сидѣвшихъ у костра его отдѣляло только невысокое дерево, спросилъ еще разъ:

— Что еще могу я отдать тебѣ?

И отвѣтилъ:

— Одно, что у меня осталось: жизнь!

Напряженіе упало, тьма опять надвинулась на мозгъ, и, какъ въ дымной завѣсѣ, мелькали въ ней обрывочныя странныя мысли. И только яркимъ, оскорбляющимъ ощущеніемъ остался запахъ печеной картошки, которую жадно, по-звѣриному ворча, ѣли у костра два солдата.

Человѣкъ пригнулся, втянулъ голову въ плечи, и глаза его сузились до едва замѣтныхъ щелочекъ. Мягкимъ кошачьимъ движеніемъ онъ скользнулъ впередъ, обошелъ дерево и на секунду остановился, зорко оглянувшись вокругъ. На глаза ему попался толстый короткій сукъ, очевидно, притащенный солдатами въ запасъ для костра.

Онъ нагнулся и поднялъ его, поправилъ въ рукѣ—и неожиданнымъ страшнымъ прыжкомъ ринулся на того, который былъ ближе къ нему...

Сукъ съ трескомъ опустился на кожаную каску, оглушилъ солдата, и тотъ покатился въ сторону, оглушенный или убитый. Второй метнулся за винтовкой, но выскочившій изъ лѣсу человѣкъ замахнулся на него. Онъ упалъ еще до удара, и сукъ просвисталъ въ воздухѣ, вырвавшись изъ рукъ, не встрѣчая сопротивленія. И въ тотъ же моментъ двѣ руки схватили качнувшагося человѣка за ноги, и онъ грянулся во весь ростъ на землю.

Красное отъ свѣта костра лицо мелькнуло надъ нимъ, холодно блеснуло желѣзо ствола винтовки, и дымный зеленоватый огонь рѣзнулъ глаза быстрой молніей. Что-то жгучимъ ощущеніемъ покатилось у сердца — тьма разомъ упала на глаза, и тягучій, глухой звонъ, постепенно затихая, наполнилъ черную пустоту...

Временный главнокомандующій союзными войсками въ Дарданеллахъ генералъ Бирдвудъ.

Какъ производится подсчетъ плѣнныхъ?

Вопросъ этотъ интересенъ постольку, поскольку подсчетъ производится въ раіонѣ военныхъ дѣйствій, вблизи боевой линіи и въ самый короткій срокъ. А это теперь случается сплошь и рядомъ. Утромъ происходитъ бой, а къ вечеру уже посылается донесеніе, въ которомъ упоминается точно: „Взято столько-то плѣнныхъ".

Когда плѣнныхъ мало, подсчитать ихъ недолго. Иначе дѣло обстоитъ, если плѣнныхъ тысячи и больше.

Недавно, во время произведеннаго нашими войсками прорыва австро-германскихъ силъ на рѣкѣ Стыри, было взято въ плѣнъ 5.552 человѣка. Сообщеніе съ упоминаніемъ этой цифры было послано въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго въ день боя. А между тѣмъ подсчитать такую цифру плѣнныхъ, конечно, не легко.

Какимъ же образомъ производится этотъ подсчетъ?

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось присутствовать при этой процедурѣ. Нѣтъ никакихъ особо выработанныхъ на этотъ счетъ и утвержденныхъ правилъ. Главную роль играетъ сноровка.

Если плѣнныхъ всего нѣсколько сотъ человѣкъ, или даже того меньше, ихъ выстраиваютъ въ нѣсколько шеренгъ и попросту подсчитываютъ или считаютъ, выпуская изъ помѣщенія, гдѣ плѣннымъ данъ былъ временный пріютъ. Такимъ помѣщеніемъ чаще всего бываетъ какой-нибудь большой сарай (см. рис.). Гораздо сложнѣе дѣло, повторяю, когда плѣнныхъ тысячи.

Плѣнныхъ подсчитываютъ.

Помню, въ концѣ апрѣля я пріѣхалъ въ Шавли. На разсвѣтѣ въ этотъ день верстахъ въ восьми—десяти отъ города разыгрался бой, чрезвычайно удачный для насъ. Мы разбили два батальона германцевъ и забрали у нихъ пушки, пулеметы.

— А плѣнныхъ много?—спросилъ я офицера, который разсказалъ мнѣ объ этомъ.

— Да, не мало! Пожалуй, до двухъ тысячъ. Сейчасъ ихъ будутъ подсчитывать. Хотите, пойдемъ, посмотримъ?

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ я.

Всю массу плѣнныхъ направили въ улицу, гдѣ находилась мужская гимназія. Передъ гимназіей былъ небольшой дворъ, тянувшійся вдоль фасада зданія. Со двора на улицу вело двое воротъ. Изъ кольевъ и бревенъ построили поперекъ улицы перегородку такъ, что она находилась между воротами. Такимъ образомъ, чтобы пройти всю улицу, нужно было войти черезъ одни ворота въ гимназическій дворъ, пройти его и выйти черезъ другія ворота. Въ воротахъ производился подсчетъ.

Когда плѣнные прошли, свѣрили подсчетъ въ обоихъ воротахъ; оказалась одна и та же цифра.

Черезъ полторы недѣли послѣ этого я присутствовалъ при подсчетѣ плѣнныхъ подъ Опатовомъ. Было ихъ взято свыше тысячи человѣкъ. Всѣхъ ихъ разбили на три группы. Каждую группу выстроили въ одну шеренгу. Потомъ шеренги повернули направо и повели мимо трехъ офицеровъ, которые со своими помощниками унтеръ-офицерами производили подсчетъ. Когда группы прошли, ихъ повернули обратно, но такъ, что каждая группа попала къ иному офицеру. Затѣмъ провели въ третій разъ. Такимъ образомъ каждая группа была сосчитана трижды.

Плѣнные германцы, взятые подъ г. Каміономъ.

Когда одна изъ славнѣйшихъ дивизій нашей арміи, подъ начальствомъ генерала Некрасова, разбила на-голову австрійцевъ подъ Сенявой и взяла массу плѣнныхъ, хотѣлось установить точно ихъ цифру. Но въ то же время тратить много времени на подсчетъ нельзя было, потому что штабъ дивизіи находился вблизи линіи боя, и плѣнныхъ нужно было поскорѣе отправлять въ тылъ.

За деревней нашли три стоящихъ въ рядъ гумна. Между гумнами поставили цѣпь солдатъ, чтобы ни одинъ изъ плѣнныхъ не могъ пройти между постройками. Въ гумнахъ, какъ извѣстно, по двое воротъ. Раскрыли ворота и стали пропускать плѣнныхъ черезъ гумна, а внутри ихъ подсчитывали. Вышло 7.436 человѣкъ. Весь подсчетъ продолжался не болѣе трехъ четвертей часа.

Правда, унтеръ-офицеры, которые помогали офицерамъ считать, вылѣзали изъ гуменъ красные, потные. Но, когда я подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ:

— Что, трудно было считать?

Онъ широко улыбнулся и отвѣтилъ:

— Ничего! Хоть цѣлый день готовъ такимъ же манеромъ подсчитывать. Лишь бы было что!

М. Д—скій.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ВѢЧНАЯ СЛАВА

Полковникъ
А. В. Кисляковъ.

Полковникъ
А. И. Вестфаленъ.

Полковникъ
П. К. Холявинъ.

Подполковникъ
Г. Г. Павлищевъ.

Подполковникъ
Н. А. Молчановъ.

Капитанъ
П. П. Ардабьевскій.

Штабсъ-капитанъ
В. А. Кондратьевъ.

Штабсъ-капитанъ
Е. С. Петровскій.

Штабсъ-капитанъ
С. П. Погорѣльскій.

Штабсъ-капитанъ
Н. Н. фонъ-Клугенъ.

Поручикъ
А. Н. Кавелинъ.

Поручикъ
Н. Л. Стебиховъ.

Поручикъ
Н. Д. Чекаловъ.

Поручикъ
Н. М. Ставскій.

Поручикъ
Н. М. Калитинъ.

Подпоручикъ
В. П. Петерсонъ.

Подпоручикъ
А. А. Нечаевъ.

Подпоручикъ
К. С. Макаровъ.

Подпоручикъ
М. Д. Копѣйщиковъ.

Подпоручикъ
А. В. Рудомино.

Прапорщикъ
П. П. Вѣховъ.

Прапорщикъ
Б. А. Крестниковъ.

Прапорщикъ
Н. Д. Корниловъ.

Прапорщикъ
Е. С. Бѣлавинъ.

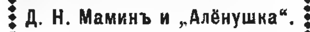
Прапорщикъ
Н. Ф. Селивановъ.

Памятникъ Д. Н. Мамину-Сибиряку.

(Съ 4 портр. и рис. на стр. 854 и 855).

26-го октября, въ день ангела (великомученика Дмитрія Селунскаго) Д. Н. Мамина-Сибиряка, передъ третьей годовщиной кончины писателя (2-го ноября), на его могилѣ, на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры въ Петроградѣ, освященъ памятникъ, поставленный вдовой покойнаго писателя. Памятникъ этотъ, работы академика И. Я. Гинцбурга, представляетъ собою гранитную скалу, украшенную бронзовыми бюстами Д. Н. Мамина и его любимой дочери Елены—„Алёнушки“, которой посвящены его извѣстные дѣтскіе разсказы и сказки.

Три года тому назадъ Д. Н. Маминъ-Сибирякъ медленно и тяжко умиралъ въ непривѣтливой холодной столицѣ. Тяжелая болѣзнь заставила его отойти въ сторону отъ общественной жизни, отъ людей, которыхъ онъ такъ любилъ, которыхъ неустанно изображалъ сорокъ лѣтъ. Не даромъ у подножія его памятника высѣчена надпись, взятая изъ его извѣстнаго произведенія „Черты изъ жизни Пепко“, считающагося его автобіографіей: „Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердецъ — вотъ гдѣ настоящая жизнь и настоящее счастье“.



Д. Н. Маминъ и „Алёнушка“.

Памятникъ Д. Н. Мамину-Сибиряку, освященный 26-го октября с. г. на его могилѣ, на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры въ Петроградѣ. Памятникъ работы академика И. Я. Гинцбурга. По фот. Я. Штейнберга.

Передъ самой кончиной Д. Н. Маминъ въ послѣдній разъ сталъ центромъ общаго вниманія въ кругу литераторовъ и читающей публики. Исполнился юбилей его литературной дѣятельности. Но Маминъ уже умиралъ. Въ его квартирѣ собрались литераторы и почитатели его таланта, поднесли юбиляру адресъ, но Дмитрій Наркисовичъ лежалъ, разбитый параличомъ.

Грустный былъ этотъ юбилей у одра умиравшаго юбиляра. И скоро послѣ этого юбилея Д. Н. Маминъ скончался.

Но, если бы Д. Н. былъ бодрѣе и жизнеспособнѣе въ день своего юбилея, онъ испыталъ бы громадную радость и рѣдкое для писателя нравственное удовлетвореніе. Въ знакъ чествованія поклонники поднесли ему адресъ, покрытый тысячами подписей. Это были подписи его читателей. Онѣ были собраны со всей Россіи. Читательская масса отозвалась горячимъ и многоголосымъ привѣтомъ на юбилей своего любимаго писателя.

Читатель былъ всегда другомъ для Мамина-Сибиряка. Въ примѣненіи къ Мамину звучала бы фальшью пословица: „Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ“. Маминъ былъ прежде всего признанъ и оцѣненъ у себя на родинѣ, на Уралѣ, а потомъ въ Сибири, въ Прикамьѣ, въ Поволжьѣ — вездѣ, гдѣ разрасталась русская промышленность, гдѣ жили и умирали изображенные имъ крѣпкіе, „кондовые“, какъ строевой лѣсъ, купцы-заводчики, фабриканты, паро-

Д. Н. Маминъ во время пребыванія на Кавказѣ.

ходовладѣльцы, золотоискатели. Читатель изъ тамошнихъ мѣстъ первый оцѣнилъ и полюбилъ „своего" писателя. И прежде, чѣмъ Маминъ-Сибирякъ пріобрѣлъ всероссійскую извѣстность, онъ былъ уже любимъ и популяренъ у себя на родинѣ и въ Сибири.

Настоящая, большая извѣстность и, вообще, такъ называемое „имя" пришли къ Мамину однако не сразу, но лишь послѣ многихъ терній и послѣ колоссальныхъ трудовъ его надъ самимъ собой. Въ изяществѣ, въ легкости стиля произведеній Мамина-Сибиряка не чувствуется эта громадная подготовительная работа. Упорно и добросовѣстно развивая свой талантъ, онъ провелъ свое творчество черезъ обстоятельнѣйшую, многолѣтнюю и многотрудную школу. И поэтому произведенія Мамина поражаютъ своей техникой, своей законченностью. Въ этомъ смыслѣ Мамина давно пора причислить къ русскимъ классикамъ, къ академіи русскихъ художниковъ слова.

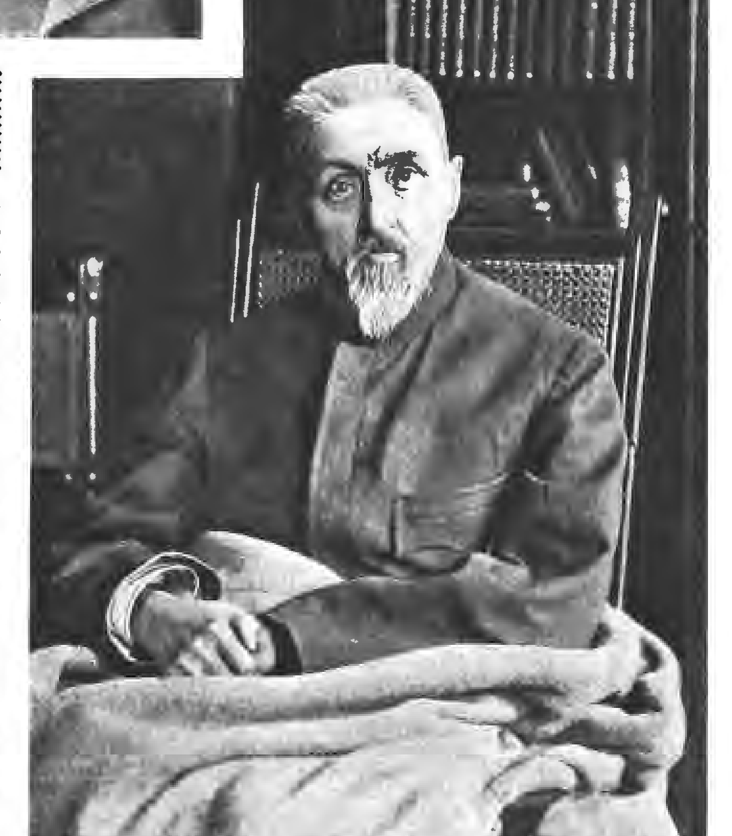
Критика отвела Мамину мѣсто рядомъ съ Чеховымъ „по непосредственности и органичности дарованія, по богатству наблюденій, по широтѣ захвата бытового матеріала",—въ первыхъ рядахъ „артели" восьмидесятниковъ, какъ любилъ опредѣлять самъ Чеховъ себя и писателей своего времени.

Если же искать писателя, равнаго Мамину въ западной литературѣ, то и тутъ критика, въ лицѣ строгаго къ писательству Мамина А. М. Скабичевскаго, одного изъ немногихъ критиковъ литературной дѣятельности Мамина, указала яркое, красочное имя—Зола.

Нынѣ, открывъ живымъ, яркимъ произведеніямъ Мамина-Сибиряка широкіе пути въ милліонную читательскую массу, мы сдѣлаемъ критиками его почти полувѣковой литературной работы все русское общество, всю его родину, близкую и дальнюю, не только Сибирь, Уралъ, Поволжье, но и всю Россію, и пусть воздастъ она должное его свѣтлой памяти, только-что увѣковѣченной въ камнѣ и бронзѣ.

„Нива" создаетъ Мамину всероссійскій памятникъ. Собраніе сочиненій Мамина въ библіотекѣ каждой русской семьи—живой памятникъ, представляющій истинный образъ его, какъ писателя и гражданина.

Д. Н. Маминъ въ 80-хъ годахъ.



Д. Н. Маминъ передъ самой кончиной, въ 1912 году.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ въ разные годы жизни. Къ сооруженію памятника на его могилѣ въ Александро-Невской лаврѣ.

Крестьянская женщина и война.

Очеркъ **Ал. Богданова.**

Семейный бытъ деревенской жизни всегда въ одномъ отношеніи складывался благопріятно для русской женщины: совмѣстное участіе мужчинъ и женщинъ въ сельскохозяйственномъ трудѣ приблизительно уравнивало и тѣхъ и другихъ. Съ семи лѣтъ нянька въ дому, съ двѣнадцати-тринадцати полезная помощница въ полѣ, женщина представляла собою равноцѣнную съ мужчиной рабочую силу. И тамъ, гдѣ была необходимость, она умѣла отстаивать свои интересы, отстаивать право на признаніе въ ней человѣка,—право, въ которомъ обычно отказывалось представительницамъ болѣе обезпеченныхъ классовъ. Въ практикѣ деревенской жизни встрѣчались, напримѣръ, нерѣдкіе случаи, когда вдовы, ведущія хозяйство, пользовались на сходкахъ правомъ голоса наравнѣ съ мужиками. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ деревняхъ стали допускаться передѣлы земли не по мужскимъ душамъ, а по количеству ѣдоковъ въ семьѣ.

Война произвела цѣлый рядъ сдвиговъ въ различныхъ областяхъ жизни народа и въ его сознаніи. И положеніе женщины въ деревнѣ съ войною претерпѣло существенныя измѣненія. Слѣдуетъ отмѣтить, что запрещеніе продажи водки—на ряду съ другими условіями—сыграло не малую роль въ раскрѣпощеніи женщины.

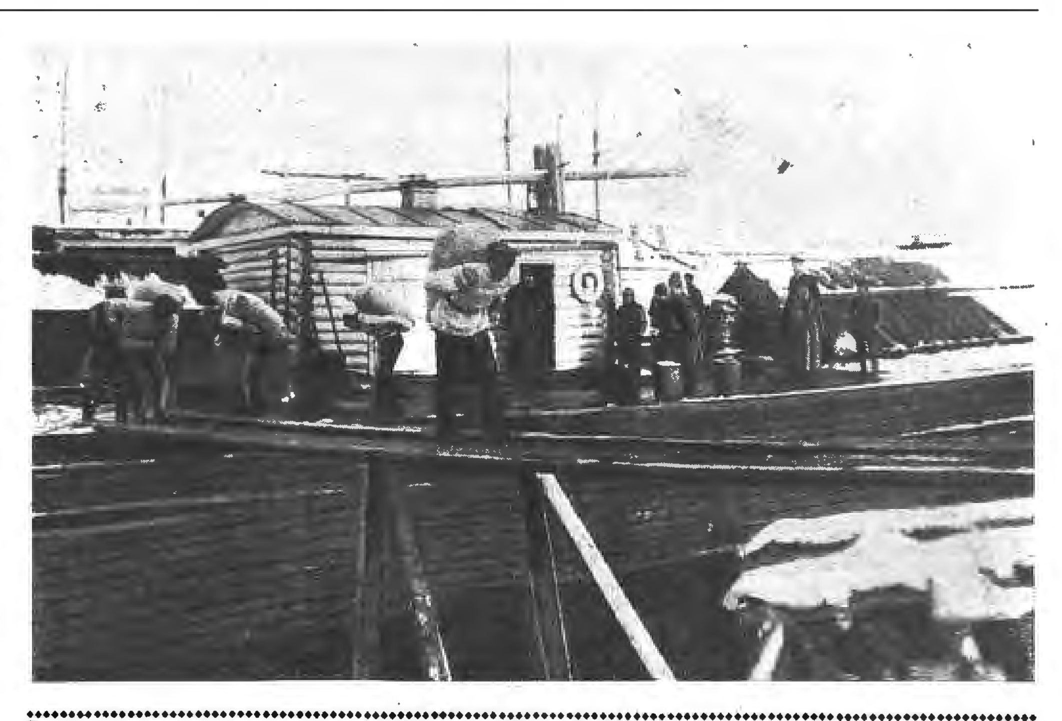
Трезвая деревня постепенно начинаетъ отходить отъ прежнихъ дикихъ обычаевъ; пониженъ процентъ семейныхъ ссоръ, дракъ и убійствъ, наблюдается больше вдумчивости и сознательности на ряду съ повышеніемъ благосостоянія. Согласно даннымъ анкеты Костромского земства, въ деревнѣ стало больше „благородства"

„Благородство"—мѣткое удачное народное словцо для обрисовки физіономіи трезвой деревни. Это какъ разъ именно то, чего не хватало деревнѣ въ ея отношеніяхъ къ женщинѣ.

Съ отливомъ рабочихъ мужскихъ силъ на войну, само собою, въ силу необходимости, долженъ былъ перемѣститься и пасть на женщину центръ тяжести всѣхъ хозяйственныхъ

заботъ. Мать и жена замѣнили во многихъ семьяхъ прежняго „хозяина“. На женщину легли связанныя съ войною жертвы, возникли новыя обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, должны были войти въ обиходъ жизни и новыя права. Въ роли самостоятельной хозяйки, напрягающей послѣднія силы, чтобы „не рушить хозяйства“, прокормить семью и даже послать мужу въ армію скудные заработанные гроши крестьянская женщина чувствуетъ за собою больше отвѣтственности. Просыпается самосознаніе личности, чувство достоинства, уваженіе своихъ правъ. И это въ свою очередь вызываетъ отвѣтное уваженіе къ женщинѣ со стороны другихъ. „У насъ теперь баба во главѣ всякаго дѣла стоитъ“...— сообщаетъ другъ-читатель изъ Самарской губерніи.

Не такъ давно въ Бобровѣ Воронежской губерніи разсматривалось окружнымъ судомъ дѣло 80 крестьянокъ и крестьянъ (послѣднихъ незначительное меньшинство). Произошло нѣчто въ родѣ бабьяго бунта. Бѣднота протестовала противъ скупки кулаками въ однѣ руки крестьянскихъ надѣловъ. Крестьянки во время бунта кричали:



Студенты-крючники за работой по выгрузкѣ мѣшковъ съ мукою на Калашниковской набережной Невы. По фот. П. Оцупа. (См. „Отклики войны“).

— Нашихъ мужей на войну взяли, а у насъ землю отнимаютъ!

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ П. А. Борисовъ передаетъ бесѣду съ одной изъ солдатокъ Орловской губ. Сторонница общины—солдатка-вдова безпокоится за судьбу надѣла и хозяйства.

„Мужа убили, дѣло женское, вдовье, дѣтишки малыя, — не осилить — спустить землю. Кабы попрежнему обществомъ, мать такъ ли, сякъ ли перебьется, пока дѣтишки подрастутъ,—а дѣти подрастутъ, у нихъ все-таки земля, какой ни на есть свой уголъ“...

Война прибавила лишнихъ заботъ и страданія на долю женщинъ. Но огонь очищаетъ золото: — бѣдствіе войны многое измѣняетъ въ положеніи женщины и многое изъ стараго отметаетъ прочь. Какъ внутренняя, такъ и наружная стороны деревенскаго быта преображаются. Отчасти подъ вліяніемъ повышенныхъ цѣнъ на женскія рабочія руки и возрастанія дороговизны въ городахъ наблюдается усиленная тяга женщинъ въ деревню. Возвращаются къ роднымъ мѣстамъ тѣ женщины, которыя, казалось, навсегда порвали связь съ землей. Возвращаются въ деревню для работы, для здоровой нормальной жизни въ близости къ землѣ, къ родной средѣ.

Наплывъ въ деревенскую среду городскихъ элементовъ такимъ образомъ нисколько не нарушаетъ того трезво дѣловитаго и вдумчиваго настроенія, которое царитъ въ деревнѣ.

Ростъ хозяйственнаго значенія женщины имѣетъ для нея прямымъ логическимъ послѣдствіемъ то, что она вырастаетъ и юридически, какъ личность.

Ей приходится постигать всю сложную механику общественно-правовыхъ отношеній, знакомиться съ законами, входить въ сношенія съ властями, старшиной, писаремъ. Кончается срокъ земельной аренды, — приходится возобновлять договоръ. Пріѣзжаетъ земскій агентъ для перестраховки построекъ. Солдатка ведетъ съ нимъ расчеты. Нужно получить ссуду, внести подати, написать въ какое-нибудь учрежденіе бумагу,— все это теперь на ея обязанности. Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, которыя раньше вели мужья, нынѣ исполняютъ женщины.

„Солдатки у насъ теперь значительная и вліятельная часть юридическаго міра“,—пишетъ въ „Ежемѣсячномъ журналѣ“ Всеволодъ Второвъ. И разсказываетъ слѣдующій фактъ:

„Въ одномъ селѣ женщины настояли на передѣлѣ земли, къ которому большинство общественниковъ-мужиковъ относилось если не враждебно, то безразлично.

„Дѣлили тимоѳеевку, засѣянную міромъ. И солдатки настояли, чтобъ въ дѣлежъ былъ пущенъ весь покосъ, безъ обычнаго пропитія мірскихъ угловъ, т.-е. обрѣзковъ“.

Такіе факты происходятъ повседневно во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Непосредственное ихъ значеніе — экономическое и правовое — громадно. Но помимо того они еще играютъ культурно-воспитательную роль въ жизни деревни.

Передъ женщиной открылся новый міръ, расширился кругъ ея интересовъ и понятій. Необходимо приспособиться къ этимъ новымъ условіямъ, осмыслить и понять ихъ,—нужно знаніе законовъ, грамотность, развитіе. И вотъ тутъ-то стала очевидной вся нелѣпость, вся дикость старой житейской формулы: „У женщины волосъ долгъ, да умъ коротокъ. Зачѣмъ-де, молъ, дѣвчонокъ учить?“ Выплыла въ сознаніи всѣхъ роль грамоты, культурности, умѣнья разобраться въ сложной обстановкѣ жизни.

Совсѣмъ неслыханное явленіе въ деревнѣ: женщины въ возрастѣ тридцати-сорока лѣтъ начинаютъ учиться грамотѣ. Въ обычное время ни одна изъ такихъ бабъ не ходила и не пошла бы на воскресныя занятія со взрослыми, какія велись въ школахъ. „Сосѣди застыдили бы!“ Но война перевернула всѣ обычаи и предразсудки. Безъ грамоты стало трудно обойтись. Написать бумагу, прочесть письмо отъ мужа съ войны — надо отрываться отъ работы, искать человѣка, который могъ бы сдѣлать это. А такой человѣкъ еще не всегда подъ рукой.

И другое, тоже невиданное до сихъ поръ явленіе, показывающее, какъ культурно преображается деревня: бабы, наравнѣ съ мужиками, интересуются газетами.

Газета въ деревнѣ, за исключеніемъ самыхъ захолустныхъ угловъ, стала вторымъ насущнымъ хлѣбомъ. Быть въ городѣ и вернуться безъ газеты почитается преступленіемъ. Газеты выписываются, или болѣе или менѣе регулярно пріобрѣтаются почти въ каждой деревнѣ. За неимѣніемъ средствъ для пріобрѣтенія ихъ устраивается нерѣдко складчина селеніями,—обществами.

Вмѣстѣ выписываютъ, вмѣстѣ и читаютъ, обсуждая событія, собираясь въ облюбованной избѣ, въ чайной, въ церковной сторожкѣ. И на ряду съ мужиками сплошь да рядомъ присутствуютъ бабы, которыя приходятъ послушать и посовѣтоваться съ знающими людьми насчетъ своихъ дѣлъ. Домны, Марьи и Василисы пріобщаются къ кружку односельчанъ-мужиковъ, и это въ большинствѣ случаевъ не вызываетъ ни въ комъ осужденія и даже удивленія, а принимается, какъ должное.

Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ деревенская косность и темнота даютъ еще себя знать: женщины-солдатки встрѣчаютъ и отрицательное отношеніе къ себѣ. Но причина его лежитъ не въ боязни „женскаго засилья“ въ деревнѣ, а въ чисто-матеріальныхъ узкихъ соображеніяхъ и недостаточной сознательности крестьянъ. Отказывая солдаткамъ въ хозяйственной помощи, мужики говорятъ:

— Онѣ жалованье получаютъ и могутъ работника нанять!..

Случаи эти крайне рѣдки, почти исключительны. Въ общемъ же отношеніе міра къ солдаткамъ всюду въ высшей степени благожелательно. Тамъ, гдѣ требуется помощь, крестьяне охотно приходятъ съ нею, убираютъ поля, свозятъ хлѣбъ, молотятъ и т. д.

Въ общемъ, великая страда войны облегчаетъ женщинамъ путь къ завоеванію себѣ правъ человѣка. До сихъ поръ мы знали женщину „Арину, мать солдатскую“, которая молча несла крестъ, молча шла на подвигъ, терпѣливо жила и терпѣливо умирала. Теперь жизнь намѣчаетъ женщину другого типа. Это—та же солдатская Арина, готовая на подвигъ ради дѣтей и семьи, но уже дѣйствующая въ иной обстановкѣ, расширившая кругъ своего пониманія.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 47 — XLVI г. изданія

Выданъ 21-го ноября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Метерлинка“ кн. 8.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Подробное объявленіе см. въ № 44 на стр. 804ᵃ—804ᶦ.

Новый каталогъ
ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ
бывш. М. А. СОКОЛОВОЙ.
Вышелъ и разсылается по треб. Цѣна 30 к. Антрепр., кружкамъ и постоян. покупателямъ безплатно.
Москва, Тверская, Газетный, № 19.
Августъ Эриксонъ
хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Императорскаго Россійскаго флота и пр. и пр.
СУЩ. СЪ 1865 Г.
ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.
Илл. прейсъ-куранты гг. иногороднымъ безплатно.
СПБ., Невскій пр., № 13.

ХОРОШІЯ ЛЕКАРСТВА

всегда поддѣлываются,

ни одно лекарство

не поддѣлывается, не фальсифицируется больше, чѣмъ антисептическія

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

ВЪ ВАШЕМЪ ИНТЕРЕСѢ СПРАШИВАТЬ,

ТРЕБОВАТЬ ИХЪ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ **въ КОРОБКАХЪ**, снабженныхъ именемъ

VALDA

съ красной бандеролью.

ОДНОЙ КОРОБКОЙ

PASTILLES VALDA

(ЛЕПЕШЕКЪ ВАЛЬДА).

H. Canonne, Paris.

СООБЩЕНІЕ ЖАННЫ ГРЕНЬЕ

Въ виду ошибочно указаннаго въ телефонной книгѣ г. Москвы моего адреса, честь имѣю довести до свѣдѣнія уважаемыхъ кліентокъ, что мой правильный адресъ слѣдующій:

МОСКВА, Тверская, Глинищевскій пер., д. № 3 (Бахрушина), кв. 100, а телеф. 2-72-96.

БЮРО ОТКРЫТО ЕЖЕДНЕВНО

отъ 10 час. утра до 6 час. вечера, кромѣ праздниковъ. 3843

ВНИМАНІЕ!

Громадный спросъ на наши противогеморроидальн. свѣчи **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** вызвалъ рядъ грубыхъ, негодныхъ поддѣлокъ. На рынкѣ появились подъ названіемъ Проктолъ свѣчи изъ простого масла какао, не дѣйствующаго на проявленія

ГЕМОРРОЯ.

Поддѣлки эти легко узнать, т. к. по вполнѣ понятнымъ причинамъ не носятъ ни фирмы, ни адреса изготовителя. При покупкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ** и на нашу фирму

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

Извѣстная на весь свѣтъ

автоматическая быстровязальная машина

„ВИКТОРІЯ"

стоитъ 150 рублей.

Вяжетъ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 рубля заработной платы за каждую дюжину чулокъ или носковъ вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ. РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ, для легкой домашней работы. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40/42—11. ЛОНДОНЪ, E. C. 114 Leadenhall St.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ **ИЗГОТОВЛЕНІЮ** простой и изящной дамской, мужской и дѣтской **ОБУВИ** по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоукрасить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. **Адресъ:** г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или Священнику Александру Смирнову.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ. и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористыйфт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощ. счетовъ и бумаги, значительно сокращ. труд. бухгалтер. и конторщ., и вычисленія на счетахъ всѣ 4 дѣйств. ариѳм. Ц. 40 к. съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. налож. плат. дор. на 25 к.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ **возобновить подписку на „Ниву" 1916 года заблаговременно,** такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ **воспользоваться** разосланными при № 44 «Нивы» **подписными бланками въ видѣ почтоваго перевода.**

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву" 1916 г. см. въ № 44.

ЕЛКА ПО ПОЧТѢ

Настоящимъ увѣдомляемъ нашихъ покупателей что, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, мы начали высылку коллекцій украшеній и сюрпризовъ для ёлки.

НАШИ УСЛОВІЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫ.

Пересылка въ пред. Европ. Россіи за счетъ **фирмы.**

Отправка коллекцій наложен. платежомъ **безъ задатка.**

Коллекція изъ 145 предм. 2 руб. 35 коп.
Коллекція изъ 268 предм. 3 руб 50 коп.
Коллекція изъ 387 предм. 5 руб. 50 коп.
Коллекція изъ 514 предм. 8 руб.
Кол. изъ 617 пр. 11 р., Кол. изъ 731 пр. 15 р.,
Кол. изъ 922 пр. 20 р., Кол. изъ 1173 пр. 25 р.
съ пересылкой.

Въ интересахъ постоянныхъ покупателей въ этомъ году мы удачно измѣнили содержаніе коллекцій и дополнили ихъ интересными новинками.

Ввиду могущей быть задержки на пути, просимъ поспѣшить съ заказами.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ БАЗАРЪ И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Столешниковъ, № 6.

Добросовѣст. и аккуратн. выполн. заказовъ гарантируется. Описаніе коллекцій и каталогъ подарковъ безплатно.

№ 47. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 21 ноября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка" книга 8.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

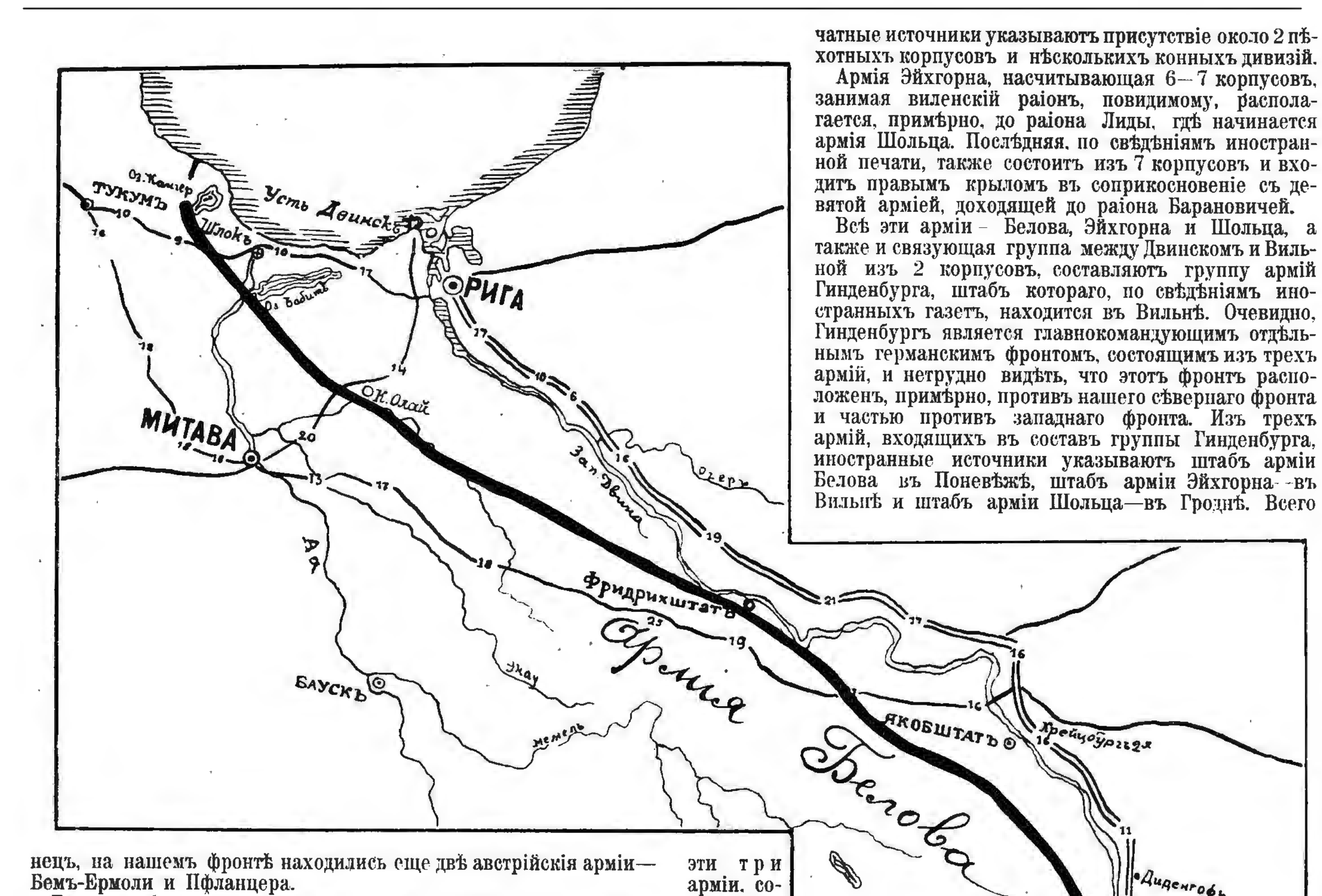
К. Шумскаго.

Вѣрные своей системѣ стратегически обороняться на всѣхъ фронтахъ, за исключеніемъ только одного, на которомъ вести обязательно стратегическое наступленіе, нѣмцы обороняются на трехъ фронтахъ — французскомъ, нашемъ и итальянскомъ и ведутъ наступленіе на четвертомъ фронтѣ на сербскомъ. Въ связи съ этимъ, нашъ противникъ наканунѣ наступленія въ Сербію произвелъ опредѣленную перегруппировку войскъ, сводившуюся къ тому, что для наступленія въ Сербію былъ собранъ „наступательный кулакъ"—двѣ арміи Кевесса и Гальвица, а на всѣхъ остальныхъ фронтахъ было оставлено такое число войскъ, какое австро-нѣмцы считали достаточнымъ для устойчивой обороны.

Послѣ этой перегруппировки можно было опредѣлить, что нѣмцы, въ общемъ, на всѣхъ фронтахъ войны выставили тринадцать армій, состоящихъ изъ однихъ нѣмецкихъ войскъ, и три арміи, состоящія частью изъ австрійскихъ и частью изъ нѣмецкихъ войскъ, т.-е. уже въ буквальномъ смыслѣ слова „арміи австро-нѣмецкія", австрійцы же выставили пять армій.

Тринадцать чисто-нѣмецкихъ армій распредѣлялись такимъ образомъ, что семь германскихъ армій располагались на англо-французскомъ фронтѣ,—отъ Сѣвернаго моря до Швейцаріи,—и пять армій—на нашемъ фронтѣ. Кромѣ того, на нашемъ фронтѣ находились двѣ австро-нѣмецкія арміи — Линцингена въ Пинскихъ болотахъ и Ботмера на Стрыпѣ, въ Галиціи. Нако-

Холодно въ окопѣ. Картина И. А. Владимірова.



нецъ, на нашемъ фронтѣ находились еще двѣ австрійскія арміи— Бемъ-Ермоли и Пфланцера.

Такимъ образомъ на французскомъ фронтѣ оказалось семь армій чисто-германскихъ, а на нашемъ фронтѣ—девять армій, изъ которыхъ пять германскихъ, двѣ австрійскихъ и двѣ австро-германскихъ. Затѣмъ, на итальянскомъ фронтѣ противникъ оставилъ двѣ австрійскія арміи—Данкля и Свѣтозара Бороевича, общей численностью вмѣстѣ до 6 корпусовъ, и на сербскомъ фронтѣ собранный австро-нѣмецкій „наступательный кулакъ“ состоялъ изъ одной германской арміи Гальвица, численностью въ 5—6 корпусовъ, и одной австро-германской арміи венгерскаго генерала Кевесса, численностью около 3 корпусовъ, изъ которыхъ одинъ австрійскій корпусъ, а два германскихъ.

Изъ этого видно, что для второстепенныхъ театровъ — сербскаго и итальянскаго— противникъ отдѣлилъ, въ общемъ, 4 австрійскихъ корпуса и 6—7 германскихъ, а все остальное распредѣлилъ между французскимъ и нашимъ фронтомъ, предназначивъ для французскаго фронта семь германскихъ армій, а для нашего фронта—пять германскихъ армій, двѣ австрійскія арміи и двѣ смѣшанныя австро-германскія арміи—Линцингена и Ботмера. Однако, такъ какъ арміи могутъ быть различной величины,— отъ 3 до 6 корпусовъ,—то, по существу, число войскъ на нашемъ и западномъ фронтѣ оказалось, примѣрно, одинаковымъ. На западный фронтъ противникъ, имѣвшій тамъ въ теченіе лѣта 50—52 корпуса, съ началомъ послѣдняго французскаго наступленія перебросилъ около 3 корпусовъ съ нашего фронта, вслѣдствіе чего на французскомъ фронтѣ образовалось, въ общемъ, 53—55 корпусовъ. Итого, мы имѣемъ уже три, болѣе или менѣе, опредѣленныя цифры, а именно: на сербскомъ фронтѣ— 7—8 германскихъ корпусовъ и одинъ австрійскій корпусъ; на итальянскомъ фронтѣ около 3 австрійскихъ корпусовъ и на западномъ фронтѣ около 53—55 германскихъ корпусовъ.

Все остальное, что было въ распоряженіи германскаго и австрійскаго генеральныхъ штабовъ, растянулось отъ Балтійскаго моря до Румыніи, образуя обороняющійся восточный германскій фронтъ. О распредѣленіи силъ на этомъ фронтѣ намъ приходилось уже отрывочно иногда говорить, отмѣчая то ту, то другую армію противника, и теперь, когда противникъ уже расположился совершенно неподвижно на нашемъ фронтѣ, эти данныя можно свести вмѣстѣ.

Армія Белова, занимающая самый сѣверный участокъ фронта, а именно — отъ Риги до Двинска, по свѣдѣніямъ, бывшимъ неоднократно въ печати, состоитъ изъ 5—6 германскихъ корпусовъ съ довольно значительнымъ количествомъ конницы. Къ югу отъ арміи Белова, въ виленскомъ раіонѣ, находится армія Эйхгорна,—та самая, которая такъ неудачно пыталась окружить въ свое время нашу десятую армію въ томъ же виленскомъ раіонѣ. Промежутокъ между арміей Эйхгорна въ виленскомъ раіонѣ и правымъ крыломъ арміи Белова въ двинскомъ раіонѣ заполненъ, повидимому, особой смѣшанной массой пѣхоты и конницы, гдѣ печатные источники указываютъ присутствіе около 2 пѣхотныхъ корпусовъ и нѣсколькихъ конныхъ дивизій.

Армія Эйхгорна, насчитывающая 6—7 корпусовъ, занимая виленскій раіонъ, повидимому, располагается, примѣрно, до раіона Лиды, гдѣ начинается армія Шольца. Послѣдняя, по свѣдѣніямъ иностранной печати, также состоитъ изъ 7 корпусовъ и входитъ правымъ крыломъ въ соприкосновеніе съ девятой арміей, доходящей до раіона Барановичей.

Всѣ эти арміи — Белова, Эйхгорна и Шольца, а также и связующая группа между Двинскомъ и Вильной изъ 2 корпусовъ, составляютъ группу армій Гинденбурга, штабъ котораго, по свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ, находится въ Вильнѣ. Очевидно, Гинденбургъ является главнокомандующимъ отдѣльнымъ германскимъ фронтомъ, состоящимъ изъ трехъ армій, и нетрудно видѣть, что этотъ фронтъ расположенъ, примѣрно, противъ нашего сѣвернаго фронта и частью противъ западнаго фронта. Изъ трехъ армій, входящихъ въ составъ группы Гинденбурга, иностранные источники указываютъ штабъ арміи Белова въ Поневѣжѣ, штабъ арміи Эйхгорна—въ Вильнѣ и штабъ арміи Шольца—въ Гроднѣ. Всего эти три арміи, составляющія группу Гинденбурга, какъ мы видѣли выше, насчитываютъ около 20 германскихъ корпусовъ, что можетъ дать массу до 800 тысячъ человѣкъ.

Южнѣе группы Гинденбурга находится, какъ можно видѣть изъ германскихъ официальныхъ сообщеній, группа армій принца Леопольда баварскаго. Въ составъ ея входятъ всего лишь двѣ арміи—упомянутая выше девятая германская армія, состоящая изъ 4—5 корпусовъ, и одиннадцатая германская армія, гдѣ, по свѣдѣніямъ иностранной печати, имѣются 3—4 корпуса, а всего вмѣстѣ обѣ арміи, составляющія группу принца Леопольда, насчитываютъ, въ среднемъ, 8 корпусовъ. Обѣ эти арміи расположены, примѣрно, отъ раіона Лиды, черезъ Барановичи, до Пинскихъ болотъ. Штабъ девятой нѣмецкой арміи, оперирующей въ раіонѣ Барановичей, расположенъ, по свѣдѣніямъ, бывшимъ въ нашей печати, въ Слонимѣ; штабъ одиннадцатой арміи, оперирующей въ раіонѣ Пинска, расположенъ, вѣроятно, въ Кобринѣ.

Далѣе, къ югу, въ Пинскихъ болотахъ, находится третья группа германскихъ армій, гдѣ уже нѣмцы смѣшаны пополамъ съ австрійцами. Группа эта именуется у нѣмцевъ въ официальныхъ сообщеніяхъ „группой армій Линцингена“, хотя, по существу, это скорѣе можно назвать одной арміей, а не группой армій, такъ какъ въ составъ ея входятъ 4—5 корпусовъ пѣхоты и нѣсколько кавалерійскихъ дивизій, что меньше, напримѣръ, арміи

Эйхгорна или Шольца, насчитывающихъ каждая около 7 корпусовъ. Между тѣмъ послѣднія именуются арміями, а войска Линцингена именуются почему-то группой армій, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ составъ группы Линцингена вошла часть бывшей арміи Линцингена и часть арміи Пухалло.

Армія эта вела въ теченіе послѣднихъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ упорные бои на Стыри, въ раіонѣ Чарторійска, гдѣ неудачно стремилась прорваться къ линіи желѣзной дороги Лунинецъ — Сарны — Ровно.

Такимъ образомъ отъ Риги до Пинскихъ болотъ, черезъ Западную Двину, поперекъ Петроградо-Варшавской, Бологое-Сѣдлецкой, Московско-Брестской желѣзныхъ дорогъ и далѣе, вплоть до Пинскихъ болотъ, расположено до 33 корпусовъ противника, что можетъ дать, въ случаѣ пополненія потерь въ австро-нѣмецкихъ полкахъ, свыше $1\frac{1}{4}$ милліона человѣкъ.

Къ югу отъ Пинскихъ болотъ и вплоть до Румыніи идетъ австрійское расположеніе, гдѣ, по различнымъ свѣдѣніямъ, появлявшимся въ печати, насчитываются три арміи: армія Бемъ-Ермоли, армія Ботмера и армія Пфланцера. Первая армія расположена, повидимому, отъ Пинскихъ болотъ, черезъ Волынь, примѣрно, до Тарнополя. Армія эта, по свѣдѣніямъ иностранной печати, насчитываетъ около 9 корпусовъ и конницу.

Далѣе, къ югу, въ раіонѣ Тарнополя (на рѣкѣ Стрыпѣ), какъ извѣстно, расположена армія германскаго генерала Ботмера. Однако главную массу этой арміи составляютъ австрійцы, а нѣмецкихъ полковъ, здѣсь, повидимому, немного. Въ общемъ, силы этой арміи исчисляются различно — въ 4, 5 и 6 корпусовъ, что, вѣроятно, происходитъ отъ частыхъ перегруппировокъ, которыя австро-нѣмцы производятъ на своемъ южномъ фронтѣ для того, чтобы какъ-нибудь парировать наши удары на рѣкѣ Стрыпѣ въ Галиціи и на рѣкѣ Стыри въ Пинскихъ болотахъ.

Наконецъ, самая южная армія противника тянется по Днѣстру до границы Румыніи, и силы этой арміи, находящейся подъ начальствомъ генерала Пфланцера, опредѣляются, примѣрно, въ 6 австрійскихъ корпусовъ съ довольно значительнымъ числомъ конницы.

Итого, къ 33 корпусамъ, расположеннымъ отъ Балтійскаго моря до Пинскихъ болотъ, надлежитъ прибавить, примѣрно, до 20 корпусовъ, расположенныхъ отъ Пинскихъ болотъ до Румыніи, т.-е. на австрійскомъ фронтѣ. Всего получается около 53 корпусовъ на нашемъ фронтѣ, т.-е., приблизительно, та же цифра, что и на французскомъ фронтѣ, съ тою лишь разницей, что на французскомъ фронтѣ, во-первыхъ, сплошь германскія войска, а у насъ около 65 процентовъ германскихъ войскъ и около 35 процентовъ австрійскихъ войскъ. Во-вторыхъ, разница заключается въ томъ, что германскій фронтъ во Франціи представляетъ собою, сравнительно съ нашимъ фронтомъ, небольшую линію — отъ Сѣвернаго моря до Вогезъ, тогда какъ нашъ фронтъ представляетъ собою громадную линію отъ Балтійскаго моря до Румыніи.

Отсюда, въ окончательномъ итогѣ, можно видѣть, что нѣмцы выставили, въ общемъ, до настоящаго времени до 83 корпусовъ на всѣхъ фронтахъ войны, что можетъ дать до $3\frac{1}{2}$ милліона войскъ, а австрійцы выставили массу, равную, примѣрно, 30 корпусамъ, что можетъ дать до $1\frac{1}{4}$ милліона войскъ, а всего про-

Генералъ-маіоръ В. П. Ляховъ, награжденный орденомъ св. Анны I-й степени съ мечами.

Зачорохскій край. Мургульское ущелье.
Въ срединѣ — комендантъ Михайловской крѣпости генералъ-маіоръ Ляховъ, влѣво — подполковникъ Карауловъ, впереди — генералъ Миллеръ.

Сѣверъ и югъ.

Тамъ, гдѣ пышетъ бирюзовый
Югъ въ ущельяхъ златотканныхъ.
Вѣчны снѣжные покровы
На вершинахъ многогранныхъ.
Блещутъ сѣвера примѣты
Серебромъ сѣдого друга,
Гдѣ горятъ, какъ самоцвѣты,
Розы пламеннаго юга.

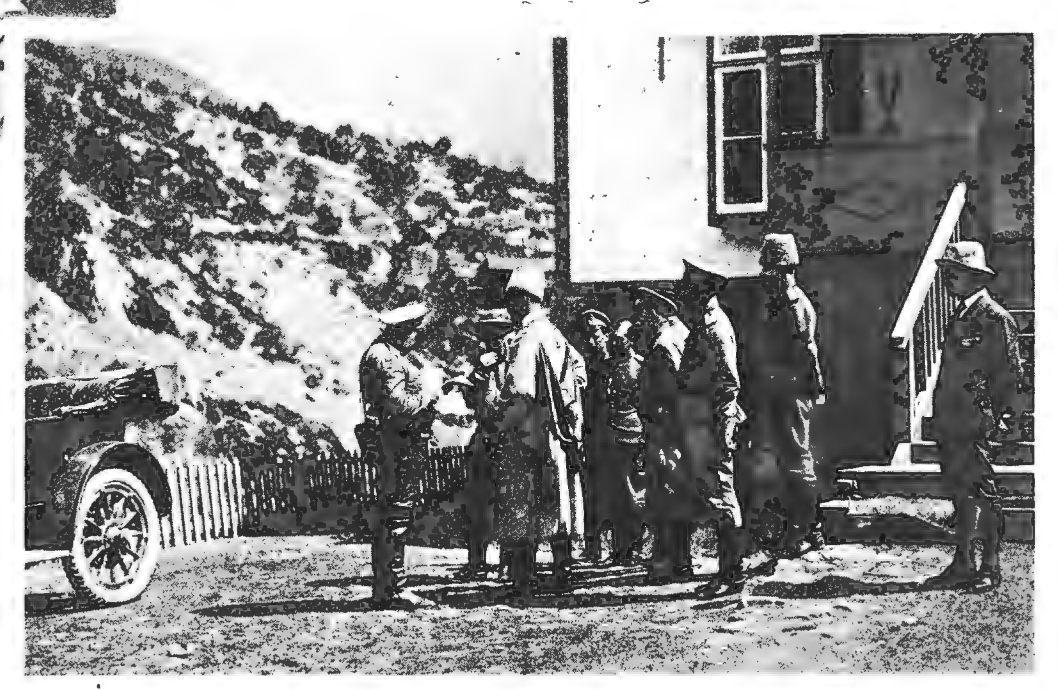
А межъ сѣверныхъ видѣній—
Бѣлыхъ грезъ снѣговъ летучихъ—
Розы южныхъ отраженій
На закатныхъ рдѣютъ тучахъ.
Вспоминаетъ сѣверъ властный
О далекомъ знойномъ югѣ...
Вѣчно грезитъ югъ прекрасный
О своемъ холодномъ другѣ.

Іер. Ясинскій.

подполковникъ Н. А. Карауловъ.

тивникъ, слѣдовательно, мобилизовалъ для всѣхъ своихъ четырехъ фронтовъ къ концу 1915 года до $4^3/_4$ милліона человѣкъ. Эти войска распредѣлены такимъ образомъ, что, примѣрно, до 42 процентовъ находится на нашемъ фронтѣ, 42 процента на французскомъ фронтѣ, около 9 процентовъ на сербскомъ фронтѣ и около 7 процентовъ на итальянскомъ фронтѣ.

Такое напряженіе, при которомъ австро-нѣмцы выставили массы, которыя могутъ быть доведены до цифры въ $2^1/_2$ милліона на каждомъ изъ фронтовъ нашемъ и французскомъ, и, кромѣ того, выставили до 350 тысячъ на сербскомъ фронтѣ и до 250 тысячъ на итальянскомъ фронтѣ, слѣдуетъ считать исключительнымъ, за которымъ неминуемо должно слѣдовать истощеніе. Неудивительно поэтому, что противникъ предпринялъ столь серьезную операцію на Балканахъ, стремясь воспользоваться балканскими контингентами, „человѣческимъ матеріаломъ", для пополненія своихъ истощенныхъ рядовъ.



Зачорохскій край. Мургульское ущелье. подполковникъ Н. А. Карауловъ читаетъ телеграфное донесеніе коменданту крѣпости

Кавказскій фронтъ. Штабъ-квартира Вдали—лазаретъ Всероссійскаго Земскаго Союза. За нимъ—ущелье рѣки Аракса.

Изъ помѣщенной на стр. 858 карты видно, что армія Белова находится на самомъ берегу Двины, въ двухъ раіонахъ—у Фридрихштадта и между Двинскомъ и Якобштадтомъ, а въ двухъ раіонахъ откинута назадъ отъ Двины — у Двинска верстъ на 10, у Риги верстъ на 25. Принимая во вниманіе, что всѣ силы Белова едва ли превосходятъ 5—6 корпусовъ, какъ то указывалось неоднократно въ печати, слѣдуетъ считать, что съ такими силами нѣмцы безусловно не въ состояніи предпринять что-либо серьезное противъ Риги и Двинска.

Въ долинѣ рѣки Евфрата. Молебенъ передъ выступленіемъ въ походъ.

„Мадонна".

Разсказъ **Георгія Павлова.**

I.

Вотъ уже вторая недѣля, какъ германцы хозяйничаютъ въ Дубновѣ, родовомъ имѣніи графа Старжинскаго.

Богатое и обширное помѣстье досталось имъ въ руки очень легко. Русскихъ войскъ поблизости не было, что же касается владѣльцевъ усадьбы, то они не думали о сопротивленіи, хотя и могли бы оказать его по примѣру своихъ сосѣдей, защищавшихся отчаянно и отдававшихъ родимыя гнѣзда врагу разоренными, уничтоженными, почти сравненными съ землею. Графъ Зигмундъ Старжинскій не захотѣлъ послѣдовать этому примѣру. По происхожденію австрійскій полякъ, германецъ по воспитанію, по духу и симпатіямъ, онъ съ легкимъ сердцемъ сдѣлалъ выборъ между доблестью и позоромъ и гостепріимно распахнулъ свои двери передъ солдатами въ остроконечныхъ каскахъ, украшенныхъ имперскимъ орломъ Гогенцоллерновъ.

Въ Дубновѣ расположился на отдыхъ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, недавно прибывшій изъ Бельгіи. Солдаты занимаютъ хозяйственныя постройки и службы, полковой штабъ квартируетъ въ зàмкѣ. Пятнадцать человѣкъ офицеровъ, совершенно праздныхъ, весело проводятъ время въ роскошномъ „палацѣ", гдѣ къ ихъ услугамъ все: изысканный столъ, старыя вина, бильярдъ, конюшня и экипажи графа, одного изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ края. Всѣмъ этимъ они пользуются, какъ своей собственностью, и графъ Зигмундъ, изъ хозяина превратившійся мало-помалу въ гостя, едва ли не раскаивается въ своей чрезмѣрной предупредительности. Впрочемъ, онъ слишкомъ дипломатъ для того, чтобы открыто выказывать свое неудовольствіе: попрежнему любезный, внимательный и услужливый, онъ улыбается, сверкая своими золотыми зубами, раскланивается и жметъ руки заносчивымъ пруссакамъ, которые далеко не всегда платятъ ему за это должной корректностью.

Чтобы „дорогимъ гостямъ" не было скучно въ зàмкѣ, онъ поручилъ своей подругѣ, пани Жозефѣ, развлекать ихъ. Пани Жозефа вполнѣ успѣшно справляется со своей задачей. Разведенная жена, особа съ очень сомнительнымъ прошлымъ, попавшая

Общій видъ Карса. Старый турецкій городъ

Батарея въ походѣ.

въ графскій замокъ изъ совершенно иной среды, она отлично разыгрываетъ роль аристократки, и графу Зигмунду не приходится краснѣть за свою пріятельницу, тѣмъ болѣе, что гости не предъявляютъ къ ней особенно строгихъ требованій. Изысканныя манеры, глубина мысли, утонченное искусство діалога не нужны тамъ, гдѣ есть хорошенькое личико и красивая фигура. Въ концѣ концовъ это самое важное.

Пани Жозефа не занимается хозяйствомъ. Кухней и погребомъ завѣдуетъ старая Марыся во главѣ многочисленнаго штата отлично выдрессированной прислуги, и госпожѣ нѣтъ надобности думать о томъ, что ея нимало не интересуетъ. Пани Жозефа, у которой очень много свободнаго времени, не находитъ нужнымъ мѣнять свой прежній образъ жизни. По обыкновенію, она встаетъ не раньше полудня: это совсѣмъ не поздно, потому что послѣ веселыхъ ночей господа поручики и лейтенанты не спѣшатъ разставаться съ мягкими пуховиками въ своихъ спальняхъ. Какъ и раньше, она проводитъ два часа до завтрака въ будуарѣ, гдѣ покорная и терпѣливая горничная ухаживаетъ за нею, какъ будто снаряжая въ костелъ невѣсту. Пани Жозефа красива, очень красива. Ея примитивная душа женщины, живущей исключительно для наслажденій, прячется въ обманчивой оболочкѣ. Эту мѣщанку природа надѣлила прелестнымъ лицомъ, дышащимъ какой-то дѣтской чистотою и свѣжестью. На мужчинъ, которые ей нравятся, она смотритъ глубокими глазами Мадонны, задумчивыми и скорбными, точно оплакивающими печаль всего міра. Ея ручки, которыми она когда-то ловко пересчитывала дневную выручку въ своей модной мастерской на Іерусалимской аллеѣ, малы и красивы, какъ у настоящей принцессы крови. Несмотря на свой высокій ростъ и пышную фигуру, пани Жозефа изящна настолько, что во время ея пребыванія съ графомъ въ Парижѣ ею завистливо восхищались эѳирныя дочери бульваровъ, отказываясь вѣрить въ ея польское происхожденіе. Вполнѣ понятно, что туалетъ такой женщины не можетъ занимать мало времени.

Раньше, въ безлюдной молчаливой усадьбѣ, гдѣ пани Жозефа отдыхала послѣ утомительнаго варшавскаго сезона въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, она развлекалась чтеніемъ пикантныхъ романовъ и прогулками верхомъ. Теперь у нея есть болѣе интересныя развлеченія.

Пани Жозефа, отчаянная кокетка, играетъ германскими офицерами, какъ пѣшками. Неповоротливые и грубые нѣмцы безъ ума отъ этого бѣсенка, который дразнитъ ихъ, ускользая съ сатанинской ловкостью отъ циничныхъ посягательствъ, такъ что поневолѣ приходится держаться съ нею въ границахъ приличія. Пани Жозефа—любезная хозяйка, изобрѣтательная, разговорчивая и веселая. Она охотно раздѣляетъ часы досуга своихъ гостей, но врядъ ли хотя одинъ изъ нихъ можетъ похвастать тѣмъ, что ему удалось украсть поцѣлуй съ розовыхъ губокъ полячки: это вовсе не такъ легко, какъ кажется при видѣ ея веселаго щебетанья въ кругу офицеровъ. Пани Жозефа хорошо понимаетъ, какая роль ждетъ ее, если бъ она вздумала проявить излишнюю уступчивость; эта роль ей совсѣмъ не улыбается. Она настолько привязана къ своему сожителю, чтобы не измѣнять ему хотя бы тогда, когда это невыгодно для нея самой. Съ германцами она только играетъ: завоеватели, передъ которыми трепещетъ все въ замкѣ, для нея не болѣе, какъ забава, интересная и небезопасная, но это особенно нравится пани Жозефѣ, авантюристкѣ по натурѣ, которая не прочь иногда поиграть съ огнемъ.

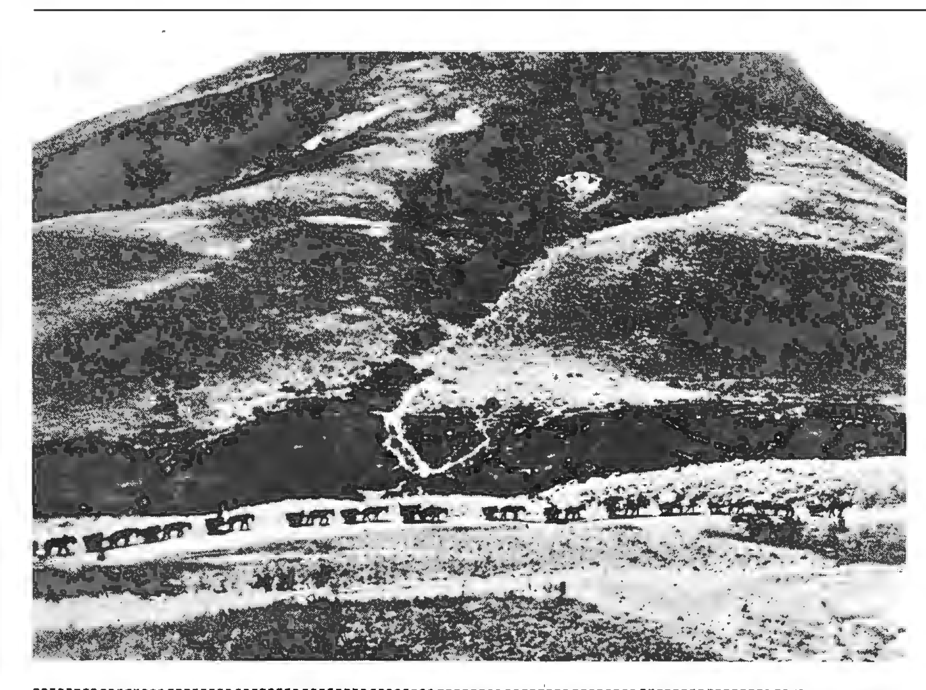
Ея патріотическія чувства? Ха-ха-ха! Это просто смѣшно: патріотизмъ пани Жозефы! „Родина—это мой будуаръ“,—могла бы перефразировать извѣстное изреченіе подруга графа Старжинскаго, съ поклономъ растворившаго свой домъ тѣмъ, которые внесли разоренье и смерть въ самое сердце Польши. Между графомъ Зигмундомъ и его сожительницей было довольно мало общаго, но въ этомъ отношеніи они оказывались вполнѣ достойными другъ друга.

II.

Въ замкѣ кончался обѣдъ, устроенный офицерами по случаю полкового праздника.

Пани Жозефа потратила много труда, чтобы обставить это тор-

Берегъ рѣки Карсъ-Чая.



Въ долинѣ рѣки Евфрата. Клычъ-Гядукскій перевалъ черезъ хребетъ Мырзахдагъ, отдѣляющій долину Алашкерта отъ долины Евфрата.

жество съ подобающей пышностью. Живые цвѣты изъ оранжерей украшали столъ: драгоцѣнные художественные сервизы, севрскій фарфоръ и фамильное серебро, вѣками хранившіеся въ кладовыхъ замка, появились для этого вечера на свѣтъ вмѣстѣ съ цѣлой батареей бутылокъ, съ которыхъ нарочно не снимали паутины и плѣсени. Одной люстры показалось мало для освѣщенія: на стѣнахъ были зажжены восковыя свѣчи въ старинныхъ канделябрахъ, и ихъ трепетный свѣтъ бросалъ желтые блики на выцвѣтшую ткань гобеленовъ, покрывавшихъ стѣны столовой.

Обѣдъ, начавшійся „по-военному" очень поздно, около десяти часовъ, подходилъ къ концу. Шампанское лилось рѣкой, смѣхъ и громкіе разговоры заглушали звонъ стакановъ. Центромъ общаго вниманія была пани Жозефа.

Она занимала почетное мѣсто посреди стола, по лѣвую руку отъ графа Зигмунда, который представлялъ довольно жалкую фигуру въ своемъ фракѣ съ бѣлоснѣжнымъ пластрономъ, еще болѣе подчеркивавшимъ мертвенную блѣдность его помятаго, почти старческаго лица. На него никто не обращалъ вниманія; пани Жозефа являлась здѣсь единственной полновластной хозяйкой. Она была особенно хороша сегодня. Ея головокружительное декольте и изумительно-красивыя руки, точно изваянныя изъ розоваго мрамора, пьянили окружающихъ больше, чѣмъ вино. Она была трезвѣе, чѣмъ другіе, но шампанское отразилось и на ней: смѣхъ ея звучалъ громче, глаза блистали, всегда блѣдныя щеки разгорѣлись яркимъ румянцемъ. Офицеры смотрѣли на нее, точно стая голодныхъ волковъ на добычу, которая была близка и въ то же время недоступна. Всѣ разговоры за столомъ неизбѣжно начинались или кончались ею.

Всѣ говорили разомъ, перебивая и не слушая другъ друга. Но внезапно въ эту нестройную вакханалію ворвались другіе звуки, разомъ водворившіе тишину и приковавшіе къ себѣ общее вниманіе: глухой звонъ башенныхъ часовъ гдѣ-то поблизости. Наступила тишина, офицеры молча прислушивались къ этимъ протяжнымъ ноющимъ звукамъ, такимъ неожиданнымъ и зловѣщимъ среди веселаго пира.

— Точно смерть обходитъ свои позиціи,—сказалъ кто-то вполголоса.

Ни одинъ изъ офицеровъ не засмѣялся въ отвѣтъ. Всѣмъ стало жутко отъ этихъ словъ, прозвучавшихъ какъ бы аккомпанементомъ похороннаго звона, отголоскомъ близкой и страшной правды. Никто не рѣшался нарушить молчанія, и оно все шире разливалось по этой ярко освѣщенной комнатѣ, убранной цвѣтами и осажденной ночнымъ мракомъ, внимательно смотрѣвшимъ снаружи въ высокія окна. Пани Жозефа заговорила первая.

— Уже полночь,—сказала она.—Какъ быстро летитъ время! Скоро отецъ Ромуальдъ ударитъ въ свой колоколъ; пожалуйста, господа, не подумайте при этомъ, что смерть подошла къ намъ еще ближе.

— Очень хорошее обыкновеніе,—отозвался лейтенантъ Шюрте, задѣтый насмѣшливымъ замѣчаніемъ хозяйки.—Въ самомъ дѣлѣ, мы совсѣмъ забываемъ Бога въ этомъ прекрасномъ замкѣ. Теперь какъ разъ подходящій моментъ, чтобы напомнить намъ о загробной жизни.

Всѣ засмѣялись, мрачное настроеніе разсѣивалось мало-по-малу.

— Ксендзъ Ромуальдъ мнѣ вообще нравится,—продолжалъ Шюрте.—Правда, это единственный человѣкъ здѣсь, который демонстративно избѣгаетъ нашего общества, но, надо отдать ему справедливость, онъ великолѣпно выдерживаетъ стиль.

— И оттѣняетъ своей черной сутаной блескъ нашей очаровательной хозяйки, — прибавилъ полковой командиръ, майоръ Доннеръ, чокаясь съ пани Жозефой.—Подлѣ яркаго свѣта должна быть рѣзкая тѣнь; этого требуютъ законы живописи. Эй, что тамъ такое?—крикнулъ онъ вдругъ, обращаясь къ часовымъ, охранявшимъ входныя двери.

Среди солдатъ произошло замѣшательство. Мотоциклистъ въ желтыхъ гетрахъ, безъ фуражки и весь перепачканный, объяснялся съ часовыми, не рѣшавшимися пропустить его въ столовую, такъ какъ это не было предусмотрѣно данными имъ инструкціями. По приказанію майора мотоциклистъ подошелъ и, вытянувшись во фронтъ, подалъ ему запечатанный конвертъ, который вынулъ изъ-за пазухи.

— Такъ и есть,—сказалъ Доннеръ, пробѣжавъ бумагу. — Начинаются сказки изъ „Тысячи и одной ночи". Сейчасъ съ нами говорила смерть, а теперь штабъ корпуса сообщаетъ, что русскіе прорвали нашъ фронтъ и обходятъ насъ у фольварка Яворово. Какъ вамъ это понравится?

Насмѣшливый тонъ майора не могъ замаскировать его тревоги. Было ясно, что сообщеніе очень тревожно: только-что разсуждали о томъ, почему такъ давно нѣтъ извѣстій изъ корпусного штаба. Между тѣмъ полкъ

Кавказскій фронтъ. Зачорохскій край (Батумской области). Мургульское ущелье. Скала подъ орлинымъ гнѣздомъ (4.000 футовъ надъ уровнемъ моря). Часовой на посту.

сильно выдвинулся впередъ, и обходное движенiе русскихъ у Яворова угрожало его связи съ другими частями корпуса. Бутылки и стаканы были забыты, на столѣ появились географическiя карты, надъ которыми группами склонились офицеры. Хмель разомъ соскочилъ съ этихъ людей, почуявшихъ приближенiе опасности.

— Итти на соединенiе съ корпусомъ не имѣетъ смысла, — заговорилъ Доннеръ, уже совсѣмъ другимъ тономъ.— Насъ слишкомъ мало. Остается держаться здѣсь до послѣдней крайности, пока обходъ не будетъ ликвидированъ. На подкрѣпленiе, повидимому, разсчитывать нечего: штабъ ограничивается тѣмъ, что просто констатируетъ фактъ,— это лучше всего. Я постоянно считалъ Яворово ненадежнымъ мѣстомъ и не скрывалъ этого; меня не послушали, а теперь предоставляютъ выворачиваться, какъ намъ будетъ угодно.

Началось обсужденiе плана обороны. Зàмокъ, стоявшiй на открытой низменной равнинѣ, не могъ считаться надежной крѣпостью, тѣмъ болѣе, что окружающая мѣстность, размытая осенними дождями, не позволяла соорудить сколько-нибудь устойчивой линiи окоповъ. Тѣ, которые были вырыты наскоро вокругъ зàмка, не выдержали бы одной серьезной атаки: прорывъ русскихъ угрожалъ опасностью, которой почти не предвидѣли, и не могли заблаговременно принять предохранительныхъ мѣръ. По мнѣнiю Доннера, оставалось только одно средство задержать наступленiе русскихъ: обороняться за оградой зàмка, поставивъ пулеметы на башнѣ костела, довольно высокой и позволявшей обстрѣливать секторъ большого радiуса.

Возвращенiе съ позицiи.

— Да, но ее сейчасъ же сметутъ орудiйнымъ огнемъ,—сказалъ Шюрте.—Русскiе—превосходные артиллеристы, а башня настолько стара, что одного попаданiя будетъ достаточно, чтобы покончить съ нею.

— Я подумалъ объ этомъ,—отвѣчалъ майоръ Доннеръ.—Прежде всего: кто насъ обходитъ? Или части генерала Розова, или полковникъ Флавицкiй, если ему удалось опрокинуть проклятыхъ австрiйцевъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ кавалерiей, во второмъ у противника тоже не можетъ быть большого количества пушекъ, а главное—снарядовъ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что русскiе никогда не станутъ обстрѣливать церковь.

Самый убѣдительный доводъ онъ приберегъ къ концу.

— Какъ бы то ни было, другого выхода намъ не остается. Я отправлю сейчасъ велосипедиста въ штабъ съ просьбой о подкрѣпленiи,—хотя изъ этого ничего и не выйдетъ. Костелъ же надо осмотрѣть немедленно, если господинъ графъ ничего не имѣетъ противъ.

Старжинскiй поспѣшилъ заявить, что весь зàмокъ въ полномъ распоряженiи полка. Его протесты, разумѣется, не имѣли бы никакого значенiя; кромѣ того, онъ боялся русскихъ еще болѣе, чѣмъ боялись ихъ германцы: пораженiе послѣднихъ и сдача зàмка были бы для него смертнымъ приговоромъ. Всѣ средства избѣжать катастрофы или хотя бы только отдалить ее были одинаково хороши въ глазахъ этого измѣнника, предавшаго свою отчизну и братьевъ.

— Ключъ отъ костела находится у настоятеля,—заявилъ онъ. — Господамъ офицерамъ придется обратиться къ нему.

Майоръ Доннеръ подозвалъ часового.

— Немедленно привести сюда капеллана! Сказать, что командиръ 115-го полка требуетъ его по дѣлу, не терпящему отлагательства.

III.

Подлѣ яркаго свѣта—рѣзкая черная тѣнь. Рядомъ съ пани Жозефой жилъ отецъ Ромуальдъ, ксендзъ-капелланъ зàмковой церкви Дубнова.

Народная молва называла этого человѣка святымъ. Самъ онъ считалъ себя послѣднимъ изъ пастырей, слабымъ и грѣховнымъ; считалъ искренно, безъ тѣни намѣреннаго уничиженiя: чѣмъ выше поднимается путникъ по склону горы, тѣмъ болѣе далекимъ и недосягаемымъ кажется ему солнце,—а ксендзъ Ромуальдъ стоялъ высоко. Это былъ истинный пастырь по духу; пастырь, который могъ быть только имъ и ничѣмъ больше. Чтобы отдаться своему призванiю, онъ долженъ былъ пойти противъ судьбы, готовившей ему другую дорогу. Аристократъ, выросшiй въ роскоши и блескѣ, среди которыхъ протекла его короткая молодость, отецъ Ромуальдъ скрывалъ, казалось, за тѣнью своей су-

Кавказскiй фронтъ.
Зачорохскiй край (Батумской области). Видъ селенiя Борчхи и рѣки Чороха съ Чхальскаго ущелья.

Кавказскій фронтъ. Полевой караулъ на вершинѣ горы Мирза-ага.

Онъ былъ духовникомъ пани Жозефы. Передъ причащеніемъ, въ Великую пятницу, хозяйка Дубнова выходила изъ-за ширмы отца Ромуальда, исповѣдывавшаго прихожанъ по получасу и болѣе, черезъ нѣсколько минутъ; выходила взволнованная, но умиротворенная. Его вопросы были поверхностны и формальны. Наединѣ съ нею строгій исповѣдникъ превращался въ снисходительнаго аббата, не столько пастыря, сколько пріятнаго собесѣдника. Онъ самъ подсказывалъ ей полудѣтскіе грѣхи, не дожидаясь признанія кающейся, и сейчасъ же отпускалъ ихъ, безъ лишнихъ упрековъ и наставленій. Онъ точно боялся заглянуть глубже въ душу этой женщины, такой прекрасной и такой порочной, изъ низовъ народа стремившейся жадно туда, откуда онъ самъ пришелъ съ тоской и раскаяніемъ въ сердцѣ. Они были путниками, случайно встрѣтившимися на перекресткѣ, чтобы разойтись навсегда въ разныя стороны. Ихъ жребіи были различны, между ними не могло быть ничего общаго.

таны тайну, заставившую его промѣнять суету свѣтскихъ салоновъ на требникъ и четки, но тайна эта лежала не во внѣшнихъ событіяхъ его жизни, а въ глубокихъ нѣдрахъ души, замкнутой и непроницаемой для посторонняго взора. Онъ былъ молчаливъ, потому что былъ одинокимъ по своему желанію; всецѣло посвятившій себя Богу, онъ былъ благостнымъ, но казался мрачнымъ, какъ всѣ сосредоточенные люди. Его красивая голова походила на ожившій горельефъ античной медали, съ высокимъ лбомъ, созданнымъ для того, чтобы носить вѣнецъ. Но если онъ и мечталъ о вѣнцѣ, то лишь о терновомъ.

Казалось страннымъ, какъ очутился этотъ человѣкъ въ Дубновѣ. Капелланомъ графа Старжинскаго могъ бы скорѣе быть веселый, жизнерадостный патеръ, снисходительный къ людскимъ слабостямъ и самъ не свободный отъ нихъ,—какой-нибудь эпигонъ добродушныхъ проказниковъ въ рясѣ, воспѣтыхъ Бокаччіо. Но ксендзъ Ромуальдъ считалъ себя на мѣстѣ въ этомъ роскошномъ зàмкѣ, гдѣ веселились господа, и гдѣ часто плакала челядь: страдали и жители окрестныхъ деревень, испытывая на себѣ тяжелую руку графа, умѣвшаго не только смѣяться. Ксендзъ Ромуальдъ, кумиръ этихъ жалкихъ бѣдняковъ, отдавалъ имъ всего себя, мужественно отстаивая ихъ передъ графомъ и стараясь облегчить, чѣмъ только могъ, ихъ страданія. Старжинскій, презрительно называвшій капеллана „адвокатомъ хлоповъ", терпѣлъ его изъ дипломатическихъ соображеній, какъ креатуру архіепископа, ссориться съ которымъ графу Зигмунду не было выгодно.

Въ Дубновѣ отецъ Ромуальдъ могъ бы жить въ довольствѣ и роскоши, если бъ хотѣлъ этого. Онъ имѣлъ бы комфортабельную квартиру въ зàмкѣ, хорошее содержаніе и полное право не дѣлать ничего, потому что религіозныя потребности владѣльцевъ зàмка были болѣе чѣмъ скромными. Вмѣсто того онъ жилъ, какъ аскетъ. Его келья не показалась бы слишкомъ роскошной самому суровому подвижнику. Единственнымъ украшеніемъ этой убогой конуры были нѣсколько очень хорошихъ картинъ и этюдовъ на религіозныя темы: свои досуги патеръ посвящалъ любимому искусству, разрѣшенному для служителя алтаря. Впрочемъ, этихъ досуговъ было немного: день отца Ромуальда, начинавшійся съ первыми проблесками утренней зари, былъ полонъ труда, незамѣтнаго, но тяжелаго. Онъ ежедневно обходилъ пѣшкомъ нѣсколько деревень, гдѣ его ждали съ надеждой и радостью; онъ дѣлилъ свое время между Богомъ и бѣдняками, которые въ немъ нуждались, совершенно забывая о себѣ, и считалъ безвозвратно потеряннымъ часъ, не ознаменованный никакимъ добрымъ дѣломъ. Онъ не былъ святымъ,—но можно ли сказать, что называвшіе его такъ были слишкомъ неправы?

Но за обѣдней, прислушиваясь къ звукамъ голоса отца Ромуальда, пани Жозефа подолгу не спускала съ него глазъ, и въ нихъ загорались тогда огни, не похожіе на обычный безмятежно спокойный блескъ ихъ: то было отраженье пронизывающаго, какъ сталь, взора другихъ черныхъ глазъ, устремленныхъ на молящуюся изъ глубины алтаря.

IV.

Ксендзъ Ромуальдъ послѣдовалъ за сержантомъ безъ возраженій. Войдя въ столовую, онъ остановился на порогѣ, не удостоивъ поклономъ ни графа ни его гостей. Совершенно спокойный, онъ молча ждалъ своей участи. Его черная сутана сливалась съ таинственной темнотой тамъ, за дверями, изъ которыхъ онъ появился; блѣдное лицо выступало изъ этого двойного мрака, неподвижное и надменное, какъ портретъ героя или мученика на непроницаемомъ фонѣ тайны.

— Господинъ ксендзъ,—заговорилъ Доннеръ тономъ, не допускающимъ возраженій:—намъ нужно теперь же осмотрѣть башню

Кавказскій фронтъ.
Зачорохскій край (Батумской области). Во время отдыха. Письмо на родину.

костела, на которой въ цѣляхъ обороны будутъ временно помѣщены пулеметы. Ключъ отъ дверей находится у васъ?

— Церковь не заперта,—отвѣчалъ ксендзъ.

— А дверь въ башню? Она запирается особымъ ключомъ, не правда ли? Я такъ и думалъ: эти старыя церкви — настоящія крѣпости; при умѣніи въ нихъ можно обороняться очень долго. Передайте мнѣ этотъ ключъ, господинъ ксендзъ, и можете итти. Мы обойдемся безъ вашей помощи.

— Нѣтъ,—сказалъ отецъ Ромуальдъ.—Я не даю его никому.

Германецъ удивленно поднялъ брови.

— Почему же?

— Для васъ это безразлично.

— Положимъ. Но дѣло въ томъ, что намъ нуженъ ключъ, святой отецъ. Быть-можетъ, вы сами хотите отворить намъ? Тоже нѣтъ? Странно... Его сіятельство графъ разрѣшилъ намъ осмотрѣть башню; мы торопимся и просимъ не задерживать насъ пререканіями. Итакъ,—будьте добры, ключъ!

— Я же вамъ сказалъ, что вы его не получите.

— Тогда намъ придется отнять его силой, — сказалъ офицеръ, пожимая плечами.

— Но раньше придется найти,—отвѣчалъ ксендзъ.— Сдѣлайте одолженіе, ищите.

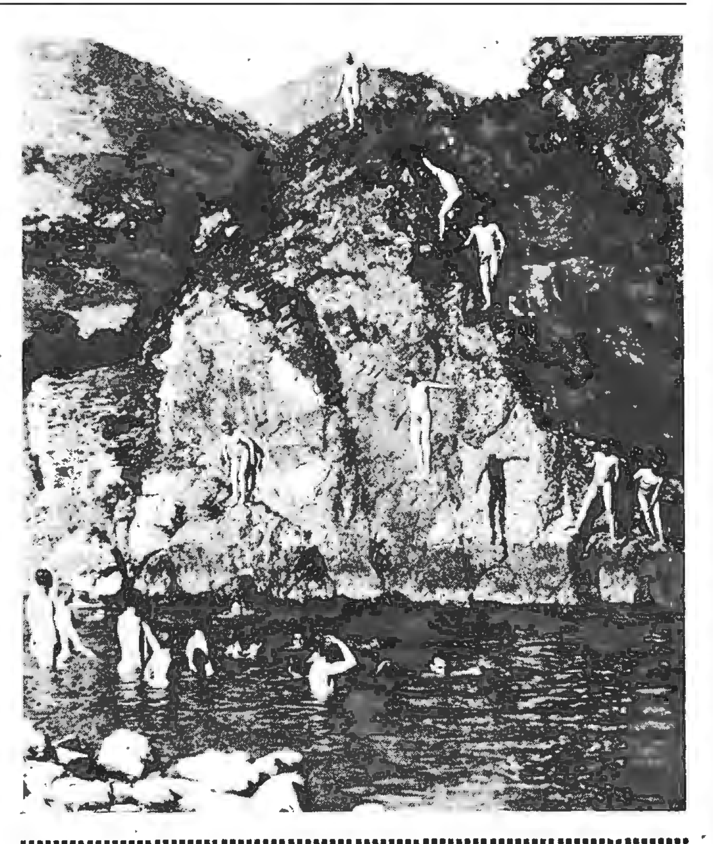
Германецъ покраснѣлъ. Онъ никакъ не ожидалъ наткнуться на сопротивленіе: спокойные отвѣты священника и его насмѣшливый тонъ выводили майора изъ себя. Онъ избилъ бы кулаками этого дерзкаго смѣльчака въ рясѣ, если бъ не заставлялъ себя сдерживаться ради пани Жозефы, съ любопытствомъ смотрѣвшей на неожиданно разыгравшуюся сцену.

— Господинъ графъ,—обратился майоръ къ Старжинскому: — я прошу васъ приказать вашему служащему, чтобы онъ немедленно прекратилъ эту безполезную и глупую комедію.

Графъ Зигмундъ, ошеломленный не менѣе германцевъ, отвѣчалъ безпомощнымъ жестомъ. Если они, всесильные и грозные здѣсь, не могутъ настоять на повиновеніи ихъ волѣ, то что же можетъ сдѣлать онъ?

— Вы затрудняетесь? Хорошо. Въ такомъ случаѣ прошу извиненія у хозяйки, но я долженъ буду прибѣгнуть къ своимъ мѣрамъ.

Графъ всталъ, чтобы увести изъ комнаты пани Жозефу, которая, впрочемъ, совсѣмъ не нуждалась въ этомъ, не обнаруживая никакихъ признаковъ волненія. Она повиновалась, сказавъ себѣ, что, вѣроятно, такъ принято поступать въ подобныхъ случаяхъ. Атмосфера сгущалась. Офицеры, съ шумомъ отодвигая стулья, окружали ксендза и майора, стоявшихъ другъ противъ друга, какъ противники передъ поединкомъ.



Кавказскій фронтъ. Зачорохскій край (Батумской области). Чхальское ущелье. Казаки купаются въ рѣчкѣ Чхаль-Су.

Кавказскій фронтъ. Зачорохское ущелье (Батумской области). Видъ съ селенія Борчхи къ Артвину.

— Ключъ сію же минуту будетъ у меня,—заговорилъ Доннеръ зловѣщимъ шопотомъ:—или я прикажу разстрѣлять васъ!

— Конечно, это вы можете, но моя смерть не отворитъ вамъ башни.

— Дверь я выломаю!—визгливо кричалъ майоръ, окончательно теряя самообладаніе.

— Попробуйте,

— Я взорву ее динамитомъ!

— Вмѣстѣ съ башней. Вашимъ пулеметамъ придется тогда повиснуть въ воздухѣ.

Майоръ Доннеръ безсильно опустился на стулъ. Да, этотъ священникъ имѣлъ право издѣваться надъ германскими офицерами: въ ихъ власти было убить его, но и только. Даже уничтоженный, онъ все же обрекалъ ихъ на гибель, лишая послѣдняго средства защиты. Онъ былъ побѣдителемъ; онъ былъ сильнѣе и сознавалъ это.

— Тысяча дьяволовъ!

Майоръ ударилъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы зазвенѣли. Вошедшій въ эту минуту графъ Зигмундъ испуганно бросился къ нему.

— Ради Бога, господинъ майоръ...

— Молчать!—бѣшено заревѣлъ Доннеръ. — Эй, солдаты! Взять этого чорта и посадить подъ арестъ. Трехъ часовыхъ къ дверямъ!

Ксендза увели. Майоръ подошелъ къ графу и посмотрѣлъ на него такъ, что трусливый джентльменъ попятился.

— Вотъ что, ваше сіятельство. Мы—германскіе офицеры: мы не умѣемъ и не хотимъ разговаривать съ вашими холопами. Мы имѣемъ дѣло съ вами, подданнымъ враждебной державы, сдавшимся на милость побѣдителей. Теперь двадцать минутъ перваго. Если въ девять часовъ утра входъ въ башню не будетъ открытъ для насъ, вамъ придется отвѣтить за неповиновеніе германской вооруженной силѣ. Надѣюсь, вы хорошо понимаете, что это значитъ. А теперь можете итти, я васъ не задерживаю. Помните, что замокъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ, и попытка къ бѣгству кончилась бы для васъ очень плохо.

V.

Пани Жозефа спокойно раздѣвалась въ своей спальнѣ, собираясь ложиться. Развязка происшедшаго инцидента нимало не касалась ея: она хорошо знала, что занятіе русскими Дубнова лично ей не угрожаетъ ничѣмъ. Остальное было для нея безразлично и даже интересно, какъ финальный актъ драмы, котораго она будетъ только зрительницей.

Стоя передъ зеркаломъ, пани Жозефа расчесывала свои

Кавказскій фронтъ. Крѣпость и мѣстечко Ардануч, въ которомъ турками казнено и брошено въ ущелье болѣе 100 армянъ.

густые золотистые волосы нетерпѣливо морщась, когда гребень путался въ прихотливыхъ извивахъ этого живого потока. Освѣщенное зеркало рисовало передь нею лицо, съ которымъ она любила переглядываться, самодовольно любуясь его красотою и свѣжестью, сохранявшейся и сейчасъ, несмотря на утомленіе. Расчесавъ наконецъ волосы, пани Жозефа небрежно завязала ихъ узломъ и въ два прыжка очутилась на кровати. Она уже готовилась погасить электричество, но внезапно въ спальню вбѣжалъ графъ, шатаясь, какъ раненый.

— Іезусъ, Марія,—что съ тобой, Зигмундъ? Что случилось?

Блѣдный до синевы, изуродованный ужасомъ и отчаяніемъ, Старжинскій упалъ на тахту подлѣ кровати. Его галстукъ сбился на сторону, тщательно нафабренные усы свѣшивались внизъ, истерзанные зубами, точно въ припадкѣ жестокой боли. Еще недавно вылощенный и самодовольный снобъ, онъ былъ теперь страшенъ, противенъ и жалокъ.

— Я погибъ,—простоналъ онъ, пряча лицо въ складкахъ одѣяла.— Въ девять часовъ меня разстрѣляютъ.

Пани Жозефа сѣла не постели.

— Часъ отъ часу не легче! При чемъ здѣсь ты? Это благодарность за гостепріимство, — или твои гости перепились до того, что окончательно потеряли разсудокъ?

Зигмундъ смотрѣлъ на нее дикимъ, блуждающимъ взоромъ. Слова, которыя онъ слышалъ, были простымъ колебаніемъ воздуха, не вызывавшимъ въ его мозгу никакихъ представленій.

— Я погибъ, — повторялъ онъ.—О, этотъ проклятый ксендзъ, этотъ фанатикъ, безжалостный, тупоумный... Ему хорошо: онъ не боится смерти. А я! Жозефа, милая, дорогая, — вѣдь я люблю жизнь... Я еще не старъ... И вдругъ умереть такъ глупо, такъ безсмысленно...

Пани Жозефа энергично прекратила этотъ монологъ, требуя объясненій. Зигмундъ началъ разсказывать о томъ, что произошло послѣ ея ухода въ столовой, Онъ говорилъ безсвязно, путаясь, прерывая самого себя истерическими воплями. Жозефа слушала его молча, съ неподвижнымъ лицомъ, на которомъ застыла презрительная мина. Этотъ человѣкъ, такъ малодушно цѣплявшійся за жизнь, возбуждалъ въ ней и брезгливую жалость и отвращеніе.

Зигмундъ мало-по-малу приходилъ въ себя. Изливъ свое горе въ жалобахъ, онъ сталъ говорить болѣе связно. Казалось, онъ напалъ на мысль, которую считалъ спасительной; голосъ его началъ звучать униженно и вкрадчиво.

— Ты одна можешь спасти меня, Жозефа, — сказалъ онъ. — Капелланъ будетъ упорствовать до конца, я его знаю. Есть только одинъ человѣкъ, которому онъ могъ бы уступить: это—ты.

— Я?

— Да, ты. Онъ влюбленъ въ тебя.

Пани Жозефа не успѣла возразить ничего. Зигмундъ продолжалъ съ лихорадочной быстротой, хватая ее за руки пальцами, холодными и влажными отъ волненія:

— Жозефа, не спорь со мной, Бога ради... Я знаю, что говорю. Я видѣлъ все. Я замѣтилъ давно уже, какими глазами смотритъ онъ на тебя, этотъ іезуитъ, который прикидывается святымъ и хочетъ моей гибели. Онъ ходитъ за тобой по пятамъ, выслѣживаетъ тебя всюду, за обѣдней поминаетъ твое имя раньше моего. Сжалься надо мною, Жозефа! Вспомни, сколько я для тебя сдѣлалъ. Подумай о томъ, чѣмъ ты была раньше и чѣмъ стала теперь, благодаря мнѣ. Я отдалъ тебѣ всю жизнь; неужели ты не хочешь спасти меня отъ гибели?

— Что же я должна сдѣлать? — спросила Жозефа.

— Пойди къ нему...

Она выпрямилась, рѣзкимъ движеніемъ откинувъ назадъ голову.

— Такъ, какъ есть? Раздѣтой?

Старжинскій упалъ передъ ней на колѣни, обнялъ ея ноги и разрыдался. Жозефа молча смотрѣла сверху на его голову и плечи, вздрагивавшія отъ рыданій. Потомъ она медленно перевела глаза на противоположную стѣну: изъ золотой рамы портрета графъ, въ костюмѣ польскаго рыцаря XVI вѣка, горделиво смотрѣлъ на нее, опираясь на рукоятку сабли. Она закрыла на мгновенье глаза: рядомъ съ этимъ портретомъ на сѣтчаткѣ глазъ вырисовался другой: блѣдный священникъ, вооруженный только крестомъ, безтрепетно смотрѣвшій въ лицо опасности. Точно во снѣ, до нея донесся его голосъ: „я презираю васъ и смѣюсь надъ смертью, которой вы мнѣ угрожаете“... Развѣ онъ сказалъ это? Когда же?

Старжинскій все еще обнималъ ея ноги. Она сдѣлала попытку высвободиться.

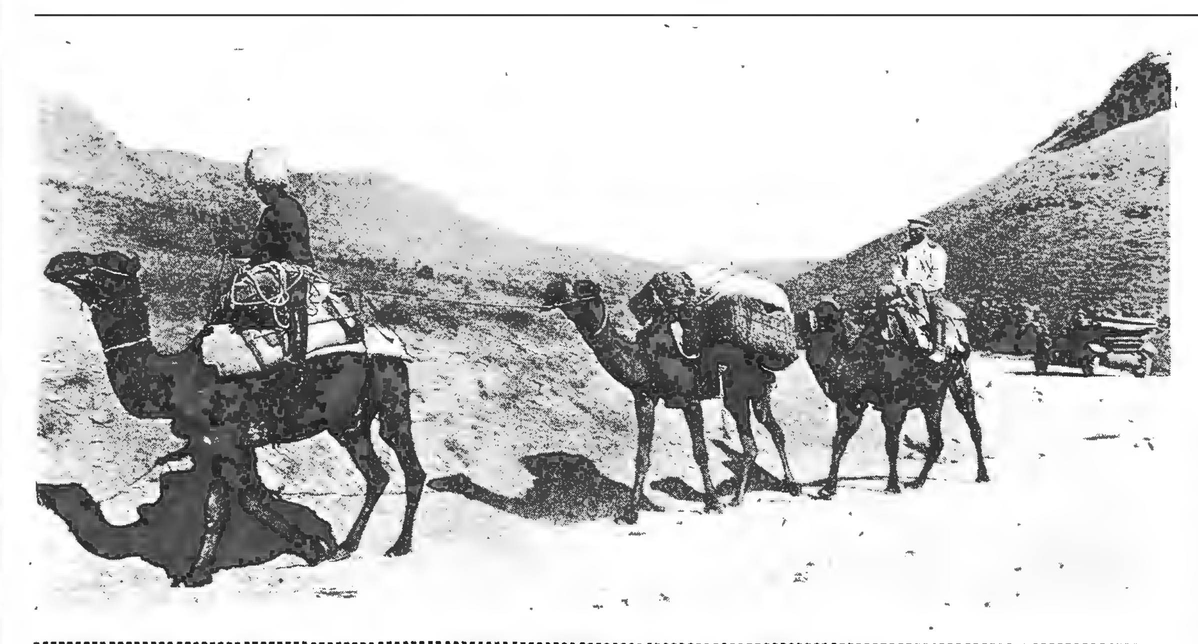
— Пусти меня!

Но онъ еще крѣпче сжалъ колѣна Жозефы. Она сдѣлала два шага; онъ повисъ на ея ногахъ, какъ трупъ, прикованный къ нимъ цѣпями.

— Пусти,—говорю тебѣ:—я согласна.

Трупъ ожилъ мгновенно. Старжинскій вскочилъ съ крикомъ радости и опрометью бросился изъ комнаты, ударившись плечомъ о шкапъ. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся въ со-

Кавказскій фронтъ. У города Артвина. Бѣлыя извилистыя линіи— шоссе, по которому проходили наши и турецкія сражавшіяся части.



Кавказскій фронтъ. Нашъ транспортъ на верблюдахъ.

мотивы, слишкомъ сложные для неглубокой мысли этой женщины, которая не привыкла разбираться въ психологическихъ загадкахъ.

Предпріятіе пани Жозефы просто показалось ей интереснымъ. Удастся оно или нѣтъ,—это было болѣе чѣмъ гадательно; ее ожидалъ или успѣхъ, или полное пораженіе; середины быть не могло. Она рисковала, и это ей нравилось.

Что ксендзъ Ромуальдъ проявляетъ интересъ къ пани Жозефѣ, послѣдняя видѣла не хуже графа. Но интересъ какого рода? Любовь къ ней, страсть? Нѣтъ, ксендзъ Ромуальдъ не способенъ на это: онъ другой, особенный, не похожій на всѣхъ прочихъ мужчинъ. Пани Жозефа жила съ графомъ безъ благословенія церкви: она нарушала седьмую заповѣдь, была грѣшницей, отверженной. Строгій священникъ, безпощадный къ себѣ и другимъ, быть-можетъ, жалѣлъ ее въ душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не осуждать ея паденія. Болѣе того: онъ имѣлъ полное право презирать пани Жозефу. Но тѣми, кого презираютъ, не интересуются. Почему онъ никогда не забудетъ ея въ своихъ молитвахъ передъ алтаремъ? Она не графиня, капелланъ не обязанъ молиться за нее во всеуслышаніе. Почему онъ такъ снисходителенъ къ ней на исповѣди? Все это было непонятно, загадочно и таинственно.

Въ свою очередь пани Жозефа, вѣрная католичка, благоговѣла передъ духовнымъ отцомъ, боясь почти суевѣрнымъ страхомъ того, кто могъ осудить ее и имѣлъ власть отпустить ей грѣхи, которыхъ она знала за собою достаточно. Но, быть-можетъ, у нея были и другія причины бояться этого человѣка. Его красота, которую черная сутана подчеркивала и въ то же время дѣлала запретной, возбуждала въ пани Жозефѣ чувства, съ которыми надо было бороться всѣми силами, ради спасенья своей души. Любила она его? Нѣтъ, скорѣе ненавидѣла,—но только той не-

провожденіи поручика Риннгофена, пани Жозефа была уже одѣта.

— Вотъ видите, господинъ поручикъ, она согласна,—заговорилъ графъ торопливо, точно боясь, что ему не повѣрятъ или не станутъ слушать. — Пани Жозефа пойдетъ къ настоятелю, она уговоритъ его... Пани Жозефа можетъ сдѣлать много больше, чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ... Я увѣренъ... надѣюсь... Я думаю, что онъ не откажетъ ей...

Риннгофенъ вопросительно посмотрѣлъ на молодую женщину.

— Хорошо, я попытаюсь убѣдить отца Ромуальда, — сказала Жозефа.—Быть-можетъ, онъ дѣйствительно уступитъ женщинѣ скорѣе, чѣмъ мужчинѣ.

Офицеръ, понявшій ее по-своему, подумалъ, что на мѣстѣ ксендза онъ несомнѣнно поступилъ бы такъ.

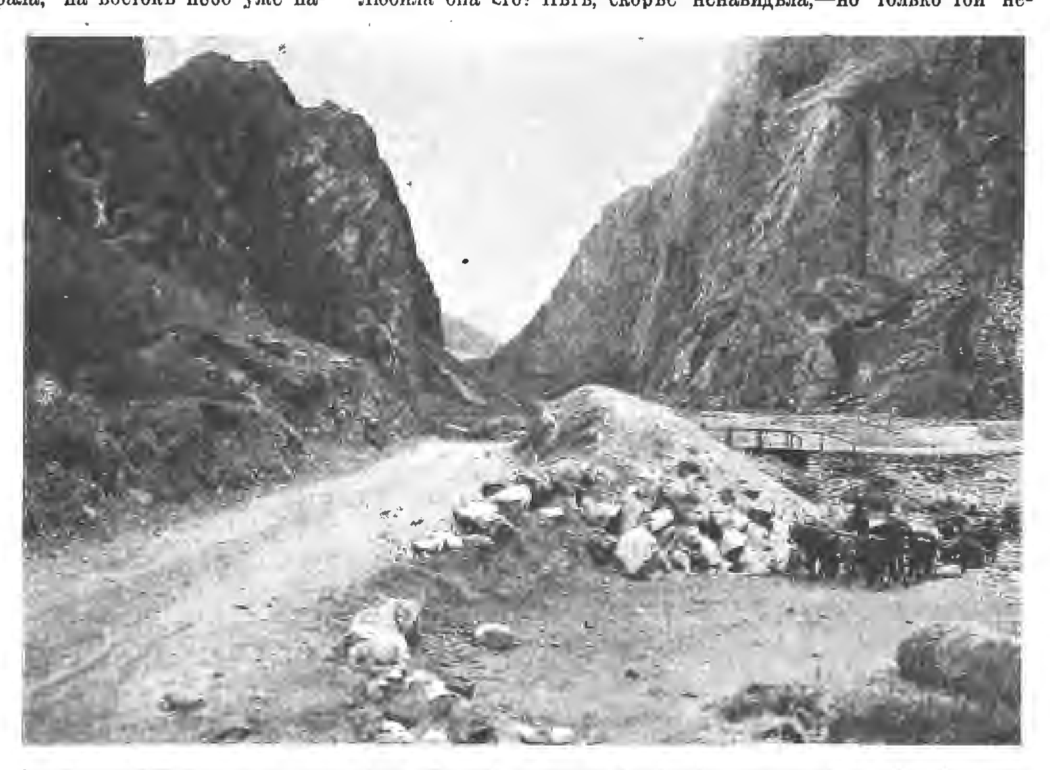
— Вы окажете намъ этимъ громадную услугу, сударыня,—отвѣчалъ онъ.—Наше положеніе въ самомъ дѣлѣ очень затруднительно. Дѣйствительно, самое большее, что мы можемъ сдѣлать,—разстрѣлять его; но онъ совершенно правъ: намъ нужно не это.

— Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ,—повторила Жозефа.—Прикажите только, чтобы меня пропустили къ отцу Ромуальду.

Они вышли вмѣстѣ. Ночь догорала; на востокѣ небо уже начинало свѣтлѣть, кровли и башни зàмка рисовались на этой нѣжной палевой ткани зловѣщими силуэтами. Погребъ, въ которомъ былъ заключенъ ксендзъ, помѣщался въ глубинѣ двора. Входъ въ него охраняло нѣсколько человѣкъ солдатъ; часовые апатично пропустили пани Жозефу, послѣ того, какъ Риннгофенъ отдалъ ей честь и пожелалъ „успѣха, въ которомъ заинтересованы они всѣ“.

По извилистому коридору пани Жозефа добралась до двери, обитой желѣзомъ, какъ въ настоящей темницѣ. Три ступени вели внизъ, въ погребъ, заставленный порожними ящиками и боченками. При свѣтѣ принесеннаго съ собой фонаря пани Жозефа увидѣла узника: ксендзъ Ромуальдъ безмятежно спалъ, лежа на охапкѣ соломы.

Пани Жозефа остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого убогаго ложа. Она смотрѣла на спящаго со страннымъ чувствомъ. Эта Далила, пришедшая соблазнить Самсона, врядъ ли сумѣла бы объяснить, во имя чего она согласилась на такую попытку. Чтобы спасти графа, пани Жозефа не пошла бы, можетъ-быть, и на меньшее. Не ради германцевъ тоже, конечно: объ этомъ она совсѣмъ не думала. Тутъ дѣйствовало нѣчто другое; дѣйствовали



Кавказскій фронтъ, Карадербентскій проходъ. За обладаніе этимъ проходомъ, соединяющимъ Пассинскую долину съ Алашкертской, происходилъ рядъ упорныхъ боевъ. Въ результатѣ турки были сбиты со своихъ позицій, и обладаніе проходомъ закрѣплено за нами.

навистью, которая страшнѣе любви. Она сознавала, какая пропасть лежитъ между ними.

„Вы — свѣтъ, ксендзъ Ромуальдъ — мракъ", — сказалъ ей германецъ. Это былъ не только комплиментъ: это была правда. Но мракъ священника былъ свѣтлѣе ея свѣта, — и этого не могла простить самолюбивая гордая женщина. Она ненавидѣла отца Ромуальда за то, что онъ сторонится отъ нея, за то, что онъ могъ ее презирать, — ее, которую всѣ обожаютъ. Она съ негодованіемъ отвергла бы его любовь, если бъ онъ посмѣлъ заговорить о ней: она унизила бы его, увидя у своихъ ногъ, какъ только можетъ унизить побѣжденнаго аристократа торжествующая плебейка. Но если бы этотъ аристократъ ударилъ ее, возлюбленную графа Старжинскаго, — она пала бы передъ нимъ ницъ и страстно поцѣловала оскорбившую ее руку...

Всѣ эти чувства, неясныя и противорѣчивыя, нахлынули на нее при видѣ отца Ромуальда. Она не пыталась разобраться въ нихъ: она сознавала только одно: „теперь или никогда".

Съ этими словами она склонилась надъ спящимъ.

VI.

Тѣнь отъ ея головы упала на лицо священника, который проснулся тотчасъ же. Быстро поднявшись, онъ отступилъ назадъ, какъ будто не отдавая себѣ отчета, видитъ онъ пани Жозефу во снѣ или наяву. Но сейчасъ же овладѣлъ собой, его лицо сдѣлалось суровымъ и безстрастнымъ по обыкновенію.

— Зачѣмъ вы здѣсь? — спросилъ онъ.

— Чтобы видѣть васъ, ойче, и говорить съ вами.

— Я васъ слушаю.

Пани Жозефа молчала, не зная, съ чего начать: вопросъ ксендза, очень простой и естественный, сразу отрезвилъ ее. Она вдругъ увидѣла, что взялась за непосильную задачу. Нѣтъ, этотъ человѣкъ, умѣющій спать такъ спокойно въ минуту смертельной опасности, не уступитъ никому и, можетъ-быть, ей всего менѣе. Почва ускользала у нея изъ-подъ ногъ, но пани Жозефа была не изъ тѣхъ, которыя сдаются сразу.

— Графа разстрѣляютъ, если нѣмцы не получатъ ключа отъ башни. Я, думала, ойче, что вы не захотите смерти человѣка, неповиннаго ни въ чемъ, и пришла просить васъ о милосердіи.

Санитарный поѣздъ общедворянской организаціи.

— Почему же графъ не пожаловалъ ко мнѣ лично, а прислалъ васъ?

Жозефа вспыхнула. Ей показалось, что блестящій взоръ священника проникъ въ самую глубь ея души и освѣтилъ, какъ молнія, таившійся въ ней замыселъ. Ея карты были открыты: предательская краска, мгновенно разлившаяся по блѣднымъ щекамъ, довершила пораженіе. Тогда въ ней загорѣлась злоба женщины, обманувшейся въ своей хитрости, злоба мѣщанки, которую обсчитали грубо и насмѣшливо. Она подняла голову, въ ея голосѣ зазвенѣли металлическія ноты.

— Меня не „прислалъ" никто, я пришла сама. Графъ — мужчина; ему неприлично просить тамъ, гдѣ онъ можетъ приказывать. Я знаю, какъ вы, святой отецъ, смотрите на мои отношенія къ графу: тѣмъ не менѣе я все-таки считаю себя его женой, и мнѣ казалось...

Ксендзъ остановилъ ее жестомъ.

— Хорошо. Я очень радъ, что вижу именно васъ. Не знаю, что помѣшало его сіятельству прійти ко мнѣ, — не думаю, чтобы гордость, какъ вы говорите. Гордость онъ могъ проявить гораздо раньше: поводовъ было достаточно. Но иногда случай бываетъ орудіемъ Провидѣнія. Можете вы пройти со мною въ костелъ сейчасъ? Ключъ отъ башни находится тамъ, въ ризницѣ. Я передамъ его только въ ваши руки, — вы сейчасъ узнаете, почему.

Онъ отворилъ дверь, пропуская впередъ пани Жозефу. Она шла по коридору съ опущенной головой, какъ плѣнница, и только при видѣ Риннгофена овладѣла собою. Она потерпѣла пораженіе, но такое, о которомъ не узнаетъ никто. Всѣ будутъ считать ее побѣдительницей.

— Сударыня, — сказалъ Риннгофенъ, цѣлуя ея руку: — мы въ неоплатномъ долгу передъ вами. Чего бы вы ни потребовали у насъ, заранѣе считайте ваше желаніе исполненнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На позиціи. Іеромонахъ Гурій, награжденный орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами.

Труба.

Холодная, поблескивая вяло
На посѣрѣвшемъ стершемся ремнѣ,
Она весь день сегодня промолчала,
И грусть ея родна, понятна мнѣ.
Въ осенній день такъ скорбно быть рабою,
Въ груди таящей бурю звонкихъ гаммъ,
Молчать, когда всѣ ждутъ призыва къ бою,
Но... вотъ она поднесена къ губамъ
И, дрожью трубача уста сжимая,
Заставила такъ жадно грудь вздохнуть
И, бросивъ крикъ, зовущій въ славный путь,
Творитъ движенье, всю жизнь благословляя...
Такой восторгъ она родила въ полѣ,
Такую ширь открыла предъ борьбой,
Что понялъ я, какъ много скорбной боли
Должно быть въ ней, рыдающей „отбой"...

Сергѣй Михѣевъ.

Путеводитель къ счастью.

(Н. ГАРИНЪ).

Критическій этюдъ **К. Чуковскаго.**

I.

— Хочешь, зарой меня въ землю... или, хочешь, плюнь на меня!.. Милый, голубчикъ, плюнь... Милый, дорогой...

Тёма бросается къ Іоськѣ на шею, обнимаетъ и проситъ плюнуть.

— Вотъ... вотъ какъ я тебя люблю!..

Такой это порывистый мальчикъ. Нашалитъ, набѣдокуритъ, а потомъ умоляетъ отца:

— Милый папа, отруби мнѣ руки! Отруби мнѣ руки, и я всегда буду добрый, хорошій...

Вѣдь руки виноваты, а не онъ, — быстрыя, безудержныя руки, въ которыхъ все такъ и горитъ, какъ въ огнѣ. Сердце же у Тёмы золотое, но тоже фантастическое, огненное. Въ жару, въ лихорадкѣ, въ бреду, пробирается онъ ночью вдоль кладбищенской пугающей стѣны, къ вонючему какому-то колодцу, гдѣ плачетъ и визжитъ его Жучка, брошенная туда злодѣйской рукой, и по веревкѣ, по вожжамъ, весь дрожа, спускается въ смрадную бездну, чтобъ немедленно спасти свою подругу, а потомъ съ ледяными компрессами мечется въ горячечномъ безпамятствѣ.

Проходитъ тридцать лѣтъ, — или больше? Тёма — сѣдой инженеръ, крупный землевладѣлецъ, помѣщикъ, любимый общепризнанный писатель *), но онъ не измѣнился ничуть. Такой же восьмилѣтка, какъ былъ. Та же бурнопламенность прелестно-наивнаго сердца, та же дѣтская чрезмѣрность во всемъ. Солидные люди отъ него сторонятся: фантазеръ, увлекающійся! Онъ такъ и ищетъ глазами, гдѣ Жучка, которую необходимо спасти, — и въ какіе только колодцы ни прыгаетъ!

На Кавказѣ, увидѣвъ со скалы какихъ-то утопающихъ турокъ, бросился въ бушующее море.

— Нельзя, вы — отецъ семейства! — кричитъ ему кто-то вдогонку.

— Не сюда, не сюда, — убьетесь!

Но онъ напѣваетъ веселую пѣсню и въ экстазѣ, въ азартѣ, — впередъ!

Безъ риска, азарта, экстаза онъ не могъ бы прожить и дня. На пятомъ десяткѣ зачѣмъ-то уѣхалъ за тысячи верстъ въ царство хунхузовъ и тигровъ, въ какія-то невѣдомыя дебри, гдѣ еще не ступала нога европейца, и тамъ, среди хищныхъ людей и звѣрей, изведалъ тѣ романтическія приключенія и подвиги, которыми такъ упиваются дѣти, читая Майнъ-Рида и Купера. Хунхузы для него замѣняли индѣйцевъ. Ему, какъ десятилѣтнему мальчику, показалось такъ просто: взять и уѣхать туда, на край свѣта, къ какимъ-то желтокожимъ дикарямъ для изслѣдованія невѣдомыхъ странъ, — и вотъ въ его дневникѣ мы читаемъ:

„Залпы выстрѣловъ!.. Хунхузы?! Гдѣ ружье? Стрѣляютъ въ бумажныя двери!..“ и т. д. и т. д.

Хунхузы окружили его, подожгли ту фанзу, гдѣ онъ спалъ, и стали палить въ него изъ какихъ-то удивительныхъ пушекъ, и вотъ уже онъ мчится съ безоглядной отвагой по бѣшенымъ волнамъ водопада.

Капитанъ его небольшого суденышка отказывается отъ такихъ путешествій: онъ боится разбить свой корабль.

— Пусть бьетъ!

— Но мы всѣ тогда очутимся въ водѣ...

— Ничего!..

Такой это былъ человѣкъ. Вѣдь не побоялся же маленькій Тёма вскарабкаться на огромную лошадь и, замирая отъ восторга и ужаса, скомандовать Іоськѣ: бей!

Да, это тотъ же Тёма! Что-то въ немъ простодушное, милоневзрослое, дѣтское, такое, что вызываетъ улыбку. Взялъ бы, кажется, и погладилъ бы его по милымъ сѣдымъ волосамъ!

Ничего солиднаго, степеннаго, истоваго, весь на бѣгу, на вѣтру. Не говоритъ, а захлебывается. Тысячи различныхъ проектовъ! — вѣчно возбужденъ, взбудораженъ. Глаза такъ и горятъ, какъ у ребенка, — и почтенные туповатые люди, слушая его горячую рѣчь, неодобрительно качаютъ головами и осторожно отходятъ въ сторонку.

Слишкомъ блестящи, грандіозны, размашисты были его проекты и планы, чтобы могли ихъ вмѣстить дрябло-трухлявыя души, и часто этотъ поэтическій сорокалѣтній ребенокъ казался какой-то кометой, нечаянно залетѣвшей въ болото.

Его дѣтскость была особая, мудрая, свойственная лишь поэтамъ и праведникамъ, столь отличавшая Пушкина, Владиміра Соловьева и Моцарта. Не даромъ и Пушкинъ бездарному нѣмцу-пріятелю казался образцомъ легкомыслія.

А Тёмѣ, сѣдому ребенку, такъ дорого все дѣтское въ людяхъ!

— Это настоящія дѣти! — говоритъ онъ женѣ о крестьянахъ.

— Ахъ, какія это чудныя, не вышедшія еще изъ своего сказочнаго періода дѣти! — хвалитъ онъ своихъ любимыхъ корейцевъ.

— Чистыя, довѣрчивыя дѣти! — твердилъ онъ о нихъ въ дневникѣ. — И лица у нихъ добрыя, дѣтскія. И преступленія дѣтскія: стащатъ у васъ бездѣлушку.

Оттого-то его дѣтскую душу заворожили корейскія сказки, — о Тысячекожкахъ, о Змѣяхъ, о Тунотайнѣ и Ли. Этихъ сказокъ онъ записалъ цѣлый томъ.

*) Въ своихъ автобіографическихъ повѣстяхъ Н. Гаринъ подъ именемъ Тёмы изображалъ себя.

И не только корейскія, — всякія увлекали его какъ ребенка. А. И. Купринъ вспоминаетъ, какъ въ лунныя ночи въ Крыму онъ вдохновенно импровизировалъ сказки на террасѣ передъ своими гостями. Имъ написана граціозная книжка изящныхъ и задушевныхъ „Сказокъ“, гдѣ многія заповѣдныя струны загадочной дѣтской души тронуты увѣренной рукой.

Ему не нужно было приноравливаться къ дѣтямъ: онъ могъ оставаться собою, и дѣти чувствовали въ немъ „своего“.

Оттого-то — какъ мы ниже увидимъ — его повѣсти и разсказы о нихъ такъ неотразимо плѣнительны.

II.

Увлекаясь, онъ умѣлъ увлекать. Женщинъ покорялъ молніеносно. Въ любви былъ бѣшено-порывистъ и быстръ.

Чуть не во всѣхъ его книгахъ влюбляются такъ же, какъ онъ: огненно, съ перваго взгляда, — въ вагонѣ, на пароходѣ, на станціи, — мимоходомъ, на бѣгу, на лету.

Психологія мгновенной порывистой влюбчивости изслѣдована въ его книгахъ блистательно, — именно влюбчивости, возгоранія, вспышки, а не длительной ровной любви. Вспомните его „Встрѣчу“, „Клотильду“, „Сумерки“, милый набросокъ „Когда-то“, повѣсти „Инженеры“, „Студенты“...

Но влюбится, и тотчасъ же разлюбитъ, забудетъ.

— Какъ безумно любилъ онъ ее! — вспоминаетъ о какой-то женщинѣ Тёма. — Потомъ разлюбилъ. Другую позабылъ. Какъ ее звали?

Даже имя ея позабылось въ этомъ вихрѣ торопливыхъ увлеченій!

Примчался къ невѣстѣ, Богъ знаетъ откуда, въ спеціально заказанномъ экстренномъ поѣздѣ, бросился передъ ней на колѣни, поцѣловалъ ея ногу:

— Я съ перваго мгновенія, какъ только увидѣлъ васъ... я рѣшилъ, что мнѣ... вы или никто!

Его сестры были такія же пламенныя: одна ринулась съ головой въ революцію, другая, молодая красавица, внезапно ушла въ монастырь. Горячая отцовская кровь: ихъ отецъ, боевой генералъ, отличался изумительной лихостью:

— Весь эскадронъ за мной, какъ одинъ человѣкъ: врѣзались, опрокинули, смяли! — съ упоеніемъ вспоминалъ онъ передъ смертью.

Въ битвѣ подъ Германштадтомъ, съ ничтожною горстью солдатъ, онъ разбилъ огромное венгерское карре, за что и былъ представленъ Государю, взыскавшему его многими милостями.

Таковъ и Тёма: побывалъ и подъ турецкими, и подъ китайскими пулями, и подъ японской шрапнелью.

„Я, какъ очарованный, слушалъ пѣніе пролетавшихъ пуль, — пишетъ онъ въ ляоянскіе дни. — Нѣжное пѣніе птички, но еще нѣжнѣе, еще тоньше“.

Щедрость этого сѣдого ребенка воистину была фантастическая. Онъ такъ и озирался вокругъ, кого бы осчастливить подарками. Дарить было для него величайшее счастье, неутолимая потребность души. Какъ ребенку, ему нравилось въ деньгахъ лишь то, что ихъ можно тратить, раздавать и раздаривать. Ему постоянно мерещилось, будто у него какія-то лишнія деньги, ненужныя, даже мѣшающія, — поскорѣе бы избавиться отъ нихъ! И онъ такъ умѣло отъ нихъ избавлялся, что, оказалось, и похоронить его было не на что! А при жизни ворочалъ милліонами.

Изъ всѣхъ человѣческихъ мукъ его больнѣе всего уязвляла мука бѣдности, мука нужды, нищета, и, видя ее, онъ не могъ утерпѣть ни минуты: тотчасъ же бросался ее утолять.

— Кто здѣсь бѣдный? — спрашиваетъ онъ, въѣзжая въ деревню, и ходитъ по нищенскимъ избамъ и радуетъ своими „ненужными“ деньгами одичавшихъ отъ безнадежной нужды... И когда покидаетъ деревню, у него уже нѣтъ ничего. Все роздалъ до послѣдней копейки.

Незадолго до смерти онъ самъ предложилъ и отдалъ на какое-то идейное дѣло чуть ли не послѣднія десять тысячъ рублей, простодушно считая ихъ „лишними“.

— Не давайте Сикорскому: это мошенникъ! — предупреждаютъ заранѣе Тёму, но Тёма даетъ ему сто, потомъ двѣсти и снова двѣсти, покуда благодарный Сикорскій не крадетъ у него остальныхъ.

Его обманывали часто и со смакомъ: такого обмануть не грѣшно! Вспомнимъ, какъ покупалъ онъ живую свинью, „взвѣшивая ее на вѣсахъ“ и не подозрѣвая, что хитрый мужикъ заранѣе накормилъ ее солью и напоилъ цѣлымъ моремъ воды.

Лукавство мужика обнаружилось, но баринъ заплатилъ ему сполна. „Нужно же платить за науку!“ весело оправдывался онъ.

Эта простодушная довѣрчивость не была послѣдствіемъ неопытности. Жизнь онъ зналъ превосходно, видѣлъ каждаго человѣка насквозь, не даромъ исколесилъ всю Россію, — практикъ-инженеръ и помѣщикъ! Но охотно и весело, съ какимъ-то непередаваемымъ юморомъ, онъ поддавался лукавству нуждающихся. Здѣсь, наперекоръ своему жизненному опыту, онъ разрѣшалъ себѣ безмѣрную наивность. Да и широта была царственная: что тутъ разбирать, гдѣ обманщики. Всѣ, кому нужно, — берите!

Были въ нашей литературѣ другія такія же щедрыя души, съ такою же неутомимой потребностью давать и дарить безъ конца: Владиміръ Соловьевъ и Глѣбъ Успенскій. Но тѣ, отдавая другимъ (и пальто, и часы, и деньги, и чемоданы, и бѣлье), совершенно забывали о себѣ, обрекали себя голоду, холоду.

Гарину это было несвойственно. Натура барственная, жизнелюбивая, праздничная, онъ чувствовалъ себя какимъ-то крезомъ, магнатомъ, рожденнымъ для пышно-феерической жизни, и съ одинаковой безудержной щедростью тратилъ деньги и на другихъ и на себя! Добровольная бѣдность была бы ему не къ лицу; аскетическое самоотреченіе тоже.

Даже въ мелочахъ былъ магнатъ. Обычную рождественскую елку устроилъ, напримѣръ, не въ гостиной, а подъ небомъ, въ лѣсу, на снѣгу: выбралъ самое высокое дерево и, не срубая его, приказалъ разукрасить роскошно, окружилъ его огнями, кострами, пригласилъ изъ деревни крестьянъ и затѣялъ грандіозное пиршество въ сказочной бенгальской обстановкѣ, среди радужно-сверкающихъ снѣговъ.

А то устроитъ у себя въ имѣніи елку для всѣхъ деревенскихъ ребятъ, украситъ ее игрушками, лакомствами, повалитъ на полъ и скомандуетъ: грабьте!

Въ каждомъ своемъ движеніи - баринъ, ребенокъ, поэтъ.

III.

И въ писательствѣ былъ онъ такой же. Всякую тему бралъ съ маху, шелъ напроломъ... Вымучивать, высиживать повѣсть было ему не по нраву. Онъ писалъ впопыхахъ, безъ оглядки, ночью и днемъ, лихорадочно и, сдавъ въ редакцію рукопись, несся въ курьерскомъ поѣздѣ куда-нибудь въ Сибирь, на Уралъ, по спѣшному, неотступному дѣлу... „А потомъ, — вспоминаетъ С. Я. Елпатьевскій, со станцій летѣли телеграммы, гдѣ онъ просилъ измѣнить фразу, передѣлывались или вставлялись цѣлыя сцены, иногда чуть не полъ-главы... Насколько мнѣ извѣстно, это былъ единственный русскій писатель, по телеграфу писавшій свои произведенія". (См. С. Я. Елпатьевскій „Близкія тѣни", стран. 103—104).

Писалъ по телеграфу, - тутъ онъ весь! Окруженный хунхузами въ Манчжурской степи, почти что подъ выстрѣлами, пишетъ, какъ у себя въ кабинетѣ. Бумага промокаетъ отъ дождя, руки коченѣютъ отъ холода, рукописи погибаютъ въ пути. „Одну тетрадь со сказками я потерялъ, къ сожалѣнію", - сообщаетъ онъ въ какомъ-то предисловіи.

Товарищи, смѣясь, говорятъ, что пишетъ онъ всегда „на облучкѣ". Мчится по снѣжной сибирской равнинѣ въ лютый сибирскій морозъ и, покуда перепрягутъ лошадей, примостится въ избѣ къ столу и залпомъ исписываетъ десятки страницъ своимъ темпераментнымъ почеркомъ.

Не странно ли, что эти быстро-рожденные образы и мысли сразу сами собой безъ усилій облекались въ столь изящныя формы! Телеграфная быстрота его творчества придала его слогу крылатость: онъ даже при желаніи не умѣлъ бы писать неинтересно и вяло,—даже если бы нарочно постарался!

Точно горячія лошади, которыхъ не обуздать, не сдержать, мчатся его слова по страницамъ, и сколько восклицательныхъ знаковъ, порывистыхъ междометій и вскрикиваній! Во время разсказа онъ машетъ руками, смѣется, ужасается, плачетъ, — участвуетъ въ разсказѣ всей душой:

— „Кра-кра-кра! — это затрещала наша лодка"...—„Гопъ! Послѣдній прыжокъ"... —„Брёвна, бревна!.. Вверхъ и внизъ!—держи лодки—разобьетъ? Ха-ха! Мимо"... — такими звукоподражаніями, созгласами изобилуетъ его нервная рѣчь.

Отсюда экспрессивная сила большинства его повѣстей и разсказовъ. Въ нихъ такъ и чувствуешь пульсацію крови. Буквочки нѣтъ анемической!

Повѣствуя о давно минувшемъ событіи, онъ такъ трепетно переживаетъ его вновь, что минувшее становится сегодняшнимъ: разсказывая, напримѣръ, о спасеніи Жучки, онъ тутъ же, на глазахъ у читателя, принимается спасать ее сызнова, превращается въ восьмилѣтняго Тёму и кричитъ ей: „Жучка, я здѣсь!"

Когда онъ описываетъ любовную сцену, у него самого въ ту минуту закипаетъ любовная страсть: такъ и кинулся бы цѣловать героиню!

Когда онъ пишетъ о любви, онъ—любовникъ, и насъ превращаетъ въ любовниковъ. Онъ зажигаетъ, потому что горитъ его творчество эмоціонально, стихійно, наивно и дѣтски-безхитростно. Оттого-то его автобіографичныя повѣсти „Студенты", „Гимназисты", „Инженеры" такъ взволнованно воспринимаются нами. Ихъ проглатываешь самозабвенно и жадно, и даже не успѣваешь замѣтить, хорошія онѣ или плохія. Сколько разъ я принимался за нихъ, чтобы выяснить себѣ наконецъ, въ чемъ же главная ихъ притягательность, но послѣ первыхъ же строкъ забывалъ обо всемъ и снова волновался за Тёму: выдержитъ ли онъ свой ларинскій экзаменъ? выздоровѣетъ ли послѣ своей ужасной болѣзни? женится ли на Аделаидѣ Васильевнѣ?

Критикѣ здѣсь нечего дѣлать: надъ стихійностью она не властна.

Бродитъ въ этихъ книгахъ какое-то хмельное вино, которое хочется пить, а не смаковать и разсматривать!

Такъ богато насыщалъ онъ эмоціями каждую свою бездѣлушку, что та сама собой превращалась въ тревожащее произведеніе искусства.

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.

Но чѣмъ же это искусство тревожило?

Гдѣ была его душа, его паѳосъ, его молитва, его святая святыхъ? Въ чемъ былъ религія Гарина? Онъ горѣлъ,—но какимъ огнемъ?

Возьмемъ же его книги — романы, разсказы — всмотримся въ ихъ сюжеты и образы.

IV.

Вотъ онъ выводитъ предъ нами грязную мужичку, жену идіота, изъѣденную позорной болѣзнью, и—не странно ли?—зоветъ ее царевной!

Любуется шелкомъ ея мягкихъ волосъ, ея загадочнымъ, царственнымъ взглядомъ.

— Она словно вышла изъ сказки!—умиленно говоритъ онъ о ней.—Ей бы красоваться и радоваться, играть бы на какой-нибудь серебряной лютнѣ, а жизнь, какъ подлая вѣдьма, загадила ее мерзостной хворью, и вотъ ея прелестное тѣло въ болячкахъ, а загадочныя очи гніютъ!

Здѣсь прообразъ всѣхъ его поэтическихъ символовъ!

Многіе видѣли женщинъ, исковерканныхъ гадкой болѣзнью, но только Гаринъ почувствовалъ въ нихъ заколдованныхъ красавицъ-принцессъ. Сумѣйте расколдовать колдовство, и предъ вами сама Дульцинея.

— Эхъ, сорвать бы проклятую хворь! — восклицаетъ онъ съ порывистой жалостью, и всюду, куда ни посмотритъ, видитъ то же злое колдовство: всюду прекрасное, божественно-свѣтлое, созданное для упоительныхъ радостей,—какими-то бѣсовскими чарами превращается въ мерзость и грязь.

Здѣсь его завѣтнѣйшая тема, и онъ не оторвется отъ нея ни на мигъ.

Вотъ юноша съ лучистыми глазами, обаятельно-забавный философъ, такъ нѣжно и наивно мечтавшій о счастьѣ всего человѣчества, безобразно болтается въ петлѣ,—синій, раздувшійся трупъ. А возлѣ трупа записка:

„Я не хочу больше жить, потому что жизнь—злое и безнаказанное издѣвательство!“

Зачѣмъ же человѣку даются такія огромныя силы, такіе пышные богатые дары, если все это съ ехиднымъ издѣвательствомъ калѣчится, кромсается, загаживается? Пусть бы калѣчилось что-нибудь дрябленькое, но Гаринъ, куда ни посмотритъ, видитъ могучія силы, созданныя для счастья и творчества. Онъ разсказываетъ (въ очеркѣ „Геній“) о великомъ геніальномъ математикѣ, который по титанической работѣ ума могъ бы сравняться съ Ньютономъ; онъ сдѣлалъ грандіозное открытіе, ему подобаетъ безсмертная слава, но, по насмѣшкѣ проклятой судьбы, это открытіе было сдѣлано раньше и давно уже извѣстно всему свѣту:

— Сомнѣнья нѣтъ! — говоритъ одинъ старый профессоръ,—вы дѣйствительно сдѣлали величайшее изо всѣхъ въ мірѣ открытій: вы открыли дифференціальное исчисленіе... Но, къ несчастью для васъ, Ньютонъ уже открылъ его двѣсти лѣтъ назадъ.

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій въ молодые годы.

И вотъ грязный, лохматый, никому не нужный, смѣшной пробирается среди коростливыхъ дѣтей на свой темный вонючій чердакъ этотъ сверхъестественно одаренный мыслитель, который могъ бы осчастливить весь міръ откровеніями, а пригодился лишь на то, чтобы быть посмѣшищемъ и забавой мальчишекъ!

Каждая страница Н. Гарина вопіетъ о такихъ трагически-погубленныхъ силахъ. Вспомните его повѣсть о томъ мужикѣ-пастухѣ, который самоучкою съ неимовѣрными жертвами выдержалъ экзаменъ на священника. „Трудъ Ломоносова блѣднѣетъ предъ этимъ трудомъ“,—говоритъ Гаринъ о его жизненномъ подвигѣ. Но въ священники онъ не попалъ—деревня его не пустила:

— А, ты умнѣе отцовъ хочешь быть?! Врешь, не будешь!

Насчитали на него сотни рублей недоимки, и такъ какъ уплатить было нечѣмъ, то теперь этотъ Ломоносовъ пьетъ горькую, валяется по кабакамъ и буянитъ.

Спившійся, кабацкій Ломоносовъ, и сумасшедшій Ньютонъ, и красавица-царевна Дульцинея, покрытая струпьями дурной болѣзни, — въ этой отвратительной группѣ вѣчное мементо для Гарина.

Страшная машина наша жизнь! Какая-то огромная фабрика для калѣченія и коверканія душъ!

Гаринъ съ содроганіемъ слѣдитъ, какъ весело и лихо работаетъ эта неустанная фабрика, какъ вертятся, сверкая, колеса, съ мягкимъ и даже пріятнымъ похрустываніемъ ломая человѣческія кости и выматывая жилы человѣческія съ успокоительнымъ, усыпительнымъ шелестомъ.

Онъ смотритъ, какъ одинъ за другимъ швыряются въ эту машину людишки,—геніи, герои, мудрецы, созданные для невообразимаго счастья,—и герои въ нѣсколько мгновеній выплевываются, изжеванные, дрянненькіе, мятые...

— Слѣдующій! Слѣдующій! Слѣдующій!—машина разгулялась во-всю! Сунь въ нее Наполеона или Канта, и тѣхъ она расплющитъ моментально. Вотъ кинули въ нее Ломоносова, она сдѣлала изъ него пьяную дрянь. Попался въ нее Ньютонъ, и вышелъ юродивый нищій, лохматое и грязное пугало. Вотъ Бортовъ (изъ разсказа „Клотильда“), блестящій инженеръ, вдохновенный работникъ, съ какой-то чайльдъ-гарольдовской магіей въ сердцѣ, мелькнулъ и превратился въ полутрупъ. Вотъ Акулина, Клотильда, Одарка, цѣлыя гекатомбы очаровательныхъ поэтическихъ женщинъ, такъ и мчатся въ этотъ всепожирающій зѣвъ. Одарка была легендарно прекрасна, Тёмѣ хотѣлось упасть передъ ней и молиться, но черезъ годъ онъ увидѣлъ Одарку опять и въ ужасѣ отпрянулъ, изумленный *).

Особенно часто въ твореніяхъ Гарина жизнь расплющиваетъ, ломаетъ и рветъ хрупкія женскія души. Гаринымъ написано множество повѣстей и разсказовъ на эту драгоцѣнную тему, изъ нихъ самый потрясающій—„Заяцъ“, гдѣ съ чисто-толстовской изобразительной силой нарисованъ тотъ каторжный адъ, который у насъ зовется семьей, и въ которомъ изо дня въ день колесуется и четвертуется женщина.—„Изъ святыни брака устроили ужасы и пытки, съ которыми не сравнится никакое рабство, никакіе ужасы инквизиціи!“— кричитъ онъ на каждой страницѣ и въ драмѣ „Орхидея“, и въ очеркѣ „Встрѣча“, и въ пламенной импровизаціи „Правда“. Есть у него разсказъ изъ простонароднаго быта, гдѣ эпически подробно разсказывается, какъ обыкновеннѣйшіе сынъ и отецъ, нисколько не злодѣи и не изверги, спокойно надѣваютъ на свою жену и сноху заранѣе приготовленныя желѣзныя путы и методически избиваютъ ее до крови, до потери сознанія, по ногамъ, по головѣ, сапогами („Акулина“, „Деревенскія панорамы“).

Съ изумленіемъ ребенка и поэта глядитъ онъ на такое палачество. „Люди! да что же вы дѣлаете?“ Куда онъ ни поѣдетъ, куда ни посмотритъ,—„люди! да что же вы дѣлаете?“ Зачѣмъ этого рыхлаго, больного еврея вы изъ его же норы гоните, на улицу? („Старый еврей“). Что вы сдѣлали съ незаконнорожденнымъ Димомъ, зачѣмъ отняли у него отца и сестеръ, зачѣмъ кололи и кололи иголками его прелестное дѣтское сердце, покуда не закололи совсѣмъ? („Дворецъ Дима“).

Мысль объ истязаніи дѣтей доводитъ Гарина до изступленія, до судорогъ. Дѣтей онъ боготворитъ,—самъ дитя! Въ этомъ застѣнкѣ, какимъ ему представляется жизнь, его больше всего ужасаютъ крики истязуемыхъ маленькихъ. Въ сказкѣ о волшебницѣ Ашамъ, въ повѣсти „Дѣтство Тёмы“, въ „Исповѣди отца“, въ разсказѣ объ умирающемъ Димѣ имъ многообразно заклеймено это звѣрство—тѣлесное наказаніе дѣтей!

И вѣдь съ виду, снаружи, для поверхностно-скользящаго взгляда, этотъ застѣнокъ—совсѣмъ не застѣнокъ, а пріятнѣйшій и уютнѣйшій домъ. Гарина это всегда волновало. У него есть очень рельефный разсказъ:—„Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой“—о томъ, какъ идиллически-мирно, благолѣпно, благодушно, благородно у насъ живутъ грабежомъ и мучительствомъ!

V.

Но если жизнь—издѣвательство, пытка, застѣнокъ, то не слѣдуетъ ли ее проклясть и отвергнуть?

Недавно чуть не всѣ наши книги, — драмы, романы, стихи,— изливались такими проклятьями.

Чуть не въ каждой мы читали такое:

*) См. повѣсть „Гимназисты“, глава I, а также разсказы: „Акулина“, „Трясина“, „На ночлегѣ“.

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.

„Вали меня наземь, вали, я буду смѣяться и кричать: будь проклята! Клещами смерти зажми мнѣ ротъ, послѣдней мыслью я крикну въ твои ослиныя уши: будь проклята, будь проклята!..Я не знаю, кто ты — Богъ, Дьяволъ, Рокъ или жизнь, — я проклинаю тебя".

Такой анаѳемой звучали тогда наши излюбленныя, кровныя книги.

„Кто это, Чортъ или Дьяволъ, кто это смѣется надъ нами?"—читали мы у Сергѣева-Ценскаго.

„Какой это Шутникъ, какой Негодяй и Жуликъ пакоститъ и оскверняетъ весь міръ?" — спрашивалъ, стеная, А. Ремизовъ.

Гарину эти стенанія несвойственны. Проклинать мірозданіе, отвергать всю вселенную, бунтовать противъ Господа Бога ему показалось бы хоть и эффектнымъ, но совершенно никчемнымъ занятіемъ. „Если жизнь —застѣнокъ и дыба, то не зачѣмъ ее проклинать, а давайте перестроимъ ее!"—сказалъ бы онъ съ инженерской энергіей. Въ каждомъ злѣ ему нравилось то, что оно искоренимо, устранимо. Онъ не былъ бы Гаринымъ, не былъ бы Тёмой, если бы безоглядно, капризно, тысячу разъ не бросался на эту лихую машину, кромсающую, рвущую, кровавящую живое человѣческое мясо,—и не пробовалъ бы ее остановить, удержать, и не отлеталъ бы отъ нея всякій разъ, какъ ламанчскій рыцарь отъ мельницы!

Единственный порывъ его книгъ: обрадовать, осчастливить людей. Всѣ его тревоги и заботы были только о человѣческомъ счастьѣ: другихъ у него не было помысловъ. Его книги—рецепты счастья, гиды и путеводители къ счастью. Человѣчество еще доврется до счастья!—это онъ ощущалъ всѣми нервами. Всюду онъ видѣлъ залогъ и обѣтованіе счастья. Счастье уготовано намъ, оно отъ насъ никуда не уйдетъ, нужно только до него дострадаться. Одна его дѣтская сказочка не даромъ кончается такъ:

„Погибнетъ злой волшебникъ, а съ нимъ исчезнетъ и тьма, и увидятъ тогда люди, что для всѣхъ есть счастье на землѣ! („Книжка Счастья").

Для него это не было сказкой, онъ воплощалъ эту сказку въ дѣйствительность. Оттого-то онъ такой жизнерадостный, оптимистическій, веселый талантъ:

Жалобъ не надо: что радости въ плачѣ?
Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе!

Все будетъ иначе!—о чемъ же печалиться? Разрушая этотъ гадкій застѣнокъ, перестраивая его въ храмину счастья, онъ чувствуетъ себя возбужденнымъ работникомъ въ разгарѣ спорой и удачливой работы. И замѣтьте, онъ ищетъ не „Синюю Птицу", не смутно-поэтическаго, сказочнаго, легендарно-неуловимаго счастья, а самаго земного, житейскаго. Онъ ничуть не метафизикъ, не философъ, и отдалъ бы всего Канта съ Декартомъ, лишь бы хлѣбъ подешевѣлъ на копейку. Покуда вы шпыняете женщинъ въ животъ сапогами и пухнете отъ лютаго голода, — какая же возможна метафизика! Вамъ не метафизика нужна, а говядина. Займемтесь прозой, скучнѣйшими буднями, довольно залетать за облака!

Не нужно намъ плохихъ стиховъ,
Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны!

Посмотримъ дѣловитымъ хозяйственнымъ глазомъ на русскую деревню, русскую промышленность, русское желѣзнодорожное дѣло, русскій семейный укладъ, всмотримся серьезно и трезво: не отъ этихъ ли прозаическихъ и скучноватыхъ причинъ — та неизбѣжная русская скорбь, то надругательство надъ человѣческой личностью, которое такъ волнуетъ писателя?

И вотъ въ своихъ книгахъ Гаринъ дѣлаетъ какъ бы ревизію Россіи, ревностно изучаетъ тѣ скучные, непоэтичные факторы человѣческаго довольства и счастья, коими не интересовался доселѣ ни одинъ еще русскій поэтъ, и—чудо!—у него подъ перомъ эта проза превращается въ поэзію, это „скучное" становится захватывающимъ.

Итоги своей грандіозной ревизіи, ея, такъ сказать, протоколы онъ заноситъ на страницы своихъ книгъ; поэтому его сочиненія распадаются на такіе отдѣлы:

Записки инженера.
Записки хозяина.
Записки о семьѣ и воспитаніи.

И такъ дальше и такъ дальше. Какъ у всякаго ревизора, цѣли у него всегда самыя практическія, непосредственно-необходимыя для жизни: „это нужно перемѣнить, передѣлать, а вотъ это совсѣмъ устранить". Онъ по своей торопливости хотѣлъ бы немедленно видѣть практическіе результаты своихъ книгъ; иначе ему неинтересно писать.

Въ Россіи это ново и неслыханно. У насъ и Достоевскій, и Толстой, и всякій самый маленькій писатель—рѣшали до сихъ поръ только вселенскіе типы, міровыя проблемы, а проблемы благополучія и сытости считались мелкими, мѣщанскими, низменными. Гаринъ, первый изъ русскихъ художниковъ слова, вступилъ на этотъ только-что открывшійся путь. Былъ, правда, у насъ Чернышевскій, но вѣдь онъ нисколько не художникъ. У Гарина же не статьи, ни публицистика, а сильное, оригинальное художество. Свою хозяйственную боль о всѣхъ и о русскихъ страдающихъ людяхъ онъ выливаетъ въ такіе полнокровные образы, что всякая статья поневолѣ превращается у него въ беллетристику.

Напримѣръ, его повѣсть „Трясина" о раздавленномъ, погибшемъ Ломоносовѣ написана лишь для того, чтобы обличить ненавистную общину, которую Гаринъ считалъ источникомъ множества бѣдствій. А его коротенькій набросокъ „Старый еврей" есть воззваніе къ русскому обществу о необходимости раскрѣпощенія евреевъ. Очеркъ „Правда", это—страстный памфлетъ противъ семейнаго безправія женщины, и т. д., и т. д.

Но нечаянно, сами собой, такіе памфлеты, воззванія и проповѣди наполнялись толпами женщинъ, купцовъ, офицеровъ, актеровъ, инженеровъ, мужиковъ, нарисованныхъ энергическимъ, дерзкимъ, небрежнымъ, сильнымъ штрихомъ, начинали звучать діалоги, переданные съ артистической чуткостью, все это облекалось элегіей, лирикой, юморомъ—и публицистика на глазахъ у читателя превращалась въ произведеніе искусства.

Когда покойный экономистъ А. М. Рыкачевъ, авторъ извѣстнаго ученаго трактата о деньгахъ (отправившійся на эту войну добровольцемъ и доблестно погибшій въ сраженіи), обратился ко мнѣ года четыре назадъ съ вопросомъ, неужели современная наша словесность живетъ лишь этическими и философскими темами, а поэзія техническаго строительства жизни, промышленно-экономической дѣятельности еще никакъ не воплотилась въ беллетристикѣ, я могъ указать публицисту-ученому на одного только Гарина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ни одного плѣннаго.

Очеркъ **С. Фесенко.**

Объ этомъ говорили давно...

Но это было такъ кошмарно, такъ ужасно и невѣроятно, что не только офицеры, но даже нижніе чины, всегда склонные вѣрить сказочному и вымышленному, считали эти слухи просто досужими тыловыми сплетнями.

— Отъѣлись, нечего имъ тамъ дѣлать въ теплѣ, вотъ и брешутъ зря...

Окопники всегда слегка презираютъ тыловыхъ, которымъ живется и легче, и сытнѣе, и безопаснѣе.

Не вѣрилось въ это главнымъ образомъ еще и потому, что жизнь на позиціи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, въ такихъ условіяхъ, когда наши окопы мѣстами чуть не вплотную подходили къ вражескимъ, создала своеобразныя внѣбоевыя отношенія, въ большинствѣ случаевъ не лишенныя юмора и добродушія.

Въ долгіе, бездѣятельные и томительные часы окопнаго сидѣнія, когда стрѣлять было и лѣнь и безполезно, наши наряжали чучело толстаго брюхатаго нѣмца съ краснымъ носомъ, съ вильгельмовскими закрученными кверху усами, высовывали его изъ окопа и подъ гармонику „валяли петрушку".

Нѣмцы иногда весело гоготали, иногда разстрѣливали чучело, при чемъ наши помирали со смѣху и кричали:

— Что же вы, черти, въ своего стрѣляете!..

Переписывались, выставляя плакаты, или швыряли записки, заворачивая въ нихъ камни.

Многихъ изъ своихъ близкихъ противниковъ наши солдаты не только знали въ лицо, но даже по именамъ, и нерѣдко отправлялась записка такого содержанія:

„Отчего Ганца не видно, вѣроятно, пивомъ опился?"

„Ганца скоро увидите, скоро васъ всѣхъ заберемъ", — получался отвѣтъ.

Тогда на плакатѣ рисовали огромный кукишъ, а иногда и что-нибудь похуже.

Нерѣдко обмѣнъ такими любезностями заканчивался перестрѣлкой, и по всей линіи разгорался настоящій бой.

Словомъ, казалось, что мы знаемъ своего врага и всѣ пріемы его борьбы съ нами.

Такъ въ перестрѣлкахъ, въ атакахъ, не имѣвшихъ большого значенія, въ артиллерійскихъ поединкахъ прошла зима. Ждали

На позиціи. Въ „противогазахъ“.

весны, какъ начала чего-то настоящаго и рѣшительнаго, но первые весенніе дни не дали ничего новаго: только въ началѣ мая въ непріятельскихъ окопахъ началось замѣтное оживленіе. Шли какія-то спѣшныя приготовленія, по ночамъ что-то усиленно подвозили, къ чему-то готовились.

Наши ждали рѣшительной атаки и тоже готовились къ ней.

Около 19-го мая передовые секретные развѣдчики донесли, что въ окопахъ нѣмцы устанавливаютъ какіе-то металлическіе баллоны, возлѣ которыхъ работаютъ въ маскахъ.

Опять по фронту зловѣщимъ шопотомъ поползли слухи объ удушливыхъ газахъ, и опять этому старались не вѣрить.

Погода все время стояла жаркая, безвѣтреная. Въ нѣмецкомъ лагерѣ снова все угомонилось, и солдаты говорили:

— Ждутъ проклятые чего-то...

И нѣмцы дѣйствительно ждали.

Но то, чего они ждали, была не артиллерія, не боевые снаряды, не свѣжіе полки и не новыя награды кайзера, ободряющія уставшихъ воиновъ, честно готовящихся грудью встрѣтиться съ врагомъ... нѣтъ, это было подлое, трусливое выжиданіе вонючаго гада, загнаннаго въ подполье, собирающагося ночью, подкравшись къ противнику, отравить его своимъ ядовитымъ, омерзительнымъ дыханіемъ.

Нѣмцы ждали попутнаго вѣтра въ нашу сторону...

Маленькое грязненькое мѣстечко Г., находившееся въ 6 верстахъ отъ нашихъ передовыхъ позицій, торговое и оживленное въ мирное время, съ крикливымъ волнующимся еврейскимъ населеніемъ, сейчасъ превратилось въ военный лагерь.

Былъ первый часъ ночи. Опустѣла площадь, обезлюдѣли улицы, непріятельскіе прожекторы, какъ огромные свѣтящіеся глаза какого-то чудовища, лизали горизонтъ, то загораясь, то снова потухая.

Въ эту ночь почему-то совсѣмъ не слышно было артиллерійской канонады, и это было странно и непривычно.

— Угомонились черти, - зѣвая и крестясь, бормоталъ Алексѣй Кобзарь, часовой у склада бензина.

Ругалъ онъ нѣмцевъ скорѣе по привычкѣ, чѣмъ отъ озлобленія. Война уже перешла въ ту стадію, когда первый боевой пылъ и воодушевленіе смѣнились сознаніемъ долга и спокойнымъ отношеніемъ къ нему. Первыя поэтическія страницы войны превратились въ ремесло.

Цвѣли сирень и черемуха, и ихъ весенній, бодрящій, горьковатый запахъ, особенно слышный ночью, напомнилъ Кобзарю родину—Полтавщину, батькивскій *) хуторъ надъ Сулою и вишневые сады, оглашаемые въ это время года соловьиными раскатами. Взволнованный воспоминаніями, Кобзарь вздохнулъ, замурлыкалъ какой-то заунывный мотивъ далекой родины и зашагалъ по узенькому, дощатому, прогнившему тротуарчику, будя ночную тишину уснувшаго мѣстечка.

Подулъ свѣжій вѣтеръ, небо заволоклось тучами, со стороны

*) Отчій.

На позиціи. Спасаются отъ удушливыхъ газовъ.

ство, которое въ этомъ случаѣ совѣтовалъ поспѣшившій на помощь медицинскій персоналъ, была намоченная въ водѣ тряпка, черезъ которую нужно было дышать. Заболѣвшихъ выносили на улицу. Въ страшныхъ мученіяхъ, корчась, царапая землю ногтями, обезсиленные отъ рвоты, умирали люди.

Первыми жертвами были часовые и дневальные. Почернѣвшіе, съ искаженными отъ ужаса и невѣроятныхъ страданій лицами, съ запекшейся кровавой пѣной на губахъ, они, исполняя долгъ свой, умерли на посту.

Опустошенія, причиненныя ядовитыми газами, были ужасны.

Метались кошки, выли собаки, взвивались на дыбы обезумѣвшія лошади. Листья на деревьяхъ и кустахъ поблекли и свились въ трубочки.

Часамъ къ тремъ ночи усилившійся вѣтеръ погналъ ѣдкій смертельный туманъ дальше, и воздухъ замѣтно очистился. Молчановъ подавалъ помощь и распоряжался приведеніемъ въ чувство пострадавшихъ, когда прибѣжалъ солдатъ его взвода и, запыхавшись, отбарабанилъ:

После жаркаго дѣла. У походной кухни.

непріятеля надвигалось что-то черное, косматое, похожее на дымъ далекаго пожарища.

„Чѣмъ-то смердитъ... Видно, изъ лазарета", — подумалъ Кобзарь и потянулъ носомъ. Запахъ былъ острый, странный и незнакомый. Вмѣстѣ съ вдругъ откуда-то появившимся густымъ липкимъ туманомъ поползъ онъ по опустѣвшимъ улицамъ мѣстечка.

Кобзарь еще разъ потянулъ носомъ и почувствовалъ, что дышать вдругъ стало труднѣе.

Спазмы схватили горло, кровь прилила къ вискамъ, незнакомый страшный туманъ ѣлъ глаза, и они слезились.

— Господи, що воно таке... смерть пришла... ратуйте! — хотѣлъ крикнуть Кобзарь и не могъ.

Впереди все поплыло; какъ сквозь сонъ, онъ вскинулъ винтовку, приложился, выстрѣлилъ въ воздухъ и, корчась, повалился на землю.

Что-то ужасное, безпощадное и неотвратимое, смрадное и липкое заполнило собою улицы, площадь, проникло въ дома, забиралось въ щели.

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, съ разныхъ сторонъ, еще раздались тревожные выстрѣлы часовыхъ, и сонное мѣстечко вдругъ сразу ожило. Замелькали огни, одѣвающіеся на ходу люди выскакивали на улицу, ночная тишина была разбужена тысячеголосымъ гомономъ, бряцаніемъ оружія, ржаніемъ лошадей и отдѣльными воплями теряющихъ сознаніе людей.

— Травятъ проклятые!.. Травятъ!..

Однимъ изъ первыхъ, точно отъ толчка, соскочилъ со своей походной койки капитанъ Молчановъ, командиръ бронированнаго взвода, — выстрѣлъ раздался почти подъ окномъ, возлѣ котораго онъ спалъ.

„Тревога! Нападеніе!" — пронеслось у него въ головѣ, и черезъ минуту онъ уже бѣжалъ на улицу, пристегивая снаряженіе — револьверъ, шашку.

Уже въ темныхъ сѣняхъ Молчанова поразилъ этотъ странный, что-то напомнившій ему острый запахъ, а когда на улицѣ онъ наткнулся на безжизненно-скорчившуюся фигуру Кобзаря и ядовитый туманъ защипалъ ему глаза, онъ сразу понялъ все... „Ну, конечно, это хлоръ, — вспомнилъ Молчановъ свои химическіе опыты въ Инженерной Академіи, — удушливые газы пустили въ ходъ, мерзавцы..."

Закрывъ носъ и ротъ платкомъ, стараясь не дышать, Молчановъ вбѣжалъ обратно къ себѣ въ комнату, вспомнивъ, что у него была гдѣ-то банка съ гипосульфитомъ, который онъ держалъ для работы съ фотографическимъ аппаратомъ. Сдѣлавъ себѣ импровизированную маску, намочивъ ее въ жидкости, разлагающей хлоръ, и захвативъ съ собой весь запасъ носовыхъ платковъ, Молчановъ снова поспѣшилъ на улицу, гдѣ уже бѣгали съ носилками санитары, сестры милосердія, врачи, съ прижатыми къ носу платками. Первое сред-

— Солдаты бронированнаго взвода хотятъ видѣть своего командира и что-то сказать ему важное.

Своихъ солдатъ капитанъ засталъ возлѣ бронированныхъ машинъ. Пятьдесятъ человѣкъ, шумно, возбужденно, съ жестикуляціями о чемъ-то говорившихъ, съ приближеніемъ начальства смолкли.

Уже совсѣмъ разсвѣло.

Лица у солдатъ были сосредоточенно серьезны, съ оттѣнкомъ мрачности. Отвѣтили на привѣтствіе командира обычно громко и дружно; чувствовалось, что между офицерами и нижними чинами, кромѣ служебныхъ отношеній, существуетъ еще нѣчто болѣе тѣсное и родственное.

— Что, братцы, хотѣли сказать? — спросилъ капитанъ.

Солдаты заговорили всѣ сразу, возбужденно и перебивая другъ друга:

— Что же это, ваше высокоблагородіе?.. Они насъ травятъ газомъ... а мы какъ же, молчать должны?

Капитану въ общемъ галдежѣ трудно было уловить, о чемъ собственно заявляетъ его взводъ; скорѣе по выраженію лицъ, по интонаціямъ, онъ началъ понимать и догадываться, въ чемъ дѣло.

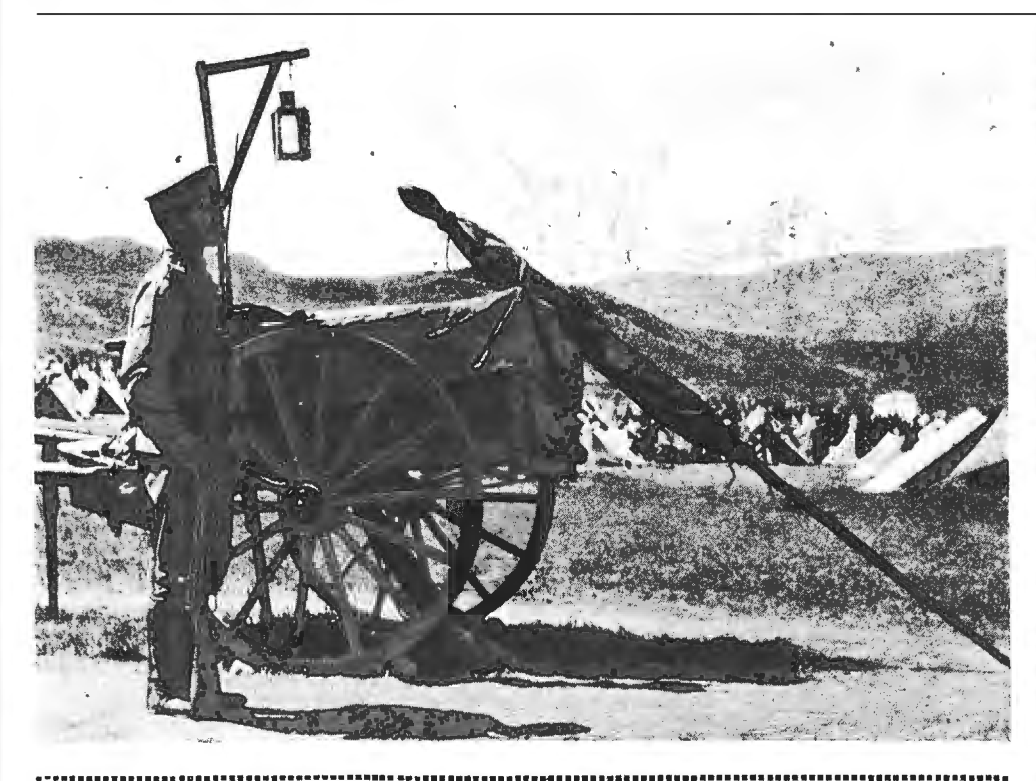
— Такъ ничего не разберешь... говори кто-нибудь одинъ! — строго приказалъ Молчановъ. Гдѣ взводный?

Солдаты смолкли.

Взводный, молодцеватый, украшенный тремя Георгіями унтеръ-офицеръ, выступилъ впередъ и, приложивъ руку къ козырьку, почтительно, но съ полуулыбкой, какъ бы извиняясь передъ командиромъ за невоспитанность нижнихъ чиновъ, доложилъ:

— Просятся, ваше высокородіе, на позицію въ бой — которые на машинахъ, а которые пѣшкомъ съ винтовкой, — желаютъ проучить ихъ за газы.

Въ окопахъ у О. Изъ-за насыпи видны штыки нашихъ солдатъ.



У полкового знамени.

ными вертящимися башнями, выстроились одна за другой бронированныя машины. Казалось, что эти стальныя хищныя птицы ждали только сигнала, чтобы ринуться въ бой, неся съ собою смерть и ужасъ.

Выходъ первой машины, которой командовалъ самъ Молчановъ, былъ общимъ сигналомъ. Шоферы нажали аксёлераторы, и машины плавно и легко понеслись по гладкому, укатанному шоссе. Бой шелъ по всей линіи. Въ клубахъ дыма отъ взрывающихся снарядовъ видны были маленькія сѣренькія фигурки. Согнувшись, съ винтовкой наперевѣсъ, онѣ перебѣгали одна за другой и камнемъ падали за первое попавшееся прикрытіе, потомъ снова вставали и снова бѣжали. Это наши стрѣлковыя цѣпи шагъ за шагомъ приближались къ своей страшной роковой цѣли. Гулъ взрывовъ, безпорядочная стрѣльба изъ винтовокъ, методичный, равномѣрный звукъ нашихъ пулеметовъ, — все сливалось вмѣстѣ въ одну общую гармонію, красивую и ужасную. Гдѣ-то высоко металлическимъ звенящимъ звукомъ рѣжетъ воздухъ снарядъ. Вотъ упалъ одинъ совсѣмъ близко; вмѣстѣ со снопомъ искръ и осколковъ въ воздухъ выбросились клубы смердящаго ядовитаго газа. Могучимъ и радостнымъ „ура" привѣтствовали солдаты неожиданное появленіе идущихъ въ бой стальныхъ товарищей.

Капитанъ сосредоточенно о чемъ-то думалъ, что-то соображалъ, потомъ отрывисто скомандовалъ:

— Шоферы и пулеметчики по машинамъ, осмотрите ихъ, заправьте, остальнымъ разойтись по мѣстамъ и ждать приказаній!

Въ это время на рысяхъ, запыхавшись, вбѣжали два молодыхъ подпоручика, младшіе офицеры взвода. Молчановъ, не успѣвъ еще поздороваться съ ними, сказалъ:

— Господа офицеры, присутствовать!

— Выѣзжаемъ на позицію, господинъ капитанъ?— рѣшительно спросилъ одинъ изъ подпоручиковъ.

Самъ не отдавая себѣ отчета, какъ и когда онъ заразился чувствомъ, волновавшимъ солдатъ, Молчановъ быстро отвѣтилъ:

— А что же съ ними, мерзавцами, дѣлать? Бѣшеныхъ собакъ убивать нужно.

Отдѣльные ружейные выстрѣлы слились уже въ знакомую музыку артиллерійской канонады, среди которой ясно можно было различить нашу легкую артиллерію, характерно стрѣляющую дуплетами: „бахъ-бахъ", потомъ опять: „бахъ-бахъ".

Молчановъ остановилъ мчавшагося карьеромъ казака, ѣхавшаго видимо съ донесеніемъ.

— Наши пошли въ наступленіе,— отвѣтилъ тотъ, перегибаясь съ сѣдла. Страсть сколько нѣмцевъ уложили, наши рвутся, не удержишь...—И казакъ помчался дальше.

Появились первые раненые; ихъ несли на носилкахъ, на шинеляхъ, легко раненые шли по нѣскольку человѣкъ, обнявшись, поддерживая другъ друга. Мелькали блѣдныя, облагороженныя страданіемъ лица. Но въ этомъ привычномъ выраженіи Молчановъ замѣтилъ еще нѣчто новое: радость и какое-то спокойное удовлетвореніе.

Въ большинствѣ случаевъ слышались веселые отвѣты:

— Дали имъ, проклятымъ, чесу, будутъ знать, какъ травить людей.

Вздрагивающія отъ работы моторовъ, со стройными пулемет-

Наши стрѣлки добрались до проволочныхъ загражденій, рѣзали и рвали колючую проволоку. Гибли подъ ужаснымъ артиллерійскимъ огнемъ врага, но на мѣсто выбывшихъ безконечной непрерывной волной лились все новые и новые бойцы.

Появленіе бронированныхъ автомобилей, ворвавшихся въ тыловое расположеніе непріятеля, внесло страшную панику и замѣшательство въ ихъ ряды. Шесть пулеметовъ, работающихъ безостановочно, посылали ливни пуль и косили вражескіе ряды безпощадно и неумолимо.

Съ какой-то животной радостью, совершенно забывъ объ опасности, Молчановъ черезъ небольшую щель наблюдалъ, какъ сѣрыя и черныя фигуры въ безкозыркахъ и каскахъ падали, корчились: нѣкоторыя пытались вставать, другія инстинктивно и безсознательно закрывали лицо руками, или, смѣшно подпрыгивая, оставались неподвижными.

— Еще, еще!— шепталъ онъ запекшимися губами, и пулеметы несли все новые и новые потоки пуль.

Громовое, на минуту заглушившее грохотъ боя, мощное „ура" понеслось перекатами,—то наши полки, поддерживаемые бронированными машинами, одолѣли наконецъ проволоку и пошли въ рукопашную...

Начальникъ дивизіи, донося въ штабѣ корпуса о результатахъ боя, писалъ:

„Въ ночь съ 22-го на 23-е на участкѣ между П. и С. расположенія полковъ Н. Б. и С. ввѣренной мнѣ дивизіи, непріятель впервые примѣнилъ удушливые газы. Возбужденіе войскъ, вызванное этой новой подлостью нашего врага, было настолько велико, что я вынужденъ былъ повести эти полки въ атаку. Непріятель понесъ огромныя потери, отступилъ по всему фронту. Послѣ кровопролитнаго уличнаго боя мы заняли городъ П. Взято 26 пулеметовъ, 40 орудій легкихъ 3-дюймоваго калибра и 5 тяжелыхъ 6-дюймовыхъ. Въ этомъ бою не было взято ни одного плѣннаго".

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Выданъ 28-го ноября 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 16.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ 1916 г.

52 №№ ЖУРНАЛА
52 КНИГИ, въ которыя войдетъ
40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“
вторая серія полн. собр. сочиненій Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА
полное собраніе сочиненій Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО
НОВЫЯ посмертныя сочиненія А. П. ЧЕХОВА
романъ Шарля де-Костэра „БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“ «УЛЕНСПИГЕЛЬ»
12 книгъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній
2 ГЕНЕРАЛЬНЫЯ КАРТЫ 2-хъ фронтовъ 1) западнаго (русскаго) 2) западно-европейскаго театра воен. дѣйствій изданія проф. Ю. М. Шокальскаго
12 №№ Новѣйшихъ Модъ — 12 Листовъ Рукодѣльн. Работъ и Выкроекъ
1 Отрывной Ежемѣсячный Календарь на 1916.

Подписная цѣна на годъ:

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **10 р.**

Въ Петроградѣ:		Безъ доставки:	
Безъ доставки	8 р. 50 к.	1) въ **Москвѣ**: въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.	9 р. 25 к.
Съ доставкою	9 р. 50 к.	и 2) въ **Одессѣ**: въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ“.	9 р. 50 к.

Подробное объявленіе см. въ № 44 на стр. 804а—804г.

КЪ ПРИЗЫВУ

и отбыванію воинской повинности лицами съ низш. и средн. образованіемъ.

РУКОВОДСТВО КЪ ЭКЗАМЕНУ НА ЧИНЪ

ПРАПОРЩИКА

ПѢХОТЫ, КАВАЛЕРІИ и АРТИЛЛЕРІИ,

составилъ штабсъ-капитанъ **Кругликовъ.** Изд. 6-е. 1915 г. Цѣна 3 руб.

Программы школъ прапорщиковъ и на вольноопредѣляющагося 2-го разряда, съ прилож. списка учебн. заведен. 2-го разряда, низшихъ, дающихъ право поступленія въ школы прапорщиковъ. Изд. 4-е, 1915 г. 1 р. 25 к.

Книга высыл. по полученіи **задатка** въ размѣрѣ ¼ стоимости.

Учебникъ для рядового и ратника. Цѣна 15 коп., высылается **только** книгопродавцамъ. 3851

МОСКВА, Никольская, 8. „ПРАВО“ Бусыгина.

ПАМЯТИ ПАВШИХЪ на ратныхъ поляхъ

МУЗЫКА **А. ОСТРОГЛАЗОВА.**

Для фортепіано въ 2 руки (съ хоромъ ad libitum). Цѣна 45 коп.

Списки патріотической музыки — **безплатно.** 3827

П. Юргенсонъ, МОСКВА, Неглинный пр., 14.

РЫБОЛОВЫ и ОХОТНИКИ! Требуйте за 7 коп. марку пробный № журнала „Рыболовъ и охотникъ“. Вятка, Ѳ. П. ГУЛИЛОВУ. 8855

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1916** годъ. = **31**-й г. ИЗДАНІЯ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Издается съ 1885 г. Пробный № безплатно. Одобренъ всѣми вѣдомствами

52 №№ ЖУРНАЛА БОЛЬШ. ФОРМ., въ обложкахъ, св. 1.000 стр. текста и ок. 800 иллюстрац.

52 №№ ХРОНИКА ВОЙНЫ. Описан. очевидцевъ и фотогр. снимки военныхъ корреспонд.

Въ числѣ №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ будутъ даны 12 спеціальныхъ №№

СВ. ВОИНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. Эти №№ будутъ посвящ. подвиг. защитн. род., коихъ церковь причисл. къ лику свят.

Кромѣ еженедѣльн. №№ будетъ дано, особенно цѣнное именно теперь, **ПОЛНОЕ ОПИСАНІЕ** Святой Земли въ историческомъ, археологическомъ, географическомъ, этнографическомъ, бытовомъ и др. отношеніяхъ

— РОСКОШНОЕ НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ —

въ излож. извѣстн. историч. писат. **В. П. ЛЕБЕДЕВА** **ПАЛЕСТИНА** съ предисл. изв. дух. писат, публиц. **Е. ПОСЕЛЯНИНА.**

18 КНИГЪ больш. форм., свыше 1.000 стр. текста и до 500 иллюстрацій и фотографій, воспроизведенныхъ извѣстнымъ путешественникомъ и знатокомъ Св. Земли **Л. А. Коробовымъ,** потратившимъ на свое путешествіе въ Палестину около трехъ лѣтъ, а также путешественникомъ **В. А. Мамаемъ,** извѣстнымъ лекторомъ о Святой Землѣ.

Продолжая принятый на себя трудъ дать своимъ читателямъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

Редакція „Русскаго Паломника“ въ 1916 году дастъ

10 КНИГЪ ПОЛН. СОБР. ПРОПОВѢДЕЙ, приведенныхъ въ строгую систему (на праздники, воскресные дни и дни святыхъ) и расположенныхъ въ порядкѣ годичнаго церковнаго круга. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ наше приложеніе, интересное для каждаго христіанина, особенно цѣннымъ для пастырей церкви, которые будутъ имѣть подъ руками, въ качествѣ **настольн. книги,** всѣ проповѣди знаменит. учителя церкви.

ПЕРВЫЯ 26 КНИГЪ новые подписчики могутъ получить ЗА ДОПЛАТУ:
ПОЛН. СОБР. ТВОР. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО
Вышед. въ 1914 г. 8 кн., въ 2 том. 3 р. 50 к.
Вышед. въ 1915 г. 18 кн., въ 3 том. 5 » — »
Съ перес.

Въ тяжелую годину, переживаемую нашей великой Родиной, заслуживаетъ особаго вниманія

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧН. ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛЪ свыше 1.500 стр. больш. формата. **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож.** безъ дост. въ Петрогр. 7 р. Съ дост. и перес. по Россіи **8 РУБ.**

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ въ 2 или 3 срока: **Въ 2 срока:** при подп. 4 р. и къ 1 іюля остальн. 4 р. **Въ 3 срока:** при подп. 3 р., къ 1 апр. 3 р. и къ 1 іюля 2 р.

Главная контора и редакція: ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная, 12, соб. домъ.

Редакторъ *Е. А. Поповицкій.* Издатель *П. П. Сойкинъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ. Изд. годъ 31-й.
Подписной годъ считается съ 1 ноября 1915 г. по 1 ноября 1916 г.

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

ИЛЛЮСТРИР. ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА.

Издатель **П. П. СОЙКИНЪ.** Редакторъ **П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.**

52 №№ ЖУРН., въ которыхъ будетъ помѣщено **3.000** практическихъ и удобопонятныхъ статей и отвѣтовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства.

Въ числѣ нумеровъ журнала въ 1916 году будутъ даны:

- 2 НУМЕРА РУССКОЕ СЕЛ.-ХОЗ. СѢМЕНОВОДСТВО
- 2 НУМЕРА РУССКІЯ СЕЛ.-ХОЗ. МАШИНЫ И ОРУДІЯ
- 2 НУМЕРА ЛУЧШІЯ ПОРОДЫ СКОТА И ПТИЦЫ
- 2 НУМЕРА РЕМЕСЛА, НЕОБХОДИМ. ВЪ ХОЗЯЙСТВѢ

12 КНИГЪ ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО съ многочисл. иллюстраціями.

Въ книгахъ будетъ помѣщ. около **500** практич. статей по всѣмъ отрасл. хозяйства.

12 КНИГЪ Библіотека Сельскаго Хозяина съ рисунк. и чертеж.

1) Разведеніе и храненіе кормов. корнеплодовъ. 2) Гуси и утки. 3) Разведеніе лисицъ и лисьи фермы. 4) Хлѣбопекарное и булочное производства. 5) Какъ съ выгодой хозяйничать на малоплодородн. земляхъ. 6) Торфъ, разработка его для топлива, удобренія и въ подстилку. 7) Способы истребленія сорныхъ травъ на поляхъ. 8) Сушка картофеля. 9) Какъ помогать животнымъ при родахъ. 10) Закладка новаго плодоваго сада. 11) Выдѣлка овчинъ. 12) Ядовитыя растенія.

5 полныхъ практическихъ руководствъ съ рисунками и чертежами.

1. **Кормовыя травы для засушлив. мѣстностей, ихъ воздѣлываніе.** Новѣйшее иллюстрир. практич. руководство. Сост. *Д. В. Ѳедоровъ.*
2. **Промышленное огородничество на сѣверѣ.** Съ многоч. рисунк. съ фотогр. съ натуры. Сост. старшій спеціалистъ по садов. *Н. И. Кичуновъ.*
3. **Доходная пасѣка.** Практ. иллюстр. руководство. Сост. *Н. А. Голубевъ.*
4. **Молотилки.** Съ многоч. рисунк. Спеціал. по с.-х. машиностр. *К. И. Дебу.*
5. **Луга и пастбища.** Улучшеніе и уходъ за сѣнокосн. угодьями; повышеніе доходности луговъ и пастбищъ. Старш. спец. при Деп. Земл. *В. В. Зарѣцкаго.*

2 КАПИТАЛЬН. СОЧИНЕНІЯ, НЕОБХОДИМ. СОВРЕМЕН. ХОЗЯИНУ.

1. **Русскія лѣкарственныя растенія.** Въ 2-хъ больш. томахъ: 1) **Разведеніе и сборъ русскихъ лѣкарствен. растеній, 2) Сушка и храненіе ихъ; приготовл. лѣкарств. препарат. простѣйш. способами. Лѣчебные экстракты.** *М. В. Рытова.*
2. **Лошадь. Сел.-хоз. коневодство.** Въ 2 больш. том., съ мног. иллюстр. Все, что необходимо знать сельскому хозяину о лошади съ момента рожд. ея и до старости. *П. Г. Алтухова.*

КАЛЕНДАРЬ „СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА“ на 1916-й годъ.

БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельск. хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“ со всѣми приложеніями на годъ съ дост. и пересылкой **7 РУБ.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая остальные 3 рубля.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. д.

ДЛЯ **ЦВѢТА ЛИЦА** ПРЕВОСХОДНЫЙ освѣжающій кожу элегантный кремъ **Дермозонъ** Д-ра Антона Мейеръ имѣетъ очаровательный ароматъ цвѣтущихъ розъ. Онъ является гордостью женщинъ, желающихъ сохранить свой моложавый видъ. Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстрѣе, если предварительно обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

ЧТО ТАКОЕ 4,3+2,2 ; 5.6+1,3 **если прочесть 45773.**

Отв. **ЭТО**—произведеніе 6539×7. Такъ изображены произведенія всѣхъ мыслим. чиселъ на 1, 2, 3 . . . . . . 9 въ таблиц. TIME (цѣна 60 к.). Печать крупная! Высылается нал. пл. БАКУ, С. Почтовая, 47. 3860 **В. РОМОДИНЪ.** 3-1

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

Какъ пишутся прош. и жалобы на Высочайшее Имя.

8513 Руков. цѣна 50 к. Треб. адр.: **Москва**, отд. 5, изд—ству **Д. Куманова.** 5-5

Новый законъ о ратникахъ 2-го разряда

8782 ц. съ перес. 70 коп. Треб. адр.: Москва, издательству Д. Куманова. 10 7

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ всякій, выписавшій **„Механическую пропись“.** Новость въ каллиграфіи. Цѣна съ пересылкой 85 к., нал. плат. 95 коп. Адр.: **Москва**, ред. 3868 журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. (1)

ИСКУССТВА ДОМА: имѣются всѣ принадлежности для выжиганія, выпиливанія, рисованія металлопластики, работъ гвоздями, **ГАЛЛІЯ**, терракоты. Въ большомъ выборѣ: рисунки, кисти, краски и холстъ для гобелена.

В. КРУЗЕ, бывш. А. Скронъ, ПЕТРОГРАДЪ, Морская, 23.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ высыл. за 2 семикопеечн. марки. 3847 3 1

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерч. предпріятія, сотрудникомъ или служащимъ таковаго, нельзя обойтись безъ всесторонняго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ основательно изучить бухгалтерію, коммерч. ариѳметику, коммерч. корресп., товаровѣдѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, банков. дѣло и эконом. и юрид. науки, то подпишитесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“.

Широкая научная программа, популярно-изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни.

При Редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое безплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода запросы и исправляетъ работы.

„Акад. Коммерч. Зн.“ состоитъ изъ 15 томовъ больш. формата. Цѣна по 2 руб. 25 коп. за томъ (за налож. платеж. еще 25 коп.).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ

ДЛЯ САМООБУЧЕНІЯ:

Гимназія на Дому, Академія Иностранныхъ Языковъ, Академія Коммерческихъ Знаній, Школа рисованія, живописи «Искусство для всѣхъ»

и тысячи благодарственныхъ отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. 3856 нотаріусомъ, высылаются безплатно.

Издательское Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-40.

---

27 г. изд. **„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“** 1916 г.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода — 3 р., съ пересылкой за границу — 7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки — 5 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

3854 Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ф. Михайловъ.*

Настоящимъ имѣемъ честь довести до свѣдѣнія своихъ почтенныхъ Гг. покупателей, что, какъ и всегда, у насъ имѣются

въ громадномъ выборѣ **КОЛЛЕКЦІИ УКРАШЕНІЙ ДЛЯ ЕЛКИ,** а равно **хлопушки** съ сюрпризами и костюмами, **подарки** для дѣтей и взрослыхъ, **различныя игры, занятія** и т. п. Не смотря на очень большое вздорожаніе всѣхъ вообще товаровъ мы имѣемъ возможность продавать ихъ съ надбавкой лишь 25%. Заказы просимъ присылать заблаговременно, чтобы они могли получиться къ Рождеству. **БАЗАРЪ МАРОКЪ, Петроградъ,** Невскій, 20—Н.

Такъ же высылаемъ: **Перуинъ** — для рощенія волосъ, **Угринъ**—отъ прыщей и угрей и **Ара**—слабительныя пилюли. 3820 2-3

Третій годъ изданія.

Роскошный Литерат.-худож. иллюстрированный, ежемѣсячный журналъ для дѣтей 8—13 л.

„НЕЗАБУДКА“.

Задача журнала дать чтеніе, которое, возбуждая захватывающій интересъ и отвѣчая умственнымъ запросамъ дѣтей, пробуждало бы и укрѣпляло въ нихъ благородныя стремленія духа и любовь ко всему родному.

„Незабудка“ одобрена Учебн. Ком. Свят. Син., Учен. Ком. Мин. Нар. Просв., Гл. Упр. военно-учебн. заведеній.

Подписчики въ 1916 г. получатъ: 1) 12 № журнала, свыше 900 стр., 2) „Надъ Днѣпровскими курганами“. Повѣсть исторіи Кіевской Руси. А. Платоновой. 3) „Герои“. Повѣсть изъ войны 1877—78 гг. М. Кладо. 4) „Въ лѣсу“. Очерки изъ жизни животныхъ А. Охлябининой. Приложенія иллюстрир. и стоятъ въ отдѣльн. прод. 1 р. 20 к.

Содержаніе „Незабудки“: пов., разск., стих., популярно-научн. ст., анекд., шарады и пр. Особенное вниманіе обращено на все родное. Переводн. ст. не помѣщаются.

Многочисленные отзывы печати признаютъ „Незабудку“ выдающимся дѣтскимъ журналомъ по разнообразію матеріала, живости и доступности изложенія, изяществу изданія и цѣнности приложеній.

„Незабудка“ имѣетъ обширный кругъ читателей и **необходима** въ каждой семьѣ, школѣ, библіот. и въ младш. класс. средн. учебн. завед.

Подписная цѣна „Незабудки“ 5 р. въ годъ, за гран. 7 р.; полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс.—1 р. 50 к. Пробн. № 40 к., нал. пл. 50 к.

„Незабудка“ за 1915 г. 4 р., съ перес. въ Сибирь 4 р. 50 к.

3848 Редакція: **Петроградъ. Петропавл. крѣп., 86. Тел. 104-53.** 3 1

Ред.-изд. прог. *А. Темномѣровъ.* Ред. *А. Платонова.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г. (28-й годъ изданія) на большую ежедневную политическую и литературную газету съ рисунками и фотографическими снимками (не менѣе 6 стран. большого формата въ нумерѣ. Во время войны въ послѣпраздничные дни выходятъ **добавленія** въ размѣрѣ двухъ страницъ).

РАННЕЕ УТРО

Изданіе Московскаго Т—ва Н. Л. Казецкаго, выходитъ безъ перерыва уже 27 лѣтъ.

3851

Газета прогрессивная и безпартійная. Издается по типу большихъ англійскихъ и французскихъ газетъ. Обо всемъ освѣдомлена. Даетъ свѣдѣнія только строго провѣренныя и правдивыя.

Газета даетъ со всѣхъ театровъ войны какъ русской, такъ и европейской массу новѣйшихъ телеграфныхъ извѣстій, такъ какъ имѣетъ на трехъ русскихъ театрахъ войны 10 корреспондентовъ, на европейскомъ театрѣ—12 и на Балканахъ — 6. Ежедневно помѣщается масса фотографическихъ снимковъ со всѣхъ театровъ войны отъ нашихъ спеціальныхъ корреспондент.-фотографовъ, **а также** дается много портретовъ героевъ, убитыхъ офицеровъ и воиновъ, рисунковъ, чертежей, плановъ и картъ къ ежедневнымъ обзорамъ войны. Много карикатуръ, шаржей на военныя, политическія и общественныя злобы дня.

Кромѣ военнаго, все, заслуживающее вниманія, получаетъ отраженіе въ газетѣ и иллюстрируется фот. снимками, рисунками и пр. Статьи изложены живымъ и легкимъ языкомъ. Ежедневно злободневные фельетоны изъ общей, петроградской и московской жизни. Повѣсти, разсказы, литературное чтеніе. Моды и женская жизнь, спортъ и пр.

„Раннее Утро“ одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ.

Подписная цѣна остается безъ повышенія—съ доставкой и пересылкой: на годъ—**8** р., на полгода—**5** р., на 3 мѣсяца—**2** р. **75** к., на 1 мѣсяцъ—**1** р.

Допускается разсрочка годовой подписной платы. **Адресъ: МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, 20.**

№ 48. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА**, 12 кн. **Литерат. и попул.-научн. прил.**, 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 28 ноября 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

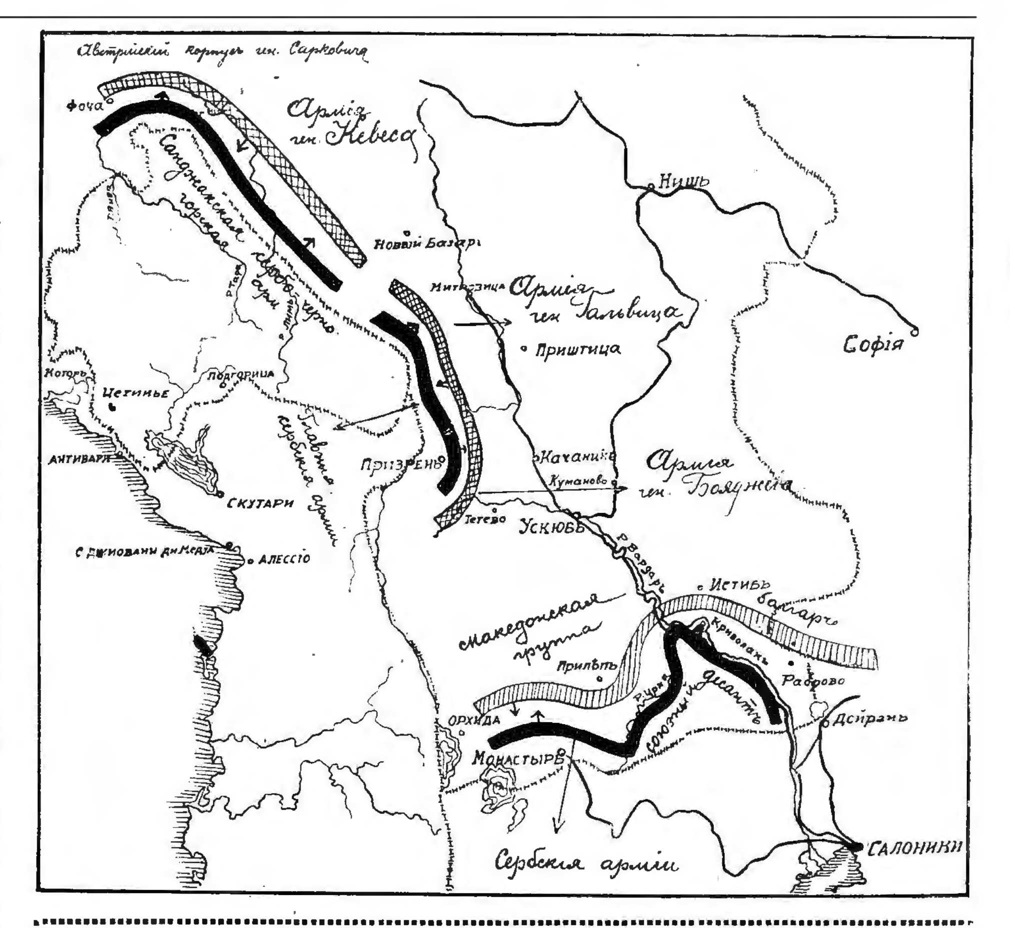
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 16.

Памятникъ на могилѣ Н. Г. Гарина-Михайловскаго на Литераторскихъ Мосткахъ Волкова кладбища въ Петроградѣ.
По фот. Я. Штейнберга.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Отходъ сербовъ къ албанской и греческой границамъ.



Карта театра военныхъ дѣйствій на Балканахъ.

Послѣ упорной кровавой борьбы, длившейся свыше мѣсяца, немногочисленная сербская армія подъ напоромъ превосходныхъ силъ австро-нѣмцевъ и болгаръ постепенно эвакуировала территорію собственно Сербіи, съ городами Бѣлградомъ, Крагуевацемъ и Нишемъ, и отошла въ предѣлы бывшаго Новобазарскаго санджака. Здѣсь сербо-черногорскія войска заняли позиціи по рѣкѣ Лимѣ и по горнымъ хребтамъ отъ австрійской Герцеговины черезъ Новобазарскій санджакъ до горнаго ущелья Качаника, находящагося въ Старой Сербіи, недалеко отъ Ускюба.

Къ этому времени сербо-черногорскія войска образовывали три отдѣльныя группы: санджакскую армію, главныя сербскія силы и македонскую группу сербовъ, дѣйствовавшую совмѣстно съ союзнымъ десантомъ въ южной Македоніи.

Упомянутыя выше санджакская армія и главныя силы сербовъ занимали послѣ отхода отъ Ниша и Крагуеваца фронтъ, тянувшійся отъ Герцеговины черезъ Новобазарскій санджакъ до Качаника.

Главному натиску австро-германцевъ подвергались въ Новобазарскомъ санджакѣ главныя силы сербовъ, опиравшіяся на линію Митровица—Приштина, и санджакская сербо-черногорская армія, расположенная нѣсколько сѣвернѣе и западнѣе,—частью въ Герцеговинѣ, частью въ Новобазарскомъ санджакѣ на рѣкѣ Лимѣ. Противъ этихъ двухъ находящихся рядомъ войскъ—санджакской арміи и главныхъ силъ сербовъ — и дѣйствовали главныя массы наступающихъ австро-германцевъ и болгаръ въ составѣ армій: австро-венгерской — Кевеса, германской—Гальвица, первой болгарской — Бояджева и второй болгарской—Тодорова. Противъ македонской группы сербовъ и союзнаго десанта дѣйствовала отдѣльная македонская группа болгаръ, бывшая вначалѣ въ составѣ двухъ дивизій, а потомъ усиленная за счетъ болгарскихъ армій Бояджева и Тодорова, повидимому, до четырехъ дивизій, т.-е. до 100 — 120 тысячъ человѣкъ.

Изъ этого видно, что австро-германцы и болгары дѣйствовали, въ свою очередь, также двумя группами, при чемъ одна, бо́льшая группа, гдѣ были обѣ арміи Макензена и двѣ болгарскія арміи, наступала противъ главныхъ силъ сербовъ и санджакской арміи, а меньшая группа вела отдѣльную операцію въ южной Македоніи противъ македонской группы сербовъ и союзнаго десанта.

Обратимся къ дѣйствіямъ главныхъ массъ Макензена противъ главныхъ силъ сербовъ и санджакской арміи. Главныя силы сербовъ, какъ мы указывали выше, были въ десятыхъ числахъ ноября расположены на фронтѣ Митровица—Приштина—Качаникъ. Онѣ были атакованы большей частью арміи Кевеса, всей арміей Гальвица, первой болгарской арміей Бояджева и частью второй болгарской арміи Тодорова. При этомъ арміи Кевеса, Гальвица и Бояджева наступали на сербовъ съ фронта, а армія Тодорова охватывала съ юга правый флангъ сербовъ, прикрытый Качаникскимъ ущельемъ. Поэтому въ Качаникскомъ ущельѣ сраженіе затянулось и отличалось большимъ ожесточеніемъ, ибо ясно, что сербы не пускали болгаръ къ Качаникскому ущелью, чтобы задержать болгарскій обходъ.

Другая часть арміи Кевеса наступала противъ санджакской арміи, при чемъ рядомъ съ Кевесомъ, сѣвернѣе, дѣйствовалъ отдѣльный австрійскій корпусъ генерала Саркотича, стремившійся охватить санджакскую армію со стороны ея лѣваго фланга, находившагося въ Герцеговинѣ, у Фочи и Вышеграда.

Такимъ образомъ обѣ главныя группы сербовъ—ихъ главныя силы и санджакская сербо-черногорская армія— были охвачены съ обоихъ фланговъ: съ сѣвера лѣвое крыло охватывалось корпусомъ Саркотича изъ Герцеговины, а съ юга правое крыло сербовъ охватывалось у Качаника арміей Тодорова. Этотъ охватъ обоихъ фланговъ, который обыкновенно намѣчаетъ полное тактическое окруженіе, и далъ поводъ австро-германцамъ и болгарамъ увѣрять, что они окружатъ сербовъ и вынудятъ ихъ къ капитуляціи. Однако сербы и черногорцы, охваченные съ обоихъ фланговъ, съ необыкновеннымъ мужествомъ продолжали оказывать упорное сопротивленіе въ Новобазарскомъ санджакѣ на позиціяхъ, расположенныхъ на горныхъ хребтахъ Шаръ-Планина и Копоникъ-Планина. Противъ обходовъ же сербы вели бои: противъ обхода праваго крыла--въ Качаникскомъ ущельѣ, гдѣ небольшая часть сербскихъ войскъ могла, благодаря узкому мѣсту, сдерживать большія силы болгаръ, а противъ обхода лѣваго крыла черногорцы искусно отбивались на горныхъ позиціяхъ въ Герцеговинѣ, у Фочи и Вышеграда.

Такое длительное сопротивленіе при охватѣ съ обоихъ фланговъ, угрожавшемъ полнымъ окруженіемъ, было необходимо сербамъ не столько въ виду общихъ стратегическихъ соображеній, вынуждавшихъ ихъ удерживаться до прибытія подкрѣпленій отъ союзниковъ, но и вслѣдствіе того, что предстояло дать возможность отойти обозамъ и тяжелымъ военнымъ грузамъ, частью въ Черногорію, частью въ Албанію.

Силы сербовъ въ этомъ кровопролитномъ сраженіи исчислялись нѣмецкими обозрѣвателями въ 150 тысячъ, тогда какъ силы австро-нѣмцевъ и болгаръ, имѣвшихъ до 23 дивизій, несомнѣнно превышали сербскія силы болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Тяжелое положеніе сербовъ находилось не только въ зависимости отъ того, что силы противника были столь многочисленны, но также и отъ того, что сербамъ все время приходилось прикрывать пути въ сѣверную Албанію, такъ какъ въ сѣверной Албаніи находилась гавань С.-Джіованни-ди-Медуа, служившая базой для сербской арміи. Это былъ единственный портъ, при помощи котораго сербы могли сообщаться съ союзниками черезъ сѣверную Албанію и получать отъ нихъ необходимое имъ снабженіе.

Вполнѣ понятно, что послѣ того, какъ сербы должны были очистить территорію собственно Сербіи и отойти въ Новобазарскій санджакъ къ границамъ Черногоріи и Албаніи, они уже не имѣли возможности пользоваться средствами своей страны и имѣвшимися въ Крагуевацѣ складами военныхъ снабженій, почему дальнѣйшая оборона сербовъ всецѣло зависѣла отъ того, насколько удастся союзникамъ поддерживать снабженіе сербо-черногорской арміи продовольствіемъ и военными припасами. Такъ какъ это снабженіе шло черезъ С.-Джіованни-ди-Медуа на албанское побережье, а оттуда по долинѣ рѣки Дрина къ Призрѣну, то главнымъ сербскимъ силамъ неминуемо предстояло отступать въ сѣверную Албанію, на прикрытіе этого пути по Дрину къ С.-Джіованни-ди-Медуа. Въ Черногорію же могла отходить лишь сравнительно небольшая санджакская армія.

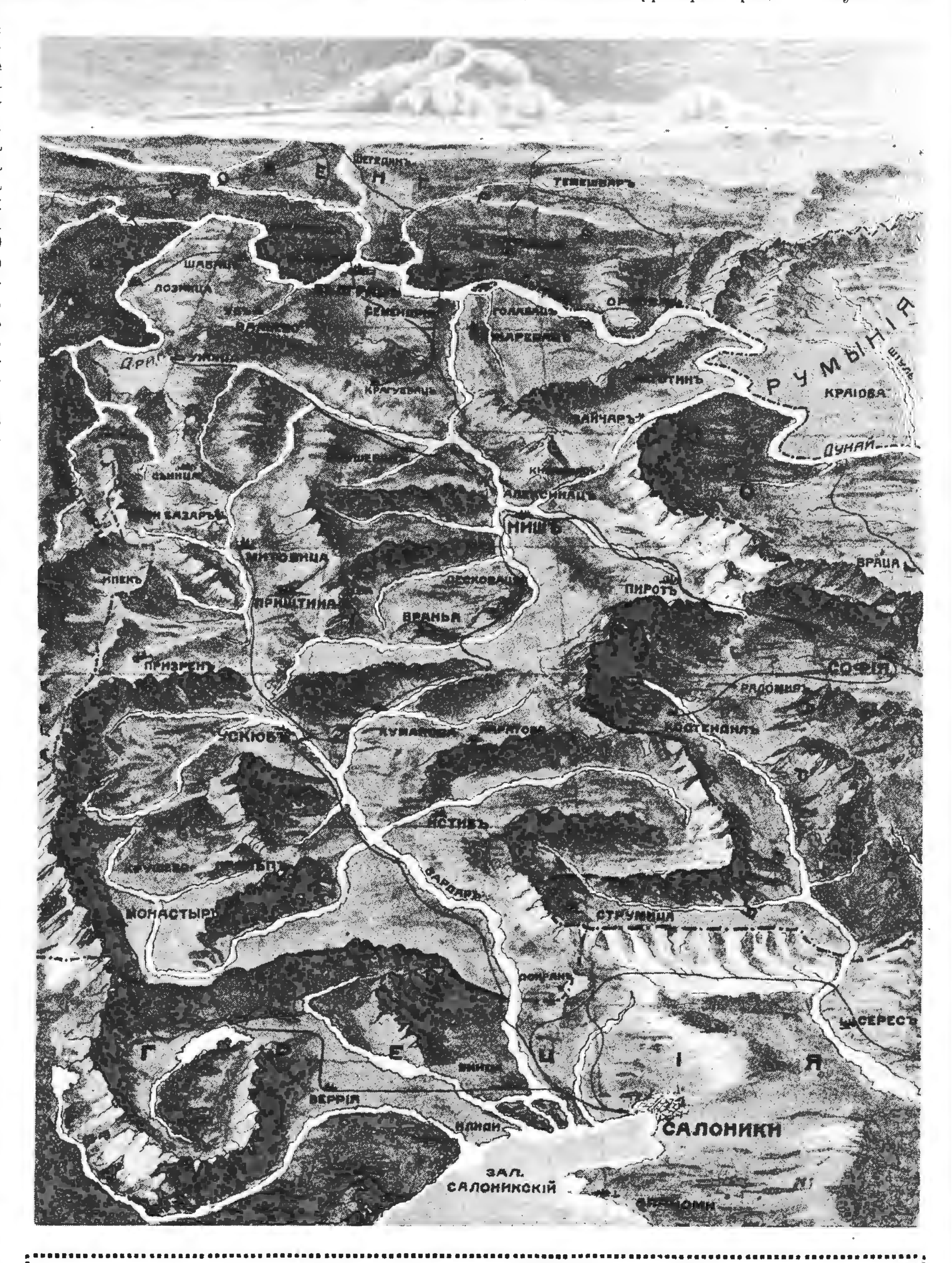
При такихъ условіяхъ въ серединѣ ноября сербы подъ натискомъ противника должны были отойти съ своихъ позицій въ Новобазарскомъ санджакѣ и очистить Митровицу и Приштину. Тогда Макензенъ произвелъ, какъ бы при помощи движенія въ полъ-оборота, перемѣщеніе своихъ и болгарскихъ армій къ югу и повелъ наступленіе на Призрѣнъ, стремясь выйти на дорогу, идущую по рѣкѣ Дрину къ Скутари и С. Джіованни-ди-Медуа.

Это движеніе главныхъ массъ австро-нѣмцевъ и болгаръ на Призрѣнъ, а слѣдовательно и на С.-Джіованни-ди-Медуа обнаружило намѣреніе противника вынудить сербовъ отойти въ Черногорію и путемъ овладѣнія С.-Джіованни-ди-Медуа, единственной базой сербовъ, лишить возможности сербскую армію сопротивляться. Въ то же время санджакская армія отошла черезъ границу въ предѣлы Черногоріи.

Изъ этого видно, что въ серединѣ ноября стало назрѣвать окончательное рѣшеніе всей сербской операціи: главныя сербскія силы стояли у границъ сѣверной Албаніи, защищая путь отъ Призрѣна на С.-Джіованни-ди-Медуа, а санджакская армія вступила въ предѣлы Черногоріи, и въ общемъ арміи Макензена предстояло одолѣть еще 100 верстъ пути до Адріатическаго моря, чтобы сломить сопротивленіе сербовъ. Такимъ образомъ можно было ждать рѣшительнаго сраженія, гдѣ небольшія сербскія силы должны были выполнить исключительно трудную задачу—не пустить далѣе противника на этихъ послѣднихъ 100 верстахъ, остававшихся ему до моря. Въ случаѣ же, если бы, вслѣдствіе неравенства силъ, оказалось невозможнымъ принять бой, сербамъ предстояло отойти въ Черногорію и здѣсь продолжать дальнѣйшую героическую борьбу въ исключительно трудныхъ условіяхъ, ибо при отходѣ сербовъ въ Черногорію противникъ занялъ бы С.-Джіованни-ди-Медуа, что лишило бы сербовъ морской связи съ союзниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и снабженія.

Одновременно съ тѣмъ, какъ сербо-черногорскія войска отошли въ предѣлы Черногоріи и сѣверной Албаніи, болгарская армія Тодорова заняла Качаникское ущелье. Какъ мы указывали выше, близъ Качаника находится Ускюбъ, на который опиралась македонская группа болгаръ. Поэтому съ занятіемъ Качаникскаго перевала македонская группа болгаръ должна была усилиться за счетъ арміи Тодорова, что, повидимому, и вызвало наступленіе македонской группы болгаръ къ югу, противъ союзнаго десанта и македонской группы сербовъ.

Союзный десантъ въ это время занималъ позицію верстахъ въ 15—20 впереди греческой границы, на рѣкѣ Црнѣ или Черной, до Криволака. Рядомъ съ нимъ и нѣсколько къ западу располагалась македонская группа сербовъ у Прилѣпа. Здѣсь, у Прилѣпа, въ теченіе свыше недѣли шло упорное сраженіе между сербами и болгарами, при чемъ болгары сначала заняли Прилѣпъ, но потомъ сербы его вернули.



Рельефная карта театра военныхъ дѣйствій на Балканахъ.

Послѣ усиленія македонской группы болгаръ, послѣдніе, перейдя въ наступленіе, снова заняли Прилѣпъ, вслѣдствіе чего войска союзнаго десанта оказались нѣсколько выдвинутыми впередъ, и болгары имѣли возможность угрожать ихъ лѣвому флангу. Это обстоятельство вынудило войска союзнаго десанта отойти на правый берегъ рѣки Црны, т.-е. податься назадъ, въ сторону греческой границы.

Между тѣмъ болгары, овладѣвъ Прилѣпомъ и потѣснивъ небольшую македонскую группу сербовъ, подошли на 11 километровъ къ Монастырю, что вынудило сербовъ приготовиться къ эвакуаціи этого города. При такихъ условіяхъ и македонская группа сербовъ и союзный десантъ, въ общемъ, подались назадъ, къ греческой границѣ, и оказались отъ нея въ 12—16 верстахъ.

Поэтому дипломатіи пришлось принять энергичныя мѣры, чтобы гарантировать спокойный отходъ македонской группѣ сербовъ и частямъ союзнаго десанта на территорію Греціи въ случаѣ, если бы такой отходъ понадобился. По газетнымъ извѣстіямъ, Греція обязалась не разоружать сербскихъ войскъ въ случаѣ отхода ихъ на греческую территорію. Но остался неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, что будутъ дѣлать греки въ случаѣ, если за сербами и союзнымъ десантомъ послѣдуютъ на греческую территорію и болгарскія войска, т.-е. пустятъ ли греки болгаръ, или же окажутъ имъ сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ такомъ сложномъ положеніи назрѣвало окончательное разрѣшеніе новой балканской войны какъ на сѣверѣ, у границъ Албаніи, гдѣ массы противника стремились наступать на С.-Джіованни-ди-Медуа и этимъ лишить сербовъ возможности къ дальнѣйшему сопротивленію, такъ и на югѣ, гдѣ массы болгаръ перешли въ наступленіе, стараясь прижать македонскую группу сербовъ и войска союзнаго десанта къ греческой границѣ.

Кровь, вопіющая къ небу.

Миссъ Эдитъ Кавель.

(Портр. на этой стр.).

Казалось бы, трудно было германцамъ поразить міръ новыми кровавыми преступленіями послѣ всего того, что они сдѣлали въ Бельгіи, Франціи, Сербіи и Польшѣ надъ безоружнымъ и

Миссъ Эдитъ Кавель—англійская сестра милосердія въ Брюсселѣ, казненная нѣмцами.

беззащитнымъ мирнымъ населеніемъ, надъ дѣятелями и носителями Краснаго Креста, надъ служителями Церкви... Казалось, что мѣра злодѣяній исчерпана, но совершено новое злодѣяніе, и это новое оскорбленіе нашей христіанской морали, нанесенное нѣмцами, будетъ, какъ неугасимая купина, горѣть въ сердцѣ каждаго человѣка, еще не утратившаго вѣру въ общечеловѣческіе идеалы.

Въ Брюсселѣ разстрѣляна нѣмцами англійская сестра милосердія миссъ Эдитъ Кавель.

Миссъ Эдитъ Кавель обвинили въ томъ, что она способствовала побѣгу плѣнныхъ англичанъ и бельгійцевъ.

Эта „политическая казнь", какъ выражаются нѣмцы, является, въ сущности, простымъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе гнуснымъ, что оно было направлено противъ беззащитной женщины, и по обвиненію, не только недостаточно доказанному, но и просто нечестному, ибо, по толкованію нѣмцевъ, способствуетъ побѣгу всякій, кто обогрѣетъ и накормитъ встрѣтившагося ему человѣка, кто перевяжетъ ему раны, не спрашивая, кто онъ — бѣглый плѣнный, или просто первый встрѣчный „ближній", котораго Христосъ заповѣдалъ любить, какъ самого себя.

Миссъ Эдитъ Кавель была лицомъ хорошо извѣстнымъ и даже популярнымъ въ Брюсселѣ задолго до войны. Англичанка по происхожденію, дочь англійскаго священника, она съ 1906 г. поселилась въ Брюсселѣ, работая въ качествѣ сестры милосердія въ мѣстномъ Клиническомъ хирургическомъ институтѣ. Въ 1909 году она основала тамъ же школу сестеръ милосердія, и съ этого времени упрочилась ея популярность въ бельгійской столицѣ. Когда началась европейская война, школа, основанная миссъ Кавель, сдѣлалась однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и видныхъ пунктовъ, гдѣ оказывалась помощь раненымъ, независимо отъ ихъ національности. Миссъ Кавель и ея помощницы не дѣлали никакого различія между ранеными, оказывая одинаково помощь и англичанамъ, и французамъ, и бельгійцамъ, и нѣмцамъ. Въ этомъ поистинѣ христіанскомъ учрежденіи, руководимомъ истинной христіанкой, „милосердной самарянкой", царила любовь къ человѣчеству.

Въ началѣ августа с. г. миссъ Эдитъ Кавель была схвачена нѣмецкими властями и заключена въ тюрьму. За что?—Ее обвинили въ „пособничествѣ бѣглымъ плѣннымъ".

Режимъ, которому подвергли сестру милосердія, отличался жестокостью. Мало того: вся процедура преслѣдованія Эдитъ Кавель была обставлена какой-то нарочитой секретностью и таинственностью. Нѣмцы, очевидно, хотѣли сдѣлать изъ Эдитъ Кавель важную государственную преступницу и превратить ея дѣло въ чрезвычайно серьезный государственный процессъ. Послѣднее почти удалось имъ — съ той только разницей, что процессъ Эдитъ Кавель сталъ дѣломъ не только государственнымъ, но и общечеловѣческимъ.

За миссъ Кавель немедленно вступился дипломатическій представитель Соединенныхъ Штатовъ въ Брюсселѣ, министръ Брандъ Уитлокъ, взявшій на себя по порученію Англіи защиту интересовъ англійскихъ подданныхъ въ Брюсселѣ. Онъ обратился къ нѣмецкому представителю въ Брюсселѣ барону Ланкену съ просьбой сообщить причину ареста миссъ Кавель и предоставить ему возможность навѣстить арестованную въ тюрьмѣ и заручиться для нея адвокатской помощью. Обращеніе Уитлока осталось безъ отвѣта, и только послѣ повторныхъ просьбъ и требованій нѣмецкій сановникъ отвѣтилъ высокомѣрнымъ и презрительнымъ отклоненіемъ всѣхъ домогательствъ американскаго дипломата.

Весь „процессъ" миссъ Кавель протекъ въ глубокой тайнѣ. Ее судили военнымъ судомъ, при чемъ судили ее заурядъ, заодно съ какими-то другими 34 обвиняемыми по разнымъ дѣламъ. Ей былъ предоставленъ защитникъ-нѣмецъ, обѣщавшій-было Уитлоку держать его въ курсѣ дѣла, но постыдно несдержавшій обѣщанія. „Защита" была, конечно, миѳическая, ибо судьба миссъ Кавель была заранѣе предрѣшена. Ее приговорили къ смертной казни...

Приговоръ былъ произнесенъ 11-го октября. Но когда Уитлокъ и маркизъ Виллалобаръ, представитель испанскаго правительства, также взявшій на себя хлопоты о миссъ Кавель, навели справку о ней у барона Ланкена и просили допустить къ миссъ Кавель англійскаго священника Гахана,- Ланкенъ отвѣтилъ, что приговоръ еще не состоялся и будетъ вынесенъ не ранѣе, какъ черезъ два дня. Узнавъ однако изъ частныхъ источниковъ, что миссъ Кавель уже приговорена къ смерти, американскій и испанскій посланники возобновили свои попытки предъ нѣмецкими властями. На этотъ разъ Ланкенъ принужденъ былъ сознаться, что миссъ Кавель уже присуждена къ смерти, и что приговоръ утвержденъ намѣстникомъ Биссингомъ.

Единственно, чего удалось добиться защитникамъ миссъ Кавель — это того, что къ ней все-таки былъ допущенъ священникъ Гаханъ, который и напутствовалъ миссъ Кавель въ лучшій міръ и провелъ съ нею нѣсколько часовъ передъ казнью. Впрочемъ, передъ самой казнью его удалили, и послѣднія минуты съ осужденной провелъ нѣмецкій священникъ.

Миссъ Эдитъ Кавель была казнена или, точнѣе, убита нѣмецкимъ офицеромъ въ 2 часа утра 12-го октября с. г.

Несмотря на то, что исполненіе приговора было обставлено величайшей таинственностью, подробности убійства вскорѣ сдѣлались достояніемъ общества. Эти подробности поистинѣ ужасны.

Приговоренную вывели въ темнотѣ въ маленькій садикъ около тюрьмы. Нѣмецкій офицеръ выстроилъ взводъ изъ шести солдатъ. Миссъ Кавель отказалась завязать глаза. Но когда она увидѣла направленныя на нее ружья, съ ней сдѣлался обморокъ. Она упала. Солдаты невольно опустили ружья. Тогда къ миссъ Кавель, лежавшей въ безсознательномъ состояніи, подошелъ офицеръ и въ упоръ выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера...

Кто этотъ убійца? Исторія, конечно, откроетъ его имя...

Миссъ Кавель передъ казнью заявила Гахану, что не боится смерти. „Я видѣла смерть такъ часто, -сказала она: - что она не представляется мнѣ ни странной ни ужасной".

Но намъ, но всему цивилизованному міру, эта смерть представляется и ужасной и чудовищной... Это еще одинъ изъ тѣхъ тяжкихъ гвоздей, которыми навсегда заколачивается въ могилу легенда о германской культурности и нравственности.

Можно утѣшаться только однимъ: не пропадутъ безслѣдно такія чудовищныя злодѣянія. Въ нихъ чувствуется безсмертіе человѣческой жизни и личности: безсмертіе жертвы и безсмертіе палачей, они не уйдутъ отъ карающей десницы!

„Виргилій насѣкомыхъ".

Жанъ-Анри Фабръ.

(Портр. на этой стр.).

Скончался знаменитый энтомологъ Жанъ-Анри Фабръ, авторъ замѣчательнаго труда „Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ". „Виргиліемъ насѣкомыхъ" назвалъ Фабра французскій поэтъ Ростанъ во время чествованія его нѣсколько лѣтъ тому назадъ Французской Академіей. Фабръ былъ не просто ученый, не просто энтомологъ-наблюдатель: онъ былъ поэтъ и художникъ въ своей дѣятельности и не только описалъ нравы насѣкомыхъ, но поистинѣ воспѣлъ ихъ, какъ Виргилій воспѣвалъ своихъ античныхъ героевъ. Читая удивительныя страницы его „Энтомологическихъ воспоминаній" („Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ"), видишь предъ собою въявь, какъ живетъ, что дѣлаетъ и даже что чувствуетъ какая-нибудь оса, или жужелица. Пчелы, муравьи, жуки, пауки—въ жизни каждаго изъ этихъ насѣкомыхъ поэтъ-энтомологъ видѣлъ и заставлялъ насъ видѣть цѣлыя драмы, трагедіи и даже фарсы. Его описанія той или иной твари—настоящія поэмы въ прозѣ...

Фабръ достигъ болѣе, чѣмъ преклоннаго возраста: онъ скончался на 93-мъ году жизни. Перелистывая страницу за страницей въ великой книгѣ природы, онъ прожилъ почти двѣ человѣческихъ жизни. И до самыхъ послѣднихъ своихъ дней сохранилъ свѣтлый умъ и живую работоспособность. Онъ лишь все рѣже и рѣже выходилъ изъ своей рабочей комнаты, изъ своей „лабораторіи", гдѣ у него выводились изъ куколокъ насѣкомыя, и гдѣ онъ, по собственному признанію, устраивалъ въ банкахъ и стеклянныхъ ящикахъ цѣлыя представленія, дѣйствующими лицами которыхъ были осы, тарантулы, муравьи и прочія маленькія существа... До послѣдней своей минуты „Виргилій насѣкомыхъ" не переставалъ наблюдать своими старческими, но все еще острыми глазами этотъ своеобразный мірокъ.

Знаменитый энтомологъ—сынъ простого крестьянина. Онъ родился въ 1823 году въ Провансѣ, въ Сенъ-Леонѣ. Еще ребенкомъ онъ проявлялъ страстный интересъ къ жизни насѣкомыхъ. „Насколько я могу себя припомнить,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—я приходилъ въ совершенный экстазъ предъ великолѣпіемъ навозныхъ жуковъ, или при видѣ разукрашенныхъ крыльевъ бабочки. Мальчикомъ 5—6 лѣтъ, еще въ дѣтскомъ передникѣ, я забывалъ все на свѣтѣ, наблюдая за движеніями ночной бабочки, залетѣвшей въ комнату на огонь лампы"...

Ученіе Фабру досталось съ большимъ трудомъ. Окончивъ школьный курсъ, онъ поступилъ въ народные учителя и долгое время несъ тягостное для него бремя учительскаго труда, признаваясь, что трудъ этотъ былъ для него „тѣмъ ядромъ, которое каторжникъ таскаетъ на своей ногѣ, будучи прикованъ къ нему". Увлеченіе міромъ насѣкомыхъ сказывалось у него все сильнѣе и сильнѣе. Но только спустя долгое время Фабру удалось покончить съ „тасканіемъ ядра" и отдаться всецѣло своей любимой дѣятельности. Ему удалось пріобрѣсти небольшой земельный участокъ въ Сериньянѣ, и тамъ Фабръ устроилъ свою первую энтомологическую лабораторію подъ открытымъ небомъ, на опаленномъ солнцемъ пустырѣ. Этотъ пустырь, прославленный въ его „Воспоминаніяхъ", существуетъ и понынѣ, окруженный разросшимися оливами и виноградниками.

Въ этомъ спокойномъ уголкѣ Фабръ провелъ почти всю свою долгую жизнь. Здѣсь были имъ написаны его классическія „Энтомологическія воспоминанія". Здѣсь протекла и вся его дальнѣйшая работа по изслѣдованію насѣкомыхъ. Пустырь зарасталъ бурьяномъ, разрастались оливы, старѣлъ и сѣдѣлъ самъ хозяинъ пустыря, но дни его проходили, похожіе одинъ на другой, безъ всякихъ внѣшнихъ событій и потрясеній. Фабра долго не признавали въ ученомъ мірѣ, считали его дилетантомъ, подсмѣивались надъ нимъ. И это даже послѣ того, какъ самъ великій

„Виргилій насѣкомыхъ" — Жанъ-Анри Фабръ, знаменитый французскій энтомологъ, умершій на 93-мъ году жизни.

Дарвинъ привѣтствовалъ въ Фабрѣ „великаго ученаго и неподражаемаго наблюдателя". Лишь когда Фабру минуло 80 лѣтъ, французская наука спохватилась и замѣтила, что въ рядахъ ея дѣятелей имѣется блестящій естествоиспытатель, Жанъ-Анри Фабръ... Это было въ 1910 году. Въ честь Фабра были тогда устроены торжественныя празднества, была выбита особая медаль, и Академія, которая ранѣе отказывалась признавать за его работами научное значеніе, привѣтствовала Фабра, какъ „Виргилія насѣкомыхъ".

Въ 1912 году великій энтомологъ былъ удостоенъ преміи Нобеля. Эта премія достойно увѣнчала его труды и всю его отшельническую жизнь, посвященную замѣчательнымъ изслѣдованіямъ.

Женщины-героини.

Ни въ одной странѣ литература не отозвалась такъ горячо на разыгравшіяся въ Европѣ кровавыя событія, какъ во Франціи. Французскій книжный рынокъ буквально заваленъ книгами, брошюрами и листками, посвященными войнѣ.

Конечно, въ силу отсутствія времени, необходимаго для подробнаго изслѣдованія происходящихъ событій, эта литература въ значительной части лишена значенія и авторитета такъ называемой литературы серьезной. Но она на это и не претендуетъ.

Цѣль книжекъ о войнѣ, льющихся широкимъ потокомъ на полки французскихъ книжныхъ магазиновъ, - не дать остыть интересу французскаго общества, французскаго народа къ войнѣ, возбудить, подогрѣть то воодушевленіе, съ которымъ Франція приняла дерзкій вызовъ своей зазнавшейся сосѣдки.

Соотвѣтственно этой задачѣ, французская литература о войнѣ нѣсколько экспансивна, даже наивна. Но, благодаря, быть-можетъ, именно этимъ двумъ характернымъ для французовъ чертамъ, она достигаетъ своей цѣли.

Яркимъ образцомъ этой литературы является только-что выпущенная въ циклѣ изданій „1914—1915" книга Поля Дивуа „Femmes et gosses héroïques", изъ которой приводимъ два наиболѣе характерные разсказа.

I. Сестры-патріотки.

Въ 1912 году два германца, братья Ульрихъ и Вильгельмъ, приняли французское подданство и, женившись на двухъ сестрахъ-француженкахъ, поселились на границѣ Люксембурга, въ

На кавказскомъ фронтѣ. Воловій транспортъ на рѣкѣ Дели-Баба.

маленькой деревушкѣ Вилеру, гдѣ открыли торговлю аптекарскими товарами.

Молодые зажили счастливо и спокойно, такъ какъ дѣла ихъ пошли хорошо. Единственная родственница сестеръ, старая бабушка, радовалась, глядя на ихъ счастье.

Настало 16/29 іюля 1914 года. Въ этотъ день Ульрихъ и Вильгельмъ казались сильно озабоченными. На настойчивые вопросы женъ они отвѣчали, что ихъ безпокоятъ слухи о предстоящей войнѣ, при этомъ Ульрихъ добавилъ:

— Если будетъ война, намъ придется переѣхать въ Лонгвиль!

На слѣдующій день, 17-го іюля, было рѣшено, что обѣ молодыя женщины отправятся въ Лонгвиль къ бабушкѣ подготовить все на случай, если бы имъ пришлось покинуть родную деревню.

Сестры отправились въ путь, но бабушки въ Лонгвилѣ не оказалось, и онѣ вернулись въ тотъ же день, около девяти часовъ вечера.

Настроеніе по всей пограничной полосѣ было въ это время уже очень тревожно. Жители заперлись въ домахъ. Сквозь закрытыя окна не доносилось ни звука. Дороги были пустынны.

Сестры шли торопливо. Общее настроеніе передалось имъ, и ихъ охватила смутная тревога.

Наконецъ онѣ подошли къ дому. Вошли въ садъ. Здѣсь было тихо. Яркія звѣзды блестѣли сквозь листву деревьевъ. Легкій вѣтерокъ разносилъ ароматъ цвѣтовъ. Покоемъ повѣяло на сестеръ отъ знакомой картины родного угла. Все тревожное осталось позади, за рѣшеткой сада, и смѣшными показались слухи о войнѣ.

Онѣ подошли къ двери. Сквозь неплотно задернутыя занавѣси на раскрытыхъ настежь окнахъ пробивался яркій свѣтъ. За столомъ сидѣли четверо: ихъ мужья и двое германскихъ уланъ.

— Мы одни!— сказалъ Ульрихъ. Можемъ спокойно обсудить наше дѣло.

— Увѣренъ ли ты, что взялъ достаточную дозу?—спросилъ одинъ изъ уланъ.

— О, да! Приготовленнаго мною стрихнина достаточно, чтобы отравить не одинъ гарнизонъ. Чортъ возьми! Удобно быть французомъ и поставщикомъ вина для гарнизона!

Роза и Марта оцѣпенѣли. Имъ казалось, что онѣ сходятъ съ ума.

Ихъ мужья хотятъ отравить французскихъ солдатъ! Это было чудовищно.

Марта схватила за руку сестру. Обѣ неслышными шагами вошли въ домъ. Обезсиленная Роза почти упала на стулъ. Сестра ея тихо скользнула въ магазинъ, гдѣ послышалось бульканье переливаемой жидкости. Потомъ возвратилась и стала говорить.

Она говорила сестрѣ о томъ, какъ обманули ихъ чужеземцы, именующіе себя ихъ мужьями. Говорила, что онѣ обѣ были не женами, а лишь оружіемъ въ рукахъ враговъ, замыслившихъ предать ихъ соотечественниковъ. Говорила, что страданіе ихъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что должно было бы случиться, но чему онѣ обязаны помѣшать. Онѣ были глупы, довѣрчивы. Имъ нужно искупить свою вину. Одно преступленіе должно предотвратить другое, болѣе ужасное.

Спокойныя, даже веселыя, вошли сестры въ комнату. Четыре собесѣдника съ испугомъ вскочили.

Но молодыя женщины успокоили ихъ, объяснивъ причину своего преждевременнаго появленія и прибавивъ, что гостямъ онѣ очень рады. Вѣдь присутствіе нѣмецкихъ уланъ у нихъ за столомъ доказываетъ, что всѣ слухи о войнѣ вздорны. Марта любезно предложила выпить бутылку стараго вина за миръ, согласіе и доброе отношеніе сосѣдей. Всѣ чокнулись.

На утро сестры покинули свой домъ. Въ эту ночь онѣ овдовѣли.

II. Гредель.

Когда вспыхнула война, германцы взяли въ числѣ многихъ другихъ въ качествѣ заложника и меня. Сначала насъ привезли въ Бавьеръ. Потомъ перевезли въ герцогство Баденское, немного южнѣе Фрибурга.

Размѣстили въ баракахъ. Жилище было довольно комфортабельно. Но кормили насъ отвратительно. Поблизости былъ погребокъ, гдѣ мы, конечно, могли бы восполнить недостаточность выдаваемой пищи. Но лагернымъ начальствомъ намъ запрещено было имѣть при себѣ деньги.

Впрочемъ, содержатель погребка саксонецъ Одонъ Сторъ, съ изворотливостью истаго шваба, нашелъ способъ обойти это невыгодное, прежде всего для него, запрещеніе. Наведя справки

На кавказскомъ фронтѣ. Развѣдчики Манчжурской сотни.

о каждомъ изъ насъ, онъ открылъ широкій кредитъ тѣмъ, кто внушилъ ему больше довѣрія.

Среди плѣнныхъ была четырнадцатилѣтняя дѣвочка, бѣлокурая эльзаска; звали ее Гредель. По соображеніямъ, только ей одной извѣстнымъ, она приняла должность служанки въ погребкѣ. Поступокъ этотъ возстановилъ противъ нея всѣхъ остальныхъ военноплѣнныхъ. Къ ней стали дурно относиться и не разъ бранью и упреками доводили до слезъ. Тогда я выступалъ въ ея защиту. Это насъ сблизило: мы подружились.

Однажды утромъ я, по обыкновенію, пришелъ въ погребокъ. Подавая мнѣ завтракъ, Гредель шепнула:

— Сегодня вечеромъ я собираюсь бѣжать!

Отъ неожиданности я чуть не уронилъ поданной мнѣ тарелки.

Какъ ни въ чемъ не бывало, она продолжала:

— Если хотите, бѣжимъ вмѣстѣ! Придите сюда въ пять часовъ. Пейте и притворитесь пьянымъ!

Весь день я убѣждалъ себя, что бѣжать изъ столь хорошо охраняемаго лагеря немыслимо, и что даже всякая попытка въ этомъ направленіи—безуміе.

Но когда пробило пять часовъ, я былъ въ погребкѣ. Я пилъ стаканъ за стаканомъ, услужливо подаваемые Гредель. Потребовалъ шампанскаго, но самъ его не пилъ, а по знаку Гредель угостилъ Одона.

Опорожнивъ бутылку, Одонъ свалился и захрапѣлъ. Оглянувшись, я увидѣлъ Гредель. Она вошла съ пустой бутылкой, тихо засмѣялась и сказала:

— Пойдемъ!

Я послѣдовалъ за нею. Сердце у меня колотилось, конечно, сильнѣе обыкновеннаго. Со страхомъ оглядывался я, боясь наткнуться на часового. Точно угадывая мои мысли, Гредель потянула меня въ сторону и указала на неподвижно лежащую фигуру.

— Я напоила и его. Онъ не скоро встанетъ! — сказала она и увлекла меня дальше.

Невдалекѣ чернѣлъ лѣсъ. На опушкѣ его стояла хижина дровосѣка. Здѣсь для насъ была приготовлена другая одежда. Мы кинулись бѣжать. Это была ужасная ночь. Морозило. Но я весь былъ въ поту. Ноги едва двигались отъ усталости.

Стало свѣтать. Вдругъ Гредель остановилась и, протянувъ руку, показала мнѣ:

— Швейцарская граница!

Спасены. На глазахъ у меня выступили слезы.

На кавказскомъ фронтѣ
Верблюдъ съ его вожакомъ-туркменомъ изъ транспорта, пожертвованнаго жителями Туркестана.

— Бухъ!

Въ сумракѣ разсвѣта грохнула пушка.

— Наше бѣгство замѣчено! — спокойно произнесла Гредель.

Схвативъ меня за руку, она силой повлекла меня впередъ, къ границѣ. Вдругъ остановилась, пригнулась и прошептала:

— Ложитесь! Пограничная стража!

Вдали кучка людей въ формѣ пограничныхъ карабинеровъ пересѣкла намъ дорогу.

— Я отвлеку ихъ въ другую сторону!—снова зашептала Гредель.— Путь будетъ свободенъ, бѣгите; когда вы будете въ безопасности, я присоединюсь къ вамъ! — Сказала и исчезла.

Ее замѣтили. Стража бросилась за нею.

Какъ и говорила Гредель, путь освободился. Я собралъ всѣ силы и побѣжалъ. Черезъ нѣсколько минутъ я перешагнулъ границу.

Шагахъ въ пятидесяти группа швейцарскихъ солдатъ собралась возлѣ сторожевого домика. Задыхаясь, подбѣжалъ я къ нимъ и съ трудомъ проговорилъ:

— Я бѣжалъ изъ плѣна!

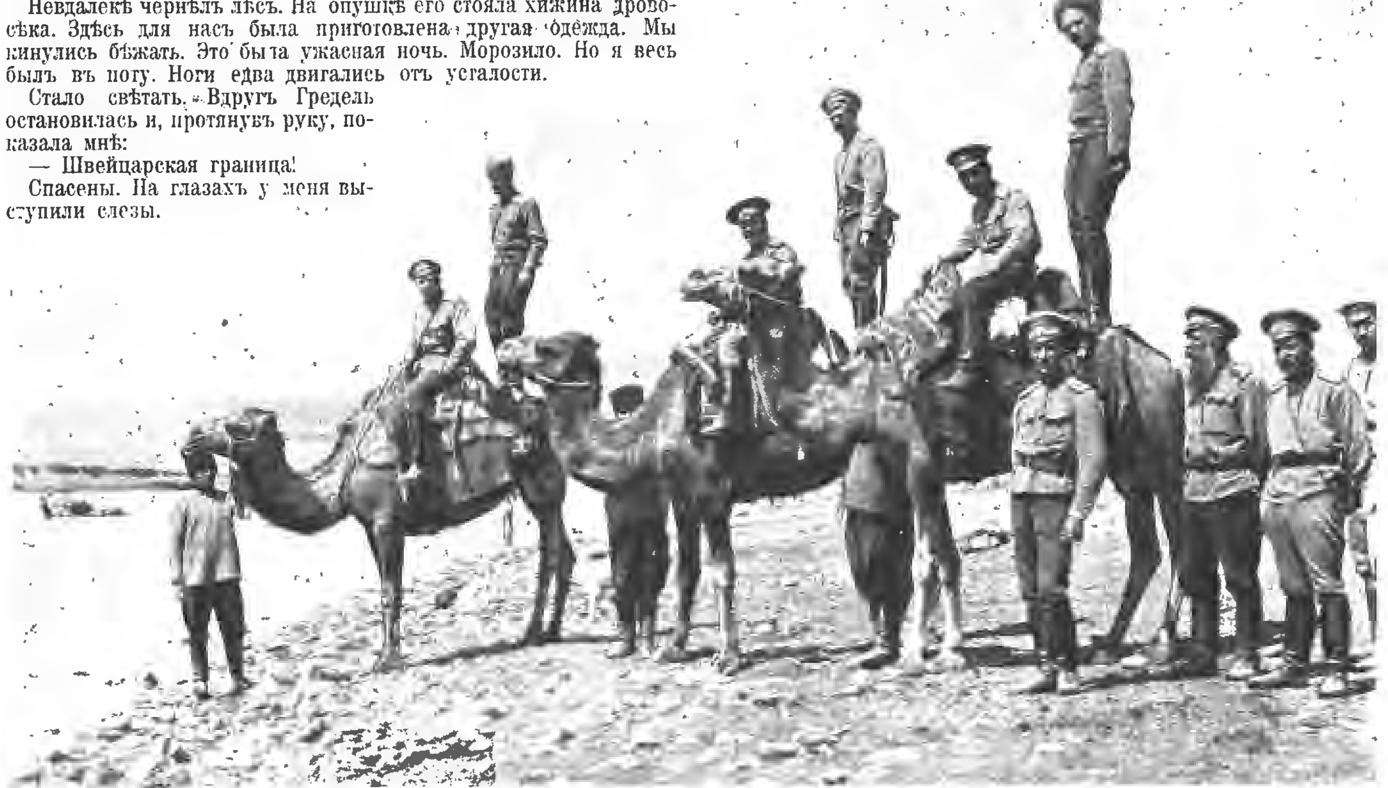
Одинъ изъ солдатъ втолкнулъ меня въ домъ. Я былъ спасенъ.

Вдругъ солдаты заволновались. Послышались выстрѣлы. Я бросился къ окошку. Стрѣлою мчавшаяся Гредель перебѣжала границу и упала бездыханная къ ногамъ швейцарскихъ солдатъ.

На томъ мѣстѣ есть скромная могила, въ которой лежитъ моя избавительница Гредель и ждетъ, чтобы я перевезъ ее на родину.

А я поступилъ въ ряды арміи, чтобы отомстить за бѣлокурую розовую дѣвочку.

Когда вокругъ грохочутъ пушки, свистятъ пули и рвется шрапнель, я думаю о Гредель и цѣлюсь такъ, чтобы ни одинъ мой выстрѣлъ не пропалъ даромъ.



Кавказскія войска въ долинѣ рѣки Евфрата. Переправа черезъ Евфратъ штаба генерала Б.

Путеводитель къ счастью.

(Н. ГАРИНЪ).

Критическій этюдъ **К. Чуковскаго.**

(Окончаніе).

Н. Гаринъ.

VI.

Казалось бы, къ какой же практической дѣятельности способенъ этотъ младенчески-простодушный мечтатель, порывистый энтузіастъ, увлекающійся, необузданно швыряющій деньгами?

А между тѣмъ это былъ геній хозяйственности, вдохновеннѣйшій практическій умъ. Единственный изъ всѣхъ русскихъ писателей—поэтъ дѣловитости, экономики, практики.

Будь его воля, онъ бы всей Россіи устроилъ ремонтъ, передѣлалъ бы Россію по-своему, — практичнѣе, умнѣе, дѣловитѣе. Не даромъ же былъ инженеръ! Всюду, куда онъ ни глянетъ, онъ видитъ колоссальныя богатства, которыя пропадаютъ напрасно, ибо ихъ никто не умѣетъ использовать: безмѣрныя богатырскія силы, которыя гибнутъ впустую; таланты, зарываемые въ землю, убытки, разореніе, безхозяйственность!

И часто онъ восклицалъ въ изумленіи:

— Вѣдь вы милліонеры, вы Ротшильды, зачѣмъ же вы гніете въ нищетѣ?

И указывалъ намъ на каждомъ шагу, какъ сверхъестественно мы непрактичны.

— Вы только вникните, вы только подумайте! Во всемъ мірѣ нѣтъ такого изобилія рыбы, какъ на нашей дальневосточной окраинѣ! Хоть руками ее лови! Цѣлый пудъ не дороже копейки! А посолить ее нечѣмъ, нѣтъ ледниковъ, нѣтъ соли, и значитъ нѣтъ сбыта, нѣтъ вывоза—и вотъ изъ-за пустяка погибаетъ колоссальнѣйшее, богатѣйшее дѣло! Край, откуда Россія могла бы извлечь столько золота, каменнаго угля, руды, превращается въ паразитную пьявку, которая присосалась къ Россіи.

— И это всюду, во всемъ, во всемъ... Мы сами себя бьемъ и рѣжемъ, — доказываетъ онъ на каждомъ шагу.

— Зачѣмъ, напримѣръ, мы не выжжемъ, не вырубимъ тотъ загнивающій лѣсъ, которымъ по дорогѣ въ Иркутскъ заняты огромныя пространства? Ихъ хватило бы на десятки милліоновъ людей, а теперь для одного человѣка едва ли найдется въ нихъ мѣсто!

— Почему пустуютъ монгольскія степи? Могли бы быть великолѣпныя пашни, и сколько рыбы въ ихъ многоводныхъ озерахъ! Сколько соды! Сколько охры! Сколько дичи!

— И почему мужики такъ густо засѣваютъ поля? Выбрасываютъ на вѣтеръ каждую весну милліоны и милліоны рублей!

— И знаете ли вы, сколько ежегодно теряетъ Россія изъ-за безсмысленной системы? Полтораста милліоновъ десятинъ!!

— И сколько милліоновъ рублей ею теряется въ годъ изъ-за ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ! И такъ дальше, и такъ дальше... *).

Онъ вѣчно подсчитываетъ наши убытки и, захлебываясь, волнуясь, указываетъ, какіе огромные могли бы быть у насъ барыши. Ежеминутно составляетъ онъ смѣты всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ дѣлъ и цифрами доказываетъ намъ, что мы завтра неминуемо банкроты!

— Опомнитесь, покуда не поздно! — встряхиваетъ онъ и будоражитъ читателя. — Подумайте, какая будетъ великолѣпная райская жизнь, какъ фактически преобразится Россія, если вы сбросите съ себя эту сонную одурь и возьметесь наконецъ за работу!

Въ каждаго радъ бы онъ вложить свою пламенную энергичную кровь!

Съ благоговѣніемъ онъ повѣствуетъ о какомъ-то піонерѣ-хозяинѣ, который завелъ у себя культуру люцерны и клевера, мака, чечевицы, подсолнуховъ, т.-е. героическимъ напряженіемъ воли преодолѣлъ окружающій безхозяйственный хаосъ. Русскій американецъ Юшковъ, проявившій столько иниціативы въ хозяйствѣ, точно также окруженъ ореоломъ.

Теперь эти наболѣвшія темы особенно для насъ драгоцѣнны.

Скорбь о неустроенности русской земли — нынѣ наша общая скорбь.

Теперешнія роковыя событія обнаружили съ трагической ясностью безхозяйственность русскаго быта и тѣ катастрофы и ужасы, которыми она угрожаетъ.

Теперь мы съ удесятеренною чуткостью внимаемъ этимъ (неуслышаннымъ прежде) призывамъ къ обновленію, къ „ремонту" Россіи.

Но Гаринъ не только зоветъ. Практическій инженеръ и хозяинъ, чуждый всякихъ доктринерскихъ теорій, онъ опредѣленно указываетъ на конкретные изъяны и прорѣхи въ нашей экономической практикѣ *).

И считаетъ, считаетъ убытки. Здѣсь его величайшая страсть. Не можетъ не испещрять свои книги цѣнами, рублями, копейками, верстами, пудами, процентами, выкладками, вычисленіями, смѣтами!

И чудо: эти мертвыя цифры становятся у него огненно-жгучими! Онѣ мучительски волнуютъ читателя, ибо авторъ только за тѣмъ слѣдитъ—и демонстрируетъ съ ослѣпительной яркостью, какъ больно онѣ ударяютъ въ итогѣ по живому человѣческому мясу, коля, кромсая, коверкая!

Его ариѳметика неизмѣнно обрызгана живой человѣческой кровью!

Вотъ крошечный набросокъ „На ночлегѣ"—десять мимолетныхъ страницъ. Авторъ случайно очутился въ избѣ, гдѣ, въ ядовитѣйшей пыли, надъ какимъ-то допотопнымъ станкомъ надрываются замученные люди. Быстро, легко, виртуозно, мѣткимъ, энергиче-

Н. Гаринъ.

скимъ штрихомъ очертивъ этихъ истомленныхъ страдальцевъ, онъ съ обычной своей стремительной пылкостью принимается за свою ариѳметику:

— Много зарабатываете?

— Полтора рубля въ недѣлю.

— Это сколько же въ день? Въ сутки двадцать пять копеекъ? По копейкѣ за часъ?

— Этакъ.

---

*) Эти жалобы на безхозяйственность русскаго быта заимствованы мною изъ книгъ Гарина: „Въ сутолокѣ провинціальной жизни" и „Дневникъ во время войны". Чуть ли не всѣ его книги полны этихъ жалобъ. Характерно, что въ самомъ разгарѣ русско-японской войны Гаринъ, въ качествѣ военнаго корреспондента, пишетъ изъ Харбина и Мукдена о сельскомъ хозяйствѣ у китайцевъ, о тѣхъ стеклянныхъ, маслобойныхъ, желѣзодѣлательныхъ, мукомольныхъ заводахъ, которые здѣсь можно завести.

*) Да и въ политикѣ его увлекала лишь экономическая ея сторона: покуда не разочаровался въ общинѣ, былъ народникомъ; разочаровался и сталъ соціалъ-демократомъ. Но политическія убѣжденія Гарина въ его книгахъ не отразились никакъ.

— На работника по шести копеекъ?
— А привезти да отвезти пряжу! Еще два дня съ мужикомъ и съ лошадью прикинь.
— И тяжелая работа?
— Нѣтъ ея тяжелѣе.
— А воздухъ какой? Отъ него вѣдь не долго проживешь на бѣломъ свѣтѣ!..

Здѣсь онъ дѣлаетъ ужасное открытіе, которое ошеломляетъ его. Оказывается, эти несчастные тридцать второй уже годъ терпятъ свою безпросвѣтную каторгу лишь потому, что за все это время у нихъ не было лишняго десятка цѣлковыхъ, чтобы купить для станка какой-то пустяковый челнокъ, облегчающій и ускоряющій работу, — и что такимъ образомъ они потеряли огромную, невѣроятную сумму: около девяти тысячъ рублей!

Девятитысячный феноменальный убытокъ изъ-за десятирублевой бумажки!

Каждый гривенникъ могъ бы дать этимъ нищимъ около сотни рублей! Но не было, не было гривенника!

Онъ снова провѣряетъ свои вычисленія. Нѣтъ, онъ не сдѣлалъ ошибки. Онъ сообщаетъ хозяйкѣ эти потрясающія, жуткія цифры: вѣдь вся жизнь ихъ была бы иною: ихъ лица не были бы такъ зелено-желты, ихъ изба не развалилась бы въ прахъ!

Хозяйка слушаетъ его въ оцѣпенѣлой тоскѣ.

— У васъ была бы такая пенсія, такое состояніе! — все больше волнуется онъ.

Она же говоритъ равнодушно:

— Суета безкорыстная...
— Какъ вы сказали?
— Говорю: суета безкорыстная — вся наша работа.

И, отойдя къ самовару, то разсѣянно, то убѣжденно твердитъ:

— Суета безкорыстная.

Такова „ариѳметика“ Гарина. Отъ каждой цифры тянется нить къ человѣку, къ живому человѣческому сердцу. Я нарочно обѣднилъ, оголилъ этотъ очеркъ, смылъ съ него его многоцвѣтныя краски, оставилъ лишь остовъ, скелетъ, но, повторяю, въ томъ-то и своеобразіе Гарина, что онъ умѣетъ свои самыя прозаичныя темы превращать въ поэзію, въ художество! Прочтите, напримѣръ, очерки: „На ходу“, или „Деревенскія панорамы“, или „Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой, „или Путешествіе на луну“ — и вы съ удивленіемъ увидите, что изъ хозяйственной, житейской ариѳметики у Гарина какимъ-то волшебствомъ выходятъ драмы, трагедіи, поэмы, богатые волнующіе образы, полнокровныя произведенія искусства!

Это потрясающе ново! Мы такой косный народъ, что у насъ только и рождались поэты пассивности, нирваны, недѣланія, но поэзія хозяйства и дѣла до Гарина казалась невозможной.

VII.

Онъ первый перенесъ экономику изъ области ума въ область сердца, сдѣлалъ изъ нея свою кровоточащую рану, которую полюбилъ бередить.

При встрѣчѣ съ мужиками не могъ не разспрашивать о скотинѣ, о кормахъ, о безлошадныхъ, — и какъ зерно? — и какъ урожай? — и какъ цѣны? — и нерѣдко распалялся до слезъ.

Мужики охотно передъ нимъ канителили о своихъ унылыхъ дѣлахъ, а онъ слушаетъ, бывало, ихъ нудныя рѣчи, и южное его воображеніе освѣщаетъ передъ нимъ, какъ прожекторомъ, кипучія и жгучія картины. Тысячи разнообразныхъ мученій и мучениковъ возникаютъ у него предъ глазами, и, видя ихъ муки, онъ порывается вновь:

— Эхъ, передѣлать бы все!

И при первой возможности бросаетъ свое инженерство, покупаетъ дорогое большое имѣніе и, какъ всегда, нетерпѣливо, стремительно принимается за эту „передѣлку“, но мужики, не понявъ его бурнаго натиска на издревле установившійся, прочно налаженный бытъ, сжигаютъ его великолѣпную мельницу, молотилку, амбары, весь хлѣбъ, причиняютъ ему грандіозный убытокъ на тысячи, десятки тысячъ рублей — и тѣмъ самымъ вытѣсняютъ его изъ деревни, какъ лютаго, заклятаго врага!

Его, который раздавалъ имъ, не считая, свои „ненужныя“ деньги, который плакалъ въ подушку слезами восторга, когда ему хоть чуть удавалось улучшить ихъ горькую жизнь, который уничтожилъ кабакъ, завелъ школу, организовалъ медицинскую помощь, освобождалъ ихъ отъ кулаковъ-міроѣдовъ, училъ и училъ ихъ на каждомъ шагу культурному, раціональному хозяйству, — они казнили безпощадно и яростно, и вышвырнули прочь отъ себя, зная, что пожаръ — для него разореніе, ибо онъ не страховалъ ничего, изъ деликатной боязни оскорбить ихъ своимъ недовѣріемъ!

Они предпочли ему тѣхъ самыхъ кулаковъ-разорителей, отъ которыхъ онъ мечталъ ихъ спасти.

Въ его замѣчательной книгѣ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“ (которая является, въ сущности, классическими „Записками хозяина“ — единственными въ нашей словесности, подъ стать „Запискамъ судьи“ А. Ѳ. Кони и „Запискамъ врача“ Вересаева) съ колоссальной изобразительной мощью описанъ этотъ проклятый пожаръ. Вы переживаете его, какъ личную свою катастрофу, вы отдали бы, кажется, все, лишь бы его не случилось. Но Гаринъ не только не проклялъ озвѣрѣлыхъ мужиковъ-поджигателей, не только простилъ ихъ отвратительный грѣхъ, а самъ же черезъ нѣсколько лѣтъ всенародно передъ ними покаялся съ той же

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій въ послѣдніе годы жизни.

необузданной страстностью, которой отличался и Тёма, когда просилъ отрѣзать ему руки, или плюнуть прямо въ лицо.

„Я нагло нарушалъ всѣ законы ихъ жизни... я посягалъ на ихъ священныя права... — говоритъ онъ въ своихъ позднѣйшихъ „Запискахъ хозяина“, которыя названы имъ „Въ сутолокѣ провинціальной жизни“ и служатъ продолженіемъ предыдущихъ. — Я былъ деспотомъ, крѣпостникомъ, помпадуромъ!“

И признаетъ такимъ образомъ, что достоинъ былъ понести эту кару.

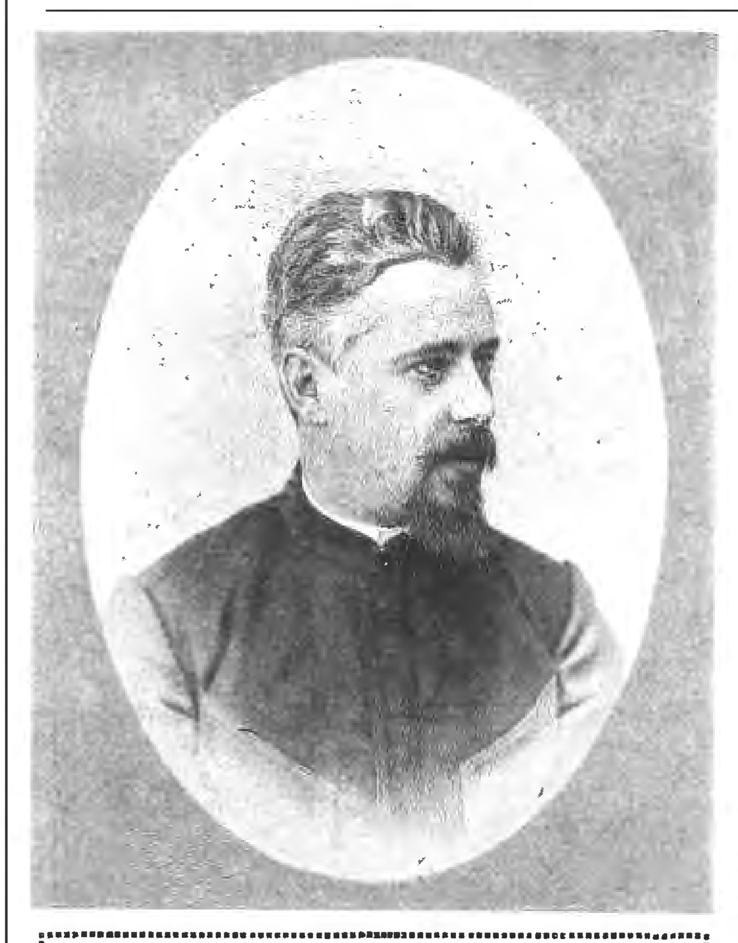
А между тѣмъ весь его деспотизмъ заключался единственно въ томъ, что онъ экзальтированно, вдохновенно, азартно, съ упрямствомъ фанатика (или ребенка?) гналъ и толкалъ мужиковъ къ благополучію и сытости! Они упирались, не шли, а онъ, горячій, увлеченный реформаторъ, готовъ былъ арканомъ тянуть ихъ, — насильно, противъ ихъ сознанія и воли, — въ уготованный для нихъ сладостный рай.

— Хоть землю грызите, ничего не поможетъ! — кричалъ онъ рутинерамъ-крестьянамъ, вводя какія-то крутыя реформы, направленныя къ ихъ же благу.

— Батюшка, дай намъ недѣльку сроку!
— Минуты не дамъ!

Дальнѣйшій хозяйственный опытъ, конечно, внушилъ этому сѣдому ребенку другіе пріемы борьбы съ крестьянской роковой безхозяйственностью, но не характерно ли, что даже въ такую идиллическую мирную область, какъ сельское хозяйство, агрономія, онъ умудрился внести столько вихрей, и смерчей, и бурь. Оба тома его „Записокъ хозяина“ читаются, какъ сенсаціонный романъ, и такъ много въ нихъ драматизма и паѳоса. Я и не подозрѣвалъ никогда, что можно написать о хозяйствѣ такую возбуждающую, тревожную книгу, а у него даже разговоры съ приказчикомъ о навозѣ, молотилкахъ, маслобойкахъ написаны такъ нервно и художественно, словно это пылкія любовныя сцены. Повторяю: писать неинтересно и скучно онъ даже при желаніи не могъ бы. Извѣстно, что чуть не всѣ наши повѣсти изъ простонароднаго быта, при множествѣ несомнѣнныхъ достоинствъ, бываютъ такъ тягучи и сѣры, что безъ зѣвоты о нихъ нельзя и помыслить. А возьмите „Деревенскія панорамы“ Гарина, — все такъ и пляшетъ у него подъ перомъ. Не „панорамы“, а кинематографъ какой-то: лихо, эффектно, размашисто! Въ первомъ же разсказѣ „Матренины деньги“ — и отравленіе, и грабежъ, и убійство, и пожары, и привидѣнія, и вѣдьмы, все мелькаетъ и уносится въ вихрѣ!

Трудно понять, почему „Деревенскія панорамы“ не использованы до сихъ поръ кинематографомъ.



Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.

Онѣ какъ будто созданы для этого. Вотъ хоть бы тотъ же „Дикій человѣкъ“, гдѣ въ чередованіи сильно-драматическихъ сценъ изображается, какъ озвѣрѣлый отецъ задушилъ и утопилъ своего сына. Та картина, въ которой матерый старикъ кидается, какъ Рѣпинскій Грозный, на оторопѣлаго парня и, убивъ, бросаетъ его въ прудъ, была бы для кинемо-театра находкой.

Авторъ называетъ свои „Деревенскія панорамы“ невеселой, печальной книгой. Въ началѣ ея Гаринъ говоритъ: „Тебѣ, болѣвшей душою за мракъ и нищету народа, тебѣ, моему другу-товарищу, женѣ моей, Надеждѣ Валеріановнѣ Михайловской, посвящаю я свою невеселую книгу“.

И только прочтя эту книгу, спохватываешься: неужели она о хозяйствѣ, о цифрахъ, деньгахъ, барышахъ и убыткахъ? Отчего же я такъ волновался? Характерно, что даже торговую сдѣлку, даже куплю-продажу, и ту онъ умѣетъ описать увлекательно, съ юморомъ и поэтическими блестками. Вспомните, какъ „покупалъ“ онъ кобылу и курицу въ миломъ очеркѣ „Мои скитанія“, или, какъ въ Рыбинскѣ „продавалъ“ онъ пшеницу какому-то пріѣзжему купцу. Это былъ его любимый сюжетъ. Вообще всякое прикосновеніе къ деньгамъ не затушевано, не скрыто въ его книгахъ. Зависимость человѣка отъ денегъ ежеминутно демонстрируется тамъ. „Не въ деньгахъ счастье“,—говоримъ по привычкѣ. Для Гарина это не такъ: многія трагедіи и драмы его обалдѣлыхъ героевъ могли бы быть устранены трехрублевкой!

Привычка смотрѣть въ самый корень явленій, вникать въ экономическія, хозяйственныя отношенія людей придала его сужденіямъ о жизни надежную и прочную увѣренность. Его не ослѣпишь мишурой. Пусть въ его очеркѣ „Бабушка“ богачъ-меценатъ Сапожковъ ошеломляетъ гостей сверхъестественно-роскошными ужинами,—эти гости, уѣзжая изъ великолѣпнаго замка, услышатъ отъ своего ямщика такую краткую, но неотразимую рѣчь:

— У Сапожкова въ гостяхъ, видно, были?

— Н-да...

— Ужъ такой негодяй, такой сквалыга, не накажи Господь. На вокзалъ, что ль?

— На вокзалъ.

— Но!.. Деньги въ срокъ за землю ему не принесешь, сейчасъ къ земскому,—неустойку да судебныя издержки... Скотина ступитъ на его землю, опять три рубля штрафу... Такой негодяй...

Онъ помолчалъ.

— А ужъ насчетъ дѣвокъ... гдѣ только застукаетъ...

— Ну, дальше можешь не распространяться. Погоняй, хорошо получишь!

Дальше распространяться и не о чемъ. „Экономика“ уже обнаружила все.

Въ такую подоплёку вещей Гаринъ всматривался на каждомъ шагу, и она его никогда не обманывала. Ни патріархальное благолѣпіе Ярыщевой, ни спесивое великолѣпіе Неручева не скроютъ отъ него подоплёки ихъ неправосуднаго быта. Его книга „Въ странѣ желтаго дьявола“ есть цѣлая энциклопедія сибирскаго дальневосточнаго хозяйства, гдѣ на основаніи однихъ только экономическихъ фактовъ онъ такъ вѣско и проницательно судитъ о нашей дальневосточной политикѣ, что за шесть лѣтъ до японской войны предсказываетъ не только ее, но и возможную побѣду японцевъ! Читая его книгу, теперь удивляешься, неужели тогда не нашлось никого, кто услышалъ бы этотъ предостерегающій голосъ. Чтобы судить о японцахъ, онъ отправлялся на заводы и фабрики, ибо только техника и экономика для него мѣрило народовъ. Онъ былъ по своимъ инстинктамъ марксистомъ.

„Отъ всей души завидую японцамъ, признаю ихъ полное превосходство надъ нами“, писалъ онъ, ознакомившись съ ихъ „геніальнымъ“ желѣзнодорожнымъ строительствомъ.

Пробужденіе японской промышленности вызываетъ у него цѣлые гимны. Обращаясь къ Японіи, онъ пишетъ:

„Память о твоемъ мощномъ, какъ въ сказкѣ, пробужденіи и возрожденіи будетъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, будетъ большимъ, вновь забившимъ источникомъ вѣры въ чудеса на землѣ“.

Только въ эти чудеса онъ и вѣритъ: чудеса экономики, техники, хозяйственнаго устроенія жизни. Здѣсь онъ видитъ источники счастья,—въ желѣзныхъ дорогахъ, заводахъ и фабрикахъ, въ промышленной (пусть и капиталистической) дѣятельности, и—первый изъ русскихъ писателей—громко заявляетъ объ этомъ.

Онъ, энтузіастъ цивилизаціи, вѣритъ, что именно въ ней истинное спасеніе Россіи. Лишь она прекратитъ то калѣченіе человѣческихъ душъ, которое для него такъ мучительно. И пожалуйста не говорите ему, что цивилизація ведетъ за собой растлѣніе нравовъ, развратъ, вырожденіе. Онъ спеціально затѣмъ написалъ свои „Деревенскія панорамы“, чтобы доказать (вопреки Льву Толстому), что все нравственное оскудѣніе деревни вызвано ея культурной отсталостью, что ея огромныя духовныя силы тратятся на озорство и скотство отнюдь не потому, что въ ней мало толстовскихъ присноблаженныхъ Акимовъ, знающихъ только „таё“, а потому, что она вся состоитъ изъ такихъ неприкосновенныхъ къ культурѣ людей.

Нравственное оздоровленіе русской души—только въ хозяйственномъ строительствѣ жизни *). Гаринъ это испыталъ на себѣ и въ своей автобіографической лѣтописи подробно повѣствуетъ объ этомъ.

VIII.

Эта лѣтопись состоитъ изъ четырехъ повѣстей: „Дѣтство Тёмы“, „Гимназисты“, „Студенты“, „Инженеры“.

Тёма былъ нѣжный и милый, но нравственно-неустойчивый мальчикъ. Онъ и лгалъ, и отмѣтки поддѣлывалъ, и даже предалъ однажды товарища.

— Негодяй!—кричалъ на него разъяренный отецъ, узнавъ о его дѣтскомъ воровствѣ.—Вонъ, негодяй! Въ кузнецы отдамъ!

Той идеалистической стойкости, которая будетъ такъ обаятельна въ сѣдомъ пожиломъ инженерѣ, у юноши Тёмы не замѣтно нисколько: онъ безхарактеренъ, безволенъ, пассивенъ. Въ какую сторону его ни толкни, въ такую и полетитъ безъ оглядки. Каждый вѣтеръ его гонитъ, куда хочетъ.

Эта шаткость почти непонятна въ такомъ активномъ волевомъ темпераментѣ, который въ немъ проявился впослѣдствіи.

Сегодня онъ радикалъ-демократъ, читаетъ Шелгунова и Писарева, а завтра бѣлоподкладочникъ-баричъ, упивается „Воскресшимъ Рокамболемъ“ и презираетъ недворянскую чернь.

То, подъ вліяніемъ фатоватыхъ пріятелей, подноситъ столичнымъ феямъ бу-

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.
Одинъ изъ позднѣйшихъ портретовъ.

*) Этой же темѣ онъ посвящаетъ разсказы „Мои скитанія“ и „Картинки Волыни“. Цивилизованный бытъ казался ему во многомъ святѣе и праведнѣе некультурнаго патріархальнаго быта. „Вѣкъ пара и электричества есть вѣкъ нравственнаго обновленія людей“,—говоритъ онъ въ „Гимназистахъ“.

коты,—завсегдатай шато-кабака,—то съ гордостью жметъ черныя руки рабочихъ, цѣлуется съ закопченными угольщиками.

Даже получивъ аттестатъ инженера, онъ не знаетъ, куда себя ткнуть:

— Поступлю въ акцизъ! говоритъ онъ сегодня.

— Сдѣлаюсь учителемъ!—рѣшаетъ онъ завтра.

И чуть не сталъ интендантскимъ подрядчикомъ, темнымъ и пронырливымъ дѣльцомъ.

Но тутъ случилось чудо,—разительное!

Тёма перевоплотился и воскресъ!

Внезапно, въ какой-нибудь часъ, эта утлая и вёрткая ладья, швыряемая въ разныя стороны, по прихоти каждаго вѣтра,—словно мановеньемъ жезла превратилась въ отличный корабль и устремилась на всѣхъ парусахъ къ маяку.

Что же могло такъ волшебно переродить его душу?

Первое же инженерское дѣло: постройка Бендеро-Галацкой дороги.

Онъ явился на эту постройку щеголемъ въ модныхъ ботинкахъ, невѣждой, не годнымъ ни для какого труда, безъ знаній, безъ любви, безъ идеала, а къ окончанію работъ былъ уже тѣмъ удивительнымъ Гаринымъ, какимъ мы его знаемъ теперь.

Чуть этотъ лѣнивѣйшій изъ сибаритовъ прикоснулся къ увлекательному дѣлу строительства, онъ сталъ неузнаваемъ. Къ чорту полетѣло его золотое пенсне: лакированныя ботинки туда же!—и онъ такъ бѣшено взялся за работу, что скоро само начальство попросило его обуздать свою энергію, а рабочіе—не въ силахъ за нимъ поспѣвать—разбѣжались отъ него въ разныя стороны:

— Гонитъ, какъ на пожаръ! Ноги всѣ опухли! Словно безъ ума! Развѣ такъ можно!

Напрасно въ этой горячкѣ работы онъ предлагаетъ имъ отъ себя двойную поденную плату, они и слушать его не хотятъ:

— Заработаешь себѣ на больницу!

А онъ, разжигаясь все больше охотничьей всепожирающей страстью (его предки были охотники ярые!), выслѣживаетъ желѣзнодорожную линію, какъ звѣря, по горячимъ слѣдамъ, и, опьяненный неожиданнымъ счастьемъ, твердитъ:

Я умиралъ и опять живу!

Словно всю жизнь былъ боленъ, и вотъ впервые начинаетъ выздоравливать. Лѣкарствомъ оказалась работа. Всѣ первыя двадцать пять лѣтъ его жизни можно назвать непрерывной тоской по работѣ. Эта творчески-кипучая натура жаждала чуть не съ пеленъ живого насущнаго дѣла, но гимназія, семья, университетъ, институтъ вытравляли, убивали эту жажду. Ему, рожденному для энтузіазма работы, насильственно прививалась апатія. Какъ опіумомъ, его одурманивали латинской грамматикой Кюнера, дремотными вокабулами, формулами: это умерщвленіе души называлось тогда воспитаніемъ.

Сердце рвется на просторъ,
Сердце жаждетъ дѣла.—

писалъ онъ въ полудѣтскихъ стишкахъ, но такъ-таки за все свое дѣтство, за всю свою юность ни разу не утолилъ этой жажды. Въ „Гимназистахъ“ онъ заклеймилъ навсегда казенную систему воспитанія, доводящую дѣтей до истерикъ, самоубійствъ и обмороковъ, толкающую ихъ въ блудъ и развратъ; съ какой-то брезгливой тоской онъ показалъ въ этой повѣсти, какъ мечтательныхъ, горячихъ подростковъ, готовыхъ на все благородное, систематически изо дня въ день превращаютъ въ оголтѣлыхъ тупицъ, которые, не найдя въ окружающемъ, куда примостить свое сердце, поневолѣ уходятъ въ распутство, въ пьянство, въ картежъ и т. д.

То коверканіе души человѣческой, о которомъ онъ непрестанно скорбѣлъ, которое онъ съ особенной зоркостью умѣлъ подмѣтить

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій на инженерныхъ работахъ:—на съемкѣ въ лѣсу.

на каждомъ шагу, и которое составляло всегда самую его задушевную тему, здѣсь прочувствовано имъ съ повышенной болью.

— Каторга, смертная тоска и томленіе, — говоритъ онъ о своей постылой гимназіи. Не даромъ кто-то назвалъ его повѣсти безцѣнными трактатами о воспитаніи: въ нихъ наглядно и образно, съ огромнымъ педагогическимъ тактомъ, показано, какъ не нужно воспитывать!

Его стихійному порыванію къ живой плодотворной работѣ, встрѣтившему столько преградъ, впервые была предоставлена воля лишь на 25-мъ году его жизни, на той желѣзнодорожной постройкѣ, о которой мы сейчасъ говорили. Немудрено, что онъ воскликнулъ тогда:

— Я умиралъ и опять живу!

Немудрено, что въ своихъ „Инженерахъ" онъ описалъ ее въ такихъ обольстительныхъ краскахъ. И не только въ „Инженерахъ", а всюду, гдѣ она изображается хоть мелькомъ: въ „Клотильдѣ", въ „Варіантѣ", въ „Сутолокѣ провинціальной жизни", въ очеркахъ „Вальнекъ-Вальновскій", „На практикѣ", „На ходу", и т. д. Многія изъ этихъ твореній суть поэмы инженерскаго труда. Никогда еще въ русской словесности не звучало такихъ славословій постройкѣ туннелей, мостовъ, насыпанію насыпей, проведенію рельсовъ. Гаринъ съ такимъ упоеніемъ разсказываетъ о сваяхъ, ватерпасахъ, нивелирахъ, подрядчикахъ, десятникахъ, что увлекаетъ и насъ, — и каждая подробность его инженерскаго дѣла становится намъ странно-близкой, и мы вмѣстѣ съ нимъ торжествуемъ, когда по только-что проложеннымъ рельсамъ проносится впервые паровозъ *)!

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.

Въ очеркѣ „Варіантъ" всѣ тревоги инженера Кольцова почему-то передаются и намъ. Этотъ Кольцовъ, на глазахъ у читателя, сдѣлалъ важное большое открытіе, составилъ какой-то великолѣпный проектъ, но казенная канцелярія, по своей бездарной апатіи, чуть не забраковала его. И въ теченіе разсказа мы непрерывно волнуемся, примутъ ли этотъ проектъ: — Кажется, примутъ...—Ахъ, нѣтъ!.. —Вотъ телеграмма съ отказомъ...—Но что̀ скажетъ главный инженеръ?.. — Слава Богу, кажется, готовы принять... — Нѣтъ, забраковали совсѣмъ...

Такъ увлекательно писать о работѣ въ Россіи еще никто не умѣлъ. Мы до сихъ поръ были богаты поэтами недѣланія, косности, смерти. Поэзія дѣйствія, труда и строительства не существовала у насъ и въ зародышѣ. Гаринъ первый открылъ эту новую область въ отечественной нашей поэзіи, и здѣсь его огромная заслуга. Нехорошо, что она прошла незамѣченной.

Онъ исповѣдуетъ и проповѣдуетъ пламенно ту великую религію труда, которою въ послѣдніе годы все больше проникается Горькій. Онъ указываетъ намъ на подвиги созидательной культурной работы, которые намъ предстоитъ совершить, и вдохновенно твердитъ:

— Симъ побѣдиши!

Только дружнымъ культурнымъ трудомъ удастся намъ такъ перестроить Россію, чтобы превратить ея скорби и боли въ праздничную пасхальную радость!

Мои замѣтки о Гаринѣ кончены, но мнѣ хочется хоть въ нѣсколькихъ строчкахъ напомнить о самой плѣнительной области его разнообразнаго творчества—объ очеркахъ изъ жизни дѣтей.

Онъ не то, чтобы со стороны намъ показывалъ забавную дѣтскую жизнь, нѣтъ, онъ навожденіемъ таланта и насъ превращалъ въ дѣтей, погружая насъ въ самую атмосферу ребячества, дѣлалъ насъ Борьками, Тёмами, Петями...

Въ самомъ его неудачномъ разсказѣ стоило только появиться ребенку, и вся страница зацвѣтетъ, засверкаетъ.

Дѣтскія мысли, слова и діалоги онъ воспроизводилъ виртуозно.

— Ты, Ниночка, уже перестала плакать?

— Нѣтъ, мама, я отдыхаю только, я сейчасъ опять начну. („Попугай").

Дѣтскія игры — труднѣйшая тема! — изображаются имъ во „Дворцѣ Дима" съ неисчерпаемымъ богатствомъ оттѣнковъ. Вообще, какъ это ни странно звучитъ, дѣтская психологія выходила у него сложнѣе, многограннѣе, глубже, чѣмъ психологія взрослыхъ, часто весьма примитивная. Вспомнимъ его мучительно-хорошій разсказъ „Заяцъ"—едва ли не лучшее изъ всего, что̀ было написано имъ. Душа маленькаго Пети, распинаемаго на той безчеловѣчной Голгоѳѣ, какой была его родная семья, изображена съ несравненной пластичностью.

*) „Инженеры". — говоритъ проф. Ѳ. Батюшковъ, — какое-то упоеніе работой, заразительное и для совершенно посторонняго данной отрасли дѣятельности читателя".

„Мадонна".

Разсказъ **Георгія Павлова.**

(Окончаніе).

Внутренность костела тонула въ сумракѣ. Лучи разсвѣта не проникли еще въ узкія стрѣльчатыя окна, сѣрыми призраками выступавшія на стѣнахъ, окутанныхъ безмолвіемъ спящаго храма. Голоса и шаги гулко отдавались въ пустотѣ. Пани Жозефа задрожала отъ страха, когда ксендзъ покинулъ ее, скрывшись въ дверяхъ ризницы. Ей показалось, что она одна здѣсь, запертая, отрѣзанная отъ міра, осужденная, отданная во власть тишины, въ которой ей чудились таинственные звуки. Оттуда, изъ темноты, на нее смотрѣли невидимыя статуи святыхъ, которые знаютъ все; въ ихъ зловѣщемъ молчаніи звучалъ безпощадный приговоръ ей, дерзнувшей на оскорбленіе святыни. Послѣ нервнаго подъема наступила реакція. Дремавшая совѣсть пробуждалась въ ней вмѣстѣ съ зарей; то, что̀ она сдѣлала, выступало передъ нею во весь ростъ, точно освобождаясь отъ завѣсы мрака. Отецъ Ромуальдъ нашелъ ее сидящею на скамьѣ съ опущенной головой, притихшую и задумчивую.

— Знаете ли вы,—спросилъ онъ: — какая участь ждетъ этотъ храмъ, если на башнѣ будутъ поставлены пулеметы?

— Русскіе не захотятъ стрѣлять въ церковь, — пролепетала пани Жозефа.

— Церковь, которую осквернили оружіемъ, перестаетъ быть церковью,—отвѣчалъ ксендзъ.—Божья благодать покидаетъ ее, и съ ней поступаютъ такъ, какъ она заслуживаетъ.

Онъ отворилъ низкую, едва замѣтную дверь въ боковомъ придѣлѣ, повернувшуюся съ пронзительнымъ скрипомъ, отъ котораго невольная дрожь пробѣгала по спинѣ, какъ отъ вопля живого существа. Необычайно массивная, повидимому, вылитая цѣликомъ изъ бронзы, эта дверь держалась на гигантскихъ петляхъ, окованныхъ тяжелой желѣзной обшивкой, и могла въ самомъ дѣлѣ противостоять самымъ жестокимъ ударамъ.

— Идите за мной,—сказалъ отецъ Ромуальдъ, убѣдившись, что никто не слѣдитъ за ними.

Крутая лѣстница, уходящая вверхъ, терялась во тьмѣ башни, освѣщенной еще болѣе скупо, чѣмъ костелъ. Они поднялись почти на самый верхъ башни, когда неожиданно по темной стѣнѣ скользнулъ лучъ свѣта: пани Жозефа и ея проводникъ очутились въ комнатѣ, вѣрнѣе, кельѣ, которая отворилась передъ ними точно сама собою. Прямо передъ ними было окно, выходившее на просторъ полей, окружавшихъ Дубново. Свѣтлое утреннее небо, еще не озаренное солнцемъ, ровное и холодное, какъ доска изъ сѣраго мрамора, смотрѣло въ это окно, наполняя келью таинственнымъ мистическимъ свѣтомъ, точно проникавшимъ сквозь хрустально-чистую воду. И въ этомъ свѣтѣ, дѣлавшемъ всѣ очертанія неясными, воздушными и призрачными, пани Жозефа увидѣла нѣчто, заставившее ее отступить съ крикомъ изумленія и восторга.

Она увидѣла себя самоё.

Передъ нею точно поставили зеркало, только не простое зеркало, а волшебное. Съ громаднаго полотна, натянутаго на подрамникъ и занимавшаго всю стѣну кельи, на нее смотрѣла фигура женщины въ человѣческій ростъ, написанная рукою великолѣпнаго мастера. Эта женщина была она. Сѣрая ткань, ниспадающая прямыми складками, облегала ея тѣло, громадные глаза, полные безпредѣльной, нечеловѣческой скорби были устремлены къ небесамъ, полураскрытыя губы, казалось, шептали молитву. А сзади, окрашивая пурпуромъ черную тучу дыма, поднимались зловѣщіе языки пламени: тамъ горѣли города и села, горѣла цѣлая страна, разоренная, усѣянная трупами, груды которыхъ бѣлѣли, уходя вдаль отъ передняго плана картины. Выдѣляясь на этомъ трагическомъ фонѣ, фигура пріобрѣтала рельефъ, создававшій почти полную иллюзію; ея неподвижность была выраженіемъ молитвеннаго экстаза, но дыханіе колебало, казалось, нѣжную грудь подъ складками одежды, и руки, сложенныя на этой груди, готовы были подняться для благословенія.

Жозефа смотрѣла на картину, какъ сомнамбула, остановившаяся на краю карниза, отдѣляющаго ее отъ бездны. Она не видѣла ничего, кромѣ этого небеснаго образа, ничего не слышала и не сознавала. Исчезли стѣны убогой кельи, таинственно скрывавшей Мадонну, исчезъ безмолвный священникъ, исчезла она сама. Ея взглядъ, въ которомъ сосредоточились всѣ силы души, потрясенной до самыхъ основъ, былъ живымъ отраженіемъ взгляда молящейся страдалицы тамъ, на картинѣ. Отступая все дальше, она прислонилась къ стѣнѣ, широко раскинувъ руки, какъ будто распятая и пригвожденная къ позорному столбу своего преступленья. Ксендзъ Ромуальдъ тихо коснулся ея пальцевъ: она вздрогнула и очнулась.

— Что̀ это? — прошептали чуть слышно ея губы.

— Это Мадонна, — послѣдовалъ отвѣтъ, торжественный, какъ проповѣдь съ высоты алтаря. — Мадонна, которая оплакиваетъ страданіе Польши и молится за нее здѣсь, въ тиши храма, который ея земной образъ хочетъ отдать въ руки врага.

И свершилось чудо, которое видѣли только древнія стѣны башни и разсвѣтъ, все ярче разгоравшійся въ небесахъ. Горько рыдая, Жозефа упала къ ногамъ священника: она покрывала поцѣлуями его рясу и молчала: у нея не было словъ, чтобы выразить всю силу ея раскаянія. Это была слѣпая, которая прозрѣла, но лишь для того, чтобы увидѣть у своихъ ногъ бездну, откуда возврата уже не было. Отецъ Ромуальдъ далъ волю этимъ очищающимъ слезамъ, долгое время не нарушая молчанія. Его рука лежала на головѣ Жозефы; онъ ласкалъ ее, какъ отецъ ласкаетъ дитя, раскаявшееся и страдающее. Его взоръ свѣтился спокойной гордостью побѣдителя. То, къ чему онъ стремился, о чемъ молилъ Творца день и ночь, о чемъ мучительно думалъ въ тишинѣ творческихъ часовъ въ этой кельѣ, повѣряя холсту свои грезы, теперь сбывалось передъ его глазами. Мечта энтузіаста-мистика, нашедшая свое воплощенье, завершалась торжествомъ пастыря, который возвращалъ къ свѣту и истинѣ заблудшую человѣческую душу.

— Встань!—прозвучалъ мягко и нѣжно его голосъ.—Ты еще не погибла, дитя мое. Ты много грѣшила, но милосердный Господь проститъ тебя, потому что есть грѣхи болѣе страшные, чѣмъ слабость женщины. Отъ тебя зависитъ искупить все, въ чемъ ты заблуждалась.

Пани Жозефа подняла голову. На лицѣ, орошенномъ слезами, покоилась ясная улыбка зари, одѣвавшая ея чело какъ бы ореоломъ мученицы.

— Отецъ мой, приказывай. Твоя раба исполнитъ все, чего ты пожелаешь.

— Готова ли ты умереть?—спросилъ ксендзъ.

— Да, готова.

Отецъ Ромуальдъ приступилъ къ исповѣди. Въ первый разъ онъ говорилъ со своей духовной дочерью такъ, какъ хотѣлъ; онъ освѣтилъ до самаго дна нѣдра ея души, извлекая изъ нихъ зародыши грѣховъ, еще не рожденныхъ, не успѣвшихъ принять образъ мысли или желанія. Онъ очищалъ эту душу, какъ садовникъ очищаетъ отъ черной земли и сора корни прекрасныхъ цвѣтовъ. Онъ говорилъ долго. Побѣжденная ночь отлетѣла, солнце заливало кровью небосклонъ, точно израненный огненными стрѣлами восходящаго свѣтила. На стѣнѣ Мадонна скорбно устремляла взоръ къ небесамъ, молясь за ту, которая каялась передъ нею въ своихъ грѣхахъ, готовая искупить ихъ мученической кончиной.

У дверей костела Риннгофенъ ожидалъ ихъ, неподвижный и безстрастный, какъ палачъ, готовый вести свою жертву къ эшафоту.

— Ключъ у меня, поручикъ, — сказала ему Жозефа. — Но не забудьте, что вы обѣщали исполнить за это мою просьбу.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, сударыня.

— О, не бойтесь, я не попрошу у васъ ничего ужаснаго. Мнѣ просто хотѣлось бы видѣть картину боя, и видѣть ее съ башни, которую я завоевала для вашей арміи.

Она говорила, весело улыбаясь, оживленная, кокетливая. Казалось, то была прежняя пани Жозефа: германецъ не сумѣлъ увидѣть маски на ней, надѣтой въ послѣдній разъ передъ концомъ маскарада.

— Вы согласны, не правда ли? Благодарю васъ, я очень довольна.

Въ эту минуту вдали точно глухой раскатъ грома прокатился надъ спокойными полями, закутанными въ дымку утренняго тумана.

То были русскія пушки.

VII.

Черезъ полчаса пулеметы уже стояли на площадкѣ башни. Передъ тѣмъ, какъ германцы вошли въ нее, отецъ Ромуальдъ заперся въ кельѣ, гдѣ Мадонна оплакивала разоренную землю, и выбросилъ ключъ за окно, въ густую заросль шиповника. Ни онъ ни картина уже не нужны больше. Они сдѣлали свое дѣло. Художникъ, вложившій душу въ свое созданье, знаетъ, что ни одинъ любопытный взоръ не упадетъ на картину, что она не переживетъ своего творца, которому не суждено увидѣть завтрашняго утра.

Пулеметы были поставлены на верхней площадкѣ, между колоколами: короткіе черные стволы отчетливо рисовались на ярко-синемъ осеннемъ небѣ. Башня, которой не угрожаетъ обстрѣлъ, наполнилась доверху германцами: здѣсь былъ послѣдній и самый надежный оплотъ ихъ крѣпости. Въ нижнихъ этажахъ были поставлены ящики съ запасами пулеметныхъ лентъ и сложены разрывныя бомбы для бомбометовъ, также поднятыхъ на башню, ручныхъ гранатъ, минъ, взрывающихся автоматически, вцѣпившись особыми крючьями въ одежду жертвы,—цѣлый арсеналъ смертоносныхъ разрывныхъ снарядовъ, приготовленныхъ на случай вторженія русскихъ во дворъ замка.

— Вотъ видите, пани, — сказалъ Риннгофенъ, показывая заинтересованной и любопытной Жозефѣ этотъ арсеналъ: — мы приняли всѣ мѣры, чтобы какъ можно дороже продать свою жизнь. Если пулеметы станутъ безполезными за близостью разстоянія, то заговорятъ ручныя гранаты и минометы, дѣйствіе которыхъ ужасно. Вы поможете намъ въ этомъ, не правда ли?

— А какъ это дѣлается? — спросила Жозефа.

— Очень просто: вы берете гранату въ руки и бросаете ее, какъ мячикъ. Она взрывается отъ удара о твердое тѣло, хотя бы человѣческое. Какъ бы ни храбры, пани, я все же считаю долгомъ предупредить васъ, что башня — мѣсто опасное. Этихъ игрушекъ здѣсь болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы взорвать на воздухъ весь костелъ и насъ вмѣстѣ съ ними.

Жозефа улыбнулась въ отвѣтъ своей очаровательной улыбкой.

— Надѣюсь, поручикъ, что этого не случится. Вы навѣрное опрокинете русскихъ одними пулеметами, не прибѣгая къ этимъ опаснымъ вещамъ.

— Будемъ надѣяться...

Между тѣмъ русскіе приближались. Выстрѣлы гремѣли все чаще, на горизонтѣ вспыхивали дымки рвущейся шрапнели. Примчался велосипедистъ съ извѣстіемъ, что линія прорыва все расширяется, и германцы отходятъ, будучи не въ силахъ противостоять стремительному натиску врага. Полкъ Доннера занялъ окопы передъ садовой оградой; весь дворъ, отчетливо видный съ вершины башни, наполнился офицерами и солдатами. Развязка была близка.

Бой начался въ полдень. Стоя на башнѣ, Жозефа видѣла, какъ русскіе снаряды разрывались все ближе отъ линіи окоповъ. Гдѣ же графъ? Вѣроятно, спрятался въ какой-нибудь погребъ: бѣдный, онъ долженъ чувствовать себя очень скверно при громѣ русскихъ орудій... Но пани Жозефа не долго задумывается надъ его участью; образъ графа мелькаетъ на мгновенье и сейчасъ же исчезаетъ опять изъ ея памяти. Она думаетъ о другомъ.

Ей осталось жить очень мало. Смерть близка; она здѣсь, рядомъ, она разлита въ этомъ опьяняющемъ осеннемъ воздухѣ, она шелеститъ пожелтѣлой листвой деревьевъ, ея обликъ вырисовывается въ причудливыхъ узорахъ дыма, плывущаго по синему небу. Но пани Жозефа не боится смерти и не жалѣетъ о прожитой жизни.

Она слышитъ только одинъ голосъ—голосъ родины... Слышитъ ея укоряющій голосъ въ громѣ пушекъ, отмщающихъ за честь истерзанной, опозоренной Польши. Она измѣнила родинѣ. Пожатіями и поцѣлуями ея убійцъ она осквернила свои руки, была сообщницей тѣхъ, которые стали палачами ея родины. И постыдное дѣло свершилось бы до конца, если бъ кто-то не остановилъ ея у послѣдней, роковой грани...

Пани Жозефа оглядывается и видитъ отца Ромуальда. Скрестивъ руки, съ пылающимъ взоромъ, стоитъ онъ въ дверяхъ. Какъ впустили его сюда? Или это только призракъ? Онъ не можетъ быть здѣсь... Гдѣ же онъ? Жозефа не помнитъ. Ахъ, да, да..., онъ тамъ, тамъ, гдѣ Мадонна... Но вѣдь тогда онъ погибъ? Да, это такъ, но что же? Пусть: вѣдь она не переживетъ его, она тоже погибнетъ съ нимъ вмѣстѣ...

Начинается! Первый залпъ внизу; германскіе окопы опоясываются огненной лентой. Орудія умолкли, видны ряды сѣрыхъ солдатъ, бѣгомъ приближающихся къ траншеямъ. Въ башнѣ раздается команда: открыть пулеметный огонь по атакующимъ. Пани Жозефа, испуганная, поблѣднѣвшая, спѣшитъ внизъ; очевидно, въ ней заговорила трусливая женщина... На нее никто не обращаетъ вниманія. Еще секунда, и неожиданно русскихъ зальетъ свинцовый градъ сверху,—губительный пулеметный огонь германцевъ, которые притаились въ своей засадѣ, готовясь нанести предательскій ударъ изъ-за угла.

Башня костела въ безопасности. Ея не обстрѣливали изъ орудій, а теперь этого уже нельзя сдѣлать, потому что моментъ упущенъ. Германцы-пулеметчики ликуютъ, заранѣе радуясь своей побѣдѣ.

Да, заранѣе,—и напрасно!

На мгновеніе атакующіе останавливаются въ замѣшательствѣ, при первыхъ пуляхъ сверху. Но въ ту же секунду страшный взрывъ, чудовищное сотрясеніе воздуха, распространяющееся на большое пространство, прекращаетъ дѣйствіе пулеметовъ. Столбъ пламени, точно перстъ, указующій въ небо, высоко взвивается надъ башней, вмигъ окутанной облакомъ чернаго дыма. За первымъ взрывомъ слѣдуютъ нѣсколько другихъ, не менѣе сокрушительныхъ, сливающихся въ какую-то канонаду титановъ. Русскіе поняли, въ чемъ дѣло. Громовое „ура", почти заглушающее грохотъ взрывовъ, привѣтствуетъ подвигъ невѣдомаго союзника. Пораженные ужасомъ, обезумѣвшіе нѣмцы, половина которыхъ уничтожена взрывомъ, выскакиваютъ изъ окоповъ и, какъ слѣпые, попадаютъ въ руки врага, окружившаго башню со всѣхъ сторонъ.

Тамъ, гдѣ возвышался костелъ, теперь дымится пожарище. Взрывомъ уничтожена башня, почти до основанія разрушенъ костелъ, въ которомъ также было сложено много взрывчатыхъ снарядовъ, поврежденъ дворецъ и служебныя постройки. Сотни нѣмецкихъ труповъ погребены подъ обломками. Но остовъ башни уцѣлѣлъ: точно плывущая по воздуху, видна фигура Мадонны между хоругвями обутлившихся развалинъ; воздымаясь надъ полемъ битвы, она оплакиваетъ залитый кровью и объятый пламенемъ міръ.

М. Г. Савина.

(Съ 9 портр. на стр. 890 и 891).

Даже переживаемыя нами міровыя событія, даже горечь тысячъ смертей не заслонили отъ насъ этой смерти. Размахнулась коса Смерти, и, сметая тысячи человѣческихъ жизней на поляхъ битвъ, она задѣваетъ и тѣхъ, кто стоитъ далеко отъ сраженій, но кто поднимается надъ уровнемъ толпы. Смерть какъ будто скорѣе замѣчаетъ тѣхъ, кто ярче, выше другихъ, кто стоитъ впереди. Она увидѣла въ этомъ году многихъ талантливыхъ, сильныхъ, выдающихся и накинулась на нихъ, какъ все еще несытый звѣрь. Въ этомъ году ушли изъ міра одинъ за другимъ талантливѣйшіе композиторы, артисты: Скрябинъ, Танѣевъ, Варламовъ, Савина... Длинная вереница смертей -мистическая вереница, исполненная непонятнаго значенія. Своего рода братская могила дѣятелей искусства.

Савина...

Отмежевавъ себѣ область сценическаго искусства, эта замѣчательная женщина была не просто актрисой. Актрисъ у насъ и очень хорошихъ было не мало, но Савина была и будетъ одна. Въ ней художница сцены и прекрасная, рѣдкая актриса сочеталась съ женщиной-гражданкой, старавшейся и умѣвшей отдавать бóльшую часть своихъ силъ и досуга общественной дѣятельности. Савина принадлежитъ къ числу строителей жизни, по крайней мѣрѣ, въ той сферѣ, въ которой она вращалась. Поставивъ себѣ девизомъ „сцена—моя жизнь“, она расширила этотъ девизъ до иной грани: „жизнь искусства и жизнь сценическихъ дѣятелей—моя жизнь“...

М. Г. Савина въ молодые годы.

Дѣятельность артистовъ, даже выдающихся, замыкается въ границахъ чисто-сценическихъ и отчасти литературныхъ постольку, поскольку литература доставляетъ имъ матеріалъ для ихъ сценическаго таланта. М. Г. Савина выступила далеко за предѣлы такой дѣятельности. Не говоря о томъ, что она была рѣдкимъ знатокомъ общей литературы, не говоря о томъ уже, что она непосредственно восприняла отъ Тургенева и Островскаго ихъ литературные завѣты, она своей игрой и своимъ художественнымъ творческимъ обликомъ дала толчокъ къ появленію цѣлой драматической литературы, созданной для нея лично, для ея художественныхъ воплощеній. Савина стояла въ уровень съ классической нашей драматургіей и головой выше драматургіи современной, которая сплошь и рядомъ руководилась ею. И какъ часто современная драматургія не могла удовлетворить ея требованій, не давала ей того цѣннаго матеріала, который былъ бы ей по плечу. Не даромъ Савина такъ жаловалась на недостатокъ пьесъ—въ особенности въ болѣе позднее время, когда ей хотѣлось создать совсѣмъ новые типы и образы, рождавшіеся въ жизни, но еще не перенесенные въ литературу и на сцену.

Далеко за предѣлы сценической дѣятельности выступала покойная артистка и тогда, когда ей приходилось сталкиваться съ нуждами и интересами ея сотоварищей по профессіи. Актеръ живетъ не только на сценѣ, но и за предѣлами сцены. И намъ постоянно приходилось видѣть, какое громадное участіе принимала Савина въ устроеніи актерской жизни внѣ сцены... Интересы каждаго маленькаго театральнаго человѣка были ея интересами. Обладая рѣдкой инициативой и „волей къ дѣятельности“, Савина устраивала актерскія убѣжища, создавала стипендіи, предсѣдательствовала на съѣздахъ артистовъ и драматическихъ писателей. Громадную роль играла она въ Театральномъ Обществѣ. Царица сцены, она была некоронованной царицей и въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя имѣли хоть какое-либо прикосновеніе къ сценѣ и къ драматической литературѣ.

М. Г. Савина въ санаторіи Дюльбергъ въ Евпаторіи.

Трудно сказать, что̀ въ этой замѣчательной женщинѣ было сильнѣе: драматическая актриса, или общественный дѣятель, склонный къ самой широкой благотворительности и работѣ на пользу ближняго? Тѣ, кто видѣлъ Савину только на сценѣ, видѣли не всю ее.

Но если бы Савина осталась только тѣмъ, кѣмъ видѣли ее мы на сценѣ,—и тогда она имѣла бы всѣ права на благодарное увѣковѣченіе ея имени. Ибо она была великая артистка.

Объ ея игрѣ, о ея типахъ, о созданныхъ ею образахъ можно и должно написать цѣлые томы. Но есть нѣчто, касающееся ея, какъ артистки, о чемъ можно сказать въ двухъ словахъ: Савина дала на сценѣ образъ русской женщины.

Русская женщина, которую такъ трогательно и сильно воспѣлъ Не-

Сцена — моя жизнь!
М. Савина

М. Г. Савина въ 1889 году.

М. Г. Савина, собирающая на подарокъ „Артистъ—солдату“ имени Наслѣдника Цесаревича. Одна изъ послѣднихъ фотографій.

„О, время!“

красовъ, дивные образы которой дали Тургеневъ и Толстой, нашла свое воплощеніе въ дивной игрѣ „русской Рашели“... Впрочемъ, напрасно такъ называли Савину. Она была русская—но не Рашель, а Савина... Въ громадномъ цвѣтникѣ созданныхъ ею женскихъ типовъ всюду предъ нами встаетъ душевный обликъ русской дѣвушки и женщины, съ мечтательной, нѣжной душой и съ дѣятельной подвижнической любовью къ близкому человѣку. И какое богатство тоновъ, какая яркая палитра красокъ была здѣсь въ распоряженіи у Савиной: вспышки молодого задора („Сорванецъ“), простодушная, смѣшная и въ то же

„Ольга Ранцева“.

„Злоба дня“.

„Родина“.

время милая наивность (Марья Антоновна въ „Ревизорѣ“), первое пробужденіе женскаго чувства („Дикарка“) смѣнялись тоской неудовлетворенныхъ жизненныхъ и духовныхъ запросовъ (чеховскія роли), раскаяніями грѣшницы („Гроза“),—тѣми чисто-русскими покаянными по-

„Подъ властью сердца“.

М. Г. Савина въ роляхъ своего обширнаго репертуара.

рывами, которыхъ не знаютъ иностранная психика и жизнь... Еще позднѣе Савина дала образы властной, сильной духомъ и волей русской женщины („Волки и овцы") и незабываемый обликъ старой княжны въ „Холопахъ".

Быть-можетъ, въ жизненную задачу Савиной, какъ великой художницы, именно входило дать полный образъ русской женщины отъ молодости до старости. Въ своей сценической карьерѣ геніальная артистка уже начала переходить этапы этого общаго образа. На своемъ юбилейномъ спектаклѣ она устроила нѣчто въ родѣ обзора своей художественной дѣятельности именно по этимъ этапамъ: она появилась въ отрывкахъ изъ нѣсколькихъ пьесъ, и мы увидѣли въ одинъ вечеръ и подростка „Дикарку" и позднѣйшіе зрѣлые образы... Можно было предполагать, что этотъ спектакль явится программой всей дѣятельности артистки, и что она, начавъ свою сценическую карьеру геніальными типами подростковъ и перейдя къ образамъ женщины увядающей, закончитъ геніальными образами старухъ. Но эта программа осталась, къ сожалѣнію, незаконченной. Савина дала только часть того, что хотѣла дать. Ей не хватило для этого нужныхъ пьесъ. А, главное, она слишкомъ рано умерла...

Говорятъ, что смерть приходитъ къ человѣку именно тогда, когда надо... Нѣтъ, для Савиной она явилась преждевременно. При такомъ громадномъ объемѣ жизненной энергіи и темперамента ей надо бы еще десятки лѣтъ жить для сцены и искусства. Судьба судила иначе...

Каменецъ-Подольскъ. Общій видъ.

На Сайменскомъ озерѣ.

Разсказы **Ю. Волина**.

I. Не о войнѣ.

— Будемъ говорить о чемъ хотите, только не о войнѣ!—предупредилъ прапорщикъ Сократовъ.

Я не возражалъ.

— Сядемъ у окна, будемъ тянуть изъ соломинки шведскій пуншъ и смотрѣть вдаль на мелькающіе огоньки пароходовъ, или внизъ на гуляющую публику... Будемъ думать... О чемъ хотите будемъ думать. Объ искусствѣ, о жизни, о любви, о бѣлоголовыхъ финнахъ, о виноградномъ сезонѣ въ Ялтѣ, о чемъ хотите, только не о войнѣ!.. Впрочемъ, не могу же я заставить васъ думать или не думать о чемъ-нибудь! Я могу только просить, просить васъ не говорить со мной о войнѣ... Ну, просто забыть на часъ, пока вы со мной! Вѣдь это не такъ трудно.

Каменецъ-Подольскъ. Старинная турецкая крѣпость.

Каменецъ-Подольскъ. Рѣка Смотрычъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.—Не будемъ говорить о войнѣ!

Мы выполнили все по его программѣ: заняли столикъ у открытаго окна курзала, заказали пуншъ и уставились взглядомъ въ искрящуюся гладь дремлющаго озера.

Первымъ послѣ долгаго молчанія заговорилъ прапорщикъ Сократовъ. Опять о томъ же.

— Ну, хорошо. Я—прапорщикъ Сократовъ, вернувшійся съ похода на Карпаты. Участвовалъ въ восьми большихъ сраженіяхъ и во многихъ стычкахъ. Контуженъ въ голову. Прикомандированъ къ „командѣ выздоравливающихъ", скоро пойду „на комиссію" и, можетъ-быть, опять на фронтъ. Все это вѣрно. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что со мною ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о войнѣ, нельзя говорить?.. Вѣдь, я—прапорщикъ Сократовъ всего только годъ! А до того я былъ присяжнымъ повѣреннымъ Иваномъ Васильевичемъ Сократовымъ... Вѣдь походъ на Карпаты только маленькая часть моей жизни, одна страничка! Вѣдь до того я тоже жилъ... Любилъ, былъ женатъ, разошелся съ женой, имѣлъ состояніе, разорился, сдѣлалъ кругосвѣтное плаванье, игралъ въ Монте-Карло, провелъ рядъ интереснѣйшихъ судебныхъ процессовъ, считался первымъ меломаномъ въ городѣ, написалъ десять романсовъ... Какъ видите, во мнѣ, въ моей личности, есть кой-какое содержаніе. Весьма даже разнообразное... И война—только уголокъ, только частица этого содержанія... Но я—прапорщикъ Сократовъ! И вы, и всякій, кто смотритъ на меня, видитъ осколокъ войны, выбывшаго изъ строя прапорщика, не больше! И вамъ даже трудно представить себѣ, что со мной можно говорить о чемъ-нибудь, кромѣ войны!

— Съ чего это вы, Иванъ Васильевичъ?..

Но прапорщикъ не далъ мнѣ кончить. Мягкимъ движеніемъ руки онъ остановилъ меня. Произнесъ сперва тихо и спокойно, а къ концу раздраженно и хрипло:

— Оставимъ это... Ни слова больше объ этомъ! Я прошу, понимаете ли, прошу! Развѣ такъ ужъ это трудно, исполнить маленькое условіе, оказать крошечную любезность больному человѣку? Помните это, больному человѣку, воину, контуженному на полѣ сраженія!

Стало тяжело съ нимъ. Захотѣлось встать и уйти отъ этихъ несносныхъ придирокъ. Если бы не самъ онъ, право же, и не подумалъ бы я говорить съ нимъ о войнѣ. Развѣ не для того бѣжалъ я изъ столицы къ тихому сѣверному озеру, къ скорбнымъ молчальникамъ труда, чтобы хоть на короткое время уйти отъ войны, отъ разговоровъ и думъ о ней, отъ проводовъ и встрѣчъ, отъ разсказовъ видѣвшихъ, отъ пересказовъ слышавшихъ, отъ непрерывнаго напряженія нервовъ, отъ болѣзненнаго, но бездѣйственнаго, обывательскаго участія въ грозномъ народномъ дѣлѣ?

Такъ несправедливы были его упреки, что захотѣлось грубо оборвать его, напомнить ему всѣ подробности нашего недолгаго общенія. Вѣдь не я искалъ знакомства съ нимъ, хотя замѣтилъ его уже недѣлю передъ тѣмъ и ежедневно по нѣскольку разъ съ нимъ сталкивался: въ курзалѣ, въ лѣсу, на пароходѣ. Онъ первый заговорилъ, первый пришелъ ко мнѣ, первый разсказалъ о себѣ. Вообще онъ одинъ только говорилъ во время нашихъ встрѣчъ, предоставивъ мнѣ роль молчаливаго слушателя. Ни вопросомъ ни какимъ-нибудь замѣчаньемъ не пытался я ни разу дать направленіе его нервной, взъерошенной, торопливой рѣчи. И вотъ онъ же упрекаетъ меня въ томъ, что я говорю о войнѣ!

Я не успѣлъ сказать этого, потому что онъ опять заговорилъ.

Теперь, вспоминая прапорщика Сократова, лихорадочный блескъ его глазъ, нашу бесѣду подъ звуки вальса, я благословляю небо, что такъ случилось, что я не высказалъ ему злыхъ словъ раздраженія и упрека.

Былъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ несправедливъ по отношенію ко мнѣ, какъ казалось тогда? Не знаю. Но если бы, поддавшись минутному настроенію, я бросилъ ему тогда укоръ, я совершилъ бы несправедливость, грубую, жестокую, мучительно незабвенную. Это я знаю.

Было такъ. Нѣсколько минутъ прапорщикъ Сократовъ сидѣлъ молча. Потомъ внезапно схватился за голову, широко раскрылъ побѣлѣвшіе отъ болѣзненнаго напряженія глаза и произнесъ раздраженно, злобно и въ то же время жалобно, тихимъ, сквозь зубы, шипѣніемъ, пронизывающимъ, какъ осенній сырой вѣтеръ:

— Вотъ и они! Это же наконецъ невыносимо! Посмотрите, и они, и эти о войнѣ! Какое имъ дѣло до меня? Нѣтъ, вы скажите мнѣ, какое имъ до меня дѣло!

Я осмотрѣлся по сторонамъ: о комъ говоритъ прапорщикъ Сократовъ?

Недалеко отъ насъ сидѣла группа финновъ. Повидимому, одна семья: старикъ съ безбородымъ бронзовымъ лицомъ, двѣ молодыя дѣвушки и трое молодыхъ мужчинъ. Всѣ здоровые, стройные, свѣжіе, свѣтловолосые и свѣтлоглазые. Отдавало отъ нихъ запахомъ травы, лѣса и озера. Должно-быть, вернулись съ прогулки, надышались лѣсомъ и озеромъ, плавали, гребли, бѣгали по каменистымъ островкамъ, принесли здоровую усталость и возбужденность... Не о нихъ ли говоритъ Сократовъ? Но кромѣ нихъ никого не было на террасѣ курзала. Бѣдный прапорщикъ Сократовъ! Очевидно, онъ одержимъ маніей...

— Это же невыносимо! — повторилъ Сократовъ.—Вѣдь они-то совсѣмъ ни при чемъ! Вѣдь у нихъ и близкихъ на войнѣ нѣтъ! Какое имъ дѣло до войны, до меня?

— Послушайте, Иванъ Васильевичъ! — отозвался я.— Съ чего вы взяли, что они говорятъ о войнѣ? Они ведутъ бесѣду на своемъ языкѣ, котораго мы съ вами не понимаемъ. Они почти не смотрятъ въ нашу сторону. Право же, вамъ все это представляется оттого, что ваше собственное настроеніе такое. Вы сами ни о чемъ другомъ не можете думать!

Сократовъ взглянулъ на меня исподлобья, недовѣрчивымъ и злымъ взглядомъ. Началъ сухо, потомъ разгорячился.

— Пойте, сударь, пойте! Меня не обманете! Вы думаете, что я не понимаю ихъ лжи и вашей лжи? О, вы ошибаетесь! Они могутъ смѣяться и говорить о состязаніи пловцовъ. Вы можете молчаливо глядѣть по сторонамъ или начать разговоръ о новыхъ направленіяхъ въ искусствѣ. Музыканты могутъ играть опереточные мотивы... А я все-таки не поддамся на вашу удочку! Меня не обманете! Я хорошо знаю, что и вы, и эти раскраснѣвшіеся финны, и тѣ музыканты, что всѣ вы думаете объ одномъ! Совсѣмъ не о томъ, о чемъ говорите! Вы всѣ думаете о войнѣ, только о войнѣ! И вы всѣми силами стараетесь обмануть меня и, можетъ-быть, себя самихъ. Вы слышите, милостивый государь? Себя вы можете обманывать, но

Неразорвавшаяся непріятельская бомба, сброшенная съ аэроплана на станцію Каменецъ-Подольскъ.

Уничтоженіе водки. Смотрятъ на выливаемую водку на винокуренномъ заводѣ.

меня обмануть вамъ не удастся! Я знаю, о чемъ вы думаете, и я васъ ненавижу... Такъ и знайте, сударь!

Конечно, то былъ бредъ человѣка, порабощеннаго единой идеей, превратившагося въ маніака.

Но почему-то въ ту минуту мнѣ показалось, что онъ правъ. Почему-то стало стыдно и за себя и за другихъ. Представилось, что мы дѣйствительно всѣ лжемъ, обманывая больше всего себя самихъ: что ничего не значащими разговорами и привычными поступками мы маскируемъ свою единую думу, свое единое чувство; что, если бы мы заговорили по-настоящему,—и я, и эти розовые спортсмены, и гуляющая по набережной публика, и играющіе веселый вальсъ музыканты, и даже само озеро, само небо,— если бы мы заговорили по-настоящему, искренними словами, отражающими правду нашихъ чувствъ и думъ, мы всѣ говорили бы только объ одномъ, — о войнѣ.

Такое было настроеніе въ тотъ вечеръ. И вмѣсто того, чтобы возразить прапорщику Сократову, доказать ему, что онъ не правъ, что онъ поддается власти навязчивой идеи,—я тихо опустилъ голову, какъ бы согласился съ нимъ.

Мы долго сидѣли еще въ тотъ вечеръ съ прапорщикомъ Сократовымъ. Сидѣли и молчали.

А когда мы прощались, прапорщикъ Сократовъ желчно произнесъ:

— Даже молчать вы не можете не о войнѣ!

II. Эйна изъ Тайкиня-Мяки.

Дѣвушка Эйна, дочь слесаря Перелайнена, влюбилась въ унтеръ-офицера Антона Зайкина изъ „команды выздоравливающихъ“.

Объ этомъ говорилъ весь городокъ.

Эйна Перелайненъ была красивая дѣвушка. Она имѣла золотой жетонъ за лыжныя гонки, серебряный жетонъ за состязаніе въ плаваніи, считалась первой танцовщицей на вечерахъ въ народномъ домѣ и ко всему этому зарабатывала сто марокъ въ мѣсяцъ службой въ заводской конторѣ. Нужно ли было Эйнѣ Перелайненъ влюбиться въ Антона Зайкина?

Старикъ Перелайненъ, положительно, находилъ, что это ей ни къ чему.

— Мои ри тома есть! — разсказывалъ честный слесарь. — Для мой сынъ Алфредъ отинъ томъ, для мой точь Эйна ругой томъ... Мой точь Эйна самъ Меркуріусъ женить очетъ! О, мой точь Эйна нѣтъ ната сольтатъ женить!

То же находили и другіе. А самъ „Меркурій“, владѣлецъ универсальнаго магазина подъ этой фирмой, потерявшій, благодаря популярности своей фирмы, собственное имя, протестовалъ громче всѣхъ. Въ его лавкѣ только и разговору было, что объ Эйнѣ и унтеръ-офицерѣ Зайкинѣ. Покупатели, выходя изъ „Меркурія“, уносили вмѣстѣ съ покупками всѣ подробности необычнаго романа и отзвуки возмущенія, переполнявшаго все существо отвергнутаго претендента на руку и сердце прекрасной Эйны изъ Тайкиня-Мяки.

Отсюда же, изъ-за прилавка „Меркурія“, разошлась по городку вѣсть, придававшая неожиданной романической исторіи характеръ и значеніе небывалаго скандала. Унтеръ-офицеръ Антонъ Зайкинъ былъ давно женатъ и имѣлъ дѣтей. Это было уже совсѣмъ недопустимымъ оскорбленіемъ общественной нравственности, клавшимъ тѣнь не только на доброе имя честной семьи Перелайненъ, но и на весь городокъ. Въ дѣло вмѣшался пасторъ: три раза приходилъ къ Перелайнену и три долгихъ бесѣды имѣлъ съ своенравной дѣвушкой. Послѣ пастора приходилъ комиссаръ. Не то что „по обязанности службы“, а по доброй волѣ и подъ вліяніемъ гражданъ, больше всего того же „Меркурія“. Конечно, и держался комиссаръ не какъ офиціальное лицо, а какъ добрый знакомый. Просто, счелъ своимъ долгомъ преподать молодой дѣвушкѣ совѣтъ и поученіе. Къ тому же, хотя въ обязанности полицейскаго и не входитъ наблюденіе за нравственностью Эйны Перелайненъ, но комиссара не можетъ не интересовать событіе, вызывающее волненіе во всей окрестности. Затѣмъ приходилъ почтеннѣйшій представитель общины, городской казначей Койконенъ. Вслѣдъ за нимъ представитель союза слесарей, наконецъ самъ директоръ завода, на которомъ служила Эйна.

А Эйна отвѣчала всѣмъ одно и то же:

— Хочу и люблю! И никому до меня дѣла нѣтъ.

Какъ только наступалъ вечеръ, Эйна исчезала изъ дому. Ее встрѣчали въ лѣсу, видѣли ее на озерѣ въ лодкѣ. И все съ тѣмъ же Антономъ Зайкинымъ. Она какъ будто и не старалась даже скрывать свое увлеченіе. Только послѣ того, какъ любопытные согражданe стали слишкомъ настойчиво попадаться на пути влюбленныхъ, Эйна со своимъ унтеръ-офицеромъ стали исчезать, задавъ трудную задачу всѣмъ городскимъ сплетникамъ во главѣ съ „Меркуріемъ“: куда могли прятаться эти скандалисты? „Меркурій“ даже похудѣлъ отъ досады и обиды, а можетъ-быть, и оттого, что цѣлыя ночи не спалъ, рыская по окрестностямъ и разыскивая Эйну и ея избранника.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Зайкинъ оставался въ „командѣ выздоравливающихъ“.

Что унтеръ-офицеръ Зайкинъ скоро будетъ отправленъ на фронтъ, знали всѣ. Онъ былъ легко раненъ въ плечо, пуля была своевременно извлечена, рана залѣчена, а за два мѣсяца спокойнаго отдыха въ прекраснѣйшемъ уголкѣ Финляндіи онъ совсѣмъ оправился, порозовѣлъ и выглядѣлъ молодцомъ.

Всѣ понимали, что лѣченію Зайкина скоро наступитъ конецъ. Старикъ Перелайненъ и всѣ благонравные граждане, огорченные и смущенные поведеніемъ Эйны, много надеждъ возлагали на отъѣздъ Зайкина. Онъ уѣдетъ, она останется, и постепенно все забудется. Мало ли что бываетъ? Молодости присущи ошибки и увлеченія. Пройдетъ, будто и не было ничего! „Меркурій“ бѣгалъ даже къ начальнику команды, спрашивалъ, скоро ли пойдутъ выздоровѣвшіе „на комиссію“. Вернувшись, разнесъ по всему городку радостную вѣсть, что соблазнителю осталось всего нѣсколько дней тревожить мирную жизнь городка.

И вотъ наступилъ долго жданный день. Большая партія выздоровѣвшихъ отправлялась въ Петроградъ, чтобы оттуда отправиться къ своимъ частямъ. На вокзалѣ собралось много народу.

Уничтоженіе водки. Выбиваютъ „мерзавчики“. Водка течетъ по трубѣ въ яму.

Англійскій военный агентъ полковникъ Ноксъ и полковникъ П. П. Родзянко на передовыхъ позиціяхъ.

Было любопытно посмотрѣть, какъ Эйна Перелайненъ будетъ прощаться съ Антономъ Зайкинымъ.

Но Эйны на вокзалѣ не было.

— Гдѣ Эйна? Не видѣли ли вы Эйны Перелайненъ? разспрашивалъ „Меркурій", бѣгая по платформѣ и обыскивая даже вагоны.

Эйны изъ Тайкиня-Мяки нигдѣ не было, и никто не видѣлъ ея. Изъ дому ушла, какъ всегда, рано утромъ. Можетъ-быть, спокойно пошла на службу? Можетъ-быть, разссорилась со своимъ милымъ и не пришла даже проводить его? Но у Зайкина было слишкомъ веселое лицо, и взгляды, которые онъ бросалъ на „Меркурія", отражали довольство одержавшаго побѣду... Гдѣ же Эйна?

Недоумѣніе и тревога усилились, когда вечеромъ всѣ узнали, что Эйна не была на службѣ. Когда же пришла ночь, а Эйна не приходила и никакихъ извѣстій о себѣ не присылала, отецъ и братъ Эйны забѣгали по городку, а „Меркурій" затараторилъ въ своей лавкѣ, разнося повсюду вѣсть о пропавшей дѣвушкѣ.

Одни, вздыхая, говорили:

— Вотъ что значитъ любовь! Бѣдная дѣвушка! Она не могла перенести разлуки со своимъ возлюбленнымъ и, навѣрное, бросилась въ озеро!

Другіе рѣшали иначе:

— Бѣжала! Она такая, съ нея станется! Не иначе, какъ бѣжала въ Петроградъ, чтобы провести еще нѣсколько дней съ милымъ дружкомъ.

Не вѣря этому (кассиръ и станціонные сторожа положительно утверждали, что не видѣли Эйны на вокзалѣ ни передъ отъѣздомъ Зайкина ни послѣ того), старикъ Перелайненъ тѣмъ не менѣе поѣхалъ въ Петроградъ. Съ большимъ трудомъ разыскалъ онъ Зайкина на одномъ изъ сборныхъ пунктовъ. Но унтеръ-офицеръ увѣрилъ его, что не видѣлъ Эйны и ничего не знаетъ объ ея участи; даже омрачился и насупился, услышавъ отъ старика о пропажѣ дѣвушки. Такъ и уѣхалъ Перелайненъ, уже увѣренный въ смерти дочери. Спутникамъ въ вагонѣ разсказывалъ объ Эйнѣ, такой прекрасной дѣвушкѣ, имѣвшей призы за лыжныя гонки и за первенство на состязаніи пловцовъ и такъ неосторожно влюбившейся въ раненаго солдата. Спутники глубоко вздыхали, изрекали истины о силѣ любви, о безразсудствѣ молодости и дѣлили со старикомъ его скорбь.

Въ теченіе двухъ недѣль въ городкѣ говорили о трагической смерти Эйны Перелайненъ. Каждый день разносились слухи о томъ, что рыбаки окрестныхъ мѣстъ извлекли со дна озера ея трупъ. Но къ вечеру уже дѣлалось извѣстнымъ, что никакого трупа рыбаки не извлекали, а только хотѣли извлечь, но не нашли.

Постепенно прекратились поиски рыбаковъ, а вслѣдъ за ними и разговоры о несчастной дѣвушкѣ. Эйну начали забывать.

Прошелъ мѣсяцъ со дня отъѣзда Зайкина и исчезновенія Эйны Перелайненъ.

Однажды въ „команду выздоравливающихъ" явился солдатикъ Егоръ Игольниковъ, одного полка съ Зайкинымъ, одновременно съ нимъ раненый, вмѣстѣ съ нимъ бывшій здѣсь на излѣченіи и вмѣстѣ съ Зайкинымъ отправленный мѣсяцъ тому назадъ въ дѣйствующую армію.

— Ты откуда? — удивился начальникъ команды.

— Съ побывки, ваше высокородіе!

— Какъ съ побывки? Кто отпустилъ тебя? И почему ты сюда явился, а не въ свою часть?

Изъ отвѣтовъ Игольникова выяснилось, что онъ попросился въ отпускъ, еще находясь здѣсь, въ командѣ. Просьбу свою онъ передалъ черезъ унтеръ-офицера Антона Зайкина, и тотъ увѣрилъ его, что отпускъ на мѣсяцъ ему разрѣшенъ. Онъ и поѣхалъ.

Начальникъ команды раньше всего обратилъ вниманіе на

Полковникъ Мухановъ, прикомандированный къ миссіи. Генералъ Вольфъ-Муррей. Полковникъ Робертсонъ.

Представители нашихъ союзниковъ. Англійская военная миссія, посѣтившая Петроградъ и отправившаяся на нашъ фронтъ, въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго.

то странное обстоятельство, что, несмотря на отъѣздъ Игольникова, партія выздоровѣвшихъ прибыла къ мѣсту назначенія въ полномъ составѣ, о чемъ въ командѣ имѣлись свѣдѣнія.

И именно начальнику команды, знавшему всю исторію съ Эйной Перелайненъ, первому пришла въ голову мысль: не ушла ли Эйна, переодѣвшись солдатомъ, на войну вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ?

мужски. Сопровождавшій команду младшій офицеръ вспомнилъ, что еще въ пути обратилъ вниманіе на незнакомое лицо одного изъ солдатъ, но такъ и оставилъ это безъ разслѣдованья; чѣмъ-то другимъ отвлечено было его вниманіе.

Сомнѣнія не было. Эйна Перелайненъ находилась въ полку.

„Меркурій" настаивалъ на томъ, чтобы написать въ полкъ и разоблачить самозванку. Но противъ него вооружились всѣ, даже

Письмо въ окопы. Рисунокъ **В. Сварога.**

А къ вечеру того дня уже весь городокъ зналъ правду объ Эйнѣ Перелайненъ: подъ именемъ рядового Егора Игольникова она находится въ полку, на позиціи.

Какъ только прошелъ такой слухъ, появились и неопровержимыя подтвержденія его. Парикмахеръ сосѣдней деревни вспомнилъ, что мѣсяцъ тому назадъ къ нему явилась незнакомая дѣвушка и продала ему свою прекрасную косу, при этомъ почти не торговалась, очень-очень торопилась и просила подстричь ее по-

отецъ Эйны. Напротивъ, репутація дѣвушки и всей семьи Перелайненъ сразу была возстановлена, и поступокъ Эйны разсматривался, какъ подвигъ.

Старикъ Перелайненъ повеселѣлъ и говоритъ объ Эйнѣ охотно и горделиво:

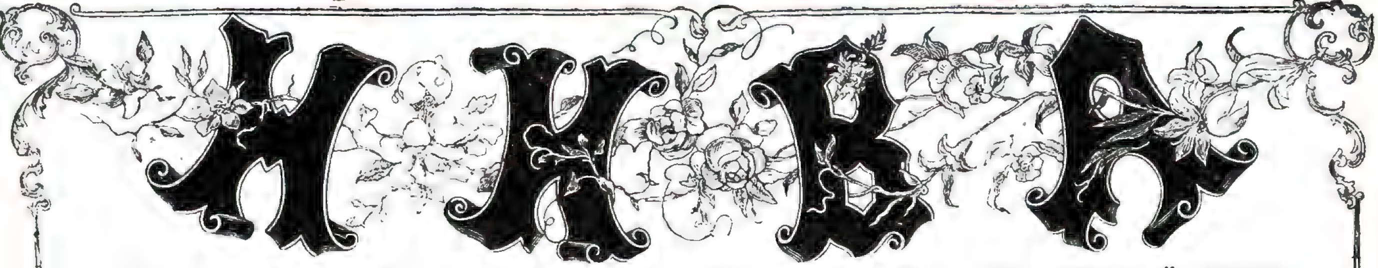
— Мой точь нѣтъ любилъ Сайкинъ! Мой точь хотѣлъ сольтатъ быть! Мой точь рѣлять мошетъ! Мой точь война тоже призъ взять будетъ! О, мой дочь вседа призъ взять будетъ!..

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркс , Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

XLVII г. изданія. — **XLVII г. изданія.**

Открыта подписка на 1916 г.



ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ и СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ приложеніемъ 12 книгъ „Ежемѣс. Литер. Приложеній" и 40 книгъ „Сборника Нивы", содержащихъ:

ВТОРУЮ СЕРІЮ *ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ* ***Д. Н. Мамина-Сибиряка,***

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ***Н. Г. Гарина-Михайловскаго,***

НОВЫЯ ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ***Антона Павловича Чехова,***

ЭПИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ***ШАРЛЯ ДЕ-КОСТЭРА: „Библія Бельгіи"***

(„УЛЕНСПИГЕЛЬ").

2 НОВЫЯ спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), разм. 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, разм. 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. **проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ" 1916 г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:

Безъ доставки **8 р. 50 к.** | Съ доставкою **9 р. 50 к.**

Безъ доставки:

1) въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ **9 р. 25 к.**

и 2) въ **Одессѣ:** въ книжн. магазинѣ „ОБРАЗОВАНІЕ" **9 р. 50 к.**

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи . . . . **10 р.**

Уленспигель и Неле на памятникѣ Шарлю де-Костэру, творцу „Библіи Бельгіи"

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:

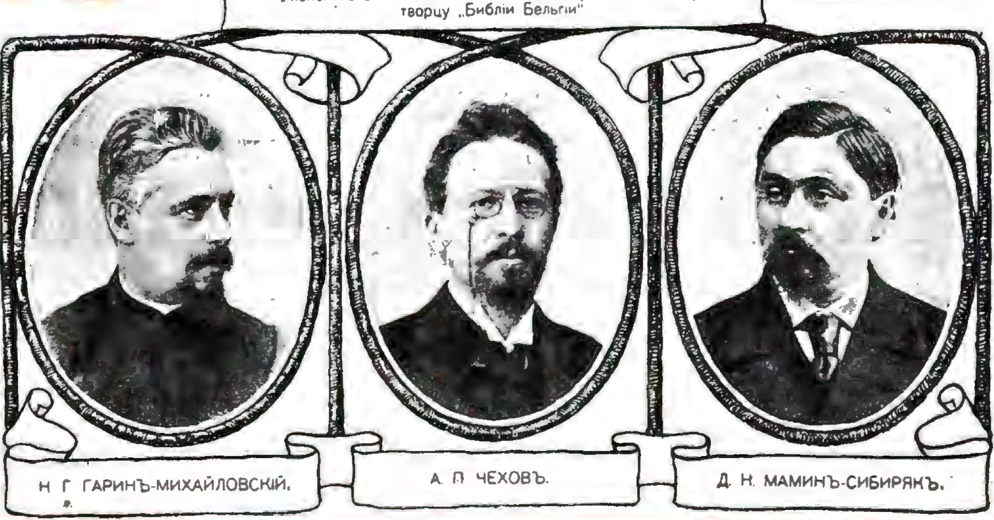
Въ два срока: (при подпискѣ 5 р. и 1 іюня 5 р.).

Въ три срока: (при подпискѣ 4 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 августа 3 р.).

Въ 4 срока: (при подпискѣ 2 р. 50 к., 1 марта 2 р. 50 к., 1 іюня 2 р. 50 к., и 1 августа 2 р. 50 к.).

Гг. новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „НИВЫ" 1916 г. со всѣми прилож., еще **первую серію** (18 кн.) **соч. МАМИНА-СИБИРЯКА,** приложен. при „НИВѢ" 1915 г., доплачиваютъ: 1) безъ доставки: въ Петроградѣ—3 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—3 р. 25 к.; 2) съ доставкой и пересылкой (въ Европ. Россіи)—3 р. 50 к. Эти доплаты можно производить и частями до 1-го сентября 1916 г. съ тѣмъ, что 18 книгъ 1-й серій соч. Мамина-Сибиряка 1915 г. будутъ высланы не ранѣе полученія сполна всей суммы доплаты.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается **РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА** на самыхъ льготныхъ условіяхъ.



Н. Г. ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ. — А. П. ЧЕХОВЪ. — Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ.

Подписка принимается въ Петроградѣ, въ Конторѣ журнала „НИВА", улица Гоголя, д. № 22.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

„Все для войны“—вотъ лозунгъ, которымъ руководится вся Россія, весь міръ, охваченный всесвѣтной грозой войны. Жизнь страны отлетѣла изъ своихъ мирныхъ глубинъ, съ трудовыхъ нажитей на границы боевыхъ фронтовъ, и журналъ нашъ преобразился вмѣстѣ съ жизнью, которую онъ призванъ отражать.

Съ начала войны „Нива“ отвела свои страницы военнымъ событіямъ. За это время въ журналѣ было помѣщено около *2000 рисунковъ и картинъ войны* и около *800 портретовъ*. Эти ярко запечатлѣнные моменты боевой жизни нашей и союзныхъ армій и цѣлая портретная галлерея героевъ, увѣнчанныхъ боевыми отличіями и павшихъ на полѣ чести, вмѣстѣ съ разсказами и очерками непосредственныхъ наблюдателей и участниковъ войны—положили начало *исторіи Великой Войны* въ ея хронологическомъ развитіи и послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для русской Иліады, авторъ которой — русскій народъ.

Грядущій 1916-й годъ, видимо, начнется также подъ знакомъ войны, и, вѣрная своей задачѣ:—раздѣлять судьбу и интересы своихъ читателей, „Нива“ будетъ продолжать давать на своихъ страницахъ картины войны и освѣщать постепенный ходъ военныхъ дѣйствій и ихъ грядущія перспективы въ рядѣ очерковъ-обозрѣній выдающагося спеціалиста военнаго дѣла *К. М. Шумскаго*—*„Дневникъ военныхъ дѣйствій“* въ еженедѣльныхъ нумерахъ и его „Военныхъ очеркахъ“—въ ежемѣсячномъ журналѣ

„ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“

(двѣнадцать книгъ).

Убѣдившись изъ письменнаго общенія съ читателями, какъ желательна и нужна каждой русской семьѣ въ высшей степени подробная карта боевого фронта нашей и союзныхъ армій, мы дадимъ въ 1916 году безплатнымъ приложеніемъ

ДВѢ КАРТЫ ТЕАТРОВЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ:

1. Карта западнаго—русскаго—фронта. 2. Карта западно-европейскаго фронта.

Карты эти, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ, въ увеличенномъ масштабѣ, составлены подъ редакціей вице-президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества профессора ген.-лейт. Ю. М. Шокальскаго. Благодаря очень крупному масштабу, на этихъ картахъ показаны даже малозначащіе населенные пункты и мѣстности, привлекающіе всеобщее вниманіе какъ мѣста военныхъ дѣйствій.

Своимъ иллюстрированнымъ еженедѣльникомъ, отвѣчая интересамъ русской семьи и русскаго общества къ событіямъ войны, каждую недѣлю принося своимъ читателямъ обзоръ того, что произошло на театрахъ военныхъ дѣйствій, „Нива“ считаетъ своимъ долгомъ и въ бранную непогоду продолжать свою просвѣтительную задачу—давать широкимъ массамъ читателей сочиненія выдающихся русскихъ и иностранныхъ писателей.

И на боевыхъ поляхъ, мѣстахъ сраженій, мирный пахарь продолжаетъ свой посѣвъ...

Въ будущемъ 1916 году прежде всего предстоитъ намъ дать **вторую серію**

I. ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

(Цѣна входящихъ въ эту серію произведеній въ существующихъ изданіяхъ 15 руб. 50 коп.).

Изъ числа произведеній Мамина, которыя мы дадимъ въ 1916 году, особенно выдѣляются ярко отмѣченные критикой его знаменитые „Сибирскіе разсказы“ (40 разсказовъ).

Всѣ эти „Сибирскіе орлы“, образы „народа-звѣря“: бродяги съ выжженными за поджоги глазами, „подкованный“ дѣвки за „гульбу“, преступники, приговоренные за двухнедѣльную сессію окружнаго суда въ Шадринскѣ и Ирбитѣ въ общемъ на 200 лѣтъ каторги („Звѣрство“), подснѣжники — мертвыя тѣла бродягъ, обнаруживаемыя послѣ таянія снѣговъ („Подснѣжникъ“), золотоискатели („Кладъ“) и типы пріисковой жизни („Пріисковый мальчикъ“), „соловьи“ — возчики желѣза въ Сибири („Мизгирь“) и рядомъ съ ними „мизгирь“ — типъ русскаго незлобивца, „лѣсоворы“ („Крестники“) на ряду съ типами заводскихъ рабочихъ („Морокъ“), типы былыхъ взяточниковъ и самоуправцевъ въ Сибири и рядомъ дѣятели новаго суда, введеннаго въ Сибири („Удивленный человѣкъ“), — все это вошло пестрою толпою въ яркую галлерею героевъ „Сибирскихъ разсказовъ“.

Пѣвецъ Урала, сказитель его широкихъ красотъ, Маминъ въ своемъ обширномъ романѣ „Горное гнѣздо“ изобразилъ знаменитые „Кукарскіе заводы“, раскинувшіеся на пространствѣ въ полмилліона десятинъ, обзаведшіеся благами культуры—телеграфомъ, телефономъ и желѣзной дорогой и на ряду съ ними сохранившіе остатки крѣпостного права, подъ гнетомъ котораго населеніе пропиваетъ свой скудный заработокъ и влачитъ жалкое существованіе полурабовъ-полускотовъ.

Въ другихъ своихъ произведеніяхъ изъ числа тѣхъ, которые будутъ даны нашимъ читателямъ въ 1916 году: романѣ „Общій любимецъ публики“, разсказахъ: „Человѣкъ съ прошлымъ“, и „Судъ идетъ“, большомъ романѣ „Весеннія грозы“—Маминъ-Сибирякъ даетъ яркіе, незабываемые типы ближайшей къ намъ эпохи, — настоящіе русскіе типы лучшихъ литературныхъ описаній.

На ряду съ сочиненіями Мамина-Сибиряка мы рѣшили въ 1916 г. включить въ библіотеку нашихъ подписчиковъ

II. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО

(Цѣна существующаго изданія собраній сочиненій 24 руб.).

Трилогія Гарина—„Дѣтство Тёмы“, „Гимназисты“ и „Студенты“, къ которой примыкаетъ заключительная часть „семейной хроники“ „Инженеры“ — широко извѣстна читающей Россіи, въ особенности молодежи, и среди нея создала ея автору огромную популярность: „Дѣтство Тёмы“ выдержало восемь изданій, „Гимназисты“—семь изданій,—рѣдкій успѣхъ беллетристическихъ произведеній.

Ровесникъ Короленко и Гаршина, реалистъ по традиціи великихъ нашихъ романистовъ, Гаринъ-Михайловскій выступилъ на писательское поприще уже сложившимся, крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

Герой его трилогіи, Тёма Карташевъ,— типъ современнаго дѣятеля-практика, связующее звено романтики стараго уклада жизни съ трезвымъ реализмомъ позднѣйшихъ годовъ.

Какъ правдивый документъ современности, эта „семейная хроника“ Гарина достойна своей широкой славы.

Тёмы Карташевы (собирательный типъ героя этого второго въ нашей литературѣ „Дѣтства и Отрочества“) сохранили старое романтическое наслѣдство своихъ отцовъ и дѣдовъ, идеалистическіе порывы къ добру и честности. Это—интеллигентные люди съ мягкой славянской душой и въ то же время трезвые практики, создавшіе техническій прогрессъ нашей современной жизни. Это — отцы той молодежи, которая теперь такъ горячо откликнулась въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на мобилизацію техники и готовитъ въ своихъ мастерскихъ и лабораторіяхъ военные снаряды. Нынѣшніе наши студенты—плоть отъ плоти „Студентовъ“ Гарина.

Такъ же ярко правдивы и другія произведенія Гарина: „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“ (его первое произведеніе), „Въ сутолокѣ провинціальной жизни“, „Деревенскія панорамы“ и „Сумерки“, рисующія борьбу молодого, энергичнаго, честнаго реформатора деревенской жизни съ ея рутиной и невѣжествомъ.

Но въ этихъ произведеніяхъ вылился еще не весь Гаринъ. Яркій по натурѣ захвата, импрессіонистъ въ душѣ, Гаринъ далъ въ своихъ разсказахъ: „Клотильда“, „Когда-то“, „Ревекка“, „Орхидея“—цѣлую галлерею поэтическихъ женскихъ образовъ, на которыхъ чувствуется нѣжный тургеневскій налетъ романтизма.

Тонкимъ легкимъ флеромъ сказочной поэзіи окутаны его „Корейскія сказки“. Эти сказки народа-мечтателя, эти легенды „страны полуденнаго спокойствія“ своеобразно выдѣляются на ряду съ живыми и яркими картинами китайской жизни въ его очеркахъ: „Въ странѣ желтаго дьявола“ („По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову“), рисующихъ тоже своеобразный міръ, изученный Гаринымъ во время его большого кругосвѣтнаго путешествія.

Позднѣе, когда возгорѣлась русско-японская война, Гаринъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій, и результатомъ его поѣздки былъ обширный „Дневникъ во время войны“, отдѣльно изданный подъ заглавіемъ: „Война“.

Этотъ дневникъ, написанный „по поводу“, и по такому тяжкому поводу, какъ недоумѣнная, печальной памяти русско-японская кампанія, — война двухъ народовъ, сошедшихся черезъ десять лѣтъ послѣ враждованія въ братскомъ боевомъ содружествѣ противъ общаго вѣкового врага на Западѣ, оттѣняетъ многосторонній талантъ Гарина, какъ писателя-гражданина.

Третьимъ приложеніемъ на 1916 г. будутъ даны

III. НОВЫЯ ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ Ант. Павл. ЧЕХОВА

Давъ своимъ подписчикамъ полное собраніе сочиненій Ант. Павл. Чехова (въ 1903 г. 16 книгъ и въ 1911 году еще 12 дополнительныхъ книгъ), мы лишены были возможности включить въ нихъ тѣ цѣнные матеріалы, которые удалось найти лишь теперь въ архивѣ и интимныхъ бумагахъ покойнаго писателя, представляющихъ собственность его семьи.

Считая долгомъ дать своимъ читателямъ все, что только вылилось изъ-подъ пера великаго писателя, — послѣ того, какъ близкіе покойнаго Ант. Павл. Чехова признали возможнымъ опубликовать найденные матеріалы, „Нива“, сдѣлавшая всеобщимъ достояніемъ читающей Россіи безсмертныя произведенія великаго нашего писателя, рѣшила нынѣ же, въ наступающемъ году, дать своимъ подписчикамъ эти найденныя подготовительныя его работы, наброски и замѣтки, которымъ какъ-то не хочется дать названіе черновыхъ: — столько въ нихъ свѣтлаго ума, искрящагося юмора, яркаго таланта. Въ числѣ ихъ будетъ нами напечатана записная книжка Ант. Павл. Чехова, въ которую писатель вносилъ отдѣльныя мысли, планы задуманныхъ произведеній, понравившіяся ему цитаты и пр. Кромѣ того будетъ нами дано читателямъ нѣсколько вновь найденныхъ драматическихъ и беллетристическихъ произведеній Чехова.

Въ выборѣ автора изъ западной литературы мы обратили свой мысленный взоръ туда, куда съ благоговѣніемъ направлены души всѣхъ народовъ міра:—на героическую Бельгію.

Бельгійскій народъ, принявшій на себя терновый вѣнецъ мученій за право и свободу, сталъ намъ близкимъ, роднымъ.

Его героическая жизнь имѣетъ свои великія первоосновы. Чтобы познать ее, нужно узнать душу этого великаго народа-страдальца; у него есть своя священная исторія—

IV. „БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“

(„Тиль Уленспигель“)

Эпическій романъ Шарля ДЕ-КОСТЭРА.

Въ этомъ эпическомъ романѣ-поэмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Національной Библіи Бельгіи“, отраженъ духъ бельгійскаго народа, его вѣрованія и стремленія. Кто хочетъ понять бельгійцевъ, тотъ долженъ прочесть эту великую книгу. Въ ней геній народа сплетенъ такъ тѣсно съ творчествомъ отдѣльнаго человѣка, что личныя черты писателя растворились. Предъ нами великая героическая эпопея, за личнымъ творцомъ которой стоитъ творецъ-народъ, за отдѣльнымъ героемъ—герой-народъ.

Шарль де-Костэръ—одинъ изъ тѣхъ великихъ поэтовъ, который, повѣствуя о своей странѣ и о своемъ народѣ, умѣлъ принадлежать всему міру. Отъ Шарля де-Костэра тянется чудесная вѣтвь бельгійскихъ поэтовъ и мыслителей. Онъ подарилъ бытіе вдохновенной бельгійской литературѣ и воодушевилъ творчество нѣжнаго Роденбаха, пламеннаго Верхарна и мудраго Метерлинка..

Въ „Библіи Бельгіи“ увѣковѣчена героическая борьба Фландріи съ Филиппомъ II. Авторъ воспользовался для романа-поэмы біографическими чертами героя многочисленныхъ средневѣковыхъ балладъ и легендъ Тиля Уленспигеля, и сдѣлалъ его національнымъ бельгійскимъ героемъ.

Главные герои романа-поэмы—угольщикъ Клаасъ, его сынъ Тиль и невѣста Тиля, кроткая Неле—являются, по толкованію де-Костэра, символическими образами: „Клаасъ, это—твое мужество, благородный фламандскій народъ! Тиль — твой умъ, а Неле—твое сердце“. Въ поэмѣ принимаетъ большое участіе еще четвертая фигура, но уже комическая—Ламме Гоодзакъ, благодушный, жизнерадостный флегматикъ, типъ фламандца; авторъ называетъ его „брюхомъ Фландріи“...

Грандіозная эпопея Тиля Уленспигеля, исполненная всевозможныхъ приключеній, то забавныхъ, то трагическихъ, рисующая характеръ бельгійцевъ, ихъ стремленія и идеалы, ярко запечатлѣла судьбы Фландріи—этой изумительной страны, въ которой такъ странно сочеталась жизнерадостность съ великой трагедіей.

Времена Филиппа II для Бельгіи повторились. Воскресъ и Тиль Уленспигель — народный герой Бельгіи, весельчакъ и балагуръ въ мирное время и трагическій герой во времена кровавой борьбы.

Гроза войны, обрушившаяся на Россію, держащая полтора года въ бездѣйствіи отечественную промышленность, прекратившая доступъ въ наши предѣлы всѣхъ тѣхъ матеріаловъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ, которые шли для типографскаго и издательскаго дѣла изъ заграницы, — вызвала тяжкій кризисъ.

Цѣлый годъ боролась „Нива“ съ колоссальнымъ ростомъ цѣнъ на всѣ нужные ей матеріалы, въ особенности на бумагу, краску, цинкъ для клише. До тѣхъ поръ, пока возвышавшіяся цѣны эти на предметы первой необходимости для печатнаго изданія

не превышали нѣсколькихъ десятковъ процентовъ ихъ прежняго уровня, наше издательство сохраняло прежнюю подписную цѣну на журналъ. Но въ настоящее время ростъ цѣнъ достигъ такихъ размѣровъ, что другія печатныя изданія нынѣ уже повысили подписную и розничную цѣну, не ожидая наступленія новаго подписного года.

По количеству даваемаго печатнаго матеріала чувствуя на себѣ больше, чѣмъ всѣ другія печатныя изданія, тягость повышенныхъ цѣнъ, „Нива" вынуждена для того, чтобы покрыть хотя часть этого повышенія цѣнъ, вызваннаго дороговизной, увеличить на 1916-й годъ подписную цѣну.

Подведемъ теперь итогъ всему, что получатъ наши подписчики въ 1916 году:

52 нумера **еженедѣльнаго** художеств.-литер. журн. „НИВА", содержащаго романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія; рисунки и иллюстраціи военныхъ событій, портреты, снимки съ картинъ прежнихъ и современныхъ художниковъ и т. д.

12 книгъ **ежемѣсячнаго** журнала: **„Литературныя и Популярно-Научныя Приложенія"**, содержащаго повѣсти, разсказы, стихотворенія; военные очерки, популярно-научныя и критическія статьи и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

40 книгъ **„Сборника Нивы"**, въ которыя войдутъ:

Полнаго собранія сочиненій **Д. Н. Мамина-Сибиряка** вторая серія. Цѣна входящихъ въ эту серію произведеній въ существующихъ изданіяхъ 15 руб. 50 коп. безъ пересылки.

Полное собраніе сочиненій **Н. Г. Гарина-Михайловскаго.** Цѣна существующаго изданія 24 руб. безъ пересылки.

Новыя посмертныя сочиненія **А. П. Чехова.** Цѣна существующаго изданія 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

„Библія Бельгіи" — романъ **Шарля Де-Костэра** („Уленспигель"). Будетъ стоить приблизительно 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

2 новыя спеціальныя **карты** театра военныхъ дѣйствій двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), размѣромъ 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, размѣромъ 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 руб.

12 нумеровъ **„Новѣйшихъ Модъ"**, со многими (около 300) иллюстраціями и **почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ** на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ **рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія** съ 300 рис. и чертежами выкроекъ (тоже до 300).

1 **отрывной (ежемѣсячный) календарь** на 1916 г., отпечатанный красками.

Такимъ образомъ подписчики получатъ въ 1916 году 52 книги: къ каждому нумеру „Нивы" будетъ приложено по одной книгѣ, независимо отъ остальныхъ приложеній.

Содержаніе 40 книгъ „Сборника Нивы" на 1916 годъ будетъ приблизительно слѣдующее:

Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка

вторая серія, большого формата, въ 8-ю долю листа.

Горное гнѣздо, романъ.—Ранніе всходы, романъ въ 3-хъ частяхъ съ эпилогомъ.—Золотая лихорадка, очерки и разсказы: На „шестомъ номерѣ".—Золотая ночь.—Хищная птица.—Злой духъ.—Ната.—Милліонъ, очерки, повѣсти и разсказы: Милліонъ.—Кисейная барышня.—Паучки.—Осипъ Иванычъ.—Богоданка.—Два завѣщанія.—Человѣкъ съ прошлымъ, разсказы: Человѣкъ съ прошлымъ.—Судъ идетъ.—Городская сестра.—Субъектъ.—Общій любимецъ публики, романъ.—Золотая муха, очерки, повѣсти и разсказы: Золотая муха.—Бѣдный чортъ.—Другъ артистовъ.—Она придетъ.—По желанію публики.—Буянка.—Куку.—Сибирскіе разсказы въ 4-хъ томахъ: Сибирскіе орлы.—Главный баринъ.—Звѣрство.—На перевалѣ.—Не у дѣлъ.—Подснѣжникъ.—Кладъ.—Морокъ.—Пріисковый мальчикъ.—Крестникъ.—Удивленный человѣкъ.—Мизгирь.—Пиръ горой.—Не укажешь.—Оборотень.—Семейная радость.—Старики не запомнятъ.—Ночевка.—Друзья дѣтства.—М-ше Квистъ, Бликсъ и К°.—Послѣдняя вѣточка.—Сократъ Иванычъ.—Въ послѣдній разъ.—Старый шайтанъ.—Въ болотѣ.—Говорокъ.—Комбинація.—Панъ Копачинскій.—Инфлуэнца.—Дорогіе гости.—Ночь.—Крупичатая.—Авва.—Депеша.—По дешевой цѣнѣ.—Самородокъ.—Глупая Окся.—Таинственный незнакомецъ.—Седьмая труба.—Попросту.—Безъ названія, романъ въ 5-ти частяхъ.—Весеннія грозы, романъ въ 3-хъ частяхъ.—Встрѣчи, разсказы: Правильныя слова.—На большой дорогѣ.—На заимкѣ.—Кладъ Кучума.—Медвѣжій уголъ.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Гарина-Михайловскаго.

Критико-біографическій очеркъ.—Дѣтство Тёмы (Изъ семейной хроники).—Гимназисты (Изъ семейной хроники).—Студенты (Изъ семейной хроники).—Инженеры.—Разсказы: Клотильда.—Бабушка.—Дворецъ Дима.—Исповѣдь отца.—Когда-то.—Коротенькая жизнь.—Счастливый день.—Ицка и Давыдка.—Еврейскій погромъ.—Старый еврей.—Художникъ.—Геній.—Вероника.—Ревекка.—Два мгновенья.—Вальнекъ-Вальновскій.—На практикѣ.—Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ.—Немальцевъ.—На ночлегѣ.—На станціи.—Картинки Волыни.—Наташа.—Адочка.—Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой.—Деревенскія панорамы, разсказы: Бабушка Степанида.—Акулина.—Дикій человѣкъ.—На селѣ.—Матренины деньги.—На ходу.—Сочельникъ въ русской деревнѣ.—Въ сутолокѣ провинціальной жизни (1886—1896).—По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. („Въ странѣ желтаго дьявола").—Карандашомъ съ натуры.—Разсказы и пьесы: Орхидея.—Встрѣча.—Деревенская драма.—Подростки.—Зора.—Заяцъ.—Варіантъ.—Сумерки, разсказы: Сумерки.—Трясина.—Веселые люди.—Мои скитанія.—Корейскія сказки.—Дневникъ во время войны.—Сказки для дѣтей.—Разсказы: Путешествіе на луну.—Правда.—Эскизъ.—Карлъ Мооръ.—Осень.—Мамедъ.—Картинка и др.

Новыя посмертныя сочиненія Ант. П. ЧЕХОВА.

На большой дорогѣ. Драмат. этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи.—Ночь передъ судомъ. Водевиль.—Скоропостижная конская смерть или Великодушіе русскаго народа! Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи.—Красавицы. Изъ записокъ врача.—Отрывки изъ разсказа.—Стихотворенія.—Свадьба. Отрывокъ.—Темы, мысли, замѣтки, отрывки.—Изъ записной книжки (1892—1904).—Московскіе лицемѣры.—Наше нищенство.—Люди подвига.—В. А. Бандаковъ. Некрологъ.—Фокусники.

Эпическій романъ Шарля Де-Костэра— „Библія Бельгіи".

„Баснословная исторія Уленспигеля и Ламме Гоодзака, о ихъ приключеніяхъ счастливыхъ, забавныхъ и достославныхъ во Фландріи и иныхъ странахъ". Романъ въ 5-ти частяхъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: I) въ **Главной конторѣ журнала „НИВА"** Петроградъ, улица Гоголя (бывшая Мал. Морская), д. № 22; II) въ ея **отдѣленіяхъ:** 1) въ конторѣ Н. Н. Печковской— въ Москвѣ, Петровскія линіи, 2) въ книжн. маг. „Образованіе"— въ Одессѣ, Дерибасовская, 18, а также въ другихъ книжн. магазинахъ.

Главная контора «НИВЫ» проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ озаботиться заблаговременно высылкой подписныхъ денегъ, въ виду значительнаго скопленія въ концѣ года адресовъ, на печатаніе, корректуру и провѣрку которыхъ требуется очень много времени. При высылкѣ денегъ слѣдуетъ обозначать непремѣнно на **самомъ почтовомъ переводѣ** (а не въ отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также адресъ (подробный и четкій).

Условія подписки и разсрочки платежа см. въ заголовкѣ первой страницы.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. пр., 29.

1915 г. | № 49 | XLVI г. издания

Выданъ 5-го декабря 1915 г. | Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес.—25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за декабрь.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1916 г.

Съ приложеніемъ 12 книгъ „Ежемѣс. Литер. Приложеній“ и 40 книгъ „Сборника Нивы“, содержащихъ:

ВТОРУЮ СЕРІЮ *ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ* ***Д. Н. Мамина-Сибиряка,***

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ***Н. Г. Гарина-Михайловскаго,***

НОВЫЯ ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ***Антона Павловича Чехова,***

ЭПИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ***ШАРЛЯ ДЕ-КОСТЭРА: „Библія Бельгіи“*** *(„УЛЕНСПИГЕЛЬ“).*

2 НОВЫЯ спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), разм. 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, разм. 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

Подробное объявленіе см. въ этомъ нумерѣ.

МЕТОДИКА ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ

М. А. ПОСПѢЛОВОЙ-ГАТЦУКЪ.

III-е переработанное изданіе съ 742 рисунками. Цѣна 3 руб.

Складъ изданія. Петроградъ, Загородный пр., домъ № 28, кв. № 10.

СѢДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ постепенно и незамѣтно ихъ прежній натуральный цвѣтъ и мягкость возстановитель

„ОРІАНТИНЪ".

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ:

Германъ Гольдбергъ,

Гостиный дворъ.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готичъ. батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадедержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скоропи. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ. и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористым шрифт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

ТАБЛИЦЫ для быстраго вычисленія безъ помощ. счетовъ и бумаги, значительно сокращ. трудъ. бухгалтер. и конторщ., и вычисленія на счетахъ всѣ 4 дѣйств. арием. Ц. 40 к. съ пер.

СПРАВОЧНИКЪ. какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. налож. плат. дор. на 25 к.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ всякій, выписавшій **„Механическую пропись".** Новость въ каллиграфіи. Цѣна съ пересылкой 85 к., нал. плат. 95 коп. Адр.: **Москва,** ред. журн. „СОКОЛЪ", отд. 2.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 В. Х.

КАШЕЛЬ

ОБЛЕГЧАЕТСЯ

ПРИ УПОТРЕБЛЕНІИ АНТИСЕПТИЧЕСКИХЪ

PASTILLES VALDA

(Лепешекъ Вальда)

СРЕДСТВО ОТЪ ПРОСТУДЫ, НАСМОРКА.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ

ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО

настоящія лепешки Вальда

(PASTILLES VALDA)

въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ

VALDA

(H. Canonne, Paris).

Открыта подписка на 1916 годъ на журналы

„РОДНИКЪ".

Для семьи и школы.

XXXV г. изд. Одобренъ для всѣхъ учебн. завед. XXXV г. изд.

12 №№ Повѣсти, разсказы, пьесы, очерки. Много рисунковъ. „Клубъ Родника", въ кот. участвуютъ сами читатели.

12 автотипій на мѣловой бумагѣ, съ картинъ русскихъ и иностранныхъ музеевъ.

Цѣна въ годъ **6 рублей** съ пересылкой. Разсрочка за I полуг. 4 р., за II полуг. 2 р. Пробный № за 6 семикоп. марокъ.

„СОЛНЫШКО".

Для народныхъ школъ и младш. возраста.

XII г. изд. Допущ. въ народн. и ученич. библ., церк.-прих. школы, пріюты, средн. и низш. учебн. завед. XII г. изд.

12 №№ разнообразн. содержанія, со многими рисунками, нотами для хорового пѣнія.

6 книжекъ „Звѣздочки". Каждая представляетъ сборничекъ стиховъ, сказокъ и пр.

Цѣна въ годъ **1 рубль** съ пересылкой. Пробный № за 2 семикоп. марки.

„Воспитаніе и Обученіе".

XL г. изд. Общедоступн. органъ семейнаго воспитанія XL г. изд.

12 №№ Статьи по физич., умств., нравств. воспитанію, по обученію въ семьѣ. Хроника. Библіографія.

Цѣна въ годъ **1 рубль** съ пересылкой. Пробный № за 2 семикоп. марки.

Издательница Е. Н. Альмедингенъ. Редакторы Н. и Т. Альмедингенъ.

Контора всѣхъ трехъ журналовъ:

Петроградъ, Таврическая ул., д. 37.

Подробныя программы по требованію безплатно.

ОХОтники и рыболовы! Требуйте за 7 к. марку пробн. № журн. „РЫБОЛ. и ОХОТНИКЪ", Гатка, Ѳ. П. Кунилову.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Артикова, М. Ѳ. Руководство для самостоятельнаго изученія ВЫЖИГАНІЯ по дереву, кожѣ, древесной папкѣ, простой и слоновой кости, сукну и бархату и руководство для ТИСНЕНІЯ по кожѣ. Съ 22 рисунк. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля", новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ

НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,

ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

ЖЕЧЬ ДРОВЪ вдвое меньше можно только отопляя Ваши печи по особому способу. Высылается за 1 р. 25 к. Н. Новгородъ, Звѣздинка, д. № 17. **А. Грачеву.**

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7- 55.

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. **безслѣдно** въ 1—2 недѣли **моимъ** безвредн. **домашнимъ** средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно **ИСКРЕННО** и **ЧЕСТНО.** Адресъ: Москва. Долгоруковская ул., № 11, кв 93

Марія Егоровна Чурбанова.

Закончена печатаніемъ и поступила въ продажу заслуживающая высокаго вниманія любителей исторіи книга

БАРОНІЙ (Цезарь).

„Дѣянія церковныя и гражданскія отъ Рождества Христова до 1198 лѣта".

Роскошное изданіе на бумагѣ „Вержэ", съ широкими полями. 3 книги, около 3000 стр. Цѣна 10 руб. 50 коп. Въ 3-хъ изящныхъ переплетахъ 13 руб. 50 коп.

Требовать отъ издателя **Н. Д. Зенина,** г. **Егорьевскъ,** Рязанской губ. и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ столицъ.

НОВОСТИ МУЗЫКИ!!

Изобрѣтена преп. музыки **новая система „ЭВРИКА"**, благодаря чему достигается **быстрое изученіе** игры на **піанино и роялѣ** без. знанія нотъ и учителя. Главное **преимущество** системы „ЭВРИКА" заключается въ томъ, что изучающій музыку по ней по прочтеніи теоріи (на что уходитъ 10—15 минутъ) сейчасъ же приступаетъ къ **правильной игрѣ** пьесъ обѣими руками, такъ что каждый можетъ въ **теченіе нѣсколькихъ** дней хорошо играть пьесы.

Система **„ЭВРИКА" доступна** для всякаго возраста. Можно смѣло сказать, что для этой системы **неспособныхъ нѣтъ.**

Авторомъ получена масса отзывовъ. Свидѣтельство заявлено въ Минист. Торг. и Пром.

Въ самоучитель входитъ **„Танго"**, **„Пупсикъ"**; Вальсы: **„Осенній сонъ"**, **„Надъ волнами"**; Романсъ—**„Не оставь меня"** и друг.

Къ каждому самоучителю **БЕЗПЛАТНО** прилагается наглядная **клавіатура** натуральной величины, которая примѣняется во время изученія игры, благодаря чему совершенно устраняются всякія трудности.

Цѣна самоучителя **4 руб. 50 коп.** безъ пересылки (пересылка 40 коп.). Высылается наложен. платежомъ.

Въ Москвѣ продается въ лучшихъ музыкальныхъ магазинахъ и у автора.

Адресъ: Москва, Петровскія ворота, 2-й Знаменскій, д. **7** г. С. К. Ханбекову.

Кромѣ самоучителя авторомъ выпущены альбомы (сборники) №№ 1-й и 2-й. Періодически будутъ издаваться послѣдующіе альбомы по системѣ „Эврика" съ новыми пьесами.

БЕЛЬГІЙЦЫ, трагедія нашихъ дней, съ портр. кор. Альберта, **Петра Шевцова,** 1 р. съ перес. для иногор. Петроградъ, Б. Дворянск., д. 10, кв. 48. Есть у Вольфа.

Новый законъ о ратникахъ 2-го разряда ... п. съ перес. 70 коп. Треб. адр.: Москва, издательству Д. Куманова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО•

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые Т-вомъ М. О. ВОЛЬФЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1915 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

40-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл." для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,

- ■ **БОЛЬШ. СТѢНН. КАРТИНА „НАШЪ ДРУГЪ"**, исполненная въ краскахъ худ. П. Чесноковымъ.
- 12 **ТАБЛИЦЪ „ЖИВЫЯ ТѢНИ"** (звѣри, птицы и пр. въ силуэтахъ).
- 12 **ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІРНЫЙ ИСТОРИКЪ"**, въ разсказахъ и картинкахъ, составилъ **С. Ф. Литвинцевъ.**
- 3 **ВЫП. „АЛЬБОМЪ ДѢТСКИХЪ РАБОТЪ"**, для мальчиковъ и дѣвочекъ.
- 12 **ЛИСТОВЪ ДЛЯ ВЫРѢЗЫВАНІЯ И СКЛЕИВАНІЯ.**
- 12 **ВЫП. „РОДНАЯ СТАРИНА ВЪ КАРТИНКАХЪ"**, П. Гурьева и П. Чеснокова, съ краткимъ текстомъ.
- 6 **ВЫП. „МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА РАЗСКАЗОВЪ О ДАЛЕК. СТРАНАХЪ".**
- 3 **ТЕТРАДИ „Я УЧУСЬ РИСОВАТЬ".** Начатки рисованія для маленькихъ дѣтей.
- ■ **МУРЗИЛКИНА ИГРА.** 66 приключеній Мурзилки и его товарищей, лѣсныхъ человѣчковъ.
- 12 **ТАБЛИЦЪ „ЗДОРОВЫЙ И БОЛЬНОЙ РЕБЕНОКЪ"**, въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ д-ра **Александровскаго** (для родителей и воспитателей)

и мног. друг.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл." для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ получатъ)

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,

- 24 **ВЫП. „СОБР. СОЧИНЕНІЙ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ".** Изданіе для юношества. Выб. и ред. **Н. Лернера,** съ илл. **Е. Лебедевой** (2 тома).
- 12 **№№ „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ВОЙНЫ"** въ обраб. для юношества, которая составитъ 12 №№ приложенія «Задушевное Эхо».
- 12 **ТАБЛИЦЪ „ЦАРСТВО НЕБЕСНЫХЪ СВѢТИЛЪ"** съ объяснит. текстомъ.
- 16 **ВЫП. „ИСТОРІЯ КУСОЧКА ХЛѢБА".** Соч. **Жана Масе.** Въ новой обраб. съ илл.
- 4 **КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКА СПОРТА".** игры и занятія для юношества.
- 6 **ЛИСТОВЪ „ИГРЫ И РАБОТЫ"**, модели для вырѣз., склеив., выпилив. и т. д.
- 12 **ТАБЛИЦЪ „АЛЬБОМЪ АВТОГРАФ. ЗНАМ. РУССК. ЛЮДЕЙ".** Съ объяснительнымъ текстомъ.
- 3 **ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ АНГЛІЙСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ"** по новѣйш. нагл. спос.
- 12 **ВЫП. „БИБЛІОТЕКА ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ"** для дѣтей старш. возр.
- ■ **СПУТНИКЪ ШКОЛЫ.** Календарь и записная книжка для учащихся на 1916—1917 учебн. годъ, съ прил., въ перепл.

и мног. друг.

40-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: „ДѢТСКІЯ МОДЫ" и „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ".

Подписная цѣна каждаго издан. „Задушевнаго Слова" со всѣми объявленными премiями и приложеніями, съ достав. и пересыл.,—на годъ ВОСЕМЬ рублей. Доп. разср. на 4 срока: 1) при подп., 2) къ 1 янв., 3) къ 1 марта и 4) къ 1 мая—по 2 Р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы „ЗАДУШЕВН. СЛОВА", при книжн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ—Петроградъ: 1) Гостин. Дв., 18 и 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—8 рублей. РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Руководство для начинающихъ **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.**

Множество указаній, какъ путемъ корреспондированія въ газеты создать постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.

Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

ДОСТИГАЕТЕ ВЫ,

если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюж. паръ чулокъ и носковъ или если Вы желаете работать для продажи и также для собственныхъ надобностей. Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ **„ВИКТОРІЯ“**, предлагаютъ лучшія цѣны. **„ВИКТОРІЯ“** вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина **„ВИКТОРІЯ“** стоитъ 150 р. Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

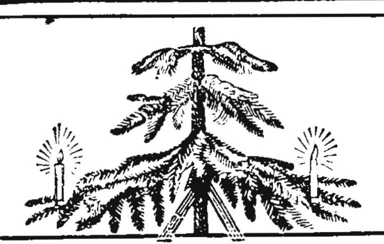
Заработокъ—гарантированъ. ◆ Работа—постоянная.

Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество Вязальныхъ Машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 40/42—11в. ЛОНДОНЪ, Е. С. 114 Leadenhall St.



Если Вы будете устраивать елку, то выписывайте украшенія только изъ магазина

П. КОМИСАРЕНКО, Москва,

УЛАНСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 30

Магазинъ высылаетъ готовыя наборы изящныхъ елочныхъ украшеній **съ преміями въ розницу по оптовымъ цѣнамъ.**

Коллекціи съ преміями:

№ 1	изъ 120 предм.	1 р 85 к.	№ 6	изъ 470 предм.	8 р	
№ 2	„ 175	„ 2 „ 40 „	№ 7	„ 530	„ 10 „	
№ 3	„ 250	„ 3 „ —	№ 8	„ 674	„ 15 „	
№ 4	„ 310	„ 4 „ —	№ 9	„ 841	„ 20 „	
№ 5	„ 345	„ 5 „ —	№ 10	„ 1013	„ 25 „	

Цѣны указаны съ пересылкой за нашъ счетъ въ Европ. Россіи. Въ Азіат. Россію высылаемъ по получ. 1/3 задатка и присчитываемъ разницу въ почт. тарифѣ.

НОВОСТЬ! Наборъ бездымн. фейерверк. изъ 25 шт. 70 к.

ШКОЛА РИСОВАНІЯ,

ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.

Мнимая „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“, даемъ возможность всѣмъ **„заочно“ научиться рисованію** и живописи подъ руководств. лучшихъ педагоговъ для собственнаго удовольствія или для какихъ-либо практическихъ цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно - правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіяся къ области искусства. **„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“** издается подъ редакціей проф. Акад. Худож. **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ больш. формата, роскошно-иллюстрир. красочн. и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 30 к (за налож. платеж. 25 к.).

384 Подробные проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО. 2-1

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская ул., 44—40.

ОНИ ВСѢ БРЕЮТСЯ

БЕЗОПАСНОЙ САМОПРАВЯЩЕЙСЯ БРИТВОЙ

„АвтоСтропъ“

потому-что она НЕ ТРЕБУЕТЪ лишнихъ затратъ на частыя покупки новыхъ лезвій:

ИМѢЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ И У ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБЩЕСТВА

О. К. СПАНДИКОВЪ. МОСКВА, Мясницкая, Кривоколѣнный 14.

Цѣна бритвъ 4-кратнаго серебренія въ изящномъ кожаномъ футлярѣ, 12 запасныхъ лезвій и ремень для правки **12 руб.**

Auto-Strop. Safety Razor Co., Ltd. London.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

на большую политическую внѣпартійную газету, **ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ МОСКВѢ**

УТРО РОССІИ

(VII годъ изданія).

Въ 1915 году въ „УТРѢ РОССІИ“ напечатали свои статьи слѣдующія лица:

Леонидъ Андреевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, Т. Ардовъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. А. Бердяевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, проф. Р. Н. Брандъ, А. Боровой, Verus (Балканскій корреспондентъ), В. Вильчуръ (Нью-Іоркъ), С. Глаголь, В. Грулевъ (Франція), В. Гроссманъ (Копенгагенъ), С. А. Иверотовъ, проф. А. А. Исаевъ, А. Койранскій, В. Карпинскій (Женева), К. Каттанео (Римъ), проф. С. А. Котляревскій, проф. Н. П. Коломійцовъ, проф. Г. А. Кожевниковъ, А. Р. Ледницкій, В. Н. Литвиновъ-Фалинскій, Н. П. Мамонтовъ (военный корр-тъ), Тадеушъ Мицинскій, А. Г. Михайловскій, А. П. Мертваго, Н. А. Марксъ, Н. М. Минскій (Парижъ), Nemo (Тегеранъ), проф. И. Х. Озеровъ, Outsider (Стокгольмъ), проф. А. Л. Погодинъ, прив.-доц. А. И. Покровскій, А. Петрищевъ, З. Привъ (Лондонъ), Е. Сазановъ (Лондонъ), И. Ф. Троицкій (военный обозрѣватель), проф. кн. Е. Н. Трубецкой, К. Шумскій, С. И. Четвериковъ и другіе.

Въ 1916 году „УТРО РОССІИ“ будетъ выходить ежедневно, по той же программѣ, при значительно усиленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ	9 р. — к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
» 11 мѣс.	8 р. 50 к.	» 5 »	4 р. 25 к.
» 10 »	8 р. — к.	» 4 »	3 р. 50 к.
» 9 »	7 р. 25 к.	» 3 »	2 р. 75 к.
» 8 »	6 р. 50 к.	» 2 »	2 р. — к.
» 7 »	5 р. 75 к.	» 1 »	1 р. — к.

За границу—вдвое.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА:

при подпискѣ **4** руб., къ 1 апрѣля — **3** руб. и къ 1 іюля — **2** руб.

Лица, желающія ознакомиться съ газетой, получатъ таковую за 3 десятикоп. марки въ теченіе недѣли.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ и СПРАВКИ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА, Путинковскій пер., д. П. П. Рябушинскаго, контора газеты **„УТРО РОССІИ“.**

№ 49. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 5 декабря 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за декабрь 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за декабрь 1915 г. съ 37 рис., отдѣльный листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 99 рис. картонажнаго дѣла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

На Балканахъ.

Отходъ сербовъ въ Албанію начался 14-го ноября, и къ этому времени австро-германцы занимали почти всю территорію Сербіи, за исключеніемъ небольшой части бывшаго Новобазарскаго санджака, у черногорской границы, и приграничной съ Греціей полосы южной Македоніи, гдѣ держались сербы впереди Монастыря и войска союзнаго десанта у Криволака. Отходъ сербовъ въ Албанію произошелъ въ порядкѣ, и сербы оставили на пути лишь незначительное количество артиллеріи и кое-какія части тяжелаго обоза.

Все остальное было вывезено въ Албанію, гдѣ сербы должны были получить еще новые запасы снабженія черезъ албанскіе порты отъ союзниковъ. Конечно, положеніе сербовъ въ Албаніи было весьма тяжелымъ послѣ долгаго утомительнаго отступленія, а также и въ виду отсутствія въ тылу сносныхъ дорогъ. Однако по тѣмъ же дорогамъ должны были продвигаться и нѣмцы, что также должно было замедлить ихъ операцію.

Сверхъ того, отходъ сербовъ въ Албанію вообще давалъ имъ нѣкоторыя преимущества. Во-первыхъ, они уже базировались на албанскіе порты С.-Джіованни-ди-Медуа, Дураццо и Валлону, т.-е. имѣли морскую связь съ союзниками. Во-вторыхъ, они могли пріостановиться послѣ долгаго утомительнаго отступательнаго марша и передохнуть, такъ какъ нѣмцы сразу за ними не могли послѣдовать по труднымъ гористымъ дорогамъ Албаніи. Наконецъ, въ-третьихъ, въ самой Албаніи, на мѣстѣ, можно было найти нѣкоторые запасы продовольствія.

Хотя съ Албаніей и связано представленіе, какъ о дикой утесистой странѣ, тѣмъ не менѣе тамъ имѣются нѣкоторыя природныя богатства, которыми сербская армія могла воспользоваться. Въ Албаніи воздѣлываются на югѣ хлѣбныя растенія, а на сѣверѣ развито скотоводство, при чемъ особенно много овецъ. Озера и рѣки Албаніи весьма богаты рыбой, а въ лѣсахъ много пушного звѣря и дичи.

Еще до войны Албанію посѣщали пароходы австрійскаго „Ллойда“, занимавшіеся ввозомъ туда различныхъ издѣлій и вывозомъ оттуда сырыхъ продуктовъ. Кромѣ того, часть сырья вывозилась изъ Албаніи въ Салоники. Затѣмъ въ Албаніи имѣются и минеральныя богатства, но мало разработаны. Наконецъ лѣсу въ Албаніи въ изобиліи.

Изъ этого можно видѣть, что сербская армія могла найти въ Албаніи и хлѣбъ, и скотъ, и нѣкоторые другіе продукты, что до извѣстной степени облегчало ея продовольствіе. Если къ этому добавить, что сербы приближались къ своимъ базамъ—албанскимъ портамъ и вступали въ морскую связь съ союзниками въ то время, какъ австро-германцы удалялись отъ своихъ базъ и источниковъ снабженія; затѣмъ,—что германцы вообще должны были пріостановиться и подготовиться къ новому трудному походу въ Албанію, то станетъ ясно, что, невзирая на временную потерю сербами своей территоріи, положеніе ихъ, въ смыслѣ удобства веденія операцій, даже нѣсколько улучшилось со времени отхода въ Албанію. Этимъ и объясняется, что австро-германцы и болгары не послѣдовали сразу всей массой за сербами, ибо такое наступленіе было бы слишкомъ труднымъ и продолжительнымъ, а вмѣсто этого обратились противъ другого своего противника—союзнаго десанта. Противъ сербовъ же была оставлена главнымъ образомъ австрійская армія Кевеса, усиленная небольшими германскими частями, и также нѣсколько дивизій изъ болгарской арміи Бояджева.

Остальная главная масса нѣмцевъ—армія Гальвица и болгарская армія Тодорова начали перегруппировываться, сосредоточиваясь на фронтѣ союзнаго десанта у Криволака и противъ рѣкъ Черной и Вардара. Влѣво отъ союзнаго десанта, т.-е. съ запада, македонская группа сербовъ, бывшая подъ начальствомъ полковника Веснича, занимала позицію впереди Монастыря.

Болгарскія войска сначала въ значительныхъ силахъ произвели наступленіе на Монастырь, но, подойдя къ Монастырю, остановились и стали выжидать прибытія австро-германскихъ войскъ. Повидимому, между греками съ одной стороны и австро-германцами съ другой стороны существовало условіе, въ силу котораго Монастырь долженъ былъ быть занятъ австро-германскими войсками и переданъ грекамъ. Болгары же не хотѣли пускать въ Монастырь грековъ, опасаясь, что послѣдніе потомъ откажутся его очистить.

Шарль де-Костэръ,
авторъ „Библіи Бельгіи“.
Съ рѣдкаго портрета.

Поэтому, хотя болгары и обладали превосходными силами въ раіонѣ Монастыря, тѣмъ не менѣе занятіе Монастыря произошло не сразу послѣ подхода болгарскихъ войскъ, а спустя нѣкоторое время, когда къ болгарамъ подошли первыя части арміи Гальвица.

Послѣ занятія Монастыря и македонская группа сербовъ стала отходить въ Албанію, а не къ союзному десанту, на что, повидимому, разсчитывали нѣмцы и болгары, старавшіеся отрѣзать македонскую группу сербовъ отъ десанта.

Такимъ образомъ, на территоріи Сербіи единственнымъ серьезнымъ противникомъ у австро-нѣмцевъ оставался союзный десантъ, занимавшій позицію у Криволака, куда и устремились послѣ занятія Монастыря нѣмецко-болгарскія арміи.

Какъ намъ уже приходилось указывать, армія Гальвица насчитывала десять-одиннадцать дивизій, а армія Тодорова—около четырехъ дивизій, итого, обѣ вмѣстѣ — свыше 300 тысячъ человѣкъ. Принимая во вниманіе, что австро-нѣмцы и болгары понесли значительныя потери во время наступленія по Сербіи, можно считать, что къ моменту подхода къ позиціямъ союзниковъ въ южной Македоніи арміи Гальвица и Тодорова насчитывали не болѣе 200 тысячъ человѣкъ. Однако и эта цифра давала противнику двойное численное превосходство надъ войсками торыя важныя рѣшенія по различнымъ вопросамъ, и въ числѣ ихъ, повидимому, по вопросамъ, связаннымъ съ балканской операціей.

Несомнѣнно одно, что сербская операція является лишь вспомогательной, за которой послѣдуетъ другая, болѣе крупная операція противника. По этому поводу дѣлались двоякаго рода предположенія: или противникъ, по окончаніи сербской операціи, будетъ пытаться воспользоваться балканскими контингентами для главныхъ фронтовъ, или, установивъ желѣзнодорожную связь съ Константинополемъ, имѣетъ въ виду походъ въ Египетъ.

Конечно, отдѣльныя попытки противника, главнымъ образомъ турецкихъ войскъ, противъ Египта всегда возможны. Одну такую попытку мы наблюдали въ первую половину войны, и, какъ извѣстно, она окончилась полной неудачей турокъ, войска которыхъ были отогнаны отъ Суэцкаго канала чуть ли не однимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Что же касается серьезной операціи противъ Египта, то можно безусловно считать, что германская стратегія пока такими силами не располагаетъ. При всей претенціозности противника, трудно разсчитывать, чтобы онъ рискнулъ къ своимъ четыремъ фронтамъ войны—французскому, русскому, итальянскому и балканскому добавить еще пятый фронтъ—египетскій.

Прибытіе Августѣйшаго Намѣстника на Кавказѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича въ крѣпость Карсъ.

союзнаго десанта, силы котораго, по заявленіямъ французскихъ военныхъ круговъ, доходили, примѣрно, до 100 тысячъ человѣкъ.

При такихъ условіяхъ, положеніе въ южной Македоніи оказалось весьма серьезнымъ, и союзникамъ необходимо было учесть всякія возможности, связанныя съ численнымъ превосходствомъ австро-нѣмцевъ и болгаръ, въ томъ числѣ и возможность отхода—перегруппировки назадъ за линію греческой границы. Все это вынудило дипломатію союзниковъ потребовать отъ Греціи опредѣленныхъ гарантій, которыя бы обезпечивали союзному десанту полную свободу дѣйствій въ его тылу, т.-е. въ Салоникскомъ округѣ. Нота, отправленная по этому поводу державами согласія Греціи, содержала въ себѣ два главнѣйшихъ требованія: во-первыхъ, очищеніе Салоникскаго округа отъ греческихъ войскъ и передачу въ распоряженіе союзниковъ желѣзнодорожныхъ путей Криволакъ — Салоники и Монастырь — Салоники, и, во-вторыхъ, предоставленіе союзникамъ права возводить укрѣпленія въ Салоникскомъ округѣ и въ частности въ Салоникахъ.

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ имѣло громадное значеніе, такъ какъ, если до сихъ поръ пріостановка наступленія союзниковъ была связана недостаточно обезпеченнымъ тыломъ—Салоникскимъ округомъ, то теперь дальнѣйшая оборона ихъ, впредь до прибытія подкрѣпленій, обязательно требовала полной свободы дѣйствій въ тылу. Этотъ вопросъ былъ настолько важенъ, что можно было ожидать, что союзники не ограничатся однѣми мѣрами дипломатическаго воздѣйствія на Грецію, а, въ случаѣ необходимости, прибѣгнутъ и къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе, что такія рѣшительныя мѣры частью уже были предприняты, въ видѣ блокады союзнымъ флотомъ греческихъ портовъ.

21-го ноября въ Калэ состоялось совѣщаніе политическихъ и военныхъ дѣятелей Франціи и Англіи, на которомъ были приняты нѣко-

Противникъ не можетъ не держать достаточныхъ силъ на главныхъ фронтахъ войны — нашемъ и французскомъ, а также на итальянскомъ, и будетъ держать значительное число войскъ на Балканахъ, для охраны этого театра и дороги Берлинъ — Константинополь, всегда находясь подъ угрозой новаго десанта союзниковъ.

При такихъ условіяхъ, противникъ, уже и такъ чрезмѣрно напрягающійся, не можетъ найти у себя такого избытка войскъ, который позволилъ бы ему создать новую серьезную операцію противъ Египта, ибо это всегда будетъ сопряжено съ ослабленіемъ войскъ на главныхъ фронтахъ, а, слѣдовательно, и съ возможностью опасныхъ для противника послѣдствій.

Вотъ почему версія о походѣ въ Египетъ, столь распространенная, по существу весьма мало вѣроятна, и скорѣе слѣдуетъ ожидать, что противникъ будетъ стремиться воспользоваться контингентами балканскихъ государствъ для главныхъ фронтовъ войны, для чего будетъ также стараться оказать соотвѣтствующее давленіе на Румынію. Но и для этого противнику придется разрѣшать весьма трудную задачу очищенія Балканскаго полуострова отъ сербскихъ и союзныхъ войскъ, что даже и въ сомнительномъ случаѣ успѣха должно занять очень много времени, принимая во вниманіе трудности похода въ Албанію и трудность вытѣснить союзниковъ изъ береговой полосы Греціи, у которой господствуетъ союзный флотъ.

При такихъ условіяхъ слѣдуетъ считать, что, съ занятіемъ противникомъ сербской территоріи, положеніе хотя и стало весьма напряженнымъ для союзниковъ, но и противникъ въ то же время задачи своей не разрѣшилъ и продолжаетъ увязать на Балканахъ. „Балканскій узелъ“ запутывается и далеко не разрѣшается такъ, какъ это входило въ задачи нѣмцевъ.

Шарль де-Костэръ
и его
„Библія Бельгіи“.
(„Тиль Уленспигель“).

Очеркъ **А. Г. Горнфельда.**

(Съ 8 иллюстраціями на стр. 899—902).

Почему эта книга названа была „Библіей“ народа, изъ нѣдръ котораго она вышла? Почему французскій романъ, появившійся полвѣка тому назадъ и принадлежащій перу писателя, умершаго въ неизвѣстности, получилъ столь высокое названіе? На это отвѣтитъ знакомство съ произведеніемъ, названнымъ въ подзаголовкѣ.

Что есть Библія? Это—всеобъемлющее воплощеніе жизни, помысловъ, быта, идеаловъ, нравовъ цѣлаго народа, исторія его героевъ и его массъ, изображеніе его прошлыхъ судебъ, поученіе въ судьбахъ будущихъ. Не каждый народъ имѣетъ такую книгу своего Бытія, ни одинъ не имѣетъ произведенія, равнаго по духовной высотѣ своему первообразу, но нѣкоторымъ посчастливилось: въ великихъ народныхъ поэмахъ, въ сводахъ героическихъ сказаній, въ миѳологическихъ изображеніяхъ громады мірозданія, въ сборникахъ нравственныхъ правилъ и государственныхъ законовъ они имѣютъ такія книги, то созданныя сверхчеловѣческимъ творчествомъ цѣлаго народа, то начертанныя рукой единоличнаго избранника-генія. Къ такимъ книгамъ народовъ причисляютъ бельгійцы „Тиля Уленспигеля“ Шарля де-Костэра.

Трудную и тяжелую жизнь прошелъ авторъ этой замѣчательной книги. Лишь черезъ четверть вѣка послѣ его безвременной кончины его начали цѣнить по достоинству широкіе круги его соотечественниковъ, а затѣмъ и литературный міръ Европы. Шарль-Анри де-Костэръ (род. въ 1827 г.) принадлежалъ по рожденію къ бельгійской аристократіи: крестникъ и воспитанникъ кардинала д'Аржанто, онъ долженъ былъ сдѣлать блестящую духовную карьеру, но уклонился отъ этого поприща, окончилъ университетъ и сдѣлался журналистомъ. Не легокъ былъ для него, уже сознавшаго свои творческія силы, трудъ литературнаго чернорабочаго. Онъ пробовалъ искать другого заработка, служилъ въ государственномъ архивѣ, преподавалъ литературу въ кадетскомъ корпусѣ и неизмѣнно, вплоть до послѣднихъ дней жизни, бился въ тискахъ нужды, безысходной и оскорбительной. Онъ издалъ нѣсколько книгъ, мало значительныхъ въ сравненіи съ твореніемъ его жизни—съ появившимся въ 1867 году романомъ „La légende et les aventures heureuses, joyeuses et glorieuses d'Ulenspiegel et de Lamme Goedzak au pays de Flandre et ailleurs“—„Легенда объ Уленспигелѣ и Ламме Гоодзакѣ, ихъ приключеніяхъ, геройскихъ, забавныхъ и достославныхъ во Фландріи и иныхъ странахъ“.

Звонарь города Гента, повѣшенный императоромъ Карломъ V на языкѣ колокола „Роландъ“. Офортъ Фелисьена Ропса.

Таково полное названіе книги, которая подъ сокращеннымъ заглавіемъ „Тиль Уленспигель“ не только сдѣлала великимъ своего автора, но стала исходной точкой новой бельгійской литературы, насчитывающей такъ много славныхъ именъ, изъ коихъ достаточно назвать Метерлинка, Роденбаха, Верхарна, Лемонье.

Изъ нихъ только послѣдній зналъ автора великой книги, только онъ изъ всего литературнаго міра былъ на погребеніи де-Костэра (1879 г.). Только его ученики-кадеты окружали могилу любимаго учителя, и Лемонье говорилъ рѣчь, о которой вспоминалъ черезъ четверть вѣка въ другой рѣчи: при открытіи памятника де-Костэру въ Брюсселѣ. Талантливый романистъ нашелъ на этомъ позднемъ торжествѣ слова, достойныя того, о комъ они были сказаны. „Одинокій во мракѣ,—говорилъ Лемонье о де-Костэрѣ,—онъ проникнутъ сверхъестественнымъ сіяніемъ: онъ живетъ въ горестяхъ и въ радостяхъ вѣковъ; въ себѣ онъ носитъ цѣлый народъ; онъ—таинственный творецъ, возсоздающій Вчера и вызывающій Завтра. И толпы проходятъ: его время не знаетъ его; онъ обобранъ жизнью и обобранъ славой. Онъ позналъ всѣ невзгоды, какими искупается слава, и не узналъ славы, которая ихъ искупаетъ; онъ зналъ только униженія... Великій свѣтъ, зажженный въ его мозгу, не свѣтилъ окружающимъ“...

Но свѣтъ неистребимый, разъ возженный, не угасъ: онъ разроссся и засіялъ надъ всей родиной автора. И тотъ героическій подъемъ, въ какомъ мы узнали ее въ наши дни, не только предчувствованъ и предсказанъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и подготовленъ народной книгой де-Костэра. Она появилась слишкомъ рано: и, какъ говорилъ одинъ изъ біографовъ де-Костэра, ея авторъ „умеръ Предтечей, не дождавшись своего Спасителя“. Но въ наши дни она сдѣлала свое историческое дѣло, она окончательно закрѣпила свое высокое мѣсто въ исторіи.

Иронія судьбы: столь національный по существу, образъ Тиля Уленспигеля заимствованъ изъ чужого народнаго преданія. Но подъ перомъ французскаго автора, въ оболочкѣ старо-французской рѣчи, въ обаяніи освободительной французской мысли грубая фигура плутоватаго бездѣльника, бродячаго шута и проказника получила новый смыслъ, новую глубину и красоту. Тиль Уленспигель де-Костэра тоже вначалѣ дуритъ и дурачитъ другихъ: здѣсь бельгійскій писатель даже заимствовалъ нѣсколько главъ изъ забытой лубочной книжки. Но герой растетъ въ романѣ. Перемѣнивъ время и мѣсто, де-Костэръ изъ безшабашнаго

увальня и надувалы сдѣлалъ героя освободительной борьбы, средневѣковаго католика обратилъ въ бельгійскаго протестанта, борющагося за свободу совѣсти, которую кровавымъ насиліемъ хотѣли искоренить испанцы въ Нидерландахъ и Бельгіи. Этой борьбѣ и ея героямъ посвященъ романъ де-Костэра.

Невозможно изобразить въ краткихъ чертахъ необычайную пестроту и богатство громадной исторической картины, развернутой здѣсь. Это цѣлый міръ народной жизни, взятой въ моментъ ея величайшаго напряженія, ея величайшаго паѳоса, творческаго и героическаго. Короли и бродяги, палачи и мученики, шуты и подвижники, рабочіе и солдаты, бѣженцы и мятежники, шпіоны и проповѣдники, кардиналы и художники, мудрецы и безумные смѣняютъ другъ друга на яркомъ историческомъ фонѣ, проходящемъ предъ читателемъ. Мы присутствуемъ при множествѣ историческихъ событій, и интересъ нашъ, скованный съ самаго начала, все растетъ, не отрываясь отъ этого потока жизни въ самыхъ бурныхъ, самыхъ яркихъ ея проявленіяхъ. Отъ идилліи тихаго рыбацкаго домика въ спокойномъ фламандскомъ городѣ мы переходимъ къ торжественному папскому богослуженію въ Римѣ, отъ историческаго собранія государственныхъ чиновъ, гдѣ отрекается отъ нидерландской короны Карлъ V,—къ веселому кабачку, гдѣ угольщикъ Клаасъ, забавляя собутыльниковъ, весело распродаетъ имъ кусочки папской индульгенціи, изъ тайной типографіи, гдѣ самоотверженный мученикъ за вѣру, Симонъ Праатъ, печатаетъ запрещенное римской церковью Евангеліе, дѣйствіе переносится въ собраніе бельгійскихъ дворянъ, вожаковъ народнаго возстанія, отъ подстроеннаго провокаторами разгрома собора Антверпенской Богоматери мы переносимся къ крестьянской свободѣ, пьяной и гульливой. Сцена мѣняется безостановочно. Здѣсь дворецъ въ Мадридѣ и тюремное подземелье въ Брюгге, ночная равнина и замерзшее море, палуба мятежнаго корабля и темный переулокъ въ Брюсселѣ, хижина отшельника и кочевье цыганъ, фламандская корчма и лагерь наемниковъ, большая дорога и сторожевая башня, инквизиціонный застѣнокъ и спальня Филиппа II Испанскаго. Этотъ коронованный злодѣй—второй герой романа, не названный въ заглавіи, но незримо присутствующій во всѣхъ самыхъ страшныхъ испытаніяхъ Тиля Уленспигеля, его страдальцевъ-родителей, его страдальцевъ-друзей, его страдалицы-родины. Двѣ жизни на двухъ концахъ общественной лѣстницы,—жизнь короля-насильника и бѣдняка-освободителя,—проходятъ передъ нами съ самаго начала. Отецъ Филиппа, императоръ Карлъ V, корыстный обжора, вымогатель и клятвопреступникъ, все же выше своего сына, жалкаго въ своемъ безсильномъ остервенѣніи, въ своей ранней злобности. Филиппъ терзаетъ людей, терзаетъ животныхъ, терзаетъ жену, терзаетъ подданныхъ: чужія мученія—его единственная забава. Но онъ не много имѣетъ отъ этой забавы: какъ роковой припѣвъ, проходитъ чрезъ всѣ описанія его гнусныхъ радостей и наслажденій одно замѣчаніе: „онъ никогда не смѣялся“. Вѣчно угрюмый, раздраженно-тоскливый, безконечно одинокій, онъ проходитъ жизнь кровавымъ путемъ, никѣмъ не любимый, палачъ подвластныхъ ему странъ, убійца родного сына.

Знахарка Катлина, мать Неле. Офортъ Фелисьена Ропса.

Сооткинъ, мать Тиля Уленспигеля. Офортъ Фелисьена Ропса.

Въ хижинѣ отца, бѣднаго угольщика, Уленспигель, рожденный въ сорочкѣ, съ ранняго дѣтства окруженъ задушевнымъ весельемъ, лаской и любовью. Его любятъ и учатъ любить другихъ, учатъ трудиться, учатъ всему хорошему, что не выходитъ за предѣлъ тихой, честной жизни его родителей. Скромный Клаасъ и невинная страдалица жена его Сооткинъ—воплощеніе прекрасныхъ добродѣтелей трудящагося простонародья. Героизмъ, присущій имъ, незамѣтенъ, онъ можетъ и совсѣмъ не проявиться въ жизни, и они сойдутъ въ могилу, неизвѣстные, незамѣтные; но вотъ—случай, ударъ судьбы, несчастье—и скромный Клаасъ выпрямляется во весь ростъ религіознаго мученика, и тихая Сооткинъ поражаетъ своимъ героизмомъ.

Не легко имъ на первыхъ порахъ справиться съ сыномъ: Уленспигель чудитъ, проказничаетъ, бездѣльничаетъ. Какое-то легкомысленное словечко его, сказанное среди товарищей, показалось кощунственнымъ, и онъ принужденъ къ церковному покаянію и паломничеству въ Римъ. И мальчикъ пускается въ тяжелый путь, бродитъ по всей Европѣ, то служитъ у булочника, то исполняетъ обязанности шута, то лѣчитъ больныхъ, то выдаетъ себя за живописца — вездѣ дурачится и дурачитъ, имѣетъ успѣхъ у всѣхъ, особенно у женщинъ, но и у мужчинъ, вплоть до папы римскаго, отъ котораго онъ получилъ отпущеніе грѣховъ. Обогащенный жизненнымъ опытомъ, возвращается Уленспигель въ родную Фландрію послѣ трехлѣтнихъ скитаній, какъ всегда, жизнерадостный и бодрый. Но здѣсь ждетъ его великое испытаніе. Испанскіе инквизиторы, задушившіе благородную страну своими сыщиками, палачами, вымогателями, предателями, добрались до мирнаго домика Клааса. Подлый доносчикъ, — по закону онъ дѣлится съ императоромъ конфиско-

Тиль Уленспигель. Офортъ Фелисьена Ропса.

ваннымъ имуществомъ осужденнаго, возбудилъ противъ него инквизиціонный процессъ по обвиненію въ ереси. Слабый и тихій Клаасъ не солгалъ предъ судомъ: на предложеніе отречься отъ своихъ протестантскихъ заблужденій, онъ отвѣтилъ, что совѣстью его руководятъ не законы католической церкви, а завѣты Спасителя; спрошенный, признаетъ ли онъ папу римскаго намѣстникомъ Господа на землѣ, онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ". И его сожгли на кострѣ, и его сынъ и жена, запертые въ ихъ домикѣ, слышали его крики и видѣли пламя костра. А ночью Уленспигель съ матерью пришли къ мѣсту казни, нашли обгорѣлый трупъ и взяли изъ обугленнаго сердца щепотку пепла. Въ ладанкѣ носитъ сынъ на груди этотъ прахъ отца, и при всякомъ насиліи иноземца надъ родиной, при всякомъ движеніи чувства справедливости и мести прахъ замученнаго отца бьетъ въ сердце Уленспигеля и окрыляетъ его въ борьбѣ за освобожденіе. Ибо нѣтъ уже прежняго Тиля, безшабашнаго весельчака: онъ еще веселъ и бодръ, но жизнь его не безцѣльна: отнынѣ у нея есть смыслъ и цѣль. Но еще не переполнилась чаша, не пришелъ конецъ страданія. По обвиненію въ утайкѣ наслѣдства Тиль и его мать подвергнуты пыткѣ — и трудно передать ужасъ этихъ мученій, не только физическихъ, но и нравственныхъ, ибо мать и сына пытаютъ въ одномъ засѣданіи: они молятъ судей и палача другъ за друга — и все безцѣльно. Сооткинъ не умерла во время пытки, но не выдержала ея послѣдствій. И круглый сирота Уленспигель въ безумномъ сновидѣніи, вызванномъ одуряющимъ снадобьемъ, молитъ Высшую Силу, къ подножію которой перенесли его мечта и экстазъ, о спасеніи родины. И духи, подвластные Высшей Силѣ, отвѣчаютъ ему таинственными пѣснопѣніями, на разгадку которыхъ уйдетъ вся его жизнь.

Не одинокъ Уленспигель предъ лицомъ этихъ божественныхъ видѣній: съ нимъ его возлюбленная Неле, выросшая съ нимъ вмѣстѣ прелестная дѣвушка, дочь знахарки Катлины, нѣкогда обезумѣвшей отъ пытки. Есть у Уленспигеля и вѣрный другъ: благодушный и слабоватый духомъ, но при случаѣ и самоотверженный и любящій толстякъ Ламме Гоодзакъ. Если Уленспигель олицетворяетъ бодрую, героическую, боевую сторону духа освобождающейся Бельгіи, то въ толстомъ Ламме Гоодзакѣ воплотилась та открытая склонность къ простѣйшимъ радостямъ жизни, къ чревоугодію, къ легкой любви, къ веселью, которымъ запечатлѣнъ народный характеръ Фландріи, и который нашелъ такое полное художественное выраженіе въ картинахъ великихъ фламандскихъ живописцевъ Рубенса, Теньерса, Іорданса, Снайдерса. И въ самыя трудныя мгновенія его боевой жизни Уленспигеля также не покидаетъ эта открытая жажда жизни, жажда шутки, добраго стакана вина, легкомысленной интрижки.

А боевая жизнь его развивается стремительно и красиво. Его народъ возсталъ, его вожди нуждаются въ дѣятельныхъ, незамѣтныхъ и самозабвенныхъ пособникахъ, и первый изъ нихъ — Уленспигель. Вотъ онъ проповѣдуетъ возстаніе, вотъ онъ раскрываетъ заговоръ на жизнь принца Оранскаго, вотъ онъ перевозитъ оружіе, вотъ онъ вербуетъ солдатъ. Вездѣсущій, неуловимый, онъ и соглядатай, и довѣренный вождей, и ихъ живая совѣсть, и ихъ подручный. Вездѣ у него товарищи, вездѣ единомышленники, вездѣ на его условный возгласъ — пѣніе жаворонка — отвѣчаютъ условнымъ крикомъ пѣтуха, и подъ эти оклики идетъ безпощадная борьба за родину, за правду, за свободу. Вотъ Уленспигель сталъ пушкаремъ на мятежномъ кораблѣ и бьется противъ войскъ „кроваваго герцога" Альбы. Онъ смѣлъ и находчивъ, онъ великъ и крѣпокъ.

„— Отчего ты такъ молодъ? — спрашиваютъ моряки: — говорятъ, ты родился много лѣтъ назадъ.

„— Это оттого, что я не тѣло — я духъ Фландріи, а Неле, моя возлюбленная — любовь Фландріи: мы не умремъ никогда.

„ — Однако кровь льется изъ тебя, когда тебя ранятъ.

„ — Это не кровь, это вино.

„ — Ты смѣешься надъ нами!

„ — Кто бьетъ въ барабанъ, слышитъ его бой".

Въ это время Филиппъ II, изнывая отъ злой тоски, забавляется „живымъ „клавесиномъ" съ хитрой механикой: въ ящикѣ заперты кошки, и при каждомъ ударѣ по клавишѣ игла вонзается въ кошку: несчастное животное визжитъ отъ боли, и король радуется, хоть и не смѣется. Его дѣла не хороши. Онъ кровью залилъ Бельгію, уставилъ ее кострами и висѣлицами, но бодрая страна еще не поддалась. Борьба перенесена на море, и отважные „морскіе гёзы" — такъ называли себя герои-мятежники — наносятъ одинъ ударъ за другимъ испанскому владычеству. Уленспигель уже командиръ корабля, съ нимъ любящая Неле и вѣрный Ламме, онъ поетъ своимъ солдатамъ боевыя пѣсни, гдѣ живая хроника событій сливается съ призывомъ къ борьбѣ, онъ

Проповѣдникъ Адріансенъ, откармливаемый гёзами. Офортъ Фелисьена Ропса.

разсказываетъ имъ объ ужасахъ Варѳоломеевской ночи и требуетъ отмщенія за братьевъ по вѣрѣ. Смѣлый въ бою, онъ такъ же смѣлъ предъ своими начальниками, онъ вступается за враговъ, когда того требуетъ честное слово солдата. Предъ свирѣпымъ адмираломъ де-Люмэ онъ хотѣлъ отстоять захваченныхъ монаховъ — мучителей Бельгіи. Имъ ручались, что ихъ не тронутъ: „Пока я живъ, они неприкосновенны". Тщетно безумное мужество Уленшпигеля: монахи повѣшены, и самъ онъ за дерзость уже стоитъ съ веревкой на шеѣ, но вдругъ къ висѣлицѣ бросается искавшая его Неле и тѣмъ спасла его, ибо, по обычаямъ страны, дѣвушка, взявшая себѣ въ мужья осужденнаго къ смерти, тѣмъ избавляетъ его отъ казни.

Уленшпигель и Неле. Группа на памятникѣ Шарлю де-Костэру, творцу „Библіи Бельгіи", воздвигнутомъ въ Игель, предмѣстьѣ Брюсселя.

Но близокъ конецъ изступленной борьбы изстрадавшихся народовъ. Созваны Генеральные Штаты народное собраніе Голландіи и Бельгіи, и здѣсь Филиппъ II законно свергнутъ съ престола. Однако одновременно палъ отъ руки убійцы благородный вождь возстанія Вильгельмъ Оранскій, внутренніе раздоры стоятъ на пути къ освобожденію Бельгіи: свободной отъ испанцевъ выходитъ изъ борьбы только Голландія. Все же миръ и относительное спокойствіе воцаряются въ странѣ. Она залѣчиваетъ свои раны, и герой ея борьбы Уленшпигель получилъ почетную и легкую службу: вмѣстѣ съ вѣрной Неле онъ живетъ на сторожевой башнѣ и слѣдитъ оттуда, не крейсируютъ ли вдоль побережья корабли испанскихъ насильниковъ. Неспокойно въ душѣ Уленшпигеля: нѣкогда у престола Высшей Силы онъ слышалъ слова объ освобожденіи родины, смысла которыхъ такъ и не разъяснила ему его богатая испытаніями жизнь. Вновь стремится туда его мысль, вновь испытываетъ онъ волшебное снадобье, — по-нашему, попросту одурманивающее питье, — нѣкогда данное ему несчастной и безумной матерью Неле, знахаркой Катлиной. Вновь вознесли его сновидѣнія въ царство невѣдомаго. Теперь онъ получилъ разъясненіе тайныхъ обѣтованій, онъ узналъ, что тѣ таинственные Семеро, о которыхъ ему въ молодости говорили голоса духовъ, — тѣ семь добродѣтелей, въ которыя должны обратиться семь смертныхъ грѣховъ для спасенія родины бельгійской и всякой другой, и всего страдающаго, порабощеннаго человѣчества. Слишкомъ сильно однако подѣйствовалъ волшебный напитокъ на Уленшпигеля: онъ не можетъ проснуться, послѣ него, бѣдная Неле два дня рыдаетъ надъ его прахомъ, и католическій патеръ, съ радостью, что умеръ безпощадный врагъ инквизиціи, отпѣваетъ „великаго гёза". Но тутъ возсталъ изъ мертвыхъ Уленшпигель: „Инквизиторъ, ты заживо меня похоронить собрался! Развѣ можно похоронить меня, духъ матери нашей Фландріи, и мою Неле, сердце родины. Уснуть мы можемъ, но умереть никогда! Пойдемъ, Неле!" И онъ пошелъ съ ней, распѣвая свою шестую пѣсню. „Но никто не знаетъ, когда онъ спѣлъ послѣднюю".

Эта „послѣдняя пѣсня Уленшпигеля", конечно, никогда не будетъ спѣта: она была бы лебединой пѣсней народа бельгійскаго, а народъ этотъ не хочетъ умереть, не можетъ умереть. Въ этой идеѣ безсмертія народа особый смыслъ романа де-Костэра: не даромъ героемъ его является народъ особенный, соединившій въ себѣ тихую мечтательность съ буйной жизненностью, высокій идеализмъ съ практической дѣловитостью, фламандскую флегматичность съ валлонской энергіей.

Два мотива, сплетаясь, проходятъ черезъ весь романъ: физическія муки и плотскія радости, — точно рядомъ два красныхъ ручья: кровь и вино. Ужасами, пытками, казнями переполненъ романъ де-Костэра, и однако онъ полонъ веселья, полонъ юмора и жадности къ наслажденію бытіемъ. Каждый шагъ Уленшпигеля и каждое его слово не только дѣйствіе мужественнаго, самоотверженнаго человѣка, но и бойкій, остроумный отвѣтъ неунывающей души на жестокость жизни. Въ панцырѣ изъ тряпокъ, въ шлемѣ изъ лопуха, съ метлой вмѣсто меча вотъ въ какомъ вооруженіи выступилъ онъ на поединокъ съ наглымъ, злобнымъ и тупымъ нѣмецкимъ наемнымъ солдатомъ Визенкрафтомъ, закованнымъ въ сталь съ ногъ до головы, и побилъ его: даже не убилъ, а такъ раздразнилъ, что тотъ умеръ отъ удара. О, конечно, въ возстаніи за родину ему приходится прибѣгать и не къ столь юмористическимъ видамъ оружія, но эта веселая борьба съ нѣмецкимъ дубиноголовымъ ландскнехтомъ какъ бы символъ всей борьбы Бельгіи за свое бытіе. Страшны ея испытанія, подчасъ силъ человѣческихъ не хватаетъ не только, чтобы перенести, но и говорить о нихъ: однако народъ бельгійскій вмѣстѣ со своимъ героемъ несетъ ихъ бодро, отважно, безъ тоскливой угрюмости, и при первой малѣйшей возможности отвѣчаетъ на удары палачей веселой шуткой — свидѣтельствомъ своего духовнаго безсмертія. На волосокъ отъ смерти, — въ этомъ положеніи ему приходится быть не разъ на протяженіи романа. Уленшпигель острить и шутитъ, защищая свою жизнь не столько оружіемъ, сколько бойкимъ, живымъ словомъ, и въ этомъ, какъ во всемъ, онъ подлинный сынъ своего народа.

Книгу своего возрожденія нашелъ этотъ народъ въ романѣ де-Костэра, романѣ насквозь національномъ, ибо онъ, какъ говорилъ Лемонье, „объединяетъ всю энергію и всю нѣжность народа фламандскаго". Можно бы прибавить: „и всѣ его недостатки", но и это только похвала роману. Онъ ничего не замалчиваетъ, ничего не скрываетъ: устами одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ народъ самъ говоритъ о себѣ ту правду, къ которой привели его долгіе годы испытаній. Онъ не стыдится, ему нечего стыдиться, онъ смотритъ на свои земныя вожделѣнія, какъ на естественное, разумное, человѣческое отношеніе къ жизни. Онъ требуетъ отъ человѣка героизма и самопожертвованія, но не требуетъ отъ него аскетизма, самоугнетенія, отреченія отъ жизненныхъ радостей. Пьютъ и ѣдятъ, пляшутъ и любятъ, шутятъ и проказничаютъ въ романѣ де-Костэра широко и охотно, но когда надо, такъ же вольно и красиво отдаютъ свою жизнь за родину, за вѣру, за ближняго.

И однако эта проповѣдь, столь національная по духу, по формѣ, воплощенная въ столь своеобразныхъ бытовыхъ и историческихъ образахъ, самымъ подъемомъ своего нравственнаго характера выноситъ романъ де Костэра за предѣлы его родной литературы. Эта народная книга давно должна стать всенародной — и нынѣ пришелъ часъ. Ея старый французскій языкъ, трудностями и тонкостями котораго овладѣлъ въ совершенствѣ ея авторъ въ долгіе часы работы въ національномъ архивѣ надъ запыленными древними рукописями, долженъ найти соотвѣтственную передачу въ формахъ чужого языка. Люди культурнаго міра, кому дороги „Иліада", и „Калевала", „Божественная Комедія" и „Нибелунги", „Магабгарата" и „Война и Миръ", должны среди этихъ народныхъ и сверхнародныхъ поэмъ отвести достойное мѣсто и „національной Библіи бельгійцевъ". Въ особенности это относится къ русскому читателю съ его неизмѣнно-идеалистическими запросами, съ его жаднымъ интересомъ ко всему высокому и благородному въ литературѣ и искусствѣ, въ какой бы національной формѣ оно ни было создано. Не потому долженъ быть намъ близокъ и дорогъ „Уленшпигель", что онъ созданъ нынѣ дружественнымъ намъ героическимъ народомъ-страдальцемъ, не потому, что этотъ народъ выразилъ въ этой старой книгѣ свои помышленія и пожеланія, но потому, что эти пожеланія, эти идеалы суть общіе идеалы всего свободомыслящаго и свободолюбиваго человѣчества.

„И въ моемъ сердцѣ, я чувствую, бьетъ пепелъ Клааса", говорилъ Лемонье, привѣтствуя вѣчно-юные образы Тиля и Неле, изображенные на памятникѣ де-Костэра. Этими словами очерченъ и всенародный смыслъ этой насквозь символической книги. Да, прахъ страдальца, умученнаго иноземными поработителями за свободу совѣсти и родины, долженъ биться въ каждой груди, въ каждомъ сердцѣ. Дѣло освобожденія человѣчества отъ насильниковъ испанскихъ, германскихъ и всякихъ иныхъ есть дѣло каждаго человѣка, и дѣло это, вѣчное и святое, не боится никакихъ временныхъ испытаній, когда героями и глашатаями его являются такіе творцы, какъ де-Костэръ.

Бѣглецы.

Разсказъ **С. Бѣльскаго.**

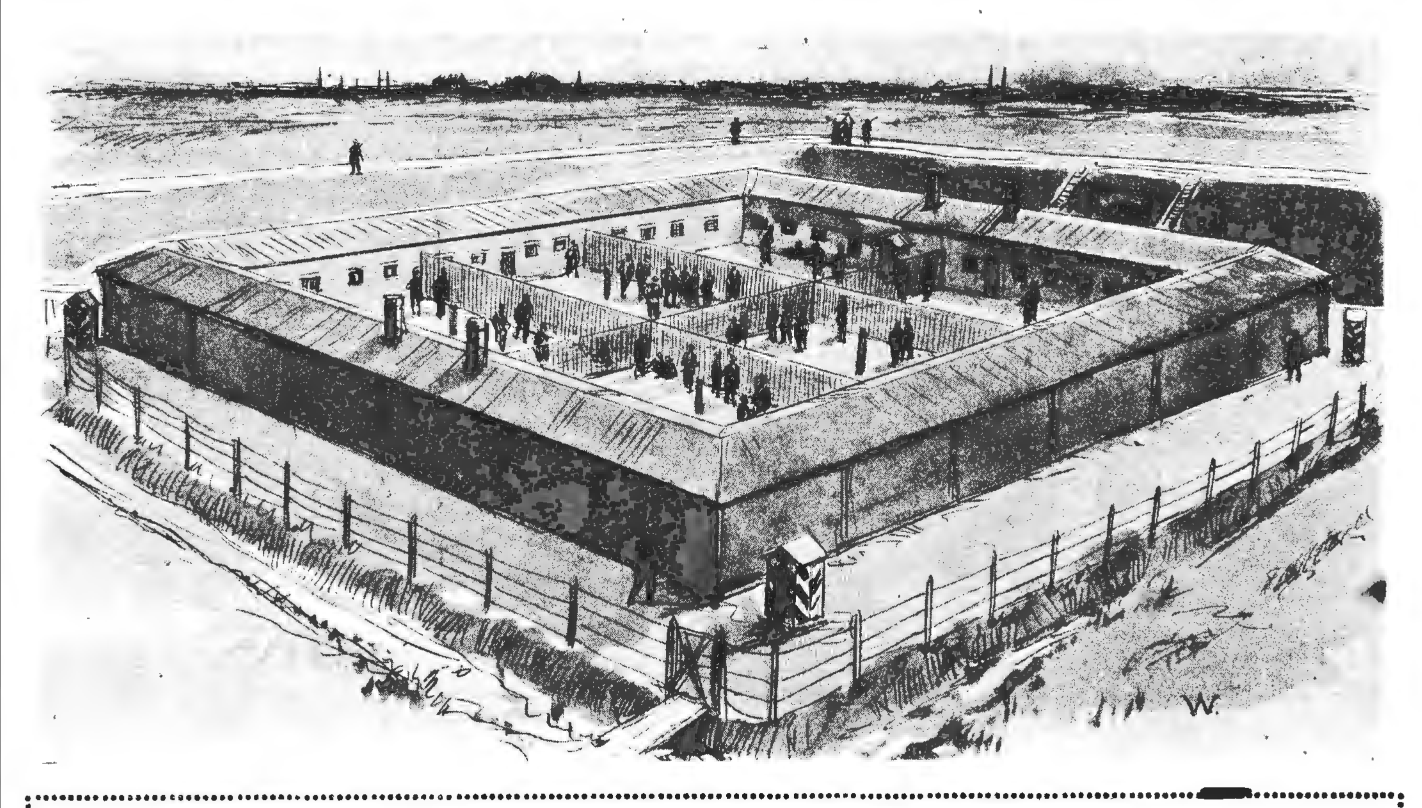
Съ иллюстраціями **Н. Владимірова.**

I.

Тюрьма среди болота.

Лагерь или, точнѣе, отвратительная, зловонная тюрьма для плѣнныхъ, въ которой я прожилъ три долгихъ мѣсяца, находилась гдѣ-то въ окрестностяхъ Бремена. Обширныя казармы, сколоченныя изъ горбатыхъ досокъ и сырыхъ брусьевъ, которые, повидимому, не мало странствовали по рѣкамъ и каналамъ въ видѣ барокъ, прежде чѣмъ были употреблены на постройку нашей тюрьмы, окружали квадратный дворъ, разгороженный проволочной сѣткой на шесть отдѣленій.

Надъ красными крышами этихъ унылыхъ мрачныхъ построекъ возвышались земляные валы, такіе широкіе и массивные, словно они должны были служить плотинами, защищающими лагерь отъ бурныхъ приливовъ моря.

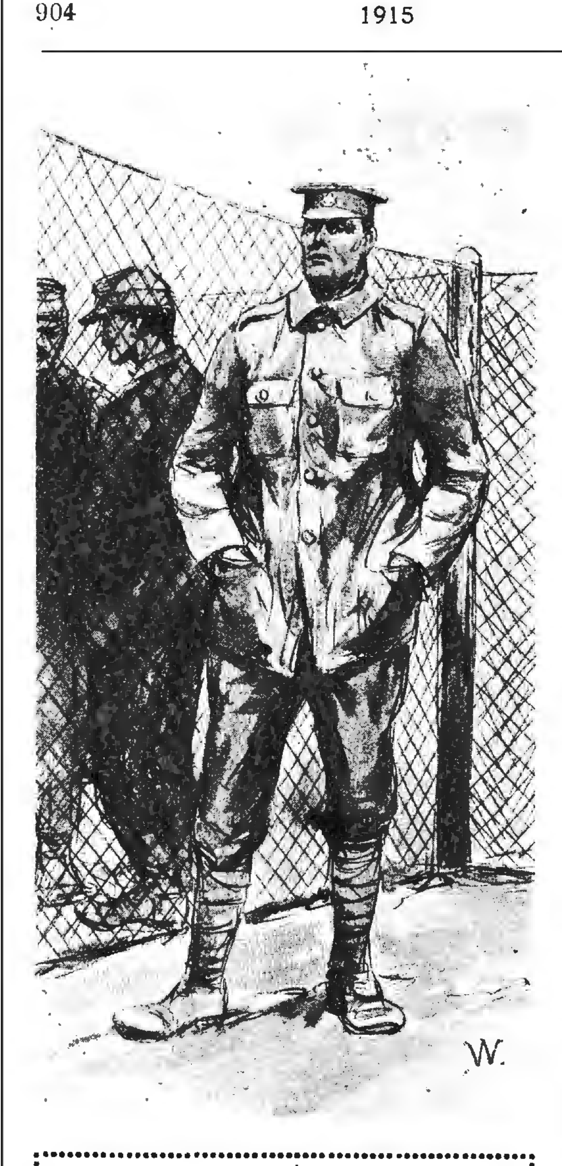


Лагерь-тюрьма для плѣнныхъ въ окрестностяхъ Бремена.

Изъ глубины двора мы не могли видѣть того, что находилось за гребнями этихъ валовъ, но знали, что тамъ разстилается болото, по которому тянутся желѣзнодорожная насыпь и широкая шоссейная дорога, соединяющая нашу тюрьму съ сосѣдней станціей. Каждый вечеръ волны холоднаго тумана медленно поднимались надъ трясиной, вырастали вровень съ гребнемъ земляной ограды и лѣниво ползли черезъ нее, заполняя дворъ и наши казармы. Туманъ приносилъ съ собой запахъ гнили и разложенія, который смѣшивался съ запахомъ гніющихъ отбросовъ, выгребныхъ ямъ, заплѣсневѣлаго дерева и создавалъ ту убійственную атмосферу, которая вѣрно и быстро подтачивала жизнь трехсотъ человѣкъ, скученныхъ въ этой ямѣ. Тюрьма была выстроена съ какой-то безпощадной и жестокой геометрической правильностью. Казармы были раздѣлены доходящими до потолка перегородками на квадратныя камеры; въ каждой камерѣ было по четыре окна, находящихся въ равныхъ разстояніяхъ одно отъ другого. Прямоугольники, на которые строители тюрьмы разгородили дворъ, имѣли по 180 шаговъ въ длину и по 30 въ ширину. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ помѣщался столбъ для наказаній, къ которому заключенныхъ привязывали и подвѣшивали за руки. Валъ всюду имѣлъ одинаковый уклонъ и одинаковую высоту, на полтора метра превышавшую стѣны казармы. Мои товарищи-французы называли этотъ тщательно разлинованный клочокъ земли „звѣринцемъ". И, по моему мнѣнію, названіе это лучше всего опредѣляетъ то первое впечатлѣніе, какое производилъ дворъ на каждаго новаго плѣннаго. Квадратныя камеры казармы живо напоминали клѣтки, а проволочныя стѣны, въ ростъ человѣка, переносили воображеніе къ тѣмъ загородкамъ въ зоологическихъ садахъ, которыя предназначаются для болѣе или менѣе прирученныхъ, хотя все еще опасныхъ животныхъ. Роль сторожей и надсмотрщиковъ исполняли солдаты, среди которыхъ преобладали пожилые люди, съ морщинистыми обрюзгшими лицами и сѣдѣющими волосами. Они считали насъ виновниками того, что имъ пришлось покинуть свои дома и семьи, и вымещали на плѣнныхъ свою злобу съ раздраженіемъ и упорствомъ трудолюбивыхъ крестьянъ. Всѣ эти люди были до странности похожи другъ на друга, и я постоянно путалъ ихъ имена. Комендантомъ лагеря и полновластнымъ распорядителемъ судьбы всѣхъ заключенныхъ былъ лейтенантъ фонъ-Пильцъ. Видѣли мы его очень рѣдко, такъ какъ онъ предоставилъ все управленіе старшему надзирателю Шольцу и его четыремъ помощникамъ, и появлялся въ казармѣ лишь въ исключительно важныхъ или торжественныхъ случаяхъ.

Говорили, что причиной такого отношенія фонъ-Пильца къ своимъ обязанностямъ былъ страхъ, который внушали ему плѣнные. Онъ боялся покушеній на свою драгоцѣнную жизнь и приходилъ въ казармы, окруженный солдатами и надзирателями, которые слѣдили за каждымъ движеніемъ заключенныхъ, съ которыми комендантъ вступалъ въ разговоръ.

Подневольное населеніе нашего лагеря состояло изъ трехсотъ сорока человѣкъ, среди которыхъ были англичане, шотландскіе горцы, ирландцы, французы, преимущественно овернцы и гасконцы, русскіе, поляки, евреи и даже пять индусовъ. Въ часы прогулокъ, утромъ и послѣ обѣда, во всѣхъ отдѣленіяхъ двора кишѣла разноязычная толпа, медленно продвигавшаяся между рѣшетками. Сторожа и надзиратели обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы плѣнные разныхъ національностей не разговаривали другъ съ другомъ, но правило это, поддерживаемое иногда весьма суровыми наказаніями, совершенно открыто нарушалось во всѣхъ углахъ „звѣринца". Въ концѣ концовъ всѣ надзиратели, за исключеніемъ Шольца, перестали обращать вниманіе на сношенія, установившіяся между русскими, французскими и англійскими загородками, и требовали только, чтобы плѣнные умолкали при появленіи коменданта и другихъ нѣмецкихъ офицеровъ. Я свелъ дружбу съ англичаниномъ Самуэлемъ Блэкомъ и капитаномъ алжирскихъ стрѣлковъ Гастономъ Круазье. Мы вмѣстѣ задумали побѣгъ, и поэтому я подробнѣе опишу этихъ двухъ моихъ товарищей, совершенно различныхъ по характеру, внѣшности и по той жизни, какую они вели, пока не очутились въ лагерѣ военноплѣнныхъ. Самуэль Блэкъ былъ мужчина огромнаго роста, съ широкой грудью и могучими руками, какія бываютъ у кузнецовъ и цирковыхъ атлетовъ. Его сѣрое лицо, изрытое оспой, напоминало лица тѣхъ каменныхъ изваяній, которыя сторожатъ пустыни и степи, подвергаясь разрушительному дѣйствію знойныхъ песчаныхъ вихрей. Надзиратель того отдѣ-



Плѣнный англійскій офицеръ Самуэль Блэкъ.

ленія, гдѣ находился Блэкъ, опухшій и обрюзгшій нѣмецъ, съ такимъ большимъ выпяченнымъ животомъ, что казалось, будто онъ носитъ подъ мундиромъ подушку, устраивалъ, потѣхи ради, состязанія въ борьбѣ. Чемпіонами лагеря были хохолъ Иваненко, индусъ Нарипура, очень неохотно принимавшій участіе въ борьбѣ, и французъ-бретонецъ Жиро. Но всѣ они признавали превосходство Блэка, который обладалъ необыкновенной выносливостью и одинаковой крѣпостью рукъ, ногъ и шеи. Къ физической боли онъ былъ очень мало чувствителенъ, и когда его наказывали ременной плетью, что случалось довольно часто, такъ какъ Блэкъ не выносилъ дисциплины и постоянно нарушалъ параграфы и пункты обязательныхъ инструкцій, то въ качествѣ палача выступалъ надзиратель Шольцъ, славившійся своимъ искусствомъ забивать плѣнныхъ до потери сознанія. Но даже этотъ мастеръ въ дѣлѣ истязанія уставалъ до изнеможенія, осыпая ударами мускулистое тѣло Блэка, прежде чѣмъ у англичанина вырывался крикъ или стонъ отъ нестерпимой боли. Такъ какъ наказанія обязательно производились на глазахъ плѣнныхъ и сторожей, то Шольцъ приходилъ въ бѣшенство. Отсчитавъ двадцать пять ударовъ, — наивысшее число, какое можно было безъ суда дать заключенному, — онъ бросалъ плеть на землю и осыпалъ Блэка потокомъ ругательствъ.

— Вы кончили? — спрашивалъ, не поворачивая головы, англичанинъ.

— Кончилъ, свинья, животное, ослиная кожа!.. — бѣсновался Шольцъ.

— То-то. А мнѣ кажется, что вы все еще продолжаете стегать, — невозмутимо замѣчалъ Блэкъ, подмигивая зрителямъ.

Въ толпѣ плѣнныхъ и солдатъ слышался смѣхъ, и Шольцъ, потерявшій всякое самообладаніе, наносилъ еще два или три удара, что было уже противно правиламъ.

Меня влекла къ Блэку его необыкновенная сила, та рѣдкая физическая организація, которой не могли сломить никакія истязанія и лишенія. Его тѣлесныя качества особенно рѣзко выступали рядомъ съ другими плѣнными, среди калѣкъ, больныхъ и раненыхъ, которыми былъ переполненъ лагерь. Каждый изъ насъ былъ тѣнью какого-то другого человѣка. Одинъ Блэкъ, повидимому, ничего не утратилъ изъ тѣхъ свойствъ, которыми онъ обладалъ на свободѣ, и походилъ на дубъ, росшій среди жалкой чахлой растительности, обреченный на медленную гибель. Сила и крѣпость этого человѣка вызывали восхищеніе даже у нѣмцевъ. Маленькій комендантъ, поднимаясь на носкахъ своихъ лакированныхъ сапогъ, дружелюбно похлопывалъ Блэка по могучей спинѣ и говорилъ:

— Замѣчательный человѣкъ! Рѣдкій экземпляръ! Послѣ войны мы отошлемъ его въ Гамбургъ къ Гагенбеку или посадимъ въ Берлинскій зоологическій садъ.

Иногда лейтенантъ снисходилъ до того, что дарилъ англичанину одну или двѣ сигары, или приказывалъ дать ему кружку пива. Впрочемъ, Круазье говорилъ, что фонъ-Пильцъ не столько восхищается Блэкомъ, сколько боится его, такъ какъ даже безоружный великанъ могъ убить любого изъ своихъ тюремщиковъ ударомъ кулака.

О своей прошлой жизни Блэкъ не любилъ говорить и въ этомъ отношеніи отличался отъ всѣхъ другихъ плѣнныхъ, которые постоянно вспоминали свои семьи, родные села и города, друзей и знакомыхъ. Многіе даже надоѣдали этими вѣчными разсказами о мелкихъ событіяхъ и людяхъ, находившихся гдѣ-нибудь въ глухой ирландской деревушкѣ, въ Алжирѣ, въ глуши нашего Полѣсья или въ Сибирской тайгѣ. Разсказчики никогда не забывали упоминать о самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ и сердились, когда скучавшіе слушатели просили переходить „къ дѣлу“ и оставить въ сторонѣ длинное описаніе садовъ, луговъ, по которымъ еще мальчишками бѣгали наши товарищи, перечисленіе именъ такихъ лицъ, которыхъ никто изъ насъ, а вѣроятно, и самъ разсказчикъ никогда не увидитъ.

Но Самуэль Блэкъ вышелъ сухимъ изъ житейскаго моря. За нимъ какъ будто ничего и никого не было. Разъ онъ только разсказалъ мнѣ коротенькій отрывокъ изъ своей біографіи, который, впрочемъ, пролилъ очень мало свѣта на его прошлое. Мы стояли около рѣшетки, и, поднимая голову, я видѣлъ четырехугольный, массивный, давно небритый подбородокъ Блэка и его сѣрыя щеки.

— Это было тамъ... — началъ онъ.

— Гдѣ тамъ?

Блэкъ поднялъ голову и кивнулъ въ сторону воротъ.

— Ну, такъ вотъ. Я работалъ тогда въ алмазной ямѣ Горварда. Мошенникъ и плутъ, какихъ трудно найти, если даже заплатить по сто фунтовъ за килограммъ. У меня была Мемъ, женщина, которая пріѣхала изъ дома въ это проклятое мѣсто. Я работалъ очень долго и всѣ алмазы, по условію, отдавалъ Горварду. Но мнѣ не везло, и наконецъ это надоѣло. Мемъ заболѣла лихорадкой: жара, какъ на желѣзной крышѣ въ іюлѣ, и мы рѣшили уйти. Тамъ кругомъ пустыня, колючій кустарникъ, который мы, бѣлые, зовемъ „Подожди немного“, песокъ и камни. Взвалилъ я на спину палатку, ружье, провизію, и мы пошли. Къ намъ присталъ негръ Замбо. Длинный, тонкій, руки и ноги, какъ палки...

„— Проведи, — говоритъ, — меня черезъ пески, и я дамъ тебѣ сто фунтовъ.

„— Гдѣ же ты, обгорѣлая спичка, достанешь столько денегъ?

„Смѣется и прыгаетъ, какъ змѣя на хвостѣ. Шли очень медленно, потому что Мемъ еле передвигала ноги, и мнѣ приходилось тащить ее вмѣстѣ съ палаткой и ружьемъ. Негръ впереди, мы сзади. Вижу, что Замбо еще тяжелѣе, чѣмъ мнѣ. Онъ, правда, былъ почти голъ, и жара ему ни почемъ, но черный изнемогалъ потому, что ему приходилось что-то отъ насъ скрывать, — вы, можетъ-быть, не знаете, что негры такъ же способны хранить свои тайны, какъ рѣшето воду. Онъ разговаривалъ самъ съ собой, съ кустами, съ камнями и все повторялъ нараспѣвъ какую-то чепуху, въ родѣ того, что Замбо купитъ красный жилетъ, Замбо купитъ всю виски, Замбо купитъ зеркало... При этомъ онъ такъ прыгалъ и кривлялся среди колючаго „Подожди немного“, словно въ него вселился самъ чортъ.

„Мемъ говоритъ:

„— Онъ укралъ большой алмазъ.

„Меня точно кто-то по головѣ ударилъ. Ну, конечно, у него былъ алмазъ, который онъ скрылъ какимъ-то образомъ отъ мошенника Горварда. Къ вечеру этого дня негръ совершенно обезсилѣлъ: онъ не могъ больше прятать своей тайны, отозвалъ Мемъ и показалъ ей чудный розовый алмазъ величиной съ орѣхъ. Я не спалъ всю ночь и, когда на зарѣ всталъ, чтобы итти дальше, сказалъ Мемъ:

„— Надо отнять у него алмазъ.

„Но негры еще болѣе подозрительны, чѣмъ болтливы. Замбо почуялъ что-то недоброе и держался настороже. Преимущество въ этой игрѣ было на сторонѣ негра, такъ какъ я еле двигался, нагруженный сверхъ головы, а онъ скользилъ, какъ ящерица, и единственной его ношей былъ алмазъ. Мемъ просила, чтобы я его не трогалъ, но было уже поздно. Проклятый алмазъ не давалъ мнѣ покоя, а тутъ еще эта нескончаемая пѣсня:

„— Замбо купитъ бѣлый домъ! Замбо выпьетъ все вино! Замбо поѣдетъ въ мягкой коляскѣ!..

„Моему терпѣнію пришелъ конецъ. Я отошелъ въ кусты, легъ на песокъ, снялъ ружье и бацъ... Негръ подпрыгнулъ такъ высоко, что я задралъ голову, чтобы его видѣть, но, должно-быть, руки у меня дрожали, потому что черный пустился бѣжать, какъ вѣтеръ. Я бросился за нимъ вдогонку, сбрасывая по дорогѣ узлы, свертки и оружіе. На камняхъ и пескѣ оставались красныя пятнышки, но догнать его могъ бы только курьерскій поѣздъ. Вернувшись, я вдругъ потерялъ всякую охоту раздобыть алмазъ. Можетъ-быть, негръ умеръ гдѣ-нибудь за кустами, но я не сдѣлалъ бы теперь ни одного шага, чтобы разыскивать его тѣло.

„А тутъ еще Мемъ:

„— Богъ насъ накажетъ, Самъ! Вотъ увидишь, накажетъ!..

„Мы свернули въ сторону, чтобы обойти кровавый слѣдъ, и пошли дальше. Мемъ такъ и не дошла. Она совершенно выбилась изъ силъ и умерла на самой границѣ песковъ. Я положилъ на

ея могилу груду камней и на верхнемъ нацарапалъ: „Не забудьте ее въ пустынѣ, когда придетъ день воскресенія".

Гастонъ Круазье былъ, какъ я уже говорилъ, человѣкъ совершенно иного склада. Онъ родился въ Алжирѣ и всю свою жизнь, до тридцати лѣтъ, за исключеніемъ того времени, когда находился въ военной школѣ, провелъ на сѣверномъ берегу Африки. У него были черные вьющіеся волосы, черные глаза, смуглое лицо и маленькія женскія руки и ноги. Несмотря на свои грязныя отрепья остатки блестящаго когда-то мундира и на отсутствіе у насъ мыла, гребенокъ и щетокъ, Круазье выглядѣлъ среди плѣнныхъ красавцемъ.

Мнѣ казалось, что пестрыя лохмотья придаютъ еще больше привлекательности его стройной, гибкой фигурѣ. Онъ отличался необыкновенной живостью воображенія и той силой фантазіи, которая часто встрѣчается у южныхъ жителей, но у Круазье это свойство удивительнымъ образомъ сочеталось съ обширными знаніями въ области математическихъ наукъ.

Въ казармѣ онъ цѣлые часы проводилъ за рѣшеніемъ задачъ по механикѣ и астрономіи, при чемъ деревянныя нары и кусокъ мѣла замѣняли ему бумагу и чертежныя принадлежности. Капитанъ сильно страдалъ отъ холода и до наступленія лѣта почти всегда хворалъ. Солнце для него было такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и вода, и когда мы говорили о Россіи, онъ больше всего удивлялся, что русскіе находятъ силу и мужество переносить безконечную сѣверную зиму. Самая живость его ума находилась въ зависимости отъ погоды, отъ количества тепла и свѣта, посылаемаго солнцемъ.

Мысль о побѣгѣ явилась у Круазье, какъ онъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ, съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, но прошло много времени, прежде чѣмъ намъ удалось осуществить одинъ изъ его безчисленныхъ проектовъ. Чтобы читателю были понятны тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать бѣглецамъ, онъ долженъ ясно представить себѣ устройство нашей тюрьмы.

Лагерь былъ окруженъ двумя глубокими рвами, одинъ изъ которыхъ проходилъ вдоль внутренней стороны вала, а другой окружалъ его снаружи. Оба они охранялись часовыми и ночью были освѣщены яркими электрическими лампами. Третій караулъ занималъ посты на гребнѣ земляной насыпи, откуда, какъ на ладони, были видны казармы, дворъ и болотистая низина, похожая на дно плоской чашки и тянувшаяся до горизонта. На самомъ дворѣ не было ни одного угла, ни одного укромнаго мѣста, гдѣ бы возможно было скрыться отъ глазъ многочисленныхъ сторожей. Даже отхожія мѣста находились подъ постояннымъ наблюденіемъ и представляли отвратительныя, круглыя клоаки устроенныя подъ открытымъ небомъ. Для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ служилъ короткій туннель, проходившій подъ валомъ, закрытый двумя сплошными желѣзными воротами и днемъ и ночью охраняемый часовыми. За все время, какъ существовала эта тюрьма, не было ни одной попытки къ бѣгству, что вполнѣ понятно, такъ какъ каждый, кто рѣшился бы на такой отчаянный поступокъ, зналъ, что ему приходится выбирать лишь между двумя возможностями: смертью и свободой.

II.

Бѣгство.

Круазье разсказалъ мнѣ о своихъ планахъ въ концѣ мая. Былъ душный вечеръ. Тяжелый запахъ болотныхъ испареній стоялъ въ неподвижномъ воздухѣ. Въ далекомъ небѣ, какъ жемчужная пѣна въ морскомъ прибоѣ, лежали гряды легкихъ облаковъ. Круазье долго смотрѣлъ въ эту бездонную глубину, лежа около рѣшетки, по другую сторону которой сидѣлъ я, и потомъ сказалъ:

— Такое же море у насъ, въ Алжирѣ. Если мнѣ суждено когда-нибудь выбраться отсюда, то я сдѣлаюсь воздухоплавателемъ. Вотъ онъ новый, безбрежный океанъ, всюду открытый для людей. Эпоха великихъ путешествій не кончилась, какъ многіе думаютъ, она только теперь начинается. Въ прошломъ люди изслѣдовали лишь поверхность нашей планеты. Въ XX вѣкѣ они проникнутъ въ ея третье измѣреніе, опустятся на дно морей и поднимутся далеко за пелену тумановъ, блуждающихъ надъ землей. Боже мой, что они тамъ увидятъ, и какъ обидно думать, что мы съ вами, какъ и всѣ живущіе теперь, никогда этого не узнаемъ!

И совершенно неожиданно, какъ это часто съ нимъ бывало, онъ, понижая голосъ, спросилъ:

— Вамъ никогда не приходила мысль о бѣгствѣ отсюда?

Я пожалъ плечами.

— Такая мысль, вѣроятно, всѣхъ занимала, но, къ сожалѣнію, дѣло это совершенно безнадежно.

— Какъ знать... Какъ знать...—повторилъ Круазье, внимательно и какъ будто съ недовѣріемъ смотря на меня.— Вамъ, можетъ-быть, извѣстно старинное правило, что нѣтъ такой тюрьмы, изъ которой нельзя было бы бѣжать. Тюремщики, какъ бы ни были они изобрѣтательны, никогда не могутъ предусмотрѣть всѣхъ возможныхъ комбинацій, на которыя натолкнется заключенный, твердо рѣшившій вырваться на свободу. Это нѣчто въ родѣ шахматъ, съ той разницей, что ставкой игры служитъ жизнь человѣка.

— У васъ есть какой-нибудь готовый планъ?

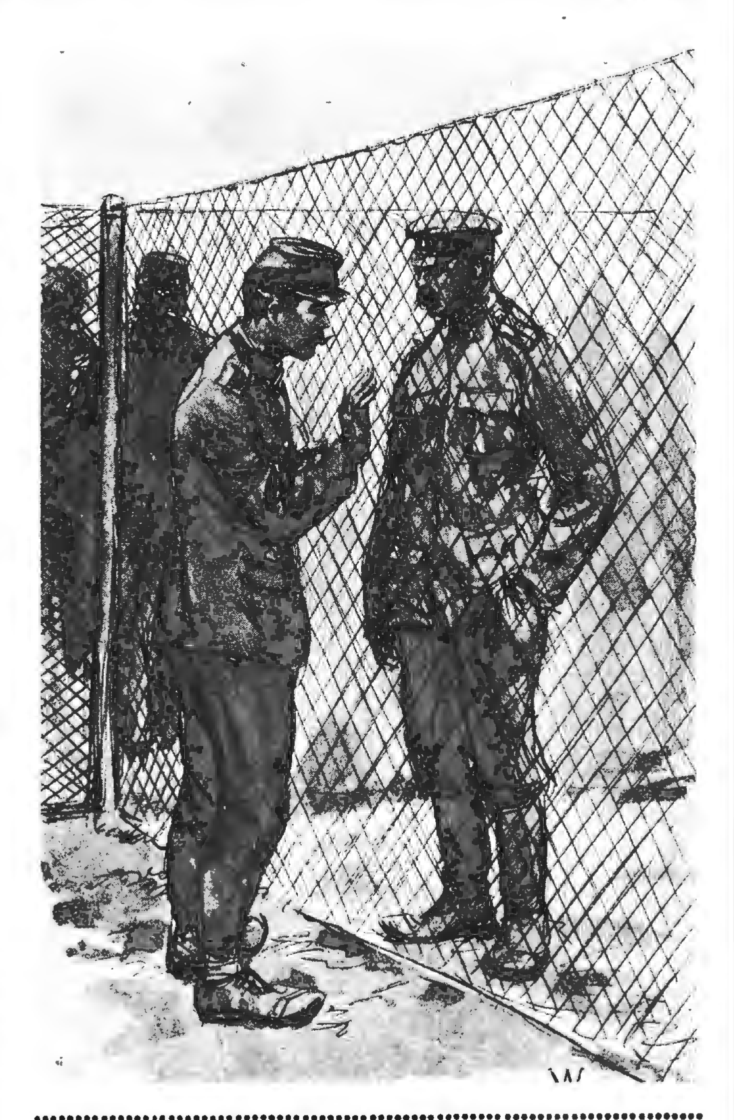
— Позвольте на вопросъ отвѣтить вопросомъ: рискнули бы вы принять участіе въ этой игрѣ, гдѣ рискъ слишкомъ великъ?

— Если бы была надежда выиграть...

— Послушайте, дорогой другъ, въ такихъ случаяхъ, начиная дѣло, вы никогда не можете вычислить шансы на удачный исходъ по теоріи вѣроятности, какъ возможно это, напримѣръ, въ торговомъ предпріятіи или въ лотереѣ. Упавшій камень, какой-нибудь стукъ или шорохъ, минутное промедленіе часового и неисчислимое множество тому подобныхъ случайностей стоятъ у васъ на пути, помогаютъ или противодѣйствуютъ, и вотъ почему иногда удавались самые безумные побѣги и печально оканчивались такія попытки выйти на свободу, гдѣ, казалось, все было взвѣшено и предусмотрѣно. Другими словами, тутъ всякій разумный планъ такъ же хорошъ или такъ же плохъ, какъ и самый фантастическій, лишь бы онъ былъ осуществимъ человѣческими силами.

Въ этотъ моментъ прозвучалъ колоколъ, призывавшій въ казармы, и мы разстались до слѣдующаго дня. Вечеромъ я долго сидѣлъ на своей койкѣ, поставленной рядомъ съ нарами, на которыхъ спали солдаты. Эта койка была единственнымъ преимуществомъ, какимъ я, по чину прапорщика, пользовался у нѣмцевъ.

Никогда еще грязныя стѣны казармы, освѣщенныя лампой подъ потолкомъ, не казались мнѣ такими мрачными и отвратительными, какъ въ эту ночь. Отдаленная надежда на возможность освобожденія, которая мелькнула у меня послѣ разговора съ французомъ, породила лихорадочное состояніе, хаосъ мыслей и чувствъ, которыя не давали мнѣ уснуть. Когда я наконецъ улегся на голыя доски, то долго еще видѣлъ желѣзныя ворота, которыя съ лязгомъ и звономъ захлопываются при моемъ приближеніи, безконечныя подземныя галлереи, гдѣ гулко отдавались шаги часовыхъ, путаницу рѣшетокъ и проволочныхъ загражденій. Иногда, просыпаясь, я чувствовалъ себя почти счастливымъ отъ сознанія, что лежу въ углу казармы, и мнѣ не грозитъ никакая опасность, но черезъ минуту, закрывая глаза, я невольно въ сотый разъ спрашивалъ себя: „Но вѣдь есть же отсюда какой-нибудь выходъ?" И снова начинались кошмарныя блужданія въ лабиринтѣ изъ дерева, желѣза, бетона и глины.



Плѣнный французъ—капитанъ алжирскихъ стрѣлковъ Гастонъ Круазье.

На другой день, какъ только насъ выпустили изъ казармы, я направился къ тому мѣсту, гдѣ мы встрѣчались съ французомъ. Круазье протянулъ мнѣ черезъ рѣшетку горячую руку и долго кашлялъ, прежде чѣмъ началъ говорить.

— Принимаете вы мое предложеніе?

— Я согласенъ, какъ бы великъ ни былъ рискъ.

— Будьте покойны, мы ни въ какомъ случаѣ здѣсь не останемся. Весь вопросъ въ томъ, выйдемъ ли мы сами, или насъ вынесутъ нѣмцы, чтобы зарыть на кладбищѣ на болотѣ. — Онъ улыбнулся своей мрачной шуткѣ. - Я перебралъ много плановъ, — продолжалъ Круазье. — И долженъ сознаться, что въ каждомъ изъ нихъ наталкивался на какое-нибудь неодолимое препятствіе. Больше всего затрудненій создаетъ простота, математическая правильность устройства этой тюрьмы. Здѣсь мы помѣщены словно тараканы въ стеклянной банкѣ. Въ этомъ отношеніи огромное преимущество имѣютъ старинныя тюрьмы, мрачные замки, со множествомъ галлерей, закоулковъ, съ извилистыми коридорами и цѣлымъ рядомъ внутреннихъ дворовъ. А здѣсь... Вонъ на порогѣ стоитъ Шольцъ и разомъ видитъ насъ всѣхъ, какъ видятъ насъ и часовые у воротъ и часовые на валу.

— Это невозможно, — сказалъ я, впадая въ уныніе. — Надо было бы имѣть крылья, чтобы улетѣть отсюда!

— И все-таки я нашелъ нѣсколько лазеекъ, о которыхъ говорю вамъ главнымъ образомъ для того, чтобы вы не теряли надежды.

— Какія же это лазейки?

— Прежде всего имѣйте въ виду, что уйти отсюда мы можемъ только черезъ ворота. Валъ и двѣ линіи рвовъ, въ которыхъ каждую ночь устраиваютъ такую иллюминацію, точно на парижскихъ бульварахъ, совершенно недоступны. Очутившись въ траншеѣ, вы никакъ не выберетесь по ея отвѣснымъ стѣнамъ въ четыре метра вышиной, особенно, если принять въ расчетъ, что солдаты будутъ васъ разстрѣливать, какъ мишень. Остается туннель и ворота. Я давно слѣжу за ними.

— Но здѣсь и ящерица не проскочитъ. Нѣтъ, все это надо бросить!

— Посмотримъ. Я замѣтилъ, что автомобиль, въ которомъ пріѣзжаетъ этотъ глупый трусъ фонъ-Пильцъ, остается обыкновенно вотъ на этой площадкѣ, въ двадцати шагахъ отъ воротъ. Отправляясь обратно, комендантъ сиреной даетъ знакъ открыть туннель и быстро выѣзжаетъ въ поле. Представьте себѣ, что какимъ-нибудь образомъ послѣ наступленія темноты мы съ вами очутились бы въ этомъ автомобилѣ, пустили въ ходъ машину и сирену...

— Да, а часовые пустили бы въ насъ сотню пуль.

— Понятно, это болѣе опасно, чѣмъ ѣхать на пикникъ, — съ раздраженіемъ отвѣтилъ Круазье: — но вѣдь мы не можемъ надѣяться на появленіе ангела, который возьметъ насъ за руки и проведетъ черезъ туннель такъ, какъ будто здѣсь проѣзжая дорога.

— Ну, а другой планъ? — спросилъ я, начиная все яснѣе и яснѣе понимать трудность и фантастичность задуманнаго дѣла.

— Есть и другой! Вы знаете, гдѣ находится часовня для покойниковъ?

— Знаю. Вотъ въ томъ правомъ углу двора. Тамъ сегодня лежитъ одинъ изъ нашихъ русскихъ солдатъ.

— Но вотъ чего вы не знаете. Покойниковъ увозятъ отсюда раннимъ утромъ, когда всѣ въ казармахъ еще спятъ, закрытые еще съ вечера гробы устанавливаютъ на широкія дроги, сзади садятся два сторожа съ лопатами, и передъ мертвыми плѣнными широко распахиваются ворота тюрьмы. Вообразите теперь, что два смѣлыхъ рѣшительныхъ человѣка, выбравъ подходящій день, забираются съ вечера въ часовню, вынимаютъ ночью трупы, прячутъ ихъ, а сами, занявъ мѣсто въ гробахъ, ждутъ выноса изъ этого мрачнаго мѣста.

— И можетъ случиться, что ихъ живыми зароютъ въ землю.

— Кладбище, какъ я узналъ, находится отсюда въ разстояніи часа ѣзды, въ глухомъ углу болота. Полагаю, что довольно неожиданное появленіе двухъ ожившихъ мертвецовъ наведетъ такой страхъ на сторожей, что бѣглецы успѣютъ овладѣть ихъ оружіемъ и пустить его въ дѣло прежде, чѣмъ солдаты позовутъ на помощь... Вотъ вамъ два плана! Выбирайте любой.

— Ну, а что вы сами о нихъ думаете?

Круазье улыбнулся и отвѣтилъ съ своей обычной легкомысленной манерой:

— Полагаю, что ни одно страховое общество не пожелало бы застраховать нашу жизнь ни въ автомобилѣ ни на погребальныхъ дрогахъ.

Въ лагерѣ ожидался пріѣздъ какого-то начальствующаго лица, надзоръ за плѣнными былъ усиленъ, инструкція соблюдалась самымъ строгимъ образомъ, и мнѣ не удавалось въ теченіе цѣлой недѣли поговорить съ капитаномъ. О бѣгствѣ я старался не думать, такъ какъ пришелъ къ выводу, что это была неразрѣшимая задача, надъ которой Круазье ломалъ голову лишь вслѣдствіе привычки къ запутаннымъ и сложнымъ проблемамъ, при чемъ для него было безразлично, касались ли онѣ астрономіи, механики, шахматъ, или освобожденія изъ нѣмецкаго мертваго дома. Погода рѣзко измѣнилась. Полили дожди. Съ запада безпрерывно тянулись облака и тучи, точно флотилія черныхъ судовъ съ распущенными сѣрыми парусами. Теплый туманъ, поднимавшійся надъ болотомъ, смѣшивался съ туманами, блуждавшими въ бездонной выси, и солнечные лучи лишь изрѣдка пробивались среди этого движущагося хаоса, чтобы сверкнуть въ лужахъ и заблестѣть на мокрой травѣ.

Въ лагерѣ появилось очень много больныхъ. Вѣрнѣе, вся тюрьма превратилась въ огромную больницу, въ которой каждый былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Изрѣдка появлялся докторъ Шпехтъ и, не снимая грязныхъ глубокихъ калошъ и резиноваго плаща, съ котораго тонкими ручейками стекала дождевая вода, садился на краю широкихъ наръ, закуривалъ черную сигару и, окутанный облаками дыма, молча слушалъ жалобы больныхъ.

Иногда онъ кивалъ головой и замѣчалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Все это такъ и должно быть! — Не понимаю, зачѣмъ я сто разъ долженъ слушать одно и то же? Болѣзнь идетъ правильно.

Потомъ онъ вставалъ и уходилъ, сильно хлопнувъ дверью.

Круазье былъ боленъ, какъ и всѣ.

Его постоянно мучила лихорадка. Онъ задыхался, и когда выходилъ изъ казармы, то удерживался исхудавшей рукой за деревянныя перекладины рѣшетокъ.

— Я хочу все это покончить однимъ разомъ, — сказалъ онъ мнѣ какъ-то. — Чѣмъ медленно умирать на этомъ болотѣ, питаясь рѣпой и гнилымъ картофелемъ, лучше рискнуть. Мнѣ кажется, что я нашелъ вѣрный способъ выбраться отсюда, но, пока не обдумаю всѣхъ подробностей, не стану о немъ говорить. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Не спрашивайте: сегодня я ничего не скажу!

Когда онъ уходилъ въ казарму, я, смотря на его сгорбленную фигуру съ головой, опущенной на грудь, невольно подумалъ, что Круазье, пожалуй, скоро покинетъ нашу тюрьму, но только для того, чтобы переселиться на кладбище, гдѣ уже лежали десятки его товарищей. Самъ я въ эти послѣдніе дни плѣна испытывалъ тупую боль во всемъ разбитомъ, усталомъ тѣлѣ и дошелъ до такого душевнаго состоянія, когда человѣкъ легко и не задумываясь рѣшается на самые сумасбродные поступки, лишь бы измѣнить то невыносимое положеніе, въ какомъ онъ находится. На слѣдующій день съ Круазье произошла странная перемѣна. Онъ сталъ почти такимъ, какимъ былъ въ первые дни нашего знакомства, и только лихорадочный блескъ его глазъ, румянецъ

Картофель градомъ посыпался на землю.

на щекахъ и сухія, горячія руки указывали, что болѣзнь продолжаетъ разрушать его хрупкій организмъ.

— Я рѣшился, — сказалъ онъ. — Черезъ три дня, самое большее черезъ недѣлю, мы будемъ свободны. Подумайте только: скоро мы очутимся во Франціи, и я получу отпускъ, чтобы съѣздить домой. Воображаю, какъ удивятся сестра и мать. Онѣ думаютъ, что я убитъ. И вдругъ отворяется дверь, и на порогѣ стоитъ воскресшій мальчикъ. Моя старушка до сихъ поръ называетъ меня мальчикомъ. А Парижъ... Въ Парижѣ мы пойдемъ въ кафэ на улицѣ Риволи и спросимъ горячихъ пирожковъ съ мясомъ и взбитыхъ сливокъ. Потомъ мы примемъ ванну. Вы не можете себѣ представить, до чего меня мучитъ это грязное, мокрое тряпье. Надо вымыться въ теплой водѣ и выпить бутылку вина. У насъ въ саду есть желтый прозрачный виноградъ, а вино изъ него получается красное, какъ кровь. Помню, мальчикомъ я очень удивлялся такому превращенію...

— Послушайте, Круазье, вы больны! У васъ сильнѣйшая лихорадка.

— Можетъ-быть, но теперь это скоро пройдетъ. Вы согласны бѣжать?

— Ахъ, мнѣ все равно!

— Планъ очень простой, и вы увидите, что онъ удастся.

Мы съ Лоховымъ забрались въ одинъ ящикъ, укрылись мокрой соломой.

Придвинувшись къ рѣшеткѣ, такъ что я ощущалъ лихорадочный жаръ его лица, Круазье продолжалъ, понизивъ голосъ до шопота:

— Вы увидите, что это прекрасная мысль и простая. Удивляюсь, какъ она раньше никому не пришла въ голову. Видите эти огромные ящики, въ которыхъ нѣмцы привозятъ сюда картофель и рѣпу? Вслѣдствіе дурной погоды обозъ часто запаздываетъ, и выгрузка производится поздно вечеромъ. Представьте себѣ, что намъ удалось бы спрятаться въ этихъ опорожненныхъ ящикахъ: раннимъ утромъ четверо ландштурмистовъ повезли бы насъ по пустынной дорогѣ, и тутъ ничего не стòитъ удрать... Вотъ моя мысль. Чтò же вы молчите? Вѣдь ничего лучше и придумать нельзя! Или вы, можетъ-быть, мнѣ не довѣряете? Думаете, что я брежу? Но вотъ же они, вотъ стоятъ эти черные ящики, въ которыхъ осталась гнилая солома! Прекрасный экипажъ, особенно, если принять во вниманіе, что онъ повезетъ насъ на родину. Или вы будете ждать, пока подадутъ курьерскій поѣздъ, съ бархатными мягкими диванами и рестораномъ, гдѣ можно спросить кусокъ жаренаго мяса и вина изъ желтаго винограда?

— Ваша мысль очень удачна, — перебилъ я его. — Но вы больны, а въ такомъ состояніи...

— О, я поправлюсь, какъ только выберусь отсюда. Мы дышимъ зараженнымъ воздухомъ, и въ этомъ источникъ всѣхъ болѣзней.

— Но какъ же вы думаете справиться съ ландштурмистами?

— Я и объ этомъ подумалъ. Надо взять съ собой Блэка. Трое противъ четырехъ!.. Это не дурно, особенно, если принять во вниманіе неожиданность нашего нападенія.

— Но на дорогѣ можетъ кто-нибудь случиться?

— Не задавайте мнѣ такъ много вопросовъ. Я дѣйствительно боленъ, — отвѣтилъ Круазье, прикладывая руку къ горячему лбу. Скажите только: да или нѣтъ?

Я минуту помолчалъ, ни о чемъ не думая и смотря на свои грязные, изорванные сапоги, и потомъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Да!

Въ этотъ день мы не успѣли ни о чемъ больше поговорить, такъ какъ Шольцъ лишилъ меня послѣобѣденной прогулки за то, что я долго лежалъ на своей койкѣ. Къ вечеру погода внезапно улучшилась. Подулъ южный вѣтеръ и развѣялъ болотныя испаренія. Небо прояснилось: яркіе солнечные лучи залили весь дворъ и заглянули въ казармы. Передъ заходомъ солнца я увидѣлъ въ окно, какъ распахнулись желѣзныя ворота, и въ нихъ показались тяжелыя повозки съ провизіей. Я много разъ видѣлъ эти четыреугольные фургоны, съ крупными красными цифрами на черныхъ стѣнкахъ и высокимъ сидѣніемъ для кучера, но никогда еще они не возбуждали у меня такого любопытства, какъ въ этотъ вечеръ. Вокругъ ящиковъ собрались плѣнные, больные и здоровые, по нѣскольку человѣкъ изъ каждой камеры, и подъ наблюденіемъ надзирателей принялись разгружать телѣги. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей съ жадностью набрасывались на сырой картофель и, несмотря на брань и удары сторожей, торопливо грызли жесткіе клубни. Работа шла очень медленно, потому что больные мѣшали здоровымъ, и никто не находилъ нужнымъ спѣшить, чтобы возвратиться въ казармы, гдѣ въ лихорадочномъ жару метались и стонали десятки товарищей.

Сумерки сгустились, на валахъ вспыхнули голубоватые яркіе фонари, а около ящиковъ все еще двигались черныя фигуры и слышались сердитые окрики сторожей. Наконецъ голоса замолкли. Всѣ разошлись, и только три или четыре человѣка ползали подъ фургонами, собирая разсыпанную рѣпу и пучки зелени... У меня сильно забилось сердце при мысли, что планъ Круазье можно было бы привести въ исполненіе еще сегодняшней ночью. Стоило только проскользнуть во дворъ, осторожно добраться до повозокъ и, выбравъ подходящій моментъ, занять мѣсто въ одномъ изъ ящиковъ, зарывшись въ кучу соломы. Искушеніе было такъ велико, что я едва удержался отъ этой попытки. Меня охватилъ страхъ при мысли, что кто-нибудь раньше насъ воспользуется этими ящиками съ цѣлью выбраться за ворота тюрьмы и навсегда закроетъ для другихъ путь къ свободѣ. Я съ безпокойствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями своихъ товарищей, ползавшихъ вокругъ фургоновъ, какъ будто они были моими врагами, способными отнять у меня надежду на свободу и жизнь. Я отошелъ отъ окна только послѣ того, когда послѣдній изъ нихъ отправился въ казарму, и вокругъ телѣгъ не осталось ни одной живой души.

Съ Блэкомъ переговоры пришлось вести мнѣ, такъ какъ русскіе плѣнные помѣщены были въ серединѣ между участками французовъ съ одной стороны и англичанъ съ другой. Необходимо было соблюдать величайшую осторожность. Я отлично зналъ, что за попытку склонить къ побѣгу кого-либо изъ товарищей мнѣ грозитъ смертная казнь, или въ самомъ счастливомъ случаѣ одиночное заключеніе въ какомъ-нибудь каменномъ склепѣ, чтò было, пожалуй, еще хуже смерти. Можно ли было положиться на Блэка? Повидимому, да! Но когда приходится ввѣрять человѣку собственную жизнь, то тутъ невольно возникаютъ всякія подозрѣнія. Мнѣ казалось, что съ той минуты, когда я рѣшилъ бѣжать, надзиратели обратили на меня усиленное вниманіе. Они слѣдили за мной на прогулкахъ, чаще подвергали наказаніямъ и прислушивались къ разговорамъ, которые я велъ со своими товарищами. Можетъ-быть, ничего этого не было, но я не могъ отдѣлаться отъ гнетущаго предчувствія какой-то невидимой опасности. Прошло два дня, прежде чѣмъ я рѣшился говорить съ Блэкомъ. Случай свелъ насъ въ дальнемъ углу двора. Кругомъ никого не было, и я осторожно приступилъ къ дѣлу. Мнѣ всегда было очень трудно скрывать какую-нибудь мысль. Такъ, несмотря на всѣ мои старанія, было и на этотъ разъ, хотя я предварительно тщательно обдумалъ свой разговоръ съ англичаниномъ.

— Скажите, Блэкъ, — началъ я: — вы никогда не думали о томъ, какъ хорошо было бы хоть на нѣсколько дней выбраться изъ этой тюрьмы и походить по полямъ и лѣсамъ?

— Какъ не думать, да вѣдь изъ этихъ думъ ровно ничего не выходитъ! Хитеръ будетъ тотъ, кто удеретъ изъ этого нѣмецкаго ящика.

— А еще лучше было бы добраться до границы! Отсюда до Голландіи не больше ста километровъ. Тамъ никто не помѣшалъ бы намъ зайти въ любой трактиръ, спросить по стакану виски или джину, по куску сыру...

Блэкъ поднялъ голову.

— Ну, ну, выкладывайте все разомъ! Я вижу, что вы ищете попутчика.

— Можетъ-быть!

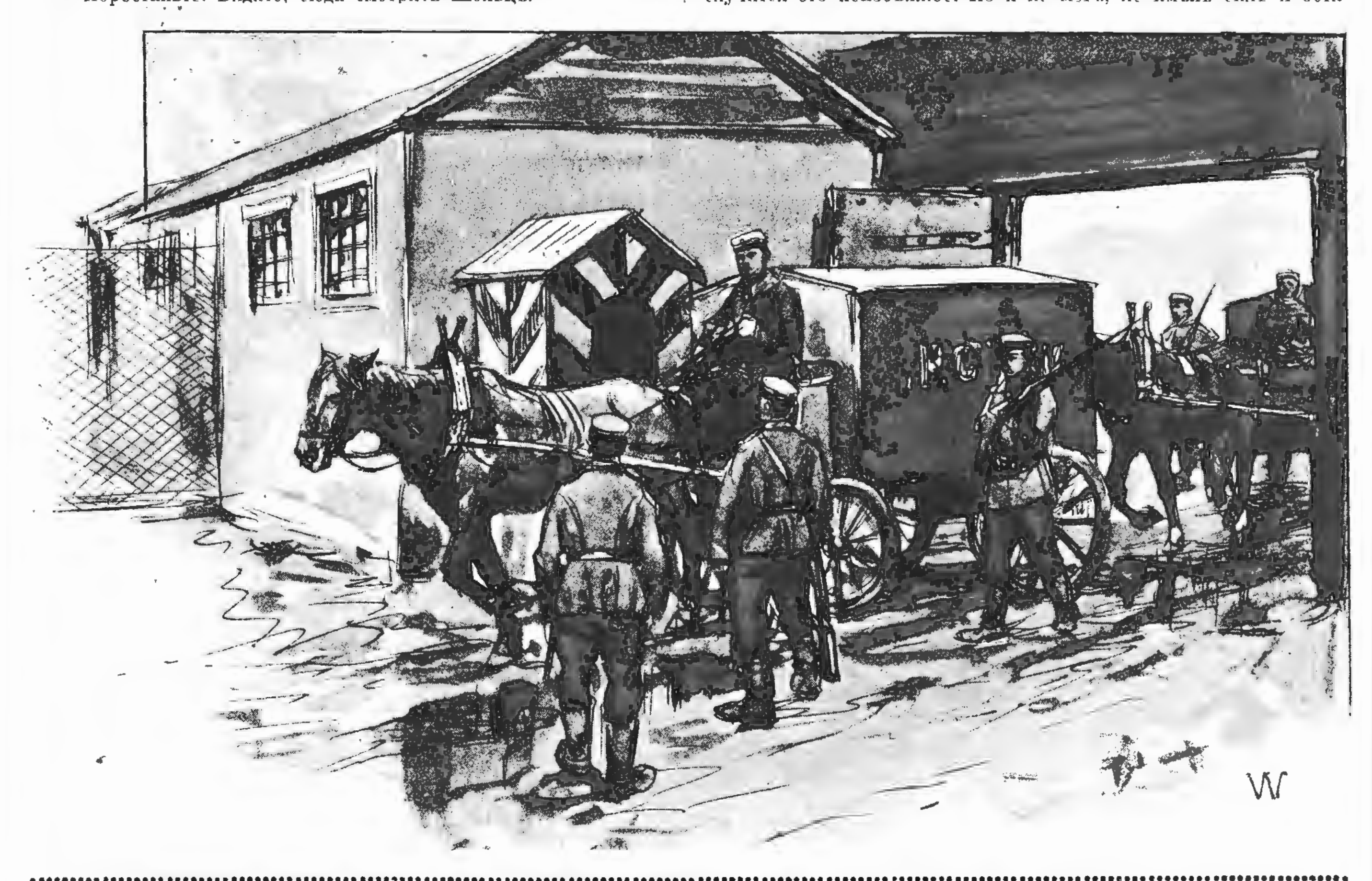
— Что тамъ „можетъ-быть“! Вы стоите подъ парами, какъ пароходъ за пять минутъ до выхода изъ гавани. Любопытно все-таки знать, какъ вы выйдете въ открытое море!

— Хорошо, Блэкъ! Я не буду съ вами хитрить. Слушайте!

Я разсказалъ ему весь планъ нашего бѣгства. Результатъ былъ довольно неожиданный. Великанъ на шагъ отступилъ отъ рѣшетки и, держась руками за бока, началъ такъ хохотать, что я испугался, какъ бы онъ не обратилъ на насъ вниманія всего лагеря.

— Это хорошо!.. Пусть я обращусь въ нѣмца, если слышалъ когда-нибудь такую штуку... И подумать только, что эти болваны сами, сами повезутъ!! Ой, не могу!..—повторялъ онъ, задыхаясь отъ смѣха, потрясавшаго все его могучее тѣло, и вытирая грязной ладонью выступившія слезы.

— Перестаньте! Видите, сюда смотритъ Шольцъ.



Повозки одна за другой двинулись къ воротамъ.

— Вы меня уморили! Вотъ это я называю дѣломъ!

— Значитъ, вы согласны?

— Еще бы! Только скажите, когда! И за мной остановки не будетъ! Мой багажъ не долго укладывать.

Мнѣ казалось, что Блэкъ слишкомъ легкомысленно смотритъ на наше предпріятіе.

— Помните, что мы рискуемъ жизнью, сказалъ я.

Англичанинъ свистнулъ.

— Фью-ю-ю... Я отлично знаю, что капиталовъ, домовъ и земель у меня нѣтъ, и поэтому рисковать я могу, при всѣхъ обстоятельствахъ, только своей шкурой. Будьте покойны, Я отлично знаю правило этой игры!

Круазье по другую сторону двора съ интересомъ наблюдалъ за нашимъ разговоромъ. Чтобы не возбуждать подозрѣнія надзирателей, я пошелъ въ казармы и только вечеромъ сказалъ капитану о согласіи Блэка.

— Когда мы бѣжимъ? спросилъ я.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Да и зачѣмъ намъ было бы медлить?..

— Тогда завтра!

— Хорошо, завтра!

Потянулись мучительные, долгіе часы ожиданія. Время какъ будто совсѣмъ остановилось. Вечеромъ я съ трудомъ проглотилъ грязную, бурую жидкость съ противнымъ запахомъ, которую намъ давали подъ названіемъ кофе, и растянулся на своей койкѣ. Въ эту минуту я былъ, вѣроятно, самымъ несчастнымъ человѣкомъ во всемъ лагерѣ. Передо мной съ безпощадной ясностью развернулись всѣ опасности нашего бѣгства. Ящики могли запереть снаружи, я даже не зналъ, запирались ли они, и съ удивленіемъ спрашивалъ себя, какъ не обратилъ вниманія на такую подробность, отъ которой могла зависѣть наша жизнь. Но допустимъ лучшее: пусть мы безпрепятственно выберемся изъ своихъ подвижныхъ клѣтокъ на большую дорогу: сдѣлать это мы должны наудачу, такъ какъ не можемъ наблюдать за тѣмъ, что происходитъ кругомъ. Кто же поручится, что мы не попадемъ въ руки какого-нибудь разъѣзда, или не очутимся передъ толпой рабочихъ. Есть ли наконецъ какая-нибудь возможность тремъ бродягамъ самой подозрительной внѣшности укрыться въ окрестностяхъ большого города, гдѣ извѣстны всѣ тропинки и, за исключеніемъ болота, воздѣланъ и заселенъ каждый клочокъ земли. Ночь плохое время для размышленій такого рода. Все наше предпріятіе стало мнѣ казаться такимъ же безнадежнымъ и безумнымъ, какъ если бы мы собирались вплавь пуститься въ открытое море. Гдѣ-нибудь мы непремѣнно погибнемъ! и весь вопросъ лишь въ томъ, раньше или позже случится это неизбѣжное. Но я не могъ, не имѣлъ силъ и оставаться въ лагерѣ, который сталъ для меня теперь совершенно невыносимъ съ своей грязью, голодовками и холодной, тупой жестокостью нѣмецкихъ солдатъ.

Я заснулъ, когда забрезжилъ свѣтъ, и меня ожидало очень непріятное пробужденіе, такъ какъ Шольцъ, замѣтивъ утромъ, что я все еще лежу послѣ того, какъ вся казарма встала, устроилъ со мной одну изъ своихъ постоянныхъ подлыхъ шутокъ. Онъ принесъ большую кружку холодной воды и вылилъ ее мнѣ на голову. Я разомъ вскочилъ, испытывая отвратительное ощущеніе отъ прилипшей, мокрой одежды и, увидѣвъ около себя красное, смѣющееся лицо Шольца, едва удержался, чтобы не ударить его. Вечеромъ, часовъ въ семь, во дворъ въѣхали тяжело нагруженныя телѣги. Одна!.. двѣ!.. три!.. четыре!.. Я увидѣлъ, что Круазье и Блэкъ также слѣдятъ за движеніемъ повозокъ. Для желающихъ работать при выгрузкѣ провіанта не требовалось никакого особаго разрѣшенія.

Увидя, что я направляюсь къ фургону, сторожъ одобрительно кивнулъ головой.

— Скоро вы всѣ получите работу на поляхъ!.. Тамъ будетъ дѣла побольше, чѣмъ около этихъ ящиковъ.

Вечеръ былъ тихій и теплый. Порой сѣялся мелкій дождь, и въ темнотѣ было слышно, какъ мелодично журчитъ вода, стекая по желобамъ. Солдаты и унтеръ-офицеры забрались въ обширный полутемный погребъ, куда мы сносили мѣшки съ картофелемъ, и при свѣтѣ керосиновой лампы играли въ карты. На насъ они не обращали никакого вниманія.

— Будьте готовы! шепнулъ мнѣ Круазье.

Онъ шатался отъ усталости или болѣзни и едва справлялся со

своей ношей. Ящики открывались сверху, и Блэкъ, стоя на колесѣ, доставалъ мѣшки съ такой легкостью, словно они были наполнены соломой. Вдругъ онъ оступился, и картофель градомъ посыпался на землю и на спины рабочихъ.

— Что ты дѣлаешь, скотина!—закричалъ сторожъ.

— Соберу!—успокоилъ его англичанинъ, очень плохо говорившій по-нѣмецки.—Они уйдутъ, а я останусь!

Черезъ десять минутъ развязался еще одинъ мѣшокъ у Круазье.

— Свинья!—ругался солдатъ.—Оставайтесь здѣсь, пока не найдете все до послѣдней картофели. Я васъ заставлю ползать по грязи!

Продолжая браниться, онъ ушелъ въ погребъ, закурилъ сигару и сталъ наблюдать за игрой своихъ товарищей. Наступала рѣшительная минута. Плѣнные быстро разбредались, и черезъ нѣсколько минутъ около опустѣвшихъ повозокъ остались только мы втроемъ и еще одинъ сибирскій стрѣлокъ, Илья Лоховъ. Дождь усилился и шелъ, не переставая, но мы его совершенно не замѣчали. Полное спокойствіе сохранялъ одинъ Блэкъ.

— Не пора ли давать послѣдній свистокъ?—спросилъ онъ у меня.

Но насъ стѣснялъ Лоховъ, который поджидалъ меня, чтобы вмѣстѣ итти въ казармы, и, не понимая, почему мы медлимъ подъ дождемъ, повторялъ:

— Не безпокойтесь, ваше благородіе! Ни одной нѣмецкой гнилушки на землѣ не осталось. Все собрали.

— Пусть остается съ нами,—сказалъ французъ:—только ради Бога скорѣе. Другого такого дня я не вынесу.

Я подозвалъ сибиряка.

— Мы собрались бѣжать! Желаешь остаться здѣсь, или пойдешь съ нами?

— А когда бѣжать?

— Сейчасъ!

— Слушаю.

Блэкъ уже былъ наверху перваго ящика; онъ неосторожно задѣлъ за крышку, которая, какъ мнѣ показалось, захлопнулась надъ нимъ съ такимъ ужаснымъ грохотомъ, который долженъ былъ обратить на насъ вниманіе всѣхъ сторожей. Минуту я ждалъ, затаивъ дыханіе, но изъ погреба доносился лишь пьяный, шумный споръ.

Мы съ Лоховымъ забрались въ одинъ ящикъ, укрылись мокрой соломой и, боясь разговаривать даже шопотомъ, дождались, пока загремѣли желѣзныя двери погреба и послышались тяжелые удаляющіеся шаги солдатъ. Напряженіе, которое я до боли испытывалъ во всемъ тѣлѣ, разомъ упало и смѣнилось усталостью и равнодушіемъ ко всему окружающему. Кажется, если бы раскрылась крышка ящика и надъ нами показалась голова Шольца, то и тогда я не имѣлъ бы силъ пошевельнуть рукой или ногой. Помню, что такое же состояніе я испыталъ, когда остался раненымъ въ десяти шагахъ отъ нѣмецкихъ окоповъ, гдѣ и пролежалъ всю ночь. Лоховъ о чемъ-то спрашивалъ, я ему машинально отвѣчалъ, потомъ, должно-быть, заснулъ, и когда открылъ глаза, кругомъ былъ все тотъ же давящій, непроницаемый мракъ. Но кругомъ позозки слышались голоса и какое-то движеніе.

— Запрягаютъ!—прошепталъ Лоховъ.—Сейчасъ поѣдемъ!

— Но вѣдь еще ночь!

— Давно разсвѣло. Вотъ посмотрите!

Онъ осторожно отодвинулся и указалъ на чуть замѣтную полоску дневного свѣта, проникавшаго черезъ узкую щель. Было слышно, какъ подвели лошадей. Внезапно ящикъ вздрогнулъ и покачнулся.

— Возьмите мѣшки!—закричалъ унтеръ-офицеръ. Кто-то вскочилъ на телѣгу, и, прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить, что происходитъ, со стукомъ поднялась крышка, мы увидѣли клочокъ голубого неба, и чей-то голосъ крикнулъ:

— Давай!

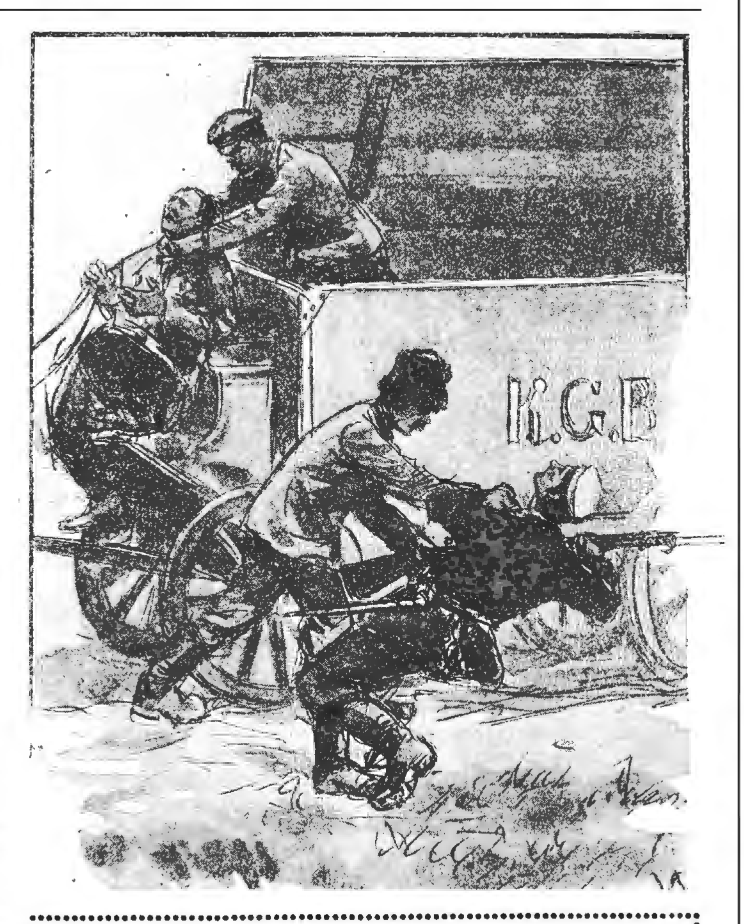
На насъ упала связка мѣшковъ, и крышка захлопнулась. Повозки одна за другой двинулись къ воротамъ, и въ ту же минуту глухо зазвучалъ колоколъ, будившій плѣнныхъ. Отъ волненія я не могъ лежать и сѣлъ, опираясь о стѣнку нашей клѣтки. Проѣхали ворота, туннель; я слышалъ, какъ загремѣли сзади насъ запоры, и мы очутились за валами и рвами тюрьмы. Въ эту минуту мнѣ хотѣлось смѣяться, плакать и кричать отъ радости. Я отлично представлялъ себѣ то мѣсто, гдѣ мы находились. Желтое шоссе, описывая огромную дугу, тянется среди ярко-зеленой равнины. Справа видны туманныя очертанія церквей, домовъ и башенъ Бремена, а налѣво, на горизонтѣ, за желѣзнодорожной насыпью чернѣютъ небольшія рощицы, и за ними поднимается нѣсколько тонкихъ фабричныхъ трубъ. Я прильнулъ къ щели въ полу и съ наслажденіемъ слѣдилъ за мелькающими камнями, усѣянными ржавымъ пескомъ.

Одинъ изъ солдатъ шелъ рядомъ съ нашей повозкой и разговаривалъ съ кучеромъ. Отчетливо слышалось каждое слово.

— Мнѣ сорокъ лѣтъ,—говорилъ солдатъ.—Трудно въ такіе годы привыкать къ военной службѣ. Но хуже всего, что у меня дома не осталось ни хлѣба ни денегъ! А тамъ пятеро дѣтей, жена и мать. И что же ты думаешь? Сами голодаютъ, а мнѣ прислали фуфайку и чулки. Я написалъ, понятно, что мнѣ ничего здѣсь не нужно. И когда только окончится эта проклятая война!..

Лоховъ осторожно дотронулся до моей руки.

— Ѳедоръ Кирилловичъ, я возьму себѣ того, что идетъ по дорогѣ, а вы—кучера! Отсюда вамъ будетъ способно. Подниметесь, зажмете ему глотку, только и всего!..



„Я вскочилъ и охватилъ обѣими руками коричневую, мускулистую шею солдата, сидѣвшаго впереди"...

При этихъ словахъ мое радостное, приподнятое настроеніе разомъ исчезло. Я сѣлъ на кучу мѣшковъ и, съ сильно бьющимся сердцемъ, ждалъ сигнала Круазье. Не знаю, отъ голода или отъ качки и духоты меня тошнило, слегка кружилась голова, и было такое чувство, какъ будто я стою на узкомъ карнизѣ, смотрю въ бездонную пропасть и жду призыва изъ ея глубины. Мимо насъ промчался чей-то автомобиль, оглушивъ пронзительнымъ ревомъ сирены, и когда вдали затихъ его шумъ, раздался крикъ, остановившій біеніе моего сердца:

— Блэкъ!! Вагановъ!! Сюда!

Мгновенно распахнулась крышка, и Лоховъ однимъ прыжкомъ очутился на дорогѣ. Я вскочилъ, ослѣпленный яркимъ свѣтомъ, и охватилъ обѣими руками коричневую, мускулистую шею солдата, сидѣвшаго впереди. Этотъ человѣкъ былъ значительно сильнѣе меня, но внезапность нападенія такъ его ошеломила, что онъ и не подумалъ защищаться и, запрокинувъ голову, смотрѣлъ на меня широко раскрытыми стеклянными глазами. Блэкъ ударилъ кулакомъ по головѣ передняго солдата, который лежалъ теперь среди дороги, откинувъ правую руку. По его лицу стекала тонкая струйка крови. Рядомъ съ канавой возились Лоховъ и третій солдатъ. Сибирякъ одной рукой держалъ ружье, которое не выпускалъ нѣмецъ, а другой наносилъ своему высокому, дюжему противнику частые удары въ грудь.

— Но вѣдь я же сдаюсь! Я сдаюсь! Я не сопротивляюсь!—повторялъ нѣмецъ послѣ каждаго удара.—У меня дома дѣти!.. Боже мой, зачѣмъ вы меня убиваете!..

— Отдай ружье, собака! Ружье отдай! — по-русски кричалъ Лоховъ.—Никто тебя убивать не будетъ!

Блэкъ былъ уже сзади, и черезъ минуту я услышалъ голосъ Круазье:

— Все кончено! Выпустите его! Теперь онъ не опасенъ.

Я разжалъ руки, и нѣмецъ, глубоко вздохнувъ, выпрямился, взялъ вожжи и молча смотрѣлъ на насъ. Блэкъ съ такой силой рванулъ ружье у солдата, съ которымъ боролся Лоховъ, что оба они, и сибирякъ и нѣмецъ, упали на дорогу.

— Скорѣй, ради Бога скорѣй!—повторялъ Круазье.

Мы погнали лошадей въ болото, въ густую чащу кустарника и осоки. Блэкъ перенесъ двухъ оглушенныхъ имъ солдатъ подальше отъ дороги. Тутъ мы связали всѣхъ четырехъ нѣмцевъ обрывками вожжей, заткнули имъ рты и оставили лежать въ густой заросли вереска.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣтъ ли письма отъ сына? Изъ книги К. Чуковскаго «Заговорили молчавшіе» — «Томми Аткинсъ на войнѣ».

Книга объ англійскомъ солдатѣ.

(К. Чуковскій. „Заговорили молчавшіе" — „Томми Аткинсъ на войнѣ". Петроградъ. 1915. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Ц. 1 р.).

Знаемъ ли мы англійскаго солдата, нашего союзника и друга? Знакомъ ли намъ собирательный образъ его?

Нѣтъ, мы не могли похвалиться этимъ знакомствомъ. Мало того, мы просто не могли представить (конечно, до войны), что у англичанъ есть солдаты. До такой степени незначительную роль для насъ игралъ въ жизни этой страны „Томми Аткинсъ"—такимъ общимъ условнымъ именемъ англичане окрестили своего „рядового Иванова".

Только-что вышедшая книга К. Чуковскаго „Заговорили молчавшіе" знакомитъ насъ съ Томми Аткинсомъ, такимъ образомъ, едва ли не впервые. Способъ ознакомленія избранъ авторомъ довольно своеобразный: онъ заставляетъ солдата говорить самолично—цитируя во множествѣ солдатскія письма. Этимъ письмамъ К. Чуковскій придаетъ особое значеніе: по его мнѣнію, еще никогда голосъ солдата не раздавался такъ громко, какъ въ нынѣшнюю войну. Мало того, голосъ этотъ и вообще никогда дотолѣ не раздавался. Солдаты молчали. Армія всегда считалась „великой молчальницей". Но вотъ наступила великая война, и произошелъ какой-то еще недостаточно изслѣдованный сдвигъ въ народной душѣ. И „молчавшіе заговорили". „Солдатскія письма — созданіе нашей эпохи,—говоритъ К. Чуковскій.—Прежніе вѣка ихъ не знали. Не то, чтобы ихъ не было раньше, но раньше они были курьезъ, раритетъ, а теперь — бытовое явленіе".

Дѣло не въ отдѣльномъ солдатскомъ письмѣ, какъ бы оно ни было занимательно, а въ цѣлой Ніагарѣ этихъ писемъ, затопившихъ собою весь міръ. Въ молчаніи, безъ рѣчей, какъ нѣмые, прошли по кровавымъ полямъ ратники московскихъ царей, легіонеры Цезаря, ландскнехты, конквистадоры, гунны—и вотъ, наконецъ-то, черезъ тысячи лѣтъ, впервые обрѣли свой голосъ. Заговорила „святая скотинка" всѣми милліонами глотокъ. Исторія сохранила для насъ лишь голоса полководцевъ, ихъ крылатыя слова и приказы, а къ „пушечному мясу" не прислушивались, ибо „пушечное мясо" молчало. Теперь же, напротивъ, молчатъ полководцы, окутанные непроницаемой тайной, молчатъ и Китченеръ, и Жоффръ, и Френчъ, но галдятъ, галдятъ оглушительно, какъ на грандіознѣйшей ярмаркѣ, тѣ многомилліонныя сонмища, которыя они ведутъ за собой.

— Намъ не нужно Гомеровъ и Тассовъ, мы будемъ сами Гомерами!—сказали эти милліоны людей, и милліонами перьевъ на милліонахъ клочковъ пишутъ свою „Иліаду".

Далѣе авторъ сравниваетъ письма русскихъ солдатъ съ англійскими. Сравненіе очень интересное, ибо оно вмѣстѣ съ тѣмъ является сравненіемъ души двухъ народовъ. Русской душѣ свойственны мечтательность, фантазерство, пренебреженіе точностью факта, склонность къ эпической поэзіи. У англичанъ наоборотъ: ни единой поэтической нотки, но вездѣ и всюду точно установленный сухой фактъ, который можетъ служить матеріаломъ для исторіи и даже частичкой самой исторіи. К. Чуковскій даже находитъ въ письмахъ русскихъ солдатъ своеобразный стихотворный ритмъ, каданcъ, пѣсенный былинный складъ. Многія письма русскихъ солдатъ съ войны написаны даже сознательно въ видѣ риѳмованныхъ частушекъ.

Въ англійскихъ письмахъ нѣтъ и тѣни чего-либо подобнаго. „Тамъ почти всегда протоколъ,— говоритъ авторъ.— Такого-то числа, въ такомъ-то мѣстѣ, приключилось то-то и то-то". И если къ русскимъ письмамъ (и разсказамъ устнымъ) слѣдуетъ обращаться для того, чтобы выяснить психологію солдата, къ англійскимъ можно обращаться, по мнѣнію К. Чуковскаго, для точнаго установленія датъ, фактовъ, обстоятельствъ. Одни письма—эпосъ, другія—исторія.

Однако, исторія далеко не всегда протокольная. Живая душа англичанина даетъ себя чувствовать и въ этихъ обстоятельныхъ и не признающихъ никакой фантастики и поэзіи письмахъ. Въ нихъ сказывается поразительная душевная бодрость, свѣжесть и сила человѣка, закаленнаго въ спортѣ и привыкшаго къ высокой оцѣнкѣ своей гражданской личности. Въ нихъ много кромѣ того и интересныхъ фактическихъ подробностей. Не даромъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ, какъ говоритъ К. Чуковскій, печаталась цѣлая повѣсть, сплошь составленная изъ солдатскихъ писемъ.

Этими письмами, собранными изъ книжекъ, газетъ и брошюръ, К. Чуковскій иллюстрируетъ нѣкоторые эпизоды кампаніи. Его книга такимъ образомъ носитъ до извѣстной степени компилятивный характеръ, но авторъ вездѣ оставляетъ за собою право „послѣдняго слова", т.-е. своихъ выводовъ, сравненій, резюмэ. Съ нѣкоторыми очерками К. Чуковскаго читатели „Нивы" уже знакомы, такъ какъ они впервые появились на страницахъ нашего журнала.

Большой интересъ представляетъ повѣствованіе о набѣгѣ англійскаго флота на гельголандскую бухту (какъ извѣстно, набѣгъ этотъ кончился разгромомъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ судовъ). Это повѣствованіе, пропущенное сквозь призму солдатскихъ писемъ, подтверждаетъ все вышесказанное о характерѣ такихъ писемъ, объ ихъ фактической обстоятельности и точной передачѣ внѣшней стороны факта. Но кромѣ того въ нихъ чувствуется еще одна нотка, тоже специфически свойственная англичанамъ: нотка живого юмора.

Комната для зубовнаго скрежета въ одномъ изъ берлинскихъ клубовъ. Даже на пивныхъ кружкахъ начертано: „Gott strafe England", даже граммофонъ играетъ Гимнъ Ненависти. Шаржъ Лео Чина въ журналѣ „The Bystander". Иллюстрація изъ книги К. Чуковскаго „Заговорили молчавшіе"—„Томми Аткинсъ на войнѣ".

Вотъ, напримѣръ, цитируемое К. Чуковскимъ письмо матроса Вильсона своей женѣ:

„Я только о томъ и мечтаю, чтобы весь непріятельскій флотъ вышелъ сразиться съ нами. Тогда бы мы скоро вернулись домой. Стрѣляютъ они дрянно, а наши безъ промаха. Оттого-то проклятые и спрятались: боятся, и носу не высунутъ. Пришлось намъ выкуривать ихъ изъ норы. Все ихъ море усѣяно минами. Наткнешься — и капутъ! Командиръ истребителя „Liberty“ вызвалъ изъ своей команды охотниковъ: не согласится ли кто вмѣстѣ съ нимъ пробраться въ самую Кильскую гавань, въ гости къ нѣмцу, и каждый отвѣтилъ „согласенъ!“, хотя это сулило ему вѣрную смерть. И они-таки пробрались туда, къ самымъ гельголандскимъ фортамъ, и продырявили нѣсколько крейсеровъ. Нѣмецъ выпустилъ въ нихъ такую гибель снарядовъ, что могъ бы потопить цѣлый флотъ. И такъ какъ у нашихъ запасы подходили къ концу, то поневолѣ пришлось уходить. Они уже повернули назадъ, вдругъ налетаетъ шрапнель, сбиваетъ мачту, убиваетъ наповалъ командира и трехъ человѣкъ изъ команды. Штурманъ, хотя и раненый, принимаетъ на себя управленіе судномъ и благополучно выводитъ его изъ опасности. Мы молимъ Бога, чтобы даровалъ намъ побѣду. Мы побѣдимъ непремѣнно, ибо въ нашемъ флотѣ у каждаго Джэка воистину львиное сердце“.

Другой матросъ пишетъ:

„Наконецъ-то мы добрались до нѣмцевъ. Дѣло было жаркое, ей-Богу! Семь часовъ длился бой. Мнѣ было очень пріятно глядѣть, какъ четыре нѣмецкихъ судна другъ за дружкой погружались на дно. Каждую минуту могъ прійти нашъ чередъ: снаряды такъ и летали вокругъ. Но всѣ наши были очень спокойны, словно это не война, а маневры. Смѣялись, шутили, острили, думали лишь объ одномъ: насолить бы нѣмцу получше. И насолили отлично: враги потеряли около 1.500 человѣкъ“.

Еще одинъ участникъ боя рисуетъ настоящую жанровую сценку во время боя:

„Во время всего боя нашъ милый котенокъ сидѣлъ подъ самымъ переднимъ орудіемъ и не боялся нисколько. Только первый выстрѣлъ напугалъ его чуточку, а потомъ онъ все сидѣлъ и умывался“.

Настоящая идиллія!

Ни эпическихъ картинъ ни поэзіи въ этихъ письмахъ нѣтъ. Но зоркая наблюдательность спокойнаго и физически-крѣпкаго нервами человѣка сквозитъ здѣсь на каждомъ шагу. Такія же впечатлѣнія мы выносимъ и изъ чтенія другихъ приводимыхъ К. Чуковскимъ писемъ. Вотъ еще примѣръ: солдатскія воспоминанія о трагической битвѣ подъ Монсомъ, гдѣ погибло такъ много гордыхъ сыновъ Альбіона.

Послѣдній снарядъ. Иллюстрація изъ книги К. Чуковскаго „Заговорили молчавшіе“—„Томми Аткинсъ на войнѣ“.

Нѣмецкій солдатъ подходитъ въ сочельникъ къ окопамъ съ маленькой елкой въ рукѣ. Иллюстрація изъ книги К. Чуковскаго „Заговорили молчавшіе“—„Томми Аткинсъ на войнѣ“.

Это была первая битва, въ которой англичане приняли участіе. Здѣсь они получили свое боевое крещеніе въ разразившейся страшной всеевропейской войнѣ. Томми Аткинсъ у Монса впервые встрѣтился лицомъ къ лицу съ боевой обстановкой и... со смертью.

Нѣмцы обрушились на небольшой англійскій отрядъ, какъ лавина. „И откуда ихъ столько бралось? — пишетъ одинъ солдатъ.—Словно изъ земли выростали“. „Гдѣ упадетъ одинъ, тамъ появляется сотня“, — пишетъ другой Томми Аткинсъ. „Сказать ли вамъ, что сталось съ нашимъ полкомъ?—прибавляетъ рядовой Коксъ.—На перекличкѣ отозвалось только трое: я да еще двое раненыхъ“. Съ поразительнымъ хладнокровіемъ разсказываетъ еще одинъ англійскій воинъ о трагическомъ эпизодѣ сраженія, когда маленькій англійскій отрядъ стоялъ неподвижно подъ страшнымъ огнемъ нѣмцевъ, не имѣя возможности даже обороняться, такъ какъ всѣ орудія англичанъ были подбиты нѣмцами. „Отступать было некуда, ибо наши, когда отходили, взорвали за собою мостъ. Мы рѣшили продать свою жизнь недешево, завинтили штыки, и на нихъ! Солдаты поражали безстрашіемъ, но падали подъ пулями, какъ кегли...“ И далѣе: „...Жители мнѣ потомъ сообщили, что вокругъ моста нашли до 5.000 убитыхъ нѣмцевъ и 60 англичанъ. Эти-то 60 человѣкъ и составляли почти весь нашъ отрядъ. Лежа на травѣ, я почувствовалъ, что весь рукавъ у меня полонъ крови. Я понялъ, что мнѣ повредили артерію... Когда я лежалъ на землѣ, нѣмцы все время палили въ меня, желая прикончить раненаго. Но одна пуля наткнулась на саблю, скользнула по ней и отскочила прочь. Другая пуля влетѣла ко мнѣ въ карманъ, но, наткнувшись на какую-то жестянку, тоже не причинила вреда. Впослѣдствіи я узналъ, что оба стекла въ моемъ биноклѣ тоже пробиты пулями...“

И все это разсказывается хладнокровно, обстоятельно, съ точнымъ указаніемъ, что за чѣмъ слѣдовало, сколько пуль попало въ автора письма, и куда какая изъ нихъ угодила... И какой объективизмъ изложенія! Какъ будто рѣчь идетъ о комъ-то совершенно постороннемъ. Правъ К. Чуковскій, говоря, что только могучей душѣ доступенъ такой лаконизмъ.

А юморъ? Отрѣзали одному ирландцу руку, на которой была нататуирована бабочка. Онъ съ огорченіемъ вздохнулъ... О рукѣ? Нѣтъ, о бабочкѣ:

— Другой такой бабочки я уже вѣкъ не увижу!

Оторвало у Томми палецъ, онъ шутитъ:

— И какъ это нѣмцы интересуются такимъ пустякомъ!

Неподалеку разорвалась граната. Камешки и комья земли попадаютъ солдату въ супъ. Вынимая ихъ, онъ говоритъ:

Я пришелъ сражаться за бельгійскую землю, но не ѣсть ее...

Въ другихъ очеркахъ К. Чуковскій рисуетъ намъ англійскую жизнь не на войнѣ, но дома, въ Англіи, — жизнь, въ которой личность Томми Аткинса однако занимаетъ теперь самое главное мѣсто. Онъ разсказываетъ намъ, какъ производятся въ Англіи наборы солдатъ, какіе способы придуманы для того, чтобы Томми почувствовалъ себя обязаннымъ немедленно записаться на военную службу.

Въ этихъ сжатыхъ и яркихъ, живыхъ и остроумныхъ очеркахъ талантливый авторъ рисуетъ Томми Аткинса и все то, что окружаетъ теперь его въ современной англійской общественности. Книга К. Чуковскаго даетъ живое представленіе о той сторонѣ великой трагедіи, какая до сихъ поръ была намъ недостаточно видна: объ участіи англичанъ въ современной войнѣ, о томъ, какъ они восприняли войну, какъ отозвались на нее, и что такое, по своему существу, стремленіямъ, привычкамъ и обиходу тотъ многоликій Томми Аткинсъ, которому первому пришлось фактически стать предъ лицомъ войны...

Ихъ было двое...

Душѣ сегодня небо голубое
Не кажется веселымъ, какъ всегда...
Въ душѣ сегодня теплится звѣзда
Воспоминаній:
Да. Ихъ было двое...
Одинъ—веселый, праздничный, прекрасный.
Другой—тосклив, какъ сказки нѣжной дымъ.
Былъ первый—принцъ ея тревоги ясной...
Другой былъ не любимъ...
И вотъ, когда звалъ долгъ итти на службу
Великой Родинѣ, пришелъ въ слезахъ второй.
Онъ умолялъ ее хоть розовую дружбу
Оставить для него. Вѣдь онъ идетъ на бой!
Она, смѣясь, его благословляла...
Шалила иглами остриженныхъ волосъ.
А онъ таилъ въ душѣ любовной муки жало
И впитывалъ любви непонятой наркозъ...
Прошло не мало дней...:
Въ волнующей надеждѣ
Она кружилась съ тѣмъ, кто ею былъ любимъ...
Жила, смѣясь. Была такой, какъ прежде,
И «онъ» такимъ же былъ: «завитый херувимъ».
Но вотъ вчера она прочла въ газетѣ,
Что «тотъ» — непонятый — врагами былъ убитъ...
И грусть, раскинувъ траурныя сѣти,
Сковала мозгъ, какъ влагу сталактитъ...
«Поручикъ Н. пріялъ вѣнецъ героя»...
О, какъ груба она была тогда!..
Въ душѣ сегодня — скорбная звѣзда
Воспоминаній:
Да. Ихъ было двое...

Осеннимъ утромъ, долго, не одѣта
Бродитъ по саду мерзлому, одна...
Ея душѣ понятна скорбь поэта,
Который пѣлъ: Война, Война, Война!..

Когда легли луны осенней пятна,
«Цвѣты прислали вамъ», — слуга пришелъ сказать...
Букетъ отосланъ ею былъ тотчасъ обратно,
И отданъ былъ приказъ: «его» не принимать...

Павелъ Орѣшниковъ.

Томми Аткинсъ учитъ французовъ своей любимой пѣснѣ „Типперери". Иллюстрація изъ книги К. Чуковскаго „Заговорили молчавшіе" — „Томми Аткинсъ на войнѣ".

Коммерческое предпріятіе.

Разсказъ **А. С. Грузинскаго-Лазарева.**

I.

Еще въ самомъ началѣ войны, выступая въ походъ, Гансъ Штюрке высоко поднималъ плечи, круто выпячивалъ грудь впередъ и чувствовалъ себя побѣдителемъ.

И не могъ себя чувствовать иначе вѣрный слуга своего кайзера, потому что весь Берлинъ и всѣ въ Берлинѣ, вся Германія и всѣ въ Германіи чувствовали себя побѣдителями. И прежде всѣхъ самъ кайзеръ.

Онъ носился по Берлину въ автомобилѣ съ самымъ побѣднымъ видомъ и бросалъ въ народъ могучія слова о будущихъ могучихъ побѣдахъ, и даже рожокъ автомобиля трубилъ побѣдную пѣснь.

Все, рѣшительно все было за побѣду.

Германскій народъ уже началъ войну рядомъ побѣдъ. Въ самомъ Берлинѣ. Онъ билъ тростями и зонтами ненавистныхъ французовъ и еще болѣе ненавистныхъ русскихъ медвѣдей, ухитрившихся захватить одну пятую земли на всемъ земномъ шарѣ, въ то время какъ избранная, по словамъ кайзера, самимъ Богомъ великая нѣмецкая нація шла къ тому, чтобы сажать картофель на крышахъ своихъ убогихъ хижинъ! Нѣмецкій народъ уже началъ побѣждать этихъ сѣверныхъ дикарей: при отъѣздѣ русскаго посольства кому-то проломили голову, кому-то сломали руку, бросали грязью и плевали въ посольскій автомобиль. Конечно, всего проще было бы ихъ повѣсить. Но это не принято: по международному обычаю особы пословъ священны. Этого обычая нѣмцы еще не рѣшались тогда нарушить.

Объ Англіи Гансъ Штюрке думалъ въ тѣ дни то же, что и всѣ въ Берлинѣ:

„Англія не двинетъ пальцемъ! Англія сохранитъ нейтралитетъ".

Всѣ въ Берлинѣ думали только о побѣдахъ, привѣтствовали войска, какъ будущихъ побѣдителей, и отъ криковъ „hoch!" главному побѣдителю-кайзеру можно было оглохнуть. А какъ красиво былъ расцвѣченъ, разубранъ, разукрашенъ флагами, знаменами, коврами Берлинъ! Такую роскошь красокъ можно было увидѣть еще только въ

театрѣ при постановкѣ восточной феерiи, гдѣ тяжело ступаютъ, чуть не продавливая полъ, многопудовые слоны, и пляшутъ цѣлыя сотни почти обнаженныхъ баядерокъ.

Берлинцы кричали кайзеру „hoch!“, а войска все шли, все шли, все шли на вокзалы,—такія же тяжкія, такія же могучія, какъ слоны въ феерiи, и казалось невозможнымъ, казалось безуміемъ, чтобы имъ кто-нибудь могъ противостоять, и чтобы они не могли смести всего, что имъ станетъ на дорогѣ.

Развѣ у жалкихъ французовъ, у дикарей-русскихъ есть такія войска? Развѣ у нихъ есть такія пушки?

А цеппелины?

А могучій, второй въ мірѣ, флотъ?

У кого изъ враговъ есть такой флотъ и такіе цеппелины?

Кромѣ того, враги еще не знаютъ, какой сюрпризъ поднесетъ имъ кайзеръ, когда начнется осада крѣпостей.

Враги ничего не знаютъ, но имъ, солдатамъ кайзера, кое-что шепнули. Они кое-что знаютъ.

Кайзеръ преподнесетъ врагамъ такую пушечку, какихъ еще никогда ни у кого не было да и не будетъ.

Бьетъ на 50 километровъ и снарядъ шлетъ въ двѣ тонны вѣсомъ. Кто и когда видѣлъ что-нибудь такое? Любую глыбу бетона или стали на фортѣ срѣжетъ такъ, какъ будто она изъ масла...

Изобрѣтеніе русскаго солдата. Тихонъ Кавунъ приспособилъ реквизированные котлы отъ спирта для хлѣбныхъ печей. Печи Кавуна, весьма легкія (21 п.), удобныя для перевозки, пріобрѣли популярность на войнѣ.

II.

Прощаясь съ женой, Гансъ Штюрке говорилъ бодро и весело:

— Не плачь, Каролинхенъ! Стыдно. Будь умной нѣмецкой женщиной. Развѣ это война? Это парадъ, маршировка, прогулка по аллеѣ побѣдъ. Не больше. Такъ говоритъ кайзеръ. Кайзеръ знаетъ положеніе дѣлъ. Мы идемъ во Францію черезъ Бельгію. Ближайшимъ путемъ. Бельгія нейтральна, но чихать мы хотѣли на ея нейтралитетъ.

— А если тебя убьютъ, Гансъ?

— Вздоръ. На то, чтобы убить человѣка, да еще такого молодца, нужно время, а у французовъ не будетъ на это времени. Да. Черезъ четыре недѣли мы возьмемъ Парижъ. Когда же тутъ? Французамъ хватитъ времени ровно на столько, чтобы готовить намъ контрибуцію.

Гансъ поправилъ усы, такъ же гордо смотрѣвшіе вверхъ, какъ усы самого кайзера, и добавилъ:

— Да, черезъ четыре недѣли Парижъ будетъ нашъ, и Франція будетъ просить униженно мира, а еще черезъ четыре недѣли мы разобьемъ Россію и займемъ Петербургъ.—Гансъ чуть-чуть задумался и сказалъ дѣловито: — Впрочемъ, нѣтъ: четырехъ недѣль мало, чтобы разбить Россію. Россію мы разобьемъ въ шесть недѣль. Россія слабая, но большая страна. Россія колоссъ, хотя и на глиняныхъ ногахъ. Русскіе солдаты—плохіе солдаты, но ихъ много. Итакъ, Россію мы разобьемъ въ шесть недѣль. Шесть да четыре — десять, да еще недѣлю проѣдемъ назадъ, значитъ, нужно считать одиннадцать недѣль. Ну, еще недѣлю причтемъ на всякій случай: поѣзда будутъ заняты перевозкой милліардовъ контрибуціи или еще чѣмъ-нибудь. И все же черезъ три мѣсяца, Каролинхенъ, я возвращусь въ Берлинъ. Много ли времени въ трехъ мѣсяцахъ? Какихъ-нибудь 90 дней! Ты не успѣешь и соскучиться безъ меня, какъ я уже буду дома.

Изобрѣтеніе русскаго солдата. Сборка печей Тихона Кавуна.

Какъ умная нѣмецкая женщина, Каролинхенъ вытерла слезы. А Гансъ Штюрке подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и сказалъ:

— Сиди по утрамъ, пей кофе да поджидай.

— Писемъ?

— Да, и писемъ и... получше чего-нибудь. Было бы глупо воевать даромъ. Фатерландъ возьметъ и земли и контрибуцію, ну, и мы, его дѣти, тоже должны получить что-нибудь хорошее. Сердце говоритъ мнѣ, что вмѣсто мельхіоровыхъ ложекъ у насъ будутъ тяжелыя серебряныя ложки послѣ войны. Серебряныя блюда къ серебрянымъ ложкамъ, а изъ Россіи серебряный самоваръ.

У Каролинхенъ отъ удовольствія вспыхнули щеки.

— А развѣ это можно? — съ пугливой надеждой спросила она.

Гансъ Штюрке не только подмигнулъ глазомъ, но даже прищелкнулъ языкомъ.

— На войнѣ, какъ на войнѣ! — сказалъ онъ. — Я же говорю, что глупо воевать даромъ. Мы, нѣмцы, не способны на войну за какіе-то тамъ идеалы. Война, это—коммерческое предпріятіе, а каждое коммерческое предпріятіе должно приносить барыши. Хорошее — больше, плохое—меньше. Война будетъ нашимъ хорошимъ коммерческимъ предпріятіемъ, и если...—Онъ подумалъ и добавилъ тихо:—Если гдѣ-нибудь будетъ по случаю дешево продаваться, ты купи себѣ, Каролинхенъ, еще одинъ шкапъ для вещей. Нѣтъ, одного мало. Купи два шкапа.

Глаза его вспыхнули алчностью, которой позавидовалъ бы голодный волкъ, хотя Гансъ Штюрке былъ сытый розовый нѣмецъ, и онъ сказалъ, уже не стараясь понижать голосъ:

— Купи три шкапа!

А затѣмъ Гансъ Штюрке былъ посаженъ на поѣздъ и увезенъ изъ Берлина въ Бельгію, чтобы, пройдя черезъ эту крохотную страну, въ четыре недѣли взять Парижъ и гордымъ побѣдителемъ торжественно вступить въ столицу Франціи.

III.

Однако „могучей“ германской арміи не удалось въ четыре недѣли взять Парижъ и завоевать всю Францію. Напротивъ, отъ Парижа ей пришлось отойти вспять съ поджатымъ хвостомъ, какъ побитой собакѣ. Но Гансъ Штюрке не терялъ бодрости. Онъ былъ доволенъ.

„Мы хорошо воюемъ! — писалъ онъ женѣ. — Въ моемъ походномъ ранцѣ лежитъ дюжина такихъ серебряныхъ ложечекъ, которыя, милая женка, не снились тебѣ во снѣ. Ручаюсь, тебѣ будутъ завидовать и гордячка Мюллеръ и Амалія изъ пятаго этажа. Къ сожалѣнію, это только чайныя, а не столовыя ложки. Но будемъ ждать: въ свое время явятся и столовыя. Война еще только началась“.

Изобрѣтеніе русскаго солдата. Полевыя хлѣбопекарни Тихона Кавуна.

Кавказскій фронтъ. На границѣ Персіи. Наша кавалерійская дивизія проходитъ подъ крѣпостью Хошабъ, построенной 500 лѣтъ тому назадъ армянскими царями. Теперь вокругъ развалинъ крѣпости раскинулись курдскія селенія.

Черезъ двѣ недѣли Гансъ Штюркс вновь писалъ въ Берлинъ: „Мы очень недурно воюемъ, Каролинхенъ! Посылаю тебѣ ко дню рожденія бокалъ. Онъ изъ серебра (золотой былъ бы лучше), но очень тяжелъ и, я думаю, стоитъ не менѣе двухсотъ марокъ. Ложки ты, надѣюсь, получила, хотя я еще и не имѣю отъ тебя извѣстія о нихъ. Помню, при прощаніи ты говорила, что столовыя лучше чайныхъ. Я и самъ знаю, что столовыя лучше, но... мы еще повоюемъ! Мюллеръ навоевалъ себѣ превосходные золотые часы, марокъ на четыреста. Не выводи изъ того, что, если у меня нѣтъ такихъ часовъ, то я плохо воюю. Дѣло въ томъ, что въ день, когда этотъ пройдоха добылъ часы, насъ держали въ резервѣ. Рота же Мюллера со штыковой атакой ворвалась въ городъ и взяла кое-что себѣ на память, посѣтивъ часовой магазинъ. Но это ничего: и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Мюллершѣ не говори про часы: пусть не деретъ носъ заранѣе. Мюллера могутъ убить, и она никакихъ часовъ не получитъ. Вообще, неизвѣстно еще, къ кому могутъ попасть эти часы. Наши роты иногда ходятъ вмѣстѣ въ атаку“.

Въ отвѣтъ на это письмо Каролина писала мужу: „Милый Гансъ! Я не думаю, что ты плохо воюешь, но, если ты вернешься безъ столовыхъ ложекъ, мнѣ будетъ очень стыдно. Стыдно за тебя. Фрау Шульцъ уже получила отъ мужа дюжину такихъ столовыхъ ложекъ, что, если ихъ разложить по столу, то можно ошалѣть. За столомъ коммерціи совѣтника не встрѣтить лучшихъ. А мужъ Агнесы прислалъ ей перстень съ большимъ брильянтомъ. На перстнѣ запеклась кровь, но вѣдь кровь, ты понимаешь, легко отмыть. Перстень очень хорошій... Я была бы счастлива, если бы у меня былъ такой. Ты не плохо воюешь, Гансъ, но я буду думать, что ты сталъ воевать еще лучше, если ты пришлешь мнѣ перстенекъ. Съ брильянтомъ. Если нельзя съ брильянтомъ, то хотя бы съ рубиномъ. Хорошъ и рубинъ. Всего бы лучше, конечно, если бы было и то и другое: въ серединѣ крупный брильянтъ, а кругомъ рубины помельче. Это очень красиво. У насъ говорятъ, что вамъ велѣно истреблять мирныхъ жителей и опустошать завоеванную страну. Если это вѣрно, то... Ты понимаешь, Гансъ: мертвому

Кавказскій фронтъ. На границѣ Персіи. Наша кавалерійская дивизія, состоящая подъ командой генерала Шарпантье, награжденнаго за боевыя отличія орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами, переправляется черезъ персидскую рѣку Джигита-чай.

Въ Дарданеллахъ. Турецкій развѣдчикъ, пойманный у англійскихъ траншей. Чтобы сдѣлаться незамѣтнымъ, турокъ обвязалъ вокругъ себя вѣтки и листья.

человѣку уже ничего не нужно. А среди нихъ вѣдь не мало и богатыхъ людей".

Мѣсяца черезъ два Ганса Штюрке перебросили на восточный фронтъ.

Недѣли черезъ три послѣ прибытія на восточный фронтъ онъ радостно писалъ Каролинѣ:

„Насъ передвинули въ Польшу. Везли насъ все время въ вагонахъ, и потому этотъ длинный путь ничуть не утомилъ меня. По прибытіи въ Польшу мы начали очень хорошо воевать. Если и дальше пойдетъ такъ же, то лучше желать нечего. Имѣй въ виду, женка, что ты можешь чувствовать, какъ будто перстенекъ уже у тебя на пальцѣ. Тотъ, о которомъ ты мечтала. Самого перстенька у меня нѣтъ, но у меня есть для него камни. А это главное. Золото же стоитъ пустяковъ. Вчера мы заняли одинъ изъ большихъ русскихъ городовъ. Ночевали въ какой-то церкви. Спать было тепло, потому что половину церкви офицеры велѣли отвести подъ конюшни. Изъ церковныхъ завѣсъ (въ русскихъ церквахъ на дверяхъ есть завѣсы) мы смастерили попоны для лошадей. Въ алтарѣ до полуночи у насъ шло пиршество, но я не забывалъ о тебѣ, Каролинхенъ. Когда товарищи перепились и заснули, я взялъ церковную книгу, которую раньше припряталъ, и выковырялъ изъ нея драгоцѣнные камни для твоего перстенька. А книгу бросилъ туда, гдѣ никому не придетъ охоты ее разыскивать. Товарищи не догадаются ни о чемъ. Нѣтъ, въ Польшѣ можно очень хорошо воевать".

Въ послѣднемъ письмѣ, полученномъ Каролиной въ Берлинѣ, Гансъ Штюрке писалъ:

„Каролинхенъ! Встань и прокричи трижды „hoch!" нашему кайзеру!

„Эта война — чертовски выгодное коммерческое предпріятіе, и нельзя воевать съ большею пользою, чѣмъ воюемъ мы, Каролинхенъ! У меня въ ранцѣ дюжина такихъ столовыхъ ложекъ, какихъ мы никогда не держали въ рукахъ. Изъ чистаго серебра! Ихъ бывшему владѣльцу онѣ больше не нужны. Ты совершенно справедливо писала, что мертвому человѣку ничего не нужно. Хотя, пока онъ былъ живъ, ему не хотѣлось ихъ отдавать. Еще бы! Такія прекрасныя ложки. На ложкахъ есть кровь, но ты же писала, что это ничего не значитъ: кровь можно отмыть или отчистить какимъ-нибудь порошкомъ. Встань же еще разъ и прокричи нашему кайзеру трижды „hoch!"

Каролина отвѣтила, что она страшно рада ложкамъ, но только тогда признаетъ войну выгоднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, когда получитъ серебряный самоваръ. И въ концѣ письма спрашивала, долго ли ждать ей.

Она ждала долго, дольше, чѣмъ думала, но не получила не только серебрянаго самовара, но даже и коротенькаго письма. Хотя бы открытки.

Дѣло въ томъ, что очень недурно начавшееся „коммерческое предпріятіе" какъ разъ въ это время нѣсколько измѣнило Гансу.

IV.

Въ темную февральскую ночь Гансъ Штюрке лежалъ на опушкѣ большихъ осыпанныхъ снѣгомъ лѣсовъ, безъ стона, безъ звука, неподвижный, похожій на трупъ.

Но Гансъ Штюрке не былъ трупомъ.

Онъ былъ раненъ, лежалъ долго безъ чувствъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его проткнулъ штыкъ какого-то бородатаго, показавшагося ему гигантомъ, русскаго солдата, и жизнь крайне медленно возвращалась къ нему.

Когда Гансъ Штюрке пришелъ въ себя, голова его наполнилась шумомъ и звономъ, хотя кругомъ было тихо, какъ въ могилѣ, и въ ушахъ загремѣли крики:

— Vorwärts! Vorwärts!

„Да, да!—вспомнилъ Гансъ Штюрке. — Все это было... Было когда мы шли въ штыковую атаку. Но этого уже нѣтъ. Атака кончилась. Сраженіе тоже кончилось. Всѣ ушли. Я остался, потому что раненъ".

Онъ хотѣлъ ощупать рану на груди, но не могъ поднять руки.

Хотѣлъ перелечь со спины на бокъ, но не могъ шевельнуться.

Въ первый разъ въ мозгу его мелькнуло сознаніе, что война не такое ужъ выгодное коммерческое предпріятіе, какъ онъ думалъ раньше, и, пожалуй, было бы лучше, если бы ихъ кайзеръ не начиналъ этой войны. Многіе товарищи по ротѣ давно уже „вышли" изъ этого, затѣяннаго кайзеромъ, коммерческаго предпріятія. Онъ старался не замѣчать этого. Давно исчезъ Мюллеръ, котораго онъ зналъ въ Берлинѣ. Онъ пожалѣлъ его исчезнувшіе вмѣстѣ съ нимъ золотые часы. Кто-то теперь владѣетъ его часами? Мысль о тяжелыхъ серебряныхъ ложкахъ пронизала его мозгъ.

„Здѣсь ли онѣ?"

Онъ чуть-чуть повернулъ голову и вздохнулъ съ облегченіемъ:

Въ Дарданеллахъ.
Англійскіе солдаты ведутъ турецкаго парламентера съ завязанными глазами черезъ свои линіи.

Въ Дарданеллахъ. Вагонетки, груженыя снарядами, отправляемыя къ англійскимъ батареямъ.

— Слава Богу! Мой ранецъ, кажется, здѣсь.

Соскочившій при его паденіи ранецъ дѣйствительно лежалъ возлѣ, онъ былъ такой тугой, такой полный на видъ, что едва ли изъ него что-нибудь брали. Тяжелыя серебряныя ложки должны были уцѣлѣть.

И Штюрке уже не показалось такимъ грустнымъ его положеніе.

Его раны болѣли и ныли—онъ почувствовалъ, что есть еще рана и на ногѣ, но что же дѣлать? На войнѣ, какъ на войнѣ.

Теперь онъ лежитъ всѣми покинутый, брошенный, но затѣмъ придутъ санитары, подберутъ его, Ганса Штюрке, снесутъ въ лазаретъ, начнутъ лѣчить. И вылѣчатъ. У него крѣпкая натура. Онъ почти никогда не хворалъ. И онъ, Гансъ Штюрке, будетъ опять здоровымъ и бравымъ, хотя болѣе уже не пойдетъ на войну.

— Будетъ! Пусть лучше идутъ другіе!

А онъ, Гансъ Штюрке, уже повоевалъ, и хорошо повоевалъ.

Онъ началъ вспоминать, что принесла ему война, но сбился, запутался въ воспоминаніяхъ. И рѣшилъ:

— Знаешь что, Гансъ? Ты усталъ отъ боя, обезсилѣлъ отъ потери крови. Лучше-ка подремли!

Съ темнаго неба падали хлопья снѣга, но Гансу Штюрке не было отъ нихъ холодно. Ему было пріятно. Онъ открылъ ротъ и проглотилъ двѣ-три снѣжинки. Затѣмъ задремалъ.

Очнулся онъ отъ страннаго шороха.

Возлѣ него слышались осторожные, тихіе, почти беззвучные шаги.

„Санитаръ!“ — сквозь дрему подумалъ Гансъ Штюрке и хотѣлъ крикнуть, но что-то сдѣлалось съ его горломъ, что мѣшало ему даже стонать.

Да кричать было и безполезно.

Прямо на него шелъ не санитаръ, а матерой польскій волкъ. Волкъ подошелъ къ Гансу Штюрке и поставилъ свои могучія лапы на его разбитую грудь.

На одно мгновеніе большіе, круглые, расширившіеся отъ ужаса глаза волка-человѣка встрѣтились съ злыми глазами волка-звѣря; сквозь зубы волка-человѣка вырвался тихій стонъ; а затѣмъ все смолкло: волкъ-человѣкъ не могъ шевельнуться, и волкъ-звѣрь побѣдилъ.

Еще одинъ участникъ вышелъ изъ „коммерческаго предпріятія“ кайзера.

* * *

Павшихъ въ сраженьяхъ мы горько жалѣемъ,—
Мы и жалѣть ихъ должны...
Но, и жалѣя, проклясть мы не смѣемъ
Грозной войны.
Стоя надъ трупомъ погибшаго брата,
Видя пролитую кровь,
Будемъ мы вѣровать крѣпко и свято
Въ Божью любовь!

Скорбь непосильную Богъ не возложитъ
И на былинку въ поляхъ...
Радость о Господѣ все превозможетъ
Въ нашихъ сердцахъ!
Встрѣтимъ безъ ужаса грозныя битвы,
Встрѣтимъ безъ ропота смерть!
Ласково приметъ земныя молитвы
Добрая твердь!

Александръ Тиняковъ.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ

„НИВА“

1916 г.

Подписная цѣна на годъ:

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **10 р.**

Въ Петроградѣ:		Безъ доставки:	
Безъ доставки	8 р. 50 к.	1) въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.	9 р. 25 к.
Съ доставкою	9 р. 50 к.	2) въ **Одессѣ:** въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ“.	9 р. 50 к.

Подробное объявленіе см. въ №№ 44 и 49.

52 №№ ЖУРНАЛА
52 КНИГИ, въ которыя войдетъ
40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“
вторая серія полн. собр. сочиненій **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА**
полное собраніе сочиненій **Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО**
новыя посмертныя сочиненія **А. П. ЧЕХОВА**
романъ Шарля де-Костэра **„БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“** «УЛЕНСПИГЕЛЬ»
12 книгъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній
2 генеральныя карты 2-хъ фронтовъ: 1) западнаго 2) западно-европейскаго театра воен. дѣйствій проф. Ю. М. Шокальскаго
12 №№ Новѣйшихъ Модъ ... 12 Листовъ Рукодѣльн. Работъ и Выкроекъ
1 Отрывной Ежемѣсячный Календарь на 1916 г.

Библиотека "Руниверс"

При этомъ № разсылается для иногороднихъ подписчиковъ, кромѣ Московскихъ, почтовый переводный бланкъ отъ газеты „Утро Россіи".

НИВА

№ 50.

12 Декабря 1915 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р.

А. Новоскольцевъ. Послѣднія минуты митрополита Филиппа. Русскій Музей Императора Александра III.

„Героиня".

Разсказъ **Ю. Свирской.**

I.

Ясно, что наша съ Мареушей „общественная дѣятельность" подходитъ къ концу: я тоже больше не могу просто силъ нѣтъ, до чего мнѣ надоѣли всѣ эти сборы, засѣданья, дамы-патронессы, шитье, нытье и сплетни!

Быть женщиной вообще незавидное счастье, а теперь, въ такое время, это невыносимо! Обиднѣе, глупѣе и безвыходнѣе нашего положенія я не могу себѣ представить. Насъ во всемъ стѣсняютъ, никуда не пускаютъ, отовсюду гонятъ, предоставляя на нашу долю скучную, тяжелую и грязную работу. Если мы просто женщины, т.-е. остались, несмотря на войну, въ своемъ первоначальномъ видѣ, намъ предоставляется въ лучшемъ случаѣ сидѣть и ждать у моря погоды: можно для разнообразія безпокоиться, терзаться и предрѣшать судьбу: „ахъ, убитъ... ахъ, раненъ... въ плѣну... пропалъ безъ вѣсти... заболѣлъ... измѣнилъ..." а затѣмъ плакать, рыскать по братскимъ могиламъ, хоронить, самимъ умирать съ голода и биться отъ отчаянья головой объ стѣнку.

Но если мы, Боже упаси, жаждемъ болѣе близкаго, широкаго и активнаго общенія съ войной, то не угодно ли большинству итти въ „сестрицы", и тутъ на васъ сейчасъ же обрушиваются всевозможныя непріятности и невзгоды: обидные уставы, безсмысленныя правила, старшія сестры, герметичныя косынки, считающія неприличнымъ даже уши, а въ видѣ компенсаціи - мытье половъ, больныхъ и ночныя дежурства: и все это, замѣтьте, для большинства вдали отъ настоящей жизни, потому что „туда", на позиціи, и сестеръ не пускаютъ.

Легче въ рай попасть... Замѣтьте тоже, что при малѣйшемъ поводѣ, за пряжку на туфлѣ, за веселые глаза, или за то, что отъ нея пахнетъ духами „quelques fleurs", а не честнымъ потомъ, она попадаетъ въ опалу; не говоря уже о прочихъ женскихъ и столь понятныхъ проявленіяхъ... о, тогда на нее выливаются цѣлые потоки сплетенъ... Она должна быть каменной, святой, питаться кореньями и смотрѣть въ небо.

Скажите, пожалуйста! Какъ будто сестра по существу не есть ультра-женщина, какъ воинъ, солдатъ... есть ультра-мужчина.

Да... наши дѣла теперь обстоятъ прескверно, особенно, когда имѣешь, какъ я, несчастье быть не только просто женщиной, а къ тому же еще „дамой", во всемъ ужасномъ значеніи этого ужаснаго слова: я дама, у меня мужъ съ положеніемъ и съ начальствомъ, и въ довершеніе всего я абсолютно ничего не умѣю дѣлать: ничего, никакихъ общественныхъ талантовъ, которыми бы можно было остроумно выманивать у публики деньги. Я даже не танцую танго и не пою цыганскихъ романсовъ. Ну, вотъ и приходится шить безконечныя рубашки, складывая сердечкомъ губы, подъ бдительнымъ надзоромъ этой вѣдьмы-графини, или же метаться отъ ресторана Контана къ „Медвѣдю", разгуливая тамъ среди столовъ съ тарелкой, разодѣтая, какъ кукла...

Пожертвуйте, будьте добры (за платье отъ m-me Olga, за родинку на груди, за милую улыбку, чтобъ супъ не простылъ, чтобъ отвязалась), солдатикамъ на щепотку чая!

Не проще ли бы было никому не улыбаться, не показывать родинокъ, а пожертвовать самой, напримѣръ, стоимость того же платья, и пусть бы эти господа спокойно доѣдали свои пожарскія котлеты.

Я пробовала провести эту мысль въ кругу своихъ знакомыхъ, но не имѣла никакого успѣха: онѣ предпочитаютъ жертвовать собою.

Ну, и на здоровье... А съ меня довольно. Мы съ Мареушей бастуемъ. Будь, что будетъ.

Жаль только, что ея мужъ на австрійскомъ фронтѣ, а мой на прусскомъ... Иначе мы могли бы поѣхать разыскивать ихъ вмѣстѣ.

Впрочемъ, у насъ съ нею вообще судьба несходна: въ мирное время ея благовѣрный, кажется, не скупился на побои, теперь же пишетъ чувствительныя письма и зоветъ на свиданье: вчера еще получила, я сама ей читала: а мой „хозяинъ" - увы! - какъ разъ наоборотъ: съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ уполномоченнымъ Н—го лазарета, ни слуха, ни духа. Прислалъ двѣ открытки съ дороги, да и то потому, что сидѣлъ по шести часовъ на какихъ-то вокзалахъ, и стало скучно, а затѣмъ ничего... Предоставляетъ слѣдить за собой по газетамъ.

Меня взять съ собою наотрѣзъ отказался, простился нѣжно, и былъ таковъ. Какъ странно! Хорошо, что я не очень сентиментальна.

II.

Звонила только-что по телефону Лили, моя любезная подруга, и, разумѣется, спеціально для того, чтобы сообщить пріятную новость.

Оказывается, что въ нашемъ передовомъ отрядѣ поѣхала въ качествѣ сестры одна, уже давно подозрительная мнѣ, слушательница высшихъ курсовъ, между тѣмъ какъ мужъ увѣрялъ, что кромѣ общинскихъ „природныхъ" сестеръ у нихъ никого не взяли. Подъ этимъ предлогомъ и мнѣ пришлось остаться, хотя я и прослушала курсы.

Значитъ, онъ это говорилъ нарочно? Ну, хорошо же, посмотримъ!

Лили я, разумѣется, сказала, что давно все знаю изъ писемъ мужа (!), и кромѣ того объявила, что сама къ нему на-дняхъ собираюсь. Она даже поперхнулась отъ огорченья и повѣсила трубку часомъ раньше, а я вотъ сижу и думаю, какъ мнѣ быть...

Не ѣхать нельзя теперь уже объ этомъ моемъ проектѣ навѣрное знаетъ полъ-Петрограда: значитъ ѣхать... Постараюсь быть логичной. Впрочемъ, есть еще и третій выходъ: просто исчезнуть на время и отправиться на свиданіе въ другое мѣсто, напримѣръ, въ деревню къ теткѣ: она не выдастъ.

Тамъ кстати вернулся кое-кто изъ дѣйствующей арміи на отдыхъ. Нѣтъ, глупо, да и не туда меня тянетъ!

Вотъ вѣдь была какъ будто спокойна, думала даже, что совсѣмъ прошло, и вдругъ опять кольнуло... Какъ больно!..

„Другъ мой, теперь не время заниматься личнымъ счастьемъ, неловко. Вы, женщины, ужасно односторонни и узки".

Слышу, какъ сейчасъ, эту его фразу, а главное тонъ. Тогда во мнѣ сразу какъ будто все сжалось и смолкло...

Вотъ и теперь стыдно дать себѣ волю, хоть онъ и не увидитъ.

Да... мы узки... Но чѣмъ же я виновата? Я искренно старалась превозмочь себя, забыть и слиться съ „общей скорбью", но, какъ видно, напрасно. Такова ужъ, значитъ, моя порода.

Ну, и пусть... мнѣ все равно... пусть презираетъ.

Пухнетъ носъ, въ глазахъ рябитъ, а на столѣ отъ слезъ уже цѣлая лужа... Однимъ словомъ, реву... и не отъ того, что холодно въ окопахъ, а потому, что онъ меня не любитъ такъ и знайте!

III.

Пять дней томилась и получила наконецъ отвѣтную телеграмму:

„Пріѣхать нельзя, подробности письмомъ".

Завтра же ѣду. Знаемъ мы эти письма!

Сижу на куляхъ и думаю горькую думу, а поѣздъ ползетъ убійственно медленнымъ, едва замѣтнымъ ходомъ.

Охъ, эти проводы!

Каждый, кому не лѣнь было, обрадовалъ меня добрымъ словомъ. Если имъ всѣмъ вѣрить, то лучшее, что меня ожидаетъ, это просто вернуться несолоно хлебавши: а затѣмъ разные страхи: я доѣду безъ багажа или, обратно, багажъ безъ меня: въ силу какихъ соображеній, ужъ не знаю, хотя мнѣ это объясняли добросовѣстно и пространно. Меня могутъ принять за шпіонку, я попаду въ плѣнъ, ну, однимъ словомъ, не туда, куда мнѣ надо. Кажется, все... Ахъ, нѣтъ, я забываю послѣднее напутствіе его мамаши:

„Смотри же, милая, будь осторожна, ни съ кѣмъ не знакомься и, вообще, помни, что за каждую твою оплошность придется отвѣчать Сергѣю".

Она, кажется, искренно воображаетъ, что честному имени Зарубиныхъ грозятъ въ дорогѣ всякія невзгоды.

Противные! Какъ будто нельзя просто принести конфетъ безъ всякихъ пожеланій. И все равно самаго страшнаго для меня никто изъ нихъ не знаетъ... Даже Лили не угадала. Что такое потерять багажъ, прослыть шпіонкой, не доѣхать, въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ предстоитъ пережить, если я доѣду? Какъ тамъ меня встрѣтятъ?.. Эхъ, не нужно было давать той телеграммы... Безъ нея мой пріѣздъ былъ бы просто непріятнымъ сюрпризомъ, а теперь это ужъ пахнетъ открытымъ бунтомъ. „Пріѣхать нельзя"... Кажется, ясно! Хорошо еще, что поѣзда теперь идутъ чуть ли не вдвое дольше, я по крайней мѣрѣ успѣю собраться съ духомъ.

Впрочемъ, и другія возможности тоже не особенно пріятны. По моимъ свѣдѣніямъ, Н—ій отрядъ пока стоитъ на прусской границѣ, въ мѣстечкѣ Л—ѣ, но кто же его знаетъ, гдѣ онъ очутится, пока я доѣду? Затѣмъ хорошо говорить „доѣду", а на чемъ, когда поѣздъ туда не доходитъ? Наконецъ, говорятъ, тамъ очень строго и нуженъ какой-то пропускъ, при чемъ для насъ, женщинъ, будто бы устроены высшими властями настоящія засады—нѣчто въ родѣ волчьихъ ямъ.

Какія веселыя перспективы!

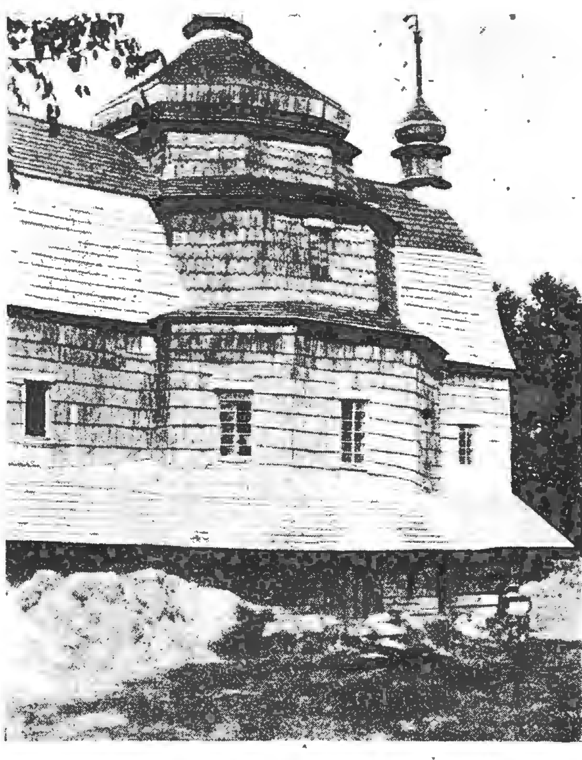
Все равно крѣплюсь: теперь ужъ нечего дѣлать, да и слишкомъ много тутъ кругомъ меня настоящаго горя: все больше хмурые и унылые люди, видно, что не на радость они ѣдутъ. Впрочемъ, въ сосѣднемъ отдѣленіи сидитъ какой-то мальчикъ въ военной формѣ: на немъ все блеститъ, и самъ онъ необычайно доволенъ и веселъ. Вѣроятно, только-что выпорхнулъ изъ семейнаго гнѣзда и чувствуетъ себя героемъ: его провожала пожилая

Въ Польшѣ. У штаба дивизіи. Рисунокъ М. Авилова.

дама вся въ черномъ, съ окаменѣвшимъ лицомъ, потухшими глазами — несомнѣнно мать, и вполнѣ возможно, что этотъ птенчикъ у нея послѣдній. Вотъ она, женская доля! Одна изъ моихъ спутницъ тоже убита горемъ все время плачетъ: на нее тяжело смотрѣть...

— Вы бы приняли валерьяновыхъ капель, хотите? У меня съ собою есть. Проводникъ, принеси-ка намъ стаканъ водицы, живо!

Это вмѣшалась въ дѣло моя другая сосѣдка. На ней кожаная куртка съ краснымъ крестомъ на рукавѣ: косынки нѣтъ, значитъ, не сестра, а что-нибудь повыше, и ѣдетъ по какой-то офиціальной бумажкѣ... Вотъ счастливица! Она мнѣ внушаетъ такое почтеніе, что я даже не рѣшаюсь вытащить изъ-подъ нея свой портпледъ. Къ несчастью, я туда засунула папиросы, ну, да Богъ съ нею, пусть сидитъ. Хотя насъ въ купэ всего трое, въ немъ абсолютно нельзя повернуться: ручного багажа, пожалуй, наберется мѣстъ двадцать, при чемъ одинъ изъ нихъ только тѣмъ отличается отъ сундука, что это просто грязный, деревянный и огромныхъ размѣровъ ящикъ: изъ-за него мнѣ приходится сидѣть, поджавъ подъ себя ноги, но онъ — увы! — кажется, тоже принадлежитъ особѣ въ кожаной курткѣ. Вообще я неудачно попала: у одной горе, а другая, навѣрное, врачъ — „настоящій человѣкъ“; я чувствую себя рядомъ съ ними ужасно неловко.



Древняя русинская церковь въ Чертковѣ, въ Галиціи, построенная въ 1589 г.

Ужъ лучше бы мнѣ устроиться въ томъ отдѣленіи, гдѣ пищитъ ребенокъ: тамъ обстановка гораздо болѣе мнѣ подходитъ: есть даже обыкновенная дама съ огромнымъ перомъ на шляпѣ.

— Вы ѣдете въ Х?.. Кого-нибудь провожаете? Или, можетъ-быть, тамъ у васъ кто-нибудь раненъ? Прямо изъ Петрограда?

Зачѣмъ она спрашиваетъ! Отъ этого же гораздо хуже... Ну, вотъ, разумѣется, у той опять полились слезы.

— Не изъ Петрограда, а изъ... Лондона... Я тамъ съ самаго начала войны, а теперь вотъ мужъ вызываетъ.

— Ну, такъ значитъ и хорошо. Кончились ваши невзгоды. А тяжело было тамъ? Намучились, небось? Могу себѣ представить, вдали отъ своихъ...

— Напротивъ, тамъ мнѣ было гораздо лучше!

Мы съ женщиной-врачомъ невольно переглянулись, а у дамы отъ наплыва пріятныхъ воспоминаній даже высохли слезы и порозовѣли щеки.

— Ахъ, вы не знаете, вы не можете себѣ представить, что такое англичане!—продолжаетъ она возбуждаться.—Разсказать, не повѣрятъ: мнѣ даже самой теперь кажется, что это былъ только сонъ. Я тамъ попала къ совершенно незнакомымъ людямъ: казалось бы, съ какой стати имъ такъ со мною возиться? Ну, пріютили и довольно, а они вѣдь буквально приняли меня, какъ гостью: отвели мнѣ лучшую часть помѣщенія... двѣ комнаты и даже съ бѣлой ванной! Всѣ удобства, безконечная любезность... Сначала мнѣ было неловко, а потомъ такъ къ нимъ привыкла, что чувствовала себя, какъ въ родной семьѣ. И вотъ вамъ примѣръ, до чего доходитъ ихъ деликатность: вы знаете, что у англичанъ есть обычай всегда переодѣваться къ обѣду: мужчины во фраки, дамы въ декольтированныя платья: такъ принято. Ну, а у меня, разумѣется, какіе костюмы? Только лѣтнія блузки, да и вообще мужъ не балуетъ въ этомъ смыслѣ... и денегъ тоже никакихъ. Я, конечно, очень стѣснялась выходить въ такомъ видѣ обѣдать. Такъ что же вы думаете? Прихожу я какъ-то съ прогулки и смотрю: на моей кровати разложены два вечернихъ платья, а при нихъ записка: „просимъ васъ не отказать намъ и быть столь любезной выбрать по своему вкусу“. Какъ вамъ это нравится? Ну, развѣ не сонъ? Я, разумѣется, отказалась, но сознайтесь, что это совсѣмъ небывалое гостепріимство. И послѣ этого возвращаться къ себѣ въ Х!

Галиційскій уніатскій священникъ-русинъ съ матушкой.

Да, какъ же, „отказалась“! Навѣрно выбрала оба. Мнѣ эта пигалица въ пенснэ и съ краснымъ носомъ становится съ каждой минутой все болѣе антипатичной. Скажите пожалуйста, ее мужъ самъ вызываетъ, а она ревётъ при всѣхъ только изъ-за того, что больше не придется купаться въ эмалевой ваннѣ! Можетъ, мнѣ просто завидно, что вызываетъ?

Нѣтъ, такъ ужъ очень она мизерна.

А у докторши на головѣ оказалась фальшивая желтая нашлепка. Точь въ точь, какъ у графини К.: мои иллюзіи пропадаютъ одна за другою,—если такъ будетъ продолжаться, я, кажется, все-таки вызволю изъ бѣды свой портпледъ и попрошу куда-нибудь убрать этотъ неприличный ящикъ.

Ну, пошла! Опять англійскія воспоминанія.

— Въ дорогу они непремѣнно захотѣли дать мнѣ денегъ, между тѣмъ вѣдь совсѣмъ же меня не знали: да что тутъ говорить, всего не разскажешь. Когда мы съ подругой очутились въ Лондонѣ послѣ этого ужаснаго бѣгства изъ Бретани, такъ кто, вы думаете, намъ первый помогъ и все устроилъ?.. Простой носильщикъ. И опять же даромъ. Онъ нѣсколько часовъ водилъ насъ по городу, пока мы не нашли пріюта.

— А съ меня, когда всѣ бѣжали изъ Сестрорѣцка, извозчикъ потребовалъ двадцать пять рублей, чтобы только доставить вещи на вокзалъ,—говоритъ докторша со вздохомъ.

— Ну, еще бы здѣсь! Да знаете ли вы, какъ меня приняли у насъ свои?! Пріѣхала я вчера въ Петроградъ, а мнѣ еще въ поѣздѣ говорили, что есть какая-то спеціальная организація для поляковъ. Иду по адресу, и что же? Во-первыхъ, надъ дверьми торжественно красуется огромная вывѣска: „Временный пріютъ для неимущихъ поляковъ“. Позоръ. Почему не „ночлежный домъ“ или не „богадѣльня“? Вхожу. Сидитъ какая-то барышня у стола и читаетъ: на меня ноль вниманія, совсѣмъ, какъ на почтѣ. „Послушайте, говорю,—что жъ это такое? Вы дежурная?“ А злость меня такъ и душитъ. Она мнѣ на это: „Что вамъ угодно?“ Знаете, такимъ безразличнымъ, холоднымъ тономъ. Я говорю: „Полька, и только-что пріѣхала изъ-за границы. Она мнѣ на это: „Ну такъ что жъ?“ Подумайте, послѣ англичанъ—и вдругъ такая встрѣча. Тутъ я не выдержала и такъ на нее напустилась, что она не знала, куда дѣваться. Цѣлый часъ стыдила.

— Да, все это очень грустно, и вообще, если сравнить наши милые порядки съ заграничной культурой...—цѣдитъ сквозь зубы докторша, вытаскивая изъ нашлепки безконечное количество шпилекъ и методично препровождая ихъ въ ротъ. Она уже успѣла окончательно на моихъ глазахъ преобразиться: куртка снята, а подъ нею оказалось какое-то непонятное платье-реформъ, которое къ тому же было несомнѣнно когда-то зеленымъ.

Та плакса тоже, повидимому, начинаетъ чувствовать себя какъ дома и безъ всякаго стѣсненія устраиваетъ ночную прическу, наматывая на „бигуди“ свои тощія космы. Она теперь похожа на мокрую крысу.

Въ воздухѣ носятся волосы, ненавистное мнѣ слово „принципіально“ и- увы!—еще нѣчто похуже. Это уже не духи „que.ques fleurs“.

У мужа есть сестра-медичка, которая меня съ этимъ „принципіально“ поссорила навѣки, но зато она моется и стрижется подъ гребенку. Счастливъ мой Богъ, что у меня верхнее мѣсто! Хотя въ данномъ случаѣ это, кажется, совсѣмъ не преимущество, такъ какъ теплый воздухъ устремляется именно вверхъ, ужъ не помню по какимъ причинамъ.

Вотъ докторша навѣрное знаетъ: зато она несомнѣнно слаба въ математикѣ, потому что вотъ уже полчаса какъ старается „помножить яблоко на грушу“. Диспутъ насчетъ нашихъ милыхъ порядковъ продолжается, и сравниваются такія несомнѣнно разнородныя величины, какъ англійское платье декольте, Сестрорѣцкій извозчикъ и дежурная барышня изъ убѣжища для неимущихъ поляковъ.

Лучше бы спали.

Какъ будто большинство людей на этомъ свѣтѣ, имѣющихъ квартиру и мягкую мебель, не сидятъ всю жизнь на чехлахъ, къ тому же убійственно полосатыхъ, и не снимаютъ ихъ только тогда, когда къ нимъ приходятъ гости. Англійское гостепріимство мѣтитъ въ исторію: пускай-ка къ намъ обратится за помощью какой-нибудь союзный иноземецъ, такъ и мы его выкупаемъ въ эмалевой ваннѣ, несмотря на то, что у насъ ихъ такъ мало, а своего ничѣмъ не удивишь, и главное, кому онъ разскажетъ?

Эта дама навѣрное точно такъ же безобразно завивается на ночь и при мужѣ... потому свой, молъ, человѣкъ, чего же стѣсняться?

Въ сущности, преневыгодное положеніе. Вотъ и я, къ несчастью, тоже „своя“, отчего и получаю открытки приблизительно такого содержанія: „живъ, здоровъ, дѣла по горло, до свиданья“. А посмотрѣли бы, какое объемистое и интересное посланье было предназначено для прочтенія вслухъ!

Только я взяла да никому и не прочитала. Никому, милый другъ! Ваше краснорѣчіе пропало даромъ, потому что нельзя такъ издѣваться надъ человѣкомъ. Хоть бы изъ вѣжливости замаскировалъ немножко, наконецъ схитрилъ бы, что ли. Я и за то была бы благодарна; такъ нѣтъ же! Письмо адресовано на мое имя, а открываю—тамъ съ мѣста цѣлое воззванье къ народамъ: „Анна Дмитріевна, Ольга Николаевна, Степанъ Семеновичъ, и проч. и проч. Какъ это писать всѣмъ вмѣстѣ, пока не соображаю...“ Іезуитъ! За этимъ слѣдуютъ цѣлыхъ четыре страницы, предназначенныя для потомства.

У меня отъ злости и обиды даже въ глазахъ помутилось, и я тутъ же рѣшилась на преступленіе. Если спроситъ, скажу, что не получала.

Древняя русинская церковь въ Чертковѣ, въ Галиціи, построенная въ 1589 г.

Въ первую минуту я даже чуть это письмо не изорвала, но потомъ, когда немножко остыла, только срѣзала заголовокъ съ именами...

Теперь оно мое: мнѣ совсѣмъ не стыдно. Вотъ и сейчасъ буду перечитывать, хоть и знаю на память каждое слово.

„Никакого достоинства“,—сказала бы эта стриженая принципіальная Лида.

Разумѣется, никакого. Мнѣ не до того, когда передъ глазами его милый почеркъ... эти маленькія, сдержанныя, упрямыя буквы... а вотъ и мои любимыя мѣста.

„Словомъ, суета въ самой волшебной обстановкѣ, среди обозовъ, парковъ, задержанныхъ комендантовъ питательныхъ пунктовъ, среди грязи, о которой одной можно написать поэму. Будемъ стоять въ Пруссіи, въ Л., у крѣпости Н—ъ, которую вотъ-вотъ возьмутъ, либо отъ которой вотъ-вотъ погонятъ. Шансы равны. Въ послѣднемъ случаѣ буду быстро свободенъ, такъ какъ ничего не удастся спасти, даже по желѣзной дорогѣ“.

„Если бы вы видѣли, сколько здѣсь войскъ! По дорогамъ безконечныя сѣрыя тучи и обозы, обозы безъ конца. Черезъ головы обезумѣвшихъ лошадей мчусь на автомобилѣ, среди полнаго разрушенія и полной пустыни. Вечеромъ начинается жуткое волшебство отдаленныхъ выстрѣловъ, вспышекъ огня, и какого-то томнаго молчанья безграничнаго лагеря...“

Красиво... я гибну...

До-смерти хочется все это увидѣть и пережить. Какъ хорошо, что я рѣшилась ослушаться и поѣхать. Въ сущности, это совсѣмъ не такъ страшно—какъ-нибудь доберусь, а тамъ, авось не прогонитъ.

Все-таки хорошо, что еще не скоро доѣду. У него есть такое одно выраженье, отъ котораго я готова провалиться сквозь землю... Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ на ночь—еще приснится.

IV.

Разразился грандіозный скандалъ.

Докторша подралась съ какимъ-то господиномъ изъ-за мѣста. Она ему пустила въ голову картонку съ теплыми вещами, а онъ чуть не вывихнулъ ей локоть и нѣсколько приплюснулъ одинъ бокъ; всѣ эти сложныя упражненія сопровождались эффектнымъ дуэтомъ:

— У меня сынъ на войнѣ, моя жена три ночи не спала! Здѣсь не товарный вагонъ, какая наглость! — яростно вопилъ мужчина.

— А у меня, можетъ, всѣ братья въ окопахъ, почемъ вы знаете? Я женщина, а вы нахалъ!—не отставала отъ него примадонна.

— И это врачъ! И это врачъ! Да она вѣдь всѣхъ раненыхъ уморитъ! Моя жена три ночи не спала, а она знать ничего не хочетъ. Это не врачъ, а нѣмка, можетъ-быть, шпіонка!

Публика аккомпанировала подъ сурдинку, между тѣмъ какъ жена, „не спавшая три ночи“, пользуясь суматохой, съ остервенѣніемъ выбрасывала наши вещи изъ сѣтки.

Я попробовала сидѣть на своемъ мѣстѣ безучастно и крѣпко, но она, положивъ на меня свой саквояжъ и какую-то домашнюю утварь, пустила въ ходъ послѣдній аргументъ:

— Сударыня, я старше васъ!

— Безъ сомнѣнія, сударыня, это видно простымъ глазомъ. Садитесь и почивайте на лаврахъ, — отвѣчала я ей и, стряхнувъ весь скорбъ, стремительно ретировалась въ тылъ.

Тамъ, въ коридорѣ меня подобралъ какой-то милый генералъ и пріютилъ у себя въ купэ. Онъ далъ мнѣ свою карточку и совѣтовалъ показать коменданту станціи въ С., увѣряя, что она мнѣ поможетъ. Какое счастье!

А докторша сидитъ тамъ на ящикѣ въ проходѣ и разсказываетъ въ сотый разъ всю драму. Развѣ позвать ее сюда? А впрочемъ, Богъ съ ней. Вотъ она, наша женская солидарность!

V.

Станція М—ы. Сидимъ здѣсь шестой часъ въ буфетѣ. Жарко, тѣсно, и пахнетъ чѣмъ-то невообразимымъ, кругомъ суетятся безчисленные Красные Кресты обоего пола, просто въ глазахъ рябитъ, куда ни взглянешь. По-моему, они родятся тутъ же другъ отъ друга, размножаются простымъ дѣленіемъ, какъ объяснялъ намъ нашъ физіологъ на курсахъ: положимъ, онъ кажется, все больше насчетъ клѣтокъ распространялся. О, Господи, тяжелое было время. Просто вспомнить тошно! Анатомія, физіологія, гигіена... пять недѣль вбивали намъ всю эту премудрость денно и нощно, и что же? Всего только мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я торжественно сдала экзаменъ, а въ головѣ опять тотъ же просторъ: ширь, гладь и тишина - - ужасно грустно. Сохранилось почему-то ясно описанье артезіанскаго колодца: спрашивается, зачѣмъ оно мнѣ? А дальше ничего — одни мудреныя и неприличныя слова: „перистальтика“, „тенезмы“, „тиріазисъ“, „луэсъ“... Положимъ, немудреныя, пожалуй, еще хуже: какіе-то зеленые стулья, рисовые супы, свѣчки, всевозможные проходы, выходы, изверженія, ну, однимъ словомъ, одна сплошная гадость. Зато есть и такія, которыя ужъ окончательно утратили для меня всякій смыслъ, хотя и всплываютъ упорно, это: „инфарктъ“, „секвестръ“ и „блѣдная спирохэта“. Къ экзамену я знала приблизительно, о чемъ шла рѣчь, но теперь—хоть убей! Два первыхъ навѣрное опять обозначаютъ какую-нибудь научную непристойность, такъ что Богъ съ ними. А третье мнѣ нравится: „блѣдная спирохэта“; оно звучитъ поэтично: я воображаю себѣ эту штуку нѣжно-сиреневаго цвѣта!..

Ой! По столу въ моемъ направленіи ползетъ что-то подозрительное и, кажется, безъ крыльевъ: значитъ, это не божья коровка и даже не тараканъ!

Лучше выйду на платформу узнать, что нашъ поѣздъ.

VI.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

Теперь оказывается, что тутъ въ Ш. извозчики празднуютъ сочельникъ, а въ результатѣ мнѣ приходится ночевать на вокзалѣ.

Во всѣхъ углахъ храпятъ какія-то темныя личности, разложившись въ самыхъ живописныхъ позахъ: это, очевидно, мѣстные абоненты: а у печки уже второй часъ стоитъ, какъ каменное изваяніе, женщина съ распущенными волосами и безумнымъ взглядомъ. Зачѣмъ она тамъ? Я ее боюсь и каждую минуту чего-то ожидаю. Скорѣе бы утро.

Моя спутница мирно спитъ на столѣ, подложивъ подъ голову мѣшокъ, а я не могу, хоть и устала невообразимо.

Пять часовъ... Комендантъ станціи является только въ десять. Генералъ говорилъ, что онъ долженъ мнѣ дать автомобиль, но отъ этой мысли я чувствую себя еще хуже.

Значитъ, возможно, что я завтра „его" увижу? Ой, ноги холодѣютъ!—лучше не думать. „Комендантъ станціи"... эта проклятая вывѣска все время меня раздражаетъ—пересядемъ къ ней спиною. „Мужская уборная". „Шоколадъ Сюшаръ", „Грандъ-отель"... Да что я въ самомъ дѣлѣ! Закрыть глаза тоже опасно, пожалуй, еще упадешь со стула.

Почему это всѣ мужчины такъ ужасно храпятъ?.. У нихъ, очевидно, какое-то особенное горло.

„Онъ" тоже храпитъ, но у него это совсѣмъ не противно: я такъ рада, когда онъ у меня засыпаетъ; готова часами слушать.

Его сестра меня ужасно презираетъ: она говоритъ, что я „анахронична".

Быть влюбленной три года, да еще въ собственнаго мужа! Сознаю, что это въ нашъ вѣкъ неприлично, но что же мнѣ дѣлать?

Люблю и люблю, и никакіе тутъ женскіе вопросы не помогутъ.

Меня этимъ феминизмомъ до трехъ часовъ морила докторша: меня и какого-то злополучнаго офицера, который попалъ за нашъ столъ на свое несчастье. Премилый типъ, такой веселый и уютный; онъ насъ кормилъ икрой, а она его за это женскимъ вопросомъ—ужасная неблагодарность!

Да и факты налицо: у него вотъ въ провизіи свѣжая икра а въ ея корзинѣ одна женская самостоятельность въ видѣ протухлыхъ сосисокъ. Значитъ, ѣшь, когда даютъ, и не заносись. Я, грѣшнымъ дѣломъ, предпочитаю рабство въ золотой клѣткѣ.

Шесть часовъ. Осталось еще четыре. Одинъ изъ абонентовъ проснулся, онъ снимаетъ сапоги. Я никогда не видѣла такихъ ногъ и даже не думала, что это возможно!

А та сумасшедшая все стоитъ. Сейчасъ разревусь, и выйдетъ скандалъ.

Чувствую, что начинаю „его" ненавидѣть за всѣ эти муки.

Правда, онъ писалъ, чтобъ не ѣхать...

Ну, такъ что же? Мужская логика вся на словахъ, а по-настоящему, всегда мы правы. Не надо было оставлять. Если бы взялъ меня тогда съ собою, вмѣсто того, чтобы разсказывать небылицы, такъ я бы теперь не сидѣла одна въ этомъ грязномъ притонѣ.

Нѣтъ, нехорошій человѣкъ, я всегда это знала, безчувственный эгоистъ, извергъ!

VII.

„Черезъ головы обезумѣвшихъ лошадей мчусь на автомобилѣ, среди полнаго разрушенія и полной пустыни"...

Вотъ оно, наконецъ, начинается. Я тоже мчусь на автомобилѣ (комендантъ станціи въ самомъ дѣлѣ далъ мнѣ его очень скоро), только не черезъ головы лошадей, потому что до сихъ поръ не встрѣтила даже ни одной собаки. Пустыня и есть: точно все вымерло. Жутко и холодно, а лицо горитъ отъ колючаго снѣга, зато разрушеніе, по-моему, совсѣмъ не полное: всѣ нѣмецкіе домики стоятъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, только у нихъ нѣтъ ни одного цѣлаго окна и ни одной крыши: все выбито и снято чистенько и аккуратно, точно такъ и надо.

А дороги такія, какихъ у насъ и во снѣ не видали: шоферъ отъ радости несется, какъ угорѣлый. Два раза чуть не наскочилъ на дерево и одинъ разъ уже по-настоящему заѣхалъ въ канаву.

Ничего выбрались, и опять катимъ.

Вообще все это вблизи совсѣмъ не такъ страшно, зато „его" самого я боюсь съ каждой минутой все больше: просто даже во рту пересыхаетъ отъ волненія, какъ подумаю, что черезъ два часа я буду тамъ.

Я, разумѣется, съ нимъ уже давно помирилась и даже просила прощенія за ночныя дерзости. Онъ милый, а я просто дура, ничего въ его мужскихъ дѣлахъ не смыслю и вѣчно лѣзу невпопадъ. Вотъ и теперь, человѣкъ навѣрное заваленъ работой, между тѣмъ какъ я вѣдь спеціально ѣду, чтобъ ему мѣшать.

А вдругъ обрадуется?!

Я даже громко разсмѣялась отъ этой нелѣпой мысли...

Почему нелѣпо? Вѣдь случается же это вообще, ну, не со мною, такъ съ другими... которыхъ больше любятъ?

Чтобы мужъ возрадовался, когда къ нему наѣзжаетъ жена сюрпризомъ?.. Нѣтъ, душа моя, можешь не безпокоиться, этого не бываетъ и не было никогда съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ. Съ любовницами—да, бываетъ, и даже не только въ романахъ, но по-настоящему, наяву, потому что любовницы вообще совсѣмъ другое дѣло: имъ полагается все самое хорошее, самое интересное... и самое дурное тоже, это правда, но зато жены въ жизни пьютъ снятое молоко.

Пока я философствовала, чуть носъ не отморозила: насилу оттерла. Ну и вѣтеръ! Настоящая метель, и стемнѣло сразу.

Странно, какъ это я еще не вздумала бояться шофера. Въ Петроградѣ давно бы уже полѣзли въ голову дикія мысли: ограбитъ, завезетъ куда-нибудь... Помню, какія я переживала разъ въ Новой Деревнѣ тяжелыя минуты и, разумѣется, напрасно: а здѣсь и въ самомъ дѣлѣ пустыня: я да онъ. Воздухъ тутъ, что ли, другой? Даже канавы мнѣ не страшны.

Попробую спать. Авось, доѣдемъ скорѣе...

Колокольня древней русинской церкви въ Чертковѣ, въ Галиціи, построенной въ 1589 г.

VIII.

— Вамъ не холодно? Въ ноги не дуетъ? Надѣньте-ка лучше мою шубу, вотъ такъ. Теперь хорошо? Ну и отлично.

Сижу на мягкихъ подушкахъ, закутанная по уши мѣхомъ. Вокругъ меня то и дѣло суетятся, безпокоятся чьи-то заботливыя руки. Ужасно пріятно послѣ проведенной „самостоятельной" недѣли.

Сначала случилось самое обыкновенное: у нашего автомобиля вдругъ лопнула и осѣла шина. Новой для смѣны, разумѣется, не оказалось, равно какъ и нужныхъ инструментовъ для поправки старой.

— Да и какъ я одинъ-то съ нею управлюсь? Тутъ и на двоихъ бы хватило работы часика на полтора, хладнокровно разсуждалъ шоферъ самъ съ собою.

— Такъ что же ты раньше думалъ?

— Кто жъ ее зналъ, что она лопнетъ? Нѣмецкія дороги что стекло, развѣ только вотъ гвоздей понакидали, али наши ужъ испортили маленько.

Вотъ тебѣ и стекло! Шоферъ стоялъ у колеса и чесалъ въ головѣ, а я рядомъ съ нимъ по колѣна въ снѣгу, съ фонаремъ въ рукахъ „для подсобленія", готовилась къ медленной смерти.

Дальше ужъ начинается область волшебства: позади насъ вдругъ загромыхало, завыло, засверкало; появился автомобиль, очевидно, посланный намъ съ неба прямой дорогой, и выпорхнулъ изъ него вотъ этотъ мой ангелъ-хранитель, но только въ военномъ облаченіи.

Понюхалъ воздухъ, заглянулъ мнѣ подъ шапку:

— Вы, говоритъ, что это тутъ въ снѣгу колдуете, сестрица?.. Ахъ, извините, сударыня, я, кажется, ошибся, но въ нашихъ краяхъ такъ непривычно встрѣтить даму.

Самъ смѣется—доволенъ, точно его рублемъ подарили.

Мы съ шоферомъ повѣрили ему нашу грустную тайну, и черезъ пять минутъ я уже сидѣла въ его автомобилѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Оказалось, что онъ тоже ѣдетъ въ Л—о и, кромѣ того, что онъ преуютный компаньонъ.

Тутъ жизнь течетъ совсѣмъ въ другихъ рамкахъ: мнѣ даже въ голову не пришло отказаться.

Наше знакомство пошло, какъ и все здѣсь, ускореннымъ темпомъ; выяснилось къ тому же, что онъ отлично знаетъ мужа, а вслѣдъ за этимъ я ему во всемъ „призналась", т.-е. сказала правду да не ту, и что выѣхала-то очертя голову, безъ указаній, и что не знаю, кто и что меня тамъ, въ Л—ѣ, ожидаетъ, а главное, что мнѣ все равно—надоѣло кружиться попусту въ Петроградѣ, хочется что-нибудь дѣлать или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь увидѣть, хоть понюхать войны! Все это я ему выкладывала съ самымъ серьезнымъ и проникновеннымъ видомъ, и чувствовала, какъ во мнѣ завѣдомая ложь понемногу превращалась въ правду. Честное слово, я, кажется, отъ совокупности послѣднихъ обстоятельствъ становлюсь наконецъ „идейной".

Но мой спутникъ меня въ этомъ смыслѣ сразу обезкуражилъ:

— Ну, если вы хотите что-нибудь дѣлать или увидѣть, такъ это едва ли вамъ удастся въ Л ѣ... Тамъ, милая барыня, все больше пьютъ чай, а въ промежуткѣ ссорятся отъ скуки. Боевъ въ этомъ раіонѣ теперь мало, раненые нарасхватъ. Нѣтъ, знаете что я вамъ скажу? Поѣдемте-ка лучше со мною на позиціи.

— Такъ женщинъ же не пускаютъ на самыя передовыя?

— Со мною пустятъ, будьте покойны. Только вотъ вашъ мужъ, пожалуй, васъ не пуститъ, и даже навѣрняка. Я самъ бы не пустилъ.

— Мужъ не пуститъ?.. Вы шутите? У насъ съ нимъ совершенно особенныя отношенія. Совсѣмъ не „замужнія". Мы оба свободны, какъ птицы.

Положимъ, что до сихъ поръ порхалъ только онъ; куда хотѣлъ и когда хотѣлъ, а я сидѣла дома, нахохлившись, какъ курица... Ну такъ что жъ? Не летала, такъ полечу важно начать...

Это, кажется, называется „на зло тятькѣ носъ отморозить". Мнѣ совсѣмъ не хочется въ окопы: во-первыхъ, я боюсь, а во-вторыхъ... тоже: другой причины нѣтъ: боюсь, и все тутъ. Не смерти, нѣтъ, а какой-нибудь безобразной раны: можетъ попасть въ лицо, или искалѣчить: впрочемъ, если онъ меня ужъ очень плохо сегодня встрѣтитъ, такъ все равно — одна дорога.

— Ну, вотъ и отлично, значитъ, рѣшено: мы съ вами завтра ѣдемъ, хотите? Это будетъ прекрасно!

Обрадовался... чужому несчастью! Положимъ, онъ не можетъ угадать святымъ духомъ.

Если приласкаетъ гдѣ-нибудь въ углу тотъ, мой милый извергъ, или даже просто скажетъ какое-нибудь хорошее слово, то ни за что на свѣтѣ, — рѣшаю я мысленно: очень мнѣ надо! А если нѣтъ...

— Ну, хорошо, заходите завтра въ отрядъ, и я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ.

— Почему же не сейчасъ? О, женщины! Никогда ничего опредѣленнаго отъ нихъ не добиться. Что вамъ стоитъ рѣшить теперь?

Зато вы, „о, мужчины", имѣете свойство забывать свои обѣщанія и остывать въ одно мгновенье. Надо на всякій случай принять мѣры.

— Теперь я хочу спать, и больше ни на что не способна: если бы вы знали, какъ я устала, — жалобно говорю я. — Долго еще ѣхать?

— Бѣдняжка! Три четверти часа еще, если не больше: темно, нельзя гнать. Да вы поспите пока что, кто же вамъ мѣшаетъ? Ложитесь-ка сюда ко мнѣ, вотъ такъ. Удобно? Э, да она уже спитъ, совсѣмъ уморилась.

Еще бы не удобно! Лучше нельзя, и если бы не такъ сильно билось подъ моимъ ухомъ его сердце, я бы, кажется, не на шутку уснула. Опасно, надо слѣдить, не то еще пропустишь моментъ, и врагъ, чего добраго, перейдетъ границы.

Нѣтъ, не переходитъ, а только вздыхаетъ, и говоритъ самъ съ собою — думаетъ, что сплю: „Настоящій ребенокъ. Ужасно мила!.." Прекрасно, такъ зарождаются у нихъ глубокія чувства.

Хоть онъ меня такъ же интересуетъ, какъ этотъ столбъ, все-таки не мѣшаетъ имѣть такую точку опоры, на всякій случай. Я даже чувствую себя бодрѣе и не такъ безпокоюсь. Теперь уже скоро, черезъ полчаса увижу. Ой, у меня тоже забилось сердце! Какъ глупо, онъ способенъ принять это на свой счетъ. Остается только „вздрогнуть и проснуться".

— Что вы не спите?

— Нѣтъ, я спала... увидѣла какой-то страшный сонъ, — лепечетъ слабымъ голосомъ „ребенокъ".

— Ничего, со мною вамъ нечего бояться, никто не обидитъ. Засните опять, прошу васъ, вы такъ чудесно спали!

Умиленъ и растроганъ — значитъ, ходъ вѣрный. Тѣмъ лучше: пусть покрѣпче запомнитъ. Мнѣ очень пріятно, когда я нравлюсь: все равно кому, даже первому встрѣчному на улицѣ, даже городовому, ломовику, все равно пріятно, а этому тѣмъ болѣе, онъ знаетъ мужа: можно похвастаться и подразнить.

Черезъ четверть часа...

Теперь ужъ даже сердце не бьется... все замерло...

IX.

— Вотъ здѣсь былъ, очевидно, баронскій винный погребъ, посмотрите, всѣ новѣйшія приспособленія. Хорошо жилъ человѣкъ! А мы ужъ, извините, тутъ устроили просто свалочное мѣсто. Знаете, между прочимъ, чѣмъ у насъ прикрывается помойная яма? Рояломъ изъ краснаго дерева. Правда, трогательно? Я самъ только сегодня утромъ сдѣлалъ это открытіе и до сихъ поръ не знаю, кто авторъ сего нововведенія. Если хотите, покажу вамъ это остроумное примѣненіе музыкальнаго инструмента къ нуждамъ военнаго времени. Надо будетъ непремѣнно сдѣлать снимокъ для курьеза. Вотъ кухня, рядомъ прачечная: сейчасъ пойдемъ въ лазаретъ.

— Да, да, вы замѣчательно все это устроили, и въ такой короткій срокъ. Главное, какъ чисто, даже роскошно, — отвѣчаю я невпопадъ и добросовѣстно слѣдую за нимъ, какъ лунатикъ.

Въ погребѣ не приласкалъ... И въ прачечной тоже. Нигдѣ. Даже голоса не измѣнилъ, не подошелъ ближе. Все время вотъ такъ разговариваетъ, любезно и вѣжливо, какъ съ гостьей. А между тѣмъ мы одни: тамъ, наверху, будетъ толпа народа: значитъ, больше нечего ждать.

Ну, что жъ...

Лазаретъ устроенъ въ концертной залѣ. Тутъ ужасно просторно, несмотря на множество разставленныхъ кроватей: всѣ пустыя. Пахнетъ сѣномъ и лошадинымъ навозомъ: забавная комбинація съ паркетнымъ поломъ и рѣзнымъ потолкомъ.

А вотъ и та... слушательница высшихъ курсовъ, изъ-за которой весь сыръ-боръ загорѣлся. Жаль, что и на ней такая же серьезная косынка: интересно было бы знать, какой она масти. Судя по кожѣ — темной. Во всякомъ случаѣ привлекательна.

Мнѣ совсѣмъ не больно, что онъ не приласкалъ. Вотъ такъ штука! И любви никакой не чувствую. Просто не узнаю себя. Что бы это могло значить?

Вообще, все вышло совершенно не такъ, какъ я предполагала. Ни удивленья, ни радости, ни огорченья — однимъ словомъ, оказалось, что мадамъ его мамаша попросту послала ему предостерегательную телеграмму: „идетъ, молъ, на тя". Еще бы! И какъ это я не догадалась, что иначе и быть не могло? А меня мой спутникъ доставилъ и высадилъ еле живой отъ волненья. Онъ, разумѣется, ничего не замѣтилъ, потому что самъ тоже былъ не въ своемъ видѣ. Зайти не захотѣлъ, распрощался сейчасъ же и обѣщалъ явиться завтра за отвѣтомъ.

Затѣмъ меня встрѣтилъ какой-то мальчикъ въ сѣрой курткѣ и въ очкахъ, и повелъ сначала по темной лѣстницѣ, потомъ по темному, длинному коридору, въ концѣ котораго, за дверью, слышался „его" голосъ. У меня моментально все внутри запрыгало и перевернулось. Какъ я дошла и какъ открыла дверь, ужъ не помню. Онъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай въ самой мирной обстановкѣ, съ тремя сестрами. Я вошла съ преглупымъ видомъ, втянувъ голову и еле волоча ноги, ожидая по меньшей мѣрѣ быть принятой за привидѣнье. Но онъ даже глазомъ не сморгнулъ. Всталъ не торопясь, корректно поцѣловалъ мнѣ руку, какъ онъ всегда дѣлаетъ на людяхъ (наединѣ я ему цѣлую, — онъ никогда).

— Куда же вы пропали? Я уже думалъ, что васъ нѣмцы взяли въ плѣнъ. Ваша телеграмма пришла еще въ среду.

Я мигомъ все поняла, соорудила игривую улыбку и пустилась по указанному направленію.

— Я сама думала, что никогда не доѣду. Ночевала вездѣ, жила въ буфетахъ, а послѣднюю ночь провела на Ш омъ вокзалѣ.

— На вокзалѣ? Это марка, — разсмѣялся онъ, какъ мнѣ показалось, не безъ злорадства. — Сестры, знакомьтесь пожалуйста: моя жена, сестра Голубева, Морозова, а это мой милый другъ и коллега, Полубинская: да, не смотрите, что мы въ косынкѣ — безъ пяти минутъ докторъ, съ послѣдняго курса къ намъ сбѣжала!

У „коллеги" въ лицѣ оказалось все криво и косо, такъ что меня эта тирада мало обезпокоила, а той „высшей" какъ разъ не было, однимъ словомъ, все шло гладко.

Меня усадили, дали чаю, ну и вообще, какъ полагается... На столѣ кромѣ того безпечно красовались всевозможныя жизненныя услады, въ родѣ халвы, фруктовыхъ консервовъ, печенья, словомъ, все то, что я такъ старательно везла для него изъ Петрограда, съ тайной надеждой хоть этимъ немного задобрить. Поговорили, поѣли, а затѣмъ онъ, съ тою же привѣтливою улыбкой на устахъ, повелъ меня осматривать свои владѣнья.

Знаю я эту улыбку и невозмутимую любезность. Навѣрное готовится сказать мнѣ какую-нибудь обидную пакость. Только она у него еще не созрѣла: матеріалъ подбираетъ. Пожалуй, лучше теперь ужъ не стремиться съ нимъ къ уединенію: приласкать не приласкаетъ, это ясно, а къ отвѣту притянетъ.

Сестры, разумѣется, такъ и норовятъ оставить насъ вдвоемъ — деликатность не къ мѣсту. Всѣ разбѣжались. Только одна „высшая" еще держится, да и та смотритъ на дверь. Ужасно скверно.

Ну, вотъ, ушла! Теперь держись. Брови нахмурены, въ глаза не смотритъ...

Что-то будетъ?

— Зачѣмъ пріѣхала? Я же писалъ, что нельзя!..

Господи, благослови...

— Писалъ?.. Когда? Я ничего не получала.

— Какъ это не получала? Я срочную телеграмму послалъ въ отвѣтъ!

— Съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, я всего-навсего получила отъ васъ двѣ открытки, — повторяю я и смотрю на него „ясными глазами": — ни телеграммъ, ни писемъ. Вѣроятно, ихъ дольше задерживаютъ въ цензурѣ, или просто потерялись.

— Ничего не понимаю, это какая-то фантасмагорія. Я отлично помню, что писалъ вамъ, и даже часто. Одно длинное письмо было предназначено для всѣхъ васъ вмѣстѣ.

Да, голубчикъ, я тоже помню. Это длинное письмо, между прочимъ, тутъ, передъ самымъ твоимъ носомъ, въ дорожномъ мѣшочкѣ: только открыть — лежитъ сверху.

— Ни длинныхъ ни короткихъ писемъ, ничего, кромѣ двухъ открытокъ съ дороги. Я, собственно, и не удивляюсь, потому что вы не имѣете обыкновенія писать даже въ мирное время!

— Сказала бы, что просто хотѣла пріѣхать, зачѣмъ врать!

— Я не вру.

Сознаться ему, или лучше не надо? Голосъ не очень скверный. Сейчасъ сознаюсь.

— Ужасно неосторожно поступила, совсѣмъ глупо! Я въ смѣшномъ положеніи, да и вообще мнѣ не до того, я занятъ.

Вотъ онъ, мнѣ ненавистный тонъ! Морозъ по кожѣ проходитъ. Ужъ лучше бы ударилъ, честное слово: все лучше, чѣмъ это сдержанное, презрительное раздраженіе.

— Въ смѣшномъ положеніи?

— Разумѣется. Тутъ серьезное дѣло, а я вдругъ связался съ

Г. Семирадскій. Христосъ у Марѳы и Маріи. Русскій Музей Императора Александра III.

бабой. Нелѣпо, чтобы не сказать больше, и неизвѣстно еще, какъ на это вообще посмотрятъ. Съ женой, по-семейному — трогательно!

— Конечно, лучше, чтобы не съ женою, съ этимъ я совершенно согласна! Но вы сами виноваты, что такъ вышло. Вмѣсто того, чтобы выдумывать всевозможныя отговорки, надо было объяснить мнѣ просто и откровенно: вы мнѣ сказали, что берете только „природныхъ сестеръ", а затѣмъ я узнаю, что съ вами поѣхала какая-то слушательница высшихъ курсовъ!

Не выдержала. Впрочемъ, такъ лучше: ужъ коли дѣло дошло до объясненій, я предпочитаю сама наступать. Посмотримъ теперь, какъ онъ вывернется. Хотя въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно просто не отвѣчаетъ и уходитъ.

Нѣтъ, устраивается удобнѣе, значитъ, принимаетъ сраженіе: смотритъ на меня съ такимъ брезгливымъ видомъ, какъ будто передъ нимъ что-то необычайно мерзкое.

— Ой, другъ мой, ради Создателя, оставимъ это! Не будьте кухаркой. Если бы вы только знали, какъ мало меня теперь эти вопросы занимаютъ! Вотъ вамъ примѣръ: вы, вѣроятно, замѣтили тамъ въ лазаретѣ сестру Коненкову? Ея нельзя не замѣтить, она настоящая красотка: тутъ всѣ отъ нея безъ ума, а я на нее за все время много, если два раза посмотрѣлъ. Какъ-то не трогаетъ, не то настроеніе. Меня гораздо больше интересуетъ эта милая медичка пятаго курса и ея здоровье. Я готовъ съ нею возиться цѣлыми днями, потому что чувствую въ ней цѣннаго человѣка, твердый характеръ. Въ ней есть геройство, а эта ваша женственность и прелестность, mesdames, ей-Богу, для меня теперь пустыя слова! Ну, вы меня понимаете, и инцидентъ, надѣюсь, исчерпанъ. Скажите мнѣ лучше,—что вы намѣрены предпринимать дальше? Я рѣшительно заявляю вамъ, что мнѣ некогда до зарѣза. Не сегодня-завтра намъ подвезутъ раненыхъ, да и вообще нельзя здѣсь жить неофиціальному лицу.

Я не успѣла отвѣтить, потому что въ это время его куда-то позвалъ завѣдующій хозяйствомъ. Какое счастье! Потомъ онъ забудетъ...

Что̀ я намѣрена дѣлать? Какъ будто я знаю сама. Что̀ же касается всего прочаго, мы это уже слыхали, не ново.

И все-таки я предпочитаю имѣть хорошую кожу, свѣтлые волосы, и мало ли еще что̀, чѣмъ твердый характеръ. Война-то вѣдь не вѣчна. Да и почемъ онъ знаетъ, можетъ, характеръ у меня и твердый, я вѣдь не пробовала! Сидя вѣчно дома на диванѣ, не особенно его проявишь. Все возможно, зато вотъ когда „одна ноздря, а спины нѣтъ", какъ у той его „героини", это ужъ непоправимо.

Фу, какъ я зла! Даже самой непріятно.

А пусть не пристаютъ. Этотъ — „женственна". „баба", та — „анахронична"!

Что̀ еще? Я сама знаю, что немногаго стою̀, но когда меня такъ явно презираютъ и хоронятъ по первому разряду, я становлюсь еще хуже, на зло. Во мнѣ точно просыпается какой-то бѣсъ. Вотъ говорилъ противнымъ, злымъ голосомъ, я и соврала. Первый разъ въ жизни ему соврала, это меня, пожалуй, больше всего печалитъ.

Ого! Что-то грохнуло. Можетъ-быть, пушка? Опять. И куда это они всѣ разбѣжались? Хоть бы спросить...

Хороша! Просто хлопнула дверь внизу — ясно, вотъ скрипитъ... Да и откуда тутъ быть чему-нибудь такому? Вѣдь говорилъ же полковникъ, что я здѣсь ничего не увижу и не услышу.

X.

Опять мы въ комнатѣ врачей, и опять чай. Никакого „волшебства" отдаленныхъ выстрѣловъ — это все дверь, теперь ужъ не обманешь.

По-моему, даже въ поѣздѣ больше чувствовалась война, чѣмъ тутъ у нихъ въ Л—ѣ.

Одинъ рояль изъ краснаго дерева на помойной ямѣ, такъ это, пожалуй, и въ Петроградѣ можно увидѣть. Нашелъ чѣмъ удивить!

Вообще на меня нашло какое-то равнодушное настроеніе, и даже то, что у слушательницы черезчуръ хорошій цвѣтъ лица, меня не раздражаетъ.

Премилая особа, старается насъ всѣхъ развлекать, чѣмъ можетъ; зато „героиня" чего-то злится: въ глазахъ недобрые огоньки. Она все пробуетъ завести серьезный разговоръ, но мы съ фавориткой ей не даемъ развернуться и упорно переводимъ его на фривольныя темы. Эта послѣдняя со мною чрезвычайно любезна, — можетъ-быть, чувствуетъ товарища по несчастью. Вѣроятно, онъ и ей порядкомъ досадилъ героизмомъ и военными идеалами.

— Вы, я думаю, ужасно устали? Недѣлю путешествовать, да еще одной, — заводитъ она громко въ тотъ самый моментъ, когда „героиня" только собирается открыть ротъ.

— Сергѣй Александровичъ, я прямо вамъ удивляюсь, я бы на вашемъ мѣстѣ съ ума сошла отъ безпокойства. Въ такое время...

Но Сергѣй Александровичъ, повидимому, не обладаетъ ея пылкимъ воображеніемъ.

— Доѣхала! — говоритъ онъ, методично отрѣзая себѣ кусокъ бисквита, при чемъ по его голосу совершенно нельзя рѣшить, сожалѣетъ онъ объ этомъ, или доволенъ.

— Нѣтъ, не очень устала, — отвѣчаю я весело, хотя чувствую, что дошла въ полномъ смыслѣ до послѣдняго предѣла: — къ тому же мнѣ очень везло всю дорогу: встрѣчались премилые спутники. По-моему, одной женщинѣ гораздо выгоднѣе ѣздить, чѣмъ съ мужемъ. Онъ услужливыхъ людей пугаетъ и парализуетъ, а самъ только ворчитъ и куритъ въ коридорѣ.

Вотъ тебѣ, милый, получай! Мнѣ нечего терять, такъ пусть хоть посмѣются.

— А знаете, какъ я сюда добралась? — продолжаю я, ободренная этой первой удачной вылазкой.

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вы, кажется, на автомобилѣ? Какимъ образомъ вамъ удалось его достать? — говоритъ кто-то. — Сюда вотъ недавно нашъ одинъ докторъ полторы сутокъ на лошадяхъ ѣхалъ.

— Такъ то докторъ. А мнѣ въ поѣздѣ просто какой-то любезный генералъ далъ свою карточку. Вотъ она. Не знаю, кто это, но комендантъ станціи очень скоро мнѣ все устроилъ.

— Покажите! — небрежно бросаетъ мужъ, скользнувъ по мнѣ испытующимъ взглядомъ. — „Какой-то"! Князь В. Еще бы не дать автомобиля! Какъ же вы съ нимъ познакомились?

— Да такъ, какъ знакомятся въ дорогѣ. А въ Ш. на вокзалѣ мнѣ сильно скрасилъ жизнь другой военный.

— Тоже генералъ? — ехидно замѣчаетъ Полубинская.

— Нѣтъ, просто „нижній чинъ", но зато съ икрою. Безъ него я бы умерла съ голоду, а онъ мнѣ устроилъ настоящій ужинъ. Но самая полезная и пріятная встрѣча была несомнѣнно послѣдняя, ужъ здѣсь, въ заграничныхъ снѣгахъ.

И я подробно разсказала всю авантюру, не исключая „сна младенца", чувствуя, какъ по мѣрѣ этого повѣствованія поднимались мои акціи и пропадалъ интересъ къ бисквитному торту.

— Вася Познанскій... Какъ же, еще бы не знать... Такъ вотъ онъ чѣмъ занимается? Выкапываетъ дамъ изъ-подъ снѣга и отогрѣваетъ ихъ на собственной груди. Это не такъ глупо. Только отчего онъ не зашелъ? Всегда заходитъ, вотъ чудакъ!

Голосъ игривый, но въ глубинѣ звучитъ раздраженіе: такъ — чуть-чуть, едва замѣтно.

— Завтра обѣщалъ зайти непремѣнно: у насъ съ нимъ коекакіе планы.

Ага! Въ первый разъ посмотрѣлъ на меня и „замѣтилъ": ну, не подлецы ли эти мужчины? Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, ловятся на ту же удочку.

— Сергѣй Александровичъ, а мнѣ серьезно хочется поработать тамъ, на питательномъ пунктѣ, — дѣлаетъ отчаянную попытку „героиня", но не тутъ-то было. Я уже закусила удила.

— Завидую вамъ. Вотъ мнѣ такъ больше ничего не хочется, развѣ только бисквита, который Сергѣй Александровичъ такъ эгоистично задерживаетъ передъ собою.

Опять пристальный взглядъ, и губы дрогнули — знакомая гримаска; тѣмъ лучше, я рада, пусть злится.

— Ахъ, пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, я, собственно, машинально. Извольте вамъ для начала, сейчасъ еще отрѣжу.

Вотъ подлая душа! Подсунулъ мнѣ незамѣтно свой кусокъ и смотритъ исподлобья, что̀ дальше будетъ. Я люблю доѣдать его корочки и всегда выпрашиваю ихъ, но онъ обыкновенно только сердится и говоритъ, что это „гадость". Теперь, небось, самъ предлагаетъ: хочетъ провѣрить свою силу.

Вотъ возьму да и не съѣмъ нарочно. Начну съ другой стороны, или отрѣжу край, гдѣ онъ кусалъ, пусть видитъ.

XI.

Съѣла малодушно...

Нѣтъ, не гожусь я для такой игры, да и зачѣмъ? Не стоитъ. Все это у него такъ поверхностно и такъ мимолетно. Думаешь, достигла чего-нибудь, сдѣлала шагъ впередъ, не успѣешь обрадоваться, а онъ уже опять остылъ, окаменѣлъ, хоть все начинай сначала. Мѣняется по сорокъ разъ въ минуту и, главное, безъ всякой причины — безъ всякой, въ этомъ давно убѣдилась: нельзя ничего ни предвидѣть, ни избѣжать, ни понять — нѣтъ причинъ, да и только! Правда, его сестра подыскала ему въ своей наукѣ какую-то мудреную нервную болѣзнь, такъ на то жъ она и медичка, а мнѣ отъ ея названья нисколько не легче.

Я слышала, какъ его ассистентъ, по простотѣ душевной, предлагалъ уступить мнѣ свое мѣсто, — они спятъ въ одной комнатѣ, — но мужъ со смѣхомъ отвергъ эту наивную любезность и велѣлъ приготовить мнѣ постель у сестеръ.

Какъ можно! Мы съ нимъ по-новому, на „вы" во всѣхъ отношеніяхъ: у насъ въ Петроградѣ не только разныя спальни, но даже квартиры перегорожены пополамъ, чтобы, Боже сохрани, какъ-нибудь не встрѣтиться внѣ урочнаго часа. Хорошо еще, что онъ меня не выпроводилъ пока на другую улицу, или даже въ другой городъ, но это еще случится, я не сомнѣваюсь, хотя бы оригинальности ради...

Лежу на сѣнникѣ и злюсь что̀ есть мочи — даже въ потъ бросаетъ...

Твердо, трещитъ и колетъ... А плакать нельзя, потому что услышатъ эти противныя женщины: онѣ ужъ и безъ того навѣрное радуются моему фіаско. На за что не заплачу! Да мнѣ и не хочется, я только зла.

Погодите же, пусть придетъ завтра полковникъ, я всѣхъ васъ удивлю!

XII.

Съ утра осматриваю всѣ достопримѣчательности Л—а: видѣла много интересныхъ развалинъ, массу дырокъ, ажурныхъ стѣнъ, развороченныхъ магазиновъ. Почему-то запомнилась посреди

великолѣпной и совершенно пустой зеркальной витрины уцѣлѣвшая дамская шляпа, сиротливо красующаяся на своемъ шестѣ. Показывали мнѣ также комнату въ третьемъ этажѣ, гдѣ еще недавно лежала дохлая корова съ выпущенными внутренностями. Вѣроятно, стоило большихъ трудовъ дотащить ее такъ высоко, потому что едва ли она сама добралась туда даже съ перепуга.

Всѣ эти экскурсіи дѣлались подъ любезнымъ руководствомъ „высшей": она несомнѣнно за мной ухаживаетъ: значитъ, совѣсть не чиста: подозрительно, тѣмъ болѣе, что самъ нашъ патронъ видимо поощряетъ такую систему: онъ любезно освободилъ ее отъ обязанностей сестры, приставилъ ко мнѣ и пустилъ насъ по вѣтру; впрочемъ, это, можетъ-быть, просто остроумное средство избавиться отъ насъ обѣихъ вмѣстѣ. Ну, да все равно, теперь ужъ недолго мнѣ ждать. Я почему-то увѣрена, что Познанскій не обманетъ; нагрянетъ, какъ въ первый разъ, въ своемъ автомобилѣ и увезетъ въ одинъ мигъ—оглянуться не успѣю. Забавно однако, что онъ меня застанетъ все въ томъ же положеніи: я опять застряла и опять въ снѣгу; но едва ли ему удастся отогрѣть меня мѣхами, ужъ въ очень я попала суровый климатъ: душа окоченѣла! Зато, какъ пріятно—не чувствуешь себя, нигдѣ больше не ноетъ, не колетъ, точь въ точь какъ замерзающій человѣкъ передъ самой смертью.

XIII.

— Представьте себѣ, полковникъ воображаетъ, что вы меня не отпустите съ нимъ на передовыя!

Зачѣмъ я сказала ему эту фразу? Вѣдь я же его знаю: теперь ужъ навѣрное отпуститъ, скорѣе насильно пошлетъ... Все пропало...

— Почему же? Это было бы странно: поѣзжайте себѣ съ Богомъ, коли хотите. Полковникъ васъ не укуситъ, я въ этомъ увѣренъ, да и вообще вы совершенно свободны. Только, другъ мой, не завозите ее слишкомъ далеко, я васъ очень прошу, не то мнѣ придется, если ее убьютъ, разыскивать ее годами: вѣдь жена, noblesse oblige. А такъ мы ей поставимъ крестъ здѣсь гдѣ-нибудь поблизости, на братской могилѣ. Покажите ей пушки, проволочныя загражденія, и вообще... гдѣ раки зимуютъ. Поѣзжайте, дѣти мои, поѣзжайте, благословляю васъ обѣими руками!

Ну, вотъ и все: теперь ужъ назадъ не возьмешь. Доигралась...

XIV.

Я больше не дама: пришлось нарядиться въ форму: косынка, красный крестъ и кожаная куртка: совсѣмъ, какъ настоящая.

Мнѣ кажется, что я вообще переродилась. Отъ любви никакого слѣда, умерла, примерзла... Тѣмъ лучше: я никогда не чувствовала себя такой свободной.

А мой спутникъ въ восторгѣ; умиленно зоветъ меня сестрицей и пичкаетъ пастилой.

Онъ, кажется, не уменъ... Какое счастье! Я такъ устала отъ умныхъ.

Къ тому же мы не одни: это, пожалуй, тоже не дурно. Съ нами какое-то офиціальное лицо и, кромѣ того, баронъ: сосредоточенъ и важенъ необычайно: между бровями засѣла значительная складка, а у пояса болтается особой формы записной листокъ въ блестящей оправѣ.

Ничего, я не боюсь, пусть попробуютъ съ полковникомъ тронуть!.. На задней скамейкѣ сидитъ его помощникъ, но этотъ уже совсѣмъ не опасенъ: онъ все время молчитъ и куритъ плохія папиросы.

Мы ѣдемъ ужасно быстро, такъ что на поворотахъ заноситъ на полъ-аршина. Еще не лопнула шина, не наскочили на дерево; однимъ словомъ, пока все идетъ гладко.

Картина разрушенія все та же: одинокіе домики безъ крышъ, посреди безконечнаго снѣга. Иногда попадается лѣсокъ, весь изрытый глубокими канавами—это бывшіе окопы. А вотъ наконецъ и „сѣрыя тучи". Тамъ впереди, навстрѣчу намъ, идутъ солдаты,—ухъ, какъ много!—и обозы...

— Ихъ ведутъ въ Ш. на отдыхъ,—поясняетъ мнѣ полковникъ. Какія усталыя, изможденныя лица! Оборванные, грязные, еле волочатъ ноги, а до Ш. еще верстъ пятьдесятъ... Ужасно!

— Ну, теперь будетъ комиссія!—ворчитъ баронъ.—До завтрашняго не доѣдемъ... Откуда вы, ребята? Эй, слышишь ты, борода, откуда?

Да, какъ же, есть ему время съ тобою распространяться! Телѣга уже лежитъ въ канавѣ, колесами кверху; изъ нея въ ди-

Сибиряки на развѣдкѣ. Картина **С. Колесникова.**

комъ ужасѣ рвется, путаясь въ вожжахъ, лядащая лошадка, а самъ погонщикъ едва успѣлъ спрыгнуть.

— Да подсобите же вы ему, черти! — выходитъ изъ себя баронъ. — Сверните въ бокъ! Закройте лошадямъ глаза! Вотъ вѣдь они всегда такъ, сколько ни ѣзди: до сихъ поръ не могутъ привыкнуть къ автомобилямъ!

— Стой, дай имъ пройти! — спокойно приказываетъ шоферу полковникъ.

Но и это не помогаетъ. Лошади бѣсятся, всѣ, какъ одна, рвутъ постромки, несутся куда попало. На снѣгу уже нѣсколько опрокинутыхъ возовъ, разбросаны цѣлыя кучи хлѣбовъ, кастрюли, ложки... а кругомъ хладнокровно орудуютъ люди: поднимаютъ, собираютъ, чинятъ... и все это совершенно безмолвно, безъ единаго возгласа нетерпѣнія или ругательства: какъ будто это вошло уже давно въ программу ихъ службы, какъ будто такъ и надо!

Мнѣ ужасно стыдно передъ ними: просто не знаю, куда смотрѣть и ненавижу въ этотъ моментъ нашу пыхтѣлку всѣми силами души: стоитъ, грохочетъ, и только занимаетъ мѣсто.

Хорошо, что въ ней не одна я, а нужные люди.

Ну, слава Богу, прошли. Опять мчимся.

— Скоро позиція? — пристаю я къ полковнику. — Тамъ теперь бой?

— Скоро, теперь осталось верстъ пятнадцать: тамъ идутъ бои всю недѣлю, да и палятъ же: слушайте, вотъ... это вѣдь пушка.

Въ самомъ дѣлѣ слышно. Палятъ. Теперь ужъ не дверь хлопаетъ: только не страшно совсѣмъ, потому что не видно, откуда.

— Да развѣ вашъ мужъ вамъ не разсказывалъ ничего?

— Нѣтъ, а что?

— Значитъ, не хотѣлъ пугать. Онъ же былъ у насъ позавчера со своими санитарами. Ну, и намучился же я съ нимъ, долженъ вамъ признаться! Совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ — прямо подъ пули лѣзетъ. Мы имъ намѣтили прикрытое мѣсто, честь-честью устроили, вдругъ смотримъ, онъ уже чуть ли не у самыхъ окоповъ: сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, на бревнѣ и куритъ... точно у себя дома. Только успѣли его втащить. И что же вы думаете? Потребовалъ ружье и стрѣлялъ съ моими ребятами, а затѣмъ всю ночь возился съ ранеными, переправлялъ ихъ въ автомобилѣ на санитарный поѣздъ, но взять въ свой лазаретъ наотрѣзъ отказался: даже крупно повздорилъ изъ-за этого съ однимъ изъ вашихъ студентовъ-добровольцевъ. Тотъ настаивалъ, кипятился: еще бы—не хотѣлось съ пустыми руками вернуться; а нашъ Сергѣй Александровичъ ему спокойно этакъ: „Другъ мой, не забывайте, что лазаретъ существуетъ для раненыхъ, а не раненые для лазарета. Везти ихъ за сорокъ верстъ жестоко и нелѣпо, когда есть поѣздъ рядомъ. Если вамъ жалко пустыхъ кроватей, такъ ложитесь сами, я съ удовольствіемъ вамъ что-нибудь отрѣжу". Студіозусъ даже поблѣднѣлъ отъ злости. Изрядная, между нами будь сказано, тупица. Такъ и поѣхали обратно съ пустыми носилками, при чемъ вашъ мужъ меня же еще благодарилъ за пріятно проведенное время. Комикъ большой руки! Да неужели вы этой исторіи не знали?..

Будетъ онъ мнѣ разсказывать... Не такой человѣкъ. Какую-нибудь оригинальную небылицу про себя непремѣнно разскажетъ для краснаго словца, а это слишкомъ хорошо и просто.

Значитъ, пока я тамъ сидѣла на вокзалѣ, онъ былъ подъ пулями... И я ничего не знала. Предпочитаю обратное положеніе, хотя лучше всего, если бы мы были вмѣстѣ. Господи, какое это было бы счастье! Я бы, кажется, самого чорта не испугалась.

Охъ, опять тотъ, баронъ, ругается. Что еще? Неужели солдаты?

— Однако, вы совсѣмъ не нервная: другая бы завизжала, — нѣжно говоритъ полковникъ, заглядывая мнѣ подъ шапку: — или, можетъ-быть, вы спали? Мы чуть не перевернулись. Здѣсь ѣздить на автомобилѣ, пожалуй, опаснѣе, чѣмъ сидѣть въ окопахъ. Эти господа совсѣмъ не умѣютъ править.

— Нѣтъ, не спала. Я думала, что онъ нарочно такъ круто повернулъ.

— Да, женское геройство основано именно на такихъ недоразумѣніяхъ,—авторитетно заявляетъ баронъ. — Мнѣ разсказывалъ одинъ летчикъ, почему онъ предпочитаетъ брать женщинъ-пассажирокъ. „Сидитъ она, — говоритъ, — улыбается себѣ и ничего не понимаетъ, вѣритъ мнѣ, какъ Богу, а я, можетъ, въ это время всѣ грѣхи свои поминаю передъ смертью"...

Ты бы навѣрное и въ воздухѣ началъ выражаться... Не знаю, что хуже. Вотъ нахалъ! Думаетъ, что отъ его записной книжки зависятъ судьбы народовъ. А полковникъ ужасно милый. Какіе у него довѣрчивые глаза! Никакой хитрости. Его очень легко обойти и обидѣть. Боюсь, какъ бы у меня нечаянно не вышло драмы съ нимъ, и какъ бы ему не пришлось платить по чужому счету... Это было бы жаль... Впрочемъ, всѣ они хороши. Меня вѣдь не жалѣютъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бѣглецы.

Разсказъ **С. Бѣльскаго**.

Съ иллюстраціями **И. Владимірова**.

(Продолженіе).

III.

По землѣ враговъ

Дулъ легкій южный вѣтеръ. Кое-гдѣ надъ болотомъ еще лежали прозрачные туманы, но на свѣтло-голубомъ небѣ не было ни одного облачка, и солнце, поднимаясь все выше и выше, согрѣло ароматную траву и жирную черную землю. Мы побѣжали по болоту вслѣдъ за Лоховымъ (см. стр. 928), который очень ловко прыгалъ по кочкамъ, дрожавшимъ подъ ногами, и умѣлъ по какимъ-то неуловимымъ признакамъ находить безопасный путь въ лабиринтѣ камышей, маленькихъ озеръ, трясинъ, зеленыхъ и красноватыхъ торфяниковъ. Оглядываясь, я видѣлъ на краю равнины нашу тюрьму. Отсюда она походила на природный холмъ съ зеленоватыми склонами и не имѣла ничего страшнаго. Если бы кто-нибудь въ эту минуту посмотрѣлъ въ сильный бинокль съ ея вала, то, можетъ-быть, увидѣлъ бы на болотѣ черныя согнутыя фигуры, торопливо перебѣгавшія по открытымъ мѣстамъ.

Мы подвигались къ окраинѣ болота очень медленно, такъ какъ постоянно приходилось сворачивать изъ стороны въ сторону. Становилось жарко, какъ въ банѣ. Моя мокрая одежда быстро высохла, но зато ноги, выше колѣнъ, были покрыты густой, липкой грязью. Не отдыхая ни одной минуты, мы шли больше часа, обмѣниваясь лишь короткими фразами. Наконецъ мѣстность стала суше. Появились густыя заросли лозняка, поляны со стогами сѣна и медленно текущія, извилистые ручьи, которые, казалось, уносили не воду, а ослѣпительно сверкающее серебро. Вдругъ Лоховъ, шедшій шагахъ въ десяти впереди меня, подалъ намъ знакъ остановиться. Онъ пригнулся къ самой землѣ, осторожно раздвинулъ вѣтви кустарниковъ, и я увидѣлъ на мгновеніе большой возъ, на который двое нѣмцевъ въ бѣлыхъ рубахахъ валили вороха только-что накошенной травы. Мы осторожно обошли эту поляну и неожиданно очутились на берегу узкой рѣчонки. На другой сторонѣ по песчанымъ холмамъ, похожимъ на морскія дюны, пастухъ гналъ стадо коровъ, гдѣ-то купались дѣти, и ихъ звонкіе, веселые голоса, какъ и вся эта мирная картина, до нелѣпости противорѣчили нашему отчаянному положенію. Ниже по теченію росъ густой хвойный лѣсъ: тамъ было наше спасеніе, но какъ добраться до этой зеленой стѣны на глазахъ у десятковъ людей?

— Если вы дадите мнѣ мыло и бритву и сведете въ магазинъ готоваго платья, то я, пожалуй, рѣшусь показаться на берегу рѣки,—сказалъ Блэкъ, вытряхивая грязь изъ своихъ разорванныхъ сапожищъ.

— Дождемся ночи,—предложилъ я. — Въ эту чащу лозняка едва ли кто-нибудь заглянетъ.

— За исключеніемъ солдатъ и тюремныхъ сторожей, конечно!—отвѣтилъ Блэкъ.—Но я сейчасъ предпочелъ бы увидѣть все населеніе моего родного города Корка, хотя и не одѣтъ, какъ бы хотѣлъ.

— Да, теперь насъ, навѣрное, уже ищутъ! Не забывайте также о существованіи телеграфа и телефона,—замѣтилъ Круазье.

Я обратился за совѣтомъ къ Лохову, который не понималъ ни англійскаго ни французскаго языка. Сибирякъ вмѣсто отвѣта началъ снимать съ себя лохмотья мундира.

— Что ты дѣлаешь?

— Буду купаться.

— Теперь? Купаться!

— Да вѣдь голые люди всѣ одинаковы! Кто же въ рѣчкѣ узнаетъ, что я изъ Томской губерніи?

Круазье уже понялъ, въ чемъ дѣло, и въ свою очередь принялся быстро раздѣваться. Одинъ Блэкъ смотрѣлъ на насъ съ забавнымъ удивленіемъ.

— Я полагаю, что джентльмену моего возраста не совсѣмъ удобно ходить безъ рубахи и штановъ, хотя бы самыхъ короткихъ.

Я объяснилъ ему, что мы собираемся по рѣкѣ добраться до лѣса. Англичанинъ съ уваженіемъ взглянулъ на Лохова.

— Этотъ молчаливый джентльменъ изъ Сибири могъ бы нажить большое состояніе, давая совѣты всѣмъ тѣмъ, кому приходится удирать отъ полиціи и жандармовъ!

Такъ какъ я лучше всѣхъ говорилъ по-нѣмецки, то мнѣ первому пришлось итти въ воду. Изъ той чащи, гдѣ мы находились, виденъ былъ только небольшой изгибъ рѣки, и когда я, держа свернутое платье надъ водой, доплылъ до середины потока, то убѣдился, что мы подвергались очень большой опасности. Впереди былъ виденъ горбатый мостъ, по которому въ эту минуту ѣхали возы съ сѣномъ. Въ ста шагахъ отъ моихъ товарищей сидѣлъ господинъ въ широкополой соломенной шляпѣ и спокойно удилъ рыбу. На бѣлой песчаной отмели женщины въ красныхъ юбкахъ и деревянныхъ башмакахъ стирали бѣлье (см. стр. 929).

Мы побѣжали по болоту вслѣдъ за Лоховымъ.

— Что, вода холодная?—закричалъ мнѣ рыболовъ.

— Очень!—отвѣтилъ я слабымъ голосомъ.

— А вы хорошо плаваете! Должно-быть, матросъ?

— Да, мы матросы изъ Бремергафена!

— Такъ!—теперь у матросовъ не очень-то много работы!

Я добрался до лѣса, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ этотъ болтливый нѣмецъ, и вышелъ на берегъ.

— А нырять вы умѣете?—закричалъ мнѣ удильщикъ, одурѣвшій отъ скуки и жары и обрадовавшійся возможности поговорить.

— Какъ же, я прекрасно ныряю! Я даже получилъ первый призъ за плаваніе.—торопливо отвѣчалъ я, боясь, что онъ вздумаетъ заговорить съ другими „матросами", которые уже показались надъ блестящей поверхностью воды.—Но тутъ слишкомъ маленькая рѣка!..

Рыболовъ захохоталъ.

— Первый разъ вижу пловца, которому тѣсно нырнуть въ цѣлой рѣкѣ.

— Я, видите ли, привыкъ къ морю. Мнѣ нужна глубина не меньше, чѣмъ въ десять саженъ.

— Хо-хо-хо!..—смѣялся болтунъ.—Молодцы эти матросы изъ Бремергафена! Всегда что-нибудь сочинятъ! Но я, мой дорогой, самъ былъ капитаномъ на „Маріи-Луизѣ". Знаете?.. А вы съ какого судна?

Разговоръ принималъ скверный оборотъ.

— Съ „Вильгельма".—отвѣтилъ я наудачу, зная, что въ каждой нѣмецкой гавани наберется десятокъ „Вильгельмовъ".

Мои спутники успѣли уже скрыться за деревьями, и я, воспользовавшись тѣмъ, что у капитана удочка зацѣпилась за подводную корчагу, поспѣшилъ въ глубину лѣса. Тамъ стояла важная, торжественная тишина. Вверху висѣлъ тяжелый узоръ вѣтвей, а между красноватыми колоннами, на зеленомъ моховомъ коврѣ, двигались тысячи тѣней. Невольное купаніе насъ очень освѣжило, и мы бодро пошли къ западу.

— Осторожнѣе было бы гдѣ-нибудь дождаться ночи,—сказалъ Круазье. Не всегда же намъ будетъ помогать слѣпое счастье, какъ на этотъ разъ!

— Но здѣсь такъ же нельзя спрятаться, какъ въ бальной залѣ,—отвѣтилъ Блэкъ. Можно подумать, что нѣмцы убираютъ и чистятъ этотъ паркъ со щетками и тряпками.

— Лѣсъ посаженъ для укрѣпленія песковъ,—сказалъ Круазье:—и не можетъ далеко тянуться. Да вотъ, кажется, мы уже дошли до конца!

Деревья стали рѣже. Между ними показалось поле, засѣянное овсомъ, и за нимъ желтая полоса спѣющаго хлѣба. Мы легли на землю и послали Лохова на развѣдку. Онъ вскорѣ вернулся, и по лицу сибиряка видно было, что онъ чѣмъ-то смущенъ.

— Тутъ прямо видна небольшая деревушка, въ родѣ нашихъ сибирскихъ заимокъ, но направо, около самаго лѣса, какая-то каменная крѣпость. Никого не видно, а камни наворочены такіе, что ихъ пушками не разобьешь.

Я перевелъ Круазье слова Лохова, и заинтересованный французъ осторожно направился въ сторону „крѣпости".

— Это, должно-быть, еще одинъ лагерь для плѣнныхъ, — сказалъ со вздохомъ Блэкъ. — Но если мы въ него попадемъ, то завтра же опять уѣдемъ въ ящикѣ изъ-подъ рѣпы или картофеля. Вотъ-то удивятся проклятые нѣмцы!

Круазье бѣжалъ обратно.

— Ну, начинается охота! — пробормоталъ англичанинъ.

— Идите сюда! — кричалъ капитанъ.—Это долменъ! Понимаете? Древняя, доисторическая постройка, какихъ тутъ прежде было очень много. Ну, да это долго разсказывать! Важно то, что мы спокойно проведемъ среди этихъ камней остатокъ дня.

Пройдя шаговъ двѣсти по сухой травѣ, я и мои спутники оказались передъ самымъ удивительнымъ сооруженіемъ, какое я когда-либо видѣлъ. Главная часть этой постройки, воздвигнутой за три или за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени, походила на гигантскую букву П. Двѣ сѣрыхъ скалы, грубо обтесанныя въ видѣ столбовъ, поддерживали огромныхъ размѣровъ монолитъ, величиной съ рѣчную барку, который составлялъ крышу этого оригинальнаго зданія. Дожди и морозы искрошили поверхность камня, поросшаго кое-гдѣ желтыми серебристыми лишаями, но среди этихъ прихотливыхъ узоровъ, начертанныхъ природой, замѣтны были и какія-то полуистертыя письмена, сдѣланныя рукою человѣка. У входа лежалъ четырехугольный камень, точно устой разрушеннаго моста, за нимъ еще два такихъ камня поменьше, и кругомъ было разсыпано множество обломковъ, изъ которыхъ нѣкоторые вѣсили сотни пудовъ. Оставивъ въ первую очередь, въ качествѣ часового, Блэка, мы растянулись между камнями на сухомъ мелкомъ пескѣ (см. стр. 930). Я сейчасъ же заснулъ и смѣнилъ Лохова, наблюдавшаго за окрестностями, когда красный дискъ солнца уже опускался къ извилистой линіи холмовъ. Въ надвигавшихся лиловыхъ сумеркахъ чудовищные камни пріобрѣли еще болѣе величественный и таинственный видъ. Они словно принадлежали другому міру, и между ними и окрестными лѣсами, полями и фермами было такъ же мало общаго, какъ между метеоромъ, упавшимъ изъ бездонной выси неба, и разрыхленной плугомъ землей, въ которую онъ погрузился.

— О чемъ вы мечтаете? — спросилъ Круазье, садясь на каменный „столъ" рядомъ со мной.

— Право, не знаю. Эти странные камни навѣваютъ какое-то очарованіе, которое увеличивается съ наступленіемъ темноты.

— Я хорошо знаю это чувство,—сказалъ французъ. Оно часто являлось у меня въ пустынѣ, среди занесенныхъ пескомъ мерт-

выхъ городовъ. Во всѣхъ такихъ руинахъ разлитъ тонкій ядъ, который рождаетъ фантастическіе сны наяву и уничтожаетъ власть времени.

— Желалъ бы я знать, какъ ухитрились древніе архитекторы взгромоздить на эти столбы камень, въ которомъ не меньше двухъ тысячъ пудовъ вѣсу. Безъ машинъ это невозможно сдѣлать.

— А почему вы знаете, что у нихъ не было машинъ, или что они не умѣли пользоваться паромъ, электричествомъ, можетъ-быть, еще какими-нибудь другими намъ неизвѣстными силами!

— Тогда пришлось бы повѣрить, что тысячи лѣтъ тому назадъ здѣсь существовала цивилизація, можетъ-быть, ходили курьерскіе поѣзда, летали аэропланы, и гдѣ-нибудь въ этихъ развалинахъ помѣщался безпроволочный телеграфъ или телефонъ, — отвѣтилъ я съ улыбкой.

— Все это очень возможно! — серьезно сказалъ Круазье.

— Но куда же исчезла эта древняя цивилизація?

— Да вѣдь мы съ вами и сейчасъ присутствуемъ при неожиданномъ крушеніи одной изъ цивилизацій! Представьте себѣ народъ, обладающій еще болѣе разрушительными средствами и орудіями, чѣмъ мы, вообразите безпощадную войну, которая длится въ теченіе ряда лѣтъ, и вы, можетъ-быть, согласитесь, что въ моемъ предположеніи нѣтъ ничего фантастическаго. Современный большой городъ, разрушенный минами и артиллерійскимъ огнемъ, черезъ двѣсти или пятьсотъ лѣтъ будетъ давать столь же слабое понятіе о нашей цивилизаціи, какъ и эти камни.

— Ну, а люди? Какъ вы объясните чудесное превращеніе ученыхъ строителей такихъ сооруженій въ первобытныхъ дикарей, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры?

— Очень просто! Въ настоящее время вы сами ведете жизнь, очень сходную съ жизнью дикаря, принужденнаго палкой или камнемъ защищать свою жизнь и питаться ягодами и кореньями. Подумайте, сколько сотенъ тысячъ людей бродятъ теперь по всей Европѣ безъ крова и пищи; населеніе сколькихъ цвѣтущихъ городовъ превратилось въ бездомныхъ бродягъ и скрывается въ лѣсахъ или среди развалинъ.

— Но знаніе-то вѣдь остается! Кончится война, и люди все сумѣютъ создать вновь.

— Да, конечно. такъ какъ разрушеніе все же будетъ неполное. Въ противномъ случаѣ, знаніе, наука исчезли бы такъ же быстро, какъ волна на пескѣ. Смѣнились бы одно, два поколѣнія, занятыхъ главнымъ образомъ добываніемъ пищи среди оскверненной, изуродованной земли, и дальше наступилъ бы мракъ. Посмотрите на эту загадочную надпись на столбѣ рядомъ съ вами! Можетъ-быть, она скрываетъ какую-нибудь глубочайшую мысль, еще неизвѣстную нашимъ философамъ и ученымъ.

Я передаю этотъ разговоръ, потому что онъ сильно врѣзался въ мою память. Мертвое молчаніе, нарушаемое крикомъ ночной птицы на вершинѣ сосны, жуткое очарованіе этого мѣста и слова Круазье навели на меня уныніе.

— Не пора ли итти? — сказалъ я, спрыгивая съ камня.

— Сначала было бы не дурно поужинать, — отвѣтилъ Блэкъ откуда-то изъ темной глубины. — Сегодня за цѣлый день я съѣлъ только горсть ягодъ, а это очень мало для человѣка, который дерется, плаваетъ и бѣгаетъ по болотамъ и лѣсамъ.

Мы выбрались изъ развалинъ, которыя въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, можетъ-быть, много разъ укрывали бѣглецовъ, и, спотыкаясь о комки рыхлой земли, пошли черезъ поле. Ночь была темная, и при свѣтѣ звѣздъ я едва различалъ фигуры моихъ товарищей. Скоро мы вышли на какой-то проселокъ: потомъ, напуганные стукомъ телѣги, свернули на сырой лугъ, нѣсколько разъ перелѣзали черезъ изгороди, путались въ кустарникѣ и благополучно преодолѣвали всѣ затрудненія только благодаря Лохову. Онъ, повидимому, обладалъ способностью видѣть въ темнотѣ. или у него былъ какой-то инстинктъ, позволявшій всюду находить дорогу. Кое-гдѣ мерцали огни въ одинокихъ фермахъ или въ деревняхъ, представлявшихъ для насъ главную опасность. Одинъ разъ мы прошли по кочковатому полю, вблизи мельницы. Высокое кирпичное зданіе, запыленное мукой, было ярко освѣщено электрическими фонарями, горѣвшими на дворѣ, и въ раскрытыя ворота мы видѣли, какъ рабочіе, съ запудренными волосами и въ побѣлѣвшихъ сапогахъ, взваливали мѣшки на телѣги. Приступы голода становились все мучительнѣе и мучительнѣе. Даже Лоховъ заговорилъ о томъ, что хорошо бы гдѣ-нибудь раздобыть кусокъ хлѣба.

— У насъ въ Сибири оставляютъ на окнахъ хлѣбъ для странныхъ людей. Можетъ, и тутъ есть?! Зайти бы посмотрѣть, — сказалъ онъ на краю одной деревни.

Когда я перевелъ эти слова Блэку, англичанинъ расхохотался.

— Скажите ему, что здѣсь, какъ и у насъ въ Англіи, сначала надо получить свидѣтельство о бѣдности съ подписями пастора и полицейскихъ чиновниковъ. Потомъ представить этотъ документъ въ попечительство, и затѣмъ вамъ дадутъ хлѣба или отправятъ въ рабочій домъ.

— Но все-таки хлѣба мы достать должны! — отвѣтилъ Круазье.

— И достанемъ, будьте покойны! Не только хлѣба, но и мяса, и сыру, и вина...

— Какимъ же это образомъ?

— Очень старымъ способомъ: мы кого-нибудь ограбимъ, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ сказалъ Блэкъ.

— Мнѣ этотъ старый способъ очень не нравится, — замѣтилъ французъ.

— Тогда вы, можетъ-быть, зайдете въ какой-нибудь трактиръ, и если трактирщикъ не умретъ отъ страха при вашемъ появленіи, или не заоретъ на всю деревню, то можете купить у него, что вамъ угодно. Если у васъ найдутся деньги, конечно.

Мы замолчали, осторожно пробираясь по окраинѣ фермы, изъ которой доносился запахъ дыма и подгорѣвшаго масла.

— Ну, что же, рѣшайте! — сказалъ Блэкъ, когда мы снова вышли въ поле. — Хорошо — нехорошо, это не мое дѣло. Я не проповѣдникъ и не адвокатъ. а ѣсть надо; вотъ это я знаю твердо!

— Какъ же вы думаете сдѣлать это? — спросилъ Круазье.

— Очень просто! Здѣсь много одинокихъ фермъ. Мы зайдемъ въ одну изъ нихъ, заберемъ все, что окажется на столѣ или въ кухнѣ, и устроимъ пикникъ въ первой рощѣ.

— Это, пожалуй, возможно.

Я спросилъ мнѣніе Лохова.

— Не дадутъ, надо взять, — отвѣтилъ онъ. — Только потомъ они за нами гурьбой, какъ за волками, гоняться будутъ. Нѣмцы на этотъ счетъ очень крѣпкій и дружный народъ. У насъ въ Сибири ихъ и бывалые бродяги рѣдко трогаютъ: облаву устроятъ и загоняютъ.

— Вотъ вамъ ферма! — сказалъ Блэкъ, указывая на ярко освѣщенныя окна одинокаго дома, скрытаго за раскидистыми деревьями. — Примемся за дѣло, и черезъ часъ мы будемъ сыты, какъ если бы заплатили по пяти шиллинговъ за ужинъ.

Само собой случилось, что Блэкъ взялъ на себя распоряженіе всѣмъ этимъ опаснымъ предпріятіемъ. Ферма оказалась окруженной со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ. Калитка въ садъ была задвинута тяжелой желѣзной полосой. Въ саду, гдѣ неподвижно стояли черныя деревья, никого не было, но за освѣщенными окнами дома двигались три или четыре фигуры. Лохову Блэкъ

„Да, мы матросы изъ Бремергафена!..“

Мы растянулись между камнями на сухомъ мелкомъ пескѣ.

закричала женщина, отшатываясь къ стѣнѣ.

Старикъ хотѣлъ-было броситься къ задней двери, но Блэкъ толкнулъ его на окованный желѣзомъ сундукъ.

— Не кричите, мадамъ!— сказалъ Круазье, съ сконфуженнымъ видомъ вертя въ рукахъ свою изорванную фуражку.—Мы голодные люди, которые нуждаются только въ кускѣ хлѣба. Увѣряю васъ...

Изъ кухни, гдѣ были англичанинъ и Лоховъ, донесся крикъ служанки и какая-то возня.

— Боже мой, они убиваютъ Марту! — простонала хозяйка и вдругъ упала на колѣни, охвативъ бѣлыми полными руками мои грязные сапоги.

— Прошу васъ!—лепетала она.—Не убивайте меня!.. Пустите... Мы отдадимъ все, что у насъ есть!.. Умоляю васъ!..

Я напрасно усиливался поднять ее съ полу и очень обрадовался, когда появленіе Блэка и Лохова положило конецъ этой дикой сценѣ.

поручилъ перелѣзть черезъ заборъ и открыть калитку: я долженъ былъ постучать въ дверь и попросить, чтобы мнѣ открыли, сказать, что принесъ письмо, словомъ, все, что мнѣ угодно. Пройдя по дорожкѣ, усыпанной пескомъ, и стоя на крыльцѣ, я отлично видѣлъ, что происходило въ домѣ. За большимъ столомъ, накрытымъ для ужина, сидѣлъ старикъ съ краснымъ лицомъ и подстриженными сѣдыми усами и читалъ газету. Противъ него въ мягкомъ креслѣ помѣщалась высокая худая дама и, положивъ на колѣни руки, въ которыхъ держала вязанье, внимательно слушала чтеніе. Я минуты двѣ смотрѣлъ на этихъ людей, не подозрѣвавшихъ о томъ, что съ ними сейчасъ должно произойти что-то страшное, о чемъ они будутъ потомъ разсказывать всю свою жизнь, и не рѣшался постучать.

— Что же, скоро?—спросилъ сердитымъ шопотомъ Блэкъ. — Или вы будете ждать, пока они сожрутъ нашъ ужинъ?!

Я поднялъ руку и три раза стукнулъ въ дверь. Мужчина прислушался съ спокойнымъ видомъ къ этимъ глухимъ ударамъ, отмѣтилъ ногтемъ то мѣсто въ газетѣ, до котораго дочиталъ, и медленно вышелъ изъ комнаты.

— Это ты, Гансъ?—спросилъ онъ.

У меня такъ сильно билось сердце, что казалось, будто его удары можетъ слышать и тотъ, кто стоялъ за дверью.

— Нѣтъ, это не Гансъ! — отвѣтилъ я, осторожно отстраняя Блэка, который, согнувшись, какъ огромная собака, вертѣлся у моихъ ногъ вокругъ крыльца.

— А кто же здѣсь? — съ недоумѣніемъ спросилъ фермеръ.

— Письмо! — громко и твердо сказалъ я.

Слово это услышала и женщина. Она бросила вязанье, вскочила, какъ молодая, и выбѣжала изъ комнаты.

— Скорѣй, скорѣй отворяй! Это отъ Фрица. Я говорила, что получу письмо! Еще недѣлю тому назадъ говорила, когда его перевели въ Польшу.

Старикъ отодвинулъ засовъ, и мы всей компаніей, неловко толкая другъ друга, ввалились въ коридоръ, превосходно освѣщенный висячей лампой.

— Ну, что же дальше? — сказалъ я, растерянно улыбаясь и смотря на своихъ товарищей.

— Кто вы такіе!? Что вамъ нужно?—

„Бѣжимъ скорѣй!..“

— Бѣжимъ скорѣй!—сказалъ англичанинъ.- Мы захватили окорокъ, сыръ и четыре бутылки пива, но скверно, что работникъ удралъ въ окно и те.ерь, сломя голову, бѣжитъ въ деревню! (см. стр. 930).

Онъ грубо оттолкнулъ женщину, дверь за нами захлопнулась, и, прыгая черезъ клумбы цвѣтовъ и ломая кусты, мы очутились за калиткой сада.

Все это произошло въ нѣсколько минутъ, но мнѣ казалось и кажется теперь, что прошли цѣлые часы съ того момента, когда я постучалъ въ дверь фермы и вновь выбѣжалъ на дорогу, озаренную блѣднымъ свѣтомъ звѣздъ. До мельчайшихъ подробностей запомнилъ я фигуру старика, сидѣвшаго въ своемъ синемъ жилетѣ съ блестящими желтыми пуговицами около сундука, съ вытянутыми ногами и опущеной на грудь головой, что придавало ему сходство съ сломаннымъ игрушечнымъ паяцемъ: разорванныя сапогомъ кружева на платьѣ женщины и большую сѣрую кошку, которая спокойно смотрѣла со стола на весь этотъ переполохъ.

— Скорѣй! скорѣй!—торопилъ Блэкъ.—Теперь насъ не пощадятъ!

IV.

Облава.

— Полагаю, что намъ не придется отдыхать,—сказалъ англичанинъ, когда мы миновали ферму.—Этотъ буйный нѣмецъ подниметъ такую возню кругомъ, что я желалъ бы находиться какъ можно дальше отсюда. Смотрите, смотрите! Онъ бѣгаетъ по двору съ фонаремъ и, должно-быть, запрягаетъ лошадей. Ну, теперь держитесь!

Однако голодъ былъ такъ силенъ, что мы не могли итти дальше и остановились, пока Блэкъ кромсалъ мясо и сыръ ножомъ, который онъ захватилъ на кухнѣ.

Сзади насъ раздался выстрѣлъ и бѣшеный топотъ лошади по направленію къ деревнѣ.

— Только бы успѣть добраться до лѣсу, — сказалъ Лоховъ.— Тутъ не больше версты. Побѣжимъ!

И, торопливо глотая на ходу куски сочнаго окорока, вкуснѣе какого я никогда въ жизни не ѣлъ, мы по глубокому песку направились въ ту сторону, гдѣ смутно чернѣла древесная чаща. Гдѣ-то послышался еще выстрѣлъ. Захлебываясь, зазвучалъ колоколъ въ деревнѣ. Вправо отъ насъ вспыхнула и высоко надъ полемъ разсыпалась сигнальная ракета.

— Я вамъ говорилъ, что это дѣло у нихъ отлично налажено.— сказалъ сибирякъ. — Поторопите англичанина: теперь некогда бутылки съ пивомъ открывать!

— Черезъ часъ, или два, когда они меня повѣсятъ, пиво потеряетъ весь свой вкусъ,—отвѣтилъ спокойно Блэкъ и швырнулъ пустую бутылку въ кусты вереска.

Съ непостижимой быстротой ширилась и росла тревога. По дорогѣ, огибавшей внизу холмъ, на которомъ мы находились, бѣшенымъ галопомъ мчались всадники, бѣжали, громко разговаривая, мужчины и женщины, направляясь къ деревушкѣ, въ которой, то ослабѣвая, то усиливаясь, звучалъ набатный колоколъ; слышались свистки, крики, и десятки желтыхъ фонарей, какъ свѣтляки, блуждали по равнинѣ. Добѣжавъ до лѣса и еле переводя дыханіе отъ усталости, мы упали на траву и стали наблюдать за всей этой суматохой.

— Ѣшьте сыръ, джентльменъ!—посовѣтовалъ Блэкъ.—Скоро мы не будемъ нуждаться ни въ какой пищѣ!

— Но въ лѣсу имъ не такъ-то легко будетъ насъ поймать!— отвѣтилъ я.

— Ночью, можетъ-быть, но днемъ въ этомъ голомъ лѣсу не спрячется и кошка.

— Эхъ, если бы намъ четыре ружья!—сказалъ Круазье.—Кажется, они уже выѣхали?

Мы прислушались. Слабый вѣтеръ, шелестѣвшій вѣтвями надъ нашей головой, донесъ лошадиный топотъ и неясные крики толпы.

Мы поднялись и побѣжали въ глубину лѣса. Спокойно и ясно блестѣли звѣзды въ широкихъ просвѣтахъ между деревьями, теплый воздухъ былъ напоенъ ароматомъ какихъ-то травъ, въ вышинѣ шелъ невнятный шорохъ и шумъ, и все случившееся съ нами стало мнѣ казаться какимъ-то кошмаромъ. Мы ушли, какъ намъ казалось, очень далеко, когда въ дремотную тишину лѣса ворвались крики преслѣдователей; голоса шли справа, слѣва, и порой казалось, что весь лѣсъ былъ наполненъ людьми, перекликавшимися другъ съ другомъ.

— Они насъ окружаютъ,—сказалъ Лоховъ, внимательно прислушиваясь.

— Въ сущности, все равно, гдѣ ни умереть,—замѣтилъ Круазье:— здѣсь или въ траншеѣ. Простите, друзья, что я затѣялъ это бѣгство, которое кончается такъ плохо. Пожмемъ другъ другу руки и умремъ, какъ солдаты.

Голоса слышались все ближе и ближе.

— Сначала выберемъ подходящую позицію,—отвѣтилъ Блэкъ.— Это уже ваше дѣло, капитанъ. Я только солдатъ и исполню приказаніе.

— По-моему, есть еще одно средство,—сказалъ Лоховъ.

— Какое?

— Если бы намъ удалось забраться на деревья...

Я разомъ понялъ мысль сибиряка и сказалъ о ней французу и Блэку. Послѣдній пришелъ въ восторгъ.

— Но какъ, чортъ побери, я могъ забыть о такой простой штукѣ!—вскричалъ онъ.—Въ Кепъ-Тоунѣ я продѣлывалъ ее нѣсколько разъ. Правда, что тамъ деревья были совсѣмъ другія, можетъ-быть, это и сбило меня съ толку.

Лоховъ и англичанинъ превосходно лазали по стволамъ, но мы съ капитаномъ не обладали этимъ искусствомъ. Однако, при помощи Блэка, какъ я, такъ и французъ благополучно добрались до первыхъ вѣтвей двухъ сосѣднихъ буковъ. Поднимаясь все выше и выше, я увидѣлъ наконецъ надъ собой спокойное темное небо, окропленное огнемъ. Голоса слышались все ближе и ближе. Мелькнули фонари, бросая красноватый отблескъ на деревья, и прямо подо мной остановилась кучка людей.

— Они хотѣли убить Іоганна,—услышалъ я чей-то грубый голосъ.—Искали денегъ и золота, но не нашли!

— Марта говоритъ, что они грозили выколоть ей глаза.

— О, Боже, есть ли у этихъ звѣрей сердце?

— Только бы поймать ихъ, они у насъ за все заплатятъ!..

— Ну, пойдемте дальше! Да что вы сбиваетесь въ кучу? Растягивайтесь цѣпью! Не бойтесь, лѣсъ полонъ народомъ!

Голоса постепенно удалялись и наконецъ заглохли, потонули въ ровномъ зеленомъ шумѣ. Мы соскользнули на землю и бросились за Лоховымъ къ опушкѣ по той дорогѣ, по которой уже шли, и гдѣ нѣмцы успѣли осмотрѣть каждый клочокъ земли. Они, конечно, не могли подозрѣвать, что мы пойдемъ по тому пути, по которому только-что пробѣжали наши преслѣдователи, и поэтому не оставили здѣсь никакой охраны.

До утра мы шли по сыпучимъ холмамъ, заросшимъ скудною жесткою травою, которые носятъ здѣсь названіе „гестовъ“. Когда брызнули первые лучи солнца, мы, падая отъ усталости, забились въ чащу кустарника съ длинными, гибкими вѣтвями и заснули, какъ убитые.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бельгійцамъ.

Муза! Для чего ты прилетѣла?
Если пѣть ты хочешь о любви,
Пой со мной — восторженно и смѣло —
Бельгію, лежащую въ крови.

Муза! Для чего намъ Иліада
И ея торжественный напѣвъ,
Если заглушаетъ канонаду
Фландріи давно забытый левъ?

Михаилъ Сандомирскій.

Записная книжка Чехова.

Очеркъ **К. Чуковскаго.**

— Что это вы пишете?

— Такъ, записываю. Сюжетъ мелькнулъ... Сюжетъ для небольшого разсказа...

Оказывается, и Чеховъ, какъ Тригоринъ, записывалъ въ особую книжечку мелькнувшіе сюжеты разсказовъ. И не только сюжеты, а все, что случится:

Чеховъ-гимназистъ (1874 г.).

— Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ-нибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на рояль... Ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе заперетъ всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось пригодится.

Чеховъ никого не пускалъ въ эту свою кладовую: врядъ ли былъ хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ онъ желалъ бы откровенничать о такомъ интимнѣйшемъ дѣлѣ, какъ творчество. И только теперь, послѣ смерти писателя, этотъ драгоцѣнный тайникъ слегка пріоткрылся для насъ. Отрывки изъ дневника, афоризмы, рисунки, наброски, этюды, мысли, воспоминанія, проекты разсказовъ и пьесъ,—все это складывалъ и складывалъ Чеховъ въ потаенную свою кладовую.

Это сырой матеріалъ, но — какъ часто онъ бываетъ дороже монументальныхъ твореній. Какъ часто тѣ этюды художника, что остаются у него въ мастерской или теряются въ заброшенномъ альбомѣ, свѣжѣе, полнокровнѣе, жизненнѣе законченныхъ, „зализанныхъ“ полотенъ, которыя онъ посылаетъ на выставку.

Эта Чеховская книжка этюдовъ—одинъ изъ ключей къ его творчеству. Если до сихъ поръ мы могли только восхищаться Чеховымъ, то отнынѣ мы можемъ его изучать.

Я перелистываю эту милую книжку и думаю приблизительно такъ:

I.

Любовь—торжественное, поэтическое чувство. Оно создано для Данте, для Ромео. Странно было бы влюбиться въ тараканщика, въ морильщика клоповъ и тараканов.

— О комъ ты вздыхаешь, Джульетта?

— О морильщикѣ клоповъ и таракановъ.

— Лаура, кому ты отдала свое сердце?

— Факельщику похороннаго бюро.

Это несуразно и дико. Но именно такія несуразности, абсурды, гротески записывалъ и записывалъ Чеховъ въ свою потаенную книжку: о статскомъ совѣтникѣ, который ходитъ въ театръ лаять за кулисами собакой, чтобы получить за это лаяніе рубль: о робкомъ юношѣ, которому какая-то вѣдьма-старуха ночью по ошибкѣ поставила клизму; о богачѣ, который застрѣлился отъ нужды, чувствуя себя нищимъ при ежегодномъ доходѣ въ 50 тысячъ рублей.

Такими абсурдами, какъ мы ниже увидимъ, многообразно питается сложная лирика Чехова. Это символы его ощущенія жизни. Онъ съ удивительной тщательностью запечатлѣлъ въ своей книжкѣ все, что невпопадъ, что некстати, всякую галиматью, чепуху. Въ этихъ образахъ основа его творчества. Подобно Флоберу, онъ особенно зорокъ на идіотизмъ и бездарность людей, и вотъ, какъ Флоберъ, собираетъ съ упоеніемъ по зернышку образчики человѣческой глупости,—огромную коллекцію, цѣлый музей!

— Сколько между дамами идіотокъ! Къ этому такъ привыкли, что не замѣчаютъ этого!—записываетъ онъ въ своей книжкѣ.

И снова черезъ нѣсколько страницъ:

— На одного умнаго приходится тысяча глупыхъ, и на одно умное слово приходится тысяча глупыхъ... И эта тысяча заглушаетъ... Большинство, масса всегда останется глупой...

И чѣмъ культурнѣе, тѣмъ глупѣе. Культура только способствуетъ глупости:

— Университетъ развиваетъ всѣ способности, въ томъ числѣ и глупость,—меланхолически записываетъ Чеховъ.

Всмотримся хотя бы въ то, что записано имъ въ этой книжкѣ о любви, о семьѣ, о супружествѣ. Это апогей человѣческой глупости.

— Честь имѣю представить! Иванъ Ивановичъ Изгоевъ, любовникъ моей жены!—говоритъ жизнерадостный, веселый мужчина и заразительно при этомъ хохочетъ.

А другой съ апломбомъ внушаетъ женѣ:

— Я твой законнорожденный мужъ!

Невѣста ласкается къ своему жениху:

— Ахъ ты мой прыщикъ!—говоритъ она нѣжно.

„Женихъ подумалъ, потомъ обидѣлся, разошлись“,—записываетъ Чеховъ въ тетрадкѣ.

Другому жениху говорятъ:

— Ваша невѣста хорошенькая.

— Для меня онѣ всѣ одинаковы,—пренебрежительно отвѣтствуетъ онъ.—Любовь?! влюбленъ?! никогда! я коллежскій асессоръ!

А какой-то еще, признаваясь въ любви, пишетъ въ любовномъ посланіи:

— Прилагаю на отвѣтъ семикопеечную марку.

Вдругъ бы Татьяна свое посланіе къ Онѣгину снабдила семикопеечной маркой!

Такое глупое оскорбленіе любви Чеховъ отмѣчалъ непрестанно. Вотъ послѣ любовныхъ объятій Ромео говоритъ своей Джульеттѣ:

— Мы, Болдыревы, всегда отличались крѣпкимъ здоровьемъ.

Словно онъ покушалъ борщу или попарился въ банѣ.

А другой такой же Болдыревъ мечтаетъ: „когда я разбогатѣю, то открою себѣ гаремъ, въ которомъ у меня будутъ голыя толстыя женщины съ ягодицами, расписанными зеленой краской“.

И онъ же изрекаетъ о женѣ:

— Ѣхать съ женой въ Парижъ все равно, что ѣхать въ Тулу со своимъ самоваромъ.

Глупость сочетается съ дрянностью. Мертвыя, гнилыя сердца! Многолюбившая барыня говоритъ о своей супружеской жизни: „теперь я за третьимъ замужемъ... перваго звали Иванъ Макарычемъ... второго Петръ... Петръ... забыла!“

И не только любовь-влюбленность, но и любовь къ отцамъ, къ матерямъ, та самая, которую поэты называютъ святою, гадка и тошнотворна въ этой книжкѣ.

— Мамаша, вы не показывайтесь гостямъ: вы очень толстая,—говорятъ своей матери дѣти и прячутъ ее въ какія-то заднія комнаты.

— Дѣдушка, попробуйте рыбки! — предлагаютъ они старику несвѣжую рыбу съ сомнительнымъ запахомъ. Если дѣдушка не отравляется рыбой, то ее ѣстъ вся семья.

А другого дѣдушку, очень сердитаго, малолѣтніе внуки рѣ-

Антонъ Павловичъ Чеховъ въ юности со своимъ братомъ—художникомъ Николаемъ (1883 г.).

шили взорвать, какъ папа-инженеръ взрываетъ скалы. Они похитили у папы фунтъ пороху, провели подъ дѣдушку фитиль, и только случайность спасла старика отъ этой семейственной ласки.

И въ томъ, что дѣлаютъ родители съ дѣтьми, такой же сумбуръ и вздоръ. Этотъ лѣчитъ свою дочь отъ глистовъ, которыхъ у нея никогда не бывало, довелъ ее до худосочія, до чахотки, а тотъ ни съ того ни съ сего учитъ свою дочь фортификаціи, хотя изо всѣхъ во всемъ мірѣ наукъ фортификація нужна ей наименѣе. А вотъ этотъ мучительски сѣчетъ своего прилежнаго сына за то, что онъ получаетъ пятерки: пятерокъ ему кажется мало! Завтра же чтобъ были шестерки! Когда же ему потомъ разъяснили, что онъ неправъ, что пятерка, это—лучшая отмѣтка, онъ, по свидѣтельству Чехова, все-таки высѣкъ сына: съ досады на себя.

— Жуйте, какъ слѣдуетъ,—говорилъ отецъ. И жевали хорошо, и гуляли по два часа въ сутки, и умывались холодной водой, все же вышли несчастные, бездарные люди.

Здѣсь нѣтъ ни эпиграммъ, ни сатиръ, это не обличеніе, не исправленіе нравовъ, это личная обида и боль. Это еле-слышный упрекъ: люди, какъ вы смѣете быть такими бездарными? Словно Богъ обѣщалъ ему какую-то изящную жизнь, какихъ-то неизреченно-прекрасныхъ людей, и вотъ не сдержалъ обѣщанія. Исправлять же ихъ и передѣлывать не къ чему: „некогда мнѣ возиться съ этой сволочью“,—пишетъ Чеховъ твердо и гордо. Наша бездарность не огорчаетъ его, а оскорбляетъ, язвитъ, какъ Флобера, Мопассана или Лермонтова. Кажется, онъ проститъ намъ все, даже нашу глупость и злость, но не проститъ намъ бездарности *).

Слово „бездарность“ въ этой Чеховской книжкѣ встрѣчается удивительно часто. „Бездарный писатель“, „бездарный ученый“, „бездарный актеръ“—это на каждомъ шагу. Есть очень энергичная строчка:—„бездаренъ, какъ сивый меринъ“.

— Въ жизни нашихъ городовъ,—пишетъ Чеховъ,—нѣтъ ни пессимизма, ни марксизма, никакихъ вѣяній, а есть застой, глупость, бездарность.

Къ каждому бездарному человѣку онъ относился, какъ къ личному своему врагу; бездарность въ его глазахъ преступленіе.

II.

И всюду бездарныя рѣчи, глупыя, некрасивыя лица,—даже фамиліи глупыя: мадамъ Гнусикъ, господинъ Чепчикъ, Розалія Осиповна Ароматъ!

— Будь я за границей, мнѣ бы за такую фамилію медаль дали,—похваляется Трифонъ Кастрюля.

Эти Гнусики даже физически гнусны. Вотъ беременная дама, похожая на кенгуру; вотъ пухлая и толстая трактирщица—помѣсь свиньи съ бѣлугой; вотъ барышня, у которой ротъ, какъ дупло: хочется положить туда копейку, и т. д., и т. д., и т. д. Тошнотворно-уродлива жизнь! Не смотрѣть бы, закрыть бы глаза, но Чеховъ ненасытно глядитъ, растравляетъ въ себѣ эту брезгливость, словно въ ней для него какая-то странная отрада. Бережно, тщательно заноситъ въ тетрадку несуразныя, идіотскія рѣчи:

— Чѣмъ вашъ мужъ занимается?

— Касторку принимаетъ.

— Отчего умеръ вашъ дядя?

— Онъ вмѣсто пятнадцати капель Боткина, какъ прописалъ докторъ, принималъ шестнадцать.

Такихъ діалоговъ у него записано множество. Безъ нихъ была бы неполна его коллекція абсурдовъ, несуразностей, нелѣпостей.

И не только глупыя рѣчи, но глупые дѣла и поступки: этотъ каждый день производитъ себѣ рвоту для здоровья, а тотъ, когда пьетъ молоко, кладетъ себѣ муху въ стаканъ. А вотъ этотъ, испортивъ часы, окунаетъ ихъ въ святую воду для починки... А какой-то хозяинъ гостиницы подаетъ постояльцу счетъ:—клопы 15 копеекъ.

Удушливо-глупые Фырзиковы, Мордохвостовы, Цыпчики, они сами—воплощенный абсурдъ.

III.

Но для чего же Чехову эти абсурды? Зачѣмъ онъ собираетъ ихъ съ такой удивительной тщательностью? Развѣ могутъ они пригодиться ему въ его поэтическомъ творчествѣ?

Попробуемъ всмотрѣться въ нихъ пристальнѣе.

Всѣ они разнообразны, какъ жизнь. Мелькаютъ, пестрятъ въ глазахъ. И только послѣ долгаго вглядыванія замѣчаешь въ нихъ какую-то общую схему, общій, одинаковый планъ. Въ сущности, это одинъ и тотъ же сюжетъ, но разсказанный на тысячу ладовъ. Это варіаціи одной-единственной темы. Если снять съ этихъ мелькающихъ образовъ ихъ пестрыя разнообразныя одежды, то окажется, что они—близнецы. Это была только иллюзія, будто Чеховъ писалъ о разномъ; онъ—какъ и каждый великій писатель—писалъ многообразно объ одномъ.

Его излюбленная тема такая:

Былъ лѣсъ: превосходный, здоровый. Пригласили для ухода лѣсничаго. Лѣсъ тотчасъ же захирѣлъ и погибъ.

Безсмыслица, странный абсурдъ. Казалось бы, этотъ превосходнѣйшій лѣсъ именно при появленіи лѣсничаго долженъ сдѣлаться еще превосходнѣе. Но вопреки всякой логикѣ—лѣсничій-то и губитъ его. Таковъ неотвратимый законъ въ заколдованномъ Чеховскомъ царствѣ. Логика вещей извращается; изъ каждой причины вытекаетъ неожиданное, противоположное слѣдствіе; содержаніе не соотвѣтствуетъ формѣ: вотъ величественный статскій совѣтникъ, но онъ лаетъ за рубль собакой. Вотъ нѣжная и тихая учительница, но она сѣчетъ и колотитъ дѣтей. Вотъ пѣвецъ, но онъ никогда не поетъ: „никто не слышалъ ни разу, какъ онъ поетъ“. Вотъ лѣсничій, но онъ никогда не видѣлъ лѣса. Вотъ богачъ, милліонеръ, но онъ стрѣляется отъ нищеты. Всюду это проклятое „но“. Если въ книгѣ на минуту мелькнетъ угрюмый, мрачный и тяжелый мужчина, то онъ скажетъ о себѣ непремѣнно:

— Я шутникъ! Я люблю пошутить.

Если появится атеистъ, вольтерьянецъ, издѣвающійся надъ всѣми святынями, то лишь затѣмъ, чтобъ тайно молиться въ соборѣ передъ кощунственно-осмѣянной иконой. У всѣхъ этихъ различнѣйшихъ образовъ схема построенія одинаковая: каждый образъ слагается изъ двухъ внутренне-противорѣчивыхъ частей, взаимно отрицающихъ другъ друга. Главный эффектъ заключается именно въ ихъ полярности. Оттого-то онѣ и скрѣпляются союзомъ „но“, указующимъ ихъ несоединимость, несовмѣстимость, абсурдность.

Чеховъ до упоенія любилъ отмѣчать неудачливость, никчемность, ненужность различныхъ человѣческихъ дѣлъ. Въ записной книжкѣ онъ съ непонятнымъ упорствомъ возвращается снова и снова къ этой излюбленной темѣ.

— N. всю жизнь боролся, изучая болѣзнь, изучая ея бациллъ; онъ посвятилъ всю жизнь этой борьбѣ, „но“ вдругъ незадолго до смерти оказалось, что эта болѣзнь нисколько не заразительна и совсѣмъ не опасна,—читаемъ на одной страницѣ.

На другой страницѣ почти дословно то же самое:

— Мужъ и жена всю жизнь ревниво слѣдовали идеѣ „иксъ“ и по ней, какъ по формулѣ, строили свою жизнь. И только передъ смертью спросили себя: а можетъ-быть, эта идея несправедлива?

Множество подобныхъ сюжетовъ: о чиновникѣ, который вѣрилъ всю жизнь, что онъ боленъ, отказался отъ всѣхъ наслажденій и радостей, и вдругъ „передъ смертью узналъ“, что онъ былъ здоровъ и силенъ; о докторѣ, который сталъ по ошибкѣ писателемъ, и только „передъ смертью спохватился“; о женщинѣ, которая весь вѣкъ прожила съ нелюбимымъ и только „потомъ поняла“, что жизнь сгублена, испорчена навѣки,—вообще о напрасныхъ, никчемныхъ дѣлахъ, которыя уже исправить нельзя.

„Люди дѣлаютъ не то и не такъ“,—здѣсь тема этихъ набросковъ, этюдовъ, эскизовъ. Учатъ дочерей фортификаціи! Сѣкутъ сыновей за пятерки! Лѣчатся всю жизнь отъ болѣзней, которыхъ у нихъ нѣтъ!

И странно: именно такіе поступки, идущіе наперекоръ естеству, для Чехова художественно-цѣнны! Онъ запоминаетъ ихъ, сберегаетъ, записываетъ. Неужели онъ отожествилъ живописное съ уродливымъ и нелѣпо-абсурднымъ? Почему только нарушеніе формъ, только искаженіе привычныхъ обличій привлекаетъ его къ себѣ, какъ художника? Мы видѣли, что записано имъ о бракѣ, о любви, о семьѣ. То же самое онъ записалъ обо всемъ, обо всѣхъ проявленіяхъ быта.

IV.

„Часы били какъ-то странно: пробили пять, потомъ три“. Ант. Чеховъ. „Мужики“.

Но что же онъ дѣлалъ съ такими гротесками? Для чего онъ собиралъ ихъ такъ тщательно? Имъ вѣдь не мѣсто въ его гармоническомъ творчествѣ. Чеховъ гармониченъ, какъ Пушкинъ: все у него соразмѣрно и стройно: ни судорогъ, ни гримасъ, ни надрывовъ. Геніальная простота его стиля до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Онъ единственный послѣ Пушкина умѣлъ въ литературѣ говорить ровно, не напряженно и просто. У Толстого простота—непростая; Тургеневъ рядомъ съ Чеховымъ—вычуренъ. Нужна была *великая воля и мужественность* ясной и несуетливой души, чтобы выработать такой стальной, лаконическій стиль. Тѣ же, кто сентиментально и кисло-сладко твердятъ до сихъ поръ о какой-то чеховской разслабленности, вялости, женственности, ничего не понимаютъ въ искусствѣ, ибо каждое твореніе Чехова такъ мускулисто, такъ энергично по своимъ краскамъ и образамъ, что является отрицаніемъ дряблости! И всюду мѣра, гармонія, стройность, строгая симметричность деталей. Глазъ у Чехова *трезвый и правильный*: онъ не видитъ ни химеръ ни чудовищъ. Это не Гоголевскій все-искривляющій, все-искажающій глазъ. Для чего же, повторяю, ему были нужны эти груды гомерическихъ абсурдовъ? Какъ онъ использовалъ ихъ въ своихъ драмахъ, повѣстяхъ и разсказахъ?

Обратимся къ этимъ повѣстямъ и разсказамъ.

Женщина поцѣловала въ темнотѣ не того, кого шла цѣловать, а другого. Родители благословили свою дочь не иконой, а портретомъ Лажечникова. Мужъ хочетъ купить револьверъ, чтобъ убить свою невѣрную жену, а покупаетъ птицеловную сѣтку, которая ему совсѣмъ не нужна.

Таковы его типичные сюжеты. Онъ вѣренъ имъ неизмѣнно всегда. Въ каждомъ отмѣчаетъ нескладицу человѣческихъ желаній и дѣлъ.

---

*) Впрочемъ, злость и бездарность для него непремѣнно синонимы: бездарный профессоръ Серебряковъ въ „Дядѣ Ванѣ“ и бездарный архитекторъ въ „Моей жизни“, уже въ силу своей бездарности, злы. Добрый человѣкъ не бываетъ бездарнымъ, не даромъ у героя „Припадка“ такой прелестный „талантъ доброты“.

А. П. Чеховъ у себя, въ Мелиховѣ, со своей любимой собакой Хиной.

Кладоискатель всю жизнь ищетъ и ищетъ кладъ, а на что ему кладъ, и не знаетъ („Счастье").

Чиновникъ призываетъ всѣхъ окружающихъ къ радости, учитъ ихъ искусству быть счастливыми, а самъ оказывается несчастнѣе всѣхъ („Счастливчикъ").

Дядя Ваня вѣшаетъ у себя въ спальнѣ, въ деревнѣ, огромную карту Африки, хотя спрашивается: на что ему Африка?—Неграмотный староста проводитъ къ себѣ телефонъ, который ему совершенно ненуженъ, которымъ пользуются лишь клопы и тараканы.—Вотъ первыя, какія мнѣ вспомнились, схемы Чеховскихъ сюжетовъ и образовъ, демонстрирующихъ ту же абсурдность нашихъ затѣй и дѣяній. У Чехова особенный тонъ, когда онъ повѣствуетъ о такой чепухѣ бытія: ровный, невзволнованный, „матовый".

Чуткій къ такой чепухѣ бытія, онъ отмѣчалъ ее не только въ водевиляхъ, а и въ позднѣйшихъ лирическихъ драмахъ и въ послѣднихъ столь углубленныхъ разсказахъ. Вспомните хотя бы „Трехъ сестеръ". Какая страшная демонстрація никчемности нашего быта.

Эти сестры такъ жаждутъ отъ жизни какого-нибудь подарка, сюрприза, и вотъ одна изъ нихъ въ день именинъ наконецъ-то получаетъ подарокъ:

— Позволь поднести тебѣ вотъ эту книжку, — говоритъ ей бездарный Кулыгинъ.—Исторія нашей гимназіи, написанная мною. Въ этой книжкѣ ты прочтешь списокъ всѣхъ, кончившихъ курсъ въ нашей гимназіи за эти пятьдесятъ лѣтъ!

Изо всѣхъ во всемъ мірѣ вещей ей меньше всего нужна эта „Исторія Гимназіи". Дѣвушкѣ, такой прелестной и кроткой, съ такой поэтичной душой, дарятъ, словно въ насмѣшку, офиціальную „Исторію казенной тмутараканской гимназіи съ приложеніемъ полнаго списка всѣхъ окончившихъ эту гимназію въ теченіе пятидесяти лѣтъ съ 1839 по 1889 годъ".

Но Чехову и этого мало. Оказывается, что и „Исторію Гимназіи" этой дѣвушкѣ дарятъ не впервые.

Вѣдь на Пасху ты уже подарилъ мнѣ такую книжку!—говоритъ сквозь слезы Ирина.

У нея вся душа раскрывается, молится, и жаждетъ и ждетъ, а ей — по тому же закону абсурда, которому у Чехова подчинена наша жизнь, подносятъ и не разъ, а всегда—нѣчто запыленное, мертвое, до ужаса, до смѣшного ненужное.

Чеховъ, должно-быть, и самъ не замѣтилъ, что такими же абсурдами, ненужностями онъ окружилъ, какъ кольцомъ, весь бытъ этихъ несчастныхъ „Сестеръ".

Начать хотя бы съ того, что въ городѣ, гдѣ живутъ эти сестры, долженъ бы быть вокзалъ, но онъ почему-то поставленъ чортъ знаетъ гдѣ,—въ сторонѣ.

— Странно,—говорятъ въ этой пьесѣ, — вокзалъ желѣзной дороги въ двадцати верстахъ отъ города! И никто не знаетъ, почему это такъ.

Сестры знаютъ много языковъ, но, къ чему имъ эти языки, неизвѣстно.

— Я и сестры,—говоритъ Андрей,—знаемъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, а Ирина знаетъ еще и итальянскій. Въ этомъ городѣ знать три языка—ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придатокъ, въ родѣ шестого пальца.

И все, что у нихъ есть, имъ ненужно. Все, что они знаютъ, ни къ чему. Все какіе-то шестые пальцы. А если какое-нибудь знаніе нужно, то именно его-то и нѣтъ:

— Думаютъ, что я докторъ, умѣю лѣчить всякія болѣзни, а я не знаю рѣшительно ничего, все позабылъ, что зналъ, ничего не помню, рѣшительно ничего,—говоритъ въ этой пьесѣ докторъ.

Словомъ, какъ и въ новонайденной книжкѣ, о которой мы сейчасъ говорили, все некстати, невпопадъ, не у мѣста. Всѣхъ вертитъ и швыряетъ во всѣ стороны злая чепуха бытія...

Не только въ записной своей книжкѣ, куда онъ заносилъ все мимолетное, но и въ самыхъ значительныхъ, монументальныхъ твореніяхъ Чеховъ отъ начала до конца былъ вѣренъ этой единственной темѣ. Проблема мірового абсурда неотразимо волновала его. Онъ рѣшалъ ее множество разъ не теоретически, не въ „мудрованіяхъ", а въ лирикѣ, въ безсознательныхъ интуитивныхъ откровеніяхъ, не вполнѣ понятныхъ ему самому. Умомъ онъ возставалъ противъ абсурда, а лирикой его-то и славилъ. То-есть не его, а тѣхъ покорныхъ и кроткихъ, которые подчинялись абсурду. Исключите изъ біографіи „Трехъ сестеръ" властвующій надъ ними абсурдъ,—и все ихъ обаяніе исчезнетъ...

Но это слишкомъ широкая тема, и здѣсь я ея не коснусь...

V.

Неужели же все безъ изъятія такъ удушливо, угарно въ этой книжкѣ?

Напротивъ. Она вся осіянная. Въ ней благословеніе и кротость, и тихая просвѣтленность души. Чеховъ глядитъ неотрывно на своихъ уродовъ и монстровъ и вдругъ (такъ неожиданно) пишетъ:

Какое наслажденіе уважать людей!

Кого же уважать? И за что? Ему ли, лѣтописцу пошлѣйшихъ дѣяній, изобразителю всечеловѣческой глупости, уважать этихъ омерзительныхъ гнусиковъ? Но Чеховъ, словно изъ окна созерцая всю нелѣпую безтолковость ихъ жизни, жаждетъ ихъ уважать и любить.

И восхищается ихъ великолѣпными душами, изумительною красотою ихъ дѣлъ.

Безъ этого онъ не былъ бы Чеховымъ,—безъ благоговѣнія предъ душой человѣческой. Флоберовскаго презрѣнія къ людямъ онъ не вынесъ бы ни единой минуты. Не даромъ былъ русскій писатель. Пусть бытъ—чепуха и абсурдъ, но бытіе ему молитвенно-мило.

— Какія чудесныя названья: богородицыны слезки, малиновка,—записываетъ онъ въ той же книжкѣ, гдѣ запечатлѣно столько опухолей, нарывовъ, прыщей, возникающихъ на человѣческой рѣчи.

Среди своихъ дураковъ и чудовищъ вдругъ замѣтитъ кроткую, деликатную душу, беззащитную, изящно-покорную, и вотъ уже зазвучитъ на страницѣ его Чеховская хрустальная музыка.

Эта музыка только тогда и звучала, когда онъ хоть на мигъ подходилъ къ побитымъ, виноватымъ, запутавшимся.

Онъ не только ихъ жалѣлъ и ласкалъ, онъ какъ-то — помимо сознанія—чувствовалъ, что въ нихъ красота, что въ нихъ оправданіе міра. Для него только они и прекрасны. Вычеркните ихъ изъ его книгъ, и книги потухнутъ, умрутъ. Онъ не любилъ въ себѣ этого пристрастія къ слабымъ, — старался пристраститься къ Пржевальскому, къ работникамъ, борцамъ и бойцамъ, — но лирически только и льнулъ, что къ такимъ, какъ Соня, Липа, Лаевскій, Раневская, только въ нихъ и почерпалъ свою поэзію. И когда въ этой книжкѣ мелькнетъ хоть на мигъ такое кроткое и жалкое лицо, всѣ Гнусики, уроды, Черномордики проваливаются куда-то сквозь землю, — и въ душѣ ощущеніе святости, благоговѣющей нѣжности.

Въ этой книжечкѣ Чеховъ записываетъ признаніе какого-то Алеши:

— Мой умъ, мама, ослабѣлъ отъ болѣзни, и я теперь какъ въ дѣтствѣ: то Богу молюсь, то плачу, то радуюсь.

Этотъ безотвѣтный Алеша для него святъ, какъ икона. Чѣмъ безотвѣтнѣе, тѣмъ святѣе. Здѣсь онъ находитъ убѣжище отъ своихъ дураковъ и чудовищъ. Если порою въ этомъ угарномъ, безсмысленномъ мірѣ ему станетъ на минуту уютно, это значитъ, что онъ оказался среди обиженныхъ, но безотвѣтныхъ людей. А счастливыхъ и довольныхъ не выноситъ.

— Какъ порой невыносимы люди, которые счастливы, которымъ все удается!—записываетъ онъ въ той же книжкѣ.

Безгрѣшные, безупречные люди тоже ему всячески чужды. Тамъ же онъ разсказываетъ смѣшную исторію „безгрѣшнаго“, который былъ вѣренъ женѣ, не пилъ, не курилъ и т. д., но всѣ отъ него сторонились; „когда же этотъ человѣкъ согрѣшилъ, его полюбили, и стали ему больше вѣрить, и, гуляя по улицѣ, онъ замѣчалъ, что всѣ стали ласковѣй, добрѣй, оттого, что онъ грѣшенъ“.

Это сочувствіе къ грѣшникамъ у Чехова проявлялось не разъ. Въ той же его книжкѣ читаемъ:

— У бабушки шесть сыновей и три дочери, она больше всѣхъ любила неудачника, который пьетъ и сидѣлъ въ острогѣ.

Для Чехова это естественно, иначе не можетъ и быть. Въ добродѣтельныхъ людяхъ ему мерещатся Апломбовы, фонъ-Корены, въ которыхъ онъ всегда инстинктивно чувствовалъ враговъ и душителей.

Никогда онъ не осѣнитъ ихъ такою поэзіей, какъ грѣшныхъ, погибающихъ, падшихъ.

VI.

Въ записной книжкѣ сохранились драгоцѣнныя строки именно о такихъ погибающихъ.

Дѣло въ томъ, что она, кромѣ всякихъ эскизовъ, этюдовъ, набросковъ, содержитъ въ себѣ продолженіе незабвеннаго разсказа „Мужики“.

Здѣсь-то и вскрываются лучше всего стихійныя пристрастія Чехова.

Въ этихъ новооткрытыхъ отрывкахъ разсказана дальнѣйшая участь вдовы Чикильдѣева Ольги и ея дочери Саши.

— Вы помните Сашу, ту дѣвочку, которая видѣла ангеловъ? Она стояла посерединѣ деревни и говорила подругѣ:

— Гляди на небо, не мигай,—ангеловъ видать. Видишь?

— Не видать,—отвѣчала подруга басомъ.

— А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками мелькъ, мелькъ, мелькъ, будто комарики.

Оказывается, эта поэтичная Саша сдѣлалась московской проституткой, а Ольга, ея кроткая мать, выгнана на улицу и гибнетъ, но тотъ мягкій чарующій свѣтъ, который источался отъ нихъ, не гаснетъ, а горитъ еще сильнѣе. Это не фраза: я физически чувствую, какъ отъ этихъ двухъ замордованныхъ женщинъ идетъ какое-то святое сіяніе, какъ отъ „Трехъ сестеръ“, какъ отъ Липы въ „Оврагѣ“. Пусть все кругомъ абсурдъ, чепуха, но вотъ горятъ же, какъ тонкія свѣчечки предъ какой-то потемнѣлой иконой, сіяютъ же умиляющимъ свѣтомъ эти деликатныя безотвѣтныя души, и для Чехова въ нихъ несказанная святость, и красота, и обѣтованіе радости.

Его всегда чаровала (безсознательно, помимо желанія!) красота человѣческой кротости.

— Ничего. Ничего. Ничего,—говоритъ многотерпѣливая Ольга.— Терпи, касатка, терпи, и все тутъ.

И умиляется Священнымъ Писаніемъ. А Саша, безропотно перенося свою каторгу, твердитъ съ такой же примиренной покорностью:

— Мы не можемъ быть счастливы, потому что мы простые.

Въ этомъ обаяніе ихъ душъ.

„Мужики“ для меня—чудо искусства. Даже жутко, что на десятокъ страничекъ можетъ умѣститься такъ много. Словно нѣсколько огромныхъ романовъ какимъ-то фантастическимъ прессомъ спрессованы, сжаты въ одинъ! Получилась такая густая—не повѣсть, а квинтъ-эссенція повѣсти, что хочется разбавить, разрѣдить. Одной маленькой странички хватило бы на десятки и десятки страницъ. Отсюда страшная динамика повѣсти. И такой торжественный, евангельскій тонъ, что, когда прочтешь ее всю, невольно скажется въ сердцѣ: аминь. Этотъ тонъ повторился у Чехова лишь въ его неоцѣненномъ „Оврагѣ“, который всегда для меня былъ богослуженіемъ, молитвой, христіаннѣйшимъ изъ твореній искусства, гдѣ такой же апоѳеозъ двухъ испуганныхъ, кроткихъ душъ, двухъ нищенокъ, Прасковьи и Липы. Въ каждой строкѣ такъ и чувствуешь:

„Блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю“.

„Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“.

И пускай кувыркаетъ людишекъ злая чепуха бытія,—есть на землѣ красота, и молитва и сладость!

„И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой“.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Объединеніе дѣйствій союзниковъ.

Въ послѣднее время былъ предпринятъ рядъ весьма важныхъ шаговъ по объединенію дѣйствій союзниковъ. Годичный опытъ войны обнаружилъ крайнюю необходимость такого объединенія, ибо, какъ оказалось, въ большинствѣ случаевъ нѣмцамъ удавалось вести рѣшительныя операціи на одномъ какомъ-либо фронтѣ при „молчаніи“ остальныхъ фронтовъ.

По этому поводу необходимо отмѣтить, что и наши противники въ началѣ войны дѣйствовали, не объединенные одной властью и одинаково не объединенные одной задачей. Какъ извѣстно, нѣмцы пошли на Францію, а австрійцы пошли на Россію—каждый пошелъ, куда хотѣлъ, и въ результатѣ каждый въ отдѣльности потерпѣлъ неудачу: нѣмцы были опрокинуты во Франціи, а австрійцы разбиты у насъ.

Только послѣ этого нашъ противникъ понялъ, что необходимо объединеніе всѣхъ силъ германскихъ и австрійскихъ, и потому уже во время слѣдующей кампаніи — наступленія 1915 года— австрійцы и германцы дѣйствовали вмѣстѣ, по общему плану и подъ общимъ руководствомъ германскаго генеральнаго штаба.

У союзниковъ рѣшеніе объединиться и согласовать дѣйствія различныхъ армій на различныхъ фронтахъ войны назрѣло позднѣе. Это объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ союзники оборонялись, а при оборонѣ на различныхъ фронтахъ войны еще можно было обходиться безъ особенно тѣснаго объединенія, безъ особенно тщательнаго согласованія дѣйствій различныхъ армій. Подобно тому, какъ отдѣльные форты крѣпости обороняются отдѣльно и самостоятельно, руководясь лишь общей задачей,— подобно этому и отдѣльные фронты союзниковъ въ настоящей мировой войнѣ могли также обороняться отдѣльно и самостоятельно, руководясь лишь общей цѣлью, и содѣйствовали лишь другъ другу посредствомъ оттяжки на себя части силъ противника.

Конечно, и при оборонѣ было желательно болѣе полное объединеніе, но все же эта необходимость не такъ настоятельно чувствовалась. Иное дѣло при наступленіи, когда необходимость сломить соединенными усиліями врага требуетъ уже полнаго согласованія дѣятельности на различныхъ фронтахъ войны.

Поэтому, когда появились извѣстія о предполагаемомъ объединеніи дѣйствій союзниковъ, можно было предположить, что впереди союзниками намѣчаются болѣе серьезныя активныя операціи, и что въ будущемъ всѣмъ арміямъ союзниковъ на всѣхъ фронтахъ будетъ ставиться одна общая задача, при чемъ каждый изъ отдѣльныхъ фронтовъ будетъ выполнять часть этой задачи, приходящуюся на его долю. Опытъ французскаго наступленія въ Шампани былъ, по существу, первымъ опытомъ такихъ согласованныхъ дѣйствій, гдѣ обоимъ фронтамъ, французскому и нашему, была поставлена одна общая задача: остановить наступленіе противника на нашемъ фронтѣ. Это было достигнуто соединенными усиліями нашихъ и французскихъ армій, при чемъ наши арміи оборонялись, а французы наступали на западномъ фронтѣ, оттягивая на себя часть силъ противника.

Однако, вообще достигнуть объединенія дѣйствій союзниковъ было не такъ легко не только потому, что различные фронты союзниковъ весьма удалены другъ отъ друга, но еще и потому, что французамъ и англичанамъ пришлось предварительно рѣшать задачу объединенія сначала французскихъ силъ подъ властью одного главнокомандующаго, а потомъ такого же объединенія англійскихъ силъ. Дѣло въ томъ, что и во Франціи и въ Англіи войска, дѣйствующія на различныхъ фронтахъ войны, были подчинены не одному главнокомандующему, а нѣсколькимъ, при чемъ и во Франціи и въ Англіи дѣйствія различныхъ главнокомандующихъ на различныхъ фронтахъ войны объединялись не въ лицѣ Верховныхъ Главнокомандующихъ, а въ лицѣ правительствъ, французскаго и англійскаго.

Согласно декрету 15-го октября 1913 года, французское правительство имѣло право, во-первыхъ, „опредѣлять политическую цѣль войны“; во-вторыхъ, если борьба распространяется на нѣсколько фронтовъ, правительство имѣло право „выбирать главнаго противника“; въ-третьихъ, правительство имѣло право распредѣлять „средства для борьбы и предоставлять необходимые рессурсы въ распоряженіе главнокомандующихъ арміями на различныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій“.

Изъ этого декрета видно, что до сихъ поръ во Франціи правительству принадлежалъ рядъ функцій по управленію войсками и распредѣленію ихъ, при чемъ такихъ стратегическихъ функцій, которыя должны принадлежать исключительно Верховному Главнокомандующему. Правительство въ лицѣ президента или премьеръ-министра и другихъ министровъ разрѣшало столь чисто-стратегическую задачу, какъ выборъ того противника, противъ котораго слѣдуетъ направить главный ударъ. Правительство также разрѣшало и другую важную стратегическую задачу—распредѣленіе войскъ между различными театрами, что, по справедливости, долженъ былъ рѣшать обязательно военный человѣкъ—стратегъ.

Поэтому военный министръ генералъ Галліени 19-го ноября подалъ рапортъ, въ которомъ, какъ сообщаетъ агентство „Гаваса“, приводитъ вначалѣ упомянутый декретъ 15-го октября 1913 года, а затѣмъ выражаетъ слѣдующее мнѣніе:

„Нынѣ опытъ, почерпнутый изъ военныхъ операцій на различныхъ театрахъ войны, указываетъ на необходимость установленія единства въ руководствѣ военными дѣйствіями, что можетъ быть обезпечено лишь въ томъ случаѣ, если во главѣ на-

шихъ армій будетъ стоять одно лицо, отвѣтственное за военныя операціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова".

Несомнѣнно, что опытъ войны указалъ на нѣкоторыя неправильности той системы командованія, гдѣ верховнымъ руководителемъ операцій французскихъ армій являлось правительство въ лицѣ политическихъ дѣятелей, среди которыхъ былъ только одинъ человѣкъ съ военнымъ образованіемъ и опытомъ — военный министръ. Прежде всего одинъ голосъ на совѣщаніи не могъ играть рѣшающей роли, и два любые другіе голоса, напримѣръ, министровъ торговли и народнаго просвѣщенія, могли пересилить голосъ военнаго министра. Затѣмъ военными министрами во Франціи часто бывали и люди не военные.

Такимъ образомъ, по существу, важнѣйшіе стратегическіе вопросы до сихъ поръ рѣшались не стратегами, а политическими дѣятелями, и притомъ не однимъ лицомъ, а цѣлымъ совѣщаніемъ. Именно на эту неправильность и указывалъ генералъ Галліени, предлагая избрать одного генерала на должность главнокомандующаго съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался всей полнотой власти и одинъ былъ отвѣтственъ за военныя операціи.

Можно еще отмѣтить, что руководство военными операціями политическихъ дѣятелей приводило иногда къ тому, что политическія задачи торжествовали надъ стратегическими. Со стратегической точки зрѣнія было желательно сосредоточеніе всѣхъ силъ на одномъ важнѣйшемъ театрѣ, въ данномъ случаѣ, на западномъ, французскомъ театрѣ. Съ политической точки зрѣнія — было желательно, наоборотъ, отвлеченіе нѣкоторой части на Дарданелльскій театръ и нѣкоторой части еще на Сербскій театръ, что не согласуется съ требованіемъ стратегіи, полагающей, что нельзя раздѣлять силы на нѣсколькихъ театрахъ, ибо это ведетъ къ тому, что эти силы равно слабы на всѣхъ фронтахъ.

Такимъ образомъ существовавшій порядокъ не давалъ достаточнаго равновѣсія между стратегіей и дипломатіей. Опытъ военной исторіи весьма часто показываетъ примѣры отсутствія связи между стратегіей и дипломатіей. Этотъ вопросъ довольно подробно разсматривается въ теоріи военнаго искусства, и тамъ выработаны на основаніи общихъ соображеній и опыта войнъ опредѣленныя положенія. Считается, что до войны, т.-е. въ періодъ подготовки къ войнѣ, стратегія находится въ подчиненіи у дипломатіи, которая опредѣляетъ политическія задачи страны и какъ бы предупреждаетъ стратегію о необходимости подготовиться къ выполненію этихъ цѣлей съ оружіемъ въ рукахъ. Примѣръ — Бисмаркъ предупредилъ Мольтке о будущей войнѣ съ Франціей, и послѣдній спеціально въ теченіе ряда лѣтъ заготовилъ для этого необходимыя силы.

Если дипломатія доминируетъ надъ стратегіей до войны, то во время войны политика подчиняется стратегіи и служитъ ей такъ же, какъ ей служатъ всѣ другія средства страны. Поэтому представляется неправильнымъ, если политическіе дѣятели, во имя своихъ политическихъ задачъ, вынуждаютъ стратегію выполнять тѣ операціи, которыя для послѣдней не желательны. На войнѣ всѣ средства служатъ для одной цѣли — для одолѣнія врага, а какъ одолѣть врага, знаетъ лишь главнокомандующій, которому довѣрилась страна, и только онъ одинъ можетъ направлять всю операцію, но не политическіе дѣятели.

Вотъ что̀, собственно говоря, и было признано французскимъ правительствомъ послѣ годичнаго опыта войны, когда послѣдовалъ новый декретъ президента Французской республики, устанавливающій должность „главнокомандующаго французскими арміями", на каковую должность назначался генералъ Жоффръ. Главнокомандующему французскими арміями, согласно этому декрету, подчинялись всѣ французскія войска на всѣхъ фронтахъ войны, за исключеніемъ войскъ, дѣйствующихъ въ колоніяхъ.

До сихъ поръ генералъ Жоффръ носилъ званіе „главнокомандующаго сѣверо-восточными арміями", и ему, слѣдовательно, не подчинялись французскія войска, бывшія на Дарданелльскомъ фронтѣ, какъ и французскія войска, дѣйствовавшія на Сербскомъ фронтѣ. На каждомъ изъ послѣднихъ фронтовъ былъ свой главнокомандующій, подчинявшійся непосредственно французскому правительству.

Теперь генералу Жоффру подчиняются не только войска западнаго французскаго фронта, но и арміи, бывшія въ Сербіи, и арміи, находящіяся въ Дарданелльскомъ раіонѣ. Генералъ Жоффръ такимъ образомъ становился „Верховнымъ Главнокомандующимъ" и являлся уже единственно отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ военныя операціи.

Это былъ первый случай, когда республиканское правительство Франціи рѣшилось довѣрить одному гражданину почти всѣ вооруженныя силы страны. До сихъ поръ французы этого избѣгали, отчасти опасаясь узурпаціи, отчасти считая, что въ республикѣ ни одинъ гражданинъ не можетъ быть облеченъ какой-либо чрезвычайной властью.

Одинаково объединеніе власти въ лицѣ одного руководителя, повидимому, Китченера — послѣдовало или послѣдуетъ въ Англіи, гдѣ до сихъ поръ высшее руководство операціями было въ рукахъ правительства. Одинъ изъ членовъ палаты лордовъ, лордъ Лерборнъ, въ своей рѣчи указывалъ на эту неправильность, при чемъ отмѣтилъ, что Дарданелльская операція была рѣшена политическими дѣятелями Англіи противъ мнѣнія военныхъ авторитетовъ, какъ, напримѣръ, противъ мнѣнія лорда Фишера. Опытъ нынѣшней войны также доказалъ англичанамъ необходимость передать руководство стратегическими операціями изъ рукъ правительства въ руки генерала-стратега.

Эти важныя мѣропріятія предшествовали объединенію дѣйствій союзниковъ на различныхъ фронтахъ войны, которое выразилось, повидимому, въ созданіи особаго коллективнаго органа — совѣщанія, которое уже нѣсколько разъ собиралось въ засѣданіи въ Калэ и въ Парижѣ.

Конечно, результаты этого объединенія дѣйствій не могли еще сказаться сразу. Но, несомнѣнно, въ будущемъ можно ожидать, въ случаѣ наступленія союзниковъ, полной согласованности дѣйствій, т.-е. одновременнаго наступленія на всѣхъ фронтахъ. Одинаково, въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до будущаго весенняго наступленія нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ, можно уже предполагать, что не одинъ нашъ фронтъ будетъ отбивать нѣмецкіе удары, а что нашей оборонѣ будетъ содѣйствовать одновременное наступленіе союзниковъ на всѣхъ фронтахъ войны, т.-е. на французскомъ и на итальянскомъ фронтахъ.

Опытъ наступленія въ Шампани, когда ударъ французовъ содѣйствовалъ задержанію нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ, показываетъ, насколько это важно.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 17.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1915 г. № 51 — XLVI г. изданія

Выданъ 19-го декабря 1915 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. И. А. Бунина" кн. 12.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СѢДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ постепенно и незамѣтно ихъ прежній натуральный цвѣтъ и мягкость возстановитель

„ОРІАНТИНЪ“.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ:

Германъ Гольдбергъ,

8857 Гостиный дворъ. 10-4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ, четвертый годъ изданія, НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ **САТИРЫ и ЮМОРА**

НОВЫЙ САТИРИКОНЪ

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 нумера богато иллюстрированнаго *красочными* рисунками и карррикатурами журнала большого формата. Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей. Кромѣ того, внесшіе годовую плату подписчики получать:

3 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ:

1) 1 обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦІИ. 8899 2-2

2) „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“: 1) ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ; 2) ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ; 3) СПИРИТИЗМЪ и ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ.

3) ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей.

Работа извѣстнаго художника Ре-ми (Н. Ремизова). Артисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки и пересылки: На 1 годъ — **6 р. 80 к. Съ доставкой и пересылкой:** На 1 годъ — **8 р.**, ½ года — **4 руб.**, 3 мѣсяца — **2 руб.**, 1 мѣсяцъ — **70 коп.** Допускается разсрочка: При подпискѣ *3 руб.*, 1-го мая *2 руб.*, 1-го іюля и 1-го Сентября по *1 руб. 50 коп.*

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. Тел. 59-07.

Редакторъ ***Аркадій Аверченко.*** Издатель: ***Т-во „Новый Сатириконъ“.***

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностран. языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.“, Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмецк. и англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностран. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати.

Цѣна тома 1 р. 10 к. (за налож. платежъ еще 25 коп.).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ

ДЛЯ САМООБУЧЕНІЯ:

Гимназія на Дому, Академія Иностранныхъ Языковъ, Академія Коммерческихъ Знаній, Школа рисованія живописи «Искусство для всѣхъ» 8840 2 2

и тысячи благодарственныхъ отзывовъ подписчиковъ, засвидѣтельств. нотаріусомъ, высылаются безплатно.

Издательское Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44—40.

Руководство для начинающихъ ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.

Множество указаній, какъ путемъ корреспондированія въ газеты создать постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.

Адр.: Москва, изд-ству **„ЛУЧЪ“, отд. 2.**

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ.

Опытн. писатель учитъ всѣхъ писать повѣсти, комедіи, стихи. Просп. безплатно. **Москва, Коммерч. ящ. 851 н.** 8912

„САДОВОДЪ“

ежемѣсячный богато - иллюстрированный журналъ по всѣмъ отраслямъ садоводства, огородничества, виноградарства и др. съ безплатными приложеніями. 8910

ЦѢНА ВЪ ГОДЪ 2 р. 50 к. СЪ ДОСТАВКОЙ.

Адр.: Ростовъ-на-Дону, редакц. „Садовода“.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоукрасить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. **Адресъ:** г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно - приходскому Попечительству, или 8843 Священнику Александру Смирнову. 4-4

КАТАЛОГЪ

темниковъ, рѣшеній, переводовъ и проч. учебн. пособій высылается **безплатно.**

Книжный складъ 8906

А. И. НАЗАРОВА.

МОСКВА, Тверская, Леонтьевскій, 17.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ всякій, выписавшій **„Механическую пропись“.** Новость въ каллиграфіи. Цѣна съ пересылкой 85 к., нал. плат. 95 коп. Адр.: **Москва,** ред. 8868 журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. (4)

Химико-бактеріологическая **ЛАБОРАТОРІЯ**

Б. ГУРЕВИЧА, Кіевъ, Б. Васильковская, 10.

ЕДИНСТВЕННОЕ РАДИКАЛЬНОЕ

средство для

БЫСТРАГО ИСТРЕБЛЕНІЯ

КРЫСЪ и МЫШЕЙ.

Заразу крысинаго и мыш. тифа. **Безвредн. для людей, птицъ и домашн. животныхъ.** 8911 Порція въ 2 р. 20 к. и 5 р. 15 к. 4-

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., **„Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.**

8909

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ...“ (Пс. 118). Кто эти святыя слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“ — все равно. Онъ также можетъ достигнуть **блестящихъ результатовъ**. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и **равноправію женщинъ**, нужно поспѣшить заняться **саморазвитіемъ** вамъ, юные, чтобы скорѣе замѣстить выбывшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей!

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія **каждымъ**, соотвѣтственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ **вполнѣ законченное цѣлое**, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: Историко-филологическій (основной) 12 р., спеціальные: Юридическій 11 р., Медицинскій 10 р., Біологическій (естественный) 9 р. и Богословскій 8 р. Выписывающіе чрезъ издателя **Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10**, безъ разсрочки платежа, за пересылку не платятъ. Возвратившимся съ поля брани нашимъ защитникамъ и лицамъ, послужившимъ имъ, а также учащимъ и учащимся особыя льготы. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается издателемъ безплатно. Продажа изданій во всѣхъ книготорговляхъ. 8841 2-2

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убористаго шрифт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стран. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. налож. плат. дор. на 25 к.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

на большую политическую внѣпартійную газету, издающуюся въ москвѣ

УТРО РОССІИ

(VII годъ изданія).

Въ 1915 году въ „УТРѢ РОССІИ“ напечатали свои статьи слѣдующія лица:

Леонидъ Андреевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, Т. Ардовъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. А. Бердяевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, проф. Р. Н. Брандъ, А. Боровой, Verus (Балканскій корреспондентъ), **В. Вильчуръ** (Нью-Іоркъ), **С. Глаголь, В. Грулевъ** (Франція), **В. Гроссманъ** (Копенгагенъ), **С. А. Иверовъ, проф. А. А. Исаевъ, А. Койранскій, В. Карпинскій** (Женева), **К. Каттанео** (Римъ), **проф. С. А. Котляревскій, проф. Н. П. Коломійцовъ, проф. Г. А. Кожевниковъ, А. Р. Ледницкій, В. Н. Литвиновъ-Фалинскій, Н. П. Мамонтовъ** (военный корр-тъ), **Тадеушъ Мицинскій, А. Г. Михайловскій, А. П. Мертваго, Н. А. Марксъ, Н. М. Минскій** (Парижъ), **Nemo** (Тегеранъ), **проф. И. Х. Озеровъ, Outsider** (Стокгольмъ), **проф. А. Л. Погодинъ, прив.-доц. А. И. Покровскій, А. Петрищевъ, З. Привъ** (Лондонъ), **Е. Сазановъ** (Лондонъ), **И. Ф. Троицкій** (военный обозрѣватель), **проф. кн. Е. Н. Трубецкой, К. Шумскій, С. И. Четвериковъ** и другіе.

Въ 1916 году „УТРО РОССІИ“ будетъ выходить ежедневно, ПО ТОЙ ЖЕ ПРОГРАММѢ, ПРИ ЗНАЧИТЕЛЬНО УСИЛЕННОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ и СОТРУДНИКОВЪ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ	9 р. — к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
» 11 мѣс.	8 р. 50 к.	» 5 »	4 р. 25 к.
» 10 »	8 р. — к.	» 4 »	3 р. 50 к.
» 9 »	7 р. 25 к.	» 3 »	2 р. 75 к.
» 8 »	6 р. 50 к.	» 2 »	2 р. — к.
» 7 »	5 р. 75 к.	» 1 »	1 р. — к.

За границу—вдвое.

8862 5-4

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА:

при подпискѣ **4** руб., къ 1 апрѣля — **3** руб. и къ 1 іюля — **2** руб.

Лица, желающія ознакомиться съ газетой, получатъ таковую за 3 десятикоп. марки въ теченіе недѣли.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ и СПРАВКИ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА, Путинковскій пер., д. Н. Н. Рябушинскаго, контора газеты **„УТРО РОССІИ“.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1916** ГОДЪ

на новый ежемѣсячный журналъ

„ЛѢТОПИСЬ“,

издаваемый при ближайшемъ участіи **М. ГОРЬКАГО.**

Первая книга выйдетъ въ началѣ декабря 1915 г.

Журналъ будетъ выходить въ Петроградѣ въ размѣрѣ 20—25 печат. листовъ.

Въ теченіе 1916 года въ журналѣ будутъ напечатаны ВПЕРВЫЕ:

Л. Н. ТОЛСТОЙ—ДНЕВНИКИ (въ извлеченіяхъ).

Дневники печатаются съ согласія **В. Г. Черткова.**

М. ГОРЬКІЙ—„ВЪ ЛЮДЯХЪ“, полностью (продолж. „ДѢТСТВА“).

Подписная цѣна: на годъ (съ 1 янв. 1916 г.)—**12** руб.; на полгода—**6** руб.; на 3 мѣс.—**3** руб.; на 1 мѣс. **1** руб.

Кооперативамъ, профессіональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ, народнымъ библіотекамъ и др. культурнымъ и просвѣтительнымъ обществамъ допускается скидка: на годъ: вмѣсто 12 руб.—10 руб., на полгода—5 руб. и **разсрочка платежа**, при условіи подписки черезъ контору **„Лѣтописи“:** при подпискѣ **4** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **3** р.

Годовымъ подписчикамъ декабрьская книга за 1915 г. высылается **безплатно**; всѣмъ остальнымъ лицамъ—**за одинъ** руб.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 25 коп.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, **Петроградъ, Б. Монетная, 18,** и кромѣ того, въ кн. маг. Сытина (Невскій, 68); Вольфа (Гост. Дворъ, 18); Карбасникова (Гост. Дворъ, 19); Яснаго (Невскій, 66) и въ др. кн. маг. Въ Москвѣ: въ кн. маг. „Русскаго Слова“, въ кн. маг. „Наука“, въ конт. Печковской, въ кн. маг. Сытина и др. Въ провинціи—во всѣхъ крупныхъ кн. маг. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. 9919

Издатель **А. Н. Тихоновъ.** Редакторъ **А. С. Радзишевскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1916** годъ НА ИЛЛЮСТРИРОВАНН. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЕ

IV-й г. изданія — IV-й г. изданія

ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ

Самый легкій и интересн. способъ изученія иностр. языковъ и постояннаго освѣженія въ памяти пріобрѣтенныхъ свѣдѣн. Иностранн. текстъ снабжается многочисленн. ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, дѣлающими его понятнымъ даже ЛИЦАМЪ СЪ САМОЙ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ. Чтеніе этихъ журналовъ не требуетъ поэтому НИКАКОГО НАПРЯЖЕНІЯ, служитъ ПОЛЕЗНЫМЪ РАЗВЛЕЧЕНІЕМЪ и даетъ возможн. шутя пріобрѣсти солидныя познанія по языкамъ.

Употребленіе словаря излишне.

ПРОГРАММА: 1. Широко поставленный беллетристич. отдѣлъ, въ которомъ печатаются разсказы, стихотворенія и повѣсти лучшихъ иностранныхъ писателей. 2. Юмористическій отдѣлъ: карикатуры, анекдоты, юморески. 3. Статьи историческаго и литературнаго характера. 4. Статьи и замѣтки о выдающихся событіяхъ изъ области науки, искусства, техники, изобрѣтеній, спорта, авіаціи и проч. 5. Иллюстраціи, фотограф., карикатуры. 6. Шарады, задачи, ребусы.

„LE PETIT FIGARO“
(на французскомъ языкѣ)

„THE ENGLISHMAN“
(на англійскомъ языкѣ).

Для удобства подписчиковъ и въ видахъ предоставленія имъ возможно большей свободы выбора установлены слѣд. подписные абонементы:

„LE PETIT FIGARO“

1-й франц. абонементъ:
12 книжекъ ежемѣсячн. журнала за 1916 г. по указанной выше программѣ.

2-й франц. абонементъ:
12 книжекъ **„Библіотека Языкознанія“** избран. произведеній великихъ писателей съ полн. переводомъ и коментар.

Въ теченіе 1916 года будутъ даны произведенія: **Флобера, Жоржъ-Занда, А. Дюма, Метерлинка, Верхарна, Пр. Мериме, А. Додэ, Ф. Коппе** и др.

3-й франц. абонементъ:
12 книжекъ-сборник. по программѣ журнала, вышедшихъ изъ печати въ 1915 г.

4-й франц. абонементъ:
12 книжекъ „Библіотека Языкознанія“: № 1. *Мюссе* „Съ любовью не шутятъ“. № 2. *А. Франсъ* „Разсказы“. № 3. *Г. Мопассанъ* „Разсказы“. № 4. *Мюрже* „Сцены изъ жизни Богемы“. № 5, 6 и 7. *В. Гюго* „Король веселится“. № 8. Антологія французск. поэтовъ. № 9 и 10. *Бальзакъ* „Кюре города Туръ“. № 11 и 12. *Е. Ожье и Ж. Сандо.* „Зять господина Пуарье“ (комедія).

„THE ENGLISHMAN“

1-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ ежемѣсячн. журнала за 1916 г. по указанной выше программѣ.

2-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ **„Библіотека Языкознанія“** избран. произведеній великихъ писателей съ полн. переводомъ и коментар.

Въ теченіе 1916 года будутъ даны произведенія: **Марка-Твена, Джерома, К. Джерома, Брэтъ-Гарта, Ч. Диккенса, У. Колинза, Теннисона, Арт. Конанъ-Дойля, Артура Моррисона** и др.

3-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ-сборник. по программѣ журнала, вышедшихъ изъ печати въ 1915 г.

4-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ „Библіотека Языкознанія“: № 1. *Диккенсъ* „Меблированныя комнаты со столомъ“ (разсказъ). № 2. *Киплингъ* „Разсказы“ № 3—5. *Конанъ-Дойль* „Знакъ четырехъ“. № 6. *Уэльсъ* „Разсказы“. № 7. *Джейкобсъ* „Разсказы“. № 8. *Арнольдъ Беннетъ* „Разсказы“. № 9, 10 и 11. *Оскаръ Уайльдъ* „Важность быть серьезнымъ“ (комедія). № 12. *Джекъ Лондонъ* „Разсказы“. 3917 2-1

Подписная цѣна:	1 любой абон. кажд. журн. въ годъ (12 кн.) **4 р. 50 к.**
	въ 1/2 года (6 кн.) **2 р. 50 к.**
	за каждый слѣдующій абонементъ **4 р. — к.**

Абонементы 3 и 4 (франц. и англ. могутъ быть высланы сейчасъ же полностью. Для ознакомленія высылается книжка журнала или „Библіотека Языкознанія“ по полученіи марками 45 коп.

Т-во Благо, Петроградъ, Николаевская, 44.

ГАРАНТИРОВАННЫЙ ЗАРАБОТОКЪ

100 и болѣе рублей въ мѣсяцъ.

ТЕПЕРЬ МЫ ПЛАТИМЪ 2 РУБЛЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЗА КАЖДУЮ ДЮЖИНУ ПАРЪ ЧУЛОКЪ ИЛИ НОСКОВЪ ВМѢСТО ПРЕЖНИХЪ 1 РУБ. 50 КОП.

Обстоятельства настоящаго военнаго времени принуждаютъ насъ значительно увеличить нашъ уже и безъ того большой сбытъ чулочнаго товара на рынки, такъ какъ требованія на этотъ товаръ увеличиваются изо дня въ день, а также въ виду того, что привоза изъ-за границы и западныхъ провинцій почти нѣтъ.

Чулки и носки, изготовленные на нашей автоматической быстровязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ", по прочности и изяществу превосходятъ всякія другія работы, напримѣръ, ручныя работы на такъ-называемыхъ плоскихъ машинахъ, въ виду чего мы имѣемъ возможность сбывать нашъ чулочный товаръ за болѣе высокія цѣны. Наша машина вяжетъ разныя трикотажныя издѣлія: фуфайки, кофты, шапки, платки, перчатки, гамаши и пр.

Машина ВИКТОРІЯ стоитъ только 150 руб. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она самая лучшая и дешевая машина въ продажѣ.

„ВИКТОРІЯ" вяжетъ 20,000 петель въ одну минуту, одинъ чулокъ въ 15 минутъ ежедневно 24 пары.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ для легкой домашней работы: мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Машина съ упаковкой вѣситъ приблизительно 1 пудъ и можетъ быть выслана почтой.

У насъ на складѣ имѣется постоянно большое количество машинъ, какъ и запасы вязальнаго матеріала, и мы по полученіи 50 руб. задатка исполняемъ заказы безъ замедленія. На остальную сумму стоимости наложенный платежъ.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ. — РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

— ТРЕБУЙТЕ НАШЪ БЕЗПЛАТНЫЙ ПРОСПЕКТЪ. —

Больше 300 БЛАГОДАРСТВЕННЫХЪ ПИСЕМЪ.

Вотъ что пишутъ наши сотрудники о нашей автоматической быстровязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ".

Микшино, Тверск. г., 6 окт. 1913 г.

... Машина «Викторія», на которой я работаю уже второй годъ, я ею чрезвычайно довольна. Куплена мною у Васъ вязальная машина «Викторія» по качеству оказалась выше всякихъ ожиданій, потому что я на ней могу связать въ день 2 дюж. паръ чулокъ, поэтому могу заработать въ день 3 руб.; кто только умѣетъ считать, пусть высчитаетъ мѣсячный заработокъ при моей работѣ, если я вяжу 2 дюж. паръ чулокъ въ день. Въ настоящее время я уже окончательно ознакомилась съ машиной «Викторія» и могу всѣмъ сказать, что она дѣйствительно вяжетъ въ нѣсколько разъ быстрѣе другихъ вязальныхъ машинъ и гораздо легче ходомъ, чѣмъ машины другихъ системъ. Машина работаетъ очень быстро и отличается своей простотой и прочностью, а посему, принося искреннюю благодарность за качество быстровязальной машины «Викторія», при пожеланіи полнаго процвѣтанія уважаемому Товариществу, и въ ожиданіи Вашего благосклоннаго отвѣта, имѣю честь быть сотрудница № 707. **Анна М.**

Котласъ, Волог. г.

... Посылаю для анализа пробный мужской носокъ, связанный на полученной отъ Васъ быстровязальной машинѣ «Викторія», а также посылаю отъ всей души благодарность за Вашу машину, которая мнѣ уже во многомъ помогла, и вижу отъ нея не только пользу, а прямую и неоцѣнную помощь. Со времени полученія многоуважаемой Вашей машины «Викторія», я не вижу нужды ни въ чемъ, и не на однихъ ногахъ вижу ловкость, а даже во всемъ семействѣ, и на себѣ, и въ карманѣ, и считаю машину «Викторія» не только машиной, а вѣрнымъ другомъ моей маленькой жизни... **Евдокія Т. К.**

Петроградъ, 26-го авг. 1914 г.

Еще разъ приношу искреннюю благодарность за Вашу доброкачественную машину, такъ какъ вотъ уже три года работаю на ней, но никакихъ поломокъ и починокъ не было; какъ машиной, такъ и Вашей работой очень благодарна. **А. Е.**

Сосновка, 8-го іюня 1914 г.

Милостивые Государи! Такъ какъ я въ теченіе 3-хъ мѣс. уже вполнѣ ознакомился съ Вашей машиной, то имѣю честь Вамъ сообщить, что я машиной очень доволенъ. Она вяжетъ превосходно, скоро и хорошо. Я уже теперь зарабатываю 2 руб. въ день. Я надѣюсь, что въ будущемъ я на Вашей машинѣ буду зарабатывать 100 руб. въ мѣсяцъ. **Ф. Ф. М. № 2347.**

25-го авг. 1913 г.

... А когда я научился работать, то нашелъ ее (машину «Викторія») наилучшимъ искусствомъ въ кустарной работѣ. При заработкѣ на машинѣ «Викторія» каждый человѣкъ, который хочетъ обезпечить свою жизнь въ матеріальномъ отношеніи, не долженъ имѣть 10 десятинъ земли, лишь бы имѣлъ машину «Викторія». Сотр. **К. Ф. д.**

Дѣйствующая армія, 26-го марта 1915 г.

Состоя Вашимъ сотрудникомъ болѣе двухъ лѣтъ, я имѣлъ счастье вполнѣ познакомиться съ Вашей многоуважаемой фирмой и теперь приношу Вамъ мою глубокую благодарность за пріобрѣтенную мною отъ Васъ вязальную машину и за Ваше хорошее отношеніе ко мнѣ, какъ сотруднику Вашему, но не по своей винѣ, а по общему ходу событій я оторванъ теперь отъ всего дѣла. Вашъ сотрудн. **Янъ Л., № 848.**

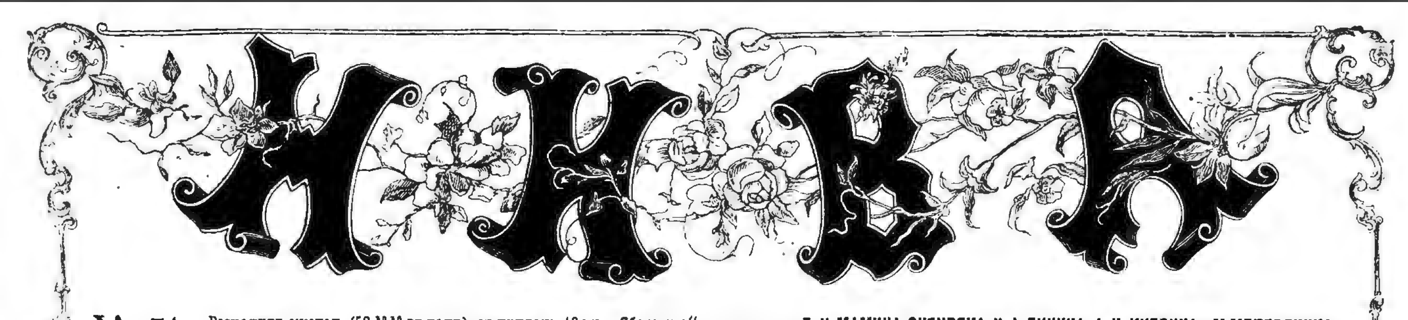
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

5908

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40/42—11 х. Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



№ 51. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 19 декабря 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Литературный альбомъ. „Ночь передъ Рождествомъ", Н. В. Гоголя. Кузнецъ Вакула и Оксана. Рисунокъ И. Ижакевича.

Подарокъ.

Разсказъ **Ивана Островного.**
Съ 7 иллюстраціями П. Бучкина.

I.

Столько снѣга нападало, что, кажется, ему не то, что къ лѣту, а и въ три года не растаять.

Никогда еще такого не бывало. Чуть не съ начала Филиппова поста какъ зарядило, да съ тѣхъ поръ и сыплетъ, сыплетъ. Остановится на денекъ—другой, отдохнетъ, а тамъ опять—откуда только берется. Должно-быть, тамъ, на небѣ, у Бога много его заготовлено.

И оттого кругомъ все бѣло — и лѣсъ, и рѣчка, и самое село, всѣ хаты, двѣ улицы, и проулки, и садики, и огороды, и гумна съ стогами сѣна и соломы, и даже церковь,—все бѣлое, такъ что издали и не покажется, что тутъ жилье человѣческое, и тотъ, кто его ищетъ, взглянетъ и подумаетъ: пустое поле, и, пожалуй, свернетъ въ сторону.

Да что село! Вся губернія, говорятъ, завалена снѣгомъ, такъ что въ томъ мѣстѣ (не близко отсюда), гдѣ безконечной лентой тянутся желѣзные рельсы, поѣзда на многіе часы застрѣваютъ въ пути среди поля.

На рѣчкѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ на берегу раскинулись постройки помѣщичьей усадьбы, уже съ утра шла работа: забрасывали неводъ, чтобы достать рыбы для предстоящаго сочельника. Нелегкое это было дѣло—при такой толщинѣ снѣжнаго покрова докопаться до льда, проложить въ немъ прорубь, да не одну, а, можетъ, три десятка, и забросить сѣти.

Парни, дѣвки, бабы и подростки, при помощи лопатъ, прутьевъ и просто длинныхъ палокъ, сгребали снѣгъ на-сторону, и вотъ уже образовалось изрядное пространство зеркально-гладкаго льда, въ которомъ весело отражались холодные лучи зимняго солнца, и мужики пустили въ ходъ тяжелые желѣзные ломы, прорубали ледъ вдоль средины рѣки и къ берегу, запускали туда сѣти, а потомъ въ продолженіе часовъ медленно вытаскивали ихъ на берегъ.

Для почтенныхъ усатыхъ и бородатыхъ рыбаковъ это былъ нелегкій трудъ. Они съ усиліемъ нагибались впередъ, и лица ихъ отъ натуги краснѣли, а для молодежи и ребятишекъ—поводъ весело попрыгать, подурить, побѣгать вперегонку, забрасывая другъ друга снѣжными комьями, повизжать, погоготать здоровыми и зычными голосами. Мохнатыя деревенскія собаки принимали во всемъ этомъ самое дѣятельное участіе, примыкая, разумѣется, къ послѣдней группѣ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этого живого человѣческаго муравейника, на берегу, на расчищенной отъ снѣга небольшой площадкѣ, поверхъ которой были положены доски, стояли двѣ фигуры—невысокая и сильно раздавшаяся въ ширь женщина, въ длинномъ до самой земли овчинномъ тулупѣ, держала за руку дѣвочку лѣтъ девяти, въ длинной бѣличьей шубейкѣ и высокихъ сапожкахъ на мѣху—тоненькую, худенькую, съ такой непроницаемой блѣдностью щекъ, что даже морозъ,—правда, легонькій, всего градуса въ три, — не могъ вызвать на этихъ щекахъ румянца.

Худенькое лицо дѣвочки все какъ бы освѣщалось большими, свѣтлыми, не дѣтски серьезными и глубокими глазами, которые сосредоточенно, внимательно смотрѣли на все происходившее на льду и какъ будто отмѣчали гдѣ-то въ душѣ каждую подробность.

Но иногда они отрывались отъ живой движущейся картины и, разсѣянно скользя поверхъ ея, вперялись вдаль и уходили въ безконечную синеву неба.

Тогда широкоспинная нянька въ длинномъ тулупѣ осторожно встряхивала ея тоненькую руку и какъ бы будила ее.

— Лизанька... Пташечка... Куда улетѣла, горленка моя?

Дѣвочка чуть-чуть вздрагивала, улыбалась и опять переносила свой взглядъ на рѣку, гдѣ такъ живо, пестро и разнообразно была представлена вся деревня.

Въ первое время онѣ стояли одиноко на берегу, тогда какъ вся деревня копошилась на рѣкѣ. Ихъ просто оттуда не замѣтили. Но вотъ увидѣла ихъ какая-то дѣвчонка и крикнула:

— А тамъ вонъ и Лизанька!

И сейчасъ же бросилась къ берегу, а за нею цѣлая стая ребятъ,—прибѣжали, окружили дѣвочку съ нянькой, прыгали вокругъ нея, подбѣгали къ ней близко и заговаривали съ нею, а она поворачивала къ нимъ свою голову въ сѣрой мѣховой шапочкѣ и всѣмъ улыбалась.

Дѣти знали ее, но они знали также, что ее теребить нельзя и нельзя даже звать ее поиграть, побѣгать, потому что она слабенькая и ей это вредно. Поэтому они и ограничивались тѣмъ, что играли близъ нея, какъ бы желая доставить ей развлеченіе.

Но длилось это не больше четверти часа. Уже давно рыбаки, впряженные въ лямки, посредствомъ которыхъ они дружно въ два ряда тащили изъ воды неводъ, вышли на берегъ и, продолжая свою работу, медленно подымались по откосу берега.

Но вотъ показались боковыя сѣти, рыбаки сняли съ плечъ лямки и начали дружно работать руками. То тамъ, то здѣсь, запутанная въ сѣти, сверкала на солнцѣ серебристая чешуя небольшой рыбешки, на которую они не обращали вниманія. А сѣти становились все шире, и добыча вмѣстѣ съ рѣчной травой попадалась уже покрупнѣе и все чаще и чаще.

— Ахъ, рыба!—воскликнула издали увидѣвшая это Лиза, и всѣ до одного ребята, точно по командѣ, съ радостными криками вихремъ понеслись къ сѣтямъ. Но дѣвочка съ своей нянькой остались на мѣстѣ:—ей это было „нельзя, вредно".

Радостный взоръ скоро сдѣлался тоскливымъ, потому что ей было досадно издали смотрѣть на то, какъ другіе, не боясь холодной морозной воды, голыми руками высвобождали рыбу изъ сѣтей и бросали ее на снѣгъ.

— Пойдемъ домой, Палашенька! со вздохомъ сказала она своей нянькѣ, и онѣ повернули къ усадьбѣ и пошли по узенькой дорожкѣ, прочищенной на берегу, среди глубокаго снѣга.

Въ небольшомъ каменномъ одноэтажномъ домѣ, въ передней, ихъ встрѣтила высокая худощавая молодая женщина въ темно-синемъ капотѣ, длинными складками спускавшемся до самаго пола. Она отослала няньку, сама сняла съ дѣвочки шапочку и шубейку, перемѣнила теплые сапожки на комнатныя туфли и, обнявъ ее за тоненькую талію, повела въ столовую.

— Господи,—сказала она, вглядываясь въ лицо дѣвочки:— хоть бы чуточку зарумянилась... Ну, вотъ твои капли, желѣзо... Ахъ, какъ они мало помогаютъ... Хочешь ѣсть?

Дѣвочка нерѣшительно покачала головой.

— Такъ себѣ, мамуся...

— Но нѣтъ, покушай... пожалуйста... Ну, для меня...

И дѣвочка ѣла „для мамы" все, что она предлагала ей яйца всмятку, холодную курицу, кашу-геркулесъ, но видно было, что ничего этого ей не хотѣлось, а она старалась быть добросовѣстной „для мамы, только для мамы".

II.

Послѣ завтрака горничная сообщила, что изъ города вернулся младшій приказчикъ Терентій. Надежда Павловна одѣла Лизу и сама одѣлась въ недлинный каракулевый жакетъ, взяла дѣвочку за руку, и вмѣстѣ онѣ вышли во дворъ. Лиза волновалась и нетерпѣливо тащила за руку мать.

— Ну, пойдемъ же, взглянемъ, что привезъ Терентій! Ахъ, мамуся, ну, скорѣй же... Какъ ты тянешься!..

И Надежда Павловна, подчиняясь ея поощренію и радуясь тому, что дѣвочка хоть чѣмъ-нибудь такъ живо заинтересовалась, ускорила шаги.

Терентій,—совсѣмъ юный, съ едва прораставшими усиками, съ лицомъ смуглой окраски, сквозь которую проглядывалъ густой и яркій цвѣтъ здоровой крови, черноголовый, въ дубленомъ полушубкѣ и въ высокихъ сапогахъ, — возился на другомъ дворѣ около широкихъ саней, изъ которыхъ только-что выпрягли пару лошадей.

Глубокій кузовъ весь былъ наполненъ свертками, коробками, узелками. Все это онъ бережно вынималъ и передавалъ горничной Дунѣ, которая вносила ихъ на крыльцо.

Надежда Павловна съ Лизой пришли въ самомъ началѣ этой операціи. Лиза заглянула въ сани и восхитилась.

— Ахъ, какъ много всего! Какъ они будутъ довольны!

— Но зачѣмъ же въ домъ?—сказала Надежда Павловна.—Несите все это прямо туда, въ садъ. Мы сейчасъ же начнемъ подвѣшивать ихъ.

Но Терентій придумалъ нѣчто болѣе простое: вмѣсто того, чтобы переносить вещи частями, онъ впрягся въ оглобли и безъ всякихъ усилій единолично потащилъ сани по дорогѣ къ саду, а тутъ растворилъ ворота, вкатилъ ихъ и въ самый садъ, сперва по широкой аллеѣ, потомъ свернулъ направо между деревьевъ и остановился у довольно большой, ничѣмъ не засаженной площадки, посрединѣ которой одиноко росла не особенно высокая, чуть-чуть повыше самого Терентія, но какъ-то необыкновенно разросшаяся въ ширь, ель.

Неподалеку отъ нея стоялъ сколоченный изъ простыхъ, гладко обструганныхъ досокъ, круглый столъ, кѣмъ-то тщательно очищенный отъ снѣга. Да и площадь была расчищена и подметена, такъ что изъ-подъ оставшагося снѣга даже былъ виденъ желтый песокъ. Вотъ сюда на столъ и стали приносить изъ саней свертки Терентій и Дуняша. Они дѣлали это быстро, съ живостью молодости, поощряемые соревнованіемъ, а Надежда Павловна и Лиза развязывали веревочки и освобождали покупки отъ бумаги.

Впрочемъ, Лиза больше восхищалась и радостно всплескивала руками при появленіи каждой новой вещицы. Ахъ, сколько ихъ, и до чего это занимательно! Мамуся заранѣе все распредѣлила, она знаетъ, кому что нужно.

Вотъ толстый солидный гребень, это—для Дарьинаго сына Васютки, у котораго на головѣ куча густыхъ волосъ, и онъ ихъ никогда не расчесываетъ. А вотъ букварь,—ухъ, какія чудныя огромныя буквы, ну, прямо египетскія пирамиды: А, Б, В... Вся азбука. Это—для Марусеньки, церковнаго старосты дочурки, которая пылаетъ жаждой поскорѣе научиться грамотѣ.

Настоящая барашковая шапка? Ахъ, да, для сынишки вдовы Ульяны, Николки, у него нѣтъ шапки, и онъ повязываетъ голову платкомъ, какъ дѣвчонка.

Передникъ для Даши Гвоздюшко,—она такая чистеха, чоботки съ подковками для Сеньки Моргуна... Для всѣхъ, для всѣхъ.

И, кромѣ того, масса пряниковъ, орѣховъ, изюму, апельсиновъ, конфетъ,—это уже для всей компаніи.

— Ну, Дуняша, зови же сюда няньку и Машутку и всѣхъ, кто подвернется. Будемъ развѣшивать. Послѣзавтра, навѣрно, будетъ хорошій день и солнце... Такъ мы созовемъ ихъ, пускай попрыгаютъ и полакомятся.

— Пускай попрыгаютъ и полакомятся! — тоненькимъ голоскомъ вторила матери Лиза и сама пробовала прыгать, только это ей плохо удавалось.

Пришли нянька, вторая горничная Машутка, даже кухарка Акулина, и всѣ принялись развѣшивать на длинныхъ вѣтвяхъ подарки.

Деревенскія ребята,—всѣ эти Васютки, Марусеньки, Миколки, Даши, Сеньки,—конечно, хорошо знали, что имъ это предстоитъ, потому что вѣдь это же бывало каждый годъ съ тѣхъ поръ, какъ поселилась здѣсь помѣщица Надежда Павловна Луцкая съ маленькой дочерью Лизанькой. И сегодня, напримѣръ, они цѣлый день пытались проникнуть въ помѣщичій садъ, чтобы посмотрѣть, какъ и что, и черезъ ворота и черезъ заборъ, но старый сторожъ Аникей строго охранялъ всѣ входы, никого не впускалъ въ предѣлы сада.

— Нѣтъ, это должно быть для нихъ сюрпризомъ,—такъ рѣшила сама Лизанька: а вѣдь это же устраивается для Лизаньки, хотя придумала, конечно, Надежда Павловна. Ахъ, она только и дѣлала, что думала о томъ, чѣмъ бы развлечь Лизаньку, какое бы доставить ей удовольствіе. Она думала объ этомъ уже пять лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась владѣлицей этой усадьбы и прилегающихъ къ ней земли и лѣса.

Странная дѣвочка. Дорогая и въ то же время мучительная загадка. Родилась такой здоровой, какъ дай Богъ всякому ребенку родиться. И все у нея нормально—сложеніе, ростъ, и какъ хорошо развивалась, просто нельзя было нарадоваться.

И вдругъ,—словно дуновеніе какого-то вѣтра,—вдругъ эта нервность, раздражительность, изумительная, непостижимая чуткость, эти причудливые сны, иногда такъ странно похожіе на дѣйствительность... Откуда? Сама она, Надежда Павловна, обладаетъ образцовымъ здоровьемъ, отецъ славился имъ...

Откуда? Надежда Павловна краснѣетъ, когда ловитъ себя на этомъ вопросѣ. Откуда? Этого никогда не могли постигнуть врачи (сколько ихъ было!), но она,—она хорошо знаетъ.

Случилось это тогда, когда въ ея жизни произошло и другое, столь же важное и столь же мучительное. Да, въ тотъ самый годъ.

Совпаденіе? Нѣтъ. Къ чему обманывать себя! Большая несправедливость, вотъ что вышло изъ всего.

Она думала, что осуществляетъ свое право женщины, которую оскорбили. Она и онъ, они стояли другъ противъ друга, недавно еще самые близкіе, спаянные беззавѣтной любовью, нѣжностью, не знавшей границъ. Она и мужъ ея, Андрей Петровичъ Луцкій. И вдругъ ставшіе врагами.

Что было? Вспоминать ли? Потомъ, когда она много думала, среди этого пятилѣтняго (уже пять лѣтъ!) одиночества, ей иногда казалось, что въ сущности ничего не было, и въ такіе часы она теряла почву подъ ногами.

Но нѣтъ, было, было. И не только тогда, но и раньше, въ самомъ началѣ, онъ стоялъ за свое право, какъ онъ говорилъ—„психологически сближаться съ кѣмъ угодно, а въ томъ числѣ и съ женщинами“, но мѣшало напряженное чувство къ ней, а когда это чувство улеглось, стало привычнымъ обыденнымъ явленіемъ...

Правда, „измѣны“ не было, — этой хулы она не изречетъ на него. Но онъ оскорблялъ, о, слишкомъ часто. И вотъ она возстала на защиту своего достоинства женщины. Начались бури, жизнь стала невыносимой, и, наконецъ, вотъ это...

Они разошлись, какъ враги, и съ тѣхъ поръ не встрѣчались

— Лизанька... Пташечка... Куда улетѣла, горленка моя?

— Ты думаешь о немъ, а онъ... Онъ о насъ думаетъ.

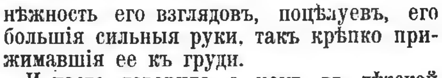
Изъ большого города, гдѣ онъ, инженеръ, занималъ видное положеніе, она бѣжала въ эту глушь, купила здѣсь усадьбу и заперлась въ ней со своей дѣвочкой.

Такъ блестяще было защищено достоинство женщины, но какой цѣной, это она скоро узнала. Тогда, въ періодъ борьбы, она такъ же нѣжно любила свою дѣвочку, какъ и теперь, но она думала, что это еще только растеніе, милый цвѣтокъ, которому ничего не нужно, кромѣ солнца и ухода, и вдругъ поняла, какъ ошиблась.

Цвѣтокъ все чуялъ, не умомъ, который былъ еще слишкомъ незрѣлъ, а маленькимъ сердцемъ, нервами или какимъ-то необъяснимымъ чутьемъ, и вдругъ свернулся и поблѣднѣлъ, какъ будто у него, оставивъ солнце, отняли влагу, или изъ почвы вынули что-то важное и необходимое для его жизни.

Врачи, лѣкарства, режимъ... Ахъ, она все это дѣлала, но къ чему? Вѣдь въ глубинѣ души такъ все было ясно. Тысячу разъ готова была поступиться достоинствомъ женщины, сдѣлать шагъ, написать, позвать, но въ послѣднюю минуту гордость зажимала ротъ всѣмъ этимъ благимъ рѣшеніямъ.

А у Лизы съ каждымъ годомъ все яснѣе выступало въ глазахъ выраженіе сиротства. Она этого не сознавала, конечно, но ей недоставало отца. Помнила ли она его? Едва ли. Но, должно-быть, онъ рисовался ей чѣмъ-то безконечно дорогимъ и прекраснымъ. Она не помнила его лица, но чувствовала былую



нѣжность его взглядовъ, поцѣлуевъ, его большія сильныя руки, такъ крѣпко прижимавшія ее къ груди.

И часто говорила о немъ въ дѣтской болтовнѣ, произвольно, фантастично рисовала картины, что вотъ онъ гдѣ-то охотится (чаще всего, потому что онъ любилъ охоту), скачетъ на конѣ, или даже летитъ при помощи какихъ-то крыльевъ, въ родѣ дракона.

И тогда глаза ея загорались, и блескъ ихъ какъ будто острыми иглами вонзался въ сердце Надежды Павловны. О, сны Лизы! Иногда это было ея ужасомъ... Всегда онъ, всегда отецъ, въ томъ или другомъ видѣ.

Но еще хуже, когда наяву она отгадывала ея мысли. Вотъ и недавно, недѣли три назадъ, когда она въ сумеркахъ, въ глубокой тѣни гостиной, сидѣла въ креслѣ, погруженная въ думы, дѣвочка подошла къ ней и сказала:

— Ты думаешь о немъ, а онъ... Онъ о насъ думаетъ.

И угадала — по крайней мѣрѣ первое. А второе — Богъ знаетъ.

III.

Много поймалось рыбы. Завтра сочельникъ. Вся деревня будетъ печь пироги съ рыбой, жарить рыбу и варить ее.

Большая куча рыбы лежала на снѣгу, неподалеку отъ рѣчки. Живая куча,—она трепетала и вздымалась, какъ грудь большого звѣря.

Вокругъ стояли бабы съ мѣшками. Изъ каждой избы—баба, и ужъ всякой непремѣнно что-нибудь достанется. Какъ же иначе: вѣдь дѣло къ празднику.

Рыбаки скинули полушубки и бросили ихъ на снѣгъ. Шутка ли, управиться съ такой работой! А много еще впереди. Засучили рукава и принялись отбирать рыбу покрупнѣе.

Попался сомъ, десятокъ увѣсистыхъ карповъ, изрядный судачина съ товарищами,— все это идетъ въ особую кучу. Отсюда выдѣлятъ помѣщицѣ, попу, старостѣ и подѣлятъ между собою рыбаки. Понятно, трудились люди такъ, что, несмотря на морозъ, у нихъ потъ каплетъ по вискамъ, а отъ спинъ подымаются столбы пара, какъ у добраго коня послѣ лихого бѣга.

А остальное, тамъ разная мелочь, которой больше всего:

— Эй, подходи, бабы!

И бабы подходятъ, подставляютъ мѣшки, и рыбаки сыплютъ имъ въ мѣшки, съ расчетомъ, чтобы всѣмъ хватило, чтобы даже послѣдняя вдовица не была обижена. Праздникъ.

А ребятишкамъ уже стало извѣстно, что послѣзавтра, въ самый день Рождества, если только не испортится погода, въ панскомъ саду, около ели, будетъ веселье, а испортится, такъ на другой день. И ужъ чего только тамъ не заготовлено! Дознались, слухи ходили. Кто-то изъ панскаго двора проболтался, чуть ли не самъ Терентій.

Ну, а все-таки больше было выдумки, чѣмъ правды. И дѣтишки готовились, у многихъ слюнки текли—облизывались.

Правда же была та, что къ вечеру, когда солнце еще не зашло, все, что привезъ изъ города Терентій, было въ живописномъ безпорядкѣ развѣшано на вѣтвяхъ широко разросшейся ели, послѣ чего тотъ же Терентій водрузилъ по сторонамъ ели высокіе шесты, скрестилъ ихъ и связалъ пучкомъ наверху и укрѣпилъ на нихъ заранѣе для этого приготовленный брезентъ, благодаря чему ель со всѣмъ, что было довѣрено ей, оказалась въ палаткѣ, и ужъ послѣ этого ей не были страшны никакія перемѣны погоды.

Сласти же были отнесены въ надежное мѣсто, чтобы тамъ ждать, когда наступитъ и для нихъ свой часъ.

А потомъ зашло солнце и наступила ночь. Началась эта ночь при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Небо, какъ было въ теченіе всего дня ясное, такъ и осталось, только потемнѣло, но зато въ синей глубинѣ его зажглось такъ много звѣздъ, и такъ онѣ ярко горѣли, что, казалось, тамъ, на небѣ, не слишкомъ ли рано начали готовиться къ празднику и не просчитались ли на цѣлый день...

И всѣ думали, что старый, хотя получше всякаго молодого сохранившій всю силу своихъ мускуловъ и цѣпкость рукъ, сто-

рожъ Аникей. который раньше еще, глядя на заходящее солнце и усмотрѣвъ вокругъ него какое-то красноватое окруженіе, чего другіе, можетъ, и не видѣли, увѣрялъ, что надо ожидать бури,— просто по старости ошибся.

Въ дѣйствительности же съ полуночи стало походить на то, какъ будто Аникей и не такъ ужъ далекъ былъ отъ истины. Вдругъ, откуда только взялись они, на небѣ появились облака и начали бѣшено мчаться по нему, точно гоняясь другъ за другомъ, и. все сгущаясь и закрывая звѣзды, совсѣмъ закупорили все небо со всѣми звѣздами.

А потомъ гдѣ-то зашумѣло, засвистало, и подулъ холодный колючій вѣтеръ, а съ неба начали падать бѣлые хлопья, которые вѣтеръ ловилъ на лету, разрывалъ на мельчайшія частицы и расшвыривалъ во всѣ стороны.

Стучалъ въ окна, расшатывалъ деревья, взметалъ кучи снѣга съ дороги и съ рѣки и перебрасывалъ ихъ на другое мѣсто. Кого застигло въ пути, тотъ гналъ лошадей во-всю, боясь потерять дорогу. Ну, словомъ, разыгралось такое, чего и не ждали.

Другимъ, можетъ, отъ этого еще лучше спалось всю ночь, но плохой сонъ былъ въ помѣщичьемъ домѣ. Рядомъ со спальней Надежды Павловны, самой маленькой комнатой во всемъ домѣ, въ просторной комнатѣ стояла кровать Лизы. Дверь была всегда отворена. Тамъ, при свѣтѣ неизмѣнно горѣвшей лампады, спала дѣвочка. Сонъ ея никогда не былъ глубокъ, часто прерывался восклицаніями и разговорами, похожими на бредъ, и это научило Надежду Павловну во время сна всегда быть осторожной.

Но въ эту ночь Лиза какъ-то особенно тревожилась. Достигали ли до ея слуха шумъ и свистъ поднявшейся за окномъ вьюги, или причиной тому были образы, явившіеся въ ея сонномъ воображеніи, но дѣвочка часто вскакивала, протягивала руки куда-то въ сторону и обращалась туда съ безсвязными восклицаніями. Только часа въ четыре утра она успокоилась и уснула болѣе правильнымъ сномъ.

Но уже черезъ часъ послѣ этого произошло обстоятельство, сильно озадачившее Надежду Павловну. Чуткая, слышавшая малѣйшій шорохъ, она открыла глаза и видитъ при мягкомъ свѣтѣ лампады: Лиза проснулась, поднялась во весь ростъ въ своей постелькѣ, осторожно перелѣзла черезъ желѣзныя, обтянутыя сѣткой, перила и стала босыми ножками на коверъ. Неимовѣрно худенькая, тончайшая, въ длинной бѣлой рубашонкѣ, съ распущенными свѣтлыми волосами, она походила на какого-то ночного духа.

Надежда Павловна, точно завороженная, лежала неподвижно и слѣдила за нею глазами, почему-то не рѣшаясь подняться, окликнуть ее, спросить. Но движенія Лизы были такъ просты и сознательны, что не внушали никакого опасенія. Дѣвочка, ступая по ковру босыми ножками, вошла въ ея спальню и направилась прямо къ ней. Вотъ она уже около нея, карабкается на постель, осторожно беретъ ея руку.

— Что ты, Лизанька? Отчего не спишь, милая? Тебѣ приснилось?..

— Нѣтъ, мамуся, нѣтъ... Я видѣла... Я такъ видѣла...

— Что же ты видѣла? Глупенькая... Ложись сюда, подъ одѣяло, и засни у меня.

Лиза тряхнула головой.

— Нѣтъ, я не засну. Лягу, но не засну.

Она нырнула подъ одѣяло и крѣпко прижалась къ матери. Надежда Павловна надѣялась, что она незамѣтно задремлетъ. Это вѣдь бывало уже не разъ. Большею частью свои сны она разсказывала утромъ, но иногда они были такъ ярки, что будили ее ночью, и она вскакивала и переходила къ ней на постель, лепетала несвязныя фразы и засыпала.

Но на этотъ разъ было какъ-то иначе. И говорила она вполнѣ разумно и, повидимому, не собиралась заснуть. Прошло минуты двѣ, Лиза безпокойно ворочалась.

— Какой вѣтеръ!.. Отчего это вдругъ?

На этотъ вопросъ Надежда Павловна отвѣтить не могла, она не знала, отчего вдругъ подымается вѣтеръ.

— Не знаю, родная. Это ученые знаютъ.

— Они все знаютъ, мамуся?

— Нѣтъ, но многое; гораздо больше, чѣмъ мы съ тобой.

Опять молчаніе, длящееся съ минуту.

— А папа мой теперь на охотѣ, я знаю...

Надежда Павловна вздрогнула и привстала. Странное воспоминаніе — смутное, а въ то же время и острое. Мужъ — страстный охотникъ. Служба не позволяла ему дѣлать это часто, но передъ Рождествомъ, когда на нѣсколько дней служебныя занятія прекращались, онъ всегда каждый годъ уѣзжалъ на охоту.

Но вѣдь Лизанька этого не можетъ знать. Она тогда этого еще не понимала. И все-таки она знаетъ, вотъ знаетъ же.

— Откуда ты это взяла?— спросила Надежда Павловна.

— Я знаю... Я его видѣла.

— Гдѣ? Что ты говоришь?

Лиза вскочила, сѣла рядомъ съ нею на кровати, обѣими ручонками крѣпко обвила ея шею.

— Мамуся, онъ такой несчастный... Ты, знаешь, тамъ, въ лѣсу... Гдѣ-то въ лѣсу... Все занесено снѣгомъ... И онъ... онъ заблудился... Ночь такая темная... Всѣ дороги исчезли... Ихъ тамъ много... Нѣсколько... Озябли всѣ и не знаютъ, куда повернуть...

Она страшно волновалась, вся дрожала и все крѣпче стискивала руками ея шею, а глаза смотрѣли куда-то въ одну точку, напряженно, пристально, какъ будто въ самомъ дѣлѣ она тамъ видѣла и разсказывала о видѣнномъ.

— Успокойся, моя дѣвочка, все пустое говоришь...

А себѣ самой сказала:

„Нѣтъ, не пустое. Она гдѣ-то видитъ это. Боже мой, что же это за душа! Какая непостижимая организація..."

А Лиза какъ будто не слушала ея и продолжала:

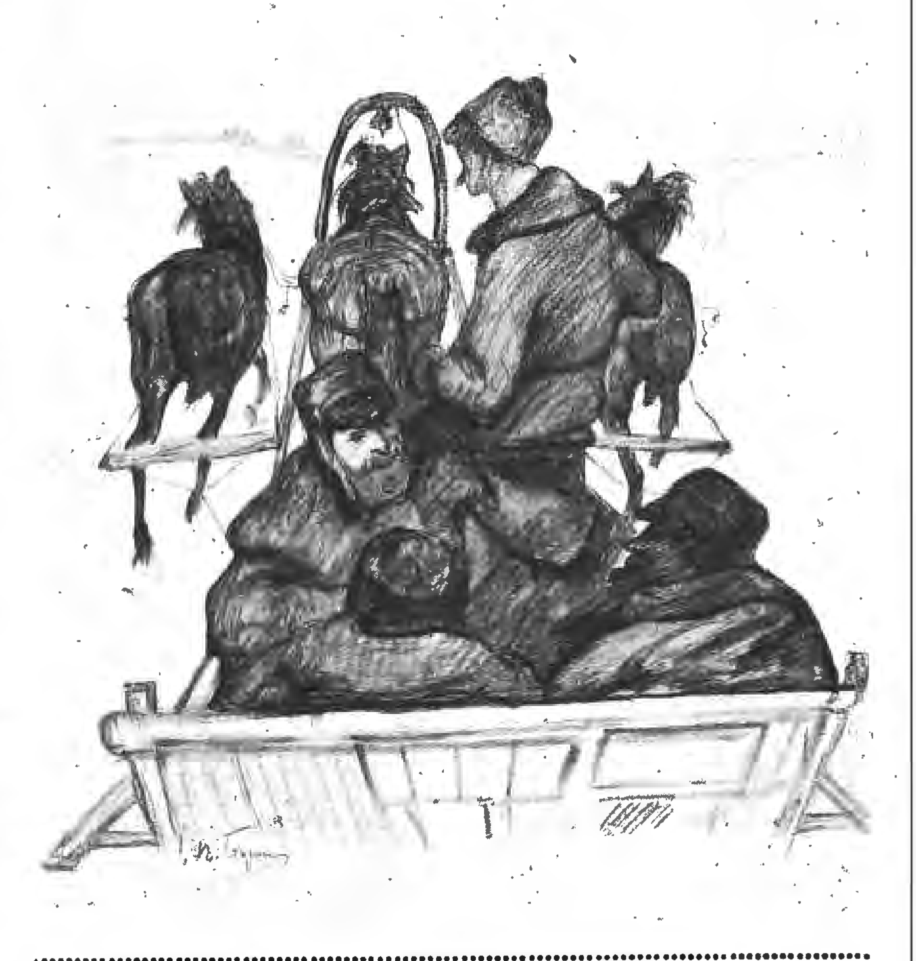
— Вотъ, если бъ помочь имъ! Мамуся, пошли кого-нибудь. Ну, Терентія или Аникея... Имъ только дорогу, дорогу... Мамуся, мамуся... Пошли... Пожалуйста, сейчасъ!

Эти послѣднія слова она произнесла съ крикомъ и залилась слезами. Надежда Павловна встала съ постели; она металась, она не знала, какъ отнестись, что предпринять. За окнами все еще завывалъ вѣтеръ и стучалъ въ ставни комьями снѣга. И среди этой обстановки, въ полумракѣ спальни, освѣщенной изъ сосѣдней комнаты лампадой, дѣвочка заразила ее своимъ настроеніемъ, и созданія ея странной фантазіи какъ-то перешли къ ней, и она сама теперь ясно видѣла людей, мечущихся среди снѣговъ въ мучительныхъ поискахъ дороги, дрожащихъ отъ холода, въ отчаяніи теряющихъ надежду, и среди нихъ,—о, нѣтъ, это уже что-то больное! — среди нихъ высокая фигура Андрея, въ длинной шубѣ изъ оленьихъ шкуръ, какъ ѣздилъ онъ всегда на зимнюю охоту.

А Лиза сидѣла на кровати, согнувшись и прижавъ голову къ колѣнямъ, и, давясь слезами, повторяла:

— Мамуся... Пошли, пошли... Кого-нибудь... Поскорѣе... Развѣ ты не боишься, что онъ... онъ... тамъ замерзнетъ?

Странное чувство овладѣло душой Надежды Павловны. Она увѣряла себя, что это нужно сдѣлать ради Лизаньки, чтобы успокоить ее, ну, просто для виду, а сама въ то же время, какъ бы скрывая это отъ себя, чувствовала, что вѣритъ и боится и хочетъ послать въ самомъ дѣлѣ... Куда? Принадлежащій ей



Широкія сани, лихая тройка, веселый ямщикъ...

лѣсъ примыкаетъ къ другому лѣсу, гораздо болѣе обширному, казенному. Тамъ, за этимъ лѣсомъ, верстахъ въ двѣнадцати отсюда, дѣйствительно часто устраиваются зимнія охоты. Ну, такъ туда, что ли? Ради Лизаньки, конечно.

И въ это время она быстро, дрожащими руками, надѣвала юбку и капотъ и башмаки. Вышла въ сосѣднюю комнату, оставивъ дверь отворенной. Тамъ ставень не было, и со двора въ окна уже глядѣлъ разсвѣтъ. Снѣгъ уже не падалъ съ неба, но вѣтеръ все еще свирѣпствовалъ. Она растолкала Дуняшу.

— Поди, разбуди Терентія. Пусть сейчасъ придетъ сюда...

— Сюда, барыня? — ничего не понимая, съ соннымъ лицомъ спрашивала Дуняша.

— Да, да. Сейчасъ. Какъ можно скорѣе. Или еще лучше: Аникея кликни. Онъ навѣрно не спитъ.

Когда она вошла обратно въ спальню, Лиза соскочила съ кровати, ринулась ей навстрѣчу и обняла ея колѣни.

— Мамуся, добрая, славная... Посылаешь? Да? Да?

— Да, но успокойся, дѣтка... Нельзя такъ... Невозможно. Все будетъ, какъ ты хочешь, но за это ты должна успокоиться.

— Я успокоюсь. Я спокойна. Только я спать не буду. Я сейчасъ начну одѣваться.

Она побѣжала въ свою комнату, сѣла на низенькомъ диванѣ и начала натягивать чулки на свои тоненькія ноги.

IV.

Выѣхавшіе изъ губернскаго города за тридцать верстъ инженеръ, докторъ и чиновникъ были несомнѣнно люди смѣлые и рѣшительные. Правда, снѣжная пора, какой въ губерніи еще не бывало, обѣщала хорошую охоту на зайцевъ, но дѣло шло къ празднику Рождества, когда морозы обыкновенно усиливаются, а, кромѣ того, край и всегда былъ богатъ вѣтрами. И никто изъ нихъ ни разу не бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ. Такъ далеко не заѣзжали.

Единственной опорой было знакомство одного изъ компаніи съ лѣсничимъ большого казеннаго лѣса. Онъ-то, лѣсничій, давно уже звалъ охотниковъ въ свои мѣста, обѣщая большую добычу. Но лѣсничаго нужно было еще сыскать, въ этомъ скрывалась, какъ потомъ стало ясно, не малая задача.

Выѣхали послѣ завтрака. Широкія сани, лихая тройка, веселый ямщикъ, добрый запасъ питья и закусокъ и чудная погода, все это вмѣстѣ обѣщало пріятное путешествіе. Дорога была, правда, не изъ важныхъ. Въ городѣ живя, и не подозрѣваешь, сколько можетъ помѣститься снѣга на ровныхъ безхолмныхъ поляхъ и пролегающихъ по нимъ дорогахъ.

И какъ только выѣхали за городъ, такъ съ той же минуты лошадямъ пришлось на каждомъ шагу брать препятствія. По самую грудь погружались онѣ въ снѣгъ, и, сколько ни поощрялъ ихъ ямщикъ молодецкимъ свистомъ и веселыми прибаутками, онѣ двигались тихо, благодаря чему 30 верстъ были сдѣланы не въ два съ половиной часа, какъ разсчитывали, а въ добрыхъ шесть, и когда пріѣхали къ лѣсу, гдѣ, по описанію, долженъ былъ близко жить знакомый лѣсникъ, солнце уже зашло. Попробовали искать, но нигдѣ въ окружности никакихъ признаковъ жилья не оказалось. Впрочемъ, въ тѣ часы все это показалось даже веселымъ. Сани были просторныя, такъ что можно было въ крайнемъ случаѣ и переночевать въ нихъ; всѣ запаслись теплыми шубами, способными защитить и не отъ такихъ еще морозовъ. А главное, былъ хорошій запасъ провизіи. И вотъ проголодавшіеся охотники принялись за пиршество, хорошо закусили, запили ѣду добрымъ виномъ и, рѣшивъ чуть свѣтъ начать охоту, улеглись въ саняхъ, закутавшись въ шубы.

Была дивная ночь. Надъ ними небо, густо усѣянное ярко горящими звѣздами, тишина. Одѣтый въ снѣжный покровъ, какъ бы на стражѣ, стоялъ лѣсъ справа, а слѣва — просторъ безбрежной бѣлой равнины.

Хорошо спалось охотникамъ послѣ долгой ѣзды, завершенной плотнымъ ужиномъ. Но когда, послѣ полуночи, разбуженные гуломъ и воемъ вѣтра, они подняли головы, то въ ужасѣ вскочили всѣ разомъ. Что только дѣлалось вокругъ! Вѣтеръ съ какимъ-то дикимъ гиканіемъ врывался въ лѣсъ, хваталъ деревья за самыя верхушки и такъ колыхалъ ихъ, что стволы трещали, а иногда ему удавалось сломать иное дерево и даже вырвать съ корнемъ.

По равнинѣ неслись цѣлые снѣжные караваны и прямо на нихъ. Снѣгъ забирался въ рукава, подъ воротники, холодный вѣтеръ проникалъ сквозь мѣховыя шубы до самаго тѣла. И съ каждой минутой было хуже, и становилось страшнѣе.

Кони фыркали и ржали, ямщикъ коченѣющими руками впрягалъ ихъ въ сани. Какъ-то зловѣще взвизгивали сотрясаемые вѣтромъ бубенцы. Звѣзды исчезли, и темь наступила непроглядная.

А надо было куда-то ѣхать, — куда-нибудь, на случай, на авось, чтобы только не занесло здѣсь снѣгомъ такъ, что потомъ и слѣда не отыщешь.

Кони впряжены, сѣдоки усѣлись, ямщикъ натянулъ вожжи и пустилъ лошадей прямо отъ лѣса. Но дороги, той, по которой они сюда пріѣхали, не было и въ поминѣ. Кони рванулись и съ неимовѣрной силой, которую давало имъ чувство самосохраненія, разсѣкали снѣжные сугробы, превозмогали напоръ вѣтра, тащили сани, но куда, этого никто не зналъ, — ни кони, ни люди. Куда-то, гдѣ, можетъ-быть, наткнутся на человѣческое жилье, а, можетъ-быть, свалятся въ глубокій оврагъ.

Взглянули на часы, шелъ уже четвертый. Когда это началось, никто не зналъ. Сани тащились довольно долго и уперлись въ лѣсъ. Взяли вдоль лѣса, надѣясь, что ему будетъ когда-нибудь конецъ. Кони изнемогали, а лѣсъ, казалось, былъ безконеченъ. Остановились, глядѣли во всѣ стороны, напрягали зрѣніе, но ничего не видѣли.

Кому-то пришла мысль выстрѣлить, и выстрѣлъ раздался, но какъ-то весь тутъ, около нихъ, на мѣстѣ; звукъ не отошелъ отъ нихъ, не полетѣлъ въ лѣсъ, и не откликнулось оттуда эхо. И приходили мрачныя мысли о самомъ плохомъ концѣ. Шутки, которыя до сихъ поръ поддерживали духъ, уже не вызывали смѣха, каждый думалъ о томъ, что оставлялъ позади себя.

Думалъ объ этомъ и инженеръ — высокій громоздкій человѣкъ, занимавшій въ саняхъ больше всѣхъ мѣста. И почему-то въ этотъ часъ представилась ему маленькая четырехлѣтняя дѣвочка, которую когда-то онъ такъ любилъ брать на руки и подбрасывать, какъ мячъ, и она звонко, радостно смѣялась, а онъ наслаждался ея смѣхомъ. Богъ знаетъ, почему явилась она ему; можетъ-быть, потому, что, въ сущности, это было единственное существо, которое онъ могъ назвать дорогимъ и близкимъ, хотя она была и далека отъ него, и онъ даже не зналъ, гдѣ она. Ря-

Лошади черезъ силу тащили сани...

домъ съ нею стояла другая — высокая стройная женщина, властно-красивая, когда-то имъ любимая. Но лицо ея и вся она были затуманены глубокой тѣнью. А дѣвочка протягивала къ нему руки и просила, чтобы онъ взялъ ее и подбросилъ повыше. Ей такъ хотѣлось смѣяться. Онъ часто думалъ о ней, но никогда еще такъ ярко не рисовалась она ему.

Лошади черезъ силу, съ трудомъ превозмогая препятствія, тащили сани. Неужели конецъ лѣса? Да, открылась равнина справа, и понемногу снѣгъ пересталъ падать съ неба. Только вѣтеръ злился, что у него меньше стало работы, и съ еще большей свирѣпостью подымалъ цѣлые сугробы снѣга и, схвативъ ихъ зубами, несъ куда-то въ пространство. Но зато вдругъ воздухъ прояснился. Стало свѣтать. Часы показывали уже около шести.

Ямщикъ вглядѣлся въ даль. Острое зрѣніе его различило рядъ какихъ-то бѣлыхъ холмовъ, и надъ нѣкоторыми изъ нихъ подымалась и сейчасъ же разрывалась на куски вѣтромъ какъ будто бы струя сѣраго дыма.

— А вѣдь это деревня, — сказалъ онъ, обернувшись къ сѣдокамъ. — Стрѣляйте-ка, да сколько пороху хватитъ! Если деревня, такъ зашевелятся.

И раздались выстрѣлы въ воздухъ — одинъ, другой, третій, и еще, еще... Какія-то три темныя точки появились на бѣломъ фонѣ поля. Онѣ быстро двигались на выстрѣлы. То были три мужика. Къ нимъ навстрѣчу двинулись и сани. И подошли мужики.

— Деревня? — спросили ихъ.

— А ну-да-жъ! Деревня и есть.

— Намъ бы обогрѣться... Всю ночь мыкались...

— А можно. Что жъ! Только, можетъ, лучше въ панскій дворъ. Тамъ просторнѣе будетъ.

— А гдѣ же этотъ панскій дворъ?

— А вонъ же! Прямо на васъ и смотритъ.

Съ тайной, еще не нашедшей формы для выраженія, радостью всѣ три охотника полѣзли въ свои карманы, достали оттуда деньги и ткнули ихъ въ руки оторопѣвшимъ мужикамъ. А усадьба и въ самомъ дѣлѣ была меньше, чѣмъ въ полуверстѣ. Вотъ уже показалась и рѣка. Въ хатахъ на деревнѣ засверкали оконныя стекла. Кой-гдѣ сквозь нихъ пробивался свѣтъ огонька. А вотъ и усадьба. Ворота почему-то растворены. Посрединѣ двора стоятъ сани съ заложенной въ нихъ тройкой. Высокій мужикъ съ сѣдыми усами подвязываетъ краснымъ поясомъ полушубокъ и собирается вскочить въ передокъ. Но какъ разъ въ это время другая тройка, еле волоча ноги, въѣзжаетъ въ ворота, а за нею плетутся сани съ тремя сѣдоками въ шубахъ съ высоко поднятыми воротниками, изъ-за которыхъ не видно лицъ.

— А можно будетъ намъ тутъ обогрѣться?—спрашиваетъ кто-то изъ сидящихъ въ саняхъ.

— А должно-быть, что можно,—отвѣчаетъ человѣкъ съ сѣдыми усами:—тутъ живутъ христіане.

Дворовыя собаки повыскакивали изъ своихъ засадъ, гдѣ онѣ прятались отъ вьюги, и подняли лай, но человѣкъ съ сѣдыми усами остановилъ ихъ. Изъ дома выбѣжала Дуня и, всплеснувъ руками, сейчасъ же побѣжала обратно. Произошло суетливое движеніе. Пріѣзжіе тяжело вылѣзли изъ саней и вошли на крыльцо. Въ домѣ зажгли лампы.

V.

Минула странная ночь, и наступило изумительное утро. Когда пріѣзжіе мужчины въ передней отряхивались и приводили себя въ порядокъ, когда потомъ Дуня ввела ихъ въ большую комнату съ длиннымъ диваномъ, съ широкими старинными креслами, съ большимъ каминомъ, въ которомъ съ трескомъ горѣли дрова, Лиза, уже успѣвшая одѣться въ короткое шерстяное платьице, заслыша лай собакъ и топотъ ногъ въ сѣнцахъ, подбѣжала къ Надеждѣ Павловнѣ и схватила ее за руку.

— Мамуся, слышишь? Онъ пріѣхалъ... Онъ... онъ...

— Ну, что ты такое болтаешь, дѣвочка? Ну, можно ли такъ?— промолвила Надежда Павловна, но что-то стиснуло ей горло, и она не докончила фразы.

„А что, если въ самомъ дѣлѣ онъ?“ — мелькнуло у нея въ головѣ, и быстро пронеслись въ мысляхъ событія этой ночи: образы, явившіеся Лизанькѣ наяву или во снѣ, развѣ не все равно? Пріѣздъ незнакомцевъ какъ разъ въ ту минуту, когда Аникей собирался выѣхать со двора на поиски фантастическихъ охотниковъ, и сообщеніе Дуняши, что эти люди просятъ позволенія обогрѣться послѣ блужданія цѣлой ночи.

На мгновеніе сердце у нея остановилось; но она должна была владѣть собой, не ради себя, а ради Лизы.

Дѣвочка держитъ ея руку, и глаза ея ликуютъ. Она увѣрена, она ни на мгновеніе не сомнѣвается.

Надежда Павловна поскорѣе одѣлась въ темное строгое платье и хотѣла выйти одна, но Лиза уцѣпилась за ея руку и ни за что, ни за что не хотѣла остаться. Пришлось выйти въ гостиную вмѣстѣ съ нею. А то, что произошло здѣсь, было изумительнѣе всего происшедшаго раньше. О, много было нужно ей выдержки, чтобы не зашататься и не упасть, когда она лицомъ къ лицу встрѣтилась съ мужемъ.

Андрей Петровичъ стоялъ передъ нею, почти такой же, какимъ она оставила его пять лѣтъ назадъ, только чуть-чуть пополнѣлъ, и борода больше выросла. Стояли и смотрѣли другъ на друга и не знали, что сказать...

Стояли и смотрѣли другъ на друга и не знали, что сказать...

И, конечно, онъ долженъ былъ первый найтись,—онъ, который никогда не терялся и такъ хорошо умѣлъ выходить изъ затрудненій. Какое мгновеніе онъ пережилъ въ душѣ, это было его дѣло, но онъ никому не показалъ этого, поклонился ей, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Это судьба,—тихо сказалъ онъ ей.

Она промолчала, но онъ почувствовалъ, что рука ея дрожитъ. А Лиза съ недоумѣніемъ растерянными глазами смотрѣла на всѣхъ троихъ. У нея не было сомнѣнія въ томъ, что „онъ“ здѣсь, вопросъ какъ бы былъ лишь въ томъ — который изъ трехъ. Но Андрей Петровичъ протянулъ къ ней руки.

— Лизанька!..

— Папуся!..

И вотъ она уже у него на рукахъ; онъ цѣлуетъ ея глаза, ея платье, ея туфельки, прижимаетъ маленькую драгоцѣнность къ своей богатырской груди.

— Какая легонькая... Худышка моя!.. Отчего она такая худенькая?.. Господа, извините... обратился онъ къ спутникамъ: — такая необыкновенная судьба. Это мои... жена и дочь... Я представляю моихъ товарищей по несчастію сегодняшней ночи, которая... привела къ такому счастливому утру.

Тѣ кланялись, цѣловали руку у Надежды Павловны и терялись, не зная, что сказать. Лица у нихъ были такія, какъ будто они извинялись, что невольно присутствовали при такой интимной сценѣ.

Надежда Павловна ушла къ себѣ, на ходу приказавъ Дунѣ поскорѣе приготовить чай и завтракъ, а затѣмъ, уединившись въ спальнѣ, опустилась въ кресло и вся какъ-то замерла. Слишкомъ много разомъ навалилось на нее въ это утро, и все это надо было перенести съ достоинствомъ.

Принялась-было думать, но потомъ махнула рукой: безполезно. Все случается какъ-то само собою. Мы думаемъ и рѣшаемъ, а жизнь пробиваетъ для себя свою дорогу и достигаетъ своихъ цѣлей.

Тамъ звенитъ посуда, завариваютъ чай, можетъ-быть, уже завтракаютъ, а она боится подняться съ мѣста. Послышались шаги. Она подняла голову. На порогѣ стоялъ Андрей Петровичъ и рядомъ съ нимъ, уцѣпившись за его руку, Лиза.

— Надя!— тихо, осторожно сказалъ онъ, какъ бы справляясь, здѣсь ли она.

— Я здѣсь, Андрей!—такъ же тихо откликнулась Надежда Павловна.

Они оба приблизились къ ней. Онъ опустился на стулъ рядомъ съ ея кресломъ, взялъ ея руку и припалъ къ ней губами.

— Надя, развѣ мы можемъ противиться? И притомъ... Притомъ я люблю тебя и Лизу... Вы для меня одно—самое дорогое въ свѣтѣ и единственное, чего мнѣ недостаетъ... Надя...

— Я не противлюсь. Нѣтъ, нѣтъ, больше нѣтъ... Что бы ни было. Мы обязаны дать ей это.

— И дадимъ. Это рѣшено... Лиза, Лизунокъ мой!.. Мы будемъ жить вмѣстѣ...

Лиза бросилась къ нимъ и обняла за шею обоихъ и цѣловала то того, то другого... Она какъ бы вторично вѣнчала ихъ своей безконечной нѣжностью.

Да, это случилось раннимъ утромъ въ день сочельника, наканунѣ Рождества. Часовъ до одиннадцати вѣтеръ ни за что не хотѣлъ смириться; не такъ легко было ему это сдѣлать послѣ ночного кутежа. Но понемногу затихъ. Все-таки смирился и затихъ.

Ямщикъ не рѣшался потревожить своихъ лошадей, которыя отдыхали въ конюшнѣ, и пришлось-таки снова заложить ту самую тройку, на которой Аникей собирался-было ѣхать на поиски невѣдомыхъ охотниковъ. Докторъ и чиновникъ сѣли въ сани и уѣхали въ городъ, а Андрей Петровичъ остался праздновать въ своей семьѣ.

Послѣ неистовой бури погода такъ хорошо и прочно установилась, что не было даже и сомнѣнія, что завтра, въ первый день Рождества, какъ и предполагалось, въ саду около ели состоится праздникъ. Терентію было поручено оповѣстить всѣхъ деревенскихъ ребятъ, чтобы прямо отъ обѣдни являлись въ садъ.

И на другой день, дѣйствительно, солнце взошло такое яркое, какъ весной. Изъ усадьбы ѣздили въ церковь всѣ трое Луцкіе, и въ церкви высокая солидная фигура Андрея Петровича обращала на себя общее вниманіе и всѣхъ отвлекала отъ молитвы. Не могли понять, кто онъ и откуда вдругъ появился. Пять лѣтъ никого не было въ усадьбѣ, кромѣ помѣщицы и ея худенькой блѣднолицей дочери. И вдругъ явился баринъ.

Но выстоять всю обѣдню Лиза была не въ состояніи, пришлось уѣхать раньше. Надежда Павловна шепнула кой-кому изъ знакомыхъ бабъ, чтобы всѣ послали ребятъ въ усадьбу.

И вотъ, когда солнце поднялось высоко и уже совершило почти половину своего пути, Аникей распахнулъ широкія ворота сада, и на главную аллею его точно хлынула живая рѣка. Нѣсколько десятковъ мальчишекъ и дѣвчонокъ съ шумомъ, съ крикомъ, со смѣхомъ, повалили прямо къ площадкѣ, гдѣ росла ель. Но, къ общему разочарованію, она была сверху донизу закрыта брезентомъ.

Пришли Надежда Павловна съ Лизой и „новый панъ“, какъ сейчасъ же окрестили его, явился Терентій съ лѣстницей, влѣзъ на нее, поворожилъ что-то тамъ наверху, и завѣса упала, и веселая ель съ зелеными иглами, блещущими подъ яркими лучами солнца, вся увѣшанная заманчивыми дарами, поманила собравшихся своими длинными вѣтвями. Всѣ двинулись къ ней, окружили ее, разсматривали, что на ней висѣло, а въ это время Дуня и Машутка тащили сласти и раскладывали ихъ на столѣ. Надежда Павловна съ Лизой подошли къ ели, подзывали по очереди дѣтей и дарили имъ заранѣе каждому предназначенныя вещи.

Потомъ начался кутежъ около круглаго стола, а затѣмъ вся компанія взялась за руки,—что-то кричали несуразное, долженствовавшее изображать пѣсни, кружились, прыгали, боролись, дрались и веселились вволю.

Лиза была въ восторгѣ отъ всего—отъ праздника, отъ яркаго солнца, но больше всего отъ того подарка, который достался ей на этой елкѣ: она получила отца.

Андрей Петровичъ провелъ весь праздникъ въ усадьбѣ, а послѣ Крещенія всѣ трое переѣхали въ городъ. Но въ усадьбѣ все осталось попрежнему—и люди и вещи. Весной Луцкіе пріѣзжали сюда и проводили здѣсь все лѣто.

Бѣглецы.

Разсказъ **С. Бѣльскаго.**

Съ 16 иллюстраціями **И. Владимірова.**

(Окончаніе).

V.

Какъ мы шли до Эмса.

Я проснулся, когда солнце уже начало склоняться къ западу. Было жарко и душно, какъ передъ грозой. Кругомъ стояла невозмутимая тишина, нарушаемая лишь монотонной музыкой кузнечиковъ въ сухой травѣ. Осторожно поднявшись на сосѣдній холмъ, поросшій мелкими розовыми цвѣтами, имѣвшими такой видъ, словно они были сдѣланы изъ бумаги, я началъ внимательно осматривать разстилавшуюся кругомъ долину. Песчаныя волны, желто-зеленыя и сѣрыя, тянулись до самаго горизонта. Между ними были разбросаны небольшія болота, поросшія сочной травой и камышемъ. Къ западу эти ярко-зеленыя пятна и полосы постепенно сливались и превращались въ сплошную болотистую низину, окутанную синеватымъ туманомъ. Тамъ и сямъ въ песокъ зарылись огромные камни, то округленные, то острые, похожіе на стадо какихъ-то допотопныхъ чудовищъ, отдыхающихъ на этомъ уныломъ, безплодномъ пустырѣ. Верстахъ въ двухъ отъ насъ изъ глубины ложбины поднимался столбъ дыма, за исключеніемъ котораго ничто не указывало на близость людей. Мои товарищи давно уже проснулись. Лоховъ, при помощи ножа и длинныхъ, гибкихъ прутьевъ, чинилъ свои развалившіеся сапоги. Блэкъ внимательно слѣдилъ за его работой, доѣдая остатки своей провизіи, которую мы подѣлили на равныя доли, и запивая куски сыра водой изъ бутылки.

— По-моему, мы прошли половину всего пути, — сказалъ Круазье.—Вся эта мѣстность, похожая на дно высохшаго моря, называется у нѣмцевъ Гюмлингъ. Она тянется до рѣки Эмса, за которой начинается знаменитая Боуртонская трясина. Все это я постепенно и осторожно выспросилъ въ тюрьмѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать, гдѣ именно за Эмсомъ проходитъ голландская граница, такъ какъ такіе вопросы сразу бы навлекли на меня подозрѣніе.

— По вашимъ словамъ выходитъ, что отсюда до границы не больше пятидесяти километровъ. Такое разстояніе мы можемъ пройти въ двѣ ночи.

— Я на это надѣюсь. Но меня безпокоитъ переходъ по Боуртонскому болоту, о которомъ одинъ солдатъ, хорошо знающій эту мѣстность, разсказывалъ всякіе ужасы.

Круазье вдругъ замолчалъ и, защитивъ глаза рукой отъ солнца, началъ пристально всматриваться въ цѣпь сосѣднихъ холмовъ.

— Смотрите,—прошепталъ онъ:—тамъ, кажется, кто-то идетъ?!.

На свѣтломъ фонѣ равнины явственно мелькнула черная фигура, исчезла въ углубленіи и вновь появилась ближе къ намъ. Мы всѣ отодвинулись въ чащу и начали внимательно наблюдать за одинокимъ путникомъ, который, ничего не подозрѣвая, спокойно шелъ въ нашу сторону. Онъ часто нагибался, словно что-то разыскивая на землѣ, и наконецъ подошелъ такъ близко, что мы во всѣхъ подробностяхъ могли разсмотрѣть его внѣшность. Этотъ человѣкъ, худой и подвижный, съ длинными сѣдѣющими волосами, въ очкахъ, походилъ на школьнаго учителя или на захолустнаго доктора. Одѣтъ онъ былъ въ сильно поношенный черный костюмъ, на которомъ не хватало многихъ пуговицъ. Черезъ плечо на ремнѣ у него висѣла длинная жестяная коробка для ботаническихъ экскурсій; въ одной рукѣ онъ держалъ трость съ металлической бѣлой ручкой, а въ другой—книжку въ красномъ переплетѣ. Увидѣвъ бутылку, брошенную Блэкомъ, и оставленные нами слѣды на пескѣ, онъ съ удивленіемъ осмотрѣлся кругомъ и потомъ началъ быстро спускаться съ холма.

— Его нельзя отпускать!—сказалъ англичанинъ, и, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, Лоховъ и Блэкъ пустились бѣжать за стѣной кустарника наперерѣзъ нѣмцу.

Послѣдній, увидѣвъ ихъ, бросился обратно къ тому мѣсту, гдѣ мы прятались. Несмотря на свои годы, бѣгалъ онъ очень быстро и, пожалуй, ушелъ бы отъ своихъ преслѣдователей, обутыхъ

„Зачѣмъ вы сюда попали?"

— Вотъ негодяй-то! — воскликнулъ Круазье.

— Да, это очень ловкій парень, — замѣтилъ Блэкъ. — Я полагаю, что теперь нѣмцы цѣлый мѣсяцъ будутъ рѣзать и грабить другъ друга за нашъ счетъ.

— Пора итти!—предложилъ Лоховъ.—Солнце заходитъ, а ночи теперь короткія.

— Что же мы сдѣлаемъ съ докторомъ?—спросилъ я.

— Набьемъ изъ него чучело!—со смѣхомъ отвѣтилъ Блэкъ. — Или, еще лучше, съѣдимъ его! Все разно нѣмецкія газеты напишутъ о насъ что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Свяжите его покрѣпче и положите въ кустарники. До утра сюда, навѣрное, никто не заглянетъ, — сказалъ Круазье.

Лоховъ разрѣзалъ ремни, прикрѣпленные къ желѣзной коробкѣ несчастнаго ботаника, и ловко связалъ ему руки и ноги.

Справившись съ картой, мы увидѣли, что черезъ болотистую низменность, за которой блестѣли послѣдніе лучи солнца, тянется въ пяти километрахъ отъ насъ шоссе, соединяющее безплодный Гюмлингъ съ берегами Эмса. На

въ тяжелые сапоги, если бы я не подставилъ ему ногу. Любитель ботаники, такъ некстати попавшій въ нашъ лагерь, полетѣлъ на песокъ, уронивъ свои очки, палку и книгу. Когда мы его выпустили и посадили, онъ, тяжело дыша, прежде всего поднялъ очки и, надѣвъ ихъ, посмотрѣлъ на насъ съ испуганнымъ, умоляющимъ выраженіемъ.

— Зачѣмъ вы сюда попали?—спросилъ Круазье.

Нашъ плѣнникъ, молча, дрожащей рукой указалъ на свою жестянку съ цвѣтами.

— За вами никто не шелъ?

— Нѣтъ, господинъ Круазье! Я одинъ брожу здѣсь съ ранняго утра.

Мы съ удивленіемъ переглянулись.

— Почему вы знаете, какъ меня зовутъ?

— Изъ газетъ,—по-французски отвѣтилъ нѣмецъ.—Всѣ мѣстныя газеты пишутъ о вашемъ бѣгствѣ. Я только еще вчера читалъ подробныя примѣты васъ и вашихъ товарищей. Но не подумайте, ради Бога, что имѣлъ въ виду какую-нибудь цѣль! Я врачъ, и такія исторіи меня совершенно не касаются! Прошу васъ, отпустите меня, и даю вамъ слово, что никому не скажу о нашей встрѣчѣ. Я вамъ сочувствую... Я даже готовъ вамъ помогать...—лепеталъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, хватая тонкими пальцами полы нашей изорванной одежды.

— Потише!—сказалъ Блэкъ.—Не голосите такъ громко, чортъ васъ побери! Я не люблю докторовъ и аптекарей, а такъ какъ вы еще и нѣмецъ, то это выходитъ уже слишкомъ тяжелый грузъ для одного человѣка. Покажите-ка, что вы носите въ карманахъ!

Докторъ поспѣшно извлекъ изъ своихъ многочисленныхъ кармановъ кучу самыхъ различныхъ предметовъ. Тутъ были лупа, булавки, мотокъ нитокъ, склянки, компасъ, сигары, большой перочинный ножъ, измятыя газеты, кусокъ проволоки и мелкія монеты.

Круазье съ живостью взялъ компасъ, Лоховъ—ножъ, а Блэкъ—сигары.

— Теперь уберите всю эту дрянь!—приказалъ англичанинъ.

Я поднялъ валявшуюся на пескѣ книгу, которая оказалась опредѣлителемъ растеній; въ концѣ книги была помѣщена превосходная карта Германіи, предназначенная для ботаниковъ. Эта находка обрадовала насъ больше всего. Докторъ, успокоившійся за свою жизнь, указалъ на картѣ то мѣсто, гдѣ мы находились, и охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, которые мы ему предлагали. Я развернулъ послѣдній нумеръ бременской газеты и прочиталъ фантастическое описаніе нашего нападенія на ферму подъ сенсаціоннымъ заголовкомъ „Люди—тигры". Статья заканчивалась обращеніемъ къ населенію съ просьбой помочь полиціи въ дѣлѣ поимки такихъ преступниковъ, которые, оставаясь на свободѣ, грозятъ, подобно хищнымъ звѣрямъ, вырвавшимся изъ клѣтокъ, жизни добрыхъ нѣмецкихъ гражданъ, ихъ женъ и дѣтей. Намъ приписывали убійство какого-то старика около Папенбурга,—города въ сорока километрахъ отъ того мѣста, гдѣ мы находились, и ограбленіе кассира одной фабрики, клятвенно увѣрявшаго, что мы отобрали у этого честнаго труженика тридцать тысячъ марокъ.

картѣ было обозначено еще нѣсколько переплетающихся проселковъ или тропинокъ, уходящихъ къ западу, но мы не рѣшились въ темную ночь блуждать среди зарослей камыша и трясинъ и направились къ большой дорогѣ. Густыя тучи заволокли все небо. Порывы сильнаго вѣтра, постоянно мѣнявшаго свое направленіе, кружили надъ равниной песокъ и подгоняли клубки колючей высохшей травы, похожей на шаровидные кусты „Перекати поле", которые носятся по нашимъ южнымъ степямъ.

Когда мы добрались до шоссе, послышались отдаленные раскаты грома, вспышки молніи на мгновеніе освѣщали пустынную, темную дорогу и растрепанныя черныя деревья, которыя гнула и трепала налетавшая буря. Пошелъ дождь, быстро превратившійся въ ливень, потоки воды съ какой-то безпощадной яростью хлестали и полосовали песчаные бугры, заросли осоки, дорогу и четырехъ путниковъ, затерянныхъ среди пустырей, превратившихся въ сплошное озеро. Я никогда не видѣлъ такой грозы, какъ въ эту ночь, молнія сверкала такъ часто, что, казалось, вмѣстѣ съ дождемъ съ неба лился жидкій синеватый огонь, придававшій всѣмъ предметамъ странныя, пугавшія насъ очертанія. Стога сѣна мы принимали за дома, одинокіе кустарники за людей, а крутые холмы и деревья превращались въ поселки, неожиданно выраставшіе справа и слѣва отъ дороги. Скверная это была ночь, и воспоминаніе о ней у меня останется на всю жизнь! Мы тѣсно жались другъ къ другу и, тяжело шлепая по лужамъ своими размокшими сапогами, медленно подвигались впередъ. Проѣзжихъ въ такую погоду мы, понятно, не встрѣчали, и только одинъ разъ по шоссе съ грохотомъ и стукомъ промчалась высокая телѣга, въ которой сидѣло нѣсколько человѣкъ. Они, должно-быть, были пьяны, такъ какъ громко распѣвали обрывки пѣсенъ и не жалѣли кнута для лошадей.

За всю ночь мы ни разу не отдыхали, боясь, что приближающійся день застанетъ насъ на большой дорогѣ, среди залитой водой равнины. Была только одна мысль: скорѣе дойти до рѣки и переправиться на другой берегъ. Но дорогѣ, кажется, конца не было. Дождь давно пересталъ, на побѣлѣвшемъ востокѣ ярко загорѣлась утренняя звѣзда, а мы все шли и шли, изрѣдка сворачивая съ шоссе, чтобы обогнуть одинокую усадьбу или сонную, молчаливую деревню. Эти обходы утомляли насъ больше всего, такъ какъ приходилось пробираться по размокшей почвѣ, утопая иногда по колѣно въ жидкой грязи, перелѣзать черезъ изгороди, или прокладывать себѣ дорогу въ чащѣ мокрыхъ кустарниковъ. Наконецъ, когда стало совсѣмъ свѣтло и заря разгорѣлась, какъ пожаръ, Круазье, шедшій впереди, радостно крикнулъ:

— Вотъ Эмсъ! А дальше, за этой зеленой полосой, Голландія!

Мы минуту, какъ очарованные, стояли на гребнѣ холма и потомъ бѣгомъ пустились къ рѣкѣ. Надъ ней клубились туманы, вода подъ берегомъ была темно-синей, почти черной, но по серединѣ блестѣла, какъ зеркало. По ней пятнами и полосами разливался красноватый свѣтъ наступающаго дня. Шоссе упиралось въ желѣзный высокій мостъ, около котораго стояли четыре баржи и небольшой пароходъ, съ черно-желтымъ флагомъ за кормой. На пескѣ лежало множество лодокъ, и между ними го-

рѣлъ костеръ, дымъ котораго, какъ хвостъ кометы, тянулся до противоположнаго берега. Мы свернули съ шоссе и, пользуясь всякими укрытіями, точно подъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, направились къ одинокой группѣ деревьевъ, росшихъ у самой воды. Тутъ отъ моста насъ отдѣляло порядочное разстояніе версты въ полторы. Поблизости не было ни лодки, ничего подходящаго для переправы черезъ Эмсъ, который, впрочемъ, по нашимъ русскимъ понятіямъ, представлялъ небольшую рѣку, названіе которой у насъ не всегда попадаетъ въ учебники географіи.

— Остается одно,— сказалъ Круазье:—попробовать переправиться вплавь! Я лучше готовъ утонуть, чѣмъ рисковать снова очутиться въ рукахъ нѣмцевъ. Часа черезъ два проснется весь берегъ, и тогда намъ не сдобровать.

Я плавалъ хуже всѣхъ и поэтому предложилъ поискать лодку вверхъ по теченію, но мои товарищи не хотѣли объ этомъ и слышать.

— Тутъ все заселено.—сказалъ Краузье, разворачивая нашу мокрую карту.—Вы не пройдете и сотни шаговъ, какъ наткнетесь на какого-нибудь рыбака или матроса.

Волей-неволей я долженъ былъ уступить и рѣшилъ, что мою одежду возьмутъ Лоховъ и Блэкъ. Вода была очень холодная, и когда я отплылъ на сорокъ, или пятьдесятъ шаговъ, то попалъ въ полосу молочнаго тумана, который совершенно скрылъ берегъ: оглядываясь назадъ, я видѣлъ только смутныя очертанія старыхъ вязовъ и вербъ, позолоченныя первыми лучами солнца. Переправа совершилась вполнѣ благополучно, если не считать того, что Блэкъ потерялъ сапоги, и дальше ему приходилось итти босикомъ. Впрочемъ, это очень мало печалило англичанина, который предложилъ и всѣмъ намъ бросить свою истрепанную, истерзанную обувь.

— Теперь мы находимся очень близко отъ границы,— сказалъ Круазье:—но намъ придется итти по тому самому Боуртонскому болоту, о которомъ я такъ много сквернаго наслышался въ лагерѣ.

— Я не понимаю, капитанъ, почему вы такъ боитесь еще одного болота?—возразилъ англичанинъ.—Я привыкъ къ нимъ, какъ лягушка, и днемъ предпочитаю ихъ всякой другой дорогѣ.

На веселой и свѣтлой отмели, залитой лучами утренняго солнца, огромный Блэкъ представлялъ дикую и странную фигуру,—самую странную, вѣроятно, изъ всѣхъ, какія появились на оживленномъ берегу Эмса. Босой, съ нерасчесанными мокрыми волосами, съ ногъ до головы покрытый грязью, съ кривой сучковатой палкой въ рукахъ, онъ походилъ на первобытнаго человѣка, какимъ-то чудомъ перенесеннаго въ XX вѣкъ. Впрочемъ, немногимъ лучше была внѣшность и двухъ другихъ моихъ товарищей.

— Только, ради Бога, идемте скорѣй! Я не могу сидѣть на одномъ мѣстѣ, зная, что по ту сторону этой Боуртонской трясины находятся трактиры, въ которыхъ можно поѣсть и спросить бутылку виски.

— Граница проходитъ не по ту сторону болота, а гдѣ-то около его середины,—поправилъ Круазье.—Намъ это надо хорошо помнить, такъ какъ, перейдя черезъ условную линію, отдѣляющую Германію отъ Голландіи, мы можемъ немедленно выбраться на первую попавшуюся дорогу и не тратить времени и силъ на опасное блужданіе среди топей и омутовъ. Переведите, пожалуйста, Лохову, что мы просимъ его быть нашимъ проводникомъ. Онъ лучше всѣхъ насъ знаетъ такія опасныя мѣста, гдѣ на каждомъ шагу можно провалиться въ закрытую мохомъ пропасть.

— Мнѣ много приходилось ходить по Нарымскимъ болотамъ,—отвѣтилъ Лоховъ. — Попробую, можетъ-быть, они и здѣсь не хуже.

VI.

Боуртонская топь.

Не отдыхая, мы снова пустились въ путь. Отъ сильной ли усталости, или отъ волненія, вызваннаго приближеніемъ къ границѣ, мы забыли о всякой осторожности и шли сначала по совершенно открытой мѣстности, въ виду большой деревни, надъ красными черепичными крышами которой поднимались двѣ островерхія бѣлыя башни. Было еще очень рано, и только этому я приписываю, что насъ никто не замѣтилъ. За деревней мѣстность начала быстро понижаться, земля покрылась кочками, похожими на гніющіе пни срубленнаго лѣса, тамъ и сямъ поползли полосы бурыхъ и зеленыхъ мховъ, подъ ногами при каждомъ шагѣ начали выступать тонкія струйки воды. Передъ нами до самаго горизонта лежало огромное болото, въ которомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, безслѣдно погибло много мѣстныхъ жителей, рѣшавшихся ходить по этой трясинѣ безъ опытныхъ проводниковъ.

— Скверное мѣсто!—сказалъ Лоховъ.—Скажите имъ, чтобы они не спѣшили, и, главное, идите по моему слѣду.

Онъ взялъ у Блэка палку и осторожно, словно стоялъ на плохо натянутомъ канатѣ, двинулся впередъ по колеблющемуся зеленому ковру. Мы очутились на какой-то дырявой сѣткѣ, сплетенной надъ водой корнями и стеблями растеній. При каждомъ движеніи надо было становиться на одинъ изъ узловъ этой сѣти, и когда я однажды, оглянувшись назадъ, наудачу опустилъ ногу, то почувствовалъ, какъ она быстро тонетъ въ полужидкой, вязкой массѣ. Ощущеніе было такое, какъ будто мое колѣно охватила чья-то скользкая, мягкая пасть и тянетъ его въ глубину. Я выбрался при помощи Круазье и Лохова, который рѣшительнымъ тономъ заявилъ:

— Если вы будете сбиваться съ моихъ слѣдовъ, то я вернусь! Здѣсь можно утопить цѣлую колокольню. Эта трясина, какъ живая. Жадная, проклятая! Вотъ, смотрите!

Онъ на минуту воткнулъ свою палку въ небольшую бурую лужу, и мы со страхомъ увидѣли, какъ палка вздрогнула, покачнулась, и медленно-медленно начала опускаться, какъ будто ее кто-то тянулъ въ пучину. Но по внѣшнему виду эта бездонная топь ничуть не казалась страшнѣе какого-нибудь мокраго луга. Изумрудный мохъ, на которомъ сверкали капли росы, покрывалъ почву, кое-гдѣ весело блестѣли маленькія лужицы, вокругъ нихъ росла мелкая блѣдная трава и какіе-то приземистые кустики съ коралловo-красными ягодами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разорванная и разодранная волокнистая ткань открывала извилистыя полосы грязи, которыя подъ лучами солнца казались ручьями, лѣниво извивающимися между плоскими берегами. Мы вздохнули свободнѣе, когда этотъ „лугъ" внезапно окончился, и впереди показались безчисленные островки съ пучками травы и камышей.

— Ухъ!—воскликнулъ Блэкъ, останавливаясь на первомъ изъ этихъ островковъ.—Второй разъ я ни за что не рѣшился бы пройти по такой дорогѣ. Здѣсь могла бы утонуть цѣлая армія.

Круазье, примостившись на другой кочкѣ, разсматривалъ карту.

— Тутъ гдѣ-то, въ серединѣ болота, есть сухая земля, большой островъ или мысъ, который вдается со стороны Голландіи,—сказалъ онъ.

Я попросилъ Блэка нагнуться и при помощи сибиряка сталъ на его могучія плечи, чтобы осмотрѣть горизонтъ. Безпредѣльное болото! Блестящая вода, камыши и красноватыя

Случалось, что кто-нибудь изъ насъ попадалъ въ воду...

пятна торфяника. Только въ одномъ мѣстѣ я уловилъ смутныя очертанія не то деревьевъ, не то какой-то постройки. Дальше началась если не самая опасная, то самая утомительная часть пути. Мы не шли, а прыгали съ одной кочки на другую. Случалось, что кто-нибудь изъ насъ, не разсчитавъ прыжка, попадалъ въ воду и выбирался при помощи товарищей, покрытый черной, какъ уголь, грязью. Часа черезъ три такого пути, похожаго на переходъ по сваямъ разрушеннаго моста, мы устали до изнеможенія и принуждены были отдыхать все чаще и чаще.

Англичанинъ вышелъ, но сейчасъ же вернулся.

Во время одного изъ такихъ отдыховъ я замѣтилъ странное сооруженіе, почти совершенно скрытое подъ водой. Нѣчто въ родѣ плотины или широкой бревенчатой мостовой тянулось поперекъ болота, съ юга къ сѣверу. Нѣкоторыя почернѣвшія и позеленѣвшія бревна лежали вровень съ водой, другія опустились такъ глубоко, что мы едва могли достать до нихъ палкой. Постройка была такая древняя, что на ней успѣли вырасти маленькіе островки, такіе же, какъ и тѣ, по которымъ мы пробирались. Впослѣдствіи, въ Голландіи, мнѣ говорили, что въ Боуртонскомъ болотѣ сохраняются древнія римскія дороги, проложенныя за три или за четыре вѣка до Р. Х. для прохода легіоновъ вѣчнаго города къ берегамъ Атлантическаго океана. Можетъ-быть, погруженная въ воду и грязь бревенчатая клавіатура, которую мы видѣли, и была одной изъ такихъ дорогъ. У насъ не было времени долго ее разсматривать, хотя я и Круазье сильно заинтересовались этимъ нагроможденіемъ почернѣвшихъ деревьевъ среди непроходимой трясины.

Въ полдень мы добрались до широкой полосы текучей воды, не знаю, рѣки или искусственнаго канала, проложеннаго параллельно Эмсу. Мы снова вплавь перебрались на другой берегъ, если только можно назвать берегомъ неподвижную грязную воду рядомъ съ чистой, и вновь начали свои акробатическія упражненія среди высокой болотной травы. Если бы не сознаніе, что мы находимся близко отъ границы, то, навѣрное, никто бы изъ насъ не могъ сдѣлать и шагу впередъ.

— Подождите, вѣдь это, кажется, домъ!—неожиданно сказалъ Блэкъ, смотря поверхъ зарослей тростника.—Домъ и есть, хотя съ перваго взгляда похожъ на кочку.

Эти слова заставили насъ всѣхъ остановиться.

— Надо узнать, что̀ тамъ такое,—сказалъ Круазье, блѣдный отъ волненій и усталости.—Можетъ-быть, это сторожевой постъ!

— А можетъ-быть, мы уже въ Голландіи?—замѣтилъ я.

Сибирякъ скользнулъ въ камыши, и черезъ десять минутъ мы услышали его веселый голосъ:

— Да тутъ никого нѣтъ! Идите смѣлѣй...

Хижина оказалась сложенной изъ кусковъ торфа; на ея плоской крышѣ росла трава, и всю эту жалкую постройку дѣйствительно можно было принять, даже вблизи, за одну изъ безчисленныхъ кочекъ, какія покрывали все болото. Внутри стоялъ тяжелый запахъ сырости и плѣсени. Свѣтъ, падавшій въ открытую дверь, и маленькое квадратное окно позволяли разсмотрѣть тяжелый столъ, ножками врытый въ землю, двѣ скамьи, остывшую золу на очагѣ и нѣсколько глиняныхъ горшковъ. Въ углу лежалъ ворохъ измятой сухой травы и рядомъ валялись пустыя бутылки.

— Ну, что̀ вы скажете, капитанъ?—спросилъ Блэкъ.—По-моему, такіе путешественники, какъ мы, и не могутъ требовать лучшей гостиницы!

— Если эта лачуга въ Голландіи, то, пожалуй, я соглашусь, что она лучше любого отеля въ Парижѣ.

— Но если она даже на нѣмецкой землѣ, то сюда не заглянетъ ни одинъ жандармъ. Смотрите, да здѣсь и буфетъ есть!

Англичанинъ бросился къ столу, на который Лоховъ высыпалъ изъ чашки картофель.

— Сырой!—съ досадой воскликнулъ Блэкъ.

— Тутъ и мука есть!—сказалъ сибирякъ.—Сейчасъ сваримъ супъ.

Эта мысль намъ всѣмъ очень понравилась. Мы живо развели огонь и всѣ приняли участіе въ стряпнѣ. Но прежде чѣмъ закипѣла вода, Круазье успѣлъ сжечь всю траву, лежавшую въ углу.

— Пойди-ка, Блэкъ, поищи топлива! — попросилъ французъ, размѣшивая супъ деревянной палочкой.

Англичанинъ вышелъ, но сейчасъ же вернулся, плотно закрылъ дверь, задвинулъ ее деревяннымъ засовомъ и сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Перестаньте трудиться, джентльменъ: это кушаніе вамъ не придется ѣсть!

— Почему?—спросилъ я, продолжая чистить картофель.

— Потому что въ ста шагахъ отсюда я видѣлъ двухъ нѣмецкихъ жандармовъ!

На минуту наступила такая тишина, что было слышно, какъ сердито бурлила закипавшая вода.

— Чортъ возьми!—съ внезапнымъ приливомъ бѣшенства вскричалъ Круазье.—И надо же было, чтобы это случилось теперь, когда мы могли считать себя на свободѣ. Но если ихъ только двое, то мы еще посмотримъ!

Я бросился къ окну, но увидѣлъ лишь залитую солнцемъ чащу камыша.

— Надо выбраться на крышу, оттуда мы могли бы или незамѣченными спуститься на землю, или напасть на жандармовъ и обезоружить ихъ...

Дверь внезапно затрещала отъ сильныхъ ударовъ ногой.

— Отворяйте!—закричалъ чей-то грубый голосъ по-нѣмецки.—Теперь вамъ не уйти!

Мы молчали.

— Я буду стрѣлять!—продолжалъ тотъ же голосъ.—Пуля найдетъ васъ и за дверьми...

Круазье затушилъ огонь, выливъ въ него нашъ супъ, и при помощи Лохова старался расширить отверстіе въ крышѣ, черезъ которое проходилъ дымъ.

— Вы кого ищете?—спросилъ я, чтобы выиграть время.

— Къ чему всѣ эти разговоры?! Отворяйте!.. Живѣе!..

Я не зналъ, что̀ еще имъ сказать, и посмотрѣлъ на Блэка, который, вооружившись доской отъ скамейки, стоялъ рядомъ съ дверью.

— Скажите, что вы потеряли ключъ.

— Ну, я считаю до трехъ!—крикнулъ жандармъ.—Разъ!..

— Постойте,—перебилъ его я:—намъ нѣтъ никакихъ причинъ прятаться отъ нѣмецкихъ солдатъ, и если вы намъ обѣщаете...

— Ха-ха-ха! Ну, конечно, у васъ нѣтъ причинъ прятаться отъ нѣмцевъ. Да вѣдь мы-то не нѣмцы.

— А кто же вы?—спросилъ я внезапно измѣнившимся голосомъ.

— Довольно болтать! Вотъ я сейчасъ выучу тебя отличать голландскую стражу отъ нѣмецкихъ жандармовъ.

— Ура!—крикнули мы всѣ вмѣстѣ.—Ура!.. — И, толкая другъ друга, бросились къ дверямъ.

— Что̀ за чертовщина? Это не тѣ!—сказалъ солдатъ, опуская ружье и съ растеряннымъ видомъ смотря на Блэка и Лохова, которые отъ радости съ ловкостью медвѣдей пустились плясать передъ дверьми лачуги.

Круазье объяснилъ, кто мы такіе, и голландцы, положивъ ружья, протянули намъ руки.

— Качать ихъ, качать!—закричалъ Блэкъ.

Здоровенные пограничники слабо отбивались, смѣшно размахивая руками, но мы нѣсколько разъ подбросили ихъ до крыши. Оказалось, что граница находилась отсюда въ трехъ километрахъ, и мы ее давно перешли. Хижина служила пріютомъ для нѣмецкихъ контрабандистовъ. Замѣтивъ столбъ дыма на островкѣ, таможенная охрана рѣшила, что нѣмцы скрываются среди Боур-

тонской топи, и для поимки ихъ было отправлено пять солдатъ, изъ которыхъ только двумъ удалось пробраться черезъ заросли тростниковъ. Дальше все произошло такъ, какъ рисовало намъ воображеніе. Часа черезъ два я и мои товарищи сидѣли въ единственномъ трактирѣ чистенькаго голландскаго мѣстечка Боуртанге. Въ раскрытыя окна врывался теплый вѣтеръ, вздувая кисейныя занавѣски. Солнечные лучи падали на бѣлый, тщательно вымытый полъ, на дубовую стойку, на которой среди бутылокъ и тарелокъ возвышались букеты желтыхъ и красныхъ тюльпановъ. Передъ нами стояло блюдо съ цѣлымъ гусемъ, лежалъ мягкій сыръ и горячій хлѣбъ, а изъ кухни доносился аппетитный запахъ мяса, которое жарила хозяйка этой самой лучшей и великолѣпной гостиницы. Было и вино, и ромъ, и густое черное пиво. Подъ окнами собралась половина жителей мѣстечка, и фотографъ снялъ насъ среди толпы любопытныхъ. Въ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ мы представляли, должно-быть, очень интересную группу между женщинами въ накрахмаленныхъ передникахъ и толстыми добродушными бюргерами. Круазье держалъ большой букетъ, который поднесла ему краснощекая дѣвочка, а Блэкъ стоялъ, опираясь на свою длинную, кривую палку. Большинство жителей этого пограничнаго мѣстечка понимали по-нѣмецки, и мы должны были много разъ, все съ новыми и новыми подробностями, повторять исторію нашего плѣна и бѣгства. Особенно довольны были многочисленные слушатели, когда началъ разсказывать Лоховъ. Онъ говорилъ по-русски, и голландцы, разумѣется, не понимали ни единаго слова, хотя сибирякъ нарушалъ всѣ правила грамматики, надѣясь, что такая рѣчь представляетъ истинный международный языкъ, доступный и добрымъ жителямъ Боуртанге. При этомъ онъ то и дѣло повторялъ слово „хорошо", произнося его „карашо", но общее вниманіе было привлечено не тѣмъ, что̀ говорилъ Лоховъ, а его мимикой и усиленной жестикуляціей. Онъ изображалъ нѣмецкихъ надзирателей, коменданта фонъ-Пильца, показывалъ, какъ мы, скорчившись, сидѣли въ фургонѣ, какъ набросились на стражу, при чемъ роль всѣхъ солдатъ по очереди игралъ Блэкъ. Далѣе Лоховъ переплылъ воображаемую рѣку, прошелъ по одной половицѣ надъ бездонной топью и прыгалъ по кочкамъ. Въ залѣ водворилась тишина, толпа образовала полукругъ, впереди стояли дѣти и, затаивъ дыханіе, съ широко открытыми глазами слѣдили за каждымъ движеніемъ артиста, который валялъ стулья, прыгалъ и боролся съ невидимыми противниками. Школьный учитель спросилъ у меня, что̀ значитъ это часто повторяемое слово „карашо", и перевелъ его слушателямъ. Послѣ этого хоръ голосовъ каждую минуту выкрикивалъ: „Карашо, Русь! Карашо!"

А когда утомленный Лоховъ сѣлъ на свое мѣсто за столомъ, въ комнатѣ и за окномъ раздались шумныя, восторженныя одобренія. Десятки бѣлыхъ кружекъ наполнились пивомъ и были разомъ осушены „за здоровье человѣка изъ Сибири". Какой-то старикъ съ краснымъ, обвѣтреннымъ лицомъ и коротко остриженными сѣдыми волосами, одѣтый въ вязаную фуфайку, предложилъ мнѣ дать новый костюмъ взамѣнъ моего изорваннаго мундира, который онъ хотѣлъ сохранить на память. Я съ удовольствіемъ согласился на эту мѣну. Тучный трактирщикъ, не выпускавшій изо рта разрисованной фарфоровой трубки, на такихъ же условіяхъ овладѣлъ лохмотьями Круазье, и скоро мы всѣ сидѣли въ широчайшихъ новенькихъ костюмахъ, за исключеніемъ одного Блэка, который устроилъ мѣну съ тощимъ учителемъ, и послѣдній выбивался изъ силъ, отыскивая у своихъ знакомыхъ платье, какое было бы впору великану. Наконецъ изъ комнаты за буфетомъ вышелъ и Блэкъ. На немъ была фуфайка съ короткими рукавами, его собственныя панталоны, очищенныя отъ грязи, и войлочныя мягкія туфли.

Фотографъ снялъ насъ среди толпы любопытныхъ.

Вечеромъ, крѣпко пожавъ десятки рукъ, мы усѣлись въ просторный экипажъ и въ сопровожденіи двухъ жандармовъ покатили въ богатый и оживленный Гронингенъ, чтобы ѣхать дальше по желѣзной дорогѣ. Оглядываясь, мы долго еще видѣли рядъ бѣлыхъ и красныхъ кирпичныхъ домиковъ, съ блестящими окнами, толпу мужчинъ и женщинъ, махавшихъ намъ платками, и далеко на горизонтѣ синевато-зеленую полосу Боуртонскаго болота.

На этомъ мѣстѣ дороги заканчивается исторія нашего бѣгства. Дальше мы ѣхали, какъ обыкновенные путешественники, но прежде чѣмъ написать „конецъ", мнѣ бы хотѣлось выразить глубокую благодарность и признательность за доброе участіе и поистинѣ братскую помощь, оказанную намъ въ Голландіи. Съ особенной признательностью и любовью буду я всегда вспоминать о профессорѣ Ванъ-Гоофтѣ, инженерѣ Ванъ-Вейденѣ и господахъ Стенѣ и Слютерѣ. Такіе люди, несмотря на всѣ ужасы войны, заставляютъ вѣрить, что когда-нибудь любовь и братство побѣдятъ взаимную вражду, злобу и ненависть, и тогда нелѣпой и страшной сказкой темныхъ и мрачныхъ временъ покажется разсказъ о человѣкѣ, который бѣжитъ отъ человѣка.

Дѣти и война.

Очеркъ **К. Чуковскаго.**

(Съ 12 иллюстраціями).

Въ 1980 году укажутъ на какого-нибудь старичка и шепнутъ:

— Онъ помнитъ еще міровую войну!

А теперь этотъ старичокъ — шестилѣтка. Стоитъ гдѣ-нибудь у забора и, выпятивъ свой дѣтскій животишко, степенно и солидно созерцаетъ, какъ въ его родное село въѣзжаютъ огромные нѣмцы.

Или, ухватившись за мамкину юбку, хлюпаетъ по вязкой дорогѣ и радуется, что видитъ пожары: они такіе красивые, красные!

Или хоронится съ сестрами въ погребѣ и слушаетъ, какъ бухаютъ орудія.

Или въ комфортабельной дѣтской, среди игрушечныхъ аэроплановъ и пушекъ, рисуетъ въ тетрадкахъ скачущихъ казаковъ и Вильгельмовъ.

Или въ Брюсселѣ дразнитъ германскихъ солдатъ, показываетъ имъ языкъ и кричитъ, что скоро ихъ отсюда погонятъ!

Или въ Парижѣ, на Place de L'Opéra, слѣдитъ, какъ шныряетъ межъ тучъ юркій нѣмецкій летунъ.

Или, какъ Петя Ростовъ, бѣжитъ на передовыя позиціи:— „прощайте дорогія родители, я еду оборонять росію!"

Все многомилліонное дѣтское царство, въ Европѣ, въ Австраліи, въ Азіи, захвачено нынѣ войной.

Что станется съ этимъ роковымъ поколѣніемъ, взрастающимъ среди громовъ и пожаровъ? Какъ пожнетъ оно нашъ кровавый посѣвъ?

Вѣдь вся эта война—ради нихъ, ради нашихъ будущихъ гражданъ, ради ихъ свободы и радости. Будетъ ли имъ радость, кто знаетъ! Имъ достанутся плоды нашихъ жертвъ; поблагодарятъ ли они насъ за наслѣдство?

Они будутъ нашими судьями, оцѣнщиками нашихъ дѣяній. Кто скажетъ, сколько Карамзиныхъ и Ключевскихъ бѣгаетъ теперь въ короткихъ штанишкахъ! Осудятъ или оправдаютъ они насъ? Постараемся, чтобъ оправдали. Ихъ судъ будетъ судомъ исторіи, а это единственный судъ, котораго нужно бояться.

Имъ я посвящаю эти строки.

I. Экзальтація.

Кука разсердился на маму.

— Ты... Вильгельмова дочь!—сказалъ онъ ей медленно, съ болью.

Мама и не воображала дотолѣ, какъ свирѣпо онъ ненавидитъ Вильгельма.

Вообще онъ какой-то порывистый. Увидѣлъ въ газетѣ картинку: „типы австрійскихъ нѣмцевъ" и сталъ ее бить кулакомъ: „противные, противные нѣмцы!"

И безостановочно, ежеминутно сражается — со стульями, столами, комодами, съ собственной тѣнью, съ собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ, съ игрушечными Мишками, куклами. Всѣ Мишки у него перевязаны тряпочками: они раненые, лежатъ въ лазаретѣ.

И достается же стульямъ, когда онъ въ воинственной ярости возомнитъ себя Кузьмою Крючковымъ. Разлетаются въ разныя стороны подъ ударами сокрушительной сабли!

Онъ мальчикъ одинокій, безъ товарищей. И каждое впечатлѣніе войны воспринимаетъ съ чрезмѣрной страстью. Особенно въ первые мѣсяцы. Это было сплошное горѣніе. Онъ тогда позеленѣлъ и похудѣлъ. На крошечную дѣтскую душу обрушивались огромными грудами цеппелины, шпіоны, бомбы, фугасы, дредноуты... Вначалѣ онъ говорилъ о войнѣ только шопотомъ, какъ о чемъ-то таинственномъ,—и то только съ матерью, только съ глазу на глазъ, и лишь потомъ осмѣлѣлъ, затрубилъ въ трубу, застучалъ въ барабанъ и, завидя офицера на улицѣ, сталъ отдавать ему честь—влюбленно, благоговѣйно...

Экзальтація дошла до болѣзненности. Братъ его няни, солдатъ, уѣзжая въ Варшаву, зашелъ къ нему въ дѣтскую и на прощаніе сказалъ:

— Ты помолись обо мнѣ и обо всѣхъ русскихъ воинахъ.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, но мама и няня замѣтили, что онъ пыжится подавить въ себѣ слезы. Мама приласкала его, и онъ съ рыданіями заявилъ ей, что онъ страшный преступникъ и грѣшникъ, недостойный молиться о воинахъ, такъ какъ лѣтомъ, при собираніи коллекцій, убилъ очень много бабочекъ!

Съ такой же чрезмѣрностью обожаетъ онъ Кузьму Крючкова. Это его величайшій кумиръ. Кто-то сказалъ его матери, будто Крючковъ убитъ. Та скрывала это извѣстіе отъ сына, чтобы онъ не заболѣлъ отъ несчастія.

Экзальтированному семилѣтнему мальчику все, что относится къ русскому воинству, кажется священнымъ и божественнымъ. Онъ лежалъ въ постели, простуженный, когда принесли къ нему кружку для сбора какихъ-то пожертвованій. Онъ вскочилъ, поцѣловалъ эту кружку, приложился къ ней, какъ къ иконѣ, и опустилъ туда свои завѣтные грошики.

Во время болѣзни не стоналъ и не жаловался:

— И я съ солдатиками терплю!—радостно шепталъ онъ своей матери.

— Больно тебѣ?

— Солдатъ не долженъ говорить, если больно.

Неврастеникъ. Черезчуръ впечатлительный. Когда подарили ему пистолетъ, онъ подбѣжалъ къ географической картѣ и— хлопъ!—выстрѣлилъ прямо въ Германію.

— Я Вильгельма убилъ! Я Вильгельма убилъ!—завопилъ онъ съ неистовой радостью.

Его обычное состояніе—дрожь, лихорадочный военный азартъ. Даже спать онъ идетъ съ барабанами, ружьями, пушками, не хуже того малыша, что изображенъ у насъ на фотографіи (стр. 950).

Ружья, сабли, барабаны, знамена, ножи—теперь единственныя игрушки дѣтей...

Я въ то время, какъ на нивѣ
Въ макахъ вся межа,
Мальчикъ мой принесъ изъ дѣтской
Два блестящіе ножа.

Это теперь во всемъ мірѣ,—въ Лондонѣ, въ Торонто, въ Мельбурнѣ, въ Саратовѣ, въ Иркутскѣ, въ Клязьмѣ. Всякая дѣтская превращена въ арсеналъ. Мобилизована вся мебель, всѣ игрушки. Кажется, если собрать все оружіе, которымъ бряцаютъ сейчасъ наши шестилѣтніе, семилѣтніе воины, то отъ врага ничего не останется: мгновенно будетъ сокрушенъ и уничтоженъ. Дѣти не страдаютъ, какъ мы, отъ недостатка снарядовъ. Для нихъ каждая палка—ружье, каждая щепка — снарядъ. По словамъ одного наблюдателя, даже глядя на французскую булку, ребенокъ увлекается мыслью, что это бомба для истребленія нѣмцевъ. („Рѣчь", 27-го января 1915 г.).

А въ „Русской Школѣ" я на-дняхъ прочиталъ, какъ маленькій мальчикъ схватилъ со стола длинный парижскій хлѣбъ и сталъ имъ выдѣлывать ружейные пріемы, восклицая:

— Это ружье! Это ружье! Можно пойти на войну убивать нѣмцевъ!

Даже хлѣбъ превратили въ оружіе!

Что стоитъ купающемуся въ ваннѣ ребенку превратить свой собственный палецъ въ британскую подводную лодку и потопить въ этихъ мыльныхъ волнахъ огромную нѣмецкую эскадру, состоящую изъ губки и градусника!

Дѣти вооружены превосходно. Ихъ Круповскій заводъ — сама природа. Она поставляетъ имъ, въ качествѣ ядеръ и пуль, еловыя шишки, снѣжки, камешки, яблоки, груши.

— „Мои мальчики цѣлые дни воюютъ,— записываетъ у себя въ дневникѣ одна мать.— Крыша новаго чердака ихъ излюбленная позиція, а груши, немилосердно срываемыя съ дерева,—пули... Сраженіе жаркое. По двору пройти нельзя. Я удивляюсь, какъ они не плачутъ отъ получаемыхъ ударовъ. Чувствую, что здѣсь много вредныхъ моментовъ, и не знаю, какъ на это реагировать. Допустимо ли такое разгораніе страстей? Особенно Сережа возбуждается... Ненависти и злобы въ этой игрѣ много" *).

Карманный Веллингтонъ. Крошечныя англійскія дѣти съ уморительнымъ достоинствомъ носятъ матросскую и солдатскую форму. Двухлѣтній рядовой Джо Арджентъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, увѣренъ, что ему подобаетъ награда: крестъ Викторіи, и потребовалъ недавно у отца, чтобы тотъ взялъ его въ Букингэмскій дворецъ въ случаѣ, если король захочетъ его наградить.

*) „Вѣстникъ Воспитанія", 1915, IV, 137.

Сонъ современнаго ребенка: въ одной рукѣ ружье, въ другой —солдатъ; ноги укрыты знаменемъ.

II. Кто виноватъ?

Что же дѣлать? Какъ уберечь этихъ Кукъ и Сережъ отъ такого „разгоранія страстей", отъ нервической болѣзненной ненависти?

Хорошо ли это, что шестилѣтній ребенокъ жаждетъ убивать и калѣчить? Хорошо ли, что онъ непрерывно живетъ впечатлѣніями крови, убійства и злобы?

Что дѣлать отцамъ, матерямъ, учителямъ, воспитателямъ? Какъ спасти драгоцѣнныя души дѣтей отъ катастрофическихъ вліяній войны?

— „Война огрубитъ ихъ нравы, ожесточитъ ихъ сердца, пишетъ мнѣ одна интеллигентная женщина. — Я стараюсь отвлекать ихъ отъ войны, такъ какъ въ этомъ возрастѣ они понимаютъ лишь факты, а факты несутъ только ужасъ".

Но развѣ немощнымъ материнскимъ рукамъ заслонить отъ дѣтей войну? Да и въ правѣ ли онѣ заслонять отъ дѣтей вселенское, міровое явленіе, которымъ нынѣ живетъ человѣчество? Нужно, чтобы дѣтское сердце билось въ унисонъ со всѣмъ міромъ, привыкало бы исподволь къ общечеловѣческой жизни, а не коснѣло подъ стекломъ, въ оранжереѣ, отгороженное отъ всѣхъ вѣтровъ и морозовъ.

Но какъ же оградить его отъ злобы, одичанія, огрубѣнія, взвинченности?

Вѣдь очень больно любящей матери слышать, какъ ея тринадцатилѣтняя дочь, начитанная, серьезная Валя говоритъ своему отцу-доктору:

— И зачѣмъ ты лѣчишь этихъ нѣмцевъ!

А Вася, четырнадцатилѣтній, подхватываетъ:

— Прописывалъ бы имъ яду, ей-Богу! А если яду нельзя, то слабительнаго!

И кричитъ въ окно паціентамъ:

— Эй вы, нѣмцы! Бить васъ надо, проклятые варвары!

И это не врагамъ, не солдатамъ, а мирнымъ больнымъ колонистамъ, пришедшимъ къ доктору за лѣкарствомъ и помощью.

Спрашиваютъ этого Васю:

— Что бы ты сдѣлалъ съ нѣмцемъ, если бъ онъ попалъ къ тебѣ въ плѣнъ?

— Взялъ бы дядинъ револьверъ и убилъ.

— Но вѣдь онъ беззащитный, онъ плѣнный... его нужно пощадить, нужно выслушать...

— Нечего выслушивать... бацъ и конецъ!

Бѣдная мать поражена, смущена, слушая такія жестокія рѣчи своихъ начитанныхъ, кроткихъ, воспитанныхъ, деликатныхъ дѣтей.

Такъ пахарь былъ бы удивленъ,
Когда бы рожь посѣялъ онъ,
А уродилось бы зерно—
Ни рожь, ни грѣча, ни пшено,
Ячмень колючій—и притомъ
Наполовину съ дурманомъ!

Она удивлена, какъ это ея милыя дѣти (Вася, впрочемъ, не сынъ, а племянникъ), такія развитыя, серьезныя, увлекающіяся наукой, ботаникой, читающія Тимирязева, Дарвина, могутъ быть ослѣплены такой яростью, что выбрасываютъ изъ своей библіотеки сочиненія Гёте и Шиллера, сжигаютъ старыя нѣмецкія книги, отказываются за утреннимъ кофеемъ отъ обычнаго масла и сливокъ, только потому, что молочное доставляется въ домъ смиренной женой колониста.

— Помилуйте, вѣдь у нея сынъ на войнѣ, пробовала возразить воспитательница.

— Вы не можете насъ заставить ѣсть нѣмецкое! — кричали ей дѣти запальчиво.

Такихъ случаевъ огромное множество. И все же они не свидѣтельствуютъ о пагубномъ вліяніи войны. Есть и другія вліянія. Матери ропщутъ напрасно. Жизнь показала наглядно, что ихъ страхи не имѣли резоновъ. Всѣ наблюдатели, педагоги, родители единогласно показываютъ, что есть тутъ и благотворное, нужное.

А если не обошлось и безъ гадкаго, то часто сами родители и виноваты. Развѣ можно, напримѣръ, давать ребенку бульварные газеты и журналы? Вѣдь дѣтямъ не даютъ же коньяку! Одинъ учитель повѣствуетъ съ отчаяніемъ о какомъ-то очень распространенномъ журналѣ, который дѣти принесли съ собой въ школу, — изъ дому, отъ матерей и отцовъ. Въ этомъ журналѣ онъ прочиталъ не безъ ужаса:

— „Каждому нѣмцу, живущему нынче въ Россіи, нужно повѣсить на шею табличку „подлецъ", чтобы всѣ могли плевать имъ въ харю".

„Не зачѣмъ лѣчить въ лазаретахъ раненыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Когда они умираютъ отъ жажды и просятъ „воды, воды", нужно давать имъ касторки: это было бы дѣло!"

Какія низменныя, подлыя чувства, столь несвойственныя русской народной душѣ, прививаются впечатлительнымъ дѣтямъ, развращая и нервируя ихъ! А эта пошлая лубочная картинка, такая забубенно-хвастливая, гдѣ выведенъ огромный казакъ, нанизавшій на длинную пику десятки корчащихся нѣмцевъ и турокъ, — взрослымъ она только омерзительна, какъ всякая вульгарная ложь, а для дѣтей она приманчиво страшна. Они ее смакуютъ, срисовываютъ. Объ этомъ вліяніи на дѣтскую душу уличной лубочной дешевки есть жуткая статейка въ „Русской Школѣ", которую не лишне бы прочитать матерямъ *).

Впрочемъ, сами матери нерѣдко нервируютъ и разжигаютъ дѣтей, возбуждая въ нихъ нехорошую злобу.

Одна мать съ удовольствіемъ пишетъ:

— „Ненависть къ нѣмцамъ у дѣтей возрастаетъ, вижу, съ каждымъ днемъ. Вотъ сегодня просятъ исходатайствовать удаленіе изъ гимназіи нѣмца и нѣмецкаго языка. Онъ имъ прямо на нервы дѣйствуетъ... Они тутъ всѣ—шпіоны. Это фактъ... Если бъ у меня не дѣтки эти, я давно бы надъ Берлиномъ бомбы бросала" **).

Можетъ-быть, бомбы бросаетъ она хорошо, но въ воспитательницы врядъ ли годится.

Этотъ взбудораженный, лихорадочно-растрепанный тонъ воспитателямъ какъ будто не къ лицу.

Да и добро бы непріязнь къ врагу привела этихъ милыхъ дѣтей къ патріотическимъ жертвамъ и подвигамъ. Но нѣтъ, ихъ патріотическій гнѣвъ выразился лишь въ нежеланіи учиться. Это Митрофанушкинъ патріотизмъ, и только г-жа Простакова можетъ его поощрять.

Результаты такого воспитанія уже не преминули сказаться.

Съ болью читаешь въ газетахъ, какъ дѣти во время игры нападаютъ на котовъ и собакъ, воображая, что это германцы, мучатъ, душатъ ихъ до-смерти.

Характерно, что маленькія дѣвочки, въ своихъ отношеніяхъ къ нѣмцамъ, бываютъ часто свирѣпѣе мальчиковъ.

— Я бы на полѣ сраженія непремѣнно убила нѣмца.

— А если онъ раненый?

— Добила бы его! („Вѣстникъ Воспитанія", 1915, II, стр. 25, 26).

III. Ненависть.

Но почему въ этихъ дѣтскихъ баталіяхъ роль германцевъ должны выполнять несчастныя собаки и кошки?

Очень просто: играя въ войну, немногія изъ дѣтей согласятся быть нѣмцами, солдатами Вильгельма.

Я это наблюдалъ много разъ.

Средневѣковые актеры, игравшіе въ религіозныхъ мистеріяхъ, тоже нерѣдко отказывались отъ ролей Люцифера и Каина.

Одна дѣвочка величаво сказала:

— Играю въ войну и бываю всегда Россіей.

---

*) Н. Нестеровъ, „Война и учащіяся дѣти". „Русская Школа", 1915, январь, февраль.

**) „Вѣстникъ Воспитанія", 1915, IV, стр. 139.

Любо быть Россіей или Бельгіей, но Германіей—ни за что, никогда!

— „Такъ какъ нѣмцемъ быть никто не желаетъ, то отвѣчаютъ стулья и кубики!"—пишетъ мнѣ объ играхъ своего шестилѣтняго сына г-жа Т. изъ Опочки.

А г-жа К. (въ Петроградѣ) разсказываетъ, что ея малолѣтніе воины ехидно пользуются безсловесной покорностью своего двухгодового брата и дѣлаютъ бѣднаго нѣмцемъ, зная, что протестовать онъ не въ силахъ.

Въ любопытнѣйшей книгѣ „Дѣти и Война", изданной Кіевскимъ Фребелевскимъ Обществомъ, сообщается, что въ кіевскихъ школахъ роли распредѣляются такъ: мальчики—русскіе, а дѣвочки—нѣмцы. Это уже стало обычаемъ. Иначе дѣвочекъ въ игру не принимаютъ! „Мальчики считаютъ позоромъ играть роль непріятеля" (стр. 99).

Если же и найдется такой отщепенецъ, который приметъ на себя добровольно эту незавидную роль, то кто же поручится, что въ азартѣ игры Россія и другія „державы" не изобьютъ, не изранятъ его!

Въ „Вѣстникѣ Воспитанія" разсказывается, какъ такому ребенку, игравшему нѣмца, дѣти выбили (?) руку, раскровянили палецъ и не позволили сестрѣ милосердія перевязать его рану:

— Потому что онъ нѣмецъ!

И какъ взволновался въ кинематографѣ маленькій Витя, когда ему въ шутку сказали, что онъ купилъ себѣ нѣмецкій флажокъ!

Конечно, грѣшно прививать дѣтскому сердцу жестокость, но вѣдь этимъ вліяніе войны не исчерпывается. Дѣти, требующія отравленія нѣмцевъ, слава Богу, исключеніе, а не правило. Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, сколько возвышенныхъ, очаровательныхъ чувствъ вызвала въ дѣтяхъ война. Она породила въ ихъ душахъ больше любви, чѣмъ свирѣпости. Она не только не огрубила ихъ нравы, но, напротивъ (какъ это ни дико звучитъ), смягчила, облагородила ихъ. А если подъ вліяніемъ вульгарныхъ газетныхъ статей, лубочныхъ стишковъ и картинокъ, подъ вліяніемъ отвратительныхъ воздѣйствій среды, въ дѣтяхъ и возбуждаются часто недобрыя, буйныя чувства, распаляющія ненависть, о которой я сейчасъ говорилъ, то и это не такая бѣда, какъ кажется съ перваго взгляда.

Ибо что такое эта дѣтская ненависть къ нѣмцу?

Это ненависть къ какому-то миѳическому, отвлеченно-безплотному, легендарному воплощенію зла, столько же похожему на настоящаго нѣмца, какъ дѣтскій Бабай или Бука.

Я сказалъ одному семилѣткѣ, что его знакомый Ѳедоръ Ѳедоровичъ—нѣмецъ. Онъ изумился: невозможно, немыслимо! Вѣдь Ѳедоръ Ѳедоровичъ добрый и ласковый.

— Нѣтъ, онъ не можетъ быть нѣмцемъ; я думаю,—онъ бельгіецъ!

И долго разсматривалъ жестяные часы, которые ему подарилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Ребенокъ скорѣе повѣритъ, что данный нѣмецъ—не нѣмецъ, чѣмъ откажется отъ пріязни къ нему. Не промѣняетъ своей вчерашней любви на внезапную безпричинную злобу. Онъ ненавидитъ какихъ-то фантастическихъ нѣмцевъ, которыхъ никогда не видалъ *); не людей онъ ненавидитъ, а принципы: увидѣвъ своими глазами измученныхъ плѣнныхъ австрійцевъ, уныло шествующихъ по улицамъ Кіева, онъ возвращается домой удрученный, хотя вчера еще дико кричалъ въ азартѣ военной игры, что выколетъ всѣмъ австрійцамъ глаза!

Но, конечно, такая особенность дѣтской души не можетъ служить оправданіемъ для тѣхъ, кто разжигалъ въ малышахъ столь низменныя, жестокія страсти.

IV. Кайзеръ.

Не всякое проявленіе ненависти слѣдуетъ въ дѣтской душѣ подавлять.

Гнѣваться—законное право ребенка.

Ребенокъ, который не гнѣвается, выраститъ идіотомъ, тупицей.

Гнѣвъ—драгоцѣнное чувство. Что такое была бы вся наша соціальная жизнь безъ негодованія, безъ гнѣва, безъ праведной жажды возмездія?

Возмущенное нравственное чувство есть огромная соціальная сила, и подавлять ее въ будущемъ гражданинѣ—нельзя.

Нужно только, чтобы воспитатель умѣлъ разумно направлять это чувство: обуздывая, регулировать его.

Съ самаго начала войны какъ-то такъ великолѣпно устроилось, что почти все негодованіе дѣтей направилось противъ Вильгельма.

Педагоги этому очень обрадовались.

„Пока дѣти всю свою ненависть сосредоточили на одномъ Вильгельмѣ, пишетъ авторитетный Е. Звягинцевъ.—Этотъ человѣкъ, при дѣтской склонности олицетворять все зло въ отдѣльной личности, несетъ въ глазахъ дѣтей всю отвѣтственность за войну и ея ужасы. Его бранятъ дѣти всѣхъ слоевъ населенія, на него рисуютъ свои и копируютъ чужія карикатуры, сочиняютъ о немъ стишки, распѣваютъ пѣсенки и проч... Острое чувство непріязни къ Вильгельму еще не распространилось на нѣмцевъ вообще. Вильгельмъ выдѣляется, какъ зачинатель войны. Всякую попытку обезцѣнить все нѣмецкое по одному лишь тому, что оно нѣмецкое, можно еще отразить умѣлымъ словомъ".

Найдено отличное русло для дѣтскаго возмущенія и гнѣва, найденъ самый подходящій объектъ проклятій, насмѣшекъ и брани.

По нынѣшней миѳологіи русскихъ, англійскихъ, бельгійскихъ, французскихъ дѣтей есть на свѣтѣ ангелъ и демонъ, духъ добра и духъ зла, король Альбертъ и Вильгельмъ.

Не даромъ самымъ страшнымъ проклятіемъ Куки было: „Ты Вильгельмова дочь"!

Не даромъ маленькій сынъ Альбіона расплакался, когда ему въ шутку сказали, что онъ названъ при крещеніи Вильямомъ по имени „кайзера Билля". (См. „Times", 23-го января 1915 г. „Children and the War").

Любопытнѣйшимъ памятникомъ дѣтской непріязни къ Вильгельму останутся тетрадки нашихъ школьниковъ.

Какъ повѣствуютъ газеты, ученицамъ одной лондонской школы было задано сочиненіе на тему: „Что бы я сдѣлала съ кайзеромъ?"

Отвѣты получились жестокіе.

Ученица Эленъ Гарди, тринадцати лѣтъ, сослала кайзера на островъ святой Елены.

Ученица Джэнъ Гопли выдернула бы у кайзера его знаменитые усы.

„Будь Вильгельмъ въ моей власти,—пишетъ ученица Мабель Линкольнъ, я отвела бы его на какую-нибудь улицу Лондона и позволила бы жителямъ отколотить его. Хорошо, если бы былъ какъ разъ день стирки, и они выбѣжали бы къ нему на расправу со скалками и катками".

По примѣру англійской школы, въ одномъ русскомъ реальномъ училищѣ дѣтямъ предложили подобную же тему, и результаты оказались такіе же.

Тема, впрочемъ, была названа иначе: „Пожеланія на Новый годъ", но всѣ дѣти написали о Вильгельмѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ ихъ пожеланій:

У раненаго отца въ лазаретѣ. Рисунокъ Ж. Симонъ.

*) Это, конечно, относится только къ очень маленькимъ дѣтямъ.

— „Я желалъ бы, чтобы Вильгельма свергнули съ престола“.

— „Я желаю, чтобы захворалъ Вильгельмъ и его сыновья“.

— „Я желаю сослать Вильгельма на островъ святой Елены“.

— „Я желаю Вильгельма удавить, повѣсить затѣмъ, чтобы онъ не проливалъ крови русской“.

— „Германскаго правителя вильгельма (недостоинъ большой буквы) сослать на Сахалинъ“.

Тѣлесное наказаніе, ссылка, смертная казнь, болѣзнь- вотъ тѣ многообразныя лютыя кары, къ которымъ приговорилъ ненавистнаго кайзера дѣтскій трибуналъ всего міра.

Самый кроткій изъ русскихъ мальчиковъ присудилъ его къ заточенію въ крѣпости. („Вѣстникъ Воспитанія“, 1915 г., апрѣль, стр. 154).

Самая нѣжная изъ англійскихъ дѣвочекъ потребовала у него, чтобы онъ отстроилъ на свой собственный счетъ всѣ разрушенныя имъ бельгійскія зданія.

Впрочемъ, я совсѣмъ позабылъ, что у кайзера есть адвокатъ. Это семилѣтній Володя, увѣряющій шестилѣтняго Витю:

— Вильгельмъ не хотѣлъ воевать. Знаешь, онъ ушелъ въ городъ за покупками, а сыновья его остались одни. Вотъ они взяли и объявили войну.

Но Витя не убѣдишь этимъ доводомъ:

— А что же смотрѣла Вильгельмова мама!?—побѣдоносно возражаетъ онъ.

Этотъ діалогъ я заимствую изъ интересной статьи приватъ-доцента М. М. Рубинштейна „Война и дѣти“.

Дѣдушка.—Что ты дѣлаешь?
Мальчикъ.—Я крашу ее въ защитный цвѣтъ (хаки).

V. Неужасные ужасы.

Бѣдный Кука! Его нервы издерганы, его душа измучена войной! Можно ли, чтобъ на семилѣтняго мальчика свалилось столько кошмаровъ и ужасовъ? Можно ли, чтобы въ такомъ раннемъ младенческомъ возрастѣ мальчикъ только и видѣлъ изо дня въ день—на картинкахъ, въ кинематографѣ, всюду!—лишь раздавленныхъ, искрошенныхъ людей, съ оторванными головами, безъ рукъ! Вѣдь ночью онъ бредитъ, кричитъ.

Да, Кука дѣйствительно мальчикъ болѣзненный, а болѣзненныя дѣти здѣсь не въ счетъ. Я хотѣлъ бы говорить лишь о здоровыхъ. Что касается здоровыхъ дѣтей, то, къ счастью, они забронированы крѣпкой броней отъ всякихъ кошмаровъ и ужасовъ. Тѣ впечатлѣнія, которыя мучатъ насъ, почти не задѣваютъ ихъ душъ, живущихъ фантастикой, сказками, играми. Я замѣчалъ съ изумленіемъ, что разсказы о сотняхъ убитыхъ гораздо менѣе трогаютъ ихъ, чѣмъ судьба какого-нибудь Кота въ Сапогахъ, или Золушки, или Мальчика-съ-пальчика.

Ихъ души такъ волшебно устроены, что катастрофическое надъ ними не властно.

Я бы не могъ ни за что безъ содроганія и боли нарисовать поле битвы, усѣянное мертвыми и ранеными. А малолѣтній художникъ изготовитъ какъ ни въ чемъ не бывало, въ одинъ присѣстъ, въ одинъ вечеръ, десятки подобныхъ картинъ!

— „Если юный школьникъ и рисуетъ отрубленную голову, то дѣлаетъ онъ это безъ всякаго содроганія и ужаса, совершенно такъ же, какъ бы онъ рисовалъ разломанную свою игрушку“,—пишетъ одинъ педагогъ.

Люди на дѣтскихъ рисункахъ такъ и сыплются изъ цеппелиновъ вверхъ ногами, они и рѣжутъ, и колютъ, и пронзаютъ, и взрываютъ другъ друга, но все это изображено съ такимъ безмятежнымъ спокойствіемъ, такъ декоративно и такъ схематично, что ужасы не кажутся ужасами.

Изслѣдователь дѣтскихъ военныхъ рисунковъ В. Вороновъ очень мѣтко называетъ ребенка „беспечнымъ иллюстраторомъ войны“.

Изучивъ малеванія дѣтей-баталистовъ, онъ приходитъ къ пріятному выводу, что „для большинства дѣтей война представляется ни болѣе ни менѣе, какъ шумной многолюдной игрой, въ которой, не въ примѣръ дѣтворѣ, участвуютъ не сосѣдніе классы, а многочисленные народы, у которыхъ (предметъ частой зависти!) всѣ аксессуары войны настоящіе, „всамдѣлишные“, хорошіе: пушки, корабли, сабли, барабаны. Эти воинственные народы по какимъ-то причинамъ пошли „на войну“—сражаться, стрѣлять изъ ружей, брать приступомъ крѣпости и города, кричать „ура“, бѣжать за непріятелемъ, нападать, проявлять то тамъ, то здѣсь чудеса силы и отваги. Мальчуганы мало думаютъ о тѣхъ безчисленныхъ, видимыхъ и невидимыхъ жертвахъ, которыя ежедневно приносятъ воюющіе народы. Страданія, лишенія и смерть не находятъ постояннаго отклика въ наивныхъ дѣтскихъ умахъ и сердцахъ. Ужасные призраки войны скрыты отъ ихъ вниманія той блестящей, красочной и шумной декораціей, которая прежде всего привлекаетъ дѣтскіе взоры. Военные мундиры разныхъ красочныхъ сочетаній, сверканіе оружія, горячіе кони, лихіе наѣздники, блестящія трубы, побѣдные возгласы, кресты и медали, отличающіе храбрѣйшихъ изъ храбрыхъ,—вся эта грандіозная и захватывающая вниманіе внѣшняя картина войны безъ остатка покрываетъ всѣ мрачныя тѣни, что гнѣздятся въ ея глубинѣ“.

Если это такъ, то отлично! Нечего матерямъ волноваться. Дѣтскимъ нервамъ не угрожаетъ опасности. Дѣти по существу драматурги: ихъ и въ войнѣ увлекаетъ лишь театрально-драматическое дѣйство, лишь эффектно-показная сторона. Благодѣтельное отсутствіе душевнаго опыта позволяетъ имъ относиться къ самымъ страшнымъ, леденящимъ эпизодамъ войны съ бодрымъ и веселымъ любопытствомъ, словно дѣло происходитъ не съ живыми, а съ оловянными или бумажными солдатами. Слабость симпатическаго воображенія здѣсь оказывается дѣтямъ во благо.

Такъ что если сами взрослые не приложатъ спеціальныхъ усилій, чтобы распалить и взбудоражить ребенка (живущаго вдали отъ войны), то ужасы военной грозы не заденутъ его ни малѣйше.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Героиня“.

Разсказъ **Ю. Свирской.**

(Окончаніе).

XV.

Теперь совсѣмъ война. Все кругомъ сѣро отъ солдатъ. Однако, почему же они не стрѣляютъ и не дерутся, а такъ только ходятъ?

— Это ужъ позиціи? Гдѣ же нѣмцы?

Полковникъ хохочетъ.

— Нѣтъ, первыя проволочныя загражденія еще версты за три. Здѣсь только перевязочный пунктъ. А насчетъ нѣмцевъ, этого я вамъ не обѣщаю: ихъ не такъ легко увидѣть. Вотъ и вашъ лазаретъ. Баронъ, надѣюсь, вы насъ напоите чаемъ? Вылѣзайте, сестрица, пріѣхали. Намъ придется здѣсь подождать ночи.

Идемъ по грязному коридору. На полу носилки съ ранеными, ружья, мѣшки, окровавленныя тряпки. На однихъ изъ носилокъ человѣкъ закрытъ одѣяломъ съ головою и не двигается.

— Онъ умеръ?

— Нѣтъ, не думаю,—отвѣчаетъ полковникъ:—просто закрылся, чтобъ не видѣть ничего: надоѣла ему вся эта канитель...

Еще бы! А тамъ другой раненый стонетъ. Подъ носилками на полу цѣлая лужа крови...

— Чего жъ они ждутъ! Почему его не перевязываютъ?.. Посмотрите!

— Да ничего, не пугайтесь. Его сейчасъ понесутъ. Значитъ, тамъ всѣ столы заняты. Говорятъ, докторъ всю ночь перевязывалъ. Идемъ скорѣе наверхъ: обогрѣетесь и успокоитесь. Сразу всегда такъ дѣйствуетъ.

Наверху большая комната съ длиннымъ столомъ, за которымъ хозяйничаетъ сестра. Кипитъ самоваръ, обстановка самая мирная. А тѣ тамъ палятъ. Баронъ уже тутъ и дѣловито разговариваетъ съ какимъ-то человѣкомъ въ бѣломъ халатѣ, измазаннымъ кровью: у него измученный видъ, онъ то и дѣло озирается на дверь. Навѣрно докторъ; тотъ его донимаетъ хозяйственными вопросами. Не время теперь. Пилъ бы чай себѣ. Я начинаю его остро ненавидѣть.

Вотъ еще кто-то идетъ... По-моему, генералъ, и сердитый, весь красный. Дай Богъ, чтобъ меня не замѣтилъ.

— Докторъ, я къ вамъ. Пожалуйте-ка мнѣ списокъ. Эти ваши санитары всѣхъ и моихъ ребятъ перетаскали. Чортъ знаетъ что такое! Ага! Якимченко,—мой. Что, контуженъ? Знаемъ мы это. Дайте ему тамъ что-нибудь, и чтобы явился. Больше никого... Нѣтъ, стойте, Подгорный—тоже мой. Раненъ въ руку. Царапина?

— Оторваны три пальца,—мрачно заявляетъ докторъ.

Ну такъ Богъ съ нимъ. Больше никого... Пойду искать у Елизаветинскихъ. Честь имѣю!..

Ваше превосходительство, чайку не угодно ли? пускаетъ ему вслѣдъ сестра, но онъ уже далеко.

А вы, сестрица, куда назначены?

Теперь разспросы... Я даже ничего не придумала, но полковникъ выручаетъ:

Сестра ѣдетъ къ мужу на позицію, у нея особое разрѣшеніе. отвѣчаетъ онъ за меня. Вотъ мы ее туда вечеркомъ и доставимъ, а пока пусть отдохнетъ, тамъ ей туго придется.

Не могу я тутъ сидѣть.

Нѣтъ, я лучше пойду внизъ, если можно. Тамъ вѣдь найдется работа?

Въ такомъ случаѣ, докторъ, вотъ вамъ еще сестрица на подмогу: можетъ, тамъ которая-нибудь захочетъ отдохнуть?

Какъ же, очень хорошо, дѣла на всѣхъ хватитъ, говоритъ докторъ: идемте, я вамъ покажу, какъ и что. Тамъ, навѣрное, уже накопилась куча народу.

„Того“ уже нѣтъ, только лужа крови на полу. Слава Богу: значитъ, уже перевязанъ. Вотъ она, страшная комната... Что-то я увижу? А главное, какъ справлюсь, когда я ничего не знаю. За все время на курсахъ мнѣ пришлось сдѣлать всего три перевязки. Заранѣе дрожатъ руки. Лишь бы только не сдѣлалось дурно. Кровь ничего, но крики вотъ дѣйствуютъ ужасно: это хуже всего.

Сѣрая комната, обыкновенная. У окна большой столъ со всякой всячиной для перевязокъ: умывальникъ микроскопическій. Прежде всего надо вымыть руки, какъ меня учили, только чѣмъ?

— Сестра, можно мнѣ сулемы? Тутъ нѣтъ.

— Сулема у насъ не въ ходу, мойтесь спиртомъ, тамъ, на окнѣ, буркаетъ докторъ. Тоже, свои порядки заводятъ...

Была, да вся вышла, подмигиваетъ мнѣ сестра.

Оба стола заняты: на нихъ лежатъ голые люди. Другіе раненые размѣстились на табуретахъ; большая часть легкихъ толпится въ углу. Всѣ ждутъ терпѣливо, точно застыли.

Сестрица, вотъ этотъ съ рукою, перемѣните повязку, промокла, бросаетъ мнѣ докторъ на ходу.

Присохло, прилипло, а потянуть страшно: хоть бы отмочить, такъ вѣдь нельзя.

Ничего, не больно, тащи! Я ужъ тутъ часа два дожидаюсь, ажъ сомлѣлъ, торопитъ меня раненый. Погодь, дай-ка-сь, я самъ, живымъ маперомъ. Во! Ишь ты, какъ ее!

Не рука, а одинъ ужасъ. Три пальца совсѣмъ раскрыты, видна кость: одинъ болтается, почти оторванъ, торчатъ какіе-то осколки. Какъ же тутъ перевязывать?

Докторъ, у этого палецъ держится на одной ниткѣ, что мнѣ дѣлать?

Да, это не того... Хорошо, кабы только на одной ниткѣ. Ну-ка, братецъ, ложись. Сестра, эѳиру, маску! Усыпите, пока я тамъ кончу... Что? Нѣтъ? Какъ нѣтъ!..

Тутъ написано „хлороформъ“.

Мало ли что написано! А вы понюхайте. Ага! Эѳиръ? Я такъ и зналъ. Считай ты, слышишь?..

Но раненый точно сразу преобразился и понялъ.

Ой, Господи, Пресвятая Матерь Божья! И какой же я несчастный калѣка! вопитъ онъ подъ маской, дергаясь во всѣ стороны и размахивая руками.

Но его насильно пригибаютъ къ столу два санитара, третій поймалъ и держитъ раненую руку, я лью эѳиръ, куда попало. Докторъ сейчасъ будетъ рѣзать, а онъ не спитъ... Это ужасно! Навѣрное потому, что я не умѣю...

- Докторъ, онъ не спитъ!

- Ничего, это только такъ кажется, заснетъ, некогда тутъ возиться, похуже его ждутъ.

Охъ, эти крики! Можно съ ума сойти. Какъ долго рѣжетъ... понемножку настоящая пытка! Ну, наконецъ-то! Кончилъ и перевязываетъ самъ.

А раненый уже смѣется, какъ только сняли маску: доволенъ необычайно, точно и не онъ вопилъ.

- Премного благодаренъ, ваше бродіе. Я думалъ, вы только зачинаете рѣзать, а она уже вотъ какъ, въ конвертѣ. Премного благодаренъ, дай вамъ Богъ здоровья!

Ну, вотъ видишь! Чего жъ ты скандалилъ?

Такъ нельзя же, ваше бродіе, какъ же безъ скандалу. Чай, привыкши я былъ къ пальцу-то эфтому. Теперь тю-тю: вонъ онъ гдѣ родимый, въ ведеркѣ!

Да ужъ, братъ, придется отвыкать. Сестра, дайте ему воды и слѣдующаго скорѣе!

У слѣдующаго, къ счастью, только небольшая ранка на животѣ: такая чистая и аккуратная, навѣрное отъ пули: но самъ онъ имѣетъ очень странный видъ, и смотритъ, какъ одинъ изъ больныхъ тамъ, въ Петропавловской: вѣрнѣе не смотритъ: остановившіеся глаза, круглые, совсѣмъ безъ вѣкъ и съ огромными зрачками.

Только тотъ умиралъ, а этому, вѣрно, дурно, потому что не умираютъ же отъ такой маленькой ранки: даже крови нѣтъ. Перевязать бы его скорѣе, тамъ ждутъ такіе ужасные. Чего они шепчутся?

Докторъ, можно этого перевязывать?

- Что? Нѣтъ, погодите. Не надо. Снимите его! Такъ. Иванъ, Гаврила... тише... осторожнѣе, не тормошите. Въ палату нести не стоитъ, оставьте здѣсь на носилкахъ, пусть его...

Докторъ машетъ рукой и отходитъ къ другому столу.

Кончается, шепчетъ сестра: кровоизліяніе внутрь, пульса нѣтъ. Говорятъ, цѣлыя сутки пролежалъ подъ снѣгомъ, да и раны эти въ животъ ужасно скверныя. Этотъ у насъ уже третій съ утра.

Какъ же, его такъ и оставятъ?

Да, ему ничего не надо. Побудьте съ нимъ, коли хотите. Ишь, какая блѣдная, не привыкла еще.

Не могу не смотрѣть на эти глаза: они меня притягиваютъ: стою, смотрю и... жду не долго...

Сестра мимоходомъ опускаетъ ему вѣки и набрасываетъ на голову простыню. Носилки уносятъ, равнодушно покачиваясь, двое санитаровъ: затѣмъ возвращаются съ новой ношей: у этого обуглено лицо и оторвана нижняя челюсть.

Тамъ на столѣ опять ужасные крики и стоны... Это какой-то адъ.

XVI.

Идиллія въ бричкѣ, подъ грохотъ пушекъ... Трясетъ нещадно: лицо залѣпляетъ снѣгомъ. Насъ то и дѣло обгоняютъ верховые солдаты. Окопы въ двухъ верстахъ.

Мы съ полковникомъ только-что были съ визитомъ у тяжелой артиллеріи. Совсѣмъ не страшно: стоятъ себѣ пушки посреди совершенно пустой полянки, а между ними будки изъ

Въ Рождественскую ночь. На кавказскомъ фронтѣ. Метель въ Чорохскомъ ущельѣ. Рисунокъ П. Першина.

Рождество на позиціяхъ.
За ветхостью пола елка привѣшена къ потолку.

земли, почти въ ростъ человѣка, съ крышей и даже съ окошкомъ. Туда мало кто и прячется: люди разгуливаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, говорятъ о всякой всячинѣ, смѣются...

Самое непріятное когда стрѣляютъ наши: просто оглохнуть можно, и къ тому же мнѣ все почему-то казалось, что пушки должны непремѣнно лопнуть отъ напряженія.

А когда стрѣляютъ нѣмцы совсѣмъ ничего. Летитъ себѣ эта штука и свиститъ: можно десять разъ убѣжать, пока она разорвется.

За все время, пока мы тамъ стояли, ни одинъ снарядъ не попалъ, куда хотѣлъ -то перелетъ, то недолетъ; такъ только нашумѣли зря и зарылись въ снѣгъ, сдѣлавъ огромныя воронки. Самое интересное занятіе, по-моему, у человѣка на вышкѣ: онъ, по крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь видитъ.

Ну что, не боитесь? Да вы, впрочемъ, совсѣмъ молодецъ, я, признаюсь, не ожидалъ, говоритъ мнѣ Познанскій: они тамъ и не замѣтили, что я имъ подсунулъ не настоящую сестрицу, даже благодарили.

— Еще бы! Моя дѣятельность проявилась въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ: разрѣзать бинты, мыть столы и больныхъ и не падать въ обморокъ отъ совокупности ужасныхъ зрѣлищъ, запаховъ и звуковъ. Но этого, къ счастью, не случилось. Только тошнило немножко: очень скоро привыкла ко всему, даже къ стонамъ. Вѣроятно, я вообще нечувствительна.

– Нѣтъ, что ни говорите, а это тяжело, особенно въ первый разъ. Молодецъ: и пушки не испугалась!

—. Чего жъ пугаться, когда не видно, кто стрѣляетъ? Точно съ неба падаетъ.

— Вотъ тамъ, на позиціяхъ, сейчасъ этого дождя будетъ сколько угодно—и предотвратительное впечатлѣніе, увѣряю васъ, даромъ что съ неба. Все-таки я не понимаю, какъ это Сергѣй Александровичъ васъ отпустилъ. Хоть убейте, не понимаю... Удивляюсь!

· Ничего нѣтъ удивительнаго просто не любитъ!

Къ чему я это? Совершенно чужой человѣкъ. Сорвалось... Ну, разумѣется, сейчасъ же пододвинулся. Открылись широкіе горизонты.

— А вы его?

Какъ онъ смѣетъ спрашивать! А главное, хоть бы для формы усомнился, хоть бы изъ состраданья. „Не любитъ", и слава Богу, чего же проще? Да что это я? Какъ будто онъ можетъ угадать святымъ духомъ.

— Я, право, не знаю сама. У меня такъ быстро мѣняются настроенія, что самой не услѣдить.

Тонъ вполнѣ натуральный. И какъ это у меня языкъ повернулся. Вѣдь люблю: опять люблю; не прошло и никогда не пройдетъ. Мнѣ такъ больно, что хочется кричать. А тутъ еще этотъ олухъ со своими расцвѣтающими надеждами.

— Да, вы опасная женщина... съ вами не разберешь...

— Зачѣмъ вамъ разбирать? Пустое занятіе.

— Вы надо мной смѣетесь, а между тѣмъ...

— „Я васъ люблю"; заканчивайте же скорѣе! Такъ, сразу, точно громомъ ударило: увидалъ и полюбилъ навѣки. Ну, чего же вы стали? Я слушаю. У васъ, мужчинъ, вѣдь эти экспромпты всегда наготовѣ въ боковомъ карманѣ!

— Чего же вы разсердились? Я даже и не сказалъ ничего,— говоритъ онъ упавшимъ голосомъ.

Не сказали, такъ скажете.

Нѣтъ, что жъ тутъ говорить, вы сами должны почувствовать. Увѣряю васъ, что такіе экспромпты въ жизни случаются не часто. Я не умѣю объяснить вамъ, однимъ словомъ, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, но вы мнѣ дороги и близки, какъ будто я васъ давно люблю и знаю.

Недурно вывернулся: и не полѣзъ цѣловаться. Доѣдемъ благополучно. Впрочемъ, можетъ, это онъ и искренно, кто ихъ знаетъ? Все равно—я зла, зачѣмъ напомнилъ!

— Нисколько не разсердилась, съ чего вы взяли? Мнѣ только интересно было бы выяснить: вотъ вы удивляетесь, что мужъ меня съ легкимъ сердцемъ отпустилъ подъ пули, но сами вы однако везете меня туда же?

- Вотъ видите, какъ вы несправедливы! Развѣ это то же самое? Или, вѣрнѣе, я не то хотѣлъ сказать,—путается бѣдный полковникъ: —тамъ вы будете со мною, да наконецъ вы же сами хотите: а можетъ, уже не хотите? Въ такомъ случаѣ...

— Нѣтъ, хочу, успокойтесь, и давайте мириться. Это я такъ только, теперь ужъ прошло. Смотрите, какъ красиво! Точно ракета. Ухъ, какъ близко упала!

- Стой! Слѣзайте. Мы про нѣмцевъ и забыли. Пріѣхали. Ну, ты, братецъ, можешь возвращаться, теперь ужъ намъ придется пѣшкомъ... Ишь, подлые, какъ стараются. Хорошо, что темно.

Нѣтъ, нехорошо, я боюсь. Такъ, сразу, взяла и испугалась. До сихъ поръ не думала, только сейчасъ... Просто зубъ на зубъ не попадаетъ...

Впрочемъ, и холодно тоже... Ужасный шумъ и трескъ - весь лѣсъ точно живой, и ничего не видно. Нѣтъ, по-моему, когда темно, гораздо хуже.

-- Дайте руку, тутъ надо осторожно. Да вы не думайте, что это они въ насъ мѣтятъ. Здѣсь ничего — прикрытое мѣсто. Сейчасъ мы проберемся въ мою приватную квартиру, увидите, какъ у меня уютно...

Да, разсказывай, уютно. Когда кругомъ все трещитъ и летаетъ всякая гадость!

Ну вотъ! Одной ногой провалилась въ снѣгъ по колѣно: слава Богу, что она возвратилась обратно въ своемъ обыкновенномъ видѣ—значитъ не „волчья", а просто яма...

Охъ, опять новость весь лѣсъ озарился разомъ и сдѣлался прозрачнымъ. Совершенно такое впечатлѣніе, какъ будто васъ раздѣли голой и смотрятъ. Да оно такъ и есть: теперь навѣрное насъ нѣмцы видятъ, какъ на ладони: не только насъ тамъ впереди копошится много народу: торчатъ головы изъ земли.

Ничего. Опять все потухло—фантасмагорія!

— Это прожектора щупаютъ насъ, господа нѣмцы боятся, какъ бы мы имъ подъ праздникъ не преподнесли какого-нибудь сюрприза, подбодряетъ меня полковникъ, и я уже больше не боюсь прожекторъ, такъ прожекторъ, мнѣ безразлично, я ко всему готова.

Мы уже не одни, кругомъ сдержанный говоръ: вотъ кто-то крикнулъ, полковникъ тоже бросилъ какое-то слово, вѣроятно, пароль. За кустами вдругъ оказалась снѣжная горка съ дверями, какъ тамъ, у артиллеріи.

- Нагнитесь, осторожно, тутъ ступеньки!

Я нагибаюсь, спускаюсь и погружаюсь въ неизвѣстность: темно, какъ въ чернильницѣ, только впереди какое-то блестящее пятно.

-- Ну, вотъ вамъ и моя квартира, милости просимъ! Сейчасъ освѣщеніе, сію минуту.

Въ самомъ дѣлѣ, уютно: въ углу даже подобіе кровати: есть столъ, два табурета, а блестящее пятно оказывается не чѣмъ инымъ, какъ пузатымъ, мѣднымъ чайникомъ: его безпечный видъ меня окончательно успокаиваетъ. Снаружи гулъ продолжается, но въ этой землянкѣ чувствуешь себя въ безопасности: оконъ нѣтъ, пули сквозь стѣны пройти не могутъ, а большіе снаряды рѣдко попадаютъ. Возможно, что это и не такъ, но мнѣ все равно важно впечатлѣніе, и къ тому же я такъ устала, что едва могу шевелиться. Я не помню, когда спала: кажется, ни одной ночи по-настоящему съ тѣхъ поръ, какъ выѣхала. Я готова лечь тутъ же на полъ.

-- Что же мы теперь будемъ дѣлать? робко вопрошаю я съ затаенной надеждой.

У меня-то дѣла найдется, — смѣется полковникъ: а вотъ вамъ бы я совѣтовалъ отдохнуть пока что, вѣдь ночь еще только начинается, успѣете набраться впечатлѣній. Ну, не капризничайте —ложитесь, прошу васъ!

Я и не собираюсь капризничать. Какой хорошій! Всегда

угадаетъ—что мнѣ надо: ужасно удобный для отдыха человѣкъ. А все-таки на его кровать ложиться немножко непріятно. Ну, ничего, постараюсь забыть.

— Благодарю васъ, мнѣ очень удобно, совсѣмъ хорошо, не безпокойтесь пожалуйста, мнѣ совѣстно васъ отрывать отъ дѣла, идите!

— Ничего, подождутъ, продолжалъ шутить полковникъ, старательно кутая мои колѣни: но я чувствую, какъ при этомъ дрожатъ его руки. Скорѣе бы ушелъ, я такъ устала.

Въ углу что-то звенитъ, неужели телефонъ?- Такъ и есть. Вотъ во-время-то!

Полковникъ нехотя разстается съ моими ногами.

Чайникъ, телефонъ - какіе мирные все предметы. А кровать совсѣмъ ничего - гораздо лучше, чѣмъ мой сѣнникъ въ стѣнѣ, и если бы не такой шумъ... Впрочемъ, я, кажется, скоро къ нему привыкну...

Что „онъ" тамъ теперь дѣлаетъ? Вѣроятно, пьетъ чай, окруженный всѣмъ гаремомъ, и цѣдитъ сквозь зубы умныя слова, милостиво улыбаясь, а тѣ воспринимаютъ жадно и млѣютъ. У фаворитки блестятъ глаза, какъ тогда: „героиня" тоже подъ высокимъ давленіемъ, и все это напрасно. Миленькія, вѣрьте мнѣ, ужъ я не васъ первыхъ переживаю. „Напрасны ваши совершенства"— поговоритъ, подразнитъ и броситъ; пошлетъ на питательный пунктъ, въ окопы, къ чорту, однимъ словомъ, подальше: недолго вамъ надо мною смѣяться, я спокойна всѣ тамъ будемъ!

Хоть бы заснуть... не думать больше ни о чемъ, а главное — не просыпаться завтра. Завтра... опять полковникъ, канитель... или возвращеніе съ повинной. Нѣтъ. Это никогда!

— Ради Бога не выходите отсюда, пока я не приду за вами: сейчасъ предстоитъ серьезное дѣло... я получилъ приказъ. Обѣщайте мнѣ...—говоритъ надо мною взволнованный голосъ.

— Хорошо, хорошо, я не двинусь, куда мнѣ итти?

Поцѣловалъ! „На счастье", это уже страшно... А впрочемъ— ничего, развѣ можетъ быть хуже?..

Ни за что не вернусь...

На стѣнѣ играетъ солнце... Какъ красиво! Я давно не видала.— вотъ спряталось, а вотъ опять...

Забыли задернуть шторы, надо встать, иначе не заснуть.

— Пустите меня. Зачѣмъ вы держите?

Ага... я знаю —это онъ не пускаетъ... ужасный деспотъ...

— Ну, хорошо, я не буду... только закрой, больно глазамъ, я такъ устала.

Поѣхали... Ухъ, какъ заноситъ. А я не боюсь: я теперь ничего не боюсь. „Поверните кровать!.." — поверните кровать... это кто сказалъ?—Это ты, милый? Дай руку, я не буду цѣловать, не бойся, я знаю, что ты не любишь, я только подержу... можно? Вотъ такъ мнѣ легче... Какой ты ласковый сегодня и терпѣливый —значитъ, я больна? Очень больна? Вотъ счастье! Я такъ объ этомъ мечтала... Опять... Почему такой свѣтъ?

Прожекторы!.. Тамъ въ лѣсу тоже освѣщали... Развѣ мы еще тамъ?.. А гдѣ же полковникъ? Придетъ? Нѣтъ, не придетъ, зачѣмъ обманывать. Онъ убитъ... я же знаю... я видѣла: его принесли—вотъ онъ лежитъ. Красные глаза... совсѣмъ красные... и лицо и шея—все въ крови, а самъ точно смѣется—видны всѣ зубы... страшно...

Опять потухло. Не хочу я сидѣть въ этой будкѣ. Вѣдь онъ же не сидѣлъ... всю ночь возился съ ранеными, лѣзъ подъ пули,— полковникъ говорилъ,—я тоже буду... я сильная, сильнѣе той горбатой, я ее ненавижу... „Твердый характеръ"... Ой! Опять освѣтили, сейчасъ пойдетъ стрѣльба.

Не донесли! Одинъ санитаръ упалъ...—Я не могу, пустите,— полковникъ не увидитъ... я сейчасъ же вернусь. Надо разрѣзать сапогъ... онъ истекаетъ кровью... скорѣе!..

Они уже старенькіе, рѣжьте, родимые,—старенькіе, не жалко.

Рождество на позиціяхъ. Гуся раздобыли.

Боже мой!.. Этотъ терпѣливый, кроткій голосъ! Можно съ ума сойти!

Какая ужасная рана!..

Нѣтъ... я не могу сидѣть. Мало ли что я обѣщала... Я хочу туда... тамъ кто-то стонетъ... я не могу... пустите!

Ты здѣсь? Не уходи... ты не сердишься? Я не нарочно... я не искала... Нѣтъ, не смотри, не надо—тамъ некрасивая рана... не хочу!..

Я умру? Нѣтъ, умру... знаю, — сестра говорила, что раны въ животъ скверныя... я умру...

— Сестра, это вы? Что я говорила? Который часъ? — Одиннадцать? Когда же онъ пріѣдетъ? Что? Опять вспрыскивать? Камфара?.. Вотъ видите... значитъ, плохо...

Не надо... не стоитъ... я и такъ подожду... развѣ я могу умереть, пока онъ не пріѣхалъ? Разумѣется, не могу... онъ пріучилъ меня ждать...

Охъ... Какъ больно смѣяться...

„Сегодня скончалась отъ ранъ, послѣ недолгой агоніи, жена уполномоченнаго Н-го отряда:—молодая женщина, всюду слѣдовавшая за своимъ мужемъ въ качествѣ сестры милосердія, находилась въ окопахъ на одной изъ нашихъ восточныхъ позицій. Въ ночь на 26-е ноября она самоотверженно помогала санитарамъ при переноскѣ раненыхъ, перевязывая ихъ подъ огнемъ, и пала жертвой своего героизма. Тѣло покойной перевозится въ К-е имѣніе, для отпѣванія и погребенія въ фамильномъ склепѣ".

Книги къ Рождеству.

Анненская, А. „Дождикъ". Книжка для малютокъ. Петроградъ. 1915. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ.

Соловьева, Поликсена. „Крупеничка". Изд. журн. „Тропинка". Петроградъ. 1916. Ц. 75 к.

Шведеръ, Е. „Первое знакомство съ животными". Петроградъ. 1915. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ.

„Писемскій для дѣтей". „Золотая Библіотека".

Лятскій. М. „Великіе міра". Петроградъ. 1915.

Либровичъ, С. „Загадочный фельдмаршалъ". Петроградъ. Ц. 50 к.

Игнатьевъ, Е. И. „Азбука неба". Петроградъ. 1915. Ц. 40 к.

Игнатьевъ, Е. И. „Небесный міръ". Петроградъ. 1915.

Брюнингъ, Х. „Маленькій ботаникъ". „Золотая Библіотека".

Кертъ, проф. „Царство камней". Петроградъ. 1915.

Волковъ, М. „Баскетболъ", „Искусство плаванія", „Крикетъ", „Лапта". Петроградъ. Ц. отъ 15 до 50 к.

Орловскій. Н. „Бѣгъ на конькахъ". Петроградъ. Ц. 15 к.

Первая изъ перечисленныхъ на предыдущей страницѣ новыхъ книгъ изящная хрестоматія „Дождикъ“ предназначена для маленькихъ дѣтей. Г-жа Анненская собрала здѣсь пѣсенки, прибаутки и разсказики о дождѣ и дождевой каплѣ, снабдила книжку хорошенькими рисунками и виньетками и несомнѣнно доставитъ этой книжкой маленькимъ читателямъ большое удовольствіе. Дѣтей болѣе зрѣлаго возраста имѣетъ въ виду сказка въ стихахъ г-жи Поликсены Соловьевой „Крупеничка“, - занимательная исторія изъ древне-русскаго быта, съ князьями, боярами, татарскими мурзами и т. п. Недурно составленъ атласъ животныхъ съ краткими поясненіями Евг. Шведера („Первое знакомство съ животными“). Вся суть здѣсь собственно въ рисункахъ, исполненныхъ прекрасно.

Интересную попытку познакомить дѣтей съ богатымъ творчествомъ А. Ѳ. Писемскаго представляетъ книжка „Писемскій для дѣтей“, редактированная Н. О. Лернеромъ. Разсказы „Питерщикъ“, „Плотничья артель“, „Старая барыня“ и нѣкоторые другіе, а также прелестный драматическій эскизъ „Ветеранъ и новобранецъ“, дѣйствительно, представляютъ собою прекрасное чтеніе для молодежи. Книга издана изящно съ недурными иллюстраціями.

По исторіи мы имѣемъ среди вышеуказанныхъ книгъ очерки М. А. Лятскаго „Великіе міра“ и маленькую монографію С. Либровича „Загадочный фельдмаршалъ“. М. А. Лятскій задался цѣлью повѣдать юнымъ читателямъ жизнеописанія тѣхъ избранниковъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, которые заслужили у потомства почетный титулъ „Великій“: авторъ собралъ двадцать такихъ избранниковъ, и въ ихъ числѣ мы встрѣчаемъ Рамзеса Великаго, Александра Великаго, Константина Великаго и т. д. до Петра Великаго и Екатерины Великой. Въ общемъ, всѣ эти герои исторіи объединены по довольно формальному признаку, и содержаніе книги вышло немного пестрымъ. Но книга написана живо и читается съ интересомъ. Много интересныхъ страницъ встрѣчаемъ и у г. Либровича въ его „Загадочномъ фельдмаршалѣ“. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ фельдмаршалѣ Сапѣгѣ и объ его предполагавшемся бракѣ съ Маріей Меншиковой, разстроенномъ императрицей Екатериной I. Монографія г. Либровича съ интересомъ прочтется и взрослыми читателями, какъ попытка освѣтить одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ нашей исторіи послѣпетровскаго періода.

Много свѣдѣній по естествознанію даютъ дѣтямъ книги Е. И. Игнатьева: „Азбука неба“ и въ особенности „Небесный міръ“. Эта послѣдняя книга, богато иллюстрированная, нѣсколько напоминаетъ по внѣшнему виду извѣстную популярную астрономію Фламмаріона и представляетъ собою превосходное пособіе для тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ великими чудесами звѣзднаго міра. Изложеніе очень популярное, научныя истины изложены въ понятной формѣ, и для юношества это одна изъ лучшихъ книгъ по астрономіи.

Такъ же популярно написаны и „Чудеса изъ міра растеній“: — „Маленькій ботаникъ“ Х. Брюнинга.

„Царство камней“, проф. Керта маленькій минералогическій атласъ, содержащій рядъ таблицъ, исполненныхъ красками и золотомъ, съ объяснительнымъ текстомъ.

Брошюрки М. Волкова и Н. Орловскаго, изящно и дешево изданныя, даютъ полезныя указанія по части дѣтскаго спорта.

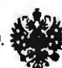
Б. Н.

Комитетъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны издалъ въ пользу семействъ воиновъ художественный стѣнной отрывной календарь на 1916 годъ. Рисунокъ доски исполненъ академикомъ Н. А. Бруни и воспроизведенъ въ краскахъ Экспедиціей Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Цѣна календаря — 1 р. 50 к. Высылается иногороднымъ наложеннымъ платежомъ. Петроградъ, Адмиралтейская набережная, 12.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина“ книга 12.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29.  **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.**

1915 г. № 52

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVI г. изданія

Выданъ 26-го декабря 1915 г.

Цѣна этого № безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей плата за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка" кн. 18.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

КЕФАЛДОЛЪ Д-РА СТОРЪ

СЪ УСПѢХОМЪ ПРИМѢНЯЕТСЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ КЛИНИКАХЪ.

КЕФАЛДОЛЪ Д-ра СТОРЪ особенно рекомендуется противъ головной боли, мигрени, невралгіи, ишіаса, ревматическихъ и простудныхъ болей

КЕФАЛДОЛЪ Д-ра СТОРЪ абсолютно безвреденъ, и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецепт. врачей Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Iоркъ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

ИСТОЩЕНІЕ

и **худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.
Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 52. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА,** 12 кн. **Литерат. и попул.-научн. прил.**, 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 26 декабря 1915 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р.** Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Въ вихрѣ бури, на небѣ, надъ мятущейся степью вдругъ встала Божья рать...

Рисунокъ **Сергѣя Лодыгина** къ разсказу **„Наказаніе“ А. А. Дунина.**

Исказаніе

Разсказъ **А. А. Дунина.**

Съ рисунками **Сергѣя Лодыгина.**

I.

1568 годъ, считавшійся високоснымъ, тяжелымъ, подходилъ къ концу, и москвичи, не зная, какъ изжить его, съ тревогой заглядывали въ будущее, по примѣтамъ не обѣщавшее ничего хорошаго. Въ столицѣ по первой порошѣ появились волки,—чего прежде не было,—и дерзость хищниковъ дошла до того, что среди бѣла дня они начали забѣгать на центральныя улицы, даже въ Китай-городъ, гдѣ на виду у всѣхъ загрызли звонаря; повсемѣстно выпавшій на сухую землю снѣгъ едва покрылъ слабые всходы озимей, и поля чернѣли гангренозными пятнами: изъ очей иконы Божіей Матери Печерской въ церкви Ризъ Положенія струились слезы; царь завелъ опричниковъ, и они, грызя и выметая его мнимыхъ враговъ, разъѣзжали по Москвѣ съ метлами, въ песьихъ мордахъ: наконецъ небо вторую недѣлю бороздила, загораясь пожаромъ, хвостатая комета, предвѣстница народныхъ бѣдствій.

Творилось что-то неладное.

Было морозное ноябрьское утро или то, что въ Москвѣ считалось утромъ—время около трехъ часовъ ночи. Въ церквахъ звонили къ заутренѣ. Хоръ мѣдныхъ голосовъ, мелодически сливаясь съ октавой Благовѣщенскаго собора, стройно гудѣлъ надъ столицей, важно поднимаясь въ темно-синюю высь, къ небесамъ, усѣяннымъ мерцающими звѣздами. Изъ-за темныхъ зубцовъ частокола, изъ-за деревьевъ, опушенныхъ снѣгомъ, въ теремахъ и палатахъ мелькали огни; въ узкихъ кривыхъ уличкахъ, неправильными радіусами бѣжавшихъ къ Красной площади, въ бѣлесоватой зимней мглѣ, какъ фантастическіе призраки, плыли люди въ тяжелыхъ мѣховыхъ одеждахъ и горлатныхъ шапкахъ, скользили полозья чудовищныхъ возковъ и колымагъ, запряженныхъ цугомъ, храпѣли и ржали горячіе кони, хлопали бичи, слышался говоръ, звенѣлъ затаенный дѣвическій смѣхъ.

Москвичи спѣшили въ церкви.

На паперти Покровскаго собора сидѣли и стояли, держа въ рукахъ свѣчи съ желтыми, мигающими язычками, нищіе, убогіе, калѣки и юродивые, одѣтые, несмотря на жестокій холодъ, въ жалкія рубища или въ однѣ длинныя холщевыя рубахи. На юродивыхъ звенѣли врѣзавшіяся въ тѣло тяжелыя вериги, крестообразно препоясанныя на груди въ видѣ дьяконскаго ораря и запертыя замкомъ; ихъ головы съ колтуномъ, съ нечесаными волосами, спускавшимися до плечъ, не были прикрыты, а ноги были босы. Это была цѣлая корпорація „божьихъ людей", составлявшая такую же принадлежность Москвы, какъ и ея святыни, храмы, кремлевскія стѣны. Изъ нихъ юродивые пользовались наибольшей популярностью. Они были не сребролюбивы, святы и въ своей святости—наивно-смѣлы. Они въ глаза говорили царю то, что думали, и чего никогда не рѣшился бы сказать Грозному ни одинъ изъ его приближенныхъ бояръ или опричниковъ; они обличали царя и его фаворитовъ въ несправедливости, въ утѣсненіяхъ и обидахъ, чинимыхъ народу, и царь, и бояре, и народъ—всѣ одинаково смотрѣли на нихъ, какъ на божьихъ людей, которымъ все открыто—настоящее, прошедшее и будущее ихъ современниковъ.

Богомольцы, всходя на паперть, одѣляли подаяніемъ нищенствующую и юродствующую братію и прислушивались къ рѣчамъ юродивыхъ, говорившихъ, какъ древнія Сивиллы, не прямо, а туманными афоризмами и аллегоріями.

— И все камешки, все камешки. И ни одного зернышка! Ая-яй!—жаловался старецъ Николушка, божій человѣкъ, всю жизнь изжившій у кремлевскихъ стѣнъ, подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ или на снѣгу.—Ужо прибѣгутъ племяннички... шушу! Назовутся братьями и откроютъ другъ другу вся внутренняя своя. Ха-ха!—неожиданно разразился онъ громкимъ смѣхомъ.—Вотъ гдѣ черно-то... какъ у протопопа въ трубѣ! Ничего, дядя вычиститъ...

— О чемъ это Миколушка-то?—спросилъ посадскій, обращаясь къ толстому, красному, какъ тульскій самоваръ, купцу.—Никакъ орду предвѣщаетъ?

— Кака орда! — огрызнулся купецъ. — Не орду, а гладъ,—понялъ?

-- Тэ-экъ-съ,—протянулъ посадскій, конфузливо ретируясь въ толпу, окружившую юродивыхъ.

— Кровушки, кровушки! — предлагалъ юродивый Варсонофьюшка, по-дѣтски улыбаясь и переливая изъ фляги въ чашку и обратно подкрашенную фуксиномъ воду. — Не хотите ли кровушки, люди добрые? Те-четь, те-четь кровушка хресьянская, струйками алыми. А то-чить, то-чить кровушку царь Иванъ Васильевичъ всея Руси православной. Такъ-то!

По ступенямъ медленно поднимался на паперть приставъ разбойнаго приказа Иванъ Репьевъ или, въ просторѣчіи, Ванька Репей, выкрестъ изъ татаръ, человѣкъ грузной комплекціи, словно цѣликомъ высѣченный изъ гранитной глыбы, богатырски-высокаго роста и непомѣрной силы, о которой, какъ и о его жестокости, по Москвѣ ходили легенды. Изъ-подъ густыхъ, сѣдымъ мхомъ нависшихъ бровей пристава зорко высматривали и сверлили толпу рысьи глазки, а приплюснутый носъ съ раздутыми ноздрями какъ бы нюхалъ воздухъ; легкая судорога подергивала широкія скулы и жидкую клиновидную бороденку.

За Репьемъ шло трое стрѣльцовъ.

Замѣтивъ пристава, толпа испуганно шарахнулась въ сторону; многіе поспѣшили скрыться въ дверяхъ церковнаго притвора.

Лишь одинъ человѣкъ, стоявшій у рѣзной колонны, не сдвинулся съ мѣста и только прикрылся воротникомъ охабня, скрывшимъ лицо.

— Такъ, такъ, Варсонофьюшка!—иронически разсмѣялся приставъ, останавливаясь передъ юродивымъ, сидѣвшимъ на корточкахъ.—Такъ точитъ, говоришь?

— То-о-читъ, милла-ай!—жалобно затянулъ юродивый.—Во-отъ какъ то-о-читъ, песъ окаянной...

— Да какъ ты смѣешь поносить государя? — рявкнулъ приставъ, замахнувшись кулакомъ.—Да я тебя, бездѣльникъ, живого въ землю зарою!

Незнакомецъ, быстро отдѣлившись отъ колонны, рѣшительно шагнулъ къ приставу.

— Стой!—остановилъ онъ пристава, схвативъ его за воротъ.—Стой, катъ!

Оторопѣвшій отъ неожиданности приставъ засопѣлъ, какъ кузнечный мѣхъ, втягивая всей грудью струю воздуха, и, круто повернувъ плечами, наотмашь ударилъ незнакомца въ ухо.

Послѣдній отъ удара отлетѣлъ въ сторону, охабень распахнулся, и на пристава глянуло молодое лицо съ сѣрыми лучистыми глазами, съ прямымъ и сухимъ носомъ, обрамленное русой бородкой.

— Васька Кремневъ?!—изумился приставъ.

— Когда-то былъ онъ,—хмуро подтвердилъ незнакомецъ.

— Вяжи его, ребята!—приказалъ приставъ стрѣльцамъ.

— Что жъ, вяжи, твой день,—спокойно произнесъ Кремневъ.—Кабы не храмъ Божій, показалъ бы я тебѣ, какъ взять Ваську Кремнева.

На паперти, пока стрѣльцы вязали арестованнаго, собралась толпа любопытныхъ.

— Сказываютъ, разбойника пымали?—спрашивала какая-то старушка, напоминавшая старый, пересидѣвшій на корнѣ грибъ.—Сто душъ, говорятъ, загубилъ?

— Атамана, баушка,—пояснилъ дюжій охотнорядецъ.—Караванъ разбилъ, казну пощипалъ...

— Чего зря-то мелешь, дура стоеросовая!—обругалъ его конюхъ съ патріаршаго двора. — Не разбойника, а царскаго ключника пымали, родная... Ваську Кремнева.

— Охъ, Репей, Репей!—причиталъ Варсонофьюшка, въ тактъ раскачиваясь всѣмъ тѣломъ.—Не сносить тебѣ, Репью, своей головушки. А стоять тебѣ, Репеюшка, во чистомъ полѣ, да при дороженькѣ...

— Цыцъ! — рявкнулъ на него приставъ. — Ребята, обратился онъ къ стрѣльцамъ: — возьмите-ка заодно и этого лохматаго.

Но красавцы-бородачи, испуганно косясь на юродиваго, попятились назадъ.

— Проваливай! Не замай святого человѣка! — кричали въ толпѣ.—Куда лѣзешь съ поганымъ рыломъ!

— Ужо!—пригрозилъ Репей, удаляясь съ стрѣльцами, уводившими Кремнева.—Дай срокъ, доберусь я до вашихъ святыхъ!

— Уходи! Крапивное сѣмя!

II.

Кремнева ввели въ застѣнокъ, тѣсный и темный, съ небольшимъ окномъ, помѣщавшійся въ башнѣ кремлевской стѣны, между Никольскими и Спасскими воротами. Знакомая атмосфера, въ которой, казалось, каждый атомъ былъ насыщенъ страданіями и кровью безчисленныхъ жертвъ деспотизма, прошедшихъ черезъ руки палачей, сразу охватила его своимъ смраднымъ дыханіемъ. Все оставалось попрежнему, какъ было и тогда, пять лѣтъ назадъ. Тѣ же орудія пытки, та же окровавленная дыба, около которой суетился катъ, смазывавшій веревки саломъ: такъ же, какъ и тогда, за столомъ сидѣлъ дьякъ и что-то старательно выводилъ перомъ на листѣ пергамента. По стѣнамъ, покрытымъ плѣсенью, слезками струилась вода и стекала на полъ: пахло сыростью, бойней; темно-бурыя пятна засохшей крови покрывали полъ, стѣны, лавки; даже столъ, за которымъ писалъ дьякъ, былъ забрызганъ кровью.

Кремневъ побывалъ въ застѣнкѣ, когда еще былъ не атаманомъ, громившимъ государевы и купеческіе караваны, проходившіе изъ Москвы къ Бѣлому морю и Каспію, а царскимъ ключникомъ, попавшимъ въ опалу. Какъ это случилось,—онъ помнилъ смутно, какъ тяжелый кошмаръ.

Въ знойный лѣтній полдень, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна, царь кликнулъ:

— Васька, квасу!

Кремневъ, сторожившій пробужденіе Грознаго въ сосѣднемъ покоѣ, со всѣхъ ногъ бросился въ опочивальню.

— Этакій медвѣдь! — нахмурился царь. — Не можешь потише-то...

Василій, смутившись и зардѣвшись, какъ дѣвушка, подалъ, съ низкимъ поклономъ, серебряный жбанъ, до краевъ наполненный ледянымъ квасомъ, и, какъ полагалось, поклонился царю вдругорядь.

— Здравъ буди, государь,—молвилъ онъ.—Кушай во здравіе.

Царь принялъ и уже поднесъ жбанъ къ устамъ, какъ вдругъ, болѣзненно сморщившись, подозрительно посмотрѣлъ на растерявшагося ключника.

— Га! Отравить хочешь?—прохрипѣлъ онъ. — Стрѣшневской отравы подсыпалъ?

Рука царя дрогнула, ходенемъ-заходила, жбанъ выскользнулъ, и золотистая влага разлилась на коверъ.

— Пшелъ, смердъ!—крикнулъ Грозный, трясясь отъ гнѣва, какъ въ лихоманкѣ.

Кремневъ молча поклонился и, не помня себя, вышелъ изъ опочивальни.

А черезъ часъ стрѣльцы уже тащили его въ застѣнокъ, чтобы пытать „слово и дѣло государево о зломъ умыслѣ противъ царя Ивана Васильевича да о тѣхъ пособникахъ, кои съ нимъ да съ бояриномъ Ванькой Стрѣшневымъ тотъ умыселъ держали“.

Вотъ и застѣнокъ. Захрустятъ косточки, будутъ выматываться жилы... Тяжело на сердцѣ... Ну, будь онъ взаправду виноватъ, а то—за что? Отрава? Да квасъ, прежде чѣмъ подать царю, онъ самъ пилъ... И что это съ царемъ? Съ чего онъ лютуетъ противъ него и Стрѣшнева, Алина отца? Охъ, Аля, Аля!

Былъ веселый май. И вѣтерокъ дулъ съ теплой стороны, таково ласково, и шелестѣлъ въ вишневыхъ и яблоневыхъ садочкахъ, утопавшихъ въ розово-бѣлыхъ пахучихъ цвѣтахъ. И въ Алиномъ саду все цвѣло и благоухало. И сама Аля была хороша, какъ въ сказкѣ. Глаза большіе, ласковые, темные, какъ владимірская вишня, уста коралловыя, а голосъ такой нѣжный, какъ у ангела. Припала къ груди, воркуетъ:

— Смотри же, Васенька, засылай сватовъ.

Вотъ тебѣ и сваты. Сосваталъ царь съ плахой.

— Винись!—настаивалъ дьякъ.—Винись, собачья сыть!

Переносить такую обиду? И отъ кого?—Отъ приказной строки! Вся кровь прилила къ головѣ, и, какъ быкъ, растравленный краснымъ платомъ, Кремневъ бросился на стрѣльцовъ.

— Кланяйся царю!—насмѣшливо бросилъ онъ помертвѣвшему отъ страха дьяку.—Скажи, что служилъ ему вѣрой и правдою и злого умысла не имѣлъ. И еще скажи, чтобъ помнилъ меня на всякій часъ!

Сказалъ, ринулся и—ищи вѣтра въ полѣ!—скрылся безслѣдно.

А теперь вотъ—на-поди!—снова попалъ въ Репьевы лапы. И, кажись, ужъ больше не уйти отсюда живу...

— Ага!—раздался злорадный голосъ.—Попался, Васька.

Кремневъ невольно вздрогнулъ.

Передъ нимъ, въ темной монашеской ряскѣ, перетянутой кожанымъ поясомъ, и въ алтабасной скуфейкѣ, стоялъ, опираясь на остроконечный посохъ, царь Иванъ Васильевичъ. На груди, поверхъ ряски, висѣлъ наперсной золотой крестъ, а за поясомъ торчалъ охотничій ножъ.

Кремневъ догадался, что Грозный, извѣщенный объ его арестѣ, поднялся въ застѣнокъ по подземному ходу.

— Ну, Васька, нацѣжу я изъ тебя квасу!—зловѣще посулилъ царь, присаживаясь къ столу, около котораго стали трепещущіе приставъ и дьякъ.

Стрѣльцы, съ невозмутимымъ видомъ, какъ статуи, застыли у дверей; катъ, засучивъ рукава рубахи, раздувалъ жаровню съ угольями.

— Ишь, погрѣть тебя хочетъ... съ дорожки-то! — проговорилъ царь, наблюдая за работой ката.

И, довольный своей остротой, Грозный раскатился хриплымъ, удушливымъ смѣхомъ. Ему подобострастно и сдержанно вторили приставъ и дьякъ: стрѣльцы мрачно, по-волчьи, скалили зубы, а катъ весело ухмылялся въ бороду: ужъ потѣшитъ онъ царя, задастъ жару этому гордецу, Васькѣ Кремневу!

— А ну, измѣнникъ, скажи, гдѣ ты побывалъ?

Кремневъ встрепенулся и поднялъ голову.

— А хочешь знать, государь?—спросилъ онъ, тряхнувъ кудрями и метнувъ на Грознаго насмѣшливый взглядъ.—А если не скажу?

— Катъ заставитъ! — вспыхнулъ царь, нервно пощипывая бороду.

— Ого! Напрасно надѣешься на ката, государь. Признаться, отвыкъ я отъ московскихъ-то порядковъ... и ежели ты хочешь знать, гдѣ я былъ да что дѣлалъ, то спрашивай добромъ, по-хорошему, какъ вольнаго человѣка. Тогда и отвѣтъ тебѣ буду держать по чистой совѣсти. А смертью не грози, государь: я не боюсь ея.

Застѣнокъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на смѣльчака своими широко раскрытыми, мутными, злыми глазами вампира, а царь и пресмыкавшіеся передъ нимъ люди замерли отъ изумленія.

— Ну, инъ, ладно... пусть будетъ по-твоему,—согласился царь, съ трудомъ подавляя волненіе.—Говори, коли такъ.

— Такъ-то лучше,—усмѣхнулся Кремневъ.—Мои слова не изъ мягкихъ, государь, а, знаю, тебѣ на пользу пойдутъ... Слушай же, царь. Ты обвинилъ меня, а я не виноватъ предъ тобой. Что ты сдѣлалъ со мной и съ тѣми, кого я любилъ, какъ Бога? И меня и ихъ ты загубилъ невинно. Изъ-за тебя я сталъ лихимъ человѣкомъ, грабилъ караваны, хотя и не убивалъ людей, не пилъ кровь, какъ это дѣлаешь ты, царь, поставленный блюсти народъ свой... Въ ту ночь, когда я бѣжалъ изъ застѣнка, ты схватилъ боярина Стрѣшнева и его дочь, мою невѣсту,—за что?.. Бояринъ былъ убитъ на дворѣ, подъ окнами твоихъ палатъ, а боярышню ты указалъ привести къ себѣ въ опочивальню. Но сироту пожалѣли и Богъ и добрые люди: она бѣжала и теперь возноситъ молитвы Богу въ своей обители...

— Въ обители?.. Гдѣ?—пытливо воззрился Грозный на Кремнева, вдавливая въ полъ остріе посоха.

— На Волгѣ, государь... въ башкирскихъ Узеняхъ... Боярышня—святая женщина. Самъ Богъ послалъ ее въ этотъ край для просвѣщенія невѣрныхъ.

— Святая? — прервалъ его Грозный. — Ты говоришь: святая? Ха-ха! Да знаешь ли ты, смердъ, что Стрѣшнева потеряла дѣвичью честь прежде, чѣмъ успѣла бѣжать изъ Москвы! Знаешь ли ты, что мы указали привести ее на Балчугъ, на кабацкое кружало, для потѣхи опричниковъ и пьяной черни!

— Лжешь!—крикнулъ Кремневъ громовымъ голосомъ, да такъ, что дрогнулъ весь застѣнокъ и сомкнулъ со страха вампирьи очи.—Лжешь, царь!

Съ трескомъ разорвавъ веревочныя путы, Кремневъ опрокинулъ стрѣльцовъ и ринулся на Грознаго.

— Прочь, собака! — съ страшной силой оттолкнулъ онъ пристава, заслонившаго царя.

Репей, скрипнувъ зубами, съ размаху ударилъ Кремнева ножомъ.

Обливаясь кровью, захрипѣлъ онъ и, какъ колосъ, подрѣзанный косой, тяжело рухнулъ на полъ.

— Этакій разбойникъ! — бормоталъ Грозный, съ суевѣрнымъ страхомъ отступая отъ мертвеца, распростершагося у его ногъ.—А поторопился ты малость, Репеюшка... да. Ну, инъ, ладно... А дѣвку, святую-то,—слышь?—сыщи и привези намъ. Непремѣнно. Мы покажемъ ей святость!

— Слушаю, государь,—покорно отвѣтилъ приставъ.—А сколько укажешь взять людей?

— Бери, Репеюшка, сколько хочешь, и ѣзжай немедля. Выкинь эту падаль!—жестомъ указалъ онъ кату на трупъ Кремнева.

Катъ схватилъ трупъ за ноги и поволокъ къ люку, открывавшемуся на Красную площадь. Открывъ люкъ, онъ выбросилъ трупъ.

Выбрасываніе труповъ изъ застѣнка на Красную площадь было обыкновеннымъ явленіемъ. Трупы замученныхъ разбойниковъ и государственныхъ преступниковъ, выброшенные изъ башни и до неузнаваемости обезображенные при паденіи, иногда по цѣлымъ недѣлямъ валялись у кремлевской стѣны, терзаемые вороньемъ и собаками, пока чья-нибудь сострадательная рука, презрѣвъ страхъ наказанія, не предавала ихъ погребенію.

III.

Боярышня Алевтина Стрѣшнева счастливо избѣжала насилія, и только мстительная фантазія Грознаго позволила взвести на невинную дѣвушку предъ ея женихомъ позорный навѣтъ.

Узнавъ, что отецъ арестованъ, и что ее самоё ожидаетъ злая участь царской наложницы, боярышня, вмѣстѣ съ няней Савишной, переодѣвшись въ крестьянское платье, бѣжала изъ дому и, подъ покровомъ ночи, минуя московскія заставы, благо-

получно выбралась на Тульскую дорогу: отсюда онѣ рѣшили пройти проселкомъ на мельницу дяди Егора, вѣрнаго стрѣшневскаго слуги, и тамъ, въ лѣсныхъ дебряхъ, на время укрыться отъ погони и поисковъ Грознаго.

Свернувъ съ дороги въ дремучій лѣсъ, окружавшій Москву со всѣхъ сторонъ, бѣглянки, трепеща и прислушиваясь къ жуткимъ лѣснымъ шорохамъ и шумамъ, переночевали подъ кустомъ орѣшника.

На утро, едва забрезжилъ разсвѣтъ, поднялись, умылись изъ родничка студеной водицею, помолились на восходъ солнца, заливавшаго лѣса и поляны потоками розоваго свѣта, и пошли лѣсомъ, рядомъ съ просѣкой, по которой тянулся глухой проселокъ.

Деревья ласково шумѣли надъ ихъ головами. По всему лѣсу звенѣлъ немолчный хоръ птицъ. Соловьи, прячась по кустамъ бузины и черемухи, щелкали и заливались томной трелью: чижикъ, усѣвшись на дубовой вѣткѣ, захлебываясь отъ радости, выводилъ бурную, восторженную пѣсню: красногрудый дятелъ усердно долбилъ сосновую кору. На полянкахъ рѣзвились зайцы. Бѣлки прыгали по верхушкамъ сосенъ и съ шумомъ перебрасывались съ дерева на дерево. Всюду изъ травы выглядывали золотистые тюльпаны и дроки, бѣлоснѣжные ландыши и милые анютины глазки.

— Благодать-то какая,— вздохнула Савишна. — Кажись, не ушла бы отсюда вовѣки.

— Чтой-то теперь царь дѣлаетъ съ Васенькой да съ батюшкой? — тихо проговорила Аля, слѣдуя теченію своихъ печальныхъ мыслей. — Поди, ломаетъ ихъ въ застѣнкѣ.

— Не тужи, боярышня,— успокоила ее Савишна. — Авось отобьются отъ оговора. Вѣдь ихъ облыжно, безъ вины, обнесли.

На проселкѣ затрещалъ валежникъ: кто-то шелъ. Обѣ женщины остановились и насторожились.

Сквозь зеленый лѣсной сумракъ показалась странница-старушка, съ котомкой за плечами и берестянымъ туесомъ у пояса. Старушка бодро шагала, опираясь на палку.

— Куда бредешь, касатка? — окликнула ее Савишна.

— Къ дому, родимая, — откликнулась, останавливаясь, странница.

— Съ Москвы?

— Охъ, съ Москвы, родимая. Вотъ только-только вышла изъ Кремля, хотѣла въ послѣдній разъ приложиться къ мощамъ святыхъ угодниковъ, да не довелось...

— Что такъ?

Странница недовѣрчиво посмотрѣла на Савишну, покосилась на Алю и, бросивъ кругомъ тревожный взглядъ, словно опасаясь, что и деревья могутъ подслушать, вполголоса проговорила:

— Да, неладно... Пошла я, грѣшница, въ соборъ Спаса Преображенія на царскомъ дворѣ, какъ слышу: на паперти зашумѣли. Народъ — какъ побѣжалъ изъ церкви, какъ завопили: „боярина Стрѣшнева царь зарѣзалъ!“... — Охъ-ти мнѣ! — вскричала странница, испуганно смотря на Алю, со стономъ повалившуюся на траву. — Что это съ дѣвкой-то у тебя? Никакъ родимчикъ?

Няня, склонившись надъ своей питомицей, лежавшей въ глубокомъ обморокѣ, поспѣшно разстегнула воротъ крестьянскаго зипуна. На бѣлой, какъ мраморъ, шеѣ блеснулъ крупный красный яхонтъ, замыкавшій жемчужное ожерелье.

— Охъ, сердешная! — воскликнула странница, угадавъ подъ платьемъ крестьянки знатную боярышню. — Дай-ка вспрысну крещенской водицей...

Она достала изъ котомки фляжку, пошептала молитву и трижды опрыснула боярышню.

Послѣ долгихъ хлопотъ обѣихъ женщинъ, Аля наконецъ открыла глаза.

Предъ ней промелькнула нелѣпая, ужасная дѣйствительность, разбившая ея жизнь. Отецъ, такъ лелѣявшій ее, убитъ... Онъ не улыбнется, не скажетъ болѣ: милая Аля! Домъ, вотчины и все имѣнье царь отберетъ и отдастъ своимъ любимцамъ-опричникамъ. И не будетъ у Али родимаго гнѣздышка...

Она сѣла и тихо заплакала, ломая руки.

Сквозь зеленый лѣсной сумракъ показалась странница-старушка...

— На-ка, боярышня, испей, — сказала странница, подавая ей туесъ.

— А Вася... Василій Кремневъ? — спросила Аля сквозь слезы, жадно глотая воду.— О немъ ничего не слыхала, баушка?

— Нѣтъ, боярышня, — отвѣтила странница, опускаясь на траву рядомъ съ Алей.— А кто онъ?

— Царской клюшникъ... И его въ одинъ день съ батюшкой взяли.

— Охъ, неладно живутъ на Москвѣ, — покачала головой странница. — Все застѣнки да каты, казни да убійства. Грозенъ у васъ царь...

— И-и! — махнула рукой Савишна. — Залилъ кровью всю Москву. Почитай, въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ неизношеннаго горя.

— Куда жъ вы путь держите, родимыя?—участливо спросила странница.

— Да куда?—Куда глаза глядятъ, — уклончиво отвѣтила няня.—Ничевошеньки у насъ въ Москвѣ не осталось... Куда итти?

— Къ Богу,—твердо произнесла странница.

— Охъ, баушка, милая!— воскликнула Аля. — Какъ тебя звать-то?

— А Дарьюшка.

— Охъ, Дарьюшка, далеко, милая, до Бога-то, гдѣ ужъ намъ?

Странница строго посмотрѣла на боярышню и покачала головой.

— Ой, ластовка, неладно ты говоришь. Богъ всегда близко, можетъ, промежъ насъ ходитъ. Богъ вездѣ, гдѣ люди. Ты вотъ кручинишься... батюшку, жениха потеряла. А, можетъ, это для твоего же испытанія. Ты вотъ послушай, родимая, какъ я была взыскана... У меня отца и мать ногайскіе татары въ полонъ угнали. Осталась я одна, сирота, какъ перстъ. Укрылась въ монастырѣ, да не поглянулась мнѣ тамъ жизнь, и ушла я въ лѣса. Да, въ лѣса... подъ Муромъ. Собрались все такія же сироты, какъ я, построили скитъ. Чего только ни натерпѣлись... и отъ звѣрья и отъ лихихъ людей. А потомъ и звѣри и разбойники къ намъ пріобыкли. Видятъ, что безобидныя мы, ко всѣмъ съ добромъ... А тамъ и народъ къ намъ пошелъ. Кто отъ татаръ, али отъ воеводъ утекаетъ, кто съ болѣстями, кто съ нуждой разной, — всѣ къ намъ. Такъ вотъ и изжили свой вѣкъ.

Аля съ живымъ интересомъ слушала странницу, чувствуя, какъ душевная боль начинаетъ мало-по-малу утихать, смягчаться, уступая мѣсто новому, еще неизвѣданному чувству.

— И вотъ что еще, родная, — продолжала словоохотливая странница.— Слышала, небось, царь покорилъ Астрахань? Ну, такъ вотъ... поселились въ тѣхъ краяхъ хресьяне. А ни церквей ни наставниковъ тамъ нѣтъ... Побывала я въ тѣхъ мѣстахъ, думала скитъ поставить, да невмоготу ужъ мнѣ, стара стала... И самоё меня замѣнить некому, потому всѣ наши сестры старыя-разстарыя. А жалко людей-то, до-смерти жалко...

Странница замолчала. По ея морщинистому лицу тихо струились слезы.

Аля не выдержала этихъ слезъ.

— Не плачь, баушка Дарья, возьми меня съ собой! — воскликнула она, и вся просвѣтлѣла въ страстномъ порывѣ. — Я пойду въ астраханску сторону и поставлю скитъ. Возьми, баушка!

Старушка отвѣтила радостной улыбкой.

— Родная,—взволнованно проговорила она:—я объ этомъ только думала... Да вѣдь ты—боярышня, изъ знатнаго роду, не то, что мы, простецы, какъ было тебя попросить? А теперь, когда ты сама объ этомъ просишь, низко кланяюсь: потрудись, дитятко, для Бога и для людей.

Старушка встала и поклонилась Алѣ въ поясъ.

— Ой, чтой-то ты, баушка!—застыдилась Аля.—Не проси: потружусь и такъ. А ты пойдешь на Узени, няня?—обратилась она къ Савишнѣ.

— А куда иголка, туда и нитка,—отвѣтила няня.—Куда жъ я тебя одну-то отпущу, голубка? Ужъ пойдемъ, такъ вмѣстѣ...

И вмѣсто мельницы дяди Егора Аля и Савишна нашли пріютъ въ скиту матушки Дарьи, около Мурома.

IV.

Прошло четыре года, какъ Аля и Савишна, распрощавшись съ матушкой Дарьей, вмѣстѣ съ десятью старицами, покинули муромскій скитъ и поселились на Узеняхъ, поставивъ въ степи, на правомъ берегу Волги, обширный скитъ съ деревяннымъ храмомъ во имя Рождества Христова, кельями и службами, обнесенный землянымъ валомъ.

Отъ прежней Али не осталось и слѣда; даже имя — и то исчезло. Матушка Марія, настоятельница скита, строгая, истощенная, съ печальнымъ, чего-то ищущимъ и не находящимъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ, навѣки схоронила въ себѣ Алю, рѣзвушку и хохотунью, когда-то мечтавшую о красивой жизни въ Москвѣ, въ батюшкиномъ домѣ, съ милымъ дружкомъ Васенькой. Вся грѣховная, мірская область ея мечтаній стала запретной, безвозвратно, навсегда отринутой и такой далекой - далекой. Жажда подвига, жажда служенія Богу и людямъ охватила ее цѣликомъ, не оставивъ ничего для личной жизни. Все для другихъ... Да и когда тутъ жить для себя? Некогда. Большое хозяйство у матушки Маріи. Однѣхъ сестеръ въ скиту — побольше сотни; обо всѣхъ надо подумать, позаботиться; да и мірской докуки не мало. Валомъ-валитъ къ ней народъ изъ деревень и улусовъ; идутъ русскіе, идутъ и башкиры. Кого надо полѣчить, кого въ вѣрѣ наставить, а случается, и обрядъ христіанскій свершить, такъ какъ кругомъ на сотни верстъ нѣтъ ни одного священника. А сколько въ ея степной паствѣ такихъ, кто страдаетъ отъ тьмы духовной, кто требуетъ утѣшенія, кто влечетъ къ себѣ, возбуждая свѣтлыя надежды... Вотъ дѣти, русскія и башкирскія, ходятъ къ ней учиться грамотѣ, и для туземцевъ она переводитъ Евангеліе на башкирскій языкъ. Свѣтомъ истины загораются дѣтскія головки и, какъ лампадочки малыя, начинаютъ теплиться въ глухой языческой степи. Нужно вотъ тоже окончить начатую икону... Охъ, много дѣла, много заботъ у матушки Маріи. Справится ли она съ нимъ, съ этимъ большимъ, святымъ дѣломъ? И какъ и кому передастъ его, когда доживетъ до такихъ же лѣтъ, до какихъ дожила матушка Дарья? Тоже и объ этомъ надо подумать...

Такія мысли посѣтили настоятельницу и въ утро Рождественскаго сочельника, заставшее ее за работой въ своей кельѣ.

Въ окна, расписанныя морозными узорами, пробивались слабые солнечные лучи, золотя немудрую обстановку—бѣлыя некрашеныя лавки, протянувшіяся вдоль передней и правой стѣнъ, такой же столъ, большую печь изъ разрисованныхъ новгородскихъ кафлей, иконоставъ съ начатой и неоконченной иконой, а за нимъ — сосновую кровать съ кошмой на голыхъ доскахъ, застланную легкимъ алтабаснымъ покрываломъ; рѣзной ставчикъ на стѣнѣ, въ которомъ хранились сушеныя лѣкарственныя травы и разныя снадобья, испускавшія благовонные запахи, да полочка съ книгами въ темныхъ, закапанныхъ воскомъ переплетахъ, съ мѣдными застежками, дополняли эту обстановку. Въ переднемъ углу, надъ столомъ, сіялъ кіотъ съ темными ликами святыхъ въ золотыхъ вѣнчикахъ, убранный пучками серебристаго ковыля и освѣщенный горящими свѣчами, установленными въ двѣнадцатимѣстномъ серебряномъ подсвѣчникѣ. На столѣ— каравай пшеничнаго хлѣба, прикрытый чистымъ рушникомъ съ вышитыми по концамъ словами изъ молитвы Господней, и рѣзная солонка; тутъ же лежало Евангеліе, раскрытое на третьей главѣ отъ Марка, и листки пергамента съ переводомъ текстовъ на башкирскій языкъ.

За окномъ, на просторномъ скитскомъ дворѣ, завывалъ вѣтеръ, поднимая и крутя поземки. Вотъ завылъ въ трубѣ...

Время еще раннее, трапезы до звѣзды не будетъ, и матушка спѣшитъ довести переводъ до четвертой главы. Но сегодня работа какъ-то не захватываетъ ея, не спорится...

— ...„И сотвори дванадесяте, да будутъ съ Нимъ, и да посылаетъ ихъ проповѣдывати, и имѣти власть цѣлити недуги, и изгонити бѣсы",—вслухъ повторяетъ она, подыскивая подходящія слова для перевода; но скуденъ башкирскій языкъ, чтобы выразить всю красоту, все богатство образовъ, начертанныхъ въ святой книгѣ, и рука матушки безсильно опускается, а глаза, полные скорби, мольбы, поднимаются вверхъ и чего-то напряженно ищутъ.

— Господи, помоги мнѣ, недостойной рабѣ Твоей!—кротко шепчетъ она. — Ужели нѣтъ такихъ словъ, чтобы дошло до нихъ ученіе Твое?

— Аля, Аля!—лепечетъ за окномъ неугомонный вѣтеръ. Сначала тихонько, шопотомъ, а потомъ все громче, все громче, и наконецъ властно зоветъ:—А-ля!

— Господи Исусе!—крестится матушка Марія.—Опять?

Она со страхомъ заглядываетъ въ окно, но на дворѣ никого нѣтъ; только поземки, поднимая клочья соломы и сѣна, крутятся вьюномъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ „онъ" воскресъ и явился передъ ней нежданный-негаданный, позабытый, съ тѣхъ поръ вотъ уже миновала пятая недѣля, а она нѣтъ-нѣтъ да и услышитъ этотъ... этотъ милый голосъ. Охъ, Господи, грѣхъ-отъ какой!

„Онъ" пришелъ истинно какъ съ того свѣта. Да... Всенощная отходила, и сестра Ульяна уже гасила свѣчи. А онъ стоялъ въ углу, около притвора, и его лица не было видно. Въ богатой одеждѣ... Думали: чужедальній бояринъ заѣхалъ помолиться, потому что своихъ-то бояръ въ степной округѣ не было. И вотъ тогда-то и случилось это самое... Когда она ушла изъ церкви, слѣдомъ за ней, запыхавшись, прибѣжала въ келью сестра Евдокія.

— Матушка, бояринъ хочетъ видѣть тебя.

— Какой бояринъ?

— Да, что стоялъ у всенощной. А кто онъ такой,—не вѣдаю.

— Пусть придетъ,—сказала матушка.

И онъ пришелъ и молча, смиренно, сталъ у порога.

— Милости просимъ, бояринъ,—пригласила матушка.—Проходи и садись, гость будешь. Не знаю ужъ, какъ тебя звать-величать.

— Аль не узнала?—глухо спросилъ онъ, шагнувъ къ ней.

Она въ ужасѣ попятилась, какъ отъ привидѣнія. Ноги подкосились, свѣтъ выкатился изъ глазъ.

— Васенька! Ты ли?

— Я, Аля.

И вмѣстѣ съ звуками этого голоса, такого очаровательнаго, милаго, въ убогую келью впорхнула, распустившись пышнымъ цвѣтомъ, вся прежняя мірская жизнь Али. Зашелестѣлъ вишневый садикъ, запѣлъ соловейко, сладко заныло сердце. Всѣ обѣты, всѣ цѣли какъ-то вдругъ потускнѣли, стушевались, показались незначительными, неважными, и только Васины слова звучали, какъ музыка, а глаза сіяли, какъ звѣзды. И сталъ онъ говорить ей рѣчи жалостныя—какъ скитался по степи, въ лѣсахъ, не находя покоя отъ гложущей тоски, какъ грабилъ государевы и купецкіе караваны, и какъ наконецъ услышалъ о ней, матушкѣ Маріи, исцѣляющей душевныя боли благостной молитвою. И плакалъ онъ, какъ дитя малое, и цѣловалъ ей руки. И мягкая женская душа, начинавшая забывать тотъ міръ, откуда ушла, чтобы никогда больше туда не возвращаться, нѣжная душа, покрывшаяся броней суровости, осужденія грѣху, при видѣ этого глубоко-несчастнаго и когда-то безгранично любимаго ею человѣка, начала отходить, раскрываться... Охъ, долго ли до грѣха!

А онъ все умолялъ:

— Аля, Аля, уѣдемъ отсюда! Увезу тебя на край свѣта, въ черкасску сторону. Тамъ вольной край, и никакой царь насъ не достанетъ. Какъ самоцвѣтный камень, какъ свою жизнь, буду любить и беречь тебя. Уѣдемъ, Аля!

И разверзлась передъ ней страшная бездна. И страшная и сладкая. Голова закружилась... Охъ, долго ль погибнуть...

— Аля, Аля!

И страстно тянутся къ ней Васины руки. Неужто нѣтъ ей защиты? А Вѣчный Женихъ, Которому она клялась, давая обѣтъ любить только Его и черезъ Него—всѣхъ людей, весь міръ,— неужели Онъ не защитить?

Вотъ икона... начала писать ее и, по женской слабости, не кончила... Мчится Божья рать на бѣлыхъ коняхъ, въ блистающихъ латахъ, съ огненными, пылающими мечами. А предъ свѣтлой ратью небесной, отступая, извивается черное, злое, хвостатое чудовище—самъ Вельзевулъ, спорящій съ Богомъ за обладаніе міромъ...

И отошла тогда матушка Марія отъ Васеньки и стала рядомъ съ иконоставомъ, подъ защитою небесной рати свѣтлыхъ воиновъ.

— Васенька...—начала она слабымъ, неувѣреннымъ голосомъ.— Васенька, уйди... уйди отсюда, ради Христа! Что было, то прошло. Пожалѣй меня, будь добрымъ братомъ...

Голосъ ея наконецъ окрѣпъ, зазвучалъ сильнѣе.

— Другую жизнь я обрѣла, Васенька. И если бъ ты зналъ, сколь много въ этой жизни дѣла для Бога и для людей, ты не поманилъ бы меня отсюда ради одной любви къ тебѣ.

— Аля, Аля!

Разсерчалъ на нее Васенька, выбѣжалъ изъ кельи, вскочилъ на коня и умчался. Только гулъ пошелъ по степи отъ подковъ рѣзваго скакуна, мчавшагося на западъ...

За дверью постучали, и старческій голосъ помолитвовался:

— Господи Исусе, помилуй насъ.

— Аминь!—машинально отвѣтила матушка Марія, отгоняя отъ себя грѣховныя видѣнія.

Въ келью вошла казначея Анна. Помолившись на иконы, она трижды метнулась настоятельницѣ въ ноги.

— Садись, Анна,—пригласила ее Марія.—Въ ризницѣ-то все ли прибрали? Да что съ тобой?!—изумилась она, замѣтивъ на ея лицѣ выраженіе тревоги.

— Охъ, матушка, напасть, — проговорила Анна, испуганно мигая старческими, подслѣповатыми глазами. — Какъ ужъ тебѣ и сказать-то...

Тревога казначеи передалась и матушкѣ Маріи.

— Говори, говори! — попросила она, замирая отъ тяжкаго предчувствія.—Что стряслось? Какая еще бѣда?

— Да бѣда-то пока не стряслась, а, видно, намъ ея не избыть, ежели это правда...

— Что правда?

— Да, матушка, прости ужъ ты меня, глупую старуху, скажи: была ли ты въ міру баярышней Стрѣшневой? — спросила казначея, избѣгая встрѣчаться съ взглядомъ настоятельницы.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо матушки Маріи: вся келья заходила въ глазахъ. И вѣтеръ еще жалобнѣе завылъ въ трубѣ. Господи, опять?..

— Аля, Аля, уѣдемъ отсюда! Увезу тебя на край свѣта...

— Да, была, Анна, — отвѣтила она тихо, словно пугаясь своего голоса.

— Была? Ну, инъ, такъ и есть... Мало ли боярышень принимаетъ постригъ... А дѣло-то, вишь, какое... Сейчасъ прискакалъ вершной съ Мостовъ. Да... сказываетъ: остановились у нихъ въ деревнѣ ратные люди, два ста человѣкъ. Да съ ними приставъ царской изъ Москвы, изъ себя роста страшеннаго, сущій Полканъ-богатырь. И тѣхъ ратныхъ людей на коняхъ ведетъ онъ на нашъ скитъ, чтобъ взять тебя, нашу матушку, подъ караулъ и отвезти въ Москву.

Казначея робко, украдкой, взглянула на матушку.

Она слушала ее спокойно, со скорбнымъ, ищущимъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ, уходившимъ куда-то далеко, поверхъ головы казначеи Анны.

— И сказывалъ еще мостовской вершной,—продолжала, успокоившись, казначея: — вся округа о томъ приставѣ извѣстна, сбилась и идетъ сюды на защиту храма Божьяго. Что благословишь, матушка?

Настоятельница встала, выпрямилась во весь ростъ и, точно отчеканивая слова, отвѣтила:

— Скажи, чтобы звонили въ большой колоколъ.

V.

Къ вечеру поземки перешли въ буранъ.

Степь, объятая непроницаемымъ мракомъ, въ которомъ въ двухъ шагахъ не было видно человѣка, сразу превратилась въ безбрежный снѣжный океанъ, вся взметнулась клубомъ, поднялась до бѣлесаго неба и слилась съ нимъ въ одинъ бушующій сфероидъ, полный хаоса. Вѣтеръ съ яростнымъ свистомъ и ревомъ рвалъ и металъ, кружилъ, и все гналъ, гналъ безконечные снѣжные вихри, ощерившіеся колючими ледяными иглами.

Среди мрака и хаоса бури скитская колокольня, какъ маякъ, сіяла рождественскими огнями.

Шла заутреня. Маленькая церковь не могла вмѣстить всѣхъ молящихся, и толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, собравшись на дворѣ, около пылающихъ костровъ, на которыхъ кипѣли котлы съ смолой, прислушивалась къ пѣнію, вылетавшему изъ настежь раскрытыхъ дверей паперти. Тутъ были и крестьяне и башкиры мужчины, женщины и дѣти, еще засвѣтло, до бурана, прибывшіе въ скитъ изъ окрестныхъ деревень и юртъ. Крестьяне стояли съ обнаженными головами, башкиры — въ нахлобученныхъ на уши лисьихъ малахаяхъ. И тѣ и другіе были вооружены дубьемъ, топорами, вилами, косами и, молясь, тайно поджидали появленія „московскаго шайтана“.

— Ну и погодка, Богъ съ ней! — сокрушенно произнесъ стоявшій у костра широкоплечій, кряжистый мужикъ въ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, грѣя руки и звонко похлопывая кожаными, подбитыми зайчиною рукавицами. — Только таракановъ морозить.

— Э-э, бачка! — торопливо заговорилъ, скаля бѣлые зубы, стоявшій рядомъ съ нимъ башкиръ. — Несетъ теперь вѣтеръ и юрта, и сѣно, да... и мой жена несетъ...

— А ты, Абдулка, лобъ-то хоть бы разъ перекрестилъ,— съ упрекомъ замѣтилъ ему другой мужикъ.—А то стоишь пень-пнемъ... Что шары-то на меня выкатилъ? Кстись, дура, худа не будетъ.

— Нельзя, бачка, мулла шипка ругай. Сердитой мулла!.. Малъ-малъ батырь можна смотрѣть, а лобъ нельзя...

— Не батырь, а Христосъ,—поправилъ его кряжистый мужикъ.—Вотъ понесутъ Его въ ясляхъ, какъ Онъ былъ во младенчикахъ... Онъ, Батюшка, доброй, милостивой до народа... экой же, какъ и матушка Марья.

— О, мачка Маря!—обрадовался башкиръ.—Топрой она, шипка топрой. Малъ-малъ учитъ... моетъ, короста лѣчитъ... Ашать мало-мало въ юртахъ былъ,—и всѣмъ башкиръ ашать давалъ... Топрой, шипка топрой!

Молящіеся потянулись изъ церкви на паперть. Колокола загудѣли. Явственнѣе зазвучало пѣніе хора. Вотъ черезъ головы толпы понеслись торжественные звуки тропаря: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ!“

Толпа на дворѣ отхлынула, разступилась, образовавъ широкій проходъ.

Изъ церкви, въ предшествіи монахинь съ настоятельницей во главѣ, блистая огнями свѣчей, медленно выходилъ крестный ходъ. Впереди, подъ сѣнью хоругвей и иконъ, несли ясли съ Младенцемъ Іисусомъ, лежавшимъ на сѣнѣ, подъ мѣховымъ одѣяльцемъ. Его мать, молодая женщина, изображавшая Богоматерь, шла рядомъ съ монахинями, поддерживая ясли и не спуская умиленнаго взора съ своего первенца.

— „Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ!“—торжественно пѣлъ хоръ.

На всемъ пути процессіи вокругъ храма подъ ясли, моля объ исцѣленіи, подлѣзали православныя и мусульманскія женщины съ больными дѣтьми.

— Кристосъ! Кристосъ! — молили башкирки. — Патюшка, помогай мой малъ-малъ!

Процессія едва успѣла обойти вокругъ храма, какъ на дворъ прискакалъ крестьянинъ, стоявшій въ дозорѣ въ степи, весь залѣпленный хлопьями снѣга. Онъ слѣзъ съ коня, отряхнулъ снѣгъ съ шубы и малахая и, расталкивая толпу, подошелъ прямо къ настоятельницѣ.

— Матушка Марія, — вполголоса сказалъ онъ: — ѣдутъ ратные.

— Запереть ворота!—рѣзко приказала настоятельница, шествуя съ крестнымъ ходомъ въ церковь. — Да скажи тамъ, Михайла, чтобъ люди стали по своимъ мѣстамъ, а не толпились бы безъ толку. Я сейчасъ приду.

Михайла смѣшался съ толпой, и скоро на весь дворъ загремѣлъ его голосъ:

— Становись, братцы, къ валамъ! Рогатчики, иди напередъ! У кого топоры,—держись за рогатчиками. Бабы, тащите кипятокъ! Подавай смолу!

На дворѣ сразу все пришло въ движеніе. Мужики и башкиры становились по мѣстамъ. Къ воротамъ тащили охапки хвороста, бревна и наглухо заваливали ихъ; изъ поварни бабы принесли кадки съ кипяткомъ, съ костровъ снимали котлы со смолой, и кипятокъ и смолу поднимали на подвѣсныя дощатыя площадки съ приставными лѣстницами, проходившія отъ воротъ по всему валу, а также на деревянныя рубленыя башни.

Въ ворота уже ломились, и осипшій съ мороза голосъ требовалъ:

— Отворы!

Михайла взлѣзъ на валъ и замѣтилъ у воротъ стрѣльца, державшаго коня въ поводу.

— Чаво надыть?—сердито окрикнулъ его Михайла.—Чаво дуромъ ломишь?

— Отворы! Отъ пристава мы, съ указомъ.

— Отъ какого пристава?

— Отъ Репьева.

— А гдѣ онъ?

— Въ степи сталъ съ войскомъ. А сейчасъ сюда прибудетъ.

— А скажи ты, другъ, своему приставу,—медленно, съ усмѣш-

кой, проговорилъ Михайла:—штопъ онъ убирался отседы по-добру по-здорову.

— Охъ, ты, такой-сякой,—выругался стрѣлецъ отборной московской бранью. — Пузо мякинное!

Михайла проворно спрыгнулъ съ вала на дворъ.

— Ратуйте, православные! — пронзительно закричалъ онъ.—Ратуйте противъ вороговъ!

На колокольнѣ ударили въ набатъ.

Матушка Марія, ободряя защитниковъ, торопливо прошла въ одну изъ башенъ, обращенную къ дорогѣ, по которой шелъ къ скиту приставъ Репьевъ. Здѣсь ее ожидали двѣ сестры, державшія недописанную икону, съ пылавшими передъ ней пучками свѣчей.

Настоятельница опустилась предъ иконой на колѣни.

— Свѣтлые ангелы, спасшіе меня, грѣшницу, отъ искушенія лукаваго, защитите обитель святую отъ поруганія! — шептала она побѣлѣвшими губами. — Не дайте гордому злу посмѣяться надъ смиренными!

Стрѣльцы уже подъѣзжали къ стѣнамъ, обхватывая ихъ широкой лавой и катя передъ собой, изъ предосторожности, возы съ соломой и сѣномъ.

— Эй, чернички-румянички!—орали стрѣльцы.—Подавай боярышню Стрѣшневу! Разоримъ галочье гнѣздо! Разнесемъ по бревнышку!

Брань стрѣльцовъ долетала до башни. Матушка Марія встала, сама отняла засовъ, запиравшій дверь, и распахнула ее настежь.

Изъ башни вырвался и ударилъ въ стенъ ослѣпительный свѣтъ.

Стрѣльцы замолкли. Застыли на мѣстѣ и возы, двигавшіеся къ валу.

— Свѣтлые ангелы, спасшіе меня, грѣшницу, отъ искушенія лукаваго, защитите обитель святую отъ поруганія!

А свѣтъ летѣлъ изъ башни молніеносными лучами, меча свои лучезарныя стрѣлы все дальше и дальше, и наконецъ, заполнивъ все видимое пространство впереди скита, остановился.

И тамъ, въ вихрѣ бури, на небѣ, надъ мятущейся степью, вдругъ встала Божья рать на бѣлыхъ коняхъ, въ блистающихъ латахъ, съ пламенными мечами.

А потомъ все исчезло—и Божья рать на небѣ и московскіе ратные люди у стѣнъ обители.

На утро вернувшіеся въ скитъ дозорные разсказали настоятельницѣ, что въ верстахъ десяти, въ яру, они нашли стрѣлецкій отрядъ побитымъ на-смерть. Тѣла стрѣльцовъ были разметаны по яру. И по положенію тѣлъ ихъ видно, что они бились не съ кѣмъ инымъ, какъ... другъ съ другомъ. Въ одномъ мѣстѣ стрѣльцы лежали рядомъ, взаимно пригвоздивъ къ землѣ другъ друга мечами; въ другомъ—вцѣпились одинъ въ другого зубами, да такъ и закоченѣли... А пристава Репьева нашли безъ головы и опознали его по богатырскому росту.

Изъ всего отряда чудомъ уцѣлѣли и вернулись въ Москву двое стрѣльцовъ. Они разсказали царю и боярамъ, что встрѣтились подъ скитомъ съ несмѣтной ратью воиновъ въ свѣтлыхъ панцыряхъ, бились съ ними и были побиты.

Услышавъ объ этомъ, царь отправилъ въ обитель богатые дары, и розыскъ о боярышнѣ Стрѣшневой, повелѣніемъ Грознаго, былъ прекращенъ.

Отъ этого „похода" Грознаго на смиренную степную обитель, кромѣ архивныхъ актовъ, остались и мѣстные памятники.

Въ степи, недалеко отъ тракта, уходящаго въ необозримую даль, къ синему Каспію, стоитъ высокій курганъ — могила стрѣльцовъ, а рядомъ съ нимъ—старый-престарый дубъ. Онъ стоитъ на двухъ, широко разставленныхъ у корней одинъ отъ другого, стволахъ; на половинѣ высоты оба ствола сливаются въ одинъ мощный стволъ, толщиною въ нѣсколько обхватовъ, и изъ него, на высотѣ около пяти аршинъ, торчатъ широко раскинувшіяся, словно руки, собирающіяся кого-то схватить, двѣ толстыя, корявыя вѣтви, лѣтомъ покрытыя слабой, изсушенной солнцемъ и знойными восточными вѣтрами темно-зеленой листвою, а зимой—мелкими, голыми пруточками, напоминающими иглы дикобраза. Въ вершинѣ ствола, откуда у этого чудовища должна бы расти роскошная крона, зіяетъ широкое дупло.

По преданію, этотъ дубъ былъ посаженъ надъ могилой пристава Репьева и выросъ такъ же, какъ и онъ самъ палъ на этомъ мѣстѣ,—безъ головы.

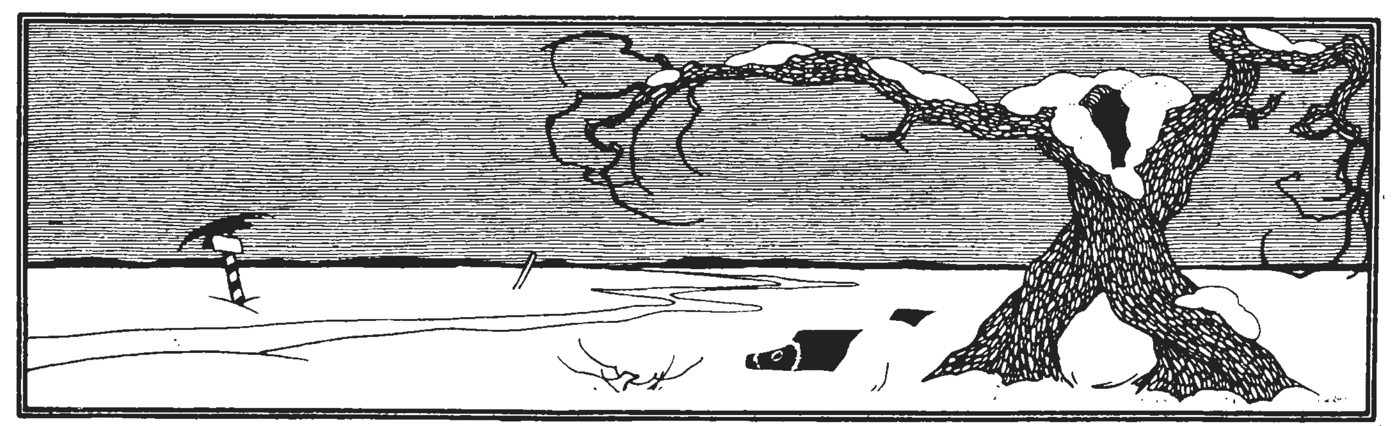
Особенно мраченъ и печаленъ видъ дуба осенью и зимой. Какъ часовой, одиноко маячитъ онъ въ безлюдной степи, гдѣ, воютъ вѣтры, и бѣгутъ по оврагамъ, куда-то стремясь, легкіе отряды перекати-поля, да скачутъ вспугнутые зайцы...

Но дубъ не всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ: въ рождественскую ночь онъ уходитъ, исчезаетъ. Тогда московскіе крестьяне тихонько крестятся и шепчутъ:

— Ушелъ, безголовый...

Боже сохрани, чтобы кто-нибудь въ святую ночь пошелъ или поѣхалъ по тракту мимо стараго дуба!

Не мало несчастій случилось въ эту ночь съ путниками, имѣвшими неосторожность приблизиться къ дубу. Сказываютъ,—Стенька Разинъ, разгуливая по степи, однажды наткнулся на него именно въ эту ночь и—сдва ушелъ живъ.



Дѣти и война.

Очеркъ **К. Чуковскаго.**

(Окончаніе).

VI. Дѣтскія игры въ войну.

Въ дѣтскихъ баталіяхъ все драматично, героично, эффектно, весело, шумно. Мысль о страданіяхъ и мукахъ совершенно не проявляется здѣсь.

Если эти игры освободить отъ эксцессовъ (а для чего же и существуютъ родители!), то и въ нихъ мы увидимъ все ту же радужную романтику боя, безъ всякихъ будничныхъ, унылыхъ сторонъ

Ахъ, эти дѣтскія войны! Я страдалъ отъ нихъ цѣлое лѣто. Только-что начнешь заниматься,—вопли, стенанія, крики! Отъ трехъ до восьми часовъ вечера все дѣтское населеніе мѣстности превращалось въ толпу сумасшедшихъ. Съ пьяными безумными глазами, ничего не видя, не слыша, дѣти въ трансѣ носились по улицѣ, вооруженныя всякимъ дрекольемъ, изъ котораго они непрерывно стрѣляли: пу-пу-пу!—и нужно было видѣть ту длинную, визгливую дѣвочку, которая въ воинственномъ экстазѣ скакала впереди всего полчища въ качествѣ вождя-командира! Съ растрепанными волосами, какъ фурія, эта восьмилѣтняя Жанна д'Аркъ самозабвенно налетала на врага, нервически-пронзительно всхлипывая, и, кажется, попадись ей въ ту пору родная сестра или мать, она не пощадила бы и ихъ.

Больно вспомнить этихъ изступленныхъ дѣтей.

Я вслушивался въ ихъ дикіе возгласы, мѣшающіе мнѣ заниматься, и, чтобы утѣшить себя, вспоминалъ, сколько въ разныхъ педагогическихъ книгахъ сказано злого и колкаго о дѣтскихъ военныхъ забавахъ.

Взялъ съ полки знаменитую книгу Пере и прочиталъ съ удовольствіемъ:

— „Когда на улицѣ я вижу мальчугана, украшеннаго военной фуражкой, эполетами, портупеей и саблей, мной овладѣваетъ не смѣхъ, а состраданіе и жалость".

Перелисталъ двѣ страницы и снова прочиталъ съ наслажденіемъ:

„Разумная педагогика не должна допускать, чтобъ въ рукахъ у дѣтей были сабли, барабаны, трубы, оловянные солдатики и картонныя кавалерійскія лошадки, ибо все это предрасполагаетъ ребенка къ маніи военныхъ забавъ" *).

А на улицѣ гремѣло: „урра!.."

Но все же я не изъ тѣхъ чудаковъ, которые противъ дѣтскихъ баталій, противъ дѣтскаго боевого азарта (конечно, не такого чрезмѣрнаго). Безъ этого дѣтямъ нельзя. Пусть себѣ сражаются съ нѣмцами! Я зналъ одну милую мать, которая, увидѣвъ въ окно, какъ дѣти атакуютъ стогъ сѣна, крикнула яростно:

— Мальчишки, перестаньте безобразничать! Я вѣдь запретила вамъ милитаризмъ.

Мальчики продолжали играть.

Эта матрона поступила бы правильнѣе, если бы заодно „запретила милитаризмъ" германцамъ и прочимъ воюющимъ націямъ, ибо дѣти—подражатели ярые, и, имѣя предъ собой столь соблазнительный ежедневный примѣръ, не могутъ не слѣдовать ему въ своихъ забавахъ и играхъ.

*) Perez. „L'éducation dés le berceau".

Любимыя игрушки англійскихъ дѣтей.
Военный совѣтъ: за столомъ сидятъ король Альбертъ, генералъ Френчъ, генералиссимусъ Жоффръ и адмиралъ Джеллико. Подъ столомъ—нѣмецкій шпіонъ.

Любимыя игрушки англійскихъ дѣтей.
Генералъ Френчъ, адмиралъ Джеллико и британскій бульдогъ.

Дѣти поваровъ играютъ въ поваровъ. Дѣти докторовъ играютъ въ докторовъ. Первымъ для игръ необходимы кастрюли, вторымъ—ланцеты и склянки съ лѣкарствами.

Солдатскія дѣти играютъ въ солдаты, а много ли теперь не солдатскихъ дѣтей!

Играть въ солдаты современному мальчику такъ же необходимо, какъ ѣсть или пить.

Если онъ не увлекается этой игрой, значитъ—онъ ненормальный ребенокъ.

Эту его страсть мы, конечно, должны всячески умѣрять и обуздывать, но искоренить ее совсѣмъ—невозможно.

Да и нужно ли ее искоренять?

Любовь къ побѣдѣ, инстинктъ къ преодолѣнію препятствій, духъ состязанія, соперничества,—въ правѣ ли мы подавлять эти свойства въ будущихъ, готовящихся людяхъ, которымъ предстоитъ битва жизни?

Къ тому же въ развитіи каждаго мальчика бываетъ такая пора, когда онъ, повинуясь тайнымъ велѣніямъ природы, становится на время солдатомъ. Замѣтьте: на время, на очень коротенькій срокъ. Потомъ это безслѣдно проходитъ, и къ двѣнадцати годамъ вчерашній воинъ снова становится кротокъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ дознались ученые, ребенокъ въ своей біографіи повторяетъ тѣ же этапы развитія, что и весь человѣческій родъ.

Ребенокъ, словно на быстро-бѣгущемъ экспрессѣ, пролетаетъ съ начала въ конецъ тотъ путь, который въ теченіе тысячъ вѣковъ медленно проползло человѣчество.

Неистребимо, неизбѣжно въ жизни мальчика краткое повтореніе той длительной исторической стадіи, когда древній мужчина былъ воиномъ, нападалъ, подстерегалъ, убивалъ *).

Вычеркните изъ біографіи мальчика эти атаки, развѣдки, набѣги, перестрѣлки, военные кличи,—и выйдетъ нравственный калѣка, уродъ. Если не въ солдаты, то въ разбойники, въ пираты, въ индѣйцы—мальчика такъ и тянетъ играть. И онъ долженъ переиграть эти игры, переболѣть этой странной болѣзнью, чтобъ избавиться отъ нея навсегда. Бываютъ же полезныя для организма болѣзни! Эта эпоха военнаго пыла нужна для гармоническаго развитія души. Правда, Джонъ Стюартъ Милль и Спиноза въ дѣтствѣ этихъ игръ не знали, но ихъ не знаютъ также идіоты, вырождающіяся, отсталыя дѣти.

— „Въ войну они никогда не играютъ!"—пишетъ женщина-врачъ Д. Б—ая, наблюдающая медицински-отсталыхъ дѣтей. („Русская Школа", 1915 г. №№ 5—6, стр. 99).

А для нормальныхъ дѣтей это почти неизбѣжно. И этого не нужно бояться: къ двѣнадцати, тринадцати годамъ ихъ воинственный пылъ исчезаетъ и замѣняется другими влеченіями.

Это преходящая, временная болѣзнь, но берегитесь вогнать ее внутрь!

Такъ что не слѣдуетъ слишкомъ пугаться, если дѣти иногда и повоюютъ, тѣмъ болѣе, что игры въ войну суть игры хоровыя, общественныя, развивающія въ дѣтской душѣ тысячи превосходнѣйшихъ качествъ: энергію, ловкость, любовь къ дисциплинѣ, чувство товарищества, привычку подчинять свою личную волю волѣ групповой, коллективной.

*) Научно эта мысль выражается такъ: онтогенезисъ есть повтореніе филогенезиса: т.-е. развитіе индивида повторяетъ этапы родового развитія. Интересующихся этой теоріей отсылаю къ замѣчательной книгѣ проф. А. Ф. Чемберлена „Дитя", томъ I, гл. IV.

„Пріученіе жить въ обществѣ и дѣйствовать обществомъ—великое благо, которое несетъ съ собой общественная дѣтская игра всѣмъ участникамъ въ ней, чего нельзя ни въ какомъ случаѣ получить отъ одиночной, самой затѣйливой, игры",—говоритъ проф. П. Ѳ. Каптеревъ.

Много въ этихъ играхъ забавнаго.

— Ты меня не трогай, Друсикъ, я—нейтралитетъ!—проситъ девятилѣтняя Наточка.

Но если не слѣдуетъ искоренять эти игры, то нужно ли ихъ поощрять? Нужно ли разжигать въ малышахъ этотъ воинственный пылъ?

О, нѣтъ! Вѣдь мы ради того и воюемъ, чтобы эти маленькіе Куки и Бобы, когда они станутъ большими, не несли у себя на плечахъ стальную, желѣзную ношу дредноутовъ, сверхъ-дредноутовъ, нечеловѣчески огромныхъ орудій! Мы воюемъ, чтобы не было войнъ!—въ этомъ высшій идеалистическій смыслъ нынѣшнихъ кровавыхъ катастрофъ. Чтобы нашимъ Кукамъ и Бобамъ больше не пришлось воевать!

VII. „Польза" войны.

Но въ чемъ же то доброе воздѣйствіе войны, о коемъ я столько твержу?

Въ одномъ иностранномъ журналѣ я видѣлъ такую картинку: Цѣлая вереница дѣтей тянется къ какимъ-то дверямъ. У каждаго въ лукошкѣ, въ корзинкѣ—нѣсколько куриныхъ яицъ. Они подносятъ ихъ какому-то мужчинѣ, который ласково склонился надъ ними. Это милыя британскія дѣти, которыя рѣшили собрать въ одинъ день милліонъ яицъ для раненыхъ солдатъ. Непремѣнно милліонъ, не меньше!

Ребенокъ участвуетъ въ государственномъ дѣлѣ,—въ продовольствіи увѣчныхъ и раненыхъ. Онъ пріобщается къ общественной жизни. Воображаю, какъ копилъ онъ свою скудную мѣдь, отказывалъ себѣ въ леденцахъ, чтобы купить побольше яицъ и своими крохотными ручками накормить побольше солдатъ.

Когда—до этой всемірной войны—можно было мечтать о такомъ единеніи дѣтей для такого великаго дѣла?

А исторія съ пароходомъ „Язономъ"!? Вы помните этотъ изумительный дѣтскій корабль,—„Корабль Святочнаго Дѣда",—посланный американскими школьниками своимъ заокеанскимъ товарищамъ? Дѣти снарядили огромное судно, наполнили его доверху подарками и отправили европейскимъ сиротамъ, потерявшимъ отцовъ на войнѣ. Что могутъ даже малолѣтнія дѣти, если они тѣсно сплотятся! И главное, эти подарки были изготовлены ими самими. Они сами и клеили, и строгали, и шили, все сдѣлали своими руками,—рубашонки, штанишки, игрушки.

Ихъ сочувствіе далекимъ, невѣдомымъ сверстникамъ, которыхъ они никогда не видали, вылилось въ активную форму; ихъ помощь была трудовая, рабочая. И тѣ, кто направляли ихъ въ этой работѣ,—сколько прекрасныхъ, возвышенныхъ чувствъ взлелѣяли въ дѣтскихъ сердцахъ! Такъ что, если бы эти подарки оказались для европейскихъ дѣтей и ненужными, они все же были насущно нужны для самихъ американскихъ дѣтей, какъ драгоцѣннѣйшее воспитательное средство.

Хвала американскимъ педагогамъ, взращивающимъ въ дѣтской душѣ чувства всемірнаго братства! Трудовое участіе дѣтей въ міровой общечеловѣческой жизни есть предѣлъ педагогической мудрости. Не даромъ американскіе учителя и наставники почитаются лучшими въ мірѣ. Не даромъ наука о воспитаніи дѣтей стоитъ въ Америкѣ на высотѣ непревзойденной. Не даромъ это—страна педагоговъ, страна Стенли Холла и Вильяма Джемса.

Война вызвала не только жестокость, но и любовь и участливый трудъ. Это-то и радуетъ меня.

Развѣ не весело видѣть (см. стр. 966) этихъ наряженныхъ англійскихъ школьниковъ, которые, сговорясь межъ собою, принесли въ день національнаго праздника по мѣдному пенни (по четыре копейки) въ пользу солдатъ и матросовъ! Собралась колоссальная сумма, ибо не было во всей Имперіи школьника, который не принесъ бы мѣдяка.

Развѣ не весело читать, что въ селеніи Туровкѣ, Полтавской губерніи, школьники съ двумя учителями нанялись къ помѣщику П. на работу,—на уборку картофеля, и, заработавъ 16 рублей, отдали ихъ въ пользу раненыхъ!

Развѣ не пріятно въ письмѣ гимназистки наткнуться на такія слова:
— „Мы рѣшили пить чай безъ сахару, а сахаръ приносить въ классъ и бросать въ мѣшокъ; за недѣлю мѣшокъ наполняется доверху"—и, конечно, поступаетъ въ лазаретъ.

Здѣсь первые уроки гражданственности, и слава Богу, что учителя поощряютъ такіе поступки дѣтей.

Въ какой-то деревнѣ учитель замѣтилъ, что ребята бѣгаютъ на близлежащую станцію, чтобы послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія поднести проѣзжающимъ раненымъ коробку папиросъ или осьмушку махорки.

Учителю это очень понравилось, и онъ не захотѣлъ, чтобы драгоцѣнныя чувства дѣтей распылились, истратились зря. Вскорѣ онъ обрадовалъ ихъ сообщеніемъ, что при школѣ будетъ открытъ лазаретъ. О, съ какимъ вдохновеніемъ, съ какой несказанной гордостью дѣти принялись за работу для *своихъ собственныхъ* раненыхъ: чистили, шили, стирали.

Даже мальчики взялись за иголку, хотя дотолѣ презирали шитье, называя его бабьей работой.

Самые маленькіе тоже просили: „дайте намъ пошить что-нибудь",—и такъ немилосердно все портили, что къ вечеру приходилось передѣлывать заново то, что было сдѣлано днемъ.

Но вотъ прислали волосъ на подушки для раненыхъ, надо было его расщипать. „И эту работу мы дали малышамъ, — разсказываетъ учитель А. Красиковъ. — Надо было видѣть эти рожицы, внимательныя, сосредоточенныя, всецѣло поглощенныя своей работой. Мальчики другихъ отдѣленій завидовали имъ, и то и дѣло приходилось отказывать въ просьбѣ дѣтей „пощипать волосъ", такъ какъ малыши ни за что не соглашались уступить даже самой малой части своей работы. Это была ихъ работа!.. Черезъ недѣлю привезли въ нашу школу раненыхъ. И при видѣ этихъ сѣрыхъ фигуръ съ бѣлыми повязками черезъ плечо что-то дѣлалось въ нашихъ душахъ такое, отъ чего сердце сжималось жалостью, и хотѣлось сдѣлать что-либо пріятное, чтобы улыбнулись эти хмурыя, истомленныя лица. И дѣти старались дѣлать"... *)

Вотъ она, война-воспитательница! Словно стараясь загладить тѣ неисчислимыя раны, которыя она нанесла и наноситъ неза-

*) Журналъ „Народное Образованіе", 1914, ноябрь, стр. 386, 387.

Нынѣшнія дѣтскія игры. Казнь германскаго шпіона.

щищенной дѣтской душѣ, она вдругъ становится ласковой и кроткой воспитательницей, нѣжно ведущей дѣтей къ дѣятельной, творческой жалости!

Лучшей воспитательной мѣры не выдумаешь, какъ открыть при школѣ лазаретъ!

Дѣти научатся здѣсь энергичной, хлопотливой, прилежной любви не къ тому отвлеченному ближнему, о которомъ говорится въ хрестоматіяхъ, а къ конкретному, реальному, вотъ этому...

Чуть только раненые прибыли въ школу, дѣвочки принесли имъ два десятка яблоковъ и коробку конфетъ, а мальчики — четыре пачки папиросъ и спичекъ.

„И въ перемѣну,—сообщаетъ учитель, — я былъ свидѣтелемъ того, какъ дѣти сами носили эти подарки раненымъ, какъ раненые были рады, и какъ озарились ихъ лица улыбками...

Въ день національнаго праздника всѣ англійскіе школьники принесли съ собой въ школу по одному мѣдному пенни (около 4-хъ копеекъ) въ пользу солдатъ и матросовъ. Составилась очень крупная сумма.

„Черезъ два дня я долженъ былъ посовѣтовать дѣтямъ приносить папиросъ поменьше, а взамѣнъ ихъ что-нибудь другое, болѣе нужное сейчасъ. Рѣшили, что надо принести почтовой бумаги, конвертовъ. Собрали по копейкамъ, купили пачку того и другого и одѣлили раненыхъ.

„И дальше не было дня, чтобы дѣти что-нибудь не приносили раненымъ.

„Когда раненые немножко обжились, они запросили „что-нибудь почитать". При школѣ была дѣтская библіотека, и мы стали одѣлять раненыхъ книгами. Но дѣти и тутъ не остались зрителями: въ одно утро вижу цѣлую груду всевозможныхъ книгъ. Оказывается, дѣти собрали дома домашнія книги и принесли раненымъ".

Вотъ гдѣ главная „польза" войны! Только такой педагогикой мы можемъ хоть частично обезвредить то ядовитое, злое, что за эти кровавые мѣсяцы внесли мы въ души дѣтей. Попытаемся эту отраву превратить для дѣтей въ лѣкарство. Изъ дѣла злобы и ненависти извлечемъ уроки любви и всякіе другіе уроки,—ну, хотя бы географіи, исторіи!..

Здѣсь будетъ новая „польза" войны: вѣдь военная карта изучена малышами блистательно, вѣдь нынче они поголовно — географы! Вѣдь, если мнѣ нужно найти какой-нибудь пустячный городишко, котораго даже въ атласѣ нѣтъ, я обращаюсь къ десятилѣтнему мальчику! Вѣдь милліоны маленькихъ рукъ втыкаютъ ежедневно милліоны разноцвѣтныхъ флажковъ въ какія-то мушиныя точечки, обозначенныя на географическихъ картахъ. (И характерно: русскіе флаги движутся на нихъ только впередъ; отступленій никакихъ не полагается!)

Въ Ирландіи учителямъ географіи предписано особымъ циркуляромъ: „въ видахъ оживленія школьной работы, воспользоваться дѣтскимъ интересомъ къ войнѣ" и побольше разсказать малышамъ о позиціи флотовъ, о торговыхъ и военныхъ портахъ, о Средней Азіи, о разныхъ путяхъ сообщенія *)...

Преподаватели исторіи тоже должны быть благодарны войнѣ. Она—ихъ величайшій помощникъ. Политическія взаимоотношенія державъ изучены учениками до тонкости. И какъ презираетъ Кука свою простоватую тетку, которая, читая газеты, каждое утро спрашиваетъ:

— А Пруссія—за насъ?

— Да нѣтъ же! Противъ!

— А Германія?

Что подѣлаешь съ безтолковой старухой! Кука въ ужасѣ отъ ея неразумія, топаетъ на нее ногами, кричитъ.

Дѣти нынче доподлинно знаютъ, что думаетъ Швеція, и что замышляетъ Голландія. Для нихъ нѣтъ дипломатическихъ тайнъ. Всѣ страны для нихъ, особливо для маленькихъ,—какія-то живыя существа, либо очень милыя, либо до омерзѣнія гадкія. Карту Италіи они рады приласкать и погладить, а карту Германіи бьютъ кулакомъ.

Десятилѣтній Володя, у котораго умерла бабушка, былъ безутѣшенъ на кладбищѣ. Ничто не могло его вывести изъ оцѣпенѣлой печали. Онъ былъ въ какомъ-то столбнякѣ меланхоліи. О чемъ я ни заговаривалъ съ нимъ, онъ—никакого отвѣта. Вдругъ я мимоходомъ сказалъ:

— Ну, какъ тебѣ нравится Болгарія?

— Да, да!—встрепенулся онъ.—Скверная, недобрая Болгарія... Русскіе освободили ее, а она... Вотъ ужъ именно пригрѣли змѣю...

Мы заговорили о „политикѣ", и горе его прошло...

Дѣтское пристрастіе къ той или этой странѣ иногда воплощается въ самыхъ удивительныхъ формахъ.

Такъ лондонскія дѣти собрали въ пользу сербскихъ сиротъ изрядную сумму денегъ, чтобы построить для нихъ убѣжище. А двѣсти малолѣтнихъ французовъ изъ знаменитаго лицея Кондорсэ обратились къ англійскимъ дѣтямъ съ такимъ краснорѣчивымъ воззваніемъ:

— „Ваши отцы, придя во Францію сражаться противъ германскаго варварства, во имя народныхъ правъ, заслужили вѣчную нашу признательность. Долгъ чести повелѣваетъ намъ отблагодарить ихъ за это — хотя бы собственной жизнью. Клянемся исполнить нашъ долгъ!"

Международныя сношенія дѣтей — любопытная черта нашей эпохи. Здѣсь опять-таки „польза" войны. Идея международныхъ союзовъ, бывшая дотолѣ безплотной, нынѣ стала чувствомъ, эмоціей...

Но не только географія, исторія, политика сдѣлались поновому приманчивы для захваченныхъ войною дѣтей, а также механика, техника. Вы посмотрите, какъ на дѣтскихъ рисункахъ нарисованы гидропланы, броненосцы и

Непобѣдимый!
Въ Брюсселѣ. Бельгійскій мальчикъ показываетъ нѣмецкому офицеру языкъ.

*) См. въ „Русской Школѣ", 1915, IV статью Чарльза Мака Коркля „Война и школа въ Америкѣ".

Брюссельскіе уличные мальчуганы дразнятъ нѣмца-часового.

пушки! Какіе знатоки! Профессора! Всѣ мельчайшія подробности различныхъ системъ отмѣчены съ изумляющей точностью. Напрасно взрослые не желаютъ использовать эти влеченія дѣтей. Мало ли какихъ наиполезнѣйшихъ свѣдѣній могли бы они незамѣтно подсунуть ребенку, увлеченному мортирами, фугасами.

Здѣсь еще одна „польза" войны.

Словомъ, можно подумать, что эта война только затѣмъ и ведется, чтобы педагоги извлекли изъ нея побольше воспитательныхъ цѣнностей.

Впрочемъ, въ Америкѣ уже давно изъ войны сдѣлали предметъ обученія: нельзя же упускать такой рѣдкостный случай внѣдрять легко и свободно въ дѣтей самыя разнородныя знанія!

Во многихъ школахъ заокеанской республики война стала такимъ же урокомъ, какъ ариѳметика, чистописаніе, рукодѣліе,—и что только не изучается на этомъ урокѣ! Вліяніе войны на торговлю, исторія славянскихъ народовъ, статистика финансовыхъ убытковъ, гигіена, экономика, тысячи всевозможнѣйшихъ темъ! Въ каждомъ штатѣ своя программа, въ одномъ приналегли на одно, въ другомъ на другое, по вкусу, но всѣ одинаково ревниво блюдутъ, чтобы въ дѣтяхъ не разжечь, не дай Богъ, злобныхъ, ненавистническихъ чувствъ („Русская Школа," апрѣль, стр. 111).

Такъ всемірная рать педагоговъ, въ Англіи, въ Россіи, въ Америкѣ, съ помощью какихъ-то чудотворно-умѣлыхъ пріемовъ, преобразуетъ роковыя вліянія войны въ добрыя и плодотворныя.

Да будетъ имъ благодарность навѣки!

VIII. Золотыя сердца.

Итакъ, почему же отчаиваться?

Оказывается, здѣсь хоть и много плохого, но еще больше хорошаго. И хорошаго больше гораздо!

Развѣ это плохо, что шестилѣтняя дѣвочка (какъ ужъ было напечатано въ „Нивѣ") молится за врага, за Вильгельма.

— Отчего же ты молишься, Катя?

— Оттого, что за него никто не молится. Я прошу Бога, чтобы Онъ простилъ императора Вильгельма, который сдѣлалъ войну.

Такому ангельскому сердцу не страшна никакая отрава. И какъ не восхищаться той дѣвочкой, которая сама, безъ вліянія взрослыхъ, сочинила такую молитву:

„Богъ сказалъ, чтобы люди жили смирно, дружно, мирно, никогда не ссорились, и не было бы ни одного несчастнаго человѣка, и не было бы войны!

„Помилуй насъ, Богъ родимый,
Будемъ мы Тебѣ молиться,
Пока не кончится война".

Такое обращеніе къ Богу тѣмъ болѣе разительно въ дѣвочкѣ, что ея родители чужды религіи. Въ домѣ нѣтъ служанки, которая могла бы повліять на ребенка. Ея родной отецъ, приславшій мнѣ эту молитву, удивляется, откуда она *).

Впрочемъ, у дѣвочекъ это нерѣдкое чувство.

— „Дай Богъ, чтобы война скорѣй кончалась, и всѣ люди были бы не врагами, а друзьями!" — написала солдатамъ въ окопы одна семилѣтняя дѣвочка („День", 1914, № 281).

Много такихъ возвышенныхъ чувствъ вызвала въ дѣтяхъ война. Мы можемъ гордиться и радоваться: „моральный экзаменъ наши дѣти сдали превосходно, обнаруживъ истинно-золотыя сердца!"— такъ утверждаетъ и русскій ученый В. Зѣньковскій, обслѣдовавшій вмѣстѣ со своими студентками около ста малышей. — „Война не внесла огрубѣнія въ дѣтскую душу", таковъ его окончательный выводъ.

Иногда кажется, что ребенокъ — прирожденный пацифистъ.

Сколько народу погибло,
Сколько людей перебито,
Сколько осталось навѣки больныхъ,
Сколько калѣкъ будетъ въ мірѣ! —

пишетъ Валя, институтка двѣнадцати лѣтъ, на присланной мнѣ ея отцомъ бумажонкѣ. А Шура, семилѣтняя дочка солдата, даже придумала планъ, какъ прекратить войну.

*) Кромѣ собственныхъ наблюденій надъ дѣтьми и многочисленныхъ журнальныхъ статей, матеріаломъ для настоящаго очерка послужили 24 письма изъ разныхъ концовъ Россіи, полученныя мною отъ родителей, къ которымъ я около года назадъ обратился съ усерднѣйшей просьбой подѣлиться со мной своимъ опытомъ. Жаль, что этихъ писемъ такъ мало. Не пожелаютъ ли читатели „Нивы" сообщить мнѣ въ редакцію журнала свои наблюденія надъ отношеніемъ ребенка къ войнѣ?

Въ школу! Въ селахъ и городахъ Лотарингіи, разрушенныхъ до тла нѣмецкими снарядами, дѣти, какъ ни въ чемъ не бывало, регулярно отправляются въ школу: выползаютъ каждое утро изъ подваловъ, погребовъ, подземелій. Страшныя груды развалинъ, встрѣчаемыя ими на пути, доставляютъ имъ не мало удовольствія: тамъ такъ весело играть въ прятки.

— Зачѣмъ драться? Драться нехорошо же,—сказала она однажды отцу.—Мама будетъ плакать, я тоже буду плакать. и того папы тоже дѣвочки будутъ плакать, и мама той (нѣмецкой) дѣвочки тоже будетъ плакать. Нѣтъ, мы съ мамой тебя, папа, драться не пустимъ.

— Какъ же не пустите? Тогда непріятель придетъ и убьетъ насъ!

— Нѣтъ, неправда, папа. Когда придутъ къ намъ дяденьки, я имъ и скажу: нашъ папа драться не будетъ, а вы идите домой, возьмите своихъ дѣвочекъ и приходите къ намъ кофей пить. А потомъ мы пойдемъ къ вамъ, и будетъ хорошо. Мы, дѣвочки, будемъ пѣть, играть, танцовать, а вы будете глядѣть, но драться мы вамъ не дадимъ!

Объ этомъ оригинальномъ проектѣ прекратить войну посредствомъ вмѣшательства маленькихъ дѣвочекъ, при помощи „кофея", пѣсенъ и танцевъ, повѣдалъ мнѣ Шуринъ отецъ, запасный Н. Р., въ обширномъ, подробномъ письмѣ. Я цитирую этотъ документъ слово въ слово, измѣнивъ только его орѳографію. Жаль, что, несмотря на мою просьбу, онъ не отмѣтилъ, сколько лѣтъ было дѣвочкѣ.

IX. Странные сторонники мира.

Итакъ, дѣти — пацифисты?

Нисколько. Ярые рубаки, бойцы.

А если дѣвочки и противъ войны, то, во-первыхъ, на то онѣ — дѣвочки, а во-вторыхъ, и среди нихъ предостаточно самыхъ азартныхъ воительницъ.

Дѣтскій пацифизмъ особенный.

— Ахъ, когда бы кончилась эта война! — вздохнулъ какъ-то за завтракомъ Боба.

Мы насторожились, примолкли. Неужели пятилѣтній младенецъ, для котораго война — не помѣха, можетъ мечтать объ ея прекращеніи!

— Почему же ты, душенька, хочешь, чтобы прекратилась война? — поощрительно промолвилъ отецъ.

— А тогда солдаты отдадутъ свои ружья намъ, и мы тоже пойдемъ воевать.

Такъ что подъ этимъ пацифизмомъ ребенка скрывался самый лютый милитаризмъ.

Этотъ случай чрезвычайно типиченъ. Ребенокъ можетъ повторять, какъ по-писанному, что война гибельна, ужасна, а въ душѣ быть Наполеономъ, Суворовымъ. Въ статьѣ проф. М. М. Рубинштейна приводятся забавные факты, какъ дѣти не пріемлютъ войны. Одинъ мальчикъ, семилѣтній, сказалъ:

— Я весь свой выигрышъ (въ лотерею) отдамъ Вильгельму, только бы онъ пересталъ воевать.

А четырехлѣтняя Нина воскликнула:

— Молюсь, молюсь, никакъ не могу намолиться, чтобы война кончилась!

Казалось бы, чего опредѣленнѣе. Но все это иллюзія, миражъ. По утвержденію автора, картина совершенно мѣняется, если внезапно спросить у этихъ милыхъ сторонниковъ мира, желаютъ ли они воевать.

Всѣ до единаго отвѣтятъ: желаемъ!

„Тотъ же В., собиравшійся умиротворить Вильгельма крупной суммой своего выигрыша, немедленно разгорается при мысли о своемъ участіи въ войнѣ, и никакіе доводы, включительно до убѣжденія, что онъ малъ, безсиленъ, и его убьютъ, не производятъ на него впечатлѣнія. Онъ въ отвѣтъ на это храбро поясняетъ, какъ онъ увернется и сразитъ германца.

„И такъ всѣ маленькіе пацифисты.

„Меньшее, о чемъ они мечтаютъ, это подавать пули, а то и служить развѣдчиками.

„Въ дѣтскомъ собраніи на вопросъ, кто хотѣлъ бы участвовать въ войнѣ, всѣ, не исключая и пацифистовъ, подняли руки.

„Мальчики выразили желаніе быть развѣдчиками, подносить снаряды, ѣду и т. д.; дѣвочки всѣ—въ сестры милосердія, нѣкоторыя даже при условіи, чтобы работать на полѣ сраженія.

„Изъ всѣхъ рѣчей дѣтей видно, что имъ рисуются увлекательныя картины лихихъ подвиговъ, и что въ ихъ головы плохо укладывается мысль о томъ, что они сами могутъ пострадать, или утратить жизнь" („Вѣстникъ Воспитанія", II, 23).

Странный, согласитесь, пацифизмъ. Тѣмъ не менѣе это очень нормально, естественно, иначе не можетъ быть. Какъ я уже указывалъ выше, дѣти извѣстнаго возраста переживаютъ ту древнюю стадію въ развитіи всего человѣчества, когда человѣкъ былъ бойцомъ. Произнося самыя гуманныя фразы о благѣ всеобщаго мира, они въ душѣ солдаты-воеводы.

X. На войну!

Мудрено ли, что, повинуясь такому инстинкту, дѣти толпами бѣгутъ на войну?

Снова, послѣ столькихъ вѣковъ, повторился дѣтскій Крестовый походъ! Вначалѣ это было эпидеміей. Въ газетахъ ежедневно мелькали такія телеграммы о дѣтяхъ:

— „Вильна. Бѣжали на войну сынъ полковника Рубановичъ, реалистъ пятаго класса Бейзакъ и сынъ мѣстнаго пристава Кармелитовъ".

— „Серпуховъ. Скрылись на войну гимназисты: сынъ дворянина Ю. В. Фредериксъ 13 лѣтъ и его товарищъ Курдюковъ".

— „Москва. Скрылись отъ родителей съ цѣлью попасть въ дѣйствующую армію гимназистъ Гернетъ-Короленко и его сверстникъ Куренинъ".

Все это дѣти изъ высшаго круга. Крестьянскихъ же мальчиковъ бѣжало безъ счету. Объ нихъ не станутъ публиковать телеграммъ. Въ Псковѣ ежедневно задерживали около десяти малышей. Въ первые шесть мѣсяцевъ изъ одной только Вильны ихъ убѣжало до сотни. Полиція, какъ говорится, сбилась съ ногъ, разыскивая ихъ и водворяя обратно. Обычно они бѣгаютъ партіями, по три, по четыре человѣка. Зачѣмъ они стремятся на войну, никто изъ нихъ опредѣленно не знаетъ. Развѣ знаютъ перелетныя птицы, какая неизъяснимая сила тянетъ ихъ за тысячи верстъ! Древній неискоренимый инстинктъ!

Жажда убѣжать на край свѣта, жажда приключеній и подвиговъ, которая какимъ-то атавистическимъ трепетомъ пробуждается въ каждой десятилѣтней душѣ, нынѣ находитъ свое утоленіе только на кровавыхъ поляхъ.

Майнъ-ридовскіе скальпы, пампасы, мустанги, москиты, термиты съ успѣхомъ замѣняются фугасами, бипланами, шрапнелью, блиндированными поѣздами и проч.

Монтигомо, Ястребиный Коготь, превратился въ удалого развѣдчика!

Дѣтской извѣчной романтикѣ указано новое поприще.

Дѣтямъ кажется, что ихъ влечетъ патріотизмъ, хотя патріотизмъ конечно, долженъ бы удержать ихъ на мѣстѣ!

— „Я еду оборонять Польшу, которая мнѣ дороже жизни!"—пишетъ тринадцатилѣтній Адольфъ Якушанецъ.

А пятнадцатилѣтній Петя Ростовъ говоритъ своему отцу:

— Ну, теперь я рѣшительно скажу, какъ хотите... Я рѣшительно скажу, что вы пустите меня въ военную службу, потому что я не могу... вотъ и все...

— Ну, ну,—отвѣчаетъ отецъ. — Вотъ воинъ еще! Глупости-то оставь... Учиться надо.

— Это не глупости... Все равно я ничему не могу учиться теперь, когда... отечество въ опасности.

И мы всѣ улыбаемся: милый! И поэты слагаютъ въ честь этихъ милыхъ дѣтей хвалебныя, восторженныя оды. И въ дѣтскихъ книжкахъ мальчики-герои окружаются особымъ ореоломъ. Еще недавно я прочиталъ въ одномъ дѣтскомъ журналѣ соблазнительную повѣсть „Доброволецъ", гдѣ мальчонка Алексаша Находный, зайцемъ пронырнувшій на войну, геройски защищаетъ одинъ-одинешенекъ цѣлую траншею отъ нѣмцевъ и, — къ зависти всѣхъ малолѣтнихъ читателей,—получаетъ отъ начальства награду:

„— Ну, Алексаша,—говоритъ ему ротный,—не я буду, если не выхлопочу тебѣ Георгія. Заслужилъ его.

„— Вѣрно! Заслужилъ!—подхватили солдаты".

Гдѣ тотъ ребенокъ, который, прочтя эту повѣсть, не захочетъ убѣжать на войну! Почти въ каждомъ дѣтскомъ журналѣ такихъ повѣстей—по нѣскольку; и похоже, что взрослые всякими способами разнуздываютъ въ дѣтской душѣ эту опасную страсть. Вышла даже спеціальная книжка А. Кайскаго „Дѣти на войнѣ", гдѣ такъ аппетитно смакуются подвиги юныхъ героевъ, что жалѣешь, почему этому автору больше двѣнадцати лѣтъ, и онъ не можетъ убѣжать на войну. И въ литературѣ и въ жизни установилось къ этимъ „дѣтямъ-героямъ" какое-то ходульное, фальшивое, сладкое до приторности отношеніе, которое мнѣ кажется грѣхомъ.

— „Славныя русскія дѣти растутъ въ этой войнѣ,—скандируетъ одинъ газетный писатель.—Имъ впрокъ и ливень, и холодъ, и сумерки. Подъ Августовомъ, подъ Осовцомъ, подъ Люблиномъ вылетали эти соколики и помогали старшимъ. Ихъ глаза остры, и щуплые они, но желѣзные когти у нихъ и желѣзный клювокъ".

Все это весьма патетично, но позвольте же мнѣ громко и рѣзко высказать свое возмущеніе.

Какъ смѣемъ мы, взрослые, опытные, завлекать дѣтей подъ огонь!

Неужели наша армія такъ ужъ слаба, что нуждается въ помощи маленькихъ!

И что мы скажемъ имъ, когда они вернутся домой искалѣченныя? Какъ мы имъ посмотримъ въ глаза?

Пользуясь ихъ дѣтскимъ романтизмомъ, мы, оставшіеся дома, въ уютѣ,—послали ихъ вмѣсто себя въ пекло, на адскую муку. Книжками, картинками, стишками зазывали ихъ туда, завлекали, заманивали, потакали ихъ дѣтскимъ фантазіямъ, подстрекали ихъ къ непосильному подвигу.

И что за вздоръ, будто всѣ эти мальчики такъ благодѣтельны для русскаго воинства! Напротивъ, они часто помѣха, лишняя обуза, тягота!

— Они мѣшаютъ. Они создаютъ неудобства!—жалуется одинъ офицеръ въ бесѣдѣ съ газетнымъ сотрудникомъ.—Ихъ раны безполезны, и безполезна ихъ смерть. Дѣтямъ не мѣсто на войнѣ. Имъ надо учиться... Неужели не странно, что Россія, которая можетъ выставить шестнадцать милліоновъ солдатъ, имѣетъ въ рядахъ своихъ войскъ дѣтей! Попадетъ такой малецъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ, и тамъ воспользуются имъ, чтобы показать войскамъ: „Смотрите, какъ истощена Россія! Дѣтей посылаетъ на войну!" („Русское Слово", № 269).

Корреспондентъ этой газеты разсказываетъ, какъ дѣти невдалекѣ отъ позицій курятъ махорку, пьянствуютъ (!), мерзнутъ, голодаютъ, ругаются.

Дѣти и война. Союзники. Взятіе проволочныхъ загражденій. Картина С. Бегга.

На мѣстахъ боевъ. Дѣти мѣстныхъ жителей, питающіяся остатками солдатскаго обѣда.

— По дорогѣ грабежомъ будемъ промышлять! — похваляется вчерашній реалистъ.

- Чѣ-ѣ-ѣмъ??

Грабежомъ!

Не даромъ наше военное вѣдомство въ особомъ министерскомъ циркулярѣ высказалось противъ допущенія дѣтей на войну. Англійскій военный министръ лордъ Китченеръ тоже сказалъ малышамъ: „подождите, покуда не вырастите!" Всевозможныя педагогическія общества, въ самыхъ энергичныхъ резолюціяхъ, осудили эту эпидемію. Но для уличныхъ газетъ и для... дѣтскихъ журналовъ никакіе законы не писаны. Разжигаютъ, будоражатъ малышей! Вспомнили бы, по крайней мѣрѣ, что самъ великій князь Константинъ Константиновичъ, глава военно-учебныхъ заведеній, столь часто воспѣвавшій боевое геройство,—и тотъ въ горячихъ стихахъ высказался противъ вовлеченія малолѣтокъ въ войну:

...Подвиги и славныя дѣла
Свершать лишь тѣмъ, въ комъ доблесть расцвѣла:
Ей нужны трудъ, и знанья, и усилья.

Мудрыя, глубокія строки. Ихъ нужно бы каждый день повторять многимъ нашимъ дѣтскимъ писателямъ, воспѣвающимъ героизмъ дѣтей. „Нѣтъ, дѣтскій героизмъ не есть героизмъ, — говоритъ этими строками поэтъ. — Героизмъ нужно выстрадать, героизмъ нужно взлелѣять въ душѣ за долгіе и долгіе годы. Для того, чтобы оказаться героемъ, нужно многое пережить, перечувствовать. Героемъ можетъ быть только мужъ, опытный, зрѣлый, съ „расцвѣтшею доблестью", а не желторотый птенецъ, у котораго еще не накоплено ни идеаловъ ни завѣтныхъ святынь".

Внутренняя сущность героизма не можетъ быть доступна ребенку, объ этомъ въ одинъ голосъ твердятъ всѣ изучавшіе психологію дѣтей. „Дѣти увлекаются лишь внѣшними атрибутами героя, показной, эффектной стороной его дѣяній, - пишетъ одинъ педагогъ. Поэтому героемъ для нихъ будетъ всякій человѣкъ, совершающій нѣчто необычайное, независимо отъ того, хорошо оно или дурно: Натъ Пинкертонъ, Рокамболь, индійскіе вожди Густава Эмара и Фенимора Купера одинаково захватываютъ дѣтское воображеніе" *).

Только въ театральныхъ, драматическихъ формахъ рисуется дѣтямъ геройство.

Геройство не эффектное, будничное, имъ недоступно и чуждо.

Я все ждалъ, не появится ли въ какомъ-нибудь дѣтскомъ журналѣ повѣсть о какомъ-нибудь мальчикѣ Юшкѣ, который хоть не попалъ на войну, но надѣлалъ куда больше подвиговъ, чѣмъ мальчикъ Дима, который попалъ. Спасъ, напримѣръ, свою мать отъ пожара, или братишку отъ бѣшеной собаки, въ то время, какъ Дима болтался у всѣхъ подъ ногами, всѣмъ надоѣдалъ, всѣмъ мѣшалъ, попадалъ непрерывно впросакъ и—безъ подвиговъ, ощипаннымъ цыпленкомъ, возвратился уныло домой.

Это была бы чрезвычайно полезная повѣсть, полезная и для дѣтей и для арміи.

Ибо—

...подвиги и славныя дѣла
Свершать лишь тѣмъ, въ комъ доблесть расцвѣла:
Ей нужны трудъ, и знанья, и усилья.

А Дима сиди дома и учись. Здѣсь больше геройства и подвига. Когда мальчикъ Вася хотѣлъ убѣжать на войну, учитель сказалъ ему такъ:

А о родителяхъ-то ты, Вася, подумалъ? Вѣдь ты одинъ у нихъ остался, твой братъ и такъ на войнѣ, кто же будетъ помогать, когда и ты уйдешь? Объ этомъ-то ты, Вася, не подумалъ?

— Нѣтъ,—прошепталъ Вася.

— Такъ вотъ видишь ли, если бы у твоего отца и матери были другіе кормильцы, если бы ты былъ взрослый, сильный, тогда никто бы тебя не сталъ останавливать. Но теперь... Подумай-ка, Вася!

Вася, задумавшись, ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ учителю:

— Я не пойду на войну: мамка плачетъ, ну ее! И, покраснѣвъ, добавилъ:—А я уже приготовилъ для дороги сухарей, ножикъ перочинный и 50 коп. денегъ. А теперь я хочу отдать эти деньги на раненыхъ.

И съ этими словами онъ опустилъ въ кружку свои деньги...

*) См. прекрасную статью Н. Н. Володкевича „Современная война и задачи воспитанія" въ сборникѣ „Дѣти и война".

Бѣженцы. Проголодались.

Это напечатано въ журналѣ, издаваемомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ сотрудники—по большей части священники. Такъ что наше духовенство, какъ и военныя власти,—противъ военнаго геройства дѣтей.

Въ томъ же журналѣ я нашелъ любопытный разсказъ, какъ одного деревенскаго мальчика отвадили отъ бѣгства на войну. Разсказъ этотъ написанъ самимъ мальчикомъ. Я привожу его полностью, такъ какъ, помимо своей интереснѣйшей темы, онъ прельщаетъ такимъ восхитительнымъ, лаконическимъ стилемъ, трезвымъ, крестьянскимъ, безъ вычуръ, что поистинѣ становится совѣстно за нашъ интеллигентскій газетный языкъ.

Вотъ этотъ дѣтскій разсказъ:

„Какъ я на войну хотѣлъ". Какъ войну объявили и всѣ наши запасные ушли на войну съ нѣмцемъ, и я сталъ у папы проситься на войну. А папа говоритъ: „ну, что жъ? Ступай, мнѣ не жалко. Только надо сухарей посушить". Вотъ я мамѣ и говорю: „суши, мама, теперь сухарей". Мама говоритъ: „ладно; теперь поздно, ложись спать, а завтра насушу".

„Всталъ я на другой день рано. Мама спитъ. „Мама, вставай, да суши сухари!" сказалъ я. Мама говоритъ: „сынокъ, я больна, я не могу сегодня. Ужо завтра".

„И такъ больше недѣли мама по утрамъ была больная. Я плакалъ, что сухарей мнѣ не сушатъ, и хотѣлъ итти безъ сухарей. А папа говоритъ, что безъ сухарей прогонятъ съ войны домой.

„А потомъ пришло время итти въ школу. Папа сталъ меня посылать въ школу. А я сказалъ: „я вѣдь на войну пойду, а въ школу не хочу". Папа и говоритъ: „дуракъ ты этакій! На войнѣ тебѣ ногу и руку оторвутъ, и глазъ выбьютъ, и тогда офицеромъ тебѣ не быть. А выучишься въ школѣ, я тебя отдамъ въ городъ на офицера учиться. Тогда на войну и пойдешь".

„Такъ и уговорилъ меня папа не итти на войну".

XI. Деревенскія дѣти.

Послѣдніе два эпизода взяты изъ жизни деревенскихъ дѣтей, а это совершенно особыя дѣти, непохожія на дѣтей городскихъ.

Спросите о войнѣ городского, интеллигентнаго мальчика, и онъ затараторитъ вамъ про Бельгію, про нейтралитетъ, про дредноуты, про тактику, стратегію, дипломатію.

А спросите о войнѣ у деревенскаго, и онъ заговоритъ о вздорожавшемъ овсѣ, о какихъ-то сапогахъ, о закрытыхъ казенкахъ, о новомъ наборѣ и проч. Только о домашнемъ, о насущномъ.

Рядомъ съ ними наши дѣти — Хлестаковы. Ихъ мысли легковѣсны и безпочвенны. Имъ несвойственна дѣловитость, хозяйственность. Война повернулась къ нимъ нарядной стороной, декоративной.

Для нихъ это праздникъ,—пусть и кровавый, а для крестьянскихъ дѣтей это будни, работа, забота. Для первыхъ здѣсь—поэзія, для вторыхъ—почти исключительно проза.

Городскія дѣти въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ витаютъ въ области международныхъ трактатовъ, а деревенскія пишутъ:

— „Староста ходилъ по деревнѣ и объявлялъ солдатамъ итти на войну. Когда повезли солдатъ на войну, то всѣ очень плакали".

Въ „Вѣстникѣ Воспитанія", по этому поводу, есть цѣнныя наблюденія Е. Звягинцева. Въ нихъ выясненъ рельефно и четко реализмъ крестьянскихъ ребятъ, вся будничность и дѣловитость ихъ мыслей. Деревенскіе школьники спрашиваютъ: пьютъ ли солдаты чай? чѣмъ они кормятся? гдѣ они спятъ? умываются ли? соблюдаютъ ли праздники?

Финансовая подоплека войны занимаетъ ихъ больше всего.

— „Все стало дорожать, казна стала убывать,—пишетъ одинъ мальчикъ-малороссъ.—На содержаніе войска идетъ много денегъ; даже на каждаго раненаго солдата идетъ много денегъ, потому что надо поставить возлѣ него милосердную сестру и доктора, а всѣмъ этимъ надо платить жалованье. ...Надо, чтобы у каждаго солдата были цѣлые сапоги, были теплыя рубахи и теплыя шапки, надо имѣть пули, ружья и всѣ военные припасы, а для этого надобны деньги".

„Жалованье", „деньги", „казна" здѣсь его главная тема.

Но не будемъ подбирать факты. Въ городѣ не сплошь одни романтики, въ деревнѣ не сплошь реалисты. Дѣти повсюду дѣти. Стоитъ этимъ десятилѣтнимъ Базаровымъ высыпать гурьбою на улицу, какъ они каждый овинъ превратятъ въ Перемышль, каждую ворону—въ „аропланъ".

Раздача обѣда дѣтямъ въ раіонѣ военныхъ дѣйствій.

Деревенскія дѣти вырастаютъ быстрѣе: они скорѣе становятся взрослыми, такъ что изучающимъ дѣтскую душу нужно обращаться не къ школьникамъ, которые „уже совсѣмъ мужики", а къ пятилѣтнимъ, шестилѣтнимъ малышамъ.

Къ сожалѣнію, этотъ возрастъ деревенскихъ дѣтей изученъ у насъ меньше всего. Въ журналахъ о немъ - ни полслова. Поэтому я былъ бы весьма благодаренъ, если бы деревенскіе жители собрали побольше свѣдѣній о самыхъ маленькихъ крестьянскихъ ребятахъ.

Мнѣ такъ понравился маленькій Митька! Я его никогда не забуду. Митькѣ три года. Его тятька въ австрійскомъ плѣну. А мамка нанялась въ усадьбу стряпкой. Чтобы подразнить эту женщину, какой-то веселый работникъ взялъ газету и, балуясь, прочиталъ по складамъ:

„Въ Ав-стрі-и всѣхъ плѣн-ныхъ за-ста-вили по-жениться на австрійкахъ... А Григорій Юковъ (Митькинъ папа) же-нился на кривой австрійкѣ, и хотя она и кривая, но послѣ войны собирается къ намъ въ Рассею".

Насторожившаяся-было стряпка поняла, что это шутка, и, смѣясь, отвѣтила:

— Привези-ка онъ сюда ее, полусвѣтную, я ей остальной глазъ ножомъ выковырю!

Другой работникъ устроилъ изъ тряпки куклу и подалъ Митькѣ:

— Вотъ, Митька, отецъ тебѣ прислалъ братца-австрійка, корми его и нянчи, - послѣ замиренья пріѣдетъ къ тебѣ другая мамка, кривая.

Митька и секунду едва ли держалъ куклу, бросилъ ее на полъ и, „ощеривши" зубы, неистово топталъ ее ногами. Потомъ принесъ топоръ и, съ трудомъ поднимая его, тыкалъ въ куклу.

— Топоромъ его не убьешь! - посовѣтовали Митькѣ. - Онъ безъ костей, ты его лучше утопи въ лаханкѣ.

И Митька послушался. Съ звѣрскимъ выраженіемъ въ лицѣ утопилъ братца-австрійка въ лаханкѣ съ помоями.

Эту сцену, происшедшую въ деревнѣ Шумовкѣ, Симбирской губерніи, сообщилъ мнѣ г. А. Н. Поповъ въ длинномъ и подробномъ письмѣ, которое, по своимъ литературнымъ достоинствамъ, могло бы составить главу въ какой-нибудь талантливой повѣсти.

А что же Кука, о которомъ я столько разсказывалъ въ первой главѣ своего очерка? Не знаю и знать не могу, ибо такого мальчика не существуетъ, я его никогда не видалъ. Значитъ, я его выдумалъ? Нисколько. Я просто составилъ его мозаически изъ нѣсколькихъ русскихъ мальчиковъ, о которыхъ мнѣ писали и разсказывали. Всѣ рѣчи и дѣла этихъ мальчиковъ записаны со стенографической точностью.

Въ заключеніе упомяну объ одной иностранной иллюстраціи къ моему очерку (см. стр. 967). Она изображаетъ бельгійскихъ дѣтей въ захваченномъ нѣмцами Брюсселѣ. Дѣти маршируютъ по улицамъ, въ фантастическихъ солдатскихъ костюмахъ, и дразнятъ нѣмецкихъ солдатъ криками: „мы идемъ на Берлинъ!"

Пользуясь своей безнаказанностью, дѣти по-дѣтски отомщаютъ германцамъ за своихъ оскорбленныхъ отцовъ.

И, маршируя по улицамъ, они могли бы распѣвать эту пѣсню:

Мы дѣти Бельгіи несчастной!
Мы отъ земли видны едва,
Но захватилъ насъ врагъ всевластный...
Разъ-два, разъ-два!..

Гроза прошла надъ нашимъ краемъ,
Но въ дѣтствѣ радость все жива,
И мы попрежнему играемъ...
Разъ-два, разъ-два!

Такую „Пѣсенку бельгійскихъ солдатиковъ" написала, словно спеціально для этой картинки, Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Кончается пѣсенка такъ:

Но по ночамъ, уже въ постели,
Мы слышимъ матери слова:
— „Живите для великой цѣли!"
Разъ-два, разъ-два!

„О, сыновья, скорѣй растите
И за поруганнаго льва
Врагу надменному отмстите!"
Разъ-два, разъ-два!

Судъ.

Растворилъ Спаситель двери рая
И двухъ ангеловъ поставилъ у порога.
Свѣтомъ горнимъ радостно играя,
Пала на землю лучистая дорога.
На землѣ же бой кипѣлъ кровавый.
Туча смрадная полнеба охватила
И, гордясь минутною державой,
Заслонила вѣчныя свѣтила.
И спросили ангелы святые:
«Какъ узнать намъ чадъ единокровныхъ,
На кого надѣть вѣнцы златые?
Не видать намъ правыхъ и виновныхъ».
Улыбнулся кротко имъ Спаситель:
«Скажутъ сами, ставъ у двери рая.
Каждый самъ найдетъ свою обитель,
Изберетъ дорогу, умирая...»
И предсталъ съ земли далекой воинъ
И упалъ смиренно на колѣни:
«Я ли, Господи, узрѣть Тебя достоинъ,
Мнѣ ли быть среди Твоихъ селеній?
Не свершилъ я подвиговъ высокихъ...
Тайнъ врагу лишь выдать не желая,
Умеръ я, израненный жестоко,
Въ смертный часъ молитву возсылая...»
И предсталъ другой воитель съ битвы.
«Я съ земли принесъ съ собою славу.
Чужды мнѣ смиренье и молитвы...
Пропустите,—я иду по праву.
Въ битвахъ я звался гусаромъ смерти.
Крестъ желѣзный былъ моя награда.
Мы бросали вызовъ вашей тверди,
Не страшны намъ были муки ада.
Мнѣ не счесть побѣдъ моихъ кровавыхъ:
Я ни въ чемъ не зналъ себѣ преграды,
И теперь отъ васъ, благихъ и правыхъ,
Я прошу, я требую награды!»
Но сверкнули гнѣвомъ Божьи очи:
«Сынъ грѣха, ты рая недостоинъ...»
И съ проклятьемъ въ бездну вѣчной ночи
Палъ съ небесъ земли преступный воинъ.

Елена Ѳедотова.

На рѣкѣ Березинѣ. Здѣсь легла костьми Наполеоновская армія.

Эта груда костей и череповъ изъ вырытыхъ братскихъ могилъ, вскрытыхъ при рытьѣ окоповъ теперь, спустя сто лѣтъ послѣ войны,—тяжелое, но яркое напоминаніе о томъ, что исторія повторяется. Какъ и въ годину нашествія на Россію «двадесяти языковъ», боевыя событія разразились и продолжаютъ происходить у тѣхъ же мѣстъ нашего Западнаго края. Ковна, Вильна, Новогрудокъ, Ошмяны... Все это тѣ самыя мѣста, въ которыхъ побывали войска «великой» арміи Наполеона. Здѣсь витаютъ тѣни Барклая, Багратіона, Дохтурова, Платова и многихъ другихъ славныхъ героевъ Отечественной войны. По этимъ мѣстамъ русская армія сперва отходила подъ натискомъ вражескихъ полчищъ, а затѣмъ безпощадно гнала ихъ изъ предѣловъ нашей родины. Тихій и великій океанъ русской земли, поглотившій Карла XII и Наполеона, поглотитъ и нынѣшняго послѣдователя ихъ плановъ и, Богъ дастъ, преемника ихъ горькой судьбы.

Легенда о Рождественской звѣздѣ.

Б. Никонова.

Въ темныя осеннія ночи происходитъ судъ надъ провинившимися звѣздами. И осужденныя звѣзды изгоняются по слову Высшей Воли въ темноту и холодъ земли. Иногда ихъ падаетъ такъ много, что людямъ на землѣ кажется, будто съ неба струится звѣздный дождь.

Нѣкогда, въ одну изъ такихъ осеннихъ ночей, послѣ небеснаго суда съ неба упала маленькая звѣзда.

Она провинилась предъ Создателемъ тѣмъ, что ослушалась Его. Въ темную и холодную ночь она спряталась въ облака и, несмотря на приказаніе Творца выйти и посвѣтить одинокому путнику на землѣ, не захотѣла сдѣлать этого.

И Творецъ разгнѣвался на маленькую звѣзду. Онъ осудилъ ее и повелѣлъ ей низринуться на темную и далекую землю и самой блуждать тамъ въ холодѣ и мракѣ, пока не искупитъ своего грѣха.

Маленькой звѣздѣ было сказано, что она должна принести міру добро и красоту. И только тогда она получитъ позволеніе снова взойти на небосклонъ и засіять прежнимъ чистымъ свѣтомъ.

Упавъ на землю, изгнанная маленькая звѣзда утратила свой прежній видъ. Она превратилась въ драгоцѣнный камень. Ей было позволено мѣнять на землѣ свой образъ, какъ она того пожелаетъ, лишь бы она доставила людямъ добро и красоту. И для перваго своего воплощенія звѣзда избрала то, что всего болѣе походило на ея прежній образъ: маленькій, струящій огненныя искры, прозрачный и свѣтлый, какъ звѣздочка, камешекъ.

Драгоцѣнный камень лежалъ на большой дорогѣ, въ пыли и грязи. Долгое время никто изъ проходившихъ людей не обращалъ на него вниманія.

Но вотъ по дорогѣ проходилъ медлительнымъ тяжкимъ шагомъ, звеня боевыми доспѣхами, римскій воинъ. Онъ остановился и присѣлъ у края дороги, чтобы передохнуть и вытереть капли пота со своего темно-бронзоваго, мужественнаго лица. И, склонившись къ землѣ, онъ увидѣлъ драгоцѣнный камень.

„Онъ обрадовался! —съ восторгомъ подумала маленькая звѣзда, превратившаяся въ драгоцѣнный камень. Какъ засверкали у него глаза! Я принесла ему добро и красоту!“

Но воинъ не захотѣлъ оставить камень у себя. Ему было нужно другое. Онъ отнесъ камень въ Іерусалимъ къ торговцу драгоцѣнностями. Тотъ далъ солдату за камень нѣсколько серебрениковъ, утаивъ отъ него настоящую стоимость находки. На вырученныя деньги солдатъ напился допьяна, поссорился съ сирійскими каменотесами и убилъ одного изъ нихъ.

Въ каскѣ нѣмца.

Звѣзда не знала этого. А такъ какъ торговецъ тоже обрадовался ей и придалъ драгоцѣнному камню искуснымъ граненіемъ новый блескъ и умноженную красоту, то звѣзда подумала:

„Все-таки я была права, избравъ это превращеніе“.

И ей казалось, что часъ ея освобожденія уже наступаетъ, и она вскорѣ снова засіяетъ въ небѣ въ новомъ величіи и красотѣ.

Но этой надеждѣ не суждено было исполниться. Не на небѣ засіяла она, а въ окнѣ у торговца, среди земныхъ камней сапфировъ, изумрудовъ, рубиновъ. Но сіяла она ярче всѣхъ этихъ камней, и на свѣтъ ея собирались люди—мужчины и женщины. И взоры ихъ горѣли пламеннымъ желаніемъ пріобрѣсти этотъ прекрасный драгоцѣнный камень.

Но камень былъ такъ дорогъ, что пріобрѣсти его было трудно. Тогда многіе изъ людей совершили ради прекраснаго камня преступленія—кражи, грабежи, убійства. И одному изъ нихъ, -тому, кто убилъ своего стараго богатаго родственника и овладѣлъ его имуществомъ,—удалось купить на пріобрѣтенныя преступленіемъ деньги драгоцѣнный камень -грѣшную звѣзду.

Онъ украсилъ ею свой перстень. На перстнѣ тотчасъ же сверкнулъ кровавый отблескъ, словно память о совершенномъ преступной рукой злодѣйствѣ. И когда павшая звѣзда вопрошала въ ночные часы небо, скоро ли настанетъ часъ искупленія, небо молчало.

И острая печаль пронзала ее.

Потомъ драгоцѣнный камень перешелъ во владѣніе къ блудницѣ. Онъ украшалъ ея грудь и освѣщалъ своимъ блескомъ часы ея позора. Подруга блудницы позавидовала ей, дала яду и умертвила ее. И взяла драгоцѣнный камень себѣ.

Но и у нея прекрасный и грѣшный камень былъ похищенъ безчестнымъ коринѳскимъ купцомъ. А купецъ этотъ былъ потомъ ограбленъ въ пути разбойниками. И драгоцѣнный камень былъ снова орошенъ человѣческою кровью.

Такъ накоплялось вокругъ прекраснаго камня злодѣйство за злодѣйствомъ, преступленіе за преступленіемъ. И звѣзда поняла тогда, что въ этомъ воплощеніи она не принесетъ людямъ того добра и той красоты, за которыя ей было обѣщано прощеніе.

Тогда она превратилась въ прекрасную пышную розу.

Она расцвѣла въ садахъ самого Цезаря, въ прекрасномъ и великомъ міровомъ городѣ. Сады были великолѣпны, какъ древній Рай, а городъ былъ дивно красивъ со своими бѣломраморными храмами и дворцами. И звѣздѣ казалось, что, превратясь въ прекраснѣйшій изъ всѣхъ земныхъ цвѣтковъ, она принесетъ въ этомъ прекраснѣйшемъ мѣстѣ міра добро и красоту людямъ и заслужитъ возвращеніе въ свою небесную родину.

Пришли садовники и темнолицые рабы и стали срѣзать цвѣты и класть ихъ въ корзины.

— Эту розу срѣжьте отдѣльно! — приказалъ рабамъ главный садовникъ. Она такъ красива, что мы поднесемъ ее самой Августѣйшей.

Звѣзду-розу срѣзали и въ особой корзинкѣ принесли во дворецъ, гдѣ готовилось въ пышномъ атріумѣ вечернее пиршество. Принесли туда и множество другихъ розъ - пурпурныхъ, какъ живая кровь, желтыхъ, какъ угасшая заря, розовыхъ, какъ начинающійся день. Тысячи прекрасныхъ цвѣтовъ покрыли мраморный полъ цезарскаго чертога, повисли въ гирляндахъ надъ столами и ниспадали дождемъ на пышныя ложа пирующихъ.

Начался пиръ. На почетныхъ ложахъ возлежали, покрытые тигровымъ пышнымъ мѣхомъ, увѣнчанные цвѣтами Цезарь и его супруга. На груди у Августѣйшей была приколота необычайная по красотѣ и величинѣ роза. И придворный поэтъ, увидя ее, тутъ же воспѣлъ подъ звуки цѣвницы и земную царицу и ея царицу-розу.

Въ чертогъ вошли сирійскія танцовщицы, наглые и безстыдные невольники-мимы и полуобнаженные юноши-корибанты. Они закружились въ страстной пляскѣ, и когда вино отуманило разсудокъ и взоры пирующихъ, пиръ превратился въ безстыдную оргію.

Лепестки розы-звѣзды заалѣли отъ стыда и увяли. А супруга Цезаря отколола ее отъ туники и въ восторгѣ бросила понравившемуся ей миму... Въ вихрѣ танцевъ одна изъ танцовщицъ наступила на розу ногой и смяла ее. Измятая, запыленная роза лежала въ углу, во прахѣ, никого уже не радуя, не лаская ничьего взора. Она была теперь презрѣннымъ и жалкимъ отбросомъ развратнаго пира. И она поняла, что ничего добраго не принесла она міру...

Тогда грѣшная звѣзда превратилась въ прекрасную женщину. Она думала, что ничего не можетъ быть прекраснѣе и благостнѣе, чѣмъ красота той, которую люди называютъ „вѣнцомъ тво-

ренія". Той, чья прелесть и красота сверкаютъ словно солнце среди сумрачныхъ, озлобленныхъ, угнетенныхъ и уродливыхъ людей.

Она думала, что прекрасная женщина можетъ царить надъ міромъ, какъ самый могущественный и благожелательный властелинъ, и въ своемъ владычествѣ можетъ приносить людямъ наибольшее добро и красоту. И въ одно туманное раннее утро согрѣшившая изгнанная звѣзда приняла образъ прелестной молодой дѣвушки.

Она была такъ прекрасна, что слава о ней пронеслась во всѣ стороны свѣта, въ Грецію, въ Аравію, въ Вавилонію, и достигла до одного изъ могущественныхъ восточныхъ царей. Восточный царь послалъ къ ней своихъ гонцовъ и приблизилъ ее къ себѣ, и женщина-звѣзда стала одною изъ любимѣйшихъ его женъ.

Она была въ такой милости у владыки, что къ ней являлись, какъ къ самому владыкѣ, придворные и простые люди и просили о разныхъ милостяхъ. И ей казалось, что она творитъ великое добро, благодѣтельствуя этимъ людямъ и принося ихъ ходатайства къ своему царственному властелину, который не отказывалъ ей ни въ одной ея просьбѣ.

Но вотъ однажды нѣкій наказанный рабъ, желая выслужиться, донесъ ей, что одинъ юноша злоумышляетъ на повелителя. Она въ испугѣ передала это повелителю—и тотъ въ великомъ гнѣвѣ приказалъ немедленно схватить юношу и предать его казни.

Она видѣла, какъ его вели на казнь. Юноша обернулся къ ней и воскликнулъ:

— Клянусь богами, я невиновенъ! Меня оклеветали. Я умираю неповиннымъ.

Женщина-звѣзда почувствовала какъ бы ударъ меча въ сердце.

— Что ты сдѣлалъ?—воскликнула она, обращаясь къ своему царственному супругу.—Вѣдь онъ невиненъ. Пощади его!

Но царь нахмурился и возразилъ:

— Женщина, не мѣшайся въ эти дѣла. Онъ долженъ быть казненъ.

И когда она со слезами стала умолять его, царь разгнѣвался на нее и изгналъ ее.

И звѣзда поняла, что и эта новая красота, въ которую она облеклась на землѣ, не дастъ ей прощенія и разрѣшенія...

Тогда павшая звѣзда превратилась въ пѣсню.

Она посѣщала города и деревни, дворцы и хижины, побывала и въ странахъ сѣвера и въ странахъ юга. Она воплощалась въ звучныя строфы греческихъ и римскихъ поэтовъ и пѣвцовъ. Ее пѣли и въ дни труда и въ праздникъ. Она сверкала всѣми красками вдохновенія. И ей снова казалось, что пройдетъ еще немного времени, и она возсіяетъ на небосклонѣ, прощенная и возведенная на ступени сіяющаго Божьяго чертога.

Но небо не внимало ей, потому что въ пѣснѣ-звѣздѣ не было неба.

Грустная и задумчивая, утративъ свою красоту и блескъ, шла она однажды по пустыннымъ полямъ Виѳлеема. Было темно и тихо, какъ въ ту ночь, когда она упала съ небесъ на землю. Далекое небо, словно обширная нива, разсыпало по всему міру свои сверкающія зерна. Была зима, и пастушьи стада укрылись въ пещерахъ. Кругомъ въ пустынныхъ равнинахъ не виднѣлось ни души. Міръ казался скорбнымъ и погруженнымъ въ раскаянье. И только звѣзды сверкали своимъ нетлѣннымъ блескомъ, отражая незримую для міра царственную славу Создателя.

Звѣзда-пѣсня тихо шла по сонной пустынѣ. Ей вспоминались цари, предъ которыми она воспѣвала земную красоту. Ей вспоминались молодыя дѣвушки, у которыхъ она будила страсть. Она вспомнила возбужденныхъ виномъ юношей, которые призывали ее на пиръ и тѣшились ею... Ей припоминалась вся та земная красота, которой она служила своими созвучьями. Увы!— это была не та красота, за которую ей было суждено получить прощеніе.

И вотъ теперь, въ сонной пустынѣ Виѳлеема, подъ вѣчнымъ небомъ, вся эта суетная красота исчезла, какъ дымъ, и маленькая грѣшная звѣзда была все той же жалкой изгнанницей, предъ которой были закрыты двери ея отчизны.

И встрѣтился ей Ангелъ.

— Ты кто?—спросилъ ее Ангелъ.

Грѣшная звѣзда отвѣтила:

— Я согрѣшившая звѣзда. Я маленькая наказанная звѣзда. Я самая послѣдняя, самая жалкая, самая несчастная изъ всѣхъ звѣздъ. Я утратила небесный блескъ, изгнана на землю и забыта на ней небомъ, какъ брошенный ребенокъ. И теперь я тщетно пытаюсь загладить свой грѣхъ и вернуться снова на небо.

Ангелъ сказалъ:

— Слушай меня, маленькая, бѣдная звѣзда. Не небо забыло тебя, а ты забыла небо. Знай, что только та изъ земныхъ звѣздъ возсіяетъ негаснущимъ свѣтомъ, которая вспомнитъ о Богѣ и призоветъ Его въ творимую на землѣ красоту.

— Но какъ я могу призвать Его въ творимую мною красоту? Какъ я осмѣлюсь призвать Его?

Ангелъ возразилъ:

— Развѣ можно бояться призывать Вѣчнаго? Слушай меня, о, пѣсня-звѣзда! Сегодня ночью должно совершиться величайшее событіе: въ убогой пещерѣ родится отъ Дѣвы Спаситель міра. Въ міръ снизойдетъ величайшее изъ благъ и величайшая красота. Создатель послалъ насъ, Ангеловъ, возвѣстить міру въ торжественной пѣснѣ о рожденіи Младенца. Но мы не имѣемъ пѣсни. Будь же ты, о, звѣзда-пѣсня, такою пѣснею! Прозвучи намъ гимномъ небеснаго и земного торжества. Мы воспоемъ тебя, и ты, быть-можетъ, будешь тогда прощена.

Заплакала звѣзда горькими слезами. И каждая изъ слезинокъ

Раздача подарковъ на позиціяхъ.

ниспадала на землю, какъ огненная чистая искра, и смывала съ павшей звѣзды всю ея земную нечистоту.

Она призвала въ свое вдохновеніе Бога, и изумленный, восторженный Ангелъ радостно воспринялъ слова новой пѣсни и запѣлъ ее другимъ Ангеламъ. И всѣ они воспѣли въ радости и восхищеніи великую Рождественскую пѣснь...

Въ этотъ мигъ распалась цѣпь грѣха и проклятія, и павшая звѣзда услышала небесный голосъ:

Ты прощена! Одѣнься въ великій праздничный свѣтъ и взойди на небо, чтобы возвѣстить міру о рожденіи Сына!

И прощенная звѣзда засіяла такимъ блескомъ, какимъ еще не сіяла въ земномъ мірѣ ни одна звѣзда. Она взошла на небо и вмѣстѣ съ пѣсней Ангеловъ возвѣстила міру о величайшемъ событіи.

И міръ назвалъ прощенную и возсіявшую изгнанницу неба Рождественской звѣздой.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Четыре милліона англичанъ.

Въ началѣ декабря въ англійской законодательной палатѣ былъ внесенъ законопроектъ объ ассигнованіи денежныхъ средствъ на содержаніе еще 1 милліона солдатъ. Этотъ милліонъ долженъ былъ явиться уже четвертымъ по счету, который намѣревалось собрать англійское правительство съ начала войны.

Такимъ образомъ Англія, - единственная изъ крупныхъ европейскихъ державъ,- несмотря на всю серьезность и все важное значеніе, которое имѣлъ для нея исходъ европейскаго столкновенія, одна продолжала придерживаться принципа добровольнаго найма, отъ котораго уже нѣсколько сотъ лѣтъ, какъ отказались всѣ европейскія правительства. Во время самой войны неоднократно подымались голоса сторонниковъ введенія въ Англіи всеобщей воинской повинности, и въ нѣкоторые моменты правительство уже, казалось, колебалось, готовое уступить въ этомъ вопросѣ въ виду исключительности переживаемаго момента. Однако въ концѣ концовъ правительство отстояло принципъ добровольной вербовки, и сумѣло избѣжать столь нежелательнаго для англичанъ введенія всеобщей воинской повинности, а собранные путемъ вербовки 3—4 милліона солдатъ показали, что дѣло не столько во всеобщей воинской повинности, сколько въ выборѣ такой системы комплектованія, которая бы находилась въ соотвѣтствіи съ національными особенностями и условіями жизни массъ.

Членъ Государственнаго Совѣта Александръ Николаевичъ Наумовъ, Высочайше назначенный управляющимъ министерствомъ земледѣлія.

Дѣйствительно, нелюбовь англичанъ къ военной службѣ всѣмъ хорошо извѣстна, и военная служба въ Англіи никогда не пользовалась, до нынѣшней войны, популярностью. Строго парламентарный и гражданскій укладъ страны за нѣсколько столѣтій выработалъ такіе взгляды на личную свободу и закономѣрное отношеніе между людьми, которые плохо вяжутся съ сущностью воинской повинности. До послѣдняго времени въ Англіи въ военную службу шли люди, которые не находили себѣ мѣста на другихъ поприщахъ, и главная масса населенія относилась скептически-пренебрежительно къ военной службѣ, считая, что дѣловымъ людямъ въ этой области нѣтъ мѣста въ то время, какъ имѣется такое широкое поле для предпріимчивости во всѣхъ остальныхъ областяхъ жизни. „Королевскій шиллингъ",— тотъ полтинникъ, который получалъ ежедневно въ жалованье вербованный англійскій солдатъ, былъ настолько непривлекательнымъ для массъ англійскаго населенія, что, несмотря на самыя широковѣщательныя рекламы и зазыванія вербовщиковъ, англійская армія въ мирное время никогда не доходила до штатнаго состава.

Южно-африканская война первая смягчила отношенія англійскаго населенія къ арміи. Уже тогда, въ дни, когда Лондонъ жилъ лихорадочными извѣстіями о бояхъ на рѣкѣ Тугелѣ и у Ледисмита, можно было наблюдать на улицахъ англійской столицы такія довольно необычныя картинки, когда группа англичанъ, сидящая въ кафэ, подзывала мимо проходящаго солдата и угощала его.

Затѣмъ нараставшее соперничество съ Германіей и постепенно возникавшая опасность способствовали въ свою очередь нѣкоторой популяризаціи арміи. Однако всѣ попытки пропагандировать всеобщую воинскую повинность терпѣли неизмѣнное крушеніе, и англичане твердо отстаивали принципъ, въ силу котораго ни одинъ гражданинъ не обязанъ служить въ постоянной арміи. Правда, въ Англіи считается обязательной для всѣхъ гражданъ служба въ милиціи, но это только въ принципѣ, но не на дѣлѣ. По закону 1757 года каждый гражданинъ въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ можетъ быть по жребію призванъ въ ряды милиціи, и ему предоставляется лишь право поставить вмѣсто себя замѣстителя. Однако этотъ законъ уже около 100 лѣтъ какъ не примѣняется, ибо ежегодно парламентъ вотируетъ билль „о пріостановкѣ жребія", а съ 1852 года милиція пополняется исключительно вербовкой.

При такихъ условіяхъ крайне трудно было ожидать, чтобы англійское правительство могло путемъ вербовки собрать нужное количество солдатъ съ населенія, которое военной службы не любитъ и всегда ее избѣгало. Опытъ южноафриканской войны не давалъ основанія надѣяться на достаточный успѣхъ вербовки, ибо тогда, въ 900-хъ годахъ, англичане отправили въ южную Африку все, что могли: изъ Англіи — 325 тысячъ человѣкъ; изъ Индіи — 20 тысячъ человѣкъ; изъ колоній—30 тысячъ человѣкъ. Къ 1 января 1902 года у англійскаго правительства уже не было средствъ для пополненія убыли въ дѣйствующей арміи, и только окончаніе войны дало выходъ изъ этого крайне сложнаго положенія.

Съ тѣхъ поръ, за 12 лѣтъ, популярность военной службы возросла сравнительно незначительно, но зато англійское общество и англійская печать глубоко прониклись важными цѣлями, которыя намѣчались впереди, въ видѣ предстоящей борьбы съ Германіей изъ-за господства на моряхъ и во имя охраны принадлежащихъ Англіи колоній и рынковъ. Благодаря тому, что печать безпрерывно подчеркивала явное стремленіе Германіи сокрушить Англію, въ англійскомъ населеніи съ первыхъ же дней вооруженнаго столкновенія съ Германіей эта война стала исключительно популярной. Три милліона солдатъ были собраны англійскимъ правительствомъ сравнительно съ большой легкостью, и это при населеніи въ метрополіи, лишь немногимъ превышающемъ населеніе Франціи. Свободолюбивый англичанинъ не нуждался въ принудительномъ призывѣ подъ знамена,— онъ пошелъ подъ ружье самъ въ тотъ моментъ, когда созналъ всю серьезность и важность историческаго момента, всю грандіозность задачи, выпавшей на долю Англіи,—задачи отстоять отъ нашествія Германіи свое вѣками накопленное національное богатство.

Этотъ примѣръ останется единственнымъ въ исторіи, и даже во время великой французской революціи правительство республики не могло прибѣгать къ такимъ способамъ добровольнаго призыва желающихъ подъ знамена, а вынуждено было пользоваться рекрутскими наборами, невзирая на всю популярность во Франціи войны съ европейской коалиціей.

Однако было бы неправильно думать, что громадный организаторскій трудъ англійскаго военнаго министерства главнымъ образомъ заключался въ вербовкѣ этой массы добровольцевъ. Наибольшія трудности предстояли еще впереди, и уже первопричиной этихъ трудностей было именно отсутствіе въ Англіи достаточныхъ контингентовъ мирнаго времени, незначительный составъ англійской постоянной арміи. Въ этомъ отношеніи англичане были въ условіяхъ несравненно болѣе трудныхъ, чѣмъ другіе воюющіе народы.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ строго проведенъ принципъ всеобщей воинской повинности, имѣются значительные кадры офицерскаго запаса, достаточный корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба и всякихъ другихъ спеціалистовъ, какъ-то: артиллерійскихъ офицеровъ, инженеровъ, интендантовъ и проч. Въ складахъ хранятся запасы матеріальной части—обозы, вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе для тѣхъ новыхъ полковъ, которые предполагается формировать въ военное время.

Выгоняютъ. Картина **И. А. Владимірова.**

Вся грандіозность того труда, которая выпала на долю англійскаго военнаго министерства, именно въ томъ и заключалась, что у англичанъ въ мирное время была небольшая армія съ небольшимъ контингентомъ офицеровъ, съ небольшимъ корпусомъ офицеровъ генеральнаго штаба и другихъ спеціалистовъ, небольшой матеріальной частью и проч. Все это у англичанъ было по масштабу разсчитанному на нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ войскъ, тогда какъ условія нынѣшней войны вынудили ихъ прибѣгнуть къ созданію армій, исчисляемыхъ милліонами, и соотвѣтственно съ этимъ къ созданію громаднаго корпуса офицеровъ, громадной матеріальной части, весьма большого корпуса офицеровъ генеральнаго штаба и другихъ спеціалистовъ, подготовка которыхъ обычно требуетъ долгихъ лѣтъ.

Согласно порядку, существовавшему до нынѣшней войны въ Англіи, не весь контингентъ, входившій въ составъ постоянной арміи, отправлялся непосредственно на войну. Изъ 360 тысячъ, которыя могла выставить постоянная армія съ ея резервами, лишь половина предназначалась для отправленія на театръ военныхъ дѣйствій, въ количествѣ 166.000 человѣкъ. Слѣдовательно, 46 процентовъ всѣхъ силъ предназначались для боевыхъ дѣйствій, а 54 процента—для пополненія потерь.

Повидимому, такой же порядокъ будетъ примѣненъ и въ настоящемъ случаѣ по отношенію къ 4 милліонамъ, т.-е., примѣрно, 2 милліона будутъ претворены въ арміи, а остальные 2 милліона будутъ служить для пополненія потерь. До сихъ поръ потери англичанъ, согласно послѣднимъ офиціальнымъ разъясненіямъ англійскаго министерства, исчисляются немногимъ болѣе полумилліона человѣкъ. Принимая во вниманіе, что, примѣрно, въ такую же цифру можно опредѣлить составъ англійскихъ войскъ, дѣйствующихъ на трехъ театрахъ войны,—французскомъ, дарданелльскомъ и сербскомъ, слѣдуетъ считать, что англичане будутъ располагать еще громаднымъ запасомъ въ 3 милліона людей, изъ которыхъ около половины можетъ быть формировано въ дивизіи, корпуса и арміи, а остальное можетъ служить резервомъ для пополненія убыли.

Эти громадныя цифры краснорѣчиво говорятъ о неизмѣримомъ богатствѣ союзниковъ людьми, въ то время, какъ силы нѣмцевъ, если еще не близятся къ концу, то, во всякомъ случаѣ, послѣ цѣлаго ряда операцій на четырехъ фронтахъ войны, несомнѣнно, близки къ нему.

Намъ однако приходилось высказывать мнѣніе, что исходъ столкновенія едва ли будетъ предопредѣленъ болѣе раннимъ истощеніемъ одной изъ сторонъ, и что правильнѣе считать, что будущая весенняя и лѣтняя кампаніи дадутъ рѣшительное и безповоротное направленіе судьбамъ войны, опредѣлятъ вполнѣ ясно истиннаго побѣдителя. Съ этой именно точки зрѣнія и нужно привѣтствовать накопленіе англичанами столь громадныхъ силъ къ будущей веснѣ, подобно тому, какъ такая же организаторская работа все время происходитъ и у остальныхъ союзниковъ. Съ этой точки зрѣнія и нужно смотрѣть на новую грандіозную мобилизацію и производимый Англіею сборъ силъ къ тому рѣшительному моменту войны, который наступитъ черезъ четыре мѣсяца. Если къ этому добавить объединеніе операцій союзниковъ, выразившееся въ рядѣ важныхъ мѣропріятій, то можно съ увѣренностью разсчитывать, что слѣдующій актъ войны разыграется въ условіяхъ несомнѣнно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ минувшая весенняя и лѣтняя кампаніи.

На послѣднихъ шагахъ противника будущей весною къ важнѣйшимъ центрамъ союзниковъ его ожидаютъ не только громадныя накопленныя силы и средства, но и одновременный натискъ союзниковъ на всѣхъ фронтахъ войны, т.-е. именно обстановка, совершенно противоположная той, которую противникъ встрѣчалъ до сихъ поръ, когда силы и средства союзниковъ еще только мобилизовались минувшимъ лѣтомъ, когда одновременный натискъ союзниковъ еще не намѣчался, и когда противникъ имѣлъ возможность дѣйствовать только на одномъ фронтѣ, не тѣснимый болѣе нигдѣ. Этого, повидимому, уже не повторится, и въ этихъ новыхъ будущихъ условіяхъ нужно видѣть имѣющіяся въ распоряженіи союзниковъ данныя для поворота кампаніи въ свою сторону.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 18.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29. **Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.**